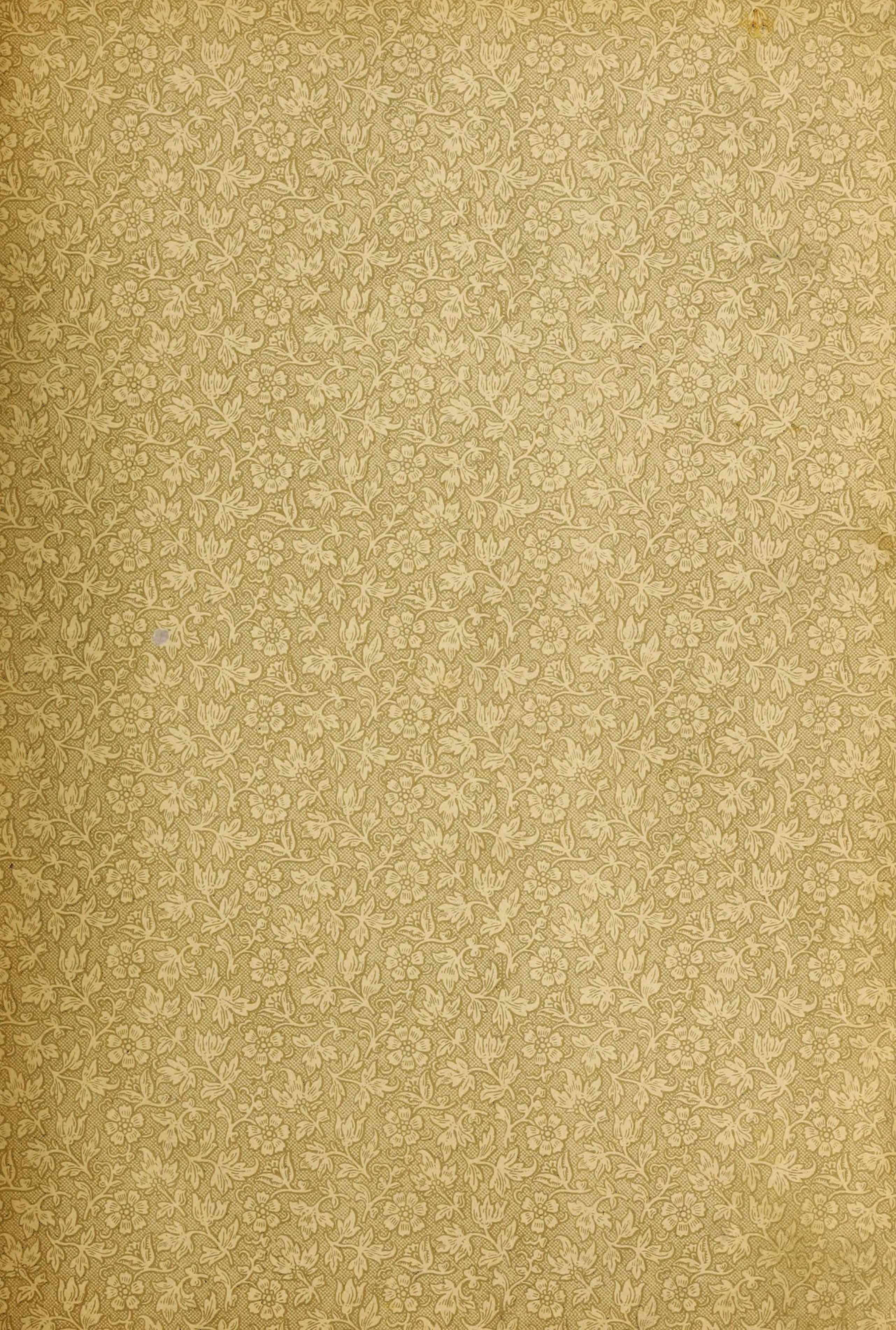

Сочиненія
В. А.
ЖУКОВСКАГО

Изданіе А. С. Панафидиной, Москва

Рудольфъ Пуце
Книжный и нотный Магазинъ
Либава.

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ОДНОМЪ ТОМѢ.

Подъ редакціей П. В. Смирновскаго.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ ХУДОЖН. А. ЧИКИНА,

съ факсимиле В. А. Жуковскаго, съ портретами и біографіей, составл. А. ФОНЪ-ДИТМАРЪ

и

одобренной сыномъ поэта.

Цѣна 1 р. 50 к.

Изданіе 2-е, А. С. Панафидиной.

Москва, Покровка, Лялинъ пер., собств. домъ.

1905.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 14 ноября 1904 г.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

„Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой,
„Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
„Бросаю мой кубокъ туда золотой!
„Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
„Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
„Тому онъ да будетъ наградой побѣдной."

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы, висѣвшей надъ бездной морской,
въ пучину бездонной зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой!
„Кто смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
„Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ!
Молчаніе былъ имъ отвѣтъ!
Всѣ молча на грозное море глядятъ!
За кубкомъ отважнаго нѣтъ!
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отважится ль кто на подвигъ опасный?"

И все безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ!
Онъ снялъ епанчу; снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ!..
И дамы и рыцари мыслятъ безгласны!
„Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный!"

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину!
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину!
И волны спирались, и пѣна кипѣла
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла!

5 6 7 } Эд.
8 9 } Гамлет.
9 10 11 12 } Цыган

Ник. Мих. Пр.

Держите ли [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] младой.
Въ ту [illegible] [illegible] [illegible]?
Бросая мой кубокъ [illegible]!
Кто [illegible] во [illegible]
[illegible] кубокъ [illegible] руки
Тому [illegible]!

Ты [illegible]
[illegible] воспоминанье!
[illegible] желанье, [illegible] на свѣтѣ!
И вѣрь ко будущему [illegible]!

Уже на родину [illegible]
Въ [illegible] [illegible]?
И [illegible] за надежною [illegible]
Всѣ [illegible]?

Раз[illegible] [illegible]
И [illegible]

Мой други [illegible]!
[illegible] Я [illegible]!
[illegible]
[illegible]
И [illegible] [illegible] [illegible]

Я [illegible]
[illegible] Блестящій мечтательный край
Однообразный жизни [illegible]!
Изъ подъ [illegible] [illegible]
О! [illegible] [illegible]!
[illegible] воспоминанье!
Мечты недоговоренныя!
[illegible]
[illegible]
Все [illegible] [illegible] —
[illegible] небо видать [illegible]?

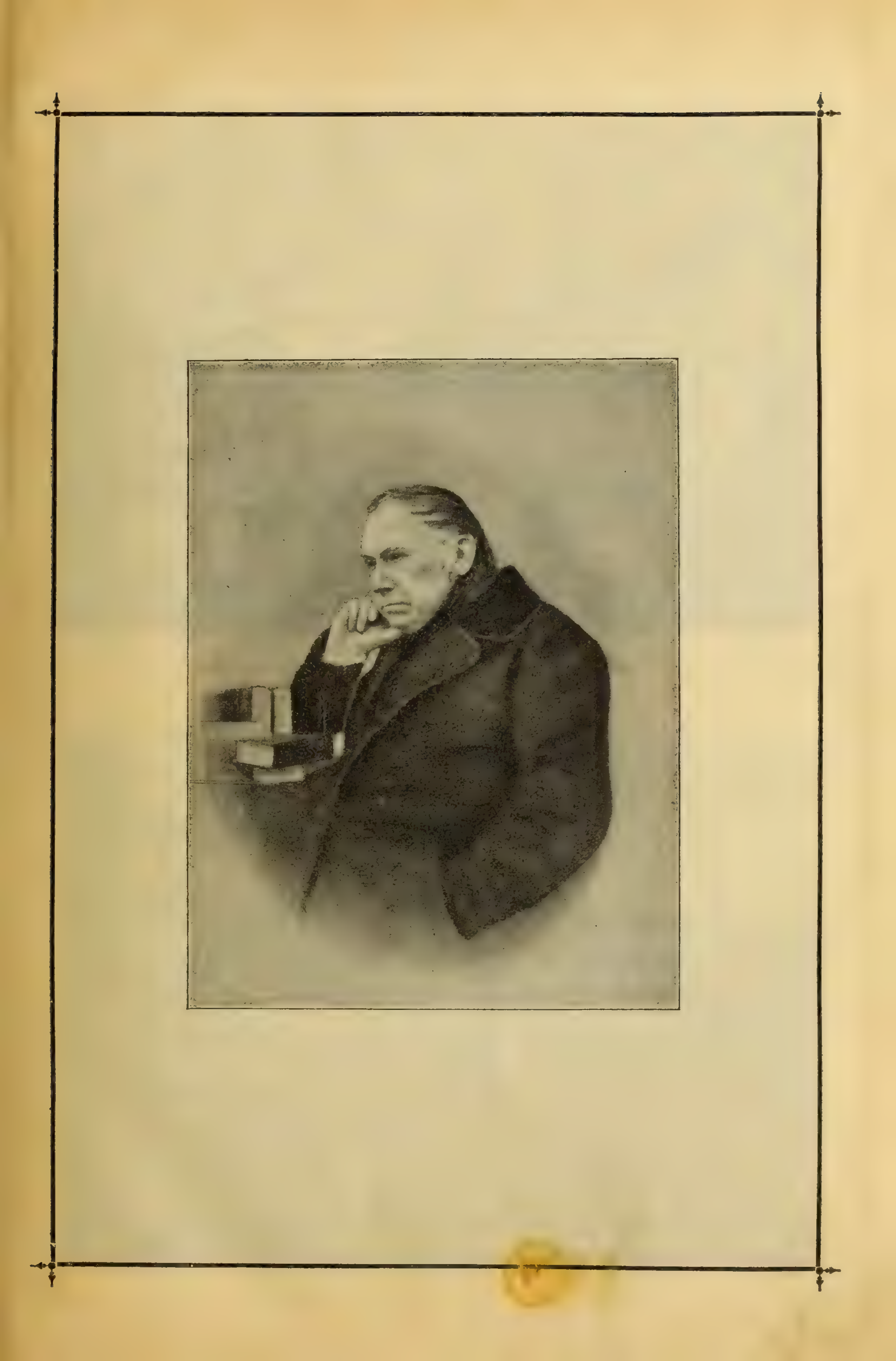
75 1120
75 [illegible] 90 95

БІОГРАФІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Составлена **А. П. фонъ-Дитмаръ**

и одобрена сыномъ поэта

Предисловіе къ біографіи.

При составленіи настоящей біографіи я пользовался, какъ источниками, всѣмъ матеріаломъ, имѣющимся въ печати, какъ въ видѣ отдѣльныхъ изданій, такъ равно и печатавшимся въ историческихъ журналахъ послѣдняго времени.

Труды К. К. Зейдлица, П. Загарина, А. Архангельскаго, А. Н. Пыпина, Я. К. Грота, П. А. Плетнева, И. Бычкова, Гербеля, Венгерова и другіе, а также записки Смирновой, дневникъ Никитенко и прочія статьи дали обширный матеріалъ, при пользованіи которымъ приходилось лишь провѣрить достовѣрность приводимыхъ фактовъ, часто противорѣчащихъ другъ-другу.

Если мнѣ и удалось въ настоящей біографіи сгруппировать лишь вполнѣ достовѣрные факты и свѣдѣнія и избѣжать, по возможности, пробѣловъ и неточностей, встрѣчающихся въ ранѣе вышедшихъ біографіяхъ Василія Андреевича, то этимъ я, а со мной вмѣстѣ и читатели, всецѣло обязаны любезной готовности сына покойнаго поэта, Павла Васильевича Жуковскаго, съ которою онъ прослушалъ настоящую біографію и далъ свои цѣнныя указанія, за каковыя я приношу многоуважаемому Павлу Васильевичу свою глубочайшую благодарность.

Ал. фонъ-Дитмаръ.

О.Ренаръ

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Пушкинъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился 29 января 1783 года, въ селѣ Мишенскомъ, Бѣлевскаго уѣзда Тульской губерніи. Отцомъ поэта былъ богатый мѣстный помѣщикъ Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ, а матерью плѣнная турчанка Сальха, названная при крещеніи Елизаветой Дементьевной.

Про появленіе Сальхи въ Мишенскомъ сохранился слѣдующій разсказъ: во время походовъ Румянцева въ Турцію многіе изъ крѣпостныхъ Бунина отправлялись съ русскими войсками въ походъ, въ качествѣ маркитантовъ. Когда однажды нѣсколько крестьянъ пришли проститься къ Бунину, послѣдній шутя сказалъ имъ: „Вотъ что, братцы! Приведите-ка мнѣ хорошенькую турчанку, а то моя жена совсѣмъ состарѣлась“. Крѣпостные не поняли шутки своего помѣщика, а, напротивъ, приняли его слова всерьезъ и, когда возвратились, привезли въ Мишенское двухъ турчанокъ-сестеръ, взятыхъ въ плѣнъ нашими войсками при осадѣ крѣпости Бендеръ. Одна изъ полонянокъ, 11-тилѣтняя Фатима, умерла вскорѣ по прибытіи къ Бунинымъ, а другую, Сальху, опредѣлили сперва няней къ младшимъ дѣтямъ Аѳанасія Григорьевича, а впослѣдствіи она заняла мѣсто домоправительницы.

Жена Бунина, Марія Григорьевна, урожденная Безобразова, женщина весьма развитая и образованная, привыкла, какъ и другія женщины того времени, смотрѣть сквозь пальцы на эротическія похожденія своего мужа, но слишкомъ явное расположеніе, которое Аѳанасій Ивановичъ началъ оказывать красивой Сальхѣ, вызвало нѣкоторое несогласіе между супругами, повлекшее за собой переселеніе Сальхи во флигель.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ у Сальхи родились одна за другой двѣ дѣвочки, вскорѣ, однако, умершія. Несогласія между супругами продолжались; Аѳанасій Ивановичъ жилъ съ Сальхой во флигелѣ, и Сальхѣ было запрещено появляться въ главномъ домѣ иначе, какъ за полученіемъ хозяйственныхъ распоряженій.

Но вотъ Сальха родила сына, и Марія Григорьевна переложила гнѣвъ на милость, сначала разрѣшивъ своей дочери Варварѣ, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Юшкова, быть воспріемницей маленькаго „Васеньки“, а затѣмъ сама привязалась всѣмъ сердцемъ къ мальчику. Вѣроятно, этому способствовала смерть единственнаго сына Буниныхъ, скончавшагося около того времени за границей, послѣ чего Марія Григорьевна сильно горевала.

Крестнымъ отцомъ „Васеньки“ былъ мелкопомѣстный дворянинъ Андрей Григорьевичъ Жуковскій, жившій у Буниныхъ, который и передалъ крестнику, черезъ усыновленіе, свое имя, ставшее въ настоящее время такимъ славнымъ.

Маленькій „Васенька“, съ первыхъ дней появленія на свѣтъ, сдѣлался общимъ любимцемъ и былъ окруженъ цѣлымъ штатомъ нянюшекъ, мамушекъ, и прочей челяди, приставлявшейся въ то время къ господскимъ дѣтямъ.

Его дѣтство и отрочество мирно протекли среди любящихъ родныхъ, въ кругу племянницъ, дѣтей дочерей Маріи Григорьевны. Село Мишенское, ставшее колыбелью будущаго „пѣвца музъ и грацій“, было однимъ изъ тѣхъ чудныхъ старинныхъ барскихъ помѣстій, о которыхъ въ настоящее время сохранились лишь воспоминанія. Большой барскій домъ съ флигелями и службами, съ оранжереями и теплицами, съ паркомъ и садомъ, съ прудами и садками; столѣтняя дубовая роща; ручеекъ, прихотливо извивавшійся по живописной долинѣ; очаровательный видъ на окрестные пышные луга и нивы, раскинувшіеся вдали,—все это производило сильное впечатлѣніе на посѣтителей, а обитателей этого чуднаго уголка невольно располагало къ мирному наслажденію красотами природы. Среди подобной-то обстановки и назрѣвали поэтическія вдохновенія ребенка, вылившіяся потомъ въ чудныхъ стихахъ.

Когда „Васенькѣ“ исполнилось семь лѣтъ, къ нему былъ приставленъ гувернеръ-нѣмецъ, представлявшій изъ себя типъ Вральмана. Этотъ первый наставникъ будущаго поэта всѣ педагогическіе пріемы приводилъ къ одному знаменателю — розгамъ и лишь изрѣдка допускалъ разнообразіе въ видѣ постановки ученика на горохъ голыми колѣнками. Подобные методы преподаванія и воспитанія не находили ни въ комъ сочувствія и повели вскорѣ къ тому, что гувернера удалили изъ Мишенскаго, а обученіемъ „Васеньки“ занялся его крестный и названный отецъ Андрей Григорьевичъ.

Но, увы, ученье и подъ руководствомъ добряка крестнаго не особенно подвигалось впередъ. „Васенька“ находилъ болѣе интереснымъ рисовать на грифельной доскѣ, на стѣнахъ и даже на полу всевозможныя рожи, вмѣсто того, чтобы выводить буквы и слова.

Эти дѣтскія упражненія въ живописи привели однажды къ комичному происшествію. Маленькій „Васенька“, оставшись одинъ въ дѣвичьей, началъ срисовывать образъ Божьей Матери мѣломъ на полу, а окончивъ работу, вышедшую довольно удачной, ушелъ. Одна изъ дѣвушекъ, войдя и увидя изображеніе иконы на полу, подняла весь домъ на ноги и бросилась съ докладомъ о „чудѣ“ къ Маріи Григорьевнѣ. Но Бунина, замѣтивъ выпачканныя мѣломъ руки „Васеньки“, догадалась о причинѣ „чудеснаго явленія“ и успокоила переполошившихся домочадцевъ.

Это раннее стремленіе къ живописи и способности, проявлявшіяся въ ребенкѣ, впослѣдствіи, какъ извѣстно, примѣнялись поэтомъ, оставившимъ нѣсколько картинъ красками и множество рисунковъ карандашомъ, хранящихся въ данное время частью у родственниковъ и друзей, частью же переданныхъ въ вѣдѣніе музеевъ.

Около 1790 года Бунины переселились въ Тулу, и „Васенька" началъ посѣщать пансіонъ Христофора Филипповича Роде, а дома занимался съ приглашеннымъ специально для этого репетиторомъ. Этимъ репетиторомъ былъ докторъ философіи и писатель, Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, служившій учителемъ въ тульскомъ народномъ училищѣ, называвшій самого себя „пустынникомъ съ горы Алаунской".

Въ 1791 году скончался Аѳанасій Ивановичъ, поручивъ сына заботамъ Маріи Григорьевны, которая свято выполнила завѣтъ мужа.

Въ томъ же году „Васеньку" опредѣлили полнымъ пансіонеромъ въ тотъ же пансіонъ Роде, но всѣ свободные дни зимой, какъ и лѣтнія вакаціи, онъ проводилъ среди семьи.

Въ 1792 году пансіонъ Роде былъ закрытъ, и „Васенька", по совѣту Ѳ. Г. Покровскаго, былъ опредѣленъ въ тульское народное училище, откуда вскорѣ его и исключили „за неспособность", по словамъ того же „пустынника съ горы Алаунской". Подобной аттестацiей „неспособнаго" были награждаемы многіе изъ корифеевъ нашей литературы, и невольно задаешь себѣ вопросъ, чѣмъ объяснить это? Или въ преподававшихся предметахъ было мало интереснаго, или педагогическій ареопагъ былъ неспособенъ заинтересовать учениковъ и не умѣлъ подмѣтить въ нихъ искры дарованія.

Послѣ неудачи въ народномъ училищѣ „Васенька" учился дома, гдѣ главное вниманіе было обращаемо на основательное усвоеніе иностранныхъ языковъ, чѣмъ поэтъ и отличался впослѣдствіи и что дало ему возможность оставить потомству много высокохудожественныхъ переводовъ, легшихъ краеугольнымъ камнемъ въ зданіи его литературной извѣстности.

Стремленія къ изящному, свойственныя поэзіи Жуковскаго, возникли въ обстановкѣ, въ которой проходили отроческие годы поэта,—въ домѣ его крестной матери Варвары Аѳанасьевны Юшковой, отличавшейся большими музыкальными способностями и собиравшей на свои музыкально-литературные вечера многочисленное общество.

На этихъ вечерахъ исполнялись музыкальныя новинки, какъ вокальныя, такъ и инструментальныя, читались только-что вышедшія въ печати литературныя произведенія, преимущественно, Карамзина, Дмитріева и послѣдователей ихъ школы, а также устраивались домашніе спектакли. Двѣнадцатилѣтній „Васенька" ко дню пріѣзда Маріи Григорьевны Буниной, сочинилъ пьесу,—„Камиллъ или освобожденіе Рима", въ каковой и исполнилъ самъ главную роль.

Неудачное ученье „Васеньки" заставило его родныхъ подумать и о военной карьерѣ. Жуковскій, какъ и большинство дворянъ, при рожденіи былъ записанъ сержантомъ въ гусарскій полкъ, а въ 1789 году былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ, конечно номинально, младшимъ адъютантомъ къ генералу Кречетникову, но такая слишкомъ быстрая карьера также быстро пресѣклась,—Жуковскій былъ уволенъ въ отставку „по прошенію" и „безъ награжденія чиномъ".

Чтобы снова попытать счастья на военномъ поприщѣ, Жуковскій былъ одѣтъ въ мундиръ и отправленъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи майора Постникова, но успѣлъ лишь прожить два мѣсяца въ Кексгольмѣ среди военнаго общества, и, въ силу указа Императора Павла о воспрещеніи принимать въ полки малолѣтнихъ, вернулся въ Тулу.

Но эта поѣздка предоставила Жуковскому возможность въ первый и въ послѣдній разъ видѣть Императрицу Екатерину II, окруженную ея блестящимъ дворомъ. Это зрѣлище оставило настолько глубокое впечатлѣніе въ ребенкѣ, что, много лѣтъ спустя, ребенокъ, превратившійся въ поэта, на склонѣ дней своихъ, говоритъ про себя въ стихотвореніи—„Царскосельскій лебедь":

Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины!

Послѣ этой неудавшейся попытки сдѣлаться военнымъ, Жуковскій нѣкоторое время жилъ дома, но въ 1796 году Марія Григорьевна повезла его въ Москву и опредѣлила въ „благородный университетскій пансіонъ"—привилегированное учебное заведеніе того времени для сыновей дворянъ, не считавшихъ предосудительнымъ давать своимъ дѣтямъ образованіе. Въ программу благороднаго пансіона, учрежденнаго въ 1770 году кураторомъ университета, извѣстнымъ нашимъ писателемъ Михаиломъ Михайловичемъ Херасковымъ, входило множество разнообразнѣйшихъ наукъ, большинства которыхъ воспитанники не усваивали, будучи не въ силахъ постигнуть всю бездну преподававшейся премудрости, и Пушкинъ имѣлъ полное право сказать про тогдашнее ученье:

Всѣ мы учились понемногу—
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

Вмѣстѣ съ другими и Жуковскій не могъ углубиться во всю массу требуемыхъ предметовъ, изъ которыхъ многіе не давались ему, въ особенности математика, и онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на словесности. Естественно, что сухость и схоластичность преподаванія не могли удовлетворить мечтательную натуру юноши, который стремился уже и въ томъ возрастѣ въ фантастическій міръ идеаловъ и грезъ.

Благодаря знакомству своей сестры и крестной матери Юшковой съ директоромъ университета Тургеневымъ, Жуковскій сдѣлался въ его домѣ своимъ человѣкомъ и близко сошелся съ его сыновьями: Александромъ и Андреемъ.

Благороднымъ пансіономъ въ то время завѣдывалъ Прокоповичъ-Антонскій, ясно видѣвшій всю несостоятельность тогдашняго учебнаго строя и стремившійся, поэтому, направить занятія воспитанниковъ на что-либо осмысленное и полезное. Для этого онъ основалъ литературное общество, подъ названіемъ: „Собраніе воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго пансіона". На этихъ собраніяхъ, а равно и на публичныхъ актахъ Жуковскій вскорѣ выдѣлился изъ среды своихъ товарищей, и изъ акта 1798 года видно, что онъ считался „изъ первыхъ воспитанниковъ-директоровъ концертовъ и другихъ забавъ".

На пансіонскихъ собраніяхъ читались произведенія воспитанниковъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, и одно изъ сочиненій Жуковскаго, подъ заглавіемъ—„Мысли у могилы", было напечатано въ 14-й части журнала: „Пріятное и полезное препровожденіе времени", за 1797 годъ, за полной подписью,—*Сочинилъ Благороднаго Университетскаго пансіона воспитанникъ Василій Жуковской.*

Эта прозаическая статья была первымъ печатнымъ трудомъ Жуковскаго; вторымъ явилось уже стихотвореніе „Майское утро".

Въ „Москвитянинѣ" за 1798 годъ мы находимъ стихотвореніе—„Добродѣтель" и двѣ прозаическихъ статьи: „Миръ и война" и „Жизнь и источникъ".

Кромѣ оригинальныхъ произведеній, Жуковскій, за время пребыванія въ пансіонѣ, работаетъ на книгопродавцевъ, переводя иностранныхъ авторовъ, и тѣмъ пополняетъ свои карманныя деньги, а также пріобрѣтаетъ увѣренность въ своихъ силахъ.

Близость съ братьями Тургеневыми, слывшими въ пансіонѣ „записными нѣмцами", повліяла на знакомство и увлеченіе Жуковскаго нѣмецкой литературой. Особенно повліялъ въ этомъ отношеніи Андрей Тургеневъ, ранняя смерть котораго побудила поэта написать произведеніе, давшее ему первые лавры славы и извѣстности.

Русское общество времени Жуковскаго не отличалось культурностью, и весьма ничтожный кругъ образованныхъ читателей преграждалъ путь расцвѣту мысли и появленію талантовъ. Вслѣдствіе этого, русская литература принуждена была довольствоваться крупицами, падавшими со стола богача—запада; она шла на буксирѣ европейской мысли, перенимая лишь одни верхи и часто извращая ея содержаніе, примѣнительно къ требованіямъ нашего общества. Естественно, что за недостаткомъ мотивовъ русской изящной словесности, Жуковскій былъ принужденъ схватиться за литературныя богатства запада, а вліяніе западной литературы, въ связи съ условіями жизни и воспитанія, объясняетъ, почему въ поэзіи Жуковскаго преобладаетъ сентиментальный характеръ.

По окончаніи пансіона Жуковскій опредѣлился на службу въ Московскую Соляную контору, но вскорѣ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Мишенское, гдѣ и проводилъ время въ обществѣ друзей дѣтства, окруженный книгами, заполняя пробѣлы своего образованія.

Подъ вліяніемъ смерти Андрея Ивановича Тургенева Жуковскій перевелъ элегію Грея—„Сельское кладбище" и прежде всего представилъ свое произведеніе на судъ „дѣвственнаго ареопага", отнесшагося къ его дѣтищу съ восторгомъ. По одобреніи мишенскихъ судей, Жуковскій отправилъ элегію Карамзину и она была напечатана въ VI книгѣ „Вѣстника Европы" за 1802 годъ.

Впечатлѣніе, произведенное на неизбалованное ухо читателей красивыми звучными стихами, чудными изображеніями природы и другими литературными перлами „Сельскаго кладбища", было чрезвычайно сильное, и Жуковскій сразу занялъ мѣсто въ ряду лучшихъ поэтовъ Россіи.

Слѣдующіе годы Василій Андреевичъ проводилъ или въ Мишенскомъ, или Кунцовѣ у Карамзина. Въ 1804 году Жуковскій встрѣтился съ своимъ бывшимъ учителемъ Ѳеофилактомъ Гавриловичемъ Покровскимъ, нѣкогда наградившимъ поэта титуломъ „неспособнаго". На этотъ разъ „пустынникъ съ горы Алаунской" заискивающе отнесся къ своему бывшему питомцу, поэтическая звѣзда котораго сіяла уже довольно ярко на горизонтѣ русской литературы.

Въ 1805 году сестра поэта Екатерина Аѳанасьевна Протасова схоронила мужа и переселилась изъ своего имѣнія Муратова въ Бѣлевъ. Василій Андреевичъ вызвался заниматься образованіемъ ея дочерей и для этого ежедневно совершалъ трехверстные рейсы изъ Мишенскаго, гдѣ онъ жилъ, въ Бѣлевъ. Эта педагогическая дѣятельность продолжалась около трехъ лѣтъ и сильно помогла дружескому сближенію ученицъ и учителя, а въ сердцѣ Жуковскаго зародилась любовь къ одной изъ ученицъ—Маріи Андреевнѣ, окрасившая будущее Василія Андреевича меланхолическимъ колоритомъ и наложившая особый отпечатокъ на его произведенія, какъ того, такъ и позднѣйшаго времени.

Но печаль и тоска не овладѣли поэтомъ всецѣло; онъ углубился въ работу, результатомъ которой появились въ печати переводы „Донъ-Кихота", „Гимна", „Мальвины", „Идилліи" и много другихъ.

Въ № 24 „Вѣстника Европы" за 1806 годъ была напечатана „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей", а въ 1807 г. Василій Андреевичъ особенно усердно сотрудничаетъ въ этомъ журналѣ, редакторомъ котораго онъ сдѣлался въ 1808 году. Въ томъ же году появляется его баллада „Людмила", представляющая собой пересказъ, приноровленный къ славянской жизни, знаменитой баллады Бюргера—„Ленора". За послѣдующіе годы появляются крупныя вещи Жуковскаго—его первыя романтическія произведенія, говоря о которыхъ впослѣдствіи, Василій Андреевичъ выразился: „Я—родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ".

Столкновенія съ сотрудниками и заботы по редакціи сильно охладили рвеніе поэта и уже въ 1809 году Жуковскій передалъ фактическое редактированіе „Вѣстника Европы" въ руки Каченовскаго, хотя самъ и продолжалъ числиться редакторомъ до 1810 года.

Въ 1810 году Василій Андреевичъ купилъ, по сосѣдству съ имѣніемъ Протасовыхъ, Муратовымъ, небольшое имѣніе и поселился тамъ, проводя свое время тихо и мирно, переписываясь съ друзьями, работая понемногу и окружая себя книгами, которыя высылались ему Тургеневымъ изъ Москвы.

За это время много было переведено изъ Шиллера, Парни и др.; написана первая часть повѣсти „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" и составленъ сборникъ лучшихъ русскихъ стихотвореній, вышедшій въ пяти частяхъ. Въ 1811 году скончалась Марія Григорьевна Бунина, а вскорѣ послѣ нея и мать поэта Елизавета Дементьевна.

Къ этому времени ученицы Жуковскаго подросли, и чувство его къ Маріи Андреевнѣ, которой исполнилось 17 лѣтъ, отлилось въ болѣе опредѣленную форму,—у него зародилась мысль жениться на „Машѣ". Съ офиціальной стороны препятствій къ браку никакихъ не было, но Екатерина Аѳанасьевна, женщина очень религіозная, считала этотъ бракъ невозможнымъ, и на всѣ доводы Василія Андреевича отвѣчала категорическимъ отказомъ. Эта сердечная неудача повергла поэта въ уныніе и грустнымъ облакомъ легла на его произведенія, относящіяся къ тому времени.

Между тѣмъ, наступилъ 1812 годъ, а съ нимъ и вторженіе наполеоновскихъ полчищъ въ Россію. Жуковскій жилъ въ Муратовѣ, давъ Протасовой обѣщаніе никому ничего не говорить о своемъ чувствѣ къ „Машѣ". 3 августа у Плещеева праздновался день рожденія хозяина, и Василій Андреевичъ пѣлъ своего „Пловца", въ строкахъ котораго Екатерина Аѳанасьевна усмотрѣла намеки на любовь поэта къ ея дочери и сочла это за нарушеніе обѣщанія со стороны Жуковскаго. Василію Андреевичу ничего не оставалось сдѣлать, какъ уѣхать изъ Муратова, что онъ и исполнилъ, отправившись въ Москву, откуда, 19-го августа, онъ, уже въ качествѣ поручика, состоящаго при штабѣ князя Кутузова, выступилъ съ московскимъ ополченіемъ. Въ штабной службѣ на поэта пала обязанность помогать Скобелеву въ составленіи бюллетеней, каковые послѣдній выдавалъ за свои.

Наканунѣ Тарутинскаго сраженія Жуковскій написалъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ". „Впечатлѣніе, произведенное „Пѣвцомъ", говоритъ Плетневъ, не только на войско, но и на всю Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердце всѣхъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ, какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесенныя въ эту лѣтопись

безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ. Нельзя забыть ни того ни другого. Эпоха была безпримѣрная, и пѣвецъ явился достойнымъ ея".

П. Н. Дмитріевъ поднесъ „Пѣвца" Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая пожелала имѣть экземпляръ стихотворенія, переписанный авторомъ собственноручно, что Жуковскій и исполнилъ, пославъ рукопись съ посвященіемъ:

Мой слабый даръ царица одобряетъ.

12 Ноября Жуковскій былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ Анны 2 степени, но вскорѣ его военная дѣятельность окончилась. По дорогѣ къ Вильнѣ, подъ Краснымъ, Василій Андреевичъ заболѣлъ горячкой и уже въ январѣ 1813 года возвратился полубольной въ Муратово.

По возвращеніи на родину поэтъ многое нашелъ измѣнившимся. Вторичное сватовство къ Маріи Андреевнѣ было также неудачно, и этотъ новый отказъ заставилъ Жуковскаго уѣхать изъ Муратова въ Долбино къ племянницамъ Аннѣ и Авдотьѣ Петровнамъ, изъ которыхъ послѣдняя незадолго передъ тѣмъ овдовѣла. Здѣсь народилась первая русская баллада — „Свѣтлана", явившаяся контрастромъ по тону „Людмилѣ".

Въ этотъ періодъ времени Жуковскій, уязвленный въ своемъ чувствѣ, опечаленный отказомъ Протасовой, высказалъ всю незлобивость и чистоту своей души, всю доброту и мягкость своей натуры. Вмѣсто того, чтобы мстить за неудачное сватовство, онъ, не задумываясь, продалъ свою деревеньку и всю вырученную сумму, 11 тысячъ, цѣликомъ отдалъ въ приданое племянницѣ Александрѣ Андреевнѣ, выходившей замужъ за Воейкова.

Освобожденіе Европы близилось къ концу; Парижъ лежалъ у ногъ русскаго царя; Наполеонъ былъ сокрушенъ и находился на пути къ острову св. Елены, когда Жуковскій закончилъ свое извѣстное „Посланіе Императору Александру I, спасителю народовъ".

Въ декабрѣ 1814 года экземпляръ „Посланія" былъ отправленъ авторомъ Александру Ивановичу Тургеневу для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и вотъ что писалъ Тургеневъ Жуковскому по этому поводу:

1 января 1815 г.

„Пишу тебѣ, безцѣнный и милый другъ Василій Андреевичъ, въ самый Новый годъ, чтобы отъ всей души, произведеніемъ твоего генія возвышенной, поздравить тебя съ Новымъ годомъ и новою славою. Я долженъ описать тебѣ подробно чтеніе, которое происходило въ комнатахъ Ея Величества въ присутствіи ея, великихъ князей, великой княжны Анны Павловны, гр. Ливенъ, Нелидовой, Нелединскаго - Мелецкаго и Уварова. Я писалъ уже тебѣ, что Государынѣ угодно было назначить мнѣ пріѣхать въ 7 час. вечера 30 декабря. Въ самый часъ явился я къ Уварову и немедленно ввели насъ въ кабинетъ ея, гдѣ уже дожидался Нелединскій. Черезъ 5 минутъ вошла Государыня съ тѣми особами, которыхъ я наименовалъ выше.

Началось чтеніе, приготовленное совѣтами моихъ дѣятелей; я читалъ внятно и съ тѣмъ чувствомъ, которое внушили мнѣ и высокость предмета, и пламенный геній твой, и моя не менѣе пламенная дружба къ тебѣ. Въ продолженіе чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на нѣмецкій и англійскій языки.

Но для этого надобно другого Жуковскаго, а онъ принадлежитъ одной Россіи, и только одна Россія имѣетъ Александра и Жуковскаго. Въ концѣ пьесы не разъ навертывались слезы; Государыня и я принуждены были останавливаться. Она обращалась къ великой княжнѣ и встрѣчала взоры ея, также наполненные любви къ предмету твоего пѣснопѣнія и удивленія къ твоему таланту. Сколько сладкихъ чувствъ въ одно и то же время для матери, братьевъ и сестеръ твоего героя и для твоего друга, свидѣтеля такого безпримѣрнаго восхищенія, смѣшаннаго съ благодарностью къ генію, умѣвшему выразить все величіе предмета единственнаго".

Это „Посланіе" имѣло громадный успѣхъ и, главнымъ образомъ, ему Василій Андреевичъ былъ обязанъ своей дальнѣйшей карьерой при дворѣ.

Въ это же время поэтъ окончилъ русскій народный гимнъ и собрался, вдохновленный только-что законченной исторіей Карамзина, писать историческую поэму „Владиміръ", для собиранія матеріаловъ для которой намѣревался отправиться въ Кіевъ и въ Крымъ, но привязанность къ семейству Протасовыхъ побудила его направиться въ Дерптъ, гдѣ Воейковъ получилъ каѳедру въ университетѣ. Но не долго прожилъ поэтъ въ Дерптѣ — нѣсколько натянутыя отношенія со старухой Протасовой заставили его вскорѣ уѣхать. Въ его письмѣ къ Маріи Андреевнѣ, писанномъ 29 марта 1751 года, слышатся мистическія ноты, которыя слились, впослѣдствіи, въ звучные аккорды въ его поэзіи.

Въ маѣ 1815 года Василій Андреевичъ, проѣзжая Петербургъ, представился императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, принявшей поэта весьма благосклонно, а въ августѣ того же года Жуковскій получилъ назначеніе состоять лекторомъ при императрицѣ. Но въ Петербургѣ поэтъ не могъ выдержать болѣе четырехъ мѣсяцевъ подъ-рядъ. „О Петербургъ! писалъ онъ въ то время... Проклятый Петербургъ, съ своими мелкими, убійственными разсѣяніями. Здѣсь, право, нельзя имѣть души. Здѣшняя жизнь давитъ меня и душитъ!"

Дальнѣйшая жизнь поэта дѣлилась между сѣверной столицей и Дерптомъ. Въ этотъ промежутокъ времени Марія Андреевна рѣшилась принять предложеніе доктора Мойера, хорошаго пріятеля Василія Андреевича. Извѣстіе объ этой свадьбѣ обрушилось громомъ на поэта, все еще питавшаго надежды склонить старуху Протасову на свой бракъ съ „Машей". Когда же Марія Андреевна обратилась къ нему за совѣтомъ, какъ поступить—Василій Андреевичъ махнулъ рукой на свое разбитое счастье и благословилъ „свою идеальную Машу" на бракъ, повторяя свое любимое:

Все въ жизни—къ прекрасному средство.

Въ Петербургѣ дѣла Василія Андреевича шли прекрасно. Въ концѣ 1816 года министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ поднесъ Государю экземпляръ собранія стихотвореній Жуковскаго и императоръ назначилъ поэту пожизненную пенсію въ 4000 рублей ассигнаціями.

Къ этому времени относится усиленная дѣятельность Жуковскаго въ „Арзамасѣ". Это былъ дружескій союзъ людей во имя одной цѣли, людей, выносившихъ изъ своихъ бесѣдъ извѣстную общность взглядовъ и бывшихъ во многомъ солидарными между собой. Къ числу членовъ „Арзамаса", кромѣ Василія Андреевича, принадлежали В. А. и А. С. Пушкины, Дашковъ, князь Вяземскій, графъ Уваровъ, Блудовъ, Батюшковъ и другіе.

За эти годы Василій Андреевичъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, написалъ поэму „Вадимъ", въ нѣкоторыхъ мѣстахъ которой заключаются указанія на обстоятельства личной жизни поэта.

Весной 1817 года въ Россію прибыла невѣста великаго князя Николая Павловича, будущая императрица Александра Өеодоровна, и Василій Андреевичъ былъ назначенъ къ ней учителемъ русскаго языка. Это новое назначеніе заставило Жуковскаго отложить въ сторону свои планы о жизни въ Дерптѣ или въ Долбинѣ и онъ понемногу сталъ втягиваться въ придворную жизнь. Но скромный обитатель Мишенскаго, любившій сельское уединеніе, „холмы и поля", и, сдѣлавшись „царедворцемъ", попавъ въ атмосферу жизни полной искушеній и соблазновъ, сохранилъ въ себѣ всю гуманность, все добродушіе и остался „человѣкомъ". Изъ переписки Василія Андреевича съ членами царской фамиліи можно видѣть, что онъ не былъ придворнымъ Полоніемъ, готовымъ считать облако за „верблюда" или за „ласточку", смотря по желанію принцевъ, а былъ опытнымъ другомъ, способнымъ даже на внушенный любовью выговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія Жуковскаго къ членамъ царскаго семейства были крайне просты и человѣчны и почти исключали всякій этикетъ. Въ запискахъ Смирновой рисуется близость Василія Андреевича къ дворцовому кругу — его тамъ считали „своимъ". Однажды, напримѣръ, Жуковскій, не получивъ приглашенія на какое-то интимное собраніе во дворецъ, не поѣхалъ туда. Когда государыня узнала о причинѣ его отсутствія, то объявила, что онъ—„свой", что „онъ родился приглашеннымъ", что ему нечего ждать офиціальностей, что онъ—„всегда желанный гость".

Къ своимъ занятіямъ съ великой княгиней Жуковскій всегда приготовлялся и занятія эти шли чрезвычайно успѣшно. Главный же интересъ этихъ занятій заключался въ томъ, что великая княгиня Александра Өеодоровна, страстно любившая нѣмецкую литературу, указывала поэту на произведенія, которыя ей хотѣлось бы видѣть переведенными. Всѣ эти переводы, указаные и вдохновленные великой княгиней, печатались маленькими изящными книжечками, подъ заглавіемъ: „Для немногихъ".

Зиму 1817—1818 годовъ Жуковскій проводилъ вмѣстѣ съ дворомъ въ Москвѣ, неотстроившейся еще вполнѣ послѣ 1812 г. Изъ его писемъ, относящихся къ этому времени, видно, что, въ отношеніяхъ къ нему чужихъ, такъ высоко поставленныхъ надъ толпою, людей, онъ нашелъ то искреннее участіе, котораго тщетно добивался у родныхъ въ послѣднее время.

17 апрѣля 1818 года выстрѣлы кремлевскихъ пушекъ возвѣстили первопрестольной столицѣ о рожденіи сына у великаго князя Николая Павловича. Этому ребенку было суждено сдѣлаться „царемъ-освободителемъ", и его появленіе на свѣтъ Василій Андреевичъ привѣтствовалъ сердечными, глубоко-прочувствованными стихами, нѣкоторыя строки которыхъ оказались пророческими:

> Да встрѣтитъ онъ—обильный честью вѣкъ!
> Да славнаго участникъ славный будетъ!
> Да на чредѣ высокой не забудетъ
> Великаго изъ званій—*человѣкъ!*
> Жизнь для вѣковъ въ величіи народномъ,
> Для блага *всѣхъ*—свое позабывать,
> Лишь въ голосѣ отечества *свободномъ*
> *Съ смиреніемъ* дѣла свои читать!

Не слѣдуетъ забывать, что эти чудные стихи появились въ вѣкъ *крѣпостного* права, при надвинувшейся уже тучей Аракчеевщинѣ, и въ обществѣ, гдѣ не раздавалось „свободнаго голоса".

Въ это время Россійская Академія наукъ избрала поэта въ число своихъ членовъ. Отличія и почести сыпались на него, какъ изъ рога изобилія, но Василій Андреевичъ не забывалъ и на „высокой чредѣ" обязанностей по отношенію къ „человѣку". И многіе были обязаны ему облегченіемъ своей участи и улучшеніемъ положенія.

Болѣзнь великой княгини Александры Өеодоровны прервала на нѣкоторое время занятія и вызвала поѣздку за границу, куда сопровождаетъ великую княгиню и Василій Андреевичъ. Это первое путешествіе по Европѣ живительно подѣйствовало на поэта. Объѣздивъ часть Германіи и Швейцаріи, Жуковскій познакомился съ чудными памятниками искусства, съ дивной природой и со многими знаменитостями, въ томъ числѣ съ Гёте и съ однимъ изъ столповъ германскаго романтизма — Тикомъ. Въ Швейцаріи Василій Андреевичъ осматривалъ Шильонскій за́мокъ и въ результатахъ появился переводъ Байроновской поэмы „Шильонскій узникъ".

По возвращеніи въ Россію, въ началѣ 1822 года, Жуковскій отпустилъ на волю крѣпостныхъ, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ, и даже далъ вольную своему единственному рабу Максиму со всей семьей. Возможно, что культурная Европа и свободная Швейцарія указали поэту на страшную язву его родины—ея крѣпостныхъ рабовъ, но вѣрнѣе, что, при свойственной Жуковскому гуманности, Европа лишь дала окончательный толчокъ. Фактъ освобожденія своихъ крѣпостныхъ Жуковскимъ особенно знаменателенъ тѣмъ, что онъ совершился почти за сорокъ лѣтъ до всеобщаго освобожденія, до котораго поэту не пришлось даже дожить.

Благодаря свою племянницу Авдотью Петровну Елагину за исполненное порученіе по освобожденію ею рабовъ, Жуковскій, между прочимъ, изъявляетъ въ письмѣ сожалѣніе, что не могъ освободить отъ цензуры переводъ извѣстныхъ стиховъ Шиллера:

> Человѣкъ свободнымъ созданъ и свободенъ,—
> Если бъ онъ родился и въ цѣпяхъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Василій Андреевичъ поселился въ семействѣ Воейковыхъ, переѣхавшихъ изъ Дерпта. У поэта собирались многіе друзья на его литературные вечера, оживлявшіеся присутствіемъ любезной и остроумной хозяйки дома—Воейковой. Козловъ, Батюшковъ, Вяземскій, Крыловъ, Блудовъ, Карамзинъ—почти весь цвѣтъ тогдашней литературы — бывали частыми гостями Василія Андреевича. Особенно шумно среди многочисленнаго общества Жуковскій праздновалъ сороковую годовщину своего рожденія, объявивъ при этомъ, что онъ вступилъ въ чинъ „дѣйствительнаго" холостяка. 19 марта 1823 года скончалась „первая" любовь Жуковскаго—Марія Андреевна Мойеръ.

Въ письмѣ къ Елагиной, переѣхавшей снова въ Дерптъ, Василій Андреевичъ, между прочимъ, пишетъ: „Знаю, что она съ нами и болѣе наша, наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія... Не будемъ говорить: „ея нѣтъ". C'est blasphéme!.. Ея могила будетъ для насъ мѣстомъ молитвы. На этомъ мѣстѣ одна только мысль о ея чистой, ангельской жизни, о томъ, что она была для насъ живая, и о томъ, что она нынѣ для насъ небесная"...

Эти строчки могутъ показаться попыткой утѣшенія, но сильно ошибается, кто это подумаетъ! Въ этихъ немногихъ словахъ, какъ живой вырисовывается чистый, милый Жуковскій съ той вѣрой, которая всегда сквозила въ его поступкахъ, въ его перепискѣ, въ его поэзіи... Эта вѣра въ Промыслъ, въ безсмертіе, во что-то иногда неопредѣленное, но всегда свѣтлое и святое,—очень характерна для поклонника-идеалиста—Шиллера и его толкователя въ русской литературѣ.

„Машѣ“ Жуковскій посвятилъ слѣдующіе чудные стихи:

Ты предо мною
Стояла тихо;
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ...
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.
Ты удалилась
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна...
Тамъ всѣ земныя воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли!
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!

Чѣмъ-то благоуханно-крѣпкимъ, эѳирнымъ и меланхолическимъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, и эти стихи могутъ служить, вообще, характеристикой Жуковскаго въ той ея части, которая обнимаетъ собственно лирику.

Слѣдующія 5—6 лѣтъ были мало производительны въ литературномъ отношеніи. Быть-можетъ, на это повліяла печаль по усопшей, а быть-можетъ, были и другія причины затишья творчества поэта. За это время Жуковскому было поручено обученіе русскому языку невѣсты великаго князя Михаила Павловича, а затѣмъ выработка учебнаго плана для занятій съ будущимъ наслѣдникомъ и съ великими княжнами Маріей и Ольгой Николаевнами.

По воцареніи императора Николая I, Василій Андреевичъ получилъ назначеніе быть наставникомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Здоровье Василія Андреевича за это время сдѣлалось очень слабымъ, и въ маѣ 1826 года его отпустили для лѣченія за границу. Въ Эмсѣ поэтъ встрѣтился съ своимъ дерптскимъ пріятелемъ Рейтерномъ. Въ то время Жуковскій и не подозрѣвалъ, что въ семьѣ пріятеля растетъ дѣвочка, которая черезъ 15 лѣтъ будетъ подругой его жизни и дастъ ему то семейное счастье, котораго онъ давно просилъ у судьбы.

Лѣченіе возстановило силы поэта и онъ усердно принялся за приготовленія къ своему званію наставника будущаго государя. Изъ его писемъ видно, что его озабочивала каждая мелочь; онъ, между прочимъ, собиралъ за границей библіотеки на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ для своего питомца. Въ Россію Василій Андреевичъ возвратился въ октябрѣ 1827 года.

Въ продолженіе 5—6 лѣтъ Жуковскій употреблялъ всѣ усилія для подготовки себя къ выполненію серіозной отвѣтственности, возложенной на него. Въ обширномъ и разработанномъ до мельчайшихъ деталей планѣ обученія цесаревича не было упущено ничего.

Начались занятія. Василій Андреевичъ присутствовалъ на всѣхъ урокахъ, слѣдилъ положительно за всѣмъ. Насколько онъ былъ занятъ, можно судить изъ записокъ Смирновой. Онъ мало посѣщалъ ея салонъ, отговариваясь „дѣлами“; но все же, несмотря на многочисленность занятій, Жуковскій оставался всегда доступнымъ для друзей и знакомыхъ.

Въ февралѣ 1829 года поэту пришлось перенести еще одинъ ударъ: скончалась въ Италіи, давно уже болѣвшая Александра Андреевна Воейкова. Трогательную заботливость обнаружилъ несребролюбивый Василій Андреевичъ относительно участи оставшихся послѣ подруги его дѣтства сиротъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни средствъ, ни трудовъ, чтобы только обезпечить ихъ будущность.

Въ 1832 году Жуковскому снова пришлось лѣчиться и путешествовать. Онъ былъ въ Италіи и прожилъ нѣсколько недѣль въ Римѣ. За это время онъ окончилъ переложеніе повѣсти Ламоттъ-Фуке—„Ундина“. Въ оригиналѣ „Ундина“ написана была прозой, но въ переводѣ ея содержаніе поэтъ передалъ стихами. Къ этому дѣтищу своей музы Василій Андреевичъ питалъ особенную слабость и старался возможно украсить ея изданіе, для чего и заказалъ рисунки извѣстному Майделю.

По достиженіи ученикомъ Жуковскаго совершеннолѣтія, было рѣшено познакомить его съ Россіей. Двѣ трети 1837 года были посвящены путешествію наслѣдника по родинѣ, согласно маршрута, составленнаго Жуковскимъ и Арсеньевымъ. Послѣ этого путешествія Василій Андреевичъ сопутствовалъ своему питомцу въ поѣздкѣ по Европѣ. Во время этого путешествія поэтъ перевелъ поэму Гальома—„Камоэнсъ“, найдя въ ней мысли и положенія, напоминающія ему его собственное душевное состояніе. Впослѣдствіи Жуковскій часто повторялъ ея послѣдній стихъ:

Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли!

Наконецъ, воспитаніе наслѣдника и великихъ княженъ было окончено, но Жуковскому пришлось еще сопровождать своего питомца въ Дармштадтъ по случаю обрученія цесаревича съ принцессой дармштадтской. Послѣ небольшого заграничнаго путешествія Василій Андреевичъ предполагалъ возвратиться въ Россію и поселиться въ Муратовѣ съ Екатериною Аѳанасьевной Протасовой и ея внуками, но въ эту же поѣздку поэтъ обручился съ дочерью своего пріятеля Рейтерна, Елизаветой Алексѣевной.

До свадьбы Жуковскій поѣхалъ въ Россію. По случаю бракосочетанія наслѣдника, поэту были оказаны новыя почести и милости: онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, ордена Станислава и Анны 1-й степени и орденъ Владиміра 2-й степени; кромѣ того ему было сохранено крупное содержаніе, которое онъ получалъ по должности наставника цесаревича.

Въ это время еще разъ выказалось безкорыстіе поэта и его доброта. Будучи уже женихомъ и, въ силу этого, обязанный думать о средствахъ для семейной жизни, Василій Андреевичъ всю сумму, вырученную отъ продажи своего имѣнія (около 115 тысячъ рублей), раздѣлилъ на три части и отдалъ тремъ дочерямъ покойной Александры Андреевны Воейковой.

Съ своей невѣстой Жуковскій познакомился, когда ей было около 12 лѣтъ. Имя поэта съ благоговѣніемъ произносилось въ семействѣ Рейтернъ, чему отчасти способствовало, быть-можетъ, и то обстоятельство, что Рейтернъ, по ходатайству Жуковскаго, былъ назначенъ придворнымъ живописцемъ съ правомъ жить за границей. Почтенный, пріятный и радушный старикъ Жуковскій не могъ не произвести впечатлѣнія на чувствительную дѣвочку. Она знала, что онъ знаменитый поэтъ, что его произведеніями восторгаются всѣ люди, въ томъ числѣ и ея отецъ, и въ ея юной головкѣ имя Жуковскаго окружалось ореоломъ и поэтическимъ вѣнцомъ. Нервная, мечтательная и склонная къ мистицизму дѣвушка хранила, такимъ образомъ, въ своемъ сердцѣ сѣмя будущаго чувства къ поэту.

Свадьба поэта состоялась 21 Мая 1841 года, въ церкви русскаго посольства въ Штутгартѣ. Какъ бы предчувствуя, что онъ не увидитъ ея болѣе, покидалъ поэтъ родину, и предчувствіе не обмануло его, — всѣ послѣдующіе годы до самой смерти Василій Андреевичъ провелъ за границей и ему не

только не пришлось поселиться на родинѣ, какъ онъ мечталъ, но даже не пришлось увидѣть:

Родного неба милый свѣтъ!

Съ женитьбы началась новая эра въ жизни Жуковскаго. Семейное счастье поздно пришло къ нему. У него „дѣйствительнаго холостяка“ образовался уже достаточный запасъ привычекъ, которыя нарушались строемъ семейной жизни.

Первые годы послѣ женитьбы Жуковскіе жили въ Дюссельдорфѣ; здѣсь имъ написаны сказки, оконченъ переводъ „Наля и Дамаянти“ и начатъ переводъ Гомеровской „Одиссеи“, который и законченъ въ 1849 году. Кромѣ того, Василій Андреевичъ перевелъ начальныя пѣсни Иліады. Въ 1842 году у него родилась дочь Александра, а въ 1845 г.—сынъ Павелъ. Почти съ первыхъ дней появленія на свѣтъ дѣтей Василій Андреевичъ, какъ любящій и заботливый отецъ, задумывается надъ вопросами воспитанія своего потомства и, пользуясь пріобрѣтеннымъ уже педагогическимъ опытомъ, старается придумать легчайшіе и простѣйшіе способы преподаванія.

Занятія, разговоры, игра съ дѣтьми,—вотъ свѣтлые лучи, озарявшіе послѣдніе годы поэта. Но на ряду съ этимъ бывали и тяжелыя минуты. Болѣзнь жены, особенно сильно хворавшей послѣ рожденія сына нервнымъ разстройствомъ, прихварыванія дѣтей и, наконецъ, цѣлый рядъ смертей среди близкихъ поэту людей, еще недавно здоровыхъ, полныхъ жизни, — все это тяжело отзывалось на здоровьѣ поэта.

Въ 1848 году Жуковскій собрался въ Россію, но, въ виду свирѣпствовавшей тамъ холеры, отложилъ поѣздку и остался въ Германіи. 50-лѣтній юбилей его литературной дѣятельности былъ отпразднованъ въ Россіи 29 января, безъ него, въ домѣ князя Вяземскаго и въ присутствіи цесаревича.

Вторично собрался поэтъ ѣхать въ Россію ко дню 25-лѣтія царствованія императора Николая I, но желаніе не осуществилось. Василій Андреевичъ заболѣлъ воспаленіемъ глазъ, засадившимъ его на цѣлые 10 мѣсяцевъ въ комнаты.

13 ноября 1851 года Василій Андреевичъ писалъ Плетневу:

„Странное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни зашевелилась во мнѣ поэзія — и я принялся за поэму, которой первые стихи были мною написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ неразвитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собой началось, все льется изнутри!..“

Этой поэмой былъ Агасферъ—неоконченная лебединая пѣснь поэта.

19 марта 1852 года поэтъ писалъ своему другу Зейдлицу: „Перспектива обзавестись собственнымъ домомъ въ Дерптѣ меня веселитъ“. А уже 12 апрѣля его вѣчнымъ жилищемъ сталъ гробъ. Тѣло Василія Андреевича перевезли въ Петербургъ и похоронили рядомъ съ Карамзинымъ въ Александро-Невской лаврѣ. Царственный воспитанникъ провожалъ прахъ своего наставника на мѣсто „послѣдняго упокоенія“.

Василій Андреевичъ скончался, но со смертью подобныхъ людей не все погибнетъ: они оставляютъ послѣ себя нѣчто безсмертное и нетлѣнное.

Среди многихъ именъ въ нашей литературѣ каждый невольно пріостановится передъ именемъ Жуковскаго. Это одно изъ тѣхъ именъ, которыя распространяютъ вокругъ себя мягкій, свѣтлый свѣтъ, невольно притягиваютъ къ себѣ.

Муза Жуковскаго дала намъ мирные, кроткіе, частью, грустные звуки; печаль въ этихъ звукахъ тихая, меланхолическая. Какое бы произведеніе Жуковскаго вы ни взяли, вы видите въ немъ самого поэта незлобиваго, кроткаго, гуманнаго.

„Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго, — говоритъ Бѣлинскій, — и велико значеніе его въ русской литературѣ!..“

Дѣйствительно, какъ его царственный питомецъ сдѣлался „царемъ-освободителемъ“, такъ и Василій Андреевичъ можетъ быть названъ „поэтомъ-освободителемъ“. Жуковскій освободилъ русскую поэзію отъ обветшалаго псевдоклассицизма, одухотворилъ ее романтическими элементами; освободилъ языкъ отъ хроническихъ формъ. Его поэтическая рѣчь *впервые* полилась *свободно*, непринужденными, яркими, красивыми звуками.

„Безъ Жуковскаго мы не имѣли бы Пушкина“,— говоритъ Бѣлинскій.

Ал. фонъ-Дитмаръ.

Мелкія стихотворенія.

1797.

МАЙСКОЕ УТРО.

Бѣлорумяна
Всходитъ заря
И разгоняетъ
Блескомъ своимъ
Мрачную тьму
Черныя ночи.

Фебъ златозарный,
Ликъ свой явивши,
Все оживилъ.
Вся ужъ природа
Свѣтомъ одѣлась
И процвѣла.

Сонъ встрепенулся,
И отлетаетъ
Въ царство свое,
Грезы, мечтанья,
Роемъ пчелинымъ
Мчатся за нимъ.

Смертные, вспряньте!
Съ благоговѣньемъ,
Съ чистой душой,
Павъ предъ Всевышнимъ,
Пламень сердечный
Мы излiемъ.

Радужны крылья
Распростирая,
Бабочка пестра
Вьется, кружится,
И лобызаетъ
Нѣжно цвѣтки.

Трудолюбива
Пчелка златая
Мчится, жужжитъ,
Все, что безплодно,
То оставляетъ—
Къ розѣ спѣшитъ.

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать, любезна,
Сердцу драгова
Съ ней уже нѣтъ!

Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ,
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благѣ
Плакать другого?..
Онъ вѣдь заснулъ,
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.

Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

1798.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.

Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники тамъ;
Порфиромъ, златомъ обложенны,
Тамъ мраморны столпы стоятъ.

Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды—
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ
Ни здѣсь, ни въ новомъ бытіи,
И царь сравняется съ убогимъ.
Герой тамъ ляжетъ, гдѣ пастухъ.

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой всклокоченной брадою,
Кидая всюду страшный взоръ,
Сатурнъ несытый и свирѣпый
Паритъ черезъ вселенну всю;
Паритъ—и груды оставляетъ
Развалинъ слѣдомъ за собой.

Валятся дубы вѣковые,
Трясутся горъ предъ нимъ сердца,
Трещатъ забрала и твердыни,
И мѣдны рушатся врата.
Падутъ и троны, и начальства,
Истлѣетъ посохъ, какъ и скиптръ,
Вѣнцы лавровые поблекнутъ,
Трофеи гордые сгніютъ.

Стоялъ гдѣ памятникъ герою,
Увы! что видимъ мы теперь?
Однѣ развалины ужасны,
Шипятъ межъ коими змѣи,
Остались вмѣсто обелиска,
Что гордо высился за вѣкъ,
За вѣкъ предъ симъ—и нѣтъ его!..
И слава тщетная молчитъ.

И что жъ покажетъ, что мы жили,
Когда все время рушитъ такъ?
Не камень гибнущій величье
Въ потомствѣ позднемъ намъ придастъ,
И не порфирны обелиски
Прославятъ насъ, превознесутъ:
Увы! несчастенъ, кто оставилъ
Лишь ихъ—и болѣ нечего!

Исчезнутъ тщетны украшенья,
Когда застонетъ вся земля,
Какъ заревутъ ужасны громы,
Падетъ, разрушится сей міръ.
И тѣни ихъ тогда не будетъ,
И самый прахъ ихъ пропадетъ;
Все, все развѣется, погибнетъ,
Какъ пыль, какъ дымъ, какъ тѣнь, какъ сонъ!

Тогда останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежду правды облекутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ всемощнаго Творца.

О сколь священна, добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить.
На что мнѣ памятники горды?
И скиптръ, и посохъ—все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ—прахъ лежитъ.

———

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Отъ свѣта свѣтовъ лучъ излился,
И добродѣтель родилась!
Въ тьмѣ міръ дремавшій пробудился,
Земля весельемъ облеклась;
Въ священномъ торжествѣ природа
Объемлетъ даръ для смертныхъ рода;
Отъ горнихъ, свѣтлыхъ странъ небесъ
Златой, блаженный вѣкъ спустился,
Восторгъ божественный вселился
Во глубинѣ святыхъ сердецъ.

На землю дщерь Творца предстала,
Твореній хоръ ей гимнъ воспѣлъ;
Пустыня свѣтлымъ раемъ стала;
Какъ кринъ, повсюду міръ процвѣлъ;
Любовь, невинность, кротость нравовъ;
Безъ строгости и безъ уставовъ,
Правдивость, честность всѣмъ эгидъ;
Повсюду дружба водворилась,
Повсюду истина явилась,
Преданность, вѣрность, совѣсть, стыдъ.

Дохнула злоба—и родился
Кровавый, яростный раздоръ;
Вздохнулъ онъ—вздохъ сей повторился
Среди сердецъ кремнистыхъ горъ;
Ужасный ядъ—его дыханье,
Убійство, смерть—его желанье,
И мракъ—блистаніе очей.
Взглянулъ—и брани воспылали,
Несчастны жертвы застонали,
Кровь быстрой полилась струей.

Одѣянъ бурей вѣкъ желѣзный,
Потрясши кругъ земли, предсталъ;
Померкъ натуры видъ любезный,
И смертный счастливъ быть престалъ.
Съ цѣпей своихъ Борей сорвался,
Въ поляхъ небесныхъ громъ раздался,
Завылъ и лѣсъ и сонмъ морей!
Съ луговъ зефиры улетѣли,
По рощамъ птицы онѣмѣли,
И свѣтлый не журчитъ ручей.

Дщерь ада, злоба есть содѣтель
Безчисленныхъ, лютѣйшихъ бѣдъ;
Но не исчезла добродѣтель!
Она еще, еще живетъ;
Еще ей созидаютъ храмы,
Еще курятъ ей ѳиміамы;
Но, ахъ! златой ужъ вѣкъ исчезъ,
Въ пучинѣ вѣчности сокрылся,
Одинъ лишь лучъ къ намъ отдѣлился
И добрымъ міръ съ собой принесъ.

Иной гордыни чтитъ законы,
Идетъ неправды по стезямъ;
Иной коварству зиждетъ троны
И дышитъ лестію къ царямъ;

Иной за славою стремится;
Тотъ злата алчностью томится;
Тотъ ратуетъ съ врагомъ своимъ,
И всякъ путь ложный избираетъ,
Въ ночи какъ будто бы блуждаетъ;
Его дѣла—ничтожный дымъ.

И мужъ, премудростью почтенный,
Во испытаньяхъ посѣдѣвъ,
Мужъ праведный и просвѣщенный,
Вздохнетъ, на все сіе воззрѣвъ;
Въ мечтаньяхъ сихъ онъ тлѣнность видитъ,
Порокъ и зло онъ ненавидитъ,
И добродѣтели кумиръ
Въ своей душѣ онъ обожаетъ,
Свою всю жизнь ей посвящаетъ,
Его чертогъ—пространный міръ.

Кто правды, честности уставы
Въ теченье дней своихъ блюдетъ,
Тотъ къ счастью обрѣтетъ путь правый,
Корабль свой въ пристань приведетъ;
Среди онъ бѣдствій не погибнетъ,
Въ гоненьи рока онъ возникнетъ;
Его перунъ не устрашитъ.
Когда и смерть къ нему явится,
То духъ его возвеселится,
Къ блаженству спѣшно полетитъ.

О вы, подобье юныхъ криновъ!
Въ васъ пламень бодрости горитъ,
Въ васъ зрю я доблесть славяниновъ—
Учитесь добродѣтель чтить;
Въ душѣ ей храмъ соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите,
Стремитесь мудрыхъ по стезямъ.
Кругъ жизни вашей совершится,
Но солнце вашихъ дней затмится,
Зарю оставя по слѣдамъ.

1799.

МИХАЙЛѢ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ

от воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона на полученіе имъ ордена св. Анны 1-й степени.

Еще, Херасковъ, другъ Минервы,
Еще вѣнецъ ты получилъ!
Сердца въ восторгѣ пламенѣютъ
Приверженныхъ къ тебѣ дѣтей,
Которыхъ нѣжною рукою
Ведешь ты въ храмъ святой наукъ,
Въ тотъ храмъ, гдѣ муза озарила
Тебя безсмертія лучомъ.
Дѣла благія—вѣчно живы,
Плоды ихъ зрѣютъ въ небесахъ,
И здѣсь и тамъ ихъ ждетъ награда:
Здѣсь царь вѣнчаетъ ихъ, тамъ—Богъ!

1800.

СТИХИ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Изъ нѣдра вѣчности рожденный,
Паритъ къ намъ юный сынъ вѣковъ.
Сотканна изъ зарей порфира
Струится на плечахъ его;
Лучи главу его вѣнчаютъ,
Простертъ о чреслахъ зодіакъ,
Въ его десницѣ зрится чаша,
Гдѣ скрыты жребіи судьбы,
Изъ коей вѣчными струями
Блаженство и бѣды текутъ.

Летитъ—предъ нимъ часы, минуты,
Ліются быстрою струею;
Сопутницы, его подруги,
Несутъ вселенной благодать:
Зима въ своей коронѣ льдяной,
Въ сотканной ризѣ изъ снѣговъ,
Весна съ цвѣточными коврами,
Съ плодами осень для древесъ,
Съ снопами лѣто золотыми
И благотворной теплотой.

Летитъ—во срѣтенье вселенна
Ему благословенья шлетъ;
Желанья, робкія надежды
Несутся сонмами къ нему;
Къ нему стремится гласъ хвалебный,
Къ нему летитъ слеза и вздохъ;
Монархъ съ блестящаго престола,
И нищій съ бѣднаго одра
Къ нему возводятъ взоръ молящій,
Благодѣяній ждутъ его...

Лети, сынъ вѣчности желанный,
Лети, и по слѣдамъ своимъ
Цвѣты блаженства вожделѣнны
И кротку радость насаждай...
Пускай полетъ твой благодатный,
Какъ зефиръ, землю освѣжитъ;
Любовь, согласіе священно
Во всей вселенной утвердитъ.

КЪ ТИБУЛЛУ.

На прошедшій вѣкъ.

Онъ совершилъ свое теченье,
И въ безднѣ вѣчности исчезъ...
Могилы, пепелъ, разрушенье,
Пучина бѣдствій, крови, слёзъ—
Вотъ путь его и обелиски!

Тибуллъ, все подъ луною тлѣнно!
Давно ль на холмѣ семъ стоялъ
Столѣтній дубъ, густой, надменный,
И долъ вѣтвями осѣнялъ?
Ударилъ громъ—и дубъ поверженъ!

Давно ли и любимецъ славы
Народовъ жребіемъ игралъ,
Вселенной подавалъ уставы,
И небо къ распрѣ вызывалъ?
Дохнула смерть—что онъ?—горсть пыли.

Тибуллъ, намъ въ мірѣ жить не вѣчно:
Вся наша жизнь лишь только мигъ,
Какъ молнья, время скоротечно!
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ
Оно летитъ и все съ нимъ гибнетъ.

Едва на дневный свѣтъ мы взглянемъ,
Едва себя мы ощутимъ,
И жизнью радоваться станемъ,
Уже въ сырой землѣ лежимъ,
Ужъ мы добыча разрушенья!

Тибуллъ, нельзя чтобы природа
Лишь для червей насъ создала;
Чтобъ мы, проживши два, три года,
Прешедъ сквозь мрачны дебри зла,
Съ лица земли, какъ тѣни, скрылись!

На что винить боговъ напрасно?
Себя мы можемъ пережить;
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру бить,
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!

МИРЪ.

Проснись, пиѳійскаго поэта древня лира *),
Вѣщательница дѣлъ геройскихъ, брани, мира!
Проснися, новый звукъ отъ струнъ твоихъ издай,
И сладкою своей игрою насъ плѣняй,
Исполни духъ святымъ восторгомъ!

Какъ лира дивная небеснаго Орфея,
Гремишь ли битвы ты—наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозятъ;
Ихъ бурные кони ярятся и кипятъ,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину—громъ Зевса потухаетъ,
Орелъ, у ногъ его сидящій, засыпаетъ,
Вздымая медленно пернатый свой хребетъ;
Ужасный Марсъ свой мечъ убійственный кладетъ
И кротость въ сердцѣ ощущаетъ.

Проснись, и миръ воспой блаженный, благодатный.
Пусть онъ слетитъ съ небесъ, какъ нѣкій богъ крылатый,
Вѣчно-зеленою оливою махнетъ,
Брань страшную съ лица вселенной изженетъ
И примиритъ земные роды.

Гдѣ онъ, тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ человѣчество свободно процвѣтаетъ,
Питаясь щедростью природы и боговъ,
Тамъ звукъ не слышится невольничьихъ оковъ,
И слезы горьки не струятся.

Тамъ нивы жатвою покрыты золотою,
Тамъ въ селахъ царствуетъ довольство съ тишиною,
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ тѣнь,
Тамъ счастье навсегда свою воздвигло сѣнь;
Оно лишь съ миромъ сопряженно.

Безпечно селянинъ поля тамъ засѣваетъ,
Лишь пóтомъ ихъ своимъ, не кровью орошаетъ,
Супругъ спокойно спитъ супруги на рукахъ,
И въ самомъ снѣ своемъ, въ плѣняющихъ мечтахъ
Еще свое блаженство видитъ.

Тамъ мирно старецъ дней закатомъ веселится,
Могилы на краю неволи не страшится,
Ступя ногою въ гробъ, онъ смотритъ со слезой,
Унылый, горестный, на путь скончанный свой,
И жить еще, еще желаетъ.

Тамъ воинъ, лишь въ поляхъ сражаться пріученный,
Смягчается—и мечъ, къ убійству изощренный,
Въ отеческомъ дому подъ миртами кладетъ,
Блаженство тишины и дружбы познаетъ,
Союзъ съ природой обновляетъ.

Тамъ музы чистыя, увѣнчанны оливой,
Веселымъ пѣніемъ возносятъ дни счастливы,
Ихъ лиры стройныя согласнѣе звучатъ,
Спокойствіе онѣ, не страшну брань гласятъ,
Святую добродѣтель славятъ.

Слети, блаженный миръ!—вселенная взываетъ,—
Туда, гдѣ бранныя знамена развѣваютъ,
Гдѣ мертвъ природы гласъ и гдѣ ея сыны
На персяхъ матери сражаются, какъ львы,
Гдѣ братья братьевъ поражаютъ.

О страхъ!.. какъ яростно другъ на друга стремятся!
Кони въ пыли, въ поту, свирѣпствуютъ, ярятся
И топчутъ всадниковъ, поверженныхъ во прахъ,
Оружія гремятъ, кровь льется на мечахъ,
И стоны къ небесамъ восходятъ.

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устремился...

---

*) Пиндаръ. 2-я и 3-я строфы взяты изъ одной его оды.—*В. Ж.*

Скажите, кто перунъ безумцу въ руки далъ
И жизни моея владыкою назвалъ,
Надъ коей я и самъ не властенъ?

А слава?.. Нѣтъ! Ее злодѣй лишь въ брани ищетъ,
Лишь онъ въ стенаніяхъ побѣдны гимны слышитъ,
Въ кровавыхъ грудахъ тѣлъ трофеи чести зритъ;
Потомство извергу проклятіе гласитъ,
И лавръ его поблекшій тлѣетъ;

А твой всегда цвѣтетъ, о россъ великосердый,
Въ примѣръ земнымъ родамъ судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полетъ,
Колоссъ незыблемъ твой, онъ вѣчно не падетъ,
Чего жъ еще желать осталось?

Ты славы путь протекъ Алкидовой стопою,
Полсвѣта покорилъ могучею рукою;
Тебѣ возможно все, ни въ чемъ препоны нѣтъ:
Но стой, россъ! опочій—се новый вѣкъ грядетъ!
Онъ миртъ тебѣ, не лавръ приноситъ.

Возьми сей миртъ, возьми и снова будь героемъ,
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ.
Будь мира гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Брось палицу свою и щитъ необоримый,
Преобрази во плугъ свой мечъ несокрушимый,
Пусть роетъ онъ поля отчизны твоея;
Прямая слава въ ней, лишь въ ней ищи ея,
Лишь въ ней ее обрѣсть ты можешь.

На персяхъ тишины, въ спокойствіи блаженномъ
Цвѣти, съ народами земными примиренный!
Цвѣти, великій россъ! лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы, побѣждай,
И будь во брани только съ ними.

ПЛАТОНУ,

неподражаемому, достойно славящему Господа (митрополиту московскому).

Платонъ, великій мужъ! когда ты прославлялъ
Намъ кроткаго отца въ Зиждителѣ вселенной,
Тогда я съ пламенной душою, восхищенной,
Къ Творцу всемощному моленье возсылалъ,
Да благостью своей Платона сохранитъ
И драгоцѣнны дни великаго продлитъ.

1801.

—

КЪ ЧЕЛОВѢКУ.

„A Worm, a God!"—Young.

„Ничтожный человѣкъ, что жизнь твоя?
Мгновенье.
Взглянулъ на дневный лучъ—и нѣтъ тебя—пропалъ!
Изъ тьмы небытія злой рокъ тебя призвалъ
На то лишь, чтобъ предать въ добычу разрушенья;
Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!

„Игралище судьбы, волнуемый страстями
Какъ ярымъ вихремъ листъ, ужасный жребій твой
Бороться съ горестью, болѣзньми и собой!
Несчастный, поглощенъ могучими волнами,
Ты страшну смерть находишь въ нихъ.

„Въ безсиліи своемъ, пристанища лишенный,
Гонимъ со всѣхъ сторонъ, ты странникъ на земли!
Что твой парящій умъ? Что замыслы твои?
Дыханье вѣтерка—и гдѣ ты, прахъ надменный,
Гдѣ жизни твоея слѣды?

„Ты дерзкой мыслію за небеса стремишься!
Сей низложенный кедръ соперникъ былъ громамъ,
Но онъ разбитъ, въ пыли, добыча онъ червямъ,
Гдѣ мощь корней его?... Престань, безумецъ льститься!
Тебѣ ли гордымъ, сильнымъ быть?

„Ты нынѣ обольщенъ надеждой, зиждешь стѣны,
Заутра же онѣ, разсыпавшись, падутъ,
И персти твоея подъ ними не найдутъ.
Сынъ разрушенія, мечта протекшей тѣни!
И настоящій мигъ не твой.

„Ты веселишь себя надеждой наслажденій!
Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ! сей міръ вертепъ страданій, слезъ.
Ты съ жизнію въ него блаженства не принесъ;
Терзайся, рвись, и будь игрою заблужденій,
Влачи до гроба цѣпи золъ.

„Такъ—въ гробѣ лишь твое спокойство и отрада,
Могила—тихій сонъ, а жизнь—съ бѣдами брань,
Судьба—невидимый, безчувственный тиранъ,
Необоримая ко счастію преграда!
Ничтожность страшный твой удѣлъ!

„Чего жъ искать тебѣ въ сей пропасти мученій?
Скорѣй, скорѣй въ ничто! Ты небомъ позабытъ,
Одинъ перунъ его лишь надъ тобой гремитъ;
Его проклятіемъ навѣки отягченный,
Твое убѣжище лишь смерть!"

Такъ въ гордости своей, слѣпой, неправосудной,
Безумецъ возстаетъ на небо и на рокъ.
Всемощный, гнѣвъ твой спитъ!... Сотри кичливый рогъ,
Воздвигнись, облеченъ во славѣ неприступной,
Грянь, грянь!—и дерзкій ляжетъ въ пыль.

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный,
Что непримѣтный червь, сокрывшійся во прахъ,
И дерзостный орелъ, парящій въ небесахъ,
Превыше черныхъ тучъ и молній вознесенный,
Предъ взоромъ Вѣчнаго ничто!

Тебѣ ли обвинять премудрость Провидѣнья?
Иль таинства его открыты предъ тобой?
Или въ дѣлахъ его ты избранъ судіей?
Иль знаешь ты вещей конецъ, опредѣленье,
И взоромъ будущность проникъ?

Въ страданіяхъ своихъ ты небо укоряешь.
Творецъ твой не тиранъ, ты страждешь отъ себя!
Онъ благъ, для счастія онъ въ міръ призвалъ тебя;
Изъ чаши радостей ты горесть испиваешь,
Ужели рокъ виновенъ въ томъ?

Безумецъ,пробудись! воззри на міръ пространный:
Все дышитъ счастіемъ, все славитъ жребій свой,
Всему начертанъ кругъ Предвѣчнаго рукой.
Ужели ты одинъ, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвенъ?

Познай себя, познай! Коль въ дерзкомъ ослѣпленьи
Захочешь ты себя за край міровъ вознесть,
Сравниться со Творцомъ, ты непримѣтна персть!
Но ты великъ собой, сей міръ твое владѣнье,
Ты духомъ тварей властелинъ!

Тебѣ послушно все: ты смѣлою рукою
На бурный океанъ оковы наложилъ,
Пронзилъ утесовъ грудь, перуны потушилъ,
Подоблачны скалы валятся предъ тобою,
Твое велѣніе—законъ!

Всѣ бѣдствія твои—мечты воображенья,
Оружія на нихъ судьбой тебѣ даны.
Воздвигнись въ крѣпости—и всѣ побѣждены!
Великимъ, мудрымъ быть—твое опредѣленье,
А ты ничтожны слезы льешь!

Сей дерзостный утесъ, гранитными плечами
Подперши небеса, и вихрямъ и громамъ
Смѣется, и одинъ противится вѣкамъ,
У ногъ его клубитъ ревущими волнами
Угрюмый грозный океанъ.

Орелъ, ужаленный зміею раздраженной,
Терзаетъ, рветъ ее въ своихъ крутыхъ когтяхъ
И, члены разметавъ, со пламенемъ въ очахъ,
Расширивши крылѣ, весь кровью обагренный,
Паритъ съ побѣдой къ небесамъ.

Мужайся! и попрешь противниковъ стопою;
Твой рай и адъ въ тебѣ! Брань, брань твоимъ страстямъ!
Передъ тобой отверстъ безсмертья вѣчный храмъ,
Ты смерти сломишь серпъ могучею рукою,
Могила—къ вѣчной жизни путь!

О вы, птенцы наукъ, путь жизни передъ вами!
Теките, ополчась премудрости мечомъ,
Изгнавъ изъ сердца страхъ—и блѣдныхъ бѣдствій сонмъ
Исчезнетъ какъ туманъ предъ дневными лучами;
Васъ радость, слава, вѣчность ждутъ!

ФІАЛКА.

Не прекрасна ли фіалка?
Не прельщаетъ ли собой?
Не амброзіей ли дышитъ
Утромъ, расцвѣтя весной?

То алѣетъ, то блѣднѣетъ
Сей цвѣточекъ въ красный день,
Сладкій духъ свой изливаетъ,
Кроясь въ травкѣ подъ кустомъ.

Что же съ нѣжною фіалкой,
Что же будетъ, наконецъ?
Ахъ, несчастная томится,
Сохнетъ и увянетъ вдругъ.

1802.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Элегія. изъ Грея.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье,
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И пóтомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ.
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ.

На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами,
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ!
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ, можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ иль мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ.
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать—

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣсто преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ—

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей...

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною,
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
„Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

„Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

„Нерѣдко къ вечеру, скитаясь межъ кустами—
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

„Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничѣмъ души не усладить.

„Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не находилъ.

На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить!"

— Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

1803.

—

СТИХИ,

сочиненные въ день моего рожденія, къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ.

О лира, другъ мой неизмѣнный,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своей!
Съ тобой всегда я неразлученъ,
О лира милая моя!
Для одинокихъ міръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось,
Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ,
Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудитъ что-то рокъ?
Но я предъ нимъ не поблѣднѣю
Пусть будетъ то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьбѣ меня не устрашить.

Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной,
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!
На что чертогъ мнѣ позлащенный?
Простой, укромный уголокъ
Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бъ я свободнѣе дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой слухъ свой услаждалъ.

Вотъ все—я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай.
Я бурный міръ сей презираю.
О лира, другъ мой, утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи!
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь къ хижинѣ моей.

Тамъ, въ мірѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ.
Когда жъ придетъ намъ разставаться,
Не будемъ слезъ мы проливать;
Не долго на землѣ скитаться;
Друзья, увидимся опять.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ ИВ. ТУРГЕНЕВА.

О другъ мой! неужель твой гробъ передо мною?
Того ль несчастный я отъ рока ожидалъ?
Забывшись, я тебя безсмертнымъ почиталъ.
Святая благодать Предвѣчнаго съ тобою!
Покойся, милый прахъ! твой сонъ завиденъ мнѣ!
Въ семъ мірѣ безъ тебя, съ душою благъ лишенной,
Я буду странствовать, какъ въ чуждой сторонѣ;
Но долго ль слезы лить на пепелъ твой священный?
Ахъ, нѣтъ! пройдетъ и жизнь, ты будешь мой опять!
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая, прелестно ожиданье!
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!

КЪ К. М. С....ОЙ.

Протекшихъ радостей уже не возвратить;
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями!
Блаженство—наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ небо одарило.

1804.

—

Къ ***.

Увы! протекъ свинцовый годъ,
Годъ тяжкій горя, испытанья;
Но безразсудный, злобный рокъ
Не облегчилъ твои страданья.

Напрасно жалобной слезой
Смягчить старался Провидѣнье!
Оно не тронулось мольбой
И не смягчило чувствъ томленье!

Какъ хладной осени рука
Съ опустошительной грозою
Лишаетъ прелести цвѣтка
Своей безжалостной косою,

Такъ ты безжалостной судьбой
Лишенъ веселья въ жизни бренной.
Цвѣтокъ заблещетъ вновь весной,
Твое жъ страданье неизмѣнно.

ИЗЪ ДОНЪ-КИХОТА.

(Съ перевода Флоріана.)

1.

Кто счастливѣе въ подсолнечной
Донъ-Кихота и коня его?
Позавидуйте мнѣ, рыцари!
Здѣсь прелестнымъ я красавицамъ
Отдаю свои оружія;
Здѣсь прелестныя красавицы
О конѣ моемъ заботятся! (Часть 1, гл. 2.)

2. РОМАНСЪ.

Что пользы, Ниса, притворяться?
Твое презрѣніе—любовь!
Кто любитъ, какъ тому скрываться?
Онъ скажетъ все, не тратя словъ!
Встрѣчаюсь ли когда съ тобою,
Не смотришь на меня, молчишь;
Иду ли прочь, ты вслѣдъ за мною
Украдкой, милая, глядишь!
Мою ли пѣсенку читаешь,
Не скажешь ничего объ ней;
Себѣ лишь только измѣняешь:
О чемъ молчимъ, то намъ милѣй.
Всегда находишь извиненье,
Чтобъ не плясать нигдѣ со мной;
Не вѣрю, Ниса, принужденье!
Въ душѣ я предпочтенъ тобой!
Какая жъ польза притворяться
И сердце безъ любви морить,
Заранѣ съ жизнью разставаться?
Намъ дважды, милый другъ, не жить!

(Часть 1, гл. 11.)

3.

Какъ счастливъ тотъ, кто въ бурномъ свѣтѣ
Найдя спокойный уголокъ,
Имѣетъ тишину въ предметѣ,
Кому не страшенъ грозный рокъ.
Онъ солнце радостно встрѣчаетъ,
Не видитъ ночью страшныхъ сновъ,
Заботъ и горя не впускаетъ
Подъ свой уединенный кровъ.
Онъ веселъ, онъ не знаетъ скуки;
Науками питаетъ духъ;
Мірскихъ сиренъ волшебны звуки
Его не обольщаетъ слухъ.
Его владычество—природа;
Безмолвный лѣсъ—его чертогъ;
Его сокровище—свобода;
Бесѣда—тишина и Богъ!
И я симъ раемъ наслаждался,
Безпечно вѣкъ свой провождалъ,
Природой, тишиной плѣнялся,
И друга къ сердцу прижималъ.
Но, ахъ, я съ счастіемъ простился!
Узналъ любовь съ ея тоской—
И съ миромъ сердца разлучился!
Люблю—и гробъ передо мной! (Часть 1, гл. 14.)

4.

Надежда, говорятъ, любовь животворитъ
И вѣрность подкрѣпляетъ:
Часъ-отъ-часу сильнѣй любовь моя горитъ,
Надежды никакой не знаетъ.—
Но можетъ быть... Ахъ, нѣтъ! любви твоей желать
Твой плѣнникъ, Хлоя, не дерзаетъ;
Любить и слезы проливать,
Жестокая, и то блаженствомъ онъ считаетъ.

(Часть 2, гл. 23.)

5. СТИХИ ДОНЪ-КИХОТА.

Долины, мирные луга,
Пещеры дикія, пустыя,
Скалы угрюмыя, сѣдыя,
Потоковъ быстрыхъ берега,
Моимъ стенаніямъ внимайте!
О нѣжные друзья мои,
Печальнымъ эхомъ повторяйте
Упреки страждущей любви—
Тиранкѣ Дульцинеѣ!
Я міръ въ оковы заключилъ;
Гремѣлъ великими дѣлами;
Дивилъ геройства чудесами;
Но, ахъ, жестокой не смягчилъ!
Жестокая любви не знаетъ;
У ногъ ея лежитъ герой—
Она героя презираетъ,
Гнушается его тоской!
Тиранка Дульцинея! (Часть 2, гл. 26.)

6. РОМАНСЪ.

Голубокъ уединенный,
Что такъ невеселъ, унылъ?
Знать, съ подружкой разлученный,
Жизнь печальну полюбилъ.
Мы равны, мой другъ, съ тобою:
То же сердце, тотъ же рокъ;
Въ мірѣ я одинъ съ тоскою;
Ты грустишь и одинокъ.
Ты покинулъ лѣсъ зеленой,
Ты въ пустынѣ слезы льешь;
На скалѣ уединенной,
Другъ унылый, смерти ждешь.
Ахъ, и я въ тоскѣ сердечной
Жду ее и не дождусь!
Рокъ, тиранъ безчеловѣчной,
Скоро ль съ жизнью разлучусь?
Голубокъ, куда жъ ты скрылся;
Знать тебѣ наскучилъ я?
Ты сюда уединился,
Я вздохнулъ—ужъ нѣтъ тебя!
Завтра, какъ заря настанетъ,

Другъ мой, прилети сюда;
Взоръ твой друга не застанетъ:
Я увяну—навсегда! (Часть 2. гл. 27.)

7.

Вотще бѣжитъ злодѣй, вотще онъ жизнь скры-
Терзаемъ лютою тоской— [ваетъ!
Несчастный страждетъ, восклицаетъ:
Доколѣ съ сердцемъ я, мой судія со мной!
(Часть 3, гл. 35.)

8. пѣсня.

Ладьею легкой управляя,
Блуждалъ я по-морю любви,
То страхъ, то смѣлость ощущая,
Нигдѣ не открывалъ земли.
Одно прелестное свѣтило
Сіяло на пути моемъ;
Оно моей надеждой было,
Я видѣлъ путь, я плылъ по немъ.
Но, ахъ, съ тѣхъ поръ, какъ туча скрыла
Его сіянье отъ меня,
Съ тѣхъ поръ на небѣ нѣтъ свѣтила,
Съ тѣхъ поръ лишонъ надежды я!
Взойди опять, звѣзда златая,
И путь мой снова озаряй,
Меня отъ бури сохраняя,
Вовѣкъ, вовѣкъ не покидай. (Часть 3, гл. 43.)

9. пѣсня.

О ночь, какъ ты была прекрасна,
Когда подъ тѣнію твоей
Клялся я пламенно и страстно
Въ любви красавицѣ моей!
Но кратокъ сонъ любви счастливой!
Мнѣ день разстаться съ ней велѣлъ:
Подъ кровомъ ночи молчаливой
Я былъ и говорливъ и смѣлъ.
Сколь мракъ таинственный, священный,
Для сердца былъ краснорѣчивъ!
Я мнилъ, душою восхищенный,
Все спитъ, лишь я одинъ счастливъ!
Теперь, о ночь, я содрогаюсь
Подъ сѣнью тишины твоей!
Мнѣ кажется, одинъ скитаюсь
Я въ мірѣ съ мертвою душой. (Часть 4, гл. 10.)

10.

Залоги нѣжности моей,
Смотрю на васъ—и вспоминаю
О счастіи протекшихъ дней;
Смотрю—и слезы проливаю! (Часть 4, гл. 16.)

11. стихи лоренцо.

„Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!"
Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!
Вотъ всѣ сокровища душѣ моей священны:
„Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ!"
Толпы искателей, мечтами ослѣплены,
За счастіемъ бѣгутъ, но счастья нѣтъ для нихъ!
Блаженнѣе стократъ я въ горестяхъ моихъ,
„Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!"
Мнѣ тихій уголъ мой отъ бурь и бѣдъ покровъ!
Мірскія радости какъ тѣни пролетаютъ,
Намъ счастья не даютъ, но горе оставляютъ!
„Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!"
Дѣлить съ тобою жизнь, Эльвира, другъ безцѣнный,
Любовь, судьбу мою въ глазахъ твоихъ читать,
Бывъ счастливымъ вчера, на утро счастья ждать:
„Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны!"
Какъ чистый ручеекъ, сокрытый межъ цвѣтовъ,
Такъ жизнь моя пускай безвѣстно протекаетъ!
Чего желать тому, кто вами обладаетъ:
„Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ?.." (Часть 4, гл. 16.)

12. романсъ.

Что дѣлать, сердце, мнѣ съ тобою,
Какъ тайну мнѣ свою сокрыть,
Куда бѣжать съ моей тоскою,
Въ моей ли власти не любить.
Могу ль надеждой не плѣняться
И душу радостей лишать,
Могу ль отъ милой отказаться,
Любить—и ненависть казать.
Напрасно! Свѣтъ всѣ тайны знаетъ;
А я притворству не ученъ!
Таись иль нѣтъ—все увѣряетъ,
Что я Эльвирою плѣненъ.
Хочу ли не встрѣчаться съ нею,
Всегда навстрѣчу къ ней лечу;
Скажу ль ей слово—покраснѣю,
Глаза потуплю, замолчу.
Скрывать любовь—одно страданье;
Но пользы нѣтъ въ томъ никакой!
Во всемъ, во всемъ ея признанье,
Любовь сама предатель свой! (Часть 5, гл. 34.)

13. романсъ.

Лишь только роза расцвѣла,
Уже поблекла, опадаетъ;
Лишь только жить я начала,
Ужъ горе дни мои снѣдаетъ.
О дружба, миръ души моей,
Часы отрадные, прелестны,
Безпечность, рай протекшихъ дней,
Ужъ мнѣ вы болѣ неизвѣстны.
Онъ здѣсь, сей витязь, сей герой;
Но, ахъ, не рыцарская сила
Могла разрушить мой покой,

Меня души моей лишила.
  Прелестный, мужественный взоръ,
Ума, души образованье,
Пріятность, нѣжный разговоръ,
Вотъ все его очарованье!
  Могу ль я, лучшій изъ людей,
Молчать, таить свое мученье?
Одной отрадою моей
Твое осталось сожалѣнье! (Часть 5, гл. 37.)

14. РОМАНСЪ.

  Однажды богъ любви, съ Кипридой разлученный,
У свѣтлаго ручья въ лѣсочкѣ отдыхалъ.
Ребенокъ, случаемъ къ потоку приведенный,
Увидя спящаго, колчанъ его укралъ.
  Добычею гордясь и богомъ слыть желая,
Съ тѣхъ поръ себя вездѣ Амуромъ онъ зоветъ,
Толпой безсмысленныхъ кокетокъ управляя,
Онъ мыслитъ, что ему покоренъ цѣлый свѣтъ.
  Но, ахъ, съ Амуромъ онъ и сходства не имѣетъ.
Онъ вѣтренъ и жестокъ, и любитъ лишь себя;
Амуръ есть царь сердецъ, онъ ихъ судьбой владѣетъ,
Амуръ—безсмертный богъ, а этотъ—лишь дитя.
  Тотъ стрѣлы мѣткою рукою направляетъ
И въ сердце вѣчный огнь прямой любви родитъ;
А сей не цѣлится и на́-вѣтеръ стрѣляетъ,
Отъ легкихъ ранъ его минута исцѣлитъ,
Я бога богомъ чту, ребенка не страшуся;
Вѣдь богъ хранитель мой, такъ страшенъ ли дитя?
Амуру вѣрнымъ быть Клименѣ я клянуся;
Когда ее люблю, то богомъ раненъ я! (Ч. 6, гл. 39.)

15. РОМАНСЪ.

  Прости, герой! прости, любезной!
Бѣги, оставь сіи края;
О страшный часъ разлуки слезной!
Съ тобою жизнь теряю я.
  Прошли минуты наслажденій;
Ужъ болѣ счастья не видать;
О время сладкихъ восхищеній,
Придешь ли ты когда опять.
  Ахъ, нѣтъ! не буду веселиться
Ничѣмъ ужъ въ бѣдной жизни сей;
Навѣкъ съ нимъ должно разлучиться,
Но онъ не зритъ любви моей.
  Не зритъ сердечнаго терзанья,
Любовь героя не смягчитъ;
Съ холодностью, безъ состраданья
Меня покинуть онъ спѣшитъ.
  Покинь меня, покинь, жестокой!
Погибели моей творецъ!
Мое спокойство не далеко:
Увы, страданьямъ смерть конецъ! (Часть 6, гл. 47.)

16. ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь тотъ покоится, кто цѣлый вѣкъ скитался,
Былъ добрый человѣкъ и свято чтилъ законъ.
Когда бъ забавнѣйшимъ безумцемъ не былъ онъ,
Тогда бъ изъ мудрецовъ мудрѣйшимъ почитался.
(Часть 6, гл. 55.)

КЪ ПОЭЗІИ.

    Чудесный даръ боговъ!
О пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О прелесть тихая, души очарованье—
    Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье—
    Теряютъ ужасъ свой!
  Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
  Другъ Феба, съ ясною душой,
  Въ убогой хижинѣ своей,
  Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
  Поетъ, мечтаетъ... и блаженъ!
  И кто, и кто не оживленъ
  Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ
  Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ,
И неискусственной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И дымный свой шалашъ, и хладъ, и шумъ морей,
    И быстрый бѣгъ саней,
Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроногимъ.
  Счастливый жребіемъ убогимъ,
  Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами,
  Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
  Возы, скрипящи подъ снопами,
  И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,
    Въ кругу своихъ сыновъ,
  Съ напиткомъ пѣннымъ и кипящимъ,
    Онъ радость въ сердце льетъ,
  И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ...
Но вы, которыхъ лучъ небесный оживляетъ,
  Пѣвцы, друзья души моей!
Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте,
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!
  Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
  Герой, ко славѣ пробуженный,
  Дивитъ и потрясаетъ міръ!
  Да юноша воспламененный
  Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
  Алтарь отечества лобзаетъ,
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ
  Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!
  Но да обрушится вашъ громъ
  На сихъ жестокихъ и развратныхъ,

Которые, въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,
Невинность, доблести и честь поправъ но-
Дерзаютъ величать себя полубогами! [гами,
Друзья небесныхъ музъ! плѣнимся ль суетой?
Презрѣвъ минутные успѣхи—
Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный звонъ
Презрѣвши роскоши утѣхи, [пустой,
Пойдемъ великихъ по слѣдамъ!
Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою.
Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!
Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться
И униженіемъ Фортуну обольщать?
Потомство раздаетъ вѣнцы и посрамленье:
Дерзнемъ свой мавзолей въ алтарь преобра-
О слава! сердца восхищенье! [тить!
О жребій сладостный—въ любви потомства
жить!

1806.

ПѢСНЯ.

(Переводъ съ французскаго.)

Когда я былъ любимъ, въ восторгахъ,
въ наслажденьѣ,
Какъ сонъ плѣнительный, вся жизнь моя
текла;
Но я тобой забытъ—гдѣ счастья привидѣнье?
Ахъ, счастіемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ, тобою вдохновенный
Я пѣлъ; моя душа хвалой твоей жила!
Но я тобой забытъ—погибъ мой даръ мгно-
венный!
Ахъ, геніемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ, дары благодѣянья
Въ обитель нищеты рука моя несла!
Но я тобой забытъ—нѣтъ въ сердцѣ со-
страданья!
Ахъ, благостью моей любовь твоя была!

ОТРЫВОКЪ.

(Подражаніе.)

О, счастье дней моихъ! Куда, куда стре-
мишься?
Златая, быстрая фантазія, постой!
Неумолимая! Ужель не возвратишься?
Ужель навѣкъ?.. Летитъ, все манитъ за собой?
Сокрылись сердца привидѣнья!
Сокрылись сладкія души моей мечты!
Надежды смѣлыя, въ надеждахъ наслажденья!
Увы! прелестный міръ, разрушился и ты!
Гдѣ лучъ, которымъ озарялся
Путь юноши среди весеннихъ пылкихъ дней,
Гдѣ идеалъ святой, которымъ я плѣнялся?
О вы, творенія фантазіи моей!
Васъ нѣтъ, васъ нѣтъ! Существенностью злою
Что нѣкогда цвѣло столь пышно предо мною,
Что я божественнымъ, безсмертнымъ почи-
талъ,
Навѣкъ разрушено!—стремленіе къ блажен-
ству,
О вѣра, сладкая земному совершенству,
О жизнь, которою весь міръ я наполнялъ,
Гдѣ вы? Погибло все! погибъ творящій геній!
Погибли призраки волшебныхъ заблужденій!
Какъ нѣкогда Пигмаліонъ,
Съ надеждой и тоской объемля хладный камень,
Мечтая слышать въ немъ любви унылый стонъ,
Стремился перелить весь жаръ, весь страст-
ный пламень,
Всю жизнь своей души въ созданіе рѣзца,
Такъ я, воспитанникъ свободы,
Съ любовью, съ радостнымъ волненіемъ пѣвца,
Дышалъ въ объятіяхъ природы
И мнилъ бездушную согрѣть, одушевить!
Она подвиглась, воспылала!
Безмолвная могла со мною говорить,
И пламеннымъ моимъ лобзаньямъ отвѣчала!
. . . .

САФИНА ОДА.

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой пы-
лаетъ,
Кто прелестью твоихъ рѣчей обвороженъ,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхищаетъ;
Съ богами онъ сравненъ!

Когда ты предо мной, въ душѣ моей волненье;
Въ крови палящій огнь, въ очахъ померк-
нулъ свѣтъ,
Въ трепещущей груди и скорбь, и насла-
Ни словъ, ни чувства нѣтъ! [жденье;

Лежу у милыхъ ногъ, горю огнемъ желанья;
Блаженствомъ страстныя тоски утомлена;
Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы, безъ
И жизни лишена! [дыханья,

ИДИЛЛІЯ.

Подражаніе Шиллеру (Мина).

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла въ селѣ дѣвичьей красотой,
И кудри свѣтлыя цвѣтами убирала,
Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моей,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ
Алины.
Теперь... теперь прости, души моей покой!
Алина гордая столицы украшенье;
Увы! окружена ласкателей толпой,
За лесть ихъ отдала любви боготворенье,
За пышный злата блескъ душистые цвѣты;
Свирѣли тихій звукъ Алину не прельщаетъ;
Алина предпочла блаженству—суеты;
Собою занята, меня въ лицо не знаетъ.

ПРОЩАНЬЕ СТАРИКА.

Прости, мятежное души моей волненье,
Прости, палящій огнь цвѣтущихъ жизни лѣтъ,
Прости, безумное за славою стремленье,
Для васъ въ моей душѣ ни слезъ, ни вздоха
нѣтъ!

Мечты разрушены, исчезло привидѣнье!
Но ты, восторгъ души, всѣхъ буйныхъ
чувствъ покой,
О сладость тихая, о сердца восхищенье,
Тебя, любовь, тебя теряю со слезой!

ВЕЧЕРЪ.

Элегія.

Ручей, віющійся по свѣтлому песку,
Какъ тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!..
Приди, о муза благодатна,

Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ, съ цѣвницею
златой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей природы.

Какъ солнца за горой плѣнителенъ закатъ,
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
Багрянымъ блескомъ озаренны;

Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ къ
рѣкѣ,
И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами,
И, сѣти склавъ, рыбакъ на легкомъ челнокѣ
Плыветъ у брега межъ кустами;

Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
И веслами струи согласно разсѣкаютъ,
И, плуги обративъ, по глыбистымъ браздамъ
Съ полей оратаи съѣзжаютъ...

Ужъ вечеръ... облаковъ померкнули края;
Послѣдній лучъ зари на башняхъ умираетъ,
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.

Все тихо; рощи спятъ; въ окрестности покой;
Простершись на травѣ подъ ивой наклонен-
ной,
Внимаю, какъ журчитъ, сливаяся съ рѣкой,
Потокъ, кустами осѣненной.

Какъ слитъ съ прохладою растеній ѳиміамъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй пле-
сканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно надъ ручьемъ колышется трост-
никъ;
Гласъ пѣтела вдали—уснувши будитъ селы;
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
Въ лѣсу стенанье Филомелы...

Но что? Какой вдали мелькнулъ волшебный
лучъ?
Восточныхъ облаковъ хребты воспламени-
лись;
Осыпанъ искрами во тьмѣ журчащій ключъ;
Въ рѣкѣ дубравы отразились.

Луны ущербный ликъ встаетъ изъ-за хол-
мовъ...
О тихое небесъ задумчивыхъ свѣтило,
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ лѣ-
совъ,
Какъ блѣдно брегъ ты озлатило!

Сижу, задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоми-
наньемъ...
О, дней моихъ весна, какъ быстро скры-
лась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои!
Ужели никогда не зрѣть соединенья?
Ужель изсякнули всѣхъ радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья, о друзья, гдѣ нашъ священный
кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ?
Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ клятвы, данныя природѣ,

Хранить съ огнемъ души нетлѣнность брат-
скихъ узъ?
И гдѣ же вы, друзья? Иль всякъ своей тропою,
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душою,

Тащиться осужденъ до бездны гробовой!..
Одинъ—минутный цвѣтъ—почилъ, и непро-
будно,
И гробъ безвременный любовь кропитъ сле-
Другой... о небо правосудно!.. [зой,

А мы... ужель дерзнемъ другъ другу чужды
быть?
Ужель красавицъ взоръ, иль почестей исканье,
Иль суетная честь—пріятнымъ въ свѣтѣ слыть
Загладятъ въ сердцѣ вспоминанье

О радостяхъ души, о счастьи юныхъ дней,
И дружбѣ, и любви, и музамъ посвященныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть всякъ идетъ во слѣдъ
судьбѣ своей.
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ...

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы
природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!

Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,

Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!

Такъ, пѣть есть мой удѣлъ... Но долго ль?... Какъ узнать!...
Ахъ, скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

КЪ ЭДВИНУ.

(М. П. Юшкову.)

О юноша! лети подъ зоной отдаленной
Иныхъ друзей, надеждъ и радостей искать!
Ищи побѣдъ, толпой прелестныхъ окруженный!
Оставь, оставь меня въ печаляхъ увядать:
Ахъ! жить, дѣлясь съ тобой и сердцемъ и судьбою,
Сей жребій сладостный, сей даръ не для меня!
Но если не совсѣмъ отринута тобою,
Эдвинъ, не позабудь, не позабудь меня!

Когда жъ, быть можетъ, видъ любовницы въ страданьѣ
Нарушитъ тишину, мой другъ, души твоей,
Тогда протекшаго загладь воспоминанье,
Тогда спокой себя, тогда забудь о ней!
Но можетъ быть и то, что въ ужасахъ мученья,
Какъ благо будешь ждать рѣшительнаго дня,
Ждать будешь, но вотще, друзей и услажденья,
Тогда не позабудь, не позабудь меня!

ОТРЫВОКЪ

изъ делилева диѳирамба на безсмертіе души.

На лонѣ вѣчности безмолвной,
Въ непомрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, мощнаго рушителя міровъ,
Добра подвижниковъ спасаетъ,
И преступленье исторгаетъ
Изъ страшной пристани гробовъ!
Такъ, молній вѣчнаго надменный похититель,
О ты, кичащійся надъ скорбной правотой,
Земли ничтожный утѣснитель!
Страшись: безсмертье жребій твой.
А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
О жертва мирная, минутный гость земной,
Ты, странникъ, тайною рукою огражденный,
Страдалецъ, ободрись: безсмертье жребій твой.

***

Трехъ грацій древность признавала.
Тебя жъ, Эрминія, природа создала
На то, чтобъ грацій ты собою затмевала,
Для Грацій Граціей была.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Когда неопытной рукою
Играть на лирѣ я дерзалъ,
Ужель безсмертіемъ себя я обольщалъ?
Ахъ, нѣтъ! я лишь друзей хотѣлъ плѣнять игрою.
Но жребій мнѣ судилъ быть счастливымъ пѣвцомъ!
Не будетъ и моя теперь презрѣнна лира:
Досель незнаемымъ стихамъ моимъ, Темира,
Дастъ жизнь и славу твой альбомъ.

***

Прельщать поэзіей я дара не имѣю.
Другихъ бы могъ хвалить, тебя хвалить не смѣю.

***

Ты правъ, мой другъ, ты правъ—хвалить ее не смѣй!
Кто прелестей ея прямую цѣну знаетъ,
Тотъ можетъ ли найти языкъ приличный ей?
Онъ все: стихи, свой даръ, себя позабываетъ!

М. А. ПРОТАСОВОЙ.

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
Да будущаго мракъ тебя не устрашитъ!
Душа твоя чиста! ты счастія достойна!
Тебя Всевышній наградитъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Пускай бы за грѣхи доходъ нашъ убавлялся.
Такой переворотъ для Хама не печаль:
Онъ въ петлю собирался—
Попалъ бы въ госпиталь.

2.

Ты драму, Ѳефилъ, написалъ?
„Да, какъ же, удалась! какъ сыграна! не чаешь!

Хотя бы кто-нибудь для смѣха просвисталъ!"
И, Ѳефилъ, Ѳефилъ! какъ свистать, когда зѣваешь?

ЭПИТАФІЯ ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Здѣсь кончилъ вѣкъ Памфилъ, безъ толку одъ пѣвецъ!
Сей грѣшный человѣкъ, прости ему Творецъ,
По смерти жить сбирался,
Но заживо скончался.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Не знаю почему, по дружбѣ или такъ,
Папурѣ вздумалось меня визитомъ мучить!
Папура истинный чудакъ.
Скучаетъ самъ, чтобъ мнѣ наскучить.

2.

Съ повязкой на глазахъ за шалости Ѳемида!—
Ужъ наказаніе! Ужъ подлинно обида!
Когда вамъ хочется проказницу унять,
Такъ руки ей связать.

3.

О непостижное злорѣчіе уму!
Повѣрю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю самъ, что ты ихъ черные купила.

4.

Для Клима все какъ дважды два!
Горацій, Ксенофонтъ, Бова,
Ляляндъ и Гершель астрономы,
И Мирамондъ *) и Мушенброкъ
Ему, какъ носъ его, знакомы.
О всемъ кричитъ, во всемъ знатокъ.
Судить о музыкѣ начните—
Нашъ Климъ первѣйшій музыкантъ;
О торгѣ рѣчь съ ними заведите—
Онъ въ мигъ торгашъ и фабрикантъ.
Чего въ немъ нѣтъ? Онъ метафизикъ,
Платоникъ, коновалъ, маляръ,
Статистикъ, журналистъ, бочаръ,
Хирургусъ, проповѣдникъ, физикъ,
Поэтъ, каретникъ, то и то,
Климъ, словомъ, все, и Климъ—ничто.

5.

Сей камень надъ моей возлюбленной женой,
Ей тамъ, мнѣ здѣсь покой.

6.

Тримъ счастія искалъ ползкомъ и тихомолкомъ;
Нашелъ—и грудь впередъ, носъ вздернулъ, весь иной!
Кто втерся въ знатный чинъ лисой,
Тотъ будетъ въ этомъ чинѣ волкомъ.

7.

Ты сердишься за то, пріятель мой Гарпасъ,
Что сынъ твой по ночамъ сундукъ твой посѣщаетъ!
И философія издревле учитъ насъ,
Что скупость воровство рождаетъ.

8.

Испытанныхъ друзей для новыхъ забывать
Есть—цвѣтъ плоду предпочитать!

9. НОВОПОЖАЛОВАННЫЙ.

(Баварскому королю.)

„Пріятель, отчего присѣлъ?"
— Злодѣй корону на меня надѣлъ!
„Что жъ, я не вижу въ этомъ зла!"
— Охъ, тяжела!

10.

Румянъ французскихъ штукатурка;
Шатеръ—не шляпа на плечахъ,
Подъ шалью тощая фигурка,
Вихры на лбу и на щекахъ,
Одежды легкой подозрѣнье,
На перстнѣ въ десятъ кратъ алмазъ—
Все это, смертнымъ въ удивленье,
По свѣту возятъ напоказъ
Въ каретѣ модно-золоченой
И называютъ Альцидоной.

11.

У насъ въ провинціи нарядовъ нѣтъ Любови
По модѣ съ ногъ до головы:
Наколки, цвѣтъ лица, помаду, зубы, брови—
Все получаемъ изъ Москвы.

ЭПИГРАММЫ.

1.

„Скажи, чтобъ тамъ потише были!"
Кричитъ повытчику судья:
„Уже съ десятокъ дѣлъ рѣшили,
А ни единаго изъ нихъ не слышалъ я!"

2. НОВЫЙ СТИХОТВОРЕЦЪ И ДРЕВНОСТЬ.

(Переводъ съ французскаго.)

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
Какъ древность заворчитъ съ досадой: „что за диво!
Я то же до тебя сказала и давно!"
Смѣшна, беззубая! вольно
Ей послѣ не прійти къ невѣждѣ!
Тогда бъ сказалъ я то же прежде.

3.

Дидона, какъ тобой рука судьбы играла,
Какихъ любовниковъ тебѣ она дала!

---

*) Старинный русскій романъ Ѳ. Эмина.—*В. Ж.*

Одинъ скончался—ты бѣжала,
Другой бѣжалъ—ты умерла!

4.

Барма, нашедъ Ѳому чуть жива, на отходѣ,
—Скорѣе! закричалъ, изволь мнѣ долгъ платить!
Ужъ завтраковъ теперь не будешь мнѣ сулить!
„Охъ! братъ, хоть умереть ты дай мнѣ на свободѣ!"
—Вотъ, право, хорошо! хочу я посмотрѣть,
Какъ ты, не заплативъ, изволишь умереть!

5. НА ПРОСЛАВИТЕЛЯ РУССКИХЪ ГЕРОЕВЪ,

въ сочиненіяхъ котораго нѣтъ ни начала, ни конца, ни связи.

Миронъ схватилъ перо, надулся, пишетъ, пишетъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
„Пожарскій! Филаретъ, отечества отецъ!"
Поставилъ точку—и конецъ!

6. НА ЧИЧЕРИНА.

Сибири управленьемъ
Мой предокъ славенъ былъ,
А я судьбы велѣньемъ
Дормезъ себѣ купилъ.

СТАРИКЪ КЪ МОЛОДОЙ ПРЕКРАСНОЙ ДѢВУШКѢ.

(Мадригалъ.)

Какъ сладостно твоимъ присутствіемъ плѣняться,
И какъ опасно мнѣ словамъ твоимъ внимать!
Ахъ, поздно старику надеждой обольщаться,
Но поздно ль, не имѣвъ надежды, обожать?

АМИНА И ЭНДИМІОНЪ.

Амина, пріунывъ, сидѣла надъ рѣкою;
Подходитъ къ ней Эндиміонъ.
„Амина, говоритъ пастушкѣ нѣжно онъ:
Душа твоя полна сокрытою тоскою,
Конечно, чувствуетъ ту сладостную боль,
То сердца упоенье,
Съ которыми ничто, ничто нейдетъ въ сравненье,
Ни самый Божій рай! Любезная, позволь—
Неопытной твоей невинности въ спасенье—
Тебя, которыя невиннѣй въ мірѣ нѣтъ,
Заранѣ оградить отъ сей приманки лестной!
Зовутъ ее—любовь; подверженъ ей весь свѣтъ.
И ты—съ душой твоей прелестной!"
— Что слышу! страхъ какой!
Скажи жъ, Эндиміонъ, что чувствуетъ боль- [ной?
„Мученье несравненно!
Мученье—рай души; предъ нимъ и тронъ вселенной
Теряетъ весь свой блескъ, всѣ прелести свои.
Ты забываешься! ты въ сладостномъ волненьи,
Подъ сѣнію лѣсовъ, мечтаешь въ упоеньи.
Глядишь ли въ тихія источника струи,
Ты видишь не себя, ты видишь образъ тайный,
Всегда присутственный, повсюду спутникъ твой,
Единственный, весь міръ украсившій собою...
Въ деревнѣ есть пастухъ: узрѣвъ его случайно,
Краснѣешь, страстный жаръ въ душѣ твоей горитъ.
Отъ имени его, отъ пламеннаго взора,
Отъ приближенія, улыбки, разговора
Смущаешься, молчишь, но взоръ твой говоритъ.
Не видясь съ нимъ, невольно унываешь!
Боишься встрѣтиться — и встрѣчи тайно ждешь;
Вздыхаешь — отчего не зная—но вздыхаешь!.."
— И это, пастушокъ, любовью ты зовешь?
Воскликнула Амина:
Она извѣстна мнѣ! Прошедшею весной,
Что ты ни говорилъ, точь-въ-точь сбылось [со мной,
Когда узнала я Эсхина!—
Бѣднякъ Эндиміонъ! расчетъ не вѣренъ твой!
Давно пословица ведется:
„Готовишь для Петра—Ивану достается!"

ЭЛЬМИНА КЪ ПОРТРЕТУ СВОЕЙ МАТЕРИ,

писанному ея дочерью, которыхъ она въ одно время лишилась.

Мой жребій прежде былъ ихъ страстно обожать;
Теперь при сладостномъ душѣ изображеньи:
Подобіе одной, другой произведеньи,—
Живу, чтобы по нихъ погибшихъ унывать.
Священный, милый слѣдъ двухъ сердцу незабвенныхъ,
Послѣдній памятникъ столь ясныхъ жизни лѣтъ!
Питая скорбь объ нихъ, толь быстро похищенныхъ,
Ты счастье замѣнишь, котораго ужъ нѣтъ.

РУШЕ КЪ СВОЕЙ ЖЕНѢ И ДѢТЯМЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ,

посылая къ нимъ свой портретъ.

(Переводъ съ французскаго.)

О вы, которыя въ душѣ моей хранились!
Хотите ль знать, почто мой скорбный взоръ угасъ?
Когда подъ кистію черты сіи творились,
Я шелъ на эшафотъ, но сердцемъ былъ у васъ!

***

Плѣнять, а не любить—я нѣкогда искалъ,
Одно разсѣянье въ любви меня прельщало;
Но я съ разсѣяньемъ веселье чувствъ узналъ,
И чувствъ веселіе моимъ блаженствомъ стало.

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

ПѢСНЯ.

(Изъ Шиллера, III. 7.)

Дубрава шумитъ;
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь-бѣлу волнуютъ.

„Душа отцвѣла;
Природа уныла
Любовь измѣнила;
Любовь унесла
Надежду, надежду—мой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась:
Жила, и любила... и друга лишилась.

„Теките струей
Вы, слезы горючи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Ужъ болѣ не встрѣтить мнѣ радостныхъ дней;
Простилась, простилась я съ жизнью моей:
Мой другъ не воскреснетъ; что было, не будетъ...
И бывшаго—сердце вовѣкъ не забудетъ!

„Ахъ! скоро ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною—природы
Красы расцвѣтутъ.
Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ.
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась".

МОНАХЪ.

Тамъ, гдѣ бьетъ источникъ чистый
Въ берегъ свѣтлою волной,
Тамъ подъ рощею тѣнистой,
Съ томной, томною душой
Я грустилъ уединенный.
Тамъ прекрасную узрѣлъ!
Призракъ милый, но мгновенный,
Чуть блеснулъ и улетѣлъ.
Вслѣдъ за нимъ душа умчалась!
Съ той поры прости покой!
Жизнь изгнаніемъ казалась,
Келья бездной гробовой.
О страданье, о мученье!
Сладкій сонъ, возобновись;
Гдѣ ты, райское видѣнье?
Ангелъ Божій, воротись!..

Миръ лѣсовъ, дубравны сѣни,
Вѣчный мракъ ужасныхъ стѣнъ,
Старцы—горестныя тѣни,
Крестъ, обѣты—сердца плѣнъ,
Вы ли страсти усмиренье?
Здѣсь, въ могилѣ дней моихъ,
Въ Божества изображеньѣ
На обломкахъ гробовыхъ,
Предъ святыней преклоненный,
Въ самый жертвы страшный часъ—
Вижу образъ незабвенный,
Слышу сердцу милый гласъ!..

1807.

КЪ НИНѢ.

(Съ англійскаго.)

О Нина, о мой другъ! ужель безъ сожалѣнья
Покинешь для меня и свѣтъ и пышный градъ?
И въ бѣдномъ шалашѣ, обители смиренья,
На сельскій промѣнявъ блестящій свой нарядъ,
Неукрашóнная ни златомъ ни парчею,
Сіяя для пустынь невидимой красою,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелестъ слыла?

Ужель, направя путь въ далекую долину,
Назадъ не обратишь очей своихъ съ тоской?
Готова ль перенесть убожества судьбину,
Зимы жестокій хладъ, палящій лѣта зной?
О ты, рожденная быть прелестью природы!
Ужель, затворница въ весенни жизни годы,
Не вспомнишь сладкихъ дней, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелестъ слыла?

Ахъ! будешь ли въ бѣдахъ мнѣ вѣрная подруга?
Опасности со мной дерзнешь ли раздѣлить?
И, въ горькій жизни часъ, прискорбнаго супруга
Усмѣшкою любви придешь ли оживить?
Ужель, во глубинѣ души тая страданья,
О Нина! въ страшную минуту испытанья,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелестъ слыла?

Въ послѣднее любви и радостей мгновенье,
Когда мой Нину взоръ уже не различитъ,
Утѣшитъ ли меня твое благословенье,
И смертную мою постелю усладитъ?

Придешь ли украшать мой тихій гробъ цвѣтами?
Ужель, простертая на прахъ мой со слезами,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелестъ слыла?

НАДГРОБІЕ

ИВ. ПЕТРОВИЧУ И АНДРЕЮ ИВАНОВ. ТУРГЕНЕВЫМЪ.

Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ:
Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ любимый другъ;
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила;
А намъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
„Ихъ неутраченной любви не измѣнить;
Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними, совершить,
Чтобъ быть достойными объ нихъ воспоминанья,
Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ великій часъ свиданья".

1808.

СТИХИ, ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. Ѳ. С....ой.

О вы, которые въ молитвахъ и слезахъ
Тѣснились вкругъ моей страдальческой постели,
Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли,
О дѣти, о друзья! на мой спокойный прахъ
Придите усладить разлуку утѣшеньемъ.
Въ семъ гробѣ тишина; мой спящій взоръ закрытъ;
Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни мученьемъ,
И жизни тяжкій крестъ меня не бременитъ.
Спокойтесь, зря мою послѣднюю обитель!
Да мой достигнетъ къ вамъ изъ гроба тихій гласъ,
Да будетъ онъ моимъ любезнымъ утѣшитель.
Открыто мнѣ теперь все тайное для васъ;
Стремитесь мнѣ во слѣдъ съ сердечнымъ упованьемъ,
Хранимы Промысла невидимой рукой:
Онъ съ жизнью насъ миритъ безсмертья воздаяньемъ;
За гробомъ, милые, вы свидитесь со мной.

СТИХИ,

СОЧИНЕННЫЕ ДЛЯ АЛЬБОМА М. В. П.

Давно унизился поэзіи кредитъ!
И свѣтъ, безсмысленный правдивыхъ музъ ругатель,
Нескладной прозою давно намъ говоритъ:
„Поэтъ — и хитрый лжецъ и ложный предсказатель!"
Филлида, свѣтъ—софистъ! слова его—обманъ!
Дерзаю оправдать поэта важный санъ!

Когда нельстивыми, свободными стихами
Скажу, что милой быть имѣешь рѣдкій даръ,
Что Грацій нѣжными украшена цвѣтами,
Что блескъ твоихъ очей есть чувства тайный жаръ,
Что взглядъ твой—милыя души изображенье,
Что ты не хитростью плѣняешь—простотой,
Что непритворное немногихъ удивленье
Пріятнѣй для тебя блистанья предъ толпой,
Что искренней любви ты знаешь постоянство,
Что прелести твои, опасныя сердцамъ,
Лишь непорочности наружное убранство,
Что хитрою рукой ты жизнь даешь струнамъ,
Что въ танцахъ ты зефиръ, весельемъ окрыленный,
Что въ пѣньи побѣжденъ тобой весны пѣвецъ—
Тогда, гармоніей стиховъ моихъ плѣненный,
Свѣтъ скажетъ: онъ поэтъ! Итакъ—поэтъ не лжецъ!

Когда же, предузнавъ сокрытое судьбою
И снявъ съ ея лица магическій покровъ,
Я прорицателемъ предстану предъ тобою,
И смѣло предскажу, по праву всѣхъ пѣвцовъ:
„Достойной счастья быть—твое опредѣленье;
И розы для тебя безъ терна расцвѣтутъ!
Филлида, не страшись Сатурнова стремленья:
Пріятностей души лѣта не унесутъ!
Краса своей семьи, любимая друзьями,
Въ нихъ счастье ты найдешь, ихъ счастьемъ наградишь!
Ты состраданія всесильными слезами
Съ противною судьбой страдальца примиришь!
Безкровный отъ тебя въ тоскѣ не удалится;
И тамъ, гдѣ нищета въ терзаньяхъ жизнь клянетъ,
Приходъ твой съ именемъ Творца благословится!
Какъ сладкій, легкій сонъ, твой мирный вѣкъ пройдетъ!
И въ часъ послѣдняго съ друзьями разставанья,
Когда душа полна лишь скорбію одной,
Лишь упованіемъ на близкое свиданье,
Ты ясный кинешь взоръ на путь минувшій свой
И жизнь благословишь, какъ милость Провидѣнья,
Гдѣ все вело къ добру—и радость и тоска,
Гдѣ все Творцомъ—любви дано для наслажденья...
И взоръ тебѣ смежитъ возлюбленныхъ рука,
И меланхоліей задумчивой хранимый
(Какъ розы ароматъ, когда ужъ розы нѣтъ,
Какъ нѣжный блескъ зари, на тихомъ небѣ зримый),
Для нихъ не отцвѣтетъ твой милый, милый слѣдъ!.."

Тогда лишь истины пристрастный порицатель
Дерзнетъ сказать: поэтъ, ты ложный
предсказатель!

РАЗСТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННАГО СОГЛАСІЯ.

Жилъ мужъ въ согласіи съ женой,
И въ домѣ ихъ ничто любви не нарушало.
Ребенокъ, моська, котъ, сурокъ и чижъ ручной
Въ такомъ ладу, какого не бывало
И въ самомъ Ноевомъ ковчегѣ никогда.
Но вотъ бѣда!
Случился праздникъ—мужъ хлебнулъ, и въ
споръ съ женою!
Чѣмъ кончилось? Онъ далъ возлюбленной
толчка!
Жена—сѣчь сына; сынъ—бить моську; мось-
ка съ бою—
Душить и мять кота; котъ лапкою—сурка;
Сурокъ перекусилъ чижу съ досады шею!

Нерѣдко цѣлый край одинъ глупецъ смущалъ!
Нерѣдко безъ вины безсильный погибалъ
Во мзду могучему злодѣю!

БРУТОВА СМЕРТЬ.

Бомбастофилъ, творецъ трагическихъ уро-
довъ,
Изъ смерти Брутовой трагедію создалъ,
„Не правда ли, мой другъ,—Тиманту онъ
сказалъ,—
Что этотъ Брутъ дойдетъ и до чужихъ на-
родовъ?"
„Избави Богъ! твой Брутъ—примѣрный
патріотъ—
Въ отечествѣ умретъ!"

КЪ НИНѢ.

ПОСЛАНІЕ.

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели съ послѣднимъ дыханьемъ угаснетъ?
Душа, отлетая въ незнаемый край,
Ужели во прахѣ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась богамъ на землѣ?
Ужели въ минуту боренья съ кончиной,
Когда ужъ не буду горящей рукой
Въ слезахъ упоенья къ трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный, примѣта любви,
И тайныя страсти во взорахъ сіянье,
И тихіе вздохи и сладкая скорбь,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ стѣсненье,
Ужели, о Нина, всѣмъ чувствамъ конецъ?
Ужели ни тѣни земного блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возьмемъ?
Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трону лю-
бови?
И то, что питало въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Ужели то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь;
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать;
Я съ завистью буду—какъ бѣдный затвор-
никъ
Во мракѣ темницы о нѣжной семьѣ,
О прежнихъ весельяхъ родительской сѣни,
Прискобный, тоскуетъ, на цѣпи склонясь—
Смотрѣть, унывая, на милую землю.
Что въ вѣчности будетъ замѣной любви?
О! первыя встрѣчи небесная сладость—
Какъ тайныя, сердца созданья, мечты
Въ единый сліявшись плѣнительный образъ,
Являются смутнымъ весельемъ душѣ—
Унынія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ—души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки,
Ужель невозвратно васъ съ жизнью терять?
Ужели, приближась къ безмолвному гробу,
Гдѣ хладный навѣки безчувственный прахъ
Горѣвшаго прежде любовію сердца,
Мы будемъ напрасно и скорбью очей,
И прежде всесильнымъ любви призываньемъ
Въ безчувственномъ прахѣ любовь оживлять?
Ужель изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
Ужель пережившій одинъ сохранитъ
То чувство, которымъ такъ сладко дѣлился;
А прежній сопутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ жилъ,
Съ которымъ сливался тоской и блаженствомъ,
Исчезнетъ за гробомъ, какъ утренній паръ
Съ лучомъ, озлатившимъ его, исчезаетъ,
Разсѣянный легкимъ зефира крыломъ?..
О Нина, я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви;
Возлюбленный образъ съ душой неразлучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ—
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.
О Нина, быть можетъ, торжественный часъ,
Посланникъ разлуки, уже надо мною;
Ахъ! скоро, быть можетъ, погаснетъ мой
взоръ,
Къ тебѣ устремляясь съ послѣднимъ бли-
станьемъ;
Съ послѣднею лаской утихнетъ мой гласъ
И сердце забудетъ свой сладостный трепетъ—
Не сѣтуй, и вѣрой себя услаждай,
Что чувства нетлѣнны, что духъ мой съ тобою;
О сладость, о смертный, блаженнѣйшій часъ!
Съ тобою, о Нина, тѣснѣйшимъ союзомъ
Онъ страстную душу мою сопряжетъ.
Спокойся, другъ милый, и въ самой разлукѣ
Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
Въ часы испытанья и мрачной тоски,
Я въ образѣ тихой, небесной надежды,
Бесѣдуя скрытно съ твоею душой,

Въ прискорбную буду вливать утѣшенье;
Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
Отраду въ обитель недуга и скорби,
Я буду твой спутникъ, я буду съ тобой
Дѣлиться священнымъ добра наслажденьемъ;
И въ тихій, священный моленія часъ,
Когда на колѣняхъ, съ блистающимъ взоромъ,
Ты будешь свой пламень къ Творцу возсылать,
Быть можетъ тоскуя о другѣ погибшемъ,
Я буду молитвы невинной души
Носить въ умиленьи къ небесному трону.
О другъ незабвенный, тебя окруживъ
Невидимой тѣнью, всѣмъ тайнымъ движеньямъ
Души твоей буду въ весельи внимать;
Когда ты—плѣнившись потока журчаньемъ,
Иль блескомъ послѣднимъ угасшаго дня
(Какъ холмы объемлетъ задумчивый сумракъ
И, съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ, въ душѣ
О радостяхъ прежнихъ мечта воскресаетъ),
Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
Иль вѣющимъ съ луга душистымъ зефиромъ,
Несущимъ свирѣли далекія звукъ,
Иль стройнымъ бряцаньемъ полунощной арфы—
Нѣжнѣйшую томность въ душѣ ощутишь,
Исполнишься тихимъ, унылымъ мечтаньемъ
И, въ міръ сокровенный душою стремясь,
Присутствіе Бога, безсмертья награду,
И съ милымъ свиданье въ безвѣстной странѣ
Яснѣе постигнешь, съ живѣйшею вѣрой,
Съ живѣйшей надеждой отъ сердца вздохнешь...
Знай, Нина, что друга ты голосъ внимаешь,
Что онъ и въ весельи и въ тихой тоскѣ
Съ твоею душою сливается тайно.
Мой другъ, не страшися минуты конца:
Посланникомъ мира, съ лучомъ утѣшенья
Ко смертной постели приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящія смерти,
Не ужасъ могилы узришь предъ собой,
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій.

ПѢСНЯ.

„Роза, весенній цвѣтъ,
Скройся подъ тѣнь
Рощи развѣсистой;
Бойся лучей
Солнца палящаго,
Нѣжный цвѣтокъ!“
Такъ мотылекъ златой
Розѣ шепталъ.

Розѣ невнятенъ былъ
Скромный совѣтъ;
Роза плѣняется
Блескомъ однимъ!
„Солнце блестящее
Любитъ меня.
Мнѣ ли, красавицѣ,
Тѣни искать?“

Гордость безумная!
Бѣдный цвѣтокъ!
Солнце разсыпало
Гибельный лучъ;
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблекнули,
Запахъ исчезъ.

Дѣвица красная,
Нѣжный цвѣтокъ!
Розы надменныя
Помни примѣръ.
Машиной-душкою
Скромно цвѣти,
Съ мирной невинностью,
Цвѣтомъ души.

Данный судьбиною
Скромный удѣлъ,
Дѣвица красная,
Счастье твое!
Въ рощѣ скрываяся,
Ясный ручей,
Бури не вѣдая,
Мирно журчитъ.

ПѢСНЯ.

(М. А. Протасовой.)

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо—имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить—одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю;
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается;
Проснусь—и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь—мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце твой пріемлю гласъ;
Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ...
Восторги, кто постигнетъ васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь,
Тобою чувствую себя.
Въ тебѣ природѣ удивляюсь.
И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь—ахъ! я любить
Еще стократъ желалъ бы болѣ.

МАЛЬВИНА.

Пѣсня, съ французскаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты плѣненъ другою,
Мальвина вянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ:
Мнѣ свѣтъ прелестенъ былъ тобою;
Теперь—прости, прелестный свѣтъ!
Ахъ! не отринь любви моленья:
Приди... не сердце мнѣ отдать,
Но взоръ потухшій мой принять
Въ минуту смертнаго томленья.

Спѣши, спѣши! близка кончина;
Смотри, какъ въ часъ послѣдній свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдомъ, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безотвѣтный взглядъ,
Тебѣ, о милый, возвѣстятъ,
Что жизни кончилось страданье...

Ахъ, нѣтъ!... когда жъ Мальвины муку
Не услаждаетъ твой приходъ,
Когда хладѣющую руку
Она тебѣ не подаетъ,
Когда забытъ мой другъ единый,
Мой взоръ престалъ его искать,
Душа престала обожать:
Тогда—тогда ужъ нѣтъ Мальвины.

ГИМНЪ.

(Изъ поэмы Томпсона: „Времена года“.)

О Богѣ намъ гласитъ временъ круговращенье,
О благости Его—исполненный Имъ годъ.
Творецъ! в е с н а Твоей любви изображенье:
Воскреснули поля, цвѣтетъ лазурный сводъ;
Веселые холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ желаній тихій жаръ.
Ты въ л ѣ т ѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
То мирный, благостный, несешь намъ зрѣлость въ даръ,
То намъ благотворишь, сокрытый тучъ громадой.
И въ полдень пламенный, и въ ночи тихій часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, источниковъ съ прохладой,
Не Твой ли къ намъ летитъ любови полный гласъ?
Ты въ о с е н ь общій пиръ готовишь для творенья;
И въ з и м у, гнѣвный Богъ, на бурныхъ облакахъ.
Во ужасъ облеченъ, съ грозой опустошенья,
Паришь, погибельный, какъ дольный гонишь прахъ,
И вьюгу, и метель, и вихорь предъ собою;
Въ развалинахъ земля; природы страшенъ видъ;
И міръ, оцѣпенѣвъ предъ сильною рукою,
Хвалебнымъ трепетомъ Творца благовѣститъ.
О таинственный кругъ! какихъ законовъ сила
Сліяла здѣсь красу съ чудесной простотой,
Съ великолѣпіемъ пріятность согласила,
Со тьмою дивный свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье?
Почто жъ ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окрестъ себя руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ
И строемъ мирныхъ сферъ изъ тьмы недостижимой.
Она весной красу низводитъ на поля;
Ей жертва дымъ горы, перунами дробимой;
Предъ нею въ трепетѣ веселія земля.
Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ наша пѣснь чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, сліянны въ обожанье.
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!...
Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣтерокъ;
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Его привѣтствуйте таинственною мглою;
О Немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей свистъ,
Когда трепещетъ брегъ, терзаемый волною,
И сорванный съ лѣсовъ крутится клубомъ листъ;
Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
Съ лѣсистой крутизны ревущій водопадъ,
Рѣка, блестящая средь дебрей величаво,
Кристалломъ отразивъ на брегѣ пышный градъ,
И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь Тому, Чей бурь звучнѣйшій гласъ
Велитъ—и зыбь горой! велитъ—и зыбь равнина!
Вы, злаки, вы, цвѣты, лети къ Нему отъ васъ
Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье:
Онъ далъ вамъ ароматъ, Онъ васъ кропитъ росой,

Изъ радужныхъ лучей соткалъ вамъ одѣянье;
Предъ Нимъ утихни, долъ; поникни, боръ,
главой,
И жатва трепещи на нивѣ оживленной,
Плѣняя шорохомъ мечтателя своимъ,
Когда онъ при лунѣ, вдоль рощи озребренной,
Идетъ задумчивый, и тѣнь во слѣдъ за нимъ;
Луна, по облакамъ разлей струи златыя,
Когда и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ
спятъ;
Созвѣздій ликъ, сіяй средь тверди голубыя,
Когда струнами лиръ превыспреннихъ звучатъ
Воспламененные любовью серафимы;
И ты, свѣтило дня, смиритель бурныхъ тучъ,
Будь щедростію ликъ Творца боготворимый,
Ему живописуй хвалу твой каждый лучъ...
Се громъ!.. Владыки гласъ!.. безмолвствуй,
міръ смятенный!
Внуши... изъ края въ край по тучамъ гулъ
гремитъ;
Разрушена скала, дымится дубъ сраженный,
И гимнъ торжественный чрезъ дебри вдаль
паритъ...
Утихъ... красуйся, лугъ!.. привѣтственное
пѣнье,
Изникни изъ лѣсовъ; и ты, любовь весны—
Лишь полночь принесетъ пернатымъ усы-
пленье,
И тихій отъ холма возстанетъ рогъ луны—
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Филомела.
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ ангеловъ безсмертнаго удѣла,
Сочти безчисленны созданья чудеса,
И въ горнее пари, хвалой воспламененный.
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ небе-
самъ;
Да грады восшумятъ, мольбами оглашенны;
Да въ храмахъ съ алтарей возстанетъ ѳиміамъ;
Да грянутъ съ звономъ арфъ и съ ликами
органы;
Да въ селахъ, по горамъ, и въ сумракѣ лѣ-
совъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Одинъ составятъ гимнъ и гулъ отгрянетъ:
слава!
Будь, каждый звукъ, хвала; будь, каждый
холмъ, алтарь;
Будь храмомъ, каждая тѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ при-
роды царь
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ серафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть вѣтвей древесныхъ
зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льетъ.
А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О неиспытанный! мой пламень предъ Тобою!
Куда бъ ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ
кругу,
Тебя и въ знойный день, покрытый рощи
тѣнью,
И въ ночь, задумчивый, потока на брегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Куда бъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ,
И въ часъ торжественный полночнаго ви-
дѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ пер-
стамъ,
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣсно-
пѣнья—
Тебя велю искать я сердцу и очамъ.
Постигнешь ли меня гоненія рукою,
Тебя жъ благословитъ тоски молящій гласъ,
Тебя же обрѣту подъ грозной жизни мглою.
Ахъ! скоро ль прилетитъ послѣдній, скорб-
ный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣдѣнія тѣнь!
Откройся, тайныхъ брегъ, утраченныхъ оби-
тель!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь!

1809.

МОЯ БОГИНЯ.

(Подражаніе Гёте.)

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣзднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, строгими;
Но свѣжей гирляндою
Вѣнчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову
Богиню-фантазію.

Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго,
Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подчасъ утѣшается
Отъ скуки безсмертія;
Лелѣя съ усмѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богинею-радостью.

То въ утреннемъ вѣяньи,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,

Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваяся въ листики,
Пьетъ росу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ,
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное,
И любитъ прислушивать,
Какъ волны плескаются,
О камни дробимыя;
То внемлетъ, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣннолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера
(Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ,
И, сливши дрожащій лучъ
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и долъ
Туманнымъ сіяніемъ),
Играетъ съ Наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шопота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ,
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми;
Иль съ сонмами геніевъ,
Воздушною цѣпію
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима-видима,
По облакамъ носится,
И, къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины трепещущей.

Прославимъ создателя
Могущаго, древняго,
Зевеса, пославшаго
Намъ радость-фантазію;
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямыя—лучъ молніи,
Онъ далъ намъ въ ней счастіе,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,
Красой вѣчно-юную,
И съ нею насъ цѣпію
Сопрягъ нераздѣльною.
„Да будешь“, сказалъ онъ ей,
„И въ счастьи, и въ горести,
Имъ вѣрная спутница,
Утѣха, прибѣжище“.

Другія творенія,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалями смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ
Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью!..
Онъ далъ намъ сопутницу,
Игривую, нѣжную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дщерь свою
Богиню-фантазію!
Ласкайте прелестную;
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ!
Пускай почитается
Надъ нами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтобъ вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками;
Я знаю сестру ея
Степенную, тихую...
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,

Намъ твердость и мужество
И силу дающая,
Надежда отрадная!

ПѢСНЯ.

(Подражаніе нѣмецкой.)

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье—какъ и прежде;
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто, ввѣряяся надеждѣ,
Птичкой вслѣдъ за ней летитъ.

Такъ виляетъ по цвѣточкамъ
Златокрылый мотылекъ;
Лишь къ цвѣтку—прильнулъ къ листочкамъ,
Полетѣлъ—забылъ цвѣтокъ.
Сорвана его лилея—
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его—то и милѣе,
Грусть забвеньемъ лѣчитъ онъ.

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Не веселье—такъ, какъ прежде;
Кто улыбку позабылъ;
Кто, сказавъ „прости" надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ.

Для души моей плѣненной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненный;
Я—сорвать... но что же рокъ?
„Не тебѣ имъ насладиться;
Не твоимъ ему доцвѣсть!"
Ахъ, жестокій!.. чѣмъ же льститься?
Гдѣ подобный въ мірѣ есть?

ПЛАЧЪ ЛЮДМИЛЫ.

Подраженіе Шиллеру (Амалія).

Ангелъ былъ онъ красотою,
Маемъ кроткимъ взоръ блисталъ!
Все великою душою
Несравненный превышалъ!

Поцѣлуи—сладость рая,
Слитыхъ пламеней струя,
Горнихъ арфъ игра святая!
Небеса вкушала я!

Взоромъ взоръ, душа душою
Распалялись... все цвѣло!
Міръ сіялъ для насъ весною,
Все намъ радость въ даръ несло!

Непостижное сліянье
Восхищенья и тоски,
Нѣжныхъ ласкъ очарованье,
Огнь сжимающей руки...

Сердца сладостныя муки...
Все прости!... его уже нѣтъ!
Ахъ! прерви жъ печаль разлуки,
Смерть, души послѣдній свѣтъ?

СЧАСТІЕ.

(Изъ Шиллера.)

Блаженъ, кто богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ;
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца.
Великій, божественный жребій счастливца постигнулъ.
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ;
Любимецъ Хариты плѣняетъ, труда не пріемля.
Великимъ да будетъ, кто, собственной силы созданье,
Душою превыше и тайныя Парки и Рока;
Но счастье и Грацій улыбка не силѣ подвластны.
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ нисходитъ;
Какъ сердце любовницы, полное тайныя страсти,
Такъ всѣ громовержца дары неподкупны; единый
Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эрота и Зевса;
И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу:
Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго полный,
И волны власовъ, отѣнившихъ чело и ланиты,
Веселому чувствовать радость; слѣпымъ, а не зрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ;
Имъ милъ простоты непорочныя дѣвственный образъ;
И въ скромномъ сосудѣ небесное любитъ скрываться;
Презрѣньемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ;
Свободные, силѣ и гласу мольбы не подвластны.
Лишь къ избраннымъ—съ неба орлу-громоносцу Кроніонъ
Велитъ ниспускаться, да мчитъ ихъ въ обитель Олимпа;
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣтивъ любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою пристрастной

То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной повязку;
Лишь имъ предлетитъ стрѣлоносный сразитель Пиѳона,
Лишь имъ и Эротъ златокрылый—сердецъ повелитель;
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря къ брегу;
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гонимыхъ, изъемлетъ.
Надъ всѣмъ красота повелитель рожденный: подобіе бога—
Единымъ, спокойнымъ явленьемъ она побѣждаетъ.
Не сѣтуй, что боги счастливца некупленнымъ лавромъ вѣнчаютъ.
Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровенный Кипридой,
Исходитъ безвредно изъ битвы, летя насладиться любовью;
И менѣе ль славу Ахиллу, что онъ огражденъ невредимымъ
Щитомъ, искованьемъ Гефестова дивнаго млата,
Что смертный единый все древнее небо въ смятенье приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ въ союзѣ,
Что, гнѣвомъ его распаляся, любимцу во славу,
Элленовъ избраннѣйшихъ въ бездну Тенара низводятъ.
Пусть будетъ красою краса—не завидуй, что прелесть ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой;
Пусть будетъ блаженна, плѣняя; плѣняйся—тебѣ насладенье.
Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на избранныхъ сходитъ,
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невидимой арфы наполненъ:
Скрывающій бога въ душѣ претворенъ и для внемлющихъ въ бога;
Онъ счастливъ собою—ты, имъ наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай предъ зерцаломъ Ѳемиды вѣнокъ отдается заслугѣ,
Но радость лишь боги на смертное око низводятъ.
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и счастливца.
Все смертное прежде родится, растетъ, созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Крономъ;
Но счастія мы и красы никогда въ созрѣваньи не видимъ:
Отъ вѣка они совершенны во всемъ совершенствѣ созданья;
Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ обителей моря;
Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и шеломъ ополченна,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца родится.

КЪ ДЕЛІЮ.

(Подражаніе Горацію.)

Умѣренъ, Делій, будь въ печали,
И въ счастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ,
Хотя бъ заботы насъ томили,
Хотя бъ токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили—
Умремъ: такъ Діемъ суждено.
Неси жъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвій сплетаютъ кровъ,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ бреговъ,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышащія мигъ.
О Делій, годы невозвратны:
Играй, пока нить дней твоихъ
У черной Парки подъ перстами;
Ударитъ часъ—всему конецъ;
Тогда прости и лугъ съ стадами,
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье;
Играй, таковъ мой есть совѣтъ;
Не годы—жизнь, а наслажденье;
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ;
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ токомъ,
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ:
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но нежданный другъ.

НА СМЕРТЬ

СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

(Подражаніе.)

Едва съ младенчествомъ разсталась,
Едва для жизни расцвѣла,
Какъ непорочность улыбалась
И ангелъ красотой была.

Въ душѣ ея, какъ утро ясной,
Уже рождался чувства жаръ...
Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилѣ приготовилъ въ даръ.
И дни Творцу она вручила,
И очи свѣтлыя закрыла,
Не сѣтуя на смертный часъ.
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ;
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный Филомелы гласъ.

ПѢСНЬ АРАБА
надъ могилою коня.
(Изъ Мильвуа.)

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

О путникъ, со мною страданья дѣли:
Царь быстраго бѣга простертъ на земли;
И воздухомъ брани уже онъ не дышитъ;
И грознаго ржанья пустыня не слышитъ;
Въ стремленьи погибель его нагнала;
Вонзенная въ шею дрожала стрѣла,
И кровь благородна струею бѣжала,
И влагу потока струя обагряла.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Убійцу сразила моя булава;
На прахъ отдѣленна скатилась глава;
Желѣзо вкусило напитокъ кровавый,
И трупъ истлѣваетъ въ пустынѣ безъ славы...
Но спитъ онъ, со мною летавшій на брань;
Трикраты воззвалъ я: сопутникъ мой, встань!
Воззвалъ... безотвѣтенъ... угаснула сила...
И бранныя кости одѣла могила.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Съ того ненавистнаго, страшнаго дня
И солнце не свѣтитъ съ небесъ для меня;
Забылъ о побѣдѣ, и въ мышцахъ нѣтъ силы;
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый
Емена доселѣ драгіе края
Уже не отчизна могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой;
И мавра топтали могучи копыта;
И грудь отъ противныхъ была мнѣ защита;
Мой вѣрный соратникъ въ бою и трудахъ,
Онъ, бодрый, при первыхъ денницы лучахъ,
Стрѣлою, покоренъ велѣнію длани,
Леталъ на свиданья любови и брани.

О другъ! кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Ты спишь—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Ты видѣлъ и Зару—блаженны часы!—
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вѣроломны тебя величали,
И нѣжныя длани хребетъ твой ласкали;
Ахъ! Зара, какъ серна, стыдлива была:
Какъ юная пальма долины цвѣла;
Но Зара пришельца плѣнилась красою,
И скрылась...ты, спутникъ, остался со мною

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

О спутникъ! тоскуетъ твой другъ надъ тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупѣ воздремлемъ въ жилищѣ отрады;
Надъ нами повѣетъ дыханье прохлады;
И скоро, при гласѣ великаго дня
Изъ пыльнаго гроба исторгнувъ меня,
Величественъ, гордый, съ безсмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

КЪ ФИЛОНУ.
(Изъ Маттисона.)

Блаженъ, о Филонъ, кто Харитамъ-богинямъ жертвы приноситъ,
Какъ свѣтлые дни легкокрылаго мая въ блескѣ весеннемъ,
Какъ волны ручья, озаренны улыбкой юнаго утра,
Дни его легкимъ полетомъ летятъ.
И полный фіалъ, освященный устами дѣвъ полногрудыхъ,
И лира, въ кругу окрыляемыхъ пляской Фавновъ звеняща,
Да будутъ отъ насъ, до нисхода въ предѣлы тайнаго міра,
Граціямъ, дѣвамъ стыдливости, даръ.
И горе тому, кто Харитамъ противенъ; низкія мысли
Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу; богъ пѣснопѣнья
И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуютъ; напрасно лиру онъ строитъ:
Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

пѣсня.

(Изъ Шиллера.)

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я,
Все забыто было мною—
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ-дорогой—
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ,
Путь казался не далекъ.
„Странникъ, слышалось, терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ.

„Ты увидишь храмъ чудесной,
Ты въ святилище войдешь,
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все земное обрѣтешь".

Утро вечеромъ смѣнялось,
Вечеръ утру уступалъ,
Неизвѣстное скрывалось,
Я искалъ—не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины,
Здѣсь высокихъ горъ хребты,
Я взбирался на стремнины,
Чрезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною—
Водъ склоненье на востокъ,
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньи,
Предаю себя волнамъ,
Счастье вижу въ отдаленьи,
Все, что мило, мнится тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ,
Даль попрежнему въ туманѣ,
Брегъ невидимъ и далекъ.

И вовѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею...
Тамъ не будетъ вѣчно—здѣсь.

НА СМЕРТЬ

ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО *).

Еще великій прахъ... Неизбѣжный рокъ!
Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила;
О сколь разительный смиренія урокъ
Сія Каменскаго могила!

Не ты ль грядущее предъ нимъ окинувъ мглой,
Открылъ его очамъ стезю побѣдъ и чести?
Не ты ль его хранилъ невидимой рукой,
Разящаго перуномъ мести?

Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла смерть и брань;
Сомкнутые мечи на грудь его стремились—
Вотще! твоя надъ нимъ горѣ носилась длань...
Мечи хранимаго страшились.

И мнили мы, что онъ послѣдній встрѣтитъ часъ,
Простертый на щитѣ, въ виду побѣдныхъ строевъ,
И угасающій съ улыбкой вонметъ гласъ
О немъ рыдающихъ героевъ.

Слѣпцы!.. сей славы блескъ лишь бездну украшалъ;
Сей битвы страшный видъ и ратей низложенье,
Лишь гибели мечту очамъ его являлъ
И славной смерти привидѣнье...

Куда жъ твой тайный путь Каменскаго привелъ?
Куда, могущихъ вождь, тобой руководимый,
Онъ быстро посреди побѣдныхъ кликовъ шелъ?..
Увы!.. Предѣлъ неотразимый!

Въ сей таинственный лѣсъ, гдѣ стражъ твой обиталъ,
Гдѣ рыскалъ въ тишинѣ убійца сокровенный,
Гдѣ избранный тобой добычи грозно ждалъ
Топоръ разбойника презрѣнный...

*) Гр. Мих. Ѳедот. Каменскій былъ убитъ своимъ крестьяниномъ во время осмотра лѣса въ своемъ имѣніи, 12 августа 1809 г.

1810.

ДРУЖБА.

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на прахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый...
О дружба, это ты!

МОЯ ТАЙНА.

Вамъ странно, отчего во всю я жизнь мою
Такъ веселъ! Вотъ секретъ: вчера дарю забвенью,
Веселью—нынѣ отдаю,
А завтра—Провидѣнью.

ЦВѢТОКЪ.

(Романсъ съ французскаго.)

Минутная краса полей,
Цвѣтокъ увядшій, одинокой,

Лишенъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнетаетъ,
Съ тебя листочекъ облетѣлъ—
Отъ насъ веселье отлетаетъ.

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нѣтъ;
Звѣзда надежды угасаетъ...
Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ исчезаетъ?

ЖАЛОБА.

(Романсъ изъ Шиллера: „Юноша у ручья".)

Надъ прозрачными водами,
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ,
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.

„Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей;
Такъ всѣ радости земныя—
Цвѣтъ увядшій полевой.

„Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ.
Все воскреснуло съ весною,
Обновился Божій свѣтъ;
Я смотрю—и холмъ веселой
И поля омрачены;
Для души осиротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія весны.

„Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть одна во всей вселенной—
Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки;
Милый призракъ прочь летитъ.
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?"

ЖЕЛАНІЕ.

(Романсъ, изъ Шиллера.)

Озарися, долъ туманный;
Разступися, мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ...
Ахъ! зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поютъ согласны лиры,
Тамъ обитель тишины,
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны,
Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ,
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.

О предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна,
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ!
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу... гдѣ жъ вожатый?
Ѣдемъ!... будь, что суждено!...
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

ПѢВЕЦЪ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами,
Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя,
Чуть вѣтерокъ тамъ дышитъ межъ листами,
На вѣткахъ лира и вѣнецъ...
Увы, друзья! сей холмъ—могила;
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла.
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою,
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ:
Едва расцвѣлъ—и жизнь ужъ разлюбилъ,
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы...
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку,
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конецъ,
Твоя душа покой вкусила,
Ты спишь, тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
„О красный міръ, гдѣ я вотще расцвѣлъ,
Прости навѣкъ! съ обманутой душою
Я счастья ждалъ—мечтамъ конецъ,
Погибло все, умолкни лира,
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой,
Желать всякъ часъ и трепетать желанья...
О пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрный путь къ покою,
Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ?"

И нѣтъ пѣвца!.. его не слышно лиры...
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ,
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ,
И все молчитъ... лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

КЪ НЕЙ.

МАРЬѢ АНДРЕЕВНѢ ПРОТАСОВОЙ.

(Подражаніе Шиллеру.)

Имя, гдѣ для тебя?
Не сильно смертныхъ искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нѣтъ для тебя!
Что пѣсни? Отзывъ невѣрный
Поздней молвы объ тебѣ?
Если бъ сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ.

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ чистый, священный,
Въ сердцѣ, какъ тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна!

ЭПИМЕСИДЪ.

(Изъ Парни.)

„О жребій смертнаго унылый!
Твой путь, Зевесъ ему сказалъ,
Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ!—
Его уноситъ быстро время,
Врага въ прошедшемъ видитъ онъ,
Влачитъ заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осужденъ;
А счастье будущаго сонъ
Все далѣ, далѣ улетаетъ,
И въ гробѣ съ жизнью исчезаетъ,
И пусть случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной—
То въ безднѣ лучъ уединенной:
Онъ только бездну озаритъ.
О ты, который самовластно
Даришь насъ жизнію ужасной,
Зевесъ, къ тебѣ взываю я:
Пошли мнѣ даръ небытія!"

Въ странѣ, забвенной отъ природы,
Гдѣ мертвый разрушенья видъ,
Гдѣ съ ревомъ бьютъ въ утесы воды,
Такъ говорилъ Эпимесидъ.
Угрюмый, страшныхъ мыслей полный,
Онъ пробѣгалъ очами волны,
Онъ въ бездну броситься готовъ...
И грянулъ гласъ изъ облаковъ:
„Ты лжешь, хулитель Провидѣнья,
Богамъ любезенъ человѣкъ,
И благъ источникъ наслажденья;
Отринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви Творца роптаньемъ".
Эпимесидъ простерся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ упованьемъ,
Съ благословеньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутова.
Два мѣсяца не протекли—
На берегъ онъ приходитъ снова.
„О небеса! вы отвели
Меня отъ страшной сей пучины:
Хвала вамъ! тайный перстъ судьбины
Уже мнѣ друга указалъ.
О, сколь безумно я роптадъ!
Не дремлютъ очи Провидѣнья,
И часто посреди волненья
Оно являетъ пристань намъ;
Мы живы подъ Его рукою,
И смертный не къ однѣмъ бѣдамъ
Приходитъ трудною стезею".
Умолкъ—и видитъ: не вдали
Цвѣтетъ у брега миртъ зеленый,
На брата юнаго склоненный,
И бури вѣтви ихъ сплели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Ликъ дружбы, въ честь благимъ богамъ.

Проходитъ годъ—опять онъ тамъ;
Во взорахъ счастіе пылаетъ;
Гименовъ на челѣ вѣнокъ.
„И я винилъ въ безумствѣ рокъ!
И я терялъ къ безсмертнымъ вѣру!
Они послали мнѣ Глисеру;
Люблю, о сладкій жизни даръ!
О, какъ мнѣ весь передъ богами
Излить благодаренья жаръ?"
Онъ палъ на землю со слезами;
Потомъ подъ юными древами,
Гдѣ дружбы ликъ священный былъ,
Любви алтарь соорудилъ.

Свершился годъ—съ лучомъ Авроры
Опять пришелъ онъ на утёсъ,
И свѣтлые сіяли взоры
Святымъ спокойствіемъ небесъ
„Хвала вамъ, боги; вашей властью
Узналъ въ любви и въ дружбѣ я
Всѣ наслажденья бытія;

Но вы открыли путь ко счастью,
Проклятье дерзостнымъ хуламъ,
Произнесеннымъ въ изступленьѣ!
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье,
Но можемъ быть равны богамъ".
И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помостъ изъ дерна и цвѣтовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью,
Гдѣ былъ алтарь сооруженъ...
И на простомъ фронтонѣ онъ
Изобразилъ: благотворенью.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ,

ВЛЕТѢВШЕМУ ВЪ ЕГО ТЕМНИЦУ.

(Изъ Местра.)

Откуда ты, эѳира житель?
Скажи, нежданный гость небесъ,
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ мою печальную обитель?
Увы! денницы милой свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты—
Тебя примчало сожалѣнье;
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
Надежда ясная влетѣла
Въ темницу къ узнику съ тобой.

Скажи жъ, любимый другъ природы,
Всѣ тѣ же ль неба красоты?
По прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль рощи? Ясны ль воды?
По прежнему ль въ тиши ночной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видалъ ли на лугахъ,
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ! зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все та же ль тамъ краса природы?
Все такъ ли тамъ, какъ въ старину?

Весна сихъ сводовъ не видала:
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала,
Не долетаетъ къ симъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стенанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ.

Лети жъ, лети къ свободѣ въ полѣ;
Оставь сей бездны глубину;
Спѣши прожить твою весну—
Другой весны не будетъ болѣ;
Спѣши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти—твои оковы;
Твоя темница—небеса.

Будь веселъ, гость мой легкокрылый,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ...
Быть можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ! если бъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышитъ вами!
Но... ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Моихъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушной,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать—
Ты будешь путь ихъ услаждать
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣдній щитъ:
Они страдальцу Провидѣнье;
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдитъ.

Падутъ желѣзные затворы—
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры...
Но что?.. Я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ-обольститель;
Вспорхнулъ эѳирный посѣтитель...
Постой!.. но онъ ужъ улетѣлъ.

МЕЧТЫ.

(Пѣсня, изъ Шиллера.)

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, постой!
О дней моихъ весна златая,
Постой... тебѣ возврата нѣтъ...
Летитъ, молитвѣ не внимая;
И все за ней помчалось вслѣдъ.

О! гдѣ ты, лучъ, путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?

Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты...
Добыча истинѣ унылой—
Призраковъ прежнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ—
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И мертвый былъ одушевленъ—
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И, юноши дѣля желанье.
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть;
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытой,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ...
Но, ахъ! сколь мало въ немъ развито!
И малое—сколь бѣдный цвѣтъ!

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою,
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Заботъ не связанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путемъ.
Желанье было—исполненье;
Успѣхъ отвагу пламенилъ:
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ее воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ с ч а с т і е ключомъ,
И с л а в а съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ и с т и н а лучомъ.

Но, ахъ!.. еще съ полудороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги...
За роемъ вслѣдъ умчался рой.
Украдкой с ч а с т і е сокрылось;
Измѣной з н а н і е ушло;
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной и с т и н ы чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный с л а в у похищалъ;
И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ л ю б в и увялъ.
И все пустынно, тихо стало
Окрестъ меня и предо мной!
Едва н а д е ж д ы лишь сіяло,
Свѣтило надъ моей тропой.

Но кто жъ изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожатой,
Участникъ радостей и бѣдъ?...
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ муракѣ милый свѣтъ,
Ты, д р у ж б а, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ.

И ты, товарищъ мой любимый,
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, т р у д ъ неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И, силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

НАДПИСЬ КЪ СОЛНЕЧНЫМЪ ЧАСАМЪ
въ саду И. И. Дмитріева.

И часъ, и день, и жизнь мелькаютъ быстрой тѣнью!
Прошла моя весна, съ минутной красотой;
Прости, любовь! конецъ мечтамъ и заблужденью!
Лишь дружба мирная съ улыбкой предо мной!..

1811.

СТИХИ
при посылкѣ комедій, которыя к*** хотѣли играть.

Вотъ вамъ, прелестныя сестрицы,
Дюваль, и съ нимъ какой-то Г о с о ъ-С т е п а п ъ *).
Взявъ на себя чужія лицы,
На часъ введите насъ въ обманъ—
Что будто вы не вы; мы будемъ любоваться,
Увидя невзначай переодѣтыхъ васъ;
Но помните, что это лишь д л я г л а з ъ,
И что вамъ надобно тѣмъ, что вы есть. остаться,
Чтобъ быть прелестными д л я г л а з ъ и д л я д у ш и.
А л л е г р о милая, будь весела, какъ радость,
Храни безпечную, святую сердца младость
И, горя не узнавъ, свой жребій соверши.
Смотря, какъ съ жизнію невинно ты играешь,

*) Gausse-Etienne.

Невольно сердце вслѣдъ увлечено,
Какъ-будто самъ навѣрно знаешь,
Что жизнь и счастіе—одно!
О Пенсероза, ты у входа въ свѣтъ,
какъ геній,
Стоишь плѣнительна; высокою душой
Цѣнишь манящіе призраки наслажденій;
И кажется, что все угадано тобой.
Ты создана быть выше свѣта;
И что бъ ни привели съ собой грядущи лѣта,
Не въ жизни будешь ты прекраснаго искать,
Но все прекрасное ты жизни дашь собою.
„Не измѣнись"—тебѣ не нужно мнѣ сказать;
Твой ангелъ прелести—съ то-
бою!

ДОБРАЯ МАТЬ.

Богъ въ міръ ее послалъ
Себѣ на прославленье.
„Будь скорбнымъ Провидѣнье!"
Создавъ ее, сказалъ:
„Кто, счастія лишенъ,
Назвалъ его мечтою,
Да будетъ здѣсь тобою
Съ надеждой примиренъ".

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаетъ,
И снова обрѣтаетъ
Онъ добродѣтель въ ней.

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?
Двухъ ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли слезъ
Ее не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
„Не скрывайся!" я взывалъ,
Непреклонная сокрылась,
Якорь былъ—и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою,
Всколыхалися валы,
Бездны въ мракѣ предо мною,
Вкругъ ужасныя скалы.
„Нѣтъ надежды на спасенье!"
Я ропталъ, унывъ душой...
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.

Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою
И грозящія скалы,
Мощный велъ меня хранитель.
Вдругъ—все тихо! мракъ исчезъ,
Вижу райскую обитель...
Въ ней трехъ ангеловъ съ небесъ.

О спаситель-Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ,
На колѣняхъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышитъ
И невинностью святой.

Неиспытанная радость,
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость—мнѣ страданье;
Но... не дай ихъ пережить.

ПРОСТИ.

Друзья! прости—словцо святое!
Оно не значитъ розно жить;
Напротивъ—неразлучнѣй быть
Воспоминаніемъ и старой дружбой вдвое!

Сказавъ „прости" моимъ друзьямъ,
Себя отъ нихъ не отдѣляю,
Въ одномъ лишь словѣ заключаю
И благодарность къ нимъ, и вѣру къ ихъ
сердцамъ!

Прости—надежды милый гласъ,
Предвозвѣщающій свиданье!
Въ минуту скорби—упованье
На восхитительный вознагражденья часъ!

Того ужаснаго прости,
Которое жестокой силой
Творитъ чужимъ, что было мило,
Не дай намъ никогда, Творецъ, произнести!

Прости—святое завѣщанье
Быть вмѣстѣ даже и вдали,
Залогъ бродящихъ на земли
Путями разными—на вѣрное свиданье.

Никто: „прости и жизнь и свѣтъ!"
Сказать не можетъ безъ волненья,
Но то лишь знакъ переселенья
Въ тотъ край, гдѣ о „прости" ужъ и по-
мина нѣтъ.

1812.

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА,

ИЛИ СИЛА ГАРМОНІИ.

(Изъ Драйдена.)

По страшной битвѣ той, гдѣ царь Персиды палъ,
Оставя рать, вѣнецъ и жизнь въ кровавомъ полѣ,
Возвышенъ возсѣдалъ,
Въ сіяньи на престолѣ,
Красою богъ, Филипповъ сынъ.
Кругомъ вождей и ратныхъ чинъ,
Вѣнцами розъ главы увиты:
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани знаменитый!
Таиса близъ царя сидитъ,
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза, юный цвѣтъ ланитъ,
И полонъ страсти взоръ стыдливой.
Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!

И зрѣлся Тимотей среди поющихъ клира;
Летали персты по струнамъ,
Какъ вихорь, мощный звонъ стремился къ небесамъ,
Звучала радостію лира.

Отъ Зевса пѣснь ведетъ пѣвецъ:
О власть любви! Боговъ отецъ,
Свои покинувъ громы, съ трона,
Подъ дивнымъ образомъ дракона,
Нисходитъ въ міръ; дугами вьетъ
Огнечешуйчатый хребетъ;
Въ немъ страсти пышитъ вожделѣнье:
Къ Олимпіи летитъ, къ грудямъ ея приникъ,
Обвилъ трикраты станъ—и вотъ Зевесовъ ликъ!
Вотъ новый царь землѣ! Зевесово рожденье!
И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличъ шумный: „царь нашъ богъ!" И старъ и младъ воспрянулъ.
И звучно: „царь нашъ богъ!" по сводамъ отзывъ грянулъ.
Царь славой упоенъ;
Зритъ звѣзды подъ стопою;
И мыслитъ—онъ Зевесъ;
И движетъ онъ главою,
И мнитъ—подвигнулъ сводъ небесъ.

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
Грядетъ, грядетъ веселый богъ,
Всегда прекрасный, вѣчно-юный;
Звучи, кимвалъ; раздайся, рогъ;
Нашъ Бахусъ свѣтлый, сановитый;
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты;

Звучи, труба! грядетъ, грядетъ!
Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьетъ;
Кипитъ въ ней пламень сладострастный.
Пей, воинъ! даръ тебѣ сосудъ.
О Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ.

И царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ рати къ бою;
Трикраты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Трикраты плѣнный брошенъ въ плѣнъ.

Пѣвецъ зритъ гнѣва пробужденье
Въ сверканіи очей, во пламени ланитъ,
И небу и землѣ грозящу ярость зритъ...
Онъ струны укротилъ; ихъ заунывно пѣнье;
Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ,
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась.
Онъ Дарія поетъ: царь добрый! царь великій!
Кто равенъ съ нимъ?.. Но рокъ свой грозный судъ послалъ;
Онъ палъ, онъ страшно палъ;
Нѣтъ Дарія-владыки.
Въ кипящей зыблется крови,
Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ,
Нѣтъ въ мірѣ для него любви,
Хладѣетъ на песчаномъ полѣ;
Гдѣ другъ—глаза ему смежить
И прахомъ сирую главу его покрыть?

Сидѣлъ герой съ поникшими очами;
Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ
Стези судьбы, играющей царями;
За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ,
И пролилась печаль его слезами.

И дивный пѣснопѣвецъ зритъ,
Что жаръ любви уже горитъ
Въ душѣ, вкусившей сожалѣнья,
И пѣснь взыгралъ онъ наслажденья:
Проснись, лидійскій брачный гласъ;
Проникни душу, пламень сладкой;
О витязь! жизнь крылатый часъ;
Мы радость ловимъ здѣсь украдкой;
Летучей пѣны клубъ златой,
Надутый пышно и пустой—
Вотъ честь, надменныхъ душъ забава;
Народамъ казнь героевъ слава.
Спѣши быть счастливъ, богъ земной;
Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой;
Къ тебѣ ласкается очами;
Въ груди желанья тайный жаръ;
И дышитъ страсть ея устами.
Вкуси любовь—безсмертныхъ даръ!
Возсталъ отъ сонма кличъ и своды возстенали:
„Хвала и честь любви! пѣвцу хвала и честь!"
И полонъ сладостной печали,
Очей не можетъ царь задумчивыхъ отвесть
Отъ дѣвы, страстью распаленной;
Блаженъ своей тоской; что взглядъ, то нѣжный вздохъ;
Горитъ и гаснетъ взоръ, желаньемъ напоенный,
И, томный, палъ на грудь Таисы полубогъ.

Но струны грянули подъ сильными перстами;
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ
падшій громъ;
Звучнѣй, звучнѣй; поднялся царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ нѣги сладкій сонъ;
Исчезла прелесть вожделѣнья,
И слухъ его разитъ тяжелый, дикій стонъ:
Сынъ брани, мщенья! мщенья!
Покорствуй гнѣву Эвменидъ;
Се дѣвы казни! страшный видъ!
Смотри! смотри! межъ волосами
Ихъ змѣи страшныя шипятъ,
Сверкаютъ грозными очами,
Зіяютъ, жалами блестятъ...
Но что? Тамъ блѣдныхъ тѣней лики;
Воздушный полкъ на облакахъ;
Несутся; свѣточи въ рукахъ;
Ихъ грозенъ видъ; ихъ взоры дики;
То воины твои... сраженнымъ въ битвѣ нѣтъ
Послѣдней дани погребенья;
Пустынный вранъ ихъ трупы рветъ,
И воютъ: мщенья! мщенья!
Бѣжитъ отъ ихъ огней пожаръ по небесамъ;
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещутъ;
Туда погибель мещутъ;
Къ мечамъ! бойницы въ прахъ! огню и домъ и
И сонмы всколебались къ брани; [храмъ!..
На щитъ и мечъ упали длани;
И царь—погибельный свѣтильникъ воспалилъ.
О горе, Персеполь! грядетъ владыка силъ;
Таиса, вождь герою,
Елена новая, зажжетъ другую Трою.

Такъ древней лиры гласъ—когда еще молчалъ
Органа мѣхъ чудесный—
Перстамъ послушный, оживлялъ
Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства жаръ
прелестный.
Но днесь другую жизнь гармоніи дала
Сесилія, творецъ органа.
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Протяжность съ быстротой, звонъ лиры, громъ
тимпана
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ. О древнихъ лѣтъ
пѣвецъ,
Клади къ ея стопамъ заслугъ твоихъ вѣнецъ...
Но нѣтъ! вы равны вдохновеньемъ!
Имъ—смертный къ небу вознесенъ;
На землю ангелъ низведенъ—
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ.

КЪ РОДНЫМЪ,

при посылкѣ портрета.

Вотъ вамъ стихи и съ ними мой портретъ.
О милые, сей бѣдный даръ примите
Въ залогъ любви. Меня ужъ съ вами нѣтъ;
Но вы мой путь, друзья, благословите.
Вы скажете: печаленъ образъ мой;
Увы! друзья, въ то самое мгновенье,
Какъ въ пламенномъ Маньяни вдохновеньѣ
Преображалъ искусною рукой
Веленевый листокъ въ лицо поэта,
Я мыслію печальной былъ при васъ,
Я проходилъ мечтами прежни лѣта
И предо мной мелькалъ разлуки часъ.
Куда ведетъ меня мой рокъ, не знаю;
И если бъ онъ мнѣ выбрать волю далъ
Мой путь, друзья, не тотъ бы я избралъ;
Но съ Промысломъ судиться не дерзаю:
Пусть будетъ то, что свыше суждено;
Готовъ на все... условіе одно:
Чтобъ вы, рукой Всесильнаго хранимы,
Въ сей бурѣ бѣдъ остались невредимы.

КЪ ПОРТРЕТУ А. И. ПЛЕЩЕЕВУ.

Мой, нѣжной дружбою написанный портретъ
Тебѣ какъ даръ любви въ сей день я посвящаю:
Мой другъ, тобой однимъ я прелесть дружбы
А безъ тебя—и счастья нѣтъ. [знаю,

ПѢСНЯ

въ веселый часъ.

Вотъ вамъ совѣтъ, мои друзья,
Осушимъ, идя въ бой, стаканы.
Съ однимъ не пьяный слажу я,
Съ десяткомъ уберуся пьяный!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Такъ! чудеса вино творитъ.
Кто пьянъ, тому вселенной мало,
Въ умѣ онъ—самъ всего дрожитъ,
Сошелъ съ ума—все задрожало!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Не воинъ тотъ въ моихъ глазахъ,
Кому бутылка не по нраву;
Онъ видитъ лишь въ сраженьи страхъ;
А пьяный въ немъ лишь видитъ славу!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Друзья, вселенная красна!
Но ежели разсудимъ строго,
Найдемъ, что мало въ ней вина,
И что воды ужъ слишкомъ много!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Такъ! если Богъ не сотворилъ
Стихіей влагу драгоцѣнну,
Онъ осторожно поступилъ—
Мы осушили бы вселенну!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

1813.

ЭЛИЗІУМЪ.

(Пѣсня изъ Маттисона.)

Роща, гдѣ податель мира
Добрый геній смерти спитъ,
Гдѣ румяный блескъ эѳира
Съ тѣнью зыбкихъ сѣней слитъ,
Гдѣ источника журчанье,
Какъ далекій отзывъ лиръ,
Гдѣ печаль, забывъ роптанье,
Обрѣтаетъ сладкій миръ:

Съ тайнымъ трепетомъ, смятенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,
Входитъ въ сумракъ твой Психея;
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенѣя,
Развила она крилѣ.

Полетѣла въ тихомъ свѣтѣ,
Съ обновленною красой
Въ долъ туманный, къ тайной Летѣ;
Мнилось, легкою рукой
Геній влекъ ее незримый;
Видитъ мирные луга;
Видитъ Летою кропимы
Очарованны брега.

Въ ней надежда, ожиданье;
Наклонилася къ водамъ,
Усмиряющимъ страданье...
Ликъ простерся по струямъ;
Такъ безоблаченъ играетъ
Въ морѣ мѣсяцъ молодой,
Такъ въ источникѣ сверкаетъ
Факелъ Геспера златой.

Лишь ф'алъ воды забвенья
Поднесла къ устамъ она—
Дней минувшихъ привидѣнья
Скрылись легкой тѣнью сна
Заблистала, полетѣла
Къ очарованнымъ холмамъ,
Гдѣ журчатъ, какъ Филомела,
Свѣтлы воды по цвѣтамъ.

Все въ торжественномъ молчаньѣ.
Притаились вѣтерки;
Лавровъ стихло трепетанье;
Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало все творенье—
Море, воздухъ, берегъ дикъ—
Зря пѣнистыхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Авроры!
Никогда такой красой
Не сіяли рощи, горы,
Обновленныя весной;
Мирты съ зыбкими листами
Тонутъ въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣтлыми звѣздами
Отразилися въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
Въ лѣсъ Карійскій проникалъ
Гдѣ ловитвой утомленный
Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣнивый ропотъ,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Разливался въ лѣсѣ шопотъ:
Пробудись, Эндиміонъ!

ПѢСНЯ.

(Подражаніе нѣмецкой.)

О милый другъ, теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость,
Въ душѣ не измѣнись, достойна счастья будь...
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли—ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ.
Но и въ дали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ, тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла,
Туда всечасное влечетъ меня желанье,
Тамъ свидимся опять, тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабудь.

УЕДИНЕНІЕ.

(Отрывокъ.)

Дружись съ уединеньемъ!
Изнѣженъ наслажденьемъ,
Сынъ свѣта незнакомъ
Съ симъ добрымъ божествомъ,
Ни труженикъ унылый,
Безмолвный рабъ могилы,
Презрѣвшій Божій свѣтъ
Степной анахоретъ.
Ужаснымъ привидѣньемъ
Предъ ихъ воображеньемъ
Является оно:
Какъ тьмой облечено,
Одеждою печальной,
И къ урнѣ погребальной
Приникшее челомъ;
И въ сумракѣ кругомъ,
Объятъ безмолвной думой,
Совѣтъ его угрюмой:
Съ толпой видѣній страхъ,
Унылое молчанье
И мрачное мечтанье
Съ безуміемъ въ очахъ,
И душъ холодныхъ мука,
Губитель жизни скука...
О! видъ совсѣмъ иной
Для тѣхъ оно пріемлетъ,
Кто зову сердца внемлетъ,
И съ мирною душой,
Младенецъ простотой,
Вслѣдъ Промысла стремится,
Ни свѣта, ни людей,
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
Отъ нихъ не ожидаетъ,
А въ сердцѣ заключаетъ
Прямой источникъ благъ.
Съ улыбкой на устахъ,
На дружественномъ лонѣ
Подруги-тишины,
Въ сіяніи весны,
Простертое на тронѣ
Изъ лилій молодыхъ,
Какъ райское видѣнье,
Себя являетъ ихъ
Очамъ Уединенье;
Вблизи подъ сѣнью миртъ
Кружится рой Харитъ,
И пляску соглашаетъ
Съ струнами Аонидъ;
Смотря на нихъ, смягчаетъ
Наука строгій видъ;
При ней сынъ размышленья
Съ веселымъ взглядомъ трудъ—
Въ рукѣ его сосудъ
Счастливаго забвенья
Сразившихъ душу бѣдъ,
И радостей минувшихъ,
И сердце обманувшихъ
Разрушенныхъ надеждъ;
Тамъ зрится отдыхъ ясный,
Труда веселый другъ,
И сладостный досугъ,
И три сестры, прекрасны,
Какъ юная весна:
Вчера-воспоминанье,
И нынѣ-тишина,
И завтра-упованье;
Сидятъ рука съ рукой:
Та съ розой мододой,
Та съ розой облетѣлой,
А та, мечтой веселой
Стремяся къ небесамъ,
Въ ихъ тайну проникаетъ
И, радуясь, сливаетъ
Невѣдомое намъ
Въ магическое—тамъ!

СИРОТКА.

Романсъ *).

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье—спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой:
Ее грядущее страшило...
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О ты, святое Провидѣнье,
Въ твоемъ владѣньи нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ—заблужденье;
Всегда къ добру твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита;
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье...
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.

О Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь ты!

И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:

---

*) Трогательное происшествіе подало поводъ написать эти стихи. Одна забывчивая мать оставила своихъ дѣтей (трехъ дочерей) въ Москвѣ, при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостію посторонняго бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ была принята въ семейство Анны Иван. Плещеевой, которая пеклась объ ней съ материнскою нѣжностію и не рознила ее ни въ чемъ съ собственными дѣтьми своими. Другія двѣ были возвращены матери.— *В. Ж.*

Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель....
Имъ былъ Всевышній предводитель,
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О ты, святое Провидѣнье,
Сколь намъ твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье,
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя, гроза прошла,
Ужасный громъ ударилъ мимо,
Тебя мать добрая нашла
На мѣсто матери родимой;
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта...
Молись же, чтобъ Творецъ защита
Былъ той, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье,
Прими ее подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье—
Ея дѣтей благослови.

ПѢСНЯ МАТЕРИ
НАДЪ КОЛЫБЕЛЬЮ СЫНА.
(Изъ Беркеня.)

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Когда отецъ твой обольстилъ
Меня любви своей мечтою,
Какъ ты, плѣнялъ онъ красотою,
Какъ ты, онъ простъ, невиненъ былъ!
Ввѣрялось сердце безъ защиты,
Но онъ невѣренъ, мы забыты.

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Когда покинетъ легкій сонъ,
Утѣшь меня улыбкой милой;
Увы, такой же сладкой силой
Повелѣвалъ душѣ и онъ.
Но сколь онъ зналъ, къ моей напасти,
Что все его покорно власти!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Мое онъ сердце распалилъ,
Чтобы сразить его измѣной;
Почто жъ своею перемѣной
Онъ и его не измѣнилъ?
Моя тоска неутомима;
Люблю, хотя и не любима.

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Его краса въ твоихъ чертахъ;
Открытый видъ, живые взоры;
Его услышу разговоры
Я скоро на твоихъ устахъ!
Но, ахъ, красой очарователь,
Мой сынъ, не будь, какъ онъ, предатель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Въ слезахъ у люльки я твоей,
А ты съ улыбкой почиваешь.
О дай, Творецъ, да не узнаешь
Печаль подобную моей.
Отъ милыхъ горе нестерпимо;
Да пройдетъ страшный жребій мимо!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Навѣкъ для насъ пустыня свѣтъ,
Къ надеждѣ намъ пути закрыты;
Когда единственнымъ забыты,
Намъ сердца здѣсь родного нѣтъ.
Не намъ весселіе земное;
Во всей природѣ мы лишь двое!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Пойдемъ, мой сынъ, путемъ однимъ,
Двѣ жертвы рока злополучны;
О, будемъ въ мірѣ не разлучны,
Сноснѣй страданіе двоимъ!
Я нѣжныхъ лѣтъ твоихъ хранитель,
Ты мнѣ на старость утѣшитель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

РАЙ.

Есть старинное преданье,
Что навѣки рай земной
Загражденъ намъ въ наказанье
Непреклонною судьбой;
Что дверей его хранитель
Ангелъ съ пламеннымъ мечомъ;
Что путей въ сію обитель
Никогда мы не найдемъ.

Нѣтъ, друзья, вы въ заблужденьи!
Есть на свѣтѣ Божій рай!
Есть! и любитъ Провидѣнье
Сей подобный небу край.
Тамъ невидимъ грозный мститель
Ангелъ съ пламеннымъ мечомъ—
Тамъ трехъ ангеловъ обитель,
Данныхъ міру божествомъ.

Не страшитъ, но привлекаетъ
Ихъ понятный сердцу взоръ;
Сколь улыбка ихъ пылаетъ,
Сколь ихъ сладокъ разговоръ.
Въ ихъ пріютѣ неизвѣстно—
Что порокъ, что суета;
Непорочностью небесной
Ихъ прекрасна красота!

Ты, который здѣсь уныло
Совершаешь путь земной,
Къ нимъ прійди—ихъ образъ милой
Примиритъ тебя съ судьбой.
Ахъ, друзья, кто здѣсь ихъ знаетъ,
Кто ихъ чувствуетъ душой,
Тотъ отдать не пожелаетъ
За небесный рай—земной!

СВѢТЛАНѢ.

Хочешь видѣть жребій свой
Въ зеркалѣ, Свѣтлана!
Ты спросись съ своей душой!
Скажетъ безъ обмана,
Что тебѣ здѣсь суждено.
Намъ душа—зерцало;
Все въ ней, все заключено,
Что намъ обѣщало
Провидѣнье въ жизни сей!
Милый другъ, въ душѣ твоей,
Непорочной, ясной,
Съ восхищеньемъ вижу я,
Что сходна судьба твоя
Съ сей душой прекрасной!

Непорочность спутникъ твой
И веселость—геній
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденій.
Лишь тому, въ комъ чувства нѣтъ,
Путь земной ужасенъ,
Счастье въ насъ, и Божій свѣтъ
Нами лишь прекрасенъ.
Милый другъ, спокойна будь,
Безопасенъ здѣсь твой путь:
Сердце твой хранитель!
Все судьбою въ немъ дано:
Будетъ здѣсь тебѣ оно
Къ счастью предводитель.

ОБѢТЪ.

Путь жизни мнѣ открытъ
И вождь мой Провидѣнье!
Твое благословенье
Надежнѣйшій мнѣ щитъ!
Хранитель геній мой,
Другъ вѣрный, неизмѣнный
Будь образъ твой священный
Повсюду предо мной.

Я съ именемъ твоимъ
Готовъ летѣть за славой;
Опасность чту забавой,
Тобой животворимъ.
Достойнымъ въ жизни быть
Любви твоей священной—
Обѣтъ сей неизмѣнной
Клянуся сохранить

Ты будешь всѣхъ моихъ
Сокрытыхъ мыслей зритель,
Печали ободритель,
Причина дѣлъ благихъ.
Какихъ искать наградъ
Съ душою чистой, правой?
Мнѣ будь наградой, славой
Твой благодарный взглядъ.

ПЕРВОЕ ІЮНЯ 1813.

Вспомни, вспомни, другъ мой милой,
Какъ сей день пріятенъ былъ!
Небо радостно свѣтило;
Мнилось, цѣлый міръ дѣлилъ
Наслажденіе съ мною.
Годъ минувшій—тяжкій сонъ!
Смутной, горестной мечтою
Безъ возврата скрылся онъ.

Снова день сей возвратился,
Снова въ сердцѣ тишина;
Видъ природы обновился,
И душа обновлена.
Что прошло—тому забвенье!
Вѣрный другъ души моей,
Насъ хранило Провидѣнье;
Тотъ же съ нами кругъ друзей!

О сопутникъ мой безцѣнный!
Мысль, что въ мірѣ ты со мной,
Неразлучный, неизмѣнный
Будь хранитель въ жизни мой!
Въ ней тобою все мнѣ мило,
Въ самой скорби страха нѣтъ!
Небо насъ соединило;
Мы вдвоемъ покинемъ свѣтъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЖИЗНИ.

Что когда бъ одни влачились
Мы дорогою земной
И нигдѣ на ней не льстились
Повстрѣчать души родной?
И отъ странствія, друзья,
Отказался бъ лучше я.

Что тогда красы творенья
Въ нашихъ были бы глазахъ?
На источникъ наслажденья
Мы смотрѣли бы въ слезахъ,
И веселья милый гласъ
Былъ бы жалобенъ для насъ!

Кто отрадными устами
Намъ „терпѣніе!" сказалъ?
Кто бъ насъ братскими руками
Утомленныхъ поддержалъ?
Кто бъ въ опасный, страшный часъ
Былъ покровъ и щитъ для насъ?

И безрадостно бъ, уныло
Наша вся дорога шла!..
Отчего жъ намъ жить такъ мило;
Чѣмъ дорога весела?
О друзья, то сердца гласъ:
Провожаютъ братья насъ!

МОЛИТВА ДѢТЕЙ.

О, не отринь, Отецъ небесный, насъ!
Всѣ объ одномъ тебя мы умоляемъ,
Одно для насъ желанье въ этотъ часъ:
Храни ее, тебѣ ее вручаемъ.

Твоей любви законъ мы видимъ въ ней,
Ея любовь нашъ кругъ одушевляетъ,
И счастіе ея священныхъ дней
Сопутницей-звѣздой для насъ сіяетъ.

О спутникъ нашъ, да твой отрадный свѣтъ
Во всемъ, во всемъ надъ нами не затмится!
О царь судьбы, одинъ отъ насъ обѣтъ:
Храни ее, въ ней наше все хранится.

1814.

ПИСЬМО КЪ ***.

Я самъ, мой другъ, не понимаю,
Какъ можно рѣдко такъ писать
Къ друзьямъ, которыхъ обожаю,
Которымъ все бы радъ отдать!..
Подруга дѣтскихъ лѣтъ, съ тобою
Бываю сердцемъ завсегда
И говорить люблю мечтою...
Но говорить перомъ—бѣда!
День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги—чернилица съ перомъ!
Сидѣть, согнувшись, за столомъ
И чтобъ открыть души движенья,
Перо въ чернила помакать,
Написанное же засыпать
Скорѣй пескомъ для сбереженья—
Все это, признаюсь, мнѣ адъ!
Что ясно выражаетъ взглядъ
Иль голоса простые звуки,
То на бумагѣ, невпопадъ,
Для услажденія разлуки,
Должны въ опредѣленный день
Мы выражать перомъ!.. А лѣнь,
А мрачное расположенье,
А сердца тяжкое стѣсненье
Всегда ль даютъ свободу намъ
То мертвымъ повѣрять строкамъ,
Что въ глубинѣ души таится?
Неволи мысль моя страшится;
Я авторъ—но писать лѣнивъ!
Зато всегда, всегда болтливъ,
Когда твои воображаю
Столь драгоцѣнныя черты,
И самъ себѣ изображаю
Столь нѣжно мной любима ты.
Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и разсудокъ мой!
О сколь ты даромъ обладаешь
Быть милой для твоихъ друзей!
Когда письмо твое читаю,
Себя я лучше ощущаю,
Довольный участью своей,
И будущихъ картина дней
Передо мной животворится,
И хоть на мигъ единый мнится
Что въ жизни все имѣю я;
Любовь друзей—судьба моя.
Храни, о другъ мой неизмѣнный,
Сей для меня залогъ священный!
Пиши—когда же долго нѣтъ
Письма отъ твоего поэта,
Все вѣрь, что другъ тебѣ поэтъ,
И жди съ терпѣніемъ отвѣта!

КЪ 16 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА.

Прелестный день, не обмани!
Тебя встрѣчаю я съ волненьемъ.
О, если бъ жизни приношеньемъ
Я сдѣлать могъ, чтобъ оны дни,
Летящи слѣдомъ за тобою,
Ей все съ собою принесли!...
Мой другъ, кто любимъ судьбою
Тебя достойнѣй на земли?

29 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА.

Когда бъ родиться въ свѣтъ и жить,
Лишь значило: пойти въ далекій путь безъ цѣли
Искать безвѣстнаго, съ надеждой—не найтить,
И отъ младенческой спокойной колыбели
До колыбели гробовой,
Бѣжавши за мечтой,
Остановиться тамъ, и взоры обративши,
Спросить съ уныніемъ: зачѣмъ пускался въ путь?
Потомъ, забвенію свой посохъ посвятивши,
На ложѣ тишины уснуть—
Тогда бы кто считалъ за праздникъ день рожденья?
Но жребій мнѣ иной!
Мнѣ ангелъ мой хранитель,

Твой видъ принявъ, сказалъ: я другъ на-
вѣки твой!
Въ семъ словѣ все сказалъ небесный утѣ-
шитель;
Въ семъ словѣ цѣль моя, надежда и вѣнецъ!
Благодарю за жизнь, Творецъ!

КЪ А. П. КИРѢЕВСКОЙ.

Сей памятникъ объ немъ мнѣ дорогъ въ
день рожденья.
Пусть нашу дружбу онъ тѣснѣе укрѣпитъ,
И насъ, до встрѣчи съ нимъ въ странѣ
соединенья,
Еще блаженныхъ здѣсь земнымъ блажен-
ствомъ зритъ.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты унываешь о дняхъ, невозвратно про-
текшихъ,
Горестной мыслью, тоской безнадежною ихъ
призывая—
Будь настоящее твой утѣшительный геній!
Вѣря ему, свой день проводи безмятежно!
Легкимъ полетомъ несутся дни быстры жизни!
Только успѣемъ достигнуть до полныя зрѣ-
лости мыслей,
Только увидимъ достойную цѣль предъ
очами—
Все ужъ для насъ и прошло, какъ мечта
сновидѣнья,
Призракъ фантазіи, то представляющій взору
Лугъ, испещренный цвѣтами, веселые холмы,
долины;
То пролетающій въ мрачной одеждѣ печали
Дикую степь, лѣса и ужасныя бездны.
Слѣдуй же мудрымъ! Всегда неизмѣнной
душою,
Что посылаетъ судьба принимай и не сѣтуй!
Безумно,
Скорбью безплодной о благѣ навѣки погиб-
шемъ,
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!

ВЪ АЛЬБОМЪ
АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ПРОТАСОВОЙ.

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,
Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
Когда лелѣютъ насъ магическіе сны;
Тогда съ небесъ къ твоей спокойной колыбели
Святыя радости подругами слетѣли—
Ихъ рой сномъ утреннимъ кругомъ тебя игралъ;
И ангелъ прелести, твоя родня, съ
любовью
Незримо къ твоему приникнулъ изголовью,
И никогда тебя съ тѣхъ поръ не покидалъ.
Лѣта прошли—твои всѣ спутники съ тобою;
У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душою
Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
Я на тебя смотрю съ веселіемъ унылымъ;
Тѣснишься въ сердце ты изображеньемъ
милымъ
Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало...
О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! Желать—безжалостно ты
учишь;
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни
мучишь.

БИБЛІЯ.
(Изъ Фонтана.)

Кто сердца не питалъ, кто не былъ
восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ евреямъ вдохновен-
ной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ—
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Тамъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іор-
дана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана
Живетъ восторгъ; туда, туда спѣши, пѣвецъ;
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ
предъ тобою,
И мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ.
И слова дивнаго прекрасное рожденье.
Се первый человѣкъ; вкусилъ минутный
сонъ—
Подругу сладкое даруетъ пробужденье.
Уже съ невинностью блаженство тратитъ онъ;
Поверженъ праведникъ—о грозный Богъ! о
мщенье!
Потоки хлынули... земли преступной нѣтъ;
Одинъ путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
Ивъ немъ съ надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенныхъ
Іаковъ, Авраамъ, восторженный мой взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать, могущихъ и смирен-
ныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумя-
щихъ стадъ;
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ,
Сколь на востокѣ намъ вашъ славный слѣдъ
сіяетъ!...
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной?
Но сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нила;
Напрасно злобы сѣть невинному грозила;
Живъ Богъ—и онъ спасенъ! О сладкія съ то-
Прекрасный юноша, мы слезы проливали [бой,
И нѣтъ тебя... увы! на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ

Скорбятъ... но небеса склонились къ ихъ печали;
Кто ты, спокойное дитя средь шумныхъ волнъ?
Онъ, онъ, евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель—
Спѣши, о дочь царей, спасай чудесный челнъ;
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться губитель!
Въ сей колыбели скрытъ Израиля предѣлъ.
Раздвинься, море... пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхѣ зрѣлъ,
Не на твою ль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Скажу ль—и дивный столпъ, въ день мрачный, въ ночь горящій,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее внезапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ руки Сампсона храмъ дрожащій,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?..
Но что? Рука Судей Израиль угомила;
Неблагодарнымъ въ казнь—Царей послалъ Творецъ;
Саулъ помазанъ—палъ—и пастырю вѣнецъ;
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, левиты? Ждетъ божественный строитель;
Стеклись... о торжество! храмъ вѣчный заложенъ.
Но что? Ужъ десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!..
Падите, идолы! разсыпьтесь въ прахъ, божницы!
Въ блистаньи Илія на небо воспарилъ!..
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ...
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы;
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ—
И въ часъ показанный народы исчезаютъ.
Увы! Сидонъ, навѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!..
Какіе вопли токъ Эвфрата возмущаютъ [гахъ,
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ бре-
Іуда, ободрись: восходитъ день спасенья!
Смотри: сія рука, разитель преступленья,
Тирану пишетъ казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ.
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами;
Се Эздра, Маккавей съ могущими сынами;
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пеленахъ.

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость...

Все тѣ жъ берега и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ на-
Остался на брегѣ Алфея. [деждъ,

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!“
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ—
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ—
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ?—

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
„Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна.

„О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ
Я видѣлъ земное блаженство. [мечтахъ

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—

„Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

„Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

„Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душою.

„О, нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ.

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ.
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

„Сей гробъ затворенная къ счастію дверь;
Отворится... жду и надѣюсь.
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

„О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и [свѣтъ;
Дай руку; близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу-Зевесу!“

1815.

СТАНСЫ.

(Въ альбомъ графини О. П.)

Можно ль въ жизни молодой
Сердце мучить лживой тѣнью?
Нѣтъ, считай мечту мечтой,
Остальное жъ—Провидѣнью.

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.

Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ—
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.

Волны плещутъ на челнокъ—
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Челнъ, ударясь у бреговъ
Объ утесы, развалился,
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.

Челнъ забытъ.... а гибель, страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ.
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.

Вотъ примѣръ! Безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ;
Правитъ челнъ нашъ Провидѣнье.

Здѣсь стезя твоя вѣрна;
Меньше, чѣмъ другимъ, опасна;
Жизнь красой души красна,
А твоя душа прекрасна.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

(Изъ Шиллера.)

Не узнай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?..
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья;
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на землѣ великое не тщетно;
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ;
О милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ—начатое вдвоемъ.

ПѢСНЯ.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
Прошлою весною
Здѣсь поилъ ее потокъ
Свѣжею струею...
Нѣтъ ея; весна прошла,
И фіалка отцвѣла.

Розы были тамъ въ сѣни
Рощицы тѣнистой;
Оживляли долъ они
Красотой душистой...
Лѣто быстрое прошло,
Лѣто розы унесло.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривый
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой...
Пламень лѣта былъ жестокій;
Истощенный смолкъ потокъ.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Рощица, бывало,
Въ зной пріютъ давала намъ...
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь нерѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался...
Нѣтъ его, пѣвецъ увялъ
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ.

КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРУ

Б. В. ПОЛУЕКТОВУ.

На выступленіе въ походъ 1815 г. 17 февраля.

Нашъ кульмскій богатырь, ура! счастливый путь!
Лети съ полками въ поле брани,
Сбирай съ покорной славы дани,
И новые кресты нанизывай на грудь.
Твоя судьба—парить подъ небомъ за орлами,
А наша—за твое здоровье робко пить,
Хвалить исподтишка дѣла твои стихами
И вслухъ тебя любить.

КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ,

въ отвѣтъ на лестную отъ нея похвалу.

Хваля стихи пѣвца, ты насъ сама плѣняешь
Гармоніей стиховъ;
И, славя скудный даръ его, лишь убѣждаешь,
Что твой, а не его, родной языкъ боговъ.

стихи, вырѣзанные на гробѣ

А. Д. ПОЛТОРАЦКОЙ.

Какъ радость чистая, сердца влекла она:
Какъ непорочная надежда расцвѣтала!
Была невинность ей въ сопутницы дана,
И младость ей свои объятья обѣщала. [чезъ!
Но жизнь ея—призракъ! Плѣнилъ насъ и ис-
Лишь плачущимъ о ней гласитъ ея могила,
Что совершенное судьба опредѣлила
Не для земли, а для небесъ.

КЪ БОКУ *).

1.

Любезный другъ, гусаръ и Бокъ!
Планетамъ измѣнять нимало намъ не стыдно;
Ихъ путь отъ насъ далекъ;
Къ тому жъ, мой другъ, для звѣздъ небес-
ныхъ не обидно,
Когда забудешь ихъ на часъ для звѣздъ
земныхъ.
Для безпредѣльности одной онѣ сіяютъ
И въ гордости своей совсѣмъ не замѣчаютъ
Слѣпцовъ, которые изъ мрачности земной
Ихъ куртизируютъ подзорною трубой.
Хоть я и не гусаръ, но клясться радъ съ
Священнымъ именемъ Пророка, [тобой,
Что встрѣтившись, какъ ты, съ прекрасною
четой,
Забылъ бы звѣзды всѣ, Жуковскаго и Бока.
Въ осьмомъ часу тебя готовъ я ждать.
Но завяжи глаза, чтобъ къ намъ дойти вѣр-
Чтобы опять сирены не видать. [нѣе,
Близъ пропасти—слѣпой всегда пройдетъ
смѣлѣе.

2.

Мой другъ, въ тотъ часъ, когда луна
Взойдетъ надъ русскимъ станомъ,
Съ бутылкой свѣтлаго вина,
Съ заповѣднымъ стаканомъ,
Передъ дружиной, у огня,
Ты сядь на барабанѣ—
И въ сонмѣ храбрыхъ за меня
Прочти „Пѣвца во станѣ".
Пѣснь брани вамъ зажжетъ сердца,
И, въ бой летя кровавый,
Про отдаленнаго пѣвца
Вспомянутъ чада славы.

---

*) Тимоѳей Егоровичъ Бокъ, лифляндскій дворянинъ, участвовалъ въ кампаніяхъ 1805—1815 г.

3.

Мой милый Бокъ!
Не думай, чтобъ я былъ лѣнивый лежебокъ,
Или пренебрегалъ твоимъ кабріолетомъ—
Нѣтъ, нѣтъ! но какъ гусаръ ты поступилъ
съ поэтомъ
(Какъ другъ-гусаръ, прошу меня понять):
Какъ другъ, ты, согласивъ съ своимъ мое
Спѣшишь скорѣй меня обнять, [желанье,
Скорѣе раздѣлить со мной очарованье,
Которое сестра прелестная твоя
Своимъ присутствіемъ вокругъ насъ разли-
ваетъ,
И дружба этому прямую цѣну знаетъ;
Но какъ гусаръ, ты все смутилъ, душа моя,
Ты хочешь приступомъ взять мирнаго поэта:
Ты силою кабріолета
Затѣялъ, въ мигъ одинъ, весь планъ его
взорвать...
Послушай: снявъ мундиръ, привычку разру-
Оставь съ мундиромъ и усами. [шать
Капитуляція была ужъ между нами;
Стояло въ ней: „тебѣ отъ друга вѣсти ждать;
Дождавшись же, за нимъ, въ своемъ кабріо-
И на-лицо во весь опоръ скакать". [летѣ,
Но, видно, это все ты предалъ жадной Летѣ,
И въ памяти одну лишь дружбу сохранилъ.
Итакъ, чтобъ памяти ты вновь не утопилъ,
Вотъ для тебя рецептъ отъ сей чумы ужасной,
Вотъ планъ мой письменный, по пунктамъ
точный, ясный.
Пунктъ первый: подождать!
Ты знаешь, до Печоръ я ѣду провожать
Своихъ друзей—на то дней семь или восемь
сроку.
Коль скоро возвращусь, тотчасъ записку къ
Боку.
И въ этомъ пунктъ второй—но какъ ее
послать?
Не лучше ли тебѣ меня ужъ въ Дерптѣ ждать?
Мы вмѣстѣ славно прокатимся.
Мой планъ не весь; еще есть пунктовъ пять,
Но на словахъ мы лучше объяснимся.
Прости! завидуя моимъ дурнымъ стихамъ,
На мѣстѣ ихъ теперь желалъ бы быть я самъ.
P. S. Когда ты черезъ десять дней,
По обстоятельствамъ, за другомъ и поэтомъ
Не можешь самъ скакать съ своимъ кабріо-
летомъ,
То хоть однихъ пришли съ нимъ лошадей.

ФУРМАНУ.

Въ корыстолюбіи себя ты упрекаешь
Но безкорыстія являешь образецъ,
За бѣдные стихи ты щедро предлагаешь
Богатый дружбы даръ. Но знай, что твой
пѣвецъ,
Тобою прозванный славянскимъ Оссіаномъ,
Любя небесныхъ музъ, не любитъ жить об-
маномъ:

Онъ дружбу добрую даетъ въ придачу самъ
Тебѣ къ дурнымъ своимъ стихамъ.

НА РОЖДЕНIЕ

ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВОЕЙКОВОЙ.

Здравствуй, новый гость земной!
Къ счастью въ міръ тебя встрѣчаемъ,
И въ восторгѣ надъ тобой
Небеса благословляемъ.

За минуту все въ слезахъ;
Мать растерзана страданьемъ;
Близъ нея безмолвный страхъ
Съ безнадежнымъ ожиданьемъ.

Вдругъ все тихо—все для насъ
Полно жизни и надежды;
Твой раздался первый гласъ
И твои раскрылись вѣжды!..

Тамъ грядетъ съ востока къ намъ
Утро, гость небесъ прекрасный,
И спокойнымъ небесамъ
День пророчествуетъ ясный.

Ободримся! въ добрый часъ
Новой жизни посѣтитель!
Небеса его—для насъ!
А надъ нами нашъ хранитель!

СЛАВЯНКА.

Элегія *).

Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой,
Когда въ осенній день въ твои глядятся воды
Холмы, одѣтые послѣднею красой
Полуотцвѣтшія природы.

Спѣшу къ твоимъ брегамъ... сводъ неба
тихъ и чистъ;
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой осыпавшійся листъ
Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой; [тина,
Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ кар-
То вдругъ сквозь чащу древъ мелькаетъ
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина; [предо мной,

То вдругъ исчезло все... окрестъ сгустился
лѣсъ;
Все дико вкругъ меня, и сумракъ и мол-
чанье;
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ
Прокравшись, дневное сіянье [древесъ

Верхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуно-
веньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ...

И вдругъ пустынный храмъ въ дичи передо
мной:
Заглохшая тропа; кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ липъ чернѣетъ дубъ гу-
И дремлютъ ели гробовыя. [стой

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ;
Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой
главою,
Оно бесѣдуетъ о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Съ неизмѣняющей мечтою.

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно
Все въ душу томное уныніе вселяетъ; [насъ;
Какъ-будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно минувшаго внимаетъ.

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій
мавзолей,
Сей факелъ гаснущій и долу обращенный,
Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь благо
Сколь всѣ величія мгновенны. [нашихъ дней,

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы;
Сей витязь, на руку склонившійся главой;
Сей громоносецъ двоеглавый,

Подъ шуйцей твердою сидящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
Младые спутники денницы...

О, сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для унывающей души краснорѣчивы:
Тоскуя ль, полетитъ она за край земной—
Тамъ всѣ утраченные живы;

---

*) Славянка—рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ, и въ особенности два памятника, произведеніе знаменитаго Мартоса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ государынею вдовствующею императрицею въ честь покойнаго императора Павла. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ Павла; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ царской; на пьедесталѣ изображено въ барельефѣ семейство императорское: государь Александръ представленъ сидящимъ; голова его склонилась на правую руку и лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облахахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса, другая летитъ съ небесъ, навстрѣчу первой.—Спустясь къ рѣкѣ Славянкѣ (вливающейся передъ самымъ дворцомъ въ небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое-нибудь радостное происшествіе въ высокомъ семействѣ царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная *урна судьбы*. Далѣе, на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ и безвременный конецъ ея; вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; она готова покинуть міръ сей, она еще не улетѣла, но душа ея смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры и руки ея, подъятые къ небесамъ, какъ-будто говорятъ: „да будетъ воля Твоя“. Жизнь, въ видѣ юнаго генія, простирается у ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но она ея не замѣчаетъ; она повинуется одному небу—и уже надъ головой сіяетъ звѣзда новой жизни.—*В. Ж.*

Къ землѣ ль наклонитъ взоръ—великій
рядъ чудесъ;
Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ
славнымъ;
И міръ, воскреснувшій по манію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ.

Но вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый
лѣсъ.
Опять рѣка вдали мелькаетъ средь долины,
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней лазурь
небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной!
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей оза-
ренна;
Спокойное село надъ ясною рѣкой,
Гумно и нива обнаженна.

Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ
сѣдой
Клубяся, по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ
цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ бѣ-
гущихъ;
Тамъ медленно, скрыпя, тащится рядъ во-
Тяжелый грузъ споповъ везущихъ. [зовъ,

Но солнце катится беззнойное съ небесъ,
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ,
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ,
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ; брегъ теменъ
надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарей;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами,
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтвями,

Сѣнистую главу купаетъ въ ихъ струяхъ;
Здѣсь храмъ между березъ и яворовъ мель-
каетъ;
Тамъ лебедь, притаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка;
Сколь здѣсь ея бреговъ плѣнительна кар-
тина;
Въ лазоревый кристаллъ сліясь вкругъ чел-
Яснѣетъ водъ ея равнина. [нока,

Но гаснетъ день... въ тѣни склонился лѣсъ къ
Древа облечены вечерней темнотою; [водамъ,
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ облитъ.
И пышный домъ царей на скатѣ озлащенномъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ,
Въ величіи уединенномъ. [блеститъ

Но вечеръ на него покровъ накинулъ свой,
И рощи и брега, смѣшавшись, поблѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшія зарей,
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина; [промчится
Все спитъ... лишь изрѣдка въ далекой тьмѣ
Невнятный гласъ... или колыхнется волна...
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ... окрестность вся мол-
читъ...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный
кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный го-
лосъ слышитъ:
Какъ бы ѳирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышитъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою.

И нѣкто урнѣ сей, безмолвный присѣдитъ;
И, мнится, на меня вперилъ онъ темны очи;
Безъ образа лицо и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи.

Смотрю... и, мнится, все, что было жер-
твой лѣтъ,
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ
ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ.

Но гдѣ онъ?.. Скрылось все... лишь только
въ тишинѣ
Какъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ-будто Геній путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье.

О, кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ во слѣдъ!
Скажи, безсмертный ли предѣловъ сихъ хра-
нитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи, земной ли
Иль небеса твоя обитель?... [свѣтъ,

И ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ; на лицѣ величіе смиренья,
Взоръ къ небу устремленъ, надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ;
Младая Жизнь въ слезахъ простерта предъ
тобою...

Но гдѣ я?.. Все вокругъ молчитъ... призракъ исчезъ,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей;
Какъ-будто міръ земной въ ничто преобратился;
Какъ-будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся.

ИРИНѢ ДМИТРІЕВНѢ ПОЛТОРАЦКОЙ.

(При посылкѣ стихотвореній въ первомъ изданіи 1815 г.)

Пѣвцомъ невинности, любви и красоты
Назвалъ меня поэтъ, къ стихамъ моимъ пристрастной.
Когда бъ владѣлъ его я лирой сладкогласной,
Когда бъ моихъ стиховъ была предметомъ ты—
Я пѣлъ бы, все забывъ, однимъ собой счастливой,
И былъ бы нареченъ отъ славы справедливой:
Пѣвцомъ невинности, любви и красоты.

СТАРЦУ ЭВЕРСУ *).

Вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ—на мигъ товарищъ ихъ—
Съ веселыми весельемъ подѣлиться,
И юношей блаженствомъ насладиться;
Но въ семъ кругу меня мой геній ждалъ:
Тамъ Эверсъ мнѣ на братство руку далъ...
Благодарю, хранитель-Провидѣнье,
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ,
Когда стоялъ ты, старецъ, предо мной
Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ.
О старецъ мой, въ прекрасныхъ дняхъ твоихъ
Не пропадетъ и сей прекрасный мигъ,
Величіемъ души запечатлѣнный—
Но для тебя я былъ пришлецъ мгновенный;
Какъ другъ всего, и мнѣ ты другомъ былъ;
Ты съ нѣжностью меня благословилъ,
Нечаянно въ сей жизни повстрѣчавши;
Уже отсель ты въ лучшій смотришь свѣтъ,
И мой тебѣ незнаемъ будетъ слѣдъ.
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошедъ съ предѣла раннихъ лѣтъ
Не съ лучшею, не съ легкою судьбою
(И, можетъ-быть, путь долгій предо мною)—
Мысль о тебѣ, о братъ священный мой,
Какъ Божій даръ, возьму на жизнь съ собой.
Братъ Эверса!.. такъ, я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цѣну знаю;
Въ семъ имени мой долгъ изображенъ.
Не бѣденъ тотъ, кто свойства не лишенъ
Предъ добрыми душою согрѣваться;
Кто мыслію способенъ возвышаться,
Зря благости величественный ликъ.
О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала;
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала,
Училищемъ для неба здѣшній свѣтъ.
„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному—текущее мгновенье;
Грядущее—безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то будетъ ясно тамъ;
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ;
Что было здѣсь для добраго утрата
То жизнь ему другая возвратитъ".
Вотъ правила для Эверсова брата.

Я зрѣлъ вчера: сходя на край небесъ,
Какъ божество, насъ солнце покидало;
Свершивъ свой день, прощальный лучъ бросало
Оно съ высотъ на холмъ и долъ и лѣсъ,
И, тихій блескъ оставя на закатѣ,
Отъ насъ къ другимъ скатилось небесамъ...
О, сколько мнѣ красотъ явилось тамъ!
Я вспомянулъ о небомъ данномъ братѣ,
О днѣ его, о ясной тишинѣ
И сладостномъ на вечерѣ сіяньи,
Я вспомянулъ о нѣжномъ завѣщаньи,
Оставленномъ въ названьи брата мнѣ—
И мужество мнѣ въ душу пробѣжало...
Благослови жъ меня, священный другъ!
Что бъ на пути меня ни ожидало,
Отнынѣ мнѣ, какъ благотворный духъ,
Сопутникомъ твое воспоминанье.
Гдѣ бъ ни былъ я, мой старецъ-братъ со мной;
И тихое вечернее сіянье,
Съ моей объ немъ бесѣдуя душой—
Таинственный символъ его завѣта—
Учителемъ отнынѣ будетъ мнѣ:
„Свой здѣшній путь окончить въ тишинѣ!"
И вѣстникомъ прекраснѣйшаго свѣта.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ.

Друзья, стаканъ къ стакану!
Парнаса капитану
Я, рядовой поэтъ,
Желаю многихъ лѣтъ!
Безсмертье ужъ имѣетъ
За пѣсни онъ давно
И въ свой чередъ поспѣетъ
За жизнію оно.
Но въ свѣтѣ будетъ онъ
Жить долго намъ на радость.
Ему Анакреонъ
Души веселой младость
Съ струнами завѣщалъ;
Хоть Хронъ и насчиталъ
Ему съ тремя годами
Ужъ полныхъ шестьдесятъ,
Но все подъ сѣдинами
Глаза его блестятъ;
И сердце молодое
Хладъ жизни не проникъ:

*) Писано 14 августа 1815 г., послѣ праздника, даннаго студентами дерптскаго университета.—*В. Ж.*

Младой съ нимъ молодъ вдвое,
Старикъ съ нимъ не старикъ!
Для бога Аполлона
Стократъ Анакреона
Милѣй быть долженъ онъ.
И чѣмъ Анакреонъ
Извѣстенъ? Лишь стихами.
Онъ сладко ѣлъ и пилъ
И звонкими струнами,
Сквозь сонъ и хмель, хвалилъ
Вино, Киприду, Радость
И быстротечну младость.
Но такъ ли добръ онъ былъ,
Какъ нашъ поэтъ безцѣнный?
Не вѣрится! Плѣненный
Той милой простотой,
Той нѣжностью родного,
Съ какой пѣвца младого,
Меня сравнилъ съ собой!
Забывши санъ и лѣта,
Онъ былъ товарищъ мой
При входѣ скользкомъ свѣта:
За добраго поэта
Я душу радъ отдать!
Теперь же хоть сказать
Въ задатокъ: многи лѣта!

1816.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Прошли, прошли вы, дни очарованья,
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить;
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
Ахъ, лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть!

Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье—
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить;
Несчастіе объ васъ воспоминанье,
Но болѣе несчастье—васъ забыть!

О, будь же, грусть, замѣной упованья;
Отрада намъ—о счастьи слезы лить;
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, увы, и позабыть?

ПѢСНЯ.

Кольцо души-дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ, давъ его, сказала:
„Носи, не забывай;
Пока твое колечко,
Меня своей считай!“

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать;
Кольцо юркнуло въ воду;
Искалъ... но гдѣ сыскать!..

Съ тѣхъ поръ мы какъ чужіе,
Приду къ ней—не глядитъ.
Съ тѣхъ поръ мое веселье
На днѣ морскомъ лежитъ.

О, вѣтеръ полуночный,
Проснися! будь мнѣ другъ!
Схвати со дна колечко,
И выкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ.
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ.

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала,
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла.

На что твоя мнѣ ласка,
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я...
Любви-то мнѣ и нѣтъ.

Ищи, кто хочетъ, въ морѣ
Богатыхъ янтарей...
А мнѣ—мое колечко
Съ надеждою моей.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Кто слёзъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
Въ ночи безсонной не рыдалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, вышни силы.

На жизнь мы брошены отъ васъ,
И вы жъ, давъ знаться намъ съ виною,
Страданью выдаете насъ,
Вину преслѣдуете мздою.

СОНЪ.

(Изъ Уланда.)

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
Вблизи большой дороги,
Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
Туда, гдѣ жили боги.

Но я проснулся, наконецъ,
И смутно озирался:
Дорогой шелъ младой пѣвецъ,
И съ пѣньемъ удалялся.
Вдали пропалъ за рощей онъ—
Но струны все звенѣли.
Ахъ! не онѣ ли дивный сонъ
Мнѣ на душу напѣли?

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

(Изъ Уланда.)

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ,
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Я вижу замки богачей
И ихъ сады кругомъ...
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
„Богъ помочь!“ отъ души.

О, щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтятъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю, будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

(Изъ Уланда.)

Дорогой шла дѣвица,
Съ ней другъ ея младой:
Болѣзненны ихъ лица,
Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызаютъ
И въ очи и въ уста—
И снова расцвѣтаютъ
Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ кельѣ,
Въ тюрьмѣ проснулся онъ.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?

Чѣмъ опять душа полна,
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сіяютъ
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется,
Или снова раздается
Милый голосъ старины?

Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрытъ?..

Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное тамъ?

---

* * *

Тамъ небеса и воды ясны,
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О родина, всѣ дни твои прекрасны;
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,
Даль озарялась и свѣтлѣла,
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ—
Все тамъ!

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, святое прежде,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: живи, надеждѣ?
Скажу ль тому, что было: будь?
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

ЯВЛЕНІЕ БОГОВЪ.

(Изъ Шиллера.)

Знайте, съ Олимпа
Являются боги
Къ намъ не одни;
Только что Бахусъ придетъ говорливый,
Мчится Эротъ, благодатный младенецъ;
Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.
Слетѣлись, слетѣлись
Всѣ жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чѣмъ угощу я
Земли уроженецъ
Вѣчныхъ боговъ?
Дайте мнѣ вашей, безсмертные, жизни.
Боги, что смертный могу поднести вамъ?
Къ вашему небу возвысьте меня.
Прекрасная радость
Живетъ у Зевеса.
Гдѣ нектаръ? Налейте,
Налейте мнѣ чашу.

Нектара чашу
Пѣвцу, молодая
Геба, подай!
Очи небесной росой окропите;
Пусть онъ не зритъ ненавистнаго Стикса,
Быть да мечтаетъ однимъ изъ боговъ.
Шумитъ, заблистала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

1817.

КЪ МѢСЯЦУ.

(Изъ Гёте.)

Снова лѣсъ и долъ покрылъ
Блескъ туманный твой:
Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ... и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,
И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ:

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла;
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла.

Ахъ! то было и моимъ,
Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,

Кто дѣлитъ съ душой родной,
Втайнѣ отъ людей,
То, что презрѣнно толпой,
Или чуждо ей.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ.

(Изъ Гёте.)

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣдъ;
Ты, вѣрно, плакалъ, другъ?

„О чемъ грущу, то въ сердцѣ мнѣ
Запало глубоко;
А слезы... слезы въ сладость намъ:
Отъ нихъ душѣ легко“.

Къ тебѣ ласкаются друзья,
Ихъ ласки не дичись;
И что бы ни утратилъ ты,
Утратой подѣлись.

„Какъ вамъ, счастливцамъ, то понять,
Что понялъ я тоской?
О чемъ... но, нѣтъ! оно мое,
Хотя и не со мной“.

Не унывай же, ободрись;
Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ;
Ищи—найдешь; отважнымъ, другъ,
Несбыточнаго нѣтъ.

„Увы! напрасныя слова!
Найдешь—сказать легко;
Мнѣ до него, какъ до звѣзды
Небесной, далеко“.

На что жъ искать далекихъ звѣздъ?
Для неба ихъ краса;
Любуйся ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

„Ахъ! я любуюсь въ ясный день;
Нѣтъ силъ и глазъ отвесть;
А ночью... ночью плакать мнѣ,
Покуда слезы есть“.

КЪ ПОРТРЕТУ
великой княгини александры ѳеодоровны.

Для насъ природа ей всѣ прелести дала,
Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
Какъ геній радостей, она предъ нами стала
И все прекрасное съ собой намъ принесла,
И намъ она мила, какъ счастья упованье;
Къ великому въ ней духъ растетъ и возрастетъ;
Она свой трудный путь съ достоинствомъ пройдетъ;
Въ ней не обманется Россіи ожиданье.

ВЪ АЛЬБОМЪ
княжны м. а. щербатовой.

О грустномъ написать я долженъ въ твой альбомъ.
Могу ль желанію такому покориться?
При мыслѣ о тебѣ невольно подъ перомъ
Одно веселое родится;
При мысли о тебѣ невольно твой поэтъ
Воображеньемъ жизнь земную украшаетъ;
Жилищемъ радости онъ видитъ здѣшній свѣтъ
И имя грусти забываетъ.

1818.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.
(Изъ Крёнера.)

Младой Рогеръ свой острый мечъ беретъ,
За вѣру, честь и родину сразиться.
Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ идетъ,
Въ послѣдній разъ съ прекрасною проститься,
„Не плачь: надъ нами щитъ Творца;
Еще насъ небо не забыло;
Я буду вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой“.

Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поскакалъ;
Дружина съ нимъ; кипятъ сердца ихъ боемъ;
И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
Передъ враговъ необозримымъ строемъ.
„Сей видъ не страшенъ для бойца;
И смерть ли небо мнѣ судило—
Останусь вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой“.

И на врага взоръ мести бросивъ, онъ
Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень-истребитель;
И вспыхнулъ бой, и врагъ ужъ истребленъ;
Но... побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.
Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой,
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?
Иль пѣснь твоя твоей судьбою стала?
Его ужъ нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.
Онъ палъ въ бою—и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

ГОРНАЯ ДОРОГА.
(Изъ Шиллера.)

Надъ страшною бездной дорога бѣжитъ,
Межъ жизнью и смертію мчится;
Толпа великановъ ее сторожитъ;
Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
Въ молчаньи пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ мостъ черезъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой—
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ;
Сразить его рвется и ввѣкъ не сразитъ.

Тамъ, грозно раздавшись, стоятъ ворота;
Мнишь: область тѣней предъ тобою;
Пройти ихъ—долина, долинъ красота;
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

Четыре потока оттуда шумятъ—
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ;
Стремятся къ полудню, къ полночи;
Рождаются вмѣстѣ; родясь, разстаются;
Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два утеса стоятъ,
Превыше всего, что земное;
Кругомъ облака золотыя кипятъ,
Ѳѳира семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
На вѣчно-незыблемомъ тронѣ;
Чудесной красой обвиваетъ чело
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
Ее золотитъ, но не можетъ согрѣть.

ЛИСТОКЪ.
(Изъ Арно.)

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?.. „Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;
Съ тѣхъ поръ по доламъ, по горамъ,
По волѣ случая носимый,
Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтѣ все стремится,
Куда и листъ лавровый мчится,
И легкій розовый листокъ“.

МЕЧТА.

Ахъ, если бъ мой милый былъ роза-цвѣтокъ,
Его унесла бы я въ свой уголокъ,
И тамъ украшалъ бы мое онъ окно;
И съ нимъ я душой бы жила заодно.

Къ нему бы въ окно вѣтерокъ прилеталъ,
И свѣжій мнѣ запахъ на грудь навѣвалъ;
И я бъ унывала, имъ сладко дыша,
И съ милымъ бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней порой
Я, нѣжа, поила водой ключевой;
Ко мнѣ прилипая, живые листы
Шептали бъ: я милый, а милая ты.

Не сѣла бы пчелка на милый мой цвѣтъ;
Сказала бъ я: меду для пчелки здѣсь нѣтъ,
Для пчелки-летуньи есть шелковый лугъ;
Моимъ безъ раздѣлу останься, мой другъ.

Сильфиды бы легкой слетѣлись толпой
Къ нему любоваться его красотой,
И мнѣ бы шепнули, цѣлуя листы:
Мы любимъ, что мило; мы любимъ, какъ ты,

Тогда бъ встрепенулся мой милый цвѣтокъ,
Съ цвѣтка сорвался бы румяный листокъ,
Къ моей бы щекѣ распаленной присталъ
И пурпурнымъ жаромъ на ней заигралъ.

Родная бъ спросила: что, другъ мой, съ тобой?
Ты вся разгорѣлась, какъ день молодой.
„Родная, родная, сказала бы я,
Мнѣ въ душу свой запахъ льетъ роза моя".

УТѢШЕНІЕ.

(Изъ Уланда.)

Свѣтитъ мѣсяцъ; на кладбищѣ
Дѣва въ черной власяницѣ
Одинокая стоитъ,
И слеза любви дрожитъ
На густой ея рѣсницѣ.

„Нѣтъ его; на томъ онъ свѣтѣ;
Сердцу смерть его утѣшна;
Онъ достался небесамъ,
Будетъ чистый ангелъ тамъ —
И любовь моя безгрѣшна".

Скорбь ее къ святому лику
Богоматери подводитъ:
Онъ стоитъ въ огнѣ лучей,
И на дѣву изъ очей
Милость тихая нисходитъ.

Пала дѣва предъ иконой,
И безмолвно упованья
Отъ Пречистыя ждала...
И душою перешла
Непримѣтно въ міръ свиданья.

МИНА.

(Подражаніе пѣснѣ Миньоны, Гёте.)

Я знаю край; тамъ нѣгой дышитъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
И тихо миртъ и гордо лавръ стоитъ...
Тамъ счастье, другъ! туда, туда
Мечта зоветъ; тамъ сердцемъ я всегда!
Тамъ свѣтлый домъ; на мраморныхъ столбахъ
Поставленъ сводъ; чертогъ горитъ въ лучахъ;
И ликовъ рядъ недвижимыхъ стоитъ;
И, мнится, ихъ молчанье говоритъ...
Тамъ счастье, другъ! туда, туда!
Мечта зоветъ; тамъ сердцемъ я всегда!

Гора тамъ есть съ заоблачной тропой;
Въ туманахъ мулъ тамъ путь находитъ свой;
Драконы тамъ мутятъ ночную мглу;
Летитъ скала и воды на скалу...
О другъ, пойдемъ! туда, туда
Мечта зоветъ... но быть ли тамъ когда?

ЖАЛОБА ПАСТУХА.

(Съ нѣмецкаго.)

На ту знакомую гору
Сто разъ я въ день прихожу,
Стою, склоняся на посохъ,
И въ долъ съ вершины гляжу.

Вздохнувъ, медлительнымъ шагомъ
Иду вослѣдъ я овцамъ,
И часто, часто въ долину
Схожу, не чувствуя самъ.

Весь лугъ по прежнему полонъ
Младой цвѣтовъ красоты;
Я рву ихъ—самъ же не знаю,
Кому отдать мнѣ цвѣты?

Здѣсь часто въ дождикъ и въ грозу
Стою, къ землѣ пригвожденъ;
Все жду, чтобъ дверь отворилась...
Но то обманчивый сонъ.

Надъ милой хижинкой свѣтитъ,
Видаю, радуга мнѣ...
Къ чему? Она удалилась;
Она въ чужой сторонѣ.

Она все далѣ, все далѣ,
И скоро слухъ замолчитъ;
Бѣгите жъ, овцы, бѣгите;
Здѣсь горе душу томитъ.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ—НОВАЯ ЖИЗНЬ

(Съ нѣмецкаго.)

Что съ тобой вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?

Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило!
Гдѣ безпечность? Гдѣ покой?..
Ахъ, что сдѣлалось съ тобой?

Расцвѣтающая ль младость,
Рѣчи ль, полныя душой,
Взора ль пламенная сладость,
Овладѣли такъ тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться—
Бросить томный, томный взглядъ...
Ахъ, я къ ней лечу назадъ!

Я неволенъ, очарованъ;
Я къ неволѣ золотой,
Обезсиленный, прикованъ
Шелковинкою одной;
И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья;
Радъ тоскѣ; хочу любить...
Видно, сердце, такъ и быть!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ.

Будь, милая, съ тобой любовь небесъ святая;
Иди безъ трепета, въ тебѣ—открытый свѣтъ.
Прекрасная душа, цвѣти, не увядая;
Для свѣтлыя души въ сей жизни мрака нѣтъ.
Все для души, сказалъ отецъ твой несравненный;
Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ...
Они тебѣ на жизнь завѣтъ священный.

СМЕРТЬ ІИСУСА.

(Кантата Карла Вильгельма Рамлера.)

Хоръ.—Ты, лившій отъ печали
Потоки горькихъ слезъ,
Воззрѣвъ на святотатный
И гибнущій Сіонъ,
Гдѣ сѣни, гдѣ пещера,
Сокрывшія тебя?
Или уже губитель
Небеснаго сразилъ?
Всѣ.—Sein Odem ist schwach,
Seine Tage sind abgekürzet,
Seine Seele ist voll Jammer,
Sein Leben ist nahe bei der Hölle.
Речитативъ.—Святой пріютъ, гора оливъ!
Кто подъ твоею сѣнью
Столь скорбенъ, столь покинутъ, плачетъ?
Кто борется съ медлительнымъ концомъ:
Ужель Исусъ мой?—Лучшій, лучшій изъ рожденныхъ,
Дрожишь, метешься, какъ преступникъ,
Внимая смертный приговоръ!
Увы! Онъ палъ, обременяемый грѣхами
Преступныя земли!
И грудь Его разорвана тоскою;
Кровавый потъ бѣжитъ
Съ Его лица. Речетъ: „прискорбна и печальна
Моя душа!"
Арія.—Герой, ты стрѣлы смерти
Безъ трепета встрѣчалъ,
Но смертью устрашеннымъ
Ты бодрость подаешь.
О, будь всегда защита имъ!
Когда на краѣ смертной жизни
Узрю я бездны, и не будетъ
Отъ нихъ пріюта мнѣ;
Когда послышится грядущій
Съ вѣсами, съ громомъ, и природа
Встрепещетъ передъ нимъ...
О, кто тогда меня спасетъ?
Хоръ.—О, кто же, кто, когда не Ты,
Меня въ послѣдній, тяжкій часъ
Наставитъ, подкрѣпитъ, утѣшитъ?
Кто силу дастъ душѣ моей,
Когда безъ силы будетъ жизнь,
Когда въ борьбѣ съ ужасной смертью
Я буду крѣпости лишенъ?
Не ты ли, Богъ-Спаситель мой?
Речитативъ.—О мой Эммануилъ! терзаясь,
Онъ простертъ
Во прахѣ; видитъ ужасъ смерти; взоръ
Подъемля, вопіетъ: „Всевышній, страшенъ часъ сей;
Вели, да пройдетъ онъ!
Прими, прими отъ устъ Моихъ ужасну чашу!
Не внемлешь ты?.. Отецъ, Твоя да будетъ воля!"
И ясенъ возстаетъ съ земли Онъ изумленной,
Подъятый ангела рукой;
И зритъ... учениковъ сонъ тяжкій обуялъ;
Лежатъ, но смутенъ сонъ и лица ихъ печальны;
Задумчиво Небесный говоритъ,
На нихъ склоня съ любовью свѣтлый, скорбный ликъ:
„Духъ бодръ и крѣпокъ, но безсильна плоть!"
Склонившись тихо, онъ беретъ Петрову руку:
„И ты, Мой Петръ, заснулъ!
О, бодрствуйте, молитесь, братья!"
Арія.—Умиленная молитва
О свершеньи дѣлъ прекрасныхъ
Проникаетъ небеса,
И Господь доступенъ ей.
Восхожу ль крутой дорогой
Къ добродѣтели святой—
О, на трудномъ семъ пути
Я, какъ странникъ утомленный,
Ожидая, уповая
Скоро видѣть на вершинѣ
Благодатныя мѣста,
Я молюсь и гимнъ пою.
Речитативъ.—Но слышенъ топотъ; копья блещутъ при огняхъ
Полночныхъ; зрю толпу убійцъ.
Идутъ убійцы... Ахъ, Его судьба свершилась...
Но Онъ, неустрашимый, приступилъ
Къ своимъ врагамъ. Онъ имъ вѣщаетъ: „Я готовъ!
Но вы Моихъ друзей не троньте!"

Товарищи, смятенны, съ словомъ симъ бѣ-
И въ узахъ Онъ: влекутъ Его; [гутъ...
И Петръ за Нимъ, единственный изъ братій,
Идетъ, безъ силъ спасти, вдали;
За другомъ вслѣдъ къ Кайяфѣ онъ
Идетъ въ слезахъ. Что слышу я? Какое слово?
Ахъ, Петръ, ужели? Ты ль сказалъ:
„Не знаю, кто сей человѣкъ!"
Какъ низко ты съ величія упалъ, несчаст-
И зритъ онъ: кротко на него [ный.
Исусъ взглянулъ. Онъ понялъ взоръ,
Онъ прочь идетъ, и горько плачетъ онъ.
Арія.—О вы, незлобны души,
Вашъ сонъ не долго длится;
Во слухъ вашъ загремитъ
Карающая совѣсть
И васъ предастъ слезамъ.
А вы, злодѣи, трепещите!
Змѣей изъ вашихъ розъ подыметъ
Свою раскаянье главу
И угрызенья острымъ жаломъ
Изрѣжетъ душу вамъ.
Всѣ.—Скорбью сердце
Въ насъ объято унываетъ.
О горе, горе намъ,
Преступникамъ злобнымъ.
Хоръ.—Я душу къ Богу вознесу
Съ покорнымъ покаяньемъ.
Ты самъ и помощь и совѣтъ
Подашь мнѣ, Утѣшитель;
И мощный благодати духъ,
Въ насъ обновляющій сердца,
Пребудетъ надо мною.
Речитативъ.—Ерусалимъ убійственно возопіялъ:
„Будь кровь Его на насъ, на насъ и нашихъ чадахъ!"
Ликуй, Ерусалимъ, Его пролита кровь:
Поставленъ въ пурпурѣ толпѣ на поруганье,
Чтобъ утѣшителя въ мученьяхъ не имѣть,
Чтобъ духомъ пасть отъ посрамленья...
Но въ Немъ одна любовь: незлобенъ предстоитъ
Съ вѣнцомъ, вонзившимся въ чело. И дерзно-
Преступная рука Его разитъ [венно
Жезломъ въ главу; и кровь стремится по лицу.
„Се человѣкъ!" Напрасно жалость
Тирана гласомъ говоритъ:
„Се человѣкъ!" Іуда глухъ.—Къ Нему,
Окровавленному, на плечи возложили
Уже тотъ крестъ, на коемъ въ мукахъ Онъ умретъ.
Онъ принялъ крестъ Свой... но безсильный, палъ;
И добрыя сердца своей не скрыли скорби;
Давно таимы слезы льются;
А Онъ, взглянувъ, на плачущихъ, сказалъ:
„Друзья, не плачьте обо мнѣ!"
Арія.—Тверда гора Господня—
Стопой въ гремящихъ буряхъ,
Главой въ небесной славѣ;
Таковъ герой твой, Ханаанъ.
Пусть грозно смерть на громахъ мчится,
Пускай изъ пѣнной бездны воетъ,
Пускай земную твердь ломаетъ—
Мужъ праведный неколебимъ.
Всѣ.—Свѣтлый намъ Онъ
Свой образъ оставилъ,
Чтобъ мы имъ душу питали
Съ чистой любовью.
Хоръ.—На все дерзну я въ честь Твою и славу!
Что мнѣ страданья? Что мнѣ стыдъ и бѣдность?
Что мнѣ гоненье? Что мнѣ ужасъ смерти?
Тронутъ ли сердце?
Речитативъ.—Стоитъ погибельный, судьбами полный крестъ...
О праведный! невинный! онъ ужъ наступилъ,
Сей неизбѣжный часъ! И для Тебя, о горе!
Не цѣпи, вижу я, готовятъ
Ужасны гвозди... Руки Онъ имъ подаетъ,
Святыя руки, милость лившія на насъ.
Ударилъ въ нихъ жестокій млатъ, пронзилось
Святое тѣло жаднымъ остріемъ. Съ терпѣньемъ
Онъ сноситъ все. Онъ ясенъ. Се, подъятъ
Поруганный, въ крови, въ терзаньяхъ смерти,
На страшный крестъ.
Израиля сыны, воскликните къ страдальцу:
„Помилуй!" Усмирите скорбью месть.
Вотще. Ругаются надъ Нимъ [ваньемъ злобы.
Съ холоднымъ смѣхомъ, съ дерзкимъ лико-
И молитъ Онъ: „Отецъ Мой, ахъ, прости бе-
Они не знаютъ, что творятъ!" [зумцамъ,
Дуэтъ.—*А.* Врагъ мой, утѣснитель мой,
Зри, сколь я люблю тебя:
Все простить—мое отмщенье.
В. Ты, ругающійся мнѣ,
Я молюся небесамъ,
Да пошлютъ тебѣ всѣ блага.
А. В. Въ томъ примѣръ намъ далъ Христосъ.
А. Царь, Егова, трисвятый,
Ты виновнымъ отпускаешь
Ихъ вины!
В. Царь, Егова, Богъ любви,
И порочнымъ и злодѣямъ
Ты любовь!
А. В. Счастливъ, кто тебѣ вослѣдъ.
Речитативъ.—О, кто сей праведный, висящій на крестѣ,
Межъ двухъ злодѣевъ къ древу казни при-
Узнайте въ благостяхъ Его. [гвожденный?
Стыдъ, муку, смертный часъ забылъ Онъ; въ мысляхъ видя,
Марія, Твой печальный жребій, завѣщать
Спѣшитъ Онъ другу сердца должность драгоцѣнну.
„О, братъ Мой, здѣсь свою зришь матерь!"
Вѣрный другъ
Идетъ учителя святой завѣтъ исполнить.
И зритъ его Исусъ, [слышитъ.
И полнъ веселья Онъ, и ранъ Своихъ не

Еще Его душа отраду въ часъ кончины
Томимому тоской преступнику даетъ:
Онъ, ликъ Свой обративъ къ терзаемому смертью,
Распятому злодѣю, благостно прорекъ:
„Вѣщаю Я, со Мною, грѣшникъ,
Со Мной днесь въ раѣ будешь ты!“
Арія.—Пой небеснаго пророка,
Утѣшеньемъ, упованьемъ
Возвышающаго душу,
Пой въ восторгѣ, вся земля.
Ты, изъ праха улетѣвшій,
Ты, сіяющія звѣзды
Низко подъ собою зрящій,
Наслаждайся новой жизнью,
Мчись по лѣствицѣ твореній
Къ серафимамъ, выше, выше,
Духъ мой... Богъ будь пѣснь твоя!
Всѣ.—Радуйся духомъ смиренный!
Что Господь намъ рекъ, то совершится;
Что намъ Онъ назначилъ,
То намъ Онъ пошлетъ.
Хоръ.—Создатель, сколь прекрасенъ Твой
Обѣтованный добрымъ свѣтъ;
Но кто къ нему достигнетъ?
О примиритель, Богъ любви.
Твоя рука туда ведетъ.
Простри, простри мнѣ руку;
Дай, единымъ
Сладкимъ взглядомъ
Въ міръ прекрасный,
Облегчить мнѣ разставанье
Съ жизнью здѣшней.
Речитативъ.—И силой вдругъ съ послѣдней мукой смерть
Въ святую душу ворвалась; всю грудь
Ему вздымаетъ боль; всѣ жилы проникаетъ
Огонь... и тѣло на крестѣ
Все извилось... тоскуетъ
Онъ въ тяжкомъ трепетѣ кончины; цѣлый адъ
На Немъ лежитъ, и Онъ, изнеможенный
Отъ мукъ, напавшихъ на Него,
Воззвалъ: „Отецъ, Отецъ, почто Меня оставилъ?“
И се... утихло! Страшный часъ
Протекъ. Онъ возопилъ: „Я жажду!“ Въ поруганье
Несутъ вино, отравленное желчью.
Уже молчитъ страданье въ Немъ.
И, торжествуя, онъ изрекъ:
„Свершилось все! прими, Всевышній, въ руцѣ духъ Мой!“
И преклонивъ главу на грудь—отшелъ...
Со всѣхъ слетѣли звѣздъ смятенны серафимы
И вопіютъ: „Его ужъ нѣтъ!“
И въ безднахъ грянуло подземныхъ:
Его ужъ нѣтъ!
Голгоѳа, трепещи; ты кровь Его пріяла;
Затмися, день, и міру въ часъ сей не свѣти;
Ты разорвись, земля, убійцъ нося;
Тьма гроба, разступись; воздвигнитесь, отцы;
Земля, гдѣ скрыты вы,
Вся кровью облита.
Его ужъ нѣтъ! Повѣдай,
Въ печали, утро утру:
Его ужъ нѣтъ!
И вѣчность трепетно отвѣтствуй:
Его ужъ нѣтъ!
Хоръ.—Скорби, душа!
Ужъ другъ людей
Земную жизнь покинулъ!
Намъ ужъ болѣ не слыхать
Сладкихъ устъ ученья.
Соло.—Ободрись, все ужъ ниспровергнулъ
Мощный левъ Іуды.
Хоръ.—Скорби, душа!
Гдѣ другъ людей?
Погибъ среди мученій!
Нѣжну грудь разорвала
Скорбь неодолима!
Соло.—Ободрись, все ужъ ниспровергнулъ
Могущій левъ Іуды.
Хоръ.—Скорби, душа!
Се другъ людей,
Смиренный, непорочный,
Въ поруганьи, въ униженьи,
Казнь рабовъ пріемлетъ.
Послѣдній хоръ.—Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
Спаситель, предъ Тобой;
И наши слезы въ прахъ ліются,
Облиты кровію Твоей...
О вѣчно славимъ будь!
Защитникъ, другъ и примиритель,
Ты вѣчные Свои законы
Печатью смерти утвердилъ.
Прославенъ будь вовѣки;
Вовѣкъ боготворимъ!
Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
Спаситель, предъ Тобой;
И наши слезы въ прахъ ліются,
Облиты кровію Твоей...
О вѣчно славимъ будь!

1819.

НА КОНЧИНУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ *).

Элегія.

Ты улетѣлъ, небесный посѣтитель;
Ты погостилъ недолго на землѣ;
Мечталось намъ, что здѣсь твоя обитель;
Навѣкъ своимъ тебя мы нарекли...

---

*) Нѣкоторые стихи сей элегіи покажутся непонятными для читателя, если не будетъ онъ знать обстоятельствъ того печальнаго происшествія, которое въ ней описано. Кончина незабвенной Екатерины (9 янв. 1819) была разительно неожиданная; она ужасно напомнила намъ о невѣрности земного величія и счастія. Еще никакое извѣстіе о потерѣ нашей не могло до насъ достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствіе распространяло пророческіе о ней слухи, и горестная истина скоро ихъ подтвердила.

Пришла судьба, свирѣпый истребитель,
И вдругъ слѣдовъ твоихъ ужъ не нашли:
Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ.

Губителемъ, неслышнымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ;
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ;
Гнетомы всѣ единой грозной силой;
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьи: было!

Но въ свой чередъ съ деревьевъ обветшалыхъ
Осенній листъ, отвянувши, падетъ;
Слагая жизнь старикъ съ раменъ усталыхъ,
Ее, какъ долгъ, могилѣ отдаетъ:
Къ страдальцу смерть на прахъ надеждъ увялыхъ,
Какъ званый другъ, желанная идетъ...
Природа здѣсь вѣрна стезѣ привычной:
Безъ ужаса беремъ удѣлъ обычной.

Но если, вдругъ, нежданная вбѣгаетъ
Бѣда въ семью играющихъ надеждъ;
Но если жизнь измѣною слетаетъ
Съ веселыхъ, ей лишь мигъ знакомыхъ вѣждъ,
И счастіе младое умираетъ,
Еще не снявъ и праздничныхъ одеждъ...
Тогда нашъ духъ объемлетъ трепетанье,
И силой въ грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Кого спѣшишь ты, прелесть молодая,
Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно встрѣчать?
Куда бѣжишь, ужаснаго не чая,
Привыкшая сей жизнью лишь играть?
Не радость—вѣсть стучится гробовая...
О, подожди сей прагъ переступать;
Пока ты здѣсь—ничто не умирало;
Переступи—и милое пропало *).

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая всѣ таинства утратъ,
И ты спѣшишь съ надеждой на свиданье **)...
Ахъ, удались отъ входа сихъ палатъ;
Отложено навѣкъ торжествованье;
Счастливцы тамъ тебя не угостятъ;
Ты посѣтишь обитель ужъ пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Изъ дома въ домъ по улицамъ столицы
Страшилищемъ скитается молва;
Ужъ прорвалась къ убѣжищу царицы;
Ужъ шепчетъ тамъ ужасныя слова;
Трепещетъ все, печалью блѣдны лицы...
Но мертвая для матери жива;
Въ ея душѣ спокойствіе незнанья;
Предъ ней мечта недавняго свиданья ***).

О, счастіе, почто же на отлетѣ
Ты намъ въ лицо умильно такъ глядишь?
Почто въ своемъ предательскомъ привѣтѣ,
Спѣша отъ насъ: я вѣчно! говоришь;
И къ милому, ужъ бывшему на свѣтѣ,
Насъ прелестью нѣжнѣйшею манишь?..
Увы, въ тотъ часъ, какъ матерь ты плѣняло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, насъ губя съ холодностью ужасной,
Еще судьба смѣяться любитъ намъ;
Ея ужъ нѣтъ, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склонясь къ обманчивымъ листамъ,
Въ нихъ видитъ дочь надеждою напрасной,
Даруетъ жизнь безжизненнымъ чертамъ,
Въ нихъ голосу умолкшему внимаетъ,
Въ нихъ воскресить умершую мечтаетъ.

Скажи, скажи, супругъ осиротѣлый,
Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь?
Съ ея лица привѣтное слетѣло;
Въ ея глазахъ узнанья не найдешь;
И въ руку ей рукой оцѣпенѣлой
Отвѣтнаго движенья не вожмешь.
На голосъ чадъ зовущихъ недвижима...
О! вѣрь, отецъ, она невозвратима.

Запри навѣкъ ту мирную обитель,
Гдѣ спутникъ твой тебѣ минуту жилъ;

---

*) Авторъ имѣлъ честь находиться у ея императорскаго высочества великой княгини Александры Ѳеодоровны за минуту передъ тѣмъ, какъ она узнала о кончинѣ королевы. Вдругъ, посреди веселаго, спокойнаго разговора, послышался стукъ въ дверяхъ, потомъ голосъ великаго князя. Ея высочество съ веселымъ лицомъ вышла къ нему, и за порогомъ дверей встрѣтило ее страшное извѣстіе.

**) Государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ опредѣлено было испытать весь ужасъ неожиданной потери. Ея величество, ничего не предчувствуя, ѣхала въ Штутгартъ на веселое свиданіе съ королевою; но она должна была воротиться съ послѣдней станціи, ибо той, которая ждала ее, которую она надѣялась обнять, уже не было на свѣтѣ.

***) Весь Петербургъ пораженъ былъ ужасною вѣстію, а сердце матери было спокойно; его еще наполняла свѣжая радость недавняго свиданія: наконецъ, общая печаль и нѣсколько словъ, приготовляющихъ къ узнанію неизбѣжнаго, пробудили въ немъ тревогу; оно уже открывалось для принятія скорби—но случай, жестокая игра судьбы, снова его ободрилъ: пришло письмо изъ Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ея съ жизнію, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы въ другой разъ умереть для нея и живѣе разорвать ея душу послѣ мгновенной, мучительно-обманчивой радости.

Твоей души свидѣтель и хранитель,
Съ кѣмъ жизни долгъ не столько бременилъ;
Совѣтникъ думъ, прекраснаго дѣлитель
Слабѣющихъ очарователь силъ—
Съ полупути ушелъ онъ отъ земного,
Отъ бытія прелестно-молодого *).

И вотъ сія минутная царица,
Какою смерть ее намъ отдала:
Отторгнута отъ скипетра десница;
Развѣнчано величіе чела;
На страшный гробъ упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
Въ минуту все, что было такъ прекрасно,
Что всѣхъ влекло и такъ влекло напрасно.

Супругъ, зовутъ! иди на разставанье!
Сорвавъ съ чела супружескій вѣнецъ,
Въ послѣднее земное провожанье
Веди сиротъ за матерью, вдовецъ;
Послѣднее отдайте ей лобзанье;
И тамъ, гдѣ всѣмъ свиданіямъ конецъ,
Невнемлющей „прости“ свое скажите,
И въ землю съ ней всѣ блага положите.

Прости жъ, нашъ цвѣтъ, столь пышно восходившій—
Едва зарю успѣлъ ты перецвѣсть.
Ты, жизнь, прости, красавецъ недожившій;
Какъ радости обманчивая вѣсть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не давъ и дня надеждѣ перечесть.
Простите вы, благія начинанья,
Вы, славныхъ дѣлъ напрасны упованья...

Но мы... смотря, какъ наше счастье тлѣнно,
Мы жизнь свою дерзнемъ ли презирать?
О нѣтъ, главу подставивши смиренно,
Чтобъ ношу бѣдъ отъ Промысла принять,
Себя отдавъ рукѣ неоткровенной,
Не мни Творца, страдалецъ, вопрошать;
Слѣпцомъ иди къ концу стези ужасной...
Въ послѣдній часъ слѣпцу все будетъ ясно.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье намъ учитель, а не врагъ!
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ,
Намъ объ-руку на тайный жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами,
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости—не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный страданье;
Ему на часть судьбы насъ обрекли;
Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ;
Земная жизнь—страданія питомецъ.

И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены!
Когда, простясь свободно съ упованьемъ,
Въ величіи покорной тишины,
Она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ,
Тогда... тогда съ сей свѣтлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятнаго ей Бога.

О, матери печаль непостижима,
Смиряются всѣ мысли предъ тобой!
Какъ милое сокровище таима,
Какъ бытіе слиянная съ душой,
Она съ однимъ лишь небомъ раздѣлима...
Что ей сказать дерзнетъ языкъ земной?
Что міръ съ своимъ презрѣннымъ утѣшеньемъ
Передъ ея великимъ вдохновеньемъ?

Когда грустишь, о матерь, одинока,
Скажи, тебѣ не слышится ли гласъ,
Призывное несущій издалека,
Изъ той страны, куда все манитъ насъ,
Гдѣ милое скрывается до срока,
Гдѣ возвратимъ отнятое на часъ?
Не сходитъ ли къ душѣ благовѣститель,
Земныхъ утратъ и неба изъяснитель.

И въ горнее уныніе влекома,
Не вѣрою ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческаго дома
Лишь только входъ земная сторона?
Что милая небесная знакома,
И ждущею семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровеннымъ,
А бытіе великимъ и священнымъ?

Внемли жъ: когда молчитъ во храмѣ пѣнье,
И вышнихъ силъ мы чувствуемъ нисходъ;
Когда въ алтарь на жертвосовершенье

---

*) Король съ какимъ-то упрямствомъ отчаянія долго не хотѣлъ и не могъ вѣрить своей утратѣ; долго сидѣлъ онъ надъ бездыханнымъ тѣломъ супруги, сжавши въ рукахъ своихъ охладѣвшую руку ея, и ждалъ, что она откроетъ глаза. Окруженный ея дѣтьми, онъ шелъ за ея гробомъ. Недолго она украшала тронъ свой, недолго была радостію новаго своего отечества, но милая память ея хранима любовію благодарною. Близъ Штутгарта есть высокій холмъ (Rothenberg), на которомъ нѣкогда стоялъ прародительскій замокъ фамиліи Виртембергской,—время его разрушило, но теперь на мѣстѣ его развалинъ воздвигнуто зданіе, столь же разительно напоминающее о непрочности всѣхъ земныхъ величій, церковь, въ которой должны храниться останки нашей Екатерины: прекрасная ротонда, съ четырьмя портиками. Памятникъ необыкновенно трогательный: съ порога этого надгробнаго храма восхитительный видъ на живую, всегда неизмѣнную природу. Въ Штутгартской русской церкви, въ которую приходила молиться Екатерина, все осталось (1821), какъ было при ней; кресла ея стоятъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Нельзя безъ грустнаго чувства смотрѣть на образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь императоръ: на немъ изображенъ святой Александръ Невскій, видны Нева, Зимній дворецъ и надъ ними радуга—свѣтлое, но минутное украшеніе здѣшняго неба.

Сосудъ любви сіяющій грядетъ;
И на тебя съ дѣтьми благословенье
Торжественно мольба съ небесъ зоветъ;
Въ часъ таинства, когда союзомъ тѣснымъ
Соединенъ житейскій міръ съ небеснымъ—

Уже въ сей часъ не будетъ, какъ бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Объ ней навѣкъ земное замолчало;
Небесному она передана;
Задернулось за нею покрывало...
Въ божественномъ святилищѣ она,
Незрима намъ, но, видя насъ оттолѣ,
Безмолвствуетъ при жертвенномъ престолѣ.

Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
Опущена завѣса Провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:
„Мужайтеся; душою не скорбите;
Съ надеждою и съ вѣрой приступите!“

ЦВѢТЪ ЗАВѢТА.

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселѣ ты съ непышной красотой
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
Чужда любви и сердцу безотвѣтна.

Но для меня твой видъ—очарованье;
Въ твоихъ листахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ милое цвѣтетъ воспоминанье;
Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ;
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною слетѣлося толпою,
И прошлое воскресло предо мною,

И всѣхъ друзей душа моя узнала...
Но гдѣ жь они? На мигъ съ путей земныхъ
На сѣверъ мой мечта васъ прикликала,
Сопутниковъ младенчества родныхъ...
Васъ жадная рука не удержала,
И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, затихъ.
О, будь же вамъ замѣною свиданья
Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья.

Онъ вспомнитъ вамъ союза часъ священный,
Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена...
О сладкій часъ! о вечеръ незабвенный!
Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
И свѣжая на землю тишина,
Какъ ясное предчувствіе, сходила;
Природа вся съ душою говорила.

И къ намъ тогда, какъ геній, прилетало
За пѣснею веселой старины,
Прекрасное, что нѣкогда бывало
Товарищемъ младенческой весны;
Отжившее намъ снова оживало;
Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
И время намъ казалось нелетящимъ.

И вѣрная была незримо съ нами...
Сіи окрестъ волшебныя мѣста,
Сей тихій блескъ заката за горами,
Сія небесъ вечернихъ чистота,
Сей миръ души, согласный съ небесами—
Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
Ея душа, присутствіемъ священнымъ,
Невидимымъ, по сердцу откровеннымъ.

И насъ ея любовь благословляла,
И ободрялъ на благо тихій гласъ...
Друзья, тогда судьба еще молчала
О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
Неизбранны, на днѣ ея фіала
Они еще таились въ оный часъ;
Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта...
Тогда былъ данъ вамъ мною цвѣтъ завѣта.

И гдѣ же вы?.. Разрозненъ кругъ нашъ тѣсный;
Разлучена веселая семья;
Изъ области младенчества прелестной
Разведены мы въ разные края...
Но розно ль мы? Повсюду въ поднебесной,
О вѣрные, далекіе друзья,
Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта,
Для насъ цвѣтетъ нашъ милый цвѣтъ завѣта.

Изъ сѣверной, любовію избранной,
И Промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный;
Что младости мечты совершены;
Что не вотще довѣренность въ надеждѣ,
И что теперь плѣнительно какъ прежде.

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
Еще одинъ товарищъ приведенъ..
На путь земной изъ люльки безопасной
Намъ подаетъ младую руку онъ;
Его лицо невинностію ясно,
И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ;
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердцѣ мнѣ грядущаго мечта:
Младенчества веселый сонъ промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;

Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести...

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна;
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
Что бъ ни было судьбы обѣтованье,
Лишь благомъ будь она освящена!..
Вы жъ, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символъ любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
Посолъ души, внимаемый душой,
О, вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ нами
О томъ, чего не выразить словами.

МОЙЕРУ.

Счастливецъ! сю ты любимъ,
Но будетъ ли она любима такъ тобою,
Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
Какъ пламенной моей душою?

Возьми жъ ихъ отъ меня и страстію своей
Достоинъ будь судьбы твоей прекрасной,
Мнѣ жъ сердце, и душа, и жизнь, и все напрасно,
Когда нельзя отдать всего на жертву ей.

КЪ ЭММѢ.

(Изъ Шиллера.)

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины.
Ахъ, звѣзды не приманить;
Счастью бывшему не быть!

Если бъ жадною рукою
Смерть отъ насъ тебя взяла,
Ты была бъ моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила.
Ты живешь въ сіяньи дня;
Ты живешь не для меня!

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердцѣ зажжено,
Умираетъ ли оно?

ВЪ АЛЬБОМЪ ЖЕНЫ С. Н. ГЛИНКИ.

НА СМЕРТЬ КРЕСТНИКА.

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родства, исчезъ;
Любовь Создателя его переселила
Съ невѣрныя земли въ пріютный край небесъ!
Воспоминаніемъ будь прошлое хранимо!
Но рокъ... имъ правитъ божество!..
Для насъ же все еще осталося родство
Въ утратѣ, дружбою дѣлимой.

КЪ МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМОМУ

ГЕНІЮ.

Скажи, кто ты, плѣнитель безымянной?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
Зачѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
И встарину про гостью неземную—
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ все во дни прекрасны
Такъ жило тамъ, въ счастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтло-ясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую жъ вѣсть принесъ ты, мой плѣнитель?
Или опять мечтой лишь поманишь,
И, прежнихъ думъ напрасный пробудитель,
О счастіи шепнешь и замолчишь?

О геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши;
Останься, будь мнѣ жизнію земною;
Будь ангеломъ-хранителемъ души.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Кто на блистательной видалъ ее чредѣ,
Тотъ все величія постигъ очарованье;
Тому, какъ тайный другъ, сопутникомъ вездѣ
Благотворящее о ней воспоминанье.

* * *

Въ парицахъ скромная, любовь страны своей,
И въ бурю бѣдъ она душой была спокойна,
И вѣкъ ея свой судъ потомству дастъ объ ней:
Была величія и счастія достойна.

КЪ ПОРТРЕТУ ГЁТЕ.

Свободу смѣлую принявъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслію надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ—
И ничему не покорился.

ЖИЗНЬ.

(Видѣніе во снѣ.)

Отуманеннымъ потокомъ
Жизнь унылая плыла;
Берегъ въ сумракѣ глубокомъ;
На холодномъ небѣ мгла;
Тьмою звѣзды обложило;
Бури нѣтъ—одинъ туманъ;
И вдали реветъ уныло
Скрытый мглою океанъ.

Было время—былъ день ясный,
Были пышны берега,
Были рощи сладкогласны,
Были зелены луга.
И за ней вились толпою
Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая съ мечтою
И живыхъ надеждъ семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
Мирный путь ея игрой,
И надъ нею разстилали
Благодатный парусъ свой.
Къ ней фантазія летала
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
И съ небесъ къ ней прикликала
Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
Надъ возвышенной главой,
И Хариту съ молодою
Музой, генія сестрой;
И она, ихъ внемля пѣнье,
Засыпала въ тишинѣ,
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ!..

Все пропало, измѣнило:
Разлетѣлися друзья;
Въ безднѣ брошена унылой
Одинокая ладья;
Року странница послушна,
Не желаетъ и не ждетъ,
И прискорбно-равнодушна
Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрепетало
Надъ поверхностью зыбей!
Что же прелестью бывалой
Вдругъ повѣяло надъ ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный вѣтерокъ;
Сонный парусъ развернулся;
Дрогнулъ руль; быстрѣй челнокъ.

Смотритъ... ангеломъ прекраснымъ
Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
Улыбнулся, взоромъ яснымъ
Подарилъ и въ лодку сѣлъ;
И запѣлъ онъ пѣснь надежды;
Жизнь очнулась, ожила,
И съ волненьемъ робки вѣжды
На красавца подняла.

Видитъ... мрачность разлетѣлась;
Снова зеркальна вода;
И привѣтно загорѣлась
Въ небѣ яркая звѣзда;
И въ нее проникла радость,
Прежней вѣры тишина,
И какъ-будто снова младость
Съ упованьемъ отдана.

О хранитель, небомъ данной!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.

ЧИЖИКЪ.

Въ могилѣ сей покоится Мими,
Прекрасныя природы гость мгновенной:
Примѣромъ былъ онъ дружбы неизмѣнной
Межъ птицами и даже межъ людьми.
Пока былъ живъ товарищъ легкокрылый,
Мими игралъ и жить любилъ, и пѣлъ;
Но вѣрный другъ изъ міра улетѣлъ—
Мими за нимъ покинулъ свѣтъ постылый.
Покойся жъ здѣсь, плѣнительный пѣвецъ!
Намъ доказалъ нежданный твой конецъ,
Что безъ любви—могила жизни краше,
Что наша жизнь лишь тамъ, гдѣ сердце наше.

ПРАМАТЕРЬ ВНУКѢ.

(НА ПЕРВОЕ ПРИЧАЩЕНІЕ В. КН. МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ.)

Мое дитя, со мною отъ купели
Твой первый шагъ житейскій соверши;
Твои глаза едва еще прозрѣли;
Едва зажженъ огонь твоей души...
Но ризой ты вѣнчальной ужъ одѣта,
Обручена съ священнымъ бытіемъ;
Тебя несетъ праматерь къ прагу свѣта:
Отвѣдать жизнь предъ вѣчнымъ алтаремъ.

Не чувствуя, не видя и не зная,
Ты на моихъ покоишься рукахъ;
И благодать, младенчеству родная,
Тебя принять готова въ сихъ вратахъ;
Съ надеждою, съ трепещущимъ моленьемъ
Я подхожу къ святынѣ ихъ съ тобой:
Тебя явить предъ вѣчнымъ Провидѣньемъ,
Его рукѣ повѣрить жребій твой.

О часъ судьбы! о тихій мой младенецъ!
Пришедъ со мной къ предѣлу двухъ міровъ,
Ты ждешь, земли недавній уроженецъ,
Чтобъ для тебя поднялся тотъ покровъ,
За коимъ все, что вѣрно въ жизни нашей.
Приступимъ... дверь для насъ отворена;
Не трепещи предъ сею тайной чашей—
Тебѣ несетъ небесное она.

Пей жизнь, дитя, изъ чаши Провидѣнья,
Съ младенчески-невинною душой;
Мы предстоимъ святилищу спасенья,
И здѣсь Его престолъ передъ тобой;
Къ сей пристани таинственно дорога
Проложена сквозь опытъ бытія...
О, новое дитя въ семействѣ Бога,
Прекрасная отчизна здѣсь твоя.

Сюда иди покорно и смиренно
Со всѣмъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ,
Небесному будь въ сердцѣ неизмѣнно—
Небесное тебѣ не измѣнитъ.
Что ни придетъ съ незнаемымъ грядущимъ—
Все будетъ даръ хранительной руки;
Мы на землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ;
Вездѣ къ Нему душой недалеки.

Свершилось!.. Ты ль, посолъ небесъ крылатый,
Исходишь къ ней изъ таинственныхъ вратъ?
Ты ль Промысломъ назначенный вожатый,
Земной сестрѣ небесный, вѣрный братъ?
Прими жъ ее, божественный хранитель;
Будь въ радости и въ скорби съ сей душой;
Будь жизни ей утѣшный изъяснитель,
И не покинь до родины святой.

УТРО НА ГОРѢ.

Взошла заря. Дыханіемъ пріятнымъ
Сманила сонъ она съ моихъ очей.
Изъ хижины за гостемъ благодатнымъ,
Я восходилъ на верхъ горы моей;
Жемчугъ росы по травкамъ ароматнымъ
Уже блисталъ младымъ огнемъ лучей,
И день взлетѣлъ, какъ геній свѣтлокрылый,
И жизнью все живому сердцу было!

Я восходилъ... Вдругъ тихо закурился
Туманный дымъ съ долины надъ рѣкой,
Густѣлъ, рѣдѣлъ, тянулся и клубился,
И вдругъ взлетѣлъ крылатый надо мной.
И яркій день съ нимъ въ блѣдный сумракъ слился.
Задернулась окрестность пеленой,
И влажною пустыней окруженный
Я въ облакахъ исчезъ уединенный.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПОСЕЛЯНКА.

(Изъ Гёте.)

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей.
Здѣсь подъ скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близъ тебя.

ПОСЕЛЯНКА.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?..
Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣетъ;
Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

ПОСЕЛЯНКА.

Взойди на верхъ горы:
Въ кустарникѣ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною;
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

ПОСЕЛЯНКА.

Иди впередъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Покрытый мохомъ архитравъ...
Я узнаю тебя, творящій геній?
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Все далѣ, странникъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

И надпись подъ моей ногою;
Ее затерло время;
Ты удалилось,
Глубоко-врѣзанное слово,
Рукой творца нѣмому камню

Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.

ПОСЕЛЯНКА.

Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнямъ?
Подобныхъ много
Близъ хижины моей.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Гдѣ? гдѣ?

ПОСЕЛЯНКА.

Тамъ, на вершинѣ,
Въ кустахъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Что вижу? Музы и Хариты.

ПОСЕЛЯНКА.

То хижина моя.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Обломки храма.

ПОСЕЛЯНКА.

Вблизи бѣжитъ
И ключъ студеный,
Въ которомъ воду мы беремъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Не умирая, вѣешь
Ты надъ своей могилой,
О геній! надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье...
А ты безсмертенъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Помедли, странникъ, я подамъ
Кувшинъ, напиться изъ ручья.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ божественно-прекрасный.
Какъ величаво
Надъ этой грудою обломковъ
Возносится чета столбовъ:
А здѣсь ихъ одинокій братъ.
О, какъ они—
Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны—
Скорбя, величественно смотрятъ
На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братій;
Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ
Подъ камнями, подъ прахомъ
Лежатъ они, и вѣтеръ
Травой надъ ними шевелитъ.
Какъ мало дорожишь, природа,
Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
Сама святилище свое
Безчувственно ты раздробила,
И тернъ посѣяла на немъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Какъ спитъ младенецъ мой.
Войдешь ли, странникъ,
Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волѣ отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшинъ водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Прекрасенъ твой покой...
Какъ тихо дышитъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья.
Ты, на святыхъ остаткахъ
Минувшаго рожденный,
О, будь съ тобой его великій геній;
Кого присвоитъ онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный;
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Услышь тебя Господь!.. А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ, даръ скудный, но отъ сердца.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтетъ кругомъ
И живо зеленѣетъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля
Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Жилище ваше здѣсь?

ПОСЕЛЯНКА.

Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ,
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ,
И умеръ на рукахъ у насъ...
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ, какъ онъ играетъ!
О милый!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

О, вѣчный сѣятель, природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь;
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижины пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаетъ,
Лѣпя свое гнѣздо.

Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты среди великихъ
Минувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами.
Прости, младая поселянка.

ПОСЕЛЯНКА.

Уходишь, странникъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Да Богъ благословитъ
Тебя и твоего младенца!

ПОСЕЛЯНКА.

Прости же! добрый путь!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою?

ПОСЕЛЯНКА.

Дорога эта въ Кумы.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Далекъ ли путь?

ПОСЕЛЯНКА.

Три добрыхъ мили.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Прости!
О, будь моимъ вождемъ, природа;
Направь мой страннический путь;
Здѣсь надъ гробами
Священной древности скитаюсь;
Дай мнѣ найти пріютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый,
Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала.
Когда жъ, въ вечерній часъ,
Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучомъ заката позлащенный:
Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ навстрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

1820.

П Ѣ С Н Я.

Отымаетъ наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ;
Не одно ланитъ пыланіе
Тратимъ съ юностью живой—
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юности самой.

Наше счастіе разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ;
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный челнъ;
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Челнъ безпарусный манитъ.

Хладъ, какъ-будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ намъ;
Къ наслажденью охлажденная,
Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа заглушена,
И навѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или прежнее ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ—
То обманъ; то плющъ играющій
По развалинамъ сѣдымъ:
Сверху листъ благоухающій—
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старинѣ;
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ.
Сладко, сладко появленіе
Ручейка въ пустой глуши;
Такъ и слезы—освѣженіе
Запустѣвшія души.

ТРИ ПУТНИКА.

(Изъ Уланда.)

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.

„Прими, пріюти насъ на темную ночь;
Но гдѣ же красавица? гдѣ твоя дочь?"

— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя.—

Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ;
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.

И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой:

„Ахъ, если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною бъ отнынѣ любима была!"

Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ, и взоръ опустилъ:

„Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!"

По третій опять покрывало поднялъ,
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:

„Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить!“

1821.

Тѣснятся всѣ къ тебѣ во храмъ,
И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
Тебѣ приносятъ ѳиміамъ,
Тебя гремящимъ славятъ пѣньемъ;
Я одинокъ въ углу стою—
Какъ жизнью полонъ я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебѣ душою.

ЛАЛЛА РУКЪ.

Милый сонъ, души плѣнитель,
Гость прекрасный съ вышины,
Благодатный посѣтитель
Поднебесной стороны,
Я тобою насладился
На минуту, но вполнѣ:
Добрымъ вѣстникомъ явился
Здѣсь небеснаго ты мнѣ.

Мнилъ я быть въ обѣтованной
Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ;
Мнилъ я зрѣть благоуханный,
Безмятежный Кашемиръ;
Видѣлъ я: торжествовали
Праздникъ розы и весны,
И пришелицу встрѣчали
Изъ далекой стороны.

И блистая, и плѣняя—
Словно ангелъ неземной—
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Свѣтлый завѣсъ покрывала
Отѣнялъ ея черты,
И застѣнчиво склоняла
Взоръ умильный съ высоты.

Все—и робкая стыдливость
Подъ сіяніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
И величіе лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной—
Все въ ней было безъ искусства
Неописанной красой.

Я смотрѣлъ—а призракъ мимо
(Увлекая душу вслѣдъ)
Пролеталъ невозвратимо;
Я за нимъ... его ужъ нѣтъ!
Посѣтилъ, какъ упованье;
Жизнь минуту озарилъ;
И оставилъ лишь преданье,
Что когда-то въ жизни былъ.

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты;
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты;
Онъ поспѣшенъ, какъ мечтанье,
Какъ воздушный утра сонъ;
Но въ святомъ воспоминаньѣ
Неразлученъ съ сердцемъ онъ.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія бываетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благотворныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
Что нашъ міръ животворитъ,
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душою говоритъ;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

ЯВЛЕНІЕ ПОЭЗІИ
ВЪ ВИДѢ ЛАЛЛА РУКЪ.

Къ востоку я стремлюсь душою;
Прелестная впервые тамъ
Явилась въ блескѣ надъ землею
Обрадованнымъ небесамъ.

Какъ утро юнаго творенья,
Она плѣнительна пришла,
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

Вездѣ любовь ее встрѣчаетъ;
Цвѣтетъ ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняетъ
Обычай родины она.

Такъ пролетѣла здѣсь, блистая
Востока пламеннымъ вѣнцомъ,
Богиня пѣсней молодая
На паланкинѣ золотомъ.

Какъ свѣжей утренней порою
Въ жемчугѣ утреннемъ цвѣты,
Она плѣняла красотою,
Своей не зная красоты.

И намъ съ своей улыбкой ясной,
Въ своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Всеобновляющей весной.

Сама гармонія святая
Ея, намъ мнилось, бытіе,
И мнилось, душу разрѣшая,
Манила въ рай она ее.

При ней всѣ мысли наши—пѣнье!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ—все пѣсня въ ней.

ОБѢТЫ.

(Изъ Гёте.)

Будьте, о духи лѣсовъ, будьте, о нимфы потока,
Вѣрны далекимъ отъ васъ, доступны близкимъ друзьямъ.
Нѣтъ ихъ, нѣкогда здѣсь безпечною жизнію жившихъ;
Мы, смѣняя ихъ, имъ вслѣдъ смиренно ко счастью идемъ.
Съ нами любовь обитай, богиня радости чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое съ ней!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. А. АЛЯБЬЕВОЙ

(рожденной Римской-Корсаковой).

Кто васъ случайно въ жизни встрѣтитъ,
Тотъ день нечаянный такой
Межъ днями счастія замѣтитъ,
И скажетъ случаю „спасибо“ всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо! всей душой сказалъ
За то, что мнѣ онъ на дорогу
Попутчикомъ любезнымъ далъ
Пріятное объ васъ воспоминанье.
На чужѣ страннику сей даръ благодѣянье!
Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
Веселый веселѣе вдвое!
Кто жъ разъ увидѣлъ васъ, тому невольно въ грудь
Вселяется желаніе живое:
Чтобъ въ жизни встрѣтить васъ еще когда-нибудь,
Чтобъ, стоя счастія, вы и счастливы были,
Но чтобъ и новаго знакомца не забыли.

---

* * *

Узрѣвъ черты сіи плѣнительно-живыя,
Какъ можно тайну угадать!
Всякъ скажетъ: двѣ сестры прелестно-молодыя;
Никто не скажетъ: дочь и мать.

1822.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

(Изъ Уланда.)

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турнирѣ.
Всѣ—цвѣточки полевые;
А моя одна—какъ роза.
На нее глядѣлъ я смѣло,
Какъ орелъ глядитъ на солнце.
Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
Разгоралося забрало!
Какъ рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый твердый панцырь!
Свѣтлыхъ взоровъ тихій пламень
Сталъ душѣ моей пожаромъ;
Сладкошепчущія рѣчи
Стали сердцу бурнымъ вихремъ
И она—младое утро—
Стала мнѣ грозой могучей;
Я помчался, я ударилъ—
И ничто не устояло.

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней —
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой:
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей

Задумчивость на сердце наводила.
Вдругъ... покрывало подняла...
Трикраты имъ куда-то поманила...
И скрылася... какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье...
Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

МОРЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое свѣтлое небо къ себѣ?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечерпимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты небомъ любуясь, дрожишь за него.

1823.

—

19-го МАРТА 1823.

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай, спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

ОТВѢТЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ

НА ЕГО СТИХИ: „ВОСПОМИНАНІЕ“.

Ты въ утѣшители зовешь воспоминанье,
Глядишь безъ прелести на свѣтъ,
И раззнакомилось съ душой твоей желанье,
И вѣры къ будущему нѣтъ.

О другъ, въ твоемъ мое мнѣ сердце отозва-
Я понимаю твой удѣлъ; [лось,
И мнѣ вожатымъ быть желанье отказалось,
И мой свѣтильникъ поблѣднѣлъ;

Смѣнилъ блестящія мечтательныя краски
Однообразный жизни свѣтъ;
Изъ-подъ обманчиво-смѣющіяся маски
Угрюмый выглянулъ скелетъ.

На что же, другъ, хотѣлъ призвать воспоми-
Мечты не дозовемся мы: [нанье?
Безъ утоленія пробудимъ мы желанье;
На небо взглянемъ изъ тюрьмы.

АНГЕЛЪ И ПѢВЕЦЪ *).

Кто ты, ангелъ свѣтлоокой,
Съ лучезарною звѣздой.
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на сѣверъ мой?

„Прилетѣлъ я изъ прекрасной
Полуденной стороны,
Гдѣ безъ зноя небо ясно,
Гдѣ предѣлъ младой весны.“

Сладко мнѣ твое явленье!
Гость воздушный, въ добрый часъ!
Полюбуйся на творенье
И на сѣверѣ у насъ;

Но плѣнительному югу
Для чего жъ ты измѣнилъ?..
„Небомъ данную подругу
Я на сѣверъ проводилъ.

„Гдѣ надъ Неккаромъ дубровы
Сѣннолиственны шумятъ,
Гдѣ на холмѣ пурпуровый
Созрѣваетъ виноградъ,

„Тамъ, сердца обворожая
Тихой прелестью своей,
Непорочно молодая
Расцвѣтала дочь царей.

*) Стихотвореніе относится къ пріѣхавшей въ Гатчино невѣстѣ в. кн. Михаила Павловича, виртембергской принцессѣ Шарлоттѣ.

„Спутникъ ей отъ колыбели,
Тайно зрѣлъ я, какъ въ тиши
Родилися и созрѣли
Красоты ея души.

„Провидѣніе судило
Вамъ питомицу мою.
Даръ примите; все, что мило,
Съ нею вамъ передаю“.

Свѣтлый ангелъ, съ лучезарной
Путеводною звѣздой,
Милый даръ твой благодарно
Принимаетъ сѣверъ мой.

Здѣсь подъ сѣнію державы
Благотворныя, живетъ,
Вѣрный ей, достойный славы
И прославленный народъ.

И любима имъ младая
Будетъ спутница твоя;
Здѣсь готова ей родная
Съ нѣжной матерью семья.

И съ довѣрчивымъ участьемъ,
Съ сердцемъ, гдѣ добро живетъ,
Здѣсь ее, дѣлиться счастьемъ,
Дружба радостная ждетъ.

И младой душѣ супруга
Жизнь другую дастъ она,
И союза ихъ подруга
Будетъ радость имъ вѣрна!..

Ты же, ангелъ, проводившій
Къ намъ ее въ полночный край,
Ты, досель ее хранившій,
И отнынѣ сохраняй.

„Навсегда съ ея душою
Будетъ вѣрный ангелъ жить,
И хранительной звѣздою
Неизмѣнно ей свѣтить.

„И уже въ странѣ лазурной,
За границею земной,
Духи жизни съ тайной урной
Собрались передъ судьбой:

„Умоляютъ, уповаютъ,
Съ умиленной вѣрой ждутъ,
И цвѣтами обвиваютъ
Полный жребіевъ сосудъ“.

Дай обѣтамъ исполненье;
О судьба, не измѣни!
Провидѣнье, Провидѣнье,
Защити и сохрани!

---

* * *

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе летало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно—
И для меня въ то время было:
Жизнь и поэзія одно.

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата?
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты—
Кладу на твой алтарь священной,
О геній чистый красоты!

Не знаю свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда—
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло очарованье;
Былое сбудется опять.

1824.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

воспитанницъ общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1824 года.

Прости, убѣжище святое,
Гдѣ наше утро золотое
Такъ мирно радовало насъ!..
Въ защитномъ здѣсь уединеньѣ
Мы зрѣли райское видѣнье,
Небесный слышали мы гласъ;
Но райскій призракъ улетаетъ.
Небесный голосъ умолкаетъ...
Спѣшитъ, спѣшитъ разлуки часъ.

О ты, младенчества обитель,
Да будетъ геній твой хранитель—
Всегда хранитель вѣрный твой;
Да будетъ все, что здѣсь бывало,
Что насъ лелѣяло, плѣняло—
Невинность, радостный покой,
И легкій трудъ, и отдыхъ ясной,
И дѣтскихъ лѣтъ союзъ прекрасной—
Неизмѣняемо съ тобой.

Мы, уводимыя судьбою,
Съ благословеньемъ и мольбою
Стремимъ къ тебѣ послѣдній взглядъ,

Предѣлъ покоя и свободы,
Вы, древни стѣны, пышны воды,
Забавъ свидѣтель, мирный садъ;
Для насъ прошли безпечны лѣта,
Мы покидаемъ васъ для свѣта,
Мы не придемъ уже назадъ.

Еще мы здѣсь рука съ рукою,
Но близокъ часъ—и за судьбою
Путями разными пойдемъ.
Здѣсь вмѣстѣ мы ввѣрялись счастью;
А тамъ, подъ тайной рока властью,
Мы всѣ иное обрѣтемъ;
Готовитъ свѣтъ намъ испытанье;
Да будетъ же воспоминанье
Для насъ хранящимъ божествомъ.

Минувшее не миновалось;
Во глубинѣ души осталось
Оно сокровищемъ святымъ;
И мы, не розно и въ разлукѣ,
Къ житейской приступивъ наукѣ,
Надеждой сердце ободримъ.
Здѣсь, въ тишинѣ уединенья,
Мы были дѣти Провидѣнья—
И въ шумѣ свѣта будемъ съ нимъ.

Его, его мы призываемъ;
Его храненью повѣряемъ
Здѣсь покидаемыхъ друзей.
Живите, радуйтесь, играйте,
И, намъ подобно, расцвѣтайте,
Подруги нашихъ лучшихъ дней;
И нашу матерь—нашу радость—
Да утѣшая, ваша младость
Объ насъ напоминаетъ ей.

О наша милая, родная,
Твою обитель покидая,
Уносимъ въ сердцѣ образъ твой;
И чтó бъ въ грядущемъ насъ ни ждало,
Повсюду будетъ, какъ бывало,
Для насъ любимою мольбой:
„Чтобъ небо милую хранило,
Чтобъ долго дней ея свѣтило
Сіяло радостью земной".

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ *).

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго,
Младой денницей пробужденъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ, цвѣты, прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія;
Вамъ не понятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія,
Безъ горя забываешь васъ.
Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается,
Какъ вы, минутный вѣтерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два не надменные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ пышнаго сіянія;
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы цвѣтъ другой.

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца—упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

*) Стихи, написанные въ альбомъ Н. И. И. на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ.—*В. Ж.*

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилетѣлъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?

Не надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ

Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?..
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ.
Ахъ! тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ...
Снятъ покровъ; любви не стало;
Жизнь пуста и счастье сонъ.

Не волшебница ли дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь поэзія была?..
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ,
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало
И въ далекое манитъ.

1825.

НОЧЬ.

Ужъ утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

ПѢСНЯ.

Птичкой пѣвицею
Быть бы хотѣлъ;
Съ юной денницею
Я бъ прилетѣлъ
Первый къ твоимъ дверямъ;
Въ нихъ бы порхнулъ
И къ молодымъ грудямъ
Милой прильнулъ.

Будь я сіяніемъ
Дневныхъ лучей,
Слитый съ пыланіемъ
Яркихъ очей,
Щеки бъ румяныя
Жарко лобзалъ,
Въ перси бы рдяныя
Вкравшись, пылалъ.

Если бъ я сладостнымъ
Былъ вѣтеркомъ,
Вѣяньемъ радостнымъ
Тайно кругомъ
Милой леталъ бы я;
Съ доловъ, съ луговъ
Къ ней привѣвалъ бы я
Запахъ цвѣтовъ.

Сталъ бы я, сталъ бы я
Эхомъ лѣсовъ;
Все повторялъ бы я
Милой: любовь...
Ахъ! но напрасное
Я загадалъ;
Тайное, страстное
Кто выражалъ?

Птичка, небесный цвѣтъ,
Бѣгъ вѣтерка,
Эха лѣсной привѣтъ
Издалека—
Быстры, но ясное
Намъ безъ рѣчей,
Тайное, страстное,
Все ихъ быстрѣй.

1826.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ИНСТИТУТА

НА ПОСЛѢДНЕМЪ ЭКЗАМЕНѢ, ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ИХЪ, 1826 ГОДА ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ.

Разстаемся, разстаемся
Мы съ предѣломъ дѣтскихъ лѣтъ;
Мы судьбѣ, зовущей въ свѣтъ,
Невозвратно предаемся.
Будь, что намъ пошлетъ она...
Въ этотъ часъ не упованьемъ,
Но святымъ воспоминаньемъ
Въ насъ душа напоена.

Здѣсь спокойно протекали
Золотые наши дни:
Какъ младенчество, они
Сномъ плѣнительнымъ пропали.
Часто въ нашъ безпечный кругъ
Матерь милая являлась,
Къ намъ привѣтливо ласкалась,
Намъ была нѣжнѣйшій другъ.

Былъ у насъ другой хранитель,
Честь земли, земли краса;
Онъ ужъ взятъ на небеса;
Небеса его обитель.
И напрасно мы хотимъ
Возвратить его мольбами:
Онъ невидимо надъ нами,
Но для насъ невозвратимъ.

Ахъ, изъ той небесной сѣни,
Гдѣ таишься ты отъ насъ,
Преклонись на дѣтскій гласъ,
Удалившійся нашъ геній;
Утѣшеніемъ слети
Къ сердцу матери томимой,
Будь сопутникъ ей незримый,
Снова миръ ей возврати.

1827.

НЕВЫРАЗИМОЕ.

(Отрывокъ.)

Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И разновидное съ единствомъ согласила;
Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
Едва, едва одну ея черту
Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли въ мертвое живое передать?
Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святыя таинства, лишь сердце знаетъ васъ.
Не часто ли въ величественный часъ
Вечерняго земли преображенья—
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена—
Спирается въ груди болѣзненное чувство?
Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
Ненареченному хотимъ названье дать,
И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,
По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
Сіи картины береговъ
Въ пожарѣ пышнаго заката—
Сіи столь яркія черты,
Легко ихъ ловитъ мысль крылата,
И есть слова для ихъ блестящей красоты;
Но то, что слито съ сей блестящей красотою—
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее внезапно дуновенье
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ,
Святая молодость, гдѣ жило упованье),
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ—
Какой для нихъ языкъ?.. Горѣ душа летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится
И лишь молчаніе понятно говоритъ.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ.

Солнцу разъ сказалъ Борей:
„Солнце, ярко ты сіяешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своихъ лучей!..
Но сравнишься ль ты со мною?
Я сто разъ тебя сильнѣй!
Захочу—пущусь, завою
И въ минуту мракомъ тучъ
Потемню твой яркій лучъ.
Всей землѣ свое сіянье
Ты безъ шума раздаешь,
Тихо на небо взойдешь,
Продолжаешь путь въ молчаньѣ,
И закатъ спокоенъ твой.
Мой обычай не такой!
Съ ревомъ, свистомъ я летаю,
Всѣхъ верчу, все возмущаю,
Все дрожитъ передо мной.
Такъ не я ли царь земной?..
И труда не будетъ много
То на дѣлѣ доказать.
Хочешь власть мою узнать?
Вотъ, гляди: большой дорогой
Путешественникъ идетъ;
Кто скорѣй съ него сорветъ
Плащъ, которымъ онъ накрылся,
Ты иль я?..“ И вмигъ Борей
Всею силою своей,
Какъ неистовый, пустился
Съ путешественникомъ въ бой.
Тянетъ плащъ съ него долой!
Но напрасно онъ хлопочетъ...
Путешественникъ впередъ
Все идетъ себѣ, идетъ,
Уступить никакъ не хочетъ
И плаща не отдаетъ.
Наконецъ, Борей въ досадѣ
Замолчалъ; и вдругъ изъ тучъ
Показало Солнце лучъ,
И при первомъ Солнца взглядѣ,

Оживленный теплотой,
Путешественникъ по волѣ
Плащъ, ему не нужный болѣ,
Снялъ съ себя своей рукой,
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
„Безразсудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь, злобы самовластной
Милость кроткая сильнѣй!“

УМИРАЮЩІЙ ЛЕБЕДЬ.

День ужъ къ вечеру склонялся,
Дряхлый лебедь умиралъ.
Онъ въ тѣни деревъ лежалъ,
Тихо съ жизнію прощался,
И при смерти сладко пѣлъ.
И надъ нимъ сидѣлъ уныло
Голубочекъ сизокрылый,
Слушалъ пѣніе, смотрѣлъ,
Какъ покойно онъ кончался,
И грустилъ и восхищался.
„Что глядишь на старика?“
Такъ спросила голубка,
Легкомысленная утка.
„Ахъ! для сердца и разсудка
Смерть его святой урокъ!“
Отвѣчалъ ей голубокъ.
„Слышишь, какъ онъ сладкогласно
При концѣ своемъ поетъ!
Кто на свѣтѣ жилъ прекрасно,
Тотъ прекрасно и умретъ!“

МОГИЛА.

Въ лонѣ твоемъ глубокомъ и темномъ покоится тайно
Весь человѣческій жребій. Скорби, рыданье, сомнѣнье,
Страсти навѣки въ твой засыпаютъ цѣлебный пріютъ.
Мука любви и блаженство любви не тревожатъ тамъ болѣ
Груди спокойной. О жизнь, ты трепета полная буря!
Только въ безмолвно-хранительномъ мракѣ могилы безвластенъ
Рокъ... Мы тамъ забываемся сномъ безпробуднымъ, быть-можетъ,
Сны прекрасные видя. О! тамъ не кипитъ, не пылаетъ
Кровь и терзанія жизни не рвутъ охладѣвшаго сердца.

ЛЮБОВЬ.

По волѣ природы,
На лонѣ душистомъ
Въ цвѣтущей долинѣ,
И въ пышномъ чертогѣ,
И въ звѣздномъ блистаньи
Безмолвныя ночи
Дышу лишь тобою.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
Въ меня ты вливаешь;
Въ веснѣ животворной,
Въ цвѣтахъ благовонныхъ
Меня ты объемлешь
Спокойствіемъ неба,
Святая любовь.

КЪ МЛАДЕНЦУ.

Во дни твоей весны,
Не вѣдая тревогъ,
Ты радостью цвѣтешь,
Прекрасное дитя.
Небесная лазурь,
И свѣжіе цвѣты,
И свѣтлая роса,
И зелень молодыхъ
Деревьевъ и полей,
Все, все, младенецъ мой,
Улыбкою любви
Привѣтствуетъ тебя.

УТѢШЕНІЕ.

Слезы свои осуши, проясни омраченное сердце,
Къ небу глаза подыми: тамъ утѣшитель Отецъ.
Тамъ Онъ твою сокрушенную жизнь, твой вздохъ и молитву
Слышитъ и видитъ. Стучися, вѣруя въ благость Его.
Если же силу души потеряешь въ страданьи и страхѣ,
Къ небу глаза подыми: силу Онъ новую дастъ.

КЪ СЕСТРАМЪ И БРАТЬЯМЪ.

Рано отъ печальной
Жизни вы сокрылись.
Но объ васъ ли плакать?
Вы давно въ могилѣ
Сномъ спокойнымъ спите.
Васъ, друзья, въ лицо я
Прежде не видала,
Васъ въ печальной жизни
Вѣчно я не встрѣчу,
Но за вами сердцемъ
Я изъ жизни рвуся;
И глубоко въ сердцѣ
Слышится мнѣ голосъ:
„Все—мнѣ говоритъ онъ—
Живо здѣсь любовью:
Ею къ намъ нисходитъ
Самъ Создатель съ неба,
И къ Нему на небо
Ею мы восходимъ“.

ЖАЛОБА.

О, гдѣ вы, прекрасные дни?
Куда улетѣли такъ скоро?
Печаль поселилась въ душѣ,
Весельемъ дышавшей такъ вольно.
О, гдѣ вы, младенчески дни,
Земное небесъ привидѣнье,
Когда и цвѣтокъ въ волосахъ
Бывалъ намъ сокровищемъ жизни?
Порывисто вѣтеръ подулъ—
Весенняя роза поблекла.
Едва я успѣла расцвѣсть—
Уже безотрадная вяну.

ТОСКА.

Младость легкая порхаетъ
Въ свѣжемъ радости вѣнкѣ,
И прекрасно передъ нею
Жизнь цвѣтами убрана.
Для меня жъ въ благоуханьи
Упоительной весны
Несказанное волненье,
Несказанная тоска.
Сердце мукой безымённой
Все проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то
Все зоветъ какой-то гласъ.

СТРЕМЛЕНІЕ.

Часто, при тихомъ сіяніи мѣсяца, полная тайной
Грусти сижу я одна, и вздыхаю и плачу; и душу
Вдругъ обнимаетъ мою содроганье блаженства. Живая,
Свѣжая, чистая жизнь приливаетъ къ душѣ, и глазами
Вижу я то, что въ гармоніи струнъ лишь дотолѣ таилось;
Вижу незнаемый край, и мнѣ сквозь лазурное небо
Свѣтится издали радостно, ярко звѣзда упованья.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

воспитанницъ общества благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1827 года.

Миновались, миновались
Дни младенчества для насъ,
Сами прежде разставались
Мы съ подругами не разъ;
Со слезами провожали
Ихъ въ незнаемый намъ свѣтъ,
И молитвы посылали
Удалившимся вослѣдъ.

Ахъ, пришло и наше время
Слышать грустное прости!
Взять заботной жизни бремя,
Въ свѣтъ незнаемый итти.
О друзья, друзья, внемлите
Удаляющихся гласъ:
Сохраните, сохраните
Память добрую объ насъ.

Мы идемъ, куда отселѣ
Небеса насъ поведутъ;
Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
Два сопутника насъ ждутъ;
Одобритель—упованье,
Геній младости живой;
И любовь—воспоминанье,
Стражъ земного неземной.

О святое упованье,
Озаряй намъ жизни даль,
Счастью будь очарованье,
Заговаривай печаль;
Міръ невидимо-небесный
Въ мірѣ видимомъ являй
И въ предѣлъ, душѣ извѣстный,
По землѣ насъ провожай.

Ты же, другъ—воспоминанье,
Съ нами будь; пролей свое
Благодатное сіянье
На земное бытіе;
Говори о томъ, что было
Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ,
Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
То, чего ужъ въ жизни нѣтъ.

Ликъ твой душу утѣшаетъ;
Онъ ей сладостно знакомъ:
Намъ хранительно сіяетъ
Покидаемая въ немъ.
Ты—она! въ твоей святынѣ
Все для насъ заключено;
Гдѣ ни будемъ, намъ отнынѣ
Мысль о ней и жизнь—одно.

КЪ ГЁТЕ.

Творецъ великихъ вдохновеній,
Я сохраню въ душѣ моей
Очарованіе мгновеній
Столь счастливыхъ въ близи твоей.

Твое вечернее сіянье
Не о закатѣ говоритъ;
Ты юноша среди созданья;
Твой геній, какъ творилъ, творитъ.

Я въ сердцѣ уношу надежду
Еще здѣсь встрѣтиться съ тобой:
Землѣ знакомую одежду
Не скоро скинетъ геній твой.

Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
Твоею музою я жилъ,
И для меня твой геній, Гёте,
Животворитель жизни былъ.

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ;

Тогда бъ вокругъ меня создался
Иной чудесно-пышный свѣтъ;
Тогда бъ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ.

1829.

СМЕРТНЫЙ И БОГИ.

Клеанту умъ вскружилъ Платонъ.
Мечталъ ежеминутно онъ
О той гармоніи свѣтилъ,
О коей мудрый говорилъ.
И сталъ Зевеса онъ молить,
Хотя минуту усладить
Его симъ таинствомъ небесъ...
„Несчастный! отвѣчалъ Зевесъ,
О чемъ ты молишь? Смертнымъ, вамъ
Внимать не должно небесамъ,
Пока вы жители земли!“
Но онъ упорствовалъ. „Внемли!
Отецъ, тебя твой молитъ сынъ!“
И неба мощный властелинъ
Безумной просьбѣ уступилъ
И слухъ безумцу отворилъ:
И сталъ внимать онъ небесамъ,
Но что жъ послышалося тамъ?..
Земныхъ громовъ стозвучный стукъ,
Всѣхъ молній свистъ, изъ мощныхъ рукъ
Зевеса льющихся на насъ,
Всѣхъ яростныхъ органовъ гласъ
Слабѣй жужжанья мошки былъ
Предъ сей гармоніей свѣтилъ!
Онъ поблѣднѣлъ, онъ въ прахъ упалъ.
„О, что ты мнѣ услышать далъ?
То ль небеса твои, отецъ?..“
И рекъ Зевесъ: „Смирись, слѣпецъ!
И знай: доступное богамъ
Вовѣки недоступно вамъ!
Ты слышишь бурю грозныхъ силъ...
А я—гармонію свѣтилъ“.

ПАМЯТНИКИ.

1. (Изъ Гёте.)

То мѣсто, гдѣ былъ добрый, свято.
Для самыхъ позднихъ внуковъ тамъ звучитъ
Его благое слово и живетъ
Его благое дѣло.

2. (Съ англійскаго.)

Кто скрытъ во глубинѣ сихъ гордыхъ пирамидъ?
Внимай! Забвенье здѣсь со смѣхомъ говоритъ:
Они мои! я ихъ пожрало!
Воспоминанье здѣсь оковы разорвало.

МЫСЛИ.

(Изъ Гёте.)

1.

Чистъ душой ты былъ вчера,
Нынѣ дѣйствуешь прекрасно—
И отъ завтра жди добра:
Бывшимъ будущее ясно.

2.

Будь несолнеченъ нашъ глазъ—
Кто бы солнцемъ любовался?
Не живи духъ Божій въ насъ—
Кто бъ божественнымъ плѣнялся?

ГОМЕРЪ.

(Изъ Гердера.)

Вѣки идутъ, и вѣки уходятъ; а пѣсни Гомера
Все раздаются, и вѣченъ Гомеровъ вѣнецъ.
Долго думавъ, природа вдругъ создала и, создавши,
Молвила такъ: одного будетъ Гомера землѣ!

---

* * *

Нѣкогда Музъ угостилъ у себя Геродотъ дружелюбно.
Каждая Муза ему книгу оставила въ даръ.

1831.

ДВѢ ЗАГАДКИ.

1.

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ, огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ.
Идешь къ нему—онъ прочь стремится
И въ то же время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

(Радуга.)

2.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ, приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поитъ вода живая,
И умирать имъ не дано;
Они одной дорогой бродятъ,

Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь—овенъ прекрасный,
Ихъ сторожитъ огромный песъ,
Есть левъ межъ ними неопасный,
И дѣва—чудо изъ чудесъ.

(Звѣзды.)

ПОЯВЛЕНІЕ ВЕСНЫ.

(Изъ Уляида.)

Зелень нивы, рощи лепетъ,
Въ небѣ жаворонка трепетъ,
Теплый дождь, сверканье водъ,
Васъ назвавши, что прибавить?
Чѣмъ инымъ тебя прославить,
Жизнь души, весны приходъ?

ЗАМОКЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

(Изъ Уляида.)

Ты видѣлъ ли замокъ на брегѣ морскомъ?
Играютъ, сіяютъ надъ нимъ облака;
Лазурное море прекрасно кругомъ.

„Я замокъ тотъ видѣлъ на брегѣ морскомъ;
Сіяла надъ нимъ одиноко луна;
Надъ моремъ клубился холодный туманъ“.

Шумѣли ль, плескали ль морскіе валы?
Съ ихъ шумомъ, съ ихъ плескомъ сливался ли гласъ
Веселаго пѣнья, торжественныхъ струнъ?

„Былъ вѣтеръ спокоенъ; молчала волна;
Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная пѣснь;
Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея“.

Царя и царицу ты видѣлъ ли тамъ?
Ты видѣлъ ли съ ними ихъ милую дочь,
Младую, какъ утро весенняго дня?

„Царя и царицу я видѣлъ... Вдвоемъ
Безгласны, печальны сидѣли они;
Но милой ихъ дочери не было тамъ“.

ДѢТСКІЙ ОСТРОВЪ.

(Въ Царскомъ селѣ.)

Какъ весело, весело!
Опять собралися мы
Подъ свѣтлыми сѣнями
Завѣтнаго острова!
Вкругъ свѣта оплавайте,
Нигдѣ не найдете вы
Подобнаго острова.
Не море широкое,
Шумя разливается
Вкругъ нашего острова;
Не бездной глубокою
Отрѣзанъ отъ твердыхъ онъ
Бреговъ матерой земли.
Къ ней крѣпко привязанный
Канатомъ хранительнымъ,
Всегда намъ доступенъ онъ:
И плотикъ съ перилами,
Безъ вѣтра попутнаго,
Безъ паруса-кормщика
На островъ привозитъ насъ,
Увозитъ насъ съ острова.
У нашего острова
О бурѣ не слыхано,
И воды окружныя
При вѣтрѣ порывистомъ
Едва покрываются
Чешуйкой блестящею,
Какъ-будто ласкаяся
Къ зеленому берегу.

ОСТРОВЪ.

Цвѣтетъ и расцвѣтаетъ
Мой милый островокъ;
Тамъ вѣетъ и летаетъ
Душистый вѣтерокъ.

Сплела тамъ роща своды;
Въ тѣни ихъ тишина;
Кругомъ покойны воды,
Прозрачныя до дна.

Тамъ знойными лучами
День лѣтній не палитъ;
Тамъ сладостно листами
Прохлада шевелитъ.

Тамъ звѣзды ясной ночи
Сквозь темный сводъ древесъ
Глядятъ, какъ-будто очи
Блестящія небесъ.

Плѣнительно сквозь сѣни
Луна сіяетъ тамъ,
Раскидывая тѣни
Деревъ по берегамъ.

Тамъ геніи крылаты
Играютъ при лунѣ,
Пьютъ листьевъ ароматы
И плещутся въ волнѣ.

Тамъ насъ встрѣчаетъ радость,
Тамъ все забава намъ:
Подруга наша младость
Играетъ съ нами тамъ.

ПѢСНЯ.

(Изъ Встцеля.)

Къ востоку, все къ востоку
Стремленіе земли;
Къ востоку, все къ востоку
Летитъ моя душа;
Далеко на востокѣ,
За синевой лѣсовъ,
За синими горами
Прекрасная живетъ.

И мнѣ въ разлукѣ съ нею
Все мнится, что она

Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мнѣ она явилась
Когда-то въ древни дни,
Что мнѣ объ ней остался
Одинъ блаженный сонъ.

ЯВЛЕНІЕ.

(Изъ Шиллера.)

Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ
Являлась каждою весной,
При первомъ жаворонковъ пѣньи,
Младая дѣва-красота.
Откуда гостья прилетала
И кто была? Не знали тамъ...
Она какъ милый сонъ являлась,
Какъ милый пропадала сонъ!
Одушевительная благость
Ея—счастливила сердца,
Но видъ небесно-величавый
Благоговѣнье пробуждалъ.
И всѣмъ она цвѣты дарила,
Не обдѣляя никого;
Сѣдой старикъ и отрокъ юный
Всѣ милый получали даръ.
Когда случайно ей встрѣчалась
Чета любовниковъ младыхъ,
Имъ подавала, улыбаясь,
Она избранный лучшій цвѣтъ.

ПѢСНЯ.

(Изъ Ветцеля.)

Розы расцвѣтаютъ—
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцвѣтетъ.
Розы расцвѣтаютъ—
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край,
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ въ долинѣ рая
Жизнь для насъ иная
Розой расцвѣтетъ.

ПРИЗНАНІЕ.

Я на тебя съ тоской гляжу,
Въ груди огонь, въ душѣ молчанье.
Хочу сказать... Но что скажу?
О другъ, пойми мое признанье.
Тиха любовь къ тебѣ моя;
Она всѣхъ чувствъ успокоенье,
Хранитель-геній бытія,
Души надежда и спасенье.

КЪ РАВНОДУШНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Тронься, тронься, пробудись!
Милый мраморъ, оживись!
Образъ сладостный, спѣши
Пламенѣть огнемъ души!

* * *

Чего ты ждешь, мой трубадуръ?
Тебя невѣрная забыла.
Напрасно здѣсь ее искать:
Ея здѣсь нѣтъ, она далеко.
Навей на арфу кипарисъ;
Увяла роза упованья;
Пой муку сердца и любви:
Ты, трубадуръ, навѣкъ безъ милой?

„Я, позабытъ! покинутъ я!
Кому теперь на свѣтѣ вѣрить?
Пойдемъ, пойдемъ въ кровавый бой;
Пускай паду на полѣ чести.
Жить безъ нея, жить безъ любви—
Такая жизнь тяжелѣ смерти.
Пусть знаетъ свѣтъ, что трубадуръ
Погибъ съ тоски, погибъ отъ милой!"

ПЕРИ.

Передъ дверію Эдема
Пери тихо слезы льетъ:
Никогда не возвратиться
Ей въ утраченный Эдемъ.
Внемлетъ гласъ она знакомый:
То, блаженствуя, поютъ
Херувимы славу Бога...
Такъ пѣвала и она.

Свѣтлый ангелъ, стражъ Эдема
На печальную воззрѣлъ;
Онъ сказалъ ей: „Упованье!
Не навѣкъ погибла ты.
Полети на землю, Пери;
Возвратися отъ земли
Съ даромъ, сладостнымъ для неба...
И отворится Эдемъ".

Пери быстро полетѣла;
Облетаетъ небеса,
Облетаетъ поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вотъ предъ нею пышный Гангесъ,
Онъ катится по лугамъ,
Но луга облиты кровью,
И кипитъ на нихъ война.

Грозны воины Махмуда
Разорили тѣ страны,
И послѣдній ихъ защитникъ

Ужъ врагами окруженъ.
Лукъ съ послѣднею стрѣлою
Держитъ онъ въ своей рукѣ...
„Покорись и дамъ пощаду!“
Говоритъ ему Махмудъ...

На своихъ сраженныхъ братій
Юный воинъ указалъ
И отвѣтствовалъ не словомъ,
А свистящею стрѣлой.
Но впервые измѣнила
Неизбѣжная стрѣла...
И безстрашный подъ мечами
Палъ, но палъ свободнымъ онъ.

Пери къ юношѣ слетаетъ
И, надъ мертвымъ наклонясь,
Каплю крови, за свободу
Проліянныя, беретъ.
И она къ дверямъ Эдема
Понесла прекрасный даръ.
Ангелъ принялъ даръ прекрасный...
Но дверей не отворилъ.

Пери снова полетѣла:
Облетаетъ небеса,
Облетаетъ поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вотъ предъ нею храмъ Бальбека;
Межъ обломками его
На цвѣтахъ сидитъ младенецъ,
Самъ прекрасный, какъ цвѣтокъ.

Смотритъ Пери: близъ младенца
Путникъ съ сумрачнымъ лицомъ,
У ручья остановился
Пламя жажды утолить.
На челѣ его глубоко
Жизнь морщины провела,
И тяжелой думой совѣсть
Отразилась страшно въ нихъ.

На младенца онъ уставилъ
Неподвижно мрачный взоръ...
Вдругъ раздался съ минаретовъ
Гласъ вечернія мольбы.
На колѣни сталъ младенецъ,
Руки набожно сложилъ,
И съ молитвою невинной
Взоръ поднялъ на небеса.

Сердце мертвое злодѣя
Потряслось при видѣ семъ
И росою умиленья
Оживилося оно.
Близъ невиннаго младенца
Онъ съ молитвой палъ во прахъ,
И раскаянія слезы
Полилися изъ очей.

Пери слезы тѣ святыя
Жадно въ руку приняла
И съ слезами покаянья
Полетѣла къ небесамъ.
Райски двери отворились
Сами радостно предъ ней,
И торжественное пѣнье
Огласило небеса.

ПѢСНЬ БЕДУИНКИ.

Въ степь за мной послѣдуй, царь!
Трона тамъ ты не найдешь,
Но найдешь мою любовь,
И въ младой моей груди
Сердце полное тобой!

Я твоя, когда твой взоръ
Для меня одной горитъ
Первымъ пламенемъ любви...
Будь чиста твоя любовь,
Какъ рождающійся ключъ.

Если жъ, царь, ты для меня
Сердце, вѣрное тебѣ,
Оскорбилъ и пренебрегъ...
Не ходи за мною въ степь,
Не мути моей души!

МЕЧТА.

Всѣмъ владѣетъ обаянье!
Все покорствуетъ ему!
Очарованнымъ покровомъ
Облачаетъ міръ оно;
Сей покровъ непроницаемъ
Для затменныхъ нашихъ глазъ:
Самъ спадетъ онъ. Съ упованьемъ
Смертный, жди, не испытуй.

1837.

ИЗЪ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННАГО ГР. РОСТОПЧИНОЙ.

I. РОЗА.

Утро одно—и роза поблекла; напрасно, о дѣва
Ищешь ея красоты; иглы однѣ ты найдешь.

II. ЛАВРЪ.

Вы, обуянные Вакхомъ пѣвцы Афродитиныхъ оргій,
Бойтесь коснуться меня: дѣвственны вѣтви мои.
Дафной я былъ. Отъ объятій безумно-любящаго бога
Лавромъ дѣва спаслась. Чтите мою чистоту.

III. НАДГРОБІЕ ЮНОШѢ.

Плавалъ, какъ всѣ вы, и я по волнамъ ненадежныя жизни.
Имя мое Анонимъ. Скоро мой кончился путь.

Буря внезапу возстала; хотѣлъ я противиться бурѣ,
Юный, безсильный пловецъ; волны умчали меня.

IV. голосъ младенца изъ гроба.

Матерь Илиѳа и матерь Земля однѣ благосклонны
Были минуту мнѣ. Та помогла мнѣ жизнь получить,
Тихо другая покрыла меня; ничего остального—
Кто я, откуда, куда—жизнь не повѣдала мнѣ.

V. младость и старость.

О веселая младость! о печальная старость!
Та—поспѣшно отъ насъ! эта—стремительно къ намъ!

VI. фидій.

Фидій! иль самъ громовержецъ въ тебѣ нисходилъ отъ Олимпа,
Или взлеталъ на Олимпъ самъ ты его посѣтить.

VII. судьба.

Съ свѣтлой главой, на тяжкихъ свинцовыхъ ногахъ между нами
Ходитъ судьба! Человѣкъ, прямо и смѣло иди!
Если, ее повстрѣчавъ, не потупишь очей и спокойнымъ
Окомъ ей взглянешь въ лицо, самъ просвѣтлѣешь лицомъ;
Если жъ, испуганный ею, предъ нею падешь ты, наступитъ
Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптанъ въ грязи.

VIII. завистникъ.

Завистникъ ненавидитъ
Любимое богами;
Безумецъ—онъ въ раздорѣ
Съ любящими богами;
Изъ всѣхъ цвѣтовъ прекрасныхъ
Онъ пьетъ одну отраву.
О, какъ любить мнѣ сладко
Любимое богами!

IX. покойнику.

(А. С. Пушкинъ.)

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ-будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ; голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали въ этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ-будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ; и спросить мнѣ хотѣлось: „Что видишь?“

STABAT MATER.

Горько плача и рыдая,
Предстояла въ сокрушеньи
Матерь Сыну на крестѣ:
Душу полную любови,
Сожалѣнья, состраданья,
Растерзалъ ей острый мечъ.
Какъ печально, какъ прискорбно
Ты смотрѣла, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!
Какъ молилась, какъ рыдала,
Какъ терзалась, видя муки
Сына-Бога Твоего!
Кто изъ насъ не возрыдаетъ,
Зря святую Матерь Бога
Въ сокрушеніи такомъ?
Кто души въ слезахъ не выльетъ,
Видя, какъ надъ Богомъ-Сыномъ
Безотрадно плачетъ Мать;
Видя, какъ за насъ Спаситель
Отдаетъ Себя на муку,
На позоръ, на казнь, на смерть;
Видя, какъ въ тоскѣ послѣдней
Онъ, хладѣя, умирая,
Духъ Свой Богу предаетъ?
О святая Мать любови,
Влей мнѣ въ душу силу скорби,
Чтобъ съ Тобой я плакать могъ!
Дай, чтобъ я горѣлъ любовью—
Весь проникнутъ вѣрой сладкой—
Къ искупившему меня;
Дай, чтобъ въ сердцѣ смерть Христову,
И позоръ Его, и муки
Неизмѣнно я носилъ;
Чтобъ во дни земной печали
Подъ крестомъ моимъ утѣшенъ
Былъ любовью ко Христу;
Чтобъ кончину мирно встрѣтилъ;
Чтобъ душѣ моей Спаситель
Славу рая отворилъ.

КЪ СВОЕМУ ПОРТРЕТУ.

Воспоминаніе и я—одно и то же,
Я образъ, я мечта;
Чѣмъ старѣ становлюсь, тѣмъ я
Кажусь моложе.

А. П. ЕРМОЛОВУ.

Жизнь чудная его въ потомство перейдетъ:
Дѣлами славными она безсмертно дышитъ.

Захочетъ—о себѣ какъ Тацитъ онъ напишетъ,
И лихо лѣтопись свою переплететъ *).

1838.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

НАШЕМУ КАПИТАНУ „ГЕРКУЛЕСА".

(Сергѣй Ив. Тырановъ.)

Тише вѣтеръ, тише волны!
Лягъ на море, тишина!
Покажи намъ ликъ твой полный,
Путеводная луна!
Звѣзды яркія, свѣтите
Изъ небесной бездны намъ
И безвредно проводите
Насъ къ желаннымъ берегамъ.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Вѣнокъ вашъ, скромною харитою сплетенный
Изъ маковыхъ цвѣтовъ, колосьевъ золотыхъ
И васильковъ небесно-голубыхъ,
Приличенъ красотѣ невинной и смиренной.
Богиня, можетъ быть, самихъ васъ симъ вѣнкомъ
И тихій жребій вашъ изобразить хотѣла.
Безъ блеска милой быть природа вамъ велѣла!
Не то же ль самое, что съ милымъ василькомъ?
Пріютно онъ растетъ среди прекрасной нивы,
Скрывается въ семьѣ колосьевъ полевыхъ,
И съ благотворною, непышной пользой ихъ
Соединяетъ тамъ свой цвѣтъ миролюбивый!
А макъ? Имъ означать давно привыкли сонъ.
Напрасно! нѣтъ! не сонъ безпечный и лѣнивый,
Но сладостный покой изображаетъ онъ,
Покой, сокровище души, ея хранитель,
Желанный спутникъ нашъ на жизненномъ пути,
Покой, не сердца хладъ, но сердца оживитель,
Который здѣсь мы всѣ такъ силимся найти,
Который вамъ даетъ природа безъ исканья!
Княжна, будь вашъ вѣнокъ вамъ вмѣсто предсказанья:
Въ немъ образъ вижу я сердечной чистоты,
Невинной прелести и счастья съ тишиною,
И будетъ ваша жизнь, хранимая судьбою,
Прекраснаго вѣнка прекрасные цвѣты.

ГРАФУ ѲЕД. ИВ. ТОЛСТОМУ.

(НА СМЕРТЬ ЕГО ДОЧЕРИ, САРРЫ ѲЕДОРОВНЫ.)

Плачь о себѣ! твое мы счастье схоронили;
Ее жъ на родину изъ чужи проводили.
Не для земли она назначена была;
Прямая жизнь ея теперь лишь началася;
Она уйти отъ насъ спѣшила и рвалася,

*) Ермоловъ самъ переплеталъ нѣкоторыя книги своей библіотеки.

И здѣсь въ немного лѣтъ два вѣка прожила.
Прекрасная душа такъ много вдругъ узнала,
Такъ много тайнаго небесъ вдругъ поняла,
Что для нея земля темницей душной стала,
И смерть ей выкупомъ изъ тяжкихъ узъ была.
Но въ мигъ святой, какъ дочь навѣкъ смежала вѣжды,
Въ отца проникнулъ вдругъ день вѣры и надежды.

1839.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

(Второй переводъ изъ Грея.) *)

Колоколъ поздній кончину отшедшаго дня возвѣщаетъ;
Съ тихимъ блеяньемъ бредетъ черезъ поле усталое стадо;
Медленнымъ шагомъ домой возвращается пахарь, уснувшій
Міръ уступая молчанью и мнѣ. Ужъ блѣднѣетъ окрестность,
Мало-по-малу теряясь во мракѣ, и воздухъ наполненъ
Весь тишиною торжественной: изрѣдка только промчится
Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жужжаньемъ, да рогъ отдаленный,
Сонъ наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только съ вершины той пышно плющемъ украшенной башни
Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой луной обвиняетъ
Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробовому жилищу,
Миръ нарушаютъ ея безмолвнаго, древняго царства.
Здѣсь, подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ, подъ свѣжею тѣнью
Ивъ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные холмы покрыты,
Каждый навѣкъ затворяся въ свою одинокую келью,

*) Греева элегія переведена мною въ 1802 г. и напечатана въ „Вѣстникѣ Европы", который въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ. Это мое первое напечатанное стихотвореніе. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу (онъ умеръ въ 1803 году). Находясь, въ маѣ мѣсяцѣ 1839 года, въ Виндзорѣ, я посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегію (оно находится въ деревнѣ Stock Poges, неподалеку отъ Виндзора); тамъ я перечиталъ прекрасную Грееву поэму и вздумалъ снова перевести ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Этотъ второй переводъ, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу въ знакъ нашей съ тѣхъ поръ продолжающейся дружбы и въ воспоминаніе о его братѣ. (Примѣч. 1839 г.)—И его уже нѣтъ! (Примѣч. 1849 г.)—*В. Ж.*

Спятъ непробудно смиренные предки села. Ни веселый
Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ласточки ранней
Съ кровли соломенной трель, ни труба пѣтуха, ни отзывный
Рогъ, ничто не подыметъ ихъ болѣ съ ихъ бѣдной постели.
Яркій огонь очага ужъ для нихъ не зажжется; не будетъ
Ихъ вечеровъ услаждать хлопотливость хозяйки; не будутъ
Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ подслушать—нейдутъ ли
Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣни тянуться, чтобъ первый
Прежде другихъ схватить поцѣлуй. Какъ часто серпамъ ихъ
Нива богатство свое отдавала; какъ часто ихъ острый
Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ весело въ поле
Къ трудной работѣ они выходили; какъ звучно топоръ ихъ
Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя деревья!
Пусть издѣвается гордость надъ ихъ полезною жизнью,
Низкій удѣлъ и семейственный миръ поселянъ презирая;
Пусть величіе съ хладной насмѣшкой читаетъ простую
Лѣтопись бѣднаго; знатность породы, могущества пышность,
Все, чѣмъ блеститъ красота, чѣмъ богатство плѣняетъ, все будетъ
Жертвой послѣдняго часа; ко гробу ведетъ насъ и слава.
Кто обвинитъ ихъ за то, что надъ прахомъ смиреннымъ ихъ—память
Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ храмахъ, по сводамъ высокимъ,
Въ блескѣ торжественныхъ свѣчъ, въ благовонномъ дыму ѳиміама,
Имъ похвала не гремитъ, повторенная звучнымъ органомъ?
Надпись на урнѣ, иль дышащій въ мраморѣ ликъ не воротятъ
Въ прежнюю область ея—отлетѣвшую жизнь, и хвалебный
Голосъ не тронетъ безмолвнаго праха, и въ хладно-нѣмое
Ухо смерти не вкрадется сладкій ласкательства лепетъ.
Можетъ-быть, здѣсь въ могилѣ, ничѣмъ незамѣтной, истлѣло
Сердце, огнемъ небеснымъ нѣкогда полное; стала
Прахомъ рука, рожденная скипетръ носить, иль восторга
Пламень въ живыя струны вливать. Но наука предъ ними
Свитковъ своихъ, богатыхъ добычей вѣковъ, не раскрыла;
Холодъ нужды умертвилъ благородный ихъ пламень, и сила
Геніемъ полной души ихъ безплодно погибла навѣки.
О, какъ много чистыхъ, прекрасныхъ жемчужинъ сокрыто
Въ темныхъ, невѣдомыхъ намъ глубинахъ океана! Какъ часто
Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти незамѣтно и сладкій
Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ! Быть-можетъ,
Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ незнаемый, грозный
Мелкимъ тиранамъ села, иль Мильтонъ нѣмой и неславный,
Или Кромвель неповинный въ крови согражданъ. Всемогущимъ
Словомъ сенатъ покорять, бороться съ судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цвѣтущую область, и въ громкихъ
Плескахъ отечества жизнь свою слышать—то рокъ запретилъ имъ;
Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и во злѣ ограничилъ:
Не далъ имъ воли стремиться къ престолу стезею убійства,
Иль затворять милосердія двери предъ страждущимъ братомъ,
Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитахъ
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласомъ поэзіи славя могучій развратъ и фортуну.
Чуждые смутъ и волненій безумной толпы, изъ-за тѣсной
Грани желаньямъ своимъ выходить запрещая, вдоль свѣжей,
Сладко-безшумной долины жизни, они тихомолкомъ
Шли по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ пріютъ безмятеженъ.
Кажется, слышишь, какъ дышитъ кругомъ ихъ спокойствіе неба,
Всѣ тревоги земныя смиряя, и мнится, какой-то
Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ могилъ подымаясь,
Здѣсь разливаетъ предчувствіе вѣчнаго мира. Чтобъ праха
Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные камни съ простою
Надписью, съ грубой рѣзьбою, прохожаго молятъ почтить ихъ
Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука неграмотной музы

Ихъ имена и лѣта написала, кругомъ начертавши,
Вмѣсто надгробій, слова изъ святого писанья, чтобъ скромный
Сельскій мудрецъ по нимъ умирать научался. И кто же,
Кто въ добычу нѣмому забвенію эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросая
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа, удаляясь,
Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи, темнѣя,
Ищутъ прощальной слезы; изъ могилы намъ слышенъ знакомый
Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое пламя.
Ты же, заботливый другъ погребенныхъ безъ славы, простую
Повѣсть объ нихъ разсказавшій, быть-можетъ, кто-нибудь, сердцемъ
Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелаетъ о томъ, что случилось съ тобой, и, быть-можетъ,
Вотъ что разскажетъ ему о тебѣ старожилъ посѣдѣлый:
„Часто видали его мы, какъ онъ на разсвѣтѣ поспѣшнымъ
Шагомъ, росу отряхая съ травы, всходилъ на пригорокъ
Встрѣтить солнце; тамъ, на мшистомъ, изгибистомъ корнѣ
Стараго вяза, къ землѣ приклонившаго вѣтви, лежалъ онъ
Въ полдень, и слушалъ, какъ ближній ручей журчитъ, извиваясь;
Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу, случалось
Намъ видать, какъ у входа въ долину стоялъ онъ, за солнцемъ
Слѣдуя взоромъ и слушая зяблицы позднюю пѣсню;
Также не разъ мы видали, какъ шелъ онъ вдоль лѣса съ какой-то
Грустной улыбкой, и что-то шепталъ про-себя, наклонивши
Голову, блѣдный лицомъ, какъ-будто оставленный цѣлымъ
Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или безнадежнымъ
Горемъ любви. Но однажды поутру его я не встрѣтилъ,
Какъ бывало, на холмѣ, и въ полдень его не нашелъ я
Подлѣ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло и другое
Утро и третье; но онъ не встрѣчался нигдѣ, ни на холмѣ
Рано, ни въ полдень подлѣ ручья, ни въ долинѣ
Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру печальное пѣнье
Слышимъ: его на кладбище несли. Подойди; здѣсь на камнѣ,
Если умѣешь, прочтешь, что о немъ тогда написали:
„Юноша здѣсь погребенъ, невѣдомый счастью и славѣ;
Но при рожденьи онъ былъ небесною музой присвоенъ,
И меланхолія знаки свои на него положила.
Былъ онъ душой откровененъ и добръ; его наградило
Небо: несчастнымъ давалъ, что имѣлъ онъ — слезу; и въ награду
Онъ получилъ отъ неба самое лучшее—друга.
Путникъ, не трогай покоя могилы: здѣсь все, что въ немъ было
Нѣкогда добраго, всѣ его слабости робкой надеждой
Преданы въ лоно благого Отца, правосуднаго Бога“.

1841.

ОТРЫВОКЪ.

Всесиленъ Богъ. Предъ Нимъ всесильна вѣра.
Онъ намъ сказалъ: „Кто вѣруетъ, вели
Горамъ итти, онѣ пойдутъ“. Своими
Очами видѣлъ я, какъ совершилось
Такое чудо на землѣ. И нынѣ,
Во славу имени Его святого,
Рабъ недостойный Божій, инокъ Климентъ,
Передаю смиренное сказанье
О чудѣ томъ потомкамъ, чтобъ они
Предъ всемогущимъ Господомъ признали
Свое ничтожество и въ томъ признаньи
Спасеніе души своей нашли.

1851.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ *).

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья

*) Этотъ лебедь не выдумка, а правда. Я самъ видѣлъ въ Царскомъ Селѣ стараго лебедя, который всегда былъ одинъ, никогда не покидалъ своего уединеннаго пруда, и когда являлся въ обществѣ молодыхъ лебедей, то они поступали съ нимъ весьма неучтиво. Его называли екатерининскимъ лебедемъ. (Изъ письма *Ж.*)

Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяніи солнца по спокойной
Озера лазури; ночью жъ межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ нихъ бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяцъ межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окруженны брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебныхъ призраковъ явленьемъ,
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной. Ты жъ, старикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтрено летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ ея ласкаемъ царскою рукою;
Памятниковъ гордыхъ битвѣ подъ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженье зрѣлъ ты;
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты;
И почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ царевой силы—вѣковой зеленый
Плющъ вкругъ силы дуба—вьется подъ короной
Царской, отъ окрестныхъ бурь ища защиты.
Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли
И, стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ, гордо распрямленной,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши—
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ:
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій

1852.

РОЗЫ

(ПРИ ПОЛУЧЕНІИ РИСУНКА ИЗЪ РОЗЪ, СЪ СТЕБЛЯМИ ВЪ ВИДѢ КРЕСТА).

Розы цвѣтущія, розы душистыя, какъ вы прекрасно
Въ пестрый вѣнокъ сплетены милой рукой для меня;
Свѣтлое, чистое дѣвственной кисти созданье, глубокой
Смыслъ заключается здѣсь въ легкихъ воздушныхъ чертахъ:
Розъ разновидныхъ семья на одномъ окруженномъ шипами
Стеблѣ—не вся ли тутъ жизнь? Корень же твердый цвѣтовъ—
Крестъ, претворяющій чудо своей жизнодательной силой
Стебля терновый вѣнецъ въ свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ.
Вѣры хранительный стебель, цвѣтущія почки надежды,
Цвѣтъ благовонный любви въ образъ одинъ здѣсь слились—
Образъ великій, для насъ бытія выражающій тайну;
Все, что плѣняетъ какъ цвѣтъ, все, что пронзаетъ какъ тернъ,
Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: ихъ въ единый
Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ Промыслъ тайной рукой.
Розы прекрасныя, въ этомъ вѣнкѣ очарованномъ вы
Будете свѣжи всегда: нѣтъ увяданья для васъ;
Будете вѣчно душисты; здѣсь памятью сердца о милой,
Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ вашъ живъ ароматъ.

Стихотворенія патріотическія.

1797.

ОДА, БЛАГОДЕНСТВІЕ РОССІИ, УСТРОЯЕМОЕ ВЕЛИКИМЪ ЕЯ САМОДЕРЖАВЦЕМЪ ПАВЛОМЪ ПЕРВЫМЪ.

Peuple! à vos intérêts je soummetrai les miens,
Et les besoins du trône à ceux des citoyens.
Si mes soins vigilants vous font des jours propices,
Je serai trop payé des tous mes sacrifices.

Откуда тишина златая
Въ блаженной сѣверной странѣ?
Чьей мощною рукой покрыта,
Ликуетъ въ радости она?
Въ ней воздухъ свѣтелъ, небо ясно,
Не видно тучъ, не слышно бурь.
Какъ рѣки въ долахъ тихо льются,
Такъ счастья льются въ ней струи.

Умолкла брань, престали сѣчи;
Россъ на трофеяхъ опочилъ;
Тамъ щитъ и мечъ, и шлемъ пернатый,
И булава его лежитъ.
Съ улыбкой ангельской, прелестной,
Въ вѣнцѣ, сплетенномъ изъ оливъ,
Низшелъ отъ горнихъ странъ эѳира
Сынъ неба, животворный миръ.

Низшелъ—Россія восплескала,
Пресвѣтлый зря его приходъ;
И милліоны погрузились
Въ восторгъ, въ забвенье, въ тишину.
Спокоились моря пространны
Съ весельемъ рѣки потекли;
Зіять престали жерла мѣдны;
Молчитъ все; тихо. Громъ заснулъ.

И кто же сей,—вѣщай, Россія!
Кто сей, творящій чудеса?
Кто долу миръ съ небесъ низводитъ
И нову жизнь тебѣ даетъ?
„То Павелъ, ангелъ мой хранитель,
Примѣръ, краса вѣнчанныхъ главъ,
Покровъ мой, щитъ мой и отрада,
Владыка, пастырь, іерархъ“.

Рекла—и перстомъ указуетъ
Одѣянъ славой мирной тронъ.
О, коль видѣніе прекрасно
Открылось взору моему!...
Тамъ возсѣдитъ, въ сіяньи солнца,
Великій Павелъ, будто Богъ.
Престолъ его поставленъ твердо
На россихъ пламенныхъ сердцахъ.

Блестящимъ служитъ балдахиномъ
Ему святой его законъ;
Его скиптръ—кротость, а держава
Есть благо подданныхъ его.
Вѣнецъ—премудрость составляетъ,
Блистая ярко на главѣ;
Ея лучами освѣщаетъ
Полсвѣта Павелъ съ высоты.

Въ его десницѣ зрится чаша,
Изъ коей милости онъ льетъ,
Она вовѣкъ не истощится:
Источникъ то воды живой.
Какъ тихій дождь, шумя въ день знойный,
Собой тварь жаждущу свѣжитъ,
Такъ онъ струитъ токъ благотворный
Въ сердца, приверженны къ нему.

Его чертогъ есть храмъ священный,
Храмъ правосудія, любви:
Вельможа въ золотой одеждѣ,
И бѣдный въ рубищѣ простомъ,
Герой съ побѣдоноснымъ лавромъ,
Вдова съ горячею слезой,
Невинный, сильными гнетомый,
Всѣ, всѣ равно къ нему текутъ.

Его недремлющее око
Всегда на чадъ устремлено,
О ихъ блаженствѣ онъ печется
И славу возвышаетъ ихъ.
Онъ все содержитъ, устрояетъ,
Хранитъ все, движетъ и живитъ;
Онъ сердце, онъ душа Россіи;
Для ней онъ жертвуетъ собой.

И музы Павломъ не забыты—
Онъ имъ отрада и покровъ.
Его порфирой осѣненны,
Онѣ ликуютъ въ тишинѣ,
Ихъ гласы стройны раздаются,
Златыя лиры ихъ звучатъ,
Онѣ свой жребій ублажаютъ,
Въ восторгѣ сладостномъ поютъ:

„О Павелъ! о монархъ любезный!
Подъ сильною твоей рукой
Мы не страшимся бурь, ненастья:
Спокойны и блаженны мы.
Ты царствуй—мы дѣла прославимъ
Твои въ грядущи времена,
Изъ лучезарныхъ звѣздъ созиждемъ
Безсмертія тебѣ вѣнецъ“.

И Павелъ кротко пѣсни внемлетъ,
Склоняя къ нимъ съ престола слухъ.
„Такъ, юны музы!—онъ вѣщаетъ—
Я буду царствовать, а вы
Скажите позднему потомству:
— Онъ подъ вѣнцомъ былъ человѣкъ;
О подданныхъ, какъ чадахъ, пекся;
Для нихъ, для нихъ лишь онъ и жилъ;

Гнушался лести и коварства,
На тронѣ истинѣ внималъ,
Для блага общаго покоемъ
Онъ собственнымъ не дорожилъ“.
Вѣщалъ—и новыя щедроты
Рѣкою шумной полились,
Вѣщалъ—и новые законы
Сама премудрость изрекла.

О россы! о дрожайши россы!
Какихъ блаженныхъ, красныхъ дней,
Какихъ отрадъ, какихъ восторговъ
Не можете вы ожидать?
Не царь—отецъ, отецъ вамъ Павелъ,
Ко благу, къ славѣ вѣрный вождь.
Ступайте вслѣдъ за нимъ, спѣшите:
Онъ въ храмъ безсмертья васъ введетъ!

А вы, избранныхъ россовъ чада,
Отечества надежда, цвѣтъ!
Растите, въ силахъ укрѣпляйтесь,
Учитесь сердцемъ Павла чтить,
Питайте огнь къ нему любови,
Питайте съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Чтобъ послѣ быть его сынами,
И жизнью жертвовать ему.

1799.

МОГУЩЕСТВО, СЛАВА И БЛАГОДЕНСТВІЕ РОССІИ.

На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесенъ, незыблемо поставленъ,
Россія въ славѣ возсѣдитъ.
Златой шеломъ, огнепернатый,
Блистаетъ на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый осѣняетъ
Ея высокое чело;
Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
Расширивши крылѣ свои,
У ногъ ея орелъ полночный
Почіетъ—громъ его молчитъ.

Окрестъ блестящаго престола,
Въ безчисленный собравшись сонмъ,
Стоятъ полночные народы,
Съ почтеньемъ долу преклонясь:
Славянинъ въ шлемѣ златовидномъ,
Татаръ съ свинцовой булавой,
Черкесъ въ булатныхъ, тяжкихъ латахъ,
Бобромъ одѣтый камчадалъ,
Съ сѣтями финнъ, живущій въ нордѣ,
Съ сѣкирой острой алеутъ,
Киргизецъ съ лукомъ напряженнымъ,
Съ стальною саблею сарматъ.

Она сидитъ—и свѣтлымъ окомъ
Зритъ на владычество свое;
Прелестный юноша предъ нею,
Склоняющъ слухъ къ ея словамъ.
„Мой сынъ!—гласитъ ему Россія—
Простри свой взоръ окрестъ себя;
Простри и виждь страны цвѣтущи,
Подвластны скиптру моему:
Ты въ нѣдрѣ ихъ рожденъ, воспитанъ,
Въ ихъ нѣдрѣ счастье—жребій твой;
Въ ихъ нѣдрѣ ты свое теченье
Со славой долженъ совершать!

„Воззри—и въ радостномъ восторгѣ
Клянись и сердцемъ и душой
Быть сыномъ мнѣ нѣжнѣйшимъ, вѣрнымъ,
Мнѣ жизнь и чувства посвятить;
Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища исчисль;
Смотри, тамъ Бельтъ пространный воетъ,
Тамъ пѣнится шумящій Понтъ,
Тамъ Льдистый океанъ волнится,
Въ себя пріемлющъ сонмы рѣкъ,
Тамъ бурный океанъ Восточный
Камчатскій опѣняетъ брегъ.

„Здѣсь Волга бѣлыми струями
Катится по полямъ, лугамъ,
Благословенье изливаетъ
И радость на хребтѣ несетъ;
Тамъ Донъ клубится, Днѣпръ бунтуетъ;
Уральскихъ исполиновъ рядъ
Дѣлитъ тамъ Азію съ Европой,
И подпираетъ небеса;
Сибирь, хранилище сокровищъ,
Здѣсь возвышаетъ свой хребетъ;
Херсонъ гордится тамъ плодами,
Прельщающими взоры, вкусъ.

„Цвѣтетъ обиліе повсюду!
На тучныхъ пажитяхъ, лугахъ,
Стада безчисленны пасутся;
Покрыты класами поля
Струятся, какъ моря златыя;
Весельемъ дышущъ земледѣлъ
При полныхъ житницахъ ликуетъ.
Тамъ села мирныя мои;
Тамъ грады крѣпкіе, цвѣтущи;
Москва, Петрополь и Казань,
На брегѣ быстрыхъ рѣкъ, пѣнистыхъ,
Возносятъ стѣны къ облакамъ.

„Повсюду въ ратномъ украшеньи
Блистаютъ воинства ряды,
На шлемахъ перья развѣваютъ,
На копьяхъ солнца лучъ горитъ,
Мечи гремятъ въ десницахъ мощныхъ;
Кони, гордяся, гриву вверхъ
Вздымаютъ, ржутъ, біютъ ногами,
Крутятъ песокъ, вьютъ прахъ столбомъ;
Огонь летитъ багрянымъ вихремъ
Изъ мѣдныхъ челюстей; гремя,
Долины грохотъ повторяютъ,
И эхо предаютъ горамъ.

„На влагѣ бурныхъ океановъ,
Расширивъ бѣлыя крылѣ,
Летаютъ въ грозныхъ строяхъ флоты,
Нося во мрачныхъ нѣдрахъ смерть,
Пѣнятъ и Бельтъ и Понтъ въ стремленьи,
Предъ ними ужасъ, громъ летитъ.
Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
Плывутъ съ богатствомъ корабли,
И пристаней моихъ достигнувъ,
Тягчатъ сокровищами брегъ:
Богатый Альбіонъ приноситъ
Своихъ избытковъ лучшу часть;

„Волнисту шерсть и шелкъ тончайшій
Несетъ съ востока оттоманъ;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ приноситъ,
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ,
Емень даритъ свой кофе вкусный;
Какъ горы, по полямъ идутъ
Верблюды съ перскими коврами;
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани,
Цари сокровища мнѣ шлютъ.

„Тамъ въ храмахъ, музамъ посвященныхъ,
Текутъ для юношей струи
Премудрости, нравоученья;
Тамъ въ кроткой, мирной тишинѣ,
На лирѣ золотой бряцая,
Поэтъ восторгъ небесный свой
Чертами пламенными пишетъ;
Тамъ Праксителевъ ученикъ
Влагаетъ жизнь во хладный мраморъ,
Велитъ молчанью говорить;
Тамъ мѣдь являетъ зракъ героя—
Въ немъ пламень мужества горитъ.

„Тамъ холстъ подъ кистью Апеллеса,
Рождаетъ тысячи красотъ;
Тамъ новаго Орфея лира
Струнами сладкими звучитъ.
Вездѣ блеститъ лучъ просвѣщенья!
И благотворный свѣтъ его,
Съ лучомъ религіи сливаясь,
Все кроткой теплотой живитъ
И тронъ мой блескомъ одѣваетъ.
Мой сынъ, кто въ свѣтѣ равенъ мнѣ?
Какое царство въ поднебесной
Блаженнѣй царства моего?"

Се образъ радостной Россіи!
Но нѣкогда густая тьма,
Какъ ночь, поверхъ ея носилась;
Язычество свой ѳиміамъ
На жертвенникахъ воскуряло,
И кровь подъ жреческимъ ножомъ
Дымилась въ честь нѣмыхъ кумировъ...
Съ престола Святославовъ сынъ
Простеръ свой скиптръ державный, мощный—
И кроткій христіанства лучъ
Блеснулъ во всѣхъ концахъ Россіи:
Къ Творцу моленья вознеслись.

Стенала нѣкогда въ оковахъ
Россія подъ пятой враговъ,
Неистовыхъ, кичливыхъ, злобныхъ...
Ее сарматъ и скандинавъ
Тягчили скипетромъ желѣзнымъ;
Москва, съ поникшею главой,
Подъ игомъ рабства унывала,
Затмилась красота ея;
И россъ слезящими очами
Взиралъ на бѣдства вкругъ себя,
На грады, въ пепелъ обращенны,
На кровь, кипящу по полямъ.

Явился Петръ—и иго бѣдствій
Престало россовъ отягчать;
Какъ холмъ, одѣтый тѣнью ночи,
Являющійся съ юнымъ днемъ,
Такъ все весельемъ озарилось;
Главу Россія подняла,
Престолъ ея, вознесшись къ небу,
Разсыпалъ на вселенну тѣнь;
Ея Алкиды загремѣли;
Кичливый врагъ упалъ, исчезъ.
И се, во славу облаченна,
Она блаженствуетъ, цвѣтетъ!

Се Павелъ съ трона славы, правды,
Простерши милосердья длань,
Блаженство милліоновъ зиждетъ,
Струями радость, счастье льетъ,

И царства падшія подъемлетъ! *).
Сей новый россkій Геркулесъ,
Возникшу гидру поражая,
Тягчитъ пятой стоглавый Альпъ,
Щитомъ вселенну осѣняетъ.
Се знамя русское шумитъ
Средь троновъ, въ прахѣ низложенныхъ.
И се грядетъ къ намъ новый вѣкъ!

Падите, россы! на колѣна,
Молите съ пламенной душой,
Молите сердцемъ Бога славы.
„Да Онъ любовію Своей
Хранитъ Россію въ вѣкъ грядущій
И новымъ свѣтомъ облечетъ.
Да снидетъ миръ къ намъ благодатный,
И міру радость принесетъ.
Да лучъ премудрости разсѣетъ
Невѣжества послѣдній мракъ,
И да всеобщее блаженство
Вселенну въ рай преобразитъ!"

1806.

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ СЛАВЯНЪ-ПОБѢДИТЕЛЕЙ **).

Si quelquefois la flatterie
A deshonoré nos chansons,
Plus souvent nos sublimes sons
Font respecter les lois, font cherir la patrie.
Le bard belliqueux courait des rangs en rangs
Echauffer la jeunesse aux combats elancée.
Tyrtée embrassait Mars des feux plus devorants!
. . . .
— Ne profanons point le feu qui nous anime!
Laissons là des plaisirs les chants voluptueux
Et leur lyre pussillanime,
Celebrons l'homme magnanime!
Celebrons l'homme vertueux!
„Dithyrambe sur l'immortalité de l'ame".

„Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны:
Умолкла брань—враги утихли расточенны!
Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой;
Лишь волкъ, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный;
Зажжемъ костеръ дубовъ; изройте ровъ могильный;
Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ:
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могучихъ слѣдъ священный!
Гремитъ... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной!
Стеклись; вождей и ратныхъ сонмъ;
Глухой полнощи тьма кругомъ;
Предъ ними вѣщій бардъ, вѣнчанный сѣдиною,
И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ.
Объяты думою, съ поникнутой главою;
На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;
На копья оперлись; средь нихъ костеръ пылаетъ,
И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри воздымаетъ.
И се, воздвигся холмъ, и камень водруженъ,
И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошенъ;
И се! могущими перстами
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ—
Одушевленны забряцали!
Воспѣлъ—дубравы застенали;
И гулъ помчался по горамъ:

„О сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ священна,
О бардовъ лира вдохновенна!
Проснись—да оживетъ хвала въ твоихъ струнахъ,
Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скитаясь при лунѣ по тучамъ златоруннымъ,
Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пепломъ ихъ,
Обвороженныя бряцаньемъ тихострунным.
Какъ пали сильные? Какъ сильныхъ громъ утихъ?
Гдѣ вы, сыны побѣдъ? Гдѣ славныхъ воевъ сила?
Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ могила!..
Какъ орлій со скалы спустившійся птенецъ,
Впервые восшумѣвъ отважными крылами,
Близъ солнца зря трудовъ и поприща конецъ,
Паритъ, превыспренній, и вдругъ, небесъ громами
Сожженный посреди стремленья къ высотамъ,
Въ гремящихъ тучахъ исчезаетъ...
Такъ палъ съ побѣдой россъ! паденье—страхъ врагамъ!
„О битвы грозный видъ! смотри, перунъ сверкаетъ!
Се, мчатся! грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Средь дымныхъ вихрей бой и громъ;
По шлемамъ звукъ мечей; коней пронзенныхъ ржанье,
И трубъ стозвучный трескъ. Отъ топота копытъ,
Отъ пренія бойцовъ, отъ кликовъ и стенанья
Смятенный воетъ боръ, и долъ гремя дрожитъ.
„О страшный видъ попранныхъ боемъ!
Тотъ зыблется въ крови, съ глухимъ кончаясь воемъ;
Тотъ, вихремъ мчась, погибъ безстрашныхъ впереди;

---

*) Побѣды Суворова въ Италіи.
**) Стихи сіи написаны въ концѣ 1806 г. и относятся къ военнымъ обстоятельствамъ того времени.—*В. Ж.*

Тотъ шуйцей рану сжавъ, десной изнемо-
женной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди; *)
Тотъ страшно возстеналъ, на копья восхи-
щенный,
И, сверженный во прахъ, дымясь, оцѣпенѣлъ...
О мужество славянъ! о витязей предѣлъ!

„Хвала на жертву принесеннымъ
За родшихъ, братій и супругъ;
Хвала отечества хранителямъ священнымъ!
Хвала, хвала тебѣ, о падшій славы другъ!
Пускай безвѣстный погибаетъ,
Сей житель праха—червь душой,

Пусть въ дольномъ мракѣ жизнь годами
исчисляетъ...
Безсмертья сынъ, твой рокъ громовой течь
стезей;
Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь въ высотѣ—весь міръ твой ма-
взолей;
Безславный ждетъ, томясь, кончины вялыхъ
дней,
До времени во мглѣ могилы погребенный;
Равны концомъ и часъ и вѣкъ;
Разлука съ жизнью мигъ, заутра или нынѣ:
Перуномъ ли угасъ, незримый ли протекъ,
Царемъ или рабомъ судьбинѣ.

„Блаженъ почившій на громахъ
Въ виду отчизны благодарной,
И въ гробѣ сопротивнымъ страхъ,
И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной;
Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ...
О юноша, о ты, безсмертью пріобщенный! **)
Коль быстро совершенъ твой выспренній
полетъ;
Вотъ онъ, низринутый на щитъ окровавлен-
ный;
Поникъ геройскою главой;
Надъ нимъ кончины часъ; ужъ взоръ не-
движный тмится...
Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ, но къ
родинѣ святой,
Еще съ лучомъ любви, еще съ тоской стре-
мится;

Не сѣтуй, славы сынъ! оставь сей жизни
брегъ;
Ты смерть предупредилъ, на одръ честей
возлегъ;
Ты спутникъ въ гробъ неустрашимыхъ.
Увы! завидна ль часть верпгой лѣтъ томи-
мыхъ?

Герой одряхшій подъ вѣнкомъ,
Приникшій къ костылю израненнымъ челомъ,
Могущихъ переживъ, оставленный друзьями,
Отвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Усталый ждетъ конца—и смерть ему покой!
Блаженъ, кто славный путь со славой до-
вершаетъ;
Когда вѣнки и честь беретъ во прахъ съ
собой,
И, въ лаврахъ посѣдѣвъ, на лаврахъ уга-
саетъ!
„Здѣсь, братья, вѣчно мирны вы!
Почійте сладко, незабвенны!
О вы, ловца пожравъ, въ сѣтяхъ погибши
львы!
О спутники побѣдъ, коварствомъ низложенны,
Безстрашныхъ персть—потомству даръ.
О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ
вѣками:
Онъ сильнымъ возвѣститъ, какъ пали вы
съ громами;
Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родитъ ко
славѣ жаръ.

„Здѣсь бардъ грядущихъ лѣтъ, объятъ глу-
бокой думой,
Въ тотъ часъ—какъ всюду мракъ полунощи
угрюмой,
Когда безмолвенъ долъ, и мѣсяцъ изъ-за тучъ
Повременно свой ликъ задумчивый являетъ,
И серна, прискакавъ на шумный въ камняхъ
ключъ,
Недвижно, робкая, журчанью струй вни-
маетъ—
Къ протекшимъ воспаритъ вѣкамъ,
Пробудитъ звономъ струнъ насупленну дуб-
раву,
И, мыслію стремясь великихъ по слѣдамъ,
Изъ персти воззоветъ давно-почившихъ славу;
Здѣсь въ сумракѣ возсѣвъ,
Пришедъ изъ края дальна,
Краса славянскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольетъ въ слезахъ,
И, грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могилы миръ священной
Рыданьемъ возмутитъ.
Увы! здѣсь, въ сонмѣ падшихъ,
Герой прелестный спитъ;
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ.
Воскреснутъ воспоминанья

---

*) Извѣстный поступокъ солдата Емельянова. Покойный императоръ Павелъ наградилъ его чиномъ подпоручика и тѣмъ самымъ знаменемъ, котораго спасеніе такъ много ему стоило. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, имѣвшій случай видѣть сего почтеннаго воина, приказалъ списать съ него портретъ, который выгравированъ и продается.—*В. Ж.*

**) Здѣсь авторъ думалъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, Новосильцовѣ, который въ прошедшую войну былъ раненъ на сраженіи, умеръ отъ ранъ, разлученный съ своимъ отечествомъ, разлученный съ родными, которые и теперь оплакиваютъ его потерю. Авторъ желалъ бы наименовать всѣхъ нашихъ героевъ, недавно принесшихъ въ даръ отечеству и кровь свою и жизнь; но ихъ имена извѣстны, и благодарность сохранитъ объ нихъ вѣчное воспоминаніе.—*В. Ж.*

О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой;
Воскреснетъ часъ разлуки,
Когда летящій въ бой,
Пріемля громы въ руки,
Другъ сердца, сильнымъ страхъ,
Красою образъ Дида,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовида,
Сказалъ: прости навѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранный,
Вздохнулъ, какъ вихрь потекъ,
И съ сонмомъ ратныхъ силъ исчезъ въ дали туманной.
Сюда придетъ отчизны сынъ,
Героевъ племя, славянинъ,
Дѣлами предковъ распаленный,
Обыметъ падшихъ гробъ, и вóнметъ гласъ священный,
Къ нему изъ глубины рекущій: будь великъ!
Предстанутъ предъ него протекшихъ ратей бои
И въ молнійныхъ браздахъ вождей побѣды ликъ!..
Почійте! мирный сонъ, о братья, о герои!..“

Умолкъ... и струнъ исчезъ въ пустынномъ небѣ звонъ,
И отзывъ по горамъ и дебри усыпились;
Сонмъ бранныхъ скорбью осѣненъ:
Ихъ взоры на курганъ недвижные вперились;
Безгласны, въ грозной тишинѣ;
На лицахъ мщенья жаръ, ихъ груди гнѣвъ спираетъ,
И ярости нѣмой въ зѣницахъ огнь пылаетъ.
Молчатъ... окрестъ покой... надъ ними въ вышинѣ,
Изъ тучъ, влекущихся грядою,
Бросая тихій блескъ на дебрь, и долъ, и лѣсъ,
Луна невидимой стезею
Среди полунощныхъ небесъ
Свершаетъ, мирная, свой токъ уединенный.
Но се! таинственнымъ видѣніемъ во мглѣ
Пѣвецъ воспрянулъ пораженный;
Сѣдины дыбомъ на челѣ;
Смятеніе въ очахъ и въ членахъ трепетанье;
Какъ вихорь на курганъ онъ съ лирой возлетѣлъ...
Волшебной раздалось бряцанье...
И снова мощный гласъ пророка загремѣлъ:

„Не вы ль, низверженныхъ полунощные лики,
Не вы ли, призраки могущихъ, предо мной?
Они! средь бурныхъ тучъ! сплелись рука съ рукой!
О страшный сонмъ! о страшны клики!
Куда ихъ строгій взоръ столь грозно устремленъ?
Надъ кѣмъ воздушный мечъ вождя ихъ вознесенъ?
Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
Внимай! внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ.
Отмщенья! крови! вопіютъ,
Сверкая изъ-за тучъ ужасными очами.
Отмщенья, витязи, отмщенья! громъ во длань!
Воздвигнись, духъ славянъ! воздвигнись, месть и брань!

Се ярый исполинъ, побѣдами надменный:
Постигну! поражу! разсыплю ихъ полки!
Имъ рабство—даръ моей руки!—
Гремитъ, на гибель ополченный.

„Друзья, се часъ побѣдъ! славяне, возгремимъ!
Прострите взоръ окрестъ: лишь дебри запустѣлы.
Гдѣ пышный видъ полей, гдѣ радостныя селы,
И гдѣ тевтоновъ мощь, низринувшая Римъ?
Тамъ матерь гладная изсякшими сосцами,
Простертая на прахъ, въ младенца кровь ліетъ;
Тамъ къ пеплу хижины приникшій сѣдинами,
Недугомъ изнуренъ, кончины старецъ ждетъ:
Тамъ чада нищеты—убійство и хищенье;
Тамъ рабства первенецъ—неистовый развратъ.
О ясный миръ семей! о нравовъ оскверненье!
О доблесть прежнихъ лѣтъ! лишь цѣпи тамъ звучатъ;
Лишь хищникомъ бичи подъяты надъ рабами;
Сокрылись Германа послѣдніе сыны;
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами;
Въ пустыняхъ, очеса къ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ падшаго отечества рыдаютъ.

„О братья, о сыны возвышенныхъ славянъ,
Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свыше данъ.
Отмщенья! подъ ярмомъ народы восклицаютъ,
Да въ прахъ, да въ прахъ падутъ погибели творцы!..
Воззрите вспять... тамъ сонмъ священный,
Тамъ счастья нашихъ дней залоги драгоцѣнны,
Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы.
Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьѣ.
О витязи! за вами вслѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ желанье:
Да боги ихъ души съ трофеями побѣдъ
По браняхъ притекутъ, отмстивъ, непосрамленны.
За вами ихъ мольбы летятъ воспламененны,
Вонмите и супругъ, и чадъ, и юныхъ дѣвъ,
Вонмите, воины, моленье;
Воззрите на отцовъ колѣнопреклоненье;
Во славѣ, посреди могущихъ посѣдѣвъ,
Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани,

И молятъ: царь судебъ, за нихъ, за нихъ во брани!

О сколь возвышенны спасающіе насъ!
(Въ восторгѣ сердца восклицаютъ
Возлюбленны, узрѣвъ на бой текущихъ васъ.)
Какія молніи во взорѣ ихъ блистаютъ!
Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!
О сколь плѣнительны, неся во дланяхъ громъ!

Они ль не полетятъ на крыльяхъ мести къ бою,
Они ль, оставивши всѣ блага за собою?
О незабвенные, о слава нашихъ дней,
Грядите—благодать самихъ небесъ надъ вами;
Враги да будетъ снѣдь мечей;
Да вскорѣ бранными вѣнками
Священныя главы отмстившихъ обовьемъ.
О часъ блаженнѣйшій свиданья!
Летятъ—въ крови, въ пыли, тѣснятся въ отчій домъ!
Благословенья, лобызанья!
Восторгъ души, лишенной словъ!
Супруги, въ Божій храмъ! Встрѣчайте жениховъ
Въ одеждѣ брачной, обрученны!
Да льется слезъ бальзамъ на раны ихъ священны;
Отремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ;
Да видомъ не страшатъ, ни грозными бронями
Отцы, на колыбель склоненны надъ сынами.
А вы, недвижные предъ нами на щитахъ,
Безгласные среди молитвъ и ликованій,
О падшіе друзья, о прахъ полубоговъ,
Примите скорбный даръ и стоновъ и лобзаній
Отъ женъ рыдающихъ, отъ родшихъ и сыновъ.

„Могущественный гласъ, мы ль хладны предъ тобою?
Копье во длань! воздвигни щитъ!
Впередъ на огнь и мечъ громовою стѣною!
Ужъ горній нашъ орелъ перунами гремитъ;
Ужъ гордо распростеръ крылѣ передъ полками.
Внимайте... супостатъ съ погибелью течетъ,
Земля трясется подъ конями;
„Попру стопою!" вопіетъ.
Ударимъ! упредимъ! не россу посрамленье!
Кто смерти предпочесть дерзнетъ порабощенье,
Кто—согражданъ и стыдъ и плѣнъ?
Отъ родины святой бѣглецъ отриновенъ;
Страшись онъ отческія сѣни;
Ему ли осязать родителя колѣни,
Ему ли старца грудь священную лобзать?
Онъ врагъ своихъ друзей, онъ низкій жизни тать.
Нѣтъ, нѣтъ! всей мощью пораженье
Низринемъ, россы, на враговъ!
Не намъ, не намъ стенать подъ бременемъ оковъ!
Не намъ предать и женъ и чадъ на развращенье!
Отчизнѣ ль нашей быть добычей ихъ когтей?
Иль диво намъ карать надменныхъ?
О россъ, о ужасъ дерзновенныхъ!
Пусть смѣютъ испытать, гдѣ мощь руки твоей.
Уснули ль полчища орлины,
Которыхъ громъ возжегъ эвксинскія пучины
И скандинавскаго на прахъ повергнулъ льва?
Явись, сразившая сарматовъ булава!"

Умолкъ... и сонмы всколебались...
Щитами грянули... чрезъ холмъ, сквозь дебрь и лѣсъ,
Воспламененные помчались...
И праха черный вихрь вознесся до небесъ.

1812.

ПѢВЕЦЪ
ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ *).

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

ВОИНЫ.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги,
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ,

*) Авторъ писалъ эти стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, находясь въ московскомъ ополченіи.—*В. Ж.*

Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиный.
„Погибнемъ! Мертвымъ срама нѣтъ!"
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца—снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ,
Твой слѣдъ—костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ,
Отчизны врагъ сопутникъ твой,
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взо-
О горе! горе супостатъ! [ровъ...
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами.
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

ВОИНЫ.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

ПѢВЕЦЪ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя?

Тамъ все—тамъ родшихъ милый домъ,
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ,
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы;
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

ВОИНЫ.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы;
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ сей кубокъ, русскій царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой—намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава,
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

ВОИНЫ.

Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть, все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,

И нравовъ непритворство,
И смѣлость—бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность—твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата:
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами;
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь, *)
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины... **)
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны... въ россахъ вся она;
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.

Хвала сподвижникамъ-вождямъ:
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышитъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ,
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышатъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ-Бенингсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ среди громовъ,
Средь копій безмятежный! *)
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

---

*) Кутузовъ.

**) У древнихъ парящій орелъ почитаемъ былъ предвѣстникомъ побѣды; знаменіе сіе не обмануло и насъ на достопамятномъ Бородинскомъ полѣ. Когда россійскій вождь устроивалъ полки свои, орелъ пролетѣлъ надъ нимъ при радостныхъ кликахъ воиновъ и былъ вѣрнымъ предтечею погибели враговъ нашихъ. *(Примѣч. Дашкова.)*

*) Стихи сіи сочинены прежде Тарутинскаго сраженія. Баговутъ былъ первою его жертвою (6 октября 1812).—*Д.*

Нашъ твердый Ворошовъ, хвала!
 О други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
 Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
 Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
 За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
 Къ постели пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
 Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
 Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
 „Друзья, бѣдамъ презрѣнье!"
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
 Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до-полы мечъ
 Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о витязь нашъ, воспрянь;
 Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
 И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
 Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
 О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись... она
 Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
 Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби—оживить
 Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
 Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
 Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
 Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
 Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
 Его на путь кровавый...
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь.
 Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
 Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетнымъ вождямъ! *)
 На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
 Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй, въ ночи
 Страшатъ какъ привидѣнья,
Блистаютъ смертью ихъ мечи,
 Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ·
 Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
 И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
 Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
 Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
 День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ, витязь, на конѣ,
 Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
 Съ крылатыми полками,

Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ и щитъ,
 И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
 Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
 Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
 И лётомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
 На мечъ и громъ дружину;
Орловъ—отважностью орелъ;
 И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ.
 Въ среду враговъ Кайсаровъ.

ВОИНЫ.

Вожди славянъ, хвала и честь!
 Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
 Вселенная: спасенье!

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
 Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
 Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
 Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
 Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
 Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
 Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
 Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
 И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
 Тамъ брань его сразила;

*) Т.-е. вождямъ партизановъ.

Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила. *)
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенный.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой... **)
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,—
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,—
Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй,
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ? ***)
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы, намъ! скоро грянетъ".
А онъ навѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ! ****)

*) Кульневъ убитъ въ 30 верст. отъ мѣстечка Люцина, гдѣ жила его мать и гдѣ онъ провелъ свое младенчество.—*Д.*

**) Кутайсовъ убитъ подъ Бородиномъ.

***) Багратіонъ умеръ отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Бородиномъ. Армія нѣсколько надѣялась на его выздоровленіе, но судьба рѣшила иначе.—*Д.*

****) По миѳологіи сѣверныхъ народовъ, витязи, сраженные во браняхъ, переселялись къ Валгаллу, къ отцу своему Одену. Стихотворецъ замѣнилъ здѣсь баснословнаго Одена безсмертнымъ Суворовымъ, наставникомъ покойнаго князя Багратіона въ воинскомъ искусствѣ. Герой Италійскій съ отеческою нѣжностью пріемлетъ въ жилища небесныя вождей, запечатлѣвшихъ кровію своею одержанныя побѣды; Кульневъ, Кутайсовъ, Багратіонъ возносятся къ нему со славою и радостно взираютъ на храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, карающихъ дерзновенныхъ галловъ.—*Д.*

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!"
Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ.
И водрузитъ тамъ знамя.

ВОИНЫ.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ,
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ, грады въ прахъ,
Въ мечи—серпы и плуги.

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины,
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ кремлевскія вершины.
„Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!.."
Пришелъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье,
Онъ наша совѣсть, онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

воины.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

пѣвецъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло съ бодрой силой
На все великое летитъ,
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья,
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
„Твоя и за могилой!“

О сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ!“
И мыслитъ: „скоро ль дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки.“

Друзья! блаженнѣйшая часть:
Любезныхъ быть спасеньемъ,
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть—
Погибнемъ съ наслажденьемъ;
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

воины.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы;
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы—сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О радость древнихъ лѣтъ, Баянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный.
Петру возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ податель славы;
Честь Задунайскому—Петровъ;
О, камскія дубравы,
Гордитесь, вашъ Державинъ сынъ;
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ—
Державинъ грянетъ въ струны!

О старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый;
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань
Бѣгутъ не за вѣнками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.

Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ—спасенье.

Такъ, братья, чадамъ Музъ хвала!..
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны.

Но буду ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть-можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ—паденье.
Но что жъ... навѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава—
Родится жизнь ея въ струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

ВОИНЫ.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

ПѢВЕЦЪ.

Подымемъ чашу!.. Богу силъ!
О братья, на колѣна!
Отъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ—Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье—тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.

А мы?.. Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было—незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь низкое, прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ простота;
Не жадность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ правота;
Въ могуществѣ смиренье.

Обѣтамъ вѣрность, чести честь,
Покорность правой власти;
Для дружбы все, что въ мірѣ есть;
Любви весь пламень страсти;
Утѣха скорби, просьбѣ дань,
Погибели спасенье,
Могущему пороку брань,
Безсильному презрѣнье;
Неправдѣ грозный правды гласъ,
Заслугѣ воздаянье,
Спокойствіе—въ послѣдній часъ,
При гробѣ—упованье.

О! будь же, русскій Богъ, нашъ щитъ!
Прострешь твою десницу—
И мститель-громъ твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
Растетъ врагъ передъ нами...
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Induction Речетъ пришлецъ: „Враговъ я зрѣлъ,
„И мнилъ—земли имъ мало;
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ:
„Протекъ—враговъ не стало!“

ВОИНЫ.

Речетъ пришлецъ: „Враговъ я зрѣлъ,
„И мнилъ—земли имъ мало;
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
„Протекъ—враговъ не стало!

ПѢВЕЦЪ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.

О други, скоро!.. день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!..
И онъ блеснулъ!.. Чу!.. вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды,
И строй сомкнулся съ строемъ,
И вождь летитъ передъ ряды,
И пышитъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью, иль за славой!..
О вы, которыхъ и въ дали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!
Щитъ Промысла надъ вами!..
Всевышній царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

воины.

Всевышній царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

ПИСАНО ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ КРАСНЫМЪ.

О вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ...
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ;
Я зрѣлъ, какъ ты, впереди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами.
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О старецъ-вождь, я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ Рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною.
Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ.
Надменный сей не ею ль былъ хранимъ!
Вотще пески ливійскіе пылали—
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали—
Его промчалъ безвредно легкій челнъ;
Ступилъ на брегъ—въ рукѣ его корона;
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ;
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ...
И возстаютъ могучіе тевтоны,
Достойные Арминія сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники-сарматы;
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ—ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій миръ склонилъ...
О замыслы! о неба судъ ужасный!
О хищный врагъ!.. и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни—все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ.
Хвала, нашъ вождь! едва дружины двинулъ—
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ;
Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ;
И щитъ и мечъ бросаютъ съ знаменами,
Вездѣ пути покрыты имъ костями,
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огнь и хладъ;
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отечески поля,
Обречены въ добычу истребленью,
И будетъ гробъ имъ русская земля.
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ;
Посолъ Судьбы явился ты полкамъ—
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Еще ударъ—и всей землѣ свобода,
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!
О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ—
А ты ужъ здѣсь, ужъ родины спаситель,
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды;
И рядъ побѣдъ—полковъ твоихъ слѣды,
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!..
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ;
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ,
Къ тебѣ ихъ взоръ, къ тебѣ подъемлютъ длани;

„Вотъ онъ! вотъ онъ! сей грозный вождь, нашъ щитъ;
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!“
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ,
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ—
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: „Мной дана имъ тишина“.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: „Имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила“.
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
„Его рука мнѣ милыхъ сохранила“.
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье;
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье.

1813.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ *).

Мой слабый даръ царица ободряетъ;
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ отъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго пѣвца...
Могу ль желать славнѣйшія награды?
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель несъ,
И русскіе воспламенялись грады,
Я съ трепетомъ зрѣлъ ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ открывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину;
Я старца зрѣлъ, избраннаго царемъ;
Я зрѣлъ славянъ, летящихъ за вождемъ
На огнь и мечъ, и въ каждомъ взорѣ мщенье—
И геніемъ мнѣ было восхищенье,
И я предрекъ губителю паденье,
И все сбылось—губитель гордый палъ!..
Но, ахъ, почто мнѣ жребій ниспослалъ
Столь бѣдный даръ?.. Внимаемый царицей,
Отважно бъ я на лирѣ возгремѣлъ,
Какъ месть и громъ несущій нашъ орелъ
Ударилъ вслѣдъ за робкою станицей
Постигнутыхъ смятеніемъ враговъ;
Какъ подъ его обширными крылами
Спасенные народы отъ оковъ
Съ возникшими изъ низости царями
Воздвигнули свободы знамена.
Или, забывъ побѣдные перуны,
Твоей хвалой воспламенилъ бы струны:
Ахъ, сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славнѣе для поэта?
Царица, мать, супруга, дочь царей,
Краса царицъ, веселіе полсвѣта...
О, кто найдетъ языкъ, приличный ей?
Почто лишенъ я силы вдохновенья?
Тогда бъ дерзнулъ я лирою моей
Тебя воспѣть, въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы нѣтъ—онѣ ласкаютъ мать;
Объ ней ихъ мысль, объ ней ихъ разговоры,
Объ ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ,
Одну ее съ небеснымъ божествомъ
При алтарѣ поютъ ихъ сладки хоры.
Или, мечтой стремясь тебѣ во слѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступить въ сей домъ спасенья,
Туда, гдѣ ты, какъ ангелъ утѣшенья,
Льешь сладкую отраду въ чашу бѣдъ.
О, кто въ сей храмъ войдетъ безъ умиленья?
Какъ божество невидимое, ты
Тамъ колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила;
Въ часъ бытія отверзлась имъ могила—
Ты приговоръ судьбы перервала,
И въ образѣ небесныя надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала;
Едва на міръ открыли слабы вѣжды,
Ужъ съ творческимъ сліянный образъ твой
Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за тобой,
И въ бурю бѣдъ ты мощный имъ хранитель!
Вотще окрестъ ихъ сѣни брань кипитъ—
На ихъ главы ты свой простерла щитъ,
И задрожалъ свирѣпый истребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей,
И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
Въ священную сиротъ твоихъ обитель.
И днесь—когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ полуночнымъ орломъ,
Бѣжитъ въ стыдѣ народовъ притѣснитель—
О, сколь предметъ высокій для пѣвца!
Владыки мать въ величествѣ царицы
И съ ней народъ, молящіе Творца,
Да подъ щитомъ всесильныя десницы
Дастъ миръ землѣ полсвѣта властелинъ.-
Такъ, къ небесамъ дойдутъ твои молитвы;
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду битвы,
Защитникъ царствъ, любовь царей, твой сынъ

*) Ея Императорскому Величеству угодно было, чтобъ авторъ, жившій тогда въ деревнѣ, доставилъ ей списокъ Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ. Исполняя волю Государыни, онъ осмѣлился къ желаемому списку присоединить это посланіе.—*В.Ж.*

Съ вѣнчанными побѣдою полками.
О славный день, о радостный возвратъ!
Уже я зрю священный Петроградъ,
Встрѣчающій спасителя громами;
Грядетъ! грядетъ, предшествуемъ орлами,
Плѣняющій величествомъ, красой,
И близъ него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ во слѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя славянскія дружины.
И ты спѣшишь съ супругою младой,
Въ кругу дѣтей, во срѣтенье желанныхъ...
Блаженный часъ! въ виду героевъ бранныхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-сынъ предъ матерью-царицей,
Да славу ихъ любовь благословитъ—
И вкупѣ съ нимъ спасенный міръ лежитъ
Передъ твоей священною десницей.

1814.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для тебя вселенная сплетаетъ?..
О русскій царь, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть тебѣ народы міра—
И, радости полна, сама играетъ лира.

Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
Которой ты достигъ по тернамъ испытанья,
Когда, исполнены любви и упованья,
Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣрнымъ быть царемъ клянясь Творцу и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную десницу—
И плечи юныя склонялъ подъ багряницу—
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука твоя брала,
Что мыслилъ ты, вблизи послышавъ клики славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Ниспровергала, врагъ земныхъ народовъ, брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Ужель при слухѣ семъ душой не возмутился?
Нѣтъ! выше бурь земныхъ ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ,
И въ сердцѣ Промысла судьбу свою читалъ.
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ себѣ весь свой народъ ты въ руку Провидѣнья
Съ спокойной на Него надеждой положилъ—
И соприсутственный тебя благословилъ!
Когда жъ священный храмъ при громахъ растворился—
О, сколь плѣнителенъ ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицомъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцомъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ твоей державѣ
Тогда весь твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души твоей горѣлъ,
Съ которымъ ты за насъ передъ алтарь явился—
О царь, благодаримъ: обѣтъ сей совершился...

И Призванный тобой тебѣ не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья;
Ниспосылаемый Имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена—
И, обновленныя пышнѣе расцвѣтаютъ;
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ;
Давно ль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой;
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами...
И первый Лилій тронъ у галловъ надъ главами
Вспылалъ, разверзнувшись какъ гибельный волканъ.
Съ его дымящихся развалинъ великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани,
И взорами на міръ ужасно засверкалъ—
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепеталъ,
Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ;
И Промыслъ, утаясь, послалъ къ нему свой страхъ;
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ;
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
Огромною рукой ту бездну покрывалъ,

Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ.
Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: „Мой престолъ престоломъ будь вселенны;
Порфиры всѣхъ царей земныхъ я раздеру,
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
Народовъ бѣдствія—ступени мнѣ ко счастью;
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью,
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй страхъ;
Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
Что изъ развалинъ брань и власть соорудила—
Безсмертною моя останется могила“.
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани—
И стала Галлія сокровищницей брани;
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило:
Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
И мздой свою постель страданье выкупало;
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей:
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ—
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ.
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя,
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой...
И, вслѣдъ ему, всякъ часъ за ратью рать летѣла;
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою;
Отъ Реинскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила;
Все смолкло... мрачная, съ кровавымъ взоромъ, **сила**
На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ царей;
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть прежнихъ дней,
И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все—окрестъ одинъ лишь стукъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ, оковъ
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы;
Унылость на сердца народовъ налегла—
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ лобзала,
И взоры на востокъ съ надеждой обращала...
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ—
О царь нашъ, твой народъ—могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ царю и въ славѣ тишиной.
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы...
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крылы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ...
И злобой на него губитель закипѣлъ.
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага неоскверненныхъ,
Ужъ въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной...
О Провидѣніе! твоя Россія встала,
Твой ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,
Когда въ молчаніи народномъ, царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О гласъ царя! о честь народа! Пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ;
Все бранью вспыхнуло, все кинулось къ мечамъ,
И грозно въ бой пошла съ **насиліемъ** **свобода**!
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ.
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой, то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки и грозныя твердыни,
Вездѣ ревущія погибельной грозой—
И старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой **Судьбой**!...
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!..
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ твоимъ стѣнамъ!

О радость!.. онъ вступилъ!.. зажгись, костеръ свободы!
Пылаетъ!.. цѣпи въ прахъ!.. воскресните, народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ мщенія свобода ожила,
И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный, кара
Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ
И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И гладъ, при крикѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей...
Тогда помчались вспять; и грудами костей,
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ русскими полками;
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ...
Сколь намъ величественъ ты, царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ въ слѣдъ врагамъ.
О незабвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзаешь путь властительной рукою...
Когда же двинулись дружины предъ тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами...
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, нашъ царь, тогда въ душѣ своей?
Передъ тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, растерзанный, еще взывать не смѣя;
И человѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
Къ тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія царей, потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
„Дерзай! и нареку тебя: Благословенный“.
И въ грозный между тѣмъ полки сліянны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной
На твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья...
А ты?... Ты отъ небесъ молилъ благословенья...
И ангелъ ихъ, гремя, на щитъ твой низлетѣлъ,
И гибелью враговъ твой щитъ запламенѣлъ,
И руку ты простеръ... и двинулися рати.
Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье тебѣ народы потекли,
И вайями твой путь смиренный облекли;
Привѣтственной толпой подвиглись веси, грады;
Къ тебѣ желанія, къ тебѣ сердца и взгляды;
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго тебя впреди твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется,
Младая старику во грудь надежда льется:
„Свободенъ, мнитъ, сойду въ свободный гробъ отцовъ!“.
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ сыновъ.
И ты средь плесковъ сихъ—не гордый побѣдитель,
По воли Промысла смиренный совершитель—
Шелъ тихій, благостью великость украшалъ;
Блескъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
И ликъ твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды.
И вождь нашъ смертію окованныя вѣжды
Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный путь,
Въ который ты вступалъ, уже не съ нимъ, взглянуть,
И, угасая, дать царю благословенье.
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ, онъ рать тебѣ вручалъ,
И ослабѣвшею рукою прижималъ
Къ нѣмѣющей груди царя и друга руку—
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку;
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ;
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь *)—увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ—
Нашъ царь, узнавъ тебя, на смерть онъ не ропталъ;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя;
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя,
Смягчившаго слезой его съ концомъ борьбу,
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу...
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы,
Какъ всколебалися тевтоновъ племена!
Къ нимъ Германъ съ норда несъ свободы знамена—
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы;
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,

*) Моро, убитый 15 августа 1815 г. въ сраженіи подъ Дрезденомъ.

И всѣхъ царей рука, нашъ царь, въ рукѣ твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней.
О славный Кульмскій бой! о доблесть славянина!
Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ—
Все опрокинуто, и русскій устоялъ.
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужъ приближаются къ святилищу Судьбины;
Ужъ видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой велъ
Ихъ Неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бременя рукою;
Се мѣсто, гдѣ себя во правдѣ онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:
Не быть, иль быть царямъ; возстать, иль пасть вселенной.
И все въ собраніи... о часъ, вѣкамъ священной!..
Народы всѣхъ племенъ, и всѣхъ племенъ цари,
Подъ сѣнію знаменъ святые алтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами,
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склоненъ,
Союза мстителей младой Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя царей главою...
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ...
И тихо мгла еще на небѣ тамъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель...
И загорѣлся день... Богъ грянулъ!.. палъ губитель!
Бѣгутъ—во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечъ, и щитъ,
Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ страхъ бѣжитъ
И жадною рукой погибель ихъ хватаетъ;
И небо тихое торжественно сіяетъ
Надъ преклоненною отмстителей главой;
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Реинъ восплескалъ, послышавъ ликованья...
О старецъ водъ! о ты, съ минуты мірозданья
Не зрѣвшій на брегу еще лица славянъ—
Ликуй, и отражай въ волнахъ славянскій станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ древни воды;
И Реинъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ свободы,
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ;
И быстро ворвались полки въ тотъ страшный логъ,
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ имъ цѣпи плѣна.
Вотще, вотще, воздвигъ онъ черныя знамена—
Лишь вѣсть погибели онъ съ ними водрузилъ;
Громъ-русскій берега Секваны огласилъ—
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья!..
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:
О русская земля! спасителемъ грядетъ
Твой царь къ низринувшимъ царей твоихъ столицу;
Онъ распростеръ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ—и тишина вослѣдъ имъ прилетаетъ...
Хвала! хвала, нашъ царь! Стыдливо отклоняетъ
Рука твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О незабвенный день! Смотрите—побѣдитель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
Въ виду разорванной отцовъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ;
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную свободу возводило,
И Бога поразить своей хулою мнило—
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ;
И се!.. подъемлется спасенія сосудъ...
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!*)
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даетъ...
Свершилось!.. освященъ испытанный народъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона

*) Извѣстно, что торжественное молебствіе россійской арміи совершено было въ день Свѣтлаго Воскресенія на той площади, гдѣ погибъ Людовикъ XVI.— *В. Ж.*

Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона;
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцовъ грядетъ,
И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступленія минувшихъ страшныхъ лѣтъ!..
Свершилось... русскій царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
И свой дадутъ отвѣтъ потомки современнымъ!..
Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, ты въ путь летишь желанной—
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ ты скорбѣлъ—
И ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ сёлъ... вездѣ, вездѣ сво-
Вездѣ обиліе, надежда и покой... [бода,
И все сіе, нашъ царь, дано землѣ тобой.
Но что жъ ты ощутилъ, когда твой взоръ веселый
Завидѣлъ вдалекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святого Петрограда
Вдали передъ тобой возникнула громада?
Когда предъ матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
Гдѣ освященный мечъ пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ твой, герой спасенья спитъ...
Россія, онъ грядетъ; уже алтарь горитъ;
Уже его принять отверзлись двери храма,
Ужъ благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за него взлетѣло къ небесамъ!
И се!.. приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу!..
О Вѣчный! осѣни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена...

Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты одинъ съ собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромнымъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ цари и Провидѣнье.
О царь! въ сей важный часъ — когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ. нашъ Петръ, царей земныхъ учитель —
Я зрю тебя племенъ несмѣтныхъ повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія—
О, сколь божественна въ сей часъ душа твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламенной—
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной;
За насъ ты предстоишь, какъ жертва передъ Нимъ;
Отечество, внимай: „Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ Тобой,
Безстрашный подъ Твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!..
Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, мой народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю.
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное,
Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты на совѣтѣ ихъ сидящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенны!..“
Вонми жъ и ты своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время твой великолѣпный тронъ —
Хвалой невѣрною тронъ царскій окруженъ—
Сокрой свой царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья,

Одинъ, въ толпу, и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ:
На праздникахъ семей, украшенный твой ликъ—
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель—
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ,
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ расцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя — не льстецъ,
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ,
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ ліётъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья!
Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья,
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертву жизнь принесть—
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца—уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О царь! не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота—великая душа.
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя, на все, на все готовый—
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты.
Поставившій тебя съ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной—
Ужель на краткій мигъ онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ тебѣ всѣ блага, намъ священны—
И не обманетъ насъ отъ вѣка неизмѣнный.
Прими жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Толь древле славную отцовъ твоихъ порфиру,
За вѣру, въ страшный часъ, къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему—
Здѣсь, окружая твой престолъ, Благословенный,
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной;
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: „Все въ жертву за царя“.

НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю—
Все ниспошли!

Перводержавную,
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!

Жизнь имъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ;
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

ПѢВЕЦЪ.

Бѣгите въ Кремль! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ Божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды.
Зоветъ Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы;
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый;
Бѣгите въ Кремль, и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

НАРОДЪ.

Бѣгите въ Кремль, и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

ПѢВЕЦЪ.

О Кремль отеческій, твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ.
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой.
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ царей,
Убійцей оскверненный.

Но ты, царя вѣнчавшій храмъ,
Рукой небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.
И ты, царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Гулъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей...
О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

НАРОДЪ.

О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

ПѢВЕЦЪ.

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подымемъ длани;
Онъ здѣсь, въ Кремлѣ себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани;
Онъ въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою
Промчавшись, сталъ въ лицо врагамъ
Карающей бѣдою.
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести.

И славою Ему вослѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой,
И гимнъ его свободы...
Греми жъ торжественно въ Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И вѣчному держава!

НАРОДЪ.

Греми торжественно въ Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И вѣчному держава!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ Россію, царь земли!
Народъ твой уповаетъ:
Прими ее и повели,
Да славой процвѣтаетъ!
Да сила иноземныхъ странъ
Брежетъ ея предѣлы;
Да на святыхъ ея поляхъ
Сіяетъ миръ веселый;
Да нравовъ древнихъ чистотой
Союзъ семей хранится,
Да въ нихъ съ невинной простотой
Свѣтъ знаній водворится.

О! повели, чтобъ нашъ орелъ,
    Вселенной стражъ могучій,
Спокоенъ на громахъ сидѣлъ;
    А въ брани вражьи тучи,
Какъ нынѣ, грудью пробивалъ
    И подъ небесны своды
Всегда при кликахъ возлеталъ
    Спасенья и свободы.
Вели, да восшумятъ моря
    Подъ русскими рулями,
И слава русскаго царя
    Восцарствуй надъ водами.

Вели, да помнитъ славянинъ,
    Что онъ наслѣдникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
    Которыхъ мечъ кровавый
И древле былъ противныхъ страхъ...
    Друзья! отцы предъ нами;
На тѣхъ же мы цвѣтемъ поляхъ,
    Подъ тѣми жъ небесами,
Гдѣ чада славы расцвѣли;
    Предъ нами та жъ дорога,
По коей дѣды протекли
    За Русь, царя и Бога.

О Русь, да нашъ языкъ прильнетъ
    Изсохнувшій къ гортани,
Да крѣпость древняя спадетъ
    Съ увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для насъ—
    И въ часъ борьбы кровавой,
И въ нощь, и въ день, и въ смертный часъ—
    Быть радостью и славой!..
А ты, Всевышній, нашъ обѣтъ,
    Прими въ Твою десную,
И горней благодати свѣтъ
    Пролей на Русь святую.

НАРОДЪ.

Прими, Всевышній, нашъ обѣтъ,
    Прими въ Твою десную,
И горней благодати свѣтъ
    Пролей на Русь святую.

ПѢВЕЦЪ.

Храни царя, царю пошли
    Твое благословенье.
Ему всѣ радости земли!
    Тебѣ жъ благодаренье
За царственную высоту
    Его души благія;
За чистой славы красоту,
    Въ какой имъ днесь Россія;
За первенство среди царей,
    Отъятое не бранью,
Но искупленіемъ людей
    И миротворной дланью;
За твердое презрѣнье бѣдъ;
    За благость въ правой мести;
За кротость на верху побѣдъ
    И вѣрность царской чести;
За блескъ, въ какомъ умѣлъ явить
    Онъ доблесть славянина;
За сладкій жребій нашъ: любить,
    Какъ друга, властелина—
О всемогущій Царь земли,
    Тебѣ благодаренье!
Храни его, ему пошли
    Твое благословенье!

Храни его! то общій кликъ
    Съ Кремлевскія вершины...
И угасающій старикъ,
    Въ виду своей кончины
Молящій ясныхъ дней сынамъ,
    И брани сынъ ретивый,
Привыкшій, къ трепету врагамъ,
    Знамена горделивы,
Царемъ ведомый, воздвигать;
    И юноша цвѣтущій,
Минуты славой заблистать
    Въ волненьи сердца ждущій;

И безмятежный селянинъ,
    Воспитанникъ природы,
И смѣлый просвѣщенья сынъ,
    Алкающій свободы
Воспламенить во благо свой
    Свѣтильникъ вдохновенный—
Всѣ, всѣ съ молитвою одной
    Къ тебѣ, Царю вселенны:
Твою щедроту посели
    Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли
    И трона красотою.

НАРОДЪ.

Твою щедроту посели
    Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли
    И трона красотою.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ спасительную рать,
    Тебѣ вождей спасенья!
На нихъ да снидетъ благодать;
    На нихъ благословенья
Съ Кремлевскихъ благодарныхъ стѣнъ;
    Ихъ груди, какъ твердыни,
Отъ насъ отбили срамъ и плѣнъ
    И бѣшенство гордыни.
Москва, они твоимъ стѣнамъ
    Рекли: „Одѣньтесь въ пламень,
„Взлетите гибелью врагамъ;
    „Будь ратникъ—каждый камень!“

И мщенье—грозный ихъ обѣтъ;
Ему не измѣнили:
Твоей дружиной, Царь побѣдъ,
Они себя явили.
Безтрепетны сквозь зной и хладъ,
Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильныхъ рядъ,
Перунами твердыни,
На мышцу мышцу, грудь на грудь,
И брань самой природѣ,
Кровавый протоптали путь
И чести и свободѣ.

Вездѣ, во славу Бога силъ,
Воздвиглись ихъ знамена;
Орелъ свободныхъ—раздробилъ
Орла рабовъ, и Сена,
Послышавъ громъ ихъ, чрезъ поля
Помчала обновленье,
И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.
И се, на родину стеклись;
Въ ножнахъ ужъ мечъ кровавый...
О Кремль священный, оживись!
Яви имъ пепелъ славы!

Стекитесь, чада и отцы,
Младыя дѣвы, жены,
На ихъ главы надѣть вѣнцы,
Ихъ увѣнчать знамены,
Съ раменъ могущихъ снять щиты,
Принять изъ рукъ ихъ громы,
Узрѣть возлюбленны черты,
Услышать гласъ знакомый.
Се, на Кремлевской высотѣ,
Еще подъ прахомъ брани,
Стоятъ въ смиренной красотѣ
И къ вамъ простерли длани...

Благословляемъ вашъ возвратъ
Въ отчизну съ поля чести!
Святое титло вѣрныхъ чадъ
Цѣной кровавой мести,
Цѣною ранъ купили вы...
Здѣсь, на скалѣ пожарной,
На ваши бодрыя главы
Рукою благодарной
Отчизна славная кладетъ
Печать любви и славы,
И слезы исцѣленья льетъ
На раны ихъ кровавы...

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

НАРОДЪ.

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

ПѢВЕЦЪ.

Простри, Всевышній, длань твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ;
Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,
Гдѣ миръ твой обитаетъ,
Да твой незаходимый день
Имъ радостью сіяетъ;
Да тамъ для нихъ о жизни сей
Живетъ воспоминанье;
Да будутъ родины своей
И щитъ и упованье.

Друзья, съ молитвою о немъ,
О старцѣ, о великомъ!..
О, нашъ герой, когда съ мечомъ,
Съ покойнымъ, свѣтлымъ ликомъ,
Во храмѣ, объ руку царя,
Младой подъ сѣдинами,
Передъ святыней алтаря,
Внимаемъ небесами,
Обѣтъ спасенья ты изрекъ,
Мы мнили, ослѣпленны—
Забывъ, что вождь нашъ человѣкъ—
Что дни твои нетлѣнны...

И гдѣ же ты, о вождь побѣдъ?
Мы гимнъ поемъ спасенья,
Почто жъ спасителя здѣсь нѣтъ?
На праздникъ Провидѣнья
Мы нынѣ въ Кремль твой притекли...
А нашъ герой не съ нами!
Здѣсь громы вражески въ пыли
Безмолвными рядами;
Здѣсь ихъ разбитые щиты,
Ихъ знамена кровавы;
Здѣсь наша слава... гдѣ же ты,
Создатель нашей славы?..

Друзья, сей день да освятитъ
О немъ воспоминанье;
Да къ тѣни бранной долетитъ
Отечества призванье;
На верхнихъ славы ступеняхъ
Ему рука судьбины,
При блескѣ молній, при громахъ,
Постлала одръ кончины;
На немъ простертъ, онъ угасалъ,
Какъ вечеръ свѣтозарной,
И, угасающій, внималъ
Отчизнѣ благодарной...

Почій же въ славѣ, нашъ герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой,
Съ мечомъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего, сидитъ;
Предъ ней, неугасимый,
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый.

И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше Провидѣнье
На Русь сквозь самый бѣдствій мракъ
Сіяетъ во спасенье.

И вы, которыхъ бурный вой
Похитилъ средь полета,
Вы, быстро за рубежъ земной
Утекшіе изъ свѣта,
Друзья, благословенье вамъ!
Вы пали за отчизну;
И здѣсь, прискорбная, сынамъ
Она свершаетъ тризну;
И Кремль ся преображенъ
Въ алтарь благодаренья;
На немъ былъ первый воспаленъ
Свѣтильникъ Провидѣнья.

Вы, въ память чадамъ позднихъ лѣтъ,
Своимъ геройскимъ прахомъ
Спасенный одарили свѣтъ;
И врагъ свободы съ страхомъ
Отъ зеленѣющихъ холмовъ,
Гдѣ пепелъ вашъ хранится,
Какъ отъ карающихъ боговъ
Смятенный, отстранится;
Они народамъ будутъ вѣсть,
Сколь шатки зданья силы—
Вы проповѣдовать имъ: честь!
Оставили могилы.

Здѣсь все въ воспоминанье вамъ;
Сей пиръ Кремля священный;
Сей гимнами гремящій храмъ;
Сей градъ, за честь сожженный;
И сей народъ, толпа семей,
Ликующихъ въ покоѣ—
Все вы! все намъ отъ вашихъ дней
Наслѣдствіе святое!..
Простри жъ, Всевышній, длань Твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою
За правду положившихъ.

НАРОДЪ.

Простри, Всевышній, длань твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою
За правду положившихъ.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ Россія вѣрныхъ чадъ,
Подпоръ могущихъ трону!..
О, какъ ихъ двинулъ царскій взглядъ
Отчизнѣ въ оборону!
Летятъ! огню домы, поля,
Перунамъ грудь и длани!
И грозно русская земля
Встаетъ гигантомъ брани.

Гремитъ ся призывный щитъ...
И, гнѣвомъ мести рдѣя,
Войной Иртышъ и Донъ шумитъ,
Войной скалы Рифея.

Калмыкъ, башкиръ, черкесъ и финнъ
Къ знаменамъ побѣжали,
И всѣ оградой изъ дружинъ
Кругомъ престола стали...
Гдѣ жъ врагъ?.. О русская земля,
Готовь твой пиръ священный!
И се! на высотѣ Кремля
И селянинъ смиренный,
И вѣрный славныхъ предковъ сынъ,
И алтаря служитель,
Къ тебѣ, ликуя, гласъ единъ
Возносятъ, Вседержитель!

Вы, чада бодрственныхъ сыновъ,
Потомки знаменитыхъ,
Близъ ихъ изрубленныхъ щитовъ,
Близъ ихъ кольчугъ разбитыхъ,
Свои кольчуги и щиты
Повѣсьте въ отчемъ домѣ;
На нихъ чудесныхъ дѣлъ черты
Для чадъ, при бранномъ громѣ,
Мечомъ кровавымъ врѣзалъ врагъ;
Пускай на ихъ обломкахъ
Хранится повѣсть объ отцахъ
Великая въ потомкахъ.

Вамъ подвигъ новый предлежитъ:
Величіе въ покоѣ;
Да сладкій миръ не измѣнитъ
Васъ, неизмѣнныхъ въ боѣ;
Да вкругъ васъ тишина цвѣтетъ,
Устройство и свобода;
Да вамъ покорная даетъ
Сторичну дань природа;
Къ зерцалу—совѣсть и законъ,
Въ семействѣ—чисты нравы,
Безъ рабства вѣрность—передъ тронъ,
Предъ Бога—души правы.

Ты жъ, чудо вѣрности, народъ,
Покорностью могущій;
Цвѣти! да заградится входъ
Въ твои смиренны кущи
Судьбы посланницамъ—бѣдамъ;
Да плугъ трудолюбивый
Даруетъ жизнь твоимъ полямъ
Умѣреннымъ счастливый,
Чуждъ развратительныхъ суетъ,
Презрѣвъ роскошныхъ нѣгу,
Теки безпечно черезъ свѣтъ
Къ счастливѣйшему брегу.

А ты ихъ, Вышній, осѣни
Отеческой рукою:
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ Тобою.

НАРОДЪ.

Дѣтей, Всевышній, осѣни
Отеческой рукою:
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ Тобою.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ народовъ и царей!..
Да знаетъ всякъ властитель,
Что онъ лишь мудрости твоей
Безвластный совершитель...
Вы, неподвижные въ пыли,
Невольники могилы,
Цари—смутители земли,
Цари—земли свѣтилы,
Призраки! встаньте изъ гробовъ
На голосъ, къ вамъ зовущій!
Кто были вы: друзья боговъ,
Иль боги всемогущи?

О нѣтъ! орудіе одно
Въ десницѣ Провидѣнья...
Внимай! внимай! летитъ оно
Съ жезломъ міроправленья
Надъ темной бездною временъ,
И съ вѣчной колесницы
Судьбы державъ, судьбы племенъ
Бросаетъ изъ десницы.
Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
Чья сила, чья упорность?
Летитъ... а намъ его урокъ:
„Умѣренность, покорность!"

О, совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцовъ совѣтъ!
Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!
Въ совѣтъ къ царямъ—Небесный Царь!
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь—повиновенье!

Утихни, ярый духъ войны;
Не жизни истребитель,
Будь жизни благъ и тишины
И вѣчныхъ правъ хранитель.
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ мракѣ жизни озарись,
Къ небесному дорога.
Будь, вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты въ нерукотворный храмъ
Свѣти, звѣзда востока.

ПѢВЕЦЪ И НАРОДЪ.

Свѣти, свѣти, звѣзда небесъ!
Къ ней взоры! къ ней желанья!
Къ ней, къ ней, за тайну сихъ завѣсъ
Земныя упованья!
Тамъ все, что здѣсь плѣнило насъ
Явленіемъ мгновеннымъ,
Что взялъ у жизни смертный часъ,
Воскреснетъ обновленнымъ.
Рука съ рукой! вождю во слѣдъ!
Въ одну, друзья, дорогу!
И съ нами въ братскомъ хорѣ, свѣтъ,
Пой: слава въ вышнихъ Богу!

1815.

ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ

ОТЪ ЕГО ВОИНОВЪ.

Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей.

Къ его стопамъ мечи кровавы;
Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань—
Рѣшившему святую брань.

Нашъ царь, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!

Младой наслѣдникъ полвселенны—
Межъ насъ впервой ты мечъ пріялъ;
Нашъ царь—ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь—ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

Скажи жъ, о вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась—
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ царя, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучъ.

Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ;
Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окованна молчитъ.

Отъ Нѣмана до океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ
И Сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ:
И казни вѣстникъ, грозный страхъ
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.

Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей.

1816.

СТИХИ, ПѢТЫЕ НА ПРАЗДНЕСТВѢ

АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА ЛОРДА КАТКАРТА, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА *).

Сей день есть день суда и мщенья;
Сей грозный день землѣ явилъ
Непобѣдимость Провидѣнья,
И гордыхъ силу пристыдилъ.

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ фортуной къ берегу пристать?

Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ съ царей красу порфиръ,
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заграбить міръ.

И гдѣ онъ?.. Міръ его не знаетъ.
Забытъ разбитый истуканъ;
Лишь предъ изгнанникомъ зіяетъ
Неумолимый океанъ.

И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла.

И честь тому, кто вѣрный чести
Свободѣ мечъ свой посвятилъ,
Кто въ грозную минуту мести
Лишь благодатью отомстилъ.

*) 28 марта 1816 года, въ годовщину отреченія Наполеона отъ престола.

Такъ, честь ему: и миръ вселенной,
И царскія въ вѣнцахъ главы,
И блескъ Лютеціи спасенной,
И прахъ низринутой Москвы.

Объ немъ молитва Альбіона
Одна съ сыновъ его мольбой:
„Чтобъ долго былъ красой онъ трона
И человѣчества красой“.

1818.

ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ,

НА РОЖДЕНІЕ

В. К. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

ПОСЛАНІЕ.

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искусство?..
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій привѣтъ существованью;
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей
И прелесть устъ, открывшихся дыханью...
О, какъ дерзну я мыслію моей
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья?..
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость покой,
И тишина исполненной надежды;
И, первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ ангелъ, спитъ твой сынъ передъ тобой...
О матерь! кто, какой языкъ земной
Изобразитъ сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленье,
И ясное для сердца Провидѣнье,
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала—
То все теперь безъ словъ тебѣ сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный?..
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный твой часъ—
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ?
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ, младой зари краса,
Всходящая, какъ новая надежда,
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшихъ мимо рокомъ

Нетропутый свидѣтель Божества,
И всюду гласъ святого торжества,
Какъ-будто гласъ Москвы преображенной...
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ.
И съ вѣрою, что близко Провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ матери священное мученье
Свершалося, какъ жертва, въ оный часъ...
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,
Сей часъ, когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны,
Еще стоятъ въ невѣдѣньи, безгласны,
И робко ждутъ, что скажетъ Судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизнь иль смерть велитъ благовѣстить?..
О, что въ сей часъ сбывалось тамъ, подъ кровомъ
Царей, гдѣ мигъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ Промысла намѣреніе тайно,
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
„Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно!"
И вѣрила безтрепетно душа.
Межъ тѣмъ, восходъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стоялъ...
Казалось, все съ надеждой ожидало.
И въ оный часъ предъ мыслію моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сія рѣка, свидѣтель давнихъ дней,
Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
Спокойная межъ столькихъ измѣненій,
Мнѣ славною блистала стариной;
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней, какъ дымъ, взлетали предо мной;
Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликалъ полки Донской;
Пожарскій мчалъ, сквозь ужасы и пламя,
Свободу въ Кремль по трупамъ поляковъ;
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы;
Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
Чудесный Петръ въ столицу за собой:
И праздновать звала Екатерина
Румянцева съ вождями предъ Москвой
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
И, дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремился.
Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?... Во прахѣ домъ царей;
Безславіе разбитыхъ алтарей;
Святилища, лишенныя святыни;
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что жъ теперь?... Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуяся Москвою—
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремлѣ семья царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ...
О, какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младой отецъ предъ матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;
Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льетъ;
Уже Москва своимъ тебя зоветъ...
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ твоей, младая мать, душой?
О, для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи;
Чистѣйшія зажглись въ ней execution упованья;
Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебѣ днесь радости твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ,
И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля;
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?..
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!

Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.
Съ тобой ему начать сію науку.
Теперь, едва проснувшійся душой,
Предъ матерью, какъ-будто предъ судьбой,
Безпечно онъ играетъ въ колыбели,
И радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять;
Житейское отъ ней еще далеко...
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь—всевидящее око;
Въ твоей любви—святая благодать.

1828.

НА МИРЪ СЪ ПЕРСІЕЮ.

Мы вспомнили прекрасно старину:
Черезъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ мы кончили войну,
И Араратъ, и миръ, и славу взяли.

И русскій въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ міръ дугой завѣта,
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣта.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

(На открытіе дома призрѣнія бѣдныхъ на Вас. остр.)

Ты памятникъ себѣ святой соорудила,
Бездомнымъ отворивъ пріютъ сей, дочь царей;
Голодныхъ царскою рукой ты накормила;
Нагихъ одѣла ты порфирою своей.

Съ величіемъ земнымъ небесное смиренье
Сліяла ты, принявъ Христа за образецъ:
Престолу царскому—краса благотворенье,
И свѣтелъ благостью властителей вѣнецъ.

Изъ сердца твоего любви вода живая
Льетъ исцѣленіе въ сосудъ скорбей земныхъ,
И взоръ сіяетъ твой, страдальца ободряя,
Свѣтлѣе всѣхъ твоихъ алмазовъ дорогихъ.

Богъ далъ тебѣ твой санъ наградъ своихъ залогомъ;
Ты знаешь: сѣемъ здѣсь, а жнемъ на небесахъ;
Здѣсь данный нищему стаканъ воды—предъ Богомъ
Заступнѣе за насъ, чѣмъ славы гордый прахъ.

Ты гласу Божію смиренно покорилась
И безпріютнаго призрѣла къ семьѣ своей,
Призрѣла сироту, съ вдовицею сдружилась—
Благословенна будь предъ Богомъ, дочь царей!

Ты знаешь: на землѣ прекраснѣй чѣмъ богатство,
Прекраснѣй почестей, прекраснѣй красоты—
Благотворенія съ несчастьемъ робкимъ братство,
И за богатаго молитва нищеты.

И созданный тобой сей домъ благотворенья
Великолѣпныхъ всѣхъ прекраснѣй онъ палатъ:
Тамъ для скорбящаго ты ангелъ утѣшенья,
Тамъ благость Божію въ твоей боготворятъ;

Тамъ Богу молятся—и тѣ мольбы доступны—
Чтобы отъ бѣдъ земныхъ тебя онъ оградилъ,
Чтобы онъ въ вѣчности покой свой неподкупный
Въ твоей душѣ, ему здѣсь вѣрной водворилъ.

Но, сердцемъ женщина, а мыслію царица,
И здѣсь ужъ прочную ты славу обрѣла:
Убогій, сирота, недужный и вдовица
Въ потомкахъ возвѣстятъ любви твоей дѣла;

И ихъ исторія внесетъ въ одну страницу
Съ дѣлами славными супруга твоего:
Онъ бодрою рукою взялъ предковъ багряницу,
Сравнилась благостью ты съ бодростью его.

У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

ВЪ НОЧИ НАКАНУНѢ ЕЯ ПОГРЕБЕНІЯ.

Итакъ твой гробъ съ мольбой объемлю;
Итакъ покинула ты землю,
Небесно-чистая душа;
Какъ Божій ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ.
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на землѣ тебя ужъ нѣтъ...
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святого;
Еще привычкою обрѣсть
Тебя все мнимъ среди земного;
А ты? О, каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ тобою;
Съ твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,

Которымъ сердце ободрялось,
Въ которомъ таинство являлось
Святого Промысла ему.
Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь твою считали вѣчной...
И вдругъ ко гробу твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ,
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицомъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою-ль мы тебя видали?
Сей погребальный ѳиміамъ;
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ;
Сія возвышенная рака,
Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробового трона,
Главы лишенная корона,
Порфира падшая на прахъ...
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія...
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внемлю:
„Не возмущайтеся душой“ *).
О, это ты; сей голосъ твой!
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія царицы,
Землѣ навѣки отдадутъ—
Но что же, что въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безыменный знакъ;
Въ земной, таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія...
Но жизнь прекрасная твоя,
Символъ прекрасный Провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна,
И сердцу вѣчно безутратна.

Въ рѣшительный прощанья часъ,
Съ любовью, съ горькимъ сокрушеньемъ,
Съ невыразимымъ умиленьемъ,
Я падаю въ послѣдній разъ
Передъ гробницею твоею...
За всю Россію говорить,
И въ голосъ мой соединить
Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
Въ одно сліянные моленье:
Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь твою межъ нами!
За тронъ твой, царскими дѣлами
И сердцемъ благостнымъ твоимъ
Украшенный, превознесенный;
За образецъ тобой явленный
Божественныя чистоты;
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы;
За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
За чистые, душой твоей
Полвѣка сохраненны нравы,
За благодать, съ какою ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты...
Съ тобой часть жизни погребая,
И матерь милую свою
Въ тебѣ могилѣ уступая,
Въ минуту скорбную сію,
Въ единый плачъ сліясь сердцами,
Всѣ предъ тобою говоримъ:
Благодаримъ! благодаримъ!
И нѣкогда потомки съ нами
Всѣ повторятъ: благодаримъ!

---

*) Въ сію ночь было читано Евангеліе: „Да не смущается сердце ваше“.—*В. Ж.*

1831.

СТАРАЯ ПѢСНЯ

НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

(На голосъ „Громъ побѣды раздавайся“.)

Раздавайся громъ побѣды!
Пойте пѣсню старины:
Бились храбро наши дѣды,
Бьются храбро ихъ сыны.

Разжигай, вражда, измѣну;
Поднимай знамена, бунтъ;
Не прорвать имъ нашу стѣну,
Нашъ желѣзный русскій фрунтъ.

Мы подъ старыми орлами;
Тѣ же съ нами знамена;
Ляхъ, бунтующій предъ нами,
Помнитъ русскихъ имена.

Гдѣ вы, гдѣ вы? Строемъ станьте;
Проситъ боя русскій крикъ;
Въ стѣну слейтесь, тучей гряньте
Грудь на грудь и штыкъ на штыкъ.

Нѣтъ врага... но здѣсь Варшава!
Развернися русскій станъ!
Братья, слышите ли?—слава!
Бьетъ на приступъ барабанъ.

Съ Богомъ! Часъ ударилъ рока,
Часъ ожиданный давно;
Сборъ гремитъ... а издалека
Русь кричитъ: Бородино!

Чу! какъ пламенныя тромбы
Поднялися, и летятъ
Наши мстительныя бомбы
На кипящій бунтомъ градъ.

Что намъ ваши палисады,
Здѣсь не нужно лѣстницъ намъ:
Мы штыки вонзимъ въ ограды
И взберемся по штыкамъ.

Спи во гробѣ, Забалканскій!
Честь тебѣ—Стамбулъ дрожалъ!
Путь твой кончилъ Эриванскій,
И на грудь Варшавы сталъ.

„Эриванскій! князь Варшавы!"
Кликъ одинъ во всѣхъ устахъ.
О, какъ много русской славы
Въ сихъ волшебныхъ именахъ.

За Араксомъ наши грани;
Араратъ, чудесный плѣнъ
Арзерума, Эривани;
И разгромъ Варшавскихъ стѣнъ.

Споръ рѣшенъ; дана управа;
Пала бунта голова;
И святая наша слава,
Слава русская жива,

Преклоните же знамена,
Братья, долгъ свой сотворя,
Передъ новой славой трона,
И поздравьте съ ней царя.

На него надёжна вѣра:
Въ мирный часъ онъ въ душу льетъ
Пламень чистаго примѣра,
Въ часъ бѣды онъ самъ впередъ!

Славу, взятую отцами,
Сбережетъ онъ царски намъ,
И съ своими сыновьями
Нашимъ дастъ ее сынамъ.

РУССКАЯ СЛАВА.

Святая Русь, славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!
Призвалъ варяга славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ...
Но вышелъ Святославовъ сынъ
И поднялъ знамя благодати.

Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;
За нимъ вослѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой;
Отъ русскихъ—русскихъ кровь текла;
Губилъ полбвчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей праха;
И Русь бѣдою проросла...
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха.

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги;
Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!
Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ...
Но встала Русь передъ врагомъ,
И битва грянула Донская!

Была пора: коварный, вражій ляхъ
На русскій тронъ накликалъ самозванца;
Заграбилъ все; и Русь въ его цѣпяхъ
Въ цари позвать дерзнула чужестранца;
Зачахла русская земля;
Ей ляхъ напомнилъ плѣнъ татарскій;
И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля. .
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій.

Была пора: привелъ къ намъ рати шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка далась наука намъ побѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями;
То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра...
Но дало русское „ура"
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ.
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой!
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой!
И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
Отъ запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудясь, узрѣли насъ,
И Араратъ, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смертный часъ:
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ ляхъ на пиръ кровавый;
Но пиръ былъ данъ на полѣ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ...
И гости пира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: война и грозный моръ
Царя и Русь отвсюду осадили;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
Мятежники знамена посрамили;
Явился царь: ихъ облилъ страхъ;
Губители оцѣпенѣли.
Но гдѣ жъ онъ самъ, предъ кѣмъ не смѣли
Они воззрѣть и пали въ прахъ?..
Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ онъ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божій даръ: судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ ангелы слетѣли.
Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
Сномъ непорочности почія,
Намъ времена являй иныя
Святою прелестью своей:
Отецъ твой будетъ честь царей;
Возблагоденствуетъ Россія.

1834.

ПѢСНЬ НА ПРИСЯГУ

ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

На древней высотѣ Кремля
Въ великій праздникъ Воскресенья
Узрѣла русская земля
Прекрасный день его рожденья.

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
И въ немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду.

И умилительный обрядъ,
Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ
Въ прекрасный день его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ царскій сынъ
И руку къ небесамъ подъемлетъ;
Предъ нимъ—отецъ и властелинъ;
Присягу сына—царь пріемлетъ.

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души его младыя,
И къ небу руку подыми
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Молись, да долго свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,
Упрочитъ благостью отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

Чтобъ сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

МНОГОЛѢТІЕ.

(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.)

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское „ура“
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней, во дни Петровы, шведу
Русскій путь загородилъ,
И за нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней, во дни Екатерины,
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ,
И кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: „Многи лѣта,
Православный русскій царь!“

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,

Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже, царя храни!

II.

Слава на небѣ солнцу высокому—
На землѣ государю великому!
Слава на небѣ утру прекрасному—
На землѣ государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу—
На землѣ государю наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи—
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ,
И великому князю съ княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ—
Слава храброму русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному—
Слава русскому царству великому!
Веселися ты, солнце небесное—
Многи лѣта царю благовѣрному!

III.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю—
Все ниспошли!

1839.

ВЪ САРДАМСКОМЪ ДОМИКѢ.

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель; *)
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшимъ бранью мѣстъ—
Всѣхъ рѣшитель браней—крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно;
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена,
И полковъ тѣ жъ имена...
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже—тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ, и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій?—Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь-атаманъ?

---

*) Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батареѣ, гдѣ онъ убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на семъ мѣстѣ, были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь и въ этой церкви гробница Тучкова.—*Ж.*

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ?—Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ...
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, парей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!

О година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ... отъ всѣхъ честей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь Благословенной;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!..
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ...
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царемъ:
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ".

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ, въ виду колоннъ,
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ;
И какъ-будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
Память вѣчная царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Съ нимъ вся армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ

БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ

(НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ВЕЛ. КН. ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ.)

> Молитвой нашей Богъ смягчился,
> Царевнѣ жить еще велѣлъ:
> Опять къ намъ ангелъ возвратился,
> Который ужъ къ Нему летѣлъ.
> М. Маркусъ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый ангелъ, къ намъ:
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.
Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять ужъ отверзали
Свою святыню небеса.
И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившійся твой видъ;
Намъ горе сердце говорило:
Онъ улетитъ! онъ улетитъ!
И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
Ужъ на землѣ былъ не земной;
Ужъ все житейское сложилъ ты,
И полонъ жизни былъ иной.
И неизбѣжное свершалось,
Былъ близокъ намъ грозившій часъ;
Невозвратимо удалялось
Святое, милое отъ насъ.
Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился,
Преображенный, къ небесамъ...
Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?
Къ предѣламъ горнимъ подлетая,
Ты вспомнилъ о друзьяхъ земли,
И до тебя въ блаженство рая
Ихъ воздыханія дошли.
Любовь тебя остановила;
Сильнѣй блаженствъ была она;
И рай душа твоя забыла,
Страданьемъ нашихъ душъ полна
И ты опять, какъ прежде, съ нами;
Опять для насъ твоя краса;
Ты повидался съ небесами
И перенесъ къ намъ небеса.
И жизнь теперь межъ насъ иная
Начнется, ангелъ, для тебя;
Ты заглянулъ въ святыни рая,
Но землю избралъ самъ, любя;
И въ новомъ къ намъ переселеньѣ
Сталъ ближе къ вѣчному отцу,
Его очами на мгновенье
Увидѣвъ тамъ лицомъ къ лицу;
И чище будетъ жизнь земная,
Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
Ты къ намъ принесъ съ собой изъ рая
Надежду, вѣру и любовь.

1851.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ

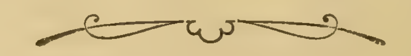
ПРИВѢТСТВІЕ ОТЪ РУССКИХЪ, ВСТРѢТИВШИХЪ ЕЕ ВЪ БАДЕНѢ.

Посланникомъ отъ нашихъ добрыхъ русскихъ
Я выбранъ, чтобъ въ цвѣтахъ благоуханныхъ
Полудня вамъ, благословенной гостьѣ
Ихъ сѣвера, привѣтъ ихъ передать.
Благодарю соотчичей моихъ
За этотъ выборъ; онъ глубоко мнѣ
По сердцу; весело на чужѣ мнѣ
Предъ дочерью царя Россіи нашей,
Мнѣ, устарѣлому ея поэту,
Сказать за нихъ и за себя, что мы
Свою царевну здѣсь встрѣчаемъ съ тою
Любовію, какая согрѣваетъ
Такъ душу намъ, когда мы помышляемъ
О нашемъ славномъ, мирномъ и могучемъ
Отечествѣ и о его великомъ
Царѣ. Въ живыхъ цвѣтахъ здѣсь подношу я
Вамъ, русская великая княгиня,
Встрѣчальный русскій нашъ привѣтъ. А самъ
Съ растроганной душою (послѣ долгой
Съ отечествомъ разлуки) вамъ смотрю
Въ лицо, столь мнѣ знакомое, которымъ
Отъ колыбели вашей до цвѣтущихъ
Лѣтъ милой младости, день за день, я
Такъ любовался. Тамъ, въ царевомъ домѣ,
Въ его семьѣ, подъ тайнымъ обаяньемъ
Той Прелести, которая была
Мнѣ и поэзіей и сердца идеаломъ,
Какъ быстро для меня промчались годы!
Но жизнь изъ свѣтлаго того предѣла
Перевела меня въ уединенный
Пріютъ семейный, далеко отъ шума
Мірского. И со мною на просторѣ
Тамъ милое минувшее мое,
Въ воспоминаніи дружася съ настоящимъ,
Въ отечество чужбину превращая,
Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило. Но теперь внезапно,

Здѣсь въ очарованномъ явленьѣ вашемъ,
Оно лицомъ къ лицу передо мною
Явилось вновь, прекрасное, какимъ
Бывало нѣкогда. Въ часъ добрый! Я,
Имъ вдохновенный, за себя, за всѣхъ
Здѣсь собранныхъ, царя любящихъ русскихъ,
И за мою жену съ двумя моими
Дѣтьми, молитву приношу къ святому
Хранившему вашъ путь далекій Богу,
Чтобъ до конца его Онъ сохранилъ,
Чтобъ съ вашего страдающаго сердца
Отеческой рукой тревоги сгладилъ,
И чтобъ, при радостномъ на Русь святую
Моемъ возвратѣ, я царю и царству
Могъ вѣсть сказать, что Божьей благодатью
Вамъ все то спасено, въ чемъ ваше сердце
Свои сокровища земныя заключило.

КЪ РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ.

Не тревожься, великанъ!
Мирно стой, утесъ нашъ твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкругъ ревущій океанъ.
Вихрей бунтъ встревожилъ воды;
Воемъ дикой непогоды
Отъ поверхности до дна
Вся пучина ихъ полна;
На тебя ихъ буря злится;
На тебя ихъ вой и ревъ;
Повалить тебя грозится
Обезумѣвшій ихъ гнѣвъ.
Но съ главы твоей подзвѣздной
Твой орелъ, пространства князь,
Надъ бунтующей смѣясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молніи въ когтяхъ,
Въ высотѣ своей воздушной
Наблюдаетъ равнодушно,
Какъ раздоръ кипитъ въ волнахъ,
Какъ онѣ горами пѣны
Многоглавыя встаютъ
И толпою всей бѣгутъ
На твои ударить стѣны.
Ты же, бездны господинъ,
Мощный первенецъ творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступенъ, тихъ, одинъ;
Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ;
Ихъ гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

Посланія къ разнымъ лицамъ.

1807.

КЪ ФИЛАРЕТУ.

(ПОСЛАНІЕ КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАН. ТУРГЕНЕВУ.)

Гдѣ ты, далекій другъ? Когда прервемъ разлуку?
Когда прострешь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ встрѣтить твой душѣ понятный взглядъ,
И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ священной?..
Гдѣ вы, дни радостей? Придешь ли ты назадъ,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселіе навѣки отцвѣло,
И счастіе мое съ протекшимъ протекло?..
Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю,
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю!
Конецъ всему—души покой,
Конецъ желаньямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой...
Ахъ! время, Филаретъ, свершиться ожиданьямъ.
Не знаю... но, мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.
Зоветъ меня... зоветъ... куда зоветъ?.. не знаю;
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влачитъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима—
Повсюду вѣстники могилы предо мной.
Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ,
Такъ, мнится, юноша цвѣтущій исчезаетъ;
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру ль преклонясь, гармоніи внимаю—
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю.
Иль предвѣщаніе въ уныніи моемъ?
Или судилъ мнѣ рокъ въ весенни жизни годы,
Сокрывшись въ мракѣ гробовомъ,
Покинуть и поля и отческія воды,
И міръ, гдѣ жизнь моя безплодно расцвѣла?..
Скажу ль?.. Мнѣ ужасовъ могила не являетъ,
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ,
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—
И что же!.. предо мной увядшаго могила.
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
Изсякшія души наполню ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ—протекшимъ лишь прелестно.
Мой другъ, о нѣжный другъ, когда намъ не дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь для насъ священна,
Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна,
Почто жъ, увы! почто судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію безплодну?
Почто (дерзну ль спросить?) отъялъ у насъ Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,

Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ—о сладкій сонъ!—той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!..
Когда бъ стократными и скорбью и мученьемъ
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ:
Тогда бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ находилъ,
И дня какъ дара ждалъ, къ страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я бъ смерти звать не смѣлъ, страшился бы могилы.
О незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!
Почто повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
„Все въ жертву за нее! вся жизнь моя предъ вами!“
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?
О безразсуднаго напрасное моленье!
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ! если бъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать,
Кто бъ небо оскорбилъ безуміемъ роптанья!

1810.

КЪ БЛУДОВУ,

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЕГО ВЪ ТУРЕЦКУЮ АРМІЮ.

Веселаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю;
Забудь покой, лети
За русскими орлами;
Но въ полѣ, подъ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, унила,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель-ангелъ твой...
Съ крылатою мечтой
Проникни сокровенно
Въ чертогъ уединенной,
Гдѣ съ вѣрною тоской,
Съ пылающей душой,
Она одна вздыхаетъ,
И Промыслъ умоляетъ:
Да будетъ твой покровъ
Въ обители враговъ.
Смотри, какъ томны очи,
Какъ видъ ея унылъ;
Ей бѣлый свѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,
Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаетъ,
Письмо твое читаетъ,
И робкою рукой
Отвѣтъ ко другу пишетъ,
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышитъ
Души ея печаль.
Лети въ безвѣстну даль;
Твой геній надъ тобою;
Среди опасна бою
Его незримый щитъ
Тебя пріосѣнитъ—
И мимо пролетитъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ, скоро ль твой веселый
Возвратъ утѣшитъ вновь
И дружбу и любовь?..
Для скорби утоленья,
Податель благъ, Зевесъ
Двумъ жителямъ небесъ
Минуты разлученья
Повѣрилъ искони.
„Да будутъ, рекъ, они,
Одинъ—посолъ разлуки,
Свиданія—другой!“
И въ часъ сердечной муки
Когда рука съ рукой,
Въ тоскѣ безмолвной, други,
Любовники, супруги
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызаньѣ
Послѣднее прощанье
Другъ-другу отдаютъ,
Мольбы изъ сердца льютъ,
И тихими стопами,
Съ поникшими главами,
Въ душѣ скрывая стонъ,
Идутъ, осиротѣлы,
Въ свой теремъ опустѣлый,
Сынъ Дія Абеонъ,
Задумчивый, безкрылой,
Съ улыбкою унылой,
Съ отрадой скорбныхъ слезъ,
Спускается съ небесъ,
Ведомый Адеономъ,
Который тихимъ звономъ
Волшебныхъ струнъ своихъ
Льетъ въ сердце упованье
На близкое свиданье.
Я вижу обоихъ:
Одинъ съ своей тоскою
И тихою слезою;
Съ надеждою другой.
Прости, мой другъ нелестной!
На долго ль? неизвѣстно.
Но вѣрую душой

(И вѣра не обманетъ),
Желанный день настанетъ—
Мы свидимся съ тобой.

Или... увы! незримо
Грядущее для насъ!..
Быть можетъ—въ оный часъ,
Когда ты, невредимо
Свершивъ опасный путь,
Свободою вздохнуть
Придешь въ странѣ родимой
Съ Людмилою своей,
Ты спросишь у друзей:
„Гдѣ скрылся другъ любимой?"
И что жъ тебѣ въ отвѣтъ?
„Его ужъ въ мірѣ нѣтъ..."
Такъ, если въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня возьметъ могила,
И участь присудила.
Чтобъ первый я исчезъ
Изъ милаго мнѣ круга,
Друзья, безъ скорбныхъ слезъ
На прахъ взирайте друга.
Гдѣ свѣтлою струей
Плескаетъ въ брегъ зеленый
Извивистый ручей,
Гдѣ сѣнистые клены
Сплетаютъ изъ вѣтвей
Покровъ гостепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ:
Туда—лишь надъ холмомъ
Луна сквозь облакъ дымный
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ,
Окрестъ благоуханье—
Сберитесь, о друзья,
Въ мое воспоминанье.
Надъ вами буду я,
Древесъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимою тѣнью
Летать рука съ рукой
Съ утраченнымъ Филономъ.
Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ
Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами;
Увидите сердцами
Въ незнаемой дали
Отечество желанно,
Пріютъ обѣтованной
Для странниковъ земли.

1812.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Сынъ нѣги и веселья,
По музѣ мнѣ родной,
Пріятность новоселья
Лечу вкусить съ тобой;
Отдамъ поклонъ Пенату,
А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Увей же скромну хату
Вѣнками изъ цвѣтовъ,
Узорнымъ покрываломъ
Свой шаткій столъ одѣвъ,
Вооружись фіаломъ,
Шампанскаго напѣнь,
И стукнемъ въ чашу чашей
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной музѣ нашей
Дань перваго вина.

Вхожу въ твою обитель:
Здѣсь веселъ ты съ собой,
И лѣни другъ покой
Дверей твоихъ хранитель.
Все ясно вкругъ меня;
Закатъ румяный дня
Живѣе здѣсь играетъ
На зелени луговъ;
И чище отражаетъ
Здѣсь виды береговъ
Источникъ тихоструйный;
Здѣсь кротокъ вихорь буйный;
Пріятнѣй сѣнь листовъ
Зефиры здѣсь колышатъ,
И слаще нѣгой дышатъ;
Укромный домикъ твой *)
Не златомъ—чистотой
И свѣтлостью плѣняетъ;
Въ окно твое влетаетъ
Цвѣтовъ пріятный духъ;
Террасъ предъ нимъ дерновый
Узорный полукругъ;
Тамъ ландыши перловы,
Тамъ розовы кусты,
Тюльпанъ, нарцисъ душистой,
И тубероза—чистой
Эмблема красоты,
Съ роскошнымъ анемономъ.
Едва примѣтнымъ склономъ
Твой сходитъ садъ къ рѣкѣ,
Шумитъ невдалекѣ
Тамъ мельница смиренна:
Съ колесъ жемчужна пѣна
И брызговъ дымъ сѣдой;
Мелькаетъ надъ рѣкой
Веселая купальня;
И гость изъ края дальня
Уютный домикъ свой
Тамъ швабскій гусь спесивой
На островѣ, подъ ивой,
Межъ дикою крапивой
Безпечно заложилъ.

---

*) Не видавши всего дома, я описалъ свой.—*В. Ж.*

Такъ! здѣсь пріютъ поэта:
Душа моя согрѣта
Вліяньемъ горнихъ силъ,
И вся ничтожность свѣта
Въ глазахъ моихъ, какъ сонъ..
Незримый Аполлонъ
Промчался надо мною;
Ликуй, мой другъ-поэтъ!
Довольнѣе судьбою
Поэтовъ подъ луною
И не было и нѣтъ.
Ихъ жизнь очарованье!
Ты помнишь ли преданье?
Разбить въ удѣлы свѣтъ
Преемникъ древній Крона
Задумалъ искони.
„Дѣлитесь!" съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взроилися, какъ пчелы,
Шумящи по лугамъ—
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ.
Смиреннный земледѣлецъ
Взялъ трудъ и сельный плодъ;
Могущество—владѣлецъ;
Купецъ равнину водъ
Наморщилъ подъ рулями;
Взялъ откупъ арендарь,
А пастырь душъ—алтарь
И силу надъ умами.
„Будь каждый при своемъ
(Рекъ царь земли и ада);
Вы сѣйте, добры чада,
Мнѣ жертвуйте плодомъ".
Но вотъ... съ земли предѣла
Приходитъ и поэтъ;
Увы! ему удѣла
Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ;
Къ Зевесу онъ съ мольбою:
— Отецъ и властелинъ,
За что забытъ тобою
Любимѣйшій твой сынъ?
„Не я виной забвенья;
Когда я міръ дѣлилъ,
Въ страну воображенья
Зачѣмъ ты уходилъ?"
— Увы! я былъ съ тобою
(Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ);
Величествомъ, красою
Небесъ твоихъ, отецъ,
Мои питались взоры;
Тамъ пѣли дивны хоры;
Я сердце возносилъ
Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ...
Но, ахъ, плѣненъ небеснымъ,
Земное позабылъ.
„Мой сынъ, удѣлы взяты;
Мнѣ жаль твоей утраты,
Но рай передъ тобой;
Согласенъ ли со мной
Дѣлиться небесами?
Блаженствуя съ богами,
Ты презришь міръ земной."
Съ тѣхъ поръ необожатель
Подсолнечныхъ суетъ
Сталъ вѣрный обитатель
Страны духовъ поэтъ,
Страны неоткровенной:
Туда не посвященной
Толпѣ дороги нѣтъ;
Тамъ чудотворны боги
Веселые чертоги
Сліяли изъ лучей,
Въ мерцающей долинѣ,
Любимицѣ своей
Ф а н т а з і и-богинѣ;
Ея—п р и р о д а мать;
Безпечно ей играть
Даетъ она собою;
Но, радуясь игрою,
Велитъ ее хранить
Тремъ чадамъ первороднымъ,
Чтобъ прихотямъ свободнымъ
Ее не заманить
Въ туманы заблужденій:
То съ пламенникомъ г е н і й,
Н а у к а съ свиткомъ музъ,
И съ легкою уздою
Очами зоркій в к у с ъ,
Съ веселою сестрою
Согласные, они
Тамъ нѣжными перстами
Віютъ златые дни;
Все ихъ горитъ лучами,
Во все духъ жизни влитъ:
Въ потокѣ тамъ журчитъ
Гармонія Наяды,
Хранимъ Сильваномъ лѣсъ,
Грудь юныя Дріады
Подъ коркою древесъ
Незримая пылаетъ;
Зефиръ струи ласкаетъ
И вьются вкругъ лилей;
Нарцисъ глядитъ въ ручей;
Среди прозрачной пѣны
Летучихъ облаковъ
Мелькаетъ рогъ Селены;
И въ сумракѣ лѣсовъ
Тоскуетъ Филомела.
Хранятъ сего удѣла
Магическій покой
Н е в и н н о с т ь—геній милой
Съ б е з п е ч н о с т ь ю—сестрой,
И ихъ улыбки силой
Ни с к у к о ю унылой,
Ни мрачной с у е т о й,
Ни а л ч н о с т ь ю угрюмой,
Ни м е с т и грозной думой,
Ни з а в и с т и тоской
Тамъ свѣтлость не мрачится;
Тамъ ясная таится,
В е с е л ь ю вѣрный другъ,

Гордынею забыта,
Посредственность-Харита,
И ихъ согласный кругъ
Одушевляемъ славой—
Не той богиней бѣдъ,
Которая кровавой
Кладетъ вѣнецъ побѣдъ
Въ дымящіяся длани
Свирѣпостію брани—
Но милою, живой,
Небесною сестрой
Небесныя надежды;
Чужда порока, врагъ
Безумца и невѣжды,
Ея жилища прагъ
Ужасенъ недостойнымъ;
Но тѣмъ душамъ спокойнымъ,
Гдѣ чувство въ простотѣ
Какъ тихій день сіяетъ,
Въ могущей красотѣ
Она себя являетъ;
И, въ нихъ воспламенивъ
Къ великому порывъ,
Къ прекрасному стремленье,
Ко благу страстный жаръ,
Имъ оставляетъ въ даръ!
Собою наслажденье.

Мой другъ! и ты пѣвецъ,
И твой участокъ лира,
И ты въ мечтахъ жилецъ
Незнаемаго міра...
Въ мечтахъ? Почто жъ въ мечтахъ?
Почто мы не съ крылами,
А вольны лишь мечтами,
А наяву въ цѣпяхъ?
Почто сей тяжкій прахъ
Съ себя не можемъ сринуть,
И міръ совсѣмъ покинуть,
И намъ дороги нѣтъ
Изъ мрачнаго изгнанья
Въ страну очарованья?
Увы, мой другъ!.. Поэтъ,
Призраками богатый,
Безпечностью дитя,
Онъ могъ бы жить шутя;
Но горькія утраты
Живутъ и для него.
Хотя передъ слѣпою
Богинею покою
Не тратитъ своего;
Хотя одной молвою,
Смотря на свѣтъ тайкомъ,
Въ своемъ углу знакомъ
Съ безславіемъ тщеславныхъ,
Съ печалями забавныхъ
Фигляровъ-остряковъ,
И съ мукою льстецовъ,
Предъ тропами ползущихъ
И съ бѣшенствомъ падущихъ
Въ изрытый ими ровъ—
Но тѣ живѣйши раны,
Которыя, какъ враны
Вгрызаясь въ глубь сердецъ,
Въ нихъ радость истребляютъ
И жизнь ихъ пожираютъ
Ихъ знаетъ и пѣвецъ!
Какими, другъ, мечтами
Сберечь души покой,
Когда передъ глазами,
Подъ дланью роковой,
Погибнетъ то, что мило,
И схваченный могилой
Исчезнетъ предъ тобой
Души твоей—родной;
А ты, осиротѣлой,
Дорогой опустѣлой
Ко гробу осужденъ
Одинъ, снѣдая слезы,
Тащить свои желѣзы?
И много ли замѣнъ
Намъ дастъ мечта крылата
Тогда, какъ безъ возврата
Блаженство улетитъ,
Съ блаженствомъ упованье,
И въ сердцѣ замолчитъ
Унывшее желанье;
И ты, какъ палачомъ
Преступникъ раздробленный,
И къ плахѣ пригвожденный,
Въ безсиліи своемъ
Еще быть долженъ зритель,
Какъ жребій-истребитель
Все то, чѣмъ ты дышалъ,
Что, сердцемъ увлеченной,
Въ надеждѣ восхищенной
Своимъ ужъ называлъ,
Другому на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ ..
Тебѣ жъ одно терзанье
Надъ гробомъ милыхъ благъ?

Но полно!.. Муза съ нами;
Безсмертными богами
Не всѣмъ, мой другъ, она
Въ сопутницы дана.
Кто слышалъ въ часъ рожденья
Небесной дѣвы гласъ,
Въ комъ искра вдохновенья
Съ огнемъ души зажглась:
Тотъ вѣрный отъ судьбины
Найдетъ здѣсь уголокъ.
Въ покрыты мглой пучины
Замчался мой челнокъ...
Но свѣтитъ для унылой
Еще души моей
Поэзіи свѣтило.
Хоть прелестью лучей
Бунтующихъ зыбей
Оно не усмирило...
Но мгла озарена,
Но сладостнымъ сіяньемъ,

Какъ тайнымъ упованьемъ,
Душа ободрена,
И милая мелькаетъ
Въ дали моей мечта...
Доколь, мой другъ, плѣняетъ
Добро и красота,
Доколь огнемъ священнымъ
Душа еще полна,
И дверь растворена
Предъ взоромъ откровеннымъ
Въ святой природы храмъ,
Доколь Хариты намъ
Веселыя послушны:
Дотоль еще къ бѣдамъ
Быть можемъ равнодушны.
О добрый геній мой,
Послѣднихъ благъ спаситель
И жребія смиритель,
Да свѣтитъ надо мной,
Во мглѣ путеводитель,
Твой, муза, милый свѣтъ!

А ты, мой другъ-поэтъ,
Храни твой даръ безцѣнный;
То Весты огнь священный;
Пока онъ не угасъ—
Мы живы, невредимы,
И рокъ неумолимый
Свой громъ неотразимый
Бросаетъ мимо насъ.
Но пламень сей лишь въ ясной
Душѣ неугасимъ.
Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно,
Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующія муки,
Сердцамъ дающи миръ;
Когда мы пѣснопѣньемъ
Несчастнаго дружимъ
Съ сокрытымъ Провидѣньемъ,
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Стезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ,
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармоніи игривой
Сама велитъ внимать:
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ, служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душой;
Когда къ дверямъ смиреннымъ
Обители твоей
Придетъ, съ толпою фей
Желаній прихотливыхъ,
Фортуна—врагъ счастливыхъ—
Ты двери на замокъ;
Пускай толпа стучится;
Содомъ сей въ уголокъ
Поэта не вмѣстится,
Не вытѣснивъ Харитъ;
Но если залетитъ
Веселій рой вертлявый—
Дверь настежь, милый другъ.
Пускай въ ихъ шумный кругъ
Войдутъ: и Вакхъ румяный,
Украшенный вѣнкомъ,
Съ состарѣвшимъ виномъ,
Съ наслѣдственною кружкой,
И шутка съ погремушкой,
И пляски шумный хоръ—
Имъ радъ досугъ шутливый;
Они осклабятъ взоръ
Работы молчаливой;
Задумчивость подчасъ
Впускай въ пріютъ укромный:
Ея чуть слышный гласъ
И взоръ пріятно-томный
Переливаютъ въ насъ
Покой и услажденье;
Она уединенье
Собой животворитъ;
Она за дальни горы
Насъ къ милому стремитъ—
И радостные взоры,
Согласные съ душой,
За синевой туманной
Встрѣчаются съ желанной
Возлюбленныхъ мечтой;
Ея волшебной силой
Въ гармоніи унылой
Осенняго листка
И въ тихомъ вѣтерка
Вдоль рощи трепетаньи,
И въ легкомъ содроганьи
Дремавшія волны,
Какъ-будто съ вышины,
Спускается—пріятной
Минувшаго привѣтъ;
И то, что невозвратно,
Чего навѣки нѣтъ,
Опять животворится,
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни,
Невозвратимыхъ тѣни!

Но, другъ мой, приготовь
Въ обители смиренной
Ты теремъ отдѣленной:
Имѣть постой безсмѣнной
И дружба и любовь
Привыкли у поэта;
Лишась блестящихъ свѣта
Отличій и даровъ,
Ему необходимо,
Подъ свой пустынный кровъ
Все то, что имъ любимо,
Собрать въ единый кругъ;
Съ кѣмъ милая и другъ,
Тотъ въ уголъ свой забвенный
Обширныя вселенны
Всю прелесть умѣстилъ;
Онъ міръ свой оградилъ
Заборомъ огорода,
И вдаль за суетой
Не слѣдуетъ мечтой.
Посредственность, свобода,
Животворящій трудъ,
Веселіе досуга
Близъ милыя и друга,
И пѣнистый сосудъ
Въ часъ вечера пріятной
Подъ липой ароматной
Съ забвеніемъ суетъ,
Вотъ все... но, другъ-поэтъ,
Любовь—святой хранитель,
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ—счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье—
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ—музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится...
И что, мой другъ, сравнится
Съ невинною красой?
При немъ цвѣтемъ душой!
Она, какъ ангелъ милой,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливаетъ въ сердце радость.
О скромныхъ взоровъ сладость,
Движеній тишина,
Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна;
Рѣчей очарованье,
Безпечность простоты,
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ несказанной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена,
Вкушаетъ сладость рая;
Земное отвергая,
Небеснаго полна.

О другъ, доколѣ младость
Съ мечтами не ушла,
И жизнь не отцвѣла,
Спѣши любови сладость
Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно;
Тогда всему конецъ;
Но буйностью развратной
Испорченныхъ сердецъ,
Мой другъ, да не сквернится
Твой непорочный жаръ:
Любовь есть неба даръ,
Въ ней жизни цвѣтъ хранится;
Кто любитъ, тотъ душой,
Какъ день весенній, ясенъ;
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ...
Ахъ! въ мірѣ семъ—о н а!..
Ея святымъ полна
Присутствіемъ природа;
Съ денницею со свода
Небесъ она летитъ,
Предвѣстникъ наслажденья,
И въ смутномъ пробужденья
Блаженствѣ, говоритъ:
„Я въ мірѣ! я съ тобою!“
Вотъ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облечена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;
Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содроганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей,
Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятный,
И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою ліется,
И мыслишь: ангелъ вьется
Незримый надъ тобой.
При ней—задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Несмѣлъ твой разговоръ,
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье,
И страстное мечтанье—
Языкъ души твоей;
Забыты всѣ желанья;

Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,
Ты одинокъ съ толпой;
Она!—въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя;
Съ ней розно—лишь въ уныломъ
Мечтаньи бытія
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою къ тѣмъ краямъ,
Гдѣ ангелъ твой прелестной;
Твое блаженство тамъ,
За синевой небесной,
Въ туманной сей дали—
Тамъ все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребій твой,
Какъ призракъ оживленной,
Мелькаетъ предъ тобой,
Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ.
Заря ли угасаетъ,
Летитъ ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія рощи,
Или покровомъ нощи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ,
И тихихъ рощей сѣни,
И темный рядъ холмовъ—
Она передъ тобою;
Съ природы красотою,
Со всѣмъ въ душѣ слита
Любимая мечта.
Когда воспламененной
Ты мыслію летишь
Къ правителю вселенной,
Или обѣтъ творишь—
Забыть стезю порока,
При всѣхъ измѣнахъ рока
Быть добрымъ и прямымъ,
И слѣдовать святымъ
Урокамъ и велѣньямъ
И тайнымъ утѣшеньямъ
Лишь совѣсти одной;
Когда разсудка властью
Торжествовавъ надъ страстью,
Ты выше сталъ душой,
Иль сиротѣ, убитой
Страданіемъ, сокрытой
Благотворилъ рукой—
Кто, кто тогда съ тобой?
Кто чувствъ своихъ свидѣтель?
Она!.. твой другъ, твоя
Невинность, добродѣтель!
Лишь счастіемъ ея
Ты счастье измѣряешь,
Лишь въ немъ соединяешь
Всѣ блага бытія.
Любовь—себя забвенье!
Ты молишь Провидѣнье,
Чтобъ никогда тоской
Взоръ милый не затмился,
Чтобъ грозный—лишь съ тобой
Судъ рока совершился.
Лить слезы, жертвой быть
За ту, кѣмъ сердце жило,
Погибнувъ, жизни милой
Спокойствіе купить—
Вотъ жребій драгоцѣнный!
О, другъ, тогда для насъ
И бѣдствія священны.
И пусть тотъ лучъ угасъ,
Которымъ украшался
Путь жизни предъ тобой,
Пускай навѣкъ съ мечтой
Блаженства ты разстался—
Своихъ лишенный благъ;
Ты живъ блаженствомъ милой:
Какъ тихое свѣтило,
Оно въ твоихъ глазахъ
Межъ тучами играетъ,
И духъ не унываетъ
При сладостныхъ лучахъ.

Прости жъ, поэтъ безцѣнной,
Пускай живутъ съ тобой,
Въ обители смиренной,
Посредственность, покой,
И музы, и хариты,
И лары домовиты;
Ты къ нимъ любовь питай,
Строй лиру для забавы,
И мимоходомъ славы
Жилище посѣщай,
И благодать святая
Ея съ тобою будь!
Но, съ музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
Отъ всѣхъ земныхъ хлопотъ,
И матери заботъ
Фортунѣ поклонившись,
Куда глаза глядятъ,
Идетъ своей тропою
Безпечно за судьбою.
Хотя и не богатъ
Онъ милостями счастья,
Но Муза отъ ненастья
Дала ему пріютъ:
Туда не забредутъ
Ни хитрости разврата,
Ни свѣта суеты;
Не зная нищеты,
Не знаетъ онъ и злата:
Мечты—его народъ:
Сбираетъ съ нихъ доходъ
Фантазія крылата.
Что ждетъ его вдали,

О томъ онъ забываетъ;
Давно не довѣряетъ
Онъ счастью на земли,
Но, другъ, куда бъ судьбою
Онъ ни былъ приведенъ,
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной;
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ—
Для нихъ стихи кропаетъ,
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ.

1813.

АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ,

въ отвѣтъ на его письмо.

Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ, рѣши мое сомнѣнье.
Иль онъ твоей судьбы изображенье?
Иль счастіе простилось и съ тобой?
Съ стѣсненіемъ письмо твое читаю;
Увы! на немъ унынія печать;
Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,
То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю.
Такъ, и на твой досталося удѣлъ!
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной;
Ты въ наготѣ, другъ милый, жизнь узрѣлъ;
Что въ безднѣ сей таилось, все извѣстно—
И для тебя ужъ здѣсь обмана нѣтъ.
И, испытавъ, сколь сей измѣнчивъ свѣтъ,
Съ плѣнительнымъ простившись ожиданьемъ,
На прошлы дни ты обращаешь взглядъ,
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О, не бывать минувшему назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія,
Что было, есть и будетъ, заключали,
Грядущее надеждой украшали—
И радостнымъ оно являлось намъ.
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ музы собирали!
Нѣтъ и слѣдовъ; исчезло все—и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали.
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ!
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ!
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ,
Какъ для друзей всю душу обнажалъ,
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.
Бывало, онъ, съ отцомъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ—и радость съ нимъ являлась:
Старикъ при немъ былъ юноша живой,
Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій нашъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями...
Увы! ихъ нѣтъ... мы жъ каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли.
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: тамъ!
Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
Вдали сіялъ плѣнительный призракъ—
Насъ тайное къ нему стремленье мчало,
Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
На нашу даль—и тамъ одинъ лишь мракъ.
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, отставшихъ назади,
На милую фантазію съ мечтами...
Измѣнница! навѣкъ простилась съ нами,
А все еще твердитъ свое: иди!
Куда итти? Что ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать!
И можно ль, другъ, желаніе питать,
Когда для насъ столь бѣдно исполненье.
Мы разными дорогами пошли:
Но что жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье—заблужденье.
Сравни, сравни себя съ самимъ собой!
Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный!
Бывало все—и солнце за горой,
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,
И шорохъ нивъ, струимыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьемъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая—
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой;
И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ.
Природа та жъ... но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ пропалъ:
Предъ опытомъ умолкло upованье;
Что въ оны дни будило радость въ насъ,
То въ насъ теперь унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ.
О, бѣденъ, кто себя переживетъ,
Передъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый:
Тамъ встарину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттуда унесло,

И съ милыми веселья улетѣли:
Онъ ихъ зоветъ... ему отвѣта нѣтъ;
Въ его глазахъ развалины унылы;
Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы.

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы;
Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ простой
Ихъ бытія... и скорбной нашей траты.
Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя надежды.
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ:
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, навѣкъ теряя свѣтъ,
Гдѣ милаго столь много оставалось,
Что бытіе такъ рано прекращалось,
Но онъ и въ гробъ мечтой сопровожденъ.
Другой... старикъ... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!
Онъ не ропталъ; но съ тихою тоской
Смотрѣлъ на прахъ покоя и могилы—
Увы, тамъ ждалъ его сопутникъ милый!
Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла... и мы въ сей край незримой
Летимъ душой за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
Когда жъ? Когда?.. Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
За коимъ насъ свободы геній ждетъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва, иль губитель!..
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
И что̀ еще во мглѣ судьбы таится?
Но дружба намъ звѣздой отрады будь?
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Намъ счастья нѣтъ: за то и мы—не вѣчны.

Примѣчаніе: Сіе посланіе посвящено воспоминаніямъ молодости; двухъ друзей, украшавшихъ ее, нѣтъ уже на свѣтѣ:

Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя надежды.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ. Онъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Умъ необыкновенно проницательный, острый и ясный; чистое, исполненное любви къ прекрасному сердце. Въ семъ посланіи изображенъ онъ такимъ, каковъ былъ.

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ!
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ!
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ,
Какъ для друзей всю душу обнажалъ,
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.

Наружность его отвѣчала его характеру: быстрый взоръ, казалось, ясно читалъ въ каждомъ сердцѣ; но этотъ взоръ никого не приводилъ въ замѣшательство—въ немъ сіяла кроткая, непритворная, доброжелательная душа. И разговоръ его былъ таковъ же: невозможно было имѣть болѣе остроты и ничья острота не имѣла въ себѣ столь много привлекательнаго, ибо она была непринужденная; не оскорбляла самолюбія, соединялась съ **нѣжностію сердечною** и была самымъ пріятнымъ ея выраженіемъ. „Не онъ ли насъ тѣснѣе соединялъ?“ есть самое вѣрное изображеніе той дружбы, которую питали къ нему его товарищи: **этимъ однимъ**, общимъ для всѣхъ нихъ чувствомъ, тѣснѣе были они соединены и между собою. Онъ точно былъ для нихъ **душою всѣхъ радостей**. И теперь, съ живымъ объ немъ воспоминаніемъ, всегда возобновляется сладкое чувство прежней молодой жизни, а вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ и все, что было лучшаго въ этомъ лучшемъ времени. Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившеюся надеждою: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка, но это все безплодно погибло для здѣшняго свѣта.

Другой... старикъ... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!

Иванъ Петровичъ Тургеневъ. Онъ имѣлъ несчастіе пережить милаго сына и эта потеря, кажется, была отчасти причиною собственной, преждевременной смерти его: онъ умеръ не въ дряхлыхъ лѣтахъ отъ паралича, лишенный памяти, языка, руки и ноги. Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностію, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностію:

Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами.
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

Это изображеніе самое вѣрное. Нельзя безъ сладкаго чувства вспомнить объ этомъ старцѣ. Онъ былъ **живой юноша** въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою. Тяжелая болѣзнь мало-по-малу его уничтожала.

Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла...

И отецъ и сынъ покоятся вмѣстѣ. Они погребены на кладбищѣ Невскаго монастыря. Одинъ камень покрываетъ ихъ могилы.—*В. Ж.*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА

КЪ ИВ. ИВ. ДМИТРІЕВУ *).

Итакъ—ея ужъ нѣтъ,
Сей пристани спокойной,
Гдѣ добрый нашъ поэтъ
Игралъ на лирѣ стройной,
И счастія достойный,
Пройдя стезю честей,
Мечталъ закатомъ дней
Веселымъ насладиться
И съ жизнію проститься,
Какъ ясный майскій день
Прощается съ природой.
Исчезла мирна сѣнь!
Съ Харитами, свободой,
Въ семъ тихомъ уголкѣ
Веселость обитала,
И съ сердцемъ на рукѣ
Тамъ дружба угощала
Друзей по вечерамъ!
Но время все умчало,
И здѣсь—навѣки тамъ!
Какъ весело бывало,
Когда своимъ друзьямъ,
Подъ липою вѣтвистой
Съ коньякомъ чай душистой
Хозяинъ разливалъ,
И кругъ нашъ оживлялъ
Веселымъ, острымъ словомъ!
О, дерево друзей!
Сколь часто темнымъ кровомъ
Развѣсистыхъ вѣтвей
Ты добрыхъ осѣняло;
Сколь часто ты внимало
Веселымъ мудрецамъ,
Кудрявыхъ одъ разборамъ,
Шутливымъ, важнымъ спорамъ,
И Пушкина **) стихамъ!..
Сколь часто прохлажденный
Сей тѣнью Карамзинъ,
Нашъ Ливій-славянинъ,
Какъ-будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ минувшихъ,
И смертнымъ сномъ заснувшихъ
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ уберрокомъ
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!
И нашъ мудрецъ смиренный,
Козлятевъ незабвенный,
Оратору внималъ,
Съ улыбкой одобрялъ,
И взоромъ выражалъ
Въ молчаньи всѣ движенья
Души своей простой!
Онъ кончилъ путь земной!
Но какъ безъ восхищенья
О добромъ говорить?
О, можно ли забыть
Сей взоръ пріятный, ясной,
Органъ души прекрасной,
Сей тихій, скромный видъ,
Сердечную учтивость,
И старческихъ ланитъ
Прелестную стыдливость
И простоту рѣчей!..
Покой сихъ мирныхъ дней
Смиренье ограждало:
Ничто ихъ не смущало
Сердечной чистоты;
Страдальца, сироты
Молящее стенанье
Внималъ онъ со слезой,
Онъ скрытною рукой
Благотворилъ въ молчаньи!..
Увы! его ужъ нѣтъ.
И милой жизни слѣдъ
Хранитъ воспоминанье!
Но что жъ? Очарованье
Сихъ дружескихъ бесѣдъ
Погибло ль безъ возврата?..
Пожаръ не пощадилъ
Ни добраго Сократа,
Которому грозилъ
Амуръ въ тѣни акацій,
Ни скромной урны грацій,
Ни тѣсной люльки той,
Гдѣ эгоистъ спокойный,
Подъ тѣнью въ полдень знойный,
Съ подругою-мечтой
Дѣлилъ уединенье.
Все грозною рукой
Постигло разрушенье!
. . . .

ДОКТОРУ ФОРУ.

(ПЛѢННЫЙ ФРАНЦУЗЪ, ЛѢЧИВШІЙ М. А. ПРОТАСОВУ.)

Сынъ Эскулапа, Феба внукъ,
По платью врагъ, по сердцу другъ,
Тебѣ нескладными стихами
Я долженъ то изобразить,
Что ты умѣлъ въ насъ поселить
Пилюляли, и порошками,
И хиной, и исландскимъ мхомъ,
И добрымъ сердцемъ, и умомъ.
Сперва судьбѣ благодаренье
За то, что въ области зимы
Ты отъ простудныя чумы

*) Жуковскій тутъ вспоминаетъ о домѣ Дмитріева (у Харитонія въ Огородникахъ), сгорѣвшемъ во время нашествія французовъ.

**) В. Л. Пушкинъ, дядя А. С. Пушкина.

Столь чудное пріялъ спасенье.
Мой другъ, ея незримый перстъ
Тебя чрезъ столько сотенъ верстъ
Межъ ратниками, казаками
Сперва въ Рязань, потомъ въ Орелъ,
Потомъ и къ дружбѣ въ Чернь привелъ,
Потомъ и познакомилъ съ нами.
Могу сказать тебѣ въ стихахъ,
Что даръ пріятнымъ быть имѣешь,
Что сердцемъ добръ, какъ на словахъ,
И притворяться не умѣешь;
Что къ шахматамъ имѣешь страсть,
Хотя играешь очень худо;
Что для тебя совсѣмъ не чудо,
Зажмурясь, шаромъ въ шаръ попасть;
Что пишешь умные отвѣты,
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тѣхъ,
Кто былъ твоимъ оригиналомъ;
Что ты съ друзьями любишь смѣхъ
И не боишься за бокаломъ
Предъ ними сердце разстегнуть;
Что, выбравъ въ свѣтѣ вѣрный путь,
Идешь за счастьемъ осторожно,
И, чтобъ себя не обмануть,
Судьбу о томъ, что невозможно,
Пренебрегаешь умолять;
Готовъ назначенное взять,
Къ отнятому жъ храня презрѣнье,
Благословляешь Провидѣнье!...
И прочее... Въ стихахъ писать
Объ этомъ я, хоть и безъ склада,
Согласенъ; муза будетъ рада!
Но какъ могу изобразить
Души растроганное чувство,
Смотря, какъ дружбу и искусство
Спѣшишь на благо посвятить
Тѣхъ, кто и жизни мнѣ милѣе?
Здѣсь чувство языка сильнѣе
И сердце не находитъ словъ!
Для той печали нѣтъ стиховъ,
Въ которой вяну я душою,
Смотря, какъ страждутъ предо мною
Всѣ тѣ, кѣмъ мой украшенъ свѣтъ!
И въ часъ, когда безъ утѣшенья,
Безсильный зритель ихъ мученья,
Творю напрасный я обѣтъ,
Чтобъ Провидѣніе пріяло
Въ залогъ всю жизнь мою за нихъ,
Иль мнѣ, какъ милость, ниспослало
И скорби и недуги ихъ;
Когда я бытіемъ скучаю
И радъ бы нить его порвать
И дни грядущаго считаю,
Страшася смертью опоздать...
Какъ выразить то восхищенье,
Когда воскреснувшій душой
Внимаю сладку вѣсть: спасенье,
Намъ приносимую тобой;
Когда однимъ небеснымъ словомъ
(О, слова радостнѣе нѣтъ!)
Мнѣ жизнь даешь, и вялый свѣтъ
Являешь мнѣ во цвѣтѣ новомъ!
О, сколь ничтоженъ здѣсь поэтъ
Съ своими бѣдными стихами!
Мой другъ, бросаю лиру въ прахъ:
Сравнится ль что въ моихъ стихахъ
Съ нѣжнѣйшей матери слезами?

1814.

ПИСЬМО КЪ ***.

Я самъ, мой другъ, не понимаю,
Какъ можно рѣдко такъ писать
Къ друзьямъ, которыхъ обожаю,
Которымъ все бы радъ отдать!...
Подруга дѣтскихъ лѣтъ, съ тобою
Бываю сердцемъ завсегда
И говорить люблю мечтою...
Но говорить перомъ—бѣда!
День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги—чернилица съ перомъ!
Сидѣть, согнувшись за столомъ,
И чтобъ открыть души движенья,
Перо въ чернила помакать,
Написанное жъ засыпать
Скорѣй пескомъ для сбереженья—
Все это, признаюсь, мнѣ адъ!
Что ясно выражаетъ взглядъ
Иль голоса простые звуки,
То на бумагѣ, невпопадъ,
Для услажденія разлуки,
Должны въ опредѣленный день
Мы выражать перомъ!.. А лѣнь.
А мрачное расположенье,
А сердца тяжкое стѣсненье
Всегда ль даютъ свободу намъ
То мертвымъ повѣрять строкамъ,
Что въ глубинѣ души таится?
Неволи мысль моя страшится;
Я авторъ—но писать лѣнивъ!
Зато всегда, всегда болтливъ,
Когда твои воображаю
Столь драгоцѣнныя черты,
И самъ себѣ изображаю,
Сколь нѣжно мной любима ты.
Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и разсудокъ мой!
О сколь ты даромъ обладаешь
Быть милой для твоихъ друзей!
Когда письмо твое читаю,
Себя я лучше ощущаю,
Довольный участью своей!
И будущихъ картина дней
Передо мной животворится,
И хоть на мигъ единый мнится,
Что въ жизни все имѣю я:
Любовь друзей—судьба моя,
Храни, о другъ мой неизмѣнный,

Сей для меня залогъ священный!
Пиши—когда же долго нѣтъ
Письма отъ твоего поэта,
Все вѣрь, что другъ тебѣ поэтъ,
И жди съ терпѣніемъ отвѣта!

КЪ ВОЕЙКОВУ *).

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ-другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата;
Поставь въ мой уголъ посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почти домашняго Пената.
Садись—вотъ кубокъ! въ честь друзьямъ!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И насъ хранившимъ небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы;
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ снѣга,
Себя смиренью научалъ,
И хлѣбъ водою запивая,
„Хвала, умѣренность златая!“
Съ пѣвцомъ тибурскимъ восклицалъ.
Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
Ты зрѣлъ ордынцевъ лютый край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сарай,
Батыя древняя обитель.
Задумчивый развалинъ зритель,
Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картину,
И въ нихъ ужасную судьбину
Батыя новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу наслажденій.
Тамъ вѣчно то же и одно;
Всему свой часъ: труду, бездѣлью;
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ.
Тамъ, видя счастіе въ покоѣ,
Ты всѣ восторги отдавалъ
За нестраданіе святое;
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей,
Хранимы сердцемъ матерей,
Тамъ дѣвы простотой счастливы;
А юноши трудолюбивы,
Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой занятія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ вшедши въ Божій храмъ;
Они смиренно къ небесамъ
Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служатъ сердцемъ божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья...
Что уподобимъ торжеству,
Которымъ чудо искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтутъ?..
Все тихо... полночь... нѣтъ движенья...
И въ трепетѣ благоговѣнья
Всѣ братья той минуты ждутъ,
Когда имъ звонъ-благовѣститель
Провозгласитъ: воскресъ Спаситель!..*)
И вдругъ... во мглѣ... средь тишины,
Какъ-будто съ горней вышины
Съ трубою ангелъ-пробудитель,
Нисходитъ гласъ... алтарь горитъ,
И братья пали на колѣни,
И гимнъ торжественный гремитъ,
И се... идутъ въ усопшихъ сѣни.
О, сердце трогающій видъ!
Подъ тѣнью тополей, вѣтвистыхъ
Березъ, дубовъ и шелковицъ,
Между тюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,
Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ—
И вѣра подлѣ пепла ихъ
Надежды факелъ воспалила...
Идутъ къ возлюбленнымъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все—отверстый, свѣтлый храмъ,
Гдѣ, мнится, тайна искупленья
Свершается въ сей самый часъ,
Торжественный поющихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье
(Принесшихъ имъ воспоминанье
И жертву умиленныхъ слезъ),
И тихое гробовъ молчанье,
И соприсутственныхъ небесъ
Незримое съ землей сліянье—
Все живо, полно божества...
И вѣрныхъ братьевъ торжества
Свидѣтели, изъ тайной сѣни
Исходятъ дружескія тѣни,
И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: воскресъ Спаситель!
Сердцамъ воистину! гласитъ,
И самый гробъ ихъ говоритъ:
Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель!

И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесъ сидѣлъ

---

*) А. Ѳ. Воейковъ, извѣстный нашъ стихотворецъ, объѣздивъ нѣкоторыя южныя провинціи Россіи, посѣтилъ автора, жившаго въ деревнѣ (въ концѣ 1813). Онъ написалъ нѣсколько стиховъ въ похвалу поэмы его Владимиръ, существующей въ одномъ только воображеніи.—*В. Ж.*

*) У евангелическихъ братьевъ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія служатъ на кладбищѣ.—*А. Воейковъ.*

Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой;
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣздятся и балкаръ, и бахъ,
И абазехъ, и камукинецъ,
И карбулакъ, и абазинецъ,
И чечересецъ, и шапсугъ;
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ
И конь-соратникъ быстроногій
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Или по тонкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ.
Скалы—свободы ихъ пріютъ;
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни;
Тамъ жизнь ихъ—сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы.

Ты видѣлъ Дона берега;
Ты зрѣлъ, какъ онъ поилъ шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межъ виноградными садами
Онъ, зеленѣя, протекалъ,
И ясной влагой отражалъ
Брега, покрытые стадами,
Ряды стѣснившихся струговъ,
И на склоненіи холмовъ
Донскихъ богатырей станицы;
Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляютъ Донъ.
Спокойствіе станицъ счастливыхъ
Вождей и коней ихъ ретивыхъ.
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жилищу вихря-атамана,
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ, окруженный стариками,
И витязи подъ сѣдинами
Соотчичамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою.

Теперь ты случая рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вспомнишь призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы—гости молодые
У милой жизни на пиру—
Изъ полной чаши радость пили,
И „счастье наше!“ говорили
Въ своемъ пророческомъ жару...
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что намъ здѣсь суждено...
А время мчится безъ возврата,
И жизнь-измѣнница за нимъ;
Одинъ уходитъ за другимъ;
Другъ, оглянись...еще нѣтъ брата! *)
Часъ-отъ-часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами.

Но такъ и быть!..здѣсь твой поэтъ
Съ смиренной музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ,
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше солнышко-краса
Владимиръ князь съ богатырями,
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами,
Вотъ златоверхій Кіевъ-градъ,
И басурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ,
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ, дивной облеченъ броней,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ;

*) Поэтъ говоритъ здѣсь о незабвенномъ Андреѣ Сергѣевичѣ Кайсаровѣ, убитомъ въ сраженіи съ французами, въ маѣ 1812 г.—*А. В.*

Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
И втайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою;
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:
„О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ:
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю-морю съ кораблями—
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей.“
Краса-дѣвица ноетъ, плачетъ;
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель.
Ему сыра земля постель,
Возглавье щитъ, ночлегъ дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-Ягой,
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражей змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня,
Тамъ заслоняетъ путь Горыня,
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный,
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный,
Чѣмъ ближе онъ—тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ,
То слышится русалки хохотъ,
То вдругъ изъ-за сѣдого пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ-будто слиты изъ огня—
Дворецъ волшебный царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ,
И онъ... Но что? Куда мечтами
Я залетѣлъ тебѣ во слѣдъ—
Ты чародѣй, а не поэтъ,
Ты всемогущими струнами
Мой падшій геній оживилъ...*)
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой?**)

*) Посланіе Воейкова къ Жуковскому, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 г.
**) Это мѣсто темно для тѣхъ, кто не читалъ сихъ восьми стиховъ, написанныхъ въ бѣлой книгѣ, въ которой будетъ твориться русская поэма, въ родѣ Виландова Оберона.—*А. Воейковъ.*

Признаться ли?.. Смотрю съ тоской,
Съ волненіемъ непобѣдимымъ
На бѣлые сіи листы,
И мнится, перстомъ невидимымъ
Свои невидимы черты
На нихъ судьба ужъ написала.
Что бъ ни было...сей даръ тебѣ
Отнынѣ дружба завѣщала;
Она твоя... молись судьбѣ,
Чтобъ въ ней наполнились страницы.
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ—
И ты прочтешь въ ней небылицы,
За быль разсказанныя мной,
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый здѣсь, въ тотъ міръ леталъ,
И что меня не покидалъ,
Мой вѣрный ангелъ вдохновенья...
Но, другъ, быть-можетъ... какъ узнать?
Она останется пустая,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья!
Прими ее... и пожалѣй.

КЪ АЛ. ИВ. ТУРГЕНЕВУ

въ отвѣтъ на стихи, присланные имъ вмѣстѣ письма:

„Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!“

Въ день счастья вспомнить о тебѣ?
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ повѣрять судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась,
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась,
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!
Нѣтъ, нѣтъ, мой братъ, мой другъ-хранитель,
Воспоминаніемъ инымъ
Плачу тебѣ! я вѣчно съ нимъ;
Оно мой вѣрный утѣшитель!
Во дни печали—ты со мной;
И ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю;
О, что бы ни было... я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
Куда любовь свою принесть,
И гдѣ любовь не измѣнится,
И гдѣ нѣжнѣйшее хранится
Участіе въ судьбѣ моей.
Дождусь иль нѣтъ счастливыхъ дней,
О томъ, мой милый другъ, ни слова!

Какимъ бы я ни шелъ путемъ,
Все ты мнѣ спутникомъ-вождемъ;
Со мной до камня гробоваго,
Не измѣняяся, иди;
Одна мольба: не упреди!

КЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ И В. Л. ПУШКИНУ.

Друзья, тотъ стихотворецъ-горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.
Хотѣть, чтобъ насъ хвалилъ весь свѣтъ,
Не то же ли, что выпить море?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который всѣмъ дается свѣтомъ;
Иная слава намъ предметомъ,
Иной награды ждетъ пѣвецъ.
Почто на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могу ль повѣрить, чтобъ страдать
Пѣвецъ, отъ музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,
Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?
Нѣтъ, жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ! счастливъ кто поэтъ;
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой:
Его судьи лишь чада Феба!
Ему ли съ пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
Къ ногамъ холодныхъ повергать,
И на колѣняхъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?
Одинъ среди песковъ Мемнонъ,
Сидя съ возвышенной главою,
Молчитъ—лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ;
Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ—
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья! презрѣнье
Въ пыли таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку.
Смотрите: неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ, и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой—
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой;
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ—
Нѣтъ, въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои.
Такъ и поэтъ, друзья мои!
Поэзія есть добродѣтель;
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель.
Здѣсь славы чистой не найдемъ—
На что жъ искать? Перенесемъ
Твои надежды въ міръ потомства...
Увы! Димитрія творецъ *)
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства.
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила—
Въ нихъ зависть тернія вплела;
И торжествуетъ: растерзали
Ихъ иглы славное чело—
Простымъ сердцамъ смертельно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.
Ахъ! если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!..
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала—гулъ шумный и невнятный;
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный;
Мы независимо, въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей;
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,
И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ.
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ свѣтъ—
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться.
Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ,
Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли—совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства—
Въ трудѣ... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ

---

*) В. А. Озеровъ. Отъ служебныхъ и литературныхъ огорченій онъ помѣшался и умеръ въ 1816 г.

Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной и разногласной?
И тотъ же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, не сраженный
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
Для насъ примѣръ и судія.
Спросите: для одной ли славы
Онъ вопрошаетъ у вѣковъ,
Какъ были, какъ прошли державы,
И чадамъ подвиги отцовъ
На прахѣ древности являетъ?
Нѣтъ! онъ о славѣ забываетъ
Въ минуту славнаго труда;
Онъ беззаботно ждетъ суда
Отъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Завистниковъ несправедливыхъ,
И имъ не разорвать вѣнца,
Который взяло дарованье;
Ихъ злоба—имъ однимъ страданье.
Но пусть и очаруетъ свѣтъ,
Собою счастливый поэтъ,
Твори, будь твердъ, ихъ зданья ломки,
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки.

16 октября.

КЪ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Намъ славитъ древность Амфіона!
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой...
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?.. Нынче вѣкъ иной,
И въ наши бѣдственныя лѣты
Не только лирами поэты
Не строятъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,
Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Въ виду пустого камелька.
О Амфіонъ, благоговѣю!
Но, признаюсь, не сожалѣю,
Что даръ твой—говорить стѣнамъ—
Въ наслѣдство не достался намъ.
Славнѣе говорить сердцамъ,
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень,
И зданья лирой громоздить.

Съ тобой хочу я говорить,
Мой другъ и братъ по Аполлону;
Склонись къ знакомой лиры звону;
Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
Но мой удѣлъ на свѣтѣ—струны,
А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
И пышные дары фортуны.
Послушай повѣсти моей
(Здѣсь истина безъ украшенья):
Былъ пастырь, образецъ смиренья;
Отъ самыхъ юношескихъ дней
Святого алтаря служитель,
Онъ чистой жизнью оправдалъ
Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель.
Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
Былъ подвиговъ его свидѣтель;
Невидимую добродѣтель
Его лишь тотъ, кто нагъ иль сиръ,
Иль обреченъ былъ униженью,
Вдругъ узнавалъ по облегченью
Тяжелыя судьбы своей.
Ему науки были чужды—
И нѣтъ въ излишнемъ знаньи нужды;
Онъ рѣдкую между людей
Въ простой душѣ носилъ науку:
Страдальцу гибнущему руку
Въ благое время подавать.
Не зналъ онъ гордаго искусства
Умы витійствомъ поражать
И приводить въ волненье чувства;
Но, другъ, спроси у сироты:
Когда въ одеждѣ нищеты,
Потупя взоры торопливо,
Она стояла передъ нимъ
Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
Въ ней сердце къ жизни оживлять,
И міръ, ей страшный, украшать
Надеждою на Провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
Когда лишь смерти слышенъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говорить душой,
И, скрывъ предъ нею міръ земной,
Являть предъ нею міръ небесный?
Какъ часто въ уголъ неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Растроганныхъ его мольбою!..
Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ;
Судьба незапною рукою
Его въ другой умчала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги;
Вдовы жъ наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачъ семьи осиротѣлой...
Скажи, вотще ль ихъ жалкій стонъ?
О нѣтъ! онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая
Неизмѣняющаго намъ;
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье.
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ;

Исполнимъ добраго завѣтъ,
И оправдаемъ Провидѣнье.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

КЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

. . . .

Надежда сердцемъ жить въ вѣкахъ,
Надежда сладкая—она не заблужденье;
Пускай покроетъ лиру прахъ—
Въ семъ прахѣ не умолкнетъ пѣнье
Душой безсмертной полныхъ струнъ,
Нашъ геній будетъ, вѣчно юнъ,
Неутомимыми крылами [гробами;
Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ
И будетъ пламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благости и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній;
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать;
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать
Надъ нашею съ землей сравнявшейся могилой—
Что счастіемъ для насъ въ минутной жизни было,
То будетъ счастіемъ для близкихъ намъ сердецъ
И долго послѣ насъ; грядущихъ лѣтъ пѣвецъ
Отъ лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю Промысла, смирясь, благословитъ;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послышавъ, бранью,
И праздный мечъ сожметъ нетерпѣливой дланью...
Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
И вѣки ужъ надъ нимъ толпою пролетѣли,
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли;
И, мнится, не забылъ ихъ звука тотъ потокъ
Съ одушевленными струями,
Еще шумящій тамъ, гдѣ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися древеса.
Тамъ подъ-вечеръ, когда невидимо роса
Съ роскошной свѣжестью на землю упадетъ,
И мирты спящія Селена осребряетъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ пролетаетъ
По зыбкому зерцалу водъ;
Нерѣдко въ тихій часъ, какъ солнце на закатѣ
Ліетъ румяный блескъ на море вдалекѣ,
И мирты темныя дрожатъ при вѣтеркѣ,
На яркомъ отражаясь златѣ—
Вдругъ разливается какъ-будто тихій звонъ,
И вѣтерокъ и струй журчанье утихаетъ—
Какъ бы незримый Аполлонъ
Полетомъ легкимъ пролетаетъ—
И путникъ, погруженъ въ унылость, слышитъ гласъ:
„О смертный, жизнь стрѣлою мчится;
Лови, лови летящій часъ;
Онъ, улетѣвъ, не возвратится".

1818.

КЪ МИХ. ѲЕД. ОРЛОВУ.

О Рейнъ, о Рейнъ, безъ волненья
Къ тебѣ дерзну ли подступить?
Давно ужъ ты рѣка забвенья
И пересталъ друзей поить
Благими, сладкими струями;
На Арзамасъ тряхнулъ усами,
И Кіевъ дружбу перемогъ.
Начальникъ штаба, педагогъ,
Ты по ланкастерской методѣ
Мальчишекъ учишь говорить
О славѣ, пряникахъ, природѣ,
О кубаряхъ и о свободѣ,
А насъ забылъ... но, такъ и быть,
На-страхъ къ тебѣ пишу два слова.
Вотъ для души твоей обнова:
Письмо отъ милой красоты!
Узнаешь самъ ея черты!
Я шлю его черезъ другова
Санктпетербургскаго Орлова,
Чтобы вѣрнѣй дошло оно.
Прости, но для сего посланья,
Орловъ, хоть тѣнь воспоминанья
Дай дружбѣ, брошенной давно.

1819.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ, ВЪ ІЮНѢ 1819 ГОДА.

(6 іюля 1819.)

Отъ вашего величества давно
Я высочайшее имѣю повелѣнье—
О Павловской лунѣ представить донесенье.
Спѣша исполнить то, что мнѣ повелѣно,
И надлежащее окончивъ обозрѣнье,
Я всеподданнѣйше теперь имѣю честь
Стихами вашему величеству донесть
О томъ, что прозой скудной
Описывать и совѣстно и трудно.

Съ послушной музою, съ усердною мечтой
По берегамъ Славянки я скитался,
И ночью за луной
Присматривать старался;
Но съ горемъ долженъ я признаться, что луна
Лишь для небесъ теперь сіяетъ красотою;
Знать, исключительно желаетъ быть она
Небесною, а не земной луною; [насъ
Иль солнце, можетъ-быть въ досадѣ, что для

Она плѣнительнѣй своей красой заемной,
Чѣмъ пышный блескъ его, столь тягостный
для глазъ,
Преобратило ночь въ прозрачную изъ темной,
Дабы чрезъ то лишить всей яркости луну.
Изгнанница-луна теперь на вышину
Восходитъ нехотя, однѣмъ звѣздамъ бли-
И, величаяся прозрачностью ночей, [стаетъ;
Неблагодарная земля ея лучей
Совсѣмъ не замѣчаетъ;
Едва, едва при нихъ отъ сосенъ и дубовъ
Ложатся на траву сомнительныя тѣни;
Едва трепещетъ блескъ на зелени луговъ,
Едва сквозь зыбкія, рѣшетчатыя сѣни
Прозрачнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣ-
совъ
Печальный полусвѣтъ невѣрно проникаетъ,
Едва туманитъ онъ верхи густыхъ древесъ;
И, словомъ, жить лунѣ мѣшаетъ
Ревнивый свѣтъ ночныхъ небесъ.
Не измѣнили ей однѣ лишь только воды;
Въ нихъ отражается по прежнему она:
То полумѣсяцемъ всходя на тихи своды,
То пламеннымъ щитомъ катясь, окружена
Разорванными облаками,
То одинокая, то съ яркими звѣздами;
По прежнему она—то въ зеркалѣ рѣки
Недвижима сіяетъ,
И въ ней нагбенный лѣсъ, прибрежны челноки
И тихо шепчущій тростникъ изображаетъ.
То вдругъ, когда порхнетъ надъ спящею волной
Пролетный вѣтерокъ, съ волною затрепещетъ,
И воды огненной подернетъ чешуей,
Иль ярко въ нихъ блеснетъ излучистой змѣей,
Или раздробленна заблещетъ.
Короче—на водахъ плѣнительна она,
А на землѣ какъ-будто не луна,
И солнце гордое, затмивъ его собою,
Тирански властвуетъ и небомъ и землею.
Но какъ ни жаль луны, а надобно отдать
И солнцу справедливость.
Не безразсудная хвастливость
И не надменное желаніе блистать
Теченьемъ пылкаго свѣтила управляютъ:
Прямымъ достоинствомъ оно
На небесахъ воцарено—
Его лучи палятъ, но вмѣстѣ и плѣняютъ;
Свидѣтелемъ тому сама Славянка намъ;
И если вашего величества желанье
Исполнить я не могъ, представивъ описанье,
Прекрасной Павловской луны, то смѣю вамъ
О солнцѣ Павловскомъ прекрасномъ
Въ изображеньи безпристрастномъ
Стихами вѣрными донесть.
Оно привѣтливо (за то ему и честь)
Къ пріятной Павловской природѣ
Я здѣсь его видалъ и въ пламенномъ восходѣ
И на полдневной вышинѣ,
И въ свѣтозарной тишинѣ
Великолѣпнаго съ лазури снисхожденья.
Какія пышныя творитъ оно, явленья
На очарованныхъ Славянки берегахъ!
Но величавое въ младыхъ лучахъ разсвѣта
И неприступное въ полуденныхъ лучахъ,
Въ спокойномъ вечерѣ оно съ душой поэта
Краснорѣчивѣй говоритъ.
Сколь милы въ Павловскѣ вечернія картины!
Люблю, когда закатъ безоблачный горитъ;
Пылая, зыблются древесныя вершины,
И яркимъ заревомъ осыпанный дворецъ,
Глядясь съ полугоры въ водахъ, покрытыхъ
тѣнью,
Мрачится медленно, и куполъ, какъ вѣнецъ
Надъ потемнѣвшею деревъ окрестныхъ сѣнью,
Заката пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
И вмѣстѣ съ пламенемъ заката угасаетъ.
Люблю смотрѣть, когда дерновый скатъ въ
огнѣ
И сѣть багряная во мракѣ липъ сіяетъ;
Когда на падшій храмъ, прорѣзавъ ткань
листовъ,
Лучи бросаются златыми полосами,
Горятъ на бѣлизнѣ разрушенныхъ столповъ,
И пѣной огненной съ кипящими волнами
По камнямъ прядаютъ и гаснутъ на лету.
Разнообразнѣе становятся картины,
Когда идемъ рѣкой вдоль К р а с н ы я д о-
л и н ы,
Такъ названной за красоту;
То рощей молодой веселыя осины
Столпились на брегу, и легкіе листы,
Завѣсой рѣдкою задернувъ солнце, блещутъ,
И неколеблемы трепещутъ;
То воду зеленятъ прибрежные кусты,
И пламень запада, сквозь чащу ихъ про-
рвавшись,
Въ ихъ лиственной сѣти сверкаетъ изъ рѣки;
То ива, разметавшись,
И вѣтви дряхлыя оперши на клюки,
Потокъ завѣсила своей обширной сѣнью;
То одинокій вязъ съ холма черезъ рѣку
Огромною перетянулся тѣнью;
То, парусъ свой отдавъ на волю вѣтерку,
Между зелеными брегами
Плыветъ сіяющій челнокъ,
Куда несетъ его потокъ
Одушевленными волнами;
И воздухъ флагомъ шевелитъ,
И рядомъ тѣнь его бѣжитъ,
И струйка слѣдомъ за кормою
Блестящей тянется змѣею;
Тамъ свѣтится въ кустахъ полусокрытый
храмъ,
И тѣнь младыхъ березъ, рѣшеткой по стѣ-
намъ
Раскинувшись, чернѣетъ;
А тамъ у башни мостъ, отважною дугой
Рѣку перескочивъ, на зыби водъ бѣлѣетъ.
Но мѣсто есть—туда вечернею порой
Приходишь, слѣдомъ за мечтой
Влекомъ неволей сладкой,
Порхаетъ тамъ украдкой

Съ листочка на листокъ
Вечерній вѣтерокъ;
Тамъ тихо волны плещутъ,
И трепетные блещутъ
Сквозь тѣнь лучи небесъ;
Тамъ что-то есть живое,
Тамъ что-то неземное
За тайну занавѣсъ,
Невидимой рукою
Опущенныхъ, манитъ;
Надъ юной сей главою
Пророчески горитъ
Звѣзда огнемъ заката;
А жизнь сія крылата,
Молящая въ слезахъ
Невнемлющую младость,
А тихой вѣры сладость
Въ сихъ пламенныхъ очахъ,
И вечера молчанье,
И мирное сліянье
Сихъ гаснущихъ небесъ
Съ задумчивою тѣнью
Недвижимыхъ древесъ...
Какъ все воображенью
Здѣсь душу придаетъ!
Ей слышится полетъ
Недвижимыхъ прелестныхъ—
Однихъ уже небесныхъ,
Другихъ еще земныхъ;
И блага лѣтъ младыхъ,
И позднихъ лѣтъ утраты.
Товарищи крылаты—
Въ бывалой красотѣ
Слетаются къ мечтѣ!

Но чувствую, что я забылся,
И что мой вашему величеству отчетъ
Изъ описанія въ поэму превратился;
Напомнить смѣю вамъ: о солнцѣ рѣчь идетъ,
Итакъ, немудрено, что мысль имъ разогрѣта,
Что пламенный предметъ воспламенилъ поэта.
Меня еще картина ждетъ:
Сей павильонъ уединенный,
Мечтѣ безмолвной посвященный,
Столь милый именемъ своимъ.
Какъ онъ приманчивъ красотою,
Когда вечернею порою
Долина блещетъ передъ нимъ;
Когда багряными водами,
Равна съ отлогими брегами,
Сверкаетъ тихая рѣка;
Прибрежный бархатъ тростника
На солнцѣ ярко отливаетъ
И, приливая, опѣняетъ
Его веселая волна;
И въ лонѣ водъ лазурь видна;
И по лазури тихо рѣя,
То загораясь, то блѣднѣя,
Какъ дымъ, вечерни облака
Минуту на небѣ играютъ!
Играя, съ неба улетаютъ
За дуновеньемъ вѣтерка.
Здѣсь милы вечера картины!
Въ концѣ раздавшейся долины,
Сквозь пламень запада, село
Глядится въ зыбкое стекло
Рѣки, извившейся дугою:
Тамъ челнъ, качаемый волною
У брега, въ чащѣ тростника,
Мелькаетъ съ тѣнью рыбака;
Тамъ на дорогѣ возъ скрыпучій,
Передвигаяся, пылитъ;
Тамъ надъ рѣкою мостъ зыбучій;
А здѣсь подъ сводами ракитъ
Каскадъ дымится и шумитъ,
Разбрызнувъ млечной пѣной воды.
Пріятно здѣсь въ вечерній часъ
Подслушивать послѣдній гласъ
Полузаснувшія природы,
Когда шептанье вѣтерка
Иль звучный рогъ издалека,
Иль говоръ птицъ, иль шумъ отъ стада
Перезываются порой
Съ унылымъ шумомъ водопада;
Пріятно объ руку съ мечтой
Здѣсь на площадкѣ павильона
Прохладой вечера дышать
И солнце взоромъ провожать
Въ его нисходѣ съ небосклона,
Когда безоблачно оно;
Предъ нимъ полнеба зажжено,
Земля въ лучахъ благоухаетъ,
И мнится, ангелъ отверзаетъ
Ему спокойствія чертогъ;
Оно, взглянувъ, какъ свѣтлый богъ,
На тихое уединенье
Имъ покидаемыхъ небесъ,
Послѣднее благословенье
Изъ-за таинственныхъ завѣсъ,
Имъ, исчезая, посылаетъ,
И долго сладостно сіяетъ
Воспоминаніемъ святымъ
Его, оставленная имъ
Въ залогъ возврата багряница...
Не благотворная ль царица
Тогда является мечтѣ?
Ты видишь день ея прекрасной,
Всходящій прелестію ясной
И заходящій въ красотѣ;
Его веселіе встрѣчаетъ,
Его надежда провожаетъ,
И провожающая ждетъ,
Что онъ по прежнему взойдетъ:
Для уповающихъ—усладой,
Для сирыхъ—вѣрною отрадой,
Для всѣхъ—привѣтной красотой;
И всѣ съ молитвою одной:
Не измѣняйся, день прекрасный!
Будь долго радостью очесъ,
И вѣчно тихій, вѣчно ясный,
Не покидай родныхъ небесъ!

Post-scriptum: вашему величеству въ отчетѣ
Представилъ съ точностью я то, что видѣлъ
И ежели моимъ стихамъ [самъ;
Не много удалось сказать о лунномъ свѣтѣ,
То не моя вина:
Въ іюнѣ мѣсяцѣ луна,
Какъ я уже донесъ, едва сіяетъ:
Ея сонливый свѣтъ
Воображенія совсѣмъ не пробуждаетъ,
И, глядя на нее, лишь сердится поэтъ;
Но то, что нынѣ да, бываетъ завтра нѣтъ,
И строгая велитъ признаться справедливость,
Что поубавилась уже луны сонливость,
Что донесеніе мое десяткомъ дней
И болѣ опоздало;
Пришелъ іюль; лѣнивѣй солнце стало;
А ночи сдѣлались темнѣй.
Вчера, имѣя честь въ саду быть вмѣстѣ съ вами,
Замѣтилъ мелькомъ я луну за облаками,
И смѣю утвердить, что сдѣлалась она
Почти по-старому луна,
И что по-старому кругомъ ея носились
Младыя облака воздушною толпой,
То, разлетаясь, серебрились,
То, вдругъ сліянныя, тянулися грядой,
То волновалися, то рдѣлись, то дымились.
А должно вспомнить, что она
Едва лишь только рождена,
И что лишь мигъ—тогда, какъ западъ догораетъ—
Серпомъ серебрянымъ на западѣ сіяетъ:
Когда же полною заблещетъ красотой,
То будетъ, какъ была, и музѣ вдохновеньемъ,
И ночи милымъ украшеньемъ,
И Павловскихъ небесъ достойною луной.

Еще post-scriptum: я, сбирая замѣчанья
Для составленія отчета о лунѣ,
Нашелъ, чего не ждалъ: счастливый случай мнѣ
Открылъ забытый слѣдъ стариннаго преданья.
Однажды позднею порой
Я къ павильону шелъ рѣкой.
Ужъ все въ окрестности дремало,
И день давно уже погасъ;
Я былъ одинъ... Вдругъ прозвучало...
На крѣпости пробило часъ...
Иду... къ развалинамъ дорожка
Вдоль брега привела меня;
Взглянулъ... и что́ жъ увидѣлъ?.. Кошка
Въ дуплѣ растреснутаго пня
Между упадшими столпами,
Какъ привидѣніе, сидитъ
И блещетъ яркими глазами,
И ярко на меня глядитъ;
Я отъ нея—она за мною;
Назадъ я—и она назадъ:
И все по прежнему звѣздою
Сверкаетъ неподвижный взглядъ:
Но я къ дуплу—и легкой тѣнью
Она пропала предо мной;
Лишь искры брызнули струей.
Чудяся страшному видѣнью,
„Тутъ тайна есть", подумалъ я;
Не безъ труда рука моя—
Большой корнистый пень разрыла...
И что́ же, что́ же, наконецъ,
Его разрывъ, она открыла?
Не тяжкій кованый ларецъ,
Не золота огромный слитокъ—
Пергаментный истлѣвшій свитокъ,
И что-то писано на немъ
Славянскимъ древнимъ языкомъ;
Но разобрать рукописанье
До сихъ поръ я еще не могъ:
Языкъ старинный, грубый слогъ...
Однако знаю, въ немъ преданье
Какое-то заключено
О князѣ древнія Герсики,
Котораго Альбертъ Великій,
Епископъ, сжегъ (какъ то давно
Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно);
Еще упоминаютъ въ немъ
О сынѣ князя молодомъ,
О розѣ, о любви чудесной
Какой-то дѣвы неземной,
И прочее... Итакъ, быть-можетъ,
Когда фантазія поможетъ
Мнѣ подружиться съ стариной,
Я разгадаю списокъ мой,
Быль небылицею приправлю,
И всеподданнѣйше представлю
Вамъ, государыня, въ стихахъ
О томъ, что было въ древни лѣты
На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
Гдѣ павильонъ Елизаветы.

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ, ИХЪ СІЯТЕЛЬСТВАМЪ: ГРАФИНѢ САМОЙЛОВОЙ, ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ, КНЯЖНѢ КОЗЛОВСКОЙ И КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ ОТЪ НѢКОТОРАГО ЖАЛКАГО СТИХОТВОРЦА ПРОШЕНІЕ.

Больной покинутый поэтъ
Напомнить о себѣ дерзаетъ;
Шесть дней, похожихъ на шесть лѣтъ,
Болѣзнь упрямая мѣшаетъ
Ему за царскимъ быть столомъ.
Онъ лакомка, какъ всѣ поэты,
Но эскулаповымъ жрецомъ
Ему запрещены конфеты,
Зато позволены плоды.
Увы, съ прошедшей середы
Въ глаза не видывалъ клубники,
И только запахъ земляники
Дразнилъ его унылый носъ.
А апельсинъ и абрикосъ?
Онъ ихъ теперь и не узнаетъ!
Итакъ, смиренно умоляетъ
Изъ душной госпитали онъ

Варвару Павловну, княжонъ,
Графинь, здоровья имъ желая,
Вздохнуть объ участи его,
Да и прислать того-сего
Изъ царскаго земного рая:
Десятокъ вишень въ башмакѣ,
Клубники въ носовомъ платкѣ,
Малины въ лайковой перчаткѣ,
И просто на тарелкѣ сливъ.
Такую милость получивъ,
Укажетъ двери лихорадкѣ
И мигомъ вылѣчится онъ.
Пускай искусенъ нашъ Крейтонъ (*лейбъ-медикъ*),
Хвала и честь его латыни,
Его достойно хвалитъ свѣтъ,
Но для поэта факультетъ
Теперь: двѣ милыя графини,
Двѣ добродушныя княжны
Съ Варварой Павловной; властны
Онѣ одной своей подачкой
На зло аптекамъ побѣдить
Простуду съ желтою горячкой
И даже мертвыхъ воскресить.

ПЛАТОКЪ ГР. САМОЙЛОВОЙ.

Графиня, признаюсь, большой бѣды въ томъ нѣтъ,
Что я, вашъ Павловскій поэтъ,
На взморьѣ съ вами не катался,
А скромно въ Колпинѣ спасался
Отъ искушенія той прелести живой,
Которою непобѣдимо
Плѣнилъ бы душу мнѣ вечернею порой
И вмѣстѣ съ вами зримой
Безмолвный берегъ Монплезира.
Воскреснула бъ моя покинутая лира—
Но что жъ бы сдѣлалось съ душой?
Не знаю, даже радъ, признаться, что не знаю!
Здѣсь безопасно я все то воображаю,
Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ:
Какъ полная луна, въ величественный часъ
Вечерняго успокоенья,
Надъ спящею морской равниною взошла
И въ тихомъ блескѣ потекла
Среди священнаго небесъ уединенья;
Съ какою прелестью по дремлющимъ брегамъ
Со тьмою свѣтъ ея мѣшался,
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на землю пробирался
И ярко въ темнотѣ свѣтился на корняхъ,
Какъ вы на камняхъ надъ водою
Сидѣли, трепетный подслушивая шумъ
Волны, дробимыя подъ вашею ногою,
И какъ толпы крылатыхъ думъ
Летали въ этотъ часъ надъ вашей головою
Все это вижу я и видѣть не боюсь,
И даже въ шлюпку къ вамъ сажусь
Неустрашимою мечтою;
И мой безпечно взоръ летаетъ по волнамъ,
Любуясь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ,
Какъ прядаютъ лучи по зыбкимъ ихъ верхамъ,
Какъ звучно веслами гребцы ихъ расшибаютъ,
Какъ брызги легкія взлетаютъ жемчугомъ,
И, въ воздухѣ блеснувъ, въ паденьи угасаютъ.
О, мой пріютный уголокъ!
Сей прелестью въ тебѣ я мирно усладился;
Меня мой геній спасъ. Графиня, страшный рокъ
Неизбѣжимо бъ совершился:
Въ тотъ часъ, какъ измѣнилъ невѣрный вамъ платокъ,
Забывъ себя, я бросился бъ въ пучину
И утонулъ. И что жъ? Теперь бы вашъ пѣвецъ
На днѣ морскомъ пугалъ балладами Ундину,
И сонный дядя Студенецъ,
Склонивши голову на влажную подушку,
Зѣвалъ бы, слушая Старушку.
Платокъ, спасенный мной въ подводной глубинѣ,
Надводныхъ прелестей не замѣнилъ бы мнѣ.
Пускай бы всякій часъ я могъ имъ любоваться,
Но все бы о землѣ грустилъ исподтишка;
Платокъ вашъ очень милъ, но сами вы, признаться,
Милѣе вашего платка,
Но только ль? Можетъ-быть, подводные народы
(Которые въ своей студеной глубинѣ,
Не зная перемѣнъ роскошныя природы,
Въ однообразіи, во скукѣ и во снѣ
Туманные проводятъ годы),
Въ моихъ рукахъ увидя вашъ платокъ,
Со всѣхъ сторонъ столпились бы въ кружокъ
И стали бъ моему сокровищу дивиться,
И вѣрно бъ вздумали сокровище отнять.
А я? Чтобъ хитростью отъ силы защититься,
Чтобъ шуткой чудаковъ чешуйчатыхъ занять,
Я вызвалъ бы ихъ всѣхъ играть со мною въ жмурки,
Да самому себѣ глаза бы завязалъ!
Тогда бы для меня платокъ мой не пропалъ,
За то бы всѣ моря мой вызовъ взбунтовалъ.
Стеклось бы все ко мнѣ: изъ темныя конурки
Морской бы вышелъ ракъ, кобенясь на клешняхъ;
Явился бы и китъ съ огромными усами,
И нильскій крокодилъ въ узорныхъ чешуяхъ,
И выдра, и мокой, сверкающій зубами,
И каракатицы, и устрицы съ сельдями,
Короче—океанъ вверхъ дномъ!
И начали бъ они кругомъ меня рѣзвиться
И щекотать меня, кто зубомъ, кто хвостомъ,
А я (чтобъ съ моимъ сокровищемъ платкомъ
На мигъ одинъ не разлучиться,
Чтобъ не досталось мнѣ глаза имъ завязать
Ни каракатицѣ, ни раку, ни мокою),
Для вида только бы махалъ на нихъ рукою.
И не ловилъ бы ихъ, а только бы пугалъ;
Итакъ, легко теперь дойти до заключенья:
Я въ жмурки бы игралъ
До свѣтопреставленья;

И развѣ только въ часъ всѣхъ мертвыхъ
воскресенья,
Платокъ сорвавши съ глазъ, воскликнулъ бы:
поймалъ!
Ужасный жребій сей поэта миновалъ!
Платокъ вашъ странствуетъ по царству Аквилона.
Но знайте, для него не страшенъ Аквилонъ,
И сухъ и невредимъ на влагѣ будетъ онъ.
Самимъ извѣстно вамъ, поэта Аріона
Услужливый дельфинъ донесъ до береговъ,
Хотя ярилася на жизнь пѣвца пучина;
И нынѣ внукъ того чудеснаго дельфина
Лелѣетъ на спинѣ красу земныхъ платковъ!
Пусть буря бездны колыхаетъ,
Пусть рушитъ корабли и рветъ ихъ паруса,
Вокругъ него ея свирѣпость утихаетъ
И на него изъ тучъ сіяютъ небеса
Благотворящей теплотою;
Онъ скоро пышный Бельтъ покинетъ за собою,
И скоро донесутъ покорные валы
Его до тѣхъ краевъ, гдѣ треснули скалы
Передъ могучею десницей Геркулеса.
Минуетъ онъ брега стариннаго Гадеса,
И слушайте жъ теперь, къ чему назначилъ рокъ
Непостоянный вашъ платокъ:
Благочестивая красавица принцесса,
Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
Его увидитъ, имъ плѣнится,
И ношу милую поднесть прекрасной въ даръ
Услужливый дельфинъ въ минуту согласится.
Но здѣсь неясное предъ нами объяснится.
Натуралистъ Бомаръ
Въ ученомъ словарѣ ученыхъ увѣряетъ,
Что никогда дельфиновъ не бываетъ
У Петергофскихъ береговъ,
И что поэтому потерянныхъ платковъ
Никакъ не можетъ тамъ ловить спина дельфина.
И въ самомъ дѣлѣ это такъ.
Но знайте, нашъ дельфинъ, вѣдь, не дельфинъ—башмакъ!
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина (pour la rime)
Петровна вздумала такъ важно утопить
При мнѣ въ большой придворной лужѣ.
Но что же? Оттого дельфинъ совсѣмъ не хуже,
Что счастіе имѣлъ онъ башмакомъ служить
Ея сіятельству, и что угодно было
Такъ жестоко играть ей жизнью башмака.
Предназначеніе судьбы его хранило!
Башмакъ дельфиномъ сталъ для вашего
платка,
Воротимся жъ къ платку. Вы слышали, принцеса
Красавица, у береговъ Гадеса.
Купаясь на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
Его получитъ отъ дельфина.
Красавицу съ платкомъ умчитъ въ Алжиръ
корсаръ;
Продастъ ее пашѣ; паша назначитъ въ даръ
Для императорова сына.
Сынъ императоровъ не варваръ, а герой,
Душой Малекъ-Адель, учтивѣй Солимана;
Принцесса же умомъ другая Роксолана
И точь-въ-точь милая Матильда красотой.
Не трудно угадать, чѣмъ это все рѣшится;
Принцессой деевъ сынъ плѣнится,
Принцесса въ знакъ любви отдастъ ему платокъ;
Руки жъ ему отдать она не согласится,
Пока не будетъ имъ отвергнутъ лжепророкъ,
Пока онъ не крестится,
Не сниметъ съ христіанъ невольничьихъ цѣпей,
И не предстанетъ къ ней
Геройской славой озаренный.
Алжирецъ храбрый нашъ не будетъ тратить
словъ:
Онъ въ мигъ на все готовъ—
Крестился, иго снялъ невольничьихъ оковъ
Съ несчастныхъ христіанъ, и кликнулъ кличъ
военный;
Платокъ красавицы, ко древу пригвожденный,
Сталъ гордымъ знаменемъ, предшествующимъ
въ бой;
И Африка зажглась священною войной;
Египетъ, Фецъ, Марокъ, Стамбулъ, страны
Востока—
Все завоевано крестившимся вождемъ,
И пала предъ его карающимъ мечомъ
Имперія пророка.
Свершивъ со славою любви святой завѣтъ,
Низринувъ алтари безумія во пламя
И Богу покоривъ весь мусульманскій свѣтъ,
Герой спѣшитъ принесть торжественное
знамя,
То-есть платокъ, къ ногамъ красавицы
своей.
Не трудно угадать развязку:
Перевѣнчаются, велятъ созвать гостей,
Подымутъ пляску
И счастливой четѣ
Воскликнутъ: многи лѣта!
А нашъ платокъ? Платокъ давно ужъ въ
высотѣ
Взлетѣлъ на небеса и сдѣлался комета,
Первостепенная изъ всѣхъ другихъ кометъ;
Ея вліяніе преобразуетъ свѣтъ,
Настанутъ намъ другія
Благословенны времена,
И будетъ на землѣ навѣкъ воцарена
Премудрость, а сказать по-гречески: Софія.

КЪ ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ

(ПОСЛѢ ЕЯ ДЕБЮТА ВЪ РОЛИ МЕРТВЕЦА).

Графиня, не забудьте слова,
Оставьте маску мертвеца;
Какая страшная обнова
Для столь прелестнаго лица;
Какъ наряжаться въ ваши лѣта,
Съ такою милой красотой,
По образцу другого свѣта,

По страшной модѣ гробовой?
Вчерашняя, скажу вамъ, шутка
Была разительный урокъ,
Урокъ для сердца и разсудка...
И этотъ тихій уголокъ,
Гдѣ предо мной, въ одно мгновенье,
На мѣсто прелести младой,
Явилось грозное видѣнье,
Унылый призракъ гробовой,
Его я не забуду вѣчно.
Нѣтъ, такъ шутить безчеловѣчно!
И это будь въ послѣдній разъ!
Когда, оставивъ въ свѣтѣ насъ,
Вы въ темноту ночную скрылись,
Съ веселымъ прелести лицомъ,
И вдругъ на насъ оборотились
Изъ тьмы ужаснымъ мертвецомъ,
Невольно сердце взволновалось,
И въ быстрой перемѣнѣ сей
Ему житейское сказалось
Всей ненадежностью своей:
„Какъ все желанное невѣрно,
Какъ упованье лицемѣрно,
Какъ счастья перемѣнчивъ видъ;
Душа лишь вслѣдъ за нимъ порвется,
Оно лицомъ къ ней обернется,
И передъ ней мертвецъ стоитъ“.
Графиня, ваше превращенье
Меня въ сей бросило испугъ;
Но, вдругъ, сразивъ воображенье,
Оно жъ и ободрило вдругъ:
И я забылъ свою ошибку,
Когда веселую улыбку
Вы отдали своимъ устамъ;
Когда померкнувшимъ глазамъ
Очаровательную ласку
Позволили изображать,
Свободнѣй начали дышать
И сняли привидѣнья маску.
Графиня, будьте просто вы,
Забудьте страшное искусство,
И, въ сердцѣ зарождая чувство,
Не убивайте головы...

КЪ ВАСИЛЬЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ

ПЕРОВСКОМУ.

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
Ты другу во́-время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала;
Опять о счастьи мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины...
Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ,
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ.
Онъ небо узнаетъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой—
Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
Невыразимымъ упованьемъ,
Невыразимою мечтой;
Живымъ утраченное мнится;
Онъ снова гость минувшихъ дней,
И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей...
Таковъ былъ я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный въ жизни лугъ.
Любовь мелькнула предо мною;
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней;
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ...
Но удались, мой посѣтитель,
Не у меня тебѣ гостить;
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!
Товарищъ, мной ты не забытъ!
Любовь друзей не раздружитъ.
Симъ не созрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?
Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ.
Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ;
Давно веселости ужъ нѣтъ;
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Угрюмый спутникъ—молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой.
Ты молча радостныхъ дичишься,
И, къ жизни охладѣвъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльца сердца одинокимъ.
Мой другъ, съ участіемъ глубокимъ,
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья;
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ.
Сіе смятеніе во взорѣ,
Склоненномъ робко передъ ней;
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ;

Перерывающійся гласъ;
Къ тому, что окружаетъ васъ,
Задумчивое невниманье;
Присутствія очарованье,
И неприсутствія тоска,
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека,
И это все, что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно,
Сіи примѣты знаю я...
Мой жребій далъ на то мнѣ право!
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть ему отравой?
Нѣтъ, милый, ободрись; она
Столь восхитительна недаромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена;
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ;
Не прелестью ума одной,
Онъ чувства прелестью приманчивъ;
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло сладостное слито
Съ сей оживленной красотой;
Въ ней что-то искреннее дышитъ,
И въ миломъ голосѣ ея
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
Всему въ немъ лучшему родной,
Въ нее участіе ліющій,
И безъ усилія дающій
Ей убѣжденье и покой.
О, вѣрь же, другъ, душѣ прекрасной:
Ужель природою напрасно
Ей столько милаго дано?
Люби; любовь и жизнь—одно.
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жребій жизни соверши;
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души.

ВЪ КОМИТЕТЪ,

УЧРЕЖДЕННЫЙ ПО СЛУЧАЮ ПОХОРОНЪ ПАВЛОВСКОЙ ВЕКШИ ИЛИ БѢЛКИ ОТЪ ДЕПУТАТА ЖУКОВСКАГО.

Прошу меня не осуждать,
Что я промедлилъ судъ свой дать
О надписяхъ покойной бѣлкѣ,
Здѣсь дѣло шло не о бездѣлкѣ.
Я прежде долженъ былъ узнать
О томъ, какой была породы
Покойница съ большимъ хвостомъ,
Какъ жизнь вела, и какъ потомъ
Лишившися своей свободы
(Быть-можетъ, за грѣхи свои),
Съ домашней вѣточки скочила
Въ карманъ безжалостный Ильи *),
Какъ сдѣлался карманъ могила,
И прочее. Вотъ мой отвѣтъ:
Звѣрокъ покойный былъ поэтъ.
За то, что онъ явиться въ свѣтъ
Дерзнулъ съ своею музой мелкой,
Обиженный имъ Аполлонъ
Велѣлъ, чтобы по смерти онъ
Еще бродилъ по свѣту бѣлкой,
Стихомарателямъ въ урокъ.
Но Фебъ и въ гнѣвѣ своенравенъ:
Поэтъ былъ, какъ поэтъ, безславенъ,
Зато сталъ славенъ, какъ звѣрокъ.
Илья искалъ въ лѣсу забавы
И бѣлку спряталъ онъ въ карманъ;
Но все на свѣтѣ семъ обманъ:
Карманъ Ильи сталъ храмомъ славы
Для осужденнаго пѣвца.
Пока пѣвецъ сей ждалъ вѣнца
Себѣ въ горячкѣ вдохновенья,
Онъ былъ добычею забвенья!
Но только что онъ бѣлкой сталъ
И равнодушно промѣнялъ
На рощу, волю и орѣхи—
Всѣ стихотворныя утѣхи,
Судьбѣ разгнѣванной на зло
Его безсмертіе нашло.
А ты, задохшійся въ карманѣ
Неумолимаго Ильи,
Поэтъ, пускай стихи твои
Навѣкъ сокроются въ туманѣ
Забвенья для грядущихъ лѣтъ,
Но для тебя забвенья нѣтъ!
Судьбы напрасно вѣроломство:
Ты бѣлкой перейдешь въ потомство!..
Теперь, какъ избранный судья,
Осмѣлюсь вамъ представить я
На безпристрастное рѣшенье
Мое о надписяхъ сужденье.
Ихъ шесть готово нумеровъ—
Всѣ хороши! но грудой словъ
Похвальныхъ, согласитесь сами,
Не должно бременить могилъ:
Илья ужъ бѣлку задушилъ
На что жъ душить ее стихами!
Притомъ—скажу на всякій страхъ—
Не все въ прекрасныхъ сихъ стихахъ
Для всѣхъ покажется прекрасно:
Вотъ, напримѣръ, въ однихъ есть Dreck:
Признайтесь, въ нашъ учтивый вѣкъ
Къ могилѣ подойти опасно
Съ такой душистой похвалой;
Въ семъ словѣ, правда, смыслъ простой,
Оно и кратко и понятно;
Мы знаемъ: бѣлка, человѣкъ
И все земное счастье—Dreck!
Но Dreck для вкуса непріятно—
Въ другихъ есть Hadzy-Padzy...—Нѣтъ,
Стиховъ такихъ не приметъ свѣтъ;
Они и черствы и не гладки;
Къ тому жъ на камняхъ гробовыхъ
Мы ищемъ надписей простыхъ:

---

*) Слуги.

На нихъ не нужны намъ загадки.
Чтобъ Hadzy-Padzy объяснить,
Въ вѣкахъ грядущихъ, можетъ-быть,
Ученость завела бы споры,
И доброй бѣлки мирный прахъ
Надолго бъ поселилъ въ умахъ
Недоумѣнье и раздоры.
На что жъ могилой бѣлки намъ
Временъ грядущихъ докторамъ
Давать несчастный поводъ драться
За смыслъ неизъяснимыхъ словъ
И въ толкованьяхъ завираться.
Короче, выборъ мой готовъ:
Для блага докторовъ почтенныхъ
Изъ надписей, мнѣ порученныхъ,
Одну назначилъ я—и вотъ
Ея смиренный переводъ:
„Веселое дитя природы,
Безпечно въ рощѣ я жила,
И въ ней довольства и свободы
Изображеніемъ была.
Но бросилъ неизбѣжный камень
Судьбою посланный Илья,
И мигомъ, какъ летучій пламень,
Потухла быстро жизнь моя.
И мнѣ пріютъ могила стала,
И тяжкій камень надо мной;
Но счастье здѣсь и я знавала:
Жила и Божій свѣтъ былъ мой!“

1820.

—

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ,

1820, іюня 18, въ Павловскѣ *).

Хотя и много я стихами
Писалъ про свѣтлую луну,
Но я лишь тѣнь ея одну
Моими блѣдными чертами
Невѣрно могъ изобразить.
Здѣсь, государыня, предъ вами
Осмѣлюсь вкратцѣ повторить
Все то, что вѣтреный мой геній,
Летучій невидимка, мнѣ
Въ минуты свѣтлыхъ вдохновеній
Шепталъ случайно о лунѣ.
Когда съ усопшимъ на конѣ
Скакала робкая Людмила,
Тогда въ стихахъ моихъ луна
Невѣрнымъ ей лучомъ свѣтила;
По темнымъ облакамъ она
Украдкою перебѣгала;
То вся была межъ нихъ видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся тучъ;
И изрѣдка бродящій лучъ
Ужаснымъ блескомъ отражался
На хладной бѣлизнѣ лица
И въ тускломъ взорѣ мертвеца.
Когда жъ въ саняхъ съ Свѣтланой мчался
Другой извѣстный намъ мертвецъ,
Тогда кругомъ луны вѣнецъ
Сквозь завѣсъ снѣжнаго тумана
Сіялъ на мутныхъ небесахъ;
И съ вѣщей робостью Свѣтлана
Въ недвижныхъ спутника очахъ
Искала взора и привѣта...
Но, взоръ на мѣсяцъ устремивъ,
Былъ непривѣтно-молчаливъ
Пришелецъ изъ другого свѣта.—
Я помню: рыцарь Адельстанъ,
Свершитель страшнаго обѣта,
Сквозь хладный вечера туманъ
По Рейну съ сыномъ и женою
Плылъ, озаряемый луною;
И очарованный челнокъ
По влагѣ волнъ, подъ небомъ яснымъ,
Влекомъ былъ лебедемъ прекраснымъ;
Тогда роскошный вѣтерокъ,
Струи лаская, тихо вѣялъ
И парусъ пурпурный лелѣялъ;
И, въ небѣ плавая, одна
Сквозь сумракъ тонкаго вѣтрила
Сіяньемъ трепетнымъ луна
Пловцамъ задумчивымъ свѣтила,
И челнока игривый слѣдъ,
И пышный лебедя хребетъ,
И цѣпь волшебную златила.—
Но есть еще челнокъ у насъ:
Подъ бурею, въ полночный часъ
Пловецъ невѣдомый съ Варвикомъ
По грозно воющей рѣкѣ
Однажды плылъ въ томъ челнокѣ;
Сквозь ревъ воды протяжнымъ крикомъ
Младенецъ ихъ на помощь звалъ;
Ужасно вихорь тучи гналъ,
И великанскими главами
Валы вставали надъ валами,
И все гремѣло въ темнотѣ;
Тогда „рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ тучи въ высотѣ“
И, ставъ надъ бездною кипящей,
Весь ужасъ бури освѣтилъ:
Засеребрилися вершины
Встающихъ, падающихъ волнъ...
И на скалу помчался челнъ;
Среди сіяющей пучины
На той скалѣ Варвика ждалъ
Младенецъ—неизбѣжный мститель.

---

*) Прекрасная лунная ночь въ Павловскѣ подала поводъ написать это посланіе. Государынѣ императрицѣ угодно было дать замѣтить поэту красоту этой ночи, и онъ, исчисливъ разныя прежде имъ сдѣланныя описанія луны, признается въ стихахъ своихъ, что ни которая изъ этихъ описанныхъ лунъ не была столь прекрасна, какъ та, которая въ ту ночь освѣщала Павловскія рощи и воды.—*В. Ж.*

И руку самъ невольно далъ
Своей погибели—губитель;
Младенца нѣтъ; Варвикъ исчезъ...
Вмигъ ужасъ бури миновался;
И ясенъ посреди небесъ,
Вдругъ успокоенныхъ, остался
Надъ усмиренною рѣкой,
Какъ радость, мѣсяцъ молодой.—
Когда жъ невидимая сила,
Безъ кормщика и безъ вѣтрила,
Вадима въ третьемъ челнокѣ
Стремила по Днѣпру-рѣкѣ,
Надъ нимъ безоблачно сіяло
Въ звѣздахъ величіе небесъ;
Рѣка, надводный темный лѣсъ,
Высокій берегъ—все дремало;
И ярко полная луна
Отъ горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очамъ Вадимовымъ являлась...
Ему луна сквозь темный боръ
Лампадой таинственной свѣтитъ;
И все, что изумленный взоръ
Младого путника ни встрѣтитъ,
Съ его душою говоритъ
О чемъ-то горестно-ужасномъ,
О чемъ-то близкомъ и прекрасномъ...
Съ невольной робостью онъ зритъ
Пригорокъ, храмъ, могильный камень;
Надъ повалившимся крестомъ
Какой-то легкій вѣетъ пламень,
И сумраченъ сидитъ на немъ
Недвижный воронъ, сторожъ ночи,
Туманныя уставивъ очи
Неотвратимо на луну;
Онъ слышитъ: что-то тишину
Смутило; древній крестъ шатнулся,
И сонный воронъ встрепенулся;
И кто-то блѣдной тѣнью всталъ,
Пошелъ ко храму, помолился...
Но храмъ предъ нимъ не отворился,
И въ отдаленьи онъ пропалъ,
Слiясь, какъ дымъ, съ ночнымъ туманомъ,
И далѣ трепетный Вадимъ;
И вдругъ является предъ нимъ
На холмѣ свѣтлымъ великаномъ
Пустынный за́мокъ; блескъ луны
На стѣны сыплется зубчаты;
Въ кудрявый мохъ облечены
Ихъ неприступные раскаты;
Ворота заперты скалой;
И вотъ уже надъ головой
Луна, достигнувъ полуночи;
И видятъ путниковы очи
Двухъ дѣвъ: одна идетъ стѣной,
Другая къ ней идетъ на стѣну,
Другъ-другу руку подаютъ,
Прощаются и врозь идутъ,
Свершивъ задумчивую смѣну...
Но то, какъ дѣвы спасены,
Ужъ не касается луны.—
Еще была воспѣта мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала предъ Москвою
Святая русская война—
Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.
Я помню ночь: какъ бранный щитъ,
Луна въ небесномъ рдѣла мракѣ;
Нашъ станъ молчаньемъ былъ покрытъ,
И ратникъ въ лиственномъ бивакѣ
Вооруженный мирно спалъ;
Лишь стражу стража окликалъ;
Костры дымились, пламенѣя,
И кое-гдѣ передъ огнемъ,
На яркомъ пламени чернѣя,
Стоялъ казакъ съ своимъ конемъ,
Окутанъ буркою косматой;
Тамъ острыхъ копій рядъ крылатой
Въ сіяньи мѣсяца сверкалъ;
Вблизи улановъ рядъ лежалъ;
Надъ ними ихъ дремали кони;
Тамъ грозныя сверкали брони;
Тамъ пушекъ заряженныхъ строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали, и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой;
И въ отдаленьи полосами,
Слiянны съ дымомъ облаковъ,
Биваки дымные враговъ
На краѣ горизонта рдѣли;
Да кое-гдѣ вблизи, вдали,
Тѣла, забытыя въ пыли,
Въ ужасномъ образѣ чернѣли
На яркихъ мѣсяца лучахъ...
И между тѣмъ на небесахъ,
Надъ грознымъ полемъ истребленья,
Ночныя мирныя видѣнья
Свершались мирно, какъ всегда;
Младая вечера звѣзда
Привычной прелестью плѣняла;
Неизмѣняема сіяла
Луна землѣ съ небесъ родныхъ.
Не зная ужасовъ земныхъ;
И было тихо все въ природѣ,
Какъ тамъ, на отдаленномъ сводѣ:
Спокойно лѣсъ благоухалъ,
И воды къ берегамъ ласкались,
И берега въ нихъ отражались,
И вѣтерокъ равно порхалъ
Надъ благовонными цвѣтами,
Надъ лономъ трепетныхъ зыбей,
Надъ бронями, надъ знаменами
И надъ безмолвными рядами
Объятыхъ сномъ богатырей...
Творенье Божіе не знало
О человѣческихъ бѣдахъ,
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдетъ, и въ небесахъ

Опять засвѣтится денница.
А рокъ межъ тѣмъ не засыпалъ;
Надъ ратью, молча, онъ стоялъ;
Держала жребіи десница;
И взоръ неизбѣжимый лица
Имъ обреченныхъ замѣчалъ.—
Еще я много описалъ
Картинъ луны: то надъ гробами
Кладбища сельскаго она
Катится по небу одна,
Сіяніемъ невѣрнымъ бродитъ
По дерну свѣжему холмовъ,
И тѣни шаткія деревъ
На зелень блѣдную наводитъ,
Мелькаетъ быстро по крестамъ,
Въ оконницахъ часовни блещетъ,
И, внутрь ея закравшись, тамъ
На золотѣ иконъ трепещетъ;
То вдругъ, какъ въ дымѣ, безъ лучей,
Когда встаютъ съ холмовъ туманы,
Задумчиво на дубъ Минваны
Глядитъ; и вѣя передъ ней,
Четой сліянною двѣ тѣни
Спускаются къ любимой сѣни,
И шорохъ слышится въ листахъ,
И пробуждается въ струнахъ,
Перстамъ невидимымъ послушныхъ,
Знакомый гласъ друзей воздушныхъ;
То вдругъ на взморьѣ—гдѣ волна
Плеская прыщетъ на каменья,
И гдѣ въ тиши уединенья,
Воспоминанью предана,
Привыкла вслушиваться дума
Въ гармоніи ночного шума—
Она, въ „величественный часъ
Всемірнаго успокоенья",
Творитъ волшебныя для глазъ
На влагѣ дремлющей видѣнья;
Иль, тихо зыблясь, въ ней горитъ,
Иль, раздробившись, закипитъ
Съ волнами дрогнувшей пучины,
Иль вдругъ огромныя морщины
По влагѣ яркой проведетъ,
Иль огненной змѣей мелькнетъ,
Или подъ шлюпкою летящей
Забрызжетъ пѣною блестящей...
  Довольно; все пересчитать
Мнѣ трудно съ музою лѣнивой;
Къ тому жъ ей долгъ велитъ правдивой
Вамъ, государыня, сказать,
Что сколько разъ она со мною,
Скитаясь въ сумракѣ ночей,
Ни замѣчала за луною,
Но все до сей поры мы съ ней
Луны такой не подглядѣли,
Какою на небѣ ночномъ,
Въ концѣ прошедшія недѣли,
Надъ чистымъ Павловскимъ прудомъ
На колоннадѣ любовались;
Давно, давно не наслаждались
Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
Казалось все преображеннымъ;
По небесамъ уединеннымъ,
Полупотухшимъ и пустымъ,
Ни облачко не пролетало;
Ни колыханія въ листахъ;
Ни легкой струйки на водахъ;
Все нѣжилось; все померкало;
Лишь ярко звѣздочка одна,
Лампадою гостепріимной
На краѣ неба зажжена,
Мелькала намъ сквозь западъ дымной,
И свѣтлымъ лебедемъ луна
По блѣдной синевѣ востока
Плыла, тиха и одинока;
Подъ усыпительнымъ лучомъ
Все предавалось усыпленью—
Лишь изрѣдка пустымъ путемъ,
Своею сопутствуемый тѣнью,
Шелъ запоздалый пѣшеходъ,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкій шумъ плеснувшихъ водъ
Смущали вечера молчанье.
Въ зерцало ровнаго пруда
Глядѣлось мирное свѣтило,
И въ лонѣ чистыхъ водъ тогда
Другое небо видно было
Съ такой же ясною луной,
Съ такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящій
Крыломъ неслышнымъ вѣтерокъ
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивалъ потокъ:
Луна звѣздами разсыпалась;
И смутною во глубинѣ
Тогда краса небесъ являлась,
Толь мирная на вышинѣ...
Понятное знаменованье
Души въ ея земномъ изгнаньѣ:
Она небеснаго полна,
А все земнымъ возмущена.
Но какъ назвать очарованье,
Которымъ душу всю луна
Объемлетъ такъ непостижимо?
Ты скажешь: ангелъ невидимо
Въ ея лучахъ слетаетъ къ намъ...
Съ какою вѣстью? Мы не знаемъ;
Но вѣстника мы понимаемъ;
Мы вѣримъ сладостнымъ словамъ,
Невыражаемымъ, но внятнымъ;
Летимъ неволею за нимъ
Къ тѣмъ благамъ сердца невозвратнымъ,
Къ тѣмъ упованіямъ святымъ,
Которыми когда-то жили,
Когда съ привѣтною мечтой,
Еще не встрѣтившись съ судьбой,
У ясной младости гостили.
Какъ часто вдругъ возвращено
Какимъ-то быстрымъ мановеньемъ
Все улетѣвшее давно!
И видимъ мы воображеньемъ
Тотъ свѣжій лугъ, гдѣ мы цвѣли;

Даруемъ жизнь друзьямъ отжившимъ;
Былое кажется небывшимъ
И насъ манящимъ издали;
И то, что нашимъ было прежде,
Съ чѣмъ мы простились навсегда,
Намъ мнится нашимъ, какъ тогда,
И ввѣреннымъ еще надеждѣ...
Кто жъ изъяснитъ намъ, что она,
Сія волшебная луна,
Другъ нашей ночи неизмѣнный?
Не островъ ли она блаженный,
И не гостиница ль земли,
Гдѣ, навсегда простясь съ землею,
Душа слетается съ душою,
Чтобъ повидаться издали
Съ покинутой, но все любимой
Ихъ прежней жизни стороной?
Какъ съ прага хижины родимой
Надъ брошенной своей клюкой
Съ утѣхой странникъ отдохнувшій
Глядитъ на путь, уже минувшій,
И думаетъ: „Тамъ я страдалъ,
Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрялся,
Тамъ утомленный отдыхалъ
И съ новой силою сбирался!“
Такъ наши, можетъ-быть, друзья
(Въ обѣтованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаній утѣшенье
Вкушаютъ, глядя изъ луны
Въ предѣлы здѣшней стороны.
Здѣсь и для нихъ была когда-то
Прелестна жизнь, какъ и для насъ;
И ихъ манилъ надежды гласъ,
И ихъ испытывала тратой
Тогда имъ тайная рука
Разгаданнаго Провидѣнья.
Здѣсь всѣ ихъ прежнія волненья,
Чѣмъ жизнь прискорбна, чѣмъ сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
Надежды смѣлость, трепетъ страха,
Высокихъ замысловъ мечта,
Великость, слава, красота...
Все стало бѣдной горстью праха;
И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ,
Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ:
Тотъ уголокъ, въ которомъ гдѣ-то
Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ
Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
Смятеннымъ пламенемъ согрѣто;
Да можетъ-быть, въ краю иномъ
Еще любовью незабытой
Ихъ бытіе и нынѣ слито,
Какъ прежде, съ нашимъ бытіемъ;
И нынѣ съ милыми родными
Они бесѣдуютъ душой;
И, знавшись съ тратами земными,
Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
Подчасъ утѣхой неземной
На сердце наше налетаютъ,
И сердцу тихо возвращаютъ
Надежду, вѣру и покой.

ПИСЬМО КЪ АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ ХОМУТОВОЙ.

Благодарю васъ всей душою!
Вчера мнѣ милою рукою
Графини Бобринской былъ данъ
Сей мрачный томъ, сей чемоданъ,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствіями, чудесами,
И всѣмъ, что такъ пугаетъ насъ.
Люблю я страшное подчасъ!
Но этотъ томъ теперь сто разъ
Милѣй мнѣ милыми стихами,
Которые шепнулъ шутя
Вамъ богъ парнасскій мимоходомъ,
Лишь для того, чтобъ, ихъ прочтя,
Я сталъ счастливымъ сумасбродомъ
И веселился какъ дитя.
Я очень радъ, что я вашъ крестникъ:
Благодарю моимъ духамъ—
Безъ нихъ пришло ли бъ въ мысли вамъ
Мнѣ титулъ: гробовой прелестникъ
Прелестными стихами дать.
Онъ мой теперь навѣкъ, по праву;
Его ни за какую славу
Не соглашуся промѣнять.
Еще жъ прибавлю я: вы правы—
Искатели парнасской славы
Мнѣ всѣ завидовать должны;
Они, вѣнцомъ ея плѣняясь,
Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
Карабкаться осуждены.
Моя жъ судьба совсѣмъ иная:
Сама Харита молодая
Своимъ магическимъ перомъ
Мнѣ написала мой дипломъ
На сей вѣнецъ, поэту лестный;
Съ улыбкой славѣ подала;
Съ улыбкой слава приняла
И полетѣла въ путь небесный;
Къ нему я бабочкой прильнулъ
И вслѣдъ за славою порхнулъ...
Хоть я вѣнца и не достоинъ,
Но мной онъ полученъ отъ васъ;
Пускай бранитъ меня Парнасъ—
Я буду въ совѣсти спокоенъ!

P. S. Я честь имѣю вамъ послать
Тафту для траурнаго платья.
Не думайте, что наша братья,
Пѣвцы, не знаютъ исполнять,
Въ жару небесныхъ вдохновеній,
Простыхъ земныхъ препорученій.
Повѣрьте совѣсти моей,
Здѣсь виноватъ не сынъ вашъ крестный,
Не Фебъ, отецъ его небесный,
Но попросту земной лакей.
Третьёводни, довольно ясно,

Я Сапхѣ моему сказалъ,
Чтобъ онъ съ тафтой къ вамъ побѣжалъ. .
Но проповѣдывалъ напрасно
Въ пустынѣ я глухимъ ушамъ:
Служитель мой былъ непокоренъ
Какъ Фебъ, который такъ упоренъ
Пріискивать къ моимъ стихамъ
И смыслъ и риѳму. Въ увѣреньѣ,
Что онъ приказъ исполнилъ мой,
Я прихожу вчера домой—
И что жъ? Тафта, какъ привидѣнье
Ужасное, предстала мнѣ
Въ бумагѣ на моемъ окнѣ.
Я съ неожиданной досады
Перекувыркнулся разъ пять
И ужъ хотѣлъ-было кусать
Слугу-лѣнивца для отрады...
Но я его не укусилъ.
Зачѣмъ же медлилъ онъ? Забылъ?
Нѣтъ не забылъ; совсѣмъ другое:
Все утро дождикъ ливмя лилъ,
И мой посланникъ разсудилъ,
Что существо его земное
Небесной смочится водой,
Что лучше для него въ покоѣ
Погоды подождать сухой,
И что страшнѣе простудиться,
Дождемъ гуляя проливнымъ,
Чѣмъ быть здоровымъ и сухимъ
И съ сыномъ Феба побраниться.

ПИСЬМО КЪ НАРЫШКИНУ.

Нарышкинъ, человѣкъ случайный,
Дѣйствительный совѣтникъ тайный,
Гофмаршалъ русскаго царя
И заслуженный царедворецъ,
Васъ проситъ русскій стихотворецъ,
Жуковскій (просто говоря),
Чтобъ въ Петергофѣ вы призрѣли
Его земное существо,
И въ тепломъ уголкѣ согрѣли
Съ нимъ то младое божество,
Которое за нимъ летаетъ,
Ему покоя не даетъ
И въ свѣтѣ музою слыветъ.
Онъ вамъ богиню повѣряетъ,
Сказавъ за тайну, что она
Причудлива и прихотлива,
Въ просторѣ жить пріучена,
Зябка и временемъ лѣнива.
Богиня—женщина, и ей
Дана причудничать свобода.
А петергофская природа
Извѣстна сыростью своей;
Легко ей дать пѣвцу потачку
И въ немъ восторгъ воспламенить,
Легко пѣвца и простудить,
И за небесную горячку
Земной горячкой заплатить.
Итакъ, прошу васъ о квартирѣ
Такой, чтобъ могъ я въ ней, порой,
Непростуженною рукой,
Не по студеной бѣгать лирѣ.
Нельзя ль, чтобъ былъ и камелекъ?
На сѣверѣ, гдѣ часто вьюга
Смѣняетъ теплый вѣтерокъ,
Поэту важная услуга
Въ каминѣ яркій огонекъ.
Другую тайну вамъ открою:
Я не одинъ сбираюсь къ вамъ—
Вся сволочь Пинда, вся за мною
Воздушной тянется толпою.
Привыкнувъ къ теплымъ небесамъ,
И на землѣ тепло намъ нужно.
Къ тому же, сверхъ моихъ боговъ,
На всякій случай въ Петергофъ
Беру семью крылатыхъ сновъ—
Товарищей мечты досужной,
Волшебницъ, лѣшихъ и духовъ,
Да для моихъ стихотвореній
Запасъ домашнихъ привидѣній
И своекоштныхъ мертвецовъ;
Короче: ѣду цѣлымъ домомъ!
Хотя меня съ такимъ содомомъ
Вамъ и трудненько помѣстить,
Но, знаю вы найдетѐ средство.
Позвольте, напримѣръ, спросить:
Нельзя ль мнѣ море дать въ сосѣдство?
Нельзя ль найти мнѣ уголокъ
(И не забывъ про камелекъ)
Въ волшебномъ вашемъ Монплезирѣ?
Признаться, вспомнишь лишь о немъ,
Душа наполнится огнемъ,
И руки сами рвутся къ лирѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда безъ смысла къ Монплезиру
Я риѳмою поставилъ лиру,
Тогда сіялъ прекрасный день
На небѣ голубомъ и знойномъ,
И мысль мою плѣнила тѣнь
На взморьѣ свѣтломъ и спокойномъ.
Но всѣмъ извѣстно ужъ давно,
Что смыслъ и риѳма не одно;
И этому примѣромъ снова
Мнѣ съ неба пасмурно-сырова
Разсудокъ мокрый доказалъ,
Что Монплезиръ пріютъ прекрасный,
Но только въ день сухой и ясный,
Что отъ дворца онъ далеко,
Что хоть поэту и легко
За вымыслами, за мечтами,
За привидѣньями, чертями
Воображенье посылать,
Но что на прочія посылки—
Чтобъ утромъ кофе для пѣвца
Принесть изъ царскаго дворца,
Чтобъ попросить ножа иль вилки,
Чтобъ просто сбѣгать за водой—
Необходимъ посолъ иной;

Чго на сіи препорученья
Небесный геній слишкомъ дикъ,
И что послѣдній истопникъ
Проворнѣе воображенья.
Итакъ, сказавъ мое прости
Плѣнительному Монплезиру,
И давъ ему для риомы лиру,
Спѣшу скорѣе перейти
Поближе къ царскому жилищу.
И здѣсь, какъ тамъ, найдетъ поэтъ
Уму мечтательную пищу,
За то здѣсь ужинъ и обѣдъ
Вѣрнѣй—вѣдь, не одной мечтою,
А дѣломъ брать я ихъ привыкъ;
Къ тому же здѣсь, ходя за мною,
Не уморится истопникъ.

Къ КН. А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ.

Итакъ, еще намъ суждено
Дорогой жизни повстрѣчаться,
И съ милымъ прошлымъ заодно
Въ воспоминаньи повидаться.
Неволею, внимая вамъ,
Къ давно утраченнымъ годамъ
Я улеталъ воображеньемъ;
Душа была пробуждена,
И ей нежданнымъ привидѣньемъ
Минувшей жизни старина
Въ красѣ минувшей показалась.
И вамъ и мнѣ—въ тѣ времена,
Когда лишь только разгоралась
Денница младости для насъ—
Одна прекрасная на часъ
Веселой гостей намъ являлась;
Ея живая красота,
Плѣнительная, какъ мечта
Души, согрѣтой упованьемъ,
Въ моей душѣ съ воспоминаньемъ
Всего любимаго слита;
Какъ сонъ воздушный мнѣ предстала
На утрѣ дней моихъ она,
И вмѣстѣ съ утромъ дней пропала
Воздушной прелестію сна.
Но отъ всего, что послѣ было,
Что невозвратно истребило
Стремленье невозвратныхъ лѣтъ,
Ее, какъ лучшій жизни цвѣтъ,
Воспоминанье отдѣлило...
Идя назначеннымъ путемъ,
Съ утѣхой тайной видитъ странникъ,
Какъ звѣздочка, зари посланникъ,
Играетъ въ небѣ голубомъ,
Пророчествуя день желанный;
Каковъ бы ни былъ день потомъ—
Холодный, бурный иль туманный—
Но онъ о звѣздочкѣ своей
Съ любовью вспомнитъ и въ ненастье.
Нашлось иль нѣтъ земное счастье—
По милое минувшихъ дней
(На ясномъ утрѣ упованья
Насъ веселившая звѣзда)
Милѣйшимъ будетъ завсегда
Сокровищемъ воспоминанья.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Княгиня, для чего отъ насъ
Вы такъ безжалостно спѣшите?
На годы скрыться вы хотите,
Намъ показавшися на часъ.
Я знаю, что́, какою властью
Къ Москвѣ старинной васъ манитъ;
Я знаю дивный сей магнитъ:
По почтѣ скачете вы къ счастью.
Нельзя ль мнѣ на-ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И какъ его открыть возможно?
Нельзя ль маршрута показать
И мнѣ на случай подписать
Своей рукою подорожной?
О благодатной сторонѣ,
Гдѣ это счастіе таится,
Извѣстно по преданью мнѣ;
Порою же объ немъ и снится;
Но милый сонъ, какъ ни зову,
Прійти не хочетъ наяву,
Хотя прійти бы и не трудно.
Въ немъ все и просто, и не чудно,
И сверхъестественнаго нѣтъ;
Объ этомъ счастьѣ вздорный свѣтъ
Имѣетъ ложныя познанья;
Его жилищу описанья
Въ печатныхъ книгахъ не найдемъ;
Любимцы же его объ немъ
Разсказывать весьма лѣнивы:
Счастливцы вѣчно молчаливы,
Одно несчастіе—крикунъ.
Но мой домашній говорунъ—
Досужное воображенье—
Мнѣ сочинило наугадъ.
Хотя сей богъ на первый взглядъ
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но не чувствительно, въ тиши,
Пріятностью, лицомъ, осанкой
Сдружитъ васъ нехотя съ собой;
Онъ жить привыкъ въ ладу съ природой;
Любовь съ довѣрчивой свободой
И вѣрный спутникъ ихъ покой
Гостятъ безвыходно у бога,
И отгоняютъ отъ порога
Его имъ ввѣренныхъ дверей
Душегубительную ревность.
Стыдливость, предъ которой древность,
Не воздвигая алтарей,
Въ молчаніи благоговѣла—
Прелестный сторожъ красоты,
Безъ блеска ризъ, безъ наготы,
Сего счастливаго предѣла
Очарованіе хранитъ,
И, угощая въ немъ Харитъ,

Узнать препятствуетъ Гимену,
Подругу скуки—перемѣну.
Умѣренность, довольства другъ,
Порядокъ, ихъ животворитель,
Занятіе, души хранитель,
Пріятный братъ его досугъ,
Съ нимъ неразлучное веселье
И легкокрылое бездѣлье,
Товарищъ рѣзвости младой,
Живутъ тамъ дружною семьей.
И въ семъ пріютѣ все земное
Пріемлетъ существо иное:
Надежда радостнѣе тамъ,
Живѣе вѣра въ Провидѣнье,
Печаль находитъ утоленье
Въ сердечномъ словѣ пополамъ!
Тамъ даже смерть, пришлецъ жестокій,
Склонясь на одръ неодинокій,
Теряетъ хладный ужасъ свой;
Жизнь уводя одной рукою,
Спѣшитъ разоблачить другою
Лицо грядущаго для насъ,
И платитъ намъ за быстрый часъ
Мучительнаго разставанья—
Надеждой вѣчнаго свиданья...

Но виноватъ!.. Безъ нужды вамъ
Высокопарными стихами
Описываю то, что сами,
Назло и музѣ и стихамъ,
Вѣрнѣй вы опытомъ узнали;
Назвать бы имя божества,
И вы бы въ мигъ безъ колдовства
Все остальное угадали.
Сей богъ—докончу въ двухъ словахъ—
Есть богъ семейственнаго счастья;
Его могу я безъ пристрастья
Хвалить и въ прозѣ и въ стихахъ:
Я отъ него благодѣяній
До сей поры не получалъ,
А что я знаю, то узналъ
Изъ сновидѣній и преданій.
Извѣстно: должно быть двоимъ
Чтобъ смѣть явиться передъ нимъ—
Для одинокихъ нѣтъ пріема.
Княгиня, васъ прошу теперь
(Къ нему дорога вамъ знакома):
Нельзя ль, чтобъ отворилась дверь
Въ его пристанище святое
И для меня, чтобъ въ добрый часъ
Вдругъ я преобразился въ насъ,
Чтобъ я одинъ вдругъ сталъ—насъ двое;
Прошу мнѣ спутника найти
Такого, чтобъ къ жилищу бога
Была пріятна съ нимъ дорога,
Чтобъ не пришлось съ полупути
Назадъ бѣжать, не озираясь;
Хоть вамъ довѣрчиво ввѣряясь,
И не боюсь я не дойти,
Но все на всякій страхъ желаю
(Чтобъ легче было выбирать)
Попутчика вамъ описать,
Какимъ его воображаю.
Скажу вамъ: онъ, иль нѣтъ, она—
Ужъ не ребенокъ быть должна:
Ребенку надобенъ учитель;
А я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечной;
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей прекрасно;
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;
Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не впередъ итти, а рядомъ.
Что вамъ сказать о красотѣ?
Я не желаю идеала,
Одной знакомаго мечтѣ;
Хочу, чтобы она плѣняла
Не тѣмъ, что можетъ взоръ плѣнять,
Чему легко названье дать,
На что есть въ лексиконѣ слово
И что умчитъ стремленье лѣтъ..
Но тѣмъ, чему названья нѣтъ,
Что вѣчно молодо и ново
И что прекраснѣй красоты.
Какія бъ ни были черты,
Желаю только, чтобъ сіяло
Сквозь ихъ живое покрывало
Мнѣ сердце чистое, какъ день.
Нѣтъ совершенства, и напрасно
Его желать намъ: здѣсь прекрасно
Лишь то, въ чемъ слиты свѣтъ и тѣнь.
Боюсь разборчивости строгой:
Чтобы итти земной дорогой,
Большой не надобенъ запасъ...
Любовь къ добру—и въ добрый часъ!
Еще бъ я много здѣсь прибавилъ;
Но васъ въ Москву зовущій рокъ,
Къ несчастью, слишкомъ малый срокъ
Моей болтливости оставилъ.
Итакъ, желаю, чтобъ она
Со мной въ дурномъ была сходна,
А въ добромъ разнилась со мною;
Страдая вмѣстѣ зломъ однимъ,
Скорѣе зло мы истребимъ;
Добро жъ, согласною душою,
Дѣля, въ одно соединимъ;
Разсудокъ ясный и надежной
Я предпочту неосторожной,
Хотя и милой остротѣ;
Хочу, чтобъ свѣтъ она судила
Въ спокойной сердца простотѣ
И мыслью вѣрною свѣтила,
Не ослѣпляя, въ тишинѣ,

Какъ другъ-путеводитель мнѣ!
Не пылкаго воображенья,
Живого я желаю ей:
Одно—товарищъ заблужденья,
Другое—геній нашихъ дней,
На всѣхъ путяхъ цвѣты находитъ
И краски свѣжія наводитъ
На жизнь, поблекшую отъ лѣтъ...
. . . .

Княгиня, васъ ужъ съ нами нѣтъ,
Мелькнули вы, какъ привидѣнье,
И бѣдный, сирота-поэтъ,
Я остаюсь теперь въ сомнѣньѣ:
Вы сами ль показались мнѣ,
Иль только ваша тѣнь во снѣ
Являлась мнѣ съ воспоминаньемъ
О дняхъ веселыя Москвы,
Съ любезностью, съ очарованьемъ,
Какимъ тогда плѣняли вы,
И съ милостивымъ обѣщаньемъ
Необходимой мнѣ жены?
Какъ жаль, что насъ такіе сны
Лишь мимоходомъ навѣщаютъ,
Лишь только дразнятъ счастьемъ насъ
И прочь летятъ въ тотъ самый часъ,
Когда остаться обѣщаютъ.
Какъ жаль, что съ вами суждено
Моей судьбою своенравной
Мнѣ быть знакомымъ такъ давно,
А быть короткимъ такъ недавно:
Умомъ бы яснымъ и живымъ
Вы сонный умъ мой разбудили
И зоркость опыта сдружили
Съ слѣпымъ ребячествомъ моимъ,
Не испугавъ воображенья.
Какъ жаль, что ваши наставленья
Не могутъ мнѣ компасомъ быть.
Я признаюсь, опасно плыть
Мнѣ по морю большого свѣта
Съ обманчивой звѣздой поэта:
Любуясь милой сей звѣздой
И слѣдуя мечтой послушной
За прелестью ея воздушной,
Я руль позабываю мой;
Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
И въ обольстительныхъ лугахъ
Зрю призракъ береговъ цвѣтущихъ
На неприступныхъ берегахъ...
Но васъ здѣсь нѣтъ, и васъ напрасно
Въ путеводители мнѣ звать,
Коё-какъ буду путь опасной,
Судьбѣ отдавшись, продолжать:
Беречь свой челнъ отъ потопленья
Среди невѣрной глубины,
И терпѣливо доставленья
Ждать мнѣ обѣщаной жены.

1823.

—

ДВА ПОСЛАНІЯ
КЪ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ, ГР. ПРАСКОВЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ГЕНДРИКОВОЙ.
ВЪ ГАТЧИНѢ.

I.

Не грѣхъ ли вамъ, прекрасная графиня,
Съ Варварой Павловной сосѣда забывать?
Ея высочество великая княгиня
Сейчасъ за тайну мнѣ изволила сказать,
Что вы давно ужъ прочитали
Тотъ розовый романъ,
Въ которомъ нехристи такъ мучатъ христіанъ,
Гдѣ есть Малекъ-Адель, Матильда, Лузиньянъ
И прочее. Вамъ нѣтъ заботы; вы узнали,
Чѣмъ кончилась бѣда въ Рихардовыхъ шатрахъ:
Соединился онъ съ женою,
И что случилось съ той чудесною сестрою,
Которой нравится герой Малекъ-Адель,
Какъ итальянцу вермишель?
Но я, признаться вамъ, въ великомъ затрудненьѣ
И только-что успѣлъ войти въ Птолемаисъ;
Вокругъ меня еще и драки и волненье,
И нехристи еще шумѣть не унялись:
Въ такомъ опасномъ положеньѣ
Кому пріятно быть?
Къ тому жъ хотѣлъ бы я (готовъ и въ томъ признаться)
Скорѣй до свадьбы дочитаться,
Малекъ-Аделя окрестить,
И на монахинѣ женить.
Прошу васъ горю помогите
И розовый романъ Жуковскому пришлите.

II.

Варвара Павловна! графиня! помогите,
Отъ васъ однѣхъ отрады жду!
Хотите ль знать мою бѣду?
Прочтите:
Вчера, извѣстно вамъ, мы вмѣстѣ за столомъ
Ея высочества великія княгини
Обѣдали: былъ споръ о томъ и о другомъ;
Потомъ,
Мнѣ помнится, упалъ изъ рукъ графини
(Любезнѣйшій изъ всѣхъ любезныхъ Катеринъ)
Неосторожный апельсинъ;
Потомъ нашъ графъ Моденъ, съ пріятнѣйшимъ привѣтомъ,
На зло сосѣдкамъ злымъ, мнѣ въ шляпу положилъ
Матильду и съ причетомъ:
Съ Агнесой, Глостеромъ, съ угрюмою толпой
Степныхъ разбойниковъ, съ святымъ анахоретомъ,
Съ Малекъ-Аделемъ и съ войной.
И я подумалъ: въ шляпѣ дѣло!
Пришелъ домой,
Но что же? Боже мой!

Ужъ въ шляпѣ у меня несчастіе скипѣло.
Матильда, чтобъ спасти Рихардову жену,
Осталася въ плѣну,
Глазами плакала, а сердцемъ восхищалась,
Что плѣнницей осталась;
Герой Малекъ-Адель, какъ вѣтреный дитя
Пустился въ разныя проказы:
Разсудка здраваго послушать не хотя,
Забывъ султановы указы,
Матильду онъ съ собой на шлюпку посадилъ;
И въ первый разъ тогда великолѣпный Нилъ
Увидѣлъ, какъ деспо́тъ Востока
Къ ногамъ невольницы смиренно положилъ
Могущество, любовь, желанье и Пророка.
Но были бъ всѣ его труды по пустякамъ,
Когда бъ не вздумалось Матильдѣ по пескамъ
Пустыннымъ прогуляться,
Чтобъ незнакомому отшельнику признаться
Въ такой винѣ, въ которой безъ вины
Мы были, будемъ, быть должны
Обвинены!
Матильда каялась — но къ счастью не успѣла
Докаяться; толпа разбойниковъ степныхъ
Въ часъ добрый налетѣла,
Чтобъ исповѣдь прервать; и тутъ все слѣдомъ
Какъ-будто по звонку явился [имъ
Малекъ-Адель герой
Съ мечомъ, съ верблюдами, палаткой и водой.
Съ разбойниками онъ нимало не чинился,
Онъ по-просту ихъ всѣхъ оставилъ безъ
головъ;
Матильду жъ взялъ; съ отцомъ духовнымъ не
И былъ таковъ! [простился
И на пути, въ степи подъ страшнымъ зноемъ,
Полумонахиня была обручена
Съ полукрестившимся героемъ,
И радъ былъ этому проказникъ сатана!
Но это ли бѣда? бѣда надъ головою!
Султанъ, разгнѣванный сей свадьбою степною,
Отправилъ палачей за мужемъ и женою.
Матильда, правда, спасена,
Но другъ Малекъ-Адель!.. Что будетъ онъ
несчастной?
Я въ шляпѣ роюся напрасно:
Въ ней ничего ужъ болѣ нѣтъ.
Сосѣдки, сжальтеся! мнѣ третій томъ при-
Или... тогда ужъ не шутите— [шлите;
Сойдетъ съ ума сосѣдъ!

Басни.

МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКІЯ ТѢНИ.

Творцы и прозой и стихами,
Которыхъ громкій слогъ пугаетъ весь Парнасъ,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой разсказъ.
Одинъ фигляръ въ Москвѣ показывалъ Мартышку,
Съ волшебнымъ фонаремъ. На картахъ ли гадать,
Взбираться ль по шнуру на крышку,
Или кувыркаться, въ присядку ли плясать
По гибкому канату,
Иль, спичкой выпрямясь, подъ шляпою съ перомъ,
На задни лапки ставъ, ружьемъ,
Какъ должно прусскому солдату,
Метать по слову артикулъ:
Потапъ всему гораздъ. Не звѣрь, а утѣшенье!
Однажды въ воскресенье
Хозяинъ, подкуривъ, на улицѣ заснулъ.
Потапкѣ торжество. „Ужъ то-то погуляю!
И я штукарь! и я народъ какъ тѣшить знаю!"
Бѣжитъ, зоветъ гостей:
Индюшекъ, поросятъ, собакъ, котятъ, гусей.
Сошлись. „Сюда! скорѣй скамьи, подушки
Въ закуту господамъ!
Добро пожаловать; у входа ни полушки,
Изъ чести игрище!"—Ужъ гости по мѣстамъ.
Приносится фонарь, всѣ окна затворились,
И свѣчи потушились.
Потапъ, въ суконномъ колпакѣ,
Съ указкою въ рукѣ,
Съ жеманной харею, явился предъ соборомъ;
Пренизкій всѣмъ поклонъ;
Потомъ съ кадушки рѣчь, какъ Цицеронъ;
Заставилъ всѣхъ зѣвать, и хлопать цѣлымъ хоромъ.
Довольный похвалой,
Съ картинкою стекло тотчасъ въ фонарь вставляетъ.
„Смотрите: вотъ луна, вотъ солнце!—возглашаетъ,—
Вотъ съ Евою Адамъ, скоты, ковчегъ и Ной!
Вотъ славный царь-горохъ съ морковкою-царицей!
Вотъ журка-долгоносъ обѣдаетъ съ лисицей!
Вотъ небо и земля... Что, видно ли?" Глядятъ,
Моргаютъ, морщатся, кряхтятъ.
Напрасно! Нѣтъ слѣда великолѣпной сцены!
„По чести, котъ шепнулъ, кудрявыхъ много словъ!
Но, Богъ съ нимъ, гдѣ онъ взялъ царей, царицъ, скотовъ?
Зги Божьей не видать! однѣ въ потемкахъ стѣны!"
—Темно, сосѣдушка, скажу и я,
Примолвила свинья.
„Мнѣ видится! вотъ!.. вотъ!.. я, правда, близорука!
Но что-то хорошо! Ой старость, то-то скука!
Ужъ было бы о чемъ съ дѣтьми поговорить!"
Индѣйка крякала, хлопъ-хлопъ сквозь сонъ глазами.
А нашъ Потапъ? Кричитъ, гремитъ, стучитъ ногами.
Одно лишь позабылъ... фонарь свой освѣтить!

(1806, изъ Флоріана.)

СОКОЛЪ И ГОЛУБКА.

Голубку Соколъ дралъ въ когтяхъ.
„Попалась! ну, теперь оставь свои затѣи!
Плутовка, знаю васъ: ругательницы, змѣи!
Вашъ родъ соколью вѣчный врагъ!
Есть боги-мстители!"—Ахъ, я бъ того желала!
Голубка, чуть дыша, измятая стенала.
„Какъ, какъ, отступница! не вѣровать богамъ?
Не вѣрить силѣ Провидѣнья!
Хотѣлъ тебя пустить; не стоишь; вижу самъ;
Умри! безбожнымъ нѣтъ прощенья!"

(1806, изъ Флоріана.)

МАРТЫШКИ И ЛЕВЪ.

Мартышки тѣшились лаптой.
Вотъ какъ: одна изъ нихъ, сидя на пнѣ,
Въ колѣняхъ голову другой держала
Та, лапки на спину, зажмурясь, узнавала
Кто билъ.—Хлопъ-хлопъ! „Потапъ, проворнѣй, кто?" Мирошка!
„Совралъ!" и всѣ, какъ бѣсы, врозь.
Прыжки, кувырканье впередъ и взадъ и вкось,
Крикъ, хохотъ, пискъ. Одна мяукаетъ какъ кошка,
Другая, ноги вверхъ, повисла на суку,
А третья ну скакать сорокой по песку.
Такого поискать веселья!

Вдругъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ Левъ,
Ученый, смирный принцъ, братъ внучатный царевъ,
Ботанизировалъ по рощѣ отъ бездѣлья.
Мартышкамъ матъ;
Не пикнутъ, струсили, дрожатъ!
„Здѣсь праздникъ! Левъ сказалъ: что жъ тихо? Забавляйтесь!
Играйте, дѣтушки, не опасайтесь!
Я добръ; хотите ли и самъ въ игру войду!“
— Ахъ, милостивый князь, какое снисхожденье!
Какъ вашей свѣтлости быть съ нами на ряду!
Съ мартышками играть! вашъ санъ, нашъ долгъ, почтенье...
„Пустое, что за долгъ? я такъ хочу, смѣлѣй!
Не всѣ ли мы равны! Вы бъ сами то жъ сказали,
Когда бы, такъ, какъ я, философовъ читали.
Я, дѣтушки, не чванъ. Вы знатности моей
Не трусьте! ну, начнемъ!“ Мартышки вертя глазами,
И вѣря (какъ и всѣ) привѣтника словамъ,
Опять играть; гвоздятъ другъ-друга по рукамъ.
Братъ царскій хлопъ! и вдругъ, подъ царскими когтями,
Изъ лапки брыжжетъ кровь ключомъ!
Мартышка — ой! — и прочь, тряся хвостомъ,
Кто билъ, не думавъ, отгадала;
Однако промолчала.
Хохочетъ князь; другія, ротъ скривя,
Туда жъ за бариномъ смѣются,
Хотя отъ смѣха слезы льются,
И задомъ, задомъ, въ лѣсъ! Бѣгутъ и про-себя
Бормочутъ: не играй съ большими господами!
Добрѣйшіе изъ нихъ — съ когтями!

(1806, изъ Флоріана.)

ССОРА ПЛѢШИВЫХЪ.

Два кума лысые дорогой шли,
И видятъ, что-то на травѣ блистаетъ.
Ну! — думаютъ — мы кладъ нашли!
„Моя находка!“ — Вздоръ! — Ужъ кума кумъ толкаетъ
И въ спину и въ бока!
Увы, послѣдняго сѣдого хохолка
На гладкихъ лысинахъ не стало!
За что же дѣло стало?
За что свирѣпый бой? —
За гребень роговой!

(1806, изъ Флоріана.)

КОТЪ И ЗЕРКАЛО.

Невѣжды-мудрецы, которыхъ вѣкъ проходитъ
Въ исканіи такихъ вещей,
Какихъ никто никакъ въ семъ мірѣ не находитъ,
Послѣдуйте Коту и будьте поумнѣй!

На дамскомъ туалетѣ
Сидѣлъ Ѳедотка, Котъ,
И чистилъ морду... Вдругъ, глядь въ зеркало: Ѳедотъ
И тамъ. Точь-въ-точь! сходнѣй двухъ харей нѣтъ на свѣтѣ.
Шерсть дыбомъ, прыгъ къ нему, и мордой щелкъ въ стекло,
Мяукнулъ, фыркнулъ!.. „Понимаю!
Стекло прозрачное! онъ тамъ! поймаю!“
Бѣжитъ... О чудо! — никого.
Задумался: куда бъ такъ скоро провалиться?
Бѣжитъ назадъ! Опять Ѳедотка передъ нимъ!
„Постой, я знаю какъ! ужъ быть тебѣ моимъ!“
Нашъ умница верхомъ на зеркало садится,
Боясь, чтобъ, ходя вкругъ, Кота не упустить,
Или чтобъ тамъ и тутъ въ одну минуту быть!
Припалъ какъ воръ, вертитъ глазами;
Двѣ лапки здѣсь, двѣ лапки тамъ;
Весь вытянутъ, мурчитъ, глядитъ по сторонамъ,
Нагнулся... Вотъ опять хвостъ, лапки, носъ съ усами.
Хвать-хвать! когтями цапъ-царапъ!
Далъ промахъ, собрался и бухъ на столикъ съ рамы;
Кота же нѣтъ какъ нѣтъ. Тогда, жалѣя лапъ
(Замѣтьте, мудрецы упрямы!)
И вѣдать не хотя, чего нельзя понять,
Ѳедотъ нашъ зеркалу поклонъ отвѣсилъ низкій;
А самъ отправился съ мышами воевать,
Мурлыча про себя: „Не всѣ къ намъ вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать!“

(1806, изъ Флоріана.)

ГОЛУБКА И СОРОКА.

Голубка дворъ объ дворъ съ Сорокою жила,
Сокровищемъ, а не сосѣдкой.
Въ гнѣздѣ одной любовь цвѣла;
У той, напротивъ, день безъ шума рѣдкой,
Битье яицъ, ворчанье, споръ!
Лишь только пьяный мужъ Сороку поколотитъ,
Она тотчасъ летитъ къ сосѣдушкѣ на дворъ,
Щебечетъ, кряхчетъ, вопитъ:
„Охъ! горьку, мать моя, пришлось мнѣ чашу пить,
Ужъ видно такъ и вѣкъ прожить!
Далъ Богъ мнѣ муженька! мучитель, окаянной!
Житья нѣтъ! бьетъ меня безпошлинно, безданно,
Ревнивецъ! а какъ самъ — таскаться за совой!“
Голубка слушала, качая головой.
— И ты, промолвила, сосѣдка, не святая!
„То такъ, не безъ грѣха! случается и мнѣ
И лишнее сказать, и спорить, и въ винѣ
Признаться не хотѣть, неправду утверждая;

Но это все пустякъ!"—И, нѣтъ, какой пустякъ!
Напротивъ, мой совѣтъ: когда не любишь дракъ,
Исправь себя! „А въ чемъ прикажете исправить?
Исправь! совѣтница! смѣшна съ своимъ умомъ!
Взялась другихъ учить, собой не смысля править!
Сиди-ка надъ гнѣздомъ!"

(1806, изъ Флоріана.)

СУРКИ И КРОТЪ.

Свои намъ недостатки знать,
И въ недостаткахъ признаваться—
Какъ небо и земля; скорѣй отъ бѣдъ страдать,
Чѣмъ бѣдъ виною называться!
Въ примѣръ вамъ разскажу не басенку, а быль.
Чудна, но справедлива;
Я очевидецъ самъ такого дива,
И право не хочу пускать въ глаза вамъ пыль!
Однажды на лужокъ, лишь только солнце сѣло,
Проказники Сурки
Сошлись играть въ ѣзду, въ гулючки, въ уголки
И въ жмурки.—Да, и въ жмурки! это дѣло
Такъ вѣрно, какъ я здѣсь, и вотъ какъ; осокой
Тому, кому ловить, завязывались глазки,
Концы жъ повязки
Подъ морду въ узелокъ; а тамъ—бреди слѣпой!
Слѣпой бредетъ! другіе же бѣситься,
Кувыркаться, скакать кругомъ;
Тотъ подъ носъ шишъ ему, тотъ въ задъ его пинкомъ;
Тотъ на ухо свиститъ, а тотъ передъ нимъ вертится,
Коверкаясь, какъ бѣсъ!
Бѣдняжка, лапки вверхъ хвать-хвать, не тутъ-то было!
И гдѣ поймать такихъ увертливыхъ повѣсъ!
Ловить бы до утра, но счастье пособило.
Возню услышавъ подъ землей,
Изъ норки вылѣзъ Кротъ, монахъ слѣпой;
Туда жъ играть съ Сурками!
Растѣшился, катитъ и прямо брякъ въ силки.
Сурки
Сошлись и говорятъ: „Онъ слѣпъ, а мы съ глазами!
Не лучше ли его..."—И, братцы, что за срамъ!
Ворчитъ надувшись Кротъ: игра игрою!
Я пойманъ! мнѣ ловить съ повязкой, какъ и вамъ.
„Пожалуй! но съ твоей, пріятель, слѣпотою
Не будетъ ли намъ грѣхъ давить тебя узломъ?"
— О, это ужъ обидно!
Какъ-будто и играть невмѣстно мнѣ съ Суркомъ!
Стяни, сударь! еще, еще стяни, мнѣ видно!

(1806, изъ Флоріана.)

ИСТИНА И БАСНЯ.

Однажды Истина нагая,
Оставя кладязь свой, на бѣлый вышла свѣтъ.
Богъ съ ней! непригожа, какъ смерть худая,
Лицомъ угрюмая, съ сутулиной отъ лѣтъ.
Стукъ-стукъ у всѣхъ воротъ: „Пустите, ради-Бога!
Морозно, вѣтрено, иззябла и дрожу!"
— Нѣтъ мѣста, матушка! счастливая дорога!—
Вездѣ ей былъ отвѣтъ.
Что дѣлать? на бокъ лечь, пусть снѣгомъ занесетъ!
Присѣла на сугробъ, стучитъ зубами!
Вдругъ Басня, въ золотѣ, обвитая парчей,
А правду молвить—мишурой.
Обнизанная жемчугами,
Вся въ камняхъ дорогихъ,
Блистающихъ какъ жаръ, хотя фальшивыхъ,
На санкахъ золотыхъ,
На тройкѣ рысаковъ красивыхъ
Катитъ, и прямо къ ней: „Зачѣмъ вы здѣсь, сестра?
Одна! въ такой морозъ! прогулкамъ не пора!"
— Ты видишь зябну! люди глухи:
Никто мнѣ не даетъ пріема ни на часъ.
Я всѣмъ страшна! мы жалкій людъ, старухи!
Какъ-будто отъ чумы, всѣ бѣгаютъ отъ насъ!—
„А ты, вѣдь, мнѣ большая!
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дѣло я?
Весь міръ моя семья!
И кто жъ виной? Зачѣмъ таскаешься нагая?
Тебѣ ль не знать, мой другъ, что маску любитъ свѣтъ?
Изволь-ка выслушать мой сестринскій совѣтъ:
Намъ должно быть дружнѣй и жить не такъ, какъ прежде,
Жить вмѣстѣ; а тебѣ въ моей ходить одеждѣ.
Съ тобой и для меня отворитъ дверь мудрецъ,
Со мною и тебя не выгонитъ глупецъ;
А глупымъ нынче родъ — и родъ весьма обильный!"
Тутъ Истина, умильный
На Басню обративши взоръ,
Къ ней въ сани прыгъ... летятъ, и слѣду нѣтъ!—Съ тѣхъ поръ
Вездѣ сестрицы неразлучны:
И Басня не глупа, и съ Истиной не скучно!

(1806, изъ Флоріана.)

СМЕРТЬ.

Однажды Смерть послала въ адъ указъ,
Чтобъ весь подземный Дворъ, не болѣе какъ въ часъ,

На выборъ собрался въ сенатѣ,
А засѣданью быть въ аудіенцъ-палатѣ.
Ея величеству былъ нуженъ фаворитъ,
Обычнѣе, министръ. Давно ужъ ей казалось—
О чемъ и лѣтопись Тенара*) говоритъ—
Что адскихъ жителей въ приходѣ уменьшалось.
Идутъ предъ страшный тронъ владычицы сво-
Горячка блѣдная, со впалыми щеками, [ей:
Подагра, чуть тащась на парѣ костылей,
И грозная Война съ кровавыми глазами.
Талантамъ сихъ бояръ свидѣтель міръ и адъ,
И Смерть ихъ приняла съ уклонкой уваженья.
За ними, опуствивъ смиренно-постный взглядъ,
Подъ-мышкою таща бичи опустошенья,
Идетъ Чума:
Грѣхъ молвить, чтобъ и въ ней достоинствъ не сыскалось,—
Палата знаній и ума!
Собранье всколебалось:
—Ну! шепчутъ: быть министромъ ей!
Но вдругъ является фаланга лѣкарей;
Вошли попарно, въ шагъ и, ставъ предъ Смертью рядомъ,
Ей въ землю: „Здравствовать царицѣ много лѣтъ!"
Царица, приложивъ къ глазамъ своимъ лорнетъ,
Анатомируетъ хирурговъ строгимъ взглядомъ.
Въ сомнѣньи адъ! Но вотъ, пороковъ шумный входъ
Отвлекъ царицыно вниманье.
„Какъ рада! говоритъ: теперь я безъ хлопотъ!"
И выбрала—Невоздержанье!
(1806.)

ЦАПЛЯ.

Однажды Цапля-долгошея
На парѣ длинныхъ ногъ путемъ-дорогой шла;
Дорога путницу къ потоку привела. [лѣя,
День красный былъ; вода, на солнышкѣ свѣт-
Казалась въ тишинѣ прозрачнѣйшимъ стекломъ;
Въ ней щука-кумушка за карпомъ-куманькомъ,
У берега рѣзвясь, гонялась.
Что жъ Цапля? Носомъ ихъ?—Ни крошки: зазѣвалась,
Изволитъ отдыхать, глазѣть по сторонамъ
И аппетита дожидаться;
Ея обычай былъ обѣдать по часамъ
И діэтетики Тиссотовой держаться.
Приходитъ аппетитъ; причудница въ потокъ;
Глядитъ: вдругъ видитъ, линь, виль-виль, со дна поднялся!
То вверхъ на солнышко, то книзу на песокъ!
Сластёнѣ этотъ кусъ не сладкимъ показался,
Скривила шею, носомъ щелкъ:
„Мнѣ, Цаплѣ, ѣсть линя! мнѣ челядью такою
Себя кормить? И впрямь, хорошъ въ нихъ
Я и трески клевнуть не удостою! [толкъ!
Но вотъ и линь уплылъ; пожаловалъ пескарь.
„Пескарь! ну, что за стать! такую удить тварь—
Поганить только носъ! избави Богъ отъ
Ой ты, разборчивая дама! [срама!]
Пріструнилъ голодъ! Что? Глядишь туда-
И лягушоночекъ теперь тебѣ ѣда! [сюда?

Друзья мои, друзья! не будемъ прихотливы!
Кто льстился много взять, тотъ часто все терялъ;
Одною скромностью желаній мы счастливы!
Никто, никто изъ насъ в с е г о не получалъ.
(1806, изъ Лафонтена.)

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

Однажды доброму Могольцу снился сонъ,
Ужъ подлинно чудесной:
Вдругъ видитъ, будто онъ,
Какой-то силой неизвѣстной
Въ обитель вознесенъ Всевышняго царя,
И тамъ, подумайте, находитъ визиря.
Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Кого жъ, прошу сказать, узналъ онъ въ адской мглѣ?
Дервиша... Да, дервишъ, служитель Орозмада,
Въ котлѣ,
Въ клокочущей смолѣ
На ужинъ дьяволамъ варился.
Моголецъ въ страхѣ пробудился;
Скорѣй бѣжать за колдуномъ;
Поклоны въ поясъ; бьетъ челомъ:
— Отецъ мой, изъясни чудесное видѣнье.
„Твой сонъ есть Божій гласъ, колдунъ ему въ отвѣтъ:
Визирь въ раю за то, что въ области суетъ,
Средь пышнаго двора, любилъ уединенье.
Дервишу жъ по-дѣломъ: не будь онъ суесвятъ;
Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ;
Не суйся къ визирямъ ходить на поклоненье".

Когда бъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова,
Тогда смиренно васъ молилъ бы объ одномъ:
Друзья, любите сѣнь родительскаго крова!
Гдѣ жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?
О блага чистыя, о сладкій даръ природы!
Гдѣ вы, мои поля, гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я расцвѣлъ въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья, когда увижу васъ?
Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья

---

*) Древній Taenarus, нынѣ—Матапанъ, въ Пелопоннесѣ; у подножія мыса находилась пещера, постоянно дымившаяся удушливымъ паромъ, почему древніе называли ее преддверіемъ ада.—*В. Ж.*

Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
О, кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?
При нихъ мои часы весельемъ окрыленны;
Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ
И выспреннихъ свѣтилъ стези неоткровенны.
Когда жъ не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ:
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ,
Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ,
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихій токъ!
Нить жизни для меня совьется не изъ злата,
Мой низокъ будетъ кровъ, постеля не богата;
Но меньше ль бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ,
И меньше ль онъ души невинной услажденье?
Ему преобращу мою пустыню въ храмъ;
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ—
Мой вѣкъ былъ тихій день, а смерть успокоенье.

(1806, изъ Лафонтена.)

СТАРЫЙ КОТЪ И МОЛОДОЙ МЫШЕНОКЪ.

Одинъ неопытный Мышенокъ
У стараго Кота подъ лапою пищалъ,
И такъ его, въ слезахъ, на жалость преклонялъ:
„Помилуй, дѣдушка, вѣдь я еще ребенокъ!
Какъ можно крошечкѣ такой, какъ я,
Твоимъ домашнимъ быть въ отягощенье?
Твоя хозяюшка и вся ея семья
Придутъ ли отъ меня, малютки, въ разоренье?
И въ чемъ же мой обѣдъ? зерно, а много два!
Орѣхъ мнѣ—на недѣлю!
Къ тому жъ теперь я худъ! едва-едва
Могу дышать. Вчера оставилъ лишь постелю:
Былъ боленъ. Потерпи, пусти меня пожить!
Пусть дѣточки твои меня изволятъ скушать!“
„Молчи, молокососъ, тебѣ ль меня учить?
И мнѣ ли, старику, такихъ разсказовъ слушать!“
Я Котъ, и старъ, мой другъ! прощенія не жди,
А лучше безъ хлопотъ, поди
Къ Плутону, милости его отвѣдать!
Моимъ же дѣточкамъ всегда есть что обѣдать“.
Сказалъ, Мышенка цапъ; тотъ пискнулъ и припалъ.
А Котъ, покушавши, ни въ чемъ какъ не бывалъ!

Ужель разсказъ безъ поученья?
Никакъ, читатель! есть:
Всѣмъ юность льститъ себя, все мыслитъ пріобрѣсть;
А старость иногда не знаетъ сожалѣнья.

(1806, изъ Лафонтена.)

КАПЛУНЪ И СОКОЛЪ.

Привѣты иногда злыхъ умысловъ прикраса.
Одинъ
Московскій гражданинъ,
Пришлецъ изъ Арзамаса,
Матюшка-долгохвостъ, по промыслу Каплунъ,
На кухню долженъ былъ явиться
И тамъ на очагѣ съ кухмистеромъ судиться.
Вся дворня взбѣгалась: цыпъ-цыпъ! цыпъ-цыпъ! — Шалунъ
Проворно,
Смекнувши, что бѣда,
Давай Богъ ноги! „Господа,
Слуга покорной!
По мнѣ хотя весь день извольте горло драть,
Меня вамъ не прельстить учтивыми словами!
Теперь: цыпъ-цыпъ! а тамъ меня щипать,
Да въ печку! да сморчками
Набивши брюхо мнѣ, на столъ меня! а тамъ
И поминай какъ звали!“
Тутъ Соколъ-Крутоносъ, котораго считали
По всей окружности примѣромъ всѣмъ бойцамъ,
Который на жерди, со спесью соколиной,
Раздувши зобъ, сидѣлъ
И съ смѣхомъ на гоньбу глядѣлъ,
Сказалъ: „Дуракъ, Каплунъ! съ такой, какъ ты, скотиной
Изъ силы выбился честной народъ!
Тебя зовутъ, а ты, уродъ,
И носъ отворотилъ, оглохъ, ко всѣмъ спиною!
Смотри, пожалуй! я тебѣ ль чета? но такъ
Не гордъ! лечу на свистъ! глухарь, дуракъ,
Постой! хозяинъ ждетъ! вся дворня за тобою!“
Каплунъ, кряхтя-пыхтя, совѣтнику въ отвѣтъ:
„Князь-Соколъ, я не глухъ! меня хозяинъ ждетъ?
Но знать хочу, зачѣмъ? А это твой пріятель,
Который въ фартукѣ, какъ воръ съ ножомъ,
Такъ чванится своимъ узорнымъ колпакомъ,
Конечно, каплуновъ усердный почитатель,
Прогнѣвался, что я не падокъ къ ихъ словамъ!
Но если бъ соколамъ,
Какъ нашей братьѣ каплунамъ,
На кухнѣ заглянуть случилось
Въ горшокъ, гдѣ бъ въ кипяткѣ ихъ княжество варилось,
Тогда хозяйскій свистъ и ихъ бы не провелъ:
Тогда бъ, какъ скотъ-каплунъ, черкнулъ и князь-соколъ!“

(1086, изъ Лафонтена.)

КОТЪ И МЫШЬ.

Случилось такъ, что котъ Ѳедотка-сыроѣдъ,
Сова Трофимовна-сопунья,
И Мышка-хлѣбница, и Ласточка-прыгунья,
Всѣ плуты, сколько-то не помню лѣтъ,
Не вмѣстѣ, но въ одной дуплистой дряхлой ели
Пристанище имѣли.
Подмѣтилъ ихъ стрѣлокъ и сѣтку на дупло.

Лишь только ночь отъ дня свой сумракъ отдѣлила
(Въ тотъ часъ, какъ на поляхъ ни тёмно ни свѣтло,
Когда, не видя, ждешь небеснаго свѣтила),
Нашъ котъ изъ норки шасть, и прямо брякъ подъ сѣть.
Бѣда Ѳедотушкѣ! приходитъ умереть!
Копышится, хлопочетъ,
Взмяукался мой котъ.
А Мышка-воръ—какъ тутъ! ей пиръ, въ ладоши бьетъ,
Хохочетъ.
„Сосѣдушка, нельзя ли помочь мнѣ?—изъ сѣтей
Сказалъ умильно узникъ ей:
Богъ добрымъ воздаянье!
Ты жъ, нѣщечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мнѣ такъ мила,
Какъ свѣтъ моихъ очей, какъ дневное сіянье!
Я нынче къ завтренѣ спѣшилъ
(Всѣхъ набожныхъ котовъ обыкновенье),
Но, знать, невѣдѣньемъ предъ Богомъ погрѣшилъ,
Знать, окаянному за дѣло искушенье!
По волѣ Вышняго подъ сѣть попалъ!
Но гнѣвный милуетъ; несчастному въ спасенье
Тебя мнѣ Богъ сюда послалъ!
Сосѣдка, помоги!"—Помочь тебѣ? злодѣю!
Мышатнику! Коту! съ ума ли я сошла!
Избавь его, себѣ на шею.
„Ахъ, Мышка! молвилъ Котъ: тебѣ ль хочу я зла?
Напротивъ, я съ тобой сейчасъ въ союзъ вступаю!
Сова и Ласточка твои враги:
Прикажешь, вмигъ ихъ уберу!"—Я знаю,
Что ты сластёна, Котъ! но словъ побереги:
Меня не обмануть такимъ красивымъ слогомъ!
Глуха я! оставайся съ Богомъ!—
Лишь хлѣбница домой,
А Ласточка ужъ тамъ. Назадъ! На ель взбираться!
Тутъ новая бѣда: столкнулася съ Совой.
Куда дѣваться?
Опять къ Коту; грызть-грызть тенета; удалось!
Благочестивый распутлялся;
Вдругъ ловчій изъ лѣсу съ дубиной показался,
Союзники скорѣй, давай Богъ ноги, врозь!
И тѣмъ все дѣло заключилось.
Потомъ опять Коту увидѣть Мышь случилось.
„Ахъ, другъ мой, дай себя обнять.
Боишься? Постыдись; твой страхъ мнѣ оскорбленье!
Грѣшно союзника врагомъ своимъ считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
Что ты моя вторая мать?"
— А я могу ль не знать,
Что ты Котище-объѣдало,
Что кошка съ мышкою не ладятъ никогда,
Что благодарности въ васъ духу не бывало
И что по нуждѣ связь не можетъ быть тверда,

(1806, изъ Лафонтена.)

ОРЕЛЪ И ЖУКЪ.

Орелъ, пустясь изъ тучъ, на кролика напалъ.
Бѣднякъ, безъ памяти, куда бы пріютиться,
На норку Жука набѣжалъ;
Не норка, щель: ему ли въ ней укрыться?
И лапкѣ мѣста нѣтъ! Нашъ кроликъ такъ и сякъ,
Свернувшися въ кулакъ,
Прилегъ, дрожитъ. Орелъ за нимъ стрѣлою,
И хочетъ драть. Жучокъ приползъ къ его ногамъ:
„Царь птицъ! и я и онъ—ничто передъ тобою!
Но сжалься, пощади! позоръ обоимъ намъ,
Когда въ моей норѣ невинность растерзаешь!
Онъ мой сосѣдъ, мой кумъ! мы старые друзья!
Ты самъ, мой царь, права гостепріимства знаешь:
Смягчись, или пускай погибну съ нимъ и я!"
Орелъ съ улыбкою надменной,
Ни слова не сказавъ, толкнулъ Жука крыломъ,
Сшибъ съ мѣста, оглушилъ, а кума смявши въ комъ,
Какъ не бывалъ!—Жучокъ, жестоко оскорбленный,
Въ гнѣздо къ Орлу — и вмигъ яички всѣ побилъ;
Яички, даръ любви, надежду, утѣшенье!
Хотя бъ одно, хотя бъ одно онъ пощадилъ!
Царь птицъ, узря въ гнѣздѣ такое разоренье,
Наполнилъ крикомъ лѣсъ;
Стенаетъ;
О ярость! кто сей врагъ? кому отмстить?.. не знаетъ!
Напрасно сѣтуетъ: среди пустыхъ небесъ
Отчаяннаго стонъ безплодно исчезаетъ.
Что дѣлать! до весны утѣхи отложить,
Гнѣздо жъ повыше свить.
Пришла весна; въ гнѣздѣ яички; матка сѣла.
Но Жукъ не спитъ, опять къ гнѣзду—яичекъ нѣтъ!
Увы, едва ль взглянуть на нихъ она успѣла!
Страданье выше мѣръ! груститъ! противенъ свѣтъ!
И эхо цѣлый годъ не стихнуло въ дубравѣ!
Отчаянный Орелъ
Къ престолу Зевса полетѣлъ
И мыслитъ: „Кто дерзнетъ къ сидящему во славѣ
Съ злодѣйской мыслью приступить?
Днесь будетъ богъ боговъ дѣтей моихъ хранить!
Гдѣ мѣсто безопаснѣй въ мірѣ?
Осмѣльтесь, хищники, подняться къ небесамъ!"
И яица кладетъ на Зевсовой порфирѣ.
Но Жукъ, проворъ и самъ,
На хитрости пустился:
Онъ платье Зевсово закапалъ грязью. Богъ,

Который пятнышка на немъ терпѣть не могъ,
Тряхнулся,—яйца хлопъ! Орелъ взбѣсился,
На Зевса окрикъ: „Я сейчасъ съ небесъ долой!
Оставлю и тебя, и громъ, и нектаръ твой!
Въ пустыню спрячусь! Богъ съ тобою!"
Зевсъ струсилъ; звать Жучка; Жучокъ предсталъ;
Что было, гдѣ и какъ, Зевесу разсказалъ,
И вышло, что Орелъ одинъ всему виною.
Мирить ихъ: кстати ли! и слышать не хотятъ!
Что жъ сдѣлалъ царь вселенной?
Нарушилъ ходъ вещей, отъ вѣка утвержденной:
Съ тѣхъ поръ, когда орлы на яицахъ сидятъ,
Родъ жучій, вмѣстѣ съ байбаками,
Не видя свѣта, скрытъ подъ снѣжными буграми.

(1806, изъ Лафонтена.)

СОКОЛЪ И ФИЛОМЕЛА.

Летѣлъ Соколъ. Всѣ куры всхлопотались
Скликать цыплятъ, бѣгутъ цыпляточки, прижались
Подъ крылья къ маткамъ; ждутъ, чтобы напасть прошла.
Пѣвица Филомела,
Которая въ лѣсу пустынницей жила,
И въ тотъ часъ, на бѣду, къ подружкѣ полетѣла
Въ сосѣдственный лѣсокъ,
Попалась къ Соколу.—Помилуй, умоляетъ:
Ужели соловьевъ соколій родъ не знаетъ!
Какой въ нихъ вкусъ! одинъ лишь звонкій голосокъ,
И только! Вамъ, бойцы, грѣшно насъ пѣвчихъ кушать!
Не лучше ль пѣсенки моей послушать?
Прикажешь ли, спою
Про ласточку, сестру мою...
Какъ я досталася безбожнику Терею...
„Терей! Терей! я дамъ тебѣ Терея, тварь!
Годится ль твой Терей на ужинъ?"—Нѣтъ,
Увы! сему злодѣю [онъ царь!
Я вмѣстѣ съ Прогною, сестрой,
На жертву отдана безжалостной судьбой!
Склони соколій слухъ къ несчастной горемыкѣ!
Гармонія мила чувствительнымъ сердцамъ!
„Конечно! натощакъ и думать о музыкѣ!
Другому пой, я глухъ!"—Я нравлюсь и царямъ!
„Царь дѣло, я другое!
Пусть царь и тѣшится музыкою твоей!
Для насъ, охотниковъ, она пустое;
Желудокъ тощій—безъ ушей!"

(1806, изъ Лафонтена.)

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ.

Въ лѣсу скончалась Львица.
Тотчасъ ко всѣмъ звѣрямъ повѣстка. Дворъ и знать
Стеклись послѣдній долгъ покойницѣ отдать.
Усопшая царица
Лежала посреди пещеры на одрѣ,
Покрытомъ кожею звѣриной;
Въ углу, на алтарѣ
Жгли ладанъ, и Потапъ съ смиренной образиной,—
Потапъ-мартышка, вашъ знакомецъ,—въ носъ гнуся,
Съ запинкой, заунывнымъ тономъ,
Молитвы бормоталъ. Всѣ звѣри, принося
Царицѣ скорби дань, къ одру, съ земнымъ поклономъ
По очереди шли, и каждый въ лапу чмокъ,
Потомъ поклонъ царю, который надъ женою,
Какъ каменный сидя и давъ свободный токъ
Слезамъ, кивалъ лишь молча головою
На всѣ поклонниковъ привѣтствія въ отвѣтъ.
Потомъ и выносъ. Царь вылъ голосомъ, катался
Отъ горя по землѣ, а дворъ за нимъ вослѣдъ
Реветъ, и такъ ревѣлъ, что гуломъ возмущался
Весь дикій и обширный лѣсъ;
Еще жъ свидѣтели съ божбой насъ увѣряли,
Что сусликъ-камергеръ безъ чувствъ упалъ отъ слезъ,
И что лисицу съ часъ мартышки оттирали!
Я дворъ зову страной, гдѣ чудный родъ людей:
Печальны, веселы, привѣтливы, суровы;
По виду пламенны, какъ ледъ въ душѣ своей;
Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народъ хамелеонъ—
Монарха обезьяны;
Ты скажешь, что во всѣхъ единый духъ вселенъ;
Не люди, сущіе органы:
Завелъ—поютъ, забылъ завесть—молчатъ.
Итакъ, за гробомъ всѣ и воютъ и мычатъ,
Не плачетъ лишь олень. Причина? Львица съѣла
Жену его и дочь. Онъ смерть ея считалъ
Отмщеніемъ небесъ. Короче, онъ молчалъ.
Тотчасъ къ царю лиса-лестюха подлетѣла,
И шепчетъ, что олень, безсовѣстная тварь,
Смѣялся подъ рукою.
Вамъ скажетъ Соломонъ, каковъ во гнѣвѣ царь!
А какъ былъ царь и левъ, онъ гривою густою
Затрясъ, хвостомъ забилъ,
„Смѣяться, завопилъ,
Тебѣ, червякъ? тебѣ: надъ ихъ стенаньемъ!
Когтей не посрамлю преступника терзаньемъ;
Къ волкамъ его! къ волкамъ!
Да вмигъ расторгнется ругатель по частямъ.
Да казнь его смиритъ въ обителяхъ Плутона
Царицы оскорбленной тѣнь!"
Олень,
Который не читалъ пророка Соломона,
Царю въ отвѣтъ:—Не сѣтуй, государь,

Часы стенаній миновались!
Да жертву радости положимъ на алтарь!
Когда въ печальный ходъ всѣ звѣри собп-
И я за ними вслѣдъ бѣжалъ, [рались
Царица предъ меня въ сіяньи вдругъ пред-
стала;
Хоть былъ я ослѣпленъ, но вмигъ ее узналъ.
„Олень!—святая мнѣ сказала,—
Не плачь, я въ области боговъ
Бесѣдую въ кругу звѣрей преображенныхъ!
Утѣшь со мною разлученныхъ!
Скажи царю, что тамъ вѣнецъ ему готовъ!“
И скрылась.—„Чудо! откровенье!“
Воскликнулъ хоромъ дворъ;
А царь, осклабя взоръ,
Сказалъ: „Оленю въ награжденье
Даемъ два луга, чинъ и лань!“

Не правда ли, что лесть всегда пріятна дань?
(1806, изъ Лафонтена.)

БАСНЯ (МИЛОСЕРДІЕ).

„Перунъ мой изостри“, сказалъ Юпитеръ
мщенью:
„Усталъ я миловать! погибель преступленью!“
Но милосердіе, услышавъ приговоръ.
Украдкой острее Перуна притупляетъ.
Съ тѣхъ поръ
Онъ только лишь страшитъ, но рѣдко по-
ражаетъ.
(1810.)

ОРЕЛЪ И ГОЛУБКА.

Съ утеса молодой Орелъ
Пустился на добычу;
Стрѣлокъ пронзилъ ему крыло,
И съ высоты упалъ
Онъ въ масличную рощу.
Тамъ онъ томился
Три долгихъ дня,
Три долгихъ ночи,
И содрогался
Отъ боли; наконецъ,
Былъ исцѣленъ
Живительнымъ бальзамомъ
Всеисцѣляющей природы.
Влекомый хищничествомъ смѣлымъ,
Пріютъ покинувъ свой,
Онъ хочетъ крылья испытать...
Увы! они едва
Его подъемлютъ отъ земли,
И онъ въ уныніи глубокомъ
Садится отдохнуть
На камнѣ у ручья;
Онъ смотритъ на вершину дуба,
На солнце, на далекій
Небесный сводъ,
И въ пламенныхъ его глазахъ
Сверкаютъ слезы.

Поблизости, между оливъ,
Крылами тихо вѣя,
Летали Голубь и Голубка.
Они къ ручью спустились
И тамъ по золотому
Песку гуляли вмѣстѣ.
Водя кругомъ
Пурпурными глазами,
Голубка, наконецъ,
Примѣтила сидящаго въ безмолвномъ
Уныніи Орла.
Она товарища тихонько
Крыломъ толкнула;
Потомъ, съ участіемъ сердечнымъ
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
„Ты унываешь, другъ;
О чемъ же? Оглянись, не все ли,
Что намъ для счастья
Простого нужно,
Ты здѣсь имѣешь?
Не дышатъ ли вокругъ тебя
Благоуханіемъ оливы?
Не защищаютъ ли зеленой
Прозрачной сѣнію своей
Онѣ тебя отъ зноя?
И не прекрасно ль блещетъ
Здѣсь вечеръ золотой
На муравѣ и на игривыхъ
Струяхъ ручья?
Ты здѣсь гуляешь по цвѣтамъ,
Покрытымъ свѣжею росою;
Ты можешь пищу
Сбирать съ кустовъ и жажду
Въ струяхъ студёныхъ утолять.
О другъ! повѣрь,
Умѣренность прямое счастье;
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны“.
—О мудрость! прошепталъ Орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,—
Ты разсуждаешь, какъ Голубка.
(1833, изъ Гёте.)

Сказки и дѣтскія стихотворенія.

СКАЗКА

О ЦАРѢ БЕРЕНДЕѢ, О СЫНѢ ЕГО ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ.

Жилъ-былъ царь Берендей до колѣнъ борода. Ужъ три года
Былъ онъ женатъ и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ царицей и восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили палатку;
Душно стало царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Какъ быть, что дѣлать? А плохо приходитъ; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье
Гдѣ-нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ колодецъ. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ — не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ то правой рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно виляя и вправо и влѣво,
Только-что дразнитъ царя и никакъ не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа и слѣва —
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца и снова потомъ на поверхность
Выплылъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ. „Постой же! (подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя“, и, недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившися вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ... анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ: и кто-то
Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою —
Держатъ его да и только. „Кто тамъ? Пустите!“ кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнитъ царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ, наконецъ, сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: „Не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,

Дай мнѣ то, что есть у тебя и чего ты не знаешь".
Царь подумалъ: „Чего жъ я не знаю? я, кажется, знаю
Все! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ".
„Ладно! опять сиповатый послышался голосъ; смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа".
Съ этимъ словомъ исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся, какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ, и всѣ царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли, мало ли ѣхалъ,
Только ужъ вотъ онъ близко столицы; навстрѣчу толпами
Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ палатамъ—
Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; и съ царицей
Рядомъ первый министръ; на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней же младенецъ, прекрасный какъ свѣтлый
Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышится. Царь догадался и ахнулъ.
„Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, проклятый
Демонъ, меня!" Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ;
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку и, горе
Скрывъ про-себя, попрежнему царствовать началъ. О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ—онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевичъ
Росъ не по днямъ—по часамъ и сдѣлался чудо-красавецъ.
Вотъ, наконецъ, и царь Берендей о томъ, что случилось,
Вовсе забылъ... но другіе не такъ забывчивы были.
Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ—вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, съ глазами
Также зелеными. „Здравствуй, Иванъ царевичъ, сказалъ онъ,
Долго тебя дожидалися мы; пора бы насъ вспомнить."
—Кто ты? царевичъ спросилъ. „Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклонъ отнеси; да скажи отъ меня: не пора ли,
Царь Берендей, должокъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья." И съ этимъ
Словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ же царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею, приходитъ.
—Батюшка царь-государь, говоритъ онъ; со мною случилось
Чудо. И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. „Бѣда, мой сердечный
Другъ, Иванъ царевичъ! воскликнулъ онъ, горько заплакавъ.
Видно, пришло намъ разстаться!.." И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ.—Не плачь, не крушися, родитель,
Такъ отвѣчалъ Иванъ царевичъ; бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про-себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,
Даже сама государыня-матушка. Если жъ назадъ я
Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня.—Снарядили, какъ должно,
Въ путь Ивана царевича. Далъ ему царь золотыя
Латы, мечъ и коня вороного; царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали... съ Богомъ! Поѣхалъ
Въ путь Иванъ царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужъ ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго—солнце

Только успѣло зайти—подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко
Озеро то, какъ стекло; вода наравнѣ съ берегами;
Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый
Берегъ и частый тростникъ—и все какъ будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростинка не тронется; шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ царевичъ смотритъ, и что же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ: рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль
Слѣзъ Иванъ царевичъ съ коня; высокой травою
Скрытый, подползъ и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что̀ будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ...
Вотъ, наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать-девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, о̀земь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выйти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна-одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ...
Жалко стало Ивану царевичу. Вотъ онъ выходитъ
Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: „Иванъ царевичъ, отдай мнѣ
Платье мое, я сама тебѣ пригожуся". Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна
Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и, краснѣя,
Руку ему подаетъ, и, потупивъ стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: Благодарствуй,
Добрый Иванъ царевичъ, за то, что меня ты послушалъ;
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и мною доволенъ
Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго Марья царевна;
Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ
Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя поджидаетъ
Въ гости и очень сердитъ; но ты не пекись, не заботься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай:
Только завидишь Кощея царя, упади на колѣни,
Прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ—не пугайся;
Станетъ ругаться—не слушай; ползи да и только; что̀ послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора намъ".—И Марья царевна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство спустились.
Видятъ дворецъ Кощея безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ
Весь изъ карбункула камня и ярче небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза какъ два изумруда: руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ царевичъ. Кощей же затопалъ; сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи царевны
Вспомня, поползъ на карачкахъ Иванъ царевичъ къ престолу;
Царь шумитъ, а царевичъ ползетъ да ползетъ. Напослѣдокъ
Стало царю и смѣшно: „Добро ты, проказникъ, сказалъ онъ,
Если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то съ тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ

Къ намъ въ подземельное царство: но знай, за твое ослушанье
Долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Нынѣ ужъ поздно; поди". Тутъ два придворныхъ проворно
Подъ-руки взяли Ивана царевича очень учтиво,
Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу въ поясъ, ушли, и остался
Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постель и скоро
Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано поутру
Царь Кощей къ себѣ Ивана царевича кликнулъ:
„Ну, Иванъ царевичъ, сказалъ онъ, теперь мы посмотримъ,
Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить
Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя, вкругъ регулярный
Садъ, и въ саду пруды съ карасями; если построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нѣтъ, то прошу не пенять... головы не удержишь!"—
„Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ царевичъ подумалъ,
Вотъ что затѣялъ, смотри, пожалуй!" Съ тяжелой кручиной
Онъ возвратился къ себѣ и сидитъ, пригорюнясь; ужъ вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку,
Бьется объ стекла—и слышитъ онъ голосъ: „Впусти!" Отворилъ онъ
Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
Марьей царевной.—Здравствуй, Иванъ царевичъ; о чемъ ты
Такъ призадумался? „Нехотя будешь задумчивъ, сказалъ онъ:
Батюшка твой до моей головы добирается."—Что же
Сдѣлать рѣшился ты? „Что? Ничего. Пускай его сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь".
—Нѣтъ, мой милый Иванъ царевичъ, не должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди, не печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе: ложися
Спать; а завтра поранѣе встань; ужъ дворецъ твой построенъ
Будетъ; ты жъ только ходи съ молоткомъ да постукивай въ стѣну.
Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, изъ каморки
Вышелъ Иванъ царевичъ... глядитъ, а дворецъ ужъ построенъ,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
Вѣрить не хочетъ глазамъ. „Да ты хитрецъ не на шутку",
Такъ онъ сказалъ Ивану царевичу; „вижу ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь догадливъ?
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты будешь
Три раза мимо пройти и въ третій мнѣ разъ безъ ошибки
Младшую дочь мою, Марью царевну, узнать; не узнаешь—
Съ плечъ голова! поди".—„Ужъ выдумалъ, чучело, мудрость,
Думалъ Иванъ царевичъ, сидя подъ окномъ. Не узнать мнѣ
Марью царевну... какая жъ тутъ трудность?"—А трудность такая,
Молвила Марья царевна, пчелкой влетѣвши, что если
Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ насъ
Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только по платью
Можетъ насъ различать. „Ну что же мнѣ дѣлать?"—А вотъ что:
Буду я та, у которой на правой щекѣ ты замѣтишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, вглядись хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья.—И пчелка исчезла.
Вотъ на другой день опять Ивана царевича кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ и всѣ въ одинакомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. „Ну, искусникъ",
Молвилъ Кощей, „изволь-ка пройтиться три раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудись указать намъ
Марью царевну". Пошелъ Иванъ царевичъ; глядитъ онъ
Въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ проходитъ

Въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ другой разъ—все мошки
Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ—крадется мошка,
Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-то подъ нею
Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ:
„Вотъ она, Марья царевна!“ сказалъ онъ Кощею, подавши
Руку красавицѣ съ мошкой. „Э! Э! да тутъ, примѣчаю,
Что-то нечисто, Кощей проворчалъ, на царевича съ сердцемъ
Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда, узналъ ты
Марью царевну: но какъ узналъ? Вотъ тутъ-то и хитрость:
Вѣрно, съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ пожалуй;
Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ
Здѣсь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда
Будетъ горѣть та соломинка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста,
Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво; да только
Знай напередъ: не сошьешь—долой голова; до свиданья“.
Золъ возвратился къ себѣ Иванъ царевичъ, а пчелка
Марья царевна ужъ тамъ.—Отчего опять такъ задумчивъ,
Милый Иванъ царевичъ? спросила она. „Поневолѣ
Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой затѣялъ
Новую шутку: шей я ему сапоги съ оторочкой;
Развѣ какой я сапожникъ? Я царскій сынъ; я не хуже
Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! видали мы много
Этихъ безсмертныхъ“.—Иванъ царевичъ, да что же ты будешь
Дѣлать? „Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану.
Сниметъ онъ голову—чортъ съ нимъ, съ собакой! какая мнѣ нужда!“
— Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся
Или вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужъ другого
Способа нѣтъ.—Такъ сказавъ, на окошко Марья царевна
Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки
Вышла она потомъ съ Иваномъ царевичемъ вмѣстѣ,
Двери ключомъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потомъ, они поднялися, и мигомъ
Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство:
То же озеро, низкій берегъ, муравчатый, свѣжій
Лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро гуляетъ
Конь Ивана царевича. Только почуялъ могучій
Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплясалъ и помчался
Прямо къ нему и, примчавшись, какъ вкопаный въ землю,
Сталъ передъ нимъ. Иванъ царевичъ, не думая долго,
Сѣлъ на коня, царевна за нимъ и пустились стрѣлою.
Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ
Слугъ доложить Ивану царевичу: что-де такъ долго,
Мѣшкать изволите? Царь дожидается.—Слуги приходятъ:
Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за двери имъ слюнки,
Словно какъ самъ Иванъ царевичъ, отвѣтствуютъ: буду.
Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ Кощею;
Ждать-подождать, царевичъ нейдетъ; посылаетъ въ другой разъ
Тѣхъ же пословъ разсерженный Кощей, и та же все пѣсня:
Буду; а нѣтъ никого.—Взбѣсился Кощей. „Насмѣхаться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же; дверь разломать и въ минуту
За воротъ къ намъ притащить неучтивца!“ Бросились слуги...
Двери разломаны... вотъ тебѣ разъ: никого тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ злости не лопнулъ.
„Ахъ онъ, воръ окаянный! люди! люди! скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ!.. я всѣхъ перевѣшаю, если
Онъ убѣжитъ!..“ Помчалась погоня...—Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ Ивану царевичу Марья царевна, прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня и, припавши

Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: „Скачутъ, и близко“.—Такъ медлить
Нечего, Марья царевна сказала, и въ ту же минуту
Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ царевичъ желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро погоня
Скачетъ по свѣжему слѣду; но, къ рѣчкѣ примчавшися, стали
Въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мостика виденъ;
Далѣ жъ и слѣдъ пропадаетъ и дѣлится на три дороги.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о ихъ неудачѣ услышавъ.
„Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ былъ непремѣнно
Здѣсь онъ!“ Опять помчалась погоня...—Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ опять Ивану царевичу Марья царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей:
„Скачутъ, и близко“.—И въ ту же минуту Марья царевна
Вмѣстѣ съ Иваномъ царевичемъ, съ ними и конь ихъ, дремучимъ
Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ, числа нѣтъ;
По лѣсу жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками несется.
Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися къ лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ и пустились въ догонку за ними.
Лѣсъ же раскинулся вплоть до входа въ Кощеево царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да скачетъ;
Кажется, близко; ну, только бъ схватить; анъ нѣтъ, не дается.
Глядь! очутились они у входа въ Кощеево царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ погоню; и скрылось
Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пустыми руками
Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣпная собака,
Началъ метаться Кощей. „Вотъ я жъ его, плута! коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня отвертится!“
Снова Ивану царевичу Марья царевна тихонько
Шепчетъ: Мнѣ слышится топотъ; и снова онъ ей отвѣчаетъ:
„Скачутъ, и близко“.—Бѣда намъ! вѣдь, это Кощей, мой родитель
Самъ; но у первой церкви граница его государства;
Далѣе жъ церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ. Подай мнѣ
Крестъ твой съ мощами.—Послушавшись Марьи царевны, снимаетъ
Съ шеи свой крестъ золотой Иванъ царевичъ и въ руки
Ей подаетъ: и въ минуту она обратилася въ церковь,
Онъ въ монаха, а конь въ колокольню, и въ ту же минуту
Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. „Не видалъ ли проѣзжихъ,
Старецъ честной?“ онъ спросилъ у монаха.—Сейчасъ проѣзжали
Здѣсь Иванъ царевичъ съ Марьей царевной; входили
Въ церковь они—святымъ помолились, да мнѣ приказали
Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ поклониться.
Если ко мнѣ ты заѣдешь. „Чтобъ шею сломить имъ, проклятымъ!“
Крикнулъ Кощей и, коня повернувъ, какъ безумный помчался
Съ свитой назадъ; примчавшись домой, пересѣкъ безпощадно
Всѣхъ до единаго слугъ. Иванъ же царевичъ съ своею
Марьей царевной поѣхали далѣ, уже не бояся
Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось
Солнце къ закату, и вдругъ, въ вечернихъ лучахъ, передъ ними
Городъ прекрасный. Ивану царевичу смерть захотѣлось
Въ этотъ городъ заѣхать.—Иванъ царевичъ, сказала
Марья царевна, не ѣзди; недаромъ вѣщее сердце
Ноетъ во мнѣ: бѣда приключится. „Чего ты боишься,
Марья царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ
Городъ, потомъ и назадъ“.—Заѣхать нетрудно; да трудно
Выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь
Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь остороженъ: царь и царица, и дочь ихъ, царевна,

Выйдутъ навстрѣчу тебѣ, и съ ними прекрасный младенецъ
Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь
Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ,
Съ горя умру и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь, у дороги,
Буду тебя дожидаться я три дня; когда же на третій
День не придешь... но прости, поѣзжай.— И въ городъ поѣхалъ,
Съ нею простяся, Иванъ царевичъ одинъ. У дороги
Бѣлымъ камнемъ осталася Марья царевна. Проходитъ
День, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій—
Нѣтъ Ивана царевича. Бѣдная Марья царевна!
Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли
Встрѣтить его и царь и царица, и дочь ихъ, царевна;
Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка,
Живчикъ, глазенки какъ ясныя звѣзды, и бросился прямо
Въ руки Ивану царевичу; онъ же его красотою
Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки
Началъ его цѣловать: и въ эту минуту затмилась
Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ царевнѣ.
Горе взяло ее. „Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ
Не зачѣмъ болѣ“. И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня
Марья царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась.
„Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ
Кто-нибудь въ землю меня“, сказала она, и росинки
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали. Дорогой въ то время
Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ;
Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце
Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то
Начало дѣяться въ ней: проснется старикъ—а въ избушкѣ
Все ужъ, какъ надобно, прибрано. Нѣтъ нигдѣ ни пылинки.
Въ полдень придетъ онъ домой—а обѣдъ уже состряпанъ, и чистой
Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися и ѣшь на здоровье.
Онъ дивился, не зналъ, что подумать; ему напослѣдокъ
Стало страшно, и онъ у одной ворожейки-старушки
Началъ совѣта просить, что дѣлать. „А вотъ что ты сдѣлай,
Такъ отвѣчала ему ворожейка: встань ты до первой
Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба
Глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ, увидишь“.
Цѣлую ночь на пролетъ старикъ пролежалъ на постели,
Глазъ не смыкая. Заря занялася, и стало въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ тонкаго стебля спорхнулъ и началъ летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели
Прянулъ старикъ и накрылъ цвѣточекъ платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица Марья царевна.
— Что ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ царевичъ прекрасный
Бросилъ меня, и я имъ забыта. „Иванъ твой царевичъ
Женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ, и гости
Съѣхались всѣ“. Заплакала горько Марья царевна;
Слезы потомъ отерла; потомъ въ сарафанъ нарядившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходитъ на царскую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ:
Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья царевна, приближась
Къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ, и сладкимъ, какъ флейта,
Голосомъ молвила:—Поваръ, голубчикъ, послушай, позволь мнѣ

Свадебный спечь пирогъ для Ивана царевича.—Поваръ,
Запятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ
Марью царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ:
„Въ добрый часъ, дѣвица-красавица; все, что угодно,
Дѣлай; Ивану царевичу самъ поднесу я пирогъ твой".
Вотъ пирогъ испеченъ; а званые гости, какъ должно,
Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ. Услужливый поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ царевичемъ; гости
Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзалъ съ него Иванъ царевичъ — новое чудо!
Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходитъ; голубка за нимъ, и воркуетъ:
„Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь
Такъ, какъ Иванъ царевичъ забылъ о Марьѣ царевнѣ!"
Ахнулъ Иванъ царевичъ, то слово голубки услышавъ;
Онъ вскочилъ какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за дверью
Марья царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взнузданный, пляшетъ.
Нечего медлить; поѣхалъ Иванъ царевичъ съ своею
Марьей царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ пріѣзжаютъ
Въ царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали
Думать; честнымъ пиркомъ, да за свадебку; съѣхались гости;
Свадьбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ и медъ я и пиво
Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

1831 г.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА.

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ, ползетъ къ ней ракъ,
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
—Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль:
Понесешь ты въ эту ночь,
У тебя родится дочь.
„Благодарствуй, добрый ракъ;
Не ждала тебя никакъ..."
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ, конечно, былъ пророкъ,
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ,
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ,
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ!
(Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано.)
„Что жъ тутъ дѣлать! царь сказалъ;
Такъ и быть!" И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собралися пировать
Гостьи, званыя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго царя
За пріемъ благодаря,
Стали дочь его дарить.
„Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всѣмъ на радость ты
Благонравна и тиха;
Дамъ красавца-жениха
Я тебѣ, мое дитя;
Жизнь твоя пройдетъ, шутя,
Межъ знакомыхъ и родныхъ..."
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,

Удалились; въ свой чередъ
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова—глядь!
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
„На пиру я не была,
Но подарокъ принесла:
На шестнадцатомъ году
Повстрѣчаешь ты бѣду;
Въ этомъ возрастѣ своемъ
Руку ты веретеномъ
Оцарапаешь, мой свѣтъ,
И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!“
Проворчавши такъ, тотчасъ
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;
Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: „Не дамъ
Безъ пути ругаться ей
Надъ царевною моей;
Будетъ то не смерть, а сонъ;
Триста лѣтъ продлится онъ;
Срокъ назначенный пройдетъ,
И царевна оживетъ,
Будетъ долго въ свѣтѣ жить;
Будутъ внуки веселить
Вмѣстѣ съ нею мать, отца
До земного ихъ конца“.
Скрылась гостья. Царь грустить;
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ:
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
„Запрещается отъ насъ
Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
Прясть, сучить, чтобъ веретенъ
Духу не было въ домахъ;
Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
Всѣхъ изъ царства выслать вонъ“.
Царь, издавъ такой законъ,
Началъ пить и ѣсть, и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходятъ; дочь растетъ;
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ:
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ...
Что-то, что-то будетъ съ ней!
Разъ съ царицею своей
Царь отправился гулять;
Но съ собой царевну взять
Не случилось имъ; она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть
И на свѣтъ въ окно глядѣть.
„Дай, сказала, наконецъ,
Осмотрю я нашъ дворецъ“.
По дворцу она пошла:
Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
Всѣмъ любуется она;
Вотъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Всходитъ вверхъ и видитъ тамъ:
Старушоночка сидитъ;
Гребень подъ носомъ торчитъ;
Старушоночка прядетъ
И за пряжею поетъ:
„Веретенце, не лѣнись;
Пряжа тонкая не рвись;
Скоро будетъ въ добрый часъ
Гостья жданая у насъ“.
Гостья жданая вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла и вмигъ оно
Укололо руку ей...
Все исчезло изъ очей;
На нее находитъ сонъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ;
Все утихло вдругъ кругомъ;
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ
Пошатнулся и зѣвнулъ
И съ царицею заснулъ;
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій самъ;
Неподвижно по стѣнамъ
Мухи сонныя сидятъ;
У воротъ собаки спятъ;
Въ стойлахъ, головы склонивъ,
Пышны гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ,
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнемъ;
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ;
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ навѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда слѣда—
И приблизиться бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облака небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.
Вотъ ужъ полный вѣкъ протекъ;
Словно не жилъ царь Матвѣй—
Такъ изъ памяти людей

Онъ изгладился давно.
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
(По сказанью стариковъ),
Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ царевну разбудить;
Даже бились объ закладъ,
И ходили — но назадъ
Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
Въ неприступный, страшный боръ
Ни старикъ, ни молодой,
За царевной ни ногой.
Время жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что жъ случилося? Въ одинъ
День весенній царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ, онъ видитъ, теменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ.
Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
„Разскажи про этотъ боръ
Мнѣ, старинушка честной?“
Покачавши головой,
Все старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ:
Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ-давно стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь,
Какъ со всякимъ то жъ, да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ.—
Былъ дѣтина удалой
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье тамъ.
Что́ жъ явилося очамъ
Сына царскаго? Заборъ,
Ограждавшій темный боръ,
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой;
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой:
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;
Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто нестрашно въ немъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой; вотъ, наконецъ,
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье—чудо старины;
Ворота отворены;
Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопаный, сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,
Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ:
Сонъ волшебный овладѣлъ
Прежде сна простого имъ;
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ,
И, упасть готовый, спитъ.
Изумленъ и пораженъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу;
Приближается къ крыльцу;
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ итти; но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ
И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
Путь наверхъ загороженъ.
„Какъ же быть? подумалъ онъ,
Гдѣ пробраться во дворецъ?“
Но рѣшился, наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ;
Пышно все, но всюду сонъ,
Гробовая тишина.
Вдругъ глядитъ: отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Вся душа его кипитъ,
Передъ нимъ царевна спитъ.
Какъ дитя лежитъ она,
Распылалася отъ сна;
Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
Межъ рѣсницами блеститъ

Пламя сонное очей;
Ночи темныя темнѣй,
Заплетенныя косой,
Кудри черной полосой
Обвились кругомъ чела;
Грудь какъ свѣжій снѣгъ бѣла;
На воздушный тонкій станъ
Брошенъ легкій сарафанъ;
Губки алыя горятъ;
Руки бѣлыя лежатъ
На трепещущихъ грудяхъ;
Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
Ножки, чудо красотой.
Видомъ прелести такой
Отуманенъ, распаленъ,
Неподвижно смотритъ онъ;
Неподвижно спитъ она.
Что жъ разрушитъ силу сна?
Вотъ, чтобъ душу насладить,
Чтобъ хоть мало утолить
Жадность пламенныхъ очей,
На колѣни ставши, къ ней
Онъ приблизился лицомъ;
Распалительнымъ огнемъ
Жарко рдѣющихъ ланитъ
И дыханьемъ устъ облитъ,
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.
Вмигъ проснулася она;
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ:
Царь, царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все, какъ было; словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идетъ;
Нагулявшися, ведетъ
Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ пёсъ;
На конюшнѣ свой овесъ
Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,
И треща огонь горитъ,
И струею дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Онъ съ царевной, наконецъ,
Сходитъ сверху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

(1831 г.)

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

СКАЗКА.

(ОТРЫВОКЪ.)

Слушайте; я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть исподлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить и дома сидѣть, да высиживать скуку.
Было прекрасно майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Вслѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ, изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая Шубка, носикъ въ болото уткнувъ и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: „Какое раздолье студеной

Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ, изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка!“
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно.— Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку, провѣдать,
Кто незваные гости; когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
Это мыши; неважное дѣло! но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. —Смотрите жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними
Самъ, на словахъ, объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый.
Бѣлый, межъ тѣмъ, съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: „Здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ спросу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить; благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ“. Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка:—Милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы и какъ васъ зовутъ? Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода; а платы не требуемъ; воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, Какъ воздухъ и солнце.—
Бѣлая Шубка учтиво отвѣтствовалъ: „Царская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго“. Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая Шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ, ибо не вѣдалъ, доброе ль, злое ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза навыкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая Шубка,
Вспомнивши, кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ:—Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,
Края, ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось.—
Бѣлая Шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ:—Разскажи намъ
Кто ты, кто твой отецъ, кто мать и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогого гостя дарами.—
„Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая Шубка,
Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома

Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ трети ветчины
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью, бѣлую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію Хватъ. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю взапуски; я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ, какъ мошка.
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы:
Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: Ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ—добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу; а я давай Богъ ноги, но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ-будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь болѣе себя онъ запутывалъ. Видишь,
Левъ-государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.
Важно кивнувъ головою косматой, и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я Хватомъ, и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно, однако, признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Всѣ здѣсь воюютъ: съ травою овца, съ овцою голодный
Волкъ, собака съ волкомъ; съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ
Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подчасъ намъ приходитъ.
Я, однако, спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ.
Мудрый крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренію
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ; а въ несчастьи не хмурюсь".
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
—Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ

То, что случилось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали?—
„Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же сдуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостиницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они; но только-что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ-будто шальные
Съ пиру пришли удальцы; глаза навыкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ и друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать, царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-накрѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выйти не смѣя, смотрю я изъ щели и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носикъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усатое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;

Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ, и какъ-будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился; а сзади какіе-то длинные крючья,
Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню;
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь, это нашъ добрый
Сторожъ—пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу; когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдала,
Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ.—
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска—
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
Котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ-вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышитъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни-съ-мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ, вѣдь, онъ висѣлъ безъ веревки, а это

Знакъ недобрый, и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И, поспѣшно созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:
„Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка;
Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ...
Радуйся наше подполье!..“ Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ-вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой, иному
Хвостъ былъ оторванъ, у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу, но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ-поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

. . . .

(1831 г.)

КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ.

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ, и умеръ,
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
Осла взялъ средній, а меньшому дали
Кота. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. „Братья, разсуждалъ онъ,
Сложившись, будутъ безъ нужды; а я,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный?“ — Такъ онъ
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ; [вслухъ.
А котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему:—Хозяинъ, не печалься:
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ
Ходить за дичью по болоту—самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой.—Хотя и не совсѣмъ
Былъ убѣжденъ котомъ своимъ хозяинъ,
Но ужъ не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ
То мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапкахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мѣшокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею котъ
Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ, онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мѣшку покушать сладкой
Трухи; и онъ недолго ждалъ; какъ-разъ
Передъ мѣшкомъ его явился глупый,
Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ ноздрями,
Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а котъ проворно
Мѣшокъ стянулъ шнуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.
Побѣдою довольный, во дворецъ
Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,
Чтобы о немъ немедля доложили.
Велѣлъ ввести кота въ свой кабинетъ
Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ;
Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
— Я кролика, великій государь,
Отъ моего принесъ вамъ господина,
Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ
Назвать хозяина); имѣетъ честь
Онъ вашему величеству свое
Глубокое почтенье изъявить,
И проситъ васъ принять его гостинецъ.—
„Скажи маркизу, отвѣчалъ король,
Что я его благодарю, и что
Я очень имъ доволенъ“.—Королю
Откланявшися, котъ пошелъ домой;
Когда жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ
Вставали передъ нимъ и жали лапу
Ему съ улыбкой, потому что онъ

Былъ въ кабинетѣ принятъ королемъ
И съ нимъ наединѣ (и ужъ конечно
О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго
Бесѣдовалъ; а котъ былъ такъ учтивъ,
Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,
И думали, что жизнь свою провелъ
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю котъ;
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ,
И ихъ немедленно онъ къ королю,
Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего маркиза Карабаса.
Охотникъ былъ король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
Кота, и перепелокъ самъ принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. И такъ нашъ котъ
Недѣли три, четыре къ королю
Отъ имени маркиза Карабаса
Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что король
Сбирается прогуливаться въ полѣ
Съ своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ), и что они
Поѣдутъ берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: „Когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
Сиди себѣ въ водѣ, да полоскайся,
Да ни о чемъ не хлопочи". Такой
Совѣтъ принять маркизу Карабасу
Не трудно было; день былъ жаркій; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влѣзъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по-горло.
А въ это время былъ король ужъ близко.
Вдругъ началъ котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, народъ!—Что сдѣлалось? подъѣхавъ
Спросилъ король. „Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили въ рѣку;
Онъ тонетъ".—Тутъ, по слову короля,
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Всѣ кинулись ловить въ водѣ маркиза.
А королю котъ на-ухо шепнулъ:
„Я долженъ вашему величеству донесть,
Что бѣдный мой маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;
Разбойники все платье унесли".
(А платье самъ, мошенникъ, спряталъ въ кустъ.)
Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ снялъ
Съ себя мундиръ и далъ его маркизу.
Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза же въ его мундиръ одѣли;
И котъ его представилъ королю;
И королемъ былъ ласково онъ принятъ.
А такъ какъ онъ красавецъ былъ собою,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундиръ
(Хотя на немъ и не совсѣмъ въ обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому что брюхо было
У королевскаго министра) видъ
Ему отличный придавалъ—короче,
Маркизъ понравился; и сѣсть съ собой
Въ коляску пригласилъ его король;
А смѣтливый нашъ котъ во всѣ лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбиравшихъ сѣно; котъ имъ закричалъ:
„Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
Ему не скажете, что этотъ лугъ
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски". Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасный лугъ
Принадлежитъ?—Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари
(Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный котъ).
Богатые луга у васъ, маркизъ,
Король замѣтилъ. А маркизъ, смиренный
Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга
Изрядные.—Тѣмъ временемъ поспѣшно
Впередъ ушедшій котъ увидѣлъ въ полѣ
Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
„Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ
Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски.—Король проѣхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? онъ
Спросилъ жнецовъ.—Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: маркизъ, у васъ
Богатыя поля. Маркизъ на то
Попрежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А котъ бѣжалъ впередъ
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами маркиза Карабаса.
Вотъ, наконецъ, въ великолѣпный зáмокъ
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ зáмкѣ людоѣдъ
Волшебникъ жилъ, и котъ о немъ ужъ зналъ
Всю подноготную; въ минуту онъ
Смекнулъ, что дѣлать: въ зáмокъ смѣло
Вошедъ, онъ попросилъ у людоѣда
Аудіенціи, и людоѣдъ,
Принявъ его, спросилъ: „Какую нужду
Вы, котъ, во мнѣ имѣете?" На это
Котъ отвѣчалъ:—Почтенный людоѣдъ,
Давно слухъ носится, что будто вы
Умѣете во всякій превращаться,
Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вамъ? „Это правда; сами, котъ,

Увидите". И мигомъ онъ явился
Ужаснымъ львомъ, съ густой, косматой гривой
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что (хоть былъ въ сапогахъ)
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоѣдъ, захохотавши, принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли, котъ
Сказалъ:—Хотѣлось бы, однако, знать мнѣ,
Вы можете ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ, напримѣръ, въ мышенка превратиться?
„Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоѣдъ,
Что жъ тутъ мудренаго?"—И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышенкомъ. Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ—цапъ! и съѣлъ мышенка.
Король тѣмъ временемъ подъѣхалъ къ зáмку,
Остановился и хотѣлъ узнать,
Чей былъ онъ. Котъ же, разсчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ,
И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
—Не будетъ ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутьѣ въ зáмокъ
Къ маркизу Карабасу?—Какъ, маркизъ,
Спросилъ король, и этотъ зáмокъ вамъ же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ.—
И приказалъ король своей коляскѣ
Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ жъ руку предложилъ маркизъ;
И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покои. Тамъ, въ пространной галлереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ.
(На этотъ полдникъ людоѣдъ позвалъ
Пріятелей; но тѣ, узнавъ, что въ зáмкѣ
Король былъ, не вошли и всѣ домой
Отправились.) И сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у короля
Вино позашумѣло, онъ маркизу
Сказалъ:—Хотите ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ?—Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмигъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплинъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО.

Однажды жилъ, не знаю гдѣ, богатый
И добрый человѣкъ. Онъ былъ женатъ,
И всей душой любилъ свою жену;
Но не было у нихъ дѣтей; и это
Ихъ сокрушало, и они молились,
Чтобъ Господь благословилъ ихъ бракъ;
И къ Господу молитва ихъ достигла.
Былъ садъ кругомъ ихъ дома; на полянѣ
Тамъ дерево тюльпанное росло.
Подъ этимъ деревомъ однажды (это
Случилось въ зимній день) жена сидѣла
И съ яблока румянаго ножемъ
Снимала кожу; вдругъ ей острый ножъ
Легонько палецъ оцарапалъ; кровь
Пурпурной каплею на бѣлый снѣгъ
Упала; тяжело вздохнувъ, она
Подумала: „О, если бъ Богъ намъ далъ
Дитя, румяное, какъ эта кровь,
И бѣлое, какъ этотъ чистый снѣгъ!"
И только-что она сказала это, въ сердцѣ
Ея какъ-будто что зашевелилось,
Какъ-будто изъ него утѣшный голосъ
Шепнулъ ей: сбудется. Пошла въ раздумьи
Домой. Проходитъ мѣсяцъ—снѣгъ растаялъ;
Другой проходитъ—все въ лугахъ и рощахъ
Зазеленѣло; третій мѣсяцъ миновался—
Цвѣты покрыли землю, какъ коверъ;
Прошелъ четвертый—всѣ въ лѣсу деревья
Срослись въ одинъ зеленый сводъ, и птицы
Въ густыхъ вѣтвяхъ запѣли голосисто,
И съ ними весь широкій лѣсъ запѣлъ.
Когда же пятый мѣсяцъ былъ въ исходѣ —
Подъ дерево тюльпанное она
Пришла; оно такъ сладко, такъ свѣжо
Благоухало, что ея душа
Глубокою невѣдомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился мѣсяцъ—стали наливаться
Плоды и созрѣвать; она же стала
Задумчивѣй и тише; наступаетъ
Седьмой—и часто, часто подъ своимъ
Тюльпаннымъ деревомъ она одна
Сидитъ и плачетъ, и ее томитъ
Предчувствіе тяжелое; насталъ
Осьмой—она въ концѣ его больная
Слегла въ постелю, и сказала мужу
Въ слезахъ: „Когда умру, похорони
Меня подъ деревомъ тюльпаннымъ". Мѣсяцъ
Девятый кончился—и родился
У нея сынокъ, какъ кровь румяный, бѣлый
Какъ снѣгъ; она жъ обрадовалась такъ,
Что умерла. И мужъ похоронилъ
Ее въ саду, подъ деревомъ тюльпаннымъ.
И горько плакалъ онъ объ ней; и цѣлый
Проплакалъ годъ, и начала печаль
Въ немъ утихать; и, наконецъ, утихла
Совсѣмъ; и онъ женился на другой
Женѣ, и скоро съ нею прижилъ дочь.
Но не была ничѣмъ жена вторая
На первую похожа; въ домъ его
Не принесла она съ собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрѣла, въ ней смѣялася душа;

Когда жъ глаза на сироту, на сына
Другой жены невольно обращала,
Въ ней сердце злилось: онъ какъ-будто ей
И жить мѣшалъ; а хитрый искуситель
Противъ него нашептывалъ всечасно
Ей злые замыслы. Въ слезахъ и въ горѣ
Сиротка, и ни одной минуты
Веселой въ домѣ не было ему.
Однажды мать была въ своей каморкѣ,
И передъ ней стоялъ сундукъ открытый
Съ тяжелой, кованой желѣзомъ кровлей
И съ острымъ нутрянымъ замкомъ; сундукъ
Былъ полонъ яблокъ. Тутъ сказала ей
Марлиночка (такъ называли дочку):—
Дай яблочко, родная, мнѣ.—Возьми,
Ей отвѣчала мать.—И братцу дай,
Прибавила Марлиночка.—Сначала
Нахмурилася мать; но врагъ лукавый
Вдругъ что-то ей шепнулъ; она сказала:
Марлиночка, поди теперь отсюда;
Обоимъ вамъ по яблочку я дамъ,
Когда твой братъ воротится домой
(А изъ окна ужъ видѣла она,
Что мальчикъ шелъ, и чудилося ей,
Что будто на нее съ нимъ вмѣстѣ злое
Шло искушенье). Кованый сундукъ
Закрывъ, она глаза на двери дико
Уставила; когда жъ ихъ отворилъ
Малютка и вошелъ, ея лицо
Бѣлѣе стало полотна; поспѣшно
Она ему дрожащимъ и глухимъ
Сказала голосомъ: вынь для себя
И для Марлиночки изъ сундука
Два яблока.—При этомъ словѣ ей
Почудилось, что кто-то подлѣ громко
Захохоталъ; а мальчикъ, на нее
Взглянувъ, спросилъ:—Зачѣмъ ты на меня
Такъ страшно смотришь?—Выбирай ско-
Она, поднявши кровлю сундука, [рѣе!—
Ему сказала, и ея глаза
Сверкнули острымъ блескомъ. Мальчикъ
робко
За яблокомъ нагнулся головой
Въ сундукъ; тутъ ей лукавый врагъ шепнулъ:
Скорѣй! И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундукъ, и голова
Малютки, какъ ножомъ, была желѣзнымъ
Отрѣзана замкомъ, и, отскочивши,
Упала въ яблоки. Холодной дрожью
Злодѣйку обдало. Что дѣлать мнѣ?
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундукъ. И вотъ она
Изъ шкапа шелковый платокъ достала,
И, голову отрѣзанную къ шеѣ
Приставивъ, тѣмъ платкомъ ихъ обвила
Такъ плотно, что примѣтить ничего
Не можно было, и потомъ она
Передъ дверями мертваго на стулъ
(Давъ въ руки яблоко ему и къ стѣнкѣ
Его спиной придвинувъ) посадила;
И, наконецъ, какъ-будто не была
Ни въ чемъ, пошла на кухню стряпать.
Вдругъ
Марлиночка въ испугѣ прибѣжала
И шепчетъ:—Посмотри туда; тамъ братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ; онъ такъ бѣлъ;
И держитъ яблоко въ рукѣ; но самъ
Не ѣстъ; когда жъ его я попросила,
Чтобъ далъ мнѣ яблоко, не отвѣчалъ
Ни слова, не взглянулъ; мнѣ стало страшно.—
На то сказала мать:—Поди къ нему
И попроси въ другой разъ; если жъ онъ
Опять ни слова отвѣчать не будетъ,
И на тебя не взглянетъ, подери
Его покрѣпче за ухо; онъ спитъ.—
Марлиночка пошла, и видитъ: братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ, бѣлъ какъ
снѣгъ,
Не шевелится, не глядитъ и держитъ,
Какъ прежде, яблоко въ рукахъ, но самъ
Его не ѣстъ. Марлиночка подходитъ
И говоритъ:—Дай яблочко мнѣ, братецъ.
Отвѣта нѣтъ. Тутъ за ухо она
Тихонько братца дернула—и вдругъ
Отъ плечъ его отпала голова
И покатилась. Съ крикомъ прибѣжала
Марлиночка на кухню:—Ахъ! родная,
Бѣда! бѣда! я братца моего
Убила! голову оторвала
Я братцу.—И бѣдняжка заливалась
Слезами и кричала крикомъ. Ей
Сказала мать:—Марлиночка, ужъ горю
Не пособить; намъ надобно скорѣй
Его прибрать, пока не воротился
Домой отецъ; возьми и отнеси
Его покуда въ садъ, и спрячь тамъ; завтра
Его сама въ оврагъ я брошу; волки
Его съѣдятъ, и косточекъ никто
Не сыщетъ; перестань же плакать; дѣлай,
Что я велю.—Марлиночка пошла;
Она, широкой бѣлой простынею
Обвивши тѣло, отнесла его,
Рыдая, въ садъ и тамъ его тихонько
Подъ деревомъ тюльпаннымъ положила
На свѣжій дернъ, который покрывалъ
Могилку матери его... И что же?
Могилка вдругъ раскрылася и тѣло
Взяла, и снова дернъ зазеленѣлъ
На ней, и расцвѣли на ней цвѣты,
И изъ цвѣтовъ вдругъ выпорхнула птичка,
И весело запѣла, и взвилась
Подъ облака, и въ облакахъ пропала.
Марлиночка сперва оторопѣла;
Потомъ (какъ-будто кто въ ея душѣ
Печаль заговорилъ) ей стало вдругъ
Легко—пошла домой и никому
О бывшемъ съ нею не сказала. Скоро
Пришелъ домой отецъ. Не видя сына,
Спросилъ онъ съ безпокойствомъ: гдѣ онъ?
Вся помертвѣвъ, поспѣшно отвѣчала: [Мать,
Ранехонько ушелъ онъ со двора
И все еще не возвращался. Было

Ужъ за полдень; была пора обѣдать,
И накрывать на столъ хозяйка стала.
Марлиночка жъ сидѣла въ уголку,
Не шевелясь и молча; день былъ свѣтлый;
Ни облачка на небѣ не бродило,
И тихо блескъ полуденнаго солнца
Лежалъ на зелени деревъ, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая съ могилы братца птичка
Летала да летала; вотъ она
На кустикъ сѣла подъ окошкомъ дома,
Гдѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ жилъ. Она,
Расправивъ крылышки, запѣла громко:
„Зла мачеха зарѣзала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла“.
Услышавъ это, золотыхъ дѣлъ мастеръ
Въ окошко выглянулъ; онъ такъ плѣнился
Прекрасной птичкою, что закричалъ:—
Пропой еще разъ, милая пичужка.
„Я даромъ дважды пѣть не стану, птичка
Сказала, подари цѣпочку мнѣ,
И запою“. Услышавъ это, мастеръ
Богатую ей бросилъ изъ окна
Цѣпочку. Правой лапкою схвативши
Цѣпочку ту, свою запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,
Спорхнула съ кустика съ своей добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На кровлю домика, гдѣ жилъ башмачникъ,
Спустилася и тамъ опять запѣла:
„Зла мачеха зарѣзала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла“.
Башмачникъ въ это время у окна
Шилъ башмаки; услышавъ пѣсню, онъ
Работу бросилъ, выбѣжалъ на дворъ
И видитъ, что сидитъ на кровлѣ птичка
Чудесной красоты.—Ахъ! птичка, птичка,
Сказалъ башмачникъ, какъ же ты прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще разъ ту же пѣсню
Пропѣть? „Я даромъ дважды не пою,
Сказала птичка, дай мнѣ пару дѣтскихъ
Сафьянныхъ башмаковъ“. Башмачникъ тот-
Ей вынесъ башмаки. И, лѣвой лапкой [часъ
Ихъ взявъ, свою опять запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,
Спорхнула съ кровли съ новою добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На мельницу, которая стояла
Надъ быстрой рѣчкою во глубинѣ
Прохладныя долины, прилетѣла.
Былъ стукъ и шумъ отъ мельничныхъ колесъ,
И съ громомъ въ ней мололъ огромный жер-
И въ воротахъ ея рубили двадцать [новъ;
Работниковъ дрова. На вѣтку липы,
Которая у мельничныхъ воротъ
Росла, спустилась птичка и запѣла:
З л а м а ч е х а з а р ѣ з а л а м е н я;
Одинъ работникъ, то услышавъ, поднялъ
Глаза и пересталъ рубить дрова.
О т е ц ъ р о д н о й н е в ѣ д а е т ъ о т о м ъ;
Оставили еще работу двое.
С е с т р и ц а ж е М а р л и н о ч к а м е н я...
Тутъ пятеро еще, глаза на липу
Оборотивъ, работать перестали.
Б л и з ъ м а т у ш к и р о д н о й м о е й в ъ
с а д у...
Еще тутъ восемь вслушалися въ пѣсню;
Остолбенѣвши, топоры они
На землю бросили и на пѣвицу
Уставили глаза; когда жъ она
Умолкнула, послѣднее пропѣвъ:
П о д ъ д е р е в о м ъ т ю л ь п а н н ы м ъ п о-
г р е б л а,
Всѣ двадцать разомъ кинулися къ липѣ
И закричали:—Птичка, птичка, спой намъ
Еще разъ пѣсенку твою.—На это
Сказала птичка: „Дважды пѣть не стану
Я даромъ; если же вы этотъ жерновъ
Дадите мнѣ, я запою“.—Дадимъ,
Дадимъ, въ одинъ всѣ голосъ закричали.
Съ трудомъ великимъ общей силой жерновъ
Поднявъ съ земли, они его надѣли
На шею птичкѣ; и она, какъ-будто
Въ жемчужномъ ожерельѣ, отряхнувшись
И крылышки расправивши, запѣла
Звучнѣй, чѣмъ прежде, и, допѣвъ, спорхнула
Съ зеленой вѣтки и умчалась быстро,—
На шеѣ жерновъ, въ правой лапкѣ цѣпь,
А въ лѣвой башмаки. И такъ она
На дерево тюльпанное въ саду
Спустилась. Той порой отецъ сидѣлъ
Передъ окномъ; попрежнему въ углу
Марлиночка; а мать на столъ сбирала.—
Какъ мнѣ легко! сказалъ отецъ; какъ свѣ-
телъ
И тепелъ майскій день! „А мнѣ, сказала
Жена, такъ тяжело, такъ душно!
Какъ-будто бы сбирается гроза“.
Марлиночка жъ, прижавшись въ уголокъ,
Не шевелилася, сидѣла молча
И плакала. А птичка той порой,
На деревѣ тюльпанномъ отдохнувши,
Полетомъ тихимъ къ дому полетѣла.—
Какъ на душѣ моей легко! опять
Сказалъ отецъ, какъ-будто бы кого
Родного мнѣ увидѣть. „Мнѣ жъ, сказала
Жена, такъ страшно! все во мнѣ дрожитъ;
И кровь по жиламъ льется какъ огонь“.
Марлиночка жъ ни слова; въ уголку
Сидитъ, не шевелясь, и тихо плачетъ.
Вдругъ птичка, къ дому подлетѣвъ, запѣла:
З л а м а ч е х а з а р ѣ з а л а м е н я;
Услышавъ это, мать въ оцѣпенѣньи
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтобъ не видать и не слыхать; но въ уши
Гудѣло ей, какъ-будто шумъ грозы,

Въ зажмуренныхъ глазахъ ея сверкало,
Какъ молнія, и потъ смертельный тѣло
Ея, какъ змѣй холодный, обвивалъ.
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;—
Жена, сказалъ отецъ, смотри, какая
Тамъ птичка! какъ поетъ! а день такъ тихъ,
Такъ ясенъ и такой повсюду запахъ,
Что скажешь: вся земля въ цвѣты одѣлась.
Пойду и посмотрю на эту птичку.
„Останься, не ходи, сказала въ страхѣ
Жена; мнѣ чудится, что весь нашъ домъ
Въ огнѣ". Но онъ пошелъ. А птичка пѣла:
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
И въ этотъ мигъ цѣпочка золотая
Упала передъ нимъ.—Смотрите, онъ
Сказалъ, какой подарокъ дорогой
Мнѣ птичка бросила. Тутъ не могла
Жена отъ страха устоять на мѣстѣ
И начала, какъ въ изступленьи, бѣгать
По горницѣ. Опять запѣла птичка:
Зла мачеха зарѣзала меня;
А мачеха блѣднѣла и шептала:
„О, если бъ на меня упали горы,
Лишь только бъ этой пѣсни не слыхать!"
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Тутъ повалилася она на землю,
Какъ мертвая, какъ трупъ окостенѣлый.
Сестрица же Марлиночка меня...
Марлиночка, вскочивъ при этомъ съ мѣста,
Сказала: „Побѣгу, не дастъ ли птичка
Чего и мнѣ?" И, выбѣжавъ, глазами
Она искала птички. Вдругъ упали
Ей въ руки башмаки; она въ ладоши
Отъ радости захлопала. „Мнѣ было
До этихъ поръ такъ грустно, а теперь
Такъ стало весело, такъ живо!"—
„Нѣтъ, простонала мать, я не могу
Здѣсь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть". И она вскочила;
На головѣ ея стояли дыбомъ,
Какъ пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругомъ ея валилось. Въ двери
Она въ безумьи кинулась... но только
Ступила за порогъ, тяжелый жерновъ—
Бухъ!... и ея какъ-будто не бывало;
На мѣстѣ же, гдѣ казнь надъ ней свершилась,
Столбомъ огонь поднялся изъ земли.
Когда жъ исчезъ огонь, живой явился
Тамъ братецъ; и Марлиночка къ нему
На шею кинулась. Отецъ же долго
Искалъ жены глазами; но ея
Онъ не нашелъ. Потомъ всѣ трое сѣли,
Усердно Богу помолясь, за столъ;
Но за столомъ никто не ѣлъ, и всѣ
Молчали; и у всѣхъ на сердцѣ было
Спокойно, какъ бываетъ всякій разъ,
Когда оно почувствуетъ живѣй
Присутствіе невидимаго Бога.

(1845 г.)

СКАЗКА О ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ

и сѣромъ волкѣ.

Давнымъ-давно былъ въ нѣкоторомъ царствѣ
Могучій царь, по имени Демьянъ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ, и чудная росла
Въ саду томъ яблоня; все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ, наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: „Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ! должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ,
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья:
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночного вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наслѣдство". Сыновья, услышавъ то,
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся, во весь зѣвая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ, и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ такъ же,
Какъ Климъ царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ, по очереди, вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ, когда настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло,
Какъ-будто молніей; и что же видитъ

Иванъ царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышитъ, ждетъ,
Что будетъ? Сѣвъ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ царевичъ,

Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако, у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его расцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не сталъ
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
Попрежнему ѣсть, пить и спать. Но въ немъ
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблокъ чудную жаръ-птицу.

Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
„Друзья мои, сказалъ онъ: Климъ царевичъ
И Петръ царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощью Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ, царю, достаньте
Жаръ-птицу; кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство“.—Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ царевичъ и сказалъ:
—Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ, царю, я угодить
Желалъ бы, для тебя доставъ жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ Богомъ.—
На это царь сказалъ: „Иванъ царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ, ужъ мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство?“—Но Иванъ царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь
И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьѣ томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбѣ такую надпись: „Кто
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И голоденъ и холоденъ; кто вправо
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ; а влѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ“. Вправо,
Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ царевичъ. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса сѣрый волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужъ конь заѣденъ,
И сѣрый волкъ пропалъ. Иванъ царевичъ,
Повѣсивъ голову, пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
Попрежнему явился сѣрый волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
„Мнѣ жаль, Иванъ царевичъ, мой сердечный,
Что твоего я добраго коня
Заѣлъ, но ты, вѣдь, самъ, конечно, видѣлъ,
Что на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однакожъ, ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?“
И сѣрому Иванъ царевичъ волку
Все разсказалъ. А сѣрый волкъ ему
Отвѣтствовалъ: „Гдѣ отыскать жаръ-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иванъ царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ“.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.
„Пріѣхали, Иванъ царевичъ! волкъ
Сказалъ; но слушай, въ клѣткѣ золотой
За этою оградою виситъ
Жаръ-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько, клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду“. Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ жаръ-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ. Вынувъ
Изъ клѣтки золотой жаръ-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее вести?
И позабывъ, что сѣрый волкъ ему
Совѣтовалъ, взялъ клѣтку; но отвсюду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь, онъ назывался
Далматомъ, такъ сказалъ: „Откуда ты
И кто ты?“—Я Иванъ царевичъ; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичъ владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жаръ-птица по ночамъ летать въ нашъ садъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть
Тамъ яблоки: за ней меня послалъ
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ.—На это царь
Далматъ сказалъ: „Царевичъ ты иль нѣтъ,
Того не знаю я; но если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далматъ, жаръ-[птицу;
И я тебѣ ее руками бъ отдалъ
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай: я тебѣ мою жаръ-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда жъ ко мнѣ съ конемъ не возвратишься,
То по всему разславлю свѣту я,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ

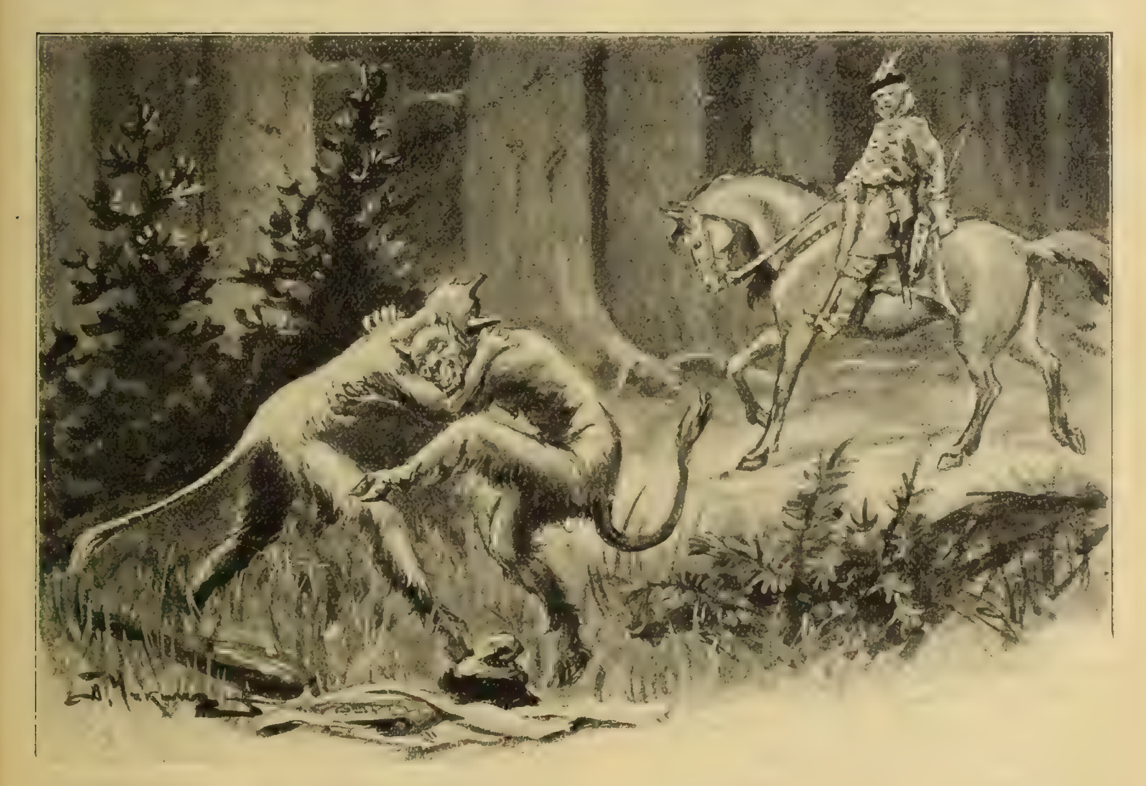
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ".
Повѣсивъ голову, Иванъ царевичъ
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ сѣрый волкъ
Оставленъ. Сѣрый волкъ ему сказалъ:
„Напрасно же меня, Иванъ царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону".
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ царство
Царя Афрона прибыли они,
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились. „Ну, Иванъ царевичъ,
Послушай, сѣрый волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюхи спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки: снова попадешь въ бѣду".
Въ конюшню царскую Иванъ царевичъ
Вошелъ и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но, на бѣду взглянувши на уздечку,
Прельстился ею такъ, что позабылъ
Совѣтъ о томъ, что сѣрый волкъ сказалъ,
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюхи вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ царевичъ то жъ въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Далмату. Царь
Афронъ отвѣтствовалъ: „Хорошій ты
Царевичъ! такъ ли должно поступать
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйную бы могъ
Снять голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поѣзжай за тридевять земель
Ты въ тридесятое отсюда царство,
Да привези оттуда мнѣ царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима; если жъ мнѣ
Ея не привезешь, то я вездѣ разславлю,
Что ты ночной бродяга, плутъ и воръ".
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ
Туда Иванъ царевичъ, гдѣ его
Ждалъ сѣрый волкъ. И сѣрый волкъ сказалъ:
„Ой ты, Иванъ царевичъ! если бъ я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридевять земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужъ дѣло".
И сѣрый волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужъ тридевять земель,
И вотъ они ужъ въ тридесятомъ царствѣ;
И сѣрый волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: „Недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ". Сѣрый волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна—съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки, и нянюшки—пошла
Прогуливаться въ садъ; а сѣрый волкъ
Того и ждалъ: примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляся, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли красныя дѣвицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, камергеры
И генералы; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ—все напрасно:
Ужъ сѣрый волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко, и слѣдъ
Давно простылъ; царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана
Царевича въ рукахъ (такъ сѣрый волкъ
Ее сердечную перепугалъ).
Вотъ понемногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ, и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ-друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: „Иванъ царевичъ,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба—службишка; прямая служба
Ждетъ впереди". И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афрона. Сѣрый волкъ сказалъ:
„Иванъ царевичъ, здѣсь должны умненько
Мы поступить: я превращусь въ царевну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай и, получивъ
Коня золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь въ скрытомъ мѣстѣ; ждать же вамъ
Не будетъ скучно". Тутъ, ударясь оземь,
Сталъ сѣрый волкъ царевною Еленой
Касимовной. Иванъ царевичъ, сдавъ
Его съ рукъ на руки царю Афрону
И получивъ коня золотогрива,

На томъ конѣ стрѣлой пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала
Царевна. Во дворцѣ жъ царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ невѣстой царь къ вѣнцу
Пошелъ; когда же ихъ перевѣнчали
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ; сѣрый волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться: онъ сбилъ хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прянулъ къ двери.
Всѣ принялись кричать:—
Лови, лови!—Куда ты? Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Давно догналъ проворный сѣрый волкъ;
И ужъ, сошедъ съ коня золотогрива,
Иванъ царевичъ пересѣлъ на волка,
И ужъ впередъ они опять, какъ вихри,
Летѣли. Вотъ пріѣхали и въ царство
Долматово они. И сѣрый волкъ
Сказалъ: „Теперь въ коня золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ царевичъ,
Меня отдавъ царю и взявъ жаръ-птицу,
Попрежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ“.
Такъ все и сдѣлалось, какъ волкъ устроилъ.
Немедленно велѣлъ золотогрива
Царь осѣдлать и выѣхалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ поскакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:—
Какъ молодецки скачетъ царь Далматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ, и царь Далматъ,
Перекувырнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою внизъ,
Ногами вверхъ, и, по плеча ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками и, напрасно силясь
Освободиться, въ воздухѣ болталъ
Ногами; вся къ нему тутъ свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ принялися громко
Кричать:—лови, лови! трави, трави!
Но было некого травить; на волкѣ
Уже попрежнему сидѣлъ Иванъ
Царевичъ; на конѣ жъ золотогривѣ
Царевна и подъ ней золотогривъ
Гордился и плясалъ; не торопясь,
Большой дорогою они шажкомъ
Тихонько ѣхали; и мало ль, долго ль
Ихъ длилася дорога—наконецъ,
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичъ сѣрымъ волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлѣющія кости;
И сѣрый волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу: „Теперь, Иванъ царевичъ,
Пришла пора другъ-друга намъ покинуть;
Я вѣрою и правдою донынѣ
Тебѣ служилъ и лаской твоею
Доволенъ, и, покуда живъ, тебя
Не позабуду; здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
Будь остороженъ, люди злы; и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичъ“. Съ этимъ словомъ волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ царевичъ
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ жаръ-птицей въ клѣткѣ за плечами далѣ
Поѣхалъ на конѣ золотогривѣ,
И ѣхали они дня три, четыре;
И вотъ, подъѣхали къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ; увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли... кто же? Климъ
И Петръ царевичи. Иванъ царевичъ
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Паревича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ жаръ-птицей,
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получитъ
Полцарства по пріѣздѣ, а когда
Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наслѣдство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій принявши, пригласили
Они въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ царевичъ, долгой
Дорогой утомленный, легъ и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали
Злодѣи-братья: мигомъ острый мечъ
Они ему вонзили въ грудь, и въ полѣ
Его оставили, и, взявъ царевну,
Жаръ-птицу и коня золотогрива,
Какъ добрые отправилися въ путь.
А между тѣмъ недвижимъ, бездыханенъ,
Облитый кровью, на полѣ широкомъ
Лежалъ Иванъ царевичъ. Такъ прошелъ
Весь день; уже склоняться начинало
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ вороненкомъ
Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный воронъ. Вдругъ,
Откуда ни возьмись, явился сѣрый

Волкъ; онъ, бѣду великую почуявъ,
На помощь подоспѣлъ; еще бъ минута,
И было бъ поздно. Угадавъ, какой
Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
Ему на мертвое спуститься тѣло;
И только тотъ спустился, разомъ цапъ
Его за хвостъ; закаркалъ старый воронъ.—
Пусти меня на волю, сѣрый волкъ,
Кричалъ онъ.—„Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
Пока не принесетъ твой вороненокъ
Живой и мертвой мнѣ воды“. И воронъ
Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сынъ полетѣлъ, а сѣрый волкъ, отца
Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
Сталъ разговаривать, и старый воронъ
Довольно могъ ему поразсказать
О томъ, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
Его съ большимъ вниманьемъ сѣрый волкъ,
И мудрости его необычайной
Дивился, но, однако, все за хвостъ
Его держалъ и иногда, чтобъ онъ
Не забывался, мялъ его легонько
Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда съ живой водой и мертвой
Въ двухъ пузырькахъ проворный вороненокъ
Явился. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки
И ворона отца пустилъ на волю.
Потомъ онъ съ пузырьками подошелъ
Къ лежавшему недвижимо Ивану
Царевичу: сперва его онъ мертвой
Водою вспрыснулъ—и въ минуту рана
Его закрылася, окостенѣлость
Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
Румянецъ на щекахъ; его онъ вспрыснулъ
Живой водой—и онъ открылъ глаза,
Пошевелился, потянулся, всталъ
И молвилъ:—Какъ же долго проспалъ я?—
„И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
Царевичъ, сѣрый волкъ сказалъ, когда бъ
Не я; теперь тебѣ прямую службу
Я отслужилъ; но эта служба, знай,
Послѣдняя: отнынѣ о себѣ
Заботься самъ; а отъ меня прими
Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу.
Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
На свѣтѣ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ; и твой родитель
И подданные всѣ его теперь
Непробудимо спятъ; твою жъ царевну
Съ жаръ-птицей и конемъ золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей; всѣ трое
Заключены въ его волшебномъ замкѣ.
Но ты, Иванъ царевичъ, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти никакой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
Есть у царевны; выйти жъ ей изъ замка
Нельзя; ее избавитъ только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю; объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты
Иванъ царевичъ, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору, живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
Никто слѣда не пролагалъ; въ него
Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
Яга по цѣлой поднебесной въ ступѣ,
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ царевичъ,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать,
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ;
Придешь на лугъ зеленый; посреди
Его растутъ три дуба; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь, и внизъ по лѣстницѣ сойди;
Тамъ за двѣнадцатью дверями запертъ
Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
Возьми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
Иванъ царевичъ; если Богъ велитъ
Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ“.
И сѣрый волкъ помчался къ лѣсу; вслѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ царевичъ съ грустью;
Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,
Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ царевичъ
Оборотивши на востокъ лицомъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ онъ слышитъ, конь заржалъ, и ржанье
Такъ было сильно, что съ петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула съ ужаснымъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ-давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ царевичъ свистнулъ,

Почуявъ сѣдока, на молодецкій
Свистъ богатырскій конь изъ стойла прянулъ
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива; словомъ, конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ царевичъ по спинѣ его
Повелъ рукой, и подъ рукой могучей
Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю;
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: „Добрый витязь,
Иванъ царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня и съ Богомъ въ путь нашъ
Пылиночки съ земли не подымая.
Но такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ,
Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ
Ручьями, весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ,
Ужъ было подъ-вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ... и что же?
Два лѣшіе дерутся на дорогѣ,
Кусаются, брыкаются, другъ-друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичъ
Подъѣхавши спросилъ: „За что у васъ,
Ребята, дѣло стало?“—Вотъ за что,
Сказалъ одинъ: три клада намъ достались:

Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу“.
Иванъ царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ, и взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы;
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ;
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Драчунъ-дубинка, скатерть-самобранка,
Да шапка-невидимка—насъ же двое;
Какъ поровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка; ты,
Разумный человѣкъ, подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить?—„А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ: пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь взапуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада, а другому взять одинъ;
Согласны ль вы?“—Согласны, заричали
Рогатые и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ царевичъ. Лѣшіе за ней

Помчались, выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ царевичъ, взявъ подъ-мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку-невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ
Поѣхалъ, глупымъ лѣшiямъ оставивъ
На произволъ, начать ли снова драку,
Иль помириться. Богатырскiй конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучiй лѣсъ гдѣ обитала Баба
Яга. И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ,
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живого ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка,
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучiй топотъ конскiй. Наконецъ,
Иванъ царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: „Избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задомъ, ко мнѣ
Стань передомъ". И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился
На всѣ четыре стороны, потомъ
Какъ должно поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, уперши ноги въ потолокъ
И въ уголъ голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она сказала:—Фу-фу-фу!
Какое диво! русскаго здѣсь духу
До этихъ поръ не слыхано слыхомъ,
Не видано видомъ, а нынче русскiй
Духъ ужъ въ очахъ свершается. Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ царевичъ?
Неволею иль волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ.
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичъ?—„Ахъ, безмозглая ты вѣдьма!
Сказалъ Иванъ царевичъ Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ разспрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила
И напоила, да и тотчасъ спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:—
Спи, добрый витязь; утро мудренѣе,
Чѣмъ вечеръ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду жъ свою разскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу.—
Иванъ царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ и проспалъ до полудня. Вставши,
Умывшися, одѣвшися, онъ Бабѣ
Ягѣ подробно разсказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучiй лѣсъ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:—
Ахъ! добрый молодецъ, Иванъ царевичъ,
Затѣялъ ты нешуточное дѣло;
Но не кручинься, все уладимъ съ Богомъ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: нá морѣ на Окiанѣ,
На островѣ великомъ на Буянѣ,
Есть старый дубъ; подъ этимъ старымъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заяцъ;
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И съ нимъ ступай къ Кощею, а когда
Въ его прiѣдешь зáмокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатиголовый входъ
Въ тотъ зáмокъ стережетъ; ты съ этимъ змѣемъ
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть: она его уйметъ;
А ты, надѣвши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному; въ минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Даниловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ царевичъ; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ;
Когда жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ.—Иванъ царевичъ,
Простившись съ Бабою-Ягою, сѣлъ
На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнулъ, конь помчался,
И скоро лѣсъ дремучiй за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море Окiанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю Окiану
Иванъ царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачiй неводъ
И что въ томъ неводѣ морская щука
Трепещется. И вдругъ ему та щука
По-человѣчьи говоритъ:—Иванъ
Царевичъ, вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся.—
Иванъ царевичъ тотчасъ просьбу щуки
Исполнилъ, и она, хлестнувъ хвостомъ
Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ царевичъ
Въ недоумѣнiи; на самомъ краѣ,

Гдѣ небо съ нимъ какъ-будто бы слилося,
Онъ видитъ: длинной полосою островъ
Буянъ чернѣетъ; онъ и не далекъ,
Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
Заговорилъ:—О чемъ, Иванъ царевичъ,
Задумался? О томъ ли, какъ добраться
Намъ до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебѣ корабль: сиди
На мнѣ, да крѣпче за меня держись.
Да не робѣй, и духомъ доплывемъ.—
И въ гриву конскую Иванъ царевичъ
Рукою впутался, крутыя бедра
Копя ногами крѣпко стиснулъ; конь
Разсвирѣпѣлъ и, разскакавшись, прянулъ
Съ крутого берега въ морскую бездну;
На мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь и вынырнулъ могучій
Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;
И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вкругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею;
И скоро онъ до острова Буяна
Доплылъ и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбѣжалъ, покрытый пѣной.
Не сталъ Иванъ царевичъ медлить; онъ,
Коня пустивъ по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ дубу,
Который росъ у берега морского
На высотѣ муравчатаго холма.
И къ дубу подошедъ, Иванъ царевичъ
Его шатнулъ рукою богатырской,
Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ—дубъ скрипнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе—
Дубъ покачнулся, и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю; тутъ Иванъ царевичъ
Всей силою рванулъ его—и съ трескомъ
Онъ повалился, изъ земли коренья
Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися,
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ царевичъ кованый сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбилъ замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ царевичъ
И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрякавъ, кувыркнулась утка,
И изъ нея вдругъ выпало яйцо—
И прямо въ море, и пошло какъ ключъ
Ко дну. Иванъ царевичъ ахнулъ; вдругъ
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлестнувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла, и къ берегу съ яйцомъ во рту
Тихохонько приблизясь, на пескѣ
Яйцо оставила, потомъ сказала:—
Ты видишь самъ теперь, Иванъ царевичъ,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.—
Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій
Съ Буяна острова на твердый берегъ
Его обратно перенесъ. И далѣ
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ, на высотѣ которой
Кощеевъ за́мокъ былъ; ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двѣнадцатиголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, шесть не спали, днемъ
И ночью по два раза для надзора
Смѣняясь; а въ виду воротъ желѣзныхъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ: змѣй подымался и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья; онъ
Былъ невредимъ, и только самъ себя
Могъ умертвить, чужая жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ: онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горѣ со стороны
Противной воротамъ, въ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ; потихоньку
Иванъ царевичъ въ шапкѣ-невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ
Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя храпѣли. Тутъ
Иванъ царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ ей: начинай! Не стала долго
Дубинка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда-сюда бросаться; а дубинка
Его себѣ колотитъ да колотитъ;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить—анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать—она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ-будто на показъ,
Гуляетъ и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дубинку

Попробуеть—она тогда его
Честить по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ;
Змѣй въ изступленіи, какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю—все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ;
Змѣй, наконецъ, озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя, и когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на-двое, и съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичъ ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ-будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ
Царевичъ, у воротъ коня оставивъ,
И разостлавши скатерть-самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой-невидимкой,
Съ дубинкою на всякій случай и съ яйцомъ
Въ Кощеевъ за́мокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы.
Вотъ, наконецъ, добрался и до за́мка
Кощеева Иванъ царевичъ. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалеко
Играютъ гусли-самогуды; въ садъ
Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку-невидимку снявши,
Онъ тотчасъ ей явился и рукою
Знакъ подалъ, чтобъ она молчала. Ей
Потомъ онъ на-ухо шепнулъ: „Я смерть
Кощееву принесъ; ты подожди
Меня на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уѣдемъ". Тутъ Иванъ
Царевичъ, снова шапку-невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ итти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ за́мкѣ,
Но онъ и самъ пожаловалъ. Приблизясь,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: „Иванъ
Царевичъ твой къ тебѣ ужъ не придетъ;
Его ужъ намъ не воскресить. Но чѣмъ же
Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно жъ
Упрямиться, упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужъ я..." Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичъ: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бѣшеный, коверкаться и прыгать
Онъ началъ, а Иванъ царевичъ, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: „Прибавь,
Прибавь, дубинка; по дѣломъ ему,
Собакѣ; не воруй чужихъ невѣстъ;
Не докучай своею волчьей харей
И глупымъ сватовствомъ своимъ прекраснымъ
Царевнамъ; злого сна не наводи
На царства! крѣпче бей его, дубинка".—
„Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Кощей,
Кто ты таковъ?"—„А вотъ кто!" отвѣчалъ
Иванъ царевичъ, шапку-невидимку
Снявъ съ головы своей, и въ то жъ мгновенье
Ударилъ о́земь онъ яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей безсмертный
Перекувырнулся и околѣлъ.
Иванъ царевичъ изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жаръ-птицу и коня золотогрива.
Когда жъ они съ крутой горы спустились,
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ—
Упала съ за́мкомъ и на мѣстѣ томъ
Явилось озеро, и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ царевичъ, давъ
Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть-самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:
На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Свѣтила имъ жаръ-птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ;
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Каталися по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль голову кладя поочередно
Другъ-другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ-дорогой,
И, наконецъ, пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробуднымъ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало: на полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близъ нихъ
Съ своимъ бичомъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
На деревахъ листы дремали молча,

И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ-будто въ гробѣ; люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ царевичъ напослѣдокъ прибылъ
Съ царевною Еленою прекрасной,
И на широкій взъѣхавъ царскій дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ
Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ царевичъ;
Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ
Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ во рту
Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, уставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ царевичъ, подошедъ съ царевной
Еленою прекрасною къ царю,
Сказалъ: „Играйте, гусли-самогуды!“
И заиграли гусли-самогуды...
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не былъ прерванъ пиръ.
А царь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ царевичъ,
Его любимый сынъ, едва совсѣмъ
Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
И цѣловалъ его и миловалъ,
И напослѣдокъ такъ развеселился,
Что руки въ боки, и пошелъ плясать
Съ царевною Еленою прекрасной.
Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ
Столицѣ возвѣстить, что возвратился
Иванъ царевичъ, что ему полцарства
Теперь же уступаетъ царь Демьянъ
Даниловичъ, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленою свершится
Въ придворной церкви и что царь Демьянъ
Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, статскихъ,
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкомѣстныхъ,
Купцовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море;
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
„Да здравствуетъ нашъ государь Демьянъ
Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью царевной
Еленою прекрасною!“ всѣ зданья
Столицы дрогнули и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости—вся его столица;
Въ домахъ осталися одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть-самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицамъ въ два ряда протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло—хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ: уха, какъ жидкій
Янтарь сверкавшая въ большихъ кастрюляхъ;
Огромножирныя, длиною въ сажень,
Изъ Волги стерляди, на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ груздями гуси, каша
Съ сметанoю, блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское, и всякія наливки—
Короче молвить, скатерть-самобранка
Такъ отличалася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царскій столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція—дубинка молодецки
За всѣхъ одна служила; во дворцѣ
Держала караулъ; она жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала въ спину, прямо

На съѣзжую; кого жъ въ пустомъ гдѣ домѣ
За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что отъ воровства
Навѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели; дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ,
Все во дворцѣ кипѣло: гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли-самогуды
Явили все усердіе свое:
При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужъ музыки наслушались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козлы
Съ подушкою, и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
„Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ [графской
Короною“. Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичъ закричалъ: „Да это
Мой благодѣтель, сѣрый волкъ!“ Его
Встрѣчать бѣго́мъ онъ побѣжалъ. И точно,
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ; Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гостя высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахромою;
Перепоясанныя тонкой шалью,
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянные на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью—такъ былъ сѣрый волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ: не только что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И гостя за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили, и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшія народомъ,
Яснѣе дня жаръ-птица освѣтила,
И до утра столица пировала.
Былъ ночевать оставленъ сѣрый волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житьё и увѣрялъ,
Что всякую получитъ честь онъ,
Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получитъ ордена,
И прочее. Подумавъ, сѣрый волкъ
Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить
Да поживать по-царски сѣрый волкъ.
Вотъ наконецъ по долгомъ, мирномъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ скончался; на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а сѣрый волкъ
Душою въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, нянчился съ его
Дѣтьми, самъ какъ дитя рѣзвился съ ними,
Меньшимъ разсказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ, напослѣдокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ послѣдовалъ и сѣрый волкъ
Въ могилу. Но въ его нашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку въ лѣсу и въ свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ разсказъ.

(1845 г.

1848.

—

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

(Посвящены Павлу и Александрѣ Жуковскимъ.)

I. ПТИЧКА.

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ;
Птичка летала,
Птичка играла.
Птички ужъ нѣтъ!
Гдѣ же ты, птичка?
Гдѣ ты, пѣвичка?
Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты;
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою.

II. КОТИКЪ И КОЗЛИКЪ.

Тамъ котикъ усатый
По садику бродитъ,
А козликъ рогатый
За котикомъ ходитъ;
И лапочкой котикъ
Помадитъ свой ротикъ;
А козликъ сѣдою
Трясетъ бородою.

III. ЖАВОРОНОКЪ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
Весна пришла къ намъ молодая,
Я здѣсь пою приходъ весны;
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно,
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя.

IV. МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

(Сказочка.)

Жилъ маленькій мальчикъ:
Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ,
Лицомъ былъ красавчикъ;
Какъ искры глазёнки:
Какъ пухъ волосёнки;
Онъ жилъ межъ цвѣточковъ;
Въ тѣни ихъ листочковъ
Въ жары отдыхалъ онъ,
И ночью тамъ спалъ онъ.

Съ зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
Въ листочекъ атласной
Лилеи прекрасной;
Проворную пчёлку
Въ свою одноколку
Изъ легкой скорлупки
Потомъ запрягалъ онъ.
И съ пчёлкой леталъ онъ,
И жадныя губки
Съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ
Въ цвѣты луговые.
Къ нему золотыя
Цикады слетались
И съ нимъ забавлялись,
Кружась съ мотыльками,
Жужжа и порхая,
И ярко сверкая
На солнцѣ крылами.

Ночною жъ порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась,
И въ небѣ съ луною
Одна за другою
Звѣзда зажигалась,
На лугъ благовонный
Съ лампадой зажженной
Лазурно-блестящій
Къ малюткѣ являлся
Свѣтлякъ; и сбирался
Къ нему въ круговую
На пляску ночную
Рой Эльфовъ летучій;
Они—какъ бѣгучій
Источникъ волнами—
Шумѣли крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонкихъ былинкахъ,
Въ перловыхъ купались
На травкѣ росинкахъ,
Какъ искры сверкали
И шумно плясали
Предъ нимъ до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Подъ пляску, подъ пѣнье,
Сходило—смолкали
И вмигъ исчезали
Плясуньи ночныя;
Тогда, подъ живые
Цвѣты угнѣздившись,
И въ сонъ погрузившись,
Онъ спалъ подъ защитой
Ихъ кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
Съ границы янтарной
Небеснаго свода.
Такъ милый красавчикъ
Жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ...

(1848 г.)

Баллады.

ЛЮДМИЛА.

(РУССКАЯ БАЛЛАДА, ПОДРАЖАНІЕ БЮРГЕРОВОЙ ЛЕНОРѢ.)

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою,
Знать, въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?"
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
„Возвратится ль онъ, мечтала,
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію славянъ?"

Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты,
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
„Возвратились незабвенны!.."
А Людмила?.. Ждетъ-пождетъ...
„Тамъ дружину онъ ведетъ!"

„Сладкій часъ соединенье!.."
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратный строй...
Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:
„Разступись, моя могила;
Гробъ, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить"

„Что съ тобой, моя Людмила?
Мать со страхомъ возопила:
О, спокой тебя, Творецъ!"
—Милый другъ, всему конецъ;
Что прошло—невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ...
Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣ жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости, всему конецъ.

„О, Людмила, грѣхъ роптанье:
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ".
—Ахъ, родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?
„Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ:
Кратко жизни сей страданье;
Рай—смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ".

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай;
Съ милымъ розно—райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала...
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами

Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!.. полночный часъ звучитъ.

Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ...
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышитъ,
Вдругъ... идутъ... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихимъ шопотомъ сказали...
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:

— Спитъ иль нѣтъ моя Людмила?
Помнитъ друга иль забыла?
Весела иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зовстъ.
„Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?"

— Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ,
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя, моею будь!..
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ.

„Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ".
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.

„Ночь давно ли наступила?
Полночь только-что пробила.
Слышишь? Колоколъ гудитъ".
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится.
„Гдѣ жъ, скажи, твой тѣсный домъ?"
—Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.—

Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, лётомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышитъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами:
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

„Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?"
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба.
„Чу въ лѣсу потрясся листъ.
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ".
— Близко ль, милый? „Путь далекъ".

Слышатъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики,
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеекъ.

„Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится:
Мертвый съ дѣвицею мчится:

Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль дѣвица, со мной?"
—Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба.
„Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣе мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ".

— Близко ль, милый? „Вотъ примчались!"
Слышатъ, сосны зашатались;
Слышатъ, спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ;
И въ травѣ чуть слышный шопотъ,
Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.

Что же чудится Людмилѣ?..
Къ свѣжей конь примчалъ могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ—глухой подземный громъ,
Страшно доски затрещали,
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ,
Тихо, тихо вскрылся гробъ...
Что же, что въ очахъ Людмилы?..
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ, женихъ—мертвецъ.

Видитъ трупъ оцѣпенѣлый,
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ.
Страшенъ милый прежде видъ:
Впалы мертвыя ланиты,
Мутный взоръ полуоткрытый,
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манитъ перстомъ...
„Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила,
Намъ постель—темна могила,
Завѣсъ—саванъ гробовой,
Сладко спать въ землѣ сырой".

Что жъ Людмила?.. Каменѣетъ,
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ;
Визгъ и скрежетъ подъ землею.
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ,
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ,
Царь Всевышній правосуденъ,
Твой услышалъ стонъ Творецъ
Часъ твой билъ, насталъ конецъ".

(1808 г.)

КАССАНДРА *).

(Изъ Шиллера.)

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ,
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза минувшей брани,
Щитъ и мечъ и конь забытъ.
Облеченъ въ пурпурны ткани
Съ Поликсеною Пелидъ.

Дѣвы, юноши, четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшонные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ;
Стогны дышатъ ѳиміамомъ;
Въ злато царскій домъ одѣтъ;
Снова счастье надъ Пергамомъ...
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,
Нелюдима и одна,
Дочь Пріама въ Аполлоновъ
Древній лѣсъ удалена.
Сводомъ лавровъ осѣненна,
Сбросивъ жреческій покровъ,
Провозвѣстница священна
Такъ роптала на боговъ:

„Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
Всѣмъ душа оживлена;
Мать, отецъ надежды полны;
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишонна;
Ужасъ мнѣ—что радость тамъ;
Вижу, вижу, окрылённа
Мчится гибель на Пергамъ.

„Вижу факелъ—онъ свѣтлѣетъ
Не въ Гименовыхъ рукахъ,
И не жертвы пламя рдѣетъ
На сгущенныхъ облакахъ;
Зрю пировъ уготовленье...
Но... горѣ, по небесамъ,
Слышно бога приближенье,
Предлетящаго бѣдамъ.

„И вотще мое стенанье,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями страданье

---

*) Кассандра, дочь Пріама и Гекубы. Аполлонъ одарилъ ее предвѣдѣніемъ. По разрушеніи Трои, досталась она на часть Агамемнона и вмѣстѣ съ нимъ погибла отъ руки Эгиста. Стихотворецъ представилъ ее въ ту самую минуту, когда совершается бракъ Ахилла (названнаго здѣсь Пелидомъ, по отцу его Пелею) съ Поликсеною, младшею дочерью Пріама. Она слышитъ торжественныя пѣсни и въ то же время предвидитъ ужасный конецъ торжества. Извѣстно, что Ахиллъ, предъ самымъ алтаремъ брачнымъ, умерщвленъ Парисомъ, котораго стрѣла направлена была Аполлономъ.—*В. Ж.*

Сердце сирое дѣлитъ:
Отъ счастливыхъ отчуждённа,
Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишонна,
О предвѣдѣнія взоръ!

„Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
Въ семъ жилищѣ скромныхъ чадъ
Безмятежнаго незнанья,
И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ! почто она предвидитъ
То, чего не отвратить?..
Неизбѣжное пріидетъ,
И грозящее сразитъ.

„И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье—жизнь прямая;
Знанье—смерть прямая намъ.
Фебъ, возьми твой даръ опасной,
Очи мнѣ спѣши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скудéлью быть.

„Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей,
Слѣпоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отнялъ.

„Никогда покровъ вѣнчальный
Мнѣ главы не осѣнитъ:
Вижу факелъ погребальный;
Вижу, ранній гробъ открытъ.
Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскѣ—
Ахъ, могла ль дѣлить ихъ радость,
Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

„Ихъ ласкаетъ ожиданье:
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрестъ очарованье—
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Міръ цвѣтущій пустъ и дикъ...
Ахъ, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

„Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благъ своихъ не постигаетъ:
Въ сновидѣніяхъ златыхъ
И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

„И моей любви открылся
Тотъ, кого мы ждемъ душой;
Милый взоръ ко мнѣ стремился
Полный страстною тоской...
Но—для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ,
Вижу, грозно между нами
Тѣнь стигійская стоитъ.

„Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо мною,
Неотступные летятъ;
Въ рѣзвы юношески лики
Вносятъ ужасъ за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой.

„Тамъ сокрытый блескъ кинжала,
Тамъ убійцы взоръ горитъ;
Тамъ невидимаго жала
Ядъ погибелью грозитъ.
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я въ чужбинѣ гробъ найду..."

И слова еще звучали...
Вдругъ... шумитъ священный лѣсъ...
И зефиры гласъ примчали:
„Палъ великій Ахиллесъ!"
Машутъ Фуріи зміями,
Боги мчатся къ небесамъ...
И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ.

(1809 г.)

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

(Изъ Шиллера.)

На Посидоновъ пиръ веселый *),
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокориноъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ..
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

„О спутники, вашъ рой крылатый,
Доселъ мой вѣрный провожатый,

---

*) Подъ слогомъ „Посидоновъ пиръ" разумѣются здѣсь „игры истмійскія", которыя отправляемы были на перешейкѣ (Истмѣ) Коринѳскомъ, въ честь Посидона (Нептуна). Побѣдители получали сосновые вѣнцы. Гела, Элла, Эллада—имена древней Греціи.—*В. Ж.*

Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужого брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничей главы".

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ—

Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!"

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ".

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Пританов окружилъ народъ

Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„Итакъ, погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей".

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной...
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,

И вопитъ: „Старцы, мщенья, мщенья:
Злодѣямъ казнь, ихъ згибни родъ!"

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ;
И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный *),
Все озаряющій съ небесъ.

*) Геліосъ—имя солнца у грековъ.—*В. Ж.*

Съ подъятой, можетъ-быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальныхъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы,
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ *).

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земного перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ,
Ихъ мертвы лица, очи впалы,
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

„Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

„Не мните скрыться—мы съ крылами,
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будетъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ“.

И пѣснь ужасныхъ замолчала,
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель, зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ,
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парѳеній, слышишь?... Крикъ вдали,
То Ивиковы журавли!..“
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ.

„Что? Ивикъ!..“ Все поколебалось—
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженной
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!..
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?“

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ-будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „Убійца тутъ,
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“

*) Хоръ Эвменидъ (Эринній, Фурій). Сіи богини, дщери Нощи и Ахерона, открывали тайныя преступленія, преслѣдовали виновныхъ и мстили имъ на землѣ и въ адѣ.—*В. Ж.*

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ,
И смерть была имъ приговоръ.
(1810 г.)

СВѢТЛАНА.

(А. А. Воейковой.)

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое:
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ".

— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышитъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель.—

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою:
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой—
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою".

Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится,
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ, кругомъ
Мертвое молчанье,
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами...
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!"

Оглянулась... милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками,
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ,
Храмъ блеститъ свѣчами".
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы:
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣньемъ кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли... кони съ мѣста въ разъ,
Пышатъ дымъ ноздрями,
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ... пусто все вокругъ.

Степь въ очахъ Свѣтланы,
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
„Что ты смолкнулъ, милый?“
Ни полслова ей въ отвѣтъ,
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ,
Тьма людей во храмѣ,
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
„Буди взятъ могилой!“
Пуще дѣвица дрожитъ,
Кони мимо, другъ молчитъ
Блѣденъ и унылый.

Вдругъ метелица кругомъ,
Снѣгъ валитъ клоками,
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ,
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися... и вмигъ
Изъ очей пропали;
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмахъ,
Брошена отъ друга,
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ,
Вкругъ метель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ...
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ...
Дверь шатнулася... скрипитъ...
Тихо растворилась.

Что жъ?.. Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ,
Свѣчка предъ иконой...
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ,
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
И, съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нѣтъ...
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится...
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье...
Чу, Свѣтлана!.. въ тишинѣ
Легкое журчанье...
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ,
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ...
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится...
Сорвался покровъ, мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворёны очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ..
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы...
Что же дѣвица?.. Дрожитъ...
Гибель близко... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась...
Глядь, Свѣтлана... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ,
Ахъ! и пробудилась.

Гдѣ жъ?.. У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ

Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?"

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!.. вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ-будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе, вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость; къ крыльцу идетъ...
Кто?.. Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ,
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи—лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу,
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ,
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ, баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье;
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье".

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

(1811 г.)

АДЕЛЬСТАНЪ.

(Изъ Саути.)

День багрянилъ, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ;
Реинъ въ заревѣ сіяя
Пышенъ текъ между холмовъ.

Онъ летучей влагой пѣны
За́мокъ Алленъ орошалъ;
Терема, зубчаты стѣны,
Онъ въ потокѣ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою
Изъ растворчатыхъ воротъ
Вышли на берегъ—игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

Вдругъ плыветъ, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Спитъ, какъ-будто очарованъ,
Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ,
И ко брегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
Распустилъ крылѣ свои;
Дивный плаватель проснулся—
И выходитъ изъ ладьи.

И по Реину обратно,
Съ очарованной ладьей,
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ за́мокъ Алленъ входитъ;
Все въ немъ прелесть—взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора
Въ за́мкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души—душой мила.

Графы, герцоги толпою,
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ—
Но умомъ и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
На турнирахъ похищалъ,

Онъ вечернія бесѣды
Всѣхъ милѣе оживлялъ.

И привѣтны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Влили нѣжность въ сердце Лоры—
Милый сталъ супругомъ ей.

Исчезаетъ сновидѣнье...
Вслѣдъ за днями мчатся дни:
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь бродитъ надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время—наконецъ,
Улыбаясь, возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
Ахъ!—онъ мыслитъ—ангелъ милой
Для чего ты въ свѣтъ рожденъ?

И когда обрядъ крещенья
Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
Душу юную омыть—

Какъ преступникъ передъ казнью,
Адельстанъ затрепеталъ,
Взоръ наполнился боязнью,
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляетъ
День обряда отложить:
„Силъ недугъ меня лишаетъ
Съ вами радость раздѣлить!"

Солнце спряталось за гору,
Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

„Нашъ младенецъ будетъ съ нами:
При дыханьѣ вѣтерка,
Тихоструйными волнами
Усыпитъ его рѣка".

И пошли рука съ рукою...
День на холмахъ догоралъ;
Молча, сумраченъ душою,
Рыцарь сына лобызалъ.

Вотъ ужъ поздно, солнце сѣло,
Отуманился потокъ,
Черенъ берегъ опустѣлой;
Холодѣетъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ;
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лорѣ страшно: за́мокъ Алленъ
Съ часъ какъ скрылся вдалекѣ.

—Поздно, милый! ужъ сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой,
Съ водъ холодный вѣтеръ вѣетъ,
И дрожитъ младенецъ мой.

„Тише! тише! Пусть сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой,
Грудь моя младенца грѣеть,
Сладко спитъ младенецъ мой".

—Поздно, милый! поневолѣ
Страхъ въ мою тѣснится грудь;
Мѣсяцъ блѣденъ, сыро въ полѣ;
Дологъ намъ до за́мка путь.—

Но молчитъ, какъ очарованъ
Рыцарь, глядя на рѣку...
Лебедь тамъ плыветъ, прикованъ
Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ берегу —и съ сыномъ
Рыцарь сѣсть въ челнокъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ;
Обомлѣла и дрожитъ.

И, осанясь, лебедь статной
Легкой цѣпію повлекъ
Вдоль по Реину обратно
Очарованный челнокъ.

Небо въ Реинѣ дрожало,
И луна изъ дымныхъ тучъ
На ладью сквозь парусъ алой
Проливала томный лучъ.

И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ,
Тихо плещутъ въ лодку волны,
Парусъ вздулся и шумитъ.

И на берегѣ молчанье,
И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьѣ.
Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужъ ночи половина.
Вдругъ... младенецъ сталъ кричать.

—Адельстанъ, отдай мнѣ сына!
Возопила въ страхѣ мать.

„Тише, тише! онъ съ тобою.
Скоро... ахъ, кто дастъ мнѣ силъ!
Я ужасною цѣною
За блаженство заплатилъ.

„Спи, невинное творенье,
Мучитъ душу голосъ твой;
Спи дитя, еще мгновенье,
И навѣкъ тебѣ покой“.

Лодка къ брегу—рыцарь съ сыномъ
Выйти на берегъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ,
Пуще млѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженный;
Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
Черенъ, дикъ, уединенный,
Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою—
Въ ней не зрѣло око дна;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: „Я дань принесъ“.

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына...
Цѣпенѣющая мать,
Возопивъ, у паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: „Спаситель!..“
Гласъ достигнулъ къ небесамъ:
Живъ младенецъ, а губитель
Ниспровергнутъ въ бездну самъ.

Страшно, страшно застонало
Въ грозныхъ сжавшихся когтяхъ...
Вдругъ все пусто, тихо стало
Въ глубинѣ и на скалахъ.
(1813 г.)

ПУСТЫННИКЪ.

(Изъ Гольдсмита.)

„Веди меня, пустыни житель,
Святой анахоретъ;
Близка желанная обитель;
Привѣтный вижу свѣтъ.

„Усталъ я; тьма кругомъ густая;
Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я впередъ“.

— Мой сынъ (въ отвѣтъ пустыни житель),
Ты призракомъ прельщенъ:
Опасенъ твой путеводитель—
Надъ бездной свѣтитъ онъ.

Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
Отверста дверь моя,
И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
Дѣлюсь отъ сердца я.

Войди въ гостепріимну келью;
Мой сынъ, передъ тобой
И брашно съ жесткою постелью,
И сладкій мой покой.

Есть стадо... но безвинныхъ кровью
Руки я не багрилъ:
Меня Творецъ своей любовью
Щадить ихъ научилъ.

Обѣтъ снимаю непорочный
Съ пригорковъ и полей;
Деревья плодъ даютъ мнѣ сочный,
Питье даетъ ручей.

Войди жъ въ мой домъ, заботъ тамъ чужды;
Нѣтъ блага въ суетѣ:
Намъ малыя даны здѣсь нужды;
На малый мигъ и тѣ.—

Какъ свѣжая роса денницы,
Былъ сладокъ сей привѣтъ;
И робкій гость, склоня зѣницы,
Идетъ за старцемъ вслѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой,
Его таился кровъ—
Пріютъ для сироты гонимой,
Для странника покровъ.

Не пышны въ хижинѣ уборы,
Тамъ бѣдность и покой;
И скрипнули дверей растворы
Предъ мирною четой.

И старецъ зритъ гостепріимной,
Что гость его унылъ,
И свѣтлый огонекъ онъ въ дымной
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приправой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку озлащаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ ними,
Въ углу кричитъ сверчокъ,
Трещитъ межъ листьями сухими
Блестящій огонекъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый,
Печаль въ его чертахъ,
Душа полна прискорбной думы,
И слезы на глазахъ.

Ему пустынникъ отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О юный странникъ, что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

Увы! спокой себя: презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ;
А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

Приманчивъ дружбы взоръ лукавой;
Но, ахъ, какъ тѣнь во слѣдъ
Она за счастіемъ, за славой,
И прочь отъ хилыхъ бѣдъ.

Любовь... любовь Прелестъ игрою,
Отрава сладкихъ словъ,
Незрима въ мірѣ, лишь порою
Живетъ у голубковъ.

Но, другъ, ты робостью стыдливой
Свой нѣжный полъ открылъ.—
И очи странникъ торопливой,
Красвѣя, опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ;
Такъ утро тихое сіяетъ
Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси, взоръ склоненный,
Какъ роза цвѣтъ ланитъ...
И дѣву-прелесть изумленный
Отшельникъ въ гостѣ зритъ.

„Простишь ли, старецъ, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединенье,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой!

„Любовь надеждъ моихъ губитель,
Моихъ виновникъ бѣдъ;
Ищу покоя, но мучитель—
Тоска за мною вслѣдъ.

„Отецъ мой знатностію, славой
И пышностью гремѣлъ,
Я дней его была забавой,
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

„И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
А тѣ притворный жаръ.

„И каждый лестью вѣроломной
Привлечь меня мечталъ...
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромной;
Эдвинъ, любя, молчалъ...

„Ему съ смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою,
И та моей была.

„Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой,
Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душой.

„Но цвѣтъ съ небесною росою
Живутъ единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою
Я—легкостію ихъ.

„Я гордой, хладною казалась,
Но милъ онъ втайнѣ былъ;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда онъ слезы лилъ.

„Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья,
Въ пустыню онъ помчалъ
Свою любовь, свои мученья—
И тамъ въ слезахъ увялъ.

„Но я виновна; мнѣ страданье,
Мнѣ увядать въ слезахъ,
Мнѣ будь пустыня та изгнанье,
Гдѣ скрытъ Эдвиновъ прахъ.

„Надъ тихою его могилой
Конецъ свой встрѣчу я—
И приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя“.

— Мальвина! старецъ восклицаетъ, —
И палъ къ ея ногамъ...
О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ,
Эдвинъ предъ нею самъ.

— Другъ незабвенный, другъ единой!
Опять навѣкъ я твой!
Полна душа моя Мальвиной—
И здѣсь дышалъ тобой.

Забудь о прошломъ, нѣтъ разлуки,
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Все въ жизни, радости и муки,
Отнынѣ пополамъ.

Ахъ! будь и самый часъ кончины
Для двухъ сердецъ одинъ:
Да съ милой жизнію Мальвины
Угаснетъ и Эдвинъ!

(1813 г.)

БАЛЛАДА,

въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.

(Подражаніе Саути.)

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ;
Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

И вопитъ скорбно: „Гдѣ мой сынъ чернецъ!
Ему сказать мнѣ слово дайте;
Увы! я гибну; близокъ мой конецъ;
Скорѣй, скорѣй! не опоздайте!“

И къ матери идетъ чернецъ святой,
Ея услышать покаянье;
И Тайные Дары несетъ съ собой,
Чтобъ утолить ея страданье.

Но лишь пришелъ къ одру съ Дарами онъ,
Старушка въ трепетѣ завыла;
Какъ смерти крикъ, ея протяжный стонъ...
„Не приближайся!“ возопила.

„Не подноси ко мнѣ святыхъ Даровъ;
Уже не въ пользу покаянье...“
Былъ страшенъ видъ ея сѣдыхъ власовъ
И страшно груди колыханье.

Дары святые сынъ отнесъ назадъ
И къ страждущей приходитъ снова.
Кругомъ бродилъ ея потухшій взглядъ;
Языкъ искалъ, нѣмѣя, слова.

„Вся жизнь моя въ грѣхахъ погребена;
Меня отвергнулъ Искупитель;
Твоя жъ душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

„Здѣсь вмѣсто дня была мнѣ ночи мгла;
Я кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла,
И кости мертвыхъ похищала.

„И казнь лукавый обольститель мой
Ужъ мнѣ готовитъ въ адской злобѣ;
И я, смутивъ чужихъ гробовъ покой,
Въ своемъ не успокоюсь гробѣ.

„Ахъ! не забудь моихъ послѣднихъ словъ:
Мой трупъ, обвитый пеленою,
Мой гробъ, мой черный гробовой покровъ
Ты окропи святой водою.

„Чтобъ изъ свинца мой крѣпкій гробъ былъ [слитъ,
Семью окованъ обручами,
Во храмъ внесенъ, предъ алтаремъ прибитъ
Къ помосту крѣпкими цѣпями.

„И цѣпи окропи святой водой...
Чтобы священники соборомъ
И день и ночь стояли надо мной
И пѣли панихиду хоромъ;

„Чтобъ пятьдесятъ на клиросахъ дьячковъ
За ними въ черныхъ рясахъ пѣли;
Чтобъ день и ночь свѣчи у образовъ
Изъ воска яраго горѣли;

„Чтобы звучнѣй во всѣ колокола
Съ молитвой день и ночь звонили;
Чтобъ заперта во храмѣ дверь была;
Чтобъ дьяконы предъ ней кадили;

„Чтобъ крѣпокъ былъ запоръ церковныхъ [вратъ;
Чтобы съ полуночнаго бдѣнья
Онъ ни на мигъ съ растворовъ не былъ снятъ
До солнечнаго восхожденья.

„Съ обрядомъ тѣмъ молитеся три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтобъ не достигъ губитель до меня,
Чтобъ прахъ мой принятъ былъ землею“.

И гласъ ея быть слышенъ пересталъ;
Померкши очи закатились;
Послѣдній вздохъ въ груди затрепеталъ;
Уста, охолодѣвъ, раскрылись.

И хладный трупъ, и саванъ гробовой,
И гробъ подъ черной пеленою
Священники съ приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гробъ положены,
Три цѣпи тяжкими винтами
Вонзились въ гробъ и съ нимъ утверждены
Въ помостъ предъ царскими дверями.

И вспрыснуты онѣ святой водой,
И всѣ священники въ собраньѣ,
Чтобъ день и ночь душѣ на упокой
Свершать во храмѣ поминанье.

Поютъ дьячки, всѣ въ черныхъ стихаряхъ,
Медлительными голосами,
Горятъ свѣчи надгробны въ ихъ рукахъ,
Горятъ свѣчи предъ образами.

Протяжный гласъ и блѣдный ликъ пѣвцовъ,
Печальный, страшный сумракъ храма,
И тихій гробъ, и длинный рядъ поповъ
Въ туманѣ зыбкомъ ѳиміама,

И горестный чернецъ предъ алтаремъ,
Творящій до земли поклоны,
И въ высотѣ дрожащихъ свѣчъ огнемъ
Чуть озаренныя иконы...

Ужасный видъ! колокола звонятъ;
Ужъ часъ полуночнаго бдѣнья...
И заперлись затворы тяжкихъ вратъ
Передъ начатіемъ моленья.

И въ перву ночь отъ свѣчъ веселый блескъ.
И вдругъ... къ полночи, за вратами

Ужасный вой, ужасный шумъ и трескъ,
И слышалось: гремятъ цѣпями.

Желѣзныхъ вратъ запоръ, стуча, дрожитъ,
Звонятъ на колокольнѣ звонче,
Молитву клиръ усерднѣе творитъ,
И пѣніе поющихъ громче.

Гудятъ колокола, дьячки поютъ,
Попы молитвы вслухъ читаютъ,
Чернецъ въ слезахъ, въ кадилахъ ладанъ [жгутъ,
И свѣчи яркія пылаютъ.

Запѣлъ пѣтухъ... и смолкнувши бѣгутъ
Враги, не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на клиросахъ поютъ,
Смѣлѣй попы творятъ молитвы.

Въ другую ночь отъ свѣчъ темнѣе свѣтъ;
И слабо теплются кадилы;
И гробовой у всѣхъ на лицахъ цвѣтъ:
Какъ-будто встали изъ могилы.

И снова ревъ и шумъ и трескъ у вратъ;
Грызутъ замокъ, въ затворы рвутся;
Какъ-будто вихрь, какъ-будто шумный градъ,
Какъ-будто воды съ горъ несутся.

Предъ алтаремъ чернецъ на землю палъ,
Священники творятъ поклоны,
И дымъ отъ свѣчъ туманныхъ побѣжалъ,
И потемнѣли всѣ иконы.

Сильнѣе стукъ—звучнѣй колокола,
И трепетнѣй поющихъ голосъ:
Въ крови ихъ хладъ, объемлетъ очи мгла,
Дрожатъ колѣна, дыбомъ волосъ.

Запѣлъ пѣтухъ... и прочь враги бѣгутъ,
Опять не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на клиросахъ поютъ,
Попы смѣлѣй творятъ молитвы.

На третью ночь свѣчи едва горятъ;
И дымъ густой, и запахъ сѣрный;
Какъ рядъ тѣней, попы во мглѣ стоятъ;
Чуть видѣнъ гробъ во мракѣ черный.

И стукъ у вратъ: какъ-будто океанъ
Подъ бурею реветъ и воетъ,
Какъ-будто степь песчаную орканъ
Свистящими крылами роетъ.

И звонари отъ страха чуть звонятъ,
И руки имъ служить не вольны;
Часъ-отъ-часу страшнѣе громъ у вратъ,
И звонъ слабѣе колокольный.

Дрожа упалъ чернецъ предъ алтаремъ,
Молиться силы нѣтъ; во прахѣ
Лежитъ, къ землѣ приникнувши лицомъ;
Поднять глаза не смѣетъ въ страхѣ.

И пѣвчихъ хоръ, досель согласный, сталъ
Нестройнымъ крикомъ отъ смятенья:
Имъ чудилось, что церковь зашаталъ
Какъ бы ударъ землетрясенья.

Вдругъ затускнѣлъ огонь во всѣхъ свѣчахъ,
Погасли всѣ и закурились;
И замеръ гласъ у пѣвчихъ на устахъ...
Всѣ трепетали, всѣ крестились.

И раздалось... какъ-будто оный гласъ,
Который грянетъ надъ гробами;
И храма дверь со стукомъ затряслась,
И на полъ рухнула съ петлями.

И онъ предсталъ весь въ пламени очамъ,
Свирѣпый, мрачный, разъяренной;
Но не дерзнулъ войти онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раздробленной.

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ни чьей не тронутой рукою;
И вмигъ на немъ не стало обручей...
Они разсыпались золою.

И вскрылся гробъ. Онъ къ тѣлу вопіетъ:
„Возстань, иди во слѣдъ владыкѣ!“
И проступилъ отъ словъ сихъ хладный потъ
На мертвомъ, неподвижномъ ликѣ.

И тихо трупъ со стономъ тяжкимъ всталъ,
Покоренъ страшному призванью;
И никогда здѣсь смертный не слыхалъ
Подобнаго тому стенанью.

Шатаяся пошла она къ дверямъ:
Огромный конь чернѣе ночи,
Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И какъ пожаръ пылали очи.

И на коня съ добычей прянулъ врагъ;
И трупъ завылъ; и быстротечно
Конь полетѣлъ, взвивая дымъ и прахъ,
И слухъ объ ней пропалъ навѣчно.

Никто не зрѣлъ, какъ съ нею мчался онъ...
Лишь страшный слѣдъ нашли на прахѣ;
Лишь, внемля крикъ, всю ночь сквозь тяжкій [сонъ
Младенцы вздрагивали въ страхѣ.

(1814 г.)

ВАРВИКЪ.

(Изъ Саути.)

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;
И слышали одни брега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Отъ подданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ—
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій брегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ бреговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ;
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанныя села
Дымились по утрамъ;
Отъ рѣзвыхъ стадъ равнина вся шумѣла,
И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Спѣшилъ, съ пути прохожій совратяся,
На Ирлингфоръ взглянуть,
И красотой картинъ его плѣняся,
Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ природы:
Вотще въ его глазахъ
Цвѣтутъ лѣса, віяся блещутъ воды,
И радость на лугахъ.

И устремить, трепещущій, не смѣетъ
Онъ взора на Авонъ:
Оттоль зефиръ во слухъ убійцы вѣетъ
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи
Все тотъ же слышенъ крикъ,
И чудятся блистающія очи,
И блѣдный странный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ бреговъ уходитъ—
Пріюта въ мірѣ нѣтъ:
Страшилищемъ ужаснымъ совѣсть бродитъ
Вездѣ за нимъ во слѣдъ.

И онъ пришелъ опять въ свою обитель;
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель,
Въ дому его чужой.

Часы стоятъ окованы тоскою,
А мѣсяцы бѣгутъ...
Бѣгутъ—и день убійства за собою
Невидимо несутъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ провожаетъ
Варвикъ ночную тѣнь,
Дрожи! (ему гласъ совѣсти вѣщаетъ)
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день; отъ молній небо блещетъ;
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливмя льетъ: волнами съ воемъ пле-
Разлившійся Авонъ. [щетъ

Вотще Варвикъ, среди веселій шума,
Цѣдитъ въ бокалъ вино—
Съ нимъ за столомъ садится рядомъ дума:
Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродитъ
Въ толпѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ: съ лица его не сводитъ
Пронзительныхъ очей.

И день угасъ... Варвикъ спѣшитъ на ложе...
Но и въ тиши ночной,
И на одрѣ уединенномъ то же;
Тамъ сонъ, а не покой.

И мнитъ онъ зрѣть пришельца изъ могилы,
Тѣнь брата предъ собой;
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдный, взоръ
И голосъ гробовой. [унылый,

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
И тотъ же слышенъ гласъ,
Какимъ молилъ онъ быть отцомъ Эдвину
Варвика въ смертный часъ.

„Варвикъ, Варвикъ, свершилъ ли данно слово?
Исполненъ ли обѣтъ?
Варвикъ, Варвикъ, возмездіе готово;
Готовъ ли твой отвѣтъ?“

Воспрянулъ онъ... гласъ смолкнулъ... Разъя-
Одинъ во мглѣ ночной [ренно
Ревѣлъ Авонъ—но для души смятенной
Былъ сладокъ бури вой.

Но вдругъ—и въявь, средь шума и волненья,
Раздался смутный крикъ;
„Спѣши, Варвикъ, спастись отъ потопленья;
Бѣги, бѣги, Варвикъ!“

И къ берегу онъ мчится—подъ стѣною
Уже Авонъ кипитъ;
Глухая ночь, одѣто небо мглою,
И мѣсяцъ въ тучахъ скрытъ.

И молитъ онъ съ подъятыми руками:
„Спаси, спаси, Творецъ!“
И вдругъ—мелькнулъ челнокъ между вол-
И въ челнокѣ пловецъ. [нами,

Варвикъ зоветъ, Варвикъ манитъ рукою—
Не внемля шума волнъ,
Пловецъ сидитъ спокойно надъ кормою,
И правитъ къ брегу челнъ.

И съ трепетомъ Варвикъ въ челнокъ са-
Стрѣлой помчался онъ... [дится—
Молчитъ пловецъ... молчитъ Варвикъ... вотъ,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ. [мнится,

На спутника уставилъ кормщикъ очи:
„Не слышался ли крикъ?“
—Нѣтъ, просвисталъ въ твой парусъ вѣтеръ
Смутясь, сказалъ Варвикъ. [ночи,

—Правь, кормщикъ, правь, не скоро челнъ
Гроза со всѣхъ сторонъ.— [домчится,
Умолкнули... плывутъ... вотъ снова мнится
Имъ слышать тяжкій стонъ.

„Младенца крикъ! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ“.
—Правь, кормщикъ, правь; рѣка покрыта [мглою;
Кто тамъ его найдетъ?

Варвикъ, Варвикъ, часъ смертный зрѣть [ужасно!
Ужасно умирать!
„Варвикъ, Варвикъ, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?

„Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;
Облитъ онъ хладомъ волнъ;
Еще его не видимъ мы очами,
Но онъ... нашъ видитъ челнъ!“

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,
И близко челнока...
Вдругъ, въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ облака,

И съ яркими сліялася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла;
Зрятъ на скалѣ дитя между волнами;
И тонетъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ, челнокъ летитъ стрѣлою,
Въ смятеніи Варвикъ,
И озаренъ младенца ликъ луною,
И страшно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожитъ—и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ—
И со скалы спрыгнулъ младенецъ въ волны,
Къ его рукѣ прильнулъ.

И вмигъ... дитя, челнокъ, пловецъ незримы;
Въ рукахъ его мертвецъ:
Эдвиновъ трупъ, холодный, недвижимый,
Тяжелый какъ свинецъ.

Утихло все—и небеса и волны:
Исчезъ въ водахъ Варвикъ;
Лишь слышали одни брега безмолвны
Убійцы страшный крикъ.

(1814 г.)

АЛИНА И АЛЬСИМЪ.

(Изъ Монкрифа.)

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали—
Всему конецъ!
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить;
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Когда случится, жизни въ свѣтѣ,
Сказать душой
Ему: ты будь моя на свѣтѣ;
А ей: ты мой:
И вдругъ придется для другого
Любовь забыть—
Что жребія страшнѣй такого?
И льзя ли жить?

Алина матери призналась:
„Мнѣ милъ Альсимъ;
Давно я въ тайнѣ помѣнялась
Душою съ нимъ;
Давно люблю ему сказала;
Дай счастье намъ“.
—Нѣтъ, дочь моя, за генерала
Тебя отдамъ.—

И въ монастырь святой Ирины
Отвозитъ дочь.
Тоска-печаль въ душѣ Алины
И день и ночь.
Три года длилося изгнанье;
Не усладилъ
Ни разу другъ ея страданье,
Но все онъ милъ.

Однажды... о! какъ свѣтъ коваренъ!..
Сказала мать:
„Любовникъ твой неблагодаренъ!“
И ей читать
Она даетъ письмо Альсима.
Его черты:
Прости: другая мной любима;
Свободна ты.

Готово все: женихъ приходитъ;
Идутъ во храмъ;
Вокругъ налоя ихъ обводитъ
Священникъ тамъ.
Увы! Алина, что съ тобою?
Кто твой супругъ?
Ты сердца не дала съ рукою—
Въ немъ прежній другъ.

Какъ смирный агнецъ на закланье,
Вся убрана;
Вокругъ веселье, ликованье—
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать даритъ:
Напрасно... прежняго веселья
Не возвратитъ.

Но какъ же дни свои смиренно
Ведетъ она!
Вся жизнь семьѣ уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбѣ своей;
Супругу жъ то, что сохранилось
Отъ сердца ей.

Но все, попрежнему, печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встрѣчали—
Все мысль одна.
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,

Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь—воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его—страданье,
А пользы нѣтъ.
Все поневолѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь! напоминаемъ
Душѣ объ ней.

Однажды, пріунывъ, Алина
Сидѣла; вдругъ
Купца къ ней вводитъ армянина
Ея супругъ.
„Вотъ цѣпи, дорогія шали,
Жемчугъ, кораллъ;
Они лѣкарство отъ печали:
Я такъ слыхалъ.

„На что намъ деньги? На веселье.
Кому ихъ жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цѣпочку, шаль,
Иль жемчугъ у армянина;
Вотъ кошелекъ.
Я скоро возвращусь, Алина;
Прости дружокъ“.

Товары передъ ней открывши,
Купецъ молчитъ;
Алина голову склонивши,
Какъ не глядитъ.
Онъ, взоръ потупя, разбираетъ
Жемчугъ, алмазъ;
Подноситъ молча, но вздыхаетъ
Онъ каждый разъ.

Блистала красота младая
Въ его чертахъ;
Но блѣденъ, борода густая,
Печаль въ глазахъ.
Мила для взора живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

Она не видитъ, не внимаетъ—
Мысль далеко.
Но часто, часто онъ вздыхаетъ,
И глубоко.
Что (мыслитъ) онъ такой унылой:
Чѣмъ огорченъ?
Ахъ! если потерялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

„Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
О чемъ печаль?
Не отъ любви ль?.. Ахъ, всей душою,
Тебя мнѣ жаль“.
— Что пользы? Горя намъ словами
Не утолить,
И невозвратнаго слезами
Не возвратить.

— Одно сокровище безцѣнно
Я въ мірѣ зналъ;
Подобнаго Творецъ вселенной
Не создавалъ.
И я одно имѣлъ въ предметѣ:
Имъ обладать.
За то бы радъ былъ все на свѣтѣ—
И жизнь отдать.

— Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ.
Но року вздумалось лихому
Мнѣ повредить,
И счастіе мое другому
Съ нимъ подарить.

— Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моей тоской
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной:
Но, ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ.

„Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокалъ?“
— О нѣтъ, оно милѣе злата.
„Рубинъ, кораллъ?“
— Не тяжко потерять ихъ. „Что же?
Царевъ алмазъ?“
— Нѣтъ, нѣтъ, алмазовъ всѣхъ дороже
Оно сто разъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
Въ немъ погубилъ,
Я самъ, на память, образъ милой
Изобразилъ.
И на черты его прелестны
Смотрю въ слезахъ:
Мои всѣ блага поднебесны
Въ его чертахъ.—

Алина слушала уныло
Его разсказъ.
„Могу ль на этотъ образъ милой
Взглянуть хоть разъ?“
Алинѣ, молча, какъ убитый,
Онъ подаетъ
Парчею досканецъ обвитый,
Самъ слезы льетъ.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка съ надписью златою;
Она прочла:
„Здѣсь все, что я, осиротѣлой,
Моимъ зову;

Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
Все, чѣмъ живу“.

Дощечку съ трепетомъ раскрыла—
И что же тамъ?
Что новая судьба явила
Ея очамъ?
Дрожитъ, дыханье прекратилось...
Какой предметъ!
И въ комъ бы сердце не смутилось?..
Ея портретъ.

— Алина, пробудись, другъ милой;
Съ тобою я.
Ничто души не измѣнило;
Она твоя.
Въ послѣдній разъ: люблю Алину,
Пришелъ сказать;
Тебя покинувъ, жизнь покину,
Чтобъ не страдать.—

Алина съ горемъ и тоскою
Ему въ отвѣтъ:
„Альсимъ, я вѣрной быть женою
Дала обѣтъ.
Хоть долгъ и тяжкой, и постылой,
Все покорись;
А ты—не умирай, другъ милой;
Но... удались“.

Алинѣ руку на прощанье
Онъ подаетъ:
Она беретъ ее въ молчаньѣ
И къ сердцу жметъ.
Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленьѣ
Онъ задрожалъ,
И имъ во грудь въ одно мгновенье
Вонзилъ кинжалъ.

Альсима нѣтъ; Алина дышитъ:
„Невинна я!
(Такъ говоритъ) Всевышній слышитъ
Насъ Судія.
За что жъ рука твоя пронзила
Алинѣ грудь?
Но Богъ съ тобой; я все простила;
Ты все забудь“.

Убійца съ той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится
Алины тѣнь.
Обагрена кровавымъ токомъ
Вся грудь ея;
И говоритъ ему съ упрекомъ:
„Невинна я“.

(1814 г.)

ЭЛЬВИНА И ЭДВИНЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ МАЛЛЕТУ.)

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась—
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
„Всѣ блага жизни ей!“

Какъ лилія была чиста душою,
И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ—
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота;
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь день;
Вдвоемъ и радости всѣ вдвое...
Но, ахъ! онѣ какъ тѣнь.

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинѣ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь—на счастье двухъ сердецъ.
„Разстаньтесь!“ роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ стра-[сти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить...
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви—все было только сонъ;
Онъ розно съ ней; онъ съ ней и встрѣчи
Бояться осужденъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эль-[вины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна.

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланитъ румяный цвѣтъ пропалъ;
Ихъ горе блѣдностью покрыло...
Несчастный увядалъ.

И не спасутъ его младыя лѣты;
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты!..
Всему, всему конецъ.

И молитъ онъ: „Друзья, изъ сожалѣнья...
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть...
Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть".

Она пришла, но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ;
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открытъ.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ;
Ни тѣни прежняго Эдвина;
Ликъ блѣдный, слабый гласъ.

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ;
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ!

И въ тьмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качалъ, свистя во мракѣ, дерева,
И выла на стѣнѣ оградной
Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала,
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
Казалось—тѣнь его летала,
Казалось—онъ стоналъ.

Но... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала—
Блѣдна и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
„Прости, все кончилось! (сказала).
Мой ангелъ улетѣлъ!

„Благослови... зовутъ... иду къ Эдвину...
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ".
Умолкла... мать зоветъ Эльвину...
Эльвины больше нѣтъ.

(1814 г.)

АХИЛЛЪ *).

Отуманилася Ида,
Омрачился Иліонъ,
Спитъ во мракѣ станъ Атрида,
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близъ шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены;
Виденъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ **):
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана;
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотритъ въ даль—тамъ съ колесницей
На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ; ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
„Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха...
Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

„И съ денницею печальной
Воскурится ѳиміамъ,
Огласятся погребальной
Пѣснью каждый домъ и храмъ;
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
Пепелъ въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
Миръ въ странѣ тѣней дадутъ.

— „О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склонялъ,
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,

---

*) Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго безъ славы, или умереть въ молодости со славою—онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Иліона. Онъ зналъ, что конецъ его вскорѣ послѣдуетъ за смертію Гектора—и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ повсюду, и въ шумный бой и въ уединенный шатеръ; вездѣ онъ помнилъ о ней; наконецъ, онъ слышалъ и пророческій голосъ коней своихъ, возвѣстившій ему погибель.—*В. Ж.*

**) Пріамъ приходилъ одинъ, ночью, въ греческій станъ молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольбы сего старца тронули душу грознаго героя: онъ возвратилъ Пріаму обезображенный трупъ его сына, и старецъ невредимо возвратился въ Трою.—*В. Ж.*

Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину...
Ахъ, не сѣтуй! гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
И меня постигъ Зевесъ.

„Близокъ часъ мой; роковая
Приготовлена стрѣла;
Парка, жребію внимая,
Дни мои ужъ отвила;
И скрипятъ врата Аида *),
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пелида,
Факелъ дней его угасъ.

„Вѣрный другъ мой взятъ могилой;
Брата бой меня лишилъ—
Вслѣдъ за нимъ съ земли унылой
Удалится и Ахиллъ.
Такъ судилъ мнѣ Рокъ жестокой:
Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ брегу, далеко
Отъ Пелеевыхъ очей.

„Ахъ! и сердце запрещаетъ
Долѣ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужъ другъ не услаждаетъ
Душу сирую мою.
Гекторъ палъ—его паденьемъ
Тѣнь Патрокла я смирилъ,
Но себѣ за друга мщеньемъ
Путь къ Тенару проложилъ.

„Ты не жди, Менетій, сына **);
Не придетъ онъ въ отчій домъ...
Здѣсь Эгейская пучина
Предъ его шумитъ холмомъ;
Спитъ онъ... смерть сковала длани,
Позабылъ ко славѣ путь,
И призывный голосъ брани
Не вздымаетъ хладну грудь.

„И Ахиллъ не возвратится;
Въ домѣ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится...
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани—
Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ свой въ новы ткани
Для пріема убирать;

„Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть—въ пустой дали
Не бѣлѣетъ ли вѣтрило,
Не плывутъ ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои—
А меня ни на одномъ;
Тамъ, гдѣ билися герои,
Буду спать—и вѣчнымъ сномъ.

„Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать—
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладитъ,
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не долетитъ.

„Край отчизны, свѣтлы воды,
Очарованны мѣста;
Миртъ, оливъ и лавровъ своды,
Пышныхъ доловъ красота,
Расцвѣтайте, убирайтесь,
Какъ и прежде, красотой;
Какъ и прежде, оглашайтесь
Кликомъ радости одной.

„Но Патрокла и Ахилла
Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сулила
Вамъ рука моя отдать
Волоса съ моей, отъ брани
Уцѣлѣвшей головы...
Всѣ Патроклу въ даръ, и дани
Ужъ моей не ждите вы.

„Кони быстрые, изъ боя
(Тайный рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя—
И на щитъ онъ мертвый палъ;
Кони бодрые, ретивы,
Что жъ теперь такъ мрачны вы?
По землѣ влачатся гривы,
Наклонилися главы;

„Позабыта пища вами,
Груди мощныя дрожатъ,
Слышу стонъ вашъ, и слезами
Очи гордыя блестятъ.
Знать, Ахилловъ предъ собою
Зрите вы послѣдній часъ,
Знать, внушенъ былъ вамъ судьбою
Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ...

„Скоро!.. лукъ свой напрягаетъ
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ.
И Патроклъ съ бреговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.

„Какъ Зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды минувшихъ слезъ...
Я простеръ ко брату руки...
Онъ во мглѣ пустой исчезъ.

---

*) Аидомъ назывался у грековъ адъ; Плутонъ былъ проименованъ Айдонеемъ.—*В. Ж.*

**) Менетій—отецъ Патрокла.—*В. Ж.*

„Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ *);
Брегъ увидитъ незнакомый,
И зеленый холмъ на немъ;
Кормщикъ юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ —
„Вотъ Ахилловъ гробъ (онъ скажетъ);
„Тамъ вблизи былъ грековъ станъ.

„Тамъ, ужасный, на оградѣ
„Намъ явился онъ въ ночи—
„Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
„Съ шлема грозные лучи—
„И трикраты звучнымъ крикомъ
„На врага онъ грянулъ страхъ,
„И троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
„Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ.

„Тамъ, Атриду давъ десницу,
„Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
„Тамъ гремящій, въ колесницу
„Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;
„Тамъ по праху за собою
„Тѣло Гекторово мчалъ,
„И на трепетную Трою
„Взглядомъ мщенія сверкалъ!"

„И сойдешь на брегъ священный
Съ корабля, Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
Положить и мечъ и шлемъ;
Вкругъ ужъ пусто... смолкли бои,
Тихи Ксантъ и Симоисъ,
И уже на грудахъ Трои
Плющъ и терніе свились.

„Обойдешь равнину брани...
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ;
И услышишь надъ собою,
Двухъ невидимыхъ полетъ...
Это мы... рука съ рукою...
Мы, друзья минувшихъ лѣтъ.

„Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро въ мірѣ онъ протекъ;
Здѣсь судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга трупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ".

Онъ умолкъ... въ туманѣ Ида,
Отуманенъ Иліонъ,
Спитъ во вракѣ станъ Атрида,
На равнинѣ битвы сонъ;
И, курясь, едва сверкаетъ
Пламя гаснущихъ костровъ;
И протяжно окликаетъ
Стража стражу близъ шатровъ.

(1814 г.)

*) Пирръ—сынъ Ахилла и Дейдаміи, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, когда Ахиллъ ратовалъ подъ стѣнами Иліона, онъ находился въ Скиросѣ у дѣда своего, царя Ликомеда.—*В. Ж.*

ЭОЛОВА АРФА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ зáмкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя зáмокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ оленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Оленей рогами;
И въ память отцамъ,
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей,
Какъ роза—дыханье,
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ;

В Морвену толпою
Стекалися витязи, славны в бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ...
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза—утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный...
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ...
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна,
И озера воды

Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ,
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ".

— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный! о милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.

Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ зáмка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ,
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ,
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,

„Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ,
Ты жъ царскаго сана
И предками славенъ твой гордый отецъ".

— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.

„Минутная сладость
Веселаго вмѣстѣ, помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
Навѣкъ не умчится съ грядущей зарей!

Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ“.

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый—съ тобой!

„Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ“.
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.

„Ужъ въ за́мкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ“.
— О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.
„Заря ужъ багряна“.
— О милый, постой.
„Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?“

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
„Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

„Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

„И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

„Что, жизнь пережившú,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.

А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай“.

Умолкъ—и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ...
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: „навѣки прости!“ говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ пропалъ...

Луна возсіяла...
Минвана у древа... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ.
Молва о свиданьѣ
Достигла отца...
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младого пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана грустить.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ.
Все пусто. День ясный
Взойдетъ и зайдетъ—
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышитъ
Тамъ вѣтеръ вечерній, въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышитъ,
И арфу лобзаетъ.... но арфа молчитъ.—
Творенія радость,
Настала весна—
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день:
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа... душой вдалекѣ...
И тихо все было...
Вдругъ... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы,
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты...

И вдругъ... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:

То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—
И мнились ей звуки,
Какъ-будто летящій отъ родины гласъ.

„О, милыя струны,
Играйте, играйте... мой часъ не далекъ;
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?.. и болѣ цвѣтка не найдетъ".

И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой ей сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

(1814 г.)

МЩЕНІЕ.

(Изъ Уланда.)

Измѣной слуга паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночною порой—
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры, и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ,

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока—
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока;

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

(1816 г.)

ГАРАЛЬДЪ.

(Изъ Уланда.)

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ,
Что зыблется въ листахъ,
Что налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ;
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То фея... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ;
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ,
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ.
Сѣдыя кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

(1816 г.)

ТРИ ПѢСНИ.

(Изъ Уланда.)

„Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую скальдъ?“
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь:
Подъ-мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

„Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
Тобою, могучій, забыта она;
Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
Та пѣсня: отца моего ты убилъ.

„Есть пѣсня другая: ужасна она,
И мною подъ бурей ночей сложена,
Пою ее ранней и поздней порой,
И пѣсня та: бейся, убійца, со мной!“

Онъ въ сторону арфу и мечъ наголо,
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ,
И рухнулъ Освальдъ—голова пополамъ.

„Раздайся жъ послѣдняя пѣсня моя;
Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
Та пѣсня: убійца поверженъ въ крови!“

(1816 г.)

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

(Изъ Шиллера.)

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ,
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разно-[силъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ,
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ бле-[стятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной
Все царскій мой духъ восхищаетъ...
Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ

Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой—
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?"

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что въ сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?"

—Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.—

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ понамарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

„И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

„Куда? изумившійся графъ вопросилъ.
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣ-
И алчетъ небесныя пищи. [шилъ,
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мо-
Его разбросало водою; [стокъ—
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—

„И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

„Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, Чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье.—

—„Да будь же Вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды".

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устре-
И таинство словъ объяснилось: [милъ—
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой:
И слезы свои, отъ толпы, золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.
(1818 г.)

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

(Изъ Шиллера.)

„Сладко мнѣ твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовію иною
Не могу любить:
При разлукѣ, при свиданьѣ
Сердце въ тишинѣ—
И любви твоей страданье
Непонятно мнѣ".

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпко сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ,
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
Сарацинъ бѣжитъ...
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болитъ.

Годъ прошелъ безъ утоленья...
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.
Зритъ корабль—шумятъ вѣтрилы,
Бьетъ въ корму волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
„Узы вѣчнаго обѣта
Приняла она;
И погибшая для свѣта,
Богу отдана".

Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
Конь навѣкъ забытъ;
Власяной покрытъ одеждой,
Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой:
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ—
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

И дождавшися, на ложе
Простирался онъ,
И надежда: завтра то же!
Услаждала сонъ.
Время годы уводило...
Для него жъ одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно,

Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.
Разъ—туманно утро было—
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.
(1818 г.)

РЫБАКЪ.

(Подражаніе Гете.)

Бѣжитъ волна, шумитъ волна;
Задумчивъ, надъ рѣкой
Сидитъ рыбакъ, душа полна
Прохладной тишиной.
Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой;
Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ...
И влажною всплыла главой
Красавица изъ нихъ.

Глядитъ она, поетъ она:
„Зачѣмъ ты мой народъ
Манишь, влечешь съ родного дна
Въ кипучій жаръ изъ водъ?
Ахъ, если бъ зналъ, какъ рыбкой жить
Привольно въ глубинѣ,
Не сталъ бы ты себя томить
На знойной вышинѣ.

„Не часто ль солнце образъ свой
Купаетъ въ лонѣ водъ?
Не свѣжей ли горитъ красой
Его изъ нихъ исходъ?
Не съ ними ли сводъ неба слитъ
Прохладно-голубой?
Не въ лоно ль ихъ тебя манитъ
И ликъ твой молодой?"

Бѣжитъ волна, шумитъ волна...
На берегъ валъ плеснулъ...
Въ немъ вся душа, тоски полна,
Какъ-будто другъ шепнулъ.
Она поетъ, она манитъ—
Знать, часъ его насталъ!
Къ нему она, онъ къ ней бѣжитъ ..
И слѣдъ навѣкъ пропалъ.
(1818 г.).

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

(Изъ Гёте.)

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ:
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

—Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
„Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой".
—О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
„Веселаго много въ моей сторонѣ;
„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
„Изъ золота слиты чертоги мои“.

„Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ“.
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

„Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
„Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
„При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
„Играя, летая, тебя усыплять“.

„Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей“.
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—

„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
„Неволей иль волей, а будешь ты мой“.—
„Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать“.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

(1818 г.)

УЗНИКЪ.

„За днями дни идутъ, идутъ...
Напрасно;
Они свободы не ведутъ
Прекрасной;
Объ ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

„Смотрю въ высокое окно
Темницы:
Все небо свѣтомъ зажжено
Денницы;
На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка
Летаютъ вольно облака.

„И такъ всѣ блага замѣнить
Могилой?
И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить
Такъ мило;
Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать:
Еще мнѣ рано умирать.

„Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ
Жила я;
Лишь мигъ на праздникѣ земномъ
Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!“

Такъ голосъ заунывный пѣлъ
Въ темницѣ...
И сердцемъ юноша летѣлъ
Къ пѣвицѣ...
Но онъ въ неволѣ, какъ она;
Межъ ними хладная стѣна.

И тщетно съ ней онъ разлученъ
Стѣною;
Невидимую знаетъ онъ
Душою;
И мысль объ ней и день и ночь
Отъ сердца не отходитъ прочь.

Все видитъ онъ: во тьмѣ она
Тюремной

Сидитъ, раздумью предана;
Взоръ томной;
Младенчески прекрасенъ видъ,
И слезы падаютъ съ ланитъ.

И ночью, забывая сонъ,
Въ мечтаньѣ,
Ея подслушиваетъ онъ
Дыханье;
И на устахъ его горитъ
Огонь ея младыхъ ланитъ.

Таясь, страданія однѣ
Дѣлить съ ней,
Въ одной темничной глубинѣ
Молить съ ней
Согласной думой и тоской
Отъ неба участи одной—

Вотъ жизнь его; другой не ждетъ
Онъ доли;
Онъ, равнодушный, не зоветъ
И воли:
Съ ней розно въ свѣтѣ жизни нѣтъ;
Прекрасенъ только ею свѣтъ.

„Не ты ль (онъ мнитъ) давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?

„Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

„Когда же сердце ясный взоръ
Твой встрѣтитъ?
Когда, разрушивъ сей затворъ,
Освѣтитъ
Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
Лети, лети, желанный часъ!"

Напрасно... часъ не прилетѣлъ
Желанный;
Другой Создателемъ удѣлъ
Избранный
Достался узницѣ младой—
Небесно-тайный, не земной.

Разъ слышитъ онъ: затворовъ громъ,
Рыданье,
Звукъ цѣпи, голоса... потомъ
Молчанье...
И ужасъ грудь его томитъ—
И тщетно ждетъ онъ... все молчитъ.

Увы! удѣлъ его рѣшенъ...
Угрюмый,
На вѣкъ грядущаго лишенъ,
Всѣ думы
За ней онъ въ гробъ переселилъ,
И молитъ рокъ, чтобъ поспѣшилъ.

Однажды, только занялась
Денница,
Его со стукомъ расперлась
Темница.
„О радость! (мнитъ онъ) скоро къ ней!"
И что жъ?.. Свобода у дверей.

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы:
Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ;
Дни, годы
Напрасно будутъ проходить...
Погибшаго не возвратить.

Ахъ! слово милое объ ней
Кто скажетъ?
Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажетъ?
Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
Гдѣ тотъ, кого своимъ звала?

И нѣтъ ему въ семьѣ родной
Услады;
Задумчивъ, грустію нѣмой
Онъ взгляды
Сердечные встрѣчаетъ ихъ;
Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Настанетъ день—ни съ мѣста онъ;
Безгласный,
Душой въ мечтанье погруженъ;
Взоръ страстный
Исполненъ смутнаго огня,
Стоитъ онъ, голову склоня.

Но тихо въ сумракѣ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводитъ:
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приноситъ вѣсть...

О миломъ вѣсть; и въ міръ иной
Призванье...
И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;
Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣтится она.

Онъ таялъ, гаснулъ и угасъ...
И мнилось,
Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала.
И жизнь въ улыбкѣ отошла.

(1819 г.)

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

(Изъ Вальтеръ-Скотта.)

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

Анкрамморскія битвы баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ;

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на немъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня, за стѣной,
Притаяся въ кустахъ, онъ стоялъ;
И три раза онъ свистнулъ—и пажъ молодой
На условленный свистъ прибѣжалъ.

—Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои:
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой,
Мнѣ теперь ты всю правду скажи:
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
И кто былъ у твоей госпожи?—

„Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, проходила тайкомъ.
(Вѣдь, огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не прокрасться во мракѣ ночномъ.)

И на первую ночь непогода была,
И безъ умолку филинъ кричалъ;
И она въ непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнотѣ;
И сидѣла одна—я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ—
О Творецъ! у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Подпершися мечомъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ ночномъ
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безненастна была,
И порывистый вѣтеръ молчалъ:
И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала (я слышалъ): „Въ полуночный часъ,
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ:
Онъ теперь на свиданьи иномъ:

„Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь:
Онъ въ сраженьи забылъ про меня,—
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Наканунѣ Иванова дня“.

—Я не властенъ притти, я не долженъ притти,
Я не смѣю притти (былъ отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду... мнѣ товарища нѣтъ.—

„О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ,
И тиха, и темна, и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ.

„Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И въ пріютѣ моемъ предъ Ивановымъ днемъ
Безопасенъ ты будешь со мной“.

—Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ;
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.—

„Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить;
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будетъ три дни поминки творить“.

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
—Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть-можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ,
Я приду подъ защитою мглы.—
Онъ сказалъ.. и она... я смотрю... ужъ одна
У маяка пустынной скалы“.

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.
—Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ!

„Показалося мнѣ при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ“.

—Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ притти: онъ убитъ на пути,
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

„Нѣтъ! не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ“.

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
—Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей,
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.—

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена—и тиха и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

—Я съ тобою опять, молодая жена.
„Въ добрый часъ, благородный баронъ.
Что разскажешь ты мнѣ; рѣшена ли война?
Поразилъ ли Боклю, иль сраженъ?“

—Англичанинъ разбитъ; англичанинъ бѣжитъ
Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей.—

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова... ни слова и онъ;
И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
И за нею суровый баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:
„Не пробудится онъ; не подымется онъ;
Мертвецы не встаютъ изъ могилъ“.

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
Межъ разсвѣтомъ и утренней тьмой,
И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днемъ
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящимъ, открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакѣ и бронѣ
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

—Воротись, удалися, она говоритъ.
„Я къ свиданью тобой приглашенъ;
Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
Не страшись, не услышитъ насъ онъ.

„Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
На дорогѣ измѣной убитъ;
Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
Поминаютъ—и трупъ мой зарытъ.

„Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной!
И ужасный теперь ему сонъ!
И надолго во мглѣ на пустынной скалѣ,
Какъ маякъ я бродить осужденъ;

„Гдѣ видалися мы подъ защитою тьмы,
Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ:
И сюда съ высоты не сошелъ бы... но ты
Заклинала Ивановымъ днемъ“.

Содрогнулась она, и смятенья полна,
Вопросила:—Но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ ли иль нѣтъ?..
Онъ печально потрясъ головой.

„Выкупается кровью пролитая кровь—
То убійцѣ скажи моему.
Беззаконную небо караетъ любовь—
Ты сама будь свидѣтель тому“.

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожалъ—
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая на столѣ вожжена:
Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ жъ—но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей и молчитъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

(1822 г.)

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

(Изъ Шиллера.)

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ

Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.
Пойте, пойте гимнъ согласной:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.
Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ;
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратной Иліонъ.
Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ больше не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!
И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!
Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба;
Градъ великій сокрушился.
Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.
Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!
И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей!
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей.)
Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.
И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны—
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.
Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.
Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный! царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.
Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.
О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неопталемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!
Смерть велитъ умолкнуть злобѣ
(Діомедъ провозгласилъ):
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтённый и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.
Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:

И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.
И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.
(1828 г.)

КУБОКЪ.

(Изъ Шиллера.)

„Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой,
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной".

Такъ царь возгласилъ, и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?"

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?"

И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
„Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?"

И онъ подступаетъ къ наклону скалы
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ-будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратной толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ....
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!"
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

„Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

„Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина;
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна..."
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ-будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной...
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ „онъ живъ!" повторялъ!
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
Спасъ душу живую красавецъ отважной".

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

„Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

„Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

„И смутно все было внизу подо мной,
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

„Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей—однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

„И былъ я одинъ, съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко,
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

„И я содрогался... вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..
То было спасеньемъ: я схваченъ проливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ".

Чудесенъ разсказъ показался царю:
„Мой кубокъ возьми золотой;
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морскова".

То слыша, царевна, съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
„Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова".

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою".

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно;
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

(1831 г.)

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

(Изъ Шиллера.)

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
„Сколь щедро взысканъ я богами!
Сколь счастливъ я между царями!"
Царю Египта онъ сказалъ.

—Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышитъ... побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ.—

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
„Побѣдой ты украшенъ новой:
Да обовьетъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ;

Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ.
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой.
„Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами;
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала".

Испуганъ гость нежданной вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ:
Всѣ блага прочилъ я для сына...

Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ.—

Еще слова его звучали...
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ Фортуна благодѣетъ....
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ.—

Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда жъ въ несчастьѣ рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ.—

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
„Моимъ избраннымъ достояньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ...“
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
„Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!“

Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьѣ
Съ нежданной вѣстію бѣжитъ:
„Найденъ твой перстень драгоцѣнный,
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножомъ моимъ открытъ“.

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: „Бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою...“
Сказалъ—и разлучился съ нимъ.
(1831 г.)

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

(Изъ Шиллера.)

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ...
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ:
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать не воленъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ.

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?..
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,

И лѣса обнажены,—
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна,
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень—Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей;
Вы—тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Аврориным сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.
(1831 г.)

ДОНИКА.

(Изъ Саути.)

Есть озеро передъ скалой огромной;
На той скалѣ давно стоялъ
Высокій замокъ и громадой темной
Прибрежны воды омрачалъ.

На озерѣ ладья не попадалась;
Рыбакъ страшился удить въ немъ;
И ласточка, летя надъ нимъ, боялась
Къ нему дотронуться крыломъ.

Хотя бъ стада отъ жажды умирали,
Хотя бъ палилъ ихъ лѣтній зной,—
Отъ береговъ его они бѣжали
Смятенно-робкою толпой.

Случалося, что вѣтеръ и осокой
У озера не шевелилъ:
А волны въ немъ вздымалися высоко,
И въ нихъ ужасный шопотъ былъ.

Случалося, что бурею разима,
Дрожала твердая скала:
А мертвыхъ водъ поверхность недвижима
Была спокойнѣе стекла.

И каждый разъ—въ то время, какъ могилой
Кто въ замкѣ угрожаемъ былъ—
Пророчески, гармоніей унылой
Изъ бездны голосъ исходилъ.

И въ замкѣ томъ, могуществомъ великій,
Жилъ Ромуальдъ; имѣлъ онъ дочь;
Плѣнялось все красой его Доники:
Лицо—какъ день, глаза—какъ ночь.

И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
Всѣ душу приносили въ даръ;
Однимъ изъ нихъ красавица плѣнилась:
Счастливецъ этотъ былъ Эвраръ.

И радъ отецъ; и скоро ужъ наступитъ
Желанный, сладкій часъ, когда
Во храмѣ ихъ священникъ совокупитъ
Святымъ союзомъ навсегда.—

Былъ вечеръ тихъ и небеса алѣли;
Съ невѣстой шелъ рука съ рукой
Женихъ; они на озеро глядѣли
И услаждались тишиной.

Ни трепета въ листахъ деревъ, ни знака
Малѣйшей зыби на водахъ...
Лишь лаяньемъ Доникина собака
Пугала пташекъ на кустахъ.

Любовь въ груди невѣсты пламенѣла
И въ темныхъ таяла очахъ;
На жениха съ тоской она глядѣла,
Ей въ душу вкрадывался страхъ.

Все было вкругъ какой-то полно тайной;
Безмолвно гасъ лазурный сводъ:
Какой-то сонъ лежалъ необычайной
Надъ тихою равниной водъ.

Вдругъ бездна ихъ унылый и глубокой
И тихій голосъ издала:
Гармонія въ дали небесъ высокой
Отозвалась и умерла...

При звукѣ семъ Доника поблѣднѣла
И стала сумрачно-тиха;
И вдругъ... она трепещетъ, охладѣла
И пала въ руки жениха.

Оцѣпенѣвъ, въ безумствѣ изступленья
Отчаянный онъ поднялъ крикъ...
Въ Доникѣ нѣтъ ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый ликъ.

Онъ рвется... плачетъ... вдругъ пошевелились
Ея уста... потрясена
Дыханьемъ легкимъ грудь... глаза открылись...
И встала медленно она.

И мутными глядитъ кругомъ очами,
И къ другу на руку легла,
И слабая, невѣрными шагами
Обратно въ зáмокъ съ нимъ пошла.

И были съ той поры ея ланиты,
Не свѣжей розы красотой,
Но блѣдностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

Въ ея глазахъ, столь сладостно сіявшихъ,
Какой-то острый лучъ сверкалъ,
И съ блѣдностью ланитъ, глубоко впавшихъ,
Онъ что-то страшное сливалъ.

Ласкаться къ ней собака ужъ не смѣла;
Ее приkликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядѣла
И выла жалобно вдали.

Но нѣжная любовь не измѣнила:
Съ глубокой нѣжностью Эвраръ
Скорбѣлъ о ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жаръ.

И милая, дѣля его страданья,
Къ его склонилася мольбамъ:
Назначенъ день для бракосочетанья;
Женихъ повелъ невѣсту въ храмъ.

Но лишь туда вошли они, чтобъ вѣрный
Предъ алтаремъ обѣтъ изречь:
Иконы всѣ померкли вдругъ, и сѣрный
Дымъ побѣжалъ отъ брачныхъ свѣчъ.

И вотъ женихъ горячею рукою
Невѣсту за руку беретъ...
Но ужасъ овладѣлъ его душою:
Рука та холодна, какъ ледъ.

И вдругъ онъ вскрикнулъ... окруженъ лучами,
Предъ нимъ безплотный духъ стоялъ
Съ ея лицомъ, улыбкою, очами...
И въ немъ Донику онъ узналъ.

Сама жъ она съ нимъ не стояла рядомъ:
Онъ блѣдный трупъ одинъ узрѣлъ...
А мрачный бѣсъ, въ нее вселенный адомъ,
Ужасно взвылъ и улетѣлъ.

(1831 г.)

СУДЪ БОЖІЙ

НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

(Изъ Саути.)

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы:
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

„Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ“.
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: „Будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей“.

Въ зáмокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ, что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышитъ..
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
„Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна“.

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
„Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой зáмокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ“.

Ходъ былъ до Рейна отъ зáмка подземной;
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ зáмка спѣшитъ:
„Въ рейнской башнѣ спасусь!“ говоритъ.

Башня изъ рейнскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась
Грозно изъ пѣны торчащимъ она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ,
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда прiютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленiи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему, въ разстоянiи близкомъ,
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы о камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили...
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

(1831 г.)

АЛОНЗО.

(Изъ Уланда.)

Изъ далекой Палестины
Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
Къ зáмку Бальби приближался,
Полонъ пѣсней вдохновенныхъ:

Тамъ красавица младая,
Струны звонкiя подслушавъ,
Обомлѣетъ, затрепещетъ,
И съ альтана взоръ наклонитъ.

Онъ приходитъ въ зáмокъ Бальби,
И подъ окнами поетъ онъ
Все, что сердце молодое
Втайнѣ выдумать умѣло.

И цвѣты съ высокихъ оконъ,
Видитъ онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ пѣсней
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожiй
Прошепталъ съ лицомъ печальнымъ:
„Не тревожь покоя мертвыхъ;
Спитъ во гробѣ Изолина“.

И на то пѣвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова;
Но глаза его потухли
И не бьется болѣ сердце.

Какъ незапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви зáмка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробѣ Изолина,
Подъ душистыми цвѣтами,

Блѣдноликая лежала,
Всѣхъ проникъ незапный трепетъ:
Оживленная, изъ гроба
Изолина поднялася...

Отъ безчувствiя могилы
Возвратясь незапно къ жизни,
Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала;

И не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
„Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?..“

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ—и навѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ,
Ищетъ онъ свою земную,
До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу...

Небеса кругомъ сiяютъ,
Безмятежны и прекрасны...
И надеждой обольщенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличетъ тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ въ блаженствахъ безотвѣтныхъ.

(1831 г.)

ПОКАЯНІЕ.

Былъ папа готовъ литургію свершать,
Сіяя въ святомъ облаченьи,
Съ могуществомъ, даннымъ ему, отпускать
Всѣмъ грѣшникамъ ихъ прегрѣшеньи.

И папа обрядъ очищенья свершалъ;
Во прахѣ народъ простирался;
И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
Горѣ во святомъ ѳиміамѣ,
И страхъ соприсутствія Божія былъ
Разлитъ благодатно во храмѣ.

Святѣйшее слово онъ хочетъ сказать—
Устамъ не покорствуютъ звуки;
Сосудъ живоносный онъ хочетъ поднять—
Дрожащія падаютъ руки.

„Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
И бремя на немъ святотатства!
Нѣтъ части ему въ разрѣшеньи моемъ!
Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

„Нѣтъ слова, чтобъ миръ водворило оно
Въ душѣ, погублённой отнынѣ;
И онъ обрѣтетъ осужденье одно
Въ чистѣйшей небесной святынѣ.

„Бѣги жъ, осужденный; отвергнись отъ насъ;
Не жди моего заклинанья;
Бѣги, да свершу невозбранно въ сей часъ
Великій обрядъ покаянья".

Съ толпой на колѣняхъ стоялъ пилигримъ,
Въ простую одѣтъ власяницу;
Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ,
Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
Далекой отчизны, какъ нищій;
И цѣлые сорокъ онъ дней и ночей
Почти не касался до пищи.

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
Усерднѣй никто не молился...
Но грянулъ надъ нимъ заклинательный гласъ—
Онъ блѣденъ поднялся и скрылся.

Спѣшитъ запрещенный покинуть онъ Римъ;
Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ,
Къ шотландскимъ идетъ онъ горамъ голубымъ,
Къ озерамъ отечества яснымъ.

Когда жъ возвратился въ отечество онъ,
Въ старинную дѣдовъ обитель;
Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
И ждали, что скажетъ властитель.

Но прежній властитель, дотолѣ вождемъ
Имъ бывшій ко славѣ побѣдной,
Ихъ принялъ съ унылымъ, суровымъ лицомъ,
Съ потухшими взорами, блѣдной.

Сложилъ онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
И съ ними безмолвно простился;
Покинулъ онъ зáмокъ, покинулъ онъ свѣтъ,
И въ келью отшельникомъ скрылся!

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
Какъ блѣдный убійца, ведомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.

Не зналъ онъ покрова ни въ холодъ ни въ дождь;
Въ раздранной ходилъ власяницѣ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гнѣздился, какъ мертвый въ гробницѣ.

Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о погибшихъ соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.

Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи тепломъ:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живыя дороги вились по полямъ;
Межъ нивами села блистали;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогамъ,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною клёномъ оградой:
Межъ ними—въ то время, какъ вечеръ сіялъ—
Багряной горѣлъ онъ громадой.

По грѣшнымъ очамъ непримѣтна краса
Веселой, окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса рощи и воды.

Есть мѣсто—туда, какъ могильная тѣнь,
Одною дорогой онъ ходитъ;
Тамъ часто задумчивъ сидитъ онъ весь день,
Тамъ часто и ночи проводитъ.

Въ лѣсномъ захолустьи, гдѣ сонный ворчитъ
Источникъ, влачася лѣниво,
На дикой полянѣ часовня стоитъ
Въ обломкахъ, заглохшихъ крапивой.

И черны обломки: пожаръ тамъ прошелъ;
Золою, стопившейся въ камень,
И падшею кровлей задавленный полъ,
Рѣшетки, стерпѣвшія пламень,

И полосы дыма на голыхъ стѣнахъ,
И древній алтарь безъ святыни,
Все сердцу твердитъ, пробуждая въ немъ страхъ,
О тайнѣ сей мрачной пустыни.

Ужасное дѣло свершилося тамъ:
  Въ часовнѣ пустыннаго мѣста,
Въ часъ ночи, обѣтъ принося небесамъ,
  Стояли женихъ и невѣста.

Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
  Округи могучій властитель;
Но нравился болѣ ей скромный вассалъ,
  Чѣмъ гордый его повелитель.

Соперника ревность была имъ страшна:
  И втайнѣ ихъ бракъ совершился.
Ужъ клятва любви небесамъ предана,
  И пастырь надъ ними молился...

Вдругъ топотъ и клики и пламя кругомъ!
  Ихъ тайна открыта; въ кипѣньѣ
Обиды, любви, обезумленъ виномъ,
  Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горитъ;
  Стенаньямъ смѣется губитель;
Все пышитъ, валится, трещитъ и гремитъ,
  И въ пеплѣ святыни обитель.—

Былъ вечеръ прекрасенъ и тихъ и душистъ;
  На горныхъ вершинахъ сіяло;
Сводъ неба глубокій былъ теменъ и чистъ;
  Торжественно все утихало.

Въ обители иноковъ слышался звонъ:
  Тамъ было вечернее бдѣнье;
И иноки пѣли хвалебный канонъ,
  И было ихъ сладостно пѣнье.

Попрежнему грустенъ, попрежнему дикъ,
  (Ужъ годы прошли въ покаяньѣ),
На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
  Онъ шелъ, погруженный въ молчанье.

Но вечеръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
  Своей миротворной красою,
И тихой земли усыпленьемъ святымъ,
  И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотой,
  И пилъ ароматъ онъ цѣлебный,
И въ слухъ долеталъ издалека порой
  Отшельниковъ голосъ хвалебный.

И съ чувствомъ, давно позабытымъ, поднялъ
  На небо онъ взоръ свой угрюмой,
И долго смотрѣлъ, и недвижимъ стоялъ,
  Окованный тайною думой...

Но вдругъ содрогнулся—какъ-будто о чемъ
  Ужасномъ онъ вспомнилъ—глубоко
Вздохнулъ, сталъ блѣднѣй и обычнымъ путемъ
  Пошелъ, какъ мертвецъ, одиноко.

Главу опустя, безнадежно унылъ,
  Отчаянно стиснувши руки,
Приходитъ туда онъ, куда приходилъ
  Ужъ годы вседневно для муки.

И видитъ... у входа часовни сидитъ
  Чернецъ, въ размышленьи глубокомъ,
Онъ чуденъ лицомъ; на него онъ глядитъ
  Пронзающимъ внутренность окомъ.

И тихо сказалъ, наконецъ, онъ: „Христосъ
  Тебя сохрани и помилуй!“
И грѣшнику душу привѣтъ сей потресъ,
  Какъ лучъ воскресенья—могилу.

— Отвѣтствуй мнѣ, кто ты? (чернецъ вопросилъ.)
  Свою мнѣ повѣдай судьбину;
По виду ты странникъ; быть-можетъ, ходилъ,
  Свершая обѣтъ, въ Палестину?

Или ко гробамъ чудотворцевъ святыхъ
  Свое приносилъ поклоненье?
Съ собою мощей не принесъ ли какихъ,
  Дарующихъ грѣшнымъ спасенье?

„Мощей не принесъ я; къ гробамъ не ходилъ,
  Спасающимъ насъ благодатью;
Не зрѣлъ Палестины... но въ Римѣ я былъ,
  И преданъ навѣки проклятью“.

— Проклятія вѣчнаго нѣтъ для живыхъ;
  Есть вѣрный за падшихъ заступникъ.
Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
  Грѣхахъ предо мною, преступникъ.

„Что сдѣлать не властенъ святѣйшій отецъ,
  Владыка и Божій намѣстникъ,
Тебѣ ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
  Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстникъ?“

— Я здѣсь издалёка: былъ въ той сторонѣ,
  Гдѣ вѣдома участь земного;
Здѣсь память загладить позволено мнѣ
  Ужаснаго дѣла ночного.—

При словѣ семъ грѣшникъ на землю упалъ...
  Всѣ члены его трепетали...
Онъ исповѣдь началъ... но что онъ сказалъ,
  Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ былъ,
  Смотря сквозь древесныя сѣни;
И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ,
  Двѣ легкія вѣяли тѣни;

Двумя облачками казались онѣ;
  Все выше и выше взлетали;
И все неразлучны; и вдругъ въ вышинѣ
  Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ.
  Одно сохранилось въ преданьѣ:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
  Во храмѣ свершалъ поминанье;

И пѣньемъ торжественнымъ полонъ былъ храмъ,
  И тихо дымились кадилы,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
  Служили небесныя силы;

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю приступилъ,
  Пречистыхъ Даровъ причастился,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
  Сжалъ набожно руки... и скрылся.

(1831 г.)

ЛЕНОРА.

(Изъ Бюргера.)

Ленорѣ снился страшный сонъ;
Проснулася въ испугѣ.
„Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
И вѣренъ ли подругѣ?"
Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну:
Никто объ немъ не слышитъ:
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой, съ пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость... а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.
Когда же мимо рать прошла—
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
„Что такъ тебя волнуетъ?
Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?"
И дочь свою цѣлуетъ.
—О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!

„Прости ее, Небесный Царь!
Родная, помолися;
Онъ благъ, Его руки мы тварь:
Предъ Нимъ душой смирися".
—О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ...
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ Нимъ мой крикъ былъ тщетенъ...
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.

„Дитя, отъ жалобъ удержись;
Смири души тревогу;
Пречистыхъ Таинъ причастись,
Пожертвуй сердцемъ Богу".
—О другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни Тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый.

„Но что, когда онъ самъ забылъ
Любви святое слово,
И прежней клятвѣ измѣнилъ,
И связанъ клятвой новой?
И ты, и ты объ немъ забудь;
Не рви тоской напрасно грудь;
Не стоитъ слёзъ предатель;
Ему судья Создатель".

—О другъ мой, другъ мой, все прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало...
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!

„Небесный Царь, да ей проститъ
Твое долготерпѣнье!
Она не знаетъ, что творитъ:
Ея душа въ забвеньѣ.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведетъ ко благу Божій путь;
Смиренный рай награда;
Страшись мученій ада".

—О другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай;
Съ нимъ розно—все мученье;
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая.—

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала...
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ-будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, вбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
Въ ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:

„Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты, иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?"
—Ахъ, милый!.. Богъ тебя принесъ!
А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ

И свѣтъ въ очахъ затмился...
Ты какъ здѣсь очутился?

„Сѣдлаемъ въ полночь мы коней...
Я ѣду издалека.
Не медли, другъ; сойди скорѣй;
Путь дологъ, мало срока".
—На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тьма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ.

„Что нужды намъ до тьмы ночной!
Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
Часы бѣгутъ; конь борзый мой
Копытомъ землю роетъ;
Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
Не въ пору сонъ и нѣга:
Сто миль намъ до ночлега".

— Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милой?
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило.
„Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ...
Гладка дорога мертвецамъ;
Мы скачемъ, не боимся;
До свѣта мы домчимся".

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный?
„Далеко онъ... пять-шесть досокъ...
Прохладный, тихій, темный".
— Есть мѣсто мнѣ? „Обоимъ намъ.
Поѣдемъ; все готово тамъ;
Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
Пора на новоселье!"

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались... конь бѣжитъ, летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
Поля, лѣса летѣли;
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Тряслися и гремѣли.
„Не страшно ль?"—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
„Гладка дорога мертвецамъ!..
Да что же такъ дрожишь ты?"
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

„Но кто тамъ стонетъ? Что за звонъ?
Что ворона взбудило?
По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
Голосятъ надъ могилой"
И виденъ ходъ: идутъ, поютъ,
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
И голосъ погребальной,
Какъ вой совы печальной.

„Закройте гробъ въ полночный часъ:
Слезамъ теперь не мѣсто:
За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
Зову съ моей невѣстой.
За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
Намъ дай на обрученье,
Пасторъ, благословенье".

И звонъ утихъ... и гробъ пропалъ...
Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ
За ними тѣнью черной.
И далѣ, далѣ!.. конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.
„Не страшно ль?"—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
„Гладка дорога мертвецамъ!..
Да что же такъ дрожишь ты?"
— О мертвыхъ все твердишь ты!

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушный рой, свіясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
„Ко мнѣ, за мной, вы, плясуны!
Вы всѣ на пиръ приглашены!
Скачу, лечу жениться...
Ко мнѣ! повеселиться!"

И летомъ, летомъ легкій рой
Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими.
И далѣ, далѣ!.. конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ
Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
Мгновенно пропадало.
„Не страшно ль?"—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
„Гладка дорога мертвецамъ!..
Да что же такъ дрожитъ ты?"
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

„Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ;
Я чую, ночь свѣжѣе;
Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ:
Мой конь, несись быстрѣе...
Оконченъ путь; исполненъ срокъ;
Нашъ близко, близко уголокъ:

Въ минуту мы у мѣста...
Пріѣхали, невѣста!“

Къ воротамъ конь, во весь опоръ
Примчавшись, сталъ и топнулъ;
Ѣздокъ бичомъ стегнулъ затворъ—
Затворъ со стукомъ лопнулъ;
Они кладбище видятъ тамъ...
Конь быстро мчится по гробамъ;
Лучи луны сіяютъ,
Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что жъ, Ленора, что потомъ?
О страхъ!.. въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ колета;
Она въ рукахъ скелета.

Конь прянулъ... пламя изъ ноздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ... все пылью передъ ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ;
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой, летаетъ,
Віясь надъ ней, толпа тѣней,
И такъ ей припѣваетъ:
„Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь;
Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
Твой трупъ сойди въ могилу!
А душу Богъ помилуй!“
(1831 г.)

КОРОЛЕВА УРАКА И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВЪ.

(Изъ Саути.)

Пять чернецовъ въ далекій путь идутъ;
Но имъ назадъ уже не возвратиться;
Въ отечествѣ имъ болѣ не молиться:
Они конецъ межъ нехристей найдутъ.

И съ набожной Уракой королевой,
Собравшись въ путь, прощаются они:
„Ты насъ въ своихъ молитвахъ помяни,
А надъ тобой Христосъ съ Пречистой Дѣвой!

Послушай: три пророчества тебѣ,
Мы, отходя, на память оставляемъ;
То судъ небесный, онъ неизмѣняемъ;
Смирись, своей покорствуя судьбѣ.

Въ Мароккѣ мы за вѣру нашей кровью
Омоемъ землю; тамъ въ послѣдній часъ
Прославимъ мы Того, Кто самъ за насъ
Мученіе пріялъ съ такой любовью.

Въ Коимбру наши грѣшныя тѣла
Перенесутъ: на то святая воля,
Дабы смиренныхъ мучениковъ доля
Для христіанъ спасеніемъ была.

И тотъ, кто первый наши гробы встрѣтитъ
Изъ васъ двоихъ, король иль ты, умретъ
Въ ту ночь: на утро новый день взойдетъ,
Его жъ очей онъ болѣ не освѣтитъ.

Прости же, королева, Богъ съ тобой!
Вседневно за тебя молиться станемъ,
Пока мы живы; и тебя помянемъ
Въ ту ночь, когда конецъ настанетъ твой“.

Пять чернецовъ, одинъ послѣ другова
Благословивъ ее, въ свой путь пошли,
И въ Африку смиренно понесли
Небесный даръ ученія Христова.

„Король Альфонзо, знаетъ ли что свѣтъ
О чернецахъ? Какая ихъ судьбина?
Пріялъ ли умъ царя Мирамолина
Ученье ихъ? Или уже ихъ нѣтъ?“

—Свершилося великое ихъ дѣло:
Въ небесную они вступили дверь;
Передъ Господомъ стоятъ они теперь
Въ вѣнцѣ, въ одеждѣ мучениковъ бѣлой.

А ихъ тѣла, подъ зноемъ, подъ дождемъ
Лежатъ въ пыли, истерзаны мученьемъ;
И вѣрные почтить ихъ погребеньемъ
Не смѣютъ, трепеща передъ царемъ.—

„Король Альфонзо, изъ земли далекой
Какая намъ о мученикахъ вѣсть?
Оказана ль имъ погребенья честь?
Смягчился ли Мирамолинъ жестокой“.

— Свирѣпый мавръ хотѣлъ, чтобъ ихъ тѣла
Безъ погребенья честнаго истлѣли,
Чтобъ расклевалъ ихъ вранъ, иль псы ихъ съѣли,
Чтобъ ихъ костей земля не приняла.

Но Божіи тамъ молніи пылали;
Но Божій громъ всечасно падалъ тамъ;
Къ почіющимъ въ нетлѣніи тѣламъ
Ни песъ, ни вранъ коснуться не дерзали.

Мирамолинъ, симъ чудомъ пораженъ,
Подумалъ: намъ такіе страшны гости,
И Педро, братъ мой, взялъ святыя кости;
Ужъ на пути къ Коимбрѣ съ ними онъ.—

Всѣ алтари коимбрскіе цвѣтами
И тканями богатыми блестятъ;
Всѣ улицы коимбрскія кипятъ
Шумящими, веселыми толпами.

Звонятъ въ колокола, кадятъ, поютъ;
Священники и рыцари въ собраньѣ;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждутъ.

— Пойдемъ, жена моя Урака, время!
Насъ ждутъ; собрался весь духовный чинъ.
„Поди, король Альфонзо, ты одинъ,
Я чувствую болѣзни тяжкой бремя“.

— Но мощи мучениковъ исцѣлятъ
Твою болѣзнь въ единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаградятъ.

Пойдемъ же имъ во срѣтеніе съ ходомъ;
Не замедляй процессіи святой;
То будетъ грѣхъ и стыдъ для насъ съ тобой:
Когда мощей не встрѣтимъ мы съ народомъ.—

На бѣлаго коня тогда она
Садится; съ ней король; они за ходомъ
Тихонько ѣдутъ, все кипитъ народомъ;
Дорога вся—какъ цѣпь людей одна.

„Король Альфонзо, назади со мною
Не оставайся ты; спѣши впередъ,
Чтобъ первому, предупредя народъ,
Почтить святыхъ угодниковъ мольбою.

„Меня всѣхъ силъ лишаетъ мой недугъ,
И нуженъ мнѣ хоть мигъ отдохновенья;
Послѣдую тебѣ безъ замедленья...
Спѣши жъ впередъ со свитою, мой другъ!“

Немедленно король коню далъ шпоры
И поскакалъ со свитою впередъ;
Ужъ позади остался весь народъ,
Ужъ вдалекѣ ихъ потеряли взоры.

Вдругъ дикій вепрь имъ путь перебѣжалъ
„Лови! лови!“ къ своимъ нетерпѣливый
Кричитъ—король и конь его ретивый
Черезъ поля за вепремъ поскакалъ.

И вепря онъ гоняетъ. Той порою
Медлительно во срѣтенье мощей
Идетъ Урака съ свитою своей,
И весь народъ валитъ за ней толпою.

И вдалекѣ представился имъ ходъ:
Идутъ, поютъ, несутъ святыя раки;
Уже онѣ предъ взорами Ураки,
И съ нею въ прахъ простерся весь народъ.

Но гдѣ жъ король? Увы! Урака плачетъ:
Исполниться пророчеству надъ ней!
И вотъ глядитъ... со свитою своей,
Окончa ловъ, король Альфонзо скачетъ.

„Угодники святые, за меня
Вступитеся! (она гласитъ, рыдая).
Мнѣ помоги, о Дѣва Пресвятая,
Въ послѣдній часъ рѣшительнаго дня“.

И въ этотъ день въ Коимбрѣ все ликуетъ;
Народъ поетъ, всѣ улицы шумятъ;
Не радостенъ лишь королевинъ взглядъ;
На праздникѣ одна она тоскуетъ.

Проходитъ день и праздникъ замолчалъ;
На западѣ давно ужъ потемнѣло;
На улицахъ Коимбры опустѣло;
И тихо часъ полночный наступалъ.

И въ этотъ часъ во храмѣ томъ, гдѣ раки
Угодниковъ стояли, былъ монахъ:
Святымъ мощамъ молился онъ въ слезахъ:
То былъ смиренный духовникъ Ураки.

Онъ молится... вдругъ часъ полночный бьетъ;
И пораженъ чудеснымъ онъ видѣньемъ;
Онъ видитъ: въ храмъ, съ молитвой, съ тихимъ пѣньемъ
Толпа гостей таинственныхъ идетъ.

Въ суровыя одѣты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блескъ отъ нихъ исходитъ неземной,
И свѣтятся преображенны лицы.

И въ сонмѣ томъ блистательнѣй другихъ
Являлися пять иноковъ, какъ братья;
Казалось, кровь ихъ покрывала платья,
И вѣтви пальмъ въ рукахъ сіяли ихъ.

И тотъ, кто велъ пришельцевъ незнакомыхъ,
Казалось, былъ еще земли жилецъ;
Но и надъ нимъ горѣлъ лучей вѣнецъ,
Какъ надъ святой главою имъ ведомыхъ.

Передъ алтаремъ они, устроясь въ рядъ,
Запѣли гимнъ торжественно-печальный:
Казалося, свершали погребальный
За упокой души они обрядъ.

— Скажите, кто вы? (чудомъ изумленный,
Спросилъ святыхъ пришельцевъ духовникъ),
О комъ поетъ вашъ погребальный ликъ?
О чьей душѣ вы молитесь блаженной?

„Угодниковъ святыхъ ты слышишь гласъ:
Мы, братья ихъ, пять чернецовъ смиренныхъ,
Сопричтены за муки въ ликъ блаженныхъ;
Отецъ Францискъ живой предводитъ насъ.

„Исполнили мы королевѣ данный
Обѣтъ: ее теперь возьметъ земля;
Поди отсель, увѣдомь короля
О томъ, чему ты зритель былъ избранный“.

И скрылось все... Оставивъ храмъ, чернецъ
Спѣшитъ къ Альфонзу съ вѣстію печальной...
Вдругъ тяжко звонъ раздался погребальной:
Онъ королевинъ возвѣстилъ конецъ.

(1831 г.)

РОЛАНДЪ ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

(Изъ Уланда.)

Разъ Карлъ Великій пировалъ;
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокалъ,
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ:
Гремѣлъ пѣвцовъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ,
И гости вдоволь пили, ѣли,
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
„Свершить намъ должно подвигъ трудный,
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще Артусовъ чудный

Не завоеванъ талисманъ?
Его укравшій великанъ
Живетъ въ Арденскомъ лѣсѣ темномъ;
Онъ на щитѣ его огромномъ".

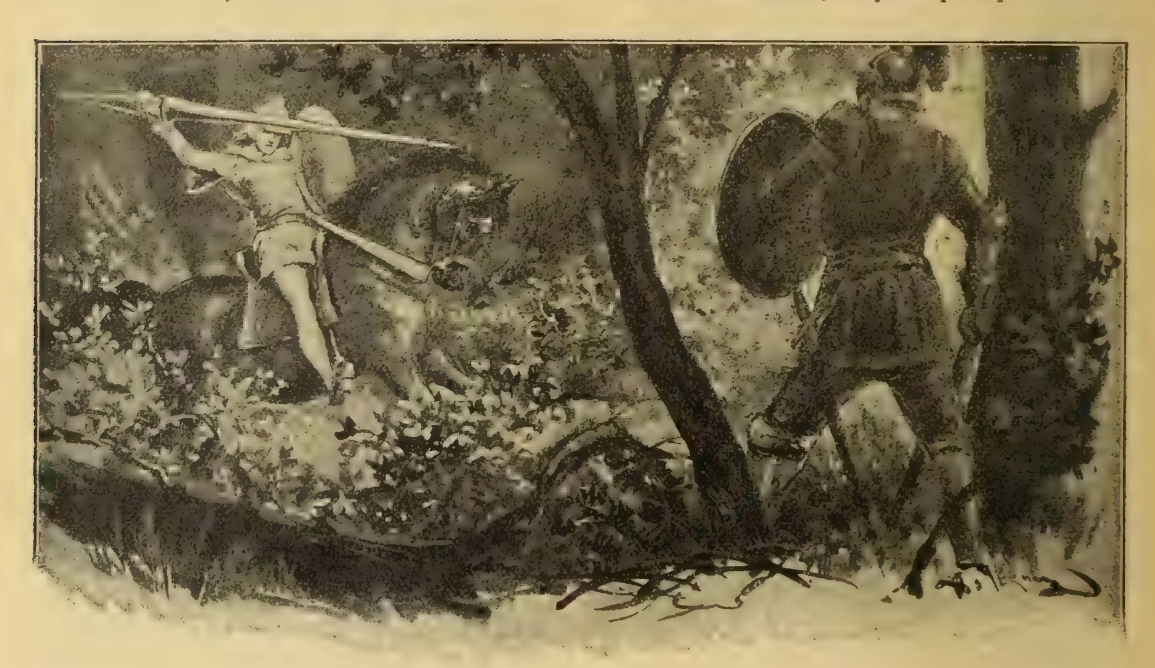
Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальныя брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ сказалъ: „Возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ

Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней
Блеснуло; и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучомъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца,
И мыслитъ: что же ты за диво?
Будить мнѣ для тебя отца
Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,
И острый мечъ, и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою".

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путемъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились,
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ,
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышитъ;
Бодритъ коня; конь ржетъ и пышитъ.

И рыщутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ кони
Совсѣмъ ужъ выбились изъ мо́чи:
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцовъ тяжелой,
Взялъ длинное его копье,
И за плечо рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ;
И потихоньку удалился,
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣньемъ великанъ спесивый.
„Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится".

—Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ,
Зато за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я—мой конь ученъ;
Пускай я слабъ—мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ; ужъ мы другъ-другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу.—

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ вдребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ:
Оно осталось съ остреемъ,
Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснутъ онъ ножнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струею;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облитый;
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ;
Но по ногамъ вдогонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворной:
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ,
Свистя кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ немъ
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломалъ рукою.

И въ платье скрылъ онъ взятый кладъ;
Потомъ струей ручья лѣснова
Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смылъ кровь и прахъ, и сѣвши снова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путемъ
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался;
Отецъ еше не просыпался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милонъ
Подъ сумерки не пробудился.
„Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай;
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужъ вечеръ; всюду мгла тумана;
Опять не встрѣтимъ великана“.

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ
И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ—
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долинѣ той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ виденъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трупъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣритъ онъ: что за причина?
Одно лишь туловище тамъ;
Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободраный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагого;
Слѣдовъ не видно остального.

Трупъ осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
„Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такого чуда:
Чей это трупъ?.. Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой
Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проспалъ честь мою и славу“.

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: „Страшно мнѣ, по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Пора бъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что?.. Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ; и держитъ онъ
Свое копье передъ собою
Съ отрубленною головою“.

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Приближась, голову нѣмую
Стряхнулъ съ копья передъ крыльцомъ
И Карлу такъ сказалъ: „Плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался“.

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ усталый, блѣдный, тощій.
„Со мною талисмана нѣтъ,
Но вотъ вамъ дорогія мощи“.
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
„Кому достался талисманъ,
Не знаю я; но великанъ
Меня оставилъ въ часъ кончины
Наслѣдникомъ своей дубины“.

Шелъ рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановымъ мечомъ
И панциремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
„Все это съ мертвеца я снялъ;
Мнѣ отъ побѣды мало чести;
О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти".

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ паладинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подъѣхавъ, говоритъ:
„Въ лѣсу нашелъ я этотъ щитъ;
Но обманулся я въ надеждѣ:
Былъ талисманъ украденъ прежде".

Вотъ, наконецъ, и графъ Милонъ,
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ,
И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи.

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и паладины,
Ихъ ждутъ; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ...
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: „Ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше execution упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье
Прими отъ насъ благоволенье".

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ...
И что же? Передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
„Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?"
Роландъ въ отвѣтъ: „Прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся
И съ великаномъ самъ подрался".

(1832 г.)

ПЛАВАНІЕ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

(Изъ Уланда.)

Разъ Карлъ Великій моремъ плылъ,
И съ нимъ двѣнадцать перовъ плыло;
Ихъ путь въ Святую землю былъ;
Но море злилося и выло.

Тогда Роландъ сказалъ друзьямъ:
„Деруся я на сушѣ смѣло;
Но въ злую бурю по волнамъ
Хлестать мечомъ плохое дѣло".

Датча́нинъ Гольгеръ молвилъ: „Радъ
Я веселить друзей струнами;
Но будетъ ли какой въ нихъ ладъ
Между ревущими волнами?"

А Оливьеръ сказалъ, съ плеча
Взглянувъ на бурныхъ волнъ сугробы:
„Мнѣ жалко новаго меча:
Здѣсь утонуть ему безъ пробы".

Нахмурясь, Ганелонъ шепнулъ:
„Какая адская тревога!
Но только бъ я не утонулъ!..
Они жъ?.. туда имъ и дорога!"

„Мы всѣ плывемъ къ святымъ мѣстамъ!
Сказалъ, крестясь, Тюрпинъ-святитель:
Явись и въ пристань по волнамъ
Насъ грѣшныхъ проведи, Спаситель!"

„Вы, бѣсы! графъ Ричардъ вскричалъ:
Мою вы вѣдаете службу;
Я много въ адъ къ вамъ душъ послалъ —
Явите вы теперь мнѣ дружбу".

„Ужъ я ли, вымолвилъ Наимъ,
Не говорилъ: нажить намъ горе!
Но слово умное глухимъ
Есть капля масла въ бурномъ морѣ".

„Бѣда! сказалъ Ріоль сѣдой,
Но если море не уймется,
То мнѣ на старости въ сырой
Постели нынче спать придется".

А графъ Гюи вдругъ началъ пѣть,
Не тратя жалобъ безполезно:
„Когда бъ отсюда полетѣть
Я птичкой могъ къ своей любезной!"

„Друзья, сказать ли вамъ? Ей-ей!
Промолвилъ графъ Гваринъ, вздыхая:
Мнѣ сладкое вино вкуснѣй,
Чѣмъ горькая вода морская".

Ламбертъ прибавилъ: „Что за честь
Съ морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу ѣсть,
Чѣмъ рыбѣ на обѣдъ достаться".

„Что Богъ велитъ, тому и быть!
Сказалъ Годефруа; съ друзьями
Я радъ добро и зло дѣлить;
Его святая власть надъ нами".

А Карлъ молчалъ: онъ у руля
Сидѣлъ и правилъ. Вдругъ явилась
Святая вдалекѣ земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

(1832 г.)

БРАТОУБІЙЦА.

(Изъ Уланда.)

На скалѣ приморской, мшистой,
Тамъ гдѣ берегъ грозно дикъ,

Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ;
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И пловца отъ непогоды
Угрожающей хранитъ.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,
Гласъ отвѣтственный, хвалебный
Возстаетъ со всѣмъ сторонъ;
Пахарь пѣньемъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ,
И на палубѣ читаетъ
„Ave Maria" пловецъ.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ;
Солнце радостно и ярко,
Бездна водъ свѣтла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Всѣ пути кипятъ толпами,
Все блеститъ вблизи, вдали;
Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ сліявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

Сзади, въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкія въ очахъ,
Блѣдный постъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,
Идутъ грѣшные въ молчаньи;
Имъ съ другими не вступить
Въ храмъ святой; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

И отъ всѣхъ другихъ далеко
Мертвецомъ бредетъ одинъ:
Щеки впали; тускло око;
Полонъ мрачный лобъ морщинъ;
Изъ желѣза поясъ ржавый
Тѣло чахлое гнететъ,
И, къ ногѣ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

Брата нѣкогда убилъ онъ;
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ,
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ и ждетъ,
Что какой-нибудь угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

Бродитъ онъ, бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ; чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи,
Скорбь съ людьми и безъ людей,
Видъ небесъ пугаетъ очи,
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

Вотъ какъ бы дорогой терній,
Тяжко къ храму всходитъ онъ;
Въ храмѣ всѣ молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звонъ.
Сталъ онъ въ страхѣ предъ дверями;
Дѣвы ликъ сквозь ѳиміамъ
Блещетъ, обданный лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

И окрестъ благоговѣнья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинствомъ Успенья
Вся земля еще полна,
И на облакѣ сіяетъ
Возлетѣвшей Дѣвы слѣдъ,
И Она благословляетъ,
Исчезая, здѣшній свѣтъ.

Всѣ пошли назадъ толпами;
Но преступникъ не спѣшитъ
Имъ вослѣдъ; передъ дверями
Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ:
Цѣпи все еще вкругъ тѣла,
Ими сжатаго, лежатъ;
А душа ужъ улетѣла
Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

(1832 г.)

РЫЦАРЬ РОЛЛОНЪ.

(Изъ Уланда.)

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ;
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу на усталомъ конѣ
Ѣхалъ, и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полуночный часъ;
Было темно, такъ темно, что хоть выколи глазъ;
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

„Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну!"—и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ на камень; вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путемъ.
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: „Скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней".

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
„Этой перчаткой другой завладѣлъ, онъ сказалъ;
Кто-то нездѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ;

„Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой".
„Трусъ!" на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смѣло на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ:
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
„Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
Обѣ ссуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить",

Молвилъ нечистый; а рыцарь сказалъ ему: „На!
Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
Вотъ тебѣ обѣ перчатки; отдай черезъ годъ".
„Слышу; прости до свиданья!" отвѣтствовалъ тотъ.

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.
Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту:
Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется; ближе и ближе; и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведетъ
Сзади слуга въ поводахъ вороного коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги паладинъ:
„Кто вороного коня твоего господинъ?"—
„Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ:

„Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчетъ;
Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ".
Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
„Горе мнѣ!" въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

„Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою;
Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй:
Только молись о душѣ осужденной моей".

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ пріору сказалъ:
„Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
Ангельскій чинъ я еще недостоинъ носить;
Служкой простымъ я желаю въ обители быть".

— Вижу, ты въ шпорахъ, конечно, бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конемъ.—
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идетъ;
Вотъ наконецъ совершился ровнехонько годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ монастырь молодого коня;
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы, разъярившійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ, и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ;
Чернаго, злого коня за узду онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
Сѣлъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь улетѣлъ.

(1832 г.)

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,

И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ, уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душою погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;

И, внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.
(1832 г.)

УЛЛИНЪ И ЕГО ДОЧЬ.

Былъ сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко брегу Рино горный вождь
Примчался съ дочерью Уллина.

„Рыбакъ, прими насъ въ твой челнокъ;
Рыбакъ, спаси насъ отъ погони;
Уллинъ съ дружиной недалекъ;
Намъ слышны крики; мчатся кони“.

— Ты видишь ли, какъ зла вода?
Ты слышишь ли, какъ волны громки?
Пускаться плыть теперь—бѣда:
Мой челнъ не крѣпокъ, весла ломки.

„Рыбакъ, рыбакъ, подай свой челнъ,
Спаси насъ: сколь ни зла пучина,
Пощада можетъ быть отъ волнъ—
Ея не будетъ отъ Уллина!“

Гроза сильнѣй, пучина злѣй,
И ближе, ближе шумъ погони;
Имъ слышенъ тяжкій храпъ коней,
Имъ слышенъ стукъ мечей о брони.

„Садитесь, въ добрый часъ; плывемъ“.
И Рино сѣлъ, съ нимъ дѣва сѣла;
Рыбакъ отчалилъ; челнокомъ
Сѣдая бездна овладѣла.

И смерть отвсюду имъ: открытъ
Предъ ними зѣвъ пучины жадный;
За ними съ берега грозитъ
Уллинъ, какъ буря, безпощадный.

Уллинъ ко брегу прискакалъ;
Онъ видитъ: дочь уносятъ волны;
И гнѣвъ въ груди отца пропалъ,
И онъ воскликнулъ, страха полный:

„Мое дитя, назадъ, назадъ!
Прощенье! возвратись, Мальвина!“
Но волны лишь отвѣтъ шумятъ
На зовъ отчаянный Уллина.

Реветъ гроза, черна какъ ночь;
Летаетъ челнъ между волнами;
Сквозь пѣну ихъ онъ видитъ дочь
Съ простертыми къ нему руками.

„О, возвратися, возвратись!“
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челнъ пожравъ, слились
При крикѣ жалобномъ Уллина.
(1833 г.)

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Изъ Шиллера.)

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Церера сдружила враждебныхъ людей;
Жестокіе нравы смягчила;
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ номадъ скитался,
И поля опустошалъ;
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ олимпійскія вершины
Сходитъ мать Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ;
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ:
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

„Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ, и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобы въ немъ, какъ въ заточеньѣ
Узникъ брошенный, страдалъ?

„Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ

Ихъ не вырветъ? Знать, къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

„Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ.
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ“.

И мгновенно разступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей:
Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: „Богамъ
Кровь противна; съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ;
Чистымъ чистое угодно;
Даръ, достойнѣйшій небесъ,—
Нивы колосъ первородной,
Сокъ оливы, плодъ древесъ“.

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка;
Остреемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука;
И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно,
И въ пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, какъ златыя
Волны, зыблются поля.
Ихъ она благословляетъ,
И, колосья въ снопъ сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: „Прими даянье,
Царь Зевесъ, и съ высоты
Намъ подай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты.
Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, незнающихъ тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя“.

Чистой жертвы не отринулъ
На Олимпѣ царь Зевесъ;
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ:
Вмигъ алтарь воспламенился;
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
И надъ ней горѣ явился
Зевсомъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердце дикарей;
Упали во прахъ передъ дивной Церерой;
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
И сладкой сердца растворилися вѣрой.
Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой,
И ей воздаютъ поклоненье;
И съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Пріемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлыхъ сонмъ;
И Ѳемида ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ;
Богъ, ремеслъ изобрѣтатель,
Онъ людей дружитъ съ огнемъ;
Учитъ ихъ владѣть клещами;
Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ,
И искусными руками
Первый плугъ имъ создаетъ.

И вослѣдъ ему Паллада
Копьеносная идетъ.
И боговъ къ строенью града
Крѣпкостѣннаго зоветъ:
Чтобъ пріютно-безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Міръ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ;
Цѣпью смѣрена равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвитъ;
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.

Мчатся Нимфы, Ореады
(За Діаной, по лѣсамъ,
Черезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ
Съ звонкимъ скачущія лукомъ);
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ,
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаетъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;
И, сіяя, низлетаютъ
Оры легкія съ небесъ,

И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзастъ
Свой трезубецъ Посидонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земного онъ;
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку, онъ несетъ;
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно-мѣрный звонъ;
И веселыя Камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ,
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творитъ рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ:
Держатъ петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ.
И чудесное творенье
Довершаетъ, въ честь богамъ,
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ, великій храмъ.

И Юнона, съ окомъ яснымъ,
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмѣ дѣву красоты:
И Киприда обвиваетъ
Ихъ гирляндою цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ;
Въ храмѣ Зевсовомъ царица
Мать Царера тамъ стоитъ,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

„Въ лѣсѣ ищетъ звѣрь свободы,
Правитъ всѣмъ свободно богъ,
Ихъ законъ—законъ природы.
Человѣкъ, пріявъ въ залогъ
Зоркій умъ—звено межъ ними —
Для гражданства сотворенъ:
Здѣсь лишь нравами одними
Можетъ быть свободенъ онъ“.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте:
Всю землю богининъ приходъ измѣнилъ;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ,
И жизни постигъ благородство.

(1833 г.)

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

(Изъ Цедлица.)

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту;
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на-ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ;
И Франція—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—Святая Елена.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

(1836 г.)

Идилліи изъ Гебеля.

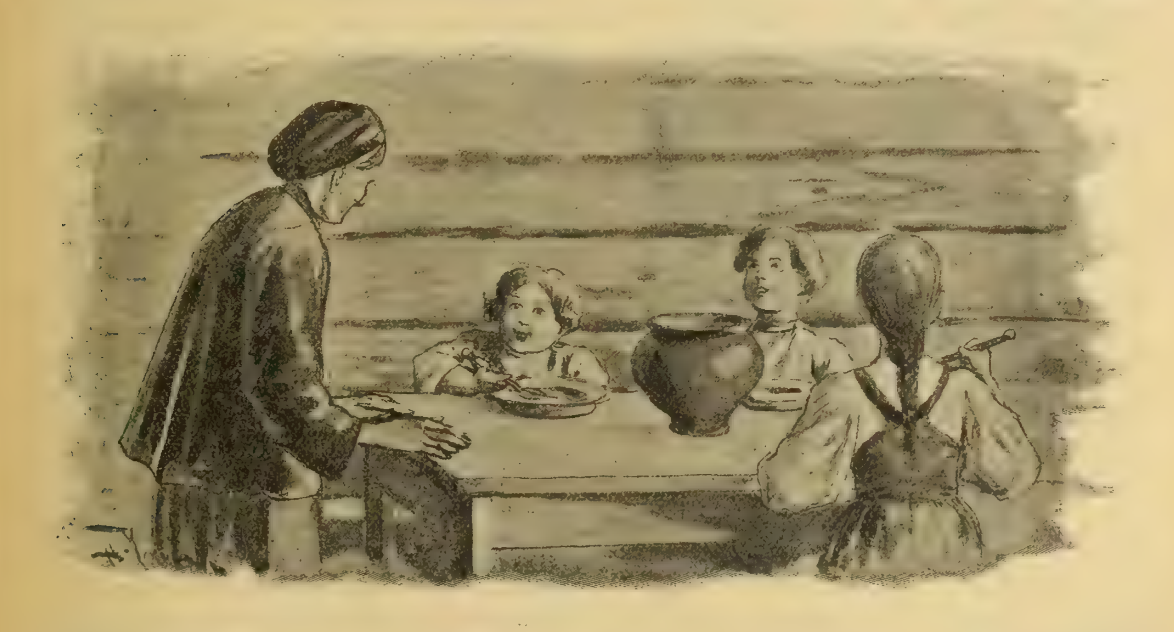
ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ *).

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: „Поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ“.
Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ и не пьетъ и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ родного зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленокъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь и ищетъ корма въ землѣ, и находитъ.
Что же?.. Вдругъ скучно и тѣсно въ потёмкахъ... „Какъ бы провѣдать,
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, творится?..“ Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... Ахъ, Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь—Господь-Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
„Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй“.
Пьетъ онъ... ахъ! какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли:
„Доброе солнышко, даромъ — вельможа, а всякому ласка!“
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точётъ облачкó дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
„Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.
Что мнѣ въ потёмкахъ! здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ!“

*) Опытъ перевода съ аллеманскаго нарѣчія. „Гебель—говоритъ Гёте объ авторѣ Аллеманскихъ стихотвореній — изображая свѣжими яркими красками неодушевленную природу, умѣетъ оживотворять ее милыми аллегоріями. Древніе поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: нимфы, дріады, ореады жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель, напротивъ, видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ—поселянъ, и всѣ его стихотворные вымыслы самымъ пріятнымъ образомъ напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Онъ выбралъ для мирной своей музы прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго поэтомъ, весьма благопріятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ, и на землѣ и на небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и года; онъ даетъ душу растеніямъ; привлекательно изображаетъ все чистое, нравственное и радуетъ сердце картинами ясно-беззаботной жизни. Но такъ же просто и разительно изображаетъ онъ и ужасное, и нерѣдко съ тою же любезною простотою говоритъ о предметахъ болѣе высокихъ, о смерти, о тлѣнности земного, о неизмѣняемости небеснаго, о жизни за гробомъ—и языкъ его, не переставая ни на минуту быть неискусственнымъ языкомъ поселянина, безъ всякаго усилія возвышается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое. Нарѣчіе, избранное Гебелемъ, есть такъ называемое аллеманское, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля“.—*В. Ж.*

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь вас помилуй!
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ, какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
„Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? что не выходитъ?
Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ! зачѣмъ я покинулъ родимое зернышко? Дома
Было мнѣ лучше: сидѣть бы въ пріятномъ теплѣ подъ землею“.

Мало-по-малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думаетъ: „Я назади не останусь!“
Кстати ль! листки распустила... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ...
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ шелковыхъ нитяхъ?

Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
„Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой...“
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ, что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.

Ангелы; кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: „Я знаю, что будетъ“.
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;
Въ сумерки жъ, только-что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,

Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потёмкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: „Полно!
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?"
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ поутру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали мукою.
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшочекъ; сварила кисель, чтобы дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

(1816 г.)

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Какъ все молчитъ!.. Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ-будто притаилась;
Нѣтъ шороха въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телѣга,
Не скрипнетъ дверь, дыханье не провѣетъ,
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
И легкою ль неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ... не знаю.
Но, чу... тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю; и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни;
И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
И звѣздочки въ дали небесной брезжутъ...
Не такъ же ли, когда осенней ночью
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?..
Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ-будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онѣ тамъ зажжены.

Куда итти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище?.. Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли: полночь!
Покойникамъ?.. Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же... какъ узнать!
Прошла ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
Быть-можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ... ночь долга;
Быть-можетъ, также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать, мертвые покойны?
Дай Богъ!.. Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ—
Окончины трясутся, и порой
Скрипитъ, качаясь, крестъ,—здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу... Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней.
И на нее огни отчизны свѣтятъ.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ... что жъ нужды! всё мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый; вѣдь, могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выйдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны;
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ жъ... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? Гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище... Все покойно
И здѣсь и тамъ... И что жъ деревня въ пол-
Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ, [ночь?
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До ясного, небеснаго разсвѣта?

А онъ ужъ недалёко... Какъ бы ночь
Ни длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду—
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдернетъ
Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣсъ сіяютъ;
Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ, Царь Небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: утро!
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!..
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Исцѣлено! Встаютъ здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу... Но когда жъ тому случиться?

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.

(1816 г.)

ТЛѢННОСТЬ.

РАЗГОВОРЪ НА ДОРОГѢ, ВЕДУЩЕЙ ВЪ БАЗЕЛЬ, ВЪ ВИДУ РАЗВАЛИНЪ ЗАМКА РЕТЛЕРА, ВЕЧЕРОМЪ.

ВНУКЪ.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ зáмокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если то жъ слу-
чится
И съ нашей хижинкой?.. Какъ страшно тамъ!
Ты скажешь: смерть сидитъ на этихъ камняхъ.
А домикъ нашъ?.. Взгляни: какъ-будто цер-
Свѣтлѣетъ на холмѣ, и окна блещутъ. [ковь,
Скажи жъ, какъ можетъ быть, чтобы и съ нимъ
Случилось то жъ, что съ этимъ старымъ зá-
мкомъ?

ДѢДУШКА.

Какъ можетъ быть?.. Ахъ! другъ мой, это бу-
Всему чередъ: за молодостью вслѣдъ [детъ.
Тащится старость; все идетъ къ концу,
И ни на мигъ не постоитъ. Ты слышишь:
Безъ умолку шумитъ вода; ты видишь:
На небесахъ сіяютъ звѣзды; можно
Подумать что онѣ ни съ мѣста... нѣтъ!
Все движется, приходитъ и уходитъ.
Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ.
Ты молодъ; я былъ также молодъ прежде;
Теперь ужъ все иное... старость, старость!
И что жъ? Куда бы я ни шелъ — на пашню,
Въ деревню, въ Базель—все иду къ кладбищу!
Я не тужу... и ты, какъ я, созрѣешь.
Тогда посмотришь, гдѣ я?.. Нѣтъ меня!
Ужъ вкругъ моей могилы бродятъ козы;
А домикъ между тѣмъ дряхлѣй, дряхлѣй;
И дождь его сѣчетъ, и зной палитъ,
И тихомолкой червь буравитъ стѣны,
И въ кровлю течь, и въ щели свищетъ вѣтеръ...
А тамъ и ты закрылъ глаза; дѣтей
Смѣнили внуки; то чини, другое;
А тамъ и нечего чинить... все сгнило!
А поглядишь лѣтъ тысяча прошло—
Деревня вся въ могилѣ; гдѣ стояла
Когда-то церковь, тамъ соха гуляетъ.

ВНУКЪ.

Ты шутишь: быть не можетъ!

ДѢДУШКА

Будетъ, будетъ.
Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ!
Вотъ Базель нашъ... сказать—прекрасный
городъ!
Домовъ не счесть—иной огромнѣй церкви;
Церквей же болѣ, чѣмъ въ иной деревнѣ
Домовъ; всѣ улицы кипятъ народомъ;
И сколько жъ добрыхъ тамъ людей!.. Но что
Какъ многихъ нѣтъ, которыхъ я, бывало, [же?
Встрѣчалъ тамъ... гдѣ они? Лежатъ давно
За церковью и спятъ глубокимъ сномъ.
Но только ль, другъ? Ударитъ часъ—и Базель
Сойдетъ въ могилу; кое-гдѣ, какъ кости,
Выглядывать здѣсь будутъ изъ земли:
Тамъ башня, тамъ стѣна, тамъ сводъ упадшій;
На нихъ же, по мѣстамъ, береза, кустъ,
И мохъ сѣдой, и въ немъ на гнѣздахъ цапли...
Жаль Базеля! А если люди будутъ
Все такъ же глупы и тогда, какъ нынче,
То заведутся здѣсь и привидѣнья,
И черный волкъ и огненный медвѣдь,
И мало ли...

ВНУКЪ.

Не громко говори;
Дай мостъ намъ перейти; тамъ у дороги,
Въ кустарникѣ прошедшею весной
Похороненъ утопленникъ. Смотри,
Какъ пятится Гнѣдко и уши поднялъ;
Глядитъ туда, какъ-будто что-то видитъ.

ДѢДУШКА.

Молчи, глупецъ. Гнѣдко пугливъ; тамъ кустъ
Чернѣется—оставь въ покоѣ мертвыхъ:
Намъ ихъ не разбудить; а рѣчь теперь
О Базелѣ; и онъ въ свой часъ умретъ.
И много, много лѣтъ спустя, быть-можетъ,
Здѣсь остановится прохожій: взглянетъ
Туда, гдѣ нынче городъ... тамъ все чисто;
Лишь солнышко надъ пустыремъ играетъ;
И спутнику онъ скажетъ: „Въ старину
Стоялъ тамъ Базель; эта груда камней
Въ то время церковью Петра была...
Жаль Базеля“.

ВНУКЪ.

Какъ можетъ это статься?

ДѢДУШКА.

Не вѣрь иль вѣрь, а это не минуетъ.
Придетъ пора—сгоритъ и свѣтъ. Послушай:
Вдругъ о полуночи выходитъ сторожъ—
Кто онъ, не знаютъ—онъ не здѣшній; ярче
Звѣзды блеститъ онъ и гласитъ: проснитесь!
Проснитесь, скоро день!.. Вдругъ небо [рдѣетъ
И загорается: и громъ сначала
Едва стучитъ; потомъ сильнѣй, сильнѣй;
И вдругъ отвсюду загремѣло; страшно
Дрожитъ земля; колокола гудятъ,
И сами свѣтъ сзываютъ на молитву;
И вдругъ... все молится; и всходитъ день—
Ужасный день: безъ утра и безъ солнца:
Все небо въ молніяхъ, земля въ блистаньи;
И мало ль что еще!.. Все наконецъ
Зажглось, горитъ, горитъ и прогораетъ
До дна, и некому тушить, и само
Потухнетъ... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

ВНУКЪ.

Какъ страшно!
А что съ людьми, когда земля сгоритъ?

ДѢДУШКА.

Съ людьми?.. Людей давно ужъ нѣтъ: они...
Но гдѣ они?.. Будь добръ; смиреннымъ серд-
цемъ
Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность—
И все тутъ!.. Посмотри: тамъ свѣтятъ звѣзды;
И что звѣзда, то ясное селенье; [родъ;
Надъ ними жъ, слышно, есть прекрасный го-
Онъ невидимъ... но будешь добръ, и будешь
Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ миръ съ тобою;
А если Богъ посудитъ, то найдешь
Тамъ и своихъ: отца и мать и... дѣда.
А можетъ-быть—когда итти случится
По млечному пути въ тотъ тайный городъ—
Ты вспомнишь о землѣ, посмотришь внизъ,
И что жъ внизу увидишь?—Зáмокъ Рет-
Все въ уголь сожжено; а наши горы, [леръ.
Какъ башни старыя, чернѣютъ; вкругъ
Зола; въ рѣкѣ воды нѣтъ, только дно
Осталося пустое—мертвый слѣдъ
Давнишняго потока; и все тихо,
Какъ гробъ. Тогда товарищу ты скажешь:
„Смотри: тамъ въ старину земля была;
Близъ этихъ горъ и я живалъ въ ту пору,
И пасъ коровъ, и сѣялъ, и пахалъ;
Тамъ дѣда и отца отнесъ въ могилу;
Былъ самъ отцомъ, и радостного въ жизни
Мнѣ было много, и Господь мнѣ далъ
Кончину мирную... и здѣсь мнѣ лучше“.

(1816 г.)

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать,
Зато и утра не видать;
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано поутру—
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ-дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да чу́! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
„Небесный Царь, услыши насъ;
Твое владычество приди;
Насъ въ искушенье не введи;
На путь спасенія наставь,
И отъ лукаваго избавь“.

Зачѣмъ же, звѣздочка-краса,
Всегда такъ рано въ небеса?..
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою вослѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что жъ? Увидятся ли?.. Нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?.. Ужъ не блеститъ;
Печально-блѣдная бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно,

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ стоитъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;
И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мельницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой,
Моя звѣзда-подружка, ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты—
О, звѣздочка-душа моя,
Не испугался бъ солнца я.

(1818 г.)

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучомъ,
И алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь—горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ;

И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

Итакъ, совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,

Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда;
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ-разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ,
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай! уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

(1818 г.)

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

„Слушай, дружокъ! (говоритъ вескресенью суббота) деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко!..“ И только успѣла суббота промолвить:
„Полночь!“ а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. „Моя череда!“ говоритъ воскресенье;
Легкой рукою тихонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ-будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой воскресенье.
Въ рощу заглянетъ—тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище—могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ-будто что дышитъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ-будто безмолвный
Сторожъ деревни. — Спокойно на паперти сѣвъ, воскресенье
Ждетъ, посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось... Тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнѣть... Пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
„Солнышко, встань!..“ И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучомъ полились, облака зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, и сіяя на солнцѣ,
„Доброе утро!“ всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву... въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слышится пѣнье.

(1831 г.)

Небольшія повѣсти, поэмы
и
отрывки изъ повѣстей и поэмъ.

ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ БАЛЛАДАХЪ.

(Изъ романа Шписа.)

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей...
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній.
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья,

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
Ты все опять, душа моя, узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра!..
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

(1817 г.)

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

ГРОМОБОЙ.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister;
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.—*Schiller*.

АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ПРОТАСОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты—
Желанье исполняю;
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ.
Еще жъ одно желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье;
Печаль по слуху только знай.
Будь радостію свѣта.
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ, съ кручиной;
Окрестъ него дремучій боръ,
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ,
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой,
И думаетъ онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму;
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть;
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
А мнѣ сума—награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды...
Усталъ я, въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды!“

Готовъ онъ прянуть съ крутизны...
    И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
    Выходитъ привидѣнье:
Старикъ съ шершавой бородой,
    Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
    Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
    Клюкою Громобою...
И тотъ, какъ вкопаный, стоитъ,
    Зря диво предъ собою.

— Куда? невѣдомый спросилъ.
    „Въ волнахъ скончать мученья“.
— Почто жъ, безсмысленный, забылъ
    Во мнѣ искать спасенья?
„Кто ты?“ воскликнулъ Громобой,
    Отъ страха цѣпенѣя.
— Заступникъ, другъ, спаситель твой:
    Ты видишь Асмодея.
„Творецъ небесный!“—Удержись!
    Въ молитвѣ нѣтъ отрады;
Забудь о Богѣ, мнѣ молись;
    Мои вѣрнѣй награды.

— Прими отъ дружбы, Громобой,
    Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
    И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
    Я способы имѣю;
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ—
    Прибѣгни къ Асмодею;
Могу тебѣ я силу дать,
    И честь, и много злата,
И грудью буду я стоять
    За друга и за брата.

— Клянусь... свидѣтель ада богъ,
    Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
    Свою отдай мнѣ душу.—
Невольно вздрогнулъ Громобой,
    По членамъ хладъ стремится:
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
    Нѣтъ силъ перекреститься.
— О чемъ задумался глупецъ?
    „Страшусь мученій ада“.
— Но рано ль, поздно ль... наконецъ
    Все адъ твоя награда!

— Тебѣ на свѣтѣ жить бѣда;
    Покинуть свѣтъ другая;
Останься здѣсь, поди туда,
    Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
    Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ—бредни! веселъ адъ;
    Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
    Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
    Лишь въ адѣ жизнь прямая.

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ,
    И тьму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ,
    Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ—
    Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ—вздумалъ, загадалъ,
    И все передъ тобою;
И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
    Въ немъ вѣчно будетъ злато
Но десять лѣтъ, не болѣ, срокъ
    Тебѣ такъ жить богато.

— Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
    Исчезнетъ за горою,
Въ послѣдній полуночный часъ
    Приду я за тобою.—
Сталъ думу думать Громобой,
    Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
    За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
    Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ—и пропалъ,
    Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой—
    Откуда что взялося!
И счастье на него рѣкой
    Съ богатствомъ полилося;
Какъ княжескій разубранъ домъ,
    Подвалы полны злата;
Съ заморскимъ выходы виномъ;
    И рѣдкостей палата;
Пиры—хоть постъ, хоть мясоѣдъ;
    Музыка роговая;
Для всѣхъ—чужихъ, своихъ—обѣдъ,
    И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,
    Всему онъ повелитель:
И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
    И хищникъ, и грабитель.
Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
    Изъ отческой ихъ сѣни:
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
    И родственниковъ пени;
И въ годъ двѣнадцать дочерей
    Имѣлъ отъ обольщенныхъ;
И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей
    И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щитомъ
    Былъ ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань—Божій домъ,
    Смиренія обитель.
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
    Сокрылъ ихъ съ матерями,
Да славятъ Вышняго Царя
    Невинныхъ устъ мольбами.

И горней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою;
Какъ вешній ароматный день,
Цвѣли онѣ красою.

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
До юности златыя,
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Лишь подвиги благіе;
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
Стекалися во храмѣ;
На клиросѣ, предъ алтаремъ,
Кадильницъ въ ѳиміамѣ,
Въ священный литургіи часъ
Ихъ слышалося пѣнье—
И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало Провидѣнье.

И слезы нѣжныхъ матерей
Съ молитвой ихъ сливались,
Когда во храмѣ близъ мощей
Онѣ распростирались.
„О! дай имъ кровъ, Небесный Царь!
(То было ихъ моленье)
Да будетъ Твой святой алтарь
Незлобныхъ душъ спасенье;
Покинулъ ихъ родной отецъ,
Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
Но призри ты сиротъ, Творецъ,
И грѣшника помилуй!..“

Но вотъ... насталъ десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ:
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны селы;
Не зритъ лишь онъ златой весны:
Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ,
„Прости (гласитъ), денница!“
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ,
„Прости, весны пѣвица!..
Прости, и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя!“
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: „Онѣ Творца смягчатъ;
Невиннымъ Богъ внимаетъ“.

И вотъ... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою,
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ
Зажглись свѣтила ночи,
И сонъ глубокій на поляхъ;
И близокъ часъ полночи...

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю,
„Увы, молитесь! (вопіялъ)
Молитесь, погибаю!“
Младенца внятенъ небу стонъ:
Невинныя молились;
Но вдругъ... на нихъ находитъ сонъ...
Замолкли... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ,
Вотъ... стая псовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи,
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы!.. послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише... смолкъ... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою;
Ты слышалъ, билъ послѣдній часъ;
Пришелъ я за тобою.
„О! дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ!“
— Свершилось! Неизбѣженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ.
„Минуту!“—Слышишь? Цѣпь звучитъ.
„О страшный часъ! помилуй!“
— И гробъ готовъ, и саванъ шитъ,
И роютъ ужъ могилу.

— Заутра день взойдетъ во мглѣ;
Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья:
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
Навѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
„Усопшій, миръ съ тобою!“

— И миръ не будетъ твой удѣлъ;
Ты адово стяжанье!
Но время... идутъ... часъ приспѣлъ...
Внимай ихъ завыванье;

Сошлись... призывный слышу кличъ...
Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ... свищетъ бичъ...
Оковы разжигаютъ.
„Спаситель-Царь, вонми слезамъ!“
— Напрасное моленье!
„Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье“.

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ,
Сверкнули страшно очи!
— Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи...
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.—
И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:
— Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сейчасъ
На скорби и мученья.

Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году.
„Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!“
— Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!—
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ,
И тьма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувстьенъ, полумертвый;
И вопитъ: „Страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!“
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ...
Онъ пишетъ ихъ рукою...
О страхъ! свершилось... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

Ты казнь отсрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой,
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья;
Веселья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья;
Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь—ему постылы;
Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ вживѣ снѣдь могилы.

Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
Съ душистыя долины,
И свѣтъ луны сребритъ потокъ
Сквозь темны липъ вершины.
И ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
И роща въ тѣнь свою зоветъ
Листочковъ трепетаньемъ;
И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
Съ пастушьими рогами
Вечерній мракъ животворятъ,
Теряясь за холмами...

Его доселѣ свѣтлый домъ
Ужъ сумрака обитель.
Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Пировъ веселыхъ зритель,
Не пьетъ кипящаго вина
Изъ чаши круговыя...
И страшенъ день, и ночь страшна,
И тѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой,
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
И сонъ забыли очи.

И тьмы лѣсовъ страшится онъ:
Тамъ бродитъ привидѣнье;
То чудится полночный звонъ,
То погребально пѣнье;
Страшитъ его и бури свистъ,
И грозныхъ тучъ молчанье,
И съ шорохомъ падущій листъ,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу громъ—
Блѣднѣетъ, дыбомъ волосъ:
„То мститель, посланъ Божествомъ:
То казни страшный голосъ“.

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье.
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,
Краса—веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубятъ муки.
Какъ роза—благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной,
Онѣ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ;
Ихъ сердце безмятежно.

А онъ?.. Преступникъ... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подъемля очи,
Отверсту видитъ вдалекѣ
Пучину адской ночи.
Онъ плачетъ; онъ судьбу клянетъ:
„О милыя творенья,
Какой васъ лютый жребій ждетъ!
И гдѣ искать спасенья?
Напрасно вамъ дана краса,
Напрасно сердцу милы,
Закрытъ вамъ путь на небеса,
Цвѣтете для могилы.

„Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ она украситъ свѣтъ,
Вамъ милаго покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распаленныя душой,
Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.

„И дни блаженства не придутъ;
Страшитесь милой встрѣчи:
Для васъ не брачныя зажгутъ,
А погребальны свѣчи.
Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ
Пойдете съ женихами...
Ужасный гробъ готовятъ намъ;
Прокляты небесами.
И нашъ удѣлъ тоска и стонъ
Въ обителяхъ геенны...
О грозный жребія законъ,
О жертвы драгоцѣнны!..“

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ—„Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Въ раскаяньи спасенье.
Возносятся предъ вышній тронъ
Преступниковъ стенанья...“
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обитель покаянья:
Да странникъ тамъ найдетъ покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снѣдь, больной
Спасенье отъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ
Служитель на сторо́жѣ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зоветъ:
„Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе“.
И вотъ уже изъ всѣхъ краевъ,
Влекомыя молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
И нищихъ къ Громобою;
И всѣхъ пріемлетъ Громобой,
Всѣмъ дань его готова;
Онъ щедрой злато льетъ рукой
Отъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ,
Подобье свѣтла рая;
Обитель иноковъ при немъ
Является святая;
И въ той обители святой
Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый, и больной,
И скорбью убіенный
Пріемлютъ, именемъ Творца,
Отраду, исцѣленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнаютъ Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ греческаго края;
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
Святого Николая;
На той иконѣ Громобой
Былъ видимъ съ дочерями,
И на молящихся святой
Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
Предъ образомъ въ лампадѣ;
Въ златомъ вѣнцѣ алма́зъ сіялъ,
И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,
Еще дубрава дремлетъ,
И воцаряющійся день
Полнеба лишь объемлетъ,
И въ часъ вечерней тишины,
Когда вездѣ молчанье,
И свѣчи, въ храмѣ возжены,
Льютъ тихое сіянье—
Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
Предъ образомъ, смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченный...

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды,
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.
Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ третей нѣтъ—
И будто не бывало;
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
„Всему конецъ! твой близокъ часъ,
Погибель надъ тобою!“

И вотъ... недугъ повергнулъ злой
Его на одръ мученья.
Растерзанъ лютою рукой,
Не чая исцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зритъ
Отверсту дверь могилы;
И у возглавія сидитъ
Надъ нимъ призракъ унылый.
И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
Къ иконѣ чудотворной,
Лишь взоръ стремитъ онъ къ небесамъ,
Молящій, но покорной.

Увы! ужъ и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ;
Все тихо, весело, свѣтло;
Все нѣгой сладкой дышитъ;
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышитъ

Листами легкій вѣтерокъ;
  Въ поляхъ благоуханье,
Къ цвѣтку прильнулъ мотылекъ
  И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
  Со стономъ и слезами:
„О рано ты, ночная тѣнь,
  Разсталась съ небесами!
Сойдитесь, дѣти, одръ отца
  Съ молитвой окружите,
И предъ судилище Творца
  Стенаніе пошлите.
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
  Взывайте: Искупитель,
Смягчи грозящій гнѣва зракъ;
  Не будь намъ строгій мститель!"

И страшнаго одра кругомъ—
  Гдѣ блѣденъ, изможденный,
Съ обезображеннымъ челомъ,
  Всѣ кости обнаженны,
Брада до чреслъ, власы горой,
  Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
  Съ утра до поздней ночи—
Стеклися дѣвы, ясный взоръ
  На небо устремили,
И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
  Сердца совокупили.

О видъ угодный небесамъ!
  Такъ ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезамъ,
  Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
  Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
  Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ...
  И, утомленъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
  „Отыди съ упованьемъ!"

И дѣвы, чистыя душой,
  Подъемля къ небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
  Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
  Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
  Еще молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
  Сіянія денницы...
Но взоръ недвижный угасалъ,
  Смыкалися зѣницы.

„О дѣти, дѣти, гаснетъ день".
  — Нѣтъ, утро; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
  По долу протянулась;
И нивы пусты... въ высотѣ
  Лишь жаворонокъ вьется.

„Увы! заутра въ красотѣ
  Опять сей день проснется!
Но мы... ужъ скрылись отъ земли;
  Уже насъ гробъ снѣдаетъ;
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
  Насъ болѣ не признаетъ.

„Несчастныя, дерзну ль на васъ
  Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
  Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
  Съ проклятіемъ въ могилу;
Молитесь, воззовемъ къ Творцу:
  Разгнѣванный, помилуй!"
И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
  Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
  Воскликнули: помилуй!

„О дѣти, дѣти, ночь близка".
  — Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
  Со стадомъ отдыхаетъ,
Молчатъ поля, въ долинѣ сонъ,
  Пылаетъ небо знойно.
„Мнѣ чудится надгробный стонъ".
  — Все тихо и спокойно,
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
  Подъемлясь съ поля, дуетъ,
Лишь иволга въ глуши лѣсной
  Повременно воркуетъ.

„О дѣти, свѣтлый день угасъ".
  — Ужъ солнце за горою;
Ужъ по закату разлилась
  Багряною струею
Заря, и съ пламенныхъ небесъ
  Спокойный вечеръ сходитъ,
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ,
  Въ долинѣ сумракъ бродитъ.
„О вечеръ сумрачный, постой!
  Помедли, день прелестной!
Помедли, взоръ не узритъ мой
  Тебя ужъ въ поднебесной!.."

„О дѣти, дѣти, ночь близка".
  — Заря ужъ догорѣла,
Въ туманъ одѣлася рѣка.
  Окрестность поблѣднѣла,
И на распутіи пылятъ
  Стада, спѣша къ селенью.
„Спасите! полночь бьетъ!"—Звонятъ
  Въ обители къ моленью:
Отцы поютъ хвалебный гласъ,
  Огнями храмъ блистаетъ.—
„При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
  Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!..

„Не тмится ль, дѣти, неба сводъ?
  Не мчатся ль черны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
  Не вьется ль прахъ летучій?"

— Все тихо... служба отошла,
Обитель засыпаетъ;
Луна полнеба протекла;
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
Луга, поля безмолвны,
Огни потухнули въ селѣ,
И рощи спятъ и волны.—

И всюду тишина была:
И вся природа, мнилось,
Предустрашенная ждала,
Чтобъ чудо совершилось...
И вдругъ... какъ-будто вѣтерокъ
Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
Чуть тронулъ зыбь потока...
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ...
Какъ-будто надъ звѣздами
Коснулся арфы серафимъ
Эѳирными перстами.

И тихо, тихо Божій храмъ
Отверзся... Неизвѣстной
Явился старецъ дѣвъ очамъ;
И ликъ красы небесной,
И кротость благостныхъ очей,
Рождали упованье;
Одѣянъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближеньѣ...
Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и Спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обуялъ...
„Кто этотъ, въ славѣ зримый?"
Но близъ одра уже стоялъ
Пришлецъ неизъяснимый.
И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
Полой своей одежды,
И тихій во мгновенье сонъ
На ихъ простерся вѣжды.
На искаженный старца ликъ
Онъ кинулъ взглядъ укора,
И трепетъ въ грѣшника проникъ
Отъ пламеннаго взора.

„О! кто ты, грозный сынъ небесъ?
Твой взоръ мнѣ наказанье".
Но страшный строгостью очесъ
Пришлецъ хранитъ молчанье...
„О дай, молю, твой слышать гласъ!
Одно надежды слово!
Идетъ неотразимый часъ!
Событіе готово!"
— Вы ликъ во храмѣ чтили мой;
И въ томъ изображеньѣ
Моя десница надъ тобой
Простерта во спасенье.

„Ахъ! что жъ Могущій повелѣлъ?"
— Надѣйся и страшися,
„Увы! какой насъ ждетъ удѣлъ?
Что жребій ихъ?"—Молися!—
И руки положивъ крестомъ
На грудь изнеможенну,
Предъ неиспытаннымъ Творцомъ
Молитву сокрушенну
Умолкшій проліялъ въ слезахъ,
И тяжко грудь дышала,
И въ призывающихъ очахъ
Вся скорбь души сіяла...

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ—
Мрачнѣе и мрачнѣе:
За тучей грозною ползетъ
Другая вслѣдъ грознѣе;
И страшно сшиблись надъ главой;
И небо заклубилось;
И вдругъ... повсюду съ черной мглой
Молчанье воцарилось...
И близокъ часъ полночи былъ...
И ризою святою
Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
Отступника—десною.

И устремленны на востокъ
Горѣли старца очи...
И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,
Въ пучинѣ черной ночи,
Завылъ протяжно вѣщій бой,
Окрестность съ нимъ завыла;
Вдругъ... страшной молнія струей
Сводъ неба раздвоила,
По тучамъ вихорь пробѣжалъ,
И съ сильнымъ грома трескомъ
Ревущей бури, бѣсъ предсталъ,
Одѣянъ адскимъ блескомъ.

И змѣи въ пламенныхъ власахъ—
Клубясь шипятъ и свищутъ;
И радость злобная въ очахъ—
Кругомъ, сверкая, рыщутъ;
И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ—
Увлечь добычу льстился;
Но старца грознаго узрѣлъ—
Утихнулъ и смирился;
И вмигъ гордыни блескъ угасъ;
И, смутенъ, вопрошаетъ:
— Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
Къ симъ падшимъ призываетъ?

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой".
— Они мое стяжанье.
„Передъ небеснымъ Судіей
Всесильно покаянье".
— И часъ суда его притекъ:
Ихъ жребій совершися!
„Еще ко Благости не рекъ
Онъ въ гнѣвѣ: удалися!"
—Онъ правъ—и я владыка имъ.
„Онъ благъ—я имъ хранитель".
— Исчезни, адъ неотразимъ.
„Отвѣтствуй, Искупитель!"

И громъ съ востока пролетѣлъ;
И бездну тучъ трикраты
Разсѣкъ браздами яркихъ стрѣлъ
Перунъ огнекрылатый;
И небо съ края въ край зажглось,
И застонало въ страхѣ;
И дрогнула земная ось...
И, воющій во прахѣ,
Творца грядуща слышитъ бѣсъ;
И молится Хранитель...
И грянулъ изъ среды небесъ
Глаголомъ Вседержитель.

„Гряду судить! и вѣчный судъ
Несетъ моя десница!
Мнѣ казнь и благость предтекутъ...
Во прахъ чадоубійца!“
О всемогущество словесъ!
Уже отступникъ тлѣнье;
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ,
Въ костяхъ оцѣпенѣнье;
И ликъ кончиной искаженъ,
И сердце охладѣло,
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло.

„И праху—обладатель адъ,
И гробу—отверженье,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленье.
И чадамъ—непробудный сонъ;
И тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель,
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель.

„И будутъ спать: и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся,
И пройдетъ тлѣнія рука
Ихъ мимо, и проснутся
Съ неизмѣнившейся красой
Для жизни обновленной,
И низойдетъ тогда покой
Къ могилѣ искупленной,
И будетъ миръ въ его костяхъ,
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: Господь есть благость!..“

Ужъ вѣстникъ утра въ высотѣ;
И слышенъ громкій пѣтелъ
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость, свѣтелъ...
Узрѣли дѣвъ объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли;
И мертвый страшенъ былъ лицомъ!
Глаза, не зря, смотрѣли;
Какъ-будто, страждущъ, прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его роптал
Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
Невидимо крылами
Ихъ тихій ангелъ облачилъ;
Ихъ райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ,
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворенъ
Какъ розъ благоуханьемъ,
И расцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота,
Въ спокойствіи, небесной.

Но вотъ ужъ гробъ одѣтъ парчей,
Отверзлася могила,
И слышенъ колокола вой,
И теплются кадила;
Идутъ и старъ и младъ во храмъ,
Подъемлется рыданье,
Даютъ безчувственнымъ устамъ
Послѣднее лобзанье;
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ,
И взятъ ужъ гробъ землею,
И ликъ воспѣлъ: „Усопшій братъ,
Навѣки миръ съ тобою!“

И вотъ и старъ и младъ пошли
Обратно въ домъ печали,
Но вдругъ предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали
Гранитны стѣны—верхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ—
И, сгрянувшись, затворы вратъ
Задвинулись утесомъ.
И вспять погналъ пришельцевъ страхъ,
Бѣгутъ, не озираясь;
„Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!“
Вѣщаютъ, содрогаясь.

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустѣнья:
Поля покрылъ дремучій боръ,
Разсыпались селенья.
И человѣчій гласъ умолкъ;
Лишь филинъ на утесѣ,
И въ ночь осенню гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ бреговъ,
Спираема корнями
Изрытыхъ бурею дубовъ,
Рѣка клубитъ волнами.

Гдѣ древле окружала храмъ
Отшельниковъ обитель,
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинъ житель;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ,
Лишь, вѣющій порою,

Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травою;
Лишь, отторгаяся отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ на время пробужденъ,
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

На немъ угрюмый вранъ сидитъ
Могилы сторожъ дикій.
И все какъ мертвое окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ.
Ни птица не промчится.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень:
Надъ нимъ всегда въ полночной тьмѣ
Сіяетъ блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвитъ
Листами повилики:

По полночь лишь сойдетъ съ небесъ—
Вранъ черный встрепенется,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется;
И видима бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи:

Какъ блѣдный на туманѣ день,
Ея сіяютъ очи,
То взоръ возводитъ къ небесамъ,
То, съ видомъ тяжкой муки,
Къ непроницаемымъ стѣнамъ,
Моля, подъемлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
Сѣдѣетъ лѣсъ унылый:
Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья;
И дѣвы спятъ—ихъ сонъ глубокъ;
И жребій искупленья,
Безвѣстно, близокъ иль далекъ;
И нѣтъ имъ пробужденья.

Но въ часъ, когда поля заснутъ,
И мглой земля одѣта
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта),
Одна изъ спящихъ возстаетъ—
И, странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ вдаль, и ждетъ съ тоской:
„Приди, приди, спаситель!"
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!

Когда жъ исполнится луна,
Чреда приходитъ смѣны;
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчается и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходитъ,
А та печальна по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ.

И скоро ль? Долго ль?.. Какъ узнать?
Гдѣ вѣстникъ искупленья?
Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать
Всѣ ковы обольщенья,
Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ?
Кто могъ бы, чистъ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
Непобѣдимъ земною,
Все предстоящее презрѣть,
И съ вѣрою смиренной,
Надежды полонъ, вдаль летѣть
Къ наградѣ сокровенной?..

(1810 г.)

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.—*Schiller.*

ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ БЛУДОВУ.

1817.

Вотъ повѣсти моей конецъ,
И другу посвященье.
Пѣвцу жъ смиренному вѣнецъ
Будь дружбы одобренье.
Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ,
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
Какъ тайный вождь-хранитель,
Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ;
Но въ пользу ли услуга:
Не знаю... Дѣвъ я разбудилъ,
Не усыпить бы друга.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красотою,
И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
И сердца простотою.
Его утѣха—по лѣсамъ
Скитаться за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими стрѣлами
Въ осенній хладъ и лѣтній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему постелей мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И чувства тайнаго полна,
Душа въ немъ унывала.
„Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?"
Но все—и тишина въ лѣсахъ,
И быстрыхъ водъ журчанье,
И дня мѣняющійся видъ
На облакѣ небесномъ,
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомленъ,
Близъ Волхова на брегѣ,
Онъ погрузился въ легкій сонъ.
Струи въ свободномъ бѣгѣ
Шумѣли, по корнямъ древесъ
Съ плесканьемъ разливаясь;
Душой весны былъ полонъ лѣсъ;
Листочки, развиваясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было...
И солнце съ тверди голубой
Къ холмамъ ужъ нисходило.

И къ утру видитъ сонъ Вадимъ:
Одѣянъ ризой бѣлой,

Предсталъ чудесный мужъ предъ нимъ—
Во взорѣ лучъ веселой,
Ликъ важный свѣтелъ, станъ высокъ,
На сѣдинахъ блистанье,
Въ рукѣ серебряный звонокъ.
На персяхъ крестъ въ сіяньѣ;
Онъ шелъ, какъ-будто бы летѣлъ,
И, осѣнивъ перстами,
Благовѣстящими воззрѣлъ
На юношу очами.

„Вадимъ, желанное вдали;
Вѣрь небу, жди смиренно;
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно;
Стремись, я провожатый твой!“
Сказалъ—и въ то жъ мгновенье
Въ дали явилось голубой
Прелестное видѣнье:

Вадимъ проснулся: день сіялъ,
А въ вышинѣ... звенѣло.

Онъ смотритъ въ даль, на свѣтлый югъ:
Тамъ ясно все и чисто;
Оттоль черезъ обширный лугъ
Струею серебристой
Катился Волховъ; небеса
Сливались тамъ съ землею;
Туда, за холмы, за лѣса,
Мчалъ облака толпою
Летучій, вешній вѣтерокъ...
Смятенный, въ ожиданьѣ,
Онъ смотритъ, слушаетъ... звонокъ
Умолкъ—и все въ молчаньѣ.

Три сряду утра тотъ же сонъ;
Душа его въ волненьѣ.
„О, что же ты, взываетъ онъ,

Младая дѣва, ликъ закрытъ
Завѣсою туманной,
И на главѣ ея лежитъ
Вѣнокъ благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой
Манило привидѣнье
Итти Вадима за собой...
И юноша въ смятеньѣ,
Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, полетѣлъ...
Но вдругъ... призракъ сокрылся,
Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
И блѣдный лучъ свѣтился;
И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
Старикъ въ одеждѣ бѣлой...

Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный гласъ?
Кто ты, пришлецъ священный?
Ахъ! гдѣ она? Увижу ль васъ?
И сердцу откровенный
Предѣлъ откроется ль очамъ!..“
Но тщетно онъ очами
Летитъ къ далекимъ небесамъ...
Туманъ подъ небесами.

И цѣлый міръ его мечтой
Предъ нимъ одушевился,
Востокъ ли свѣжею красой
Денницы золотился—
Ему являлся тамъ покровъ

На образѣ прелестномъ.
Дышалъ ли запахомъ цвѣтовъ—
Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье въ даль, любви тоска,
Томленіе разлуки;
И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдить
Могущаго стремленья,
Къ отцу и къ матери просить
Идетъ благословенья.
„Куда? [печальная въ слезахъ
Сказала матерь сыну].
Въ чужихъ испытывать странахъ
Невѣрную судьбину?
Постой! на родинѣ твоей
Домъ отчій безопасный;
Здѣсь сладостна любовь друзей,
Здѣсь дѣвицы прекрасны".

— Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ;
Спокой себя, родная!
Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
Ведетъ рука святая.
И не задремлетъ ни на часъ
Хранитель постоянный.
Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
Кто вождь сей безымянный?
Куда ведетъ? Какой стезей?
Не знаю—и напрасенъ
Въ незнаньи страхъ... живъ спутникъ мой;
Путь вѣры безопасенъ.—

Надѣвъ на сына крестъ златой,
Отвѣтствуетъ родная:
„Прости; да будетъ надъ тобой
Его любовь святая!"
Снимаетъ со стѣны отецъ
Свои доспѣхи ратны:
„Прости, вотъ мечъ мой кладенецъ,
Мой щитъ и шлемъ булатный".
Сынъ въ землю матери, отцу;
Цѣлуетъ образъ, плачетъ;
Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
Онъ сѣлъ—онъ крикнулъ—скачетъ...

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
Поднялъ конь быстроногой;
Но вотъ уже и слѣда нѣтъ,
И пыль слилась съ дорогой...
Вздохнулъ отецъ; со вздохомъ мать
Пошла въ свою свѣтлицу;
Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
Въ слезахъ встрѣчать денницу;
Передъ Владычицей зажгла
Съ молитвою лампаду,
Чтобы ему покровъ была,
Чтобъ ей дала отраду.

Вотъ на распутіи Вадимъ.
Весь міръ неизмѣримый
Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ
Поля необозримы;
Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
Невѣдома дорога.
„Что жъ медлишь? Вѣрь—не выбирай;
Впередъ, во имя Бога;
Куда и какъ привесть меня,
То вождь мой знаетъ болѣ".
Такъ онъ подумалъ—и коня
Пустилъ бѣжать по волѣ.

И добрый конь какъ-будто самъ
Свою дорогу знаетъ,
Онъ все на югъ, онъ по полямъ
Путь новый пробиваетъ.
Потокъ ли встрѣтитъ—и въ потокъ,
Лишь только пѣна прыщетъ,
Ко рву ль примчится—разомъ скокъ,
Лишь только воздухъ свищетъ;
Заглохъ ли лѣсъ—съ нимъ широка
Дорога въ чащѣ лѣса;
Утесъ ли крутъ—онъ сѣдока
Стрѣлой на крутъ утеса.

Бѣгутъ за днями дни; Вадимъ
Все далѣ; конь послушный
Не устаетъ, и всюду имъ
Въ пути пріемъ радушный;
Ко граду ль случай заведетъ,
Къ селу ль, къ лачужкѣ ль дымной,
Вездѣ пришельцу у воротъ
Привѣтъ гостепріимной,
Вездѣ заботливо даютъ
Хлѣбъ-соль на подкрѣпленье,
На темну ночь святой пріютъ,
На путь благословенье.

Когда жъ застигнетъ мракъ ночной
Въ лѣсу иль въ полѣ чистомъ,
Нашъ витязь, щитъ подъ головой,
Спитъ на коврѣ росистомъ
Благоуханной муравы;
Надъ нимъ, катясь, сіяютъ
Ночныя звѣзды; вкругъ главы
Младые сны летаютъ;
И конь, не дремля, сторожитъ;
И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй приползть боится.

И дни бѣгутъ—весна прошла,
И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ расцвѣла,
И нивы пожелтѣли.
Вадимъ все далѣ; ужъ предъ нимъ
Широкій Днѣпръ сіяетъ;
Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
И взоръ его летаетъ
Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
Тамъ златоверхій городъ, тамъ
Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды—вечеръ знойный рдѣлъ
На небѣ, лѣсъ дремучій
Сквозь пламень зарева синѣлъ,
И громовыя тучи
Вслѣдъ за багровою луной
Съ востока поднимались
И яркой молніи змѣей
Въ ихъ нѣдрѣ извивались,—
Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
Тамъ все въ тѣни молчало,
Лишь трепетаніе древесъ
Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ;
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучомъ;
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ разверстыми вѣтвями;
Вадимъ впередъ—хрустятъ кусты
Подъ конскими ногами;
Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
Дорогу задвигаетъ...
Но ихъ мечомъ крушитъ Вадимъ,
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
Вдругъ—жалобные крики;
То нѣжный и молящій гласъ,
То яростный и дикій.
Зажглась въ немъ кровь, на вопли онъ
Сквозь чащу вѣтвей рвется;
Конь пышитъ, лѣсъ трещитъ, и стонъ
Все ближе раздается;
И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ-будто изъ тумана,
Чуть освѣщенная луной,
Открылася поляна.

И что жъ у витязя въ глазахъ?
Шумя между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Съ дубиной за плечами,
Огромный великанъ бѣжитъ,
И на рукахъ могучихъ
Красавицу младую мчитъ;
Она въ слезахъ горючихъ,
То силится бороться съ нимъ,
То скорбно вопитъ къ Богу...
„Стой!“ крикнулъ хищнику Вадимъ
И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозну рѣчь;
Какъ бѣшеный отпрянулъ.
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ...
Конь легкій отшатнулся,
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
И дубъ, треща, погнулся;
Вадимъ всей силою меча
Ударилъ въ исполина—
Рука отпала отъ плеча,
И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
Подъ конскими ногами,
Рванулся встать, оцѣпенѣлъ
И стихъ, грозя очами;
И смерть молчаньемъ заперла
Уста, вопитъ отверсты;
И роя землю, замерла
Рука, разинувъ персты.
Спѣшитъ къ похищенной Вадимъ;
Она, какъ листъ, дрожала,
И, сѣвши на коня за нимъ,
Въ слезахъ къ нему припала.

„Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей дѣвичьей красоты?
И гдѣ твоя обитель?“
— Князь кіевскій родитель мой;
Градъ Кіевъ недалеко;
Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,
Увидимъ брегъ высокой;
Подъ брегомъ тѣмъ кипятъ, шумятъ
Въ скалахъ струи Днѣпровы,
На брегѣ томъ и Кіевъ-градъ,
Озолоченны кровы.

— Я тамъ дни мирные вела,
Не знаяся съ кручиной,
И въ старости отцу была
Утѣхою единой.
Не въ добрый часъ литовскій князь,
Врагъ церкви православной,
Меня узрѣлъ, и распалясь
Душою звѣронравной,
Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
Чтобъ, тайною рукою
Меня похитивъ у отца,
Умчалъ въ Литву съ собою.

— Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
Въ лѣсномъ уединеньи,
Отъ Кіева невдалекѣ;
О дерзкомъ замышленьи
Никто и сонный не мечталъ;
Губитель не встрѣчался
Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ ждалъ
Добычи—и дождался.
Я нынче раннею порой
Въ лугъ вышла, полевые
Сбирать цвѣтки; пошли со мной
Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣтахъ,
Росою умывались,
И рвали ягоды въ кустахъ,
И громко окликались.
Ужъ солнце жгло съ полунебесъ,
Я шла одна, кустами
Вилась дорожка, темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.

Вдругъ шумъ... смотрю... злодѣй за мной;
Страхъ подкосилъ мнѣ ноги;
Онъ сильною меня рукой
Схватилъ—и въ лѣсъ съ дороги.

— Ахъ! что бъ въ удѣлъ досталось мнѣ,
Что было бы со мною,
Когда бъ не ты? Въ чужой странѣ
Изныла бъ сиротою.
Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
Живетъ ли сердцу радость?
И въ безутѣшной бы тоскѣ
Моя увяла младость;
И съ горемъ дряхлый мой отецъ
Повлекся бы ко гробу...
Но слабость защитилъ Творецъ,
Сразилъ Всевышній злобу.—

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
Въѣзжаетъ витязь; тучи,
Толпясь, заволокли луну;
Сталъ душенъ лѣсъ дремучій...
Гроза сбиралась: межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И шумъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался...
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ
И взрылъ деревъ вершины,
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой;
Громъ страшный, трескъ за трескомъ;
И шумъ воды, и вихря вой,
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ;
И встрѣчу, справа, слѣва,
Ряды валящихся древесъ;
Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
И заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ,
Гдѣ бъ пріютиться... но кругомъ
Все дичь, и буря свищетъ.

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ,
Стѣна изъ камней мшистыхъ;
Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
Спираясь, вихорь бушевалъ.
И молніи горѣли,
И въ безднѣ бури груды скалъ
Сверкали и гремѣли.
Вадимъ назадъ... но вдругъ ударъ!
Ель, треснувъ, запылала:
По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ,
Окрестность заблистала,

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.
Спѣшитъ къ убѣжищу Вадимъ;
Заботливой рукою
Онъ снялъ сопутницу съ коня,
Сложилъ съ раменъ кольчугу,
Зажегъ костеръ, и близъ огня,
Взявъ на руки подругу,
На броню сѣлъ. Дымясь, сверкалъ
Въ кострѣ огонь трескучій;
Поверхъ пещеры громъ леталъ,
И бунтовали тучи.

И прислонивъ къ груди своей
Вадимъ княжну младую,
Изъ золотыхъ ея кудрей
Жалъ влагу дождевую;
И къ персямъ дѣвственнымъ уста
Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
И въ нихъ вливалась теплота;
И съ тихимъ трепетаньемъ
Онѣ касалися устамъ;
И дѣвица молчала;
И къ юноши прильнувъ плечамъ,
Рука ея пылала.

Лазурны очи опустя,
Въ объятіяхъ Вадима,
Она, какъ тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что съ невинною душой
Сбылось—не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнувъ, трепетала:
Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
Изъ устъ воспламененныхъ.

А витязь?... Что съ его душой?...
Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
По раменамъ разлитыхъ,
И свѣжій блескъ ланитъ младыхъ,
И устъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихій гласъ,
И милое смятенье,
И ночи та́инственный часъ,
И вкругъ уединенье—

Все чувства разжигало въ немъ...
О власть очарованья!
Уже исполнены огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все... но вдругъ смутился онъ,
И въ радостномъ волненьи
Затрепеталъ... знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи.

И долго, жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстной;

И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло...
Вадимъ взглянулъ—призракъ исчезъ;
А въ вышинѣ... звенѣло.

И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
Едва, едва курится
Въ кострѣ огонь; на небесахъ
Нѣтъ тучъ, не слышно рева;
Небрежно на его рукахъ,
Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
Младенческій вкушаетъ сонъ,
И тихо, тихо дышитъ;
И близокъ ужъ разсвѣтъ; а онъ
Не видитъ и не слышитъ.

Сталъ вѣять свѣжій вѣтерокъ,
Взошла звѣзда денницы,
И обагрянился востокъ;
И пробудились птицы;
Копытомъ топнувъ, конь заржалъ:
Вадимъ очнулся—ясно
Все было вкругъ; но сонъ смыкалъ
Глаза княжны прекрасной;
Къ ней тихо прикоснулся онъ;
Вздохнувъ, она одѣла
Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
Взглянула—покраснѣла.

И витязь въ шлемѣ и бронѣ
Изъ-подъ скалы съ княжною
Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
Горѣло; подъ горою,
Сіяя, пѣну разстилалъ
По камнямъ Днѣпръ широкій;
И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
И благовѣстъ далекій
Былъ слышенъ. На коня Вадимъ,
Перекрестясь, садится;
Княжна попрежнему за нимъ;
И конь по брегу мчится.

Вдругъ путь широкій межъ древесъ:
Ихъ чаща раздалася,
И въ голубой дали небесъ,
Какъ звѣздочка зажглася
Глава Печерская съ крестомъ;
Конь скачетъ быстрымъ скокомъ;
Ужъ въ градѣ онъ, ужъ предъ дворцомъ,
И видятъ: на высокомъ
Крыльцѣ великій князь стоитъ;
Въ очахъ его кручина,
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
И строится дружина.

И смѣлыхъ вызываетъ онъ
Въ погоню за княжною,
И избавителю свой тронъ
Сулитъ съ ея рукою.
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
Густая пыль клубится;
И видятъ, съ дѣвой на конѣ
Красивый всадникъ мчится.
Народъ отхлынулъ, какъ волна;
Дружина разступилась,
И на рукахъ отца княжна
При кликахъ очутилась.

Обнявъ Вадима, князь сказалъ:
„Я не нарушу слова;
Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
Замѣною родного.
Я старъ: будь хилыхъ старца дней
Опорой и усладой;
А смѣлой доблести твоей
Будь дочь моя наградой.
Когда жъ наступитъ мой конецъ,
Тогда мою державу
И свѣтлый княжескій вѣнецъ
Наслѣдуй въ честь и славу".

И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье;
И зашумѣло, полилось
По граду ликованье;
Богатый пиръ на весь народъ;
Весь городъ изукрашенъ;
Кипитъ въ заздравныхъ кружкахъ медъ,
Столы трещатъ отъ брашенъ;
Поютъ пѣвцы; колокола
Гудятъ, не умолкая;
И отъ огней потѣшныхъ мгла
Зардѣлася ночная.

Веселье всѣмъ; одинъ Вадимъ
Не веселъ—мысль далеко.
Сердечной думою томимъ,
Безмолвенъ, одинокой,
Ни пѣснямъ, ни привѣтамъ онъ
Не внемлетъ равнодушный;
Онъ ступитъ шагъ—и слышитъ звонъ;
Подыметъ взоръ—воздушный
Призракъ летаетъ передъ нимъ
Въ знакомомъ покрывалѣ;
Преклонитъ слухъ—твердятъ: „Вадимъ,
Не забывайся, далѣ!"

Идетъ къ Днѣпровымъ берегамъ
Онъ тихими шагами,
И, смутенъ, взоръ склонилъ къ водамъ...
Небесная съ звѣздами
Была въ нихъ твердь отражена;
Вдали, противъ заката,
Всходила полная луна;
Вадимъ глядитъ... межъ злата
Осыпанныхъ луною волнъ
Какъ-будто бы чернѣетъ,
Въ зыбяхъ ныряя, легкій челнъ;
За нимъ струя бѣлѣетъ.

Глядитъ Вадимъ... челнокъ плыветъ...
Натянуто вѣтрило;
Но безъ гребца весло гребетъ,
Безъ кормщика кормило;
Вадимъ къ нему... къ Вадиму онъ...
Садится... челнъ помчало...
И вдругъ... какъ-будто съ юга звонъ;
И вдругъ... все замолчало...
Плыветъ челнокъ; Вадимъ глядитъ;
Сверкая волны плещутъ,
Лѣсистый брегъ назадъ бѣжитъ,
Ночныя звѣзды блещутъ.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна;
Челнокъ быстрѣй, быстрѣе;
Свѣтлѣе на небѣ луна,
На брегѣ лѣсъ темнѣе.
И далѣ, далѣ... все кругомъ
Молчитъ... какъ великаны
Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;
И черенъ, сквозь туманы
Глядится въ рѣку тихій лѣсъ
Съ утесистой стремнины,
И ужъ луна почти небесъ
Дошла до половины.

Сидитъ, задумавшись, Вадимъ;
Вдругъ... что-то пролетѣло;
И облачко луну, какъ дымъ
Невидимый, одѣло;
Луна померкла, по волнамъ,
По тихимъ сѣнямъ лѣса,
По брегу, по крутымъ скаламъ
Раскинулась завѣса;
Шатнулъ вѣтриломъ вѣтерокъ,
И руль зашевелился;
Ко брегу повернулъ челнокъ,
Доплылъ, остановился.

Вадимъ на брегъ; отъ брега челнъ;
Вѣтрило заиграло;
И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
Смѣшавшись, все пропало.
Въ недоумѣніи Вадимъ;
Кругомъ скалы, какъ тучи;
Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,
По камнямъ боръ дремучій
Съ рѣки до брега вышины
Восходитъ, все въ молчаньѣ...
И тускло падаетъ луны
На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крутымъ,
Влекомый тайной силой,
На верхъ взбирается Вадимъ.
Онъ смотритъ—все уныло:
Какъ трупы, сосны подъ травой
Обрушенныя тлѣютъ,
На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
Разинувшись, чернѣютъ
Разсѣлины дуплистыхъ пней,
И въ нихъ глазами блещетъ
Сова, иль чешуями змѣй,
Ворочаясь, трепещетъ.

И, мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ снѣ
Древа, и не смущало
Ихъ сна ничто: ни вѣтерка
Передъ денницей шопотъ,
Ни легкій шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжкій топотъ.
Уже Вадимъ на вышинѣ;
Вдругъ боръ рѣдѣетъ темный;
Раздвинулся... и при лунѣ
Явился холмъ огромный.

И на вершинѣ древній храмъ;
Блестящими крестами
Увѣнчаны главы, къ дверямъ
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожденъ затворъ;
Вкругъ храма переходы,
Столбы, обрушенный заборъ,
Растреснутые своды
Трапезы, келлій рядъ пустыхъ,
И всюду по колѣни
Полынь, и длинныя отъ нихъ
По скату холма тѣни.

Вадимъ подходитъ: не вдали
Могильный виденъ камень,
Крестъ наклонился до земли,
И легкій, блѣдный пламень,
Какъ свѣчка, теплится надъ нимъ;
И воронъ, птица ночи,
На немъ, какъ призракъ недвижимъ,
Сидитъ, унылы очи
Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
Взмахнувъ, онъ пробудился,
Взвился... и на небѣ пустомъ,
Трикраты крикнувъ, скрылся.

Объялъ Вадима тайный страхъ;
Глядитъ въ недоумѣньѣ—
И дивное тогда въ глазахъ
Вадимовыхъ явленье;
Онъ видитъ, нѣкто приподнялъ
Изсохшими руками
Могильный камень, блѣденъ, всталъ,
Туманными очами
Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
Какъ-будто бы моляся,
Пошелъ, стучаться началъ въ храмъ...
Но дверь не отперлася.

Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ,
И тихій подъ стопами
Былъ слышенъ шумъ, и долго, стонъ
Пуская межъ стѣнами,
Между обломками столбовъ,
Какъ блѣдный дымъ, мелькала
Бредуща тѣнь... вдругъ межъ кустовъ
Вдали она пропала.

Тамъ, боромъ покровенъ, утесъ
    Вздымался, крутъ и страшенъ,
И при лунѣ изъ-за древесъ
    Являлись кровы башенъ.

Вадимъ туда: уединенъ
    На грудѣ скалъ мохнатыхъ,
Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
    Оградой стѣнъ зубчатыхъ,
Стоитъ тамъ за́мокъ, тихъ, какъ сна
    Безмолвное жилище,
И вся окрестъ его страна
    Угрюма, какъ кладбище;
И башни по угламъ стоятъ,
    Какъ призраки, сѣдыя,
И сгромоздилися у вратъ
    Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
    Смятеннымъ ожиданьемъ,
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
    Сквозь облако сіяньемъ.
Но вдругъ... слетѣлъ съ луны туманъ,
    И боръ засеребрился,
И за́мокъ весь, какъ великанъ,
    Надъ боромъ освѣтился;
И отъ востока вѣтерокъ
    Подулъ передразсвѣтный,
И чу!.. изъ-за стѣны звонокъ
    Послышался привѣтный.

И что жъ онъ видитъ?... По стѣнѣ
    Какъ тѣнь уединенна,
Съ восточной къ западной странѣ,
    Туманнымъ облеченна
Покровомъ, дѣвица идетъ;
    Навстрѣчу къ ней другая;
И та, приближась, подаетъ
    Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокій вдоль стѣны
    На западъ продолжаетъ;
Другая жъ, къ за́мку съ вышины
    Спустившись, исчезаетъ.

И за идущею вослѣдъ
    Вадимъ летитъ очами;
Ужъ, ясенъ, молодой разсвѣтъ
    Встаетъ межъ облаками;
Ужъ загорается востокъ...
    Она все далѣ, далѣ;
И тихо ранній вѣтерокъ
    Играетъ въ покрывалѣ;
Идетъ—глаза опущены,
    Глава на грудь склонилась;
Пришла на поворотъ стѣны,
    Поворотила, скрылась.

Стоитъ, какъ вкопанный, Вадимъ;
    Душа въ немъ замираетъ:
Какъ-будто ликъ свой передъ нимъ
    Судьба разоблачаетъ.
Блѣднѣе тусклая луна,
    Свѣтлѣй востокъ багровый;
И озаряется стѣна,
    И ярко блещутъ кровы;
Къ восточной обратясь странѣ,
    Ждетъ витязь... вдругъ вспылала
Въ немъ кровь... глядитъ... тамъ на стѣнѣ
    Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотритъ боръ;
    Какъ-будто ждетъ въ волненьѣ;
Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
    Въ пустынномъ отдаленьѣ...
Вдругъ солнце въ пламени лучей
    На краѣ неба стало...
И витязь въ блескѣ передъ ней!
    Какъ облакъ, покрывало
Слетѣло съ юнаго чела,
    Ихъ встрѣтилися взоры;
И пала отъ воротъ скала,
    И раздались ихъ створы.

Стремится на ограду онъ;
    Идетъ она съ ограды:
Сошлись... о вѣщій вѣрный сонъ!
    О часъ святой награды!
Свершилось! все—и раннихъ лѣтъ
    Прекрасныя желанья,
И озаряющія свѣтъ
    Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
    Что вѣрѣ лишь открыто—
Все вдругъ явилось передъ нимъ,
    Въ единый образъ слито!

Глядятъ на небо, слезы льютъ,
    Восторгомъ словъ лишенны...
И вдругъ изъ терема идутъ
    Къ нимъ дѣвы пробужденны:
Какъ звѣзды, блещутъ очеса,
    На ясныхъ лицахъ радость,
И искупленія краса,
    И новой жизни младость.
О сладкій воскресенья часъ!
    Имъ мнилось: міръ рождался!
Вдругъ... звучно благовѣста гласъ
    Въ тиши небесъ раздался.

И что жъ? Храмъ Божій отворенъ,
    Тамъ слышится моленье.
Они туда; храмъ освѣщенъ,
    Въ кадильницахъ куренье,
Передъ угодникомъ горитъ,
    Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
    Сіяніе отъ взгляда,
И нѣкто, свѣтелъ, въ алтарѣ
    Простертъ передъ потиромъ,
И возглашается горѣ
    Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
    Передъ царскими дверями,
И вдругъ... святой налой предъ нимъ,
    Главы ихъ подъ вѣнцами,

Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены,
И кольца обручальны
На персты ихъ возложены,
И слышенъ гимнъ вѣнчальный...
И вдругъ... все тихо! гимнъ молчитъ,
Безмолвны своды храма,
Одинъ лишь, таинственъ, блеститъ
Алтарь средь ѳиміама.

И въ семъ молчаньи кто-то къ нимъ
Привѣтный подлетаетъ,
Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
Ихъ нѣжно отзываетъ...
Куда же?.. О священный видъ!
Могила передъ ними.
И въ ней спокойно; дернъ покрытъ
Цвѣтами молодыми,
И дышитъ вѣтерокъ окрестъ,
Какъ духъ безплотный вѣя,
И обвиваетъ свѣтлый крестъ
Прекрасная лилея.

Они упали ницъ въ слезахъ,
Ихъ сердце вѣсти ждало,
И трепетомъ священный прахъ
Могилы вопрошало...
И было все для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенны древеса
Съ вершинами живыми,
И, какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними...

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ...
Гдѣ зáмокъ? Гдѣ обитель?
Гдѣ чудомъ освященный храмъ?..
Все скрылось... лишь хранитель
Давно-минувшаго, живетъ
На прахѣ ихъ преданье.
Есть мѣсто... тамъ игривыхъ водъ
Плѣнительно сверканье,
Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ,
Тамъ сладокъ вѣтра шопотъ,
И съ тихимъ говоромъ древесъ
Волны сліянный ропотъ.

На мѣстѣономъ, такъ гласитъ
Правдивое преданье,
Былъ пепелъ инокинь сокрытъ:
Въ постѣ и покаяньѣ
При гробѣ грѣшника-отца
Онѣ кончины ждали,
И примиреннаго Творца
Въ молитвахъ прославляли...
И улетѣла къ небесамъ
Съ земли ихъ жизнь святая,
Какъ улетаетъ ѳиміамъ
Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ, въ свѣтлый часъ
Земли преображенья,
Когда, послышавъ утра гласъ,
Съ звѣздою пробужденья,
Востока ангелъ въ тишинѣ
На край небесъ взлетаетъ,
И по туманной вышинѣ
Зарю распростираетъ,
Когда и холмъ и лугъ и лѣсъ,
Все оживленнымъ зрится,
И предъ святилищемъ небесъ,
Какъ жертва, все дымится—

Бываютъ тайны чудеса,
Невиданныя взоромъ:
Отшельницъ слышны голоса;
Горѣ хвалебнымъ хоромъ
Поютъ; сквозь занавѣсъ зари
Блистаетъ крестъ, сліянны
Изъ свѣта зрятся алтари,
И, яркими вѣнчанны
Звѣздами, дѣвы предстоятъ
Съ молитвой ихъ святынѣ,
И серафимовъ тьмы кипятъ
Въ пылающей пучинѣ.

(1810 г.)

АББАДОНА.

(изъ „Мессіады" Клопштока.)

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродитъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомый, ужъ былъ далеко отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ, гремя и блистая;
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ помчалися рати мечтой божества упоенныхъ—
Ахъ! Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдіила:
Тьмой божества отуманенный, взоровъ молящихъ не видитъ;
Другъ позабытъ: въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны онъ примчался...
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мысляхъ всю повѣсть

Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ созданья.
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ-друга: „Скажи, серафимъ, братъ небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь и зрѣлъ ли
Прежде меня? О, повѣдай, что мыслишь? Намъ вмѣстѣ безсмертье“.
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью слетала
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ
Новосоздáнныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло, и завидѣвъ Творца, возгласили: „Создатель!“—
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны и воздвигся, нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты—такъ въ битвѣ кровавой другъ-друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьи кончины вздыхаютъ.
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
„Будь на меня вся неистовыхъ злоба—вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ, я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убійца! Вовѣки
Требуй Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ тобою,
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное „горе!“
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить!.. О, ничтожный, о комъ говоришь ты?
Онъ Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ прахѣ, безсильный,
Гордый невольникъ... Пошлетъ ли смертному Богъ искупленье,
Тлѣна ль оковы расторгнуть помыслитъ—тебѣ ль съ Нимъ бороться!
Ты ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кто онъ? Не ты ль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка... о горе мнѣ, горе!
Я вашъ сообщникъ!.. Дерзнемъ ли возстать на подателя жизни?
Сына Его громовержца хотимъ умертвить—о безумство!
Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами навѣки надежду
Прежняго счастія, мукъ утоленія мчимся разрушить!
Знай же: сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ страданьемъ
Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ; столь вѣрно и то, что, сраженный,
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ возвратишься“.
Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огромной скалою—
Гнѣвъ обезсилѣлъ подъятую грозно съ камнемъ десницу!
Топнулъ, яряся, ногой и трикраты отъ бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ въ глаза Аббадоны
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства ярокъ и мраченъ,
Но презирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ Аббадона
Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицомъ. Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.
„Въ вихряхъ и буряхъ тебѣ я хочу отвѣчать, малодушный!
Гряну грозою отвѣтъ!“ сказалъ онъ. „Ты ли ругаться
Смѣешь богами? Ты ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ Сатану и меня оскорблять замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни; казнь твоя—мыслей безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались; удались, малодушный; прочь отъ могущихъ;
Прочь отъ жилища царей; исчезай непримѣтный въ пучинѣ;
Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель;
Тамъ проклинай безконечность, или ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи, рабски предъ небомъ глухимъ пресмыкайся!

Ты же, отважный, средь самаго неба нарекшійся Богомъ,
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ,
Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель,
О Сатана, полетимъ! Да узрятъ насъ въ могуществѣ духи;
Да поразитъ ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ отважность!
Всѣ лавиринѳы коварства предъ нами: пути ихъ мы знаемъ;
Въ мракѣ ихъ—смерть; не найдетъ Онъ изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода.
Если жъ, наставленный небомъ, разрушитъ Онъ хитрыя ковы—
Пламенны бури пошлемъ, и Его не минуетъ погибель.
Горе, земля, мы грядемъ, ополченные смертью и адомъ;
Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ возмечтаетъ!"
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ буря, собранье;
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала; какъ-будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ кликомъ и воемъ,
Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися, дикій
Шумъ голосовъ поднялся и отгрянулъ съ востока на западъ:
Всѣ заревѣли: „Погибни, Мессія!" Отъ вѣка созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамелехомъ
Съ трона пошелъ Сатана, и ступени, какъ какъ мѣдныя горы,
Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ побѣдѣ,
Кинулись смутной толпой во врата растворенныя ада.
Издали, медленно, слѣдомъ за ними, летѣлъ Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно-страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ ангеламъ, стражамъ Эдема,
Робко подходитъ... Кто же тебѣ предстоитъ, Аббадона?
Онъ, Абдіилъ непреклонный, нѣкогда другъ твой... а нынѣ?..
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго стоялъ онъ,
Трепетенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія слезы катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концомъ неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи... Но, ахъ! Абдіиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу
Вѣчнаго Бога; его жъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны міросозданья,
Такъ серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣвшаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали Абдіилу:
„О Абдіилъ, мой братъ, иль навѣки меня ты отринулъ?
Такъ, навѣки я розно съ возлюбленнымъ... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все твореніе; плачьте вы, первенцы свѣта;
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны, о плачьте,
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; увяньте вы, тайныя сѣни,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ, нѣжно сливались;
Вы, потоки небесъ, близъ которыхъ, сладко объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу;
Ахъ! замолчите, изсякните: нѣтъ для меня Абдіила,
Нѣтъ, и навѣки не будетъ. Адъ мой, жилище мученья,
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною; навѣки
Нѣтъ Абдіила! вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ!"
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя передъ входомъ въ созданье.
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы
Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его устрашили:
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
„Сладостный входъ въ небеса для чего загражденъ Аббадонѣ?
О! для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно покинуть

Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада созданья,
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу—я былъ васъ прекраснѣй.
Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанникъ,
Грустный, среди красоты міросозданья. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: такъ потерялъ я блаженство;
Тамъ, отказавшись отъ Бога, сталъ грѣшникъ. О, миръ непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія, гдѣ ты?
Тщетно, одно лишь смятенье при видѣ небесныя славы
Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ—печальный остатокъ!
Ахъ! для чего я къ Нему не дерзну возгласить: „Мой Создатель!"
Радостно бъ нѣжное имя отца уступилъ непорочнымъ;
Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ: „Отецъ!" восклицаютъ.
О, Судія непреклонный, преступникъ молить не дерзаетъ,
Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей пучинѣ.
Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирѣпствуй!.. Почто я живу? О, ничтожность!
Иль тебя не узнать?.. Проклинаю сей день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный созданъ.
Вѣчность, почто родила ты сей день? Почто онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
Въ гнѣвѣ своемъ несказанномъ, себя облекаетъ? Почто онъ
Не былъ, проклятый Создателемъ, весь обнаженъ отъ созданій?..
Что говорю?.. О, хулитель, кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите; вы, звѣзды,
Гряньтесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья. О Ты, Судія непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О Судія, Ты Создатель, Отецъ... что сказалъ я, безумецъ!
Мнѣ ль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель;
Ахъ, улетимъ! ужъ воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня... улетимъ... но куда?.. гдѣ отрада?"
Быстро ударился онъ въ глубину безпредѣльныя бездны...
Громко кричалъ онъ: „Сожги, уничтожь меня, огнь-разрушитель!"
Крикъ въ безпредѣльномъ исчезъ... и огнь не притекъ разрушитель.
Смутный, онъ снова промчался къ мірамъ, и приникъ, утомленный,
Къ новому пышно-блестящему солнцу. Оттолѣ на бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли, какъ свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солнце заблудшая въ безднѣ планета;
Часъ ей насталъ разрушенья... она ужъ дымилась и рдѣла...
Къ ней полетѣлъ Аббадона, разрушиться вкупѣ надѣясь...
Дымомъ она разлетѣлась, но, ахъ!.. не погибъ Аббадона!

(1814 г.)

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛЪ.

(Изъ Гебеля.)

Дѣдушка рѣзалъ табакъ на прилавкѣ; къ нему подлетѣла
Съ видомъ умильнымъ Луиза. „Дѣдушка, сядь къ намъ, голубчикъ;
Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда сестра Маргарита
Чуть не заснула". Вотъ Маргарита, Луиза и Лотта
Съ донцами, съ пряжей проворно подсѣли къ огню и примолкли;
Фрицъ, наколовши лучины, придвинулъ къ подсвѣчнику лавку,
Сѣлъ и сказалъ: „Мнѣ смотрѣть за огнемъ!" а Энни, на печкѣ
Нѣжась, поглядывалъ внизъ и думалъ: „Здѣсь мнѣ слышнѣе".
Вотъ, табаку накрошивши, дѣдушка вычистилъ трубку,
Туго набилъ, подошелъ къ огоньку, осторожно приставилъ
Трубку къ горящей лучинѣ, раза два пыхнулъ—струею
Легкій дымокъ побѣжалъ; онъ, пальцемъ огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрылъ и сказалъ: „Послушайте, дѣти,

Будетъ вамъ сказка; но съ уговоромъ—дослушать порядкомъ;
Слова не молвить, пока не докончу, а ты на печуркѣ
Полно валяться, лѣнивецъ; опять, какъ въ норѣ, закопался;
Слѣзь, говорятъ. Ну, дѣти, вотъ сказка про красный карбункулъ.
Знайте: есть страшное мѣсто; на немъ не пашутъ, не сѣютъ;
Болѣ ста лѣтъ, какъ оно густою крапивой заглохло;
Тамъ и дрозды не поютъ, не водятся лѣтнія пташки;
Тамъ стерегутъ огромныя жабы проклятое тѣло.
Всѣмъ былъ Вальтеръ хорошъ, и уменъ, и проворенъ; но рано
Сталъ онъ трактиры любить; не псалтирь, не молитвенникъ—карты
Бралъ онъ по праздникамъ въ руки, когда христіане молились.
Часто ругался онъ именемъ Бога такъ страшно, что вѣдьма,
Сидя въ трубѣ, творила молитву, и звѣзды дрожали.
Вотъ однажды косматый стрѣлокъ въ зеленомъ кафтанѣ,
Молча смотрѣлъ на игру ихъ и слушалъ, съ какими божбами
Карту за картой и деньги проигрывалъ бѣшеный Вальтеръ.
—Ты не уйдешь отъ меня!—проворчалъ, покосившись, Зеленый.
„Вѣрно рекрутскій наборщикъ?" шепнула хозяйка, подслушавъ.
Нѣтъ, то былъ не рекрутскій наборщикъ, узнаете сами;
Только-что женится Вальтеръ и все промытаритъ на картахъ!
Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ? Изъ любви согласилась
Мина за Вальтера выйти; да, изъ любви... но къ нему ли?..
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери—имъ въ угожденье.
Слушайте жъ: за день до свадьбы Мина съ печалью заснула;
Вотъ ей страшный, пророческій сонъ къ полночи приснился;
Видитъ, будто куда-то одна идетъ по дорогѣ;
Черный монахъ на дорогѣ стоитъ и читаетъ молитву.
„Честный отецъ, подари мнѣ святой образокъ; я невѣста.
Вынь мнѣ: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться"
Долго, долго качалъ головою чернецъ; изъ мошонки
Горсть образочковъ досталъ онъ.—Сама выбирай,—говоритъ ей.
Вотъ она вынула... что жъ ей, подумайте, вынулось? Карта.
— Тузъ бубновый, не такъ ли? Плохо; вѣдь красный карбункулъ
Значитъ онъ... доля недобрая. „Правда!" Мина сказала,
— Мой совѣтъ,—говоритъ ей чернецъ,—попытаться въ другой разъ.
Что? Семерка крестовая? „Правда!" сказала, вздохнувши,
Мина. — Господь защити и помилуй тебя! Вынь, дружочекъ,
Въ третій разъ; можетъ-быть, лучше удастся. Что тамъ? Червонный
Тузъ?.. Кровавое сердце. „Ахъ, правда!" Мина сказала,
Карту изъ рукъ уронивши.—Послушай, отдай еще разъ.
Что? Не тузъ ли винновый? „Смотри, я не знаю".—Онъ, точно!
Ахъ! невѣста, черный заступъ, заступъ могильный;
Горе, горе! молися, дружокъ: онъ тебя закопаетъ.—
Вотъ что, друзья, наканунѣ свадьбы приснилося Минѣ.
Что жъ помогло предвѣщанье? Все Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: „Какъ Богу угодно!
Семь крестовъ да кровавое сердце; а послѣ... что жъ послѣ?
Воля Господня! пусть черный мой заступъ меня закопаетъ".
Дѣти, сначала было ей сносно: хоть Вальтеръ и часто
Пилъ и игралъ, и святыней ругался, и бѣдную мучилъ;
Но случалось, что, тронутый горемъ ея и слезами,
Онъ утихалъ—и вотъ что однажды сказалъ онъ ей: „Слушай;
Я отъ игры откажусь и карты проклятыя брошу;
Душу возьми сатана, какъ скоро хоть пальцемъ ихъ трону,
Но отстать отъ вина—и во снѣ не проси: не отстану.
Плачь и крушися, какъ хочешь; хоть съ горя умри; не поможешь".
Ахъ! друзья, не сдержалъ одного, да сдержалъ онъ другое.
Вотъ пришелъ онъ въ трактиръ; а Зеленый ужъ тамъ, и тасуетъ
Карты, сидя за столомъ самъ-третей, и Вальтера кличетъ:
„Вальтеръ, со мной пополамъ; садись, сыграемъ игорку".

— Я не играю,—Вальтеръ сказалъ и пива напѣнилъ
Полную кружку. „Вздоръ! возразилъ, сдавая, Зеленый;
Мы играемъ не въ деньги, а даромъ; садись, не упрямься".
— Что же? (думаетъ самъ себѣ Вальтеръ) если не въ деньги,
То и игра не въ игру...—и садится рядомъ съ Зеленымъ.
Вотъ бѣлокуренькій мальчикъ къ окну подошелъ и стучится.
„Вальтеръ (кличетъ онъ), Вальтеръ, послушай, выдь на словечко".
Вальтеръ ни съ мѣста.—Послѣ приди, говоритъ онъ. Что козырь?—
Хочешь ли? Вотъ тебѣ перстень; возьми, онъ стоитъ дороже;
Камень рѣдкій, карбункулъ; въ немъ же есть тайная сила".
Въ третій разъ кличутъ въ окошко: „Выдь, Вальтеръ, пока еще время".
„Пусть кричитъ, Зеленый сказалъ: покричитъ и отстанетъ.
Что жъ, возьмешь ли мой перстень? Бери, въ убыткѣ не будешь.
Знай: какъ скоро нѣтъ денегъ, ты перстень на палецъ, да смѣло
Руку въ карманъ—и вынется звонкій, серебряный талеръ.
Но берегися... разъ на день, не болѣ; и въ будни, не въ праздникъ.

Взятку беретъ онъ за взяткой. „Ты счастливъ, замѣтилъ Зеленый.
Дай, сыграемъ на крейцеръ; бездѣлка!" Задумался Вальтеръ.
— Въ деньги иль даромъ... игра все игра. Согласенъ,—сказалъ онъ.
„Вальтеръ (кличетъ мальчикъ опять и пуще стучится),
Выдь на минуту; словечко, не болѣ".—Отстань же, не выду;
Козырь!.. тузъ бубновый!.. семерка крестовая!.. козырь!—
Крейцеръ, да крейцеръ, а тамъ, поглядишь, вынимай и дублоны.
Кончивъ игру, Зеленый сказалъ: „Со мною нѣтъ денегъ;
Слышишь ли, слышишь ли, Вальтеръ? Я самъ не совѣтую въ праздникъ.
Если жъ нужда случится во мнѣ, ты крикни лишь: Бука!
(Букой слыву я въ народѣ) откликнусь тотчасъ. До свиданья".
Что-то дѣлаетъ Мина?.. Одна, запершися въ каморкѣ,
Мина сидитъ надъ разодранной Библіей въ тяжкой печали.
Мужъ пришелъ, и война поднялась. „Ненасытная плакса,
Долго ль молитвы тебѣ бормотать? Когда ты уймешься?
Вотъ, горемыка, смотри, что я выигралъ: перстень, карбункулъ".

Мина, взглянувъ, обомлѣла: карбункулъ! Творецъ милосердный,
Доля недобрая!... сердце въ ней сжалось, и замертво пала...
Бѣдная Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ ты въ себя приходила?
Сколько бъ кручины жестокой тебя миновало на свѣтѣ.
Вотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже; день ли въ деревнѣ торговый,
Ярмарка ль въ праздникъ у церкви—Вальтеръ нашъ тамъ. Кто заглянетъ
Въ полночь въ трактиръ, иль въ полдень, иль въ три часа пополудни—
Вальтеръ сидитъ за столомъ и тасуетъ крапленыя карты.
Брошены дѣти; что было, то сплыло; поле за полемъ
Проданы всѣ съ молотка, и жена пропадаетъ отъ горя.
Дома же только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы!
Нынче драка, а завтра къ пастору, а тамъ для отвѣта
Въ судъ, а тамъ и въ тюрьму на хлѣбѣ съ водой попоститься.
Плохъ онъ пойдетъ, а воротится хуже. Бука не дремлетъ;
Бука въ уши свиститъ и желчи въ кровь подливаетъ.
Такъ проходитъ семь лѣтъ. Ну послушайте жъ: Вальтера Бука
Вывелъ опять изъ тюрьмы. „Не зайти ль по дорогѣ, сказалъ онъ,
Выпить чарку въ трактирѣ? Съ чѣмъ ты покажешься дома?
Какъ тебя примутъ? Ты голоденъ, холоденъ, худъ и оборванъ.
Что на свиданье жена припасла, то тебя не согрѣетъ.
Правду молвить, ты мученикъ; лопнуть готовъ я съ досады,
Видя, какую ты отъ жены пьешь горькую чашу.
Много ль подобныхъ тебѣ? Что сутки, то талеръ, и даромъ.
Права пословица: счастливъ игрою, несчастливъ женою.
Будь ты одинъ—ни заботъ, ни хлопотъ; женился—каковъ ты?
Нѣтъ лица на тебѣ; какъ усопшій; кожа да кости.
Выпей же чарку, дружокъ: авось на душѣ просвѣтлѣетъ“.
Мина, тѣмъ временемъ, руки къ сердцу прижавши, въ потемкахъ
Дома сидитъ одинешенька, смотритъ сквозь слезы на небо.
— Такъ, семь лѣтъ, семь крестовъ!.. (и слезы ручьемъ полилися)
Все, какъ должно, сбылось; пошли же конецъ, мой Создатель!—
Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшемъ.
Вдругъ растворилася дверь, и Вальтеръ вбѣжалъ, какъ безумный.
„Плачешь, змѣя? (загремѣлъ онъ) плачь! теперь не напрасно!
Ужинъ проворнѣе!“—Гдѣ взять? Все пусто. Въ домѣ ни корки.—
„Ужинъ, тебѣ ль говорятъ? Хоть тресни, иль ножъ тебѣ въ сердце!“
— Что жъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; въ могилу снесутъ да и только;
Мнѣ же тамъ быть не одной: дѣтей давно ты зарѣзалъ!—
„Сгинь же!“ онъ гаркнулъ... и Мина въ крови ударилась объ полъ.
— „Ахъ! мое кровавое сердце! (она простонала)
Гдѣ ты, заступъ? Твоя череда, закопай меня въ землю.—
Ужасъ, какъ холодъ, облилъ убійцу... бѣжитъ неоглядкой;
Ночь; подъ нимъ шевелится земля; въ орѣшникѣ шорохъ.
„Бука, гдѣ ты?“ онъ крикнулъ...Громко откликнулось въ полѣ.
Бука стоитъ за орѣшникомъ... выступилъ...—Что ты?—спросилъ онъ.
„Бука... я Мину зарѣзалъ... скажи, присовѣтуй, что дѣлать?..“
— Только? тотъ возразилъ. Чего жъ испугался, безмозглый!
Мину зарѣзалъ—великое диво! туда и дорога!
Но... послушай, здѣсь оставаться теперь не годится:
Будетъ плохо; Рейнъ близко—ступай, переѣдемъ;
Лодка у берега есть...—Садятся, плывутъ, переплыли,
На берегъ вышли и по полю бѣгомъ. Въ сторонкѣ, въ трактирѣ
Свѣтится свѣчка. Зеленый сказалъ:—Зайдемъ на минутку;
Тутъ есть добрые люди; помогутъ тебѣ разгуляться.—
Входятъ. Въ трактирѣ сидятъ запоздалые, пьютъ и играютъ.
Вальтеръ съ Зеленымъ подвинулись къ нимъ, и война закипѣла.—
Бей! кричатъ.—„Подходи“!—Я лопнулъ!—„Козырь“!—Зарѣзалъ!—
Вотъ они козыряютъ, а маятникъ ходитъ да ходитъ.
Стрѣлка взошла на двѣнадцать... Ахъ, бѣлокуренькій мальчикъ,
Стукни въ окошко!.. не стукнетъ: дѣло кончается, Вальтеръ,

Какъ же ты плохо играешь!.. зарѣзалъ!.. глубоко, глубоко
Въ сердце къ нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только-что взятку возьмутъ, повторитъ, да на Вальтера взглянетъ.
Вотъ пробило двѣнадцать. Къ Вальтеру масть, какъ на выборъ,
Все негодная сыплетъ; мѣлкомъ онъ проигрышъ пишетъ.
Вотъ... и перваго четверть. Съ перстнемъ на пальцѣ онъ руку
Всунулъ въ карманъ: „Размѣняйте мнѣ талеръ". Плохая монета,
Вальтеръ, плохая монета: въ карманѣ битыя стекла!..
Руку отдернувъ, въ страхѣ глаза онъ уставилъ на Буку;
Бука сидитъ, да винцо попиваетъ, и нѣтъ ему дѣла.
— Вальтеръ (допивши, сказалъ онъ), пора! хозяинъ ужъ дремлетъ.
Нынче праздникъ, двадцать пятое августа; много
Будетъ въ трактирѣ гостей; пойдемъ, зачѣмъ намъ тѣсниться?
Полно перстнемъ вертѣть; не трудись, ничего не добудешь.—
Праздникъ!.. Ахъ, Вальтеръ! какъ бы ты радъ былъ ослышаться,
Радъ былъ ногами къ столу прирасти, чтобъ не сдвинуться съ мѣста.
Поздно, поздно; ничто не поможетъ... Блѣденъ, какъ мертвый,
Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, и въ поле темное съ Букой—
Бука впередъ, а онъ позади—побрелъ, какъ ягненокъ
Вслѣдъ за своимъ мясникомъ бредетъ къ кровавой колодѣ.
Бука ставитъ его на выстрѣлъ ружейный отъ мѣста.
—Видишь, Вальтеръ (сказалъ онъ), звѣзды на небѣ смеркли?
Видишь, тяжелыми тучами небо кругомъ обложилось;
Воздухъ душенъ; вѣтка не тронется; листикъ не дрогнетъ.
Вальтеръ, что же ты такъ замолчалъ?.. Ужъ не молишься ль, Вальтеръ?
Или считаешь свой проигрышъ? Все проигралъ невозвратно.
Какъ быть? а выборъ остался, плохой, я самъ признаюся.
Вотъ тебѣ ножъ... я укралъ у убійцы, когда обдиралъ онъ
Мертвое тѣло... зарѣжь себя самъ, такъ за трудъ не заплатишь".
Такъ разсказывалъ дѣдушка внучкамъ. Чуть смѣя дыханье
Въ страхѣ отвесть, говоритъ ему бабушка: „Скоро ты кончишь?
Дѣвки боятся; на что ихъ стращать небывальщиной? полно!"
—Я докончилъ, старикъ отвѣчалъ. Тамъ лежитъ онъ и съ перстнемъ
Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и не водятся пташки.—
Тутъ Луиза примолвила: „Бабушка, кто же боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?
Я добралася: Бука есть искушеніе злое.
Развѣ не вводитъ оно насъ въ грѣхъ и въ напасти, когда мы
Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ, не дѣлаемъ дѣла?
Мальчикъ въ окошечкѣ... кто онъ? Вѣрный учитель нашъ, совѣсть.
О, я дѣдушку знаю, я знаю и всѣ его мысли".

(1816 г.)

ЦЕИКСЪ И ГАЛЬЦІОНА.

(Отрывокъ изъ Овидіевыхъ превращеній.)

Цѣиксъ, тревожимый ужасомъ тайныхъ, чудесныхъ видѣній,
Былъ готовъ испытать прорицанье Кларійскаго бога—
Въ Дельфы же путь заграждали Форбасъ и дружины флегіянъ.
Онъ приходитъ къ своей Гальціонѣ, вѣрной супругѣ,
Ей сказать о разлукѣ... сказалъ... ужаснулась, и хладомъ
Грудь облилася, блѣдность ланиты покрыла, слезами
Очи затмились, трикраты отвѣтъ начинала—трикраты
Скованный горемъ языкъ измѣнялъ; наконецъ возопила,
Частымъ рыданіемъ темно-печальную рѣчь прерывая:
„Милый супругъ мой, какою виною отъ себя удалила
Я твое сердце? Ужели не стало въ немъ прежней любви?
Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальціону;
Путь выбираешь дальнѣйшій; я ужъ милѣй въ отдаленьи.
Странствуй ты по землѣ—тогда бы сердце не знало
Страха въ печали, была бы тоска безъ заботы... но моря,
Моря страшусь; ужасаетъ печальная мрачность пучины;
Волны—я зрѣла вчера—корабельны обломки носили;
Здѣсь не разъ на гробницахъ пустыхъ имена я читала.

Другъ, не ввѣряйся надеждѣ безстрашнаго сердца; не льстися
Дружбой родителя, бога Эола, могущаго силу
Вѣтровъ смирять и море по волѣ мутить и покоить.
Разъ овладѣвши волнами, раскованны вѣтры не знаютъ
Буйству границъ; и земля и моря имъ покорны; сгоняютъ
Тучи на небо и страшнымъ огнемъ зажигаютъ ихъ нѣдра.
Ахъ! чѣмъ болѣ ихъ знаю (а знать ихъ должна: я младенцемъ
Часто въ жилищѣ отца ихъ видала), тѣмъ болѣе страшусь ихъ.
Если жъ ни просьбы, ни слезы мои надъ тобою не властны,
Если ужъ въ море далекое должно, должно пускаться,
Другъ, возьми съ собою меня; мы раздѣлимъ судьбину;
Зная, чѣмъ стражду, менѣе буду страдать; что ни встрѣтимъ,
Все заодно; безъ разлуки невѣрнымъ волнамъ предадимся".
Тронутый жалобной рѣчью супруги, сынъ Люциферовъ
Долго безмолвствовалъ, въ сердцѣ тая глубокое горе;
Но постоянный въ желаньи, онъ ввѣрить своей Гальціоны
Вмѣстѣ съ собой произволу опаснаго моря не смѣетъ.
Хочетъ ее убѣдить ободрительнымъ словомъ... напрасно!
Нѣтъ убѣжденья печальной душѣ. Наконецъ онъ сказалъ ей:
„Долго разлука и краткая длится; но я Люциферомъ
Свѣтлымъ клянусь возвратиться, если допуститъ судьбина,
Прежде, чѣмъ дважды луна въ небесахъ совершиться успѣетъ".
Симъ обѣтомъ надежду на скорый возвратъ ожививши,
Онъ повелѣлъ спустить на волны ладью и не медля
Снасти устроить и все изготовить къ далекому бѣгу.
Видитъ ладью Гальціона и, вѣщей душой предузнавши
Будущій рокъ, содрогнулась, слезы ручьемъ полилися;
Нѣжно прижалась къ супругу лицомъ безнадежно печальнымъ;
Томно шепнула: прости! и пала безъ чувства на брегѣ.
Медлитъ унылый супругъ; но пловцы ужъ рядами взмахнули
Весла, прижавъ ихъ къ могучимъ грудямъ, и согласнымъ ударомъ
Вспѣнили влагу. Тронулось судно. Она отворила
Влажныя очи и видитъ его у кормы... Удаляясь,
Знакомъ прощальнымъ руки онъ послѣдній привѣтъ посылаетъ;
Тѣмъ же знакомъ она отвѣчала. Далѣ и далѣ
Берегъ уходитъ, и очи лица распознать ужъ не могутъ;
Долго, долго преслѣдуетъ взоромъ бѣгущее судно;
Но когда и оно въ отдаленьи пространства пропало,
Силится взоромъ поймать на мачтѣ играющій парусъ;
Скоро и парусъ пропалъ. И безмолвно въ чертогъ опустѣлый
Тихо пошла Гальціона и пала на одръ одинокій...
Ахъ, и чертогъ опустѣлый, и одръ, и все раздражало
Грустное сердце, твердя о далеко-плывущемъ супругѣ.
Судно бѣжитъ. Вдругъ вѣтеръ шатнулъ неподвижныя верви;
Праздныя весла къ бокамъ ладіи прислонивъ, корабельщикъ
Волю далъ парусамъ и пустилъ ихъ свободно по мачтѣ:
Полные вѣтромъ попутнымъ, шумя, паруса натянулись.
Море бразля, половину пути ужъ ладья совершила;
Берегъ повсюду равно отдалёнъ, повсюду невидимъ.
Вдругъ, передъ ночью, надулися волны, море бѣлѣетъ;
Сильный порывистый вѣтеръ внезапно ударилъ отъ юга.
„Свить паруса!" возопилъ ужаснувшійся кормщикъ... напрасно!
Вѣтра могучій порывъ помѣшалъ повелѣнье исполнить;
Шумомъ ревущей волны заглушило невнятное слово.
Сами гребцы на работу бѣгутъ; одинъ убираетъ
Весла, другой чинитъ расколовшійся бокъ, тотъ исторгнуть
Силится парусъ у вѣтра; а тотъ, изъ ладьи выливая
Въ трещины бьющую воду, волны волнамъ возвращаетъ.
Все въ безпорядкѣ, а буря грознѣй и грознѣй, отовсюду
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море вздымаяся, воетъ;

Кормщикъ бодрость утративъ, и самъ, признавая опасность,
Гдѣ они, что имъ начать, отъ чего остеречься, не знаетъ.
Властвуетъ буря, ничтожны предъ нею искусство и опытъ;
Вихорь, вопли гребцовъ, скрипѣнье снастей, непрерывный
Плескъ отшибаемыхъ волнъ и громъ отовсюду... ужасно!
Воды буграми, и море то вдругъ до самаго неба
Рвется допрянуть и темныя тучи волнами обрызгать;
То, подымая желтый песокъ изъ глубокія бездны,
Мутно желтѣетъ; то вдругъ чернѣе Стигійскія влаги;
То, опадая и пѣной шипящей разбившись, бѣлѣетъ.
Мчится трахинское легкое судно игралищемъ бури;
Вдругъ возлетитъ и какъ-будто съ утесистой горной стремнины
Смотритъ въ глубокій долъ, въ глубокую мглу Ахерона;
Вдругъ съ волной упадетъ и, кругомъ взгроможденному морю,
Видитъ какъ-будто изъ адскія бездны далекое небо.
Страшно гремитъ ладія, отшибая разящія волны:
Такъ раздаются удары въ стѣнѣ, тяжелымъ тараномъ
Глухо разимой иль брошеннымъ тяжкимъ обломкомъ утеса.
Словно какъ пламенный левъ свирѣпѣетъ, тѣснимый ловцами,
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью кидается въ копья:
Такъ яримая вѣтромъ волна, бросаясь на мачты,
Судно грозится пожрать и реветъ, надъ нимъ подымаясь.
Киль расшатался; утративъ защиту смолы, раздалися
Бренные сшивы досокъ, и вторглась губящая влага;
Вдругъ облака, разступившись, дождемъ зашумѣли; казалось,
Небо упало на море и море воздвиглося къ небу.
Взмокли всѣ паруса; смѣшались съ водами пучины
Воды небесъ, и казалось, что звѣзды утратило небо:
Темную ночь густила темная буря; но часто
Молніи быстрымъ, излучистымъ блескомъ, летая по тучамъ,
Ярко сверкали, и бездна морская въ громахъ загоралась.
Вдругъ поднялся и бѣжитъ, раскачавшись, ударить на судно
Валъ огромный. Подобно бойцу-великану, который
Дерзко не разъ набѣгалъ на раскатъ осажденнаго града,
Сбитый, снова рвался, наконецъ, окрыляемый славой,
Силой взбѣжалъ на вершину стѣны, одинъ изъ дружины:
Такъ, посреди стѣсненныхъ валовъ, осаждающихъ судно,
Всѣ перевыся главой, воздвигся страшный девятый;
Хлещетъ, бьетъ по скрипучимъ бокамъ ладіи утомленной,
Рвется, ворвался и вдругъ овладѣлъ завоеваннымъ судномъ.
Волны частью толпятся на приступъ, частью вломились;
Все трепещетъ, какъ-будто во градѣ, когда ужъ въ проломы
Бросился врагъ и стѣна за стѣною, гремя, упадаетъ;
Тщетно искусство; мужество пало; мнится, что съ каждой
Новой волною новая страшная смерть нападаетъ.
Нѣтъ спасенья! тотъ плачетъ; тотъ цѣпенѣетъ; тотъ мертвымъ
Въ гробѣ завидуетъ; тотъ къ богамъ посылаетъ обѣты;
Тотъ, напрасно руки подъемля къ незримому небу,
Молитъ пощады; тотъ скорбитъ объ отцѣ, тотъ о братѣ,
Тотъ о супругѣ и чадахъ, каждый о томъ, что́ покинулъ;
Це́иксъ о милой своей Гальціонѣ: одной Гальціоны
Имя твердитъ онъ, тоскуетъ по ней, но, тоскуя, утѣшенъ
Тѣмъ, что она далеко; хотѣлъ бы къ домашнему брегу
Разъ оглянуться, разъ хотѣлъ бы лицомъ обратиться
Къ милому дому... но гдѣ же они? разъяренная буря
Все помутила; сугубою мглою черныя тучи
Небо все обложили, и ночь безпредѣльная всюду.
Вихорь вдругъ налетѣлъ... затрещавъ, подломилась и пала
Мачта за край и руль пополамъ. И, вставъ на добычу,
Грозенъ, жаденъ, смотритъ изъ бездны валъ-побѣдитель.
Тяжкій, словно Аоосъ, могучей рукою съ подошвы
Сорванный, словно Пиндъ, обрушенный въ бездну морскую,

Онъ повалился. Корабль, раздавленный падшей громадой,
Вдругъ потонулъ. Одни изъ пловцовъ, захлебнувшись
Въ вихрѣ пѣнныхъ валовъ, не всплыли и разомъ погибли;
Часть за обломки ладьи ухватилась. Цеиксъ руками,
Нѣкогда скипетръ носившими, стиснулъ отбитую доску;
Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою душимый,
Часто зоветъ онъ, но чаще зоветъ свою Гальціону;
Съ нею мысли и сердце; жаль ея, а не жизни;
Молитъ онъ волны: тѣло его до очей Гальціоны
Милыхъ донесть, чтобъ родная рука его схоронила;
Онъ утопаетъ, но только-что волны дыханье отпустятъ,
Онъ Гальціону зоветъ, онъ шепчетъ водамъ: Гальціона!
Вдругъ горой набѣжала волна, закипѣла и, лопнувъ,
Пала къ нему на главу, и его задавила паденьемъ...
Мракомъ задернувшись, въ оную ночь былъ незримъ и незнаемъ
Свѣтлый Люциферъ: невластный покинуть вершины Олимпа,
Онъ въ высотѣ облаками закрылъ печальныя очи.
Тою порою Эолова дочь, объ утратѣ не зная,
Ночи свои въ нетерпѣньи считаетъ, готовитъ супругу
Платья, уборы готовитъ себѣ, чтобъ ей и ему нарядиться
Въ день возврата, ласкаясь уже невозможнымъ свиданьемъ.
Всѣхъ боговъ призывая, предъ всѣми она зажигаетъ
Жертвенный ладанъ, Юнону жъ богиню усерднѣе молитъ,
Молитъ, увы! о погибшемъ, навѣкъ невозвратномъ супругѣ;
Молитъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ къ ней возвратился, чтобъ вѣрный
Сердца не отдалъ другой... изъ столькихъ напрасныхъ желаній
Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено было.
Но мольбы Гальціоны о мертвомъ тревожатъ Юнону:
Жертву и храмъ оскверняетъ рука, посвященная тѣни.
„Вѣстница воли боговъ (сказала Юнона Иридѣ),
Знаешь, гдѣ Сонъ обитаетъ, безмолвный податель покоя.
Къ этому богу лети отъ меня повелѣть, чтобъ не медля
Въ образѣ мертваго Цеикса призракъ послалъ Гальціонѣ
Истину ей возвѣстить“. Сказала... Ирида въ одеждѣ,
Яркостью красокъ блестящей, дугой въ небесахъ отразившись,
Быстро порхнула къ обители бога, въ скалахъ сокровенной.
Есть въ сторонѣ киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Мрачной пещерой; издавна тамъ Сонъ обитаетъ лѣнивый.
Тамъ никогда, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пору заката,
Фебъ не сіяетъ; лишь тонкій туманъ, отъ земли подымаясь,
Влажною стелется мглой и сумракъ сомнительный свѣтитъ.
Тамъ никогда будитель пернатыхъ съ пурпуровымъ гребнемъ
Дня не привѣтствуетъ крикомъ, ни песъ сторожитель молчанья
Лаемъ своимъ не смущаетъ, ни говоромъ гусь осторожный;
Тамъ ни птицы, ни звѣря, ни легкой вѣтки древесной
Шорохъ не слышенъ, и слова языкъ человѣчій не молвитъ;
Тамъ живетъ безгласный Покой. Изъ-подъ камня сочася,
Медленной струйкой Летійскій ручей, по хрящу пробираясь,
Слабымъ, чуть слышнымъ журчаніемъ сладко наводитъ дремоту.
Входъ пещеры обсаженъ цвѣтами роскошнаго мака
Съ множествомъ травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая,
Влажная Ночь благодатно кропитъ имъ усталую землю.
Въ цѣломъ жилищѣ нѣтъ ни одной скрипучія двери,
Тяжко на петляхъ ходящей, нѣтъ на порогѣ и стража.
Одръ изъ гебена стоитъ посрединѣ чертога, задернутъ
Темной завѣсой; наполнены пухомъ упругимъ подушки.
Богъ, разметавшись на ложѣ, тамъ нѣжитъ разслабленны члены.
Ложе осыпавъ, Сны безтѣлесные, легкія Грезы
Тихо лежатъ въ безпорядкѣ, несчетны, какъ нивные класы,
Листья дубравъ иль песокъ, на брегѣ набросанный моремъ.

Входитъ въ пещеру младая богиня, раздвинувъ рукою
Входъ заслонявшіе Сны. Сіянье небесной одежды
Быстро темный чертогъ облеснуло. Встревоженный блескомъ,
Богъ медлительно поднялъ очи и снова закрылъ ихъ;
Силится встать, но слабость голову сонную клонитъ;
Нехотя онъ приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
Всталъ.—Зачѣмъ ты? спросилъ онъ богиню.—Ирида сказала:
„Сонъ, живущихъ покой! о Сонъ, божество благодати!
Миръ души, усладитель заботъ, усталаго сердца
Нѣжный по тяжкихъ трудахъ и печаляхъ дневныхъ оживитель,
Сонъ! повели, чтобъ Мечта, подражатель обманчивой правдѣ,
Въ городъ Ираклов Трахины подъ видомъ царя полетѣла,
Тамъ сновидѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ.
Такъ повелѣла Юнона". Окончивъ, Ирида младая
Бога покинуть спѣшитъ: невольно ее покоряла
Сонная сила, и тихо кралось въ нее усыпленье...
Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла.
Богъ изъ несмѣтнаго роя имъ порожденныхъ Видѣній
Выбралъ искусника, всѣхъ принимателя видовъ Морфея:
Выдумщикъ хитрый, по волѣ во всѣхъ онъ является лицахъ,
Все выражаетъ: и поступь, и тѣлодвиженья, и голосъ,
Даже всѣ виды одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
Но способенъ онъ брать лишь одинъ человѣческій образъ.
Есть другой—тотъ является птицей, звѣремъ, шипящимъ
Змѣемъ, слыветъ на Олимпѣ Икéлосъ, а въ людяхъ Фоветоръ.
Третій, мечтательный Фáнтазосъ, дивнымъ своимъ дарованьемъ
Въ камни, волны, пригорки, пни, во все, что бездушно,
Съ легкостью быстрой влетаетъ. Они царямъ и владыкамъ
Чудятся ночью; другіе жъ народъ и гражданъ посѣщаютъ.
Богъ, миновавъ ихъ, изъ легкаго сонмища вызвалъ Морфея
Волю Ириды свершить; потомъ, обезсиленъ дремотой,
Голову томно склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился.
Тихо Морфей на воздушныхъ безъ шороха вѣющихъ крыльяхъ
Мракомъ летитъ; онъ, скоро полетъ соверша, очутился
Въ градѣ гемонскомъ, и крылья сложилъ, и Цéиксовъ образъ
Принялъ: блѣденъ, подобно бездушному, нагъ, безобразенъ,
Онъ подошелъ къ одру Гальціоны; струею лилася
Влага съ его бороды; съ волосъ бѣжали потоки.
Къ ложу тихо склонившись лицомъ, облитымъ слезами,
Онъ сказалъ: „Я Цéиксъ; узнала ль меня, Гальціона?
Смерть ужель измѣнила меня? Всмотрися—узнаешь,
Или хоть призракъ супруга вмѣсто супруга обнимешь;
Тщетны были моленья твои, Гальціона: погибъ я.
Въ морѣ Эгейскомъ, южный, порывистый вѣтеръ настигнулъ
Нашу ладью, и долго бросалъ по волнамъ, и разрушилъ.
Мнѣ въ уста, напрасно твое призывавшія имя,
Влага морская влилась. Не гонецъ предъ тобой, Гальціона,
Съ вѣстью невѣрной; не слуху невѣрному нынѣ ты внемлешь;
Самъ я, въ морѣ погибшій, тебѣ повѣствую погибель.
Встань же, вдова; дай слезъ мнѣ; одѣнься въ одежду печали.
О, да не буду я въ тартарѣ темномъ бродить неоплаканъ!"
Такъ говорилъ Морфей, и голосъ его былъ подобенъ
Голосу Цéикса; очи его непритворно слезами
Плакали; даже и руки свои простиралъ онъ, какъ Цéиксъ.
Тяжко во снѣ Гальціона рыдала; сквозь сонъ протянула
Руки; ловитъ его, но лишь воздухъ пустой обнимаетъ.
„Стой! она возопила—помедли, я за тобою".
Собственный голосъ и призракъ ее пробудили; вскочила
Въ страхѣ; ищетъ, очами кругомъ озираясь, тутъ ли
Видѣнный другъ?.. На крикъ ея прибѣжавшій невольникъ
Подалъ свѣтильникъ—напрасно! нигдѣ его не находитъ.

Съ горя бьетъ себя по лицу, раздираетъ одежду,
Перси терзаетъ и рветъ на главѣ неразвитыя кудри.
—Что съ тобой, Гальціона?—спросила кормилица въ страхѣ.
„Нѣтъ Гальціоны, она возопила, нѣтъ Гальціоны!
Съ Цеиксомъ вмѣстѣ она умерла; оставь утѣшенье;
Онъ погибъ: я видѣла образъ его и узнала.
Руки простерла его удержать, напрасно—то была
Тѣнь; но тѣнь знакомая, подлинный Цеиксовъ образъ.
Правда, почудилось мнѣ, что въ миломъ лицѣ выражалось
Что-то чужое, не прежнее: прелести не было прежней.
Блѣденъ, нагъ, утомленъ, съ волосами, струящими влагу,
Мнѣ привидѣлся Цеиксъ, и тамъ стоялъ онъ, печальный!
Вотъ то мѣсто... (и мутно глаза привидѣнья искали).
Другъ! не того ли страшилося вѣщее сердце, когда я
Такъ молила тебя остаться и вѣтрамъ не вѣрить?
Къ смерти навстрѣчу спѣшилъ ты... почто жъ Гальціону
Здѣсь ты покинулъ? Вмѣстѣ намъ все бы спасеніемъ было.
Ахъ! тогда ни минуты бы жизни розно съ тобою
Я не утратила: смерть постигла бы насъ неразлучныхъ.
Нынѣ жъ, въ отсутствіи, гибну твоею погибелью; море
Все мое лучшее, всю мою жизнь въ тебѣ погубило.
Буду безжалостнѣй самаго моря, если останусь
Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
Нѣтъ! не хочу ни терпѣть, ни тебя отрекаться, о милый,
Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ въ могилѣ,
Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетаетъ;
Розно прахомъ, будемъ хотя именами не розно".
Тутъ умолкла: печаль оковала языкъ и рыданье
Духъ занимало, и стоны рвалися изъ ноющей груди.—
Было утро; она повлеклася на тихое взморье
Къ мѣсту тому, откуда вслѣдъ за плывущимъ смотрѣла.
Тамъ стояла долго. „Отсюда ладья побѣжала;
Здѣсь мы послѣднимъ лобзаньемъ простились".—Такъ повторяя
Прошлое думою, взоръ помраченный она устремляла
Въ даль морскую. Въ дали, на волнахъ колыхаясь, мелькаетъ
Что-то какъ трупъ—но что? для печальнаго взора не ясно.
Ближе и ближе, виднѣй и виднѣй: уже Гальціона
Можетъ вдали распознать плывущее мертвое тѣло.
Кто бы ни былъ погибшій, но бурей погибъ онъ, и горько
Плача объ немъ, какъ бы о чужомъ, она возопила:
„Горе, бѣдный, тебѣ! и горе женѣ овдовѣвшей?"
Тѣло плыветъ, а сердце въ ней болѣ и болѣ мутится.
Вотъ уже у брега: вотъ и черты различаетъ ужъ око,
Смотритъ... Кто жъ? Цеиксъ. „Онъ!" возопила, терзая
Перси, волосы, платье. Съ берега трепетны руки
Къ тѣлу простерла. „Такъ ли, мой милый, такъ ли несчастный,
Ты возвратился ко мнѣ?"... Въ томъ мѣстѣ плотина изъ камня
Брегъ заслоняла высокой стѣной отъ приливнаго моря:
Въ бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
Съ той высокой стѣны въ пучину стремглавъ Гальціона
Бросилась... Что же? о чудо! она взвилась, и надъ моремъ,
Воздухъ свистящій внезапно-расцвѣтшимъ крыломъ разбивая,
Вдоль по зыбучимъ волнамъ полетѣла печальною птицей.
Жалобно въ грустномъ полетѣ, какъ-будто кого проклиная,
Звонкимъ щелкая носомъ, она протяжно стенала,
Прямо на трупъ охладѣлый и блѣдный она опустилась;
Нѣжно безгласнаго юнымъ крыломъ обняла, и какъ-будто
Силилась душу его пробудить безотвѣтнымъ лобзаньемъ.
Былъ ли чувствителенъ Цеиксъ, волны ль ему, колыхаясь,
Подняли голову—что бы то ни было—онъ приподнялся.
Скоро, надъ ихъ одиночествомъ сжалясь, безсмертные боги
Въ птицъ обратили обоихъ; одна имъ судьба; и понынѣ

Вѣрны бывалой любви; и понынѣ ихъ бракъ не разорванъ.
Поздней зимней порою семь дней безбурныхъ и ясныхъ
Мирно, безъ слёта сидитъ на пловучемъ гнѣздѣ Гальціона:
Море тогда безопасно: Эолъ, заботясь о внукахъ,
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ, и воды спокойны.

(1819 г.)

ПЕРИ И АНГЕЛЪ.

Повѣсть, изъ Мура.

Однажды Пери [1]) молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ;
Ей слышалось: въ той сторонѣ,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи,
И неба райскаго лучи
Лились, въ полуотверсты двери,
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена.
„Тамъ духи свѣта обитаютъ;
Для нихъ цвѣты благоухаютъ
Въ неувядаемыхъ садахъ.
Хоть много на земныхъ лугахъ—
И на лугахъ свѣтилъ небесныхъ
Есть много и цвѣтовъ прелестныхъ,
Но я чужда ихъ красоты:
Они не райскіе цвѣты.
Обитель роскоши и мира,
Свѣжа долина Кашемира [2]);
Тамъ свѣтлы озера струи,
Тамъ сладостно журчатъ ручьи—
Но что ихъ блескъ передъ блистаньемъ,
Что сладкій гласъ ихъ предъ журчаньемъ
Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ?
Направь стремительный полетъ
Къ безчисленнымъ звѣздамъ созданья,
Среди ихъ пышнаго блистанья
Неизмѣримость пролети,
Всѣ ихъ блаженства изочти,
И каждое пусть вѣчность длится...
И вся ихъ вѣчность не сравнится
Съ одной минутою небесъ!"

И быстрые потоки слезъ
Бѣжали по ланитамъ Пери.
Но Ангелъ, стражъ эдемской двери,
Ее, прискорбную, узрѣлъ;
Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ;
Онъ вслушался въ ея стенанья,
И ангельскаго состраданья
Слезой блеснули очеса...
Какъ чистой каплею роса,
Въ сіяньи райскаго востока.
Такъ капля райскаго потока
Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
Который дышитъ лишь въ одномъ
Саду небесъ (гласитъ преданье).
И онъ сказалъ ей: „Упованье!
Узнай, что небомъ рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земного края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
Лети, найди—судьба проститъ;
Впускать утѣшно примиренныхъ".

Быстрѣй кометъ воспламененныхъ,
Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей [3]),
Которые во тьмѣ ночей
Въ десницѣ ангеловъ блистаютъ,
Когда съ небесъ они свергаютъ
Духовъ, противныхъ небесамъ,
По свѣтлоголубымъ полямъ
Эѳирнымъ Пери устремилась;
И скоро Пери очутилась
Съ лучомъ денницы молодой
Надъ пробужденною землей.
„Но гдѣ искать святого дара?
Я знаю тайны Шильминара [4]):
Столпы тамъ гордые стоятъ;
Подъ ними скрытые, горятъ
Въ сосудахъ геніевъ рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близъ Аравійской стороны
Во глубинѣ погребены
Тамъ острова благоуханій [5]).
Знакомъ мнѣ край очарованій:
Воды исполненный живой,
Сосудъ Ямшидовъ золотой [6])
Таится тамъ, хранимъ духами.
Но съ сими ль въ рай войти дарами?
Сіи дары не для небесъ.
Что камней блескъ въ виду чудесъ,
Престолу Аллы предстоящихъ?
Что капли водъ животворящихъ
Предъ вѣчной бездной бытія?"
Такъ думая, она въ края
Святого Инда низлетала.
Тамъ воздухъ сладокъ; цвѣтъ коралла,
Жемчугъ и злато янтарей
Тамъ украшаютъ дно морей;
Тамъ горы зноемъ пламенѣютъ,
И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣютъ;
И рѣки въ брачномъ блескѣ тамъ,
Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
Тѣснясь, проносятъ дани злата.
И долы полны аромата,
И древъ сандальныхъ ѳиміамъ,
И купы розъ могли бы тамъ
Для Пери быть прекраснымъ раемъ...
Но что же? Кровью обагряемъ
Потокъ увидѣла она.
Въ лугахъ прекрасная весна,
А люди—братья, братій жертвы—

Обезображены и мертвы
Лежа на бархатѣ луговъ,
Дыханье чистое цвѣтовъ
Дыханьемъ смерти заражали.
О, чьи стопы тебя попрали,
Благословенный солнцемъ край?
Твоихъ садовъ тѣнистый рай,
Твоихъ боговъ святые лики,
Твои народы и владыки
Какой рукой истреблены?
Властитель Газны [7]), вихрь войны,
Протекъ по Индіи бѣдою;
Свой путь усыпалъ за собою
Онъ прахомъ отнятыхъ коронъ:
На псовъ своихъ навѣсилъ онъ
Любимицъ царскихъ ожерелья [8]);
Обитель чистую веселья,
Зенаны дѣвъ онъ осквернилъ;
Жрецовъ во храмахъ умертвилъ,
И золотыя ихъ пагоды
Въ священныя обрушилъ воды.

И видитъ Пери съ вышины:
На полѣ страха и войны
Боецъ въ крови, но съ бодрымъ окомъ,
Надъ свѣтлымъ родины потокомъ
Стоитъ одинъ, и за спиной
Колчанъ съ послѣднею стрѣлой;
Кругомъ товарищи сраженны...
Лицомъ безстрашнаго плѣнённый,
„Живи!“ тиранъ ему сказалъ.
Но воинъ, молча, указалъ
На обагренны кровью воды,
И истребителю свободы
Послалъ отвѣтъ своей стрѣлой.
По твердой бронѣ боевой
Стрѣла скользнула; живъ губитель;
На трупы братьевъ палъ ихъ мститель;
И вдаль помчался шумный бой.
Все тихо; воинъ молодой
Ужъ умиралъ; и кровь скудѣла..
И Пери къ юношѣ слетѣла
Въ сіяньи утреннихъ лучей,
Чтобъ вѣжды гаснущихъ очей
Ему смежить рукой любови,
И, въ смертный мигъ, священной крови
Оставшуюся каплю взять.
Взяла... и нá небо опять
Ее помчало упованье.
„Богамъ угодное даянье
(Она сказала) я нашла;
Пролита кровь сія была
Во искупленіе свободы;
Чистѣйшія эдемски воды
Съ ней не сравнятся чистотой.
Такъ, если есть въ странѣ земной
Достойное небесъ воззрѣнья:
То что жъ достойнѣй приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившаго бытіе
За дѣло чести и свободу?“

И къ райскому стремится входу
Она съ добычею земной.
„О Пери! даръ прекрасенъ твой
(Сказалъ ей стражъ крылатый рая,
Привѣтно очи къ ней склоняя),
Угоденъ храбрый для небесъ,
Который родинѣ принесъ
На жертву жизнь... но видишь, Пери,
Кристальныя спокойны двери,
Не растворяется Эдемъ...
Иной желаютъ дани въ немъ“.

Надежда первая напрасна,
И Пери, горестно-безгласна,
Опять съ эѳирной вышины
Стремится—и къ горамъ Луны [9])
На лоно Африки слетаетъ.
Предъ ней, рождаяся, блистаетъ
Въ незнаемыхъ истокахъ Нилъ,
Средь тѣхъ лѣсовъ, гдѣ онъ сокрылъ
Отъ насъ младенческія воды,
И гдѣ безплотныхъ хороводы,
Слетаясь утренней порой
Надъ люлькой бога водяной,
Тревожатъ сонъ его священный,
И великанъ новорожденный [10])
Привѣтствуетъ улыбкой ихъ.
Средь пальмъ Египта вѣковыхъ,
По гротамъ, хладной тьмы жилищамъ,
По сумрачнымъ царей кладбищамъ
Летаетъ Пери... То она,
Унылой думою полна,
Розетты знойною долиной,
Вслѣдъ за четою голубиной [11]),
Къ пріюту ихъ любви летитъ,
Ихъ стоны внемлетъ и груститъ;
То, вѣя тихо, замѣчаетъ,
Какъ яркій свѣтъ луны мелькаетъ
На пеликановыхъ крылахъ,
Когда на голубыхъ водахъ
Мерида онъ плыветъ и плещетъ [12]),
И вкругъ него лазурь трепещетъ.
Предъ ней волшебная страна:
Небесъ далекихъ глубина
Сіяла яркими звѣздами;
Дремали пальмы надъ водами,
Вершины томно преклоня,
Какъ дѣвы, отъ веселій дня
Уставъ, въ подушки пуховыя
Склоняютъ головы младыя;
Ночной упившися росой,
Лилеи съ дѣвственной красой
Въ роскошномъ снѣ благоухали
И ночью листья освѣжали,
Чтобъ встрѣтить милый день пышнѣй;
Чертоги падшіе царей,
Въ величіи уединенья,
Великолѣпнаго видѣнья
Остатками казались тамъ:
По ихъ обрушеннымъ стѣнамъ,
Ночной ихъ стражъ, сова порхала

И ночь безмолвну окликала,
И временемъ, когда луна
Являлась вдругъ, обнажена
Отъ перелетнаго тумана,
Печально-тихая султана [13]),
Какъ идолъ на столпѣ сѣдомъ,
Сіяла пурпурнымъ крыломъ.
И что жъ?.. Средь мирныхъ сихъ явленій,
Губительный пустыни геній
Пріютъ нежданный свой избралъ;
Въ Эдемъ сей онъ чуму примчалъ
Съ пескомъ степей воспламененныхъ;
Подъ жаромъ крылій зараженныхъ
Вмигъ умираетъ человѣкъ,
Какъ быліе, когда протекъ
Надъ нимъ самума вихорь знойной.
О, сколь для многихъ день, спокойно
Угаснувшій средь ихъ надеждъ,
Угасъ навѣкъ—и мертвыхъ вѣждъ
Ужъ не обрадуетъ денницей!
И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сіяньемъ дремлющимъ луна
Сребритъ тѣла непогребенны;
Заразы ядомъ устрашенный,
Отъ нихъ летитъ и воронъ прочь;
Гіена лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пищи
Въ опустошенныя жилища [14]);
И горе страннику, предъ кѣмъ
Незапно вспыхнувшимъ огнемъ
Блеснутъ вблизи изъ мрака ночи
Ея огромно-злыя очи!..
И Пери жалости полна;
И грустно думаетъ она:
„О смертный, бѣдное творенье,
За древнее грѣхопаденье
Цѣной ужасной платишь ты;
Есть въ жизни райскіе цвѣты—
Но змѣй повсюду подъ цвѣтами“.
И тихими она слезами
Заплакала—и все предъ ней
Вдругъ стало чище и свѣтлѣй:
Такъ сильно слезъ очарованье,
Когда прольетъ ихъ въ состраданьѣ
О человѣкѣ добрый духъ...
Но близко водъ, и взоръ и слухъ
Манившихъ свѣжими струями,
Подъ ароматными древами,
Съ которыхъ вѣтвями слегка
Играли крылья вѣтерка,
Какъ младость съ старостью играетъ,
Узрѣла Пери: умираетъ,
Къ землѣ припавши головой,
Безмолвно мученикъ младой;
На лонѣ безпривѣтной ночи,
Покинутъ, неоплаканъ, очи
Смыкаетъ онъ; и съ нимъ ужъ нѣтъ
Толпы друзей, дотолѣ вслѣдъ
Счастливца милаго летавшей;
Въ груди, отъ смертныхъ мукъ уставшей,
Тяжелой язвы жаръ горитъ;
Вотще прохладный ключъ блеститъ
Вблизи для жаждущаго ока:
Никто и капли изъ потока
Ему не броситъ на языкъ;
Ни чей давно знакомый ликъ
Въ его послѣднее мгновенье—
Земли прощальное видѣнье—
Прискорбной прелестью своей
Не усладитъ его очей;
И не промолвитъ гласъ родного
Ему того „прости“ святого,
Которое сквозь смертный сонъ,
Какъ удаляющійся звонъ
Небесной арфы, насъ плѣняетъ
И съ нами вмѣстѣ умираетъ.
О бѣдный юноша!.. Но онъ
Въ послѣдній часъ свой ободренъ
Еще надеждою земною,
Что та, которая прямою
Ему здѣсь жизнію была,
И съ нимъ одной душой жила,
Отъ яда ночи сей ужасной
Защищена подъ безопасной,
Подъ царской кровлею отца:
Тамъ зной отъ милаго лица
Рука невольницъ отвѣваетъ;
Тамъ легкій холодъ разливаетъ
Игриво брызжущій фонтанъ,
И отъ курильницъ, какъ туманъ,
Восходитъ амвры паръ душистый,
Чтобъ воздухъ зараженный въ чистый
Благоуханьемъ превратить.
Но, ахъ! конецъ свой усладить
Онъ тщетной силится надеждой!
Подъ легкою ночной одеждой,
Съ горячей младостью ланитъ,
Ужъ дѣва прелести спѣшитъ,
Какъ чистый ангелъ исцѣленья,
Къ нему, въ пріютъ его мученья.
И часъ его ужъ наступалъ,
Но близость друга угадалъ
Страдальца взоръ полузакрытый;
Онъ чувствуетъ: ему ланиты
Лобзаютъ огненны уста,
Рука горячая слита
Съ его хладѣющей рукою
И освѣжительной струею
Языкъ засохшій напоенъ...
Но что жъ?.. Несчастный!.. то, сквозь сонъ
Одолѣвающей кончины
(Чтобъ страшныя своей судьбины
Съ возлюбленной не раздѣлить),
Ее отъ груди отдалить
Онъ томной силится рукою;
То, увлекаемый душою,
Невольно къ ней онъ грудь прижметъ;
То вдругъ уста онъ оторветъ
Отъ жадныхъ устъ, едва украдкой
На поцѣлуй стыдливо-сладкій
Дотолѣ смѣвшихъ отвѣчать.

И говоритъ она: „Принять
Дай въ сердце мнѣ твое дыханье;
Мнѣ уступи свое страданье,
Мнѣ жребій свой отдай вполнѣ.
Ахъ! очи обрати ко мнѣ,
Пока ихъ смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Любовью подѣлись со мной:
И въ смертный часъ свою мнѣ руку
Подай на смерть, не на разлуку...“
Но обезсилена, томна,
Вотще въ глазахъ его она
Тяжелымъ окомъ ищетъ взгляда:
Она ужъ гаснетъ, какъ лампада
Подъ душнымъ сводомъ гробовымъ.
Ужъ быстрымъ трепетомъ своимъ
Скончала смерть его страданье—
И дѣва, другу давъ лобзанье,
Съ послѣднимъ всей любви огнемъ,
Сама за нимъ въ лобзаньи томъ
Желанной смертью умираетъ.
И Пери тихо принимаетъ
Прощальный вздохъ ея души.
„Покойтесь, вѣрные, въ тиши;
Здѣсь, посреди благоуханья,
Пускай эдемскія мечтанья
Лелѣютъ вашъ прекрасный сонъ;
Да будетъ услаждаемъ онъ
Игрою музыки небесной,
Иль пѣньемъ птицы той, чудесной [15]),
Которая въ послѣдній часъ,
Горжественный подъемля гласъ,
Сама поетъ свое сожженье
И умираетъ въ сладкопѣньѣ...“
И Пери, къ нимъ склоняя взглядъ,
Дыханьемъ райскимъ ароматъ
Окрестъ ихъ ложа разливаетъ,
И быстро, быстро потрясаетъ
Звѣздами яркаго вѣнца;
Исчезла блѣдность ихъ лица;
Ихъ существо преобразилось;
Два чистыхъ праведника, мнилось,
Тутъ яснымъ почивали сномъ,
Ужъ озаренные лучомъ
Святой денницы воскресенья;
И ангеломъ, для пробужденья
Ихъ душъ слетѣвшимъ съ вышины,
Среди окрестной тишины
Сіяла Пери надъ четою.
Но ужъ востокъ зажженъ зарею,
И Пери, къ небу свой полетъ
Направивъ, въ даръ ему несетъ
Сей вздохъ любви, себя забывшей,
И до конца не измѣнившей.
Надежду все рождало въ ней:
Съ улыбкой Ангелъ у дверей
Пріемлетъ даръ ея прекрасной;
Звенятъ въ Эдемѣ сладкогласно
Деревъ кристальные звонки:
Въ лицо ей дышатъ вѣтерки
Амврозіей отъ трона Аллы;
Ей видны звѣздные фіалы,
Въ которыхъ, жизнь забывъ свою,
Безсмертья первую струю
Въ Эдемѣ души пьютъ святыя... [16])
Но все напрасно! роковыя
Предъ ней врата не отперлись.
Опять уныло: „Удались!—
(Сказалъ ей стражъ крылатый рая)—
Сей вѣрной дѣвы смерть святая
Записана на небесахъ;
И будутъ ангелы въ слезахъ
Ее читать... но видишь, Пери,
Кристальныя спокойны двери,
И свѣтлый рай не отворенъ;
Не унывай, доступенъ онъ;
Лети на землю съ упованьемъ“.

Сіяла вечера сіяньемъ
Отчизна розы Суристанъ [17]),
И солнце, неба великанъ,
Сходя на западъ, какъ корона
Главу вѣнчало Ливанона,
Въ великолѣпіи снѣговъ
Смотрящаго изъ облаковъ,
Тогда какъ рдѣющее лѣто
Въ долинѣ, зноемъ разогрѣтой,
У ногъ его роскошно спитъ.
О, сколь разнообразный видъ
Красы, движенья и блистанья
Являлъ сей край очарованья,
Съ эоирной зримый высоты!
Лѣса, кудрявые кусты,
Потоковъ воды голубыя;
Надъ ними дыни золотыя,
Въ закатныхъ рдѣющи лучахъ
На изумрудныхъ берегахъ;
Старинны храмы и гробницы;
Веселыя веретеницы [18]),
На яркой стѣнѣ ихъ бѣлизнѣ
Въ багряномъ вечера огнѣ
Сіяющія чешуями;
Густыми голуби стадами,
Слетающіе съ вышины
На озаренны крутизны;
Ихъ вѣянье, ихъ трепетанье,
Ихъ переливное сіянье,
Какъ бы сотканное для нихъ
Изъ радугъ пламенно-живыхъ
Безоблачнаго Персистана;
Святыя воды Іордана;
Сліянный шумъ волны, листовъ,
Съ далекимъ пѣньемъ пастуховъ,
И пчелы дикой Палестины,
Жужжащія среди долины,
Блестя звѣздами на цвѣтахъ—
Видъ усладительный... Но, ахъ!
Для бѣдной Пери нѣтъ услады.
Разсѣянно склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падшій солнцевъ храмъ она [19]),

Вечернимъ солнцемъ озаренный;
Его столпы уединенны
Въ величіи стояли тамъ,
По окружающимъ полямъ
Огромной простираясь тѣнью;
Какъ-будто время разрушенью
Коснуться запретило къ нимъ,
Чтобъ поколѣніямъ земнымъ
Оставить о себѣ преданье.
И Пери въ тайномъ упованьѣ
Къ святымъ развалинамъ летитъ:
„Быть-можетъ, талисманъ сокрытъ,
Изъ злата вылитый духами,
Подъ сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая намъ отверзать
И бездны океана темны,
И всѣ сокровища подземны,
И сверженнымъ съ небесъ духамъ
Опять къ желаннымъ небесамъ
Являть желанную дорогу".
И съ трепетомъ она съ порогу
Жилища солнцева идетъ.
Еще багряный вечеръ льетъ
Свое сіянье съ небосклона,
И ярко пальмы Ливанона
Въ роскошныхъ свѣтятся лучахъ...
Но что же вдругъ въ ея очахъ?
Долиной Баальбека ясной,
Какъ роза, свѣжій и прекрасный
Бѣжитъ младенецъ; озаренъ
Огнемъ заката, гнался онъ
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться къ ней;
Среди ясминовъ и лилей
Она кружится непослушно,
И блещетъ, какъ цвѣтокъ воздушной,
Иль какъ порхающій рубинъ.
Уставъ, младенецъ подъ ясминъ
Прилегъ и въ листьяхъ угнѣздился.
Тогда вблизи остановился
На жарко-дышащемъ конѣ
Ѣздокъ, съ лицомъ, какъ на огнѣ,
Отъ зноя дневнаго горѣвшимъ;
Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
Близъ имарета *), онъ съ коня
Спрыгнулъ и, на воды склоня
Лицо, студеныхъ струй напился.
Тутъ взоръ его оборотился,
Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
И улыбалось и глядѣло
Безъ робости на пришлеца,
Хотя толь страшнаго лица
Дотолѣ солнце не палило.
Свирѣпо-сумрачное—было

*) Имаретъ—пріютъ для странниковъ, гдѣ они содержались не свыше трехъ дней

Подобно тучѣ громовой
Оно своей ужасной мглой,
И яркими чертами совѣсть
На немъ изобразила повѣсть
Страстей жестокихъ и злодѣйствъ.
Разбой, насильство, плачъ семействъ,
Грабежъ, святыни оскверненье,
Предательство, богохуленье—
Все написала жизнь на немъ,
Какъ обвинительнымъ перомъ
Неумолимый ангелъ мщенья
Записываетъ преступленья
Земныя въ книгѣ роковой,
Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
Съ погибельной страницы смыла.
Краса ли вечера смирила
Въ немъ душу—но злодѣй стоялъ
Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
Малютка тихо межъ цвѣтами;
И съ яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встрѣчались полныя душой
Младенца голубыя очи:
Такъ дымный факелъ, въ мракѣ ночи
Разврата освѣщавшій домъ,
Порой встрѣчается съ лучомъ
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и въ этотъ часъ
Вечерній минаретовъ гласъ,
Къ мольбѣ скликающій, раздался...
Младенецъ набожно поднялся
Съ цвѣтовъ, колѣна преклонилъ,
На югъ лицо оборотилъ,
И съ тихостью, предъ небесами,
Самой невинности устами
Промолвилъ имя божества.
Его лицо, его слова,
Его смиренно-сжаты руки...
Казалось, о концѣ разлуки
Съ Эдемомъ радостнымъ своимъ
Молился чистый херувимъ,
Земли на время поселенецъ.
О видъ прелестный! сей младенецъ,
Сіи святыя небеса...
И гордый Эвлисъ очеса,
Такимъ растроганный явленьемъ,
Склонилъ бы, вспомнивъ съ умиленьемъ
О свѣтлой рая красотѣ
И о погибшей чистотѣ.
А онъ?.. Отверженный, несчастной!
Передъ невинностью прекрасной,
Какъ осужденный, онъ стоялъ...
Увы! онъ памятью леталъ
Надъ темной прошлаго пучиной:
Тамъ не встрѣчался ни единой
Веселый берегъ, гдѣ бъ пристать,
И гдѣ бъ отрадную сорвать
Надеждѣ вѣтку примиренья;
Одни лишь грозныя видѣнья
Носились въ темной безднѣ той ..

И грудь смягчилася тоской;
И онъ подумалъ: „Время было,
И я, какъ ты, младенецъ милой,
Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ;
Какъ ты, молиться имъ умѣлъ,
И къ мирной алтаря святынѣ
Спокойно подходилъ... а нынѣ?..“
И голову потупилъ онъ;
И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
Въ душѣ ожесточенной спало,
Чѣмъ сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты—
Все вдругъ предъ нимъ возобновилось,
И въ душу свѣжее втѣснилось;
И онъ заплакалъ... онъ во прахъ
Предъ Богомъ палъ въ своихъ слезахъ.
О, слезы покаянья! вами
Душа дружится съ небесами;
И въ тайный угрызенья часъ
Виновный знаетъ только въ васъ
Невинности святое счастье.
И Пери въ жалости, въ участьѣ,
Забывъ себя и жребій свой,
Съ покорною о немъ мольбой
Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
Надъ непорочнымъ и виновнымъ
Сіяющее—возвела;
Ея душа полна была
Неизъяснимымъ ожиданьемъ...
На хладномъ прахѣ, съ покаяньемъ
Предъ Богомъ плачущій злодѣй
Лежалъ недвижимъ передъ ней,
Къ землѣ приникнувъ головою;
И сострадательной рукою,
Къ несчастному преклонена,
Какъ нѣжная сестра, она
Поддерживала съ умиленьемъ
Главу, нагбенную смиреньемъ;
И быстро изъ его очей
Въ мирительную руку ей
Струя горячихъ слезъ бѣжала;
И на небѣ она искала
Отвѣта милости—слезамъ...
И все прекрасно было тамъ!
И были вечера свѣтилы,
Какъ яркія паникадилы
Въ небесномъ храмѣ зажжены;
И мнилось ей: изъ глубины
Того незримаго чертога,
Гдѣ чистымъ покаяньемъ Бога
Умѣетъ сердце обрѣтать,
Къ землѣ сходила благодать;
И тамъ, казалось, ликовали:
Какъ-будто ангелы летали
Съ веселой вѣстью по звѣздамъ;
Какъ-будто праздновали тамъ
Святую радость примиренья—
И вдругъ, незапнаго стремленья
Могуществомъ увлечена,
Уже на высотѣ она;
Уже предъ ней почти пропала
Земля; и Пери... угадала!..
Съ потокомъ благодарныхъ слезъ,
Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
На міръ земной она воззрѣла...
„Прости, земля!..“ и улетѣла.

(1821 г.)

ПРИМѢЧАНІЯ АВТОРА.

[1]) Пери—воображаемыя существа, ниже ангеловъ, но превосходнѣе людей, не живутъ на небѣ, но въ цвѣтахъ радуги, и порхаютъ въ бальзамическихъ облакахъ, питаются одними испареніями розъ и жасминовъ и подвержены общей участи смертныхъ. Индійцы и другіе восточные народы представляютъ ихъ себѣ въ видѣ женщинъ, коихъ отличительное свойство составляютъ красота и благотворительность.

[2]) Кашемиръ—озеро, усѣянное множествомъ острововъ, изъ коихъ на одномъ растутъ платановыя деревья, отъ которыхъ онъ и названъ.

[3]) Магометане думаютъ, что падающія звѣзды суть огненные факелы, коими добрые ангелы отгоняютъ злыхъ, дерзающихъ приближаться къ небесной области.

[4]) Сорокъ столповъ. Такъ персіяне называютъ развалины Персеполя. Полагаютъ, будто дворецъ въ немъ и всѣ зданія въ Бальбекѣ построены геніемъ для сохраненія многочисленныхъ сокровищъ въ ихъ подвалахъ, которыя и донынѣ тамъ находятся.

[5]) Острова Панхая.

[6]) Чаша Ямшида, найденная, какъ полагаютъ, въ развалинахъ Персеполя.

[7]) Махмудъ завоевалъ Индію въ началѣ II столѣтія.

[8]) Повѣтствуютъ, что султанъ Махмудъ содержалъ 400 сѣрыхъ лягавыхъ собакъ. На каждой изъ нихъ былъ ошейникъ, украшенный дорогими каменьями, и покрывала, обшитыя золотой бахромой съ жемчугами.

[9]) Горы Лунныя—въ древности Montes Lunae. При подошвѣ ихъ полагаютъ источникъ Нила.

[10]) Нилъ, извѣстный въ Абиссиніи подъ названіемъ Абеи и Алави, т.-е. великанъ.

[11]) Сады Розетты наполнены голубями.

[12]) О пеликанѣ на Меридовомъ озерѣ указываетъ Савари.

[13]) Султана—прекрасная птица, названная такъ по ея величавости и блестящему синему цвѣту перьевъ. Носъ и ноги у ней также синіе. Она служила украшеніемъ храмовъ и дворцовъ у грековъ и римлянъ.—(Птица эта темносиняго цвѣта, шея, грудь и щеки—бирюзоваго, ноги мясного краснаго, а клювъ—ярко-краснаго, а не синяго.)

[14]) Жаксонъ упоминаетъ о моровой язвѣ, случившейся въ восточной Аравіи во время его тамъ пребыванія. Птицы въ это время удалялись отъ человѣческихъ жилищъ, гіены, напротивъ, того приходили на кладбища.

[15]) Фениксъ—баснословная птица, которая, проживъ тысячу лѣтъ, приготовляетъ себѣ костеръ, и пропѣвъ трогательную пѣснь, машетъ крыльями и сгораетъ на немъ отъ лучей солнечныхъ.

[16]) На берегу квадратнаго озера находится тысяча чашъ, составленныхъ изъ звѣздъ. Души, предопредѣленныя наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, пьютъ изъ нихъ кристальныя воды.

[17]) Ричардсонъ полагаетъ, что Сирія получила свое названіе отъ suri, прекраснаго и нѣжнаго рода розановъ, которыми страна эта всегда славилась.

[18]) Брюсъ пишетъ, что число ящерицъ, которыхъ онъ видѣлъ однажды на дворѣ храма солнца въ Бальбекѣ, простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, что ими были покрыты камни его развалинъ, стѣны и земля.

[19]) Храмъ солнца въ Бальбекѣ.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

ПОВѢСТЬ ЛОРДА БАЙРОНА.

Замокъ Шильонъ—въ которомъ съ 1530 по 1537 г. заключенъ былъ знаменитый Бонваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма—находится между Кляраномъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина, ведущая къ Сенъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлизкія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монтре, Шателяръ, Кляранъ, Веве, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя точки сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго его основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны за́мка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бонваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Неподалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана; онъ непримѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ за́мка.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ,
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ незапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
З а в ѣ р у—с м е р т ь и с т ы д ъ ц ѣ п е й,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть—пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины—
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брезжетъ свѣтъ,
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу,
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ-друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лицо чужое далъ—
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ-другу голосъ подавать,
Другъ-другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснею войны—
Но скоро то же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль?.. Но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца...
Увы! черты его лица,
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ быль долженъ милый цвѣтъ,

Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой...
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы, какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой,
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
И въ первый рядъ на смерть готовъ...
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ—
И гробъ тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI.

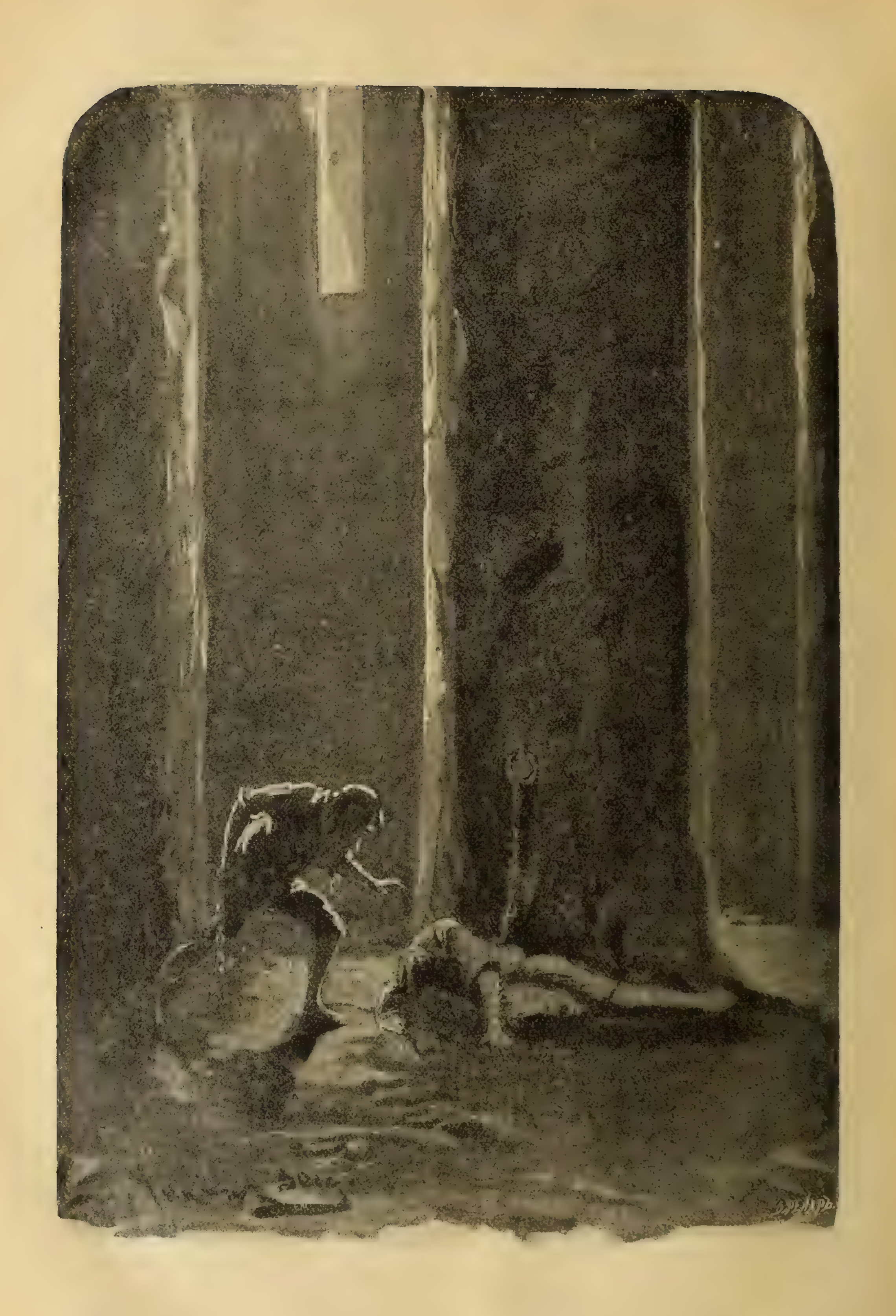
Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна,
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось—бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось—вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ;
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Середній братъ нашъ—я сказалъ—
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточенъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда—
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы—
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда бъ и нѣгой окруженъ
Безъ воли былъ... зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ... я жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ—
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далекъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы...
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ;
„Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
Не тихъ...“ Но былъ въ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ—нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть...
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему—онъ для меня
Подпорой былъ... вдругъ день-отъ-дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка... Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,

Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но тамъ былъ страхъ—здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
Ни вздоха скорби на устахъ;
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
Объ упованьи... но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный... стѣна
Откликнулась... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ—какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ—предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ—
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой,
И взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О, сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть.
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю—вѣра ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню... свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей;
То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ незапный посѣтилъ
Мой умъ... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ, онъ снова пѣлъ;
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ,
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣснѣ той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ:
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?.. Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...

Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ-будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю... но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей ногой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли... я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако, при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ...
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
Всѣ были тѣ жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе—снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль бреговъ...
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ бреговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ,
И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ—то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ—
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь—
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ—день уходилъ—
Шли годы—я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди наконецъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я—давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ,
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей... тамъ—все другъ,
Все однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ:
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;

Я къ цѣпи руку пріучилъ;
И... столь себѣ невѣрны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.
(1821 г.)

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

изъ „Энеиды" Виргилія.

Всѣ молчатъ, обративъ на Энея внимательны лица.
Съ ложа высокаго такъ начинаетъ Эней-прародитель:
„О, царица, велишь обновить несказанное горе—
Какъ погибла Троя, какъ Пріамово царство
Греки низринули все, чему я плачевный свидѣтель,
Все, чего я былъ главная часть... Повѣствуя объ этомъ,
Кто—мирмидонъ ли, долопъ ли, свирѣпый ли ратникъ Улисса—
Слёзъ не прольетъ! Но влажная ночь уже низлетѣла
Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ сходящія звѣзды.
Если жъ толь сильно желаніе слышать о нашихъ страданьяхъ,
Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ разрушенной Трои:
Сколь ни тяжко душѣ вспоминать о бѣдахъ толь великихъ,
Я повинуюсь. Войной утомленны, отверженны рокомъ,
Столько напрасно утратившп лѣтъ, полководцы данаевъ
Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромнаго, плотныя ребры изъ крѣпкія сосны,
Въ жертву богамъ при отплытіи (такъ молва разгласила).
Тутъ избранныхъ мужей, назначенныхъ жребіемъ, тайно
Скрыли они въ пространныя нѣдра чудовища: полно
Сдѣлалось чрево громады одѣянныхъ бронею ратныхъ.
Близъ Иліона лежитъ Тенедосъ, знаменитый издревле
Островъ, обильный, доколѣ стояло царство Пріама,
Нынѣ же бѣдный заливъ, кораблямъ ненадежная пристань.
Тамъ, удалясь, у пустыхъ береговъ притаились данаи;
Мы же ихъ мнили уплывшими съ вѣтромъ попутнымъ въ Микены.
Тевкрія вся отъ тяжелой печали вдругъ отдохнула;
Градъ растворился; рвемся на волю, чтобъ лагерь дорійскій,
Мѣсто пустое и берегъ, врагами оставленный, видѣть.
„Тамъ стояло ихъ войско; тутъ шатеръ былъ Ахилловъ;
Здѣсь корабли ихъ; тамъ поле, гдѣ рати обычно сражались".
Всѣ дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Всѣ дивятся великой громадѣ, и первый Тиметосъ—
Былъ ли онъ врагъ намъ, судьба ль ужъ паденье Пергама рѣшила—
Въ городъ вовлечь и въ зáмкѣ поставить коня предлагаетъ;
Но проницательный Каписъ и каждый, въ комъ ясенъ былъ разумъ,
Въ море совѣтуютъ козни данаевъ съ ихъ даромъ невѣрнымъ
Бросить, или предать огню и пепломъ развѣять,
Или, чрево пронзивъ, сокровенное въ немъ обнаружить.
Такъ въ нерѣшимости мнѣній толпа волновалась. Но быстро,
Гнѣвенъ, стремится отъ зáмка, одинъ впереди, провожаемъ
Сонмомъ шумящимъ народа, Лаокоонъ; издалека
Онъ возопилъ: „О несчастные! что за безумство, граждане!
Вѣрите ль бѣгству врага? Иль мните, что даръ нековарный
Могутъ оставить данаи? Такъ ли узнали Улисса?
Или ахеяне здѣсь, заключенные въ древѣ, таятся;
Или громада сія создана, чтобъ на гибель Пергаму
Въ домы наши глядѣть и градъ сторожить съ возвышенья;
Или коварство иное... коню не ввѣряйтеся, тевкры!
Что здѣсь ни будь... я данаевъ страшусь и дары приносящихъ!"
Такъ сказалъ, и копье тяжелое мощной десницей
Онъ въ огромный бокъ и въ согбенное чрево громады
Ринулъ; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звонъ издала; застенало въ нѣдрѣ глубокомъ.
Такъ: когда бы не боги, когда бъ не затменье разсудка,
Намъ бы тогда же открыло ихъ козни желѣзо... и ты бы,
Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Пріама!
Вдругъ дарданскіе горные пастыри съ крикомъ и плескомъ

Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму
Силой влекутъ; онъ самъ, невѣдомый имъ, замышляя
Хитрость и средство ахеянъ впустить въ Иліонъ, произвольно
Предалъ себя, отважный, на все готовый заранѣ:
Козни ль свои совершить, иль вѣрною смертью погибнуть.
Жадно троянскіе бросились юноши грека увидѣть;
Стали кругомъ, и спорятъ другъ съ другомъ, чтобъ плѣннымъ ругаться...
Свѣдай же хитрость ахеянъ; въ злодѣйствѣ единомъ
Всѣхъ ихъ узнай!
Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ,
Робко водилъ онъ кругомъ недовѣрчивый взоръ; напослѣдокъ:
„О, какая земля, какое море—воскликнулъ—
Примутъ меня, и что мнѣ теперь несчастливцу осталось!
Мѣста межъ греками нѣтъ, а здѣсь раздраженная Троя,
Полная праведной мести, погибелью мнѣ угрожаетъ!“
Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаемъ: какой онъ породы, откуда,
Что намѣренъ начать, за что судьбу упрекаетъ?
Бремя страха сложивши, Пріаму отвѣтствовалъ плѣнникъ:
„Что бъ ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первыхъ
Родомъ я грекъ—не таюсь; Синонъ быть можетъ несчастенъ—
Воля судьбы; но коварнымъ лжецомъ никогда онъ не будетъ.
Вѣрно молва донесла до тебя знаменитое имя,
Вѣрно слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Вилова сына;
Славный вождь, но безвинно по злымъ наущеньямъ пелазговъ,
Только за то, что войны не оправдывалъ, преданный смерти,
Нынѣ же, свѣта лишенный, отъ нихъ же свирѣпыхъ оплаканъ.
Сродникъ его, мой убогій отецъ, его попеченьямъ
Въ юности ввѣрилъ меня, снарядивъ на войну; и доколѣ
Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ совѣтѣ,
Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженье.
Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жертвой Улиссовой злобы,
Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ влачилъ я, безплодно
Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель невиннаго друга;
О безразсудный! я не смолчалъ, но смѣло грозился
Мстить за него, лишь только бъ въ Аргосъ возвратиться съ побѣдой
Боги велѣли! Угрозы мои распалили ихъ злобу.
Съ той минуты бѣды за бѣдами; Улиссъ неусыпно,
Самъ виновный, меня обвинялъ въ замышленьяхъ, коварно
Сѣялъ навѣты въ толпѣ и губилъ меня клеветами.
Прежде не могъ успокоиться онъ, доколѣ Кальхаса...
Но почто продолжать безполезно-прискорбную повѣсть?
Что прибавлю? Когда вамъ всѣ греки равно ненавистны—
Вѣдать довольно: я грекъ; поражайте меня; вы Улиссу
Тѣмъ угодите; и щедро за то наградятъ васъ Атриды“.
Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣроломства пелазговъ,
Мы, любопытствомъ горя, вопрошать продолжаемъ Синона.
Снова онъ началъ робкую рѣчь съ лицемѣрнымъ смиреньемъ:
„Долгой осадой наскучивъ, безплодной войной утомленны,
Греки не разъ отъ упорныя Трои бѣжать замышляли.
О, почто сего не свершилось? Но бури отъ моря
Часто имъ путь заграждали, и южный вѣтеръ страшилъ ихъ.
Съ той же поры, какъ построенъ былъ конь сей изъ брусьевъ сосновыхъ,
Грозы съ небесъ не сходили и ливень шумѣлъ непрестанно.
Въ трепетѣ мы Эрифила узнать, что велитъ намъ оракулъ,
Въ Дельфы послали—съ ужаснымъ отвѣтомъ онъ возвратился:
Греки, плывя къ Иліону, кровію дѣвы закланной
Вѣчныхъ склонили боговъ даровать имъ вѣтеръ попутный:
Крови аргосскаго мужа и нынѣ за вѣтеръ возвратный
Требуетъ небо.—Едва разнеслось прорицанье въ народѣ,
Всѣ возмутились умы, сердца охладѣли и трепетъ
Кости проникнулъ. Кому сей жребій? Кто Фебова жертва?

Съ шумомъ тогда Улиссъ ухищренный Кальхаса пророка
Силой привлекъ предъ народъ, да откроетъ волю безсмертныхъ.
Многіе тутъ же, зная Улисса, мнѣ предсказали
Умыселъ злой на меня и ждали въ смятенья, что будетъ.
Десять дней прорицатель молчалъ и, таясь, отрекался
Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
Но наконецъ, приневоленъ докучнымъ Улиссовымъ воплемъ,
Онъ произнесъ... то было мое несчастное имя!
Всѣ одобрили выборъ, и всякъ, за себя трепетавшій,
Радъ былъ, что грозное всѣмъ одному обратилось въ погибель.
День роковой наступалъ; меня ужъ готовили въ жертву;
Были готовы и соль и священный пирогъ, и повязка
Мнѣ ужъ чело украшала... но я (не скрою) разрушилъ
Цѣпи, скрылся въ болото, и тамъ, въ тростникѣ притаившись,
Ночью ждалъ, чтобъ они, поднявъ паруса, удалились...
Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну древнюю видѣть!
Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желаннаго вѣчно
Я не увижу! Быть можетъ и то, что ихъ же невинныхъ,
Мнѣ въ замѣну, за бѣгство мое убійцы погубятъ...
О всевышними, зрящими вѣчную правду богами,
О правотой неизмѣнною—если еще сохранилась
Гдѣ на землѣ правота—молю: яви сожалѣнье
Бѣдному мнѣ, и тронься на мой незаслуженный жребій!"
Мы, сострадая, скорбѣли надъ нимъ, проливающимъ слезы;
Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тяготящія узы
Съ плѣнника снять и ему съ утѣшительной ласкою молвилъ:
„Кто бы ты ни былъ, забудь о своихъ непріязненныхъ грекахъ;
Нашъ ты теперь; ободрись, и друзьямъ откровенно повѣдай:
Что знаменуетъ громадный сей конь? На что онъ воздвигнутъ?
Кѣмъ? Приношеніе ль богу какому? Орудіе ль брани?"
Такъ Пріамъ вопрошалъ. И полный коварства пелазговъ
Плѣнникъ, поднявши къ священному небу свободныя руки:
„Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные боги,
Васъ призываю (воскликнулъ), васъ, отъ которыхъ бѣжалъ я,
Жертвенный ножъ, алтарь, роковая повязка! Отнынѣ
Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ греками узы;
Греки враги мнѣ; свободно открою троянамъ ихъ тайны:
Чуждый отчизнѣ, я чуждъ навсегда и законамъ отчизны.
Ты же мнѣ данный обѣтъ сохрани, сохраненная Троя,
Если тебѣ во спасенье великую истину молвлю.
Всѣхъ упованій подпорой, надежной помощницей въ битвахъ
Грекамъ Паллада была искони; но съ тѣхъ поръ, какъ преступный
Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымышлитель коварныхъ
Козней, изъ храма Палладіумъ, стражей высокаго зáмка
Смерти предавъ, унесли, и рукой, отъ убійства кровавой,
Дѣвственно-чистыхъ богини одеждъ прикоснуться дерзнули—
Кончилась наша довѣренность къ ней, охладѣла надежда,
Сила упала, отъ насъ отклонилась богиня, и зрѣлись
Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только во станѣ
Былъ утвержденъ похищенный идолъ, ожившія очи
Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ зажглись, по членамъ соленый
Потъ проступилъ и трикраты (о страшное чудо) богиня,
Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ потрясла, угрожая.
Намъ устрашеннымъ Кальхасъ не медля совѣтуетъ бѣгство.
Троѣ не пасть отъ аргивскія силы!—прорекъ онъ—иль снова
Греки должны вопросить оракулъ въ Аргосѣ, и моремъ
Взятый въ отчизну Палладіумъ вновь привезти къ Иліону.
Знайте жъ: теперь, переплывши въ Аргосъ съ благовѣющимъ вѣтромъ,
Рать и сопутныхъ боговъ они собираютъ, чтобъ снова
Вслѣдъ за Кальхасомъ войной на Пергамъ неожиданной грянуть.
Въ даръ же богамъ за Палладіумъ, въ честь оскорбленной Тритоны

Ими воздвигнутъ сей идолъ, чтобъ ихъ святотатство загладить;
Самъ Кальхасъ повелѣлъ, чтобъ конь сей чудовищный созданъ
Былъ изъ крѣпкихъ досокъ и высился ростомъ огромнымъ
Къ небу, дабы не пройти во врата и не стать въ Иліонѣ
Грозной защитой народу по древнимъ сказаніямъ предковъ.
Вѣдай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
Гибель великая—о, да обрушатъ ее на Кальхаса
Праведны боги!—постигнетъ Пріамовъ престолъ и фригіянъ;
Если же сами коня возведете во внутренность града,
Нѣкогда Азія стѣны Пелопсовы сильной обступитъ
Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ мстящая гибель".
Боги! боги! притворнымъ рѣчамъ вѣроломца Синона
Жадно повѣрили мы... и тѣ, кого ни Тидеевъ
Сынъ, ни Ахиллъ ѳессаліецъ, ни десять лѣтъ непрерывной
Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить не умѣли—
Гѣ единому слову, одной слезѣ покорились.

Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ.
Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола приносилъ предъ храмомъ на жертву...
Вдругъ, четой отъ страны Тенедоса, по тихому морю
(Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя, возлегши на воды,
Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ нашему брегу:
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
Дымомъ; глубокій, излучистый слѣдъ за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины.
Пѣняся, влага подъ ними шумитъ; вползаютъ на берегъ;
Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ и блещутъ;
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты пасти.
Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища прянули дружно
Къ Лаокоону, и двухъ сыновъ его малолѣтныхъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло, и, жадные втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи, напавши
Вдругъ на него, и спутавшись крѣпкими кольцами, дважды
Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Тѣломъ чешуйнымъ, и грозно надъ нимъ поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки—
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ къ звѣздамъ онъ подъемлетъ;
Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи.
Быстро віясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.
Всѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ глубоко проникнулъ
Сердце; въ трепетѣ мыслимъ: достойно былъ дерзкій наказанъ
Лаокоонъ, оскорбитель святыни, копьемъ святотатнымъ
Нѣдра пронзившій коню, посвященному чистой Палладѣ.
„Ввесть коня въ Иліонъ! молить о пощадѣ Палладу!"
Весь народъ возопилъ...

Стѣны поспѣшно пронзаемъ; разломаны грады твердыни;
Всѣ на работу бѣгутъ: подъ коня подкативши колеса,
Ставятъ громаду на нихъ, и шею канатомъ опутавъ,
Тянутъ... шатнулось чудовище; воиновъ полное, въ городъ
Медленно движется; юноши вкругъ и безбрачныя дѣвы
Гимны поютъ и тѣснятся, чтобъ вервей коснуться руками.
Вдвинулся конь и идетъ, угрожающій, стогнами Трои...
О отчизна! о градъ боговъ Иліонъ! о во брани
Славныя стѣны дарданскія! трижды въ воротахъ громада
Остановилась; трижды внутри зазвучало желѣзо...
Мы жъ, ослѣпленные, разумъ утративъ, не зримъ и не слышимъ.
Въ за́мокъ Пергама введенъ наконецъ истуканъ бѣдоносный.

Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами напрасно
Вѣщій языкъ разрѣшила, чтобъ намъ предсказать о грядущемъ;
Мы, слѣпцы, для которыхъ сей день былъ послѣдній, цвѣтами
Храмы боговъ украшали, спокойно по стогнамъ ликуя...
Небо тѣмъ временемъ кругъ совершило, и ночь полетѣла
Съ моря, и землю, и твердь и обманъ мирмидонянъ объемля
Тѣнью великой; по граду безпечно разсыпались тевкры.
Всѣ умолкнули: сонъ обнималъ утомленные члены.
Тою порой отъ бреговъ Тенедоса фалангу аргивянъ
Строемъ несли корабли въ благосклонномъ безлунія мракѣ
Прямо къ знакомымъ брегамъ; и лишь только надъ царской кормою
Вспыхнуло пламя—судьбою боговъ намъ враждебныхъ хранимый,
Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ громадѣ данаямъ
Отперъ коварный Синонъ: растворившися, грековъ на воздухъ
Конь возвратилъ; спѣшатъ изъ душнаго мрака темницы
Вытти вожди: Стенелъ и Тессандръ и Улиссъ кровожадный,
Смѣло по верви скользя, и за ними Ѳоасъ съ Аѳаманомъ,
Внукъ Пелеевъ Неоптолемъ, Магаонъ, напослѣдокъ
Самъ Менелай и съ нимъ громады создатель Эпеосъ.
Быстро напали на сонный, виномъ обезумленный городъ;
Стража зарѣзана; твердыя сбиты врата, и навстрѣчу
Ждущимъ у входа вождямъ мирмидоняне хлынули въ Трою.
Было то время, когда на усталыхъ сходить начинаетъ
Первый сонъ, боговъ благодать, успокоитель сладкій.
Вдругъ... мнѣ заснувшему видится, будто Гекторъ печальный
Сталъ передо мной, проливая обильно горькія слезы,
Тотъ же, какимъ онъ являлся конями размыканный, черенъ
Пылью кровавой, истерты ремнями опухшія ноги.
Горе! Такимъ ли видалъ я его? Какъ былъ онъ несходенъ
Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ въ Ахилловой бронѣ,
Иль запалившимъ фригійскій пожаръ въ корабляхъ супостата.
Всклочена густо брада; отъ крови склеилися кудри;
Тѣло истерзано ранами, нѣкогда вкругъ иліонскихъ
Стѣнъ полученными. Самъ, заливаясь слезами, казалось,
Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора жалобной рѣчью:
„О свѣтило Дарданіи! вѣрная Трои надежда!
Гдѣ такъ долго ты медлилъ? Гекторъ желанный, откуда
Нынѣ пришелъ ты? О, сколь же ты насъ, по утратѣ толикихъ
Храбрыхъ друзей, по толикихъ бѣдствіяхъ гражданъ и града,
Сердцемъ унылыхъ обрѣлъ! И что недостойное свѣтлый
Образъ твой затемнило? Откуда толикія раны?"
Онъ—ни слова; безплоднымъ вопросамъ онъ не далъ вниманья;
Но протяжный, тяжелый вздохъ исторгнувъ изъ груди,
Молвилъ: „Бѣги, сынъ богини, спасайся: Пергамъ погибаетъ;
Врагъ во градѣ; падаетъ Троя; Пріаму, отчизнѣ
Мы отслужили; когда бы отъ смертной руки для Пергама
Было спасенье—Пергамъ бы спасенъ былъ этой рукою.
Троя Пенатовъ своихъ тебѣ повѣряетъ; прими ихъ
Въ спутники жизни; для нихъ завоюй обреченныя небомъ
Стѣны державныя, ихъ же воздвигнешь, исплававши море".
Кончилъ—и вынесъ изъ тайны святилища утварь, повязки,
Вѣчно-пылающій огнь и ликъ всемогущія Весты.
Тою порою по граду, шумя, разливалася гибель.
Болѣ и болѣ—хотя въ сторонѣ, одинокъ и не пышенъ,
Домъ Анхиза-родителя сѣнью закрытъ былъ древесной—
Шумъ приближается; явственнѣй слышно волненіе брани.
Я очнулся, и ложе покинулъ; на верхнюю кровлю
Дома взбѣжалъ, и стою, внимательнымъ слушая ухомъ.
Такъ—когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ пламень
Въ жатвѣ, иль ливнемъ потокъ наводненный, съ горы загремѣвши,
Губитъ поля и веселыя нивы и трудъ земледѣльца,

Съ корнями рветъ и уноситъ деревья—съ вершины утеса
Въ смутномъ невѣдѣньи силится къ шуму прислушаться пастырь.
Все мнѣ тогда, и видѣнія тайна, и козни данаевъ
Вдругъ объяснилось. Ужъ домъ Деифобовъ горитъ и огромной
Грудой развалинъ, дымящійся, падаетъ; съ нимъ пламенѣетъ
Укалегоновъ и заревомъ блещутъ Сигейскія воды;
Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
Я, какъ безумный, за мечъ... но куда съ мечомъ обратиться?
Рвусь нетерпѣньемъ дружину созвать, чтобъ броситься въ зáмокъ;
Ярость и бѣшенство душу стремительно мчатъ, и погибнуть
Смертью прекрасной въ бою съ тоскою мучительной жажду.
Вдругъ явился Панѳей, убѣжавшій отъ копій ахейскихъ,
Старецъ Панѳей, Отріадъ, и въ зáмкѣ жрецъ Аполлоновъ.
Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ похитивъ, младого
Внука онъ влекъ за собой и безпамятенъ мчался къ Анхизу.
„Есть ли надежда, Панѳей? Уцѣлѣли ль зáмка твердыни?"
Я вопросилъ; отчаяннымъ стономъ отвѣтствовалъ старецъ:
„День послѣдній насталъ; неизбѣжное время настало
Царству; мы были трояне, былъ Иліонъ, и великой
Тевкріи слава была... на аргивянъ жестокій Юпитеръ
Все перенесъ; господствуютъ греки въ пылающемъ градѣ;
Гибельно высясь надъ площадью зáмка, ратниковъ сонмы
Конь извергаетъ; Синонъ, торжествуя, пожарное пламя
Тщится усилить; тамъ непрестанно двумя воротами
Войска безчисленны входятъ, какихъ не видали Микены;
Здѣсь, захвативши тѣсные выходы, сильная стража
Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещетъ
Ихъ острее; безнадежно, разстроенной, слабой дружиной
Бьются привратные воины, силясь напрасно отбиться".
Страшною вѣстью Паноея и силой безсмертныхъ влекомый,
Я побѣжалъ, куда призывали Эриннисъ и шумный
Говоръ сраженья и пламень и стонъ, ко звѣздамъ восходящій.
Слѣдомъ за мною Рифей и зрѣлый мужествомъ Ифитъ;
Къ намъ пристали при блескѣ пожара Димантъ съ Гипанисомъ,
Къ намъ и Хоревъ Мигдонидъ, въ Иліонъ приведенный судьбою
За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ Кассандрѣ любовью,
Съ вѣрной помощью къ тестю Пріаму и Троѣ... несчастный!
Купно съ другими вѣщимъ рѣчамъ вдохновенной невѣсты
Онъ не повѣрилъ...

Я же, ихъ видя рѣшительныхъ, жаждущихъ боя, воскликнулъ:
„Юные други! сердца, толь напрасно безстрашныя нынѣ!
Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
Силы послѣдней (что же Фортуна рѣшила, вы зрите:
Наши святилища бросили, наши покинули храмы
Боги, хранители Трои; святой Иліонъ исчезаетъ
Дымомъ), на смерть побѣжимъ, ударимъ въ средину оружій;
Други! спасенья не ждать—одно побѣжденнымъ спасенье".
Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ въ темномъ туманѣ
Рыщутъ, почуя добычу, гонимые бѣшенствомъ глада,
Хищные волки, и, пасти засохшія жадно разинувъ,
Ихъ волчата ждутъ въ логовищахъ: сквозь копья и сонмы
Такъ на погибель ударились мы, пролагая въ средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тѣнью.
Ночь несказанная! гдѣ слова для ея разрушеній?
Кто и какими слезами такую погибель оплачетъ?
Падаетъ древній градъ, многолѣтный властитель народовъ;
Всюду разбросаны трупы; лежатъ неподвижно во прахѣ
Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ, во святилищахъ храмовъ.
Но не одну безотпорную смерть принимаетъ троянецъ,
Часто горитъ въ побѣжденномъ привычная бодрость, и гибнетъ
Грекъ-побѣдитель... Вездѣ, отовсюду являются взору
Ужасъ и бой и кровавая смерть въ неисчисленныхъ видахъ.

Первый изъ грековъ, дружиною встрѣченный нашей на стогнахъ,
Былъ Андрогей; въ обманчивомъ сумракѣ ночи пріемля
Насъ за данаевъ союзныхъ, онъ такъ дружелюбно воскликнулъ:
„Братья, спѣшите; гдѣ же такъ долго васъ задержала
Праздная лѣнь? Давно расхищаютъ горящую Трою
Греки; а вы едва съ кораблями разстаться успѣли“.
Такъ онъ сказалъ: но, узрѣвъ безотвѣтную нашу суровость,
Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, отскочилъ и умолкнулъ,
Скованный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю разбудившій ногою,
Трепетенъ рвется назадъ, узрѣвъ, какъ она, развернувшись,
Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ чешуи голубыя:
Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ Андрогей... но напрасно!
Мы за нимъ; разорвали ихъ строй; и, не вѣдая града,
Вдругъ осажденные страхомъ, незапностью, ночью и нами,
Всѣ до единаго пали враги. Улыбнулась Фортуна
Первому нашему бою. Хоревъ, воспаленный удачей,
„Други! воскликнулъ, отважимся ввѣриться первому счастью;
Намъ благосклонно судьба указуетъ нашъ путь; облачимся
Въ брони данаевъ, щиты перемѣнимъ; обманомъ иль силой—
Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами
Греки троянамъ дадутъ“. Сказалъ и надѣлъ Андрогеевъ
Гривистый шлемъ, завоеванный щитъ надвинулъ на шуйцу,
Греческій мечъ утвердилъ на бедрѣ. Ему подражая,
Бодро Димантъ и Рифей и вся молодая дружина
Свѣжей добычей оружій себя ополчила; въ средину
Грековъ бѣжимъ... но боги отчизны были не съ нами.
Подвиговъ много, врагами не узнанны, въ сумракѣ ночи
Мы совершили, много данаевъ низринуто въ Оркусъ.
Въ страхѣ одни къ кораблямъ, къ безопасному берегу моря
Мчатся изъ града, иныхъ загоняетъ постыдная робость
Въ нѣдра коня, и пріемлетъ ихъ снова знакомое чрево.
Но... богамъ отвратившимся, поздно ввѣряться надеждѣ!

Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за власы распущенны,
Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Пріама Кассандру,
Къ темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи—
Очи одни—окованы были невинныя руки;
Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце Хорева;
Онъ, обезумленный, прямо въ средину толпы ихъ; и, сдвинувъ
Груди и копья, мы дружно за нимъ; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипѣлъ: трояне, обмануты видомъ
Нашихъ греческихъ латъ и сверканіемъ шлемовъ косматыхъ,
Съ кровли высокаго храма пустили въ насъ тучею стрѣлы;
Стонъ пораженныхъ намъ измѣнилъ; на Кассандрины вопли
Бросился врагъ; мы всѣ опрокинуты; съ бурнымъ Аяксомъ
Оба явились Атрида—за ними толпами данаи.
Такъ, подымаясь крутящимся вихремъ, сшибаются вѣтры
Нотъ и Зефиръ, и на легкихъ несомый коняхъ отъ востока,
Эвръ, и бушуютъ лѣса, и Нерей опѣненнымъ трезубцемъ
Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганы мракомъ ночнымъ и по граду
Нашей дружиной разсѣянны, вышли изъ тайныхъ убѣжищъ,
Первые насъ по щитамъ и обманчивымъ бронямъ узнали,
Вслушались въ наши слова и чужіе замѣтили звуки.
Множество насъ задавило: первый мечомъ Пенелея
Палъ Хоревъ предъ святымъ алтаремъ броненосной Паллады;
Палъ и Рифей, изъ троянъ непорочнѣйшій, правды блюститель
(Иначе боги судили о немъ); Димантъ съ Гипанисомъ
Пали отъ копій троянскихъ; ни Фебова риза, ни святость
Чистыя жизни тебя не спасли, о Панѳей благодушный.
Прахъ Иліона, всѣ блага мои поглотившее пламя,
Васъ призываю! вы зрѣли, что я не чуждался ни копій
Вражьихъ, ни силы врага; и когда бы назначилъ мнѣ жребій

Пасть—я паденье свое заслужилъ. Но изъ битвы (за мною
Ифитъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифитъ, уже отягченный
Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ умирающій, раненъ Улиссомъ)
Я устремился на стонъ, огласившій чертоги Пріама.
Тамъ всѣ ужасы брани стеклися: какъ-будто во градѣ
Не было битвы иной и нигдѣ никогда не разили—
Такъ свирѣпствовалъ Марсъ, такъ бѣшено греки рвалися
Въ зáмокъ и, сдвинувъ щиты черепахой, на входъ напирали.
Множествомъ лѣстницъ унизаны стѣны; вверхъ по ступенямъ
Лѣзутъ данаи, шуйцей щиты надъ главами подъ копья
Наши подставивъ, десной за вершину ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпоръ, разоряютъ и башни и домы,
Вмѣсто оружій сбираютъ обломки съ намѣреньемъ грознымъ
Въ битвѣ отчаянной ими врага раздавить, погибая;
Съ шумомъ державнаго дома царей позлащенны убранства
Падаютъ; мечъ обнаживши, другіе у вратъ осажденныхъ
Тѣсной дружиной столпясь, ограждаютъ святилище прага.
Взорванный гнѣвомъ, стремлюсь на защиту Пріамова дома,
Ратныхъ усилить и бодраго духа придать побѣжденнымъ.
Были сокрытыя двери въ стѣнахъ высокаго зáмка,
Ходъ потаенный изъ внѣшняго града въ царево жилище;
Часто, во дни благоденствія Трои, ко свекру Пріаму
Онымъ путемъ Андромаха несчастная тайно ходила:
Взоръ престарѣлаго дѣда порадовать внукомъ цвѣтущимъ.
Онымъ путемъ пробираюсь къ тому возвышенью, откуда
Тщетно послѣднія стрѣлы на грековъ бросали трояне.
Тамъ воздымалась стремнистая башня, весь градъ перевыся;
Съ кровли ея неприступной видимы были: вся Троя,
Всѣ корабли мирмидонянъ, весь греческій станъ отдаленный.
Тамъ, гдѣ она со стѣны висѣла громадою всею
Грозно надъ градомъ, какъ туча, мы острымъ желѣзомъ подрыли
Сплоченны камни и двинули башню... гремя и дымяся
Вдругъ она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на грековъ; погибшихъ смѣнили другіе, и градомъ
Стрѣлы, копья и камни опять полетѣли.
Всѣхъ опредя, напиралъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенный, мѣдной броней и стрѣлами сіяя.
Такъ на солнцѣ змѣя, напитавшися ядомъ растеній,
Долго лежавъ неподвижно подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь раздуваетъ,
Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшимся, блещетъ.
Съ нимъ великанъ Перифрасъ и правитель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонъ и дружина скиріянъ
Шумно къ чертогамъ тѣснятся и пламень бросаютъ на кровли.
Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огромной двуострой сѣкирой
Рушитъ затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваетъ, брусья дробитъ и плотныя доски
Вдругъ прорубилъ—широкою щелью разинулись двери.
Видимы стали и внутренній дворъ и ряды переходовъ,
Видима древняя храмина прежнихъ царей и Пріама,
Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители царскаго прага.
Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ, и шумъ, и волненье:
Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ пронзительнымъ стономъ,
Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ отчаянье голосъ.
Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ устами.
Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ, неизбѣжно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; таранъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
Силѣ прочистился путь, и въ проломъ, опрокинувъ переднихъ,
Ринулся грекъ, и врагами обители всѣ закипѣли.

Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и разрушивши стѣну,
Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ изъ бреговъ и, равнину
Шумнымъ разливомъ окрестъ потопивъ, стада и заграды
Мчитъ по полямъ. Я видѣлъ убійствомъ яримаго Пирра;
Видѣлъ обоихъ Атридовъ, дымящихся кровью въ обители царской;
Видѣлъ Гекубу и сто невѣстокъ ея и Пріама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагрившихъ.
Вдругъ пятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ чертоговъ, надежда
Столькихъ внуковъ, и стѣны, добычъ многочисленныхъ златомъ
Гордыя, пали—пожаромъ забытое схвачено грекомъ.
Знать пожелаешь, быть-можетъ, царица, что было съ Пріамомъ?
Видя паденіе града, видя пылающій за́мокъ,
Видя врага, захватившаго внутренность царскаго дома,
Старецъ давно-позабытую броню на хилыя плечи,
Сгорбленный тягостью лѣтъ, чрезъ силу надѣлъ, безполезный
Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на погибель.
Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ, подъ небомъ открытымъ
Былъ великій алтарь; надъ нимъ многолѣтняго лавра
Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ боговъ обнимала.
Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. Напрасно, укрывшись
Робко подъ жертвенникъ, словно какъ стая пугливая горлицъ
Въ грозу подъ вѣтви, кумиры безсмертныхъ они обнимали.
Вдругъ царица одѣтаго бронею младости бранной
Видитъ Пріама. „Куда ты, бѣдный супругъ? (возгласила).
Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бодрость?
Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ Пергаму
Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и великій мой Гекторъ.
Съ нами останься, Пріамъ; алтарь защититъ насъ,
Или умремъ неразлучны". Сказала, и руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ.
Вдругъ изъ убійственныхъ Пирровыхъ рукъ убѣжавшій Политосъ,
Сынъ послѣдній Пріама, сквозь копья, сквозь сонмища вражьи
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами, раненый мчится;
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ неизбѣжнымъ убійствомъ
Гонится... близко; нагналъ, достигнулъ желѣзомъ; пронзенный,
Къ лону родителей кинулся юноша въ страхѣ, предъ ними
Палъ, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови.
Тутъ закипѣло Пріамово сердце. Самъ погибая,
Онъ не стерпѣлъ толь великаго горя и гнѣвно воскликнулъ:
„О чудовище! Боги тебѣ, святотатный убійца,
Боги—если живетъ въ небесахъ правосудная жалость—
Мзду ниспошлютъ; по заслугѣ получишь награду, губитель,
Ты, предо мной моего растерзавшій послѣдняго сына!
То ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ отца поносимый,
Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ, краснѣя, почтилъ униженье
Старца молящаго; далъ схоронить мнѣ бездушное тѣло
Гектора сына и въ Трою меня отпустилъ безобидно".
Такъ онъ сказалъ и копье безсильное слабой рукою
Бросилъ; оно, ударяся въ мѣдь, зазвенѣвшую глухо,
Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенья повисло.
Яростно Пирръ возопилъ: „Иди же съ поносной отсюда
Вѣстью къ Пелиду отцу; не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
Пирра повѣдать ему; теперь же умри". Безпощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ; сѣдинами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталъ, десницей
Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукояти.
Такъ совершилася участь Пріама; такъ онъ покинулъ
Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье
Трои, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
Азіи царь... и великое тѣло на брегѣ пустынномъ
Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено, трупъ безымянный.
Тутъ впервые мнѣ ужасъ предчувствія душу проникнулъ:

Я обомлѣлъ, я о миломъ старцѣ родителѣ вспомнилъ,
Видя, какъ дряхлый ровесникъ его подъ рукой безпощадной
Царь издыхалъ; я вспомнилъ о сирой Креузѣ, о домѣ,
Преданномъ греку во власть, о судьбинѣ младенца Іула.
Взоръ обращаю: нѣтъ ли со мною сподвижниковъ ратныхъ?
Всѣ исчезли; одни утомленные битвою, съ башни
Прянули въ городъ; другіе отчаянно кинулись въ пламень;
Я одинъ уцѣлѣлъ. И вдругъ въ преддверіи храма
Весты, робкобезмолвную, скрытую въ темномъ притворѣ,
Вижу Тиндарову дочь: при заревѣ яркомъ пожара
Свѣтлымъ путемъ я бѣжалъ, все оку являлося яснымъ.
Тамъ, опасаясь троянъ, раздраженныхъ паденьемъ Пергама,
Злобы данаевъ и мести супруга, отчизну и Трою
Купно губящая Фурія, жертвенникъ Весты объемля,
Въ храмѣ, богамъ ненавистная, тайно сидѣла Елена.
Вспыхнуло сердце во мнѣ: отомстить за погибель отчизны
Рвется мой гнѣвъ; истребить истребленья виновницу жажду.
„Ей, ненаказанной, Спарту узрѣть! въ родныя Микены
Гордой царицей вступить, торжествуя! увидѣть супруга,
Домъ родительскій, чадъ, окруженной прискорбной толпою
Дѣвъ иліонскихъ и плѣнныхъ троянъ!.. А Пріамъ ужъ зарѣзанъ,
Троя горитъ, и Дарданія цѣлая кровью дымится!
Нѣтъ! того не стерплю! пускай невеликая слава
Женоубійцѣ, пускай для него безпохвальна побѣда—
Свѣтъ отъ чудовища должно очистить; кровавою местью
Сердце свое утолю и пепелъ моихъ успокою“.
Такъ я, себя раздражая, злобой кипящій, стремился.
Вдругъ передъ очи мои, откровенная, мракъ осіявши
Яркимъ блистаньемъ, великой богиней, какою лишь небо
Знаетъ ее, предстала мать и меня удержавши,
Молвила такъ мнѣ устами, живыми какъ юная роза:
„Сынъ, для чего необузданной скорбію гнѣвъ пробуждаешь?
Что за безумство? Ужели оставилъ о насъ попеченье?
Прежде помысли о томъ, гдѣ покинутъ тобою родитель,
Дряхлый Анхизъ, не погибли ль супруга Креуза и юный
Сынъ твой Асканій? Кругомъ ихъ обители бѣшено рыщетъ
Грекъ и давно бы, когда бъ не моя берегла ихъ защита,
Ихъ истребило желѣзо и пламень враждебный похитилъ!..
Нѣтъ! не Паридъ, похититель преступный, не образъ спартанки,
Низкой Тиндаровой дочери—боги, разгнѣванны боги
Вашъ опрокинули градъ и сразили величіе Трои.
Зри—я всякое облако, нынѣ темнящее слабый
Смертнаго взоръ и облекшее все предъ тобою туманнымъ
Мракомъ, подъемлю—но только моимъ повелѣніямъ смѣло,
Сынъ, покорись и безспорно мои поученья исполни.
Тамъ, гдѣ видишь разбросаны груды, утесъ на утесѣ,
Гдѣ подымается черное облако праха и дыма,
Тамъ Посидонъ, великимъ его потрясенны трезубцемъ,
Стѣны дробитъ и, подрывъ основанья, весь городъ въ обломки
Рушитъ; здѣсь безпощадная Ира, на Скейскихъ воротахъ
Грозно воздвигшись, союзную рать съ кораблей къ Иліону,
Броней звучащая, кличетъ...
Тамъ—оглянися—на за́мкѣ, надъ градомъ Тритона-Паллада
Сѣла, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.
Самъ Вседержитель и бодрость и бранную силу низводитъ
Свыше на грековъ, и самъ на Дарданъ подымаетъ все небо.
Нѣтъ упованія, сынъ; бѣги, не упорствуй сражаться;
Буду съ тобой; невредимо достигнешь родительской сѣни“.
Такъ сказала и скрылась въ глубокую бездну ночную.
Грозные лики тогда мнѣ предстали; разящія
Силы великихъ боговъ я увидѣлъ... Трою
Тутъ открылось, какъ, страшно разрушенъ, въ огнѣ распадался
Весь Иліонъ, и въ обломки валилась Нептунова Троя.
Такъ на густой прародительскій ясень, горы украшенье,
Корни кругомъ подрубивъ, дровосѣки, столпясь, нападаютъ;

Споря проворствомъ, разятъ топоры; благородное древо
Зыблется, сѣнью шумитъ, волосистой главою трепещетъ,
Мало-по-малу подъ ранами клонится... вдругъ, изнемогши,
Стонетъ и падаетъ, всю заваливъ разрушеніемъ гору...
Я удаляюсь, хранимъ божествомъ; иду черезъ пламень,
Мимо враговъ: раздвигаются копья, огонь уступаетъ.
Къ древней обители, къ прагу священной родительской сѣни
Скоро достигъ я, и первой заботой—въ защитное мѣсто
На гору старца отца перенесть. Приближаюсь къ Анхизу—
Трою свою пережить и себя осудить на изгнанье
Старецъ отрекся. „Вы, сохранившіе бодрую младость,
Вы, не лишенные мужеской силы годами,
Бѣгствомъ спасаться (сказалъ онъ). [спѣшите
Если бъ державные боги конецъ мой отсрочить хотѣли—
Мнѣ бы они сохранили мой домъ. Но слишкомъ довольно
Зрѣть и однажды погибель своихъ и сожженіе града.
Съ миромъ идите, почтивши мое полумертвое тѣло
Словомъ прощальнымъ; смерть я самъ обрѣту, иль, жалѣя,
Врагъ умертвитъ старика. Нестрашна погребенья утрата;
Слишкомъ долго, противный богамъ, на землѣ я промедлилъ,
Чуждый землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ безсмертныхъ и смертныхъ владыка
Вѣяньемъ молній своихъ и громомъ ко мнѣ прикоснулся".
Такъ говорилъ мой родитель, въ жестокомъ намѣреньи твердый,
Мы же въ слезахъ—и я, и Креуза, и юный Асканій
Сынъ мой, и съ нами домашніе—молимъ, чтобъ вмѣстѣ съ собою
Онъ, отецъ, семьи не губилъ и въ бѣду не ввергался...
Тщетны моленья; покинуть свой домъ непреклонный отрекся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущій смерти.
Что иное мнѣ оставалось? Какая надежда?
„Какъ, родитель, чтобъ я убѣжалъ, объ отцѣ позабывши,
Требовалъ ты! Изъ родительскихъ устъ толь обидное слово!
Если назначили боги, чтобъ не было Трои великой,
Если тобой рѣшено истребить съ истребляемымъ градомъ
Насъ и себя—для погибели нашей двери отверсты:
Скоро Пріамовой кровью дымящійся Пирръ, умертвивши
Сына предъ взоромъ отца и отца предъ святыней Пенатовъ,
Явится здѣсь! Для того ли сквозь бой и пожаръ, о богиня,
Я проведенъ, чтобъ, врага допустивъ во святилище дома,
Видѣть, какъ сынъ мой Асканій, и дряхлый отецъ, и Креуза,
Кровью другъ-друга обливъ, предо мною истерзаны будутъ?
Дайте оружія, воины; время пришло роковое;
Грекамъ меня возвратите; отвѣдаемъ силы послѣдней;
Въ бой, друзья! мы не всѣ неотмщенные нынѣ погибнемъ".
Мечъ опоясавъ и щитъ свой надвинувъ на шуйцу, изъ дома
Выйти спѣшу; но Креуза, упавъ со слезами на прагѣ,
Ноги мои обняла и, сына младенца подъемля
Къ лону отца, возопила: „Если себя на погибель
Ты осудилъ—да погибнемъ съ тобою и мы неразлучно!
Если жъ осталось тебѣ упованье на мечъ и на силу—
Прежде свой домъ защити; здѣсь младенецъ Іулъ; здѣсь отецъ твой;
Здѣсь Креуза... ее называлъ ты донынѣ своею".
Такъ вопіяла супруга, стенаньемъ весь домъ оглашая.
Тутъ несказанное въ нашихъ очахъ совершилося чудо:
Сына Іула съ печалью родительской мы обнимали—
Вдругъ надъ его головою сверкнуло эѳирное пламя,
Въ кудри власовъ, не палящее; вѣяньемъ тихимъ влетѣло,
Пыхнуло ярко и вкругъ головы обвилося блистаньемъ.
Въ трепетѣ страха мы отряхаемъ горящіе кудри;
Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.
Чуда свидѣтель, Анхизъ, оживленныя радостью очи
Къ небу возвелъ и, дрожащія длани подъемля, воскликнулъ:
„О, вседержитель Зевесъ! когда ты молитвамъ доступенъ,
Призри на насъ, о единомъ молящихъ: если достойны,
Будь намъ защитой, отецъ, и знаменью дай подтвержденье".

Только промолвилъ Анхизъ—помутилося небо, и страшно
Грянуло влѣвѣ; и быстро упавшая съ темныя тверди,
Мракъ лучезарный разсѣкши браздой, звѣзда побѣжала...
Видѣли мы, какъ она, разразившись надъ нашею кровлей,
Свѣтлая, вдаль покатилась и, путь нашъ означивъ блистаньемъ,
Пала за Идою въ рощу... долго, протянутъ вдоль неба,
Слѣдъ пламенѣлъ, и запахомъ сѣрнымъ дымилась окрестность.
Тутъ побѣжденный старецъ-родитель подъемлется съ ложа,
Молитъ боговъ и творитъ поклоненье звѣздѣ путеводной.
„Все рѣшено!—возгласилъ онъ,—боги отчизны, ведите;
Съ вѣрой иду; сохраните и домъ мой и внука; то ваше
Знаменье было, и въ вашемъ могуществѣ есть еще Троя;
Вамъ покоряюсь; мой сынъ, предводи; за тобою отецъ твой".
Такъ онъ сказалъ... и уже приближался къ обители нашей
Съ трескомъ пожаръ, и шумящаго пламени зной опалялъ насъ.
„Время, родитель; на плечи сыновныя сядь (возгласилъ я),
Дай мнѣ мои подклонить рамена подъ священное бремя.
Что бы ни встрѣтило насъ на пути—одно намъ спасенье,
Гибель одна; перестанемъ же медлить; младенецъ Асканій
Рядомъ со мною пойдетъ; въ отдаленьи за нами Креуза.
Вы же, служители дома, замѣтьте, что вамъ повелю я:
Есть при исходѣ изъ града холмъ и на холмѣ Церерпнъ
Древле покинутый храмъ; передъ нимъ кипарисъ престарѣлый,
Съ давнихъ временъ сохраненный почтеніемъ набожныхъ предковъ.
Тамъ во единое мѣсто изъ разныхъ сторонъ соберитесь.
Лики Пенатовъ и утварь тебѣ повѣряю, родитель;
Я же, пришедшій изъ битвы, рукою кровавой не смѣю
Къ нимъ прикоснуться, доколь не очищу себя [орошеньемъ
Свѣжія влаги..."
Съ сими словами, широкія плечи склоня и на выю
Сверхъ одѣянья накинувъ косматую львиную кожу,
Старца подъемлю; идемъ; Асканій, мою обхвативши
Крѣпко десницу, бѣжитъ, торопяся шагами неровными, съ боку;
Слѣдомъ Креуза; идемъ, пробираяся мглою по стогнамъ:
Я же, дотолѣ безстрашнымъ окомъ смотрѣвшій на тучи
Стрѣлъ и отважно встрѣчавшій дружины враждебныя грековъ,
Тутъ при малѣйшемъ звукѣ блѣднѣлъ, при шорохѣ каждомъ
Медлилъ, робѣя за спутника, въ страхѣ за милую ношу.
И уже достигалъ я воротъ, и мнилъ, что опасный
Путь совершился... вдругъ не вдали голоса раздалися,
Что-то мелькнуло; послышался топотъ. Пристально въ сумракъ
Смотритъ Анхизъ: „Мой сынъ, мой сынъ, бѣги! возопилъ онъ.
Идутъ! сверкаютъ щиты! оружіе мѣдное блещетъ!.."
Кто изъяснитъ? Божество ли какое враждебною силой
Умъ мой смутило... но, въ сторону бросясь, чтобъ мнимой
Встрѣчи избѣгнуть, далекимъ обходомъ я вышелъ изъ града;
Боги! Креуза исчезла; во тьмѣ ль, ослѣпленная рокомъ,
Сбилась съ дороги, иль гдѣ отдохнуть, утомленная, сѣла—
Я не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигдѣ ужъ ея не встрѣчали.
Только тогда я утрату, опомнясь, замѣтилъ, когда мы
Холма святого и древняго храма Цереры достигли.
Тамъ собралисъ мы, убогій остатокъ троянъ—а Креузы
Не было, къ горю сопутниковъ, сына, отца и супруга.
О, кого изъ людей и боговъ я не клялъ, изступленный!
Было ли что для меня и въ паденьи Пергама ужаснѣй?
Сына Іула съ Анхизомъ-отцомъ и съ Пенатами Трои
Спутникамъ ввѣривъ, въ излучинѣ дола велю имъ укрыться,
Самъ же, блестящей одѣтый броней, возвращаюся въ Трою.
Вновь рѣшено боевые труды испытать, по горящимъ
Стогнамъ Пергама промчаться и грудь подъ удары подставить.
Къ темному прагу воротъ, чрезъ который мы вышли изъ града,

Прежде спѣшу, чтобы, снова по свѣжему нашему слѣду
Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ всмотрѣться въ примѣты:
Всюду ужасъ! даже молчаніе въ трепетъ приводитъ!
Къ дому Анхиза—не тамъ ли она, не туда ли ей случай
Путь указалъ—я бѣгу: но данаи ужъ грабили домъ нашъ;
Все испровергнуто; съ воплями врагъ по обители рыскалъ;
Пламень пожара уже прошибало изъ-подъ верхнія кровли;
Вихремъ взвивалися искры и въ воздухѣ страшно гремѣло.
Я обратился къ Пріамову дому, къ высокому зáмку:—
Боги! боги! въ притворѣ пустого Юнонина храма
Звѣрскій Улиссъ и Фениксъ у добычи стояли на стражѣ:
Тамъ сокровища Трои, богатства сожженныхъ святилищъ,
Чаши златыя, престолы боговъ и убранства и ризы
Въ грудахъ лежали; младенцы и блѣдныя матери длиннымъ
Строемъ стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнулъ я во мракѣ
Голосъ возвысить; печальный мой кликъ раздавался по стогнамъ.
„Гдѣ ты, Креуза?“ взывалъ я, взывалъ... но было напрасно.
Въ яростномъ горѣ по грудамъ разрушенныхъ зданій я бѣгалъ.
Вдругъ передъ очи мои появилася призракомъ, легкой
Тѣнью она... и казалось возвышеннѣй прежняго станомъ.
Я ужаснулся, волосы дыбомъ, голосъ мой замеръ.
Тихо съ улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
„Тщетной заботѣ почто предаешься, безумно печалясь?
О Эней, о сладостный другъ, не безъ воли безсмертныхъ
Было оно; мнѣ не должно итти за тобой изъ Пергама;
Го запрещаетъ владыка небесъ громодержецъ Юпитеръ,
Долго изгнанникомъ будешь браздить безпредѣльное море;
Тамъ въ Гесперіи, гдѣ волны Лидійскаго Тибра по тучнымъ,
Люднымъ равнинамъ обильно-медлительнымъ токомъ ліются,
Свѣтлое счастье и царскій вѣнецъ, и невѣсту-царевну
Ты обрѣтешь. Не томи жъ по Креузѣ утраченной сердца;
Нѣтъ! ни дверей мирмидона, ни пышныхъ чертоговъ долопа
Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
Дочь Дарданіи, вѣчной Венеры невѣстка...
Быть при себѣ мнѣ судила великая матерь безсмертныхъ;
Ты же прости; поминай о супругѣ любовію къ сыну“.
Смолкла и тихо со мной, проливающимъ слезы, разсталась;
Много хотѣлъ я сказать, но она улетѣла; трикраты
Я за летящею тѣнію руки простеръ и трикраты
Легкая тѣнь изъ напрасно-объемлющихъ рукъ ускользнула,
Словно какъ вѣющій воздухъ, словно какъ сонъ мимолетный.
Такъ миновалася ночь; возвращаюсь къ товарищамъ бѣгства;
Много толпою притекшихъ изъ Трои сопутниковъ новыхъ
Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкій народъ бѣглецовъ, невозвратно утративъ отчизну,
Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣснилися тамъ, приготовясь
Вмѣстѣ со мной за морями искать обреченнаго брега.
И уже восходилъ надъ горой свѣтоносный Люциферъ,
Юнаго дня благовѣстникъ, и всѣ ворота Иліона
Заперты были врагомъ... упованье исчезло! Судьбинѣ
Я уступилъ и Анхиза понесъ на высокую Иду.

(1822 г.)

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛІАДЫ.

I.

Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по-гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя передъ глазами нѣмецкіе переводы Иліады—Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненія съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный языкъ его; здѣсь, такъ-сказать, отголосокъ отголоска. Стихи, напечатанные курсивомъ, принадлежатъ самому переводчику: они служатъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Иліады и заимствованныхъ изъ VI. XVII, XIX и XX пѣсней.—*В. Ж.*

Жертву принесши богамъ, да пошлютъ Иліону спасенье,
Гекторъ поспѣшно потекъ по красиво устроеннымъ стогнамъ;
Зáмокъ высокій Пергама пройдя, наконецъ онъ достигнулъ

Скейскихъ воротъ, ведущихъ изъ града въ широкое поле.
Тамъ Гетеонову дочь Андромаху, супругу, онъ встрѣтилъ;
Съ нею былъ сынъ. На груди у кормилицы нѣжный младенецъ
Тихо лежалъ: какъ звѣзда лучезарная, былъ онъ прекрасенъ;
Гекторъ Скама́ндріемъ назвалъ его; отъ другихъ онъ былъ прозванъ
Астіанаксомъ [понеже лишь Гекторъ защитой былъ града].
Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
„Неумолимый, отважность погубитъ тебя. Не жалѣешь
Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленахъ, ни о бѣдной супругѣ,
Скоро вдовѣ безотрадной; ахейцы тебя неизбѣжно,
Силою всею напавъ, умертвятъ. Для меня же бы лучше
Въ землю сокрыться, тебя потерявъ: что будетъ со мною,
Если тебя, отнятаго рокомъ могучимъ, не станетъ?
Горе! ужъ нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной;
Мой отецъ умерщвленъ Ахиллесомъ божественнымъ; Ѳивы,
Градъ киликіанъ, съ блестящими златомъ вратами разрушивъ,
Самъ онъ убилъ Гетеона, но не взялъ оружія; чуждый
Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ сожженію предалъ
Кости родителя, въ почесть ему погребальный насыпалъ
Холмъ, и платанами горныя нимфы тотъ холмъ обсадили.
Семеро братьевъ еще у меня оставалось въ отчизнѣ—
Всѣ они, въ день единый, повержены въ бездну Аида:
Всѣхъ безпощадной рукой умертвилъ Ахиллесъ быстроногій.
Матерь царицу отъ пажитей густолѣсистаго Плака
Въ рабство добычей войны онъ увлекъ, но за выкупъ великій
Скоро ей отдалъ свободу, чтобъ пала отъ стрѣлъ Артемиды.
Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ и нѣжная матерь;
Ты мой единственный братъ, о Гекторъ, цвѣтущій супругъ мой!
Будь же ко мнѣ сострадателенъ.здѣсь останься на башнѣ;
Сыну не дай сиротства, супругѣ не дай быть вдовою;
Тамъ на хо́лмѣ смоковницы войско поставь: нападенье
Легче оттуда на градъ; тамъ открыты для приступа стѣны.
Съ той стороны уже трикраты на насъ покушались
Оба Аякса, Идоменей, Діомедъ и Атриды“.
Кротко отвѣтствуетъ гривистымъ шлемомъ украшенный Гекторъ:
„О Андромаха, и я о томъ же печалюсь; но стыдъ мнѣ
Будетъ тогда отъ троянскихъ мужей и отъ женъ Иліона,
Если, какъ робкій, сюда удалюсь, уклоняся отъ боя;
То запрещаетъ и сердце; донынѣ привыкъ я спокойно
Бодрствовать духомъ и биться у всѣхъ впереди, охраняя
Трою, великую славу отца и мою; но предвидитъ
Вѣщее сердце и тайно гласитъ мнѣ тревожное чувство:
Нѣкогда день сей наступитъ—падетъ священная Троя,
Съ нею Пріамъ и народъ царя копьеноснаго бодрый.
Но не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
Ни же Пріамова гибель, ни же столь многихъ столь храбрыхъ
Братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно падущихъ
Въ прахъ подъ рукою врага, сокрушаютъ нынѣ такъ сильно
Душу мою, какъ мысль о тебѣ, Андромаха, когда ты,
Вслѣдъ за одѣяннымъ мѣдною бронею мужемъ ахейскимъ,
Плача, отсюда пойдешь, лишенная свѣта свободы,
Или въ Аргосѣ будешь съ рабынями ткать для царицы,
Иль, утомленная, тяжкимъ сосудомъ въ ключѣ Гиперейскомъ
Черпая воду, будешь въ слезахъ поминать о Пергамѣ.
Можетъ-быть, видя, какъ плачешь въ своемъ одиночествѣ, скажутъ:
„Вотъ вдова знаменитаго Гектора, бывшаго первымъ
Въ войскѣ троянскомъ, въ тѣ дни, какъ сражались у стѣнъ Иліона“.
То услыша, ты съ новою вспомнишь тоской, что на свѣтѣ
Нѣтъ ужъ того, кто отъ рабства надежною былъ бы защитой.
Нѣтъ! я лучше хочу, чтобъ меня бездыханнаго скрыли
Въ землю, чѣмъ слышать о плачѣ твоемъ и крушительномъ плѣнѣ“.

Такъ отвѣтствовалъ Гекторъ, и къ сыну руки простеръ онъ;
Робко отъ нихъ отклонился, и къ лону кормилицы съ крикомъ
Бросился милый младенецъ, дичася отца, устрашенный
Яркимъ блистаніемъ латъ и косматою гривою шлема,
Грозно надъ нимъ зашумѣвшею съ мѣдноогромнаго гребня.
Съ грустной улыбкой и мать и отецъ посмотрѣли на сына.
Шлемъ съ головы снимаетъ поспѣшно блистательный Гекторъ;
Бранный уборъ на землю кладетъ и, на руки взявши
Сына, цѣлуетъ его съ умиленьемъ и нѣжно лелѣетъ.
Громко взываетъ потомъ онъ къ безсмертнымъ богамъ и Зевесу:
„Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ, да будетъ
Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбіемъ первый въ народѣ,
Столько же мышцею крѣпокъ и мощно господствуетъ въ Троѣ.
Пусть современемъ скажутъ: отца своего превзошелъ онъ!
Видя его, изъ сраженья идущаго съ пышною броней,
Снятой съ врага—и такая хвала да порадуетъ матерь“.
Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятія нѣжной супруги
Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ покровомъ
Персей одѣла его; и, глубокой печалію полный,
Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣтно сказалъ ей:
„Бѣдная, ты не должна обо мнѣ сокрушаться такъ много;
Противъ судьбы я никѣмъ преждевременно сосланъ не буду
Въ темный Аидъ, но судьбы ни единый еще не избѣгнулъ
Смертный, родившійся разъ на землѣ, ни смѣлый, ни робкій.
Съ миромъ же въ домъ свой пойди; занимайся порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабы и рабыни въ работѣ
Были прилежны своей; о войнѣ же имѣть попеченье—
Дѣло троянскихъ мужей и мое изъ всѣхъ наиболѣ“.
Кончивъ, свой гривистый шлемъ поднимаетъ блистательный Гекторъ.
Медленнымъ шагомъ и часто назадъ озираясь и слезы
Горкія молча лія, Андромаха пошла и достигла
Скоро обители Гектора. Много служительницъ было
Собрано тамъ за работою; всѣ сокрушалися съ нею;
Заживо Гекторъ былъ въ домѣ оплаканъ своемъ. Неизбѣжно,
Мнили онѣ, онъ погибнетъ; мы вѣчно его не увидимъ.
Истину вѣщая скорбь предсказала имъ; время настало
Сбыться тому, что давно предназначено было; но прежде
Славой великой покрылся могучій защитникъ Пергама.
Палъ Патроклъ отъ руки благороднаго Гектора; втуне
Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали его: неизбѣжный
Часъ судьбы наступилъ—и съ Патроклова хладнаго трупа
Гекторъ совлекъ Ахиллесову броню, и сѣча зажглася
Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь бодраго въ битвѣ.
—Я къ кораблямъ Антилоха послалъ возвѣстить Ахиллесу
Гибель Патрокла; но знаю, что къ намъ не придетъ онъ на помощь,
Сколь ни кипѣлъ бы на Гектора злобою... онъ безоруженъ.
Намъ однимъ защищать умерщвленнаго друга. Упорно
Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное тѣло.
Такъ говорилъ Менелай Теламонову сыну Аяксу.
„Правда, Атридъ знаменитый! Аяксъ отвѣчалъ Менелаю:
Ты съ Меріономъ Патрокла храни; наклонитесь и тѣло,
Взявъ на плеча, несите изъ боя. Мы жъ, оба Аякса,
Равные мужествомъ сердца, всегда неразлучные въ битвѣ,
Будемъ стремленье троянъ и великаго Гектора дружно
Грудью своей отражать, охраняя отшествіе ваше“.
Царь Менелай съ Меріономъ подъемлютъ Патроклово тѣло
Сильной рукою съ земли: ужаснулись трояне, увидя
Тѣло во власти ахеянъ, и бросились съ воплемъ за ними.
Словно какъ псы, упредя звѣроловцевъ младыхъ, на лѣсного
Вепря, когда онъ пораненъ, кидаются вдругъ, но лишь только
Бѣшеный онъ, ощетинясь, на нихъ обернется, въ испугѣ

Всѣ разсыпаются—такъ и трояне сначала стремятся
Бодро впередъ, подымая мечи и двуострыя копья;
Но лишь только Аяксы въ лицо имъ лицомъ обратятся—
Всѣ блѣднѣютъ и боя начать ни одинъ не дерзаетъ.
Царь Менелай съ Меріономъ безстрашно, медлительнымъ шагомъ
Идутъ впередъ, унося изъ сраженья Патроклово тѣло;
Ихъ защищаютъ Аяксы; блистательный Гекторъ съ Энеемъ
Рвутся, какъ львы разъяренные, силясь добычу похитить:
Страшной грозой къ кораблямъ приближается шумная битва.
Робко межъ тѣмъ Антилохъ къ Ахиллесовой ставкѣ подходитъ.
Онъ сидѣлъ впереди кораблей недалеко отъ моря,
Мраченъ, тревожимый думой о томъ, что уже совершилось.
„Горе! онъ мыслилъ, зачѣмъ къ кораблямъ въ безпорядкѣ тѣснятся
Снова ахейцы, покинувъ сраженье? Страшусь, что со мною
Сбудется то, что давно предсказала мнѣ матерь, что долженъ,
Прежде меня отъ троянъ мирмидонецъ погибнуть храбрѣйшій.
Сердце дрожитъ; ужъ не палъ ли Менетіевъ сынъ? Непреклонный
Другъ! а я умолялъ уйти къ кораблямъ, отразивши
Вражій пожаръ и отнюдь не испытывать съ Гекторомъ силы“.
Такъ размышлялъ Ахиллесъ—и предъ нимъ съ сокрушительной вѣстью
Сынъ престарѣлаго Нестора, слезы ліющій, явился.
—Горе мнѣ! сынъ благородный Пелея, ты долженъ о страшной
Слышать бѣдѣ, какой никогда не должно бы случиться!
Палъ Патроклъ: ужъ теперь за его бездыханное тѣло
Бьются; онъ нагъ—оружіе Гекторъ могучій похитилъ“.
Мрачное облако скорби лицо Ахиллеса покрыло.
Обѣ онъ горсти наполнивши пепломъ, главу имъ осыпалъ:
Ликъ молодой почернѣлъ, почернѣла одежда, и самъ онъ,
Тѣломъ великимъ пространство покрывши великое, въ прахѣ
Былъ распростертъ, и волосы рвалъ, и бился о землю.
Дѣвы, имъ купно съ Патрокломъ плѣненныя, въ страхѣ изъ ставки
Выбѣжавъ, громко вопили надъ нимъ и перси терзали.
Съ ними стеналъ Антилохъ; заливаясь слезами, всей силой
Онъ Ахиллесовы руки держалъ, чтобъ въ безуміи горя
Самъ онъ себѣ не пронзилъ изощреннымъ оружіемъ груди.
Съ страшнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его услышала матерь,
Въ домѣ сѣдого отца, на днѣ глубокаго моря.
Громко она зарыдала, и къ ней собрались Нереиды,
Сестры младыя, морской глубины златовласыя дѣвы.
Полонъ былъ ими подводный серебряный домъ, поражали
Всѣ онѣ перси, печалясь съ сестрой. Имъ Ѳетида сказала:
„Милыя сестры, Нерея безсмертныя дочери, много,
Много печали на сердцѣ моемъ; о горе мнѣ, бѣдной!
Мнѣ, Ахиллеса великаго матери! мною рожденный
Сынъ, столь душой благородный, столь мужествомъ славный, въ герояхъ
Первый... онъ цвѣлъ, какъ младое прекрасное древо; съ любовью
Нѣжной воспитанный, выросъ и, мной наконецъ къ Иліону
Посланный, поплылъ туда въ корабляхъ острогрудыхъ... и вѣчно
Мнѣ ужъ его не увидѣть въ отеческомъ домѣ Пелея;
Но доколѣ и живъ онъ, сіяніемъ дня озаренный,
Онъ осужденъ на страданье, и матерь ему не поможетъ.
Милыя сестры, покинемъ глубокое море; мнѣ должно,
Должно сына увидѣть, мнѣ должно провѣдать, какое
Новое горе ему, не вступавшему въ бой, приключилось“.
Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Ѳетида и съ нею
Сестры, Нереевы дочери, слезы ліющія. Волны
Моря кругомъ ихъ шумятъ, раздѣляясь. Достигнувши Трои,
На берегъ всходятъ одна за другою въ томъ мѣстѣ, гдѣ зрѣлись
Всѣ корабли мирмидонянъ кругомъ Ахиллесовой ставки.
Матерь къ нему подошла, зарыдала надъ нимъ и, обнявши
Нѣжной рукой преклоненную голову сына, сказала:

„Что же ты плачешь? Что бодрую душу твою сокрушило?
Будь откровенъ со мною! Зевесъ громовержецъ исполнилъ
Все, о чемъ ты молился, подъемля здѣсь руки. Ахейцы
Много стыда претерпѣли, утративъ тебя, и, тѣснимы
Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно тебя призывали“.
Тяжко, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Матерь, не тщетно молилъ я, исполнилъ Зевесъ громовержецъ
Все; но какая въ томъ польза, когда потерялъ я Патрокла,
Друга нѣжнѣйшаго, милаго мнѣ, какъ сіянье дневное?
Онъ погибъ, и оружіе Гекторъ убійца похитилъ,
Крѣпкое, дивное, даръ отъ боговъ Олимпійскихъ Пелею
Въ оный день, какъ тебя сочетали безсмертную съ смертнымъ.
Было бъ лучше, когда бъ ты осталась богинею моря,
Лучше, когда бы простой, не безсмертной супруги супругомъ
Былъ Пелей: безконечной тоской по утраченномъ сынѣ
Будешь ты нынѣ крушиться; ужъ вѣчно его не увидишь
Въ домѣ отца. Да и сердце мое запрещаетъ мнѣ долѣ
Здѣсь межъ живыми скитаться; но прежде Гекторъ заплатитъ
Мнѣ за Патроклову жизнь, подъ моею ногой издыхая“.
Матерь, ліющая слезы, отвѣтствуетъ: „То, что сказалъ ты,
Мнѣ возвѣщаетъ, что жизни твоей прекращеніе близко:
Самъ ты за Гекторомъ вслѣдъ неминуемо долженъ погибнуть—
Такъ повелѣла судьба“. Ахиллесъ возразилъ ей угрюмо:
„Пусть я погибну теперь! что въ жизни, если Патрокла
Мнѣ защитить не дано? Далеко отъ любимой отчизны
Палъ онъ, а я не пришелъ отразить ненавистную гибель.
Что я? Родительскихъ мирныхъ полей суждено не видать мнѣ;
Жизни Патрокла спасти я не могъ; не могъ быть защитой
Столькимъ друзьямъ благороднымъ, отъ сильнаго Гектора падшимъ.
Здѣсь я сижу, позади кораблей, безполезное бремя
Свѣту, я, Ахиллесъ, изъ всѣхъ мѣднолатныхъ ахеянъ
Въ битвѣ храбрѣйшій, хотя на совѣтѣ другимъ уступаю.
О! да погибнутъ вражда и гнѣвъ, отемняющій часто
Разумъ мудрѣйшимъ! сначала онъ сладостнѣй меда, но скоро
Пламень снѣдающій въ сердцѣ, вкусившемъ его, зажигаетъ.
Такъ и меня раздражилъ Агамемнонъ, царей повелитель.
Но пусть будетъ прошедшимъ прошедшее; сколь ни прискорбно
Сердцу оно — раздраженное сердце должно покориться.
Я иду—не избѣгнешь меня ты, Патрокловъ убійца,
Гекторъ. Свой жребій принять я готовъ, когда ни назначатъ
Вѣчный Зевесъ и безсмертные боги Олимпа; и мнѣ ли
Нынѣ роптать на судьбу, когда и Алкидъ благородный,
Сынъ громовержца любимый, былъ нѣкогда ею постигнутъ?
Если подобный удѣлъ и меня ожидаетъ, пусть лягу
Въ землю, дыханье утративъ; но славу великую прежде
Здѣсь соберу, быстротечныя жизни въ замѣну здѣсь многихъ
Дѣвъ полногрудыхъ дарданскихъ принужу крушиться, и слезы
Съ юныхъ ланитъ отирать, закрывши руками
Лица и вздохи спирая въ груди, раздираемой горемъ.
Скоро узнаютъ, что я отдохнулъ. А ты не надѣйся,
Матерь, меня удержать: никогда я не буду покоренъ“.—
„Истину ты говоришь, отвѣчала Ѳетида; похвально
Быть для друзей отъ бѣды и отъ смерти защитой; но Троя
Нынѣ владѣетъ твоими блестящими латами; хищный
Гекторъ, украшенный ими, ликуетъ—хотя и недолго
Въ нихъ величаться ему: предназначенный часъ недалеко.
Но безоружный, мой сынъ, не бросайся въ тревогу Арея;
Здѣсь помедли, доколѣ меня опять не увидишь.
Завтра сюда на разсвѣтѣ, лишь только подымется солнце,
Съ пышной бронею, искованной богомъ Ифестомъ, приду я“.

Такъ говорила богиня и съ сыномъ могучимъ простилась.
Къ юнымъ сестрамъ, среброногимъ богинямъ, потомъ обратяся,
„Милыя сестры, сказала, теперь погрузитеся въ море,
Въ домъ возвратитесь Нерея и старцу сѣдому пучины
Все возвѣстите. А я на вершину Олимпа къ Ифесту
Прямо отсель полечу умолять, чтобъ оружіе далъ намъ“.
Кончила: въ лоно зыбей погрузились младыя богини.
Быстро къ вершинѣ Олимпа отъ нихъ полетѣла Ѳетида.
Тою порою ахейцы отъ грознаго Гектора съ громкимъ
Воплемъ бѣжали къ своимъ кораблямъ, на брега Эллеспонта,
Силясь напрасно исторгнуть изъ боя Патроклово тѣло;
Гекторъ, какъ бурное пламя, гнался за нимъ; ужъ трикраты
За ногу мертваго сзади хваталъ онъ, готовый добычу
Вырвать изъ рукъ у ахеянъ, и кликалъ троянъ, и трикраты
Силою всею Аяксы его отражали отъ трупа.
Яростный, пламенный, все низвергалъ онъ; то, бѣгая быстро,
Бился въ толпѣ; то, стоя недвижимъ, сзывалъ громогласно
Въ битву своихъ и рвался неотступно на хладное тѣло.
Такъ надъ растерзанной ланью, голодный, очами сверкая,
Левъ космолапый сидитъ, не тревожася пастырей крикомъ.
Тщетно Аяксы отважные борятся съ нимъ; овладѣлъ бы
Онъ неизбѣжно Патрокломъ съ великою славой, когда бы
Ира съ небесъ не послала Ириду къ Пелееву сыну.
„Сынъ Пелеевъ, бѣги, бѣги на помощь къ Патроклу;
Битва ужъ подошла къ кораблямъ. Посмотри: убиваютъ
Страшно другъ-друга, одни отбиваясь, другіе, стремяся
Тѣло схватить; одолѣютъ трояне; блистательный Гекторъ
Скоро похититъ Патрокла, и въ Трою умчитъ, и на башнѣ
Выставитъ голову, снятую съ плечъ въ посрамленье ахеянъ.
Полно медлить: иль псамъ напитаться Патрокловымъ тѣломъ.
Встань, безоружный, взбѣги на раскатъ; покажися троянамъ;
Образъ твой ужасъ нагонитъ на нихъ; ободрятся ахейцы“.
Такъ Ахиллесу богиня Ирида сказала и скрылась.
Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахиллесъ. И Аѳина
Мощныя плечи ему облачила эгидой ужасной,
Огненной тучей главу обвила, и съ нея заблистали
Грозно лучи, озаряя окрестность. Какъ дымъ извиваясь,
Всходитъ далеко на островѣ, ратью враговъ обложенномъ—
(Бодро весь день осажденные бьются, но сядетъ лишь солнце,
Всюду костры зажигаютъ, и съ яркими искрами пламя
Всходитъ великимъ столбомъ и, окрестъ отраженное моремъ,
Свѣтитъ, чтобъ видѣли путь корабли, приносящіе помощь);
Такъ съ головы Ахиллеса блистанье въ эѳиръ подымалось.
Онъ взбѣжалъ на раскатъ и, ставъ на виду у ахеянъ,
Крикнулъ... пронзительный крикъ повторила Паллада Аѳина
Отзывомъ громкимъ: троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
Такъ оглушительный громъ боевыя трубы, возвѣщая
Приступъ, внезапно мутитъ осажденныхъ. Едва Ахиллесовъ
Голосъ послышался, дрогнуло каждаго сердце; всѣ кони,
Гибель почуя, подняли гривы и съ топотомъ громкимъ
Вспять понесли колесницы; правители ихъ въ изступленьи,
Съ блѣднымъ лицомъ, обратяся назадъ, неподвижнымъ смотрѣли
Окомъ на грозный лица Ахиллесова блескъ. Троекратно
Крикнулъ онъ съ валу на нихъ — троекратно разбитыя страхомъ,
Войска троянъ и союзныхъ назадъ въ безпорядкѣ бросались.
Тутъ отъ своихъ колесницъ и отъ собственныхъ копій двѣнадцать
Храбрыхъ дарданянъ погибло. Ахейцы похитивъ Патрокла,
Въ ставкѣ простерли его на одрѣ, и друзья окружили
Тѣло. Пришелъ Ахиллесъ. Залился онъ слезами, увидя
Друга, предъ нимъ на одрѣ неподвижно лежащаго, острой
Мѣдью пронзеннаго; самъ онъ недавно его на сраженье,

Броней своею облекши, послалъ: но назадъ не пришелъ онъ.
Тою порой, постоянный въ теченіи Геліосъ, волю
Иры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ Океана;
Въ нихъ потонувшее солнце исчезло, и войско ахеянъ,
Послѣ губительной брани, въ глубокій покой погрузилось.

Но трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
Смутно они собрались на совѣтъ. Опершися на копья,
Всѣ стояли и сѣсть не дерзалъ ни единый, и всѣмъ имъ
Сердце тревожила мысль о явившемся въ бой Ахиллесъ.
Полидамантъ благомыслящій, Гекторовъ другъ осторожный,
Первый подалъ совѣтъ: покинувъ поле сраженья,
Въ Трою войти.—Намъ теперь благовонная ночь благосклонна;
Такъ онъ сказалъ: Ахиллеса держитъ она; но заутра,
Въ полѣ увидя насъ, выйдетъ онъ въ битву. Тогда неизбѣжно
Многіе будутъ добычею псовъ. Удалимся же въ Трою, покуда
Время; на торжищѣ ночь проведемъ подъ небомъ открытымъ;
Съ первымъ же блескомъ денницы соберемся на стѣны; пускай онъ
Боя отвѣдать приблизится къ нимъ: лишь напрасно могучихъ
Коней своихъ утомитъ; но въ Трэю ему не ворваться.—
Сумраченъ, брови нахмуря, отвѣтствовалъ пламенный Гекторъ:
„Полидамантъ, осторожный совѣтъ твой теперь безполезенъ;
Намъ ли, какъ робкимъ, бѣжать въ огражденную башнями Трою?
Мы ль не устали еще, за стѣнами тѣснясь, укрываться?
Нѣкогда городъ Пріамовъ, межъ всѣми народами славный,
Былъ знаменитъ на землѣ изобиліемъ мѣди и злата;
Но ужъ давно изъ печальныхъ жилищъ изобиліе скрылось.
Мы раздражали Зевеса: во Фригіи, въ краѣ союзномъ
Пышной Меоніи, проданы лучшія утвари наши.
Нынѣ жъ, когда мнѣ могучій Кроніонъ, Зевесъ вседержитель,
Славу послалъ отразить къ кораблямъ мѣдно-латныхъ ахеянъ,
Я ли укроюся въ Трою? Какой же совѣтъ подаешь ты?
Кто изъ троянъ покорится ему? Здѣсь я повелитель.
Слушайте жъ слово мое и мою исполните волю:
Пищу пускай по дружинамъ раздѣлятъ; насытьтесь, но каждый
Будь остороженъ, и стражъ да не дремлетъ на стражѣ. Заутра
Съ первымъ сіяньемъ денницы, оружіе мѣдное взявши,
Мы побѣжимъ къ кораблямъ на рѣшительный приступъ. И если
Правда, что всталъ Ахиллесъ, то недоброе время онъ выбралъ;
Я не страшуся его, безпощаднаго, встрѣтить; отважно
Стану предъ нимъ, не заботясь, меня ли, его ли украситъ
Славою бой... неподкупенъ Арей и разящихъ разитъ онъ“.
Гекторъ сказалъ, и трояне, согласные съ нимъ, отвѣчали
Плескомъ шумящимъ... слѣпцы! имъ Паллада затмила разсудокъ:
Злое благому они предпочли и осталися въ полѣ.
Въ горѣ и плачѣ ту ночь надъ Патрокловымъ тѣломъ ахейцы.
Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ, положивши
Мощныя руки на грудь неподвижную друга, со стономъ
Плакалъ. Такъ львица грозная рычетъ, когда звѣроловецъ
Львенка младого ея изъ глубокаго лога похитилъ:
Злобяся, рыщетъ она по ущеліямъ съ жалобнымъ ревомъ.
Такъ Ахиллесъ вопіялъ, окруженный толпой мирмидонянъ:
„Боги! сколь были надежды мои безразсудны, когда я,
Тщась утолить сокрушенье Менетія, далъ обѣщанье
Вмѣстѣ съ украшеннымъ славой Патрокломъ въ Опунтъ возвратиться,
Трою разрушивъ и много богатой добычи скопивши.
Смертный замыслитъ одно, а Зевесъ совершаетъ иное!
Оба единую землю мы кровью своей напитаемъ
Здѣсь въ отдаленномъ троянскомъ краю. И меня не увидятъ
Вѣчно въ жилищѣ отцовъ ни Пелей, мой родитель
Дряхлый, ни матерь Ѳетида. Здѣсь лягу, покрытый могилой.
Если же послѣ Патрокла назначено въ землю сойти мнѣ,

О мой Патроклъ! я твое совершу погребенье, повергнувъ
Голову Гектора съ броней его предъ тобой и двѣнадцать
Юношей плѣнныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ Трои, заклавши
Въ почесть твою и обиженной тѣни твоей въ утѣшенье!
Съ миромъ же спи у моихъ кораблей въ ожиданіи мести;
Пусть троянки, плѣненныя нами, и денно и нощно
Плачутъ дотолѣ надъ тѣломъ твоимъ и перси терзаютъ“.
Съ сими словами друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный,
Чистой водою огромный котелъ треножный наполнивъ,
Прахъ съ запекшейся кровію смыть съ Патроклова тѣла.
Ставятъ треножникъ на яркій огонь и шумящей струею
Льется въ него ключевая вода, и хворостъ бросаютъ
Въ пламя: оно обхватило котелъ и вода закипѣла
Въ мѣдномъ звенящемъ сосудѣ. Омытое теплою влагой
Тѣло умаслили тучнымъ елеемъ; потомъ, ароматной
Девятилѣтнею мазью наполнивши раны, простерли
Тихо его на одрѣ и, покрывъ полотномъ драгоцѣннымъ,
Купно и тѣло и ложе блестящею тканью одѣли.
Эосъ младая въ одеждѣ багряной, безсмертнымъ и смертнымъ
День приносящая, встала изъ водъ океана. Θетида
Съ дивной, Ифестомъ ей данной бронею пришла къ Ахиллесу;
Онъ, распростертый, лежалъ надъ бездушнымъ Патрокломъ и громко
Плакалъ; окрестъ мирмидоняне въ мрачномъ молчаньи сидѣли.
Тихо межъ ними прошла среброногая матерь-богиня
Къ сыну и, за руку взявши его, умильно сказала:
„Сынъ мой, оставимъ покоиться мертваго, сколько бъ о немъ мы
Въ сердцѣ своемъ ни крушились: онъ силой безсмертныхъ постигнутъ.
Я принесла невредимую броню отъ бога Ифеста,
Чудо красы: ни на комъ изъ людей не бывало подобной“.
Такъ сказавъ, положила Θетида къ ногамъ Ахиллеса
Броню; громкій оружіе звукъ издало; мирмидонянъ
Ужасъ проникнулъ: взглянуть не посмѣлъ ни единый богинѣ
Прямо въ лицо, и всѣ трепетали. Но, гнѣвомъ сильнѣйшимъ,
Броню узря, закипѣлъ Ахиллесъ; глаза засверкали
Искрами, вспыхнувъ подъ тѣнью рѣсницъ, какъ ужасное пламя;
Жадной рукою онъ броню схватилъ, и даромъ чудеснымъ
Бога Ифеста плѣненный, имъ сталъ любоваться; но скоро
Снова сдѣлался мраченъ; потомъ, обратяся къ Θетидѣ,
„Матерь, сказалъ онъ, оружіе дивно твое, и немедля
Выйду я въ битву. Но сердце мое неспокойно; онъ будетъ
Здѣсь бездыханный лежать; насѣкомыя жадныя могутъ
Въ раны влетѣть, въ нихъ червь поселится, и можетъ гніеніе,
Въ тѣло проникнувши, образъ его опозорить прекрасный“.—
„Будь, мой возлюбленный сынъ, беззаботенъ сказала Θетида;
Съ нимъ неразлучная, стану сама разгонять насѣкомыхъ,
Жадно снѣдающихъ тѣло убитаго мужа; хотя бы
Медленнѣй года надъ нимъ совершился полетъ, я нетлѣннымъ
Тѣло его сохраню и еще онъ прекраснѣе будетъ“.
Съ сими словами она проливаетъ на раны Патрокла
Сокъ благовонный амврозіи съ нектаромъ свѣтлопурпурнымъ.

Берегомъ моря поспѣшно потекъ Ахиллесъ благородный;
На голосъ звучный его собралися ахейцы. Прискорбно
Руку онъ подалъ Атриду, и былъ примирительной жертвой
Поздній межъ ними союзъ утвержденъ. Агамемнонъ могучій
Далъ повелѣнье дары отнести къ Ахиллесу. Немедля
Царь Одиссей съ сыновьями почтеннаго Нестора, съ славнымъ
Сыномъ Филія Мегитомъ, съ Θоантомъ и съ ними Креоновъ
Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ Агамемнону въ ставку
Идутъ и, выбравъ семь драгоцѣнныхъ треножниковъ, двадцать
Свѣтлыхъ сосудовъ, двѣнадцать коней и семь рукодѣльныхъ
Плѣнницъ съ осьмой Бризеидой, отходятъ въ шатеръ Ахиллесовъ,

Царь Одиссей впереди съ десятью талантами злата.
Всѣ потомъ, окруживъ Ахиллеса, его приглашаютъ
Съ ними обѣдъ раздѣлить; но, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ онъ:
„О друзья! умоляю васъ, если хоть мало я дорогъ
Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чтобъ я насладился
Вашею пищею: горе всю душу мою раздираетъ.
Нѣтъ, не коснусь ни къ чему до самыя позднія ночи“.
Всѣ полководцы простились тогда съ Ахиллесомъ; остались
Оба Атрида, Идоменей, Одиссей благородный,
Несторъ и старецъ Фениксъ. Прояснить омраченную душу
Друга старались они разговоромъ веселымъ: но тщетно.
Сумраченъ былъ онъ, лишь битвы единой алкалъ, непрестанно
Думалъ о мертвомъ, объ немъ лишь одномъ говорилъ непрестанно:
„О, сколь часто бывало, что самъ ты заботливо, бѣдный,
Въ ставку мою прибѣгалъ съ подкрѣпительной утренней пищей,
Мнѣ возвѣщая, что войско ахеянъ щатры покидало,
Снова съ троянами въ битву готовое выйти; а нынѣ
Здѣсь ты лежишь бездыханный! Не можетъ мое услаждаться
Сердце ни пищей, ни сладкимъ виномъ безъ тебя. Я толь сильнымъ
Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышавъ о смерти Пелея,
Льющаго слезы во Фтіи своей обо мнѣ, отдаленномъ,
Бьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены презрѣнной,
Ни же печальную вѣсть получивши о сынѣ, въ Скиросѣ
Мнѣ расцвѣтающемъ, богоподобномъ Неоптолемѣ,
Если онъ живъ!—Я донынѣ всегда упованіемъ тайнымъ
Сердце свое утѣшалъ, что погибну одинъ, разлученный
Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ троянской землѣ, что, въ предѣлы
Фтіи родной возвратяся, ты самъ въ кораблахъ бѣлокрылыхъ
Сына въ Скиросѣ возьмешь и ему покажешь въ отчизнѣ
Всѣ богатства мои, рабовъ и царевы чертоги.
Чувствовалъ я, что тогда ужъ Пелей иль въ землѣ, бездыханный,
Будетъ лежать, иль, можетъ-быть, грустно свой вѣкъ доживая,
Будетъ согбенъ отъ печали и лѣтъ, все боясь, что отъ Трои
Вѣстникъ придетъ и скажетъ ему: Ахиллеса не стало“.
Такъ говорилъ онъ и плакалъ. Сидѣвшіе съ нимъ воздыхали,
Каждый о томъ помышляя, что̀ въ домѣ далекомъ оставилъ.
Взоръ сострадательный съ неба Зевесъ на печальныхъ склонивши,
Быстро къ богинѣ Палладѣ крылатую рѣчь обращаетъ:
„Или, Паллада, покинутъ тобой Ахиллесъ благородный?
Видишь, какъ онъ на брегу у своихъ кораблей черногрудыхъ,
Плача о мертвомъ Патроклѣ, сидитъ одинокій. Другіе
Утренней пищей себя подкрѣпляютъ; но онъ не пріемлетъ
Пищи. Лети жъ и во грудь Ахиллесу амврозіи сладкой
Съ нектаромъ влей, чтобъ отъ голода силъ онъ своихъ не утратилъ“.
Такъ Зевесъ говорилъ, упреждая желанье Аѳины.
Быстро она—какъ орелъ съ необъятными крыльями, съ звонкимъ
Крикомъ—къ шатрамъ полетѣла съ небесъ. Ужъ ахейцы толпились,
Въ бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амврозіи сладкой
Съ нектаромъ тайно Аѳина влила, чтобъ отъ голода силы
Онъ не утратилъ, и снова потомъ возвратилась въ обитель
Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая.
Словно какъ частый, клоками сыплющій снѣгъ, уносимый
Сѣвернымъ, быстро эѳиръ проясняющимъ вѣтромъ, изъ ставокъ
Сыпались шлемы безчисленны, рой за сверкающимъ роемъ,
Крутосогбенныя латы, изъ ясеня твердаго копья,
Съ острою бляхой щиты; до небесъ восходило сіянье;
Въ блескѣ оружій смѣялась земля; подъ ногами бѣгущихъ
Берегъ гремѣлъ. Посреди ихъ броней Ахиллесъ облекался.
Зубы его скрежетали, и очи, какъ быстрое пламя,
Рдѣли, сверкая; но сердце его нестерпимой печалью
Было наполнено. Злобой кипя, на троянъ разъяренный,

Взялъ онъ доспѣхи, чудесное бога Ифеста созданье;
Голени въ свѣтлыя гладкія поножи прежде облекши,
Каждую пряжкой серебряной туго стянулъ онъ; огромнымъ
Панцыремъ мощную грудь обложилъ; на плечо драгоцѣнный
Мечъ съ рукоятью серебряной, съ лезвеемъ мѣднымъ повѣсилъ.
Послѣ надѣлъ необъятный, тяжкій, блескомъ подобный
Полному мѣсяцу щитъ: какъ далекій маякъ мореходцамъ
Свѣтитъ во мглѣ, пламенѣя одинъ на вершинѣ утеса—
Буря же вдаль отъ друзей ихъ несетъ по шумящему морю—
Такъ лучезарно свѣтился божественный щитъ Ахиллесовъ,
Чудо искусства. Потомъ на главу онъ надвинулъ тяжелый
Гривистый шлемъ: онъ сіялъ какъ звѣзда, и густымъ златовласымъ
Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ воздымавшійся гребень.
Броней одѣянный, силу свою Ахиллесъ испытуетъ:
Двигался въ ней онъ свободно, и члены обнявшая броня
Легче казалася крылъ и какъ-будто его подымала.
Тутъ онъ отцово копье изъ ковчега прекраснаго вынулъ,
Тяжкоогромное—въ сонмѣ ахеянъ его ни единый
Двинуть не могъ, но легко имъ играла рука Ахиллеса:
Ясень могучій съ гордой главы Пеліона срубивши,
Создалъ Хиронъ то копье для Пелея, врагамъ на погибель.
Автомедонъ и Алкимъ на коней возложили поспѣшно
Свѣтлую сбрую и удила силой втѣснили имъ въ зубы;
Туго потомъ натянувши бразды, впереди колесницы
Ихъ укрѣпили. Автомедонъ въ колесницу съ блестящимъ
Прянулъ бичомъ. Ахиллесъ, изготовясь въ кровавую битву,
Сталъ позади, какъ Геліосъ, дивной бронею сіяя.
Тутъ громогласно къ Пелеевымъ бодрымъ конямъ онъ воскликнулъ:
„Ксанѳъ и Валій, славныя дѣти Подарги; вѣрнѣе,
Добрые кони, вы нынѣ правителю вашему будьте;
Сытаго боемъ его къ кораблямъ возвратите; не мертвымъ
Въ полѣ оставьте, подобно Патроклу“. На то легконогій,
Дышащій пламенемъ, Ксанѳъ отвѣчалъ, до копытъ наклонивши
Гордую голову—пышная грива упала на землю;
Ира лилейной рукой разрѣшила языкъ—онъ промолвилъ:
„Такъ, мы живого еще тебя принесемъ, сынъ Пелеевъ;
Но предназначенный день твой ужъ близко. Не нашей
Волей, но силою бога и строгой судьбы то свершилось;
Нѣтъ, не мы замедленьемъ своимъ и безвременной лѣнью
Дали троянамъ похитить Патроклову крѣпкую броню;
Сынъ густовласыя Литы, богъ неизбѣжный постигнулъ
Въ битвѣ его, Гектора честью побѣды украсилъ.
Пусть на бѣгу мы полетъ опреждаемъ Зефира, изъ легкихъ
Вѣтровъ легчайшаго вѣяньемъ крылъ благовонныхъ—но вѣдай:
Ты отъ могучаго бога и смертнаго мужа погибнешь“.
Онъ сказалъ и языкъ обезмолвила сила Эринній.
Сумраченъ ликомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Ксанѳъ, для чего безполезно мнѣ смерть прорицаешь? И самъ я
Знаю, что мнѣ далеко отъ отца и отъ матери должно
Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все не престану
Биться и мучить троянъ ненасытною битвой“.
Звучно онъ крикнулъ и съ топотомъ громкимъ помчалися кони;
Слѣдомъ за нимъ изъ градъ побѣжали ахейцы. Трояне
Ждали ихъ въ полѣ, густыми толпами построясь на холмѣ.
Вѣчный Зевесъ съ многоглавой вершины Олимпа Ѳемиду
Всѣхъ боговъ пригласить на совѣтъ посылаетъ. Богиня
Имъ повелѣла собраться въ обителяхъ неба. Предстали
Всѣ и самые боги потоковъ, и въ тѣнистыхъ рощахъ,
Въ темныхъ долинахъ, въ источникахъ тайныхъ живущія нимфы;
Древній одинъ Океанъ не явился. Въ чертогахъ, Ифестомъ
Созданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по волѣ Зевеса, на тронахъ

Боги сидѣли кругомъ громовержца. Призванью Ѳемиды
Самъ Посидонъ покорился. Онъ вышелъ изъ водъ и съ другими
Сѣлъ на совѣтъ. Наконецъ, вопросилъ онъ владыку Зевеса:
„Богъ громоносный, зачѣмъ ты призвалъ насъ въ чертоги Олимпа?
Или рѣшить замышляешь ты участь троянъ и ахеянъ,
Вышедшихъ въ поле и снова исполненныхъ яростью битвы?“
Въ тучахъ гремящій, Зевесъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:
„Богъ, колебатель земли, ты мои помышленія знаешь,
Знаешь о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ умъ мой печется.
Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей Олимпа,
Зрѣлищемъ боя себя услаждая. Но вамъ позволяю
Къ вóйскамъ троянъ и ахеянъ итти и можете помощь
Той сторонѣ подавать, на которую склонитъ васъ сердце.
Если одинъ Ахиллесъ нападетъ на троянъ — ни мгновенья
Въ полѣ они не подержатся противъ Пелидовой силы;
Трепетъ ихъ всѣхъ поразитъ при единомъ его появленьи.
Нынѣ жъ, когда онъ такъ сильно разгнѣванъ погибелью друга,
Я страшусь, чтобъ, судьбѣ вопреки, не разрушилъ и Трои“.
Такъ Зевесъ говорилъ, и вспылали безсмертные боемъ.
Съ неба они, раздѣлясь, ко враждующимъ ратямъ слетѣли.
Мощная Ира пошла къ кораблямъ съ Палладой Аѳиной;
Съ ней Посидонъ, облегающій землю, и Эрмій, обильный
Кознями, щедрый податель богатства, и медленнотяжкій,
Пламеннокій Ифестъ, чрезъ силу влекущій хромую
Ногу. Но шлемомъ блестящій Арей обратился къ троянамъ,
Съ нимъ полнокудрый Фебъ и мѣткостью стрѣлъ Артемида
Гордая, Лита и Ксанѳъ, и Киприда съ улыбкой привѣтной.
Были надменны ахейцы, пока не вмѣшалися боги
Въ бой — Ахиллесъ появленьемъ своимъ, по долгомъ покоѣ,
Ихъ ободрилъ; а трояне, при видѣ Пелеева сына,
Блескомъ брони Арею подобнаго, всѣ трепетали.
Но лишь только сошли Олимпійцы къ смертнымъ, Эриннисъ
Страшно свирѣпствовать вдругъ начала. То стоя на валѣ,
Подлѣ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго моря
Гласомъ могучимъ Аѳина кричала. И черной подобенъ
Бурѣ, Арей завывалъ, то съ горней вершины Пергама
Клича троянъ, то бѣгая взадъ и впередъ у высокой
Калликолоны, внѣ стѣнъ, не вдали Симоисова брега.
Такъ Олимпійскіе боги рать на рать возбуждали.
Скоро вездѣ запылалъ разрушительный бой истребленья.
Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ людей и безсмертныхъ
Съ неба; внизу колебалъ Посидонъ необъятную землю;
Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды,
Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало.
Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоней возмутился;
Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и крикнулъ, страшася, чтобъ свыше
Твердой земли не пронзилъ Посидонъ сокрушитель, чтобъ оку
Смертныхъ людей и боговъ неприступный Аидъ не открылся,
Страшный, мглистый, пустой, и безсмертнымъ самимъ ненавистный.

(1828 г.).

II.

(отрывки, переведенные въ 1849—1851 г.)

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій ахеянамъ много великихъ
Бѣдствій и воиновъ многихъ безстрашныя души низведшій
Въ область Аида, ихъ трупы оставя на пищу окружнымъ
Птицамъ и псамъ. Такъ свершалася воля Кроніона Зевса —
Съ тѣхъ поръ, какъ сильной враждою разрознены были владыки:
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ богоравный.

Кто изъ безсмертныхъ зажегъ въ ихъ груди толь свирѣпую злобу?

Фебъ, сынъ Латоны и Зевса, Атридомъ прогнѣванный, язву
Онъ ниспослалъ на ахейскую рать, и безчисленно гибли
Люди, понеже былъ жрецъ Аполлоновъ Хрисесъ недостойно
Сыномъ Атрея обиженъ. Чтобъ выручить дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крѣпкозданнымъ.
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши,
Всѣхъ обходилъ онъ ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ вождями:
— Вы, Атриды, и вы, броненосцы ахеяне, сила
Вѣчныхъ боговъ Олимпійскихъ да вамъ ниспровергнуть поможетъ
Городъ Пріамовъ и путь вамъ успѣшный устроить въ отчизну.
Вы же отдайте мнѣ дочь, за нее многоцѣнный принявши
Выкупъ и сына Зевесова чтя, стрѣлоноснаго Феба.—

Такъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отвергъ онъ и такъ, раздраженный, промолвилъ:

„Если, докучный старикъ, отъ моихъ кораблей крѣпкозданныхъ
Ты не уйдешь во мгновенье иль снова дерзнешь подойти къ нимъ,
Жезлъ твой и лавръ Аполлоновъ тебя отъ бѣды не избавятъ.
Дочь же твоя изъ неволи не выйдетъ; до старости поздней
Въ домѣ моемъ, въ отдаленномъ Аргосѣ, съ домашними розно,
Будетъ работать она и моею наложницей будетъ.
Но удались и меня не гнѣви: иль домой ты отсюда
Цѣлъ не пойдешь“. Такъ сказалъ онъ; испуганный жрецъ удалился.
Берегомъ моря широкошумящаго молча пошелъ онъ;
Сталъ вдалекѣ отъ судовъ, сокрушенный, и началъ молиться
Фебу царю, свѣтлокудрой Латоной рожденному богу:

—Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Киллы
Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Если тебѣ я когда угодилъ, изукрасивъ священный
Храмъ твой, и жирныя козъ и быковъ предъ тобою сожегши
Бедра, мое благосклонно услышь и исполни моленье:
Слезы мои отомсти на данаяхъ твоими стрѣлами.—

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
Гнѣвный, поспѣшно сошелъ Аполлонъ съ высоты Олимпійской,
Тулъ затворённый и лукъ за спиною неся; и ужасно
Стрѣлы гремѣли, стуча о плеча раздраженнаго бога
Въ грозномъ его приближеньи; какъ черная ночь, подходилъ онъ.
Сѣвъ на виду кораблей, онъ пустилъ неизбѣжныя стрѣлы;
Страшно серебряный лукъ зазвучалъ, разогнувшись. Сначала
Въ муловъ и вольнобродящихъ собакъ онъ стрѣлялъ, напослѣдокъ
Горькія стрѣлы свои обращать и на ратныхъ данаевъ
Началъ: всечасно безчисленныхъ труповъ костры пламенѣли.
Девять ужъ дней облетала погибель весь станъ, на десятый
Созвалъ Пелидъ Ахиллесъ на собранье все войско ахеянъ.
Мысли его обратила на то свѣтлорукая Ира:
Въ страхѣ богиня была, погибающихъ видя аргивянъ.
Всѣ собралися они, и собраніе сдѣлалось полнымъ;
Первый, поднявшися, такъ имъ сказалъ Ахиллесъ быстроногій:

Видно, Атридъ, намъ придется опять, избраздивши все море,
Въ домы свои возвратиться, ежели только удастся
Смерти кому избѣжать; насъ война и чума совокупно
Губятъ: спросить надлежитъ намъ пророка, жреца, иль какого
Сновъ изъяснителя—сны равномѣрно приходятъ отъ Зевса—
Пусть истолкуетъ онъ, чѣмъ Аполлонъ такъ ужасно прогнѣванъ?
Былъ ли обѣтъ не исполненъ? Принесть ли ему экатомбу
Медлимъ? Иль жертвенный запахъ отборныхъ козловъ и барановъ
Долженъ его усладить, чтобъ отъ насъ отклонилась зараза?

Кончивъ, онъ сѣлъ. И тогда поднялся птицевѣдатель зоркій,

Старецъ Кальхасъ Ѳесторидъ, изъ вѣщателей самый премудрый:
Вѣдалъ онъ все настоящее; вѣдалъ, что было, что будетъ;
Даръ звѣздознанья пріявъ отъ безсмертнаго сына Латоны,
Онъ управлялъ и судами данаевъ, плывущими въ Трою.
Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ Ахиллесу:

— Вѣдать желаешь, Пелидъ, многославный любимецъ Зевеса,
Чѣмъ раздраженъ далекóпоражающій Фебъ Олимпіецъ:
Истину всю вамъ открою—но ты, Ахиллесъ, поклянися
Мнѣ, что и словомъ и дѣломъ меня защитишь, поелику
Думаю я, что моимъ оскорбится пророческимъ словомъ,
Мужъ, обладатель Аргоса и всѣхъ повелитель ахеянъ.
Сильнаго страшно царя человѣку простому прогнѣвать:
Если сперва и воздержитъ онъ гнѣвъ свой, то памятнымъ сердцемъ
Будетъ досадовать тайно, покуда себя не насытитъ
Мщеньемъ. Размысли же, можешь ли ты даровать мнѣ защиту?—

Вѣщему старцу отвѣтствовалъ такъ Ахиллесъ быстроногій:
— Смѣло открой намъ тебѣ откровенную волю безсмертныхъ;
Я жъ Аполлономъ, любимцемъ Зевеса (ему же, Кальхасъ, ты
Молишься, волю боговъ возвѣщая данаямъ), клянуся
Здѣсь, что покуда живу и сіяніемъ дня утѣшаюсь,
Руку поднять на тебя не дерзнетъ ни одинъ изъ данаевъ
Близъ кораблей крѣпкозданныхъ; хотя бы и самъ Агамемнонъ,
Между ахейцами первымъ слывущій, былъ названъ тобою.—
Тутъ, ободрённый, сказалъ Ахиллесу Кальхасъ прорицатель:
— Богъ раздраженъ не забвеньемъ обѣта, не ждетъ экатомбы;
Онъ за жреца, Агамемнономъ здѣсь оскорбленнаго, гнѣвенъ;
Гнѣвенъ за то, что не выдали дочери старцу, что выкупъ отвергнутъ;
Вотъ что на насъ навлекло всѣ бѣды и еще навлечетъ ихъ
Много. И Фебъ далекóпоражающихъ рукъ не опуститъ
Прежде, покуда отцу свѣтлоокую дѣву безъ всякой
Платы, безъ выкупа выдавъ, святой не пошлемъ экатомбы
Въ Хрису: инáче ничто не смиритъ раздраженнаго Феба.—

Такъ говорилъ онъ; и быстро поднялся пространнодержавный
Пастырь народовъ Атридъ, повелитель царей, Агамемнонъ,
Гнѣвомъ проникнутый; сердце его преисполнено было
Черною злобой, и очи какъ яркое пламя горѣли.
Грозно взглянувъ на Кальхаса, воскликнулъ Атридъ Агамемнонъ:

— О зловѣщатель! ты добраго мнѣ никогда не пророчилъ;
Сердце твое лишь напасти предсказывать любитъ; ни разу
Словомъ и дѣломъ благимъ отъ тебя я порадованъ не былъ.
Нынѣ въ собраньи ахейскихъ вождей утверждать ты дерзаешь,
Будто за то насъ казнитъ Аполлонъ стрѣлоносецъ, что мною
Былъ отъ отца Хрисеиды, невольницы плѣнной, не принятъ
Выкупъ; но я несказанно желаю прекрасную дѣву
Въ домъ свой увезть: мнѣ она и самой Клитемнестры супруги
Стала милѣе, понеже ее превосходитъ высокимъ
Станомъ, лица красотой, и умомъ, и искусствомъ въ работѣ.
Но и ее уступить я согласенъ, когда ужъ такъ должно—
Лучше конечно мнѣ видѣть спасенье, чѣмъ гибель народа.
Только отъ васъ за убытокъ я долженъ имѣть воздаянье.
Мнѣ ль одному безъ возмездія быть? Неприлично, то всѣ вы
Видите сами, что даръ мой почетный былъ мною утраченъ.—
Тутъ, возражая, сказалъ Ахиллесъ богоравный Атриду:
— Ты, многосильный Атридъ, ненасытный копитель корыстей,
Какъ же ты требовать можешь подарка себѣ отъ данаевъ?
Развѣ имѣютъ въ запасѣ какое богатство данаи?
Наши добычи изъ всѣхъ городовъ мы давно раздѣлили;
Должно ли все раздѣленное вновь собирать, чтобъ дѣлиться

Снова? Отдай ты теперь Хрисеиду, покорствуя богу;
Втрое и вчетверо будетъ тебѣ воздаянье, когда намъ
Градъ Иліонъ крѣпкостѣнный Кроніонъ разрушить позволитъ.—

Царь Агамемнонъ, отвѣтствуя, такъ возразилъ Ахиллесу:
— Сколь ты ни силенъ, Пелидъ богоравный, но мыслишь напрасно
Сердце мое обольстить; вамъ меня провести не удастся.
Или ты думаешь, самъ награжденный богато, что буду
Я терпѣливо сидѣть безъ награды, твоей покорившись
Волѣ? Пускай за утрату мою отдадутъ мнѣ данаи
То, что по мысли моей и достоинства равнаго будетъ.
Или же, если откажутъ данаи, своею рукою
Я иль твое, иль Аяксово, или на часть Одиссею
Данное взять къ вамъ приду, не заботясь о вашей досадѣ.
Но объ этомъ и послѣ есть время подумать, теперь же
Черный корабль на священное море немедленно спустимъ,
Выберемъ сильныхъ гребцовъ и, корабль нагрузивъ экатомбой,
Въ немъ Хрисеиду, прекрасную, свѣтлокудрявую дѣву,
Съ миромъ отпустимъ къ отцу—корабля жъ предводителемъ будетъ
Идоменей, иль Аяксъ, иль герой Одиссей богоравный;
Или ты самъ Ахиллесъ, межъ ахеянъ ужаснѣйшій, бога,
Злыхъ посылателя стрѣлъ, поспѣши усмирить экатомбой.—

Мрачно взглянувъ на Атрида, сказалъ Ахиллесъ быстроногій:
— Ты, облеченный въ безстыдство, копитель богатствъ ненасытный,
Кто изъ ахеянъ исполнить твое повелѣнье захочетъ,
Если пошлешь иль въ сраженье, иль въ трудный походъ за добычей?
Я же сюда съ кораблями пришелъ не троянъ копьеносныхъ
Въ битвѣ губить: мнѣ отъ нихъ никакой не бывало обиды;
Не были ими ни кони мои, ни быки своевольно
Схвачены, также они и полей многоплодообильной
Фтіи моей не топтали: покрытыя тѣнистымъ лѣсомъ
Горы и море пространно-шумящее насъ разлучаютъ.
Здѣсь для тебя мы, чтобъ ты веселился, безстыдный, чтобъ брату
Честь возвратилъ и чтобъ Трою, собачьи глаза, ниспровергнулъ,
Мстя за свое оскорбленье: но ты и не мыслишь объ этомъ;
Нынѣ жъ и взять у меня мой участокъ добычи грозишься,
Стоившій мнѣ несказанныхъ трудовъ, мнѣ ахейцами данный.
Здѣсь не бывало такихъ какъ твои мнѣ участковъ, когда намъ
Городъ какой многолюдный троянскій разрушить случалось.
Бремя тревогъ утомительно-шумнаго боя лежало
Все на плечахъ у меня, при раздѣлѣ жъ богатой добычи
Лучшая часть доставалась тебѣ, и довольствуясь малымъ,
Я къ кораблямъ возвращался, трудомъ боевымъ изнурённый.
Нѣтъ, мнѣ пора возвратиться въ мою плодоносную Фтію;
Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же
Здѣсь, оскорбивши меня, ни добычъ, ни богатства не скопишь.—

Пастырь народовъ Атридъ, возражая, сказалъ Ахиллесу:
— Хочешь бѣжать ты—бѣги! Умолять ужъ, конечно, не буду
Я, чтобъ остался ты здѣсь для меня; здѣсь найдется довольно
Бодрыхъ вождей для добытія славы; за насъ и Кроніонъ.
Ты изъ питомцевъ Зевеса царей для меня ненавистнѣй
Всѣхъ; ты всегдашній заводчикъ раздоровъ, смятеній и брани.
Правда, ты и силенъ; но сила даруется намъ безъ заслуги
Небомъ. Веди же въ отчизну свои корабли и дружины,
Властвуй спокойно своей плодоносною Фтіей; ты здѣсь мнѣ
Вовсе не нуженъ; о гнѣвѣ твоемъ не забочусь; напротивъ,
Слушай: когда ужъ беретъ у меня Аполлонъ Хрисеиду,
Въ собственномъ я кораблѣ и съ своими людьми не замедлю
Дѣву послать; но зато изъ шатра твоего Брисеиду,
Даръ твой почетный, своею рукою исторгну, чтобъ зналъ ты,
Сколь я сильнѣе тебя, чтобъ впередъ и другіе страшились

Дерзостно мнѣ возражать и со мною надменно равняться.—
Такъ онъ сказалъ. Закипѣло въ косматой груди Ахиллеса
Сердце; межъ двухъ волновался онъ, сильно озлобленный, мыслей:
Острый ли мечъ отъ бедра отхвативъ, сквозь данаевъ прорваться
Прямо къ Атриду и разомъ его умертвить; иль кипучій
Гнѣвъ успокоить и руку свою воздержать отъ убійства.
Тою порой какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
Выхвативъ мечъ изъ ноженъ вполовину, великій, слетѣла
Съ неба Аѳина Паллада—ее свѣтлорукая Ира,
Сердцемъ обоихъ любя, за обоихъ тревожась, послала;
Ставъ позади Ахиллеса, его за густыя схватила
Кудри богиня, ему лишь открывшись, незримая прочимъ.
Очи назадъ обратилъ, изумясь, Ахиллесъ; онъ Аѳину
Разомъ узналъ, устрашенный ея пламенѣющимъ окомъ.
Къ ней обратился лицомъ онъ и бросилъ крылатое слово:
— Дочь потрясателя грозной эгиды, зачѣмъ ты, богиня,
Здѣсь? Любоваться ль пришла самовластнымъ нахальствомъ Атрида?
Я же тебѣ говорю, и тому неминуемо сбыться:
Жизнію онъ за свою безразсудную гордость заплатитъ.—

Такъ отвѣчала Аѳина, богиня лазурныя-очи:
— Гнѣвъ успокоить твой, если покоренъ мнѣ будешь, сошла я
Съ неба—меня свѣтлорукая Ира, тебя и Атрида
Сердцемъ любя, за обоихъ васъ сердцемъ тревожась, послала.
Вдвинь же убійственный мечъ свой въ ножны и спокойся; словами
Можешь съ нимъ ратовать, сколько душа пожелаетъ. Тебѣ же
Я предскажу, и мое предсказанье исполнится вѣрно:
Нѣкогда втрое богатою платой твое оскорбленье
Гордый загладитъ; теперь усмирися и будь намъ покоренъ.—
Такъ, отвѣчая, богинѣ сказалъ Ахиллесъ быстроногій:
— Слово, богиня, уважить твое, безъ сомнѣнія, должно,
Сколь бы ни злилась душа; то будетъ, конечно, полезнѣй;
Смертный, покорный богамъ, завсегда и богами внимаемъ.—
Тутъ, къ рукояти серебряной крѣпкую руку притиснувъ,
Мечъ свой великій въ ножны онъ, покорствуя слову богини,
Вдвинулъ. Она же на свѣтлый Олимпъ улетѣла, въ жилище
Зевса эгидодержавца, въ собраніе прочихъ безсмертныхъ.

Снова Пелидъ обратился съ ругательной рѣчью къ Атриду.
Такъ онъ ему говорилъ, преисполненный яростнымъ гнѣвомъ:—
Пьяница, сердце оленье, собачьи глаза, никогда ты,
Въ панцырь облекшися, воинства въ бой не водилъ, ни однажды,
Съ первыми вмѣстѣ вождями въ засаду засѣвъ, не рѣшился
Выждать врага—ты въ сраженьи лишь смерть неизбѣжную видѣлъ.
Легче, конечно, бродя по широкому стану ахеянъ,
Силой добычи у тѣхъ отымать, кто тебѣ прекословитъ;
Царь душегубецъ, ты, видно, не смѣлыхъ людей повелитель;
Иначе, думаю, нынѣ въ послѣдній бы разъ такъ обидно
Здѣсь говорилъ. Но послушай меня: я священнымъ клянуся
Этимъ жезломъ, и столь вѣрно, какъ то, что ни листьевъ, ни вѣтвей
Онъ ужъ не пуститъ, покинувъ, отрубленный, гору, и вѣчно
Зеленъ не будетъ—теперь отъ коры и листовъ онъ очищенъ
Острою мѣдью; его скиптроносцы владыки ахеянъ,
Правды блюстители, держатъ въ рукахъ, на землѣ сохраняя
Зевсовъ порядокъ. И нынѣ моей онъ великою клятвой
Будетъ. Наступитъ пора: Ахиллеса ахеяне станутъ
Всѣ призывать. И не будешь ты имъ, сколь ни сѣтуй, защитой
Противъ людей истребителя Гектора, ихъ безпощадно
Въ боѣ толпами губящаго; сердце свое лишь измучишь,
Поздно раскаясь, что лучшаго между ахеянъ обидѣлъ.—

Такъ онъ сказалъ и свой жезлъ, золотыми гвоздями обитый,
Бросивъ на землю, нахмуренный, сѣлъ. Агамемнонъ

Гнѣвно словами его оскорблять продолжалъ. Тутъ поднялся
Звонкоголосный, привѣтнорѣчивый витязь пилійскій,
Несторъ, котораго рѣчи лилися какъ медъ благовонный
Съ сладостныхъ устъ; два колѣна людей говорящихъ, съ нимъ вмѣстѣ
Жившія, кончили жизнь и исчезли; во градѣ священномъ
Пилосѣ царствовалъ онъ ужъ надъ третьимъ людей поколѣньемъ.
Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ предъ собраньемъ:
— Горе намъ! злая печаль всю ахейскую землю обыметъ.
Будутъ Пріамъ и Пріамовы всѣ сыновья и трояне
Въ сердцѣ своемъ ликовать несказанно, когда къ нимъ достигнетъ
Слухъ о раздорѣ, смутившемъ вождей знаменитѣйшихъ нашихъ,
Первыхъ межъ нами и мудрыхъ совѣтомъ и мужествомъ въ битвѣ.
Дайте, о дайте мнѣ васъ образумить! меня вы моложе
Оба: я съ лучшими, нежели вы, современно на свѣтѣ
Жилъ и знавался, и не былъ отъ нихъ за ничто принимаемъ.
Я ужъ не вижу теперь, не увижу и послѣ, подобныхъ
Славнымъ любимцамъ боговъ, Пириѳою, Дріасу, Кенею,
Или Эксадію, или владыкѣ людей Полифему,
Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:
Силою съ ними, конечно, никто на землѣ не равнялся;
Сами сильнѣйшіе, въ бой и сильнѣйшихъ они вызывали;
Страшныхъ кентавровъ они на горахъ истребили. Въ то время
Я ихъ товарищемъ былъ, къ нимъ пришелъ изъ далекаго града
Пилоса, призванный ими самими, и подвиговъ много,
Ратуя вмѣстѣ, тогда мы свершили; никто бъ изъ живущихъ
Нынѣ людей земнородныхъ не въ силахъ былъ съ ними бороться.
Но и они мой цѣнили совѣтъ, моему покорялись
Слову. И вы покоритесь ему. Намъ покорность полезна.
Плѣнницы ты у него не бери, Агамемнонъ; ты властенъ
Взять, но ее получилъ онъ отъ рати ахейской въ почетный
Даръ; а тебѣ, благородный Пелидъ, неприлично такъ спорить
Дерзко съ царемъ—ни одинъ на землѣ изъ царей скиптроносныхъ,
Зевсомъ прославленныхъ, не былъ подобною честью украшенъ.
Если, рожденный богиней, ты въ даръ получилъ при рожденьи
Болѣе мужества,—выше онъ властью, онъ царь надъ царями.
Ты же, Атридъ, успокойся, и къ просьбѣ моей благосклонно
Слухъ преклони, не враждуй съ Ахиллесомъ: ахеянамъ твердой
Онъ обороною служитъ въ пылу истребительной брани.—

Нестору такъ, возражая, отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
— Старецъ! ты правду сказалъ, и разуменъ совѣтъ твой; но этотъ
Гордый всегда передъ всѣми себя одного выставляетъ,
Всѣми господствуетъ, всѣмъ управляетъ какъ царь самовластный,
Хочетъ для всѣхъ быть закономъ, который никѣмъ здѣсь не признанъ.
Если искусно владѣть онъ копьемъ наученъ отъ безсмертныхъ,
Въ правѣ ль за то раздражать здѣсь людей оскорбительнымъ словомъ?—

Рѣчь перебивши его, отвѣчалъ Ахиллесъ богоравный:
—Жалкимъ, достойнымъ презрѣнія трусомъ пусть буду я признанъ,
Если во всемъ, что замыслишь ты, буду тебѣ покоряться.
Властвуй другими и все имъ предписывай, я же
Власти твоей признавать не хочу и тебѣ не поддамся:
Слушай однако и въ сердце свое запиши, что услышишь.
Противъ тебя и другихъ за невольницу рукъ подымать я
Вовсе не думаю; данное вами возьмите обратно;
Но до того, что мое на моихъ корабляхъ крѣпкосозданныхъ,
Я ни тебѣ, ни твоимъ ве дозволю дотронуться. Если жъ
Хочешь, отвѣдай—тогда всѣ ахейцы увидятъ, какъ черной
Кровью твоею мое боевое копье обольется.—

Тутъ, разъяренные оба, ругательный бой прекративши,
Встали и собранныхъ всѣхъ къ кораблямъ распустили ахеянъ.
Къ чернымъ своимъ кораблямъ Ахиллесъ возвратился съ Патрокломъ,
Сыномъ Менетія, съ нимъ и другіе друзья мирмидоны.

Тою порою корабль на соленую влагу, избравши
Двадцать гребцовъ, повелѣлъ Агамемнонъ спустить съ экатомбой,
Фебу назначенной; самъ Хрисеиду прекрасно-младую
Взвелъ на корабль, и его Одиссею премудрому ввѣрилъ.
Всѣ собрались мореходцы и въ путь устремилися влажный.
Тутъ повелѣлъ очищаться ахеянамъ царь Агамемнонъ;
Разомъ омывшись, они все нечистое бросили въ море.
Послѣ жъ, дабы усмирить Аполлона, сожгли экатомбу
Козъ и быковъ на брегу непріютно-безплодной пучины.
Съ облакомъ дыма взошло къ небесамъ благовоніе жертвы.

Такъ очищалася рать. Той порою Атридъ Агамемнонъ,
Все, чѣмъ грозилъ Ахиллесу, спѣша совершить, Эврибата
Вмѣстѣ съ Талѳибіемъ, царскихъ глашатаевъ, призвалъ.
Были проворные слуги они; имъ сказалъ Агамемнонъ:
—Оба идите въ шатеръ Ахиллеса Пелеева сына;
За руку взявъ Брисеиду, ко мнѣ возвратитесь съ прекрасной
Дѣвой; а если ее не захочетъ онъ выдать, за нею
Самъ я съ другими приду, и тогда огорченье сильнѣе
Будетъ ему.—Такъ сказавъ, ихъ послалъ онъ съ грозящимъ къ Пелиду
Словомъ. Пошедъ неохотно ко брегу безплоднаго моря,
Скоро они къ кораблямъ и шатрамъ мирмидонскимъ достигли.
Близъ корабля и шатра своего Ахиллесъ богоравный
Мрачный сидѣлъ; и нерадостно было ему ихъ явленье.
Полные страха глашатаи въ смутномъ молчаньи
Оба стояли, къ нему обратить не дерзая вопроса.
Онъ же, ихъ робкимъ смятеньемъ растроганный, кротко сказалъ имъ:
—Милости просимъ, глашатаи, воли людей и безсмертныхъ
Вѣстники; смѣло приближьтесь; виновны не вы—Агамемнонъ,
Взять у меня Брисеиду сюда васъ приславшій, виновенъ.
Другъ, благородный Патроклъ, приведи Брисеиду и выдай
Имъ; пусть за ними послѣдуетъ! Я же въ свидѣтели нынѣ
Васъ предъ судомъ и блаженныхъ боговъ и людей земнородныхъ,
Такъ же равно и предъ нимъ, необузданнымъ, здѣсь призываю:
Если случится, что снова въ бѣдѣ я ахеянамъ буду
Нуженъ... Безумный! онъ самъ на себя и другихъ накликаетъ
Злую бѣду, ни назадъ ни впередъ не глядя, и ахеянъ,
Бьющихся близъ кораблей крѣпкосозданныхъ, защиты лишая.—

Такъ говорилъ онъ. Патроклъ благородный, покорствуя другу,
Вывелъ Брисееву дочь изъ шатра и глашатаямъ выдалъ
Милую дѣву. И съ нею къ ахейскимъ шатрамъ возвратились
Оба. За ними жъ она съ отвращеньемъ пошла. И заплакавъ,
Сѣлъ Ахиллесъ одиноко, вдали отъ друзей, на пустынномъ
Берегѣ моря сѣдого. Смотря на свинцовыя волны,
Руки онъ поднялъ и, милую мать призывая, воскликнулъ:

—Милая мать, на недолгую жизнь я рожденъ былъ тобою.
Славу за то даровать обѣщалъ мнѣ высокогремящій
Зевсъ Олимпіецъ. Но что жъ даровалъ онъ? Какая мнѣ слава?
Царь Агамемнонъ владыка народовъ меня обезчестилъ,
Взялъ достоянье мое и теперь имъ безстыдно владѣетъ.—
Такъ говорилъ онъ въ слезахъ, и услышала жалобы сына
Мать въ глубинѣ неиспытанной моря, въ жилищѣ Нерея.
Легкимъ туманомъ съ пучины сѣдой поднялась богиня:
Къ сыну, ліющему горькія слезы, приближась, съ нимъ рядомъ
Сѣла она и сказала ему, потрепавши рукою
Щеки:—О чемъ же ты плачешь, дитя? Что твою сокрушаетъ
Душу? Скажи, не скрывайся, со мной подѣлися печалью.—

Такъ ей, вздохнувъ глубоко, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
—Вѣдаешь все ты сама; мнѣ не нужно разсказывать. Въ Ѳивы,
Градъ Этеоновъ священный, ходили мы сильной дружиной;
Градъ истребивъ, мы сюда воротились съ великой добычей;

Все раздѣлили, какъ слѣдуетъ, между собою ахейцы;
Сыну Атрееву даромъ почетнымъ была Хрисеида,
Дочь молодая Хрисеса жреца Аполлонова. Тяжкимъ
Горемъ крушимый, чтобъ выручить милую дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крѣпкозданнымъ;
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши,
Всѣхъ обходилъ онъ ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ вождями,
Всѣхъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отвергъ онъ, жестокое слово промолвивъ.
Жрецъ удалился разгнѣванный; Фебъ издалека разящій,
Жалобный голосъ имъ многолюбимаго старца услышалъ;
Злую стрѣлу истребленья послалъ онъ, и начали гибнуть
Люди; и смерть разнося по широкому стану ахеянъ,
Фебовы стрѣлы ужасно летали. Тогда прорицатель,
Вѣдатель воли далекоразящаго бога, открылъ намъ
Гнѣва причину; и первый я подалъ совѣтъ примириться
Съ Фебомъ. Атридъ раздражился; стремительно вставъ, онъ грозилъ мнѣ
Яростнымъ словомъ: и нынѣ его совершилась угроза.
Въ Хрису на быстромъ везутъ кораблѣ Хрисеиду, младую
Дѣву, ахейцы съ дарами царю Аполлону. И были
Присланы два ужъ глашатая въ царскій шатеръ мой Атридомъ
Взять Брисеиду, за подвиги данную мнѣ отъ ахеянъ.
Если ты можешь, вступися за честь оскорбленнаго сына,
Милая мать; полети на Олимпъ къ громовержцу, и если
Словомъ иль дѣломъ когда угодила ему, помолися
Нынѣ за сына. Не разъ отъ тебя я въ Пелеевомъ домѣ
Слышалъ, какъ Зевсъ чернооблачный нѣкогда былъ лишь тобою,
Прочимъ богамъ вопреки, отъ бѣды и позора избавленъ:
Противъ него сговорясь, Олимпійцы Аѳина-Паллада,
Ира и богъ Посидонъ замышляли связать громоносца;
Въ помощь къ нему ты, богиня, пришла, и отъ срама избавленъ
Былъ онъ тобой; на Олимпъ привела ты сторукаго—звали
Боги его Бріареемъ, онъ слылъ у людей Эгеономъ.
Грозный титанъ, и отца превзошедшій великой
Силою, рядомъ съ Кроніономъ сѣлъ онъ, огромный и гордый;
Имъ устрашенные боги, связать не посмѣли Зевеса.
Нынѣ и ты близъ Кроніона сядь, и рукою колѣно
Тронувъ его, помолись за меня, чтобъ послалъ онъ троянамъ
Помощь, чтобъ къ морю они оттѣснили ахеянъ, чтобъ гибель
Видя, ахейцы своимъ похвалились царемъ, чтобъ и самъ онъ,
Гордый, пространнодержавный владыка людей, Агамемнонъ,
Горько постигнулъ, что лучшаго между ахеянъ обидѣлъ.—

Сыну Ѳетида въ слезахъ, сокрушенная, такъ отвѣчала:
— Горе! дитя, для чего я тебя родила и вскормила!
Здѣсь близъ твоихъ кораблей, не крушась и не плача, сидѣть бы
Долженъ ты былъ, на землѣ обреченный такъ мало, такъ мало
Жить. Но безвременно здѣсь умереть, въ сокрушеньи истративъ
Жизнь—для того ли тебя мнѣ родить повелѣла судьбина?
Съ этою жалобой къ молніелюбцу Зевесу отсюда
Я подымусь на Олимпъ снѣгоносный, меня онъ услышитъ.
Ты же вблизи кораблей крѣпкозданныхъ спокойно, питая
Гнѣвъ на Атрида, сиди и въ сраженье отнюдь не мѣшайся.
Зевсъ на потокъ Океанъ къ эѳіопамъ вчера безпорочнымъ
Вмѣстѣ со всѣми богами на праздникъ пошелъ; онъ оттуда
Прежде двѣнадцати дней возвратиться не можетъ.
Въ домъ мѣднокованный къ Зевсу тогда я приду и, колѣна
Тронувъ его, помолюсь о тебѣ, и молитвы конечно

Онъ не отринетъ.—Съ симъ словомъ исчезла богиня, оставя
Гнѣвнаго сына въ тоскѣ по красноопоясанной дѣвѣ, насильно,
Сердцу ея вопреки, отъ него уведенной къ Атриду.

Въ Хрису тѣмъ временемъ плылъ Одиссей съ экатомбой; когда же
Быстрый корабль ихъ въ глубокую пристань проникнулъ, свернули
Всѣ паруса и уклали на палубѣ ихъ мореходцы,
Мачту потомъ опустили въ хранилище, крѣпкимъ канатомъ
Быстро на веслахъ корабль довели до притоннаго мѣста,
Якорный бросили камень, канатомъ корабль прикрѣпили
Къ берегу, сами сошли на волной орошаемый берегъ.
Съ ними была снесена и великая Фебова жертва;
Съ ними сошла съ корабля и сопутница ихъ Хрисеида.
Дѣву немедля приведши во храмъ, Одиссей многоумный
Самъ ее отдалъ руками отцу и сказалъ, отдавая:

— Присланъ къ тебѣ, о Хрисесъ, я Атридомъ владыкой народовъ
Дочь возвратить и принесть экатомбу священную Фебу
Въ даръ за ахеянъ, чтобъ гнѣвъ укротился великаго бога,
Имъ приключившаго тьмы сокрушающихъ сердце напастей.—
Такъ говоря, Хрисеиду онъ отдалъ; съ веселіемъ принялъ
Старецъ любезную дочь. По порядку потомъ экатомбой
Фебовъ высокій алтарь окружили ахейцы, омыли
Руки, и горсти наполнили жертвеннымъ чистымъ ячменемъ;
Сталъ посреди ихъ Хрисесъ и, молясь Аполлону, воскликнулъ:

— Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Киллы
Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Ты благосклонно услышалъ мою и исполнилъ молитву,
Честь мнѣ воздавъ ниспосланіемъ бѣдъ на ахеянъ.
Выслушай вновь и исполни молитву мою благосклонно—
Гнѣвъ свой великій смири и бѣды отврати отъ ахеянъ!—
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
Тѣ жъ, приготовленнымъ въ жертву скотамъ, ихъ ячменемъ осыпавъ,
Шеи загнули назадъ, всѣхъ зарѣзали, сняли съ нихъ кожу,
Тучныя бедра отсѣкли, кругомъ обложили ихъ жиромъ,
Жиръ же кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Старецъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остреями;
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
Все раздробили на части; на вертелы вздѣвъ осторожно,
Начали жарить; дожаривши, съ вертеловъ сняли и, дѣло
Кончивъ, обильнобогатый устроили пиръ; началося
Тутъ пированье, и всѣ насладилися пищей; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладостно-вкусною пищей,
Юноши, чашу до края наполнивъ виномъ благовоннымъ,
Въ кубкахъ его разнесли, по обычаю справа начавши.
Цѣлый день славивъ мирительнымъ пѣніемъ Феба, ахейцы
Громко хвалебный пеанъ воспѣвали ему; совокупно
Пѣли они стрѣлоноснаго бога; имъ благосклонно внималъ онъ.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тьма наступила ночная:
Всѣ улеглися на брегѣ они у причалъ корабельныхъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
Плыть собралися они къ отдаленному стану ахеянъ.
Вѣтеръ попутный имъ далъ Аполлонъ, и они совокупно
Мачту поднявъ и блестящіе всѣ паруса распустивши,
Поплыли; парусъ средній надулся; порпурныя волны
Шумно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля закипѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.

Къ брегу приставъ и достигнувъ широкаго стана ахеянъ,
Быстрый корабль свой они на песчаную сушу встянули;
Тамъ на подпорахъ высокихъ его утвердили, и сами

Всѣ разошлись, кто въ шатеръ, кто на черный корабль крутобокій.
Близко своихъ кораблей крѣпкозданныхъ сидѣлъ, продолжая
Гнѣвъ свой питать, Ахиллесъ богоравный крылатыя ноги;
Онъ никогда не являлся уже на совѣтѣ вождей многославныхъ;
Онъ не участвовалъ въ битвахъ; въ бездѣйствіи милое сердце
Онъ изнурялъ, по тревогахъ и ужасахъ брани тоскуя.
Тою порою съ двѣнадцатымъ небо украсившимъ утромъ
Вѣчноживущіе боги на свѣтлый Олимпъ возвратились
Всѣ, предводимые Зевсомъ. Ѳетида, желаніе сына
Помня, изъ моря глубокаго съ первымъ сіяніемъ утра
Вышла; взлетѣвъ на высокое небо Олимпа, богиня
Зевса нашла тамъ; одинъ, изъ боговъ отдѣляся, всю землю
Видя, на высшей главѣ многоглаваго былъ онъ Олимпа.
Сѣвъ близъ него, окружила колѣно священное бога
Лѣвой рукою Ѳетида, а правой его подбородокъ
Гладя, Кроніону тучъ собирателю нѣжно сказала:

— Если, отецъ, я тебѣ межъ богами когда угодила
Словомъ иль дѣломъ, мое благосклонно исполни моленье:
Сына утѣшь моего, осужденнаго рано покинуть
Жизнь; обезчестилъ его повелитель царей Агамемнонъ,
Дерзко похитившій данный ему отъ ахеянъ подарокъ.
Ты же отмсти за него, міродержецъ, всесильный Кроніонъ!
Пусть побѣждаютъ ахеянъ трояне, пока воздаянья
Полнаго сынъ за обиду свою отъ царя не получитъ.—

Такъ говорила она, и не вдругъ отвѣчалъ громовержецъ;
Долго сидѣлъ онъ въ молчаньи; Ѳетида жъ къ объятому прежде
Ею колѣну прижавшися крѣпче, вторично сказала:
— Прямо отвѣтствуй, о Зевсъ; никого ты страшиться не можешь;
Иль согласися, тогда утверди головы мановеньемъ обѣтъ свой,
Иль откажи, чтобъ узнала я, сколь предъ тобою ничтожна.—

Тяжко вздохнувъ, воздымающій тучи Зевесъ отвѣчалъ ей:
— Трудное дѣло ты мнѣ предлагаешь: межъ Ирой и мною
Ссора опять загорится; ругательнымъ словомъ разсердитъ
Ира меня; передъ всѣми безсмертными вѣчно со мною
Вздоритъ она, утверждая, что я за троянъ заступаюсь.
Ты же отсюда уйди, чтобъ тебя не примѣтила Ира.
Способъ найду я тебѣ угодить; на меня положися;
Слово свое головы мановеньемъ (тебѣ подтверждаю);
Знаменье это для всѣхъ Олимпійцевъ есть знакъ величайшій
Власти моей: неизмѣнно мое, непреложно и твердо
Слово, когда подтверждаю его головы мановеньемъ.—

Кончилъ и черногустыми бровями повелъ громовержецъ;
Благоуханные кудри волосъ потряслись на безсмертномъ
Бога челѣ; содрогнулись кругомъ всѣ вершины Олимпа;

Тайную кончивъ бесѣду, они разлучились; съ Олимпа
Въ бездну соленую быстрымъ полетомъ слетѣла Ѳетида;
Зевсъ возвратился къ себѣ, поднялися почтительно боги
Съ троновъ своихъ передъ вѣчнымъ отцомъ; ни единый,
Сидя, его не отважился выждать, но, вставъ, всѣ навстрѣчу
Вышли къ нему. На высокомъ престолѣ онъ сѣлъ. Отъ очей же
Иры не скрылось, что съ нимъ приходила бесѣдовать тайно
Дочь среброногая старца морского Нерея, Ѳетида;
Къ Зевесу немедленно грубое слово она обратила:—

Кто изъ боговъ, лицемѣръ, тамъ шептался такъ скрытно съ тобою?
Вѣчно ты любишь, я знаю, себя отъ меня отклонивши,
Въ тайнѣ съ другими совѣты держать, и ни разу еще ты
Мнѣ напередъ не сказалъ откровенно о томъ, что замыслилъ.—

Ирѣ отвѣтствовалъ такъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ:—
Ира, не мни, чтобъ мои всѣ совѣты постигнуть возможно
Было тебѣ; и супруга верховнаго бога не въ силахъ
Вынести ихъ. Что тебѣ сообщить я признаю приличнымъ,
Прежде тебя не услышатъ о томъ ни безсмертный, ни смертный;
Если же что отъ боговъ утаить я намѣренъ, не смѣй ты
Спрашивать дерзко о томъ, и моей не развѣдывай тайны.—

Ира, богиня воловьи-глаза, отвѣчала Зевсу:
— Странное слово сказалъ ты, ужасный Зевсъ; никогда я
Дѣлать вопросы и въ тайны твои проникать не дерзала.
Все, какъ хотѣлъ, ты задумывалъ, все исполнялъ безъ помѣхи.
Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя обольстила
Дочь среброногая старца морского Нерея, Ѳетида,
Утромъ съ тобою здѣсь сидя и колѣна твои обнимая:
Ей головы мановеньемъ, конечно, ты далъ обѣщанье
Честь Ахиллесу воздать погубленіемъ многихъ ахеянъ.—

Ирѣ отвѣтствовалъ такъ воздымающій тучи Кроніонъ:
— Вѣчно, безумная, ты примѣчать и подсматривать любишь.
Трудъ безполезный! ничто не удастся тебѣ! отъ себя лишь
Только меня отдалишь; то стократно прискорбнѣе будетъ!
Быть ли, не быть ли тому, что тебя устрашаетъ, на это
Воля моя. Замолчи же и мнѣ не дерзай прекословить:
Или тебѣ не поможетъ никто изъ боговъ Олимпійскихъ,
Если я, вставъ, подыму на тебя неизбѣжную руку.—

Такъ отвѣчалъ онъ. Богиня воловьи-глаза ужаснулась
И безмолвно сидѣла, свое побѣдившая сердце *).
Было прискорбно то собраннымъ въ домѣ Зевеса безсмертнымъ.
Началъ тогда многославный художникъ Ифестъ, чтобъ утѣшить
Мать свѣтлорукую, такъ говорить, обратясь къ ней и къ Зевсу:
— Горько и всѣмъ намъ богамъ, на Олимпѣ живущимъ, несносно
Будетъ, когда вы такъ ссориться здѣсь за людей земнородныхъ
Станете, всѣхъ возмущая безсмертныхъ; испорченъ веселый
Будетъ нашъ пиръ; и чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Къ тебѣ напередъ я,
Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты разумна:
Зевсу отцу уступи, чтобъ не гнѣвался болѣ отецъ нашъ,
Сильный Зевесъ, и чтобъ весело мы пировать продолжали;
Онъ громовержецъ, онъ царь на Олимпѣ, онъ, если захочетъ,
Съ нашихъ престоловъ насъ всѣхъ опрокинетъ; онъ богъ надъ богами.
Словомъ привѣтнымъ порадуй его и къ нему приласкайся;
Снова онъ милостивъ будетъ ко всѣмъ намъ, богамъ Олимпійскимъ.—

Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно приблизившись, кубокъ двудонный
Подалъ божественной матери въ руки, промолвивъ:—Терпѣнье,
Милая мать; покорися, хотя то тебѣ и прискорбно;
Здѣсь ненавистныхъ побоевъ твоихъ мнѣ своими глазами
Видѣть не дай: за тебя заступиться не въ силахъ я буду,
Какъ бы того ни хотѣлъ; одолѣть Олимпійца не можно.
Было ужъ разъ, что, когда за тебя я поспорилъ, меня онъ,
За ногу взявши, съ Олимпа швырнулъ, и летѣлъ я оттуда
Цѣлый, кувыркаясь, день, и тогда лишь, какъ стало садиться
Солнце, совсѣмъ бездыханнымъ ударился óземь въ Лемносѣ;
Дружески былъ я синтійцами добрыми поднятъ полмертвый.—

Такъ говорилъ хромоногій Ифестъ (свѣтлорукой богинѣ).
Ира съ улыбкой взяла отъ него поднесенный ей кубокъ.
Сталъ онъ потомъ подносить, по обычаю справа начавши,
Сладостный нектаръ, его изъ глубокой черпáя кратеры;
Подняли смѣхъ несказанный блаженные боги Олимпа,
Видя, какъ съ кубкомъ Ифестъ, суетясь, ковылялъ по чертогу.
Вѣчные боги весь день до склоненія солнца на западъ,

*) Этотъ стихъ, равно какъ и еще три стиха ниже, напечатанные курсивомъ, Жуковскимъ не переведены и взяты у Гнѣдича.

Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищей,
Дивными звуками цитры, игравшей въ рукахъ Аполлона,
Также и музъ очерёднымъ, сердца проницающимъ пѣньемъ;
Но когда уклонилось на западъ блестящее солнце,
Боги, предаться желая покойному сну, разошлися
Всѣ по домамъ: имъ построены были тѣ домы
Дивно-искусной рукой хромоногаго бога Ифеста.
Также и молній метатель могучій Кроніонъ въ чертогѣ,
Гдѣ отдыхалъ онъ обычно, блаженному сну предаваясь,
Легъ и заснулъ; съ нимъ на ложе легла златотронная Ира.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Боги другіе и мужи коней обуздатели спали
Мирно всю ночь, но отъ Зевса спокойствіе сна убѣгало.
Сердцемъ колеблясь, онъ мыслилъ о томъ, какъ воздать Ахиллесу
Честь истребленьемъ ахеянъ при ихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ напослѣдокъ онъ самымъ удобнымъ—
Сонъ послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Къ богу сна обратился и бросилъ крылатое слово Кроніонъ:
— Богъ сновидѣнья, лети къ кораблямъ крѣпкозданнымъ ахеянъ;
Въ царскій шатеръ Агамемнона, сына Атреева, вшедши,
Все то ему повтори, что теперь отъ меня ты услышишь.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Были вождями дружинъ беотійскихъ Леитъ Пенелеосъ,
Аркесилай, Проѳоэноръ и Клоній; ихъ рать составляли
Жители тучныхъ Гирійскихъ луговъ, каменистой Авлиды,
Схойнія, Скола, лѣсистоглубокихъ долинъ Этеонскихъ,
Ѳеспіи, Греи, широкопространныхъ полей Микалесса,
Свѣтлыхъ окрестностей Гармы, Эриоры, Илесія, Илы,
Жители града Петеона, жители стѣнъ Элеона,
Копы, Эвтресы, Окаліи, жившіе въ зданьяхъ красивыхъ
Града Медаона, въ Тизбѣ, стадамъ голубинымъ привольной,
Вкругъ Коронеи, на пышно-зеленыхъ лугахъ Галіарта,
Жители града Платеи, полей обработанныхъ Глиса,
Ѳивъ крѣпкостѣнныхъ, прекрасными зданьями славнаго града,
Града Онхеста, гдѣ лѣсъ посвященъ Посидону завѣтный,
Арны златымъ виноградомъ богатой, луговъ благовонныхъ
Нисы, Мидеи и стѣнъ Анѳедона, на крайнихъ лежащаго граняхъ;
Съ ними пришло пятьдесятъ кораблей крѣпкозданныхъ, и въ каждомъ
Было сто двадцать отборныхъ бойцовъ молодыхъ беотійскихъ.

Но аспледонянъ и всѣхъ, Орхоменъ населявшихъ Минейскій,
Были вождями Ареевы дѣти Ялменъ съ Аскалафомъ—
Ихъ родила Астіоха, Акторова дочь; потаенно
Въ верхнемъ покоѣ царева жилища стыдливая дѣва,
Свидясь съ Ареемъ могучимъ, упала въ объятія бога—
Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Были вождями дружины фокеянъ Эпистрофъ и Схедій,
Ихъ же отцомъ знаменитый былъ Ифитъ, потомокъ Навбола;
Жители стѣнъ Кипариссы, утесовъ Пиѳона суровыхъ,
Жители града прекраснаго Криссы, богатыхъ полей Панопея,
Давліи, Анемореи, сосѣдней съ Гіамполемъ, также
Пахари тучныхъ полей, вкругъ Кефиссы священной лежащихъ,
Съ ними и жителей близкой къ истокамъ Кефиссы Лилеи,
Сорокъ судовъ темноносыхъ оснастивъ, пришли за вождями;
Въ строй мѣднолатныхъ фокеянъ поставивъ, вожди ихъ дружину
Лѣвымъ крыломъ къ беотійскому ближнему строю примкнули.

Былъ полководцемъ локріянъ Аяксъ Оилей быстроногій;
Ростомъ своимъ Теламонову сыну, другому Аяксу,
Онъ уступалъ, но хотя не великъ и холстинною, тонкой

Бро́ней покрытъ былъ, могучимъ метаньемъ копья побѣждалъ онъ
Между ахейцами всѣхъ; населяли жъ локріяне грады
Киносъ, плодами обильную Авгію, Бессу, Ѳронійскій
Лугъ, орошенный Боагріемъ, Тарфу, Опунтъ, Калліарій;
Сорокъ привелъ онъ съ собой кораблей изъ Локриды, лежащей
Противъ святыхъ береговъ окруженной волнами Эвбеи.

Но боелюбныхъ абантовъ, эвбейскій народъ, населявшій
Халкисъ, Эретрію, область вина Гистіэю, приморскій
Городъ Керинѳъ, на горѣ неприступно-построенный Діонъ,
Стѣны Кариста и роскошью нивъ окруженную Стиру,
Велъ Эльпено́ръ, многославный потомокъ Арея; рожденъ былъ
Онъ Халкодонтомъ, Эвбеи царемъ; и съ веселіемъ въ битву
Шли съ ними абанты его, заплетенныя густо на тылѣ
Косы носившіе, ясныхъ копій метатели, броней
Мѣдь на груди у врага пробивать пріобыкшіе ими.
Сорокъ пришло кораблей крѣпкозданныхъ съ эвбейской дружиной.

Строемъ къ эвбейской дружинѣ примкнули аѳиняне; градомъ
Ихъ и всей областью властвовалъ прежде питомецъ Паллады
Царь Эрехтей, дароносной Землею рожденный; Палладой
Былъ онъ воспитанъ во храмѣ великомъ, гдѣ жертвой обильной
Агнцевъ и тучныхъ быковъ утѣшали ей сердце младыя
Дѣвы и юноши, празднуя кругосвершеніе года.
Ратью Аѳинъ Менестей полководствовалъ, сынъ Петеона,
Съ нимъ же изъ всѣхъ, на землѣ обитающихъ, въ трудномъ искусствѣ
Конныхъ и пѣшихъ устраивать въ битву никто не равнялся,
Кромѣ великаго Нестора—старше, однако, его былъ
Несторъ годами. Привелъ пятьдесятъ кораблей онъ съ собою.

Сынъ Теламоновъ Аяксъ отъ береговъ Саламины двѣнадцать
Черныхъ привелъ кораблей: онъ придвинулъ ихъ къ строю аѳинянъ.

Жителей Аргоса, башневѣнчаннаго града Тиринѳа,
Асины, скрытой въ глубокомъ заливѣ морскомъ Герміоны,
Винобогатыхъ холмовъ Эпидавра, Эйоны, Трезены,
Юношей Масія, жителей волнообъятой Эгины,
Былъ полководцемъ герой Діомедъ, вызыватель въ сраженье;
Вождь ихъ второй былъ Сѳенелъ, многославнаго сынъ Капанея;
Третій же вождь Эвріалъ, богоравный герой, Мекистеевъ
Сынъ, Тала́на державнаго внукъ; но главою надъ ними
Былъ Діомедъ, вызыватель въ сраженье; пришелъ отъ Аргоса
Онъ къ берегамъ Иліона съ осьмьюдесятью кораблями.

Жители древней Микены, домовъ велелѣпіемъ славной,
Ареѳиреи прекрасной, Коринѳа богатаго, свѣтлыхъ
Зданій Клеоніи, жители града Орнеи, старинныхъ
Стѣнъ Сикіона, Адрасту подвластнаго въ прежнее время,
Жившіе въ древнихъ стѣнахъ Гипересіи, въ градѣ Пелленѣ,
Въ Эгіи, въ крѣпко-нагорныхъ стѣнахъ Ганоэссы твердынной,
Пахари тучныхъ приморскихъ полей, достигавшихъ до самой
Гелики—вслѣдъ за царемъ Агамемнономъ, сыномъ Атрея,
Сто кораблей привели; полководецъ избраннѣйшихъ, самъ онъ
Шелъ передъ ними, сіяющій мѣдной бронею, прекрасный,
Гордый, величіе прочихъ вождей затмевалъ онъ, понеже
Былъ ихъ глава и сильнѣйшей дружиной начальствовалъ въ войскѣ.

Жители скрытаго между холмовъ Лакедемона, Спарты,
Фары, Мессаны, гдѣ много слетается стадъ голубиныхъ,
Пахари тучныхъ полей, окружающихъ грады Брисею,
Авгію, Амиклы; жители Гелоса близкаго къ морю,
Лааса, свѣтлыхъ равнинъ орошенныхъ Этилосомъ, были
Братомъ царя предводимы, отважнымъ въ бояхъ Менелаемъ;
Вывелъ на смотръ шестьдесятъ кораблей онъ; но строемъ отдѣльнымъ
Ратныхъ поставилъ и ихъ, на себя одного уповая,

Въ бой возбуждалъ: пламенѣло его нетерпѣніемъ сердце—
Мщенье свершить за позоръ, приключенный обидой Елены.

Къ нимъ примкнули пиліяне, жители тучныхъ Аренскихъ
Пажитей, Өрія, гдѣ былъ перевозъ чрезъ Алфей, Кипариссы,
Эпіи крѣпкой, Птелеона, Гелоса, Амфигенеи,
Также и града Доріона, гдѣ Өамириса өракійца
Встрѣтили музы и въ немъ уничтожили даръ пѣснопѣнья:
Онъ изъ Эхаліи шелъ; посѣтивши тамъ Эврита, хвасталъ
Онъ передъ нимъ, что побѣду одержитъ, хотя бы и сами
Музы, Зевеса эгидоносителя дочери, спорить
Съ нимъ въ пѣснопѣніи стали; и въ гнѣвѣ его ослѣпили
Музы, и даръ пробуждать сладкопѣнье въ струнахъ онъ утратилъ.
Былъ полководцемъ дружины пиліянъ (конникъ Геренскій)
Несторъ; онъ въ Трою привелъ девяносто судовъ крѣпкозданныхъ.

Люди Аркадіи—храбрый народъ—на покатѣ Киллены
Жившіе (тамъ, гдѣ находится Эпитовъ памятникъ древній),
Жители паствъ Орхомена, луговъ, окружающихъ Феносъ,
Рипы, Стратіи, напору всѣхъ вѣтровъ открытой Энисны,
Злачнополянной Тегеи, предѣловъ Стимфала, Паррасіи, тучной
Жатвой обильныхъ полей Мантинеи, прекраснаго града,—
Агапенора, Анкеева сына, вождемъ признавали:
Въ Трою привелъ шестьдесятъ кораблей онъ, и много аркадскихъ
Воиновъ храбрыхъ пришло съ нимъ въ его корабляхъ крѣпкозданныхъ.
Самъ Агамемнонъ, владыка народовъ, его кораблями
(Тѣми) снадбилъ для отплытія въ темное море, понеже
Было аркадянамъ вовсе невѣдомо дѣло морское.

Жившихъ въ Элидѣ священной, въ Бупрасіи, въ краѣ, который
Грады Мирсинъ пограничный, Гирмину, Алисій, до самыхъ
Скалъ Оленійскихъ въ предѣлахъ своихъ заключаетъ, четыре
Храбрыхъ вождя предводили—у каждаго девять летучихъ,
Полныхъ эпейцами, было въ строю кораблей: Амфимаху,
Сыну Ктеата, одна изъ дружинъ покорялась; другая
Өалпію, сыну Эвритоса Акторіада; вождемъ былъ
Третьей эпейской дружины Діоръ, Амаринковъ отважный
Сынъ; а четвертой начальствовалъ вождь Поликсенъ богоравный,
Сынъ Агасөена властителя, внукъ знаменитый Авгея.

Мужи Дулихія, люди святыхъ острововъ Эхинадскихъ,
Жившіе за морѣ шумномъ сосѣдственно съ брегомъ Элиды,
Власть признавали Мегеса, подобнаго силой Арею;
Былъ онъ Филея коней обуздателя сыномъ, Филея—
Ссорой съ отцомъ принужденнаго скрыться на островъ Дулихій,
Сорокъ Мегесъ кораблей быстроходныхъ привелъ къ Иліону.

Царь Одиссей предводителемъ былъ кефаленянъ могучихъ,
Жившихъ въ Итакѣ суровой, на шумно-лѣсистыхъ вершинахъ
Нерита, вдоль береговъ Крокилеи, межъ скалъ Эгилипы;
Жители Зама, полей хлѣбодарныхъ Закинөа и твердой
Близко лежащей Эпирской земли матерой, равномѣрно
Всѣ Одиссею, какъ Зевсъ многомудрому, были подвластны.
Въ Трою съ собой онъ двѣнадцать привелъ кораблей красногрудыхъ.
Сынъ Андремоновъ Өоантъ полководствовалъ ратью этолянъ,
Жившихъ въ стѣнахъ Плеурона, въ Халкидѣ приморской, въ Оленѣ,
Въ горномъ краю Календонскомъ, въ окрестностяхъ града Пилены;
Войско жъ этолянъ избрало Өоанта вождемъ, поелику
Былъ Оиней ужъ въ Аидѣ, и не было болѣ на свѣтѣ
Храбрыхъ его сыновей, и давно Мелеагръ свѣтлокудрый
Въ область сведенъ былъ подземную; сорокъ пришло кораблей съ нимъ.
Съ Идоменеемъ пришли копьеносные критяне; жили
Въ Гноссѣ они, въ окруженной (стѣнами) твердой Гортинѣ,
Въ Ликтѣ, въ Милетѣ, окрестъ бѣлостѣннаго града Ликаста,

Въ Фестѣ, въ Ритіонѣ, множествомъ жителей шумнокипящемъ,
Также и въ прочихъ краяхъ многолюдныхъ стограднаго Крита.
Идоменей, копьевержецъ могучій, былъ главнымъ вождемъ ихъ;
Съ нимъ Меріонъ, истребителю ратей Арею подобный:
Вмѣстѣ они обладали осмьюдесятью кораблями.

Силы Иракла великаго сынъ Тлеполемъ изъ Родоса,
Девять привелъ кораблей съ необузданно-храброй дружиной.
Люди его населяли три города: въ твердомъ Камирѣ
Жили одни, въ свѣтлостѣнномъ Ялиссѣ другіе, и въ Линдѣ
Третьи; ихъ вождь Тлеполемъ, копьеборствомъ герой знаменитый,
Былъ Астіохой Ираклу рожденъ; Астіоху жъ похитилъ
Сильный Ираклъ съ береговъ Селлеэнта, потока Эфиры,
Тамъ, гдѣ онъ многихъ питомцевъ Зевесовыхъ грады разрушилъ.
Сей Тлеполемъ лишь возросъ въ богосозданномъ домѣ Иракла,
Скоро убилъ безразсудный почтеннаго дядю отцова,
Старца сѣдого, питомца Ареева. Въ страхѣ что будетъ
Месть за убійство ему отъ сыновъ и отъ внуковъ Иракла,
Онъ поспѣшилъ корабли изготовить и съ вѣрной дружиной
Храбрыхъ товарищей въ темнопустынное море пустился;
Много тревогъ испытавши, достигли они до Родоса,
Гдѣ и осталися жить, раздѣлившися на три колѣна,
Свыше хранимые Зевсомъ, владыкой безсмертныхъ и смертныхъ:
Пролилъ на нихъ изобиліе щедрой рукою Кроніонъ.

Прибыло три корабля легкокрылыхъ изъ Симы съ Ниреемъ,
Сыномъ Харона царя и Аглаи, съ Ниреемъ, который
Всѣхъ затмевалъ красотою своею данаевъ, пришедшихъ
Въ Трою; съ однимъ лишь не могъ безпорочнымъ Пелидомъ равняться;
Былъ онъ не мужественъ; войско его малочисленно было.

Жители волнообъятаго Нисира, Каса, Крапаѳа,
Коса (гдѣ градъ свой имѣлъ Эврипилъ), острововъ Калиднійскихъ
Были вождями Фидиппъ и Антифосъ, два брата; отецъ ихъ
Былъ знаменитый Ѳессалъ Ираклидъ, повелитель народовъ:
Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Тѣ же, которыми былъ обитаемъ Аргосъ Пеласгійскій,
Жители Алоса, града Алопы, Трахинъ многолюдныхъ,
Фтіи, Эллады, прекрасноцвѣтущими дѣвами славной
(Имя же общее имъ мирмидоны, эллены, ахейцы)—
Съ ними привелъ пятьдесятъ кораблей Ахиллесъ богоравный.
Но въ то время они не готовились къ бою, въ то время
Некому было вести ихъ могучаго строя въ сраженье:
Праздно сидѣлъ посреди кораблей Ахиллесъ быстроногій,
Злясь за свою Брисеиду, прекраснокудрявую дѣву,
Взятую нѣкогда въ плѣнъ имъ съ трудомъ несказаннымъ въ Лирнесѣ:
Онъ ниспровергнулъ тогда и Лирнесъ и высокія Ѳивы,
Послѣ того какъ Минетъ и Эпистровъ, метатели копій,
Дѣти царя Селепида Эвена, сраженные въ боѣ имъ, пали.
Праздно онъ гнѣвный сидѣлъ... но воздвигнуться долженъ былъ скоро.

Жители тучной Филаки, луговъ цвѣтоносныхъ Пираса,
Агнцамъ привольной Итоны (Деметрѣ любезнаго края),
Моремъ омытой Антроны, травяныхъ равнинъ Птелеонскихъ
Протесилай многославный вождемъ былъ, покуда сіяньемъ
Дня веселился; но былъ онъ землей ужъ покрытъ, и въ Филакѣ
Тяжко о немъ тосковала вдова, раздирая ланиты.
Домъ недостроеннымъ свой онъ оставилъ: изъ всѣхъ онъ ахеянъ
Первый убитъ былъ дарданцемъ, ступя на Троянскую землю
Первый. Былъ избранъ другой вождь; но войско о прежнемъ скорбѣло;
Вождь же избранный былъ храбрый Подаркесъ, питомецъ Ареевъ,
Сынъ обладателя стадъ Ификлая, Филакова сына,

Протесилаевъ родной, но гораздо развившійся позже
Братъ: былъ и старше годами и силою крѣпче
Протесилай богоравный, Арею подобный. Имѣло
Войско вождя, но крушилось оно, поминая о мертвомъ.
Сорокъ въ Дарданію прибыло съ нимъ кораблей чернобокихъ.

Жившихъ близъ водъ Бебеискаго озера, въ Ферѣ и Бебахъ,
Жителей пышнаго града Іолка и свѣтлой Глафиры,
Вождь знаменитый Эвмелъ предводилъ сынъ Адметовъ, Алкестой
Самой прекрасной изъ всѣхъ дочерей Пеліоса рожденный;
Было одиннадцать съ нимъ кораблей у береговъ Иліона.

Жившихъ въ Метонѣ, окрестъ Таумакіи, между суровыхъ
Скалъ Олизона, среди цвѣтоносныхъ луговъ Мелибеи,
Былъ предводителемъ дивный стрѣлокъ Филоктетъ.

СИДЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ГЕРДЕРОВА ПЕРЕВОДА).

Горные испанцы, вмѣстѣ съ религію, законами, честью и свободою предковъ своихъ визиготѳовъ, сохранили и употребленіе языка романскаго.

То были необразованные люди, характера дикаго, гордые, отважные, неспособные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областью.

Въ сихъ долинахъ властвовали графы, коимъ короли визиготскіе ввѣряли наблюденіе правосудія въ мирные дни и предводительство народнаго войска во дни военные.

Когда пала монархія, сіи графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народъ сей былъ составленъ большею частію изъ переселенцевъ, покинувшихъ свою родину, дабы, среди безплодныхъ утесовъ, спасти религію и законы отцовъ своихъ. Тамъ не было отдаваемо никакихъ отличныхъ почестей фортунѣ: подъ кровлею бѣдной хижины часто находили человѣка, побѣдившаго въ сраженіи. Вѣроятно, что въ сіи времена вошла въ испанскіе нравы сія кастельская спесь, замѣчаемая нынѣ въ самыхъ нищихъ.

Санхо Великій, король кастильскій, въ началѣ XI вѣка соединилъ подъ державу свою почти всѣ христіанскіи области полуострова; отъ него зависѣли Астурія, Наварра и Аррагонія; онъ первый принялъ титулъ короля Кастиліи и можетъ быть почитаемъ родоначальникомъ королевскихъ домовъ Испаніи.

При семъ королѣ родился Донъ-Родриго Діацъ (сынъ Діэга), прозванный Саидомъ или Сидомъ (господиномъ) отъ побѣжденныхъ имъ мавровъ. Наименованный главнымъ военачальникомъ арміи отъ короля кастильскаго, онъ получилъ еще прозваніе Кампеадора (воителя).

Замокъ Биваръ, недалеко отъ Бургоса, завоеванный отцомъ его Донъ-Діэгомъ, былъ мѣстомъ его рожденія. Съ женской стороны происходилъ онъ отъ древнихъ графовъ кастильскихъ. Знаменитый породою, онъ пріобрѣлъ богатство мужествомъ и оружіемъ. Подвиги его сохранились въ народныхъ пѣсняхъ или романсахъ, изъ которыхъ здѣсь предлагается извлеченіе.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ФЕРДИНАНДА.

I.

Пятерыхъ царей невѣрныхъ
Донъ-Родриго побѣдилъ;
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.
Ихъ послы къ нему явились,
И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сида:
—Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали.—
„Ошибаетесь, друзья!“
Донъ-Родриго отвѣчалъ имъ,
„Не ко мнѣ посольство ваше;
Неприлично господиномъ
Называть меня въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ господствуетъ Великій
Фердинандъ, мой повелитель:
Все его здѣсь, не мое“.
И король такимъ смиреньемъ
Сида храбраго довольный,
Говоритъ посламъ: „Скажите
Вы царямъ своимъ, что, если
Господинъ ихъ Донъ-Родриго
Не король, то здѣсь по праву
Съ королемъ сидитъ онъ рядомъ,
И что все, чѣмъ я владѣю,
Завоевано мнѣ Сидомъ“.
Съ той поры не называли
Знаменитаго Родрига
Мавры иначе, какъ Сидомъ.

II.

Полныхъ семь лѣтъ безъ успѣха
Неприступную Коимбру
Осаждалъ Донъ-Фердинандъ.
Никогда бъ не одолѣлъ онъ
Неприступныя Коимбры,
Крѣпкой башнями, стѣнами...
Но является Санъ-Яго,
Рыцарь Господа Христа:
На конѣ онъ скачетъ бѣломъ,
Съ головы до ногъ въ доспѣхахъ
Свѣжихъ, чистыхъ и блестящихъ.
„Симъ ключомъ, который блещетъ
У меня въ рукахъ (сказалъ онъ),
Завтра утромъ на разсвѣтѣ
Отопру я Фердинанду
Неприступную Коимбру“.
И король вступилъ въ Коимбру;

И мечеть ея назвали
Церковью Маріи Дѣвы.
Тамъ былъ рыцаремъ поставленъ
Донъ-Родриго, графъ Биварскій.
Самъ король своей рукою
Мечъ къ бедру его привѣсилъ,
Далъ ему лобзанье мира;
Только не далъ акколады,
Ибо то ужъ для другого
Было сдѣлано имъ прежде;
И, въ особенную почесть,
Конь въ блестящей сбруѣ Сиду
Подведенъ былъ королевой;
А инфанта золотыя
На него надѣла шпоры.

III.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діэго...
Что сравнить съ его печалью?
День и ночь онъ помышляетъ
О безчестіи своемъ:
Посрамленъ навѣки древній,
Знаменитый домъ Ленесовъ;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой съ нимъ.
И болѣзнью и лѣтами
Изнуренный старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою;
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжествующій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напослѣдокъ, свергнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своихъ созвалъ онъ,
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связать имъ крѣпко
Благородныя ихъ руки.
И, трепещущіе, робко
Вопрошаютъ сыновья:
„Что ты дѣлаешь, родитель?
Умертвить ли насъ замыслилъ?"
Нѣтъ душѣ его надежды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну младшему Родригу,
Въ немъ опять она воскресла;
Засверкавъ очами тигра,
Возопилъ младой Родриго:
„Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
Развяжи! когда бъ ты не былъ
Мой отецъ, я не словами
Далъ себѣ тогда бъ управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнулъ;
Мнѣ мечомъ или кинжаломъ
Были пальцы бы мои!"
—Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя мнѣ исцѣленье;
Грозный гнѣвъ твой мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее.—
И Родригу разсказалъ онъ
Про свою тогда обиду,
И его благословилъ.

IV.

Удаляется Родриго,
Полонъ гнѣва, полонъ думы
О врагѣ своемъ могучемъ,
О младыхъ своихъ лѣтахъ.
Знаетъ онъ, что въ Астуріи
Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
Что въ совѣтѣ королевскомъ
И въ сраженьи первый онъ.
Но того онъ не страшится:
Сынъ гидальга благородный,
Онъ, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И въ душѣ своей онъ молитъ
Отъ небесъ одной управы,
Отъ земли—простора битвѣ,
А отъ чести—подкрѣпленья
Молодой своей рукѣ.
Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауромъ печальнымъ
По давнишнемъ господинѣ.
„Знаю, добрый мечъ, сказалъ онъ,
Что тебѣ еще постыдно
Быть въ рукѣ не знаменитой;
Но когда я поклянуся
Не нанесть тебѣ обиды,
Ни на шагъ въ минуты боя
Не попятиться... пойдемъ!

V.

Тамъ, на площади дворцовой
Сидъ увидѣлъ Донъ-Гормаса
Одного, безъ провожатыхъ,
И вступилъ съ нимъ въ разговоръ:
„Донъ-Гормасъ, отвѣтствуй, зналъ ли
Ты о сынѣ Донъ-Діэга,
Оскорбивъ рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Зналъ ли ты, что Донъ-Діэго
Есть потомокъ Ляйна Кальва,
Что нѣтъ крови благороднѣй,
Нѣтъ щита его честнѣй?
Зналъ ли, что пока дышу я,
Не дерзнетъ никто изъ смертныхъ
(Развѣ Богъ одинъ Всевышній)
Сдѣлать то безъ наказанья,
Что дерзнулъ съ нимъ сдѣлать ты?"
—Самъ едва ли ты, младенецъ
(Отвѣчалъ Гормасъ надменно),
Знаешь жизни половину.—
„Знаю твердо! половина
Жизни: почесть благороднымъ

Воздавать, какъ то прилично;
А другая половина:
Быть грозою горделивыхъ,
И послѣдней каплей крови
Омывать обиду чести".
—Что жъ? Чего, младенецъ, хочешь?—
„Головы твоей хочу я".
—Хочешь розогъ, дерзкій мальчикъ;
Погоди, тебя накажутъ,
Какъ проказливаго пажа.—
Боже праведный, какъ вспыхнулъ
При такомъ отвѣтѣ Сидъ!

VI.

Слезы льются, тихо льются
По ланитамъ Донъ-Діэга:
За столомъ своимъ семейнымъ
Онъ сидитъ, все позабывъ;
О стыдѣ своемъ онъ мыслитъ,
О младыхъ лѣтахъ Родрига,
О ужасномъ поединкѣ,
О могуществѣ врага.
Оживительная радость
Убѣгаетъ посрамленныхъ;
Вслѣдъ за нею убѣгаютъ
И довѣренность съ надеждой;
Но, цвѣтущія, младыя
Сестры чести, вмѣстѣ съ нею
Возвращаются онѣ.
И въ унылость погруженный,
Донъ-Діэго не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.
Онъ, съ мечомъ своимъ подъ-мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданіемъ глубоко,
На отца глядѣлъ въ молчаньи;
Вдругъ подходитъ, и схвативши
Руку старца: „Ѣшь родитель!"
Говоритъ, придвинувъ пищу;
Но сильнѣе плачетъ старецъ.
—Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даешь такой совѣтъ?—
„Я, родитель! смѣло можешь
Ты поднять свое святое,
Благородное лицо".
—Спасена ли наша слава?—
„Мой родитель, онъ убитъ".
—Сядь же, сынъ мой Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ соперникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой.—
Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонивъ свои колѣна,
Лобызаетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діэго,
Умиленный, лобызаетъ
Сына въ очи и уста.

VII.

На престолѣ королевскомъ
Возсѣдалъ король-владыка,
Внемля жалобамъ народа,
И давая всѣмъ управу.
Твердый, кроткій, правосудный,
Награждалъ онъ добрыхъ щедро,
И казнилъ виновныхъ строго:
Наказаніе и милость
Вѣрныхъ подданныхъ творятъ.
Въ черной траурной одеждѣ
Входитъ юная Химена,
Дочь Гормаса; вслѣдъ за нею
Триста пажей благородныхъ.
Дворъ въ безмолвномъ изумленьи.
Преклонивъ свои колѣна
На послѣднюю ступеню
Королевскаго престола,
Такъ Химена говоритъ:
„Государь, прошло полгода
Съ той поры, какъ мой родитель
Подъ ударами младого
Сопротивника погибъ.
И уже я приносила
Передъ тронъ твой королевскій
Умиленную молитву.
Были мнѣ даны тобою
Обѣщанья; но управы
Не дано мнѣ и понынѣ.
Между тѣмъ, надменный, дерзкій,
Издѣвается Родриго
Надъ законами твоими,
И, его надменность видя,
Ей потворствуешь ты самъ.
Государь правдолюбивый
На землѣ есть образъ Бога;
Государь неправосудный,
Поощряющій строптивость,
Сердцу добрыхъ не любезенъ,
Не ужасенъ и для злыхъ.
Государь, внемли безъ гнѣва
Симъ словамъ моей печали:
Въ сердцѣ женщины почтенье
Превращается отъ скорби
Часто въ горестный упрекъ".
И король на то Хименѣ
Такъ отвѣтствуетъ безъ гнѣва:
—Здѣсь твоя печаль не встрѣтитъ
Ни желѣза, ни гранита.
Если я сберегъ Родрига,
То сберегъ его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будетъ время—будешь плакать
Ты отъ радости по немъ.—

VIII.

Въ часъ полуночи спокойной,
Тихій голосъ, нѣжный голосъ
Унывающей Хименѣ

Говорилъ: „Отри, Химена,
Слезы грусти одинокой“.
—Отвѣчай, откройся, кто ты?—
„Сирота, меня ты знаешь“.
—Такъ! тебя, Родриго, знаю;
Ты, жестокій, ты, лишившій
Домъ мой твердыя подпоры...—
„Честь то сдѣлала, не я“.

IX.

Въ храмѣ Божіемъ Родриго
Такъ сказалъ своей Хименѣ:
„Благородная Химена,
Твой отецъ убитъ былъ мною,
Не по злобѣ, не измѣной,
Но въ отмщенье за обиду,
Грудь на грудь и мечъ на мечъ.
Я тебѣ за мужа чести
Мужа чести возвращаю;
Я тебѣ въ живомъ супругѣ
Все даю, что прежде въ мертвомъ
Ты отцѣ своемъ имѣла:
Друга, спутника, отца“.
Такъ сказавъ, онъ обнажаетъ
Крѣпкій мечъ свой и, поднявши
Острее къ святому небу,
Произноситъ громогласно:
„Пусть меня сей мечъ накажетъ,
Если разъ нарушу въ жизни
Мой обѣтъ: любить Химену,
И за все моей любовью
Ей воздать, какъ здѣсь предъ Богомъ
Обѣщаюсь и клянуся!“
Такъ свершилъ свой бракъ съ Хименой
Донъ-Родриго, графъ Биварскій,
Славный Сидъ Кампеадо́ръ.

X.

Сидъ во всѣхъ за Фердинанда
Битвахъ былъ побѣдоносенъ.
Наконецъ, для Фердинанда
Часъ послѣдній наступаетъ:
На своей постели смертной
Онъ лежитъ лицомъ къ востоку;
Онъ въ рукахъ, уже холодныхъ,
Держитъ свѣчу гробовую;
Въ головахъ стоятъ прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои онъ земли
Раздѣлилъ межъ сыновьями,
Какъ вошла его меньшая
Дочь Урака, въ черномъ платьѣ,
Проливающая слезы.
Такъ ему она сказала:
„Есть ли гдѣ законъ, родитель,
Человѣческій иль Божій,
Позволяющій наслѣдство,
Дочерей позабывая,
Сыновьямъ лишь оставлять?“

Фердинандъ ей отвѣчаетъ:
— Я даю тебѣ Замору,
Крѣпость, твердую стѣнами,
Съ нею вмѣстѣ и вассаловъ
Для защиты и услуги.
И да будетъ проклятъ мною,
Кто когда-нибудь замыслитъ
У тебя отнять Замору“.
Предстоявшіе сказали
Всѣ: аминь. Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмуря брови.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ДОНЪ-САНХА КАСТИЛЬСКАГО.

I.

Только-что успѣлъ Донъ-Санхо
Вмѣстѣ съ братьями въ могилу
Опустить съ мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Какъ уже онъ на конѣ,
И гремитъ трубой военной,
И вассаловъ собираетъ,
И войной идетъ на братьевъ.
Первый, съ кѣмъ онъ началъ ссору,
Былъ Галиціи властитель,
Старшій братъ его Донъ-Гарсій;
Но сраженный въ первой битвѣ,
Съ малочисленной остался
Онъ дружиною кастильцевъ.
Вдругъ явился Донъ-Родриго.
—Въ добрый часъ, мой благородный
Сидъ! сказалъ ему Донъ-Санхо,
Во-время ко мнѣ поспѣлъ ты.—
„Но ты самъ, король Донъ-Санхо,
Здѣсь не во-время (сурово
Отвѣчалъ ему Родриго);
Лучше было бы, съ молитвой
Руки сжавъ, стоять смиренно
У родителева гроба.
Я исполню долгъ вассала:
Стыдъ же примешь ты одинъ“.
И Донъ-Гарсій побѣжденный
Скоро въ плѣнъ достался Сиду.
—Что ты дѣлаешь, достойный
Сидъ? сказалъ съ упрекомъ плѣнникъ.—
„Если бъ я теперь вассаломъ
Былъ твоимъ, я то же бъ сдѣлалъ,
Государь, и для тебя“.
Заключенъ, по волѣ брата,
Въ башню крѣпкую Донъ-Гарсій.
За него король леонскій
Возстаетъ и посылаетъ
Вызовъ къ Сиду; къ мужу чести,
Подымающему руку
На безчестно-злое дѣло.
—Ополчись, мой благородный
Сидъ, Донъ-Санхо восклицаетъ.

Ополчись, мой Сидъ могучій,
Перлъ имперіи священной,
Цвѣтъ Испаніи, зерцало
Чести рыцарской; леонцы
Идутъ противъ насъ войною;
Вѣютъ львы на ихъ знаменахъ;
Но у насъ въ землѣ Кастильской
Много за́мковъ укрѣпленныхъ:
Будетъ, гдѣ ихъ запереть.—
„Государь, святое право
За Альфонса; лишь фортуной
Онъ неправъ!“ такъ отвѣчаетъ
Королю Донъ-Санху Сидъ.
Донъ-Альфонсъ разбитъ и прогнанъ;
Онъ бѣжитъ къ толедскимъ маврамъ.
Какъ свирѣпый ястребъ—алча
Новой пищи послѣ первой,
Имъ отвѣданной добычи—
Когти острые вонзаетъ
Въ беззащитную голубку:
Такъ Донъ-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Безпомощную насильно
Запираетъ въ монастырь.

II.

Мирно властвуетъ Урака
Въ крѣпкомъ городѣ Заморѣ.
Крѣпкимъ городомъ Заморой
Завладѣть Донъ-Санхо мыслитъ.
Онъ къ стѣнамъ его подходитъ.
Нѣтъ въ Испаніи другого;
Въ твердомъ выбитый утесѣ,
Имъ покрытый, какъ бронею
Смѣлый рыцарь, окруженный
Свѣтло-влажными руками
Быстрошумнаго Дуэра,
Онъ стоитъ—и за́мки, башни
(Въ цѣлый день не перечесть ихъ),
Какъ вѣнецъ, его вѣнчаютъ.
И сказалъ Донъ-Санхо Сиду:
—Добрый Сидъ, совѣтникъ мудрый,
Дома нашего подпора,
Отъ меня сестрѣ Уракѣ
Ты посломъ иди въ Замору.
Предложи мѣну Уракѣ;
Пусть свою назначитъ цѣну;
Но скажи ей въ осторожность:
Если нынѣ отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра самъ возьму я силой
То, о чемъ теперь прошу.—
„Что за стѣны!“ Донъ-Родриго
Мыслитъ, глядя на Замору;
„Чѣмъ на нихъ смотрю я долѣ,
Тѣмъ грознѣй и неприступнѣй
Мнѣ являются онѣ“.
— Что за стѣны! повторяетъ
Про-себя король Донъ-Санхо;
Это первыя, которыхъ
Не заставилъ содрогнуться
Приближающійся Сидъ.
— Что за стѣны! размышляетъ
Конь могучій Бабіэка,
Замедляя ходъ и гриву
Опуская до земли.

III.

Тихо въ городѣ Заморѣ:
Онъ печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
Церкви города Заморы
Въ ткани черныя одѣты
И на нихъ печальный трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
И Урака, затворившись
Въ за́мкѣ города Заморы,
О сестрахъ и братьяхъ плачетъ,
И печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
И она вздыхала тяжко
Въ ту минуту, какъ явился
Передъ городомъ Заморой
Донъ-Родриго, вождь кастильскій.
Вдругъ всѣ улицы Заморы
Зашумѣли, взволновались;
Крикъ до за́мка достигаетъ,
И Урака, на ограду
Вышедъ, смотритъ... тамъ могучій
Сидъ стоитъ передъ стѣной.
Онъ свои подъемлетъ очи,
Онъ Ураку зритъ на башнѣ,
Ту, которая надѣла
На него златыя шпоры.
И ему шепнула совѣсть:
„Стой, Родриго, ты вступаешь
На безславную дорогу;
Благородный Сидъ, назадъ!“
И она ему на память
Привела тѣ дни, когда онъ
Государю Фердинанду
Обѣщался быть надёжной
Дочерей его защитой;
Дни, когда они дѣлили
Ясной младости веселье
При дворѣ великолѣпномъ
Государя Фердинанда,
Дни прекрасные Коимбры.
„Стой, Родриго, ты вступаешь
На безславную дорогу;
Благородный Сидъ, назадъ!“
Бодрый Сидъ остановился,
Онъ впервые Бабіэку
Обратилъ и въ размышленьи,
Прошептавъ: назадъ! поѣхалъ
Въ королевскій станъ обратно,
Чтобъ принесть отчетъ Донъ-Санху.
Но прогнѣванный Донъ-Санхо
Такъ отвѣтствуетъ Родригу:
— Безразсудны государи,

Осыпающіе честью
Неумѣренной вассаловъ—
Лишь мятежниковъ надменныхъ
Для себя они готовятъ.
Ты съ Заморой непокорной
Заодно теперь, Родриго;
Нынѣ умъ твой дерзновенный
Не въ ладу съ моимъ совѣтомъ;
Съ глазъ моихъ пойди, Родриго;
Изъ кастильскихъ выйдь предѣловъ:
Всѣ мои покинь владѣнья.—
„Но которыя владѣнья,
Государь, велишь покинуть?
Завоеванныя ль мною,
Сохраненныя ли мною
Для тебя?"—Тѣ и другія.—
Сидъ минуту былъ задумчивъ;
Но потомъ онъ улыбнулся,
Вкругъ себя спокойный бросилъ
Взоръ и сѣлъ на Бабіэку.
Удалился Сидъ... молчанье
Въ станѣ царствуетъ, какъ въ гробѣ.

IV.

Длится трудная осада;
Много было поединковъ;
Много рыцарей кастильскихъ,
Къ утѣшенью дамъ Заморы,
Было сброшено съ сѣдла.
Не возьмутъ они Заморы.
Тутъ являются къ Донъ-Санху
Графы, знатные вельможи.
„Государь, отдай намъ Сида!
(Говорятъ они); безъ Сида
Не бывать ни въ чемъ удачи".
И король послалъ за Сидомъ;
Но съ домашними своими
Напередъ о томъ, что дѣлать,
Посовѣтовался Сидъ.—
В о з в р а т и т ь с я, былъ совѣтъ ихъ,
Если самъ король Донъ-Санхо
Признаетъ себя виновнымъ.—
Сидъ покорствуетъ призванью;
Самъ король къ нему навстрѣчу
Выѣзжаетъ; съ Бабіэки
Сходитъ Сидъ, его увидя,
И его цѣлуетъ руку.
Съ той поры на поединки
Вызывать гораздо рѣже
Стали рыцари Заморы
Смѣлыхъ рыцарей кастильскихъ:
Каждый былъ готовъ сразиться
Хоть съ пятью одинъ, хоть съ чортомъ,
Лишь бы только не съ Родригомъ.
Вдругъ изъ города Заморы
Вышелъ витязь неизвѣстный.
Къ пышной ставкѣ королевской
Подошедши, такъ сказалъ онъ:
„За совѣтъ мой: п о к о р и т ь с я,
Чуть меня не умертвили.
Государь, я знаю вѣрный
Способъ сдать тебѣ Замору".
Но съ высокія ограды
Въ то же время старый рыцарь
Прокричалъ: „Король Донъ-Санхо,
Знай, и вы, кастильцы, знайте,
Что изъ города Заморы
Вышелъ къ вамъ предатель хитрый.
Если сбудется злодѣйство,
Насъ ни въ чемъ не обвиняйте".
Но съ предателемъ Донъ-Санхо
Ужъ пошелъ къ стѣнамъ Заморы.
Тамъ предъ входомъ потаеннымъ
Неприступныя ограды,
Видя, что король Донъ-Санхо
Съ нимъ одинъ и безоруженъ,
Острый свой кинжалъ предатель
Весь вонзилъ въ него—и скрылся.
И король смертельно раненъ.
Вкругъ него толпятся слуги;
И никто изъ нихъ не молвилъ
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, вѣрный рыцарь
Такъ сказалъ ему: „Помысли
О душѣ своей и Богѣ;
Остальное все забудь".
И уже король Донъ-Санхо
Предалъ въ руки Бога душу.
Много рыцарей кастильскихъ
Вкругъ него стоятъ и плачутъ;
Болѣ всѣхъ скорбитъ и плачетъ
Благородный Донъ-Родриго.
„О король мой, о Донъ-Санхо!
(Восклицаетъ онъ): да будетъ
Проклятъ день тотъ ненавистный,
День, въ который ты замыслилъ
Приступить къ стѣнамъ Заморы.
Не боялся тотъ ни Бога,
Ни людей, кто беззаконно
Далъ тебѣ совѣтъ нарушить
Честный рыцарства законъ".

(1831 г.)

ПЕРЧАТКА.

(Повѣсть, изъ Шиллера.)

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.
Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;

Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ, и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
„Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
Ты любишь такъ, какъ говоришь,
Ты мнѣ перчатку возвратишь“.

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ-будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ и сказалъ: „Не требую награды“.
(1831 г.)

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНІЕ.

(Быль, изъ Гебеля.)

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ городѣ горномъ Фаллунѣ,
Утромъ одинъ молодой рудокопъ, на свиданьи съ своею
Скромной, милой невѣстою, такъ ей сказалъ: —Черезъ мѣсяцъ
(Мѣсяцъ не дологъ) мы будемъ мужъ и жена; и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ.—„И въ нашей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселятся!“ сказала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ священникъ въ приходской
Церкви: „Кто законное браку препятствіе знаетъ,
Пусть объявитъ объ немъ“, тогда съ запрещеньемъ явилась
Смерть. Наканунѣ брачнаго дня, идя въ рудокопню,
Въ черномъ платьѣ своемъ (рудокопъ никогда не снимаетъ
Чернаго платья), женихъ постучался въ окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей: —Доброе утро!—но добрый
Вечеръ! онъ ей ужъ не сказалъ, и назадъ не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой, ни на третій, ни послѣ...
Рано поутру одѣлась она въ вѣнчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришелъ онъ,
Платье вѣнчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго объ немъ, и его никогда не забыла.
Вотъ въ Португаліи весь Лиссабонъ уничтоженъ былъ страшнымъ
Землетрясеньемъ; война Семилѣтняя кончилась; умеръ
Францъ императоръ; былъ езуитскій орденъ разрушенъ;
Польша исчезла; скончалась Марія-Терезія; умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала свободна; въ могилу
Легъ императоръ Іосифъ Второй; революціи пламя
Вспыхнуло; добрый король Людовикъ, возведенный на плаху,
Умеръ святымъ; на русскомъ престолѣ не стало Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всѣ перевысилъ, и рухнулъ;
И на далекой скалѣ океана изгнанникомъ умеръ
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покрывалися жатвой,
Пашни сочной травою, холмы золотымъ виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мололъ, и глубоко
Въ нѣдра земли проницалъ съ фонаремъ рудокопъ, открывая

Жилы металловъ. И вотъ случилось, что близко Фаллуна,
Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ давнишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ онъ не тронутъ
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; казалось, что умеръ
Съ часъ не болѣ; иль только прилегъ отдохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ темной земныя утробы
Вынесенъ былъ—отецъ и мать, и друзья, и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось никого, кто бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто бъ помнилъ, когда съ нимъ случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени, чуждый живому,
Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока не явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который однажды
Утромъ, за день до свадьбы своей, пошелъ на работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ. Подпираясь клюкою,
Трепетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая старушка;
Смотритъ на тѣло, и вмигъ узнаетъ жениха. И съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она предстоящимъ сказала:
—Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще передъ смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы, пошелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался.—У всѣхъ разогрѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей невѣсты, увядшей,
Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ, сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснулся на голосъ знакомый;
Онъ не открылъ ни очей для узнанья, ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его понесли, съ умиленьемъ
Друга давнишнія младости въ землю она проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали; когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла и сказала:
„Что однажды земля отдала, то отдастъ и въ другой разъ!“

(1831 г.)

ОТРЫВОКЪ.

Солнце склонялось къ горамъ Іудейскимъ. Медлительнымъ шагомъ,
Очи потупивъ, объятъ размышленьемъ о томъ, что случилось
Столь недавно, шелъ Никодимъ отъ Голгоѳы. Все тихо
Было кругомъ. Три креста на вершинѣ горы одиноко
Въ блескѣ вечернемъ сіяли. Внизу былъ сумракъ. Пещера
Съ гробомъ пустымъ, съ отвалившимся камнемъ отъ входа, прохладно
Сѣнью деревъ благовонныхъ закрыта была. Тамъ глубокій
Царствовалъ сонъ. Никодимъ, задумавшись, шелъ черезъ городъ;
Шелъ онъ тѣмъ самымъ путемъ, по которому несъ на Голгоѳу
За сорокъ дней передъ тѣмъ свой крестъ незабвенный Учитель.
Все, что было въ тотъ день, повторялось въ душѣ Никодима.
Здѣсь Вероника обтерла Страдальцу ланиты, кровавымъ
Потомъ покрытыя. Тамъ, узрѣвъ проливающихъ слезы
Женъ, Онъ сказалъ: „Не Меня вамъ должно оплакивать, дщери
Ерусалима! Оплачьте нынѣ себя! Наступаютъ
Дни, въ которые съ трепетомъ скажутъ горамъ: „упадите,
Горы, на насъ!“ и холмамъ: „покройте насъ, холмы!“ Въ томъ мѣстѣ
Палъ Онъ подъ тяжкимъ крестомъ, изнуренный. Далѣ, увидѣвъ
Матерь, лишенную чувствъ, Онъ сказалъ, проходя: „Ободрися,
Милая матерь!“ Тамъ, наконецъ, облеченъ въ багряницу,
Въ узахъ, въ терновомъ вѣнцѣ, Онъ стоялъ предъ народомъ, смиренный,
Тихій, но полный величія. „Се человѣкъ!“ съ состраданьемъ
Молвилъ Пилатъ и руки омылъ. И волнуясь, какъ море,
„Кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ!“ воскликнулъ
Громко безумный народъ... и Его повели на Голгоѳу.

(1831 г.)

ДВѢ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА.

День былъ ясенъ и тепелъ; къ закату сходящее солнце
Ярко сіяло на чистомъ лазоревомъ небѣ. Спокойно
Дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ;

Глядя на ласточекъ, быстро круживших въ воздушномъ пространствѣ,
Вслѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ маленькой трубки;
Легкими кольцами дымъ подымался и, съ воздухомъ слившись,
Въ немъ пропадалъ. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жужжали и тонкой
Струйкой нити вилися; Фрицъ работалъ, а Енни,
Вѣчный лѣнивецъ, игралъ на травѣ съ курчавою шафкой.
Всѣ молчали: какъ-будто ангелъ тихій провѣялъ.
„Дѣдушка, Лотта сказала, что ты примолкъ? Разскажи намъ
Сказку; вечеръ ясный такой; намъ весело будетъ
Слушать".—Сказку? старикъ проворчалъ, высыпая изъ трубки
Пепелъ, все бы вамъ сказки; не лучше ль послушать вамъ были?
Быль разскажу вамъ и быль не одну, а двѣ.—Опроставши
Трубку и снова набивъ ее табакомъ, изъ мошонки
Дѣдушка вынулъ огниво и, трутъ на кремень положивши,
Крѣпко ударилъ сталью въ кремень, посыпались искры,
Трутъ загорѣлся, и трубка опять задымилась. Собравшись
Съ мыслями, дѣдушка такъ разсказывать съ важностью началъ:
— Дѣти, смотрите, какъ все передъ нами прекрасно, какъ солнце,
Медленно съ неба спускаясь, все осыпаетъ лучами;
Рейнъ золотомъ льется; жатва какъ тихое море;
Холмы зеленые въ свѣтѣ вечернемъ горятъ; по дорогамъ
Шумъ и движенье; поднявъ паруса, нагруженныя барки
Быстро бѣгутъ по водамъ; а наша приходская церковь...
Окна ея какъ огни межъ темными липами блещутъ,
Вкругъ мелькаютъ кресты на кладбищѣ, и въ воздухѣ тепломъ
Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькаютъ;
Весь онъ полонъ говоромъ, пѣньемъ, жужжаньемъ... прекрасенъ
Міръ Господень! сердцу такъ радостно, сладко и вольно!
Скажешь: гдѣ бы въ этомъ прекрасномъ мірѣ Господнемъ
Быть несчастью? Анъ нѣтъ! и не только несчастье—злодѣйство
Мѣсто находитъ въ немъ. Видите ль тамъ на высокомъ пригоркѣ
За́мокъ въ обломкахъ? Теперь по стѣнамъ расцвѣтаетъ зеленый
Плющъ, и солнце его золотитъ, и звонкую пѣсню безпечно,
Сидя въ травѣ, на рожкѣ тамъ играетъ пастухъ. А на Рейнѣ
Видите ль вы небольшой островокъ? Молодая изъ кленовъ
Роща на немъ расцвѣла; подъ тѣнью ея разостлавши
Сѣти, рыбакъ готовитъ свой ужинъ, и дымъ голубою
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, такъ прекрасный
Рай. Ну, слушайте жъ: очень недавно, тамъ на пригоркѣ,
Близко развалинъ за́мка, стояла гостиница: чистый,
Свѣтлый, просторный домъ, подъ вывѣской черного вепря.
Въ той гостиницѣ каждый прохожій въ то время могъ видѣть
Бѣдную Эми. Подлинно бѣдная! дико потупивъ
Голову, въ землю глаза неподвижно уставивъ, по цѣлымъ
Днямъ сидѣла она передъ дверью трактира на камнѣ.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко вздыхала;
Жалобъ никто отъ нея не слыхалъ, но, Боже мой! всякій,
Разъ поглядѣвши ей бѣдной въ лицо, узнавалъ, что на свѣтѣ
Все для нея миновалось: мертвою блѣдностью щеки
Были покрыты; глаза изъ глубокихъ впадинъ сверкали
Острымъ огнемъ; одежда была въ безпорядкѣ; какъ змѣи,
Черныя кудри по голымъ плечамъ раскиданы были.
Вѣчно молчала она и была тиха, какъ младенецъ;
Но порою, если случалось, что вѣтеръ просвищетъ,
Вдругъ содрогалась, на что-то глаза упирала и, пальцемъ
Быстро туда указавъ, смѣялась смѣхомъ безумнымъ.
Бѣдная Эми! такою ль видали ее? Беззаботно
Жизнью, бывало, она веселилась, какъ вольная пташка.
Помню и я, и старинные гости чернаго вепря,
Какъ насъ съ радушной улыбкой и ласковымъ словомъ встрѣчала

Эми, какъ весело шло угощенье. И всѣ ей друзьями
Были въ нашей округѣ. Кто веселость и живость
Всюду съ собой приносилъ? Кого, какъ любимаго гостя,
Съ криками вся молодежь встрѣчала на праздникахъ? Эми.
Кто всегда такъ опрятно и чинно одѣтъ былъ? Кого нашъ священникъ
Дѣвушкамъ всѣмъ въ образецъ поставлялъ? Кто, шумя какъ ребенокъ
Рѣзвый на игрищахъ, былъ такъ набожно тихъ за молитвой?
Словомъ: кто бѣднымъ другъ, за больными ходилъ, съ огорченнымъ
Плакалъ, съ дѣтьми игралъ какъ дитя? Все Эми, все Эми.
Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
Все напротивъ. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этотъ Брандъ былъ молодъ, уменъ и красивъ; но худые
Слухи носились объ немъ: онъ съ людьми недобрыми знался;
Въ церковь онъ не ходилъ; а въ шинкахъ, за картами, кто былъ
Первый? Брандъ. Колдовствомъ ли какимъ онъ понравился Эми,
Самъ ли Господь ей хотѣлъ послать на землѣ испытанье,
Съ тѣмъ, чтобъ душа ея, здѣсь въ страданьяхъ очистившись, прямо
Въ рай перешла—не знаю, но Эми была ужъ невѣстой
Бранда, и всѣ жалѣли объ ней. Ну, послушайте жъ: вечеръ
Былъ осенній и бурный; въ гостиницѣ черпаго вепря
Два сидѣли гостя; яркое пламя трещало въ каминѣ.
„Что за погода! сказалъ одинъ. Не раздолье въ такую
Бурю сидѣть у огня и слушать, какъ вѣтеръ холодный
Рвется въ оконницы?—Правда, другой отвѣчалъ: ни за что бы
Я теперь отсюда не вышелъ; ужасъ, не буря!
Мѣсяцъ на небѣ есть, а ночь такъ темна, что хоть оба
Выколи глаза; плохо тому, кто въ дорогѣ. „Желалъ бы
Знать я, найдется ль такой удалецъ, чтобъ теперь въ тотъ старинный
За́мокъ сходить? Онъ близко, шаговъ съ три сотни не болѣ;
Но, признаться, днемъ я не трусъ, а ночью въ такое
Время пойти туда, гдѣ, быть-можетъ, впотемкахъ
Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя—извините; съ живыми
Сладить можно, а съ мертвымъ и смѣлость не въ пользу; храбрися
Сколько угодно душѣ, а что ты сдѣлаешь, если
Вдругъ предъ тобою длинный, блѣдный, сухой, съ костяными
Пальцами станетъ, и два ужасные глаза упрутся
Дико въ тебя, и ты ни съ мѣста, какъ камень? А въ этомъ
За́мкѣ, всѣ знаютъ, нечисто; и въ тихую ночь тамъ не тихо;
Что же въ бурю, когда и мертвецъ повернется въ могилѣ?“
—Страшно, правда; а я объ закладъ побьюся, что наша
Эми не труситъ и въ за́мокъ одна одинешенька сходитъ.
„Бейся, пробьешь“.—Изволь, по рукамъ; ты слышала, Эми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть къ свадьбѣ? Сходи же
Въ за́мокъ и вѣтку намъ съ клена, который между обломковъ
Тамъ растетъ, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвыхъ и бреднямъ не вѣришь. Согласна ли, Эми? „Согласна!
Эми сказала съ усмѣшкой. Бояться тутъ нечего, развѣ
Бури, а противъ ночныхъ привидѣній защитой молитва“.
Съ этимъ словомъ Эми пошла. Развалины были
Близко; но вѣтеръ вылъ и ревѣлъ; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, какъ черныя горы, задвинувъ
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входитъ безъ всякаго страха въ средину развалинъ;
Кленъ недалеко; вдругъ вѣтеръ утихъ на минуту; и Эми
Слышитъ, что кто-то идетъ живой, а не мертвый; ей стало
Страшно... слушаетъ... вѣтеръ снова поднялся и снова
Стихъ и снова послышалось ей, что идутъ; въ испугѣ
Къ грудѣ развалинъ прижалася Эми. Въ это мгновенье
Вѣтромъ раздвинуло тучи, и мѣсяцъ очистился. Что же
Эми увидѣла? Два человѣка—двѣ черныя тѣни—
Крадутся между обломковъ и тащатъ мертвое тѣло.

Вѣтеръ ударилъ сильнѣй; съ головы одного сорвалася
Шляпа, и къ Эминымъ прямо ногамъ прикатилась; а мѣсяцъ
Въ ту минуту пропалъ, и все опять потемнѣло.
„Стой! (послышался голосъ) шляпу вѣтромъ умчало!“—
„Послѣ отыщешь; прежде окончимъ работу: зароемъ
Кладъ свой!“ другой отвѣчалъ, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглавъ пустилась къ гостиницѣ Эми. Блѣднѣе
Смерти въ двери вбѣжала она, и долго промолвить
Слова не въ силахъ была; отдохнувъ, наконецъ, разсказала
То, что ей въ за́мкѣ привидѣлось. „Вотъ обличитель убійцамъ!“
Шляпу поднявши, громко промолвила Эми; но тутъ же
Въ шляпу всмотрѣлась... „Ахъ!“ и упала на полъ безъ чувства;
Брандово имя стояло на шляпѣ! Мнѣ нечего болѣ
Вамъ разсказывать. Въ этотъ мигъ помутился разсудокъ
Бѣдной Эми; Господь милосердный недолго страдать ей
Далъ на землѣ; ее отнесли на кладбище. Но долго
Видѣли столбъ съ колесомъ на пригоркѣ близъ за́мка: прохожимъ
Онъ приводилъ на память и Бранда и бѣдную Эми.
Все исчезло теперь, и гостиницы нѣтъ; лишь могилка
Бѣдной Эми цвѣтетъ, какъ цвѣла, и надъ нею спокойно.—
Дѣдушка кончилъ и молча сталъ выколачивать трубку.
Внучки также молчали и съ грустью смотрѣли на церковь:
Солнце играло на ней, и темныя липы бросали
Тѣнь на кладбище, гдѣ Эми давно покоилась въ гробѣ.

—Вотъ вамъ другая быль, сказалъ, опять раскуривши
Трубку, старикъ. Каспаръ былъ бѣденъ. Къ буйной, развратной
Жизни привыкъ онъ, и сердце въ немъ сдѣлалось камнемъ. Но жаднымъ
Окомъ смотрѣлъ на чужое богатство Каспаръ. На злодѣйство
Трудно ль рѣшиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Такъ и случилось. Каспаръ на ночную добычу
Вышелъ. Вы видите островъ на Рейнѣ? Вдоль берега вьется
Противъ этого острова, мимо утеса, дорожка.
Тамъ, у самой дорожки, подъ темнымъ утесомъ, въ ночное
Позднее время Каспаръ засѣлъ и ждалъ: не пройдетъ ли
Кто-нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освѣщенный
Полной луной островокъ отражался въ водѣ, и густые
Клены, глядясь въ ней, стояли тихо, какъ черныя тѣни;
Все покоилось... волны изрѣдка въ берегъ плескали,
Въ листьяхъ журчало, и пѣлъ соловей. Но злодѣйскимъ
Замысломъ полный, Каспаръ не слыхалъ ничего: онъ иное
Жаднымъ подслушивалъ ухомъ. И вотъ напослѣдокъ онъ слышитъ:
Кто-то идетъ по дорогѣ; то былъ одинокій прохожій.
Выскочилъ, словно какъ звѣрь изъ берлоги, Каспаръ, и недолго
Длилась борьба между ними: бѣдный путникъ съ тяжелымъ
Стономъ упалъ на землю, зарѣзанный. Мертвое тѣло
Въ воду стащилъ Каспаръ и вымылъ кровавыя руки;
Брызнули волны, раздавшись надъ трупомъ, и снова слилися
Въ гладкую зыбь; все стало попрежнему тихо, и сладко
Пѣть продолжалъ соловей. Каспаръ беззаботно съ добычей
Въ путь свой пошелъ; свидѣтелей не было; совѣсть молчала.
Скоро истратилъ разбойникъ добытое кровью, и скоро
Голымъ сталъ онъ попрежнему. Годы прошли; о убійствѣ,
Кромѣ Бога, никто не провѣдалъ; но слушайте далѣ.
Разъ Каспаръ сидѣлъ за столомъ въ гостиницѣ. Входитъ
Старый знакомецъ его, арендаторъ Веньяминъ; онъ садится
Подлѣ Каспара; онъ крѣпко, крѣпко задумчивъ; и вправду
Было о чемъ призадуматься: денно и нощно работалъ,
Честно жилъ Веньяминъ, а все понапрасну: тяжелый
Крестъ достался ему: семью имѣлъ онъ большую;
Всѣхъ одѣнь, напой, накорми... а чѣмъ? И вдобавокъ
Новое горе постигло его: жена отъ тяжелой
Скорби слегла въ постель, и деньги пошли на лѣкарство;

Богъ помогъ ей; но съ той поры все хуже да хуже; и часто
Нечего ѣсть; жена молчитъ, но таетъ, какъ свѣчка;
Дѣти крикомъ кричатъ; наконецъ, остальное помѣщикъ
Въ домѣ силою взялъ, въ уплату за долгъ, и изъ дома
Выгнать грозился. Эта бѣда съ Веньяминомъ случилась
Утромъ, а вечеромъ онъ Каспара въ гостиницѣ встрѣтилъ,
Рядомъ съ нимъ онъ сидѣлъ у стола; опершись на колѣно
Локтемъ, рукою закрывши глаза, молчалъ онъ, какъ мертвый.
„Что съ тобой, Веньяминъ? спросилъ Каспаръ. Ты какъ-будто
Въ воду опущенъ. Послушай, сосѣдъ, не распить ли намъ вмѣстѣ
Кружку вина? Веселѣе на сердцѣ будетъ; отвѣдай".
Кружку взялъ Веньяминъ и выпилъ.—Тяжко приходитъ
Жить, сказалъ онъ. Жена умираетъ, и хилыя кости
Не на чемъ ей успокоить: злодѣи послѣднюю взяли
Нынче постелю. А дѣти—Господи Боже мой! лучше бъ
Имъ и мнѣ въ могилу. Помѣщикъ нашъ нынѣшней ночью
Въ зáмокъ свой пышный поѣдетъ, и тамъ на мягкихъ подушкахъ,
Вкусно поужинавъ, сладко заснетъ... а я воротяся
Въ домъ мой, гдѣ голыя стѣны, что найду тамъ? Бездушный!
Я ли Христомъ да Богомъ его не молилъ? У него ли
Мало добра?.. Пускай же Всевышній Господь на судилищѣ страшномъ
Такъ же съ нимъ немилостивъ будетъ, какъ онъ былъ со мною!—
Слушалъ Каспаръ и въ душѣ веселился, какъ злой искуситель;
Въ кружку сосѣду вина подливалъ онъ, и скоро зажегъ въ немъ
Кровь, и потомъ изъ гостиницы вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Ужъ было
Поздно. „Сосѣдъ, Веньямину онъ тихо шепнулъ, господинъ твой
Нынѣшней ночью одинъ въ свой зáмокъ поѣдетъ; дорога
Близко; она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко".
Рѣчью такой былъ сраженъ Веньяминъ; но тяжкая бѣдность,
Горе семьи, досада, хмель, темнота, обольщенье
Словъ коварныхъ... довольно, чтобъ слабое сердце опутать.
Такъ ли, не такъ ли, но вотъ пошелъ Веньяминъ за Каспаромъ;
Противъ знакомаго острова сѣли они подъ утесомъ,
Близко дороги, и ждутъ; ни одинъ ни слова; не смѣютъ
Вслухъ дышать и слушаютъ молча. Ихъ окружала
Тихая, темная ночь; звѣздъ не сверкало на небѣ,
Листъ едва шевелился, безъ ропота волны лилися,
Все покоилось сладко, и пѣлъ соловей. Душа Веньямина
Вдругъ согрѣлась: въ ней совѣсть проснулась, и онъ содрогнулся.
—Нечего ждать, онъ сказалъ; ужъ поздно; уйдемъ; не придетъ онъ.—
„Будь терпѣливъ, злодѣй возразилъ, подождемъ и дождемся.
Долѣ зато дожидаться его возвращенья придется
Въ зáмкѣ женѣ; да будетъ напрасно ея нетерпѣнье".
Сердце отъ этихъ словъ повернулось въ груди Веньямина;
Вспомнилъ свою онъ жену и сказалъ:—Теперь прояснилась
Совѣсть моя; не поздно еще; не хочу оставаться!—
„Что ты? воскликнулъ Каспаръ. Послушался совѣсти; бредишь.
Ночь темна, рѣка глубока, здѣсь мѣсто глухое,
Кто насъ увидитъ?" Морозъ подралъ Веньямина по кожѣ.
—Кто насъ увидитъ? А развѣ нѣтъ свидѣтеля въ небѣ?—
„Сказки! здѣсь мы одни. Въ ночной темнотѣ не примѣтитъ
Насъ ни земной, ни небесный свидѣтель". Тутъ неоглядкой
Прочь отъ него побѣжалъ Веньяминъ. И въ это мгновенье
Темное небо яркимъ, страшнымъ лучомъ раздвоилось;
Все кругомъ могильная мгла покрывала; на томъ лишь
Мѣстѣ, гдѣ спрятаться думалъ Каспаръ, было какъ въ ясный
Полдень свѣтло. И вотъ, предъ глазами его повторилось
Все, что онъ нѣкогда тутъ свершилъ во мракѣ глубокой
Ночи одинъ: онъ услышалъ шумъ отъ упавшаго въ воду
Трупа; онъ черный трупъ на волнахъ освѣщенныхъ увидѣлъ;

Волны раздвинулись, трупъ нырнулъ въ нихъ, и все потемнѣло...
Дѣти! долго съ тѣхъ поръ подъ этимъ утесомъ, какъ дикій
Звѣрь, гнѣздился Каспаръ сумасшедшій. Не вѣдалъ онъ кровли;
Былъ безобразенъ: лицо какъ кора, глаза какъ два угля,
Волосы клочьями, ногти на пальцахъ какъ черные когти,
Вмѣсто одежды гнилое тряпье; худой, изможденный,
Чахлый, всѣ ребра наружу, онъ въ страхѣ все жался къ утесу,
Все какъ-будто хотѣлъ въ немъ спрятаться, и все озирался
Смутно кругомъ; но порою вдругъ выбѣгалъ и, на небо
Дико уставивъ глаза, шепталъ: онъ видитъ, онъ видитъ!—

Дѣдушка, быль досказавъ, посмотрѣлъ, усмѣхаясь, на внучекъ.—
Что же вы такъ присмирѣли? спросилъ онъ. Видно разказъ мой
Былъ не на шутку печаленъ? Постойте жъ, я кое-что вспомнилъ,
Что разсмѣшитъ васъ и вмѣстѣ научитъ. Слушайте. Часто
Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ. Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота
Съ добрый сарай—удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: „Чей это домъ, въ которомъ такъ много
Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ". Но, видно, прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то-есть, не зналъ ни полслова,
Какъ бы то ни было, каннитферштанъ! отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ — есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значитъ оно: не могу васъ понять. Простодушный
Нѣмецъ, напротивъ, вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. „Видно, богатъ не на шутку
Этотъ Каннитферштанъ", сказалъ про-себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ онъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань—
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего, такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но, наконецъ, на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы,
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацынскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ, и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: „Какъ назывался
Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
Разомъ прислало!" Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ:
Каннитферштанъ. „Опять! смотри, пожалуй! Какой же
Этотъ Каннитферштанъ молодецъ! Мудрено ли построить
Домъ богатствомъ такимъ, и разставить въ горшкахъ золоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?" Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ и задумался; горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только-что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ
Самъ былъ Каннитферштанъ, какъ вдругъ передъ нимъ погребенье.

Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ-будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу навѣки отвозятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча
Въ трауръ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальнный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной
Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: „Конечно, покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?"
Каннитферштанъ! былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши, сказалъ онъ:
„Бѣдный, бѣдный Каннитферштанъ! отъ такого богатства
Что осталось тебѣ? Не то же ль, что рано иль поздно
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
Гробъ". И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ-будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о Каннитферштанѣ, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ—и тѣсной могилѣ.

(1831 г.)

СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

(Повѣсть, подражаніе Шиллеру.)

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащатъ
Мертваго змѣя, съ кровавой разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя:
„Вотъ!" говорятъ, „посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ вытти
Въ бой... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель;
Слава ему!" И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: —Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить.—Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: „Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность—рыцарю честь; но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?" Зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ:—Первый
Рыцарскій долгъ есть покорность.—„И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ, сынъ мой, ты нарушилъ: ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить".—Владыка! сперва благосклонно

Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ-будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: дерзай! и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: „ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое—
Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой искусство,
Мужествомъ мудрость должны управлять". И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ, вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило; найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою: на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца какъ-будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могущихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но, наконецъ, побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и, ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою

Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ Святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ вблизи змѣй грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ; онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло;
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечомъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной, и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей не покрытое, вгрызлись собаки;
Взвылъ онъ отъ боли и бѣшено началъ кидаться... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся ѳземь и, тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ: глаза открываю—
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ.—
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: „хвала!“ Но магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобы всѣ замолчали.—
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: „Змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ; но покорность
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ самъ Искупитель,
Богъ всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ орденъ священный;
Тамъ, облачася крестомъ, на себя они возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: свою обуздывать волю.
Суетной славой ты былъ обольщенъ—удались; ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ“.
Такъ магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари ордена сами владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,

Гнѣвный смягчился судья и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: „Обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи; онъ твой, онъ награда смиренью".

(1831 г.)

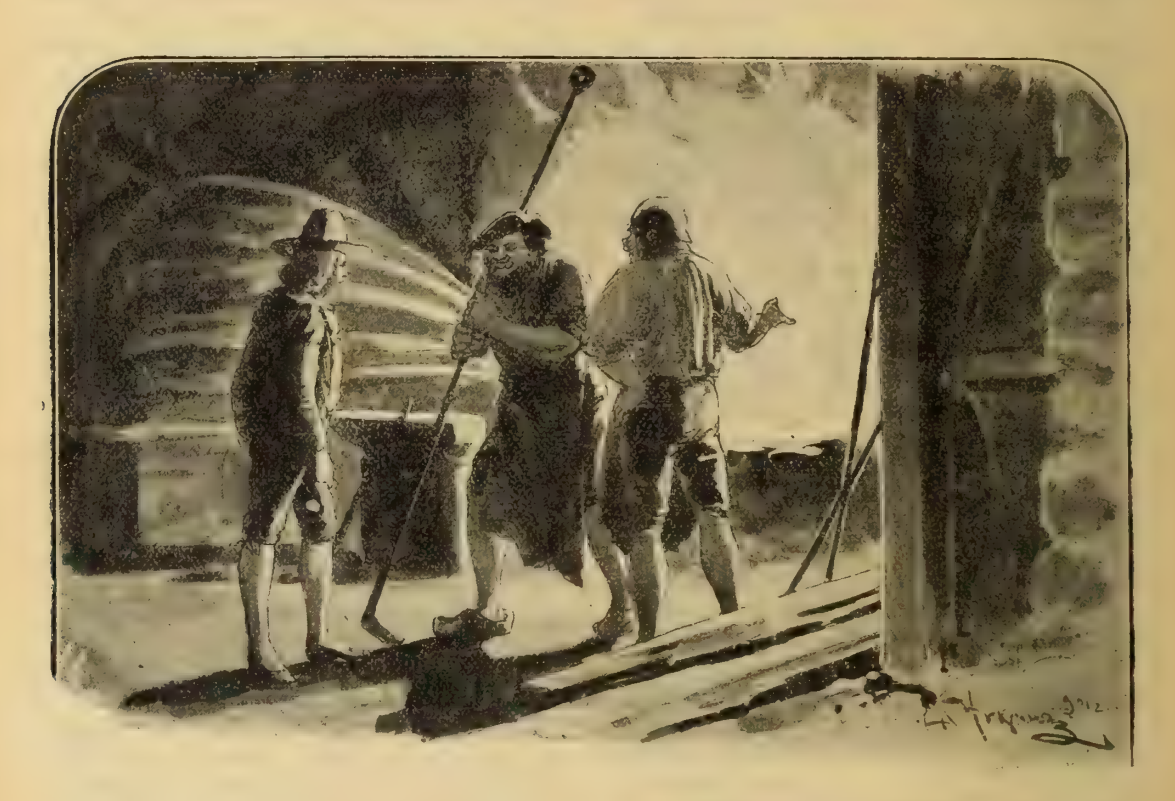
СУДЪ БОЖІЙ.

Повѣсть, подражаніе Шиллеру (Фридолинъ).

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхѣ Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Саверпской.
Правда, нетрудно было служить ей: она добронравна
Свойствомъ, тиха въ обращеньи была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра до поздней ночи всечасно
Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты покоя не зная;
Если жъ случалось сказать ей ему: „Фридолинъ, успокойся!"
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. Зато и его отличала графиня;
Вѣчно хвалила и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же съ самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ, какъ съ слугой госпожа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицомъ Фридолина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ, лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣніе: „Счастьемъ завиднымъ
Богъ наградилъ васъ, графъ государь; онъ далъ вамъ въ супругѣ
Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ ангелъ
Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; спите спокойно:
Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней". Заблистали
Грозно у графа глаза.—Что смѣешь ты бредить? сказалъ онъ;
Женская вѣрность слово пустое; на ней опираться
То же, что строить на зыбкой водѣ; берегися, какъ хочешь,
Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньи:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Савернскаго графа!—
„Правда, коварно отвѣтствовалъ Робертъ; подобная дерзость
Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь презрѣнья
Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,
Смѣетъ глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
Въ сердцѣ развратномъ желанья таить".—Что слышу! воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. О комъ говоришь ты? И живъ онъ?—
„Всѣ объ немъ говорятъ, государь, а я, изъ почтенья
Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ: что самимъ вамъ
Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ быть священной
Тайной".—Злодѣй, говори! въ изступленьи ужасномъ воскликнулъ
Графъ. Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды! кто этотъ
Дерзкій?—„Пажъ Фридолинъ; онъ молодъ, лицомъ миловиденъ
(Такъ шипѣлъ предательски Робертъ, а графа бросало
Въ холодъ и жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ.) Возможно ль, чтобъ сами
Вы не видали того, что каждому видно? За нею
Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая
Все, за столомъ онъ служитъ; за стуломъ ея, какъ волшебной
Скованный силой, стоитъ онъ и рдѣетъ любовью преступной.
Онъ и стихи написалъ и въ нихъ передъ ней признается
Въ нѣжной любви".—Признается! „И даже молить о взаимномъ
Чувствѣ дерзаетъ. Конечно, графиня, по кротости сердца,
Скрыла отъ васъ, государь, безумство такое, и самъ я
Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ; чего вамъ страшиться?"
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной палатѣ:

Тамъ непрестанно огонь, какъ-будто въ адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, клокотало;
День и ночь работники тамъ суетились вкругъ горновъ,
Пламя питая; взвивалися вихрями искры; свистали
Страшно мѣхи; колесо подъ водою средь брызжущей пѣны
Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный, гремя неумолкно,
Самъ, какъ живой, подымался и падалъ. Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: „Исполните въ точность

Графъ, увидя его, говоритъ:—Ты долженъ, не медля нимало,
Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у литейщиковъ: все ли
Сдѣлано то, что я приказалъ?—„Исполнено будетъ“,
Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ ужъ итти, но подумавъ:
Можетъ-быть дастъ ему и она порученье какое—
Онъ приходитъ къ графинѣ и ей говоритъ: „Господиномъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа; не угодно ль
Будетъ и вамъ чего приказать?“ Ему съ благосклоннымъ

Волю мою; того, кто первый придетъ къ вамъ и спроситъ:
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ? безъ всякой пощады
Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось“. Съ свирѣпымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому слову;
Души ихъ были суровѣй желѣза; рвенье удвоивъ,
Начали снова работать они и, убійствомъ заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
Къ графу тѣмъ временемъ хитрый наушникъ позвалъ Фридолина.

Взоромъ графиня отвѣтствуетъ:—Другъ мой, къ обѣднѣ хотѣлось
Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ; сходи, помолися
Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.—
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ деревни
Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣстъ: колоколъ звонкимъ
Голосомъ звалъ христіанъ на молитву. *Отъ встрѣчи Господней
Ты уклоняться не долженъ*, сказалъ онъ, и въ церковь съ смиреннымъ,
Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто и тихо:

Жатва была, и всѣ поселяпе работали въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился,
Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмѣ.—Господу Богу
Прежде свой долгъ отдай, потомъ господину. Съ такою
Мыслью усердно онъ началъ служить: священнику ризы,
Стблу и сингулумъ подалъ; потомъ приготовилъ святыя
Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно
Долгъ исправлять министранта: и тамъ и тутъ на колѣни,
Руки сжавъ, становился; звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро
Провозглашаемо было великое sanctus; когда же
Тайну священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ
Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя-Бога въ безкровной
Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ, и смиренно
Палъ на колѣни предъ Господомъ, въ грудь себя поражая,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все, что установлено чиномъ,
Въ храмѣ свершалъ. Напослѣдокъ, окончивши службу святую,
Громко священникъ воскликнулъ: vobiscum Dominus; вѣрныхъ
Благословилъ; и церковь совсѣмъ опустѣла; тогда онъ,
Все въ порядокъ приведши, и чаши, и ризы, и утварь,
Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и вдобавокъ дорогой
Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши
Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; передъ горномъ,
Черны отъ дыма, стоятъ два работника. Къ нимъ обратяся,
„Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?“ онъ спросилъ. И, оскаливъ
Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень
Горна. „Онъ тамъ! (прошепталъ сиповатый ихъ голосъ) какъ должно
Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ“. Съ такимъ ихъ отвѣтомъ обратно
Въ за́мокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ.—Несчастный! откуда идешь ты?—
„Изъ лѣсу прямо“.—Возможно ль? Ты, вѣрно, промѣшкалъ въ дорогѣ?—
„Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ государь; повелѣнье
Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?
Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ
Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше“.
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ.—Но скажи мнѣ, спросилъ онъ,
Что отвѣчали тебѣ?—„Непонятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ
Было на горнъ мнѣ указано. Тамъ онъ! (сказали) какъ должно
Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ!“—А Робертъ? спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ, графъ. Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ.—„Государь, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, нигдѣ я не встрѣтилъ
Роберта“.—Ну! вскричалъ уничтоженный графъ, опустивши
Въ землю глаза. Самъ Богъ рѣшилъ правосудный!—И, съ кроткой
Ласкою за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ супругѣ и ей (хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, представляя
Милаго юношу, робко предъ ними склонившаго очи:
— Онъ, какъ дитя, непороченъ; нѣтъ ангела на небѣ чище;
Врагъ коваренъ; но съ нимъ Господь и всевышнія силы.—

(1831 г.)

СУДЪ ВЪ ПОДЗЕМЕЛЬѢ.

Отрывокъ изъ повѣсти Вальтеръ-Скотта (Марміонъ).

I.

Ужъ день прохладно вечерѣлъ,
И сводъ лазоревый алѣлъ;
На немъ сверкали облака;
Дыханьемъ свѣжимъ вѣтерка
Былъ воздухъ сладко растворенъ;
Играя, вѣя, морщилъ онъ
Пурпурно-блещущій заливъ;
И, бѣлый парусъ распустивъ,
Заливомъ тѣмъ ладья плыла;
Изъ Витби инокинь несла,
По легкимъ прыгая зыбямъ,
Она къ Кутбертовымъ брегамъ.
Летитъ веселая ладья;
Покрыта палуба ея
Большимъ узорчатымъ ковромъ;
Рѣзной, высокій стулъ на немъ

Съ подушкой бархатной стоитъ:
И мать игуменья сидитъ
На стулѣ, въ помыслахъ святыхъ;
Съ ней пять монахинь молодыхъ.

II.

Впервой покинувъ душный плѣнъ
Печальныхъ монастырскихъ стѣнъ,
Какъ птички въ вольной вышинѣ,
По гладкой палубѣ онѣ
Играютъ, рѣзвятся, шалятъ...
Все веселитъ ихъ, какъ ребятъ:
Той шаткій парусъ страшенъ былъ,
Когда имъ вѣтеръ шевелилъ,
И онъ, надувшися, гремѣлъ;
Крестилась та, когда бѣлѣлъ,
Катясь къ ладьѣ, кипучій валъ,
Ее ловилъ и подымалъ

А взоръ стерегъ исподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Завѣтной прелестью грудей.

III.

Игуменья порою той
Вкушала съ важностью покой,
Въ подушкахъ нѣжась въ пуховыхъ,
И на монахинь молодыхъ
Смотрѣла съ ласковымъ лицомъ.
Она вступила въ Божій домъ
Во цвѣтѣ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Не оглянулася на свѣтъ,
И, жизнь навѣки затворя
Въ безмолвіи монастыря,
По слуху знала издали
О треволненіяхъ земли,
О томъ, что радость, что любовь

На свой изгибистый хребетъ;
Ту веселилъ зеленый цвѣтъ
Морской чудесной глубины;
Когда жъ изъ пѣнистой волны,
Какъ черная внезапно тѣнь,
Предъ ней выскакивалъ тюлень,
Бросалась съ крикомъ прочь она,
И долго, трепетна, блѣдна,
Читала шопотомъ псаломъ;
У той былъ рѣзвымъ вѣтеркомъ
Покровъ развѣянъ головной,
Густою, шелковой струей
Лились на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко межъ власовъ,
И дѣвственный поймать покровъ
Ея заботилась рука,

Смущаютъ умъ, волнуютъ кровь,
И съ непроснувшейся душой,
Достигла старости святой,
Сердечныхъ смутъ не испытавъ;
Тяжелый инокинь уставъ
Смиренно строго сохранять,
Души спасенія искать
Блаженной Гильды по слѣдамъ,
Служить ея честнымъ мощамъ,
И день и ночь въ молитвѣ быть,
И день и ночь огонь хранить
Лампадъ, горящихъ у иконъ:
Въ такихъ заботахъ проведенъ
Былъ вѣкъ ея. Богатый вкладъ
На обновленіе оградъ
Монастыря дала она;
Часовня Гильды убрана

Была на славу отъ нея:
Сіяло пышное шитье
Тамъ на покровѣ гробовомъ,
И обложенный жемчугомъ
Былъ вылитъ гробъ изъ серебра;
И много дѣлала добра
Она убогимъ и больнымъ,
И возвращался пилигримъ
Отъ стѣнъ ея монастыря,
Хваля Небеснаго Царя.
Имѣла важный видъ она.
Была худа, была блѣдна;
Былъ величавъ высокій ростъ;
Лицо являло строгій постъ,
И покаянье тмило взоръ.
Хотя въ ней съ самыхъ давнихъ поръ
Была лишь къ иночеству страсть,
Хоть строго данную ей власть
Въ монастырѣ она блюла,
Но для смиренныхъ сестръ была
Она лишь ласковая мать:
Свободно было имъ дышать
Въ своей келейной тишинѣ,
И мать-игуменью онѣ
Любили дѣтски всей душой.
Куда жъ той позднею порой
Черезъ заливъ плыла она?
Была въ Линдфарнъ приглашена
Она съ игуменьей другой;
И тамъ ихъ ждалъ аббатъ святой
Кутбертова монастыря,
Чтобы, соборомъ сотворя
Кровавый судъ, проклятье дать
Отступницѣ, дерзнувшей снять
Съ себя монашества обѣтъ,
И, сатанѣ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забыть Спасителя Христа.

IV.

Ладья вдоль берега летитъ,
И берегъ весь назадъ бѣжитъ;
Мелькаютъ мимо ихъ очей
Въ сіяньи западныхъ лучей:
Тамъ зáмокъ на скалѣ крутой
И бездна пѣны подъ скалой
Отъ расшибаемыхъ валовъ;
Тамъ башня, сторожъ береговъ,
Густымъ одѣтая плющемъ;
Тамъ холмъ, увѣнчанный селомъ;
Тамъ золото цвѣтущихъ нивъ;
Тамъ зеленѣющій заливъ
Въ тѣни зеленыхъ береговъ;
Тамъ Божій храмъ, среди деревъ
Блестящій яркой бѣлизной;
И островъ, наконецъ, святой
Съ Кутбертовымъ монастыремъ,
Облитый вечера огнемъ,
Громадою багряныхъ скалъ
Изъ водъ вдали предъ ними всталъ.
И, приближаясь, тихо росъ,
И вдругъ надъ ихъ главой вознесъ
Свой брегъ крутой со всѣхъ сторонъ.
И островъ, и не островъ онъ:
Два раза въ день морской отливъ,
Песокъ подводный обнаживъ,
Противный брегъ сливаетъ съ нимъ;
Тогда поклонникъ пилигримъ
На богомолье по пескамъ
Пѣшкомъ идетъ въ Кутбертовъ храмъ;
Два раза въ день морской приливъ
Его отъ тверди отдѣливъ,
Стираетъ силою воды
Съ песка поклонниковъ слѣды.—
Несъ вѣтеръ къ берегу ладью;
На самомъ берега краю
Стоялъ Кутбертовъ древній домъ,
И волны пѣнились кругомъ.

V.

Стоитъ то зданіе давно;
Саксоновъ памятникъ, оно
Межъ скалъ крутыхъ крутой скалой
Восходитъ грозно надъ водой;
Всѣ стѣны страшной толщины
Изъ грубыхъ камней сложены;
Зубцы, какъ горы на стѣнахъ;
На низкихъ тягостныхъ столбахъ
Лежитъ огромный храма сводъ;
Кругомъ идетъ широкій ходъ,
Являя безконечный рядъ
Сплетенныхъ вѣтвями аркадъ;
И крѣпки башни на углахъ
Стоятъ какъ стражи на часахъ.
Вотще ихъ крѣпость превозмочь
Пыталась вражеская мочь
Жестокихъ нехристей датчанъ;
Вотще волнами океанъ
Всечасно ихъ разитъ, дробитъ;
Святое зданіе стоитъ
Недвижимо съ давнишнихъ поръ;
Морскихъ разбойниковъ напоръ,
Набѣги хлада, бурь, валовъ,
И силу грозную годовъ
Перетерпѣвъ, какъ въ старину,
Оно морскую глубину
Своей громадою гнететъ;
Лишь кое-гдѣ растреснулъ сводъ,
Да въ нишѣ ликъ разбитъ святой,
Да мохъ растетъ вездѣ сѣдой,
Да стѣнъ углы оточены
Упорнымъ треніемъ волны.

VI.

Въ ладьѣ монахини плывутъ,
Приблизясь къ берегу, поютъ
Святую Гильды пѣснь онѣ;
Ихъ голосъ въ поздней тишинѣ,
Какъ бы сходящій съ вышины,

Слiясь съ гармонiей волны,
По небу звонко пробѣжалъ;
И съ брега хоръ имъ отвѣчалъ,
И вышелъ изъ святыхъ воротъ
Съ хоругвями, крестами, ходъ
Навстрѣчу инокинь честныхъ;
И возвѣстилъ явленье ихъ
Колоколовъ согласный звонъ,
И былъ онъ звучно повторенъ
Отзывомъ ближнихъ, дальныхъ скалъ,
И весь народъ на брегъ созвалъ.
Съ ладьи игуменья сошла,
Благословенье всѣмъ дала,
И, подпираясь костылемъ,
Пошла въ святой Кутбертовъ домъ
Вослѣдъ хоругвей и крестовъ.

VII.

Имъ столъ въ трапезницѣ готовъ;
Садятся ужинать; потомъ
Обширный монастырскiй домъ
Толпой осматривать идутъ;
Смѣются, рѣзвятся, поютъ;
Заходятъ въ кельи, въ древнiй храмъ,
Творятъ поклоны образамъ,
И молятся мощамъ святымъ...
Но вечеръ холодомъ сырымъ
И рѣзкiй съ моря вѣтерокъ
Собраться нудятъ всѣхъ въ кружокъ
Къ огню хозяекъ и гостей;
Жужжатъ, лепечутъ; какъ ручей,
Веселый льется разговоръ;
И наконецъ межъ ними споръ
О томъ заходитъ, чей святой
Своею жизнiю земной
И болѣ славы заслужилъ
И болѣ небу угодилъ?

VIII.

„Святая Гильда (говорятъ
Монахини изъ Витби) врядъ
Отдастъ ли первенство кому?
Извѣстна жъ болѣ потому
Ея обитель съ давнихъ дней,
Что три барона знатныхъ ей
Служить вассалами должны;
Угодницей осуждены
Когда-то были Брюсъ, Гербертъ
И Перси; судъ сей былъ простертъ
На ихъ потомства до конца
Всего ихъ рода: чернеца
Они дерзнули умертвить.
Съ тѣхъ поръ должны къ намъ приходить
Три старшихъ въ родѣ каждый годъ,
Въ день Вознесенья, и народъ
Тутъ видитъ, какъ игуменъ ихъ
Становитъ рядомъ у честныхъ
Мощей угодницы святой,
Какъ надъ склоненной ихъ главой
Прочтетъ псаломъ, какъ наконецъ
Съ словами: все простилъ чернецъ!
Имъ разрѣшенiе даетъ;
Тогда аминь! гласитъ народъ.
Къ намъ повѣсть древняя дошла
О томъ, какъ нѣкогда жила
У насъ саксонская княжна,
Какъ наша вся была полна
Округа ядовитыхъ змѣй,
Какъ Гильда, внявъ мольбамъ своей
Любимицы, святой княжны,
Явилась, какъ превращены
Всѣ змѣи въ камень, какъ съ тѣхъ поръ
Находятъ въ нѣдрѣ нашихъ горъ
Окаменѣлыхъ много змѣй.
Еще же древность намъ объ ней
Сказанiе передала:
Какъ разъ во гнѣвѣ прокляла
Она пролетныхъ журавлей,
И какъ съ тѣхъ поръ до нашихъ дней,
Едва на Витби налетитъ
Журавль, застонетъ, закричитъ,
Перевернется, упадетъ,
И чудной смертью отдаетъ
Угодницѣ блаженной честь".

IX.

— А нашъ Кутбертъ? Не перечесть
Его чудесъ. Теперь покой
Нашелъ ужъ гробъ его святой;
Но прежде... что онъ претерпѣлъ!
Отъ датскихъ хищниковъ сгорѣлъ
Линдфарнъ, прiютъ съ давнишнихъ дней,
Честныхъ угодника мощей;
Монахи гробъ его спасли,
И съ гробомъ странствовать пошли,
Изъ зѐмли въ землю, по полямъ,
Лѣсамъ, болотамъ и горамъ;
Семь лѣтъ въ молитвѣ и трудахъ,
Съ тяжелымъ гробомъ на плечахъ,
Они скиталися; въ Мельросъ
Ихъ напослѣдокъ Богъ принесъ;
Мельросъ Кутбертъ живой любилъ,
Но мертвый въ немъ не разсудилъ
Онъ для себя избрать прiютъ,
И чудо совершилось тутъ;
Хоть тяжкiй гробъ изъ камня былъ,
Но отъ Мельроса вдругъ поплылъ
По Твиду онъ, какъ легкiй челнъ.
На югъ теченьемъ быстрыхъ волнъ
Его помчало; миновавъ
Тильмутъ и Риппонъ, въ Вардилавъ,
Препонъ не встрѣтя, наконецъ
Привелъ свой гробъ святой пловецъ;
И выбралъ онъ въ жилище тамъ
Святой, готическiй Дургамъ;
Но гдѣ святого погребли,
Ту тайну знаютъ на земли
Лишь только трое; и когда
Которому изъ нихъ чреда

Разстаться съ жизнію придетъ,
Онъ на духу передаетъ
Ее другому; тотъ молчитъ
Дотоль, пока не разрѣшитъ
Его молчанья смертный часъ.
И мало ль чудесами насъ
Святой угодникъ изумлялъ?
На нашу Англію напалъ
Король Шотландскій, злой тиранъ;
Пришла съ нимъ рать гальвегіанъ,
Неистовыхъ, какъ море ихъ;
Онъ рыцарей привелъ своихъ,
Разбойниковъ залитыхъ въ сталь;
Онъ весь подвигнулъ Тевьотдаль;
Но рать его костьми легла:
Для насъ Кутбертова была
Хоругвь спасеніемъ отъ бѣдъ.
Имъ ободренъ былъ и Альфредъ
На пораженіе датчанъ;
Предъ нимъ впервой и самъ норманъ
Завоеватель страхъ узналъ,
И изъ Нортумбріи бѣжалъ.—

X.

Монахини изъ Витби тутъ
Сестрамъ линдфарнскимъ задаютъ
Съ усмѣшкою вопросъ такой:
„А правда ли, что вашъ святой
По свѣту бродитъ кузнецомъ?
Что онъ огромнымъ молоткомъ
По тяжкой наковальнѣ бьетъ
И имъ жемчужины куетъ?
Что на работу ходитъ онъ,
Туманной рясой облаченъ?
Что на приморской онъ скалѣ,
Чернѣе мглы, стоитъ во мглѣ?
И что, покуда молотъ бьетъ,
Онъ вѣтеръ на море зоветъ?
И что въ то время рыбаки
Уводятъ въ пристань челноки,
Боясь, чтобъ бурею ночной
Не утопилъ ихъ вашъ святой?"
Сестеръ линдфарнскихъ оскорбилъ
Такой вопросъ; отвѣтъ ихъ былъ:
—Пустого много бредитъ свѣтъ;
Объ этомъ здѣсь и слуху нѣтъ;
Кутбертъ, блаженный нашъ отецъ,
Честной угодникъ, не кузнецъ.—

XI.

Такъ весело передъ огнемъ
Шелъ о житейскомъ, о святомъ,
Между монахинь разговоръ.
А близко былъ иной соборъ,
И судъ иной происходилъ.
Подъ зданьемъ монастырскимъ былъ
Тайникъ—страшнѣй темницы нѣтъ;
Король Кольвульфъ, покинувъ свѣтъ,
Жилъ произвольнымъ мертвецомъ
Въ глубокомъ подземельѣ томъ.
Сперва въ монастырѣ оно
Смиренья кельей названо;
Потомъ въ ужасной кельѣ той,
Куда ни разу лучъ дневной,
Ни воздухъ Божій не входилъ,
Прелатъ Сексгельмъ опредѣлилъ
Кладбищу осужденныхъ быть;
Но наконецъ тамъ хоронить
Не мертвыхъ стали, а живыхъ:
О бѣдственной судьбинѣ ихъ
Молчалъ невѣдомый тайникъ;
И судъ, и казнь, и жертвы крикъ—
Все жадно поглощалось имъ;
А если случаемъ какимъ
Невнятный стонъ изъ глубины
И доходилъ до вышины,
Никто изъ внемлющихъ не зналъ,
Кто, гдѣ, и отчего стеналъ;
Шептали только межъ собой,
Что тамъ глубоко подъ землей,
Во гробѣ мучится мертвецъ,
Свершившій дней своихъ конецъ
Безъ покаянія во злѣ,
И не прощенный на землѣ.

XII.

Хотя въ монастырѣ о томъ
Заклепѣ казни роковомъ
И сохранилася молва,
Но гдѣ онъ былъ? Одинъ иль два
Монаха знали то, да самъ
Отецъ аббатъ; и къ тѣмъ мѣстамъ
Ему лишь съ ними доступъ былъ;
Съ повязкой на глазахъ входилъ
За жертвой самъ палачъ туда,
Въ часъ совершенія суда.
Тамъ зрѣлся тѣсный, тяжкій сводъ;
Глубоко, ниже внѣшнихъ водъ
Былъ выдолбленъ въ утесѣ онъ;
Весь гробовыми замощенъ
Плитами полъ неровный былъ;
И рядъ покинутыхъ могилъ
Съ полуистертою рѣзьбой,
Полузатоптанныхъ землей,
Являлся тамъ; отъ мокроты
Скопляясь, капли съ высоты
На камни падали; ихъ звукъ
Однообразно тихъ, какъ стукъ
Ночного маятника, былъ;
И блѣдно, трепетно свѣтилъ,
Пуская дымъ, борясь со мглой,
Огонь въ лампадѣ гробовой,
Висѣвшей тяжко на цѣпяхъ;
И тускло на сырыхъ стѣнахъ,
Покрытыхъ плѣсенью какъ корой,
Свѣтъ, поглощенный темнотой,
Туманнымъ отблескомъ лежалъ.
Онъ въ подземельѣ озарялъ
Явленье страшное тогда.

XIII.

Три совершителя суда
Сидѣли рядомъ за столомъ;
Предъ ними разложенъ на немъ
Уставъ бенедиктинцевъ былъ;
И, чуть во мглѣ сіяя, лилъ
Мерцанье блѣдное ночникъ
На нихъ со мглой сліянный ликъ.
Товарищъ двумъ другимъ судьямъ,
Игуменья изъ Витби тамъ
Являлась; и была сперва
Ея открыта голова;
Но скоро скорбь втѣснилась ей
Во грудь, и слезы изъ очей
Невольно жалость извлекла.
И покрываломъ облекла
Тогда лицо свое она.
Съ ней рядомъ, какъ мертвецъ блѣдна,
Межъ ними сгорбившись сидѣлъ;
Потухшій взоръ его глядѣлъ
Впередъ, ничѣмъ не привлеченъ,
И грозной думой омраченъ,
Ужасенъ блѣдный былъ старикъ,
Какъ каменный надгробный ликъ,
Во храмѣ зримый въ часъ ночной,
Нѣмого праха стражъ нѣмой.
Предъ ними жертва ихъ стоитъ:
На головѣ ея лежитъ
Лицо скрывающій покровъ;
Видна на бѣлой рясѣ кровь;
И на столѣ положены
Свидѣтели ея вины:
Лампада, четки и кинжалъ.
По знаку данному, сорвалъ
Монахъ съ лица ея покровъ,
И кудри черныхъ волосовъ
Упали тучей по плечамъ.

Съ суровой строгостью въ чертахъ,
Обрѣтшая въ постѣ, въ мольбахъ
Безстрастье хладное одно
(Въ душѣ святошествомъ давно
Прямую святость уморя),
Тильмутскаго монастыря
Пріорша гордая была;
И ряса, черная какъ мгла,
Лежала на ея плечахъ;
И жизни не было въ очахъ,
Чернѣвшихъ мутно безъ лучей
Изъ-подъ сѣдыхъ ея бровей.
Аббатъ Кутбертовой святой
Обители, монахъ сѣдой,
Изсохнувшій полумертвецъ
И ужъ съ давнишнихъ поръ слѣпецъ,
Пріорши строгія очамъ
Былъ узницы противенъ видъ;
Съ насмѣшкой злобною глядитъ
Въ лицо преступницы она,
И казнь ея ужъ рѣшена.

XIV.

Но кто же узница была?
Сестра Матильда. Лишь сошла
Та роковая полночь, мглой
Окутавшись какъ пеленой,
Тильмутская обитель вся
Вдругъ замолчала; погася
Лампады въ кельяхъ, сестры въ нихъ
Всѣ затворились; пустъ и тихъ

Сталъ монастырь; лишь главный входъ
Святыхъ обители воротъ
Не запертъ и свободенъ былъ.
На колокольнѣ часъ пробилъ.
Лампаду и кинжалъ беретъ,
И въ платьѣ мертвеца идетъ
Матильда смѣло въ ворота:
Предъ нею ночь и пустота;
Обитель сномъ глубокимъ спитъ;
Надъ церковью луна стоитъ
И сыплетъ на дорогу свѣтъ;
И виденъ на дорогѣ слѣдъ
Въ густой пыли копытъ и ногъ:
И слышенъ ей далекій скокъ...
Она съ волненьемъ въ даль глядитъ;
Но тамъ ночной туманъ лежитъ;
Все тише, тише слышенъ скокъ;
Лишь по дорогѣ вѣтерокъ
Полночный ходитъ, да луна
Сіяетъ съ неба. Вотъ она
Минуты двѣ подождала,
Потомъ съ молитвою пошла
Впередъ—не встрѣтится ли съ нимъ?
И долго шла путемъ пустымъ;
Но все желанной встрѣчи нѣтъ,
Вотъ, наконецъ, и дневный свѣтъ;
И на небѣ зажглась заря...
И вдругъ отъ стѣнъ монастыря
Послышался набатный звонъ:
Всю огласилъ окрестность онъ.
Что ей начать? Куда уйти?
Среди открытаго пути,
Окаменѣвъ она стоитъ;
И страшно колоколъ гудитъ;
И вотъ за ней погоня вслѣдъ;
И ей нигдѣ пріюта нѣтъ;
И вотъ настигнута она,
И въ монастырь увлечена,
И скрыта заживо подъ-спудъ;
И ждетъ ее кровавый судъ.

XV.

Передъ судилищемъ она
Стоитъ, почти умерщвлена
Терзаньемъ близкаго конца;
И блѣдность мертвая лица
Была виднѣй, была страшнѣй
Отъ черноты ея кудрей,
Двойною пышною волной
Обливших ликъ ея младой.
Оцѣпенѣвъ стоитъ она;
Глава на грудь наклонена;
И если бъ мутный лучъ въ глазахъ,
И содроганіе въ грудяхъ
Не измѣняли ей порой,
За ликъ бездушный восковой
Могла бъ быть принята она:
Такъ бездыханна, такъ блѣдна,
Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
Такимъ безгласнымъ мертвецомъ
Она ждала судьбы своей
Отъ непрощающихъ судей.
И казни страхъ ей весь открытъ:
Въ стѣнѣ какъ темный гробъ, прорытъ
Глубокій, низкій, тѣсный входъ;
Тому, кто разъ въ тотъ гробъ войдетъ,
Назадъ не вытти никогда:
Коренья, въ черепкѣ вода,
Краюшка хлѣба съ ночникомъ
Уже готовы въ гробѣ томъ;
И съ дымнымъ факеломъ въ рукахъ,
На заступъ опершись, монахъ,
Палачъ подземный, передъ нимъ,
Безгласенъ, мраченъ, недвижимъ,
Съ покровомъ на лицѣ стоитъ;
И грудой на полу лежитъ
Гробокопательный снарядъ:
Кирпичъ, кирка, известка, млатъ.—
Слѣпой игуменъ съ мѣста всталъ,
И руку тощую поднялъ,
И узницу благословилъ...
И въ землю факелъ свой вонзилъ;
И къ жертвѣ подошелъ монахъ;
И ужъ она въ его рукахъ
Трепещетъ, борется, кричитъ,
И, сладивъ съ ней, уже тащитъ,
Безчувственный на крикъ и плачъ,
Ее живую въ гробъ палачъ...

XVI.

Сто ступеней на верхъ вели;
Изъ тайника судьи пошли,
И видъ ихъ былъ свирѣпо дикъ;
И глухо жалкій, томный крикъ,
Изъ глубины ихъ провожалъ;
И страхъ шаги ихъ ускорялъ;
И глуше становился стонъ;
И наконецъ... умолкнулъ онъ.
И скоро вольный воздухъ имъ
Своимъ дыханіемъ живымъ
Стѣсненны груди оживилъ.
Ужъ часъ ночного бдѣнья былъ,
И въ храмѣ пѣли. И во храмъ
Они пошли; но имъ и тамъ
Сквозь набожный поющихъ ликъ
Все слышался подземный крикъ.
Когда жъ во храмѣ хоръ отпѣлъ,
Ударить въ колоколъ велѣлъ
Аббатъ душѣ на упокой...
Протяжный гласъ въ тиши ночной
Раздался—изъ глубокой мглы:
Ему Нортумбріи скалы
Откликнулись; услыша звонъ,
Въ Брамбургѣ селянинъ сквозь сонъ
Съ подушки голову поднялъ,
Молиться объ умершемъ сталъ,
Недомолился и заснулъ;
Имъ пробужденный, помянулъ
Усопшаго святой чернецъ,
Варквортской пустыни жилецъ;

Въ Шевьотскую залегшій сѣнь,
Вскочилъ испуганный олень,
По вѣтру ноздри распустилъ,
И чутко ухомъ шевелилъ,
И поглядѣлъ по сторонамъ,
И снова легъ... и снова тамъ
Все, что смутилъ минутный звонъ,
Въ глубокій погрузилось сонъ.

(1832 г.)

НОРМАНСКІЙ ОБЫЧАЙ.

Драматическая повѣсть, изъ Уланда.

РЫБАЧЬЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

БАЛЬДЕРЪ, мореходецъ.
РИХАРДЪ, рыбакъ.
ТОРИЛЬДА.

БАЛЬДЕРЪ.

Твое здоровье, мой хозяинъ добрый.
Признаться ли? Я благодаренъ бурѣ,
Занесшей насъ въ спокойный твой заливъ:
Давно такимъ радушнымъ угощеньемъ,
У свѣтлаго огня, въ пріютѣ мирномъ,
Порадованъ я не былъ.

РИХАРДЪ.

Въ добрый часъ!
Доволенъ ты, и мы довольны: въ нашихъ
Рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь?
Но вдвое намъ по сердцу гость такой,
Какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ странахъ,
Изъ коихъ въ старину приплыли наши
Отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
Такъ много славнаго сохранено
Въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
Но долженъ я тебѣ, мой благородный
Гость, объявить, что есть у насъ обычай,
По коему здѣсь каждый иноземецъ,
Кто бъ ни былъ онъ, богатый иль убогій,
За угощенье платитъ.

БАЛЬДЕРЪ.

Радъ исполнить
Я вашъ обычай; мой корабль, стоящій
На якорѣ въ заливѣ, полонъ рѣдкихъ
Товаровъ, собранныхъ по берегамъ
Земель полуденныхъ: есть золотые
Плоды, есть вина сладкія, есть птицы,
Плѣняющія взоръ блистаньемъ перьевъ;
И кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть:
Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

РИХАРДЪ.

Меня не понялъ ты, мой гость почтенный;
Норманскій нашъ обычай не таковъ:
Здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу,
Имѣетъ право требовать, чтобъ гость
Иль сказку разсказалъ иль пѣсню спѣлъ,
И въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ.
На старости держусь я старины,
Люблю я пѣсни, сказки и преданья.
Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость.

БАЛЬДЕРЪ.

Иная сказка сладостнѣй вина,
Душистѣе плода, пестрѣе птицы;
И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ плѣняетъ
Нашъ слухъ: итакъ, не вовсе я ошибся.
Хоть въ памяти немного у меня
Разсказовъ, но почтить такой похвальный
Обычай я готовъ. Вотъ что недавно,
На палубѣ, въ морскую тишину
Намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ
Товарищей разсказывалъ.

РИХАРДЪ.

Но прежде
Еще по кубку выпьемъ (*пьютъ*). Начинай.

БАЛЬДЕРЪ.

Два сѣверныхъ породы славной графа,
Друзья изъ младости, переплывали
Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ,
И много битвъ на сушѣ и водахъ,
И много бурь они видали вмѣстѣ;
И много разъ, на югѣ и востокѣ,
У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
Другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили.
Вотъ, наконецъ, они въ старинныхъ замкахъ,
Наслѣдіи отцовскомъ, поселились,
И имъ одну печаль послало небо:
Они супругъ любимыхъ схоронили,
Почти въ одно лишась ихъ время; горе
Тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада
Осталась имъ въ печали ихъ глубокой:
У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
Другой имѣлъ младенца дочь. Чтобъ новымъ
Союзомъ утвердить святую дружбу,
Чтобъ вѣчная осталась память ей,
Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
И ихъ они тогда же обручили.
И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
На легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ, были
Повѣшены два перстня дорогихъ:
Въ одномъ изъ перстней былъ сапфиръ, какъ очи
Невѣстины лазурный, а въ другомъ
Былъ камень, розовый, какъ молодыя
Румяныя ланиты жениха.

РИХАРДЪ.

Былъ камень розовый, ты говоришь,
Въ кольцѣ невѣсты?

БАЛЬДЕРЪ.

Да, большой рубинъ.
Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ

Былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
Владѣлъ мечомъ, и могъ ужъ обуздать
Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
Его готовилъ; онъ былъ долженъ за̀мки
И области наслѣдственныя предковъ
Могучею рукою защищать.
Невѣста же его была младенецъ
Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
Она своей пріютной колыбели;
Усердная за ней смотрѣла няня.
Но что жъ случилось? Былъ прекрасный день
Весенній; на берегъ морской изъ за̀мка
Съ малюткой вышла няня, вслѣдъ за нею
Толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
И камешки блестящіе сбирали
Онѣ на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свѣжій
Весенній вѣтерокъ едва касался
Прозрачныхъ водъ, и солнце въ нихъ сверкало,
И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ
На свѣжей зелени. Челнокъ рыбачій
Привязанъ былъ у берега; цвѣтами
Душистыми наполнивши его,
Прислужницы малютку уложили
Въ цвѣты, и, отвязавъ веревку, тихо
На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
Веревка непримѣтно изъ руки,
Ее державшей, ускользнула въ воду,
И легкою волною откачнуло
Челнокъ отъ берега: хотятъ его
Схватить, но до него уже не можетъ
Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
Казалося оно дотолѣ, тянетъ
Какою-то невидимою силой
Его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя,
Смѣется, слышенъ крикъ его веселый;
А женщины на берегу подъемлютъ
Отчаянные вопли. Въ это время
Женихъ, пріѣхавшій съ своей малюткой
Невѣстой повидаться, на конѣ
По ближнему береговому лугу
Скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался,
И свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
Погналъ коня, дабы поймать челнокъ.
Но, холодъ волнъ почувствовавши, конь
Сталъ на дыбы и бросился назадъ,
И сѣдока умчалъ съ собой обратно.
А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ;
Вотъ, наконецъ, изъ тихаго залива
Онъ выплылъ; вдругъ, повѣялъ свѣжій вѣтеръ
И скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ
Въ открытомъ морѣ.

РИХАРДЪ.

Бѣдное дитя,
Спаси тебя хранитель ангелъ твой!

БАЛЬДЕРЪ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдовъ;
А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ,
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ, по долгомъ и напрасномъ
Исканіи, нашли пустой рыбачій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

РИХАРДЪ.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дышишь тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился.

БАЛЬДЕРЪ.

Нѣтъ. Послушай далѣ:
Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ коня и прилѣпился къ тяжкимъ
Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, въ бурю
Бросался въ волны и боролся съ моремъ,
И руку пріучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ, ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ море
Пустился... на землѣ его надеждѣ
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестныхъ за̀мковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ,
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ въ глубинѣ была его невѣста,
Тамъ былъ и обручальный перстень. Главный
Корабль свой онъ украсилъ парусами
Пурпурными и рѣзьбой золотою,
Какъ брачному прилично кораблю.

РИХАРДЪ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
Какъ твой, на якорѣ стоящій въ нашемъ
Заливѣ?

БАЛЬДЕРЪ.

Можетъ-быть. На этомъ брачномъ,
Могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ
Немало бурь; и волны, громы, вихри
Не разъ ему привѣтственныя пѣсни,
Въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли;
Немало битвъ морскихъ онъ совершилъ;
И знаютъ всѣ на сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ: когда въ бою,
Сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечомъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ:—Бѣда!
Пропали мы! Женихъ морской, помилуй!—
Я кончилъ свой разсказъ.

РИХАРДЪ.

Благодарю;
Мнѣ старику расшевелилъ онъ душу.
Но, кажется, недостаетъ конца

Разсказу твоему. Кто можетъ знать,
Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
Попасться могъ навстрѣчу челноку
Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
Челнокъ; иль быть могло принесено
Дитя на островъ, моему подобный,
И люди добрые могли его
Найти; и можетъ-быть, подъ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и можетъ-быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

БАЛЬДЕРЪ.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь чередъ; готовъ я слушать.

РИХАРДЪ.

Я встарину знавалъ преданій много
О рыцаряхъ, о герцогахъ норманскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ Безстрашный,
Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаяся съ нечистыми духами.
Но память у меня теперь плоха,
И въ головѣ отъ старости все смутно;
Итакъ, не взыщешь ты, когда на мѣсто
Меня, мой долгъ теперь тебѣ заплатитъ
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая сидитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и сѣти
Мои чинитъ при свѣтѣ ночника.
Она поетъ какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсенъ знаетъ. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню
Про дѣвицу-красавицу и перстень,
Что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

ТОРИЛЬДА (*поетъ*).

Тихой утренней порою
Надъ прозрачною водою
Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.

Ждетъ... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.

И она, прождавъ напрасно,
Надѣваетъ свой прекрасной
Съ камнемъ алымъ перстенекъ
На приманчивый крючокъ.

Вдругъ вода зашевелилась,
И на удочкѣ явилась
У драгого перстенька
Бѣлоснѣжная рука;

И съ рукою бѣлоснѣжной,
Видомъ бодрый, взглядомъ нѣжной,
Надъ равниной водяной
Всплылъ красавецъ молодой.

Дѣва очи опустила:
„Не тебя въ волнахъ ловила
Я, красавецъ молодой;
Возврати мнѣ перстень мой.“

—Дѣва съ ясными очами!
Рыбу ловятъ не перстнями;
Въ морѣ перстнемъ пойманъ я;
Буду твой, ты будь моя.—

БАЛЬДЕРЪ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
Какое тамъ небесное лицо,
Горящее застѣнчивымъ румянцемъ,
Сквозь волны золотыхъ кудрей сіяетъ,
И предо мной опять животворитъ
Минувшіе младенческіе годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень
Въ златомъ кольцѣ на пальцѣ у нея?
Такъ, это ты, погибшая невѣста!
А я... я твой женихъ, женихъ морей;
Вотъ мой сапфиръ, твоимъ очамъ подобный;
А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

РИХАРДЪ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь.
Она твоя; возьми свою невѣсту,
Сокровище мнѣ посланное небомъ.
Храни ее могучею рукою:
Въ ней вѣрное прижмешь ты къ сердцу сердце.
Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсѣмъ
Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

(1832 г.).

1839.

КАМОЭНСЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Подражаніе Фр. Гальму (бар. Мюнхъ-Беллингаузенъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ДОНЪ ЛЮДВИГЪ КАМОЭНСЪ.
ДОНЪ ІОЗЕ КВЕВЕДО КАСТЕЛЬ-БРАНКА.
ВАСКО, его сынъ *).
СМОТРИТЕЛЬ главнаго госпиталя въ Лиссабонѣ.

(1579).

I.

Тѣсная горница въ большомъ лазаретѣ лиссабонскомъ: стѣны голы; кое-гдѣ обвалилась штукатурка; съ одной стороны столъ съ бумагами и стулъ; съ другой большія кресла и за ними, ближе къ стѣнѣ, изломанная кровать. На ней лежитъ Камоэнсъ и спитъ; къ кровати прислоненъ мечъ; надъ изголовьемъ виситъ на стѣнѣ лютня, покрытая пылью. Съ правой стороны дверь.—Входитъ донъ Іозе́ Кведедо вмѣстѣ съ смотрителемъ госпиталя. У послѣдняго за поясомъ связка ключей; подъ-мышкой большая книга.

ІОЗЕ КВЕВЕДО, СМОТРИТЕЛЬ ГОСПИТАЛЯ, КАМОЭНСЪ.

КВЕВЕДО.

Ой-ой, какъ высоко́! Неужели выше
Еще намъ подыматься?

---

*) Васко Муснхо де-Кведедо Кастель-Бранка, по свидѣтельству знатоковъ португальской литературы, болѣе всѣхъ поэтовъ Португаліи приблизился къ

СМОТРИТЕЛЬ.

Нѣтъ, пришли.

КВЕВЕДО.

Ну, слава-Богу! я почти задохся...
Такъ здѣсь онъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Здѣсь. Вотъ, сами посмотрите
Что у меня записано въ реестрѣ:
Донъ Людвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ,—
И на двери десятый нумеръ; это онъ.

КВЕВЕДО.

Ну, хорошо. Да развѣ болѣ ты
Объ немъ не знаешь?

СМОТРИТЕЛЬ.

Нѣтъ.

КВЕВЕДО.

И никогда
Объ немъ не слыхивалъ, и не имѣешь
Объ немъ понятія?

СМОТРИТЕЛЬ.

Какое тутъ
Понятіе? Лишь былъ бы только нумеръ.
Что намъ до имени, что намъ до слуховъ?
Донъ Людвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ,—
И все тутъ; такъ записано въ реестрѣ.

КВЕВЕДО.

Ты человѣкъ, я вижу аккуратный,
И книги у тебя въ порядкѣ... (Осматривается.)
Боже!
Въ какой тюрьмѣ онъ запертъ; какъ темно,
Тѣсно, нечисто! Стѣны голы; окна
Съ рѣшетками и потолокъ такъ низокъ,
Что душно.

СМОТРИТЕЛЬ.

Здѣсь до сихъ поръ сумасшедшихъ
Держали; но ему такъ захотѣлось
Быть одному, а этотъ нумеръ былъ
Никѣмъ не занятъ—такъ его сюда я
И перевелъ.

КВЕВЕДО.

Къ безумнымъ? Подѣломъ!
Ты поступилъ догадливо; я вижу,
Ты расторопный человѣкъ. Я всѣхъ бы
Проклятыхъ этихъ стихотворцевъ заперъ
Въ домъ сумасшедшихъ. Тише! Кто лежитъ
Тамъ на кровати? Ужъ не онъ ли?

СМОТРИТЕЛЬ.

Онъ,
Синьоръ; онъ спитъ... Я разбужу.

КВЕВЕДО.

Не трогай;
Я подожду, пока онъ самъ проснется.

СМОТРИТЕЛЬ.

Такъ оставайтесь съ Богомъ здѣсь; а я
Пойду: есть дѣло...

КВЕВЕДО.

Хорошо, поди—
И вотъ тебѣ за трудъ.

СМОТРИТЕЛЬ.

Благодарю,
Синьоръ. (Уходитъ.)

II.

ІОЗЕ́ КВЕВЕДО и КАМОЭНСЪ.

КВЕВЕДО.

Итакъ, я наконецъ его
Нашелъ. Трудненько было мнѣ сюда
Карабкаться, и радъ я, что могу
Немного отдохнуть. Когда бъ не сынъ,
Моя нога сюда не забрела бы;
Да мой пострѣлъ совсѣмъ рехнулся; горе
Мнѣ съ нимъ великое; не знаю самъ
Что дѣлать; съ отвращеньемъ смотритъ онъ
На наше ремесло, и не проценты
Считаетъ—стопы да стихи плететъ,
Да о вѣнкахъ лавровыхъ безпрестанно
И сонный и несонный бредитъ. Денегъ
Ему не надобно; все для него
Равно, богачъ ли онъ иль нищій; мнѣ,
Отцу, не хочетъ подражать, а вслѣдъ
За Камоэнсомъ рвется... Вотъ тебѣ
Твой Камоэнсъ, твой образецъ: изволь
Имъ любоваться! здѣсь, въ госпиталѣ
Въ отрёпьѣ нищенскомъ лежитъ съ своими
Онъ лаврами—сѣдой, больной, изсохшій,
дряхлый,
Безглазый, всѣми брошенный, великій
Твой человѣкъ, твой славный Лузіады
Пѣвецъ, сражавшійся передъ Ораномъ
И передъ Цейтою. Вотъ, полюбуйся:
Онъ въ домѣ сумасшедшихъ, позабытъ
Людьми, и все имущество его—
Покрытый ржавчиною мечъ, да лютня
Безъ струнъ... Зачѣмъ онъ жилъ? И что онъ
нажилъ?

Камоэнсу. Его эпическая поэма „Альфонсъ Африканскій“, въ которой особенно замѣчательны изображеніе мученій Фердинанда и описаніе сраженія Алькассарскаго, издана въ 1611 г. *(Примѣч. сочинителя.)*

Донъ Людвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ,—
И все тутъ!—такъ записано въ реестрѣ...
А я, надъ кѣмъ такъ часто онъ, бывало,
Смѣялся, я, котораго осломъ,
Телячьей головой онъ называлъ,
Который на́-вѣсъ продаю изюмъ
Да виноградъ, да въ добрые крузады
Мараведисы превращаю, я—
Я человѣкъ богатый, свѣжъ, румянъ,
И пользуюсь всеобщимъ уваженьемъ;
Три дома у меня, и въ море пять
Галеръ отправлено съ моимъ товаромъ;
За славой онъ пошелъ, я—за прибыткомъ,
И вотъ, мы оба здѣсь. Пускай его
Мой сынъ увидитъ, и потомъ свой выборъ
Пускай самъ сдѣлаетъ. Затѣмъ-то я
Сюда и влѣзъ: пускай разскажетъ сыну
Самъ этотъ сумасбродъ, какому вздору
Пожертвовалъ онъ жизнію своею...
Онъ шевелится, охаетъ, открылъ
Глаза...

КАМОЭНСЪ.

Мой сонъ опять былъ на минуту;
То былъ не вѣчный сонъ, конецъ всему,
Не смерть, а только призракъ смерти... Кто
Неужто человѣкъ? Здѣсь? Человѣкъ? [здѣсь?
У Камоэнса?.. Кто ты, другъ? Чего
Здѣсь ищешь? Ты ошибся...

КВЕВЕДО.

Нѣтъ, синьоръ,
Я васъ искалъ, и дѣло мнѣ до васъ.

КАМОЭНСЪ.

Ахъ-да! я и забылъ, что я пишу
Стихи! Вы, можетъ-быть, синьоръ, хотите
Стиховъ на свадьбу иль на погребенье?
Иль словъ для серенады? Потрудитесь
Порыться тамъ въ бумагахъ на столѣ—
Тамъ всякой всячины довольно. Я
Беру недорого. Реала два
Не болѣ, за піесу.

КВЕВЕДО.

Нѣтъ, синьоръ,
Не то...

КАМОЭНСЪ.

Такъ, можетъ-быть, хотите вы,
Чтобъ я для васъ особенные сдѣлалъ
Стихи? Нѣтъ, государь мой, я не въ силахъ:
Вы видите, я боленъ; я едва
Таскаю ноги. (Встаетъ и опираясь на мечъ, переходитъ къ кресламъ, въ которыя садится.)
Нѣтъ ни чувствъ, ни мыслей;
Что у меня найдется, тѣмъ и радъ;
Извольте взять любое изъ запаса.

КВЕВЕДО.

Не за стихами я сюда пришелъ.
Всмотрись въ мое лицо, донъ Людвигъ; развѣ
Не узнаешь меня?

КАМОЭНСЪ.

Синьоръ, простите,
Не узнаю.

КВЕВЕДО.

Не можетъ быть; ты долженъ
Меня узнать...

КАМОЭНСЪ.

Не узнаю, синьоръ.

КВЕВЕДО.

Въ Кальвасѣ мы ходили вмѣстѣ въ школу.

КАМОЭНСЪ.

Мы?

КВЕВЕДО.

Да, въ Кальвасѣ. Мы частенько тамъ
Другъ съ другомъ и дралися, и порядкомъ
Ты иногда отдѣлывалъ меня.
Подумай—вспомнишь: мы знакомы съ дѣтства.

КАМОЭНСЪ.

Синьоръ, прошу васъ не взыскать; я старъ,
И голова моя слаба; никакъ
Не вспомню, кто вы.

КВЕВЕДО.

Боже мой, но вѣрно
Меня узнаешь ты, когда скажу,
Что я Іозе́ Кведедо Кастель-Бранка,
Сынъ крестной матери твоей, Маркитты.

КАМОЭНСЪ.

Іозе́ Кведедо ты?

КВЕВЕДО.

Да, я Іозе́
Кведедо—тотъ, котораго, бывало,
Ты называлъ телячьей головою,
Котораго такъ часто ты...

КАМОЭНСЪ.

Чего жъ
Ты ищешь здѣсь, Іозе́ Кведедо?

КВЕВЕДО.

Какъ
Чего? Хотѣлось мнѣ тебя провѣдать,

Узнать, какъ поживаешь. Правду молвить,
Мнѣ на тебя невесело смотрѣть.
Ты худъ, какъ мертвый трупъ. А я—гляди,
Какъ раздобрѣлъ! Такъ все идетъ на свѣтѣ!
Кто на ногахъ—держись, чтобъ не упасть.
Итти за счастьемъ скользко.

КАМОЭНСЪ.

Правда, скользко.

КВЕВЕДО.

Вотъ ты теперь въ нечистомъ лазаретѣ,
Больной, полумертвецъ, безглазый, нищій,
Оставленный...

КАМОЭНСЪ.

Зачѣмъ, Іозе́ Кеведо,
Считаешь ты на лбу моемъ морщины
И сѣдины на головѣ моей,
Дрожащей отъ болѣзни?

КВЕВЕДО.

Не сердися,
Другъ, я хотѣлъ сказать, что времена
Перемѣняются, что вмѣстѣ съ ними
Перемѣняемся и мы. Теперь
Ты ужъ не тотъ красавчикъ, за которымъ
Такъ встарину всѣ женщины гонялись,
Съ которымъ знать водила дружбу—ты
Не прежній Камоэнсъ.

КАМОЭНСЪ.

Не прежній, правда!
Но пусть судьбой разрушена моя
Душа, пускай все было то обманъ,
Чему я жизнь на жертву добровольно
Принесъ—поймешь ли это ты? Моимъ
Судьей быть можетъ ли какой-нибудь
Кеведо?

КВЕВЕДО (про-себя).

Вотъ еще! Какъ гордъ! Когда бъ
Не сынъ, тебѣ я крылья бы ошибъ. (Вслухъ.)
Твои слова ужъ черезчуръ суровы;
Другого я пріема ожидалъ
Отъ стараго товарища. Но, правда,
Ты боленъ; иначе—меня бы встрѣтилъ
Ты дружелюбнѣй. Намъ о многомъ прошломъ
Другъ съ другомъ можно поболтать. Вѣдь дѣт-
Мы вмѣстѣ провели; то было время [ство
Веселое... Ты помнишь лугъ за школой,
Гдѣ мы, бывало, въ мячъ играли? Помнишь
Высокій вязъ... кто выше взлѣзетъ? Ты
Всегда другихъ опережалъ. А наша
Игра въ охоту—кто олень, кто псарь,
А кто собаки... то-то было любо:
Впередъ! крикъ, лай, визжанье, бѣготня...
Что? Помнишь?

КАМОЭНСЪ.

Помню.

КВЕВЕДО.

А походы наши
Въ сосѣдній садъ, и тамъ осада яблонь,
И возвращеніе домой съ добычей?
А иногда съ садовникомъ война
И отступленье?

КАМОЭНСЪ.

Да; то было время
Веселое! Мы были всѣ народъ
Неугомонный.

КВЕВЕДО.

Да, лихое племя!
А нашъ крутой пригорокъ, на которомъ
Лежала груда камней? Онъ для насъ
Былъ крѣпостью; ее мы брали штурмомъ,
И было много тутъ подбитыхъ глазъ
И желваковъ...

КАМОЭНСЪ.

Вотъ этотъ мой рубецъ
Остался мнѣ на память объ одномъ
Изъ нашихъ подвиговъ тогдашнихъ...

КВЕВЕДО.

Правду
Сказать, не разъ могла потѣха стоить
Намъ дорого. Вотъ, напримѣръ, морской
Походъ нашъ по рѣкѣ. Мы всѣ устали
И воротились; ты жъ одинъ...

КАМОЭНСЪ.

Да, мнѣ
Казалось, что вдали передо мной
Былъ новый, никогда еще никѣмъ
Не посѣщенный свѣтъ; во что бъ ни стало,
Къ нему достигнуть я рѣшился; сила
Теченья мнѣ препятствовала долго
Мой замыселъ исполнить; наконецъ
Ее я одолѣлъ и вышелъ гордо
На завоеванный, желанный берегъ...
О молодость! о годы золотые!.. (Помолчавъ.)
Дай руку мнѣ! ты знаешь, мы съ тобою
Въ то время не были друзьями: ты
Казался... но быть-можетъ не таковъ ты,
Какимъ тогда казался намъ... Ну, дай же
Мнѣ руку: въ дѣтствѣ ты со мной игралъ,
Со мной дѣлилъ веселье; а теперь
Туманный вечеръ мой ты освѣтилъ
Воспоминаніемъ прекрасной нашей
Зари... Я такъ одинъ—хотя бъ ты былъ
И злѣйшій врагъ мой, мнѣ тебя теперь
Обнять отъ сердца должно... (Обнимаетъ его.)

КВЕВЕДО (помолчавъ).

Ну, скажи же,
Какъ жилъ ты, что̀ съ тобой происходило
Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Мнѣ отецъ
Велѣлъ науки кончить и покинуть
Кальвасъ и въ Фигуэру ѣхать. Тамъ
Иная сказка началась; пришлося
Не объ игрѣ ужъ думать—о работѣ.

КАМОЭНСЪ.

Меня судьба перевела въ Коимбру,
Святилище науки; тамъ впервые
Услышалъ я Гомера; мантуанскій
Пѣвецъ меня гармоніей своей
Плѣнилъ, и прелесть красоты
Проникла въ душу мнѣ; что въ ней дотолѣ
Невидимо, невѣдомо хранилось,
То вдругъ въ чудесный образъ облеклось;
Что было тьма, то стало свѣтъ, и жизнью
Затрепетало все, что было мертвымъ;
И мнѣ во грудь предчувствіе чего-то
Невыразимаго впилося...

КВЕВЕДО.

Я,
Признаться, до наукъ охотникъ былъ
Плохой. Отецъ меня въ сидѣльцы отдалъ
Знакомому купцу; и должно правду
Сказать, ужъ было у него чему
Понаучиться: онъ считать былъ мастеръ.
А ты?

КАМОЭНСЪ.

Промчались годы, въ школѣ стало
Мнѣ тѣсно; я послѣдовалъ влеченью
Души—увидѣлъ Лиссабонъ, увидѣлъ
Блестящій дворъ и короля во славѣ
Державнаго могущества, и пышность
Его вельможъ... Но я на это робко
Смотрѣлъ издалека и, ослѣпленный
Блистательной картиною, за призракъ
Ее считалъ.

КВЕВЕДО.

Со мной случилось то же,
Точь-въ-точь, когда на биржу въ первый разъ
Я заглянулъ и тамъ увидѣлъ горы
Товаровъ...

КАМОЭНСЪ.

Въ это время встрѣтилъ я
Ее... О, Боже! какъ могу теперь,
Разрушенный полумертвецъ, снести
Воспоминаніе о томъ внезапномъ,
Неизглаголанномъ преображеньи
Моей души!.. Она была прекрасна
Какъ Богъ въ своей веснѣ, животворящей
И небеса и землю!

КВЕВЕДО.

И со мной
Случилось точно то жъ. У моего
Хозяина была одна лишь дочь,
Наслѣдница всему его имѣнью;
Имѣнье жъ накопилъ себѣ старикъ
Большое; мудрено ли, что мое
Заговорило сердце?

КАМОЭНСЪ (не слушая его).

О, святая
Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу. Какъ тогда
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! Какимъ сіяньемъ райскимъ
Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
Прошедшимъ, будущимъ!.. О Боже! Боже!..

КВЕВЕДО.

Отцу я полюбился; онъ доволенъ
Былъ ловкостью моей въ дѣлахъ торговыхъ,
И дочери сказалъ, что за меня
Ее намѣренъ выдать; дочь на то
Сказала: „воля ваша", и тогда же
Насъ обручили...

КАМОЭНСЪ.

О, блаженъ, блаженъ,
Кому любви досталася награда!..
Мнѣ не была назначена она.
Насъ разлучили; въ монастырской кельѣ
Младые дни ея угасли; я
Былъ увлеченъ потокомъ жизни; въ бурѣ
Войны хотѣлъ я рыцарски погибнуть,
Сѣлъ на коня и бился подъ стѣнами
Марокко, былъ на штурмѣ Цейты;
Изъ битвы вышелъ я полуслѣпымъ,
А смерть мнѣ не далась.

КВЕВЕДО.

Со мною было
Не лучше. Я съ женой недолго пожилъ:
Бѣдняжка умерла родами... Сильно
По ней я горевалъ... Но мнѣ наслѣдство
Богатое оставила она,
И это наконецъ коè-какъ стало
Моей отрадой.

КАМОЭНСЪ.

Все переживешь
На свѣтѣ... Но забыть?.. Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,

Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней она поэзіей горѣла.
И мнѣ была поэзія отрадой:
Я помню часъ, великій часъ, меня
Всего пересоздавшій. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ;
Тьма вкругъ меня и тьма во мнѣ...
И вдругъ—сказать не знаю—подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ-будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло—свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы—
И было то, какъ-будто и во мнѣ
И внѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ;
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту...
Я обезпамятѣлъ; когда жъ пришелъ
Въ себя—то было первая моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіёмъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу, и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

КВЕВЕДО.

Мнѣ посчастливилось; свое богатство
Удвоилъ я; потомъ ушестерилъ...
А ты какъ? Что потомъ съ тобой случилось?

КАМОЭНСЪ.

Я въ той землѣ, гдѣ схоронилъ ее,
Не могъ остаться. Вслѣдъ за Гамой славный
Путь по морямъ я совершилъ, и тамъ,
Подъ небомъ Индіи, раздался звучно
Въ честь Португаліи мой голосъ: онъ
Былъ повторенъ волнами Тайо; вдругъ
Услышала Европа имя Гамы
И изумилась: до предѣловъ Туле
Достигнулъ громъ побѣдный Лузіады.

КВЕВЕДО.

А много ль принесла тебѣ она?
У насъ носился слухъ...

КАМОЭНСЪ.

Мнѣ принесла
Гоненіе и ненависть она.
Великихъ предковъ я ничтожнымъ внукамъ
Осмѣлился поставить въ образецъ,
Я карламъ указалъ на великановъ—
И правда мнѣ въ погибель обратилась;
И то, что я любилъ, меня отвергло,
И что моей я пѣснію прославилъ,
Тѣмъ былъ я посрамленъ—и былъ какъ врагъ
Я Португаліей моей отринутъ...
(Помолчавъ.)
Я мужъ, и жалобы я ненавижу;
Но всю насквозь мнѣ душу эта рана
Прогрызла; никогда не заживетъ
Она, и вѣчно, вѣчно будетъ рвать
Меня, какъ въ оный мигъ разорвала,
Когда отечество такъ безпощадно
Отъ своего поэта отреклося.

КВЕВЕДО.

Ну, не крушись; забудь о прошломъ; кто
Не ошибается въ расчетахъ?
Теперь не удалось—удастся послѣ.

КАМОЭНСЪ.

И для меня однажды солнце счастья
Блеснуло свѣтлою зарей. Когда
Король нашъ Себастьянъ взошелъ на тронъ,
Его орлиный взоръ проникъ въ мою
Тюрьму, съ меня упала цѣпь, и свѣтъ
И жизнь возвращены мнѣ были снова;
Опять весна въ груди моей увядшей
Воскресла... но то было на минуту:
Все погубилъ день битвы Алькассарской.
Король нашъ палъ великой мысли жертвой—
И Португалія добычей стала
Филиппа... Страшный день! о, для чего
Я дожилъ до тебя!

КВЕВЕДО.

Да, страшный день!
Ужъ нечего сказать! И съ той поры
Все хуже намъ да хуже. Богъ на насъ
Прогнѣвался. По крайней мѣрѣ ты
Похвастать счастіемъ не можешь.

КАМОЭНСЪ.

Солнце
Мое навѣкъ затмилось и печально
Туманенъ вечеръ мой. Забытъ, покинутъ,
Въ болѣзни, въ бѣдности я жду конца
На нищенской постели лазарета.
Одинъ мнѣ оставался другъ—онъ былъ
Невольникъ; иногда я называлъ
Его въ досадѣ—черною собакой,
Но только-что со мной простилось счастье,
Онъ сдѣлался хранителемъ моимъ:
Онъ мнѣ служилъ и для меня работалъ,
И отдавалъ свою дневную плату
На пищу мнѣ. Когда жъ болѣзнь меня
Къ постели приковала, день и ночь
Сидѣлъ онъ надо мной и утѣшалъ
Меня отрадными словами ласки,
И, самъ больной, по улицамъ таскался
За подаяніемъ для Камоэнса.

И наконецъ, свои истративъ силы,
Безъ жалобы, безъ горя за меня
Онъ умеръ—черная собака!.. Богъ
То видѣлъ съ небеси... Покойся, другъ,
Послѣдній другъ мой на землѣ, въ твоей
Святой могилѣ! тамъ тебѣ пріютно,
А на землѣ пріюта не бываетъ.

КВЕВЕДО (про-себя).

Теперь пора мнѣ къ дѣлу приступить. (Ему.)
Сердечный другъ, тебѣ удѣлъ не легкій
Достался; нечего сказать! Ты славилъ
Отечество, и чѣмъ же заплатило
Оно тебѣ за славу? Нищетой.
Съ надеждами пошелъ ты въ путь, а съ чѣмъ
Пришелъ назадъ? Ровнёхонько ни съ чѣмъ.
И вотъ теперь, при нашей поздней встрѣчѣ,
Когда твою судьбу сравню съ моею,
То, право, кажется—не осердися—
Что выборъ мой сто разъ благоразумнѣй
Былъ твоего. Вотъ видишь, я богатъ;
По всѣмъ морямъ товаръ мой корабли
Развозятъ; а, бывало, на меня
Смотрѣлъ ты свысока. Сказать же правду,
Хоть лаврами я лба и не украсилъ,
Но, кажется, что нá-вѣсъ мой барышъ
Тяжеле твоего...

КАМОЭНСЪ.

Ты въ барышахъ—
Не спорю. Но на свѣтѣ много есть
Вещей возвышенныхъ, не подлежащихъ
Ни мѣрѣ, ни расчетамъ торгаша.
Лишь выгодой опредѣлять онъ можетъ
Достоинство: замѣть же это, другъ:
Лавровый листъ скупать ты нá-вѣсъ можешь,
Но о вѣнкахъ лавровыхъ не заботься.

КВЕВЕДО (про-себя).

Ужъ не смѣется ль онъ надъ нашимъ званьемъ?..
Постой, ужъ попадись ко мнѣ ты въ руки,
Я отплачу тебѣ порядкомъ. (Ему.) Ты
Обидѣлся, я вижу; а въ тебѣ
Я искренно участье принимаю.
Да я и съ просьбою пришелъ; послушай,
Оставь ты лазаретъ свой, сдѣлай дружбу,
Переселись ко мнѣ; мой домъ просторенъ;
Чужимъ найдется много мѣста въ немъ,
Не только-что друзьямъ. Ну, Камоэнсъ,
Не откажи мнѣ; перейди въ мой домъ;
Ты у меня свободно отдохнешь
Отъ прошлыхъ бѣдъ, и мой избытокъ
Охотно я съ тобою раздѣлю...
Не слышишь что ли, Камоэнсъ?

КАМОЭНСЪ.

Что? что
Ты говоришь? Меня къ себѣ, въ свой домъ
Зовешь?

КВЕВЕДО.

Да, да! Къ себѣ, въ свой домъ тебя
Зову. Согласенъ ли?

КАМОЭНСЪ.

Жить у тебя?
Но, можетъ-быть, ты думаешь, Кведедо...
Нѣтъ, нѣтъ! Твое намѣренье, я въ этомъ
Увѣренъ, доброе—благодарю;
Но мнѣ и здѣсь покойно: я доволенъ;
Нѣтъ нужды мнѣ тебя тѣснить; да въ этомъ
И радости не будетъ никакой:
О радостяхъ давно мнѣ и во снѣ
Не грезится.

КВЕВЕДО.

Меня ты потѣснишь?
Помилуй, что за мысль! Ты мнѣ, напротивъ,
Полезенъ можешь быть; я отъ тебя
Жду помощи великой.

КАМОЭНСЪ.

Отъ меня?
Ждешь помощи? И я могу тебѣ
Полезенъ быть? я? я? мечтатель жалкій,
Который никому и ни на что
Не нуженъ былъ на свѣтѣ, и себя
Лишь только погубить умѣлъ? Квеведо,
Не шутишь ли?

КВЕВЕДО.

Какая шутка! Самъ
Ты разсуди; далъ Богъ мнѣ сына—ну,
Ужъ нечего сказать, такихъ немного,
Каковъ мой Васко; онъ до этихъ поръ
Былъ радостью моей, и я имъ хвасталъ,
И ужъ заранѣ веселилъ себя
Надеждою, что онъ мое богатство,
Которому всему одинъ наслѣдникъ,
Удвоитъ, мнѣ какъ должно подражая—
Анъ нѣтъ, иначе вышло на повѣрку:
Отцовскимъ званьемъ онъ пренебрегаетъ,
Въ проклятые зарылся пергаменты,
Ударился въ стихи, въ поэты мѣтитъ.

КАМОЭНСЪ.

Безумство! жалкій бредъ!

КВЕВЕДО.

Я то же самъ
Ему пою: да онъ не вѣритъ. Музы—
Ему отецъ и мать и все земное
Его богатство.

КАМОЭНСЪ.

Такъ мечтаютъ всѣ
Они, но то обманъ...

КВЕВЕДО.

Напрасно я
Увѣщевалъ его: онъ словъ моихъ
И понимать не хочетъ. Видишь ли теперь,
Какъ много мнѣ ты можешь быть полезенъ,
Дружище? Укажи ему на твой
Примѣръ, пускай узнаетъ онъ, какъ ты,
Его достойный образецъ, былъ щедро
Отъ свѣта награжденъ; пусть Камоэнса
Увидитъ онъ въ госпиталѣ, больного,
Въ презрѣньи, въ нищетѣ, быть-можетъ ..

КАМОЭНСЪ.

Такъ
Пускай меня увидитъ онъ! Пришли
Его сюда; я вылѣчу его
Отъ гибельной мечты. Слѣпецъ! безумецъ!
Ненужною доселѣ жизнь свою
Я почиталъ; теперь мнѣ все понятно;
Имъ пугаломъ должна служить она!

КВЕВЕДО.

Такъ ты его остережешь, спасешь?

КАМОЭНСЪ.

Остерегу, спасу... Пришли его
Сюда.

КВЕВЕДО.

Онъ недалёко; крылья имя
Твое придастъ ему; черезъ минуту
Онъ будетъ здѣсь; и вмѣстѣ съ нимъ въ мой домъ
Пожалуетъ желанный гость—не правда ль?
Ты будешь, другъ?

КАМОЭНСЪ.

Увидимъ.

КВЕВЕДО.

Ну, прости же,
Любезный. (Про-себя.) Слава-Богу! все какъ должно
Улажено. Лишь только бъ сына онъ
На путь наставилъ... самъ же... что за дѣло
Мнѣ до него!.. Пускай въ госпиталѣ
Околѣваетъ. (Уходитъ.)

III.

КАМОЭНСЪ (одинъ).

Я усталъ; всѣ силы
Мои истощены; и жаръ и холодъ
Я чувствую; въ глазахъ моихъ темнѣетъ;
Ужъ не она ль? Не смерть ли, званый другъ,
Ко мнѣ подходитъ? (Помолчавъ.) Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что любилъ я, что меня любило
Давно во гробѣ... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ...
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумной трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ. Счастливъ стократно
Простой поселянинъ! Трудомъ прилежнымъ
Довольный, скромный, замысловъ высокихъ
Не вѣдая, своей тропинкой онъ
Идетъ; когда же смертный часъ его
Наступитъ, онъ въ кругу своихъ, близъ доброй
Жены, участницы всего, что было
И горькаго и радостнаго въ жизни,
Среди дѣтей, воспитанныхъ съ любовью,
Смиренно, тихо, ясно умираетъ;
И всѣми онъ любимъ, и, съ нимъ прощаясь,
Всѣ плачутъ, и глаза ему родная
Рука при смерти зажимаетъ. Я же?..
О, какъ меня все обмануло! Я
Жилъ одинокъ—и одинокъ умру...
Сокровищемъ она казалась мнѣ
Въ тотъ часъ, когда насъ буря окружала,
Когда корабль нашъ объ утесъ въ щепы
Расшибся... да, сокровищемъ тогда
Она, мое созданье, Лузіада
Казалась мнѣ! и въ море съ Лузіадой
Я кинулся, и отдалъ на пожранье
Волнамъ все, все, и съ гордымъ торжествомъ
На берегъ нищимъ вышелъ... спасена
Была, мое созданье, Лузіада!
Часъ роковой! погибельная пѣснь!
Погибельный вѣнецъ, мнѣ данный славой!
Для нихъ отъ мирнаго, земного счастья
Отрекся я—и что жъ отъ нихъ осталось?
Разувѣреніе во всемъ, что прежде
Я почиталъ высокимъ и прекраснымъ...
(Помолчавъ.)
Мнѣ холодно, и дрожь въ моихъ костяхъ:
Послѣдняя минута Камоэнса—
И никого, чтобъ вздохъ его принять!
Въ прошедшемъ ночь, въ грядущемъ ночь; разстроенъ,
Разрушенъ геній; мужество и вѣра
Потрясены, и вся земная слава
Лежитъ въ пыли... Что жизнь моя была?
Безумство, бѣшенство... онъ справедливо
Сказалъ: барышъ мечтателя—мечта.

IV.

КАМОЭНСЪ И ВАСКО КВЕВЕДО.

ВАСКО.

Здѣсь, сказано, могу его найти...
Ахъ, вотъ онъ!.. Это онъ!.. такимъ видалъ я
Его во снѣ... но только бодрымъ, смѣлымъ,
И молнія въ глазахъ, и голова,
Поднятая торжественно и гордо.

Что нужды! Это онъ... Хотя и старъ
И хилъ, но на лицѣ его печать
Его великой пѣсни.

КАМОЭНСЪ.

Кто тутъ?

ВАСКО.

Васко
Кверведо, сынъ знакомца твоего
Іозé Кверведо...

КАМОЭНСЪ.

Ты?

ВАСКО.

Отецъ меня
Прислалъ сюда, донъ Людвигъ, пригласить
Тебя въ нашъ домъ переселиться; тамъ
Найдешь достойное тебя жилище
И дружбу... но не рано ль я пришелъ?

КАМОЭНСЪ.

Когда бъ промедлилъ часъ, пришелъ бы
поздно.
Приближься, посмотри: ужъ надо мной
Летаетъ ангелъ смерти; для меня
Все миновалось; но прими совѣтъ
Отъ умирающаго Камоэнса
И сохрани его на пользу жизни...

ВАСКО.

Ты умираешь?.. Нѣтъ, не можетъ быть,
Чтобъ умеръ Камоэнсъ!

КАМОЭНСЪ.

Минуты, другъ,
Намъ дороги; послушай, сынъ мой, ты,
Я слышалъ отъ отца, служенью музъ
Жизнь посвятить свою желаешь?.. правду ль
Сказалъ онъ?

ВАСКО.

Правду, я клянуся Богомъ!

КАМОЭНСЪ.

Одумайся; то выборъ роковой;
Ты молодъ, и твоя душа, земного
Еще не вѣдая, стремится къ небу,
И ты свое стремленіе зовешь
Любовію къ поэзіи, отъ неба
Исшедшей, какъ твоя душа. Но знай,
Любовь еще не сила; постигать—
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремленіемъ къ великому—еще
Не есть великаго достигнуть.

ВАСКО.

Знаю.

КАМОЭНСЪ.

Такъ загляни жъ во глубину своей
Души, и что ее бы ни влекло—
Самонадѣянность, иль просто дѣтскій
Позывъ на подражанье, иль тревога
Кипучей младости, иль раздраженье
Излишне-напряженныхъ нервъ—себя,
Мой другъ, не ослѣпляй. Другія всѣ
Искусства намъ возможно пріобрѣсть
Наукою; поэта же творитъ—
Святѣйшее оставивъ про себя—
Природа; геніи родятся сами;
Нисходитъ прямо съ неба то, что къ небу
Возноситъ насъ.

ВАСКО.

Того, что происходитъ
Теперь во мнѣ и что я самъ такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повѣсть:
Ребенкомъ тихимъ, книги лишь однѣ
Любя, я выросъ, преданный мечтанью.
Мой взоръ былъ обращенъ во внутрь моей
Души; я внѣшняго не замѣчалъ;
Уединеніе имѣло голосъ,
Понятный для меня; и прелесть лунныхъ
Ночей меня стремила въ область тайны.
На путь отца смотрѣлъ я съ отвращеньемъ;
Меня влекло невѣдомо къ чему...
Вдругъ раздалась чудесно Лузіада—
И стало все во мнѣ свѣтло и ясно;
Сомнѣнье кончилось, и выбирать
Ужъ нужды не было... за нимъ! за нимъ!
Въ моей душѣ гремѣло и пылало;
И каждое біеніе сердца мнѣ
Твердило то жъ: за нимъ! за нимъ!.. И власть,
Влекущая меня—неодолима.
Теперь рѣши, поэтъ ли я иль нѣтъ?

КАМОЭНСЪ.

Свидѣтель Богъ! твои глаза блестятъ
Какъ у поэта; но послушай, другъ,
Хотя бъ ихъ блескъ и правду говорилъ,
Остановись, не покидай смиренной
Тропы, протянутой передъ тобою;
Судьба тебѣ добра желаетъ; мнѣ
Повѣрь, я дорогой купилъ цѣной
Признаніе, что счастіе земное
Не на пути поэта.

ВАСКО.

Дай его
Мнѣ заслужить—и пусть оно погибнетъ!

КАМОЭНСЪ.

Слѣпецъ, тебя зоветъ надежда славы!
Но что она? и въ чемъ ея награды?

Кто раздаетъ ихъ? и кому онѣ
Даются? и не всѣ ль ея дары
Обруганы завидующей злобой?
За нихъ ли жизнь на жертву отдавать?
Лишь у гробовъ, которымъ ужъ никто
Завидовать не станетъ, иногда
Садитъ она свой лавръ, дабы онъ цвѣлъ
Надъ тлѣніемъ, которое когда-то
Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
Нося торжественно на головѣ
Подъ лаврами пронзительные терны.
Но для того, кто въ гробѣ спитъ, навѣки
Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
Не все ль равно—полынь ли надъ костями
Его растетъ, иль лавръ... Не вся ль тутъ слава?

ВАСКО.

Я молодъ, но ужъ мнѣ видать случалось,
Какъ незаслуженно ея вѣнецъ
Безстыдная ничтожность похищала,
Ругаяся надъ скромно-молчаливымъ
Достоинствомъ! Но для меня не счастье,
Не золото—скажу ли?—и не слава
Приманчивы...

КАМОЭНСЪ.

Не счастье и не слава?
Чего же ищешь ты?

ВАСКО.

О, долго, долго
Хранилъ я про-себя святую тайну!
Но посвященному, о Камоэнсъ,
Тебѣ я двери отворю въ мое
Святилище, гдѣ я досель одинъ
Доступному мнѣ божеству молился.
Нѣтъ, нѣтъ! не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей: великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

КАМОЭНСЪ.

О, молодость на крыльяхъ серафимскихъ!
Какъ мало ходъ житейскаго тебѣ
Понятенъ! возносить на небеса
Свинцовыя ихъ души, ихъ слѣпые
Глаза воспламенять, глухонѣмыхъ
Плѣнять гармоніей!..

ВАСКО.

Что мнѣ до нихъ,
Безчувственныхъ жильцовъ земли иль дерзкихъ
Губителей всего святого! Мнѣ
Они чужіе. Для чего Творецъ
Такой имъ жалкій жребій избралъ, это
Извѣстно одному Ему; Онъ благъ
И справедливъ; обителей есть много
Въ дому Отца—всѣмъ будетъ воздаянье.
Но для чего сюда Онъ ихъ послалъ—
О, это мнѣ понятно... Здѣсь безъ нихъ
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?..
О Камоэнсъ! Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ, каждый,
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что бъ труженикъ земной
Ни испыталъ—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.
О Камоэнсъ! о, вѣрь моимъ словамъ!
Еще во мнѣ того, что въ этотъ мигъ
Я чувствую, ни разу не бывало;
Богъ языкомъ младенческимъ моимъ
Съ тобою говоритъ: ты совершилъ
Свое святое назначенье, ты
Свой пламенникъ зажегъ неугасимо;
Мнѣ въ душу онъ проникъ какъ Божій лучъ,
И сколькихъ онъ другихъ согрѣлъ, утѣшилъ!
И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды
И чистыя обруганы мечты...
Объ нихъ ли сѣтовать? Таковъ удѣлъ
Всего, всего прекраснаго земного!
Но не умретъ живая пѣснь твоя;
Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души.
Ты жилъ и будешь жить для всѣхъ временъ!
Прямой поэтъ, твое бесмертно слово!

КАМОЭНСЪ.

Его глаза сверкаютъ, щеки рдѣютъ;
Пророчески со мной онъ говоритъ;
Отъ словъ его вся внутренность моя
Трепещетъ; не самимъ ли Богомъ присланъ
Ко мнѣ младенецъ этотъ?.. Ты, мой сынъ,
Лишь о грядущемъ мыслишь—оглянись

На настоящее и на меня,
Пѣвца твоей великой Лузіады.
Смотри, какъ я, въ нечистомъ лазаретѣ,
Отечествомъ презрѣнный и забытый
Людьми, кончаю жизнь на томъ одрѣ,
Гдѣ за два дня издохъ въ цѣпяхъ безумный.
Таковъ въ своихъ наградахъ свѣтъ; страшись
Моей стези; бѣги надеждъ поэта!

ВАСКО.

Бѣжать твоихъ надеждъ, твоей стези
Страшиться?.. Нѣтъ, бросаюсь на колѣни
Передъ твоей страдальческой постелью,
На коей ты, какъ мученикъ смиренный,
Зришь небеса отверстыя, гдѣ ждетъ
Тебя твой Богъ, тебя не обманувшій
Благодарю тебя, о Камоэнсъ,
За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ временъ
Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
Поклонники великаго, твои
По чувству братья. Пусть людская злоба,
Презрѣніе, насмѣшка, нищета
Достоинству въ награду достаются—
Прекраснѣй лавра, мученикъ, твой тернъ!
И умереть въ темницѣ лазарета
Верхъ славы... О, судьба! дай въ жизни мнѣ
Быть Камоэнсомъ! дай, какъ онъ, быть свѣтомъ
Отечества, и вѣка моего
Величіемъ!—и всѣ земныя блага
Тебѣ я отдаю на жертву!

КАМОЭНСЪ.

О!
Клянусь моей послѣднею минутой
И всей моей блаженно-скорбной жизнью,
И всѣмъ святымъ, что я въ душѣ хранилъ,
И всѣми чистыми ея мечтами
Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ—тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему—ты сердцемъ чистъ.

ВАСКО.

Дойду?.. О Камоэнсъ! ты ль это мнѣ
Пророчишь?.. Повтори жъ мнѣ, буду ль я
Поэтомъ?

КАМОЭНСЪ.

Ты—поэтъ! имѣй къ себѣ
Довѣренность, объ этомъ часѣ помни;
И если нѣкогда захочетъ взять
Судьба свое, и путь твой омрачится—
Подумай, что своимъ эѳирнымъ словомъ
Ты съ Камоэнсовыхъ очей туманъ
Печали свѣялъ, что въ послѣдній часъ,
Обезнадёженный сомнѣньемъ, онъ
Твоей душой былъ вдохновленъ, и снова
На пламени твоемъ свой прежній пламень
Зажегъ—и жизнь прославилъ, умирая.
О, помни, другъ, объ этомъ часѣ, помни
О той рукѣ, ужъ смертью охлажденной,
Которая на званіе поэта
Теперь тебя благословляетъ. Жизнь
Зоветъ на битву! съ Богомъ! возсіяй
Прекраснымъ днемъ, денница молодая!
А Камоэнсово ужъ солнце сѣло,
И смерть надъ нимъ покровъ свой разстилаетъ...

ВАСКО.

Ты не умрешь. На имени твоемъ
Покоится безсмертье.

КАМОЭНСЪ.

Такъ, оно
На немъ покоится. Его призывъ
Я чувствую: я былъ поэтъ вполнѣ.
Неправедно роппалъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его—Онъ правъ;
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе—святая благодать...
И здѣсь любилъ я истину святую,
И голосъ мой былъ голосомъ ея;
И не развѣется, какъ прахъ ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; безсмертны
Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній.
Предъ Господа могу предстать я смѣло.

ВАСКО.

Что, что съ тобой?..

(Въ эту минуту совершается видѣніе: надъ головою Камоэнса является духъ въ образѣ молодой дѣвы, увѣнчанной лаврами, съ сіяющимъ крестомъ на груди. За нею яркій свѣтъ.)

КАМОЭНСЪ.

Оставь меня, мой сынъ!
Я чувствую, великій часъ мой близко...
Мой духъ опять живой исполненъ силы;
Меня зоветъ знакомый сердцу гласъ;
Передо мной исчезла тьма могилы,
И въ небесахъ моихъ опять зажглась
Моя звѣзда, мой путеводецъ милый!..
О! ты ль? тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Моя любовь, мой свѣтлый идеалъ?
Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго, святова,
Я вдохновенною угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова, [твой,
То все въ мой смертный часъ пріяло образъ
И, съ миромъ къ моему приникнувъ изголовью,
Мнѣ стало вѣрою, надеждой и любовью.
Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моей страданье!

Смерть! смерть, великій духъ! я слышу вѣсть
Меня всего твое проникнуло сіянье! [твою;
(Подаетъ руку Васку, который падаетъ на колѣни.)
Мой сынъ, мой сынъ, будь твердъ, душою
не дремли!
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.
(Умираетъ.)

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ.

Корсиканская повѣсть, изъ Мериме.

Въ кустахъ, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккіо, со всѣхъ
Сторонъ звучали голоса и часто
Гремѣли выстрѣлы; то былъ отрядъ
Разсыльныхъ егерей; они ловили
Бандита, стараго Санпьеро; но,
Проворно межъ кустовъ ныряя, въ руки
Имъ не давался онъ, хотя на вылетъ
Простреѣленъ пулей былъ. И вотъ, на верхъ
Горы взбѣжавъ, онъ хижины достигнулъ,
Въ которой жилъ съ своей семьей Маттео
Фальконе; но къ несчастью въ это время
Одинъ лишь мальчикъ, сынъ его, былъ дома:
Онъ у воротъ стоялъ и на долину
Смотрѣлъ, прислушиваясь къ шуму. Вдругъ,
Изъ ближнихъ выбѣжавъ кустовъ, Санпьеро
Бросается къ нему и говоритъ:
— Спаси меня, я раненъ; егеря
За мною гонятся; они ужъ близко!—
„Да я одинъ; отца нѣтъ дома; съ нимъ
Ушла и мать".—Что нужды! спрячь меня
Скорѣй.—„Да что отецъ на это скажетъ?"
— Отецъ тебя похвалитъ: отъ меня жъ
На память вотъ тебѣ монета.—Мальчикъ,
Монету взявши, ввелъ на дворъ Санпьеро;
Онъ спрятался тамъ въ сѣно; Фортунато жъ
(Такъ звали мальчика) проворно сѣномъ
Его закрылъ, и кровь втопталъ въ песокъ,
И видъ спокойный принялъ. Въ этотъ мигъ
Вбѣжалъ во дворъ съ своими Гамба (главный
Разсыльщикъ; онъ былъ родственникъ Мат-
тео).
— Не попадался ли тебѣ Санпьеро?
У мальчика спросилъ онъ; вѣрно, здѣсь
Его ты видѣлъ. — „Нѣтъ, я спалъ". — Ты
лжешь;
Когда стрѣляютъ, спать нельзя.—„Да мой
Отецъ стрѣляетъ громче васъ, а я
И тутъ не просыпаюсь".—Отвѣчай же,
Куда ушелъ Санпьеро? Ты его
Здѣсь видѣлъ; правду говори, не то
Тебѣ достанется.—„Попробуй тронуть
Меня хоть пальцемъ; мой отецъ Маттео
Фальконе, знаешь?"—Твой отецъ тебя
За то, что лжешь ты, высѣчетъ.—„Анъ нѣтъ,
Не высѣчетъ".—Да гдѣ же твой отецъ?—
„Онъ въ лѣсъ пошелъ за дичью; видишь самъ,
Что я одинъ". Къ товарищамъ тогда
Въ недоумѣньи обратившись, Гамба
Сказалъ: — Кровавый слѣдъ привелъ насъ
прямо
Сюда; онъ, вѣрно, здѣсь; но этотъ домъ
Обыскивать не стану я; съ Маттео
Фальконе ссориться опасно.—Гамба
Стоялъ нахмурившись и тыкалъ въ сѣно
Своимъ штыкомъ, не думая, чтобъ тамъ
Санпьеро спрятанъ былъ; а Фортунато,
Какъ-будто безъ намѣренья цѣпочкой
Часовъ его играя, непримѣтно
Его отвесть отъ мѣста роковаго
Старался. Гамба, вынувъ изъ кармана
Часы, сказалъ:—Я ужъ давно тебѣ
Подарокъ, Фортунато, приготовилъ.
Вѣдь, у тебя до сихъ поръ нѣтъ часовъ?—
„Отецъ сказалъ, что мнѣ ихъ дастъ, какъ скоро
Двѣнадцать лѣтъ мнѣ будетъ".—А тебѣ
Теперь лишь только десять. Эта пѣсня
Долга. Вотъ посмотри сюда, какіе
Прекрасные часы.—И онъ на солнцѣ
Вертѣлъ ихъ, и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бѣгалъ
Встревоженный ихъ блескомъ Фортунато...
Футляръ съ эмалью, стрѣлки золотыя,
И голубой узорный циферблатъ...
— Ну, что же, гдѣ Санпьеро?—„А часы
Ты дашь мнѣ?"—Дамъ.—И Гамба поднялъ
выше
Часы; какъ чаша роковыхъ вѣсовъ,
Надъ головой ребенка, раза два
Шатнувшися, они остановились.
Онъ искушенія не вынесъ; въ немъ
Вся внутренность зажглась; какъ въ лихо-
Онъ задрожалъ и, правую тихонько [радкѣ
Поднявши руку, вдругъ, какъ звѣрь когтями,
Схватилъ часы, а лѣвою рукою,
Закинувъ за спину ее, въ молчаньи
На сѣно Гамбѣ указалъ. Безъ словъ
Былъ конченъ торгъ кровавый. Фортунато,
Добычу взявъ, о проданной имъ жертвѣ
Забылъ. Санпьеро изъ-подъ сѣна тутъ же
Былъ вытащенъ: съ презрѣньемъ поглядѣлъ
На мальчика и, въ руки егерямъ [онъ
Отдавшися, сказалъ:—Другъ Гамба, ты
Ужъ въ этомъ мнѣ конечно не откажешь,
Найди носилки; я итти не въ силахъ;
Весь кровью изошелъ я; признаюсь,
Стрѣлять ты мастеръ, и въ меня такъ ловко
Попалъ, что ужъ теперь со мной конецъ;
Но видѣть могъ ты также, что и я
Не промахъ.—И о немъ, какъ о родномъ
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялися.
Ему хотѣлъ монету Фортунато
Отдать назадъ; но молча оттолкнулъ
Онъ мальчика, который, уронивъ
Монету, отошелъ краснѣя въ уголъ.
Маттео, въ это время возвращаясь
Съ женою изъ лѣса, гостей незваныхъ
Увидѣлъ въ хижинѣ; поспѣшно онъ
Свое ружье на выстрѣлъ приготовилъ,

И подалъ знакъ женѣ, чтобъ и она
Съ другимъ ружьемъ была готова. Смѣло
И осторожно онъ подходитъ. Гамба,
Его вдали узнавши, закричалъ:
— Маттео, это мы, друзья!—И тихо,
Въ его лицо всмотрѣвшися, онъ дуло
Ружья нацѣленнаго опустилъ.
— Маттео!—Гамба продолжалъ, къ нему
Навстрѣчу вышедъ—мы лихого
Поймали звѣря, но добыча эта
Намъ дорого досталась: двое нашихъ
Легли.—„Кого?"—Санпьеро, твоего
Пріятеля; вѣдь, онъ и у тебя
Укралъ двухъ козъ.—„То правда; но большая,
Семья у бѣдняка; а голодъ, знаешь, [вѣрно,
Не свой братъ."—Вотъ стрѣлокъ! Отъ насъ бы
Онъ ускользнулъ, когда бъ не Фортунато,
Мальчишка твой, помогъ намъ.—„Фортунато!"
Маттео вскрикнулъ. „Фортунато!" мать
Со страхомъ повторила.—Да! Санпьеро
Здѣсь въ сѣно спрятался; а Фортунато
Его и выдалъ намъ; за это всѣ вы
Получите спасибо отъ начальства.—
Холоднымъ потомъ обдало Маттео;
Онъ въ хижину вошелъ. Тамъ егеря
Вкругъ старика, который чуть дышалъ,
Отъ раны изнемогши, суетились;
И, чтобъ ему лежать покойнѣй было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча, онъ смотрѣлъ
На ихъ работу, но какъ скоро шумъ
Услышалъ и, глаза поднявъ, увидѣлъ
Въ дверяхъ стоящаго Маттео, громко
Захохоталъ, и страшенъ былъ тотъ хохотъ.
Онъ плюнулъ на стѣну и, задыхаясь,
Глухимъ, осиплымъ голосомъ сказалъ:
— Будь проклятъ этотъ домъ; Іуды здѣсь
Предатели живутъ!—Какъ полотно
Маттео поблѣднѣлъ, и кулакомъ
Себя ударилъ въ лобъ; онъ былъ какъ мертвый,
Стоялъ безгласно. Вотъ ужъ старика
Уклали на носилки, понесли
Изъ хижины; вслѣдъ за другими Гамба,
Хозяину пожавши руку, вышелъ;
И вотъ ужъ всѣ пропали за кустами...
Маттео ничего не замѣчалъ;
Онъ, губы стиснувъ, яростно и страшно
Смотрѣлъ на сына. Фортунато, робко
Подкравшися, хотѣлъ отцову руку
Поцѣловать; Маттео взвизгнулъ: „Прочь!"
У мальчика подрѣзалися ноги;
Не въ силахъ былъ онъ убѣжать, и блѣдный,
Къ стѣнѣ прижавшись, плакалъ и дрожалъ.
„Моя ль въ немъ кровь?" сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричалъ Маттео.
— Вѣдь, я жена твоя,—она сказала,
Вся покраснѣвъ. „И онъ предатель!" Тутъ
Рыдающая мать, взглянувъ на сына,
Увидѣла часы.—Кто далъ тебѣ ихъ?—
Она спросила. „Дядя Гамба". Вырвавъ
Съ свирѣпымъ бѣшенствомъ изъ рукъ у сына
Часы, ударилъ бземь ихъ Маттео,
И вдребезги они разбились. Долго
Потомъ, какъ-будто въ забытьи, стучалъ
Ружьемъ онъ въ полъ; потомъ, очнувшись, сыну
Сказалъ: „За мной!" и онъ пошелъ; за нимъ
Пошелъ и сынъ. Неся ружье подъ-мышкой,
Онъ прямо путь направилъ къ лѣсу. Мать,
Схвативъ его за полу платья: „Онъ
Твой сынъ! твой сынъ!" кричала. Вырвавъ полу
Изъ рукъ ея, онъ прошепталъ: „А я
Его отецъ! пусти". Поцѣловавши
Съ отчаяньемъ невыразимымъ сына,
И руки судорожно сжавъ, въ дверяхъ
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Ихъ проводить; когда жъ они изъ глазъ
Вдали исчезли, плача и рыдая
Передъ Мадонною она упала.
Маттео, въ лѣсъ вошедши, на полянѣ,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю онъ ружьемъ
Копнулъ: земля рыхла. „Стань на колѣни,
Ребенку онъ сказалъ: читай молитву".
Ставъ на колѣни, мальчикъ руки поднялъ
Къ отцу и завизжалъ:—Отецъ, прости
Меня; не убивай меня, отецъ.—
„Читай молитву". Мальчикъ, задыхаясь,
Пролепеталъ со страхомъ: Отче нашъ
И Богородицу. „Ты кончилъ?"—Нѣтъ,
Еще одну я знаю литанею;
Ее мнѣ выучить отецъ Франческо
Велѣлъ.—„Она длинна; но съ Богомъ". Дуломъ
Ружья подперши лобъ, онъ руки сжалъ,
И про-себя за сыномъ повторилъ
Его молитву. Кончивъ литанею,
Сынъ замолчалъ. „Готовъ ты?"—Ахъ, отецъ,
Не убивай меня.—„Готовъ ты?"—Ахъ!
Прости меня, отецъ.—„Тебя проститъ
Всевышній Богъ". И выстрѣлъ загремѣлъ.
Отъ мертваго отворотивъ глаза,
Пошелъ назадъ Маттео. На ногахъ онъ
Былъ твердъ; но жизни не было въ его
Лицѣ; съ подпорой старости своей
И сердце онъ свое убилъ. Онъ шелъ
За заступомъ, чтобы могилу вырыть
И тѣло схоронить. Ему навстрѣчу,
Услышавъ выстрѣлъ, кинулась жена:
—Мое дитя! нашъ сынъ! что сдѣлалъ ты,
Маттео? „Долгъ свой. Тамъ онъ на полянѣ
Лежитъ. По немъ поминки будутъ: онъ,
Какъ христіанинъ, умеръ съ покаяньемъ;
Господь его младенческую душу
Помилуетъ и успокоитъ. Ты же,
Когда сберешься съ силой, объяви
Паоло, зятю нашему, мою
Рѣшительную волю, чтобъ онъ нынче жъ
Къ намъ на житье съ женой переселился".

(1843 г.).

КАПИТАНЪ БОППЪ.

Повѣсть.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ,
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану бъ
Не сдобровать... но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дня четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: „Каковы
Вы, капитанъ?“—То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ:—Тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!—
Однако, на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: „Не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?“—Ты это, Робертъ?—
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.
„Я, капитанъ“.—Ахъ! Робертъ, я страдалъ
Всю ночь.—„Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить“. Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: „Могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?“ Это также было
Ему позволено. Потомъ больного Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши,
Сказалъ: „Теперь я напою васъ чаемъ“.
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и, наконецъ,
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ кри-
комъ совѣсть
Проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы
Его желѣзная душа; онъ молча бъ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Непримиренный, если бъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ однажды,
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: „Не лучше ли вамъ, капитанъ?“
Онъ простоналъ отчаянно:—Ахъ, Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моей душою!.. Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего иного
Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки
Погибшій человѣкъ.—„Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь“.—Поздно
Молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?—Такъ
Свое дотоль безчувственное сердце
Онъ исповѣдовалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость—но напрасно. Разъ, когда
Попрежнему вошелъ въ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
—Послушай, Робертъ; мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ-быть, на кораблѣ найдется
Евангеліе; попробуй, поищи.—
И подлинно, евангелье нашлося.
Когда его больному подалъ Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость.—Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье.
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.—
„Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?“
—Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки
Не бралъ евангелья; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадется.—Робертъ
Раскрылъ евангелье и сталъ читать,
И два часа читалъ онъ. Капитанъ
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ;
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ,

И правосудіе Творца предстало
Ему съ погибелью неизбѣжимой;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшися одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
Его душа отрады не нашла.
На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
Сказалъ:—Мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужъ не видать; со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я... что съ моей душою,
Съ моею бѣдною душою будетъ!
Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ навѣки!
Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь, ты молитвы знаешь?—
„Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой
Молитвы, кромѣ Отче нашъ, не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читалъ“.—Ахъ! Робертъ,
Молись за меня; стань на колѣни;
Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье;
За это Онъ тебя благословитъ.
Молися, другъ, молися, о твоемъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ.—
Но Робертъ медлилъ; а больной его
Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
Со стономъ восклицая:—Царь небесный,
Помилуй грѣшника меня!—И оба
Рыдали.—Ради-Бога, на колѣни
Стань, Робертъ, и молися за меня.—
И увлеченный жалостію мальчикъ
Сталъ на колѣни и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: „Господи, помилуй
Ты моего больного капитана.
Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него
Молился—я молиться не умѣю.
Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ, бѣдный,
Боится, что ему погибнуть должно—
Ты, Господи, не дай ему погибнуть.
Онъ говоритъ, что быть ему въ аду—
Ты, Господи, возьми его на небо;
Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
Его душой—Ты, Господи, вели,
Чтобъ ангелъ Твой вступился за него.
Мнѣ жалокъ онъ: его больного всѣ
Покинули; но я, пока онъ живъ,
Ему служить не перестану; только
Спасти его я не умѣю; сжалься
Надъ нимъ Ты, Господи, и научи
Меня молиться за него“. Больной
Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребенокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ
Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
Въ подушки голову, и слезъ потоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ
И, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, до ночи ему читалъ
Евангелье, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемѣной,
Въ немъ происшедшей; страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, носившаго глубокій
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смиренное, веселое, святое,
Какъ-будто лучъ той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ.—
Ахъ Робертъ! тихимъ голосомъ больной
Сказалъ, какую ночь провелъ я! что
Со мною было! я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней,
Которая проникнула въ нее,
Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я—кого же? Самого
Спасителя Христа; Онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
Что будто всталъ я и приползъ къ Его
Ногамъ, и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,
О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
Исусъ Христосъ, помилуй! и тогда
Мнѣ показалось, будто на меня—
Да! на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя-капитана, Онъ взглянулъ...
О, какъ взглянулъ! какими описать
Словами этотъ взглядъ! я задрожалъ;
Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
Но и съ надеждой, я къ Нему поднять
Осмѣлился глаза... и что же? Онъ...
Да, Робертъ!.. Онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О, что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣетъ.
Я на него глядѣлъ... глядѣлъ... и ждалъ...
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А Онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ его, облитъ,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной
И нѣжной жалостію на меня...
И вдругъ Его уста пошевелились,
И я Его услышалъ голосъ... чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И Онъ сказалъ мнѣ: „Ободрись и вѣруй!“

Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но
Видѣніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись...
Но сонъ ли это было? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: Тотъ меня спасетъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
Чтó Онъ сказалъ на вечери святой,
Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
Вино во оставленіе грѣховъ.
Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
Мой искупитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію разстаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ...—При этомъ словѣ Робертъ,
Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: „Капитанъ,
Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете".
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:—
Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердье; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Родного жаль; ты долженъ здѣсь остаться
На кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ
Людей, одинъ, неопытный ребенокъ...
Съ тобою будетъ то же, что со мной!
Ахъ Робертъ! берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведетъ она. Твоя любовь,
Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ,
И самъ того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь.—Весь этотъ день
Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ евангеліе слушалъ.
Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ
Простился, онъ его съ благословеньемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
Припавъ къ постели, крѣпко стиснувъ руки,
Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минуты двѣ
Прошло... и вотъ онъ, наконецъ, шепнулъ
Тихонько: капитанъ!—отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо все;
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постели.—Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
Попрежнему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемѣнилось; медленно онъ навзничь
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.
(1842 г.)

ДВѢ ПОВѢСТИ.

ПОДАРОКЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ ИЗДАТЕЛЮ „МОСКВИТЯНИНА" (И. В. КИРѢЕВСКОМУ).

(Изъ Шамиссо и Рюккерта.)

Дошли ко мнѣ на берегъ Майна слухи,
Что ты, Кирѣевскій, теперь сталъ и москвичъ
И москвитянинъ. Въ добрый часъ; приняться
Давнымъ-давно пора тебѣ за дѣло.
Меня жъ взяла охота подарить
Тебя и твой журналъ на новый годъ
Своимъ добромъ, чтобъ старости своей
По-старому, хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; на вашъ ужъ ладъ
Мнѣ не поётся; лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь
Какъ я состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмельнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ. Но все, однако,
На новый годъ мнѣ должно подарить
Тебя и твой журналъ. Другъ, даровому
Коню, ты знаешь самъ, не смотрятъ въ зубы.
Итакъ, прошу принять мой лептъ вдовицы.

Недавно мнѣ случилося найти
Преданіе о древнемъ Александрѣ
Въ Талмудѣ. Я хочу преданье это
Здѣсь разсказать такъ точно, какъ оно
Разсказано въ еврейской древней книгѣ.
Черезъ песчаную пустыню шелъ
Съ своею ратью Александръ; въ страну,
Лежавшую за рубежомъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.

Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою;
Ее и мигъ покоя раздражалъ:
Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился; и чудно освѣжила
Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословенной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать;
Что близъ его истоковъ надлежало
Цвѣсти земному счастію; что, вѣрно,
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.
„Туда! туда! съ мечомъ, съ огнемъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой
Принять, какъ даръ моей щедроты царской".
И онъ велѣлъ гремѣть трубѣ военной;
И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Велъ Александръ свои полки. Куда же
Онъ, наконецъ, привелъ ихъ? Ко вратамъ
Эдема. Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечомъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя.—Стой, сказалъ привратникъ чудный,
Кто бъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ.—
„Я царь земли!" воскликнулъ Александръ,
Прогнѣванный нежданнымъ запрещеньемъ.
—Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ.
„Я Александръ!"—Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ; одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
Грабителямъ, ненасытимо-жаднымъ,
Рай затворенъ.—На это Александръ:
„Итакъ, назадъ мнѣ должно обратиться,
Тогда, какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ. По крайней мѣрѣ,
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ". На это стражъ:—
Вотъ знаменье; да просвѣтитъ оно
Твой темный умъ высокимъ разумѣньемъ;
Возьми.—Онъ взялъ; и въ путь пошелъ об-
А на пути, созвавши мудрецовъ, [ратный;
Передъ собою знаменье велѣлъ [гнѣвѣ,
Имъ изъяснить. „Мнѣ!" повторялъ онъ въ
„Мнѣ! Александру! даръ такой презрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости!"—Сынъ Филипповъ,
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ,—
Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить и дастъ тебѣ отвѣтъ.—
Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы;
Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ,
Въ другую чашу кость онъ положилъ,
И... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александръ; онъ вдвое
Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ
Ни на волосъ она не опустилась. [чашу—
Затрепеталъ на тронѣ царь могучій;
И онъ спросилъ: „Какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ея возможно возвратить?"
—Щепоткою земли,—сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость земли щепотку,
И чаша съ костью быстро поднялася,
И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ:—Великій государь,
Былъ нѣкогда подобный твоему
Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
Была частицей впадины, въ которой
Глазъ, твоему подобный, заключался.
Глазъ человѣческій въ объемѣ малъ;
Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
Онъ все, что насъ здѣсь въ области видѣній
Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
Онъ міръ готовъ сожрать голоднымъ взоромъ.
Все золото земное всыпьте въ чашу,
Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
На золото... все будетъ мало; но
Покрой его щепоткою земли—
И пропадетъ его ненасытимость;
Сквозь легкій праха грузъ ужъ не пробьется
Онъ жаднымъ взоромъ. Ты ужъ, великій царь,
Въ семъ знаменьи уразумѣй прямое
Значеніе и времени и жизни.

Ненасытимости передъ тобою
Лежитъ символъ въ истлѣвшей этой кости.—
Но царь внималъ съ поникшей головой,
Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вско-
чилъ,
Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва,
И возгласилъ такъ громко, что скалы
Окрестныя ужасный дали голосъ:
„Греми труба! впередъ, мои дружины!
Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ!"
И вихрями взвился песокъ пустыни;
И рать великая, какъ змѣй съ отверстымъ
Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками лилъ кровь, и побѣждалъ,
И съ каждою побѣдой разгорался

Сильнѣйшей жаждою побѣды новой,
И, наконецъ, они ему щепоткой
Земли глаза покрыли—онъ утихъ.

Но, кажется, почтенный москвитянинъ,
Что мой тебѣ подарокъ въ новый годъ,
Некстати мраченъ; гробовая кость,
Земля могильная, ничтожность славы,
Тщета величій... въ новый годъ дарить
Такимъ добромъ неловко; виноватъ,
И вотъ тебѣ разсказъ повеселѣе.

Жилъ на востокѣ царь; а у царя
Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
Что задалъ царь такой вопросъ Кериму:
—Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
И свѣтъ!—Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки
Сначала на день, послѣ на два; послѣ
На цѣлую недѣлю; наконецъ,
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
„Вопросъ твой, государь, неразрѣшимъ.
Мой слабый умъ его обнять не можетъ;
Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить“.
И въ путь Керимъ отправился искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ какъ царь, и упивался
Изъ полной чаши сладостію жизни.
Керимъ ему вопросъ свой предложилъ.
Онъ отвѣчалъ:—Свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ—садись,
Кто хочетъ, и пируй. Надъ головою
Гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы;
Для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ,
А на столахъ предъ ними безъ числа
Стоятъ съ ѣдою блюда золотыя,
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства.
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно;
И каждому есть мѣсто; кто жъ довольно
Насытился, встаетъ, и съ тѣми, кто
Сидѣли съ нимъ, простясь, уходитъ спать
Домой, хозяину сказавъ: спасибо
За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.—
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова: онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про-себя же
Такъ разсуждалъ: „Твоя картина, другъ
Философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;
Немало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ“. Кериму тутъ сказали,
Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
Отшельникъ набожный, смиренномудрый;
Ему убѣжищемъ была пещера:
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни
Коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи
Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И не медля
Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
Ему сказалъ:—Послушай; черезъ степь
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,
Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды;
Изъ нѣдра темнаго его торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшіеся межъ трещинами стѣнъ,
Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ путникъ
Въ испугѣ прянулъ; онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
Глаза ко дну пустого водоема:
Тамъ змѣй ворочался, и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.
Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
Ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за который онъ
Держался), корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны состарѣвшейся водоема
Входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ, и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, землю
Со всѣхъ сторонъ скребли, и обнажали
Всѣ вѣтви корня, а когда земля
Шумѣла, падая на дно, оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй, какъ-будто
Спѣша провѣдать, скоро ль мыши корень
Перегрызутъ, и скоро ль съ ношей кустъ
Къ нему на дно обрушится. Но что же?
Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ
Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ [всякой
На ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ
Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно
Желаніе полакомиться ими
Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
И грознаго верблюда надъ собою,
И подъ собой на днѣ далекомъ змѣя,
И двухъ мышей коварную работу;
Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
Внизу зіять голодной пастью змѣя,
И всторонѣ грызть корень и копаться
Въ землѣ мышей—а самъ, рукой добравшись
До ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать

И ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:
Кто этотъ жалкій путникъ? Человѣкъ.
Пустыня жъ съ водоемомъ свѣтъ; а путь
Черезъ пустыню наша жизнь земная;
Гонящійся за путникомъ верблюдъ
Есть врагъ души, тревогъ создатель, грѣхъ:
Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно
На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной,
Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта смерть—
Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
А мыши? ихъ названье день и ночь;
Безъ отдыха, смѣняяся, онѣ
Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,
Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя невѣрно держитъ, перегрызть;
Прилежно черная грызетъ всю ночь,
Прилежно бѣлая грызетъ весь день,
А ты, прельщенный ягодой душистой, [емъ
Усладой чувствъ, желаній утолень
Забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ,
И смерть—внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и ночи—
Мышей, грызущихъ тонкій корень жизни;
Ты все забылъ—тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?—
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про-себя же
Такъ разсуждалъ: „Святой отшельникъ, твой
Разсказъ замысловатъ, но моего
Вопроса онъ еще не разрѣшилъ;
Не такъ печальна наша жизнь, какъ степь,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти;
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
Плѣняется безпечно человѣкъ“.
И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то стран-
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ: [ный,
Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла
Котомка; въ ней же было много хлѣба,
Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,
Казалось, былъ веселаго ума,
Глаза его сверкали остротою,
И на лицѣ пріятно выражалось
Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
„Задамъ ему на всякій случай мой
Вопросъ. Быть-можетъ, дѣло скажетъ этотъ
Чудакъ“. И онъ у нищаго спросилъ:
„Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
И свѣтъ?“—На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:
Одинъ нѣмой сказалъ слѣпому: если
Увидишь ты арфиста, попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ унылость впавшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ слѣпой:
Такого мнѣ арфиста ужъ случалось
Видать здѣсь; я безногаго за нимъ
Отправлю; онъ его въ одну минуту
Найдетъ. Безногій побѣжалъ и скоро
Нашелъ арфиста; былъ арфистъ безъ
Но онъ упрямиться не сталъ и такъ [рукъ,
Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Расхохотался; то слѣпой увидя,
Всплеснулъ руками; вслухъ нѣмой хвалить
Сталъ музыканта, а безногій началъ
Плясать и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалося людей, и изъ толпы
Вдругъ выскочилъ дуракъ: онъ изъявилъ
Арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ
Свое благоволенье. Мимо ихъ
Прошла тихонько мудрость и, увидя,
Что дѣлалось, шепнула про-себя:
„Таковъ смѣшной, безумный жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтѣ наша жизнь“.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?—
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про-себя же
Такъ разсуждалъ: „Затѣйливъ твой разсказъ;
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И высшая значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ“.—Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ великій путь,
Чтобъ донести царю, что никакого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдою
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный
И жизни таинство ему открылъ.
И передъ царя явился онъ съ веселымъ
Лицомъ и все, что свѣдалъ отъ другихъ,
Ему пересказалъ; а царь спросилъ:
„Что жъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь?“—Сперва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мной
Самимъ случилось на пути. Извѣстно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился; что, милостію царской
Хранимый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, я пищу находилъ дневную
И никакихъ не испыталъ тревогъ.
Что жъ на дорогѣ добраго, худого
Мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды
Упоминать—оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: угодить
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ, возвратившись,
Тебѣ отчетъ принесть въ своихъ трудахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ ли я милости твоей?—
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку

Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ, потомъ
Промолвилъ:—Такъ я думалъ про-себя
Во время странствія; но, подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ и печалясь,
Что безъ малѣйшія передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой
Обители твоей, какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ, и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть—странствіе по свѣту,
Такое жъ какъ мое, во исполненье
Верховной воли высшаго царя.—
Мудрецъ умолкъ; а царь ему сказалъ:
„Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ".

И для тебя, мой добрый москвитянинъ,
Какъ и для всѣхъ, въ обѣихъ повѣстяхъ
Полезное найдется наставленье.
Хотя урокъ, такъ безуспѣшно данный
Эдемской костью Александру, болѣ
Земнымъ царямъ приличенъ, но и ты,
Какъ журналистъ, воспользоваться имъ
Удобно можешь: будь въ своемъ журналѣ
Другъ твердый, а не злой наѣздникъ правды;
Съ журналами другими не воюй,
Ни съ Библіотекой для чтенья, ни
Съ Записками, ни съ Сѣверной Пчелою,
Ни съ Русскимъ Вѣстникомъ, живи и [жить
Давай другимъ; и обладать одинъ
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повѣсти я толковать
Тебѣ не стану; мнѣ давно извѣстно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смиренно вѣдаешь: куда, зачѣмъ,
И кто тебѣ по ней итти велитъ.
(1844 г.)

ПОВѢСТЬ О ІОСИФѢ ПРЕКРАСНОМЪ.

I.

Іаковъ жилъ въ землѣ, гдѣ Исаакъ,
Его отецъ, жилъ прежде, въ Хананейской
Землѣ богатой; сыновья его
Пасли въ горахъ обильныя стада,
Межъ ними самый младшій былъ Іосифъ.
Онъ родился Іакову подъ старость,
И болѣ всѣхъ любилъ его отецъ;
Онъ пеструю одежду далъ ему
И веселился, видя красоту
Его лица, а братьямъ было то
Завидно, и на сердцѣ ихъ кипѣла
Вражда къ Іосифу, и никогда
Они привѣтливаго слова брату
Не говорили. Разъ приснился сонъ
Ему—и братьямъ разсказалъ Іосифъ
Тотъ сонъ. „Послушайте, онъ говорилъ,
Привидѣлося мнѣ, что будто всѣ
Мы въ полѣ, и что будто всѣ мы вяжемъ
Снопы; вдругъ снопъ мой поднялся, а ваши
Передъ моимъ, какъ-будто поклоняясь
Ему, легли.—На это братья всѣ
Сказали: „Видно, что хочешь надъ родными
Господствовать и нашимъ быть царемъ?"
И болѣе съ тѣхъ поръ его они
Возненавидѣли.—Потомъ ему
Опять приснился сонъ. Его отцу
И братьямъ разсказалъ Іосифъ: „Мнѣ
Привидѣлось, что солнце и луна
Съ одиннадцатью свѣтлыми звѣздами
Мнѣ поклонились". Но отецъ ему
Велѣлъ умолкнуть, говоря:—„Что можетъ
Твой сонъ знаменовать? Иль мыслишь ты,
Что и отецъ, и мать, и братья въ землю
Тебѣ поклонятся?"—И братья пуще
Противъ него за этотъ чудный сонъ
Озлобились; отецъ же про-себя
Его слова на памяти сберегъ.
И скоро братья на поля Сихема
Отцовскія стада перевели.
Тогда, призвавъ Іосифа, Іаковъ
Ему сказалъ: „Твои всѣ братья нынѣ
Въ Сихемѣ на лугахъ, стада моихъ
Овецъ пасутъ; пойди, мой сынъ Іосифъ,
Туда, провѣдай, здравствуютъ ли братья
И овцы, и объ нихъ мнѣ принеси
Извѣстіе".—Покинувши долину
Хевронскую, пошелъ въ Сихемъ Іосифъ.
Онъ не нашелъ тамъ братьевъ, но ему,
Искавшему ихъ, человѣкъ одинъ
Прохожій встрѣтился и у него
Спросилъ:—Кого ты ищешь? Онъ ему
Сказалъ въ отвѣтъ: „Ищу своихъ я братьевъ".
И тотъ ему отвѣтилъ:—Я слыхалъ
Ихъ говорящихъ здѣсь: мы въ Доффаимъ
Пойдемъ отсюда.—И за ними вслѣдъ
Пошелъ Іосифъ въ Доффаимъ, и ихъ
Нашелъ онъ въ Доффаимѣ. Издали
Увидѣвши идущаго его,
Они сказали:—Вотъ идетъ сновидецъ!—
И замыслъ погубить его въ ихъ сердце
Проникъ. Другъ-другу такъ они сказали:
—Когда придетъ онъ, мы убьемъ его
И бросимъ тѣло въ этотъ водостокъ,
И скажемъ, что его съѣлъ дикій звѣрь.
Тогда увидимъ, сбудется ли сонъ,
Которымъ хвасталъ онъ.—Услышалъ ихъ
Слова Рувимъ. Чтобы изъ рукъ ихъ брата
Спасти, онъ такъ сказалъ: „Не убивайте
Его на вашу душу; рукъ своихъ
Не обагряйте кровью, а живымъ
Его спустите въ этотъ водоемъ
И тамъ оставьте". Такъ онъ говорилъ,
А втайнѣ былъ намѣренъ отвести
Его къ отцу. Когда же къ нимъ подошелъ
Ихъ братъ Іосифъ, пеструю съ него
Одежду снявши, въ водоемъ они
Его спустили; былъ тотъ водоемъ
Глубокъ, но безъ воды. Потомъ всѣ вмѣстѣ
Обѣдать начали; но въ это время,
Поднявъ глаза, увидѣли они

Толпу людей. Измаильтяне шли
Изъ Галаада на своихъ верблюдахъ;
Коренья пряные, бальзамъ и мирру
Они везли въ Египетскую землю.
Увидѣвъ ихъ, сказалъ Іуда братьямъ:—
Какая будетъ польза намъ, когда
Его мы умертвимъ; онъ наша кровь,
Онъ братъ нашъ! Лучше продадимъ его
Купцамъ измаильтянскимъ.—Братьямъ этотъ
Совѣтъ понравился; когда жъ купцы
Приблизились, они, изъ водоема
Іосифа немедленно извлекши,
Его за двадцать золотыхъ монетъ
Купцамъ тѣмъ продали; и ими онъ
Былъ уведенъ въ Египетскую землю.
Когда жъ Рувимъ, который не случился
При этомъ торгѣ, къ вечеру пришелъ
Къ пустому водоему, чтобъ оттуда
Взять брата, въ водоемѣ брата онъ
Ужъ не нашелъ; свою отъ скорби ризу
Съ себя сорвавъ, онъ началъ горько плакать
И говорилъ: „Я брата не нашелъ!
Куда теперь пойду я?" Тѣ же, взявъ
Іосифову ризу и козленка
Зарѣзавъ, кровью облили ее
И повелѣли отнести ту ризу
Къ Іакову и такъ ему сказать:—
Вотъ что нашли въ лѣсу мы, посмотри!
Не риза ли, которую ты далъ
Іосифу?—Іаковъ посмотрѣлъ
И во мгновенье въ лоскутѣ кровавомъ
Онъ пеструю Іосифову ризу
Узналъ. И онъ воскликнулъ: „Это платье
Іосифа; звѣрь лютый съѣлъ его!
Іосифа похитилъ лютый звѣрь!"
И пепломъ голову свою Іаковъ
Осыпалъ, и сорвалъ съ себя одежды,
И вретищемъ облекся, и о миломъ
Іосифѣ дни многіе онъ плакалъ.
И сыновья и дочери отца
Сошлися утѣшать, но утѣшенья
Не принималъ онъ и твердилъ: „Хочу
Я въ землю; къ милому хочу я сыну!"
И объ Іосифѣ безъ утѣшенья
Іаковъ плакалъ. А Іосифъ былъ
Въ Египтѣ далеко. Въ Египтѣ былъ онъ
Пентефрію, евнуху Фараона,
Измаильтянскими купцами проданъ.

II.

Но былъ съ Іосифомъ Господь. И въ домѣ
Пентефрія онъ жилъ благополучно,
Понеже зналъ Пентефрій, что Господь
Іосифу успѣхъ во всякомъ дѣлѣ
Ниспосылалъ; и въ милости великой
Іосифъ былъ у господина: ввѣрилъ
Ему весь домъ свой, всѣ свои поля,
И все свое имущество Пентефрій.
И водворилъ свою щедроту, ради
Іосифа, въ Пентефріевомъ домѣ
Господь. Но восхотѣлъ Онъ напослѣдокъ
Іосифа подвергнуть испытанью,
И допустить благоволилъ, чтобъ въ сердцѣ
Пентефріевомъ злою клеветой
Противъ Іосифа великій гнѣвъ
Былъ возбужденъ. И гнѣвомъ ослѣпленный
Іосифа Пентефрій повелѣлъ
Въ темницу заключить, гдѣ содержались
Царевы узники. Но и въ бѣдѣ
Великой былъ Іосифъ сердцемъ веселъ
Предъ Господомъ... И преклонилъ Господь
Темничнаго старѣйшину на милость
Къ Іосифу; и возлюбилъ его
Старѣйшина темничный; и въ темницѣ
Ему надзоръ за узниками всѣми
Онъ ввѣрилъ, и главою онъ поставилъ
Іосифа надъ стражами другими,
И отдалъ всю во власть его темницу:
Понеже былъ съ Іосифомъ Господь.

III.

Случилося тогда, что Фараона
Прогнѣвали и царскій виночерпій,
И царскій хлѣбодаръ. Ихъ царь велѣлъ
Окованныхъ въ темницу заключить;
Темница же та самая была,
Въ которой столько времени томился
Іосифъ. И старѣйшина темничный
Ему въ надзоръ обоихъ ввѣрилъ знатныхъ
Царевыхъ узниковъ. Въ одну имъ ночь
Тревожные привидѣлися сны.
Когда пришелъ поутру къ нимъ Іосифъ,
Увидѣлъ онъ, что были оба мрачны,
И онъ спросилъ ихъ: „Отчего такое
Уныніе на вашихъ блѣдныхъ лицахъ?"
Они сказали:—Видѣли мы сны;
Ихъ знаменье тревожитъ насъ. Іосифъ
Отвѣтствовалъ: „Намъ сны отъ Бога; что жъ
Вамъ снилось?"—Мнѣ привидѣлось, сказалъ
Великій виночерпій, будто я
Стою передъ лозою виноградной,
Что та лоза три отрасли пустила,
Что зрѣлые на ней висѣли грозды,
Что въ правой я рукѣ цареву чашу
Держалъ, а лѣвою рукой давилъ
Въ нее царю душистый сокъ изъ гроздьевъ.
И виночерпію сказалъ Іосифъ:
„Три на лозѣ отростка значатъ три дня;
По истеченьи трехъ дней вспомнитъ царь
Тебя, и ты попрежнему возвышенъ
Въ свой знатный будешь санъ и будешь въ пирѣ,
Попрежнему, какъ царскій виночерпій,
Напитокъ подносить царю. Когда же
То сбудется съ тобою, помяни
При счастіи меня и сотвори
Со мною милость: извлеки изъ мрака
Темничнаго, гдѣ заключенъ давно
Я, никакого зла не сотворившій".
То слыша, въ свой чередъ, и хлѣбодаръ

Іосифу сказалъ:—А мнѣ приснилось,
Что будто я на головѣ несъ три
Корзины съ царскимъ хлѣбомъ, что отвсюду
Слетѣлись птицы, что онѣ обсѣли
Корзины, и что ими весь расклеванъ
Былъ царскій хлѣбъ.—На то сказалъ Іосифъ:
„Пройдетъ три дня, и Фараонъ велитъ
Твою взять голову, и ты на древѣ
Повѣшенъ будешь, и слетятся птицы
И расклюютъ твой трупъ". Три дня прошли,
И праздновалъ свое рожденье царь;
И пригласилъ въ свои палаты всѣхъ
Вельможъ на пиръ великій; вспомнилъ онъ
О виночерпіи и повелѣлъ
Ему вступить въ высокій санъ его;
И сталъ опять въ цареву руку чаши
Съ виномъ онъ подавать. А хлѣбодаръ,
Какъ предсказалъ ему Іосифъ, былъ
На третій день казненъ. Но виночерпій
Объ узникѣ Іосифѣ забылъ,
И надолго въ темницѣ онъ остался.

IV.

Два года протекли. Вдругъ царь встревоженъ
Былъ чуднымъ сномъ. Приснилося ему,
Что при рѣкѣ стоялъ онъ, и что семь
Коровъ большихъ, красивыхъ, тучныхъ вышли
Изъ той рѣки, и стали на прибрежномъ
Лугу пастись, и злаками питались;
Что изъ рѣки другія семь коровъ,
Ужасныхъ видомъ, злыхъ и тощихъ, вышли
И бросились на первыхъ, и сожрали
Ихъ всѣхъ, и что ихъ чрево стало
Пустѣй, чѣмъ было прежде. И въ испугѣ
Проснулся царь; но скоро онъ опять
Заснулъ, и сонъ другой ему приснился.
Онъ видѣлъ семь колосьевъ, на одномъ
Растущихъ стеблѣ, и колосья были
Полны прекрасныхъ, крупныхъ зеренъ; вдругъ
Другіе семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ,
Межъ первыми, на томъ же стеблѣ вышли,
И жирные колосья были разомъ
Безплодными поглощены. Въ испугѣ
Опять проснулся царь, и онъ ужъ болѣ
Заснуть не могъ. Его душа смутилась;
Когда жъ настало утро, онъ велѣлъ
Созвать гадателей и мудрецовъ,
Дабы они ему истолковали
Значенье сна. Но ни одинъ не могъ
Его истолковать. Тутъ виночерпій
О юношѣ, съ которымъ онъ былъ запертъ
Въ темницѣ, вспомнилъ и сказалъ царю:
„Я тяжко согрѣшилъ, великій царь!
Я за добро, оказанное мнѣ,
Неблагодарностью воздалъ жестокой;
Мы были, я и хлѣбодаръ, твои
Рабы, заключены по волѣ царской
Твоей, въ темницѣ. Тамъ мы были сномъ,
Какъ нынѣ ты, устрашены. Въ темницѣ жъ
Былъ съ нами юноша, еврей, невольникъ
Пентефрія, вельможи твоего.
Онъ наши сны истолковалъ, и все
Намъ сказанное имъ сбылося: я
Тобою былъ помилованъ, а царскій
Твой хлѣбодаръ тобою преданъ казни".
И повелѣлъ представить Фараонъ
Къ себѣ Іосифа. Былъ изведенъ
Изъ мрачной онъ темницы, былъ омытъ,
Благоухающимъ натертъ елеемъ,
Очищенъ, въ ризу новую одѣтъ,
И такъ его представили царю.
И царь сказалъ:—Я видѣлъ сонъ, но мнѣ
Его никто истолковать не можетъ;
Ты, говорятъ, пророчественнымъ духомъ
Исполненъ.—„Я, отвѣтствовалъ Іосифъ,
Ничто; одинъ лишь Богъ Всевышній можетъ
Царю открыть въ грядущемъ зло и благо".
И царь ему сказалъ:—Приснилось мнѣ,
Что близъ рѣки стоялъ я, и что вдругъ
Изъ той рѣки семь добрыхъ, чистыхъ вышло
Коровъ, и что за ними слѣдомъ вышли
Другія семь коровъ, но злыхъ и тощихъ,
И что послѣднія сожрали первыхъ,
И отъ того страшнѣй лишь отощали.
Потомъ я семь колосьевъ, на одномъ
Цвѣтущихъ стеблѣ, тучныхъ и зернистыхъ
Во снѣ увидѣлъ, и межъ ними вдругъ
На томъ же стеблѣ семь другихъ колосьевъ
Безплодныхъ выросли, и во мгновенье
Безплодные сожрали плодоносныхъ.
Вотъ что приснилось мнѣ. Я вопросилъ
Гадателей и мудрецовъ, но сна
Изъ нихъ никто не могъ мнѣ объяснить.—
Тогда сказалъ Іосифъ Фараону:
„Въ обоихъ снахъ одно знаменованье;
Тебѣ Господь имъ хочетъ отворить
Дверь помощи, временъ грядущихъ тайну.
И нынѣ знай, великій царь: семь тучныхъ
Коровъ и семь колосьевъ полныхъ значатъ
Семь лѣтъ обилія; а тощихъ семь
Коровъ и семь пустыхъ колосьевъ—семь
Голодныхъ означаютъ лѣтъ. Сперва
Семь лѣтъ во всей Египетской землѣ
Великое плодорожденье будетъ;
Потомъ семь лѣтъ безплодныя настанутъ,
И голодъ всю Египетскую землю
Обыметъ, и во дни великихъ бѣдствій
О временахъ благихъ забудутъ люди.
И надлежитъ тому свершиться скоро,
Понеже ты двукратно видѣлъ сонъ,
Но посланъ онъ отъ Бога во спасенье
Тебѣ и всей Египетской землѣ.
Моими онъ теперь тебѣ устами
Смиренными, царь мудрый, говоритъ:
Немедленно тобою долженъ быть
Мужъ многоопытный и мудрый избранъ;
Надъ всей землей Египетской его
Поставь, и купно съ нимъ назначь повсюду

Мѣстоначальниковъ; пускай отъ всѣхъ
Земныхъ плодовъ въ теченіе семи
Обильныхъ лѣтъ, часть пятую они
Сбираютъ и хранятъ по городамъ;
Пускай пшеницею и всякимъ житомъ
Запасные наполнятся амбары,
Дабы во дни обилія на дни
Безплодія въ Египетской землѣ
Соблюдено богатство пищи было,
Чтобъ голодомъ народъ твой не погибъ".
Такъ говорилъ передъ царемъ Іосифъ.
Царю и всѣмъ вельможамъ царскимъ былъ
Его благой совѣтъ угоденъ. Царь
Помыслилъ:—Гдѣ и скоро ли найдется
Мужъ опытный и боговдохновенный?
И, обратясь къ Іосифу, сказалъ онъ:—
Могу ли я кого избрать премудрѣй
И опытнѣй тебя? Ты откровенье
Пріялъ отъ Бога. Будь же ты отнынѣ
Въ моемъ дому. Велѣньямъ устъ твоихъ
Да покорятся всѣ! Однимъ престоломъ
Тебя я выше буду. Поставлю
Тебя надъ всей Египетской землей.—
И снявъ свой царскій перстень, Фараонъ
Украсилъ имъ Іосифову руку,
Облекъ его пурпуровой одеждой,
Златую цѣпь надѣлъ ему на шею,
И повелѣлъ, чтобъ въ царской колесницѣ
По городу всему его возили,
И чтобъ предъ нимъ шелъ царскій провоз-
Народу власть его провозглашать. [вѣстникъ
И властвовать въ Египетской землѣ
Іосифъ началъ, юноша цвѣтущій.
Изъ узника, забытаго въ темницѣ,
Въ единый мигъ онъ сдѣлался могучимъ
Правителемъ Египетской земли:
Понеже былъ съ Іосифомъ Господь.

V.

Семь первыхъ лѣтъ роскошнѣйшую жатву
Въ Египетской землѣ давали нивы;
Былъ собранъ тамъ запасъ неисчислимый
Пшеницы, ржи и всѣхъ земныхъ плодовъ.
По городамъ, въ селеніяхъ, на полѣ,
Амбары полные сокровищъ нивныхъ
Безчисленны стояли. И когда
Прошло семь лѣтъ обильныхъ, и за ними
Семь лѣтъ безплодныхъ наступили, голодъ
По всей землѣ потоками разлился,
И возопилъ Египетскій народъ
Къ царю въ своей бѣдѣ. Но царь народу
Отвѣтствовалъ:—Къ Іосифу идите,
Онъ дастъ вамъ пищу.—И открылъ Іосифъ
Всѣ житницы, и не одинъ народъ
Египетскій тогда нашелъ себѣ въ нихъ
Спасеніе: изъ ближнихъ и далекихъ
Земель во множествѣ стекаться стали
Въ Египетъ люди, и цѣною малой
Изъ царскаго великаго запаса
Іосифъ хлѣбъ имъ продавалъ, и всѣ
Премудраго Египетской земли
Правителя народы прославляли...

(1845 г.)

ВЫБОРЪ КРЕСТА.

Повѣсть, изъ Шамиссо.

Усталый шелъ крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И, наконецъ, достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца:
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣни, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ,
Былъ духъ его изъ бренныя тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: „Отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдаю передъ Тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, и моя душа
Погибнетъ". Такъ въ безсмысліи онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
„Передъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми". И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было нелегко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ: рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, зато
И на подъёмъ, какъ золото. И словомъ,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова

Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;
Какъ-вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья, крестъ;
Былъ нелегóкъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но зато, какъ-будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: „Господи! позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ". И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

(1845 г.)

ОТРЫВОКЪ.

Часто въ прогулкахъ моихъ одинокихъ мнѣ попадался
Старый нищій; всегда у большой дороги сидѣлъ онъ
Тамъ, гдѣ у съѣзда съ горы положили бревно, чтобъ удобнѣй
Было садиться опять на сѣдло тому, кто съ крутого
Спуска лошадь сводилъ въ поводахъ. Старикъ, прислонивши
Палку къ бревну и сложивши съ плеча котомку, съ какой-то
Дѣтскою радостью бралъ изъ нея одна за другою
Хлѣбныя корки, сборъ съ поселянъ, и съ лѣнивымъ вниманьемъ
Ихъ пересматривалъ. Скорчась въ дугу, безъ шляпы, на знойномъ
Солнцѣ, одинъ посреди холмовъ пустынныхъ и голыхъ,
Медленно ѣлъ онъ свой скромный обѣдъ; одною рукою
Корку держа, подъ нее подставлялъ онъ другую, чтобъ крошки
Всѣ до послѣдней сберечь; но къ ногамъ его много на землю
Падало ихъ, и галки, косясь на добычу, бродивши
Поодаль, на цѣлую палку его разстояньемъ, къ манившей
Ихъ приманкѣ порой приближались. Съ самаго дѣтства
Зналъ я его; какъ теперь и тогда старёхонекъ былъ онъ,
Такъ-что какъ-будто нимало съ тѣхъ поръ не постáрѣлъ: все тотъ же,
Такъ же все бродитъ одинъ, и съ виду такой безпомощный,
Что не одинъ проѣзжій съ коня небрежной рукою
Мелкой монеты своей не броситъ ему, а слѣзаетъ
Съ лошади самъ, чтобъ вѣрнѣе свое подаянье въ худую
Шляпу его положить; и каждый, ногу вставляя
Въ стремя, за нимъ все еще слѣдуетъ косвеннымъ взглядомъ.
Палка его неразлучно тáщится съ нимъ; онъ такъ тихо
Бродитъ, такъ слабъ и медленъ въ движеньяхъ своихъ, что едва ли
Слѣдъ какой на дорогѣ его нога оставляетъ.
Шавка дворная брехать на него утомляется прежде,
Нежели онъ успѣетъ мимо воротъ протащиться:
Дѣвочка, мальчикъ, ребенокъ, взрослый, праздный рабочій,
Всѣ обгоняютъ его, онъ у всѣхъ назади остается.
Сборщица пошлинъ дорожныхъ, лѣтней порою за пряжей
Сидя въ дверяхъ, лишь завидитъ его вдалекѣ по дорогѣ
Тихо бредущаго, просьбы его не ждетъ и, работу
Бросивъ, сама передъ нимъ подымаетъ шлагбаумъ. Столкнувшись
Съ нимъ на тѣсной дорогѣ, почтарь—когда не услышитъ
Крика его старинушка—въ сторону самъ осторожно
Правитъ и мимо, безъ грубаго слова, даже безъ сердца,
Ѣдетъ. Одинъ-одинехонекъ ходитъ бѣднякъ. Не имѣетъ
Старость его товарища. Вѣчно глаза его въ землю
Смотрятъ; онъ медленно движется вдаль по дорогѣ, невольно
Движется съ нимъ и она; и видитъ не то, что мы видимъ
Всѣ: не зелень полей, не холмы, не свѣтлое небо,
Нѣтъ, одну лишь полосу пыльной дороги.
Тутъ и весь его горизонтъ. Ежедневно, склонивши
Дряхлую голову, бродитъ съ утра онъ до позднія ночи,
Видя, но самъ почти не зная, что видитъ; кое-гдѣ
Клокъ соломы, вялый листъ, отпечатокъ подковы
Или гвоздей на пыли; и все въ одномъ разстояньи,
Все въ одномъ направленьи. Бѣдный странникъ!..

(1845—1846?)

ПРОДАННОЕ ИМЯ.

(отрывокъ.)

Давнымъ-давно (а какъ давно, о томъ
Навѣрное сказать не можемъ мы;
Извѣстно только то, что это было
Еще до лжепророка Магомета)
Въ приморскомъ городѣ Бассорѣ жилъ
Купецъ. Сначала онъ имѣлъ большое

Богатство, а потомъ отъ неудачъ
Въ торговлѣ обѣднялъ, и до того,
Что принужденъ былъ тяжкою работой
Насущный хлѣбъ съ нуждою добывать:
Онъ сдѣлался носильщикомъ. Когда
Входили въ пристань корабли, Рубанъ
(Такъ назывался онъ) ихъ выгружать
Усердно помогалъ. И онъ всегда
Имѣлъ работу, потому что былъ
Извѣстенъ честностью; ему безъ страха
Ввѣряли все, и самый дорогой
Товаръ. А въ бѣдности ему подпорой
Служило то, что на своей душѣ
Онъ никакого не имѣлъ упрека.
Онъ былъ всегда любезенъ и другимъ,
Богобоязненъ, и смиренно волѣ
Всевышняго покоренъ.—Напослѣдокъ,
Уже достигнувъ старости глубокой,
Почувствовалъ Рубанъ, что наступилъ
Его конецъ. Онъ сына своего,
Который былъ уже двадцати-двухъ лѣтъ
И, какъ отецъ, Рубаномъ назывался,
Призвалъ къ себѣ и такъ ему сказалъ:
„Рубанъ, послѣдній часъ мой наступилъ,
Но я его спокойною душою
Встрѣчаю: онъ меня отъ муки жизни
Освобождаетъ; я не сожалѣю
О свѣтѣ, лишь съ тобой однимъ мнѣ тяжко
Разстаться; но мои ужъ сочтены
Минуты; подойди, стань на колѣни,
Мой сынъ, чтобъ отъ меня благословенье
Принять". И на голову сына руку
Съ улыбкою прискорбной положивъ,
Промолвилъ онъ: „Ты былъ всегда покорнымъ,
Всегда почтительнымъ и добрымъ сыномъ;
Ты возмужалъ въ смиреніи; Господь
Тебя благословитъ; когда пути Его
Ты не покинешь, Онъ твоимъ
Сопутникомъ всегда и всюду будетъ.
Я ничего, мой другъ, тебѣ въ наслѣдство
Оставить не могу; одно мое
Наслѣдство—имя, никакой неправдой
Не опозоренное въ долгой жизни,—
Его, мой сынъ, ты чистымъ сохрани,
Чтобъ Богу угодить, чтобъ все на свѣтѣ
И радость, и печаль, тебѣ во благо
Преобразилось, чтобъ послѣдній часъ
Ты столь же мирно встрѣтилъ, какъ теперь
Его отецъ встрѣчаетъ твой. Прости.
Не сѣтуй. Я, съ тобою разлучаясь,
Тебя другому, лучшему Отцу
Съ рукъ-на-руки передаю; при Немъ
Ты сиротой не будешь..." Тутъ рука,
Благословляющая сына, тихо
Упала; взоръ, на сына устремленный,
Потухъ, и въ легкомъ вздохѣ улетѣла
Душа...

(1847 г.)

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на Голгоѳу;
Онъ, Всемогущій, Вседержитель, былъ
Какъ человѣкъ измученъ; потъ и кровь
По блѣдному Его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ Онъ часто падалъ,
Вставалъ съ усиліемъ, переводилъ
Дыханіе; потомъ, шаговъ немного
Переступивъ, подъ ношею Его давившей,
Какъ плотоядный звѣрь свою добычу,
Имъ схваченную, давитъ, падалъ снова.
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, Онъ хотѣлъ остановиться
У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному, столь чуждому любви,
И сѣтуя о томъ, что долженъ былъ [воръ,
Надъ нимъ изречь, какъ Богъ, свой приго-
Онъ поднялъ грустный взглядъ на Агасвера
И тихо произнесъ: „Ты будешь жить,
Пока Я не приду". И удалился.
И наконецъ Онъ палъ подъ ношею совсѣмъ
Безъ силы. Крестъ тогда былъ возложенъ
На плечи Симона изъ Киринеи,—
И скоро Онъ исчезъ вдали, и вся толпа
Исчезла вслѣдъ за Нимъ. Все замолчало
На улицѣ ужасно опустѣлой.
Народъ кругомъ Голгоѳы за стѣнами
Ерусалимскими столпился. Городъ
Сталъ тихъ какъ гробъ. Одинъ, оцѣпенѣлый,
Въ дверяхъ своихъ недвижимъ Агасверъ
Стоялъ. И долго онъ стоялъ, не зная,
Что съ нимъ случилося, чьи были тѣ
Слова, которыхъ каждый звукъ свинцовой
Буквой въ мозгъ его былъ вдавленъ, и тамъ
Сидѣлъ неисторжимъ, не слышенъ
Уху, но страшно слышенъ въ глубинѣ души.

Вотъ, наконецъ, вокругъ себя обведши
Какъ полусонный очи, онъ со страхомъ
Замѣтилъ, что на Моріи, надъ храмомъ,
Чернѣли тучи, съ запада, съ востока,
И съ сѣвера, и съ юга (всѣ) въ одну густую
Сліявшіяся тьму. Туда уперъ онъ
Испуганное око. Вдругъ крестъ-на-крестъ
Тамъ молніей разрѣзалася тьма;
Громъ грянулъ; чудный отзывъ въ глубинѣ
Святилища отвѣтствовалъ ему,
Какъ-будто тамъ разорвалась завѣса.
Ерусалимъ затрепеталъ—и весь
Внезапно потемнѣлъ, лишенный солнца;
И въ этой тьмѣ земля дрожала подъ ногами;
Изъ глубины ея былъ голосъ; было
Теченье въ воздухѣ безплотныхъ слышно;
Во мракѣ образы возставшихъ
Изъ гроба, вдругъ явясь, смотрѣли
Живымъ въ глаза. Толпами отъ Голгоѳы

Бѣжалъ народъ; былъ слышенъ шумъ
Бѣгущихъ; но ужасно каждый про-себя
Молчалъ. Тутъ Агасверъ, въ смертельномъ страхѣ,
Очнувшись, неоглядкой побѣжалъ
Вслѣдъ за толпою отъ своихъ дверей,
Не зная самъ куда, и въ ней исчезъ.
Тѣмъ временемъ утихъ Ерусалимъ.
Во мглѣ громадой безобразной зданья
Чернѣли. Жители всѣ затворились
Въ своихъ домахъ, и все тяжелымъ сномъ
Заснуло. И вотъ надъ этой темной бездной
Отъ тучъ, ихъ затмевавшихъ, небеса,
Ужъ полныя звѣздами ночи, стали чисты.
Въ ихъ глубинѣ была невыразима
Наизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалося тамъ,
Какъ отъ звѣзды къ звѣздѣ перелетали
Ихъ стражи-ангелы, съ невыразимой
Гармоніей блаженной, чудной вѣсти. Прямо
Надъ Элеонскою горой звѣзда
Денницы подымалась. Агасверъ,
Всю ночь по улицамъ Ерусалима
Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,
Вдругъ очутился за стѣнами града,
Передъ Голгоѳой. На горѣ пустой
На чистомъ небѣ ярко три креста
Чернѣли. У подошвы темной
Горы—былъ входъ въ пещеру, и великимъ камнемъ
Онъ былъ задвинутъ; и невдали, какъ двѣ
Недвижимыя тѣни, въ сокрушеньи
Двѣ женщины сидѣли, устремивъ
Глаза—одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя ихъ, и камень,
И на горѣ кресты, затрепеталъ
Всѣмъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,
Что грозный камень на него идетъ,
Чтобъ задавить; и, какъ безумный,
Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голгоѳы...

Есть островъ; онъ скалою одинокой
Подъемлется изъ бездны океана;
Вокругъ него все пусто: безпредѣльность
Водъ и безпредѣльность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, онъ кажется тогда,
Въ сіяньи дня, уединенно-мрачнымъ
Пустынникомъ лазури безпредѣльной;
Въ ночи жъ спокойнымъ моремъ отраженный
Между звѣздами, въ двухъ кругомъ него
Пучинахъ блещущими, онъ чернѣетъ,
Какъ сумрачный отверженецъ созданья.
Когда жъ на небѣ тучи, въ морѣ буря
И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны
Бросаются, какъ змѣи, вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Вонзаются, ихъ ребръ не сокрушая,
Онъ кажется, въ семъ боѣ недвижимый,
Всемірнаго хаóса господиномъ.

На западномъ полнебѣ знойно солнце
Горѣло, воздухъ густо былъ наполненъ
Парами. Въ нихъ какъ бы растаявъ, солнце
Сливалось съ ними, и весь западъ неба,
И все подъ нимъ недвижимое море
Пурпурнымъ янтаремъ сіяли; было
Великое спокойствіе въ пространствѣ.
Въ глубокой думѣ, руки на груди
Крестъ-на-крестъ сжавъ, онъ, вождь побѣдъ недавно
И страхъ царей, теперь царей колодникъ,
Сидѣлъ одинъ, надъ бездной на скалѣ,
И нá море (которое предъ нимъ
Такъ было тихо и, весь пламень неба
Въ себя впивая всей широкой грудью,
Имъ полное, дыханьемъ несказаннымъ
Вздымалося) смотрѣлъ. Предъ нимъ широко
Пустыня пламенная разстилалась.
Съ ожесточеньемъ безнадежной скорби,
Глубоко врѣзавшейся въ сердце,
Съ негодованьемъ силы, вдругъ лишенной
Свободы, онъ смотрѣлъ на этотъ хáосъ
Сіянія, на это съ небесами
Сліявшееся море. Тамъ лежалъ
И самому ему уже незримый міръ,
Имъ быстро созданный и столь же быстро
Погибшій; а широкій океанъ,
Предъ нимъ сіявшій, гдѣ ничто слѣдовъ
Величія его не сохранило,
Терзалъ его обиженную душу
Безчувственнымъ величіемъ своимъ,
Съ какимъ его въ своей темницѣ влажной
Онъ запиралъ. И онъ съ презрѣньемъ взоры
Отъ бездны отвратилъ, и окомъ мысли
Перелетѣлъ въ страну минувшей славы.
Тамъ образы великіе предъ нимъ,
Сраженій тѣни, призраки тріумфовъ,
Какъ изъ-за облакъ огненныя Альповъ
Вершины, подымались; а въ дали далекой
Звучалъ потомства неумолкный голосъ;
И мнилося ему, что на порогѣ
Иного міра встрѣтить ждутъ его
Величества всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.
Но въ этотъ мигъ, когда воспоминаньемъ
Въ минувшемъ гордой мыслью онъ леталъ— орелъ
Ширококрылый, отъ бездны моря быстро
Взлетѣвъ на высоту, промчался мимо
Его скалы и въ высотѣ пропалъ.
Его полетомъ увлеченный, онъ
Вскочилъ, какъ-будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орелъ исчезъ въ глубокомъ небѣ. Тяжкимъ
Свинцомъ его полетъ непритѣснимый
На сердце палъ ему; весь ужасъ
Его судьбы, какъ голова смертельная Горгоны,
Ему предсталъ; всѣ привидѣнья славы
Минувшей вдругъ исчезли; и одинъ
Постыдный, можетъ-быть, и долгій путь
Отъ тьмы тюремной до могильной, гдѣ
Ничтожество... И онъ затрепеталъ;
И всю ему проникло душу отвращенье

Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на море; и оно его
Къ себѣ какъ-будто звало, и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало;
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила... и въ этотъ мигъ его
Глазамъ, какъ-будто изъ земли рожденный,
На западѣ скалы, огромной тѣнью
Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто, и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: „Куда, Наполеонъ!..“ При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришелецъ для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все не человѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнишнее, когда-то вдругъ—подобно
Созданьямъ допотопнымъ—въ камень
Неумирающій и неживущій
Преобращенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылитыми; лобъ
И щеки блѣдныя, какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на́-крестъ были
Изрѣзаны; одежда въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ-будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ бы въ нее
Не упираяся. Пришлецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Пронзительныя очи и сказалъ:
„Куда ты шелъ? И гдѣ бъ ты былъ, когда бъ
Мой голосъ во́-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя;
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ:
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Безъ отзыва... Врачомъ твоей души
Хочу я быть—и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала;
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти,
И, въ смерти жизни, вѣчно по землѣ
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый; памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный;
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и, что когда любилъ на свѣтѣ,
Все пережившій, все похоронившій;
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды.
День настаетъ, ночь настаетъ, они
Безъ смѣны для меня; жизнь не проходитъ,
Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратій бытія,
Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любящихъ иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этомъ братскомъ пиршествѣ созданій
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій,—меня они
Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
И сонный не страдалъ,—мое жъ страданье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка:
Таковъ мой жребій. Ты, быть-можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
Сюда пришелъ я, чтобъ такой
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою... Слушай.

Я—Агасверъ, не сказка Агасверъ,
Которою кормилица твоя
Тебя въ ребячествѣ пугала,—нѣтъ! о, нѣтъ!
Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровью,
Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ сердцемъ
И съ помнящей минувшее душою;
Я Агасверъ—вотъ исповѣдь моя.
О, нѣтъ! языкъ мой повторить не можетъ
Живымъ, для слуха внятнымъ словомъ
Того, что нѣкогда свершилось, что
Въ проклятіе жизнь бѣдную мою
Преобратило,—имя Агасверъ
Тебѣ сказало все... Нѣтъ! въ языкѣ
Моемъ такого слова не найду я,
Чтобъ то́ изобразить, что́ былъ я самъ,
Что́ мыслилось, что́ видѣлось, что́ было
Въ моей душѣ, и что́ въ ночахъ безсонныхъ,
Что́, въ тяжкомъ снѣ, что́ въ привидѣньяхъ,
Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни,

Которые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается и въ страхѣ ждешь
Удара громового... въ дни несказа́нной
Тоски и трепета, со дня Голгоѳы
Прошедшіе!.. Ерусалимъ былъ тихъ,
Но было то предтишье подходящей
Бѣды; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,
Потупленность головъ, походки шаткость,
И подозрительность суровыхъ взглядовъ—
Все было знаменьемъ чего-то, страшно
Постигнувшаго всѣхъ, чего-то, страшно
Постигнуть всѣхъ грозящаго. Кругомъ
Ерусалимскихъ стѣнъ какой-то мрачный,
Невѣдомый во градѣ никому,
Бродилъ, и крикомъ жалобнымъ, на всѣхъ
Концахъ всечасно въ градѣ слышнымъ: „Горе!
Отъ запада и отъ востока горе!
Отъ сѣвера и отъ полудня горе!
Ерусалиму горе!“ повторялъ.
А я изъ всѣхъ людей Ерусалима
Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей,
Мечталось мнѣ, страшнѣйшая—моя,
Чудовище съ лицомъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но оттого
Стократъ ужаснѣйшимъ. Что Онъ сказалъ мнѣ?
Я словъ Его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни ночь меня
Не покидали; яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ Него,
Который ядомъ слова одного
Такъ жизнь мою убилъ; я приговора
Его—могуществу не вѣрилъ; я
Упорствовалъ обманщика въ Немъ видѣть;
Но чувствовалъ, что я приговоренъ...
Къ чему?.. Невѣдѣнья ужасный призракъ,
Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,
Стоялъ передо мной и мучилъ страхомъ
Неизглаголаннымъ меня. Противъ
Обиженнаго мной и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непо́нятымъ мной словомъ
Изрекшаго, и противъ всѣхъ Его
Избранниковъ я былъ неукротимой
Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима́ были
Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой
Неодержимы; кто встрѣчался въ градѣ
Смиренный видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный
Въ движеніяхъ, въ опрятномъ одѣяньи
Безъ роскоши, ужъ тотъ, конечно, былъ
Слугой Іисуса Назорея. Въ ихъ
Собраніяхъ вседневно совершалось
О Немъ воспоминанье: часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было
Ихъ пѣнье слышимо; они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ
Благую вѣсть о Немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ, незлобныхъ;
И эта злоба скоро разразилась
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ
И, наконецъ, убійствомъ. Я какъ дикій
Звѣрь ликовалъ, когда былъ передъ храмомъ
Стефанъ, побитый каменьемъ, замученъ;
Когда потомъ пріяли муку два
Іакова, одинъ мечомъ, другой
Съ вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слухъ, что Петръ былъ распятъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,
Что въ нихъ, свидѣтеляхъ Его, и память
О Немъ погибнетъ. Тщетная надежда!
Во мнѣ тоска отъ страха неизвѣстной
Мнѣ казни только раздражалась. Я,
При Иродѣ царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,
Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли, властвовалъ четвертый—Не́ронъ.
Столѣтіе ужъ на плечахъ моихъ лежало;
Вокругъ меня четыре поколѣнья
Цвѣли въ одномъ семействѣ: сыновья
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ
Моемъ садились за мою трапезу...
Но я со дня того въ живомъ ихъ кругѣ
Все болѣе и болѣ чуждъ и сиръ,
И нелюдимъ, и грустенъ становился:
Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодръ,
Ни старъ, ни молодъ, но что жизнь моя
Желѣзно-мертвую пріобрѣла
Несокрушимость. Самому себѣ,
Среди моихъ живыхъ дѣтей, и внуковъ,
И правнуковъ, казался я надгробнымъ
Камнемъ, межъ ихъ могилъ стоящимъ камнемъ;
И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ
Объятыхъ тлѣньемъ труповъ. Всѣ ужъ дѣти
И всѣ ужъ внуки были взяты смертью,
И правнуковъ съ невыразимымъ горемъ
И бѣшенствомъ я началъ хоронить...

Тѣмъ временемъ часъ-отъ часу душнѣе
Въ Ерусалимѣ становилось. Зная
Что́ будетъ, всѣ Іисуса Назорея
Избранники покинули убившій
Учителя ихъ городъ и ушли
За Іорданъ. И все, и все сбывалось,
Что предсказалъ Онъ: Палестина вся
Горѣла бунтомъ; легіоны Рима
Терзали области ея; и скоро
Приблизился къ Ерусалиму часъ
Его судьбы: то время наступило,
Когда, какъ Онъ пророчилъ, „благо будетъ
Сошедшимъ въ гробъ, и горе матерямъ
Съ младенцами грудными, горе старцамъ
И юношамъ, живущимъ въ градѣ, горе
Изъ града неушедшимъ въ горы дѣвамъ“.
Веспасіановъ сынъ—извнѣ—пути
Изъ града всѣ загородилъ, вогнавъ
Туда насильно моръ и голодъ;
Внутри господствовали буйство, бунтъ,
Усобица, безвластье, безначалье.

Владычество разбойниковъ, извнѣ
Прикликанныхъ своими на своихъ.
Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
Грабителей, грабителей отъ града, града
Отъ легіоновъ Тита... Всюду бой;
Первосвященниковъ убійство въ храмѣ;
На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
Отъ голода, отъ муки передсмертной,
Отъ яростной борьбы за кусъ согнившей
Ѣды, рёвъ мятежа, разврата пѣсни,
Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ голодныхъ
Младенцевъ, матерей тяжелый вой...
И въ высотѣ надъ этой бездной днемъ—
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Изъ труповъ, въ градѣ и внѣ града
Разбросанныхъ; въ ночи жъ, какъ Божій мечъ,
Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
Разрѣзавшая пополамъ, Ерусалиму
Пророча гибель... И погибнуть весь
Израиль обреченъ былъ: отовсюду [нымъ
Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пасхаль-
Въ Ерусалимъ, народъ былъ разомъ преданъ
На истребленье мстительному Риму.
И всѣ истреблены... убійствомъ, гладомъ,
Въ когтяхъ звѣрей, прибитые къ крестамъ,
Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ на
чужбинѣ.
Погибъ Господній градъ, и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ ча-
Когда въ него, всѣ стѣны проломивъ, [сомъ!
Ворвался врагъ и бросился на храмъ,—
Народъ въ его толпу, изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался и, съ ней сцѣпившись,
Вслѣдъ за собой ее вовлекъ въ средину
Ограды: бой ужасный, грудь-на-грудь,
Тутъ начался, и, наконецъ, спасаясь,
Вкругъ скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы, отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ... Тутъ увидѣлъ
Я несказáнное: подъ святотатной
Рукою скинія открылась, стало
Намъ видимо невиданное оку
Дотоль—ковчегъ завѣта... въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ, и въ скинію пожаръ
Ворвался... Мы, весь гибнущій Израиль,
И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
Слилися крикъ, одни завывъ отъ горя,
А тѣ заликовавъ отъ торжества
Побѣды... Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный, гору
Обвившій змѣй, чернѣло войско Рима.
И въ этотъ мигъ... все для меня исчезло!
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ—почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились;
Безпамятство мной овладѣло... долго ль
Продлилося оно?—не знаю. Я
Пришелъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ все
Въ одно смѣшалося страданье: боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей, и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запёртаго тоска, и жаръ болѣзни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла
Возстановляющей при страшной мукѣ
И голода и жажды—это все
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятенномъ, судорожномъ снѣ—безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенія, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ,
Какъ тяжкой грезой, вся душа
Была задавлена, и трепетала
Тѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо-зарытыхъ
Въ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ
И невредимъ: разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постиг-
Гдѣ я. Передо мною подымались [нулъ,
Вершины горныя; межъ нихъ лежали
Долины, и всѣ онѣ покрыты были
Обломками—какъ-будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившися съ неба,
Внезапно завалилъ, и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живого человѣка:
То былъ Ерусалимъ! Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза—и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ:
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: „Ты будешь жить,
Пока Я не приду“. Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину:
Я буду жить! я буду жить, пока
Онъ не придетъ!.. Какъ жить?.. Кто Онъ?
Придетъ?.. И все грядущее мое [Когда
Мнѣ выразилося вдругъ въ остовѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Мое минувшее исчезло все;
Все, жившее со мной, убито; тамъ
Ничто ужъ для меня не оживетъ
И не родится,—жизнь моя вся будетъ
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима,
И жизнь безъ смерти. Я въ бѣшенствѣ завылъ
И бѣшеное произнесъ на все
Проклятіе,—безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней,
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно—
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ—въ ея
Сіяньи тайную отрады каплю

Я съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья выпилъ... но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что съ онаго я испыталъ мгновенья!
О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико
Роптались, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ... Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ, слова́
Страдальца Іова я повторялъ:
„Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался; да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдетъ ей день, ей—незапе́ршей
Меня родившую утробу!" А когда я
Вспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
„Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаетъ его".
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ... Передо мною все
Рождалося и въ часъ свой умирало:
День умиралъ въ зарѣ вечерней; ночь
Въ сіяньи дня; сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ;
Когда съ деревьевъ падалъ листъ; все,
Я видѣлъ знаменіе смерти, было [въ чемъ
Мнѣ горькой сладостью: одна лишь смерть—
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть—
Всему, что жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть; жизнь же
Во всемъ твореніи я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобой на творенье, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца
И съ несказа́нной ненавистью противъ
Распятаго—отчаянно пошелъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая,—
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ,—грозною нуждой влекомый,
Между людьми какъ нищій безпріютный
Я побирался... Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ,
Что было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни
Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу.
И вмѣстѣ съ смертію былъ у меня
И сонъ—успокоитель жизни—отнятъ.
Что днемъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
На жизнь, богопроклятія, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины—
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце - боль, то въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стоя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами ночи: тамъ
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
(Такъ одинокая межъ одинокихъ,
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ),
Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
„Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!" то было
Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ [крикомъ
Передъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ
На горькую мнѣ зависть гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой му́кѣ. Море въ лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И кипѣли молніи, туда
Взбирался я въ надеждѣ тамъ погибнуть:
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утесы, я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда бѣдная, что—можетъ-быть—
Въ бѣдѣ всеобщей смерть съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьметъ: и съ чумными, въ больницѣ душной,
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ;
Напрасно! мной чума пренебрегала...
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной Аравійской шелъ:
Вдругъ раскаленное затмилось небо
И солнце въ немъ исчезло; вихрь
Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
На насъ; храпя въ песокъ уткнули морды
Верблюды; люди пали ницъ; я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ осто́вовъ, на пиру

Орловъ, сдирающихъ съ костей обрывки
Истлѣвшихъ труповъ. Въ тотъ ужасный день,
Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
И пепелъ завалилъ Помпею, я
Природы судорогой страшной былъ
Обрадованъ: при стонѣ и трясеньи
Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей изъ треснувшаго чрева,
При воѣ, крикѣ, давкѣ, шумѣ въ бѣгство
Толпящихся сквозь пепелъ все затмившій,
Въ которомъ, ничего не озаряя,
Сверкалъ невидимый пожаръ горы,
Отчаянно пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, вмигъ прожженный, въ уголь
Былъ обращенъ, и въ море, на́ брегъ
Гонимое землетрясенья силой,
Былъ вынесенъ, а моремъ снова брошенъ
На бре́гъ, на произволъ землетрясенью.
То былъ послѣдній опытъ мой—насильствомъ
Взять смерть. Я сталъ подобенъ гробу,
Въ которомъ запертой мертвецъ, оживши
И съ крикомъ долго бившись понапрасну,
Чтобъ вырваться изъ душнаго заклепа,
Вдругъ умолкаетъ—и послѣдней ждетъ
Минуты, задыхаясь: такъ въ моемъ
Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
Отчаянно моя душа. „Всему
Конецъ: живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
И проклинай: но затвори молчаньемъ
Уста и замолчи на вѣчность!“ такъ
Сказалъ я самому себѣ.

Но слушай.
Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ—и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ. Трепетъ
Неизглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ. И что моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей тамъ собранныхъ. Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую блескъ солнца багрянилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ-будто въ страхѣ, знака,
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій, съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки,
„Тебя (запѣли тихо) Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ...“ О! это пѣнье—
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ
Съ кипѣньемъ злобы—здѣсь мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдохновеньемъ.
Что́ предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Что́ вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимо затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ христіанъ тамъ очутился—я
Не знаю. Пѣнье продолжалось; но
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка загремѣвъ упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущённый левъ, и озирался...
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря... Онъ уже къ намъ мчался
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ кротко, въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
„Должно́ пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди“.
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ... но
Еще меня перекрестить и взоръ [успѣлъ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня ему
Передавая... О, животворящій,
На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя. Когда жъ очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ, и усталый
Терзаніемъ лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои

Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклепѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я
Отъ мѣста крови, плача, удалился
И изъ воротъ амфитеатра безпреградно вышелъ.
Что̀ послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучъ спасенія. Какъ-будто что-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась на-двое; стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубо̀ко мнѣ втѣснилось въ грудь, и зна̀комъ
Такого измѣненья было то,
Что проклинаніе моимъ устамъ
Произносить уже противно стало;
Что злоба сердца моего въ унылость
Безмолвно-плачущую обратилась;
Что, наконецъ, страданія мои
Внезапная отрада посѣтила,
Еще неоткровенная—какъ свѣжій,
Предутренній благоуханный воздухъ—
Вливалася въ меня и усмиряла
Мою борьбу съ собой. О! этотъ взглядъ...
Онъ мнѣ напоминалъ тотъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой приговоръ
Произнесенъ... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаньи,
А скорбію раскаянья глубокой
И чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лицо во прахъ и горько плакать.
То были первыя минуты тайной,
Будящей душу благодати, первый,
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобное мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ
Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ внезапно началося... было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
Бросаются, кипятъ и стонутъ. Въ этой
Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ, я
Неодолимое влеченье въ край
Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима. И къ брегамъ желаннымъ
Немедля поплылъ я; корабль мой
Прибила буря къ острову Патмосу. Промыслъ
Господній, втайнѣ отъ меня, ту бурю
Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, старецъ
Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель
Христа и ученикъ Его любимый.
О немъ не вѣдалъ я... Но Провидѣнье
Меня безвѣдомо къ Нему путемъ
Великой бури привело, и цѣпью бури
Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
Скалистымъ острова, пока со мной
Вполнѣ моя судьба не совершилась.

Скитаясь одиноко, я внезапно
Во глубинѣ долины, сокровенной
Отъ странника густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ тамъ святого
Апостола..."
При этомъ словѣ палъ
На землю Агасверъ и долго
Лежалъ недвижимъ, головой во прахѣ;
Когда жъ онъ всталъ, его слезами были
Облиты щеки; а въ чертахъ его
Тысячелѣтняго лица, съ глубокой
Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ [красою,
Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той
Какой не знаетъ міръ. Онъ продолжалъ:

„Ни помышлять, ни говорить объ этой встрѣчѣ
Я не могу иначе, какъ простершись въ прахъ,
Въ тоскѣ раскаянья, въ тоскѣ любви,
Проникнутой огнемъ благодаренья.
Онъ изъ кремня души моей упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ искру
Всепримиряющаго покаянья;
И именемъ Того, Кто намъ одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,
Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святого мира.
И наконецъ, когда я, сокрушенный,
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной, съ смиреннымъ сердцемъ
Упавъ, воскликнулъ: „Помяни меня,
Когда во царствіи Своемъ пріидешь!"
Онъ оросилъ меня водой крещенья.
И на другое утро—о, незаходимый,
О вѣчный день для памяти моей!
За утренней звѣздою солнце тихо
Надъ моремъ подымалось на востокѣ,
Когда онъ, передъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина со мной простершись, самъ вина и хлѣба
Вкусилъ и мнѣ ихъ далъ вкусить, сказавъ:
„Со страхомъ Божіимъ и вѣрою, сынъ мой,
Къ симъ Тайнамъ приступи и причастись
Спасенію души въ святомъ Христа
За насъ пронзенномъ тѣлѣ и въ Христовой
За насъ пролитой крови". И потомъ
Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ открылъ

Значеніе моей, на испытанье
Великое приговоренной жизни;
И, наконецъ, передъ моими мракомъ
Покрытыми очами приподнялъ
Покровъ съ грядущаго, покровъ съ того,
Что было, есть и будетъ.

Начинало
Скрываться солнце въ тихомъ лонѣ моря,
Когда, меня перекрестивъ, со мною
Святой евангелистъ простился. Вѣтеръ
Попутный плаванію въ Палестину, [небомъ
Сталъ дуть: мы поплыли подъ звѣзднымъ
Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые
Преображеніе моей судьбы
Я глубоко́ почувствовалъ; впервые,
Уже сто лѣтъ меня не посѣщавшій,
Сошелъ ко мнѣ на вѣжды сонъ, и съ нимъ
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этотъ сонъ
Былъ не одинъ страданія цѣлитель—
Былъ ангелъ, прямо низлетѣвшій съ неба:
Все, что пророчески евангелистъ
Великій чудно говорилъ мнѣ,
То въ о́бразахъ великихъ этотъ сонъ
Явилъ очамъ моей души, и въ ней
Тѣ образы, въ теченіе столѣтій
Непомрачаемые, часъ-отъ-ча́су
Живѣй изъ облекающей ихъ тайны
Моей душѣ сіяютъ, передъ ней
Неизглаголанно прообразуя
Судьбы грядущія. Корабль нашъ, вѣтромъ
Попутнымъ тихо по водамъ несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь
Летѣлъ; а я непробудимымъ сномъ,
Подъ вѣяньемъ полуденной прохлады,
Спалъ, и во снѣ стоялъ передо мной
Евангелистъ, и вдохновенно онъ
Слова тѣ огненныя повторялъ,
Которыми, бесѣдуя со мною,
Передъ моимъ непосвященнымъ окомъ
Разоблачилъ грядущаго судьбу;
И каждое пророка слово, въ слухъ мой
Входя, въ великій превращалось образъ
Передъ моимъ тѣлеснымъ окомъ. Все,
Что ухо слышало, то зрѣли очи;
И въ словѣ говорящаго со мною
Во снѣ пророка все передо мной,
И надо мной, на сушѣ, на водахъ,
И въ вышинѣ небесъ, и въ глубинѣ
Земли, видѣній чудныхъ было полно.

Я видѣлъ тронъ, на четырехъ стоящій
Животныхъ шестокрылыхъ, и на тронѣ
Сидящаго съ семью запечатлѣнной
Печатями великой книгой.
Я видѣлъ, какъ печати съ книги Агнецъ
Сорвалъ, какъ изъ печатей тѣхъ четыре
Коня исторглися, какъ страшный всадникъ—смерть—
На блѣдномъ поскакалъ конѣ, и какъ
Предъ Агнцемъ все—и небо, и земля,
И все, что въ глубинѣ земли, и все,
Что въ глубинѣ морей, и небеса,
И всѣ тьмы ангеловъ на небесахъ—
Въ единое слилось славохваленье.
Я зрѣлъ, какъ ангелъ свѣтлый совершилъ
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье
Печатію живого Бога; зрѣлъ
Семь ангеловъ съ великими, гнѣвъ Божій,
Бѣды и казнь гласящими трубами,
И слышалъ голосъ: „Время миновалось!“
Я видѣлъ, какъ драконъ, губитель древній,
Вслѣдъ за женой, двѣнадцатью звѣздами
Вѣнчанной, гнался; какъ жена въ пустыню
Спаслася, а ея младенецъ былъ
На небо унесенъ; какъ началася
Война на небесахъ, и какъ архангелъ
Низвергъ дракона въ бездну и его
Всю силу истребилъ; и какъ потомъ
Изъ моря седмиглавый звѣрь поднялся;
Какъ обольщенные имъ люди Бога
Отринули; какъ въ небесахъ явился
Сынъ Человѣческій съ серпомъ; какъ жатва
Великая свершилась; какъ на бѣломъ
Конѣ потомъ блестящій свѣтлымъ, бѣлымъ
Оружіемъ (себя жъ именовалъ
Онъ „Слово Божіе“) явился Всадникъ;
Какъ вслѣдъ за Нимъ шло воинство на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый,
И какъ изъ устъ Его на казнь людей
Мечъ острый исходилъ;
Какъ отъ того меча и звѣрь, и рать
Его погибли; какъ драконъ, цѣпями
Окованный, въ пылающую бездну
На тысячу былъ лѣтъ низвергнутъ; какъ
Потомъ на высотѣ великій бѣлый
Явился тронъ; какъ отъ лица на тронѣ
Сидящаго и небо и земля
Бѣжали, и нигдѣ не обрѣлось
Имъ мѣста; какъ на судъ предстало все
Созданіе; какъ мертвыхъ возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Какъ разогнулася передъ престоломъ
Господнимъ книга жизни; какъ послѣдній
Судъ по дѣламъ для всѣхъ былъ изреченъ,
И какъ въ огонь неугасимый были
Низвержены на вѣчность смерть и адъ...
И новыя тогда я небеса
И землю новую узрѣлъ, и градъ
Святой, отъ Бога нисходящій, новый
Ерусалимъ, какъ чистая невѣста
Сіяющій, увидѣлъ. И раздался,
Услышалъ я, великій свыше голосъ:
„Здѣсь скинія Господня, здѣсь Господь
Жить съ человѣками отнынѣ будетъ;
Здѣсь храма нѣтъ Ему; здѣсь Самъ Онъ храмъ
Здѣсь всякую слезу отретъ Онъ. [Свой;
Ни смерти болѣе, ни слезъ, ни скорби
И никакихъ страданій и недуговъ
Не будетъ здѣсь, понеже миновалось
Все прежнее и совершилось дѣло

Господнее. Не нужны здѣсь ни солнце,
Ни свѣтлость дня, ни ночи темнота,
Ни звѣзды неба: здѣсь сіяетъ слава
Господняя, и Агнецъ служитъ здѣсь
Свѣтильникомъ, и Божіе лицо
Спасенные очами видѣть будутъ".
И слышалъ я, какъ все небесъ пространство
Гласъ наполнялъ отвсюду говорящій:
„Я Богъ живой, Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ. Подходитъ время".

Такіе образы въ ту ночь, когда
Я спящій плылъ къ брегамъ Святой Земли,
Мой первый сонъ блаженный озаряли.
Недаромъ я о томъ здѣсь говорю,

Что̀ изъ писаній ты безъ вѣры знаешь:
Хочу, чтобъ ты постигъ вполнѣ мой жребій.
Когда пророкъ святое откровенье
Мнѣ передалъ своимъ глаголомъ дивнымъ,
Во глубинѣ души моей оно
Осталось врѣзаннымъ; и съ той поры
Во тьмѣ моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно
Звѣздой грядущаго горитъ; я въ немъ
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведенъ изъ жизни
Рукой меня отвергшей смерти... Солнце
Всходило въ пламени лучей, когда
Меня покинулъ сонъ мой; передъ нами
На лонѣ голубого моря темной
Тянулся полосою брегъ Святой
Земли; однѣ лишь горы—снѣговой
Хермонъ, Кармилъ прибрежный, кедроносный
Ливанъ и Элеонъ изъ низшихъ горъ—
Свои зажженныя лучами солнца
Вершины воздвигали. О, съ какимъ
Невыразимымъ чувствомъ я ступилъ
На брегъ земли обѣтованной, гдѣ
Ужъ не было Израиля! Прошло
Треть вѣка съ той поры, какъ я ее
Покинулъ. О, что̀ былъ я въ страшный мигъ
Разлуки съ ней! и что потомъ со мной
Сбылося и какимъ я возвратился
Въ страну моихъ отцовъ! Я былъ подобенъ
Колоднику, который на свободѣ
Въ ту заглянулъ тюрьму, гдѣ много лѣтъ
Лежалъ въ цѣпяхъ; гдѣ все, кого на свѣтѣ
Зналъ и любилъ, съ нимъ вмѣстѣ запертые,
Въ его глазахъ погибли; и гдѣ каждый день
Его терзали пыткой палачи,
И съ ними, самый яростный изъ всѣхъ
Палачъ—обремененное ужасной
Виной, бунтующее противъ жизни
И Бога—собственное сердце. Я
Не помню, что̀ во мнѣ сильнѣе было—
Свободы ль сладостное чувство, или
Ужасная о прошлой пыткѣ память.
Безлюдною страною окруженный,
Гдѣ царствовалъ опустошенья ужасъ,
Достигнулъ я Ерусалима. Онъ

Громадой черныхъ отъ пожара камней,
Какъ мертвый трупъ, изсѣченный въ куски,
Моимъ очамъ явился, вдвое страшный
Своею мрачностью въ сіяньи тихомъ
Безоблачнаго неба. И случилось
То въ самый праздникъ Пасхи; но его
Не праздновалъ никто: въ Ерусалимѣ
Не смѣлъ народъ на праздникъ свой великій
Сходиться. Къ бывшему пробравшись
Святилищу, узналъ я съ содроганьемъ
То мѣсто, гдѣ паденьемъ храма я,
Раздавленный, былъ смертію отвергнутъ.
Вдругъ, посреди безмолвія развалинъ,
Въ мой слухъ чуть слышно шепчущее пѣнье
Проникло: межъ обломковъ я увидѣлъ
Простертыхъ на землѣ немногихъ старцевъ,
И женщинъ, и дѣтей—остатокъ бѣдный
Израиля. Они рыдая пѣли:
„Господній храмъ, мы плачемъ о тебѣ!
Ерусалимъ, мы о тебѣ рыдаемъ!
Мы о тебѣ скорбимъ, Богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачемъ о тебѣ!“
При этомъ пѣньи я упалъ
На землю и въ молчаньи плакалъ горько,
О прежней славѣ Божьяго народа
И о его постигшей казни помышляя.
Но мнѣ онъ былъ уже чужой; онъ чуждъ
И всей землѣ былъ; не могло
Его ничто земное ни унизить,
Ни возвеличить; онъ, народъ избранный,
Народъ отверженный отъ Бога былъ.
На немъ лежитъ печать благословенья, онъ
Запечатлѣнъ проклятія печатью.
Въ упорной слѣпотѣ еще онъ ждетъ
Того, что ужъ свершилося и вновь
Не совершится; онъ въ своемъ безумствѣ
Не вѣруетъ тому, что существуетъ
Имъ столь желанное и имъ самимъ
Отвергнутое благо, и его
Надежда ложь, его безъ смысла вѣра!
Отъ плачущихъ я тихо удалился,
И съ трепетомъ межъ камней пробираясь,
Не узнавалъ слѣдовъ Ерусалима.
Но вдругъ невольно я оцѣпенѣлъ:
Передъ собой увидѣлъ я остатокъ
Стѣны съ ступенями предъ уцѣлѣвшей
И настежь отворённой дверью; въ ней
Сидѣлъ шакалъ; онъ злобными глазами
Сверкнувши на меня какъ демонъ, скрылся
Въ развалинахъ. То былъ мой прежній домъ,
И я стоялъ предъ дверью роковой—
Свидѣтелемъ погибели моей;
И мнѣ въ глаза то мѣсто—гдѣ тогда
Измученный остановился Онъ,
Чтобъ отдохнуть у двери, отъ которой
Безжалостной рукою оттолкнулъ
Я подошедшаго ко мнѣ съ любовью
Спасителя—пятномъ суровымъ страшно
Блеснуло. Я упалъ, лицомъ приникнувъ
Къ землѣ, къ которой нѣкогда нога
Святая прикоснулась; и слезами
Я обливалъ ее, и въ этотъ мигъ
Почудилося мнѣ, что Онъ, какимъ
Его тогда я видѣлъ, мимо въ прахѣ
Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій... Я поднялся,
И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной на улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ несъ свой крестъ
Онъ, бѣшенымъ ругаемый народомъ.—
Вслѣдъ за крестомъ я побѣжалъ, но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голгоѳы. Отдѣлясь отъ черной груды
Развалинъ, зеленью благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца
Сходящаго на западъ, мнѣ она
Торжественно предстала, какъ зажженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго-долго
Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи...
О, какъ она въ величіи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась;
Какъ было все кругомъ нея безмолвно;
Какъ миротворно солнце нисходило
Съ небесъ, на всю окрестность наводя
Вечерній тихій блескъ; какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ, въ виду
Благоухающей Голгоѳы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
Ногой къ ея святынѣ прикоснуться.
Когда жъ взошелъ на высоту ея,
О, какъ мое затрепетало сердце!
Моимъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ явился,
Полузаглаженный, на мѣстѣ, гдѣ
Три были нѣкогда водружены
Креста. И передъ нимъ простершись въ прахъ,
Я горькими слезами долго плакалъ,
Но въ этотъ мигъ раскаянья—терзанье
И благодарностью, невыразимой
Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головой моей, что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
Къ ногамъ отца, готоваго простить.
Дни праздника провелъ я одиноко,
На высотѣ Голгоѳы, въ покаяньи,
Одинъ, отвсюду разрушеньемъ страшнымъ
Земныхъ величій и всего, что было
Моимъ житейскимъ благомъ, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшися и перешедъ Кедронъ,
Достигнулъ я по скату Элеонской
Горы до Геѳсиманскихъ густотѣнныхъ
Оливъ. Тамъ сокрушенный, долго я
Во прахѣ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя Онъ здѣсь—
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ послѣднихъ

Съ страданіемъ лишенный силъ—въ смертельной
Тоскѣ здѣсь произнесъ, на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдальцамъ.
Его божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить; моимъ устамъ
Дать выразить ея святыню я
Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразитъ очарованье ночи,
Подъ сѣнью Геѳсиманскихъ маслинъ мною
Въ молчаніи всемірномъ проведенной!
Когда взошелъ на верхъ я Элеонской
Горы, съ которой, все свершивъ земное,
Сынъ человѣческій на небеса
Вознесся—предо мной явилось солнце
Въ неизреченномъ блескѣ на востокѣ;
Зажглась горы вершина; тонкій паръ
Еще надъ сѣнью маслинъ Геѳсиманскихъ
Лежалъ; но вдалекѣ уже горѣла
Въ сіяньи утреннемъ Голгоѳа. Чернымъ
Остовомъ посреди ихъ, весь еще
Покрытый тѣнію отъ Элеонской
Горы, лежалъ Ерусалимъ, какъ-будто
Сіянья воскресительнаго ждущій.
Въ послѣдній разъ съ святой горы взглянулъ я
На градъ Израилевъ, на сокрушенный
Ерусалимъ: еще въ обломкахъ
Я видѣлъ трупъ съ знакомыми чертами;
Но скоро онъ и въ признакахъ своихъ
Былъ долженъ умереть: была готова
Рука, чтобъ разбросать его обломки;
Былъ плугъ готовъ, чтобъ запахать то мѣсто,
Гдѣ нѣкогда стоялъ Ерусалимъ.
На гробѣ прежняго другой былъ долженъ
Воздвигнуться, несокрушимо-твердый
Одной Голгоѳою, и вовсе чуждый
Израилю бездомному, какъ я,
На горькое скитанье по землѣ
Приговоренному до нисхожденья
Отъ неба новаго Ерусалима.

Благословивъ на вѣчную разлуку
Господній градъ, я отъ него пошелъ,—
И съ той поры я странствую. Но слушай.
Мой жребій все остался тотъ же, страшный,
Какимъ онъ въ первое мгновенье палъ
На голову преступную мою.
Какъ прежде, я не умирать и вѣчно
Скитаться здѣсь приговоренъ; всѣмъ людямъ
Чужой, вселяющій въ сердца ихъ ужасъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье;
Нужды житейскія терпящій: голодъ, жажду,
И зной, и непогоду; подаяньемъ
Питаться принужденный, принимая
Съ стыдомъ и скорбію, что первый встрѣчный
Съ пренебреженьемъ мнѣ обиднымъ броситъ.
Мнѣ самому нѣтъ смерти, для людей же
Я мертвый; мнѣ ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ни откуда мнѣ опасность
Не угрожаетъ на землѣ: разбойникъ
Меня зарѣзать не посмѣетъ; звѣрь,
И голодомъ яримый, повстрѣчавшись
Со мною, въ страхѣ убѣжитъ; не схватитъ
Меня земля разинутой своею
Въ землятрясенье пастью; не задушитъ
Меня гора своимъ обваломъ; море
Въ своихъ волнахъ не дастъ мнѣ захлебнуться.
Всѣ, всѣ мои безумныя попытки
Жизнь уничтожить были безуспѣшны:
Самоубійство недоступно мнѣ;
Не смерть, а неубійственную съ смертью
Борьбу напрасно мучимому тѣлу
Могу я дать безплодными своими
Порывами на самоистребленье;
А душу изъ темницы тѣла я
Не властенъ вырвать: вновь оно,
Въ куски изорванное, воскресаетъ.
Такъ я скитаюся. И нѣтъ, ты скажешь,
Страшнѣй моей судьбы. Но вѣдай: если
Моя судьба не измѣнилась, самъ я
Ужъ не тотъ, какимъ былъ въ то мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,
Когда, своей вины не признавая,
Свирѣпо самъ я проклиналъ Того,
Кто приговоръ противъ меня изрекъ.
Я проклиналъ, я бѣшено бороться
Съ неодолимой Силою дерзалъ.
О, я теперь иной!.. Тотъ, за меня
Поднятый къ небу, мученика взглядъ,
И благодать, словами Богослова
Въ меня вліянная, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души въ смиреніе, и на Голгоѳѣ
Постигнулъ я все благо казни, Имъ
Произнесенной надо мной, какъ мнилось
Безумцу мнѣ, въ непримиримомъ гнѣвѣ.
О, Онъ въ тотъ мигъ, когда я Имъ ругался,
Меня казнилъ, какъ Богъ: меня спасалъ
Погибелью моей, и мнѣ изрекъ
Въ своемъ проклятіи благословенье.
Какимъ путемъ Его рука меня,
Бѣжавшаго въ то время отъ Голгоѳы,
Гдѣ крестъ еще Его дымился кровью,
Обратно привела къ ея подошвѣ!
Какое далъ мнѣ воспитанье Онъ
Въ училищѣ страданій несказанныхъ,
И какъ цѣна, которою купилъ я
Сокровище, Имъ избранное мнѣ,
Предъ купленнымъ неоцѣнимымъ благомъ
Ничтожна! Такъ перерожденный, новый,
Пошелъ я отъ Голгоѳы, произвольно,
Съ благодареніемъ взявъ на плечá
Весь грузъ моей судьбы и сокрушенно
Моей вины всю глубину измѣривъ.
О, благодать смиренія! о, сладость
Цѣлительной раскаянья печали
У ногъ Спасителя! Какою новой
Наполнился я жизнію; какой
Во мнѣ и вкругъ меня иной открылся
Великій міръ, когда, себя низвергнувъ

Смиреньемъ въ прахъ и уничтоживъ
Всѣ обаянія, всѣ упованья
Земныя, я бунтующую волю
Свою убилъ предъ алтаремъ Господнимъ,
Когда одинъ съ раскаянной виною
Передъ моимъ Спасителемъ остался!
Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя!
Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконецъ,
Когда я, всю мою вину постигнувъ,
Раскаяньемъ терзаемый, былъ брошенъ
Къ ногамъ обруганнаго мною Бога,
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все измѣнилось: Тотъ—кого безумно
Я отрицалъ—моимъ въ пустынѣ жизни
Сопутникомъ, подпорой, другомъ, все
Земное замѣнявшимъ, все земное
Забвенію предавшимъ, сталъ.
За Нимъ, какъ за отцомъ дитя, пошелъ я,
Исполненный глубокимъ сокрушеньемъ,
Которое, мою пронзая душу,
Къ нему ея глубокую любовь
Питало, какъ елей питаетъ пламя
Въ лампадѣ храма. И мою въ Него
Я вѣру всею силою любилъ,
Какъ утопающій ту доску любитъ,
Которая въ волнахъ его спасаетъ.
Но этотъ миръ достался мнѣ не вдругъ.
Мертвецъ между живыми, навсегда
Къ позорному прикованный столбу
Передъ толпой ругательной колодникъ,
Я часто былъ тоской одолѣваемъ:
Тогда роптанье съ устъ моихъ срывалось.
Но каждый разъ, когда такой порывъ
Души, обиженной презрѣньемъ горькимъ
Людей, любимыхъ ею безотвѣтно,
Меня крушилъ, мнѣ явственнѣй являлось
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее, и съ обновленной
Покорностью сильнѣй я прижимался
Къ окровавлённому кресту Голгоѳы.
И наконецъ, по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій,
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ
Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ крѣпкій
Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ,
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.
Съ тѣхъ поръ во мнѣ смирилось все: чего
Желать? О чемъ жалѣть? Чего страшиться?
На что тревожить жаждущее сердце
Надеждами? Зачѣмъ скорбѣть, встрѣчая
Презрѣніе иль злобу отъ людей? [все,
Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ все, Имъ
Все отъ Него, все одному Ему—
Такое для меня знаменованье
Теперь пріяла жизнь. Я казнь мою
Всѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей
Души хранитель. И съ людьми, меня
Отвергшими, я примирился, въ сердцѣ
Божественное поминая слово: [не знаютъ!"
„Отецъ! прости имъ, что̀ творятъ,
Межъ ними ближняго я не имѣю,
Но сердце къ нимъ исполнено любовью.
И знай, пространства нѣтъ здѣсь для меня
(Такъ соизволилъ Богъ!): въ одно мгновенье
Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлетъ на помощь,
На помощь—но не дѣломъ, словомъ что̀
Могу я сдѣлать для людей? но словомъ
Утѣхи, состраданія, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мнѣ на любовь всегда одинъ
Отвѣтъ: ругательство или презрѣнье;
Но для меня въ отвѣтѣ нужды нѣтъ...
Мнѣ мѣста нѣтъ ни въ чьемъ семействѣ; я
Не радуюся ничьему рожденью,
И никого родного у меня
Не похищаетъ смерть. Всѣ поколѣнья,
Одно вслѣдъ за другимъ, уходятъ въ землю:
Я ни съ однимъ изъ нихъ не разлучаюсь,
И ихъ отбытіе мнѣ незамѣтно.
Любовью къ людямъ безнаградной—я
Любовь къ Спасителю, любовь къ Царю
Любви, къ ея Источнику, къ ея
Подателю питаю...
Моя любовь къ нимъ есть любовь къ Тому,
Кто первый возлюбилъ меня; любовь,
Которая не ищетъ своего,
Не превозносится, не мыслитъ зла,
Не знаетъ зависти, не веселится
Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ;
Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
Всему, смиряется и долго терпитъ.
Такой любовію я близокъ къ людямъ,
Хотя и розно съ ними несказанной
Моею участью; въ веселья ихъ
Семействъ, въ народные пиры ихъ
Я не мѣшаюся; но есть одно,
Что къ нимъ меня заводитъ: это смерть,
Давно утраченное мною благо.
Безъ ропота на горькую утрату,
Я въ кругъ людей вхожу, чтобъ смертью
Въ ея земныхъ явленьяхъ насладиться.
Когда я вижу старика въ послѣдней
Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
Сначала дышущаго тяжко, вдругъ
Блѣднаго и миротворнымъ сномъ
Заснувшаго, и вкругъ его постели
Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
Ему рука родная закрываетъ;
Когда я вижу блѣднаго младенца,
Возвышеннаго въ ангелы небесъ
Прикосновеніемъ безмолвной смерти;
Когда расцвѣтшую невѣсту-дочь,

Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
Случайностей хранительною смертью,
Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
Въ тюремномъ mракѣ сладко засыпаетъ
Послѣднимъ сномъ измученный колодникъ;
Когда на полѣ боя, переставъ
Терзаться въ судорогахъ смертныхъ, трупы
Окостенѣлые лежатъ спокойно:
Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
Тоску глубокую; она меня—
Какъ устарѣлаго скитальца память
О сторонѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ
Провелъ младые дни, гдѣ былъ богатъ
Надеждами—томитъ. Я слезы лью
Изъ глазъ и я завидую счастливцамъ,
Сокровище неоцѣнимой смерти,
Его не зная, сохранившимъ... Есть
Еще одно великое мгновенье,
Когда я въ кругъ людей, какъ ихъ родной,
Какъ соискупленный ихъ братъ, вступаю:
Съ смиреніемъ презрѣнье ихъ пріемля,
Какъ очистительное наказанье
Моей вины, я къ тайнѣ причащенья
Со страхомъ Божіимъ и вѣрой, сердцемъ
Единымъ съ ними приступаю. Въ часъ,
Когда небесныя незримо силы
Предъ Божіимъ престоломъ въ храмѣ служатъ,
И херувимовъ братство христіанъ
Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
И всякое земное попеченье
Забывъ, дорѵносимаго чинами
Небесными Царя царей подъемлетъ;
Въ великій часъ, когда, на всѣхъ концахъ
Созданія, въ одну сливаетъ душу
Всѣхъ христіанъ таинственная жертва;
Когда живые всѣ—и царь, и нищій,
И счастливый, и скорбный, и свободный,
И узникъ, и всѣ мертвые въ могилахъ,
И въ небесахъ святые, и предъ Богомъ
Всѣ ангелы и херувимы, въ братство
Единое совокуплялсь, чашѣ
Спасенья предстоятъ:—о, въ этотъ часъ
Я людямъ братъ; моя судьба забыта;
Ни прошлаго, ни будущаго нѣтъ;
Все передо мной земное исчезаетъ;
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье въ Божьемъ
Присутствіи неизреченномъ...
О! что́ бъ былъ бы я безъ этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобнымъ
И нераскаяннымъ Богоубійцей
Сошелъ бы въ землю... А потомъ?.. Теперь же...
О, будьте вы навѣкъ благословенны,
Уста, изрекшія мой приговоръ!
О Ты, лицо, подъ тернами вѣнца
Облитое струями крови, Ты,
Печальный, на меня подъятый взоръ,
Ты, голосъ, сладостный и въ изреченьи
Преступнику суда,—васъ навсегда
Раскаянье хранитъ въ моей душѣ;
Оно васъ въ ней, своею мукой, въ вѣру,
Надежду и любовь преобратило.
Разрушивъ все, чѣмъ драгоцѣнна жизнь,
И осудивъ меня не умирать,
Онъ далъ замѣну мнѣ Себя. За Нимъ
Иду я черезъ міръ уединеннымъ
Путемъ, чужой всему, что вкругъ меня
Кипитъ, тревожитъ, радуетъ, волнуетъ,
Томитъ сомнѣніемъ, терзаетъ жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти.
Что нужно мнѣ? На голодъ корка хлѣба,
Ночлегъ на непогоду, ветхій платъ
На покровенье наготы—во всемъ
Иномъ я независимъ отъ людей
И міра. На потребу мнѣ одно—
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
„Т в о е, а н е м о е д а б у д е т ъ!“ Въ немъ
Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
Имъ все намъ ясно; случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, Кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строить, намъ во благо. Міръ,
Въ которомъ я живу, который вамъ,
Слѣпымъ невольникамъ земного, долженъ
Казаться дикою пустыней... нѣтъ,
Онъ не пустыня: съ той поры, какъ я
Былъ силою Всевышнею постигнутъ,
И, уничтоженный, предъ нею палъ
Во прахъ, она передо мною вся
Въ твореніи Господнемъ отразилась.
Міръ человѣческій исчезъ, какъ призракъ
Передъ Господнею природой; въ ней
Все выше сдѣлалось размѣромъ, все
Пріяло высшее знаменованье.
О, этотъ міръ презрительнымъ житейскимъ
Заботамъ недоступенъ; онъ безвѣрью
Ужасенъ. Но тому, кто сердцемъ весь
Раскаянья сосудъ испилъ до дна,
И Бога угадавъ страданьемъ, въ руки
Къ нему изъ сокрушительныхъ когтей
Отчаянія убѣжалъ—тому
Природа врачъ, великая бесѣда,
Господняя развернутая книга,
Гдѣ буква каждая благовѣститъ
Его Евангеліе. Нѣтъ, о, нѣтъ,
Для выраженья той природы чудной,
Которой я, истерзанный, на грудь
Упалъ, которая лѣкарство мнѣ
Всегда цѣлящее даетъ, я словъ
Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ; свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба;
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ!
Глубокое молчанье лѣса; мо́ря
Необозримость тихая, иль голосъ

Невыразимый въ бурю; горъ—потопа
Свидѣтелей—громады; безпредѣльныхъ
Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣнья,
Блистанья, рёвъ и грохотъ водопадовъ...
О, какъ могу изобразить творенья
Все обаяніе. Среди Господней
Природы, я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія, въ неизреченномъ
Его присутствіи, и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
Молитвой—но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,
А смирнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, Его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ Нимъ уничтоженья;—
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ Нему, горящая, стремится—
Такою передъ Его природой чудной
Становится моя молитва. Съ нею
Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзія; поэзія—земная
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова!
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою—и мнѣ
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ, посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ,
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ,
И все движенье жизни скоротечной.

Такъ странствую я по землѣ, въ глазахъ
Людей проклятый Богомъ, никакому
Земному благу не причастный, злобный,
Все ненавидящій скиталецъ. Тайны
Моей они не постигаютъ; путь мой
Ихъ взорамъ не открытъ: по высотамъ
Сознанія идетъ онъ; тамъ, гдѣ я
Лишь небеса Господнія святыя
Надъ головою вижу; а внизу,
Далеко подъ ногами, весь смятенный
Міръ человѣческій. И съ высоты
Моей, съ нимъ не дѣлясь его судьбой,
Я, всю ее однимъ объемля взоромъ,
Въ ея волненіяхъ и измѣненьяхъ,
Какъ въ неизмѣнной стройности природы,
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога
Изъ глубины уединенья, гдѣ
Онъ мой единый Собесѣдникъ, мнѣ
Его пути среди разнообразныхъ
Судебъ земныхъ виднѣй. И уже второе
Тысячелѣтіе къ концу подходитъ
Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я одинокой
Дорогой странствую. И въ этотъ путь
Пошелъ я съ той границы, на которой
Міръ древній кончился, гдѣ на его
Могилѣ колыбель свою поставилъ
Новорожденный міръ. За сей границей,
Какъ великанскія, сквозь тонкій сумракъ
Разсвѣта, смутно зримыя громады
Снѣжноголовыхъ горъ, стоятъ минувшихъ
Вѣковъ видѣнія: остóвы древнихъ
Имперій, какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
Горъ первобытныхъ, слитые въ одно
Великое минувшаго созданье...
Стовратныя Египетскія Ѳивы
Съ обломками незримыхъ храмовъ,
Остатки насыпей и земляныхъ
Кургановъ тамъ, гдѣ были Вавилонъ
И Ниневія, пепелъ Персеполя—
Давнишняго природы обожанья
Свидѣтели—являются тамъ въ мертвомъ
Величіи. И посреди сихъ, въ ужасъ
Ввергающихъ, Востока великановъ,
Межъ лаврами душистыми лежатъ
Развалины Эллады, красотою,
Поэзіей, искусствомъ и земною
Блестящей мудростью и наслажденьемъ
Роскошества чаруя землю. Быстро
Времени въ потокѣ скрылася она;
Но на ея гробницѣ вѣетъ геній
Неумирающій. Тамъ, наконецъ,
Въ одну столпясь великую громаду,
И храмы Греціи, и пирамиды
Египта, и сокровища Востока,
И древній весь до-христіанскій Западъ,
Могучій Римъ ихъ груды обратилъ
Въ одну, ему подвластную, могилу.
Съ пригорка, гдѣ не много жизни было,
Наименованный когда-то Римомъ,
Самъ изъ себя онъ внутреннею силой
Медлительно, въ теченіе вѣковъ,
Зерно къ зерну могущества земного
Неутомимо прибавляя, выросъ.
Онъ грозно наконецъ свое міродержавство
Между народами рабовъ одинъ
Свободный, какъ великій монументъ
Надгробный имъ разрушенныхъ державъ,
Воздвигнулъ. Этотъ Римъ, въ то время,
Когда меня моя судьба постигла,
Принесши все Молоху государство
Въ жертву и всѣ частныя земныя
Разрушивъ блага, чтобъ на нихъ построить
Публичнаго безжизненнаго блага
Темницу, этотъ Римъ, въ то время
Владыка всѣхъ, рабомъ былъ одного,
И вся вселенная на разграбленье
Была ругательное предана
Лишь только для того, чтобы кесарь могъ
Роскошничать въ палатахъ золотыхъ,
Чтобъ чернь всегда имѣла хлѣбъ и игры...
А между тѣмъ, въ ничтожномъ Виѳлеемѣ

Былъ въ ясли положенъ Младенецъ... Римъ
О Немъ не вѣдалъ. Но когда Онъ былъ
На крестъ позорный вознесенъ, судьбины
Міровластительства его ударилъ часъ,
И въ то же время былъ разбитъ и брошенъ
Живаго Бога избранный сосудъ,
Израиль. Палъ Ерусалимъ. Его
Святилище покинувъ, Откровенье
Всему явилось міру и великій
Споръ начался межъ княземъ міра
И царствомъ Божіимъ. Одинъ, скитаясь, я
Между земными племенами
Очами могъ слѣдить неизмѣнимый
Господній путь сквозь всѣ ихъ измѣненья.
Терзая мучениковъ, Римъ ихъ кровью
Христову пашню для всемірной жатвы
И для своей погибели удобрилъ.
И возрасла она...

(1852 г., апрѣль.)

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА *).

Я видѣлъ тронъ, стоящій на хребтѣ
Великихъ четырехъ шестикрылатыхъ
Животныхъ, и передъ трономъ золотыми
Коронами вѣнчанныхъ старцевъ.
Я видѣлъ, что на тронѣ возсѣдалъ
Сіяющій какъ солнце Нѣкто.
Я слышалъ пѣнье: „Святъ! святъ! святъ!"
И гласъ съ престола былъ: „Я Альфа и Омега;
Я первый и послѣдній; Я всему
Начало и конецъ". Я видѣлъ книгу,
Запечатлѣнную семью печатьми,
Въ рукѣ сидящаго на горнемъ тронѣ.
Я видѣлъ Агнца, предъ Которымъ все—
Животныя-престолоносцы, старцы,
И ангелы, и все, что въ небесахъ,
Что на землѣ, что въ глубинѣ земли,
Что на моряхъ, что въ глубинѣ морей—
Все въ пѣснь единую совокупилось.
Я видѣлъ, какъ печати Агнецъ снялъ
Съ великой книги; какъ четыре быстро
Коня пустились: бѣлый, черный, красный
И блѣдный, и сѣдокъ на блѣдномъ страшный
Именовался „Смерть". Я видѣлъ ужасъ
Землетрясенья, какъ затмилось солнце,
И кровью сдѣлалась луна, и звѣзды
Попадали на землю, и свернувшись
Какъ власяница, небеса исчезли.
И слышалъ я, какъ раздалися вопли
Земныхъ людей: „Падите на главы
Намъ, горы, и сокройте насъ
Отъ Агнца: часъ суда Его насталъ!"
Я видѣлъ ангела, съ востока въ блескѣ
Идущаго, неся въ рукѣ печать
Живаго Бога, и свершилъ онъ ею
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье.
И быстро предо мной во снѣ видѣнья
Одно другимъ смѣнялись: семь съ трубами
Губительными ангеловъ, на землю
Все бѣдствіе пославшихъ, я увидѣлъ.
И ангелъ, на морѣ и на землѣ
Стоявшій, поклялся съ простертой къ небу
Десницею, что время миновалось.
И съ голосомъ седьмой трубы явился—
Увидѣлъ я—на небѣ храмъ отверстый,
И въ немъ ковчегъ завѣта, и отвсюду
Зажглися молніи, заговорили
Своими голосами громы, все
Землетрясеніемъ поколебалось.
На небесахъ увидѣлъ я жену,
Вѣнчанную двѣнадцатью звѣздами;
Увидѣлъ, какъ драконъ багряноцвѣтный
Пожрать ея младенца порывался;
Какъ былъ Младенецъ взятъ на небеса,
Жена жъ въ пустыню скрылась отъ дракона;
Какъ началась война на небесахъ,
Какъ Михаилъ архангелъ побѣдилъ
Дракона-змія, древняго врага.
И новое видѣнье мнѣ предстало:
Увидѣлъ я, какъ изъ морской пучины
Поднялся седмиглавый звѣрь, какъ власть
Свою драконъ далъ звѣрю, какъ предъ нимъ
Невписанные въ книгу жизни Агнцемъ
Простерлись всѣ. И въ небесахъ узрѣлъ
Я Человѣческаго Сына съ острымъ
Серпомъ; узрѣлъ, какъ жатва совершилась
Всемірная; какъ ангелы, семь чашъ
Несущіе, послѣднія излили
На землю язвы, и изъ неба голосъ
Исшедшій произнесъ: „Свершилось все!"
И какъ потомъ явился свѣтлый ангелъ,
Сказавшій: „Палъ великій Вавилонъ!"
Какъ небеса хвалебное воспѣли,
При гласѣономъ, Аллилуіа;
Какъ въ небесахъ явился чудный Всадникъ,
На бѣломъ скачущій конѣ, во многихъ
Коронахъ, съ именемъ неизреченнымъ,
Ему лишь вѣдомымъ: а самъ себя
Онъ „Словомъ Божіимъ" именовалъ.
И видѣлъ я, какъ вслѣдъ за нимъ, на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый
Шло воинство, и какъ изъ устъ его
На казнь людей мечъ острый исходилъ.
Увидѣлъ я, какъ на него поднялся
Съ своею силой звѣрь; какъ схваченъ былъ
И звѣрь, и лжепророкъ его, людей
Ему въ служенье увлекавшій; какъ
Въ глубь озера пылающаго ихъ
Низвергли; острый мечъ же, исходившій
Изъ устъ Вождя, всю рать ихъ истребилъ;
Какъ послѣ—змія, древняго дракона,
Могучій ангелъ, цѣпью оковавъ,
Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнулъ лѣтъ и заперъ
Печатью бездну, чтобъ не могъ губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелѣтіе. И видѣлъ я великій бѣлый тронъ,
И отъ лица сидѣвшаго на тронѣ

*) Это стихотвореніе Жуковскій хотѣлъ вставить въ поэму „Странствующій жидъ", послѣ ея 915-го стиха; но потомъ авторъ отдумалъ.

Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось нигдѣ; и видѣлъ я,
Какъ глубина земли и мо́ря мертвыхъ
Всѣхъ возвращала; какъ съ живыми вмѣстѣ
Они стекались къ трону; какъ предъ ними
Раскрылася на судъ послѣдній книга
Животныхъ; какъ былъ страшный вѣчный [судъ
Произнесенъ; какъ смерть и адъ навѣки
Въ глубь озера пылающаго были
Низвержены, и какъ потомъ явились
Другое небо и земля, и новый
Съ небесъ сошелъ Ерусалимъ, святой
Градъ Божій, свѣтлый какъ невѣста.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

1819—1821.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА, ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

КАРЛЪ СЕДЬМОЙ, король французскій.
КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА, или ИЗАБО, его мать.
АГНЕСА СОРЕЛЬ.
ФИЛИППЪ ДОБРЫЙ, герцогъ Бургундскій.
ГРАФЪ ДЮНУА.
ЛЯ-ГИРЪ.
ДЮ-ШАТЕЛЬ.
АРХІЕПИСКОПЪ РЕЙМСКІЙ.
ШАТИЛЬОНЪ, бургундскій рыцарь.
РАУЛЬ, лотарингскій рыцарь.
ТАЛЬБОТЪ, главный вождь англичанъ.
ЛІОНЕЛЬ, **ФАСТОЛЬФЪ** } англійскіе вожди.
МОНГОМЕРИ, валліецъ.
Французскіе, бургундскіе, англійскіе рыцари.
Чиновники орлеанскіе.
Англійскій герольдъ.
ТИБО Д'АРКЪ, земледѣлецъ.
АЛИНА, ЛУИЗА, ІОАННА } его дочери.
ЭТЬЕНЪ, АРМАНЪ, РАЙМОНДЪ } ихъ женихи.
БЕРТРАНДЪ, поселянинъ.
Черный рыцарь.
Угольщикъ.
Его жена.
Пажи.—Солдаты.—Народъ.—Придворные —Епископы.—Маршалы.—Чиновники.—Дамы, дѣти и пр.

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

Сельское мѣсто; впереди, на правой сторонѣ, часовня и въ ней образъ Богоматери; па лѣвой сторонѣ—высокій вѣтвистый дубъ.

ТИБО Д'АРКЪ, ЭТЬЕНЪ, АРМАНЪ, РАЙМОНДЪ, АЛИНА, ЛУИЗА, ІОАННА.

ТИБО.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще французы, граждане, сво́бодно
Святой землей отцовъ своихъ владѣемъ;
А завтра... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Истоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ вѡйскамъ отворилъ,
И древняя корона Дагоберта
Досталася въ добычу иноземцу;
Внукъ королей безъ трона, безъ пріюта,
Скитается въ своей землѣ какъ странникъ;
Знатнѣйшій перъ, ближайшій изъ родныхъ
Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовитъ гибель;
Деревни, города пылаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
Итакъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ:
Для женщины противъ временъ опасныхъ
Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;
У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
Сердца же заодно... такой союзъ
Угоденъ Богу. Ты, Арманъ, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами—
Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

ЛУИЗА.

Арманъ.

АРМАНЪ (подавая ей руку).

Твой навсегда.

ЛУИЗА.

А ты, сестра?

ТИБО.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо—Богъ
Благословилъ меня, благословитъ
И васъ.

АЛИНА.

Утѣшь отца, сестра Іоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

ТИБО.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню; приготовьте,
Что надобно.

(Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ).

Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ; ихъ судьба счастлива;
При старости онѣ мое веселье;
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

РАЙМОНДЪ.

Сосѣдъ, начто Жаннету огорчать?

ТИБО (указывая на Раймонда).

Вотъ юноша, прекрасный, честный; съ нимъ
Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
Тебѣ онъ отдалъ душу; три весны,
Какъ онъ задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,

Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ.
Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
Что надъ тобой ошиблася природа;
Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

РАЙМОНДЪ.

Не принуждай ее, мой честный Аркъ.
Любовь моей Іоанны есть прекрасный
Небесный плодъ: прекрасное свободно;
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселье жить въ горахъ;
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Нерѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола вслѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величіи надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размышленьи
На мелкія обители земныя.
Я вижу въ ней тогда знаменованье
Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла она.

ТИБО.

А это мнѣ противно! для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ веселыхъ?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,
Чтобы бродить по высотамъ пустыннымъ;
И въ страшный часъ—въ который человѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку—
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тьму бѣжитъ, чтобъ горный вѣтеръ
Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на *этомъ* мѣстѣ?
Зачѣмъ *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ Друидовъ, гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима... а здѣсь не пусто;
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ;
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
Однажды мнѣ случилось запоздать,
Меня вела дорога мимо дуба,
И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
Туманное, а что?.. не знаю! тихо
Изсохшею рукой приподняло
Широкую одежду, и меня
Какъ-будто бы манило... сотворивъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

РАЙМОНДЪ (указывая на образъ въ часовнѣ).

Не вѣрю я: не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

ТИБО.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто въ Реймсѣ
Она сидитъ на королевскомъ тронѣ;
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцомъ на головѣ;
Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ.
И изъ него три бѣлыя лилеи,
И я—ея отецъ—и обѣ сестры.
И герцоги, и графы, и прелаты,
И самъ король предъ нею на колѣняхъ...
Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надменность;
Убожества она стыдится; Богъ
Ей даровалъ богатство красоты,
Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
Благословилъ чудесными дарами.
И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею врагъ въ свои насъ ловитъ сѣти.

РАЙМОНДЪ.

Но кто жъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ нра-
Твоей смиренныя Іоанны? Старшимъ [вахъ
Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служитъ;
Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше... правда!
Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;
На все, къ чему она коснется, сходитъ
Непостижимое благословенье.

ТИБО.

Непостижимое... такъ, правда! ужасъ
Объемлетъ при такомъ благословеньи.
Ни слова, я молчу; молчать мнѣ должно...
Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долгъ... Оставь сей дубъ;
Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти въ пескѣ волшебныхъ знаковъ.
Намъ въ области духовъ легко проникнуть;
Насъ ждутъ они и молча стерегутъ,
И, тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
Не будь одна: въ пустынѣ искуситель
Передъ самимъ Создателемъ явился.

(БЕРТРАНДЪ входитъ съ шлемомъ въ рукахъ.)

РАЙМОНДЪ.

Молчи, идетъ Бертрандъ; онъ возвратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

БЕРТРАНДЪ.

Вы
Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
Являюсь?

ТИБО.

Подлинно; откуда взялъ
Ты этотъ шлемъ? Начто знакъ бѣдъ и смерти
Принесъ ты къ намъ въ жилище тишины?

(ІОАННА, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія въ томъ, что вокругъ нея происходило, становится внимательнѣе и подходитъ ближе.)

БЕРТРАНДЪ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
Желѣзныя издѣлья въ Вокулёрѣ;
На площади толпилась тьма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжа-
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью; [вшихъ
Весь городъ былъ въ волненьи; сквозь толпу
Съ усиліемъ я продирался... вдругъ
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ; она,
Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала:—Ты, я знаю, ищешь шлема;
Вотъ шлемъ, недорогъ онъ, возьми. —„Начто?
Я отвѣчалъ ей, къ латникамъ пойди;
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ шлемѣ“.
Но я никакъ не могъ отговориться;
—Возьми, возьми! она одно твердила,
Теперь для головы стальная кровля
Пріютнѣе всѣхъ каменныхъ палатъ.—
И такъ изъ улицы одной въ другую
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть;
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣньи,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала;
Ее толпой народа унесло...
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

ІОАННА (ухватясь за него поспѣшно).

Отдай мнѣ шлемъ.

БЕРТРАНДЪ.

Начто? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

ІОАННА (вырывая шлемъ.)

Отдай, онъ мой и мнѣ принадлежитъ.

ТИБО.

Іоанна, что съ тобой?

РАЙМОНДЪ.

Оставь ее;
Въ ней мужествомъ наполнена душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ.
Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
Чью бъ голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

ТИБО.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

БЕРТРАНДЪ.

Боже,
Помилуй короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войска
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началася.

ТИБО.

Какъ! сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
Съ войной...

БЕРТРАНДЪ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинутъ къ Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующійся рой,
Слетаяся, жужжитъ кругомъ ульѧ́,
Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись войско;
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ шумомъ;
И всѣхъ своихъ землевластитель герцогъ
Бургундскій въ строй съ пришельцами поста-
Изъ Литтиха, изъ Генего, изъ Гента, [вилъ:
Богатаго и бархатомъ и шелкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намюра,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ,
Блистающихъ опрятностью веселой,
Отъ пажитей голландскихъ, отъ Утрехта,
Отъ сѣверныхъ Фризландіи предѣловъ,
Подъ знамена могущаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

ТИБО.

О горестный, погибельный раздоръ;
На Францію оружіе французовъ!

БЕРТРАНДЪ.

И бронею покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ
Ихъ хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

ТИБО.

Срази ее проклятіемъ, Господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

БЕРТРАНДЪ.

Заботливо осадой управляетъ
Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбюри;
Съ нимъ Ліонель, боецъ съ душой звѣриной;
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
Свершающій убійственнымъ мечомъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамленье;
Сразить мечомъ, кто встрѣтится съ мечомъ.
Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбюри,
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.
Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ, и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчислены подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзится и вспыхнетъ.

(ІОАННА слушаетъ съ великимъ безпрестанно усиливающимся вниманіемъ и, наконецъ, надѣваетъ на голову шлемъ.)

ТИБО.

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ля-Ги-
Гдѣ Дюнуа, отечества надежда? [ромъ?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ—
А ты объ нихъ не знаешь и не слышишь,
И что король? Ужель онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

БЕРТРАНДЪ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ;
Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнитъ; ниспосланный Имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ
Все скрылося; всѣ вызовы напрасны; [душу;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ, французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ зáм-
кахъ.
Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь:
Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатью знаменами идетъ.

ІОАННА (поспѣшно).

Кто этотъ рыцарь?

БЕРТРАНДЪ.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

ІОАННА.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что слышно?

БЕРТРАНДЪ.

На переходъ одинъ отъ Вокулёра
Стоитъ онъ лагеремъ.

ТИБО.

Молчи, Іоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

БЕРТРАНДЪ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая—
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти—
Рѣшилися граждане Вокулёра
Могущему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

ІОАННА (вдохновенно).

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядетъ, грядетъ Онъ въ
силѣ!..
Могущій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!..
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она кичливыя надежды;
Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Взнесенную безумцами къ звѣздамъ...
Не трепетать! впередъ! не пожелтѣетъ
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
На небесахъ еще не совершится—
А ни одинъ уже британскій конь
Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

БЕРТРАНДЪ.

Ахъ! въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ.

ІОАННА.

Есть чудеса!.. Взовьется голубица,
И налетитъ съ отважностью орла
На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
И низразитъ она сего бургунда
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукаго громителя небесъ
Съ ругателемъ святыни Салисбюри;
И побѣгутъ толпы островитянъ,
Затрепетавъ, какъ агнцы, передъ нею...
Господь съ ней будетъ! Богъ всесильной брани
Пошлетъ свое дрожащее созданье:
Творецъ земли Себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ... зане Онъ всемогущій!

ТИБО.

Какой въ ней духъ пророчитъ?

РАЙМОНДЪ.

Этотъ шлемъ
Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
И все лицо ея преобразилось.

ІОАННА.

Какъ! древнему престолу пасть? Странѣ,
Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ
Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
Его очей, рабою быть пришельца?..
Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
Былъ первый крестъ, спасенья знакъ, воздвигнутъ;
Здѣсь прахъ лежитъ святого Людовика;
Ерусалимъ отсюда завоеванъ...

БЕРТРАНДЪ.

Вы слышите?.. Откуда вдругъ открылся
Такой ей свѣтъ?.. О! дочерью чудесной,
Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

ІОАННА.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
Для насъ король нашъ долженъ умереть,
Неумирающій, защитникъ плуга,
Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
Невольникамъ дарующій свободу,
Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
Покровъ безсилія, гроза злодѣйства,
Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
И человѣкъ и ангелъ утѣшенья
На вражеской землѣ?.. Престолъ законныхъ
Властителей и въ пышности своей
Для слабаго пріютъ; при немъ на стражѣ
И власть и милость; стать предъ нимъ боится
Виновный; предъ него съ надеждой правый
Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ страха...
Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
Предъ кѣмъ отцовъ священный прахъ не скрытъ
У насъ въ землѣ, земли не взлюбитъ нашей.
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

ТИБО.

Да защититъ Всевышній короля
И Францію! Намъ, мирнымъ поселянамъ,
Мечъ незнакомъ; намъ браннаго коня
Не укротить; мы будемъ ждать смиренно,
Кого намъ дастъ владыкою побѣда!
Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
Король нашъ тотъ, кто былъ мѵропомазанъ
Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ державу
Надъ древними гробами Сенъ-Дени...
Друзья, пора къ работѣ; помни каждый
Ближайшій долгъ свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берутъ!
А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
Покорной намъ земли оно не тронетъ;
Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
Пускай кони притопчутъ наши нивы—
Съ младой весной взойдетъ младая жатва,
А низкія легко возстанутъ кровли.

(Всѣ, кромѣ Іоанны, уходятъ.)

ІОАННА (долго стоитъ въ задумчивости.)

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
„Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя:
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать,
Не быть тебѣ душой семьи родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать...
Но въ битвахъ я главу твою прославлю;
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

„Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
Возьмешь мою ты орифламу въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ, [ну,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу тро-
И Карла въ Реймсъ введешь принять корону".

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье;
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!
(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(ЛАГЕРЬ КОРОЛЯ КАРЛА ВЪ ШИНОНѢ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ДЮНУА, ДЮ-ШАТЕЛЬ.

ДЮНУА.

Нѣтъ! долѣ не стерплю; пора покинуть
Намъ короля, который самъ безславно
Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
И душу всю я выплакать готовъ,
Смотря на бѣдную отчизну... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинныя жилища чести, дѣлятъ,
И выдаютъ ихъ ржавые ключи
Съ покорностью врагу... а мы, мы здѣсь
Въ бездѣйствіи покоя расточаемъ
Священные спасенія часы.
Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ—
Спѣшу свою Нормандію покинуть,
Лечу сюда въ надеждѣ, что король,
Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ поле...
Но что жъ? Онъ окруженъ толпой шутовъ;
Въ кругу своихъ безпечныхъ трубадуровъ
Заботится разгадывать загадки,
И лишь пиры даетъ своей Агнесѣ.
Какъ-будто все спокойно!.. Конетабль,
Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
Разстаться съ нимъ... и я, и я разстанусь;
Пора судьбѣ на власть его предать.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И КОРОЛЬ КАРЛЪ.

КОРОЛЬ.

Друзья, скажу вамъ новость:
Нашъ конетабль прислалъ мнѣ мечъ свой: онъ...
Онъ просится въ отставку... въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ;
Все не по немъ; лишь онъ одинъ все знаетъ.

ДЮНУА.

Ахъ! твердый мужъ безцѣненъ въ наше время;
Разстаться съ нимъ мнѣ было бъ тяжело.

КОРОЛЬ.

Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить...
Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ раздорѣ.

ДЮНУА.

Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ;
Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ...
Но въ пору онъ узналъ сіе искусство:
Онъ прочь идетъ, когда остаться—стыдъ.

КОРОЛЬ.

Я вижу, ты въ своемъ веселомъ правѣ;
Смущать его не стану... Дю-Шатель,
Король Рене́ прислалъ ко мнѣ пословъ;
Они пѣвцы, ихъ имя знаменито;
Ихъ угостить хочу великолѣпно,
И каждому по цѣпи золотой... (Къ Дюнуа.)
Къ чему твой смѣхъ?

ДЮНУА.

Ты цѣпи золотыя
Куешь словами.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Государь, твоя
Казна ужъ вся давно истощена,
И денегъ нѣтъ...

КОРОЛЬ.

Найди; пѣвецъ высокій
Безъ почести отселѣ не пойдетъ;
Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ цвѣ-
Онъ жизни вѣтвь безсмертно молодую [тетъ;
Вплетаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ;
Властителю совластвуетъ пѣвецъ:
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сновъ себѣ онъ зиждетъ тронъ;
Пусть объ-руку идетъ съ монархомъ онъ:
Они живутъ на высотахъ созданья.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

О государь, до сихъ поръ я щадилъ
Твой слухъ: для насъ была еще надежда;
Но все сказать велитъ необходимость.
Не о дарахъ намъ думать, нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрачено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждетъ условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не въ силахъ я твой королевскій домъ
И скудною рукою содержать.

КОРОЛЬ.

Но развѣ намъ ужъ средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.

ДЮНУА.

А срокъ придетъ... ни денегъ, ни залоговъ!

КОРОЛЬ.

Еще у насъ земель богатыхъ много.

ДЮНУА.

Пока щадитъ ихъ Богъ и мечъ Тальбота:
Но Орлеанъ въ осадѣ; сдайся онъ—
Тогда паси овецъ съ своимъ Рене́.

КОРОЛЬ.

На счетъ Рене́ ты любишь умъ острить,
Но этотъ твой безобластный король
Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнно.

ДЮНУА.

Избави Богъ! не право ль на Неаполь?
Несчастный даръ! оно въ цѣнѣ упало
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасетъ своихъ овецъ.

КОРОЛЬ.

То ясная забава, шутка, праздникъ,
Который онъ душѣ своей готовитъ:
Средь ужасовъ существенности мрачной,
Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвать назадъ то время старины,
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судѣ присутствовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ.
Въ сихъ временахъ живетъ незлобный ста-
И въ той красѣ, какой онѣ плѣняютъ [рецъ;
Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древ-
нихъ пѣсняхъ—
Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ—
Онъ мыслитъ ихъ переселить на землю.
Онъ учредилъ верховный судъ любви,
Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,
Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ—
И онъ меня избралъ царемъ любви.

ДЮНУА.

Не столько я еще забытъ природой,
Чтобъ отвергать владычество любви;
Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,
И въ областяхъ любви мое наслѣдство;
Моимъ отцомъ былъ Орлеанскій принцъ.—
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклонныхъ,
Зато не зналъ и крѣпкихъ вражьихъ за́мковъ.
Ты хочешь быть царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ. Въ ста-
рыхъ книгахъ
Случалось мнѣ читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхалъ я, а герои
За круглый столъ садились въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотѣ,
Беретъ ея награду... Мѣсто боя
Передъ тобой—сразись за тронъ наслѣдный;
Опасность ждетъ—стань съ рыцарскимъ ме-
чомъ
За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когда жъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь—
Тогда твой часъ, тогда царю прилично
Вѣнцомъ любви чело свое украсить.

КОРОЛЬ (вошедшему пажу).

Что скажешь?

ПАЖЪ.

Ждутъ гонцы изъ Орлеана.

КОРОЛЬ.

Впусти. (Пажъ уходитъ.)
Они пришли просить защиты.
Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ОРЛЕАНСКІЕ ЧИНОВНИКИ.

КОРОЛЬ.

Какую вѣсть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все такъ же ли съ отважнымъ постоянствомъ
Упорную осаду отражаетъ?

ЧИНОВНИКЪ.

Ахъ! Государь, мы въ крайности; погибель
Часъ-отъ-часу неизбѣжимѣй; сбиты

Всѣ внѣшнія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣнахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечасно въ бой выходитъ рать; но съ боя
Немногіе приходятъ въ городъ; скоро
Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй—голодъ.
Въ такой бѣдѣ высокій Рошепьеръ,
Намѣстникъ твой, обычаемъ стариннымъ,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній договоръ:
Чтобъ городъ сдать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему не подоспѣетъ войска,
Могущаго осаду отразить.

(Дюнуа показываетъ досаду.)

КОРОЛЬ.

Двѣнадцать дней! какъ мало!

ЧИНОВНИКЪ.

Непріятель
Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостливъ, не медли, государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

ДЮНУА.

Возможно ль?.. Какъ Сантраль могъ согла-
На гнусный этотъ договоръ? [ситься

ЧИНОВНИКЪ.

О нѣтъ!
Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить,
Пока былъ живъ Сантраль великодушный.

ДЮНУА.

Его ужъ нѣтъ?

ЧИНОВНИКЪ.

Сражаясь на стѣнѣ,
За короля онъ съ честію погибъ.

КОРОЛЬ.

Сантраль погибъ! Ахъ, въ немъ одномъ по-
Мнѣ войско храбрыхъ. [гибло

(Входитъ рыцарь и говоритъ тихо съ Дюнуа, который показываетъ изумленіе и негодованіе.)

Что еще случилось?

ДЮНУА.

Къ тебѣ прислалъ Дугласъ: его шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной имъ платы.

КОРОЛЬ (къ Дю-Шателю).

Ты слышишь?

ДЮ-ШАТЕЛЬ (пожимая плечами).

Что могу я?

КОРОЛЬ.

Обѣщай;
Продать, что есть; въ залогъ полъ-королевства.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Напрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

КОРОЛЬ.

Они мое надежнѣйшее войско;
Ужель теперь, теперь меня покинутъ?

ЧИНОВНИКЪ (на колѣняхъ).

О государь, спаси твой Орлеанъ!

КОРОЛЬ (въ отчаяніи).

Могу ль родить вамъ войско изъ земли?
Въ моей рукѣ созрѣетъ ли вамъ жатва?
Вотъ грудь моя; мое пусть вырвутъ сердце;
Пусть выбьютъ изъ него монету; жизнью
Готовъ купить вамъ золото и войско.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АГНЕСА (съ ларчикомъ въ рукахъ).

КОРОЛЬ (бѣжитъ къ ней навстрѣчу).

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель;
Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды;
Отчаянье въ мою тѣснится душу;
Но ты моя... не все еще погибло.

АГНЕСА.

О, государь! (Смотря на предстоящихъ въ смятеніи.)
Что слышу?.. Дюнуа,
Ужели?

ДЮНУА.

Правда.

АГНЕСА.

Какъ! такая крайность?
Солдатамъ платы нѣтъ, бунтуетъ войско?

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Все правда.

АГНЕСА (отдавая ларчикъ).

Вотъ вамъ деньги; здѣсь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
Въ монету; замки всѣ мои въ залогъ;
Въ залогъ мои прованскія помѣстья;
Все въ золото, чтобъ войско успокоить!
Скорѣй! бѣги, не медли, Дю-Шатель.

КОРОЛЬ.

Что, Дюнуа? Что, Дю-Шатель? Еще ли
Я бѣденъ? Нѣтъ... Взгляните на нее!

Она со мной породою равна;
Кровь Валуа не благороднѣй крови
Ея отцовъ; престола украшеньемъ
Была бъ она... но ей престолъ не лестенъ.
Моею быть—одно ея желанье.
Дарами ль я ее осыпалъ?... Нѣтъ!
Весенній первый цвѣтъ иль рѣдкій плодъ—
Вотъ всѣ мои дары... Все въ жертву мнѣ,
И ничего на жертву отъ меня.
И что жъ теперь?.. Послѣднее ввѣряетъ
Она моей обманчивой судьбѣ.

ДЮНУА.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступитъ;
Она свое въ горящій домъ бросаетъ,
И бочку Данаидъ наполнить мыслитъ.
Тебя ей не спасти, себя лишь вмѣстѣ
Съ тобою погубить.

АГНЕСА.

Не вѣрь ему;
Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью...
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ
Я отдала все то, что драгоцѣннѣй
И золота и перловъ? Мнѣ ли нынѣ
Лишь для себя спасать земное счастье?
Пойдемъ, всѣ лишнія убранства жизни
Отбросимъ прочь... О другъ! дай мнѣ примѣ-
Высокаго пожертвованья быть; [ромъ
Преобрати свой дворъ въ военный станъ,
И золото въ желѣзо; брось отважно
Все, все за твой обиженный вѣнецъ.
Пойдемъ! бѣды и бѣдность—пополамъ;
Пора намъ сѣсть на браннаго коня;
Пусть солнце льетъ свой жаръ на нашу грудь,
Пусть кровлею намъ будутъ облака,
Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.
Безропотно снесетъ суровый ратникъ
Свою бѣду, когда король—примѣръ
И твердости и самоотверженья.

КОРОЛЬ (усмѣхаясь).

Итакъ, должно обѣщанное сбыться:
Давно, давно монахиня въ Клермонѣ
Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,
Что женщина сразитъ моихъ враговъ,
И мой престолъ наслѣдный завоюетъ.
Я мнилъ ее найти въ британскомъ станѣ,
Ее искалъ я въ материнскомъ сердцѣ...
Но здѣсь она, спасительница славы;
Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

АГНЕСА.

Ты побѣдишь мечомъ своихъ друзей.

КОРОЛЬ.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
Что охладѣлъ къ союзу англичанъ
Мой родственникъ бургундскій герцогъ; скоро
Узнаю все; къ Филиппу я Ля-Гира
Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго пера
Склонилъ на миръ и дружбѣ возвратилъ.
Всечастно жду отвѣта.

ДЮНУА (смотря въ окно).

Рыцарь здѣсь;
Сейчасъ сошелъ съ коня онъ у крыльца.

КОРОЛЬ.

Желанный гость!.. Друзья, теперь рѣшится:
Къ побѣдѣ ль намъ итти, иль уступить?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ЛЯ-ГИРЪ.

КОРОЛЬ.

Скажи, Ля-Гиръ, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй, двумя словами!

ЛЯ-ГИРЪ.

Твой мечъ—вотъ вся теперь для насъ надежда.

КОРОЛЬ.

Итакъ, непримиримъ надменный герцогъ.
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?

ЛЯ-ГИРЪ.

Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ выданъ
Былъ Дю-Шатель: онъ мыслитъ и понынѣ,
Что Дю-Шатель убилъ его отца.

КОРОЛЬ.

Когда жъ такой постыдный договоръ
Отвергнемъ мы...

ЛЯ-ГИРЪ.

Тогда и миръ отвергнутъ.

КОРОЛЬ.

И ты мое исполнилъ повелѣнье?
Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту
У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?..

ЛЯ-ГИРЪ.

Я твою перчатку бросилъ;
Я объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть, какъ рыцарь.
Но гордо онъ отвѣтствовалъ:—Нѣтъ нужды

Сражаться мнѣ за то, что ужъ мое.
Когда же Карлъ столь жадничаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:
У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.—
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ смѣхомъ.

КОРОЛЬ.

Но что жъ? Ужель въ парламентѣ моемъ
Совсѣмъ умолкъ священный голосъ правды?

ЛЯ-ГИРЪ.

Нѣмѣетъ онъ предъ дерзкимъ буйствомъ пар-
Парламентомъ и ты и весь твой родъ [тій;
Отрѣшены навѣки отъ престола.

ДЮНУА.

Безумное властительство толпы!

КОРОЛЬ.

Но видѣлся ль ты съ матерью моею?

ЛЯ-ГИРЪ.

Съ твоею матерью?..

КОРОЛЬ.

Что королева?

ЛЯ-ГИРЪ.

Скажу ли все?.. Былъ день коронованья,
Когда вошелъ я въ Сенъ-Дени; граждане,
Какъ на тріумфъ, разубраны всѣ были;
Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ—
И въ нихъ вступалъ съ надменностью британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и словно
Спасеніе отчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.

АГНЕСА.

Рукоплескалъ... предавши короля,
И растерзавъ отеческое сердце!

ЛЯ-ГИРЪ.

Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на королевскомъ тронѣ
Святого Людвига, какъ близъ него
Стояли гордые Бедфордъ и Глостеръ,
Какъ нашъ Филиппъ, бургундскій герцогъ, братъ твой,
Произносилъ предъ нимъ обѣтъ подданства.

КОРОЛЬ.

Невѣрный братъ! предатель нашей чести!

ЛЯ-ГИРЪ.

Ребенокъ оробѣлъ и спотыкнулся,
Входя на тронъ по ступенямъ высокимъ.
„Недобрый знакъ!“ послышалось въ народѣ,
И поднялся отовсюду громкій хохотъ.
И что же?.. Вдругъ твоя родная мать...
О вѣчный стыдъ!.. приблизилась... скажу ли?

КОРОЛЬ.

Скажи.

ЛЯ-ГИРЪ.

И на руки схвативъ младенца,
Его сама на тронъ твой посадила.

КОРОЛЬ.

О, сердце матери!

ЛЯ-ГИРЪ.

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшіе къ убійству,
При видѣ семъ зардѣлись отъ стыда.
Но что жъ она?.. Взглянувши на толпу,
Сказала вслухъ: „Французы, я для васъ
Больную вѣтвь здоровою смѣнила;
Для васъ навѣкъ отвергнула я сына,
Исчадіе безумнаго отца“.

ДЮНУА.

Чудовище!

КОРОЛЬ.

Вы слышали, друзья?
Чего жъ вамъ ждать? Спѣшите возвратиться
Въ свой Орлеанъ, и гражданамъ скажите,
Что самъ король ихъ клятвы разрѣшаетъ.
Не у меня спасенья имъ искать.
Пускай идутъ съ покорностью къ бургундцу;
Онъ милостивъ; его прозванье Добрый.

ДЮНУА.

Возможно ли?.. Покинуть Орлеанъ?

ЧИНОВНИКЪ.

О государь, не отнимай отъ насъ
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству британцевъ Орлеана;
Въ твоемъ вѣнцѣ онъ самый лучшій перлъ;
Онъ вѣрностью къ законнымъ королямъ
Всегда былъ знаменитъ.

ДЮНУА.

Но развѣ мы
Разбиты?.. Мы ль покинемъ поле чести,
За Орлеанъ меча не обнаживъ?
Какъ? Не проливъ ни капли крови, ты
Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
Изъ сердца Франціи твой лучшій городъ?

КОРОЛЬ.

Довольно кровь лилась; напрасно все;
Рука небесъ на мнѣ отяготѣла;
Вездѣ мои разбиты войска; я
Парламентомъ отвергнутъ; мой Парижъ
И весь народъ врагу рукоплескаютъ;
И кровные преслѣдуютъ меня;
И все мой врагъ—сама родная мать!..
Мы перейдемъ не медля за Луару;
Не устоять противъ руки небесъ;
Она теперь на насъ за иноземца.

АГНЕСА.

Что слышу?.. Мы ль, въ самихъ себѣ отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?
Достойно ли тебя такое слово?
Нѣтъ, матери чудовищное дѣло
Минутно твой геройскій духъ смутило.
Войди въ себя; будь снова твердый мужъ;
Съ величіемъ бѣдѣ противостань,
И побѣдишь...

КОРОЛЬ (въ горестной задумчивости).

Усилія напрасны;
Ужасная свершается судьба
Надъ родомъ Валуа; его самъ Богъ
Отринулъ; мать злодѣйствами погибель
Накликала на мой несчастный домъ;
Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ;
Безвременно моихъ трехъ старшихъ братьевъ
Сразила смерть... то Божій приговоръ:
Погибнетъ все шестого Карла племя.

АГНЕСА.

Въ тебѣ оно воскреснетъ обновленнымъ.
О, вѣрь въ себя! Судьбою не напрасно
Ты, младшій братъ, твоихъ погибшихъ братьевъ
Былъ пережить назначенъ; не напрасно
Ты на престолъ нежданный возведенъ;
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть избранный цѣлитель тяжкихъ ранъ,
Отечеству раздоромъ нанесенныхъ;
Пожаръ войны гражданской ты потушишь,
Мнѣ сердце говоритъ: ты дашь намъ миръ,
И Франціи создатель новый будешь.

КОРОЛЬ.

Не я... крутымъ и бурнымъ временамъ
Въ правители сильнѣйшій кормщикъ нуженъ.
Счастливить могъ бы я народъ спокойный—
Но съ дикостью бунтующей не слажу;
Не мнѣ мечомъ кровавымъ разверзать
Себѣ сердца, запершіяся въ злобѣ.

АГНЕСА.

Народъ твой слѣпъ; онъ призракомъ обманутъ;
Сей тяжкій сонъ не можетъ продолжиться;
День не далекъ; пробудится любовь
Къ законнымъ королямъ—въ груди французовъ
Она всегда жива и неизмѣнна—
Пробудится и ненависть и ревность,
Врожденныя двумъ націямъ противнымъ,
И гордый врагъ своимъ погибнетъ счастьемъ...
Не отходи жъ отъ поприща побѣдъ,
Воюй, борись за каждый шагъ земли;
Обороняй, какъ собственную грудь,
Твой Орлеанъ—скорѣй всѣ переправы
Разрушь, скорѣе всѣ сожги мосты,
Ведущіе за грань твоей державы,
Туда, гдѣ нѣтъ ужъ чести, за Луару.

КОРОЛЬ.

Что могъ, то все я сдѣлалъ; самъ, какъ рыцарь,
Я былъ готовъ на смертный поединокъ
За мой вѣнецъ... но вызовъ мой отвергнутъ.
Я тщетно жизнь моихъ народовъ трачу;
Всѣ города мои валятся въ прахъ.
Иль, матери свирѣпой уподобясь,
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

ДЮНУА.

О, Боже! то ль языкъ монарха? Такъ ли
Вѣнецъ свой должно уступать?.. Послѣдній
Твой подданный отважно отдаетъ
И кровь и жизнь за мнѣнье, за любовь
И ненависть свою; все жертва партій
Во времена войны междоусобной!
Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
Старикъ, дитя—кидаются къ мечу;
И гражданинъ свой городъ, пахарь ниву
Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
Тебѣ служить иль вредъ тебѣ нанесть,
Чтобъ отстоять души своей желанье.
Никто не дастъ пощады и не приметъ,
Какъ скоро честь зоветъ и биться должно
За идола иль Бога своего.
Итакъ, отбрось изнѣженную жалость—
Она душѣ монарха неприлична;
Пускай война сама свой огнь потушитъ;
Не ты ее безумно воспалилъ.
Народъ за тронъ себя щадить не долженъ—
Таковъ законъ и вѣчный жребій свѣта;
Иного мы, французы, не признаемъ;
И стыдъ той націи, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

КОРОЛЬ (къ чиновникамъ).

Подите! вамъ защитой небеса;
А я для васъ ничто.

ДЮНУА.

Да отвратится жъ
Навѣки Богъ побѣды отъ тебя,
Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ

Себя оставилъ—мы должны разстаться.
Не Англія съ бунтующимъ бургундцемъ—
Твой робкій духъ тебя сгоняетъ съ трона.
Природный даръ французскихъ королей
Геройство—ты жъ не мужемъ быть рожденъ.

(Къ чиновникамъ.)

Монарха нѣтъ у насъ; но я за вами!
Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,
И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.

(Хочетъ итти.)

АГНЕСА.

О государь! останови его;
Онъ на словахъ жестокъ, но сердцемъ вѣренъ
Какъ золото; онъ твой; тебя онъ любитъ;
Онъ за тебя лилъ кровь... прольетъ и нынѣ...
Признайся, Дюнуа, ты далеко
Былъ заведенъ досадой благородной...
А ты прости его суровой дружбѣ...
Ахъ, дайте мнѣ, пока не разгорѣлся
Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашимъ миротворцемъ.

(Дюнуа смотритъ на короля и ждетъ отвѣта.)

КОРОЛЬ (къ Дю-Шателю).

Мы перейдемъ Луару; на суда
Вели скорѣй все нагружать...

ДЮНУА (поспѣшно Агнесѣ).

Прости! (Уходитъ съ чиновниками.)

АГНЕСА.

Стой, Дюнуа!.. Теперь мы беззащитны!..
Бѣги за нимъ, Ля-Гиръ, смягчи его.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОРОЛЬ, АГНЕСА, ДЮ-ШАТЕЛЬ.

КОРОЛЬ.

Ужели тронъ единственное благо?
Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело?..
О нѣтъ! я зло несноснѣйшее знаю:
Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ душъ;
Покорствовать, жить милостью вассаловъ,
Отъ грубой ихъ надменности зависѣть—
Вотъ бѣдствіе, вотъ жребій нестерпимый.
Не легче ли судьбѣ своей поддаться?

(Къ Дю-Шателю.)

Исполни мой приказъ.

ДЮ-ШАТЕЛЬ (на колѣняхъ).

О государь!

КОРОЛЬ.

Ни слова! рѣшено, поди.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Нѣтъ! нѣтъ!
Склонись на миръ съ Филиппомъ, государь;
Другого нѣтъ спасенья для тебя.

КОРОЛЬ.

Какой совѣтъ!.. Но развѣ ты забылъ,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее носилъ въ сраженье... нынѣ
Я за тебя жъ несу ее на плаху.
Иного средства нѣтъ; предай меня
На произволъ неумолимой злобы;
Пускай вражда въ моей крови потухнетъ.

КОРОЛЬ (съ горестью).

Какъ! до того ль дошло?.. Мои друзья,
Которымъ вся душа моя открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираютъ!
Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

О нѣтъ!..

КОРОЛЬ.

Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять—
Я не спасусь погибелію друга...
Исполни то, что я велѣлъ, иди;
Чтобъ на суда немедленно грузились.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Иду.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОРОЛЬ, АГНЕСА.

КОРОЛЬ.

Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой.

АГНЕСА.

Какой должна я страшный встрѣтить день!
Король итти въ изгнанье осужденъ;
Семейный домъ покинуть долженъ сынъ,
И съ милою разстаться колыбелью...
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вѣчно не увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ; ЛЯ-ГИРЪ.

АГНЕСА.

Ля-Гиръ, ты здѣсь? А Дюнуа? (Смотритъ на него пристально.)

Но что?
Сверкаетъ взоръ твой... говори, Ля-Гиръ,
Иль новая бѣда?

ЛЯ-ГИРЪ.

Бѣды прошли:
Намъ небеса опять благопріятны.

АГНЕСА.

Возможно ль? Какъ?

ЛЯ-ГИРЪ (королю).

Скорѣе орлеанскихъ
Чиновниковъ вели позвать.

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ?

ЛЯ-ГИРЪ.

Судьба войны на нашей сторонѣ:
Дано сраженіе; мы побѣдили.

КОРОЛЬ.

Ля-Гиръ, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный.

ЛЯ-ГИРЪ.

Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.
Но вотъ идетъ архіепископъ; съ нимъ
И Дюнуа.

АГНЕСА.

О сладкій цвѣтъ побѣды!
Какъ скоро плодъ небесный онъ приноситъ:
Согласіе и миръ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ; АРХІЕПИСКОПЪ, ДЮНУА, РАУЛЬ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Графъ, государь,
Забудьте гнѣвъ, другъ-другу дайте руку;
Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Всевышній.
(Король и Дюнуа обнимаются.)

КОРОЛЬ.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
Я вѣрю вамъ и вѣрить вамъ страшусь:
Когда и какъ столь быстро перемѣна
Чудесная свершилась?

АРХІЕПИСКОПЪ (Раулю).

Говори.

РАУЛЬ.

Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводи-
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулёра. [тель
Но только мы достигли Фермантонскихъ
Высотъ и въ долъ, Іонной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ... возвратный путь захваченъ;
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица; яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилося,
Когда она, приблизившись, сказала:
„Что медлите, французы? На врага!
Будь онъ морскихъ песковъ неисчислимѣй—
За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!“
И вмигъ она изъ рукъ знаменоносца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страш-
Величіи пошла передъ рядами. [номъ
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотритъ
Очами онъ на гибельное чудо...
И вдругъ—какъ-будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжитъ,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось·
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчат-
И то была не битва, но убійство; [ся...
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло.
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши всѣ остались невредимы.

КОРОЛЬ.

Неслыхано! чудесно!

АГНЕСА.

Кто она?

РАУЛЬ.

Одинъ король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и обѣщаетъ

До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.
(Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою.)
Вы слышите... шумитъ народъ... Она!

КОРОЛЬ (къ Дю-Шателю.)

Введи ее сюда. (Архіепископу).
Но что мнѣ думать?
Побѣда намъ отъ дѣвы... и когда же?
Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.
Естественно ль? И гдѣ законъ природы?
Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ чуду?

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

КОРОЛЬ.

Идетъ. (Къ Дюнуа.)
Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано всезнанье—
Она сама откроетъ короля.

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе, Іоанна, за нею чиновники Орлеанскіе и множество рыцарей, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

ДЮНУА (съ важностію).

Ты ль, дивная...

ІОАННА (прерываетъ его величественно).

Ты Бога испытуешь;
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.
(Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены.)

КОРОЛЬ.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

ІОАННА.

Я видѣла тебя... но только тамъ,
Гдѣ ты никѣмъ не зримъ былъ, кромѣ Бога.
(Приближается и говоритъ таинственно.)
Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ—не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ вытти... я твою молитву
Тебѣ скажу.

КОРОЛЬ.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну—
Тогда твое признаю назначенье.

ІОАННА.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы:
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній—
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

КОРОЛЬ (отступая съ трепетомъ).

Но кто же ты, чудесная?.. Откуда?..
(Всѣ въ изумленіи.)

ІОАННА.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои
Вѣнчанные владѣли въ сей землѣ—
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.
(Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ.)
Скажу ль твою послѣднюю молитву?

КОРОЛЬ.

Довольно; вѣрую: сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Откройся жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

ІОАННА.

Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Туля;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,

Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропавшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
„Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми мое святое знамя, мечъ
Мой опояшь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа моего,
И проведи помазанника въ Реймсъ,
И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ".
Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ гибельный такой дерзать?
„Дерзай—она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ".
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ; исполнено все небо
Сіяющихъ крылатыхъ серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: „Встань,
Господь тебя къ иному призываетъ".
Но въ третью ночь она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
„Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
Въ страданіи земное очищенье;
Смиренный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ".
И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.
(Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками.)

АРХІЕПИСКОПЪ (по долгомъ молчаніи).

Должно молчать передъ глаголомъ неба
Сомнѣніе премудрости земной:
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель;
Единый Богъ подобное творитъ.

КОРОЛЬ.

Достоинъ ли я милости такой?
Всевидящій, необольстимый, ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

ІОАННА.

Покорности всегда Господь доступенъ;
Смирился ты—тебя онъ возвеличилъ.

КОРОЛЬ.

Итакъ, съ врагомъ могу еще бороться?

ІОАННА.

Я Францію во власть твою предамъ.

КОРОЛЬ.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

ІОАННА.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

КОРОЛЬ.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

ІОАННА.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу.
(Всѣ предстоящіе рыцари, показывая мужество, гремятъ копьями и щитами.)

ДЮНУА.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ; слѣпо
За дивною мы бросимся вослѣдъ.
Намъ вождь—ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ—этотъ мечъ.

ЛЯ-ГИРЪ.

Будь міръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ
съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;
Мы рады въ бой. Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ.

КОРОЛЬ.

Такъ, я тебѣ свое ввѣряю войско;
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы;
Покинутый строптивымъ полководцемъ—
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

ІОАННА.

Постой, дофинъ;
Орудіе могущества земного
Не совершитъ побѣды. Мечъ другой,
Предызбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

КОРОЛЬ.

Гдѣ?

ІОАННА.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество наброеано оружій—
Военная добыча древнихъ лѣтъ—
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лилеи золотыя
Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

КОРОЛЬ.

Немедленно исполнить, Дю-Шатель.

ІОАННА.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой,
Изобразить на немъ святую Дѣву
Съ Спасителемъ-младенцемъ на рукахъ,
И подъ ея стопами шаръ земной:
Въ ея рукѣ такое было знамя.

КОРОЛЬ.

Исполню все.

ІОАННА (къ архіепископу).

Святой архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови. (Становится на колѣни.)

АРХІЕПИСКОПЪ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ
Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

ПАЖЪ.

Герольдъ отъ графа Салисбюри.

ІОАННА.

Введи! Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ; ГЕРОЛЬДЪ.

КОРОЛЬ.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою вѣстью?

ГЕРОЛЬДЪ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

ДЮНУА.

Презрительный ругатель, какъ дерзаешь
Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь на его землѣ не признавать?
Твой санъ тебѣ защита; безъ того...

ГЕРОЛЬДЪ.

Одинъ король законный у французовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британскомъ станѣ.

КОРОЛЬ (къ Дюнуа).

Спокойся, другъ... доканчивай, герольдъ!

ГЕРОЛЬДЪ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ;
И гибнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

КОРОЛЬ.

Въ какой?

ІОАННА.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

КОРОЛЬ.

Говори.
Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

ІОАННА.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоемъ лицѣ?

ГЕРОЛЬДЪ.

Графъ Салисбюри, вождь британцевъ.

ІОАННА.

Лжешь,
Герольдъ, одни живые говорятъ;
Итакъ, твой вождь здѣсь говорить не можетъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Но вождь мой живъ—и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

ІОАННА.

Вчера былъ живъ—а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Лятурнель.
Смѣешься ты моей чудесной вѣсти:
Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ, герольдъ.
Ты, въ лагерь свой вступая, будешь встрѣченъ
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: въ чемъ ваше предложенье?

ГЕРОЛЬДЪ.

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

ІОАННА.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова британскимъ полководцамъ:
Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предызбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ иль гибель, выбирайте!
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ
Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ,
Любовію народа окруженный...
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ;
Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
Достигнешь ты—ужъ дѣва будетъ тамъ,
Съ кровавою свободой Орлеана.

(Уходитъ; всѣ за нею.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

ТАЛЬБОТЪ, ЛІОНЕЛЬ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ФАСТОЛЬФЪ, ШАТИЛЬОНЪ, СОЛДАТЫ.

ТАЛЬБОТЪ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
Разбить шатры; здѣсь мѣсто безопасно;
Сюда сберемъ скорѣе бѣглецовъ,
Разстроенныхъ внезапностью и страхомъ.
По высотамъ разставить стражу. Правда,
Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
Хотя бъ они имѣли крылья—намъ
Нельзя теперь бояться нападенья:
Но все нужна предосторожность; врагъ
Успѣхомъ ободрёнъ, а мы разбиты.

(Фастольфъ уходитъ съ солдатами.)

ЛІОНЕЛЬ

Разбиты!.. мы!.. невѣрная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтобъ французъ
Торжествовалъ и насъ бѣгущихъ видѣлъ...
О, Орлеанъ, могила нашей славы,
Честь Англіи погибла предъ тобой!
Постыдное, презрительное бѣгство!
Повѣрятъ ли грядущія лѣта,
Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель
При Пуатье, Креки и Азинкурѣ!

ГЕРЦОГЪ.

Утѣшимся; не силой человѣка
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, силой нашего безумства... Герцогъ,
Ужель и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суевѣріе не оправданье
Для робкихъ; первый ты бѣжалъ съ твоими.

ГЕРЦОГЪ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились съ воплемъ:
„Пропали! адъ за Францію воюетъ!“
И не тогда ль смятенье стало общимъ?

ЛІОНЕЛЬ.

Вы первые бѣжали, это правда.

ГЕРЦОГЪ.

На первыхъ насъ ударилъ непріятель.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,
Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

ГЕРЦОГЪ.

Какъ?.. Я ль одинъ виною пораженья?

ЛІОНЕЛЬ.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана
Не потерять намъ...

ГЕРЦОГЪ.

Такъ! но потому,
Что вы безъ насъ его бъ и не видали.
Кто вамъ открылъ во Францію дорогу?
Кто руку вамъ защитную простёръ
При выходѣ на брегъ враждебно-чуждый?
Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижѣ коронованъ?
Кто покорилъ ему сердца французовъ?
Не будь моя могущая рука
Вожатый вашъ—вы дыма бъ не видали,
Встающаго вдали съ французской кровли.

ЛІОНЕЛЬ.

Такъ! будь въ словахъ напыщенныхъ побѣда—
Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

ГЕРЦОГЪ.

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы
На вѣрнаго союзника пролить.
Но кто жъ у васъ похитилъ Орлеанъ?
Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться—
Кто помѣшалъ?.. Корысть и зависть ваша.

ТАЛЬБОТЪ.

Не для тебя его мы осаждали.

ГЕРЦОГЪ.

Уйди я съ войскомъ... что бъ тогда вы были?

ЛІОНЕЛЬ.

Все то жъ, что въ день побѣды Азинкурской,
Когда съ тобой и съ Франціей одни
Мы сладили.

ГЕРЦОГЪ.

Но цѣну дорогую
За мой союзъ регéнтъ вашъ заплатилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дороже:
Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

ГЕРЦОГЪ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
За тѣмъ ли я отечества отрекся,
И на себя навлекъ позоръ измѣны,
Чтобы сносить ругательства пришельцевъ?
Зачѣмъ я здѣсь? За что сражаюсь съ Карломъ?
Когда служить неблагодарнымъ должно—
Вѣрнѣй служить родному королю.

ТАЛЬБОТЪ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ
Уже вступилъ... но вѣрь, что отъ измѣны
Себя мы защитимъ.

ГЕРЦОГЪ.

Великій Боже,
Что слышать мнѣ досталось?.. Шатильонъ,
Собрать полки! сейчасъ отступимъ!..
(Шатильонъ уходитъ.)

ЛІОНЕЛЬ.

Съ Богомъ!
Британія всегда торжествовала,
Когда ея надежный мечъ одинъ
Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
Всякъ за себя сражайся; кровь француза
Съ британскою не породнится кровью.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ; КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА.

КОРОЛЕВА.

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный духъ васъ обуялъ!
Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
Постыдную накличете погибель.
Въ согласіи теперь спасенье наше...
Останови полки свои, Филиппъ;
А ты, Тальботъ достойно-славный, руку
Въ знакъ мира дай обиженному другу...
Тебя зову на помощь, Ліонель,
Скажи вождямъ мирительное слово.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, я молчу! мнѣ все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вмѣстѣ.

КОРОЛЕВА.

Ужель и здѣсь владычествуетъ адъ,
Столь гибельно смутившій насъ въ сраженьи?
Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?
Но что начнешь, союзъ его отринувъ?
Не имъ ли вашъ король на тронѣ нашемъ?
Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай нахлынетъ вся
Британія на наши берега—
Не побѣдитъ, когда согласны будемъ:
Лишь Франція для Франціи опасна.

ТАЛЬБОТЪ.

Союзника надёжнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

ГЕРЦОГЪ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

КОРОЛЕВА.

Какъ, герцогъ, ты ль забудешь честь, и руку
Подашь рукѣ, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?
Безуміе повѣрить, чтобъ дофинъ,
Къ погибели тобою приведенный,
Тебѣ свой стыдъ простить отъ сердца могъ,
Надъ бездной онъ, и пасть въ нее готовъ...
Ты ль самъ свое творенье уничтожишь?
Здѣсь, здѣсь твои друзья; въ союзѣ тѣсномъ
Съ Британіей спасеніе твое.

ГЕРЦОГЪ.

О мирѣ я съ дофиномъ и не мыслилъ;
Но какъ молчать?.. Могу ль снести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

КОРОЛЕВА.

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбенъ вождь: побѣдой онъ обманутъ;
Въ несчастіи мы всѣ несправедливы;
Спѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

ТАЛЬБОТЪ.

Что скажешь, герцогъ? Кто душою правъ,
Тому легко покорствовать разсудку;

Я убѣжденъ совѣтомъ королевы,
Забудь мои поспѣшныя слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

ГЕРЦОГЪ.

Согласенъ, вотъ рука; необходимость
Велитъ мнѣ гнѣвъ правдивый укротить.
(Даютъ другъ-другу руки.)

ЛІОНЕЛЬ (смотря на нихъ, про-себя).

Надеженъ миръ, подписанный мегерой!

КОРОЛЕВА.

Въ сраженьи мы разбиты, полководцы,
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразитъ ли неуспѣхъ? Пускай дофинъ,
Отчаяся въ защитѣ неба, адъ
Въ сообщники зоветъ... напрасно губитъ
Онъ душу; адъ его не защититъ.
Будь дѣва ихъ вождемъ побѣдоноснымъ—
За васъ его разгнѣванная мать.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться; намъ не нужно женщинъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, признаюсь, съ тѣхъ поръ какъ въ станѣ [вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Подите; вамъ при войскѣ быть не должно;
На васъ глядитъ неблагосклонно ратникъ.

КОРОЛЕВА (смотря на каждаго съ изумленіемъ.)

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, присталъ ругаться надо мной!

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ, королева, рать теряетъ бодрость;
Противно ей за васъ итти въ сраженье.

КОРОЛЕВА.

Возможно ль? Васъ едва я примирила—
И вы меня согласны ужъ отречься.
Но знать хочу, въ союзѣ мы иль нѣтъ?
Не за одно ль сражаемся мы дѣло?

ТАЛЬБОТЪ.

Не за одно; мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

ГЕРЦОГЪ.

Я за отца убійцамъ отомщаю;
Сыновній долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Но, признаюсь, поступки ваши съ сыномъ
И человѣчеству и божеству
Противны.

КОРОЛЕВА.

Проклятъ будь онъ въ чадахъ чадъ;
Надъ матерью своею онъ ругался.

ГЕРЦОГЪ.

Онъ мстилъ за честь супруга и отца.

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній;
Онъ мать свою на ссылку осудилъ.
Мнѣ, мнѣ, его простить? Скорѣй погибну—
Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ наслѣдный.

ТАЛЬБОТЪ.

Вы честь свою готовы посрамить.

КОРОЛЕВА.

Не знаете вы, слабыя сердца,
Что чувствуетъ обиженная мать.
Безъ мѣры я люблю и ненавижу;
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ—и будь онъ [сынъ—
Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.
Когда онъ грудь, питавшую его,
Дерзнулъ пронзить въ богоотступной злобѣ:
Сама своей рукою истреблю
Я бытіе, дарованное мною.
Но вы за что ведете съ нимъ войну?
На тронъ его какое ваше право?
Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ
Онъ на себя навлекъ гоненье ваше?
О нѣтъ! корысть иль зависть вашъ законъ.
Но мнѣ онъ сынъ—властна я ненавидѣть.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, мать свою по мщенью знаетъ онъ.

КОРОЛЕВА.

Ругатели презрѣнные, не вамъ
Правдивый свѣтъ коварствомъ обмануть.
На Францію разбойнически руку
Простерли вы, британцы, но по праву
Здѣсь шагу нѣтъ земли подвластной вамъ;
Вы хищники. А ты, бургундскій герцогъ,
Ты, обезславленный прозваньемъ: Добрый,
Не ты ль врагамъ отчизну продалъ?
Не ты ль отцовъ наслѣдіе пришельцу,
Грабителю отдалъ на разграбленье?
А все твердитъ языкъ вашъ: справедливость.
О, лицемѣры, васъ я презираю.
На мнѣ личины нѣтъ; съ лицомъ открытымъ
Иду на судъ; пусть судитъ свѣтъ... Простите!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАЛЬБОТЪ, ГЕРЦОГЪ, ЛІОНЕЛЬ.

ТАЛЬБОТЪ.

Вотъ женщина!..

ЛІОНЕЛЬ.

Что дѣлать, полководцы?
Все ль отступать, иль, быстро обратившись,
Рѣшительнымъ ударомъ истребить
Безславіе послѣдняго сраженья.

ГЕРЦОГЪ.

Мы слабы; всѣ разстроены полки;
И ратникомъ владычествуетъ ужасъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Насъ побѣдилъ слѣпой, минутный страхъ—
Незапное могущество мгновенья;
Но робкаго воображенья призракъ
Исчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи;
И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство, и стать
Въ лицо врагу.

ГЕРЦОГЪ.

Подумайте.

ЛІОНЕЛЬ.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? Минута драгоцѣнна;
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшитъ навѣкъ: безчестье или честь.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ рѣшено, и завтра мы сразимся,
Чтобъ истребить мечту, передъ которой
Все наше войско въ страхѣ цѣпенѣетъ.
Увидимъ мы: Тальботова меча
Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
Когда со мною выйдетъ въ бой—
Тогда однимъ все кончено ударомъ;
Когда же нѣтъ (и, вѣрьте, не посмѣетъ),
Тогда и страхъ волшебный истребленъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выйти въ поединокъ.
Не обнаживъ меча, ее живую
Въ виду всего ихъ войска принесу
Въ британскій станъ.

ГЕРЦОГЪ.

Не слишкомъ на себя
Надѣйся, Ліонель.

ТАЛЬБОТЪ.

Сведи насъ Богъ—
Ее ласкать моя рука не станетъ.
Теперь пойдемъ; истраченныя силы
Возобновимъ минутою покоя;
Но только день займется—на сраженье.
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Темная ночь. Вдали показывается Іоанна въ шлемѣ, въ панцырѣ; остальная одежда женская; въ рукахъ ея знамя. За нею Дюнуа, Ля-Гиръ, множество рыцарей и солдатъ. Они сперва являются на высотахъ, осторожно пробираются между утесами, потомъ сходятъ на сцену.

ІОАННА (окружающимъ ея рыцарямъ).

(Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ, наконецъ, всю глубину театра.)

Мы стражу обошли—и вотъ ихъ лагерь;
Намъ мракъ не измѣнилъ; теперь пора
Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи;
Пусть въ ужасѣ погибельную близость
Узнаетъ нашу врагъ... Ударьте разомъ,
Воскликнувъ: Богъ и Дѣва!

СОЛДАТЫ (гремя оружіемъ).

Богъ и Дѣва!

СТРАЖИ (за сценою).

Къ оружію!..

ІОАННА.

Огня! зажечь шатры!
Пускай пожаръ удвоитъ ихъ тревогу!
Извлечь мечи! рубить и истреблять!

(Всѣ солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену; Іоанна хочетъ за ними слѣдовать.)

ДЮНУА (удерживая ее).

Іоанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала—
Довольна будь, отъ боя удались,
И намъ оставь кровавую расправу.

ЛЯ-ГИРЪ.

Такъ, пролагай для войска путь побѣды,
Неси предъ нимъ святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся,
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ Богъ сраженій:
Обманчивъ онъ, и слѣпъ, и безпощаденъ.

ІОАННА.

Кто путь мнѣ заградитъ? Кто остановитъ
Мой властвующій духъ?.. Лети стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ должна Іоанна быть;
Не въ этотъ часъ, не здѣсь она падетъ,
Ей короля въ коронѣ видѣть должно;
Доколь она всего не совершила—
Ея главы не тронетъ вражья сила. (Уходитъ.)

ЛЯ-ГИРЪ.

Другъ Дюнуа, пойдемъ за ней; пусть будетъ
Ей наша грудь защитой. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ. V.

Англійскіе солдаты бѣгутъ черезъ сцену, потомъ Тальботъ.

ОДИНЪ СОЛДАТЪ.

Дѣва! Дѣва!

ДРУГОЙ.

Кто?

ПЕРВЫЙ.

Дѣва въ лагерѣ!

ДРУГОЙ.

Не можетъ быть!
Какъ въ лагерь ей зайти?

ТРЕТІЙ.

На облакахъ
Примчалась, съ ней всѣ бѣсы заодно!

(Множество бѣжитъ черезъ сцену.)

Спасайтеся!.. бѣгите!.. все пропало!

ТАЛЬБОТЪ (за ними).

Куда вы?.. Стой!.. Не видятъ и не слышатъ.
Разрушена покорность, страхъ бунтуетъ:
Какъ-будто адъ всѣ ужасы свои
Наслалъ на насъ, и вдругъ одно безумство
Постигло всѣхъ; и робкій и безстрашный
Бѣгутъ; врагу отпора нѣтъ; весь лагерь
Внезапная погибель обхватила.
Ужель во мнѣ одномъ осталась память,
А все вокругъ меня въ чаду безумства?
Итакъ, опять бѣжать отъ малодушныхъ,
Во всѣхъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами!..
Но кто жъ сія владычица судьбы,
Ужасная рѣшительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный духъ, и силу малодушнымъ?..
Обманщица ль подъ маскою геройства [детъ,
Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ приве-
И женщина ль—о вѣчный стыдъ!—исторг-
Изъ рукъ моихъ награду славы? [нетъ

СОЛДАТЪ (бѣжитъ черезъ сцену).

Дѣва!
Бѣги! бѣги! спасайся, полководецъ!

ТАЛЬБОТЪ (гонится за нимъ съ мечомъ и убиваетъ его).

Безумецъ! вотъ тебѣ мое спасенье!
Никто не смѣй о бѣгствѣ поминать! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сцена открывается. На высотахъ виденъ пылающій англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Черезъ нѣсколько времени является Монгомери.

МОНГОМЕРИ.

Куда бѣжать?.. Кругомъ враги, вездѣ погибель!
Тамъ вождь разгнѣванный, карающимъ мечомъ
Дорогу заслонивъ, навстрѣчу смерти гонитъ;
А здѣсь ужасная... повсюду, какъ пожаръ
Губительный, она свирѣпствуетъ... И нѣтъ
Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.
Зачѣмъ переплывалъ я море?.. Бѣдный! бѣд-
Обманутый любимою мечтой, я здѣсь [ный!
Искалъ въ бою прекрасной славы... что жъ
Моей судьбы неодолимая рука [нашелъ?
Меня въ сей бой на гибель привела... Почто
Не на брегу моей Саверны я теперь,
Въ дому родительскомъ, гдѣ матерь я покинулъ
Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?

(Іоанна является вдали на утесѣ, освѣщенная пламенемъ пожара.)

О страхъ!.. Что вижу я?.. Ужасная идетъ;
Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
Она какъ мрачное страшилище изъ ада...
Куда спасусь?.. За мною огненныя очи
Ужъ погнались; уже бросаетъ на меня
Издалека неизбѣжимыхъ взоровъ сѣть;
Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
Опуталъ ноги: я прикованъ къ мѣсту, силы
Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ—хоть вся душа
Противится — смотрѣть на смертоносный образъ.

(Іоанна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять останавливается.)

Подходитъ... Буду ль ждать, чтобъ грозная ко
Приблизилась?.. Моля о жизни, обниму [мнѣ
Ея колѣна; можетъ-быть, смягчу;
Въ ней сердце женщины; слезамъ она доступна.

(Хочетъ итти къ ней навстрѣчу; Іоанна быстрыми шагами къ нему подступаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

МОНГОМЕРИ, ІОАННА.

ІОАННА.

Стой! ты погибъ; британка жизнь тебѣ дала.

МОНГОМЕРИ (падаетъ предъ нею на колѣни).

Помедли, грозная; не опускай руки
На беззащитнаго; я бросилъ мечъ и щитъ;
Я предъ тобою обезоруженный, въ слезахъ;
Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни; мой отецъ
Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ
Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ лугамъ
Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много нивъ
Обильныхъ у него; и злато и сребро
Онъ дастъ, чтобъ выкупить единственнаго сына,
Когда къ нему дойдетъ молва его неволи.

ІОАННА.

Обманутый, погибшій, въ руку дѣвы ты
Въ неумолимую достался; изъ пея

Ни избавленія, ни выкупа ужъ нѣтъ;
Когда бъ у крокодила ты во власти былъ,
Когда бъ ты трепеталъ подъ тяжкой лапой тигра,
Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ—
Тебѣ осталась бы надежда на пощаду.
Но встрѣча съ дѣвою смертельна... Я вступила
Съ могуществомъ нездѣшнимъ, строгимъ, недоступнымъ
Навѣкъ въ связующій ужасно договоръ:
Все умерщвлять мечомъ, что мнѣ сраженій Богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

МОНГОМЕРИ.

Ужасна рѣчь твоя, но взоръ твой ясно-тихъ;
И, зримая вблизи, уже ты нестрашна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый, кроткій ликъ...
Ахъ! женской прелестью и нѣжностью твоей
Молю тебя: смягчись надъ младостью моею.

ІОАННА.

Не уповай на нѣжный полъ мой; не зови
Меня ты женщиной... Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, не знающимъ земного сочетанья,
Не пріобщаюсь я породѣ человѣка. [нѣтъ.
Престань молить... подъ этой броней сердца

МОНГОМЕРИ.

Душевластительнымъ, святымъ любви зако-
Передъ которымъ все смиряется, молю: [номъ,
Смягчись; на родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ цвѣтѣ жизни;
И ждетъ она возврата моего въ печали.
О, если ты сама любовь знавала, если
Ждешь счастья отъ любви—не разрывай жестоко
Двухъ сочетавшихся любовію сердецъ.

ІОАННА.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и чуждыхъ,
Не чтимыхъ мной и мной отверженныхъ; вотще
Зовешь любовь, не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять—твой часъ насталъ.

МОНГОМЕРИ.

Увы! смягчись моихъ родителей судьбою;
Они ждутъ сына... о своихъ ты вспомни, вѣрно,
И день и ночь они тоскуютъ по тебѣ.

ІОАННА.

Несчастный! ты жъ родителей напомнилъ мнѣ.
Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ матерей!
И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣстъ,
Безбрачно овдовѣвшихъ!.. Пусть теперь узнаютъ
И матери британскія, какъ тяжко тратить
Надежду жизни, милыхъ чадъ! пусть ваши вдовы
Поймутъ, что значитъ скорбь по милыхъ невозвратныхъ!

МОНГОМЕРИ.

Увы! погибну ли на чужѣ, не оплаканъ?

ІОАННА.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю — истреблять
Цвѣтущее богатство нивъ, насъ изъ домовъ
Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
Вносить въ спокойное святилище градовъ?..
Мечтали вы, въ надменности души своей,
Свободно-дышущимъ французамъ дать неволю,
И Францію великую, какъ челнъ покорный,
Пустить вослѣдъ за вашимъ гордымъ кораблемъ...
О вы, безумцы! нашъ державный гербъ прибить
Къ престолу Бога; легче вамъ сорвать звѣзду
Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
У Франціи нераздѣлимо-вѣчной... Часъ
Возмездія ударилъ; ни одинъ живой
Не проплыветъ въ обратный путь святого моря,
Сей грани, божествомъ уставленной межъ нами,
Которую безумно вы переступили.

МОНГОМЕРИ (опускаетъ ея руку).

Итакъ, погибнуть, смерть ужасную увидѣть?..

ІОАННА.

Умри, другъ... и зачѣмъ такъ робко трепетать
Предъ смертію, предъ неизбѣжною... Смотри,
Кто я? Простая дѣва; бѣдною пастушкой
Родилась я; и мечь былъ чуждъ моей рукѣ,
Привыкнувшей носить невинно-легкій посохъ...
Но вдругъ, отъятая отъ пажитей домашнихъ,
Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
Я здѣсь должна... д о л ж н а—не выборъ сердца, голосъ
Небесъ меня влечетъ—на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить,
Носить повсюду смерть, потомъ... быть жертвой смерти.

И не взойдетъ мнѣ день свиданія съ семьею;
Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
И много сотворю вдовицъ; но, наконецъ,
Сама погибну... и свершу свою судьбу.
Сверши жъ свою и ты... берись за бодрый
мечъ,
И бой начнемъ за милую добычу жизни.

МОНГОМЕРИ (встаетъ).

Итакъ, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, какъ и мы, — сразимся; мнѣ,
быть-можетъ,
За Англію назначено тебѣ отмстить.
Я жребій свой кладу въ святую руку Бога;
А ты, призвавъ на помощь весь твой страш-
ный адъ,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

(Схватываетъ мечъ и щитъ и нападаетъ на нее. Вдали раздается военная музыка. Черезъ нѣсколько минутъ Монгомери падаетъ.)

ІОАННА.

Твой рокъ привелъ тебя ко мнѣ... прости,
несчастный!
(Отходитъ отъ него и останавливается въ размышленіи.)
О Благодатная! что Ты творишь со мною?
Ты невоинственной рукѣ даруешь силу;
Неумолимостью вооружаешь сердце;
Тѣснится жалость въ душу мнѣ; рука, гото-
Сразить живущее созданіе, трепещетъ, [вясь
Какъ-будто храмъ божественный ниспровер-
гая;
Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ стра-
шенъ...
Но только повелитъ мой долгъ—готова сила;
И неизбѣжный мечъ, какъ нѣкій духъ живой,
Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІОАННА, РЫЦАРЬ СЪ ОПУЩЕННЫМЪ ЗАБРАЛОМЪ.

РЫЦАРЬ.

Ты здѣсь, отступница?.. Твой часъ ударилъ;
Тебя давно ищу на полѣ ратномъ;
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; въ адъ сокройся, призракъ адскій.

ІОАННА.

Кто ты?.. Тебя послалъ не добрый ангелъ
Навстрѣчу мнѣ... по виду, не простой
Ты ратникъ; мнится мнѣ, ты не британецъ;
Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
И мечъ мой самъ склонился предъ тобою.

РЫЦАРЬ.

Проклятая! не княжеской рукѣ
Тебя бы поразить; подъ топоромъ
Презрѣннымъ палача должна бы ты
На плахѣ умереть—не съ честью пасть
Подъ герцогскимъ Бургундіи мечомъ.

ІОАННА.

Итакъ, ты самъ державный этотъ герцогъ?

РЫЦАРЬ (поднимая забрало).

Я!.. Трепещи, конецъ твой наступилъ;
Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство;
Лишь робкихъ ты досель одолѣвала—
Мужъ твердый ждетъ тебя...

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ; ДЮНУА, ЛЯ-ГИРЪ.

ДЮНУА.

Постой, Филиппъ;
Не съ дѣвами, но съ рыцарями бейся.

ЛЯ-ГИРЪ.

Мы защищать пророчицу клялися; [мечъ.
Намъ прежде грудь пронзить твой долженъ

ГЕРЦОГЪ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,
Ни васъ рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.
Стыдися, Дюнуа; краснѣй, Ля-Гиръ;
Унизили вы рыцарскую храбрость:
Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ
Отступницы коварной промѣняли...
Я жду васъ, бьемся... Тотъ въ защитѣ Бога
Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.
(Обнажаютъ мечи.)

ІОАННА (становится между ними).

Стой!

ГЕРЦОГЪ.

Прочь!

ІОАННА.

Ля-Гиръ, останови ихъ. Нѣтъ!
Не должно здѣсь французской литься крови
И не мечомъ рѣшить сей споръ; иное
На небесахъ назначено; я говорю,
Остановитесь; мнѣ внемлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мнѣ.

ДЮНУА.

Зачѣмъ ты мой удерживаешь мечъ?
Онъ дать готовъ кровавое рѣшенье;
Готовъ упасть карательный ударъ,
Отмщающій отечества обиду.

ІОАННА.

Ни слова, Дюнуа... Ля-Гиръ, умолкни.
Я съ герцогомъ бургундскимъ говорю.
(Всѣ молчатъ.)
Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
Ты обнажилъ убійства жадный мечъ?
Сей Дюнуа—сынъ Франціи, какъ ты;
Сей храбрый—твой землякъ и сослуживецъ;

И я сама—твоей отчизны дочь;
Всѣ мы, которыхъ ты обрекъ на гибель,
Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
Принять въ объятія, склонить колѣна
Передъ тобой почтительно желаемъ
И для тебя нашъ мечъ безъ острея.
Въ твоемъ лицѣ, подъ самымъ вражьимъ
шлемомъ,
Мы зримъ черты любимаго монарха.

ГЕРЦОГЪ.

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкорѣчивой мыслишь;
Но не меня тебѣ поймать; мой слухъ
Обороненъ отъ сѣти словъ коварныхъ;
Твоихъ очей пылающія стрѣлы
Отъ твердыхъ латъ души моей отпрянутъ.
Что медлишь, Дюнуа?.. Сразимся; биться
Оружіемъ должны мы, не словами.

ДЮНУА.

Сперва слова, потомъ удары; стыдно
Бояться словъ; не та же ль это робость,
Свидѣтельство неправды?

ІОАННА.

Насъ не крайность
Влечетъ къ твоимъ стопамъ, и не пощады
Съ покорностью мы просимъ... оглянись!
Британскій станъ лежитъ въ кровавомъ
И поле все покрыли ваши трупы; [пеплѣ,
Ты всюду громъ трубы французской вне-
Всевышній произнесъ: побѣда наша! [млешь..
Но лаврами прекраснаго вѣнца
Съ тобою мы готовы подѣлиться...
О, возвратись! врагъ милый, перейди
Туда, гдѣ честь, гдѣ правда и побѣда.
Небесъ посланница, сама я руку
Тебѣ даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь въ святое наше братство:
Господь за насъ! всѣ ангелы его—
Ты ихъ не зришь—за Францію воюютъ;
Лилеями увѣнчаны они;
И бѣлизнѣ сей чистой орифламмы
Подобится святое наше дѣло;
Его символъ: божественная Дѣва.

ГЕРЦОГЪ.

Прельстительны слова коварной лжи,
Ея жъ языкъ—простой языкъ младенца;
И адскій духъ, вселившійся въ нее,
Невинности небесной подражаетъ.
Нѣтъ! страшно ей внимать... Къ мечу! Мой
Я чувствую, слабѣй моей руки. [слухъ,

ІОАННА.

Ты мнишь, что я волшебница, что адъ
Союзникъ мой... но развѣ миротворство,
Прощеніе обидъ, есть дѣло ада?
Согласіе ль изъ тьмы его исходитъ?
Что жъ человѣчески-прекраснѣй, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама съ собой природа въ спорѣ, небо
Съ неправой стороны и адъ за правду?
Когда же то, что я сказала, свято—
Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?
Кто могъ сойти ко мнѣ, въ мою долину,
Чтобы душѣ неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я предъ лицомъ монарховъ не бывала,
Языкъ мой чуждъ искусству словъ...но что же?
Теперь тебя должна я убѣдить—
И умъ мой свѣтелъ, зрю дѣла земныя;
Судьба державъ, народовъ и царей
Ясна душѣ младенческой моей;
Мои слова, какъ стрѣлы громовыя.

ГЕРЦОГЪ (смотритъ на нее съ изумленіемъ).

Что я? и что со мной?.. Какая сила
Мой смутный духъ внезапно усмирила?..
Обманчивъ ли сей трогательный видъ?
Нѣтъ? чувствую, не адскій обольститель
Меня влечетъ, мнѣ сердце говоритъ:
Съ ней Богъ, она небесъ благовѣститель.

ІОАННА.

Онъ тронутъ... такъ, онъ тронутъ, не напрасно
Молила я... лицо его безгнѣвно!
Его глаза миролюбиво-ясны...
Скорѣй... покинуть мечъ... и сердце къ
сердцу!
Онъ плачетъ!.. онъ смиряется!.. онъ нашъ!

(И мечъ и знамя выпадаютъ изъ рукъ ея; она бѣжитъ къ герцогу и обнимаетъ его въ сильномъ движеніи; Ля-Гиръ и Дюнуа бросаютъ мечи и стремятся въ объятія герцога).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дворецъ короля Карла въ Шалонѣ-на-Марнѣ.

ДЮНУА, ЛЯ-ГИРЪ.

ДЮНУА.

Мы вѣрные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дѣло,
Бѣды и смерть дѣлили дружно мы.
Ужель теперь любовь насъ разлучитъ,
Превратною судьбой неразлученныхъ?

ЛЯ-ГИРЪ.

Принцъ, выслушай.

ДЮНУА.

Ля-Гиръ, ты любишь дѣву,
И тайный твой мнѣ замыселъ извѣстенъ.
Я знаю, ты пришелъ сюда просить

У короля Іоаннниой руки.
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей
Онъ отказалъ въ наградѣ заслуженной;
Но знай, Ля-Гиръ, чтобъ ею обладать,
Сперва со мной...

ЛЯ-ГИРЪ.

Спокойся, Дюнуа.

ДЮНУА.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юноша кипящій, очарованъ;
Любви моя упорная душа
До встрѣчи съ сей чудесною не знала;
Но здѣсь она, предызбранная Богомъ
Избавить Францію,—моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могучій мужъ могучую подругу
Сопутникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.

ЛЯ-ГИРЪ.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить;
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отступи.
Но вспомни, кто она? Дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?
Кто твой отецъ? И съ кровью королей
Смѣшается ль простая кровь пастушки?

ДЮНУА.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы саномъ.
И принцу ли безславно руку дать
Ей, ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блистательнѣй земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;
Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею всѣ величія земли;
Поставьте тронъ на тронъ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь... но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоитъ
Намъ въ ангельскомъ величествѣ она.

ЛЯ-ГИРЪ.

Пускай рѣшитъ король.

ДЮНУА.

Нѣтъ! ей одной
Рѣшить. Она свободу намъ спасла—
Пускай сама останется свободна.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ; КОРОЛЬ, ДЮ-ШАТЕЛЬ, ШАТИЛЬОНЪ, АГНЕСА.

ЛЯ-ГИРЪ.

Вотъ и король.

КОРОЛЬ (къ Шатильону.)

Онъ будетъ? Онъ готовъ
Меня признать и дать обѣтъ подданства?

ШАТИЛЬОНЪ.

Такъ, государь; въ Шалонѣ всенародно
Желаетъ пасть Филиппъ, бургундскій герцогъ,
Къ твоимъ стопамъ; и мнѣ онъ повелѣлъ
Привѣтствовать тебя, какъ короля,
Законнаго владыку своего;
За мною вслѣдъ онъ скоро самъ здѣсь будетъ.

АГНЕСА.

Онъ близко, день стократъ благословенный!
Желанный день согласія и мира!

ШАТИЛЬОНЪ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣна герцогъ;
Но мыслитъ онъ, что ты того не стерпишь
И родственно прострешь ко брату руки.

КОРОЛЬ.

Моя душа летитъ къ нему навстрѣчу.

ШАТИЛЬОНЪ.

Желаетъ онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не поминать при первой вашей встрѣчѣ.

КОРОЛЬ.

Минувшее навѣки позабыто;
Лишь ясные дни въ будущемъ я вижу.

ШАТИЛЬОНЪ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ герцогъ:
Прощеніе безъ исключенья всѣмъ.

КОРОЛЬ.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

ШАТИЛЬОНЪ.

Не исключать и королевы, если
На миръ съ тобой она согласна будетъ.

КОРОЛЬ.

Не я воюю съ ней, она со мною;
Конецъ враждѣ, когда ей миръ угоденъ.

ШАТИЛЬОНЪ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

КОРОЛЬ.

Мнѣ слово свято.

ШАТИЛЬОНЪ.

Пусть архіепископъ
Предъ алтаремъ присягой обоюдной
Спасительный союзъ сей утвердитъ.
(Посмотрѣвъ на Дю-Шателя.)
Здѣсь есть одинъ... присутствіемъ своимъ
Онъ возмутитъ свиданья сладость.
(Дю-Шатель удаляется молча.)

КОРОЛЬ.

Другъ,
Поди! пускай смиритъ Филиппа время;
Дотоль его присутствія чуждайся.
(Смотритъ за нимъ вслѣдъ, потомъ бѣжитъ къ нему и обнимаетъ его.)
О вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ
За мой покой на жертву принести.

ШАТИЛЬОНЪ (подавая свитокъ).

Здѣсь прочія означены статьи.

КОРОЛЬ.

Все напередъ безспорно утверждаю.
Что дорого за друга?—Дюнуа,
Возьми съ собой сто рыцарей избранныхъ
И къ герцогу съ привѣтствіемъ спѣши.
Должны надѣть зеленые вѣнки
Солдаты всѣ для встрѣчи братьевъ; городъ
Торжественно убрать, и звонъ
Колоколовъ пускай провозгласитъ,
Что Франція съ Бургундіей мирится.
Но что?.. Трубятъ! (Звукъ трубы.)

ПАЖЪ (вбѣгая поспѣшно).

Бургундскій герцогъ въ городъ
Вступаетъ.

ДЮНУА.

Рыцари, къ нему навстрѣчу!
(Уходитъ съ Ля-Гиромъ и Шатильономъ.)

КОРОЛЬ.

Агнеса, плачешь?.. Ахъ! и у меня
Нѣтъ силъ для этой радостной минуты;
Сколь много жертвъ досталось смерти прежде,
Чѣмъ мирно мы увидѣться могли.
Но стихнула свирѣпость бури; день
Смѣнилъ ночную тьму; настанетъ время,
И намъ плоды прекрасные созрѣютъ.

АРХІЕПИСКОПЪ (смотря въ окно.)

Народъ со всѣхъ сторонъ; и нѣтъ ему
Дороги; на рукахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры...

КОРОЛЬ.

О добрый мой народъ! огонь во мщеньи!
Огонь въ любви!.. Какъ скоро, примиренный
Онъ позабылъ, что этотъ самый герцогъ
Его отцовъ и чадъ убійцей былъ!
Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпись; восторгъ твой сильный
Его душѣ быть можетъ укоризной;
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНІЕ III.

Герцогъ Бургундскій, Дюнуа, Ля-Гиръ, Шатильонъ, два рыцаря изъ свиты герцога и прежніе. Герцогъ останавливается въ дверяхъ; король дѣлаетъ движеніе, чтобы къ нему подойти, но герцогъ его предупреждаетъ; онъ хочетъ преклонить колѣна; но король принимаетъ его въ объятія.

КОРОЛЬ.

Ты насъ предупредилъ; тебѣ навстрѣчу
Хотѣли мы; твои кони крылаты.

ГЕРЦОГЪ.

Они къ стопамъ монарха моего
Несли меня... (Увидя Агнесу.)
Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь?.. Позвольте мнѣ обычай нашъ
Аррасскій сохранить; въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословитъ.
(Цѣлуетъ ее въ лобъ.)

КОРОЛЬ.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ,
Что онъ любви и красоты столица.

ГЕРЦОГЪ.

Васъ, государь, молва не обманула:
Моя земля—отечество красавицъ.

КОРОЛЬ.

Но про тебя молва гласитъ иное:
Что будто ты въ любви непостояненъ
И вѣрности не вѣришь.

ГЕРЦОГЪ.

Государь,
Невѣріемъ невѣрный и наказанъ;
Заранѣ вы постигли сердцемъ то,
Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.
(Увидя архіепископа, подаетъ ему руку.)
Вы здѣсь, отецъ; вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.
Благословите. Кто васъ хочетъ встрѣтить,
Тотъ праведной стези не покидай.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Благодарю Всевышняго! я радость
Вкусилъ вполнѣ и свѣтъ готовъ покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

ГЕРЦОГЪ (Агнесѣ).

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ

Оружіе противъ меня... ужели
Вамъ такъ была нужна моя погибель?
Но споръ нашъ конченъ; все должно найтись,
Что въ немъ утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войнѣ вы жертвовали ими—
Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.

(Беретъ у одного изъ пришедшихъ съ нимъ ларчикъ и подаетъ его Агнесѣ; она смотритъ въ недоумѣніи на короля.)

КОРОЛЬ.

Возьми: то мнѣ залогъ, вдвойнѣ священный,
Прекрасныя любви и примиренья.

(Агнеса плачетъ; король тронутъ; всѣ смотрятъ на нихъ съ чувствомъ.)

ГЕРЦОГЪ (посмотря на всѣхъ, бросается въ объятія къ королю).

О государь!

(Въ эту минуту три бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюнуа, Ля-Гиру и архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ короля въ объятіяхъ.)

И васъ я могъ отречься?
И вамъ я недругъ былъ?

КОРОЛЬ.

Молчи! ни слова!

ГЕРЦОГЪ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей,
Пришельцу дать обѣтъ подданства, гибель
Законному монарху приготовить?

КОРОЛЬ.

Спокойся; все забыто; этотъ мигъ
Всему, всему замѣна; то была
Судьба или враждебная звѣзда.

ГЕРЦОГЪ.

Заглажу все; повѣрьте, все заглажу,
И вамъ за всѣ страданія воздамъ;
Вся Франція во власти вашей будетъ;
Ни одного села имъ не похитить.

КОРОЛЬ.

Въ союзѣ мы—какой же врагъ опасенъ?

ГЕРЦОГЪ.

О вѣрьте, я спокоенъ сердцемъ не былъ,
Воюя противъ васъ. Когда бъ вы знали...

(Указывая на Агнесу.)

Но для чего жъ ее вамъ не прислать?
Ея слезамъ кто бъ могъ не покориться?
Теперь всему конецъ; самъ адъ не властенъ
Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ серд-
Узналъ свое теперь я мѣсто; здѣсь [цу;
При васъ свое я странничество кончилъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Въ союзѣ вы—и Франція, какъ фениксъ,
Подымется изъ пепла своего;
Загладится войны кровавый слѣдъ;
Сожженные селенья, города
Блистательнѣй возстанутъ изъ развалинъ,
И жатвою поля зазеленѣютъ.
Но падшіе раздора жертвой—ихъ
Уже не воскресить! и слезы, въ вашей
Враждѣ пролитыя, пролиты были
И будутъ; расцвѣтетъ другое племя,
Но прежнее все жертвой бѣдъ увяло...
Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ: для васъ, монархи,
Урокъ сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытуйте; разъ
Исторгнувшись съ войной, оно уже—
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слетающій къ стрѣлку—не покорится
Напрасному призванью человѣка;
И не всегда къ намъ во́-время, какъ нынѣ,
Спасеніе небесное нисходитъ.

ГЕРЦОГЪ.

О государь! при васъ небесный ангелъ.
Но гдѣ жъ она? Что медлитъ?..

КОРОЛЬ.

Гдѣ Іоанна?
Почто въ торжественно-счастливый мигъ
Не видимъ мы создательницы счастья?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Ея душѣ противенъ, государь,
Веселый блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремитъ
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ;
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества—она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней Его благословенье.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе. Іоанна, въ панцырѣ, но безъ шлема; на головѣ ея вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

КОРОЛЬ.

Іоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасна ты была въ сраженьи;
Но сколь мила въ спокойной красотѣ!
Іоанна, я исполнилъ свой обѣтъ;
Довольна ль мною ты?

ІОАННА.

Себя, Филиппъ,
Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.

Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты кометой бѣдоносной:
И благостью теперь ты намъ сіяешь.
(Осматриваясь.)
Всѣ рыцари въ торжественномъ собраньи,
И свѣтлая горитъ въ очахъ ихъ радость;
Лишь одного несчастнаго я зрѣла...
Тоскуетъ онъ при общемъ торжествѣ.

ГЕРЦОГЪ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

ІОАННА.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи...
И онъ у ногъ твоихъ. О, доверши
Прекрасный подвигъ твой; нѣтъ примиренья,
Когда душа не вся еще свободна!
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь кровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабылъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я понимаю.

ІОАННА.

Такъ! и ты простишь;
Не правда ль, другъ?.. Войди же, Дю-Шатель;
Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ;
И ты прощенъ.

ГЕРЦОГЪ.

Что дѣлаешь со мною,
Іоанна?.. Знаешь ли, чего ты просишь?

ІОАННА.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветъ въ свой домъ гостепріимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;
Всѣмъ жаждущимъ растеніямъ равно
Даетъ свою живую росу небо;
На всѣхъ, для всѣхъ добро нисходитъ свыше.

ГЕРЦОГЪ.

Не властенъ я упорствовать предъ нею;
Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ...
Приближься, Дю-Шатель... Не оскорбись,
О тѣнь отца, что руку я свою
Въ сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбитеся, вы, боги смерти,
Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья;
У васъ, во тьмѣ подземнаго покоя,
Не бьется сердце; тамъ все вѣчно, все
Неизмѣняемо... Но все иное
Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ солнца,
Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,
Игралище всесильнаго мгновенья.

КОРОЛЬ (Іоаннѣ).

О, какъ тебя благодарить, Іоанна?
Прекрасно ты свершила свой обѣтъ;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прахъ,
У хищника мои отняты земли,
И все тобой... Что дамъ тебѣ въ награду?

ІОАННА.

Будь въ счастьи человѣкъ, какъ былъ въ несчастьи;
На высотѣ величія земного
Не позабудь, что значитъ другъ въ бѣдѣ:
То испыталъ ты въ горькомъ униженьи;
Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
Тебѣ извелъ спасительницу Богъ...
Вся Франція твою признаетъ власть,
Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь;
Потомки отъ тебя; своею славой
Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу;
И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь
Онъ сохранитъ къ себѣ въ душѣ народа;
Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ;
И въ низкой хижинѣ, откуда нынѣ
Спаситель вышелъ твой, таится грозно
Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

ГЕРЦОГЪ.

Пророчица, наставленная небомъ,
Когда тебѣ въ грядущемъ тайны нѣтъ,
Скажи и мнѣ о племени моемъ:
Продлится ли величіе его?

ІОАННА.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ;
Близъ трона ты, и выше гордый духъ
Стремится возлетѣть; подъ облака
Онъ смѣлое свое возноситъ зданье;
И сильная рука изъ высоты
Строеніе гордыни остановитъ...
Но не страшись, не рушится твой домъ;
Онъ дѣвою для славы сохранится;
И скиптроносные монархи, сильныхъ
Народовъ пастыри отъ ней родятся;
Могущіе, они съ двухъ славныхъ троновъ
Дадутъ законъ и знаемому свѣту
И новому, сокрытому Всевышнимъ
Еще за мглой морей непереплытыхъ.

КОРОЛЬ.

О, если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
Сей дружескій, спасительный союзъ—
Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
Какъ намъ, благотворить?

ІОАННА (помолчавъ).

Владыки міра,
Страшитеся раздора; не будите
Вражды въ ея ужасномъ логовищѣ;
Разсвирѣпѣвъ, не стихнетъ; отъ нея
Ужасное родится поколѣнье;
Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ...
Но я молчу... Спокойно въ настоящемъ
Ловите счастіе, а мнѣ оставьте
Грядущее безмолвіемъ закрыть.

АГНЕСА.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь;
Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій...
Скажи и мнѣ пророческое слово.

ІОАННА.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
Великую всемірнаго судьбину...
Твоя жъ судьба въ твоей душѣ таится.

ДЮНУА.

Но что жъ тебѣ самой назначилъ Богъ?
Откройся намъ, небесная. О, вѣрно,
Тебя ждетъ лучшее земное счастье
Въ награду за твое смиренье.

ІОАННА (задумчиво и смиренно показавъ на небо).

Счастье
На небесахъ у вѣчнаго Отца.

КОРОЛЬ.

Повѣрь его монарху твоему;
И почтено твое да будетъ имя
Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
Позднѣйшіе потомки... да свершится
Теперь же долгъ мой; на колѣна!

(Іоанна становится на колѣна; король вынимаетъ мечъ и прикасается имъ къ ней.)

Симъ
Прикосновеніемъ меча, Іоанна,
Король тебѣ даруетъ благородство;
Возстань; твоя возвышена порода,
И самый прахъ отцовъ твоихъ прославленъ;
Лилея Франціи—твой гербъ; знатнѣйшимъ
Отнынѣ будь равна высокимъ саномъ;
Твоя рука будь первому изъ первыхъ
Великою наградой; мнѣ жъ оставь
Тебѣ найти достойнаго супруга.

ДЮНУА.

Моя она; ее и въ низкой долѣ
Я выбралъ сердцемъ—честь не возвышаетъ
Моей любви, ни доблести ея;
Передъ лицомъ монарха моего я,
Въ присутствіи святого мужа церкви,
Готовъ ее наречь моей супругой,
Готовъ подать ей княжескую руку,
Когда мой даръ принять благоволитъ.

КОРОЛЬ.

Неизъяснимая, за чудомъ чудо
Творишь ты... Такъ, я вѣрю, для тебя
Возможно все; ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
Любовію досель не побѣжденномъ,
Любовь произвела.

ЛЯ-ГИРЪ.

Краса Іоанны
Есть кроткое души ея смиренье;
Она всего великаго достойна—
Но чужды ей и гордыя желанья,
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удѣлъ, любовь простого сердца
Съ моей рукой я предлагаю ей...

КОРОЛЬ.

И ты, Ля-Гиръ? Два равныхъ предъ тобою
Соперника по мужеству и сану,
Іоанна... Ты враговъ со мной сдружила,
Мой тронъ возвысила; ужель теперь
Меня лишишь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвѣчай.

АГНЕСА.

Ея душа внезапностью смутилась,
И дѣвственнымъ стыдомъ она краснѣетъ.
О, дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
Съ подругой вѣрной раздѣлить и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой часъ; какъ нѣжная сестра,
Приблизиться могу я къ строгой дѣвѣ,
Чтобъ женское съ заботливостью женской
Размыслить вмѣстѣ съ ней. Оставьте насъ
Рѣшить наединѣ.

КОРОЛЬ.

Пойдемъ.

ІОАННА.

Постойте!
Нѣтъ, государь, мои пылаютъ щеки
Не пламенемъ смятеннаго стыда;
И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
То я скажу и предъ лицомъ мужей...
О рыцари! своимъ избраньемъ вы
Великую мнѣ дѣлаете честь;
Но развѣ я для суетныхъ величій
Покинула отеческую паству?
Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
Одѣла въ сталь и панцырь боевой?
Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному;
Лишь чистою свершится дѣвой онъ.
Я на землѣ воительница Бога;
Я на землѣ супруга не найду.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
Есть жребій женщины; храня законъ
Природы, божеству она угодна;
И, совершивъ указанное небомъ,
Тебя пославшимъ въ бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
Покинутой для браннаго меча;
Не дѣвственной рукѣ имъ управлять.

ІОАННА.

Святой отецъ, еще не знаю я,
Куда меня пошлетъ могущій Духъ;
Придетъ пора, и онъ не промолчитъ,
И покорюсь тогда его велѣнью;
Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
Свершить: еще монархъ мой не увѣнчанъ;
Еще елей главы его избранной
Не освятилъ; еще онъ не король.

КОРОЛЬ.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

ІОАННА.

И медлить намъ не должно; врагъ повсюду;
Дорогу намъ онъ мыслитъ заградить,
Но сквозь него промчу къ побѣдѣ васъ.

ДЮНУА.

Когда же все, Іоанна, совершится,
Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,—
Склонишь ли ты вниманіе тогда.

ІОАННА.

Когда Господь велитъ, чтобъ я съ побѣдой
Изъ грозныя борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ
Ужъ мѣста нѣтъ въ обители монарха.

КОРОЛЬ (взявъ ее за руку).

Теперь тебѣ лишь голосъ Духа внятенъ;
Любовь молчитъ въ груди, горящей Богомъ;
Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ.
Утихнетъ брань: побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; въ сердца вольется
радость;
Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства...
Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты;
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольютъ твои глаза, и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ донынѣ только неба,
Съ любовію искать земного друга.
Всѣхъ нынѣ ты для счастія спасла—
И одному тогда ты будешь счастьемъ.

ІОАННА (посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованьемъ).

Иль, утомясь божественнымъ явленьемъ,
Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ
И благовѣстницу верховной воли
Низвесть во прахъ ничтожности земной?
О маловѣрные! сердца слѣпыя!
Величіе небесъ кругомъ насъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова;
А я для васъ лишь женщина... безумцы!
Но женщинѣ ль подъ бронею желѣзной
Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда, Господне мщенье
Нося въ рукѣ, я суетную душу
Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной.
О нѣтъ! тогда мнѣ лучше бъ не родиться;
Ни слова болѣе; не раздражайте
Моей душой владѣющаго Духа;
Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ и оскверненье.

КОРОЛЬ.

Умолкните: ея не приклонить.

ІОАННА.

Вели, вели гремѣть трубѣ военной;
Спокойствіе меня тѣснитъ и мучитъ:
Стремительно зоветъ моя судьба
Меня отъ сей бездѣйственности хладной,
И строгій гласъ твердитъ мнѣ: довершай.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же; рыцарь вбѣгаетъ поспѣшно.

КОРОЛЬ.

Что сдѣлалось?

РЫЦАРЬ.

Близъ Марны непріятель;
Онъ строится въ сраженье.

ІОАННА (вдохновенно).

Бой и брань!
Теперь душа отъ узъ своихъ свободна...
Друзья, къ мечамъ, а я устрою войско.
(Уходитъ поспѣшно.)

КОРОЛЬ (Ля-Гиру).

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса
Они хотятъ сорвать съ меня корону.

ДЮНУА.

Ихъ мчитъ не мужество, но безнадежной
Свирѣпости отчаянный порывъ.

КОРОЛЬ (герцогу).

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ
Насталъ минувшее загладить.

ГЕРЦОГЪ.

Будешь
Доволенъ мной.

КОРОЛЬ.

Я самъ дорогой чести
Хочу итти предъ войсками моими,
Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говоритъ тебѣ: прости!

АГНЕСА (подаетъ ему руку).

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесахъ живетъ моя надежда;
На то ль даны столь явные залоги
Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погибнуть?..
Ты побѣдишь; то сердца предвѣщанье;
И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

(Всѣ уходятъ. Сцена перемѣняется; видно открытое поле; на немъ разсыпаны группы деревьевъ; за сценою слышны военные иструменты, выстрѣлы, стукъ оружія; сражающіеся пробѣгаютъ черезъ сцену; наконецъ, все тихо; сцена пуста.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тальботъ выходитъ раненый, опираясь на Фастольфа, за нимъ солдаты, скоро потомъ Ліонель.

ТАЛЬБОТЪ.

Подъ этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами въ бой подите;
Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Несчастный день! враждебная судьба!
(Къ Ліонелю.)
Зачѣмъ пришелъ ты, Ліонель? Смотри,
Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Да сохранитъ насъ небо! Встань, Тальботъ;
Не время намъ о ранахъ помышлять;
Вели ожить природѣ; одолѣй
Бунтующую смерть.

ТАЛЬБОТЪ.

Напрасно все;
Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франціи британская держава;
Послѣднее отчаянною битвой
Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
Чтобъ болѣе не встать. Потерянъ Реймсъ—
Парижъ спасайте.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ для насъ Парижа;
Онъ договоръ съ дофиномъ заключилъ.

ТАЛЬБОТЪ (срывая съ себя повязку).

Бѣгите жъ вы, кровавые потоки!
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ ждать нельзя; Фастольфъ, на этомъ мѣстѣ
Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно; насъ тѣснятъ ужасно;
Ряды разстроены; за дѣвой вслѣдъ
Они бѣгутъ—и все, какъ буря, ломятъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужденъ. И сами боги
Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О гордый умъ, ты свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Созданія, правитель міра, что ты?
Тебя несетъ, какъ бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь
И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно;
Будь проклятъ тотъ, кто въ замыслахъ вели- [кихъ
Теряетъ жизнь, кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую. Безумству
Принадлежитъ земля.

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, тебѣ
Не много здѣсь минутъ осталось; вспомни
О Богѣ...

ТАЛЬБОТЪ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ—намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты...
Иль наша жизнь, вся отданная бурямъ,
Не стоила славнѣйшаго конца?

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, прости! дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы,
Когда останусь цѣлъ... теперь иду...
Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ.
Простимся до другого свѣта! кратокъ
Разлуки мигъ за долгую любовь! (Уходитъ.)

ТАЛЬБОТЪ.

Минута кончитъ все; отдамъ землѣ
И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славой
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтѣ будетъ
Одна лишь горсть летучей пыли. Такъ
Весь гибнетъ человѣкъ—и вся намъ прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣнье ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Король, герцогъ, Дюнуа, Дю-Шатель и солдаты входятъ.

ГЕРЦОГЪ.

Сраженье рѣшено.

ДЮНУА.

Побѣда наша.

КОРОЛЬ (замѣтивъ Тальбота).

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ
Въ бореніи съ послѣднею минутой?
По бронѣ онъ не ратникъ рядовой.
Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!
(Къ Тальботу приближаются солдаты.)

ФАСТОЛЬФЪ.

Не приближайтесь! прочь! почтенье къ смерти
Того, кто былъ такъ страшенъ вамъ живой!

ГЕРЦОГЪ.

Что вижу я? Тальботъ лежитъ въ крови.
(Приближается къ нему; Тальботъ, взглянувъ на него быстро, умираетъ.)

ФАСТОЛЬФЪ.

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой видъ смутитъ послѣдній взоръ героя.

ДЮНУА.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Котораго желаньямъ исполинскимъ
Всей Франціи обширной было мало!
(Преклоняетъ мечъ передъ королемъ.)
Теперь привѣтствую васъ королемъ;
Дрожалъ вѣнецъ на вашей головѣ,
Пока душа жила еще въ семъ тѣлѣ.

КОРОЛЬ (посмотрѣвъ молча на мертваго).

Не мы его сразили—нѣкто высшій!
На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый
Боецъ на щитъ, котораго не выдалъ.
(Къ воинамъ.)
Возьмите! (Трупъ Тальботовъ выносятъ.)
Миръ его великой тѣни;
Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ;
Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски
Свой кончилъ путь, покойся прахъ его;
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробіе ему—
То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробѣ.

ФАСТОЛЬФЪ (подавая мечъ королю).

Я плѣнникъ вашъ.

КОРОЛЬ (возвращая ему мечъ).

Нѣтъ, рыцарь; и война
Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца...
Но, Дю-Шатель... моя Агнеса въ страхѣ;
Спѣши ее обрадовать побѣдой;
Скажи, что я и живъ и невредимъ,
Что въ Реймсѣ жду ее къ коронованью.
(Дю-Шатель уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же; Ля-Гиръ.

ДЮНУА.

Ты здѣсь, Ля-Гиръ! но гдѣ Іоанна?

ЛЯ-ГИРЪ.

Какъ?
Она не съ вами?.. Я ее покинулъ
Въ сраженьи близъ тебя.

ДЮНУА.

Я побѣжалъ
На помощь къ королю; я былъ въ надеждѣ,
Что ты останешься при ней...

ГЕРЦОГЪ.

Недавно
Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ
Ея распущенное знамя...

ДЮНУА.

Боже!
Страшусь я! гдѣ она? Скорѣе къ ней
На помощь. Можетъ-быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть-можетъ,
Она, толпой стѣсняемая, бьется
И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.

КОРОЛЬ.

Спѣшите.

ДЮНУА.

Я бѣгу.

ЛЯ-ГИРЪ.

И я.

ГЕРЦОГЪ.

Мы всѣ.
(Всѣ уходятъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы, деревья; вдали башни Реймса, освѣщенныя восходящимъ солнцемъ.

Рыцарь въ черномъ панцырѣ съ опущеннымъ забраломъ. Іоанна преслѣдуетъ его; онъ останавливается.

ІОАННА.

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ ты

Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы,
Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи
Съ моимъ мечомъ; но самъ теперь погибнешь.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ пристала?
Не суждено мнѣ пасть твоей рукой.

ІОАННА.

Противенъ ты душѣ моей, какъ ночь,
Которой цвѣтъ ты носишь; истребить
Тебя съ лица земли—неодолимо
Влечетъ меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если бъ
Передо мной Тальботъ не палъ въ сраженьи,
Тогда бы я сказала: ты Тальботъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго духа?

ІОАННА.

Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ, что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Іоанна д'Аркъ, съ побѣдою до Реймса
Дошла ты—стой! не далѣ! Будь довольна
Своимъ вѣнцомъ, и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкаетъ насъ, но вѣрность ненавидитъ,
И никому не служитъ до конца.

ІОАННА.

Почто ты мнѣ велишь съ моей дороги
Сойти, забывъ начатый мною подвигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Могучая, ты все ниспровергаешь;
Покоренъ бой тебѣ—но удержись
Отъ боя; мнѣ повѣрь, пока не поздно.

ІОАННА.

Не выпущу меча я изъ руки,
Доколь враги не втоптаны во прахъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Смотри же, тамъ сіяютъ башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь, блещетъ куполъ
Соборныя величественной церкви—
Въ нее вступить ты можешь съ торжествомъ,
Въ ней увѣнчать монарха, свой обѣтъ
Исполнить, но... Іоанна, не входи
Въ ту церковь; мнѣ повѣрь—и возвратись.

ІОАННА.

Но кто же ты прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
Обманчивымъ пророчествомъ...

(Черный рыцарь хочетъ уйти; она заступаетъ ему дорогу.)

Постой!
Отвѣтствуй мнѣ иль гибни...

(Хочетъ ударить его мечомъ.)

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ (прикасается къ ней рукой и она остается неподвижна).

Умерщвляй
Одно лишь смертное. (Громъ и молнія; рыцарь исчезаетъ.)

ІОАННА.

(Долго молчитъ въ изумленіи, потомъ опомнившись, говоритъ.)

То былъ не здѣшній
И не живой... то было привидѣнье,
Враждебный духъ, изникнувшій изъ ада,
Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру.
Но мнѣ съ мечомъ владыки моего
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду; зоветъ побѣда;
Пусть на меня весь адъ вооружится;
Живъ Богъ—моя надежда не смутится.

ЯВЛЕНІЕ X.

Іоанна, Ліонель.

ЛІОНЕЛЬ.

Отступница, готовься въ бой, погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ;
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался;
Отмщу за храбраго, иль будь одна
Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ, иль нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ: я, Ліонель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.

(Нападаетъ на нее; черезъ минуту она вышибаетъ изъ руки его мечъ.)

О счастіе!

(Борется съ нею; Іоанна во время борьбы срываетъ съ него шлемъ, и онъ остается съ непокрытою головою; поднявши мечъ, чтобы его поразить, она говоритъ.)

ІОАННА.

Умри! святая Дѣва
Моей рукой тебя приноситъ въ жертву.

(Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами Ліонеля; пораженная видомъ его, она стоитъ неподвижна, и рука ея опускается.)

ЛІОНЕЛЬ.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу

Пощады; я въ твоихъ рукахъ.

(Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы онъ бѣжалъ.)

Бѣжать
Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнію? Скорѣй погибнуть!

ІОАННА (отвративъ глаза).

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ...

ЛІОНЕЛЬ.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой; не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

ІОАННА.

(Собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его поразить; но опять, взглянувъ на него, опускаетъ руку.)

Святая Дѣва!

ЛІОНЕЛЬ.

Почто зовешь святую! О тебѣ
Не вѣдаетъ она; ты небесами
Отвержена.

ІОАННА (въ сильнѣйшемъ отчаяніи).

О горе! горе! что
Я сдѣлала? нарушенъ мой обѣтъ.

(Ломаетъ въ горести руки.)

ІОАННА.

Убей меня
И удались.

ЛІОНЕЛЬ.

Что слышу?

ІОАННА (закрывъ лицо руками).

Горе мнѣ!

ЛІОНЕЛЬ (приближась къ ней).

Молва идетъ, что ни одинъ британецъ
Тобой не пощаженъ; за что же мнѣ
Пощада одному?

ЛІОНЕЛЬ (смотритъ на нее съ участіемъ и подходитъ ближе).

Несчастная, жалѣю о тебѣ;
Ты трогаешь меня; со мной однимъ
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи, кто ты? откуда?

ІОАННА.

Прочь! бѣги!

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
Жаль младости твоей; твой милый образъ

Тѣснится въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной; оставь союзъ твой страшный;
Оставь погибельный свой мечъ.

ІОАННА.

Увы!
Носить его я недостойна.

ЛІОНЕЛЬ.

Брось
Его; иди со мной.

ІОАННА (въ ужасѣ).

Съ тобой? О небо!

ЛІОНЕЛЬ.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно,
И я тебя спасу... но поспѣши.
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.

(Беретъ ее за руку. Вдали показываются Дюнуа и Ля-Гиръ.)

ІОАННА.

О Боже! Дюнуа... они ужъ близко;
Бѣги!.. тебя найдутъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Я твой защитникъ.

ІОАННА.

О нѣтъ! бѣги! умру, когда погибнешь.

ЛІОНЕЛЬ.

Иль дорогъ я тебѣ?

ІОАННА.

О, Пресвятая!

ЛІОНЕЛЬ.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

ІОАННА.

Нѣтъ, никогда.

ЛІОНЕЛЬ.

Сей мечъ въ залогъ, что я
Тебя найду. (Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ.)

ІОАННА.

Ты смѣешь, безразсудный?

ЛІОНЕЛЬ.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся. (Уходитъ поспѣшно.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дюнуа, Ля-Гиръ, Іоанна.

ЛЯ-ГИРЪ.

Она! Она!

ДЮНУА.

Іоанна,
Спокойна будь: друзья твои съ тобою.

ЛЯ-ГИРЪ.

Не Ліонель ли тамъ бѣжитъ?

ДЮНУА.

Его, Іоанна, битва рѣшена;
Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ
Бѣжитъ толпой навстрѣчу королю.

ЛЯ-ГИРЪ.

Но что она?.. Шатается, блѣднѣетъ!

ДЮНУА.

Ты ранена? (Іоанна падаетъ къ нимъ на руки.)
Снять панцырь! рана
Въ плечѣ и легкая.

ЛЯ-ГИРЪ.

Но льется кровь.

ІОАННА.

Пускай она съ моею льется жизнью.
(Лишается памяти.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

ІОАННА.

(Стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ.)

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ.
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ-будто всѣмъ отчизна вновь дана;

И съ честію примирена корона;
Вся Францiя въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ—любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

(Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію.)

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали!

(Помолчавъ, съ большею живостью.)

Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?.. Какъ?.. Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младой валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье!..

Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ—твоя погибель!
Орудія слѣпого хочетъ Богъ.
Итти за Нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

(Задумывается, вслушивается въ музыку, потомъ говоритъ.)

Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты...
Недостойна я вѣнца!

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ ..
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ! изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей!
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?..
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала Ты...
Я ль сама то избрала?

ЯВЛЕНІЕ II.

Агнеса, Іоанна.

АГНЕСА.

(Идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Іоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но, одумавшись, падаетъ передъ нею на колѣни.)

Нѣтъ! нѣтъ! во прахъ передъ тобою...

ІОАННА (стараясь ее поднять). Встань,
Агнеса, ты свой санъ позабываешь.

АГНЕСА.

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ—сердце
Предъ божествомъ излить себя стремится;
Незримаго въ тебѣ боготворю.
Нашъ ангелъ ты; тобою мой властитель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья;

Стоитъ король въ торжественной одеждѣ;
Сбираются кругомъ монарха перы,
Чтобы нести регаліи во храмъ;
Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви;
Повсюду кликъ и звонъ колоколовъ...
Кто дастъ мнѣ силъ снести такое счастье?

(Іоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально.)

Лишь ты одна сурово равнодушна;
Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видѣла величіе небесъ
И счастію земному неприступна.

(Іоанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку, потомъ задумчиво опять ее опускаетъ.)

О, если бъ ты узнала сладость чувства!
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный панцырь...
И грудь открой чувствительности женской...
Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя, вооруженной.

ІОАННА.

Чего ты требуешь?

АГНЕСА.

Обезоружь
Себя, покинь твой мечъ; любовь страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

ІОАННА.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой...
Навстрѣчу смерти... нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитою отъ вашихъ
Пировъ и отъ меня самой.

АГНЕСА.

Іоанна,
Графъ Дюнуа, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чувствомъ;
О! вѣрь мнѣ, быть любовію героя
Удѣлъ прекрасный... но любить героя
Еще прекраснѣе...

(Іоанна отвращается въ сильномъ волненіи.)

Ты ненавидишь
Его?.. Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты;
Но ненависть... лишь тотъ намъ ненавистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;
Но для тебя нѣтъ милаго; ты сердцемъ
Спокойна... Ахъ, когда бъ оно смягчилось!

ІОАННА.

Жалѣй меня, оплачь мою судьбу.

АГНЕСА.

Чего жъ тебѣ недостаетъ для счастья?
Все рѣшено; отчизна спасена;
Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честитъ и обожаетъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
Ты божество сихъ праздниковъ веселыхъ,
И самъ король не столь въ своей коронѣ
Величественъ, какъ ты.

ІОАННА.

О, если бъ скрыться
Могла во тьмѣ подземной я отъ васъ!

АГНЕСА.

Что слышу? Какъ понять тебя, Іоанна?
И нынѣ кто жъ взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потупить должно?..
Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ низкой предъ тобою,
Не смѣющей и мыслію постигнуть
Величія души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обновленный
Престола блескъ, не шумный пиръ народа
Мнѣ радости причина, нѣтъ, одинъ
Живетъ въ моей душѣ—иному чувству
Въ ней мѣста нѣтъ—онъ, сей боготворимый;
Его народъ привѣтствуетъ; его [саютъ—
Бѣгутъ встрѣчать; предъ нимъ цвѣты бро-
И онъ, для всѣхъ единственный—онъ мой.

ІОАННА.

Счастливица, завидую тебѣ;
Ты любишь тамъ, гдѣ любитъ все; ты смѣешь
Свободно, вслухъ изречь свое блаженство;
Передъ людьми его ты не таишь;
Ихъ общій пиръ есть пиръ твоей любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,
Ликующій съ тобой въ однѣхъ стѣнахъ—
Прекрасное твое онъ чувство дѣлитъ;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сіяетъ;
Любовью все твоей озарено.

АГНЕСА (падая въ ея объятія)

О радость! мой языкъ тебѣ понятенъ!
Іоанна, ты... любви ты не чужда;
Что чувствую—ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается...

ІОАННА (вырываясь изъ ея объятій.)

Прочь, прочь! бѣги меня; не заражайся
Губительнымъ сообществомъ моимъ;
Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое страданье.

АГНЕСА.

Я трепещу; ты мнѣ непостижима;
Но кто жъ тебя постигнулъ? Кто проникъ
Во глубину твоей великой тайны?
Кто можетъ вѣдать, что́ святому сердцу,
Что́ чистотѣ души твоей понятно?

ІОАННА.

Нѣтъ, нѣтъ, ты—чистая, святая—ты;
Когда бъ въ мою ты внутренность проникла,
Ты бъ отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ЯВЛЕНІЕ III.

Іоанна, Агнеса, Дюнуа и Ля-Гиръ со знаменемъ Іоанны.

ДЮНУА.

Мы за тобой, Іоанна; все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
Ближайшая къ монарху, ты должна
Передъ нимъ нести святую орифламму.
Онъ признаетъ и хочетъ всенародно
Передъ лицомъ всей Франціи признать,
Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

ЛЯ-ГИРЪ.

Вотъ знамя; поспѣшимъ; король, вожди
И весь народъ зовутъ тебя, Іоанна *).
(Хочетъ подать ей знамя, она отступаетъ съ ужасомъ.)

ІОАННА.

О Боже! мнѣ предшествовать ему?
Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

ДЮНУА.

Кому жъ, Іоанна? Чья рука посмѣетъ
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженьи; имъ должна ты
И торжество побѣдное украсить.

ІОАННА.

Прочь, прочь!

ЛЯ-ГИРЪ.

Іоанна, что съ тобой? Трепещешь
Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ!
Узнай его, оно твое; ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы небесной.
(Развертываетъ знамя.)

ІОАННА (въ ужасѣ смотря на знамя).

Она, Она!... въ такомъ являлась блескѣ
Она передо мной... Смотрите, гнѣвомъ
Омрачено Ея чело; и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склоненный.

*) Въ переводѣ Жуковскаго два послѣдніе стиха были поставлены ниже слѣдующихъ шести, послѣ словъ Дюнуа.

АГНЕСА.

Ты внѣ себѣ; опомнись, ты видѣньемъ
Обманчивымъ испугана; тотъ образъ...
Онъ слабыя, земной руки созданье;
Сама жъ Она небесъ не покидала.

ІОАННА.

О грозная! карать ли Ты пришла?
Гдѣ молніи Твои? Пускай сразятъ
Онѣ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ; я посрамила,
Унизила Твое святое имя.

ДЮНУА.

Что слышу я! какой языкъ ужасный!

ЛЯ-ГИРЪ (къ Дю-Шателю).

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Я вижу то, чего давно боялся.

ДЮНУА.

Какъ? Что ты говоришь?

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю я; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужъ кончено, и нашъ
Король ужъ коронованъ былъ.

ЛЯ-ГИРЪ.

Іоанна,
Иль ужасъ тотъ, который разливала
Ты знаменемъ своимъ, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Іоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

ІОАННА.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.
(Слышенъ маршъ.)

ДЮНУА.

Возьми его, возьми; ты слышишь, ходъ
Торжественный ужъ начался; пойдемъ.
(Принуждаютъ ее взять знамя; она беретъ его съ видимымъ отвращеніемъ и уходитъ; всѣ прочіе за нею.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Площадь передъ каѳедральною церковью. Вдали множество народа. Бертрандъ, Арманъ, Этьенъ выходятъ изъ толпы; за ними вскорѣ Алина и Луиза. Вдали слышенъ маршъ.

БЕРТРАНДЪ.

Ужъ музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ

Остановиться? Тамъ на площади,
Иль здѣсь на улицѣ, чтобъ посмотрѣть
На ходъ вблизи?

ЭТЬЕНЪ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; всѣ улицы набиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

АРМАНЪ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Францiя; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингiи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

БЕРТРАНДЪ.

Да кто же будетъ
Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Великое свершается въ отчизнѣ?
Истратили довольно крови мы,
Чтобъ головѣ законной дать корону;
А нашъ король, нашъ истинный король,
Котораго мы въ Реймсѣ коронуемъ,
Ужель онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже
Парижскаго, который въ Сенъ-Дени
По милости пришельца коронованъ;
Тотъ не французъ, кто въ этотъ славный день
Не будетъ здѣсь съ другими, и отъ сердца
Не закричитъ: да здравствуетъ король!

ЯВЛЕНIЕ V.

Прежнiе; Луиза, Алина.

ЛУИЗА.

Сестрица, мы увидимъ здѣсь Iоанну;
Какъ бьется сердце!

АЛИНА.

Мы ее увидимъ
Въ величествѣ и въ почести, и скажемъ:
То наша милая сестра Iоанна.

ЛУИЗА.

Пока меня глаза не убѣдили,
До тѣхъ поръ все не буду вѣрить я,
Чтобъ та, которую всѣ называютъ
Здѣсь Орлеанской Дѣвою, была
Сестра Iоанна, безъ вѣсти отъ насъ
Пропавшая.

АЛИНА.

Увидишь и повѣришь.

БЕРТРАНДЪ.

Молчите, идутъ.

ЯВЛЕНIЕ VI.

Впереди идутъ музыканты; за ними дѣти въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками въ рукахъ; потомъ два герольда; отрядъ воиновъ съ алебардами; чиновники въ парадныхъ платьяхъ; два маршала съ жезлами; бургундскiй герцогъ съ мечомъ; Дюнуа съ скипетромъ; другiе вельможи съ короною, державою, королевскимъ жезломъ; за ними рыцари въ орденскихъ одеждахъ; пѣвчiе съ кадильницами; два епископа съ сосудомъ мvропомазанiя; архiепископъ съ крестомъ; за нимъ Iоанна со знаменемъ; она идетъ медленными, неровными шагами, наклонивъ голову; ея сестры, увидя ее, знаками показываютъ радость и удивленiе; за Iоанною слѣдуетъ король подъ балдахиномъ, который несутъ бароны; за королемъ придворные чиновники; потомъ отрядъ воиновъ. Когда всѣ входятъ въ церковь, маршъ умолкаетъ.

ЯВЛЕНIЕ VII.

Луиза, Алина, Арманъ, Этьенъ, Бертрандъ.

АЛИНА.

Видѣлъ ли сестру?

АРМАНЪ.

Что шла передъ королемъ, въ богатыхъ латахъ,
Со знаменемъ въ рукахъ?

АЛИНА.

Да; то Iоанна,
Сестра.

ЛУИЗА.

На насъ она не поглядѣла:
Она не думала, что сестры близко;
Была блѣдна, смотрѣла внизъ, дрожала
Подъ знаменемъ своимъ... мнѣ стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.

АЛИНА.

Теперь мы видѣли Iоанну въ славѣ
И въ почести; но кто бъ могъ то подумать
Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ
Пасла овецъ?

ЛУИЗА.

Отцу не даромъ снилось,
Что въ Реймсѣ онъ и мы передъ Iоанной
Стоять съ почтеньемъ будемъ; вотъ та церковь,
Которая привидѣлась ему.
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были...
Ахъ! мнѣ она жалка, мнѣ тяжко видѣть
Ее въ такомъ величiи.

БЕРТРАНДЪ.

Пойдемъ.
Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣсниться
Намъ въ церковь? тамъ увидимъ весь обрядъ.

АЛИНА.

Пойдемъ; быть-можетъ, тамъ съ сестрой Iоанной
Мы встрѣтимся.

ЛУИЗА.

Мы видѣли ее,
Довольно съ насъ; воротимся въ село.

АЛИНА.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

ЛУИЗА.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ
Прилично ей; на что же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея?
И съ нами бывъ она была не наша...

АЛИНА.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

БЕРТРАНДЪ.

И самъ король насъ не стыдится; онъ
Здѣсь ласково всѣмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,
Но нашъ король все выше.

(Трубы и литавры въ церкви.)

АРМАНЪ.

Въ церковь! въ церковь!

(Идутъ и пропадаютъ въ толпѣ народа.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тибо въ черномъ платьѣ; за нимъ Раймондъ, который старается его удержать.

РАЙМОНДЪ.

Воротимся, мой добрый Аркъ, уйдемъ
Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое
Уныніе обидно для веселыхъ...
Чего намъ ждать? Зачѣмъ здѣсь оставаться?

ТИБО.

Ты видѣлъ ли несчастное мое
Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лицо?

РАЙМОНДЪ.

Ахъ! поскорѣй... прошу тебя, уйдемъ.

ТИБО.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,
Съ какимъ лицомъ разстроеннымъ и блѣднымъ?
Несчастная, она свой жребій знаетъ...
Но часъ насталъ ее спасти; я имъ
Воспользуюсь. (Хочетъ итти.)

РАЙМОНДЪ.

Куда? Чего ты хочешь?

ТИБО.

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ!
Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь.

ТИБО.

Такъ!
Жила бъ душа—пускай погибнетъ тѣло.

(Іоанна выбѣгаетъ изъ церкви безъ знамени; народъ окружаетъ ее, тѣснится къ ней, цѣлуетъ ея платье и препятствуетъ ей приблизиться.)

Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонитъ; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее...

РАЙМОНДЪ.

Прости, отецъ;
Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду; я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня она навѣкъ пропала,—

(Уходитъ. Тибо удаляется на противоположную сторону.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Іоанна, народъ, потомъ ея сестры.

ІОАННА (приближаясь).

Я не могу тамъ оставаться—духи
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ,
Какъ громъ, мой слухъ терзаетъ; своды храма
Дрожатъ и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ; тамъ
Въ святилищѣ оставила я знамя,
И никогда къ нему не прикоснуся...
Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину.
Онѣ, какъ сонъ, мелькнули предо мной...
Ахъ! то была мечта; онѣ далеко,
Далеко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить,
Какъ дѣтскаго потеряннаго счастья.

АЛИНА (выходя изъ толпы).

Жанета!

ЛУИЗА (подбѣгая къ ней).

Милая сестра!

ІОАННА.

О Боже!
Итакъ, я видѣла не сонъ; вы здѣсь,
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ степи сей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

АЛИНА.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

ІОАННА.

О милыя! вы изъ такой далекой,
Далекой стороны пришли сюда,
Чтобъ свидѣться со мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшись вамъ,
Ушла, и васъ какъ-будто отреклася.

ЛУИЗА.

То воля Божія была.

АЛИНА.

Молва
О чудесахъ твоихъ дошла и къ намъ;
Мы не могли противиться стремленью,
И, родину спокойную покинувъ,
Пришли сюда взглянуть на славный празд-
Пришли твое величіе увидѣть. [никъ,
Мы не однѣ...

ІОАННА.

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь...
Онъ здѣсь... но гдѣ же онъ? Зачѣмъ онъ
скрылся?

АЛИНА.

Отца здѣсь нѣтъ.

ІОАННА.

О Боже! нѣтъ!.. ужели
Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
Но съ вами онъ хотя благословенье
Свое прислалъ мнѣ...

ЛУИЗА.

Онъ не зналъ, что мы
Сюда пошли...

ІОАННА.

Не зналъ? Но для чего жъ
Не зналъ онъ?.. Вы молчите, вы глаза
Потупили?.. Скажите, гдѣ отецъ?

АЛИНА.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла...

ЛУИЗА (дѣлая ей знаки).

Алина!

АЛИНА.

Онъ
Задумчивъ сталъ.

ІОАННА.

Задумчивъ?

ЛУИЗА.

Будь спокойна;
Ты лучше насъ отца, Жанета, знаешь;
Его всегда предчувствіе тревожитъ;
Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,
Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

АЛИНА.

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

ІОАННА.

Ахъ, счастлива! я съ вами, я вашъ голосъ
Опять услышала; онъ мнѣ напомнилъ
Отечество, домашніе луга;
Тамъ я пасла стада свои безпечно;
Тамъ счастлива была я, какъ въ раю...
И не видать ужъ мнѣ такого счастья!

(Скрываетъ лицо на груди Луизы. Арманъ, Этьенъ и Бертрандъ показываются въ отдаленіи и не смѣютъ подойти.)

АЛИНА.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все такъ же
Смиренна и тиха; и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.

(Они приближаются и хотятъ подать ей руку; Іоанна смотритъ на нихъ неподвижными глазами, и впадаетъ въ задумчивость; потомъ говоритъ въ изумленіи.)

ІОАННА.

Гдѣ я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Домъ-Реми;
Подъ деревомъ Друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вкругъ меня
Знакомыя привѣтливыя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ короляхъ,
Сраженьяхъ, подвигахъ, мнѣ только снилось;
То были тѣни; вкругъ меня они
Носилися подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ мнѣ
Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала
Я Домъ-Реми; признайтеся, друзья,
Обрадуйте мнѣ сердце.

ЛУИЗА.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ,
Іоанна, и тебѣ не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокругъ себя,
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.

(Іоанна кладетъ руку на грудь, приходитъ въ себя и вздрагиваетъ.)

БЕРТРАНДЪ.

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

АРМАНЪ.

Не диво, что тебѣ все это мнится
Чудеснымъ сномъ; какой быть можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

ІОАННА.

Ахъ, убѣжимъ! я съ вами возвращусь
Къ отцу, въ село.

ЛУИЗА.

Такъ, милая, пойдемъ.

ІОАННА.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить—
Вы любите меня.

АЛИНА.

Ты хочешь бросить
Свое величіе?

ІОАННА.

Хочу, друзья,
Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вамъ служить,
И горестнымъ загладить покаяньемъ
Безумное величіе мое. (Трубы.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Король выходитъ изъ церкви въ коронѣ и порфирѣ, Агнеса, архіепископъ, герцогъ бургундскій, Дюнуа, Ля-Гиръ, Дю-Шатель рыцари, придворные, народъ.

НАРОДЪ (кричитъ во время шествія короля).

Да здравствуетъ король!

(Гремятъ трубы; по мановенію короля герольды подаютъ знакъ и все умолкаетъ.)

КОРОЛЬ.

Народъ мой добрый,
Благодарю за вѣрность и любовь.
Мнѣ отдалъ Богъ отцовъ моихъ корону;
Народа мечъ ее завоевалъ;
Еще на ней кровь подданныхъ видна,
Но миръ ее оливою украситъ.
Благодаримъ защитниковъ престола,
А нашимъ всѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
Къ намъ милостивъ Господь Всевышній былъ—
И первое будь наше слово: милость.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ король!

КОРОЛЬ.

Досель незримо
Самъ Богъ вѣнчалъ французскихъ королей,
Но видимо изъ рукъ его пріяли
Мы свой вѣнецъ. (Указывая на Іоанну.)

Народъ, передъ тобою
Чудесная посланница небесъ;
Она престолъ законный защитила,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признаетъ;
Да будетъ ей воздвигнутъ здѣсь алтарь.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва! (Трубы.)

КОРОЛЬ (къ Іоаннѣ).

Скажи, когда ты намъ равна породой,
Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
Но если ты сошла на время съ неба,
Чтобъ насъ спасти подъ видомъ смертной [дѣвы,
То просвѣти земныя наши очи;
Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
Безсмертный ликъ, въ какомъ тебя лишь небо
Видало, чтобъ тебя могли мы въ прахѣ
Боготворить.

(Всеобщее молчаніе; всѣ глядятъ на Іоанну.)

ІОАННА (вдругъ восклицаетъ).

О Боже! мой отецъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тибо выходитъ изъ толпы и становится прямо противъ Іоанны.

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ.

Ея отецъ!

ТИБО.

Такъ, горестный, несчастный
Ея отецъ, пришедшій самъ предать
На судъ свое дитя.

ГЕРЦОГЪ.

Что это значитъ?

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Ужасный свѣтъ увидимъ мы теперь.

ТИБО (къ королю).

Ты думаешь, могущество небесъ
Тебя спасло—ты, государь, обманутъ;
Народъ, ты ослѣпленъ; вы спасены
Искусствомъ адовымъ.

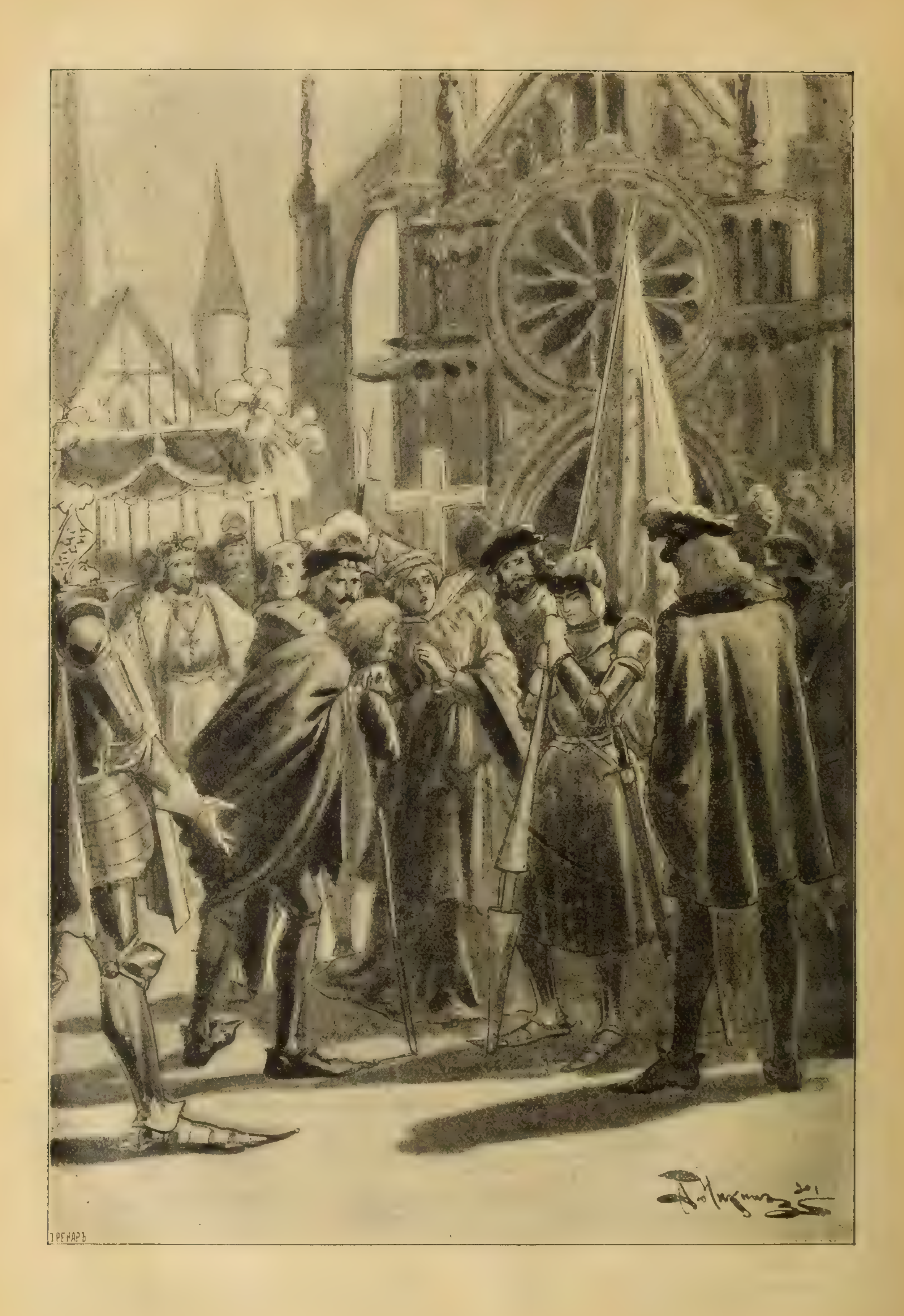
(Всѣ отступаютъ въ ужасѣ.)

ДЮНУА.

Безумство!

ТИБО.

Нѣтъ.
Безуменъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрить,
Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель,

Себя явилъ въ такой ничтожной твари!
Увидимъ мы: передъ лицомъ отца
Отважится ль она обманъ свой хитрый,
Которымъ васъ прельстила, подтвердить!
Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятого:
Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?

(Всеобщее молчанiе; всѣ глаза устремлены на Іоанну; она стоитъ неподвижно.)

АГНЕСА.

Она молчитъ!

ТИБО.

Она должна молчать
Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо
Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ
Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревле
Нечистый духъ гнѣздится, было все
Придумано; тамъ вѣчность продала
Она врагу, чтобъ славою минутной
Здѣсь, на землѣ, ее онъ возвеличилъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасно!.. Но отцу повѣрить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать?

ДЮНУА.

Безумецъ, кто жестокому безумцу,
Губящему дѣтей своихъ, повѣритъ!

АГНЕСА (къ Іоаннѣ).

Ахъ, отвѣчай! молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье; мы
Не усомнимся; насъ единымъ словомъ
Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;
Но отвѣчай; отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна, и повѣримъ.

(Іоанна молчитъ; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужасомъ.)

ЛЯ-ГИРЪ.

Она испугана; внезапный ужасъ
Сковалъ языкъ ея; самъ Божiй ангелъ
Отъ клеветы такой оцѣпенѣетъ...
Приди въ себя, очувствуйся; невинность
Имѣетъ взглядъ непобѣдимо-сильный;
Какъ молнiя, сразитъ онъ клевету;
Іоанна, подыми свой чистый взоръ,
Воздвигнися во гнѣвѣ благородномъ,
Чтобъ пристыдить, чтобъ наказать сомнѣнье,
Срамящее святую добродѣтель.

(Іоанна молчитъ; Ля-Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ; движенiе въ народѣ увеличивается.)

ДЮНУА.

Почто дрожитъ народъ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна—
Я княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ;
И здѣсь бросаю я перчатку; кто
Отважится ее назвать виновной?

(Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ.)

ТИБО.

Отъ имени гремящаго тамъ Бога
Я говорю: Іоанна, отвѣчай,
Скажи, что ты невинна, что врага
Нѣтъ въ сердцѣ у тебя и въ клеветѣ
Изобличи отца.

(Другой сильнѣйшiй ударъ; народъ разбѣгается во всѣ стороны.)

ГЕРЦОГЪ.

О, защити,
Создатель, насъ! какiе страшны знаки!

ДЮ-ШАТЕЛЬ (королю).

Уйдите, государь.

АРХIЕПИСКОПЪ.

Я вопрошаю
Во имя Бога: что велитъ тебѣ
Молчать—твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящiй Божiй голосъ?
Возьми сей крестъ—когда онъ за тебя.

(Іоанна стоитъ неподвижно; новые сильные удары грома; король, Агнеса, архiепископъ, герцогъ, Ля-Гиръ и Дю-Шатель уходятъ.)

ЯВЛЕНIЕ XII.

Дюнуа, Іоанна.

ДЮНУА.

Іоанна, я назвалъ тебя невѣстой;
Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;
Такъ думаю я и теперь; я вѣрю
Іоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,
Чѣмъ говорящему на небѣ грому.
Понятно мнѣ молчанiе твое:
То благородный гнѣвъ; себя закрывъ
Святой невинностью, ты подозрѣнью
Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;
Пренебреги его—но мнѣ откройся;
Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
Въ залогъ, что ты себя моей рукѣ
И дѣлу правому ввѣряешь смѣло.

(Онъ подаетъ ей руку: она отворачивается съ трепетомъ; Дюнуа смотритъ на нее въ изумленiи и ужасѣ.)

ЯВЛЕНIЕ XIII.

Іоанна, Дю-Шатель, Дюнуа, потомъ Раймондъ.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Іоанна д'Аркъ, король тебѣ позволилъ
Покинуть Реймсъ; тебѣ отворены
Ворота. Не страшись—никто тебя
Не оскорбитъ; король твоя защита...
Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь неприлично.
Какой конецъ!..

(Онъ уходитъ; Дюнуа нѣсколько времени молчитъ, потомъ бросаетъ взглядъ на Іоанну и медленно удаляется; Іоанна остается одна;

наконецъ, является Раймондъ; онъ останавливается въ отдаленіи, смотритъ на нее въ горестномъ молчаніи, потомъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку.)

РАЙМОНДЪ.

Воспользуйся минутой,
На улицахъ все пусто; дай мнѣ руку;
Иди за мной; я буду твой защитникъ.

(При взглядѣ на него, она подаетъ первый знакъ чувства: смотритъ быстро ему въ лицо, потомъ на небо, потомъ съ живостью беретъ его за руку и они уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Густой, дикій лѣсъ; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны выстрѣлы.

Угольщикъ и его жена.

УГОЛЬЩИКЪ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла́ дня ночь, и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война—предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ—лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить;
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь
Мнѣ выстрѣлы; и оба войска такъ [слышны
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ;
Того и жди, что битва загорится.

ЖЕНА.

Помилуй насъ, Господь; враги разбиты
Ужъ на голову были; отчего жъ
Они опять такъ сдѣлались отважны?

УГОЛЬЩИКЪ.

Ужъ имъ теперь король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва стала въ Реймсѣ
вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣ не помощникъ,
И все пошло вверхъ дномъ.

ЖЕНА.

Смотри, смотри,
Кто тамъ идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же; Іоанна, Раймондъ.

РАЙМОНДЪ.

Здѣсь хижина, Іоанна;
Иди за мной, мы здѣсь найдемъ пріютъ;
Ты выбилась изъ силъ; ужъ третій день,
Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаясь.

(Гроза мало-по-малу утихаетъ; становится ясно.)

Здѣсь угольщикъ живетъ; поди сюда,
Іоанна.

УГОЛЬЩИКЪ.

Вы устали; отдохните
У насъ; чѣмъ Богъ послалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

ЖЕНА.

На ней военный панцырь;
Къ чему это?.. Но, правда, въ наше время
И женщинѣ всего приличнѣй латы;
Я слышала, что королева-мать
Явилася опять у англичанъ,
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерѣ, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простого,
За короля сражалась?..

УГОЛЬЩИКЪ.

Замолчи;
Поди, изъ хижины ей принеси
Напиться. (Она уходитъ въ хижину.)

РАЙМОНДЪ.

Видишь ли, Іоанна? Люди
Не всѣ безжалостны, и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца; развеселись;
Гроза прошла; на небѣ ясно; солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходитъ.

УГОЛЬЩИКЪ.

Конечно, вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитеся: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,
И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

РАЙМОНДЪ.

Бѣда намъ! какъ отъ нихъ
Спастись?

УГОЛЬЩИКЪ.

Останьтесь здѣсь; мой мальчикъ скоро
Воротится изъ города; онъ васъ
Оврагами лѣсными проведетъ
Въ французскій лагерь; намъ тропинки всѣ
Знакомы здѣсь.

РАЙМОНДЪ (Іоаннѣ).

Сними свой шлемъ и панцырь;
Они тебя не защитятъ, лишь только
Врагамъ откроютъ. (Іоанна трясетъ головою.)

УГОЛЬЩИКЪ.

Отчего она
Такая грустная?.. Но тише, кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Угольщикова жена выходитъ изъ хижины съ стаканомъ воды; сынъ ихъ и прежніе.

ЖЕНА.

Нашъ мальчикъ; онъ изъ Реймса воротился.
Пей съ Богомъ. (Подаетъ Іоаннѣ стаканъ.)

УГОЛЬЩИКЪ.

Что ты скажешь? Что тамъ слышно?

СЫНЪ.

(Увидя, что мать его подаетъ стаканъ Іоаннѣ, и узнавъ ее, бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ.)

Прочь! Что ты дѣлаешь? Кому напиться
Ты принесла?.. Вѣдь, это чародѣйка.

УГОЛЬЩИКЪ И ЖЕНА ЕГО (вмѣстѣ).

Помилуй насъ, Небесный царь.

(Крестятся и убѣгаютъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Раймондъ, Іоанна.

ІОАННА (съ кротостію).

Ты видишь!
Проклятіе за мною по слѣдамъ;
Все отъ меня бѣжитъ; бѣги и ты;
Спасайся, другъ; покинь меня.

РАЙМОНДЪ.

Тебя
Покинуть! мнѣ! теперь!.. но кто же будетъ
Твоимъ проводникомъ?

ІОАННА.

Я не одна;
Есть проводникъ; ты слышалъ громъ небес-
Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли [ный;
Моей, и не искавъ ея, дойду.

РАЙМОНДЪ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ: англичане
Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
Отомстить. А тамъ французы; и они
Противъ тебя... Куда же ты пойдешь?

ІОАННА.

Чему не должно быть, того со мной
Не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Кто жъ тебѣ здѣсь пищи станетъ
Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ
Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
И нищетѣ?

ІОАННА.

Я знаю всѣ коренья
И травы—отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;
Я знаю ходъ свѣтилъ и облаковъ;
Мнѣ внятенъ шумъ потоковъ сокровенныхъ.
Для человѣка здѣсь не много нужно;
Природа жизнію богата.

РАЙМОНДЪ.

Правда;
Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ нѣдра церкви...

ІОАННА.

Другъ,
И ты меня винишь?

РАЙМОНДЪ.

Я принужденъ;
Твое безмолвное признанье...

ІОАННА.

Какъ?
Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,
Единое, мнѣ вѣрное, творенье,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!..

(Раймондъ молчитъ.)

Ахъ, это тяжело!

РАЙМОНДЪ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Іоанна?

ІОАННА.

Я
Волшебница?

РАЙМОНДЪ.

А эти чудеса?
Ты съ помощью небесной ихъ свершила?

ІОАННА.

Съ какою же иной?

РАЙМОНДЪ.

Но для чего же
Молчала ты предъ страшнымъ обвиненьемъ?
Теперь ты говоришь; а при народѣ,
При королѣ, гдѣ ты должна была
Отвѣтствовать, была ты какъ нѣмая.

ІОАННА.

Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,
Которую мой Богъ, мой повелитель,
Назначилъ мнѣ.

РАЙМОНДЪ.

Но развѣ дать отвѣта
Ты не могла отцу?

ІОАННА.

Отъ Бога было,
Что было отъ отца; и испытанье
Отеческое будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Голосъ неба
Твою вину свидѣтельствовалъ имъ.

ІОАННА.

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

РАЙМОНДЪ.

Какъ? Ты единымъ словомъ
Могла очиститься—и ты рѣшилась
Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ?

ІОАННА.

То не обманъ; то было испытанье.

РАЙМОНДЪ.

И этотъ стыдъ стерпѣла ты безвинно,
Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
О, я тебѣ дивлюсь; мой умъ мутится;
Въ моей груди поворотилось сердце;
Я самъ твоей вины не постигалъ,
И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрить...
Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
Безмолвствовать предъ ужасомъ такимъ?

ІОАННА.

Была ли бъ я посланницею Бога,
Когда бъ Его не чтила слѣпо власти?
И я не такъ несчастна, какъ ты мыслишь;
Я въ нищетѣ—но въ низкой нашей долѣ
Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову склонить—
Но знать себя въ степи я научилась;
Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ,
Гдѣ вкругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
Моей судьбѣ завидовалъ, а я
Была несчастнѣй всѣхъ... Но все прошло;
И я исцѣлена; и эта буря,
Грозившая природѣ разрушеньемъ,
Была мнѣ другъ: съ землею и меня
Она очистила; во мнѣ спокойно;
Пусть будетъ то, чему быть должно—я
Ужъ слабости не вѣдаю въ себѣ.

РАЙМОНДЪ.

Пойдемъ, пойдемъ, изобличимъ неправду;
Пускай твою невинность свѣтъ узнаетъ.

ІОАННА.

Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ; не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ; наступитъ день—
И кто теперь меня клянетъ и гонитъ,
Тотъ свой обманъ признаетъ, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ
случай...

ІОАННА (съ кротостью взявъ его за руку).

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ—но я безсмертное глазами
Здѣсь видѣла... Безъ Бога не падетъ
И волосъ съ нашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце—завтра
Оно опять взойдетъ среди сіянья;
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья.

ЯВЛЕНІЕ V.

Королева Изабелла съ солдатами и прежніе.

КОРОЛЕВА (еще за сценою).

Здѣсь въ лагерь англійскій дорога.

РАЙМОНДЪ.

Боже!
Погибли! непріятель!

(Солдаты выходятъ на сцену; увидя Іоанну, они отступаютъ въ ужасѣ.)

КОРОЛЕВА.

Что случилось?
Что испугало васъ? Куда бѣжите?

(Увидя Іоанну, невольно содрогается.)

Что вижу я? (Одумавшись, быстро къ ней подходитъ.)
Остановися, сдайся!
Ты плѣнница моя.

ІОАННА.

Сдаюсь. (Раймондъ убѣгаетъ въ отчаяніи.)

КОРОЛЕВА.

Въ оковы!

(Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ; она протягиваетъ руки; на нее налагаютъ цѣпи.)

Вотъ та ужасная, передъ которой
Въ сраженьи вы, какъ овцы, разбѣгались;
Она себя не въ силахъ защитить;
Чудесная для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду,
Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ
мужемъ. (Къ Іоаннѣ.)
Зачѣмъ покинула ты войско? Гдѣ
Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

ІОАННА.

Меня изгнали.

КОРОЛЕВА.

Какъ тебя изгнали?
Мой сынъ тебя изгналъ?

ІОАННА.

Къ чему вопросы?
Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

КОРОЛЕВА.

Изгналъ! за то, что былъ тобой спасенъ
Отъ гибели, и въ Реймсѣ коронованъ,

И королемъ французскимъ сдѣланъ? Въ этомъ
Я сына узнаю... Вы! отведите
Ее въ нашъ лагерь; пусть увидитъ войско
Страшилище, пугавшее его.
Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ
И въ вашей робости—ея волшебство;
Она сама безумная; она
За короля пожертвовала жизнью—
И королевскую теперь награду
Пускай узнаетъ.—Прямо къ Ліонелю
Ее ведите; я ему съ ней вмѣстѣ
Передаю окованное счастье
Французовъ... Я сама за вами скоро
Послѣдую; идите.

ІОАННА.

Къ Ліонелю?
Нѣтъ, лучше умертви меня.

КОРОЛЕВА.

Идите.
(Уходитъ съ частію солдатъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Іоанна, солдаты.

ІОАННА (къ солдатамъ).

Британцы, вы ль потерпите, чтобъ я
Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
Мечи; вонзите ихъ мнѣ въ сердце, бросьте
Къ ногамъ вождя мой трупъ окровавленный;
О, вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
Товарищей сразила безпощадно,
Что я лила ручьями кровь британцевъ,
Что отъ меня столь многіе изъ васъ
Съ отчизною свиданья лишены;
Отмстите мнѣ; убійцу умертвите;
Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Исполните, что велѣно.

ІОАННА.

О Боже!
Ужель мнѣ быть несчастною вполнѣ?..
Владычица, иль Ты непримирима?
Иль я совсѣмъ отвержена Тобою?
Не внемлетъ Богъ; не сходитъ Божій ангелъ;
Спятъ чудеса; и небо затворилось.
(Слѣдуетъ за солдатами.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Французскій лагерь.

Дюнуа, архіепископъ, Дю-Шатель.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Спокой твое негодованье, принцъ;
Король насъ ждетъ; ужель теперь покинешь
Ты дѣло общее, когда все гибнетъ,
Когда рука могучая въ защиту
Отечеству нужна?

ДЮНУА.

Но что причиной
Намъ новыхъ бѣдъ? Что подняло врага?
Все было рѣшено: побѣда наша;
Врагъ истребленъ; окончена война...
Спасительницу вы изгнали—сами
Теперь спасайтеся; а мнѣ противенъ
Тотъ лагерь, гдѣ ея ужъ болѣ нѣтъ.

ДЮ-ШАТЕЛЬ.

Не отпускай насъ, принцъ, съ такимъ отвѣтомъ;
Подумай...

ДЮНУА.

Дю-Шатель, молчи! тебя
Я ненавижу; ты мой первый врагъ;
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Но кто жъ изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Божій громъ
Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены; кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?
Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она являлась намъ; и въ страхѣ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся; Бургундскій герцогъ
Себя винитъ; въ отчаяньи Ля-Гиръ,
И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ.

ДЮНУА.

Она обманщица? О, если бъ съ неба
Святая истина сойти хотѣла—
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота,
То на ея устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Лишь чуду свыше
Разсѣять мракъ ужасной этой тайны,
Для ока смертнаго непостижимой;
Но что ни совершись—все мы виновны
Въ одномъ: иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божію посланницу изгнали;
И вышній гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Пажъ, прежніе, потомъ Раймондъ.

ПАЖЪ.

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ вамъ: онъ
Усильно проситъ, чтобъ ему вамъ лично

Сказать два слова дали; онъ о дѣвѣ
Извѣстіе принесъ.

ДЮНУА.

Скорѣй ввести
Его сюда!.. извѣстіе о ней!
(Бѣжитъ навстрѣчу къ Раймонду.)
Гдѣ, гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

Благодаренье Богу,
Что съ вами здѣсь святой нашъ архипастырь,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсненныхъ;
Онъ будетъ мой заступникъ.

ДЮНУА.

Гдѣ Іоанна?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ, вѣрьте мнѣ,
Не хитрая волшебница она!
Свидѣтель Богъ и всѣ его святые:
Вы и народъ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу Господню
Отвергнули.

ДЮНУА.

Но гдѣ она? Скажи.

РАЙМОНДЪ.

Я былъ ея проводникомъ; въ Арденскомъ
Лѣсу скитались мы, и тамъ она
Все исповѣдала передо мною;
Я въ мукахъ умереть готовъ и царства
Небеснаго пускай мнѣ не видать,
Когда она, какъ ангелъ, не безгрѣшна.

ДЮНУА.

Самъ Божій день души ея не чище;
Но гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

О, если вамъ Господь
Къ ней душу обратилъ—то поспѣшите
Ее спасти; она у англичанъ
Въ плѣну.

ДЮНУА.

Въ плѣну!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Несчастная!

РАЙМОНДЪ.

Въ Арденахъ,
Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали,
Попалась намъ навстрѣчу королева;
Она ее велѣла оковать,
И въ непріятельскій послала лагерь...
Погибнуть въ мукахъ ей; о! поспѣшите
Съ защитою къ защитницѣ своей.

ДЮНУА.

Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!
Вся Франція бѣги за нами въ бой!
Въ залогѣ честь; обругана корона;
Разрушена престола оборона;
Въ рукахъ врага палладіумъ святой;
Все за нее; всей крови нашей мало!
(Обнажаетъ мечъ.)
Спасти ее, во что бы то ни стало! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Башня, на верху ея отверстіе.

Іоанна, Ліонель, Фастольфъ, потомъ королева.

ФАСТОЛЬФЪ (входя).

Не укротить бунтующій народъ;
Какъ бѣшеный, онъ требуетъ, чтобъ выдалъ
Ты плѣнницу ему на жертву; силой
Его не одолѣть; убей ее,
И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;
Другимъ ничѣмъ не усмирится войско.

КОРОЛЕВА (входитъ).

Ужъ лѣстницы приставлены къ стѣнѣ;
Хотятъ взять приступомъ нашъ за́мокъ...
Слышишь
Ихъ крикъ?.. Дождешься ли, чтобъ силой
Они сюда вломились? Мы погибнемъ;
Ея не защитить; отдай ее.

ЛІОНЕЛЬ.

Пускай бунтуютъ; мнѣ не страшенъ приступъ;
Мой за́мокъ крѣпокъ; я скорѣй въ его
Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ
Бунтовщиковъ поддамся... Отвѣчай,
Іоанна, мнѣ; рѣшися быть моею—
И за тебя я драться съ цѣлымъ свѣтомъ
Готовъ.

КОРОЛЕВА.

Стыдись, британскій вождь!

ЛІОНЕЛЬ.

Твои
Отвергнули тебя; неблагодарной
Отчизнѣ ты ни чѣмъ ужъ не должна;
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули—они не смѣли
За честь твою сразиться; я жъ осмѣлюсь
Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя
Сразиться... Мнѣ казалось прежде,
Что жизнію моей ты дорожила;
Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою—
А нынѣ я единственный твой другъ.

ІОАННА.

Изъ всѣхъ враговъ народа моего
Ты ненавистнѣйшій мнѣ врагъ; межъ нами
Быть общаго не можетъ; не могу
Тебя любить... Но если ты наклоненъ
Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ
Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ;
Вели твоимъ полкамъ мою отчизну
Немедленно покинуть; возврати
Мнѣ всѣ ключи французскихъ городовъ,
Похищенныхъ войной; отдай всѣхъ плѣнныхъ
Безъ выкупа; вознагради за все,
Что здѣсь разорено, и дай залоги
Священной вѣрности—тогда тебѣ
Отъ имени монарха моего
Я предлагаю миръ...

КОРОЛЕВА.

Ты смѣешь намъ,
Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

ІОАННА.

Рѣшись завременно; ты должен будешь
Рѣшиться; Францію не одолѣть;
Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть! скорѣй она
Для вашихъ войскъ обширнымъ гробомъ будетъ.
Храбрѣйшіе изъ васъ погибли; вспомни
О родинѣ; подумай о возвратѣ;
Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества ужъ нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Одинъ изъ военачальниковъ входитъ поспѣшно.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженье;
Французское поколебалось войско;
Они идутъ, знамена распустивъ;
Долина вся оружіемъ сверкаетъ.

ІОАННА.

Идутъ, идутъ! теперь вооружись,
Британія! теперь отвѣдай силы!
Ударилъ часъ; увидимъ, чья побѣда!

ФАСТОЛЬФЪ.

Безумная, твоя напрасна радость;
Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

ІОАННА.

Пускай умру—народъ мой побѣдитъ;
Для храбрыхъ я ужъ болѣ не нужна.

ЛІОНЕЛЬ.

Я презираю ихъ; во всѣхъ сраженьяхъ
Мы съ ними ладили, доколѣ эта
Рука за нихъ не поднялась. Межъ ними
Одна была достойна уваженья—
И ту они изгнали... Другъ, пойдемъ;
Теперь нашъ часъ; пришла пора напомнить
Имъ страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здѣсь останьтесь; вамъ
Ввѣряю плѣнницу.

ФАСТОЛЬФЪ.

Какъ? намъ ее
Покинуть за собой?

ІОАННА.

Стыдися, воинъ,
Ты женщины окованной робѣешь.

ЛІОНЕЛЬ (Іоаннѣ).

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
Не станешь.

ІОАННА.

Нѣтъ, свободу возвратить
Живѣйшее желаніе мое.

КОРОЛЕВА.

Въ тройную цѣпь ее закуйте; жизнью
Клянусь вамъ, что она не убѣжитъ.

(На Іоанну налагаютъ цѣпи, которыя окружаютъ и руки ея и все тѣло.)

ЛІОНЕЛЬ.

Іоанна, ты сама того хотѣла;
Еще не поздно; будь за насъ и знамя
Британское возьми—и ты свободна;
И тѣ враги, которые такъ крови
Твоей хотятъ, твою признаютъ волю.

ФАСТОЛЬФЪ.

Пойдемъ, пойдемъ.

ІОАННА.

Не трать напрасно словъ;
Они идутъ; спѣши обороняться.

(Трубы; Ліонель уходитъ.)

ФАСТОЛЬФЪ.

Вы знаете, что дѣлать, королева,
Когда не къ намъ наклонится фортуна,
Когда не мы побѣду...

КОРОЛЕВА (вынимая кинжалъ).

Будь спокоенъ;
Я ей не дамъ торжествовать.

ФАСТОЛЬФЪ (Іоаннѣ).

Теперь
Ты знаешь жребій свой; молися жъ небу,
Чтобъ твой народъ оно благословило.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Іоанна, королева, солдаты.

ІОАННА.

Я буду за него молиться; кто
Языкъ мой окуетъ?.. Но что я слышу?
Военный маршъ народа моего;
Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ душу!
Побѣда Франціи! британцамъ гибель!
Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
Іоанна близко; знамя передъ вами
Она нести не можетъ, какъ бывало;
Она въ цѣпяхъ—но духъ ея свободно
Стремится въ бой за вашей бранной пѣснью.

КОРОЛЕВА (одному изъ солдатъ).

Взойди на башню; съ ней все поле видно;
Разсказывай, что тамъ случится...
(Солдатъ всходитъ на башню.)

ІОАННА.

Дружно!
Мужайся, мой народъ; то бой послѣдній;
Еще побѣда—и врага не стало!

КОРОЛЕВА.

Что видишь тамъ?

СОЛДАТЪ.

Сошлись... Вотъ кто-то скачетъ,
Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ; вслѣдъ за нимъ жандармы.

ІОАННА.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой бодрый витязь!
Побѣда тамъ, гдѣ ты.

СОЛДАТЪ.

Бургундскій герцогъ
Ударилъ на мостъ.

КОРОЛЕВА.

Смерть тебѣ, предатель!

СОЛДАТЪ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ;
Сошли съ коней—дерутся, грудь-на-грудь—
Бургундцы съ нашими перемѣшались.

КОРОЛЕВА.

Узналъ ли ты дофина? Не видать ли
Тамъ королевскихъ знаковъ?

СОЛДАТЪ.

Все въ пыли
Смѣшалось; ничего не различишь.

ІОАННА.

Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль на башнѣ
Стояла я—ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдалекѣ
Отъ ворона орла бъ я отличила.

СОЛДАТЪ.

Теперь во рву ужасная тревога...
Тутъ всѣ вожди...

КОРОЛЕВА.

А наше знамя?

СОЛДАТЪ.

Вѣетъ.

ІОАННА.

О, если бъ я хотя въ проломъ стѣны
Смотрѣть на нихъ могла; тогда бъ и взоръ [мой
Сраженіемъ повелѣвалъ.

СОЛДАТЪ.

Бѣгутъ!
Бѣгутъ! побѣда!

КОРОЛЕВА.

Кто бѣжитъ?

СОЛДАТЪ.

Французы!
Бургундцы; поле все покрылось ими.

ІОАННА.

О Боже! до того ль меня покинешь?

СОЛДАТЪ.

Какой-то раненый упалъ... на помощь
Бѣгутъ толпы... то вѣрно вождь...

КОРОЛЕВА.

Французъ,
Иль нашъ?

СОЛДАТЪ.

Снимаютъ шлемъ; графъ Дюнуа.

ІОАННА (въ отчаяніи порывается изъ цѣпей).

А я въ цѣпяхъ!

СОЛДАТЪ.

Вотъ кто-то въ голубой
Богатой мантіи съ шитьемъ и съ бѣлымъ
Перомъ на шлемѣ... онъ несется прямо
На нашихъ.

ІОАННА (съ живостью).

То король, мой государь!

СОЛДАТЪ.

Конь испугался—прянулъ—и упалъ—
Онъ бьется подъ конемъ—онъ въ стременахъ
Запутался—къ нему помчались наши—
Ужъ близко—вотъ они—онъ окруженъ.
(Іоанна сопровождаетъ каждое слово отчаяннымъ движеніемъ.)

О. РЕНАРЪ.

ІОАННА.

Иль ангеловъ на небесахъ не стало?

КОРОЛЕВА (съ ругательнымъ смѣхомъ).

Теперь пора... Защитница, спасай!

ІОАННА (бросившись на колѣни).

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,
На небеса Твои, съ надеждой, съ вѣрой,
Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю;
Всесиленъ Ты—тончайшей паутинѣ
Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;
Всесиленъ Ты—тройнымъ желѣзнымъ узамъ
Тебѣ легко дать бренность паутины;
Ты повелишь и цѣпь сія падетъ;
И сей тюрьмы разрушится стѣна;
Ты, дивный Богъ, съ Тобой слѣпецъ Сампсонъ
И въ слабости могущество низринулъ;
Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ—
И на врага упали своды храма.

СОЛДАТЪ.

Побѣда!

КОРОЛЕВА.

Что?

СОЛДАТЪ.

Король взятъ въ плѣнъ.

ІОАННА (вскочивъ).

Нѣтъ! съ нами
Богъ!

(Она схватила обѣими руками свои цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близъ-стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечъ, и убѣжала; всѣ остались неподвижные отъ изумленія и ужаса.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе, кромѣ Іоанны.

КОРОЛЕВА (послѣ долгаго молчанія).

Что это? Во снѣ ль я? Гдѣ она?
И эту цѣпь она перервала!
Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

СОЛДАТЪ (съ башни).

Она на крыльяхъ... вихремъ мчится.

КОРОЛЕВА.

Гдѣ она?

СОЛДАТЪ.

Ударила въ средину битвы;
Мой взоръ за ней не поспѣваетъ—вдругъ
И тамъ, и тутъ, и въ тысячѣ мѣстахъ
Является она—тамъ раздвоитъ
Толпу—тамъ сломитъ строй—все передъ ней
Бѣжитъ и падаетъ—французы стали,
Опять построились—о горе! наши
Разсыпались—оружіе бросаютъ—
Знамена пали...

КОРОЛЕВА.

Какъ? Ужель она
Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

СОЛДАТЪ.

Она пробилась къ королю—и сильной
Рукою вырвала его изъ битвы—
Къ ней бросился Фастольфъ—онъ опроки-
Вождь окруженъ—его схватили... [нутъ—

КОРОЛЕВА.

Стой!
Ни слова болѣе, сойди!

СОЛДАТЪ.

Бѣгите!
Спасайтеся! они хотятъ ударить
На за́мокъ нашъ. (Сходитъ съ башни.)

КОРОЛЕВА (вынимая мечъ).

Обороняйтесь! стойте!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Ля-Гиръ вбѣгаетъ съ солдатами; королевины солдаты бросаютъ оружіе.

ЛЯ-ГИРЪ (почтительно подходя къ ней).

Поддайтесь побѣдѣ, королева;
Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вамъ... Куда велите
Васъ проводить?

КОРОЛЕВА.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина;
Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.
(Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ля-Гиромъ.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Поле сраженія; назади сцены солдаты съ распущенными знаменами; впереди король и герцогъ бургундскій: на рукахъ у нихъ лежитъ Іоанна, смертельно раненая и неподвижная; они тихо подвигаются впередъ.

АГНЕСА (вбѣгаетъ).

Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

КОРОЛЬ.

Освобожденъ... но вотъ цѣна свободы;
Смотри! (Указываетъ на Іоанну.)

АГНЕСА.

Іоанна! Боже! умираетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Скончалась; улетѣлъ нашъ ангелъ; тихо,
Безгорестно, какъ спящее дитя

Она лежитъ, и райскій миръ сіяетъ
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

КОРОЛЬ.

Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земного;
И съ высоты преображенный ангелъ
Не зритъ ни слезъ, ни угрызеній нашихъ.

АГНЕСА.

Она жива; она глаза открыла.

ГЕРЦОГЪ.

Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встаетъ.

ІОАННА (осматриваясь).

Гдѣ я?

ГЕРЦОГЪ.

Съ своимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Іоанна.

КОРОЛЬ.

Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой король.

ІОАННА (долго смотрѣвъ неподвижными глазами).

Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

КОРОЛЬ.

Ты ангелъ чистый;
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затменьи.

ІОАННА (осматриваясь съ веселой улыбкой).

Итакъ, опять съ народомъ я моимъ;
И не отвержена; и не въ презрѣньи;
И не клянутъ меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой, мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

КОРОЛЬ (отвративъ глаза).

Подайте знамя... Вотъ оно; возьми.

(Она беретъ его, подымается и стоитъ ни кѣмъ не будучи поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ.)

ІОАННА.

Смотрите, радуга на небесахъ.
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ—на персяхъ вѣчный Сынъ—
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой...
Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
Туда... туда!.. земля ушла изъ глазъ...
Минута—скорбь, блаженство—безконечно.

(Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она мертвая на него опускается; всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи.—Король подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена, такъ-что она совершенно ими закрыта.)

УНДИНА.

Старинная повѣсть, изъ Лямотъ-Фуке *).

1833—1836.

(Посвященіе В. Кн. Маріи Николаевнѣ.)

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній;
Природа вся мнѣ пѣснію была.
  Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.
  Но о мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.
  Здѣсь есть одна—жива какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда молода—
На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ завсегда...
  Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.
„Кто обреченъ святому новоселью
Тобой въ жильцы?“ судьбу я вопрошалъ.
  И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужъ милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ.
  Года прошли—и мой расцвѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ;
И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю присланъ былъ.

---

*) Повинуясь волѣ, которую мнѣ было особенно пріятно исполнить, я разсказалъ русскими стихами „Ундину“. Въ 1833 г., находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевскаго озера (въ деревенькѣ Верне́, близъ Монтрё), написалъ я первыя три главы этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другого рода надолго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда, и только въ нынѣшнемъ году я могъ опять за него приняться. Послѣднія главы „Ундины“ написаны въ сельскомъ уединеніи, близъ Дерпта, гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ попрежнему посвятить досугъ своей поэзіи.—Ж.—Элистферъ, 26 іюля 1836.

Его-то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую поэзію мою;
Имъ иногда я душу воскрешаю;
При немъ подчасъ, забывшись, и пою.

(1836.)

ГЛАВА I.

О томъ, какъ рыцарь пріѣхалъ въ хижину рыбака.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось, что въ ясный, весенній
Вечеръ сидѣлъ передъ дверью избушки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ и починивалъ сѣть. Сторона та, въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто. Лугъ, гдѣ стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берегъ душистый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя воды съ любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной, трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣнялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою—и только; дремучій
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой непреступной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ; тамъ было нечисто:
Злые духи гнѣздилися въ немъ и пугали прохожихъ
Такъ, что не смѣли и близко къ нему подходить. Но смиренный
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ; на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій за лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину; и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый небесною силой.
Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ онъ услышалъ
Шумъ въ лѣсу, какъ-будто бы топотъ коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ: шумъ приближается; робость
Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ ненастныя ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ
Мыслямъ его; особливо жъ одинъ великанскаго роста,
Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ и ему показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотритъ кивающій призракъ.
Вспомнивъ, однако, что все никакой еще не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу ни въ избушкѣ, въ которой такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечистый надъ ними не властенъ,
Онъ ободрился, прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую
Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средины
Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ озеро; шумъ же,
Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ на бѣломъ,
Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной онъ ѣхалъ и прямо
Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алаго цвѣта
Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ шитый,
Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ беретѣ вилися
Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной
Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ, копытомъ
Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь воздушной
Поступью шелъ и, сгибая красивую шею какъ лебедь,
Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный
Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ и, снявши
Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приблизясь,
Рыцарь сказалъ: „Могу ль я съ конемъ найти здѣсь на эту
Ночь убѣжище?“—Милости просимъ, гость благородный;
Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый
Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревъ, а вкусную пищу

Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ жъ мы охотно
Уголъ очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ и ужинъ
Скудный съ тобою раздѣлимъ.—Рыцарь, кивнувъ головою,
Спрыгнулъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему лугу
Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: „Ты охотно,
Добрый старикъ, принимаешь меня, но когда бъ и не столько
Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлался нынче:
Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги
Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый
Лѣсъ возвращаться, избави Боже!"—Не станемъ объ этомъ
Слишкомъ много теперь говорить,—сказалъ озираясь
Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ усталаго гостя.
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой
Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ широкомъ
Съ спинкой рѣзною, сидѣла жена рыбака пожилая.
Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
Чинно и сѣла опять, ему отдать не подумавъ
Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: —Благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай;
Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается.—„Что ты,
Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка; вѣдь гость нашъ
Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ и мы, и придетъ ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, она продолжала, да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадёжна".
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ-будто бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужи въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ
Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся
Рѣчь о немъ заводить; зато о своей одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ разсказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій
За́мокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ:—„Меня называютъ Гульбрандомъ,
Имя же за́мка Рингштетенъ".—Такъ говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ,
Точно какъ-будто водой кто опрыскивалъ стекла снаружи.
Всякій разъ съ досадой нахмуривалъ брови, послышавъ плесканье,
Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвенѣло и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко съ угрозой:—Ундина!
Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости.—При этомъ
Словѣ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій
Шопотъ, какъ-будто бы кто потихонько смѣялся.—Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
Можетъ-быть, шалостей много еще ты увидишь, но злого
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденышъ, сущій младенецъ,
Все проказитъ, а будетъ ей лѣтъ ужъ осьмнадцать; но сердце
Самое доброе въ ней.—Покачавъ головою, старушка
Молвила: „Такъ говорить ты волёнъ; когда ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на досугѣ забавы
Эти проказы; но съ утра до вечера дома глазъ-на́-глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нея не добиться путнаго слова—
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье".—
—Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ; ты бьешься съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ не часто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ

Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ ли?—„Что правда, то правда;
Вовсе ее разлюбить ужъ нельзя“, кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ растворилася настежь
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ вспорхнула Ундина, какъ что-то воздушное. „Гдѣ же
Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня обманулъ?“ Но увидя,
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гостя, а онъ изумленный чуднымъ явленьемъ,
Былъ какъ вкопаный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести: онъ думалъ, что видитъ сонъ, и вглядѣться
Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки раскрывъ, какъ младенецъ;
Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой, она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣна и, цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала: „Прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по свѣту долженъ былъ странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты проѣхалъ?“ Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: — Оставь въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возьмись за работу.—Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку и, сѣвши
Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонько шепнула:
„Вотъ гдѣ я буду работать“. — Старикъ, притворясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ундина
Рѣчь перебила его: „У тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта?“—
—„Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, прелесть моя“.—„Разскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чуднаго видѣлъ?“—
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣсѣ; невольно
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись
Съ духомъ, разсказъ онъ готовъ былъ начать; но старикъ торопливо
Молвилъ ему:—Недоброе время теперь намъ объ лѣсѣ
Рѣчь заводить; разскажешь намъ завтра.— Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали.
„Нынче, не завтра онъ долженъ разсказывать! нынче, теперь же!“
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту
Такъ забавно мила и прелестна была, что въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина сказала:
„Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ; одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ“. Съ сими словами
Прыгнула въ двери она и въ минуту во мракѣ пропала.

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КАКЪ УНДИНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ЯВИЛАСЬ ВЪ ХИЖИНѢ РЫБАКА.

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно: Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: „Что дѣлать?“ — Ужъ это не въ первый
Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами часто

Насъ забавляетъ она, теперь опять мнѣ придется
Цѣлую ночь напролётъ безъ сна проворочаться съ боку
На бокъ на жесткой постели моей: вѣдь, мало ль что можетъ
Встрѣтиться ночью!—„Зачѣмъ же медлить? Пойдемъ поскорѣе
Сами за нею“.—Трудъ безполезный; ты видишь какая
Тьма на дворѣ; куда мы пойдемъ? И кто угадаетъ,
Гдѣ она спряталась?—„Будемъ, по крайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хоть кликать ее. И кричать онъ началъ: Ундина!
Гдѣ ты, Ундина?“—Старикъ покачалъ головою.—Какъ хочешь.
Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужъ вѣрно
Гдѣ-нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица.—Такъ говоря, старикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ утерпѣть, чтобъ туда же
Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть:—Ундиночка! милая! гдѣ ты?—
Правду однако онъ предсказалъ: никакой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ понапрасну, они, наконецъ, возвратились
Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно и старушка,
Менѣе мужа о томъ, что съ Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши, потухнулъ;
Только немногіе уголья тлѣли и синее пламя,
Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ большую
Кружку виномъ и поставилъ ее передъ гостемъ.—Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой рогожей
Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у огня и за доброй
Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешь, добрый мой гость? — Гульбрандъ согласился охотно.
Сѣсть принудивъ его на почетномъ оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и вотъ дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждомъ малѣйшемъ
Шорохѣ—стукнетъ ли что въ окошко, и даже нерѣдко
Просто безъ всякаго стука и шороха—вдругъ умолкали
Оба, и палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не тутъ-то
Было; не шелъ никто; и вздохнувши, они начинали
Снова свой разговоръ.—„Разскажи мнѣ, сказалъ напослѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину?“—А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда; а въ то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты спросишь? Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
Я возвращался домой, и солгать не хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ, когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ итти удавалось; а съ Нимъ и опасный
Путь не опасенъ.—При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: —Я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочка?—„Она у Того, Чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь“, жена отвѣчала. И, молча,
Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;

Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ потянулась, какъ-будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ-будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Если бъ можно было отъ слезъ говорить, то не стало бъ
Духу; итакъ, мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ-вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
Шорохъ; онѣ растворились – и что же видимъ мы? Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ человѣчекъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что, вѣрно, младенецъ недавно
Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ, мы сами
Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.
Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и напиться
Дали горячаго ей; а она все молчала, и только,
Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
Скоро заснула она и, свѣжа, какъ цвѣточекъ весенній,
Утромъ проснулась; когда жъ мы разспрашивать стали, откуда
Родомъ она, и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого; и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а добиться
Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по разсказамъ
Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала
Прямо съ луны: о какихъ-то зáмкахъ прозрачныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ небылицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда; удалося
Вывѣдать только одно, что катаясь пó морю въ лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшній
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очнулась... Въ сомнѣньи
Тяжкомъ осталися мы: хотя и было не трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной дочки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ, но не знали
Мы, крещена ли она или нѣтъ? Сказать же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что съ волей Господней согласно. И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненьи придумали вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее Доротеей
Было бъ всего приличнѣй назвать: мы слыхали, что значитъ
Это имя „Даръ Божій“, она же была мило сердымъ
Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла. „Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться
Вѣчно Ундиной!“—Но было ли то христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ въ городъ;
Онъ согласился прійти къ намъ; сначала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но наша малютка
Въ платьецѣ странномъ своемъ, была такъ чудесно красива,

Такъ ласкалась къ нему и въ то же время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей—и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженье святого
Таинства: дикая рѣзвость исчезла, и тихимъ, смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ-будто бы чувствуя, что съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить, немало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все разсказать мнѣ...—Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: „Послушай! послушай!
Что тамъ?"—Не разъ ужъ во время разсказа былъ онъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились къ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ; и было все небо,
Такъ же какъ море, взволновано; тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой трепетала; при свистѣ
Вихря было внятно, какъ море свирѣпое голосъ
Свой воздымало, и какъ, скрипя отъ вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья.—Ундина!..
Царь мой небесный!.. Ундина!—старикъ закричалъ, но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу, и громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: „Ундина! Ундина!"

ГЛАВА III.

О ТОМЪ, КАКЪ БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА.

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, одинъ, въ безполезномъ исканьи;
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращеньи,
Началъ думать, что море, лугъ, источникъ, рыбачья
Хижина, старый рыбакъ, и все, что съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зовущій Ундину,
Все ему издали слышался. Вотъ, наконецъ, очутился
Онъ въ самомъ краю лѣсного ручья, который въ разливѣ
Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣкою,
Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на которомъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. „Боже! рыцарь подумалъ,
Что, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и назадъ ей
Нѣтъ оттуда дороги, и тамъ у злыхъ привидѣній,
Плачетъ она одна въ темнотѣ?" Отъ ужаса вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него, перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровёнъ съ деревами,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ, и, оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою—но самый сей ужасъ
Только-что съ бо́льшею силой влекъ его въ лѣсъ: тамъ Ундина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужъ ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ-вдругъ недалеко
Сладостный голосъ сказалъ: „Не ходи, не ходи, берегися
Злого потока; старикъ сердитъ и обманчивъ". Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался и слушалъ; но мѣсяцъ
Темной задернуло тучей и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и онъ, черезъ силу держался,

Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ, онъ воскликнулъ: „Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя". И глубже въ воду пошелъ онъ.
Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: „Оглянися!"
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину. Былъ маленькій островъ
Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ угнѣздившись,
Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было нетрудно
Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и Гульбрандъ очутился
Вмигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она жъ, приподнявшись,
Руки вкругъ шеи его обвила и его поневолѣ
Рядомъ съ собой посадила. „Теперь ты разскажешь мнѣ, милый,
Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики насъ
Здѣсь не услышатъ и скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля
Стоитъ ихъ хижины дымной". „Здѣсь рай, Ундина!" воскликнулъ
Рыцарь, прижавши ко груди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ берега.—Рыцарь!
Онъ закричалъ, непохвальное дѣло ты дѣлаешь; нами
Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь, обнимаясь
Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайкомъ и оставилъ
Въ страхѣ меня, старика, одного попустому за нею
Бѣгать впотемкахъ.—„Я самъ, отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею".—Тѣмъ лучше; скорѣе жъ
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю.—
Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше
Въ страшный лѣсъ она соглашалася съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ не хотѣли
Дѣлать того, о чемъ просила она, и откуда
Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо запѣла:
„Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется;
Влившися въ море, она изъ моря назадъ не польется".
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню; ее же
Слезы его какъ-будто не трогали; къ рыцарю съ дѣтской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей: „Ундина,
Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямься жъ; намъ должно,
Должно къ нему возвратиться".—Въ нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потомъ:—„Когда ты такъ думаешь, милый,
Я согласна".—И съ видомъ покорнымъ, глаза опустивши,
Встала она, и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на шею
Кинулся къ ней и въ радости былъ, какъ дитя; прибѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все также утихло, и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣялась,
Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро
Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ вѣткахъ;
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ разсказъ свой. И такъ согласились
Завтракъ принесть подъ деревья. Ундина проворно усѣлась
Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другого же мѣста
Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь разсказывать началъ.

ГЛАВА IV.

О томъ, что случилось съ рыцаремъ въ лѣсу.

„Вотъ ужъ болѣ недѣли, какъ я въ тотъ вольный имперскій

Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ и рыцари копья ломали усердно.
Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подошедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту
Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бертальда—
Мнѣ сказали—питомица знатнаго герцога, въ ближнемъ
За́мкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ видомъ
Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣлась двойная
Бодрость: усердно бился я прежде, но съ этой минуты
Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною
Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные
Два турнира". —Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила бровки, и въ глазахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему пригрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ разсказъ свой
Такъ продолжалъ: „Бертальда прекрасна, нельзя не признаться;
Но черезчуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во второй разъ
Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый, а въ третій разъ менѣ,
Чѣмъ во второй. Однако, мнѣ показалось, что болѣ
Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ перчатку
Мнѣ свою подарила она. —Подарю, отвѣчала
Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ происходитъ.—Перчатка
Мнѣ дорога́ не была: но было бы рыцарю стыдно
Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согласился".
— Развѣ тебя не любила она? спросила Ундина.—
„Я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ, такъ мнѣ казалось".
— О! такъ она сумасшедшая, вскрикнула громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ладоши. Кто жъ не безумный
Съ милымъ себя разлучитъ и его добровольно въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло пошлетъ? Отъ меня бъ не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести.— „Рано
Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ, улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сіяли деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на зелени дерна;
Было свѣжо; благовонные листья такъ сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я поневолѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ страшилища въ райскомъ
Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чащу;
Мало-по-малу все стало пустынно и тихо; густѣя,
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ: посмотрѣть, высоко ли
Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю и что же
Вижу? Черное что-то копышится въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визглявымъ,
Мнѣ закричали: „Кстати пожаловалъ; милости просимъ;
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ
Вашу милость изжарить". Потомъ, съ отвратительно-дикимъ
Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо
Вскачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился

Дьяволъ".—При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой
Перекрестились; Ундина жъ тихо шепнула: —Всего здѣсь
Лучше по-моему то, что ты не изжаренъ, мой милый
Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разсказывай далѣе. —„Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказалъ; имъ владѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее; но въ самое жъ это мгновеніе кто-то
Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу дорогу,
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь, отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся—что же?
Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а блестящій
Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма".—Благодарствую милый,
Добрый ручей! закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина.—
Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ головою;
Рыцарь разсказывалъ далѣ. „Собравъ повода, укрѣпился
Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ человѣкъ
Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунъ, земляного
Цвѣта лицо, и носъ огромный такой, что, казалось,
Былъ онъ длиною со все остальное тѣло урода.
Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,
Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ и, коня повернувши,
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь (ужъ склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карликъ
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
Я закричалъ, раздавлю.—Но уродъ, исковеркавшись снова,
Началъ визжать: „Сперва заплати за работу; ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я подвернулся".
Лжешь ты, кривляка, сказалъ я, не ты, а этотъ источникъ
Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ деньги; оставь насъ,
Дай дорогу.—И бросивъ одну золотую монету
Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но снова явился
Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ, но съ боку
Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ скорѣе
Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
Въ шапку ему; но съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,
Началъ кричать онъ: „Поддѣльное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся!"—И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба;
Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину и тогда мнѣ открылась
Область подземная гномовъ; они гомозились, роились,
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ, и пускали
Вихри песка золотого другъ-другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то внизъ, то вверхъ; и ему подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ,
Каждый онъ въ бездну бросалъ и, изъ пропасти въ пропасть со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохотомъ въ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.
Вдругъ взгомозилися всѣ, и, толпяся, толкаясь, полѣзли
Кверху, костистые, пылью металловъ покрытые пальцы
Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось, кипѣла;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...
Ужасъ меня одолѣлъ: давъ шпоры коню, безъ оглядки
Я поскакалъ... и не знаю, долго ль скакалъ; но очнувшись
Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли, прохладно
Было въ лѣсу и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.

Взъѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь; я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
Тамъ и оно; разсердившись скачу напроломъ; но навстрѣчу;
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ, и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промочёнъ до костей, я бросаюсь
Вправо и влѣво, но все не могу попасть на тропинку;
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно—за мной по пятамъ онъ, но смиренъ, и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять на тропинку
Взъѣду—онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ, поневолѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно;
Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за мною
Блѣднотуманнымъ столбомъ подвигался; когда же случалось
Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
Столбъ—съ головой, что въ меня упирались тускло и зорко
Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала
Всякій разъ голова, какъ-будто меня понукая
Ѣхать впередъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ
Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ я,
Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ".—
Рыцарь кончилъ разсказъ свой. — Мы рады тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ.—Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про-себя тихомолкомъ смѣяться
Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей: „Ундина,
Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешься?"—
Я ужъ знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай
Этотъ сердитый потокъ переплыть—верхомъ иль на лодкѣ,
Какъ угодно—анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ... давно я
Знаю, что этого сдѣлать нельзя; и отецъ недалеко
Въ море уходитъ съ лодкой своею. Итакъ, оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему я смѣюся.—
Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобы видѣть, такъ ли то было,
Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними
Вслѣдъ и она. И подлинно все опрокинуто было
Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и долженъ
Былъ поневолѣ онъ ждать, пока въ берега не вольется
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину рядомъ съ Ундиной,
Онъ ей шепнулъ: „Что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что съ вами
Я остаюся?"—Полно, полно, она проворчала,
Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой несносной Бертальдѣ.—

ГЛАВА V.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖИЛЪ У РЫБАКА ВЪ ХИЖИНѢ.

Можетъ-быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага
Первой, чистой любви, на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется такъ сладко, здѣсь сердцу будетъ пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда, очарованной думой
Ты обнималъ безымянное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившися въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.

Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣпѣя,
День-ото-дня расширялся, и островъ все далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаясь съ твердой землею; казалось,
Міръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги житейскія, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугѣ онъ много
Могъ разсказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словомъ, онъ былъ живая лѣтопись; время безъ скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей полнымъ
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо изъ жизни
Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вливалась
Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старикъ промышлялъ попрежнему рыбною ловлей;
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ къ счастью нашелся
Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его почининивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ: въ запасѣ
Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость сильфиды, измѣнчивость струйки...
Словомъ Ундина была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея пронипала, томила
Душу Гульбранда какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя причуды Ундины
Были подчасъ и докучливой мукой; зато и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило
Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала; потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась; потомъ проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сѣтью, которою мало-по-малу опуталось сердце
Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ каждою мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ слилася Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силѣ она и сама покорялась; хотя въ ней
Все осталось попрежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила—любила безпечно, какъ любитъ
Птичка, летая среди чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что въ міръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему не встрѣчаться.
Если жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ-будто
Спрашивалъ; скоро ли въ битву? иль, если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза, иль праздно на стѣнкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдвигался
Въ звонкомъ паденьи —дума о славѣ и подвигахъ бранныхъ
Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ было. И такъ одинъ за другимъ непримѣтно
Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ
Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство; привыкли

Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ, съ полнымъ
Кубкомъ часъ-другой проводить въ разговорѣ радушномъ;
Вдругъ недостало вина: запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ
Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ, а Ундина,
Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и дологъ
Былъ тотъ вечеръ и рано всѣ разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина изъ хижины. —„Вы мнѣ
Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши
Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту“.
Съ этимъ словомъ захлопнула двери и скрылась. А вечеръ
Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ, и море сердилось.
Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ въ первый
Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только
Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
Имъ навстрѣчу явилась сама.—„За мною! за мною
Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ море:
Бочка, и вѣрно съ виномъ, лежитъ на пескѣ“. За Ундиной
Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно
Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатили
Къ хижинѣ: буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя
Головы, дождь вызывая изъ тучъ; и тучи бѣжали
Шибко и шумно, какъ-будто грозяся напасть на идущихъ;
Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли. Ундина
Вдругъ повернула головку и, пальчикъ поднявши, сердито
Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: „Смотри ты,
Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до дома“.
Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ:—Уймися, Ундина, грѣхъ! И, умолкнувъ,
Стала она про-себя потихоньку смѣяться. Однако,
За́-сухо всѣ добралися до мѣста; но только успѣли
Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое
Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, зашатались
Съ скрипомъ деревья, и море дико завыло. Но бурю
Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками снова
Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бесѣдѣ
Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда столь пріятный
Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ-будто что вспомнивъ,
Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:
—Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь на досугѣ
Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; а бѣдный
Прежній хозяинъ его, быть-можетъ, погибъ и, волнами
Брошенный Богъ-вѣсть куда, лишенъ погребенья. При этомъ
Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку
Къ рыцарю.—„Пей, не бойся“, она прошептала. Но рыцарь
За руку взялъ старика и воскликнулъ: „Я честью клянуся,
Если бъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помѣхою мнѣ не была бы; съ опасностью жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; зато обѣщаюсь,
Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за прекрасный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался“.
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;
Въ немъ успокоилась совѣсть, и съ бо́льшимъ вкусомъ онъ допилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: „Ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить; но бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть... вотъ это ужъ глупо
Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше съ Ундиной

Здѣсь останешься?“—„Правда, Ундиночка, рыцарь съ улыбкой
Ей отвѣчалъ.—„Признайся жъ, что глупо сказалъ ты; вѣдь, каждый
Самъ себѣ ближе; и что до другихъ намъ?..“ Старушка, услышавъ
Это, тяжко вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину:—У турковъ, у нехристей что ли
Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница?— Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошептала:
„Что же такое сказала я имъ? Ужъ и ты не сердитъ ли,
Милый мой рыцарь?“ Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ
Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.
Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрую четверть часа продолжалося это молчанье.

ГЛАВА VI.

О томъ, какъ рыцарь женился.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздрогнули всѣ, какъ-будто недоброе что-то почуя;
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и поспѣшно
Рыцарь схватился за мечъ.—Не поможетъ твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь случается съ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я.—Но въ эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала сердито:
„Кто тамъ? Если то ваши проказы, духи земные,
Будетъ бѣда вамъ: мой дядя Струй васъ порядкомъ проучитъ“.
Пуще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.
Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣлъ ужъ Ундину спросить, но тутъ изъ-за двери
Голосъ сказалъ: „Я не духъ, человѣкъ, христіанинъ; впустите
Ради Господа Бога меня“.—При этомъ поспѣшно Ундина
Дверь отперла и, поднявши ночникъ, во внутренность темной
Ночи стала свѣтить; престарѣлый священникъ стоялъ тамъ.
Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приведенный
Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣдной лачужкѣ
Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ иль дѣломъ бѣсовскимъ
Счелъ и воскликнулъ: „Съ нами Господь и Пречистая Дѣва!“—
„Я не бѣсъ, засмѣявшись, сказала Ундина; не бойся;
Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь добрые люди“.
Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился: пріятенъ
Былъ онъ лицомъ, веселая кротость сіяла во взорахъ.
Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распущенныхъ
Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ
Капли: его промочило дождемъ. Въ боковую каморку
Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благодарнымъ
Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ, надѣвъ рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ, и снова
Всѣ за столомъ передъ свѣтлымъ каминомъ усѣлись; старушка
Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина
Въ ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнулъ ей шутливое слово; но съ важнымъ
Видомъ она отвѣчала: „Онъ Божій служитель; не должно
Этимъ шутить“.—Поужинавъ, добрымъ виномъ подкрѣпивши
Силы свои, священникъ разсказывать началъ, какимъ онъ
Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря, вчерашнимъ
Утромъ покинулъ. „Я былъ къ епископу нашему въ городъ
Посланъ, сказалъ онъ; хотя и есть по изгибу залива

Путь, но моремъ ближе: и я съ гребцами надежными лодку
Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынче жъ поутру въ обратный
Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а къ ночи
Буря—и буря, какой мнѣ ни разу видать не случалось;
Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; безпомощно
Были мы преданы морю, котораго волны какъ щепку
Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и несло насъ
Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну чернѣлъ въ отдаленьи
Этотъ берегъ: ужъ были мы близко; но бѣдную лодку
Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ повалилась
Съ страшнымъ шумомъ большая волна; и самъ я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,
Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не дозволилъ
Мнѣ погибнуть... я былъ принесенъ невредимо на этотъ
Островъ".—Да, островъ, сказалъ совздохомъ рыбакъ; но давно ли
Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь, что море
Съ нашимъ потокомъ бурлитъ заодно?—„И самъ я подумалъ
Что-то подобное, патеръ сказалъ; когда я тащился
Берегомъ вашимъ впотьмахъ, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошелъ; но эта тропинка исчезла
Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
Въ вашей хижинѣ свѣтъ и тотчасъ сюда повернулъ я.
Славу Господу Богу! меня Онъ спасъ, да и къ добрымъ
Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но зато ужъ отнынѣ
Кромѣ васъ никого на землѣ не встрѣчать мнѣ; отнынѣ
Въ этомъ углу весь міръ для меня заключенъ".—„Почему же?"
Рыцарь спросилъ.—„Да кто жъ, отвѣтствовалъ патеръ, узнаетъ
Скоро ли кончится эта война безпорядочныхъ стихій?
Я же старъ, и силы мои конечно изсякнутъ
Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный потокъ; да случиться
Можетъ и то, что день-ото-дня все шире и шире,
Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и вы напослѣдокъ
Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ море, что въ людяхъ
Даже и память объ васъ совсѣмъ пропадетъ; и тѣмъ легче
Можетъ это случиться, что васъ отъ земли заслоняетъ
Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ дикъ и порывистъ,
Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не будетъ возможно
Силы его одолѣть".—Сохрани насъ Господь и помилуй,
Крестъ сотворивши, сказала старушка. —Чего же хозяйка
Такъ испугалась? рыбакъ возразилъ. Не то ли же будетъ
Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья людскія!
Развѣ не все одни мы здѣсь жили? Ни разу во столько
Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего лѣса.
Кромѣ меня, старика, и Ундины, кого ты видала?
Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь Богъ послалъ намъ
Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ разлучится
Островъ нашъ съ твердой землею и люди о насъ позабудутъ,
Намъ же прибыль.—Что правда, то правда, сказала старушка;
Только признаться, мнѣ какъ-то страшно подумать, что вѣчно
Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что землѣ навсегда мы чужіе.
То услыша, Ундина прижалася къ рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему и, уставивши глазки,
Полные острыхъ лучей, на него, нараспѣвъ прошептала:
„Ты останешься съ нами, ты останешься съ нами!"
Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ какимъ-то видѣньемъ;
Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ундиной, желаннымъ,
Найденымъ счастіемъ жизни полный въ душѣ, не разслушалъ
Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, сидѣвшей съ нимъ рядомъ;
Мигъ насталъ роковой: священникъ своими словами
Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ за темный
Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ; а островъ цвѣтущій,

Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжѣй, зеленѣй, все пріютнѣй
Сердцу его становился — невѣста, какъ чистая роза,
Тамъ расцвѣтала; и къ нимъ какъ-будто бы свыше былъ посланъ
Божій священникъ: то явно было не случай. Къ тому же
Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ поглядѣлъ на Ундину
Въ ту минуту, когда, позабывъ о служителѣ церкви
Такъ беззаботно она къ нему приласкалась. Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ и воскликнулъ:
„Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во имя Господне
Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти
Добрые люди“.—Рыбакъ и старушка весьма изумились.
Правда, имъ часто входило на мысль, что такая развязка
Рано иль поздно случиться должна; но объ этомъ молчали
Даже другъ съ другомъ они; и въ это мгновеніе было
Вовсе нежданнымъ для нихъ предложеніе рыцаря. Долго
Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина жъ
Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки потупила въ землю.
Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ и старушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка, очиcтивъ
Наскоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ, отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во время
Оно на свадьбѣ ея зажжены; а рыцарь изъ звеньевъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца, чтобъ съ невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ
Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и невѣстѣ:
„Дайте руку другъ-другу“. Ундина, какъ-будто проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала съ нимъ рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ ихъ духовный
Перекрестилъ; старики жъ молодую жену и Гульбранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко рыдая. Но въ этотъ
Мигъ священникъ сказалъ: „Вы странные люди! не сами ль
Вы говорили, что этотъ островъ безлюденъ, что кромѣ
Васъ четверыхъ не живетъ никого здѣсь? А я въ продолженье
Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это окошко, въ широкомъ
Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за дверями
Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ, чтобъ впустили“.—Спаси насъ,
Дѣва Пречистая, Божія Матерь, сказала старушка;
Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ окошку
Бросился: не было тамъ никого; но что-то впотемкахъ,
Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелькнуло и скрылось.—„Отецъ мой,
Ты ошибся“, сказалъ онъ священнику. Всѣ беззаботно
Съ этимъ словомъ кругомъ огонька попрежнему сѣли.

ГЛАВА VII.

о томъ, что случилось въ свадебный вечеръ.

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда,
Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ-будто волшебной
Силой какой, что ни было въ ней и причудъ и безпутныхъ
Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось; вдругъ принялася
Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря, не былъ
Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ. Суровымъ
Словомъ хотѣла хозяйка шальную унять, какъ бывало; но рыцарь
Съ значущимъ взглядомъ назвалъ ее своею женою;
Та замолчала. И самъ онъ, однако, такимъ поведеньемъ
Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки,
Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду
Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, ручёнкой
Милой своею трепала его по щекѣ и шептала
На-ухо слово любви съ небесной улыбкой; но снова
Съ первою взбалмошной мыслію то жъ начиналось и пуще,
Нежели прежде. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: „Ундина,

Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту приличнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ, какъ съ душою
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать христіански
Душу". — „Душу? смѣясь, закричала Ундина. Такое
Слово пріятно звучитъ; но много ли въ этомъ пріятномъ
Звукѣ смысла? А если кому души не досталось,
Что тому дѣлать? Еще сама я не знаю была ли,
Есть ли душа у меня?" Оскорбленный глубоко, священникъ
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина
Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: „Послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобнымъ,
Робкимъ созданьемъ, такъ строгъ; напротивъ того, съ снисхожденьемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать искреннимъ сердцемъ".
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли;
Что творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ,
Слезы обтерла она, и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши руки сказала: „Отецъ мой, не правда ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль, скажи мнѣ, не лучше ль
Вѣчно пробыть безъ души?.." Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ-будто дичася ея; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: „Великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а донынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно". Она опять зарыдала,
Скрыла въ ладони лицо и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлыя кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ ней священникъ: „Ундина, сказалъ онъ,
Именемъ Господа Бога себѣ говорю: исповѣдай
Душу свою передъ нами, и если таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ". Тихимъ покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣни, и руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и имя
Божіе славя, твердила, что не было зла никакого
Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратяся къ Гульбранду:
—Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ
Самъ сочеталъ васъ: душою она безпорочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте". Сказавъ, новобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ; за нимъ рыбакъ и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на колѣняхъ стояла въ молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку лицомъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало-по-малу, какъ-будто
Въ чувство входя, головку свою подняла, и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила.
— „Милый, ты, вѣрно, такъ же покинешь меня, прошептала
Робко она, но чѣмъ же я, бѣдная, чѣмъ виновата?"
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

Свѣжій утренній лучъ разбудилъ новобрачныхъ; блаженствомъ

Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глубокой
Думѣ молчалъ про-себя; всю ночь онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все снилось ему, что хотѣли
Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?
Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны?.. Но было все тихо;
Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она и сквозь сонъ какъ журчанье,
Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-раскрывшимся губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но въ другой разъ
Тотъ же сонъ! Наконецъ, засіяла заря и проснулися оба.
Сонъ разсказавши, рыцарь просилъ, чтобъ Ундина простила
Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
Съ грустью она ему подала, и ни слова; но сладкій
Полный глубокой любовію взглядъ, какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ, безотвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ, и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли молча; на лицахъ ихъ видно
Было, что тяжко тревожило ихъ ожиданье развязки;
Видно было, что внутренно Бога священникъ молилъ: да поможетъ
Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро явился
Съ яснымъ лицомъ новобрачный, то вмигъ и у нихъ просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ небу
Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ и Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней навстрѣчу, но стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незнакома
Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Священникъ
Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась
Въ землю и стала прощенья просить въ словахъ безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ промолвила: „Добрый
Другъ, помолись о спасеньи моей души многогрѣшной“.
Вставши, она обняла стариковъ, и то, что сказала
Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде плѣняло
Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслухъ и ее называли небеснымъ
Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же
Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ осталась Ундина. Священникъ, любуясь
Ею, воскликнулъ:—„Радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь помоги вамъ обоимъ!“
Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
Дернъ сквозь чащу деревъ, за которыми тихо горѣло
Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листкахъ; но, казалось,
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за собою
Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта

Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.
Такъ подошли напослѣдокъ они къ лѣсному потоку...
Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался;
Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. „Онъ исчезнетъ
Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захочешь“.—
„Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка“, рыцарь отвѣтствовалъ.—„Это
Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.
Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый
Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны
Было бъ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
То хоть въ-послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
Здѣсь у тебя на груди“. И растроганъ, встревоженъ,
Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ онъ
Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ.
„Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садися,
Милый, сказала она: хочу я прежде, чѣмъ словомъ
Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непритворныхъ
Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты долженъ
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ саламандры,
Чудныя, рѣзвыя, легкія; въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется
Тамъ, подъ звонкокристальными сводами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда проницаютъ;
Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ, пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряныхъ водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцомъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, поглядѣвши
Дѣву морскую—когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ— повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, вдругъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину“.—Гульбрандъ содрогнулся:
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо разсказчицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
„Видомъ наружнымъ мы то же, что люди, быть-можетъ, и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми: покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ; изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не надо; пока продолжается наше

Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ умираемъ,
Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ;
Веселы мы и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Все, однако, стремится возвыситься: такъ и отецъ мой,
Сильный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и видѣлъ, что съ нею и горе
(Всѣхъ одаренныхъ душою удѣлъ) меня не минуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый, отнынѣ
Я съ душою навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Что будетъ
Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты
Знаешь все, и если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ—онъ мой дядя; издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь, какъ пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ. Онъ силенъ, и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ. Принесъ онъ
Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззаботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую
Душу прiявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою".—
Далѣ она говорить не могла; пораженный, плѣненный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ, и вынесъ
На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ повторилъ онъ обѣтъ свой:
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлить все земное.
Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись, медлительнымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ
Благо святое души, перестала жалѣть о прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ ЖЕНА ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, происшедшее съ нимъ въ послѣднее время,
Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;
Сѣвши къ нему на постель, сказала она: „Я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье!
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова
Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ попрежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь".—Съ какимъ-то
Страннымъ чувствомъ, похожимъ на робость, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему и, любуясь съ ней вмѣстѣ
Зеленью берега, такъ благовонно, свѣжо и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: „Для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужъ, вѣрно, не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ".—
„Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины
Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ
Мнится еще, что смиренье мое не надежнѣй покоя
Водъ, и меня легко позабудутъ они, какъ весенній

Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ навѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобы имъ моя не открылася тайна?—
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмигъ собралися въ дорогу:
Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ итти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялися, разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и какъ-будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту
Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую робкую всадницу, справа
Стараго патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шопотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лицо закрывалось какимъ-то
Страннымъ широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и станъ обвивали: и онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни итти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его:—Ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ...—„Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ священникъ,
Я бы желалъ покороче узнать васъ“.—А ты кто? когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на разспросы,—сказалъ незнакомецъ.
„Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской пустыни“.—Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель;
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако,
Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ.—Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: „Поди поскорѣе
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь“.—О-о! да какая жъ
Замужемъ стала она спесивая! съ нами, роднею,
Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ, пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла?—„Оставь насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою роднею“.
—Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, иначе едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и, конечно,
Былъ я въ лодкѣ, я въ эту лодку прянулъ волною,

Вырвалъ его изъ нея и на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ.—Ундина и рыцарь при этомъ
Словѣ взглянули на патера: шелъ онъ, какъ-будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
„Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни“. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлеснулъ, и въ водѣ какъ-будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: „Я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ близко; и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ и какъ-будто
Съ нами шепчетъ“. И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: „Ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну...“ и волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ и вышли въ поле они: тамъ имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца.

ГЛАВА X.

о томъ, какъ они жили въ имперскомъ городѣ.

Въ этомъ имперскомъ городѣ всѣ почитали погибшимъ
Нашего рыцаря, всѣ сожалѣли о немъ, а Бертальда
Болѣ другихъ; она себя признавала причиной
Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце, и милый
Рыцаревъ образъ глубоко въ него впечатлѣнъ былъ печалью.
Вдругъ онъ явился живой и женатый, а съ нимъ и свидѣтель
Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ нежданнымъ
Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ волненье; прелесть Ундины
Всѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что въ лѣсу изъ-подъ власти
Злого волшебника рыцарь избавилъ ее, что породы
Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любопытныхъ
Рыцарь отвѣтствовалъ глухо; патеръ же былъ на разсказы
Скупъ, да и скоро въ свой монастырь возвратился онъ; словомъ,
Мало-по-малу толки утихли; одной лишь Бертальдѣ
Было грустно: скорбя о погибшемъ, она поневолѣ
Сердцемъ привыкла къ нему и его *своимъ* называла.
Скоро, однако, она одолѣла себя; отъ природы
Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомысліе было
Вѣрнымъ лѣкарствомъ. Ундину ласкала она, а Ундинѣ,
Простосердечной, доброй Ундинѣ, болѣ и болѣ
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она:—Мы вѣрно съ тобою, Бертальда,
Какъ-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтобъ кто безъ причины, безъ сильной,
Тайной причины, могъ такъ кому полюбиться, какъ ты мнѣ
Вдругъ полюбилася съ перваго взгляда.—И въ сердцѣ Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Какъ бы то ни было, скоро другъ съ другомъ
Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но рыцарь
Былъ готовъ ужъ въ зáмокъ Рингштеттенъ, къ истокамъ Дуная,
Ѣхать, и день разлуки, можетъ-быть, вѣчной разлуки,
Былъ недалеко; Ундина грустила; и вотъ ей на мысли
Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ зáмокъ Рингштеттенъ
Могутъ они увезти, что на то герцогиня и герцогъ,
Вѣрно, по просьбѣ ея согласятся. Однажды, объ этомъ
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали. Былъ теплый
Лѣтній вечеръ, и темною площадью города вмѣстѣ

Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;
Въ окнахъ домовъ сверкали огни; передъ ними ходили
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ, сліянье
Музыки, пѣнья, хохота, крики дѣтей, наполняли
Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ напоенъ былъ
Весь благовоніемъ липъ, вокругъ городского фонтана
Густо насаженныхъ. Здѣсь отъ шумной толпы въ отдаленьи,
Близъ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любуясь на влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ вѣющій, легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ многолюдствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь труднымъ,
Сладилось само собой безъ труда въ тишинѣ миротворной
Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда поѣдетъ
Въ зáмокъ Рингштеттенъ. Но въ ту минуту, когда назначали
День отъѣзда они, подошелъ къ нимъ, какъ-будто изъ мрака
Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человѣкъ, поклонился
Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундинѣ и что-то
На-ухо ей прошепталъ. Ундина, нахмуривши бровки,
Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался между ними
Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ; а Гульбранду
Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то встрѣчался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
Былъ какъ въ чаду и все съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Ундину.
Вдругъ Ундина, захлопавши съ радостнымъ крикомъ въ ладоши,
Кинулась прочь, и блаженствомъ глазки сверкали; съ досадой
Сморщивши лобъ и сѣдой покачавъ головой, незнакомецъ
Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ вмигъ и пропалъ. Тутъ рѣшилось сомнѣнье
Рыцаря.—Что, Ундина, съ тобою смотритель фонтановъ
Здѣсь говорилъ? спросила Бертальда. Съ таинственнымъ видомъ
Ей головкой кивнула Ундина. „Въ твои именины,
Послѣ завтра, ты это узнаешь Бертальда, мой милый,
Милый другъ; я тебя и твоихъ приглашаю на этотъ
Праздникъ къ себѣ". Другого отвѣта не было. Скоро
Послѣ того они проводили Бертальду и съ нею простились.—
„Струй?" спросилъ съ содроганьемъ невольнымъ рыцарь Ундину,
Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ передъ герцогскимъ домомъ.—
„Онъ, отвѣчала Ундина; премножество всякаго вздора
Мнѣ насказалъ; но, между прочимъ, открылъ и такую,
Нехотя, тайну, что я себя не помню отъ счастья.
Если велишь мнѣ все разсказать сію же минуту,
Я исполню приказъ твой; но, милый, Ундинѣ большая
Радость была бы, когда бъ ей теперь промолчать ты позволилъ".
Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
Въ чемъ отказать Ундинѣ, столь мило просящей? И сладко
Было ей въ эту ночь засыпать; она, забываясь
Сномъ, потихоньку сама про-себя съ улыбкой шептала:
„Ахъ, Бертальда! какъ будетъ рада! какое намъ счастье!"

ГЛАВА XI.

О томъ, что случилось на именинахъ Бертальды.

Гости ужъ были давно за столомъ, и Бертальда, царица
Праздника, въ золотѣ, перлахъ, цвѣтахъ, подаренныхъ друзьями
Ей въ именины, сидѣла на первомъ мѣстѣ; Ундина
Съ правой руки, а рыцарь съ лѣвой. Обѣдъ ужъ кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; въ ней тѣснилось
Множество зрителей всякаго званья; таковъ былъ старинный
Предковъ обычай; каждый праздникъ тогда почитался
Общимъ добромъ, и народъ всегда пировалъ съ господами.
Кубки съ виномъ и закуски носили межъ зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбрандъ и Бертальда
Глазъ не сводили съ Ундины; они съ живымъ нетерпѣньемъ

Ждали, чтобъ тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было замѣтно, что съ сердца ея и съ устъ, озаренныхъ
Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но (какъ ребенокъ, любимый кусокъ свой къ концу берегущій)
Все молчала она, чтобъ продлить для себя насладженье.
Рыцарь смотрѣлъ на нее съ неописаннымъ чувствомъ; Ундина
Въ дѣтской своей простотѣ, съ своимъ добродушіемъ прелесть
Ангела Божія въ эту минуту имѣла. Вдругъ гости
Стали ее убѣждать, чтобъ спѣла имъ пѣсню. Сверкнули
Ярко ея прекрасные глазки; поспѣшно схватила
Цитру и вотъ какую пѣсню тихо запѣла:
„Солнце сіяетъ; море спокойно; къ берегу съ любовью
Воды тѣснятся. Что на душистой зелени брега
Свѣтится, блещетъ? Цвѣтъ ли чудесный, посланный небомъ
Свѣжему лугу? Нѣтъ, свѣтлоокій, ясный младенецъ
Тамъ на зеленомъ дернѣ играетъ. Кто ты, откуда,
Милый младенецъ? Какъ очутился здѣсь на чужбинѣ?
Ахъ! изъ отчизны былъ онъ украденъ моремъ коварнымъ.
Бѣдный, чего жъ ты между цвѣтами съ жадностью ищешь?
Цвѣтъ благовонный живъ, но безъ сердца; онъ не услышитъ
Дѣтскаго крика; онъ не замѣнитъ матери нѣжной.
Лучшаго въ жизни рано лишенъ ты, бѣдный младенецъ.
Мимо проѣхалъ съ свитою герцогъ; въ пышный свой за́мокъ
Взялъ онъ сиротку; тамъ герцогиня благостнымъ сердцемъ
Бѣдной сироткѣ мать замѣнила. Стала сиротка
Дѣвою милой, радостью сердца, прелестью взоровъ;
Милую дѣву Промыселъ Божій щедро осыпалъ
Всѣмъ... но отдастъ ли лучшее въ жизни, мать и отца ей?“
Съ грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Пѣсня ея растрогала всѣхъ, а герцогъ съ женою
Плакали. Герцогъ сказалъ:—Такъ точно случилось въ то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердный
Богъ наградилъ насъ тобою; но права пѣвица, не можемъ,
Лучшаго блага земного тебѣ возвратить мы—родную
Мать и родного отца.—Ундина снова запѣла:
„Мать тоскуетъ, бродитъ, кличетъ... нѣтъ ей отвѣта:
Ищетъ, ищетъ, что жъ находитъ? домъ опустѣлый.
О какъ мраченъ, какъ ужасенъ домъ опустѣлый,
Гдѣ дотолѣ днемъ и ночью, мать въ упоеньи
Цѣловала, миловала дочку родную!
Будетъ снова заниматься ярко денница;
Придутъ снова дни весенни, благоуханны;
Но денница, дни весенни, благоуханны,
Не утѣшатъ болѣ сердца матери бѣдной;
Все ей чуждо; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ей отрады;
Невозвратно все пропало съ дочкой родною“.—
О Ундина! ради Бога, открой мнѣ! ты знаешь,
Гдѣ отецъ мой и мать; ты этотъ, этотъ подарокъ
Мнѣ приготовила. Гдѣ они? Здѣсь? Отвѣчай мнѣ, Ундина!—
Взоръ Бертальды, сверкая, леталъ по собранью; межъ знатныхъ,
Съ ними сидѣвшихъ гостей выбирала она. Но Ундина
Вдругъ залилася слезами, къ толпѣ обратилась, рукою
Знакъ подала, и воскликнула: „Гдѣ вы? явитесь;
Найденной дочери вашей, отецъ и мать!“—Разступилась
Съ шумомъ толпа; изъ средины ея рыбакъ и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину;
„Вотъ она, ваша родная дочь!“ закричала Ундина,
Имъ указавъ на Бертальду; и съ громкимъ рыданьемъ на шею
Бросились къ ней старики; но Бертальда съ пронзительнымъ крикомъ
Ихъ отъ себя оттолкнула; страхъ, изумленье, досада
Вдругъ на лицѣ ея отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкій ударъ для ея надменной души, ожидавшей
Новаго блеска съ открытіемъ знатныхъ родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищіе!.. Въ эту минуту
Въ мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
Съ тѣмъ, чтобъ унизить ее передъ свѣтомъ и рыцаремъ.—Злая

Ложь! обманщица! подкупъ! вотъ что твердила Бертальда,
Гнѣвно смотря на старушку, на мужа ея и Ундину.
„Господи Боже! тихонько старушка шептала, какое же
Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чуетъ мое, что она мнѣ родная“. Рыбакъ же, сложивши
Руки, молился, чтобъ Богъ не каралъ ихъ, пославъ имъ такую
Дочь; а Ундина, какъ ангелъ, вдругъ утратившій небо,
Блѣдная, въ страхѣ внезапномъ, не вѣдая, что́ съ ней
Дѣлалось, вся трепетала. „Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя?“ она повторяла, стараясь
Доброе чувство въ ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была внѣ себя; она въ изступленьи кричала
Крикомъ; рыбакъ и старушка плакали горько, а гости,
Страннымъ явленьемъ такимъ изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; въ ужасный
Все пришло безпорядокъ, и вотъ, напослѣдокъ, Ундина,
Съ чувствомъ своей правоты, съ благородствомъ невинности мирной,
Знакъ подала рукою, и всѣ замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она:—Вы странные люди!
Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ раздражила я васъ? И за что вы
Такъ разстроили милый мой праздникъ? Ахъ, Боже! донынѣ
Я о вашихъ обычаяхъ, вашемъ безумномъ, жестокомъ
Образѣ мыслей не знала, и ихъ никогда не узнать мнѣ.
Вижу, что все безразсудно придумано мной; но причиной
Этому вы одни, а не я. Хотя здѣсь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.
Нѣтъ у меня доказательствъ; но я не обманщица, слышитъ
Богъ правосудный меня; а все, что здѣсь о Бертальдѣ
Я говорила, было открыто мнѣ тѣмъ, кто въ морскія
Волны младенцемъ ее заманилъ, потомъ на зеленый
Берегъ отнесъ, гдѣ ее и нашелъ знаменитый нашъ герцогъ“.
—Слышите ль? громко вскричала Бертальда. Она чародѣйка,
Водится съ злыми духами; сама при всѣхъ признается
Въ этомъ она.—„О нѣтъ, Ундина воскликнула съ чистымъ
Небомъ невинности въ мирныхъ очахъ, никогда чародѣйкой
Я не была; мнѣ невѣдомо адское зло“.—Такъ безстыдно
Лжетъ и клевещетъ она. Ничѣмъ нельзя доказать ей
Здѣсь, что рыбакъ отецъ мнѣ, а нищая — мать. О! покинемъ
Этотъ домъ и этотъ городъ, гдѣ я претерпѣла
Столько стыда.—Нѣтъ, Бертальда, отвѣтствовалъ герцогъ, отсюда
Я дотолѣ не выйду, пока не рѣшится сомнѣнье
Наше вполнѣ.—То слыша, старушка приблизилась робко
Къ герцогу, низко ему поклонилась и вотъ что сказала:
—Вы, государь, своимъ высокимъ герцогскимъ словомъ
Вдругъ на разумъ меня навели. Скажу вамъ, что если
Ваша питомица подлинно дочь намъ, то должно, чтобъ были
Три родимыхъ пятна, какъ трилиственникъ видомъ, подъ правой
Мышкой ея и точно такіе же три на подошвѣ
Правой ноги. Позвольте чтобъ съ нею я вышла.—Отъ этихъ
Словъ поблѣднѣла Бертальда, а герцогъ велѣлъ герцогинѣ
Выйти вмѣстѣ съ нею и взять съ собою старушку.
Скоро назадъ возвратились они; герцогиня сказала:
—Правда правдой; все то, что здѣсь объявила хозяйка
Наша, есть сущая истина; эти добрые люди
Точно отецъ и мать питомицы нашей Бертальды.—
Съ этимъ словомъ герцогъ съ женой и съ Бертальдой и вмѣстѣ
Съ ними, по волѣ герцога, старый рыбакъ и старушка
Вышли; гости, кто вѣря, кто нѣтъ, разошлись; а Ундина,
Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія мужа.

ГЛАВА XII.

О томъ, какъ рыцарь и Ундина уѣхали изъ имперскаго города.

Рыцарь съ глубокимъ чувствомъ любви смотрѣлъ на Ундину.
„Мною ль, онъ думалъ, дана ей душа или нѣтъ, но прекраснѣй

Этой души не бывало на свѣтѣ: она какъ небесный
Ангелъ". — И слезы Ундины съ нѣжнѣйшимъ участіемъ друга
Онъ отиралъ, цѣлуя ей очи, уста и ланиты.
Городъ имперскій, который ей сталъ ненавистенъ, покинуть
Онъ рѣшился не медля, все велѣлъ приготовить
Къ скорому въ зáмокъ Рингштеттенъ отъѣзду. Вотъ на другой день
Рано поутру была подана къ крыльцу ихъ повозка;
Рыцаревъ конь и кони его провожатыхъ за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; ужъ рыцарь
Вышелъ съ своей молодою женой, и готовъ былъ ей руку
Дать, чтобъ въ повозку ее посадить; но въ эту минуту
Къ нимъ подошла молодая дѣвушка съ неводомъ, въ платьѣ
Рыбной торговки. „Намъ товаръ твой не нуженъ, мы ѣдемъ",
Рыцарь сказалъ ей. Она заплакала взрыдъ и Бертальду
Въ эту минуту узнали Гульбрандъ и Ундина; поспѣшно
Вмѣстѣ съ нею они возвратилися въ домъ, и Бертальда
Имъ разсказала, какъ герцогъ вчерашнимъ ея поведеньемъ
Былъ раздраженъ, какъ ее отъ себя отослалъ, подаривши
Ей большое приданое, какъ старикъ и старушка,
Также богато имъ одаренные, городъ того же
Вечера вмѣстѣ покинули. — Съ ними хотѣла пойти я,
Такъ продолжала Бертальда въ слезахъ, но старикъ, о которомъ
Всѣ говорятъ, что онъ мой отецъ...— „Онъ отецъ твой, Бертальда,
Точно отецъ, сказала Ундина; ты помнишь, какъ ночью
Къ намъ подошелъ сѣдой человѣкъ, твой смотритель фонтановъ:
Онъ-то мнѣ все и сказалъ; меня убѣждалъ онъ, чтобъ въ зáмокъ
Нашъ Рингштеттенъ тебя не брала я съ собой, и невольно
Тайна съ его языка сорвалась..." — Ну, отецъ мой, когда ужъ
Долженъ онъ быть мнѣ отцомъ, продолжала Бертальда, сказалъ мнѣ
Вотъ что: ты съ нами не будешь до тѣхъ поръ, пока не исправишь
Гордаго сердца; осмѣлься одна черезъ этотъ дремучій
Лѣсъ къ намъ пройти, тогда я повѣрю, что нашей роднею
Быть желаешь; но скинь богатый уборъ; рыбаковой
Дочерью къ намъ явися... И я на все ужъ рѣшилась;
Что онъ велѣлъ, то и будетъ: меня несчастную цѣлый
Свѣтъ оставилъ; бѣдная дочь рыбака, я въ убогой
Хижинѣ жизнь безотрадную скрою и скоро умру тамъ
Съ горя. Правда, лѣсъ волшебный меня устрашаетъ,
Бродятъ тамъ, слышно, духи, а я такъ пуглива; но что же
Дѣлать? Къ вамъ же пришла я за тѣмъ, чтобъ загладить вчерашній
Свой проступокъ признаньемъ вины. О! забудьте, простите!
Я и такъ ужъ несчастна безмѣрно; вспомните, чтó я
Утромъ вчерашнимъ была, чтó была еще при началѣ
Вашего пира и чтó я теперь... Опустивши въ ладони
Голову, плакала горько она, и межъ пальцевъ бѣжали
Слезы. Вся также въ слезахъ, къ ней на шею упала Ундина;
Долго безгласна была, напослѣдокъ сказала: „Ты съ нами
Въ зáмокъ Рингштеттенъ поѣдешь; что положили мы прежде,
То и сдѣлаемъ; только ты будь со мной, какъ привыкла
Быть; говори мнѣ попрежнему—ты. Вотъ видишь ли? Въ дѣтствѣ
Насъ обмѣняли одну на другую: тогда ужъ мы были
Связаны тѣсно судьбою; сплетемъ же узелъ нашъ сами
Такъ, чтобъ уже никогда никакой человѣческой силѣ
Не было можно его разорвать. Теперь ты поѣдешь
Съ нами прямо въ Рингштеттенъ; что жъ послѣ, какъ сестры родныя,
Мы межъ собою раздѣлимъ, о томъ успѣемъ, пріѣхавъ
Въ зáмокъ, условиться". То услышавъ, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подавъ ей, вотъ что сказалъ онъ:
— „Ввѣрьте себя беззаботно сердцу Ундины. А къ вашимъ
Добрымъ родителямъ мы, по прибытіи въ зáмокъ, отправимъ

Тотчасъ гонца, чтобъ знали они, что сдѣлалось съ вами“.
Подъ-руку взявши Бертальду, ее посадилъ онъ въ повозку,
Рядомъ съ нею Ундину, и бодро поѣхалъ за ними
Рысью и скокомъ. Повозка летѣла: скоро имперскій
Городъ пропалъ далеко назади, съ нимъ вмѣстѣ пропало
Тамъ и все грустное прошлое; весело шла по прекрасной
Людной странѣ ихъ дорога, и мало ли, долго ли длился
Путь ихъ, но вотъ, напослѣдокъ, въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній
Вечеръ они пріѣхали въ за́мокъ Рингштеттенъ. Былъ долженъ
Рыцарь заняться хозяйствомъ своимъ; молодая жъ хозяйка
Вмѣстѣ съ гостьей пошли осматривать за́мокъ. Построенъ
Былъ на крутой онъ горѣ, посреди равнинъ благодатной
Швабіи: видъ изъ него былъ роскошный; и по валу вмѣстѣ,
За руки взявшись, гуляли Ундина съ Бертальдою; вдругъ имъ
Встрѣтился долгій, сѣдой человѣкъ; Бертальдѣ знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
Знакъ ему подала, чтобъ онъ удалился, и скорымъ
Шагомъ, тряся головой, онъ пошелъ и пропалъ за кустами,
Въ мысли пришло ей, что то ночной, городской ихъ знакомецъ
Былъ, смотритель фонтановъ. „Не бойся, Бертальда, сказала
Ей Ундина, ужъ въ этотъ разъ твой несносный фонтанщикъ
Зла никакого не сдѣлаетъ намъ“. Тогда разсказала
Все о себѣ Ундина: кто родомъ она, какъ Бертальду
Струй похитилъ, какъ къ рыбакамъ попала Ундина
Вмѣсто родной ихъ дочери, словомъ все. И сначала
Въ ужасъ Бертальда пришла отъ такого разсказа; на сонный
Бредъ походилъ онъ; но скоро она убѣдилась, что было
Все то правда и только дивилась тому, что въ волшебной
Сказкѣ, когда-то въ дѣтствѣ разсказанной ей, очутилась
Вдругъ наяву, живая, сама; все ей въ Ундинѣ
Стало чуждо; какъ-будто бы духъ безтѣлесный межъ ними
Вдругъ протѣснился; ей сдѣлалось страшно. Когда жъ возвратяся,
Рыцарь съ нѣжностью обнялъ Ундину, то было понять ей
Трудно, какъ могъ онъ ласкаться къ такому созданью, въ которомъ
(Послѣ того, что Бертальдѣ сама разсказала Ундина)
Видѣлся ей не живой человѣкъ, а какой-то холодный
Призракъ, что-то нездѣшнее, что-то чужое душѣ человѣка.

ГЛАВА XIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ЗАМКѢ РИНГШТЕТТЕНЪ.

Здѣсь мы съ тобой остановимся, добрый читатель; прости мнѣ,
Если тебѣ о томъ, что послѣ случилось, не много
Буду разсказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мнѣ описать, какъ мало-по-малу рыцарь нашъ сердцемъ
Сталъ отъ Ундины далекъ и близокъ къ Бертальдѣ, какъ стало
Сердце Бертальды ему отвѣчать и часъ-отъ-часу жарче
Тайной любовью къ нему разгораться, какъ стали Ундины
Онъ и она дичиться, и въ ней существо имъ чужое
Видѣть, какъ Ундина плакала, какъ пробуждали
Слезы ея заснувшую совѣсть Гульбранда, а прежней
Въ немъ любви уже пробудить не могли, какъ порою
Жалость его къ Ундинѣ влекла, а ужасъ невольно
Прочь отталкивалъ, сердце жъ стремило къ Бертальдѣ, созданью
Съ нимъ однородному... знаю, что это все я умѣлъ бы,
Добрый читатель, порядкомъ тебѣ разсказать, но позволь мнѣ
Лучше о томъ позабыть, что такъ больно душѣ; испытали
Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья; ты самъ, вѣроятно,
Былъ имъ обманутъ, таковъ ужъ земной человѣческій жребій:
Счастливъ еще, когда при раздѣлѣ житейскаго былъ ты
Самъ назначенъ терпѣть, а не мучить; на свѣтѣ семъ доля
Жертвы—блаженнѣй, чѣмъ доля губителя. Если сей лучшій

Жребій былъ твой, читатель, то, можетъ-быть, слушая нашу
Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ миновавшемъ, и тихо
Милая грусть тебѣ черезъ душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживетъ, и ты слезу сожалѣнья
Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ любовался
Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужъ растоптанныхъ. Полно жъ,
Полно объ этомъ, читатель. Послушай, и съ доброй Ундиной
То же сбылось, что и съ нами со всѣми: Ундина страдала.
Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы. Всякій
Разъ, когда Ундина хоть мало была несогласна
Въ чемъ съ Бертальдой, послѣдней казалось, что ревность владѣла
Сердцемъ обиженной бѣдной жены, и мало-по-малу
Видъ госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
Съ ней приняла. Ундина съ грустнымъ незлобіемъ молча
Все сносила; а рыцарь всегда стоялъ за Бертальду.
Болѣ жъ всего съ недавняго времени вотъ что согласье
Жителей за́мка стало тревожить: Гульбрандъ и Бертальда
Начали вдругъ на всѣхъ переходахъ, во всѣхъ закоулкахъ
За́мка встрѣчать привидѣнья, о коихъ дотолѣ и слуху
Не было; бѣлый, сѣдой человѣкъ, въ которомъ проказникъ
Дядя Струй Гульбрандомъ, смотритель фонтановъ Бертальдой
Узнаны были, сталъ имъ повсюду обоимъ, Бертальдѣ жъ
Чаще, являться съ угрозой, такъ-что Бертальда отъ страха
Стала больна и даже рѣшилась бы за́мокъ покинуть,
Если бъ имѣла гдѣ уголъ какой для пріюта; но честный
Нашъ рыбакъ на письмо Гульбранда, которымъ тогда же
Рыцарь его извѣстилъ, что Бертальда ѣдетъ въ Рингштеттенъ,
Вотъ что отвѣтствовалъ: „Я по волѣ Господа Бога
Сталъ одинокій, бѣдный вдовецъ; скончалась старушка
Женка моя: хоть теперь мнѣ дома и пусто, но лучше
Быть хочу я одинъ, чѣмъ съ Бертальдой; пускай остается
Съ вами, но только, чтобъ не было худа какого Ундинѣ
Милой моей отъ того; тогда ее прокляну я“.
Такъ-то, сколько неволей, столько и волей, осталась
Въ за́мкѣ Бертальда. Вотъ, однажды, случилось, что рыцарь
Выѣхалъ. Скликавъ дворовыхъ людей, Ундина велѣла
Камень одинъ огромный поднять и его на колодецъ,
Бывшій на самой срединѣ двора, наложить. — Намъ далеко
Будетъ ходить за водою, замѣтили слуги. Но съ грустнымъ
Ласковымъ видомъ, съ унылой улыбкой сказала Ундина:
—„Дѣти, сама бы за васъ я съ охотою стала въ кувшинахъ
Воду носить; но этотъ колодецъ, повѣрьте мнѣ, должно,
Должно закрыть намъ, иль съ нами случится большое несчастье“.
Всѣмъ служителямъ было пріятно угодное сдѣлать
Доброй своей госпожѣ; безъ дальнихъ разспросовъ, огромный
Камень былъ поднятъ: и онъ, показалось, какъ-будто бы доброй
Волей давшись имъ въ руки, съ земли поднялся, и какъ-будто
Самъ рванулся колодецъ задвинуть. Но въ эту минуту
Къ нимъ прибѣжала изъ за́мка Бертальда. —Не троньте колодца,
Громко она закричала; его вода умываньемъ
Лучшимъ мнѣ служитъ; его запереть никакъ не позволю.
Но Ундина съ своимъ обычнымъ смиреньемъ на этотъ
Разъ осталася въ волѣ своей непреклонна. „Я въ здѣшнемъ
За́мкѣ хозяйка, сказала она, улыбаясь прискорбно,
Мнѣ за всѣмъ наблюдать; и здѣсь мнѣ приказывать можетъ
Только рыцарь, мой мужъ и мой господинъ“. —Посмотрите,
Съ сердцемъ вскричала Бертальда, подумать можно, что этой
Бѣдной, невинной водѣ самой не хочется съ Божьимъ
Свѣтомъ разстаться: какъ жалко она трепещетъ и бьется!
Въ самомъ дѣлѣ, чудно кипя и шипя, изъ-подъ камня
Ключъ пробивался, какъ-будто спѣша убѣжать, и какъ-будто

Что изъ него исторгнуться силой хотѣло. Тѣмъ съ большей
Строгостью свой приказъ повторила Ундина; охотно
Былъ онъ исполненъ: Ундину любили, а гордость Бертальды
Всѣхъ отъ нея удаляла и каждому было пріятно
Той угодить, а этой сдѣлать досаду; и камень
Крѣпко накрѣпко устье колодца задвинулъ. Ундина
Тихо къ нему подошла, надъ нимъ задумалась, что-то
Пальчикомъ нѣжнымъ своимъ на немъ написала, въ молчаніи
Грустномъ потомъ посмотрѣла вокругъ себя, и вздохнувши,
Медленнымъ шагомъ въ зáмокъ пошла. На камнѣ жъ остались
Видны какіе-то странные знаки, которыхъ дотолѣ
Не было тамъ. Ввечеру, когда Гульбрандъ возвратился
Въ зáмокъ Рингштеттенъ, Бертальда ему въ слезахъ разсказала
То, что случилось съ колодцемъ. Сурово взглянулъ на Ундину
Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально
Въ землю глаза опустивъ; но, однако, собравшися съ духомъ,
Вотъ что шепнула въ отвѣтъ: „Всегда справедливъ господинъ мой;
Онъ и раба не осудитъ, не выслушавъ; тѣмъ наипаче
Мнѣ, законной женѣ, онъ позволитъ въ свое оправданье
Слово сказать".—„Говори", сердито отвѣтствовалъ рыцарь.
—„Я бы желала, чтобъ былъ ты одинъ", сказала Ундина.
„Нѣтъ, при ней!" Гульбрандъ возразилъ, указавъ на Бертальду.
—„Я исполню волю твою, она продолжала:
Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй".
Голосъ ея былъ такъ убѣдителенъ, очи такъ нѣжны,
Все въ ней являло такую покорность, что въ сердцѣ Гульбранда
Солнечный лучъ минувшихъ дней пробѣжалъ; онъ Ундину
Дружески за руку взялъ и въ ближнюю горницу съ нею
Вышелъ, и вотъ что ему сказала она: „Ужъ коварный
Дядя мой Струй довольно извѣстенъ тебѣ; не одинъ разъ встрѣчался
Онъ съ тобою здѣсь въ зáмкѣ; Бертальдѣ же такъ онъ
Страшенъ, что можетъ она умереть. Онъ бездушенъ, онъ просто
Отблескъ стихійный наружнаго міра; что въ жизни духовной
Здѣсь происходитъ, то вовсе чуждо ему; здѣсь глядитъ онъ
Только на внѣшность одну. Замѣчая, какъ ты недоволенъ
Мной иногда бываешь, какъ я, неразумный младенецъ,
Плачу, какъ въ то же время Бертальду, случайно, быть-можетъ,
Что-нибудь заставляетъ смѣяться, въ своемъ безразсудствѣ
Видитъ онъ то, чему здѣсь и признака нѣтъ; колобродитъ,
Злится и въ наши дѣла незваный мѣшается; пользы
Нѣтъ отъ того никакой, что ему я грожу и гоняю
Съ сердцемъ отсюда его; онъ мнѣ упрямый не вѣритъ; въ бездушной,
Бѣдной жизни своей, никогда не будетъ способенъ
Онъ постигнуть того, что въ любви и страданье, и радость
Такъ плѣнительно сходны, такъ близко родня, что разрознить
Ихъ никакая сила не можетъ: съ улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рождаютъ улыбку". И очи,
Полныя слезъ, съ улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрѣла Гульбранду въ лицо, и все трепетанье
Прежней любви онъ почувствовалъ въ сердцѣ; Ундина глубоко
То поняла, къ нему прижалась нѣжнѣй, и въ блаженствѣ
Радостныхъ слезъ продолжала:—„Когда словами не можно
Намъ безтолковаго дядю Струя унять, то затворимъ
Входъ ему въ зáмокъ: единственный путь, которымъ сюда онъ
Можетъ свободно всегда проникать, есть этотъ колодецъ;
Онъ съ другими духами здѣшнихъ источниковъ въ ссорѣ;
Царство жъ его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вотъ для чего я на камнѣ, которымъ колодецъ задвинутъ,
Знаки свои написала: они безпокойнаго дядю
Струя власти лишили, и онъ ни тебя, ни Бертальду
Болѣ не будетъ тревожить; онъ камня не сдвинетъ. Но людямъ

Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, повѣрь мнѣ, она не знаетъ, чего такъ упрямо
Требуетъ; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что онъ предсказалъ мнѣ (хотя и безъ всякой
Мысли худой отъ тебя), то и самъ ты, мой милый, не будешь
Внѣ опасности“. Рыцарь, глубоко проникнутый въ сердцѣ
Великодушнымъ поступкомъ своей небесной Ундины,
Обнялъ ее съ горячностью прежней любви. „Мы не тронемъ
Камня; отнынѣ жъ и все, что ты когда ни прикажешь,
Будетъ въ за́мкѣ отъ всѣхъ, какъ теперь, исполняемо свято,
Другъ мой Ундиночка“. Такъ ей рыцарь сказалъ, и Ундина,
Руку цѣлуя ему въ благодарность за милое, столько
Времени имъ позабытое слово любви, прошептала
Робко:—„Милый мой другъ, ты нынѣ со мной такъ безмѣрно
Милостивъ, ласковъ и добръ, что еще объ одномъ попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня какъ свѣтлое лѣто; въ сильнѣйшемъ
Блескѣ своемъ оно иногда себя покрываетъ
Огненно-грознымъ вѣнцомъ громовыхъ облаковъ, и владыкой,
Истиннымъ Богомъ земли намъ является; точно таковъ ты
Кажешься мнѣ, когда, на меня прогнѣванъ бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словомъ; и въ этомъ,
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мнѣ, безразсудной, плакать; но слушай, другъ мой: воздерженъ
Будь на водахъ отъ гнѣвнаго слова со мною; единымъ
Словомъ такимъ меня передашь ты въ волю подводныхъ
Сродниковъ; мстя за обиду ихъ рода, они невозвратно
Въ море меня увлекутъ и тамъ въ продолженіе цѣлой
Жизни я буду подъ влажно-серебрянымъ сводомъ въ неволѣ
Плакать, и мнѣ ужъ къ тебѣ не прійти; а если приду я...
Боже! то это будетъ и пуще тебѣ на погибель.
Нѣтъ, мой сладостный другъ, избавь меня отъ такого
Бѣдствія“. Рыцарь торжественно далъ обѣщанье исполнить
Просьбу ея, и они съ веселымъ лицомъ возвратились
Въ горницу, гдѣ ихъ Бертальда ждала. Она ужъ успѣла
Слугъ къ колодцу послать, чтобъ они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили съ него. „Не трогайте камня,
Холодно рыцарь сказалъ, и помните всѣ, что Ундина
Въ за́мкѣ моемъ одна госпожа, что ея приказанья
Святы“. При этомъ словѣ Бертальда, въ лицѣ измѣнившись,
Скрылась. Вотъ ужъ и ужина часъ наступилъ, а Бертальды
Не было. Рыцарь послалъ за нею, но вмѣсто Бертальды
Въ спальнѣ ея опустѣвшей нашли записку на имя
Рыцаря; вотъ что стояло въ запискѣ: „Вы приняли, рыцарь,
Въ домъ свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низкомъ
Родѣ своемъ я безумно забыла; за то въ наказанье
Доброю волей иду къ отцу-рыбаку, чтобъ, въ убогой
Хижинѣ скрывшись, о счастіи земномъ не мечтать; наслаждайтесь
Долго имъ вмѣстѣ съ вашей прекрасной супругой“. Ундина
Сильно была опечалена; рыцаря вслѣдъ за Бертальдой
Стала она посылать—ея убѣжденія, однако,
Были не нужны; онъ самъ на то былъ готовъ. Но въ какую
Сторону ѣхать за ней? Никто объ этомъ не вѣдалъ.
Рыцарь сидѣлъ на конѣ и хотѣлъ ужъ свой путь на удачу
Выбрать, какъ-вдругъ явился пастухъ и сказалъ, что Бертальда
Встрѣтилась съ нимъ у входа Черной Долины; стрѣлою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что въ окошко
Вслѣдъ за нимъ кричала Ундина: „Не ѣзди! не ѣзди,
Милый! постой! Гульбрандъ, берегися Черной Долины!
Стой! назадъ! иль, Бога ради, позволь мнѣ съ собою
Ѣхать!..“ Но рыцарь ужъ былъ далеко. Ундина поспѣшно
Сѣла сама на коня и одна за нимъ поскакала.

ГЛАВА XIV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА.

Эта долина, въ то время слывшая Черной долиной,
Очень близко была отъ за́мка, а какъ называютъ
Нынче ее, неизвѣстно; тогда жъ поселяне ей имя
Черной дали за то, что глубоко, средь дикихъ утесовъ,
Елями густо заросшихъ, лежала она, что кипучій,
Быстрый потокъ, на скалистомъ днѣ ущелья шумѣвшій,
Черенъ межъ елей бѣжалъ, и что небо нигдѣ голубое
Въ мутныя воды его не свѣтило. Въ сумерки стало
Вдвое темнѣй и ужаснѣй межъ елей и дикихъ утесовъ.
Рыцарь съ трудомъ пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засвѣтло встрѣтиться съ нею
Онъ торопился: по всѣмъ сторонамъ съ напряженнымъ вниманьемъ
Взоръ обращалъ онъ, и сердце въ немъ билось сильнѣй; но со страхомъ
Думалъ: что будетъ съ нею, если заблудится въ этомъ
Дикомъ мѣстѣ, ночью, и въ грозу, которая черной,
Тяжкой тучей шла на долину? Вдругъ показалось
Бѣлое что-то ему впотемкахъ, на склонѣ утеса;
Онъ подумалъ, что было то платье Бертальды, и шпорить
Началъ коня; но конь захрапѣлъ, упёрся и уши
Чутко поднявъ, не шелъ ни назадъ ни впередъ; чтобъ напрасно не тратить
Времени, рыцарь спрыгнулъ съ сѣдла, къ опрокинутой вѣтромъ
Ели коня привязалъ, и пѣшій впередъ пробираться
Началъ кустами; онъ спотыкался; упорныя вѣтви
Били его по лицу, и какъ-будто нарочно сплетались
Сѣтью, чтобъ далѣ не могъ онъ итти; онъ ломалъ ихъ, а небо
Тою порою все болѣ и болѣ мрачилось, и глухо
Громъ гремѣлъ по горамъ, и все кругомъ становилось
Страннымъ такимъ, что онъ ужъ и робость чувствовать началъ,
Глядя на бѣлый образъ, къ которому ближе и ближе
Все подходилъ и который лежалъ на землѣ неподвижно.
Съ духомъ собравшись, къ нему, наконецъ, подступилъ онъ; сначала
Сучьями тихо потрясъ, мечомъ позвенѣлъ— никакого
Нѣтъ отвѣта. „Бертальда! Бертальда!“ онъ началъ сначала
Тихо, потомъ все громче и громче кликать— отвѣта
Все ему нѣтъ. Наконецъ, закричалъ онъ такъ громко, что эхо
Вмѣстѣ съ нимъ закричало повсюду: „Бертальда!“ напрасно;
То же молчанье. Тогда онъ къ ней наклонился; но было
Такъ ужъ темно́, что не могши по́дъ носомъ видѣть, пригнулся
Къ самой землѣ онъ лицомъ и въ эту минуту сверкнула
Яркая молнія; все освѣтилось, и что же въ блескѣ увидѣлъ
Рыцарь? Подъ самымъ лицомъ его отразилась изъ черной
Тьмы безобразно-свирѣпая харя, и голосъ осиплый
Взвылъ: „Поцѣлуйся со мной, пастушокъ дорогой!“ Приведенный
Въ ужасъ, кинулся рыцарь назадъ; но свирѣпая харя
Съ визгомъ и хохотомъ кинулась вслѣдъ. „Зачѣмъ ты? Куда ты?
Духи на волѣ! назадъ! убирайся! иль будешь ты нашимъ!“
Вотъ что выла она, и длинныя руки хватали
Рыцаря. „Струй проклятый! (Гульбрандъ закричалъ ободрившись),
Это твои проказы! постой, я тебя поцѣлую!“
Сильно онъ треснулъ по харѣ мечомъ; она разлетѣлась
Въ брызги, и рыцарь пѣной, шипящей какъ хохотъ, былъ о́блитъ
Весь съ головы до ногъ; тогда объяснилося, съ кѣмъ онъ
Дѣло имѣлъ. „Меня удержать онъ, я вижу, намѣренъ,
Рыцарь громко сказалъ; онъ думаетъ, я испугаюсь
Шутокъ бѣсовскихъ его, и Бертальду бѣдную брошу
Злому духу во власть. Демонъ бездушный не знаетъ,
Какъ всемогущъ человѣкъ своей непреклонною волей!“
Самъ онъ почувствовалъ истину словъ сихъ; новая бодрость
Въ немъ родилась, и какъ-будто бы счастіе съ этой минуты

Стало съ нимъ заодно: къ своему коню возвратиться
Онъ еще не успѣлъ, какъ ужъ явственно сдѣлался слышенъ
Жалобный голосъ Бертальды, зовущей на помощь сквозь шумный
Вѣтеръ и говоръ грозы, подходившей часъ-отъ-часу ближе.
Онъ полетѣлъ на крикъ и увидѣлъ Бертальду. Изъ страшной
Черной долины силяся выйти, она по крутому
Боку ея тащилася кверху; тутъ заступилъ ей
Рыцарь дорогу; и какъ ни твердо въ своей оскорбленной
Гордости, прежде рѣшилась она на побѣгъ, но встрѣтить Гульбранда
Было ей радостно; ужасъ, испытанный ею въ дорогѣ,
Сердце ея усмирилъ, а свѣтлая жизнь въ безмятежномъ
За́мкѣ такъ ласково руки къ ней простирала, что рыцарь
Тотчасъ ее за собою итти убѣдилъ. Но Бертальда
Силы почти не имѣла; Гульбрандъ съ большимъ затрудненіемъ
Могъ ее до коня своего довести; и помочь ей
Сѣсть на сѣдло онъ хотѣлъ, чтобъ коня отвязавъ, за собою
Весть его въ поводахъ; но конь, испуганный Струемъ,
Былъ какъ звѣрь: онъ злился, храпѣлъ, на дыбы подымался,
Задомъ и передомъ билъ; Бертальдѣ даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пѣшкомъ: осторожно
Рыцарь спутницу подъ-руку велъ, а коня за собою
Силой тащилъ за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги, и какъ ни боролась съ собой, но усталость давила
Члены ея, какъ свинецъ; а буря, ударъ за ударомъ
Грома, сверканіе молніи, шумъ деревьевъ во мракѣ,
Злая игра привидѣній... словомъ, Бертальда, сліяньемъ
Ужасовъ сихъ изнуренная, пала на землю; и въ то же
Время рыцаревъ конь, какъ-будто взбѣсившійся, началъ
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь, чтобъ въ Бертальду
Онъ не ударилъ, хотѣлъ отъ нея отойти; но Бертальда
Съ воплемъ его начала умолять, чтобъ остался. На волю жъ
Злого коня пустить онъ не смѣлъ: онъ боялся, что этотъ
Дикій звѣрь, набѣжавъ на лежащую, тяжкимъ копытомъ
Грянетъ въ нее: короче, на что рѣшиться, что дѣлать,
Рыцарь не зналъ. И вдругъ онъ обрадованъ былъ недалекимъ
Стукомъ колесъ: каменистой дорогой, онъ слышалъ, тащилась
Фура. Гульбрандъ закричалъ, чтобъ имъ помогли; грубоватый
Голосъ мужской откликнулся: скоро впотемкахъ мелькнули
Двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ
Роста огромнаго, въ бѣломъ плащѣ; и фура покрыта
Бѣлой холстиной была, какъ всѣ повозки съ товаромъ.
„Стойте, клячи!“ крикнулъ погонщикъ, и лошади стали.
Онъ подошелъ къ Гульбранду, который съ конемъ одичалымъ
Все еще бился.—Я вижу въ чемъ дѣло, сказалъ онъ, съ моими
Бѣлыми то же случилось, когда я въ первый разъ съ возомъ
Этой долиной тащился; здѣсь гнѣздится какой-то
Бѣсъ водяной: онъ великій проказникъ, проѣзжимъ покоя
Нѣтъ отъ него; но мнѣ удалося свѣдать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадкѣ
На́-ухо.—„Дѣлай, что хочешь, но только скорѣе“, воскликнулъ
Рыцарь, кипя нетерпѣньемъ. Погонщикъ, какъ слабую вѣтку,
Вытянулъ шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
Въ ухо ему шепнулъ, и какъ вкопаный сталъ онъ, лишь только
Жарко пыхтѣлъ и паръ отъ него подымался. Не время
Было Гульбранду разспрашивать, какъ совершилося чудо;
Онъ убѣдилъ погонщика взять въ повозку Бертальду,
Самъ же хотѣлъ провожать ее на конѣ; но усталый
Конь едва шевелилъ ногами.—Садитесь-ка, рыцарь,
Въ фуру и вы, погонщикъ сказалъ; дорога отсюда
Подъ-гору будетъ; коня же привяжемъ сзади повозки.—
Рыцарь сѣлъ съ Бертальдою въ фуру, коня привязали

Сзади, бичомъ захлопалъ погонщикъ, дернули дружно
Лошади, фура поѣхала. Было темнó; утихая,
Глухо вдали гремѣла гроза; въ усладительно-мирномъ
Чувствѣ своей безопасности, въ сладкомъ покоѣ, въ волшебномъ
Served Мракѣ ночи, свободѣ рѣчей благосклонномъ, межъ ними
Скоро сердечный, живой разговоръ начался; въ выраженьяхъ
Ласковыхъ рыцарь Бертальдѣ пенялъ за побѣгъ. Торопливо
Трепетнымъ голосомъ, вся въ волненьи, Бертальда проступокъ
Свой извиняла, и рѣчи ея таинственно-ясны
Были какъ свѣтъ лампады, когда во мракѣ отъ милой
Милому знакъ подаетъ, что его ожидаютъ. Рыцарь
Былъ въ упоеньи. Но вдругъ пробудилъ ихъ погонщиковъ голосъ:
„Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ) дружно! бѣда намъ!"
Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ— что жъ онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ не шагали, а плыли;
Не было видно колесъ: они,какъ на мельницѣ, съ шумомъ
Съ пѣной и съ брызгами рѣзали волны; погонщикъ на козлы
Влѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужъ въ водѣ по колѣно.
„Что за дорога такая? спросилъ у погонщика рыцарь,
Прямо идетъ въ середину потока".—Напротивъ! погонщикъ
Съ смѣхомъ сказалъ: потокъ идетъ въ середину дороги;
Видите сами; это сущій потопъ; мы пропали!
Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами;
Выше и выше онѣ подымались. „Это злодѣй нашъ
Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь воскликнулъ: товарищъ,
Нѣтъ ли и противъ него у тебя какого словечка?"—
Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто и какъ прозываюсь!— „Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ, вода прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно".—А такъ-то не нужно, погонщикъ
Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ, что просимъ не гнѣваться, самъ я
Струй! И ужасную харю свою онъ уставилъ въ повозку...
Но повозка ужъ болѣ была не повозка, ужъ были
Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, расшиблось
Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и ужасно
Началъ снова расти и расти, и горой водяною
Выросъ, и былъ ужъ готовъ на Бертальду и рыцаря, силой
Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей задавить ихъ...
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сладостный голосъ раздался;
Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтѣ его надъ долиной явился
Образъ Ундины; она погрозила волнамъ—и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала;
Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ заструился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣяла тихо Ундина въ долину, и руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Ундининъ
Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ потихоньку
Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ въ зáмокъ.

ГЛАВА XV.

о томъ, какъ они ѣздили въ вѣну.

Съ этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
Въ зáмкѣ Рингштеттенѣ. Рыцарь все чувствовалъ болѣ и болѣ
Прелесть небесную добраго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. Въ доброй Ундинѣ
Всякая память о прошломъ исчезла: она беззаботнымъ
Сердцемъ любила, и зная, что шла прямою дорогой,
Ясную въ немъ питала довѣренность; все въ настоящемъ
Было ей радостно; въ будущемъ все улыбалось. Бертальда,
Снова ей съ прежней любовью всю душу отдавъ, благодарной,
Кроткой и нѣжной являлась; короче, зáмокъ Рингштеттенъ

Сталъ обителью свѣтлаго счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;
Вотъ и весна съ благовонно-зеленой своей муравою,
Съ свѣтло-лазоревымъ небомъ своимъ улыбнулась веселымъ
Жителямъ зáмка; стало на сердцѣ ихъ радостно, стало и смутно.
Что жъ тутъ дивиться, если при видѣ какъ въ воздухѣ вешнемъ
Нитью вились журавли и легкія ласточки мчались,
Стало и ихъ позывать въ далекую даль. Разъ случилось
Рыцарю вмѣстѣ съ женой и Бертальдой въ прекрасное утро
Около свѣтлыхъ истоковъ Дуная гулять; имъ объ этой
Славной рѣкѣ онъ разсказывалъ много: какъ протекала
Пышнымъ, широкимъ потокомъ она по землямъ благодатнымъ,
Какъ на ея берегахъ прекрасная Вѣна сіяла,
Какъ по ней величаво ходили суда, какъ бѣжали
Мимо плывущихъ назадъ берега, услаждая ихъ очи
Зрѣлищемъ пажитей, нивъ, городовъ и рыцарскихъ зáмковъ.
—О! сказала Бертальда, какъ было бы весело съѣздить
Въ Вѣну водой... Но опомнясь, она покраснѣла, и взоры
Робко потупила. Милымъ ея смущеньемъ Ундина
Гронувшись, руку ей подала, и въ ней загорѣлось
Сильно желанье утѣшить подругу свою. „Да за чѣмъ же
Дѣло стало? сказала она. Ничто не мѣшаетъ
Съѣздить намъ въ Вѣну“.—Бертальда запрыгала съ радости. Вмѣстѣ
Стали они учреждать поѣздку свою, и заранѣ
Тѣмъ, что представится имъ на пути, восхищались. И рыцарь
Съ ними былъ заодно; Ундинѣ однако шепнулъ онъ:
„Вспомни о Струѣ; вѣдь, онъ могучъ на Дунаѣ“.—„Не бойся,
Съ смѣхомъ сказала Ундина; пускай онъ попробуетъ сдѣлать
Что-нибудь съ нами; я тутъ! при мнѣ ужъ никакъ колобродить
Онъ не посмѣетъ“. Отвѣтомъ такимъ уничтожены были
Всѣ затрудненья, и съ бодрымъ духомъ, съ веселой надеждой
Стали готовиться въ путь. Но скажите мнѣ, добрые люди,
Все ли сбывается такъ на землѣ, какъ надежда сулитъ намъ?
Хитрая власть, стерегущая насъ для погибели нашей,
Сладкія пѣсни, чудныя сказки подмѣченной жертвѣ
На-ухо часто поетъ, чтобъ ее убаюкать. Напротивъ,
Часто спасительный Божій посланникъ громко и страшно
Въ двери наши стучится. Какъ бы то ни было, наши
Путники весело плыли въ первые дни по Дунаю:
День-ото-дня рѣка становилася шире, и виды
Пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но вдругъ—и на самомъ
Чудно-прелестномъ мѣстѣ — открылъ свои нападенья
Бѣшеный Струй; то были сначала простыя помѣхи
(Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ отвсюду, мѣняясь,
Дулъ и судно качалъ); но Ундина одною угрозой,
Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и въ воды, смиряла
Силу врага; то было, однако, не надолго; снова
Онъ гомозился, и снова Ундина его унимала;
Словомъ сказать, веселость дороги разстроилась вовсе.
Въ то же время, гребцы, дивяся тому, что въ глазахъ ихъ
Дѣлалось, между собою часто шептались; и скоро
Стали на все съ подозрѣньемъ посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ и робкимъ
Взоромъ слѣдили господъ; а Гульбрандъ, задумавшись грустно,
Самъ про-себя говорилъ: „Таково-то бываетъ, какъ скоро
Здѣсь неровные сходятся; худо, если вступаетъ
Въ грѣшный союзъ земной человѣкъ съ женой водяною.
Вотъ что, однако, себѣ въ утѣшенье твердилъ онъ: вѣдь, прежде
Самъ я не вѣдалъ, кто она; правда, тяжко порою
Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни; но мое здѣсь
Горе, вина жъ не моя“. Хотя иногда и вливалъ онъ
Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ разсужденьемъ,
Но за то съ другой стороны все болѣ и болѣ

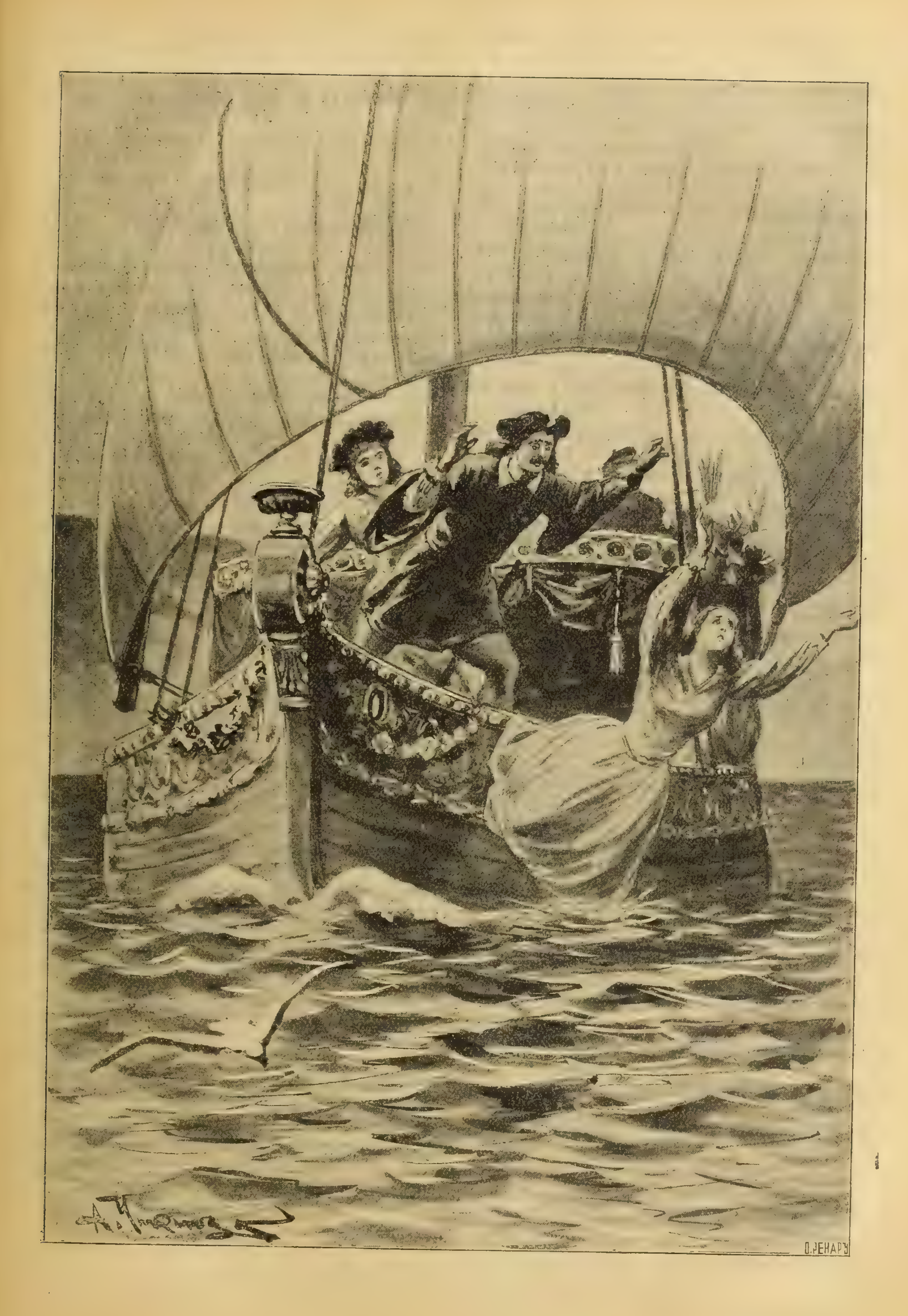
Противъ бѣдной Ундины былъ раздражаемъ. То слишкомъ,
Слишкомъ она понимала, и въ смертную робость угрюмый
Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная страхомъ,
Горемъ и тщетной борьбой съ необузданнымъ Струемъ, присѣла
Подъ-вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась въ глубокій
Сонъ. Но едва на мгновенье одно успѣли закрыться
Свѣтлые глазки ея, какъ-вдругъ передъ каждымъ изъ бывшихъ
Въ лодкѣ въ той сторонѣ, куда онъ смотрѣлъ, появилась,
Вынырнувъ съ шумомъ изъ водъ, голова съ растворённымъ зубастымъ
Ртомъ, и кривляясь, выпучивъ страшно глаза, закричали
Разомъ всѣ; отразился на каждомъ лицѣ одинакій
Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ сторону съ крикомъ:
„Здѣсь! сюда посмотри!" И изъ каждой волны создалася
Вдругъ голова съ ужаснымъ лицомъ, и поверхность Дуная
Вся какъ-будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гремѣла, шипѣла,
Шикала. Крикъ разбудилъ Ундину, и вмигъ при воззрѣньи
Гнѣвномъ ея пропали страшилища всѣ. Но рыцарь ужасно
Былъ раздраженъ; съ умоляющимъ взглядомъ Ундина сказала:
„Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не брани ты".
Онъ умолкнулъ, сѣлъ и задумался. „Другъ мой, шепнула
Снова Ундина, не лучше ль намъ далѣ не ѣздить? Не лучше ль
Въ за́мокъ Рингштеттенъ обратно отправиться? Въ за́мкѣ
Будемъ спокойны".—„Итакъ, проворчалъ нахмурившись рыцарь,
Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я жить, какъ невольникъ!
Только до тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ, пока на колодцѣ
Будетъ камень! Чтобъ этой проклятой роднѣ..." Но Ундина
Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчалъ онъ, вспомнивъ о данномъ
Имъ обѣщаньи Ундинѣ. Въ эту минуту Бертальда
Въ мысляхъ о томъ, что дѣлалось съ ними, сидѣла на краѣ
Лодки, и въ воды глядѣла; сама того не примѣтивъ,
Съ шеи своей она сняла ожерелье, подарокъ
Рыцаря; имъ водила она по поверхности ровныхъ
Водъ, любуясь, какъ-будто сквозь сонъ, сверканьемъ жемчужныхъ
Зеренъ въ прозрачной, вечернимъ лучомъ орумяненной влагѣ.
Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огромную руку
Высунувъ, ею схватилъ ожерелье и быстро пропалъ съ нимъ.
Вскрикнула громко Бертальда, и хохотъ пронзительный грянулъ
Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ болѣе рыцарь
Гнѣва не могъ удержать: онъ вскочилъ въ изступленьи и въ рѣку
Началъ кричать, вызывая на битву съ собой всѣхъ подводныхъ
Демоновъ, никсъ и сиренъ; а Бертальда своимъ безутѣшнымъ
Плачемъ о милой утратѣ и пуще его раздражала.
Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклонясь, окунула
Руку въ прозрачныя волны, и что-то надъ ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шопотъ, Гульбранду
Голосомъ нѣжнымъ твердя: „Возлюбленный, милый, подумай,
Гдѣ мы; брани ихъ, какъ хочешь; со мной же ни слова; ни слова,
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь". И рыцарь,
Какъ ни былъ раздраженъ, но ее пощадилъ. Вдругъ Ундина
Вынула влажную руку изъ водъ, и въ ней ожерелье
Было изъ чудныхъ коралловъ; своимъ очарованнымъ блескомъ
Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бердальдѣ:
„Вотъ что (сказала она) для тебя изъ рѣки мнѣ прислали,
Другъ мой, въ замѣну потери твоей. Возьми же и полно
Плакать". Но рыцарь въ бѣшенствѣ кинулся къ ней, ожерелье
Вырвалъ, швырнулъ въ Дунай и воскликнулъ: „Ты съ ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ своею роднею!

Сгинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ въ покоѣ!..“ Съ рукою,
Все еще поднятой вверхъ, какъ держала она ожерелье,
Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но полный
Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина его слова роковыя
Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ, который
Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ тяжкимъ рыданьемъ
Плакать, и вотъ что сказала потомъ истощеннымъ отъ горя
Голосомъ: „Ахъ, мой сладостный другъ! ахъ, прости невозвратно!
Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ было мнѣ можно
Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводятъ; отсюда
Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь... о! мой милый,
Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ! о горе! о горе!..“
Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку ускользнула:
Въ воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилася,
Въ лодкѣ никто не примѣтилъ; было и то и другое,
Было ни то, ни другое. Слѣда не оставивъ, въ Дунаѣ
Вся распустилась она; но долго мелкія струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и въ слухъ доходили
Внятно, какъ-будто слова: „о горе! будь вѣренъ! о горе!..“
Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и обморокъ сильный
Душу ему на минуту отвелъ отъ тяжелыя муки.

ГЛАВА XVI.

О ТОМЪ ЧТО ПОСЛѢ СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ.

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ благомъ сливаетъ
Насъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которою милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ, наконецъ, и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ... итакъ, скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго. Это и рыцарь
Также извѣдалъ—къ худу ль, къ добру ль своему, мы увидимъ.
Онъ сначала только и могъ, что плакать, такъ горько
Плакать, какъ плакала бѣдная, кроткая, ангелъ доброты, Ундина,
Стоя въ лодкѣ, когда онъ отнялъ у ней ожерелье,
Коимъ она все поправить такъ мило хотѣла; потомъ онъ
Также и руку вверхъ подымалъ, какъ Ундина, и снова
Плакалъ, и весь изойти слезами хотѣлъ. И Бертальда
Вмѣстѣ съ нимъ плакала искренно, горько. Другъ подлѣ друга
Въ за́мкѣ Рингштеттенѣ тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины, и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. Къ тому же въ это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во снѣ посѣщала Ундина:
Грустно къ постели его подходила она, и смотрѣла
Пристально въ очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потомъ назадъ уходила, такъ-что, проснувшись,
Самъ онъ навѣрно не зналъ, его ли, ея ли слезами
Были такъ влажны щеки его. Но вотъ, напослѣдокъ,
Эти сны объ Ундинѣ стали часъ-отъ-часу рѣже;
Стало на́ сердцѣ рыцаря тише; въ немъ скорбь призаснула.
Но, быть-можетъ, что онъ для себя ничего и придумать
Въ жизни не могъ бы иного, какъ только, чтобъ память Ундины
Вѣрно хранить и объ ней горевать, когда бъ не явился

О. РЕНАРЪ

Въ зáмкѣ нашъ честный, старый рыбакъ, и не сталъ отъ Гульбранда
Требовать дочери. Свѣдавъ по слуху о томъ, что съ Ундиной
Сдѣлалось, долѣ терпѣть онъ уже не хотѣлъ, чтобъ Бертальда
Въ зáмкѣ одномъ жила съ неженатымъ. „Рада ль, не рада ль
Будетъ мнѣ дочь, о томъ я теперь и знать не желаю,
Онъ говорилъ, но гдѣ о честномъ имени дѣло,
Тамъ разбирать ужъ нельзя". Съ приходомъ его пробудилось
Въ рыцарѣ прежнее чувство, имъ позабытое вовсе
Въ горѣ по милой Ундинѣ; при томъ же его ужаснула
Мысль: одному въ опустѣвшемъ зáмкѣ остаться. Но много
Противъ брака съ Бертальдой отецъ говорилъ въ возраженье:
„Точно ль Ундины на свѣтѣ не было? Впрочемъ—на днѣ ли
Влажномъ Дуная тѣло ея неотпѣтымъ лежало,
Море ль его безъ пріюта носило своими волнами—
Все Бертальда отчасти ея безвременной, жалкой
Смерти причиной была, и великій грѣхъ заступить ей
Мѣсто бѣдной жены, отъ нея пострадавшей". Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоялъ на своемъ; напослѣдокъ,
Съ нимъ согласившись, рыбакъ остался въ зáмкѣ. И тотчасъ
Былъ отправленъ гонецъ за отцомъ Лаврентіемъ съ зовомъ
Въ зáмокъ Рингштеттенъ: Гульбранду хотѣлось, чтобъ тотъ же, кѣмъ первый
Бракъ съ Ундиной его въ счастливые дни совершенъ былъ,
Нынѣ и съ новой женою его сочеталъ. Но священникъ,
Съ страхомъ какимъ-то посланника выслушавъ, тотчасъ
Въ путь отправился; день и ночь, несмотря на усталость—
Было ль ненастье или ясное время — онъ шелъ. „Помоги мнѣ,
Господи, зло отвратить", онъ молился. И вотъ, напослѣдокъ,
Вечеромъ позднимъ однимъ онъ вступилъ на дворъ, осѣненный
Старыми липами, зáмка Рингштеттена. Рыцарь съ невѣстой,
Веселы, рядомъ съ ними рыбакъ, задумчивъ, подъ тѣнью
Липъ сидѣли. Увидя отца Лаврентія, рыцарь
Съ радостнымъ крикомъ вскочилъ, и всѣ его окружили.
Но священникъ былъ молчаливъ, прискорбенъ; хотѣлъ онъ
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, какъ-будто
Вѣсть худую предчувствуя, медлилъ вступить въ особливый
Съ нимъ разговоръ. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: „Таиться
Здѣсь мнѣ не нужно; до всѣхъ васъ касается то, что скажу я;
Слушайте жъ, рыцарь. Точно ль увѣрены вы, что супруга
Ваша скончалась? Мнѣ не вѣрится это. Хоть много
Было разной молвы и объ ней самой и о родѣ
Чудномъ ея—что правда, что нѣтъ, я не знаю—но знаю
То, что она была добронравной, вѣрной, смиренной,
Благочестивой женою; а вамъ я скажу, что съ недавнихъ
Поръ она по ночамъ начала мнѣ являться: приходитъ,
Плачетъ, ломаетъ руки, вздыхаетъ и все говоритъ мнѣ:
„Честный отецъ, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тѣло ему! о, спаси ты душу ему!"... И сначала
Самъ я понять не умѣлъ, чего хотѣло видѣнье:
Вдругъ посольство отсюда—и здѣсь я; но я не для брака
Здѣсь, для развода. Гульбрандъ, откажись отъ Бертальды; Бертальда,
Рыцарь не можетъ быть мужемъ тебѣ, имъ владѣетъ другая.
Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, или вашъ бракъ вамъ не будетъ на радость".
Рыцарь съ досадою выслушалъ старца Лаврентія; долго
Спорили жарко они; напослѣдокъ, патеръ съ сердитымъ
Видомъ изъ зáмка ушелъ, не желая и ночи единой
Въ немъ провести. Гульбрандъ, увѣривъ себя, что священникъ
Былъ сумасбродъ и мечтатель, послалъ въ монастырь, по сосѣдству
Съ зáмкомъ лежавшій, за патеромъ; тотъ безъ труда согласился
Бракъ совершить, и день для обряда былъ тутъ же назначенъ.

ГЛАВА XVII.

О томъ, какъ рыцарь видѣлъ сонъ.

Было время межъ утра и ночи, когда на постели
Рыцарь сонный, не сонный, лежалъ. Уже забываться
Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ невидимкой ужасное что-то
Стало; и онъ очнулся, какъ-будто услышавъ какой-то
Голосъ, шепнувшій: „Къ тебѣ подошелъ посѣтитель безплотный".
Силиться сталъ онъ, чтобъ вовсе проснуться; но вотъ онъ услышалъ
Снова: какъ-будто надъ нимъ и подъ нимъ лебединыя крылья
Вѣяли, волны журчали и пѣли; и онъ, утомленный,
Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой на подушку.
Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ имъ; и началъ
Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слышанный шумъ лебединыхъ
Крыльевъ—крыльями сталъ, что будто его подхватили
Эти крылья и съ нимъ надъ землей и водой полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ стенаніемъ. „Стонъ лебединый!
Стонъ лебединый! (себѣ непрестанно твердилъ поневолѣ
Сонный рыцарь) вѣдь, онъ предвѣщаетъ намъ смерть". И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: „Разступись, озарись, Средиземное море!"
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ насквозь до самаго дна ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундину; подъ свѣтлымъ, кристальнымъ
Сводомъ сидѣла она и плакала горько; и было ужъ много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та ужъ Ундина
Это была, съ которою, въ прежнее время, такъ счастливъ
Былъ онъ въ за́мкѣ Рингштеттенѣ; очи, столь ясныя прежде,
Были тусклы, щеки впали, болѣзненъ былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой онъ, казалось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ ней—рыцарь увидѣлъ—
Струй, какъ-будто съ упрекомъ за то, что такъ безутѣшно
Плакала; тутъ Ундина съ такимъ повелительнымъ видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ-будто смутился. „Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала она, но съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ же такъ горько
Плачу, того тебѣ никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто имѣетъ
Вѣрную душу". Струй, покачавъ головою съ сомнѣньемъ,
Началъ о чемъ-то думать, потомъ сказалъ: —Ты, какъ хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты подъ властью
Нашихъ стихійныхъ законовъ, и все ты обязана строгій
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту минуту, когда онъ
Вѣрность нарушитъ тебѣ и женится снова.— „Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовецъ, отвѣчала Ундина, и грустнымъ
Сердцемъ любитъ меня".—Вдовецъ, я не спорю, со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ; но онъ и женихъ, а скоро и мужемъ
Будетъ; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся, съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь, не хочешь, пойдешь; а это посольство, сама ты
Знаешь какое—смерть.—„Но знаю и то, что не можно
Въ за́мокъ Рингштеттенъ войти мнѣ, сказала съ улыбкой Ундина,
Камень лежитъ на колодцѣ".—А если онъ выйдетъ изъ за́мка?
Струй возразилъ. А если велитъ онъ камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь, онъ объ этихъ бездѣлкахъ забылъ.—„Для того-то,
Съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, и летаетъ
Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземного моря, и слышитъ
Сонный все то, что мы съ тобой говоримъ; я нарочно
Это устроила такъ, чтобъ онъ остерегся". Примѣтя
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой, кувыркнулся
Въ волны, и быстро уплылъ, раздувшись отъ ярости китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со стономъ начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться стало,

Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами, летитъ надъ водами,
Будто на замокъ Рингштеттенъ слетѣлъ, и будто проснулся.
Такъ и было: проснулся Гульбрандъ у себя на постели.
Въ эту минуту вошелъ кастелянъ объявить, что близъ замка
Встрѣченъ былъ патеръ Лаврентій, что онъ въ лѣсу недалеко
Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалашъ и въ немъ поселился.—
—Мнѣ, на вопросъ, зачѣмъ онъ живетъ здѣсь, когда отказался
Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ онъ: „Развѣ одни лишь
Браки должны освящать мы? Другіе нерѣдко обряды
Намъ совершать случается. Если не могъ пригодиться
Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
Можетъ легко перейти въ гореванье. Итакъ, кто имѣетъ
Очи, да видитъ; кто уши имѣетъ, да слышитъ". Въ раздумьи
Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая свой сонъ, и значенье
Словъ отца Лаврентія силясь понять; но, пришедши
Къ милой невѣстѣ, онъ все позабылъ, разгулялся, и снова
Сдѣлался веселъ, и все осталось попрежнему въ замкѣ.

ГЛАВА XVIII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛЪ СВАДЬБУ.

Если разсказывать мнѣ, читатель, подробно, каковъ былъ
Въ замкѣ Рингштеттенѣ свадебный пиръ, то будетъ съ тобою
То же, какъ если бы, вдругъ, ты увидѣлъ множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траурнымъ флеромъ и въ этомъ
Злую насмѣшку нашелъ надъ ничтожностью счастья земного.
Правда, въ этотъ свадебный день ничего не случилось
Страшнаго въ замкѣ—духамъ водянымъ, ужъ это мы знаемъ,
Было проникнуть въ него нельзя—но со всѣмъ тѣмъ нашъ рыцарь,
Гости, рыбакъ и даже служители были всѣ какъ-то
Смутны; казалося всѣмъ, что на праздникѣ съ ними кого-то
Главнаго нѣтъ, и что этимъ главнымъ никто ужъ не могъ быть,
Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми любимой Ундины.
Всякій разъ, когда отворялися двери, невольно
Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали; когда же,
Вмѣсто желанной, являлся иль съ блюдомъ дворецкій, иль ключникъ
Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый печально въ тарелку
Взоръ опускалъ и сидѣлъ безгласенъ, какъ-будто бы въ грустной
Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселѣе была молодая;
Но и ей самой какъ-будто совѣстно было
Въ брачномъ зеленомъ вѣнцѣ, въ жемчугахъ и въ богатомъ вѣнчальномъ
Платьѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда какъ Ундина,
„Трупомъ еще неотпѣтымъ, на днѣ Дуная лежала,
Или носима была безъ пріюта морскими волнами".
Эти отцовы слова и прежде мутили ей сердце;
Тутъ же они отзывались въ ушахъ ея безпрестанно.
Рано гости оставили замокъ, и каждый съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ къ себѣ, молодая
Также къ себѣ—раздѣваться. Кругомъ новобрачной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного свои поразсѣять
Черныя мысли, Бертальда велѣла подать дорогіе
Перстни, жемчужныя нитки и платья, рыцаремъ къ свадьбѣ
Ей подаренные; стала примѣривать то и другое.
Льстя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея красотою;
Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бертальда смотрѣлась
Въ зеркало; вдругъ сказала:—Ахъ, Боже! какая досада!
Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а можно бъ
Тотчасъ согнать ихъ; стоило бъ только водой изъ колодца
Нашего разъ обтереться; ахъ, еслибъ мнѣ нынче жъ хоть кружку
Этой воды достали!"—О чемъ же тутъ думать? сказала,
Бросившись къ двери, одна изъ прислужницъ.—„Неужто успѣетъ
Эта проказница камень поднять!" съ довольной усмѣшкой
Вслѣдъ за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро

Сдѣлался шумъ на дворѣ; съ рычагами къ колодцу бѣжали
Люди. Бертальда сѣла подлѣ окна и при яркомъ
Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ дворъ зáмка, ей было
Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному изъ нихъ и прискорбно
Было подумать, что имъ теперь надлежало разрушить
То, что было приказано сдѣлать прежнею, доброй
Ихъ госпожею; но трудъ былъ не такъ-то великъ, какъ сначала
Думали; имъ изнутри колодца какъ-будто какая
Сила камень поднять помогла. Дивясь, говорили
Между собою работники: „Можно подумать, что бьетъ тамъ
Сильный ключъ". И, въ самомъ дѣлѣ, съ отверстія камень
Самъ собой подымался; безъ всякой помоги, свободно
Сдвинулся онъ и, со стукомъ глухимъ откатясь, повалился.
Вдругъ изъ колодца что-то, какъ-будто бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющимъ ключомъ показалось оно, но поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ облеченнымъ
Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно руки
Вверхъ подымая, оно медленно, шагомъ воздушнымъ
Прямо къ зáмку двигалось. Въ ужасѣ всѣ отбѣжали
Прочь отъ колодца. Бертальда же, стоя въ окнѣ, цѣпенѣла,
Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда поровнялся
Съ самымъ окошкомъ идущій образъ, сквозь покрывало
Онъ поглядѣлъ на Бертальду пронзительнымъ окомъ, съ тяжелымъ
Вздохомъ; и блѣднымъ лицомъ Ундины тогда показался
Образъ Бертальдѣ; мимо ея она, упинаясь,
Нехотя, медленно шла, какъ-будто на судъ. —Позовите
Рыцаря,—громко вскричала Бертальда. Но всѣ въ неподвижномъ
Страхѣ стояли на мѣстѣ. Сама Бертальда какъ-будто
Собственнымъ крикомъ своимъ приведенная въ ужасъ, умолкла.

Тою порою чудесная гостья приблизилась къ двери
Зáмка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ
Тихо, молча, плача, прошла... о, такою ль, бывало,
Здѣсь видали ее? Въ то время еще нераздѣтый
Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько
Стукнулъ въ дверь... такъ точно, бывало, стучалась Ундина.
„Все это призракъ! (сказалъ онъ) пора мнѣ въ постелю".—„Въ постели
Будешь ты скоро, но только въ холодной", шепнулъ за дверями
Плачущій голосъ.—И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замóкъ заперла за собою.
„Камень съ колодца сняли, она промолвила тихо;
Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты" Холодъ, по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскликнулъ:
„О, не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не являя".—
„Ахъ! она отвѣчала, развѣ еще разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна, какъ прежде, какъ въ оный
День, когда твоею невѣстою стала".—„О, если бъ
Это правда была! (Гульбрандъ воскликнулъ) о, если бъ
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и пускай бы
Въ немъ умереть!"—„Охотно, возлюбленный мой!" покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой
Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,

Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ-будто
Выплакать душу хотѣла: и быстро, быстро ліяся,
Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ сладкой
Болью къ нему заливалися въ грудь, пока, напослѣдокъ,
Въ немъ не пропало дыханье, и онъ не упалъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку.
„Я до смерти его уплакала!“ встрѣченнымъ ею
Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по двору, мимо Бертальды, мимо стоявшихъ
Въ страхѣ работниковъ, прямо прошла къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глубину, и пропала.

ГЛАВА XIX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель за́мка Рингштеттена, тотчасъ
Въ за́мкѣ явился; и онъ, входя на дворъ, осѣненный
Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣшилъ. „Такъ и должно!
Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь моя наступила
Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ“. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ подкрѣпленье;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбакъ молился и плакалъ, и въ горѣ смиряясь,
Думалъ: „Оно иначе и быть не могло: то Господній
Судъ; и, конечно, Гульбрандова смерть ни-никому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смертной
Вѣстью прислали къ нему,—отверженной, бѣдной Ундинѣ“.—
Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было прилично
Сану покойника: тѣло его положить надлежало
Подлѣ церкви приходской, тамъ, гдѣ были гробницы
Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ, и шлемъ ужъ лежали на кровлѣ
Гроба, чтобъ съ нимъ пуститься въ могилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался;
Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченьи,
Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокій
Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣтили бѣлый
Образъ, въ длинномъ густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
Грустно потупивши голову. Страхомъ проникнутъ былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,
Пятились, такъ что порядокъ хода разстроился. Силой
Два смѣльчака хотѣли незванаго изъ ряду вывесть;
Но, отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
Вотъ, напослѣдокъ, онъ, мало-по-малу, мѣняяся мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ
Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ
Не былъ и сзади пошелъ смиренно-печальный. Достигнулъ
Ходъ до кладбища, и всѣ обступили могилу. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незванаго гостя увидѣла; въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,
Руки къ ней простиралъ и какъ-будто молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ундину, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла
Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подъ водами

Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновеніе подалъ
Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ умолкли. И стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало-по-малу засыпанъ
Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ и читать послѣднюю началъ молитву священникъ,
Стала вдова на колѣни, стали и всѣ на колѣни.
Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова всѣ встали... ужъ бѣлый образъ пропалъ, а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, сквозь травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо віясь, онъ впередъ пробирался, покуда
Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣжалъ онъ
Далѣ и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать; долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ— Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробѣ Ундина.

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ*).

(ИНДѢЙСКАЯ ПОВѢСТЬ, ПОДРАЖАНІЕ РЮККЕРТУ.)

1837—1841.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.—Жилъ былъ въ Индіи царь, по имени Наль. Виразены
Сильнаго сынъ, обладатель царства Нишадскаго, этотъ
Наль былъ славенъ дѣлами, во младости мудръ, и прекрасенъ
Такъ, что въ цѣломъ свѣтѣ царя, подобнаго Налю,
Не было, нѣтъ и не будетъ: между другими царями
Онъ сіялъ, какъ сіяетъ солнце между звѣздами.
Крѣпкій мышцею, свѣтлый разумомъ, читатель смиренный
Мудрыхъ духовныхъ мужей, глубоко проникнувшій въ тайный
Смыслъ писаній священныхъ, жертвъ сожигатель усердный
Въ храмахъ боговъ, вожделѣній своихъ обуздатель, нечистымъ
Помысламъ чуждый, любовь и тайная дума
Дѣвъ, гроза и ужасъ враговъ, друзей упованье,
Опытный въ трудной военной наукѣ, искусный и смѣлый
Вождь, изъ лука дивный стрѣлокъ, наипаче же славный
Чуднымъ искусствомъ править конями—на нихъ же онъ въ сутки
Могъ сто миль проскакать—таковъ былъ Наль; но и слабость
Также имѣлъ онъ великую: въ кости играть былъ безмѣрно
Страстенъ.—Въ это же время владѣлъ Видарбинскимъ обширнымъ
Царствомъ Бима, царь благодушный; онъ долго бездѣтенъ
Былъ и тяжко скорбѣлъ отъ того, и обѣтъ предъ богами
Онъ произнесъ великій, чтобъ боги его наградили
Сладкимъ родительскимъ счастьемъ; и боги ему даровали
Трехъ сыновей и дочь. Сыновья назывался: первый
Да́масъ, Да́нтасъ другой и Да́манасъ третій; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смѣлы; звѣздой красоты расцвѣла Дамаянти:
Прелесть ея прошла по землѣ чудесной молвою.
Въ домѣ отца, окруженная роемъ подружекъ, какъ-будто
Свѣжимъ вѣнкомъ, сіяла межъ нихъ Дамаянти, какъ роза
Въ пышной зелени листьевъ сіяетъ, и въ этомъ собраньи

---

*) Наль и Дамаянти есть эпизодъ огромной индѣйской поэмы Магабараты. Этотъ отрывокъ, самъ по себѣ составляющій полное цѣлое, два раза переведенъ на нѣмецкій языкъ; одинъ переводъ, Бопповъ, ближе къ оригиналу; другой, Рюкке́ртовъ, имѣетъ болѣе поэтическаго достоинства. Я держался послѣдняго. Не зная подлинника, я не могъ имѣть намѣренія познакомить съ нимъ русскихъ читателей; я просто хотѣлъ разсказать имъ по-русски ту повѣсть, которая плѣнила меня въ разсказѣ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкѣ моемъ выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна индѣйская повѣсть о Налѣ и Дамаянти.

Вотъ что говоритъ А. В. Шлегель объ этомъ отрывкѣ: „По моему мнѣнію, эта поэма не уступаетъ никакой изъ древнихъ и новыхъ въ красотѣ поэтической, въ увлекательности страстей, въ возвышенной нѣжности чувствъ и мыслей. Прелесть ея доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся однимъ естественнымъ чувствомъ. Повѣсть о Налѣ и Дамаянти есть самая любимая изъ народныхъ повѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе Дамаянти такъ же извѣстны всѣмъ и каждому, какъ у насъ постоянство Пенелопы".—*Ж.*

Дѣвъ сверкала, какъ молнія въ тучѣ небесной. Ни въ здѣшнемъ
Свѣтѣ, ни въ мірѣ безплотныхъ духовъ, ни въ странѣ, гдѣ святые
Боги живутъ, никогда подобной красы не видали;
Очи ея могли бы привлечь и безсмертныхъ на землю
Съ неба. Но какъ ни была Дамаянти прекрасна, не менѣ
Былъ прекрасенъ и Наль, подобный пламенно-нѣжной
Думѣ любви, облекшейся въ образъ тѣлесный. И каждый
Часъ о великомъ царѣ Нишадской земли Дамаянти
Слышала; каждый часъ о звѣздѣ красоты благородный
Царь Нишадскій слышалъ; и цвѣтъ любви изъ живого
Сѣмени словъ межъ ними, другъ-друга не знавшими, скоро
Выросъ. Однажды Наль, безымянной болѣзнію сердца
Мучимый, въ рощѣ задумчивъ гулялъ; и вдругъ онъ увидѣлъ
Въ воздухѣ бѣлыхъ гусей; распустивъ златоперыя крылья,
Стаей летѣли они и громко кричали и въ рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватилъ одного. Но ему сказалъ человѣчьимъ
Голосомъ гусь: „Отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебѣ сослужу: о тебѣ Дамаянти прекрасной
Слово такое при случаѣ молвлю, что только и будетъ
Думать она оНалѣ одномъ. „То услыша, поспѣшно
Наль отпустилъ золотого гуся. Вся стая помчалась
Прямо въ Видарбу, и тамъ опустилася съ крикомъ на царскій
Лугъ, на которомъ въ тотъ часъ Дамаянти гуляла. Увидѣвъ
Чудныхъ птицъ, начала Дамаянти съ подружками бѣгать
Вслѣдъ за ними; а гуси, съ мѣста на мѣсто порхая,
Всѣ разсыпались по лугу; съ ними разсыпались также
Скоро и всѣ подружки царевнины; вотъ Дамаянти
Съ гусемъ однимъ осталась одна; и гусь, пріосанясь,
Вдругъ сказалъ человѣческимъ голосомъ ей: „Дамаянти,
Въ царствѣ Нишадскомъ царствуетъ Наль; и нѣтъ и не будетъ
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполнѣ бъ совершилось; какой бы
Плодъ родился отъ союза съ его красотою могучей
Нѣжной твоей красоты. Васъ другъ для друга послали
Боги на землю. Повѣрь тому, что тебѣ говорю я,
О тихонравная, сладкопривѣтная, чистая дѣва!
Много мы въ странствіяхъ нашихъ луговъ человѣческихъ, много
Райскихъ обителей неба видали; въ странѣ великановъ
Также намъ быть довелось; но донынѣ еще, Дамаянти,
Встрѣтить подобнаго Налю царя намъ нигдѣ не случалось:
Ты жемчужина дѣвъ, а Наль мужей драгоцѣнный
Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрѣли
Мы на землѣ неземное".—Такъ гусь говорилъ. Дамаянти,
Слушая, радостно рдѣла; потомъ въ отвѣтъ прошептала,
Вся поблѣднѣвъ отъ любви: „С к а ж и т ы т о ж е и Н а л ю".
Быстро, быстро поднялся онъ, дважды рожденный, сначала
Въ видѣ яйца, потомъ изъ яйца, и въ Нишадское царство
Прямо помчался и тамъ разсказалъ о случившемся Налю.

II.—Послѣ того, что сказалъ ей гусь золотой, Дамаянти,
Словно какъ-будто съ собою разставшись, была безпрестанно
Съ Налемъ прекраснымъ. Объятая тайною думой, влачась
Шаткой, невѣрной стопою, какъ-будто въ какомъ разслабленьи,
То подымая къ небу грустныя очи, то въ землю
Ихъ потупляя, то съ полною тяжкими вздохами грудью,
Временемъ щеки какъ жаръ, временемъ блѣдныя, очи
Полныя слезъ, засохшія губы, и всѣ въ безпорядкѣ
Мысли какъ волосы—день и ночь Дамаянти вздыхала,
Слабая, томная: не было ей ни сна, ни постели,
Ниже покоя на мѣстѣ иномъ; и тая въ болѣзни,

О. РЕНАР

Пищи она, ни питья принимать не хотѣла. Подружкамъ
Скоро стало замѣтно, что съ ихъ царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе; скоро достигнулъ печальный
Слухъ и до Бимы царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Какъ скоро объ этомъ провѣдалъ
Царь, то онъ весьма опечалился. „Видно настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти", сказалъ онъ.
Вотъ и задумалъ Бима дать пиръ, чтобъ отвсюду на выборъ
Съѣхались къ ней женихи. Гонцовъ разослалъ онъ по разнымъ
Царствамъ индѣйскимъ: царей приглашать на праздникъ въ Видарбу.
Только къ царямъ и царевичамъ вѣсть объ этомъ достигла,
Всѣ снарядилися въ путь; съ востока и запада быстрый
Шумный потокъ пути наводнилъ, наполняя всю землю
Смутнымъ гуломъ слоновъ, коней, колесницъ, и до неба
Пыль густую подъемля. Сіяя богатствомъ уборовъ,
Множествомъ ратниковъ, блескомъ оружій, пышностью броней,
Съѣхались гости въ Видарбу; торжественно встрѣтилъ ихъ Бима.—
Въ это время странствовать вышелъ глава и свѣтило
Всѣхъ отшельниковъ, праведный старецъ Нерáда; избранный
Спутникъ его былъ Первата блаженный. Изъ пыльнаго міра
Темныхъ гробовъ проникнулъ онъ въ царство небеснаго свѣта,
Въ оный предѣлъ, гдѣ садъ веселій цвѣтетъ, гдѣ великій
Властвуетъ Индра. Въ свѣтло-воздушныя сѣни вступили
Оба странника; ихъ привѣтствовалъ радостно Индра;
Имъ поклонясь и воздавъ имъ обоимъ приличную почесть,
Царь небесныя тверди спросилъ гостей о здоровьи
Ихъ и цѣлаго свѣта. „Владыка, съ поклономъ Нерада
Индрѣ отвѣтствовалъ: божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свѣтъ нашъ здоровъ: благоденствуютъ люди и звѣри
Въ каждой пылинкѣ, и въ каждой былинкѣ жизнь и веселье".
Слыша такой отвѣтъ Нерады, могучій правитель
Міра спросилъ:—„Но гдѣ же мои любимцы, кровавыхъ
Споровъ рѣшители, крови своей проливатели въ битвахъ,
Смерти презрители, храбраго міра защитники? Ими
Свѣтлую область мою населять я люблю: но напрасно
Жду я на пиръ мой желанныхъ гостей, не приходятъ
Гости мои ужъ давно. Скажи мнѣ, святой, что случилось
Съ племенемъ храбрыхъ?" На это отвѣтствовалъ Индрѣ Нерада:
„Я объясню, всемогущій, тебѣ, отчего такъ давно ты
Здѣсь никого не видишь изъ храбрыхъ вождей: Дамаянти,
Дочь царя Видарбинскаго Бимы, которой на свѣтѣ
Нѣтъ ничего подобнаго, хочетъ по сердцу супруга
Выбрать, и всѣ цари и царевичи ѣдутъ въ Видарбу,
Всякая ссора забыта, и вотъ почему такъ спокойна
Стала земля, почему и въ твою свѣтозарную область
Гости давно не приходятъ".—Покуда ихъ длилась бесѣда,
Прибыли къ Индрѣ его соучастники въ міродержавствѣ:
Агнисъ, властитель огня, Варуна, воды повелитель,
Яма, богъ-земледержецъ. Услышавъ сказанье Нерады,
Боги воскликнули съ свѣтлымъ лицомъ: „На выборѣ этомъ
Будемъ и мы". И на быстрыхъ коняхъ, предводимые Индрой,
Боги пустились въ Видарбу, куда всѣ цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгорая, лишь только
Свѣдалъ о съѣздѣ великомъ въ Видарбѣ, на быстрыхъ
Крыльяхъ желанья помчался; нужды въ коняхъ не имѣлъ онъ.
Боги, спустясь съ высоты, на дорогѣ увидѣли Наля:
Былъ красотою онъ свѣтелъ, какъ день; и боги, плѣняясь
Той красотой, на него съ изумленьемъ смотрѣли; четыре
Стихій властителя, въ воздухѣ свой полетъ удержавши,
Вотъ что сказали: „Здравствуй, нишадецъ, войскъ истребитель,

Наль Пуньялока. Хочешь ли намъ оказать ты услугу?
Нашимъ посломъ полномочнымъ иди отсюда въ Видарбу".
III.—Все исполню, отвѣтствовалъ Наль и, руки сложивши
Въ страхѣ невольномъ, съ видомъ покорнымъ спросилъ онъ ихъ: кто вы,
Солнечнымъ блескомъ одѣтые? Съ вѣстью какой повелите
Мнѣ въ Видарбу итти?—Ему отвѣтствовалъ Индра:
„Знай, что мы боги безсмертные, сшедшіе въ міръ для прекрасной
Дочери Бимы царя, Дамаянти, къ которой отвсюду
Сходятся нынѣ земные цари; я—Индра, властитель
Воздуха; это Агнисъ, огня повелитель могучій;
Это—Варуна, двигатель водъ; а это—великій
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что нынѣ
Нашъ ты посолъ, и вотъ что ты долженъ сказать Дамаянти:
„Вѣдай, царевна, что боги стихій — богъ воздуха Индра,
Агнисъ огня, Варуна воды и Яма земли— къ намъ
Съ неба сошли, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты въ супруги!"—
Руки сжавъ съ умиленіемъ, Наль отвѣтствовалъ Индрѣ:—
Самъ я за тѣмъ же въ Видарбу иду; отъ другихъ невозможно
Быть мнѣ посломъ къ Дамаянти; молю, отъ такого посольства,
Боги, избавьте меня.—На то отвѣтствовалъ Индра:
„Развѣ не ты, благородный нишадецъ, сказалъ намъ: исполню!
Можешь ли слово нарушить? Иди жъ и не смѣй отрицаться".
Наль отвѣчалъ съ замѣшательствомъ:—Какъ же дойду я къ царевнѣ?
Входы всѣ заперты крѣпкою стражей.—„О томъ не заботься,
Боги сказали, дойдешь свободно, иди безъ боязни".
Наль пошелъ, покоряся безъ ропота волѣ безсмертныхъ.
Онъ во дворецъ свободно проникнулъ, и тамъ Дамаянти
Скоро увидѣлъ въ кругу подружекъ: какъ съ неба слетѣвшій
Ангелъ, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нѣжные члены ея, вожделѣнья любви пробуждая
Въ каждомъ сердцѣ; и мѣсяцъ и солнце не столь утѣшали
Свѣтомъ своимъ, какъ ея плѣнительно-дѣвственный образъ.
Муку любви почувствовалъ Наль при видѣ волшебномъ
Стройнаго стана ея; но онъ пересилилъ стремленье
Силы мучительной. Всѣ подружки царевны вскочили
Съ мѣстъ, изумленныя входомъ нечаяннымъ Наля; прекрасный
Образъ его поразилъ ихъ такъ, что имъ показалось
Небо отверстымъ. Не смѣя его вопросить, межъ собою
Тихо шептались онѣ, повторяя: „Откуда пришелъ онъ?
Кто онъ? какой онъ породы? райской? земной? исполинской?"
Такъ вопрошали другъ-друга онѣ, ослѣпленныя блескомъ
Наля, очей на него поднять не смѣя (столь боги
Прелесть его, ужъ и такъ неземную, блескомъ небеснымъ
Вдругъ возвеличили). Въ это мгновенье предъ нимъ Дамаянти
Съ сердцевластительнымъ взоромъ, съ улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядѣла и таяла тайнымъ
Пламенемъ. „Кто ты? она, напослѣдокъ, спросила,
Кто ты, все озаряющій, прелестью дышащій, душу
Радостной мукой объемлющій? Какъ ты проникнулъ въ обитель
Царской дочери, всѣмъ затворенную, мимо царевой
Стражи, никѣмъ незамѣченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя?" На этотъ вопросъ видарбинской прекрасной царевны
Наль отвѣтствовалъ:—Знай, Дамаянти, я Наль; я въ Видарбу
Присланъ, царевна, тебя извѣстить, что великіе боги,
Индра, Агнисъ, Варуна и Яма, спустились на землю
Съ неба за тѣмъ, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты въ супруги.
Ихъ могуществомъ могъ и сюда непримѣтно пройти я.
Зная теперь, зачѣмъ я здѣсь, видарбинская дѣва,
Сдѣлай сама, что найдешь для себя и благимъ, и приличнымъ.—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.—Вѣсть такую услышавъ, сначала богамъ Дамаянти

Сердцемъ смиреннымъ свою принесла благодарность; съ улыбкой
Налю сказала потомъ: „Не боги, а ты мой избранный
Свѣтлый женихъ; я твоя, и все, чѣмъ я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, всѣ мысли, желанья и жизнь и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое безъ остатка. Что бѣлый
Гусь мнѣ сказалъ, то сердце мое сокрушило; и были
Всѣ цари и царевичи созваны мною на выборъ
Только за тѣмъ, чтобъ привлечь и тебя: но ты ужъ заранѣ
Избранъ; отдаться тебѣ поклялась я, и былъ ты
Здѣсь ужъ давно ожидаемъ; но только совсѣмъ для иного.
Сватайся жъ самъ за меня; тебѣ неприлично являться
Здѣсь посломъ отъ другихъ; и знай, что если тобою
Буду отвергнута я, отъ которой пріемлешь ты нынѣ
Почесть такую, то все мнѣ смертію будетъ: вода ли,
Ядъ ли, огонь ли, веревка, все мнѣ равно; нестерпимо
Женскому сердцу въ любви безотвѣтно признаться". На это
Наль видарбинской царевнѣ отвѣтствовалъ:—Какъ же ты можешь
Вѣчнымъ богамъ предпочесть обреченнаго смерти? Какъ можешь
Съ тѣми, отъ коихъ жизнь истекаетъ, кѣмъ держится зданье
Міра, ставить меня на ряду, недостойнаго съ прахомъ
Ногъ ихъ сравниться? Идущій противъ воли безсмертныхъ
Смерти навстрѣчу идетъ. О плѣнительно-стройная дѣва!
Будь мнѣ спасеньемъ, избравши небесное вмѣсто земного.
Легкость чистыхъ, безпыльно - эѳирныхъ одеждъ, неземные
Перлы, вѣнки и повязки боговъ предпочти и блаженствуй.
Что желаннѣй тебѣ? Благовонный ли воздухъ? Огня ли
Жертвенный пылъ? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вѣчной земли? Одинъ, лазурно-воздушнымъ пространствомъ
Міръ объемля, движеньемъ и свѣтомъ его наполняетъ;
Искрою въ каждой пылинкѣ таяся, другой проникаетъ
Все, разрушая тѣла и духу даруя свободу;
Третій, кристальною цѣпію землю обвивъ и на зыбкомъ
Пухѣ воды отдыхая, жемчужныя нити вплетаетъ
Въ кудри свои; четвертый даетъ живущему мѣсто,
Мертвому пристань и все созданье на судъ собираетъ.
Вотъ твои женихи, Дамаянти; богамъ ли безсмертнымъ
Ты откажешь? Не дѣлай того, послушайся друга.—
Съ трепетомъ сердца и влагой печали затмивши сіянье
Свѣтлыхъ очей, отвѣчала ему Дамаянти: „Всесильны
Вѣчные боги; я чту ихъ всѣмъ сердцемъ и имъ поклоняюсь
Съ вѣрой; но ты мой женихъ; ты избранъ любовію; этой
Правды скрывать не хочу я". Такъ говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала къ дрожащимъ
Дѣвственно-чистымъ грудямъ съ умоляющимъ видомъ. Вздохнувши,
Наль отвѣчалъ:—Не забудь, Дамаянти, что я предъ тобою
Въ санѣ посла, нарушу ль святую довѣренность? Буду ль
Нынѣ просить для себя того, что строго велитъ мнѣ
Должность просить для другихъ? Наступитъ мой часъ и безъ страха
Стану за право свое. Ты сама объ этомъ размысли,
Радость очей, видарбинская роза.—Вздохъ утаивши,
Тихо въ отвѣтъ Дамаянти шепнула: „О другъ, мы согласны
Въ мысляхъ; ты путь прямой избери, чтобъ упрека и тѣни
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенье
Смертныхъ людей, съ богами ко мнѣ на торжественный выборъ;
Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься". Этотъ отвѣтъ видарбинской
Дѣвы принявши, Наль возвратился въ то мѣсто, гдѣ были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Міродержавцы спросили его съ живымъ любопытствомъ:

„Что ты скажешь? Какой отвѣтъ намъ принесъ отъ царевны?"
Наль сказалъ:—Посланникомъ вашимъ проникъ я въ жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражамъ,
Видимый только царевнѣ одной; конечно, то было
Такъ устроено вашею властью; съ царевной нашелъ я
Много подругъ; онѣ вскочили, меня испугавшись,
Но Дамаянти, прекрасный свѣтло-смѣющійся мѣсяцъ,
Въ то мгновенье, какъ вашу волю, безсмертные боги,
Я объявлялъ ей, меня самого въ затменьи разсудка
Выбрала. Вотъ что сказала въ отвѣтъ мнѣ царевна: „Пусть придутъ
Боги вмѣстѣ съ тобою ко мнѣ на торжественный выборъ;
Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься". Ваша воля святая
Мною исполнена, вѣчные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите съ меня и свободу мнѣ дайте.—

П.—Вотъ съ наступленіемъ дня пригласилъ царь Бима на выборъ
Всѣхъ своихъ знаменитыхъ гостей. Собралися въ обширной
Царской палатѣ цари и царевичи; взоры ихъ жаркой
Жаждой любви пламенѣли; они прошли сквозь златые
Своды высокихъ дверей, какъ львы сквозь разсѣлину. Въ блескѣ
Свѣжихъ душистыхъ вѣнковъ, въ серьгахъ драгоцѣнныхъ сидѣли
Тамъ величавые гости, на пышныхъ, упругихъ подушкахъ;
Тѣсно ихъ сонмище было, какъ львиная грива густая;
Полная жъ ими палата казалась разинутымъ зѣвомъ
Тигра, полнымъ зубовъ. И было тутъ чѣмъ любоваться:
Крѣпкія бедра, какъ-будто столбы, литые изъ мѣди,
Сильныя мышцы и плечи, какъ-будто могучіе дубы,
Съ гибкими пальцами руки, какъ змѣи съ пятью головами,
Гордыя шеи, свѣтлымъ гранитнымъ зубцамъ на вершинахъ
Горныхъ подобныя, въ блескѣ прекрасныхъ, весельемъ горящихъ
Лицъ и пышныхъ волосъ и высокихъ бровей и огнистыхъ
Глазъ. И въ собранье гостей вошла Дамаянти, чтобъ умъ ихъ
Взглядомъ однимъ помутить, чтобъ глаза и сердца ихъ опутать
Сѣтью любви. И всѣ къ ней очами прильнули, какъ птицы
Къ клейкой охотничьей жерди. Долго кругомъ Дамаянти
Взоръ свой водила; но тотъ, кто одинъ былъ и въ сердцѣ и мысляхъ
Ей не являлся. Вдругъ видитъ царевна пять одинакихъ
Образовъ; были они передъ нею; то къ ней приближались,
То отъ нея отходили: и каждый ей представлялся
Налемъ, какъ скоро глаза на него она обращала.
Мысли ея помутились. Она подумала: „Что мнѣ
Дѣлать? Какъ четырехъ боговъ отличу я отъ Наля?"
Взоры ея напрасно божественныхъ знаковъ искали.
„Знаковъ, о коихъ дошли къ намъ издревле сказанья, не носитъ
Здѣсь на себѣ ни одинъ изъ видимыхъ мною", царевна
Думала. Вотъ, наконецъ, по долгомъ съ собой размышленьи,
Такъ рѣшила она: „Къ богамъ подойду я съ молитвой;
Боги молитвы моей не отринутъ".—И съ вѣрой смиренной,
Руки сложивъ и къ грудямъ богомольно прижавъ ихъ, царевна
Такъ сказала: „Боги безсмертные, боги святые,
Мною избраннаго, сердцемъ желаннаго мнѣ покажите;
Если предъ вами я дѣломъ и мыслію правду хранила,
Если молюся вамъ съ теплою вѣрою, если вы сами
Мнѣ, ужъ избраннаго мною самою, въ супруги избрали,
Если его я любить поклялася и если должны быть
Клятвы священны, то мнѣ вы его покажите благіе
Боги, и знаки свои мнѣ откройте, чтобъ васъ я почтила".
Столь сердечную жалобу слыша изъ устъ Дамаянти,
Видя ея чистоту и любовь и покорность ихъ волѣ,
Видя правдивость ея и кроткое сердце и свѣтлый
Умъ, согласились немедля ея желанье исполнить

Боги и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Ихъ во мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицамъ безпотнымъ, свѣтло-нетлѣннымъ вѣнкамъ, недоступнымъ
Пыли бѣлымъ одеждамъ, безтѣнному тѣлу и дивной
Легкости быстрыхъ движеній, съ какою они передъ нею
Вѣяли съ мѣста на мѣсто, земли не касаясь ногами.
Рядомъ съ ними, полуотѣненный, въ вѣнкѣ, ужъ завядшемъ,
Пылью и потомъ покрытый, стоялъ на землѣ съ помраченнымъ,
Грустно потупленнымъ взоромъ задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчасъ его изъ средины безсмертныхъ и выборъ
Свой изъявила обычнымъ обрядомъ, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри ему наложивши
Свѣжій душисто-блестящій вѣнокъ. Совершился великій
Выборъ: со всѣхъ сторонъ раздалися торжественно клики;
Всѣ цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выборъ одобривъ, воскликнули: „Слава счастливому Налю!"
Онъ же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснѣющей, очи склонившей, дрожащей невѣстѣ
Такъ сказалъ съ трепетаніемъ сердца, но голосомъ твердымъ:—
Если могла при безсмертныхъ богахъ ты смертнаго мужа
Такъ почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Самъ предъ людьми и богами своею женой именую,
Весь на цѣлую жизнь отдаюся тебѣ и доколѣ
Будетъ духъ жизни въ тѣлѣ моемъ, дотолѣ, о дѣва,
Роза Видарбы, я буду твоимъ; мое обѣщанье
Съ вѣрой прими, на меня положись; отнынѣ тебя я
Буду питать, защищать, и чтить, и хранить, и останусь
Вѣренъ тебѣ навсегда, во всемъ, и словомъ и дѣломъ,
Радость и горе, богатство и бѣдность, и все неизмѣнно
Въ жизни съ тобой раздѣляя.—Обѣтъ такой произнесши,
Свѣтлый женихъ передъ всѣми своей лучезарной невѣстѣ
Далъ цѣломудренно первый любви поцѣлуй; и другъ-другомъ
Долго въ блаженствѣ нѣмомъ любовались они; напослѣдокъ,
Вспомнивъ, что боги близко, и царь и царевна предъ ними
Пали съ молитвой; и боги скрѣпили своей благодатью
Бракъ ихъ; податели всякаго блага, они даровали
Налю четыре великія силы: могучій властитель
Воздуха далъ ему зоркость очей съ способностью въ каждомъ
Мѣстѣ просторъ находить и вездѣ освѣжаться прохладой;
Богъ огня даровалъ обладанье огнемъ и возможность
Видѣть безъ ужаса блескъ міозданья; правитель земныя
Тверди далъ твердую поступь, чтобъ былъ для него безопасенъ
Всякій путь по землѣ и тонкій вкусъ для разбора
Пищи; владыка воды наградилъ могуществомъ воду
Всюду творить и цвѣты рождать единымъ желаньемъ.
Такъ одаривши царя, и царевнѣ всѣ четверо вмѣстѣ
Дали одно обѣщанье: что брака ихъ радостью будутъ
Сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать, прекрасные. Милость
Имъ изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслѣдъ и цари и царевичи, выборъ невѣсты одобривъ,
Въ путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынулъ
Этотъ приливъ гостей, устроилъ свадебный праздникъ.
Наль, сочетавшись съ своею царевною, пробылъ въ Видарбѣ
Первые дни въ весельи и радости сладкой; потомъ онъ
Въ царство свое, блаженный, прославленный, съ милой женою,
Честію женъ, звѣздой красоты и любви, возвратился.
Тамъ въ благовонныхъ рощахъ, въ роскошныхъ царскихъ палатахъ
Онъ благоденствовалъ, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни изъ чаши одной выпивая съ ней вмѣстѣ, вкушая
Миръ и свободу, въ молитвѣ, въ забавахъ, въ трудѣ и покоѣ,
Правду творя и на счастьи народномъ свое утверждая.

III.—Боги, покинувъ Видарбу и въ небо свое возвращаясь,
Встрѣтили адскаго бога Кали. Провожаемъ Двепарой,

Странствовалъ онъ по землѣ.—Куда направляешь ты путь свой?
Индра спросилъ.—„Въ Видарбу“, Кали отвѣчалъ: „Дамаянти
Будетъ моею женою; мнѣ въ мысли пришло, что я долженъ
Ею былъ выбранъ“. Съ улыбкой отвѣтствовалъ Индра:—Ужъ выборъ
Сдѣланъ; ты опоздалъ; при насъ она поклялася
Въ вѣрности Налю.—Кали, услышавъ отъ Индры такую
Вѣсть, воскликнулъ въ кипѣніи гнѣва: „Когда Дамаянти
Смертнаго мужа посмѣла богамъ предпочесть, то надъ нею
Страшно должна отмщена быть такая обида“.—На это
Боги свѣта мрачнымѣ богамъ отвѣчали:—По волѣ
Нашей выборъ свершился въ Видарбѣ; и младъ и прекрасенъ
Наль: лишь одною бъ, лишенною смысла, онъ могъ быть не избранъ,
Онъ, непорочный, уставовъ святыхъ постоянный блюститель,
Книгъ духовныхъ внимательный чтецъ, своимъ правосудно
Правящій царствомъ; онъ, у котораго въ домѣ усердно
Приняты съ почестью, съ сладко-душистыми жертвами боги;
Онъ, правдивый, твердый и кроткій, людьми и богами
Чтимый; онъ, строгій обѣтовъ хранитель; онъ, одаренный
Набожнымъ сердцемъ, великой душою, смиреньемъ и силой;
Онъ, въ которомъ терпѣнье, умѣренность, благость въ единый
Образъ божественной прелести слиты... Кали, кто враждуетъ
Съ праведнымъ Налемъ, тотъ скройся въ пропасти ада на муку
Вѣчную.—Такъ отвѣчавъ, удалилися боги на небо.
Видя боговъ удалившихся, съ злобной усмѣшкой Двепарѣ
Молвилъ Кали: „Не прощу никогда я обиды; теперь же
Въ Наля вселюсь, чтобъ его ненавистнаго ввергнуть въ погибель;
Ты же, Двепара, вѣдь, знаемъ давно мы, какой онъ горячій
Въ кости игрокъ, поселися въ костяхъ и будь мнѣ помощникъ“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.—Съ замысломъ злобнымъ своимъ притаился въ обители царской
Наля коварный Кали. Онъ все выжидалъ, чтобъ удобный
Случай открылся ему совершить предпріятое: шесть лѣтъ
Ждалъ онъ напрасно; въ седьмой годъ предсталъ, наконецъ, благосклонный
Случай: къ сну отходя, позабылъ совершить очищенье
Царь, и въ тѣло нечистое духъ нечистый вселился.
Въ сердце Наля проникнулъ Кали, и святое жилище
Мирной невинности сдѣлалось мутно отъ злыхъ помышленій.
Былъ у Наля сводный братъ Пушкара. Далеко
Жилъ онъ въ своемъ городкѣ, небогатымъ участкомъ довольный;
Хитрый Кали, овладѣвши сердцемъ смиреннаго Наля,
Вотъ что сказалъ въ сновидѣньи Пушкарѣ: „Возьми ты скорѣе
Кости, и къ Налю иди, и игру о царствѣ Нишадскомъ
Съ нимъ заведи, и будетъ твоимъ Нишадское царство;
Весь проиграется Наль“.—Пушкара, прельщенный нечистымъ
Духомъ, взялъ кости, въ которыхъ уже скрывался Двепара,
Къ Налю явился и вызвалъ его на игру; загорѣлся
Бѣшеной страстію Наль, запрыгали кости и смертный
Бой начался; и царь, какъ безумный, ставилъ на кости
Все: драгоцѣнные камни, золото, утварь, одежды,
За́мки и земли, и все, одно за другимъ, ослѣпленный
Хитрымъ врагомъ, онъ проигрывалъ. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ея онъ не слушалъ. Смутились
Всѣ приближенные, всѣ вельможи, весь дворъ, всѣ граждане;
Вотъ Дамаянти слышитъ, что всѣ они собралися
Въ царскомъ дворцѣ, чтобъ царю объявить, какъ сильно тревожитъ
Ихъ злоключенье такое; и въ горькихъ слезахъ Дамаянти
Такъ сказала царю:—Къ твоей обители весь твой
Вѣрный нишадскій народъ собрался и ждетъ и желаетъ
Свѣтлыя очи увидѣть твои; покажися, отвѣтствуй
Имъ на любовь ихъ вниманіемъ царскимъ.—И слезы бѣжали

Быстро изъ глазъ Дамаянти; но царь не внималъ ей, враждебной
Силою мрачнаго духа объятый. И дворъ и граждане,
Видя, что Наль ихъ моленья отвергъ, разошлись, помышляя
Съ горемъ глубокимъ и тяжкимъ стыдомъ: онъ болѣ не царь намъ!
Кости же той порой, какъ живыя, летали; все жарче
Бой разгорался, и царь проигрывалъ съ каждымъ ударомъ.
II.—Видя, что мужъ отъ игры былъ совсѣмъ безъ ума, Дамаянти
Стала думать о томъ, какимъ бы средствомъ отъ близкой,
Имъ обоимъ грозящей бѣды защититься; но труднымъ
Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно
Область за областью брату проигрывалъ. Вотъ Дамаянти
Съ горемъ сказала кормилицѣ старой своей Врихазенѣ,
Чтимой всѣми въ домѣ царевомъ, совѣтницѣ умной:—
Другъ мой, кормилица, слушай: ко мнѣ собери поскорѣе
Всѣхъ совѣтниковъ царскихъ; мнѣ должно съ ними исчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще намъ осталось.—
Вотъ собралися совѣтники; ихъ повела Дамаянти
Къ Налю, который игралъ безпробудно. Къ нему приступила
Съ ними царица и, плача, выслушать ихъ умоляла.
Но очарованный Наль былъ глухъ и слѣпъ, и безчувственъ;
Онъ не взглянулъ на нее, не сказалъ ей ни слова,
Все продолжалъ попрежнему съ братомъ играть и стоявшихъ
Въ горѣ и страхѣ предъ нимъ вельможъ не примѣтилъ. Утративъ
Всю надежду, они съ содроганьемъ оставили царскій
Домъ. Царица же долго въ лицо безумному Налю
Съ страхомъ смертельнымъ смотрѣла; а между тѣмъ роковыя,
Налю враждебныя, брату его благосклонныя кости
Стукомъ своимъ безпрестаннымъ и пуще ее ужасали.—
Слушай, кормилица (такъ, наконецъ, Дамаянти сказала
Вѣрной своей Врихазенѣ), бѣда наступила: скорѣе
Кликни Варшнею, правителя коней царевыхъ.—Когда же
Къ ней явился Варшнея, устами сладчайшими меда,
Вотъ что ему Дамаянти сказала:—Варшнея, сопутникъ
Вѣрный царя, послужи ему и теперь въ наступившемъ
Бѣдствіи: видишь, что каждый проигрышъ съ новой
Силой въ немъ страсть къ игрѣ разжигаетъ, что кости какъ-будто
Противъ него заодно съ Пушкарой; мой царь обезумленъ
Духомъ враждебнымъ, забылъ о народѣ, о ближнихъ, не внемлетъ
Даже и мнѣ; всему причиною кости: въ нихъ скрыта
Адская сила, а самъ онъ невиненъ. Послушай, мой добрый,
Вѣрный Варшнея, исполни мое повелѣнье: всечасно
Жду со страхомъ и трепетомъ я, что царь мой погибнетъ,
Все проигравъ; но еще не проиграны царскіе кони
Быстролетучіе; сядь въ колесницу его и, немедля,
Прежде чѣмъ наша погибель вполнѣ совершилась, въ Видарбу
Къ Бимѣ, отцу моему, дѣтей отвези; поклонися
Сродникамъ всѣмъ и знакомымъ моимъ; когда же отдашь ты
Все, и сиротокъ моихъ, и царскихъ коней съ колесницей
Бимѣ, тогда ты будешь волёнъ иль остаться въ Видарбѣ,
Или итти въ иную какую землю, куда ты
Самъ пожелаешь.—Варшнея, вѣрный правитель царевыхъ
Коней, выслушавъ то, что ему Дамаянти сказала,
Созвалъ совѣтниковъ царскихъ; когда же и тѣ согласились
Съ умнымъ желаньемъ царицы, то, взявъ дѣтей, онъ поѣхалъ
Съ ними въ Видарбу. Тамъ снявши дѣтей съ колесницы,
Отдалъ ихъ Бимѣ, потомъ роднымъ и знакомымъ царицы
Всѣмъ отъ нея поклонился, потомъ, печалимый тяжкой
Участью Наля, пошелъ въ свой путь и, въ Айоду пришедши,
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну правителемъ коней.
III.—Былъ ужъ далеко Варшнея, когда у несчастнаго Наля
Выигралъ злой Пушкара все царство. Съ насмѣшкою колкой

Брату сказалъ онъ:—Ты весь проигрался; посмотримъ,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отвѣдаемъ счастья: чьею женою
Быть должна Дамаянти, твоею или моею?—
Это услышавъ, Наль содрогнулся, вздохнулъ и ни слова
Не былъ въ силахъ промолвить; но, мрачно взглянувши на брата,
Снялъ съ себя всѣ уборы, и, только одно сохранивши
Бѣдное платье, нищій, ограбленный, царь благородный
Вышелъ смиренно изъ царскаго дома, несмѣтныхъ сокровищъ
Полнаго; слѣдомъ за нимъ, безъ роптанья судьбѣ покоряся,
Также одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели безъ ночлега; подъ смертною казнью
Ихъ принимать запретилъ Пушкара гражданамъ Нишады:
Новый царь былъ страшенъ, итакъ, ни единый изъ прежнихъ
Подданныхъ не далъ пріюта царю безпріютному. Близко
Города, голодъ и жажду терпя, однимъ безотраднымъ
Горемъ богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потомъ онъ далѣ пошелъ печальный, голодный;
Слѣдомъ за нимъ пошла Дамаянти; для скудныя пищи
Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло ужъ
Нѣсколько дней печальнаго странствія; голодъ жестоко
Мучилъ однажды обоихъ. Вдругъ двѣ златокрылыя птички
Сѣли на травкѣ близъ самаго Наля. „Намъ будетъ сегодня
Пища", сказалъ онъ, тихонько подкрался къ птичкамъ и, снявши
Съ плечъ послѣднее платье свое, имъ поспѣшно накрылъ ихъ.
Что же? Съ нимъ вмѣстѣ птички взвилися на воздухъ и, видя,
Какъ изумленъ былъ Наль, совсѣмъ обнаженный, запѣли:
„Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
Мы сюда прилетали, чтобъ взять у тебя остальное
Платье; намъ было досадно, что ты, совсѣмъ проигравшись,
Съ платьемъ еще оставался. Прости, безразсудный; счастливый
Путь!"—И птички исчезли. Наль сказалъ:—Дамаянти,
Тѣ, отъ которыхъ такую бѣду я терплю, кто лишили
Царства, покоя и счастья меня, отъ которыхъ не смѣетъ
Нынѣ меня принимать ни одинъ изъ нишадцевъ—подъ видомъ
Птицъ златокрылыхъ сюда прилетали, дабы остальное
Платье похитить моє. И теперь я, силъ и разсудка
Горемъ лишенный, тебѣ самой, Дамаянти, на выборъ
Все отдаю. Та доро́га ведетъ по горамъ Ришаванскимъ
Прямо въ Авантскую землю; здѣсь по склоненью Виндійскихъ
Горъ, вдоль излучистой свѣтло-шумящей Пайошни проникнешь
Въ тѣ мѣста, гдѣ отшельники въ кельяхъ святыхъ обитаютъ;
Здѣсь же дорога въ Видарбу.—Такъ Наль говорилъ; но рыданье
Грудь Дамаянти спирало и слезы лились по прекраснымъ,
Блѣднымъ щекамъ. Она ему отвѣчала чуть слышнымъ
Голосомъ: „Сердце мое замираетъ, и я отъ печали
Вся цѣпенѣю при мысли одной о томъ, что такъ сильно
Въ этотъ мигъ тебя, о возлюбленный другъ мой, тревожитъ;
Царства лишенный, счастье утратившій, голодомъ, жаждой,
Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единый
Другъ, какъ могъ пожелать ты, какъ могъ ты подумать, чтобъ было
Мнѣ возможно покинуть тебя, отъ тебя отказаться?
Нѣтъ, мой прекрасный, тебя, изнуреннаго голодомъ, жаждой,
Горемъ о счастьи погибшемъ томимаго, буду и въ дикомъ
Лѣсѣ и въ знойной степи утѣшать я и словомъ и взглядомъ.
Знай, что нѣтъ для души и для тѣла вѣрнѣе лѣкарства
Вѣрной жены".—О! правда твоя, Дамаянти, съ улыбкой
Наль отвѣтствовалъ, нѣтъ для несчастнаго лучше лѣкарства
Вѣрной, любящей жены. Я съ тобой не разстанусь; могло ли
Въ умъ твой войти подозрѣнье такое? Скорѣе съ своею
Жизнью разстанусь я, чѣмъ съ тобою, сокровище жизни.—

„Другъ, для чего же ты мнѣ говоришь о дорогѣ въ Видарбу?
О, мнѣ страшно! о, свѣтъ мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидѣть, меня потерявши.
Нѣтъ, мой другъ не указывай мнѣ на эти дороги;
Вся душа во мнѣ замираетъ отъ горя и страха.
Если же хочешь, чтобъ къ сродникамъ я возвратилась въ Видарбу,
Вмѣстѣ пойдемъ; Видарбинскій царь, родитель мой, Бима
Радостно приметъ тебя и твоимъ утѣшителемъ будетъ;
Въ почести будешь со мною ты жить подъ отеческой кровлей".
Наль отвѣчалъ:—Дамаянти, сомнѣнія нѣтъ, что отецъ твой
Радостно приметъ меня и пристанище дастъ мнѣ въ Видарбѣ;
Но, безпріютный и нищій, туда не пойду я. Могучимъ,
Славнымъ, богатымъ, подателемъ счастья тебѣ я оттуда
Вышелъ; могу ли туда возвратиться безсильнымъ, безславнымъ,
Нищимъ, счастья жизни твоей разрушителемъ? Лучше
Вмѣстѣ съ тобою, о свѣтлый мой ангелъ, пойду въ одинокій
Путь по горамъ, по долинамъ, питаяся воздухомъ, жажду
Свѣжей росой утоляя, чтобъ только лишь солнце и мѣсяцъ
Нынѣ насъ страждующихъ видѣли, прежде насъ видѣвъ блаженныхъ.—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.—Такъ утѣшалъ сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нѣжно къ нему прижимаясь, одѣла его половиной
Скудной одежды своей; итакъ, подъ однимъ покрываломъ,
Голодъ и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба къ низенькой хижинѣ, лѣсомъ густымъ окруженной;
Тамъ, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Другъ подлѣ друга легли на голой землѣ, безъ подушки.
Наль заснулъ, и скоро глубокимъ сномъ Дамаянти
Также заснула. Но сонъ царя злополучнаго длился
Мало; тяжесть лежала на сердцѣ его; пробудившись,
Сталъ онъ думать о царствѣ своемъ, о потерянномъ счастьи;
Странствіе въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ его ужасало;
Умъ его помутился.—Что за судьба! про себя онъ
Такъ говорилъ: не лучше ль мнѣ смерть, чѣмъ изгнанье и бѣдность?
Эта жъ несчастная, мнѣ себя посвятившая... должно ль
Ей безъ вины раздѣлять мое заслуженное горе?
Розно со мною она къ роднымъ возвратится; со мною жъ
Вмѣстѣ удѣломъ ей будетъ страданье одно: такъ не лучше ль
Намъ разстаться?—Такъ онъ все думалъ, думалъ, и скоро
Въ немъ утвердилася мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно.—Гдѣ бы она ни была, онъ сказалъ, никакая
Вражья рука ей, небесно-прекрасной, божественно-чистой,
Зла приключить не дерзнетъ; опасность можетъ грозить ей
Только тамъ, гдѣ буду съ ней я, на бѣду обреченный.—
Такъ онъ, врагомъ обуянный, знакомился съ мыслью разлуки.
—Какъ же мнѣ быть? наконецъ, онъ сказалъ: я нагъ; ужъ не взять ли
Мнѣ половину платья ея? Но могу ли то сдѣлать
Такъ, чтобъ она не проснулась?—И онъ бродилъ въ нерѣшимыхъ
Мысляхъ около хижины; вдругъ на землѣ онъ увидѣлъ
Ржавый кинжалъ безъ ноженъ; поспѣшно, съ радостью дикой
Этотъ кинжалъ онъ схватилъ и имъ половину отрѣзалъ
Платья у спящей жены и той половиной покрылся;
Послѣ, какъ-будто въ испугѣ, зажавши глаза, побѣжалъ онъ
Прочь, но скоро назадъ возвратился и горько заплакалъ,
Глядя на спящую.—Та, на которую вѣтеръ холодный
Дунуть не смѣлъ, которую знойное солнце не смѣло
Жаркимъ лучомъ потревожить, краса молодая, услада
Жизни моей, подобно безумной, въ обрѣзанномъ платьѣ
Здѣсь на жесткомъ камнѣ лежитъ. О, ангелъ небесный!
Свѣтъ души, Дамаянти, что будетъ съ тобою, когда ты

Болѣ меня не найдешь? О, дочь прекрасная Бимы,
Какъ же ты будешь бродить, не имѣя защитника, въ дикомъ
Лѣсѣ, гдѣ львы и тигры живутъ, гдѣ змѣи гнѣздятся.
О! вы, боги земные, боги воздушные, духи
Горъ и пещеръ, охраняйте ея прекрасную младость!
Самый же вѣрный ей щитъ—ея непорочность святая!—
Такъ сказавъ, опять удаляется Наль отъ безпечно
Спящей спутницы, снова приходитъ, снова уходитъ,
Плача, терзаясь, то сильнымъ врагомъ, то любовью влекомый.
Но, наконецъ, Кали одолѣлъ: трепещущій, блѣдный,
Тяжко стеная, чуть движа ногами, пошелъ онъ и скоро
Скрылся, и въ дикомъ лѣсу одна Дамаянти осталась.
II.—Только-что Наль удалился, очи свои Дамаянти
Съ ясной улыбкой открыла; ищетъ его, озираясь
Робко по всѣмъ сторонамъ... когда же нигдѣ не нашелся
Другъ желанный, то страхъ предвѣщательный душу пронзилъ ей.
Вдругъ она закричала отчаянно-жалобнымъ крикомъ:
„Наль!" но отвѣта не было. „Царь мой, она возопила,
Мой повелитель, защитникъ, мой спутникъ, ужели
Могъ ты покинуть меня въ такой безпріютной пустынѣ?
Я умру отъ страха въ этомъ лѣсу; возвратися,
Наль, мой другъ, мой желанный! Ужели меня обманулъ ты?
Могъ ли ты слово нарушить свое, и меня, беззаботно
Спящую, кинуть? О, гдѣ ты? Куда ты, въ какую
Сторону, милый, пошелъ? Подожди, возвратися; какъ могъ ты
Бросить жену, полжизни твоей? Иль надъ нею, невинной,
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что́ ты
Ей обѣщалъ въ присутствіи вѣчныхъ боговъ; О! теперь я постигла
Въ горѣ моемъ, что намъ умереть въ неуказанный свыше
Часъ нельзя—иначе могла ли бъ прожить я единый
Мигъ, потерявши тебя? О нѣтъ, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой другъ; отъ шутокъ подобныхъ
Стынетъ кровь и мертвѣетъ душа; я робка; воротися;
О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Свѣтлыя очи твои мнѣ увидѣть! О, гдѣ ты? Въ какую
Чащу лѣсную ты скрылся, чтобъ душу мою растревожить?
Ахъ! но если ты вправду со мною разстался, и если
Болѣ ко мнѣ не придешь, и мнѣ не подашь въ утѣшенье
Руку, то я не себя оплакивать буду: я буду,
Милый, скорбѣть о тебѣ; ты одинъ; что будетъ съ тобою,
Всѣми на свѣтѣ оставленнымъ, грустнымъ, усталымъ, голоднымъ,
Жаждущимъ? О, мой милый, что будетъ, что будетъ съ тобою
Въ тѣ минуты, когда ты, меня ужъ не видя очами,
Будешь видѣть душою и будешь звать, и нельзя ужъ
Будетъ дозваться меня, и ужъ болѣ меня ты не встрѣтишь?.."
Такъ говорила въ печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая съ тяжкимъ рыданьемъ на землю, то съ громкимъ
Крикомъ съ земли подымаясь и лѣсъ наполняя стенаньемъ.
Вотъ, послѣ долгаго плача, рыданья, крика и стона,
Съ чувствомъ живого къ нему сожалѣнья она возопила:
„Кто бы ни былъ тотъ врагъ, чья зависть и злоба такое
Зло приключили царю моему, пускай испытаетъ
Онъ, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекшій въ такое
Дѣло, всѣ муки мои въ свою нечистую душу
Приметъ". Такъ проклявши врага, по дикому лѣсу,
Полному злыхъ людей и чудовищъ, пошла Дамаянти
Медленнымъ шагомъ, куда глядѣли глаза, и твердила
Грустною горлицей: „Милый, возлюбленный, гдѣ ты?" И слезы
Градомъ катились изъ глазъ, и грудь разрывалась отъ вздоховъ.
Вдругъ на нее съ высокаго дерева кинулась съ страшнымъ
Свистомъ змѣя, голодная, длинная, жадно добычу,
Въ вѣтвяхъ древесныхъ склубившись, стерегшая. Сжатая въ крѣпкихъ

Кольцахъ чудовища, только о миломъ своемъ Дамаянти
Въ часъ погибели думала. „Гдѣ ты? она восклицала,
Другъ, поспѣши на помощь ко мнѣ, погибающей; горько,
Горько будетъ подумать тебѣ, когда возвратишься
Снова на царство, избѣгнувъ отъ бѣдъ, что меня ты покинулъ
Такъ беззащитно въ лѣсу на погибель. Отнынѣ кто будетъ,
О, мой царь, тебя, одинокаго странника, въ темномъ
Лѣсѣ, въ знойной степи, утомленнаго горемъ, болѣзнью,
Голодомъ, жаждой томимаго, въ зной полудённый, въ жестокій
Холодъ ночной утѣшать, одобрять и покоить? Меня ужъ
Въ свѣтѣ не будетъ..." Но жалобный стонъ Дамаянти услышалъ
Шедшій вблизи звѣроловецъ. Онъ кинулся къ ней и, нацѣливъ
Мѣткимъ копьемъ, змѣю умертвилъ. Спасена Дамаянти.
Выпутавъ нѣжные члены ея изъ губительныхъ колецъ,
Онъ съ удивленьемъ спросилъ: „Откуда, красавица, кто ты?
Дѣва съ глазами живой антилопы, какою судьбою,
Въ эту пустыню зашла ты и ввергласъ въ такую опасность?"
Съ грустно-привѣтной улыбкою повѣсть свою Дамаянти
Всю простодушно ему разсказала. Ее предъ собою
Видя полуобнаженную, съ дѣвственно-полною грудью,
Съ стройно-воздушнымъ станомъ, съ устами цвѣтущими, въ пышномъ
Шелковыхъ, черныхъ волосъ покрывалѣ, съ яркимъ блистаньемъ
Черныхъ глазъ подъ бровями, прекрасною, тонкой дугою
Ихъ осѣнившими, онъ во мгновеніе звѣрской любовью
Вспыхнулъ, и взоромъ безстыднымъ ее пожиралъ онъ, и руки
Около гибкаго стана обвить онъ хотѣлъ, и рвался онъ
Къ чистымъ устамъ, чтобы ихъ осквернить поцѣлуемъ. Но гнѣвомъ
Очи ея, какъ небесная молнія, вспыхнули; грозно
Душу пронзающій взоръ на него она устремила.
„Если то воля безсмертныхъ, чтобъ мною владѣлъ безъ раздѣла
Данный мнѣ ими супругъ, то теперь же пади бездыханенъ,
Врагъ ненавистный, на землю!" сказала она, и лишь только
Гнѣвное слово языкъ произнесъ, какъ уже святотатецъ
Мертвъ передъ нею лежалъ, убитый ея заклинаньемъ.

III.—Чудомъ спасенная, снова пошла Дамаянти пустыннымъ
Лѣсомъ впередъ и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплеталися вѣтвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, рысей, медвѣдей
Слышался ей: нигдѣ дороги не было; всюду
Падшія гнили деревья; межъ трупами ихъ пробивались
Дикія травы, въ которыхъ, шипя, ворочались змѣи;
Вправѣ и влѣвѣ, въ кустахъ и въ вершинахъ деревъ раздавались
Крики орловъ плотоядныхъ, и хлопали крыльями совы.
Лѣсъ, наконецъ, уперся въ высокую гору, гдѣ жили
Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы, которой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево хранилищемъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли межъ скалъ; неподвижно
Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно-глубокихъ пещерахъ
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, съ неизмѣнной
Вѣрностью къ другу, ей измѣнившему, съ сердцемъ смиреннымъ,
Съ чистымъ въ душѣ цѣломудріемъ, съ вѣрой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла въ пустынное мѣсто; и въ грустныхъ
Мысляхъ о другѣ далекомъ младыя уста растворила
Къ жалобѣ нѣжной и такъ, поминая его, говорила:
„Гдѣ ты, царь благородный, нишадецъ прекрасный, могучій?
Гдѣ ты? Куда ты пошелъ, мой владыка, покинувъ въ безлюдномъ

Мѣстѣ меня безъ защиты? Скажи мнѣ, какъ могъ ты, усердный
Жертвъ приноситель богамъ, позабыть о нашемъ союзѣ?
Ведды читатель, какъ могъ ты обѣтъ свой нарушить. Какъ можешь
Добрымъ молиться богамъ, повелѣвшимъ тебѣ быть защитой
Данной ими жены, какъ и мнѣ они повелѣли
Слѣдовать въ самую смерть за владыкой моимъ? О! зачѣмъ ты
Слово нарушилъ? Виной ли какою я то заслужила?
Иль тебѣ не жена я? Скажи же, отвѣтствуй: зачѣмъ ты
Такъ жестоко отрекся меня, обѣщавъ мнѣ иное?
Или открой мнѣ, гдѣ ты теперь веселишься, оставивъ
Въ горѣ меня безутѣшномъ? Отвѣтствуй, куда ты, нишадскій
Царь, ушелъ? По тебѣ твоя видарбинка тоскуетъ;
Сынъ Виразены могучаго, дочь благодушнаго Бимы
Кличетъ тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
Голосъ подай ей въ этой пустынѣ; ей здѣсь угрожаетъ
Лѣса властитель, кровавый, голодный тигръ; неужели
Ты отвѣта не дашь мнѣ, грустящей, плачущей, ждущей,
Брошенной, слабой, изсохшей отъ голода, пылью покрытой,
Ночью и днемъ безпріютной, одежды лишенной, бродящей
Въ страхѣ, какъ матки лишенная лань? Неужели ко мнѣ ты,
Другъ, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
Всюду съ тобой лишь однимъ говорю, а ты безотвѣтенъ;
Ты, изъ людей благороднѣйшій, блескомъ очей, величавой
Стройностью стана, лица красотою божественный, гдѣ ты?
Гдѣ ты? И гдѣ тотъ, кому бъ мнѣ сказать: *Не видалъ ли ты Наля?*
Кто бъ мнѣ отрадное слово промолвилъ въ отвѣтъ: *твой прекрасный,*
Твой желанный, о комъ ты такъ плачешь, такъ сѣтуешь, близко!—
Вотъ бѣжитъ владыка лѣсовъ, острозубый, могучій
Тигръ; я безъ страха къ нему подойду и скажу: благородный
Тигръ, владыка лѣсовъ, я царская дочь Дамаянти,
Свѣтлаго Наля жена, одинокая, сирая, въ горѣ,
Въ страхѣ, въ нуждѣ за нимъ безотрадно бродящая; гдѣ онъ?
Если ты знаешь объ этомъ, звѣрей повелитель, скажи мнѣ;
Если же нѣтъ, то скорѣе меня растерзай, чтобъ отъ муки
Душу мою исцѣлить. Но мои молящіе вопли
Слыша, звѣрей повелитель къ рѣкѣ, впадающей въ море,
Мимо, отвѣта не давъ мнѣ, изъ лѣса уходитъ. Я вижу,
Тамъ подымается, въ небо упершись вершиной, обвитый
Пышнымъ вѣнцомъ изъ деревъ и кустовъ благовонныхъ, цвѣтами
Ярко пестрѣющій, солнечно-блещущій, слитый изъ твердыхъ
Скалъ, насквозь просіянный металлами, рѣкъ и потоковъ
Древній отецъ, лѣсовъ неприступная башня, пустыни
Сторожъ, владыка горъ—подойду и скажу: о владыка
Горъ первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучеподобный, земли подпиратель, тебѣ поклоняюсь;
Слезно тебя, о великій, молю, скажи: не видалъ ли
Наля? Я дочь благодушнаго Бимы царя, Дамаянти;
Сынъ Виразены, Наль Пуньялока, супругъ мой, Нишады
Царь богомудрый, глубоко постигнувшій Ведду святую,
Чистый и мыслью, и словомъ, и дѣломъ, гонимыхъ защитникъ,
Зла истребитель, сѣятель благъ, мнѣ данный богами
Спутникъ, покинулъ меня, и, разставшися съ нимъ, я разсталась
Съ жизнію. Нынѣ къ тебѣ прихожу, многоглавный властитель
Горъ, съ высоты все объемлющій окомъ, скажи: не видалъ ли
Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія первенецъ; словомъ
Сладкой надежды утѣшь сироту, какъ отецъ утѣшаетъ
Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюбленный? гдѣ мой желанный,
Гдѣ мой прекрасный, мой болѣе жизни мнѣ милый сопутникъ?
Гдѣ мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангелъ-хранитель?
Рвется сердце къ нему; по немъ душа уныватъ;
Очи ищутъ его и голоса милаго жаждетъ

Слухъ, и грудь сгораетъ желаньемъ прижаться ко груди
Жаркой его... О! когда же придется услышать мнѣ снова
Милое слово изъ сладостныхъ Налевыхъ устъ: Дамаянти!"
Такъ говорила въ своемъ сокрушеньи съ горою пустынной
Бѣдная царская дочь; но гора не дала ей отвѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I. Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти; Три дня и три ночи
Шла она; вдругъ передъ нею явилась чудесно-густая
Роща изъ райскихъ дубовъ; кругомъ живая ограда
Вся въ цвѣту, и исполнена тихимъ небеснымъ сіяньемъ
Внутренность. Тамъ обитали отшельники, міра отрекшись.
Строгіе постники, чувствъ обуздатели, помысловъ свѣтлыхъ
Полные, чистой душой на землѣ небожители, въ этой
Рощѣ жили они, съ собою розно, съ одними богами
Въ тѣсномъ союзѣ; имъ пищей роса и воздухъ, одеждой
Листья древесные были. Дивяся, смотрѣла на этотъ
Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Дамаянти; тамъ было
Все благовонно; цвѣты и плоды сіяли межъ темныхъ
Листьевъ; сверкали ручьи; на ихъ берегахъ антилопы
Съ легкими сернами прыгали; вѣтви обвивши хвостами,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по сучьямъ деревьевъ
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Вся чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, какъ-будто
Вѣя по воздуху, къ старцамъ святымъ подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она имъ сказала:
„Миръ вамъ, угодники; трудное дѣло спасенья успѣшно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылаетъ огонь покаянья?
Звѣри и птицы спокойны ль въ обители вашей? Самимъ вамъ
Все ли во благо?"—Они отвѣчали:—Все намъ во благо;
Будь равномѣрно во благо все и тебѣ. Но скажи намъ,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Насъ свѣтлый
Образъ твой всѣхъ изумилъ; успокойся у насъ и открой намъ,
Кто ты? Богиня лѣсовъ, иль полей, иль потоковъ?—На то имъ,
Тихо вздохнувъ, Дамаянти сказала въ отвѣтъ: „Не богиня
Я лѣсовъ, полей и потоковъ, но слабая, тяжкимъ
Горемъ гнетомая, смертная женщина; вамъ, благодушнымъ
Старцамъ, я все разскажу. Владыка Видарбы, могучій,
Славнодержавный Бима отецъ мой; властитель Нишады,
Грозный могуществомъ и въ каждомъ бою побѣдитель, великій,
Свѣтлый душою, неба достойный земли уроженецъ,
Правды защитникъ, правды вѣщатель, божественно-царскимъ
Блескомъ сіяющій, градохранитель, градорушитель,
Въ свѣтлыхъ очахъ и солнца и мѣсяца блескъ совмѣстившій,
Наль, мой супругъ, игрокомъ коварно-искуснымъ былъ вызванъ
Въ кости играть, и ему все царство свое проигралъ онъ.
Имя мое Дамаянти; одна по лѣсамъ и пустынямъ
Вслѣдъ за Налемъ скитаюсь, крушимая горемъ, и нынѣ,
Старцы смиренные, къ вамъ прихожу, чтобъ узнать, не встрѣчался ль
Гдѣ-нибудь вамъ мой утраченный царь? Не видали ль въ эдемской
Рощѣ своей вы его, за которымъ я слѣдуя, этотъ
Полный тиграми лѣсъ перешла? Скажите мнѣ, старцы,
Встрѣчу ль его? А ежели нѣтъ, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мнѣ она? Одно нестерпимое бремя
Жизнь безъ него, усладителя жизни". На жалобы царской
Дочери, съ нѣжнымъ объ ней сожалѣньемъ, такъ отвѣчали
Старцы, читая пророчески въ будущемъ:—Праведны боги!
Вѣруя имъ, не смущайся душою, прекрасная; свѣтлы,
Тихи и чисты, какъ очи твои, невинности ясной

Полныя, будутъ грядущіе дни для тебя; то являетъ
Намъ откровеніе свыше: ты снова увидишь супруга;
Снова онъ будетъ царемъ, отъ вины невольныя чистый,
Царски вѣнчанный, грозный врагамъ, утѣшеніе ближнимъ,
Скорби твоей исцѣлитель, жизни твоей украшенье,
Прежній твой другъ, твой сопутникъ, совѣтникъ, защитникъ—и все то
Сбудется, если въ тебѣ не ослабнутъ терпѣнье и вѣрность...
То сказавши, тихо исчезли пустынники; съ ними
Вмѣстѣ и утвари ихъ, и жертвенный огнь, и молитвы
Мѣсто, и свѣжесть эдемски-сіяющей рощи исчезли...
Въ темномъ лѣсѣ одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругомъ. Дамаянти сказала: „Не сонъ ли
Мнѣ привидѣлся? Гдѣ святые отшельники? Гдѣ ихъ
Роща? Гдѣ ихъ живые ключи, ихъ птицы, ихъ звѣри?
Гдѣ ихъ цвѣты благовонные?"—Такъ въ изумленьи подумавъ,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призракъ ее ободрилъ и пошла съ упованіемъ далѣ.

II.—По лѣсу долго скиталася въ горѣ своемъ Дамаянти;
Вдругъ попадается ей деревцо, одаренное чудной
Силою душу цѣлить; у людей его называютъ
Дерево Гореусладъ, у боговъ Азóка. Царевна
Къ этому дереву, лѣсъ оживлявшему запахомъ сладкимъ,
Цвѣтомъ покрытому, съ сѣнью густою, проникнутой звонкимъ
Пѣніемъ птицъ голосистыхъ, тотчасъ подошла и заводитъ
Рѣчь съ нимъ такую: „Блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореусладъ, благовонный Гореусладъ, услади ты
Горе мое; цвѣтущій Азóка, скажи, не видалъ ли
Ты моего супруга, царя Нишадскаго, Наля?
Гдѣ онъ скитается? Помнитъ ли онъ обо мнѣ? О! порадуй
Сердце мое доброй вѣстью о немъ, цвѣтоносный Азóка;
Дай мнѣ уйти отъ тебя съ утѣшеньемъ; самъ же въ пріютѣ
Лѣса цвѣти, никѣмъ не обиженный, чистый душистый,
Сладостный Гореусладъ, усладитель всякаго горя".—
Такъ говоря, сорвала Дамаянти съ чуднаго древа
Вѣтку; потомъ, съ нимъ прощаясь, примолвила: „Съ этою вѣткой
Скорбь и печаль, и нужду, и заботу беру я съ собою;
Ты же, свободный отъ скорби, печали, нужды и заботы,
Здѣсь оставайся и, если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
Дай ему тѣнь и покой, чтобъ подъ кровлей твоей безпечальной,
Гореусладъ, онъ могъ, отдохнувъ, усладиться отъ горя".
Съ сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустыннымъ лѣсомъ пошла, и снова предъ нею
Стали являться деревья съ широкою сѣнью, крутыя
Горы, скалы разновидныя, темныя дебри, потоки;
Въ вѣтвяхъ деревьевъ гнѣздились, шумѣли, порхали и пѣли
Птицы лѣсныя, и всюду ей въ дикой глуши попадались
То кабанъ, то шакалъ, то буйволъ, то рысь, то пантера.
Такъ Дамаянти скиталась долго. Вдругъ на широкой,
Чистой полянѣ представился ей караванъ многолюдный;
Лѣсъ оглашался крикомъ людей, скрипѣньемъ повозокъ,
Ржаніемъ конскимъ, топотомъ тяжкимъ слоновъ и верблюдовъ.
Вдоль широкой рѣки, густымъ тростникомъ опушенной
(Гдѣ укрывалися цапли, и бѣлые лебеди звучно
Голосъ свой подавали, гдѣ свѣтлая влага кипѣла
Множествомъ рыбъ, черепахъ и змѣй), караванъ тотъ тянулся.
Кинулась къ людямъ навстрѣчу царевна; ея появленье
Всѣхъ поразило; полу-нагая, однимъ покрываломъ
Шелковыхъ, длинныхъ волосъ, по плечамъ и грудямъ въ безпорядкѣ
Вьющихся, чудно-одѣтая, блѣдной подобная тѣни,
Съ горя изсохшая, вся въ пыли, но все какъ небесный

Ангелъ прекрасная — такъ имъ явилась въ лѣсу Дамаянти.
Въ страхѣ одни отъ нея убѣжали, другіе безмолвно
Ей смотрѣли въ лицо, иные смѣялись, иные,
Болѣ имѣя разсудка, приближались къ ней съ состраданьемъ.—
Кто ты, образъ небесный? спросили они. Для чего ты
Въ этомъ лѣсу? Земной ли ты человѣкъ, иль созданье
Высшее, горный, могучій духъ, иль дѣва потока,
Или иная безсмертная? Будь намъ встрѣча съ тобою
Знаменьемъ добрымъ. Тебѣ мы себя предаемъ, чтобъ дорогу
Нашъ караванъ совершилъ безопасно.—На это, вздохнувши,
Царская дочь отвѣчала: „Не съ неба сошла я; земная
Бѣдная, жалкая странница я; мой отецъ Видарбинскій
Царь; мой супругъ обладатель Нишады, Наль знаменитый;
Съ нимъ въ разлукѣ, его я ищу и не вѣдаю, гдѣ онъ.
Если что слышали вы о владыкѣ моемъ, то скажите,
Гдѣ мнѣ съ нимъ встрѣтиться, гдѣ я найду прекраснаго Наля,
Наля, царя львино-серднаго, грозно-отважнаго въ битвахъ?“
Вождь каравана, богатый купецъ, по имени Зуччи,
Ей отвѣчалъ: — Нигдѣ на путяхъ, по которымъ давно ужъ
Странствуемъ мы, намъ донынѣ никто не встрѣчался, кто бъ имя
Наля имѣлъ; оленей, медвѣдей, буйволовъ, тигровъ
Много въ этомъ лѣсу; но до сихъ поръ еще человѣка,
Кромѣ тебя, мы здѣсь не видали.—„Куда жъ вы идете?“
Снова спросила его Дамаянти.—Идемъ въ знаменитый
Городъ Шедди, отвѣтствовалъ Зуччи; имъ нынѣ владѣетъ
Царь Сувегу, и въ царскомъ дворцѣ его обитаетъ
Вмѣстѣ съ нимъ его благодушная мать, драгоцѣнный
Перлъ добродѣтели женской.—Услышавъ о томъ, Дамаянти
Въ городъ Шедди рѣшилась итти; пристать къ каравану
Зуччи ее пригласилъ. Съ караваномъ пошла Дамаянти.

III.—Долго съ печалью одна бродивъ по лѣсамъ, Дамаянти
Спутниковъ много имѣла теперь, но была и межъ ними
Все, какъ и прежде, съ печалью одна. По горамъ, по долинамъ
Шумнымъ потокомъ валилъ караванъ. Вотъ однажды, съ закатомъ
Солнца, они очутились у тихаго озера; въ темномъ
Лѣсѣ скрывалось оно; берега облекались зеленымъ
Бархатомъ свѣжей травы; какъ стекло неподвижно-прозрачны
Были воды; и въ чистомъ зеркалѣ ихъ водяныя
Розы и лиліи ярко сіяли и бисеромъ пѣны
Легкія струйки, ласкаяся къ нимъ, осыпали ихъ листья.
Берегъ кругомъ былъ излучистъ и воды въ него то глубокой
Бухтой входили, то онъ въ ихъ широкое лоно зеленымъ
Мысомъ вдавался. Усталые путники, въ этомъ пріютномъ
Мѣстѣ ночлегъ учредивъ и снявши съ слоновъ и верблюдовъ
Лишнее бремя, спокойно легли на травѣ подъ открытымъ
Небомъ и скоро заснули. Вдругъ въ полночь (когда въ караванѣ
Всѣ, какъ мертвые были отъ сна) съ горы прибѣжала
Съ страшнымъ храпѣньемъ стая дикихъ слоновъ, чтобъ въ потокѣ
Жажду свою утолить, пылая томительнымъ жаромъ.
Но, почуявши близость слоновъ каравана, съ свирѣпымъ
Бѣшенствомъ, пѣнясь и фыркая кинулись всѣ на заснувшихъ
Смирныхъ враговъ; никакою силою грозныхъ чудовищъ
Было нельзя удержать; какъ въ долину, сорвавшись съ высокой
Горной вершины, катятся скалы, такъ ломая деревья,
Вдругъ слоны ворвались въ караванъ и топтали лежащихъ
Сонныхъ людей. Со стономъ и крикомъ всѣ поднялися;
Всѣ смѣшались, слуга, господинъ, старикъ и младенецъ;
Ночью, страхомъ и сномъ обуянные, сами не зная,
Что за бѣда и откуда, кто въ лѣсъ, кто къ водѣ побѣжали.
Слыша храпѣнье и топотъ, видя во мракѣ мелькапье
Черныхъ огромныхъ тѣней, давимые тяжкой ногою,
Острымъ клыкомъ пронзенные, сжатые хоботомъ сильнымъ,

Въ дикомъ безпамятствѣ, люди, верблюды и кони бросались
Другъ на друга, и сами въ смятеньи другъ друга губили,
Силясь спастися; тѣ кучей на дерево лѣзли, цѣпляясь
Низшіе за ноги высшихъ и падали вмѣстѣ; другіе
Въ яму свергались, или набѣгали на камень иль въ воду
Слѣпо кидалися: разомъ исчезъ караванъ многолюдный.
Многихъ въ минуту всеобщей бѣды корысть обуяла;
Голосъ лукавый шепнулъ имъ: куда вы бѣжите? погибель
Общая—общимъ и всякое стало богатство; берите
Все, что достанется въ руки; вотъ куча разсыпанныхъ перловъ,
Вотъ драгоцѣнные камни, вотъ золото, смѣло хватайте;
Нищій нынче—завтра будетъ богачъ... и погибли
Всѣ, кто, предавшись корысти, замедлили бѣгствомъ спастися.
Въ это мгновенье, когда какъ потокъ разливалась повсюду
Гибель, проснулась хранимая силой боговъ Дамаянти.
Видя очами такой дотолѣ невиданный ужасъ,
Видя и слыша, какъ мчалася смерть надъ ея головою,
Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила
Только о миломъ, далекомъ, навѣкъ покидаемомъ другѣ.
Но когда миновалася буря и снова все стало
Тихо въ лѣсу, собрались понемногу спасенные.—Чѣмъ мы
Гнѣвъ несказанный такой на себя отъ боговъ обратили?
Такъ разсуждали они. Позабыли ль почтить мы дарами
Бога, сокровищъ хранителя? Иль караваномъ былъ встрѣченъ
Кто-нибудь, дерзкій хулитель бога торговли? Иль птицы,
Намъ враждебныя, въ эту ночь пролетѣли надъ нами?
Иль то было вліянье зловредныхъ планетъ?.. Напослѣдокъ,
Вотъ что сказали они:—Вся бѣда намъ отъ встрѣчи
Съ этой безумной, нагой, исчахлой и блѣдной бродягой.
Кто она? Чародѣйка, жена или дочь великана,
Небомъ проклятая? Если опять на глаза попадется
Эта волшебница намъ, то ее мы не добрымъ привѣтомъ,
Камнями встрѣтимъ. Она своимъ колдовствомъ погубила
Нашъ караванъ.—Такія слова въ темнотѣ Дамаянти
Слыша, съ печалью, стыдомъ и страхомъ въ чащу лѣсную
Сокрылась. „О, горькая участь моя! она говорила,
Тяжко рыдая. О, счастье, меня обманувшее! снова
Цѣлымъ свѣтомъ покинута я. Какою виною
Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
Дѣломъ, иль словомъ, иль мыслію зло приключила? Знать, въ прежней
Жизни я была преступна; за то и въ теперешней должно
Мнѣ до гроба страдать, за то и гоненье такое
Мнѣ отъ людей, за то и разлука съ супругомъ, утрата
Царства, отъ милыхъ дѣтей и отъ милыхъ родныхъ отлученье,
Странствіе по лѣсу, полному тигровъ и змѣй, безпріютность
Въ холодъ и зной, нищета, сиротство, и ужасъ, и горе“.
Утро межъ тѣмъ занялось; въ небольшую толпу собралися
Всѣ непогибшіе въ страшную прошлую ночь, и въ дорогу
Снова отправились, плача о горькой утратѣ богатства,
Плача о мертвыхъ друзьяхъ. Вотъ снова покинута ими
Въ дикомъ лѣсу Дамаянти, и горе ея превышало
Всѣхъ ихъ страданія вмѣстѣ! „О! чѣмъ же, чѣмъ (говорила,
Плача, она) такую бѣду на себя навлекла я?
Злая участь моя и слоновъ приманила на гибель
Этихъ несчастныхъ, мнѣ давшихъ защиту, за то и должна я
Долгимъ страданьемъ своимъ выплатить долгъ; я чувствую въ тяжкомъ
Горѣ моемъ всю истину древняго слова: *безъ воли
Неба никто не умретъ*, и моей истерзанной груди
Хоботъ слона не коснулся. Такъ! безъ судьбы совершиться
Съ нами ничто не можетъ на свѣтѣ; я за собою
Съ самыхъ младенческихъ лѣтъ никакого не вѣдаю злого
Дѣла, не помню ни мысли худой, ни виновнаго слова.
Въ томъ ли мое преступленье, что я для прекраснаго Паля
Свѣтлыхъ отвергла боговъ и не мстятъ ли ужъ гнѣвные боги
Мнѣ за земную любовь безотрадной земною печалью?“

Такъ говоря, Дамаянти пошла по слѣдамъ каравана,
Издали, въ чащѣ таяся лѣсной, какъ въ облакѣ мѣсяцъ.

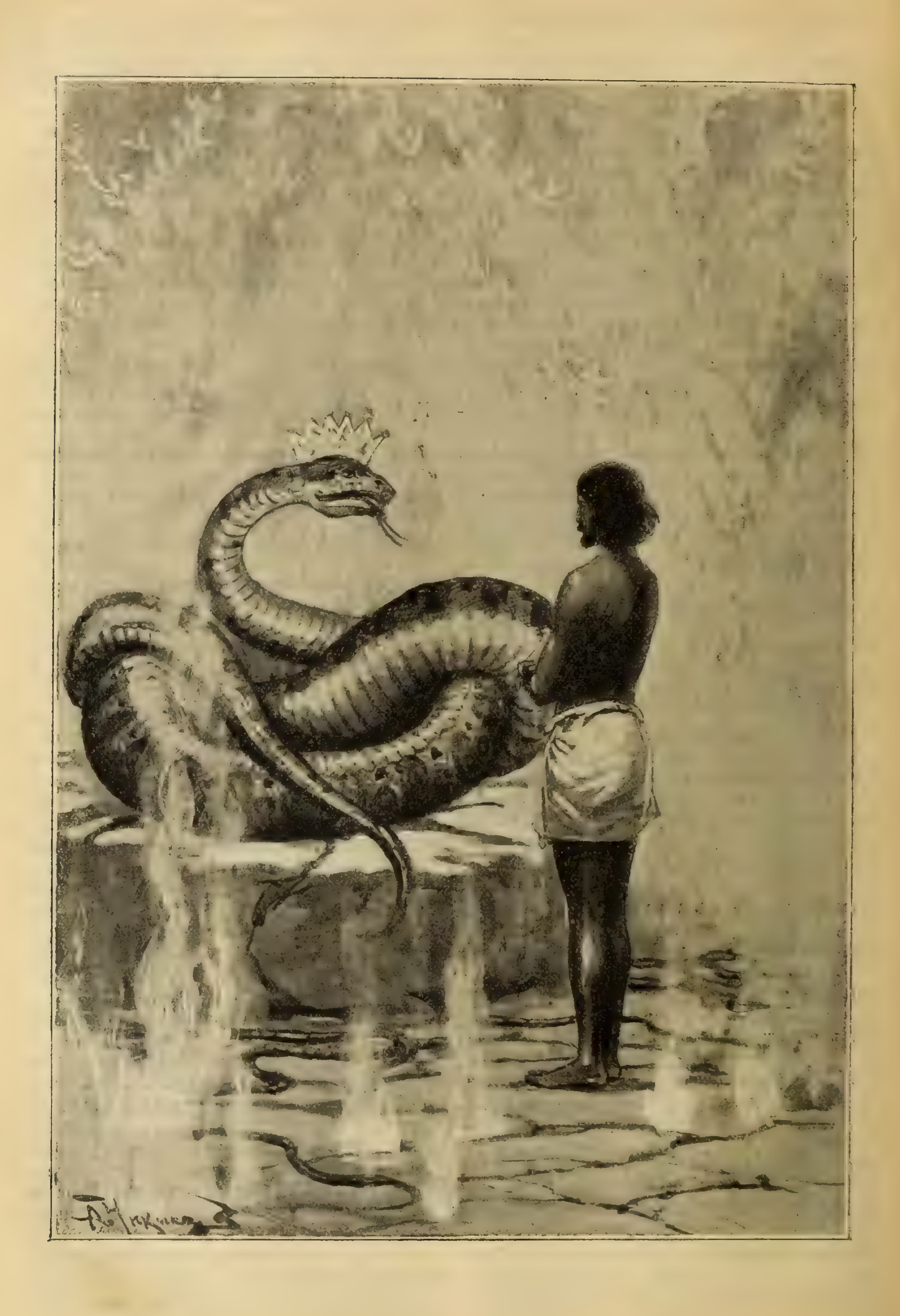
ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.—Вотъ, наконецъ, Дамаянти дошла до города Шедди.
Грустно стояла она у воротъ, не входя въ нихъ, стыдяся
Бѣдной одежды своей, обрѣзанной Налемъ, и смятыхъ
Долгихъ волосъ, въ безпорядкѣ ей грудь покрывавшихъ.
Жители города Шедди, встрѣчаяся съ ней, удивлялись
Странному виду ея, а дѣти за нею бѣжали
Съ крикомъ; ихъ шумной толпою слѣдимая скоро къ палатамъ
Царскимъ пришла Дамаянти. Тамъ, на площадкѣ высокой
Кровли, мать-царица стояла. Увидя идущую, старой
Мамкѣ своей сказала она:—Поди, пригласи къ намъ
Эту жалкую странницу, чистый, дымомъ затменный
Огнь красоты, народомъ тѣснимую. Вѣрно пріюта
Ищетъ она. Я вижу въ ней нѣчто высокое; домъ нашъ
Свѣтомъ наполнитъ она благодатнымъ.—Представилась старой
Матери царской младая царская дочь. И царица,
Ласковымъ взоромъ встрѣтя ее, сказала привѣтно:
—Въ самомъ затменьи печали твой образъ сіяетъ, какъ въ темной
Тучѣ яркая молнія. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и покрыто
Нищенскимъ рубищемъ тѣло твое; одна, безъ защиты,
Странствуешь ты по землѣ и людей не страшишься, какъ чистый
Ангелъ. Скажи жъ мнѣ, какое званье твое?—Дружелюбной
Рѣчью такой ободренная, такъ Дамаянти сказала:
„Я не ангелъ, царица, я смертный простой человѣкъ; но породы
Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой съ супругомъ,
Вслѣдъ за нимъ, чтобъ его отыскать по землѣ я скитаюсь,
Женскимъ себя рукодѣльемъ питая; плоды и коренья—
Пища моя, пристанище тамъ, гдѣ укажутъ мнѣ боги.
Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцемъ избранный,
Милый супругъ мой разстался со мною; царица, несчастливъ
Былъ онъ: въ игрѣ роковой свои всѣ богатства утративъ,
Нищимъ онъ домъ свой покинулъ и въ лѣсъ съ одною одеждой
Скрылся; за нимъ я пошла, чтобъ имѣлъ онъ въ печали отраду.
Тамъ, изнуряемый голодомъ, онъ, на несчастье рожденный,
Платье послѣднее съ плечъ потерялъ: кто богами назначенъ
Въ жертву бѣдѣ, у того похищаетъ и вѣтеръ и птица
Платье; и днемъ и ночью я шла за нимъ, безпокровнымъ.
Разъ случилось, что я, утомленная, въ лѣсѣ заснула...
Ахъ! онъ скрылся, онъ бросилъ меня, онъ унесъ половину
Бѣдной одежды моей. Съ той поры и денно и ночно
Вслѣдъ за нимъ, весельемъ и свѣтомъ души, я по темнымъ
Дикимъ лѣсамъ, по широкимъ степямъ, по долинамъ
Странствую; мнѣ половину одежды моей возвратитъ онъ
Долженъ иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; какъ одной половинѣ одежды другая
Надобна, такъ и мнѣ другую себя половину
Должно найти иль жить перестать“.—Съ состраданьемъ царица,
Выслушавъ жалкую повѣсть ея, отвѣчала:—Останься
Съ нами, блаженно-скорбящая; радовать будетъ мнѣ сердце
Свѣтлая близость твоя. Не медля нимало, повсюду
Мы разошлемъ гонцовъ за супругомъ твоимъ; но случиться
Можетъ, что онъ ненарокомъ зайдетъ и сюда, гдѣ его ты
Будешь ждать въ безопасно-спокойномъ пріютѣ.—На то ей,
Горе свое обуздавъ, сказала въ отвѣтъ Дамаянти:
„Здѣсь я охотно останусь, если ты мнѣ обѣщанье
Дашь, царица, условье, исполнить такое: чтобъ низкой
Должности я не имѣла, служа лишь тебѣ, чтобъ объѣдковъ
Въ пищу мнѣ не давали, чтобъ доступъ ко мнѣ запрещенъ былъ
Всѣмъ мужчинамъ, чтобъ каждый, кто мной овладѣть пожелаетъ,

Смертью наказанъ немедленно былъ—такую дала я
Клятву богамъ, чтобъ найти помогли мнѣ супруга; видаться жъ
Только съ одними браминами буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условье мое, то здѣсь съ благодарнымъ
Сердцемъ останусь“.—На то отвѣчала царица:—Исполню
Все, и святъ для меня твой обѣтъ.—Потомъ приказала
Вызвать изъ внутреннихъ царскихъ покоевъ царевну Сунанду,
Дочь свою. Скоро царевна явилась, вѣнкомъ многоцвѣтнымъ
Рѣзво-прелестныхъ подругъ окруженная.—Видишь, Сунанда,
(Мать ей сказала) эту пришелицу въ бѣдной одеждѣ?
Ей ты лѣтами ровесница; но испытанія жизни
Дали ей раннюю зрѣлость. Люби ты ее, какъ подругу;
Ласково съ ней обходись и ее уважай, чтобъ съ тобою
Сердце ея отдохнуло, чтобъ ты въ сообществѣ съ нею
Пользу нашла для души.—Сунанда, съ веселостью дѣтской
За руку взявъ Дамаянти, ее увела. И осталась
Съ той поры Дамаянти подругой царевны Сунанды.

II.—Наль, столь жестоко покинувъ свою Дамаянти, прискорбно
Сумраченъ шелъ по пустынѣ и, самъ какъ пустыня, съ собою
Въ горѣ разстаться желалъ. Когда раскаленное солнце
Зноемъ пронзало его, онъ ему говорилъ: „Не зá то ли,
Солнце, ты жжешь такъ жестоко меня, что я Дамаянти
Бросилъ?“—Онъ горько плакалъ, когда на похищенный лоскутъ
Платья ея глаза обращалъ. Изнуряемый жаждой,
Разъ подошелъ онъ къ ручью; но, въ водахъ увидя свой образъ,
Съ ужасомъ кинулся прочь. „О! если бъ я могъ разлучиться
Съ этимъ лицомъ, чтобъ быть и себѣ и другимъ незнакомымъ!“
Онъ воскликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ; и вдругъ тамъ увидѣлъ
Пламя—не пламя въ лѣсу, а въ пламени лѣсъ—и оттуда
Жалобный голосъ къ нему вопіялъ: „Придешь ли, придешь ли
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль благодатный?
Будь мой спаситель и будешь мною спасенъ“.—Изумленный
Наль вопросилъ: „Откуда твой голосъ? Чего ты желаешь?
Гдѣ ты и кто ты?“—„Я здѣсь, въ огнѣ, благородный, могучій
Наль. Ты будешь ли столько безстрашенъ, чтобъ твердой ногою
Въ пламя вступить и дойти до меня?“—„Ничего не страшусь я,
Кромѣ себя самого съ той минуты, когда я невѣренъ
Сталъ моей Дамаянти“.—Съ сими словами онъ прямо
Въ пламя пошелъ: оно подымалось, лилось изъ глубокихъ
Трещинъ земли, вырастая въ видѣ вѣтвистыхъ деревьевъ,
Густо сплетенныхъ огнистыми сучьями; черно-багровый
Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины. Въ семъ огненномъ лѣсѣ
Наль очутился одинъ—со всѣхъ сторонъ устремлялись
Жаркія вѣтви навстрѣчу ему, и всюду, гдѣ шелъ онъ,
Частой травой изъ земли пробивалося острое пламя.
Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ пылу, на огромномъ, горящемъ
Камнѣ, змѣю: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она подъ своей чешуей раскаленной.
Голову, свѣтлой короной вѣнчанную, тяжко поднявши,
Такъ простонало чудовище: „Я Керкóта, змѣиный
Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи земныя; смиренный пустынникъ,
Старецъ Нерáда, проклялъ меня и обрекъ на такую
Муку за то, что его я хотѣлъ обмануть. Ты, разсказъ мой
Слушая, стой здѣсь покойно: стой покойно подъ страшнымъ
Пламенемъ, жарко объявшимъ тебя, чтобъ оно затушило
Бурю души, чтобъ душой овладѣвшій Кали былъ наказанъ,
Чтобъ, наконецъ, ты, очищенный, снова нашелъ, что утратилъ“.

III. „Слушай же повѣсть мою“, продолжалъ, задыхаясь отъ жара,
Царь змѣиный; и Наль, терпѣливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушалъ.—„Нерáда, смиренный пустынникъ,
Чудный садъ насадилъ вкругъ кельи своей, и въ саду томъ
Были всѣ земныя деревья и травы, и было

Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ и сѣней, прохладно-тѣнистыхъ.
Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ незловредныхъ животныхъ;
Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ, плавать иль ползать
Созданныхъ; всѣхъ же зловредныхъ, терзающихъ зубомъ, когтями
Рвущихъ иль жаломъ пронзающихъ проклялъ и входъ запретилъ имъ
Въ садъ свой. Изъ змѣй мнѣ подвластныхъ въ него проникать онъ дозволилъ
Только однимъ, не имѣющимъ жала, безвредно по травкѣ
Вьющимся, ро́су сбирая съ цвѣтовъ иль изъ ягодъ сосущимъ
Сокъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ, незлобно-веселыхъ
Змѣекъ, одна любопытно-отважная, рѣзвая змѣйка
Разъ безъ всякаго умысла злого въ саду по деревьямъ
Ползала, ярко блестя чешуею на солнцѣ; вдругъ видитъ
Домикъ воздушный; сплетенный изъ тонкихъ былинокъ и моха
Онъ на вѣткѣ висѣлъ и качался, какъ люлька; то было
Гнѣздышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
Не было въ немъ; она улетѣла за пищей; яички,
Легкимъ прикрытыя пухомъ, лежали въ гнѣздѣ. Перегнувши
Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ гнѣздо опустила
Голову змѣйка—и видитъ яйцо тамъ лазурнаго цвѣта;
Каплей росы оно показалось, и змѣйкѣ напиться
Вдругъ захотѣлось; лизнула яйцо; яйцо раскололось.
Въ эту минуту птичка въ гнѣздо прилетѣла; увидя,
Что тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ жалобнымъ крикомъ
Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣвѣ ужасенъ.
Тутъ же погибла бы змѣйка, когда бъ не успѣла проворно
Изъ саду скрыться. Она спаслася ко мнѣ. Но блаженный
Старецъ потребовалъ строго, чтобъ я преступницу выдалъ.
Я не посмѣлъ отказать; я спросилъ: чего ты желаешь?
Какъ повелишь ее мнѣ казнить? Я царь; самому мнѣ
Должно виновныхъ наказывать подданныхъ.—„Видѣть хочу я
Завтра жъ ее на заборѣ сада висящую, строго
Мнѣ отвѣчалъ Нерада; потомъ, по прошествіи трехъ дней,
Самъ я ее передъ всѣми сожгу, чтобъ впередъ опасался,
Кто бы то ни было садъ мой тревожить зломышленнымъ дѣломъ“.
Былъ мнѣ прискорбенъ такой приговоръ; какъ родную, любилъ я
Эту милую змѣйку; поспѣшнѣй другихъ и вѣрнѣе
Вѣсти она приносила ко мнѣ. Предо мной извиваясь
Въ страхѣ, съ молитвой она ко мнѣ подымала головку.
Я ей сказалъ: проворнѣй вылѣзь изъ кожи. Не нужно
Было того повторять; въ минуту въ новой одеждѣ
Змѣйка явилась моя, на землѣ предо мною оставивъ
Старую. Тотчасъ двухъ сильныхъ удавовъ призвавъ, я велѣлъ имъ
Кожу пустую съ приличнымъ обрядомъ повѣсить на тынѣ
Сада. Когда черезъ три дня онъ сниметъ ее, то, конечно,
Станетъ думать, что солнце ее изсушило. Такъ мыслилъ
Я, уповая, что мой мнѣ удастся обманъ. И доволенъ
Былъ Нерада моимъ послушаньемъ, увидя на тынѣ
Кожу висящую; вѣтеръ ее колыхалъ. „Какъ живая,
Молвилъ Нерада, она гибка и вертлява; но краски
Кожи потускли: блѣдная смерть ее обхватила“.—
Тѣмъ бы и кончилось все, когда бъ на бѣду не приспѣла
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственнымъ мщеньемъ себя ей хотѣлось потѣшить; къ висящей
Кожѣ она подлетѣла, чтобъ оба глаза у мертвой
Выклевать — что же? Ихъ нѣтъ; сквозь пустыя скважины также
Видитъ она, что и внутренность кожи пуста. И къ Нерадѣ
Тотчасъ она полетѣла.—Тебя обманули; змѣиный
Царь не змѣйку, а змѣйкину кожу повѣсилъ,—пропѣла
Птичка. Страшно Нерада разгнѣвался; вдругъ онъ явился
Здѣсь, гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ и на солнцѣ
Грѣлся одинъ - при мнѣ ни ужа, ни змѣи, ни дракона,

Стражей моихъ, тогда не случилось; я спалъ. На громовый
Голосъ Перады проснувшись, хотѣлъ я вскочить, но могучимъ
Взоромъ его обезсиленъ, не могъ шевельнуться. „Предатель,
Старецъ сказалъ мнѣ, меня обмануть тебѣ удалося:
Призракъ за сущность я принялъ; змѣиную кожу пустую
Вмѣсто змѣи я предалъ огню, и виновную спасъ ты.
Самъ за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отнынѣ
Съ этого камня; но будешь здѣсь не на солнечномъ свѣтѣ
Грѣться—я пламя иное зажгу вкругъ тебя; несгорая,
Будешь горѣть въ немъ, шипя и свистя отъ тоски и мѣняя
Кожу за кожей въ напрасной надеждѣ, что жаръ утолится.
Кончатся жъ муки твои лишь тогда, какъ къ тебѣ издалека
Нѣкто придетъ, самому себѣ ненавистный и образъ
Свой утратить желающій. Если его изъ средины
Пламени ты позовешь, и онъ безстрашной стопою
Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя отъ мученій, сильнѣе
Муки твоей его раздирающихъ, если достанетъ
Твердости въ немъ, чтобъ среди нестерпимаго жара спокойно
Выслушать повѣсть твою—тогда ты спасенъ, прекратится
Въ ту же минуту твое наказанье, и самъ, по исходѣ
Года со днемъ, онъ все возвратитъ, о чемъ крушается сердцемъ.
Но, чтобъ въ страданьи своемъ ты могъ къ себѣ издалека
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Онъ называется Налемъ". — Съ сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдругъ услышалъ я шорохъ и трескъ; озираюсь—
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя иглы, выходитъ
Пламя, все гуще и гуще растетъ, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикованный къ камню
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ, коимъ дышалъ я,
Мало-по-малу въ пронзительный жаръ обращалось; сначала
Было то пламя, какъ тонкая, гибкая травка; слилося
Скоро оно въ кустарникъ густой; напослѣдокъ, воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое дерево было
Все изъ огня; языками горящими листья шумѣли;
Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися какъ молніи; въ вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дымъ громовою
Тучей надъ ними клубился. Теперь на себѣ испыталъ ты,
Наль безстрашный, муку мою. Напрасно я жался,
Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ поръ, покуда
Кожа на немъ не лопалась; снова потомъ на минуту
Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть то же мученье.
Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той поры, какъ лежу я на этомъ
Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный ходъ замѣчалъ я,
Каждый часъ повторяя однажды: придешь ли, придешь ли
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о, Наль, благодатный?
Вотъ, наконецъ, и пришелъ ты. Но знай, что здѣсь о тебѣ я
Частые слухи имѣлъ: мнѣ подвластные змѣи, которымъ
Всѣ на землѣ дороги извѣстны, ко мнѣ ежедневно
Змѣекъ-гонцовъ присылали, и каждая, вѣрно исполнивъ
Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ огнѣ предо мной умирала;
Видишь, какъ много здѣсь собрано кожъ ихъ истлѣвшихъ. Отъ нихъ-то
Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты полюбилъ Дамаянти;
Какъ цари и царевичи созваны были въ Видарбу;
Какъ мой гонитель Нерада, пресытясь земными плодами,
Садъ небесный боговъ посѣтилъ; какъ тамъ онъ посѣялъ
Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ которыхъ мгновенно желанье
Выросло въ сердцѣ боговъ на землю сойти; какъ богами
Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю, о, Наль благородный,
Также и то, что тебѣ самому досель неизвѣстно:

Какъ закрался Кали въ твое непорочное сердце.
Свѣдавъ, что царство свое ты утратилъ, что вмѣстѣ съ супругой
Бродишь нагой по горамъ и степямъ, что ее, наконецъ, ты
Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылося. Благословляю,
Наль, и тебя и приходъ твой; уже мучительный пламень,
Жегшій донынѣ меня, уступаетъ сходящей отъ неба
Сладостной свѣжести. Наль, не страшись, приступи и, на палецъ
Взявши меня, изъ пламени вынь". Керко́та умолкнулъ,
Свился проворно легкимъ кольцомъ и повиснулъ на пальцѣ
Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ пламени царь, и при каждомъ
Шагѣ его оно слабѣло и гасло, и скоро
Все исчезло, какъ-будто его никогда не бывало.
Свѣжій почувствовавъ воздухъ, трепетомъ сладкимъ спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись отъ Налева пальца,
Змѣй безконечной, чешуйчатой лентою вдругъ растянулся;
Съ радостнымъ свистомъ поползъ къ тому онъ ручью, гдѣ, увидѣвъ
Образъ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
Всунулъ голову въ воду и съ жадностью долгую жажду
Послѣ столь долгаго жара сталъ утолять— истощились
Воды ручья, а змѣй попрежнему сдѣлался полонъ.
Силы свои возвративъ, онъ, блестя чешуею на солнцѣ,
Налю сказалъ: „Подойди; передъ нашей разлукой ты долженъ
Зубы мои перечесть; въ такомъ долголѣтнемъ отъ муки
Скрежетѣ, много зубовъ я могъ потерять иль испортить".
Наль подошелъ; передъ нимъ оскалились зубы; считать онъ
Началъ: —„Перво́й, другой, четвертый". „Ошибся, ошибся,
Съ гнѣвомъ царь змѣй зашипѣлъ,—ты не назвалъ третьяго зуба".—
Съ этимъ словомъ кольнулъ онъ третьимъ неназваннымъ зубомъ
Наля въ палецъ, и тутъ же почувствовалъ Наль, что съ собою
Онъ какъ-будто разстался: сперва свой собственный образъ
Въ зе́ркально-свѣтломъ щитѣ, на царевой шеѣ висѣвшемъ,
Онъ видѣлъ; потомъ тотъ образъ мало-помалу
Началъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и мало-по-малу
Мѣсто его заступилъ другой некрасивый, и Налю
Стало ясно, что это былъ образъ его же, и болѣ
Не былъ онъ страшенъ себѣ самому въ такомъ превращеньи.
„Видишь, Керко́та сказалъ, что желанье твое совершилось:
Ты превращенъ, ты разстался съ собой, и отнынѣ никѣмъ ты,
Даже своею женою не можешь быть узнанъ. Простимся;
Въ путь свой съ богами иди, и не мысли, чтобъ могъ быть опасенъ
Ядъ мой тебѣ; не въ твое онъ чистое сердце проникнулъ,
Нѣтъ! а въ того, кто сердцемъ твоимъ обладаетъ: отнынѣ
Будетъ онъ жить тамъ и мучиться. Ты жъ, превращенный, съ надеждой
Путь продолжай; ищи въ чужихъ странахъ пропитанья;
Но не забудь о стихійныхъ дарахъ, отъ боговъ полученныхъ
Въ брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
Наль, объ этомъ; и также твое искусство конями
Править тебѣ сохранилось. Въ царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; тамъ увидишь царя Ритуперна;
Нѣтъ на землѣ никого, кто съ нимъ бы сравнился въ искусствѣ
Счета и такъ бы въ кости игралъ. Я Вагука, правитель
Коней, скажи ты ему про себя; и если онъ спроситъ,
Много ли можешь въ день проскакать? Сто миль, отвѣчай ты.
Онъ твоему научиться искусству захочетъ; за это
Самъ научитъ тебя искусству считать; безъ него ты
Въ кости все царство свое проигралъ. И какъ скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, слѣда не оставивъ;
Въ ту же минуту, когда, и жену и дѣтей отыскавши,
Прежній свой видъ возвратить ты захочешь, лишь только объ этомъ
Часѣ вспомни и въ этотъ щитокъ поглядись; кто владѣетъ

Этимъ щиткомъ, того на землѣ всѣ змѣи боятся".
Такъ говоря, Керкота одну изъ зеркально-свѣтлыхъ,
Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ, и подавши
Налю, примолвилъ: „Носи ее на груди; въ роковое
Время эта чешуйка тебѣ пригодится". Потомъ онъ
Скрылся; а Наль остался въ лѣсу одинъ, превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.—Наль, разлучившись со змѣемъ, пошелъ въ Айодское царство
Службы искать у царя Ритуперна, который давно ужъ
Принялъ къ себѣ и Варшнею, прежде служившаго Налю.
Мудрый царь Ритупернъ, великій конскій охотникъ,
Лучшихъ искусниковъ править конями сбиралъ отовсюду.
Наль, черезъ десять дней пришедши въ Айоду, къ царю Ритуперну
Тотчасъ явился. „Я конюхъ Вагука, сказалъ онъ; въ искусствѣ
Править конями мнѣ равнаго нѣтъ; сто миль проскакать ихъ
Въ день я заставить могу. И во многомъ другомъ я искусенъ:
Пищу никто такъ вкусно, какъ я, не умѣетъ готовить.
Всякое дѣло, для коего нужны и трудъ, и умѣнье,
Взять на себя я готовъ, и къ тебѣ, царю Ритуперну,
Въ службу желаю вступить". Ритупернъ отвѣчалъ благосклонно:—
Въ службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отнынѣ
Главнымъ конюшимъ моимъ; надзирай за моими конями,
Къ скачкѣ проворной ихъ пріучая; за службу же будешь
Сто золотыхъ получать. Товарищъ твой будетъ Варшнея,
Конюхъ искуснѣйшій въ дѣлѣ своемъ, съ нимъ старый Джевала,
Мой заслуженный конюшій и много другихъ; ты безъ скуки
Будешь съ ними досугъ свой дѣлить; и свободенъ ты дѣлать,
Что пожелаешь. Будь главнымъ моимъ конюшимъ, Вагука.—
Вотъ и служитъ конюшимъ Наль у царя Ритуперна,
Царь безъ царства, мужъ безъ жены, изгнанникъ, лишенный
Даже лица своего, и Варшнея, ему такъ усердно
Прежде служившій, теперь ужъ товарищъ ему: подъ одною
Кровлей они; но чужды другъ-другу и вмѣстѣ и розно,
Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
Гибели Наля царя сокрушаясь, а Наль по супругѣ,
Брошенной имъ, ежечасно тоскуя. И было то каждый
Вечеръ, что Наль, убравши коней, одинъ затворялся
Въ стойлѣ и пѣлъ тамъ все ту же и ту же печальную пѣсню:
„Гдѣ, свѣтлоокая, ты одинокая странствуешь нынѣ!
Зноемъ и холодомъ, жаждой и голодомъ въ дикой пустынѣ
Ты изнуренная, ты обнаженная, вдовствуя бродишь.
Гдѣ утѣшеніе, въ чемъ утоленіе скорби находишь?"
Такъ онъ пѣлъ. И однажды Джевала, подслушавши эту
Пѣсню, спросилъ у него:—По комъ ты, Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную пѣсню
Такъ заунывно поешь ты?—„Пою про жену сумасброда,
Ею избраннаго, ею любимаго, умъ и богатство
Вдругъ потерявшаго, ей измѣнившаго, клятву святую,
Данную ей предъ богами, забывшаго. Съ ней разлученный,
Онъ ужъ давно въ тоскѣ, въ раскаяньи, въ страхѣ, не зная
Скорби своей утоленья ни днемъ, ни ночью, бездомнымъ
Странникомъ бродитъ. Но каждую ночь, объ ней помышляя,
Эту пѣсню поетъ онъ. Скитаясь, какъ нищій, съ терпѣньемъ
Пьетъ онъ свою, преступленьемъ налитую, горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое съ однимъ лишь собою
Дѣлитъ. Она же, которая съ нимъ и въ бѣдѣ не разсталась,
Имъ въ пустынѣ забытая... Гдѣ она? Что съ ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всѣхъ сторонъ окруженной
Смертью въ лѣсахъ, гдѣ гнѣздится и дикій звѣрь и разбойникъ.
Эту повѣсть онъ самъ разсказалъ мнѣ. Съ тѣхъ поръ и пою я
Пѣсню его, какъ самъ онъ поетъ, и объ немъ сокрушаюсь".

П.—Бима, царь Видарбы, узнавъ о бѣдствіи Наля,
Царство свое проигравшаго въ кости, немедленно созвалъ
Всѣхъ видарбинскихъ браминовъ и такъ имъ сказалъ:—Отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля царя: кто узнаетъ,
Гдѣ мои дѣти и ихъ ко мнѣ приведетъ, тотъ получитъ
Тысячу самыхъ отборныхъ быковъ и деревню, какъ людный
Городъ богатую; тотъ же, кто, ихъ не приведши, хоть съ вѣрной
Вѣстью объ нихъ ко мнѣ возвратится, также получитъ
Десять сотенъ быковъ.—Брамины поспѣшно на сѣверъ,
Полдень, востокъ и западъ пошли отыскивать Наля,
Всюду по всѣмъ областямъ, городамъ деревнямъ, по безлюднымъ
Дикимъ лѣсамъ, по горамъ, по равнинамъ, по разнымъ дорогамъ
Долго ходили они; но напрасно; ни слуха, ни вѣсти
Нѣтъ ни о Налѣ царѣ, ни о вѣрной его Дамаянти.
Вотъ, наконецъ, одинъ изъ браминовъ, Судéва, достигнулъ
Города Шедди и тамъ во дворцѣ, на праздникѣ царскомъ
Онъ Дамаянти увидѣлъ. Подлѣ царевны Сунанды,
Въ платьѣ печальной вдовы, на лицѣ покрывало, близъ свѣтлой,
Радостной дѣвы она тамъ стояла—жена, по супругѣ
Мрачно скорбящая, тѣнь близъ свѣта, алмазъ безъ сіянья,
День безъ солнца, краса, двойнымъ покровомъ отъ взоровъ
Скрытая, чернымъ платьемъ и чернымъ горемъ. Увидя
Этотъ прекрасный, невидимо блещущій свѣтъ, догадался
Тотчасъ Судéва, кто передъ нимъ. Про-себя онъ подумалъ:
„Тотъ же образъ я вижу, который столь сладостно свѣтелъ
Былъ въ то утро, когда всѣ земные цари и владыки,
Съ ними и вѣчные боги въ тревогѣ надежды, смиренно
Ждали, кому изъ нихъ благодатную руку подастъ Дамаянти.
Это она, полногрудая, темно-кудрявая, райскимъ
Блескомъ очей веселящая душу, любовь и утѣха
Міра; она, молодая лилія, лишенная корня,
Лотосъ, слоновой стопой сокрушенный, высокое въ низкомъ;
Это она, по супругѣ скорбящая, вмѣстѣ съ супругомъ
Всю потерявшая жизнь, какъ источникъ, нынѣ безводный,
Нѣкогда быстро бѣжавшій, какъ лунная ночь по затменьи
Полномъ луны, поглощенной внезапно небеснымъ дракономъ;
Это она, достойная жить въ перламутровомъ царскомъ
Домѣ, живущая нынѣ въ чужомъ сиротою бездомной;
Славная царской породою въ горькомъ безславномъ изгнаньи;
Счастья достойная, жарко любящая, чуждая и счастью,
Чуждая сладкой любви. Ея измучено сердце
Страстнымъ стремленьемъ къ супругу, избранному сердцемъ; на свѣтѣ
Мужъ украшенье жены: потерявъ сей небесно-прекрасный
Перлъ, и блестящая тратитъ свой блескъ. Но гдѣ жъ онъ, могучій
Наль? Перенесъ ли разлуку съ такою женою, иль мертвый
Палъ, утративъ ее? И мнѣ всю душу пронзаетъ
Горе при видѣ ея красоты сокрушенной, при встрѣчѣ
Огненно-темныхъ ея, въ слезахъ угасающихъ взоровъ.
Скоро ль, скоро ль, весь міръ исходивъ путемъ испытанья,
Къ цѣли желанной достигнетъ она и съ желаннымъ супругомъ,
Съ милымъ души, съ властителемъ жизни встрѣтится въ мірѣ,
Такъ какъ звѣзда встрѣчается съ мѣсяцемъ? Скоро ль
Съ трона низверженный Наль возвратитъ Дамаянти и тронъ свой?
О! какое блаженство тогда для обоихъ, другъ-другу
Равныхъ прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
Предковъ! Мнѣ должно теперь подойти съ утѣшительнымъ словомъ
Къ ней, сокрушенной". Тамъ говорилъ многомудрый Судéва
Самъ съ собою; потомъ онъ къ тому приблизился мѣсту,
Гдѣ одиноко стояла среди многолюдства съ печальной
Думой своей Дамаянти. „Здравствуй, роза Видарбы,
Ей онъ сказалъ; я Судéва, браминъ видарбинскій; царь Бима,
Твой родитель, живъ и здоровъ и царствуетъ мирно;

Здравствуетъ съ нимъ и твоя благодушная мать, управляя
Домомъ; здравствуютъ братья твои, здравствуютъ дѣти,
Мирно цвѣтя подъ защитою дѣда и бабки. Но горе
Всѣхъ по тебѣ сокрушило. И нынѣ по цѣлому свѣту
Ищутъ брамины тебя; отыскать же позволили боги
Мнѣ". Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потомъ о родныхъ, о друзьяхъ, знакомыхъ и ближнихъ
Спрашивать. „Выросли ль дѣти?"—она, напослѣдокъ, спросила.
Съ этимъ словомъ рыданье стѣснило ей грудь, и съ прекрасныхъ
Длинныхъ рѣсницъ покатилися крупными каплями слезы.
Видя, что плачетъ она въ разговорѣ съ браминомъ, Сунанда,
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: —Наша
Гостья плачетъ; какой-то браминъ говоритъ съ ней, и, вѣрно,
Съ нимъ знакома она, и его слова пробудили
Эту печаль.—Тогда изъ покоевъ внутреннихъ вышла
Мать-царица; увидя брамина, она повелѣла
Къ ней его привести; и его разспрашивать стала
Такъ: —Разскажи мнѣ объ ней, что вѣдаешь. Кто и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И съ родными какою
Странной судьбою разсталась. И здѣсь ты ее по какому
Тайному признаку могъ распознать? Обо всемъ откровенно
Мнѣ разскажи.—И, сѣвъ на ему указанномъ мѣстѣ,
Такъ разсказывать началъ Судéва, браминъ многомудрый.

III. —Царствуетъ нынѣ въ Видарбѣ царь Бима, до старости поздней
Въ славѣ дожившій; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь Видарбинскаго Бимы, жена Нишадскаго Наля.
Наль же, сынъ Виразены, бывшій владыка Нишады, безумно
Въ кости все царство свое проигралъ недостойному брату.
Съ той поры, покинувъ Нишаду съ женою, пропалъ онъ
Безъ вѣсти. Бима послалъ насъ отыскивать дочь. И случайно
Въ вашемъ царскомъ дворцѣ въ печальной, таинственной гостьѣ
Вашей узналъ я ее... И кто не узналъ бы? На свѣтѣ
Нѣтъ Дамаянти другой, столь прекрасной душою и тѣломъ,
Есть при томъ и примѣта: на лбу подъ густыми
Кудрями свѣтлая скрыта звѣзда, какъ за облакомъ мѣсяцъ;
Съ нею она родилась; ее самъ Брама замѣтилъ
Знакомъ святымъ благодати; но знакъ сей однимъ лишь браминамъ,
Видящимъ здѣсь красоту неземную служителямъ Брамы,
Можетъ быть видимъ; и я очами брамина, какъ злато
Въ темной рудѣ, какъ въ пеплѣ горячемъ огонь сокровенный,
Тотчасъ узналъ Дамаянти, красы несказанной свѣтило.—
Кончивъ разсказъ свой, Судéва умолкъ. Тутъ царевна Сунанда,
Тихо подкравшись къ подругѣ, съ ея головы покрывало
Вдругъ сорвала и кудри волосъ, осѣнявшихъ прекрасный
Лобъ Видарбинской царевны, откинула; ярко, какъ мѣсяцъ,
Тучу пронзившій, блеснула оттуда звѣзда благодати.
То увидя, Сунанда въ слезахъ умиленья припала
Къ сердцу ея, царица заплакала также; и всѣ три,
Крѣпко обнявшись, сліянныя сердцемъ, стояли безмолвно,
Слезы сливая съ слезами. Вотъ, напослѣдокъ, сказала
Мать-царица: —Ты дочь моей сестры, Дамаянти!
Нашъ знаменитый отецъ былъ владыка Дафернскій Судеманъ;
Бима выбралъ сестру, меня избралъ Вираваѓу.
Я и тебя младенцемъ видала въ то время, когда мы
Вмѣстѣ съ сестрой навѣстили въ Дафернѣ отца. И тогда ужъ
Эта звѣзда сіяла на лбу у тебя. Догадалась
Тотчасъ я кто ты, какъ скоро ты странницей грустной явилась
Здѣсь, и дочерью сердце тебя нарекло. Оставайся жъ
Съ нами, мой домъ есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи въ любви и согласьи
Съ нами: будь дочерью мнѣ, будь нѣжной сестрою Сунандѣ.—
„Долго я здѣсь незнакомкой въ довольствѣ жила, отвѣчала

Теткѣ своей Дамаянти; не знала нужды, подъ защитой
Вѣрной была, и въ горѣ встрѣчала веселье; но будетъ
Мнѣ веселѣе въ Видарбѣ съ роднымъ отцомъ и съ родною
Матерью. Съ миромъ меня отпусти; я давно ужъ съ своими
Ближними розно; отсюда слышится мнѣ, какъ сиротки,
Дѣти мои, по матери плача, ее издалека
Кличутъ и ей говорятъ: безъ отца мы; на что жъ намъ
Быть и безъ матери? Если свое благотворно дѣло
Ты довершить надо мною желаешь, то дай мнѣ скорѣе
Средство въ Видарбу къ своимъ возвратиться".—Исполнена будетъ
Воля твоя, красота звѣздоносная,—такъ отвѣчала
Мать-царица; потомъ, съ позволенія сына, владыки
Царства Шеддійскаго, въ путь снарядила милую гостью;
Пищу съ питьемъ на дорогу сама царевна Сунанда
Ей приготовила; дали коней съ колесницею; дали
Также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
Съ плачемъ разстались потомъ. И вотъ, наконецъ, возвратилась
Къ ближнимъ своимъ Дамаянти. И много въ Видарбѣ веселья
Было при встрѣчѣ ея. Когда жъ Дамаянти со всѣми
Свидѣлась, съ милою матерью, съ добрымъ отцомъ и съ родными
Братьями, сродниковъ всѣхъ и знакомыхъ увидѣла, къ сердцу
Въ сладкихъ слезахъ прижала дѣтей—то первой заботой
Было ея принести благодарность богамъ и браминовъ
Всѣхъ одарить. И Бима исполнилъ свое обѣщанье:
Тысячу жирныхъ быковъ съ селомъ, богатымъ какъ городъ,
Далъ онъ брамину Судéвѣ. Награду такую сначала
Онъ обѣщалъ лишь тому, кто найдетъ Дамаянти и Наля;
Но, блаженный свиданіемъ съ дочерью, онъ ужъ не думалъ
Болѣ о Налѣ. Зато не забыла о немъ Дамаянти.
Ночь одну проведя въ жилищѣ отца, на другой день
Матери такъ Дамаянти сказала: „Если ты хочешь
Жизнь мою сохранить, возврати мнѣ прекраснаго Наля".
То услыша, царица заплакала горько и слóва
Ей отвѣчать не могла отъ слезъ и рыданья. И вмѣстѣ
Съ нею домашніе всѣ сокрушались и громкимъ стенаньемъ
Все жилище ее наполнялось. И вотъ что царица
Бимѣ, властителю многихъ народовъ, сказала:—Открыла
Сердце свое мнѣ наша дочь Дамаянти; по миломъ
Налѣ тоскуетъ она несказанно. А гдѣ онъ? Удастся ль
Также найти и его, какъ найти удалось Дамаянти?—
Бима, при этихъ словахъ, опять вызываетъ браминовъ
Новую службу ему сослужить.—Святые брамины,
Имъ говоритъ онъ, идите по всѣмъ путямъ и дорогамъ
Наля отыскивать; съ нимъ разлученная, гаснетъ отъ горя
Дочь, Дамаянти.—Брамины, немедленно въ путь изготовясь,
Всѣ собрались къ Дамаянти услышать ея повелѣнье;
Ихъ приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
Такъ: „Куда бъ ни пришли вы и гдѣ бы его ни искали—
Въ городѣ ль, въ царскомъ дворцѣ ли, въ деревнѣ ли, въ хижинѣ ль бѣдной—
Всюду одно повторяйте, вытвердивъ то, что скажу вамъ:
„Гдѣ ты игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ украденномъ платьѣ,
Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши отъ зноя,
Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ, чтобъ обратно
Къ ней ты пришелъ. По тебѣ лишь тоскуетъ она, и ни разу
Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ на погибель заснула
Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно брошена. То ли
Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой? Покровъ и защита
Мужъ для жены; а ты, что сдѣлалъ съ своею женою?
Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ, благороднымъ?"
Помните эти слова и ихъ вездѣ повторяйте.
Если же кто вамъ на чихъ отзовется, то знайте, что это
Наль; и тогда немедля развѣдайте, кто онъ? Когда же

Словомъ какимъ онъ вамъ возразитъ, то скорѣе, скорѣе
Это слово мнѣ передайте, брамины. Но будьте
Съ нимъ осторожны, чтобъ онъ догадаться не могъ, что за нимъ вы
Посланы мной и чтобъ снова не скрылся. Идите съ богами
Въ путь свой, брамины, ищите Наля, вездѣ повторяя
Грустную пѣсню мою, воздыханья любви сокрушенной".—
Данныя имъ наставленья принявши, по разнымъ дорогамъ
Всѣ разошлися брамины отыскивать Наля; и всюду
Въ людныхъ большихъ городахъ, въ богатыхъ палатахъ, въ убогихъ
Хижинахъ, въ темныхъ лѣсахъ, по горамъ, по полямъ, по долинамъ,
Гдѣ только былъ человѣческій слѣдъ, неусыпно искали
Наля они, вездѣ повторяя слова Дамаянти,
Грустную пѣсню ея, воздыханья любви сокрушенной.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

I.—Вотъ по странствіи долгомъ одинъ изъ браминовъ, Парнáда
Именемъ, съ вѣстью такою пришелъ къ Дамаянти:—Повсюду
Наля искавъ безуспѣшно, пришелъ, наконецъ, я въ Айоду.
Тамъ предъ царемъ Ритуперномъ твои слова произнесъ я;
Царь ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ и никто изъ придворныхъ
Также мнѣ не далъ отвѣта. Когда жъ я, простясь съ Ритуперномъ,
Вышелъ изъ царскихъ покоевъ, со мной повстрѣчался служитель
Царскій съ руками короткими, малаго роста, Вагука
Именемъ; дѣло его смотрѣть за царевой конюшней;
Видомъ онъ некрасивъ; зато великій искусникъ готовить
Пищу, также чудесно править конями: онъ можетъ
Въ сутки сто миль проскакать ихъ заставить. И вотъ что съ глубокимъ
Вздохомъ, отъ слезъ задыхаясь, сказалъ мнѣ этотъ Вагука:
„Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно съ вѣрой смиренной
Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены;
Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мститъ за обиду.
Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу
Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
Самъ уничтожить могъ, если отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ—доброй женою
Будетъ оплаканъ онъ; что бъ ей ни встрѣтилось доброе, злое,
Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
Радость не радостью; будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады..."
Эти услышавъ слова, я рѣшился немедля пуститься
Въ путь обратный. Царевна, сама теперь ты разсудишь,
Съ доброю ль вѣстью къ тебѣ я пришелъ.—Дамаянти, Парнаду
Выслушавъ, тотчасъ къ царицѣ пошла и такъ ей сказала:
„Слушай, родная; о томъ, что я сдѣлать хочу, мой родитель
Бима вѣдать не долженъ: хочу я брамина Судéву
Въ царство Айоду послать; награды своей половину
Онъ заслужилъ, вотъ случай ему заслужить и другую:
Вамъ возвратилъ онъ меня, пускай возвратитъ вамъ и Наля".—
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Все учредили онѣ и царь не узналъ ни о чемъ. Одаривши
Щедро Парнаду, царевна сказала: „Когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
Слѣдъ намъ къ нему указалъ". И доволенъ остался Парнада
Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судéву,
Такъ сказала: „Судéва, иди къ царю Ритуперну
Въ царство Айоду; явися ему, но такъ, чтобъ подумалъ
Царь Ритупернъ, что зашелъ ты въ Айоду случайно, и вотъ что
Скажешь ему ты, какъ-будто безъ всякаго умысла: „Бима
Снова сзываетъ въ Видарбу царей и царевичей; снова

Хочетъ супруга избрать Дамаянти: ужъ съѣхалось много
Къ ней жениховъ". И ежели знать пожелаетъ онъ, скоро ль
Долженъ быть выборъ, назначенъ ли день? Отвѣчай ты: „я вижу,
Царь, что тебѣ одному не вѣдомо то, что извѣстно
Цѣлому свѣту; день назначенный—завтра; и если
Самъ ты отвѣдать счастья намѣренъ, то можешь въ Видарбу
Нынче же къ ночи поспѣть; у тебя есть конюхъ, искусный
Править конями; онъ въ сутки сто миль проскакать ихъ заставитъ;
Только не медли: завтра, чѣмъ свѣтъ, Дамаянти объявитъ
Выборъ; о Налѣ жъ ни слуха, ни вѣсти; и вѣрно погибъ онъ.
Если же хочешь ты знать, отъ кого я о сказанномъ слышалъ,
Знай, государь, что я слышалъ о томъ отъ самой Дамаянти".

II.—Вотъ и приходитъ Судéва къ царю Ритуперну. То было
Рано поутру. И только-что ложную повѣсть брамина
Выслушалъ царь, какъ съ мѣста вскочивши, воскликнулъ:—Скорѣе
Кликнуть Вагуку сюда! Когда же Вагука явился,—
Вѣрный конюшій, сказалъ Ритупернъ, мнѣ должно въ Видарбу
Нынче жъ поспѣть; Дамаянти опять выбираетъ супруга;
Завтра утромъ она объявитъ свой выборъ. Искусство
Нынѣ свое покажи мнѣ, Вагука, на дѣлѣ; посмотримъ,
Можешь ли въ сутки сто миль проскакать на коняхъ, не кормивши!—
Царская рѣчь наполнила ужасомъ Налеву душу.
„Что замышляетъ—подумалъ онъ самъ про себя—Дамаянти?
Или она отъ скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Можетъ ли быть, чтобъ она на такое
Дѣло рѣшилась, она, непорочная, вѣрная, свѣтлый
Ангелъ любви? Неужель, оскорбленная мной такъ жестоко,
Хочетъ отмстить мнѣ она, смиренно-незлобный эдемскій
Голубь? Но женское сердце измѣнчиво; я же предъ нею
Слишкомъ виновенъ; прекрасную младость ея погубилъ я;
Въ долгой разлукѣ со мной, разлучилась она и съ любовью.
Но, позабывши меня, какъ могла позабыть Дамаянти
Нашихъ дѣтей? Мнѣ должно развѣдать, что ложь и что правда
Въ этомъ слухѣ, и волю царя для себя я исполню".
Такъ онъ въ мысляхъ рѣшилъ и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвѣчалъ: „Несомнѣнно исполнена будетъ
Царская воля твоя; мы нынче жъ поспѣемъ въ Видарбу
Къ вечеру".—Вотъ на конюшню Вагука пошелъ, чтобъ надежныхъ
Выбрать коней и выбралъ тощихъ, тяжелыхъ, ноздристыхъ,
Тонконогихъ, толстоголовыхъ, съ щетинистой шерстью,
Съ длинными шеями, съ гривой встопорщенной, огненнодикихъ.
Выборъ такой царя изумилъ.—Ты шутишь, Вагука,
Съ гнѣвомъ сказалъ онъ; какъ-будто въ насмѣшку изъ цѣлой конюшни
Выбралъ ты самыхъ негодныхъ коней. Въ такую дорогу
Можно ль на клячахъ подобныхъ пускаться? – „То добрые кони,
Царь-государь, Вагука отвѣтствовалъ; вотъ и примѣты:
Двѣ на лбу, одна на груди и три на копытахъ;
Духомъ домчимся на этихъ коняхъ до Видарбы; но если
Выбрать другихъ ты желаешь, то самъ укажи ихъ: готовъ я
Волю исполнить твою".—Пускай по-твоему будетъ,
Царь отвѣчалъ; тебя не учить мнѣ; закладывай; ѣдемъ.—
Выбранныхъ имъ четырехъ коней заложилъ въ колесницу
Наль, и сѣлъ въ нее съ Ритуперномъ; и съ ними, по просьбѣ
Наля, сѣлъ Варшнея. Собравши въ могучую руку
Вожжи, и ими тряхнувъ, какъ браздами изъ лучистыхъ молній,
Наль закричалъ: „Изготовьтесь вы, добрые кони; чтобъ нынче жъ
Быть намъ въ Видарбѣ!" И дрогнувъ, предъ нимъ на колѣни упали
Кони; легкимъ движеньемъ руки опять онъ ихъ поднялъ
На ноги, голосъ смягчилъ, и ласковымъ словомъ придавъ имъ
Жару, крикнулъ: „Впередъ!" Они понеслися какъ вихри.

Царь Ритупернъ на бѣгъ ихъ смотрѣлъ съ нѣмымъ изумленьемъ.
Въ то же время, разслушавъ, сколь былъ таинственно-звученъ
Громъ колесницы, и видя, что вожжи со свистомъ и трескомъ
Били коней по бокамъ, и какъ молніи быстро сверкали,
Думу глубокую думалъ Варшнея: „Откуда Вагука
Могъ получить такое искусство и кто онъ? Не самъ ли
Кóней державнаго бога боговъ повелитель Метáлисъ?
Или онъ Наль, сокрывшій себя подъ личиной урода?
Налева образа нѣтъ здѣсь, но есть здѣсь Налева сила.
Кто же мнѣ правду откроетъ? Давно изъ древнихъ преданій
Вѣдаемъ мы, что земные цари, по волѣ судьбины,
Здѣсь на землѣ иногда, превращенные, странствуютъ тайно.
Этотъ уродливый конюхъ не можетъ быть Налемъ великимъ;
Тотъ же, подъ кѣмъ, какъ гроза въ небесахъ, гремитъ колесница,
Кто онъ иной, какъ не Наль, мой великій владыка?“ Такъ думалъ,
Молча, Варшнея и въ бѣдномъ Вагукѣ угадывалъ Наля.

III.—Кони, безъ крыльевъ крылатые, властію Наля, какъ буря
Мчались впередъ по горамъ, по доламъ, черезъ рѣки, потоки.
Вдругъ сорвалась съ головы Ритуперна повязка.—Вагука,
Стой! онъ сказалъ, пускай Варшнея подастъ мнѣ повязку.—
„Поздно! отвѣтствовалъ Наль-Вагука, ужъ мы отскакали
Болѣе мили; оставимъ повязку“. Царь изумился;
Вдругъ онъ увидѣлъ вдали Вибитаку, вѣтвисто-густою
Сѣнью покрытое дерево.—Слушай, Вагука, сказалъ онъ,
Здѣсь на землѣ никто не имѣетъ всезнанья; въ искусствѣ
Править конями ты первый; зато мнѣ далося искусство
Счета, и знаю я тайну играть навѣрное въ кости.
Видишь ли тамъ вдалекѣ то вѣтвистое дерево? Много
Листьевъ на немъ и много плодовъ; но много ихъ также,
Съ вѣтвей упавшихъ, лежитъ на землѣ. Такъ знай же: упало
Листьевъ четыреста три и съ ними свалилось сто десять
Спѣлыхъ плодовъ; всѣхъ сучьевъ семь сотъ сорокъ девять; на сучьяхъ
Листьевъ осталося пять милліоновъ и восемь; плодовъ же
Тысяча триста пятнадцать созрѣвшихъ, восемь сотъ сорокъ
Три созрѣвающихъ, семьдесятъ восемь гнилыхъ. Хоть повѣрку
Сдѣлай, мой счетъ безъ малѣйшей ошибки.—Въ эту минуту
Были они ужъ близъ дерева. „Стойте, воскликнулъ Вагука,
Добрые кони; такому чудному счету нельзя мнѣ
Прежде повѣрить, пока плодовъ и сучьевъ и листьевъ
Самъ не сочту я на деревѣ этомъ. Варшнея подержитъ
Вожжи, покуда я буду считать“. Ритупернъ ужаснулся.
—Что ты задумалъ, Вагука? сказалъ онъ, не время намъ медлить.—
Но Вагука (былъ умыселъ свой у него) непремѣнно
Счетъ повѣрить хотѣлъ. „Подожди, царю отвѣчалъ онъ;
Или—если ужъ такъ ты поспѣшенъ—прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будетъ конями
Править“. На то Ритупернъ возразилъ, стараясь Вагуку
Лаской смягчить.—Не упрямься, добрый Вагука; въ искусствѣ
Править конями тебѣ подобнаго нѣтъ, и въ Видарбу
Только съ тобою однимъ поспѣть намъ къ вечеру можно.
Я (самъ видишь ты это) во власти твоей; не держи же
Долѣ меня; я сдѣлаю все въ твое угожденье,
Если только въ Видарбу доѣдемъ прежде, чѣмъ сядетъ
Солнце.— Вагука, вмѣсто отвѣта, коней удержавши,
Съ козелъ сошелъ и началъ спокойно считать по порядку
Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
„Счетъ плодовъ безъ ошибки, сказалъ онъ царю Ритуперну.
—Вотъ поглядимъ, не ошибся ль ты въ счетѣ сучьевъ и листьевъ?“
Царь кипѣлъ нетерпѣньемъ.—Будь же доволенъ, Вагука.
Развѣ мало тебѣ одного доказательства? „Мало,
Царь-государь, Вагука сказалъ, но если ты хочешь

Разомъ все кончить, то самъ объясни мнѣ, какъ могъ ты такъ много
Счесть въ такое короткое время!“—Знай же, воскликнулъ
Царь (не отъ доброй души, а взбѣшенный упорствомъ Вагуки),
Я одаренъ могуществомъ счета и тайнымъ искусствомъ
Въ кости играть навѣрное.—„Ежели такъ, то теперь же
То и другое мнѣ передай; въ замѣну искусство
Править конями получишь“, сказалъ Вагука.—Согласенъ,
Съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ царь; и могущество счета и тайну
Въ кости играть я тебѣ отдаю; отъ тебя же, Вагука,
Даръ твой приму, какъ скоро пріѣдемъ въ Видарбу.—Лишь только
Вымолвилъ слово свое Ритупернъ, какъ у Наля открылись
Очи и онъ всѣ вѣтви, плоды и листы Вибитаки
Разомъ могъ перечесть; и въ то же мгновенье, когда онъ
Данную силу въ себѣ ощутилъ, сокрытый дотолѣ
Въ сердцѣ его искуситель Кали оттуда исторгся
Дымомъ, и мглою своей обхватилъ Вибитаку. При первомъ
Чувствѣ свободы Наль обезпамятѣлъ; скоро, однако,
Онъ очнулся, и, видя лицомъ къ лицу предъ собою
Злого врага своего, хотѣлъ проклясть нечестивца;
Но Кали возопилъ, поднявши руки смиренно:
—Наль, воздержися отъ клятвы; уже довольно наказанъ
Былъ я проклятьемъ, въ минуту страданья твоею женою
Противъ меня изреченнымъ (хотя и былъ ей невѣдомъ
Общій вашъ врагъ). Съ тѣхъ поръ я, замкнутый въ тебѣ, какъ въ темницѣ,
Столь же былъ горемъ богатъ, сколь ты былъ радостью бѣденъ.
Мучимый ядомъ царя змѣинаго, денно и ночно
Самъ я себя проклиналъ. Пощади же меня, благодушный
Наль; я отнынѣ безсиленъ; отнынѣ каждый, кто повѣсть
Бѣдственной жизни твоей прочитаетъ, тебя прославляя,
Будетъ отъ козней моихъ огражденъ, и власти подобныхъ
Мнѣ зловредныхъ духовъ недоступенъ.—Смягченный молящимъ
Словомъ врага побѣжденнаго, Наль воздержался отъ клятвы.
Самъ же Кали въ Вибитаку вселился и полное жизни
Дерево мигомъ засохло. При чудѣ такомъ изумился
Царь Ритупернъ (того же, что съ Налемъ въ эту минуту
Дѣлалось, видѣть и слышать не могъ онъ). Едва искуситель
Сокрылся—отъ муки избавленный, радостно блещущій, новой
Жизнію пламенный, вдвое могучій, сѣлъ въ колесницу
Наль, и кони помчались; а онъ, упредивъ ихъ душою
Былъ уже въ Видарбѣ, тамъ, гдѣ была Дамаянти, куда онъ
Съ сердцемъ, свободнымъ отъ зла, но все еще бѣдный, бездомный
Царь, возвращался подъ видомъ чужимъ, никому незнакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.—Солнце еще не угасло, когда до Видарбы достигнулъ
Царь Ритупернъ. Немедля о гостѣ нежданномъ царь Бима
Былъ извѣщенъ, и, имъ приглашенный, въ сіяньи вечернемъ
Въѣхалъ въ Видарбу владыка Айоды. Какъ громъ отзывался
Стукъ колесницы его съ осьми сторонъ небосклона.
Налевъ стукъ и Налевъ скокъ почуяли тотчасъ
Налевы кони (которыхъ еще до изгнанья царева
Къ Бимѣ съ дѣтьми сама Дамаянти прислала);
Радостнымъ ржаньемъ, какъ-будто при Налѣ они отвѣчали
Дружно на звукъ, имъ знакомый; и вслушавшись въ звукъ сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти смутилась;
Что-то родное, бывалое, Налево, въ вѣщее сердце
Вдругъ проникло—такъ и жена и кони узнали
Разомъ Наля по стуку его колесницы. И въ стойлахъ
Царскихъ слоны и на кровлѣ дворцовой павлины, расширивъ
Радугой пышной хвосты, при этомъ неслыханномъ стукѣ
Вдругъ встрепенулись; подняли хоботъ слоны; закричали,
Вытянувъ шею, въ радостномъ страхѣ павлины, какъ-будто

Чуя грозы, обѣщающей дождь, приближенье. И съ райскимъ
Трепетомъ, вся обращенная въ слухъ, про-себя Дамаянти
Такъ говорила: „Мнѣ этотъ стукъ колесницы и этотъ
Топотъ, тревожащій небо и землю, насквозь проникаютъ
Душу. Это Наль, мой владыка, Наль мой желанный!
Если его я нынче жъ лицомъ къ лицу не увижу,
Если нынче жъ въ сладкихъ объятіяхъ Наля не буду,
Если это онъ, столь чудно гремящій, не свѣтлый
Наль, мой царь, мой спаситель; если меня обмануло
Сердце, то болѣе жить мнѣ не должно; и въ жаркое лоно
Пламени брошусь, чтобъ кончить тоску одинокія жизни.
О! теперь позабыто все прошлое: жизнь обновилась;
Страхъ одиночества, стыдъ нищеты, безпріютность, разлуки
Тяжкая боль — изъ сердца изглажено все: я не помню
Слова обиднаго, взгляда суроваго: помню одно лишь
Счастье святое любви, лишь его, избраннаго сердцемъ,
Радость души, благороднаго, кроткаго, сильнаго волей,
Тихаго нравомъ, разумомъ мудраго, сердцемъ младенца,
Наля, мою надежду, спасеніе, жизнь. Непрестанно
Думать о немъ и о прошлыхъ дняхъ неразлучности сладкой,
Думать о прелести взора его и улыбки, о сладкомъ
Голосѣ, нѣжныхъ рѣчахъ, и всею душой погружаясь
Въ думу любви, быть розно съ нимъ, несказанно любимымъ—
Вотъ страданье, которому имени нѣтъ". Въ сокрушенныхъ
Мысляхъ такихъ Дамаянти сидѣла тогда на дворцовой
Верхней площадкѣ съ служанкой своей, молодою Кезиной.
Вотъ и видятъ онѣ, что на дворъ широкій влетѣли
Кони, гремя и дымясь, съ колесницей; и въ той колесницѣ
Были трое: царь Ритупернъ, Вагука, Варшнея.
„Гдѣ же Наль?.." Съ томительнымъ страхомъ глядитъ Дамаянти;
Видитъ царя; Варшнею потомъ узнаетъ; напослѣдокъ,
Смотритъ на ихъ безобразнаго спутника— ей незнакомъ онъ.
Тою порой Ритупернъ сошелъ съ колесницы; Варшнея
Также; Вагука началъ разнуздывать коней; и въ это жъ
Время вышелъ Бима гостю навстрѣчу. Другъ-другу
Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
Что другъ-другу сказать. Ритупернъ, осмотрясь, не примѣтилъ
Въ царскомъ дворцѣ ничего, что бъ канунъ означало большого
Праздника; онъ подумалъ: „Я былъ легковѣрно обманутъ
Ложною вѣстью"; и Бимѣ сказалъ онъ: „здравья и долгихъ
Лѣтъ тебѣ я желаю". Бима такимъ же привѣтнымъ
Словомъ отвѣтствовалъ.—Что, потомъ онъ спросилъ, привело къ намъ
Въ нашу столицу Видарбу такого великаго гостя?
Слыша этотъ вопросъ и не видя нигдѣ никакого
Знака, чтобъ были другіе цари и царевичи въ царскомъ
Домѣ, владыка Айоды отвѣтствовалъ: „Видѣть хотѣлъ я,
Царь благодушный, тебя и, съ тобой познакомясь, провѣдать,
Все ли въ твоемъ благоденствуетъ царствѣ?" Мудрому Бимѣ
Страннымъ отвѣтъ такой показался, и было ему непонятно,
Какъ могло прійти на умъ царю Ритуперну
Путь такой предпринять лишь за тѣмъ, чтобъ провѣдать, здоровъ ли
Царь Видарбы, ему незнакомый. „Тутъ есть, онъ подумалъ,
Вѣрно, другая причина. Узнаемъ мы послѣ". И руку
Ласково гостю подавши, сказалъ онъ:—Милости просимъ,
Царь Ритупернъ; мы рады весьма твоему посѣщенью.
Но ты усталъ; войди къ намъ въ палаты и тамъ успокойся;
Что ни прикажешь, все будетъ исполнено. Вмѣстѣ съ Варшнеей
Царь Ритупернъ вошелъ во дворецъ; а Вагука, отпрягши
Добрыхъ коней, отвелъ ихъ въ конюшню; потомъ, возвратяся,
Сѣлъ на прежнее мѣсто свое въ колесницѣ и скоро
Въ грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти

Сверху увидя, вздохнула глубоко. „Ужель обманулось
Сердце мое? сказала она; но стукъ колесницы
Былъ мнѣ знакомый, былъ подлинно Налевъ... а Наля не вижу.
Или Варшнея искусство его перенялъ? Иль открыли
Боги его царю Ритуперну?“ Такъ Дамаянти
Мучилась тяжкимъ сомнѣньемъ; вотъ, наконецъ, обратяся
Къ вѣрной Кезинѣ, служанкѣ своей, она ей сказала:
II. „Слушай, Кезина, поди и провѣдай, кто въ колесницѣ
Такъ угрюмо сидитъ одинъ, лицомъ некрасивый,
Руки короткія? Съ нимъ заведя разговоръ, постарайся
Выспросить, кто онъ? Меня подозрѣнье тревожитъ: не самъ ли
Наль таится подъ этимъ уродливымъ видомъ? Ты вотъ что
Сдѣлай: съ нимъ говоря, повтори, какъ-будто случайно
Тѣ слова, которыя всюду браминамъ велѣла
Я повторять; увидишь, не дастъ ли какого отвѣта
Онъ на нихъ, и ежели дастъ, то все, что ни скажетъ,
Ты замѣть и мнѣ передай“. Кезина къ Вагукѣ
Тотчасъ пошла; Дамаянти жъ, на прежнемъ мѣстѣ оставшись,
Сверху смотрѣла на нихъ. Кезина, приближась къ Вагукѣ,
Такъ сказала ему:—Благородные гости, будь въ добрый
Часъ вамъ пріѣздъ вашъ въ Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мнѣ приказала узнать, зачѣмъ вы здѣсь и откуда?“—
„Мы изъ Айоды, царю Ритуперну подвластнаго царства,
Такъ Вагука сказалъ. Узнавъ отъ брамина, что будетъ
Снова супруга себѣ выбирать Дамаянти, Айодскій
Царь на своихъ быстроногихъ коняхъ, которыми правлю
Я, сюда прискакалъ, чтобъ явиться съ другими на выборъ“.—
Ты не одинъ при царѣ; васъ двое; кто твой товарищъ?
Кто ты самъ, и откуда, и какъ къ царю Ритуперну
Въ службу вступилъ?—„Мой товарищъ Варшнея, бывшій конюшій
Наля; меня называютъ Вагука; что я не красавецъ,
Это ты видишь; служу у царя на конюшнѣ, но могъ бы
Также служить и на кухнѣ, ибо я столь же искусенъ
Вкусную пищу готовить, какъ править конями!“—Скажи жъ мнѣ,
Снова спросила Кезина его, не дошла ль до Варшнеи
Вѣсть какая о Налѣ? И самъ ты объ немъ не слыхалъ ли?
—„Налевыхъ бѣдныхъ дѣтей, Вагука сказалъ, проводивши
Къ дѣду и царскихъ коней оставивъ въ Видарбѣ, Варшнея
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну. О участи Наля
Онъ не знаетъ, и нѣтъ на землѣ никого, кто о ней бы
Что-нибудь зналъ; подъ видомъ чужимъ, въ невѣдомомъ мѣстѣ
Царь укрывается. Наль одинъ на свѣтѣ о Налѣ
Знаетъ, да та лишь одна, кто съ Налемъ одно; никому онъ,
Кромѣ ея, не открылъ своихъ таинственныхъ знаковъ“.—
Но, сказала Кезина, браминъ, посѣтившій Айоду,
Встрѣтясь съ тобою, тебѣ повторилъ слова Дамаянти:
„Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ украденномъ платьѣ,
Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши отъ зноя,
Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ, чтобъ обратно
Къ ней ты пришелъ; о тебѣ лишь тоскуетъ она, и ни разу
Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ на погибель заснула
Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно брошена. То ли
Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой? Покровъ и защита
Мужъ для жены; а ты что сдѣлалъ съ своею женою?
Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ, благороднымъ?“
Помнишь ли, что̀ на эти слова отвѣчалъ ты брамину?—
Весь поблѣднѣвъ, неподвижно смотрѣлъ на Кезину Вагука;
Долго, пронзенный внезапною болью любви, не имѣлъ онъ
Силы вымолвить слова; рыдающимъ голосомъ, очи
Полныя слезъ опустивъ, напослѣдокъ, тихо сказалъ онъ:
„Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно съ вѣрой смиренной

Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены;
Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мститъ за обиду;
Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу
Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
Самъ уничтожить могъ; если отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ—доброй женою
Будетъ оплаканъ онъ; что бъ ей ни встрѣтилось доброе, злое,
Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
Радость не радостью—будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады“.
Съ этимъ словомъ вся Налева скорбь пробудилась въ Вагукѣ;
Онъ застоналъ и слезы изъ глазъ полилися. Кезина
Тотчасъ ушла, спѣша обо всемъ извѣстить Дамаянти.

III. „Это Наль (Дамаянти сказала въ слезахъ, съ замираньемъ
Сердца Кезину выслушавъ), это мой царь, мой владыка,
Въ видѣ чужомъ. Ты должна къ нему возвратиться, Кезина,
Снова. Вблизи притаись и внимательно слѣдуй за каждымъ
Шагомъ и взглядомъ его, не откроется ль въ томъ, что замѣтишь,
Признака тайной особенной силы. Я думаю, скоро
Ужинъ начнетъ онъ готовить царю Ритуперну—смотри же,
Такъ устрой, чтобы онъ ни воды, ни огня для варенья
Пищи не могъ получить и замѣть потомъ, что начнетъ онъ
Дѣлать; и все другое, что въ немъ покажется чуднымъ,
Также мнѣ опиши“.—Кезина пошла и, исполнивъ
Волю царицы, явилася къ ней съ своимъ донесеньемъ:
—Нѣтъ! ни прежде видать не случалось, ни послѣ увидѣть
Мнѣ не случится того, что теперь предо мною сбылося;
Этотъ Вагука не просто земной человѣкъ; онъ съ богами
Въ явномъ союзѣ; ничто для него ни низко, ни тѣсно;
Къ низкимъ дверямъ подойдетъ—головы не наклонитъ, а сами
Двери надъ нимъ приподымутся; тѣсное мѣсто просторнымъ
Вдругъ при его приближеньи становится. Всякихъ припасовъ
Вмѣстѣ съ посудой царь Бима велѣлъ приготовить, чтобъ ужинъ
Онъ для царя Ритуперна сварилъ; но воды, какъ тобою
Было приказано, не дали; онъ того не замѣтилъ,
Только взглянулъ, и водой всѣ сосуды наполнились: также
Онъ и огня подъ дрова попросить не подумалъ, а только
Взялъ соломы и мигомъ сама собою солома
Вспыхнула. Много другого замѣтила я: безъ обжоги
Голой рукой разгребалъ онъ огонь; вода закипала,
Только-что къ ней онъ касался. Но чудо послѣднее болѣ
Всѣхъ другихъ изумило меня: засохшую розу
Онъ увидѣлъ; въ пыли она безъ листьевъ лежала;
Онъ ее поднялъ, взглянулъ на нее и явилась живая
Роза въ рукѣ у него на мѣстѣ прежней, поблекшей.
Послѣ такого неслыханно-чуднаго дѣла, царица,
Я побѣжала немедля къ тебѣ.—Но уже Дамаянти
Болѣ сомнѣнья имѣть не могла: то явные были
Знаки Наля, то были дары, полученные въ самый день брака
Имъ отъ боговъ, и она ужъ, блаженствуя, видѣла сердцемъ
Наля желаннаго тамъ, гдѣ еще для очей былъ Вагука.
„Сбѣгай опять ты къ нему, сказала Кезинѣ царица;
Запахъ отъ пищи, имъ приготовленной, чудно пріятенъ;
Хочется знать мнѣ, вкусна ли она? Попроси у Вагуки
Мяса жаркого кусокъ“. Побѣжала Кезина къ Вагукѣ
Снова, и скоро назадъ возвратилась съ дымящимся мясомъ.
Налевъ знакомый ей вкусъ Дамаянти узнала, отвѣдавъ
Мяса. „Онъ здѣсь! онъ здѣсь! въ восхищеніи она повторяла
Мысленно: болѣ сомнѣнія нѣтъ. Но долго ль онъ будетъ

Свѣтлый свой образъ таить отъ жаждущихъ взоровъ и мучить
Бѣдное сердце мое нестерпимымъ желаньемъ свиданья?"
Такъ сокрушаясь, она, наконецъ, приказала Кезинѣ
Взять дѣтей и вывести ихъ изъ дворца, чтобъ Вагукѣ
Ихъ показать мимоходомъ. Лишь только Вагука увидѣлъ
Двухъ малютокъ, цвѣтущихъ дѣтей Дамаянти и Наля,
Столь давно потерявшихъ отца, въ немъ душа загорѣлась;
Кинулся къ нимъ онъ навстрѣчу, по имени назвалъ обоихъ,
Къ сердцу прижалъ и заплакалъ, и долго, долго, слезами
Ихъ обливая, отъ нихъ оторваться не могъ, но опомнясь,
Вдругъ отскочилъ и Кезинѣ сказалъ: „Я также имѣю
Двухъ дѣтей малолѣтнихъ, сына и дочь; совершенно
Съ этими сходны они, и давно я съ ними въ разлукѣ.
Вотъ отчего я и былъ такъ сильно встревоженъ ихъ встрѣчей;
Но, послушай, люди замѣтятъ, что часто ко мнѣ ты
Ходишь, и будетъ тебѣ оттого безъ вины нареканье;
Съ миромъ отсюда поди и болѣ ко мнѣ не являйся".—

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.—Все, что было ей нужно, узнавъ, Дамаянти рѣшилась
Сдѣлать опытъ послѣдній и матери вотъ что сказала:
„Кликни Вагуку къ себѣ, я тайну эту открою;
Наль отысканъ; онъ здѣсь, я знаю, я вѣрю".—Царица, согласно
Съ просьбою дочери, кликнуть велѣла Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей, царь съ трепетаніемъ тайнымъ
Сталъ, наконецъ, предъ лицомъ своей Дамаянти. Безгласенъ
Сдѣлался онъ, увидя ее, прелестную въ скорби,
Чистаго ангела радости въ платьѣ печальномъ вдовицы.
Сердцу его несказанный упрекъ, передъ нимъ Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взоръ на него устремивши.
„Дай отвѣтъ мнѣ, Вагука! она, напослѣдокъ, сказала,
Зналъ ли ты вѣрнаго мужа, который былъ бы способенъ
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую съ твердой
Вѣрой въ защиту его, въ лѣсу беззащитную бросить,
Бросить одну, безъ одежды, безъ крова, безъ пищи, дотолѣ
Нѣжно любимую имъ и ничѣмъ, ни дѣломъ ни словомъ,
Нижé какимъ помышленьемъ передъ нимъ невиновную? Вотъ что
Сдѣлалъ со мною, Вагука, супругъ мой Наль Пуньялока.
Чѣмъ я его оскорбила? Чѣмъ могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Онъ передъ богами
Выбранъ былъ мной, передъ богами я съ нимъ сочеталась, и боги
Слышали клятву, имъ данную мнѣ, и въ любви неизмѣнной.
Какъ же, Вагука, онъ могъ измѣнить своей Дамаянти,
Радостнымъ сердцемъ и горе и бѣдность и стыдъ и изгнанье
Съ нимъ раздѣлившей, той измѣнить, которой сказалъ онъ,
Руку ей давъ предъ святымъ алтаремъ: „тебя я отнынѣ
Буду чтить и любить, защищать и питать, и съ тобою
Горе и радость, богатство и бѣдность и все неизмѣнно
Въ жизни дѣлить обѣщаюсь?" Вагука, скажи мнѣ, какъ могъ онъ
Такъ измѣниться, такъ все позабыть?" Сокрушенный и блѣдный
Слушалъ въ безмолвіи Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ея, свѣтозарныя звѣзды, были покрыты
Облакомъ скорби и быстрымъ ручьемъ сквозь густыя рѣсницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихимъ,
Трепетнымъ голосомъ Наль отвѣчалъ:—„Что Нишадское царство
Было проиграно Налемъ, не онъ въ томъ, несчастный, виновенъ;
Злобный Кали обезумилъ его, и имъ же, коварно
Вкравшимся въ сердце къ нему, очарованный Наль, въ изступленьи
Спящую бросилъ тебя; когда же въ лѣсу ты—не зная,
Кто онъ—врага своего прокляла, твои поразили
Клятвы Кали, спокойно владѣвшаго Налевымъ сердцемъ; и съ тѣхъ поръ
Адски страдалъ онъ, какъ въ пламени пламень горя, заключенный
Въ страждущемъ Налѣ, какъ въ мрачной тюрьмѣ. Отъ нечистаго духа

Наль избавленъ и будетъ отъ всякой онъ клятвы свободенъ,
Если, увидясь съ женою, найдетъ, что ему сохранила
Вѣрность она и любовь. Теперь отвѣчай, Дамаянти,
Что онъ найдетъ? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты вѣрность?
По свѣту ходятъ гонцы отъ тебя и отвсюду сзываютъ
Новыхъ къ тебѣ жениховъ въ замѣну погибшаго Наля.
Вотъ что сюда привело и царя Ритуперна, и самъ я,
Бѣдный конюшій Вагука, его конями былъ долженъ
Править, чтобъ могъ онъ поспѣть на счастливый выборъ".—Услышавъ
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и съ чистымъ
Взглядомъ небеснаго ангела, ангелъ земной, Дамаянти
Такъ отвѣчала: „Тебѣ ль, мой избранный, тебѣ ль, предпочтенный
Мною богамъ, меня оскорблять такимъ подозрѣньемъ?
Вѣдай, сама я послала брамина къ царю Ритуперну
Съ ложною вѣстью о выборѣ новомъ въ Видарбѣ. Узнало
Сердце мое, что Вагука былъ ты, и невинный обманъ мой
Былъ удаченъ—ты мнѣ возвращенъ. И съ клятвою правды
Здѣсь, государь, прикасаясь къ колѣнамъ твоимъ, предъ тобою
Сердцемъ спокойнымъ, какъ будто предъ небомъ самимъ, говорю я:
Вѣрность къ тебѣ и любовь я во всей чистотѣ сохранила.
Вѣтеръ свободно играетъ, носясь по всему поднебесью;
Вѣдаетъ все онъ; пускай онъ моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила;
Солнце въ высокомъ блаженствѣ сіяетъ, горитъ надъ водами,
Окомъ всевидящимъ ходитъ оно по всему поднебесью,
Пусть же, все видя, оно моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила.
Мѣсяцъ, свѣтило покоя, во мракѣ ночномъ замѣчаетъ
Тайное все въ небесахъ и тайное все въ поднебесьи,
Пусть же онъ, тайны всѣ зная, моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила.
Пусть и небесныя силы, хранящія небо и землю,
Правду мою подтвердятъ иль смерть мнѣ пошлютъ за неправду".
Такъ вызывала и небо и землю въ свидѣтели чистой
Жизни своей Дамаянти; и вотъ ей откликнулся съ неба
Вѣтеръ и такъ свой отвѣтъ изъ пространства лазурнаго свѣжимъ
Словомъ провѣялъ: „Какъ небо мое, чиста Дамаянти,
Долгу вѣрна, въ любви неизмѣнна, слова ея правда;
Вѣрь ей, и руку подай, какъ женѣ безпорочной, и будутъ
Снова межъ вами союзъ и покой, и любовь и согласье".
Вѣтеръ умолкнулъ и райской прохладой отвсюду повѣялъ
Воздухъ весны, и упали цвѣты дождемъ благовоннымъ
Съ неба при звукѣ воздушныхъ тимпановъ. Такимъ несказанно
Чуднымъ свидѣтельствомъ Наль исцѣленный отъ всѣхъ подозрѣній,
Вспомнилъ о томъ, что ему сказалъ царь-змѣй на прощаньи:
Въ данный имъ зеркальный щитъ поглядѣлъ и въ минуту явился
Прежнимъ Налемъ, и руки простеръ къ своей Дамаянти.
Съ крикомъ пронзительнымъ кинулась въ нихъ Дамаянти и этотъ
Мигъ единый стократъ заплатилъ имъ за долгія муки.
Голову Наля прижавши къ своей цѣломудренной груди,
Въ сладкомъ забвеньи всего, въ упоеньи любви Дамаянти
Долго безгласна была; она—то сквозь слезъ улыбалась;
То трепетала, пронзенная радостью; то отъ избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завѣсу на нихъ, сочетавшихся снова
Дорого-купленнымъ бракомъ. Такъ, наконецъ, отдохнули
Вмѣстѣ они, до блаженства достигнувъ дорогой печали.
Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повѣсть о томъ, что розно другъ съ другомъ они претерпѣли,
Мыслей и чувствъ повѣренье, раздѣлъ и сліянье,

Все въ одномъ заключилося чувствѣ: „мы вмѣстѣ!“ и память
Прошлыхъ бѣдъ настоящею радостью, свѣтомъ отъ тѣни
Болѣе яркимъ, печальныя были веселымъ разсказомъ
Сдѣлалась. Такъ, по долгой въ изгнаньи тоскѣ, возвратился
Наль къ Дамаянти, какъ солнце изъ зимняго, хладнаго знака
Въ знакъ весны возвращается; такъ Дамаянти, приникнувъ
Къ сердцу Наля, опять расцвѣла, какъ сіяющій вешнимъ
Цвѣтомъ садъ живѣй расцвѣтаетъ, дождемъ орошенный.
Тутъ пропѣли два соловья имъ пѣсню такую:
„Снова Дамаянти съ Налемъ неразлучна;
Сердце вновь покойно, горе позабыто,
Смолкнули желанья; такъ ликуетъ въ небѣ
Ночь, когда ей свѣтитъ другъ желанный—мѣсяцъ“.

II.—Рано, лишь только что день занялся на востокѣ, царица
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вѣстью.
— Наль возвратился, Бимѣ сказала она, Дамаянти
Съ мужемъ опять и снова съ ними согласіе.—Бима
Поднялъ брови, незапною вѣстью такой изумленный.
Тутъ царица открыла ему, какой Дамаянти
Хитростью Наля царя заманила въ Видарбу, какою
Выдумкой царь Ритуперпъ былъ обманутъ. И ей улыбаясь,
Бима отвѣтствовалъ кротко:—Я вашу женскую хитрость
Вамъ прощаю за то, что она удалась.—Тутъ явился
Наль съ Дамаянти и съ ними ихъ дѣти. Приблизился къ тестю
Наль, Дамаянти приблизилась къ матери. Зятя, какъ сына,
Ласково принялъ царь благодушный Бима и нѣжнымъ
Взглядомъ поздравилъ дочь съ возвратившимся счастьемъ.
Скоро потомъ пришли и братья и подали руку
Налю и братски съ сестрой обнялися; потомъ отовсюду
Стали сходиться сродники, ближніе; вотъ, напослѣдокъ,
Вся Видарба наполнилась шумомъ торжественнымъ; домы
Въ пышныя ткани одѣлись; на кровляхъ явилися знамена;
Площади, улицы всѣ закипѣли народомъ, и въ храмахъ
Жертвы зажглися. И вотъ, наконецъ, до царя Ритуперна
Слухъ дошелъ, что Вагука, конюхъ его, обратился
Въ Наля, что мужа нашла Дамаянти, что новаго дѣлать
Выбора ей не нужно. И царь Ритупернъ дружелюбно,
Къ Налю пришедши, сказалъ:—Поздравляю тебя, благородный
Царь Нишадскій, съ благой перемѣной судьбы, съ возвращеньемъ
Прежняго вида и болѣ всего съ обрѣтеніемъ милой,
Вѣрной жены. И если я что неугодное сдѣлалъ,
Наль знаменитый, тебѣ тогда, какъ не въ образѣ царскомъ
Жилъ ты слугой у меня, то въ томъ виноватъ безъ вины я;
Тайны твоей я не зналъ и прошу у тебя извиненья.—
„Царь Ритупернъ, отвѣтствовалъ Наль, оскорбленья и тѣни
Я не видалъ отъ тебя; но когда бъ и обиженъ тобою
Былъ я, то Налю-царю обидъ, нанесенныхъ Вагукѣ
Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,
Царь Ритупернъ, и чту и люблю, какъ царскаго брата.
Мнѣ благосклоннымъ ты былъ господиномъ, когда подъ твоею
Кровлею жилъ я слугою Вагукой, теперь благосклоннымъ
Другомъ будь мнѣ, царю Нишадскому Налю. Ты видишь
Самъ, что Вагукѣ конюшимъ твоимъ ужъ не быть; безъ сомнѣнья,
Также захочетъ въ прежнюю службу вступить и Варшнея.
Но въ убыткѣ ты, царь Ритупернъ, не останешься; даръ мой
Править конями тебѣ отдаю я рукою и словомъ,
Такъ же, какъ самъ отъ тебя могущество счета съ искусствомъ
Въ кости играть получилъ, и нынѣ въ Айоду ты столь же
Быстро пріѣдешь одинъ, сколь быстро пріѣхалъ оттуда
Вмѣстѣ съ Вагукой въ Видарбу. А я посмотрю, что удастся
Выиграть мнѣ съ искусствомъ, тобою мнѣ даннымъ“. Другъ-другу
Подали руку цари на любовь и союзъ; и въ Айоду
Царь Ритупернъ возвратился. Наль, горя нетерпѣньемъ

Выиграть тронъ свой, также недолго остался въ Видарбѣ.
III.—Мѣсяцъ проживши у тестя съ избранной дружиною храбрыхъ
Наль пошелъ, наконецъ, на свое Нишадское царство;
Самъ онъ сидѣлъ въ колесницѣ блестящей; могучіе кони
Бѣшено прыгали, твердой рукѣ его покорялясь;
Слѣдомъ за нимъ шестнадцать слоновъ боевыхъ съ крѣпостными
Башнями, полными ратниковъ, шли; за слонами скакали
Конные, легкій отрядъ, пятьдесятъ копьеносцевъ; за ними
Пѣшихъ дружина, пятьсотъ отборныхъ стрѣлковъ. Не сражаться
Велъ ихъ Наль, а украсить свое вступленье въ Нишаду.
Такъ снарядившись, царь на прощаньи сказалъ Дамаянти:
„Ты оставайся подъ кровлей отцовской, покуда не ввелъ я
Новаго счастья въ нашъ домъ и его отъ врага не очистилъ,
Счастіе прежнее въ немъ истребившаго; съ миромъ тогда ты
Въ нашу столицу съ дѣтьми возвратишься, какъ на небѣ свѣтлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
Въ радости здѣсь, ожидая блаженной минуты возврата
Въ домъ семейный, на новое счастье, на новую славу“.—
Взоромъ однимъ Дамаянти царю отвѣчала, но въ этомъ
Взорѣ, полномъ небесной души, была ужъ побѣда.
Быстрою бурею Наль полетѣлъ, и скоро достигъ онъ
Въ грозномъ величіи царства, изъ коего нѣкогда вышелъ
Бѣднымъ изгнанникомъ. Брату Пушкарѣ, владѣвшему нынѣ
Бывшимъ престоломъ его, онъ сказалъ: „Я тебя вызываю
Къ новой игрѣ; я поставлю на кости жену, ты поставишь
Все Нишадское царство—довольно ль съ тебя? Но сначала
Сдѣлать мнѣ должно съ тобой уговоръ: когда проиграешь
Ты—то все, чѣмъ владѣешь, будетъ моимъ и надъ самой
Жизнью твоею буду я властенъ; когда жъ проиграю
Я—то все, чѣмъ владѣю, возьмешь ты, ежели можешь:
Знай напередъ, что тогда мы съ тобою мечомъ разочтемся.
Полно же медлить; тебѣ по законамъ игры мнѣ на вызовъ
Къ новой игрѣ отказать невозможно; и властенъ теперь ты
Выбрать изъ двухъ любую игру; въ желѣзо, иль въ кости.
Хочешь отвѣдать меча—выходи; я радъ поединку;
Царство, наслѣдье отцовъ, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили, силой
Должно умѣть намъ его возвратить; такъ учили насъ предки.
Часъ наступилъ; принимайся, Пушкара, за мечъ иль за кости,
Или тебѣ живому не быть, иль я Дамаянти
Съ жизнью тебѣ уступлю“. На этотъ вызовъ Пушкара
Такъ отвѣчалъ, усмѣхнувшись:—Готовъ я еще разъ съ тобою
Въ кости счастья отвѣдать; то будетъ игра роковая;
Горя съ тобой въ нищетѣ Дамаянти довольно терпѣла;
Власть и богатство со мною раздѣлитъ она и забудетъ
Прошлое скоро; а я и на тронѣ Нишадскомъ всечасно
Думалъ объ ней и ждалъ, что придешь ты; и вотъ, напослѣдокъ,
Ты пришелъ, и будетъ моей Дамаянти, и болѣ
Мнѣ ничего на землѣ желать пе останется.—Этимъ
Дерзкимъ отвѣтомъ разгнѣванный, мечъ свой хулителю въ сердце
Чуть не вонзилъ въ запальчивости Наль, по, собой овладѣвши,
Онъ сказалъ, трепеща, и кипя, и сверкая: „Безумецъ,
Полно хвастать, играй: проиграешь, заплатишь“.—И кости
Брошены—все рѣшено: обратно Нишадское царство
Съ первымъ ударомъ выигралъ Наль у Пушкары. Со смѣхомъ
Онъ, побѣдитель, взглянулъ на него, побѣжденнаго.—„Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которымъ
Думалъ владѣть ты, попрежнему стало моимъ и отнынѣ
Будетъ въ крѣпкихъ рукахъ; теперь межъ царемъ и межъ царствомъ
Третій никто не дерзнетъ протѣсниться. Мою жъ Дамаянти
Ты и во снѣ недостоинъ увидѣть; ты рабъ мой отнынѣ;
Такъ рѣшила судьба. Но слушай: не властью твоею

Нѣкогда былъ я низверженъ съ престола; Кали искуситель,
Врагъ мой, тебѣ помогалъ, ты объ этомъ не зналъ, безразсудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебѣ преступленья чужого
Я не хочу. Живи, и будь милосердіе неба
Вѣчно съ тобой, и вражды да не будетъ межъ нами, Пушкара,
Братъ мой; живи, благоденствуя, многіе, многіе годы".
Весь уничтоженный благостью брата, предъ нимъ на колѣни
Бросился, плача, Пушкара.—О, Наль Пуньялока, да будетъ
Милость боговъ и всякое благо земное съ тобою!
Въ скромномъ удѣлѣ моемъ я, твой подданный, буду спокойнѣй
Жить, чѣмъ на тронѣ твоемъ, гдѣ покой мой основанъ
Былъ на ударѣ невѣрныхъ костей; и своими отнынѣ
Буду я столь же любимъ, сколь былъ ненавидимъ твоими.
Прежде, однако, очищу себя отъ вины омовеньемъ
Въ Гангесѣ грѣшнаго тѣла; въ его благодатныя волны
Брошу, проклявъ ихъ, враждебныя кости, которыми злые
Властвуютъ духи. А ты, сюда возвративъ Дамаянти
Въ блескѣ прекраснаго солнца, скажи ей, чтобъ гнѣва
Въ сердцѣ ко мнѣ не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищеннымъ въ опытѣ счастьемъ.—

ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНѢ

АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВНѢ.

(Посвященіе повѣсти „Наль и Дамаянти".)

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
Я видѣлъ сонъ. Казалось, будто я
Цвѣтущею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ, небеса
Вечернія спокойно отражая,
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и вдали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало;
Лишь изрѣдка надъ головой моей
Сіяя голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики;
И вижу я: отъ запада идетъ
Блестящій ходъ; змѣею безконечной
Въ долину вьется онъ; и вдругъ я слышу:
Играютъ маршъ торжественный, и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
Тамъ, въ высотѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ, паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ
Увидѣлъ я царевну молодую,
Невѣсту сѣвера; и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все... когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день; я чувствовалъ, что въ [ней
Свершилося какъ-будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лицо сліяннаго.—И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ царевомъ домѣ, и лицомъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни.—И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла...
И то была моя жена съ моею
Малюткой-дочерью... И я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ Меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ

На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земного счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.
И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія, ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время óно... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы, облака изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ-будто область
Иного міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ въ дали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
Попрежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ *не одинъ*, ихъ *два*; и преж-
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ [ній
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ,
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтливой улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни.
(1843 г.)

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗЪ ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ ИРАНА (ШАХЪ-НАМЕ).

(Вольное подражаніе Рюккерту*).

1846—1847.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУСТЕМЪ НА ОХОТѢ.

I.

Изъ книги царственной Ирана
Я повѣсть выпишу для васъ
О подвигахъ Рустема и Зораба.

* * *

Заря едва на небѣ занялася,
Когда Рустемъ, Ирана богатырь,
Проснулся. Вставъ съ постели, онъ сказалъ:
—Мы на царя Афразіаба
Опять идемъ войною;
Мои сабульскія дружины
Готовы; завтра поведу
Ихъ въ Истахаръ, гдѣ силы всѣ Ирана
Шахъ Кейкавусъ для грознаго набѣга
Соединилъ. Но чѣмъ же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой мечъ,
Могучій конь мой Громъ
Безъ дѣла; мнѣ жъ бездѣлье нестерпимо.—
И на охоту собрался
Рустемъ; себя стянулъ широкимъ кушакомъ,
Колчанъ съ стрѣлами калеными
Закинулъ за спину, взялъ лукъ огромный,
Кинжалъ засунулъ за кушакъ,
И Грома, сильнаго коня,
Изъ стойла вывелъ. Конь, наскучивъ
Покоемъ, бѣшено отъ радости заржалъ;
Рустемъ сѣлъ на коня и, не простившись дома,
Ни съ кѣмъ, ни съ матерью, ни съ братомъ,
Поѣхалъ въ путь, оборотивъ
Глаза, какъ левъ, почуявшій добычу,
Въ ту сторону, гдѣ за горами
Лежалъ Туранъ.
И, за горы перескакавъ, увидѣлъ
Онъ множество гуляющихъ онагрей;
Отъ радости его зардѣлись щеки;
И началъ онъ
Стрѣлами, дротикомъ, арканомъ
Съ звѣрями дикими войну;
И, поваливъ ихъ болѣ десяти,
Сложилъ изъ хвороста костеръ,
Зажегъ его, потомъ, когда
Онъ въ жаркій уголь превратился,
Переломилъ большую ель,
И насадилъ
Огромнѣйшаго изъ онагрей
На этотъ вертелъ,
Который былъ въ его рукѣ,
Какъ легкая лоза, и надъ огнемъ
Сталъ поворачивать его тихонько,
Чтобъ мясо жирное со всѣхъ сторонъ
Равно обжарилось. Когда же былъ
Онагръ изжаренъ, на траву
У свѣтлаго потока сѣлъ Рустемъ,
И началъ голодъ утолять,
Свою роскошную ѣду
Водой потока запивая.
Насытившись, онъ легъ и скоро,
При говорѣ струистыхъ водъ,
Подъ вѣтвями густого,
Широкотѣннаго чинара,
Глубокимъ сномъ заснулъ;
А конь его, могучій Громъ
Тѣмъ временемъ, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

---

*) Эта поэма не есть чисто-персидская. Все лучшее въ поэмѣ принадлежитъ Рюккерту. Мой переводъ не только вольный, но и своевольный: я многое выбросилъ и многое прибавилъ.—*Ж.*

II.

Но вотъ, покуда спалъ
Глубокимъ сномъ Рустемъ,
А Громъ по бархатному полю
Гулялъ, травой медвяною питаясь—
Увидя, что такой могучій конь
На пажити заповѣдной Турана
Безъ сѣдока по волѣ бродитъ,
Толпой сбѣжались турки.
Замысля овладѣть конемъ,
Съ арканами къ нему они
Подкрались осторожно.
Но конь, арканъ почуя,
Какъ левъ озлился,
И не заржалъ, а заревѣлъ,
И первому, кто руку на него
Осмѣлился поднять съ арканомъ,
Зубами голову отъ шеи оторвалъ;
А двухъ другихъ однимъ ударомъ
Копыта мертвыхъ повалилъ.
Но, наконецъ, его
Отвсюду обступили;
И мѣтко былъ арканъ ему на шею
Издалека накинутъ, и его
Опутали, и былъ онъ пересиленъ.
Но хищники, страшась, что въ ихъ рукахъ
Онъ не останется, немедленно вогнали
Его въ табунъ туранскихъ кобылицъ,
И разомъ былъ припущенъ Громъ
Къ двѣнадцати отборнымъ кобылицамъ;
Но лишь одна изъ нихъ
Плодъ отъ него желанный принесла.

III.

Рустемъ, проснувшись, тотчасъ о своемъ
Конѣ подумалъ; смотритъ, но коня
Нигдѣ не видитъ. Никогда
Онъ отъ него не убѣгалъ
Въ такую даль. Онъ свистнулъ, но на свистъ
Могучій не примчался конь
И не заржалъ издалека.
Рустемъ какъ бѣшеный вскочилъ;
Весь лугъ широкій вдоль и поперекъ,
Весь темный лѣсъ, кругомъ и напролетъ,
Онъ обѣжалъ—напрасно; нѣтъ коня.
И въ горѣ возопилъ Рустемъ:
—Мой вѣрный конь, мой славный Громъ,
Что безъ тебя начну я дѣлать?
Скакать, летать привыкши на тебѣ,
Пойду ль пѣшкомъ, тащась подъ грузомъ латъ
Какъ черепаха? Что же скажутъ турки,
Не на сѣдлѣ, а подъ сѣдломъ меня увидя?
Не можетъ быть, чтобъ ты, мой Громъ, меня
Покинулъ волею; тебя украли.
Конечно, хищники здѣсь цѣлымъ войскомъ
Напали на тебя; никто одинъ
Съ тобой не совладѣлъ бы. Но не время охать.
Рустемъ, иди пѣшкомъ, когда умѣлъ проспать
Коня.—И конскую съ досадой сбрую
Съ доспѣхами своими на плеча
Взваливши, онъ пошелъ и скоро
Напалъ на свѣжій слѣдъ, и этотъ слѣдъ
Его привелъ передъ закатомъ солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдругъ явился вдалекѣ
Среди равнины пышной,
Сіяющій въ лучахъ зари вечерней.

IV.

Рустемъ подумалъ: „Въ этомъ Семенгамѣ
Владычествуетъ царь, попеременно другъ
Иль врагъ Ирана иль Турана;
Конечно, онъ бы и вдали
Рустема на конѣ узналъ;
Но гдѣ мой конь? Я пѣшій
Теперь иду къ его столицѣ. Такъ и быть;
Они коня мнѣ волей иль неволей
Отыщутъ и меня почтутъ
Роскошнымъ угощеньемъ“.
Такъ разсуждалъ съ собой онъ, подходя
Къ стѣнамъ высокимъ Семенгама;
А между тѣмъ изъ глазъ не выпускалъ
Слѣдовъ замѣченныхъ; но скоро
Они, къ рѣкѣ приблизившись, пропали
Въ густомъ прибрежномъ камышѣ.
Тѣмъ временемъ молва достигла до царя,
Что въ Семенгамъ великій богатырь
Рустемъ идетъ, что онъ въ лѣсу царевомъ
Охотничалъ и что, утративъ
На ихъ землѣ коня, идетъ онъ пѣшій.
Услыша то, царь повелѣлъ,
Чтобъ гость великій съ почестью великой
Былъ принятъ. Всѣ его вельможи,
И всѣ вожди, и всякій, у кого
На головѣ былъ шлемъ, а съ боку мечъ,
Толпой изъ Семенгама вышли
Встрѣчать Рустема.
И витязь, витязей свѣтило,
Былъ ими окруженъ,
Какъ солнце пламеннымъ вѣнцомъ
Вечернихъ, имъ блестящихъ облаковъ;
Съ такою свитой въ городъ онъ вступилъ,
И къ царскимъ подошелъ палатамъ.

V.

И царь сошелъ съ крыльца принять Рустема.
Онъ поклонился и сказалъ:
—Откуда ты, могучій богатырь
Безъ провожатыхъ, пѣшій,
Пришелъ къ намъ? Забавлялся ль ловлей
Въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ?
Ночлега ли покойнаго теперь
Здѣсь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгамъ теперь къ твоимъ услугамъ;
Весь мой народъ и всѣ мои богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сдѣлаемъ.—Рустему
Смиренная понравилася рѣчь;
„Они, подумалъ онъ,
Передо мной робѣютъ“.
И онъ сказалъ:—Украденъ конь мой Громъ

Тогда, какъ на твоемъ лугу
Я спалъ, охотой утомленный;
Но слѣдъ его привелъ меня сюда;
Онъ здѣсь; когда его
Отыщете мнѣ къ ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда жъ мой конь пропалъ,
Бѣда и вамъ и Семенгаму!
Мой мечъ прорубитъ мнѣ
Къ нему широкую дорогу".
Царь, испугавшись, отвѣчалъ:
—Не можетъ быть, чтобъ на коня
Рустемова кто здѣсь арканъ
Разбойничій дерзнулъ накинуть.
Будь терпѣливъ, могучій витязь,
Твой Громъ найдется; конь Рустемовъ
Укрыться отъ молвы не можетъ.
А ты пока будь нашимъ мирнымъ гостемъ;
Войди въ мой домъ, и ночь за чашей
Благоуханнаго вина
Въ весельи съ нами проведи.
Твой конь здѣсь будетъ прежде,
Чѣмъ свѣтъ зари проникнетъ въ пировую
Палату; а теперь пускай она
Однимъ виномъ освѣтится блестящимъ. —

VI.

Левъ мужества Рустемъ доволенъ былъ
Царя привѣтственною рѣчью,
И гнѣвъ заснулъ въ его груди.
Онъ во дворецъ вступилъ съ лицомъ весе-
И, посадивъ его на царскомъ мѣстѣ, [лымъ;
Хозяинъ-царь не сѣлъ съ нимъ рядомъ;
Онъ, стоя, потчевалъ его.
Соединясь въ блестящій полукругъ,
Сановники, вожди, придворные вельможи,
Въ почтительномъ молчаньи за царемъ
Стояли, очи устремивъ
На свѣтлое лицо Рустема;
Роскошно-лакомой ѣдою
Въ серебряныхъ богатыхъ блюдахъ
Былъ столъ уставленъ;
Въ сосудахъ золотыхъ
Вино сверкало золотое,
И были хинскіе кувшины
Питьемъ благоуханнымъ полны.
При звукахъ струнъ, при сладкомъ пѣньи,
Младыя дѣвы
Съ очами нѣжными газелъ
Напитки гостю подносили;
И онъ въ винѣ душистомъ
Души веселье пилъ,
И было свѣтлаго лица его сіянье [стоявшихъ.
Сіяньемъ радости для всѣхъ, предъ нимъ
За кубкомъ кубокъ онъ проворно осушалъ;
Когда жъ ѣдою и питьемъ
Онъ вдоволь насладился,
Его въ покой, благоухавшій мускомъ
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушкахъ пуховыхъ
Подъ тонкой шелковою тканью
Въ глубокій сонъ тамъ погрузился
Рустемъ, враговъ гроза и трепетъ.

VII.

Но въ тихій полуночный часъ,
При легкомъ шорохѣ шаговъ,
Послышался рѣчей пріятный шопотъ;
По имени Рустема кто-то назвалъ;
Безъ шума отворилась дверь,
И факеловъ душистыхъ
Сіяньемъ спальня озарилась;
Рустемъ открылъ глаза:
Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
Блистая золотомъ и жемчугами,
Стояла передъ нимъ,
Прекрасная, какъ дѣва рая;
За ней, держа въ рукахъ
Свѣтильники, стояли
Ея рабыни молодыя;
Краса живая легкой Пери
Съ краснѣющей стыдливостью дѣвы
Сливались на ея лицѣ,
Гдѣ лилій бѣлизну
Животворилъ прекрасный пурпуръ розы.
Но было на ея
Застѣнчиво потупленныя очи
Опущено рѣсницъ густое покрывало,
И за рубиновымъ замкомъ
Ея цвѣтущихъ, свѣжихъ устъ
Скрывалась дѣвственная тайна.
Рустемъ вскочилъ, нежданнымъ изумленный
Видѣньемъ. „Кто ты? онъ спросилъ;
Зачѣмъ ко мнѣ пришла ночной порою?"—
„Я дочь царя, меня зовутъ Темина,
Пришелица ночная отвѣчала:
Легка я на бѣгу; ни лань, ни антилопа,
Ни быстрый вѣтеръ горный
Меня догнать не могутъ;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
Она меня во тьмѣ глубокой ночи
Передъ тебя, мой витязь, привела.
Какъ чудное преданье старины,
Всегда, вездѣ, отъ всѣхъ я слышу повѣсть
О храбрости твоей великой;
О томъ, какъ не страшишься ты
Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, какъ всего
Ирана ты надежная твердыня,
Какъ весь Туранъ дрожитъ передъ тобою,
Какъ на туранскую ты землю
Ночной порою выѣзжаешь
На боевомъ своемъ конѣ,
И обскакавъ ее и вдоль и поперекъ,
Безъ страха спишь одинъ, и какъ никто
Не смѣетъ сонъ глубокій твой нарушить.
Такую повѣсть о тебѣ
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидѣть;
Теперь увидѣла, и быть твоей женой
Готова, если самъ, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Доселѣ

Ни тайный мѣсяцъ, ни яркій солнца лучъ
До моего не прикасались тѣла;
Здѣсь въ цѣломудріи, въ дѣвичьей простотѣ
Я расцвѣла; и только въ этотъ мигъ
Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустемъ;
Въ приданое твердынный этотъ зáмокъ
Тебѣ я принесу; а утреннимъ подаркомъ
Моимъ твой конь, твой Громъ могучій будетъ".
Такъ свѣтлоликая царевна говорила.
И витязь слушалъ со вниманьемъ,
И не сводилъ съ нея очей;
Онъ разумомъ ея высокимъ,
И голосомъ, какъ флейта сладкимъ,
И красотой полувоздушной
Во глубинѣ души плѣнялся.
Когда жъ царевна замолчала,
Онъ повелѣлъ, чтобы немедля
Одинъ изъ многомудрыхъ
Мобедовъ царскихъ
Пошелъ къ царю и отъ Рустема
Потребовалъ согласія на бракъ
Его съ царевною Теминой.
Былъ изумленъ владыка Семенгама
Такимъ нежданнымъ предложеньемъ
И голову отъ радости высокой
Высокимъ кедромъ поднялъ;
Онъ не замедлилъ согласиться;
И тутъ же бракомъ сочетался
Рустемъ съ царевною Теминой;
Но бракъ ихъ совершенъ былъ тайно.
Страшился царь, чтобы, воюя
Съ Ираномъ, въ злобѣ на Рустема,
Афразіабъ не сокрушилъ
Его столицы Семенгама.

VIII.

Ночь краткая блаженства миновалась;
Настало утро. Изъ объятій
Младой супруги вырвался Рустемъ.
Онъ снялъ съ руки повязку золотую,
И, давъ ее Теминѣ,
Сказалъ: „Теперь намъ должно разлучиться;
Меня въ Сабулѣ ждутъ
Готовыя въ походъ мои дружины;
А ты храни мой даръ завѣтный;
И если въ этотъ годъ тебѣ родится дочь,
Укрась ее моей повязкой;
И будетъ вѣдать цѣлый міръ,
Что ей отецъ Рустемъ.
Но если небо дастъ намъ сына
Пусть носитъ онъ, какъ я носилъ,
Мою повязку на рукѣ;
Когда жъ онъ возмужаетъ,
Пришли его ко мнѣ въ Сабулистанъ;
Но вѣдай напередъ, что онъ
Не иначе явиться можетъ
Мнѣ на глаза, какъ ужъ прославясь
Великомъ дѣломъ богатырства;
Его неславнаго ни знать,
Ни видѣть не хочу я—
Пускай въ толпѣ исчезнетъ,
Покрытый тьмой забвенья,
И непримѣченный отцомъ.
Не по его породѣ знаменитой,
Не по моей повязкѣ золотой
Онъ будетъ мной за сына признанъ—
Насъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ онъ долженъ
Мнѣ отъ тебя принесть мой даръ завѣтный;
Лишь ею онъ получитъ право
Сказать въ глаза мнѣ: я твой сынъ.
Но близко день; прости". И онъ, къ горячей
Прижалъ супругу молодую, [груди
Ее съ любовью лобызалъ
Въ ланиты, очи и уста,
И долго отъ нея не въ силахъ
Былъ оторваться. Обливаясь
Слезами, отъ него она [шей,
Пошла, и для нея, въ часъ брака овдовѣв-
Блаженство краткое печалью долгой стало,
Тутъ царь пришелъ спросить у зятя:
Пріятно ль онъ провелъ ту ночь?
И объявилъ, что Громъ отысканъ.
Обрадованъ той вѣстью былъ Рустемъ;
Онъ подошелъ къ коню, его погладилъ
И осѣдлалъ; потомъ изъ Семенгама
Поѣхалъ, свѣтлый, бодрый духомъ,
Сперва въ Систанъ, потомъ въ Сабулистанъ;
И много о своемъ онъ думалъ приключеньи,
Но дома никому о немъ не говорилъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЗОРАБЪ.

I.

Пора пришла—и у Темины
Родился сынъ, прекрасный,
Какъ мѣсяцъ. Радостно и горестно его
Прижала къ сердцу мать и со слезами
Имъ любовалась: и онъ былъ вылитый Ру-
Она его Зорабомъ назвала, [стемъ
Его сама кормила грудью,
О немъ и день и ночь пеклася.
И дивное созданье былъ Зорабъ:
Онъ родился съ улыбкой на устахъ; [чудно,
Ни отъ чего и никогда не плакалъ; росъ такъ
Что въ первый мѣсяцъ ужъ казался годовымъ;
Трехъ лѣтъ скакалъ отважно на конѣ;
Шести лѣтъ былъ могучъ какъ левъ;
Когда жъ ему двѣнадцать лѣтъ свершилось,
Никто не могъ съ нимъ сладить; ростомъ былъ
Онъ великанъ, и все блистало
Въ немъ мужествомъ и красотою:
Глубокотемные глаза,
Румянецъ пламенный на свѣжихъ
Щекахъ, широкія плеча, крутая грудь,
Желѣзножилистыя руки,
И ноги, крѣпкія какъ кедры.
Бороться ль кто съ нимъ покушался—
Его онъ вмигъ сгибалъ въ дугу;

На львиную ль охоту выходилъ—
Со львомъ онъ ладилъ, какъ съ лисицей;
Шаталъ ли дубъ иль кедръ—
Въ его рукахъ они какъ хлыстья гнулись;
Гнался ли за конемъ—его,
Догнавъ, хваталъ за гриву,
И падалъ на колѣни конь.
Таковъ былъ въ отроческихъ лѣтахъ
Зорабъ, достойный сынъ Рустема.

II.

Однажды къ матери приходитъ отрокъ,
И такъ ей дерзко говоритъ:
„На сверстниковъ своихъ гляжу я свысока;
Никто изъ нихъ передо мною
Поднять не смѣетъ головы;
Но никому изъ нихъ досель не могъ я
Отвѣтствовать, когда онъ знать хотѣлъ,
Кто мой отецъ. Скажи же: кто отецъ мой?
Когда не скажешь, на себя
Я руку наложу.
Да и тебѣ добра не будетъ".
Темина съ гордостью и страхомъ отвѣчала:—
„Мой сынъ, твое рожденье
Донынѣ было тайной;
Теперь узнай: ты сынъ Рустема;
Ты дѣдовъ знаменитыхъ внукъ;
И нѣтъ земныхъ величій,
Которыхъ бы отецъ твой не затмилъ
Сіяньемъ дѣлъ своихъ великихъ.
Возьми теперь повязку эту;
Носи ее и береги,
Какъ свѣтъ своихъ очей: ее мнѣ далъ
Отецъ твой на прощенье.
Когда къ нему дойдетъ молва,
Что ты достоинъ быть имъ признанъ,
Онъ позоветъ тебя въ Иранъ
И по своей повязкѣ тамъ узнаетъ.
Но вѣдай напередъ, Зорабъ,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, какъ прославясь
Великимъ дѣломъ богатырства;
Тебя неславнаго ни знать,
Ни видѣть твой отецъ не хочетъ;
Не по своей породѣ знаменитой,
Не по его повязкѣ золотой,
Ты будешь имъ за сына признанъ—
Васъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ ты долженъ отъ меня
Принесть отцу его залогъ завѣтный;
Лишь ею ты получишь право
Сказать въ лицо Рустему: я твой сынъ.
Гордися жъ, другъ, своей породой славной,
Но до поры храни о ней молчанье".—

III.

На то Зорабъ ей далъ такой отвѣтъ:
„Кто скроетъ въ небесахъ
Сіяющее солнце?
Кто скроетъ на землѣ
Своей породы славу?
Зачѣмъ о ней такъ поздно свѣдалъ я?
До сихъ поръ ежечасно
И встрѣчный мнѣ и поперечный,
И старики и молодые
Твердили о Рустемѣ:
Кто исполина одолѣлъ?
Кто за́мокъ разорилъ волшебный?
Кто войско разогналъ одинъ?
На каждый мнѣ такой вопросъ
Все тотъ же былъ отвѣтъ: Рустемъ.
Во мнѣ отъ изумленья
И ревности кипѣло сердце;
А онъ былъ мой отецъ, и я о томъ не вѣдалъ.
Но знай теперь: изъ Семенгама
И изъ туранскихъ областей
Храбрѣйшихъ вызвать я намѣренъ:
И мы пойдемъ войною на Иранъ;
И битва будетъ тамъ такая,
Что пылью мѣсяцъ въ высотѣ
Задернется, какъ темной тучей;
Съ Иранскаго престола
Сгоню я шаха Кейкавуса
И подарю Иранъ Рустему;
Потомъ пойду войною на Туранъ,
И будешь ты царицею Турана".
Такъ онъ сказалъ и гордо удалился
И никому онъ своего
Рожденья не открылъ:
Невѣдомая сила
Ему уста сжимала всякій разъ,
Когда была готова
Слетѣть съ нихъ тайна роковая;
Какъ-будто самъ отецъ ему шепталъ:
„Лишь славой ты получишь право
Сказать въ лицо мнѣ: я твой сынъ".

IV.

И скоро, къ матери опять пришедши,
Сказалъ Зорабъ: „Я самъ готовъ,
Но у меня коня нѣтъ боевого;
Мнѣ нуженъ конь, со мною равный силой,
Такой, чтобъ камни могъ однимъ ударомъ
Копыта въ крошки разбивать, [птица,
Чтобъ былъ могучъ какъ слонъ, легокъ такъ
Чтобы въ водѣ проворной рыбой плавалъ
И серной прыгалъ по горамъ,
Чтобъ и коня и сѣдока
Могъ опрокидывать напоромъ крѣпкой груди,
И чтобъ, сидя на немъ,
Я не лицомъ къ лицу,
А свысока смотрѣлъ въ глаза врагу".
При этомъ словѣ радостная гордость
Зажглася въ материномъ сердцѣ;
Она немедленно велѣла
Пригнать изъ табуновъ Турана
Коней отборнѣйшихъ, чтобъ могъ Зорабъ
Найти желаннаго межъ ними.
И было пригнано ихъ много;
И всѣхъ ихъ на полѣ широкомъ
Передъ стѣнами Семенгама
Свели въ одинъ безчисленный табунъ;

Всѣ были дикіе, какъ вихри.
И началъ ихъ Зорабъ перебирать:
Онъ каждаго, который межъ другими
Казался легче и сильнѣй,
Къ себѣ притягивалъ арканомъ,
И на спину ему клалъ руку—и однимъ
Руки желѣзныя давленьемъ
Былъ каждый вмигъ къ землѣ притиснутъ;
И въ цѣломъ табунѣ Зорабъ
Ни одного не выбралъ по желанью.

V.

Тутъ подошелъ къ Зорабу старый витязь
И такъ сказалъ: „Я дамъ тебѣ коня,
Какого не бывало
До сей поры нигдѣ.
Онъ родился отъ Грома,
Коня Рустемова; какъ буря силенъ;
Какъ молнія летучъ;
Нѣтъ на него ни зноя, ни мороза;
Широкій долъ, высокій холмъ
Онъ тѣнью облака перебѣгаетъ;
Безкрылой птицею по воздуху летитъ;
Въ стыдѣ павлинъ сжимаетъ пышный хвостъ,
Когда густую онъ разбрасываетъ гриву;
Онъ прыткій левъ—когда на круть бѣжитъ;
Онъ сильный китъ—когда въ водѣ плыветъ;
Ѣздокъ, пустивъ стрѣлу, своей стрѣлы скорѣе
На немъ домчится до врага;
Его жъ бѣгущаго быстрѣйшей
Стрѣлою не догонитъ врагъ;
Онъ чудо-конь; но есть въ немъ и великій
Порокъ: онъ въ руки не дается.
Кому жъ его удастся укротить,
Тотъ выѣзжай на немъ хоть на Рустема".
Такой находкою нежданной
Обрадованъ Зорабъ былъ несказанно.
„Скорѣй, скорѣй—онъ закричалъ—ведите
Ко мнѣ коня". И конь былъ приведенъ.
Ему Зорабъ давнулъ рукою спину,
И грянулъ въ голову его
Своимъ тяжелымъ кулакомъ—
Могучій конь не пошатнулся,
Лишь, шею вытянувъ, сверкнулъ
Глазами, прянулъ на дыбы
И такъ заржалъ,
Что съ нимъ окрестность вся заржала.
Зорабъ сталъ гладить и трепать
Его какъ шелкъ блистающую спину—
И конь недвижимо стоялъ,
Лишь окомъ огненнымъ на витязя косился.
И на него вскочилъ Зорабъ.
И конь, легчайшему узды его движенью
Покорный, вихремъ полетѣлъ;
Зорабъ же на его спинѣ сидѣлъ такъ крѣпко,
Какъ на конѣ сидитъ желѣзномъ
Съ нимъ вмѣстѣ вылитый желѣзный истуканъ.
Конь, наконецъ, подъ сильнымъ сѣдокомъ
Усталъ; его дымились ноздри,
Съ него катился пѣнный потъ.
Тогда Зорабъ сказалъ ему, разгладивъ
Его разбросанную гриву:
„Мой добрый конь, теперь намъ міръ открытъ;
Теперь не будетъ стыдно
И на глаза Рустему намъ явиться".

VI.

И сталъ Зорабъ къ войнѣ съ Ираномъ снаряжаться.
Когда жъ о томъ провѣдали въ Туранѣ,
Безчисленно къ нему сходиться стали
Охотники; для нихъ его желанье было,
Какъ солнечный восходъ для темной ночи:
Давно Туранъ не враждовалъ съ Ираномъ,
Давно для всѣхъ мученьемъ былъ покой
И всѣ кипѣли жаркой жаждой
Войны, побѣды и добычи;
Изъ пепла вдругъ великій вспыхнулъ пламень.
Зорабъ приходитъ къ дѣду своему
И говоритъ: „Есть люди у меня—
Но нѣтъ у нихъ оружій;
Коня я добраго нашелъ—
Мои же люди всѣ безконны;
Итти въ походъ готовы мы—
Но вьючныхъ нѣтъ у насъ верблюдовъ,
Чтобъ тяжкій грузъ нести за нами;
Хотимъ мы сытно ѣсть и пить
Въ досужное отъ боя время—
Но нѣтъ у насъ запаса пищи;
Благоволи твои намъ отпереть
Конюшни, хлѣбные амбары,
И оружейную палату, гдѣ напрасно
Съѣдаетъ ржа мечи и брони".
И дѣду старому по сердцу
Была такая рѣчь отъ внука:
Охолодѣвшая въ немъ кровь разгорячилась,
И онъ сказалъ съ усмѣшкой про-себя:
„Необычайный выбралъ способъ
Отца отыскивать мой внукъ!
Его онъ взять намѣренъ съ боя".
И всѣмъ снабдить Зораба царь спѣшитъ:
Амбары хлѣбные отворены;
Для ратниковъ, верблюдовъ и коней
Запасъ пшена, ячменя и овса
Огромный собранъ; дѣдъ не поскупился также
Своей серебряной и золотой казною
Со внукомъ подѣлиться;
И оружейную палату отперъ онъ,
И далъ на волю брать оттуда
Мечи, кольчуги, шлемы,
Стрѣлами полные колчаны,
Тугіе луки, топоры,
Въ серебряной оправѣ ятаганы,
Кривыя сабли съ золотой насѣчкой,
И палицы съ желѣзными шипами,
И копья длинныя съ булатнымъ остреемъ.
Сподвижникамъ раздавъ доспѣхи и казну,
Зорабъ сказалъ: „Вотъ все, что я теперь имѣю;
Чего жъ недостаетъ,
То мы дополнимъ скоро
Добычей боевою;
Когда возьмемъ Иранъ,

Я всѣхъ васъ съ ногъ до головы
Иранскимъ золотомъ и серебромъ осыплю“.

VII.

Турана царь Афразіабъ,
Услышалъ, что съ гнѣзда слетѣлъ орленокъ
Что отроку-богатырю наскучилъ [смѣлый,
Покой безпечный дѣтскихъ лѣтъ,
Что первый пухъ едва пробился
На подбородкѣ у него—
А ужъ ему въ пространномъ мірѣ тѣсно;
Что молоко обсохнуть не успѣло
На молодыхъ его губахъ—
А ужъ на нихъ звучитъ, какъ въ небѣ громъ,
Тревожный крикъ, зовущій на войну;
Что онъ замыслилъ Кейкавусовъ
Тронъ опрокинуть и Иранъ
Своимъ толпамъ предать на разграбленье;
Что стоило ему ногой лишь въ землю топнуть,
И изъ земли вдругъ выскочило войско;
Что, наконецъ, молва есть, будто онъ
Рустемовъ сынъ, и будто отъ коня
Рустемова и конь его родился.
Афразіабъ, Турана царь, бровей
Отъ этихъ слуховъ не нахмурилъ;
Онъ долго самъ съ собою размышлялъ,
И, размышляя, улыбался;
И напослѣдокъ повелѣлъ,
Чтобъ Баруманъ, его верховный вождь,
Къ нему явился. Баруману
Онъ такъ сказалъ: „Возьми двѣнадцать тысячъ
Отборныхъ ратниковъ моихъ
И отведи ихъ въ Семенгамъ къ Зорабу.
Но слушай (что жъ услышишь,
То пусть въ твоей душѣ, какъ мертвый трупъ
Во гробѣ, тайное лежитъ),
Отдавъ ему мое письмо,
Его увѣрь, что съ нимъ Афразіабъ
На жизнь и смерть въ союзъ вступаетъ;
Раздуй въ немъ пламень боя,
Чтобъ бѣшено, какъ левъ голодный,
Онъ устремился на Иранъ;
Но берегись—отнюдь не допускай
Его увидѣться съ Рустемомъ;
Чтобы никто и имени Рустема
При немъ не смѣлъ произнести.
Не знаю я, отецъ ли
Ему Рустемъ иль нѣтъ, но оба
Они мнѣ злѣйшіе враги;
И ихъ стравить намъ должно, какъ звѣрей.
Легко случиться можетъ,
Что грозный, устарѣлый левъ
Подъ сильной лапой молодого,
Растерзанный, издохнетъ—
Тогда Иранъ смирится передъ нами,
И Кейкавусъ не усидитъ на тронѣ;
Тогда найдемъ мы средство и Зорабу
Зажать глаза, чтобъ пересталъ
Онъ съ жадностью звѣриной
Смотрѣть на царскіе престолы.
Извѣстно мнѣ: ему Ирана мало;
И на Туранъ свои остритъ онъ когти,
И если подлинно онъ сынъ Рустема,
То пусть волченокъ молодой
Заѣденъ будетъ старымъ волкомъ;
Тогда и старый пропадетъ,
Какъ пропадаетъ, изсыхая
И тяжкимъ иломъ застилаясь,
Вода въ степномъ оставленномъ колодцѣ“.
Такъ говорилъ Афразіабъ;
Потомъ онъ Баруману
Вручилъ письмо къ Зорабу,
Предательской исполненное лестью.
Но то письмо не съ легкимъ сердцемъ,
А съ тяжкимъ горемъ принялъ Баруманъ:
Не славы, а безславья ждалъ
Онъ отъ войны, въ которой принужденъ
Былъ сына храбраго на храбраго отца
Обманомъ хитрымъ наводить,
Чтобъ разомъ погубить обоихъ.

VIII.

Когда узналъ Зорабъ, что Баруманъ
Къ нему съ письмомъ, съ дарами, съ войскомъ,
Афразіабомъ посланный, идетъ,
Немедленно, вооружась,
Къ нему онъ выѣхалъ навстрѣчу.
Какъ удивился витязь молодой,
Когда такое множество народа,
Оружіемъ блестящаго, увидѣлъ!
Какъ удивился Баруманъ,
Когда предсталъ глазамъ его такой
Красавецъ съ ростомъ великана,
Съ весенней свѣжестью младенца,
Съ горячимъ юноши кипѣньемъ,
Съ желѣзной твердостію мужа!
Онъ на него внимательно смотрѣлъ:
Онъ изумленъ былъ несказанно,
Онъ чувствовалъ невольный трепетъ,
Въ немъ громко вопіяла жалость
При видѣ красоты, столь бодрой и цвѣтущей.
И про-себя подумалъ старый витязь:
„О ты, прекрасная звѣзда,
Тебѣ сіять бы въ чистомъ небѣ,
Не заходя, не померкая;
Достоинъ ты, мой свѣтлый воинъ,
Чтобъ былъ орлиный твой полетъ
Совѣтомъ мудрости направленъ,
А не предательствомъ змѣинымъ“.
И подошедъ къ Зорабу, онъ вручилъ
Ему письмо Афразіаба.
Прочтя письмо, Зорабъ поспѣшно собралъ
Свои туранскія дружины,
И, Баруману повелѣвъ
Для отдыха остаться
Дня на два въ Семенгамѣ,
Простился съ матерью и съ дѣдомъ,
И поскакалъ, воскликнувъ громозвучно:
„Туранъ, за мной!“ При этомъ кликѣ
Все разомъ всколебнулось,
Знамена развернулись
Задребезжали трубы,

Тимпаны загремѣли,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины,
И быстро полилась война
Съ убійствомъ, грабежомъ, пожаромъ
На мирныя поля Ирана.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ХЕДЖИРЪ И ГУРДАФЕРИДЪ.

I.

На самомъ рубежѣ Ирана
Стояла крѣпость Бѣлый За́мокъ;
Она Иранъ хранила отъ набѣговъ
Сосѣдняго врага,
И ею два повелѣвали
Вождя; одинъ изъ тѣхъ вождей
Былъ старый Гездехе́мъ,
Правитель опытно-разумный;
Другой Хеджиръ, наѣздникъ молодой,
Рачитель дѣла боевого.
И съ Гездехемомъ находилась въ за́мкѣ
Его младая дочь,
По имени Гурдаферидъ,
Что значитъ: витязь безъ порока;
И на такое имя
Она имѣла право:
Прекрасная, какъ дѣвственная Пери,
Она была сильна, какъ богатырь;
Хеджиръ напрасно
Ей рыцарствомъ понравиться хотѣлъ—
Она ему ристаньемъ на конѣ,
И мѣткою стрѣльбой изъ лука,
И ловкостью владѣть мечомъ
Была равна; а мужественнымъ дѣломъ
Противъ врага предъ нею отличиться
Не могъ онъ—не было врага.
Но вдругъ съ высокой башни за́мка
Увидѣли на краѣ небосклона
Идущее въ густой пыли, какъ въ дымѣ
Великаго пожара,
Туранское безчисленное войско.
Затрепеталъ отъ радости Хеджиръ.
„Двойная будетъ мнѣ побѣда, [врагомъ,
Подумалъ онъ: одна—тамъ, въ полѣ надъ
Другая—здѣсь, надъ дѣвою надменной“.
И онъ, надѣвъ свои доспѣхи,
Несется быстро на конѣ,
Любовію и мужествомъ стремимый,
На подходящія туранскія дружины;
И вслѣдъ за нимъ съ ограды за́мка
Завистливымъ стремится окомъ
Звѣзда красы Гурдаферидъ.

II.

И, быстро подскакавъ къ туранскимъ
Дружинамъ, грозно закричалъ
Хеджиръ имъ: „Кто вы? Кто изъ васъ
Храбрѣйшій? Пусть отвѣдаетъ со мною
Меча, копья иль булавы;
Онъ будетъ нынче же съ высокой
Ограды за́мка моего
Своей отрубленною головою
На всѣхъ васъ ужасъ наводить“.
На этотъ вызовъ ни одинъ изъ турковъ
Не отвѣчалъ: никто изъ нихъ не смѣлъ
На рубежѣ Ирана первый
Въ сраженье выступить. Увидя,
Что всѣ его сподвижники робѣютъ,
Зорабъ, разгнѣванный, схватилъ
Свой мечъ и поскакалъ
Одинъ за всѣхъ на смертный поединокъ.
Какъ тигръ изъ камышей прибрежныхъ,
Такъ изъ густой толпы своихъ онъ прянулъ
И закричалъ Хеджиру: „Выходи;
Твои слова хвастливыя нестрашны;
Не на лисицъ ты выѣхалъ, на львовъ;
Знать хочешь: кто мы и зачѣмъ
Пришли въ Иранъ? Узнай же: я Зорабъ,
Сынъ царской дочери Темины
И многославнаго Рустема;
Пришелъ въ Иранъ знакомиться съ отцомъ;
По славѣ дѣлъ Рустемъ узнаетъ сына.
Теперь скажи мнѣ, кто ты самъ?
Но вѣдать напередъ ты долженъ,
Что въ за́мокъ свой ужъ ты не возвратишься,
Тебя оплачетъ скоро мать,
Или жена, или невѣста“.

III.

„Не хвастай, подождемъ конца,
Хеджиръ отвѣтствовалъ Зорабу,
Мое ты спрашиваешь имя? Я—
Хеджиръ; повелѣваю Бѣлымъ За́мкомъ,
И мнѣ товарищъ мудрый Гездехе́мъ.
А ты смотри, тамъ въ высотѣ
Два черныхъ ворона кружатся.
Они почуяли добычу,
И будетъ имъ добыча;
Тобой насытивъ жадный голодъ,
На сѣверъ полетитъ одинъ,
На полдень полетитъ другой;
На сѣверъ къ твоему отцу,
На полдень къ матери твоей;
И имъ они за угощенье
Прокаркаютъ свое спасибо;
Не догадается отецъ,
А мать начнетъ рыдать и плакать;
А обо мнѣ моя невѣста
Не будетъ ни рыдать, ни плакать;
На насъ теперь съ ограды за́мка
Она глядитъ; моя побѣда
Ей славой и утѣхой будетъ“.
Такъ говоря, на Бѣлый За́мокъ
Хеджиръ Зорабу указалъ:
Звѣздою утренней прекрасной
Сіяла тамъ Гурдаферидъ;
Хеджиръ, обманутый любовью,
Подумалъ, что ему она
Издалека привѣтно улыбалась,
И онъ на мигъ забылъ о поединкѣ.
Зорабъ, красавицу, какой никто подобной

Не видывалъ, увидя, обомлѣлъ,
И вся душа въ немъ закипѣла;
И онъ подумалъ: „Если въ Бѣломъ За́мкѣ
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, женихъ, простись съ своей невѣстой,
Ее теперь ты съ жизнью мнѣ уступишь“.

IV.

Опомнясь, другъ на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бѣшено за копья
И, разскакавшись, съ быстротою
Двухъ страшныхъ молній полетѣли
Одинъ противъ другого. Острый
Конецъ копья Хеджиръ направилъ
На грудь Зораба, чтобъ ее
Насквозь имъ проколоть;
Но острее переломилось,
Ударясь въ твердую кольчугу;
Зорабъ не пошатнулся.
Тогда, свое копье
Тупымъ концомъ оборотивъ,
Его онъ, какъ рычагъ,
Между конемъ и всадникомъ просунулъ,
Имъ сильно двинулъ—и Хеджиръ,
Вдругъ сорванный съ сѣдла, былъ взбро-
На воздухъ, грянулся на землю [шенъ
Какъ камень, и паденьемъ былъ
Такъ сильно оглушенъ,
Что на землѣ, какъ мертвый,
Лежалъ недвижимо, утративъ
Изъ памяти и бой, и за́мокъ, и Зораба,
И самоё Гурдаферидъ.
Зорабъ вскочилъ съ коня и обнажилъ
Свою кривую саблю,
Чтобъ голову отсѣчь врагу;
Но тотъ, опомнясь, приподнялся,
И, на́ руку опершись слабо,
Къ сопернику другую протянулъ
И такъ сказалъ:
„Будь жалостливъ, не убивай;
Ужъ я убитъ довольно
Стыдомъ, которымъ ты меня
Сразилъ передъ стѣнами за́мка.
Какъ будетъ надъ моимъ паденьемъ
Надменная торжествовать!
Вотъ смерть моя; тебѣ не нужно
Своею саблей отсѣкать
Мнѣ голову—ты жизнь мою пресѣкъ:
Гурдаферидъ ужъ болѣ не моя;
Отнынѣ ты мой повелитель“.

V.

Умолкнувъ, ждалъ онъ жизни или смерти.
Но билось кроткое въ груди Зораба сердце:
Молящаго о милости врага
Онъ былъ не въ силахъ умертвить;
И онъ подумалъ: „Этотъ плѣнникъ
Мнѣ плѣнниковъ другихъ добыть поможетъ;
Онъ въ за́мокъ мнѣ отворитъ входъ;
Укажетъ въ полѣ мнѣ Рустема“.
И онъ, связавъ Хеджира,
Его съ собой повелъ въ туранскій станъ,
Куда въ тотъ самый часъ вводилъ
Свои дружины Баруманъ,
Поспѣшно вышедшій изъ Семенгама,
Чтобъ волю шаха исполняя,
Не выпускать изъ глазъ Зораба.
И первой встрѣчей Баруману
Былъ схваченный Хеджиръ; при видѣ
Огромности и крѣпости врага,
Обрадованъ и изумленъ
Былъ несказанно старый воинъ;
Но онъ глаза потупилъ въ землю,
Почувствовавъ и стыдъ и угрызенье
При мысли, что назначенъ былъ
Прекрасной доблести такой
Предательствомъ готовить гибель.
А между тѣмъ, при громкихъ кликахъ
Всего собравшагося войска,
Которое, увидя, какъ могучъ
Былъ витязь побѣжденный,
Съ рукоплесканіемъ встрѣчало
Побѣдоносца молодого,
Зорабъ задумчиво-безмолвный
На боевомъ своемъ конѣ,
Не слыша плесковъ, ѣхалъ шагомъ:
Онъ думалъ объ отцѣ Рустемѣ,
Онъ думалъ о чудесной дѣвѣ,
Онъ думалъ сладостно о многомъ, многомъ,
Чего ему не назначало небо.

VI.

Турецкій станъ былъ полонъ ликованья,
А въ Бѣломъ За́мкѣ вопли раздавались:
Одна Гурдаферидъ безмолвно
Стояла на стѣнѣ высокой;
Она съ прискорбіемъ смотрѣла
На мѣсто, гдѣ иранскій витязь
Былъ осрамленъ копьемъ Турана.
„О стыдъ! воскликнула она,
Хеджиръ, ты мнилъ быть твердымъ мужемъ—
И первый встрѣчный сбилъ тебя съ сѣдла;
Конечно, своего копья
Не отточилъ ты, своему
Коню подпругъ не подтянулъ.
Могла довольно бы теперь
Я надъ тобою посмѣяться;
Но вытерпѣть я не могу,
Чтобъ врагъ смѣялся надъ тобою.
Не допущу хвалиться турку,
Чтобъ былъ имъ съ одного удара
Нашъ первый витязь опрокинутъ.
За женщинъ онъ сочтетъ мужей Ирана—
Пускай же въ женщинѣ теперь узнаетъ мужа.
Я видѣла отсюда,
Какъ улетѣлъ онъ съ мѣста боевого,
Побѣдой свѣтелъ, красотой
Свѣтлѣе утренней звѣзды;
На за́мокъ онъ плѣнительнымъ лицомъ
Оборотился; на меня

Орлиными глазами посмотрѣлъ...
Хочу я знать, таковъ ли онъ вблизи,
Какимъ вдали мнѣ показался“.
И со стѣны Гурдаферидъ
Сошла поспѣшнымъ шагомъ
И выбрала въ отцовой оружейной
Доспѣхи; локоны густые
Покрыла крѣпкимъ шлемомъ,
Индѣйское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный станъ
Перетянула кушакомъ
И съ головы до ногъ
Вооруженная, вскочила
На легкаго коня,
И, не простясь съ отцомъ,
Изъ зáмка въ поле поскакала.

VII.

Съ копьемъ въ рукѣ наѣздница младая,
Передъ туранскій станъ примчавшись,
Воскликнула: „Пришельцы, кто вы?
Кто вождь вашъ? Я хочу отмстить
За обезславленнаго друга; [Хеджира,
Я въ бой зову того, кто въ плѣнъ увелъ
А если онъ робѣетъ, пусть выходятъ
Другіе за него. Туранъ, не думай,
Что, одолѣвъ случайно одного,
Ужъ всѣхъ онъ одолѣлъ въ Иранѣ.
Сюда, обидчикъ нашей чести!
Своею кровью обагрянить
Ты долженъ блѣдный стыдъ Хеджира.
Я жду тебя“.—Услышанъ былъ
Въ туранскомъ станѣ вызовъ гордый,
И кинулись охотники толпою
Къ конямъ; но ихъ Зорабъ предупредилъ;
Онъ, выскакавъ впередъ, воскликнулъ:
„Не трогайся никто; я началъ, я и кончу“.
И быстро онъ впередъ помчался
При кликахъ громозвучныхъ стана.
На выстрѣлъ изъ лука приближась
Къ противнику, Зорабъ остановился
И взоръ на крѣпость устремилъ:
Онъ уповалъ, что дѣву зáмка
Опять увидитъ на оградѣ;
Но онъ ошибся, на оградѣ
Ея ужъ не было—она
Стояла передъ нимъ,
И онъ того не вѣдалъ.
Гурдаферидъ, его вблизи увидя,
Подумала: „Мой врагъ опасенъ;
Онъ сильнаго Хеджира одолѣлъ“.
И на своемъ конѣ летучемъ
Она кружить проворно начала;
Соперника маня и раздражая,
Она передъ нимъ какъ ласточка летала;
Была и тамъ, и тутъ, и всюду, и нигдѣ;
А той порою съ тетивы
Ея тугого лука
Стрѣла слетала за стрѣлою,
И ими былъ весь твердый панцырь
Зорабовъ исцарапанъ,
И много ихъ въ щитѣ его торчало.
Съ усмѣшкой онъ ихъ стряхивалъ на землю;
Но, мнилось, былъ неистощимъ
Колчанъ наѣздницы; какъ частый дождикъ,
Ея лилися стрѣлы;
И, наконецъ, Зорабъ, терпѣнье потерявъ,
Воскликнулъ: „Скоро ль дѣтскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться намъ
За мужеское дѣло.
Я вижу, что своимъ досугомъ
Умѣли вы воспользоваться, персы;
Остро свои вы стрѣлы наточили—
Но объ туранскій крѣпкій панцырь
Ломается ихъ острее.
Оставь же, другъ, напрасную заботу—
Изъ своего улья довольно
Ты пчелокъ выслалъ на меня,
Но меду здѣсь онѣ не соберутъ;
Убить своей стрѣлой ты можешь
Лѣсную пташку, много—цаплю;
Но грифа сильнаго тебѣ не застрѣлить;
Итакъ, уймись, и если ты
Не женщина, то подъѣзжай,
И бейся мужески со мною“.

VIII.

При этомъ вызовѣ черезъ плечо
Закинула свой лукъ Гурдаферидъ
И поскакала на Зораба
Съ направленнымъ на грудь его копьемъ;
Не дѣвичій ударъ почувствовалъ бы витязь,
Когда бъ съ конемъ не отшатнулся—
Копье пронзило воздухъ.
Тогда, свое копье оборотивъ,
Зорабъ его тупой конецъ
(Къ которому привинченъ
Былъ крѣпкій крюкъ желѣзный)
За поясъ всадницы проворно запустилъ,
И вмигъ, какъ легкій пухъ,
Она слетѣла бы съ сѣдла,
Когда бы выхватить свой мечъ
И имъ перерубить копье
Однимъ ударомъ не успѣла;
И снова на сѣдло упала
Она такъ плотно, что съ него
Взвилась густая пыль: тутъ поняла
Гурдаферидъ, что не по силѣ ей
Соперникъ; стиснула колѣнями коня
И поскакала къ зáмку.
Зорабъ за ней; ужъ былъ онъ близко;
Ужъ слышала Гурдаферидъ
Вблизи коня желѣзный топотъ,
Ужъ обдавало ей плеча
Его горячее дыханье,
Тутъ вдругъ она оборотилась
И сбросила съ прекрасной головы
Желѣзный шлемъ
Въ надеждѣ побѣдить вѣрнѣе
Не силой мужеской меча,
А дѣвственнымъ волшебствомъ красоты.
И на лицо ея волнами

Густыя полилися кудри;
Зорабъ остолбенѣлъ, узнавъ въ ней дѣву за́мка,
И онъ воскликнулъ: „И трудно жъ будетъ намъ
Одолѣвать мужей Ирана,
Когда иранскія такъ мужественны дѣвы.
Зачѣмъ, красавица, ты выѣхала въ поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мнѣ отомстить хотѣла?
И что́ тебя, любовь иль жажда славы,
Изъ за́мка выйти побудило?
Прекрасною звѣздой небесъ
Издалека ты мнѣ явилась—
Теперь тебя увидѣлъ я вблизи
И знаю, что краса
Небесныхъ звѣздъ ничто передъ твоею.
Но я тебя не выпущу изъ рукъ;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча въ сѣти не давалась;
Ты отъ меня не убѣжишь“.
При этомъ словѣ бросилъ онъ
Арканъ и вмигъ была Гурдаферидъ
Опутана могучей петлей.
Увидя, что къ спасенью
Ей средства нѣтъ, красавица прибѣгла
Къ коварству женскому; чтобъ самого
Плѣнителя плѣнить, она
Приподняла свои густыя кудри
И мѣсяцъ свѣтлаго лица
Отъ черной ихъ освободила тучи.
Оборотясь съ улыбкой на Зораба,
Она сказала голосомъ волшебнымъ:
„Ты, витязь смѣлый, столь же сильный
Между людьми, какъ левъ между звѣрями,
Не жажда славы
И не любовь къ Хеджиру (что Хеджиръ
Передъ тобой!) меня изъ за́мка
Къ тебѣ навстрѣчу привели.
Издалека тебя увидя
Столь мужески прекраснымъ,
Хотѣла я узнать, таковъ ли
Ты и вблизи—меня не обманули
Мои глаза; но въ мысли не входило
Мнѣ никогда, чтобы могъ въ Туранѣ
Такой какъ ты родиться витязь,
Иди же смѣло на Иранъ;
Ты тамъ плѣнишь
Не дѣвъ однихъ, но и мужей могучихъ;
А если самъ, какъ я, того желаешь,
Чтобъ былъ между тобой и мною
Союзъ любви, то напередъ
Мнѣ возврати мою свободу“.

IX.

Такъ сладостнымъ напиткомъ льстивой
Коварная хотѣла упоить [рѣчи
Зораба. Онъ, почти ужъ охмеленный,
Спросилъ: „Но что же будетъ,
Красавица, порукой за тебя
Когда тебѣ отдамъ твою свободу?“—
„Мое святое слово
И имя чистое мое:
Меня зовутъ Гурдаферидъ,
А мой родитель Гездехе́мъ
Повелѣваетъ Бѣлымъ За́мкомъ;
Я обѣщаюсь, если самъ
Того желаешь ты, и если
Согласенъ будетъ Гездехе́мъ
(А онъ согласенъ будетъ, вѣрно),
Тебѣ отдать и за́мокъ и себя.
Ступай же на гору за мною;
Ключъ отъ воротъ я вынесть не замедлю,
Но прежде требую свободы“.
И съ этимъ словомъ на Зораба
Она такъ нѣжно, сладко поглядѣла,
Что въ этомъ взглядѣ мигомъ на него
Съ нея перелетѣла петля.
Довѣрчиво онъ снялъ съ нея арканъ;
Она ударила коня
И поскакала къ за́мку;
За нею поскакалъ Зорабъ.
Тѣмъ временемъ, встревоженный, печальный,
Стоялъ въ воротахъ Гездехе́мъ;
Онъ въ поле съ ужасомъ смотрѣлъ
И ждалъ, какой возьметъ конецъ
Безумно-бѣшеное дѣло
Безстрашной дочери его.
Онъ, раздраженный, осыпалъ
Ее упреками, но въ сердцѣ
Ея отважностью гордился.
Вдругъ шумъ послышался—онъ смотритъ,
И видитъ: скачетъ къ воротамъ
Гурдаферидъ, и вслѣдъ за нею,
Отставъ немного, скачетъ витязь,
Хеджира въ полѣ одолѣвшій.
Вмигъ полворотъ онъ отворилъ;
Она въ нихъ молніей вскользнула;
Растворы схлопнулись—одинъ
Зорабъ остался передъ за́мкомъ
Въ сіяньи вечера багряномъ.

X.

И ждалъ Зорабъ, что дѣва за́мка
Свое святое сдержитъ слово—
Напрасно! Вдругъ она явилась на оградѣ
И, наклонясь къ нему, сказала такъ:
„Чего ты ждешь, мой храбрый побѣдитель?
Ужъ поздно; возвратись въ туранскій станъ;
Сегодня твой набѣгъ на Бѣлый За́мокъ
Не удался—будь терпѣливъ,
Удастся завтра. Доброй ночи;
Прости“.—Зорабъ, прискорбно посмотрѣвъ
На дѣву, такъ ей отвѣчалъ:
„О ты, красавица Ирана,
Какъ жаль мнѣ, что своимъ коварствомъ
Свою ты прелесть превзошла;
Я не о томъ тужу, что Бѣлый За́мокъ
И съ нимъ прекрасную невѣсту,
Въ обманъ поддавшись, выпустилъ изъ
рукъ.
Тужу о томъ, что былъ *тобой* обманутъ.
А за́мокъ твой не выше неба;
Но будь и выше неба онъ—

Войду въ него; на это
Ключъ отъ воротъ не нуженъ—завтра
И зáмокъ и тебя возьму я съ бою".—
„Не горячись, мой свѣтлый, храбрый витязь,
Гурдаферидъ сказала, усмѣхаясь;
Тебѣ ключа я выдать не могла:
Его отецъ изъ рукъ не выпускаетъ;
Когда же о твоемъ за тайну сватовствѣ
Ему я объявила,
Онъ отвѣчалъ: невѣсты нѣтъ въ Иранѣ
Для турка. Другъ, исполни мой совѣтъ,
Не медли здѣсь и возвратись въ Туранъ;
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ невѣстъ прекрас-
Достоинъ ты... но возвратись; [ныхъ
Царь Кейкавусъ, услышавъ о твоемъ
Набѣгѣ, вышлетъ на тебя
Своихъ вождей—ты ихъ не одолѣешь;
А если вышлетъ онъ Рустема,
Тогда... тогда, мой витязь, честь Турана,
Твоя погибель неизбѣжна.
О, возвратися, возвратися
Въ твоей младой, несокрушенной силѣ!
Ты здѣсь стоишь на рубежѣ судьбы;
Какъ будетъ жаль, когда твой цвѣтъ она
Безжалостно сорветъ своею бурей!
Я буду горько, горько плакать;
Я ничего, подобнаго тебѣ,
И болѣе по сердцу моему,
На свѣтѣ не видала,
И ничего, подобнаго тебѣ
На свѣтѣ не вижу".—
Гурдаферидъ, умолкнувъ, поглядѣла
Печальнымъ окомъ на Зораба;
Потомъ сошла съ ограды; а Зорабъ,
Оставшися одинъ передъ оградой,
Задумчиво глазами
За нею слѣдовалъ; когда жъ она
Изъ глазъ его пропала,
Коня оборотилъ, и въ станъ
Поѣхалъ медленно, съ нахмуреннымъ лицомъ,
Надвинувъ брови
На гнѣвно-огненныя очи.

XI.

Близъ зáмка находились пашни,
Сады и огороды, хлѣбомъ,
Плодами, зеленью и овощами
Богатыя: они питали зáмокъ.
На нихъ Зорабъ свой гнѣвъ оборотилъ;
Подъѣхавъ къ стану, онъ воскликнулъ:
„Сюда, мои туранцы; разорите
Здѣсь все; огню предайте нивы;
Сожгите всѣ деревья;
Съ землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноградъ;
Чтобъ прахомъ все и дымомъ разлетѣлось;
Чтобъ всѣ затрепетали въ зáмкѣ;
Съ его ограды любитъ
Дочь Гездехéмова смотрѣть—пускай же
Она порадуется, видя,
Какъ мы въ ея работаемъ саду;
Разройте гряды всѣ, гдѣ розы
Ея цвѣтутъ, и всѣ засыпьте
Ключи, которые питаютъ
Ея луговъ густую зелень.
Когда же наступитъ день—
И зáмокъ мы вверхъ дномъ поставимъ".
Такъ повелѣлъ онъ, и упало,
Какъ съ неба градъ,
На всю окрестность
Его неистовое войско—
И стала вмигъ пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, онъ
Поѣхалъ въ станъ обратно;
За нимъ туда все войско возвратилось.

XII.

Тѣмъ временемъ, какъ въ станѣ вражьемъ
Гроза сбиралась, Гездехéмъ,
Бѣду почуя, написалъ
Письмо такое къ Кейкавусу:
„Безчисленной толпою
Нахлынули на насъ
Сосѣдственные турки.
Ихъ войско намъ не страшно;
Но страшенъ молодой
Ихъ войска предводитель.
Онъ ростомъ великанъ;
Когда на боевомъ онъ
Конѣ, вооруженный
Желѣзной булавою,
Сидитъ въ желѣзной силѣ,
Онъ всѣ земныя силы
Считаетъ за ничто.
Противника ему
Не сыщется въ Иранѣ;
Одинъ по силѣ будетъ
Ему Рустемъ; зовутъ
Его Зорабомъ; онъ
Родился въ Семенгамѣ.
Хеджиръ, его увидя
Изъ зáмка, съ нимъ сразиться,
Пустился на конѣ;
Но въ зáмокъ конь обратно
Хеджира не принесъ.
Когда бы не успѣлъ я
Моихъ воротъ проворно
Захлопнуть передъ нимъ,
Какъ вихорь бы влетѣлъ онъ
Одинъ въ мой крѣпкій зáмокъ.
Ужъ нашу всю окрестность
Огонь опустошилъ;
Хеджиръ въ плѣну, и зáмку
Не устоять; и нынѣ,
Какъ скоро ночь наступитъ,
Со всей моей дружиной
Спасаюсь бѣгствомъ я.
Тебя же, царь, молю:
Сбери скорѣе войско,
Чтобъ царство защитить
Могучею плотиной
Отъ злого наводненья.

Всего жъ необходимѣй,
Чтобъ въ войскѣ былъ Рустемъ:
Лишь сильному Рустему
Возможно пересилить
Такого великана".

XIII.

Письмо съ нарочнымъ Гездехемъ
Отправилъ въ ту же ночь къ царю;
Потомъ созвалъ свою дружину;
Свою казну, свои богатства собралъ,
И тайнымъ подземельнымъ ходомъ,
Который велъ далеко въ поле,
Изъ зáмка вышелъ.
Гурдаферидъ пошла за нимъ;
Но шла она, казалось, поневолѣ;
Была задумчива, какъ-будто ей
Какой-то голосъ тайно
Шепталъ: не уходи;
Какъ-будто съ кѣмъ, ей милымъ,
Навѣкъ она прощалась.
И всѣ ушли... и зáмокъ опустѣлъ.
Въ туманѣ занялося утро;
Зорабъ повелъ свои дружины къ зáмку:
И на гору они взбѣжали съ крикомъ;
И кинулся, какъ бѣшеный, Зорабъ
Къ тяжелымъ воротамъ.
Онъ ждалъ отпора, но отпора
Не дождался—все было въ зáмкѣ,
Какъ въ гробѣ, тихо; на стѣнахъ
Никто не шевелился. Въ нетерпѣньи
Зорабъ схватилъ огромный камень
И имъ ударилъ въ ворота—
Онѣ свободно растворились:
Ушедшіе нарочно ихъ
Оставили незапертыми.
Какъ молнія, Зорабъ ихъ пролетѣлъ—
Ихъ своды громко повторили
Его коня гремучій топотъ;
И все умолкло.
Сквозь сумракъ утренній Зорабъ
Очами ищетъ
Людей—но все предъ нимъ
И пусто и безмолвно;
Въ его груди предчувствіемъ тяжелымъ
Стѣснилось сердце;
И стѣны онъ нѣмыя вопрошалъ:
„Куда ушла моя невѣста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльяхъ улетѣла?
Иль призракомъ пропала, не оставивъ
Слѣда? О, гдѣ же ты?
На мигъ одинъ была
Ты мнѣ видѣньемъ чуднымъ...
И нѣтъ тебя;
И гдѣ найти тебя, не знаю".
И началъ онъ прилежно зáмокъ
Обыскивать: какъ изступленный,
Онъ бѣгалъ по стѣнамъ,
На башни лазилъ, проникалъ
Въ глубокіе подвалы,
И безпрестанно возвращался
На мѣсто, гдѣ она ему
Явилась наканунѣ,
Въ надеждѣ, что опять
Тамъ съ нею встрѣтится; и съ высоты
На безпредѣльную окрестность онъ смотрѣлъ,
И звалъ свою невѣсту
Со всѣхъ концовъ пустого небосклона;
И посылалъ за нею вѣтеръ горный,
И птицъ воздушныхъ,
И облака лазореваго неба.
А между тѣмъ, окрестъ него
Все падало, все разрушалось;
Какъ коршуны расклевываютъ трупъ,
Такъ ратники Зораба
Крушили зáмокъ;
Не находя нигдѣ
Ожиданныхъ сокровищъ,
Они за то наказывали стѣны.
Что дѣлалось, Зорабъ не замѣчалъ:
Его душа была далеко.

XIV.

И къ витязю, невольнику любви,
Съ упрекомъ строгимъ обратился
Суровый пѣстунъ Баруманъ:
—Для яркихъ глазъ и для густыхъ кудрей
Ты цѣлый свѣтъ и долгъ свой забываешь.
Не таковы бываютъ тѣ, которымъ
При нихъ и долго послѣ нихъ,
Въ награду дѣлъ великихъ
Отечество и всѣ народы
Дань славы и любви приносятъ.
Самихъ себя они не отдаютъ
Мгновенію ничтожному на жертву;
Не отдаютъ безумно и безпечно
Во власть любви они ума и сердца.
И имъ случается поймать
Своею сѣтью легкую газелу,
Но съ нею въ сѣть самихъ себя
Не путаютъ ребячески они;
Орелъ, влюбленный въ солнце,
Какъ соловей, по розѣ не вздыхаетъ;
Теперь твоя добыча тронъ Ирана;
Возьми его—тогда вѣнецъ любви
Наградою получишь отъ побѣды.
Не обнаживъ меча, такую крѣпость
Ты захватилъ—но цѣль твоя еще далеко;
На насъ свои всѣ силы вышлетъ
Царь Кейкавусъ, тогда...
Но выслушай, Зорабъ, совѣтъ,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здѣсь враговъ; съ твердынной
Вершины этой всѣмъ Ираномъ
Ты будешь властвовать; съ нея
Губящіе набѣги можешь
Повсюду посылать, и здѣсь
Могучее ихъ войско встрѣтишь;
Могучій самъ—не разоряй же
Безумно зáмка; нѣтъ; его, напротивъ, въ честь
Красавицы, въ немъ жившей, укрѣпи;

Но въ честь ея и духомъ укрѣпися.
Когда тебѣ звѣздами
Назначено Иранъ завоевать—
Съ нимъ и она твоею будетъ.
Пускай передъ тобой Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня—тогда ты смѣло можешь
Потребовать, чтобъ выкупомъ свободы
Его была Гурдаферидъ.—
Отъ этихъ словъ Зорабъ очнулся;
Они, какъ солнца лучъ, пронзили
Туманъ его души;
И онъ воскликнулъ: „Такъ!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня, и за его свободу
Заплатитъ мнѣ Гурдаферидъ“.
Тутъ на грабителей онъ крикнулъ,
И во мгновенье грознымъ крикомъ
Былъ усмирёнъ неистовый грабежъ;
И сталъ, какъ гробъ, спокоенъ Бѣлый За́мокъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУСТЕМЪ И КЕЙКАВУСЪ.

Ссора, примиреніе, походъ.

I.

Когда письмо отъ Гездехēма
Гонецъ поспѣшный Кейкавусу
Въ его столицѣ Истахарѣ
Вручилъ, и сдѣлалось извѣстно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана—
Онъ ужаснулся, и немедля
Созвалъ верховный свой совѣтъ.
И собралися къ Кейкавусу
Его вельможи: Фераборъ
(Сынъ царскій и наслѣдникъ трона),
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехе́демъ, Тусъ, Рохамъ,
Гургинъ, Милатъ, Фергасъ, Бехремъ и Гефъ,
И, Гездехēмово письмо прочтя имъ, царь
Сказалъ:—Зорабъ мнѣ этотъ страшенъ;
Онъ овладѣлъ безъ боя Бѣлымъ За́мкомъ,
Твердѣйшею защитой нашихъ граней;
Тамъ двухъ вождей надёжныхъ мы имѣли—
Но старый убѣжалъ,
А молодой врагу отдался въ руки:
Гудерсъ, не можешь похвалиться ты
Своимъ Хеджиромъ; у тебя
Такъ много сыновей—зачѣмъ же
Изъ нихъ мы выбрали такого,
Который былъ не въ силахъ одолѣть
Туранскаго молокососа?
Но, правда, пишетъ Гездехēмъ,
Что этого молокососа
Одинъ Рустемъ лишь одолѣетъ;
Скажите жъ, вѣрные вельможи,
Что дѣлать намъ? Послать ли за Рустемомъ?—
И въ голосъ всѣ воскликнули: „Послать“.
И было рѣшено, чтобъ царь
Письмо къ Рустему написалъ,
И чтобъ съ письмомъ безъ замедленья
Былъ Гефъ, Рустемовъ зять, отправленъ.

II.

И Кейкавусъ письмо такое
Къ Рустему написалъ:
„Ирана щитъ, Сабула обладатель,
Великій царскій пехлеванъ!
На насъ гроза съ Турана поднялася;
Врагами схваченъ Бѣлый За́мокъ;
Ихъ вождь, по имени Зорабъ,
Лѣтами юноша, а силой
Пожаръ, землятрясенье, громъ,
Отъ семеганскихъ происходитъ,
Въ народѣ говорятъ, царей.
И пишетъ вождь нашъ Гездехе́мъ,
Что этого богатыря
Не одолѣть намъ, что одинъ
Лишь ты съ нимъ силою сравнишься.
Я свой совѣтъ верховный собралъ,
И всѣ совѣтники мои
Со мной согласны, что тебя
Намъ должно вызвать изъ Сабула,
Что лишь твоя рука отъ царства
Такую гибель отразитъ.
Итакъ, зову тебя, Рустемъ,
Вѣнецъ, убранство, щитъ царя,
Спасительная пристань царства,
Твердыня трона, войска слава,
Ирана жизнь, Турана смерть;
Спѣши, спѣши, когда получишь
Мое письмо, сидишь ли—встань,
Стоишь ли—не садись;
Идешь ли въ за́мокъ—не входи;
Но въ тотъ же мигъ вели подать
Доспѣхи, бросься на коня,
И пусть съ тобою конь твой славный,
Твой Громъ летитъ небеснымъ громомъ,
И ты, Ирана громъ защитный,
Будь громомъ бѣдствія Турану“.

III.

Царь Кейкавусъ, окончивъ
И запечатавъ пестрымъ воскомъ
Свое письмо, послалъ съ нимъ Гефа;
И Гефъ, какъ изъ лука стрѣла,
Помчался; день и ночь скакалъ онъ,
Забывъ о пищѣ и ночлегѣ,
Не думая о томъ, куда вела
Дорога, подъ-гору иль въ гору,
И было ль вёдро иль ненастье;
И бодрый конь его не уставалъ,
Какъ-будто чуялъ онъ,
Куда, къ кому и съ чѣмъ
Спѣшитъ сѣдокъ неутомимый.
Гонца увидя вдалекѣ,
Рустемъ послалъ къ нему навстрѣчу
Зевара, брата своего,
И былъ обрадованъ, когда
Зеваръ къ нему явился съ Гефомъ.
„Зачѣмъ ты, зять мой дорогой,
Спросилъ Рустемъ, пожаловалъ въ Сабулъ?
Что мнѣ привезъ? Письмо отъ Кейкавуса?

Подай". И, прочитавъ письмо,
Рустемъ задумался; онъ долго, долго
Сидѣлъ въ молчаньи грустномъ,
Потупивъ голову и неподвижно
Глаза уперши въ землю.
И такъ съ собой онъ говорилъ:
„Я думаю о дняхъ прошедшихъ;
Все, бывшее давно, воспоминаю;
Какъ настоящее, опять
Оно передо мною нынѣ
Свершается... Невѣроятно,
Чтобъ этотъ чудный воинъ былъ
Мой сынъ; и если подлинно имѣю
Я въ Семенгамѣ сына, онъ
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляютъ.
Конечно, быть орломъ орленку суждено:
Но мой орленокъ испытать
Еще не могъ своихъ орлиныхъ крыльевъ,
Еще теперь сидитъ онъ на гнѣздѣ,
И ждетъ своей поры;
Когда жъ его пора наступитъ,
Взлетитъ онъ высоко,
Второго въ немъ Рустема
Увидитъ свѣтъ. Такъ, если вправду
Родился сынъ Теминѣ отъ Рустема,
То скоро громкая о немъ
По всей землѣ молва раздастся,
И онъ придетъ по праву славы
Сказать мнѣ: я твой сынъ. И не врагомъ
Онъ встрѣтится со мною въ полѣ,
А жданымъ гостемъ постучится въ двери
Отцовскаго жилища; и ему
Отворятся онѣ гостепріимно;
И будетъ праздновать отецъ,
Созвавши сродниковъ, друзей и ближнихъ,
Свое свиданье съ милымъ сыномъ;
И въ немъ моя помолодѣетъ старость".

IV.

Такъ разсуждалъ съ собою грозный воинъ,
И мысли черныя тѣснили
Его взволнованную душу:
Но что ея волненья было
Причиной—онъ того не вѣдалъ.
Вдругъ онъ очнулся, и гонцу,
Который, вовсе имъ забытый,
Въ молчаньи ждалъ его отвѣта,
Сказалъ: „Спѣшить намъ нужды нѣтъ;
Ты нынче гость мой; прежде
Съ тобой мы здѣсь, какъ должно, попируемъ;
Потомъ и въ путь. Еще большой бѣды я
Въ случившемся для нихъ не вижу;
Что страшно имъ, то мнѣ смѣшно;
И оттого, что старый сумасбродъ,
Испуганный турецкимъ смѣльчакомъ,
Безъ боя сдалъ нашъ зáмокъ порубежный,
Имъ чудится, что врагъ
Уже стоитъ передъ столицей,
И долженъ я, встревоженный ихъ бредомъ,
Скакать къ нимъ голову сломя.
Пусть подождетъ премудрый Кейкавусъ;
Мнѣ нынче нѣтъ охоты воевать:
Нежданый гость пожаловалъ ко мнѣ;
Хочу его я на просторѣ
Повеселить и самъ повеселиться
Съ нимъ заодно. Забудемъ, милый зять,
За пѣнной чашею на время
Военныя тревоги: разскажи
Поболѣ мнѣ теперь
О дочери и внучатахъ моихъ,
И жизни дерево зеленое со мной
Полей виномъ животворящимъ.
А ты, Зеваръ, пойди и учреди
Скорѣе пиръ богатый;
Земное все уходитъ легкой тѣнью—
Хочу съ тобой и нашимъ Гефомъ
Упиться сладостнымъ виномъ
До полнаго забвенья
О скоротечности земного счастья".

V.

Такъ старый воинъ говорилъ;
На языкѣ его былъ пиръ веселый,
А на душѣ лежалъ тяжелый камень
Предчувствія, похожаго на робость.
Зеваръ пошелъ готовить пиръ;
А Гефъ пошелъ за тестемъ
Въ его великолѣпный зáмокъ;
И заикнуться не посмѣлъ онъ
О строгомъ повелѣньи шаха:
Онъ зналъ, какъ было плохо
Ломать копье съ упрямымъ старикомъ,
И думалъ: „Самъ, какъ знаешь, послѣ
Ты разочтешься съ Кейкавусомъ;
Съ тобою пировать я радъ;
Твоимъ виномъ мой запыленный
Языкъ я промочу, а завтра
Конямъ мы прыти придадимъ,
И быстрота намъ возвратитъ
Часы, потерянные лѣнью".
Весь день роскошный длился пиръ
Въ богато-убранныхъ палатахъ;
Какъ розы, пламенно сіяя
На темной зелени кустовъ,
Благоуханьемъ угощаютъ
Звонко-поющихъ соловьевъ,
Такъ и хозяина и гостя
Младыя дѣвы сладкопѣньемъ
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Кейкавусъ
Забыты были въ шумѣ пира;
Однѣ лишь пламенныя щеки,
Однѣ лишь свѣжія уста
Являлись ихъ очамъ, и не потоки
Ліющейся въ сраженьи крови,
А пурпуръ благовонный
Вина сверкалъ предъ ними въ драгоцѣнныхъ,
Лилейною рукой младыхъ
Невольницъ подносимыхъ чашахъ.
Въ весельи шумномъ день и вечеръ,
Виномъ запитые, исчезли;

Заискрилась звѣздами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пѣной
Вина послѣдняго фіалы;
И, наконецъ, могучій хмель
На мягкомъ ложѣ сладкой силѣ
Спа миротворнаго ихъ предалъ.

VI.

И рано на другое утро
Явился Гефъ, готовый въ путь.
Но въ путь еще Рустемъ не собирался.
„Начто спѣшить, сказалъ онъ, добрый гость;
И этотъ день съ тобою мы,
Откинувъ всякую заботу,
Въ весельи проведемъ.
Кто знаетъ, близко ль, далеко ли
Бѣда и гдѣ ее мы встрѣтимъ?
Пока подъ кровлей мы домашней—
Не станемъ помышлять
О бурѣ, воющей кругомъ.
Быть-можетъ, что ужъ въ этомъ домѣ болѣ
Мы никогда такъ веселы не будемъ;
Сдается мнѣ, что здѣсь въ послѣдній разъ
Моихъ родныхъ и милыхъ ближнихъ
Я угощаю. Подойдите жъ,
Мой братъ Зеваръ и зять мой Гефъ, ко мнѣ;
Ты, Гефъ, садися съ правой,
А ты, Зеваръ, садися съ лѣвой
Моей руки; и помогите пить мнѣ
Душеусладное вино.
Мнѣ въ эту ночь все снилось
О сынѣ, снилось, будто сынъ
Нашелся у меня; и это мнѣ
Напомнило, что о Зорабѣ я
Тебя еще не разспросилъ подробно;
Садися жъ, Гефъ, и разскажи
За чашею вина
Мнѣ сказку о Зорабѣ".
Онъ сѣлъ; по правую съ нимъ руку
Сѣлъ Гефъ, по лѣвую Зеваръ;
Вино запѣнилося въ кубкахъ,
И пиръ съ музыкой, пѣньемъ, пляской,
Какъ накапунѣ, закипѣлъ.
Подъ шумъ его задумался Рустемъ,
Разсказы слушалъ о Зорабѣ,
И думы черныя свои
Виномъ огнистымъ запивалъ.
Такъ день прошелъ, и вечеръ миновался,
И наступила ночь, и хмель могучій
Опять ихъ предалъ тихой власти
Миротворительнаго сна.

VII.

На утро также рано,
Готовый въ путь, пришелъ
Къ Рустему Гефъ; но видя, что Рустемъ
Попрежнему не торопился въ путь,
Ему сказалъ онъ:—Выслушай безъ гнѣва
Меня, отецъ; не раздражай царя;
Ты вѣдаешь, какъ бѣшено онъ вспыльчивъ;
Ты вѣдаешь, въ какомъ онъ страхѣ [грани:
Съ тѣхъ поръ, какъ врагъ ворвался въ наши
Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, не видитъ и [не слышитъ
Нашъ Кейкавусъ: ему вездѣ
Мерещится Зорабъ. Поѣдемъ,
Рустемъ, позволь мнѣ Грома осѣдлать;
Твоимъ упорнымъ замедленьемъ
Жестоко будетъ шахъ прогнѣванъ.—
„Не бойся, Гефъ, отвѣтствовалъ Рустемъ,
Никто мнѣ въ свѣтѣ не указчикъ;
И твердо знаетъ Кейкавусъ,
Что царствуетъ въ Иранѣ онъ
По милости Рустема;
Онъ знаетъ, что моя рука
Всегда его вытаскивать умѣла
Изъ ямъ, въ которыя своей виною
Онъ безразсудно попадалъ,
Но я согласенъ; намъ пора
Отправиться въ дорогу;
Вели мнѣ Грома осѣдлать,
И ѣдемъ". Такъ сказавъ, Рустемъ
Виномъ наполнилъ кубокъ,
Окинулъ мрачными глазами
Палату пировую
И всѣхъ своихъ домашнихъ,
Вино все разомъ выпилъ,
И, кубокъ въ дребезги разбивъ,
Велѣлъ трубить походъ.
На громкій зовъ Рустемовой трубы
Вмигъ собрались Рустемовы дружины.
Окинувъ ихъ желѣзный строй глазами,
Рустемъ подумалъ: „Съ ними
На цѣлый свѣтъ могу войною выйти".
И за себя Зевару поручивъ
Начальство надъ сабульской ратью,
Онъ сѣлъ на Грома
И поскакалъ впередъ
Самъ-другъ съ отважнымъ Гефомъ.
И трубы загремѣли,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.

VIII.

Когда молва достигла въ Истахаръ
О приближеніи Рустема,
Всѣ первые вельможи: Фераборъ,
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехедемъ, Тусъ, Рохамъ,
Геразъ, Гургинъ, Милатъ, Фербахъ, Бехремъ,
На день пути къ нему навстрѣчу вышли.
Сынъ шаховъ Фераборъ и вождь верховный [Тусъ
Сошли съ коней, его увидя;
Сошелъ съ коня, увидя ихъ, Рустемъ;
И сдѣлали привѣтствіе другъ-другу.
Блестящей ихъ толпою окруженный,
Рустемъ въ столицу въѣхалъ,
И съ торжествомъ его ввели они
Въ палату, гдѣ великій царь
Ихъ ждалъ, сидя на тронѣ.
Но было сумрачно и гнѣвно
Его лицо; не отвѣчавъ ни слова

На поздравительные клики
Своихъ вельможъ, онъ грозно закричалъ,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
—Кто ты, Рустемъ,
Чтобъ съ дерзостью такою
Топтать ногами
Святыя царскія слова?
Когда бъ въ моей рукѣ былъ мечъ,
Къ моимъ ногамъ бы во мгновенье
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой, Тусъ, закуй ихъ въ цѣпи,
И чтобъ теперь же тесть и зять
На висѣлицѣ оба
Передъ народомъ заплясали.—
Такъ въ изступленьи гнѣва
Кричалъ на тронѣ Кейкавусъ;
И всѣ кругомъ его вельможи
Въ оцѣпенѣніи стояли.
Когда жъ увидѣлъ шахъ,
Что повелѣнье медлилъ
Его исполнить Тусъ,
Онъ крикнулъ съ трона, какъ орелъ
Кричитъ съ высокаго утеса:
—Предатель самъ, кто руку наложить
На дерзкаго предателя не смѣетъ!
Бери ихъ, Тусъ, я повторяю;
И съ ними съ глазъ моихъ долой;
Чтобъ мигомъ не было ихъ духу!
И чтобъ никто не смѣлъ мнѣ прекословить!—

IX.

Такъ онъ вопилъ; и было горько Тусу
Его исполнить повелѣнье;
Онъ за руку Рустема взялъ,
Чтобъ изъ очей озлобленнаго шаха
Его увесть и дать свободу
Утихнуть бѣшенству царя—
При этомъ видѣ всѣ вельможи
Затрепетали. Но Рустемъ,
Не замѣчая ничего,
Смотрѣлъ горящими глазами,
Какъ левъ, увидѣвшій змѣю,
На шаха; онъ, казалось, вдругъ
Сталъ цѣлой головою выше,
Сталъ вдвое шире грудью и плечами;
И онъ сказалъ: „А ты кто, чтобъ меня
Такъ дерзостно позорить?
Ты шахъ, но шахъ по милости моей.
Грози же петлей не мнѣ,
А своему Зорабу. Развѣ я
Твой подданный? Я царства пехлеванъ,
Я князь Сабулистана вольный;
Иль ты не знаешь, что когда
Я топаю ногою—подо мной
Дрожитъ земля; когда мой скачетъ конь—
Отъ топота его шумитъ все небо,
И, быстротѣ его чудяся,
Потокъ бѣжать перестаетъ?
Иль ты забылъ, что я Рустемъ,
Что мой престолъ сѣдло, что шлемъ моя корона?
И кто же ты, чтобъ петлей мнѣ грозить?
И кто твой Тусъ, чтобъ руку на Рустема
Поднять въ повиновенье
Безумной ярости твоей?“
При этомъ словѣ онъ такъ сильно
Ударилъ Туса по рукѣ,
Что тотъ упалъ на землю, оглушенный.
Черезъ лежачаго Рустемъ
Перешагнулъ, толпу раздвинулъ,
И вышелъ съ Гефомъ изъ палаты,
И всѣ вельможи, Кейкавуса
Оставивъ одного на тронѣ,
Пошли поспѣшно за Рустемомъ.
Они его нашли передъ крыльцомъ
Сидящаго на Громѣ. Онъ съ сѣдла
Имъ закричалъ: „Простите всѣ; прости,
Иранъ. Въ Сабулъ я возвращаюсь;
Въ Сабулѣ я такой же царь,
Какъ здѣсь въ Иранѣ Кейкавусъ.
Теперь, какъ знаете, съ Тураномъ сами
Ведите свой расчетъ; Сабулъ
Я отстою. А если здѣсь съ царемъ Ирана
Случится то же, что съ Хеджиромъ,
И если царскій Истахаръ,
Какъ Бѣлый За́мокъ будетъ схваченъ
Врагами, въ томъ не обвиняйте
Рустема. Горе, горе царству,
Когда царемъ владѣетъ нетерпѣнье
И необузданная ярость!“
Сказавъ, онъ крикнулъ—Громъ помчался;
Рустемъ исчезъ, какъ привидѣнье.
Недалеко отъѣхавъ по дорогѣ
Въ Сабулъ, остановился онъ
Въ гостиницѣ, чтобъ на покоѣ тамъ
Дождаться брата
Съ дружинами Сабулистана.

X.

Изъ глазъ Рустема потерявъ,
Вельможи—безъ него, какъ стадо
Безъ пастуха оставшись—обратились
Къ Гудерсу и ему сказали:
—Теперь лишь ты одинъ, Гудерсъ,
Помочь въ бѣдѣ великой можешь;
Твои совѣты любитъ шахъ;
Пойди къ нему и въ волны
Его погибельнаго гнѣва
Пролей твоихъ совѣтовъ
Мирительное масло.
А ты скачи за тестемъ, Гефъ;
И догони его, пока Сабула
Онъ не достигъ.—И Гефъ пустился въ путь.
Гудерсъ пошелъ къ царю.
Его увидѣлъ онъ уединенно
Сидящаго на тронѣ;
Онъ былъ угрюмъ, но тихъ; онъ былъ
Подобенъ тучѣ громовой,
Готовой, отблиставъ и отгремѣвъ,
Дождемъ свѣжительнымъ пролиться.
И такъ ему дерзнулъ сказать Гудерсъ:
—Могучій повелитель,
Царь голова, а царство тѣло;

Но въ головѣ для тѣла долженъ быть
Совѣтникомъ разсудокъ; у кого же
Совѣтникъ свой молчитъ,
Тотъ слушайся чужого,
И не стыдись исправить зло,
Поспѣшно сдѣланное въ гнѣвѣ:
Изъ устъ неосторожно бросилъ
Ты оскорбительное слово—
Пошли за нимъ мирительное вслѣдъ;
Обиду ты нанесъ строптивой рѣчью
Тому, кого щадить велитъ разсудокъ—
И ею былъ не онъ одинъ обиженъ:
Ты пристыдилъ насъ всѣхъ его стыдомъ;
Рустема въ петлю! А Рустемъ
Тебя на тронъ отцовскій посадилъ,
И онъ же трона
Твердѣйшая опора;
Что жъ будетъ намъ, когда Рустема въ петлю?
И что же съ царствомъ будетъ безъ Рустема?
Теперь изломанъ мечъ Ирана;
Изсохла мужества рука,
Плотины нѣтъ на вражье наводненье.
Всѣ наши витязи извѣстны Гездехёму—
А что намъ пишетъ Гездехёмъ?
„Что ни одинъ изъ насъ противъ Зораба
Не устоитъ, что на него
Одна гроза—Рустемъ". Но гдѣ же
Теперь Рустемъ? За промедленье
Двухъ дней тобой онъ изгнанъ навсегда.
Меня къ тебѣ твои вельможи
И съ ними сынъ твой Фераборъ
Прислали умолять, чтобъ ты
Благословилъ съ Рустемомъ примириться.
Никто, ни Фераборъ твой сынъ—
Сколь онъ ни силенъ, ни отваженъ—
Ни добрый твой военачальникъ Тусъ,
Ни я съ осьмидесятью сыновьями
Тебя не защитимъ. Одинъ Рустемъ
Твоя надежная защита.—
Сказавши такъ, Гудерсъ умолкнулъ.

XI.

И къ сердцу принялъ Кейкавусъ
Отъ сердца сказанное слово;
Онъ отвѣчалъ: „Пословица святую
Намъ правду говоритъ, что стариковъ
Совѣта полныя уста
Вѣрнѣйшіе хранители царей.
Я самъ теперь раскаиваюсь горько,
Что оскорбительное слово
Въ кипѣньи гнѣва произнесъ.
Ступайте жъ всѣ къ Рустему, и зовите
Его обратно въ Истахаръ
На миръ и доброе согласье
Съ своимъ царемъ". Хвала царю! воскликнулъ
Гудерсъ. И возвратиться
Онъ поспѣшилъ къ вельможамъ, ожидавшимъ
Его съ великимъ нетерпѣньемъ.
„Царево сердце ненадёжно
(Такъ разсуждали межъ собою
Они въ невѣдѣньи, смирится ль шахъ иль нѣтъ;
Одно и то же слово можетъ
Въ немъ гнѣвъ и милость возбудить.
Подобно маслу наше слово;
Царево жъ сердце то огонь,
То море бурное—огню
Даетъ двойную силу масло,
А море бурное оно покоитъ".
Такъ царскіе вельможи говорили;
Но мрачныя печалью лица ихъ
Вдругъ стали радостію свѣтлы,
Когда принесъ имъ вѣсть благую
Гудерсъ.—Теперь Иранъ спасенъ!
Они воскликнули. Поѣдемъ
Скорѣй всѣ вмѣстѣ за Рустемомъ;
Его догнать намъ должно прежде,
Чѣмъ онъ достигнетъ до Сабула.—

XII.

И всѣ они отправилися въ путь,
И ѣхали весь день, всю ночь,
И той гостиницы достигли,
Гдѣ выбралъ свой ночлегъ Рустемъ,
Гдѣ Гефъ его нагналъ, и гдѣ
Онъ на покоѣ ждалъ Зевара
Съ дружинами Сабулистана,
Рѣшась упорно, вопреки
Всѣмъ убѣжденьямъ Гефа,
Не возвращаться въ Истахаръ.
Но, вмѣсто брата, онъ увидѣлъ
Передъ собой вельможъ Ирана.
Они къ нему смиренно подошли;
Почтительно онъ всталъ, чтобъ ихъ принять.
И выступя впередъ, сказалъ ему Гудерсъ:
—Рустемъ, мы присланы отъ шаха,
Тебя просить, Ирана пехлеванъ,
Чтобъ ты съ нимъ примирился.
О томъ же просимъ мы
И именемъ всего Ирана, просимъ
За нашихъ юношей, въ бою
Себя еще не испытавшихъ;
За нашихъ опытныхъ мужей,
Съ тобой ходившихъ на врага
За славою, побѣдой и добычей;
За нашихъ хилыхъ стариковъ;
За нашихъ женъ, дѣтей, внучатъ;
За весь народъ, за весь Иранъ;
Ты ихъ твердыня, ихъ надежда;
Не отдавай же царства въ жертву
Свирѣпому Турану за одно
Тебя обидѣвшее слово.
Ты вѣдаешь, какъ опрометчивъ,
Какъ безразсудно гнѣвенъ шахъ:
На слово онъ ругательное скоръ,
Но такъ же скоръ и на признанье
Своей вины; съ раскаяніемъ онъ
Свою тебѣ протягиваетъ руку;
Не отвергай ея, Рустемъ,
Тебя ужалившее слово
Не ядомъ напоенный мечъ,
А легкій звукъ—забудь, Рустемъ,

О легкой, несмертельной ранѣ,
И возвратися въ Истахаръ,
Гдѣ ждетъ тебя нетерпѣливо
Съ удвоеннымъ благоволеньемъ шахъ.—

XIII.

Рустемъ отвѣтствовалъ угрюмо:
„Скажите шаху Кейкавусу,
Что мнѣ ни висѣлицъ его,
Ни царскихъ милостей не нужно.
Въ Сабулъ я ѣду; тамъ я царь,
Такой же царь, какъ онъ въ Иранѣ.
Мнѣ надоѣло воевать;
Довольно я игралъ
Своею жизнью и чужою
На службѣ шаха—онъ меня
И наградилъ по милости своей.
Спасибо. Мы съ нимъ кончили расчетъ.
Къ тому же въ этотъ разъ мнѣ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Мой Громъ на самомъ рубежѣ
Ирана спотыкнулся; я впервые
Почувствовалъ, что шлемъ и панцырь
Мнѣ тяжелы—когда жъ обратно
Поѣхалъ я, мой конь запрыгалъ
И радостно заржалъ. Простите жъ; добрый
Вамъ путь, но я вамъ не попутчикъ“.
— Рустемъ, сказалъ Гудерсъ, не можетъ быть,
Чтобъ это былъ послѣднiй твой отвѣтъ.
Тебя твой царь обидѣлъ, правда;
Но руку онъ на примиренье самъ,
Признавъ себя виновнымъ, подаетъ—
Чего жъ еще желаешь болѣ?
И что подумаетъ Иранъ,
Такой отвѣтъ услышавъ?
Не скажутъ ли: Рустемъ,
Состарѣвшiйся левъ, бѣжитъ
Отъ львенка молодого;
Рустемъ Зораба испугался;
Орелъ нашъ крылья опустилъ;
Не смѣетъ онъ летѣть на высоту:
Тамъ носится другой орелъ,
Его моложе и отважнѣй;
Вотъ отчего ему такъ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Вотъ отчего и Громъ на рубежѣ
Ирана спотыкнулся, и впервые
Рустему шлемъ и панцырь стали
Такъ тяжелы. Потерпишь ли, Рустемъ,
Чтобъ про тебя молва такая
Вдругъ по всему Ирану разнеслася,
И чтобъ она постыднымъ о тебѣ
Преданьемъ перешла къ потомкамъ?—
Рустемъ, сверкнувъ глазами тигра,
Воскликнулъ: „Гефъ, подай мнѣ Грома“.
И слова не сказавъ Гудерсу,
Онъ на кипучаго коня
Вскочилъ, и поскакалъ путемъ обратнымъ;
И всѣ за нимъ вослѣдъ
Толпою шумною помчались.

XIV.

Съ Рустемомъ примирившись,
На пиръ веселый Кейкавусъ
Созвалъ своихъ вельможъ. И длился
Ихъ пиръ до самой поздней ночи.
А той порой, когда въ царевыхъ
Палатахъ праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во всѣ входила домы,
Неспящимъ улыбалась,
Заснувшихъ пробуждала,
Разглаживала всѣмъ
Прiятной вѣстью лица.
Вдругъ ей попался кто-то
Навстрѣчу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Была въ своемъ полетѣ
Свѣтла и весела.
И громко засмѣявшись,
Летунья у него
Спросила: „Кто ты, плакса?“
— Меня, онъ отвѣчалъ ей,
Зовутъ Печальнымъ Слухомъ;
Я по всему разнесъ Ирану,
Что шахъ поссорился съ Рустемомъ,
И что Рустемъ оставилъ Истахаръ;
И всѣхъ мои тревожатъ вѣсти.—
„Зажми же ротъ, сказала
Веселая Молва;
Съ Рустемомъ примирился
Твой гнѣвный Кейкавусъ;
Они теперь пируютъ
И ссору запиваютъ
Виномъ благоуханнымъ“.
Печальный Слухъ съ сомнѣньемъ покачалъ
Своей косматой головою;
За это разсердилась
Веселая Молва,
И началася драка.
Печальный Слухъ былъ неуклюжъ,
Веселая Молва
Была легка, проворна;
И мигомъ былъ Печальный Слухъ,
Прибитый, изъ города выгнанъ;
И снова начала она
По улицамъ летать;
И гдѣ ни пролетала,
Воздушную летунью
Старикъ и молодой,
Здоровый и недужный,
И бѣдный и богатый,
Ласкали, миловали;
Кому жъ на сонъ грядущiй
Услышать удавалось
Ея живое слово,
Тотъ сладко засыпалъ,
Обвѣянный толпою
Веселыхъ сновидѣнiй.

XV.

Когда на слѣдующій день
Явилось солнце, и, раздернувъ
Востока занавѣсъ пурпурный,
Среди лазореваго неба
Свое воздвигло золотое
Всеосѣняющее знамя,
Когда на пажитяхъ земли
Подъ пѣсню жаворонковъ звонкихъ
Стада пространно зашумѣли—
Труба военная столицу огласила,
И весь народъ на площадь Истахара
Шумящею толпою побѣжалъ:
Тамъ, раздѣляся на дружины,
Шло войско мимо Кейкавуса;
И передъ каждою дружиной
Былъ вождь ея; а позади
Всей рати, отдѣлясь отъ прочихъ,
Великій царства пехлеванъ,
На грозномъ Громѣ ѣхалъ
Рустемъ одинъ. Не велъ дружины онъ;
Но въ немъ одномъ была душа
Всего безчисленнаго войска;
Его сабульскою дружиной
Военачальствовалъ Зеваръ;
А главнымъ воеводой рати
Былъ Тусъ, испытанный боями.
Когда же царь все войско осмотрѣлъ—
Знамена заиграли,
Тимпаны загремѣли,
Задребезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.
И разлясь широкимъ наводненьемъ,
Шло войско къ рубежамъ Ирана;
Подъ нимъ земля стонала и тряслася;
Отъ топа конскаго дрожали горы;
Отъ кликовъ тучи расшибались;
Стотысячно ликъ солнца отражался
На панцыряхъ, на конскихъ сбруяхъ;
Какъ на пригоркахъ въ бурю
Волнуются вершины сосенъ,
Такъ волновались перья и султаны
На шишакахъ и на турбанахъ;
И тамъ земля, какъ пестрый лугъ сіяла,
Гдѣ войско шло; но гдѣ оно прошло,
Тамъ все являлось голой степью,
Тамъ были всѣ ключи изсушены
И въ пыль растоптаны всѣ нивы.
И скоро войско на границѣ
Ирана станъ свой утвердило
Въ виду горы, на высотѣ которой,
Окрестности владыка, Бѣлый За́мокъ
Стоялъ, какъ туча громовая,
И въ глубинѣ той тучи громовой
Таился молнія—Зорабъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПИРЪ ВЪ БѢЛОМЪ ЗАМКѢ.

I.

Зорабъ обрадованъ былъ вѣстью
О приближеньи къ за́мку персовъ;
Ему наскучило давно
Сидѣть безъ дѣла за стѣнами
И ждать прибытія гостей...
Вотъ, наконецъ, пожаловали гости.
И было все готово къ ихъ пріему:
И за́мокъ, снова укрѣпленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вмѣстѣ съ Баруманомъ
Зорабъ, взошедъ на башню,
Окинулъ, какъ орелъ,
Очами всю окрестность—
Очамъ его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,
Безчисленное войско.
Какъ смѣлый радуется ястребъ,
Увидя стадо голубей,
Въ которомъ онъ любого
Изъ множества въ добычу выбрать можетъ,
Такъ храбраго Зораба
Обрадовала сила
Идущаго противъ него врага.
Но Баруманъ отъ страха поблѣднѣлъ;
И страхъ его замѣтя,
Зорабъ сказалъ съ улыбкой:
„Не бойся, наведи
На щеки прежній ихъ румянецъ.
Смотри, какой огромный рядъ дружинъ!
Какъ онъ оружіемъ сверкаетъ!
Какъ много ихъ сюда пришло,
Чтобъ здѣсь мнѣ дать побѣды славу!
И слава та навѣкъ моею будетъ!
Но если бъ я и гибель встрѣтилъ
Въ борьбѣ съ такой великой силой—
Все будетъ мнѣ хвалою отъ людей,
Что я дерзнулъ надѣяться побѣды.
Противъ утеса одного
Ихъ море цѣлое стеклося;
При имени моемъ затрепеталъ
Въ своей столицѣ Кейкавусъ;
Всѣ витязи Ирана,
Которыхъ мужество и силу
Повсюду славятъ въ громкихъ пѣсняхъ,
Сошлися здѣсь противъ Зораба.
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого,
Съ которымъ было бъ славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильныхъ
И славныхъ подымаетъ
Прославленный свой мечъ,
Которому въ бою не уступить
Великой честью озарило бъ
Мои младые годы?

Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого?“
Такъ спрашивалъ Зорабъ;
Но онъ не смѣлъ
По имени того назвать,
Отъ чьей руки такъ скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

II.

И Баруманъ отвѣтствовалъ Зорабу:
—Тамъ много витязей, съ которыми сразиться
Тебѣ великой было бъ славой;
Но знать хочу, о комъ ты мыслишь самъ?
О, благородно пламенѣетъ,
Какъ факелъ, ночи озаритель,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтобъ не упалъ
Твой факелъ въ воду—въ хладной влагѣ
Онъ заклокочетъ, зашипитъ,
И, задымяся, вдругъ погаснетъ;
Не вѣдай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье;
За нимъ твой конь летитъ, какъ на крылахъ,
Но мигъ одинъ—во рву и конь и всадникъ.
Былъ миръ, война спала—
Ее теперь ты разбудилъ;
Но знаешь ли, какую схватитъ
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся жъ, примѣчая,
Что я дрожу—не за себя дрожу я,
Дрожу за всѣхъ, чей будетъ вынутъ жребій,
И за тебя—судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучшихъ.
Иди же въ бой, Зорабъ,
Не опрометчивымъ ребенкомъ,
А твердо-осторожнымъ мужемъ.
Благодари Афразіаба,
Что сильною тебя снабдилъ онъ ратью;
Стой съ нею здѣсь, прикрытый крѣпкимъ за́мкомъ,
Упершися въ него ея крыломъ—
И врагъ тебя не одолѣетъ; если жъ
Захочешь славы—пусть тобой
На поединокъ вызванъ будетъ
Тотъ витязь, кѣмъ стоитъ Иранъ,
И кто сраженный увлечетъ
Въ свое паденіе всю силу
И все величіе Ирана.—
Такъ говорилъ Зорабу,
Мѣшая медъ совѣта
Съ отравою измѣны,
Коварный Баруманъ;
Но не посмѣлъ и онъ назвать
По имени Рустема; онъ блѣднѣлъ
При этомъ имени—измѣна,
Какъ тайная змѣя,
Его сосала сердце.
Безъ подозрѣнья, безъ тревоги,
Полюбовавшись на блестящій
Равнину всю покрывшій станъ,
Зорабъ пошелъ съ подзорной башни,
И пиръ велѣлъ роскошный приготовить,
Чтобъ весело, при звукѣ флейтъ и арфъ,
При звукѣ кубковъ, при шипѣньи
Злато-пурпурнаго вина,
Отпраздновать съ друзьями
Враговъ желанное явленье.

III.

Тѣмъ временемъ въ широкій станъ
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что конямъ,
Слонамъ, верблюдамъ будетъ тѣсно
Все безпредѣльное пространство;
Но, наконецъ—когда разросся
Огромный лѣсъ шатровъ и протянулись
Рядами улицы и на широкихъ
Межъ ними площадяхъ
Живая разлилась торговля—
Въ спокойное пришелъ устройство
Кипѣвшій бурно безпорядокъ.
Когда жъ на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли—утихло все,
И каждый ратникъ подъ своимъ
Заснулъ шатромъ и въ высотѣ
Одинъ раскинулся надъ всѣми
Шатеръ небесъ, звѣздами ночи
Усыпанный необозримо.
И въ этотъ часъ, пришедши къ шаху,
Ему сказалъ Рустемъ:
„Я не могу безъ дѣла оставаться;
Хочу итти къ Зорабу въ гости;
Хочу увидѣть, кто навелъ
На васъ такой незапный ужасъ;
Хочу взглянуть въ лицо богатыря,
Передъ которымъ весь Иранъ
Такъ задрожалъ; хочу своими
Глазами видѣть; стоило ль труда
Сѣдлать мнѣ Грома, надѣвать
Свой старый шлемъ, и будетъ ли какая
Мнѣ честь его убить моей рукою.
Туранъ я часто посѣщалъ;
Я знаю ихъ языкъ и ихъ обычай:
Турецкое одѣвши платье,
Прокрасться я намѣренъ въ Бѣлый За́мокъ,
И все тамъ осмотрѣть. Я у тебя,
Державный шахъ, пришелъ просить
На то соизволенья“. Кейкавусъ
Съ улыбкой отвѣчалъ:—Рустемъ,
Ты и въ турецкомъ платьѣ будешь
Красой и славою Ирана.
Рука всей рати въ день сраженья,
Ты хочешь быть и зоркимъ окомъ
Ея во тьмѣ ночной. Иди,
И будь тебѣ проводникомъ Всевышній.—

IV.

Одѣвшись туркомъ, осторожно
Отправился въ свой путь Рустемъ.
Хотя въ шатрѣ онъ всѣ свои доспѣхи,
Свой панцырь, шлемъ и даже мечъ покинулъ,—

Но безоруженъ не остался;
Его рука была, какъ булава
Желѣзная, крѣпка. Во мракѣ ночи
Онъ къ Бѣлому подходитъ За́мку—
Тамъ были слышны крики пированья;
И близъ воротъ незатворенныхъ
На стражѣ не стоялъ никто. Какъ левъ го-
Въ тотъ часъ, когда забывъ [лодный,
Заграду затворить, безпечно пастухи
Шумятъ на праздникѣ ночномъ,
Врывается въ средину стада,
И изъ него сильнѣйшаго быка
Уноситъ—ревъ услыша, пастухи
Бѣгутъ за хищникомъ; но онъ
Съ добычею, погони не страшася,
Медлительно идетъ въ свой страшный логъ,
А пастухи назадъ приходятъ въ горѣ,
И вовсе ихъ ночной разстроенъ праздникъ—
Такъ въ за́мокъ грозный левъ Рустемъ
Прокрался пиръ разстроить турковъ.
Тамъ дворъ широкій весь былъ озаренъ
Огнями; онъ шумѣлъ
Отъ говора пирующихъ, отъ звона
Виномъ кипящихъ чашъ,
Отъ пѣнья, отъ бряцанья струнъ,
Отъ бѣшено-веселой пляски:
Враговъ явленье праздновалъ Зорабъ
И все съ нимъ праздновало войско.
И притаяся въ темномъ
Углу, на все смотрѣлъ
И видѣлъ все изъ темноты
Никѣмъ не видимый Рустемъ.

V.

На пиршествѣ безпечно
При факелахъ зажженныхъ
Зорабъ сидѣлъ съ гостями;
На немъ не шлемъ желѣзный,
А праздничный изъ свѣжихъ
Цвѣтовъ сіялъ вѣнокъ,
И онъ, самъ яркій блескъ,
Былъ яркимъ окруженъ
Блистаньемъ, былъ прекрасенъ,
Какъ цвѣтъ благоуханный
Надежды, и въ его
Груди кипѣла младость;
И голову младую
Онъ бодро подымалъ,
И обѣгая окомъ
Воспламененнымъ праздникъ,
Съ весельемъ горделивымъ
Считалъ съ нимъ пировавшихъ
Сподвижниковъ. И видя
Его передъ собою
Прекраснаго такъ чудно,
Они позабывали
Вино, и клики ихъ
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой изъ неба
Съ благоволеньемъ звѣзды
Смотрѣли на него,
И на небѣ о немъ—
Земной звѣздѣ прекрасной,
Назначенной такъ скоро
Въ своей красѣ угаснуть—
Печалилися звѣзды.
Тогда одна изъ нихъ
Своимъ сестрамъ небеснымъ
Печальная сказала:
—Какъ жаль, что этотъ цвѣтъ
Такъ скоро, скоро долженъ
Увянуть! На землѣ
Прекраснаго являлось
Намъ много... и очей мы
Отвесть не успѣвали,
Какъ ужъ съ земли оно
Скрывалось—но доселѣ
Еще намъ не случилось
Тамъ видѣть ничего
Прекраснѣй и мгновеннѣй
Той прелести, какая
Такъ сладко въ этотъ мигъ
Собой насъ утѣшаетъ,
И такъ своею быстрой
Кончиною печалитъ.
О, какъ онъ милъ! какъ веселъ!
Пошлемъ въ сіяньи нашихъ
Очей, имъ веселимыхъ,
Видѣніе туда,
Гдѣ мать о немъ тоскуетъ,
Куда уже къ ней онъ
Не возвратится вѣчно;
Пускай его она
Хоть разъ еще увидитъ
Живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ
Отваги и надежды...
Его, быть-можетъ, завтра
Придетъ схватить судьбина.

VI.

Такъ говорили звѣзды неба
О милой праздника звѣздѣ.
И вотъ онѣ паровъ и блеска—
Въ пространствѣ воздуха разлитыхъ
Межъ небомъ и землею—взяли,
И свили сонъ...
И этотъ сонъ подобенъ
Былъ разноцвѣтному ковру,
Блестящему шелками,
Какой женихъ издалека
Невѣстѣ милой посылаетъ;
На немъ она въ землѣ своей
Все видитъ, что въ землѣ далекой
Ея возлюбленнаго очи
Встрѣчаютъ: горы снѣговыя,
И многоводные потоки,
И чудныхъ птицъ на неизвѣстныхъ
Деревьяхъ. И когда
На тотъ коверъ невѣста
Глядитъ—ей мнится, что сама
Она съ нимъ странствуетъ, что близъ нея

Онъ, возвратяся, отдыхаетъ.
Такую ткань видѣній
Изъ блеска и паровъ
Соткали звѣзды въ высотѣ;
И дали воздуху онѣ
Ее нести, и съ нею тихо
Летѣть въ Туранъ,
Чтобъ спящей матери лицо
Она неслышимо покрыла;
И воздухъ полетѣлъ;
И матери привидѣлся прекрасный,
Какъ утро свѣтлый, сонъ;
И въ этомъ снѣ увидѣла она
Сидящаго на пиршествѣ ночномъ
За полнымъ кубкомъ сына;
Его горѣли щеки,
Его уста цвѣли,
Его сверкали очи,
Онъ полонъ былъ отваги;
И таяло отъ радости въ ней сердце.
Казалось ей, что онъ,
Въ немногіе разлуки дни,
Изъ отрока созрѣлъ
Могущественнымъ мужемъ;
И вкругъ него, казалось, много
Знакомыхъ ей, и незнакомыхъ
Сидѣло витязей. Но въ сторонѣ,
Она увидѣла, стоялъ Рустемъ
Одинъ; и, притаясь, изъ темноты
Смотрѣлъ на праздникъ онъ сурово;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что къ сыну выйти не хотѣлъ
Отецъ на свѣтъ; но горе скоро
Провѣяло, какъ легкій воздухъ;
Ей стало весело, что къ сыну
Отецъ такъ близко, и что онъ
Свою узнавъ повязку,
Изъ мрака выйдетъ и ему
Съ любовію протянетъ руку.

VII.

Тѣмъ временемъ, какъ матери душа
Была такимъ прекраснымъ сновидѣньемъ
Лелѣема, Зорабъ
Съ гостями праздновалъ безпечно;
И пили всѣ кипучее вино;
И два изъ нихъ сидѣли рядомъ,
Одинъ по правую, другой
По лѣвую съ нимъ руку;
Былъ слѣва Баруманъ,
Къ нему не изъ любви, не для храненья
Приставленный Афразіабомъ;
А справа Синдъ; его
Послала вслѣдъ за сыномъ мать,
Чтобъ съ глазъ Зораба не спуская,
Онъ былъ ему въ чужой землѣ
Хранителемъ и вѣрнымъ другомъ.
Онъ былъ изъ рода семенгамскихъ
Царей, былъ крѣпокъ силой, ростомъ
Высокъ; былъ чутокъ слухомъ,
И такъ очами зорокъ,
Что ночью видѣть могъ, какъ днемъ;
И это побудило мать
Ему надзоръ за сыномъ ввѣрить,
Дабы, когда имъ встрѣтится Рустемъ,
Онъ могъ немедля
Его Зорабу указать
(Остались въ памяти у Синда
Черты Рустема съ той поры,
Когда царемъ онъ въ Семенгамѣ
Былъ такъ роскошно угощенъ,
И бракомъ сочетался
Съ царевною Теминой).
И Синдъ на праздникѣ Зораба
Сидѣлъ, вино изъ кубка пилъ,
И молча думалъ: завтра
Ему я укажу Рустема.

VIII.

Но рысьими глазами Синдъ
Увидѣлъ вдругъ, что кто-то въ темнотѣ
Стоялъ и прятался. Онъ всталъ,
И къ мѣсту темному пошелъ
Поспѣшнымъ шагомъ, чтобъ своими
Его глазами осмотрѣть.
Онъ тамъ увидѣлъ великана,
Огромнаго, какъ слонъ;
Не помнилось ему, чтобъ кто подобный
Его глазамъ когда встрѣчался;
Такимъ онъ видѣлъ одного Рустема;
Но этотъ былъ въ турецкомъ платьѣ,
Хотя и замѣчалъ
Въ немъ Синдъ какъ-будто что чужое.
—Кто ты? воскликнулъ Синдъ; зачѣмъ
Здѣсь спрятался и выступить на свѣтъ
Не хочешь? Покажи свое лицо
И дай отвѣтъ.—Но не далъ
Ему Рустемъ отвѣта.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синдъ схватилъ,
Чтобы взглянуть на свѣтъ изъ темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустемъ взмахнулъ,
И грянулъ Синда кулакомъ
По головѣ—и Синдъ упалъ,
Не крикнувъ, мертвый. Той порой,
Зорабъ, примѣтивъ, что ушедшій
Не возвращался долго Синдъ,
Послалъ провѣдать, гдѣ онъ?
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащаго, обратно
Какъ изступленный прибѣжалъ,
Крича:—Убили Синда! Синдъ
Убитъ!—Затрепетавъ, Зорабъ
Вскочилъ; вскочили съ нимъ всѣ гости,
И съ факелами побѣжали
Толпою къ мѣсту роковому.
Тамъ на землѣ недвижимъ Синдъ лежалъ;
Онъ былъ убитъ—но кѣмъ?
Никто того не вѣдалъ.

IX.

„О горе! возопилъ Зорабъ,
Въ заграду волкъ ворвался
И лучшаго зарѣзалъ въ стадѣ
Овна; а пастухи
Съ собаками дремали.
Скорѣе всѣ въ погоню за убійцей!..“
Но некого ужъ было догонять,
Исчезъ ночной убійца. Возвратясь,
Зорабъ печально сѣлъ за столъ;
Кругомъ его печально сѣли гости;
И онъ сказалъ: „Не радуетъ меня
Теперь мое на этомъ пирѣ мѣсто;
Направо отъ меня моимъ
Ближайшимъ другомъ занятое,
Вдругъ стало пусто. Былъ мнѣ данъ
Онъ милой матерью моею,
И могъ одинъ въ Иранѣ указать мнѣ
Рустема; онъ одинъ изъ насъ
Его видалъ. Кто мнѣ теперь
Его укажетъ?“ То услыша, покраснѣлъ
Сидѣвшій слѣва—покраснѣлъ
Предатель Баруманъ,
Не изъ любви, не для храненья
Приставленный къ нему Афразіабомъ;
Какъ Синдъ, Зорабу
Онъ могъ бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски онъ служилъ измѣнѣ.
Зорабъ, поднявъ высоко
Виномъ наполненную чашу,
Воскликнулъ: „Пью послѣдній кубокъ пира;
Онъ не виномъ, а клятвою кровавой
Наполненъ, клятвою отмстить
Убійцѣ Синда. Кто бъ онъ ни былъ, я
Его найду, и будетъ отъ меня
Ему убійство за убійство.
Когда жъ моей я клятвы не исполню,
Пускай въ отраву обратится
И въ жилахъ кровь мою сожжетъ
Вино въ послѣдней этой чашѣ,
Мной осушаемой до дна“.
Съ такой клятвой мщенья
(Противъ кого? о томъ не вѣдалъ онъ)
Зорабъ вино изъ кубка выпилъ,
И въ дребезги расшибъ, ударивъ оземь, кубокъ.
Потомъ всѣ гости встали съ мѣстъ,
Чтобъ Синда въ землю опустить;
И свѣтлый пиръ сталъ мрачнымъ погребеньемъ.

X.

Тѣмъ временемъ Рустемъ достигнулъ стана
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ на стражѣ Гефъ.
При видѣ турка, Гефъ его окликнулъ
И вся его дружина встала въ строй;
Рустемъ, узнавъ по клику зятя,
Ему знакомый подалъ голосъ;
И Гефъ, его впустивъ въ заграду стана,
Спросилъ съ великимъ изумленьемъ:
— Гдѣ былъ ты, старый богатырь?
Зачѣмъ одинъ въ такую пору бродишь?
Съ духами ль темными ночную
Бесѣду ты завелъ? Въ союзъ ли съ ними
Вступилъ, чтобъ чародѣйствомъ
Себѣ придать передъ сраженьемъ силы?
Мы знаемъ, съ демонами тьмы
Давно ты водишься; и, вѣрно,
Отъ нихъ ты занялъ черное искусство
Быть невредимымъ, что теперь
Такъ беззаботно, безоружный,
Одинъ, переодѣтый туркомъ, ходишь
Ночной порой между шатровъ Ирана.—
Рустемъ сказалъ: „Не въ этомъ дѣло;
Я былъ въ гостяхъ, я навѣстилъ Зораба;
Издалека его увидѣлъ я,
И буду радъ, когда вблизи увижу.
Но мнѣ лазутчику другой лазутчикъ
Нежданный помѣшалъ; насильно
Меня хотѣлъ онъ вытащить на свѣтъ;
Я въ темнотѣ ударомъ кулака
Его убилъ—себѣ иначе
Помочь не могъ я—но о немъ
Непостижимо-грустно мнѣ, и я готовъ
Почти заплакать. Гефъ, найди скорѣе
Персидскій для меня уборъ;
Замаранное кровью это платье
Несносно мнѣ; да и собаки здѣсь
Со всѣхъ сторонъ сбѣгутся съ лаемъ
На турка, вкругъ шатровъ персидскихъ
Ходящаго ночнымъ дозоромъ...“
Вздохнувъ глубоко, снялъ съ себя
Рустемъ турецкую одежду.
Какой-то жалобный въ немъ голосъ
Противъ ночного дѣла вопіялъ;
Невольно онъ жалѣлъ о Синдѣ;
Какъ-будто чувствовалъ, что въ немъ убилъ
Свое спасенье отъ чего-то,
Неизбѣжимаго теперь.
И не пошелъ онъ къ шаху съ донесеньемъ;
Къ себѣ въ шатеръ онъ возвратился,
И легъ, и тяжко спалъ всю ночь.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЗОРАБЪ И ХЕДЖИРЪ.

I.

Когда взошла заря на небо,
Зорабъ взошелъ на башню зáмка;
Съ ея площадки могъ онъ весь
Иранскій станъ, какъ на ладони видѣть.
И онъ велѣлъ позвать Хеджира.
Онъ думалъ: „Синда нѣтъ; Хеджиръ
Рустема, вѣрно, знаетъ; мнѣ
Его укажетъ онъ“. Хеджиръ
Окованный былъ приведенъ. Оковы
Съ него своей рукою снявъ, Зорабъ
Сказалъ: „Хеджиръ, желѣза плѣнъ
Я золотомъ свободы замѣню,
Когда ты мнѣ по правдѣ дашь отвѣтъ
На все, о чемъ тебя разспрашивать я стану;
Будь откровененъ; съ чистымъ,

А не съ подмѣшаннымъ виномъ
Подай теперь свою мнѣ чашу“.—
„Я не солгу, отвѣтствовалъ Хеджиръ:
Готовъ я на твои вопросы
Все объявить, что самому
Извѣстно мнѣ“.—„Богатые шатры
Я въ станѣ вижу, продолжалъ Зорабъ;
Какому витязю, скажи мнѣ, каждый
Изъ тѣхъ шатровъ принадлежитъ?
Когда о томъ поистинѣ мнѣ скажешь,
Тебя осыплю золотомъ и честью;
Когда же нѣтъ, не усидитъ
Твоя на шеѣ голова“.—
„Чего же медлишь? возразилъ
Хеджиръ; разспрашивай, я буду
По правдѣ отвѣчать; лжецомъ
Я не бывалъ, а смерти не страшуся“.

II.

И началъ спрашивать Зорабъ:
—Тамъ въ серединѣ самой стана
Я вижу золотой шатеръ;
И отъ него идутъ во всѣ концы
Дороги, и по тѣмъ дорогамъ
Одни къ шатру медлительно подходятъ,
Какъ-будто съ робкимъ ожиданьемъ;
Другіе весело отходятъ отъ шатра,
Какъ бы съ исполненной надеждой.
И весь онъ отъ подошвы
До маковки сіяетъ,
Какъ солнце, золотомъ; у входа
Лежатъ, какъ двѣ ручныя
Собаки, левъ и тигръ; а на вершинѣ
Сидитъ орелъ, и держитъ онъ
Въ когтяхъ распущенное знамя
Съ изображеньемъ солнца.
Такой шатеръ не витязю простому
Принадлежитъ; скажи мнѣ, чей онъ?—Гордо
Поднявши голову, сказалъ Хеджиръ:
„Въ немъ шахъ Ирана обитаетъ.
Передъ его престоломъ день и ночь
Дружина вѣрная стоитъ
Тѣлохранителей. И никакой
Не страшенъ врагъ великому царю“.—
—Налѣво, продолжалъ Зорабъ,
Разбитъ серебряный шатеръ;
Онъ къ золотому обращенъ
Своимъ открытымъ входомъ;
У входа барсъ и леопардъ;
А наверху я вижу грифа:
Широко вѣющее знамя
Съ изображеніемъ луны
Въ когтяхъ серебряныхъ онъ держитъ.—
„Тамъ обитаетъ, отвѣчалъ
Хеджиръ, сынъ шаха Фераборъ, ближайшій
Къ престолу и къ цареву сердцу“.—
На то Зорабъ сказалъ:—Имъ честь и слава!
Когда одна душа въ отцѣ и сынѣ,
Они всю землю завоюютъ.

III.

И продолжалъ разспрашивать Зорабъ:
—Направо тамъ отъ золотого
Шатра стоитъ, я вижу, черный;
Онъ окруженъ безчисленною стражей;
И безпрестанно скачутъ
Къ нему и отъ него гонцы.
У входа слонъ, покрытый пышнымъ
Ковромъ, и на его спинѣ
Огромные тимпаны войска;
А на верху шатра сіяетъ
Драконъ; въ его разинутую пасть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звѣздами,
И разстилается, какъ небо,
Широко вѣя, надъ шатрами.
Кому такая почесть?
Кто раздѣляетъ власть съ державнымъ шахомъ?—
„Его военачальникъ Тусъ,
Отвѣтствовалъ Хеджиръ; онъ сродникъ шаха,
И право онъ имѣетъ родовое
Въ сраженьи мѣсто заступать царя;
На зовъ его сошлося это войско,
Грозящее погибелью тебѣ.
А надъ шатромъ воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь;
Его воздвигъ великій Феридунъ,
Убивъ Согака, на плечахъ
Носившаго живыхъ, приросшихъ къ нимъ драконовъ;
Къ святой хоругви этой
Прикована побѣда:
Она въ союзника отважность проливаетъ,
Блѣднѣетъ врагъ, ее увидя“.—
Зорабъ при этомъ словѣ улыбнулся,
И продолжалъ:—А этотъ пурпуровый
Шатеръ кому принадлежитъ?
И кто сѣдой, могучій воинъ,
Передъ его сидящій входомъ?
Толпою ратниковъ онъ окруженъ;
Одни изъ нихъ ужъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Другіе молоды, и всѣ
Къ нему лицомъ обращены,
И передъ нимъ стоятъ благоговѣйно,
Какъ сыновья передъ отцомъ?—Изъ сердца
Хеджирова, какъ острый
Кинжалъ, въ немъ глубоко сидѣвшій,
Исторгся вздохъ, когда онъ отвѣчалъ
Зорабу: „Это старецъ
Гудерсъ; онъ мудръ и кротокъ рѣчью,
Мечомъ пронзителенъ и крѣпокъ,
Онъ сильный царь въ своей семьѣ.
И можетъ царство защитить
Одинъ, собравъ своихъ домашнихъ;
Съ семидесятью девятью
Онъ сыновьями въ войско шаха
Пришелъ противъ тебя... а я
Осьмидесятый; и меня
Въ строю ихъ нѣтъ“.—Зачѣмъ дался ты въ плѣнъ?
Сказалъ Зорабъ. Открой мнѣ правду,
И нынче жъ будешь вмѣстѣ съ ними.—

IV.

—Но чей, скажи, зеленый тотъ шатеръ,
Который, какъ дремучимъ лѣсомъ
Покрытая гора, межъ невысокихъ
Холмовъ стоящая, надъ всѣми
Шатрами поднялся? И такъ же твердъ онъ,
Какъ та гора: на ней растущій лѣсъ
Дрожитъ шатаемъ бурей,
Она жъ не двигнется, и шаткій лѣсъ
За корни, въ грудь ея вонзившіеся, держитъ.
Конечно, тотъ шатеръ великій
Сильнѣйшему въ иранскомъ войскѣ
Принадлежитъ? Передъ шатромъ
Сидитъ, я вижу, воинъ; близъ него
Стоитъ, я вижу, конь;
Тотъ воинъ великанъ;
Тотъ конь чудовище; и воинъ
Сидитъ не на высокомъ мѣстѣ,
А всѣхъ кругомъ стоящихъ,
Онъ перевысилъ головой;
Всѣ на него почтительно глядятъ,
А онъ глядитъ съ любовью на коня,
Товарища испытаннаго въ битвахъ;
Копытомъ конь нетерпѣливымъ
Разбрасываетъ землю, а когда
Къ нему протягиваетъ руку
Его могучій господинъ—
Онъ чутко уши подымаетъ,
И фыркаетъ; когда же
Его волнистую онъ треплетъ гриву—
Конь бѣсится, кругомъ
Стоящіе приходятъ въ ужасъ,
А господину весело и любо.
Къ его бедру привѣшенъ мечъ,
Прислонена къ его колѣну
Дубина; ихъ никто другой не сможетъ
Поднять; когда дубиной онъ
Надъ головою конской машетъ,
Иль изъ ножонъ до половины
Выхватываетъ мечъ—
Конь прыгаетъ, послыша свистъ дубины,
И громко ржетъ, увидя блескъ меча.
Мнѣ никогда такой сѣдокъ,
Мнѣ никогда подобный конь
Не попадался—конь, который
Однимъ такимъ лишь сѣдокомъ
Обузданъ можетъ быть; сѣдокъ,
Котораго такому лишь коню
Поднять и вынесть можно. Вѣрно
О сѣдокѣ и о конѣ
И старъ и малъ въ Иранѣ знаетъ.
Скажи, Хеджиръ, ихъ имена.—
Онъ замолчалъ, какъ-будто убѣжденный,
Что эти имена: Рустемъ и Громъ;
Но онъ услышать ихъ
Хотѣлъ изъ устъ Хеджира.

V.

Хеджиръ задумался: ему пришло на память,
Что, съ нимъ вступая въ бой, Зорабъ
Своимъ отцомъ назвалъ Рустема;
И про-себя Хеджиръ подумалъ:
„Когда тебѣ Рустемъ отецъ,
Не мною съ нимъ ты будешь познакомленъ;
Его узнавъ, съ нимъ въ бой ты не пойдешь;
Тебя узнавъ, не булаву
Желѣзную онъ на врага подыметъ,
А нѣжною прижметъ рукою
Къ отеческому сердцу сына.
Нѣтъ! отъ Рустемовой руки
Тебя спасать я ненамѣренъ".
Такъ разсуждалъ съ самимъ собой Хеджиръ
—Что жъ ты умолкъ? спросилъ его Зорабъ.
О чемъ бормочешь самъ съ собою?
Со мною говори.—„Я думаю, сказалъ
Хеджиръ, и не могу придумать,
Кто этотъ чудный витязь.
Его мнѣ знаки неизвѣстны;
Конечно, онъ, въ отсутствіе мое
Въ столицу шаха прибылъ:
Къ нимъ слухъ дошелъ, что сильный богатырь
Изъ Индіи далекой
Царемъ на помощь вызванъ—
Быть-можетъ, это онъ.
И подлинно въ немъ что-то есть чужое".
—Но какъ зовутъ его,—спросилъ Зорабъ.
„Не знаю", отвѣчалъ Хеджиръ.
—Не можетъ быть! ты долженъ знать;
Скажи, я требую.—„Не знаю;"
Твердилъ Хеджиръ упорно,
И въ тяжкомъ былъ Зорабъ недоумѣньи;
Рустемовы всѣ признаки онъ видѣлъ,
Ему и сердце говорило,
Что былъ въ глазахъ его Рустемъ—
Но имени желаннаго не могъ онъ
Ни просьбой, ни угрозой вырвать
Изъ непреклоннаго Хеджира.
И снова сталъ разспрашивать его
Зорабъ:—Кому принадлежитъ
Тотъ свѣтлорозовый шатеръ?—
„Его назвать могу я, отвѣчалъ
Хеджиръ; могучему Гуразу".—
— А этотъ желтый чей?—„Гургиновъ".—
—А этотъ голубой?—„Въ немъ Гефъ живетъ,
Рустемовъ зять". При этомъ на Хеджира
Зорабъ разгнѣванныя очи
Оборотилъ:—Теперь мнѣ ясно,
Что ты безстыдный лжецъ; мнѣ всѣхъ
Назвалъ ты, объ одномъ Рустемѣ
Ни слова. А Рустемъ душа Ирана,
И безъ него сраженій не бываетъ.
Между шатровъ тамъ нѣтъ ни одного
Принадлежащаго Рустему; гдѣ же
Рустемъ? Его съ намѣреньемъ скрываешь
Ты отъ меня. Но чудный воинъ тотъ
Передъ шатромъ зеленымъ—онъ, конечно,
Рустемъ. Скажи, Хеджиръ, скажи, что это онъ!
Всѣ признаки Рустемовы я вижу,
Недостаетъ мнѣ только убѣжденья;
Но я изъ всѣхъ, кого тамъ видѣлъ,
Желалъ бы, чтобъ Рустемомъ былъ
Одинъ лишь этотъ. О! скажи,

Скажи, Хеджиръ, что это онъ! и ты,
Немедля въ станъ къ отцу и братьямъ будешь
Отпущенъ съ честью и дарами.—
„Зачѣмъ, спросилъ Хеджиръ,
Ты такъ, Зорабъ, нетерпѣливо
Узнать Рустема хочешь? Мой совѣтъ:
Не выходи противъ него. Тебѣ
Передъ Рустемовой ужасной силой
Не устоять; когда Рустемъ
На Громѣ въ поле выѣзжаетъ,
И левъ и крокодилъ приходятъ въ трепетъ;
Онъ взглядомъ посылаетъ смерть;
Его дыханье буря; онъ какъ прутья
Ломаетъ крѣпкія деревья;
И кто бъ его противникъ ни былъ,
Хотя бъ онъ тверже былъ кремнистой
Горы, его Рустемъ растопчетъ,
Какъ слонъ траву сухую, въ пыль.
Но къ счастью своему, грозы
Ты избѣжалъ: Рустема въ войскѣ нѣтъ;
Съ царемъ поссорясь, онъ
Въ Сабулистанъ свой возвратился,
И тамъ, о битвахъ позабывъ,
Въ роскошномъ розовомъ саду
Пируетъ весело съ гостями,
И ждетъ спокойно за виномъ,
Чѣмъ кончится набѣгъ на насъ Турана".
Такъ говорилъ Хеджиръ Зорабу:
Его хотѣлъ онъ обмануть,
Придумавши вражду царя съ Рустемомъ;
Но вмѣсто лжи сказалъ случайно правду.

VI.

— Ты надо мной ругаешься, воскликнулъ
Съ негодованіемъ Зорабъ;
Молчи, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей!
Повѣрю ли, чтобъ пехлеванъ Ирана,
Чтобы Рустемъ, властитель боя,
Отъ боя убѣжавъ, лѣниво
Подъ кровлею домашней пировалъ?
Тогда бъ и женщины и дѣти
Его достойно осмѣяли,
Поссориться онъ могъ, конечно, съ шахомъ,
Когда, забывшись, шахъ его,
Завоевавшаго ему отцовскій
Престолъ, чѣмъ оскорбилъ; но Кейкавусъ
Еще не потерялъ разсудка;
И если подлинно онъ въ ссорѣ былъ съ Ру-
То ужъ они навѣрно примирились: [стемомъ,
Кто замѣнитъ Рустема Кейкавусу?
Что значитъ туча громовая
Безъ молніи и грома? Безъ Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иранъ вашъ значитъ? Говори жъ
Немедля, кто Рустемъ! Иль вмигъ твоя
Перелетитъ черезъ ограду за́мка
Къ шатрамъ иранскимъ голова.—
Хеджиръ отъ злости поблѣднѣлъ,
„Ты изъ меня, подумалъ про-себя онъ,
Насиліемъ не вырвешь слова,
Котораго сказать я не хочу;
Не страшны мнѣ твои угрозы;
Меня убьешь ты—отъ того
Не потемнѣетъ день, и въ кровь
Вода не превратится;
Гудерсу только изъ своихъ
Осьмидесяти сыновей
Придется вычесть одного;
Зато съ семидесятью девятью
Онъ выйдетъ мстителемъ кровавымъ
Противъ Хеджирова убійцы".
И онъ сказалъ: „Зачѣмъ, Зорабъ,
Ты такъ бѣснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты—
Убей, ты властенъ; имя жъ,
Которое такъ жадно хочешь слышать,
Останется во мнѣ, какъ запертое
Въ могилѣ; я не вымолвлю его,
Хотя бъ и зналъ стократно, кто и гдѣ
Рустемъ. Убей меня—пусть кровью заплачу
За стыдъ, что былъ ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей".
Такъ онъ сказалъ. Зорабъ въ кипѣньи гнѣва
Схватилъ свой мечъ, чтобъ грудь пронзить
Хеджиру;
Но онъ одумался, и только по щекѣ
Его съ такой ударилъ силой,
Что онъ безъ чувствъ упалъ на землю.
—Когда никто, воскликнулъ онъ,
Не хочетъ мнѣ Рустема указать,
Мой мечъ къ нему прочиститъ мнѣ дорогу.—

VII.

Зорабъ сбѣжалъ, пылая гнѣвомъ, съ башни,
Вооружился, на коня,
Крылатаго дракона, прянулъ
И поскакалъ, какъ буря, къ стану.
Онъ страшенъ былъ—кругомъ его
Клубился, выбитый конемъ,
Изъ нѣдръ земли кипучій вихорь пыли;
И въ этой черной тучѣ,
Какъ молнія, броня его сверкала,
И громомъ въ ней тяжелымъ раздавалось
Коня топочущаго ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летѣла туча громовая;
И всѣ, покинувшіе станъ,
Чтобъ подышать свободно въ полѣ,
Въ испугѣ бросились назадъ,
Спѣша укрыться за окопомъ.
Такъ на лугу, заграду табуна
Покинувъ, скачутъ жеребята;
Но вдругъ, бѣгущаго увидя льва,
Пугаются его косматой гривы,
И шумно ломятся въ заграду;
Такъ ужасомъ объятые къ шатрамъ
Всѣ кинулись, увидѣвши Зораба.
Но мелкаго врага не замѣчая,

Онъ вихремъ мчался къ валу стана,
Чтобъ на него взлетѣвъ съ конемъ,
Храбрѣйшаго изъ витязей Ирана
На смертный вызвать поединокъ;
И съ высоты окопа закричалъ
Зорабъ такимъ гремящимъ кликомъ,
Что отъ него и мертвый бы въ могилѣ
Перевернулся:—Шахъ великолѣпный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крѣпкою оградой стана;
Но покажись, каковъ ты въ чистомъ полѣ.
Зачѣмъ съ своимъ могучимъ войскомъ
Ты спрятался тамъ отъ меня,
Какъ за плетнемъ отъ волка
Съ овцами прячется пастухъ?
Съ моимъ копьемъ противъ тебя
Я выѣзжаю; въ Бѣломъ Замкѣ
Былъ умерщвленъ разбойнически Сиидъ;
Я за виномъ кровавую далъ клятву
Разбойнику за друга отомстить,
И въ ясный день убить убійцу,
Столь храбраго лишь темной ночью.
Когда его ты знаешь, повели,
Чтобъ шелъ со мной сразиться:
Когда жъ тебѣ невѣдомъ онъ, то вышли
Иного—лучшаго въ смертельномъ дѣлѣ боя.
Но если изъ твоей заграды
Никто противъ меня не выйдетъ, самъ я
Въ твой станъ проникну и къ шатру,
Гдѣ ты таишься недоступно,
Себѣ мечомъ прочищу доступъ.
Не устрашатъ меня твои два стража,
Твой левъ и тигръ; до солнца твоего,
Мое копье крылатое допрянетъ;
И выронитъ орелъ твой изъ когтей
Ирана царственное знамя;
Я на тебя шатеръ твой повалю,
И ты отъ сна безпечнаго проснешься.—

VIII.

При этомъ кликѣ шахъ въ испугѣ
Вскочилъ.—Бѣгите за Рустемомъ,
Онъ закричалъ. Какъ этотъ звѣрь провѣдалъ.
Что въ золотомъ шатрѣ я пребываю?
Скорѣй, скорѣй позвать Рустема!—
Рустемъ сидѣлъ передъ шатромъ зеленымъ,
Когда гонецъ предъ нимъ явился
И задыхаясь возопилъ:
— Зорабъ ворвался въ станъ; на царскій
Шатеръ напасть грозится онъ;
Спѣши, Рустемъ; на помощь царь зоветъ.—
Рустемъ, не покидая мѣста,
Сказалъ: „Служить накладно Кейкавусу;
Покоя нѣтъ ни днемъ ни ночью;
Я прошлую провелъ въ работѣ ночь,
Теперь хочу день цѣлый отдыхать“.
Но вотъ второй гонецъ примчался
За первымъ, третій за вторымъ, четвертый
За третьимъ; быстро,
Какъ за стрѣлою изъ лука стрѣла,
Они летѣли другъ за другомъ,
И каждый повторялъ:—Рустемъ!
Зорабъ ворваться хочетъ въ станъ;
Бѣги царю скорѣй на помощь.—
Увидя общую тревогу,
Рустемъ сказалъ: „Да развѣ небо
Упало? Всѣ дрожатъ передъ однимъ!
Отъ одного такой пожаръ всемірный!“
Но вдругъ предъ нимъ явились
Вельможи, посланные шахомъ,
Верховный воевода Тусъ
И самъ царевъ наслѣдникъ Фераборъ;
И всѣ его доспѣхи принесли
Они съ собой. Въ молчаніи угрюмомъ
Онъ далъ имъ волю; Тусъ надѣлъ
Тяжелый панцырь на него,
Гургинъ поножья; шлемъ
Былъ поданъ Фераборомъ;
Гуразъ принесъ колчанъ и лукъ;
Съ копьемъ, мечомъ и булавой пришли
Три сына стараго Гудерса;
И, наконецъ, съ могучимъ Громомъ,
Совсѣмъ осѣдланнымъ явился зять
Рустемовъ Гефъ. Увидя,
Какъ бѣшено, почуя бой, кипѣлъ
И прядалъ Громъ, его товарищъ вѣрный,
Рустемъ воспламенился;
На Грома онъ вскочилъ,
И грозно крикнувъ, поскакалъ...
И всѣ очами вслѣдъ за нимъ
Въ глубокомъ страхѣ устремились.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРВЫЙ БОЙ.

I.

Онъ поскакалъ туда, гдѣ богатырь,
Съ нимъ однокровный, ждалъ; гдѣ сынъ его [родной
Стоялъ, противъ отца вооруженный.
Завидѣвши одинъ другого, оба
Заржали громко огненные кони,
Рустемовъ Громъ и конь Зорабовъ,
Сынъ Грома—тотъ, отца принесшій
На убіенье сына; этотъ,
Принесшій сына, чтобъ погибъ
Рукой отца: но какъ родные
Они привѣтственнымъ другъ-друга ржаньемъ
Окликнули... о горе! неразумнымъ
Звѣрямъ былъ внятенъ голосъ крови,
А въ глубину души отца и сына
Онъ не проникъ—такъ бѣдный человѣкъ,
Въ безуміи страстей своихъ, и звѣря
Слѣпорожденнаго слѣпѣй бываетъ—
Для витязей то родственное ржанье
Призывомъ было въ бой свирѣпый,
И въ нихъ зажглось удвоенное пламя.
Остановясь одинъ противъ другого,
Отецъ и сынъ издалека другъ-друга

Смертельнымъ окомъ, молча, озирали.
А той порой двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями поединка,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Полки блестящіе Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
И тихимъ рати строемъ
Одна противъ другой стояли,
Какъ двѣ на двухъ концахъ противныхъ неба
Стоятъ грозой чернѣющія тучи;
Желанье боя только въ двухъ
Избранныхъ витязяхъ горѣло;
А вкругъ ихъ все молчало, рокового
Событія со страхомъ ожидая.

II.

И начали богатыри съѣзжаться,
И сблизились, и видѣли другъ-друга
Уже въ лицо; Зорабъ,
Къ отцу влекомый тайной силой,
Съ весельемъ руки потирая,
Воскликнулъ:—Здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобнаго и сонный
Не видывалъ! моя завидна участь;
Я лѣтами еще полуребенокъ,
А мнѣ съ такимъ обдержаннымъ въ бою
Желѣзнымъ воиномъ досталось
Впервые силу испытать.
Великъ твой ростъ, плечами ты широкъ;
Но много взяли силъ твоихъ
И годы и сраженія;
Съ моею молодостью крѣпкой,
Сѣдой боецъ, твоя не сладитъ старость.—
На щеки розовыя сына
Взглянувъ, Рустемъ сказалъ:—Не горячись,
Прекрасный, огненный младенецъ;
Земля тверда, хотя и холодна;
А воздухъ тепелъ, но уступчивъ.
Я на своемъ вѣку немало
Полей сраженья перешелъ;
И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
Помогъ въ сырую землю лечь;
Ихъ много спитъ, въ ея глубокомъ лонѣ
Моей рукою погребенныхъ;
Ты скоро самъ то испытаешь,
Когда тебя съ другими положу я
Убитаго во глубь земли холодной.
Когда же, паче ожиданья,
Моей руки ты избѣжишь,
То ужъ тебѣ никто, ни человѣкъ,
Ни крокодилъ, ни левъ не будутъ страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мнѣ жаль тебя, мнѣ жаль такую
Младую душу изъ такого
Прекраснаго исторгнуть тѣла;
Ты съ туркомъ, пальма красоты,
Не сходенъ; я подобнаго тебѣ
Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
Мнѣ жаль тебя.—Такую рѣчь
Привѣтно-нѣжную услышавъ,
Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
Вся внутренность затрепетала.
И онъ сказалъ:—О, бодрый старецъ мой,
Я объ одномъ спрошу тебя смиренно;
Отвѣтствуй мнѣ по правдѣ: кто ты?
У нашихъ праотцевъ благой
Обычай былъ себя передъ сраженьемъ
Именовать... какой-то голосъ
Мнѣ тайно говоритъ, что ты
Рустемъ, зеленаго шатра
Владѣтель.—Такъ сказалъ Зорабъ...
И такъ надъ ними близко,
Неузнанное, пролетѣло
Мгновеніе, которымъ гибель
Могла бъ въ спасенье обратиться,
И злоба въ нѣжную любовь...
Но темный духъ нашелъ тутъ на Рустема;
Онъ отвѣчалъ:—Я не Рустемъ;
И знать тебѣ нѣтъ нужды о Рустемѣ.
Я подданный, а онъ державный князь;
Тебѣ жъ не съ нимъ считаться, а со мною;
Я у тебя въ долгу; вчера я, вѣдай,
Во время пира, въ Бѣломъ Замкѣ
Ночное совершилъ убійство.—

III.

При этомъ словѣ гнѣвомъ вспыхнулъ,
Какъ туча молніей, Зорабъ,
И разомъ оба поскакали:
Зорабъ направо отъ Рустема,
Рустемъ направо отъ Зораба;
И отскакавъ во весь опоръ
На выстрѣлъ изъ лука, оборотили
Коней; и быстро полетѣли
Другъ противъ друга двѣ грозы.
И начался межъ сыномъ и отцомъ
Упорный бой. Сперва на всемъ скаку
Они пустили копья—
Со свистомъ проницали
Они щиты, подставленныя имъ,
И, пролетѣвъ сквозь нихъ, воткнулись въ [землю.
Тутъ обнаженными мечами
Они разить другъ-друга принялися—
Мечи, скрестяся на ударѣ,
Переломились разомъ оба;
Они, мечей обломки бросивъ,
Желѣзныя схватили булавы.
Чего копье не тронуло, то мечъ
Разсѣкъ; чего не тронулъ мечъ,
То раздробила булава—
Такъ бились витязи, упорствомъ
И силою одинъ другого стоя;
И оба тягостно стонали;
На шлемахъ блеска не осталось,
Всѣ перья съ гребней облетѣли,
И ни одно кольцо на ихъ кольчугахъ

Не уцѣлѣло; всѣ избиты
Ихъ были члены; потъ ручьями
Бѣжалъ съ ихъ жаркихъ лицъ;
Подъ ними кони ихъ дымились.
Такъ на небѣ двѣ тучи громовыя,
Сшибаяся, блистаютъ и гремятъ,
И молніи на молніи бросаютъ;
Онѣ другъ-друга истребить
Не могутъ, но подъ ихъ войною
Земля приходитъ въ трепетъ,
Ихъ градъ тяжелый губитъ жатву,
И вся подъ ними сторона
Становится пустынна, какъ великимъ
Сраженіемъ растоптанная нива;
Когда жъ ихъ силы истощатся,
Онѣ расходятся и грозно
Издалека другъ-на́-друга сверкаютъ,
И глухо, ропотно гремятъ.
Такъ витязи, истративъ силы,
На время бой упорный прекратили.

IV.

Отецъ и сынъ избиты были оба.
Сошедъ съ коней, они имъ дали волю
Вздохнуть; а сами разошлися,
И издали дивилися другъ-другу.
Такъ говорилъ съ самимъ собой Зорабъ:
„Не можетъ быть, чтобъ этотъ звѣрь,
Столь яростно меня терзавшій,
Былъ мой отецъ; хотя и вижу въ немъ
Всѣ признаки, описанные мнѣ,
Но о такой неимовѣрной злости
Мнѣ мать не говорила; въ ней
Любовь къ нему родиться не могла бы,
Когда бъ ея очамъ явился онъ
Съ такимъ лицомъ чудовищнаго тигра.
Но онъ и самъ назвалъ себя
Убійцей Синда... нѣтъ! онъ не Рустемъ;
Я клятвы долгъ святой исполню,
И отомщу убійствомъ за убійство“.
Въ то время и Рустемъ съ собою
Такъ разсуждалъ: „Не отъ простой
Онъ матери; она, конечно,
Не человѣческой, а великанской
Породы: въ возрастѣ его
Подобный силы не имѣлъ я.
Рустемъ, Рустемъ, остерегись;
Сбери всю крѣпость, старый богатырь;
Два войска смотрятъ на тебя;
Бѣда и стыдъ, когда съ тобою
Турченокъ безбородый сладитъ
И, возвратяся въ Семенгамъ,
Разскажетъ сыну твоему
О поношеніи отца его, Рустема“.
Такъ, отдыхая, размышляли
Отецъ и сынъ. Тѣмъ временемъ, ихъ кони,
Усталые отъ жаркой схватки,
Но пощаженные въ бою,
Провѣтрились, остыли, освѣжились
И приготовилися снова
Своихъ могучихъ сѣдоковъ
Нести на смертный поединокъ.

V.

Еще усталые, чтобъ силы обновить
Они за луки и за стрѣлы
Схватилися. Двѣ первыя стрѣлы
На воздухѣ слетѣлись остреями,
И обезсиленныя пали
На землю; вслѣдъ за ними частымъ
Дождемъ другія зашумѣли;
Такъ вихремъ сыплются сухіе
Съ деревьевъ листья при осеннемъ
Свистящемъ вѣтрѣ; такъ
Кругомъ ульёвъ, когда согрѣетъ ихъ
Лучомъ весеннимъ солнце,
Сверкаютъ и жужжатъ, роясь, пчелы.
И непрестанно въ ихъ рукахъ
Сгибалися и разгибались луки,
Визжали рѣзко тетивы;
И съ нихъ стрѣла слетала за стрѣлою;
И вслѣдъ за каждой изъ очей
Взоръ смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
Отъ панцырей отпрыгивали стрѣлы,
Ихъ острее ломалося объ шлемы,
Въ щиты вонзаяся, на нихъ
Онѣ густой щетиною торчали;
Такъ солнца острые лучи,
Гранитъ могучій осыпая,
Ему пронзить не могутъ твердой груди
И лишь ея поверхность разжигаютъ.
Истративъ стрѣлы, наконецъ,
Противники свои пустые
Колчаны бросили, и на коней
Вскочили оба, чтобъ начать
Войну губительную снова.

VI.

Слетѣвшись на коняхъ, они
Вцѣпились крѣпкими руками
Другъ-другу въ кушаки. Рустемъ
Сидѣлъ на Громѣ, какъ желѣзный;
Что онъ ни схватывалъ рукою,
Сжималось въ ней, какъ мягкій воскъ;
Но онъ, схвативъ Зораба за кушакъ,
Былъ изумленъ его сопротивленьемъ:
Какъ не колеблется утесъ,
Обвитый кольцами удава,
Такъ былъ Зорабъ неколебимъ,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зорабъ напрасно мышцы
Напрягъ, чтобъ пошатнуть Рустема:
Какъ не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Такъ былъ Рустемъ неколебимъ,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдругъ, кушакъ отцовъ покинувъ,
Какъ бѣшеный, Зорабъ впился руками

Въ его серебряныя кудри,
Разсыпанныя по плечамъ,
Въ сраженьи выпавъ изъ-подъ шлема:
Онъ мнилъ, что вдругъ сорветъ его съ сѣдла;
Но онъ на немъ, какъ вылитый изъ мѣди,
Не покачнувшись, усидѣлъ;
Одинъ лишь клокъ серебряныхъ сѣдинъ
Въ своихъ рукахъ Зорабъ увидѣлъ;
Онъ задрожалъ при этомъ видѣ.
—Ты, богатырь неодолимый
Подъ сѣдинами старика!
Воскликнулъ онъ,—зачѣмъ, зачѣмъ
Съ моею молодостью сильной
Свою выводишь старость въ бой?
О! сердце у меня въ груди поворотилось,
Когда въ моей рукѣ остались
Твои сѣдые волоса!
Мнѣ показалось, что обидѣлъ
Богопреступною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы другъ-друга
Должны такъ яростно губить?
Ужель другихъ здѣсь не найдется
Противниковъ, чтобъ успокоить
Въ насъ жажду огненную боя?—
Такъ воинъ молодой сказалъ;
А старый мрачно и безмолвно
Отворотилъ грозящее лицо.

VII.

И вдругъ, какъ волкъ, врывающійся въ стадо
Овецъ, онъ кинулся съ мечомъ
На рать туранскую. Зорабъ
При этомъ видѣ повернулъ
Коня, и яростный, какъ тигръ,
Изъ тростника въ табунъ коней
Однимъ влетающій прыжкомъ,
Явился межъ дружинъ Ирана;
И началъ мечъ его сверкать,
Какъ молнія, направо и налѣво;
И люди вкругъ меча валились,
Кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополамъ
Пересѣченный. Той порой
Рустемъ, уже достигшій строя
Дружинъ туранскихъ, вдругъ остановился,
И обративъ глаза на рать Ирана,
Увидѣлъ, что въ ея рядахъ
Разстроенныхъ происходило;
Подумалъ онъ о бѣшенствѣ Зораба,
Подумалъ онъ о страхѣ Кейкавуса,
И быстро, не взглянувъ на турковъ,
Къ своимъ на помощь поскакалъ.
Онъ тамъ въ толпѣ густой увидѣлъ,
Какъ разсыпалъ рубины крови
На яркій поля изумрудъ
Своимъ мечомъ Зорабъ. И онъ воскликнулъ:
—Остановись! зачѣмъ на слабыхъ
Такъ бѣшено ты нападаешь?
Чѣмъ провинилися они передъ тобою,
Что вдругъ на нихъ ты кинулся, нежданый,
Какъ звѣрь голодный на добычу?—
Зорабъ, его увидя, изумился.
—А ты, мой старый богатырь,
Воскликнулъ онъ, зачто на бѣдныхъ турковъ
Такъ яростно ударилъ? Чѣмъ они
Тебя обидѣли? Но вижу,
Что снова ты въ сраженье вызвать
Меня желаешь—я готовъ.—
На то Рустемъ отвѣтствовалъ:—Ужъ день
Смѣнила ночь; она покою
Принадлежитъ, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра,
Лишь на востокѣ солнце, витязь неба,
Свой мечъ подымаетъ золотой и землю
Имъ облеснетъ, мы бой возобновимъ;
Будь здѣсь, и я здѣсь буду:
Мы пѣшіе, борьбою
И боемъ рукопашнымъ дѣло
Начатое окончимъ; оба войска
Сраженія свидѣтелями будутъ;
Увидимъ мы, которое изъ двухъ
Богатыря оплачетъ своего.—

VIII.

Они разстались; сумраченъ былъ вечеръ,
И темное тревожилося небо:
Оно какъ-будто въ погребальный
Покровъ заранѣ облекалось.
Но весело Зорабъ вводилъ
Свои дружины въ Бѣлый За́мокъ.
Онъ на пути спросилъ у Барумана:—
Что этотъ левъ, который такъ измялъ
Мои бока тяжелой лапой,
Надѣлалъ здѣсь своимъ набѣгомъ? Много ль
Погибло отъ него народа?—
„Ты повелѣлъ, чтобъ войско было тихо
[Такъ Баруманъ отвѣтствовалъ] и войско
Стояло строемъ неподвижнымъ,
Готовое къ сраженью, вдругъ,
Мы видимъ, кто-то, чудный, грозный,
Невѣдомый, какъ-будто изъ земли
Родившійся, незапно
Ударилъ въ самую средину
Испуганной такимъ явленьемъ рати;
Всѣ приготовились къ отпору;
Но онъ, какъ-будто устрашенный,
Коня поворотилъ, назадъ
Помчался вихремъ и пропалъ
Какъ привидѣнье". Громко засмѣявшись,
Сказалъ Зорабъ:—Итакъ, онъ только
Васъ навѣстилъ по милости своей;
Напрасно жъ онъ коня тревожилъ.
А я тѣмъ временемъ мой мечъ
Полакомилъ иранской кровью;
Насъ темнота ночная развела:
Но завтра на разсвѣтѣ
Опять начнется бой нашъ; завтра
Увидимъ мы, который устоитъ
Изъ насъ двоихъ, который ляжетъ мертвый.

И обѣ рати станутъ въ строй,
Чтобъ быть свидѣтелями битвы,
Придется ль вамъ меня похоронить
Иль встрѣтить съ ликованьемъ—это
Намъ скажетъ завтрашнее утро;
А нынче намъ приличнѣй, всѣ забывъ
Тревоги, влить виномъ душистымъ силу
Въ усталые отъ боя члены,
И освѣжить языкъ, сожженный зноемъ.
Скорѣй, премудрый Баруманъ,
Вели намъ пиръ обильный приготовить.—

IX.

Тѣмъ временемъ, достигнувъ стана,
Рустемъ въ шатрѣ царя,
Съ нимъ и съ его вождями,
За освѣжительнымъ виномъ
О жаркомъ боѣ вспоминалъ.
Была тамъ рѣчь лишь только о Зорабѣ.
— Зачѣмъ ему, спросилъ Рустема царь,
Ты волю далъ напасть на наше войско?
Когда бы къ намъ на помощь
Ты во́-время не подоспѣлъ,
Бѣда великая могла бы насъ постигнуть.
Но что же самъ, скажи, о немъ ты мыслишь?—
И зависти не вѣдая, Рустемъ
Сказалъ: „Такого богатырства,
Такого льва въ такомъ младенцѣ
Еще я въ жизни не встрѣчалъ;
Онъ богъ войны, не человѣкъ.
И не уступитъ мнѣ ни въ силѣ, ни въ искус-
А свѣжей младостью своей [ствѣ;
Мою онъ старость превосходитъ.
Мнѣ предстоитъ съ нимъ завтра тяжкій бой.
Я испыталъ сперва копье,
Потомъ мой мечъ, потомъ и булаву—
Все отразилъ онъ; напослѣдокъ, вспомнивъ,
Что встарину я многихъ силачей
Одной рукою схватывалъ съ сѣдла,
Ему въ кушакъ я руку запустилъ
И силой всей его рванулъ, но онъ
Не пошатнулся. Насъ теперь
Ночная тьма съ нимъ разлучила—
Не знаю, мной остался ль онъ доволенъ?
А я доволенъ черезъ мѣру имъ.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Ирана,
И за свою, до сихъ поръ безъ пятна
Мнѣ сохранившуюся славу.
Какъ нынѣ, завтра оба войска
Свидѣтелями боя станутъ въ строй;
И въ этотъ часъ ужъ будетъ завтра всѣмъ
Извѣстно, кто изъ насъ двоихъ
Лежитъ убитый, кто живой остался;
Теперь же здѣсь, покуда мы еще
Всѣ на лицо, озолотимъ
Безпечнымъ пированьемъ
Канунъ спокойный рокового,
Быть-можетъ, бѣдственнаго дня.
Державный шахъ, благоволи
Насъ угостить твоимъ виномъ душистымъ“.

X.

Такъ говорилъ Рустемъ; и рѣчь его
Задумчивость мгновенную на сердце
Съ нимъ пировавшихъ навела.
Но снова съ блескомъ зашипѣло
Вино, за славу и побѣду
Рустема сдвинулися чаши,
И, наконецъ, по долгомъ пированьи,
Всѣ по шатрамъ на сонъ и на покой
Полухмельные разошлися.
Въ зеленый свой шатеръ вошедши,
Рустемъ Зевару такъ сказалъ:
— Зеваръ, мой братъ, ты видѣлъ нынѣ,
Каковъ былъ этотъ бой; что будетъ завтра,
О томъ изъ насъ не вѣдаетъ никто.
Я завтра рано выйду къ дѣлу;
А ты, мой братъ, меня предавъ
Во власть Всевышнему, останься здѣсь,
И стражемъ будь моей сабульской рати.
Когда изъ рукъ судьбы мнѣ выпадетъ побѣда,
Не стану я на мѣстѣ крови медлить,
И ты меня въ шатрѣ увидишь скоро.
Но если мнѣ иное суждено
Отъ неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди въ Сабулъ; дорогой же и дома
Всѣмъ говори: ему былъ рокъ погибнуть
Отъ юноши. А матери скажи:
„Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоихъ
Глазахъ состарѣлся и онъ;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о немъ
Не сѣтуй; онъ великихъ дѣлъ
Довольно совершилъ; немало имъ
Истреблено чудовищъ, великановъ;
Немало крѣпкихъ за́мковъ онъ
Разрушилъ и сравнялъ съ землею;
Немало войскъ предъ нимъ погибло—
Теперь насталъ чередъ и для него.
Къ желѣзнымъ смерти воротамъ
Конь жизни рано или поздно
Со всадникомъ своимъ—кто бъ ни былъ онъ,
Могучій, слабый, храбрый, робкій—
Примчится; каждому изъ насъ
Въ тѣ ворота въ свой часъ придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольненье здѣсь отъ смерти
Онъ записи отъ неба не имѣлъ;
На вѣчное подданство ей
Мы всѣ укрѣплены судьбою“.
Такъ матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина послѣднюю мнѣ чашу
На сонъ грядущій, братъ Зеваръ,
И спи спокойно; остальное
Звѣздамъ на волю отдадимъ.—
Рустемъ умолкнулъ, поданное выпилъ
Вино, раздѣлся, легъ,
И въ сонъ глубокій погрузился.

КНИГА ОСЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ВТОРОЙ БОЙ.

I.

Когда павлинъ денницы распустилъ
Широко хвостъ свой разноцвѣтный,
И голову подъ черное крыло
Угрюмый воронъ ночи спряталъ,
Рустемъ проснулся, опоясалъ
Губительный свой мечъ,
И боемъ дышащій, вскочилъ
На огнедышащаго Грома;
И бурею на избранное мѣсто онъ
Помчался. Какъ звѣзда, пророкъ
Великихъ бѣдствій, пламеннымъ хвостомъ
На небесахъ блистаетъ ночью темной,
Такъ бѣдоносно шлемъ косматый
Блисталъ на головѣ Рустема.
Прибывъ на мѣсто, съ изумленьемъ
Онъ озирался, но Зораба
Тамъ не было: Зорабъ въ то время,
Какъ гибельный его отецъ
Ждалъ въ полѣ, утреннимъ виномъ,
При звукѣ лютнь, безпечно утѣшался.
И такъ сказалъ онъ Баруману:
— Со мною этотъ старый левъ
И крѣпостію мышцъ, и ростомъ,
И храбростію равенъ;
Когда смотрю на грудь его, на руки,
И на плеча, мнѣ кажется, что вижу
Я въ зеркалѣ себя; невольно
Приходитъ въ мысли мнѣ, что самъ
Такимъ я буду, если звѣзды
Мнѣ столько жъ лѣтъ отчислятъ въ жизни.
Взглянувъ ему въ геройское лицо,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мнѣ стыдно, я краснѣю, въ грудь мою
Втѣсняется глубоко
Неодолимая тоска.
О Баруманъ, ужъ не Рустемъ ли онъ? Скажи
Мнѣ правду; Баруманъ, спаси
Меня; не дай мнѣ быть отцеубійцей
На ужасъ всей землѣ. Что́, возвратясь,
Скажу я матери? Скажу ли,
Что руки я свои умылъ
Въ крови отца? Всѣ знаки, ею
Мнѣ данные, согласны съ тѣмъ, что видятъ
Мои глаза; недостаетъ
Лишь одного мнѣ убѣжденья. Если онъ
Рустемъ, то я ему въ глаза
Сказать не смѣю: я твой сынъ!
То имъ самимъ запрещено;
Лишь слава дастъ на то мнѣ право.
Когда же не Рустемъ онъ... О! какая
Была бъ мнѣ честь явиться предъ отцомъ,
Богатыря такого одолѣвши!
Кто разрѣшитъ мое недоумѣнье?
Когда вчера такъ звѣрски
Со мной онъ бился, мысль, что онъ
Отецъ мой, показалась мнѣ
Мечтой несбыточной; но въ эту ночь
Я видѣлъ сонъ... я видѣлъ, что лежу
Въ его объятіяхъ, такъ нѣжно,
Такъ весело, съ такой любовью дѣтской...
Нѣтъ! не могу и не хочу съ нимъ биться.—

II.

Покорствуя тому, что повелѣлъ
Афразіабъ, коварный Баруманъ
Отвѣтствовалъ:—Ты видѣлъ сонъ,
Проснулся—вотъ и все. Ужель, повѣря
Мечтѣ, начатаго такъ славно
Не довершишь? Ты слово далъ,
И долженъ выручить его, иль вѣчнымъ
Стыдомъ себя покроешь. Въ полѣ
Тебя онъ ждетъ, и вѣрно, торжествуя,
Ужъ думаетъ: передо мной робѣетъ
Мой недозрѣлый богатырь.
Такъ и Иранъ съ нимъ вмѣстѣ скажетъ:
То повторится и въ Туранѣ.
Тогда съ какимъ покажешься лицомъ
Ты на глаза Рустему? Не забудь,
Что на тебѣ лежитъ святая клятва
Отмстить за Синда; самъ же онъ сказалъ
Тебѣ, что Синдъ убитъ его рукою.
А для чего свое таитъ онъ имя,
Не знаю; мой совѣтъ: не любопытствуй
И ты о томъ узнать; убей и уничтожь
Его, пока онъ самъ тебя убить
И уничтожить не успѣлъ—
Тогда избѣгнешь посрамленья,
Заслужишь честь и клятвы не нарушишь.
Такъ искуситель говорилъ;
Его слова звучали глухо;
Онъ поглядѣть въ лицо не смѣлъ Зорабу,
И блѣденъ былъ, какъ полотно;
Но всѣ сомнѣнья онъ нарушилъ
Въ душѣ Зораба. Мщеньемъ закипѣвъ,
Поспѣшно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихого прянулъ,
И полетѣлъ на битву роковую.

III.

Когда сошлись соперники на мѣстѣ,
Назначенномъ для поединка,
Двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями боя,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Блестящіе полки Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ за́мку прислонивши.
Къ сопернику приблизившись, Зорабъ
Его спросилъ, привѣтно улыбнувшись:
—Покойно ль спалъ ты эту ночь,

И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старецъ многосильный:
Прекрасенъ этотъ день—таковъ ли будетъ
Прекрасенъ вечеръ, мы не знаемъ.
Но посмотри, какъ утро молодое
Вершины горъ озолотило;
Цвѣты всѣ утреннимъ виномъ
Напоены, и утренняя свѣжесть
На паству манитъ пастуховъ;
Невидимо подъ вѣтвями деревъ
И видимо въ лазури неба
Поютъ проснувшіяся птицы;
Ручьи сіяя льются;
На солнцѣ блещутъ берега;
Трава росой сверкаетъ...
Приличенъ ли такой всемірный праздникъ
Кровавому убійству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще намъ уступить? Послушай, другъ,
Сойди съ дракона своего
На этотъ свѣжій дернъ; мы заключимъ
Въ виду обѣихъ нашихъ ратей
Здѣсь перемиріе, забудемъ
На этотъ день и мщеніе и злобу:
Пусть будетъ поле крови
Для насъ палатой пировою.
Я знакъ подамъ—и передъ нами
Вино заблещетъ въ кубкахъ,
И пиръ устроится роскошный,
И звонко заиграютъ струны,
И дружно мы отпразднуемъ съ тобою
День возрожденія прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Желѣзный шлемъ ты снимешь съ головы,
А я вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ украшу
Твои мнѣ милыя сѣдины;
И, сидя за виномъ, мы будемъ
Бесѣдовать радушно о войнѣ,
О бранныхъ подвигахъ, и всѣмъ, что знаю,
Я подѣлюсь съ тобой отъ сердца;
А ты свою откроешь мнѣ породу,
И славное свое мнѣ скажешь имя.
О! не упорствуй, другъ; скажи,
Скажи его—мы не должны
Такъ чужды быть другъ-другу; насъ
Съ тобой вчера побратовала битва.—

IV.

Такъ съ откровенностью младенца
Рустему говорилъ Зорабъ—
Ему во грудь изъ водъ, изъ глубины
Небесъ, изъ зелени полей
Проникнулъ тайный голосъ
Природы; на щекахъ его
Горѣло жаркое желанье;
Такъ раскрывается младая
Распуколька отъ теплаго весны
Дыханія; но если на нее
Дохнетъ морозомъ бурный сѣверъ,
Она сжимается и увядаетъ;
Такъ отъ морозныхъ словъ Рустема
Увяла вдругъ въ душѣ Зораба
Едва зацвѣтшая надежда.
—Дитя мое, сказалъ Рустемъ, не для того
Сюда пришли мы, чтобъ роскошно
На луговомъ коврѣ покоясь,
Бесѣдовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрокъ,
То ужъ я не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушакъ стянулъ я туго;
И здѣсь давно я жду, чтобъ боевую
Съ тобой начать работу, чтобъ нарвать
Съ тобой тѣхъ розъ, какія только въ нашемъ
Саду родятся. Свѣжесть утра
Для ратнаго благопріятна дѣла;
Она моимъ состарѣвшимся членамъ
Живую крѣпость придастъ.
Итакъ, пока не наступилъ
Палящій зной, начнемъ
Свой мужественный споръ. Я не слыхалъ,
Чтобъ для однихъ разсказовъ о бояхъ
Соперники на мѣстѣ боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюся дѣломъ, не словами.
По имени жъ себя не прежде назову,
Какъ положивъ тебя въ крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила.—

V.

Зорабъ, воспламененный гнѣвомъ,
Воскликнулъ:—Будь по-твоему, упрямый
Старикъ! своей судьбы никто
Не избѣжитъ; и мы увидимъ скоро,
Кто здѣсь кого принесть ей въ жертву дол-
На землю спрянулъ онъ съ коня, [женъ.—
И громко зазвучало
Его оружіе. Рустемъ
Сошелъ поспѣшно съ Грома; тяжкій
Звукъ отъ меча его раздался,
И изъ ноженъ до половины
Онъ выпрыгнулъ. Въ молчаньи оба
Къ бѣжавшему вблизи потоку
Они пошли съ конями. У воды
Росло тамъ дерево; къ нему
Они коней ретивыхъ привязали;
И тамъ Рустемовъ Громъ
Оставленъ былъ съ конемъ Зораба.
Привѣтливо они другъ-друга
Обфыркали, и ознакомясь,
Между собой нѣмую завели
Бесѣду; какъ друзья давнишніе, они
Подножную траву щипали вмѣстѣ,
И головы протягивали дружно
Къ ручью за свѣжею водою,
И шеями другъ-друга обнимали,
Какъ-будто угадавъ,
Какое близкое родство межъ ними было.
А между тѣмъ отецъ и сынъ
На мѣсто боя грозно шли,
Другъ-другу смерть въ душѣ готовя.

VI.

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ
Могучихъ засучили;
Ужасно ихъ наморщилися лица,
И загорѣлися глаза,
И разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Остался каждый. Наконецъ,
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся
Поднять съ земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разомъ отскочили
Отецъ и сынъ, и разомъ снова
Сбѣжавшися, какъ крючья, руки
За кушаки засунули другъ-другу.
И вдругъ Рустемъ тряхнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли

Вокругъ котораго четыре
Желѣзныя руки, какъ змѣи,
Въ него вдавясь, переплетались.
Какъ-будто сплавленные крѣпко
Они другъ-друга, грудь-на-грудь,
Тѣснили, пёрли, гнули, жали—
Напрасно; камень и желѣзо
Могли бы руки ихъ расплюснуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына
Отецъ, ни сынъ отца; дыханье
Спиралось въ ихъ груди; глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горѣли;
Ихъ ноги были врыты въ землю—
Но ни одинъ не могъ другого
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста:
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боренье,
Ихъ трепетанье, ихъ кипѣнье—
Неодолимъ, неколебимъ
Взорвалъ его на воздухъ; какъ свинецъ,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться
На немъ, его къ землѣ онъ придавилъ
Колѣномъ, выхватилъ кинжалъ,
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.

VII.

Рустемъ, увидя надъ собою
Желѣзо, возопилъ:—Остановись,
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самого себя, ни предковъ
Постыднымъ дѣломъ: межъ суровыхъ
Родяся турковъ, ты не знаешь
Обычаевъ Ирана—знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ

Соперника удастся одолѣть,
Его не умерщвляетъ, но ему
Даетъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таковъ святой иранскій нашъ обычай;
И стыдъ тому, кѣмъ будетъ онъ нарушенъ!—
Такъ говорилъ Рустемъ, прибѣгнувъ
(Чтобъ отъ себя погибель отвратить)
Къ обману.—Я, отвѣтствовалъ Зорабъ,
Не слыхивалъ, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; но скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Рустемъ?—На это возразилъ
Рустемъ:—Какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Рустемъ
Обычаю Ирана былъ покоренъ.—
При этомъ словѣ опустилъ
Зорабъ кинжалъ, и руку подалъ
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ
Великодушенъ, какъ герой;
А темная рука судьбы
Его къ погибели стремила неизбѣжно.
Обманомъ спасшійся Рустемъ
Негодовалъ, что для спасенья
Былъ принужденъ обманъ употребить;
Поднявшися съ земли, онъ отряхнулся,
И противъ воли покраснѣлъ,
Взглянувъ на сына, а Зорабъ
Ему сказалъ съ усмѣшкой:—Отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здѣсь буду, и тогда,
Какъ слѣдуетъ, начатое мы кончимъ.
Сѣвъ на коня, онъ поскакалъ
Въ ту сторону, гдѣ по горѣ
Туранское стояло строемъ войско;
Вдругъ передъ нимъ вскочила антилопа—
И весело за нею онъ погнался,
Забывъ о близкомъ часѣ роковомъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ТРЕТІЙ БОЙ.

I.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды,
Одинъ остался; нѣсколько мгновеній
Онъ былъ объятъ глубокой думой; вдругъ—
Какъ-будто что напомнилось ему—
Пошелъ поспѣшнымъ шагомъ
Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
Въ то время былъ онъ одаренъ
Такою непомѣрной силой,
Что не врагамъ однимъ, и самому
Ему она была во вредъ.
Его земля не выносила;
Когда онъ шелъ по каменному кряжу,
Какъ на пескѣ, глубокіе слѣды
Отъ ногъ его на камняхъ оставались.
Тамъ нѣкогда съ тяжелою добычей,
Отнятою у турковъ, онъ
Во мракѣ ночи пробирался
Съ трудомъ великимъ тою дебрью;
При каждомъ шагѣ увязали
Его по щиколотку ноги въ землю;
Онѣ ее, какъ плугъ желѣзный, рыли.
Вдругъ близъ него во тьмѣ раздался
Осиплый хохотъ. „Кто хохочетъ?“ гнѣвно
Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: Я!
„А ты кто?“—Горный духъ. „Чему смѣешься?“
—Смѣюсь тому, что ты, силачъ,
Съ своей не можешь сладить силой;
Она чрезмѣрна для тебя.
Отдай на сохраненье мнѣ
Ея излишекъ; если—
Когда отъ лѣтъ твои разслабнутъ члены—
Она тебѣ понадобится снова,
Приди сюда, и кликни—я откликнусь,
И отъ меня ее сполна опять
Получишь ты безпрекословно.—
И духу горному Рустемъ
На сбереженье отдалъ
Излишекъ силы. И теперь,
Когда отъ лѣтъ его разслабли члены,
Пришелъ онъ въ дебрь, у духа взять
Обратно ввѣренный залогъ;
Онъ чувствовалъ, что силой половинной
Ему не одолѣть Зораба.
И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
„Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
Ирана былъ я опозоренъ;
Онъ смѣлъ колѣномъ стать на грудь
Упавшаго къ ногамъ его Рустема;
И имъ къ постыдному обману
Рустемъ, дотолѣ безпорочный,
Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтобъ на одной землѣ со мною
Хоть мигъ одинъ могъ продышать
Создатель моего позора“.

II.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Тамъ на престолѣ скалъ мохнатыхъ
Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
Что кто-то, мрачный, озираясь
По сторонамъ, ущельемъ шелъ;
И понялъ духъ, что спутникъ
Искалъ свиданья съ нимъ; густою мглой
Была его покрыта голова,

Какъ шлемомъ; онъ дохнулъ, и мгла
Слетѣла съ головы; и духъ
Сталъ видимъ, хмурый и туманный;
И онъ спросилъ:—Къ кому пришелъ ты?—
„Къ тебѣ, отвѣтствовалъ Рустемъ.
Я узнаю тебя; ты все таковъ же,
Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
Со мною встрѣтился впервые:
Не устарѣлъ, не посѣдѣлъ; а ты
Меня узналъ ли?“ Темный духъ
Отвѣтствовалъ:—Съ трудомъ; ты сталъ
И старъ и сѣдъ. Скажи жъ, зачѣмъ тебя
Твои хилѣющія ноги
Въ мою пустыню принесли?—
Рустемъ сказалъ: „Отдай обратно
Мою мнѣ силу. Я донынѣ
Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ,
Теперь она нужна мнѣ вся.
Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
Оставленный тебѣ на сохраненье“.
Духъ отвѣчалъ:—Рустемъ, навѣки
Теряетъ силу человѣкъ,
Когда она его сама съ годами,
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидаетъ;
Но ты свою мнѣ силу,
Во цвѣтѣ лѣтъ, по доброй волѣ
На сбереженье отдалъ самъ—
И мной тебѣ она сбережена;
Въ груди гранита моего
Цѣлѣе, чѣмъ въ твоей груди,
Неизмѣнная, она
Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
На плечи дряхлыя свои
Такой великій грузъ ты хочешь
Такъ поздно возложить? Остерегись,
Сѣдой боецъ; ты на себя
Кладешь бѣду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты рѣшился твердо
Взять отъ меня залогъ свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дѣло.
Еще не поздно; мой совѣтъ
Спасителенъ; прими его, Рустемъ:
Оставь свою въ покоѣ силу;
Ты славныхъ дѣлъ не мало совершилъ—
Доволенъ будь; страшуся я,
Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ
Ты бѣдствіе великое накличешь,
И самъ своею силой
Свою погубишь силу.—

III.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
На мѣсто боя возвратясь,
Въ недоумѣніи стоялъ и озирался—
Рустема не было. И онъ не зналъ,
Дождаться ли его иль удалиться.
А съ неба день ужъ начиналъ
Сходить и тѣни становились
Длиннѣе. Но... Зорабовъ часъ ударилъ;
Зорабъ остался; онъ подумалъ:
„Соперникъ мой меня
Здѣсь долго утромъ ждалъ—
Я вечеромъ его дождаться долженъ.
А вечеръ вышелъ не таковъ,
Какимъ его намъ утро обѣщало,
И солнце сѣло, въ небесахъ
Зарю кровавую оставя.
Но гдѣ же онъ?“... И въ этотъ мигъ
На заревѣ заката отразился,
Какъ темный метеоръ, огромный станъ Рустема;
Зорабъ невольно содрогнулся.
Какъ-будто чародѣйной силой
Преображенный, чудно
Блистающій, помолодѣлый,
Представился очамъ его Рустемъ.
Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣньи,
И не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго
Промедлилъ, шопотомъ сказалъ:—Должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи,
Успѣемъ ли?...—Успѣемъ, перебилъ
Его слова Рустемъ сурово.
И вышли—яростный отецъ
На сына съ силою двойною,
И на отца оторопѣлый сынъ
Съ полуразрушенною силой.
Восходитъ день, когда нисходитъ ночь,
Восходитъ ночь, когда нисходитъ день—
Такъ и теперь насталъ чередъ Рустему.
Вечерней мглою затянувшись,
День удалившійся простеръ
Полутуманное мерцанье
Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
Два воинства стояли тамъ
Безмолвными свидѣтелями боя...
Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
Того ни чье не зрѣло око...
Они сошлись—и вмигъ всему конецъ;
Рустемъ рванулъ—Зорабъ упалъ къ его ногамъ;
Рустемъ давнулъ—и въ грудь Зораба
Глубоко врѣзался кинжалъ.

IV.

Зорабъ, смертельно пораженный,
Сказалъ:—О ты, невѣрный обольститель!
Такая ль отъ тебя награда
За то, что былъ ты мною пощаженъ?
Ты небылицей о Рустемѣ,
Ты именемъ Рустема жизнь мою,
Какъ воръ ночной укралъ. Но будь
Ты птицей въ воздухѣ иль рыбою въ водѣ,
Не избѣжишь, хотя и въ гробѣ
Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,
Когда раздастся всюду слухъ
(А онъ раздастся скоро),
Что здѣсь предательски зарѣзанъ
Тобою сынъ Рустема и Темины.—
Отъ этихъ словъ затрепеталъ

Рустемъ, какъ-будто вдругъ ударомъ грома
Пронзенный, съ головы до ногъ.
—Что говоришь ты, сынъ бѣды?
Воскликнулъ онъ. Скорѣе отвѣчай:
Кто твой отецъ?—Я сынъ Рустема и Темины,
Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
Лицѣ сказалъ Зорабъ.
—Отецъ мой стражъ Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама,
И ею былъ сюда я посланъ
Отыскивать отца, столь много лѣтъ
Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ
Меня Рустемъ признать за сына,
Я долженъ былъ ему повязку, на прощаньи
Имъ данную Теминѣ, показать;
И чтобъ сберечь ее вѣрнѣй,
Не на рукѣ, а на груди
Всегда носилъ я ту повязку;
Открой мнѣ грудь—увидишь самъ.—
Такъ говорилъ онъ; отъ страданья
Душа рвалася изъ Рустема.
Дрожа, какъ листъ, одежду онъ раскрылъ...
И тамъ (увидѣлъ онъ) сидѣлъ,
Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,
Въ груди кинжалъ, до рукояти
Въ нее вонзенный, какъ въ ножны.
Его Рустемъ изъ раны вынулъ,
И быстро побѣжала съ жизнью
Струя горячей крови;
И яркимъ пурпуромъ ея
Рустемова повязка облилася.
Онъ поблѣднѣлъ ее увидя,
И глухо прошепталъ,
Какъ-будто задушенный:
—Зорабъ, ты сынъ мой... я Рустемъ!—

V.

И долго, ужасомъ окамененный,
Смотрѣлъ онъ мутными глазами
На сына. Вдругъ онъ дико застоналъ...
Такъ стонетъ тигръ: въ кусты залегши,
Яримый жаждой крови, ждетъ онъ,
Чтобъ мимо быкъ изъ стада пробѣжалъ
Его когтямъ въ добычу.
И вдругъ его единственный тигренокъ,
Имъ въ логѣ брошенный, шумя
Въ кустахъ, бѣжитъ: и на него,
Слѣпой отъ голода, отецъ въ остервенѣньи
Бросается, его когтями
На части рветъ, и вдругъ,
Узнавши, кто такъ жалко
Трепещется подъ лапами его,
Пускаетъ стонъ, какого никогда
Не издавалъ дотолѣ, стонъ
Разорваннаго сердцемъ тигра—
Таковъ былъ страшный стонъ Рустема;
Такъ застонавъ, со всѣхъ онъ ногъ,
Какъ-будто вдругъ убитый наповалъ,
На сына грянулся. Всю память потерявъ,
Впервые сердцемъ сокрушенный,
Недвижимымъ, окостенѣлымъ
Лежалъ онъ мертвецомъ. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,
Смертельно раненый, лежалъ съ нимъ рядомъ [сынъ;
Еще его лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыханіе; онъ чувствовалъ; онъ видѣлъ;
Онъ радовался, умирая,
Что близко былъ отецъ,
Его отецъ, его убійца,
Котораго такъ жадно онъ желалъ, [но
Такъ силился найти, и, наконецъ, такъ страш-
Нашелъ... И онъ теперь (какъ наканунѣ
Ему привидѣлось во снѣ)
Въ его объятіяхъ лежалъ съ любовью дѣтской.

VI.

Тѣмъ временемъ, не видя ничего
Въ вечернемъ мракѣ, оба войска
Стояли молча. Вдругъ отъ мѣста боевого
Дошелъ до нихъ протяжный стонъ,
И все опять утихло;
И каждый угадалъ,
Что тамъ бѣда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смѣлъ никто; когда же, наконецъ,
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули къ мѣсту роковому,
Они сперва тамъ встрѣтили коней,
Подъ деревомъ стоявшихъ праздно.
Увидя, что престолъ Рустемовъ Громъ
Былъ пустъ, они пришли въ великій ужасъ,
И опрометью въ станъ
Всѣ бросились, крича:—Рустемъ
Убитъ! на Громѣ нѣтъ Рустема!—
Тогда нашелъ на войско трепетъ;
Какъ море въ бурю, тяжко, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятежъ въ немъ загремѣлъ;
И шумною волною
Оно все хлынуло впередъ.
Но прежде, чѣмъ оно прійти успѣло къ мѣсту,
Достигъ туда его далекій шумъ;
И имъ Рустемъ близъ сына
Отъ сна смертельнаго къ смертельному стра- [данью
Былъ пробужденъ; и тяжко
Онъ застоналъ—но тихимъ словомъ сынъ
Его смирилъ. Послѣднее дыханье,
Послѣдній свѣтъ души своей онъ собралъ,
И на его блѣднѣющихъ устахъ
Чуть слышною музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная рѣчь;
И тихо рѣчь лилась,
Какъ теплая, слабѣющая кровь,
Все медленнѣй бѣжавшая изъ груди.

VII.

„Отецъ, пока еще во мнѣ
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошелъ—къ моимъ словамъ
Склони твой слухъ. О! лучшее изъ нихъ,
Мое сладчайшее, мной въ первый разъ

Произносимое на свѣтѣ слово:
Отецъ! произношу
Въ послѣдній жизни часъ; имъ горечь смерти
Услаждена; за гордое желанье
По славѣ подвиговъ достойнымъ
Рустемовымъ назваться сыномъ,
И за надежду нѣкогда съ нимъ вмѣстѣ
Надъ всею властвовать землею,
Которой самъ теперь я сталъ подвластенъ,
Недорого я заплатилъ. О чемъ же,
Рустемъ, крушиться? О, не плачь!
Не ты, не ты меня убилъ;
Въ утробѣ матери на то
Я былъ звѣздами предназначенъ;
На то и Синдъ напрасно ею
Былъ посланъ, чтобъ отца мнѣ указать;
На то и ты былъ долженъ Синда ночью
Убить, чтобъ ужъ никто не могъ
Насъ во́-время другъ съ другомъ познакомить
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнетъ,
Заплачетъ жалобно о сынѣ
Безъ жалобъ на отца она.
Ты ей пошли мои доспѣхи,
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мнѣ; позволь, чтобъ Баруманъ
Назадъ отвелъ мои дружины съ миромъ;
Онѣ сюда пришли за мною,
И безъ меня въ сраженье не пойдутъ:
Не мсти Хеджиру за упорство,
Съ какимъ онъ, вопреки
Моимъ всѣмъ просьбамъ и угрозамъ,
Тебя назвать отрекся... Ахъ! о томъ
Я умолялъ напрасно и тебя;
Пускай вполнѣ останутся Гудерсу
Его всѣ восемьдесятъ сыновей,
Тогда, какъ твой единственный лежать
Здѣсь будетъ мертвый; пусть владѣетъ
Хеджиръ и Бѣлымъ За́мкомъ;
Пускай и дѣва красоты,
Представшая очамъ моимъ какъ сонъ,
Гурдаферидъ себя отдастъ Хеджиру,
Но слово данное исполнитъ:
Оплакать мой безвременный конецъ.
Мое же тѣло повели
Отнесть въ Сабулъ и положить
Туда, гдѣ всѣ положены
Мои прославленные предки,
А здѣсь пускай раскинутъ надо мною
Рустемовъ царственный шатеръ,
Такъ навсегда съ землею я прощаюсь...
Пришелъ, какъ молнія, ушелъ, какъ вѣтеръ.
А ты, Рустемъ, въ послѣдній разъ теперь
На отходящее дитя свое взгляни,
И прежде, чѣмъ оно утратитъ силу слышать,
Промолви вслухъ: Зорабъ, ты сынъ Рустема".

VIII.

Такъ, умирая, говорилъ
Прекрасный юноша. Рустемъ молчалъ;
Напрасно силился уста
Онъ растворить, они загвождены
Желѣзной судорогой были,
И молча онъ смотрѣлъ, какъ тихо гасла
Вдругъ догорѣвшая лампада.
Такъ на послѣднюю струю
Зари вечерней смотритъ путникъ;
Когда жъ и слѣдъ ея на небесахъ
Исчезнетъ, одинокъ въ пустынѣ темноты
Онъ остается, и ему
Ужъ никакое на пути
Не руководствуетъ сіянье—
Такъ для Рустема жизни свѣтъ
Съ душой Зораба гасъ навѣки.
Тѣмъ временемъ и громъ и шумъ
Дружинъ бѣгущихъ приближался;
Рустемъ въ разстройствѣ скорби
Неистово отъ сына поднялся,
И къ войску выступилъ навстрѣчу,
Окровавленный, весь въ пыли,
Съ могильной блѣдностью лица,
Обезображеннаго горемъ.
Его никто въ Иранѣ столь ужаснымъ
Не видывалъ... но громозвучнымъ крикомъ
По войску радость пробѣжала,
Когда предъ нимъ Рустемъ живой явился.
Такой подъемлетъ крикъ дружина,
Увидя надъ собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную изъ рукъ
Ее схватившаго врага:
Она изорвана въ лохмотье,
Но спасена. Такъ все заликовало
Рустема встрѣтившее войско.
И, ставъ предъ нимъ, растерзанный печалью.
Томимый горестью, волнуемый стыдомъ,
Рустемъ сказалъ:—Сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!
Смотрите всѣ, какую службу
Рустемъ Ирану отслужилъ;
Вотъ онъ лежитъ, вамъ грозный богатырь;
Моей рукой разрушенъ страхъ Ирана,
Я много боевъ совершилъ,
Я бился днемъ, я бился ночью,
Но никогда еще я не принесъ
Такой, какъ нынѣ, жертвы славѣ:
Смотри, Иранъ! Рустемъ своей рукою
Здѣсь за тебя убилъ родного сына.—
Такъ говорилъ Рустемъ и голосъ
Его не трепеталъ; и были сухи
Его глаза; и былъ онъ страшно тихъ.
Тогда они увидѣли въ крови
Простертаго героя молодаго;
Еще за часъ цвѣтущій, какъ весна,
Прекрасный, какъ живая роза,
И полный силы, какъ орелъ—
Теперь онъ передъ ихъ очами
Лежалъ безгласный, недвижимый,
Покрытый блѣдностію смерти.
Рустемъ взглянулъ ему въ лицо...
— Еще онъ живъ! воскликнулъ онъ;
Скорѣй гонца отправьте къ шаху

Молить, чтобъ мнѣ прислалъ немедля
Три капли чуднаго бальзама,
Всѣ исцѣляющаго раны,
Который онъ всегда съ собой имѣетъ...
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ милый сынъ мнѣ живъ остался.—

IX.

На крыльяхъ къ шаху прилетѣлъ
Гонецъ, и такъ сказалъ:—Рустемъ
Убилъ Зораба, но Зорабъ
Рустемовъ сынъ; о немъ отецъ
Рыдаетъ горько, и его печалью
Всѣ пораженные рыдаютъ; ими
Къ тебѣ я присланъ, шахъ державный,
Молить, чтобъ ты благоволилъ немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себѣ
Всегда имѣешь;
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ живъ Рустему сынъ остался.—
Но шахъ отвѣтствовалъ на это,
Не торопясь:—Благодаренье Богу!
Рустемъ спасенъ, а врагъ лежитъ убитый;
Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всѣмъ моимъ бальзамомъ
Пожертвовать готовъ я для Рустема;
Но капли дать не соглашусь для турка.
Ирану и одной ужъ силы
Рустемовой довольно черезъ мѣру;
Когда же съ нимъ такой могучій
Соединится сынъ, ихъ обоихъ
Не выдержать Ирану.
Но если такъ Рустемъ желаетъ,
Чтобъ я въ бѣдѣ ему помогъ,
Пускай свою отложитъ гордость,
И самъ сюда придетъ,
И проситъ милости у шаха на колѣняхъ.—
Гонецъ, увидя, сколь упоренъ
Былъ царь, не сталъ терять безъ пользы
И поспѣшилъ съ его отвѣтомъ (словъ
Къ Рустему. При такомъ жестокомъ
Отказѣ вся пришла въ волненье
Душа Рустемова; борьба
Межъ скорбію и гордостію въ ней
Такая началась, что паръ
Отъ головы богатыря поднялся;
Онъ судорожно трепеталъ;
Не могъ пойти, не могъ остаться;
Но, наконецъ, передъ судьбою
Смиренно голову склонилъ,
И въ землю пасть за сына передъ шахомъ
Пошелъ... но десяти шаговъ переступить
Онъ не успѣлъ, какъ ужъ его
Настигла вѣсть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кромѣ гроба.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

РУСТЕМЪ.

I.

Рустемъ пришелъ обратно; той порой
Они ужъ мертваго покрыли.
Была кругомъ тройная ночь:
На небесахъ, въ душѣ отца,
И въ скиніи пустой,
Гдѣ такъ недавно
Душа Зорабова сіяла.
Поднявъ въ молчаніи покровъ,
При слабомъ звѣздъ сіяньи,
Отецъ увидѣлъ
Умершаго лицо:
Оно отъ темноты,
Какъ блѣдный призракъ, отдѣлялось
Своею смертной бѣлизной;
И холодъ ужаса въ него проникъ;
Покровъ на мертваго опять онъ наложилъ,
И шопотомъ, какъ-будто разбудить
Заснувшаго остерегаясь,
Сказалъ: „Я часто смерти
Глядѣлъ въ глаза, и никогда
Мнѣ не было предъ нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мнѣ столь прекрасною, какъ здѣсь,
На этомъ образѣ прекрасномъ...
Но я теперь дрожу. О горе! горе
Тебѣ, Рустемъ! всей славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладѣвшей.
Что подвиги твои теперь?
Всѣ прежніе послѣдній опозорилъ.
О милый сынъ мой, сынъ моей души!
Такую ль встрѣчу твой отецъ
Тебѣ былъ долженъ приготовить?
Тебя съ младенчества прельщалъ
Погибельный, невѣрный призракъ;
Рустемовы дѣла
Въ твою гремѣли душу;
Они къ отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью и жизнью было
Упасть на грудь отца... ты на нее упалъ,
Но объ нее расшибся; ты насильно
Въ мои объятія ворва́лся—
И былъ въ нихъ задушонъ.
Тебѣ я, какъ врагу, дивился,
Завидовалъ... слѣпой безумецъ!
Обманомъ я разжалобилъ твою
Безхитростно-довѣрчивую душу,
Чтобъ у тебя украсть изъ рукъ
Остатокъ дряхлой жизни,
Мнѣ самому теперь презрѣнной,
И чтобъ потомъ разбойнически младость
Твою убить въ союзѣ съ темной силой.
И, наконецъ, я за тебя, мой сынъ,
Пошелъ на стыдъ и униженье,
Пошелъ упасть къ ногамъ надменнымъ шаха,
Но тѣмъ отъ рукъ желѣзныхъ смерти

Тебя не спасъ я... О! пусть будетъ этотъ
Мирительной уплатою за все, [стыдъ
Что сотворилъ тебѣ въ обиду
Отецъ твой... такъ рѣшили звѣзды:
Я возмечталъ до неба вознестися—
И было мнѣ, въ урокъ смиренья, небомъ
Ниспослано сыноубійство“.

II.

Такъ сѣтовалъ Рустемъ во тьмѣ ночной,
И всѣ вожди и всѣ вельможи,
Съ нимъ вмѣстѣ сѣтуя, сидѣли
Кругомъ его, забывши о вечерней
Трапезѣ. Ихъ Рустемъ
Не замѣчалъ; онъ мертвыми очами
На сына мертваго глядѣлъ,
И роковую стиснувъ
Въ рукахъ повязку, такъ
Ей говорилъ: „Ты, золотая,
Холодная, коварная змѣя!
Ты сокровенностью своею,
Какъ жаломъ смерти ядовитымъ,
И сыну грудь пронзила,
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты во́-время сама разорвалася
И выпала передо мною
Изъ-подъ одежды роковой!
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ осторожно
Тебя таилъ онъ на груди?
Зачѣмъ и ты сама ему
Такъ крѣпко обнимала грудь?
Увы! зачѣмъ и я съ такою
Неумолимостью отвергнулъ
Его горячія молитвы?
Зачѣмъ я такъ безжалостно покинулъ
Мою жену и вѣсти никакой
Ни о себѣ ей не давалъ,
Ни отъ нея имѣть не мыслилъ?
О! для чего она сама
Съ такой упорностью таила
Рожденье сына отъ меня?
А ты, мой конь, мой вѣрный Громъ!
Ты первая всему причина:
Зачѣмъ меня ты спящаго оставилъ
И въ руки туркамъ отдался,
И тѣмъ дорогу указалъ мнѣ
Къ погибельному Семенгаму?
Когда бъ туда я не входилъ—
Я никому не даровалъ бы,
Ни у кого бъ не отнялъ жизни.
Ахъ! Конь мой, конь мой, въ черный день
Меня понесъ ты на охоту—
Въ добычу намъ досталася бѣда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отнынѣ ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую“.

III.

Такъ сѣтовалъ во тьмѣ ночной Рустемъ.
Настало утро. Самъ тогда
Явился шахъ. Рустему
Хотѣлъ сказать онъ слово утѣшенья,
Чтобъ свой отказъ жестокій оправдать;
Но было холоднѣй мороза
Его безчувственное слово.
„Зачѣмъ, онъ говорилъ, ты здѣсь,
Ирана пехлеванъ великій,
Лежишь въ пыли, и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой—
Хотя бъ могли съ подошвы гору сдвинуть,
Или шатеръ небесный повалить
На землю—не воротимъ
Ни одного ушедшаго съ земли.
За нашей жизнью—дичью легконогой—
Гоняется охотникъ—смерть;
Проворна жизнь, но смерть проворнѣй;
Она ее догонитъ наконецъ; [ловитъ.
Послѣдній часъ всегда врасплохъ насъ
Я самъ издалека дивился
Его великой силѣ,
Его плечамъ широкимъ,
Его могучимъ членамъ
И исполинской красотѣ;
И думалъ я: не уроженецъ
Турана этотъ богатырь;
Въ немъ кровь царей. Но могъ ли кто изъ
Подумать и во снѣ, [насъ
Чтобъ былъ онъ сынъ Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
Въ Иранѣ отъ руки отца?
Теперь ему не нуженъ болѣ
Мой жизненный бальзамъ; но дорогими
Я ароматами покрою
Его безжизненное тѣло;
Великолѣпнымъ погребеньемъ
Его почту, и въ немъ тебя, великій
Ирана пехлеванъ; и будетъ въ Истахарѣ
Надгробный памятникъ ему
Изъ золота и мрамора воздвигнутъ.
Теперь мнѣ дай лицо его увидѣть“.

IV.

Такъ говоря, онъ подошелъ,
Чтобъ мертвому лицо открыть, но тяжкой
Рукой прижалъ къ лицу покровъ Рустемъ;
И головы не подымая, шаху
Сказалъ онъ:—Видѣть Кейкавусъ
Рустемова не будетъ сына. Удались,
Державный царь; оконченъ пиръ, гостямъ
Здѣсь мѣста болѣ нѣтъ; а сына самъ я
Похороню. Туранское же войско
Пускай назадъ пойдетъ свободно:
Его душа исчезла. Также
И ты, могучій Кейкавусъ,
Не медли здѣсь; иди въ свой Истахаръ,
И разскажи, когда тамъ будешь,
Какую легкую побѣду
Здѣсь одержалъ, и какъ разбито было
Здѣсь войско цѣлое, когда убилъ я сына.
Идите всѣ; меня здѣсь одного

Съ моимъ оставьте сокрушеньемъ.—
Онъ замолчалъ, и отъ покрова
Руки не отнялъ, головы не поднялъ,
И не взглянулъ на шаха; на землѣ
Близъ сына онъ лежалъ, не отводя
Отъ мертваго очей. Оборотясь
Къ вельможамъ и вождямъ, сказалъ
Имъ Кейкавусъ: „Его желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видѣть,
Какъ сѣтуетъ Ирана пехлеванъ—
Но мы ему помочь не въ силахъ; онъ желаетъ
Остаться здѣсь одинъ; пойдемъ". И шахъ
Пошелъ; и всѣ пошли за нимъ
Храня молчаніе; и въ полѣ
Рустемъ одинъ остался съ мертвымъ сыномъ
И вскорѣ все пришло въ движенье войско;
Шатры попадали и станъ исчезъ—
Какъ-будто міръ какой великій
Разрушился. И все заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Въ обратный путь пошли дружины.

V.

Съ земли поднявшися отъ сына,
Рустемъ увидѣлъ вдалекѣ
Лишь только пыль, подъемлемую войскомъ
На краѣ небосклона; поле,
Гдѣ былъ разбитъ иранскій станъ,
Ужъ было пусто; одиноко
Среди его стоялъ зеленый
Шатеръ; а въ сторонѣ шатры Сабула,
Гдѣ полководствовалъ Зеваръ.
Рустемъ, къ себѣ призвавши брата,
Ему сказалъ:—Теперь всему конецъ.
Иди, Зеваръ, и отъ меня
Турану миръ съ Ираномъ объяви.
Хеджиру возврати свободу,
И власть ему вручи надъ Бѣлымъ За́мкомъ,
Примолвивъ: „Отъ Зораба
Въ награду за твою правдивость".
Потомъ ты скажешь Баруману:
„Зорабъ тебя за добрые совѣты
И за любовь къ царю Афразіабу
Отсюда съ миромъ отпускаетъ".
И самъ его до рубежей Турана
Съ отборною сабульскою дружиной
Потомъ ты проводи; когда жъ проводишь,
Въ сосѣдній городъ Семенгамъ,
Поди и дочери царя,
Теминѣ, эту золотую
Отдай повязку; но смотри,
Чтобъ кровь съ нея не стерлась:
То матери единственный остатокъ
Отъ сына. Также ей отдай
И всѣ Зорабовы доспѣхи—
Пускай они печаль ея насытятъ;
А ты, увидя, какъ она
Безъ утоленья будетъ плакать,
И рваться въ судорожномъ горѣ,
И сына тщетно призывать,
Скажи въ отраду ей, какимъ
Меня ты здѣсь оставилъ...
Ты день пробудешь въ Семенгамѣ;
Потомъ сюда о ней живую вѣсть
Мнѣ принесешь. Иди жъ не медля;
Я день и ночь тебя здѣсь буду ждать.
Когда же возвратишься,
Свое сокровище тебѣ я ввѣрю,
И ты его въ Сабулистанъ
Отсюда съ честью понесешь,
Рустемовымъ сопутствуемый войскомъ.—

VI.

Немедленно Зеваръ пустился въ путь.
Тогда сказалъ оставшимся Рустемъ:
—Принесть сюда зеленый мой шатеръ!
Отъ мѣста, на которомъ мною
Былъ сынъ убитъ, я не пойду.
Но онъ живой хотѣлъ, чтобы надъ нимъ
Стоялъ шатеръ отца—пускай надъ нимъ и
Стоитъ онъ.—И шатеръ воздвигся [мертвымъ
Надъ юношей, спокойно погруженнымъ
Въ непробудимый смерти сонъ.
Его отецъ на пурпурный коверъ,
Межъ ароматовъ благовонныхъ,
Своими положилъ руками,
Накрылъ парчой, потомъ всего
Цвѣтами свѣжими осыпалъ—
Такъ окруженный прелестями жизни,
Онъ тамъ лежалъ, объятый хладной смертью.
Потомъ Рустемомъ похоронный
Былъ учрежденъ обрядъ:
Соединивъ передъ шатромъ
Всю рать Сабулистана,
Онъ повелѣлъ, чтобъ каждый день она—
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце—
Торжественно въ порядкѣ боевомъ,
Знамена распустивъ
При звукѣ трубъ, съ тимпаннымъ громомъ,
Въ сіяющихъ доспѣхахъ проходила
Передъ шатромъ, и были гривы
Коней обстрижены; тимпаны
И трубы траурною тканью
Обвиты, луковъ тетивы
Ослаблены, и копья остреями
Внизъ опрокинуты. Рустемъ
Не ѣхалъ впереди; надъ сыномъ
Сидѣлъ онъ, скорбію согбенный,
И съ мертвымъ, какъ съ живымъ,
Бесѣду безотвѣтно велъ.
Онъ утромъ говорилъ:
„Зорабъ, мой сынъ,
Звучитъ труба... ты спишь".
А вечеромъ онъ говорилъ:
„Зорабъ, мой сынъ,
Ужъ землю солнце покидаетъ;
И ты покинешь скоро землю".
Такъ девять сутокъ онъ провелъ

Безъ сна, безъ пищи,
Неутѣшимой преданный печали.

VII.

Въ однѣ изъ этихъ сутокъ—былъ ужъ близко
Разсвѣтъ зари—какъ неподвижный,
Желѣзный истуканъ сидѣлъ
Рустемъ во глубинѣ шатра
Надъ сыномъ, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холоднымъ полусвѣтомъ
Едва начавшагося утра
Чуть озаренное пустое небо
Межъ ними было видно... вдругъ
На этой блѣдной пустотѣ
Явился блѣдный образъ; отъ нея
Онъ отдѣлился, и безшумно,
Вѣнокъ изъ розъ и лавровъ положила,
Потомъ, лицо опять одѣвъ
Покровомъ, тихо удалилась,
И въ воздухѣ ночномъ,
Какъ-будто съ нимъ сліянная, пропала.
И стало пусто
Опять въ шатрѣ, лишь на востокѣ
Багрянѣй сдѣлалося небо,
И одиноко тамъ горѣла
Денницы тихая звѣзда.
Рустемъ не зналъ, что видѣлось ему;
Въ безсонномъ забытьи сидѣлъ онъ,
И думалъ смутно: это сонъ.
Когда жъ при восхожденьи солнца
Онъ снялъ съ умершаго покровъ,
Чтобъ утренній привѣтъ свой
Ему сказать—на головѣ его
Увидѣлъ онъ вѣнокъ изъ розъ и лавровъ

Какъ-будто вѣющій, проникъ
Въ шатеръ... то былъ прекрасный образъ дѣвы.
Увидя мертваго, она
У ногъ его простерлася на землю,
И не вставала долго,
И слышалось въ молчаньи ночи
Ея рыданіе, какъ лепетъ тихій
Ручья. Съ земли поднявшись
Она приблизилася къ тѣлу,
И, снявъ съ лица покровъ,
Смотрѣла долго
На блѣдное лицо,
Которымъ (безотвѣтно
На все земное) обладала смерть:
Зажаты были очи, нѣмы
Уста, и холодно, какъ мраморъ,
Чело. Она его въ чело, уста и очи
Поцѣловала, на голову свѣжій

VIII.

Въ десятый день изъ Семенгама
Зеваръ съ дружиной возвратился.
Вступивъ въ шатеръ, увидѣлъ онъ,
Что тамъ сидѣлъ надъ мертвымъ сыномъ
Рустемъ, приникнувъ головою
Къ его холодному челу—
И волосы его сѣдые
Лежали въ дикомъ безпорядкѣ
На блѣдныхъ мертваго щекахъ.
При входѣ брата приподнялъ
Онъ голову. Зеваръ
На тѣло, молча, положилъ
Окровавленную повязку.
При этомъ видѣ содрогнувшись,
Рустемъ спросилъ: Зачѣмъ, мой братъ Зеваръ,
Принесъ назадъ мою повязку?—

Зеваръ отвѣтствовалъ:—Тамъ никому
Она ужъ болѣ не нужна.—Понявъ
Значенье этихъ словъ, въ молчаньи
Прижалъ опять лицо свое Рустемъ
Къ челу Зораба. И никто
Не смѣлъ его ужаснаго покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, съ зарей поднявшись,
Все войско стало въ строй, Рустемъ,
Всю ночь безъ сна проведши
Надъ сыномъ, такъ сказалъ Зевару:
—Зеваръ, мой братъ, теперь шатеръ зеленый
Надъ головой моею опрокиньте,
И отъ меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Его коня.—Когда же конь
Былъ приведенъ—какъ-будто отъ недуга
Шатаясь, сокрушенный, блѣдный,
Онъ вышелъ изъ шатра...
И онъ заплакалъ взрыдъ,
Когда коня безъ сѣдока
Передъ собой увидѣлъ. Полы
Шатра отдернувъ,
На господина мертваго коню
Онъ указалъ. Въ шатеръ взглянувши быстро,
Могучій конь оторопѣлъ,
Его поникла голова
И до земли упала грива.
Обѣими руками
Обнявши голову его, Рустемъ
Ее поцѣловалъ, потомъ
Коню, сложивъ съ него узду,
Сказалъ:—Отнынѣ никому
Ты не служи, Зорабовъ конь;
Ты воленъ.—Понялъ конь разумный
Его слова: онъ жалобно и грозно
Заржалъ, ужасно прянулъ
Въ бокъ отъ шатра, и вихремъ побѣжалъ,
И скрылся—и его съ тѣхъ поръ
Никто нигдѣ не встрѣтилъ.
Рустемъ, оборотяся къ брату,
Ему сказалъ:—Тебѣ, мой братъ Зеваръ,
И войску моему я сына
Передаю; въ Сабулистанъ
Несите сына моего;
Тамъ на кладбищѣ царскомъ,
Гдѣ я охотно легъ бы, если бъ могъ
Тѣмъ пробудить его отъ смерти,
Пусть будетъ съ предками своими
Онъ въ землю положонъ.
А нашей матери, такъ часто
Желавшей внуковъ отъ Рустема,
Скажи, Зеваръ, что я прислалъ ей внука;
Что въ красотѣ души и тѣла,
Въ отважности и силѣ богатырской
Ему подобнаго земля
Съ созданья не видала;
Что былъ бы онъ во всемъ по сердцу ей,
Когда бъ въ немъ только одного
Порока не было—кинжала,
Ему во грудь вонзеннаго отцомъ.
Идите. Я останусь здѣсь—
Зачѣмъ останусь? Что со мною будетъ?
О томъ узнать никто не любопытствуй.
Поклонъ прощальный отъ меня
Отдайте царству и народу.
Тебѣ, Зеваръ, я поручаю
Мое исполнить завѣщанье; самъ же
Въ Сабулъ я не пойду; я не могу увидѣть
Ни матери, ни сродниковъ, ни ближнихъ;
Въ пустынѣ, самого себя [здѣсь,
Хочу размыкать я, и змѣя—
Грызущее мнѣ душу горе—
Убить. То будетъ мой послѣдній,
Мой самый трудный подвигъ; змѣй
Свирѣпъ, онъ дышитъ пламенемъ и ядомъ.
Идите жъ; добрый путь вамъ, будьте
Всѣ счастливы, и не крушитесь,
Что, вслѣдъ за мной сюда пришедши,
Назадъ пойдете безъ меня—
Такъ должно быть. Простите.
Когда же о Рустемѣ
Тамъ станутъ говорить и спросятъ:
Куда пошелъ Рустемъ?
Отвѣтствуйте: не знаемъ.—

ОДИССЕЯ.

О ПЕРЕВОДѢ ОДИССЕИ.

1842—1849.

I. Изъ письма къ графу С. С. Уварову. 1848.

Вы спросите: какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная греческаго языка, и изъ таинственно заносчиваго германскаго романтика сдѣлаться смирнымъ классикомъ? На это простой отвѣтъ: перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытною поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремитъ ни въ какую туманную даль. Старость второе ребячество; подъ старость любишь разсказы; поэтому и мнѣ захотѣлось присоединиться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ разсказчиковъ и, не имѣя въ запасѣ собственныхъ басенъ, повторить на Руси его греческія стародавнія басни. Однимъ словомъ, цѣль моя была: потѣшить самого себя на просторѣ поэтическою болтовнею; это мнѣ и удалось; XII пѣсенъ Одиссеи кончены; были бы кончены и всѣ XXIV, но въ послѣдніе два года всякаго рода тревоги помѣшали мнѣ приняться за продолженіе труда моего; надѣюсь на нынѣшнюю зиму: можетъ-быть, и все кончу. Пока моя главная цѣль достигнута: муза Гомерова озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни; но то, что меня самого такъ сладостно, такъ беззаботно утѣшало, будетъ ли утѣхою и для читателей-соотечественниковъ, съ которыми хочу подѣлиться своими сокровищами, занятыми у Гомера—не знаю. Если это случится, то меня будетъ радовать мысль, что на Руси останется твердый памятникъ поэтической моей жизни. Быть вѣрнымъ представителемъ Гомера... Но какъ же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по-русски? Это я долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла нѣмецкая совѣстливая, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдорфѣ я нашелъ профессора Грасгофа, великаго эллиниста, который, въ

особенности, занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко онъ переписалъ мнѣ въ оригиналѣ всю Одиссею; подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово и подъ каждымъ нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго. Такимъ образомъ, я могъ имѣть передъ собою весь буквальный смыслъ Одиссеи и имѣлъ передъ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ-сказать, собраны передо мною всѣ матеріалы зданія; недоставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоялъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней физіономіи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ. Но вопросъ: имѣлъ ли я успѣхъ? Самъ не могу быть себѣ судьею, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера—спросите у него, доволенъ ли онъ своимъ гиперборейскимъ представителемъ и сообщите мнѣ его мнѣніе. Я старался переводить слово-въ-слово, сколько это возможно безъ насилія языку (отчего вѣрность рабская становится часто рабскою измѣною), слѣдовалъ за каждымъ словомъ и, въ особенности, старался соблюдать и х ъ м ѣ с т о в ъ с т и х ѣ тѣмъ словамъ, которыя на этомъ мѣстѣ производятъ особенное поэтическое дѣйствіе. Повторю здѣсь то, что сказалъ о трудѣ моемъ въ другомъ мѣстѣ: „Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, видѣвшій во снѣ все, что есть чуднаго на землѣ и небесахъ, и лепечущій объ этомъ звонкимъ, ребяческимъ голосомъ на груди у своей кормилицы-природы. Это тихая, широкая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, отражающая чисто и вѣрно и небо, и берега и все, что на берегахъ живетъ и движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристаллъ отражающій какъ-будто не существуетъ: око его не чувствуетъ. Переводя Гомера (и въ особенности Одиссею) не далеко уйдешь, если займешься фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него, то-есть у Гомера, нѣтъ отдѣльно-разительныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить в е с ь, во всей его полнотѣ и свѣтлости: надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлаго. И въ выборѣ словъ надлежитъ наблюдать особеннаго рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому, именно, и не годится для Гомера; все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное—здѣсь не у мѣста; оно есть, такъ-сказать, анахронизмъ; надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть, потому что всѣ его употребляли; заимствуясь у праотца поэзіи, надобно этому обветшалому, изношенному языку возвратить его первоначальную свѣжесть и новость и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтическій, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Однимъ словомъ, переводя Гомера, надобно отказаться отъ всякаго щегольства, отъ всякой украшенности, отъ всякаго покушенія на эффектъ, отъ всякаго кокетства; надобно производить дѣйствія неощутительно цѣлымъ, простотою, неразительностію, непримѣтностію выраженій, стройностію широкихъ, обильныхъ періодовъ, иногда перерываемыхъ, какъ-будто безъ намѣренія, отдѣльными стихами, мало блестящими, такъ, чтобы каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово въ стихѣ составляли одну общую гармонію, не нарушая ея никакимъ собственнымъ, отдѣльнымъ звонкимъ, но часто дикимъ звукомъ. Эта работа весьма трудная; для нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руководствоваться однимъ чутьемъ; и для меня эта работа была тѣмъ труднѣе, что я въ этомъ отношеніи не могъ согласоваться съ оригиналомъ, ибо его не знаю, а могъ только угадывать. Но за то какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, рождающейся изъ пѣны моря (ибо она есть символъ Гомеровой поэзіи), въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ часто черезчуръ изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и, въ особенности, въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, созидающей произвольно грустныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически могучую в ъ н а с т о я щ е м ъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границею міра никакого б у д у щ а г о, и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ, и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ всеоживляющихъ утѣшеній.—Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ старался сохранить простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки, избѣгая всякаго славянцизма, и по возможности соглашалъ съ формами оригинала (которыя всѣ матеріально сохранились въ переводѣ подстрочномъ) формы языка русскаго такъ, чтобы Гомеровскій стихъ былъ ощутителенъ въ стихѣ русскомъ, не заставляя его кривляться по-гречески.

ОДИССЕЯ.

—

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

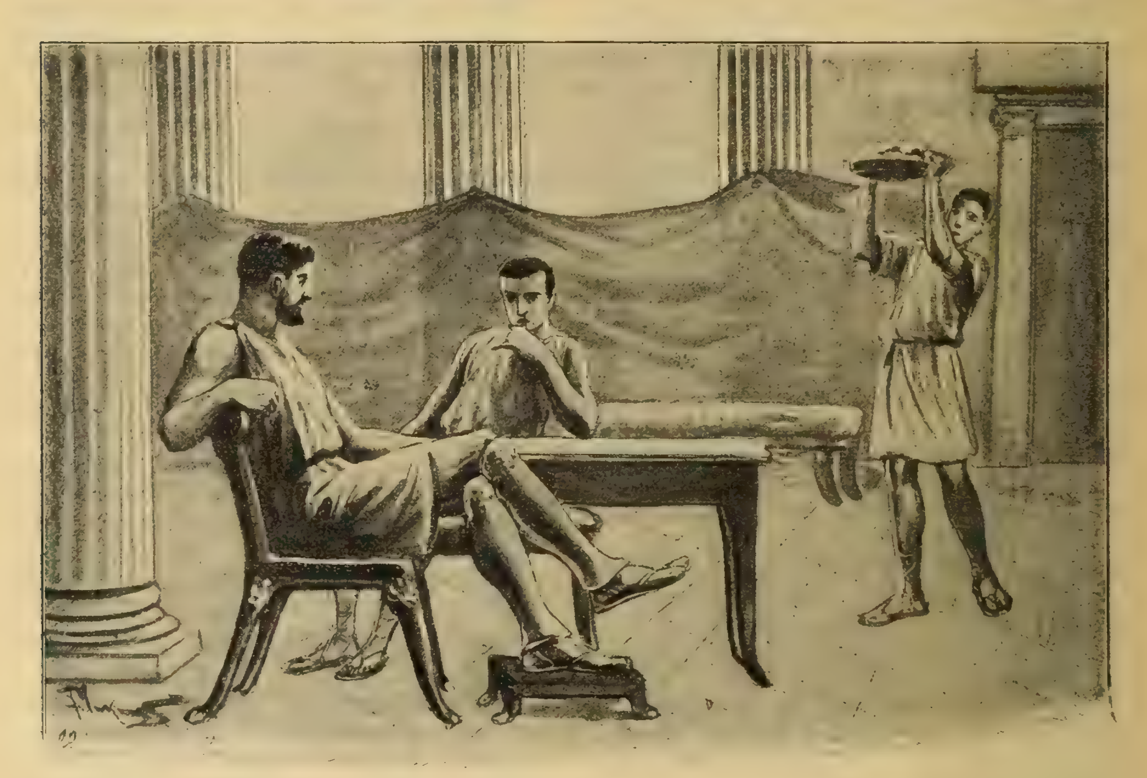
Собраніе боговъ. Они опредѣляютъ, что Одиссей, преслѣдуемый Посидономъ и противъ воли удерживаемый нимфою Калипсо на островѣ Огигіи, долженъ, наконецъ, возвратиться въ свое отечество, Итаку. Аѳина, подъ видомъ Ментеса, является Телемаку и даетъ ему совѣтъ посѣтить Пилосъ и Спарту и выгнать жениховъ Пенелопы изъ Одиссеева дома. Телемакъ въ первый разъ говоритъ рѣшительно съ матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возвратѣ въ отчизну сопутниковъ; тщетны
Были однако заботы, не спасъ онъ сопутниковъ: сами
Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
Съѣвши быковъ Геліо́са, надъ нами ходящаго бога—
День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
Что-нибудь намъ, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

Всѣ ужъ другіе, погибели вѣрной избѣгшіе, были
Дома, избѣгнувъ и брани и моря; его лишь, разлукой
Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротѣ глубокомъ
Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ.
Но когда наконецъ обращеньемъ временъ приведенъ былъ
Годъ, въ который ему возвратиться назначили боги
Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ друзей онъ
Всё не избѣгъ отъ тревогъ), преисполнились жалостью боги
Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.
Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ эѳіоповъ
(Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни, гдѣ нисходитъ
Богъ свѣтоносный, другіе, гдѣ всходитъ), чтобъ тамъ отъ народа
Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять экатомбу.
Тамъ онъ, сидя на пиру, веселился; другіе же боги
Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были.
Съ ними людей и безсмертныхъ отецъ начинаетъ бесѣду;
Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безразсудный (его же Атридовъ
Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ); и о немъ помышляя,
Слово къ собранью боговъ обращаетъ Зевесъ Олимпіецъ:
Странно, какъ смертные люди за все насъ боговъ обвиняютъ!
Зло отъ насъ, утверждаютъ они; но не сами ли часто
Гибель, судьбѣ вопреки, на себя навлекаютъ безумствомъ?
Такъ и Эгистъ: не судьбѣ ль вопреки онъ супругу Атрида
Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ отчизну?
Гибель онъ вѣрную вѣдалъ; отъ насъ былъ къ нему остроокій
Эрмій, губитель Аргу́са, ниспосланъ, чтобъ онъ на убійство
Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой воздержался.
„Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ
Въ домъ мой вступить, возмужавъ, какъ наслѣдникъ, захочетъ", такъ было
Сказано Эрміемъ — тщетно! не тронулъ Эгистова сердца
Богъ благосклонный совѣтомъ, и разомъ за все заплатилъ онъ.—
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинея Паллада
Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка,
Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да погибнетъ
Каждый подобный злодѣй! но теперь сокрушаетъ мнѣ сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно онъ
Страждетъ, въ разлукѣ съ своими, на островѣ, волнообъятомъ
Пупѣ широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
Дочь козноде́я Атланта, которому вѣдомы мо́ря
Всѣ глубины, и который одинъ подпираетъ громаду
Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, ліющаго слезы,
Держитъ, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ объ Итакѣ
Память надѣяся въ немъ истребить. Но, напрасно желая
Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій,
Смерти единой онъ молитъ. Ужель не войдетъ состраданье
Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не довольно дарами
Чтилъ онъ въ Троянской землѣ, посреди кораблей тамъ ахейскихъ
Жертвы тебѣ совершая? За что жъ ты разгнѣванъ, Кроніонъ?—
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа,
Столь отличеннаго въ сонмѣ людей и умомъ и усерднымъ
Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ?
Нѣтъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ упорно враждуетъ,
Все негодуя за то, что циклопъ Полифемъ богоравный
Имъ ослѣпленъ: изъ циклоповъ сильнѣйшій Ѳоо́зою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленаго моря,

Былъ онъ рожденъ отъ ея съ Посидономъ союза въ глубокомъ
Гротѣ. Хотя колебатель земли Посидонъ Одиссея
Смерти предать и не властенъ, но, по́ морю всюду гоняя,
Все отъ Итаки его онъ отводитъ. Размыслимъ же вмѣстѣ,
Какъ бы отчизну ему возвратить. Посидонъ отказаться
Долженъ отъ гнѣва: одинъ со всѣми безсмертными въ спорѣ,
Вѣчнымъ богамъ вопреки, безъ успѣха, онъ злобствовать будетъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинея Паллада
Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!
Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидѣть отчизну
Могъ Одиссей хитроумный, то Эрмій Аргусоубійца,
Воли боговъ совершитель, пусть будетъ на островъ Огигскій
Къ нимфѣ прекраснокудрявой ниспосланъ отъ насъ возвѣстить ей
Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ наступилъ возвратиться
Въ землю свою Одиссею, въ бѣдахъ постоянному. Я же
Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссеевомъ сынѣ
Гнѣвъ и отважностью сердце его преисполнить, чтобъ со́звалъ
Онъ на совѣтъ густовласыхъ ахеянъ и въ домъ Одиссеевъ
Входъ запретилъ женихамъ, у него безпощадно губящимъ
Мелкій скотъ и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ.
Спарту и Пилосъ песчаный потомъ посѣтитъ онъ, чтобъ свѣдать,
Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава.—
Кончивъ, она привязала къ ногамъ золотыя подошвы,
Амврозіальныя, всюду ее надъ водой и надъ твердымъ
Лономъ земли безпредѣльныя легки́мъ носящія вѣтромъ;
Послѣ взяла боевое копье, заощренное мѣдью,
Твердое, тяжкоогромное, имъ же во гнѣвѣ сражаетъ
Силы героевъ она, громоноснаго бога рожденье.
Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула богиня.
Тамъ на дворѣ, у порога дверей Одиссева дома
Стала она съ мѣдноострымъ копьемъ, облеченная въ образъ
Гостя, тафійцевъ властителя, Ментеса; собранныхъ вмѣстѣ
Всѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня узрѣла;
Въ кости играя, сидѣли они передъ входомъ на кожахъ
Ими убитыхъ быковъ, а глашатаи, столъ учреждая,
Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали
Воду съ виномъ въ пировыя кратёры; а тѣ, ноздреватой
Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и, разнаго мяса
Много нарѣзавъ, его разносили. Богиню Аѳину
Прежде другихъ Телемакъ богонравный увидѣлъ. Прискорбенъ
Сердцемъ, въ кругу жениховъ онъ сидѣлъ, объ одномъ помышляя:
Гдѣ благородный отецъ и ка́къ, возвратяся въ отчизну,
Хищниковъ онъ по всему своему разгоняетъ жилищу,
Власть воспріиметъ и будетъ опять у себя господиномъ.
Въ мысляхъ такихъ съ женихами сидя, онъ увидѣлъ Аѳину;
Тотчасъ онъ всталъ и ко входу поспѣшно пошелъ, негодуя
Въ сердцѣ, что странникъ былъ ждать принужденъ за порогомъ; приближась,
Взялъ онъ за правую руку пришельца, копье его принялъ,
Голосъ потомъ свой возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
—Радуйся, странникъ! войди къ намъ; радушно тебя угостимъ мы;
Нужду жъ свою намъ объявишь, насытившись нашею пищей.—
Кончивъ, пошелъ впереди онъ, за нимъ Аѳинея Паллада.
Съ нею вступя въ пировую палату, къ колоннѣ высокой
Прямо съ копьемъ подошелъ онъ, и спряталъ его тамъ въ поставѣ
Гладкообтесанномъ, гдѣ запираемы въ прежнее время
Копья царя Одиссея, въ бѣдахъ постояннаго, были.
Къ кресламъ богатымъ, искусной работы, подведши Аѳину,
Сѣсть въ нихъ ее пригласилъ онъ, покрывъ напередъ ихъ узорной
Тканью; для ногъ же была тамъ скамейка; потомъ онъ поставилъ
Стулъ рѣзной для себя въ отдаленьи отъ прочихъ, чтобъ гостю

Шумъ веселящейся буйно толпы не испортилъ обѣда,
Также, чтобъ втайнѣ его разспросить объ отцѣ отдаленномъ.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть имъ
Полный студёной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высо́ко,
Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предложивъ имъ,

Кубки златые на бранномъ столѣ передъ ними поставилъ;
Началъ глашатай смотрѣть, чтобъ виномъ наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сѣли
Чиномъ на креслахъ и стульяхъ; глашатаи подали воду
Руки умыть имъ; невольницы хлѣбъ принесли имъ въ корзинахъ;
Отроки свѣтлымъ напиткомъ до края имъ налили чаши.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ лакомой пищей, вошло имъ
Въ сердце иное — желаніе сладкаго пѣнья и пляски:
Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемію подалъ, пѣвцу, передъ ними во всякое время
Пѣть принужденному; въ струны ударивъ, прекрасно запѣлъ онъ.
Тутъ осторожно сказалъ Телемакъ свѣтлоокой Аѳинѣ,
Голову къ ней приклонивъ, чтобъ его не слыхали другіе:
—Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здѣсь веселятся; у нихъ на умѣ лишь музыка да пѣнье;
Это легко: пожираютъ чужое, безъ платы богатство
Мужа, котораго бѣлыя кости, быть-можетъ, иль дождикъ
Гдѣ-нибудь мочитъ на брегѣ, иль волны по взморью катаютъ.
Если бъ онъ вдругъ передъ ними явился въ Итакѣ, то всѣ бы,
Вмѣсто того, чтобъ копить и одежды и золото, стали
Только о томъ лишь молиться, чтобъ были ихъ ноги быстрѣе.
Но погибъ онъ, постигнутый гнѣвной судьбой, и отрады
Нѣтъ намъ, хотя и приходятъ порой отъ людей земнородныхъ

Вѣсти, что онъ возвратится—ему ужъ возврата не будетъ.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой
Прибылъ въ Итаку и кто у тебя корабельщики? Въ край нашъ
(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.
Также скажи искренно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Въ первый ли разъ посѣтилъ ты Итаку, иль здѣсь ужъ бывалый
Гость Одиссеевъ? Въ тѣ дни иноземцевъ сбиралося много
Въ нашемъ домѣ: съ людьми обхожденье любилъ мой родитель.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Все откровенно тебѣ разскажу; я царя Анхіала
Мудраго сынъ, именуюся Ме́нтесомъ, правлю народомъ
Вёслолюбивыхъ тафійцевъ; и нынѣ корабль мой въ Итаку
Вмѣстѣ съ моими людьми я привелъ; путешествуя темнымъ
Моремъ къ народамъ иного языка, хочу я въ Темезѣ
Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимъ желѣзомъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ
На полѣ, въ пристани Ретрѣ, далеко отъ города. Наши
Предки издавна гостями другъ-другу считаются; это,
Можетъ-быть, слышишь нерѣдко и самъ ты, когда посѣщаешь
Дѣда героя Лаэрта... а онъ, говорятъ, ужъ не ходитъ
Болѣе въ городъ, но въ полѣ далеко живетъ, удрученный
Горемъ, съ старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрѣпляетъ, когда устаетъ онъ, влачася
По полю взадъ и впередъ посреди своего винограда.
Я же у васъ оттого, что сказали мнѣ, будто отецъ твой
До́ма... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умеръ еще на землѣ Одиссей благородный;
Гдѣ-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятомъ
Островѣ запертъ живой онъ, иль, можетъ-быть, страждетъ въ неволѣ
Хищниковъ дикихъ, насильственно имъ овладѣвшихъ. Но слушай
То, что тебѣ предскажу я, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили, чему неминуемо сбыться, какъ самъ я
Вѣрю, хотя не пророкъ и по птицамъ гадать неискусенъ.
Будетъ недолго онъ съ милой отчизной въ разлукѣ, хотя бы
Связанъ желѣзными узами былъ; но домой возвратиться
Вѣрное средство отыщетъ: на вымыслы онъ хитроуменъ.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Подлинно ль вижу въ тебѣ Одиссеева сына? Ты чудно
Съ нимъ головой и глазами прекрасными сходенъ, еще я
Помню его; встарину мы другъ съ другомъ видалися часто;
Было то прежде отплытія въ Трою, куда изъ ахеяпъ
Лучшіе съ нимъ въ крутобокихъ своихъ корабляхъ устремились.
Съ той же поры ни со мной онъ, ни я съ нимъ нигдѣ не встрѣчались.—
Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Мать увѣряетъ, что сынъ я ему, но самъ я не знаю:
Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ невозможно.
Лучше бъ, однако, желалъ я, чтобъ мнѣ не такой злополучный
Мужъ былъ отцомъ: во владѣньяхъ своихъ онъ до старости бъ поздней
Дожилъ. Но, если ужъ ты вопрошаешь, то онъ, изъ живущихъ
Самый несчастливый нынѣ, отецъ мнѣ, какъ думаютъ люди.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Видно угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ не безъ славы въ грядущемъ
Домъ твой, когда Пенелопѣ такого, какъ ты, даровали
Сына. Теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая,
Что здѣсь у васъ происходитъ? Какое собранье? Даешь ли
Праздникъ, иль свадьбу пируешь? Не складочный пиръ здѣсь, конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно въ вашемъ
Домѣ безчинствуютъ: всякій порядочный въ обществѣ съ ними
Быть устыдится, позорное ихъ поведеніе видя.—

Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Если ты вѣдать желаешь, то все разскажу откровенно.
Нѣкогда полонъ богатства былъ домъ нашъ; онъ былъ уважаемъ
Всѣми въ то время, какъ здѣсь неотлучно тотъ мужъ находился.
Нынѣ жъ иначе рѣшили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для цѣлаго свѣта;
Менѣе сталъ бы о немъ я крушиться, когда бы онъ умеръ:
Если бъ въ Троянской землѣ межъ товарищей бранныхъ погибъ онъ,
Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,
Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ,
Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ...
Нынѣ же Гарпіи взяли его, и безвѣстно пропалъ онъ,
Свѣтомъ забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну въ наслѣдство оставивъ. Но я не объ немъ лишь единомъ
Плачу; другое великое горе мнѣ боги послали:
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣсного Закинѳа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;
Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.—
Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчала богиня Аѳина:
Горе! я вижу, сколь нынѣ тебѣ твой отецъ отдаленный
Нуженъ, чтобъ сильной рукой съ женихами безстыдными сладить.
О когда бъ онъ въ тѣ двери вступилъ, возвратяся внезапно,
Въ шлемѣ, щитомъ покровенный, въ рукѣ два копья мѣдноострыхъ!..
Такъ впервые увидѣлъ его я въ то время, когда онъ
Въ домѣ у насъ веселился виномъ, посѣтивши въ Эфирѣ
Ила, Мермѐрова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигалъ на своемъ кораблѣ быстроходномъ;
Яда, смертельнаго людямъ, искалъ онъ, дабы напоить имъ
Стрѣлы свои, заощренныя мѣдью; но Илъ отказался
Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раздражить опасаясь;
Мой же отецъ имъ его надѣлилъ по великой съ нимъ дружбѣ).
Если бы въ видѣ такомъ Одиссей женихамъ вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
Но—того мы, конечно, не вѣдаемъ—въ лонѣ безсмертныхъ
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить ихъ
Въ этомъ жилищѣ иль нѣтъ. Мы размыслимъ теперь совокупно,
Какъ бы тебѣ самому отъ грабителей домъ свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Завтра, созвавъ на совѣтъ благородныхъ ахеянъ, предъ ними
Все объяви ты, въ свидѣтели правды призвавши безсмертныхъ;
Послѣ потребуй, чтобъ всѣ женихи по домамъ разошлися;
Матери жъ, если супружество сердцу ея не противно,
Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ домъ возвратилась,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлитъ онъ.
Также усердно совѣтую, если совѣтъ мой ты примешь:
Прочный корабль съ двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Самъ за своимъ отдаленнымъ отцомъ, чтобъ провѣдать, какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ порицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
Пилосъ сперва посѣтивъ, ты узнай, что божественный Несторъ
Скажетъ; потомъ Менелая найди златовласаго въ Спартѣ;
Прибылъ домой онъ послѣдній изъ всѣхъ мѣднолатныхъ ахеянъ.
Если услышишь, что живъ твой родитель, что онъ возвратится,
Жди его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся,

Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыпь и обычную пышно
Тризну по немъ соверши; Пенелопу жъ склони на замужство.
Послѣ, когда надлежащимъ порядкомъ все дѣло устроишь,
Твердо рѣшившись, умомъ осмотрительнымъ выдумай средство,
Какъ бы тебѣ жениховъ, захватившихъ насильственно домъ вашъ,
Въ немъ погубить иль обманомъ иль явною силой; тебѣ же
Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста вышелъ;
Знаешь, какою божественный отрокъ Орестъ передъ цѣлымъ
Свѣтомъ украсился честью, отмстивши Эгисту, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель?
Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.
Время однако ужъ мнѣ возвратиться на быстрый корабль мой
Къ спутникамъ, ждущимъ, конечно, меня съ нетерпѣньемъ и скукой.
Ты жъ о себѣ позаботься, уваживши то, что сказалъ я.—
Милый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, какъ съ сыномъ
Добрый отецъ; я о томъ, что совѣтовалъ ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься въ путь; здѣсь прохладной
Баней и члены и душу свою освѣживъ, возвратишься
Ты на корабль, къ удовольствію сердца богатый подарокъ
Взявъ отъ меня, чтобъ его мнѣ на память беречь, какъ обычай
Есть межъ людьми, чтобъ, прощаяся, гости другъ-другу дарили.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Нѣтъ! не держи ты меня, тороплюсь я безмѣрно въ дорогу;
Твой же подарокъ, обѣщанный мнѣ такъ радушно тобою,
Къ вамъ возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
Въ даръ получивъ дорогое и самъ дорогимъ отдаривши.—
Съ сими словами Зевесова дочь свѣтлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицей вдругъ улетѣвъ. Поселила
Твердость и смѣлость она въ Телемаковомъ сердцѣ, живѣе
Вспомнить заставивъ его объ отцѣ: но проникъ онъ душою
Тайну и чувствовалъ страхъ, угадавъ, что бесѣдовалъ съ богомъ.
Тутъ къ женихамъ онъ, божественный мужъ, подошелъ; передъ ними
Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ вниманьемъ сидѣли
Молча они; о печальномъ ахеянъ изъ Трои возвратѣ,
Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Аѳиною, пѣлъ онъ.
Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное пѣнье услышавъ,
Внизъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно сошла Пенелопа,
Старца Икáрія дочь многоумная; вмѣстѣ сошли съ ней
Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество межъ женами,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши своимъ головнымъ покрываломъ блестящимъ.
Справа и слѣва почтительно стали служанки; царица
Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвцу вдохновенному слово:
Фемій, ты знаешь такъ много другихъ восхищающихъ душу
Пѣсней, сложенныхъ пѣвцами во славу боговъ и героевъ;
Спой же изъ нихъ, предъ собраніемъ сидя, одну; и въ молчаньи
Гости ей будутъ внимать за виномъ; но прерви начатýю
Пѣсню печальную; сердце въ груди замираетъ, когда я
Слышу ее, мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшемъ,
Столь преисполнившемъ славой своей и Элладу и Аргосъ.—
Милая мать, возразилъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.
Нѣтъ, не препятствуй пѣвцу о печальномъ возвратѣ данаевъ
Пѣть—съ похвалою великою люди той пѣснѣ внимаютъ.

Всякій разъ ею, какъ новою, душу свою восхищая;
Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Былъ не одинъ отъ боговъ осужденъ потерять день возврата
Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло не мало.
Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были своей; говорить же не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое; у себя я одинъ повелитель.—
Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли,
Споря о томъ, кто изъ нихъ съ Пенелопою ложе раздѣлитъ.
Къ нимъ обратяся, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:—
Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станемъ спокойно теперь веселиться: прервите вашъ шумный
Споръ; намъ приличнѣй вниманье склонить къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Завтра же утромъ васъ всѣхъ приглашаю собраться на площадь.
Тамъ всенародно въ лицо вамъ скажу, чтобъ очистили всѣ вы
Домъ мой; иные пиры учреждайте; свое, а не наше
Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.
Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите
Все; но на васъ я боговъ призову; и Зевесъ не замедлитъ
Васъ поразитъ за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,
Также безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.—
Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, ему отвѣчалъ, возражая:
Сами боги, конечно, тебя, Телемакъ, научили
Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ, и бѣда намъ, когда ты
Въ волнообъятой Итакѣ, по волѣ Кроніона, будешь
Нашимъ царемъ, ужъ имѣя на то по рожденью и право!—
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Другъ Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если бъ владычество далъ мнѣ Зевесъ, я охотно бы принялъ.
Или ты мыслишь, что царская доля всѣхъ хуже на свѣтѣ?
Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо; богатство въ царевомъ
Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа.
Но межъ ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнѣйшихъ власти и старыхъ и юныхъ; межъ ними
Вы изберите, когда ужъ не стало царя Одиссея.
Въ домѣ жъ своемъ я одинъ повелитель; здѣсь мнѣ подобаетъ
Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добытыми въ битвахъ.—
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Телемаку:
О Телемакъ, мы не знаемъ—то въ лонѣ безсмертныхъ сокрыто—
Кто надъ ахейцами волнообъятой Итаки назначенъ
Царствовать, въ домѣ жъ своемъ, ты, конечно, одинъ повелитель;
Нѣтъ, не найдется, пока обитаема будетъ Итака,
Здѣсь никого, кто бъ дерзнулъ на твое посягнуть достоянье.
Но я желалъ бы узнать, мой любезный, о нынѣшнемъ гостѣ.
Какъ его имя? Какую своимъ онъ отечествомъ славитъ
Землю? Какого онъ рода и племени? Гдѣ онъ родился?
Съ вѣстью ль къ тебѣ о желанномъ возвратѣ отца приходилъ онъ?
Иль посѣтилъ насъ, по собственной нуждѣ заѣхавъ въ Итаку?
Вдругъ онъ отсюда пропалъ, не дождавшись, чтобъ съ нимъ хоть немного
Мы ознакомились; былъ человѣкъ не простой онъ, конечно.—

Другъ Эвримахъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
День свиданья съ отцомъ навсегда мной утраченъ; не буду
Болѣе вѣрить ни слухамъ о скоромъ его возвращеньи,
Ниже напраснымъ о немъ прорицаньямъ, къ которымъ, сзывая
Въ домъ свой гадателей, мать прибѣгаетъ. А нынѣшній гость нашъ
Былъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ изъ Та́фоса, Ме́нтесъ,
Сынъ Анхіала, царя многоумнаго, правитъ народомъ
Вёслолюбивыхъ тафійцевъ.—Но такъ говоря, убѣжденъ былъ
Въ сердцѣ своемъ Телемакъ, что богиню безсмертную видѣлъ.
Тѣ же, опять обратившися къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
Всѣ разошлись по домамъ, чтобъ предаться безпечно покою.
Скоро и самъ Телемакъ въ свой высокій чертогъ (на прекрасный
Дворъ обращенъ былъ лицомъ онъ съ обширнымъ предъ окнами видомъ),
Всѣхъ проводивши, пошелъ, про-себя размышляя о многомъ.
Факелъ зажженный неся, передъ нимъ съ осторожнымъ усердьемъ
Шла Эвриклея, разумная дочь Певсено́рида Опса;
Куплена въ лѣтахъ цвѣтущихъ Лаэртомъ она—заплатилъ онъ
Двадцать быковъ, и ее съ благонравной своею супругой
Въ домѣ своемъ уважалъ наравнѣ, и себѣ не позволилъ
Ложа коснуться ея, опасаяся ревности женской.
Факелъ неся, Эвриклея вела Телемака—за нимъ же
Съ дѣтства ходила она и ему угождала усерднѣй
Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню она отворила
Двери; онъ сѣлъ на постелю и, тонкую снявши сорочку,
Въ руки старушки заботливой бросилъ ее: осторожно
Въ складки сложивъ и угладивъ, на гвоздь Эвриклея сорочку
Подлѣ кровати, искусно точеной, повѣсила; тихо
Вышла изъ спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крѣпко задвижку ремнемъ затянула; потомъ удалилась.
Онъ же всю ночь на постели, покрытый овчиною мягкой,
Въ сердцѣ обдумывалъ путь, учрежденный богиней Аѳиной.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВТОРОЙ ДЕНЬ, ДО РАЗСВѢТА ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Рано поутру Телемакъ повелѣваетъ глашатаямъ созвать гражданъ Итаки на площадь и требуетъ всенародно, чтобъ женихи покинули домъ его. Антиной дерзко ему отвѣтствуетъ. Предвѣщательное явленіе орловъ; его толкуетъ Галиѳердъ, которому грубо возражаетъ Эвримахъ. Телемакъ требуетъ корабля для отплытія въ Пилосъ. Менторъ упрекаетъ народъ въ равнодушіи къ сыну Одиссееву; противъ него возстаетъ Леокритъ, который потомъ самовольно распускаетъ народное собраніе. Аѳина подъ видомъ Ментора ободряетъ молящагося ей Телемака обѣщаніемъ дать ему корабль и провожатыхъ. Ключница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу. Аѳина, получивъ отъ Ноэмона корабль, приготовляетъ его къ отплытію; потомъ, усыпивъ жениховъ, пировавшихъ въ домѣ Одиссеевомъ, уводитъ съ собою Телемака на берегъ моря, куда приносятъ и всѣ приготовленные на дорогу запасы. Телемакъ вмѣстѣ съ мнимымъ Менторомъ, не простясь съ Пенелопою, пускается въ море.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ зозвавъ, повелѣлъ онъ
Кликнуть имъ кличъ, чтобъ на площадь собрать густовласыхъ ахеянъ;
Кликнули тѣ; собралися на площадь другіе; когда же
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ копьемъ передъ сонмомъ народнымъ явился—
Былъ не одинъ, двѣ лихія за нимъ прибѣжали собаки.
Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
Такъ-что дивилися люди, его подходящаго видя.
Старцы предъ нимъ раздалися и сѣлъ онъ на мѣстѣ отцовомъ.
Первое слово тогда произнесъ благородный Эгиптій,
Старецъ, согбенный годами и въ жизни извѣдавшій много;
Сынъ же его Антифонтъ копьевержецъ съ царемъ Одиссеемъ

Въ ко́необильную Трою давно въ кораблѣ крутобокомъ
Поплылъ; онъ былъ умерщвленъ Полифемомъ свирѣпымъ въ глубокомъ
Гротѣ, послѣдній похищенный имъ для вечернія пищи.
Три оставалися старцу: одинъ, Евриномъ, съ женихами
Буйствовалъ; два помогали отцу обработывать поле;
Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ; объ немъ онъ все плакалъ,
Все сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу:
—Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Мы на совѣтъ не сходились ни разу съ тѣхъ поръ, какъ отсюда
Царь Одиссей въ быстроходныхъ своихъ корабляхъ удалился.
Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ незапная нужда?
Юноша ль онъ расцвѣтающій? Мужъ ли годами созрѣлый?
Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятельской силѣ?
Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все подробно развѣдавъ?
Или о пользѣ народной какой предложить намъ намѣренъ?
Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! да поможетъ
Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совершиться успѣшно.—
Кончилъ. Словами его былъ обрадованъ сынъ Одиссеевъ;
Встать и къ собранію рѣчь обратить онъ немедля рѣшился;
Выступилъ онъ предъ людей, и ему, къ нимъ идущему въ руку
Скипетръ вложилъ Павсене́оръ, глашатай, разумный совѣтникъ.
Къ старцу сперва обратяся, ему онъ сказалъ:—Благородный
Старецъ, онъ близко (и скоро его ты узнаешь), кѣмъ здѣсь вы
Собраны—это я самъ, и печаль мнѣ великая нынѣ.
Я не слыхалъ о идущей на насъ непріятельской силѣ;
Васъ остеречь не хочу, напередъ все подробно развѣдавъ;
Также о пользахъ народныхъ теперь предлагать не намѣренъ.
Нынѣ о собственной, домъ мой постигшей бѣдѣ говорю я.
Двѣ мнѣ напасти; одна: мой утраченъ отецъ благородный,
Бывшій надъ вами царемъ и всегда, какъ дѣтей, васъ любившій;
Болѣе жъ злая другая напасть, отъ которой весь домъ нашъ
Скоро погибнетъ, и все, что въ немъ есть, до конца истребится,
Та, что преслѣдуютъ мать женихи неотступные, нашихъ
Гражданъ знатнѣйшихъ, собравшихся здѣсь, сыновья; имъ противно
Прямо въ Икаріевъ домъ обратиться, чтобъ ихъ предложенье
Выслушалъ старецъ, и дочь, надѣленную щедро приданымъ,
Отдалъ по собственной волѣ тому, кто пріятнѣе сердцу.
Нѣтъ; имъ удобнѣй, вседневно врываяся въ домъ нашъ толпою,
Нашихъ быковъ и барановъ и козъ отко́рмленныхъ рѣзать,
Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
Мужа, какъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.
Сами же мы безпомощны теперь, равномѣрно и послѣ
Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ всякой защиты.
Если бы сила была, то и самъ я нашелъ бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; домъ Одиссеевъ
Грабятъ безстыдно. Ужель не тревожитъ васъ совѣсть? По крайней
Мѣрѣ чужихъ устыдитесь людей и народовъ окружныхъ,
Намъ сопредѣльныхъ; боговъ устрашитеся мщенья, чтобъ гнѣвомъ
Васъ не постигли самихъ, негодуя на вашу неправду.
Я жъ къ Олимпійскому Зевсу взываю, къ Ѳемидѣ,
Строгой богинѣ, совѣты мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горемъ оставьте. Иль, можетъ-быть, мой благородный родитель
Чѣмъ оскорбилъ здѣсь умышленно мѣднообутыхъ ахеянъ;
Можетъ-быть то оскорбленье на мнѣ вы умышленно мстите,
Грабить нашъ домъ возбуждая другихъ? Но желали бы лучше
Мы, чтобъ и скотъ нашъ живой, и лежачій запасъ нашъ вы сами
Силою взяли; тогда бы для насъ сохранилась надежда:
Мы бы дотолѣ по улицамъ стали скитаться, моля васъ

Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ отдано было;
Нынѣ жъ вы сердце мое безнадежнымъ терзаете горемъ.—
Такъ онъ во гнѣвѣ сказалъ и повергнулъ на землю свой скипетръ;
Слезы изъ глазъ устремились: народъ состраданье проникло;
Всѣ неподвижно-безмолвно сидѣли; никто не рѣшился
Дерзостнымъ словомъ отвѣтствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнулъ, ему возражая:
— Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
Насъ оскорбивъ, ты на насъ и вину возложить замышляешь?
Нѣтъ, обвинять ты не насъ жениховъ предъ ахейскимъ народомъ
Долженъ теперь, а свою хитроумную мать Пенелопу.
Три совершилося года, уже́ наступилъ и четвертый
Съ тѣхъ поръ, какъ нами играя, она подаетъ намъ надежду
Всѣмъ, и каждому по́рознь себя обѣщаетъ, и вѣсти
Добрыя шлетъ къ намъ, недоброе въ сердцѣ для насъ замышляя.
Знайте, какую она вѣроломно придумала хитрость:
Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ
Тонко-широкую ткань, и собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:
„Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ нача́тая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова“.
Такъ намъ сказала и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,
Факелъ зажегши, сама все натканное днемъ распускала.
Три года длился обманъ и она убѣждать насъ умѣла;
Но когда обращеньемъ временъ приведенъ былъ четвертый—
Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;
Такъ и была приневолена нехотя трудъ свой окончить.
Ты же насъ слушай; тебѣ отвѣчаемъ, чтобъ могъ ты все вѣдать
Самъ, и чтобъ вѣдали все равномѣрно съ тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелѣвъ ей немедля, на бракъ согласившись,
Выбрать межъ нами того, кто отцу и самой ей угоденъ.
Если жъ долѣе будетъ играть сыновьями ахеянъ...
Разумомъ щедро ее одарила Аѳина; не только
Въ разныхъ она рукодѣльяхъ искусна, но также и много
Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древніе дни и ахейскимъ
Женамъ прекрасно-кудрявымъ невѣдомыхъ; что ни Алкменѣ
Древней, ни Тиро, ни пышно-вѣнчанной царевнѣ Микенѣ
Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый умъ Пенелопы
Намъ ко вреду изобрѣлъ; но ея изобрѣтенья тщетны;
Знай, не престанемъ твой домъ разорять мы до тѣхъ поръ, покуда
Будетъ упорна она въ помышленьяхъ своихъ, ей богами
Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой ей въ великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
Мѣсто, пока Пенелопа межъ нами не выберетъ мужа“.
— О, Антиной, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Я не дерзну и помыслить о томъ, чтобъ велѣть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отецъ мой далёко,
Живъ ли, погибъ ли, не знаю; но трудно съ Икаріемъ будетъ
Мнѣ расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю—тогда я подвергнусь и гнѣву отца и гоненью
Демона: страшныхъ Эринній, свой домъ покидая, накличетъ
Мать на меня и стыдомъ предъ людьми я покроюся вѣчнымъ.
Нѣтъ, никогда не отважусь сказать ей подобнаго слова.
Вы же, когда хоть немного тревожитъ васъ совѣсть, покиньте
Домъ мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше

Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.
Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите
Все; но на васъ я боговъ призову, и Зевесъ не замедлитъ
Васъ поразить за неправду; тогда неминуемо всѣ вы,
Также безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.—
Такъ говорилъ Телемакъ. И внезапно Зевесъ громовержецъ
Свыше къ нему двухъ орловъ ниспослалъ отъ горы каменистой;
Оба сначала, какъ-будто несомые вѣтромъ, летѣли
Рядомъ они, широко́ распустивши огромныя крылья;
Но, налетѣвъ на средину собранія, полнаго шумомъ,
Начали быстро кружить съ непрестанными взмахами крыльевъ;
Очи ихъ, сверху на головы глядя, сверкали бѣдою;
Сами потомъ расцарапавъ другъ-другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетѣвъ надъ собраньемъ и градомъ.
Всѣ, изумленные, птицъ провожали глазами и каждый
Думалъ о томъ, что́ явленіе ихъ предвѣщало въ грядущемъ?
Выступилъ тутъ предъ народъ Галифе́рдъ, многоопытный старецъ,
Сынъ Масто́ровъ; изъ сверстниковъ всѣхъ онъ одинъ по полету
Птицъ былъ искусенъ гадать и пророчилъ грядущее; полный
Мыслей благихъ, обратяся къ согра́жданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
—Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы жениховъ образумить, скажу я
Имъ, что бѣда неизбѣжная мчится на нихъ, что недолго
Будетъ въ разлукѣ съ семействомъ своимъ Одиссей, что уже онъ
Гдѣ-нибудь близко таится, и смерть и погибель готовя
Всѣмъ имъ, что также и многимъ другимъ изъ живущихъ въ Итакѣ
Горновозвышенной бѣдствіе будетъ. Размыслимъ же, какъ бы
Во́-время намъ обуздать ихъ; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то нынѣ всего бы полезнѣй
Было для нихъ: не безопытно такъ говорю, но навѣрно
Зная, что́ будетъ; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здѣсь предсказалъ передъ тѣмъ, какъ пошли кораблями ахейцы
Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный. По многихъ
Бѣдствіяхъ (такъ говорилъ я) и спутниковъ всѣхъ потерявши,
Всѣмъ незнакомый, въ исхо́дѣ двадцатаго года въ отчизну
Онъ возвратится. Мое предсказанье свершается нынѣ.—
Кончилъ. Ему отвѣчалъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ:—Лучше,
Старый разсказчикъ, домой возвратись, и своимъ малолѣтнымъ
Дѣтямъ пророчествуй тамъ, чтобъ бѣды имъ какой не случилось.
Въ нашемъ же дѣлѣ вѣрнѣе тебя я пророкъ; мы довольно
Видимъ летающихъ на небѣ въ свѣтлыхъ лучахъ Геліо́са
Птицъ, но не всѣ роковыя. А царь Одиссей въ отдаленномъ
Краѣ погибъ. И тебѣ бы погибнуть съ нимъ вмѣстѣ! Тогда бы
Здѣсь ты не сталъ предсказаній твоихъ вымышлять, возбуждая
Гнѣвъ въ Телемакѣ, уже раздраженномъ, и вѣрно надѣясь,
Что-нибудь въ даръ отъ него получить для себя и домашнихъ.
Слушай, однако,—и то, что услышишь, исполнится вѣрно—
Если ты этого юношу съ старымъ своимъ многознаньемъ
Будешь пустыми словами на гнѣвъ возбуждать, то, конечно,
Это въ сугубое горе ему самому обратится;
Противъ насъ всѣхъ онъ одинъ ничего совершить не успѣетъ.
Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь на себя наказанье,
Тяжкое сердцу; мы горько заставимъ тебя сокрушаться.
Нынѣ я болѣ полезный совѣтъ предложу Телемаку:
Матери пусть повелитъ онъ къ Икарію въ домъ возвратиться,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлитъ онъ.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородныхъ ахеянъ,
Мучить ее не престанемъ своимъ сватовствомъ. Никого здѣсь

Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ рѣчей Телемака,
Ниже пророчествъ, которыми ты, говорунъ посѣдѣлый,
Всѣмъ докучаешь—ты намъ оттого ненавистнѣй; а домъ ихъ
Весь разоримъ мы на наши пиры и отъ насъ воздаянья
Имъ не имѣть никакого, пока на желаемый нами
Бракъ не рѣшится она; ожидая вседневно, кто будетъ
Ею изъ насъ, наконецъ, предпочтенъ, мы къ другимъ обратиться
Медлимъ невѣстамъ, чтобъ выбрать, какъ слѣдуетъ, женъ между ними“.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—О, Эвримахъ, и вы всѣ, женихи знаменитые, болѣ
Васъ убѣждать не хочу и впередъ не скажу вамъ ни слова;
Боги все вѣдаютъ, все благороднымъ ахейцамъ извѣстно.
Вы же мнѣ прочный корабль съ двадцатью пріобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилосъ песчаный сперва посѣтить, чтобъ провѣдать,
Есть ли тамъ слухи какіе о миломъ отцѣ и какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
Если узна́ю, что живъ онъ, что онъ возвратится, то буду
Ждать его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыплю и должную пышно
Тризну по немъ совершу; Пенелопу жъ склоню на замужство.—
Кончивъ, онъ сѣлъ и умолкнулъ. Тогда поднялся неизмѣнный
Спутникъ и другъ Одиссея, царя безпорочнаго, Менторъ.
Ввѣрилъ ему Одиссей при отплытіи домъ, быть покорнымъ
Старцу Лаэрту и все сберегать повелѣвши. И полный
Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
—Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ впередъ ни единый
Царь скипетроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло,
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ нашимъ
Добрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный.
Нужды мнѣ нѣтъ обвинять жениховъ необузданно-дерзкихъ
Въ томъ, что они, самовластвуя здѣсь, замышляютъ худое.
Сами своею играютъ они головой, разоряя
Домъ Одиссея, котораго, мыслятъ, ужъ мы не увидимъ.
Васъ же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здѣсь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете противъ
Малой толпы жениховъ, хоть самихъ васъ число и большое.—
Сынъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, негодуя, воскликнулъ:
Что ты сказалъ, безразсудный, зломышленный Менторъ? Смирить насъ
Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить имъ съ нами, которыхъ
Также немало, на пиршествѣ трудно. Хотя бы внезапно
Самъ Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Насъ жениховъ благородныхъ, въ его веселящихся домѣ,
Выгнать оттуда замыслилъ, его возвращенье въ отчизну
Было бъ женѣ, тосковавшей такъ долго по немъ, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы насъ многихъ
Вздумалъ одинъ одолѣть онъ; неумное слово сказалъ ты.
Вы жъ разойдитеся, люди, и каждый займися домашнимъ
Дѣломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ Галифердъ, Одиссею
Вѣрность свою сохранившіе, въ путь снарядятъ Телемака:
Долго, однако, я думаю, здѣсь просидитъ онъ, сбирая
Вѣсти; пути же ему своего совершить не удастся.—
Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно собранье народа.
Всѣ, удалясь, по своимъ разошлися домамъ; женихи же
Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вновь возвратились.
Но Телемакъ одиноко пошелъ на песчаное взморье.

Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ онъ къ Аѳинѣ.
—Ты, посѣтившая домъ мой вчера и въ туманное море
Плыть повелѣвшая мнѣ, чтобъ развѣдалъ я, странствуя, нѣтъ ли
Слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи, богиня,
Мнѣ помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняютъ;
Паче жъ другихъ женихи многосильные, полные злобы.—
Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ во мгновеніе ока,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, предстала Аѳина.
Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:—
Смѣлъ, Телемакъ, и разуменъ ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, съ какою и словомъ и дѣломъ
Все твой отецъ, что хотѣлъ, совершалъ; и достигнешь желанной
Цѣли, свой путь безпрепятственно кончивъ; когда жъ не прямой ты
Сынъ Одиссеевъ, не сынъ Пенелопинъ прямой, то надежды
Нѣтъ, чтобъ успѣшно ты могъ совершить предпріятое дѣло.
Рѣдко бываютъ подобны отцамъ сыновья; всѣ большею
Частію хуже отцовъ и немногіе лучше. Но будешь
Ты, Телемакъ, и разуменъ и смѣлъ, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишенъ; и надежда
Есть для тебя, что успѣшно свершишь предпріятое дѣло.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляютъ—оставь ихъ;
Горе безумнымъ! они въ слѣпотѣ, незнакомые съ правдой,
Смерти своей не предвидятъ, ни черной судьбы, ежедневно
Къ нимъ подступающей ближе и ближе, чтобъ вдругъ погубить ихъ.
Ты же свое предпринять путешествіе можешь немедля;
Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя, и послѣдую самъ за тобою.
Но возвратися теперь къ женихамъ; а тебѣ на дорогу
Пусть приготовятъ съѣстное, пускай имъ наполнятъ сосуды;
Пусть и въ амфоры вина нацѣдятъ, и муки, мореходца
Снѣди питательной, въ кожаныхъ плотныхъ мѣхахъ приготовятъ.
Тою порой я гребцовъ наберу; кораблей же въ Итакѣ,
Моремъ объятой, немало и новыхъ и старыхъ; межъ ними
Лучшій я выберу самъ; и немедленно будетъ онъ нами
Въ путь изготовленъ, и спустимъ его на священное море.—
Такъ говорила Аѳина, Зевесова дочь, Телемаку.
Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ немедля покинулъ.
Въ домъ возвратяся съ печалью милаго сердца, нашелъ онъ
Тамъ жениховъ многосильныхъ: одни обдирали въ покояхъ
Козъ, а другіе, зарѣзавъ свиней, на дворѣ ихъ палили.
Съ колкой усмѣшкой къ нему подошелъ Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвилъ:
—Юноша вспыльчивый, злой говорунъ, Телемакъ, не заботься
Болѣ о томъ, чтобъ вредить намъ иль словомъ иль дѣломъ, а лучше
Дружески съ нами безъ всякихъ заботъ веселись, какъ бывало.
Волю жъ твою не замедлятъ ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль и отборныхъ гребцовъ, чтобъ скорѣе достигнуть
Въ Пилосъ, любезный богамъ, и узнать объ отцѣ отдаленномъ.—
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Нѣтъ, Антиной, неприлично мнѣ съ вами надменными вмѣстѣ
Противъ желанья сидѣть за столомъ, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тѣмъ, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я былъ малолѣтенъ.
Нынѣ жъ, когда возмужавъ и совѣтниковъ слушая умныхъ,
Все я узналъ и когда ужъ во мнѣ пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вамъ Паркъ неизбѣжныхъ накликать,
Такъ ли, иначе ли, съѣздивъ ли въ Пилосъ, иль здѣсь отыскавши
Средство. Я ѣду—и путь мой напрасенъ не будетъ, хотя я
Ѣду попутчикомъ, ибо (такъ было устроено вами)
Здѣсь мнѣ имѣть своего корабля и гребцовъ невозможно.—

Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки Антиноевой руку
Вырвалъ. Межъ тѣмъ женихи, изобильный обѣдъ учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли рѣчами.
Такъ говорили одни изъ ругателей дерзко надменныхъ:
—Насъ Телемакъ погубить не на шутку замыслилъ: быть-можетъ,
Многихъ онъ въ помощь себѣ приведетъ изъ песчанаго Пилоса, многихъ
Также изъ Спарты; о томъ онъ, мы видимъ заботится сильно.
Можетъ случиться и то, что богатую землю Эфиру
Онъ посѣтитъ, чтобъ, добывши тамъ яду, смертельнаго людямъ,
Здѣсь отравить имъ кратѐры и разомъ насъ всѣхъ уничтожить.—
Но—отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ—кто знаетъ!
Можетъ случиться легко, что и самъ, какъ отецъ, онъ погибнетъ,
Долго бродивъ по морямъ далеќо отъ друзей и домашнихъ.
Тѣмъ онъ, конечно, и насъ озаботитъ: тогда намъ придется
Все раздѣлить межъ собой ихъ имущество; домъ же уступимъ
Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.—
Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи лежали;
Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла хранилось;
Куфы изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли
Рядомъ у стѣнъ, заключая божественно-чистый напитокъ
Въ нѣдрѣ глубокомъ, на случай, когда Одиссей возвратится
Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скорбей и превратностей много.
Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту кладовую
Входомъ служили; почтенная ключница, денно и нощно
Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ порядкѣ держала
Все Эвриклея, разумная дочь Певсенóрида Опса.
Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, сказалъ Телемакъ ей:
—Няня, амфоры наполни виномъ благовоннымъ, вкуснѣйшимъ
Послѣ того дорогого, которое здѣсь бережешь ты,
Помня о немъ, о несчастномъ, и все уповая, что въ домъ свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Паркъ избѣжавши.
Имъ ты двѣнадцать наполни амфоръ и амфоры закупорь;
Такъ же и кожаныхъ, плотныхъ мѣховъ приготовь, оржаною
Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ заключалося двадцать
Мѣръ: но объ этомъ ты вѣдай одна, собери всѣ припасы
Въ кучу, за ними прійду ввечеру я, въ то время, когда ужъ
Въ верхній покой свой уйдетъ Пенелопа, о снѣ помышляя.
Спарту и Пилосъ песчаный хочу посѣтить, чтобъ провѣдать,
Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи.—
Кончилъ. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакавъ,
Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бросила слово:—Зачѣмъ ты,
Милое наше дитя, отворяешь такимъ помышленьямъ
Сердце? Зачѣмъ въ отдаленную, чуждую землю стремишься
Ты, утѣшеніе наше единое? Твой ужъ родитель
Встрѣтилъ конецъ межъ народовъ враждебныхъ отъ дома далеко;
Здѣсь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроятъ
Ковъ, чтобъ известь и тебя, и твое все богатство раздѣлятъ.
Лучше останься у насъ при своемъ: ни малѣйшей нѣтъ нужды
Въ страшное море тебѣ на бѣды и на бури пускаться.—
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо боговъ я рѣшился
Въ путь, но клянись мнѣ, что мать отъ тебя ни о чемъ не узнаетъ
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать,
Или покуда не спроситъ сама обо мнѣ, иль другой кто
Тайны не скажетъ—боюсь, чтобъ отъ плача у ней не поблекла
Свѣжесть лица.—Эвриклея богами великими стала
Клясться, когда же поклялася и клятву свою совершила,
Тотчасъ она, благовоннымъ виномъ всѣ амфоры наливши,
Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ приготовила, полныхъ мукою.

Онъ же, домой возвратившися, тамъ съ женихами остался.
Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины:
Видъ Телемака принявши, она обѣжала весь городъ;
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращая, собраться
Всѣхъ пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
Послѣ, пришедъ къ Ноэмо́ну разумнаго Фронія сыну,
Дать ей просила корабль—Ноэмонъ согласился охотно.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Легкій корабль на соленую влагу спустивъ, и запасы,
Нужные каждому прочному судну собравши, на самомъ
Выходѣ въ море изъ бухты его помѣстила богиня.
Люди сошлися, и въ каждомъ она возбудила отважность.
Новая мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины.
Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вшедши, богиня
Сладкій сонъ на пирующихъ тамъ жениховъ навела, помутила
Мысли у пьющихъ и вырвала кубки изъ рукъ ихъ; влеченью
Сна уступивши, они по домамъ разошлись и недолго
Ждали его, не замедлилъ онъ пасть на усталыя вѣжды.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
Вызвавъ его изъ устроенной пышно палаты столовой,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью:—Пора, Телемакъ, намъ;
Всѣ собралися ужъ свѣтлообутые спутники наши;
Сидя у веселъ, они ожидаютъ тебя съ нетерпѣньемъ;
Время итти; не годится намъ долѣ откладывать путь свой.—
Кончивъ, Паллада Аѳина пошла впереди Телемака
Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Телемакъ за богиней.
Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю подошедши, они тамъ
Спутниковъ густокудрявыхъ нашли у песчанаго брега.
Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
—Братья, принесть поспѣшимъ путевые запасы; они ужъ
Всѣ приготовлены въ домѣ, и мать ни о чемъ не слыхала;
Также ничто и рабынямъ не сказано; тайну одна лишь
Знаетъ.—И быстро пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ другіе.
Взявши запасы, они ихъ на прочно устроенномъ суднѣ
Склали, какъ то повелѣлъ имъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль за богиней Аѳиной;
Подлѣ кормы корабельной она помѣстилась: съ ней рядомъ
Сѣлъ Телемакъ, и гребцы, отвязавши поспѣшно канаты,
Также взошли на корабль и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь даровала имъ вѣтеръ попутный,
Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій темное море.
Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ скорѣе
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,
Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся, и пурпурныя волны
Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля зашумѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
Тутъ корабельщики,черное быстрое судно устроивъ,
Чаши наполнили сладкимъ виномъ и молясь сотворили
Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ возліянье,
Паче жъ другихъ свѣтлоокой богинѣ велилой Палладѣ.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ТРЕТІЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ, ДО ВЕЧЕРА ПЯТАГО.

Прибытіе Телемака въ Пилосъ. Онъ находитъ Нестора, приносящаго на берегу моря жертву Посидону вмѣстѣ съ народомъ. Несторъ, по просьбѣ Телемака, разсказываетъ о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими ахейскими вождями послѣ разрушенія Трои. Онъ совѣтуетъ Телемаку посѣтить Менелая въ Лакедемонѣ. Телемакъ остается ночевать въ домѣ Нестора. На другой день, по совершеніи жертвы, обѣщанной Несторомъ Аѳинѣ, Телемакъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Нестора, Пизи-

стратомъ, отправляется въ путь; они ночуютъ у Діоклеса и на слѣдующій вечеръ пріѣзжаютъ въ Лакедемонъ.

Геліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Тою порою достигнулъ корабль до Пелеева града
Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ приносилъ тамъ на брегѣ
Черныхъ быковъ Посидону лазурнокудрявому богу;
Было тамъ девять скамей; на скамьяхъ, по пяти сотъ на каждой,
Люди сидѣли, и девять быковъ передъ каждою было.
Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожигали предъ богомъ
Бедра въ то время, какъ въ пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якоремъ шаткій корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемакъ, за Аѳиною слѣдуя, также
Вышелъ. Къ нему обратяся, богиня Аѳина сказала:
—Сынъ Одиссеевъ, теперь ужъ застѣнчивымъ быть ты не долженъ;
Ибо затѣмъ мы въ море пустились, чтобъ свѣдать, въ какую
Землю отецъ твой судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ.
Смѣло приближься къ коней обуздателю Нестору; знать намъ
Должно, какія въ душѣ у него заключаются мысли.
Смѣло его попроси, чтобъ тебѣ объявилъ онъ всю правду;
Лжи онъ, конечно, не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.—
Но — отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ—
Какъ подойти мнѣ? Какое скажу я привѣтствіе, Менторъ?
Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людьми я искусенъ;
Также не знаю, прилично ли младшимъ разспрашивать старшихъ?—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ угадаешь разсудкомъ;
Многое демонъ откроетъ тебѣ благосклонный; не противъ
Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ ты рожденъ и воспитанъ.—
Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Телемака
Быстрымъ шагомъ; за нею пошелъ Телемакъ и поспѣшно
Къ мѣсту подходятъ они, гдѣ пилійцы собравшись сидѣли;
Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидѣлъ; ихъ друзья, учреждая
Пиръ, суетились, вздѣвали на вертелы, жарили мясо.
Всѣ, иноземцевъ увидя, пошли къ нимъ навстрѣчу, и руки
Имъ подавая, просили ихъ сѣсть дружелюбно съ народомъ.
Первый, ихъ встрѣтившій, Несторовъ сынъ, Пизистратъ благородный,
Ласково за руки взявши обоихъ, на брегѣ песчаномъ
Мѣсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ занять пригласилъ ихъ
Между отцомъ престарѣлымъ и братомъ младымъ Ѳразимедомъ.
Сладкой утробы отвѣдать имъ давъ, онъ виномъ благовоннымъ
Кубокъ наполнилъ, вина отхлебнулъ и сказалъ свѣтлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ-Аѳинѣ:
—Странникъ, ты долженъ призвать Посидона владыку: вы нынѣ
Прибыли къ намъ на великій праздникъ его; совершивши
Здѣсь, какъ обычай велитъ, передъ нимъ возліянье съ молитвой,
Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ божественно-чистымъ
Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, поелику
Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду.
Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со мною;
Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ предлагаю.—
Кончивъ, онъ передалъ кубокъ съ виномъ благовоннымъ Аѳинѣ.
Былъ ей пріятенъ поступокъ разумнаго юноши, первой
Ей предложившаго кубокъ съ виномъ благовоннымъ; и стала
Голосомъ громкимъ она призывать Посидона владыку:—
Царь Посидонъ земледержецъ, молюся тебѣ, не отвергни
Насъ, уповающихъ здѣсь, что желанія наши исполнишь.
Нестору славу съ его сыновьями, во-первыхъ, даруй ты;
Послѣ богатую милость яви и другимъ, благосклонно
Здѣсь отъ пилійцевъ великую нынѣ принявъ экатомбу;
Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, возвратиться, окончивъ

Все, для чего мы приплыли сюда въ кораблѣ крутобокомъ.—
Такъ помолясь, совершила сама возліянье богиня;
Послѣ двуярусный кубокъ она подала Телемаку;
Въ свой помолился чередъ и возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пиръ многославный; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Рѣчь обратилъ къ посѣтителямъ Несторъ, герой Геренейскій:
—Странники, мнѣ ужъ теперь неприлично не будетъ спросить васъ
Кто вы, понеже ужъ пищею вы насладились довольно.
Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой,
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?—
Съ духомъ собравшись, на то разсудительный сынъ Одиссеевъ
Такъ, отвѣчая, сказалъ (и Аѳина ему ободрила
Сердце, чтобъ Нестора могъ онъ спросить объ отцѣ отдаленномъ,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава):—
Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ,
Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы изъ Итаки, подъ склономъ лѣсистымъ Нейона лежащей;
Прибыли жъ къ вамъ, не за общимъ народнымъ, за собственнымъ дѣломъ;
Странствую я, чтобъ, молву объ отцѣ вопрошая, провѣдать,
Гдѣ Одиссей благородный, въ бѣдахъ постоянный, съ которымъ
Ратуя вмѣстѣ, вы градъ Иліонъ, говорятъ, сокрушили.
Прочіе жъ, сколько ихъ ни было, противъ троянъ воевавшихъ,
Бѣдственно, слышали мы, въ сторонѣ отдаленной погибли
Всѣ; а его и погибель отъ васъ неприступно Кроніонъ
Скрылъ; гдѣ нашелъ онъ конецъ свой, не знаетъ никто: на землѣ ли
Твердой онъ палъ, пересиленный злыми врагами, въ зыбяхъ ли
Моря погибъ, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими
Видѣлъ глазами, иль что отъ какого услышалъ случайно
Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая,
Все разскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ,
Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы,
Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все разскажи мнѣ.—
Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
—Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о напастяхъ, въ землѣ той
Встрѣченныхъ нами, ахейцами, твердыми въ опытѣ строгомъ,
Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бодрымъ Пелидомъ,
Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
Частью, когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ градомъ съ врагами
Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время всѣ лучшіе пали:
Легъ тамъ Аяксъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и совѣтовъ
Мудростью равный безсмертнымъ Патроклъ, и лежитъ тамъ мой милый
Сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный, и столько же дивный
Легкостью бѣга сколь былъ онъ безстрашный боецъ. И немало
Разныхъ другихъ испытали мы бѣдствій великихъ, о нихъ же
Можетъ ли все разсказать хоть одинъ изъ людей земнородныхъ?
Если бы и цѣлыя пять лѣтъ и шесть лѣтъ ты могъ безпрестанно
Вѣсти сбирать о бѣдахъ, приключившихся бодрымъ ахейцамъ,
Ты бы, всего не узнавъ, недоволенъ домой возвратился.
Девять трудилися лѣтъ мы, чтобъ ихъ погубить, вымышляя
Многія хитрости—кончить насилу рѣшился Кроніонъ.
Въ умныхъ совѣтахъ никто тамъ не могъ на ряду быть поставленъ

Съ нимъ: далекó опереживалъ всѣхъ изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смотрю на тебя я;
Съ нимъ и рѣчами ты сходенъ; но кто бы подумалъ, чтобъ было
Юношѣ можно такъ много съ нимъ сходствовать умною рѣчью?
Я жъ постоянно, покуда войну мы вели, на совѣтѣ ль,
Въ сонмѣ ль народномъ, всегда заодно говорилъ съ Одиссеемъ;
Въ мнѣньяхъ согласные, вмѣстѣ всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцамъ полезнѣй.
Но когда, ниспровергнувши городъ Пріама великій,
Мы къ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ: Кроніонъ
Бѣдственный путь по морямъ приготовить замыслилъ ахейцамъ.
Былъ не у каждаго свѣтелъ разсудокъ, не всѣ справедливы
Были они—потому и постигнула злая судьбина
Многихъ, разгнѣвавшихъ дочь свѣтлоокую страшнаго бога.
Сильную распрю богиня Аѳина зажгла межъ Атридовъ:
Оба, созвать вознамѣрясь людей на совѣтъ безразсудно
Собрали ихъ не въ обычное время, когда ужъ садилось
Солнце; ахейцы сошлися, виномъ охмеленные; тѣ же
Стали одинъ за другимъ объяснять имъ причину собранья:
Требовалъ царь Менелай, чтобъ аргивскіе мужи въ обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агаме́мнонъ отвергнулъ: ахейцевъ еще удержать онъ
Мыслилъ за тѣмъ, чтобъ они, совершивъ экатомбу святую,
Гнѣвъ примирили ужасной богини... младенецъ! еще онъ
Видно не зналъ, что ужъ быть не могло примиренія съ нею:
Вѣчные боги не скоро въ своихъ измѣняются мысляхъ.
Такъ, обращая другъ къ другу обидныя рѣчи, тамъ оба
Брата стояли; собраніе свѣтлообутыхъ ахеянъ
Воплемъ наполнилось яростнымъ, на два разрознившись мнѣнья.
Всю ту мы ночь провели въ непріязненныхъ другъ противъ друга
Мысляхъ: ужъ намъ беззаконнымъ готовилъ Зевесъ наказанье.
Утромъ одни на прекрасное море опять кораблями
(Взявъ и добычу и дѣвъ, глубокó опоясанныхъ) вышли.
Но половина другая ахеянъ осталась на брегѣ
Вмѣстѣ съ царемъ Агаме́мнономъ, пастыремъ многихъ народовъ.
Дали мы ходъ кораблямъ, и они по волнамъ побѣжали
Быстро: подъ ними углаживалъ богъ многоводное море.
Скоро пришедъ въ Тенедосъ, принесли мы тамъ жертву безсмертнымъ,
Дать намъ отчизну моля ихъ, но Дій непреклонный еще намъ
Медлилъ дозволить возвратъ: онъ вторичной враждой возмутилъ насъ.
Часть за царемъ Одиссеемъ подателемъ мудрыхъ совѣтовъ,
Въ многовесельныхъ пустясь корабляхъ, устремились въ обратный
Путь, чтобъ Атриду царю Агаме́мнону вновь покориться.
Я же поспѣшно со всѣми подвластными мнѣ кораблями
Пóплылъ впередъ, угадавъ, что готовилъ намъ бѣдствіе Демонъ;
Пóплылъ со всѣми своими и сынъ бѣдоносный Тидея;
Позже отправился въ путь Менелай златовласый; въ Лесбóсѣ
Насъ онъ нагналъ, нерѣшимыхъ, какую избрать намъ дорогу:
Выше ль скалами обильнаго Хіоса, путь свой на Исиру
Править, ее оставляя по лѣвую руку, иль ниже
Хіоса, мимо открытаго воющимъ вѣтрамъ Мимонта?
Дія молили мы знаменье дать намъ; и знаменье давши,
Онъ повелѣлъ, чтобъ разрѣзавши море по самой срединѣ,
Шли мы къ Эвбеѣ для скораго близкой бѣды избѣжанья:
Вѣтеръ попутный, свистя, зашумѣлъ и, рыбообильный
Путь совершая легкó, корабли до Гереста достигли
Къ ночи; отъ многихъ быковъ возложили мы тучныя бедра
Тамъ на алтарь Посидоновъ, измѣривъ великое море.
День совершился четвертый, когда, добѣжавъ до Аргоса,
Всѣ корабли Діомеда, коней обуздателя, стали
Въ пристани. Прямо тѣмъ временемъ въ Пилосъ я плылъ, и ни разу

Вѣтеръ попутный, вначалѣ намъ посланный Діемъ, не стихнулъ.
Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ всякихъ вѣстей; и донынѣ
Свѣдать еще я не могъ, кто погибъ изъ ахеянъ, кто спасся.
Что жъ отъ другихъ мы узнали, живя подъ домашнею кровлей,
То вамъ, какъ слѣдуетъ, я разскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что съ младымъ Ахилесса великаго сыномъ
Всѣ мирмидоны его, копьеносцы, домой возвратились;
Живъ, говорятъ, Филоктетъ, сынъ Пеановъ возлюбленный; здраво
Идоменей (никого изъ сопутниковъ, съ нимъ избѣжавшихъ
Вмѣстѣ войны, не утративши на морѣ) Крита достигнулъ;
Къ вамъ же, конечно, и въ дальнюю землю дошелъ объ Атридѣ
Слухъ, какъ домой возвратился онъ, какъ умерщвленъ былъ Эгистомъ,
Какъ и Эгистъ, наконецъ, по заслугѣ пріялъ воздаянье.
Счастье, когда у погибшаго мужа останется бодрый
Сынъ, чтобъ отмстить, какъ Орестъ, поразившій Эгиста, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель!
Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.—
Выслушавъ Нестора, такъ отвѣчалъ Телемакъ благородный:
—Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ,
Правда, отмстилъ онъ, и страшно отмстилъ, и ему отъ народовъ
Честь повсемѣстная будетъ и будетъ хвала отъ потомства.
О! когда бъ и меня одарили такою же силой
Боги, чтобъ также и я могъ отмстить женихамъ, наносящимъ
Столько обидъ мнѣ, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотѣли
Боги ни мнѣ, ни отцу—и удѣлъ мой отнынѣ терпѣнье.—
Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
—Самъ ты, мой милый, о томъ мнѣ своими словами напомнилъ;
Слышали мы, что твою благородную мать притѣсняя,
Въ домѣ твоемъ женихи беззаконнаго дѣлаютъ много.
Знать бы желалъ я: ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
Мы же не вѣдаемъ; можетъ случиться легко, что и самъ онъ
Ихъ, возвратяся, погубитъ, одинъ ли, созвавъ ли ахеянъ...
О! когда бъ возлюбить свѣтлоокая дѣва Паллада
Также могла и тебя, какъ она Одиссея любила
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли ахейцы!
Нѣтъ, никогда не бывали столь боги въ любви откровенны,
Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Паллада Аѳина!
Если бы ею съ такою жъ любовью и ты былъ присвоенъ,
Самая память о бракѣ во многихъ изъ нихъ бы пропала.—
Нестору такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
— Старецъ, несбыточно, думаю, слово твое; о великомъ
Ты говоришь, и ужасно мнѣ слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбѣ моей, ни по волѣ безсмертныхъ.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Странное слово изъ устъ у тебя, Телемакъ, излетѣло;
Богу легко защитить насъ и издали, если захочетъ;
Я жъ согласился бъ скорѣе и бѣдствія встрѣтить, чтобъ только
Сладостный день возвращенья увидѣть, чѣмъ бѣдствій избѣгнувъ,
Въ домъ возвратиться, чтобъ пасть передъ своимъ очагомъ, какъ великій
Палъ Агамемнонъ предательствомъ хитрой жены и Эгиста.
Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа
Милаго имъ человѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ
Въ руки навѣкъ-усыпляющей смерти судьбиною будетъ.—
Такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ:
—Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хотя и крушитъ намъ
Сердце оно; ужъ его возвращенія мы не увидимъ:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о иномъ вопрошая, хочу обратиться

Къ Нестору—правдой и мудростью всѣхъ онъ людей превосходитъ;
Былъ, говорятъ, онъ царемъ, повелителемъ трехъ поколѣній,
Образомъ свѣтлымъ своимъ онъ безсмертному богу подобенъ—
Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скрывая,
Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агаме́мнонъ пространнодержавный?
Гдѣ Менелай находился? Какое губящее средство
Хитрый Эгистъ изобрѣлъ, чтобъ удобнѣе сладить съ сильнѣйшимъ?
Иль не достигнувъ Арго́са, еще межъ чужими людьми онъ
Былъ и врага своего тѣмъ отважилъ на злое убійство?—
Другъ, Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты мою истину вѣдать;
Подлинно такъ все случилось, какъ думаешь самъ ты; но если бъ
Въ братнемъ жилищѣ Эгиста живого засталъ, возвращаясь
Въ домъ свой изъ брани Троянской, Атридъ Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая.
Хищныя птицы и псы бы его растерзали, безъ чести
Въ полѣ далеко за градомъ Арго́сомъ лежащаго, жены
Наши бъ его не оплакали—страшное дѣло свершилъ онъ.
Тою порою, какъ билися мы на поляхъ Иліонскихъ,
Онъ въ безопасномъ углу многоконнаго града Арго́са,
Сердце жены Агаме́мнона лестью опутывалъ хитрой.
Прежде самой Клитемнестрѣ божественной было противно
Дѣло постыдное—мыслей порочныхъ она не имѣла;
Былъ же при ней пѣснопѣвецъ, которому царь Агаме́мнонъ,
Въ Трою готовяся плыть, наблюдать повелѣлъ за супругой;
Но, какъ-скоро судьбина ее предала преступленью,
Тотъ пѣснопѣвецъ былъ сосланъ Эгистомъ на островъ безплодный,
Гдѣ и оставленъ; и хищныя птицы его растерзали.
Онъ же ее, одного съ нимъ желавшую, въ домъ пригласилъ свой,
Множество бедръ на святыхъ алтаряхъ онъ сожегъ предъ богами,
Множествомъ вкладовъ, и златомъ и тканями храмы украсилъ,
Дерзкое дѣло такое съ нежданнымъ окончивъ успѣхомъ.
Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли вмѣстѣ,
Я и Атридъ Менелай, сопряженные дружбою тѣсной.
Были ужъ мы предъ священнымъ Суніономъ, мысомъ Аттійскимъ;
Вдругъ Менелаева кормщика Фебъ Аполлонъ невидимо
Тихой своею стрѣлой умертвилъ: управляя бѣгущимъ
Судномъ, кормило держалъ многоопытной, твердой рукою
Фронтисъ, Оне́торовъ сынъ, наиболѣ изъ всѣхъ земнородныхъ
Тайну проникшій владѣть кораблемъ въ наступившую бурю.
Путь свой земедлилъ, хотя и спѣшилъ, Менелай, чтобъ на брегѣ
Честь погребенія другу воздать съ торжествомъ надлежащимъ;
Но—когда на своихъ корабляхъ крутобокихъ опять онъ
Въ темное море пошелъ и высокаго мыса Маллеи
Быстро достигъ—повсемѣстно гремящій Кроніонъ, замысливъ
Гибель, нагналъ на него многошумное вѣтра дыханье,
Поднялъ могучія, тяжкія, гороогромныя волны.
Вдругъ корабли разлучивъ, половину ихъ бросилъ онъ къ Криту,
Гдѣ обитаютъ кидоны у свѣтлыхъ потоковъ Ярдана.
Виденъ тамъ гладкій утесъ, восходящій надъ влагой соленой,
Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ предѣлахъ Гортины;
Тамъ, гдѣ великія волны на западный берегъ у Феста
Нотъ нагоняетъ и малый утесъ ихъ дробитъ, отшибая,
Тѣ корабли очутились; проворствомъ спаслися отъ смерти
Люди; суда жъ ихъ погибли, разбившись объ острые камни.
Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ, похищенныхъ бурей,
Вѣтеръ могучій и волны ко брегу Египта примчали.
Тамъ Менелай, собирая сокровищъ и золота много,
Странствовалъ между народовъ иного языка, и въ то же
Время Эгистъ совершилъ беззаконное дѣло въ Аргосѣ,

Смерти предавши Атрида—народъ покорился безмолвно.
Цѣлыя семь лѣтъ онъ властвовалъ въ златообильной Микенѣ;
Но на осьмой изъ Аѳинъ возвратился ему на погибель
Богоподобный Орестъ, и убійцу сразилъ онъ, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель.
Пиръ учредивъ для аргивянъ великій, свершилъ погребенье
Онъ и преступницѣ матери вмѣстѣ съ Эгистомъ презрѣннымъ.
Въ самый тотъ день и Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье,
Прибылъ, богатства собравъ, сколь могло въ корабляхъ умѣститься.
Ты же не долго, мой сынъ, въ отдаленьи отъ родины странствуй,
Домъ и наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ
Все, и безъ пользы останется путь, совершонный тобою.
Но Менелая Атрида (совѣтую, требую) долженъ
Ты посѣтить; онъ недавно въ отечество прибылъ изъ чуждыхъ
Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто, занесенный однажды
Къ нимъ по широкому морю стремительнымъ вѣтромъ, не могъ бы
Живъ возвратиться, откуда и въ годъ долетѣть къ намъ не можетъ
Быстрая птица—толь страшно великой пучины пространство.
Ты же поѣдешь отсюда иль моремъ со всѣми своими,
Или, когда пожелаешь, землею: коней съ колесницей
Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ тебѣ указалъ онъ
Путь въ Лакедѐмонъ божественный, гдѣ Менелай златовласый
Царствуетъ; можешь ты самъ обо всемъ разспросить Менелая;
Лжи онъ, конечно, не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.—
Кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
Къ Нестору слово свое обративши, сказала Аѳина:
—Старецъ, твои разсудительны рѣчи, но медлить не станемъ;
Должно отрѣзать теперь языки, и царю Посидону
Купно съ другими богами виномъ сотворить возліянье;
Время подумать о ложѣ покойномъ и снѣ миротворномъ;
День на закатѣ угасъ и ужъ болѣ не будетъ прилично
Здѣсь намъ сидѣть за трапезой боговъ; удалиться пора намъ.—
Такъ говорила богиня; почтительно всѣ ей внимали.
Тутъ для умытія рукъ имъ служители подали воду;
Отроки свѣтлымъ кратѐры до края наполнивъ напиткомъ,
Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросивъ въ огонь языки, сотворили они возліянье,
Стоя; когда жъ сотворили его и виномъ насладились,
Сколько желала душа, Телемакъ благородный съ Аѳиной
Стали къ ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
Несторъ, гостей удержавши, сказалъ:— Да отнюдь не позволятъ
Вѣчный Зевесъ и другіе безсмертные боги, чтобъ нынѣ
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Развѣ одеждъ не найдется у насъ? Неужели я нищій?
Будто ужъ въ домѣ моемъ ни покрововъ, ни мягкихъ постелей
Нѣтъ, чтобъ и самъ я и гости мои насладились покойнымъ
Сномъ? Но покрововъ и мягкихъ постелей найдется довольно.
Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго мужа, чтобъ сынъ Одиссеевъ
Выбралъ себѣ корабельную палубу спальней, пока я
Живъ и мои сыновья обитаютъ со мной подъ одною
Кровлей, чтобъ всѣхъ, кто пожалуетъ къ намъ, угощать дружелюбно?—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Умное слово сказалъ ты, возлюбленный старецъ, и долженъ
Волю исполнить твою Телемакъ: то, конечно, приличнѣй.
Здѣсь я оставлю его, чтобъ покойно подъ кровлей твоею
Ночь онъ провелъ. Самому жъ мнѣ на черный корабль возвратиться
Должно, чтобъ нашихъ людей ободрить и о многомъ сказать имъ:
Я изъ сопутниковъ нашихъ старѣйшій годами; они же
(Всѣ молодые, ровѐсники всѣ Телемаку) по доброй
Волѣ, изъ дружбы, его въ кораблѣ проводить согласились;

Вотъ для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра жъ съ зарею пойти мнѣ къ народу отважныхъ кавконовъ
Нужно, чтобъ тамъ заплатили мнѣ люди старинный, немалый
Долгъ, Телемака же, послѣ того, какъ у васъ погоститъ онъ,
Съ сыномъ своимъ въ колесницѣ отправь ты, коней повелѣвши
Дать имъ проворнѣйшихъ въ бѣгѣ и силою самыхъ отличныхъ.—
Такъ имъ сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрымъ орломъ улетѣвъ; изумился народъ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидѣвши, Несторъ.
За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно сказалъ онъ:
—Другъ, ты, конечно, и сердцемъ не робокъ и силою крѣпокъ,
Если тебѣ молодому такъ явно сопутствуютъ боги.
Здѣсь изъ безсмертныхъ, живущихъ въ обителяхъ свѣтлыхъ Олимпа,
Былъ не иной кто, какъ Діева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая въ сонмѣ аргивянъ.
Будь благосклонна, богиня, и намъ, и великую славу
Дай мнѣ и дѣтямъ моимъ и супругѣ моей благонравной;
Я же телицу тебѣ однолѣтнюю, лбистую, въ полѣ
Вольно бродящую, съ игомъ еще незнакомую, въ жертву
Здѣсь принесу, ей рога изукрасивши золотомъ чистымъ.—
Такъ говорилъ онъ, молясь, и Палладою былъ онъ услышанъ.
Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и зятьевъ благородныхъ
Въ домъ свой богато украшенный Несторъ, герой Геренейскій;
Съ Несторомъ въ царскій богато украшенный домъ и другіе
Также вступили и сѣли порядкомъ на креслахъ и стульяхъ.
Старецъ тогда для собравшихся кубокъ наполнилъ до края
Свѣтлымъ виномъ, чрезъ одиннадцать лѣтъ изъ амфоры налитымъ
Ключницей, снявшей впервые съ завѣтной амфоры той кровлю.
Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ возліянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и другіе
Всѣ, сотворивъ возліянье, виномъ насладились довольно,
Каждый къ себѣ возвратился, о ложѣ и снѣ помышляя.
Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой Геренейскій,
Самъ Телемаку, разумному сыну царя Одиссея,
Въ звонкопространномъ покоѣ кровать указалъ прорѣзную;
Легъ близъ него Пизистратъ, копьевержецъ, мужей предводитель,
Бывшій изъ братьевъ одинъ неженатый въ жилищѣ отцовъ;
Самъ же, во внутренній царскаго дома покой удаляся,
Легъ на постели, перестланной мягко царицею, Несторъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Съ мягкой поднялся постели и Несторъ, герой Геренейскій;
Вышедъ изъ спальни, онъ сѣлъ на обтесанныхъ, гладкихъ, широкихъ
Камняхъ, у двери высокой служившихъ сѣдалищемъ, бѣлыхъ,
Ярко сіявшихъ, какъ-будто помазанныхъ масломъ, на нихъ же
Прежде Нелей возсѣдалъ, многоуміемъ богу подобный;
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбою въ обитель Аида.
Нынѣ жъ на камняхъ Нелеевыхъ Несторъ возсѣлъ, скиптроносный
Пѣстунъ ахеянъ. Къ нему сыновья собралися, изъ спаленъ
Вышедъ: Эхе́фронъ, Персе́й, Стратіо́нъ и Аре́тосъ и юный
Богу подобный красой Ѳразиме́дъ; наконецъ, и шестой къ нимъ,
Младшій изъ братьевъ, пришелъ Пизистратъ благородный. И рядомъ
Съ Несторомъ сѣсть приглашенъ былъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Рѣчь обратилъ тутъ къ собравшимся Несторъ, герой Геренейскій:
—Милыя дѣти, мое повелѣнье исполнить спѣшите—
Паче другихъ преклонить я желаю на милость Аѳину,
Видимо бывшую съ нами на праздникѣ бога великомъ.
Въ поле одинъ за телицей бѣги, чтобъ немедленно съ поля
Выгналъ ее къ намъ пастухъ, за стадами смотрящій; другой же
Долженъ на черный корабль Телемаковъ пойти и позвать къ намъ
Всѣхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя лишь двухъ; напослѣдокъ,

Третьимъ пусть будетъ немедленно злато-искусникъ Лаэркосъ
Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицѣ.
Прочіе жъ всѣ оставайтесь при мнѣ, повелѣвши рабынямъ
Въ домѣ устроить обѣдъ изобильный, разставить порядкомъ
Стулья, дрова приготовить и свѣтлой воды принести намъ.—
Такъ онъ сказалъ; всѣ заботиться начали: съ поля телицу
Скоро пригнали; пришли съ корабля Телемаковы люди,
Съ нимъ переплывшіе море; явился и злато-искусникъ,
Нужный для ковки металловъ принесши снарядъ: наковальню,
Молотъ, клещи драгоцѣнной отдѣлки и все, чѣмъ обычно
Дѣло свое совершалъ онъ; пришла и богиня Аѳина
Жертву принять. Тутъ художнику Несторъ, коней обуздатель,
Золота чистаго далъ; оковалъ онъ рога имъ телицы,
Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.
Взяли телицу тогда за рога Стратіонъ и Эхефронъ;
Воду имъ руки умыть въ обложенной цвѣтами лахани
Вынесъ изъ дома Аре́тосъ, въ другой же рукѣ онъ съ ячменемъ
Коробъ держалъ; подошелъ Ѳразиме́дъ, ратоборецъ могучій,
Съ острымъ въ рукѣ топоромъ, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздатель,
Руки умывши, ячме́немъ телицу осыпалъ, и бросивъ
Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аѳинѣ;
Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу ячме́немъ
Также осыпали. Несторовъ сынъ Ѳразиме́дъ многосильный,
Мышцы напрягши, ударилъ и, въ шею глубоко вонзенный,
Жилы топоръ пересѣкъ; повалилась телица; вскричали
Дочери всѣ и невѣстки царевы и съ ними царица,
Кроткая сердцемъ, Климе́нова старшая дочь Эвридика.
Тѣ же телицу, приникшую къ лону земли путеносной,
Подняли—разомъ зарѣзалъ ее Пизистратъ благородный.
Послѣ, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни въ костяхъ, разложивши на части ее, отдѣлили
Бедра, и сверху ихъ (дважды обвивши, какъ слѣдуетъ, кости
Жиромъ) кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Несторъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остреями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
Все разрубили на части и стали на вертелахъ жарить,
Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ обращая.
Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью младшей
Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню; когда же
Дѣва его и омыла и чистымъ натерла елеемъ,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ лучезарнымъ подобный;
Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря многихъ народовъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Сѣли за вкусный обѣдъ, и заботливо начали слуги
Бѣгать, вино наливая въ сосуды златые; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Несторъ, герой Геренейскій, сказалъ сыновьямъ благороднымъ:
— Дѣти, коней густогривыхъ запрячь въ колесницу немедля
Должно, чтобъ могъ Телемакъ по желанію въ путь устремиться.—
То повелѣніе царское было исполнено скоро;
Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесницу; въ нее же
Ключница хлѣбъ и вино на запасъ положила съ различной
Пищей, какая царямъ лишь, питомцамъ Зевеса, прилична.
Тутъ въ колесницу блестящую сталъ Телемакъ благородный;
Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Пизистратъ, предводитель народовъ,
Сталъ; натянувши могучей рукою бразды, онъ ударилъ
Сильнымъ бичомъ по конямъ, и помчалися быстрые кони

Полемъ, и Пилосъ блистательный скоро исчезъ позади ихъ.
Цѣлый день мчалися ко́ни, тряся колесничное дышло.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ
Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;
Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчалися звонкій,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Пышныхъ равнинъ, изобильныхъ пшеницей, достигнувъ, они тамъ
Кончили путь, совершонный конями могучими быстро;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ПЯТАГО ДНЯ И ВЕСЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ и Пизистратъ, прибывъ въ Лакеде́монъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейный пиръ свой. И онъ, и Елена узнаютъ Телемака. Средство, употребленное Еленою для развеселенія гостей; она и Менелай разсказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбѣ Телемака, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ вождей ахейскихъ и о заключеніи Одиссея на островѣ Калипсо; потомъ онъ убѣждаетъ Телемака погостить нѣсколько времени въ домѣ его. Тѣмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплытіи Телемака, приходятъ въ ужасъ и замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей отъ глашатая Медонта о замыслѣ ихъ и объ отплытіи сына. Аѳина, тронутая молитвою горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сновидѣніе. Антиной съ своею дружиною пускается въ море и останавливается близъ острова Астера ждать Телемака.

Въ царственный градъ Лакеде́монъ, холмами объятый, прибывши,
Къ дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ сродникамъ, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жилищѣ.
Къ сыну губителя ратей Пилида свою посылалъ онъ
Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землѣ договоръ заключивши
Выдать его за него, и теперь сочетали ихъ боги;
Много ей давъ колесницъ и коней, молодую невѣсту
Въ градъ мирмидонскій, гдѣ царствовалъ свѣтлый женихъ, снарядилъ онъ.
Въ Спартѣ же дочь онъ Алектора выбралъ невѣстой для сына,
Крѣпкаго силой, прижитаго имъ съ молодою рабыней
Въ позднихъ годахъ, Мегапенда. Еленѣ жъ дѣтей не хотѣли
Боги съ тѣхъ поръ даровать, какъ желанная ей родилася
Дочь Эрміона, подобная дивной красой Афродитѣ.
Шумно пируя въ богато украшенныхъ царскихъ палатахъ,
Сродники всѣ и друзья Менелая, великаго славой,
Полны веселія были; на лирѣ пѣвецъ вдохновенный
Громко зазвучалъ передъ ними, и два прыгуна, соглашая
Съ звонкою лирой прыжки, посреди ихъ проворно скакали.
Тою порой Телемакъ благородный съ младымъ Пизистратомъ,
Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ изъ своей колесницы
Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этео́нъ многочтимый,
Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.
Съ вѣстью о нихъ по дворцу побѣжалъ онъ къ владыкѣ Атриду;
Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
—Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, изъ племени Дія.
Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней? Отказать ли
Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали?—
Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчалъ Менелай златовласый:
—Ты, Этеонъ, сынъ Воэтовъ, еще никогда малоуменъ
Не былъ, теперь же безсмысленно сталъ говорить, какъ младенецъ;
Сами не разъ испытавъ гостелюбіе въ странствіи нашемъ,
Мы напослѣдокъ покоимся дома, и Дій да положитъ
Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите коней ихъ; самихъ же
Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ нашъ обоихъ.—
Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣжалъ, за собою

Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ повелѣвши.
Иго съ ретивыхъ коней, опѣненное потомъ сложили;
Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней привязали;
Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячменемъ;
Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили потомъ колесницу.
Странники были въ высокій дворецъ введены; озираясь,
Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба;
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славой.
Очи свои, наконецъ, удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,
Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться; когда же
Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантіи, оба
Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.
Тутъ поднесла на лахани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко,
Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предложивъ имъ,
Кубки златые на бранномъ столѣ передъ ними поставилъ.
Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ имъ хозяинъ:
—Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди?
Въ васъ не увяла, я вижу, порода родителей вашихъ;
Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевесомъ,
Скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся.—
Тутъ онъ имъ подалъ бычатины жареной кусъ, изъ почетной
Собственной части его отдѣливши своею рукою.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ и голодъ
Свой утолили роскошной ѣдой и питьемъ изобильнымъ.
Голову къ спутнику тутъ приклонивъ, чтобъ подслушать другіе
Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ осторожно:
—Несторовъ сынъ, мой возлюбленный другъ, Пизистратъ благородный,
Видишь, какъ много здѣсь мѣди, сіяющей въ звонкихъ покояхъ;
Блещетъ все златомъ, сребромъ, янтарями, слоновою костью;
Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣетъ такую обитель;
Что за богатство! какъ много всего! съ изумленьемъ смотрю я.—
Вслушался въ тихую рѣчь Телемака Атридъ златовласый;
Голосъ возвысивъ, обоимъ онъ бросилъ крылатое слово:
—Дѣти, намъ смертнымъ не можно равняться съ владыкою Зевсомъ,
Ибо домъ и сокровища Зевса, какъ самъ онъ, нетлѣнны;
Люди жъ иные поспорятъ богатствомъ со мной, а иные
Нѣтъ; претерпѣвши немало, немало скитавшись, добра я
Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь на осьмой годъ въ отчизну.
Видѣлъ я Кипръ, посѣтилъ финикіянъ, достигнувъ Египта,
Къ чернымъ проникъ эфіопамъ, гостилъ у сидонянъ, эрембовъ;
Въ Ливіи былъ, наконецъ, гдѣ рогатыми агнцы родятся,
Гдѣ ежегодно три раза и козы и овцы кидаютъ;
Въ той сторонѣ и полей господинъ и пастухъ недостатка
Въ сырѣ и мясѣ и жирногустомъ молокѣ не имѣютъ;
Круглый тамъ годъ изобильно бываютъ доимы коровы;
Той же порой, какъ въ далекихъ земляхъ я, сбирая богатства,
Странствовалъ, милый въ отечествѣ братъ мой погибъ отъ убійцы
Тайно, никѣмъ непредвидѣнно, хитрымъ предательствомъ женскимъ,
Съ тѣхъ поръ и всѣ ужъ мои мнѣ сокровища стали постылы.
Но объ этомъ, кто бъ ни были вы, ужъ, конечно, отцы вамъ
Все разсказали... О! горестно было мнѣ зрѣть истребленье
Дома, толь свѣтлаго прежде, толь славнаго многимъ богатствомъ!
Радъ бы остаться я съ третью того, чѣмъ владѣю, лишь только бъ
Были тѣ мужи на свѣтѣ, которые въ Троѣ пространной

Кончили жизнь, дале́ко отъ Аргоса питателя коней.
Часто, ихъ всѣхъ поминая, объ нихъ сокрушаясь и плача,
Здѣсь я сижу одиноко подъ кровлей домашней; порою
Горемъ о нихъ услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже насъ скоро холодная скорбь утомляетъ.
Но сколь ни сѣтую въ сердцѣ своемъ я, ихъ всѣхъ поминая,
Мысль объ одномъ наиболѣе губитъ мой сонъ и лишаетъ
Пищи меня, поелику никто изъ ахеянъ столь много
Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ царь Одиссей; на труды и печали
Былъ онъ рожденъ; на мою же досталося часть: сокрушаться,
Видя, какъ долго отсутствіе длится его; мы не знаемъ,
Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ безутѣшный родитель
Старецъ Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ младымъ Телемакомъ,
Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удаленьи изъ дома.—
Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ Телемакѣ.
Крупная пала съ рѣсницы сыновней слеза при отцовомъ
Имени, въ обѣ схвативши пурпурную мантію руки,
Ею глаза онъ закрылъ; то увидя, Атридъ догадался;
Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ онъ, что дѣлать:
Ждать ли, чтобъ самъ говорить о родителѣ юноша началъ,
Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, молчалъ онъ,
Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ высокихъ покоевъ Елена
Вышла, подобная свѣтлой съ копьемъ золотымъ Артемидѣ.
Кресла богатой работы подвинула сѣсть ей Адреста;
Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги Алькиппа;
Фило пришла съ драгоцѣнной корзиной серебряной, даромъ
Умной Алькандры, супруги Полиба, въ Египетскихъ Ѳивахъ
Жившаго, много сокровищъ имѣя въ обители пышной.
Двѣ сребролитныя далъ онъ Атриду купальни и съ ними
Два треножныхъ сосуда и золотомъ десять талантовъ;
Также царицѣ Еленѣ супруга его подарила
Прялку златую съ корзиной овальной; была та корзина
Вся изъ сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подлѣ царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
Съ шерстью волнистой пурпурнаго цвѣта. На креслахъ Елена
Сѣла, прекрасныя ноги свои на скамью протянувши.
Сѣвъ, съ любопытствомъ она у царя Менелая спросила:
—Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный, питомецъ Зевеса,
Кто иноземные гости, нашъ домъ посѣтившіе нынѣ?
Я же скажу—справедливо ли, нѣтъ ли, не знаю—но сердце
Нудитъ сказать, что еще никогда (съ изумленьемъ смотрю я)
Мнѣ ни въ женѣ не случалось, ни въ мужѣ подобнаго встрѣтить
Сходства, какое нашъ гость съ Телемакомъ, царя Одиссея
Сыномъ, имѣетъ; младенцемъ его Одиссей благородный
Дома оставилъ, когда за меня недостойную всѣ вы,
Мужи ахейскіе, въ Трою пошли истребительной ратью.—
Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:
—Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливымъ.
Дивное сходство! такія же ноги, такія же руки,
То же въ глазахъ выраженіе, та жъ голова и такія жъ
Кудри густыя на ней; а когда, помянувъ Одиссея,
Сталъ говорить я о бѣдствіяхъ, имъ за меня претерпѣнныхъ,
Пала съ рѣсницы его, я замѣтилъ, слеза, и, схвативши
Въ обѣ пурпурную мантію руки, онъ ею закрылся.—
Тутъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелаю Атриду:
—Царь многославный, Атридъ богоизбранный, пастырь народовъ,
Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ, какъ думаешь самъ ты;
Но, осторожный и скромный, онъ мнитъ, что ему неприлично,

Васъ посѣтивши впервые, себя выставлять въ разговорѣ
Смѣломъ съ тобою, плѣняющимъ всѣхъ насъ божественною рѣчью.
Старецъ родитель мой Несторъ его повелѣлъ въ Лакедемонъ
Мнѣ проводить; у тебя жъ онъ затѣмъ, чтобъ ему благосклонно
Дать наставленіе ты соизволилъ: что дѣлать? Немало
Горя бываетъ въ родительскомъ домѣ для сына, когда онъ
Розно съ отцомъ, не имѣя друзей, сиротствуетъ, какъ нынѣ
Сынъ Одиссеевъ: отецъ благородный далеко, въ народѣ жъ
Нѣтъ никого, кто бъ ему отъ гоненій помогъ защититься.—
Царь Менелай, отвѣчая, сказалъ Пизистрату младому:
—Боги! такъ подлинно сынъ несказанно мнѣ милаго друга,
Столько тревогъ за меня претерпѣвшаго, домъ посѣтилъ мой.
Я жъ самого Одиссея отличнѣе прочихъ ахеянъ
Встрѣтить надеждой ласкался, когда бъ въ корабляхъ быстроходныхъ
Путь намъ домой по волнамъ отворилъ громовержецъ Кроніонъ;
Градъ бы въ Агросѣ ему я построилъ съ дворцомъ для жилища;
Взялъ бы его самого изъ Итаки съ богатствами, съ сыномъ,
Съ цѣлымъ народомъ; и область для нихъ бы очистилъ, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетръ:
Часто видались тогда бы, сосѣдствуя, мы и ничто бы
Насъ разлучить не могло, веселящихся, дружныхъ, до злого
Часа, въ который бы скрыло насъ черное облако смерти.
Но столь великаго блага намъ дать не хотѣлъ непреклонный
Богъ, запретившій ему несчастливцу возвратъ вожделѣнный.—
Такъ говоря, неумышленно всѣхъ Менелай опечалилъ:
Громко Елена Агривская, Діева дочь зарыдала;
Сынъ Одиссеевъ заплакалъ, и съ ними Атридъ прослезился;
Плача не могъ удержать и младой Пизистратъ: онъ о братѣ
Вспомнилъ, о братѣ своемъ Антилохѣ прекрасномъ, который
Былъ умерщвленъ лучезарной Денницы возлюбленнымъ сыномъ.
Вспомнивъ о братѣ, Атриду онъ бросилъ крылатое слово:
—Подлинно, царь Менелай, ты разумнѣе всѣхъ земнородныхъ.
Такъ говоритъ и отецъ престарѣлый нашъ, Несторъ, когда мы,
Дома въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ о тебѣ вспоминаемъ.
Нынѣ жъ послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слезъ за вечерней трапезою—скоро подымется Эосъ,
Въ раннемъ туманѣ рожденная. Мнѣ же отнюдь не противенъ
Плачъ о возлюбленныхъ мертвыхъ, постигнутыхъ общей судьбиной;
Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна здѣсь надежная почесть:
Слезы съ ланитъ и отрѣзанный локонъ волосъ на могилѣ
Брата утратилъ и я; не послѣдній межъ бранныхъ аргивянъ
Былъ онъ; его ты, конечно, видалъ; а со мной никогда здѣсь
Онъ не встрѣчался; его я не зналъ; но отъ всѣхъ былъ отличенъ,
Слышали мы, онъ и легкостью ногъ и отважностью въ битвахъ.—
Царь Менелай златовласый отвѣтствовалъ такъ Пизистрату:
—Другъ, основательно то, что сказалъ ты; одинъ лишь разумный
Мужъ, и годами старѣйшій тебя, говорить такъ способенъ.
Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца своего ты достойный
Сынъ; безъ труда познается порода мужей, для которыхъ
Счастье и въ бракѣ и въ племени ихъ уготовалъ Кроніонъ;
Такъ постоянно и Нестору онъ золотые свиваетъ
Годы, чтобъ весело въ домѣ своемъ онъ старѣлъ, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумныхъ и съ копьями первыхъ.
Мы же, печаль отложивъ и отерши пролитыя слезы,
Снова начнемъ пировать; для умытія рукъ подадутъ намъ
Свѣтлой воды, а на утро опять разговоръ съ Телемакомъ
Я заведу, и окончимъ мы завтра начатое нынѣ.—
Такъ онъ сказалъ; и умыться имъ подалъ воды Асфалеонъ,
Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.
Подняли руки они къ предложенной имъ лакомой пищѣ.
Умная мысль пробудилась тогда въ благородной Еленѣ:

Въ чаши она круговыя подлить вознамѣрилась соку,
Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенье
Бѣдствій дающаго; тотъ, кто вина выпивалъ съ благотворнымъ
Слитаго сокомъ, былъ веселъ весь день и не могъ бы заплакать,
Если бъ мать и отца неожиданной смертью утратилъ,
Если бъ нечаянно брата лишился, иль милаго сына,
Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною мѣдью.
Діева свѣтлая дочь обладала тѣмъ сокомъ чудеснымъ;
Щедро въ Египтѣ ее Полидамна, супруга Ѳоона,
Имъ надѣлила; земля тамъ богатообильная, много
Злаковъ рождаетъ, и добрыхъ цѣлебныхъ, и злыхъ ядовитыхъ;
Каждый въ народѣ тамъ врачъ, превышающій знаньемъ глубокимъ
Прочихъ людей, поелику тамъ всѣ изъ Пеанова рода.
Соку въ вино подмѣшавъ и вино разнести повелѣвши,
Стала царица Елена бесѣдовать снова съ гостями:
—Царь Менелай благородный, питомецъ Зевеса, и всѣ вы,
Дѣти отцовъ знаменитыхъ, различное людямъ различнымъ,
Злое и доброе, Дій посылаетъ, все Дію возможно.
Радуйтесь нынѣ, сидя за трапезой вечерней и сладкимъ
Сердце свое веселя разговоромъ; а я о бываломъ
Вамъ разскажу—хоть всего разсказать и припомнить нельзя мнѣ—
Какъ Одиссей, непреклонный въ бѣдахъ, подвизался и что онъ,
Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ, предпринялъ и исполнилъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы.
Тѣло свое безпощадно изсѣкши бичомъ недостойнымъ,
Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча, какъ невольникъ, вошелъ онъ
Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго городъ;
Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ платьѣ казался
Нищимъ, какимъ никогда межъ ахеянъ его не видали.
Такъ посреди онъ троянъ укрывался: безъ смысла, какъ дѣти,
Были они; я одна догадалася, кто онъ; вопросы
Стала ему предлагать я—онъ хитро отъ нихъ уклонился,
Но когда, и омывши его и натерши елеемъ,
Платье на плечи ему возложила я съ клятвой великой:
Тайны его никому не открыть въ Иліонѣ враждебномъ
Прежде его возвращенія въ станъ къ кораблямъ крутобокимъ,
Все мнѣ о замыслѣ хитромъ ахеянъ тогда разсказалъ онъ.
Многихъ троянъ длинноострою мѣдью меча умертвивши,
Вывѣдалъ въ городѣ все онъ и въ станъ невредимъ возвратился.
Многія вдовы троянскія громко рыдали, въ моемъ же
Сердцѣ веселіе было: давно ужъ стремилось въ родную
Землю оно, и давно я скорбѣла, виной Афродиты
Вольно ушедшая въ Трою изъ милаго края отчизны,
Гдѣ я покинула брачное ложе и дочь и супруга,
Столь одареннаго свѣтлымъ умомъ и лица красотою.—
Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:
—Истинно то, что, жена, разсказала ты намъ о бываломъ;
Случай имѣлъ я узнать помышленья, поступки и нравы
Многихъ людей благородныхъ и много земель посѣтилъ я,
Но никогда и нигдѣ мнѣ досель человѣкъ, Одиссею,
Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, подобный, еще не встрѣчался.
Вотъ что, могучій, онъ тамъ, наконецъ, предпріялъ и исполнилъ,
Въ чревѣ глубокомъ коня (гдѣ ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ковъ и убійство врагамъ приготовивъ;
Къ намъ ты тогда подошла—по внушенію злому, конечно,
Демона, дать замышлявшаго славу враждебнымъ троянамъ—
Вслѣдъ за тобою туда же пришелъ Деифобъ благородный;
Трижды громаду ты съ нимъ обошла, и отвсюду ощупавъ
Ребра ея, начала вызывать поименно аргивянъ,
Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ подражая искусно.
Мнѣ жъ съ Діомедомъ и съ бодрымъ царемъ Одиссеемъ, сокрытымъ

Въ темной утробѣ громады, знакомые слышались звуки.
Вдругъ пробудилось желанье во мнѣ и въ Тидеевомъ сынѣ
Выйти наружу иль громко тебѣ изнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удержалъ; остальные жъ,
Въ чревѣ коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только одинъ Антиклесъ на призывъ твой подать порывался
Голосъ; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Ротъ безразсудному, тѣмъ отъ погибели всѣхъ насъ избавилъ:
Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты по волѣ Аѳины.—
Тутъ Менелаю сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Царь благородный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
(Вдвое прискорбнѣй, что онъ не избѣгъ отъ губящаго рока:
Было ли въ пользу ему, что имѣлъ онъ желѣзное сердце?..)
Время, однако, ужъ намъ о постеляхъ подумать, чтобъ, сладко
Въ сонъ погрузившись, на нихъ успокоить усталые члены.—
Такъ онъ сказалъ, и Елена велѣла немедля рабынямъ
Въ сѣняхъ кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягкимъ покровомъ для тѣла косматыя мантіи бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай;
Въ сѣняхъ легли на постеляхъ и скоро покойно заснули
Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Пизистратъ благородный.
Скоро во внутренней спальнѣ заснулъ и Атридъ златовласый,
Подлѣ царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ и царь Менелай, вызыватель въ сраженье;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
Сѣвъ къ Телемаку, его онъ поздравствовалъ; послѣ спросилъ онъ:—
Что побудило тебя по хребту безпредѣльнаго моря
Въ царственный градъ Лакедѐмонъ прибыть, Телемакъ благородный?
Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мнѣ.—
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаю:—
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Здѣсь я затѣмъ, чтобъ узнать отъ тебя о судьбѣ Одиссея.
Гибнетъ мое достоянье, мои разоряются земли,
Домъ мой во власти грабителей жадныхъ, безжалостно бьющихъ
Мелкій нашъ скотъ и быковъ крivорогихъ и медленноходныхъ;
Мать Пенелопу они сватовствомъ неотступнымъ терзаютъ.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими
Видѣлъ глазами иль что отъ какого случайно услышалъ
Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
Ты же, меня не щадя, и изъ жалости словъ не смягчая,
Все разскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы,
Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все разскажи мнѣ.—
Съ гнѣвомъ великимъ воскликнулъ Атридъ Менелай златовласый:
—О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,
Сами безсильные, мыслятъ они захватить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
Стала бъ по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище—
Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла;
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.

Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лесбосѣ, обильно людьми населенномъ—
Гдѣ, съ силачомъ Филомиледомъ выступивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ—
Если бъ въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разскажу откровенно и мною обманутъ не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской прорицательный старецъ,
То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Все еще боги въ отечество милое мнѣ изъ Египта
Путь заграждали: обѣщанной я не свершилъ экатомбы;
Боги же требуютъ строго, чтобъ были мы вѣрны обѣтамъ.
На́ морѣ шумно-широкомъ находится островъ, лежащій
Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители Фа́росъ;
Онъ отъ бреговъ на такомъ разстояньи, какое удобно
Въ день съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ корабль пробѣгаетъ.
Пристань находится вѣрная тамъ, изъ которой большія
Въ море выходятъ суда, запасённыя темной водою.
Двадцать тамъ дней я промедлилъ по волѣ боговъ и ни разу
Съ берега мнѣ не подулъ благосклонный отплытію вѣтеръ,
Спутникъ желанный пловцамъ по хребту многоводнаго моря.
Мы ужъ истратили всѣ путевые запасы и люди
Бодрость теряли, какъ, сжалясь надъ ними, спасла насъ богиня,
Хитраго старца морского цвѣтущая дочь Идоѳея.
Сердцемъ она преклонилась ко мнѣ, повстрѣчавшись со мною,
Шедшимъ печально стезей одинокой, товарищей бросивъ:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Остросогбенными крючьями удили—голодъ терзалъ ихъ.
Съ ласковымъ видомъ ко мнѣ подошедши, сказала богиня:
—Что же ты, странникъ? Дитя ль неразумное? Сердцемъ ли робокъ?
Лѣнь ли тобой овладѣла? Иль самъ ты своимъ веселишься
Горемъ, что долго такъ медлишь на островѣ нашемъ, не зная,
Что предпринять и спутниковъ всѣхъ повергая въ унылость?
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду тебѣ я открою:
Нехотя здѣсь я въ бездѣйствіи медлю; быть-можетъ, нанесъ я
Чѣмъ оскорбленье богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Ты же скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, могучіе боги),
Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный
Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?
Такъ вопросилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:—
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Здѣсь пребываетъ издавна морской прорицательный старецъ,
Равный безсмертнымъ—Протей, египтянинъ, извѣдавшій моря
Всѣ глубины и царя Посидона державѣ подвластный;
Онъ, говорятъ, мой отецъ, отъ котораго я родилася.
Если бъ какое ты средство нашелъ овладѣть имъ внезапно,
Все бъ онъ открылъ: и дорогу, и дологъ ли путь, и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?
Если жъ захочешь, божественный скажетъ тебѣ и о томъ онъ,
Что у тебя и худого и добраго дома случилось
Съ тѣхъ поръ, какъ странствуешь ты по морямъ безпріютно-пустыннымъ.
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
—Насъ ты сама научи овладѣть хитромысленнымъ старцемъ.
Такъ, чтобъ не могъ напередъ онъ намѣренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолѣть человѣку могучаго бога.
Такъ говорилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:—
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Здѣсь ежедневно, лишь Ге́ліосъ неба пройдетъ половину,

Въ вѣяньи вѣтра, съ великимъ волненіемъ темныя влаги,
Водъ глубину покидаетъ морской проницательный старецъ;
Вышедъ изъ волнъ, отдыхать онъ ложится въ пещерѣ глубокой;
Вкругъ тюлени хвостоногіе, дѣти младой Алозидны,
Стаей ложатся и спятъ, и, покрытые тиной соленой,
Смрадъ отвратительный моря на всю разливаютъ окрестность.
Только-что явится Эосъ, я мѣсто найду, гдѣ удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищамъ сильнымъ
Тремъ повели за собою прійти съ кораблей крутобокихъ.
Я же тебѣ разскажу о волшебствахъ коварнаго старца:
Прежде всего тюленей онъ считать и осматривать станетъ;
Ихъ осмотрѣвъ и сочтя по пяти, напослѣдокъ, и самъ онъ
Ляжетъ межъ ними, какъ пастырь межъ стада, и въ сонъ погрузится.
Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ погрузился онъ, силы
Всѣ соберите, и имъ овладѣйте; жестоко начнетъ онъ
Биться и рваться—изъ рукъ вы его не пускайте; тогда онъ
Разные виды начнетъ принимать и являться вамъ станетъ
Всѣмъ, что ползетъ по землѣ, и водою, и пламенемъ жгучимъ;
Вы жъ, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ сильнѣе держите.
Но, какъ скоро тебѣ человѣческій голосъ подастъ онъ,
Снова принявши тотъ образъ, въ какомъ онъ заснулъ—вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой изъ боговъ раздраженъ и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?—
Кончивъ, она погрузилась въ морское глубокое лоно.
Я же пошелъ къ кораблямъ, на пескѣ неподвижно стоявшимъ,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный
Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу
Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами багряными Эосъ;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному брегу, съ молитвой
Прежде колѣна склонивъ предъ богами, пошелъ я; со мною
Были три спутника сильныхъ, на всякое дѣло отважныхъ.
Тою порой, погрузившись въ глубокое море, четыре
Кожи тюленьи изъ водъ принесла намъ богиня; недавно
Содраны были онѣ. Чтобъ отца обмануть, на песчаномъ
Берегѣ ямы она приготовила намъ и сидѣла,
Насъ ожидая. Немедля всѣ четверо къ ней подошли мы.
Въ ямы уклавши и кожами сверху покрывъ насъ, богиня
Тамъ повелѣла намъ ждать, притаясь; нестерпимо насъ мучилъ
Смрадъ тюленей, напитавшихся горечью влаги соленой—
Сносно ль межъ чудами моря живому лежать человѣку?
Но Идоѳея бѣдѣ помогла и страданіе наше
Кончила, ноздри амврозіей намъ благовонной помазавъ:
Былъ во мгновеніе запахъ чудовищъ морскихъ уничтоженъ.
Цѣлое утро съ мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли изъ водъ, наконецъ, тюлени и рядами
Другъ подлѣ друга вдоль шумнаго берега всѣ улеглися.
Въ полдень же съ моря поднялся и старецъ. Своихъ тюленей онъ
Жирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ, и началъ считать ихъ и первыхъ
Счелъ межъ своими подводными чудами насъ, не проникнувъ
Тайнаго кова; и самъ напослѣдокъ межъ ними улегся.
Кинувшись съ крикомъ на соннаго, сильной рукою всѣ вмѣстѣ
Мы обхватили его; но старикъ не забылъ чародѣйства;
Вдругъ онъ въ свирѣпаго съ гривой огромною льва обратился,
Послѣ предсталъ намъ дракономъ, пантерою, вепремъ великимъ,
Быстротекучей водою и деревомъ густовершиннымъ;
Мы, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ упорнѣй держали.
Онъ, напослѣдокъ, увидя, что всѣ чародѣйства напрасны,
Сдѣлался тихъ, и ко мнѣ, наконецъ, обратился съ вопросомъ:

—Кто изъ безсмертныхъ тебѣ указалъ, Менелай благородный,
Средство обманомъ меня пересилить? Чего ты желаешь?—
Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:—
Старецъ, тебѣ ужъ извѣстно (зачѣмъ притворяться?), что медлю
Здѣсь я давно поневолѣ, не зная, на что мнѣ рѣшиться,
Сердцемъ тревожась и спутниковъ всѣхъ повергая въ унылость.
Лучше скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, могучіе боги),
Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный
Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?—
Такъ у него я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
— Долженъ бы Зевсу владыкѣ и прочимъ богамъ экатомбу
Ты, съ кораблями пускаяся въ путь, совершить, чтобъ скорѣе,
Темное море измѣривъ, въ отчизну свою возвратиться.
Знай, что тебѣ суждено не видать ни возлюбленныхъ ближнихъ
Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ, ни желаннаго края отчизны
Прежде, пока ты къ бѣгущему съ неба потоку Египту
Вновь не придешь и обѣщанной тамъ не свершишь экатомбы
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Иначе боги увидѣть отчизну тебѣ не дозволятъ.—
Такъ онъ сказалъ и во мнѣ растерзалося милое сердце:
Было мнѣ страшно, предавшись тревогамъ туманнаго моря,
Вновь продолжительно труднымъ путемъ возвращаться въ Египетъ.
Такъ напослѣдокъ отвѣтствуя, хитрому старцу сказалъ я:
—Что повелѣлъ ты, божественный старецъ, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего отъ меня не скрывая:
Всѣ ль въ корабляхъ невредимо ахейцы, съ которыми въ Троѣ
Мы разлучилися, Несторъ и я, возвратились въ отчизну?
Кто злополучный изъ нихъ на дорогѣ погибъ съ кораблями?
Кто на рукахъ у друзей, перенесши тревоги, скончался?—
Такъ я спросилъ у него и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
—Царь Менелай! не къ добру ты меня вопрошаешь, и лучше бъ
Было тебѣ и не знать и меня не разспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всемъ разскажу я подробно.
Многихъ ужъ нѣтъ; но и живы осталися многіе; двумъ лишь
Только вождямъ мѣднолатныхъ аргивянъ домой возвратиться
Смерть запретила (кто палъ на сраженьи, то вѣдаешь самъ ты);
Третій живой средь пустыннаго моря въ неволѣ крушится.
Съ длинновесéльными въ бурю морскую погибъ кораблями
Сынъ Оилéевъ, Аяксъ; Посидонъ ихъ къ великой Гирейской
Бросилъ скалѣ; самого же Аякса изъ водъ онъ исторгнулъ;
Спасся бъ отъ гибели онъ вопреки раздраженной Аѳинѣ,
Если бъ въ безумствѣ изречь не дерзнулъ святотатнаго слова:
Онъ похвалился, что противъ боговъ избѣжитъ потопленья.
Дерзкое слово царемъ Посидономъ услышано было;
Сильной рукой онъ во гнѣвѣ схватилъ свой ужасный трезубецъ,
Имъ по Гирейской ударилъ скалѣ и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками разсыпавшись въ море, другая
Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней святотатнымъ Аяксомъ;
Съ нею и онъ погрузился въ широкошумящее море;
Такъ онъ погибъ, злополучный, упившись соленою влагой.
Братъ твой сначала судьбы избѣжалъ: невредимо ко брегу
Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный владычицей Ирой,
Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ утесовъ Маллеи
Былъ онъ, внезапно воздвигнулась буря и рыбообильнымъ
Моремъ его, вопіющаго жалобно, къ крайнимъ предѣламъ
Области бросило той, гдѣ Ѳіестъ обиталъ, и гдѣ послѣ
Царское было жилище Ѳіестова сына Эгиста.
Скоро однако опять успокоилось море, и боги
Вѣтеръ попутный имъ дали: въ отечество ихъ проводилъ онъ.
Радостно вождь Агамéмнонъ ступилъ на родительскій берегъ.
Сталъ цѣловать онъ отечество милое; снова увидя

Землю желанную, пролилъ обильно онъ теплыя слезы.
Но издалёка съ подзорной стоянки увидѣлъ Атрида
Сторожъ, Эгистомъ поставленный (злое замысля, ему онъ
Дать обѣщалъ два таланта); и тамъ наблюдалъ онъ уже цѣлый
Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ врасплохъ, возвратяся внезапно.
Съ вѣстью о немъ роковой побѣжалъ онъ въ жилище Эгиста.
Ковъ смертоносный тогда хитроумный Эгистъ приготовилъ:
Двадцать отважныхъ мужей изъ народа немедля онъ выбравъ,
Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ изобильный;
Взявъ колесницы съ конями, къ царю онъ Атриду навстрѣчу
Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя недоброе въ сердцѣ;
Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ, на веселомъ
Пирѣ его онъ убилъ, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
Люди, съ Атридомъ пришедшіе, всѣ до единаго пали,
Но и Эгистовы съ ними сообщники также погибли.
Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалося милое сердце:
Горько заплакавъ, упалъ я на землю: мнѣ стала противна
Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
Плакалъ, и долго лежалъ на землѣ, безутѣшно рыдая.
Но напослѣдокъ сказалъ мнѣ морской проницательный старецъ:
—Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не долженъ,
Слезы твои ничему не помогутъ; а лучше подумай,
Какъ бы тебѣ самому возвратиться скорѣе въ отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будетъ Орестомъ
Онъ ужъ убитъ, ты тогда подоспѣешь къ его погребенью.—
Такъ онъ сказалъ, ободрился мой духъ и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.
Голосъ возвысивъ, я бросилъ Протею крылатое слово:
—Знаю теперь о двоихъ; объяви же, кто третій, который,
Моремъ объятый, живой, говоришь ты, въ неволѣ крушится?
Или ужъ нѣтъ и его? Сколь ни горько, но слушать готовъ я.—
Такъ я Протея спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
—Это Лаэртовъ божественный сынъ, обладатель Итаки.
Видѣлъ его я на островѣ, льющаго слезы обильно
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоконномъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь
Посланъ богами—туда, гдѣ живетъ Радамантъ златовласый
(Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка,
Гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ;
Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ),
Ибо супругъ ты Елены и зять громовержца Зевеса.—
Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.
Я же съ друзьями отважными вновь къ кораблямъ возвратился,
Многими, сердце мое взволновавшими, мыслями полный;
Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу
Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила:
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Сдвинули съ берега мы корабли на священное море;
Мачты поднявъ и развивъ паруса, на судахъ собралися
Всѣ мореходные люди и, сѣвши у веселъ на лавкахъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Снова направилъ къ бѣгущему съ неба потоку Египту
Я корабли, и успѣшно на брегѣ его совершилъ экатомбу;

Послѣ жъ, когда примирилъ я боговъ, совершивъ экатомбу,
Холмъ гробовой Агаме́мному брату на вѣчную память
Тамъ я насыпалъ; и поплыли мы, и послали попутный
Вѣтеръ намъ боги; въ отечество милое насъ проводилъ онъ.
Ты жъ, Телемакъ, у меня погостишь и отсель не поѣдешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать;
Послѣ тебя отпущу съ дорогими подарками; дамъ я
Трехъ быстроногихъ коней съ колесницей блестящей и съ ними
Рѣдкой работы кувшинъ, изъ котораго будешь вседневно
Ты, поминая меня, предъ богами творить возліянье.—
Царь Менелай, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмѣрно;
Здѣсь у тебя я съ великою радостью могъ бы и цѣлый
Годъ провести, не подумавъ въ отчизну къ роднымъ возвратиться,
Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи плѣняютъ
Душу мою; но сопутники въ Пилосѣ ждутъ съ нетерпѣньемъ
Нынѣ меня; ты жъ напротивъ желаешь, чтобъ здѣсь я промедлилъ.
Дай мнѣ въ подарокъ такое, что могъ бы удобно хранить я
Дома; коней же въ Итаку мнѣ взять невозможно: оставь ихъ
Здѣсь утѣшеньемъ себѣ самому; ты владѣешь землею
Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и лотосъ и галгантъ
Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣтущимъ ячменемъ.
Мы жъ нé широкихъ полей, ни луговъ не имѣемъ въ Итакѣ;
Горныя пажити наши для козъ, не для ко́ней привольны;
Рѣдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ пріютенъ
Островъ, объятый волнами; Итака же менѣе прочихъ.—
Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вызыватель въ сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказалъ онъ:
—Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя благородна порода,
Сынъ мой; но вмѣсто коней я могу подарить и другое,
Это легко мнѣ; изъ многихъ сокровищъ, которыми домъ мой
Полонъ, я самое рѣдкое, лучшее выберу нынѣ;
Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся изъ серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
Царь сидо́нянъ въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну,
Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Въ домѣ царя собралися тѣмъ временемъ званые гости,
Козъ и овецъ приведя и вина дорогого принесши
(Хлѣбъ же прислали ихъ жены, ходящія въ свѣтлыхъ повязкахъ).
Такъ все готовилось къ пиру въ высокихъ палатахъ Атрида.
Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ буйныя игры.
Но Антиной съ Эвримахомъ прекраснымъ сидѣли особо,
Прочихъ вожди, передъ всѣми отличные мужеской силой.
Фро́ніевъ сынъ Ноэмо́нъ, подошедъ къ нимъ, сидѣвшимъ особо,
Слово такое сказалъ, обратясь къ Антиною съ вопросомъ:
—Можетъ ли кто мнѣ изъ васъ, Антиной, объявить, иль не можетъ,
Скоро ль назадъ Телемакъ изъ песчанаго Пилоса будетъ?
Взять у меня имъ корабль — самому мнѣ онъ надобенъ нынѣ:
Плыть мнѣ въ Элиду широкополяную нужно: двѣнадцать
Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лошаковъ работящихъ;
Дикіе всѣ; я хотѣлъ бы поймать одного, чтобъ объѣздить.—
Такъ онъ сказалъ; женихи изумились; войти не могло имъ
Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Нелеевомъ Пилосѣ; мнили напротивъ
Всѣ, что ушелъ онъ иль въ поле къ стадамъ иль къ своимъ свинопасамъ.
Строго тогда Антиной, сынъ Эвпейтовъ спросилъ Ноэмона:
—Все объяви намъ по правдѣ: когда онъ уѣхалъ? Какіе

Были съ нимъ люди? Свободные ль, взятые имъ изъ народа?
Или наемники? Или рабы? Какъ успѣлъ онъ то сдѣлать?
Также скажи откровенно, чтобъ истину вѣдать могли мы:
Силою ль взялъ у тебя онъ корабль быстроходный, иль самъ ты
Отдалъ его произвольно, какъ скоро о томъ попросилъ онъ?—
Фроніевъ сынъ Ноэмонъ, отвѣчая, сказалъ Антиною:
—Отдалъ я самъ произвольно, и всякій другой поступилъ бы
Такъ же, когда бы къ нему обратился такой огорченный
Съ просьбою мужъ—ни одинъ бы ему отказать не помыслилъ.
Люди жъ, имъ взятые, всѣ молодые, изъ самыхъ отличныхъ
Выбраны гражданъ; и ихъ предводителемъ былъ, я замѣтилъ,
Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, облекшійся въ Менторовъ образъ:
Ибо я былъ изумленъ несказанно—божественный Менторъ
Встрѣтился здѣсь мнѣ вчера, хоть и сѣлъ на корабль онъ съ другими.—
Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ родителю въ домъ возвратиться.
Но Антиной съ Эвримахомъ исполнены были тревоги;
Бросивъ игру, женихи собралися и сѣли кругомъ ихъ.
Къ нимъ обратяся, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ, кипящій
Гнѣвомъ—и грудь у него подымалась, тѣснимая черной
Злобой, и очи его, какъ огонь пламенѣющій, рдѣли:
—Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло пустившись
Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали:
Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда ушелъ самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнѣйшихъ взявъ изъ народа.
Будетъ впередъ намъ и зло и бѣда отъ него. Но погибни
Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!
Вы жъ мнѣ корабль съ двадцатью снарядите гребцами, чтобъ могъ я,
Въ море за нимъ устремившись, его на возвратной дорогѣ
Между Итакой и Замомъ крутымъ подстеречь, чтобъ въ погибель
Плаванье вслѣдъ за отцомъ для него самого обратилось.—
Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе.
Вставши всѣ вмѣстѣ, они возвратилися въ домъ Одиссеевъ;
Но Пенелопа недолго въ незнаньи осталась о хитромъ
Буйныхъ ея жениховъ заговорѣ на жизнь Телемака;
Все ей Медонтъ, благородный глашатай, открылъ; недалёко
Былъ онъ, когда совѣщались они, и подслушалъ ихъ рѣчи.
Съ вѣстью немедленно онъ по дворцу побѣжалъ къ Пенелопѣ.
Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила;
—Съ чѣмъ ты, Медонтъ, женихами сюда благородными присланъ?
Съ тѣмъ ли, чтобъ мнѣ объявить, что рабынямъ царя Одиссея
Должно, оставивъ работы, обѣдъ имъ скорѣй приготовить?
О! когда бы они отъ меня отступились! Когда бы
Это ихъ пиршество было послѣднимъ въ обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящіе жадно
Все достояніе въ немъ Телемаково, или ни разу
Въ дѣтскихъ вамъ лѣтахъ отъ вашихъ разумныхъ отцовъ не случалось
Слышать, каковъ Одиссей былъ въ своемъ обхожденіи съ ними,
Какъ никому не нанесъ онъ, ни словомъ, ни дѣломъ, обиды
Въ цѣломъ народѣ; хотя многосильнымъ царямъ и обычно
Тѣхъ изъ людей земнородныхъ любить, а другихъ ненавидѣть,
Но отъ него не видалъ оскорбленья никто изъ живущихъ.
Здѣсь же лишь ваше безстыдство, лишь буйные ваши поступки
Видны; а быть за добро благодарными вамъ неумѣстно.—
Умныя мысли имѣя, Медонтъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
—О царица, когда бы лишь въ этомъ все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснѣйшей намъ угрожаютъ
Нынѣ бѣдой—да успѣха не дастъ имъ Зевесъ громовержецъ!
Острымъ мечомъ замышляютъ они умертвить Телемака,
Выждавъ его на возвратномъ пути: о родителѣ свѣдать
Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лакедёмонъ.—
Такъ онъ сказалъ; задрожали колѣна и сердце у бѣдной

Матери; долго была безсловесна она и слезами
Очи ея затмевались и ей не покорствовалъ голосъ.
Съ духомъ собравшись, она, наконецъ, отвѣчая, сказала:
—Что удалиться, Медонтъ, побудило дитя мое? Нужно ль
Было ввѣряться ему кораблямъ, водяными конями
Быстро носящимъ людей мореходныхъ по влагѣ пространной?
Иль захотѣлъ онъ, чтобъ въ людяхъ и имя его истребилось?—
Выслушавъ слово ея, благородный Медонтъ отвѣчалъ ей:
—Мнѣ неизвѣстно, внушенью ль онъ бога послѣдовалъ, самъ ли
Въ сердцѣ отплытіе въ Пилосъ замыслилъ, чтобъ свѣдать, въ какую
Землю родитель судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ.—
Кончивъ, разумный Медонтъ удалился изъ царскаго дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Долѣ на стулѣ она не могла; хоть и много ихъ было
Въ свѣтлыхъ покояхъ ея, но она на порогѣ сидѣла,
Жалобно плача. Съ рыданіемъ къ ней собралися рабыни,
Сколько ихъ ни было въ царскомъ жилищѣ и юныхъ и старыхъ.
Сильно скорбя посреди ихъ, сказала имъ такъ Пенелопа:
—Слушайте, милыя; далъ мнѣ печали Зевесъ Олимпіецъ
Болѣе всѣхъ, на землѣ современно со мною рожденныхъ;
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ,
Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,
Столь преисполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ.
Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною; безславно умчали
Бури отсюда его, и о томъ я не свѣдала прежде;
О вы, безумныя, какъ ни одной, ни одной не пришло вамъ
Во-время мысли—меня разбудить? А, конечно, ужъ знали
Всѣ вы, что онъ собрался въ кораблѣ удалиться отсюда.
О! для чего не сказалъ мнѣ никто, что отплыть онъ замыслилъ!
Или тогда бъ, отложивши отъѣздъ, онъ остался со мною,
Или сама бы осталася мертвою въ этомъ жилищѣ.
Но позовите скорѣе ко мнѣ старика Доліона,
Вѣрный слуга онъ; въ приданое данъ мнѣ отцомъ и усердно
Смотритъ за садомъ моимъ плодоноснымъ. Къ Лаэрту немедля
Долженъ пойти онъ и, сѣвъ близъ него, о случившемся нынѣ
Старцу сказать; и Лаэртъ, все разумно обдумавъ, быть-можетъ,
Съ плачемъ предстанетъ народу, который губить допускаетъ
Внука его, Одиссеева богоподобнаго сына.—
Тутъ Эвриклея, усердная няня, сказала царицѣ:—
Свѣтъ нашъ, царица, казнить ли меня безпощадною мѣдью
Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.
Было извѣстно мнѣ все; по его повелѣнью дала я
Хлѣбъ и вино на дорогу; съ меня же великую клятву
Взялъ онъ: молчать двѣнадцать дней иль пока ты не спросишь,
Гдѣ онъ, сама, иль другой кто отъѣзда его не откроетъ.
Свѣжесть лица твоего, онъ боялся, отъ плача поблекнетъ.
Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пойди и молитву
Тамъ сотвори передъ дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, онъ будетъ спасенъ отъ грозящія смерти.
Но не печаль старика, ужъ печальнаго; вѣчные боги,
Думаю я, не совсѣмъ отвратились еще отъ потомковъ
Аркезіада; и родъ ихъ всегда обладателемъ будетъ
Царскаго дома и нивъ и полей плодоносныхъ въ Итакѣ.—
Такъ Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгласила къ Аѳинѣ:—
Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Аѳина,
Если когда Одиссей благородный въ семъ домѣ обильно
Тучныя бедра быковъ и овецъ сожигалъ предъ тобою,
Вспомни объ этомъ теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моихъ жениховъ и злонамѣренныхъ нынѣ разрушивъ.—

Такъ помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли.
Такъ говорили иные изъ нихъ, безразсудно надменныхъ:—
Вѣрно, теперь многославная наша царица готовитъ
Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ насъ приготовлено сыну.—
Такъ говорили они, не предвидя того, что́ и всѣмъ имъ
Было готово. Созвавъ ихъ, сказалъ Антиной, негодуя:—
Буйные люди, совѣтую вамъ отъ такихъ неразумныхъ
Словъ воздержаться, чтобъ кто-нибудь здѣсь разгласить ихъ не вздумалъ.
Лучше, отсель удалися въ молчаньи, исполнимъ на дѣлѣ
То, что теперь на совѣтѣ согласномъ своемъ положили.—
Выбравъ отважнѣйшихъ двадцать мужей изъ народа, поспѣшно
Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, стоявшимъ на брегѣ песчаномъ.
Сдвинувъ съ песчанаго брега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на немъ, всѣ уладили снасти,
Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса натянули. Когда же
Смѣлые слуги съ оружіемъ ихъ собралися, всѣ вмѣстѣ,
Сѣвъ на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они въ ожиданьи пришествія ночи.
Тою порою въ высокомъ покоѣ своемъ Пенелопа
Грустно лежала одна, ни ѣды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о томъ лишь тревожась, спасется ли сынъ безпорочный,
Или погибнетъ, сраженный рукою убійцъ вѣроломныхъ?
Словно какъ левъ, окружаемый мало-по-малу стрѣлками,
Съ трепетомъ видитъ, что скоро ихъ цѣпью онъ будетъ обхваченъ.
Такъ отъ своихъ размышленій она трепетала. Но мирный
Сонъ прилетѣлъ, и ее улелѣялъ, и все въ ней утихло.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
Призракъ она сотворила, имѣвшій наружность прекрасной
Дочери старца Икарія, свѣтлой Ифтимы, съ которой
Царь Ѳессалійскія Феры, могучій Эвмелъ, сочетался.
Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ призракъ Аѳина, дабы онъ
Тамъ, подошедъ къ погруженной въ печаль, Пенелопѣ, ей слезы
Легкой рукою отеръ и ея утолилъ сокрушенье.
Въ спальню проникнулъ, ремня у задвижки не тронувъ, безплотный
Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ея головою, промолвилъ:—
Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскуетъ ли милое сердце?
Боги, живущіе легкою жизнью, тебѣ запрещаютъ
Плакать и сѣтовать; твой Телемакъ невредимъ возвратится
Скоро къ тебѣ; онъ боговъ никакой не прогнѣвалъ виною.—
Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала,
Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ вратахъ сновидѣній:—
Другъ мой, сестра, какъ пришла ты сюда? Ты донынѣ такъ рѣдко
Насъ посѣщала, въ далекомъ отсюда краю обитая.
Какъ же ты хочешь, чтобъ я перестала скорбѣть и крушиться,
Горе, объявшее духъ мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ,
Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,
Столь преисполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ;
Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мной: онъ отважился въ море,
Отрокъ, нужды не видавшій, съ людьми говорить не обыкшій.
Болѣ о немъ я крушуся теперь, чѣмъ о бѣдномъ супругѣ;
Сердце дрожитъ за него, чтобъ бѣды съ нимъ какой не случилось
На морѣ зломъ иль въ чужой сторонѣ у чужого народа?
Здѣсь же враждебные люди его стерегутъ, приготовивъ
Въ мысляхъ погибель ему на возвратной дорогѣ въ отчизну.—
Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:—
Будь же спокойна и сердца не мучь, безразсудно тревожась.
Спутница есть у него и такая, которой бы всякій

Смертный съ надеждой ввѣрилъ себя—для нея все возможно—
Дочь громовержца Аѳина сама. О тебѣ сожалѣя,
Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ велѣла богиня.—
Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала:—
Если ты вправду богиня и слышала голосъ богини,
То, умоляю, открой и его мнѣ печальную участь.
Гдѣ онъ, злосчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало, и въ область Аида сошелъ онъ?—
Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:—
Я ничего не могу объявить о судьбѣ Одиссея;
Живъ ли, погибъ ли, сказать мнѣ нельзя; пусторѣчіе вредно.—
Призракъ тогда, сквозь замочную скважину двери провѣявъ
Воздухомъ легкимъ, пропалъ. Пробудяся отъ сна, Пенелопа
Ложе покинула: сердцемъ она ожила, поелику
Явно въ глубокую полночь предсталъ ей пророческій образъ.
Тою порой женихи въ кораблѣ водяною дорогой
Шли, неизбѣжную мысленно смерть Телемаку готовя.
Есть на равнинѣ соленаго моря утесистый островъ
Между Итакой и Замомъ гористымъ; его именуютъ
Астеромъ; онъ невеликъ; корабли тамъ пріютная пристань
Съ двухъ береговъ принимаетъ. Тамъ стали на стражѣ ахейцы.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ДО КОНЦА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО.

Совѣтъ боговъ. Они посылаютъ къ нимфѣ Калипсѣ съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія, нужныя для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На осьмнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ эѳіоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Левкотеи покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлые три дня носятъ его бурныя волны; наконецъ, ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ Феакійскаго острова Схеріи.

Эосъ, покинувши рано Титона прекрасное ложе,
На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ.
Боги тогда собрались на великій совѣтъ; предсѣдалъ имъ
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею властію первый.
Стала Аѳина разсказывать имъ о бѣдахъ Одиссея,
Въ сердцѣ тревожася долгой неволей его у Калипсы:—
Зевесъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ теперь ни единый
Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло—
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ добрымъ,
Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный;
Брошенный бурей на островъ, онъ горе великое терпитъ
Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини Калипсы, насильно
Имъ овладѣвшей, и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Нынѣ жъ враги и младого хотятъ умертвить Телемака,
Въ морѣ внезапно напавъ на него: о родителѣ свѣдать
Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лакедемонъ.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:—
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубитъ
Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей? Телемака жъ
Ты проводи осторожно сама—то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо онъ въ милую землю отцовъ возвратится;
Пусть и они, не свершивъ злодѣянья, прибудутъ въ Итаку.—
Такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Эрмію, милому сыну:—
Эрмій, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ прекраснокудрявой
Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидѣть
Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоянному; путь свой
Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ помощи смертныхъ;

Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣчавши опаснаго много,
Въ день двадцатый достигнетъ онъ берега Схеріи тучной,
Гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы; и будетъ
Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почесть.
Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ ихъ отплывъ, онъ въ подарокъ
Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоцѣнныхъ получитъ
Много, столь много, что даже изъ Трои подобной добычи
Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно могъ возвратиться.
Такъ, напослѣдокъ, по волѣ судьбы онъ возлюбленныхъ ближнихъ,
Землю отцовъ и богато украшенный домъ свой увидитъ.—
Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣстникъ, Аргусоубійца.
Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы,
Амврозіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ
Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ,
Взялъ онъ и жезлъ свой, по волѣ его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у спящихъ.
Въ путь устремился съ жезломъ многосильный убійца Аргуса.
Скоро, достигнувъ Піеріи, къ морю съ эѳира слетѣлъ онъ;
Быстро помчался потомъ по волнамъ рыболовомъ крылатымъ,
Жадно хватающимъ рыбъ изъ отверстаго бурею нѣдра
Бездны безплодносоленой, купая въ ней сильныя крылья.
Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ пучиною, Эрмій
Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнулъ.
Съ зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ свѣтлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самоё тамъ увидѣлъ.
Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ, и весь островъ
Былъ накурёнъ благовоніемъ кедра и дерева жизни,
Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня
Пѣла, сидя̀ съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ея окружали
Тополи, ольхи и сладкій льющіе духъ кипарисы;
Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздилися тамъ длиннокрылыя птицы—
Копчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая;
Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,
Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли;
Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
Близко одинъ отъ другого, туда и сюда извиваясь;
Вкругъ зеленѣли густые луга и фіалокъ и злаковъ
Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто зашелъ и безсмертный
Богъ—изумился бъ, и радость въ его бы проникнула сердце,
Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ, сразитель Аргуса;
Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и радостью сердца,
Въ гротъ онъ глубокій вступилъ напослѣдокъ; и съ перваго взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы другъ-другу не могутъ безсмертные боги,
Даже когда бъ и великое ихъ разлучало пространство).
Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрмій не встрѣтилъ;
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакалъ;
Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ,
Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море.
Эрмія сѣсть приглася на богато украшенныхъ креслахъ,
Нимфа, богиня богинь, у него съ любопытствомъ спросила:—
Эрмій, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У меня никогда не бывалъ ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты долженъ принять отъ меня угощенье,—
Съ сими словами богиня, поставивши столъ передъ гостемъ,

Съ сладкой амврозіей нектаръ ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусилъ благовѣстникъ, убійца Аргуса.
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словомъ такимъ онъ отвѣтствовалъ нимфѣ прекраснокудрявой:—
Знать отъ меня ты—отъ бога богиня—желаешь, зачѣмъ я
Здѣсь? Объявлю все поистинѣ, волю твою исполняя.
Посланъ Зевесомъ; не самъ произвольно сюда прилетѣлъ я —
Кто произвольно захочетъ измѣрить безплоднаго моря
Степь несказанную, гдѣ не увидишь жилищъ человѣка,
Жертвами чтущаго насъ, приносящаго намъ экатомбы?
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ
Между боговъ ни одинъ отъ себя отклонить, ни нарушить.
Вѣдомо Дію, что скрытъ у тебя злополучнѣйшій самый
Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сражавшихся девять
Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспровергнувъ, отплывшихъ въ отчизну;
Но при отплытіи дерзко они раздражили Аѳину:
Бури послала на нихъ и великія волны богиня,
Онъ же, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напослѣдокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.
Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ немедля тобою отосланъ;
Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны;
Воля напротивъ судьбы, чтобъ возлюбленныхъ ближнихъ родную
Землю и свѣтлоустроенный домъ свой опять онъ увидѣлъ.—
Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:—
Боги ревнивые, сколь вы безжалостно къ намъ непреклонны!
Васъ раздражаетъ, когда мы, богини, пріемлемъ на ложе
Смертнаго мужа, и намъ онъ становится милымъ супругомъ.
Такъ Оріонъ свѣтоносною Эосъ былъ нѣкогда избранъ;
Гнали его вы, живущіе легкою жизнію боги,
Гнали до тѣхъ поръ, пока златотронныя онъ Артемиды
Тихой стрѣлою въ Ортигіи не былъ внезапно застрѣленъ.
Такъ Язіонъ былъ прекраснокудрявый Димитрою избранъ;
Сердцемъ его возлюбя, раздѣлила съ нимъ ложе богиня
На полѣ, три раза вспаханномъ; скоро о томъ извѣщенъ былъ
Зевсъ и его умертвилъ онъ, низринувши пламенный громъ свой.
Нынѣ и я васъ прогнѣвала, боги, давъ смертному мужу
Помощь, когда, обхвативъ корабельную доску, въ волнахъ онъ
Гибнулъ—корабль же его быстроходный былъ пламеннымъ громомъ
Зевса разбитъ посреди безпредѣльно пустыннаго моря:
Такъ онъ, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напослѣдокъ,
Схваченный бурей сюда былъ волнами великими брошенъ.
Здѣсь пріютивши его и заботясь о немъ, я хотѣла
Милому дать и безсмертье и вѣчно цвѣтущую младость.
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ
Между боговъ ни одинъ отклонить отъ себя, ни нарушить;
Пусть онъ—когда ужъ того такъ упорно желаетъ Кроніонъ—
Морю невѣрному снова предастся; помочь я не въ силахъ;
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Дать лишь совѣтъ осторожный властна я, дабы онъ отсюда
Могъ безпрепятственно въ милую землю отцовъ возвратиться.—
Ей отвѣчая, сказалъ благовѣстникъ, убійца Аргуса:—
Волю Зевеса уваживъ, немедля его отошли ты,
Иль, боговъ раздраживъ, на себя навлечешь наказанье.—
Такъ отвѣчавъ, удалился безсмертныхъ крылатый посланникъ.
Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею, могучему мужу,
Волю Зевеса принявши изъ устъ благовѣстнаго бога.
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и очи
Были въ слезахъ; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по отчизнѣ; и хладный
Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи свои онъ дѣлилъ принужденно
Въ гротѣ глубокомъ, желанью ея непокорный желаньемъ.
Дни же свои проводилъ онъ, сидя на прибрежномъ утесѣ.

Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая, и очи,
Полныя слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго моря.
Близко къ нему подошедши, сказала могучая нимфа:
—Слезы отри, злополучный, и болѣ не трать въ сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Брёвенъ большихъ нарубивъ топоромъ мѣдно-острымъ и въ крѣпкій
Плотъ ихъ связавъ, по краямъ утверди ты перила на толстыхъ
Брусьяхъ, чтобъ по морю темному плыть безопаснѣе было.
Хлѣбомъ, водой и виномъ пурпуро́вымъ снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтобъ и голодъ и жажду легко ты
Могъ утолять; и одежды я дамъ; и пошлю за тобою
Вѣтеръ попутный, чтобъ милой отчизны своей ты достигнулъ,
Если угодно богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ—
Мнѣ же ни разумомъ съ ними, ни властью равняться не можно.—
Такъ говорила она. Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, содрогнулся;
Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинѣ крылатое слово:
—Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто иное, богиня;
Какъ же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшнаго, бурнаго моря, когда и корабль быстроходный
Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зевесовымъ вѣтромъ попутнымъ?
Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я на плотъ ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы, что мнѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.—
Такъ говорилъ онъ. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвѣчала:
—Правду сказать—ты хитрецъ, и чрезмѣрно твой умъ остороженъ;
Странное слово, однако, отвѣтствуя мнѣ, произнесъ ты.
Но клянусь и землей плодоносной, и небомъ великимъ,
Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могутъ изречь безъ боязни,
Въ томъ, что тебѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.
Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя избрала бы,
Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, затрудненьи великомъ;
Правда святая и мнѣ дорога; не желѣзное, вѣрь мнѣ,
Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное сердце.—
Кончивъ, богиня богинь впереди Одиссея поспѣшнымъ
Шагомъ пошла, и поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
Съ нею (съ безсмертною смертный) достигнувъ глубокаго грота,
Сѣлъ Одиссей на богатыхъ, оставленныхъ Эрміемъ, креслахъ.
Нимфа Калипсо, ему для ѣды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Мѣсто напротивъ его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амврозіи подали съ нектаромъ сладкимъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомой пищѣ,
Послѣ жъ, когда утоленъ былъ ихъ голодъ питьемъ и ѣдою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
—О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Въ милую землю отцовъ, наконецъ, предпріявъ возвратиться,
Хочешь немедля меня ты покинуть—прости! но когда бы
Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какія судьба назначаетъ
Злыя тревоги тебѣ испытать до прибытія въ домъ свой,
Ты бы остался со мною въ моемъ безмятежномъ жилищѣ.
Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но сердцемъ ты жаждешь свиданья
Съ вѣрной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройнымъ
Станомъ не хуже ея; да и могутъ ли смертныя жены
Съ нами, богинями, спорить своею земной красотою?—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
—Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ гнѣва меня; я довольно
Знаю и самъ, что не нужно съ тобой Пенелопѣ разумной,
Смертной женѣ съ вѣчно-юной безсмертной богиней, ни стройнымъ

Станомъ своимъ, ни лица своего красотою равняться;
Все я, однако, всечасно крушась и печалясь, желаю
Домъ свой увидѣть и сладостный день возвращенія встрѣтить;
Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ потопленіе въ темной
Безднѣ, я выдержу то отвердѣлою въ бѣдствіяхъ грудью:
Много встрѣчалъ я напастей, немало трудовъ перенесъ я
Въ морѣ и въ битвахъ, пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно

Дію.—Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце зашло и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Тамъ насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Всталъ Одиссей и поспѣшно облекся въ хитонъ и хламиду.
Свѣтлосеребряной ризой изъ тонко воздушныя ткани
Плечи одѣла богиня свои, золотымъ драгоцѣннымъ
Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.
Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ дорогу;
Выбрала прежде топоръ, по рукѣ ему сдѣланный, крѣпкій,
Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насаженный плотно,
Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ
Вмѣстѣ во внутренность острова: множество тамъ находилось
Тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ,
Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для плаванья легкихъ.
Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая роща,
Въ гротъ свой глубокій Калипсо богиня богинь возвратилась.
Началъ рубить онъ деревья и скоро окончилъ работу;
Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, ихъ острою мѣдью
Выскоблилъ гладко, потомъ уровнялъ по шнуру обтесавши.
Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась.
Началъ буравить онъ брусья и, всѣ пробуравивъ, сплотилъ ихъ,

Длинными болтами сшивъ и большими просунувъ шипами;
Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строитъ на прочномъ
Суднѣ, носящемъ товары купцовъ по морямъ безпредѣльнымъ.
Плотными брусьями крѣпкія ребра связавъ, напослѣдокъ
Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя толстыя доски,
Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную райну,
Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плотъ окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ ракитныхъ
Сучьевъ, на дно же различнаго грузу для тяжести бросилъ.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крѣпкой ему принесла. И, устроивши парусъ (къ нему же
Всѣ, чтобъ его развивать и свивать, прикрѣпивши веревки),
Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море.
День совершился четвертый, когда онъ окончилъ работу.
Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Калипсо.
Баней его освѣживъ и душистой облекши одеждой,
Нимфа три мѣха на плотъ принесла: былъ одинъ драгоцѣннымъ
Полонъ напиткомъ, другой ключевою водою, а третій
Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною лакомой пищей.
Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣтеръ попутный.
Радостно парусъ напрягъ Одиссей и, попутному вѣтру
Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кормѣ и могучей рукою
Руль обращая, онъ бодрствовалъ; сонъ на его не спускался
Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ Плеядъ, съ нисходящаго поздно
Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ еще Колесницы
Имя носящей, и близъ Оріона свершающей вѣчно
Кругъ свой, себя никогда не купая въ водахъ океана.
Съ нею богиня богинь повелѣла ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по лѣвую руку.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился онъ въ море;
Вдругъ на осьмнадцатый видимы стали вдали надъ водами
Горы тѣнистой земли феакіянъ, уже недалекой;
Чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ она простиралась.
Въ это мгновенье земли колебатель могучій, покинувъ
Край эѳіопянъ, съ далекихъ Солимскихъ высотъ Одиссея
Въ морѣ увидѣлъ: его онъ узналъ; въ немъ разгнѣвалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнувъ головой, онъ воскликнулъ:
—Дерзкій! неужели боги, пока я въ землѣ эѳіопянъ
Праздновалъ, мнѣ вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достигъ онъ земли феакіянъ, гдѣ встрѣтить напастей,
Свыше ему предназначенныхъ, долженъ конецъ, но еще я
Вдоволь успѣю его, ненавистнаго, горемъ насытить.—
Такъ онъ сказалъ и, великія тучи поднявши, трезубцемъ
Воды взбуравилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ
Вѣтры противные; облако темное вдругъ обложило
Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь.
Разомъ и Эвръ и полуденный Нотъ, и Зефиръ, и могучій,
Свѣтлымъ рожденный Эѳиромъ, Борей взволновали пучину.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
—Горе мнѣ! что претерпѣть, наконецъ, мнѣ назначило небо!
Съ трепетомъ вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мнѣ предсказавъ, что, пока не достигну отчизны, я въ морѣ
Встрѣчу напасти великія: все исполняется нынѣ.—
Страшными тучами вкругъ обложилъ безпредѣльное небо
Зевсъ, и взбуравилъ онъ море, и бурю воздвигъ, отовсюду
Вѣтры противные скликавъ.—Погибель моя наступила.
О! троекратно, стократно счастливы данаи, въ пространной
Троѣ нашедшіе смерть, угождая Атридамъ! И лучше бъ
Было, когда бъ я погибъ и судьбу неизбѣжную встрѣтилъ

Въ день тотъ, какъ множество мѣднокованныхъ копій трояне
Бросили разомъ въ меня надъ бездыханнымъ тѣломъ Пелида;
Съ честью бъ я былъ погребенъ и была бъ отъ ахеянъ мнѣ слава;
Нынѣ жъ судьба мнѣ безславнопечальную смерть посылаетъ...—
Въ это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся надъ его головою; стремительно плотъ закружился;
Схваченный съ палубы въ море упалъ онъ стремглавъ, упустивши
Руль изъ руки; повалилася мачта, сломясь подъ тяжелымъ
Вѣтровъ противныхъ, слетѣвшихся другъ противъ друга, ударомъ;
Въ море далеко снесло и развившійся парусъ и райну.
Долго его глубина поглощала, и силъ не имѣлъ онъ
Выбиться къ верху, давимый напоромъ волны и стѣсненный
Платьемъ, богиней Калипсою даннымъ ему на прощаньи.
Вынырнулъ онъ напослѣдокъ, изъ устъ извергая морскую
Горькую воду, съ его бороды и кудрей изобильнымъ
Токомъ бѣжавшую; въ этой тревогѣ однако онъ вспомнилъ
Плотъ свой; за нимъ по волнамъ погнался, за него ухватился,
Взлѣзъ на него и на палубѣ сѣлъ, избѣжавъ потопленья;
Плотъ же бросали туда и сюда взгроможденныя волны:
Словно какъ шумный осенній Борей по широкой равнинѣ
Носитъ повсюду изсохшій, скатавшійся густо репейникъ,
По̀ морю такъ беззащитное судно повсюду носили
Вѣтры; то быстро Борею его перебрасывалъ Нотъ, то шумящій
Эвръ, имъ играя, его предавалъ произволу Зефира.
Но Одиссея увидѣла Кадмова дочь Левкотея,
Нѣкогда смертная дѣва, привѣтноречивая Ино,
Послѣ богиня, безсмертія честь воспріявшая въ морѣ.
Стало ей жаль Одиссея, свирѣпой гонимаго бурей.
Съ моря ныркомъ легкокрылымъ она поднялася, взлетѣла
Легкимъ полетомъ на твердосколоченный плотъ и сказала:
—Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно
Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ?
Вовсе однако тебя не погубитъ онъ, сколь бы ни тщился.
Самъ на себя положися теперь (ты, я вижу разуменъ);
Скинувши эту одежду, свой плотъ уступи произволу
Вѣтровъ и, бросившись въ волны, руками работая смѣло,
Вплавь до земли феакіянъ достигни: тамъ встрѣтишь спасенье.
Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты одѣнешь
Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ волнахъ потопленья;
Но, лишь окончишь свой путь и къ землѣ прикоснешься рукою,
Снявъ покрывало, немедля его въ многоводное море
Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ, удалися.—
Кончивъ, богиня ему подала съ головы покрывало.
Послѣ, спорхнувъ на шумящее море, она улетѣла
Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина поглотила.
Началъ тогда про-себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
—Горе! не новую ль хитрость замысливъ, желаетъ богиня
Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плотъ мой оставить;
Нѣтъ, я того не исполню; неблизокъ еще, я примѣтилъ,
Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спасеніе будетъ.
Ждать я намѣренъ до тѣхъ поръ, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
Съ бурей сражаясь, по тѣхъ поръ съ него не сойду я.
Но, какъ скоро волненье могучее плотъ мой разрушитъ,
Брошуся вплавь: я иного теперь не придумаю средства.—
Тою порою, какъ онъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
Поднялъ изъ бездны волну Посидонъ, потрясающій землю,
Страшную тяжкую, гороогромную; сильно онъ грянулъ
Ею въ него; какъ отъ быстраго вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругъ разорвавшись,

Такъ отъ волны разорвалися брусья. Одинъ, Одиссеемъ
Пойманный, былъ имъ какъ конь, убѣжавшій на волю, осѣдланъ.
Снявъ на прощаньи богиней Калипсою данное платье,
Грудь онъ немедля свою покрываломъ одѣлъ чудотворнымъ.
Руки простерши и плыть изготовясь, потомъ онъ отважно
Кинулся въ волны. Могучій земли колебатель при этомъ
Видѣ лазурнокудрявой тряхнулъ головой и воскликнулъ:—
По морю бурному плавай теперь на свободѣ; покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примутъ;
Будетъ съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ.—
Такъ онъ сказавши, погналъ длинногривыхъ коней и умчался
Въ Эгію, гдѣ обиталъ въ свѣтлозданныхъ, высокихъ чертогахъ.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
Вѣтрамъ другимъ заградивши дорогу, она повелѣла
Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
Бурно свирѣпствовать; волны жъ сама укрощала, чтобъ въ землю
Вёслолюбивыхъ, угодныхъ богамъ феакіянъ достигнуть
Могъ Одиссей благородный, и смерти и Паркъ избѣжавши.
Такъ онъ два дня и двѣ ночи носимъ былъ повсюду шумящимъ
Моремъ и гибель не разъ неизбѣжной казалась; когда же
Съ третьимъ явилася днемъ лучезарнокудрявая Эосъ,
Вдругъ успокоилась буря и на́ морѣ все просвѣтлѣло
Въ тихомъ безвѣтріи. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро впередъ, невдали предъ собою увидѣлъ онъ землю.
Сколь несказанною радостью дѣтямъ бываетъ спасенье
Жизни отца, пораженнаго тяжкимъ недугомъ, всѣ силы
Въ немъ истребившимъ (понеже злой демонъ къ нему прикоснулся),
Послѣ жъ на радость имъ всѣмъ исцѣленнаго волей безсмертныхъ—
Столь Одиссей былъ обрадованъ брега и лѣса явленьемъ.
Поплылъ быстрѣй онъ, ступить торопяся на твердую землю.
Но, отъ нея на такомъ разстояньи, въ какомъ человѣческій
Внятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами услышалъ;
Волны кипѣли и выли, свирѣпо на берегъ высокій
Съ моря бросаясь, и весь онъ былъ облитъ соленою пѣной;
Не было пристани тамъ, ни залива, ни мелкаго мѣста;
Вкругъ берега́ подымались, торчали утесы и рифы.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце;
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
—Горе! начто мнѣ дозволилъ увидѣть нежданную землю
Зевсъ? И зачѣмъ до нея, пересиливши море, достигъ я?
Къ острову съ моря, я вижу, вездѣ невозможенъ мнѣ доступъ;
Острые рифы повсюду; кругомъ, расшибаяся плещутъ
Волны и гладкой стѣной воздвигается берегъ высокій;
Море жъ вблизи глубоко и нѣтъ мѣста, гдѣ было бъ возможно
Твердой ногой опереться, чтобъ гибели вѣрной избѣгнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схваченъ и брошенъ на камни зубчатые, тщетно истративъ
Силы; а если кругомъ поплыву, чтобъ узнать, не найдется ль
Гдѣ-нибудь берегъ отлогій иль пристань, страшуся, чтобъ снова
Бурей морскою я не былъ похищенъ, чтобъ рыбообильнымъ
Моремъ меня, вопіющаго жалобно, вдаль не умчало,
Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ чудъ, Амфитритой
Въ морѣ питаемыхъ, мнѣ на погибель не выслалъ изъ бездны:
Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня Посидонъ земледержецъ.—
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берегъ;
Тѣло бъ его изорвалось и кости бъ его сокрушились,
Если бъ онъ во́-время свѣтлой богиней Аѳиной наставленъ
Не былъ руками за ближній схватиться утесъ; и къ нему прицѣпившись,
Ждалъ онъ, со стономъ на камнѣ вися, чтобъ волна пробѣжала

Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отразясь, на возвратѣ
Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное море.
Если полипа изъ ложа вѣтвистаго силою вырвешь,
Множество крупинокъ камня къ его прилѣпляется ножкамъ:
Къ рѣзкому такъ прилѣпилась утесу лоскутьями кожа
Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный волною великой,
Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, неизбѣжно бъ погибъ онъ,
Если бъ отважности въ душу его не вложила Аѳина.
Вынырнувъ вбокъ изъ волны, устремившейся прянуть на камни,
Поплылъ онъ въ сторону, взоромъ преслѣдуя землю и тщася
Гдѣ нибудь берегъ отлогій иль мелкое мѣсто примѣтить.
Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки свѣтловодной.
Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показалось: тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита.
Къ мощному богу рѣки онъ тогда обратился съ молитвой:
—Кто бы ты ни былъ, могучій, къ тебѣ, столь желанному, нынѣ
Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова моря.
Вѣчные боги всегда благосклонно внимаютъ молитвамъ
Бѣднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда онъ подобенъ
Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему, много великихъ
Бѣдъ претерпѣвшему; сжалься, могучій, подай мнѣ защиту.—
Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой потокъ, успокоилъ
Волны и на́ море тишь наведя, отворилъ Одиссею
Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосились колѣна; повисли
Руки могучія: въ морѣ его изнурилося сердце;
Вспухло все тѣло его; извергая и ртомъ и ноздрями
Воду морскую, онъ палъ, наконецъ, бездыханный, безгласный,
Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ овладѣло.
Но напослѣдокъ, когда возвратились и память и чувство,
Съ груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
Бросилъ его онъ въ широкую, съ моремъ сліянную рѣку.
Быстро помчалася ткань по теченью назадъ; и богиня
Въ руки его приняла. Одиссей, отъ рѣки отошедши,
Скрылся въ тростникъ, и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
—Горе мнѣ! что претерпѣть я еще предназначенъ отъ неба!
Если на брегѣ потока безсонную ночь проведу я,
Утренній иней и хладный туманъ, отъ воды восходящій,
Вовсе меня, ужъ послѣднихъ лишеннаго силъ, уничтожатъ;
Воздухъ пронзительнымъ холодомъ вѣетъ съ рѣки передъ утромъ.
Если же тамъ на пригоркѣ подъ кровомъ сѣнистаго лѣса
Въ чащѣ кустовъ я засну, то, конечно, не буду проникнутъ
Хладомъ ночнымъ, отдохну, и меня исцѣлитъ миротворный
Сонъ; но страшусь, не достаться бъ въ добычу звѣрямъ плотояднымъ.—
Такъ размышлялъ онъ; ему, наконецъ, показалось удобнѣй
Выбрать послѣднее; въ лѣсъ онъ пошелъ, отъ рѣки недалёко
Росшій на холмѣ открытомъ. Онъ тамъ двѣ сплетенныя крѣпко
Выбралъ оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; въ сѣнь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
Сыростью дышащій вѣтеръ, ни Ге́ліосъ, знойно блестящій;
Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода, такъ густо
Были онѣ сплетены. Одиссей, угнѣздившись подъ ними,
Легъ, напередъ для себя приготовивъ своими руками
Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, которыхъ такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
Въ зимнюю бурю, какъ сильно бъ она ни шумѣла, тамъ скрыться.
Груду увидя, обрадованъ былъ Одиссей несказанно.
Бросясь въ нее, онъ совсѣмъ закопался въ слежавшихся листьяхъ.
Какъ подъ золой головню неугасшую пахарь скрываетъ
Въ полѣ далеко отъ мѣста жилого, чтобъ пламени сѣмя

Въ ней сохраниться могло безопасно отъ злого пожара:
Такъ Одиссей, подъ листами зарывшися, грѣлся, и очи
Сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобъ скорѣе
Въ немъ оживить изнуренныя силы. И крѣпко заснулъ онъ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Аѳина въ сновидѣніи побуждаетъ Навзикаю, дочь феакійскаго царя Алкиноя, итти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платья въ потокѣ. Онѣ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокій сонъ. Ихъ голоса пробуждаютъ Одиссея. Онъ приближается къ Навзикаѣ и проситъ ее дать ему одежду и убѣжище; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставленія. Онъ провожаетъ Навзикаю до Палладиной рощи, находящейся недалеко отъ города.

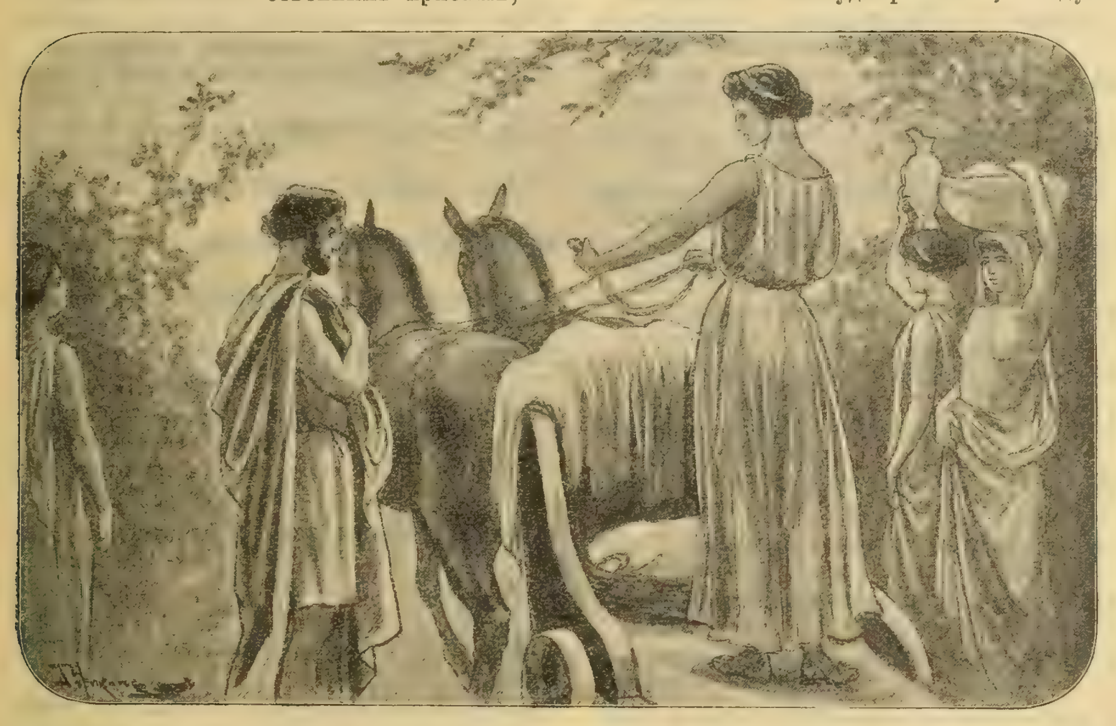
Такъ постоянный въ бѣдахъ Одиссей отдыхалъ, погруженный
Въ сонъ и усталость. Аѳина же тою порой низлетѣла
Въ пышноустроенный городъ любезныхъ богамъ феакіянъ,
Жившихъ издавна въ широкополяной землѣ Иперейской,
Въ близкомъ сосѣдствѣ съ циклопами, дикимъ и буйнымъ народомъ,
Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышая:
Но напослѣдокъ божественный вождь Навзитой поселилъ ихъ
Въ Схеріи, тучной землѣ, далеко отъ людей промышлённыхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища,
Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой онъ въ обитель Аида.
Властвовалъ царь Алкиной, многоуміемъ богу подобный.
Въ домъ Алкиноя вступила богиня Аѳина Паллада;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ покойно,
Станомъ и видомъ богинѣ подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Навзикая.
Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ служанки, харитамъ
Юнымъ подобныя, спали, и накрѣпко заперты были
Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою приближась,
Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня Аѳина,
Образъ пріявшая дѣвы младой, мореходца Диманта
Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней однолѣтней.
Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня сказала:
—Видно тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ; а скоро наступитъ
Брачный твой день: ты должна и себѣ приготовить заранѣ
Платья и тѣмъ, кто тебя поведутъ къ жениху молодому.
Доброе имя—одежды опрятностью мы наживаемъ;
Мать и отецъ веселятся, любуяся нами. Проснись же,
Встань, Навзикая, и на́ рѣку мыть соберитеся всѣ вы
Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой;
Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода
Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой:
Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно
Взять всѣ повязки, покровы и разныя платья, чтобъ также
Ты не пѣшкомъ, какъ другія пошла; то тебѣ неприлично—
Путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно дологъ.—
Такъ ей сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь полетѣла
Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
Гдѣ не подъемлетъ метелей зима, гдѣ безоблачнѣй воздухъ
Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ;
Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.
Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина.
Эосъ тогда златотронная, вставъ, разбудила младую
Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь,
Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о видѣньи

Чудномъ своемъ извѣстить, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица
Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ,
Нити пурпурныя тонко суча, а въ дверяхъ отворённыхъ
Встрѣтился ей и отецъ: на совѣть онъ владыкъ многоумныхъ
Шелъ, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей феакійскихъ.
Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:
—Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней уклавъ всѣ богатыя платья, которыхъ
Много скопилось нечистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ.
Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ совѣтѣ почтныхъ
Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ;
Два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ;
Въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы
Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ.—
Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей:
—Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же;
Дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будетъ при ней для поклажи и коробъ.—
Кончивъ, рабамъ повелѣнье далъ онъ. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали.
Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ уклавъ ихъ, царевна
Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ.
Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ,
Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ
Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна
Стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ
Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь натереть имъ.
Бичъ и блестящія вожжи взяла Навзикая и звучно
Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной
Рысью, везя нелѣниво и грузъ и царевну. За нею
Слѣдомъ пошли молодыя подруги ея и служанки.
Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напослѣдокъ.
Были устроены тамъ водоёмы: вода въ нихъ обильно
Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.
Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
Муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили
Сочномедвяной травою питаться; потомъ съ колесницы
Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоёмы ногами
Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ.
Начали платья онѣ полоскать и потомъ, дочиста́ ихъ
Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
На́ берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
Весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой,
Влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна
Вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала;
Пѣсню же стала сама бѣлокурая пѣть Навзикая.
Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эвримантъ обѣгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
Бѣгаютъ нимфы полей—и любуется ими Латона;
Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа.
Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмевала царевна.
Стали онѣ, наконецъ, собираться домой; въ колесницу
Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды.
Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство,

Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись, царевна
Въ городъ людей феакійскихъ ему указала дорогу:
Бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но въ нихъ не попавши,
Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія прянулъ;
Громко онѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.
Онъ поднялся и, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, воскликнулъ:
—Горе! къ какому народу зашелъ я? Быть-можетъ, здѣсь область
Дикихъ, не знающихъ правды людей? Иль, можетъ-быть, встрѣчу
Смертныхъ, привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ?
Кажется, дѣвичій громкій вблизи мнѣ послышался голосъ.
Или здѣсь нимфы, владѣлицы горъ крутоглавыхъ, душистыхъ,
Влажныхъ луговъ и истоковъ рѣчныхъ потаённыхъ, играютъ;
Или достигъ, наконецъ, я жилища людей говорящихъ.
Встанемъ же; должно мнѣ все самому испытать и развѣдать.—
Съ сими словами изъ чащи кустовъ Одиссей осторожно
Выползъ; потомъ жиловатой рукою, покрытыхъ листами,
Свѣжихъ вѣтвей наломалъ, чтобъ одѣть обнаженное тѣло.
Вышелъ онъ—такъ на горахъ обитающій, силою гордый,
Въ вѣтеръ и дождь на добычу выходитъ, сверкая глазами,
Левъ, на быковъ и овецъ онъ бросается въ полѣ, хватаетъ
Дикихъ оленей въ лѣсу, и нерѣдко, тревожимый гладомъ,
Мелкій скотъ похищать подбѣгаетъ къ пастушьимъ заградамъ.
Такъ Одиссей вознамѣрился къ дѣвамъ прекраснокудрявымъ
Нагъ подойти, приневоленъ къ тому непреклонной нуждою.
Былъ онъ ужасенъ, покрытый морскою засохшею тиной;
Въ трепетѣ всѣ разбѣжалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула мѣста. Аѳина
Бодрость вселила ей въ сердце и въ немъ уничтожила робость.
Стала она передъ нимъ; Одиссей же не зналъ, что приличнѣй:
Оба ль колѣна обнять у прекраснокудрявыя дѣвы?
Или, въ почтительномъ ставъ отдаленьи, молить умиленнымъ
Словомъ ее, чтобъ одежду дала и пріютъ указала?
Такъ размышляя, нашелъ, наконецъ, онъ, что было приличнѣй
Словомъ молить умиленнымъ, въ почтительномъ ставъ отдаленьи
(Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ бы чистую дѣву).
Съ словомъ пріятноласкательнымъ онъ обратился къ царевнѣ:
—Руки, богиня иль смертная дѣва, къ тебѣ простираю?
Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба,
То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станомъ высокимъ;
Если же одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ,
То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны
Братья твои, съ наслажденіемъ, видя, какъ ты передъ ними
Въ домѣ семейномъ столь мирно цвѣтешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пляшешь.
Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ будетъ тотъ смертный, который
Въ домъ свой тебя уведетъ, одаренную вѣномъ богатымъ.
Нѣтъ! ничего столь прекраснаго между людей земнородныхъ
Взоры мои не встрѣчали донынѣ; смотрю съ изумленьемъ.
Въ Де́лосѣ только я—тамъ, гдѣ алтарь Аполлоновъ воздвигнутъ—
Юную стройновысокую пальму однажды замѣтилъ
(Въ храмъ же зашелъ, окруженный толпою сопутниковъ вѣрныхъ,
Я по пути, на которомъ столь много мнѣ встрѣтилось бѣдствій).
Юную пальму замѣтивъ, я въ сердцѣ своемъ изумленъ былъ
Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдѣ не видалъ я.
Такъ и тебѣ я дивлюсь. Но, дивяся тебѣ, не дерзаю
Тронуть колѣней твоихъ: несказанной бѣдой я постигнутъ.
Только вчера, на двадцатый мнѣ день удалося избѣгнуть
Моря: столь долго игралищемъ былъ я губительной бури,
Гнавшей меня отъ Огигіи острова. Нынѣ жъ сюда я

Демономъ брошенъ для новыхъ напастей—еще не конецъ имъ;
Вѣрно немало еще претерпѣть мнѣ назначили боги.
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здѣсь я съ молитвою встрѣтилъ; никто изъ живущихъ
Въ этой землѣ не знакомъ мнѣ; скажи, гдѣ дорога
Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть обнаженное тѣло хоть лоскутъ
Грубой обвертки, въ которой сюда привезла ты одежды.
О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.—
Дочь Алкиноя, отвѣтствуя, такъ Одиссею сказала:
—Странникъ, конечно, твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ.
Дій же и низкимъ и рода высокаго людямъ съ Олимпа
Счастье даетъ безъ разбора по волѣ своей прихотливой;
Что ниспослалъ онъ тебѣ, то прими съ терпѣливымъ смиреньемъ.
Если жъ достигнуть ты могъ и земли и обителей нашихъ,
То ни въ одеждѣ отъ насъ и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ претерпѣвшаго странника нужномъ, не встрѣтишь отказа.
Градъ нашъ тебѣ укажу; назову и людей, въ немъ живущихъ
Въ градѣ живетъ и землей здѣсь владѣетъ народъ феакіянъ;
Я Алкиноя, царя благодушнаго дочь; Алкиноя жъ
Нынѣ державнымъ владыкой своимъ признаютъ феакійцы.—
Тутъ обратилась царевна къ подругамъ своимъ и служанкамъ:
—Стойте! куда разбѣжалися вы, устрашась иноземца?
Онъ человѣкъ незломышленный; нѣтъ вамъ причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нѣтъ и теперь, и не можетъ
Быть и впередъ на землѣ никого, кто бъ на насъ, феакіянъ,
Злое замыслилъ; насъ боги безсмертные любятъ; живемъ мы
Здѣсь, отъ народовъ другихъ въ сторонѣ, на послѣднихъ предѣлахъ
Шумнаго моря, и рѣдко насъ кто изъ людей посѣщаетъ.
Нынѣ же встрѣтился намъ злополучный бездомный скиталецъ:
Помощь ему оказать мы должны; къ намъ Зевесъ посылаетъ
Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.
Страннику пищи съ питьемъ принести поспѣшите, подруги;
Прежде жъ его искупайте, отъ вѣтровъ защитное мѣсто
Выбравъ въ потокѣ.—Сказала; сошлись ободрённыя дѣвы.
Въ мѣстѣ отъ вѣтровъ защитномъ его посадивъ, какъ велѣла
Имъ Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантію съ тонкимъ хитономъ онѣ близъ него положили,
Послѣ, принесши фіалъ золотой съ благовоннымъ елеемъ,
Стали его приглашать къ омовенію въ свѣтломъ потокѣ.
Но Одиссей благородный отрекся и такъ отвѣчалъ имъ:
—Дѣвы прекрасныя, станьте подаль; безъ помощи вашей
Смою съ себя я соленую тину, и самъ навелею
Тѣло; давно ужъ елей благовонный къ нему не касался.
Но передъ вами купаться не стану я въ свѣтломъ потокѣ;
Стыдно себя обнажить мнѣ при васъ, густовласыя дѣвы.—
Такъ онъ сказалъ; и онѣ, удаляся, о томъ извѣстили
Царскую дочь. Одиссей же, въ потокъ погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину ему и густые
Кудри его облѣпившую, смылъ освѣжительной влагой;
Чисто омывшись, онъ свѣтлое тѣло умаслилъ елеемъ;
Послѣ украсился даннымъ младою царевною платьемъ;
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина тогда Одиссея
Становъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ

Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ:
Такъ красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегомъ моря пошелъ онъ, и сѣлъ на пескѣ, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потомъ обратила она къ густовласымъ подругамъ:
—Слушайте то, что скажу вамъ теперь, бѣлорукія дѣвы;
Думаю я, что не всѣми богами Олимпа гонимый
Этотъ скиталецъ въ страну феакіянъ божественныхъ прибылъ;

Прежде и мнѣ человѣкомъ простымъ онъ казался; теперь же
Вижу, что свой онъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
О! когда бы подобный супругъ мнѣ нашелся, который,
Здѣсь поселившись, у насъ навсегда захотѣлъ бы остаться!
Вы жъ чужеземцу ѣды и питья принесите, подруги.—
Такъ говорила царевна. Ея повинуяся волѣ,
Дѣвы немедля ѣды и питья принесли Одиссею.
Съ жадностью голодъ и жажду свою утолилъ богоравный,
Твердый въ бѣдахъ Одиссей: ужъ давно не касался онъ пищи.
Добрая мысль пробудилась тутъ въ сердцѣ разумной царевны:
Чистыя платья собравъ, въ колесницу она ихъ уклала,
Муловъ потомъ запрягла крѣпконогихъ и, ставъ въ колесницу,
Такъ Одиссею, его приглашая съ собою, сказала:
—Время намъ въ городъ; вставай, чужеземецъ, и слѣдуй за нами;
Домъ, гдѣ живетъ мой отецъ, я тебѣ укажу; тамъ, конечно,
Встрѣтишь и всѣхъ знаменитыхъ людей феакійскихъ: но прежде
Мой ты исполни совѣтъ (ты, я вижу, разуменъ): покуда
Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ человѣка удобренныхъ, слѣдуй
Съ дѣвами вмѣстѣ за быстрой моей колесницею ровнымъ
Съ мулами шагомъ—у васъ впереди я поѣду; потомъ мы
Въ городъ прибудемъ... съ бойницами стѣны его окружаютъ;
Пристань его съ двухъ сторонъ огибаетъ глубокая; входъ же
Въ пристань стѣсненъ кораблями, которыми справа и слѣва
Берегъ уставленъ и каждый изъ нихъ подъ защитною кровлей;
Тамъ же и площадь торговая вкругъ Посидонова храма,
Твердо на тёсаныхъ камняхъ огромныхъ стоящаго; снасти
Всѣхъ кораблей тамъ, запасъ парусовъ и канаты въ пространныхъ

Зданьяхъ хранятся; тамъ гладкія также готовятся весла.
Намъ феакійцамъ не нужно ни луковъ, ни стрѣлъ; вся забота
Наша о мачтахъ и веслахъ и прочныхъ судахъ мореходныхъ;
Весело намъ въ корабляхъ обтекать многошумное море.
Я жъ отъ людей порицанья избѣгнуть хочу и обидныхъ
Толковъ; народъ нашъ весьма злоязыченъ; намъ встрѣтиться можетъ
Гдѣ-нибудь дерзкій насмѣшникъ; увидя насъ вмѣстѣ, онъ скажетъ:
„Съ кѣмъ тамъ сдружилась царевна? Кто этотъ могучій, прекрасный
Странникъ? Откуда пришелъ? не женихъ ли какой иноземный?
Что онъ? Морскою ли бурею къ намъ занесенный изъ дальнихъ
Странъ человѣкъ (никакихъ мы въ сосѣдствѣ не знаемъ народовъ)?
Или какой по ея неотступной молитвѣ съ Олимпа на землю
Богъ низлетѣвшій—и будетъ она обладать имъ отнынѣ?
Лучше бъ самой ей покинуть нашъ край и въ странѣ отдаленной
Мужа искать; межъ людей феакійскихъ никто не нашелся
Ей по душѣ, хоть и много у насъ жениховъ благородныхъ“.
Вотъ что разсказывать могутъ въ народѣ; мнѣ будетъ обидно.
Я жъ и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
Если бъ имѣя и мать и отца, безъ согласья ихъ стала,
Въ бракъ не вступиши, она обращаться съ мужчинами вольно.
Ты же совѣтъ мой исполни (тогда и родитель мой помощь
Скорую дастъ и отечество ты не замедлишь увидѣть):
Есть близъ дороги священная роща Аѳины изъ черныхъ
Тополей; свѣтлый источникъ оттуда бѣжитъ на зеленый
Лугъ; тамъ помѣстья царя Алкиноя съ его плодоноснымъ
Садомъ, въ такомъ разстояньи отъ града, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ. Тамъ сѣвъ, подожди ты до тѣхъ поръ, покуда
Мы не прибудемъ на мѣсто и царскихъ палатъ не достигнемъ; когда же
Ты убѣдишься, что царскихъ палатъ ужъ могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и разспрашивай встрѣчныхъ,
Гдѣ обитаетъ родитель мой, царь Алкиной многославный.
Домъ же его ты узнаешь легко: безсловесный младенецъ
Можетъ дорогу къ нему указать; ни одинъ феакіецъ
Здѣсь не имѣетъ такого жилища, въ какомъ обитаетъ
Царь Алкиной. Окруженный строеньями дворъ перешедши,
Шагомъ поспѣшнымъ пройди ты сквозь залу къ покоямъ царицы;
Тамъ передъ яркоблестящимъ ее очагомъ ты увидишь,
Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тонкопурпурныя нити
Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближонныхъ служанокъ.
Тамъ же и кресла царевы стоятъ у огня и на нихъ онъ
Сидя, виномъ утѣшается, свѣтлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колѣна
Матери милой моей, умоляй, чтобъ она поспѣшила
День возвращенья въ отчизну тебѣ даровать, чужеземцу.
Если моленье твое съ благосклонностью приметъ царица,
Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.—
Кончивъ, ударила звучно блестящимъ бичомъ Навзикая
Муловъ; затопавъ, они отъ рѣки побѣжали проворной
Рысью; другіе же пѣшіе слѣдомъ пошли; но царевна
Муловъ держала на крѣпкихъ вожжахъ, чтобъ отъ нихъ не отстали
Дѣвы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичомъ осторожно.
Солнце садилось, когда къ благовонной Палладиной рощѣ
Вмѣстѣ достигли они. Одиссей, тамъ оставшися, началъ
Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ молиться:
—Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Нынѣ вонми ты молитвѣ, тобою невнятой, когда я
Гибнулъ въ волнахъ, сокрушонный земли колебателя гнѣвомъ;
Дай мнѣ найти и покровъ и пріязнь у людей феакійскихъ.—
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ онъ Палладой услышанъ;

Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь
Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО ДНЯ.

Одиссей входитъ въ городъ; у воротъ встрѣчается съ нимъ Аѳина подъ видомъ феакійской дѣвы; она окружаетъ его мглою, и онъ, никѣмъ не примѣченный, приближается къ Алкиноеву дому. Описаніе царскаго дома и сада. Вошедъ въ палату, гдѣ царь въ то время пировалъ съ гостями, Одиссей приближается къ царицѣ Аретѣ и мгла, его окружавшая, исчезаетъ. Онъ молитъ царицу о дарованіи ему способа возвратиться въ отчизну. Царь приглашаетъ его сѣсть за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, разсказываетъ имъ, какъ онъ покинулъ островъ Огигію, какъ буря его бросила на берега Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикаи. Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на кораблѣ феакійскомъ въ Итаку.

Такъ Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крѣпконогіе мулы
Въ городъ. Достигнувъ блестящихъ царевыхъ палатъ, Навзикая
Въѣхала прямо на дворъ и сошла съ колесницы; навстрѣчу
Вышли ея молодые, безсмертнымъ подобные, братья;
Муловъ отпрягши, въ покои они отнесли всѣ одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела тамъ
Яркій огонь ей рабыня эпирская Эвримедуза
(Нѣкогда въ быстромъ ее кораблѣ увезли изъ Эпира,
Въ даръ Алкиною почетный назначивъ, понеже, надъ всѣми
Онъ феакійцами властвуя, чтимъ былъ какъ богъ отъ народа.
Ею была Навзикая воспитана въ царскомъ жилищѣ).
Яркій огонь разведя, приготовила ужинъ старушка.
Въ городъ направилъ тѣмъ временемъ путь Одиссей: но Аѳина
Облакомъ темнымъ его окружила, чтобъ не былъ замѣченъ
Онъ ни какимъ изъ надменныхъ гражданъ феакійскихъ, который
Могъ бы его оскорбить, любопытствуя вывѣдать, кто онъ.
Но, подошедъ ко вратамъ крѣпкозданнымъ прекраснаго града,
Встрѣтилъ онъ дочь свѣтлоокую Зевса богиню Аѳину
Въ видѣ несущей скудель молодой феакійскія дѣвы.
Встрѣтившись съ нею, спросилъ у нея Одиссей богоравный:
—Дочь моя, можешь ли мнѣ указать тѣ палаты, въ которыхъ
Вашъ обладатель божественный царь Алкиной обитаетъ?
Многоиспытанный странникъ, судьбою сюда издалёка
Я заведенъ; мнѣ никто не знакомъ здѣсь, никто изъ живущихъ
Въ городѣ вашемъ; никто изъ людей, обитающихъ въ полѣ.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Странникъ, съ великой охотой палаты, которыхъ ты ищешь,
Я укажу; тамъ въ сосѣдствѣ живетъ мой отецъ безпорочный:
Слѣдуй за мною въ глубокомъ молчаньи; пойду впереди я;
Ты же на встрѣчныхъ людей не гляди и не дѣлай вопросовъ
Имъ: иноземцевъ не любитъ народъ нашъ; онъ съ ними не ласковъ;
Люди радушнаго здѣсь гостелюбія во́все не знаютъ;
Быстрымъ ввѣряя себя кораблямъ, пробѣгаютъ безстрашно
Бездну морскую они, отворенную имъ Посидономъ;
Ихъ корабли скоротечны, какъ легкія крылья иль мысли.—
Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Одиссея
Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
Улицы съ ней проходя, ни однимъ изъ людей феакійскихъ,
На морѣ славныхъ, онъ не былъ замѣченъ; того не хотѣла
Свѣтлокудрявая дѣва Паллада; храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Онъ изумился, увидѣвши пристани, въ нихъ безконечный
Рядъ кораблей, и народную площадь, и крѣпкія стѣны
Чудной красы, неприступнымъ извнѣ огражденныя тыномъ.
Но, подошедъ къ многославному дому царя Алкиноя,
Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:
—Странникъ, съ тобою пришли мы къ палатамъ, которыхъ искалъ ты;
Въ нихъ ты увидишь любезнаго Зевсу царя Алкиноя
Въ сонмѣ гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;

Мужу безстрашному, кто бы онъ ни былъ, хотя бъ чужеземецъ,
Все по желанью вѣрнѣе другихъ исполнять удается.
Прежде всего подойди ты, въ палату вступивши, къ царицѣ;
Имя царицы Арета; она отъ однихъ происходитъ
Предковъ съ высокимъ супругомъ своимъ Алкиноемъ; вначалѣ
Сынъ Навзитой Посидономъ, земли колебателемъ, прижитъ
Былъ съ Перибоей, всѣхъ дѣвъ затмевавшей своей красотою,
Младшею дочерью мужа могучаго Эвримедона,
Бывшаго прежде властителемъ буйныхъ гигантовъ: но самъ онъ
Свой погубилъ святотатный народъ и себя самого съ нимъ.
Дочь же его возлюбилъ колебатель земли; отъ союза
Съ ней онъ имѣлъ Навзитоя, и первымъ царемъ феакіянъ
Былъ Навзитой; отъ него родились Рексеноръ съ Алкиноемъ;
Но Рексеноръ, сыновей не имѣвъ, сребролукимъ застрѣленъ
Былъ Аполлономъ на пирѣ вторичнаго брака, оставивъ
Дочь сиротою, Арету; и съ ней Алкиной сочетавшись,
Такъ почитаетъ ее, какъ еще никогда не бывала
Въ свѣтѣ жена, свой любящая долгъ, почитаема мужемъ;
Нѣжную сердца любовь ей всечасно являютъ въ семействѣ
Дѣти и царь Алкиной; въ ней свое божество феакійцы
Видятъ, и въ городѣ съ радостношумнымъ всегда къ ней тѣснятся
Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ.
Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный разумъ,
Такъ-что нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ.
Если моленья твои съ благосклонностью приметъ царица,
Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.—
Такъ говоря, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась;
Моремъ безплоднымъ отъ Схеріи тучной помчавшись, достигла
Скоро она Мараѳона; потомъ въ многолюдныхъ Аѳинахъ
Въ домъ крѣпкозданный царя Эрехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ сильно
Сердцемъ тревожился, сто́я въ дверяхъ передъ мѣднымъ порогомъ.
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворёнъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;
Притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Также и косякъ ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Двѣ—золотая и серебряной—справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
Мужи знатнѣйшіе града садилися чиномъ на этихъ
Лавкахъ, питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ
Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила

Всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый
Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ
Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошноцвѣтущихъ;
Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, зарождая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздъ пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные
Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
Два тамъ источника были; одинъ обтекалъ, извиваясь,
Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду.
Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный;
Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ
Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ.
Тамъ онъ узрѣлъ феакійскихъ вождей и старѣйшинъ, творящихъ
Зоркому богу, убійцѣ Аргуса, виномъ возліянье
(Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ послѣдній).
Быстро палату пировъ перешелъ Одиссей богоравный;
Скрытый тумнаомъ, которымъ его окружила Аѳина,
Прямо къ Аретѣ приблизился онъ и къ царю Алкиною,
Обнялъ руками колѣна царицы, и въ это мгновенье
Вдругъ разступилась его облекавшая тьма неземная.
Всѣ замолчали, могучаго мужа внезапно увидя;
Всѣ въ изумленьи смотрѣли. Царицѣ Аретѣ сказалъ онъ:
—Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета,
Нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю и къ пирующимъ съ вами
Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ
Свѣтлое счастье на долгіе дни; да наслѣдуютъ ваши
Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ знаменитый.
Мнѣ жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ возвратиться
Въ землю отцовъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими.—
Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ.
Всѣ неподвижно молчали и долго молчаніе длилось.
Но, наконецъ, Эхеней, благороднаго племени старецъ,
Ранѣе всѣхъ современныхъ ему феакіянъ рожденный,
Сладкорѣчивый, и старыя были и многое знавшій,
Добрыхъ исполненный мыслей, сказалъ, обратясь къ Алкиною:
—Царь Алкиной, неприлично тебѣ допускать, чтобъ молящій
Странникъ на пеплѣ сидѣлъ очага твоего передъ нами.
Почесть ему оказать ожидаемъ твоихъ повелѣній;
Съ пепла поднявши, на стулъ среброкованный съ нами его ты
Сѣсть пригласи и глашатаю въ чаши вина золотого
Влить повели, чтобъ могли громолюбцу Зевсу, молящихъ
Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье;
Гостю жъ пускай изъ запаса дастъ ключница пищи вечерней.—
Такъ онъ сказавъ, пробудилъ Алкиноеву силу святую.
За руку взявъ Одиссея, объятаго думой глубокой,
Съ пепла онъ поднялъ его и на креслахъ богатыхъ съ собою
Рядомъ за столъ посадилъ, повелѣвъ уступить Лаодаму,

Сыну любимому, подлѣ сидѣвшему, мѣсто пришельцу.
Тутъ для умытія рукъ поднесла на богатой лахани
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно. Ѣдой и питьемъ изобильнымъ
Сердце свое насладилъ Одиссей, многославный страдалецъ.
Тутъ Понтоною глашатаю бросилъ крылатое слово
Царь феакіянъ:—Наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
Чаши гостямъ, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.—
Такъ онъ сказалъ и наполнивъ медвянымъ виномъ всѣ кратеры,
Въ чашахъ пирующимъ подалъ его Понтоной; возліянье—
Стоя они совершили и вдоволь питьемъ насладились.
Царь Алкиной, обратившись къ гостямъ, произнесъ:—Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, мужей феакійскихъ, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Кончился пиръ нашъ; теперь по домамъ на покой разойдитесь;
Завтра же утромъ, съ собою и прочихъ вельможъ пригласивши,
Снова придите, чтобъ странника здѣсь угостить и безсмертнымъ
Вмѣстѣ свершить экатомбу. Потомъ учредимъ отправленье
Гостя почтеннаго такъ, чтобъ подъ нашей надежной защитой
Онъ безъ тревогъ и препятствій поспѣшно и весело прибылъ
Въ край, имъ желаемый, сколь бы отсюда онъ ни былъ далёко;
Также, чтобъ онъ ни печали, ни зла на дорогѣ не встрѣтилъ
Прежде, пока не достигнетъ отчизны; когда же достигнетъ,
Пусть испытаетъ все то, что судьба и могучія Парки
Въ нить бытія роковую вплели для него при рожденьи.
Если же кто изъ безсмертныхъ подъ видомъ его посѣтилъ насъ,
То на умѣ ихъ, конечно, есть замыселъ, намъ неизвѣстный;
Ибо всегда намъ открыто являются боги, когда мы,
Ихъ призывая, богатыя имъ экатомбы приносимъ;
Съ нами они пировать безъ чиновъ за трапезу садятся;
Даже когда кто изъ нихъ и одинъ на пути съ феакійскимъ
Странникомъ встрѣтится—онъ не скрывается; боги считаютъ
Всѣхъ насъ родными, какъ дикихъ циклоповъ, какъ племя гигантовъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Царь Алкиной, не тревожься напрасно такимъ помышленьемъ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, ни видомъ
Я не подобенъ, ни станомъ; простой человѣкъ я; изъ всѣхъ, вамъ
Въ мірѣ извѣстныхъ людей земнородныхъ, судьбою гонимыхъ,
Самымъ злосчастнѣйшимъ бѣдственной жизнью моей я подобенъ.
Болѣ другихъ бы я могъ разсказать о великихъ напастяхъ,
Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ непомѣрнымъ по волѣ безсмертныхъ,
Но несказаннымъ, хотя и прискорбенъ, я голодомъ мучусь;
Нѣтъ ничего нестерпимѣй грызущаго голода: нами
Властвуя, онъ о себѣ вспоминать ежечасно неволитъ
Насъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душой. Сколь ни сильно
Скорби душою я преданъ, но тощій желудокъ мой жадно
Требуетъ пищи себѣ и меня забывать принуждаетъ
Все, претерпѣнное мной, о себѣ лишь упорно заботясь.
Вы же, молю васъ, какъ скоро пробудится свѣтлая Эосъ,
Мнѣ злополучному путь учредите въ отчизну возвратный;
Много я бѣдъ претерпѣлъ, но готовъ и погибнуть, лишь только бъ
Свѣтлый свой домъ и семью, и рабовъ, и богатства увидѣть.—
Кончилъ; они, изъявивъ одобренье, рѣшили въ отчизну
Гостя отправить, плѣнившаго всѣхъ ихъ столь умною рѣчью.
Послѣ, свершивъ возліянье и вкуснымъ виномъ насладившись,
Каждый въ свой домъ удалился, о ложѣ и снѣ помышляя.
Но Одиссей богоравный остался въ палатѣ столовой;

Царь Алкиной и царица Арета остались съ нимъ вмѣстѣ; рабыни
Тою порой со столовъ всю посуду поспѣшно убрали.
Тутъ бѣлорукая съ гостемъ бесѣдовать стала Арета.
Мантію съ тонкимъ хитономъ, сотканные ею самою
Дома съ рабынями, въ платьѣ пришельца узнавши, царица
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
—Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу; отвѣчай мнѣ:
Кто ты? Откуда? И платье твое отъ кого получилъ ты?
Намъ ты сказалъ, что сюда былъ морской непогодою брошенъ.—
Свѣтлой царицѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
—Трудно, царица, мнѣ будетъ тебѣ разсказать всю подробно
Повѣсть о бѣдствіяхъ, встрѣченныхъ мною по волѣ рожденныхъ
Древнимъ Ураномъ боговъ—объ одномъ разскажу откровенно:
Въ морѣ находится островъ Огигія; тамъ обитаетъ
Хитроковарная дочь кознодѣя Атланта Калипсо,
Свѣтлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водятъ
Общества съ нею ни вѣчные боги, ни смертные люди.
Я же одинъ злополучный на островъ ея былъ враждебнымъ
Демономъ брошенъ, когда мой корабль сокрушительнымъ громомъ
Зевсъ поразилъ посреди безпредѣльно-пустыннаго моря.
Спутниковъ всѣхъ (поглотила ихъ бездна) тогда я утратилъ.
Самъ же, на килѣ разбитаго судна, обхваченномъ мною,
Девять носившися дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
Свѣтлокудрявая нимфа живетъ. И пріютъ благосклонно
Давъ мнѣ, богиня меня угощала, кормила, хотѣла
Мнѣ, наконецъ, даровать и безсмертье и вѣчную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успѣла.
Цѣлыя семь лѣтъ утратилъ я тамъ, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мнѣ данныя нимфой безсмертной;
Годъ напослѣдокъ осьмой приведенъ былъ временъ обращеньемъ;
Вдругъ мнѣ она повелѣла покинуть свой островъ—не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль измѣнилася въ мысляхъ?
Сѣлъ я на крѣпкосколоченный плотъ, и она, надѣливши
Хлѣбомъ меня, и душистымъ виномъ, и нетлѣнной одеждой,
Слѣдомъ послала за мной благовѣющій вѣтеръ попутный.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился я въ море;
Вдругъ на осьмнадцатый видима стала вдали надъ водами
Ваша земля, и во мнѣ оживилося милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мнѣ
Бѣдъ колебатель земли Посидонъ непреклонный готовилъ:
Вѣтры поднявъ, заградилъ предо мной онъ дорогу, и море
Все безпредѣльное вдругъ затревожилось: былъ я не въ силахъ,
Жалобно стонущій, судномъ владѣть на взволнованной безднѣ:
Буря его изломала въ куски, и, въ кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь; напослѣдокъ примчали
Къ вашему брегу меня многошумные вѣтры и море;
Гибели бъ мнѣ не избѣгнуть, когда бъ на утесистый берегъ
Былъ я волною, скалами его отшибаемой, кинутъ:
Силы напрягши, я въ сторону поплылъ и скоро достигнулъ
Устья рѣки—показалось то мѣсто пріютнымъ, тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита;
На́ берегъ вышедъ, въ безсиліе впалъ я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда удалясь отъ потока, небеснымъ
Зевсомъ рожденнаго, я пріютился въ кустахъ и въ опадшихъ
Спрятался листьяхъ; и сонъ безконечный послали мнѣ боги.
Тамъ подъ защитою листьевъ, съ печалію милаго сердца,
Про́спалъ всю ночь я, все утро и за́-полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сонъ мой былъ прерванъ:
Дѣвъ, провожавшихъ царевну твою, я увидѣлъ на брегѣ;

Съ нею, подобныя нимфамъ, онѣ, тамъ рѣзвяся, играли.
Къ ней обратилъ я молитву, и такъ поступила разумно
Юная царская дочь, какъ немногія съ ней одинакихъ
Лѣтъ поступить бы могли—молодежь разсудительна рѣдко.
Сладкой ѣдой и виномъ искрометнымъ меня подкрѣпивши,
Мнѣ искупаться въ потокѣ велѣла она и одежду
Эту дала мнѣ. Я кончилъ, по истинѣ все разсказавъ вамъ.—
Онъ умолкнулъ. Ему Алкиной отвѣчалъ благосклонно:—
Странникъ, гораздо приличнѣе было для дочери нашей,
Если бъ она пригласила тебя за собою немедля
Слѣдовать въ домъ нашъ: къ ней первой ты съ просьбой своей обратился.—
Такъ онъ сказалъ, и ему возразилъ Одиссей хитроумный:—
Царь благородный, не дѣлай упрековъ разумной царевнѣ;
Слѣдовать мнѣ за собою она предложила немедля;
Я жъ отказался—мнѣ было бы стыдно; при томъ же подумалъ
Я, что, меня съ ней увидя, на насъ ты разгнѣваться могъ бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди.—
Царь Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:—
Странникъ, въ груди у меня къ безразсудному гнѣву такому
Сердце несклонно; приличіе жъ должно во всемъ наблюдать намъ.
Если бъ—о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Если бъ нашелся подобный тебѣ, въ помышленьяхъ со мною
Сходный, супругъ Навзикаѣ, возлюбленный зять мнѣ, и если бъ
Здѣсь поселился онъ... Домъ и богатства бы далъ я, когда бы
Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь иноземца
Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу неугодно.
Твой же отъѣздъ я устрою, чтобъ было тебѣ то извѣстно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
Сонный въ спокойномъ безвѣтріи плыть и достигнешь
Въ землю отцовъ иль въ иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далёко, хотя бы въ Эвбею,
Далѣ которой ужъ нѣтъ ничего, по сказанью отважныхъ
Нашихъ пловцовъ, съ златовласымъ туда Радамантомъ ходившихъ,—
Титія, сына земли, посѣтилъ онъ и, сколь ни далекъ былъ
Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили
Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись.
Самъ ты узнаешь, какъ быстры у насъ корабли, какъ отважно
Веслами море браздятъ мореходцы мои молодые.—
Такъ онъ сказалъ; пролилося веселіе въ грудь Одиссея;
Голосъ возвысивши свой, произнесъ онъ такую молитву:—
Дій, нашъ отецъ, да исполнится все, что теперь обѣщалъ мнѣ
Царь Алкиной, и да будетъ всегда на землѣ плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно въ отчизну...—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой повелѣла царица Арета рабынямъ
Въ сѣняхъ поставить кровать, на нее положить пурпуро́вый
Мягкій тюфякъ и богатый коверъ разостлать; на коверъ же
Теплымъ покровомъ для тѣла косматую мантію бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни, когда же
Было совсѣмъ приготовлено мягкопурпурное ложе,
Близко онѣ подошедъ къ Одиссею, ему доложили:—
Странникъ, иди почивать; для тебя приготовлено ложе.—
Радостно было усталому гостю призванье къ покою;
Сладкоцѣлительный сонъ, наконецъ, онъ вкусилъ безмятежно,
Въ звонкопространныхъ сѣняхъ на кровать прорѣзную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, съ нимъ простясь, во внутренней спальнѣ
Легъ на постель и заснулъ близъ супруги своей благонравной.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ДЕНЬ.

Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить отправленіе Одиссея въ его отечество, приглашаетъ вельможъ и людей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Пѣніе Демодока во время пира. Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей, оскорбленный Эвріаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею силою. Пляска, во время которой Демодокъ поетъ объ Ареѣ и Афродитѣ. Всѣ возвращаются во дворецъ. Одиссей одаренъ изобильно. За вечернею трапезою Демодокъ поетъ о конѣ деревянномъ и подвигахъ вождей ахейскихъ. Пѣснь его извлекаетъ слезы изъ очей Одиссея; царь Алкиной вопрошаетъ плачущаго о причинѣ его скорби и проситъ, чтобы онъ разсказалъ свои приключенія.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ—
Мирный кинула сонъ Алкиноева сила святая;
Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя
На́ площадь, гдѣ невдали кораблей феакійцы сбирались.
Сѣли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ камняхъ другъ съ другомъ
Рядомъ они. Той порою Паллада Аѳина по улицамъ града,
Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала богиня:—
Вы, феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе
На́ площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, который
Въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера, тамъ увидѣть:
Бурей къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свѣтлымъ подобенъ.—
Такъ говоря, возбудила она любопытное рвенье
Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь народомъ; и сѣли
Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали
Взоръ на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плечи одѣла Паллада, главу и лицо озарила,
Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ
Могъ пріобрѣсть отъ людей феакійскихъ пріязнь и вселилъ въ нихъ
Трепетъ почтительный, мужеской силой на играхъ, въ которыхъ
Имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ.
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ.
Тутъ, обратяся къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: —Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, людей феакійскихъ, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Гость иноземный—его я не знаю; бездомно скитаясь,
Онъ отъ восточныхъ народовъ, сюда иль отъ западныхъ прибылъ—
Молитъ о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ;
Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій,
Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ его я услышалъ молитву.
Должно спустить на священныя воды корабль чернобокій,
Въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесятъ два
Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами;
Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся
Въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу
Вкусный обѣдъ приготовятъ; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю.
Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ,
Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой пространный
Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца;
Всѣхъ васъ прошу, отказаться не властенъ никто; позовите
Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ
Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ.—
Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побѣжалъ Демодока.
Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ
Брегѣ безплодносоленаго моря собравшися, вмѣстѣ
Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священныя сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти,
Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,

Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они собралися
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы народомъ
Сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной и на немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему—чтобъ ее могъ найти онъ—
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ими однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ:
Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ онъ
Бога спросить перешелъ—а случилось то въ самомъ началѣ
Бѣдствій ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ.
Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лицо благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы, и наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліяньемъ безсмертнымъ.
Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся.
Были другими его не замѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ феакіянамъ вёслолюбивымъ сказалъ: —Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ феакійскихъ;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ.—
Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршéственной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы.
Нá площадь всѣ собралися; толпой многочисленношумной
Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
Вышли изъ сонма его: Акронéй, Окіáлъ съ Элатреéмъ,
Нáвтій, Примнéй, Анхіáлъ, Эретмéй, съ Анабáзіоменомъ;
Съ ними явились Понтéй, Прореóнъ и Ѳоóнъ съ Амфіаломъ,

Сыномъ Политія, внукомъ Тектона; присталъ, напослѣдокъ,
Къ нимъ и младой Эвріалъ, Навболидъ, равносильный Арею:
Всѣхъ феакіянъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,
Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный.
Къ нимъ подошли, наконецъ, Лаодамъ, Галіонтъ съ богоравнымъ
Клитонеономъ – три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись,
Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный—какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ
Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.
Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу:
Всѣхъ Эвріалъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.
Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяжкаго диска
Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ
Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
Сынъ:—Не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ; годами
Также не старъ; но превратности жизни его изнурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря;
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокрушаетъ.—
Умнымъ—сказалъ, отвѣчая на то, Эвріалъ Лаодаму—
Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.—
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею:
—Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ
Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ—но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.
Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный
Съ берега сдвинутъ и наши готовы къ отплытію люди.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ предложеньемъ?
Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно
Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ перенесъ я;
Нынѣ жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,
Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться.—
Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:
—Странникъ, я вижу, что ты не подобишься людямъ, искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно,
Ты изъ числа промышлённыхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ.—
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный:
—Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ
Вдругъ и плѣнительный образъ и умъ и могущество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ—
Прелестью рѣчи зато одаренъ отъ боговъ; веселятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ
Или съ привѣтливой кротостью; онъ—украшенье собраній;
Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.

Тотъ же, напротивъ, безсмертнымъ подобенъ лица красотою,
Прелести жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ.
Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы
Краше не создалъ; зато не имѣешь ты здраваго смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею
Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты вѣдать,
Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда мнѣ
Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно:
Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы;
Видѣлъ немало я браней и долго среди бѣдоносныхъ
Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный
Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудноругательнымъ словомъ.—
Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и, мантіи съ плечъ не сложивши,
Камень схватилъ—онъ огромнѣй, плотнѣй и тяжелѣ всѣхъ дисковъ,
Брошенныхъ прежде людьми феакійскими былъ; и съ размаха
Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетѣлъ; и подъ нимъ до земли головами
Весслолюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы
Всѣ наклонились; а онъ далекó черезъ всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина, подъ видомъ
Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:
—Странникъ, твой знакъ и слѣпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ
Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ здѣсь
Камня ни далѣ, ни такъ же далеко, какъ ты, неспособенъ
Бросить.—Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи
Былъ судія, съ обновленной душой онъ сказалъ предстоявшимъ:
—Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, бытьможетъ, и далѣ.
Пусть всѣ другіе, кто побуждаетъ отважное сердце,
Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;
Съ каждымъ сразиться готовъ я—съ однимъ не могу Лаодамомъ;
Гость я его—подыму ли на друга любящаго руку?
Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,
Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти
Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно, себѣ самому повредитъ онъ.
Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ
Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудьна-грудь, испытать съ нимъ:
Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.
Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;
Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ.
Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда побѣждаемъ
Въ Троѣ, когда мы, ахейцы, тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.
Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ;
Я не дерзнулъ бы, однако, бороться съ героями древнихъ
Лѣтъ, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ эхалійскимъ;
Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились;
Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою;
Можетъ случиться, однако, что кто изъ людей феакійскихъ
Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены членыъ.—
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.

Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
—Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь; ты только
Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ
Дерзкой насмѣшкой—зато ни одинъ, говорить здѣсь привыкшій
Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслитъ тебя опорочить.
Выслушай слово, однако, мое со вниманьемъ, чтобъ послѣ
Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты,
Сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ дарованьяхъ, какія
Намъ отъ отцовъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство.
Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны:
Быстры ногами, зато несказанно и первые въ морѣ;
Любимъ обѣды роскошные, пѣніе, музыку, пляску,
Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.
Но пригласите сюда плясуновъ феакійскихъ, зову я
Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратяся
Въ домъ свой, тамъ всѣмъ разсказать, какъ другихъ мы людей превосходимъ
Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ пляскѣ и въ пѣньи.
Пусть принесутъ Демодоку его звонкогласную лиру;
Гдѣ-нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оставилъ.—
Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя
Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой.
Судьи, въ народѣ избранные, девять числомъ, на средину
Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли,
Мѣсто для пляски угладили, поприще сдѣлали шире.
Тою порой изъ дворца возвратился глашатай, и лиру
Подалъ пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва
Стали цвѣтущіе юноши, въ легкой искусные пляскѣ.
Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ
Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пѣлъ Демодокъ вдохновенный
Пѣснь о прекраснокудрявой Кипридѣ и богѣ Арeѣ:
Какъ ихъ свиданіе первое въ домѣ владыки Ифеста
Было; какъ, много истративъ богатыхъ даровъ, опозорилъ
Ложе Ифеста Арей, какъ открылъ, наконецъ, все Ифесту
Геліосъ зоркій, любовное ихъ подстерегши свиданье.
Только достигла обидная рѣчь до Ифестова слуха,
Мщеніе въ сердцѣ замысливъ, онъ въ кузницѣ плаху поставилъ,
Крѣпко свою наковальню уладилъ на ней и проворно
Сѣти сковалъ изъ желѣзныхъ, крѣпчайшихъ, ничѣмъ неразрывныхъ
Проволокъ. Хитрый окончивши трудъ и готовя Арею
Стыдъ, онъ пошелъ въ тотъ покой, гдѣ богатое ложе стояло.
Тамъ онъ сѣтями своими опутавъ подножье кровати,
Ихъ на нее опустилъ съ потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорамъ
Вѣчныхъ боговъ непримѣтны онѣ: такъ искусно сковалъ ихъ,
Мщенье готовя, Ифестъ. Западню передъ ложемъ устроивъ,
Онъ притворился, что путь свой направилъ въ Лемносъ, крѣпкозданный
Городъ, всѣхъ болѣ другихъ городовъ на землѣ ихъ любимый.
Зорко за нимъ наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Свѣдалъ, что въ путь свой Ифестъ, многославный художникъ, пустился.
Сильной любовью къ прекрасновѣнчаной Кипридѣ влекомый,
Въ домъ многославнаго бога художника тайно вступилъ онъ.
Зевса отца посѣтивъ на высокомъ Олимпѣ, въ то время
Дома одна, отдыхая, сидѣла богиня. Арей подошедши,
За руку взялъ и по имени назвалъ ее и сказалъ ей:
—Милая, часъ благосклоненъ, пойдемъ на роскошное ложе;
Мужъ твой Ифестъ далеко, онъ на островъ Лемно́съ удалился,
Вѣрно, къ суровымъ синтійцамъ, нарѣчія грубаго людямъ.—

Такъ онъ сказалъ и на ложе охотно легла съ нимъ Киприда.
Мало-по-малу и онъ и она усыпились. Вдругъ сѣти
Хитрой Ифеста работы, упавъ, ихъ схватили съ такою
Силой, что не было средства ни встать имъ, ни тронуться членомъ;
Скоро они убѣдились, что бѣгство для нихъ невозможно;
Скоро и самъ, не свершивъ половины пути, возвратился
Въ домъ свой Ифестъ многоумный, на обѣ хромающій ноги;
Геліосъ зоркій его обо всемъ извѣстить не замедлилъ.
Въ домъ свой вступивши съ печалію милаго сердца, поспѣшно
Двери Ифестъ отворилъ, и душа въ немъ исполнилась гнѣвомъ;
Громко онъ началъ вопить, чтобъ его всѣ услышали боги:
—Дій вседержитель, блаженные вѣчные боги, сберитесь
Тяжко обидное, смѣха достойное дѣло увидѣть:
Какъ надо мной хромоногимъ Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, съ грознымъ Ареемъ губительнымъ богомъ
Здѣсь сочетавшись. Конечно, красавецъ и твердъ на ногахъ онъ;
Я жъ отъ рожденія хромъ—но моею ль виною? Виновны
Въ томъ лишь родители. Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ я родился?
Вотъ посмотрите, какъ оба, обнявшися нѣжно другъ съ другомъ,
Спятъ на постели моей. Несказанно мнѣ горько то видѣть.
Знаю, однако, что такъ имъ въ другой разъ заснуть не удастся;
Сколь ни сильна въ нихъ любовь, но, конечно, охота къ такому
Сну въ нихъ теперь ужъ прошла; не сниму съ нихъ дотолѣ я этой
Сѣти, пока не отдастъ мнѣ отецъ всѣхъ богатыхъ подарковъ,
Имъ отъ меня за невѣсту, безстыдную дочь, получённыхъ.
Правда, прекрасна она, но ея перемѣнчиво сердце.—
Такъ онъ сказалъ. Той порой собрались въ мѣдностѣнныхъ палатахъ
Боги; пришелъ Посидонъ земледержецъ; пришелъ дароносецъ
Эрмій; пришелъ Аполлонъ, издалёка разящій стрѣлами;
Но, сохраняя пристойность, богини осталися дома.
Въ двери вступили податели благъ всемогущіе боги;
Подняли всѣ они смѣхъ несказанный, увидя какое
Хитрое дѣло ревнивый Ифестъ совершить умудрился.
Глядя другъ-на́-друга, такъ межъ собою они разсуждали:
—Злое не въ прокъ; надъ проворствомъ здѣсь медленность верхъ одержала;
Какъ ни хромаетъ Ифестъ, но поймалъ онъ Арея, который
Самый быстрѣйшій изъ вѣчныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ.
Хитростью взялъ онъ; достойная мзда посрамителю брака.—
Такъ говорили, другъ съ другомъ бесѣдуя, вѣчные боги.
Къ Эрмію тутъ обратившись, сказалъ Аполлонъ, сынъ Зевеса:
—Эрмій, Кроніоновъ сынъ, благодатный боговъ вѣстоносецъ,
Искренно мнѣ отвѣчай, согласился ль бы ты подъ такою
Сѣтью лежать на постели одной съ золотою Кипридой?—
Зоркій убійца Аргуса отвѣтствовалъ такъ Аполлону:
—Если бъ могло то случиться, о царь Аполлонъ стрѣловержецъ,
Сѣтью тройной бы себя я охотно опутать дозволилъ,
Пусть на меня бы собравшись богини и боги смотрѣли,
Только бъ лежать на постели одной съ золотою Кипридой!—
Такъ отвѣчалъ онъ; безсмертные подняли смѣхъ несказанный,
Но Посидонъ не смѣялся; чтобъ выручить бога Арея,
Къ славному дивнымъ искусствомъ Ифесту онъ, голосъ возвысивъ,
Съ просьбой своей обратился и бросилъ крылатое слово:
—Дай имъ свободу: ручаюсь тебѣ за Арея: какъ самъ ты
Требуешь, все дополна при безсмертныхъ богахъ онъ заплатитъ.—
Богъ хромоногій Ифестъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:
—Нѣтъ! отъ меня, Посидонъ земледержецъ, того ты не требуй.
Знаешь ты самъ, что всегда невѣрна за невѣрныхъ порука.
Чѣмъ же тебя, всемогущій, могу я къ уплатѣ принудить,
Если свободный Арей убѣжитъ и платить отречется?—
Богу Ифесту отвѣтствовалъ такъ Посидонъ земледержецъ:
—Если могучій Арей, чтобъ не быть принужденнымъ къ уплатѣ,

Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я.—Хромоногій Ифестъ отвѣчалъ Посидону владыкѣ:
—Воли твоей, Посидонъ не дерзну и не властенъ отвергнуть.—
Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила.
Богъ и богиня—лишь только ихъ были разрушены цѣпи—
Быстро вскочивъ, улетѣли. Во Фригію онъ удалился;
Скрылася въ Кипръ золотая съ улыбкой привѣтной Киприда;
Былъ тамъ алтарь ей въ Паѳосскомъ лѣсу благовонномъ воздвигнутъ;
Тамъ, искупавши ее и натерши душистымъ, святое
Тѣло однихъ лишь боговъ орошающимъ масломъ, хариты
Плечи ея облачили одеждою прелести чудной.—
Такъ воспѣвалъ вдохновенный пѣвецъ Одиссей благородный
Въ сердцѣ, внимая ему, веселился; и съ нимъ веселились
Вёслолюбивые, смѣлые гости морей феакійцы.
Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ
Пляску начать; въ ней не могъ превосходствомъ никто побѣдить ихъ.
Мячъ разноцвѣтный, для нихъ рукодѣльнымъ Полибіемъ сшитый,
Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ темносвѣтлымъ
Бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прянувъ высоко,
Мячъ налету подхватилъ, до земли не коснувшись ногами.
Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши въ мѣру ногами,
Стоя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь гремѣла.
Долго смотрѣвъ, напослѣдокъ, сказалъ Одиссей Алкиною:—
Царь Алкиной! благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится:
Правда твоя: то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся.—
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Алкиноеву силу святую.
Царь феакіянамъ вёслолюбивымъ сказалъ:—Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ;
Разумъ великій имѣетъ, я вижу, нашъ гость иноземный;
Должно ему, какъ обычай велитъ, предложить намъ подарки;
Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ знаменитыхъ,
Праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ талантомъ
Золота нашему гостю въ подарокъ назначитъ обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтобъ веселъ онъ былъ за трапезою нашей.
Ты жъ, Эвріалъ, удовольствуй его, передъ нимъ повинившись,
Давъ и подарокъ; его оскорбилъ неприличнымъ ты словомъ.—
Такъ онъ сказалъ; изъявили свое одобренье другіе;
Каждый глашатая въ домъ свой послалъ, чтобъ подарки принесъ онъ.
Но Эвріалъ, повинуясь, отвѣтствовалъ такъ Алкиною:—
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Мѣдный свой мечъ съ рукоятью серебряной въ новыхъ
Чудной работы ножнахъ изъ слоновыя кости, охотно
Дамъ я ему, и, конечно, онъ даръ мой высоко оцѣнитъ.—
Такъ говоря, сребркованный мечъ свой онъ снялъ и возвысилъ
Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэртову сыну:—
Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! И если сказалъ я
Дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣетъ;
Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
Въ домъ возвратяся по долгопечальной разлукѣ съ семьею.—
Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:—
Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастливъ.
Въ сердцѣ жъ своемъ никогда не раскайся, что мнѣ драгоцѣнный
Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удовольствовавъ словомъ.—
Такъ отвѣчавъ, сребркованный мечъ на плечо онъ повѣсилъ.
Солнце зашло; всѣ богатые собраны были подарки;

Ихъ поспѣшили глашатаи въ домъ отнести Алкиноевъ;
Тамъ сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
Отдали матери ихъ, многоумной царицѣ Аретѣ.
Царь же повелъ знаменитаго гостя со всѣми другими
Въ домъ свой, и сѣли, пришедши, они на возвышенныхъ креслахъ.
Тутъ обратяся къ царицѣ Аретѣ, сказалъ благородный
Царь:—Принеси намъ, жена, драгоцѣннѣйшій самый изъ многихъ
Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши и верхнее платье
Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котелъ на огонь, вскипятите
Воду, чтобъ гость нашъ омылся и, всѣ осмотрѣвши подарки,
Имъ полученные здѣсь отъ людей феакійскихъ, былъ веселъ,
Съ нами сидя за вечерней трапезой, и пѣнью внимая.
Я же еще драгоцѣнный кувшинъ золотой на прощанье
Дамъ, чтобъ, меня вспоминая, онъ могъ изъ него ежедневно
Дома творить возліянье Зевесу и прочимъ безсмертнымъ.—
Такъ онъ сказалъ, и царица Арета велѣла рабынямъ
Яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ троеножнымъ;
Тотчасъ котелъ троеножный на яркомъ огнѣ былъ поставленъ.
Налили воду въ котелъ и усилили хворостомъ пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла.
Тою порою Арета прекрасный ковчегъ изъ покоевъ
Внутреннихъ вынесла гостю: въ ковчегъ положила подарки,
Золото, ризы и все, что ему феакійскіе мужи
Дали; сама жъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ.
Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово:—
Кровлей накрывъ и тесьмою окутавъ ковчегъ, завяжи ты
Узелъ, чтобъ кто на дорогѣ чего не похитилъ, покуда
Будешь покоиться сномъ ты, плывя въ кораблѣ чернобокомъ.—
То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, услышавъ,
Кровлей накрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и искусный
Узелъ (какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеею) сдѣлалъ.
Тутъ пригласила его домовитая ключница въ баню
Члены свои оживить омовеньемъ; и теплой купальнѣ
Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсы, въ которомъ
Нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили. Когда же
Тѣло омыла ему и елеемъ натерла рабыня,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую
Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою,
Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла.
Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:—
Радуйся, странникъ! но, въ милую землю отцовъ возвратяся,
Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ.—
Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:—
О Навзикая, прекрасноцвѣтущая дочь Алкиноя,
Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ, дозволитъ
Въ домѣ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть,
Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу,
Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ.—
Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ сѣлъ близъ царя Алкиноя.
Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцомъ Демодокомъ,
Чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубаго вепря
Взявши съ тарелки своей (для себя же оставя тамъ болѣ),
Царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоною:—
Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны

Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
Всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ сама научила
Пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя.—
Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодоку
Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно даяніе принялъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный:—
Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
Музою, дочерью Дія иль Фебомъ самимъ наученный,
Все ты поешь по порядку, что было съ ахейцами въ Троѣ,
Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему иль отъ вѣрныхъ
Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ,
Чудномъ Эпеоса съ помощью дѣвы Паллады созданьи,
Спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ Одиссеемъ,
Полный вождей, напослѣдокъ, святой Иліонъ сокрушившихъ.
Если объ этомъ поистинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсемѣстно
Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили.—
Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога:
Началъ съ того онъ, какъ всѣ на своихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ
Въ море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный станъ свой, какъ первые мужи изъ нихъ съ Одиссеемъ
Были оставлены въ Троѣ, замкнутые въ конской утробѣ,
Какъ напослѣдокъ коню Иліонъ отворили трояне.
Въ градѣ стоялъ онъ; кругомъ, нерѣшимые въ мысляхъ сидѣли
Люди троянскіе; было межъ ними троякое мнѣнье:
Или губительной мѣдью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до зáмка, съ утеса низвергнуть,
Или оставить среди Иліона мирительной жертвой
Вѣчнымъ богамъ: на послѣднее всѣ сóгласились, понеже
Было судьбой рѣшено, что падетъ Иліонъ, отворивши
Стѣны коню, гдѣ ахейцы избранные будутъ скрываться,
Черную участь и смерть приготовивъ троянамъ враждебнымъ.
Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи ахейскіе въ градъ ворвалися,
Чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбѣжавъ склепа;
Какъ разъяренные каждый по своему градъ разоряли,
Какъ Одиссей къ Доифобову дому, подобный Арею,
Бросился вмѣстѣ съ божественно-грознымъ въ бою Менелаемъ.
Тамъ истребительный бой (продолжалъ пѣснопѣвецъ) возжегши,
Онъ, наконецъ, побѣдилъ, подкрѣпленный великой Палладой.
Такъ объ ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
Силясь отъ дня рокового спасти сограждань и семейство.
Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ и, прижавшись
Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,
Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;
Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.
Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.
Всѣми другими онѣ не замѣчены были; но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ феакіянамъ вёслолюбивымъ сказалъ: —Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ.
Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть;

Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ся сладкогласіемъ дивнымъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на вечернемъ
Нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхаетъ
Странникъ; конечно, прискорбіе сердцемъ его овладѣло.
Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь равно веселиться
Гость нашъ и всѣ мы; конечно, для насъ то пріятнѣе будетъ.
Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца готово
Все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей.
Странникъ молящій не менѣе брата родного любезенъ
Всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ.
Ты же теперь, ничего не скрывая, отвѣтствуй на то мнѣ,
Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой, и мать, и другіе
Въ градѣ твоемъ и отечествѣ миломъ тебя величаютъ.
Между живущихъ людей безымяннымъ никто не бываетъ
Вовсе; въ минуту рожденія каждый, и низкій и знатный,
Имя свое отъ родителей въ сладостный даръ получаетъ;
Землю, и градъ, и народъ свой потомъ назови, чтобъ согласно
Съ волей твоей и корабль и народъ нашъ свое направленіе выбралъ;
Кормщикъ не правитъ въ моряхъ кораблемъ феакійскимъ; руля мы,
Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не имѣемъ;
Сами они понимаютъ своихъ корабельщиковъ мысли;
Сами находятъ они и жилища людей и поля ихъ
Тучнообильныя; быстро они всѣ моря обтекаютъ,
Мглой и туманомъ одѣтые; нѣтъ никогда имъ боязни
Вредъ на волнахъ претерпѣть, иль отъ бури въ пучинѣ погибнуть.
Вотъ что, однако, въ ребячествѣ я отъ отца Навзитоя
Слышалъ: не разъ говорилъ онъ, что богъ Посидонъ недоволенъ
Нами за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.
Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,
Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокой горою
Градъ нашъ задвинетъ. Исполнитъ ли то Посидонъ земледержецъ,
Иль не исполнитъ—пусть будетъ по волѣ великаго бога!
Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,
Гдѣ по морямъ ты скитался? Какихъ человѣковъ ты зѐмли
Видѣлъ? Свѣтлóнаселенные ихъ города опиши намъ:
Были ль межъ ними свирѣпые, дикіе, чуждые правды?
Были ль благіе для странника, чтущіе волю безсмертныхъ?
Также скажи, отчего ты такъ плачешь? Зачѣмъ такъ печально
Слушаешь повѣсть о битвахъ данаевъ, о Троѣ погибшей?
Имъ для того ниспослали и смерть и погибельный жребій
Боги, чтобъ славною пѣснію были они для потомковъ.
Ты же, конечно, утратилъ родного у стѣнъ Иліонскихъ,
Милаго зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкіе послѣ возлюбленныхъ сродниковъ кровныхъ?
Или товарища нѣжнопривѣтнаго, кроткаго сердцемъ,
Тамъ потерялъ ты? Не менѣе брата родного любезенъ
Намъ нашъ товарищъ, испытанный другъ и разумный совѣтникъ.—

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей начинаетъ разсказывать свои приключенія. Отплытіе отъ береговъ троянскихъ. Разрушеніе Измара, города киконовъ, и гибель многихъ сопутниковъ Одиссея. Буря. Посѣщеніе лотофаговъ. Прибытіе въ область циклоповъ. Одиссей, оставя у Козьяго острова свои корабли, съ однимъ собственнымъ кораблемъ пристаетъ къ недалекому берегу циклоповъ. Выбравъ двѣнадцать изъ своихъ корабельныхъ товарищей, онъ входитъ съ ними въ пещеру Полифема. Гибель шести изъ сопутниковъ Одиссеевыхъ, сожранныхъ циклопомъ. Опьянивъ его, Одиссей прозаетъ ему глазъ и потомъ хитростію спасаетъ себя и товарищей отъ его бѣшенства. Они похищаютъ циклопово стадо и возвращаются на Козій островъ. Полифемъ призываетъ отца Посидона и молитъ, чтобы онъ отмстилъ за него Одиссею.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей богоравный:
—Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Сладко вниманье свое намъ склонять къ пѣснопѣвцу, который,

Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кратéръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.
Но отъ меня о плачевныхъ страданьяхъ моихъ ты желаешь
Слышать, чтобъ сердце мое преисполнилось плачемъ сильнѣйшимъ:
Что же я прежде, что послѣ, и что, наконецъ, разскажу вамъ?
Много Урáниды боги мнѣ бѣдствій различныхъ послали.
Прежде, однако, вамъ имя свое назову, чтобъ могли вы
Знать обо мнѣ, чтобъ, покуда еще мной не встрѣченъ послѣдній
День, и въ далекой странѣ я считался вамъ гостемъ любезнымъ.
Я Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездѣ изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей славный и громкой молвой до небесъ вознесенный.
Въ солнечносвѣтлой Итакѣ живу я; тамъ Нéріонъ, всюду
Видимый съ моря, подъемлетъ вершину лѣсистую; много
Тамъ и другихъ острововъ недалекихъ одинъ отъ другого:
Замъ, и Дулихій, и лѣсомъ богатый Закинѳъ; и на самомъ
Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака
(Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эосъ и Гéліосъ всходятъ);
Лоно ея каменисто, но юношей бодрыхъ питаетъ;
Я же не вѣдаю края прекраснѣе милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключеніи долгомъ
Силой держала меня, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ;
Тщетно меня чародѣйка, владычица Эи, Цирцея
Въ домѣ держала своемъ, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ—
Хитрая лесть ихъ въ груди у меня не опутала сердца;
Сладостнѣй нѣтъ ничего намъ отчизны и сродниковъ нашихъ,
Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители жили
Мы на чужой сторонѣ, далекó отъ родителей милыхъ.
Если, однако, велишь, то о странствіи трудномъ, какое
Зевсъ учредилъ мнѣ, отъ Трои плывущему, все разскажу я.
Вѣтеръ отъ стѣнъ Иліона привелъ насъ ко граду киконовъ,
Измару; градъ мы разрушили, жителей всѣхъ истребили.
Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награбивши много,
Стали добычу дѣлить мы, чтобъ каждый могъ взять свой участокъ.
Я жъ настоялъ, чтобъ немедля стопою поспѣшною въ бѣгство
Всѣ обратились: но добрый совѣтъ мой отвергли безумцы;
Полные хмеля, они пировали на брегѣ песчаномъ,
Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ зарѣзавъ.
Тою порой киконы, изъ града бѣжавшіе, многихъ
Собрали жившихъ сосѣдственно съ ними въ странѣ той киконовъ,
Сильныхъ числомъ, пріобыкшихъ сражаться съ коней, и не менѣ
Смѣлыхъ, когда имъ и пѣшимъ въ сраженье вступать надлежало.
Вдругъ ихъ явилось такъ много, какъ листьевъ древесныхъ иль раннихъ
Вешнихъ цвѣтовъ; и тогда же намъ сдѣлалось явно, что злую
Участь и бѣдствія многія намъ приготовилъ Кроніонъ.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходныхъ,
Острыя копья, обитыя мѣдью, бросая другъ въ друга. Покуда
Длилося утро, пока продолжалъ подыматься священный
День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
Гéліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
Въ бѣгъ обратили киконы осиленныхъ ими ахеянъ.
Съ каждаго я корабля по шести броненосцевъ отважныхъ
Тутъ потерялъ; отъ судьбы и отъ смерти ушли остальные.
Далѣе пóплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.
Я жъ не отвелъ кораблей легкоходныхъ отъ брега, покуда

Три раза не былъ по имени названъ изъ нашихъ несчастныхъ
Спутниковъ каждый, погибшій въ бою и оставленный въ полѣ.
Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борея,
Страшно ревущаго, выслалъ на насъ; облака обложили
Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
Мчались суда, погружаяся въ волны носами; вѣтрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избѣгая бѣды, въ корабли ихъ, свернувъ, уложили;
Сами же начали веслами къ ближнему берегу править;
Тамъ провели мы въ бездѣйствіи скучномъ два дня и двѣ ночи,
Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца.
Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эосъ;
Мачты устроивъ и снова поднявъ паруса, на суда мы
Сѣли; они понеслись, повинуясь кормилу и вѣтру.
Мы невредимо бы въ милую землю отцовъ возвратились,
Если бъ волненіе моря и сила Борея не сбили
Насъ, обходящихъ Маллею, съ пути, отдаливъ отъ Китеры.
Девять носила насъ дней раздраженная буря по темнымъ
Рыбообильнымъ водамъ; на десятый къ землѣ лотофаговъ,
Пищей цвѣточной себя насыщающихъ, вѣтеръ примчалъ насъ.
Вышедъ на твердую землю и свѣжей водою запасшись,
На́скоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ учредили.
Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и ѣдою, избралъ я
Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ (былъ третій
Съ ними глашатай) и свѣдать послалъ ихъ, къ какимъ мы достигли
Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ, изобильной дарами.
Мирныхъ они лотофаговъ нашли тамъ; и посланнымъ нашимъ
Зла лотофаги не сдѣлали; ихъ съ дружелюбною лаской
Встрѣтивъ, имъ лотоса дали отвѣдать они; но лишь только
Сладко-медвянаго лотоса каждый отвѣдалъ, мгновенно
Все позабылъ и, утративъ желанье назадъ возвратиться,
Вдругъ захотѣлъ въ сторонѣ лотофаговъ остаться, чтобъ вкусный
Лотосъ сбирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны.
Силой ихъ плачущихъ къ нашимъ судамъ притащивъ, повелѣлъ я
Крѣпко ихъ тамъ привязать къ корабельнымъ скамьямъ; остальнымъ же
Вѣрнымъ товарищамъ далъ приказанье, нимало не медля,
Всѣмъ на проворные сѣсть корабли, чтобъ изъ нихъ ни который,
Лотосомъ сладкимъ прельстясь, отъ возврата домой не отрекся.
Всѣ на суда собралися, и сѣвши на лавки у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ земли
Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды циклоповъ.
Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя
Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пашутъ; земля тамъ
Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ орошаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; лежитъ онъ на темномъ
Лонѣ морскомъ, ни далеко ни близко отъ брега циклоповъ,
Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы
Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за дичью
Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій;
Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Тамъ ни въ какіе дни года не сѣютъ, не пашутъ; людей тамъ
Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,

Ибо циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи
Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,
Разныхъ народовъ страны посѣщалъ, какъ бываетъ, что ходятъ
По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
Влажные, мягкіе; много бъ вездѣ разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій
Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно;
Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ
Плаватель самъ, иль пока не подымется вѣтеръ попутный.
Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается въ море
Ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ.
Въ эту мы пристань вошли съ кораблями; въ ночной темнотѣ намъ
Путь указалъ благодѣтельный Демонъ: былъ островъ невидимъ;
Влажный туманъ окружалъ корабли; не свѣтила Селена
Съ неба высокаго; тучи его покрывали густыя;
Острова были нельзя различить надъ глазами во мракѣ;
Видѣть и длинныхъ, широко на берегъ отлогій бѣгущихъ
Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулися брега,
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Весь обошли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Козъ обвѣваемыхъ вѣтрами горъ, для богатой намъ пищи;
Гибкіе луки, охотничьи легкія копья немедля
Взяли съ своихъ кораблей мы, и на три толпы раздѣляся,
Начали битву; и богъ благосклонный великой добычей
Насъ наградилъ: всѣ двѣнадцать моихъ кораблей запасли мы;
Девять на каждый досталось по жеребью козъ; для себя же
Выбралъ я десять. И цѣлый мы день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались,
Ибо еще на моихъ корабляхъ золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельныхъ сосудовъ
Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ священный киконовъ.
Съ острова жъ въ области близкой циклоповъ намъ ясно былъ виденъ
Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ могли мы
Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Вѣрныхъ товарищей я на совѣтъ пригласилъ и сказалъ имъ:
—Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;
Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,
Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ,
Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій вѣры и правды,
Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?—
Такъ я сказалъ и, вступивъ на корабль, повелѣлъ, чтобъ за мною
Люди мои на него всѣ взошли и канатъ отвязали;
Люди взошли на корабль и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли
Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ, утесѣ пещеру,
Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирался
Мелкій во множествѣ скотъ; тамъ высокой стѣной изъ огромныхъ,

Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ, и стояли
Частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны.
Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ въ той жилъ одиноко,
Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ изъ другихъ не водился;
Былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, никакого не вѣдалъ закона:
Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ
Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и казался лѣсистой,
Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.
Спутникамъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ я остаться на брегѣ
Близъ корабля и его сторожить неусыпно; съ собой же
Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, пошелъ я
Съ ними; и мы запаслися вина драгоцѣннаго полнымъ
Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ
Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ надѣлилъ насъ
Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ—
Санъ уважая жреца—пощадили во градѣ, гдѣ жилъ онъ
Въ рощѣ густой Аполлона; меня жъ одарилъ онъ особо:
Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную дивной работы кратéру, и налилъ
Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей виномъ драгоцѣннымъ,
Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ напиткомъ; о немъ же не вѣдалъ
Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ,
Кромѣ хозяина, умной хозяйки и ключницы вѣрной.
Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться
Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацѣдивши,
Въ двадцать разъ болѣ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши
Былъ несказанный: не могъ тутъ никто отъ питья воздержаться.
Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ наполненный мѣхъ и съѣстного
Полный кошель: говорило мнѣ вѣщее сердце, что встрѣчу
Страшнаго мужа чудовищной силы, свирѣпаго нравомъ,
Чуждаго добрымъ обычаямъ, чуждаго вѣрѣ и правдѣ.
Шагомъ поспѣшнымъ къ пещерѣ приблизились мы, но его въ ней
Не было: козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ.
Начали все мы въ пещерѣ пространной осматривать; много
Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ; въ отдѣльныхъ закутахъ
Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ
Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, средніе подлѣ
Среднихъ и съ младшими младшіе; ведра и чаши
Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убѣждать, чтобъ, запасшись сырами,
Болѣ я въ страшной пещерѣ не медлилъ, чтобъ всѣ мы скорѣе,
Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ добычей
Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море пустились.
Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ исполнить;
Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что, насъ угостивши,
Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться съ нимъ не на радость намъ было.
Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву; добывши
Сыру потомъ и насытивъ свой голодъ, остались въ пещерѣ
Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
Съ ношею дровъ, для варенья вечерняя пищи, явился
Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры
Бросилъ; объятые страхомъ мы спрятались въ уголъ; пригнавши
Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ къ пещерѣ,
Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самцовъ, и козловъ и барановъ,
Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ передъ входомъ оставилъ.
Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ
Камень, который и двадцать два воза четырехколесныхъ
Съ мѣста бъ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалѣ необъятной
Былъ онъ; его подхвативши и входъ имъ пещеры задвинувъ,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,

Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. Половину отливъ молока въ плетеницы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустѣло для сыра;
Все жъ молоко остальное разлилъ по сосудамъ, чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо пригнавши.
Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ, онъ
Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и грубо сказалъ намъ:
—Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?—
Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце:
Голосъ гремящій и образъ чудовища въ трепетъ привелъ насъ.
Но, ободрясь, напослѣдокъ отвѣтствовалъ такъ я циклопу:
—Всѣ мы ахейцы; плывемъ отъ далекія Трои; сюда же
Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.
Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ прямого пути мы
Сбились; такъ было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служимъ мы въ войскѣ Атрида царя Агамéмнона; онъ же
Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ несказанною славой,
Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.
Нынѣ къ колѣнамъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ
Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять и подарокъ
Дать намъ, какимъ завсегда на прощаньи гостей надѣляютъ.
Ты же убойся боговъ; мы пришельцы, мы ищемъ покрова;
Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный Кроніонъ,
Богъ гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ.—
Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
—Видно, что ты издалека, иль вóвсе безуменъ, пришелецъ,
Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
Намъ, циклопамъ, нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать, меня не принудитъ
Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.
Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы
Къ намъ? Далеко ль иль близко отсюда стоитъ онъ? То вѣдать
Долженъ я.—Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись,
Хитрыми самъ я словами отвѣтствовалъ злому циклопу:
—Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мнѣ жъ и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалося.—
Такъ я сказалъ, и отвѣта не давъ никакого, онъ быстро
Прянулъ, какъ бѣшеный звѣрь, и огромныя вытянувъ руки,
Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенятъ подхватилъ и ударилъ
Оземь; ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру.
Онъ же, обоихъ разсѣкши на части, изъ нихъ свой ужасный
Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяряемый гладомъ,
Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.
Мы, святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби.
Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ, и свѣжимъ
Страшную пищу запивъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ сердца,
Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу мстящею мѣдью
Тѣло въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подъ грудью находится печень.
Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли пришло мнѣ;
Съ нимъ неизбѣжно и насъ бы постигнула вѣрная гибель:
Всѣ совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа пещеры

Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ:
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Всталъ онъ, огонь разложилъ и доить принялся по порядку
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна; окончивши съ заботливымъ спѣхомъ работу
Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу.
Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери
Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ запираютъ.
Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо;
Я жъ, въ заключеньи оставленный, началъ выдумывать средство,
Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ, наконецъ, я удобнымъ и вѣрнымъ:
Въ козьей закутѣ стояла дубина циклопова, свѣжій
Стволъ имъ обрубленной маслины дикой, его онъ, очистивъ,
Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ послѣ гулять съ нимъ; подобенъ
Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многовесельномъ,
Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ бываетъ;
Былъ онъ, конечно, какъ мачта длиной, толщиною и вѣсомъ.
Взявши тотъ стволъ и мечомъ отъ него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубокъ велѣлъ я товарищамъ; скоро
Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его заострилъ я;
Послѣ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы поспѣшно
Колъ, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ навозѣ, который
Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной пещерѣ циклопа.
Кончивъ, своихъ пригласилъ я сопутниковъ жеребій кинуть:
Кто между ними коломъ обожженнымъ поможетъ пронзить мнѣ
Глазъ людоѣду, какъ-скоро глубокому сну онъ предастся.
Жеребій далъ четырехъ мнѣ и самыхъ надежныхъ, которыхъ
Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не по жеребью пятый.
Вечеромъ, жирное стадо гоня, людоѣдъ возвратился;
Но отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное стадо
Ввелъ, не оставивъ на внѣшнемъ дворѣ ни козла, ни барана
(Было ли въ немъ подозрѣнье, иль Демонъ его надоумилъ).
Снова пещеру задвинувъ скалой необъятно тяжелой,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. И окончивъ работу, рукой безпощадной
Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и попрежнему съѣлъ ихъ.
Тутъ подошелъ я отважно и рѣчь обратилъ къ людоѣду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
—Выпей,циклопъ, золотого вина,человѣчьимъ насытясь
Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ
Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
Милость въ тебѣ обрѣсти: но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
Кто же впередъ, безпощадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
Многихъ людей, о твоихъ беззаконныхъ поступкахъ услышавъ?—
Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ
Чаши:—Налей мнѣ, сказалъ онъ, еще и свое назови мнѣ
Имя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный подарокъ.
Есть и у насъ, у циклоповъ, роскошныхъ кпстей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ;
Твой же напитокъ—амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ.—
Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ
Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу я подалъ.
Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людоѣда.
Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою рѣчью:
—Славное имя мое ты, циклопъ, любопытствуешь свѣдать,
Съ тѣмъ, чтобъ, меня угостивъ, и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?

Я называюсь Никто; мнѣ такое названіе дали
Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ.—
Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоѣдъ звѣроправный:
—Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ.—
Тутъ повалился онъ навзничь, совсѣмъ опьянѣлый; и набокъ
Свисла могучая шея и всепобѣждающей силой
Сонъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса
Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.
Колъ свой доставъ, мы его остреемъ на огонь положили;
Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ кликнувъ,
Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ
Дѣлѣ. Уже начиналъ положенный на уголья колъ нашъ
Пламя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; поспѣшно
Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ обоихъ
Стали боковъ — божество въ нихъ, конечно, вложило отважность;
Колъ обхватили они и его остреемъ раскаленнымъ
Втиснули спящему въ глазъ; и, съ конца приподнявши, его я
Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другіе же ему помогаютъ, ремнями
Острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.
Такъ мы, его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно
Колъ свой вертѣли въ пронзенномъ глазу: облился онъ горячей
Кровью; истлѣли рѣсницы, шершавыя вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызнулъ глазъ, на огнѣ закипѣвши.
Такъ расторопный ковачъ, изготовивъ топоръ иль сѣкиру,
Въ воду металлъ (на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную
Крѣпость имѣлъ) погружаетъ, и звонко шипитъ онъ въ холодной
Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остреемъ раскаленнымъ пронзенный.
Дико завылъ людоѣдъ—застонала отъ воя пещера.
Въ страхѣ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью вырвавъ
Колъ изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленьи
Началъ онъ крикомъ циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ
Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемыхъ вѣтромъ, вершинахъ.
Громкіе вопли услышавъ, отвсюду сбѣжались циклопы;
Входъ обступили пещеры они и спросили: —Зачѣмъ ты
Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? На что ты
Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губитъ?—
Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
Ревомъ: —Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы
Силой не могъ повредить мнѣ.—Въ сердцахъ закричали циклопы:—
Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
Въ помощь отца своего призови, Посидона владыку.—
Такъ говорили они, удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалося.
Охая тяжко, съ кряхтѣньемъ и стономъ ошаривъ руками
Стѣны, циклопъ отодвинулъ отъ входа скалу, передъ нею
Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, надѣясь, что въ стадѣ,
Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловитъ; конечно,
Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка.
Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство,
Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ избавить отъ вѣрной
Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно
Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было ужъ близко.
Вотъ что, по думаньи долгомъ, удобнѣйшимъ мнѣ показалось:
Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью,

Жирные, мощные, въ стадѣ; руно ихъ какъ шелкъ волновалось.
Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками, вырвавъ
Ихъ изъ рогожи, служившей постелью злому циклопу,
По три барана связалъ; человѣкъ былъ подвязанъ подъ каждымъ
Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный, на каждыхъ
Трехъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ; а самъ я?... Дебелый,
Рослый, съ роскошною шерстью былъ въ стадѣ баранъ; обхвативши
Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ подъ шершавымъ
Брюхомъ; а руки (въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ)
Длинною шерстью обвилъ и на ней терпѣливо держался.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
Къ выходу всѣ побѣжали самцы, и козлы и бараны;
Матки жъ, еще недоенныя, жалко блеяли въ закутахъ,
Брызжа изъ длинныхъ сосцовъ молокомъ; господинъ ихъ, отъ боли
Охая, щупалъ руками у всѣхъ, пробѣгающихъ мимо,
Пышныя спины; но, глупый, онъ былъ угадать неспособенъ,
Что́ у иныхъ подъ волнистой скрывалося грудью; послѣдній
Шелъ мой баранъ; и медлительнымъ шагомъ онъ шелъ, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшимъ въ то время о многомъ.
Спину ощупавъ его, съ нимъ циклопъ разговаривать началъ:
—Ты ль, мой прекрасный любимецъ? Зачѣмъ же пещеру послѣдній
Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медлителенъ не былъ.
Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходилъ ты
Сладкоцвѣтущей травою питаться; ты въ полдень къ потоку
Первый бѣжалъ, и у всѣхъ впереди возвращался въ пещеру
Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты послѣдній; знать чувствуешь самъ ты,
Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотритъ, лишенъ я
Свѣтлаго зрѣнія гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ виномъ мнѣ
Умъ отуманилъ; его называютъ Никто; но еще онъ
Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы, мой другъ, говорить ты
Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ ненавистный; я черепъ
Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещерѣ,
Оземь ударивъ его и на части раздернувъ; отмстилъ бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ,
Здѣсь мнѣ нанесъ. — Такъ сказавъ, онъ барана пустилъ на свободу.
Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и внѣшней ограды
Первый ставъ на ноги, спутниковъ всѣхъ отвязалъ, и немедля
Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ
Собралъ; обходами многими ихъ мы погнали на взморье
Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрѣтить,
Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ погибшихъ
Плакать они; но мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачъ удержали,
Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль нашъ немедля
Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.
Люди мои собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
Но, на такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я циклопу:
—Слушай, циклопъ безпощадный, впередъ беззащитныхъ гостей ты
Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь; святотатнымъ
Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель;
Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой домъ посѣтившихъ,
Звѣрски сожрать—наказали тебя и Зевесъ и другіе
Боги блаженные.—Такъ я сказалъ; онъ, ужасно взбѣшенный,
Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
На́ голосъ кинулъ; утесъ пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черноостраго носа
Чуть не расшибъ; всколыхалося море отъ падшей громады;
Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно къ брегу;

Схваченный сею, обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался.
Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и судно
Прочь отвалилъ, а товарищамъ, молча кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды; всѣ, нагнувшися, разомъ ударили въ весла.
Бывъ на двойномъ разстояньи отъ страшнаго брега, опять я
Началъ кричать, вызывая циклопа. Товарищи въ страхѣ
Всѣ убѣждали меня замолчать и его не тревожить.
—Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чудовище дразнишь?
Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не бросилъ
На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная гибель.
Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышитъ,
Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ куски изломаетъ,
Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрно доброситъ.—
Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ сердцемъ,
Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью циклопа:
—Если, циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣтствуй:
Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой.—
Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ злости и громко воскликнулъ:
—Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною;
Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый
Телемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;
Жилъ и состарѣлся онъ, прорицая, въ землѣ у циклоповъ.
Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожитъ.
Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокій
Ростомъ, божественной силою мышцъ обладающій смертный...
Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши.
Если жъ ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдно
По морю; сынъ я ему; онъ отцомъ мнѣ слыветъ; и одинъ онъ,
Если захочетъ, погибшее зрѣнье мое возвратить мнѣ
Можетъ—одинъ онъ, никто изъ людей, и никто изъ безсмертныхъ.—
Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко воскликнулъ:
—О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную вырвать
Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвергнуть, какъ вѣрно
То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ глаза!—
Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону владыкѣ:
—Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурнокудрявый,
Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнулъ
Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртовъ
Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же
Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой губитель, чтобы въ домъ свой
Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю отцовъ возвратился,
Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно
Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ горе.—
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ.
Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ и съ размаху
Въ море его съ непомѣрною силой швырнулъ; загудѣвши,
Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ великимъ
Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расплюснулъ
Нашей кормы; всколыхалося море отъ павшей громады;
Судно жъ волною помчало впередъ къ недалекому брегу
Острова козъ; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдѣ наши
Въ мѣстѣ защитномъ оставлены были суда, гдѣ печально
Спутники въ скукѣ сидѣли и ждали, чтобъ мы воротились.

Къ брегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы встащили;
Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами.
Тучныхъ циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу
Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный достался участокъ;
Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ сопутниковъ въ даръ былъ особо
Главный назначенъ баранъ и его принесли мы на брегѣ
Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу владыкѣ.
Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, отвергнувъ онъ жертву,
Сталъ замышлять, чтобъ бѣды претерпѣвъ, напослѣдокъ и всѣхъ я
Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпкозданныхъ лишился.
Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Тою порою померкнуло солнце и тьма наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ брегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я велѣлъ, чтобъ они на проворныхъ
Всѣ корабляхъ собралися и всѣ отвязали канаты.
Спутники всѣ собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Прибытіе на островъ Эолію. Эолъ, повелитель вѣтровъ, даетъ Одиссею проводникомъ Зефира, и вручаетъ ему крѣпко завязанный мѣхъ съ заключенными въ немъ прочими вѣтрами. Находясь уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ. Его сопутники развязываютъ мѣхъ; подымается сильная буря, которая приноситъ ихъ обратно къ Эолову острову. Но раздраженный Эолъ повелѣваетъ Одиссею удалиться. Листригоны истребляютъ одиннадцать кораблей Одиссеевыхъ; съ послѣднимъ онъ пристаетъ къ острову Цирцеи. Волшебница превращаетъ въ свиней его сопутниковъ, но Эрмій даетъ ему средство разрушить ея чародѣйство. Одиссей, одолѣвъ Цирцею, убѣждаетъ ее возвратить человѣческій образъ его сопутникамъ. Проведя годъ на ея островѣ, онъ требуетъ, наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Цирцея повелѣваетъ ему прежде посѣтить Океанъ и у входа въ область Аида вопросить прорицателя Тирезія о судьбѣ своей. Смерть Эльпенора.

Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ
Ипотовъ сынъ тамъ, Эолъ благородный, богами любимый.
Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣною
Весь обнесенъ; берега жъ подымаются гладкимъ утесомъ.
Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося Эолу,
Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей многосильныхъ.
Выраститвъ ихъ, сыновьямъ дочерей онъ въ супружество отдалъ.
Днемъ съ благороднымъ отцомъ и заботливой матерью вмѣстѣ
Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко пируютъ
Въ залѣ они, благовонной отъ запаха пищи и пѣньемъ
Флейтъ оглашаемой; ночью же, каждый съ своею супругой,
Спятъ на рѣзныхъ, дорогими коврами покрытыхъ кроватяхъ.
Въ градъ ихъ прибывши, мы въ домъ ихъ богатый вступили; тамъ цѣлый
Мѣсяцъ Эолъ угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ
Повѣсть о Троѣ, о битвахъ аргивянъ, о ихъ возвращеньи;
Все любопытный заставилъ меня разсказать по порядку.
Но, напослѣдокъ, когда обратился я, въ путь изготовясь,
Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то согласясь благосклонно,
Далъ онъ мнѣ сшитый изъ кожи быка девятигодового
Мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными вѣтрами; былъ онъ
Ихъ господиномъ, по волѣ Кроніона Дія, и всѣхъ ихъ
Могъ возбуждать иль обуздывать, какъ приходило желанье.
Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ серебряной нитью
Туго стянулъ, чтобъ ни малаго быть не могло дуновенья
Вѣтровъ; Зефиру лишь далъ повелѣнье дыханьемъ попутнымъ
Насъ въ корабляхъ по водамъ провожать; но домой возвратиться
Дій не судилъ намъ: свой безразсудностью всѣ мы погибли.
Девять мы сутокъ и денно и нощно свой путь совершали;
Вдругъ на десятыя сутки явился намъ берегъ отчизны,
Былъ онъ ужъ близко; на немъ всѣ огни ужъ могли различить мы.

Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился, понеже
Правилъ до тѣхъ поръ кормиломъ одинъ, никому не желая
Ввѣрить его, чтобъ успѣшнѣй достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговоръ; полагали
Всѣ, что съ собою имѣлъ серебра я и золота много,
Мнѣ на прощаніи данныхъ царемъ благороднымъ Эоломъ.
Глядя другъ-нá-друга, такъ разсуждали они межъ собою:
—Боги! какъ всюду его одного уважаютъ и любятъ
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумалъ
Онъ посѣтить. Ужъ и въ Троѣ онъ много сокровищъ отъ разныхъ
Собралъ добычъ; мы одно претерпѣли, одинъ совершили
Путь съ нимъ—а въ домъ свой должны возвратиться съ пустыми руками.
Такъ и Эолъ; лишь ему одному онъ богатый подарокъ
Сдѣлалъ; посмотримъ же, что имъ такъ плотно завязано въ этомъ
Мѣхѣ: ужъ вѣрно найдемъ серебра тамъ и золота много.—
Такъ говорили одни; ихъ ободрили всѣ остальные.
Мѣхъ былъ развязанъ и шумно исторглися вѣтры на волю:
Бурю воздвигнувъ, они съ кораблями ихъ, громко рыдавшихъ,
Снова отъ брега отчизны умчали въ открытое море.
Я пробудился и долго умомъ колебался, не зная
Что мнѣ избрать, самого ли себя уничтожить, въ пучину
Бросясь, иль молча судьбѣ покорясь, межъ живыми остаться.
Я покорился судьбѣ и на днѣ корабля, завернувшись
Въ мантію, тихо лежалъ. Къ Эолійскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Всѣ товарищи съ плачемъ
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
Нáскоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ совершили.
Свой удовольствовавъ голодъ ѣдой и питьемъ, я съ собою
Взялъ одного изъ товарищей нашихъ съ глашатаемъ; прямо
Къ дому Эола царя мы пошли и его тамъ застали
Вмѣстѣ съ женой и со всѣми дѣтьми за семейнымъ обѣдомъ.
Въ двери палаты вступивъ, я съ своими людьми на порогѣ
Сѣлъ; изумилась царева семья; всѣ воскликнули вмѣстѣ:—
Ты ль Одиссей? Не зловредный ли Демонъ къ тебѣ прикоснулся?
Здѣсь мы не все ль учредили, чтобъ ты безпрепятственно прибылъ
Въ землю отцовъ иль въ иную какую желанную землю?—
Такъ говорили они; съ сокрушеньемъ души отвѣчалъ я:—
Сонъ роковой и безуміе спутниковъ мнѣ приключили
Бѣдствіе злое; друзья, помогите; вамъ это возможно.—
Такъ я сказалъ, умоляющимъ словомъ смягчить ихъ надѣясь.
Всѣ замолчали они; но отецъ мнѣ отвѣтствовалъ съ гнѣвомъ:—
Прочь, недостойный! немедля мой островъ покинь; неприлично
Намъ подъ защиту свою принимать человѣка, который
Такъ очевидно безсмертнымъ, блаженнымъ богамъ ненавистенъ.
Прочь! ненавистный блаженнымъ богамъ и для насъ ненавистенъ.—
Кончивъ, меня онъ, рыдавшаго жалобно, изъ дому выслалъ.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи сердца великомъ.
Люди мои, утомяся отъ гребли, утратили бодрость,
Помоши всякой лишенные собственнымъ жалкимъ безумствомъ.
Денно и нощно шесть сутокъ носясь по водамъ, на седьмыя
Прибыли мы къ многовратному граду въ странѣ лестригоновъ
Лáмосу. Тамъ, возвращаяся съ поля, пастухъ вызываетъ
Нá поле выйти другого; легко бъ несонливый работникъ
Плату двойную тамъ могъ получать, выгоняя пастися
Днемъ бѣлорунныхъ барановъ, а ночью быковъ криворогихъ;
Ибо тамъ паства дневная съ ночною сближается паствой.
Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы,
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.

Люди мои, съ кораблями въ просторную пристань проникнувъ,
Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у берега тѣснымъ
Рядомъ поставивъ: тамъ волнъ никогда ни великихъ ни малыхъ
Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ.
Я же свой черный корабль помѣстилъ въ отдаленьи отъ прочихъ,
Около устья, канатомъ его привязавъ подъ утесомъ.
Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кругомъ озираясь:
Не было видно нигдѣ ни быковъ, ни работниковъ въ полѣ;
Изрѣдка только, взвиваяся, дымъ отъ земли подымался.
Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ я выбралъ
(Третій былъ съ ними глашатай) и свѣдать послалъ ихъ, къ какимъ мы
Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой
Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ доставлялись.
Сильная дѣва имъ встрѣтилась тамъ, за водою съ кувшиномъ
За городъ вышла она; лестригонъ Антифатъ былъ отецъ ей;
Встрѣтились съ нею они при ключѣ Артакійскомъ, въ которомъ
Черпали свѣтлую воду всѣ, жившіе въ городѣ близкомъ.
Къ ней подошедши, они ей сказали:—Желаемъ узнать мы,
Дѣва, кто властвуетъ здѣшнимъ народомъ и здѣшней страною?—
Домъ Антифата отца своего имъ она указала.
Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супругу владыки
Встрѣтили, ростомъ съ великую гору—они ужаснулись,
Та же велѣла скорѣй изъ собранья царя Антифата
Вызвать; и онъ, прибѣжавъ на погибель товарищей нашихъ,
Жадно схватилъ одного и сожралъ; то увидя, другіе
Бросились въ бѣгство и быстро къ судамъ возвратилися; онъ же
Началъ ужасно кричать и встревожилъ весь городъ; на громкій
Крикъ отовсюду сбѣжалась толпа лестригоновъ могучихъ;
Много сбѣжалося ихъ, великанамъ, не людямъ подобныхъ.
Съ крути утесовъ они черезъ силу подъемные камни
Стали бросать; на судахъ поднялася тревога—ужасный
Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенья снастей; тутъ злосчастныхъ
Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ, нанизали на колья, и въ городъ
Всѣхъ унесли на съѣденье. Въ то время, какъ бѣдственно гибли
Въ пристани спутники, острый я мечъ обнажилъ и, отсѣкши
Крѣпкій канатъ, на которомъ стоялъ мой корабль темноносый,
Людямъ, собравшимся въ ужасѣ, молча кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды: устрашенные дружно ударили въ весла,
Мимо стремнистыхъ утесовъ въ открытое море успѣшно
Выплылъ корабль мой; другіе же всѣ невозвратно погибли.
Далѣе поплыли мы, въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.
Мы напослѣдокъ достигли до острова Эя. Издавна
Сладкорѣчивая, свѣтлокудрявая тамъ обитаетъ
Дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Аэта.
Былъ ихъ родителемъ Геліосъ, богъ, озаряющій смертныхъ;
Мать же была ихъ прекрасная дочь Океанова, Перса.
Къ брегу крутому приставъ съ кораблемъ, потаенно вошли мы
Въ тихую пристань: дорогу намъ богъ указалъ благосклонный.
На берегъ вышедъ, на немъ мы остались два дня и двѣ ночи,
Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца.
Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эосъ.
Взявши копье и двуострый свой мечъ опоясавъ, пошелъ я
Съ мѣста, гдѣ былъ нашъ корабль, на утесистый берегъ, чтобъ свѣдать
Гдѣ мы? Не встрѣчу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голосъ?
Ставъ на вершинѣ утеса, я взоромъ окинулъ окрестность.
Дымъ, отъ земли путеносной вдали восходящій, увидѣлъ
Я за широкоразросшимся лѣсомъ въ жилищѣ Цирцеи.
Долго разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ я, итти ли

Къ мѣсту тому мнѣ, гдѣ дымъ отъ земли подымался багровый?
Дѣло обдумавъ, увѣрился я, наконецъ, что удобнѣй
Было сначала на брегъ, гдѣ стоялъ нашъ корабль, возвратиться,
Тамъ отобѣдать съ людьми и, надежнѣйшихъ выбравъ, отправить
Ихъ за вѣстями. Когда жъ къ кораблю своему подходилъ я,
Сжалился благостный богъ надо мной одинокимъ: навстрѣчу
Мнѣ онъ оленя богаторогатаго, тучнаго выслалъ;
Пажить лѣсную покинувъ, въ студеной рѣкѣ съ несказанной
Жаждой бѣжалъ онъ, измученный зноемъ полдневнаго солнца.
Мѣткое бросивъ копье, поразилъ я бѣгущаго звѣря
Въ спину: ее проколовши насквозь, остреемъ на другой бокъ
Вышло копье; застонавъ, онъ упалъ, и душа отлетѣла.
Ногу уперши въ убитаго, вынулъ копье я изъ раны,
Подлѣ него на землѣ положилъ и немедля болотныхъ
Гибкихъ тростинокъ нарвалъ, чтобъ веревку въ три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутивъ ихъ. Веревку
Свивши, связалъ я оленю тяжелому длинныя ноги;
Между ногами просунувши голову, взялъ я на плечи
Ношу, и съ нею пошелъ къ кораблю, на копье опираясь;
Просто жъ ее на плечахъ я не могъ бы одною рукою
Снесть: былъ чрезмѣрно огроменъ олень. Передъ судномъ на землю
Бросилъ его я, людей разбудилъ, и привѣтствовавъ всѣхъ ихъ,
Такъ имъ сказалъ:—Ободритесь, товарищи, въ область Аида
Прежде пока не наступитъ нашъ день роковой, не сойдемъ мы;
Станемъ же нынѣ (ѣдой нашъ корабль запасенъ изобильно)—
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голодъ.—
Было немедля мое повелѣнье исполнено; снявши
Верхнія платья, они собрались у безплоднаго моря;
Всѣхъ ихъ олень изумилъ, несказанно-великій и тучный;
Очи свои удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ, умыли
Руки они и поспѣшно обѣдъ приготовили вкусный.
Цѣлый мы день до вечерняго сумрака, сидя на брегѣ,
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тьма наступила ночная;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Спутниковъ вѣрныхъ своихъ на совѣтъ пригласивъ, я сказалъ имъ:
—Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный:
Намъ неизвѣстно, гдѣ западъ лежитъ, гдѣ является Эосъ,
Гдѣ свѣтоносный подъ землю спускается Геліосъ, гдѣ онъ
На́ небо всходитъ; должны мы теперь совокупно размыслить,
Можно ли чѣмъ отъ бѣды намъ спастися; я думаю, нечѣмъ.
Съ этой крутой высоты я окрестность окинулъ глазами:
Островъ безбрежною бездной морской, какъ вѣнцомъ, окруженный,
Плоско на влагѣ лежащій, увидѣлъ я; дымъ подымался
Густо вдали изъ широкорастущаго, темнаго лѣса.—
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце:
Въ память пришли имъ и злой лестригонъ Антифатъ и надменный
Силой своею циклопъ Полифемъ, людоѣдъ святотатный;
Громко они застонали, обильнымъ потокомъ проливши
Слезы—напрасно; отъ слезъ и отъ стоновъ ихъ не было пользы.
Тутъ раздѣлить я рѣшился товарищей мѣдно-обутыхъ
На двѣ дружины; одною дружиной начальствовалъ самъ я;
Избранъ вождемъ былъ дружины другой, Эврилохъ благородный.
Жеребьи въ мѣднокованномъ шлемѣ потомъ потрясли мы—
Вынулся жеребій твердому сердцемъ вождю Эврилоху.
Въ путь собрался онъ и съ нимъ двадцать два изъ товарищей нашихъ.
Съ плачемъ они удалились, оставивъ насъ горемъ объятыхъ.
Скоро они за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.

Около дома толпилися горные львы и лѣсные
Волки: питьемъ очарованнымъ ихъ укротила Цирцея.
Вмѣсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они подбѣжали
Къ нимъ миролюбно и, ихъ окруживши, махали хвостами.
Какъ къ своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся—имъ же всегда онъ приноситъ остатки обѣда—
Такъ остролапые львы и шершавые волки къ пришельцамъ
Ластились. Ихъ появленьемъ они приведенные въ ужасъ,
Къ дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспѣшно

Всѣ устремились. Тамъ голосомъ звонко-пріятнымъ богиня
Пѣла, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой
Тканью, какая изъ рукъ лишь богини безсмертной выходитъ.
Къ спутникамъ тутъ обратяся, Политосъ, мужей предводитель,
Мнѣ межъ другими вѣрнѣйшій, любезнѣйшій другъ мой, сказалъ имъ:
—Слышите ль голосъ пріятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поетъ тамъ, гармоніей всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голосъ скорѣй подадимъ ей.—
Такъ онъ сказалъ имъ; они закричали, чтобъ вызвать пѣвицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
Въ домъ пригласила вступить ихъ; забывъ осторожность, вступили
Всѣ; Эврилохъ лишь одинъ назади, усомнившись, остался.
Чиномъ гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смѣси изъ сыра и меду съ ячменной мукой и съ прамнейскимъ
Свѣтлымъ виномъ подала имъ, подсыпавъ волшебнаго зелья
Въ чашу, чтобъ память у нихъ объ отчизнѣ пропала; когда же
Ею былъ поданъ, а ими отвѣданъ напитокъ, ударомъ
Быстрымъ жезла загнала чародѣйка въ свиную закуту
Всѣхъ; очутился тамъ каждый съ щетинистой кожей, съ свиною
Мордой и съ хрюкомъ свинымъ, не утративъ однако разсудка.
Плачущихъ всѣхъ заперла ихъ въ закутѣ волшебница, бросивъ
Имъ желудей и свинины и буковыхъ дикихъ орѣховъ
Въ пищу, къ которой такъ лакомы свиньи, любящія рыломъ
Землю копать. Къ кораблю Эврилохъ прибѣжалъ той порою

Съ вѣстью плачевной о бѣдствіи, спутниковъ нашихъ постигшемъ.
Долго не могъ, сколь ни силился, слова сказать онъ, могучимъ
Горемъ проникнутый въ сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа въ немъ терзалась отъ скорби; когда же
Всѣ мы его въ изумленьи великомъ разспрашивать стали.
Такъ разсказалъ онъ мнѣ повѣсть о бѣдствіи посланныхъ нашихъ:
Лѣсъ перешедши, какъ ты повелѣлъ, Одиссей многославный,
Скоро мы тамъ за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.
Въ немъ, мы услышали, пѣла прекрасно пѣвица, за тканью
Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчасъ мы голосъ
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
Въ домъ насъ вступить пригласила; забывъ осторожность, вступили
Всѣ; я остался одинъ назади, предузнавши погибель;
Всѣ тамъ исчезли они и обратно никто ужъ не вышелъ.
Долго я ждалъ; напослѣдокъ ушелъ, ничего не узнавши.—
Такъ онъ сказалъ; и немедля, надѣвъ на плечо среброгвоздный,
Мѣдный, двуострый мой мечъ и схвативши свой тугосогбенный
Лукъ, я велѣлъ Эврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но онъ, на колѣна въ великомъ
Страхѣ упавъ, мнѣ съ рыданіемъ бросилъ крылатое слово:
—Нѣтъ, повелитель, позволь за тобой не ходить мнѣ; увѣренъ
Я, что ни самъ ты назадъ не придешь, ни другихъ не воротишь
Спутниковъ нашихъ; совѣтую лучше, какъ можно скорѣе
Бѣгствомъ спасаться, иль всѣ мы ужаснаго дня не минуемъ.—
Такъ говорилъ Эврилохъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
—Другъ Эврилохъ, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здѣсь, при моемъ кораблѣ утѣшаться питьемъ и ѣдою;
Я же пойду; непреклонной нуждѣ покориться мнѣ должно.—
Съ сими словами пошелъ я отъ моря, корабль тамъ оставивъ.
Той же порой, какъ въ святую долину спустяся, ужъ былъ я
Близко высокаго дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмій съ жезломъ золотымъ предъ глазами моими, нежданный,
Сталъ, заступивъ мнѣ дорогу; плѣнительный образъ имѣлъ онъ
Юноши съ дѣвственнымъ пухомъ на свѣжихъ ланитахъ, въ прекрасномъ
Младости цвѣтѣ. Мнѣ ласково руку подавши, сказалъ онъ:
—Стой, злополучный, куда по горамъ ты бредешь одиноко,
Здѣшняго края не вѣдая? Люди твои у Цирцеи;
Всѣхъ обратила въ свиней чародѣйка и въ хлѣвъ заперла свой.
Ихъ ты избавить спѣшишь; но и самъ, опасаюсь, оттуда
Цѣлъ не уйдешь; и съ тобою случится, что съ ними случилось.
Слушай, однако: тебя отъ бѣды я великой избавить
Средство имѣю; дамъ зелья тебѣ: ты въ жилище Цирцеи
Смѣло поди съ нимъ; оно охранитъ отъ ужаснаго часа.
Я же тебѣ разскажу о волшебствахъ коварной богини:
Пойло она приготовитъ и зелья въ то пойло подсыплетъ.
Но надъ тобой не подѣйствуютъ чары; чудесное средство,
Данное мною, ихъ силу разрушитъ. Послушай: какъ скоро
Мощнымъ жезломъ чародѣйнымъ Цирцея къ тебѣ прикоснется,
Острый свой мечъ обнаживъ, на нее устремись ты немедля,
Быстро, какъ-будто ее умертвить вознамѣрясь; въ испугѣ
Станетъ на ложе съ собою тебя призывать чародѣйка—
Ты не подумай отречься отъ ложа богини: избавишь
Спутниковъ, будешь и самъ гостелюбно богинею принятъ.
Только потребуй, чтобъ прежде она поклялася великой
Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя не имѣетъ;
Иначе мужество, ею разслабленный, все ты утратишь.—
Съ сими словами растенье мнѣ подалъ божественный Эрмій,
Вырвавъ его изъ земли и природу его объяснивъ мнѣ:
Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ молоку бѣлизною;

Мóли его называютъ безсмертные; людямъ опасно
Съ корнемъ его вырывать изъ земли, но богамъ все возможно.
Эрмій, подавъ мнѣ растенье, на свѣтлый Олимпъ удалился.
Я же пошелъ вдоль лѣсистаго острова къ дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Ставъ передъ дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Началъ ее вызывать, и, услышавъ мой голосъ, немедля
Вышла она, отворила блестящія двери, и въ домъ дружелюбно
Мнѣ предложила вступить; съ сокрушеніемъ сердца вступилъ я.
Введши въ покои меня и на стулъ посадивъ среброгвоздный
Рѣдкой работы (для ногъ же была тамъ скамейка), богиня
Въ чашу златую влила для меня свой напитокъ, но прежде,
Злое замысливъ, подсыпала зелья въ него; и когда онъ
Ею былъ поданъ, а мною безвредно отвѣданъ, свершила
Чару она, давъ ударъ мнѣ жезломъ и сказавъ мнѣ такое
Слово: —Иди, и свиньею валяйся въ закутѣ съ другими.—
Я же свой мечъ изощренный извлекъ и его, подбѣжавъ къ ней,
Поднялъ, какъ-будто ее умертвить вознамѣрившись; громко
Вскрикнувъ, она отъ меча увернулась, и съ плачемъ великимъ
Сжавши колѣна мои, мнѣ крылатое бросила слово:
—Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?
Я въ изумленьи; питья моего ты отвѣдалъ и не былъ
Имъ превращенъ; а доселѣ никто не избѣгъ чародѣйства,
Даже и тотъ, кто, не пивъ, лишь губами къ питью прикасался.
Сердце желѣзное бьется въ груди у тебя; и, конечно,
Ты Одиссей, многохитростный мужъ, о которомъ давно мнѣ
Эрмій, носитель жезла золотого, сказалъ, что сюда онъ
Будетъ, на черномъ плывя кораблѣ отъ разрушенной Трои.
Вдвинь же въ ножны мѣдноострый свой мечъ и со мною
Ложе мое раздѣли: сочетавшись любовью на сладкомъ
Ложѣ, другъ другу довѣрчиво сердце свое мы откроемъ.—
Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
—Какъ же могу, о Цирцея, твоимъ быть довѣрчивымъ другомъ,
Если въ свиней обратила моихъ ты сопутниковъ? Мнѣ же,
Гибельный вѣрно замысля обманъ, ты теперь предлагаешь
Ложе съ тобой раздѣлить, затворившись въ твоей почивальнѣ—
Тамъ у меня безоружнаго мужество все ты похитишь.
Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ ложе твое раздѣлилъ я съ тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы, что вреднаго замысла противъ меня не имѣешь.—
Такъ я сказалъ, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
Съ нею въ ея почивальнѣ я легъ на прекрасное ложе.
Тою порою заботились въ свѣтлыхъ покояхъ четыре
Дѣвы служанки проворныя, все учреждавшія въ домѣ;
Всѣ онѣ дочери были потоковъ и рощъ и священныхъ
Рѣкъ, въ необъятное лоно глубокаго моря бѣгущихъ.
Дѣва одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры жъ полотняныя ткани.
Къ каждымъ кресламъ другая серебряный чудной работы
Столъ пододвинула съ хлѣбомъ въ златыхъ драгоцѣнныхъ корзинахъ,
Третья смѣшала къ кратéрѣ серебряной воду съ медвянымъ,
Сладкимъ виномъ; на столы же поставила кубки златые.
Свѣтлой воды принесла напослѣдокъ четвертая дѣва:
Яркій огонь разложивъ подъ треножнымъ котломъ, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду въ котлѣ, осторожно
Стала сама, изъ котла подливая воды вскипяченной
Въ свѣжую воду, плеча орошать мнѣ и голову теплой
Влагой: и тѣмъ прекратилось томившее духъ разслабленіе
Тѣла. Когда жъ и омытъ я и чистымъ натертъ былъ елеемъ,

Легкій надѣвши хитонъ и косматую мантію, съ дѣвой
Въ свѣтлый покой я вступилъ, и она къ среброгвоздцнымъ, богатымъ
Кресламъ меня проводила—была тамъ для ногъ и скамейка.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть мнѣ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищей; но пища была мнѣ противна.
Думой объятый, сидѣлъ я съ недобрымъ предчувствіемъ въ сердцѣ.
Видя, что, думой объятый, сижу и что къ лакомой пищѣ
Рукъ не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мнѣ подошедши, крылатое бросила слово:
—Что у тебя на душѣ, Одиссей? Отчего такъ уныло
Здѣсь ты сидишь, какъ нѣмой, ни ѣды ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасенъ
Страхъ твой; ты слышалъ, тебѣ поклялась я великою клятвой.—
Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
—О, Цирцея, какой же, пристойность и правду любящій,
Мужъ согласится себя утѣшать и питьемъ и ѣдою
Прежде, пока не увидитъ своими глазами спасенья
Спутниковъ? Если желаешь, чтобъ пищи твоей я коснулся,
Спутниковъ дай мнѣ спасенье своими глазами увидѣть.—
Такъ я сказалъ, и немедля съ жезломъ изъ покоевъ Цирцея
Вышла, къ закутѣ свиной подошла, и ее отворивши,
Ихъ, превращенныхъ въ свиней девятигодовалыхъ, оттуда
Вывела; стали они передъ нею; она жъ, обошедъ ихъ,
Всѣхъ, почередно помазала каждаго мазью, и разомъ
Спала съ ихъ тѣла щетина, его покрывавшая густо
Съ самыхъ съ тѣхъ поръ, какъ Цирцея дала имъ волшебнаго зелья;
Прежній свой видъ возвративъ, во мгновенье всѣ стали моложе,
Силами крѣпче, красивѣй лицомъ и возвышеннѣй станомъ;
Всѣ во мгновенье узнали меня и ко мнѣ протянули
Радостно руки: потомъ зарыдали отъ скорби; ихъ воплемъ
Домъ огласился; проникнула жалость и въ душу Цирцеи.
Близко ко мнѣ подошедши богиня богинь мнѣ сказала:
—О, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и вѣрнымъ
Спутникамъ всѣмъ совокупно втащить повели на зыбучій
Берегъ корабль твой; потомъ всѣ богатства и снасти въ пещерѣ
Скрывъ и товарищей взявши съ собою, сюда возвратися.—
Такъ мнѣ сказала, и я покорился ей мужескимъ сердцемъ.
Шагомъ поспѣшнымъ пришедъ къ кораблю на песчаное взморье,
Близъ корабля я на брегѣ нашелъ всѣхъ товарищей вѣрныхъ,
Стонущихъ громко, изъ глазъ изобильныя слезы ліющихъ.
Какъ запертые въ закутахъ телята, увидя идущихъ
Съ паствы коровъ, напитавшихся сочной травой луговою,
Всѣ имъ навстрѣчу бѣгутъ, изъ заградъ вырываяся тѣсныхъ,
Всѣ окружаютъ, мыча, возвратившихся съ пажити матокъ:
Такъ побѣжали толпою, увидя меня издалёка,
Спутники всѣ мнѣ навстрѣчу; и сильно проникла ихъ сердце
Радость, какъ-будто бъ въ родную они возвратились Итаку,
Въ наше отечество милое, гдѣ родились и цвѣли мы.
Горько заплакавъ, они мнѣ крылатое бросили слово:—
Радостно намъ возвращенье твое, повелитель, какъ-будто бъ
Въ наше отечество, въ нашу Итаку мы вдругъ возвратились.
Но не скрывайся, скажи, гдѣ товарищи? Что ихъ постигло?—
Такъ говорили они, вопрошая; имъ такъ отвѣчалъ я:
—Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучій
Берегъ втащите; въ пещерѣ потомъ всѣ богатства и снасти

Скройте; потомъ соберитесь и слѣдуйте смѣло за мною.
Къ спутникамъ васъ поведу я въ святую обитель Цирцеи.
Всѣхъ ихъ питьемъ и ѣдой веселящихся, тамъ вы найдете.—
Было немедля мое повелѣнье исполнено ими.
Но Эврилохъ, вопреки мнѣ, хотѣлъ удержать ихъ; онъ смѣло,
Голосъ возвысивъ, товарищамъ бросилъ крылатое слово:
—Стойте; куда вы, безумцы? За нимъ по слѣдамъ вы хотите
Въ домъ чародѣйки опасной итти? Но она превратитъ васъ
Всѣхъ иль въ свиней, иль въ шершавыхъ волковъ, иль въ лѣсныхъ густогривыхъ
Львовъ, чтобъ ея стерегли вы жилище; тамъ съ вами случится
То жъ, что случилось въ пещерѣ циклопа, куда безразсудно
Наши товарищи слѣдомъ за дерзкимъ вошли Одиссеемъ.
Онъ, необузданный, былъ ихъ погибели жалкой виною.—
Такъ говорилъ Эврилохъ и меня побуждало ужъ сердце
Мечъ длинноострый схватить и его обнаженною мѣдью
Голову съ плечъ непокорнаго сбросить на землю, хотя онъ
Былъ мнѣ и родственникъ близкій; но спутники всѣ, удержавши
Руку мою, обратили ко мнѣ миротворное слово:
—Если желаешь, божественный, пусть Эврилохъ остается
У моря здѣсь съ кораблемъ и его сторожитъ неусыпно;
Мы же пойдемъ за тобою въ святую обитель Цирцеи.—
Всѣхъ ихъ отъ моря повелъ я, корабль нашъ покинувъ на брегѣ;
Но Эврилохъ не остался одинъ съ кораблемъ и за нами
Слѣдомъ пошелъ, приведенный моими угрозами въ трепетъ.
Той порой остальные товарищи въ домѣ Цирцеи
Баней себя освѣжили; душистымъ натершись елеемъ,
Въ легкій хитонъ и косматую мантію каждый облекся.
Я, возвратясь, ихъ нашелъ за роскошной трапезой сидящихъ.
Свидясь съ друзьями и все разсказавъ о случившемся съ ними,
Громко они зарыдали, ихъ воплемъ весь домъ огласился.
Близко ко мнѣ подошедши, богиня Цирцея сказала:
—Царь Одиссей, многохитростный мужъ, Лаэртидъ благородный,
Всѣ вы свою укротите печаль и отъ слезъ воздержитесь;
Знаю довольно я, что́ на водахъ многорыбнаго моря,
Что́ на землѣ отъ свирѣпыхъ людей претерпѣли вы; горе
Бросивъ теперь, наслаждайтесь питьемъ и ѣдою, покуда
Въ вашей груди не родится то мужество снова, съ которымъ
Нѣкогда въ путь вы пустились, разставшись съ отчизною милой,
Съ вашей суровой Итакою. Нынѣ въ безсиліи робкомъ,
Всѣ помышляя о странствіи бѣдственномъ, сердце веселью
Вы затворяете—были велики страданія ваши.—
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Съ тѣхъ поръ вседневно, въ теченье мы цѣлаго года
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Но когда, наконецъ, обращеньемъ временъ совершенъ былъ
Кругъ годовой, миновалися мѣсяцы, дни пролетѣли,
Спутники всѣ приступили ко мнѣ съ убѣдительной рѣчью:
—Время, несчастный, тебѣ о возвратѣ въ Итаку подумать,
Если угодно богамъ, чтобъ спаслись мы, чтобъ могъ ты увидѣть
Свѣтлобогатый свой домъ и отчизну и милыхъ домашнихъ.—
Такъ мнѣ сказали, и я покорился имъ мужескимъ сердцемъ.
Весело весь мы тотъ день до вчерашняго поздняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тьма наступила ночная.
Спутники всѣ предались въ потемнѣвшихъ палатахъ покою.
Я жъ, возвратяся къ Цирцеѣ, съ ней рядомъ на ложѣ роскошномъ
Легъ, и колѣна ея обхватилъ, и богинѣ, склонившей
Слухъ свой ко мнѣ со вниманьемъ, бросилъ крылатое слово:
—О, Цирцея! исполни свое обѣщанье—въ отчизну
Насъ возвратить; сокрушается сердце по ней; въ сокрушеньи
Спутники всѣ приступаютъ ко мнѣ и мою раздираютъ

Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобнымъ плачемъ.—
Такъ говорилъ я и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
—О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Въ домѣ своемъ я тебя поневолѣ держать не желаю.
Прежде однако ты долженъ, съ пути уклоняся, проникнуть
Въ область Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона,
Душу пророка, слѣпца, обладавшаго разумомъ зоркимъ,
Душу Тирезія Ѳивскаго должно тебѣ вопросить тамъ.
Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому; въ адѣ
Онъ лишь съ умомъ, всѣ другіе безумными тѣнями вѣютъ.—
Такъ говорила богиня; во мнѣ растерзалося сердце;
Горько заплакалъ я, сидя на ложѣ; мнѣ стала противна
Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложѣ, рыдалъ безутѣшно.
Но напослѣдокъ, богинѣ отвѣтствуя, такъ я сказалъ ей:
—Кто жъ, о Цирцея, на этомъ пути провожатымъ мнѣ будетъ?
Въ адѣ еще не бывалъ съ кораблемъ ни одинъ земнородный.—
Такъ вопросилъ я богиню, и такъ мнѣ она отвѣчала:
—О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Вѣрь, кораблю твоему провожатый найдется; объ этомъ
Ты не заботься; но, мачту поставивъ и парусъ поднявши,
Смѣло плыви; твой корабль передамъ я Борею; когда же
Ты, Океанъ въ кораблѣ поперекъ переплывши, достигнешь
Низкаго брега, гдѣ дико растетъ Персефонинъ широкій
Лѣсъ изъ ракитъ, свой теряющихъ плодъ, и изъ тополей черныхъ,
Вздвинувъ на брегъ, подъ которымъ шумитъ Океанъ водоворатный,
Черный корабль свой, вступи ты въ Аидову мглистую область.
Быстро бѣжитъ тамъ Пирифлегетонъ въ Ахероново лоно
Вмѣстѣ съ Коцитомъ, великою вѣтвію Стикса; утесъ тамъ
Виденъ и обѣ подъ нимъ многошумно сливаются рѣки.
Слушай теперь, и о томъ, что скажу, не забудь: подъ утесомъ
Выкопавъ яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
Три соверши возліянія мертвымъ, всѣхъ вмѣстѣ призвавъ ихъ:
Первое смѣсью медвяной, другое виномъ благовоннымъ,
Третье водою и, все пересыпавъ мукою ячменной,
Дай обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много
Бросить, Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
Послѣ (когда обѣщаніе дашь многославнымъ умершимъ)
Черную овцу и чернаго съ нею барана—къ Эреву
Ихъ обративъ головою, а самъ обратясь къ Океану—
Въ жертву тѣнямъ принеси; и къ тебѣ тутъ немедля великой
Придутъ толпою отшедшія души умершихъ; тогда ты
Спутникамъ дай повелѣнье, содравши съ овцы и съ барана,
Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежащихъ въ крови передъ вами,
Кожу, ихъ бросить немедля въ огонь и призвать громогласно
Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону;
Самъ же ты, острый свой мечъ обнаживши и съ нимъ предъ ямой
Сѣвъ, запрещай приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
Къ крови, покуда отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
Скоро и самъ онъ, представъ предъ тобой, повелитель народовъ,
Скажетъ тебѣ, гдѣ дорога, и дологъ ли путь, и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься.—
Такъ говорила она; той порой златотронная Эосъ
Встала; богиня, въ хитонъ и хламиду меня облачивши
Свѣтлосеребряной ризою изъ тонковоздушныя ткани
Нѣжныя плечи одѣла свои, золотымъ драгоцѣннымъ
Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.

Я же, чертоги ся перешедши, товарищей вѣрныхъ
Всѣхъ разбудилъ и, привѣтствіе каждому сдѣлавъ, сказалъ имъ:
—Время, друзья, намъ отъ сладкаго сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдемъ; насъ богиня сама побуждаетъ къ отъѣзду.—
Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Но и оттуда не могъ я отплыть безъ утраты печальной:
Младшій изъ всѣхъ на моемъ кораблѣ, Эльпеноръ, неотличный
Смѣлостью въ битвахъ, нещедро умомъ отъ боговъ одаренный,
Спать для прохлады ушелъ на площадку возвышенной кровли
Дома Цирцеи священнаго, крѣпкимъ виномъ охмеленный.
Шумные сборы товарищей, въ путь ужъ готовыхъ, услышавъ,
Вдругъ онъ вскочилъ, и отъ хмеля забывъ, что назадъ обратиться
Долженъ былъ прежде, чтобъ съ кровли высокой сойти по ступенямъ,
Прянулъ съ просонья впередъ, сорвался и, ударясь затылкомъ
Оземь, сломилъ позвонковую кость, и душа отлетѣла
Въ область Аида. Тѣмъ временемъ спутникамъ такъ говорилъ я:
—Мыслите вѣрно, друзья, вы, что въ милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь намъ иной указала Цирцея:
Въ царствѣ Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона,
Душу Тирезія Ѳивскаго долженъ сперва вопросить я.—
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, въ изступленіи волосы рвали,
Все понапрасну—отъ слезъ и отъ воплей намъ не было пользы,
Всѣ къ своему кораблю, на песчаномъ стоявшему брегѣ,
Вмѣстѣ пошли мы, печальные, льющіе слезы обильно.
Тою порою на брегъ привела чернорунную овцу
Съ чернымъ бараномъ Цирцея и, тамъ ихъ оставя, межъ нами
Тихо прошла, невидимая... смертнымъ увидѣть не можно
Бога, когда, приходя къ нимъ, онъ хочетъ остаться невидимъ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Сѣверный вѣтеръ приноситъ корабль его къ берегамъ киммеріянъ, гдѣ потокъ Океана ввергается въ море; совершивъ жертву тѣнямъ, Одиссей призываетъ ихъ. Явленіе Эльпенора; онъ требуетъ погребенія. Тѣнь Одиссеевой матери. Явленіе Тирезія и его предсказанія. Бесѣда Одиссея съ тѣнію матери. Тѣни древнихъ женъ выходятъ изъ Эрева и разсказываютъ о судьбѣ своей Одиссею. Онъ хочетъ прервать свою повѣсть, но Алкиной требуетъ, чтобы онъ ее кончилъ, и Одиссей продолжаетъ. Явленіе Агамемнона, Ахиллеса съ Патрокломъ, Антилохомъ и Аяксомъ. Видѣніе судящаго Миноса, звѣроловствующаго Оріона, казней Титія, Тантала и Сизифа, грознаго Иракдова образа. Незапный страхъ побуждаетъ Одиссея возвратиться на корабль, и онъ плыветъ обратно по теченію водъ Океана.

Къ морю и къ ждавшему насъ на пескѣ кораблю собралися
Всѣ мы и, сдвинувши черный корабль на священныя воды,
Мачту на немъ утвердили и къ ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу съ собою, на корабль совокупно
Всѣ мы взошли, сокрушенные горемъ, ліющіе слезы.
Былъ намъ по темнымъ волнамъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ; пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней;
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру,
Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ полны.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана;
Тамъ киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.
Судно, прибывъ, на песокъ мы встащили; барана и овцу
Взяли съ собой и пошли по теченію водъ Океана
Берегомъ къ мѣсту, которое мнѣ указала Цирцея.

Давъ Перимеду держать съ Эврилохомъ звѣрей, обреченныхъ
Въ жертву, я мечъ обнажилъ мѣдноострый и, имъ ископавши
Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
Три совершилъ возліянія мертвымъ, мной призваннымъ вмѣстѣ:
Первое смѣсью медвяной, второе виномъ благовоннымъ,
Третье водой и, мукою ячменною все пересыпавъ,
Далъ обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много
Бросить; Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
Давъ обѣщанье такое и сдѣлавъ воззваніе къ мертвымъ
Самъ я барана и овцу надъ ямой глубокой зарѣзалъ;
Черная кровь полилася въ нее, и слетѣлись толпою
Души усопшихъ, изъ темныя бездны Эрева поднявшись:
Души невѣстъ, малоопытныхъ юношей, опытныхъ старцевъ,
Дѣвъ молодыхъ, о утратѣ недолгія жизни скорбящихъ,
Бранныхъ мужей, мѣдноострымъ копьемъ пораженныхъ смертельно
Въ битвѣ, и брони, обрызганной кровью, еще не сложившихъ.
Всѣ онѣ, вылетѣвъ вмѣстѣ безчисленнымъ роемъ изъ ямы,
Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ.
Крикнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы и съ барана,
Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови передъ нами,
Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно
Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону.
Самъ же я мечъ обнажилъ изощренный и съ нимъ передъ ямой
Сѣлъ, чтобъ мѣшать приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
Къ крови, пока мнѣ отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
Прежде другихъ предо мною явилась душа Эльпенора;
Бѣдный, еще не зарытый, лежалъ на землѣ путеносной.
Не былъ онъ нами оплаканъ; ему не свершивъ погребенья,
Въ домѣ Цирцеи его мы оставили: въ путь мы спѣшили.
Слезы я пролилъ, увидя его, состраданье мнѣ душу проникло.
Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово:
—Скоро же, другъ Эльпеноръ, очутился ты въ царствѣ Аида!
Пѣшій проворнѣе былъ ты, чѣмъ мы въ кораблѣ быстроходномъ.—
Такъ я сказалъ; простонавши печально, мнѣ такъ отвѣчалъ онъ:
—О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей многославный,
Демономъ злымъ погублёнъ я и силой вина несказанной:
Крѣпко на кровлѣ заснувъ, я забылъ, что назадъ надлежало
Прежде пойти, чтобъ по лѣстницѣ съ кровли высокой спуститься.
Бросясь впередъ, я упалъ и, затылкомъ ударившись оземь,
Кость изломалъ позвоночную: въ область Аида мгновенно
Духъ отлетѣлъ мой. Тебя же любовью къ отсутственнымъ милымъ,
Вѣрной женою, отцомъ, воспитавшимъ тебя, и цвѣтущимъ
Сыномъ, тобой во младенческихъ лѣтахъ оставленныхъ дома,
Нынѣ молю—(мнѣ извѣстно, что, область Аида покинувъ,
Ты въ кораблѣ возвратишься на островъ Цирцеи)—о! вспомни,
Вспомни тогда обо мнѣ, Одиссей благородный, чтобъ не былъ
Тамъ неоплаканный я и безгробный оставленъ, чтобъ гнѣва
Мстящихъ боговъ на себя не навлекъ ты моею бѣдою.
Бросивши трупъ мой со всѣми моими доспѣхами въ пламень,
Холмъ гробовой надо мною насыпьте близъ моря сѣдого;
Въ памятный знакъ же о гибели мужа для позднихъ потомковъ
Въ землю на холмѣ моемъ то весло водрузите, которымъ
Нѣкогда въ жизни, вашъ вѣрный товарищъ, я волны тревожилъ.—
Такъ говорилъ Эльпеноръ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
—Все, злополучный, какъ требуешь, мною исполнено будетъ.—
Такъ мы, печально бесѣдуя, другъ подлѣ друга сидѣли,
Я, отгоняющій тѣни отъ крови мечомъ обнаженнымъ,

Онъ, говорящій со мною, товарища прежняго призракъ.
Вдругъ подошло, я увидѣлъ, ко мнѣ привидѣнье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великимъ
Автоликономъ—ее межъ живыми оставилъ я дома,
Въ Трою отплывъ. Я заплакалъ, печаль мнѣ проникнула душу;
Но и ее, сколь ни тяжко то было душѣ, не пустилъ я
Къ крови: мнѣ не далъ отвѣта еще прорицатель Тирезій.
Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Ѳивскаго образъ;
Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ пророча:—
Царь Одиссей, возвращенія сладкаго въ домъ свой ты жаждешь;—
Богъ раздраженный его затруднитъ несказанно, понеже
Гонитъ тебя колебатель земли Посидонъ; ты жестоко
Душу разгнѣвалъ его ослѣпленіемъ милаго сына.
Но, и ему вопреки, и бѣды повстрѣчавъ, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйныхъ
Спутниковъ; съ ними ты къ острову знойной Тринакріи, бездну

Былъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ узналъ, и сказалъ мнѣ:
—Что, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ предѣлы
Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ?
Но отслонися отъ ямы и къ крови мечомъ не препятствуй
Мнѣ подойти, чтобъ, напившися, могъ я по правдѣ пророчить.—
Такъ онъ сказалъ; отслоняся отъ ямы, я мечъ среброгвоздный
Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившися черныя крови,
Темнолазурнаго моря измѣривъ, корабль приведешь свой;
Тучныхъ быковъ и волнистыхъ барановъ пасетъ тамъ издавна
Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ,
Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса;
Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу погибель
Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь
Смерти, но бѣдственно въ домъ возвратишься, товарищей въ морѣ

Всѣхъ потерявъ, на чужомъ кораблѣ, и не радость тамъ встрѣтишь:
Буйныхъ людей тамъ найдешь ты, твое достоянье губящихъ,
Мучащихъ дерзкимъ своимъ сватовствомъ Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты имъ отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, жениховъ, захватившихъ насильственно домъ твой,
Въ немъ умертвишь иль обманомъ, иль явною силой—покинувъ
Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
Также не зрѣвшихъ еще ни въ волнахъ кораблей быстроходныхъ,
Пурпурно-грудыхъ, ни веселъ, носящихъ какъ мощныя крылья
Ихъ по морямъ—отъ меня же узнай несомнительный признакъ:
Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
Что за *лопату* несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
Въ землю весло водрузи—ты окончилъ свое роковое
Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ
Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
Счастьемъ богатый. И сбудется все, предреченное мною.—
Такъ говорилъ мнѣ Тирезій; ему отвѣчая, сказалъ я:
— Старецъ, пускай совершится, что мнѣ предназначили боги.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близъ крови
Тихо сидитъ неподвижная тѣнь и какъ-будто не смѣетъ
Сыну въ лицо поглядѣть и завесть разговоръ съ нимъ. Скажи мнѣ,
Старецъ, какъ сдѣлать, чтобъ мертвая сына живого узнала?—
Такъ я его вопросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
—Легкое средство на это, въ немногихъ словахъ, я открою:
Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови
Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но безмолвно
Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови не пустишь.—
Съ сими словами обратно отшедши въ обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мнѣ мой сказавшая жребій.
Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ; но ждалъ я недолго;
Къ крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
Съ тяжкимъ вздохомъ она мнѣ крылатое бросила слово:
—Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть въ туманную область
Аида? Здѣсь все ужасаетъ живущаго; шумно бѣгутъ здѣсь
Страшныя рѣки, потоки великіе; здѣсь Океана
Воды глубокія льются; никто переплыть ихъ не можетъ
Самъ; то однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ возможно. Скажи же,
Прямо ль отъ Трои съ своимъ кораблемъ и съ своими людьми ты,
По морю долго скитавшись, прибылъ сюда? Неужели
Все не видалъ ни Итаки, ни дома отцовъ, ни супруги?—
Такъ говорила она и, отвѣтствуя, такъ ей сказалъ я:
—Милая мать, приведенъ я къ Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тирезія Ѳивскаго мнѣ вопросить надлежало.
Въ землю ахеянъ еще я не могъ возвратиться; отчизны
Нашей еще не видалъ, безпріютно скитаясь повсюду
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ великимъ царемъ Агамемнономъ поплылъ
Въ градъ Иліонъ, изобильный конями, на гибель троянамъ.
Ты жъ мнѣ скажи, откровенно, какою изъ Паркъ непреклонныхъ
Въ руки навѣкъ усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжкимъ недугомъ? Иль вдругъ Артемида богиня
Тихой стрѣлою своею тебя безъ болѣзни убила?
Также скажи объ отцѣ и о сынѣ, покинутыхъ мною:

Царскій мой санъ сохранился ли имъ? Иль другой ужъ на мѣсто
Избранъ мое и меня ужъ въ народѣ считаютъ погибшимъ?
Также скажи мнѣ, что дѣлаетъ дома жена Пенелопа?
Съ сыномъ ли вмѣстѣ живетъ, неизмѣнная въ вѣрности мужу?
Иль ужъ съ какимъ изъ ахейскихъ владыкъ сочеталася бракомъ?—
Такъ я ее вопросилъ; Антиклея мнѣ такъ отвѣчала:
—Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоемъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали;
Царскій твой санъ никому отъ народа не отданъ; безспорно
Дома своимъ Телемакъ достояньемъ владѣетъ, пирами
Всѣхъ угощаетъ какъ то облеченному саномъ высокимъ
Слѣдуетъ; всѣ и его угощаютъ. Лаэртъ же не ходитъ
Болѣе въ городъ; онъ въ полѣ далеко живетъ, не имѣя
Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ;
Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ съ рабами
Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
Въ лѣтнюю жъ знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находитъ себѣ на землѣ онъ въ саду виноградномъ
Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкою грудой.
Тамъ онъ лежитъ, и вздыхаетъ, и сердцемъ крушится, и плачетъ,
Все о тебѣ помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось такъ и со мной, и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ Артемида
Тихой стрѣлою своею меня безъ болѣзни убила,
Также не медленный, мной овладѣвшій недугъ, растерзавши
Тѣло мое, изъ него изнуренную душу исторгнулъ:
Нѣтъ; но тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ миролюбномъ
Правѣ и разумѣ свѣтломъ до срока мою погубила
Сладостномилую жизнь.—И умолкла она. Увлеченный
Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье.
Ей, наконецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово:
—Милая мать, для чего изъ объятій моихъ убѣгая,
Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Аида прижаться къ родному
Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ прислала
Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?—
Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
—Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить въ заблужденье не мыслитъ.
Но такова ужъ судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ жизнью.
Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ:
Вовсе тогда, улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.
Ты же на радостный свѣтъ поспѣши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтобъ все повторить при свиданьи супругѣ.—
Такъ, собесѣдуя, мы говорили. Тогда мнѣ явились
Призраки женъ—ихъ прислала сама Персефона; то были
Въ прежнее время супруги и дочери славныхъ героевъ;
Черную кровь обступили онѣ, подбѣжавъ къ ней толпою;
Я же обдумывалъ, какъ бы мнѣ ихъ вопросить почередно
Каждую; вотъ что удобнѣйшимъ мнѣ, наконецъ, показалось:
Мечъ длинноострый немедля схватилъ, и его обнаживши,
Къ крови приблизиться имъ не дозволилъ я всею толпою;
Другъ за другомъ онѣ по одной подходили и имя
Мнѣ называли свое; и разспрашивать каждую могъ я.

Прежде другихъ подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная въ мірѣ супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она разсказала:
Сердце свое Энипеемъ, рѣкою божественно-свѣтлой,
Между рѣками земными прекраснѣйшей, Тиро плѣнила:
Часто она посѣщала прекрасный потокъ Энипея;
Въ образъ облекся его Посидонъ земледержецъ, чтобъ съ нею
Въ устьѣ волнистокипучемъ рѣки сочетаться любовью;
Воды пурпурныя встали горой и, сліявшись прозрачнымъ
Сводомъ надъ ними, сокрыли отъ взоровъ и бога и дѣву.
Дѣвственный поясъ ея развязалъ онъ, ей очи смеживши
Сномъ; и когда, распаленный, свое утолилъ вожделѣнье,
За руку взялъ, и по имени назвалъ ее, и сказалъ ей:—
Радуйся, богомъ любимая! Прежде чѣмъ полный свершится
Годъ, у тебя два прекрасные сына родятся (безплоденъ
Съ богомъ союзъ не бываетъ) и ихъ воспитай ты съ любовью,
Но, возвратяся къ домашнимъ, мое называть имъ страшися
Имя; тебѣ же откроюсь: я богъ Посидонъ земледержецъ.—
Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.
Въ срокъ отъ нея близнецы Пеліа́съ и Нелей родилися;
Слуги могучіе Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами барановъ, въ Іолхо́сѣ
Тучнополянистомъ жилъ Пеліа́съ, а Нелей жилъ въ песчаномъ
Пилосѣ. Но отъ Крефея еще родились у прекрасной
Тиро, Эзонъ и Феритъ, и могучій ѣздокъ Амиѳа́онъ.
Послѣ нея мнѣ предстала Азонова дочь Антіопа.
Гордо хвалилась она, что объятія Дій отворилъ ей:
Были плодомъ ихъ любви Амфіо́нъ и Цето́съ; положили
Первое Ѳивъ седьмивратныхъ они основанье и много
Башень воздвигли кругомъ, поелику въ широкоравнинныхъ
Ѳивахъ они, и могучіе, жить не могли бъ безъ ограды.
Амфитріонову послѣ узрѣлъ я супругу Алкмену;
Сына Иракла, столь славнаго силой и мужествомъ львинымъ,
Зевсу она родила, цѣломудренно съ нимъ сочетавшись.
Послѣ явилась Мегара; Креонъ необузданно-смѣлый
Былъ ей отцомъ; а супругомъ Ираклъ, въ испытаніяхъ твердый.
Вслѣдъ за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дѣло въ незнаньи она совершила,
Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшися бракомъ.
Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ.
Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домѣ, въ возлюбленныхъ Ѳивахъ
Былъ осужденъ отъ Зевеса Эдипъ, безотрадный страдалецъ;
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣпивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ остался
Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эринній.
Послѣ явилась Хлорида; ея красотою плѣняся,
Нѣкогда съ ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Дѣву прельстившій; былъ царь Амфріонъ Іазидъ, Орхомена
Града Минійскаго славный властитель, отецъ ей; царица
Пилоса, бодрыхъ она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромія, жаднаго почестей Периклимена;
Послѣ Хлорида и дочь родила, многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначалъ, кто быковъ круторогихъ
Съ поля Филакіи сгонитъ, отнявъ у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Безпорочный взялся прорицатель
Смѣлое дѣло свершить; но ему положили преграду
Злая судьба и темничныя узы и пастыри стада.
Но когда миновалися мѣсяцы, дни пробѣжали и года
Кругъ совершился и Оры весну привели— Ификлесу
Тайны боговъ онъ открылъ; Ификлесова сила святая

Узы его прервала и исполнилась воля Зевеса.
Славная Леда супруга Тиндара потомъ мнѣ явилась;
Ей родилися отъ брака съ Тиндаромъ могучимъ два сына:
Конный смиритель Касторъ и боецъ Полидейкъ многосильный.
Оба землею они жизнодарною взяты живые;
Оба и въ мракѣ подземномъ честимы Зевесомъ; вседневно
Братомъ смѣняется братъ: и вседневно, когда умираетъ
Тотъ, воскресаетъ другой; и къ безсмертнымъ причислены оба.
Ифимедѣю, жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ:
Съ ней сочетался—хвалилась она—Посидонъ земледержецъ;
Были плодомъ ихъ союза два сына (но кратокъ былъ вѣкъ ихъ):
Отосъ божественный съ славнымъ вездѣ на землѣ Эфіальтомъ.
Щедрая, станомъ всѣхъ выше людей, ихъ земля возрастила;
Всѣхъ красотой затмевали они, одному Оріону
Въ ней уступая; и оба, едва девяти лѣтъ достигнувъ,
Въ девять локтей толщиной, вышиною же въ тридевять были.
Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ
Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволнуютъ;
Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пеліонъ многолѣсный
Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо
Взять, и угрозу бъ они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чѣмъ младости пухъ отѣнилъ ихъ ланиты и первый
Волосъ пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ ихъ обоихъ.
Федру я видѣлъ, Прокриду; явилась потомъ Аріадна,
Дочь козноде́я Миноса: изъ Крита бѣжать съ нимъ въ Аѳины
Дѣву прекрасную бодрый Тезей убѣдилъ; но не могъ онъ
Съ ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрѣлой, наущенная Вакхомъ, на островѣ Діѣ.
Видѣлъ я Меру, Климену, злодѣйку-жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотымъ ожерельемъ...
Всѣхъ ихъ, однако, я счесть не могу; мнѣ не вспомнить, какія
Тамъ мнѣ явилися жены и дочери древнихъ героевъ;
Цѣлой бы ночи не стало на то; ужъ пора мнѣ предаться
Сну, удалясь ль на быстрый корабль вашъ къ товарищамъ бодрымъ,
Здѣсь ли оставшись; а вы мой отъѣздъ учредите съ богами.—
Такъ говорилъ Одиссей—всѣ другіе сидѣли безмолвно
Въ свѣтлой палатѣ, и было у всѣхъ очаровано сердце.
Тутъ бѣлокурая слово къ гостямъ обратила Арета:
—Что, феакіяне, скажите? Станомъ и видомъ и силой
Разума всѣхъ изумляетъ насъ гость чужеземный. Хотя онъ
Собственно м о й гость, но будетъ ему угощенье отъ всѣхъ насъ;
Въ путь же его отсылать не спѣшите; нескупо дарами
Должно его, претерпѣвшаго столько утратъ, надѣлить намъ:
Много у всѣхъ васъ, по волѣ безсмертныхъ, скопилось богатства.—
Тутъ поднялся Эхеней, благороднаго племени старецъ,
Ранѣе всѣхъ современныхъ ему феакіянъ рожденный.
—Съ нашимъ желаньемъ, друзья, онъ сказалъ, и съ намѣреньемъ нашимъ
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на дѣлѣ то слово исполнитъ.—
Кончилъ. Отвѣтствовалъ такъ Алкиной благородному старцу:
—Будетъ, что сказано мною на дѣлѣ исполнено такъ же
Вѣрно, какъ то, что я живъ и что царь я въ землѣ феакіянъ
Весслолюбивыхъ. Но странникъ, хотя и безмѣрно спѣшитъ онъ
Въ путь, подождетъ до утра, чтобъ имѣли мы время подарки
Наши собрать; отправленье въ отчизну его есть забота
Общая всѣмъ вамъ, моя жъ наипаче: я здѣсь повелитель.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Если бъ и цѣлый здѣсь годъ продержать вы меня захотѣли,
Мой учреждая отъѣздъ и дары для меня собирая,
Я согласился бъ остаться, понеже мнѣ выгодно будетъ

Съ полными въ милую землю отцовъ возвратиться руками.
Больше почтенъ и съ живѣйшею радостью принятъ я буду
Всѣми, кто встрѣтитъ меня при моемъ возвращеньи въ Итаку.—
Онъ умолкнулъ; ему Алкиной отвѣчалъ дружелюбно:
—Царь Одиссей, мы, внимая тебѣ, не имѣемъ обидной
Мысли, чтобъ былъ ты хвастливый обманщикъ, подобный
Многимъ бродягамъ, которые землю обходятъ, повсюду
Ложь разсѣвая въ нелѣпыхъ разсказахъ о видѣнномъ ими.
Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и плѣнителенъ рѣчью.
Повѣсть прекрасна твоя; какъ разумный пѣвецъ, разсказалъ ты
Намъ объ ахейскихъ вождяхъ и о собственныхъ бѣдствіяхъ; кончить
Долженъ однако ты повѣсть. Скажи жъ, ничего не скрывая,
Видѣлъ ли тамъ ты кого изъ могучихъ товарищей бранныхъ,
Бывшихъ съ тобой въ Иліонѣ и черную встрѣтившихъ участь?
Ночь несказанно долга, и останется времени много
Всѣмъ намъ для сна безмятежнаго. Кончи жъ начатую повѣсть;
Слушать тебя я готовъ до явленія свѣтлой денницы,
Если разсказывать намъ о напастяхъ своихъ согласишься.—
Такъ говорилъ онъ: отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
—Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Время на все есть: свой часъ для бесѣды, свой часъ для покоя;
Если, однако, желаешь теперь же дослушать разсказъ мой,
Я повинуюся—и все разскажу, что печальнаго послѣ
Я претерпѣлъ: какъ утратилъ послѣднихъ сопутниковъ; также
Кто изъ аргивянъ, избѣгши погибели въ битвахъ троянскихъ,
Палъ отъ убійцы, измѣной жены, при возвратѣ въ отчизну.
Послѣ того, какъ разсѣяться призракамъ женъ Персефона,
Ада царица, велѣла и всѣ, разлетѣвшись—пропали—
Тѣнь Агаме́мнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и слѣдомъ за нею всѣ тѣни товарищей, падшихъ
Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.
Крови напившись, меня во мгновенье узналъ Агаме́мнонъ.
Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ; заплакали очи; простерши
Руки, онъ ими ко мнѣ прикоснуться хотѣлъ, но напрасно:
Руки не слушались—не было въ нихъ ужъ ни силъ, ни движенья,
Нѣкогда члены могучаго тѣла его оживлявшихъ.
Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье проникло
Душу мнѣ; мертвому другу я бросилъ крылатое слово:
—Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агаме́мнонъ,
Паркой какою ты въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Преданъ? Въ волнахъ ли тебя погубилъ Посидонъ съ кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? На сушѣ ль
Былъ умерщвленъ ты рукою врага, имъ захваченный въ полѣ,
Гдѣ нападалъ на его криворогихъ быковъ и барановъ,
Или во градѣ, гдѣ женъ похищалъ и сокровища грабилъ?—
Такъ вопросилъ я его и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:—
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Нѣтъ, не въ волнахъ съ кораблями я былъ погублёнъ Посидономъ,
Бурныя волны воздвигшимъ на безднѣ морской; не на сушѣ
Былъ умерщвленъ я рукою противника, явнаго въ битвѣ;
Тайно Эгистъ приготовилъ мнѣ смерть и плачевную участь;
Съ гнусной женою моей заодно, у себя на веселомъ
Пирѣ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
Такъ я погибъ и товарищи вѣрные вмѣстѣ со мною
Были зарѣзаны всѣ, какъ клычистые вепри, которыхъ
Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства,
Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный обѣдъ иль на свадьбу.
Часто безъ страха видалъ ты, какъ гибли могучіе мужи
Въ битвѣ, иной одиноко, иной въ многолюдствѣ сраженья—
Здѣсь же пришелъ бы ты въ трепетъ, отъ страха бы обмеръ, увидя

Какъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столами, покрытыми брашномъ,
Всѣ на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкіе крики Пріамовой дочери юной Кассандры
Близко услышалъ я: ножъ ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подлѣ меня; полумертвый лежа на землѣ, попытался
Хладную руку къ мечу протянуть я; она равнодушно
Взоръ отвратила и мнѣ, отходящему въ область Аида,
Тусклыхъ очей и мертвѣющихъ устъ запереть не хотѣла.
Нѣтъ ничего отвратительнѣй, нѣтъ ничего ненавистнѣй
Дерзкобезстыдной жены, замысляющей хитро такое
Дѣло, какимъ навсегда осрамилась она, приготовивъ
Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество думалъ
Я возвратиться на радость возлюбленнымъ дѣтямъ и ближнимъ—
Злое, напротивъ, замысля, кровавымъ убійствомъ злодѣйка
Стыдъ на себя навлекла и на всѣ времена посрамила
Полъ свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.—
Такъ говорилъ Агаме́мнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:—
Горе! конечно, Зевесъ громовержецъ потомству Атрея
Быть навсегда предназначилъ игралищемъ бѣдственныхъ женскихъ
Козней; погибло немало могучихъ мужей отъ Елены;
Такъ и тебѣ издалёка устроила смерть Клитемнестра.—
Выслушавъ слово мое, мнѣ отвѣтствовалъ царь Агаме́мнонъ:
—Слишкомъ довѣрчивымъ быть, Одиссей, берегися съ женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Ввѣрь ей одно, про-себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, отъ жены не опасна погибель:
Слишкомъ разумна и слишкомъ незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икарія дочь благонравная; въ самыхъ цвѣтущихъ
Лѣтахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, ее ты покинулъ,
Въ Трою отплывъ, и грудной, лепетать не умѣвшій, младенецъ
Съ ней былъ оставленъ тогда; онъ, конечно, теперь засѣдаетъ
Въ сонмѣ мужей; и отецъ, возвратясь, съ нимъ увидится; нѣжно
Къ сердцу родителя самъ онъ, какъ слѣдуетъ сыну, прижмется...
Мнѣ жъ кознодѣйка жена не дала ни однимъ насладиться
Взглядомъ на милаго сына; я былъ во мгновенье зарѣзанъ.
Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про-себя, что скажу я:
Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ непримѣтно
Въ пристань Итаки: на вѣрность жены полагаться опасно.
Самъ же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Могъ ли ты что-нибудь свѣдать о сынѣ моемъ? Не слыхалъ ли,
Гдѣ онъ живетъ? Въ Орхоменѣ ль? Въ песчаномъ ли Пилосѣ? Въ Спартѣ ль
Свѣтлопространнной у славнаго дяди, царя Менелая,
Ибо не умеръ еще на землѣ мой Орестъ благородный.—
Такъ вопросилъ Агаме́мнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
—Царь Агаме́мнонъ, о сынѣ твоемъ ничего я не знаю;
Гдѣ онъ, и живъ ли, сказать не могу; пустословіе вредно.—
Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ подлѣ друга
Грустно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ланитамъ.
Тѣнь Ахиллеса Пелеева сына потомъ мнѣ явилась;
Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ
Бодрый Аяксъ, межъ ахейцами мужескимъ видомъ и силой
Послѣ Пелеева сына великаго всѣхъ превзошедшій.
Тѣнь быстронаго внука Эакова, ставъ предо мною,
Мнѣ, возрыдавши, крылатое бросила слово: —Зачѣмъ ты
Здѣсь, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дѣло замыслилъ?
Какъ проникнулъ въ предѣлы Аида, гдѣ мертвыя только
Тѣни отшедшихъ, лишенныя чувства, безжизненно вѣютъ?—
Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:
—О Ахиллесъ, сынъ Пелеевъ, межъ всѣми данаями первый,

Здѣсь я затѣмъ, чтобъ Тирезій слѣпецъ прорицатель открылъ мнѣ
Способъ вѣрнѣйшій моей каменистой Итаки достигнуть;
Въ землю ахеянъ еще я не могъ возвратиться; отчизны
Милой еще не видалъ; я скитаюсь и бѣдствую. Ты же
Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ былъ счастьемъ
Первый: живого тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили;
Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты, какъ въ жизни
Нѣкогда былъ; не ропщи же на смерть, Ахиллесъ богоравный.—
Такъ говорилъ я и такъ онъ отвѣтствовалъ, тяжко вздыхая:
О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуй.
Былъ ли въ сраженьи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ онъ сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхалъ ли о старцѣ Пелеѣ?
Все ли попрежнему онъ повелитель земли Мирмидонской?
Иль ужъ его и въ Элладѣ и Фтіи честить перестали,
Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ силахъ?
Въ области дня ужъ защитникомъ быть для него не могу я:
Нынѣ ужъ я не таковъ, какъ бывало, когда въ отдаленной
Троѣ губилъ ополченья и грудью стоялъ за ахеянъ.
Если бъ такимъ хоть на мигъ я въ жилищѣ отцовомъ явился,
Ужасъ бы сильная эта рука навела тамъ на многихъ,
Власти Пелея не чтущихъ и старость его оскорбившихъ.—
Такъ говорилъ Ахиллесъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
—Свѣдать не могъ ничего я о старцѣ Пелеѣ великомъ;
Но о твоемъ благородномъ, возлюбленномъ Неоптолемѣ,
Все, Ахиллесъ, какъ желаешь, тебѣ разскажу я подробно.
Самъ я его въ кораблѣ крутобокомъ моемъ отъ Скиро́са
Моремъ привезъ къ мѣднолатнымъ данаямъ въ Троянскую землю;
Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Иліона всегда онъ
Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ разумныхъ сужденьяхъ
Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бывалъ побѣждаемъ.
Въ полѣ жъ троянскомъ широкомъ, гдѣ гибельной мѣдью мы бились,
Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не хотѣлъ оставаться;
Быстро впередъ выбѣгалъ онъ одинъ, упреждая храбрѣйшихъ;
Много враговъ отъ него въ истребительной битвѣ погибло;
Я жъ не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
Въ краѣ Троянскомъ побилъ онъ, гдѣ грудью стоялъ за аргивянъ.
Такъ Эврипи́ла, Теле́фова сына, губительной мѣдью
Онъ ниспровергъ, и кругомъ молодого вождя всѣ кетейцы
Пали его, златолюбія женскаго бѣдственной жертвой.
Послѣ Мемнона, подобнаго богу, былъ всѣхъ онъ прекраснѣй.
Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Эпеемъ, скрыться
Былъ онъ съ другими вождями назначенъ; а двери громады
Мнѣ отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Всѣ, при вступленіи въ конскія нѣдра, вожди отирали
Слезы съ ланитъ и у каждаго руки и ноги тряслися;
Въ немъ же единомъ мои никогда не подмѣтили очи
Страха; не помню, чтобъ онъ отъ чего поблѣднѣлъ, содрогнулся,
Или заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ меня изъ затвора
Дать ему выйти и, стиснувъ одною рукою двуострый
Мечъ, а другою обитое мѣдью копье, порывался
Въ бой на троянъ. А когда былъ разрушенъ Пріамовъ великій
Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными поплылъ
Въ край свой, ни издали мѣткимъ копьемъ, ни вблизи длинноострой
Мѣдью меча не пронзенный ни разу, какъ часто бываетъ
Въ жаркомъ бою, гдѣ убійство кипитъ и Арей веселится.—
Такъ говорилъ я; душа Ахиллесова съ гордой осанкой

Шагомъ широкимъ по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души другихъ знаменитыхъ умершихъ явились; со мною
Грустно они говорили о томъ, что тревожило сердце
Каждому; только душа Телемонова сына Аякса
Мо́лча стояла вдали, одинокая, все на побѣду
Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станѣ аргивянъ доспѣхи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелѣла
Дать имъ Фетида; судили трояне; ихъ судъ имъ Аѳина
Тайно внушила... Зачѣмъ, о! зачѣмъ одержалъ я побѣду,
Мужа такого низведшую въ нѣдра земныя? Погибъ онъ
Бодрый Аяксъ, и лица красотою и подвиговъ славой
Послѣ великаго сына Пелеева всѣхъ превзошедшій.
Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное слово:
—Сынъ Телемоновъ, Аяксъ знаменитый, не долженъ ты, мертвый,
Долѣ со мной враждовать, сокрушаясь о гибельныхъ взятыхъ
Мною оружіяхъ; ими данаямъ жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погибъ; о тебѣ мы
Всѣ, какъ о сынѣ могучемъ Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; въ ней никто не виновенъ,
Кромѣ Зевеса, постигшаго рать копьеносныхъ данаевъ
Страшной бѣдою: тебя онъ судьбинѣ безвременно предалъ.
Но подойди же, Аяксъ; на мгновенье бесѣдой съ тобою
Дай насладиться мнѣ; гнѣвъ изгони изъ великаго сердца.—
Такъ я сказалъ; не отвѣтствовалъ онъ; за другими тѣнями
Мрачно пошелъ; напослѣдокъ сокрылся въ глубокомъ Эревѣ.
Можетъ-быть, сталъ бы и гнѣвный со мной говорить онъ иль я съ нимъ,
Если бъ меня не стремило желаніе милаго сердца
Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидѣть. И скоро
Въ адѣ узрѣлъ я Зевесова мудраго сына Миноса;
Скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ онъ
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали въ пространномъ съ вратами широкими домѣ Аида.
Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Оріона;
Гналъ по широкому Асфодилонскому лугу звѣрей онъ —
Ихъ же своею желѣзной, ничѣмъ некрушимой дубиной
Нѣкогда самъ онъ убилъ на горахъ неприступно-пустынныхъ.
Титія также увидѣлъ я, сына прославленной Ге́и;
Девять занявъ десятинъ подъ огромное тѣло, недвижимъ
Тамъ онъ лежалъ; по бокамъ же сидѣли два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на нихъ подымалъ онъ. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую къ Пиѳію, онъ осрамилъ на лугу Панопейскомъ.
Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною казнью:
Въ озерѣ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водѣ, и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только-что голову къ ней онъ склонялъ, уповая напиться,
Съ шумомъ она убѣгала; внизу жъ подъ ногами являлось
Черное дно и его осушалъ во мгновеніе Демонъ.
Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою,
Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ.
Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ руку,
Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ подымалися темнымъ.
Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью:
Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками
Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись,
Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины
Съ тяжкою ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягши,

Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видѣлъ я тамъ, наконецъ, и Ираклову, силу, одинъ лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ
Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги Гебе́и, цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ летаютъ въ испугѣ
Хищныя птицы; и темной подобяся ночи, держалъ онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ, и ужасно
Вкругъ озирался, какъ-будто готовяся вывыстрѣлить; страшный
Перевязь блескъ издавала, ему поперекъ перерѣзавъ
Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомь съ чудеснымъ искусствомъ
Львы грознооќіе, дикіе вепри, лѣсные медвѣди,
Битвы, убійства, людей истребленье изваяны были:
Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искусства, не могъ бы,
Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать совершеннѣй.
Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я;
Жалобно, тяжко вздохнулъ и крылатое бросилъ мнѣ слово:
—О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играетъ
Такъ же, какъ мной подъ лучами всезрящаго солнца играла?
Сынъ я Кроніона Зевса; но тѣмъ отъ безмѣрныхъ страданій
Не былъ спасенъ; покориться подъ власть недостойнаго мужа
Мнѣ повелѣла судьба. И труды на меня возлагалъ онъ
Тяжкіе. Такъ и отсюда былъ пса троеглаваго долженъ
Я увести: уповалъ онъ, что будетъ мнѣ трудъ не по силамъ.
Я же его совершилъ и похищенъ былъ песъ у Аида;
Помощь мнѣ подали Эрмій и дочь громовержца Аѳина.—
Такъ мнѣ сказавъ, удалился въ обитель Аидову призракъ.
Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ и ждалъ, чтобъ явился
Кто изъ могучихъ героевъ, давно знаменитыхъ и мертвыхъ.
Видѣть хотѣлъ я великихъ мужей, въ отдаленные вѣки
Славныхъ, богами рожденныхъ: Тезея царя, Пиритоя,
Многихъ другихъ; но толпою безчисленной души слетѣвшись,
Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ.
Въ мысляхъ, что хочетъ чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать изъ мрака Аидова противъ меня Персефона,
Я побѣжалъ на корабль и велѣлъ, чтобъ, немедля нимало,
Люди мои на него собрались и канатъ отвязали.
Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Судно спокойно пошло по теченію водъ Океана,
Прежде на веслахъ, потомъ съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей оканчиваетъ свое повѣствованіе. Возвращеніе на островъ Эю. Погребеніе Эльпенора. Цирцея описываетъ Одиссею опасности, ему на пути предстоящія. Онъ покидаетъ ея островъ. Сирены. Бродящія скалы. Плаваніе между утесовъ Харибды и Скиллы, которая разомъ похищаетъ шестерыхъ изъ сопутниковъ Одиссея. Вопреки Одиссею, корабль его останавливается у береговъ Тринакріи. Спутники его, задержанные на островѣ противными вѣтрами, истощивъ всѣ свои запасы, терпятъ голодъ и, наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ Геліоса. Раздраженный богъ требуетъ, чтобы Зевесъ наказалъ святотатство, и корабль Одиссеевъ, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевесовымъ громомъ. Всѣ погибаютъ въ волнахъ, кромѣ Одиссея, который, снова избѣгнувъ Харибды и Скиллы, брошенъ, наконецъ, на берегъ Калипсина острова.

Быстро своимъ кораблемъ Океана потокъ перерѣзавъ,
Снова по многоиспытому морю пришли мы на островъ
Эю, туда, гдѣ въ жилищѣ туманнорожденныя Эосъ
Легкія Оры ведутъ хороводы, гдѣ Геліосъ всходитъ;
Къ брегу приставъ, на песокъ мы корабль быстроходный встащили,
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Спутниковъ скликавъ, послалъ я ихъ къ дому Цирцеи, чтобъ взять тамъ
Трупъ Эльпеноровъ, его принести и свершить погребенье.
Много деревъ нарубивъ, мы на самомъ возвышенномъ мѣстѣ

Берега предали тѣло землѣ съ сокрушеньемъ и плачемъ.
Послѣ жъ того, какъ сожженъ былъ со всѣми доспѣхами мертвый,
Холмъ гробовой мы насыпали, памятный столбъ утвердили,
Гладкое въ землю на холмѣ воткнули весло; и священный
Долгъ погребенія былъ совершенъ. Но Цирцея узнала
Скоро о нашемъ прибытіи къ ней отъ предѣловъ Аида.
Свѣтлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла; и за нею
Съ хлѣбомъ и мясомъ и пѣннопурпурнымъ виномъ молодыя
Дѣвы пришли; и богиня богинь, къ намъ приближась, сказала:—
Люди желѣзные, заживо зрѣвшіе область Аида,
Дважды узнавшіе смерть, всѣмъ доступную только однажды,
Бросьте печаль и безпечно ѣдой и питьемъ утѣшайтесь
Нынѣ во все продолженіе дня; съ наступленьемъ же утра
Далѣе вы поплывете; я путь укажу и благое
Дамъ наставленье, чтобъ снова какая безуміемъ вашимъ
Васъ не постигла напасть, ни на сушѣ, ни на морѣ темномъ.—
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди въ томъ мѣстѣ легли, гдѣ корабль утвержденъ былъ канатомъ;
Мнѣ же Цирцея привѣтливо руку дала; и когда я
Сѣлъ въ отдаленьи отъ прочихъ, легла близъ меня, и вопросы
Стала мнѣ дѣлать; и ей обо всемъ разсказалъ я подробно.
Свѣтлая такъ напослѣдокъ сама мнѣ сказала богиня:—
Дѣло одно совершилъ ты успѣшно; теперь со вниманьемъ
Выслушай то, что скажу, что потомъ и отъ бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь Сиренъ; неизбѣжною чарой
Ловятъ онѣ подходящихъ къ нимъ близко людей мореходныхъ.
Кто, по незнанью, къ тѣмъ двумъ чародѣйкамъ приближась, ихъ сладкій
Голосъ услышитъ, тому ни жены, ни дѣтей малолѣтныхъ
Въ домѣ своемъ никогда не утѣшитъ желаннымъ возвратомъ;
Пѣніемъ сладкимъ Сирены его очаруютъ, на свѣтломъ
Сидя лугу; а на этомъ лугу человѣчьихъ бѣлѣетъ
Много костей, и разбросаны тлѣющихъ кожъ тамъ лохмотья.
Ты жъ, заклеивши товарищамъ уши смягченнымъ медвянымъ
Воскомъ, чтобъ слышать они не могли, проплыви безъ оглядки
Мимо; но ежели самъ роковой пожелаешь услышать
Голосъ, вели, чтобъ тебя по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ твоей корабельной крѣпчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слухъ безъ вреда удовольствовать гибельнымъ пѣньемъ.
Если жъ просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтобъ сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжутъ.
Послѣ, когда вы минуете островъ Сиренъ смертоносный,
Двѣ вамъ дороги представятся; дать же совѣтъ здѣсь, какую
Выбрать изъ двухъ безопаснѣе, мнѣ невозможно; своимъ ты
Долженъ разсудкомъ рѣшить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящіе въ морѣ утесы; кругомъ ихъ
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя *бродящихъ* дано имъ богами; близъ нихъ никакая
Птица не смѣетъ промчаться, ни даже амброзію Зевсу
Легкимъ полетомъ носящіе робкіе голуби; каждый
Разъ пропадаетъ изъ нихъ тамъ одинъ, объ утесъ убиваясь;
Каждый разъ и Зевесъ замѣняетъ убитаго новымъ.
Всѣ корабли, къ тѣмъ скаламъ подходившіе, гибли съ пловцами;
Доски однѣ оставались отъ нихъ и бездушные трупы,
Шумной волною и пламеннымъ вихремъ носимые въ морѣ.
Только одинъ, всѣ моря обѣжавшій, корабль невредимо
Ихъ миновалъ—посѣтитель Аэта, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда бъ онъ

Тамъ не прошелъ, провожаемый Ирой, любившей Язона.
Послѣ ты двѣ повстрѣчаешь скалы: до широкаго неба
Острой вершиной восходитъ одна; облака окружаютъ
Темносгущенныя ту высоту, никогда не рѣдѣя.
Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ, ни осенью свѣтелъ
Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый
Смертный, хотя бъ съ двадцатью былъ руками и двадцать
Ногъ бы имѣлъ—столь ужасно, какъ-будто обтесанный, гладокъ
Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,
Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эрева на западъ;
Мимо ея ты пройдешь съ кораблемъ, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ направленной съ моря
Быстролетящей стрѣлою до входа высокой пещеры;
Страшная Скилла живетъ искони тамъ. Безъ умолку лая,
Визгомъ пронзительнымъ, визгу щенка молодого подобнымъ,
Всю оглашаетъ окрестность чудовище. Къ ней приближаться
Страшно не людямъ однимъ, но и самымъ безсмертнымъ. Двѣнадцать
Движется спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ
Шесть подымается длинныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой
Шеѣ торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкаютъ;
Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ пещеры,
Всѣми глядитъ головами изъ лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругомъ по скалѣ, обливаемой моремъ,
Ловитъ дельфиновъ она, тюленéй и могучихъ подводныхъ
Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо
Съ легкимъ пройти кораблемъ: всѣ зубастыя пасти разинувъ,
Разомъ она по шести человѣкъ съ корабля похищаетъ.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоитъ же отъ первой на выстрѣлъ изъ лука.
Дико растетъ на скалѣ той смоковница съ сѣнью широкой.
Страшно все море подъ тою скалою тревожитъ Харибда,
Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая
Черную влагу. Не смѣй приближаться, когда поглощаетъ:
Самъ Посидонъ отъ погибели вѣрной тогда не избавитъ.
Къ Скиллиной ближе держася скалѣ, проведи безъ оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднѣе шесть потерять вамъ
Спутниковъ, нежели вдругъ и корабль потопить и погибнуть
Всѣмъ.—Тутъ умолкла богиня; а я, отвѣчая, сказалъ ей:
—Будь откровенна, богиня, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Если избѣгнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на сопутниковъ бросится жадная Скилла?—
Такъ я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказала богиня:
—О! необузданный, снова о подвигахъ бранныхъ замыслилъ;
Снова о боѣ мечтаешь; ты радъ и съ богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а безсмертное Скилла. Свирѣпа,
Дико сильна, ненасытна, сраженіе съ ней невозможно.
Мужество здѣсь не поможетъ; одно здѣсь спасеніе—бѣгство.
Горе! когда ты хоть мигъ тамъ для тщетнаго боя промедлишь:
Высунетъ снова она изъ своей недоступной пещеры
Всѣ шесть головъ и опять сь корабля шестерыхъ на пожранье
Схватитъ; не медли жъ; поспѣшно пройди; призови лишь Кратейю:
Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержать отъ второго на васъ нападенія можетъ.
Скоро потомъ ты увидишь Тринакрію островъ; издавна
Геліосъ тучныхъ быковъ и барановъ пасетъ тамъ на пышныхъ,
Злачныхъ равнинахъ; семь стадъ составляютъ быки; и бараны
Столько жъ; и въ каждомъ ихъ стадѣ числомъ пятьдесятъ; и число то
Вѣчно одно; не плодятся они, и пасутъ неусыпно

Ихъ Фаэтуса съ Лампетіей, пышнокудрявыя нимфы.
Геліосъ ихъ Иперіонъ съ божественной прижилъ Неерой.
Свѣтлая мать, дочерей воспитавши, въ Тринакріи знойной
Ихъ поселила, чтобъ тамъ, отъ людей въ удаленіи, дѣвы
Тучныхъ быковъ и барановъ отцовыхъ пасли неусыпно.
Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса;
Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу погибель
Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь
Смерти; но, всѣхъ потерявъ, одинокъ возвратишься въ отчизну.—
Такъ говорила она. Златотронная Эосъ явилась
На́ небѣ; въ домъ свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ немедля
Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
—Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать
То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
Всѣмъ вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.
Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сиренъ и отъ луга
Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться велѣла богиня;
Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
Узы—двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.—
Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
Къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ
Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
На́ морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
Я же, немедля медвянаго воску кругъ изрубивши
Въ мелкія части мечомъ, раздавилъ на могучей ладони
Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно
Геліосъ, богъ жизнодатель, лучомъ разогрѣлъ теплоноснымъ.
Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же
Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.
Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.
Съ брегомъ онъ ихъ поровнялся; онѣ звонкогласно запѣли:
—Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися!
Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ;
Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится.—

Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый
Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ немедля
Узы мои разрѣшили; они же съ удвоенной силой
Начали грести, а, ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.
Но, когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сиренъ бѣдоносныхъ,
Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣе постигшей
Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой циклопа.
Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
Всѣхъ васъ избавилъ; о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагѣ зыбучей
Острыми веслами бейте; быть-можетъ, Зевесъ покровитель
Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.

Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты.
Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
Выпали весла изъ рукъ устрашенныхъ гребцовъ; и, повиснувъ,
Праздно, они по волнамъ, колыхавшимъ ихъ, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшія къ бѣгу.
Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказалъ я:
—Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю—ты правишь кормой корабельной:
Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма,
Видимыхъ близко; держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться,
Вбокъ по стремленью—иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.—
Такъ я сказалъ; все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
Весла бъ они побросали отъ страха, и, гресть переставши,
Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.

Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
Славныя латы на плечи накинулъ, и два мѣдноострыхъ
Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похититъ.
Тщетно искалъ я очами ее, утомилъ лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;
Скилла грозила съ одной стороны; а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу; когда извергались,
Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча и буровясь; и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
Волны соленаго моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,
Въ трепетѣ очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя, ихъ похитила Скилла;
Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, успѣлъ я
Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою
Мелькомъ примѣтить; они въ высотѣ призывающимъ гласомъ
Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію сердца.
Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинносогбенной
Удой кидающій въ воду коварную рыбамъ приманку,
Рогомъ быка лугового ихъ ловитъ, потомъ изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалкотрепещущихъ быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.
Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ, кричащихъ
Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лютомъ терзаньи.
Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ
Зрѣть никогда въ продолженіе странствій моихъ не случалось.
Скиллинъ утесъ миновавъ и избѣгнувъ свирѣпой Харибды,
Прибыли къ острову мы, наконецъ, свѣтоносснаго бога.
Тамъ на зеленыхъ равнинахъ быки кривορогіе мирно
Съ множествомъ тучныхъ барановъ паслись, Геліосово стадо.
Съ моря уже, находяся на палубѣ, явственно могъ я
Тяжкое слышать мычанье быковъ, на свободѣ гулявшихъ,
Съ шумнымъ блеяньемъ барановъ; и тутъ же пришло мнѣ на память
Слово слѣпого пророка Тирезія Ѳивскаго съ строгимъ
Словомъ Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный
Островъ, гдѣ властвовалъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель.
Тутъ къ сокрушеннымъ спутникамъ рѣчь обратилъ я такую:
—Вѣрные спутники, слушайте то, что печальный скажу вамъ:
Свѣдать должны вы пророка Тирезія Ѳивскаго слово
Съ словомъ Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный
Островъ, гдѣ властвуетъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель:
Тамъ несказанное бѣдствіе ждетъ насъ, они утверждаютъ.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспѣшите —
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце.
Мнѣ жъ, возражая, отвѣтствовалъ такъ Эврилохъ непокорный:—
Ты, Одиссей, непреклонно-жестокъ; одаренъ ты великой
Силой; усталости нѣтъ для тебя, изъ желѣза ты скованъ.
Намъ, изнуреннымъ, безсильнымъ и столь ужъ давно не вкушавшимъ
Сна, запрещаешь ты на берегъ выйти. Могли бъ приготовить
Ужинъ мы вкусный на островѣ, сладко на немъ отдохнувши.
Ты жъ насъ итти наудачу въ холодную ночь принуждаешь
Мимо пріютнаго острова въ темное, мглистое море.

Ночью противные вѣтры шумятъ, корабли истребляя.
Кто избѣжитъ потопленія вѣрнаго, если во мракѣ
Вдругъ съ неожиданной бурей на черное море примчится
Нотъ иль Зефиръ истребительно-быстрый? Отъ нихъ наиболѣ
Въ безднѣ морской, вопреки и богамъ, корабли погибаютъ.
Лучше теперь, покорившись велѣнію темныя ночи,
На берегъ выйдемъ и ужинъ вблизи корабля приготовимъ.
Завтра жъ съ денницею пустимся снова въ пространное море.—
Такъ говорилъ Эврилохъ и товарищи съ нимъ согласились.
Стало мнѣ ясно тогда, что готовилъ намъ бѣдствіе Демонъ.
Голосъ возвысивъ, безумцу я бросилъ крылатое слово:
—Здѣсь я одинъ, оттого и отвѣтъ, Эврилохъ, твой такъ дерзокъ.
Слушайте жъ: мнѣ поклянитесь великою клятвой, что если
Встрѣтите стадо быковъ криворогихъ иль стадо барановъ
Тамъ на зеленыхъ лугахъ, святотатной рукой не коснетесь
Къ нимъ; и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею насъ на дорогу обильно снабдила Цирцея.—
Спутники клятвой великою мнѣ поклялися; когда же
Всѣ поклялися и клятву свою совершили, въ заливѣ
Острова тихомъ мы стали съ своимъ кораблемъ крѣпкозданнымъ.
Близко была ключевая вода; всѣ товарищи, вышедъ
На берегъ, вкусный проворно на немъ приготовили ужинъ;
Свой удовольствовавъ голодъ обильнымъ питьемъ и ѣдою,
Стали они поминать со слезами о милыхъ погибшихъ,
Схваченныхъ вдругъ съ корабля и растерзанныхъ Скиллой предъ нами.
Скоро на плачущихъ сонъ, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи и темнаго неба на ополъ
Звѣзды склонилися—вдругъ громовержецъ Кроніонъ Борея,
Страшно ревущаго, выслалъ на насъ; облака обложили
Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Черный корабль свой отъ бури мы скрыли подъ сводомъ пещеры,
Гдѣ въ хороводы веселые нифмы полей собирались.
Тутъ я товарищей всѣхъ пригласилъ на совѣтъ и сказалъ имъ:
—Черный корабль нашъ, друзья, запасенъ и питьемъ и ѣдою;
Бойтесь же здѣсь на стада поднимать святотатную руку;
Богъ обладаетъ здѣсь всѣми стадами быковъ и барановъ,
Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.—
Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Но безпрестанно весь мѣсяцъ свирѣпствовалъ Нотъ; всѣ другіе
Вѣтры молчали; порою лишь Эвръ подымался восточный;
Спутники, хлѣба довольно имѣя съ виномъ пурпуровымъ,
Были спокойны; быковъ Геліосовыхъ трогать и въ мысли
Имъ не входило; когда же съѣстной нашъ запасъ истощился,
Начали пищу охотой они промышлять, добывая
Что гдѣ случалось: стрѣляли дичину, иль рыбу
Остросогбенными крючьями удили—голодъ томилъ ихъ.
Разъ, помолиться желая богамъ, чтобъ они намъ открыли
Путь, одинокой дорогой я шелъ черезъ островъ; невольно,
Тою дорогой идя, отъ товарищей я удалился;
Въ мѣстѣ защитномъ отъ вѣтра я руки умылъ и молитвой
Теплой къ безсмертнымъ владыкамъ Олимпа, къ богамъ обратился.
Сладкій на вѣжды мнѣ сонъ низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Эврилохъ предложеніе спутникамъ сдѣлалъ:
—Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный;
Всякій родъ смерти для насъ земнородныхъ людей ненавистенъ;
Но умереть намъ голодною смертью всего ненавистнѣй.
Выберемъ лучшихъ быковъ въ Геліосовомъ стадѣ и въ жертву
Здѣсь принесемъ ихъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Послѣ — когда возвратимся въ родную Итаку, воздвигнемъ,

Въ честь Геліоса, надъ нами ходящаго бога, богатый
Храмъ и его дорогими дарами обильно украсимъ;
Если жъ, утратой своихъ круторогихъ быковъ раздраженный,
Онъ совокупно съ другими богами корабль погубить нашъ
Въ морѣ захочетъ, то легче, въ волнахъ захлебнувшись, погибнуть
Вдругъ, чѣмъ на островѣ дикомъ отъ голода медленно таять.—
Такъ говорилъ Эврилохъ и спутники съ нимъ согласились.
Лучшихъ тогда изъ быковъ Геліосовыхъ, вольно бродившихъ,
Взяли они—невдали корабля темноносаго стадо
Жирныхъ, огромнорогатыхъ и лбистыхъ быковъ тамъ гуляло—
Ихъ обступили безумцы; воззвавши къ богамъ Олимпійскимъ,
Листьевъ нарвали они съ густоглаваго дуба, ячменя
Болѣ въ запасѣ на черномъ своемъ кораблѣ не имѣя.
Кончивъ молитву, зарѣзавъ быковъ и содравши съ нихъ кожи,
Бедра они всѣ отсѣкли, а кости, обвитыя дважды
Жиромъ, кровавыми свѣжаго мяса кусками обклали.
Но, не имѣя вина, возліянье они совершили
Просто водою и бросили въ жертвенный пламень утробу,
Бедра сожгли, остальное же, сладкой утробы отвѣдавъ,
Все изрубили на части и стали на вертелахъ жарить.
Тутъ улетѣлъ усладительный сонъ, мнѣ рѣсницы смыкавшій.
Я, пробудившись, пошелъ къ кораблю на песчаное взморье
Шагомъ поспѣшнымъ; когда жъ къ кораблю подходилъ, благовоннымъ
Запахомъ пара мясного я былъ пораженъ; содрогнувшись,
Жалобный голосъ упрека вознесъ я къ богамъ Олимпійскимъ:
—Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Вы на бѣду обольстительный сонъ низвели мнѣ на вѣжды;
Спутники тамъ безъ меня святотатное дѣло свершили.
Тою порой о убійствѣ быковъ Иперіоновъ свѣтлый
Сынъ извѣщенъ былъ Лампетіей, длинноодѣянной дѣвой.
Съ гнѣвомъ великимъ къ безсмертнымъ богамъ обратясь, онъ воскликнулъ:
—Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Жалуюсь вамъ на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быковъ, на которыхъ
Такъ любовался всегда я—всходилъ ли на звѣздное небо,
Съ звѣзднаго ль неба сходилъ и къ землѣ ниспускался.
Если же вами не будетъ наказано ихъ святотатство,
Въ область Аида сойду я и буду свѣтить для умершихъ.—
Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ тученосецъ Кроніонъ:
—Геліосъ, смѣло сіяй для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Ихъ я корабль чернобокій, низвергнувши пламенный громъ свой,
Въ морѣ широкомъ на мелкія части разбить не замедлю.—
(Это мнѣ было открыто Калипсой божественной; ей же
Все разсказалъ вѣстоносецъ крылатый Кроніоновъ Эрмій).
Я, возвратясь къ кораблю своему на песчаное взморье,
Спутниковъ собралъ и всѣхъ одного за другимъ упрекалъ; но исправить
Зла намъ ужъ было не можно; быки ужъ зарѣзаны были.
Боги притомъ же и знаменье, въ страхъ насъ приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на вертелахъ мясо и мясо,
Снятое съ вертеловъ, жалобно ревъ издавали бычачій.
Цѣлые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборныхъ быковъ Геліоса и ѣли ихъ мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кроніономъ Зевсомъ,
Вѣтеръ утихъ и шумѣть перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и бѣлый на мачтѣ расправивши парусъ,
Всѣ мы взошли на корабль и пустились въ открытое море.
Но, когда въ отдаленіи островъ пропалъ, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, съ водами сліянное, зрѣлось,
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую темную тучу
Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло

Море. И кратокъ былъ путь для него. Отъ заката примчался
Съ воемъ Зефиръ и возстала великая бури тревога;
Лопнули разомъ веревки, державшія мачту; и разомъ
Мачта, сломясь, съ парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и въ паденьи тяжелымъ ударомъ разбила
Голову кормщику; черепъ его подъ упавшей громадой
Весь былъ расплюснутъ, и онъ, водолазу подобно, съ высокихъ
Ребръ корабля кувырнувшися въ глубь, тамъ пропалъ и изъ тѣла
Духъ улетѣлъ. Тутъ Зевесъ, заблиставъ, на корабль громовую
Бросилъ стрѣлу; закружилось пронзенное судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило. Всѣ разомъ товарищи были
Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ.
Я жъ, уцѣлѣвъ, межъ обломковъ остался до тѣхъ поръ, покуда
Киля водой не отбило отъ ребръ корабельныхъ; онъ поплылъ;
Мачта за нимъ поплыла; обвивался сплетенный изъ крѣпкой
Кожи воловьей ремень вкругъ нея: за ремень уцѣпившись,
Мачту и киль имъ поспѣшно опуталъ и плотно связалъ я,
Ихъ обхватилъ и отдáлся во власть безпредѣльнаго моря.
Стихнулъ Зефиръ, присмирѣла сердитая буря; но быстрый
Нотъ поднялся; онъ меня въ несказанную ввергнулъ тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчалъ онъ.
Цѣлую ночь былъ туда я несомъ; а когда возсіяло
Солнце—себя я узрѣлъ межъ скалами Харибды и Скиллы.
Въ это мгновеніе влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую тамъ, прицѣпился
Къ вѣтвямъ ея, какъ летучая мышь, и повисъ, и нельзя мнѣ
Было ногой ни во что упереться—висѣлъ на рукахъ я.
Корни смоковницы были далёко въ скалѣ и, расширясь,
Вѣтви объемомъ великимъ Харибду кругомъ осѣняли;
Такъ тамъ, вися безъ движенія, ждалъ я, чтобъ вынесли волны
Мачту и киль изъ жерла, и въ тоскѣ несказанной я долго
Ждалъ—и ужъ около часа, въ который судья разрѣшивши
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходитъ
Съ площади—выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна.
Бросился внизъ я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всею упалъ на обломки, несомые моремъ.
Ихъ осѣдлавши, я началъ руками какъ веслами править.
Скиллѣ жъ владыка безсмертныхъ Кроніонъ меня не дозволилъ
Въ морѣ примѣтить: иначе была бъ неизбѣжна погибель.
Девять носился я дней по водамъ; на десятый съ наставшей
Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
Царствуетъ, свѣтлокудрявая, сладкорѣчивая нимфа.
Принятъ я былъ благосклонно богиней. Объ этомъ, однако,
Мнѣ говорить ужъ не нужно: вчера описалъ я подробно
Все и тебѣ и царицѣ; весьма неразумно и скучно
Снова разсказывать то, что ужъ мы разсказали однажды.

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ И УТРО ТРИДЦАТЬ ПЯТАГО.

Одиссей, одаренный щедро царемъ Алкиноемъ, царицею Аретою и ѳеакійцами, покидаетъ, съ наступленіемъ ночи, ихъ островъ. Онъ засыпаетъ. Тѣмъ временемъ корабль ѳеакійскій, быстро совершивъ свое плаваніе, достигаетъ Итаки. Вошедши въ пристань Форкинскую, мореходцы выносятъ Одиссея на берегъ, соннаго, и тамъ оставляютъ его со всѣми сокровищами, полученными имъ отъ ѳеакійцевъ. Они удаляются. Раздраженный Посидонъ превращаетъ корабль ихъ въ утесъ. Одиссей пробуждается, но не узнаетъ земли своей, которую Аѳина покрыла густымъ туманомъ. Богиня встрѣчается съ нимъ подъ видомъ юноши. Онъ разсказываетъ ей о себѣ вымышленную повѣсть; тогда Аѳина открывается ему, принявъ на себя образъ дѣвы. Спрятавъ сокровища Одиссеевы въ гротѣ Наядъ, богиня даетъ ему наставленіе, какъ отмстить женихамъ, превращаетъ его въ стараго нищаго и, повелѣвъ ему итти во внутренность острова къ свинопасу Эвмею, сама улетаетъ въ Лакедемонъ къ Телемаку.

Такъ Одиссей говорилъ, и ему въ потемнѣвшемъ чертогѣ
Молча внимали другіе, и всѣ очарованы были.
Тутъ обратилась къ нему Алкиноева сила святая:

—Если мой домъ мѣдянокованный ты посѣтилъ благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствій не встрѣтишь
Нынѣ, въ отчизну отъ насъ возвращаясь, хотя и немало
Бѣдъ испыталъ ты. А я обращуся теперь, феакійцы,
Къ вамъ, ежедневно вино искрометное пьющимъ со мною
Въ царскихъ палатахъ, внимая струнамъ золотымъ пѣснопѣвца.
Все уже въ ковчегѣ лежитъ драгоцѣнномъ: и данныя гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды и много
Разныхъ подарковъ другихъ отъ владыкъ феакійскихъ; пускай же
Къ нимъ по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавитъ; себя жъ наградимъ за убытокъ богатымъ
Сборомъ съ народа: столь щедро дарить одному не по силамъ.—
Такъ Алкиной говорилъ; и одобривъ его предложенье,
Всѣ по домамъ разошлися, о ложѣ и снѣ помышляя.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Каждый поспѣшно отнесъ на корабль мѣднолитную утварь;
Какъ же ту утварь подъ лавками судна укласть (чтобъ работать
Веслами въ морѣ могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Самъ Алкиной, обошедши корабль, осторожно устроилъ.
Всѣ они въ царскихъ палатахъ потомъ учредили обѣдъ свой.
Тутъ собирателю тучъ, громоносцу Кроніону Зевсу
Въ жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, гроко звуча вдохновенною лирой, предъ ними
Пѣлъ Демодокъ, многочтимый въ народѣ. Но голову часто
Царь Одиссей обращалъ на всемірно свѣтящее солнце,
Съ неба его понуждая сойти, чтобъ отъѣздъ ускорить свой.
Такъ помышляетъ о сладостной вечерѣ пахарь, день цѣлый
Свѣжее поле съ четою воловъ бороздившій могучимъ
Плугомъ, и весело день провожаетъ онъ взоромъ на западъ;
Тащится тяжкой стопою домой онъ готовить свой ужинъ.
Такъ Одиссей веселился, увидя склоченье на западъ
Дня. Обращаясь ко всѣмъ феакіянамъ вмѣстѣ, такое
Слово сказалъ онъ, глаза устремивъ на царя Алкиноя:
—Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Въ путь снарядите меня, сотворивъ возліянье безсмертнымъ;
Сами же радуйтесь. Все ужъ готово, чего такъ желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлютъ благодать мнѣ
Боги Ура́ниды, нынѣ, чтобъ я, возвратяся въ отчизну,
Дома жену безъ порока нашелъ и возлюбленныхъ ближнихъ
Всѣхъ сохраненныхъ; а вы благоденствуйте каждый съ своею,
Сердцемъ избранной супругой и съ чадами; все да пошлютъ вамъ
Доброе боги, и зло никакое чтобъ васъ не коснулось.—
Кончилъ; и всѣ, изъявивъ одобренье, рѣшили немедля
Гостя, плѣнившаго ихъ столь разумною рѣчью, отправить
Въ путь. Обратяся тогда къ Понтоною, сказалъ феакіянъ
Царь благородный:—Наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
Чаши, дабы, помолившись владыкѣ Кроніону Зевсу,
Странника въ милую землю отцовъ отпустили мы съ миромъ.—
Такъ онъ сказалъ и, кратеры наполнивъ виномъ благовонным,
Подалъ съ нимъ чаши гостямъ Понтоной; и они возліянье
Имъ совершили богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Каждый на мѣстѣ своемъ. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подалъ царицѣ Аретѣ двуярусный кубокъ; потомъ онъ,
Голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово:—Царица,
Радуйся нынѣ и жизнь проводи безпечально, доколѣ
Старость и смерть не придутъ въ обреченное каждому время.
Я возвращаюсь въ отеческій домъ свой; а ты благоденствуй
Дома съ дѣтьми, съ домочадцами, съ добрымъ царемъ Алкиноемъ.—
Слово такое сказавъ, черезъ мѣдный порогъ перешелъ онъ.
Съ нимъ повелѣлъ Понтоною итти Алкиной, чтобъ ему онъ

Путь указалъ къ кораблю и къ песчаному брегу морскому.
Также царица Арета послала за нимъ трехъ служанокъ,
Съ вымытой чисто одеждой одну и съ хитономъ, другую
Съ отданнымъ ей въ сохраненье блестящимъ ковчегомъ, а третью
Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ и съ запасомъ ѣды на дорогу.
Къ брегу морскому онѣ подошли и, принявши изъ рукъ ихъ
Платье, ковчегъ и вино и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы, и на гладкой
Палубѣ мягкоширокій коверъ съ простыней полотняной
Подлѣ кормы разостлали, чтобъ могъ Одиссей безтревожно
Спать. И вступилъ Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Легъ онъ на мягкоширокій коверъ. И на лавки порядкомъ
Сѣли гребцы, и, канатъ отвязавъ отъ причальнаго камня,
Разомъ ударили въ весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетѣлъ Одиссею на вѣжды
Сонъ непробудный, усладный, съ безмолвною смертію сходный.
Быстро (какъ полемъ широкимъ коней четверня, безпрестанно
Сильнымъ гонимыхъ бичомъ, поражающимъ всѣхъ совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершаетъ
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побѣжалъ и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало впередъ; безпрепятственно плылъ онъ; и соколъ, быстрѣйшій
Между пернатыми неба, его не догналъ бы въ полетѣ —
Такъ онъ стремительно, зыбь разсѣкая, летѣлъ черезъ море,
Мужа неся богоравнаго, полнаго мыслей высокихъ,
Много встрѣчавшаго бѣдъ, сокрушающихъ сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великихъ видавшаго браней —
Нынѣ же спалъ онъ, забывъ претерпѣнное, сномъ беззаботнымъ.
Но поднялася звѣзда лучезарная, вѣстница свѣтлой,
Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эосъ; и, путь свой окончивъ,
Къ брегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море.
Пристань находится тамъ, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуютъ двѣ длинныя вѣтви крутого
Брега, скалами зубчатыми въ море входящаго; вѣтрамъ
Онъ возбраняетъ извнѣ нагонять на спокойную пристань
Волны тревожныя; могутъ внутри корабли на притонномъ
Мѣстѣ безъ привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистая зрится
Маслина; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ
Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, нимфамъ;
Много въ томъ гротѣ кратеръ и большихъ двоеручныхъ кувшиновъ
Каменныхъ: пчелы, гнѣздяся въ ихъ нѣдрѣ, свой медъ составляютъ;
Также тамъ много и каменныхъ длинныхъ становъ; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурныя ткутъ тамъ Наяды;
Вѣчно шумитъ тамъ вода ключевая; и въ гротѣ два входа:
Людямъ одинъ лишь изъ нихъ, обращенный къ Борею, доступенъ;
Къ Ноту жъ на югъ обращенный богамъ посвященъ—не дерзаетъ
Смертный къ нему приближаться, однимъ лишь безсмертнымъ открытъ онъ.
Зная то мѣсто, къ нему подошли мореходцы; корабль ихъ
Цѣлой почти половиною на берегъ вспрянулъ—такъ быстро
Мчался онъ, веслами сильныхъ гребцовъ понуждаемый къ бѣгу.
Сталъ неподвижно у брега могучій корабль. Мореходцы,
Съ палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Снявъ съ простынею и съ мягкимъ ковромъ, на которыхъ лежалъ онъ
Спящій глубоко, его положили на брегѣ песчаномъ;
Послѣ, богатства собравъ, отъ разумныхъ людей феакійскихъ
Имъ полученныя въ даръ, по внушенью великой Аѳины,
Бережно склали у корня оливы широкосѣнистой
Все, отъ дороги поодаль, дабы никакой проходящій,
Пользуясь сномъ Одиссея глубокимъ, чего не похитилъ.

Кончивъ, пустилися въ море они. Но земли колебатель,
Помня во гнѣвѣ о прежнихъ угрозахъ своихъ Одиссею,
Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, съ такой обратился молитвой
Къ Зевсу: — О Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, не буду богами
Болѣ честимъ я, когда мной ругаться начнутъ феакійцы,
Смертные люди, хотя и божественные нашей породы;
Вѣдалъ всегда я, что въ домъ свой, немало тревогъ испытавши,
Долженъ вступить Одиссей; я не могъ у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде ужъ судъ произнесъ свой.
Нынѣ жъ его феакійцы въ своемъ кораблѣ до Итаки
Спящаго, мнѣ вопреки, довезли, напередъ одаривши
Золотомъ, мѣдью и множествомъ ризъ драгоцѣнно-сотканныхъ,
Такъ изобильно, что даже изъ Трои подобной добычи
Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно въ домъ возвратился.—
Гнѣвному богу отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:—
Странное слово сказалъ ты, могучій земли колебатель;
Ты ль не въ чести у боговъ, и возможно ль, чтобъ лучшій,
Старшій и силою первый не чтимъ былъ отъ младшихъ и низшихъ?
Если же кто изъ людей земнородныхъ, съ тобою неравныхъ
Силой и властью, тебя не почтитъ, накажи безпощадно.
Дѣйствуй теперь, какъ желаешь ты самъ, какъ пріятнѣе сердцу.—
Богъ Посидонъ, колебатель земли, отвѣчалъ громовержцу:
—Смѣло бъ я дѣйствовать сталъ, о Зевесъ чернооблачный, если бъ
Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
Нынѣ же мной феакійскій прекрасный корабль, Одиссея
Въ землю его проводившій и моремъ обратно плывущій,
Будетъ разбитъ, чтобъ впередъ ужъ они по водамъ не дерзали
Всѣхъ провожать, и горою великой задвину ихъ городъ.—
Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ громовержецъ Кроніонъ:
—Другъ Посидонъ, полагаю, что самое лучшее будетъ,
Если (когда подходящій корабль издалёка увидятъ
Жители града) его передъ ними въ утесъ обратишь ты,
Образъ плывущаго судна ему сохранивши, чтобъ чудо
Всѣхъ изумило; потомъ ты горою задвинешь ихъ городъ.—
Слово такое услышавъ, могучій земли колебатель
Въ Схерію, гдѣ обиталъ феакійскій народъ устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. Къ нему подошедъ, колебатель земли во мгновенье
Въ камень его обратилъ и ударомъ ладони къ морскому
Дну основаніемъ крѣпко притиснулъ, потомъ удалился.
Шумно словами крылатыми спрашивать стали другъ-друга
Веслолюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы,
Глядя одинъ на другого, и такъ межъ собой разсуждая:
—Горе! кто вдругъ на водахъ оковалъ нашъ корабль быстроходный,
Къ берегу шедшій? Его ужъ вдали различали мы ясно.—
Такъ говорили они, не постигнувъ того, что случилось.
Къ нимъ обратился тогда Алкиной и сказалъ: —Феакійцы,
Горе! я вижу, что нынѣ сбылося все то, что отецъ мой
Мнѣ предсказалъ, говоря, какъ на насъ Посидонъ негодуетъ
Сильно за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.
Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,
Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокой горою
Градъ нашъ задвинетъ. Такъ мнѣ говорилъ онъ, и все совершилось.
Вы жъ, феакійскіе люди, исполните то, что скажу вамъ:
Съ этой поры мы не станемъ уже по морямъ, какъ бывало,
Странниковъ, нашъ посѣщающихъ градъ, провожать; Посидону жъ
Въ жертву немедля двѣнадцать быковъ принесемъ, чтобъ на милость
Онъ преклонился, и града горой не задвинулъ великой.—
Такъ онъ сказалъ, и быковъ приготовилъ на жертву объятый

Страхомъ народъ; и усердно молясь Посидону владыкѣ,
Всѣ феакійскіе старцы, вожди и вельможи стояли
Вкругъ алтаря. Той порой Одиссей, привезенный въ отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узналъ онъ—
Такъ былъ отсутственъ давно; да и сторону всю ту покрыла—
Мглою туманною дочь громовержца Аѳина, чтобъ не былъ
Прежде, покуда всего отъ нея не услышитъ, кѣмъ встрѣченъ
Царь Одиссей, чтобъ его ни жена, ни домашній, ни житель
Града какой не узнали, пока женихамъ не отмститъ онъ;
Вотъ почему и явилось очамъ Одиссея столь чуждымъ
Все: и излучины длинныхъ дорогъ, и заливъ межъ стѣнами
Гладкихъ утесовъ, и темныя сѣни деревъ черноглавыхъ.
Вставши, съ великимъ волненьемъ онъ началъ кругомъ озираться;
Скорбь овладѣла душою его; по бедрамъ онъ могучимъ
Крѣпко ударивъ руками, въ печали великой воскликнулъ:
—Горе! къ какому народу зашелъ я! здѣсь, можетъ-быть, область
Дикихъ, незнающихъ правды людей, иль, быть-можетъ, я встрѣчу
Смертныхъ, привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.
Гдѣ же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мнѣ самому? Для чего межъ людьми феакійскими долѣ
Я не остался! къ другому изъ сильныхъ владыкъ въ ихъ народѣ
Я бы прибѣгнулъ, и онъ бы помогъ мнѣ достигнуть отчизны;
Нынѣ жъ не знаю, что дѣлать съ своимъ мнѣ добромъ; безъ храненья
Здѣсь не оставлю его, отъ прохожихъ расхищено будетъ.
Горе! я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
Были въ поступкахъ со мною и царь и вожди феакійцевъ:
Ими я брошенъ въ краю мнѣ чужомъ; отвезти обѣщались
Въ милую прямо Итаку меня, и нарушили слово;
Ихъ да накажетъ Зевесъ, покровитель лишенныхъ покрова,
Зрящій на наши дѣла и карающій наши злодѣйства.
Должно однако богатства мои перечесть, чтобъ увидѣть,
Цѣло ли все, не украли ль чего въ кораблѣ быстроходномъ.—
Онъ сосчиталъ всѣ котлы, всѣ треножники, всѣ золотыя
Утвари, всѣ драгоцѣнно-сотканныя ризы, и цѣлымъ
Все оказалось, но горько онъ плакалъ о милой отчизнѣ,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу
Въ тяжкой печали. Къ нему подошла тутъ богиня Аѳина,
Образъ принявъ пастуха, за овечьимъ ходящаго стадомъ,
Юнаго, нѣжной красою подобнаго царскому сыну:
Ей покрывала двойная широкая мантія плечи,
Ноги сіяли въ сандаліяхъ, легкимъ копьемъ подпиралась.
Радуясь встрѣчѣ такой, Одиссей подошелъ къ свѣтлоокой
Дѣвѣ и, голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово:
—Другъ, ты въ землѣ незнакомой мнѣ страннику встрѣтился первый;
Радуйся! сердце жъ на милость свое преклони; сбереги мнѣ
Это добро, и меня самого защити; я какъ бога,
Другъ, умоляю тебя и колѣна твои обнимаю:
Мнѣ отвѣчай откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Гдѣ я? Въ какой сторонѣ? И какой здѣсь народъ обитаетъ?
Островъ ли это гористый иль въ море входящій, высокій
Берегъ земли матерой, покровенной крутыми горами?—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Видно, что ты издалека, пришелецъ, иль вовсе безсмысленъ,
Если объ этомъ не вѣдаешь краѣ. Но онъ не безславенъ
Между краями земными, народамъ земнымъ онъ извѣстенъ
Всѣмъ, какъ живущимъ къ востоку, гдѣ Эосъ и Геліосъ всходятъ,
Такъ и живущимъ на западъ, гдѣ область туманныя ночи;
Правда, гористъ и суровъ онъ, конямъ неприволенъ, но вовсе жъ
Онъ и не дикъ, не безплоденъ, хотя не широкъ и полями
Бѣденъ; онъ жатву сторицей даетъ, и на немъ винограда
Много родится отъ частыхъ дождей и отъ росъ плодотворныхъ;
Пажитей много на немъ для быковъ и для козъ, и богатъ онъ

Лѣсомъ и множествомъ водъ, безущербно годъ цѣлый текущихъ.
Странникъ, конечно, молва объ Итакѣ дошла и къ предѣламъ
Трои, лежащей, какъ слышно, далеко отъ края ахеянъ.—
Кончила. Въ грудь Одиссея веселье отъ словъ сихъ проникло;
Радъ былъ услышать онъ имя отчизны изъ устъ свѣтлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Аѳины;
Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово богинѣ
(Правду, однако, онъ скрылъ отъ нея хитроумною рѣчью,
Въ сердцѣ своемъ осторожно о пользѣ своей помышляя):
—Имя Итаки впервые услышалъ я въ Критѣ обширномъ,
За́ моремъ; нынѣ жъ и самъ я предѣловъ Итаки достигнулъ,
Много сокровищъ съ собою привезши и столько же дома
Дѣтямъ оставивъ; бѣжалъ я оттуда, убивъ Архилока,
Идоминеева милаго сына, который въ обширномъ
Критѣ мужей предпріимчивыхъ всѣхъ побѣждалъ быстротою
Ногъ; онъ хотѣлъ у меня всю добычу троянскую (столько
Злыхъ мнѣ тревогъ приключившую въ тѣ времена, какъ во многихъ
Браняхъ я былъ и среди бѣдоноснаго странствовалъ моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
Въ Троѣ служить и своими людьми предводилъ; но его я,
Шедшаго съ поля, съ товарищемъ подлѣ дороги укрывшись,
Мѣтконаправленнымъ мѣднымъ копьемъ умертвилъ изъ засады;
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой насъ
Видѣть не могъ человѣкъ; и не свѣдалъ никто, что убійца
Я; но, копьемъ мѣдноострымъ его умертвивъ, не замедлилъ
Я, къ кораблю финикійскихъ людей благородныхъ пришедши,
Ихъ убѣдить предложеньемъ даровъ, чтобъ меня на корабль свой
Взявши и въ Пилосъ привезши, тамъ на берегъ дали мнѣ вытти,
Или въ Элиду, священную область эпеянъ, меня проводили;
Но береговъ ихъ достигнуть намъ не далъ враждующій вѣтеръ
Къ горю самихъ мореходцевъ, меня обмануть не хотѣвшихъ;
Сбившись съ дороги, сюда мы приплыли ночною порою;
Въ пристань на веслахъ ввели мы корабль и никто не помыслилъ,
Сколь ни стремило къ тому насъ желанье, объ ужинѣ; всѣ мы,
Вмѣстѣ сошедъ съ корабля, улеглися на брегѣ песчаномъ;
Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился; они же,
Взявши пожитки мои съ корабля, ихъ сложили на землю
Тамъ, гдѣ заснувши лежалъ на пескѣ я; потомъ, возвратяся
Всѣ на корабль, къ берегамъ многолюдной Сидоніи путь свой
Быстро направили. Я же остался одинъ, сокрушенный.—
Кончилъ. Съ улыбкой Аѳина ему свѣтлоокая щеки
Нѣжной рукой потрепала, явившись прекрасною, съ станомъ
Стройно высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой.
Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
—Долженъ быть скрытенъ и хитръ несказанно, кто спорить съ тобою
Въ вымыслахъ разныхъ захочетъ; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодѣй, на коварныя выдумки дерзкій, не можешь,
Даже и въ землю свою возвратясь, оторваться отъ темной
Лжи и отъ словъ двоесмысленныхъ, смолода къ нимъ пріучившись;
Но объ этомъ теперь говорить безполезно; мы оба
Любимъ хитрить. На землѣ ты межъ смертными, разумомъ первый,
Также и сладкою рѣчью; я первая между безсмертныхъ
Мудрымъ умомъ и искусствомъ на хитрые вымыслы. Какъ же
Могъ не узнать ты Паллады Аѳины, тебя неизмѣнно
Въ тяжкихъ трудахъ подкрѣплявшей, хранившей въ напастяхъ, и нынѣ
Всѣмъ феакіянамъ сердце къ тебѣ на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтобъ, съ тобой все разумно обдумавъ,
Къ мѣсту прибрать здѣсь все то, что отъ щедрыхъ людей феакійскихъ
Ты получилъ при отъѣздѣ моимъ благосклоннымъ внушеньемъ;
Также, чтобъ зналъ ты, какія судьба въ многославномъ жилищѣ
Царскомъ бѣды для тебя приготовила. Ты же мужайся:

Но берегись, чтобъ никто тамъ, ни мужъ ни жена, не проникли
Тайны, что бѣдный скиталецъ—ты самъ возвратившійся; молча
Всѣ оскорбленья сноси, наглецамъ уступая безъ гнѣва.—
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
—Смертный, и самый разумный, съ тобою случайно, богиня,
Встрѣтясь, тебя не узнаетъ: во всѣхъ ты являешься видахъ.
Помню однако я, сколь ты бывала ко мнѣ благосклонна
Въ тѣ времена, какъ въ Троянской землѣ мы сражались, ахейцы.
Но, когда ниспровергнувши городъ Пріамовъ великій,
Мы къ кораблямъ возвратились, разгнѣванный богъ разлучилъ насъ.
Съ тѣхъ поръ съ тобою не встрѣчался я, Діева дочь; не примѣтилъ
Также, чтобъ ты, на корабль мой вступивши, меня отъ какого
Зла защитила. Съ разорваннымъ сердцемъ, безъ всякой защиты,
Странствовалъ я: наконецъ, отъ напастей избавили боги.
Только въ странѣ плодоносной мужей феакійскихъ меня ты
Словомъ своимъ ободрила и въ городъ мнѣ путь указала.
Нынѣ жъ, колѣна объемля твои, умоляю Зевесомъ
(Я сомнѣваюсь, чтобъ былъ я въ Итакѣ; я въ землю иную
Прибылъ; ты, такъ говоря, безъ сомнѣнья, испытывать шуткой
Хочешь мнѣ сердце; ты хочешь мой разумъ ввести въ заблужденье),
Правду скажи мнѣ, я подлинно ль милой отчизны достигнулъ?—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Въ сердцѣ моемъ благосклонность къ тебѣ сохранилася та же;
Мнѣ невозможно въ несчастьи покинуть тебя; ты пріемлешь
Ласково каждый совѣтъ, ты понятливъ, ты смѣлъ въ исполненьи,
Всякій, на чужѣ скитавшійся долго, достигнувъ отчизны,
Домъ свой, жену и дѣтей пламенѣетъ желаньемъ увидѣть;
Ты жъ, Одиссей, не спѣши узнавать, воздержись отъ разспросовъ;
Прежде ты долженъ жену испытать; неизмѣнная сердцемъ,
Дома она ожидаетъ тебя съ нетерпѣніемъ, тратя
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.
Я же сомнѣнія въ томъ никогда не имѣла—напротивъ,
Знала, что спутниковъ всѣхъ потерявъ, ты домой возвратишься;
Но неприлично мнѣ было вражду заводить съ Посидономъ,
Братомъ родителя Зевса, тобой оскорбленнымъ; ты сильно
Душу разгнѣвалъ его умерщвленіемъ милаго сына.
Но, чтобъ ты могъ мнѣ повѣрить, тебѣ я открою Итаку.
Здѣсь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистую видишь
Маслину; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ
Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, нимфамъ
(Самый тотъ хладный, въ утесѣ таящійся гротъ, гдѣ столь часто
Ты приносилъ экатомбы богатыя чистымъ Наядамъ).
Вотъ и гора Неріонъ, покровенная лѣсомъ широкимъ.—
Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила; окрестность явилась;
Въ грудь Одиссея при видѣ такомъ пролилося веселье;
Бросился онъ цѣловать плододарную землю отчизны;
Руки поднявъ, обратился потомъ онъ съ молитвой къ Наядамъ:
—Нимфы Наяды, Зевесовы дочери, я ужъ не думалъ
Здѣсь васъ увидѣть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будутъ дары вамъ обычные, если
Дочь броненосная Зевса Аѳина и мнѣ благосклонно
Жизнь сохранитъ, и милаго сына спасетъ отъ напасти.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ;
Долженъ, напротивъ, сокровища въ нѣдрѣ пространнаго грота
Спрятать свои, чтобъ изъ нихъ ничего у тебя не пропало.
Послѣ, все дѣло обдумавъ, мы выберемъ то, что полезнѣй.—
Кончивъ, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стѣнъ закоулки ощупала; сынъ же Лаэртовъ
Все, и нетлѣнную мѣдь, и богатыя платья, и злато,
Имъ отъ людей Феакійской земли полученныя, собралъ;

Въ гротѣ ихъ склавъ, передъ входомъ его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Аѳина.
Оба тогда, подъ широкосѣнистою маслиной сѣвши,
Стали обдумывать, какъ погубить жениховъ многобуйныхъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:
—О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Выдумай, какъ бы тебѣ жениховъ наказать беззаконныхъ,
Болѣ трехъ лѣтъ самовластно твоимъ обладающихъ домомъ,
Муча докучнымъ своимъ сватовствомъ Пенелопу; она же,
Сердцемъ въ разлукѣ съ тобою крушась, подаетъ имъ надежду
Всѣмъ, и каждому порознь себя обѣщаетъ, и вѣсти
Добрыя шлетъ къ нимъ, недоброе въ сердцѣ для нихъ замышляя.—
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
—Горе! и мнѣ бъ, какъ царю Агамемному сыну Атрея,
Жалостной гибели въ царскомъ жилищѣ моемъ не избѣгнуть,
Если бы во́-время мнѣ ты всего не открыла богиня!
Дай мнѣ теперь наставленіе, какъ отомстить имъ; сама же
Мнѣ помоги и такую жъ даруй мнѣ отважность, какъ въ Троѣ,
Гдѣ мы разрушили свѣтлыя стѣны Пріамова града.
Стой за меня и теперь, какъ тогда, свѣтлоокая; смѣло
Вытти готовъ и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мнѣ ты еще благосклонна.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставленъ
Мной и тогда, какъ приступимъ мы къ дѣлу; и думаю, скоро
Лоно земли безпредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ
Многихъ изъ нихъ, беззаконныхъ, твое достоянье губящихъ.
Прежде однако тебя превращу я, чтобъ не былъ никѣмъ ты
Узнанъ: наморщу блестящую кожу твою на могучихъ
Членахъ, сниму съ головы златотемныя кудри, покрою
Рубищемъ бѣднымъ плеча, чтобъ глядѣлъ на тебя съ отвращеньемъ
Каждый, и струпомъ глаза, столь прекрасные нынѣ, подерну;
Въ видѣ такомъ женихамъ ты, супругѣ и сыну (который
Дома тобой былъ оставленъ), неузнанный, будешь противенъ.
Прежде однако отсюда ты долженъ пойти къ свинопасу,
Главному здѣсь надъ стадами свиными смотрителю; вѣренъ
Онъ и тебѣ, и разумной твоей Пенелопѣ и сыну;
Встрѣтишь его ты у стада свиней: близъ утеса Коракса,
Подлѣ ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаяся тамъ жолудьми, и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густымъ наливаетъ
Жиромъ. Съ нимъ сидя, его обо всемъ ты подробно разспросишь.
Тою порою я въ женопрекрасный пойду Лакеде́монъ
Вызвать къ тебѣ, Одиссей, твоего Телемака оттуда:
Онъ же въ широкоравнинную Спарту пошелъ, чтобъ услышать
Вѣсть о тебѣ отъ Атри́да, и живъ ли еще ты, провѣдать.—
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
—Вѣдая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многимъ и онъ сокрушеньямъ подвергнуться можетъ
На́ морѣ бурномъ, во власти грабителей домъ свой оставивъ.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Много о томъ, Одиссей, ты тревожиться сердцемъ не долженъ.
Я проводила его, чтобъ людей посмотрѣлъ и межъ ними
Нажилъ великую славу; легко все окончивъ, теперь онъ
Въ домѣ Атреева сына сидитъ и роскошно пируетъ.
Правда, его женихи стерегутъ въ кораблѣ темногрудомъ,
Злую погибель готовя ему на возвратной дорогѣ;
Я имъ однако того не дозволю; и прежде могила
Многихъ изъ нихъ, разоряющихъ дерзостно домъ твой, поглотитъ.—
Съ сими словами богиня къ нему прикоснулася тростью.
Разомъ на членахъ его, вдругъ изсохшее, сморщилось тѣло,

Спали съ его головы златотемныя кудри, сухою
Кожей дряхлаго старца дрожащія кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпомъ,
Плечи одѣлись тряпицей, въ лохмотье разорваннымъ, старымъ
Рубищемъ, грязнымъ, совсѣмъ почернѣвшимъ отъ смраднаго дыма;
Сверхъ же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе безъ шерсти; давъ посохъ ему и котомку,
Всю въ заплатахъ, висящую вмѣсто ремня на веревкѣ.
Съ нимъ разлучилась богиня; что дѣлать, его научивши,
Къ сыну его полетѣла она въ Лакедемонъ священный.

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

Одиссей приходитъ къ Эвмею; позавтракавъ съ нимъ, онъ увѣряетъ стараго свинопаса, что господинъ его скоро возвратится и подтверждаетъ то клятвою, но Эвмей ему не вѣритъ. Одиссей разсказываетъ ему вымышленную о себѣ повѣсть. Къ вечеру всѣ другіе пастухи возвращаются съ паствы. Эвмей убиваетъ откормленную свинью на ужинъ. Холодная ночь; Одиссей вымышленнымъ о себѣ разсказомъ побуждаетъ Эвмея дать ему теплую мантію на ночь. Всѣ засыпаютъ въ домѣ; одинъ Эвмей уходитъ наблюдать за стадомъ, оставленнымъ въ полѣ.

Тою порою изъ пристани вкруть по тропинкѣ нагорной
Лѣсомъ пошелъ онъ въ ту сторону, гдѣ, по сказанью Аѳины,
Жилъ свинопасъ богоравный, который усерднѣе прочихъ
Царскихъ рабовъ наблюдалъ за добромъ его господина.
Онъ на дворѣ передъ домомъ въ то время сидѣлъ за работой;
Домъ же стоялъ на высокомъ, открытомъ и кругообразномъ
Мѣстѣ, просторный, отвсюду обходный; его для свиныхъ тамъ
Стадъ свинопасъ, не спросясь ни съ царицей, ни старцемъ Лаэртомъ,
Самъ, поелику его господинъ былъ отсутственъ, изъ твердыхъ
Камней построилъ; ограда терновыя стѣны вѣнчала;
Тынъ изъ дубовыхъ, обтесанныхъ, близко одинъ отъ другого
Въ землю вколоченныхъ кольевъ его окружалъ; на дворѣ же
Цѣлыхъ двѣнадцать просторныхъ закутъ для свиней находилось:
Каждую ночь въ тѣ закуты свиней загоняли и въ каждой
Ихъ пятьдесятъ, на землѣ неподвижно лежащихъ тамъ было
Заперто—матки однѣ для расплода; самцы же во внѣшнихъ
Спали закутахъ, и въ меньшемъ числѣ: убавляли, пируя,
Ихъ женихи беззаконные (самъ свинопасъ принужденъ былъ
Лучшихъ и самыхъ откормленныхъ имъ посылать ежедневно);
Триста ихъ тамъ шестьдесятъ борововъ налицо оставалось;
Ихъ сторожили четыре собаки, какъ дикіе звѣри,
Злобныя: самъ свинопасъ, повелитель мужей, для себя ихъ
Выкормилъ. Сидя тогда передъ домомъ, кроилъ онъ изъ крѣпкой
Кожи воловьей подошвы для ногъ; пастухи же другіе
Были въ отлучкѣ: на пажити съ стадомъ свиней находились
Трое, четвертый самимъ повелителемъ посланъ былъ въ городъ
Лучшую въ стадѣ свинью женихамъ необузданнымъ противъ
Воли отдать, чтобъ, зарѣзавъ ее, насладились ѣдою.
Вдругъ вдалекѣ Одиссея увидѣли злыя собаки;
Съ лаемъ онѣ на него побѣжали; къ землѣ осторожно,
Видя опасность, присѣлъ Одиссей, но изъ рукъ уронилъ онъ
Посохъ, и жалкую гибель въ своемъ бы онъ встрѣтилъ владѣньи,
Если бы самъ свинопасъ, за собаками бросясь поспѣшно,
Выбѣжать, кинувъ работу свою, не успѣлъ изъ заграды;
Крикнувъ на бѣшеныхъ псовъ, чтобъ пугнуть ихъ, швырять онъ большими
Камнями началъ; потомъ онъ сказалъ, обратясь къ Одиссею:
—Былъ бы, старикъ, ты разорванъ, когда бъ опоздалъ я минуту;
Тяжкимъ упрекомъ легло бъ мнѣ на сердце такое несчастье;
Мнѣ же и такъ ужъ довольно печалей безсмертные дали;
Здѣсь, о моемъ господинѣ божественномъ сѣтуя, долженъ
Я для незваныхъ гостей борововъ Одиссеевыхъ жирныхъ
Прочить, тогда какъ, быть-можетъ, онъ самъ безъ покрова, безъ пищи
Странствуетъ въ чуждыхъ земляхъ, межъ народовъ иного языка
(Если онъ только еще гдѣ сіяніемъ дня веселится).

Въ домъ мой послѣдуй за мною, старикъ; я тебя дружелюбно
Пищею тамъ угощу и виномъ; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какія бѣды и напасти гдѣ встрѣтилъ?—
Кончилъ, и въ домъ съ Одиссеемъ вошелъ свинопасъ богоравный;
Тамъ онъ на кучу его посадилъ многолиственныхъ, свѣжихъ
Сучьевъ, недавно нарубленныхъ, прежде косматою кожей
Серны, на ней же онъ спалъ по ночамъ, ихъ покрывъ. Одиссею
Былъ по душѣ столь радушный пріемъ; онъ сказалъ свинопасу:
—Зевса молю я и вѣчныхъ боговъ, чтобъ тебѣ ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты такъ ласково принялъ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:—
Если бы, другъ, кто и хуже тебя посѣтилъ насъ, мы долгъ свой
Гостя почтить сохранили бы свято—Зевсъ къ намъ приводитъ
Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.
Слишкомъ же щедрыми быть намъ не можно, рабамъ, въ безпрестанномъ
Страхѣ живущимъ, понеже теперь господа молодые
Властвуютъ нами. Кроніонъ рѣшилъ, чтобъ лишенъ былъ возврата
Онъ, столь ко мнѣ благосклонный; меня бъ онъ устроилъ, мнѣ далъ бы
Поле, и домъ, и невѣсту съ богатымъ приданымъ и, словомъ,
Все, что служителямъ вѣрнымъ давать господинъ благодушный
Долженъ, когда справедливые боги успѣхомъ усердіе
Ихъ наградили, какъ здѣсь и меня за труды награждаютъ;
Такъ бы со мною здѣсь милостивъ былъ онъ, когда бъ могъ достигнуть
Старости, дома; но нѣтъ ужъ его... о! зачѣмъ не Еленинъ
Родъ истребленъ! отъ нея сокрушились колѣна славнѣйшихъ
Нашихъ героевъ: и онъ за обиду Атрида съ другими
Въ Трою неволей пошелъ истребить Иліонъ многоконный.—
Такъ говорилъ онъ, и поясомъ легкимъ хитонъ свой стянувши,
Къ той отдѣленной закутѣ пошелъ, гдѣ одни поросята
Заперты были; взявъ двухъ пожирнѣй, онъ обоихъ зарѣзалъ,
Ихъ опалилъ и на части разсѣкъ, и на вертелъ наткнувши
Части, изжарилъ ихъ; кончивъ, горячее мясо онъ подалъ
Гостю на вертелѣ, ячной мукою его пересыпавъ;
Послѣ, медвянымъ виномъ деревянный наполнивши кубокъ,
Сѣлъ противъ гостя за столъ и, его приглашая къ обѣду:
—Странникъ, сказалъ, не угодно ли тебѣ поросятины, нашей
Пищи убогой, отвѣдать? Свиней же одни безпощадно
Жрутъ женихи, не страшась никакого за то наказанья;
Дѣлъ беззаконныхъ однако блаженные боги не любятъ:
Правда одна и благіе поступки людей имъ угодны;
Даже разбойники, злые губители, разныя земли
Грабить обыкшіе—многой добычей, имъ данной Зевесомъ,
Свой нагрузивши корабль и на немъ возвращаясь въ отчизну—
Страхъ наказанья великій въ душѣ сохраняютъ; они же
(Видно имъ бога какого пророческій слышался голосъ),
Вѣря, что гибель постигла его, ни свое, какъ прилично,
Весть сватовство не хотятъ, ни къ себѣ возвратиться не мыслятъ,
Въ домѣ, напротивъ, пируютъ его и безчинно все грабятъ;
Каждую Зевсову ночь тамъ и каждый ниспосланный Зевсомъ
День не одну и не двѣ мы свиньи на съѣденье имъ рѣжемъ;
Такъ они и вино, неумѣренно пьянствуя, тратятъ.
Домъ же его несказанно богатъ былъ, никто изъ живущихъ
Здѣсь благородныхъ мужей—на твердынѣ ли чернаго Зама
Или въ Итакѣ—того не имѣлъ; получалъ онъ дохода
Болѣе, чѣмъ десять у насъ богачей; я сочту по порядку:
Стадъ криворогихъ быковъ по двѣнадцати было, овечьихъ
Также, и столько же свиныхъ, и не менѣе козьихъ (пасутъ ихъ
Здѣсь козоводы свои и наемные), также на разныхъ
Паствахъ еще здѣсь гуляетъ одиннадцать козьихъ особыхъ
Стадъ; и особые ихъ стерегутъ на горахъ козоводы;

Каждый изъ тѣхъ козоводовъ вседневно чередъ наблюдая,
Въ городъ съ жирнѣйшей козою, межъ лучшими выбранной, ходитъ;
Также вседневно и я, надъ стадами свиными здѣсь главный,
Лучшаго борова имъ на обѣдъ посылать приневоленъ.—
Такъ говорилъ онъ, а гость той порою ѣлъ мясо, усердно
Пилъ, и молчалъ, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готовя.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубокъ онъ свой, изъ котораго самъ пилъ, хозяину подалъ
Полный вина—и его свинопасъ съ удовольствіемъ принялъ;
Гость же, къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово:
—Другъ, разскажи о купившемъ тебя господинѣ, который
Былъ такъ несмѣтно богатъ, такъ могучъ, и потомъ, говоришь ты,
Въ Троѣ погибъ, за обиду отмщая Атреева сына?
Знать я желаю: не встрѣтился ль гдѣ онъ случайно со мною?
Зевсу и прочимъ безсмертнымъ извѣстно, могу ли въ свою вамъ
Очередь что про него разсказать—я давно ужъ скитаюсь.—
Такъ свинопасъ, повелитель мужей, отвѣчалъ Одиссею:
—Старецъ, теперь никакой ужъ изъ странниковъ, много бродившихъ,
Радостной вѣстью объ немъ ни жены не обманетъ, ни сына.
Часто, въ надеждѣ, что ихъ, угостивъ, одарятъ, здѣсь бродяги
Лгутъ небылицы и басни о немъ вымышляя; и кто бы,
Странствуя въ разныхъ земляхъ, ни зашелъ къ намъ въ Итаку, ужъ вѣрно
Явится къ нашей царицѣ съ нелѣпою сказкой о мужѣ;
Ласково всѣхъ принимаетъ она и разсказы ихъ жадно
Слушаетъ всѣ, и съ рѣсницъ у внимающей падаютъ капли
Слезъ, какъ у всякой жены, у которой погибъ въ отдаленьи
Мужъ. Да и ты намъ, старикъ, небылицу разскажешь охотно,
Если хламиду тебѣ иль хитонъ за труды посулимъ мы.
Нѣтъ! ужъ, конечно, ему иль собаки иль хищныя птицы
Кожу съ костей оборвали—и съ тѣломъ душа разлучилась,
Иль онъ рыбами съѣденъ морскими, иль кости на взморьѣ
Гдѣ-нибудь, въ зыбкомъ пескѣ глубоко погребенныя, тлѣютъ;
Такъ онъ погибъ, въ сокрушеньи великомъ оставивъ домашнихъ
Всѣхъ, наипаче меня; никогда, никогда не найти ужъ
Мнѣ господина столь добраго, гдѣ бы я ни жилъ, хотя бы
Снова по волѣ безсмертныхъ къ отцу былъ и къ матери милой
Въ домъ приведенъ, гдѣ родился, гдѣ годы провелъ молодые.
Но не о томъ я крушуся, хотя и желалъ бы хоть разъ ихъ
Образъ увидѣть глазами, хоть разъ посѣтить ихъ въ отчизнѣ—
Нѣтъ, объ одномъ Одиссеѣ далекомъ я плачу: ахъ! добрый
Гость мой, его и далекаго здѣсь не могу называть я
Просто по имени (такъ онъ со мною былъ милостивъ); братомъ
Милымъ его я, хотя и въ разлукѣ мы съ нимъ, называю.—
Царь Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
—Если, не вѣря вѣстямъ, утверждаешь ты, другъ, что сюда онъ
Болѣ не будетъ и если ужъ такъ ты упоренъ разсудкомъ,
Я не скажу ничего; но лишь въ томъ, что навѣрное скоро
Къ вамъ Одиссей возвратится, дамъ клятву: а мнѣ ты заплатишь
Только тогда, какъ входящаго въ домъ свой его здѣсь увидишь:
Платье тогда подаришь мнѣ, хитонъ и хламиду; до тѣхъ поръ,
Сколь ни великую бѣдность терплю, ничего не приму я;
Мнѣ самому ненавистнѣй Аидовыхъ вратъ ненавистныхъ
Каждый обманщикъ, ко лжи приневоленный бѣдностью тяжкой;
Я же Зевесомъ владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Здѣсь, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я;
Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится:
Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,
Вступитъ онъ въ домъ свой; и мщенье тогда совершится надъ каждымъ,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидѣлъ.—

Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:—
Нѣтъ, ни за вѣсти свои ты отъ насъ не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придетъ; успокойся жъ,
Пей, и начнемъ говорить о другомъ; мнѣ и слышать объ этомъ
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мнѣ
Кто здѣсь хоть словомъ напомнитъ о добромъ моемъ господинѣ.
Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нѣтъ ли
Къ намъ господинъ мой, какъ всѣ бы желали мы—я, Пенелопа,
Старецъ Лаэртъ и подобный богамъ Телемакъ—но о сынѣ
Болѣ теперь, чѣмъ о славномъ, родившемъ его Одиссеѣ,
Я сокрушаюсь: какъ вѣтвь молодая, воспитанъ богами
Былъ онъ; я мнилъ, что со временемъ, мужеской силы достигнувъ,
Будетъ подобно отцу онъ прекрасенъ и видомъ и станомъ—
Знать непріязненный демонъ какой иль враждующій смертный
Разумъ его помутилъ: чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ,
Въ Пилосъ божественный поплылъ онъ; здѣсь же, укрывшись въ засадѣ,
Ждутъ женихи, чтобъ его умертвивъ на возвратной дорогѣ,
Въ немъ и потомство Аркезія все уничтожить въ Итакѣ.
Мы же, однако, оставимъ его—попадется ль имъ въ руки
Онъ, избѣжитъ ли ихъ козней, спасенный Зевесомъ—теперь ты
Мнѣ разскажи, что съ тобой и худого и добраго было
Въ свѣтѣ? Скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой
Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
(Это, конечно, я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Если бъ мы оба съ тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладкимъ питьемъ, и глазъ-нá-глазъ осталися двое
Здѣсь пировать на просторѣ, отправивъ другихъ на работу,
То и тогда, ежедневно разсказъ продолжая, едва ли
Въ годъ бы я кончилъ печальную повѣсть о многихъ напастяхъ,
Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ несказаннымъ по волѣ безсмертныхъ.
Славлюсь я быть уроженцемъ широкоравниннаго Крита;
Сынъ я богатаго мужа; и вмѣстѣ со мною другихъ онъ
Многихъ имѣлъ сыновей, имъ рожденныхъ и выросшихъ дома;
Были они отъ законной супруги; а я отъ рабыни,
Купленной имъ, родился, но въ семействѣ почтенъ, какъ законный
Сынъ, былъ отцомъ благороднымъ, Касторомъ Гилаксовымъ сыномъ;
Онъ же отъ всѣхъ обитателей Крита какъ богъ уважаемъ
Былъ за богатство, за власть и за доблесть сыновъ многославныхъ;
Но приносящія смерть, безпощадно-могучія Керы
Въ область Аида его увели; сыновья же, богатства
Всѣ раздѣливъ межъ собою по жеребью, дали мнѣ самый
Малый участокъ и домъ небольшой для житья; за меня же
Вышла богатыхъ родителей дочь; предпочтенъ былъ другимъ я
Всѣмъ женихамъ за великую доблесть; на многое годный,
Былъ я и въ дѣлѣ военномъ не робокъ... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломѣ, однако, и прежній
Колосъ легко распознаешь ты; нынѣ жъ я бѣдный бродяга.
Съ мужествомъ бодрымъ Арей и богиня Аѳина вселили
Мнѣ боелюбіе въ сердце; не разъ выходилъ я, созвавши
Самыхъ отважнѣйшихъ, противъ враговъ злонамѣренныхъ въ битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый напротивъ всегда выбѣгалъ я съ копьемъ, чтобъ настигнуть
Въ полѣ противника, мнѣ уступавшаго ногъ быстротою;
Смѣлый въ бою, полевого труда не любилъ я, ни тихой
Жизни домашней, гдѣ милымъ мы дѣтямъ даемъ воспитанье;
Островесельные мнѣ корабли привлекательнѣй были;

Бой и крылатыя стрѣлы и мѣднoблестящія копья,
Грозные, въ трепетъ великій и въ страхъ приводящіе многихъ,
Были по сердцу мнѣ—боги любовь къ нимъ вложили мнѣ въ сердце:
Люди несходны, тѣ любятъ одно, а другіе другое.
Прежде, чѣмъ въ Трою пошло броненосное племя ахеянъ,
Девять я разъ въ кораблѣ быстроходномъ съ отважной дружиной
Противъ людей иноземныхъ ходилъ—и была намъ удача;
Лучшее бралъ я себѣ изъ добычъ, и по жеребью также
Много на часть мнѣ досталось; свое увеличивъ богатство,
Сталъ я могучъ и почтенъ межъ народами Крита; когда же
Грозногремящій Зевесъ учредилъ роковой для ахеянъ
Путь, сокрушившій колѣна столь многихъ мужей знаменитыхъ,
Съ Идоменеемъ, царемъ многославнымъ, отъ критянъ былъ избранъ
Я съ кораблями итти къ Иліону; и было отречься
Намъ невозможно: мы властью народа окованы были.
Девять тамъ лѣтъ воевали упорно мы, чада ахеянъ;
Но на десятый, когда ниспровергнувъ Пріамовъ великій
Градъ, мы къ своимъ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ.
Мнѣ злополучному бѣдствія многія Зевсъ приготовилъ.
Цѣлый мѣсяцъ провелъ я съ дѣтьми и съ женою въ семейномъ
Домѣ, великимъ богатствомъ моимъ веселясь; напослѣдокъ,
Сильно въ Египетъ меня устремило желаніе; выбравъ
Смѣлыхъ товарищей, я корабли изготовилъ; ихъ девять
Тамъ мы оснастили новыхъ; когда жъ въ корабли собралися
Бодрые спутники, цѣлыхъ шесть дней до отплытія всѣ мы
Тамъ пировали; я много зарѣзалъ быковъ и барановъ
Въ жертву богамъ, на роскошное людямъ моимъ угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Критъ, мы въ открытое море
Вышли, и съ быстропопутнымъ, пронзительнохладнымъ Бореемъ
Плыли, какъ-будто по стремю, легко; и ничѣмъ ни одинъ нашъ
Не былъ корабль поврежденъ; насъ здоровыхъ, веселыхъ и бодрыхъ
По морю мчали они, повинуясь кормилу и вѣтру.
Дней черезъ пять мы къ водамъ свѣтлоструйнымъ потока Египта
Прибыли: въ лонѣ потока легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
Далъ приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство: они, обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтнихъ,
Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружій
Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
Многихъ тогда изъ товарищей мѣдь умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
Я благовременно былъ принужденъ всемогущимъ Зевесомъ
(О! для чего избѣжалъ я судьбины и вѣрной не встрѣтилъ
Смерти въ Египтѣ! мнѣ злѣе бѣды приготовилъ Кроніонъ),
Снявъ съ головы драгоцѣнно-украшенный, кожаный шлемъ мой,
Щитъ мой сложивши съ плеча и копье мѣдноострое бросивъ,
Я подбѣжалъ къ колесницѣ царя и съ молитвой колѣна
Обнялъ его; онъ меня не отвергнулъ; но, сжалясь, съ нимъ рядомъ
Сѣсть въ колесницу велѣлъ мнѣ, ліющему слезы, и въ домъ свой
Царскій со мной удалился—а съ копьями слѣдомъ за нами
Много бѣжало ихъ, смертію мнѣ угрожавшихъ; избавленъ
Былъ я отъ смерти царемъ—онъ во гнѣвъ привести гостелюбца
Зевса, карателя строгаго дѣлъ злочестивыхъ, страшился.

Цѣлыхъ семь лѣтъ я провелъ въ сторонѣ той и много богатства
Всякаго собралъ: египтяне щедро меня одарили;
Годъ напослѣдокъ осьмой приведенъ былъ временъ обращеньемъ;
Прибылъ въ Египетъ тогда финикіецъ, обманщикъ коварный,
Злой козводѣй, отъ котораго много людей пострадало;
Онъ, увлекательной рѣчью меня обольстивъ, Финикію,
Гдѣ и помѣстье и домъ онъ имѣлъ, убѣдилъ посѣтить съ нимъ:
Тамъ я гостилъ у него до скончанія года. Когда же
Дни протекли, миновалися мѣсяцы, полнаго года
Кругъ совершился и Оры весну привели молодую,
Въ Ливію съ нимъ въ кораблѣ, облетателѣ моря, меня онъ
Плыть пригласилъ, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно сбудемъ;
Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ, продать тамъ замыслилъ;
Съ нимъ и поѣхалъ я, противъ желанья, добра не предвидя.
Мы съ благосклонно-попутнымъ, пронзительно-хладнымъ Бореемъ
Плыли; ужъ Критъ былъ за нами... но Дій намъ готовилъ погибель;
Островъ изъ нашихъ очей въ отдаленьи пропалъ и исчезла
Всюду земля, и лишь небо съ водами сліянное зрѣлось:
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую темную тучу
Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло
Море; и вдругъ, заблиставъ, онъ съ небесъ на корабль громовую
Бросилъ стрѣлу: закружилось пронзенное судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило; всѣ разомъ товарищи были
Сброшены въ воду, и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ
Всѣхъ; лишь объятаго горемъ великимъ меня надоумилъ
Вовремя онъ корабля остроносаго мачту руками
Въ бурной тревогѣ схватить, чтобъ погибели вѣрной избѣгнуть;
Вѣтрамъ губящимъ во власть отдался я, привязанный къ мачтѣ.
Девять носившися дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
Ночью ко брегу ѳеспротовъ высокобѣгущей волною
Былъ принесенъ я; Федонъ, благомыслящій царь ихъ, безъ платы
Долго меня у себя угощалъ, поелику я милымъ
Сыномъ его былъ, терзаемый голодомъ, встрѣченъ и въ царскій
Домъ приведенъ: на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, онъ далъ мнѣ хитонъ и хламиду.
Тамъ я впервые узналъ о судьбѣ Одиссея; сказалъ мнѣ
Царь, что гостилъ у него онъ, въ отчизну свою возвращаясь;
Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей, показалъ онъ:
Золото, мѣдь и желѣзную утварь чудесной работы;
Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много—
Столько сокровищъ царю Одиссей въ сохраненье оставилъ;
Самъ же пошелъ, мнѣ сказали, въ Додону затѣмъ, чтобъ оракулъ
Темно-сѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,
Какъ, по отсутствіи долгомъ—открыто ли, тайно ли—въ землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ?
Мнѣ самому, совершивъ возліяніе въ домѣ, поклялся
Царь, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди
Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же
Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ
Былъ для ѳеспротовъ, въ Дулихій, богатый пшеницею, шедшихъ:
Онъ повелѣлъ, чтобъ къ Ликасту царю безопасно я ими
Былъ отвезенъ. Но они злонамѣреннымъ сердцемъ иное
Дѣло замыслили, въ бѣдствіе ввергнуть меня сговорившись.
Только отъ брега ѳеспротовъ корабль отошелъ мореходный,
Часъ наступилъ, мнѣ назначенный ими для жалкаго рабства.
Силой сорвавши съ меня и хитонъ и хламиду, они мнѣ
Вмѣсто нихъ бѣдное рубище дали съ нечистой рубашкой,
Въ жалкихъ лохмотьяхъ, какъ можешь своими глазами ты видѣть.
Вечеромъ прибыли мы къ берегамъ многогорной Итаки.

Тутъ съ корабля крѣпкозданнаго—прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связавъ мнѣ—всѣ на берегъ вмѣстѣ
Вышли, чтобъ, сѣвъ на зыбучемъ пескѣ, тамъ поужинать сладко.
Я же отъ тягостныхъ узъ былъ самими богами избавленъ.
Голову платьемъ, изорваннымъ въ тряпки, свою обернувши,
Бережно съ судна я къ морю, скользя по кормилу, спустился;
Бросясь въ него, я поспѣшно, обѣими правя руками,
Поплылъ и силы свои напрягалъ, чтобъ скорѣе изъ глазъ ихъ
Скрыться; въ кустарникѣ, густо покрытомъ цвѣтами, лежалъ я,
Клубомъ свернувшись; они жъ въ безполезномъ исканіи съ крикомъ
Бѣгали мимо меня; напослѣдокъ, нашедъ неудобнымъ
Долѣ напрасно бродить, возвратились назадъ и собравшись
Всѣ на корабль свой, пустилися въ путь; такъ самими богами
Былъ я спасенъ, и они же меня проводили въ жилище
Многоразумнаго мужа: еще не судьба умереть мнѣ.—
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
—Бѣдный скиталецъ, все сердце мое возмутилъ ты разсказомъ
Многихъ твоихъ приключеній, печалей и странствій далекихъ.
Только одно не въ порядкѣ: зачѣмъ о царѣ Одиссеѣ
Ты помянулъ? И зачѣмъ такъ на старости лѣтъ безполезно
На́ вѣтеръ лжешь? По несчастью, я слишкомъ увѣренъ, что мнѣ ужъ
Здѣсь не видать моего господина; жестоко богами
Былъ онъ преслѣдуемъ; если бъ онъ въ Троѣ погибъ на сраженьи,
Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,
Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ,
Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ...
Нынѣ же Гарпіи взяли его и безвѣстно пропалъ онъ.
Я же при стадѣ живу здѣсь печальнымъ пустынникомъ; въ городъ
Къ нимъ не хожу я, какъ развѣ когда Пенелопой бываю
Призванъ, чтобъ вѣсть отъ какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усѣвшись кругомъ, осыпаютъ
Всѣ—какъ и тѣ, кто о немъ, о возлюбленномъ, искренно плачутъ,
Такъ и всѣ тѣ, кто его здѣсь имущество грабятъ безъ платы.
Я жъ не терплю ни вѣстей, ни разспросовъ о немъ безполезныхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ былъ здѣсь обманутъ бродягой этольскимъ, который,
Казни страшась за убійство, повсюду скитался, и въ домъ мой
Случаемъ былъ заведенъ; я его съ уваженіемъ принялъ;
„Видѣлъ я въ Критѣ, въ царевомъ дворцѣ Одиссея, сказалъ онъ;
Тамъ исправлялъ онъ свои корабли, потерпѣвшіе въ бурю.
Лѣтомъ иль осенью (такъ говорилъ Одиссей мнѣ), въ Итаку
Я и товарищи будемъ съ несмѣтно-великимъ богатствомъ“.
Ты же, старикъ, испытавшій столь много, намъ посланный Діемъ,
Баснею мнѣ угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уваженъ, не тѣмъ мнѣ любезенъ ты будешь—
Нѣтъ! я Зевеса страшусь гостелюбца, и самъ ты мнѣ жалокъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Подлинно, слишкомъ ужъ ты недовѣрчивъ, мой добрый хозяинъ,
Если и клятва моя не вселяетъ въ тебя убѣжденья;
Можемъ, однако, мы сдѣлать съ тобой уговоръ, и пускай намъ
Будутъ обоимъ поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, какъ я говорю, господинъ твой—
Давъ мнѣ хитонъ и хламиду, меня ты въ Дулихій, который
Сердцемъ такъ жажду увидѣть, отсюда отправишь; когда же
Мнѣ вопреки господинъ твой домой не воротится—всѣхъ ты
Слугъ соберешь и съ утеса низвергнешь меня, чтобъ впередъ вамъ
Басенъ нелѣпыхъ не смѣли разсказывать здѣсь побродяги.—
Страннику такъ, отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
—Другъ, похвалу бъ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично

Жизнь дорогую твою беззаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могъ бы тогда я молиться.
Время, однако, намъ ужинать; скоро воротятся люди
Съ паствы—тогда и желанную вечерю здѣсь мы устроимъ.—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Скоро съ стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлегъ ихъ они загонять, и съ ужаснымъ
Визгомъ и хрюканьемъ свиньи, спираясь, ломились въ закуты.
Тутъ пастухамъ подчиненнымъ сказалъ свинопасъ богоравный:
—Лучшую выбрать свинью, чтобъ, зарѣзавъ ее, дорогого
Гостя попотчевать, съ нимъ и самимъ насладиться ѣдою;
Много тяжелыхъ заботъ намъ отъ нашихъ свиней свѣтлозубыхъ;
Плодъ же тяжелыхъ заботъ пожираютъ безъ платы другіе.—
Такъ говоря, топоромъ разрубилъ онъ большія полѣна;
Тѣ же, свинью пятилѣтнюю, жирную взявъ и вогнавши
Въ горницу, съ ней подошли къ очагу: свинопасъ богоравный
(Сердцемъ онъ набоженъ былъ) напередъ о безсмертныхъ подумалъ;
Шерсти щепотку сорвавъ съ головы у свиньи свѣтлозубой,
Бросилъ ее онъ въ огонь; и потомъ, всѣхъ боговъ призывая,
Сталъ онъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Тутъ онъ ударилъ свинью сбереженнымъ отъ рубки полѣномъ;
Замертво пала она, и ее опалили, дорѣзавъ,
Тотчасъ другіе, разсѣкли на части и первый изъ каждой
Части кусокъ, отложенный на жиръ для боговъ, былъ Эвмеемъ
Брошенъ въ огонь, пересыпанный ячной мукой; остальныя жъ
Части, на острые вертелы вздѣвъ, на огнѣ осторожно
Начали жарить, дожаривъ же, съ вертеловъ сняли и кучей
Все на подносныя доски сложили. И поровну началъ
Пищею всѣхъ одѣлять свинопасъ: онъ приличіе вѣдалъ.
На семь частей предложенное все раздѣливъ, онъ назначилъ
Первую Нимфамъ и Эрмію, Маину сыну, вторую;
Прочія жъ каждому, какъ кто сидѣлъ, наблюдая порядокъ,
Роздалъ; но лучшей хребтовою частью свиньи острозубой
Гостя почтилъ; и вниманьемъ такимъ несказанно довольный,
Голосъ возвысивъ, сказалъ Одиссей хитроумный:—Да будетъ
Столь же, Эвмей, и къ тебѣ многомилостивъ вѣчный Кроніонъ,
Сколь ты ко мнѣ, сиротѣ-старику, былъ привѣтливъ и ласковъ.—
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
—Ѣшь на здоровье, таинственный гость мой, и нашимъ доволенъ
Будь угощеньемъ; одно намъ даруетъ, другого лишаетъ
Насъ своенравный въ даяньяхъ Кроніонъ; ему все возможно.—
Съ сими словами онъ, первый кусокъ отдѣливши безсмертнымъ
Въ жертву, пурпурнымъ наполненный кубокъ виномъ Одиссею
Градорушителю подалъ; тотъ сѣлъ за приборъ свой; и мягкихъ
Хлѣбовъ принесъ имъ Мезавлій, который въ то время, какъ въ Троѣ
Царь Одиссей находился, самимъ свинопасомъ изъ денегъ
Собственныхъ былъ безъ согласья царицы, безъ спроса съ Лаэртомъ,
Купленъ для разныхъ прислугъ у тафійскихъ купцовъ мореходныхъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомой пищѣ.
Послѣ жъ, когда насладились довольно питьемъ и ѣдою,
Хлѣбъ со стола былъ проворнымъ Мезавліемъ снятъ; а другіе,
Сытые хлѣбомъ и мясомъ, на ложѣ ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь и Зевесовъ
Ливень холодный шумѣлъ и Зефиръ бушевалъ дожденосный.
Началъ тогда говорить Одиссей (онъ хотѣлъ, чтобъ хозяинъ
Далъ ему мантію, или свою, иль съ кого изъ другихъ имъ
Снятую, ибо о немъ онъ съ великимъ радушіемъ пекся):
—Слушай, Эвмей, и послушайте всѣ вы; хочу передъ вами
Дѣломъ однимъ я похвастать—вино мнѣ языкъ развязало:
Сила вина несказанна: оно и умнѣйшаго громко
Пѣть и безмѣрно смѣяться и даже плясать заставляетъ;

Часто внушаетъ и слово такое, которое лучше бъ
Было сберечь про-себя. Но я началъ, и долженъ докончить.
О! для чего я не молодъ, какъ прежде, и той не имѣю
Силы, какъ въ Троѣ, когда мы сидѣли однажды въ засадѣ!
Были Атридъ Менелай съ Одиссеемъ вождями; и съ ними
Третій начальствовалъ я, къ нимъ приставшій по ихъ приглашенью;
Къ твердовысокимъ стѣнамъ многославнаго града пришедши,
Всѣ мы отъ нихъ недалеко въ кустарникѣ, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была непріязненна ночь, пролетѣлъ полуночный
Вѣтеръ съ морозомъ и сыпался шумно-холодной метелью
Снѣгъ, и щиты хрусталемъ отъ мороза подернулись тонкимъ.
Теплыя мантіи были у всѣхъ и хитоны; и спали,
Ими одѣвшись, спокойно они подъ своими щитами;
Я жъ, безразсудный, товарищу мантію отдалъ, собравшись
Въ путь, не подумавъ, что ночью дрожать отъ мороза придется;
Взялъ со щитомъ я лишь поясъ одинъ мой блестящій; когда же
Треть совершилася ночи и звѣзды склонилися съ неба,
Такъ я сказалъ Одиссею, со мною лежавшему рядомъ,
Локтемъ его подтолкнувъ (во мгновенье онъ понялъ, въ чемъ дѣло):
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Смертная стужа; порывистый вѣтеръ и снѣгъ хладоносный
Мнѣ нестерпимы; я мантію бросилъ; хитонъ лишь злой демонъ
Взять надоумилъ меня; никакого нѣтъ средства согрѣться.
Такъ я сказалъ. И недолго онъ думалъ, что дѣлать: онъ первый
Былъ завсегда и на умный совѣтъ, и на храброе дѣло.
Шопотомъ на́-ухо мнѣ отвѣчалъ онъ: —Молчи, чтобъ не могъ насъ
Кто изъ ахеянъ товарищей нашихъ, здѣсь спящихъ, подслушать.
Такъ отвѣчавъ мнѣ, привсталъ онъ и, голову локтемъ подперши,
Братья, сказалъ, мнѣ приснился божественный сонъ: мы далеко,
Слишкомъ далеко отъ нашихъ зашли кораблей; не пойдетъ ли
Кто къ Агамемнону, пастырю многихъ народовъ, Атриду,
Съ просьбой, чтобъ въ помощь людей намъ прислать съ кораблей не замедлилъ.—
Такъ онъ сказалъ. Поднялся, пробудившись, Ѳоасъ Андремонидъ;
Сбросивъ для легкости съ плечъ пурпуровую мантію, быстро
Онъ побѣжалъ къ кораблямъ; я жъ, оставленнымъ платьемъ одѣвшись,
Сладко проспалъ до явленія златопрестольной денницы.
О! для чего я не молодъ, не силенъ, какъ въ прежніе годы!
Вѣрно тогда бы и мантію дали твои свинопасы
Мнѣ—изъ пріязни ль, могучаго ль мужа во мнѣ уважая.
Нынѣ жъ кто хилаго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ уважитъ!—
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
—Подлинно чудною повѣстью насъ ты, мой гость, позабавилъ;
Нѣтъ ничего неприличнаго въ ней и на пользу разсказъ твой
Будетъ: ни въ платьѣ ты здѣсь и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ испытавшаго странника, нужномъ отказа не встрѣтишь;
Завтра, однако, въ свое ты одѣнешься рубище снова;
Мантій у насъ здѣсь запасныхъ не водится, мы не богаты
Платьемъ; у каждаго только одно; онъ его до износа
Съ плечъ не скидаетъ. Когда же возлюбленный сынъ Одиссеевъ
Будетъ домой, онъ и мантію дастъ и хитонъ, чтобъ одѣться
Могъ ты, и въ сердцемъ желанную землю имъ будешь отправленъ.—
Кончивъ, онъ всталъ и пошелъ; близъ огня приготовилъ постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; легъ Одиссей на постель; на него онъ набросилъ
Теплую, толсто-сотканную мантію, ею жъ во время
Зимней, бушующей дико метели онъ самъ одѣвался;
Сладко на ложѣ своемъ отдыхалъ Одиссей; и другіе
Всѣ пастухи улеглися кругомъ. Но Эвмей, разлучиться
Съ стадомъ свиней опасаясь не легъ, не заснулъ; онъ, поспѣшно
Взявши оружіе, въ поле итти изготовился. Видя,

Какъ онъ ему и далекому вѣренъ, въ душѣ веселился
Тѣмъ Одиссей. Свинопасъ же, на крѣпкія плечи повѣсивъ
Мечъ свой, одѣлся косматой, отъ вѣтра защитной, широкой
Мантіей, голову шкурой козы длинношерстной окуталъ,
Послѣ копье на собакъ и на встрѣчу съ ночнымъ побродягой
Взялъ, и въ то мѣсто пошелъ ночевать, гдѣ клычистыя свиньи
Спали подъ сводомъ скалы, недоступнымъ дыханью Борея.

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ. УТРО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО.

Аѳина, явяся во снѣ Телемаку, побуждаетъ его возвратиться въ отечество. Одаренный щедро Менелаемъ и Еленою, онъ покидаетъ вмѣстѣ съ Пизистратомъ Лакеде́монъ. Ночлегъ у Діоклеса. На другой день, миновавъ Пилосъ, Телемакъ садится на корабль, беретъ съ собою Ѳеоклимена и пускается въ море. Тѣмъ временемъ Одиссей объявляетъ Эвмею, что онъ намѣренъ итти въ городъ просить подаянія и вступить въ службу къ женихамъ. Эвмей его удерживаетъ у себя и совѣтуетъ ему дождаться возвращенія Телемакова. По просьбѣ Одиссея онъ разсказываетъ ему о его отцѣ и о его матери, наконецъ, и о томъ, что съ нимъ самимъ въ жизни случилось. Телемакъ, прибывши рано поутру къ берегамъ Итаки, посылаетъ корабль свой въ городъ, а самъ идетъ къ Эвмею.

Тою порой въ Лакеде́монъ широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтобъ Лаэртова внука, ему объ Итакѣ
Милой напомня, понудить скорѣй возвратиться въ отцовскій
Домъ; и она тамъ нашла Телемака съ возлюбленнымъ сыномъ
Нестора, спящихъ въ сѣняхъ Менелаева славнаго дома.
Сладостнымъ сномъ побѣжденный, лежалъ Пизистратъ неподвижно.
Полонъ тревоги былъ сонъ Одиссеева сына: во мракѣ
Ночи божественной онъ объ отцѣ помышлялъ и крушился.
Близко къ нему подошедши, богиня Аѳина сказала:
— Сынъ Одиссеевъ, напрасно такъ долго въ чужой сторонѣ ты
Медлишь, наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ
Все, и безъ пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъѣздъ Менелай, вызыватель въ сраженье,
Вамъ учредитъ, чтобъ еще безъ порока застать Пенелопу
Могъ ты: ее и отецъ ужъ и братья вступить понуждаютъ
Въ бракъ съ Эврмахомъ; числомъ и богатствомъ подарковъ онъ прочихъ
Всѣхъ жениховъ превзошелъ, и приноситъ дары безпрестанно.
Могутъ легко и твое тамъ похитить добро; ты довольно
Знаешь, какъ женщина сердцемъ измѣнчива: въ новый вступая
Бракъ, лишь для новаго мужа она помышляетъ устроить
Домъ, но о дѣтяхъ отъ перваго брака, о прежнемъ умершемъ
Мужѣ не думаетъ, даже и словомъ его не помянетъ.
Въ домъ возвратяся, тамъ все, что твое, поручи особливо
Самой надежной изъ вашихъ рабынь, чтобъ хранила, покуда
Боги тебѣ самому не укажутъ достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про-себя, что услышишь:
Выбравъ отважнѣйшихъ въ шайкѣ своей, женихи имъ велѣли,
Между Итакой и Замомъ крутымъ притаяся въ засадѣ,
Злую погибель тебѣ на возвратномъ пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотитъ
Многихъ изъ нихъ, беззаконно твое достоянье губящихъ;
Ты жъ, съ кораблемъ отъ обоихъ держась острововъ въ отдаленьи,
Мимо ихъ ночью пройди; благовѣющій вѣтеръ попутный
Богъ благосклонный, тебя берегущій, пошлетъ за тобою.
Но, подошедъ къ каменисто-высокому брегу Итаки,
Въ городъ со всѣми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Самъ же останься на брегѣ и послѣ поди къ свинопасу,
Главному тамъ надъ свиными стадами смотрителю: вѣрный
Твой онъ слуга; у него ты ночуешь; его же съ извѣстіемъ
Въ городъ пошлешь къ Пенелопѣ разумной, дабы объявилъ ей
Онъ, что въ отчизну изъ Пилоса ты невредимъ возвратился.—
Кончивъ, богиня Паллада на свѣтлый Олимпъ возвратилась.
Тутъ отъ покойнаго сна пробудилъ Телемакъ Пизистрата,
Пяткой толкнувши его и сказавши ему: — Пробудися,

Несторовъ сынъ Пизистратъ, и коней громозвучнокопытныхъ
Въ нашу скорѣе впряги колесницу; въ дорогу пора намъ.—
Несторовъ сынъ благородный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
—Сынъ Одиссеевъ, хотя и спѣшишь ты отъѣздомъ, но въ путь намъ
Темною ночью пускаться не должно; разсвѣтъ не далеко,
Должно притомъ подождать, чтобъ Атридъ благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положивъ въ колесницу подарки
Мнѣ и тебѣ, отпустилъ насъ съ прощальнымъ привѣтливымъ словомъ:
Сладостно гостю, простившись съ хозяиномъ дома, о нѣжной
Ласкѣ, съ какою онъ былъ угощенъ, вспоминать ежедневно.—
Такъ онъ сказалъ. Возсіяла съ небесъ златотронная Эосъ.
Къ нимъ тутъ пришелъ Менелай, вызыватель въ сраженье, поднявшись
Съ ложа отъ свѣтлокудрявой супруги прекрасной Елены.
Сынъ Одиссеевъ, его подходящаго видя, поспѣшно
Тѣло блестящее чистымъ хитономъ облекъ и широкой
Мантіей крѣпкія плечи, герой многославный, украсилъ;
Встрѣтивъ въ дверяхъ Менелая и ставши съ нимъ рядомъ, сказалъ онъ,
Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный:
—Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Въ милую землю отцовъ мнѣ теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по домѣ семейномъ тоскуетъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчалъ Менелай, вызыватель въ сраженье:
—Сынъ Одиссеевъ, тебя здѣсь удерживать болѣ не буду,
Если такъ сильно домой ты желаешь. И самъ не одобрю
Я гостелюбца, который безмѣрною лаской безмѣрно
Людямъ скучаетъ: во всемъ наблюдать намъ умѣренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотѣлъ бы остаться,
Нудимъ въ дорогу, а гостя въ дорогу спѣшащаго держимъ:
Будь съ остающимся ласковъ, привѣтно простись съ уходящимъ.
Но подожди, Телемакъ, чтобъ въ твою колесницу подарки
Я уложилъ, ихъ тебѣ показавъ, и чтобъ также рабынѣ
Сытный вамъ завтракъ велѣлъ на отъѣздъ во дворцѣ приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей онъ,
Ѣдущихъ въ дальнюю землю, насыщенныхъ въ путь отпускаетъ.
Если жъ ты хочешь Аргосъ посѣтить и объѣхать Элладу—
Самъ я тебѣ проводникъ; дай коней лишь запрячь въ колесницу;
Многихъ людей городá покажу я; никто не откажетъ
Намъ въ угощеньи, вездѣ и подарокъ обычный получимъ:
Иль дорогой мѣднолитный треножникъ, иль чашу, иль крѣпкихъ
Муловъ чету, иль сосудъ золотой двоеручный.—Атриду
Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Должно прямымъ мнѣ скорѣй возвратиться путемъ—безъ надзора
Домъ и богатства мои, отправляяся въ путь, я оставилъ;
Можетъ, пока за отцомъ я божественнымъ буду скитаться,
Тамъ приключится бѣда, иль похитится что дорогое.—
Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, при этомъ отвѣтѣ,
Тотчасъ Еленѣ супругѣ своей и домашнимъ рабынямъ
Завтракъ велѣлъ для гостей на отъѣздъ во дворцѣ приготовить.
Близко къ Атриду тогда подошелъ Этеонъ, сынъ Воэтовъ,
Только-что вставшій съ постели: онъ жилъ отъ царя недалеко.
Царь повелѣлъ Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить: и тотъ повелѣнье съ покорностью принялъ.
Самъ же въ чертогъ кладовой благовонный сошелъ по ступенямъ
Царь, не одинъ, но съ Еленой и съ сыномъ своимъ Мегапендомъ;
Вшедъ въ благовонный чертогъ кладовой, гдѣ хранились богатства,
Выбралъ Атридъ тамъ двуярусный кубокъ, потомъ Мегапенду
Сыну кратéру велѣлъ сребролитную взять; а Елена
Къ тѣмъ подошла запертымъ на замокъ сункамъ, гдѣ лежало
Множество пестрыхъ, узорчатыхъ платьевъ ея рукодѣлья.

Стала Елена, богиня межъ смертными, пестрыя платья
Всѣ разбирать, и шитьемъ богатѣйшее, блескомъ какъ солнце
Яркое, выбрала: было оно тамъ на самомъ исподѣ
Спрятано. Кончивъ, они по дворцу къ Телемаку навстрѣчу
Вмѣстѣ пошли; Менелай златовласый сказалъ:—Благородный
Сынъ Одиссеевъ, желанное сердцемъ твоимъ возвращенье
Въ домъ твой тебѣ да устроитъ супругъ громоогненной Иры!
Я же изъ многихъ сокровищъ, которыми здѣсь обладаю,
Самое рѣдкое выбралъ тебѣ на прощальный подарокъ;
Дамъ пировую кратеру богатую;эта кратера
Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
Царь сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну,
Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.—
Съ сими словами вручилъ Телемаку двуярусный кубокъ
Сынъ благородный Атреевъ; кратеру работы Ифеста
Подалъ, пришедши, ему Мегапендъ, Менелаевъ могучій
Сынъ, сребролитную. Свѣтло-образная, съ пестрымъ пришедши
Платьемъ, Елена его позвала и сказала: —Одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтобъ меня ты
Помнилъ, чтобъ этой мной сшитой одеждой на брачномъ веселомъ
Пирѣ невѣсту украсилъ свою, а дотоль пусть у милой
Матери будетъ храниться она; ты жъ теперь возвратися
Съ сердцемъ веселымъ въ Итаку, въ отеческій домъ многославный.—
Кончивъ, одежду она подала; благородно онъ принялъ.
Тутъ осторожно дары уложилъ Пизистратъ въ колесничный
Корабль, съ большимъ удивленьемъ все порознь сперва осмотрѣвши.
Всѣхъ въ пировую палату повелъ Менелай златовласый;
Тамъ помѣстились они по порядку на креслахъ и стульяхъ.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, чтобъ было для всѣхъ угощенье;
Мясо на части разрѣзалъ и подалъ гостямъ сынъ Воэтовъ;
Кубки златые наполнилъ виномъ Мегапендъ многославный;
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Сынъ Одиссеевъ и Несторовъ сынъ Пизистратъ привязали
Къ дышлу коней и, въ богатую ставши свою колесницу,
Выѣхать въ ней со двора черезъ звонкій готовились портикъ.
Вышелъ за ними Атридъ Менелай златовласый, держащій
Въ правой рукѣ драгоцѣнный, виномъ благовоннымъ налитый
Кубокъ, чтобъ ихъ на дорогу почтить возліяньемъ прощальнымъ;
Сталъ впереди онъ коней и, вина отхлебнувши, воскликнулъ:
—Радуйтесь дѣти, и Нестору, пѣстуну многихъ народовъ,
Мой отвезите поклонъ; какъ отецъ былъ ко мнѣ благосклоненъ
Въ тѣ времена онъ, когда мы сражалися въ Троѣ ахейцы.—
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаю:
—Нестору все, что о немъ ты сказалъ намъ, Зевесовъ питомецъ,
Мы перескажемъ, прибывши къ нему. О! когда бъ, возвратяся
Въ домъ мой, въ Итаку, и я могъ отцу моему Одиссею
Также сказать, какъ любезно меня угощалъ ты, какъ много
Разныхъ привезъ я сокровищъ, тобою въ подарокъ мнѣ данныхъ!—
Кончилъ; и въ это мгновеніе сразу орелъ темнокрылый
Шумно поднялся, большого, домашняго бѣлаго гуся
Въ сильныхъ когтяхъ со двора унеся; и толпою вся дворня
Съ крикомъ бѣжала за хищникомъ; онъ, подлетѣвъ въ колесницѣ,
Мимо коней прошумѣлъ и ударился вправо. При этомъ
Видѣ у всѣхъ предвѣщаніемъ радостнымъ сердце взыграло.
Несторовъ сынъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелаю:—

Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни намъ,
Знаменье это Кроніонъ послалъ, для тебя ли, для насъ ли?—
Такъ онъ спросилъ и, Арея любимецъ, задумался бодрый
Царь Менелай, чтобъ отвѣтъ несомнительный дать Пизистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
—Слушайте то, что скажу вамъ, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется вѣрно.
Такъ же какъ этого бѣлаго гуся, вскормленнаго дома,
Сильный похитилъ орелъ, прилетѣвшій съ горы, гдѣ родился
Самъ и гдѣ вывелъ могучихъ орлятъ, такъ скитавшійся долго,
Въ домъ возвратясь, Одиссей отомститъ; но, быть-можетъ, уже онъ
Дома, и смерть женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готовитъ.—
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Если то Иры супругъ, громоносный Кроніонъ позволитъ,
Буду, тебя поминая, тебѣ я какъ богу молиться.—
Такъ отвѣчавъ ей, онъ сильнымъ ударилъ бичомъ; понеслися
Быстро по улицамъ города въ поле широкое кони.
Цѣлый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ
Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;
Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчалися звонкій,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великаго Пилоса града.
Сынъ Одиссеевъ сказалъ Пизистрату, къ нему обратяся:
—Можешь ли, Несторовъ сынъ, обѣщанье мнѣ дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями другъ-другу считаемся съ давнихъ
Лѣтъ по наслѣдству любви отъ отцовъ; мы ровесники; этотъ
Путь, совершенный вдвоемъ неразрывнѣе дружбой связалъ насъ.
Другъ, не минуй моего корабля; но позволь мнѣ остаться
Такъ, чтобъ отецъ твой меня въ изъявленье любви не принудилъ
Въ домѣ промедлить своемъ—возвратиться безмѣрно спѣшу я.—
Такъ онъ сказалъ; Пизистратъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
Думая, какъ бы свое обѣщанье исполнить; обдумавъ
Все, напослѣдокъ увѣрился онъ, что удобнѣе будетъ
Звонкокопытныхъ коней обратить къ кораблю и къ морскому
Брегу. Вступя на корабль, положилъ на кормѣ онъ подарки:
Золото, платье и все, чѣмъ Атридъ одарилъ Телемака.
Послѣ, его понуждая, онъ бросилъ крылатое слово:
—Медлить не должно, всѣ люди твои собрались; уѣзжайте
Прежде, пока возвратяся домой, не успѣлъ обо всемъ я
Старцу отцу разсказать; убѣжденъ я разсудкомъ и сердцемъ
(Зная упрямство его), что тебя онъ не пуститъ, что самъ онъ
Вслѣдъ за тобой съ приглашеньемъ сюда прибѣжитъ, и отсюда
Вѣрно одинъ не воротится, такъ онъ упорствовать будетъ.—
Кончивъ, бичомъ онъ погналъ длинногривыхъ коней и помчался
Въ городъ пилійцевъ и славнаго города скоро достигнулъ.
Къ спутникамъ тутъ обратяся, сказалъ Телемакъ благородный:
—Братья, скорѣй корабля чернобокаго снасти устройте,
Всѣ соберитесь потомъ на корабль, и отправимся въ путь свой.—
То повелѣніе было гребцами исполнено скоро:
Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Той порой Телемакъ приносилъ на кормѣ корабельной
Жертву богинѣ Палладѣ; къ нему подошелъ, онъ увидѣлъ,
Странникъ. Убійство свершивъ, онъ покинулъ Аргосъ и скитался;
Былъ прорицатель; породы же велъ отъ Мелампа, который
Нѣкогда въ Пилосѣ жилъ овцеводномъ. Въ роскошныхъ палатахъ
Между пилійцевъ Мелампъ обиталъ, отличаясь богатствомъ;

Былъ онъ потомъ принужденъ убѣжать изъ отчизны въ иную
Землю, гонимый надменнымъ Нелеемъ, изъ смертныхъ сильнѣйшимъ
Мужемъ, который его всѣмъ богатствомъ, пока продолжался
Кругъ годовой, обладалъ, между тѣмъ, какъ въ Филаковомъ домѣ
Въ тяжкихъ оковахъ, въ глубокой темницѣ былъ жестоко мучимъ
Онъ за Нелееву дочь, погруженный въ слѣпое безумство,
Душу его омрачившее силою страшныхъ Эринній.
Керы однако избѣгнулъ и громкомычащихъ коровъ онъ
Въ Пилосъ угналъ изъ Филакіи. Тамъ отомстивши за злое
Дѣло герою Нелею, желанную къ брату родному
Въ домъ проводилъ онъ супругу, потомъ удалился въ иную
Землю, въ Аргосъ многоконный, гдѣ былъ предназначенъ судьбою
Жить, многочисленнымъ тамъ обладая народомъ аргивянъ.
Въ бракъ тамъ вступивъ, поселился онъ въ пышноустроенномъ домѣ;
Двухъ онъ имѣлъ сыновей: Антифата и Мантія, славныхъ
Силой. Родилъ Антифатъ Оиклея отважнаго. Сыномъ
Былъ Оиклеевымъ Амфіарей, волнователь народовъ,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старыхъ ему не судили достигнуть
Боги: онъ въ Өивахъ погибъ златолюбія женскаго жертвой.
Были его сыновья Алкмеонъ съ Амфилохомъ. Меламповъ
Младшій сынъ Мантій родилъ Полифейда пророка и Клита.
Клита похитила, свѣтлой его красотою плѣняся,
Златопрестольная Эосъ, чтобъ былъ онъ причисленъ къ безсмертнымъ.
Силу пророчества гордому давъ Аполлонъ Полифейду,
Сдѣлалъ его знаменитымъ межъ смертныхъ, когда ужъ не стало
Амфіарея; но онъ въ Гиперезію жить, раздраженный
Противъ отца, перешелъ, и, живя тамъ, пророчилъ всѣмъ людямъ.
Тотъ же странникъ, котораго сынъ Одиссеевъ увидѣлъ,
Былъ Полифейдовъ сынъ, называвшійся Өеоклименомъ;
Онъ Телемаку, Аөинѣ тогда приносившему жертву,
Съ просьбой къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово:
—Другъ, я съ тобой, совершающимъ жертву, встрѣчаясь, твоею
Жертвой тебя и твоимъ божествомъ и твоей головою,
Также и жизнью сопутниковъ вѣрныхъ твоихъ умоляю:
Мнѣ на вопросъ отвѣчай, ничего отъ меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?—
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Я изъ Итаки; отцомъ же моимъ Одиссей богоравный
Нѣкогда былъ; но теперь онъ погибелью горькой постигнутъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, въ кораблѣ чернобокомъ за нимъ я,
Долго отсутственнымъ, странствую, вѣсти о немъ собирая.—
Өеоклименъ благородный отвѣтствовалъ внуку Лаэрта:
Странствую также и я—знаменитый былъ мною въ отчизнѣ
Мужъ умерщвленъ; въ многоконномъ Аргосѣ онъ много оставилъ
Сродниковъ ближнихъ и братьевъ, могучихъ въ народѣ ахейскомъ;
Гибель и мстящую Керу отъ нихъ опасаяся встрѣтить,
Я убѣжалъ; межъ людей безпріютно скитаться удѣлъ мой.
Ты жъ, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будетъ мнѣ смерть: я преслѣдуемъ сильно ихъ злобой.—
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Другъ, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Ѣдемъ; и въ домѣ у насъ съ гостелюбіемъ будешь ты принятъ.—
Такъ онъ сказалъ и, копье мѣдноострое взявъ у пришельца,
Подлѣ перилъ корабельныхъ его положилъ на помостѣ.
Самъ же, вступивъ на корабль, оплывающій темное море,
Сѣлъ у кормы корабельной, съ собою тамъ сѣсть пригласивши
Өеоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ немедля

Снасти убрать и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,
Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь имъ послала попутный,
Зыби эѳира пронзающій вѣтеръ, чтобъ темно-соленой
Бездною моря корабль ихъ бѣжалъ, не встрѣчая преграды.
Круно и Халкисъ они свѣтловодный уже миновали;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и всѣ потемнѣли дороги.
Ѳеу корабль, провожаемый Зевсовымъ вѣтромъ, оставивъ
Сзади, прошелъ и священную область эпеянъ Элиду.
Острые тутъ острова Телемакъ въ отдаленьи увидѣлъ.
Плылъ онъ туда, размышляя, погибнетъ ли тамъ иль спасется.—
Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ пищу
Ѣли вечернюю, съ ними и всѣ пастухи вечеряли.
Свой удовольствовавъ голодъ обильно-роскошной ѣдою,
Такъ имъ сказалъ Одиссей (онъ хотѣлъ испытать, благосклонно ль
Сердце Эвмея къ нему, пригласитъ ли его онъ остаться
Въ хижинѣ съ нимъ, иль его отошлетъ непріязненно въ городъ):—
Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте всѣ вы; намѣренъ
Завтра поутру я въ городъ итти, чтобъ сбирать подаянье
Тамъ отъ людей и чтобъ вашего хлѣба не ѣсть вамъ въ убытокъ.
Дай мнѣ, хозяинъ, совѣтъ и вели, чтобъ дорогу мнѣ въ городъ
Кто указалъ. Я по улицѣ буду бродить, и, конечно,
Кто-нибудь дастъ мнѣ вина иль краюшку мнѣ вынесетъ хлѣба;
Въ домъ многославный царя Одиссея пришедши, скажу тамъ
Людямъ, что добрыя вѣсти о немъ я принесъ Пенелопѣ.
Также пойду и къ ея женихамъ многобуйнымъ; ужъ вѣрно
Мнѣ, такъ роскошно пируя, они не откажутъ въ подачѣ.
Я же и самъ быть могу имъ на всякую службу пригоденъ;
Вѣдать ты долженъ и выслушай то, что скажу: благодатенъ
Эрмій ко мнѣ былъ, боговъ благовѣстникъ, который всѣмъ смертнымъ
Людямъ успѣхъ, красоту и великую славу даруетъ;
Мало найдется такихъ, кто бъ со мною поспорилъ въ искусствѣ
Скоро огонь разводить, и сухія дрова для варенья
Пищи колоть, и вино подносить, и разрѣзывать мясо,
Словомъ, во всемъ, что обязанность низкихъ на службѣ у знатныхъ.—
Съ гнѣвомъ на то отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:—
Стыдно тебѣ, чужеземецъ; какъ могъ ты такія дозволить
Странныя мысли себѣ? Ты своей головы не жалѣешь,
Въ городъ сбираясь итти къ женихамъ беззаботнымъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба:
Тамъ не тебѣ, другъ, чета, имъ рабы подчиненные служатъ;
Нѣтъ! но проворные, въ платьяхъ богатыхъ, въ красивыхъ хитонахъ,
Юноши свѣтлокудрявые, каждый красавецъ—такіе
Служатъ рабы имъ; и много на гладко-блестящихъ столахъ тамъ
Хлѣба, и мяса, и куковъ съ виномъ благовоннымъ. Останься
Лучше у насъ. Никому ты, конечно, межъ нами не будешь
Въ тягость, ни мнѣ ни товарищамъ, вмѣстѣ со мною живущимъ.
Послѣ жъ, когда возвратится возлюбленный сынъ Одиссеевъ,
Ты отъ него и хитонъ и другую одежду получишь;
Будешь имъ также и въ сердцемъ желанную землю отправленъ.—
Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ сынъ Лаэртовъ:—Да будешь,
Добрый хозяинъ мой, ты и великому Зевсу владыкѣ
Столь же любезенъ, какъ страннику мнѣ, о которомъ съ такою
Лаской печешься. Несносно бездомное странствіе; тяжкой
Мучитъ заботой во всякое время голодный желудокъ
Бѣдныхъ, которымъ бродить суждено по землѣ безъ пріюта.
Здѣсь я охотно дождусь Телемака; а ты разскажи мнѣ
Все, что о славной въ женахъ Одиссеевой матери знаешь,

Все, что съ отцомъ, на порогѣ оставленномъ старости, было—
Если еще Геліосовымъ блескомъ они веселятся;
Или ужъ нѣтъ ихъ, и оба они ужъ въ Аидовомъ домѣ?—
Сыну Лаэртову такъ отвѣчалъ свинопасъ богоравный:—
Все по порядку тебѣ разскажу, ничего не скрывая;
Живъ благородный Лаэртъ, но всечасно Зевеса онъ молитъ
До́ма, чтобъ душу его онъ исторгнулъ изъ дряхлаго тѣла;
Горько онъ плачетъ о долго отсутственномъ сынѣ, лишившись
Доброй, разумной и сердцемъ избранной супруги, которой
Смерть преждевременно въ дряхлость его погрузила; о миломъ
Сынѣ крушась неутѣшно и сѣтуя, съ свѣтлою жизнью
Рано разсталась она. Да не встрѣтитъ никто изъ любимыхъ
Мною и мнѣ оказавшихъ любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ея сокрушенная жизнь продолжалась,
Въ городъ къ ней часто ходилъ, чтобъ ее навѣщать, поелику
Былъ я въ ребячествѣ съ дочерью доброй царицы, Клименой,
Самою младшею между другими, воспитанъ; я съ нею
Росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействѣ; когда же
Мы до желаннаго возраста младости зрѣлой достигли,
Выдали замужъ въ Самосѣ ее, взявъ большіе подарки.
Былъ награжденъ я красивой хламидой и новымъ хитономъ,
Также для ногъ получилъ и сандаліи; послѣ царица
Въ поле къ стадамъ отослала меня и со мной дружелюбнѣй
Прежняго стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедро, однако, успѣхомъ прилежный мой трудъ наградили;
Имъ я кормлюсь, да и добрыхъ людей угощать мнѣ возможно.
Но отъ моей госпожи ничего ужъ веселаго нынѣ
Мнѣ не бываетъ, ни словомъ, ни дѣломъ, съ тѣхъ поръ какъ вломились
Въ домъ нашъ грабители: намъ же, рабамъ, иногда такъ утѣшно
Было бъ ее навѣстить, про себя ей все высказать, свѣдать
Все про нее и, за царскимъ столомъ отобѣдавъ, съ подачей
Весело въ поле домой на вседневный свой трудъ возвратиться.—
Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:—
Чудно! такъ въ дѣтствѣ еще ты, Эвмей свинопасъ, изъ отчизны
Въ землю далекую былъ увезенъ отъ родителей милыхъ?
Все мнѣ теперь разскажи, ничего отъ меня не скрывая:
Городъ ли тотъ, населенный обильно людьми, былъ разрушенъ,
Гдѣ твой отецъ и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быковъ и барановъ одинъ, ты
Схваченъ морскимъ былъ разбойникомъ; онъ же тебя здѣсь и продалъ
Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну?—
Другъ, отвѣчалъ свинопасъ богоравный, людей повелитель,
Если ты вѣдать желаешь, то все разскажу откровенно;
Слушай, въ молчаніи сладкодушистымъ виномъ утѣшаясь;
Ночи теперь безконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будетъ для нашей радушной бесѣды; не нужно
Рано ложиться въ постелю намъ: сонъ неумѣренный вреденъ.
Всѣ же другіе, кого побуждаетъ желанье, пусть идутъ
Спать, чтобъ при первыхъ лучахъ восходящей денницы на паству
Въ поле, позавтракавъ дома, съ господскими выйти свиньями;
Мы на просторѣ здѣсь двое, виномъ и ѣдой веселяся,
Память минувшихъ печалей веселымъ о нихъ разговоромъ
Въ сердцѣ пробудимъ; о прошлыхъ бѣдахъ поминаетъ охотно
Мужъ, испытавшій ихъ много и долго бродившій на свѣтѣ.
Я же о томъ, что желаешь ты знать, разскажу откровенно.
Есть (вѣроятно, ты вѣдаешь) островъ, по имени Сира,
Выше Ортигіи, гдѣ поворотъ совершаетъ свой солнце;
Онъ не обильно людьми населенъ, но удобенъ для жизни,
Тученъ, приволенъ стадамъ, виноградомъ богатъ и пшеницей:
Тамъ никогда не бываетъ губящаго голода; люди

Тамъ никакой не страшатся заразы; напротивъ, когда тамъ
Хилая старость объемлетъ одно поколѣнье живущихъ,
Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ
Тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.
Два есть на островѣ города, каждый съ своею отдѣльной
Областью; былъ же владѣльцемъ обоихъ родитель мой Ктезій,
Сынъ Орменоновъ, безсмертнымъ подобный. Случилось, что въ Сиру
Прибыли хитрые гости морей, финикійскіе люди,
Мелочи всякой привезши въ своемъ кораблѣ чернобокомъ.
Въ домѣ же отцовскомъ рабыня жила финикійская, станомъ
Стройная, рѣдкой красы, въ рукодѣльяхъ искусная женскихъ.
Душу ея обольстить удалось финикійцамъ коварнымъ;
Мыла она, невдали корабля ихъ, бѣлье; тутъ одинъ съ ней
Тайно въ любви сочетался—любовь же всегда въ заблужденье
Женщинъ, и самыхъ невинныхъ своимъ поведеніемъ, вводитъ.
Кто и откуда она, у рабыни спросилъ обольститель.
Домъ указавъ своего господина, она отвѣчала:
Я уроженица мѣднобогатаго града Сидона;
Тамъ мой отецъ Арибасъ знаменитъ былъ великимъ богатствомъ;
Силой морскіе разбойники, злые тафійцы, схватили
Шедшую съ поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну.
Ей отвѣчая, сказалъ финикіецъ, ея обольститель:—
Будешь, конечно, ты рада въ отчизну свою возвратиться
Съ нами; опять тамъ увидишь и мать и отца въ ихъ блестящемъ
Домѣ: они же, мы вѣдаемъ, живы, и славны богатствомъ.
Выслушавъ то, что сказалъ онъ, ему отвѣчала рабыня:—
Я бы на все согласилась охотно, когда бъ, мореходцы,
Вы поклялися въ отчизну меня отвезти безъ обиды.
Такъ отвѣчала рабыня; и тѣ поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,
Къ нимъ обратяся, рабыня крылатое бросила слово:—
Будемъ теперь осторожны; молчите; изъ васъ ни который
Слова не молви со мной, гдѣ меня бы ему ни случилось
Встрѣтить, на улицѣ ль, подлѣ колодца ль, чтобъ кто господину,
Насъ подсмотрѣвъ, на меня не донесъ: раздраженный, меня онъ
Въ цѣпи велитъ заключить, да и вамъ приготовитъ погибель.
Скуйте жъ языкъ свой; окончите торгъ поскорѣй, и когда вы
Въ путь изготовитесь, нужнымъ запасомъ корабль нагрузивши,
Въ домѣ царевомъ меня обо всемъ извѣстите немедля;
Золота, сколько мнѣ подъ-руку тамъ попадется, возьму я;
Будетъ притомъ отъ меня вамъ еще и особый подарокъ:
Знать вы должны, что смотрю я за сыномъ царя малолѣтнимъ;
Мальчикъ смышленый; со мною гулять изъ дворца онъ вседневно
Ходитъ; я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цѣну
Этотъ товаръ продадите вы людямъ иного языка.—
Такъ имъ сказавши, она возвратилась въ палаты царевы.
Тѣ же, годъ цѣлый оставшись на островѣ нашемъ, прилежно
Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя товаромъ;
Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ,
Ими былъ вѣстникъ о томъ къ финикійской рабынѣ отправленъ;
Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье:
Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ;
Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило, и цѣну
Разную всѣ предлагали. А онъ, по условію, молча
Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился.
Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
Выйти она; проходя же палату, гдѣ множествомъ кубковъ
Столъ былъ уставленъ для царскихъ вельможъ, приглашенныхъ къ обѣду
(Были въ то время они на совѣтѣ въ собраньи народномъ),
Три двоеручныхъ сосуда проворно она, ихъ подъ платьемъ

Скрывъ, унесла; я за нею пошелъ, ничего не размысля.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и всѣ потемнѣли дороги.
Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ, мы достигли;
Тамъ, оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій;
Всѣ собрались на корабль, и пошелъ онъ дорогою влажной,
Взявъ насъ—меня и ее; и Зевсъ ниспосла̀лъ намъ попутный
Вѣтеръ; шесть сутокъ и денно и нощно мы по морю плыли.
Но на седьмой день, какъ то предназначено было Зевесомъ,
Вдругъ Артемида измѣнницу быстрой убила стрѣлою:
Мертвая на полъ она корабельный упала морскою
Курицей—рыбамъ ее и морскимъ тюленямъ на съѣденье
Бросили въ море; а я тамъ остался одинъ, сокрушенный.
Волны и вѣтеръ попутный корабль принесли нашъ въ Итаку;
Здѣсь я Лаэртомъ на деньги его былъ у хищниковъ купленъ.
Такъ я Итаку впервые своими глазами увидѣлъ.—
Выслушавъ повѣсть, Эвмею сказалъ Одиссей богоравный:—
Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогалъ,
Мнѣ повѣствуя, какія съ тобою бѣды приключились;
Съ горемъ, однако, и радость тебѣ ниспослалъ многодарный
Зевсъ, проводившій тебя, претерпѣвшаго много, въ жилище
Кроткаго мужа, который тебя и поитъ здѣсь и кормитъ
Съ нѣжной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мнѣ же
Участь не та—безъ пріюта брожу межъ людей земнородныхъ.—
Такъ говоря о былыхъ временахъ, напослѣдокъ, и сами
Въ сонъ погрузились они, но на малое время; былъ кратокъ
Сонъ ихъ; взошла свѣтлотронная Эосъ. Въ то время у брега,
Снасти убравъ, Телемаковы спутники мачту спустили,
Быстро къ причалу на веслахъ корабль привели и закинувъ
Якорь, надежнымъ канатомъ корабль утвердили у брега;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волною,
Вкусный обѣдъ приготовили съ сладкимъ виномъ пурпуровымъ.
Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и роскошной ѣдою,
Такъ мореходцамъ сказалъ разсудительный сынъ Одиссевъ:—
Въ городъ на веслахъ теперь отведите корабль чернобокій;
Самъ же я въ поле пойду навѣстить пастуховъ и порядкомъ
Все осмотрѣть тамъ, а вечеромъ въ городъ пѣшкомъ возвращуся;
Завтра жъ, друзья, въ благодарность за ваше сопутствіе, васъ я
Въ домъ нашъ со мной отобѣдать и выпить вина приглашаю.—
Ѳеоклименъ богоравный тогда вопросилъ Телемака:—
Сынъ мой, куда же пойти присовѣтуешь мнѣ ты? Къ какому
Жителю горносуровой Итаки мнѣ въ домъ обратиться?
Или прямою дорогою въ вашъ домъ пойти къ Пенелопѣ?—
Ѳеоклименъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Въ прежнее время, тебя не задумавшись, прямо бы въ домъ свой
Я пригласилъ; мы тебя угостили бъ какъ должно; теперь же
Худо тамъ будетъ тебѣ безъ меня; ты увидѣть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихамъ не желая
Часто являться, сидитъ наверху за тканьемъ одиноко;
Но одного я изъ нихъ назову, онъ доступнѣе прочихъ:
То Эвримахъ благородный, Пилибія умнаго сынъ; на него же
Смотритъ въ Итакѣ народъ, какъ на бога, съ почтеньемъ великимъ.
Онъ, безъ сомнѣнія, лучшій межъ ними; усерднѣй другихъ онъ
Съ матерью брака, чтобъ мѣсто занять Одиссеево, ищетъ;
Но лишь единый въ эѳирѣ живущій Зевесъ Олимпіецъ
Вѣдаетъ, что имъ судьбой предназначено—бракъ иль погибель?—
Кончилъ; и въ это мгновеніе справа поднялся огромный
Соколъ, посолъ Аполлона, съ пронзительнымъ крикомъ; въ когтяхъ онъ
Дикаго голубя мчалъ и ощипывалъ: перья упали
Между Лаэртовымъ внукомъ и судномъ его быстроходнымъ.
Ѳеоклименъ, то увидя, отвелъ отъ другихъ Телемака,

За руку взялъ, и по имени назвалъ, и шопотомъ молвилъ:
—Знай, Телемакъ, не безъ воли Зевеса поднялся тотъ соколъ
Справа; я вѣщую птицу, его разсмотрѣвъ, угадалъ въ немъ.
Царственнѣй вашего царскаго рода не можетъ въ Итакѣ
Быть никакой; навсегда вамъ владычество тамъ сохранится.—
Ѳеоклимену отвѣтствовалъ сынъ Одиссеевъ разумный:
—Если твое предсказанiе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты какъ другъ, и дарами осыпанъ
Такъ изобильно, что каждый, съ кѣмъ встрѣтишься, счастью такому
Будетъ дивиться.—Потомъ онъ сказалъ, обратяся къ Пирею:
—Клитiевъ сынъ, благородный Пирей, изъ товарищей, въ Пилосъ
Вмѣстѣ со мною ходившихъ, ты самый ко мнѣ былъ усердный;
Будь же таковъ и теперь, пригласи моего чужеземца
Въ домъ свой и пусть тамъ живетъ онъ, покуда я самъ не приду къ вамъ.—
Выслушавъ, такъ отвѣчалъ Телемаку Пирей копьевержецъ:
—Сдѣлаю все, и сколь долго бы въ домѣ моемъ онъ ни прожилъ,
Буду его угощать и ни въ чемъ онъ отказа не встрѣтитъ.—
Кончилъ Пирей и, вступивъ на корабль, приказалъ, чтобъ немедля
Люди взошли на него и причальный канатъ отвязали.
Люди, взошедъ на корабль, помѣстились на лавкахъ у веселъ.
Тутъ, въ золотыя сандалiи сынъ Одиссеевъ обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное мѣдью,
Съ палубы взялъ, а гребцы отвязали канатъ и на веслахъ
Къ городу поплыли, судно отчаливъ, какъ то повелѣлъ имъ
Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный.
Сынъ Одиссеевъ тѣмъ временемъ шелъ и пришелъ напослѣдокъ
Къ дому, гдѣ множество было въ закутахъ свиней и гдѣ съ ними
Сторожъ ихъ спалъ, свинопасъ, Одиссеевъ слуга неизмѣнный.

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ приходитъ въ жилище Эвмея, который принимаетъ его съ несказанною радостiю. Онъ посылаетъ Эвмея въ городъ возвѣстить Пенелопѣ о возвращенiи сына. Одиссей, повинуясь Аѳинѣ, открывается Телемаку; они обдумываютъ вмѣстѣ, какъ умертвить жениховъ. Сiи послѣднiе, тѣмъ временемъ, подстрекаемые Антиноемъ, составляютъ заговоръ противъ Телемаковой жизни; но Амфиномъ совѣтуетъ имъ напередъ узнать волю Зевеса. Пенелопа, свѣдавъ о ихъ замыслѣ, дѣлаетъ упреки Антиною; Эвримахъ лицемѣрно старается ее успокоить. Эвмей возвращается въ хижину.

Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ, рано
Вставъ и огонь разложивъ, приготовили завтракъ. Насытясь
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. Къ Телемаку
Бросились дружно навстрѣчу Эвмеевы злыя собаки;
Ластясь къ идущему, прыгали дикiе звѣри. Услышавъ
Топотъ двухъ ногъ, подходящихъ поспѣшно, Лаэртовъ разумный
Сынъ, изумившiйся, бросилъ крылатое слово Эвмею:
— Слышишь ли, добрый хозяинъ? Тамъ кто-то идетъ, твой товарищъ
Или знакомецъ; собаки навстрѣчу бѣгутъ и, не лая,
Машутъ хвостами; шаги подходящаго явственно слышу.—
Словъ онъ еще не докончилъ, какъ въ двери вошелъ, онъ увидѣлъ,
Сынъ; въ изумленьи вскочилъ свинопасъ, уронилъ изъ обѣихъ
Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеную смѣшивалъ воду
Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ. Къ своему господину навстрѣчу
Бросясь, онъ голову, свѣтлыя очи и милыя руки
Сталъ у него цѣловать, и изъ глазъ полилися ручьями
Слезы; какъ нѣжный отецъ съ несказанной любовью ласкаетъ
Сына, который внезапно явился ему черезъ двадцать
Лѣтъ по разлукѣ—единственный, поздно рожденный имъ, долго
Жданый въ печали—съ такой свинопасъ Телемака любовью,
Крѣпко обнявши, всего цѣловалъ, какъ воскресшаго; плача
Взрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово:
—Ты ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился? Тебя я,
Въ Пилосъ отплывшаго, видѣть уже не надѣялся болѣ.

Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай мнѣ
Очи тобой насладить, возвратившимся въ домъ свой; донынѣ
Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты, но болѣ
Въ городѣ жилъ межъ народа: знать, было тебѣ не противно
Видѣть, какъ въ домѣ твоемъ безъ стыда женихи бунтовали.—
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
—Правду сказалъ ты, отецъ; но теперь для тебя самого я
Здѣсь: повидаться пришелъ я съ тобою, Эвмей, чтобъ провѣдать
Дома ль еще Пенелопа, иль бракомъ уже сочеталась
Съ кѣмъ изъ своихъ жениховъ, Одиссеево жъ ложе пустое
Въ спальной стоитъ одиноко, покрытое злой паутиной?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
—Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоемъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.—
Такъ говоря, у него онъ копье мѣдноострое принялъ;
Въ домъ тутъ вступилъ Телемакъ, черезъ гладкій порогъ перешедши.
Съ мѣста поспѣшно вскочилъ передъ нимъ Одиссей; Телемакъ же,
Мѣсто отрекшись принять, Одиссею сказалъ: —Не трудися,
Странникъ, сиди; для меня ужъ, конечно, найдется мѣстечко
Здѣсь; мнѣ очистить его не замедлитъ нашъ умный хозяинъ.—
Такъ онъ сказалъ; Одиссей возвратился на мѣсто; Эвмей же
Прутьевъ зеленыхъ охапку принесъ и покрылъ ихъ овчиной;
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный сѣлъ на нее; деревянный
Съ мясомъ, отъ прошлаго дня сбереженнымъ, подносъ передъ милымъ
Гостемъ поставилъ усердный Эвмей свинопасъ, и корзину
Съ хлѣбомъ большую принесъ, и наполнилъ до самаго края
Вкусномедвянымъ виномъ деревянную чашу. Потомъ онъ
Сѣлъ за готовый обѣдъ съ Одиссеемъ божественнымъ рядомъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ свинопасу сказалъ Телемакъ богоравный:—Отецъ мой,
Кто чужеземный твой гость? На какомъ кораблѣ онъ въ Итаку
Прибылъ? Какіе его привезли корабельщики? Въ край нашъ
(Это, конечно, я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ онъ.—
Такъ отвѣчалъ Телемаку Эвмей, свинопасъ богоравный:
—Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Онъ уроженецъ широкоравниннаго острова Крита,
Многихъ людей города, говоритъ, посѣтилъ и немало
Странствовалъ: такъ для него ужъ судьбиною соткано было.
Нынѣ жъ бѣжавъ съ корабля отъ ѳеспротовъ, людей злоковарныхъ,
Въ хижину нашу пришелъ онъ; тебѣ я его уступаю;
Дѣлай, что хочешь: твоей онъ защитѣ себя повѣряетъ.—
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
—Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказалъ мнѣ;
Какъ же могу я въ свой домъ пригласить твоего чужеземца?
Я еще молодъ; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду;
Мать же, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не знаетъ, что выбрать,
Вмѣстѣ ль со мною остаться и домъ содержать нашъ въ порядкѣ,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль, наконецъ, предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй
Ищетъ супружества съ ней и дары ей щедрѣе приноситъ;
Но чужеземцу, котораго гостемъ ты принялъ, охотно
Мантію я подарю и красивый хитонъ, и подошвы
Ноги обуть; да и мечъ отъ меня онъ получитъ двуострый;
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю;
Пусть онъ покуда живетъ у тебя, угощаемый съ лаской;
Платье жъ сюда я немедля пришлю и съ запасомъ для вашей
Пищи, дабы отъ убытка избавить тебя и домашнихъ.

Въ городъ ходить къ женихамъ я ему не совѣтую; слишкомъ
Буйны они и въ поступкахъ своихъ необузданно дерзки;
Могутъ обидѣть его, для меня бы то было прискорбно;
Самъ же я ихъ укротить не могу: противъ многихъ и самый
Сильный безсиленъ, когда онъ одинъ; ихъ число тамъ велико.—
Царь Одиссей хитроумный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
—Если позволишь ты мнѣ, мой прекрасный, сказать откровенно—
Милымъ я сердцемъ жестоко досадую, слыша, какъ много
Вамъ женихи беззаконные здѣсь оскорбленій наносятъ,
Домъ захвативши такого, какъ ты, молодого героя;
Знать бы желалъ я, ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
Или быть-можетъ, ты братьевъ винишь, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый, при общемъ великомъ раздорѣ?
Если бъ имѣлъ я и свѣжую младость твою и отважность—
Или когда бы возлюбленный сынъ Одиссеевъ, иль самъ онъ,
Странствуя, въ домъ возвратился (еще не пропала надежда)—
Первому встрѣчному голову мнѣ бы отсѣчь я позволилъ,
Если бы, имъ на погибель, одинъ не рѣшился проникнуть
Въ домъ Одиссея Лаэртова сына, чтобъ выгнать оттуда
Шайку ихъ. Если бъ одинъ я съ толпой и не сладилъ, то все же,
Было бы лучше мнѣ, въ домѣ моемъ пораженному, встрѣтить
Смерть, чѣмъ свидѣтелемъ быть тамъ безчинныхъ поступковъ и видѣть,
Какъ въ немъ они обижаютъ гостей, какъ рабынь принуждаютъ
Ихъ угождать вожделѣніямъ гнуснымъ въ обителяхъ царскихъ,
Какъ расточаютъ хлѣбъ и вино, безпощадно запасы
Всѣ истребляя, и главнаго дѣла окончить не мысля.—
Добрый нашъ гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Нѣтъ! ни мятежный народъ не враждуетъ со мною, ни братьевъ
Также моихъ не могу я винить, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый при общемъ раздорѣ, понеже
Въ каждомъ колѣнѣ у насъ, какъ извѣстно, всегда лишь одинъ былъ
Сынъ; одного лишь Лаэрта имѣлъ прародитель Аркезій;
Сынъ у Лаэрта одинъ Одиссей; Одиссей равномѣрно
Прижилъ меня одного съ Пенелопой. И былъ я младенцемъ
Здѣсь имъ оставленъ, а домъ нашъ заграбили хищные люди.
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣсного Закинѳа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;
Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.
Но, конечно, того мы не знаемъ, что въ лонѣ безсмертныхъ
Сокрыто. Теперь побѣги ты, Эвмей, къ Пенелопѣ разумной
Съ вѣстью о томъ, что изъ Пилоса я невредимъ возвратился.
Самъ же останусь я здѣсь у тебя; приходи къ намъ скорѣе.
Но берегись, чтобъ никто не провѣдалъ, опричь Пенелопы,
Тамъ, что я дома: тамъ многіе смертію мнѣ угрожаютъ.
Такъ Телемаку сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
—Знаю, все знаю, и мнѣ все понятно; и все, что велишь ты,
Будетъ исполнено; ты же еще мнѣ скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтобъ съ вѣстью пошелъ я и къ дѣду Лаэрту?
Бѣдный старикъ! онъ до сихъ поръ, хотя и скорбѣлъ о далекомъ
Сынѣ, но все наблюдалъ за работами въ полѣ, и голодъ
Чувствуя, ѣлъ за обѣдомъ и пилъ, какъ бывало, съ рабами.
Съ той же поры, какъ пошелъ въ кораблѣ чернобокомъ ты въ Пилосъ,
Онъ, говорятъ, ужъ не ѣстъ и не пьетъ, и его никогда ужъ
Въ полѣ никто не встрѣчаетъ, но, охая тяжко и плача,

Дома сидитъ онъ, исчахлый, чуть дышащій, кожа да кости.—
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
—Жаль! но его, какъ ни горько мнѣ это, оставить должны мы;
Если бы все по желанію смертныхъ, судьбинѣ подвластныхъ,
Дѣлалось, я пожелалъ бы, чтобъ прибылъ отецъ мой въ Итаку.
Ты же, увидѣвши мать, возвратись, заходить не заботясь
Въ поле къ Лаэрту, но матери можешь сказать, чтобъ немедля,
Тайно отъ всѣхъ, и чужихъ и домашнихъ, отправила къ дѣду
Ключницу нашу обрадовать вѣстью нежданною старца.—
Кончивъ, велѣлъ онъ итти свинопасу. Взявъ въ руки подошвы,
Подъ ноги ихъ подвязалъ онъ и въ городъ пошелъ. Отъ Аѳины
Не было скрыто, что домъ свой Эвмей, удаляся, покинулъ;
Тотчасъ явилась богиня, младою, прекрасною, съ станомъ
Стройно-высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой;
Въ двери вступивъ, Одиссею предстала она; Телемаку жъ
Видѣть себя не дала; онъ ея не примѣтилъ: не всѣмъ намъ
Боги открыто являются; но Одиссей могъ очами
Ясно увидѣть ее, и собаки увидѣли также:
Лаять не смѣя, онѣ, завизжавъ, со двора побѣжали.
Знакъ головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышелъ изъ хижины; подлѣ высокой заграды богиню
Встрѣтилъ онъ; слово къ нему обращая, сказала Аѳина:
—Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все разсказать Телемаку;
Оба, условяся, какъ женихамъ приготовить ихъ гибель,
Вмѣстѣ подите немедля вы въ городъ; сама я за вами
Скоро тамъ буду, и мстительный бой совершимъ совокупно.—
Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею:
Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто хитономъ покрылись
Плечи его; онъ возвышеннѣй сдѣлался станомъ, моложе
Свѣтлымъ лицомъ, посмуглѣвшія щеки стали полнѣе;
Черной густой бородою покрылся его подбородокъ.
Собственный образъ ему возвративши, богиня исчезла.
Въ хижину снова вступилъ Одиссей; Телемакъ, изумленный,
Очи потупилъ: онъ мыслилъ, что видитъ безсмертнаго бога.
Въ страхѣ къ отцу обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
—Странникъ, не въ прежнемъ теперь предо мной ты являешься видѣ;
Платье не то на тебѣ, и совсѣмъ измѣнился твой образъ;
Вѣрно, одинъ изъ боговъ ты, владыкъ безпредѣльнаго неба;
Будь же къ намъ благостенъ; золота много тебѣ принесемъ мы
Здѣсь съ экатомбой великой, а ты насъ, могучій, помилуй.—
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
—Нѣтъ, я не богъ; какъ дерзнулъ ты безсмертнымъ меня уподобить?
Я Одиссей, твой отецъ, за котораго съ тяжкимъ вздыханьемъ
Столько обидъ ты терпѣлъ, притѣснителямъ злымъ уступая.—
Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ цѣловать, и съ рѣсницы
Пала на землю слеза—удержать онъ ее былъ не въ силахъ.
Но—что предъ нимъ былъ желанный отецъ Одиссей, не повѣря—
Снова ему возражая, сказалъ Телемакъ богоравный:
—Нѣтъ, не отецъ Одиссей ты, но демонъ, своимъ чародѣйствомъ
Очи мои ослѣпившій, чтобъ послѣ я горестнѣй плакалъ;
Смертному мужу подобныхъ чудесъ совершать невозможно
Собственнымъ разумомъ: можетъ лишь богъ превращать во мгновенье
Волей своей старика въ молодого и юношу въ старца;
Былъ ты сначала старикъ, неопрятно одѣтый; теперь же
Вижу, что свой ты богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Нѣтъ, Телемакъ, не чуждайся отца, возвращеннаго въ домъ свой;
Также и бывшему чуду со мною не слишкомъ дивися;
Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей, говорю я, не будетъ
Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ странствіяхъ много и нынѣ

Волей боговъ приведеннаго въ землю отцовъ черезъ двадцать
Лѣтъ. А мое превращеніе было богини Аѳины,
Мощной добычницы дѣло; возможно ей все; превращенъ былъ
Прежде я въ стараго нищаго ею, потомъ въ молодого,
Крѣпкаго мужа, носящаго чистое платье на тѣлѣ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, легко насъ
Смертныхъ людей надѣлять и красой и лицомъ безобразнымъ.—
Такъ онъ отвѣтствовавъ, сѣлъ; Телемакъ въ несказанномъ волненьи
Пламенно обнялъ отца благороднаго съ громкимъ рыданьемъ.
Въ сердце тогда имъ обоимъ проникло желаніе плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; какъ стонетъ
Соколъ иль крутокогтистый орелъ, у которыхъ охотникъ
Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ родного гнѣзда ихъ,
Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко; и въ плачѣ могло бъ ихъ застать заходящее солнце,
Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ, обратясь къ Одиссею:
—Какъ же, отецъ, на какомъ кораблѣ ты, какою дорогой
Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
(Это, конечно, я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.—
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
—Все я, мой сынъ, разскажу, ничего отъ тебя не скрывая;
Славные гости морей феакійцы меня привезли къ вамъ;
Всѣхъ, кто ихъ помощи проситъ, они по морямъ провожаютъ.
Спалъ я, когда мы достигли Итаки, и сонный былъ ими
На берегъ вынесенъ (щедро меня, отпуская въ дорогу,
Золотомъ, мѣдью и платьемъ богатымъ они одарили:
Все то по волѣ безсмертныхъ здѣсь спрятано въ гротѣ глубокомъ).
Присланъ сюда я богиней Аѳиной затѣмъ, чтобъ съ тобою
Вмѣстѣ враговъ истребленіе здѣсь на свободѣ устроить.
Ты же теперь назови жениховъ и число ихъ скажи мнѣ;
Должно, чтобъ вѣдалъ я, кто и откуда они, и какъ много
Тамъ ихъ, дабы, все подробно обдумавъ разсудкомъ и сердцемъ,
Мы разрѣшили, возможно ль двоимъ, никого не призвавши
Въ помощь, ихъ всѣхъ одолѣть, иль другіе помощники нужны?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ благородный:
—Слышалъ я много, отецъ, о дѣяньяхъ твоихъ многославныхъ;
Какъ ты разуменъ въ совѣтѣ, какой копьевержецъ могучій—
Но о несбыточномъ мнѣ ты теперь говоришь; невозможно
Двумъ намъ со всею толпой жениховъ многосильныхъ бороться.
Долженъ ты знать, что числомъ ихъ не десять, не двадцать; гораздо
Болѣе; всѣхъ перечесть ихъ тебѣ я могу по порядку;
Слушай: пришло ихъ съ Дулихія острова къ намъ пятьдесятъ-два,
Знатны всѣ родомъ они, шесть служителей съ ними; съ Закинѳа
Острова прибыло двадцать; а съ темнолѣсистаго Зама
Двадцать-четыре: всѣ знатныхъ отцовъ сыновья; напослѣдокъ,
Къ нимъ мы и двадцать должны изъ Итаки причесть, при которыхъ
Фемій, пѣвецъ богоравный, глашатай Медонъ и проворныхъ
Двое рабовъ, соблюдать за обѣдомъ порядокъ искусныхъ.
Если съ такою толпою бороться одни мы замыслимъ,
Будетъ намъ мщеніе горько, возвратъ твой погибеленъ будетъ;
Лучше подумай о томъ, не найдется ль помощникъ, который
Могъ бы за насъ постоять, благосклонно подавши намъ руку?—
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
—Выслушай то, что скажу, и въ умѣ сохрани, что услышишь:
Если бъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда бъ мы пріискивать новыхъ?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ богоравный:
—Подлинно ты мнѣ надежныхъ помощниковъ назвалъ; высоко,
Правда, они въ облакахъ обитаютъ; но оба не намъ лишь
Смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ богамъ всемогуществомъ страшны.—

Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
—Оба они не останутся долго отъ насъ въ отдаленьи
Въ часъ воздаянья, когда у меня съ женихами въ жилищѣ
Царскомъ послѣдній Ареевъ расчетъ смертоносный начнется.
Завтра поутру, лишь только подымется Эосъ, ты въ городъ
Прямо пойдешь; тамъ останься въ толпѣ жениховъ многобуйныхъ.
Позже туда я приду съ свинопасомъ Эвмеемъ подъ видомъ
Стараго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ. Когда тамъ ругаться
Станутъ они надо мною въ жилищѣ моемъ, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что бъ ни терпѣлъ я, хотя бы
За ногу вытащенъ былъ изъ палаты и выброшенъ въ двери,
Или хотя бы въ меня чѣмъ швырнули—ты будь равнодушенъ.
Можешь, конечно, сказать иногда (чтобъ унять ихъ буянство)
Кроткое слово; тебя не послушаютъ; будетъ напрасно
Все: предназначенный день ихъ погибели близко; терпѣнье!
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про-себя, что услышишь:
Я, въ ту минуту, когда свой совѣтъ мнѣ на сердце положитъ
Втайнѣ Аѳина, тебѣ головою кивну; то замѣтя,
Всѣ изъ палаты, какіе ни есть тамъ, доспѣхи Арея
Вверхъ отнеси и оставь тамъ, ихъ кучею въ уголъ сложивши;
Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ тамъ бывшихъ оружій,
Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужъ сдѣлались вовсе онѣ не такія, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытіи въ Трою, покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.
Мнѣ же и высшую въ сердце влагаетъ Зевесъ осторожность:
Можетъ межъ вами отъ хмеля вражда загорѣться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится:
Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.
Намъ же двоимъ два копья, два меча ты отложишь, и съ ними
Два изъ воловьей кожи щита приготовишь, чтобъ въ руки
Взять ихъ, когда нападенье начнемъ; женихамъ же, конечно,
Умъ ослѣпятъ всемогущій Зевесъ и Аѳина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про-себя, что услышишь:
Если ты въ правду мой сынъ и отъ крови моей происходишь,
Тайну храни, чтобъ никто о моемъ возвращеньи не свѣдалъ
Здѣсь, ни Лаэртъ мой отецъ, ни Эвмей свинопасъ, ни служитель
Царскаго дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое—
Ты лишь, да я—наблюдать за рабынями нашими будемъ;
Также и многихъ рабовъ испытанью подвергнемъ, чтобъ свѣдать,
Кто между ими тебя и меня уважаетъ и любитъ,
Кто, насъ забывъ, оскорбляетъ тебя, столь достойнаго чести.—
Такъ, возражая отцу, отвѣчалъ Телемакъ многославный:
—Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро на самомъ
Дѣлѣ узнаешь; и духъ мой не слабымъ найдешь ты, конечно.
Думаю только, что опыту всѣхъ подвергать безполезно
Будетъ для насъ; я объ этомъ тебя убѣждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всѣхъ ихъ,
Каждаго порознь, начнемъ мы тогда, какъ враги беззаботно
Будутъ твой домъ разорять и твое достояніе грабить.
Но я желаю и самъ, чтобъ, подвергнувши опыту женщинъ,
Могъ отличить ты порочныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ; рабовъ же
Трудно испытывать всѣхъ, одного за другимъ, на работѣ
Порознь живущихъ; то сдѣлаешь послѣ въ досужное время,
Если ужъ подлинно знакъ ты имѣлъ отъ владыки Зевеса.—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой крѣпкозданный корабль, Телемака носившій
Въ Пилосъ съ дружиной, приблизился къ брегу Итаки. Когда же
Въ пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берегъ вздвинуть они поспѣшили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсѣмъ разгрузивши,

Въ Клитіевъ домъ отнесли всѣ подарки царя Менелая.
Въ царскій же домъ Одиссеевъ былъ вѣстникъ пловцами немедля
Посланъ сказать Пенелопѣ разумной, что сынъ, возвратяся,
Въ поле пошелъ, кораблю же прямою дорогою въ городъ
Плыть повелѣлъ (чтобъ, о сынѣ отсутственномъ въ сердцѣ тревожась,
Плакать напрасно о немъ перестала царица). Тотъ вѣстникъ
Встрѣтился, путь свой окончить спѣша, съ свинопасомъ, который
Съ вѣстью подобной къ своей госпожѣ Телемакомъ былъ посланъ.
Къ дому царя многославнаго оба пришли напослѣдокъ.
Вслухъ передъ всѣми рабынями вѣстникъ сказалъ Пенелопѣ:
—Прибылъ обратно въ Итаку возлюбленный сынъ твой, царица.—
Но свинопасъ подошелъ къ Пенелопѣ и на ухо все ей,
Что Телемакъ повелѣлъ разсказать, прошепталъ осторожно.
Кончивъ разсказъ и исполнивъ свое порученіе, царскій
Домъ онъ оставилъ и въ поле къ свиньямъ возвратился поспѣшно.
Но женихи, пораженные, духомъ уныли; покинувъ
Залу, они у ограды высокаго царскаго дома
Рядомъ на каменныхъ гладкихъ скамьяхъ за воротами сѣли.
Такъ говорить имъ тогда Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ:
—Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло отправясь
Въ путь, Телемакъ, отъ него мы подобной отваги не ждали.
Должно намъ, черный удобнѣйшій къ бѣгу корабль изготовивъ,
Въ немъ мореходныхъ отправить людей, чтобъ они убѣдили
Нашихъ товарищей въ городъ какъ можно скорѣй возвратиться.—
Кончить еще не успѣлъ онъ, какъ, съ мѣста на пристань взглянувши,
Только-что къ брегу приставшій корабль Анфиномъ усмотрѣлъ тамъ;
Снасти и весла на немъ убирали пловцы. Обратяся
Съ радостнымъ смѣхомъ къ товарищамъ, такъ онъ сказалъ:—Не трудитесь
Вѣсти своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно, ихъ богъ надоумилъ какой, иль увидѣли сами
Быстробѣгущій корабль и настигнуть его не успѣли.—

Такъ онъ сказалъ; тѣ, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берегъ скоро былъ вздвинутъ корабль чернобокій пловцами,
Бодрые слуги немедля сгрузили съ него всю поклажу;
Сами жъ на площади всѣ женихи собрались, но съ собою
Тамъ никому засѣдать не дозволили. Такъ напослѣдокъ,
Къ нимъ обратясь, Алкиной, сынъ Эвпейтовъ надменный, сказалъ имъ:
—Горе! безсмертные сами его отъ бѣды сохранили!
Каждый тамъ день сторожа на лобзаемыхъ вѣтромъ вершинахъ
Другъ подлѣ друга толпою сидѣли; когда жъ заходило
Солнце, мы, берегъ покинувъ, всю ночь въ кораблѣ быстроходномъ
По морю плавали взадъ и впередъ до восхода денницы,
Тщетно надѣясь, что встрѣтимъ его и немедля погубимъ.
Демонъ тѣмъ временемъ въ пристань его проводилъ невредимо.
Мы же надъ нимъ совершить, что замыслили вмѣстѣ, удобно
Можемъ и здѣсь; онъ отъ насъ не уйдетъ; но до тѣхъ поръ, покуда
Живъ онъ, исполнить намѣренье наше мы будемъ не въ силахъ;
Онъ возмужалъ и разсудкомъ созрѣлъ для совѣта и дѣла;
Люди жъ Итаки не съ прежней на насъ благосклонностью смотрятъ.
Должно намъ прежде—пока онъ народа не созвалъ на помощь—
Кончить, понеже онъ медлить, какъ я въ томъ увѣренъ, не станетъ.
Злобой на насъ разразившись, при цѣломъ народѣ онъ скажетъ,
Какъ мы его погубить сговорились и въ томъ не успѣли;
Тайнаго нашего замысла вѣрно народъ не одобритъ;
Могутъ, озлобясь на наши поступки, и насъ изъ отчизны
Выгнать, и всѣ мы тогда по чужимъ сторонамъ разбредемся.
Можемъ напасть на него мы далеко отъ города въ полѣ,
Можемъ близъ города выждать его на дорогѣ; тогда намъ
Все раздѣлить ихъ придется имущество; домъ же уступимъ
Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.
Если же вамъ не угоденъ совѣтъ мой и если хотите

Жизнь вы ему сохранить, чтобъ отцовскимъ владѣть достояньемъ—
То пировать вамъ попрежнему, въ домѣ его собираясь,
Будетъ нельзя, и ужъ каждый особо, въ свой домъ возвратяся,
Свататься станетъ, подарки свои присылая; она же
Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.—
Такъ говорилъ онъ; сидя неподвижно, внимали другіе.
Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихій, пшеницей богатый, покинувъ, въ Итакѣ
Онъ отличался отъ всѣхъ жениховъ и самой Пенелопѣ
Нравился умною рѣчью, благими лишь мыслями полный.
Такъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный:
—Нѣтъ! посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю;
Царскаго сына убійство есть страшно-безбожное дѣло;
Прежде боговъ вопросите, чтобъ свѣдать, какая ихъ воля;
Если Зевесомъ одобрено будетъ намѣренье наше,
Самъ соглашусь я его поразить и другихъ на убійство
Вызову; если жъ Зевесъ запретитъ, мой совѣтъ: воздержитесь.—
Такъ онъ сказалъ, подтвердили его предложенье другіе.
Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссея;
Въ домъ же вступивъ, тамъ на стульяхъ они помѣстилися гладкихъ.
Но Пенелопа разумная, дѣло иное придумавъ,
Вышла къ своимъ женихамъ многобуйнымъ изъ женскихъ покоевъ;
Слухъ къ ней достигнулъ о замыслѣ тайномъ на жизнь Телемака:
Все благородный глашатай Медонъ ей открылъ; и поспѣшно
Взявши съ собой двухъ служанокъ, она, божество межъ женами,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ.
Рѣчь къ Антиною свою обративъ, Пенелопа сказала:
—Злой кознодѣй, Антиной необузданный, словомъ и дѣломъ
Ты изъ товарищей самый разумнѣйшій—такъ здѣсь въ Итакѣ
Всѣ утверждаютъ. Но гдѣ же и въ чемъ твой прославленный разумъ?
Бѣшеный! что побуждаетъ тебя Телемаку готовить
Смерть и погибель? Зачѣмъ ты сиротъ притѣсняешь, любезныхъ
Зевсу? Неправъ человѣкъ, замысляющій ближнему злое.
Иль ты забылъ, какъ отецъ твой сюда прибѣжалъ, устрашенный
Гнѣвомъ народа, которымъ гонимъ былъ за то, что приставши
Къ шайкѣ тафійскихъ разбойниковъ, съ ними ограбилъ ѳеспротовъ,
Нашихъ союзниковъ вѣрныхъ? Его здѣсь народъ порывался
Смерти предать и готовъ у него былъ исторгнуть изъ груди
Сердце, и все, что имѣлъ онъ въ Итакѣ, предать истребленью;
Но Одиссей, за него заступившись, народъ успокоилъ;
Ты жъ Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своимъ сватовствомъ, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! говорю и тебѣ и другимъ въ осторожность.—
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
—О многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачѣмъ ты такой предаешься тревогѣ?
Не было, нѣтъ и не будетъ изъ насъ никого, кто бъ помыслилъ
Руку поднять на убійство любимца боговъ Телемака.
Нѣтъ, и покуда я живъ и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль—скажу передъ всѣми, и вѣрно
Сбудется слово мое — обольется убійца своею
Кровью, моимъ пораженный копьемъ; Одиссей, не забылъ я,
Бралъ здѣсь нерѣдко меня на колѣни и мяса куски мнѣ
Клалъ на ладонь и вина благовоннаго выпить давалъ мнѣ
Вотъ почему и всѣхъ болѣ людей я люблю Телемака.
Нѣтъ! никогда онъ убійства не долженъ страшиться, по крайней
Мѣрѣ, отъ насъ, жениховъ. Но судьбы избѣжать невозможно.—

Такъ говорилъ онъ, ее утѣшая, а мыслилъ иное.
Но Пенелопа, къ себѣ возвратяся, тамъ въ свѣтлыхъ покояхъ
Плакала горько о миломъ своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Смеркалось, когда къ Одиссею и къ сыну его возвратился
Старый Эвмей. Онъ нашелъ ихъ, готовящихъ ужинъ, зарѣзавъ
Взятую въ стадѣ свинью годовалую. Прежде, однако,
Тайно пришедъ, Одиссея богиня Аѳина ударомъ
Трости своей превратила по-прежнему въ хилаго старца,
Рубищемъ жалкимъ одѣвши его, чтобъ Эвмей благородный
Съ перваго взгляда его не узналъ и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился въ городъ обрадовать вѣстью царицу.
Встрѣтивъ его на порогѣ, сказалъ Телемакъ:—Наконецъ ты,
Честный Эвмей, возвратился? Скажи же, что видѣлъ? Что слышалъ?
Въ городъ обратно пришли ль, наконецъ, женихи изъ засады,
Или еще тамъ сидятъ и меня стерегутъ на дорогѣ?—
Такъ, отвѣчая, сказалъ Телемаку Эвмей благородный:
—Свѣдать о нихъ и разспрашивать мнѣ не входило и въ мысли;
Въ городѣ я объ одномъ лишь заботился: какъ бы скорѣе
Данное мнѣ порученье исполнить и къ вамъ возвратиться.
Шедши жъ туда, я съ гонцомъ, отъ ходившихъ съ тобой мореходцевъ
Посланнымъ, встрѣтился—первый онъ объявилъ Пенелопѣ;
Только одно разскажу я, что видѣлъ своими глазами:
Къ городу близко уже, на вершинѣ Эрмейскаго холма
Былъ я, когда быстролетный, въ глубокую нашу входящій
Пристань, корабль усмотрѣлъ; я примѣтилъ, что было въ немъ много
Ратныхъ; щитами, двуострыми копьями ярко блисталъ онъ;
Это они, я подумалъ: но правда ли? Знать мнѣ неможно.—
Такъ онъ сказалъ. Телемакова сила святая блеснула
Легкой улыбкой въ очи отцу, непримѣтно Эвмею.
Кончивъ работу и пищу состряпавъ, они съ свинопасомъ
Сѣли за столъ и порадовалъ душу имъ ужинъ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдою, о ложѣ
Каждый подумалъ; и сна благодать ниспослали имъ боги.

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ уходитъ въ городъ, повелѣвъ Эмвею проводить туда и своего гостя. Встрѣченный радостно матерью и домашними, онъ потомъ идетъ на площадь и приводитъ оттуда съ собою Ѳеоклимена. Пенелопа разспрашиваетъ его о томъ, что съ нимъ было во время путешествія; Ѳеоклименъ пророчествуетъ ей возвращеніе Одиссея. Тѣмъ временемъ Эвмей отправляется съ Одиссеемъ въ городъ; дорогою встрѣчаютъ они Мелантія, который ихъ обоихъ оскорбляетъ. Пришедъ къ своему дому, Одиссей видитъ на дворѣ свою старую собаку, которая, узнавши его, умираетъ. Онъ входитъ въ пировую палату, проситъ милостыни у жениховъ; Антиной, ругаясь имъ, бросаетъ въ него скамейкой. Пенелопа зоветъ его къ себѣ, желая разспросить объ Одиссеѣ; онъ обѣщается притти къ ней ввечеру.

Вышла изъ мрака съ перстами пурпурными Эосъ.
Сынъ Одиссеевъ, любезный богамъ Телемакъ благородный,
Къ свѣтлымъ ногамъ привязалъ золотыя сандаліи, въ руку
Взялъ боевое копье, заощренное мѣдью, которымъ
Ловко владѣлъ, и, готовый въ дорогу, сказалъ свинопасу:
—Въ городъ иду я, отецъ, чтобъ утѣшить свиданьемъ со мною
Милую мать: безъ сомнѣнья, дотолѣ крушиться и горько
Плакать она безутѣшная будетъ, пока не увидитъ
Сына своими глазами; тебѣ же, Эвмей, поручаю
Этого странника; въ городъ поди съ нимъ, дабы подаяньемъ
Могъ онъ себя прокормить; тамъ подастъ, кто захочетъ,
Хлѣба ему иль вина. Мнѣ нельзя на свое попеченье
Всякаго нищаго брать; и своихъ ужъ заботъ мнѣ довольно;
Если же этимъ обидится твой чужеземецъ, тѣмъ хуже
Будетъ ему самому; я люблю говорить откровенно.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Здѣсь неохотно и самъ бы я, другъ, согласился остаться;
Нашему брату обѣдъ добывать подаяніемъ легче

Въ городѣ, нежели въ полѣ: тамъ каждый дастъ намъ, что хочетъ.
Мнѣ жъ не по лѣтамъ смотрѣть за скотиной и всякую службу
Съ тяжкимъ трудомъ отправлять, пастухамъ повинуяся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводитъ хозяинъ, когда я
Здѣсь, у огня, посогрѣюсь, когда на дворѣ потеплѣетъ;
Въ рубищѣ этомъ мнѣ холодно: тѣло насквозь проницаетъ
Утренникъ рѣзкій; до города жъ, вы говорите, не близко.—
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Телемакъ благородный поспѣшнымъ
Шагомъ пошелъ со двора, и недоброе въ мысляхъ готовилъ
Онъ женихамъ. Наконецъ, онъ пришелъ безпрепятственно въ домъ свой.
Тамъ, боевое копье прислонивши къ высокой колоннѣ,
Онъ черезъ двери высокій порогъ перешелъ и увидѣлъ
Первую въ домѣ усердную няню свою Эвриклею:
Мягкія клала на стулья овчины старушка. Потокомъ
Слезъ облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро
Всѣ собрались Одиссеева дома рабыни; и съ плачемъ
Голову, плечи и руки онѣ у него лобызали.
Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой
Сходная; сына она обняла, и съ любовью нѣжной
Свѣтлыя очи и руки и голову стала, рыдая
Громко, ему цѣловать, и крылатое бросила слово:
—Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сынъ, возвратился? Тебя я
Видѣть уже не надѣялась болѣ, отплывшаго въ Пилосъ
Тайно, со мной не простясь, чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ.
Все разскажи мнѣ теперь по порядку, что видѣлъ, что слышалъ.—
Ласково ей отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Милая мать, не печаль мнѣ души, и тревоги напрасной
Въ грудь не вливай мнѣ, спасенному чудно отъ гибели вѣрной:
Но, сотворивъ омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой поди и съ молитвой
Тамъ обѣщаніе дай принести экатомбу безсмертнымъ,
Если враговъ наказать намъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
Самъ я на площадь пойду, чтобъ позвать чужеземца, который
Нынѣ со мною, когда возвращался я, прибылъ въ Итаку:
Вмѣстѣ съ моими людьми онъ сюда напередъ былъ отправленъ:
Въ городъ его проводить поручилъ я Пирею, дабы онъ
Въ домѣ его подождалъ моего возвращенія съ поля.—
Такъ говорилъ онъ и слово его не промчалося мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вѣчнымъ богамъ обѣщала она принести экатомбу,
Если враговъ наказать имъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
Тою порой Телемакъ изъ высокаго царскаго дома
Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки;
Образъ его несказанной красой озарила Аѳина
Такъ, что дивилися люди, его подходящаго видя.
Всѣ вокругъ него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе съ нимъ говорилъ, замышляя недоброе въ сердцѣ.
Скоро, отъ ихъ многолюдной толпы отдѣлясь, подошелъ онъ
Къ мѣсту, гдѣ Менторъ сидѣлъ и при немъ Антифатъ съ Галиѳердомъ,
Въ сердцѣ своемъ сохранившіе вѣрность царю Одиссею.
Сѣвши близъ нихъ, о себѣ онъ имъ все разсказалъ, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьевержецъ, и Ѳеоклименъ съ нимъ
Вмѣстѣ пришелъ, погулявши по улицамъ города; не былъ
Долго къ нему Телемакъ безъ вниманья; къ нему подошелъ онъ.
Первое слово сказалъ тутъ Пирей Одиссееву сыну:
—Въ домъ мой пошли, Телемакъ благородный, невольницъ, чтобъ взяли
Тамъ всѣ подарки, которые ты получилъ отъ Атрида.—
Такъ, отвѣчая Пирею, сказалъ Телемакъ богоравный:
—Намъ неизвѣстно, мой вѣрный Пирей, чѣмъ окончится дѣло;
Если въ жилищѣ моемъ женихами надменными тайно

Буду убитъ я, они все имущество наше раздѣлятъ;
Лучше тогда, чтобъ твоимъ, а не ихъ тѣ подарки наслѣдствомъ
Были; но если на нихъ обратится губящая Кера—
Все мнѣ веселому, самъ веселящійся, въ домъ принесешь ты.—
Кончивъ, повелъ за собою онъ многострадавшаго гостя
Въ домъ свой; и скоро туда безпрепятственно прибыли оба.
Тамъ положивши на кресла и стулья свои всѣ одежды,
Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться. Когда же
Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантіи, оба
Вышедъ изъ гладкихъ купаленъ, они помѣстились на стульяхъ.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть ихъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, чтобъ пищей они насладились.
Противъ же нихъ, невдали отъ двустворныхъ дверей, Пенелопа
Въ креслахъ за пряжей сидѣла и тонкія нити сучила.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдой, Пенелопа,
Старца Икарія дочь многоумная, сыну сказала:
—Видно мнѣ лучше на верхъ мой уйти и лежать одиноко
Тамъ на постели, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ далекую Трою
Мстить за Атрида пошелъ Одиссей—ты, я вижу, не хочешь,
Прежде, чѣмъ здѣсь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мнѣ разсказать, что узналъ объ отцѣ: возвратится ль онъ, живъ ли?—
—Милая мать, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Слушай, я все разскажу, ничего отъ тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли въ Пилосъ, гдѣ пастырь людей многославный
Несторъ меня въ благолѣпно-устроенномъ принялъ жилищѣ,
Принялъ такъ нѣжно, какъ сына отецъ принимаетъ, когда онъ
Въ домъ возвращается, долго напрасно имъ жданный; такъ Несторъ
Самъ и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но объ отцѣ ничего разсказать онъ не могъ мнѣ;
Живъ ли, скитается ль гдѣ на землѣ, иль погибъ ужъ, объ этомъ
Слуховъ къ нему не дошло. Къ Менелаю Атриду меня онъ
Давъ мнѣ коней съ колесницею кованой, въ Спарту отправилъ.
Тамъ я увидѣлъ Елену Аргивскую, многихъ ахеянъ,
Многихъ троянъ погубившую, волей боговъ всемогущихъ.
Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, спросилъ, за какою
Нуждою прибылъ къ нему я въ божественный градъ Лакедемонъ?
Все разсказалъ я подробно ему, ничего не скрывая.
Такъ на мои мнѣ слова отвѣчалъ Менелай златовласый:—
О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе
Сами безсильные, мыслятъ они захватить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
Стала по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище—
Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла;
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лесбосѣ, обильно людьми населенномъ—
Гдѣ, съ силачомъ Филомиледомъ выступивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ—
Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разскажу откровенно и мною обмануть не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской проницательный старецъ,

То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Видѣлъ его на далекомъ онъ островѣ, льющаго слезы
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Вотъ что сказалъ мнѣ Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье.
Спарту покинувъ, я поплылъ назадъ, и послали попутный
Вѣтеръ намъ боги—въ отечество милое насъ проводилъ онъ.—
Кончилъ разсказъ Телемакъ; взволновалась душа Пенелопы.
Өеоклименъ богоравный тогда ей сказалъ: —Не крушися,
Многоразумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Знаетъ не все онъ; теперь на мое обратися вниманьемъ
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вамъ навѣрно;
Самъ же Зевесомъ отцомъ, гостелюбною вашей трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Въ томъ, что въ отечествѣ миломъ уже Одиссей, что сокрытъ онъ
Гдѣ-нибудь въ домѣ, иль ходитъ незнаемый, все узнавая
Здѣсь, и бѣду женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готовитъ.
Вѣщая птица, которую видѣлъ вблизи корабля я,
То мнѣ открыла, и все я тогда жъ объявилъ Телемаку.—
Өеоклимену разумная такъ отвѣчала царица:
—Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ
Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ шумныя игры.
Но когда отовсюду съ полей на обѣдъ имъ пригнали
Мелкій скотъ пастухи, приводившіе къ нимъ ежедневно
Козъ и барановъ, ихъ кликнулъ глашатай Медонъ: былъ любимецъ
Онъ жениховъ и вседневно къ столу ихъ его приглашали.
—Юноши, онъ имъ сказалъ: вы играли довольно; войдите
Въ домъ и начнемъ нашъ обѣдъ совокупною силой готовить:
Знаете сами, что во́время пища намъ вдвое вкуснѣе.—
Такъ онъ сказалъ имъ. Они, покоряся его приглашенью,
Встали, и къ дому пошли всей толпою; когда же вступили
Въ домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,
Жиромъ налитыхъ свиней убивать; былъ зарѣзанъ и тучный
Быкъ. И за стряпанье всѣ принялися они. Той порою
Въ городъ итти съ Одиссеемъ Эвмей собрался; и готовый
Въ путь, онъ сказалъ, наконецъ, обратяся къ Лаэртову сыну:
—Добрый мой гость, ты желаешь, чтобъ нынче жъ тебя проводилъ я
Въ городъ, какъ намъ повелѣлъ господинъ мой—сказать откровенно,
Лучше хотѣлъ бы я сторожемъ дома тебя здѣсь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господинъ мой
Будетъ за это меня; а господская брань непріятна.
Время однако итти намъ; ужъ болѣ прошло половины
Дня; съ наступленіемъ вечера холодъ пронзителенъ будетъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно, и все, какъ желаешь,
Точно исполню; пойдемъ же, и будь ты моимъ провожатымъ.
Только сыщи мнѣ какой бы то ни было посохъ, чтобъ могъ я
Чѣмъ подпираться: дорога столь трудная—слышно—что шею
Можно сломить. Такъ сказавъ, на плеча онъ набросилъ котомку,
Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ.
Далъ ему въ руки Эвмей суковатую палку; и оба
Вмѣстѣ пошли, пастуховъ и собакъ сторожами оставивъ
Дома. И въ городъ повелъ свинопасъ своего господина

Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напослѣдокъ
Къ городу близко они подошли. Находился тамъ свѣтлый
Ключъ: обложенъ былъ онъ камнемъ, и брали въ немъ граждане воду.
Въ старое время Итакъ, Нерiонъ и Поликторъ—прекрасный
Создали тамъ водоемъ; окруженъ былъ онъ рощею темныхъ
Ольхъ, надъ водою растущихъ; и падалъ студеной струею
Ключъ въ водоемъ со скалы, на вершинѣ которой воздвигнутъ
Нимфамъ алтарь былъ; всегда приносили тамъ путники жертву.
Тамъ козоводъ повстрѣчался имъ—сынъ Долiоновъ Мелантiй;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
Въ городъ онъ гналъ женихамъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей двое
Было. Увидя идущихъ, онъ началъ ругаться, и громко
Ихъ поносилъ, и разгнѣвалъ въ груди Одиссеевой сердце:
—Подлинно здѣсь негодяй негодяя ведетъ—говорилъ онъ—
Права пословица: равнаго съ равнымъ безсмертные сводятъ.
Ты, свинопасъ безтолковый, куда путешествуешь съ этимъ
Нищимъ, столовъ обирателемъ, грязнымъ бродягой, который,
Стоя въ дверяхъ, неопрятныя плечи объ притолку чешетъ,
Крохи однѣ, не мечи, не котлы получая въ подарокъ.
Могъ бы у насъ онъ, когда бы его намъ прислалъ ты, закуты
Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ подстилки готовить;
Скоро бы онъ раздобрѣлъ, простоквашей у насъ обжираясь;
Это однако ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется; лучше, таскаясь
По мiру, хлѣбомъ чужимъ набивать ненасытный желудокъ.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно;
Если войти онъ отважится въ домъ Одиссея—скамеекъ
Много изъ рукъ жениховъ на его полетитъ тамъ пустую
Голову; рёбра, таская его, тамъ ему обломаютъ
Объ полъ. И, такъ говоря, Одиссея онъ, съ нимъ поровнявшись,
Пяткою въ ляжку толкнулъ, но съ дороги не сбилъ, не принудилъ
Даже шатнуться. И въ гнѣвѣ своемъ ужъ готовъ былъ Лаэртовъ
Сынъ, побѣжавши за нимъ, суковатою палкою душу
Выбить изъ тѣла его, иль, взорвавши на воздухъ, ударить
Оземь его головою. Но онъ удержался. Эвмей же
Началъ ругать оскорбителя; руки поднявъ, онъ воскликнулъ:
—Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вамъ
Тукомъ обвитыя бедра козловъ и барановъ здѣсь въ жертву
Царь Одиссей приносилъ, не отриньте мольбы, возвратите
Намъ Одиссея; да благостный Демонъ его къ вамъ проводитъ!
Выгналъ тогда бъ изъ тебя онъ надменныя мысли, забылъ бы
Ты, какъ шальной, по дорогамъ шататься и бѣгать безъ дѣла
Въ городъ, стада подъ надзоромъ неопытныхъ слугъ оставляя.—
Кончилъ. Мелантiй, на то возражая, сказалъ свинопасу:
—Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслилъ?
Дай срокъ, тебя какъ товаръ въ кораблѣ чернобокомъ отсюда
Я увезу и продамъ въ иноземье за добрыя деньги;
Здѣсь же иль самъ Аполлонъ сребролукiй сразитъ Телемака
Тихой стрѣлой, иль, мечомъ жениховъ пораженный, погибнетъ
Онъ, какъ отецъ, на чужбинѣ утратившiй день возвращенья.—
Такъ онъ сказалъ и ушелъ, на дорогѣ оставивъ обоихъ,
Медленнѣй шедшихъ; достигнувъ обители царской, онъ прямо
Тамъ въ пировую палату вступилъ и за столъ съ женихами
Сѣлъ Эвримаха напротивъ, къ которому былъ онъ усерднѣй,
Нежели къ прочимъ; ему предложилъ тутъ служитель мясного,
Ключница хлѣба дала и ѣды изъ запаса: онъ началъ
Ѣсть. Той порой Одиссей подошелъ съ свинопасомъ Эвмеемъ
Къ царскому дому; и вдругъ имъ оттуда послышались струны

Цитры глубокой, потомъ раздалося и пѣніе; Фемій
Пѣлъ; Одиссей, ухватясь за Эвмееву руку, воскликнулъ:
—Другъ, мы, конечно, пришли къ Одиссееву славному дому.
Можетъ легко быть онъ узнанъ межъ всѣми другими домами:
Длинный рядъ горницъ просторныхъ, широкій и чисто мощеный
Дворъ, обведенный зубчатой стѣною, двойныя ворота
Съ крѣпкимъ замкомъ—въ нихъ ворваться насильно никто не помыслитъ.
Думаю я, что теперь тамъ обѣдаютъ; паръ благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройнозвучащія струны
Цитры, богами въ сопутницы пиру веселому данной.—
Такъ отвѣчалъ Одиссею Эвмей, свинопасъ богоравный:
—Правда, и все ты, какъ есть, угадалъ; человѣкъ ты разумный;
Прежде однако должны мы размыслить о томъ, что намъ сдѣлать
Лучше: тебѣ ли во внутренность дома вступить и явиться
Тамъ на глаза жениховъ многобуйныхъ, а мнѣ здѣсь остаться?
Или тебѣ на дворѣ подождать одному, а войти къ нимъ
Мнѣ? Ты однако не медли, чтобъ кто здѣсь съ тобой не подрался,
Или въ тебя не швырнулъ чѣмъ—я такъ говорю въ осторожность.—
Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
—Знаю, все знаю, и мысли твои мнѣ понятны; войди ты
Прежде одинъ: я покуда останусь здѣсь; я довольно
Въ жизни тревожной ударовъ сносилъ; и швыряемо было
Многимъ въ меня; мнѣ терпѣть не учиться, немало видалъ я
Бурь и сраженій; пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
Дію. Одинъ лишь не можетъ ничѣмъ побѣжденъ быть желудокъ,
Жадный, насильственный, множество бѣдъ приключающій смертнымъ
Людямъ: ему въ угожденье и крѣпкоребристые ходятъ
Моремъ пустымъ корабли, принося разоренье народамъ.—
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака
Аргусъ; она Одиссеева прежде была, и ее онъ
Выкормилъ самъ; но на ловъ съ ней ходить не успѣлъ, принужденный
Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ
Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою ее уводили.
Нынѣ жъ забытый (его господинъ былъ далеко), онъ, бѣдный
Аргусъ, лежалъ у воротъ на навозѣ, который отъ многихъ
Муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ послѣ
Имъ Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Тамъ полумертвый лежалъ неподвижно покинутый Аргусъ.
Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся,
Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіе радости уши;
Близко жъ подползть къ господину и даже подняться онъ не былъ
Въ силахъ. И вкось на него поглядѣвши, слезу, отъ Эвмея
Скрытно, обтеръ Одиссей и потомъ онъ сказалъ свинопасу:
—Странное дѣло, Эвмей; тамъ на кучѣ навозной собаку
Вижу: прекрасной породы она, но сказать не умѣю,
Сила и легкость ея на бѣгу таковы ль, какъ наружность?
Или она лишь такая, какихъ у господъ за столами
Часто мы видимъ: для роскоши держатъ ихъ знатные люди.—
Такъ, отвѣчая, сказалъ ты, Эвмей свинопасъ, Одиссею:
—Это собака погибшаго въ дальномъ краю Одиссея:
Если бъ она и понынѣ была такова же, какою,
Плыть собираясь въ Троянскую землю, ее господинъ мой
Дома оставилъ—ея быстротѣ и отважности вѣрно бъ
Ты подивился; въ лѣсу ни въ какомъ захолустьѣ укрыться
Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное было.
Нынѣ же бѣдная брошена; нѣтъ ужъ ея господина,
Въ чужѣ погибъ онъ; служанки жъ о ней и подумать лѣнятся;
Рабъ нерадивъ; не принудь господинъ повелѣніемъ строгимъ
Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой:

Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ человѣку,
Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.—
Кончилъ и, въ двери свѣтло-населеннаго дома вступивши,
Прямо вошелъ онъ въ столовую, гдѣ женихи пировали.
Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать
Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносною Керы.
Прежде другихъ Телемакъ богоравный Эвмея, который,
Ходя кругомъ, озирался, увидѣлъ; ему головою
Подалъ онъ знакъ, чтобъ къ нему подошелъ; осмотрѣвшись, пустую
Взялъ онъ скамью, на которой всегда за столомъ раздаватель
Пищи сидѣлъ, чтобъ ее разсылать женихамъ по порядку.
Эту скамью пододвинувъ къ столу Телемакову, сѣлъ онъ
Противъ него; предложилъ тутъ, приблизившись съ блюдомъ, глашатай
Мяса варенаго часть имъ, и хлѣбъ, изъ корзины имъ взятый.
Вслѣдъ за Эвмеемъ явился и самъ Одиссей богоравный
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, съ бѣдной котомкою, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ;
Сѣлъ онъ въ дверяхъ на порогѣ, спиной прислонился къ дубовой
Притолкѣ (выскоблилъ плотно скобелью плотникъ искусный
Гладко ее, напередъ топоромъ по шнуру обтесавши).
Тутъ свинопасу Эвмею сказалъ Телемакъ, подавая
Хлѣбъ, изъ корзины межъ лучшими взятый, и вкуснаго мяса,
Сколько въ обѣихъ горстяхъ умѣститься могло:—Отнеси ты
Это, Эвмей, старику и, скажи, чтобъ потомъ обошелъ онъ
Всѣхъ жениховъ, и у нихъ попросилъ подаянья—стыдливымъ
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично.—
Такъ онъ сказалъ и Эвмей повинуясь, пошелъ къ Одиссею.
Близко къ нему приступивши, онъ бросилъ крылатое слово:—
Это прислалъ Телемакъ; и велѣлъ онъ сказать, чтобъ потомъ ты
Всѣхъ обойдя жениховъ, попросилъ подаянья—стыдливымъ
Нищему быть, говоритъ онъ, въ жестокой нуждѣ неприлично.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Зевсъ да пошлетъ благоденствіе между людьми Телемаку,
Давъ совершиться всему, что теперь замышляетъ онъ въ сердцѣ!—
Такъ онъ сказалъ, и, обѣими взявши руками подачу,
Мясо и хлѣбъ близъ себя положилъ на убогой котомкѣ.
Началъ онъ ѣсть; той порой вдохновенно запѣлъ передъ гостями
Фемій; когда же тотъ вдоволь наѣлся, а этотъ умолкнулъ—
Начали вновь женихи бушевать; но богиня Аѳина,
Тайно приближась къ Лаэртову сыну, ему повелѣла
Встать и ходить вкругъ столовъ ихъ, прося подаянья: хотѣла
Видѣть она, кто изъ нихъ благодушенъ и кто беззаконникъ;
Въ мысляхъ же всѣхъ безъ изъятія смерти предать назначала.
Вставъ, онъ пошелъ и у каждаго началъ просить подаянья,
Руку къ нему простирая, какъ нищій, скитаться обыкшій.
Съ жалостнымъ сердцемъ они на него въ изумленьи смотрѣли,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришелъ онъ. Сидѣвшій
Съ ними пастухъ козоводовъ, забіяка Мелантій сказалъ имъ:
—Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видѣлъ
Этого нищаго, съ нимъ на дорогѣ сюда повстрѣчавшись;
Думаю, былъ онъ сюда приведенъ свинопасомъ Эвмеемъ;
Самъ же не знаю я, кто и въ какой сторонѣ родился онъ.—
Такъ онъ сказалъ. Антиной на Эвмея съ досадою крикнулъ:
—Ты, свинопасъ, негодяй всѣмъ извѣстный, зачѣмъ ты приводишь
Въ городъ такихъ развращенныхъ бродягъ? Ужъ и здѣшная сволочь
Этихъ столовъ обирателей намъ нестерпимо докучна;
Мало, конечно, тебѣ, что отъ нищихъ домашнихъ всѣ ваши
Гибнутъ запасы—чужого еще ты привелъ къ намъ обжору.—
Такъ, возражая, Эвмей свинопасъ отвѣчалъ Антиною:
—Ты, Антиной, неразумное мнѣ и недоброе молвилъ
Слово теперь. Приглашаетъ ли кто человѣка чужого

Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло:
Или гадателей, или врачей, иль искусниковъ зодчихъ,
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ—
Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди;
Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто пригласитъ произвольно?
Ты же изъ всѣхъ жениховъ Пенелопы къ рабамъ Одиссея
Самый неласковый былъ завсегда, и ко мнѣ особливо;
Я не печалюсь объ этомъ, покуда моя здѣсь царица
Здравствуетъ съ сыномъ своимъ Телемакомъ, моимъ господиномъ.—
Кротко Эвмею сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Полно, Эвмей, замолчи; говорить съ нимъ не долженъ ты много;
Знаешь, какъ скоръ Антиной на обидное слово; онъ любитъ
Ссориться самъ, и другихъ на раздоръ подбиваетъ охотно.—
Тутъ, обратясь къ Антиною, онъ бросилъ крылатое слово:
—Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный печешься,
Другъ Антиной, выгоняя своимъ повелительнымъ словомъ
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ—но будетъ ли Дій тѣмъ доволенъ?
Дай, что захочешь, не спорю я; самъ приглашаю напротивъ;
Матери также моей не страшися; тебя не осудитъ
Здѣсь и никто изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ.
Но, конечно, подобныя мысли тебѣ не приходятъ
Въ сердце: себѣ все берешь ты, другимъ же давать не охотникъ.—
Кончилъ, и гнѣвно ему возразилъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
—Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
Если бъ вотъ это отъ каждаго здѣсь жениха получилъ онъ—
Вѣрно сюда бы три мѣсяца вновь заглянуть не подумалъ.—
Такъ говоря, онъ скамейку схватилъ, на которую ноги
Клалъ подъ столомъ, и грозяся, ее показалъ Одиссею.
Прочіе жъ всѣ подавали, котомку его наполняя
Хлѣбомъ и мясомъ. И много собравъ, Одиссей ужъ готовъ былъ
Сѣсть на порогъ свой, чтобъ данной насытиться пищей; но прежде
Онъ подошелъ къ Антиною и бросилъ крылатое слово:
—Дай мнѣ и ты. Не послѣднимъ тебя здѣсь считаю, но первымъ
Лучшимъ и самымъ знатнѣйшимъ; царю ты подобишься видомъ;
Щедродаянье должно быть тебѣ и приличнѣй и легче
Всѣхъ ихъ; и славить тебя я отнынѣ по всей безпредѣльной
Буду землѣ. Я и самъ межъ людьми не всегда безпріютно
Жилъ; я благоустроеннымъ домомъ владѣлъ и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ, и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ—была, безъ сомнѣнья, святая
Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ добычниковъ поплылъ
Я въ отдаленный Египетъ (онъ тамъ приготовилъ мнѣ гибель).
Въ лонѣ потока Египта легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
Далъ приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство; они, обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтнихъ,
Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружій
Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
Многихъ тогда изъ товарищей мѣдь умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
Я же былъ жителю Крита, въ Египетъ прибывшему, проданъ

Дметору, сыну Эзона, владѣвшаго Кипромъ; въ Итаку
Прибылъ изъ Кипра я, много имѣвъ на пути злоключеній.—
Гнѣвно сказалъ, отвѣчая ему, Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
— Вѣрно намъ Демонъ такую чуму посылаетъ, такую
Порчу пировъ! Отойди отъ стола моего; на срединѣ
Стой тамъ, чтобъ не было хуже тебѣ и Египта и Кипра.
Что за наглецъ неотступный! какой побродяга безстыдный!
Всѣхъ почередно ты здѣсь обошелъ; и тебѣ, что попалось
Подъ руки каждому, подали всѣ, не изъ щедрости: здѣсь имъ
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся жъ
Прочь.—Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
— Горе! такъ видно съ лицомъ у тебя твой разсудокъ несходенъ;
Въ домѣ своемъ ты и соли щепотку мнѣ дать пожалѣлъ бы,
Если ужъ здѣсь, за обѣдомъ чужимъ прохлаждаяся, хлѣба
Корку жалѣешь мнѣ бросить; а столъ вашъ, я вижу, обиленъ.—
Такъ онъ сказалъ. Антиной, разсердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнулъ и бросилъ крылатое слово:
— Если еще грубіянить ты вздумалъ, бродяга, то даромъ
Это тебѣ не пройдетъ, и добромъ ты не выйдешь отсюда.—
Тутъ онъ скамейкой швырнулъ—и жестоко ударила въ спину
Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утесъ, не шатнувшись,
Онъ устоялъ на ногахъ, несраженный ударомъ; онъ только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Къ двери потомъ возвратяся, онъ сѣлъ на порогъ, и, котомку
На полъ съ ѣдой положивши, сказалъ женихамъ:—Обратите
Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Не было бъ въ томъ ни бѣды, ни прискорбія тяжкаго сердцу,
Если бъ кто, за имѣнье свое, за быковъ, за блестящихъ
Шерстью овецъ заступаяся, вытерпѣлъ злые побои;
Мнѣ жъ отъ руки Антиноя побои достались за гнусный,
Жадный и множество бѣдъ приключающій людямъ желудокъ.
Если же боги и мщенье Эринній живутъ и для бѣдныхъ—
Смерть, Антиной, а не бракъ вожделѣнный ты встрѣтишь, обидчикъ.—
Гнѣвно, ему возражая, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
— Ѣшь и молчи, негодяй; иль бѣги неоглядкой отсюда;
Иначе, такъ нагрубивъ мнѣ, ты за ноги будешь рабами
Вытащенъ въ дверь и всѣ кости твои обломаются объ полъ.—
Кончилъ; угрозы его не одобрилъ никто; негодуя,
Такъ говорили иные изъ юношей дерзконадменныхъ:
— Ты, Антиной, поступилъ непохвально, обиду нанесши
Этому нищему; что же, когда онъ одинъ изъ безсмертныхъ?
Боги нерѣдко, облекшися въ образъ людей чужестранныхъ,
Входятъ въ земныя жилища, чтобъ видѣть своими очами,
Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду.—
Такъ женихи говорили; но рѣчи ихъ были напрасны.
Злою обидой глубоко въ душѣ Телемакъ сокрушался
Вмѣстѣ съ обиженнымъ; слезы свои утаивши, онъ только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Но Пенелопа разумная, слыша, что былъ чужеземецъ
Въ домѣ ихъ такъ оскорбленъ, обратяся къ рабынямъ, сказала:
— О, когда бы его поразилъ Аполлонъ сребролукій!—
Ей Эвринома, разумная ключница, такъ отвѣчала:
— Если бы все исполнялось согласно съ желаніемъ нашимъ,
Завтра же свѣтлой денницы изъ нихъ ни одинъ бы не встрѣтилъ.—
Кончила. Ей Пенелопа разумная такъ возразила:
— Правда, мнѣ всѣ ненавистны они, намъ отъ всѣхъ притѣсненье;
Но Антиной наиболѣе съ черною Керою сходенъ:
Принятъ въ нашъ домъ чужеземецъ, и хóдя кругомъ, подаянья
Проситъ у всѣхъ онъ гостей, приневоленный строгой нуждою—

Подали всѣ, и свою онъ наполнилъ котомку; лишь этотъ,
Вмѣсто подачи, въ него, какъ безумный, скамейкою бросилъ.—
Такъ Пенелопа рабынямъ своимъ говорила въ покояхъ
Верхнихъ своихъ. Одиссей же, сидя на порогѣ, обѣдалъ.
Кликнуть къ себѣ повелѣвъ свинопаса, царица сказала:
— Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я съ нимъ
Здѣсь повидаться желаю, чтобъ знать отъ него, не слыхалъ ли
Онъ о супругѣ моемъ и ему не случилось ли гдѣ съ нимъ
Встрѣтиться: кажется мнѣ человѣкомъ онъ много видавшимъ.—
Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
— Если бъ твои женихи хоть на мигъ поутихли, царица,
Милое сердце твое онъ своимъ бы разсказомъ утѣшилъ.
Три дня и три ночи онъ ужъ гоститъ подъ моею убогой
Кровлей; пришелъ же ко мнѣ, съ корабля убѣжавъ отъ ѳеспротовъ.
Мнѣ о своихъ приключеньяхъ еще онъ не кончилъ разсказа;
Но какъ внимаютъ пѣвцу, вдохновенному свыше богами,
Пѣснь о великомъ поющему людямъ, судьбинѣ подвластнымъ,
Въ нихъ возбуждая желаніе слушать его непрестанно,
Такъ я внималъ чужеземцу, сидя передъ нимъ неподвижно;
Съ нимъ Одиссей по отцу, говоритъ онъ, считается гостемъ;
Въ Критѣ широкоравнинномъ, отчизнѣ Миноса, рожденный,
Прибылъ оттолѣ сюда онъ, и много превратностей встрѣтилъ,
Скудно мірскимъ подаяньемъ питаясь; и слышалъ онъ, будто
Края ѳеспротовъ, сосѣдняго съ нашей Итакой, достигнулъ
Царь Одиссей, возвращаяся въ домъ свой съ великимъ богатствомъ.—
Кончилъ. Разумная такъ отвѣчала ему Пенелопа:
— Кликни его самого; я желаю, чтобъ самъ разсказалъ онъ
Все мнѣ подробно, покуда игрой на дворѣ передъ дверью
Или во внутреннихъ горницахъ будутъ они забавляться;
Дома они про себя сберегаютъ свои всѣ запасы,
Хлѣбъ и вино золотое; ихъ тратятъ домашніе люди;
Имъ же удобнѣй, вседневно врываясь въ домъ нашъ толпою,
Нашихъ быковъ и барановъ, и козъ откормленныхъ рѣзать,
Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.
Если же онъ возвратится и снова отчизну увидитъ,
Съ сыномъ своимъ онъ отмститъ имъ за все.—Такъ царица сказала.
Въ это мгновенье чихнулъ Телемакъ и такъ сильно, что въ цѣломъ
Домѣ, какъ громъ раздалось; засмѣявшись, Эвмею, поспѣшно
Кликнувъ его, Пенелопа крылатое бросила слово:
— Добрый Эвмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово мое зачихнулъ Телемакъ; я теперь несомнѣнно
Знаю, что злые мои женихи неизбѣжно погибнутъ
Всѣ: ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и замѣть про-себя, что услышишь:
Если меня безъ обмана онъ доброю вѣстью утѣшитъ,
Мантію дамъ я ему и хитонъ и красивую обувь.—
Кончила. Ей повинуясь, пошелъ свинопасъ къ Одиссею;
Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
— Слушай, отецъ чужеземецъ, разумная наша царица,
Мать Телемака, тебя приглашаетъ къ себѣ; о супругѣ
Хочетъ она разспросить, сокрушаясь о немъ безпрестанно.
Если ее безъ обмана ты доброю вѣстью утѣшишь,
Мантію ты и хитонъ и красивую обувь получишь.
Хлѣбъ же, чтобъ свой успокоить желудокъ, по улицамъ ходя,
Въ городѣ можешь сбирать отъ людей—тамъ подастъ, кто захочетъ.—
Такъ Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
—Все безъ обмана я могъ бы теперь разсказать Пенелопѣ,
Старца Икарія дочери многоразумной; я много
Знаю о мужѣ ея; мы одно съ нимъ терпѣли на свѣтѣ.

Но жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба;
Видѣлъ ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно и мысли
Злой не имѣвшаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой—
Кто жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный
Сынъ Одиссеевъ. Пускай же царица, хотя нетерпѣнье
Въ ней и велико, дождется, чтобъ Геліосъ скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелаетъ она о супругѣ далекомъ,
Ей разскажу, помѣстясь у огня, чтобъ согрѣться: одѣтъ я
Плохо—то вѣдаешь самъ ты, тебя я здѣсь перваго встрѣтилъ.—
Такъ онъ сказалъ; и Эвмей, повинуясь, пошелъ къ Пенелопѣ;
Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
—Онъ не съ тобою, Эвмей? Для чего же притти не хотѣлъ онъ,
Бѣдный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людямъ стыдится? Стыдливому нищему плохо на свѣтѣ.—
Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
—Нѣтъ; онъ умно разсуждаетъ, и съ нимъ ты должна согласиться;
Онъ, жениховъ необузданно-дерзкихъ, царица, боясь,
Проситъ тебя терпѣливо дождаться, чтобъ Геліосъ скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнѣе будетъ,
Если его ты одна обо всемъ на досугѣ разспросишь.—
Выслушавъ, умная такъ отвѣчала Эвмею царица:
—Странникъ твой, кто бы онъ ни былъ, умно разсуждаетъ; и правъ онъ:
Въ цѣломъ свѣтѣ, нигдѣ посреди земнородныхъ не можно
Встрѣтить людей, столь неистовыхъ, столь беззаконноразвратныхъ.—
Такъ отвѣчала Эвмею она. Свинопасъ богоравный,
Все передавъ ей, пошелъ къ женихамъ; съ Телемакомъ въ столовой
Встрѣтился онъ и, приблизившись, бросилъ крылатое слово
Шопотомъ въ ухо ему, чтобъ его не слыхали другіе:
—Милый, теперь я иду; за свиньями, за домомъ, за всѣми
Въ домѣ запасами должно смотрѣть мнѣ; а ты остороженъ
Будь здѣсь, себя береги, и смотри, чтобъ съ тобой никакого
Зла не случилось: зломысленныхъ много тебя окружаетъ.
Зевсъ да погубитъ ихъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!—
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Добрый совѣтъ ты даешь мнѣ, отецъ; но ты самъ, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру съ отборной свиньею.
Боги мой умъ просвѣтятъ и меня надоумятъ, что дѣлать.—
Такъ отвѣчалъ Телемакъ. Свинопасъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ; поужинавъ сытно и свой удовольствовавъ голодъ,
Въ поле пошелъ онъ къ свиньямъ острозубымъ, оставивши царскій
Домъ, оглашаемый шумомъ пирующихъ; пѣньемъ и пляской
Тамъ веселились. Тѣмъ временемъ темная ночь наступила.

ПѢСНЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Бой Одиссея съ Иромъ. Онъ напрасно совѣтуетъ Анфиному разстаться съ женихами. Пенелопа подаетъ имъ надежду на скорый бракъ; они приносятъ ей подарки. Меланто оскорбляетъ Одиссея. Эвримахъ бросаетъ въ него скамейкой. Женихи расходятся по домомъ.

Въ двери вошелъ тутъ одинъ всѣмъ извѣстный бродяга; шатаясь
По міру, скуднымъ онъ жилъ подаяньемъ, и въ цѣлой Итакѣ
Славенъ былъ жаднымъ желудкомъ своимъ, и нахальствомъ и пьянствомъ;
Силы однако большой не имѣлъ онъ, хотя и высокъ былъ
Ростомъ. По имени слылъ Арнеономъ (такъ матерью названъ
Былъ при рожденьи), но въ городѣ вся молодежь величала
Иромъ его, потому что у всѣхъ онъ тамъ былъ на посылкахъ.
Въ двери вступивъ, Одиссея онъ сталъ принуждать, чтобъ покинулъ
Домъ свой, и бросилъ ему, раздраженный, крылатое слово:
—Прочь отъ дверей, старикашка, иль за ноги вытащенъ будешь;
Развѣ не видишь, что всѣ мнѣ мигаютъ, меня понуждая
Вытолкать въ двери тебя; но марать понапрасну своихъ я
Рукъ не хочу: убирайся, иль дѣло окончится дракой.—

Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный;
—Ты сумасбродъ, я не дѣлаю зла никому здѣсь, и сколько бъ
Тамъ кто ни подалъ тебѣ, я не стану завидовать; оба
Можемъ на этомъ порогѣ сидѣть мы просторно; нѣтъ нужды
Споръ заводить намъ. Ты, вижу, такой же, какъ я, безпріютный
Странственникъ; бѣдны мы оба. Лишь боги даруютъ богатство.
Воли однако рукамъ не давай; не совѣтую; старъ я:
Но, разсердяся, всю грудь у тебя разобью и все рыло
Въ кровь; и просторнѣе будетъ тогда мнѣ на этомъ порогѣ
Завтра, понеже ужъ, думаю, ты не придешь во второй разъ
Властвовать въ домѣ царя Одиссея, Лаэртова сына.—
Иръ въ несказанной досадѣ воскликнулъ, ему отвѣчая:
— Онъ же прожора и умничать вздумалъ! не хуже стряпухи
Старой лепечетъ! постой же; тебя проучить мнѣ порядкомъ
Должно, принявъ въ кулаки и изъ челюстей зубы повыбивъ
Всѣ у тебя, какъ у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно жъ сидѣть; выходи, покажи намъ свое здѣсь умѣнье;
Вотъ поглядимъ мы, ты сладишь ли съ тѣмъ, кто тебя посильнѣе.—
Такъ межъ обоими нищими въ бранныхъ словахъ загорѣлась
Ссора на гладкомъ порогѣ дверей. То примѣтила прежде
Всѣхъ Антиноева сила святая. И съ хохотомъ громкимъ
Онъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ: —Друзья, поглядите,
Что тамъ въ дверяхъ происходитъ. Подобнаго мнѣ не случалось
Видѣть нигдѣ; намъ чудесную Дій посылаетъ забаву:
Съ старымъ бродягой поссорился Иръ, и, конечно, ужъ скоро
Драка тамъ будетъ; пойдемъ поскорѣе, намъ должно стравить ихъ.—
Такъ онъ сказалъ; женихи, засмѣявшись, вскочили поспѣшно
Съ мѣстъ и соперниковъ, грязнымъ одѣтыхъ тряпьемъ, обступили.
Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:
—Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежатъ тамъ на угольяхъ, сами на ужинъ
Ихъ для себя отложили мы, жиромъ и кровью наливши;
Я предлагаю, чтобъ тотъ, кто изъ двухъ побѣдителемъ будетъ,
Взялъ для себя изъ желудковъ обжаренныхъ лучшій: потомъ мы
Будемъ вседневно его приглашать и къ обѣду; другимъ же
Нищимъ сбирать здѣсь столовыя крохи впередъ не дозволимъ.—
Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложенье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
—Въ бой выходить съ молодымъ старику, изнуренному въ силахъ
Нищенской жизнію, трудно, друзья; но докучный желудокъ
Нудитъ меня согласиться, хотя бъ и стерпѣть здѣсь побои.
Слушайте жъ то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мнѣ, что потворствуя Иру, никто на меня не подыметъ
Рукъ и сопернику верхъ надо мной одержать не поможетъ.—
Такъ говорилъ Одиссей; женихи поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,
Слово къ отцу обративши, сказалъ Телемакъ богоравный:
—Если ты самъ добровольно желаешь и смѣло рѣшился
Выступить въ бой съ нимъ, то страха не долженъ имѣть: кто посмѣетъ
Руку поднять на тебя, тотъ съ собою здѣсь многихъ поссоритъ.
Я здѣсь хозяинъ, защитникъ гостей, и, конечно, со мною
Будутъ теперь заодно Антиной, Эвримахъ и другіе.—
Такъ онъ сказалъ. Женихи согласились. Тогда сынъ Лаэртовъ
Рубище снялъ и себя имъ, пристойность храня, опоясалъ.
Тутъ обнаружились крѣпкія ляжки, широкія плечи,
Твердая грудь, жиловатыя руки, и сдѣлала выше
Ростомъ его, непримѣтно къ нему подошедши, Аѳина.
Всѣ женихи на него съ изумленьемъ великимъ смотрѣли;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
—Иру бѣда; за нахальство теперь онъ заплатитъ. Какія
Крѣпкія мышцы подъ рубищемъ этого нищаго скрыты!—

Такъ говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясавъ, рабы притащили насильно;
Блѣдный, дрожащій отъ страха, едва на ногахъ онъ держался.
Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
—Лучше тебѣ, хвастуну, умереть иль совсѣмъ не родиться
Было бы, если теперь такъ дрожишь, такъ безстыдно робѣешь
Ты передъ этимъ, измученнымъ бѣдностью, старымъ бродягой.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно:

Если тебя побѣдитъ онъ и силой своей одолѣетъ,
Будешь ты брошенъ на черный корабль и на твердую землю
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
Уши и носъ безпощадно мѣдью тебѣ онъ обрѣжетъ,
Въ крохи изрубитъ тебя и собакамъ отдастъ на съѣденье.—
Такъ говорилъ онъ. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тутъ спросилъ Одиссей богоравный:
—Сильно ль ударить его кулакомъ, чтобъ издохъ онъ на мѣстѣ?
Или несильнымъ ударомъ его опрокинуть?" Обдумавъ
Все, напослѣдокъ онъ выбралъ несильный ударъ, поелику
Иначе могъ бы въ сердцахъ жениховъ возбудить подозрѣнье.
Оба тутъ вышли; въ плечо кулакомъ Одиссея ударилъ
Иръ. Одиссей же его по затылку близъ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртомъ; онъ, завывъ, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Объ полъ онъ пятками билъ. Женихи же, всплеснувши руками,
Всѣ помирали отъ смѣха. А сынъ благородный Лаэртовъ,
За ногу Ира схвативъ, черезъ двери и портикъ къ воротамъ
Дома его черезъ дворъ протащилъ; и, его приневоливъ
Сѣсть тамъ, спиною къ стѣнѣ прислонилъ, суковатую палку
Втиснулъ ему полумертвому въ руки и гнѣвное бросилъ
Слово:—Сиди здѣсь, собакъ и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать въ домѣ чужомъ не пытайся впередъ, высылая

Нищихъ оттуда, самъ нищій бродяга: иль будетъ съ тобою
Хуже бѣда.—Онъ сказалъ и, на плечи набросивъ котомку,
Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ,
Къ двери своей возвратился и сѣлъ на порогѣ. А гости
Встрѣтили смѣхомъ его и, къ нему подступивши, сказали:
—Молимъ мы Зевса и вѣчныхъ боговъ, чтобъ они совершили
Все то, чего наиболѣ теперь ты желаешь, о чемъ ты
Молишь ихъ самъ; навсегда ты избавилъ отъ злого прожоры
Край нашъ. Онъ нами немедленно будетъ на твердую землю
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.—
Такъ женихи говорили; былъ радъ Одиссей прорицанью.
Съ угольевъ снявши желудокъ, наполненный жиромъ и кровью,
Подалъ Лаэртову сыну его Антиной; и два хлѣба
Взявъ изъ корзины, принесъ ихъ ему Анфиномъ; онъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и сказалъ Одиссею, его поздравляя:
—Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! теперь нищетою
Ты удрученъ; да пошлютъ, наконецъ, и тебѣ изобилье
Боги!—Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Ты, Анфиномъ, благомыслящій юноша, вижу я; знатенъ
Твой благородный отецъ, повсемѣстно молвою хвалимый,
Низъ, уроженецъ Дулихія многобогатый; его ты
Сынъ, мнѣ сказали; и самъ испыталъ я, сколь ты добродушенъ.
Слушай же, другъ, и размысли, размысли о томъ, что услышишь:
Все на землѣ измѣняется, все скоротечно; всего же,
Что ни цвѣтетъ, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоротечнѣй;
Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не помыслитъ, покуда
Счастіемъ боги лелѣютъ его и стоитъ на ногахъ онъ;
Если жъ бѣду ниспошлютъ на него всемогущіе боги,
Онъ негодуетъ, но твердой душой неизбѣжное сноситъ:
Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ обитающимъ людямъ,
Что бъ ни послалъ намъ Кроніонъ, владыка безсмертныхъ и смертныхъ.
Нѣкогда славенъ и я межъ людьми былъ великимъ богатствомъ;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовалъ много
Я, на отца и возлюбленныхъ братьевъ своихъ полагаясь.
Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяетъ неправду!
Должно въ смиреньи, напротивъ, дары отъ боговъ принимать намъ.
Вижу, какъ здѣсь женихи, самовластно безчинствуя, губятъ
Все достоянье царя и наносятъ обиды супругѣ
Мужа, который, я мыслю, недолго съ семьей и съ отчизной
Будетъ въ разлукѣ. Онъ близко. О, другъ, да хранительный Демонъ
Вóвремя въ домъ твой тебя уведетъ, чтобъ ему на глаза ты
Здѣсь не попался, когда возвратится въ отеческій домъ онъ.
Здѣсь не пройдетъ безъ пролитія крови, когда съ женихами
Станетъ вести свой расчетъ онъ, вступя подъ домашнюю кровлю.—
Такъ онъ сказалъ и вина золотого, свершивъ возліянье,
Выпилъ; и кубокъ потомъ возвратилъ Анфиному. И тихимъ
Шагомъ пошелъ Анфиномъ съ головой наклоненной, съ печалью
Милаго сердца, какъ-будто предчувствіемъ бѣдствія полный;
Но не ушелъ отъ судьбы онъ; его оковала Паллада,
Пасть отъ копья Телемакова вмѣстѣ съ другими назначивъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой опять, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Тутъ свѣтлоокая дочь громовержца вложила желанье
Въ грудь Пенелопы разумной супруги Лаэртова сына
Выйти, дабы, женихамъ показавшись, сильнѣйшимъ желаньемъ
Сердце разжечь имъ, въ очахъ же супруга и милаго сына
Болѣ, чѣмъ прежде, явиться достойною ихъ уваженья.
Такъ, улыбнуться уста приневоливъ, она Эвриномѣ
Ключницѣ старой, сказала:—Хочу я, чего не входило
Прежде мнѣ въ умъ, женихамъ ненавистнымъ моимъ показаться;
Также хочу и совѣтъ тамъ подать Телемаку, чтобъ болѣ

Съ шайкою ихъ, многобуйныхъ грабителей, онъ не водился;
Добры они на словахъ, но не добрыя мысли въ умѣ ихъ.—
Ей Эвринома, усердная ключница, такъ отвѣчала:
—То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
Выдь къ нимъ и милому сыну подай откровенно совѣтъ свой.
Прежде однако омойся, натри благовоннымъ елеемъ
Щеки; тебѣ не годится съ лицомъ, безобразнымъ отъ плача,
Къ нимъ выходить: красота увядаетъ отъ скорби всегдашней.
Сынъ же твой милый созрѣлъ, и тебѣ, какъ молила ты, боги
Дали увидѣть его съ бородою расцвѣтшаго мужа.—
Ключницѣ вѣрной отвѣтствуя, такъ Пенелопа сказала:
—Нѣтъ, никогда, Эвринома, для нихъ ненавистныхъ не буду
Я омываться и щекъ натирать благовоннымъ елеемъ.
Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
Въ самый тотъ часъ, какъ пошелъ Одиссей въ отдаленную Трою.
Но позови Гипподамію, съ ней пускай Автоноя
Также придетъ, чтобъ меня проводить въ пировую палату:
Къ нимъ не пойду я одна, то стыдливости женской противно.—
Такъ говорила царица. Поспѣшно пошла Эвринома
Кликнуть обѣихъ служанокъ, чтобъ тотчасъ послать къ госпожѣ ихъ.
Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Аѳины Паллады:
Сну-мироносцу велѣла богиня сойти къ Пенелопѣ.
Сонъ прилетѣлъ и ее улелѣялъ, и все въ ней утихло.
Въ креслахъ она неподвижно сидѣла; и ей, усыпленной,
Все, чѣмъ плѣняются очи мужей, даровала богиня:
Образъ ея просіялъ той красой несказанной, какою
Въ пламенно-быстрой и въ сладостно-томной съ Харитами пляскѣ
Образъ Киприды, вѣнкомъ благовоннымъ вѣнчанной, сіяетъ;
Стройный ея возвеличился станъ, и все тѣло нѣжнѣе,
Чище, свѣжей и блистательнѣй сдѣлалось кости слоновой.
Такъ одаривши ее, удалилась богиня Аѳина.
Но бѣлорукія обѣ рабыни, взбѣжавши поспѣшно
Въ горницу, шумомъ нарушили сладостный сонъ Пенелопы.
Щеки руками съ просонья протерши, она имъ сказала:
— Какъ же я сладко заснула въ моемъ сокрушеньи! О, если бъ
Мнѣ и такую же сладкую смерть принесла Артемида
Въ это мгновенье, чтобъ я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не вѣдая, гдѣ Одиссей, гдѣ супругъ мой,
Доблестью всякой украшенный, между ахеянъ славнѣйшій.—
Кончивъ, по лѣстницѣ внизъ Пенелопа сошла; вслѣдъ за нею
Обѣ служанки сошли; и она, божество красотою,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ
(Справа и слѣва почтительно стали служанки). Колѣна
Ихъ задрожали при видѣ ея красоты, и сильнѣе
Вспыхнуло въ каждомъ желаніе ложе ея раздѣлить съ ней.
Сына къ себѣ подозвавши, его Пенелопа спросила:
—Сынъ мой, скажи мнѣ, ты въ полномъ ли разумѣ? Въ возрастѣ дѣтскомъ
Былъ ты умнѣй и приличіе всякое болѣе вѣдалъ.
Нынѣ жъ ты мужеской силы достигнулъ, и кто ни посмотритъ
Здѣсь на тебя, чужеземецъ ли, здѣшній ли, каждый породу
Мужа великаго въ свѣтлой твоей красотѣ угадаетъ.
Гдѣ же, однако, твой умъ? Ты совсѣмъ позабылъ справедливость.
Дѣло безчинное здѣсь у тебя на глазахъ совершилось;
Этого странника въ домѣ своемъ допустилъ ты обидѣть;
Что же? Когда чужеземецъ, довѣрчиво твой посѣтившій
Домъ, оскорбленный тамъ будетъ сидѣть, и ругаться имъ станетъ
Всякій—постыдный упрекъ отъ людей на себя навлечешь ты.—
Матери такъ отвѣчалъ благомысленный сынъ Одиссеевъ:
—Милая мать, твой упрекъ справедливъ; на него не могу я

Сѣтовать. Нынѣ я все понимаю; и мнѣ ужъ нетрудно
Зло отличить отъ добра; изъ ребячества вышелъ я, правда;
Но не всегда и теперь удается мнѣ лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводятъ мой умъ въ безпорядокъ;
Злое одно замышляютъ они; у меня жъ руководца
Нѣтъ. Но сраженіе странника съ Иромъ не ихъ самовольствомъ
Было устроено; высшая здѣсь обнаружилась воля.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Всѣ женихи многобуйные въ нашей обители нынѣ,
Кто на дворѣ, кто во внутреннихъ дома покояхъ, сидѣли,
Головы свѣсивъ на грудь, всѣ избитые, такъ же, какъ этотъ
Иръ побродяга, теперь за воротами дома сидящій!
Трепетной онъ головою мотаетъ, какъ пьяный; не можетъ
Прямо стоять на ногахъ, ни сидѣть, ни подняться, чтобъ въ домъ свой
Медленнымъ шагомъ добресть черезъ силу; совсѣмъ онъ изломанъ.—
Такъ про-себя говорили они, отъ другихъ въ отдаленьи.
Тутъ, обратясь къ Пенелопѣ, сказалъ Эвримахъ благородный:
—О, многоумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Если бъ могли всѣ ахейцы Язійскаго Аргоса нынѣ
Видѣть тебя, жениховъ бы двойное число собралося
Въ домѣ твоемъ пировать. Превосходишь ты всѣхъ земнородныхъ
Женъ красотой и возвышеннымъ станомъ и разумомъ свѣтлымъ.—
Такъ говорилъ Эвримахъ. Пенелопа ему отвѣчала:
—Нѣтъ, Эвримахъ, красоту я утратила волей безсмертныхъ
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ ахейцы
Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.
Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся
Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна.
Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.
Въ самый тотъ часъ, какъ отчизну свою онъ готовъ былъ покинуть,
Взявши за правую руку меня, онъ сказалъ на прощаньи:—
Думать не должно, чтобъ воинство мѣднообутыхъ ахеянъ
Все безъ урона изъ Трои въ отчизну свою возвратилось;
Слышно, что въ боѣ отважны троянскіе мужи, что копья
Мѣтко бросаютъ; въ стрѣляніи изъ лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье межъ двухъ равносильныхъ
Ратей рѣшащими разомъ, конями владѣютъ. Навѣрно
Знать не могу я, позволитъ ли Дій возвратиться сюда мнѣ,
Или погибель я въ Троѣ найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись объ отцѣ и о матери милой
Такъ же усердно, какъ прежде, и даже усерднѣй: понеже
Буду не здѣсь я; когда же нашъ сынъ возмужаетъ, ты замужъ
Выдь, за кого пожелаешь, и домъ нашъ покинь. На прощаньи
Такъ говорилъ Одиссей мнѣ; и все ужъ исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистнаго сердцу
Брака наступитъ для бѣдной меня, всѣхъ земныхъ утѣшеній
Зевсомъ лишенной. На сердцѣ моемъ несказанное горе.
Въ прежнее время обычай бывалъ, что, когда начинали
Свататься, знатнаго рода вдову иль богатую дѣву
Выбравъ, одинъ предъ другимъ женихи отличиться старались;
Въ домъ приводя къ нареченной невѣстѣ быковъ и барановъ,
Тамъ угощали они всѣхъ друзей; и невѣсту дарили
Щедро; чужое жъ имущество тратить безъ платы стыдились.—
Кончила. Въ грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было пріятно ему, что отъ нихъ пожелала подарковъ,
Льстя имъ словами, душою же ихъ ненавидя, царица.
Ей отвѣчая, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ надменный:
—О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Всякій подарокъ, тебѣ отъ твоихъ жениховъ подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарятъ намъ.

Мы же, ты знай, не пойдемъ отъ тебя ни домой ни въ иное
Мѣсто, пока ты изъ насъ по желанью не выберешь мужа.—
Такъ говорилъ Антиной; согласилися всѣ съ нимъ другіе.
Каждый потомъ за подаркомъ глашатая въ домъ свой отправилъ.
Посланный длинную мантію съ пестрымъ шитьемъ Антиною
Подалъ; двѣнадцать застежекъ ее золотыхъ украшали,
Каждая съ гибкимъ крючкомъ, чтобъ въ кольцо задѣваясь, держалъ онъ
Мантію. Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ искусствомъ,
Свѣтлыхъ какъ солнце, большихъ янтарей принесли Эвримаху.
Серьги—изъ трехъ, съ шелковичной пурпурною ягодой сходныхъ
Шариковъ каждая—подалъ проворный слуга Эвридаму;
Былъ молодому Пизандру, Поликтора умнаго сыну,
Женскій уборъ принесенъ, ожерелье богатое; столь же
Были не скупы и прочіе всѣ на подарки. Принявъ ихъ,
Вверхъ по ступенямъ высокимъ обратно пошла Пенелопа,
Съ ней удалились, подарки неся, и младыя рабыни.
Тѣ же, опять обратившися къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
Три по срединѣ палаты поставивъ жаровни, наклали
Много полѣньевъ туда, изощренной нарубленныхъ мѣдью,
Мелкихъ, сухихъ, и лучиной тонкой зажгли ихъ, смолистыхъ
Факеловъ къ нимъ подложивши. Смотрѣть за огнемъ почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И съ ними
Такъ говорить Одиссей хитромысленный началъ:—Подите,
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда въ покои
Вашей царицы, Икарія дочери многоразумной;
Сядьте съ ней, тонкія нити сучите, и волну руками
Дергайте, горе ея развлекая своимъ разговоромъ.
Я же останусь смотрѣть за огнемъ, и свѣтло здѣсь въ палатѣ
Будетъ, хотя бы они до утра пировать здѣсь остались;
Имъ не удастся меня утомить; я терпѣть научился.—
Такъ говорилъ онъ. Рабыни одна на другую взглянули
Съ громкимъ смѣхомъ; и грубо ему отвѣчала Меланто,
Дочь Доліона (ее воспитала сама Пенелопа
Съ дѣтства, и много игрушекъ и всякихъ ей лакомствъ давала;
Сердце жъ ея нечувствительно было къ печалямъ царицы;
Тайно любовный союзъ съ Эвримахомъ она заключила):
Такъ отвѣчала она Одиссею ругательнымъ словомъ:
—Видно, совсѣмъ потерялъ ты разсудокъ, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузницѣ, или въ закутѣ,
Или въ шинкѣ, здѣсь, конечно, пріютнѣй тебѣ; на слова ты
Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ; и душою не робокъ;
Знать, отъ вина помутился твой умъ, иль быть-можетъ, такой ужъ
Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать иль, осиливъ
Бѣднаго Ира, такъ поднялъ ты носъ—берегися однако;
Можетъ съ тобою здѣсь встрѣтиться кто-нибудь Ира сильнѣе;
Зубы твои всѣ своимъ кулакомъ онъ желѣзнымъ повыбьетъ;
Вытолкнутъ въ дверь по затылку имъ будешь ты, кровью облитый.—
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака;
Въ мелкія части болтунью тебя искрошить онъ прикажетъ.—
Слово его испугало рабынь; и онѣ во мгновенье
Всѣ изъ палаты ушли; ихъ колѣна дрожали отъ страха;
Думали всѣ, что на дѣлѣ исполнится то, что сказалъ имъ
Странникъ. А онъ у жаровенъ стоялъ, наблюдая, чтобъ ярче
Пламя горѣло; и глазъ не сводилъ съ жениховъ, имъ готовя
Мыслію все, что потомъ и на самомъ исполнилось дѣлѣ.
Той порой жениховъ и Аѳина сама возбуждала
Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
Такъ говорить Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ (обидѣть

Словомъ своимъ Одиссея, другихъ разсмѣшивши, хотѣлъ онъ):
—Слухъ вашъ склоните ко мнѣ, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Этотъ нашъ гость, безъ сомнѣнія, Демономъ посланъ, чтобъ было
Намъ за трапезой свѣтлѣй; не отъ факеловъ такъ все сіяетъ
Здѣсь, но отъ плѣши его, на которой нѣтъ волоса болѣ.—
Такъ онъ сказалъ и потомъ, обратясь къ Одиссею, промолвилъ:
—Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ наняться
Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя;
Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работникъ, привыкнувъ
Къ лѣни, безъ дѣла бродя и мірскимъ подаяньемъ питаясь;
Даромъ свой жадный желудокъ кормить для тебя веселѣе.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Если бъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мнѣ поспорить работой,
Если бъ весною, когда продолжительнѣй быть начинаютъ
Дни, по косѣ одинаково острой обоимъ намъ дали
Въ руки, чтобъ вмѣстѣ работая съ самаго ранняго утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или когда бы, запрягши намъ въ плугъ двухъ быковъ круторогихъ,
Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ тучной травою, могучей
Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно работящихъ,
Дали четыре намъ поля вспахать для посѣва, тогда бы
Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды плугъ мой
Поле изрѣзалъ. А если бъ войну запалилъ здѣсь Кроніонъ
Зевсъ и мнѣ дали бы щитъ, два копья мѣднoострыхъ и мѣдный
Кованый шлемъ, чтобъ моей головѣ былъ надежной защитой,
Первымъ въ сраженьи меня ты тогда бы увидѣлъ; тогда бы
Мнѣ ты не сталъ попрекать ненасытностью жадной желудка;
Но человѣкъ ты надменный; твое непріязненно сердце;
Самъ же себя, Эвримахъ, ты считаешь великимъ и сильнымъ
Лишь потому, что находишься въ обществѣ низкихъ и слабыхъ.
Если бъ однако, нежданный никѣмъ Одиссей намъ явился—
Сколь ни просторная плотникомъ сдѣлана дверь здѣсь, она бы
Узкой тебѣ, неоглядкой бѣгущему, вдругъ показалась.—
Онъ замолчалъ. Эвримахъ, разсердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнулъ и слово крылатое бросилъ:
—Вотъ погоди, я съ тобою раздѣлаюсь, грязный бродяга:
Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ и не робокъ душой ты;
Видно вино помутило твой умъ, иль, быть-можетъ, такой ужъ
Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать иль, осиливъ
Бѣднаго Ира, такъ сдѣлался гордъ—берегися однако.—
Такъ онъ сказалъ и скамейку схватилъ, чтобъ пустить въ Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, къ колѣнамъ припалъ Апфинома;
Мимо его прошумѣвъ, виночерпія сильно скамейка
Въ правую треснула руку, и чаша, въ ней бывшая, на полъ
Грянулась; тотъ, опрокинутый, навзничь упалъ, застонавши.
Начали громко шумѣть женихи въ потемнѣвшей палатѣ;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
—Лучше бы было, когда бъ, до прихода къ намъ этотъ незваный
Гость на дорогѣ издохъ, не завелъ бы у насъ онъ такого
Шума. Теперь мы за нищаго ссоримся; пиръ нашъ испорченъ;
Кто при великомъ раздорѣ такомъ веселиться захочетъ?—
Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
—Буйные люди, вы всѣ помѣшались; не можете болѣ
Скрыть вы, что хмель обуялъ васъ. Знать Демонъ какой поджигаетъ
Всѣхъ на раздоръ; пировали довольно вы, спать ужъ пора вамъ;
Можетъ, кто хочетъ, уйти; принуждать никого я не буду.—

Такъ онъ сказалъ. Женихи закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
Низовъ блистательный сынъ, отъ Аратовой царственной крови:
—Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
Стараго странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
Пусть виночерпій опять намъ наполнитъ виномъ благовоннымъ
Кубки, чтобъ мы, возліявъ, на покой по домамъ разошлися;
Странника жъ здѣсь ночевать въ Одиссеевомъ домѣ оставимъ,
На руки сдавъ Телемаку: онъ гость Телемакова дома.—
Такъ Анфиномъ говорилъ, и понравилось всѣмъ, что сказалъ онъ.
Тутъ Муліонъ, дулихійскій глашатай слуга Анфиномовъ,
Мужъ благородной породы, вина намѣшавши въ кратеры,
Кубки наполнилъ до края и подалъ гостямъ; совершивши
Имъ возліянье блаженнымъ богамъ, осушили всѣ кубки
Гости; когда жъ, совершивъ возліянье, виномъ насладились
Вдоволь они, пошли по домамъ, чтобъ предаться покою.

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ОСЬМОГО ДНЯ.

Одиссей вмѣстѣ съ Телемакомъ выноситъ оружія изъ столовой, потомъ остается одинъ. Меланто снова его оскорбляетъ. Онъ разсказываетъ Пенелопѣ вымышленную о себѣ повѣсть и увѣряетъ ее, что Одиссей скоро возвратится въ домъ свой. Эвриклея узнаетъ его по рубцу на ногѣ; онъ повелѣваетъ ей молчать. Пенелопа разсказываетъ ему сонъ, потомъ говоритъ, что отдастъ руку свою тому изъ жениховъ, который побѣдитъ другихъ стрѣльбою изъ Одиссеева лука; наконецъ, Пенелопа удаляется.

Всѣ разошлися; одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Аѳиной остался.
Съ нимъ Телемакъ; и сказалъ онъ, къ нему обратяся:—Мой милый
Сынъ, напередъ надлежитъ всѣ оружія вынесть отсюда.
Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ какъ прежде оружій,
Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей при отбытіи въ Трою покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.
Также и высшую въ сердце вложилъ мнѣ Зевесъ осторожность:
Можетъ межъ вами отъ хмеля вражда загорѣться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится—
Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.—
Такъ онъ сказалъ. Телемакъ, повинуясь родителя волѣ,
Кликнулъ старушку, усердную няню свою, Эвриклею;
—Няня, сказалъ онъ, смотри, чтобъ служанки сюда не входили
Прежде, покуда на верхъ не отнесъ я отцовыхъ оружій;
Здѣсь безъ присмотра они, всѣ испорчены дымомъ; отца же
Нѣтъ. Я донынѣ ребенокъ безсмысленный былъ, но теперь я
Знаю, что должно отнесть ихъ туда, гдѣ не можетъ ихъ портить
Копоть.—Сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
—Дѣльно! пора, мой прекрасный, за разумъ приняться и дома
Быть господиномъ, и знать обходиться съ отцовымъ богатствомъ.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкамъ ихъ горницъ,
Факеломъ будетъ зажженнымъ тебѣ здѣсь свѣтить за работой?—
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
— Этотъ старикъ; не трудяся, никто, и хотя бъ онъ чужой былъ,
Въ домѣ моемъ, получая нашъ кормъ, оставаться не долженъ.—
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
Тотчасъ она. Одиссей съ Телемакомъ тогда принялися
Мѣдные съ гребнями шлемы, съ горбами щиты, съ остреями
Длинными копья на верхъ выносить; и Аѳина Паллада
Имъ невидимо, держа золотую лампаду, свѣтила.
Тѣмъ изумленный, сказалъ Телемакъ Одиссею:—Родитель,

Въ нашихъ очахъ происходитъ великое, думаю, чудо;
Гладкія стѣны палаты, сосновые средніе брусья,
Всѣ потолка перекладины, всѣ здѣсь колонны такъ ясно
Видны глазамъ, такъ блистаютъ, какъ-будто объ пожаръ былъ кругомъ ихъ—
Видно, здѣсь кто изъ боговъ Олимпійскихъ присутствуетъ тайно?—
Такъ онъ спросилъ; отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный
Сыну:—Молчи, ни о чемъ не разспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой ужъ имѣютъ обычай.
Время тебѣ на покой удалиться, а я здѣсь останусь:
Видѣть хочу поведенье служанокъ; хочу въ Пенелопѣ
Сердце встревожить, чтобъ, плача, меня обо всемъ разспросила.—
Такъ онъ сказалъ. Телемакъ изъ палаты немедленно вышелъ;
Факель зажженный неся, онъ пошелъ въ тотъ покой почивальный,
Гдѣ по ночамъ миротворному сну предавался обычно.
Въ спальню пришедшій, онъ легъ и заснулъ въ ожиданьи денницы.
Тою порою одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Палладой остался.
Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой
Сходная. Сѣсть ей къ огню пододвинули стулъ, изъ слоновой
Кости точеный, съ оправой серебряной, чудной работы
Икмаліона (для ногъ и скамейку придѣлалъ художникъ
Къ дивному стулу). Онъ мягкоширокой покрытъ былъ овчиной.
Многоразумная сѣла на стулъ Пенелопа. Вступивши
Съ ней бѣлорукія царскаго дома служанки въ палату,
Начали всѣ убирать тамъ столы съ недоѣденнымъ хлѣбомъ.
Кубки и множество чашъ, изъ которыхъ надменные гости
Пили; и выбросивъ на полъ золу изъ жаровенъ, наклали
Новыхъ полѣньевъ туда, чтобъ нагрѣлась палата и былъ въ ней
Свѣтъ. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:
—Здѣсь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать намъ, бродя здѣсь какъ тѣнь, чтобъ подмѣтить, что въ домѣ служанки
Дѣлаютъ. Вонъ! говорю я тебѣ, побродяга; наѣлся
Здѣсь ты довольно! уйди, иль швырну я въ тебя головнею.—
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Что жъ такъ неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Иль противно тебѣ, что въ грязи я, что въ рубищѣ бѣдномъ
По міру ходя, прошу подаянья? что жъ дѣлать. Я нищій.
Жребій такой ужъ намъ всѣмъ безотрадно бродящимъ скитальцамъ.
Въ прежніе дни я самъ межъ людьми не совсѣмъ безпріютно
Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много я имѣлъ невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ, и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ—такъ было ему то угодно.
Ты, безразсудная, также (кто знаетъ, какъ скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою такъ здѣсь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпожѣ; да и можетъ
Самъ Одиссей возвратиться—надежда не вовсе пропала;
Если же онъ и погибъ, и возврата лишенъ, то еще здѣсь
Сынъ Одиссеевъ, младой Телемакъ, Аполлоновъ питомецъ,
Здравствуетъ; знаетъ онъ все поведенье служанокъ домашнихъ,
Скрыться не можетъ ничто отъ него; онъ изъ дѣтства ужъ вышелъ.—
Такъ онъ сказалъ. Пенелопа, услышавъ разумное слово,
Рѣчь обратила свою, раздраженная, къ дерзкой служанкѣ:
— Ты, какъ собака, безстыдница, злишься; меня жъ не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Развѣ не слышала ты, какъ сюда пригласить я велѣла
Этого странника, мысля, что можетъ сказать мнѣ какую
Вѣсть о супругѣ моемъ, о которомъ давно такъ я плачу?—

Тутъ обратясь къ Эвриномѣ, сказала она: — Эвринома,
Стулъ пододвинь поскорѣе, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтобъ здѣсь иноземецъ покойно сидѣлъ и свои намъ
Всѣ разсказалъ приключенья, и мнѣ отвѣчалъ на вопросы.—
Такъ говорила она. Эвринома немедленно гладкій
Стулъ принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сѣсть приглашенъ былъ на стулъ Одиссей богоравный женою.
Такъ, обратяся къ нему, начала говорить Пенелопа:
— Странникъ, сначала тебя я сама вопрошу, отвѣчай мнѣ:
Кто ты, мой добрый старикъ? Кто отецъ твой? Кто мать? Гдѣ родился?—
Такъ, отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
— О, царица, повсюду и всѣ на землѣ безпредѣльной,
Люди тебя превозносятъ, ты славой до неба достигла;
Ты уподобиться можешь царю безпорочному; страха
Божія полный, и многихъ людей повелитель могучій,
Правду творитъ онъ; въ его областяхъ изобильно родятся
Рожь и ячмень и пшено, тяготѣютъ плодами деревья,
Множится скотъ на поляхъ, и кипятъ многорыбіемъ воды;
Праведно властвуетъ онъ, и его благоденствуютъ люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всемъ, не касайся
Только отчизны моей и семьи и семейнаго дома:
Горе мнѣ душу глубоко проникнетъ, когда говорить здѣсь
Буду, о нихъ вспоминая; страдалъ я немало. Въ чужомъ же
Домѣ, въ бесѣдѣ съ людьми предаваться слезамъ неприлично.
Слезы напрасны: бѣдамъ не приносятъ онѣ исцѣленья.
Можетъ притомъ и на мысли притти здѣсь рабынямъ, сама ты
Можешь подумать, что слезы отъ хмеля мои происходятъ.—
Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:
— Странникъ, мою красоту я утратила волей безсмертныхъ
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ ахейцы
Въ Трою, и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.
Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся
Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна;
Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣсного Закиноа,
Первые люди утесистой, солнечносвѣтлой Итаки,
Нудятъ упорно ко браку меня и нашъ домъ разоряютъ;
Мнѣ жъ не по сердцу никто; ни просящій защиты, ни странникъ,
Ниже глашатай служитель народа; одинъ есть, желанный
Мной—Одиссей, лишь его неотступное требуетъ сердце.
Тѣ же твердятъ непрестанно о бракѣ; прибѣгнуть къ обману
Я попыталась однажды; и Демонъ меня надоумилъ
Станъ превеликій поставить въ покояхъ моихъ; начала я
Тонкоширокую ткань и, собравъ жениховъ, имъ сказала:
Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ я сказала; они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Цѣлый я день за тканьемъ проводила; а ночью, зажегши
Факелъ, сама все натканное днемъ распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убѣждать ихъ умѣла.
Но когда, обращеньемъ временъ приведенный, четвертый
Годъ совершился, промчалися мѣсяцы, дни пролетѣли—
Все имъ открыла одна изъ служанокъ, лихая собака;
Сами они тутъ застали меня за распущенной тканью:
Такъ и была приневолена ими я трудъ мой окончить.
Способа нѣтъ ужъ теперь избѣжать мнѣ отъ гнуснаго брака;

Хитрости новой на умъ не приходитъ; меня всѣ родные
Нудятъ къ замужству; и сынъ огорчается, видя, какъ домъ нашъ
Грабятъ; а онъ ужъ созрѣлъ и теперь за хозяйствомъ способенъ
Самъ наблюдать, и къ нему уваженье Зевесъ пробуждаетъ
Въ людяхъ. Скажи жъ откровенно мнѣ, кто ты? Ужъ вѣрно не отрасль
Славнаго въ древности дуба, не камень отъ груди утеса.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
—О, многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Вижу, что ты о породѣ моей неотступно желаешь
Свѣдать. Я все разскажу, хоть печаль и усилитъ разсказъ мой
Въ сердцѣ моемъ. Такъ бываетъ со всякимъ, кто долго въ разлукѣ
Съ милой семьей, сокрушенный какъ я, межъ людей земнородныхъ
Странствуетъ, ихъ посѣщая обители, самъ безпріютный.
Но отвѣчать на вопросы твои я съ охотою буду.
Островъ есть Критъ посреди виноцвѣтнаго моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ.
Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь ахеянъ
Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянъ; кидоны
Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые, племя пеласговъ,
Въ городѣ Гноссѣ живущихъ. Едва девяти лѣтъ достигнувъ,
Тамъ ужъ царемъ былъ Миносъ, собесѣдникъ Кроніона мудрый,
Дѣдъ мой, родитель великаго Девкаліона, который
Идоменея родилъ и меня. Въ кораблѣ крутоносомъ
Идоменей, многославный мой братъ, въ отдаленную Трою
Поплылъ съ Атридомъ; мое жъ знаменитое имя Антонъ;
Послѣ него родился я; онъ старшій и властью сильнѣйшій.
Въ Критѣ гостилъ Одиссей; и онъ мною, какъ гость, одаренъ былъ.
Въ Критъ же его занесло буреносною силою вѣтра:
Въ Трою плывя и у мыса Маллеи застигнутый бурей,
Въ устье Амизія ввелъ онъ свой быстрый корабль и въ опасной
Пристани сталъ близъ скалы Элеѳійской, богами спасенный.
Къ Идоменею онъ въ городъ пришелъ, утверждая, что гостемъ
Былъ онъ царю, что его почиталъ и любилъ несказанно.
Но ужъ дней десять прошло иль одиннадцать съ тѣхъ поръ, какъ поплылъ
Царь въ корабляхъ крутоносыхъ въ Троянскую землю. Я принялъ
Вмѣсто царя во дворцѣ Одиссея, и мной угощенъ былъ
Онъ дружелюбно съ великою роскошью: было запасовъ
Много у насъ; и сопутники всѣ Одиссеевы хлѣбомъ,
Собраннымъ съ міра, и огнецвѣтнымъ виномъ и прекраснымъ
Мясомъ быковъ угощаемы досыта были; двѣнадцать
Дней провели богоравные люди ахейскіе съ нами:
Въ море итти не пустилъ ихъ Борей, бушевавшій съ такою
Силой, что было нельзя на ногахъ устоять и на сушѣ;
Демонъ его разъярилъ; на тринадцатый день онъ утихнулъ.
Въ море пустились они.—Такъ неправду за чистую правду
Онъ выдавалъ имъ. И слезы изъ глазъ ихъ лилися; какъ таетъ
Снѣгъ на вершинахъ высокихъ, заоблачныхъ горъ, теплоноснымъ
Эвромъ согрѣтый и прежде туда нанесенный Зефиромъ—
Имъ же, растаяннымъ, рѣки полнѣютъ и льются быстрѣе—
Такъ по щекамъ Пенелопы прекраснымъ струею лилися
Слезы печали о миломъ, предъ нею сидѣвшемъ супругѣ.
Онъ же, глубоко проникнутый горькимъ ея сокрушеньемъ
(Очи свои, какъ желѣзо иль рогъ неподвижные, крѣпко
Въ темныхъ рѣсницахъ сковавъ, и въ нее ихъ вперивъ, не мигая),
Воли слезамъ не давалъ. И насытяся горестнымъ плачемъ,
Такъ напослѣдокъ ему начала говорить Пенелопа:
—Странникъ, я способъ имѣю, тебя испытанью подвергнувъ,
Вывѣдать, подлинно ль ты Одиссея и спутниковъ, бывшихъ
Съ нимъ, угощалъ тамъ въ палатахъ царя, какъ теперь увѣряешь.

Можешь ли мнѣ описать ты какое въ то время носилъ онъ
Платье, каковъ онъ былъ видомъ, и кто съ нимъ спутники были?—
Ей отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
—Трудно отвѣтствовать мнѣ на вопросъ твой, царица; ужъ много
Времени съ этой поры протекло, и тому ужъ двадцатый
Годъ, какъ, мою посѣтивши отчизну, супругъ твой пустился
Въ море; но то, что осталося въ памяти, вамъ разскажу я:
Въ мантію былъ шерстяную, пурпурнаго цвѣта, двойную
Онъ облеченъ; золотою прекрасной съ двойными крючками
Бляхой держалася мантія: мастеръ на бляхѣ искусно
Грознаго пса и въ могучихъ когтяхъ у него молодую
Лань изваялъ; какъ живая, она трепетала и страшно
Песъ на нее разъяренный глядѣлъ, и изъ лапъ порываясь
Выдраться, билась ногами она: въ изумленье та бляха
Всѣхъ приводила. Хитонъ, я примѣтилъ, носилъ онъ изъ чудной
Ткани, какъ плёнка съ головки сушенаго снятая лука,
Тонкой и свѣтлой, какъ яркое солнце; всѣ женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же—замѣть ты—не вѣдаю, гдѣ онъ такую одежду
Взялъ. Надѣвалъ ли ужъ дома ее до отбытія въ Трою?
Въ даръ ли ее получилъ отъ кого изъ своихъ при отъѣздѣ?
Взялъ ли въ подарокъ прощальный, какъ гость? Одиссея любили
Многіе люди; сравниться же мало могло съ нимъ ахеянъ.
Мечъ мѣдноострый, двойную пурпурную мантію, съ тонкимъ,
Сшитымъ по мѣркѣ хитономъ ему подаривъ на прощаньи,
Съ почестью въ путь проводилъ я его въ кораблѣ крѣпкозданномъ.
Съ нимъ находился глашатай: немного постарѣ годами
Былъ онъ; его и теперь описать вамъ могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на тѣлѣ;
Звали его Эвридамомъ; его всѣхъ товарищей болѣ
Чтилъ Одиссей, поелику онъ вѣдалъ, сколь былъ онъ разуменъ.—
Такъ говорилъ онъ. Усилилось горе въ душѣ Пенелопы:
Всѣ Одиссеевы признаки ей описалъ онъ подробно.
Горестнымъ плачемъ о миломъ, далекомъ супругѣ насытясь,
Такъ напослѣдокъ опять начала говорить Пенелопа:
—Странникъ, до сихъ поръ одно сожалѣнье къ тебѣ я имѣла—
Будешь отнынѣ у насъ ты любимъ и почтенъ несказанно.
Платье, которое мнѣ описалъ ты, сама я сложила
Въ складки, доставъ изъ ларца и ему подала, золотою
Бляхой украсивъ. И мнѣ ужъ его никогда здѣсь не встрѣтить
Въ домѣ семейномъ, въ отечествѣ миломъ! зачѣмъ онъ, зачѣмъ онъ
Насъ покидалъ! непріязненный Демонъ его съ кораблями
Въ море увелъ, къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей благоравный:
—О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Нѣжной своей красоты не губи сокрушеньемъ, не сѣтуй
Такъ безутѣшно о миломъ супругѣ. Тебя укорять я
Въ этомъ не буду: нельзя не крушиться женѣ объ утратѣ
Сердцемъ избраннаго мужа, съ которымъ въ любви родились ей
Дѣти; красой же богамъ Одиссей, говорятъ, былъ подобенъ.
Ты успокойся однако и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего отъ тебя не скрывая,
Все объявивъ, что узналъ о прибытіи къ вамъ Одиссея
Въ области тучной ѳеспротовъ, отъ здѣшнихъ береговъ недалёкой.
Живъ онъ; и много везетъ на своемъ кораблѣ къ вамъ сокровищъ,
Собранныхъ имъ отъ различныхъ народовъ; но спутниковъ вѣрныхъ
Всѣхъ онъ утратилъ; его крутобокій корабль, виноцвѣтнымъ
Моремъ отъ знойной Тринакріи плывшій, Зевесъ и блестящій
Геліосъ громомъ разбили своимъ за пожранье священныхъ,
Солнцу любезныхъ быковъ—всѣ погибли въ волнахъ святотатцы.
Онъ же, схватившій оторванный киль корабля, былъ на островъ

Выброшенъ, гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы;
Почесть ему оказали они, какъ безсмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотѣли его проводить. И давно бъ ужъ въ Итакѣ
Былъ онъ; но здраво размысливши, онъ убѣдился, что прежде
Разныя земли ему для скопленья богатствъ надлежало
Видѣть. Никто изъ людей земнородныхъ не могъ съ нимъ сравниться
Въ знаніи выгодъ своихъ и въ разсчетливомъ, тонкомъ разсудкѣ—
Такъ говорилъ мнѣ о немъ царь Федонъ благодушный, который
Послѣ, безсмертнымъ богамъ совершивъ возліянье, поклялся
Мнѣ, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди
Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же
Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ
Былъ для ѳеспротовъ, въ Дулихій обильный пшеницею шедшихъ;
Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей, показалъ онъ.
Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много,
Столько добра имъ оставлено было царю въ сохраненіе.
Самъ же, сказали, пошелъ онъ къ Додону затѣмъ, чтобъ оракулъ
Темносѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,
Какъ по отсутствіи долгомъ въ отчизну, въ желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ.
Живъ онъ, ты видишь сама; и, конечно, здѣсь явится скоро;
Вѣрно теперь и отъ милыхъ своихъ и отъ родины свѣтлой
Онъ недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсомъ, метателемъ грома, отцомъ и владыкой безсмертныхъ,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Вамъ, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я.
Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;
Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,
Вступитъ онъ въ домъ свой.—Ему отвѣчая, сказала царица:
—Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ
Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.
Мнѣ же не то предвѣщаетъ мое сокрушенное сердце:
Нѣтъ! и сюда Одиссей не придетъ, и тебя не отправимъ
Въ путь мы отсюда: недобрые люди здѣсь властвуютъ въ домѣ;
Здѣсь никого не найдется такого, каковъ Одиссей былъ,
Странниковъ всѣхъ угощавшій, и всѣмъ на прощаньи дарившій
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантіей теплой покрытую, здѣсь приготовьте, чтобъ могъ онъ
Спать, не озябнувъ, до первыхъ лучей златотронной денницы.
Завтра жъ поутру его вы, въ купальнѣ омывши, елеемъ
Чистымъ натрите, дабы онъ опрятный за столъ съ Телемакомъ
Сѣлъ и съ гостями обѣдалъ. И горе тому, кто обидѣтъ
Вновь покусится его непристойно; ему никакого
Мѣста впередъ здѣсь не будетъ, хотя бъ онъ и сильно озлился.
Иначе, странникъ, повѣришь ли ты, чтобъ хоть мало отъ прочихъ
Женъ я возвышеннымъ духомъ и свѣтлымъ умомъ отличалась,
Если я грязнымъ тебя и нечисто одѣтымъ за столъ нашъ
Сѣсть допущу? Намъ не надолго жизнь достается на свѣтѣ;
Кто здѣсь и самъ безъ любви и въ поступкахъ любви не являетъ,
Тотъ ненавистенъ, пока на землѣ онъ живетъ, и желаютъ
Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ нещадно и мертвый;
Кто жъ, безпорочный душой, и въ поступкахъ своихъ безпороченъ—
Имя его, съ похвалой по землѣ разносимое, славятъ
Всѣ племена и народы, всѣ добрымъ его величаютъ.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
—О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа
Теплая мантія мнѣ и роскошное ложе противны
Съ тѣхъ поръ, какъ Крита широкаго снѣгомъ покрытыя горы,
Въ длинновесельномъ плывя кораблѣ, изъ очей потерялъ я.
Дай мнѣ здѣсь спать, какъ давно ужъ привыкъ я, на жесткой постели.

Много, много ночей провалялся въ безсонницѣ тяжкой
Я, ожидая пришествія златопрестольной денницы;
Также и ногъ омовеніе мнѣ не по сердцу; по крайней
Мѣрѣ, къ моимъ прикоснуться ногамъ ни одной не позволю
Я изъ рабынь молодыхъ, въ Одиссеевомъ домѣ служащихъ,
Нѣтъ ли старушки, любящей заботливо службу и много
Въ жизни, какъ самъ я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться къ моимъ съ омовеньемъ ногамъ я дозволю.—
Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:
Странникъ, не мало до сихъ поръ гостей къ намъ изъ ближнихъ, изъ дальнихъ
Странъ приходило—умнѣй же тебя никого не случалось
Встрѣтить мнѣ; рѣчи твои всѣ весьма разсудительны. Есть здѣсь
Въ домѣ старушка, совѣтница умная, полная добрыхъ
Мыслей; за нимъ злополучнымъ ходила она; онъ былъ ею
Выкормлевъ, ею въ минуту рожденія на руки принятъ.
Ей, хоть она и слаба, о тебѣ поручу я заботу;
Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница; вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; съ нимъ же,
Можетъ-быть, сходенъ и видомъ ужъ сталъ Одиссей, изнуренный
Жизнію трудной: въ несчастіи люди старѣются скоро.—
Такъ говорила она; Эвриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
—Свѣтъ мой, дитя мое милое, гдѣ ты? За что же Кроніонъ
Такъ на него, столь покорнаго волѣ боговъ, негодуетъ?
Кто жъ изъ людей передъ громоигрателемъ Зевсомъ такія
Тучныя бедра быковъ сожигалъ и ему экатомбы
Такъ приносилъ изобильно, моля, чтобъ онъ свѣтлую старость
Далъ ему дома провесть, расцвѣтающимъ радуясь сыномъ?
Были напрасны молитвы; навѣки утратилъ возвратъ онъ.
Горе! быть-можетъ, теперь, никому не родной, на чужбинѣ,
Гдѣ-нибудь впущенный въ домъ богача, онъ отъ глупыхъ служанокъ
Встрѣченъ такой же тамъ бранью, какой былъ отъ этихъ собакъ ты,
Странникъ, обиженъ; за то и не хочешь имъ дерзкимъ позволить
Ноги омыть у тебя. То, однако, порядкомъ исполнить
Мнѣ повелѣла моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сдѣлаю все, и не волю одну госпожи исполняя,
Нѣтъ! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странниковъ бѣдныхъ не мало въ нашъ домъ приходило; но сердце
Мнѣ говоритъ, что изъ нихъ ни одинъ (съ удивленьемъ смотрю я)
Не былъ такъ голосомъ, ростомъ, ногами, какъ ты, съ Одиссеемъ
Сходенъ.—Сказала. Ей такъ отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
—Правда, старушка, и самъ отъ людей я, которымъ обоихъ
Насъ повстрѣчать удавалось, слыхалъ, что во многомъ другъ съ другомъ
Мы удивительно сходны, какъ то мнѣ и ты говоришь здѣсь.—
Такъ отвѣчалъ онъ. Сіяющій тазъ, для мытья ей служившій
Ногъ, принесла Эвриклея; и свѣжей водою двѣ трети
Таза наполнивъ, ее долила кипяткомъ. Одиссей же
Сѣлъ къ очагу; но лицомъ обернулся онъ къ тѣни, понеже
Думалъ, что, за ногу взявши его, Эвриклея знакомый
Можетъ увидѣть рубецъ, и тогда вся откроется разомъ
Тайна. Но только она подошла къ господину, рубецъ ей
Бросился прямо въ глаза. Разъяреннаго вепря клыкомъ онъ
Раненъ былъ въ ногу тогда, какъ пришелъ посѣтить на Парнасѣ
Автоликона, по матери дѣда (съ его сыновьями),
Славнаго хитрымъ проворствомъ и клятвъ нарушеніемъ—Эрмій
Тѣмъ дарованьемъ его наградилъ, поелику онъ много
Бедръ отъ овецъ и отъ козъ приносилъ благосклонному богу.
Автоликонъ, посѣтивъ плодоносную землю Итаки,
Новорожденнаго сына у дочери милой нашелъ тамъ.
Выждавъ, когда онъ окончитъ свой ужинъ, ему на колѣна

Внука пришла положить Эвриклея. Она тутъ сказала:
„Автоликонъ, богоданному внуку ты выдумать долженъ
Имя, какое угодно тебѣ самому: ты усердно
Зевса о внукѣ молилъ.—То принявъ предложенье, сказалъ онъ
Зятю и дочери: —Вашему сыну готово ужъ имя;
Васъ посѣтить собираяся, я разсерженъ несказанно
Многими былъ изъ людей, населяющихъ тучную землю;
Пусть назовется мой внукъ Одиссеемъ; то значитъ: сердитый,
Если жъ когда онъ, достигнувши мужескихъ лѣтъ, пожелаетъ
Дѣдовскій домъ посѣтить на Парнасѣ, гдѣ наша обитель,
Будетъ онъ мной угощенъ и съ богатымъ отпущенъ подаркомъ.—
Внукъ возмужалъ и пришелъ за подаркомъ обѣщаннымъ къ дѣду.
Автоликонъ съ сыновьями своими его благосклонно
Встрѣтилъ руки пожиманьемъ и сладколаскательнымъ словомъ;
Бабка жъ его Амфитея въ слезахъ у него цѣловала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пиръ приказалъ сыновьямъ многославнымъ своимъ приготовить
Автоликонъ. И они, исполняя родителя волю,
Тотчасъ пригнать повелѣли быка пятилѣтняго съ поля;
Голову снявши съ быка и его распластавши на части
Мясо они разрубили, части, взоткнувъ ихъ на вертелъ,
Начали жарить; изжаривъ же, ихъ разнесли по порядку.
Сидя они за обѣдомъ, весь день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и ночь наступила; о ложѣ
Каждый подумалъ и сна благодать ниспослали имъ боги.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Автоликоновы всѣ сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрыхъ собакъ. Сынъ Лаэртовъ отправился съ ними.
Долго они по крутому, покрытому лѣсомъ, Парнасу
Шли; напослѣдокъ достигли глубокихъ, вѣтвистыхъ ущелій;
Геліосъ только что началъ поля озарять, подымаясь
Тихо съ глубокихъ, ліющихся медленно водъ Океана;
Въ дикую дебрь углубились охотники всѣ; передъ ними,
Слѣдъ открывая, бѣжали собаки; съ собаками вмѣстѣ
Автоликоновы дѣти и сынъ многославный Лаэртовъ
Быстро бѣжали, имѣя въ рукахъ длиннотѣнныя копья.
Страшноогромный кабанъ тамъ скрывался, въ кустахъ закопавшись
Дикихъ; въ тѣнистую глубь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
Сыростью дышущій вѣтеръ, ни Геліосъ знойноблестящій;
Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода—такъ густо
Были они сплетены; и скопилось тамъ много опадшихъ
Листьевъ. Когда же приблизился шумъ отъ собакъ и отъ ловчихъ,
Быстро бѣжавшихъ, кабанъ имъ навстрѣчу изъ дикаго лога
Прянулъ; щетину встопорщивъ, ужасно сверкая глазами,
Онъ заступилъ имъ дорогу; и первый къ нему подбѣжавшій
Былъ Одиссей. Онъ копье длинноострое поднялъ, готовый
Звѣря пронзить; но успѣлъ Одиссею поранить колѣно
Острымъ клыкомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ много
Мяса, нагрянувши бѣшено съ боку, но кость уцѣлѣла.
Въ правое звѣрю плечо боевое копье сынъ Лаэртовъ
Сильно всадилъ; и плечо проколовъ, остреемъ на другой бокъ
Вышло копье; повалился кабанъ и душа отлетѣла.
Автоликоновы дѣти убитаго звѣря велѣли
Должнымъ порядкомъ убрать и потомъ Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бѣжавшую сильно,
Заговорили. И всѣ напослѣдокъ къ отцу возвратились.
Автоликонъ и его сыновья Одиссея, отъ раны
Давъ исцѣлиться ему, и его одаривши богато,
Сердцемъ веселаго, сами веселые, съ миромъ послали
Въ землю Итаки; отецъ и разумная мать несказанно
Были его возвращенію рады; они разспросили
Сына подробно о ранѣ, и онъ разсказалъ по порядку,

Какъ, на Парнасѣ ловитвой звѣрей веселясь съ сыновьями
Автоликона, онъ вепремъ клычистымъ былъ раненъ въ колѣно.
Эту-то рану узнала старушка, ощупавъ руками
Ногу; отдернула руки она въ изумленьи; упала
Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара ея зазвенѣла
Мѣдь, покачнулся водою наполненный тазъ, пролилася
На полъ вода. И веселье и горе проникли старушку;
Очи отъ слезъ затуманились, ей не покорствовалъ голосъ.
Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она возгласила:—
Ты Одиссей! ты, мое золотое дитя! и тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!—
Кончивъ, она на свою госпожу обратила поспѣшно
Взоры, чтобъ ей извѣстить возвращеніе милаго мужа.
Та жъ не могла ничего, обратяся глазами въ другую
Сторону, видѣть: Паллада ея овладѣла вниманьемъ.
Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневоливъ
Ближе къ нему, прошепталъ ей:—Ни слова! меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпѣвши немало,
Волей боговъ возвратился я въ землю отцовъ черезъ двадцать
Лѣтъ. Но—ужъ если твои для узнанія тайны открылись
Очи—молчи! и чтобъ въ домѣ никто обо мнѣ не провѣдалъ!
Иначе слушай,—и то, что услышишь, исполнится вѣрно—
Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Здѣсь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитанъ, не стану
Въ часъ тотъ, когда надъ рабынями строгій мой судъ совершится.—
Сыну Лаэртову такъ, отвѣчая, сказала старушка:
—Странное слово изъ устъ у тебя, Одиссей, излетѣло;
Вѣдаешь самъ ты, какъ сердцемъ тверда я, какъ волей упорна.
Все сохраню, постояннѣй, чѣмъ камень, цѣлѣй, чѣмъ желѣзо;
Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про-себя, что услышишь.
Если Зевесъ истребитъ жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Всѣхъ назову я рабынь, обитающихъ здѣсь, чтобъ межъ ними
Могъ отличить ты худыхъ и порочныхъ отъ добрыхъ и честныхъ.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
—Нѣтъ, Эвриклея, ихъ мнѣ называть не трудись понапрасну;
Самъ все увижу и буду умѣть все подробно развѣдать.
Только молчи. Произволу боговъ предадимъ остальное.—
Такъ говорилъ Одиссей; и поспѣшно пошла Эвриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на полъ
Вылилась. Вымывъ и чистымъ елеемъ умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинулъ къ жаровнѣ;
Сѣвъ къ ней, чтобъ грѣться, рубецъ свой отрепьями рубища скрылъ онъ.
Умная такъ обратяся къ нему, Пенелопа сказала:
—Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу, отвѣчай мнѣ:
Скоро наступитъ пора насладиться покоемъ; и счастливъ
Тотъ, на кого и печальнаго сонъ миротворный слетаетъ.
Мнѣ жъ несказанное горе послалъ непріязненный Демонъ;
Днемъ, сокрушаясь и сѣтуя, душу свою подкрѣпляю
Я рукодѣльемъ, хозяйствомъ, присмотромъ за дѣломъ служанокъ;
Ночью жъ, когда все утихаетъ и всѣ вкругъ меня, погрузившись
Сладостно въ сонъ, отдыхаютъ безпечно, одна я, тревогой
Мучась, въ безсонницѣ тяжкой сижу на постели и плачу.
Плачетъ Аида, Пандарова дочь блѣднолицая, плачетъ;
Звонкую пѣсню она заунывно съ началомъ весеннихъ
Дней благовонныхъ поетъ, одиноко таясь подъ густыми
Сѣнями рощи, и жалобно льется рыдающій голосъ;
Плача, Итилоса милаго, сына Цетосова, мѣдью
Острой нечаянно ею сраженнаго, мать поминаетъ.
Такъ, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать—
Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря за хозяйствомъ, за свѣтлымъ

Домомъ его, за работой служанокъ, за всѣмъ достояньемъ,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль, наконецъ, предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй
Брака желаетъ со мной и щедрѣе дары мнѣ приноситъ?
Сынъ же, покуда онъ отрокомъ былъ неразумнымъ, разстаться
Съ матерью нѣжной не могъ, и супружескій домъ мнѣ покинуть
Самъ запрещалъ; но теперь онъ, ужъ мужеской силы достигнувъ,
Требуетъ самъ отъ меня, чтобъ изъ дому я вышла немедля;
Онъ огорчается, видя, какъ наше имущество грабятъ.
Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей;
Видѣть люблю, какъ они, на водѣ полоскаясь, играютъ.
Снилося мнѣ, что съ горы прилетѣвшій орелъ крутоносый,
Шею свернулъ имъ, ихъ всѣхъ заклевалъ, что въ пространной столовой
Мертвые были они на полу всѣ разбросаны; самъ же
Въ небо умчался орелъ. И во снѣ я стонала и горько
Плакала; вмѣстѣ со мною и много прекрасныхъ ахейскихъ
Женъ о гусяхъ, умерщвленныхъ могучимъ орломъ, сокрушалось.
Онъ же, назадъ прилетѣвъ и спустясь на высокую кровлю
Царскаго дома, сказалъ человѣческимъ голосомъ внятно:
—Старца Икарія умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сонъ мимолетный, событіе вѣрное видишь;
Гуси—твои женихи, а орелъ, ихъ убить прилетавшій
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Нынѣ тебѣ возвращенный, твоимъ женихамъ на погибель.
Такъ онъ сказалъ мнѣ и въ это мгновенье мой сонъ прекратился;
Я осмотрѣлась кругомъ; на дворѣ, я увидѣла, гуси
Всѣ налицо, и, толпяся къ корыту, клюютъ тамъ пшеницу.—
Умной супругѣ своей отвѣчалъ Одиссей богоравный:
—Сонъ, государыня, твой толковать безполезно: онъ ясенъ
Самъ по себѣ; сокровеннаго нѣтъ въ немъ значенья; и если
Самъ Одиссей предсказалъ женихамъ ихъ погибель—погибнутъ
Всѣ; не одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.—
Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
—Странникъ, конечно, бываютъ и темные сны, изъ которыхъ
Смысла нельзя намъ извлечь; и не всякій сбывается сонъ нашъ.
Создано двое воротъ для вступленія снамъ безтѣлеснымъ
Въ міръ нашъ: однѣ роговыя, другія изъ кости слоновой;
Сны, проходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновой,
Лживы, несбыточны, вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ;
Тѣ же, которые въ міръ роговыми воротами входятъ,
Вѣрны; сбываются всѣ приносимыя ими видѣнья.
Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный, я думаю, вышелъ
Сонъ—сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Завтра наступитъ онъ, день ненавистный, въ который покинуть
Домъ Одиссеевъ принудятъ меня; предложить имъ стрѣлянье
Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ Одиссей здѣсь двѣнадцать
Съ кольцами ставилъ, бывало, жердей, и тѣ жерди не близко
Ставилъ одну отъ другой, и стрѣлой онъ пронизывалъ кольца
Всѣ. Ту игру женихамъ предложить я теперь замышляю;
Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать
Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
— О, многоумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Этой игры, мой совѣтъ, не должна ты откладывать. Вѣрь мнѣ,
Въ домѣ своемъ Одиссей многохитростный явится прежде,

Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкій
Лукъ, тетивою натянетъ его и сквозь кольца прострѣлитъ.—
Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
— Если бъ ты, странникъ, со мною всю ночь согласился въ палатѣ
Этой сидѣть и меня веселить разговоромъ, на умъ бы
Сонъ не пришелъ мнѣ: но вовсе безъ сна оставаться намъ слабымъ
Смертнымъ не должно. Здѣсь всѣмъ намъ, землей многодарной кормимымъ,
Боги безсмертные мѣру особую каждому дали.
Время, однако, на верхъ мнѣ уйти, чтобъ лежать одиноко
Тамъ на постели, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой отсюда
Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Тамъ отдохну я, а ты ночевать, иноземецъ, останься
Здѣсь; и ложись на постелю иль на полъ, какъ самъ пожелаешь.—
Такъ Пенелопа сказавши, пошла по ступенямъ высокимъ
Вверхъ—не одна, всѣ рабыни за нею пошли; и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

НОЧЬ СЪ ТРИДЦАТЬ ОСЬМОГО НА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ. УТРО И ПОЛДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ДНЯ.

Одиссей ложится спать въ сѣняхъ; жалобы Пенелопы его пробуждаютъ. Добрыя знаменія. Столовую приготовляютъ къ пиру. Являются сперва Эвмей, потомъ Мелантій, который опять оскорбляетъ Одиссея, и, наконецъ, Филотій, смотрящій за стадами коровъ. Знаменіе удерживаетъ жениховъ, имѣвшихъ намѣреніе умертвить Телемака. За столомъ Ктезиппъ оскорбляетъ Одиссея. Чувства жениховъ приходятъ въ разстройство; Ѳеоклименъ предсказываетъ имъ близкую гибель.

Тутъ приготовилъ въ сѣняхъ для себя Одиссей богоравный
Ложе изъ кожи воловьей, еще недубленой; покрывши
Кожу овчинами многихъ овецъ, женихами убитыхъ,
Легъ онъ; и теплымъ покровомъ его Эвриклея одѣла.
Тамъ Одиссей, женихамъ истребленія въ мысляхъ готовя,
Глазъ не смыкая, лежалъ. Въ ворота́ онъ увидѣлъ, служанки,
Жившія въ тайной любви съ женихами, толпой побѣжали,
Съ хохотомъ громкимъ, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенемъ гнѣва зажглась несказаннымъ.
Долго не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, что дѣлать—
Встать ли, и вслѣдъ за безстыдными бросившись, всѣхъ умертвить ихъ?
Или остаться, давъ волю въ послѣдній имъ разъ съ женихами
Свидѣться? Сердце же злилось его; какъ рычитъ, ощенившись,
Злобная сука, щенятокъ своихъ защищая, когда ихъ
Кто незнакомый беретъ, и за нихъ покусаться готовясь,
Такъ на безстыдницъ его раздраженное сердце роптало.
Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
— Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло
Въ логѣ циклопа, въ то время, когда пожиралъ безпощадно
Спутниковъ онъ злополучныхъ моихъ—и терпѣнье разсудку
Выходъ изъ страшной пещеры для насъ погибавшихъ открыло.—
Такъ усмирялъ онъ себя, обращаяся къ милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпѣнье
Въ грудь пролилося его; но ворочался съ боку онъ на бокъ.
Какъ на огнѣ, разгорѣвшемся ярко, ворочаютъ полный
Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда, чтобъ отвсюду
Могъ быть онъ сочно и вкусно обжаренъ, огнемъ неприжженный,
Такъ на постели ворочался онъ, безпрестанно тревожась
Въ мысляхъ о томъ, какъ ему одному съ жениховъ многосильной
Шайкою сладить. Къ нему подошла тутъ Паллада Аѳина,
Съ неба слетѣвшая въ видѣ младой, расцвѣтающей дѣвы.
Тихо къ его изголовью приближась, богиня сказала:
— Что же не спишь ты, изъ всѣхъ земнородныхъ несчастнѣйшій? Развѣ
Это не домъ твой? Не вѣрною ль въ домѣ ты встрѣченъ женою?
Сынъ же таковъ твой, что всякій ему бы отцомъ захотѣлъ быть.—
Свѣтлой богинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:

— Истину ты говоришь мнѣ, богиня; но сердцемъ я крѣпко
(Въ томъ принужденъ предъ тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли въ силахъ одинъ съ жениховъ многочисленной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются въ домѣ.
Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по волѣ твоей и Кроніона всѣхъ истреблю я—
Какъ мнѣ спастися отъ мщенья родни ихъ? Подумай объ этомъ.—
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
—Ты, маловѣрный! надѣются жъ люди въ бѣдѣ и на слабыхъ
Смертныхъ, ни дѣломъ помочь, ни совѣта подать неспособныхъ—
Я же богиня, тебя неизмѣнно всегда отъ напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдругъ пятьдесятъ изъ засады на двухъ насъ напало
Ратей, чтобъ намъ совокупно погибель устроить—при нихъ же
Мы бы похитили козъ ихъ, овецъ и быковъ круторогихъ.
Спи, ни о чемъ не тревожась; несносно лежать на постели,
Глазъ не смыкая; твои же напасти окончатся скоро.—
Съ сими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потомъ на Олимпъ улетѣла. И всѣхъ усладитель
Нашихъ тревогъ, разрѣшающій сладко усталые члены,
Сонъ овладѣлъ имъ. Супруга жъ его, отъ тревоги проснувшись,
Сѣла безсонная въ горькихъ слезахъ на постели; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утоливъ, громогласно
Стала она призывать Артемиду и такъ ей молилась:
— О, Артемида, богиня великая, дочь громовержца,
Тихой стрѣлою твоею меня порази, и изъ тѣла
Выведи душу мою. О! когда бы меня ухватила
Буря и мглистой дорогой со мною умчалася въ край тотъ,
Гдѣ начинаетъ свой путь Океанъ, круговратно бѣгущій!
Были жъ Пандоровы дочери схвачены бурею. Боги
Мать и отца погубили у нихъ; сиротами остались
Въ домѣ семейномъ онѣ; Афродита богиня питала
Ихъ молокомъ, сладкотающимъ медомъ, виномъ благовоннымъ;
Ира дала имъ, отъ всѣхъ отличая ихъ дѣвъ земнородныхъ,
Умъ и красу; Артемида плѣнительной стройностью стана
Ихъ одарила; Аѳина ихъ всѣмъ научила искусствамъ.
Но, когда на высокій Олимпъ вознеслась Китерея
Тамъ умолять, чтобъ супружества счастіе далъ непорочнымъ
Дѣвамъ Зевесъ громолюбецъ, который, все вѣдая въ мірѣ,
Благо и зло земнороднымъ по волѣ своей посылаетъ—
Гнусныя Гарпіи, дѣвъ беззащитныхъ похитя, ихъ въ руки
Предали грозныхъ Эринній, чудовищамъ въ рабство. О! если бъ
Такъ и меня Олимпійскіе боги съ земли во мгновенье
Сбросили! если бъ меня, съ Одиссеемъ въ душѣ, Артемида
Свѣтлокудрявая въ темную вдругъ затворила могилу
Прежде, чѣмъ быть мнѣ подругою мужа, противнаго сердцу!
Но и тяжелыя скорби становятся легче, когда мы
Въ горькихъ слезахъ, въ сокрушеніи сердца день цѣлый проведши,
Ночью въ объятія сна предаемся—мы все забываемъ,
Зло и добро, лишь коснется очей онъ цѣлебной рукою;
Мнѣ же и сонъ мой терзаетъ видѣньями страшными Демонъ;
Видѣлось мнѣ, что лежалъ близъ меня несказанно съ нимъ сходный,
Самый тотъ образъ имѣвшій, какой онъ имѣлъ удаляясь;
Я веселилась; я думала: это не сонъ—и проснулась.—
Такъ говорила она. Поднялась златовласая Эосъ.
Жалобы плачущей въ слухъ Одиссеевъ входили; и слыша
Ихъ, онъ подумалъ, что ею былъ узнанъ; ему показалось
Даже, что образъ ея надъ его изголовьемъ летаетъ.
Сбросивъ покровъ и овчины собравъ, на которыхъ лежалъ онъ,
Всѣ ихъ сложилъ Одиссей не скамейкѣ, а кожу воловью
Вынесъ на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ поднялъ съ молитвою руки:

—Если, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня, и землей и водою,
Въ домъ мой (хотя и подвергнувъ напастямъ) привелъ невредимо;
Дай, чтобъ отъ перваго, кто здѣсь проснется, мной вѣщее слово
Было услышано; самъ же мнѣ знаменьемъ сердце обрадуй.—
Такъ говорилъ онъ, молясь, и Кроніонъ молитву услышалъ:
Страшно ударившимъ громомъ изъ звѣздно-безтучнаго неба
Зевсъ отвѣчалъ. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
Слово же первое онъ отъ рабыни, моловшей на царской
Мельницѣ близкой, услышалъ; на мельницѣ этой двѣнадцать
Было рабынь и вседневно отъ ранняго утра до поздней
Ночи ячмень и пшено тамъ онѣ для домашнихъ мололи.
Спали другія, всѣ кончивъ работу; а эта, слабѣе
Прочихъ, проснулася ранѣ, чтобъ трудъ довершить неготовый.
Жерновъ покинувъ, сказала она (и пророчество было
Въ словѣ ея Одиссею):—Зевесъ, нашъ отецъ и владыка,
На небѣ нѣтъ облаковъ и его наполняютъ, сверкая,
Звѣзды, а громъ твой гремитъ, всемогущій! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится нынѣ
Слово мое: да послѣднимъ въ жилищѣ царя Одиссея
Будетъ сегодняшній пиръ жениховъ многобуйныхъ! Колѣна
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Ихъ угождая—да нынѣшнимъ кончатся всѣ здѣсь пиры ихъ!—
Такъ говорила рабыня; былъ радъ Одиссей прорицанью
Грома и слова, и въ сердцѣ его утвердилась надежда.
Тутъ Одиссеева дома рабыни сошлися изъ разныхъ
Горницъ и жаркій огонь на большомъ очагѣ запалили.
Ложе покинулъ свое и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Взялъ боевое копье, лучезарно блестящее мѣдью;
Такъ онъ ступилъ на порогъ и сказалъ, обратясь къ Эвриклеѣ:
—Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ странникъ? Покойно ль
Спалъ онъ? Иль вы не хотѣли о немъ и подумать? Обычай
Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажетъ, на лучшаго жъ вовсе и взгляда не броситъ.—
Такъ говорилъ Телемакъ. Эвриклея ему отвѣчала:
—Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь;
Съ нею сидя, здѣсь виномъ утѣшался онъ, сколько угодно
Было душѣ; но не ѣлъ, хоть его и просили. „По горло
Сытъ я“, сказалъ. А когда онъ подумалъ о снѣ и постели,
Мягкое ложе она приготовить велѣла рабынямъ;
Онъ же, напротивъ, какъ жалкій, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постели, покрытой ковромъ, отказался;
Кожу воловью постлалъ на полу и, овчинъ положивши
Сверху, улегся въ сѣняхъ; я покрыла его одѣяломъ.—
Такъ Эвриклея сказала. Тогда Телемакъ изъ палаты
Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки.
На площадь, главное мѣсто собранья ахеянъ, пошелъ онъ.
Тутъ всѣхъ рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Имъ Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
—Всѣ на работу! однѣ за метлы, и проворнѣе выместь
Горницы, вспрыснувъ полы, на скамейки, на кресла и стулья
Пестропурпурныя ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировыя кратеры:
Чаши глубокія, кубки двудонные вымыть. Другія жъ
Всѣ за водою къ ключу и скорѣе назадъ, поелику
Нынѣшній день женихи не замедлятъ приходомъ, напротивъ
Ранѣе всѣ соберутся: мы праздникъ готовимъ великій.—
Такъ Эвриклея сказала. Ея повинуяся волѣ,
Двадцать рабынь побѣжали на ключъ темноводный; другія

Начали горницы всѣ прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слугъ женихи: за работу принявшись,
Стали они топорами полѣнья колоть. Воротились
Съ свѣжей рабыни водой отъ ключа. Свинопасомъ Эвмеемъ
Пригнаны были три борова, самые жирные въ стадѣ:
Заперли ихъ въ окруженную чистымъ заборомъ заграду.
Самъ же Эвмей, подошедъ къ Одиссею, спросилъ дружелюбно:
—Странникъ, учтивѣе ль стали съ тобою Телемаковы гости?
Иль по-вчерашнему въ домѣ у насъ на тебя нападаютъ?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Добрый Эвмей, да пошлютъ всемогущіе боги Олимпа
Имъ воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, съ какою
Здѣсь, не стыдяся, они расхищаютъ чужое богатство!—
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Къ нимъ подошелъ козоводъ, за козами смотрящій, Мелантій;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
Въ городъ пригналъ онъ, гостямъ на обѣдъ; съ ними товарищей было
Двое. И козъ привязавши подъ кровлей сѣней многозвучныхъ,
Такъ Одиссею сказалъ, имъ ругаяся, дерзкій Мелантій:
—Здѣсь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать намъ вздохнуть; мой совѣтъ, убирайся отсюда скорѣе;
Иль и со мной у тебя напослѣдокъ дойдетъ до расправы;
Можешь тогда и моихъ кулаковъ ты отвѣдать; ты слишкомъ
Сталъ ужъ докученъ; не въ этомъ лишь домѣ бываютъ обѣды.—
Кончилъ. Ему Одиссей ничего не отвѣтствовалъ; только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Третій тутъ главный пастухъ подошелъ къ нимъ, коровникъ Филотій;
Козъ онъ отборныхъ привелъ съ нетелившейся жирной коровой.
Въ городъ же ихъ привезли на судахъ перевозчики, всѣхъ тамъ,
Кто нанималъ ихъ, возившіе моремъ рабочіе люди.
Козъ и корову Филотій оставилъ въ сѣняхъ многозвучныхъ;
Самъ же, приближась къ Эвмею, спросилъ у него дружелюбно:
—Кто чужеземецъ, тобою недавно, Эвмей, приведенный
Въ городъ? Къ какому себя причисляетъ онъ племени? Гдѣ онъ
Домъ свой отцовской имѣетъ? Въ какой сторонѣ онъ родился?
Съ виду онъ бѣдный скиталецъ, но царственный образъ имѣетъ.
Боги бездомно-бродящихъ людей унижаютъ жестоко;
Но и могучимъ царямъ испытанья они посылаютъ.—
Тутъ къ Одиссею, привѣтствіе правою сдѣлавъ рукою,
Ласково онъ обратился и бросилъ крылатое слово:
—Радуйся, добрый отецъ, чужеземецъ; теперь нищетою
Ты удрученъ—но пошлютъ, наконецъ, и тебѣ изобилье
Боги. О Зевесъ! ты безжалостнѣй всѣхъ, на Олимпѣ живущихъ!
Нѣтъ состраданья въ тебѣ къ человѣкамъ; ты самъ, нашъ создатель,
Насъ предаешь безпощадно бѣдѣ и грызущему горю.
Пòтомъ прошибло меня и въ глазахъ потемнѣло, когда я
Вспомнилъ, взглянувъ на тебя, о царѣ Одиссеѣ: какъ ты, онъ
Можетъ-быть бродитъ въ такихъ же лохмотьяхъ, такой же бездомный.
Гдѣ онъ, несчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ?
О благодушный, великій мой царь! надъ стадами коровъ ты
Здѣсь въ сторонѣ Кефаленской меня молодого поставилъ;
Много теперь расплодилось ихъ; нѣтъ никого здѣсь другого,
Кто бы имѣлъ столь великое стадо коровъ крѣпколобыхъ.
Горе! я самъ приневоленъ сюда ихъ водить на пожранье
Этимъ грабителямъ. Сына они притѣсняютъ въ отцовомъ
Домѣ; боговъ наказанье не страшно имъ; между собою
Все раздѣлить ужъ богатство царя отдаленнаго мыслятъ.
Часто мнѣ замыселъ въ милое сердце приходитъ (хотя онъ,
Правду сказать, и не вовсе похваленъ: есть въ домѣ наслѣдникъ),

Замыселъ въ землю чужую со стадомъ моимъ къ иноземнымъ
Людямъ уйти. Несказанное горе мнѣ, здѣсь оставаясь,
Царскихъ прекрасныхъ коровъ на убой отдавать имъ; давно бы
Эту покинулъ я землю, гдѣ столько неправды творится;
Стадо уведши съ собою, къ иному царю перешелъ бы
Въ службу—но вѣрится все мнѣ еще, что воротится въ домъ свой
Онъ, нашъ желанный, и всѣхъ ихъ, грабителей, разомъ погубитъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Видно, порода твоя не простая, мой честный коровникъ,
Сердцемъ, я вижу, ты вѣренъ, и здравый имѣешь разсудокъ;
Радость за то объявляю тебѣ и клянуся великой
Клятвой, Зевесомъ отцомъ, гостелюбною вашей трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Здѣсь, что еще ты отсюда уйти не успѣешь, какъ самъ онъ
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидѣть,
Если захочешь, какой съ женихами расчетъ поведетъ онъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчалъ пастуховъ повелитель Филотій:
—Если ты правду сказалъ, иноземецъ (и Дій да исполнитъ
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празденъ останусь.
Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Такъ говорили о многомъ они, отъ другихъ въ отдаленьи.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
Смерти, сходились; но въ это мгновенье слѣва поднялся
Быстрый орелъ, и въ когтяхъ у него трепетала голубка.
Знаменьемъ въ страхъ приведенный, сказалъ Анфиномъ благородный:
—Замыселъ нашъ умертвить Телемака, друзья, по желанью
Намъ не удастся исполнить. Подумаемъ лучше о пирѣ.—
Такъ онъ сказалъ; подтвердили его предложенье другіе.
Всѣ они вмѣстѣ пошли, и когда въ Одиссеевъ вступили
Домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,
Жирныхъ свиней убивать; и корову зарѣзали также.
Были зажарены прежде одни потроха и въ кратеры
Влито съ водою вино. Свинопасъ двоеручные кубки
Подалъ, потомъ и въ прекрасныхъ корзинахъ коровникъ Филотій
Хлѣбы разнесъ; а Мелантій виномъ благовоннымъ наполнилъ
Кубки. И подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
Но Одиссею, съ намѣреньемъ хитрымъ въ умѣ, на порогѣ
Двери широкой велѣлъ Телемакъ помѣститься; подвинувъ
Къ ней небольшую, простую скамейку и низенькій столикъ,
Часть потроховъ онъ принесъ, золотой благовоннымъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и, его подавая, сказалъ Одиссею:
—Здѣсь ты сиди и виномъ утѣшайся съ моими гостями,
Новыхъ обидъ не страшася; рукамъ жениховъ я не дамъ ужъ
Воли; мой домъ не гостиница, гдѣ произвольно пируетъ
Всякая сволочь, а домъ Одиссеевъ, царево жилище.
Вы жъ, женихи, воздержите языкъ свой отъ словъ непристойныхъ,
Также и воли рукамъ не давайте; иль будетъ здѣсь ссора.—
Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Но, обратясь къ женихамъ, Антиной сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ:
—Какъ ни досадно, друзья, Телемаково слово, не должно
Къ сердцу его принимать намъ; пускай онъ грозится! давно бы
Если бъ тому не препятствовалъ вѣчный Кроніонъ, его мы
Здѣсь упокоили—сталъ онъ теперь говорунъ нестерпимый.—
Кончилъ; но слово его Телемакъ безъ вниманья оставилъ.
Въ это время народъ черезъ городъ съ глашатаемъ жертву
Шелъ совершать: въ многотѣнную рощу метателя вѣрныхъ
Стрѣлъ Аполлона былъ ходъ густовласыхъ ахеянъ направленъ.

Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пиръ многославный. Особо
Тутъ принесли Одиссею проворные слуги такую жъ
Мяса подачу, какую имѣли и сами; то было
Такъ имъ приказано сыномъ его Телемакомъ разумнымъ.
Тою порою Аѳина сама жениховъ возбуждала
Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
Мщенье въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
Тамъ находился одинъ, отъ другихъ беззаконной отличный
Дерзостью, родомъ изъ Зама; его называли Ктезиппомъ.
Былъ онъ несмѣтно богатъ, и, гордяся богатствомъ, замыслилъ
Спорить съ другими о бракѣ съ женою Лаэртова сына.
Такъ, къ женихамъ обратяся, сказалъ имъ Ктезиппъ многобуйный:
—Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю:
Мяса, какъ слѣдуетъ, добрую часть со стола получилъ ужъ
Этотъ старикъ—и весьма бъ непохвально, неправедно было,
Если бъ гостей Телемаковыхъ кто ихъ участка лишалъ здѣсь.
Я же и свою для него приготовилъ подачу, чтобъ могъ онъ
Что-нибудь дать за купанье рабынѣ, иль должный подарокъ
Сдѣлать кому изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ.—
Тутъ онъ, схвативши коровью, въ корзинѣ лежавшую ногу,
Сильно ее въ Одиссея швырнулъ; Одиссей, отклонивши
Голову въ бокъ, избѣжалъ отъ удара; и страшной улыбкой
Стиснулъ онъ губы; нога жъ, пролетѣвши, ударила въ стѣну;
Грозно взглянувъ на Ктезиппа, сказалъ Телемакъ раздраженный:
—Будь благодаренъ Зевесу, Ктезиппъ, что ударъ не коснулся
Твой головы чужеземца; онъ самъ отъ него отклонился;
Иначе острымъ копьемъ повѣрнѣе въ тебя бы попалъ я;
Сталъ бы не бракъ для тебя—погребенье отецъ твой готовить.
Всѣмъ говорю вамъ: отнынѣ себѣ непристойныхъ поступковъ
Въ домѣ моемъ позволять вы не смѣйте; ужъ я не ребенокъ,
Все ужъ теперь понимаю; все знаю, что надобно дѣлать.
Правда, еще принужденъ я свидѣтелемъ быть терпѣливымъ
Здѣсь истребленья барановъ и козъ, и вина, и богатыхъ
Нашихъ запасовъ—я съ цѣлой толпою одинъ не управлюсь;
Новыхъ обидъ мнѣ однако я вамъ не совѣтую дѣлать;
Если жъ намѣренье ваше меня умертвить, то, конечно,
Будетъ пристойнѣй, чтобъ въ домѣ моемъ пораженный, я встрѣтилъ
Смерть тамъ, чѣмъ зрителемъ былъ беззаконныхъ поступковъ и видѣлъ,
Какъ обижаютъ моихъ въ немъ гостей, какъ рабынь принуждаютъ
Злымъ угождать вожделѣньямъ въ священныхъ обителяхъ царскихъ.—
Такъ онъ сказалъ, всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сынъ Дамасторовъ, такъ отвѣчалъ напослѣдокъ:
—Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ, не трогайте болѣ
Стараго странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
Я жъ Телемаку и матери свѣтлой его дружелюбно
Добрый и вѣрно самимъ имъ угодный совѣтъ предложу здѣсь:
Въ сердцѣ своемъ вы донынѣ питали надежду, что боги,
Вашимъ молитвамъ внимая, домой возвратятъ Одиссея;
Было донынѣ и намъ невозможно на медленность вашу
Сѣтовать, такъ поступать вамъ совѣтовалъ здравый разсудокъ
(Могъ послѣ брака незапно въ свой домъ Одиссей возвратиться);
Нынѣ жъ сомнѣнія нѣтъ намъ: мы знаемъ, что онъ невозвратенъ.
Матери умной своей ты теперь, Телемакъ благородный,
Долженъ сказать, чтобъ межъ нами того, кто щедрѣй на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно въ отеческомъ домѣ
Жить; а она о другомъ ужъ хозяйствѣ заботиться станетъ.—
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Нѣтъ, Агелай, я Зевесомъ, отцомъ и судьбой Одиссея

(Что бы съ нимъ ни было, живъ ли, погибъ ли) клянусь передъ всѣми
Вами, что матери въ бракъ не мѣшаю вступить, что напротивъ
Самъ убѣждаю ее по желанію выбрать, и много
Дамъ ей подарковъ; но изъ дома выслать ее поневолѣ
Я и помыслить не смѣю—то Зевсу не будетъ угодно.—
Такъ говорилъ Телемакъ. Въ женихахъ несказанный Аѳина
Смѣхъ пробудила, ихъ сердце смутивъ и разсудокъ разстроивъ.
Дико они хохотали; и лицами вдругъ измѣнившись,
Ѣли сырое кровавое мясо, глаза ихъ слезами
Всѣ затуманились; сердце ихъ тяжко заныло тоскою.
Ѳеоклименъ богоравный тогда поднялся и сказалъ имъ:
—Вы, злополучные, горе вамъ! горе! невидимы стали
Волосы ваши во мглѣ и невидимы ваши колѣна;
Слышенъ мнѣ стонъ вашъ, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стѣны, я вижу, въ крови: съ потолочныхъ бѣжитъ перекладинъ
Кровь; привидѣньями, въ бездну Эрева бѣгущими, полны
Сѣни и дворъ, и на солнце небесное, вижу я, всходитъ
Страшная тѣнь, и подъ ней вся земля покрывается мракомъ.—
Такъ онъ сказалъ имъ. Безумно они хохотать продолжали.
Тутъ говорить женихамъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ:
—Видно, что этотъ, друзья, чужеземецъ въ умѣ помѣшался;
На площадь должно его проводить намъ, пусть выйдетъ на свѣжій
Воздухъ, когда ужъ ему такъ ужасно темно здѣсь въ палатѣ.—
Ѳеоклименъ богоравный сказалъ, обратясь къ Эвримаху:
—Нѣтъ, Эвримахъ! въ провожатыхъ твоихъ не имѣю я нужды;
Двѣ есть ноги у меня, и глаза есть и уши; разсудокъ
Мой не разстроенъ, и память свою я еще не утратилъ.
Самъ убѣгу я отсюда; я къ вамъ подходящую быстро
Слышу бѣду; ни одинъ отъ нея не уйдетъ, не избѣгнетъ
Силы ея ни который изъ васъ святотатцевъ, губящихъ
Домъ Одиссеевъ и въ немъ беззаконнаго много творящихъ.—
Такъ онъ сказалъ, и поспѣшно палату покинувъ, къ Пирею
Прямо пошелъ, и Пиреемъ былъ съ прежнею ласкою принятъ.
Тою порой, поглядѣвши съ насмѣшкой одинъ на другого,
Начали всѣ Телемака дразнить женихи, надъ гостями
Дома его издѣваясь, и такъ говорили иные:
—Другъ Телемакъ, на отборъ негодяи тебя посѣщаютъ;
Прежде вотъ этотъ нечистый пожаловалъ въ домъ твой бродяга,
Хищникъ обѣденныхъ крохъ, ни въ какую работу негодный,
Слабый, гнилой старичишка, земли безполезное бремя;
Гость же другой помѣшался, и началъ безпутно пророчить.
Выслушай лучше нашъ добрый совѣтъ, Телемакъ многомудрый:
Дай намъ твоихъ благородныхъ гостей на корабль крутобокій
Бросить, къ сикеламъ отвезть и продать за хорошія деньги.—
Такъ говорили они; Телемакъ ихъ словамъ, не внимавшій,
Молча смотрѣлъ на отца, дожидаясь спокойно, чтобъ подалъ
Знакъ онъ, когда начинать съ беззаконною шайкой расправу.
Въ горницѣ ближней на креслахъ богатыхъ въ то время сидѣла
Многоразумная старца Икарія дочь Пенелопа;
Было ей слышно все то, что въ собраньи гостей говорилось.
Веселъ-безпечно, и живъ разговоромъ, и хохотомъ шуменъ
Былъ ихъ обѣдъ, для котораго столько настряпали сами;
Но никогда и нигдѣ, и никто не готовилъ такого
Ужина людямъ, какой приготовилъ съ Палладою грозный
Мужъ для незваныхъ гостей, беззаконныхъ ругателей правды.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

Пенелопа приноситъ лукъ и стрѣлы Одиссеевы; при видѣ ихъ Эвмей и Филотій проливаютъ слезы; Антиной насмѣхается надъ ними. Телемакъ устанавливаетъ жерди для стрѣльбы и пытается натянуть лукъ; Одиссей подаетъ ему знакъ, чтобъ онъ его оставилъ. Женихи напрасно стараются натянуть его. Одиссей открываетъ себя Эвмею и Филотію; они приготовляются къ умерщвленію жениховъ. Послѣ неудач-

наго Эвримахова опыта натянуть лукъ, Антиной предлагаетъ отложить стрѣльбу до другого дня. Одиссей проситъ, чтобъ ему позволили сдѣлать опытъ; женихи тому противятся, но, по приказанію Телемака, лукъ поданъ Одиссею; онъ его натягиваетъ, стрѣляетъ и попадаетъ въ цѣль.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина вселила желанье
Въ грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лукъ женихамъ Одиссеевъ и грозныя стрѣлы принесши,
Вызвать къ стрѣлянію въ цѣль ихъ и тѣмъ приготовить имъ гибель.
Вверхъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый мѣдный
Ключъ съ рукоятью изъ кости слоновой доставши, царица
Въ дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Гдѣ Одиссеевы всѣ драгоцѣнности были хранимы:
Золото, мѣдь и желѣзная утварь чудесной работы.
Тамъ находился и тугосгибаемый лукъ и набитый
Множествомъ стрѣлъ бѣдоносныхъ колчанъ. Подаренъ Одиссею
Этотъ былъ лукъ со стрѣлами давно въ Лакедемонѣ гостемъ
Ифитомъ, богоподобнаго Эврита сыномъ. Они же
Встрѣтились прежде другъ съ другомъ въ Мессинѣ, гдѣ нужно обоимъ
Домъ посѣтить Орхилока разумнаго было. Въ Мессинѣ
Тяжбу съ гражданами велъ Одиссей. Изъ Итаки мессинцы
Мелкаго много скота увели; съ пастухами оттуда
Триста быковъ круторогихъ разбойничье судно украло.
Ихъ Одиссей тамъ отыскивалъ; юноша свѣжести полный
Былъ онъ въ то время; его же послали отецъ и геронты.
Ифитъ отыскивалъ также пропажу: коней и двѣнадцать
Добрыхъ жерёбыхъ кобылъ и могучихъ работниковъ муловъ.
Ифиту искъ удался; но погибелью стала удача:
Къ сыну Зевесову, славному крѣпостью силы великой
Мужу, Ираклу, свершителю подвиговъ чудныхъ, пришелъ онъ—
Въ домѣ своемъ умертвилъ имъ самимъ приглашеннаго гостя
Звѣрскій Ираклъ, посрамивши Зевесовъ законъ и накрытый
Имъ гостелюбно для странника столъ, за которымъ убійство
Онъ совершилъ, чтобъ коней громозвучно-копытныхъ присвоить.
Ифитъ, въ Мессину за ними пришедъ, Одиссея тамъ встрѣтилъ.
Эвритовъ лукъ онъ ему подарилъ: умирая, великій
Эвритъ тотъ лукъ злополучному сыну въ наслѣдство оставилъ.
Ифита острымъ мечомъ и копьемъ одаривъ длиннотѣннымъ,
Гостемъ остался ему Одиссей; но за столъ пригласить свой
Друга не могъ: прекратилъ сынъ Зевесовъ, Ираклъ безпощадный
Жизнь благородному Ифиту, Эврита славнаго сыну,
Давшему лукъ Одиссею и стрѣлы. И не бралъ съ собою
Ихъ никогда Одиссей на войну въ кораблѣ чернобокомъ;
Память о гостѣ возлюбленномъ вѣрно храня, ихъ берегъ онъ
Въ домѣ своемъ; но въ отечествѣ всюду имѣлъ при себѣ ихъ.
Близко къ дверямъ запертымъ кладовой подошедъ, Пенелопа
Стала на гладкій дубовый порогъ (по шнуру обтесавши
Брусъ, тотъ порогъ тамъ искусно уладилъ строитель, дверныя
Притолки въ немъ утвердилъ, и на притолки створы навѣсилъ);
Съ скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключъ свой вложила царица въ замокъ; отодвинувъ задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петляхъ заржавѣвшихъ створы
Двери блестящей; какъ дико мычитъ выгоняемый на лугъ
Быкъ круторогій—такъ дико тяжелыя створы визжали.
Взлѣзши на гладкую полку (на ней же ларцы съ благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеевъ съ гвоздя ненатянутый лукъ протянула;
Бережно былъ онъ обернутъ блестящимъ чехломъ; и, доставши
Лукъ, на колѣна свои положила его Пенелопа;
Сѣвъ съ нимъ и вынувъ его изъ чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напослѣдокъ, насытившись плачемъ,
Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ собранье,

Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся, и великій
Тулъ, мѣдноострыми быстросмертельными полный стрѣлами.
Слѣдомъ за ней принесенъ былъ рабынями ящикъ съ запасомъ
Мѣди, желѣза и съ разною утварью бранной. Царица,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки. И слово
Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ, Пенелопа сказала:
— Слушайте всѣ вы, мои женихи благородные: домъ нашъ
Вы разоряете, въ немъ на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученнаго съ милой отчизною; права
Нѣтъ вамъ на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрѣшить вы мой выборъ. Готова
Быть я цѣною побѣды. Смотрите, вотъ лукъ Одиссеевъ;
Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать
Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.—
Съ сими словами велѣла она свинопасу Эвмею
Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать женихамъ благороднымъ.
Взрыдъ онъ заплакалъ, принявши его; къ женихамъ онъ пошелъ съ нимъ;
Лукъ Одиссеевъ узнавъ, зарыдалъ и коровникъ Филотій.
Къ нимъ обратяся обоимъ, сказалъ Антиной, негодуя:
— Вы, деревенщина грубая, только однимъ ежедневнымъ
Занятъ вашъ умъ! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
Въ сердцѣ хотите своей госпожи? И безъ васъ ужъ довольно
Скорбью томится она безполезною въ долгой разлукѣ
Съ мужемъ; сидите же тихо и ѣшьте, а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лукъ вашъ и стрѣлы
Намъ женихамъ на рѣшительный бой. Сомнѣваюсь, однако,
Я, чтобъ легко натянулъ кто такой несказанно упорный
Лукъ. Многосильнаго мужа такого, каковъ Одиссей былъ,
Нѣтъ между нами. Его я въ то время видалъ—и понынѣ
Помню о немъ, хоть тогда и ребенкомъ еще былъ неумнымъ.—
Такъ говоря про другихъ, про себя уповалъ онъ, что сладитъ
Съ лукомъ, натянетъ легко тетиву и всѣ кольца прострѣлитъ.
Бѣдный слѣпецъ, онъ не думалъ, что первою жертвою будетъ
Стрѣлъ Одиссея, который имъ въ собственномъ домѣ такъ дерзко
Былъ оскорбленъ, на котораго тамъ и другихъ возбуждалъ онъ.
Тутъ, къ женихамъ обратясь, имъ сказалъ Телемакъ богоравный:
— Горе! конечно мой разумъ привелъ въ безпорядокъ Кроніонъ!
Милая мать, столь великимъ умомъ одаренная, слышу,
Здѣсь говоритъ, что съ супругомъ другимъ соглашается свѣтлый
Домъ мой покинуть; а я, тѣмъ довольный, смѣюсь какъ безумецъ.
Часъ наступилъ; женихи, приготовьтесь къ послѣднему дѣлу.
Въ цѣлой ахейской землѣ вы такой не найдете невѣсты—
Гдѣ бъ ни искали, въ священномъ ли Пилосѣ или въ Аргосѣ,
Или въ Микенахъ, иль въ нашей Итакѣ, иль тамъ на пространствѣ
Черной земли матерой—но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать намъ свой опытъ; берите
Лукъ Одиссеевъ и силу свою окажите на дѣлѣ.
Я жъ и себя самого испытанью хочу здѣсь подвергнуть.
Если удастся мнѣ лукъ натянуть и стрѣлою всѣ кольца
Мѣтко пробить, удаленіе матери милой изъ дома
Съ мужемъ другимъ и мое одиночество будутъ сноснѣе
Мнѣ, ужъ владѣть небезсильному лукомъ отца Одиссея.—
Кончивъ, онъ съ плечъ молодыхъ пурпуровую мантію сбросилъ:

Всталъ и, съ мечомъ мѣдноострымъ блестящую перевязь снявши,
Жерди въ глубокихъ для каждой особенно вырытыхъ ямкахъ,
Ихъ по шнуру уравнявъ, утвердилъ; основанья жъ, чтобъ прямо
Всѣ не шатаясь, стояли, землей отопталъ. Всѣ дивились,
Какъ онъ искусно порядокъ ему незнакомый устроилъ.
Сталъ Телемакъ у порога дверей и, схвативъ Одиссеевъ
Лукъ, попытался на немъ натянуть тетиву; и погнулъ онъ
Трижды его, но упорствуя, трижды онъ вновь разогнулся.
Имъ овладѣть, нацѣпивъ тетиву, уповая, въ четвертый
Разъ онъ готовъ былъ съ удвоенной силой приняться за дѣло;
Но Одиссей по условью кивнулъ головой; отложивши
Трудъ, обратился къ отцу и сказалъ Телемакъ богоравный:
— Горе мнѣ! видно я слабымъ рожденъ и останусь безсильнымъ
Вѣчно; я молодъ еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду.
Ваша теперь череда, женихи, вы сильнѣе; пусть каждый
Лукъ Одиссеевъ возьметъ и свершить попытается подвигъ.—
Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:
— Съ правой руки подходите одинъ за другимъ вы, начавши
Съ мѣста, откуда вино подносить на пиру начинаютъ.—
Такъ Антиной предложилъ и одобрили всѣ предложенье.
Первый поднявшійся съ мѣста пошелъ Леодей, сынъ Эйноповъ;
Жертвогадатель ихъ былъ онъ и подлѣ кратеры на самомъ
Краѣ стола за обѣдомъ садился. Ихъ буйство противно
Было ему, и нерѣдко онъ ихъ порицалъ, негодуя.
Первый онъ долженъ былъ взяться за лукъ роковой, наблюдая
Очередь. Ставъ у порога дверей, онъ схватилъ Одиссеевъ
Лукъ; но его и погнуть онъ не могъ; отъ напрасныхъ усилій
Слабыя руки его онѣмѣли. Онъ съ горемъ воскликнулъ:
— Нѣтъ! не по силамъ мнѣ лукъ Одиссеевъ; другой попытайся
Крѣпость его одолѣть! но у многихъ мужей знаменитыхъ
Душу и жизнь онъ возьметъ. И, конечно, желаннѣе встрѣтить
Смерть, чѣмъ живому скорбѣть объ утратѣ того, что такъ сильно
Насъ привлекало вседневно сюда чародѣйствомъ надежды.
Всѣ мы теперь уповаемъ, во всѣхъ насъ пылаетъ желанье
Бракъ заключить съ Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лукъ испытавъ Одиссеевъ и силу надъ нимъ утомивши,
Съ горемъ въ душѣ принужденъ за другую ахейскую дѣву
Свататься будетъ, подарки свои расточая; она же
Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.—
Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Гнѣвно къ нему обратившись, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
— Странное слово изъ устъ у тебя, Леодей, излетѣло,
Слово печальное, страшное; слышать его мнѣ противно.
Душу и жизнь, говоришь ты, у многихъ людей знаменитыхъ
Лукъ Одиссеевъ возьметъ, потому что его неспособенъ
Ты натянуть. Но безсильнымъ отъ матери былъ благородной
Ты безъ сомнѣнья рожденъ, не могучимъ властителемъ лука;
Многіе будутъ въ числѣ жениховъ безъ сомнѣнья способнѣй
Сладить съ нимъ.—Кончилъ. Потомъ, козовода Мелантія кликнувъ:
— Слушай, Мелантій, сказалъ, здѣсь огонь ты разложишь, къ огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирнаго сала потомъ принесешь намъ укругъ, чтобъ могли мы

Имъ, на огнѣ здѣсь его разогрѣвши, помазывать крѣпкій
Лукъ Одиссеевъ: тогда онъ удобнѣй натянутъ быть можетъ.—
Такъ онъ сказалъ. И Мелантій, огонь разложивъ превеликій,
Близко поставилъ скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принесъ напослѣдокъ укругъ; и, растаявши сало,
Начали мазать имъ лукъ женихи; но изъ нихъ никоторый
Лука не могъ и немного погнуть—несказанно былъ тугъ онъ;
Взяться за опытъ тогда въ свой чередъ Антиной съ Эвримахомъ
Были должны, межъ другими отличные мужеской силой.
Въ это мгновеніе, разомъ поднявшися, изъ дома вмѣстѣ
Вышли Эвмей свинопасъ и коровникъ Филотій; за ними
Слѣдуя, залу покинулъ и царь Одиссей; онъ, широкій
Дворъ перейдя, за ворота двустворныя вышелъ. Позвавши
Тамъ ихъ обоихъ, онъ ласковосладкую рѣчь обратилъ къ нимъ:
—Вѣрные слуги, Эвмей и Филотій, могу ль вамъ открыться?
Иль мнѣ лучше смолчать? Но меня говорить побуждаетъ
Сердце. Отвѣтствуйте: что бы вы сдѣлали, если бъ внезапно,
Демономъ вдругъ приведенный какимъ, Одиссей, господинъ вашъ,
Здѣсь вамъ явился? Къ нему ль, къ женихамъ ли тогда бъ вы пристали?
Прямо скажите мнѣ все, что велитъ вамъ разсудокъ и сердце.—
Кончилъ. Ему отвѣчалъ простодушный коровникъ Филотій:
—Царь нашъ Зевесъ, о! когда бы на наши молитвы ты отдалъ
Намъ Одиссея! да благостный Демонъ его къ намъ проводитъ!
Самъ ты увидишь тогда, что и я не остануся празденъ.—
Тутъ и Эвмей, свинопасъ благородный, боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Въ вѣрности сердца и въ доброй ихъ волѣ вполнѣ убѣдяся,
Такъ имъ обоимъ сказалъ, наконецъ, Одиссей богоравный:
—Знайте же: я Одиссей, претерпѣвшій столь много напастей,
Въ землю отцовъ приведенный по волѣ боговъ черезъ двадцать
Лѣтъ. Но я вижу, что здѣсь изъ рабовъ моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхалъ, чтобъ другой кто
Здѣсь помолился богамъ о свиданіи скоромъ со мною.
Слушайте жъ, вамъ разскажу обо всемъ, что случиться должно здѣсь:
Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Вамъ я обоимъ найду по невѣстѣ, приданое каждой
Дамъ и построю вамъ домы вблизи моего, и, какъ братья,
Будете жить вы со мною и съ сыномъ моимъ Телемакомъ.
Вамъ же и признакъ могу показать, по которому ясно
Вы убѣдитесь, что я Одиссей: вотъ рубецъ, вамъ знакомый;
Вепремъ, вы помните, былъ я пораненъ, когда съ сыновьями
Автоликона охотой себя забавлялъ на Парнасѣ.—
Такъ говоря, онъ колѣно открылъ, распахнувши тряпицы
Рубища. Тѣ жъ, разсмотрѣвши прилежно рубецъ, имъ знакомый,
Начали плакать; и, крѣпко обнявъ своего господина,
Голову, плечи и руки, и ноги его цѣловали.
Головы ихъ со слезами и онъ цѣловалъ, и за плачемъ
Ихъ бы могло тамъ застать захожденіе солнца, когда бы
Имъ не сказалъ Одиссей, успокоившись первый:—Отрите
Слезы, чтобъ изъ дому вышедши, кто не засталъ васъ, такъ горько
Плачущихъ: тѣмъ преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтобъ снова—одинъ за другимъ, а не вмѣстѣ—вошли мы
Въ залу, я первый, вы послѣ. И ждите, чтобъ мной былъ вамъ поданъ
Знакъ. Женихи многобуйные, думаю я, не позволятъ
Въ руки мнѣ взять тамъ мой лукъ и колчанъ мой, набитый стрѣлами;
Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа, и лукъ и колчанъ мнѣ
Самъ принеси. И потомъ ты велишь, чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
Шумъ или стенанье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.

Ты же, Филотій, возьми ворота на свое попеченье.
Крѣпко запри ихъ на ключъ и ремнемъ затяни ихъ задвижку.—
Такъ говорилъ Одиссей имъ. Онъ въ двери столовой вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ.
Послѣ явились одинъ за другимъ свинопасъ и Филотій.
Лукъ Одиссеевъ держалъ Эвримахъ и его надъ пылавшимъ
Жарко огнемъ поворачивалъ, грѣя. Не могъ онъ однако
Крѣпость его побѣдить. Застонало могучее сердце;
Голосъ возвысивъ, кипящій досадой, онъ громко воскликнулъ:
—Горе мнѣ! я за себя и за васъ, сокрушенный, стыжуся:
Нѣтъ мнѣ печали о томъ, что отъ брака я долженъ отречься—
Много найдется прекрасныхъ ахейскихъ невѣстъ и въ Итакѣ,
Моремъ объятой, и въ разныхъ другихъ областяхъ Кефаленскихъ.
Но столь ничтожными крѣпостью быть съ Одиссеемъ въ сравненьи—
Такъ, что изъ насъ ни одинъ и немного погнуть былъ не въ силахъ
Лука его—то стыдомъ насъ покроетъ и въ позднемъ потомствѣ.—
Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ, ему возражая:
—Нѣтъ, Эврималъ благородный, того не случится, и въ этомъ
Самъ ты увѣренъ. Народъ Аполлоновъ великій сегодня
Празднуетъ праздникъ: въ такой день натягивать лукъ неприлично;
Спрячемъ же лукъ; а жердей выносить намъ не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть ихъ, конечно, никто изъ живущихъ
Въ домѣ царя Одиссея рабовъ и рабынь не помыслитъ.
Намъ же опять благовоннымъ виномъ пусть наполнитъ глашатай
Кубки, а лукъ Одиссеевъ запремъ, совершивъ возліянье.
Завтра поутру пускай козоводъ, нашъ разумный Мелантій,
Козъ приведетъ намъ отборныхъ, чтобъ здѣсь принести Аполлону,
Лука сгибателю, бедра ихъ въ жертву. Согнуть онъ поможетъ
Лукъ Одиссеевъ; и силы надъ нимъ не истратимъ напрасно.—
Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложенье.
Тутъ для умытія рукъ имъ глашатаи подали воду;
Отроки, свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ,
Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкуснымъ питьемъ насладились они, сотворивъ возліянье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:—
Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Вотъ вамъ—тебѣ, Эврималъ, и тебѣ, Антиной богоравный,
Столь разсудительно дѣло рѣшившіе—добрый совѣтъ мой:
Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ предавъ остальное;
Завтра рѣшитъ Аполлонъ, кто изъ васъ побѣдителемъ будетъ;
Мнѣ же отвѣдать позвольте чудеснаго лука; узнать мнѣ
Дайте, осталось ли въ мышцахъ моихъ изнуренныхъ хоть мало
Силы, меня оживлявшей въ давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ уничтоженъ.—
Кончилъ. Но просьбы его не одобрилъ никто. Испугался
Каждый при мысли, что съ гладкоблистающимъ лукомъ онъ сладитъ.
Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
—Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль разсудка лишился?
Мало того, что спокойно, допущенный въ общество наше,
Здѣсь ты пируешь, обѣдая съ нами, и всѣ разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здѣсь еще никакому
Нищему не было нами дозволено? Все недоволенъ!
Видно, твой умъ отуманенъ медвянымъ виномъ; отъ вина же
Всякій, его неумѣренно пьющій, безумѣетъ. Былъ имъ
Нѣкогда Эвритіонъ, многославный кентавръ, обезумленъ.
Въ домъ Пиритоя, великою славнаго силой, вступивши,
Праздновалъ тамъ онъ съ лапиоами; разума пьянствомъ лишенный,
Буйствовать звѣрски онъ вдругъ принялся въ Пиритоевомъ домѣ.
Всѣ раздражились лапиоы; покинувъ трапезу, изъ залы

Силой его утащили на дворъ, и нещадною мѣдью
Уши и носъ обрубили они у него; и разсудка
Вовсе лишенный, кентваръ убѣжалъ, поношеньемъ покрытый.
Злая зажглась отъ того у кентавровъ съ лапиѳами распря;
Онъ же отъ пьянства тамъ первый плачевную встрѣтилъ погибель.
Такъ и съ тобою случится, бродяга безсмысленный, если
Этотъ осмѣлишься лукъ натянуть: не молвою прославленъ
Будешь ты въ области нашей; на твердую землю ты будешь
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ;
Тамъ ужъ ничѣмъ не спасешься отъ гибели жалкой. Сиди же
Смирно и пей; и на старости силой не спорь съ молодыми.—
Онъ замолчалъ. Возражая, сказала ему Пенелопа:
—Нѣтъ, Антиной, непохвально бъ весьма и неправедно было,
Если бъ гостей Телемаковыхъ кто здѣсь лишалъ ихъ участка.
Или ты мыслишь, что этотъ старикъ, натянувши великій
Лукъ Одиссеевъ, на силу свою полагаясь, помыслитъ
Мной завладѣть и свою безразсудно мнѣ руку предложитъ?
Это, конечно, ему не входило и сонному въ мысли;
Будьте жъ спокойны и долѣ такимъ опасеньемъ не мучьте
Сердца—ни вздумать того, ни на дѣлѣ исполнить не можно.—
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
—О, многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Мы не боимся, чтобъ дерзость такую замыслилъ онъ—это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толковъ, чтобъ кто не сказалъ межъ ахейцами, низкій породой:—
Жалкіе люди они! за жену безпорочнаго мужа
Вздумали свататься; лука жъ его натянуть не умѣютъ.
Вотъ посѣтилъ ихъ нашъ братъ побродяга, покрытый отрепьемъ;
Легкой рукою тетиву натянулъ и всѣ кольца стрѣлою
Мѣтко пробилъ онъ. Такъ скажутъ. И будетъ намъ стыдъ нестерпимый.—
Кончилъ. Разумная старца Икарія дочь возразила:
—Нѣтъ, Эвримахъ, на себя порицанье и стыдъ навлекаютъ
Люди, которые домъ и богатства отсутственныхъ грабятъ,
Правду забывши; а тутъ вамъ стыда никакого не будетъ;
Этотъ же странникъ, и ростомъ высокій и мышцами сильный,
Родомъ не низокъ: рожденъ, говоритъ онъ, отцомъ знаменитымъ.
Дайте же страннику лукъ Одиссеевъ—увидимъ, что будетъ.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится вѣрно),
Если натянетъ онъ лукъ и его Аполлонъ тѣмъ прославитъ,
Мантію дамъ я ему и красный хитонъ и подошвы
Ноги обуть; дамъ копье на собакъ и на встрѣчу съ бродягой;
Также и мечъ онъ получитъ, съ обѣихъ сторонъ заощренный;
Послѣ и сердцемъ въ желанную землю его я отправлю.—
Ей возражая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Милая мать, Одиссеевымъ лукомъ не можетъ никто здѣсь
Властвовать; дать ли, не дать ли его, я одинъ лишь на это
Право имѣю—никто изъ живущихъ въ гористой Итакѣ
Иль на какомъ острову, съ многоконной Элидою смежномъ.
Если придетъ мнѣ на умъ, здѣсь никто запретить мнѣ не можетъ
Страннику стрѣлы и лукъ подарить, и унесть ихъ позволить.
Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были; судить же о лукѣ не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.—
Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Тою порою, взявъ стрѣлы и лукъ, свинопасъ къ Одиссею
Съ ними пошелъ. На него всей толпой женихи закричали.

Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ:
—Стой, свинопасъ безтолковый! Куда ты бредешь, какъ безумный,
Съ лукомъ? Ты будешь своимъ же собакамъ, которыхъ вскормилъ здѣсь
Самъ, чтобъ свиней сторожить, на съѣденіе выброшенъ, если
Намъ Аполлонъ и блаженные боги дарують побѣду.—
Такъ говорили они. Свинопасъ оглушенный ихъ крикомъ,
Лукъ, оробѣвъ, ужъ готовъ былъ поставить на прежнее мѣсто;
Но Телемакъ, на него погрозяся, разгнѣванный крикнулъ:
—Съ лукомъ сюда! Ты, Эвмей, ошалѣлъ; ужъ не хочешь ли волѣ
Всѣхъ угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и старъ ты, я въ поле
Камнями самъ провожу: молодой старика одолѣетъ.
Если бы силой такой я одинъ одаренъ былъ, какую
Всѣ совокупно имѣютъ они, женихи Пенелопы,
Въ страхѣ тогда по своимъ бы домамъ разбѣжалися разомъ
Всѣ они, въ домѣ моемъ беззаконій творящіе много.—
Такъ онъ сказалъ имъ. Они неописанный подняли хохотъ.
Въ сердцѣ, однако, у нихъ на немъ присмирѣла досада.
Волю его исполняя, Эвмей черезъ залу прошедши,
Лукъ и колчанъ со стрѣлами вручилъ Одиссею; потомъ онъ,
Кликнувъ усердную няню его Эвриклею, сказалъ ей:
—Слушай, тебѣ повелѣлъ Телемакъ, чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
Шумъ иль стенанье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ ни заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.—
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
Тотчасъ она; а Филотій, покинувъ украдкою залу,
Вышелъ на дворъ, обнесенный оградой, и заперъ ворота;
Былъ тамъ въ сѣняхъ корабельный пеньковый канатъ; имъ связалъ онъ
Крѣпко затворъ у воротъ и, въ столовую снова вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ,
Очи вперивъ въ Одиссея, который, въ рукахъ обращая
Лукъ свой туда и сюда, осторожно разсматривалъ, цѣлы ль
Роги, и не было ль что безъ него въ нихъ попорчено червемъ.
Глядя другъ-на́-друга, такъ женихи межъ собой разсуждали:
—Видно, знатокъ онъ, и съ лукомъ привыкъ обходиться; быть-можетъ,
Луки работаетъ самъ и, имѣя ужъ лукъ, начатый имъ
Дома, намѣренъ его по образчику этого сладить;
Видите ль, какъ онъ, бродяга негодный, его разбираетъ?—
Но—отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ—удастся
Опытъ ужъ вѣрно ему! и всегда пусть такую жъ удачу
Встрѣтитъ во всемъ онъ, какъ здѣсь, съ Одиссеевымъ лукомъ.—
Такъ женихи говорили, а онъ преисполненный страшныхъ
Мыслей, великій осматривалъ лукъ. Какъ пѣвецъ, пріобыкшій
Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣснопѣнья готовясь,
Строитъ ее, и упругія струны на ней, изъ овечьихъ
Свитыя тонкотягучихъ кишокъ, безъ труда напрягаетъ—
Такъ безъ труда во мгновеніе лукъ непокорный напрягъ онъ.
Крѣпкую правой рукой тетиву натянувши, онъ ею
Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ.
Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и въ лицѣ измѣнились
Всѣ—тутъ ужасно Зевесъ загремѣлъ съ вышины, подавая
Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло:
Въ громѣ Зевесовомъ онъ предвѣщанье благое услышалъ.
Быструю взялъ онъ стрѣлу, на столѣ отъ него недалеко
Вольно лежавшую; прочія жъ заперты въ тѣсномъ колчанѣ
Были—но скоро ихъ шумъ женихамъ надлежало услышать.
Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ концомъ опереннымъ,
Сидя на мѣстѣ своемъ, натянулъ и, прицѣлялся, въ кольца

Выстрѣлилъ—быстро отъ перваго всѣ до послѣдняго кольца,
Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, заощренная мѣдью.
Тутъ, обратясь къ Телемаку, воскликнулъ стрѣлецъ богоравный:
— Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ, не нанесъ посрамленья.
Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ не много
Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, скитаясь, утратилъ
Силы, хотя женихи и ругаются мной безпощадно.
Должно, однако, покуда свѣтло, угощенье иное
Имъ приготовить; и пѣніе съ звонкою цитрой, душою
Пира, на новый, теперь имъ приличнѣйшій ладъ перестроить.—
Такъ онъ сказалъ и бровями повелъ. Телемакъ богоравный
Понялъ условленный знакъ; онъ немедля свой мечъ опоясалъ,
Въ руки схватилъ боевое копье и за студомъ отцовымъ
Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ мѣднымъ блестящій.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

Одиссей убиваетъ Антиноя, открывается женихамъ и отвергаетъ мирное предложеніе Эвримаха. Телемакъ приноситъ сверху оружія; онъ забываетъ затворить дверь, и въ нее входитъ Мелантій, который снабжаетъ оружіями жениховъ, но схваченъ потомъ Эвмеемъ и Филотіемъ; они запираютъ его связаннаго на верху. Явленіе Аѳины, сперва въ видѣ Ментора, потомъ въ видѣ ласточки; она приводитъ въ разстройство чувства жениховъ. Всѣ они, кромѣ глашатая Медонта и пѣвца Фемія, умерщвлены. Одиссей повелѣваетъ вынести трупы изъ столовой. Казнь рабынь и Мелантія. Одиссей посылаетъ Эвриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросивъ поспѣшно съ себя, Одиссей хитроумный
Прянулъ, держа свой колчанъ со стрѣлами и лукъ, на высокій
Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя высыпалъ стрѣлы
На полъ у ногъ, и потомъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ:
—Этотъ мнѣ опытъ, друзья-женихи, удалося окончить;
Новую цѣль я, въ какую никто не стрѣлялъ до сего дня,
Выбралъ теперь, и въ нее угодить Аполлонъ мнѣ поможетъ.—
Такъ говоря, онъ прицѣлился горькой стрѣлой въ Антиноя:
Взявъ со стола золотую съ двумя рукоятями чашу,
Пить изъ нея Антиной ужъ готовъ былъ вино; беззаботно
Полную чашу къ устамъ подносилъ онъ; и мысли о смерти
Не было въ немъ. И никто изъ гостей многочисленныхъ пира
Вздумать не могъ, чтобъ одинъ человѣкъ на толпу ихъ замыслилъ
Дерзко ударить и разомъ предать ихъ губительной Керѣ.
Выстрѣлилъ, грудью подавшись впередъ, Одиссей, и пронзила
Горло стрѣла; острее смертоносное вышло въ затылокъ;
На бокъ упалъ Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпавъ изъ рукъ; и горячимъ ключомъ изъ ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнулъ отъ себя онъ
Столъ и его опрокинулъ; вся пища (горячее мясо,
Хлѣбъ и другое), смѣшавшись, свалилася на полъ. Ужасный
Подняли крикъ женихи, Антиноя узрѣвъ умерщвленнымъ.
Всею толпою со стульевъ вскочили они и, глазами
Бѣгая вкругъ по стѣнамъ обнаженнымъ, искали оружій—
Не было тамъ ни щита, ни копья, заощреннаго мѣдью.
Гнѣвными начали всѣ упрекать Одиссея словами:
— Выстрѣлъ твой будетъ бѣдою тебѣ, чужеземецъ; послѣдній
Сдѣлалъ ты выстрѣлъ теперь; ты погибъ неизбѣжно; убилъ ты
Мужа, изъ всѣхъ, обитающихъ въ вольнообъятой Итакѣ,
Самаго знатнаго; будешь за то ястребами расклеванъ!—
Мнили они, что случайно стрѣлой чужеземца товарищъ
Ихъ умерщвленъ былъ. Безумцы! они въ слѣпотѣ не видали
Сѣти, которою близкая всѣхъ ихъ опутала гибель.
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
— А! вы, собаки! вамъ чудилось всѣмъ, что домой ужъ изъ Трои
Я не приду никогда, что вольны безпощадно вы грабить
Домъ мой, насильствуя гнусно моихъ въ немъ служанокъ, тревожа
Душу моей благородной жены сватовствомъ ненавистнымъ,
Правду святую боговъ позабывъ, не страшася ни гнѣва

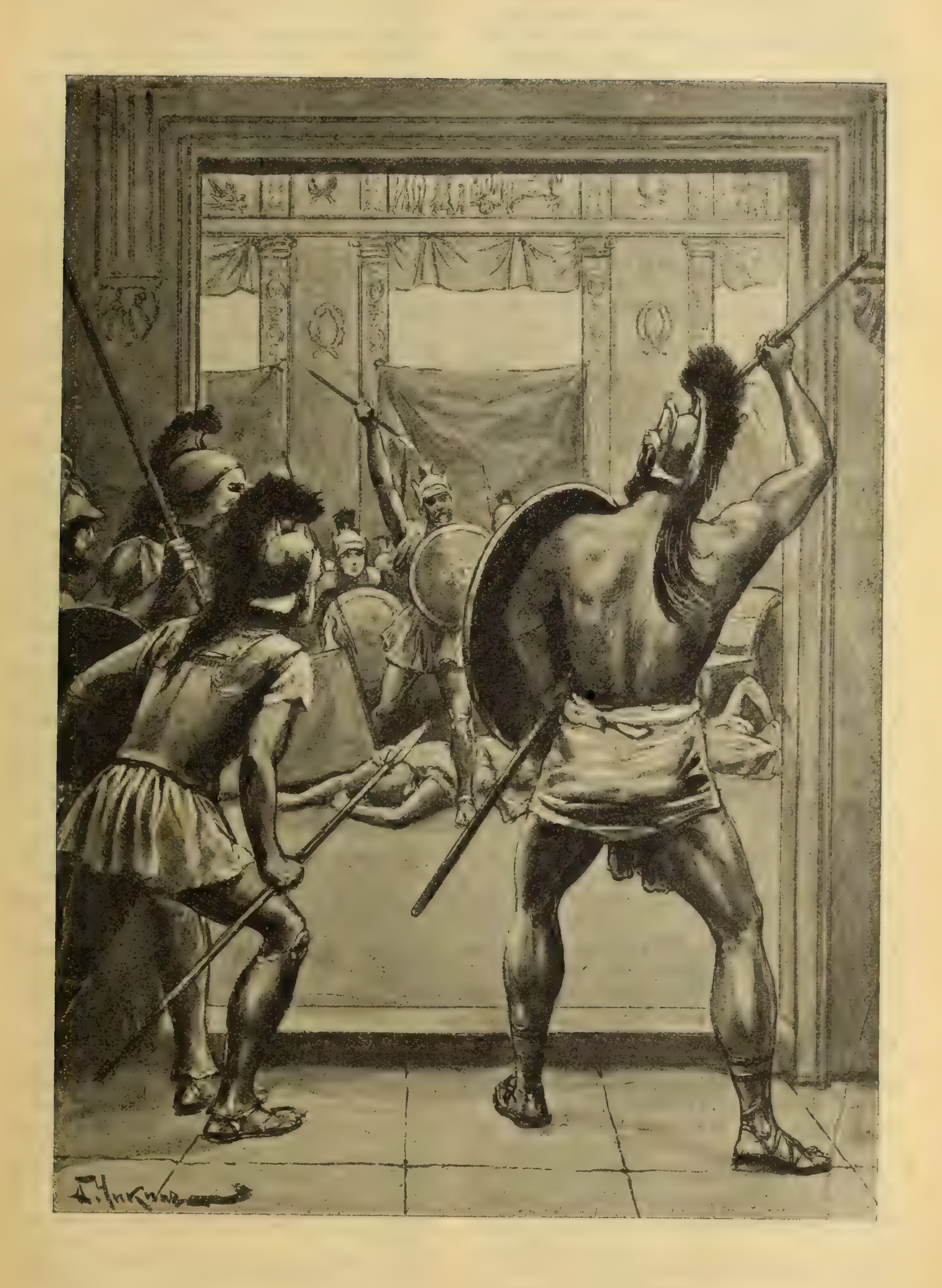
Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дѣла беззаконныя мести!
Въ сѣть неизбѣжной погибели всѣ, наконецъ, вы попали.—
Такъ онъ сказалъ имъ, и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ;
Всѣ, озираясь, глазами искали дороги для бѣгства.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, бросилъ крылатое слово:
— Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой,
Праведны всѣ обвиненья твои. Беззаконнаго много
Въ домѣ твоемъ и въ твоихъ областяхъ совершилось; но здѣсь онъ,
Главный виновникъ всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежитъ. Онъ одинъ, зломышленій всегдашнихъ зачинщикъ,
Насъ поджигалъ: не о бракѣ одномъ онъ съ твоей Пенелопой
Думалъ; иное, чего не позволилъ Кроніонъ, таилось
Въ сердцѣ его: похищеніе власти царя; Телемака,
Власти державной наслѣдника, смерти предать замышлялъ онъ.
Нынѣ судьбой онъ постигнутъ; а ты, Одиссей, пощади насъ,
Подданныхъ; послѣ назначишь намъ цѣну, какую захочешь
Самъ, за вино, за ѣду и за все, что истрачено нами;
То, что здѣсь стоятъ откормленныхъ двадцать быковъ, дастъ охотно
Мѣдью и золотомъ каждый изъ насъ, чтобъ склонить на пощаду
Гнѣвъ твой; теперь же твой праведенъ гнѣвъ; на него мы не ропщемъ.—
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный:
— Нѣтъ, Эвримахъ—и хотя бы вы съ вашимъ сполна всѣ богатства
Вашихъ отцовъ принесли мнѣ, прибавя къ нимъ много чужого—
Руки мои васъ губить не уймутся до тѣхъ поръ, покуда
Кровію вашей обиды моей дочиста́ не омою.
Выборъ теперь вамъ одинъ: иль со мной, защищаяся, бейтесь,
Или бѣгите отсюда, спасаясь отъ Керъ и отъ смерти—
Знайте, однако, что Керы васъ всѣхъ на пути переловятъ.—
Такъ говорилъ онъ, у нихъ задрожали колѣна и сердце.
Тутъ Эвримахъ, обратясь къ женихамъ устрашеннымъ, воскликнулъ:
— Этотъ свирѣпый безжалостныхъ рукъ не уйметъ, завладѣвши
Лукомъ могучимъ и полнымъ стрѣлами колчаномъ; до тѣхъ поръ
Будетъ съ порога высокаго стрѣлы пускать онъ, покуда
Всѣхъ не положитъ насъ мертвыхъ. Друзья, не дадимся жъ безъ боя
Въ руки ему; обнажите мечи, и столами закройтесь
Противъ налета убійственныхъ стрѣлъ; всей толпою наперши,
Можемъ мы, сбивши съ порога его и изъ притолокъ двери
Вытѣснивъ, выбѣжать изъ дома, броситься въ городъ, и въ помощь
Скликать людей; разстрѣляетъ онъ скоро ужасныя стрѣлы.—
Такъ онъ сказавъ, изъ ноженъ, ободрившійся, выхватилъ мечъ свой,
Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ заощренный, и съ крикомъ ужаснымъ
Прянулъ впередъ. Но навстрѣчу ему Одиссей богоравный
Выстрѣлилъ; грудь близъ сосца проколола, и, въ печень вонзившись,
Крѣпко засѣла въ ней злая стрѣла. Изъ руки ослабѣвшей
Выронилъ мечъ онъ, за столъ уцѣпиться хотѣлъ и, споткнувшись,
Вмѣстѣ упалъ со столомъ; вся ѣда со стола и двудонный
Кубокъ свалилися наземь; онъ объ полъ стучалъ головою,
Болью проникнутый; ноги отъ судорогъ бились; ударомъ
Пятокъ онъ стулъ опрокинулъ; его, наконецъ, потемнѣли
Очи. Тогда Анфиномъ благородный, вскочивъ, устремился
Въ бой; уповая, что противъ него Одиссей не замедлитъ
Выйти, сошедши съ порога, свой мечъ обнажилъ онъ; но сзади
Бросилъ копье Телемакъ, заощренное мѣдью, вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся объ полъ лицомъ Анфиномъ. Телемакъ же проворно
Прочь отскочилъ; онъ копья не хотѣлъ изъ убитаго вырвать,
Сердцемъ тревожась, чтобъ въ это мгновеніе, съ боку напавши,
Кто изъ ахеянъ его, занятого копья исторженьемъ,
Острымъ мечомъ не пронзилъ неожиданно; свой совершивши
Смертный ударъ, подъ защиту отца поспѣшилъ онъ укрыться.
Близко къ нему подбѣжавши, онъ бросилъ крылатое слово:

—Щитъ, два копья мѣдноострыхъ, родитель, и крѣпкій, изъ твердой
Мѣди, къ твоей головѣ приспособленный шлемъ принесу я;
Самъ же надѣну и латы; Эвмею съ Филотіемъ вѣрнымъ
Также надѣть ихъ велю; безопаснѣе въ латахъ намъ будетъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Дѣльно! бѣги и, пока не истратилъ я стрѣлъ, возвратися;
Иначе, буду, оставшись одинъ, оттѣсненъ отъ защитныхъ
Притолокъ.—Такъ онъ сказалъ; Телемакъ все исполнилъ поспѣшно:
Бросясь въ ту верхнюю горницу, гдѣ находились доспѣхи,
Взялъ тамъ четыре щита онъ, четыре съ густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящихъ окованныхъ мѣдью
Копій; и съ ношей своей онъ къ отцу возвратился немедля;
Прежде, однако, надѣлъ на себя мѣднолитныя латы;
Мѣдными латами также облекшись, Эвмей и Филотій
Стали съ боковъ Одиссея, глубокою полнаго думой.
Онъ же, покуда еще оставались пернатыя стрѣлы,
Каждой стрѣлой въ одного изъ враговъ попадалъ, не давая
Промаха; другъ подлѣ друга валяся, они издыхали.
Но напослѣдокъ, когда истощилися стрѣлы, великій
Лукъ Одиссей опустилъ, не имѣя въ немъ болѣе нужды,
Къ притолкѣ свѣтлой его прислонилъ и стоять тамъ оставилъ.
Четверокожнымъ щитомъ облачивши плеча, на могучей
Онъ головѣ укрѣпилъ мѣднокованный шлемъ, осѣненный
Конскимъ хвостомъ, подымавшимся страшно на гребнѣ, и въ руку
Взялъ два копья боевыхъ, заощренныхъ смертельною мѣдью.
Тамъ недалеко отъ главныхъ дверей находилась другая
Тайная дверь; отъ высокаго зала пространной порога
Тѣсный былъ этою дверью на улицу выходъ изъ дома;
Доступъ желая къ нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказалъ передъ дверью, чѣмъ всякій исходъ былъ отрѣзанъ.
Тутъ Агелай, къ женихамъ обратясь, имъ крылатое слово
Бросилъ:—Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбѣжать, крикнуть тревогу, и намъ поскорѣй на помощь
Вызвать людей? Ужъ свои разстрѣлялъ онъ послѣднія стрѣлы.—
Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ Агелаю:
—Нѣтъ, Агелай благородный, нельзя; потаенныя двери
Слишкомъ у нихъ на виду, да и выходъ такъ тѣсенъ, что цѣлой
Можетъ толпѣ заградить тамъ дорогу одинъ небезсильный.
Но погодите, оружіе вамъ я найти не замедлю;
Горницу знаю, въ которой доспѣхи, изъ этой палаты
Взятые, кучею склалъ Одиссей, помогаемый сыномъ.—
Такъ Агелаю сказавъ, злоковарный Мелантій обходомъ
Въ горницу тайно пробрался, гдѣ складены были доспѣхи.
Вынесъ оттуда двѣнадцать великихъ щитовъ онъ, двѣнадцать
Копій и столько же мѣдныхъ хвостами украшенныхъ шлемовъ.
Съ ними назадъ возвратясь, женихамъ ихъ поспѣшно онъ роздалъ.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна, когда онъ,
Вдругъ оглянувшись, увидѣлъ ихъ въ шлемахъ, съ щитами, трясущихъ
Длинными копьями; гибель ему неизбѣжной явилась.
Къ сыну тогда обратившись, онъ бросилъ крылатое слово:
—Вѣрно, какая изъ нашихъ рабынь, Телемакъ, измѣнивши
Намъ, помогаетъ противникамъ нашимъ, иль хитрый Мелантій?—
Робко на то отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Горе! мое небреженье причиной всему; я виновникъ
Этой бѣды—заспѣшивъ, позабылъ оружейной палаты
Дверь запереть, и лазутчикъ, хитрѣе меня, побывалъ тамъ.
Слушай, мой честный Эвмей, побѣги ты туда, и за дверью
Стань тамъ и жди; кто придетъ, ты увидишь служанка ль какая,
Или Мелантій? Я самъ на него подозрѣнье имѣю.—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя тайно.

Тою порой за оружіемъ хитрый Мелантій собрался
Снова прокрасться на верхъ. То примѣтивъ, Эвмей богоравный
На-ухо такъ прошепталъ Одиссею, стоявшему близко:
—О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Вотъ онъ, предатель; его угадалъ я; онъ крадется, видишь,
Снова туда же за оружіемъ; что, государь, повелишь мнѣ
Сдѣлать? Убить ли крамольника, если удастся съ нимъ сладить?
Или насильно сюда притащить, чтобъ надъ нимъ наказанье
Самъ совершилъ ты за наглое въ домѣ твоемъ поведенье?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Съ сыномъ моимъ Телемакомъ я здѣсь жениховъ многобуйныхъ
Буду удерживать, какъ бы ни сильно ихъ бѣшенство было:
Ты жъ и Филотій предателю руки и ноги загните
На спину; послѣ, скрутивъ на спинѣ ихъ, его на веревкѣ
За руки вздерните вверхъ по столбу и вверху привяжите
Крѣпкимъ узломъ къ потолочинѣ; двери жъ, ушедши, замкните;
Въ страшныхъ мученьяхъ пускай тамъ виситъ ни живой онъ, ни мертвый.—
То повелѣнье царское было исполнено скоро:
Вмѣстѣ пошли свинопасъ и Филотій; подкравшися, стали
Справа и слѣва они у дверей дожидаться, чтобъ вышелъ
Онъ къ нимъ изъ горницы, гдѣ женихамъ во второй разъ доспѣхи
Бралъ. И лишь только Мелантій ступилъ на порогъ (несъ прекрасный
Гривистый шлемъ онъ одною рукой, а въ другой находился
Старый, широкій, подернутый плѣсенью щитъ, въ молодые
Давніе годы герою Лаэрту служившій, теперь же
Брошенный, вовсе худой, безъ ремней, съ перегнившими швами),
Кинулись оба на вора они; въ волоса уцѣпившись,
На полъ его повалили, кричащаго громко, и крѣпко
Руки и ноги ему, ихъ съ великою болью загнувши
На спину, сзади крутили плетенымъ ремнемъ, какъ велѣлъ имъ
Самъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный.
Вздернувши послѣ веревкою вверхъ по столбу, привязали
Къ твердой его потолочинѣ; тамъ и остался висѣть онъ.
Съ злобной насмѣшкой ему тутъ сказалъ свинопасъ богоравный:
—Будь здѣсь покуда заботливымъ сторожемъ, честный Мелантій;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Вѣрно, теперь не проспишь златотронной въ туманѣ рожденной
Эосъ, въ ея восхожденіи съ водъ Океана, и въ пору
Козъ на обѣдъ женихамъ многославнымъ отборныхъ пригонишь.—
Кончилъ. И бросивъ его тамъ, висящаго въ страшныхъ мученьяхъ,
Оба съ оружіемъ, дверь за собой затворивъ, удалились.
Къ мѣсту они подошли, гдѣ стоялъ Одиссей хитроумный.
Яростью всѣ тамъ кипѣли. Въ дверяхъ на высокомъ порогѣ
Четверо грозно стояли; другіе толпились въ палатѣ.
Къ первымъ тогда подошла свѣтлоокая дочь громовержца,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина.
Ей Одиссей, ободрившійся, бросилъ крылатое слово:
—Менторъ, сюда! помоги намъ; бывалое дружество вспомни;
Много добра отъ меня ты имѣлъ, мой возлюбленный сверстникъ.—
Такъ говорилъ онъ, а внутренно мыслилъ, что видитъ Аѳину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказалъ Агелай, сынъ Дамасторовъ: —Будь остороженъ,
Менторъ, не слушай его убѣжденій, не думай въ сраженье
Съ нами вступать, давая ему безразсудную помощь.
Съ нами одинъ онъ не сладитъ, свое мы возьмемъ; но когда мы
Ихъ пересиливъ обоихъ, отца уничтожимъ и сына,
Съ ними тогда умертвимъ и тебя ненавистнаго, если
Вздумаешь здѣсь къ нимъ пристать; головою заплатишь за дерзость;
Послѣ жъ, когда уничтожитъ васъ мѣдь безпощадная, все мы,
Что ни имѣешь ты дома иль въ полѣ, возьмемъ, и смѣшавши

Вмѣстѣ съ добромъ Одиссеевымъ, между собою раздѣлимъ;
Выгонимъ изъ дому вашихъ дѣтей; сыновьямъ, дочерямъ здѣсь
Вашимъ не жить; и разстанутся ваши съ Итакою жены.—
Кончилъ онъ. Дерзость его раздражила богиню Аѳину.
Гнѣвными стала она упрекать Одиссея словами:
—Нѣтъ ужъ въ тебѣ, Одиссей, той отваги могучей, съ которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь свѣтлоокую Зевса,
Девять съ троянами лѣтъ такъ упорно сражался; въ то время
Много погибло враговъ отъ тебя въ истребительной битвѣ;
Хитрость твоя, наконецъ, и Пріамовъ разрушила городъ.
Что жъ? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, съ женихами
Такъ нерѣшительно, медленно къ битвѣ теперь приступаешь?
Другъ, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, какъ смѣло
Противъ враговъ, на тебя нападающихъ здѣсь совокупно,
Выступитъ Менторъ Алкимидъ, тебѣ за добро благодарный.—
Кончивъ, она Одиссею не вдругъ даровала побѣду:
Бодрость царя и разумнаго сына его Телемака
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдругъ превратилась, взвилась къ потолку, на черной отъ дыма
Тамъ перекладинѣ легкою, сизою ласточкой сѣла.
Тою порой Агелаемъ, Дамастора сыномъ отважнымъ,
Димоптолемъ, Эвриномъ и Пизандръ, сынъ Поликторовъ бодрый
Съ Анфимедономъ и умнымъ Политосомъ яростно были
Въ бой подстрекаемы (силой они отличались отъ прочихъ,
Сколько еще ихъ тамъ было живыхъ и спастись уповавшихъ
Боемъ; другіе же, всѣ умерщвленные, кучей лежали).
Такъ, обратясь къ остальнымъ, Агелай благородный воскликнулъ:
—Этотъ свирѣпый, я думаю, скоро отъ боя уймется:
Менторъ покинулъ его, безполезно нахваставъ; одинъ онъ
Съ ними теперь на высокомъ порогѣ стоитъ беззащитный.
Разомъ всѣхъ копій своихъ мѣдноострыхъ, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть; и великая будетъ намъ слава,
Если его поразимъ, ненавистнаго, съ помощью Зевса;
Съ прочими жъ сладить нетрудно, лишь только бъ сломить Одиссея.—
Такъ онъ сказалъ и, ему повинуясь, пустили другіе
Разомъ шесть копій; но сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ Аѳина:
Вкось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
Двери одно, а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну; когда же
Всѣхъ, женихами въ нихъ брошенныхъ копій они избѣжали,
Такъ обратяся къ своимъ, Одиссей хитроумный сказалъ имъ:
—Очередь наша теперь; приступите, товарищи, къ дѣлу,
Копья нацѣльте и бросьте въ толпу жениховъ, уничтожить
Насъ замышляющихъ, прежде столь много обидъ намъ нанесши.—
Такъ онъ сказалъ. И прицѣлясь, они мѣдноострыя копья
Кинули разомъ: и Димоптолема сразилъ многосильный
Самъ Одиссей, Телемакъ Эвріада, Филотій Пизандра,
Старый Эвмей свинопасъ поразилъ Элатопа; и разомъ
Всѣ повалились они, съ скрежетаніемъ стиснувши зубы.
Прочіе, къ дальней стѣнѣ отбѣжавши толпой и поспѣшно
Вырвавъ изъ труповъ кровавыхъ вонзенныя въ нѣдра ихъ копья,
Снова ихъ разомъ въ противниковъ, мѣтко прицѣлясь, пустили;
Снова Аѳина могучая сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ.
Вкось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
Двери одно, а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну. Однако,
Анфимедонъ Телемака поранилъ, въ ручную попавши
Кисть: пролетая, копье остреемъ оцарапало кожу.
Тронулъ плечо надъ щитомъ у Эвмея Ктезиппъ длинноострой
Мѣдью; копье же надъ нимъ прошумѣвъ, водрузилося въ землю.

Стоя съ боковъ Одиссея, ужасною полнаго думой,
Снова они въ жениховъ неизбѣжныя бросили копья.
Эвридаманта сразилъ Одиссей, городовъ сокрушитель;
Амфидамантъ былъ пронзенъ Телемакомъ, Полипъ свинопасомъ;
Мѣтко нацѣливъ копьемъ мѣдноострымъ, Филотій Ктезиппу
Грудь просадилъ и, удачнымъ ударомъ хвалясь, онъ воскликнулъ:
—Сынъ Полиѳердовъ, лихой на обидныя рѣчи, теперь ты
Дерзкій языкъ свой уймешь отъ ругательствъ нахальныхъ; предайся
Въ волю боговъ; имъ однимъ подобаетъ и слава и сила.
Я же тебя одарилъ здѣсь за ногу коровью, которой
Такъ благосклонно попотчевалъ ты Одиссея бродягу.—
Такъ говорилъ криворогихъ быковъ сторожитель Филотій.
Тою порой умерщвленъ былъ Дамасторовъ сынъ Одиссеемъ,
Сынъ Леокритовъ, младой Эйвеноръ былъ убитъ Телемакомъ:
Острою мѣдью въ животъ пораженный, лицомъ онъ, со всѣхъ ногъ
Грянувшись, объ полъ ударился, жалобно охнулъ и умеръ.
Тутъ съ потолка наклонила надъ ихъ головами Паллада
Страшную людямъ эгиду: и ужасъ разстроилъ ихъ чувства.
Начали бѣгать они, ошалѣвъ, какъ коровы, когда ихъ
Вешней порою (въ то время, какъ дни прибывать начинаютъ)
Густо осыплютъ на пажити слѣпни сердитые. Тѣ жъ ихъ
Били, какъ соколы кривокогтистые съ выгнутымъ клювомъ,
Съ горъ прилетѣвшіе, бьютъ испугавшихся птицъ—и густыми
Стаями съ неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы жъ гонятъ ихъ, ловятъ когтями, и нѣтъ имъ пощады,
Запертъ и путь для спасенья, и травлею тѣшатся люди;
Такъ жениховъ (разогнавъ ихъ по горницѣ) справа и слѣва,
Какъ ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крикъ; былъ разбрызганъ ихъ мозгъ, былъ дымящейся кровью ихъ залитъ
Полъ. Къ Одиссею тогда подбѣжалъ Леодей и колѣна
Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ крылатое слово:
—Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Въ домѣ твоемъ ни одной изъ рабынь, въ немъ живущихъ, ни словомъ
Я не обидѣлъ, ни въ дѣло не ввелъ непристойное; самъ я
Многихъ напротивъ удерживать здѣсь отъ постыдныхъ поступковъ
Тщился—напрасно! отъ зла не отвелъ я ихъ рукъ святотатныхъ;
Страшною участью всѣ неизбѣжно постигнуты нынѣ.
Я же, ихъ жертвогадатель, ни въ чемъ неповинный, ужели
Лягу здѣсь мертвый? Такое ли добрымъ дѣламъ воздаянье?—
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
—Если ты подлинно жертвогадателемъ былъ между ими,
То, безъ сомнѣнія, часто въ жилищѣ моемъ ты молился
Дію, чтобъ мнѣ возвратиться домой запретилъ, чтобъ съ тобою
Въ домъ твой моя удалилась жена и чтобъ съ нею дѣтей ты
Прижилъ—за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избѣгнешь.—Сказалъ. И могучей рукою схвативши
Мечъ, изъ рукъ Агелая въ минуту его умерщвленья
Выпавшій, имъ онъ молящаго сильно ударилъ по шеѣ;
Крикнулъ онъ—въ крикѣ неконченномъ съ плечъ голова покатилась.
Но отъ губительной Керы избѣгнулъ сынъ Терпіевъ, славный
Пѣснями Фемій, всегда жениховъ на пирахъ веселившій
Пѣньемъ; съ своею онъ цитрой въ рукахъ къ потаенной прижавшись
Двери, стоялъ тамъ, колеблясь разсудкомъ, не зная, что выбрать;
Выйти ли въ дверь и сидѣть на дворѣ, обнимая великій
Зевсовъ алтарь, охраняющій домъ, на которомъ такъ часто
Жирныя бедра быковъ сожигалъ Одиссей многославный;
Или къ колѣнамъ его съ умоляющимъ броситься крикомъ?
Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ, что полезнѣе будетъ,
Ставъ на колѣна, Лаэртова сына молить о пощадѣ.
Цитру свою положивъ звонкострунную бережно на полъ,

Между кратерой и стуломъ серебряногвоздным, поспѣшно
Къ сыну Лаэртову дивный пѣвецъ подбѣжалъ и колѣна
Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ крылатое слово:
—Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Самъ сожалѣть ты и сѣтовать будешь, когда пѣснопѣвца,
Сладкимъ безсмертнымъ и смертнымъ поющаго, смерти предашь здѣсь;
Пѣнію самъ я себя научилъ; вдохновеніемъ боги
Душу согрѣли мою; и тебя, Одиссей, я какъ бога
Буду гармоніей струнъ веселить. Не губи пѣснопѣвца!
Будетъ свидѣтелемъ мнѣ и возлюбленный сынъ твой, что волей
Въ домъ вашъ входить никогда я не мыслилъ, что самъ не просился
Пѣснями здѣсь на пиру забавлять жениховъ, что, напротивъ,
Силой сюда приводимъ былъ и пѣлъ здѣсь всегда принужденно.—
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Телемакову силу святую.
Громко отцу закричалъ Телемакъ, находившійся близко:
—Стой! не губи неповиннаго яростной мѣдью, родитель.
Съ нимъ и къ Медонту глашатаю благостенъ будь: обо мнѣ онъ
Въ дѣтствѣ моемъ неусыпно имѣлъ попеченье. Но гдѣ онъ,
Честный Медонтъ? Не убили ль его свинопасъ иль Филотій?
Или онъ самъ злополучный попалъ подъ ударъ твой смертельный?—
Такъ говорилъ Телемакъ; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, подъ стуломъ лежалъ онъ, коровьей
Только-что содранной кожей покрытый, чтобъ Керы избѣгнуть.
Выскочилъ онъ изъ-подъ стула и, сбросивши кожу коровью
Съ плечъ, подбѣжалъ къ Телемаку и, ноги его обхвативши,
Сталъ цѣловать ихъ и въ трепетѣ бросилъ крылатое слово:
—Здѣсь я, душа Телемакъ; заступись за меня, чтобъ отецъ твой
Грозномогучій на мнѣ не отмстилъ безпощадною мѣдью
Злымъ женихамъ, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившимъ здѣсь, и тебя самого оскорблявшимъ безумно.—
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
—Будь благодаренъ ему; онъ тебя сохранилъ, чтобъ отнынѣ
Вѣдалъ и самъ ты и людямъ другимъ говорилъ въ поученье,
Сколь здѣсь благія дѣла намъ спасительнѣй дѣлъ беззаконныхъ;
Слушай теперь: изъ палаты, убійствомъ наполненной, вышедъ,
Сядь на дворѣ у воротъ съ пѣснопѣвцемъ, властителемъ слова;
Я же останусь въ домѣ и все здѣсь устрою, что нужно.—
Такъ онъ сказалъ; и Медонтъ съ пѣснопѣвцемъ, изъ горницы вышедъ,
Оба вблизи алтаря, посвященнаго Зевсу владыкѣ,
Сѣли; но все озирались кругомъ, опасаясь убійства.
Очи водилъ вкругъ себя Одиссей, чтобъ узнать, не остался ль
Кто не убитый, случайно избѣгшій могущества Керы.
Мертвые всѣ, онъ увидѣлъ, въ крови и пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу тамъ, какъ рыбы, которыхъ—
На берегъ, вытащивъ ихъ изъ глубокозеленаго моря
Неводомъ мелкопетлистымъ—рыбакъ высыпаетъ на землю;
Тамъ на пескѣ раскаленномъ ихъ, влаги соленой лишенныхъ,
Геліосъ пламенный душитъ, и всѣ до одной умираютъ.
Мертвые такъ тамъ одинъ на другомъ неподвижно лежали.
Къ сыну сперва обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Долженъ теперь, Телемакъ, ты сюда пригласить Эвриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушкѣ.—
Такъ говорилъ Одиссей. Телемакъ, повинуяся, отперъ
Двери, позвалъ Эвриклею и такъ ей сказалъ: —Эвриклея,
Добрая няня моя, такъ давно за рабынями въ домѣ
Нашемъ смотрящая, все сохраняя усердно въ порядкѣ,
Кличетъ отецъ, говорить онъ съ тобою намѣренъ; поди къ намъ.—
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. И двери отперши тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки,
Вышла она; и старушку повелъ Телемакъ къ Одиссею.

Взорамъ ея Одиссей посреди умерщвленныхъ явился,
Потомъ и кровью покрытый; подобился льву онъ, который
Съѣвши быка, подымается, сытый, и тихо изъ стада—
Грива въ крови и вся страшная пасть, обагренная кровью—
Въ логъ свой идетъ, наводя на людей неописанный ужасъ.
Кровію такъ Одиссей съ головы былъ до ногъ весь обрызганъ.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
Громко хотѣла воскликнуть, чудясь толь великому дѣлу;
Но Одиссей повелѣлъ ей себя воздержать отъ восторга;
Голосъ потомъ свой возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово:
—Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго крика;
Радостный крикъ подымать неприлично при видѣ убитыхъ.
Діевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ беззаконій погибли;
Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ,
Знатный ли, низкій ли былъ онъ, уважить они не хотѣли.
Страшная участь ихъ всѣхъ, наконецъ, злополучныхъ постигла.
Ты же теперь назови мнѣ рабынь, здѣсь живущихъ, дабы я
Могъ отличить развращенныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ межъ ними.—
Такъ онъ сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
—Все я, мой сынъ, объявлю, ничего отъ тебя не скрывая;
Въ домѣ теперь пятьдесятъ мы имѣемъ служанокъ работницъ,
Разнаго возраста; заняты всѣ рукодѣльемъ домашнимъ:
Дергаютъ волну; и каждая въ домѣ свою отправляетъ
Службу. Двадцать изъ нихъ, поведеньемъ развратныхъ, не только
Противъ меня, но и противъ царицы невѣжливы были:
Сынъ твой въ хозяйство вступилъ; но разумно ему Пенелопа
Въ дѣло служанокъ мѣшаться до сихъ поръ еще запрещала.
Я же на верхъ побѣгу, объявить ей великую нашу
Радость: она почиваетъ; знать, боги ей сонъ ниспослали.—
Такъ, возражая, сказалъ Одиссей хитроумный старушкѣ:
—Нѣтъ! не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтобъ рабыни—
Тѣ, на которыхъ ты мнѣ донесла—здѣсь немедля явились.—
Такъ говорилъ Одиссей, и поспѣшно пошла Эвриклея
Кликнуть рабынь и велѣть имъ итти къ своему господину.
Онъ же, позвавъ Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ
Бросилъ крылатое слово, свою изъявляя имъ волю:
—Трупы теперь приберите; пускай вамъ помогутъ рабыни
Вынести ихъ, а потомъ всѣ столы, всѣ богатые стулья
Дочиста здѣсь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
Послѣ жъ, когда приберете совсѣмъ пировую палату,
Всѣхъ поведеньемъ развратныхъ рабынь изъ нея уведите;
Тамъ на дворѣ межъ стѣною и житною круглою башней
Смерти предайте безпутницъ, мечомъ заколовъ длинноострымъ
Каждую; пусть, осрамивши развратомъ мой домъ, наказанье
Примутъ онѣ за союзъ непозволенный свой съ женихами.—
Такъ говорилъ онъ. Тѣмъ временемъ всѣ собралися рабыни,
Жалобно воя; изъ глазъ ихъ катилися крупныя слезы.
Начали трупы онѣ выносить, и въ сѣняхъ многозвучныхъ
Царскаго дома, стѣной обведеннаго, клали ихъ тѣснымъ
Рядомъ, одинъ прислоняя къ другому, какъ самъ Одиссей имъ
Дѣлать предписывалъ; дѣло жъ не по сердцу было рабынямъ.
Вынесши трупы, онѣ и столы, и богатые стулья
Дочиста всѣ ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступомъ тою порой Телемакъ, свинопасъ и Филотій
Въ залѣ просторной весь полъ, обагренный пролитою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
Залу очистивъ и все приведя тамъ въ обычный порядокъ,
Вытти оттуда они осужденнымъ рабынямъ велѣли,
Собрали ихъ на дворѣ межъ стѣною и житною башней
Всѣхъ, и въ безвыходномъ заперли мѣстѣ, откуда спасенья

Быть не могло никакого. И сынъ Одиссеевъ сказалъ имъ:
—Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здѣсь осрамившія, въ домѣ моемъ съ женихами слюбившись.—
Кончивъ, канатъ корабля черноносаго взялъ онъ и туго
Такъ натянулъ, укрѣпивши его на колоннахъ подъ сводомъ
Башни, что было ногой до земли имъ достать невозможно.
Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или какъ голуби въ сѣти
Цѣлою стаей—летя на ночлегъ свой—попавшіе (въ тѣсныхъ
Петляхъ трепещутъ они и ночлегъ имъ становится гробомъ).
Всѣ на канатѣ онѣ голова съ головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть ихъ постигла
Скоро: немного подергавъ ногами, всѣ разомъ утихли.
Силою вытащенъ послѣ на дворъ козоводъ былъ Мелантій;
Мѣдью нещадною вырвали ноздри, обрѣзали уши,
Руки и ноги отсѣкли ему; и потомъ изрубивши
Въ крохи, его на съѣденіе бросили жаднымъ собакамъ.
Руки и ноги свои, обагренныя кровью, омывши,
Въ домъ возвратились они къ Одиссею. Все кончено было.
Тутъ Одиссей, обратясь къ Эвриклеѣ, сказалъ ей: немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной сѣры;
Залу намъ должно скорѣй окурить. Ты потомъ Пенелопѣ
Скажешь, чтобъ сверху сошла и съ собою рабынь приближенныхъ
Всѣхъ привела. Позови равномѣрно и прочихъ служанокъ.—
Такъ повелѣлъ Одиссей. Эвриклея ему отвѣчала:
—То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
Прежде однако тебѣ принесу я опрятное платье;
Этихъ нечистыхъ отрепьевъ на крѣпкихъ плечахъ ты не долженъ
Въ домѣ своемъ многославномъ носить: то тебѣ неприлично.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
—Прежде всего мнѣ огня для куренья подай, Эвриклея.—
Волю его исполняя, пошла Эвриклея, и скоро
Съ сѣрой къ нему и съ огнемъ возвратилась; окуривать началъ
Сѣрой столовую онъ и широкій, стѣной обнесенный
Дворъ. Эвриклея, прошедъ черезъ свѣтлые дома покои,
Стала служанокъ сбирать и немедленно всѣмъ имъ велѣла
Въ залу притти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
Въ залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки онѣ у него цѣловали.
Онъ же далъ волю слезамъ; онъ рыдалъ отъ веселья и скорби,
Всѣхъ при свиданіи милыхъ домашнихъ своихъ узнавая.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО И УТРО СОРОКОВОГО ДНЯ.

Эвриклея приноситъ радостную вѣсть Пенелопѣ, которая идетъ вмѣстѣ съ нею въ пировую палату. Пенелопа медлитъ узнать своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть жителей города, учреждаетъ шумную пляску; омывшись въ купальнѣ, онъ возвращается къ Пенелопѣ и, сказавъ ей тайну, только имъ двумъ извѣстную, уничтожаетъ всѣ ея сомнѣнія. Всѣ ложатся спать. Одиссей и Пенелопа разсказываютъ другъ-другу свои приключенія. Съ наступленіемъ утра Одиссей идетъ къ отцу своему Лаэрту.

Сердцемъ ликуя и радуясь, вверхъ побѣжала старушка
Вѣсть принести госпожѣ, что желанный супругъ возвратился.
Были отъ радости тверже колѣна ея и проворнѣй
Ноги. Подкравшися къ спящей, старушка сказала:—Проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтобъ очами
Все то увидѣть, о чемъ ты скорбѣла душою вседневно:
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все, наконецъ, онъ
Съ нами, и всѣхъ многобуйныхъ убилъ жениховъ, разорявшихъ
Домъ нашъ и тратившихъ наши запасы на зло Телемаку.—
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
— Другъ, Эвриклея, знать, боги твой умъ помутили! Ихъ волей
Самый разумнѣйшій можетъ лишиться мгновенно разсудка,
Можетъ и слабый умомъ пріобрѣсть несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе, въ здравомъ разсудкѣ

Ты бы не стала теперь надъ моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня. И зачѣмъ прервала ты
Сладкій мой сонъ, благодатно усталыя мнѣ затворившій
Очи? Ни разу я такъ не спала съ той поры, какъ супругъ мой
Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Нѣтъ, Эвриклея, поди, возвратися туда, гдѣ была ты.
Еслп бъ не ты, а другая изъ нашихъ домашнихъ служанокъ
Съ вѣстью такой сумасбродной пришла и меня разбудила—
Я бы не ласковымъ словомъ, а бранью насмѣшницу злую
Встрѣтила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея.—
Такъ, возражая, старушка своей госпожѣ отвѣчала:
— Нѣтъ, не смѣяться пришла, государыня, я надъ тобою;
Здѣсь Одиссей! настоящую правду, не ложь я сказала.
Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ всѣ такъ здѣсь ругались—
Онъ Одиссей; Телемакъ о его ужъ давно возвращеньи
Зналъ—но разумно молчалъ объ отцѣ онъ, который, скрываясь,
Здѣсь женихамъ истребленіе вѣрное въ мысляхъ готовилъ.—
Такъ отвѣчала старушка. Съ постели вскочивъ, Пенелопа
Радостно кинулась нянѣ на шею въ слезахъ несказанныхъ.
Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бросила слово:
— Если ты правду сказала, сердечный мой другъ, Эвриклея,
Если онъ подлинно, въ домъ свой, какъ ты говоришь, возвратился,
Какъ же одинъ онъ съ такой жениховъ многочисленной шайкой
Сладилъ? Они всей толпою всегда собиралися въ домѣ.—
Такъ, отвѣчая, разумной царицѣ сказала старушка:
— Свѣдать о томъ не могла я; мнѣ только тамъ слышался тяжкій
Вой убиваемыхъ; въ горницѣ нашей, забившися въ уголъ,
Всѣ мы сидѣли, на ключъ запершись и не смѣя промолвить
Слова, покуда твой сынъ, Телемакъ, изъ столовой не вышелъ
Кликнуть меня: онъ за мною самимъ Одиссеемъ былъ посланъ.
Тамъ Одиссей мнѣ явился, межъ мертвыми страшно стоящій;
Трупы ихъ были одинъ на другомъ на полу, обагренномъ
Кровью, наброcаны: радостно было его мнѣ увидѣть.
Потомъ и кровью покрытый, онъ грозному льву былъ подобенъ.
Трупы убитыхъ теперь всѣ лежатъ на дворѣ за дверями
Кучею. Онъ же, заботяся домъ окурить благовонной
Сѣрой, огонь разложилъ; а меня за тобою отправилъ.
Ждетъ онъ, пойдемъ; наконецъ вамъ обоимъ проникнетъ веселье
Душу, которая столько жестокихъ тревогъ претерпѣла:
Главное, долгое милаго сердца желанье свершилось;
Живъ онъ, домой невредимъ возвратился и дома супругу
Съ сыномъ живыми нашелъ, а враговъ, истребителей дома,
Въ домѣ своемъ истребилъ, и обиды загладило мщенье.—
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
— Другъ, Эвриклея, не радуйся слишкомъ до времени; всѣмъ намъ
Было бы счастьемъ великимъ его возвращенье въ отчизну—
Мнѣ жъ особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я, однако, тому, что о немъ ты сказала, не вѣрю;
Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, раздраженный
Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ наказавшій злодѣйства.
Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ—
Знатный ли, низкій ли къ нимъ приходилъ— уважать не хотѣли;
Сами погибель они на себя навлекли; но супругъ мой...
Намъ ужъ его не видать; въ отдаленьи плачевномъ погибъ онъ.—
Ей Эвриклея разумная такъ, возражая, сказала:
— Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Онъ, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вѣчно
Онъ не воротится; если же такъ ты упорна разсудкомъ,
Вѣрный онъ признакъ покажетъ: рубецъ на колѣнѣ: свирѣпымъ
Вепремъ, ты вѣдаешь, нѣкогда былъ на охотѣ онъ раненъ;

Ноги ему омывая, рубецъ я узнала; объ этомъ
Тотчасъ хотѣла сказать и тебѣ; но зажавъ мнѣ рукою
Ротъ, онъ меня, осторожноразумный, принудилъ къ молчанью.
Время, однако, итти; головой отвѣчаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни безпощадно.—
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
— Трудно тебѣ, Эвриклея, проникнуть, хотя и великій
Умъ ты имѣешь, безсмертныхъ боговъ сокровенныя мысли.
Къ сыну, однако, съ тобою готова итти я; увидѣть
Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ всю толпу истребилъ ихъ.—
Съ сими словами она по ступенямъ пошла, размышляя,
Что ей приличнѣе: издали ль съ нимъ говорить, иль приближась,
Голову, руки и плечи его цѣловать? Перешедши
Двери высокій порогъ и въ палату вступивъ, Пенелопа
Сѣла тамъ противъ супруга, въ сіяньи огня, у противной
Свѣтлой стѣны; на другомъ онъ концѣ у колонны, потупивъ
Очи, сидѣлъ, ожидая, какое, разумная, скажетъ
Слово супруга, его тамъ своими глазами увидя.
Долго въ молчаньи сидѣла она; въ ней тревожилось сердце;
То на него подымая глаза, убѣждалась, что въ правду
Онъ передъ ней; то противное мыслила въ рубищѣ жалкомъ
Видя его. Телемакъ напослѣдокъ воскликнулъ съ досадой:
— Милая мать, что съ тобой? Ты въ своемъ ли умѣ? Для чего же
Такъ въ отдаленьи угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слова супругу сказать, и его ни о чемъ не разспросишь?
Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который по многихъ
Бѣдствіяхъ къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцемъ безчувственнѣй камня.—
Сыну царица разумная такъ, отвѣчая, сказала:
—Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненіи, слова
Я произнесть не могу, никакой мнѣ вопросъ не приходитъ
Въ умъ, и въ лицо поглядѣть я не смѣю ему; но когда онъ
Подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы способъ
Оба имѣемъ надежный другъ другу открыться: свои мы
Тайные, людямъ другимъ неизвѣстные знаки имѣемъ.—
Кончила. Царь Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, улыбнулся;
Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
— Другъ, не тревожь понапрасну ты мать, и свободную волю
Дай ей меня разспросить. Не замедлитъ она убѣдиться
Въ истинѣ; я же въ изорванномъ рубищѣ; трудно въ такомъ ей
Видѣ меня Одиссеемъ признать и почтить, какъ прилично.
Нужно однако, размысливъ, рѣшить намъ: что сдѣлать полезнѣй?
Если когда и одинъ кто убитъ кѣмъ бываетъ и мало
Близкихъ друзей и родныхъ за убитаго мстить остается—
Все, избѣгая бѣды, покидаетъ отчизну убійца.
Мы жъ погубили защитниковъ града, знатнѣйшихъ и лучшихъ
Юношей въ цѣлой Итакѣ: объ этомъ должны мы подумать.—
Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
—Все ты умнѣе, родитель, придумаешь самъ; прославляютъ
Люди твою повсемѣстно премудрость; съ тобою сравниться
Разумомъ, всѣ говорятъ, ни одинъ земнородный не можетъ;
Что повелишь, то и будетъ исполнено; сколько найдется
Силы во мнѣ, я не робкимъ твоимъ здѣсь помощникомъ буду.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Слушай же; вотъ что мнѣ кажется самымъ удобнымъ и лучшимъ:
Всѣ вы, умывшись, одѣньтесь богато, какъ будто на праздникъ;
Также одѣться должны и рабыни домашнія наши;
Съ звонкою цитрой въ рукахъ пѣснопѣвецъ божественный долженъ
Весть хороводъ, управляя шумящею пляской, чтобъ слыша

Струны и пѣніе въ домѣ, сосѣди и всякій, идущій
Мимо по улицѣ, думать могли, что пируютъ здѣсь свадьбу.
Должно, чтобъ въ городѣ слухъ не прошелъ о великомъ убійствѣ
Всѣхъ жениховъ многославныхъ до тѣхъ поръ, пока не уѣдемъ мы
За городъ на поле наше, въ нашъ садъ плодовитый; тамъ можемъ
Все на просторѣ устроить, на помощь призвавъ Олимпійцевъ.—
Кончилъ. Его повелѣніе было исполнено скоро;
Чисто омывшись, одѣлись богато, какъ-будто на праздникъ
Всѣ; хороводъ учредили рабыни; пѣвецъ богоравный,
Цитру настроивъ глубокую, въ нихъ пробудилъ вожделѣнье
Сладостныхъ пѣсней и стройноживой хороводныя пляски.
Домъ весь отъ топанья ногъ ихъ гремѣлъ и дрожалъ и окружность
Вся оглашалася пѣніемъ звучнымъ рабовъ и служанокъ;
Всякій, по улицѣ шедшій, музыку и пѣніе слыша,
Думалъ:—Рѣшилась свою пировать напослѣдокъ царица
Свадьбу, невѣрная! мужа избраннаго сердцемъ дождаться,
Домъ многославный его сохраняя, она не хотѣла.—
Такъ говорили они, о случившемся въ домѣ не зная.
Тою порой, Одиссея въ купальнѣ омывъ, Эвринома
Тѣло его благовоннымъ оливнымъ елеемъ натерла;
Легкій надѣлъ онъ хитонъ и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила,
Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ
Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;
Такъ Одиссея украсила дочь свѣтлоокая Зевса.
Вышедъ изъ бани, лицомъ лучезарный какъ богъ, возвратился
Онъ въ пировую палату и сѣлъ на оставленномъ стулѣ
Противъ супруги; глаза на нее устремивъ, онъ сказалъ ей:
—Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ
Нѣжно-уступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили;
Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который по многихъ
Бѣдствіяхъ къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
Слушай же, другъ Эвриклея! постель приготовь одному мнѣ;
Лягу одинъ я—когда въ ней такое желѣзное сердце.—
Но Одиссею разумная такъ отвѣчала царица:
—Ты непонятный! не думай, чтобъ я величалась, гордилась;
Или въ чрезмѣрномъ была изумленіи. Живо я помню
Образъ, какой ты имѣлъ, въ кораблѣ покидая Итаку.
Если жъ того онъ желаетъ, ему, Эвриклея, постелю
Ты приготовь; но не въ спальнѣ, построенной имъ, а въ другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягкихъ овчинъ, на овчины же полость съ широкимъ покровомъ.—
Такъ говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. Съ досадой онъ, обратясь къ Пенелопѣ, воскликнулъ:
—Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать? Человѣку своею
Силою сдѣлать того невозможно безъ помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Мѣсто, но между людьми и сильнѣйшій, хотя бъ и рычагъ онъ
Взялъ, не шатнулъ бы ея; заключалася тайна въ устройствѣ
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилася маслина съ темной
Сѣнію, пышногустая, съ большую колонну въ объемѣ:
Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ тесаныхъ, плотно
Сложенныхъ камней; и сводъ на стѣнахъ утвердивши высокій,
Двери двустворныя сбилъ изъ досокъ и на петли навѣсилъ:

Послѣ у маслины вѣтви обсѣкъ и по близости къ корню
Стволъ отрубилъ топоромъ, а отрубокъ у корня, отвсюду
Острою мѣдью его по шнуру обтесавъ, основаньемъ
Сдѣлавъ кровати, его пробуравилъ, и скобелью брусья
Выгладилъ, въ раму связалъ и къ отрубку приладилъ, богато
Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою костью украсивъ;
Раму жъ ремнями изъ кожи воловьей, обшивъ ихъ пурпурной
Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты кровати. Цѣла ли
Эта кровать и на прежнемъ ли мѣстѣ, не знаю; быть-можетъ,
Сняли ее, подпиливъ въ основанiи масличный корень.—
Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали колѣна и сердце.—
Признаки всѣ Одисеевы ей онъ исчислилъ; заплакавъ
Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу, и, милую голову нѣжно цѣлуя, сказала:
— О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда былъ
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;
Было богамъ неугодно, чтобъ сладкую молодость нашу
Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Другъ, не сердись на меня и не дѣлай упрековъ
Мнѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоемъ, я къ тебѣ приласкалась;
Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великiй
Трепетъ боязнь, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой иноземный
Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила бъ
Къ лести пришельца, и съ нимъ не бѣжала бъ, любви покоряся,
Въ Трою, когда бы предвидѣть могла, что ахеяне ратью
Придутъ туда и ее возвратятъ принужденно въ отчизну.
Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ;
Собственнымъ сердцемъ она не замыслила бъ гнуснаго дѣла,
Страшнаго, всѣхъ насъ въ великое бѣдствiе ввергшаго дѣла.
Ты мнѣ подробно теперь, Одиссей, описалъ всѣ примѣты
Нашей кровати—о ней же никто изъ живущихъ не знаетъ,
Кромѣ тебя и меня и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителемъ мнѣ при замужествѣ;
Дверь заповѣданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убѣдилъ непреклонную душу.—
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея;
Плача, приникнулъ онъ къ сердцу испытанной вѣрной супруги.
Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури;
Мало изъ мутносоленой пучины на твердую землю
Ихъ, утомленныхъ, изъѣденныхъ острою влагой, выходитъ;
Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.
Такъ веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ,
Рукъ бѣлонѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя
Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать златотронная Эосъ,
Если бъ о томъ не подумала дочь свѣтлоокая Зевса:
Ночь на предѣлахъ небесъ удержала Аѳина; денницѣ жъ
Златопрестольной изъ водъ Океана коней легконогихъ,
Съ нею летающихъ, Лампа и брата его Фаэтона
(Ихъ въ колесницу свою заложивъ), выводить запретила.
Такъ благоправной супругѣ сказалъ Одиссей хитроумный:
— О, Пенелопа, еще не конецъ испытанiямъ нашимъ;
Много еще впереди предлежитъ мнѣ трудовъ несказанныхъ,
Много я подвиговъ тяжкихъ еще совершить предназначенъ.
Такъ мнѣ пророка Терезiя тѣнью предсказано было
Нѣкогда въ области темной Аида, куда нисходилъ я
Свѣдать, настанетъ ли мнѣ и сопутникамъ день возвращенья.
Время однако итти, Пенелопа, на ложе, чтобъ въ сладкiй

Сонъ погрузившись, свои успокоить усталые члены.—
Умная такъ отвѣчала на то Одиссею царица:
— Ложе, возлюбленный, будетъ готово, когда пожелаетъ
Сердце твое; ты по волѣ боговъ благодѣтельныхъ снова
Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ и въ возлюбленномъ краѣ отчизны;
Если же все, наконецъ, по желанью исполнили боги,
Другъ, разскажи мнѣ, о новыхъ тебѣ предстоящихъ напастяхъ;
Слышать и послѣ могла бъ я о нихъ, но мнѣ лучше немедля
Свѣдать о томъ, что грозитъ впереди.— Одиссей отвѣчалъ ей:
— Ты, неотступная, странно твое для меня нетерпѣнье.
Если однако желаешь, я все разскажу; но не будетъ
Радостно то, что услышишь; и мнѣ самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тирезій сказалъ мнѣ: „Покинувъ
Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
Также не зрѣвшихъ еще на водахъ кораблей быстроходныхъ,
Пурпурногрудныхъ, ни веселъ, носящихъ, какъ мощныя крылья,
Ихъ по морямъ. Отъ меня же узнай несомнительный признакъ;
Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
— Что за *лопату* несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
Въ землю весло водрузи—ты окончилъ свое роковое,
Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ
Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
Счастьемъ богатый“. Вотъ то, что въ Аидѣ сказалъ мнѣ Тирезій.—
Выслушавъ, умная такъ Пенелопа ему отвѣчала:
— Если достигнуть до старости намъ дозволяютъ благіе
Боги, то есть упованье, что наши бѣды прекратятся.—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой Эвринома съ кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить изъ мягкихъ постилокъ; когда же
Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомяся, пошла Эвриклея;
Факелъ пылающій въ руки взяла Эвринома и въ спальню
Ихъ повела, осторожно свѣтя передъ ними; съ весельемъ
Въ спальню вступили они; Эвринома ушла; а супруги
Старымъ обычаемъ вмѣстѣ легли на покойное ложе.
Скоро потомъ Телемакъ, свинопасъ и Филотій, окончить
Пляску велѣвъ, отослали служанокъ и сами по темнымъ
Горницамъ, всѣхъ отпустивъ, разошлись, тамъ легли и заснули.
Тою порой, утѣхой любви удовольствовавъ душу,
Нѣжновеселый вели разговоръ Одиссей съ Пенелопой.
Все разсказала она о жестокихъ, испытанныхъ ею
Дома обидахъ; какъ грабили домъ женихи безпощадно,
Сколько быковъ круторогихъ и козъ, и овецъ, и свиней тамъ
Съѣдено ими, и сколько кувшиновъ вина дорогого
Выпито. Выслушавъ, все о себѣ въ свой чередъ разсказалъ онъ:
Сколько напастей другимъ приключилъ, и какія печали
Самъ испыталъ. И внимала съ весельемъ она, и до тѣхъ поръ
Сонъ не сходилъ къ ней на вѣжды, покуда не кончилась повѣсть.
Онъ разсказалъ: какъ въ началѣ ограбилъ киконовъ; какъ прибылъ
Къ людямъ, которые лотосомъ сладкимъ себя насыщаютъ;
Что потерпѣлъ отъ циклопа и какъ за товарищей, звѣрски
Сожранныхъ имъ, отомстилъ и отъ гибели спасся плачевной;
Какъ посѣтилъ гостелюбца Эола, который радушно

Принялъ его, одарилъ и отправилъ домой; какъ въ отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; какъ обратно
Въ море его, вопіющаго жалобно, буря умчала;
Какъ принесенъ былъ онъ къ брегу лихихъ лестригоновъ: они же
Разомъ его корабли и сопутниковъ мѣднообутыхъ
Всѣхъ истребили; а онъ съ остальнымъ кораблемъ чернобокимъ
Спасся. Потомъ разсказалъ онъ о хитрыхъ волшебствахъ Цирцеи;
Также о томъ, какъ въ туманную область Аида, въ которомъ
Душу Тирезія велѣно было спросить, быстроходнымъ
Былъ приведенъ кораблемъ, тамъ умершихъ товарищей тѣни
Встрѣтилъ и матери милой отшедшую душу увидѣлъ;
Какъ онъ подслушалъ Сиренъ сладострастноубійственный голосъ;
Какъ межъ Пловучихъ утесовъ, Харибдой и Скиллой, которыхъ
Смертный еще ни одинъ не избѣгнулъ, прошелъ невредимо;
Какъ святотатно товарищи съѣли быковъ Геліоса;
Какъ въ наказанье за то былъ корабль ихъ губительнымъ громомъ
Зевса разрушенъ, и всѣхъ злополучныхъ сопутниковъ. бездна
Вдругъ поглотила, а онъ, избѣжавъ истребительной Керы,
Къ брегу Огигіи острова былъ принесенъ, гдѣ Калипсо
Нимфа его приняла и, желая, чтобъ былъ ей супругомъ,
Въ гротѣ глубокомъ его угощала и даже хотѣла
Дать напослѣдокъ ему и безсмертье, и вѣчную младость,
Вѣрнаго сердца однако его обольстить не успѣла;
Какъ принесенъ былъ онъ бурей на островъ людей феакійскихъ,
Съ честью великой его, какъ безсмертнаго бога, принявшихъ.
Какъ, наконецъ, въ кораблѣ ихъ онъ прибылъ домой, получивши
Множество мѣди и злата, и ризъ драгоцѣнныхъ въ подарокъ.
Это послѣднее онъ разсказалъ ужъ въ дремотѣ, и скоро
Сонъ прилетѣлъ, чарователь тревогъ, успокоитель сладкій.
Добрая мысль родилась тутъ въ умѣ свѣтлоокой Паллады:
Въ сердцѣ своемъ убѣдившись, что сномъ безмятежнымъ на ложѣ
Подлѣ супруги довольно уже Одиссей насладился,
Вытти изъ водъ Океана велѣла она златотронной
Эосъ, чтобъ свѣтомъ людей озарить; Одиссей пробудился.
Съ мягкаго ложа поднявшись, сказалъ онъ разумной супругѣ:
Много съ тобой, Пенелопа, донынѣ мы бѣдъ претерпѣли
Оба: ты здѣсь обо мнѣ, ожидаемомъ тщетно, крушилась;
Я осужденъ былъ Зевесомъ отцомъ и другими богами
Странствовать, надолго съ милой отчизной моей разлученный.
Нынѣ опять мы на сладостномъ ложѣ покоимся вмѣстѣ.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всѣми богатствами въ домѣ,
Я же потщусь истребленное буйными здѣсь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадутъ, и уплатится весь мой убытокъ.
Надобно прежде однако нашъ садъ плодовитый и поле
Мнѣ посѣтить, чтобъ увидѣть отца, сокрушеннаго горемъ.
Ты жъ безъ меня осмотрительна будь, Пенелопа. Съ восходомъ
Солнца по городу быстро раздастся молва объ убійствѣ,
Мной совершенномъ, о гибели всѣхъ жениховъ многобуйныхъ.
Ты удалися съ рабынями вмѣстѣ на верхъ, и сиди тамъ
Смирно, ни съ кѣмъ не входи въ разговоръ, никому не являйся.—
Кончивъ, на плечи свои онъ накинулъ прекрасную броню,
Сына съ Филотіемъ, съ вѣрнымъ Эвмеемъ позвалъ и велѣлъ имъ
Также Ареево въ руки оружіе взять и облечься
Въ брони; то было исполнено; крѣпкою мѣдью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, изъ воротъ. Восходила
Въ тихомъ сіяніи Эосъ. Аѳина ихъ, мглой окруженныхъ,
Вывела тайно по улицамъ людпаго города въ поле.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОРОКОВОЙ ДЕНЬ.

Души жениховъ, приведенныя Эрміемъ въ Аидъ, встрѣчаютъ тамъ Ахиллеса и Агамемнона. Амфимедонъ разсказываетъ о погибели жениховъ Агамемнону, который воздаетъ хвалу мужественному Одиссею и благонравной Пенелопѣ. Тѣмъ временемъ Одиссей открывается отцу; за обѣдомъ онъ узнанъ Доліономъ и его сыновьями. Вѣсть о погибели жениховъ возбуждаетъ въ городѣ мятежъ. Эвпейтъ ведетъ своихъ сообщниковъ противъ Одиссея. Одиссей остается побѣдителемъ. Между враждующими заключается миръ съ помощью Аѳины.

Эрмій тѣмъ временемъ, богъ Киллинейскій, мужей умерщвленныхъ
Души изъ труповъ безчувственныхъ вызвалъ; имѣя въ рукѣ своей
Жезлъ золотой (по желанью его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у сонныхъ),
Имъ онъ махнулъ и, столпясь, полетѣли за Эрміемъ тѣни
Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
Цѣпью къ стѣнамъ прилѣпленныя — если одна, оторвавшись,
Свалится наземь съ утеса — визжатъ въ безпорядкѣ порхая:
Такъ, завизжавъ, полетѣли за Эрміемъ тѣни; и велъ ихъ
Эрмій, въ бѣдахъ покровитель, къ предѣламъ тумана и тлѣнья;
Мимо Левкада скалы и стремительныхъ водъ Океана,
Мимо воротъ Геліосовыхъ, мимо предѣловъ, гдѣ боги
Сна обитаютъ, провѣяли тѣни на Асфодилонскій
Лугъ, гдѣ воздушными стаями души усопшихъ летаютъ.
Первая имъ повстрѣчалася тѣнь Ахиллеса Пелида;
Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ
Бодрый Аяксъ, красотою и мужествомъ браннымъ и силой,
Послѣ Пелеева сына ахеянъ другихъ затмевавшій.
Легкой толпою они окружили ихъ. Тихо и грустно
Тѣнь Агамемнона, сына Атреева, тутъ подошла къ нимъ;
Слѣдомъ за ней подошли и всѣ тѣни товарищей, падшихъ
Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.
Слово душа Ахиллеса къ душѣ Агамемнона прежде
Всѣхъ обратила: — Атридъ, намъ казалось, что Зевсъ громолюбецъ
Болѣ къ тебѣ, чѣмъ къ героямъ другимъ, благосклонствовалъ; имъ ты
Былъ надъ владыками сильными первовластителемъ сдѣланъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли, ахейцы.
Но и тебѣ повстрѣчать на землѣ предназначено было
Страшную Керу, которой никто не избѣгъ изъ рожденныхъ.
О! для чего, окруженный величіемъ, властью и славой,
Ты не погибъ межъ товарищей бранныхъ у стѣнъ Иліона!
Холмъ бы надъ прахомъ твоимъ былъ насыпанъ ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы въ наслѣдство оставилъ;
Нынѣ жъ плачевною смертью по волѣ судьбины погибъ ты. —
Тѣнь Агамемнона тѣни Пелидовой такъ отвѣчала:
— Сынъ Пелеевъ, избранникъ боговъ, ты завидно былъ счастливъ;
Палъ далеко отъ Аргоса въ Троянской землѣ ты, но пало
Много тобой умерщвленныхъ троянъ вкругъ тебя и за трупъ твой
Бились ахейцы славнѣйшіе; ты же подъ вихрями пыли
Тихій, огромный и страшный, лежалъ тамъ, забывъ колесничный
Бой; и день цѣлый мы билися всѣ за тебя, и конца бы
Не было битвѣ, когда бы Зевесъ не развелъ насъ грозою.
Вынесши тѣло изъ боя твое, къ кораблямъ возвратились
Съ нимъ мы; его положивши на одръ и водою омывши,
Масломъ натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкругъ бездыханнаго трупа ахеянъ, свои отъ печали
Волосы рвавшихъ. И съ Нимфами моря изъ бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ея несказанный
По морю крикъ: трепетаніе страха проникло ахеянъ;
Всѣ всколебались, и всѣ бъ къ кораблямъ убѣжали глубокимъ,
Если бы ихъ не успѣлъ удержать многознающій старецъ
Несторъ, всегда подававшій совѣты разумные; полный
Мыслей благихъ, обратяся къ товарищамъ, такъ имъ сказалъ онъ: —
Стойте, ахейцы! куда вы бѣжите, аргивяне. Что васъ
Такъ испугало? То съ Нимфами моря изъ бездны глубокой

Скорбная мать подымается мертваго сына увидѣть.
Такъ онъ сказалъ; ободрились ахейскіе мужи. И трупъ твой
Нимфы прекрасныя, дочери старца морей окружили
Съ плачемъ, и свѣтлобожественной ризой его облачили;
Музы—всѣ девять — смѣняяся, голосомъ сладостнымъ пѣли
Гимнъ похоронный; никто изъ аргивянъ съ сухими глазами
Слушать не могъ сладкопѣнія Музъ, врачевательницъ сердца;
Цѣлыхъ семнадцать тамъ дней и ночей надъ тобой проливали
Горькія слезы безсмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день былъ огню ты торжественно преданъ:
Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ убили
Въ почесть твою; и въ божественной ризѣ, помазанный сладкимъ
Медомъ и мазью душистою, былъ ты сожженъ, и ахейцы,
Въ мѣдь облачась у костра, на которомъ сгоралъ ты, кипѣли,
Конные, пѣшіе, въ быстрыхъ блестя колесницахъ; великій
Говоръ и шумъ былъ; когда же Ифестово пламя пожрало
Трупъ твой, съ восходомъ денницы мы собрали бѣлыя кости,
Чистымъ виномъ ихъ омыли, умастили мазью: златую
Урну дала сокрушенная мать; Діонисъ ей, сказала,
Ту подарилъ драгоцѣнную урну, созданье Ифеста.
Нынѣ хранятся въ ней кости твои, Ахиллесъ лучезарный,
Вмѣстѣ съ костями Патрокла, погибшаго прежде во брани,
Но далеко отъ костей Антилоха, который тобою,
Послѣ Патрокловой смерти, всѣхъ болѣ ахеянъ любимъ былъ.
Холмъ погребальный великій надъ вашими урнами былъ тутъ
Ратью святой копьеносныхъ аргивянъ и свѣтлоширокихъ
Водъ Геллеспонта на брегѣ, впередъ выходящемъ, насыпанъ;
Будетъ далеко онъ на морѣ видимъ пловцамъ мореходнымъ
Нашихъ временъ, и грядущаго времени всѣмъ поколѣньямъ.
Мать же твоя принесла тутъ дары, у боговъ испрося ихъ;
Были цѣною побѣды на играхъ они для ахеянъ.
Часто бывалъ, Ахиллесъ, ты свидѣтелемъ игръ похоронныхъ.
Въ честь многославныхъ, похищенныхъ смертью царей и героевъ;
Зрѣлъ ты, какъ юноши, алча вѣнца, снаряжалися къ бою—
Здѣсь же тебя привело бъ изумленіе въ трепетъ при видѣ
Чудныхъ даровъ, среброногой Ѳетидой въ награду побѣды
Намъ отъ боговъ принесенныхъ: ты былъ ихъ избранный любимецъ.
Такъ и по смерти ты именемъ живъ, Ахиллесъ, и навѣки
Слава твоя сохранится во всѣхъ на землѣ поколѣньяхъ,
Мнѣ жъ, послужило ль къ чему окончаніе славное брани?
Страшное Зевсъ приготовилъ мнѣ въ землю отцовъ возвращенье:
Смерть отъ Эгиста предательствомъ гнуснымъ жены развращенной.—
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Тутъ имъ явился, увидѣли, Эрмій Аргусоубійца,
Души въ Аидъ жениховъ, Одиссеемъ убитыхъ, ведущій;
Оба они, изумяся, приблизились къ тѣнямъ; въ густомъ ихъ
Сонмѣ душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славнаго сына узнала.
Житель Итаки, онъ гостемъ издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустнымъ
Словомъ спросила:—Что сдѣлалось съ вами? Зачѣмъ васъ такъ много
Юныхъ, прекрасныхъ, въ подземную область приходитъ? Никто бы
Лучшихъ не выбралъ, когда бъ надлежало межъ первыми въ градѣ
Выбрать. Въ пучинѣ ли васъ погубилъ Посидонъ съ кораблями,
Бурю пригнавъ и великія волны воздвигнувъ? На сушѣ ль
Врагъ многосильный сразилъ васъ внезапно, захваченныхъ въ полѣ,
Гдѣ вы ловили его криворогихъ быковъ и барановъ,
Или во градѣ, гдѣ женъ похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Отвѣтствуй; мнѣ гостемъ считался ты въ жизни.
Помнишь ли время, когда твой отеческій домъ посѣтилъ я,
Вызвать спѣша Одиссея, чтобъ съ братомъ моимъ Менелаемъ

Шелъ въ корабляхъ разрушать Иліона могучія стѣны?
Цѣлый мы плавали мѣсяцъ по темноширокому морю
Прежде, чѣмъ былъ убѣжденъ Одиссей, городовъ сокрушитель.—
Амфимедонова тѣнь отвѣчала Атридовой тѣни:
— Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонъ,
Памятно все мнѣ, о чемъ говоришь ты, питомецъ Зевесовъ.
Если же вѣдать желаешь, тебѣ разскажу я подробно,
Какъ мы погибли, какую намъ смерть приготовили боги.
Спорили всѣ мы другъ съ другомъ о бракѣ съ женой Одиссея;
Въ бракъ не желая вступить и отъ брака спастись не имѣя
Средства, намъ гибель и смерть замышляла въ душѣ Пенелопа.
Слушай, какую она вѣроломно придумала хитрость:
Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ
Тонко-широкую ткань и, собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:—
Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,
Факелъ зажегши, сама все натканное днемъ распускала.
Три года длился обманъ, и она убѣждать насъ умѣла;
Но когда обращеньемъ временъ приведенный четвертый
Годъ совершился, промчалися мѣсяцы, дни пролетѣли—
Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;
Такъ и была приневолена нéхотя трудъ свой окончить.
Но, лишь, окончивъ свой трудъ принужденный, она напослѣдокъ
Ткань, какъ луна иль какъ солнце блестящую, намъ показала,
Демонъ враждебный незапно привелъ Одиссея въ Итаку;
Въ домъ онъ сначала пришелъ къ свинопасу Эвмею; туда же
Былъ приведенъ и подобный богамъ Телемакъ, совершившій
Свой отъ песчанаго Пилоса путь въ кораблѣ чернобокомъ.
Оба они, тамъ замысливъ ужасную нашу погибель,
Въ городъ вошли многославный; сперва Телемакъ, Одиссеевъ
Сынъ; а за нимъ напослѣдокъ и самъ Одиссей хитроумный;
Онъ приведенъ былъ Эвмеемъ, одѣтый въ убогое платье,
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плéчи.
Намъ же (и самымъ разумнымъ изъ насъ) не входило ни разу
Въ мысли, чтобъ это былъ самъ Одиссей, возвратившійся тайно
Въ домъ свой: въ него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время онъ въ собственномъ домѣ съ великимъ терпѣньемъ,
Молча сносилъ и швырянье и наши обидныя рѣчи.
Но, ободренный эгидоносителемъ грознымъ Зевесомъ,
Онъ съ Телемакомъ вдвоемъ всѣ доспѣхи прекрасные собралъ,
Въ дальній покой перенесъ ихъ и тамъ запертыми оставилъ;
Послѣ коварнымъ совѣтомъ своимъ побудилъ Пенелопу,
Страшныя стрѣлы и лукъ Одиссеевъ тугой намъ принесши,
Вызвать насъ бѣдныхъ къ стрѣлянью и къ вѣрной погибели нашей.
Мы же (и самый сильнѣйшій изъ насъ) не могли непокорный
Лукъ натянуть тетивою: на то недостало въ насъ силы;
Но, когда поднесенъ Одиссею былъ лукъ свинопасомъ,
Всею толпой на него закричали мы, лукъ Одиссеевъ
Въ руки давать запрещая бродягѣ, хотя и просилъ онъ.
Намъ вопреки, Телемакъ богоравный на то согласился.
Взявши могучій свой лукъ, Одиссей, въ испытаніяхъ твердый,
Вмигъ натянулъ тетиву и сквозь кольца стрѣла пролетѣла.

Прянувъ тогда на порогъ, изъ колчана онъ высыпалъ стрѣлы,
Страшно кругомъ озираясь. И былъ Антиной имъ застрѣленъ
Первый; и бѣшено сталъ посылать онъ стрѣлу за стрѣлою;
Не было промаха; падали всѣ умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавалъ изъ безсмертныхъ.
Бросясь на нашу толпу, онъ по всей разогналъ насъ палатѣ.
Страшное тутъ началося убійство, раздался великій
Крикъ; былъ разбрызганъ нашъ мозгъ, и дымился затопленный кровью
Полъ. Такъ плачевно погибли мы всѣ, Агамемнонъ. Еще тамъ
Наши лежатъ погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не свѣдалъ еще ни одинъ изъ родныхъ и изъ ближнихъ;
Наши кровавыя раны еще не омыты, еще насъ
Пламень не сжегъ и никто не оплакалъ, и почести нѣтъ намъ.—
Амфимедоновой тѣни Атридова тѣнь отвѣчала:
— Счастливъ ты, другъ, многохитростный мужъ, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбралъ себѣ ты супругу;
Розно съ тобою, себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икарія; мужу, любящимъ
Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила; и будетъ
Слава за то ей въ потомствѣ; и въ пѣсняхъ Каменъ сохранится
Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
Въ руку убійцы супруга предавшей: объ ней сохранится
Страшное въ пѣсняхъ потомковъ; она навсегда посрамила
Полъ свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.—
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя грустно
Въ темныхъ жилищахъ Аида, въ глубокихъ предѣлахъ подземныхъ.
Тою порой Одиссей и сопутники, вышедъ изъ града,
Поля достигли, которое самъ обрабатывалъ добрый
Старецъ Лаэртъ съ попеченьемъ великимъ, давно имъ владѣя.
Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ; отовсюду широкимъ навѣсомъ
Домъ окруженъ былъ, и днемъ подъ навѣсомъ рабы собирались
Вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обѣдать; а ночью тамъ вмѣстѣ
Спали; была между ими старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о немъ неусыпно.
Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и къ прочимъ, сказалъ имъ:
— Всѣ вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбравъ свинью, на обѣдъ нашъ ее тамъ зарѣжьте;
Я же къ родителю прямо пойду: испытать я намѣренъ,
Буду ль имъ узнанъ, меня угадаютъ ли старцевы очи,
Или отъ долгой разлуки я сталъ и отцу незнакомцемъ?—
Такъ говоря, онъ оружіе отдалъ рабамъ; и поспѣшно
Въ домъ съ Телемакомъ вступили они; Одиссей же направилъ
Путь къ плодоносному саду, тамъ встрѣтить надѣясь Лаэрта.
Въ садъ онъ вступивъ, не нашелъ Доліона, и не было также
Тамъ ни рабовъ, ни дѣтей Доліоновыхъ; посланы были
Всѣ они въ поле терновникъ сбирать для заграды садовой;
Съ ними пошелъ и старикъ Доліонъ указать имъ дорогу.
Старца Лаэрта въ саду одного Одиссей многоумный
Встрѣтилъ; онъ тамъ подчищалъ деревцо; былъ одѣтъ неопрятно;
Платье въ заплатахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачьей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы
Ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ
Онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ потершейся козьей
Шкуры покровомъ служилъ головѣ, наклоненной отъ горя.
Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый.
Онъ притаился подъ грушей, далъ волю слезамъ, и въ молчаньи,
Стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ, что дѣлать:
Вдругъ ли открывшись, ко круди прижать старика, и цѣлуя
Руки его, объявить о своемъ возвращеньи въ Итаку?
Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?

Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ напослѣдокъ, что лучше
Опыту старца притворнообидною рѣчью подвергнуть.
Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей богоравный къ Лаэрту.
Голову онъ наклонялъ, деревцо подчищая мотыкой.
Близко къ нему подступивши, сказалъ Одиссей лучезарный:
—Старецъ, ты, вижу, искусенъ и опытенъ въ дѣлѣ садовомъ;
Садъ твой въ великомъ порядкѣ; о каждомъ равно ты печешься
Деревѣ; смоквы, оливы и груши и сочные грозды
Лозъ виноградныхъ, и гряды цвѣточныя—все здѣсь въ приборѣ.
Но не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старецъ, что самъ о себѣ ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечистъ, ты одѣтъ неопрятно; ужъ вѣрно
Твой господинъ до тебя такъ не добръ не за лѣность къ работѣ.
Самъ же ты образомъ вовсе не сходенъ съ рабомъ подчиненнымъ;
Царское что-то и въ видѣ и станѣ твоемъ нахожу я;
Болѣ подобенъ ты старцу, который, умывшись, насытясь,
Спитъ на роскошной постелѣ, какъ всякому старцу прилично.
Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
Кто господинъ твой? За чьимъ плодоноснымъ ты садомъ здѣсь смотришь?
Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Вправду ль на островъ Итаку я прибылъ, какъ это сказалъ мнѣ
Кто-то изъ здѣшнихъ, меня на дорогѣ сюда повстрѣчавшій?
Былъ онъ однако весьма непривѣтливъ; со мной разговора
Весть не хотѣлъ и мнѣ не далъ отвѣта, когда я о гостѣ,
Нѣкогда принятомъ мною, его разспросить попытался;
Живъ ли и здѣсь ли еще, иль ужъ въ область Аида сошелъ онъ?
Вѣдать ты долженъ, и выслушай то, что скажу я: давно ужъ
Мнѣ угощать у себя посѣтившаго домъ мой случилось
Странника; много до тѣхъ поръ гостей изъ далекихъ, изъ ближнихъ
Странъ приходило ко мнѣ; но такой между ними разумный
Мнѣ не встрѣчался; онъ назвалъ себя уроженцемъ Итаки,
Аркезіада Лаэрта, молвою хвалимаго, сыномъ.
Принялъ я въ домѣ своемъ Одиссея; и мной угощенъ былъ
Онъ съ дружелюбною роскошью—много запасовъ имѣлъ я
Въ домѣ; и много подарковъ мой гость получилъ на прощаньи:
Золота далъ я отличной доброты семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную чашу, вѣнчанную чудно цвѣтами,
Съ ней двѣнадцать покрововъ, двѣнадцать широкихъ вседневныхъ
Мантій, и къ верхнимъ двѣнадцати ризамъ двѣнадцать хитоновъ;
Кромѣ того подарилъ четырехъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Были онѣ молодыя, красивыя; самъ онъ ихъ выбралъ.—
Крупную старецъ слезу уронивъ, отвѣчалъ Одиссею:
—Странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ край, о которомъ желаешь
Свѣдать; но имъ ужъ давно завладѣли недобрые люди.
Ты понапрасну съ такимъ гостелюбьемъ истратилъ подарки;
Если бъ въ Итакѣ живымъ своего ты давнишняго гостя
Встрѣтилъ, тебя одарилъ бы онъ также богато, принявши
Въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ гости другъ-друга дарили.
Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
Сколько съ тѣхъ поръ миновалося лѣтъ, какъ въ своемъ угощалъ ты
Домѣ несчастнаго странника? Странникъ же этотъ былъ сынъ мой,
Сынъ Одиссей — злополучный! быть-можетъ, далеко отъ милой
Родины, рыбами съѣденъ онъ въ безднѣ морской иль на сушѣ
Птицамъ пустыннымъ, звѣрямъ плотояднымъ достался въ добычу;
Матерью не былъ онъ, не былъ отцомъ погребенъ и оплаканъ;
Не былъ и дорогокупленной, вѣрной женой Пенелопой
Съ плачемъ и крикомъ на одръ положенъ; и она не закрыла
Милыхъ очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?

Кто твоя мать? Гдѣ корабль, на которомъ ты прибылъ въ Итаку?
Гдѣ ты покинулъ товарищей? Или чужимъ какъ попутчикъ,
Къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя здѣсь оставя, отплылъ онъ?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Если ты знать любопытствуешь, все разскажу по порядку:
Я родился въ Алибантѣ; живу тамъ въ богатыхъ палатахъ;
Полипимо́нидъ Афейдъ, той страны обладатель, отецъ мой;
Имя дано мнѣ Эпиритъ. Сюда непріязненный Демонъ
Противъ желанья меня, отъ Сиканіи плывшаго, бросилъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ.
Долженъ однако ты вѣдать, что съ тѣхъ поръ ужъ пять совершилось
Лѣтъ, какъ мое посѣтивши отечество, сынъ твой пустился
Въ море. Ему жъ при отплытіи счастливый путь предсказали
Птицы, взлетѣвшія справа; я весело съ нимъ разлучился;
Весело поплылъ и онъ; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, другъ-другу подарками радуя сердце.—
Такъ говорилъ Одиссей; и печаль отуманила образъ
Старца; и прахомъ наполнивши горсти, свою онъ сѣдую
Голову всю имъ, вздохнувъ со стенаньемъ глубокимъ, осыпалъ.
Сердце у сына въ груди повернулось и, спершись, дыханье
Кинулось въ ноздри его—онъ сраженъ былъ родителя скорбью.
Бросясь къ нему, онъ, его обхватя и цѣлуя, воскликнулъ:
—Здѣсь я, отецъ! я твой сынъ, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей боговъ возвратившійся въ землю отцовъ черезъ двадцать
Лѣтъ; воздержись отъ стенаній, оставь сокрушенье и слезы.
Слушай однако; мгновенья намъ тратить не должно, понеже
Въ домѣ моемъ истребилъ я ужъ всѣхъ жениховъ многобуйныхъ,
Мстя имъ за всѣ беззаконія ихъ и за наши обиды.—
Кончилъ. Лаэртъ изумленный отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
—Если ты подлинно сынъ Одиссей, возвратившійся въ домъ свой—
Вѣрный мнѣ знакъ покажи, чтобъ мое уничтожить сомнѣнье.—
Старцу Лаэрту отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
—Прежде тебѣ укажу я этотъ рубецъ; мнѣ поранилъ
Ногу, ты помнишь, клыкомъ разъяренный кабанъ на Парнасѣ;
Былъ же туда я тобою и милою матерью посланъ
Къ Автоликону, отцу благородному матери, много
(Насъ посѣтивъ) посулившему дать мнѣ богатыхъ подарковъ.
Если желаешь, могу я тебѣ перечесть и деревья
Въ садѣ, которыя ты подарилъ мнѣ, когда я однажды,
Бывши малюткою, здѣсь за тобою бѣжалъ по дорожкѣ.
Самъ ты, деревья даря, поименно мнѣ каждое назвалъ:
Далъ мнѣ тринадцать ты грушъ оцвѣтившихся, десять отборныхъ
Яблонь и сорокъ смоковницъ; притомъ пятьдесятъ виноградныхъ
Лозъ обѣщалъ, приносящихъ весь годъ многосочные грозды;
Крупныя жъ ягоды ихъ, какъ янтарь золотой иль пурпурный,
Блещутъ, когда созрѣваютъ онѣ благодатью Зевеса.—
Такъ онъ сказалъ: задрожали колѣна и сердце у старца;
Всѣ сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакавъ,
Милаго сына онъ обнялъ, потомъ обезпамятѣлъ; въ руки
Принялъ его, всѣхъ лишеннаго силъ, Одиссей богоравный;
Но напослѣдокъ, когда возвратились и память и силы,
Голосъ возвысивъ и взоръ устремивши на сына, сказалъ онъ:
—Слава Зевесу отцу! существуютъ еще на Олимпѣ
Мстящіе боги, когда беззаконники правду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется въ градѣ
Скоро мятежъ, и сюда соберется народъ, и съ ужасной
Вѣстью гонцы разошлются по всѣмъ городамъ кефаленскимъ.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
— Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ.
Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, находящійся близко отсюда;

Я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ,
Прямо послалъ, имъ велѣвъ приготовить обѣдъ намъ обильный.—
Съ сими словами къ красивому дому направили путь свой
Сынъ и отецъ; и когда напослѣдокъ вступили въ красивый
Домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ, состряпавъ
Пищу, ужъ рѣзали мясо и въ кубки вино разливали.
Тою порою, Лаэрта въ купальнѣ омывши, рабыня
Старцева тѣло его благовоннымъ елеемъ натерла,
Чистою мантіей плечи его облекла; а Аѳина,
Тайно къ нему подошедши, его возвеличила ростомъ,
Сдѣлала тѣломъ полнѣй, и лицу придала моложавость.
Вышелъ изъ бани онъ свѣтелъ. Отца подходящаго видя,
Сынъ веселился его красотою, божественно чистой.
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
— О родитель! конечно, одинъ изъ боговъ Олимпійскихъ
Такъ озарилъ красотою твой образъ, такъ выпрямилъ станъ твой!—
Кротко на то Одиссею Лаэртъ отвѣчалъ многославный:
—Если бъ—о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!—
Былъ я таковъ, какъ въ то время, когда съ кефаленскою ратью
Нериковъ градъ на утесѣ земли матерой ниспровергнулъ,
Если бы въ домѣ вчера я такимъ предъ тобою явился,
Броню надѣлъ на плеча и, тебѣ помогая, ударилъ
Вмѣстѣ съ тобой на толпу жениховъ—сокрушилъ бы колѣна
Многимъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь отцомъ, веселился.—
Такъ говорили они, собесѣдуя сладко другъ съ другомъ.
Стряпанье кончивъ, обильный обѣдъ приготовивъ и сѣвши
Вмѣстѣ за столъ надлежащимъ порядкомъ на креслахъ и стульяхъ,
Весело подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
Скоро съ работы пришелъ и старикъ Доліонъ съ сыновьями:
Звать ихъ за столъ къ нимъ навстрѣчу рабыня сикельская вышла
(Всѣхъ сыновей воспитала она, а за старымъ отцомъ ихъ,
Слабымъ отъ лѣтъ, съ неусыпнымъ усердіемъ въ домѣ пеклася).
Въ двери столовой вступивши, при видѣ нежданнаго гостя,
Всѣ изумились они и стояли, не трогаясь съ мѣста.
Ласково къ нимъ обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный:
—Что же ты медлишь? Садися за столъ къ намъ, старикъ; удивленье
Ваше оставивъ, обѣдайте съ нами; давно ужъ сидимъ мы
Здѣсь за столомъ, дожидаясь, чтобъ вы возвратились съ работы.—
Такъ онъ сказалъ. Доліонъ, подбѣжавъ къ своему господину,
Руки его цѣловать съ несказанною радостью началъ;
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
—Здѣсь, наконецъ, ты нашъ милый, желанный! Увидѣть намъ дали
Боги тебя—а у насъ ужъ въ душѣ и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будутъ съ тобою!
Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы всю истину вѣдать,
Далъ ли уже ты разумной супругѣ своей Пенелопѣ
Знать о своемъ возвращеніи? Иль вѣстника должно послать къ ней?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
— Сказано все ей старикъ, не заботься объ этомъ напрасно.—
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Доліонъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ. Его сыновья, своему поклонясь господину,
Съ словомъ привѣтливымъ руку пожали ему и обѣдать
Сѣли съ другими за столъ близъ отца своего Доліона.
Такъ пировали они въ многославномъ жилищѣ Лаэрта.
Осса тѣмъ временемъ съ вѣстію ходила по улицамъ града,
Страшную участь и лютую смерть жениховъ разглашая;
Всѣ взволновалися жители града; великой толпою
Съ ропотомъ, съ воплемъ сбѣжался народъ къ Одиссееву дому;
Вынесли мертвыхъ оттуда; однихъ схоронили другихъ же
Въ домы семейные ихъ по инымъ городамъ разослали,
Трупы развезть поручивъ рыбакамъ на судахъ быстроходныхъ.

Нá площадь стали потомъ всѣ печально сбираться; когда же
На площадь всѣ собрались и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Первое слово къ народу Эвпейтъ обратилъ благородный;
Въ сердцѣ о сынѣ своемъ, Антиноѣ прекрасномъ, который,
Первый застрѣленный, первою жертвою былъ Одиссея,
Онъ сокрушался; и такъ сокрушенный сказалъ онъ народу:
— Граждане милые, страшное зло Одиссей намъ ахейцамъ
Всѣмъ приключилъ. Благороднѣйшихъ нѣкогда въ Трою увлекши
Вслѣдъ за собой, корабли и сопутниковъ всѣхъ погубилъ онъ,
Нынѣ жъ, домой возвратясь, умертвилъ кефаленянъ знатнѣйшихъ.
Братья, молю васъ—пока изъ Итаки не скрылся онъ въ Пилосъ,
Или не спасся въ Элиду, священную землю эпеянъ—
Вытти со мной на губителя; иначе стыдъ насъ покроетъ;
Мы о себѣ и потомству оставимъ поносную память,
Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ
Здѣсь не отмстимъ. Для меня же, скажу, ужъ тогда нестерпима
Будетъ и жизнь; и за ними погибшими въ землю сойду я.
Нѣтъ! не допустимъ, граждане, ихъ праведной кары избѣгнуть.—
Такъ говорилъ онъ, печальный, и всѣхъ состраданье проникло.—
Фемій тогда и глашатай Медонтъ, въ Одиссеевомъ домѣ
Ночь ту проведшіе, вставши отъ сна, предъ народнымъ собраньемъ
Оба явились; при видѣ ихъ каждый пришелъ въ изумленье.
Умныя мысли имѣя, Медонтъ имъ сказалъ: — Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, граждане Итаки; не противъ
Воли Зевесовой такъ поступилъ Одиссей благородный;
Видѣлъ я самъ, какъ одинъ изъ безсмертныхъ боговъ Олимпійскихъ
Тамъ появился незапно, облекшійся въ Менторовъ образъ;
Онъ, всемогущій, то стоя предъ нимъ, возбуждалъ въ Одиссеѣ
Бодрость, то противъ толпы жениховъ обращаясь, гонялъ ихъ
Трепетныхъ изъ угла въ уголъ, и всѣ другъ на друга валились.—
Такъ онъ сказалъ имъ и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ.
Выступилъ тутъ предъ народомъ Галиѳердъ многоопытный старецъ,
Сынъ Масторовъ; грядущее онъ, какъ минувшее, вѣдалъ;
Съ мыслью благой обратясь къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
— Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась бѣда роковая;
Мнѣ вы и Ментору мудрому не дали вѣры, когда мы
Вóвремя васъ убѣждали унять сыновей безразсудныхъ,
Много себѣ непозволенныхъ дѣлъ позволявшихъ, губившихъ
Домъ Одиссеевъ, и злыя обиды нанесшихъ супругѣ
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вѣчно.
Вотъ вамъ теперь мой совѣтъ; моему покоритеся слову:
Мирно останьтеся здѣсь, чтобъ бѣды на себя не накликать
Злѣйшей.—Сказалъ; половина большая собранья съ свирѣпымъ
Воплемъ вскочила; покойно на мѣстѣ остались другіе.
Тѣ жъ, негодуя на рѣчь Галиѳердову, вслѣдъ за Эвпейтомъ
Бросились шумнонеистовымъ сонмомъ готовиться къ бою.
Всѣ, облачившися въ крѣпкія мѣдноблестящія брони,
Зá городъ вышли и тамъ собралися великой толпою.
Ихъ предводитель Эвпейтъ, обезумленный горемъ великимъ,
Мнилъ, что за сына отмститъ; но ему не назначено было
Въ домъ свой опять возвратиться: его стерегла ужъ судьбина.
Тутъ свѣтлоокая Зевса Кроніона дочь обратила
Слово къ отцу и сказала:—Кроніонъ, верховный владыка,
Мнѣ отвѣчай вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирѣпокровавую сѣчу
Здѣсь воспалить? Иль противникамъ миромъ велѣть сочетаться?—
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
— Странно мнѣ, милая дочь, что меня ты о томъ вопрошаешь;
Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубитъ

Всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Чтó хочешь
Сдѣлать теперь, то и сдѣлай. Мои же тебѣ я открою
Мысли: отмстилъ женихамъ Одиссей богоравный—имѣлъ онъ
Право на то; и царемъ онъ останется; клятвой великой
Миръ утвердится; а горькую смерть сыновей ихъ и братьевъ
Въ жертву забвенію мы предадимъ; и любовь совокупитъ
Прежняя всѣхъ; и съ покоемъ обиліе здѣсь водворится.—

Кончивъ, велѣлъ онъ итти нетерпѣньемъ горѣвшей Аѳинѣ.
Бурно въ Итаку съ вершины Олимпа шагнула богиня.
Тѣ же, насытяся, вдоволь, обѣдъ свой окончили. Голосъ
Свой Одиссей тутъ возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
— Должно, чтобъ кто-нибудь вышелъ теперь посмотрѣть: не идутъ ли?—
Такъ онъ сказалъ и одинъ изъ младыхъ сыновей Доліона
Въ двери пошелъ; но съ порога дверей, подходящихъ увидя,
Громко воскликнулъ и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросилъ:—Идутъ! поспѣшите! Оружіе въ руки! ихъ много!—
Всѣ побѣжали немедля и въ крѣпкія брони одѣлись;
Былъ Одиссей самъ-четвертъ; Доліоновы стали съ нимъ рядомъ
Шесть сыновей. И Лаэртъ съ Доліономъ оружіе также
Взяли—сѣдые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Всѣ совокупно, облекшися въ мѣднобле-стящія брони,
Вышли они, Одиссей впереди, изъ дверей. Къ Одиссею
Тутъ подошла свѣтлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина;
Радостью былъ онъ проникнутъ, ее предъ собою увидя.
Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
— Другъ, Телемакъ, наступила пора и тебѣ отличиться
Тамъ, гдѣ, сражаясь, великою честью себя покрываетъ
Страха незнающій мужъ. Окажися достойнымъ породы
Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.—

Кротко отцу отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
— Самъ ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.—
Такъ онъ сказалъ. Ихъ услышавъ, Лаэртъ вдохновенно воскликнулъ:
— Добрые боги, какой вы мнѣ день даровали! О радость!
Слышу, какъ сынъ мой и внукъ мой другъ съ другомъ о храбрости спорятъ!—
Дочь многосильная Зевса, къ нему подошедши, сказала:
— Бодрый Аркезіевъ сынъ, изъ товарищей всѣхъ мнѣ милѣйшій,
Въ помощь призвавши Зевеса-отца и Аѳину Палладу,
Выдь на врага и копье длинноострое брось па удачу.—
Слово ея пробудило отважность великую въ старцѣ;
Онъ, помоляся владыкѣ Зевесу и грозной Палладѣ,
Вышелъ впередъ и копье длинноострое бросилъ, не цѣлясь.
Въ мѣдноланитный Эвпейтовъ шеломъ онъ попалъ и, защиту
Мѣди пробивши, расколонный черепъ копье просадило;
Грянулся навзничь Эвпейтъ, и на немъ загремѣли доспѣхи.
Тутъ на переднихъ ударя самъ-другъ, Одиссей съ Телемакомъ
Начали быстро разить ихъ мечомъ и копьемъ; и погибли
Всѣ бы они, и домой ни одинъ не пришелъ бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса,
Громко не крикнула, гибель спѣша отвратить отъ народа:
— Стойте! уймитесь отъ бѣдственной битвы, граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!—
Такъ возопила Аѳина; всѣ схвачены трепетомъ блѣднымъ
Были они и, оружіе въ страхѣ изъ рукъ уронивши,
Пали на землю, сраженные крикомъ богини громовымъ;
Въ бѣгство потомъ обратясь, устремились, спасаяся, въ городъ.
Громко тогда возопивъ, Одиссей непреклонный въ напастяхъ,
Кинулся бурно преслѣдовать ихъ, какъ орелъ поднебесный.
Но громовою стрѣлою Кроніона вдругъ раздвоилось
Небо и ярко она предъ Аѳиной ударила въ землю.
Дочь свѣтлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
— О, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи отъ пролитія крови, иль будетъ
Въ гнѣвъ приведенъ потрясающій небо громами Кроніонъ.—
Такъ говорила богиня. Онъ радостно ей покорился.
Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ союзъ укрѣпила
Жертвой и клятвой великой, пріявшая Менторовъ образъ,
Свѣтлая дочь громовержца богиня Аѳина Паллада.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

1817—1819.

Не прилично ли будетъ намъ, братія,
Начать древнимъ складомъ
Печальную повѣсть о битвахъ Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по вымысламъ Бояновымъ—
Вѣщій Боянъ,
Если пѣснь кому сотворить хотѣлъ,
Растекался мыслію по древу,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.
Вамъ памятно, какъ пѣли о браняхъ первыхъ временъ:
Тогда пускались 10 соколовъ на стадо лебедей;
Чей соколъ долеталъ, тотъ первую пѣсню пѣлъ:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу;
Сразившему Редедю передъ полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боянъ же, братія, не 10 соколовъ на стадо лебедей пускалъ,
Онъ вѣщіе персты свои на живыя струны вскладывалъ,
И сами онѣ славу князьямъ рокотали. *)

*) Сіе мѣсто изображаетъ великое дарованіе Бояна, о коемъ мы не имѣемъ никакого понятія: онъ былъ богатъ вымыслами, не слѣдовалъ однѣмъ простымъ былинамъ, но украшалъ ихъ воображеніемъ. Оно показываетъ любовь нашихъ предковъ къ пѣснямъ и даетъ думать, что мы имѣли своихъ бардовъ, прославлявшихъ героевъ, и что сіи пѣсни, пѣтые предъ войсками или въ собраніяхъ, пѣлись поочереди, и здѣсь означается, въ чемъ состоялъ этотъ жребій. Боянъ же не входилъ въ жребій, а струны его сами знали и пѣли. Какая похвала!—*В. Ж.*

Начнемъ же, братія, повѣсть сію [Игоря.
Отъ стараго Владиміра до нынѣшняго
Натянулъ онъ умъ свой крѣпостью.
Изострилъ онъ мужествомъ сердце,
Ратнымъ духомъ исполнился,
И навелъ храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце,
Увидѣлъ онъ воевъ своихъ тьмою отъ него
прикрытыхъ.
И рекъ Игорь дружинѣ своей:
„Братія и дружина!
Лучше намъ быть порубленымъ, чѣмъ
даться въ полонъ.
Сядемъ же, други, на борзыхъ коней,
До посмотримъ синяго Дона“.
Вспала князю на умъ охота,
Знаменіе заступило ему желаніе
Отвѣдать Дона великаго.
„Хочу, онъ рекъ, преломить копье
Конецъ поля Половецкаго, съ вами, люди
Хочу положить свою голову [русскіе!
Иль испить шеломомъ Дона“.
О Боянъ, соловей стараго времени!
Какъ бы воспѣлъ ты битвы сіи,
Скача соловьемъ по мыслену дереву,
Взлетая умомъ подъ облаки,
Свивая всѣ славы сего времени,
Рыща тропою Трояновой черезъ поля на горы!
Тебѣ бы пѣснь гласить Игорю, того Олега
внуку!
Не буря занесла соколовъ черезъ поля
широкія;
Галки стадами бѣгутъ къ Дону великому!
Тебѣ бы пѣть, вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ!
Ржутъ кони за Сулою,
Звенитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
Стоятъ знамена въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ милаго брата Всеволода.
И рекъ ему буй-туръ Всеволодъ:
„Одинъ мнѣ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый
Оба мы Святославичи! [ты, Игорь!
Сѣдлай, братъ, борзыхъ коней своихъ,
А мои тебѣ готовы,
Осѣдланы предъ Курскомъ.
А куряне мои бодрые кмети,
Подъ трубами повиты,
Подъ шеломами взлелѣяны,
Концомъ копья вскормлены,
Пути имъ всѣ вѣдомы,
Овраги имъ знаемы,
Луки у нихъ натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ,
Ища себѣ чести, а князю славы“.
Тогда вступилъ князь Игорь въ златое
И поѣхалъ по чистому полю. [стремя,
Солнце дорогу ему тьмой заступило,
Ночь, грозой шумя на него, птицъ пробудила.
Рёвъ въ стадахъ звѣриныхъ;
Дивъ кличетъ на верху древа,
Велитъ прислушать землѣ незнаемой,
Волгѣ, Поморію, Посулію,
И Сурожу и Корсуню,
И тебѣ истуканъ Тьмутараканскій.
Половцы неготовыми дорогами побѣжали
къ Дону великому:
Кричатъ въ полночь телѣги, словно распу-
щены лебеди.
Игорь ратныхъ къ Дону ведетъ.
Уже бѣда его птицъ скликаетъ,
И волки угрозою воютъ по оврагамъ,
Клёктомъ орлы на кости звѣрей зовутъ,
Лисицы брешутъ на червленные щиты...
О, Русская земля! Ужъ ты за горами!
Далёко!
Ночь меркнетъ,
Свѣтъ-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекотъ соловьиный заснулъ,
Галочій говоръ затихъ. [огородили,
Русскіе поле великое червлеными щитами
Ища себѣ чести, а князю славы.
Въ пятницу на зарѣ потоптали они нече-
стивые полки половецкіе,
И, разсѣясь стрѣлами по полю, помчали
красныхъ дѣвъ половецкихъ,
А съ ними и злато, и паволоки, и драгіе
оксамиты;
Ортмами, епанчицами, и мѣхами, и раз-
ными узорочьями половецкими
По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали
мосты мостить.
А стягъ червленый съ бѣлой хоругвію,
А чолка червленая съ древкомъ серебря-
Храброму Святославичу! [нымъ
Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе
Далеко залетѣло! [гнѣздо—
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету, [чанинъ!
Ни тебѣ черный воронъ, невѣрный полов-
Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
А Кончакъ ему слѣдъ прокладываетъ къ
Дону великому.
И рано на другой день кровавыя зари свѣтъ
Черныя тучи съ моря идутъ, [повѣдаютъ;
Хотятъ прикрыть четыре солнца,
И въ нихъ трепещутъ синія молніи.
Быть грому великому!
Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Туто копьямъ поломаться,
Туто саблямъ притупиться
О шеломы половецкіе
На рѣкѣ на Каялѣ у Дона великаго!
О, русская земля, далеко ужъ ты за горами!
И вѣтры, Стрибоговы внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрые полки Игоревы!
Земля гремитъ,
Рѣки текутъ мутно,

Прахи поля покрывають,
Стяги глаголютъ;
Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ странъ.
Русскіе полки отступили.
Бѣсовы дѣти кликомъ поля прегородили,
А храбрые русячи щитами червлеными.
Ярый туръ Всеволодъ!
Стоишь на оборонѣ,
Прыщешь на ратныхъ стрѣлами,
Гремишь по шеломамъ мечомъ харалужнымъ!
Гдѣ ты, туръ, ни проскачешь, шеломомъ златымъ посвѣчивая,
Тамъ лежатъ нечестивыя головы половецкія!
Порублены калеными саблями шеломы аварскіе
Отъ тебя, ярый туръ Всеволодъ!
Какою раною подорожитъ онъ, братья.
Онъ, позабывшій о жизни и почестяхъ,
О градѣ Черниговѣ, златомъ престолѣ родительскомъ,
О красной Глѣбовнѣ, миломъ своемъ желаніи, свычаѣ и обычаѣ?
Были сѣчи Трояновы,
Миновались лѣта Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тотъ Олегъ мечомъ крамолу ковалъ,
И стрѣлы онъ по землѣ сѣялъ.
Ступалъ онъ въ златое стремя въ градѣ Тьмутараканѣ!
Молву объ немъ слышалъ давній великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ;
А князь Владиміръ всякое утро уши затыкалъ въ Черниговѣ.
Бориса же Вячеславича слава на судъ привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храбраго юнаго князя.
Съ той же Каялы Святополкъ послѣ сѣчи взялъ отца своего
Между угорскою конницей ко святой Софіи въ Кіевъ.
Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялось и выростало междоусобіемъ,
Погибла жизнь Дажьбожіихъ внуковъ,
Въ крамолахъ княжескихъ вѣкъ человѣческій сокращался.
Тогда по Русской землѣ рѣдко оратаи распѣвали,
Но часто враны кричали,
Трупы дѣля межъ собою;
А галки рѣчь свою говорили,
Сбираясь летѣть на обѣдъ.
То было въ тѣхъ ратяхъ и тѣхъ походахъ,
Но битвы такой и не слыхано!
Отъ утра до вечера,
Отъ вечера до́ свѣта
Летаютъ стрѣлы каленыя,
Гремятъ мечи о шеломы,
Трещатъ харалужныя копья
Въ полѣ незнаемомъ
Среди земли Половецкія.
Черна-земля подъ копытами
Костьми была посѣяна,
Полита была кровію,
И по Русской землѣ взошло бѣдой.
Что мнѣ шумитъ,
Что мнѣ звенитъ,
Такъ за долго рано передъ зарею?
Игорь полки заворачиваетъ:
Жаль ему милаго брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третій день къ полдню
Пали знамена Игоревы.
Тутъ разлучилися братья на брегѣ быстрой Каялы;
Тутъ криваваго вина не достало;
Тутъ пиръ докончили храбрые воины русскіе:
Сватовъ попоили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникаетъ трава отъ жалости,
А древо печалію
Къ землѣ приниклось.
Уже не веселое время, братья, настало;
Уже пустыня силу прикрыла;
И стала обида въ силахъ Дажьбожіихъ внуковъ,
Дѣвой ступя на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синемъ морѣ у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствія,
Миновалися брани князей на невѣрныхъ.
Братъ сказалъ брату: то мое, а это—мое же!
И стали князи про малое спорить, какъ бы про великое,
И сами на себя крамолу ковать.
А невѣрные со всѣхъ странъ набѣжали съ побѣдами на землю Русскую.
О! далеко залетѣлъ ты, соколъ, сбивая птицъ къ морю!
А безстрашному полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслѣдъ за нимъ крикнули Карна и Жля, и по Русской землѣ поскакали,
Мча разореніе въ пламенномъ рогѣ.
Жены русскія всплакали, приговаривая:
„Ужъ намъ своихъ милыхъ ладъ
Ни мыслію смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядать,
А злата-сребра много потратить!“
И застоналъ, друзья, Кіевъ печалію,
Черниговъ напастію,
Тоска разлилася по Русской землѣ,
Обильно печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А невѣрные сами съ побѣдами врывались въ землю Русскую,
Дань собирали по бѣлкѣ съ двора.
Такъ-то сіи два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволодъ, пробудили коварство;
Едва усыпилъ его мощный отецъ ихъ,
Святославъ грозный, великій князь Кіевскій.
Гроза былъ Святославъ!

Притрепеталъ онъ враговъ своими сильными
И мечами булатными; [ратями
Наступилъ онъ на землю Половецкую,
Притопталъ холмы и овраги,
Возмутилъ озера и рѣки,
Изсушилъ потоки-болота,
А Кобяка невѣрнаго изъ луки моря
Отъ желѣзныхъ великихъ полковъ поло-
Вихремъ исторгнулъ. [вецкихъ
И Кобякъ очутился въ городѣ Кіевѣ
Въ гридницѣ Святославовой!
Нѣмцы и Венеды,
Греки и Моравы,
Славу поютъ Святославу,
Каютъ Игоря князя,
Погрузившаго силу на днѣ Каялы, рѣки по-
Насыпавъ ее золотомъ русскимъ. [ловецкія,
Тамъ Игорь князь изъ златого сѣдла пе-
ресѣлъ въ сѣдло Кощеево;
Уныли въ градахъ забралы,
И веселіе поникло.
И Святославу мутный сонъ привидѣлся:
„Въ Кіевѣ на горахъ въ ночь сію съ вечера
Одѣвали меня, рекъ онъ, чернымъ покро-
вомъ на кровати тесовой;
Черпали мнѣ синее вино, съ горечью смѣ-
Сыпали мнѣ пустыми колчанами [шанное;
Жемчугъ великой въ нечистыхъ раковинахъ
И меня нѣжили. [на лоно,
А кровля безъ князя была на теремѣ
моемъ златоверхомъ.
И съ вечера цѣлую ночь граяли враны зло-
вѣщіе,
Слетѣвшись на склонъ у Пленьска въ деб-
ри Кисановой...
Ужъ не послать ли мнѣ къ синему морю?“
И бояре князю въ отвѣтъ рекли:
„Печаль намъ, князь, умы полонила;
Слетѣли два сокола съ золотаго престола
Поискать города Тмутараканя [отцовскаго,
Или выпить шеломомъ Дону. [подрублены,
Ужъ соколамъ и крылья невѣрныхъ саблями
Сами жъ запутаны въ желѣзныхъ опутинахъ“.
Въ третій день тьма наступила,
Два солнца померкли,
Два багряныхъ столпа угасли,
А съ ними и два молодые мѣсяца, Олегъ и
Тьмою подернулись. [Святославъ,
На рѣкѣ на Каялѣ свѣтъ темнотою покрылся.
Гнѣздомъ леопардовъ простерлися половцы
И въ горе ее погрузили, [по Русской землѣ
И въ хапа вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя ударила на волю,
Вергнулся Дивъ на землю.
Вотъ ужъ и готскія красныя дѣвы
Вспѣли, на брегѣ синяго моря;
Звоня золотомъ русскимъ,
Поютъ онѣ время Бусово,
Величаютъ месть Шуруканову.
А наши дружины гладны веселіемъ.
Тогда изронилъ Святославъ великое слово
златое, съ слезами смѣшанное:
„О сыновья мои, Игорь и Всеволодъ!
Рано вы стали мечами разить Половецкую
А себѣ искать славы! [землю,
Не съ честью вы побѣдили,
Съ несчастіемъ пролили кровь невѣрную!
Ваше храброе сердце въ жестокомъ булатѣ
И въ буйствѣ закалено! [заковано
То ль сотворили вы моей серебряной сѣ-
динѣ!
Уже не вижу могущества моего сильнаго,
богатаго, многовойнаго брата Ярослава,
Съ его Черниговскими племенами,
Съ Монгутами, Татринами и Шельбирами,
Съ Топчаками, Ревутанами и Ольберами.
Они безъ щитовъ съ кинжалами засапожными
Кликомъ полки побѣждали,
Звеня славою прадѣдовъ.
Вы же рекли: „мы одни постоимъ за себя
„Славу передню сами похитимъ,
„Заднюю славу сами подѣлимъ!“
И не диво бы, братья, старому стать молодымъ.
Соколъ ученый,
Птицъ высоко взбиваетъ,
Не дастъ онъ въ обиду гнѣзда своего.
Но горе, горе! князья мнѣ не въ помощь!
Времена обратились на низкое!
Вотъ и Романъ кричитъ подъ саблями поло-
А князь Владиміръ подъ ранами. [вецкими,
Горе и бѣда сыну Глѣбову!
Гдѣ жъ ты, великій князь Всеволодъ?
Иль не помыслишь прилетѣть издалеча отцов-
скій златой престолъ защитить?
Силенъ ты веслами Волгу разбрызгать,
А Донъ шеломами вычерпать.
Будь ты съ нами и была бы чага по наготѣ,
А кощей по резанѣ.
Ты же по суху можешь съ чадами Глѣба уда-
Стрѣлять живыми самострѣлами, [лыми
А вы безстрашные, Рюрикъ съ Давыдомъ,
Не ваша ль храбрая дружина рыкаетъ,
Словно какъ туры, калеными саблями ране-
ны, въ полѣ незнаемомъ?
Вступите, вступите въ стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйнаго Святославича!
Ты, Галицкій князь Осмомыслъ Ярославъ!
Высоко ты сидишь на престолѣ своемъ
златокованномъ!
Подперъ угорскія горы полками желѣзными,
Заступилъ ты путь королю,
Затворилъ Дунаю ворота,
Бремена черезъ облаки мечешь,
Суды рядишь до Дуная,
Гроза твоя по землямъ течетъ,
Ворота отворяешь ты Кіеву,
Стрѣляешь въ султановъ съ златого пре-
стола отцовскаго черезъ далекія земли.
Стрѣляй же, князь, въ Кончака, невѣрнаго
Кощея за Русскую землю,

За раны Игоря, буйнаго Святославича!
А ты, Мстиславъ, и смѣлый Романъ!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дѣло отважное,
Словно какъ соколъ на вѣтрахъ ширяется,
Птицъ одолѣть замышляя въ отважности!
Шеломы у васъ латинскіе, подъ ними же-
лѣзные панцыри!
Дрогнули ими многія земли и области хановы,
Литва, Дремала, Явтяги,
И Половцы, копья свои повергнувъ,
Главы подклонили
Подъ ваши мечи харалужные. [утратило.
Но уже для Игоря князя солнце свѣтъ свой
И древо свой листъ не добромъ сронило;
По Руси по Сулѣ грады подѣлены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть.
Донъ тебя, князя, кличетъ,
Донъ зоветъ князей на побѣду.
Ольговичи, храбрые князи, доспѣли на бой.
Вы же Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мсти-
Не худаго гнѣзда шестокрильцы [славича,
Не по жеребью ли побѣды власть себѣ вы
На что вамъ златые шеломы, [похитили?
Ваши польскія копья, щиты? [стрѣлами
Заградите въ поле врата своими острыми
За землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго
Святославича!
Не течетъ уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уже и Двина болотомъ течетъ
Къ онымъ грознымъ полочанамъ подъ кли-
комъ невѣрныхъ.
Одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ,
Позвенѣлъ своими острыми мечами о шлемы
литовскіе,
Утратилъ онъ славу дѣда своего Всеслава;
А самъ подъ червленными щитами на крова-
Положенъ мечами литовскими, [вой травѣ
И на семъ одрѣ возгласилъ онъ:
„Дружину твою, князь Изяславъ,
„Крылья птицъ пріодѣли,
„И звѣри кровь полизали!" [Всеволода.
Не было тутъ брата Брячислава, ни другого
Одинъ изронилъ ты жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла
Черезъ златое ожереліе!
Голоса́ пріуныли,
Поникло веселіе,
Трубятъ Городенскія трубы.
Ты, Ярославъ, и вы, внуки Всеславли,
Пришлось преклонить вамъ стяги свои,
Пришлось вамъ въ ножны вонзить мечи
поврежденные!
Отскочили вы отъ дѣдовской славы,
Навели нечестивыхъ крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
Бывало намъ прежде какое насиліе отъ
земли Половецкія!
На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ,
Бросилъ жребій Всеславъ о дѣвицѣ милой.
Онъ, подпершись клюками, сѣлъ на коня,
Поскакалъ ко граду Кіеву [стола Кіевскаго,
И коснулся древкомъ копья до златого пре-
Лютымъ звѣремъ въ полночь поскакалъ
онъ изъ Бѣлграда,
Синею мглою обвѣшенный,
По утру же стрикузы водрузивши, раздвиг-
нулъ врата Новугороду,
Славу расшибъ Ярославову,
Волкомъ помчался съ Дудутокъ къ Немигѣ.
На Немигѣ стелютъ снопы головами,
Молотятъ цѣпами булатными,
Жизнь на току кладутъ,
Вѣютъ душу отъ тѣла [посѣяны,
Кровавые бреги Немиги не добромъ были
Посѣяны костями русскихъ сыновъ.
Князь Всеславъ людей судилъ,
Князьямъ онъ рядилъ города,
А самъ въ ночи волкомъ рыскалъ;
До пѣтуховъ онъ изъ Кіева успѣвалъ къ
Тьмутаракани,
Къ Херсоню великому волкомъ онъ путь
перерыскивалъ.
Ему въ Полоцкѣ рано къ заутрени зазвонили
Въ колокола у святыя Софіи,
А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ.
Пусть и вѣщая душа была въ крѣпкомъ
его тѣлѣ,
Но часто страдалъ онъ отъ бѣдъ;
Ему и вѣщій Боянъ древней припѣвкой
предрекъ:
„Будъ хитёръ, будь смышлёнъ,
„Будь по птичью горазд,
„А Божьяго суда не минуешь!"
О, стонать тебѣ, земля Русская,
Вспоминая времена первыя и первыхъ
князей!
Нельзя было стараго Владиміра пригво-
здить къ горамъ кіевскимъ!
Стяги его стали нынѣ Рюриковы,
А другіе Давыдовы;
Нося на рогахъ ихъ, волы нынѣ землю пашутъ.
А копья поютъ на Дунаѣ".
Голосъ Ярославнинъ слышится, на зарѣ оди-
нокой чечеткою кличетъ:
„Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,
Оботру князю кровавыя раны на отвердѣв-
шемъ тѣлѣ его".
Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на
стѣнѣ, приговаривая:
„О вѣтеръ, ты, вѣтеръ!
Къ чему же такъ сильно вѣешь?
Начто же наносишь ты стрѣлы ханскія
Своими легковѣйными крыльями
На воиновъ лады моей?
Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью?
Мало ль кораблей на синемъ морѣ твоему
лелѣянью?
На что жъ, какъ ковыль траву, ты раз-
вѣялъ мое веселіе?"

Ярославна поутру плачетъ въ Путивлѣ на
стѣнѣ, припѣваючи:
„О ты Днѣпръ, ты Днѣпръ, ты славна-рѣка!
Ты пробилъ горы каменны
Сквозь землю Половецкую; [Кобяковой;
Ты, лелѣя, несъ суда Святославовы къ рати
Прилелѣй же ко мнѣ ты ладу мою,
Чтобы не слала къ нему поутрамъ-позарямъ
слезъ я на море!“
Ярославна поутру плачетъ на стѣнѣ город-
ской припѣваючи:
„Ты свѣтлое, ты пресвѣтлое солнышко!
Ты для всѣхъ тепло, ты для всѣхъ красно!
Что же такъ простерло ты свой горячій
лучъ на воиновъ лады моей,
Что въ безводной степи луки имъ сжало
И заткало имъ тулы печалію?“ [жаждой
Прыснуло море къ полуночи;
Идутъ мглою туманы;
Игорю князю Богъ путь указываетъ
Изъ земли Половецкой въ Русскую землю,
Къ златому престолу отцовскому.
Пріугасла заря вечерняя.
Игорь князь спитъ не спитъ,
Игорь мыслію поле мѣряетъ
Отъ великаго Дона
До малаго Донца.
Конь къ полуночи;
Овлуръ свистнулъ за рѣкою,
Чтобъ князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумѣла трава;
Половецкія вежи подвинулись.
Прянулъ князь Игорь горностаемъ въ трост-
Бѣлымъ гоголемъ на воду; [никъ,
Взвернулся князь на быстра коня,
Соскочилъ съ него бѣсомъ-волкомъ,
И помчался онъ къ лугу Донца;
Полетѣлъ онъ, какъ соколъ подъ мглами,
Избивая гусей-лебедей къ завтраку и обѣду
и ужину.
Когда Игорь князь соколомъ полетѣлъ,
Тогда Овлуръ волкомъ потёкъ за нимъ,
Сбивая съ травы студёную росу:
Притомили они своихъ борзыхъ коней.
Донецъ говоритъ: „ты, Игорь князь!
Не мало тебѣ величія,
Кончаку нелюбія,
Русской землѣ веселія!“
Игорь въ отвѣтъ: „ты, Донецъ рѣка!
И тебѣ славы не мало,
Лелѣявшему на волнахъ князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своихъ берегахъ серебряныхъ,
Одѣвавшему его теплыми мглами
Подъ навѣсомъ зеленаго дерева,
Охранявшему его на водѣ гоголемъ,
Чайками на струяхъ,
Чернядьми на вѣтрахъ.
Не такова, примолвилъ онъ, Стугна рѣка:
Худая про нее слава!
Пожираетъ она чужіе ручьи,
Струги межъ кустовъ раздираетъ.
А юношѣ князю Ростиславу
Днѣпръ затворилъ брега темные.
Плачетъ мать Ростиславова
По юношѣ князѣ Ростиславѣ.
Увянулъ цвѣтъ жалобою,
А деревья печалію къ землѣ преклонило“.
Не сороки застрекотали—
Вслѣдъ за Игоремъ ѣдутъ Гзакъ и Кончакъ.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползкомъ только ползали,
Дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ кажутъ,
Соловьи веселыми пѣснями свѣтъ проре-
Молвилъ Гзакъ Кончаку: [каютъ.
„Если соколъ къ гнѣзду долетитъ,
Соколёнка мы разстрѣляемъ стрѣлами зла-
Гзаку въ отвѣтъ Кончакъ: [чёными!“
„Если соколъ ко гнѣзду долетитъ,
Соколёнка опутаемъ красною дѣвицей!“
И сказалъ опять Гзакъ Кончаку:
„Если опутаемъ красною дѣвицею,
То соколёнка не будетъ у насъ,
Не будетъ и красныя дѣвицы, [вецкомъ!“
И начнутъ насъ бить птицы въ полѣ поло-
Пѣлъ Боянъ пѣснотворецъ стараго времени,
Пѣлъ онъ походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга
дщери Когановой:
„Тяжко, сказалъ онъ, быть головѣ безъ плечъ,
Худо тѣлу, какъ нѣтъ головы!“
Худо Русской землѣ безъ Игоря!
Солнце свѣтитъ на небѣ—
Игорь князь въ Русской землѣ!
Дѣвы поютъ на Дунаѣ,
Голоса́ долетаютъ черезъ море до Кіева,
Игорь ѣдетъ по Боричеву
Къ святой Богородицѣ Пирогощей.
Радостны земли,
Веселы грады,
Пѣснь мы спѣли старымъ князьямъ,
Пѣснь мы спѣли князьямъ молодымъ:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владиміру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христіанъ полки невѣрные!
Слава князьямъ, а дружинѣ аминь.

Проза.

I. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

ВАДИМЪ НОВОГОРОДСКІЙ.

Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи, къ вамъ стремлюсь душою, пѣвецъ природы, не знаемый славою. Сокройте меня, сокройте. Радости міра не прельщаютъ моего сердца; радости міра тлѣнны, быстры какъ тѣни облака, носимаго вихремъ.—Подъ кровомъ неизвѣстнымъ, на лонѣ природы, пускай расцвѣтетъ и увянетъ жизнь моя. Гордый и славный не посѣтятъ моей хижины; взоръ ихъ отвратится съ презрѣніемъ отъ скромной обители пустынника; но бѣдный и гонимый рокомъ приближатся къ ней съ тихимъ восторгомъ благодарности; но сирота забвенный благословитъ ее; но добрый, чувствительный мечтатель, другъ мира и добродѣтели, найдетъ въ ней счастіе, неизвѣстное гордымъ и славнымъ. Благословляю тебя, жилище спокойствія и свободы. Теките мирно, дни моей жизни, да грозная буря не помрачитъ васъ; будьте ясны какъ чистое небо въ красотѣ весенней; цвѣти веселіе по слѣдамъ вашимъ; ваши слѣды да не будутъ ужасны, какъ слѣды льва, разъяреннаго на пескахъ пустынной Сары.

Божество сердецъ непорочныхъ, уединеніе, да осѣнятъ меня твои кипарисы; задумчивый мракъ ихъ да погрузитъ мою душу въ меланхолію. Здѣсь, на брегѣ рѣки, медленно ліющейся и шумящей, воздвигну тебѣ алтарь изъ дерна, и въ часы торжественнаго безмолвія природы буду мечтать о жизни, смотря на тихія волны, угасающія съ вечернимъ солнцемъ. Здѣсь моя скромная муза робко будетъ звучать на лирѣ, обвитой цвѣтами, посвященной свободѣ и добродѣтели. Здѣсь воображеніе будетъ воспламенять мою душу, и ночь въ угрюмомъ величіи непримѣтно пролетать надъ главою моею. Здѣсь радостный образъ мирнаго счастія плѣнитъ меня своимъ призракомъ, и пепелъ протекшихъ радостей оживится моими слезами сладкими, посвященными воспоминанію; и тѣни сокрытыхъ во гробѣ, услышавъ мой голосъ, ихъ призывающій, покинутъ безмолвныя жилища праха, соединятся со мною, оставленнымъ, и будутъ сопутниками, друзьями души моей въ уединенномъ странствіи.

О ты, незабвенный; ты, увядшій въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ увядаетъ лилія, прелестная, благовонная: гдѣ слѣды твои въ семъ мірѣ? Жизнь твоя улетѣла, какъ туманъ утренній, озлащенный сіяніемъ солнца. Ахъ! гдѣ обитаетъ безсмертная, преображенная душа твоя? Куда унесенъ ты смертію неизъяснимою? Гдѣ, гдѣ искать тебя? Восхищенный, счастливый тобою, обнималъ я одну тѣнь минутную. Руки мои не опустились еще, а тебя нѣтъ, и уже гробъ твой, безмолвный, непроницаемый, передо мною. Священная тайна провидѣнія! чье око дерзнетъ въ сію бездну? Смертный исчезаетъ во мракѣ. Ему ли вступить во святилище безконечнаго? Ему ли вопрошать неизъяснимаго?—Но горесть, сія жестокая, сія непреклонная, вырываетъ стоны изъ слабаго сердца.—Да не оскорбится милосердіе безпредѣльное; вся душа моя устремлена къ сему невозвратному, навсегда улетѣвшему счастію. Ахъ! гдѣ сіе время наслажденій мирныхъ и безмятежныхъ? Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чистѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось моимъ блаженствомъ? Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣстномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я шелъ рука въ руку, безъ робости, безъ трепета, съ безпечнымъ, веселымъ спокойствіемъ?.. Все исчезло! Никогда, никогда не встрѣтимся въ семъ мірѣ. О другъ мой, ты не усыплешь цвѣтами уединеннаго пути моего; твой милый голосъ не прольетъ отрады въ мою душу. Вотще потусклые взоры мои будутъ искать тебя въ минуту страшную, когда смерть повлечетъ меня ко гробу; вотще буду простирать холодную руку, чтобы въ послѣдній разъ ощутить біеніе твоего сердца: тебя не будетъ; не примешь моего вздоха, не отпустишь меня съ миромъ—ты упредилъ меня, счастливецъ. Рука утѣшительной дружбы закрыла глаза твои; рука нѣжная благословила тебя, охладѣвшаго и безчувственнаго. А я, несчастный, я разлученный съ тобою въ рѣшительный часъ сей—не слыхалъ твоихъ стоновъ, не облегчилъ боренія твоего съ смертію; не зрѣлъ, какъ посыпалась земля на безвременный гробъ твой и навѣки тебя сокрыла. Покойся, милый, священный пепелъ! Неужели рука Провидѣнія, милосердая, благодатная, могла угасить навѣки свѣтило души прелестной? Ахъ, нѣтъ! пускай отецъ и друзья терзаются надъ гробомъ нечувствительнымъ; пускай умоляютъ его возвратить свою добычу. Тѣнь веселая и мирная, ты наслаждайся безпримѣрнымъ блаженствомъ; носись невидимо надъ нами; простирай къ намъ руки съ высотъ ѳеира... мы твои, твои несомнѣнно.

Въ сей тихой обители сокроется жизнь моя; въ сей тихой обители воздвигну памятникъ тебѣ незабвенному. Я не зрѣлъ твоей могилы; въ отдаленномъ краю осыпаетъ ее весна цвѣтами—но тѣнь твоя надо мною; она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца.—Такъ, въ ея священномъ присутствіи, прахомъ твоимъ любезнымъ, драгоцѣннымъ остаткомъ милой жизни, клянусь быть другомъ добродѣтели. Грознымъ и разъяреннымъ да узрю тебя предъ собою, если порокъ услышитъ хвалу мою, и гордый возвеселится моимъ униженіемъ. Тихая муза моя непорочна, какъ сама природа: не броситъ цвѣтовъ на стезю недостойнаго; въ вѣнцѣ изъ розъ и вѣтвей дубовыхъ она скитается по тихимъ дубравамъ и съ томнымъ журчаніемъ потоковъ соединяетъ свои пѣсни простыя, нестройныя.

Тебѣ, увядшій на зарѣ прелестной, тебѣ посвящаетъ она первый звукъ своей лиры *). Тихій мѣсяцъ таится въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно. Задумавшись, опирается муза на камень, обросшій мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; рощи, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки невидимо журчащей въ кустарникѣ.

---

*) Сія трогательная дань горестной дружбы принесена авторомъ памяти Андрея Ивановича Тургенева, недавно умершаго молодого человѣка рѣдкихъ достоинствъ.—*Карамзинъ.*

КНИГА ПЕРВАЯ.

Оживись, пепелъ протекшаго! Тѣни героевъ и великихъ, возстаньте изъ гробовыхъ развалинъ! Явитесь, явитесь при блескѣ мѣсяца въ грозномъ величіи! Дерзаю пѣть вашу славу; дерзаю сыпать цвѣты на мшистые камни могилъ вашихъ.

Осенній вечеръ не спускался на землю. Солнце среди разорванныхъ тучъ катилось въ шумящее озеро Ладоги. На древней вершинѣ чернаго бора сіялъ послѣдній лучъ его. Вѣтеръ вылъ; озеро вздымалось; мрачныя облака летѣли; сѣдые туманы дымились.

На скатѣ скалы, заросшей кустарникомъ и глубоко вдавшейся въ пространное озеро, стояла хижина; дымъ вылеталъ изъ трубы и разносился бурнымъ вѣтромъ. На порогѣ уединенной хижины сидѣлъ старецъ. Потусклый взоръ его неподвижно устремился на волны; задумчиво склонялъ онъ голову, какъ лунь сѣдую, на правую руку, опирающуюся на колѣно; въ лѣвой держалъ арфу; борода его и длинные волосы, всклокоченные вѣтромъ, развѣвались. Часто во взорахъ его мелькало быстрое пламя, и лицо мрачное являлось грознымъ и ужаснымъ; часто глубокіе вздохи тѣснили грудь его, лицо опять омрачалось, и взоры снова потухали—онъ ударилъ по струнамъ арфы—сильный, величественный звукъ раздался — струны затрепетали—долго слышалось ихъ томное, умирающее звучаніе—утихли—пустынникъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на вечернее, сумрачное небо, на арфу, вздохнулъ опять—заигралъ и запѣлъ:

„Шумите, шумите осенніе вѣтры, чада угрюмаго Позвизда! *(Борей славянскій.)* Обнажайтесь, холмы, обнажайтесь, дубравы; подымайся, листъ изсохшій, столбомъ съ долины; стелитесь, густые туманы; улети, сокройся, веселое лѣто, какъ улетѣло и скрылось мое счастіе. Давно бѣлѣетъ зима на главѣ слабаго старца, давно исчезла крѣпость его мышцы, и охладѣвшая кровь не волнуется. Нѣтъ мирной тѣни подъ дубомъ, разбитымъ стрѣлою Перуна; нѣтъ жизни и радости въ моемъ сердцѣ, увядшемъ какъ листъ осенній.

„Пронеслось оно — пронеслось и сокрылось мое счастіе. Слава дней моихъ улетѣла, какъ дымъ, унесенный вѣтромъ. Гдѣ вы, любимцы души моей, чада мужества и брани? Разсѣяны по лицу земному, или въ могилахъ покоитесь? Ахъ, блаженны почившіе сномъ безмятежнымъ: обитель ихъ тиха и безмолвна, какъ часъ полуночи въ долинѣ уединенной. Миръ вамъ, сыны праха.

„Но горе, горе мнѣ, страннику. Одни вѣтры пустынные, однѣ волны шумящія со мною бесѣдуютъ. Сокрылись любимцы души моей—сокрылись, какъ ясные дни лѣта. Мечъ мой и палица закоснѣли въ праздности; пыль на щитѣ моемъ и шлемѣ. Угасаю, какъ заря на западѣ, какъ уголь истлѣвающій.

„А ты, моя отчизна; ты, незабвенная и въ дикой пустынѣ и на краю гроба, куда дѣвалось твое величіе? Почто утратился блескъ твоей славы? Печаль, какъ туманъ, покрываетъ тебя своимъ мракомъ. Не вижу храбрыхъ сыновъ твоихъ: пали могущіе, или сокрылись. Иноплеменники ругаются надъ твоимъ безсиліемъ; иноплеменники терзаютъ тебя, какъ волки хищные свою добычу. Къ тебѣ, обожаемая, къ тебѣ летятъ мои вздохи. По тебѣ унываю; но кто услышитъ мои стенанія? Кто прольетъ отраду въ изсохшее сердце?

„Посреди скалъ уединенныхъ и безплодныхъ увяну въ горестномъ одиночествѣ; земля не покроетъ костей моихъ; другъ славы не посѣтитъ моей могилы. Набѣжитъ горный вѣтеръ, и прахъ мой разсѣется; пропадутъ слѣды мои, какъ лучи вечерніе на облакахъ летящихъ!..“

Старецъ замолчалъ; звуки арфы его исчезли въ пространномъ воздухѣ—мракъ всюду царствовалъ, и озеро невидимо шумѣло. Долго, уныло задумавшись, сидѣлъ пустынникъ, и слушалъ свисты вѣтра; наконецъ, всталъ и ушелъ въ хижину. Яркій огонь, пылающій въ очагѣ, освѣщалъ ея стѣны, почернѣвшія отъ дыму, и багровое сіяніе проливалось сквозь узкое окно и отверстія худой двери на мрачную зелень и кустарники, со всѣхъ сторонъ окружавшіе хижину. Старецъ повѣсилъ арфу на стѣну, подлѣ доспѣховъ военныхъ—щита, панцыря, меча и шлема—покрытыхъ ржавчиною и паутиною, придвинулъ къ огню со новый отрубокъ, служившій ему стуломъ, сѣлъ и началъ грѣть свои руки. Дымъ волновался какъ паръ и выходилъ въ узкое отверстіе, на срединѣ потолка оставленное. Старецъ былъ задумчивъ, мраченъ; молчаніе царствовало въ хижинѣ; только изрѣдка прерывалось оно шумомъ вѣтра и печальнымъ крикомъ сверчка.—Вдругъ послышался шорохъ—дверь застучала.—„Впустите странника, потерявшаго дорогу!“ сказалъ голосъ. Вся внутренность старца содрогнулась: языкъ незабвенный, языкъ милой родины, поразилъ слухъ его, долго внимавшій однимъ волнамъ и вѣтрамъ. Со всею живостію молодыхъ лѣтъ, онъ бросился къ двери, оттолкнулъ ее—и незнакомый юноша, прелестный какъ Дагода *(Зефиръ)*, величественный какъ Свѣтовидъ *(богъ свѣта и брани, которому поклонялись славяне острова Рюгена)*, съ лукомъ въ рукѣ, съ колчаномъ за спиною, представился его взорамъ. Изумленный, долго не могъ онъ произнести ни одного слова и быстрыми глазами смотрѣлъ на пришельца.—Позволь, добрый пустынникъ,—сказалъ юноша такимъ голосомъ, отъ котораго запылала вся душа старца,—позволь провести ночь въ твоей хижинѣ. Я заблудился; на дворѣ темно и холодно. „Благословляю приходъ твой, незнакомецъ; войди, согрѣйся. Никогда еще голосъ человѣка не веселилъ меня въ сей дикой пустынѣ. Давно сердце мое не трогалось разговоромъ дружелюбнымъ. Благословляю тебя, странникъ; прижмись къ моей груди.“ Молодой незнакомецъ кинулся обнимать его съ такимъ живымъ, искреннимъ чувствомъ, что пустынникъ на минуту забылся—вообразилъ себя въ объятіяхъ милаго сына. „Сядь къ огню, добрый юноша, сказалъ онъ: мой ужинъ простъ и невкусенъ, постель жестка и неспокойна; но ты усталъ и голоденъ“,—и юноша, ослабивъ тетиву своего лука, и снявъ съ плечъ колчанъ, туго набитый стрѣлами, сѣлъ подлѣ очага, на которомъ блестящее пламя развѣвалось и дрова трещали. Старикъ, между тѣмъ, приготовилъ простой ужинъ, изъ плодовъ лѣсныхъ и сушеной рыбы составленный; разостлалъ на полу медвѣжью кожу и сказалъ своему посѣтителю: „Вотъ все, чѣмъ богата моя хижина; утоли свой голодъ и успокойся“. Незнакомецъ поблагодарилъ гостепріимнаго пустынника, насытился, пожелалъ ему доброй ночи и, бросясь на медвѣжью кожу, скоро заснулъ глубокимъ сномъ.

Старикъ сидѣлъ задумавшись надъ спящимъ незнакомцемъ; душа его была въ волненіи; сладкія, долго молчавшія струны въ ней оживились. Очарованный взоръ его не могъ отвратиться отъ соннаго полубога, небрежно передъ нимъ простертаго. Сіе лицо выразительное, запечатлѣнное добродушіемъ; сей взглядъ быстрый, пылающій; темнорусые волосы, мягкіе какъ шелкъ и кудрями по плечамъ разсыпанные; величественный станъ; высокая, бѣлая грудь, нѣжный и мужественный голосъ—все вмѣстѣ производило неизъяснимое дѣйствіе надъ сердцемъ пустынника. Темное воспоминаніе минувшаго погружало его въ тихую меланхолію; казалось, что вся протекшая слава, всѣ протекшія радости и горести заключены были въ одномъ очаровательномъ образѣ, въ образѣ незнакомца, который такъ безмятежно покоился. Онъ пожиралъ его глазами; сердце его трепетало и слезы градомъ катились. Время быстро и непримѣтно мчалось. Огонь на очагѣ погасъ, мерцали одни уголья и блѣднымъ, трепещущимъ блистаніемъ озаряли мрачную хижинку—то гасли, то опять оживлялись—наконецъ, все исчезло; глубокая тьма и безмолвіе воцарились, и погруженный въ мысли старецъ ничего не чувствовалъ: душа его летала надъ безднами протекшаго. Вдругъ мелькнула

заря: онъ опомнился, осмотрѣлся — незнакомецъ еще спалъ, по утро уже цвѣло на восточномъ небѣ и ночь стремилась къ западу.

Онъ вышелъ изъ хижины—все блистало, все было великолѣпно. Не осталось ни одного слѣда ночной непогоды. Утихшее озеро алѣло; берега, озаренные и спокойные, изображались въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и трепетали, какъ скоро мгновенный вѣтерокъ пролеталъ надъ тихою водою, и къ ней прикасался. На востокѣ парило солнце; голубые, отдаленные лѣса, возвышаясь одинъ надъ другимъ, подобно огромному необозримому амфитеатру, были покрыты свѣтлымъ прозрачнымъ туманомъ.

Съ мирною, обновленною душою стоялъ пустынникъ на утесѣ, и безмолвно восхищался великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Изумленный, растроганный, онъ долго искалъ причины сей непонятной радости, которая такъ быстро пролилась въ его сердце — искалъ напрасно. Сей незнакомый, величественный странникъ своимъ явленіемъ очаровалъ всѣ предметы, передъ нимъ разсѣянные; чувство новаго, сильнаго бытія пробудилось въ немъ и пылало.

Наконецъ, отворилась дверь хижины — полубогъ явился, оживленный, украшенный мирнымъ спокойствіемъ. Юношеское пламя играло на щекахъ его; смятые, густые волосы вились и развивались; на быстрыхъ глазахъ мелькали еще легкіе оттѣнки сна... Онъ подошелъ къ пустыннику съ онымъ яснымъ плѣняющимъ взоромъ, который потрясаетъ сердца, и подалъ ему руку. Они обнялися; пожелали другъ-другу пріятнаго утра. „Сонъ твой былъ сладокъ и спокоенъ, молодой незнакомецъ, сказалъ пустынникъ: живость и свѣжесть блистаютъ на лицѣ твоемъ. Я внутренно веселился, когда ты спалъ такъ тихо и безпечно. Печаль и заботы неизвѣстны твоему сердцу. Завидная участь! А я, пустынный обитатель утесовъ, я въ первый разъ еще вижу *красное* утро въ семъ безмолвномъ уединеніи. Семь лѣтъ, продолжительныхъ и мрачныхъ, сокрылись, не оставивъ ни одного слѣда радости въ душѣ моей. Приходъ твой, странникъ, оживилъ ее, какъ лучъ весенній изсохшее дерево. Давно, давно я не былъ такъ счастливъ, такъ веселъ“.

Юноша, который совсѣмъ уже изготовился въ путь, опершись на лукъ свой, пристально смотрѣлъ на старца, и нѣжное состраданіе въ глазахъ его блистало. —Ты ошибся, пустынникъ, сказалъ онъ:—и мнѣ достался мой удѣлъ печали; молодость не защитила меня отъ горя; пасмурно утро моей жизни. Такъ же, какъ и ты, скрываюсь въ пустынѣ; какъ и ты, оставленъ я міромъ. Уединенный гробъ отца, изгнанника, убитаго печалью, составляетъ все мое богатство. Не зови меня счастливцемъ; не завидуй моему счастью...

„Но кто ты, неизъяснимый?“ воскликнулъ пустынникъ съ видимымъ безпокойствомъ.—Я—*Вадимъ*...

„Вадимъ? О Перунъ!.. Вадимъ!“ — Развѣ ты меня знаешь? „Мнѣ не знать тебя? Сердце мое не обмануло́сь—не обмануло́сь!“ повторялъ старецъ, прижимая ко груди молодого человѣка и смотря ему въ глаза съ восторгомъ: „теперь понимаю, отчего такая радость, такое волненіе въ душѣ моей; отчего во всю ночь глаза мои не смыкались. Ты, несчастный, ты въ моей хижинѣ, въ моихъ объятіяхъ. Но знаешь ли, кто передъ тобою? Знаешь ли, кто далъ тебѣ пристанище, кто утолилъ твой голодъ, тебя успокоилъ?.. Гостомыслъ!“

Вадимъ содрогнулся.—Ты Гостомыслъ! воскликнулъ онъ, упавъ на колѣна.—Ты Гостомыслъ! повторилъ онъ, рыдая и прижавъ лицо къ поламъ пустынника: —о жребій человѣческій!

Нѣсколько минутъ продолжалось унылое молчаніе. Старецъ, прижавъ ко груди Вадима, осыпалъ поцѣлуями лицо его. „Такъ юноша! говорилъ онъ: Гостомыслъ передъ тобою! Славянскій вождь, убогій, оставленный, покрытый рубищемъ, передъ тобою! Обними меня, обними, какъ сынъ отца обнимаетъ. Твой образъ оживилъ мою душу. Тайное предчувствіе потрясло ее, когда ты вошелъ въ мою хижину, когда устремилъ на меня взоры. Ахъ! мнѣ казалось, что самъ Радегастъ, товарищъ моей славы, отецъ твой, со всѣмъ очарованіемъ юныхъ лѣтъ и красоты цвѣтущей, стоялъ передъ мною. Мечта не обманула меня. Это Вадимъ—живой, украшенный образъ героя, любимца души моей“.

Вадимъ, безмолвный и горестный, мрачными глазами смотрѣлъ на пустынника. Сердце его разрывалось. Образъ сего человѣка, пораженнаго рокомъ, но величественнаго на самыхъ развалинахъ величія, приводилъ его въ трепетъ. — Ты Гостомыслъ, повторялъ онъ:—ты другъ отца моего? Въ сей пустынѣ, въ семъ бѣдномъ рубищѣ? И слезы его катились градомъ, и пламенныя уста невольно прижимались къ рукѣ старца... „Успокойся, Вадимъ; успокойся, сынъ мой! Тебѣ ли проливать слезы? Меня ли оплакивать? Вадимъ, пощади Гостомысла! Твое сожалѣніе да не оскорбитъ его! Кто выше бѣдъ и несчастій, тотъ можетъ ли быть жалокъ? Скажи, что́ ужаснетъ мою душу въ сей дикой пустынѣ, гдѣ узы ея всѣ разорваны и гдѣ самая слава для нея не существуетъ? О сынъ мой, уже нѣтъ будущаго въ моей жизни: оно исчезло; желанія, надежды не волнуютъ моего сердца—но память протекшаго для меня священна; ему иногда посвящаю горестные вздохи. Погибшая слава, отчизна горестная, и вы, сокрывшіеся друзья мои, по васъ унываю, по васъ льются мои слезы и по васъ терзаюсь сердцемъ. Но дамъ ли пасть моему духу? Погибнетъ ли мое мужество? Нѣтъ, Вадимъ; нѣтъ, другъ мой; среди утесовъ я свободенъ; среди утесовъ не знаю властелина. Кто дерзнетъ пожалѣть о судьбѣ моей?“

Священный ужасъ явился въ груди Вадима и взоръ его неподвижно покоился на лицѣ старца, которое пылало. Въ сію минуту Гостомыслъ, подъ рубищемъ пустынника, подъ сѣдинами лѣтъ, казался божественнымъ и грознымъ.

„Сядемъ, продолжалъ старецъ, сядемъ на сей гранитный отломокъ. Утро ясно и тихо: посвятимъ его сладкимъ воспоминаніямъ. Вадимъ, говори мнѣ объ отцѣ твоемъ... Гдѣ покоится прахъ великаго Радегаста? Въ какой странѣ потухла жизнь его, славная и несчастная? Какимъ случаемъ заведенъ ты въ сію пустыню?“

— Ахъ! сказалъ Вадимъ, устремивъ задумчивый взоръ на южный берегъ Ладожскаго озера:—давно покрыты землею кости отца моего. Тихая могила Радегаста заросла травою и скрыта отъ взоровъ человѣческихъ. Тамъ, на сей высокой горѣ, окруженной соснами, опѣняемой шумящимъ озеромъ, жилъ и угасъ старецъ, изгнанникъ, герой славянскій. Мраченъ и печаленъ былъ вечеръ его жизни. Съ веселымъ сердцемъ онъ встрѣтилъ кончину...

„Благословляю тебя, могила моего друга!“ воскликнулъ Гостомыслъ, поднявшись съ гранита и простерши руки въ ту сторону, гдѣ находился гробъ Радегастовъ. Быстрый, чувствительный Вадимъ бросился на колѣна, и слезы его на прахъ покатились. Пролетѣла минута священной горести. Пустынникъ прижалъ ко груди пылкаго юношу; они сѣли опять на камень, и Вадимъ продолжалъ:

— Тамъ гніетъ опустѣвшая хижина Радегастова. Старецъ, лишенный отчизны, лишенный силъ тѣлесныхъ и, наконецъ, зрѣнія, совершалъ путь свой, не слабѣя духомъ. Протекли пять лѣтъ, и ни одна жалоба не вырвалась изъ души его. Три года тому, какъ земля приняла въ свое лоно сего странника, бѣдами не побѣжденнаго... Рука моя закрыла померкшіе глаза Радегаста; рука моя украсила дерномъ священную его могилу... Мирный сонъ безмолвному праху!—Вадимъ умолкъ, снова отеръ слезы, блеснувшія на щекахъ его, и потомъ продолжалъ:

— Будучи двѣнадцатилѣтнимъ младенцемъ, я скрылся въ пустыню съ отцомъ моимъ. Тамъ, гдѣ шумящій Волховъ съ пѣною ввергается въ озеро и въ немъ исчезаетъ, на крутой горѣ, во мракѣ сосенъ, построили

мы хижину. Съ трудомъ питала насъ рыбная ловля. Радегастовъ мечь, нѣкогда врагамъ ужасный, рубилъ дрова; на щитѣ раскладывали огонь, а въ шлемѣ варили пищу; время текло, и силы мои развивались. Я стрѣлялъ изъ лука, прежде въ цѣль, потомъ въ птицъ, а, наконецъ, мои стрѣлы, мѣткою сильною рукою пускаемыя, сдѣлались гибельны для звѣрей свирѣпыхъ. Рѣдко безъ добычи возвращался я къ отцу моему слабому, отягченному болѣзнію и лѣтами.

Онъ угасалъ непримѣтно, угасалъ, какъ ясный вечеръ на тихомъ небѣ угасаетъ. Наконецъ, глаза его померкли. Я пересталъ удаляться отъ хижины, покинулъ свой лукъ и стрѣлы, оставилъ охоту и посвятилъ все время свое немощному старцу. Примѣръ человѣка, непоколебимаго и твердаго среди волненій жизни; слова его, убѣдительныя и сильныя, образовали мое сердце: я трепеталъ и хватался за мечь, когда отецъ мой со всею живостію пылкаго юноши говорилъ о славѣ, о подвигахъ славянъ храбрыхъ; изображалъ ихъ великодушіе, ихъ вѣрность въ дружбѣ, святое почтеніе къ обѣтамъ и клятвамъ. Душа моя пламенѣла; въ восторгѣ я падалъ къ ногамъ Радегаста, и орошалъ ихъ кипящими слезами... О, если бы ты могъ видѣть слѣпого воина, простирающаго руки къ шумящему Волхову, благословляющаго ту землю, изъ которой изгнали его неблагодарные.

Часто, согрѣтый, оживленный лучами солнца, онъ леталъ мыслію въ протекшее; думалъ о тебѣ, Гостомыслъ, и восхищалъ мою душу плѣнительнымъ изображеніемъ твоихъ доблестей. Я боготворилъ тебя въ пустынѣ. Образъ великаго вождя славянъ соединялся въ моемъ сердцѣ со всѣми совершенствами человѣка. Воображая Гостомысла, я воображалъ Перуна въ его могуществѣ и блескѣ.

Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ изъ груди пустынника. Лицо измѣнилось и взоры, печально устремленные въ землю, померкли. Вадимъ продолжалъ:

— Время текло, дни исчезали. Радегастъ сокрылся изъ моихъ объятій. Далеко отъ взоровъ человѣческихъ цвѣтетъ его могила. Мракъ и спокойствіе надъ нею; сонъ почившаго безмятеженъ.

Долго въ тоскѣ сердечной я плакалъ надъ мирнымъ гробомъ. Глыба земли, покрывшая нечувствительный пепелъ, казалась мнѣ оживленною: вечеръ и утро находили меня въ горести. Пустота хижины меня ужасала, безмолвіе лѣса приводило въ трепетъ; но я не могъ съ ними разстаться, не могъ покинуть того мѣста, въ которомъ все говорило мнѣ о незабвенномъ. Тѣнь его носилась надо мною; таинственное молчаніе ночи возвѣщало ея присутствіе. Въ шорохѣ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, я слышалъ голосъ знакомый, трогающій сердце: воображеніе оживляло передо мною всѣ предметы.

Прошелъ годъ, прошелъ другой: ничто не возмутило моей пустынной жизни. Мой лукъ и стрѣлы ужасали звѣрей; опасности меня веселили. Превозмогать трудности, взбираться на крутизны, прыгать съ утеса на утесъ, почиталъ я великою славою, и симъ ограничивалъ свое честолюбіе. Сердце мое было спокойно; я не думалъ, чтобы мое спокойствіе когда-нибудь могло исчезнуть—оно исчезло. Настала весна; природа обновилась, а я увялъ. Скука, жестокая, несносная, мною овладѣла. Безпокойныя желанія во мнѣ пробудились. Я хотѣлъ дѣйствовать, но прежняя дѣятельность казалась мнѣ слишкомъ слабою, единообразною. Слава отца моего, слава героевъ славянскихъ явилась предо мною во всемъ величіи. Сей образъ очаровалъ мою душу. Все для меня исчезло. Вездѣ я видѣлъ воиновъ, вездѣ встрѣчалъ побѣдителей. Гонимый воображеніемъ, я бѣгалъ изъ лѣса въ лѣсъ, по скаламъ, по долинамъ, безъ всякой цѣли, только для того, чтобы не сидѣть на одномъ мѣстѣ.

Вчера, едва озарилось небо утреннимъ свѣтомъ, я вышелъ изъ хижины съ лукомъ и стрѣлами. Гдѣ я бродилъ и какъ здѣсь очутился, не знаю. Мрачная, бурная ночь застала меня среди утесовъ. Звуки арфы поразили слухъ мой—я опомнился, оглянулся, увидѣлъ огонь, хижину, жилище человѣка... Сердце мое затрепетало, кровь заныла... я бѣжалъ, летѣлъ... О Перунъ, Гостомыслъ обиталъ въ сей хижинѣ!

Мечты мои были прелестны, восхитительны. Я воображалъ себя гражданиномъ великаго Новограда, воиномъ-побѣдителемъ; видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ; видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста; видѣлъ вѣнцы, летящіе къ ногамъ его сына; славу, благоденствіе могущаго народа—ужасъ враговъ его... Ты плачешь, Гостомыслъ?..

(1803 г.)

(Продолженія не было.)

ТРИ СЕСТРЫ.

ВИДѢНІЕ МИНВАНЫ.

Вся наша жизнь была бъ однимъ послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее—три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую, одна отъ другой заимствуетъ прелесть.

Нынѣ минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ; я гуляла по берегу рѣки; пріятное меланхолическое воспоминаніе о прошедшемъ наполняло мою душу — тогда была я счастлива, я счастлива и теперь, и въ будущемъ предчувствую одно счастіе. Прошедшее, настоящее и будущее сливаются для меня въ одно сладостное чувство.

Солнце спокойно склонялось къ голубымъ холмамъ; вечерніе лучи его золотили поверхность озера; мелкіе острова, на немъ разсѣянные, будучи осыпаны розовымъ блескомъ запада, казались воспламененными и прозрачными. Вечерній вѣтерокъ разливалъ прохладу: все успокоивалось; стада бѣжали съ полей, пастушій рогъ вторилъ отдаленному соловью, и пѣсня рыбака, который плылъ одинъ на маленькой лодкѣ посреди озера, неслась ко мнѣ по гладкой поверхности водъ.

Я шла задумавшись—нечувствительно очутилась у зеленой дубовой рощи, растущей на полугорѣ, и вдругъ вижу передъ собою трехъ молодыхъ дѣвушекъ, совершенно сходныхъ лицомъ, прекрасныхъ, цвѣтущихъ какъ майскій день. Одна сидѣла подъ старымъ дубомъ, облокотившись на урну, обвитую лиліями, незабудками и кипарисомъ; другая лежала на травѣ, подъ розовымъ кустомъ; а третья смотрѣла на заходящее солнце: въ глазахъ ея блистало какое-то сверхъестественное пламя; величественное лицо, озаренное лучами солнца, казалось нечеловѣческимъ. Я удивилась, не знала, итти ли къ нимъ, или удалиться; но одна изъ нихъ—та, которая лежала подъ розовымъ кустомъ—подлетѣла ко мнѣ какъ легкій вѣтерокъ и, улыбаясь, сказала: „Милый другъ не удаляйся, пойдемъ со мною, я познакомлю тебя съ сестрами. Сядь подъ этотъ розовый кустъ; розы мои такъ же чисты и нѣжны, какъ твоя красота; ихъ сладкій запахъ такъ же привлекателенъ, какъ непорочность твоей души, и самая жизнь твоя не иное что, какъ распускающаяся роза. Да сохранятся вѣчно ея пріятность, ароматы и свѣжесть“.

Мы взялись за руки и побѣжали; новая знакомка моя, подавая мнѣ розу, сказала: „Подарокъ въ день твоего рожденія“. Старшая сестра — та, которая сидѣла подъ дубомъ, облокотившись на урну—устремила на меня задумчивый взглядъ, и душа моя невольно наполнилась уныніемъ, когда я всмотрѣлась въ черты ея лица, веселаго, но вмѣстѣ и прискорбнаго; тайная сила влекла меня къ ея сердцу, но я не смѣла приблизиться и молчала.

„Ты насъ не знаешь, мой милый другъ, сказала она мнѣ ласково: мы сестры. Я называюсь *Прошедшее;*

имя средней сестры, которая подарила тебѣ розу, *Настоящее*, а младшей *Будущее;* иначе называютъ насъ: *Вчера, Нынѣ, Завтра.* Мы неразлучны; тотъ, кого полюбитъ одна, становится любезенъ и другимъ; противный одной необходимо долженъ быть противенъ и прочимъ.

„Милая Минвана, прекрасное созданіе природы, ты, будешь намъ любезна—ты рождена для счастія; святое Провидѣніе сохранитъ тебя на пути жизни.

„Теперь, начиная только жить, ты можешь и должна любить одну сестру мою *Нынѣ,* пріятную, живую. Другъ мой, играй душистыми розами, которыя даритъ она тебѣ съ веселою улыбкой; знай, о Минвана, что свѣжесть и ароматы ихъ не исчезнутъ, доколѣ въ сердцѣ твоемъ, еще спокойномъ и чистомъ, сохранится невинность.

„Дружась съ сестрою моею *Нынѣ,* ты приготовишься любить и меня и сестру мою *Завтра;* наступитъ, наступитъ время, когда почувствуешь, что дружба наша для тебя необходима—желанія и надежды откроются въ безмятежной твоей душѣ, а розы настоящаго... никогда не родятся безъ шиповъ.

„Тогда, мой другъ, моя привлекательная, тихая Минвана, веселая *Завтра* да будетъ твоимъ прибѣжищемъ. Смотри... она указываетъ тебѣ на отдаленный западъ: тамъ сіяетъ величественное солнце, тамъ ясный закатъ напоминаетъ объ ясномъ утрѣ.

„Мой другъ, наслаждаясь непорочно розами *настоящаго,* ты будешь съ веселіемъ чистымъ, съ надеждою безмятежною смотрѣть на сію привлекательную отдаленность *будущаго:* веселіе и надежда—сопутницы непорочности.

„А если, мой другъ, обманутая красотою розы, уколешься ея шипами, то спокойная довѣренность къ сестрѣ моей *Завтра,* единый взглядъ на очаровательные предметы, которые она открываетъ вдали, должны усладить твое страданіе. Но такое услажденіе получаетъ одна непорочность.

„Иногда—о, сохрани тебя Творецъ, моя невинная Минвана—иногда непріязненный жребій затмеваетъ утѣшительный блескъ отдаленн го, будущее скрывается; самое настоящее, утративъ свою веселость, облекаетъ себя покровомъ печали... Минвана, сестры мои, привлекательныя лицомъ, непостоянны: люби ихъ, но берегись измѣны.

„Въ сіи минуты испытанія, минуты одиночества души я буду съ тобою... во мнѣ ищи утѣшителя и друга. Я твоя. *Прошедшее* съ тобою неразлучно. Близъ урны моей оживетъ для тебя утраченное въ настоящемъ и замѣнятся веселые призраки будущаго; близъ урны моей, подъ сумракомъ кипариса, обитаетъ воспоминаніе, которое говоритъ о томъ, что было и чего уже нѣтъ; задумчивая меланхолія, которая наслаждается скорбію, любитъ одно минувшее, носится мыслію надъ гробами, и въ сѣтованіи о мертвыхъ находитъ сладость. Съ невинностію, твоею подругою, приди подъ сумракъ моего кипариса: въ бесѣдѣ моей найдешь отраду. Близъ урны моей ты будешь наслаждаться сама собою, и нечувствительно съ лица настоящаго спадетъ покровъ печали; прискорбная *Нынѣ* опять улыбнется, и вѣтреная *Завтра* опять прилетитъ къ тебѣ съ своими мечтами.

„О мой другъ, придетъ время оставить цвѣтущую долину жизни; тогда ни горестныя моленія дружбы помедлить, не удаляться, ни тщетная привязанность къ прелестному бытію, которое угасаетъ, ничто не удержитъ тебя посреди милыхъ, покидаемыхъ навѣки.

„Тогда явимся предъ тобою вмѣстѣ, въ новомъ сіяніи, преображенныя, навсегда неразлучныя. Какимъ восхитительнымъ блескомъ озарится для тебя отдаленіе будущаго. Безсмертіе, оправданіе надеждъ и вѣры, награда... О Минвана, вся твоя жизнь да будетъ приготовленіемъ къ сей минутѣ.

„Иди, мой другъ, иди не опасаясь той неизвѣстности, которою покрыты пути сей жизни: небесное Провидѣніе твой хранитель. Вѣрь его присутствію, вѣрь его наградамъ. Счастіе неотъемлемый удѣлъ непорочности: но гдѣ, и когда?... Это тайна.“

Она замолчала. Въ эту минуту закатилось солнце; и небо, и воды, и поля померкли. Ищу глазами прелестныхъ богинь, но привидѣніе исчезло... чувствую одно вѣяніе вѣтерка, благовоніе лилій и розъ, слышу одну гармонію источника, тихо льющагося у ногъ моихъ по камнямъ.

(1808 г.)

ТРИ ПОЯСА.

(РУССКАЯ СКАЗКА.)

Въ царствованіе великаго князя Владимира, неподалеку отъ Кіева, на берегу быстраго Днѣпра, въ уединенной хижинѣ жили три молодыя дѣвушки, сиротки, очень дружныя между собою; одна называлась Пересвѣтою, другая Мирославою, а третья Людмилою. Пересвѣта и Мирослава были прекрасны какъ майскій день; сосѣди называли ихъ алыми розами, отчего онѣ сдѣлались нѣсколько самолюбивы. Людмила была не красавица, никто ее не хвалилъ, и подруги ея, которыхъ она любила всѣмъ сердцемъ, твердили ей каждый Божій день: „Людмила, бѣдная Людмила, ты никогда не выйдешь замужъ; кто тебя полюбитъ; ты не красавица, и не богата“.—Добрая Людмила вѣрила имъ въ простотѣ сердца и не печалилась. „Онѣ говорятъ правду; я никогда не выйду замужъ: что жъ нужды? Я буду любить Пересвѣту и Мирославу болѣе всего на свѣтѣ, буду ими любима: какого счастія желать мнѣ болѣе“. Такъ думала простосердечная Людмила, и чистая душа ея была спокойна. Ей минуло пятнадцать лѣтъ, но еще никакое смутное желаніе не волновало невиннаго ея сердца: любить своихъ подругъ, ходить за цвѣтами, распѣвать пѣсни, какъ нѣжная малиновка—таковы были всѣ удовольствія доброй Людмилы.

Въ одинъ день всѣ три подруги гуляли по берегу ручья, осѣненнаго соснами и березами. Пересвѣта и Мирослава рвали цвѣты для украшенія головы своей, и Людмила также рвала ихъ—для Пересвѣты и Мирославы: она воображала, что ей неприлично думать объ украшеніи. Вдругъ видятъ онѣ на берегу ручья старушку, которая спала глубокимъ сномъ: солнечные лучи падали прямо на ея голову, сѣдую и почти лишенную волосъ. Пересвѣта и Мирослава засмѣялись.—Сестрица, сказала одна, какова покажется тебѣ эта красавица?—Лучше тебя, Мирослава!—И тебя, Пересвѣта!—Шафранъ едва ли превзойдетъ желтизною эти прекрасныя щеки, покрытыя пріятными морщинами.—А этотъ носъ, Пересвѣта, не правда ли, что онъ очень скромно пригнулся къ подбородку?—Сказать правду, и подбородокъ отвѣчаетъ своею фигурою красивому носу.—Они срослись, сестрица!—Въ продолженіе разговора и та и другая безпрестанно смѣялись.—Ахъ, сестрицы, сказала тихая Людмила, вамъ непристало смѣяться надъ этою старушкою. Что она вамъ сдѣлала? Она стара—ея ли это вина? И вы состарѣетесь въ свою очередь: для чего же смѣяться надъ тѣмъ недостаткомъ, который непремѣнно будете имѣть сами? Смѣяться надъ старыми, значитъ—прежде времени смѣяться надъ собою. Будьте разсудительны; скажу лучше, будьте жалостливы. Посмотрите, какъ солнце палитъ голову этой бѣдной женщины. Наломаемъ березовыхъ вѣтокъ, сплетемъ вокругъ нея маленькій шалашъ, чтобы сонъ ея могъ быть и спокоенъ и безопасенъ. Проснувшись, она благословитъ насъ, будетъ за насъ молиться; а небо всегда исполняетъ молитвы стариковъ и нищихъ, такъ говорила мнѣ покойная матушка.—Пересвѣта и Мирослава почувствовали вину свою; онѣ наломали вмѣстѣ съ Людмилою березовыхъ вѣтокъ, сплели шалашъ и прикрыли имъ голову спящей. Она скоро проснулась, увидѣла надъ собою тѣнь, удивилась, начала осматриваться—

передъ нею стояли Пересвѣта и Мирослава и Людмила. „Благодарю васъ, милыя незнакомки, сказала она: приближтесь: хочу оставить вамъ памятникъ моей благодарности. Вотъ три пояса—каждая изъ васъ можетъ выбрать для себя тотъ, который покажется ей лучше и болѣе къ лицу“. Старушка кладетъ на траву три пояса: два изъ нихъ были чрезвычайно богатые, изъ крупнаго жемчуга и алмазовъ, третій былъ простая, необыкновенной бѣлизны лента, украшенная фіалками. Пересвѣта и Мирослава бросились на жемчугъ и алмазы; Людмилѣ досталась бѣлая лента.—Благодарю тебя, сказала она старушкѣ, этотъ простой уборъ мнѣ приличнѣе. Пересвѣта и Мирослава прекрасны лицомъ: имъ должно имѣть и одежду прекрасную, а для меня довольно простой и самой скромной. „Ты говоришь правду, мой другъ, сказала старушка Людмилѣ, надѣвая на нее поясъ; никогда, ни за какія сокровища въ свѣтѣ не снимай съ себя этой ленты; не вѣрь людямъ, которые будутъ говорить, что она тебѣ не къ лицу; остерегайся обольщенія гордости: потерявъ этотъ поясъ, ты потеряешь и счастіе, съ нимъ неразлучное“.—Людмила поцѣловала старушку и дала ей слово не отдавать никому подарка. Старушка исчезла. Пересвѣта и Мирослава не могли вслушаться въ ея слова; онѣ съ восхищеніемъ разсматривали свои жемчуги и алмазы, и едва успѣли сказать, что онѣ очень ей благодарны.

Пересвѣта и Мирослава взялись за руки и побѣжали въ свою хижину. Людмила, замѣтивъ, что онѣ имѣли между собою тайну, шла за ними издали.—Не правда ли—сказала, наконецъ, Мирослава, оборотясь къ Людмилѣ—что эта смѣшная старушка сдѣлала тебѣ чрезвычайно богатый подарокъ?—Не богатый, но очень для меня пріятный; я не люблю пышности.—Но для чего бы ей не сравнять тебя съ нами?—Я объ этомъ не подумала. То, что мнѣ даютъ, пріятнѣе для меня того, въ чемъ мнѣ отказываютъ.—Посмотри, какъ наши алмазы блистаютъ.—Посмотрите на мою ленту, какъ она бѣла.—И тебѣ не завидно?—Можно ли завидовать тѣмъ, кого любишь? Я довольна, если вы счастливы.—Ты добрая дѣвушка, Людмила. Останься дома, а мы пойдемъ въ Кіевъ покупать новыя платья: наши слишкомъ бѣдны для такихъ поясовъ, которые украшены алмазами и жемчугомъ. За одну жемчужину можемъ теперь купить десять паръ самаго богатаго платья.—Пересвѣта и Мирослава пошли въ Кіевъ; Людмила осталась дома поливать цвѣты и кормить своихъ птичекъ.

Ввечеру Мирослава и Пересвѣта возвратились въ хижину съ великимъ запасомъ богатыхъ уборовъ.—Важная новость, сестрица—сказала Пересвѣта Людмилѣ—молодой князь Святославъ, Владимировъ сынъ, прекрасный какъ весенній день, и храбрый какъ богатырь Добрыня, хочетъ выбирать себѣ невѣсту. Множество красавицъ, боярскихъ дочерей и даже простыхъ поселянокъ, собираются въ Кіевъ изъ дальнихъ русскихъ городовъ, изъ деревень и хижинъ. Кто жъ запретитъ и намъ искать руки прекраснаго князя Святослава! Богъ далъ намъ красоту, а добрая старушка наградила насъ богатствомъ. Мирослава и я хотимъ переселиться въ Кіевъ: каждая изъ насъ, благодаря своему драгоцѣнному поясу, можетъ съ честію и отличіемъ показаться въ люди. Мы рѣшились, и завтра отправляемся въ Кіевъ. И ты, добродушная Людмила, можешь за нами послѣдовать—ты будешь смотрѣть за нашимъ домомъ, а, наконецъ, увидишь и церемонію выбора, которая должна быть чрезвычайно великолѣпна.—Охотно исполню ваше желаніе, сестрицы, отвѣчала съ веселою улыбкою Людмила;—буду служить вамъ отъ всего сердца: ваше удовольствіе составляетъ мое счастіе. Старайтесь плѣнить прекраснаго князя, а я буду молить Бога, чтобы онъ склонилъ къ вамъ его сердце.

Что сказано, то и сдѣлано. Подруги на другой день, рано поутру, отправились въ Кіевъ. Мирослава и Пересвѣта объявили себя дочерями богатыхъ новогородскихъ посадниковъ. Одинъ изъ бояръ Владимировыхъ записалъ имена ихъ въ число желающихъ представить себя на выборъ князю Святославу. Людмила не показалась никому: она молилась Богу о счастіи своихъ подругъ, шила имъ платья, низала для нихъ ожерелья, выкладывала золотымъ галуномъ и алмазами ихъ сарафаны; забывая самое себя, она жила для однѣхъ милыхъ подругъ своихъ.

Наконецъ, наступилъ торжественный день выбора. Ввечеру, дворецъ великаго князя Владимира освѣтился тысячами свѣтильниковъ; палата, назначенная для торжества, обита была малиновымъ бархатомъ; скамейки, на которыхъ надлежало сидѣть красавицамъ, иногороднимъ и кіевскимъ, были покрыты шелковыми коврами съ золотою бахромою; а для великаго князя Владимира и князя Святослава приготовили возвышенное мѣсто, на которомъ стояли два кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. На улицѣ, ведущей къ княжескому двору, тѣснилось множество народа, и горѣли огни разноцвѣтные. Наконецъ, зазвучали бубны—представилось зрѣлище восхитительное: сто красавицъ, цвѣтущихъ какъ весеннія розы, идутъ попарно, среди восхищенной толпы кіевлянъ, ко дворцу великаго князя; каждая изъ нихъ имѣетъ при себѣ прислужницу: Людмила сопутствуетъ Пересвѣтѣ и Мирославѣ. Людмила одѣта была въ бѣлое платье и опоясана своимъ поясомъ; русые волосы ея, заплетенные косою, были перевиты простою лентою; она приближилась съ сильнымъ трепетомъ сердца къ палатѣ Владимира, сѣла позади своихъ подругъ, и съ тайнымъ, робкимъ предчувствіемъ смотрѣла на дверь, въ которую должны были войти великій князь Владимиръ и сынъ его, Святославъ прекрасный. Долго царствовала глубокая тишина въ княжеской палатѣ. Вдругъ заиграла военная музыка; двери растворились съ шумомъ; входятъ попарно бояре и богатыри, одни въ богатыхъ парчевыхъ платьяхъ, другіе въ великолѣпныхъ военныхъ доспѣхахъ, въ золотыхъ кольчугахъ, въ блестящихъ шлемахъ, осѣненныхъ бѣлыми перьями. Они раздѣляются и становятся по обѣимъ сторонамъ княжескаго трона.—Утихаетъ бранная музыка—играютъ нѣжныя флейты—всѣ глаза обращены на отверстыя двери—вдругъ является князь Владимиръ въ богатомъ княжескомъ уборѣ; онъ ведетъ за руку молодого Святослава, одѣтаго просто, съ открытою головою, съ разбросанными по плечамъ свѣтлорусыми кудрями, прелестнаго, цвѣтущаго молодостію; на щекахъ его игралъ румянецъ, свѣжій какъ весенняя роза; въ глазахъ большихъ, черныхъ и осѣненныхъ густыми рѣсницами, сіяло нѣжное пламя; станъ его былъ гибокъ и строенъ, походка величественная, всѣ движенія пріятныя. Ахъ Людмила, бѣдная Людмила, что сдѣлалось съ твоимъ сердцемъ при взглядѣ на прекраснаго юношу? „Для чего я не красавица, для чего я не богата?“ подумала она, вздохнула, опустила глаза на грудь свою, которая волновалась сильнѣе прежняго, но скоро опять, противъ воли, устремила ихъ на прелестнаго князя, который стоялъ одинъ, посреди обширной палаты, прелестный какъ ангелъ въ видѣ человѣка... Но что же она почувствовала?... Вся душа ея пришла въ волненіе... глаза ея встрѣтились съ глазами прекраснаго Святослава. О небо, онъ подходитъ къ ней... Мирослава и Пересвѣта встаютъ, думая, что выборъ долженъ пасть на одну изъ нихъ... Святославъ подаетъ руку Людмилѣ. „Вотъ она, говоритъ онъ, вотъ та, которая представлялась душѣ моей и наяву и въ мечтахъ сновидѣнія. Ей отдаю и руку и сердце“. Людмила едва не лишилась памяти; она не вѣрила своимъ ушамъ, трепетала, блѣднѣла, краснѣла... Святославъ подводитъ нареченную свою невѣсту къ великому князю Владимиру, потомъ сажаетъ ее подлѣ его на кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. Въ палатѣ послышался ропотъ. „Какой выборъ!“ шептали оскорбленныя красавицы, смотря на скромную Людмилу, одѣтую просто и совсѣмъ неимѣющую красоты блестящей. Пересвѣта и Мирослава были внѣ себя

отъ досады и зависти. Кто бы это подумалъ—говорили онѣ одна другой—намъ предпочесть Людмилу; какое ослѣпленіе!—Мужчины также смотрѣли на Людмилу, но чувства ихъ были другаго рода. Какъ она прелестна!—восклицали и старики и молодые—какая привлекательная скромность, какой невинный взглядъ, какая нѣжная, милая душа изображается на лицѣ ея, пріятномъ, какъ душистая *маткина-душка*! Людмила сама не понимала того нѣжнаго чувства, которымъ наполнено было ея сердце; она не смѣла взглянуть на прекраснаго князя Святослава, и еще болѣе украшала себя милымъ своимъ смятеніемъ. Святославъ пожималъ ея руку и ободрялъ ее пламеннымъ своимъ взглядомъ.

Но великій князь Владиміръ началъ говорить, и все утихло. Сынъ мой—сказалъ онъ прекрасному Святославу—твой выборъ пріятенъ моему родительскому сердцу; но красота не одно достоинство супруги; хочу, чтобъ она соединена была съ качествами и дарованіями болѣе надежными. Избранная тобою невѣста превосходитъ всѣхъ другихъ прелестями лица: посмотримъ, сравняются ли онѣ съ нею дарованіями и умомъ.—Людмила поблѣднѣла, услышавъ слова великаго князя Владиміра: „Ахъ! воскликнула она—я ничему не училась! Это минутное торжество послужитъ только къ тому, чтобы доказать всему свѣту мое невѣжество. Отпусти меня, великій князь Владиміръ; я пришла сюда не для того, чтобы оспаривать у другихъ, болѣе достойныхъ, то счастіе, для котораго я не рождена судьбою; я пришла насладиться счастіемъ милыхъ подругъ моихъ. Отпусти меня; мой жребій скрываться въ бѣдной хижинѣ, ходить за цвѣтами, довольствоваться удѣломъ низкимъ, и никогда не мечтать о пышномъ тронѣ". Князь Владиміръ посмотрѣлъ съ улыбкою благоволенія на скромную Людмилу, и приказалъ ей остаться на своемъ мѣстѣ. Приносятъ стройныя гусли. Всѣ красавицы, каждая въ свою очередь, пѣли пѣсни въ похвалу храбрыхъ витязей, или въ похвалу нѣжной любви; каждая изображала то чувство, которое влекло ея душу къ прекрасному князю Святославу. Пришла очередь Людмилы; она блѣднѣетъ, трепещетъ; вдругъ кто-то, невидимый, шепчетъ ей на ухо: „Людмила, ободрись; хранительные взоры мои надъ тобою. Спой ту пѣсню, которую научила тебя твоя мать; ты еще не знаешь, какими дарованіями наградила тебя природа". Людмила узнаетъ голосъ благодѣтельной волшебницы—той старушки, которая подарила ей поясъ. Она идетъ къ гуслямъ, садится—о чудо! пальцы ея съ легкостью вѣтерка летаютъ по струнамъ; голосъ ея имѣетъ чистоту и звонкость соловьинаго: онъ льется въ душу, онъ возбуждаетъ въ ней сладкое восхищеніе, погружаетъ ее въ задумчивость, производитъ въ ней томную мечтательность. Людмила поетъ ту пѣсню, которую нѣжная мать пѣвала, качая ее въ колыбели: „Роза, весенній цвѣтъ".

Людмила замолчала; но голосъ ея отдавался еще въ сердцахъ слушателей. Молодой князь, въ неописанномъ восхищеніи, прижимаетъ ее къ сердцу: „Нѣтъ, ты не можешь быть смертная; ты ангелъ, слетѣвшій съ неба для того, чтобы сдѣлать счастливымъ Святослава!"—Ахъ, я бѣдная Людмила; сама не постигаю того, что дѣлается со мною; какое-нибудь очарованіе ослѣпило ваши взоры. Вы думаете, что я красавица, это обманъ; я никогда не бывала прекрасною. Святославъ, ты хочешь возвести меня на тронъ; но я рождена поселянкою, рождена для бѣдной и неизвѣстной хижины.

Опять заиграла музыка и началась пляска. Соперницы Людмилы очаровали зрителей своими пріятными движеніями, своею легкостью, своею быстротою; но Людмила, снова ободренная голосомъ волшебницы, затмила искусство прелестію простоты: во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то очаровательное—скромность, соединенная съ милою веселостью. Она являла глазамъ невинность, играющую съ удовольствіемъ; зрители не могли довольно на нее насмотрѣться; сердца летѣли за нею вслѣдъ... но музыка замолчала... Людмила, съ потупленными глазами, съ разгорѣвшимся румянцемъ на щекахъ, сѣла на свое мѣсто, не смѣла радоваться, не смѣла взглянуть на Святослава прекраснаго.

Давно уже прошла половина ночи. Великій князь беретъ Святослава за руку, и они выходятъ изъ палаты съ боярами и богатырями; красавицы удалились—но еще испытаніе не кончилось: оно должно было продолжаться три дня сряду. Людмилу отвели въ дворцовый теремъ, убранный великолѣпно; приставили къ ней множество прислужницъ. Она осталась одна, погруженная въ задумчивость, съ новыми, доселѣ незнакомыми ей чувствами, и съ милымъ образомъ прелестнаго Святослава въ душѣ своей.

И мы, оставя на время Людмилу, вспомнимъ о двухъ подругахъ ея, Пересвѣтѣ и Мирославѣ.—Могли ли мы это вообразить! сказала Мирослава Пересвѣтѣ, возвратившись съ нею домой. Намъ предпочесть Людмилу! Конечно, они слѣпы; нельзя, чтобы это было естественно! Какъ ты думаешь, Пересвѣта? Не скрывается ли какой-нибудь талисманъ въ томъ поясѣ, который подарила ей старая волшебница? Будучи къ намъ столь щедрою, могла ли она позабыть Людмилу? Конечно, простой ея поясъ драгоцѣннѣе нашихъ осыпанныхъ жемчугомъ и алмазами. Замѣтила ли ты какъ онъ блисталъ на ней вчера ввечеру?—Такъ, Мирослава, ты говоришь правду: Людмила имѣетъ талисманъ, которому сама не знаетъ цѣны—должно его похитить. Тогда увидимъ, помрачитъ ли она и тебя и меня своими дарованіями, своею красотою.

На другой день, рано поутру, Пересвѣта и Мирослава идутъ въ теремъ Людмилы: она бросается къ нимъ въ объятія, цѣлуетъ ихъ съ восторгомъ и краснѣетъ, внимая неискреннимъ ихъ поздравленіямъ.—Милыя подруги, говоритъ имъ скромная Людмила, сама стыжусь тѣхъ почестей, которыми вчера была я осыпана; сама не понимаю, какъ могли предпочесть меня бѣдную, некрасивую Людмилу, вамъ прекраснымъ, богатымъ, достойнымъ всякаго предпочтенія. — Добрая Людмила, отвѣчала Мирослава, странное для тебя кажется для насъ весьма естественнымъ: мы не завидуемъ, но искренно радуемся твоему счастію. Время открыть тебѣ глаза: перестань почитать себя не красавицею. Богъ наградилъ тебя лицомъ прелестнымъ; изъ любви къ тебѣ, называли мы тебя дурною — похвалы могли бы испортить твое невинное сердце. Теперь притворство безполезно, и тебѣ, наконецъ, должно узнать, милая Людмила, что ты превосходишь всѣхъ другихъ женщинъ красотою, любезностію, дарованіями — Сестрицы, не смѣетесь ли вы надо мною?—Ахъ, мой другъ, какъ можешь это объ насъ подумать? Мы говоримъ истинную правду. Но позволь намъ сдѣлать тебѣ одно дружеское замѣчаніе: ты имѣешь два недостатка, весьма важныхъ и препятствующихъ тебѣ воспользоваться дарами природы—ты слишкомъ застѣнчива и слишкомъ небрежна въ своей одеждѣ. Нынче ввечеру опять будемъ представлены великому князю Владиміру и сыну его Святославу прекрасному; говорятъ, что въ Кіевъ пріѣхала какая-то псковитянка, ангелъ красотою и чрезвычайно искусная въ одеждѣ: бойся, чтобы она не похитила у тебя любви прекраснаго Святослава; нарядись какъ можно лучше. Красотѣ твоей прилична и одежда пышная; мы принесли тебѣ на выборъ нѣсколько платьевъ. Надѣнь то, которое покажется тебѣ къ лицу, а мы будемъ радоваться твоей побѣдѣ.

Мирослава и Пересвѣта разстилаютъ передъ глазами Людмилы нѣсколько великолѣпныхъ уборовъ. Новое чувство родилось въ душѣ невинной дѣвушки: она вообразила себя первою красавицею во всей русской землѣ и покраснѣла, взглянувши на простой бѣдный уборъ свой. Она примѣряла принесенныя платья одно за другимъ, выбрала самое великолѣпное, хотѣла надѣть богатый поясъ сверхъ бѣлой

ленты, которую получила въ подарокъ отъ старушки: но по несчастію поясъ былъ слишкомъ малъ.—Пересвѣта и Мирослава уговариваютъ ее пожертвовать бѣдною лентою пышному жемчужному поясу. Людмила колеблется. Наконецъ, уступаетъ ихъ требованіямъ—отдаетъ Пересвѣтѣ бѣлую ленту и надѣваетъ жемчужный поясъ.—Какой стройный, прелестный станъ! восклицаютъ обѣ подруги.—Эта псковитянка явилась въ Кіевъ только для того, чтобы сдѣлать еще славнѣе торжество нашей Людмилы. Прости, милая подруга, ввечеру увидимся во дворцѣ князя Владимира.—Онѣ разлучились. Людмила въ восхищеніи отъ новаго убора, любуется на самое себя въ зеркало, примѣриваетъ жемчужный поясъ, и бѣлая лента совсѣмъ забыта. Ахъ, Людмила, и ты занимаешься красотою своею, какъ суетная, надменная прелестница, и ты смотришься въ зеркало—а прежде и въ свѣтлый ручей смотрѣла ты только для того, чтобы любоваться его чистотою, легкими струйками и блестящими камешками, на днѣ его разсыпанными.

Наконецъ, наступила желанная минута. Красавицы, бояре и богатыри стекаются въ палату великаго князя Владимира. Святославъ прекрасный съ волненіемъ сердца смотритъ на дверь, въ которую должна войти Людмила—раздаются пріятные звуки флейты—входитъ Людмила, покрытая бѣлымъ покрываломъ и окруженная множествомъ прислужницъ богато одѣтыхъ. Святославъ летитъ къ ней навстрѣчу, нетерпѣливою рукою срываетъ съ головы ея бѣлый покровъ... Боже, какая перемѣна! Онъ не узнаетъ Людмилы. „Что вижу! восклицаетъ изумленный Святославъ. Кто ты, незнакомка, и гдѣ моя Людмила?“ — Я Людмила; ужели ты не узналъ меня, Святославъ прекрасный?—„Ты? Людмила? Не можетъ быть; это обманъ!“—Ропотъ негодованія послышался въ княжеской палатѣ—никто не узнаетъ Людмилы. Святославъ удалился; онъ ищетъ смятенными взорами въ толпѣ красавицъ прекрасной дѣвицы, плѣнившей его душу, но князь Владимиръ подымаетъ руку, и все опять умолкло. —Ты называешь себя Людмилою, говоритъ онъ Людмилѣ, трепещущей и печальной:—вѣрю твоимъ словамъ; вѣрю, что красота твоя могла измѣниться въ теченіе одного дня, но дарованія твои должны быть неизмѣнны. Подайте гусли; садись и спой намъ ту самую пѣсню, которую ты пѣла вчера. Людмила, нѣсколько ободренная, подходитъ къ гуслямъ — о чудо! пальцы ея неподвижны, голосъ дикъ и непріятенъ. Князь Владимиръ въ великомъ гнѣвѣ встаетъ съ престола, приказываетъ Людмилѣ удалиться—испытаніе отложено до слѣдующаго вечера.

Что сдѣлалось съ тобою, несчастная, добросердечная Людмила?—Ты плачешь, ты мучишься отчаяніемъ, ты страждешь безнадежною любовью. Гдѣ твое прежнее спокойствіе? Гдѣ прежняя безпечность невинной души твоей? Сиротка, заливаясь слезами, оставляетъ Кіевъ и спѣшитъ укрыться въ бѣдную свою хижину, на берегъ свѣтлаго источника, подъ сѣнь развѣсистыхъ березъ, въ которыхъ провела она цвѣтущую свою молодость. „Зачѣмъ, зачѣмъ я оставляла тебя, спокойная моя хижина“, такъ думала бѣдная Людмила, идя черезъ рощу, по знакомой, излучистой тропинкѣ. Приближается къ хижинѣ и видитъ, что въ ней горитъ огонь—испугалась—не знаетъ, войти ли въ нее, или нѣтъ. Наконецъ, рѣшилась—отворяетъ дверь: что же? Въ хижинѣ сидитъ старушка волшебница, ея знакомка. Людмила остолбенѣла отъ удивленія, нѣсколько минутъ не говоритъ ни слова, наконецъ, пришла въ себя и залилась горькими слезами. „Ахъ, сказала она старушкѣ, ты одна причиною моего несчастія. Для чего погибельнымъ своимъ очарованіемъ возвела ты меня вчера на тронъ, котораго я не искала, о которомъ никогда не могла думать? И для чего теперь, когда плѣнительная надежда ослѣпила мою душу, когда любовь, произведенная тобою въ моемъ сердцѣ, сдѣлалась для меня драгоцѣннѣе и самыхъ почестей трона, я вдругъ лишена всего, покрыта стыдомъ—и отъ кого же? Отъ тебя, которой я не сдѣлала никакого зла, которой, напротивъ, хотѣла сдѣлать добро, не ожидая никакой за то награды. Ахъ, для чего обольстила ты глаза прекраснаго Святослава? Для чего вложила мнѣ въ душу безнадежную любовь? Что ты будешь теперь, бѣдная Людмила, въ своей уединенной хижинѣ? Прекрасныя мѣста, въ которыхъ я родилась и провела мою молодость, теперь вы для меня темница. Душа моя въ стѣнахъ пышнаго града Кіева. Никогда не забуду о томъ, чего я лишилась, чѣмъ обладала одну минуту. Какое земное счастіе можетъ служить замѣною того милаго взора, который устремилъ на меня Святославъ прекрасный, которымъ воспламенилось мое сердце прежде спокойное, прежде веселое. Ахъ, душистые мои цвѣты, вы увянете—кто будетъ васъ поливать, кто будетъ за вами смотрѣть? Милыя, голосистыя птички, вы перестанете слетаться къ моей хижинѣ—кто будетъ приносить вамъ зерна и вторить вамъ своею веселою пѣсенкою? Буду сидѣть на большой дорогѣ, смотрѣть на отдаленный Кіевъ градъ и посылать въ него свою душу. Что сдѣлала я тебѣ, волшебница? Чѣмъ навлекла на себя твое гоненіе?“—Выслушай меня, добросердечная Людмила, отвѣчала волшебница. —мнѣ легко передъ тобой оправдаться. Я полюбила тебя съ перваго взгляда и въ знакъ благодарности подарила тебѣ очарованный поясъ, который имѣетъ силу украшать всякую женщину. Дѣвушка, обладающая имъ, торжествуетъ надъ всѣми своими соперницами, имѣетъ всѣ пріятности, всѣ дарованія; но безъ него и пріятности и дарованія сіи теряютъ всю свою силу: имъ удивляются, но перестаютъ ихъ любить. Для чего же, Людмила, не сберегла ты даннаго мною сокровища? Для чего *поясъ скромности* промѣняла на *поясъ суетности*? Лишась талисмана, которому ты была обязана своимъ торжествомъ, ты потеряла и прелести, съ нимъ соединенныя; самые взоры твоего любовника не могли узнать тебя въ новомъ твоемъ нарядѣ.—„Ахъ! воскликнула Людмила, бѣдная жалкая моя участь; я сама всему причиною; сама лишила себя своего счастія. Нѣтъ, уже никогда не видать мнѣ прежняго времени. Улетѣло веселіе души моей, умчались вы прежнія мои радости: никогда не перестать мнѣ обливаться слезами; другая овладѣетъ теперь душою Святослава прекраснаго“. — Людмила закрыла обѣими руками лицо свое и плакала горько.—Утѣшься, мой другъ, сказала волшебница, взявъ ее за руку съ нѣжною улыбкою;—тебя обманули твоя неопытность и хитрость завистливыхъ твоихъ подругъ, Мирославы и Пересвѣты; но ты невинна въ сердцѣ. Возвращаю тебѣ потерянный поясъ. Я слѣдовала невидимо за Пересвѣтою и Мирославою, когда онѣ пошли отъ тебя со своею добычею. Между ними начался ужасный споръ: каждая хотѣла имѣть поясъ, но онъ не достался ни одной, ибо я унесла его и теперь возвращаю той, которая одна достойна обладать имъ по своему добросердечію и своей скромности.—Людмила бросилась цѣловать руки благодѣтельной волшебницы, которая обтерла ей слезы, поцѣловала ее въ розовыя щеки и опоясала своею очарованною лентою.

Вдругъ, по слову волшебницы, кровля низенькой хижины разступилась; глазамъ изумленной Людмилы предстала великолѣпная колесница, въ которую запряжены были два оленя съ серебряною шерстью, съ золотыми рогами и крыльями. На мѣстѣ безобразной старушки явилась молодая женщина, восхитительной красоты, одѣтая въ очаровательную одежду, изъ розовыхъ лучей сотканую, и опоясанная бѣлымъ поясомъ, на которомъ блестали золотые знаки зодіака. Добрада—такъ называлась волшебница—посадила Людмилу въ колесницу; златорогіе олени распустили свои золотыя крылья, и менѣе чѣмъ въ мигъ колесница очутилась передъ стѣнами великолѣпнаго града Кіева. Волшебница привела Людмилу въ уединенный теремъ, запретила ей выходить изъ него до наступленія вечера, благословила ее, и скрылась.

Наступилъ вечеръ. Людмила, одѣтая очень просто, опоясанная бѣлою лентою, вошла въ палату великаго князя Владимира и сѣла на прежнее свое мѣсто позади Пересвѣты и Мирославы. Онѣ ея не примѣтили; онѣ смѣялись между собою надъ глупою ея легковѣрностью, и говорили другъ-другу о гордыхъ своихъ надеждахъ. Но Людмила забывала о нихъ; взоры ея видѣли одного Святослава. Онъ сидѣлъ подлѣ великаго князя Владимира, на креслахъ изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою, задумавшись, склонивши на руку свою голову, не удостоивая ни однимъ взглядомъ окружавшихъ его красавицъ; душа его требовала одной Людмилы, одинъ очаровательный образъ Людмилы носился передъ нимъ, какъ милый, плѣнительный призракъ потеряннаго блаженства. Вдругъ—о радость! онъ видитъ ее на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ увидѣлъ въ первый разъ, въ той же простой одеждѣ, видитъ ее, съ сердечною, нѣжною любовью устремившую на него свои взоры. „О Людмила!“ восклицаетъ онъ и бросается передъ нею на колѣна.—Да здравствуетъ прелестная Людмила! воскликнули единогласно бояре, богатыри и витязи. Святославъ внѣ себя отъ восхищенія, прижимаетъ къ сердцу милую свою невѣсту, которая съ своимъ потупленнымъ взоромъ, съ пылающими щеками своими, казалась ангеломъ красоты и непорочности; подводитъ ее къ престолу великаго князя Владимира и сажаетъ по правую руку его на кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. Пересвѣта и Мирослава поблѣднѣли отъ зависти и досады. Заиграла музыка, и всѣ опять должны были уступить Людмилѣ въ искусствѣ пляски и пѣнія. Опять затмила она своихъ соперницъ, которыя всѣ единодушно, выключая однѣхъ Пересвѣты и Мирославы, согласились признать ее побѣдительницею и даже радовались ея побѣдѣ; столь сильно очарованіе скромной красоты, добродушія, непорочности. Вдругъ, раздается въ палатѣ пронзительный вопль. Что такое? Страшныя змѣи, съ отверстою пастью, съ острымъ жаломъ, съ горящими глазами обвивались вокругъ Пересвѣты и Мирославы, вмѣсто жемчужныхъ поясовъ; Людмила бросается къ нимъ на помощь, желаетъ спасти ихъ отъ угрызенія сихъ страшныхъ чудовищъ—ея усилія напрасны. Зрители цѣпенѣютъ отъ ужаса. Вдругъ послышалось тихое пѣніе, соединенное съ звуками магическихъ струнъ; въ воздухѣ распространился пріятный запахъ розъ и полевыхъ фіалокъ—предстала волшебница Добрада, окруженная кроткимъ розовымъ сіяньемъ. Людмила бросилась передъ нею на колѣна.—Спаси Пересвѣту и Мирославу, воскликнула она, простирая къ ней руки. „Добрая Людмила, отвѣчала волшебница, соглашаюсь простить имъ изъ любви къ тебѣ. Змѣи, которыми онѣ обвиты, суть ядовитыя змѣи *самолюбія и зависти*. Прикоснись къ нимъ своею бѣлою лентою и онѣ исчезнутъ“. Людмила исполнила приказаніе Добрады, и змѣи исчезли. Пересвѣта и Мирослава кинулись въ объятія своей добросердечной подруги; онѣ поклялись питать къ ней искреннюю дружбу; онѣ полюбили ту, которую за минуту ненавидѣли, которую желали ввергнуть въ погибель.

Великій князь Владимиръ благословилъ своего сына и Людмилу.—О Святославъ, сказала прелестная невѣста прелестному жениху своему, показывая на волшебницу Добраду,—вотъ моя благодѣтельница, вотъ та, которой обязана я твоимъ сердцемъ. Ахъ! за три дня передъ симъ была я не что иное, какъ бѣдная Людмила, простая поселянка, но теперь?.. Нѣтъ, никогда не была бы я замѣчена взорами Святослава прекраснаго, когда бы могущество благодѣтельной Добрады не украсило меня тѣми пріятностями, тѣми дарованіями, въ которыхъ мнѣ отказала природа. Такъ, Святославъ, въ этомъ очаровательномъ поясѣ заключены и красота моя и всѣ мои таланты.

Скромное сіе признаніе украсило еще болѣе въ глазахъ Святослава его прелестную Людмилу. „Другъ мой, сказала Добрада, храни этотъ поясъ, драгоцѣнный даръ моей дружбы: ничто не можетъ лучше его украсить женщину, гдѣ бы она ни была, въ бѣдной ли хижинѣ, въ чертогахъ ли княжескихъ; нося его, ты будешь обожаема своимъ супругомъ, своими друзьями и подданными, обожаема до послѣдней минуты жизни“.

Добрада исчезла. Нужно ли сказывать о томъ, что случилось послѣ? И можно ли вообразить, чтобы Святославъ не былъ счастливъ, обладая Людмилою.

(1808 г.)

МАРЬИНА РОЩА.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

Тихій и прохладный вечеръ заступалъ уже мѣсто палящаго дня, когда Усладъ, молодой пѣвецъ, приблизился къ берегамъ Москвы-рѣки, на которыхъ провелъ онъ дни своей цвѣтущей юности. Гладкая поверхность водъ, тихо лобзаемая легкимъ вѣтеркомъ, покрыта была розовымъ сіяніемъ запада: въ зеркалѣ ихъ отражались съ одной стороны дремучій лѣсъ и теремъ грознаго Рогдая, окруженный высокимъ дубовымъ тыномъ (онъ былъ построенъ на крутой горѣ—тамъ, гдѣ нынѣ видимъ зубчатыя стѣны Кремля, великолѣпные чертоги древнихъ русскихъ царей, соборы съ златыми главами и колокольню Иванъ-Великій), съ другой—зеленые берега, покрытые кустарникомъ и осыпанные низкими хижинами земледѣльцевъ. Повсюду царствовало спокойствіе; воздухъ былъ растворенъ благоуханіемъ цвѣтущей липы; иногда въ глубинѣ лѣса раздавался голосъ соловья, или печальное пѣніе иволги; иногда непостоянный вѣтерокъ потрясалъ вершины деревъ; иногда робкій кроликъ, испуганный шорохомъ, бросался въ кустарникъ и шумѣлъ изсохшими вѣтками. Усладъ шелъ по тропинкѣ, извивавшейся между деревьями; душа его, наполненная воспоминаніями, погружена была въ задумчивость. Время прошедшее, время, въ которое находилъ онъ себя счастливымъ, представлялось мыслямъ его со всѣмъ минувшимъ своимъ очарованіемъ. „Гдѣ ты, моя радость, воскликнулъ печальный Усладъ; гдѣ ты, прежнее время? Прихожу на то же мѣсто, на которомъ нѣкогда называлъ я жизнь свою весельемъ; тѣнистая роща, свѣтлая рѣка, зеленые берега, вы не измѣнились; но, счастье мое, тебя уже нѣтъ! Попрежнему благовонная липа разливаетъ свой сладостный запахъ, попрежнему звонкій соловей или пустынная иволга поютъ въ глубинѣ дремучаго лѣса; а тотъ, кто нѣкогда услаждался благовоніемъ цвѣтущей липы, или, задумавшись при гласѣ звонкаго соловья и стонѣ пустынной иволги, живѣе мечталъ о своемъ счастьѣ, тотъ уже не похожъ на самого себя. Ахъ! не узнаете вы меня, мѣста прелестныя; очи мои потускли отъ скорби, ланиты мои поблѣднѣли, лицо мое помрачилось уныніемъ...“ Усладъ приближается къ берегамъ свѣтлаго ручья *), который, журча и сверкая, бѣжалъ по золотому песку въ зеленомъ кустарникѣ и сливался съ Москвою; онъ увидѣлъ на крутизнѣ горы уединенный теремъ грознаго Рогдая. Послѣднее блистаніе вечера играло еще на тесовой кровлѣ верхней свѣтлицы и на острыхъ концахъ высокаго тына; вершины древнихъ дубовъ, березъ и липъ, которыми покрыта была вся гора, восходящія однѣ надъ другими, мало-по-малу омрачались, наконецъ, потемнѣли совсѣмъ; на одномъ только теремѣ, который, подобно великану, возвышался надъ лѣсомъ, оставалось умирающее мерцаніе; наконецъ, и оно померкло; повсюду распространился сумракъ. Усладъ, увидя Рогдаевъ теремъ, затрепеталъ, остановился, долго смотрѣлъ на него въ молчаніи, неподвижный, мрачный, сложивъ крестообразно руки; наконецъ слезы покатились ручьями изъ глазъ его...

---

*) Нынѣ мутная Неглинная.—*В. Ж.*

„Ахъ, Марія!“ воскликнулъ онъ; вздохнулъ изъ глубины сердца, и голова его склонилась къ груди.

Молодой Усладъ родился на берегу Москвы-рѣки въ бѣдной хижинѣ, отъ честныхъ родителей. Природа наградила его прекрасною душою, прекраснымъ лицомъ и дарованіемъ слагать прекрасныя пѣсни. Часто, простертый на берегу свѣтлой Москвы и смотря на ея серебряныя волны, провожалъ онъ вечернюю зарю звонкимъ своимъ рожкомъ. Пріятные звуки раздавались по берегамъ и повторяемы были отголосками тѣнистой рощи. Молодыя сельскія дѣвушки любили слушать Услада, когда онъ простыми стихами прославлялъ весну, спокойствіе земледѣльческихъ хижинъ, свободу поднебесныхъ ласточекъ, нѣжность дубравныхъ горлицъ, или изображалъ пріятность *маткиной-душки*, которой запахъ сравнивалъ онъ съ милою душою чадолюбивой матери. Усладъ былъ всѣхъ пріятнѣе на посидѣлкахъ: никто не умѣлъ такъ хорошо разсказывать страшныхъ сказокъ, отъ которыхъ робкія дѣвушки трепетали и прижимались къ своимъ матерямъ, а на головѣ молодыхъ мужчинъ становились волосы дыбомъ; ни съ кѣмъ такъ не любили играть въ хороводы и разныя игры, какъ съ милымъ, веселымъ, добросердечнымъ Усладомъ. Въ селѣ называли его соловьемъ. Старушки переставали хмуриться и бранить своихъ дочерей, когда приходилъ къ нимъ Усладъ; а старики въ его присутствіи оживлялись и чувствовали себя молодыми. Сельскія дѣвушки засматривались на Услада, который имѣлъ лицо прелестное, черные глаза, омраченные длинными рѣсницами, нѣжные, сіяющіе подъ черными густыми бровями; свѣтлорусые волосы, которые легкими кудрями разсыпались по прекрасному лбу, вились вокругъ открытой шеи, бѣлой какъ снѣгъ, и оттѣняли свѣжія, румяныя какъ молодая роза, щеки. Но чаще другихъ и съ чувствомъ болѣе нѣжнымъ смотрѣла на него прекрасная Марія. Хижина ея построена была на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ быстрый ручей сливался съ прозрачной Москвою. Маріи минуло пятнадцать лѣтъ; она имѣла доброе сердце, но была совершенный младенецъ: все ее веселило, все трогало и увлекало.—Она любила свою старую мать болѣе самой себя; часто смотрѣла ей въ глаза и говорила со слезами: „Матушка, другъ мой, я готова отдать тебѣ свою душу“. Она плакала, когда старушка была или больна, или печальна; но въ то же самое время бездѣлица могла овладѣть ея вниманіемъ: она бросалась за пестрымъ мотылькомъ, или смѣялась отъ добраго сердца, когда слышала забавное слово, замѣчала уродливое лицо. Марія была чувствительна: никакое нѣжное чувство не могло изгладиться въ сердцѣ ея, но оно могло быть забыто (правда на короткое время) для всякаго новаго, даже слабѣйшаго впечатлѣнія.

Добрая Марія цвѣла, какъ полевая фіалка, подъ сѣнью родительской хижины, хранимая любовью матери. Съ нѣкотораго времени душа ея наполнена была тайнымъ пламенемъ, которымъ оживотворены были въ ней всѣ другія чувства—любовію къ прекрасному Усладу; но это чувство не мѣшало ей быть веселою попрежнему, попрежнему поливать свои цвѣты, кормить свою малиновку, распѣвать веселыя пѣсенки, когда она сидѣла вмѣстѣ съ матерью за пряжею на порогѣ хижины, и смѣяться отъ всей души, когда подружки разсказывали ей смѣшныя сказки. Прекрасный пѣвецъ ощущалъ нѣжную томность въ груди своей, когда смотрѣлъ въ глаза добросердечной Маріи. Ахъ! онъ любилъ ее страстно. Милый ея образъ носился передъ нимъ, когда онъ засыпалъ; онъ представлялся ему въ сновидѣніи; онъ видѣлъ его при первомъ блескѣ восходящаго утра. Усладъ былъ задумчивъ, когда былъ съ нею розно, задумчивъ, когда видѣлъ ее передъ собою живую, рѣзвую, веселую. Марія вздыхала, на лицѣ ея изображалось глубокое сердечное чувство, когда глаза ея встрѣчались съ глазами Услада. Она радовалась, когда Усладъ увѣрялъ ее въ нѣжной своей любви; цѣловала его въ розовыя щеки и говорила ему: „Добрый Усладъ, ты мое счастье!“

Однажды, вечернею порою, пѣвецъ игралъ на рожкѣ своемъ, простертый на берегу источника, въ виду Маріиной хижины. Марія, услышавъ знакомые звуки, взяла кувшинъ и пошла за водою къ свѣтлому источнику. Поровнявшись съ Усладомъ, она поставила кувшинъ на зеленую траву, сѣла подлѣ своего друга, поцѣловала его въ пламенную щеку, и, окруживъ его бѣлою рукою, склонила къ нему на плечо свою прелестную голову. Они задумались. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; роща, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахомъ черемухи, благовоннымъ дыханіемъ ландышей, маткиной-душки и травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревьямъ; соловьи свистали вдалекѣ; въ воздухѣ слышалось жужжаніе насѣкомыхъ; легкія струйки источника, озлащаемыя заходящимъ солнцемъ, которое проникало сквозь рѣдкія деревья, сливали нѣжное свое плесканіе съ шорохомъ тростника и трепетаніемъ цвѣтущаго шиповника, осѣнявшаго низкіе берега источника: всѣ сіи звуки производили вмѣстѣ очаровательную гармонію, которая трогала душу и погружала ее въ задумчивое мечтаніе. Усладъ и Марія долго молчали, упоенные любовью.

Ахъ, Марія!—сказалъ, наконецъ, Усладъ—люблю тебя болѣе своей жизни. Помнишь ли ту минуту, въ которую мы встрѣтились на берегу свѣтлаго источника? Ты пришла зачерпнуть въ кувшинъ свѣжей воды, заслушалась соловья и стояла въ задумчивости подъ тою развѣсистою березою—я возвращался изъ Новогорода, былъ утомленъ путемъ и зноемъ; ты утолила мою жажду и посмотрѣла на меня такимъ ласковымъ взглядомъ, что сердце мое наполнилось въ ту минуту неизъяснимою сладостію. Ахъ! съ той минуты я пересталъ владѣть своею душою; съ той минуты единственное мое счастіе быть съ тобою, или о тебѣ думать. Тобою прекрасный Божій міръ сдѣлался для меня еще прекраснѣе. Во всемъ, что радуетъ мою душу, нахожу я твой милый образъ. Твой голосъ усладительнѣе для меня воркованія иволги, когда внимаю ему при блескѣ заходящаго солнца; походка твоя легче игриваго весенняго вѣтерка, когда онъ пролетаетъ надъ поверхностію спокойной Москвы-рѣки или колышитъ нѣжную травку. Чувствуя въ рощѣ запахъ *ночной красавицы*, я думаю: онъ такъ же пріятенъ, какъ сладостное дыханіе моей Маріи. Свѣтитъ ли полная луна сквозь частую рощу, я погружаюсь въ задумчивость: мнѣ кажется, что въ свѣтломъ ея мерцаніи летаетъ надо мною твой образъ, что я окруженъ твоимъ невидимымъ присутствіемъ. Часто, въ минуту воцаряющагося вечера, забываюсь по цѣлому часу вблизи твоей хижины; сокрытый кустами шиповника, смотрю на тебя, когда ты сидишь у дверей вмѣстѣ съ твоею матерью, озаренная розовымъ сіяніемъ вечера; мать твоя перебираетъ долгіе свѣтло-русые твои волосы, заплетаетъ ихъ въ косы, цѣлуетъ тебя, называетъ своею радостію; а ты распѣваешь какъ соловей, или подымаешь на свою мать нѣжный, невинный, исполненный сердечной задумчивости взоръ, тогда... но, милый другъ, прелестная, добросердечная моя Марія, могу ли сказать, что я тогда чувствую? Ахъ! въ эту минуту не нахожу въ себѣ души; она стремится къ тебѣ, она исполнена чистѣйшею, непорочною къ тебѣ любовію.—Такъ говорилъ Усладъ. Марія не отвѣчала; но она вздохнула, крѣпче обхватила его бѣлою рукою, нѣжнѣе прижала ко груди его прелестную свою голову.—Мы соединимся, продолжалъ Усладъ,—когда исполнится тебѣ шестнадцать лѣтъ. Шесть разъ полная луна должна освѣтить вершины деревъ прежде, нежели ты будешь моею; тогда нѣжная твоя мать переселится въ нашу хижину; старость ея пройдетъ спокойно, какъ вечеръ яснаго дня... Теперь, мой милый другъ, продолжалъ Усладъ, помолчавъ минуту,—я долженъ на время съ тобою разлучиться. Старый Пересвѣтъ, мой благодѣтель, мой наставникъ, идетъ отсюда въ свою отчизну, къ своимъ ближнимъ и сродникамъ — я долженъ его проводить, ибо мы, вѣроятно, разстаемся навѣки. Путешествіе мое продолжится до третьей полной луны. Марія,

не забывай меня въ отсутствіи. Когда взойдетъ луна (въ эту минуту золотые рога мѣсяца мелькнули изъ тучи надъ кровлею Рогдаева терема), когда озлатятся струистыя волны, приди на берегъ источника и думай объ Усладѣ: душа его будетъ надъ тобою. Въ каждомъ пріятномъ звукѣ, съ которымъ прольется въ душу твою сладостная унылость, внимай нѣжному голосу его сердца.—Марія плакала; Усладъ умолкнулъ; они встали. Пѣвецъ поднялъ глаза на высокій Рогдаевъ теремъ—черная туча надъ нимъ носплась; невольно печаль овладѣла его душою: туча сія казалась ему подобіемъ его жребія. „О! что ты принесешь мнѣ, время будущее, время далекое, время неизвѣстное?“ подумалъ онъ. Быстрая молнія раздвоила тучу пламенною бороздою; облака вспыхнули и вдругъ угасли; сердце Услада стѣснилось; онъ бросилъ на Марію задумчивый взглядъ: на миловидномъ ея лицѣ изображена была робость; взоры ея, устремленные на тучу, какъ-будто искали на ней слѣдовъ пролетѣвшей молніи: она вздохнула, поцѣловала Услада, и медленно пошла въ свою хижину. Усладъ сѣлъ въ свою лодку, переправился на другой берегъ Москвы, на которомъ находилась его хижина, простерся на траву, печально опустилъ на руку свою голову, и долго смотрѣлъ на хижину Маріи, въ которой свѣтился огонекъ, иногда затмеваемый легкою тѣнію. Наконецъ, сіяніе исчезло. Усладъ закрылъ руками глаза и заплакалъ: ему казалось, что въ эту минуту угасло счастіе жизни его, что для него уже не было на свѣтѣ Маріи.

Утренняя заря не застала Услада на берегахъ свѣтлой Москвы. Въ первые два дни Марія не переставала крушиться и плакать. Потупивъ голову, закрывъ передникомъ прискорбныя очи свои, орошенныя слезами, сидѣла печальная на порогѣ хижины и не внимала утѣшеніямъ своей добросердечной матери. На третій день пошла она къ источнику. Вдругъ представляется взору ея незнакомый витязь: на немъ сіяла блестящая броня, голова покрыта была шишакомъ, на плечахъ лежала медвѣжья кожа. Лицо неизвѣстнаго было величественно и сурово: глаза, глубоко впадшіе, ярко блистали изъ-подъ густыхъ бровей; черная всклокоченная борода закрывала до половины смуглыя щеки его. Марія оторопѣла. Незнакомецъ поглядѣлъ на нее пристально. „Кто ты, красная дѣвица?“ спросилъ онъ. Марія испугалась громозвучнаго голоса, не посмѣла поднять своихъ глазъ и поб жала опрометью въ хижину. Витязь послѣдовалъ за нею.

То былъ Рогдай, славный, могучій богатырь. Ему принадлежали обширныя поля, между которыми извивалась прозрачная Москва; ему принадлежалъ высокій теремъ, окруженный дубовымъ тыномъ. Онъ долго служилъ могущественною мышцею великому Новогороду; сподвижники называли его: Рогдай *булатная рука*; а прочіе люди: Рогдай *жестокое сердце*, ибо ни одно человѣколюбивое чувство не было ему извѣстно; никогда на челѣ его не разглаживались морщины; грозный, неукротимый во мщеніи, ни вопли, ни улыбка невиннаго младенца не проникали въ его неприступную душу. Умертвивъ на соборищѣ народномъ одного изъ знаменитѣйшихъ посадниковъ новгородскихъ, и принужденный поспѣшно съ вѣрною дружиною сокрыться изъ великого града, пошелъ онъ въ знаменитый Кіевъ, къ великому князю Владиміру, дабы служить ему вмѣстѣ съ богатырями Ильею, Чурилою и Добрынею. Желая на перепутьѣ посѣтить свое наслѣдіе и отеческій теремъ, въ которомъ провелъ младенческія лѣта, явился онъ на берегахъ Москвы-рѣки, дня черезъ два по отшествіи пѣвца Услада.

Новое чувство открылось въ душѣ Рогдая въ ту минуту, когда онъ встрѣтился у источника съ Маріею; онъ началъ каждый день посѣщать хижину ея матери. Разговаривая съ старушкою, бросалъ онъ косвенные взгляды на прелестную дочь ея, которая, потупивъ голову, краснѣя и трепеща, сидѣла за пряжею и роняла изъ рукъ веретено всякій разъ, когда робкіе взоры ея встрѣчались нечаянно съ задумчивыми взорами Рогдая, въ которыхъ пылало мрачное пламя. Неутолимая страсть, сопутствуемая мукою желаній и тайнымъ волненіемъ ревности, свирѣпствовала въ сердцѣ грознаго витязя. Впервые почувствовалъ онъ желаніе быть любимымъ, впервые научился смягчать громозвучный свой голосъ; иногда на устахъ его показывалась усмѣшка; вездѣ и всякую минуту онъ думалъ о Маріи; искалъ ее на берегу источника, во глубинѣ рощи; слѣдовалъ за нею въ село, и даже нерѣдко, чтобъ угодить ей, вмѣшивался въ веселыя игры поселянъ и поселянокъ. Всякій день приносили ей богатые дары отъ Рогдая: иногда жемчужное блестящее ожерелье, иногда шелковый сарафанъ, обшитый богатымъ галуномъ, иногда ленту съ серебряною бахромою, серьги, золотой перстень. „Марія, говорилъ ей грозный витязь, отдай мнѣ свое сердца, я сдѣлаю твое счастіе. Тебѣ будутъ принадлежать мои сокровища, мой теремъ, мои поля и рощи. Будешь ходить въ серебрѣ и золотѣ. Повезу тебя въ великолѣпный градъ Кіевъ, покажу тебѣ великаго князя Владиміра; увидишь богатырскія игры, затмишь собою всѣхъ кіевскихъ красавицъ, будешь украшеніемъ княжескихъ палатъ и радостію всего града Кіева...“ Что происходило въ твоемъ сердцѣ, что думала ты, добрая Марія? Сначала она тосковала и плакала. „Усладъ, милый Усладъ, для чего нѣтъ тебя со мною?“ говорила она, смотря на струистый источникъ, при которомъ они разстались. Увы! она уже чувствовала, что присутствіе Услада было необходимо, чтобъ сохранить въ сердцѣ ея прежнюю къ нему привязанность. Воображая Услада, она воображала счастіе жизни своей; но думая о Рогдаѣ, видѣла въ мысляхъ своихъ одни безчисленныя богатства его, пышный градъ Кіевъ (о которыхъ слыхала только въ сказкахъ), славныхъ богатырей, блистаніе великолѣпнаго дворца княжескаго, и никогда не думала о самомъ Рогдаѣ, ибо никогда сердце ея не могло бы поколебаться между прекраснымъ Усладомъ и грознымъ витяземъ, котораго мрачный образъ приводилъ ее въ трепетъ. Но, увы! ослѣпленный разсудокъ ослѣпилъ и нѣжное сердце Маріи; въ продолженіе перваго мѣсяца она всякій Божій день приходила къ источнику вспоминать объ Усладѣ и всякій разъ встрѣчала на берегахъ его витязя Рогдая. Наступилъ другой мѣсяцъ, и Марія съ бо́льшимъ уже вниманіемъ начала слушать Рогдаевы предложенія: въ душѣ ея, которая прежде была такъ непорочна, родились гордыя мечты о блескѣ, богатствѣ и торжествѣ ея прелестей. Наступилъ третій мѣсяцъ — и Марія отдала руку свою Рогдаю... Ахъ! кто бы это подумалъ, добрая Марія? Но для чего же обвинять ея доброе сердце? Оно никогда не измѣняло Усладу. Ты обманывалась, Марія, когда увѣряла себя, что болѣе не любишь своего друга. Скоро исчезнетъ твое ослѣпленіе; скоро опять воскреснетъ въ душѣ твоей прежнее чувство любви, къ которому ты привыкла, которымъ была такъ счастлива... что будешь тогда, невинная, обманутая, несчастная Марія?

Усладъ приближался уже къ мѣсту своей родины; ужъ видѣлъ онъ вдалекѣ высокій Рогдаевъ теремъ, видѣлъ дымъ, вьющійся надъ кровлями хижинъ и озлащенный сіяніемъ восходящаго утра. Душа его наполнена была смутными чувствами радости, любви, нетерпѣнія. Въ эту минуту повстрѣчался ему пастухъ, который гналъ стадо на паству и пѣлъ утреннюю свою пѣсню—они узнали другъ-друга.—Бѣдный Усладъ, зачѣмъ воротился ты на свою родину, воскликнулъ пастухъ. Усладъ поблѣднѣлъ. „Что сдѣлалось?“ спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Много воды утекло съ того времени, какъ ты оставилъ наше селеніе, отвѣчалъ пастухъ. Марія твоя — перелетная птичка; она покинула родимое гнѣздышко и хочетъ летѣть на чужую сторону; она разлюбила тебя; она отдала свою душу богатому и могучему витязю Рогдаю! Ахъ! бѣдный Усладъ, для чего возвращался ты на свою родину? Пастухъ посмотрѣлъ на него съ состраданіемъ, вздохнулъ, опять погналъ свое стадо, опять запѣлъ

свою пѣсню. Усладъ не могъ отвѣчать ему ни слова: стоялъ, какъ убитый громомъ, и долго неподвижными очами смотрѣлъ на волны, въ которыхъ отражалось чистое небо. Жаворонокъ кружился и пѣлъ подъ облаками; утренній вѣтерокъ дышалъ ему въ лицо; съ полей подымались благовонія цвѣтовъ и травъ. Усладъ ничего не чувствовалъ. Солнце взошло; первые лучи его заиграли на кровлѣ высокаго терема: нечаянно взоры Услада на него устремились; вся душа его пришла въ волненіе; онъ бросился на траву, залился слезами, и цѣлый день пролежалъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, вздыхалъ и терзался. Наступилъ вечеръ. Земледѣльцы и пастухи пришли съ полей. Веселые голоса ихъ пробудили Услада. Онъ всталъ, опять устремилъ глаза на теремъ, смотрѣлъ на него долго, наконецъ, снялъ съ груди пучокъ засохшихъ ландышей, перевязанныхъ волосами Маріи, который подарила она ему наканунѣ разлуки, бросилъ его въ рѣку, нѣсколько минутъ слѣдовалъ за нимъ глазами по теченію волнъ, потомъ, потупивъ голову, стараясь удерживать стѣснившіеся въ груди вздохи, пошелъ назадъ, чтобы никогда, никогда не возвращаться въ то мѣсто, гдѣ все, что радовало его въ жизни, погибло навѣки.

Прошла осень, прошла зима—Усладъ скитался по городамъ и селеніямъ. Увы! онъ думалъ забыть прежнее время, забыть утраченное свое счастье—напрасно! Въ тѣхъ самыхъ пѣсняхъ, которыми веселилъ онъ горожанъ и сельскихъ жителей, чтобы избавить себя отъ голодной смерти, изображались милыя чувства, нѣкогда услаждавшія душу его, изображенъ былъ тотъ счастливый край, гдѣ прежде встрѣчалъ онъ съ веселіемъ каждое утро, провожалъ съ надеждою каждый вечеръ. Наступила весна, и вся любовь, которую онъ почиталъ почти угасшею, опять воспламенилась въ душѣ его.—Нѣтъ, воскликнулъ Усладъ, я не могу дышать въ разлукѣ съ нею; гдѣ бы я ни былъ, вездѣ мой жребій—угаснуть въ любви, увянуть въ страданіи; здѣсь на чужой сторонѣ, все для меня чужое; а тамъ, въ отчизнѣ моей, все мнѣ другъ, все было свидѣтелемъ моего счастія, все будетъ повѣреннымъ моей скорби. Не буду съ нею встрѣчаться; но буду съ нею вмѣстѣ, но буду скитаться вокругъ ея жилища, невидимо слѣдовать за нею во глубину рощи, иногда внимать ея голосу, дышать вѣтеркомъ, освѣжающимъ ея грудь, или волнующимъ ея свѣтлыя кудри, орошать слезами слѣды, оставленные на муравѣ легкими ея стонами, въ упоеніи, сокрытый мракомъ ночи, смотрѣть на свѣтъ ея лампады, горящей передъ образомъ и проницающей сквозь окна ея свѣтлицы, и вмѣстѣ съ нею молить Божію Матерь о счастіи жизни ея. Такъ, моя родина, и вы, отеческія рощи, и вы, цвѣтущіе берега Москвы, опять увидите возвратившагося къ вамъ Услада; возвращусь къ вамъ, чтобъ увянуть на вашемъ лонѣ, увянуть тамъ, гдѣ расцвѣло и увяло мое веселіе. Ахъ! видя, какъ другой владѣетъ моимъ счастіемъ, скорѣе умру съ печали. Утро взойдетъ, ранняя ласточка взовьется подъ облака, вѣтерокъ побѣжитъ по вершинамъ деревъ, и листья осенніе посыплются съ шумомъ; тогда, Марія, ты взглянешь въ окно высокаго терема и скажешь: утренняя ласточка, для чего ты поднялась такъ рано? Вѣтерокъ осенній, для чего разсыпаешь ты красоту дубравы? Для чего въ душѣ моей тоска неизвѣстная? Ты выйдешь разсѣять печаль свою въ полѣ; тамъ, близъ тропинки излучистой, на краю кладбища, подъ сѣнію древнихъ березъ, увидишь свѣжую могилу; ты устремишь на нее задумчивые взоры. Здѣсь положили пѣвца Услада, скажутъ тебѣ сельскія дѣвушки, печально собравшіяся вокругъ могилы. Ты вспомнишь прежнія наши радости, вспомнишь пѣвца Услада; пріунывши возвратишься въ свой теремъ, вздохнешь изъ глубины сердца и скажешь: онъ меня любилъ, но его уже нѣтъ.

Солнце почти закатилось, когда Усладъ остановился на берегу источника, въ виду Рогдаева терема.

Долго въ унылой задумчивости смотрѣлъ онъ на жилище Маріи; взоры его искали сіянія лампады въ окнѣ уединенной ея свѣтлицы... напрасно; глубокая мрачность царствовала въ теремѣ витязя Рогдая. Уже на западѣ исчезла послѣдняя полоса вечерней зари, на востокѣ показывалась полная луна, подобная зареву отдаленнаго пожара; весь теремъ покрылся ея сіяніемъ. Усладъ могъ ясно видѣть, что задвижныя окна были всѣ раскрыты; что крѣпкія тесовыя ворота, не заложенныя затворомъ, ходили на желѣзныхъ петляхъ—невольно робость проникнула въ его душу. „Что это значитъ? подумалъ онъ. Отчего такая мрачность въ Рогдаевомъ теремѣ? Что сдѣлалось съ тобой, Марія?“ — Усладъ переходитъ источникъ въ бродъ, и по тропинкѣ, вьющейся въ кустахъ, идетъ на высоту горы — часто останавливается — слушаетъ, ничего не слышитъ—однѣ только легкія струйки ручья переливаются съ журчаніемъ по песку, изрѣдка стучитъ стрекоза, изрѣдка увядшій листокъ срывается съ дерева и съ трепетаніемъ падаетъ на землю. „Что предвѣщаешь ты мнѣ, тишина ужасная?“ вопрошалъ Усладъ, осматриваясь съ робостію, и видя вокругъ себя одно печальное запустѣніе. Вдругъ послышался ему близкій шорохъ... кто-то бѣжалъ... сухіе листья хрустѣли подъ ногами... шорохъ приблизился... Усладъ прячется въ кусты... видитъ женщину... луна освѣтила ея лицо... Пѣвецъ узнаетъ добродушную Ольгу, любимую подругу Маріи... бросается къ ней навстрѣчу... Ольга закричала, закрыла обѣими руками лицо...—Защитите меня, силы небесныя, воскликнула она: привидѣніе, душа Усладова!—Ноги ея подкосились, она упала бы на траву, когда бы Усладъ не принялъ ея въ объятія. „Что съ тобою сдѣлалось, добрая Ольга? Отчего боишься Услада“.—Ольга дрожала какъ листъ, не смѣла открыть глазъ, крестилась, читала про-себя молитву.—„Опомнись, милая Ольга, погляди на меня. Я не мертвецъ, я Усладъ, живой Усладъ, возвратился въ свою отчизну, хочу увидѣть Марію“. Звуки знакомаго голоса ободрили нѣсколько робкую дѣвушку—нѣсколько минутъ не могла она прійти въ себя отъ испуга, наконецъ, мало-по-малу осмѣлилась открыть глаза...—Точно ли вижу Услада? спросила она. Въ самомъ дѣлѣ, его лицо, его пріятные взоры, его знакомый голосъ.—Ахъ! добрый Усладъ, зачѣмъ ты здѣсь? Но удалимся отъ этого мѣста—мнѣ страшно. Скоро будетъ полночь; никто изъ нашихъ поселянъ не ходитъ сюда въ это время: я сама нечаянно запоздала въ рощѣ; удалимся, Усладъ; это мѣсто ужасно.—Ольга побѣжала впередъ, потащивъ за собою Услада, и чрезъ двѣ минуты находились они уже на берегу свѣтлаго источника. — „Ольга, сказалъ Усладъ я не пойду и не пущу тебя далѣе: хочу знать, отчего такъ страшенъ тебѣ Рогдаевъ теремъ, и что сдѣлалось съ Маріею?“ — Ахъ! добрый Усладъ, о чемъ ты у меня спрашиваешь!—„Говори, милая Ольга, именемъ Бога прошу тебя; неизвѣстность мучительнѣе смерти“.—Хорошо, Усладъ, слушай. Садись ко мнѣ ближе; здѣсь не такъ страшно: я вижу на томъ берегу источника нашу хижину.—Они сѣли. Усладъ трепеталъ; сердце предсказывало ему что-то ужасное.

— Много, Усладъ, очень много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ нашу деревню, такъ начала говорить Ольга.—Дорого бѣдная моя подруга заплатила за свое легкомысліе. Ахъ, милосердное небо! для чего, не спросясь съ душою своею, повѣрила она коварнымъ обѣщаніямъ обольстителя?.. Усладъ, Марія твоя ни на одну минуту не переставала о тебѣ помнить. Что дѣлать, если она, какъ младенецъ, прельстилась золотыми парчами, жемчугомъ, лентами, которыми дарилъ ее грозный Рогдай, и суетною надеждою сіять своими прелестями въ великолѣпномъ градѣ Кіевѣ? Увы! она сама обманывала себя, когда почитала прежнюю любовь свою угасшею, а гордые свои замыслы привязанностію къ грозному Рогдаю. Нѣтъ, Усладъ, не обижай ея такою мыслію: никогда Маріино сердце не было перемѣнчиво; и можно ли, другъ мой, забыть

тѣ сладкія чувства, которыми животворится душа наша въ лучшіе годы жизни, съ которыми соединены всѣ наши надежды на счастіе, которыми земля претворяется для насъ въ царство небесное? Ни одной минуты веселія не видала она съ той поры, какъ принуждена была оставить родительскую хижину. Слушай: ввечеру, наканунѣ того дня, въ который надлежало ей итти къ вѣнцу и, въ церкви Божіей, передъ святымъ алтаремъ, навсегда отдать себя Рогдаю, поклявшись тайно, что позабудетъ Услада навѣки, я навѣстила мою подругу; но гдѣ же нашла ее? Здѣсь, на берегу свѣтлаго источника, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты, Усладъ, въ послѣдній разъ съ нею простился. Она сидѣла въ уныніи, склонивъ ко груди прелестную свою голову, съ потухнувшими глазами, увядшими щеками, какъ-будто приговоренная къ смерти. Ахъ, Усладъ, еще не вступила она въ Рогдаевъ теремъ, а уже мечты удовольствій, которыя найти въ немъ она воображала, для нея исчезли: одна только мысль о томъ, что́ была она готова утратить, одно минувшее время, однѣ погибшія радости наполняли ея прискорбную душу. Увидя меня, она встала, подала мнѣ знакъ, чтобы я за нею послѣдовала, и молча пошла въ свою хижину. Матери ея не было дома; свѣчка горѣла передъ образомъ Богоматери.—Молись вмѣстѣ со мною, сказала Марія, и упала на землю, обливаясь слезами. Святая утѣшительница, воскликнула она, молю не о себѣ; для меня уже нѣтъ счастія: не желаю, не буду искать его, я сама отъ него отказалась; но будь Твое милосердіе надъ милымъ, оставленнымъ, осиротѣвшимъ другомъ моимъ; храни его, покровительница несчастныхъ.—На другое утро принесли къ ней богатые дары отъ Рогдая: она посмотрѣла на нихъ съ равнодушіемъ. Сельскія дѣвушки пѣли веселыя пѣсни у дверей ея хижины; Марія, казалось, имъ не внимала. Мать убирала ее къ вѣнцу, ласкала словами и взорами; Марія устремила на нее умильные глаза, цѣловала ея руки, вздыхала, утирала слезы и не говорила ни слова. Грозный Рогдай изумился, когда она вошла въ церковь, печальная, блѣдная какъ полотно, и съ трепетомъ подала ему руку. Лицо ужаснаго витязя во все продолженіе вѣнчальнаго обряда было мрачно: съ суровымъ подозрѣніемъ разсматривалъ онъ свою невѣсту, которая стояла передъ алтаремъ, какъ жертва, приведенная на закланіе. Ихъ обвѣнчали. Усладъ, я повторяю: ни единою радостію не насладилась твоя Марія съ той самой минуты, въ которую оставила родительскую хижину. Мы видѣлись съ нею каждый Божій день: всегда находила я ее погруженную въ задумчивость. Иногда вечернею порою, она сидѣла на скатѣ горы и пѣла прекрасныя твои пѣсни; иногда съ прискорбіемъ останавливалась на берегу источника; но чаще всего приходила къ рѣкѣ смотрѣть на отдаленную твою хижину. Суровость витязя Рогдая приводила ее въ трепетъ: онъ любилъ страстною любовію, но самая нѣжность его имѣла въ себѣ что-то жестокое. Простодушная Марія, которой слова и взоры всегда согласны были съ тайнымъ расположеніемъ сердца, отвѣтствовала на любовь его одною тихою покорностію: она подходила къ нему только тогда, когда онъ самъ приказывалъ ей приблизиться; не смѣла къ нему ласкаться, а только съ смиреніемъ принимала его надменныя ласки. Увы! несчастная Марія, которая прежде была такъ весела и рѣзва, которая прыгала отъ удовольствія въ кругу игривыхъ своихъ подругъ, Марія почти никогда уже не улыбалась, и въ самой улыбкѣ ея изображено было душевное прискорбіе. Рогдай замѣтилъ ея тоску: часто, съ видомъ угрюмаго подозрѣнія, устремлялъ онъ свои взоры на блѣдное лицо Маріи: она содрогалась и потупляла глаза свои въ землю. Часто хотѣлъ онъ спросить ее о причинѣ такой непрерывной унылости, начиналъ говорить и уходилъ, не кончивъ вопроса—и что могла бы отвѣчать ему Марія? Прошло три недѣли. Въ одно утро (мы сидѣли вмѣстѣ съ Маріею и низали жемчужное ожерелье для ея матери) приходитъ онъ въ ея свѣтлицу. „Марія, говоритъ онъ, послѣ завтра мы ѣдемъ въ Кіевъ: будь готова“. Марія поблѣднѣла; руки ея опустились; хотѣла отвѣчать, и слезы побѣжали изъ глазъ ея ручьями. „Что это значитъ?“ загремѣлъ ужаснымъ голосомъ витязь.—Марія схватила его руку (въ первый разъ позволила она себѣ такую смѣлость).—Ради-Бога, воскликнула она, устремивъ на него умильный взоръ, пробудь здѣсь еще одинъ мѣсяцъ, одинъ только мѣсяцъ; дай мнѣ познакомиться съ печальною мыслію, что я должна разстаться съ своею родиною, навсегда покинуть мать свою, моихъ подругъ, мои отеческія поля и рощи. Прижавши прекрасное лицо свое къ рукѣ ужаснаго витязя, она орошала ее слезами. Какое сердце могло бы не тронуться умоляющимъ стенаніемъ Маріи? Нѣсколько минутъ молчалъ суровый Рогдай: въ сумрачныхъ взорахъ его блеснуло чувство. „Не могу отказать тебѣ, Марія, отвѣчалъ онъ, смягчивши голосъ, мнѣ сладко тебя утѣшить. Согласенъ; еще на мѣсяцъ остаюсь въ этихъ мѣстахъ; но, Марія!—тутъ устремилъ онъ на нее подозрительный взглядъ—ты худо отвѣчаешь на страстную мою любовь: горе тебѣ, если не одна привязанность къ матери, подругамъ и отчизнѣ удерживаетъ тебя въ этомъ мѣстѣ“.—Онъ удалился. Марія посмотрѣла на меня и не сказала ни слова: мы обѣ вздохнули.

Прошло еще двѣ недѣли—самыя печальныя для бѣдной Маріи. Она старалась удалить отъ себя воспоминанія объ Усладѣ, но всякую минуту противъ воли своей думала: онъ скоро возвратится, онъ скоро возвратится, онъ придетъ отдать мнѣ свою душу, исполненный сладкой надежды, исполненный прежней любви, а я... Она томилась въ тоскѣ и слезахъ, и не могла утаить ни тоски, ни слезъ своихъ отъ Рогдая; онъ видѣлъ ея печаль—но онъ молчалъ, и грозные взоры его часъ-отъ-часу становились мрачнѣе; страшная ревность свирѣпствовала въ его сердце. „Марія, говорилъ онъ иногда, устремивъ на нее пристальное око, душа твоя неспокойна, совѣсть тебя обличаетъ: взоры мои тебѣ ужасны. Марія, восклицалъ онъ иногда громозвучнымъ голосомъ, отъ котораго несчастная цѣпенѣла; я люблю тебя страстно... но горе, если ты меня обманула!“

Наконецъ, наступило время твоего возвращенія, и бѣдная Марія совсѣмъ потеряла спокойствіе. Увы! она боялась ужаснаго Рогдая, боялась твоего милаго присутствія, боялась собственнаго своего сердца: малѣйшій шорохъ заставлялъ ее содрогаться. Она не хотѣла, она страшилась тебя увидѣть; но, Усладъ, несмотря на то, какъ-будто ожидая тебя, не отходила она отъ окна своей свѣтлицы, по цѣлымъ часамъ просиживала на берегу Москвы, устремивъ неподвижные взоры на противную сторону рѣки, туда, гдѣ видима соломенная кровля твоей хижины. Въ одно утро—это случилось на другой день послѣ твоей встрѣчи съ пастухомъ нашего села—навѣщаю ее, нахожу одну, печальную попрежнему, на берегу Москвы, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которое приходила она и вчера и всякій день; сказываю, что тебя видѣли наканунѣ; что ты, узнавши о ея замужствѣ, не захотѣлъ войти въ деревню; что ты удалился неизвѣстно куда. Марія заплакала. Ангелъ-хранитель, сопутствуй ему, сказала она; пусть будетъ онъ счастливъ; пускай, если можетъ, забудетъ Марію. Она устремила глаза на небо. Мы стояли тогда на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ волны образуютъ мелкій заливъ, разливаясь по свѣтлымъ камешкамъ, съ тихимъ плесканіемъ—одна волна прикатилась почти къ самымъ ногамъ Маріи—разсыпалась—что-то оставила на пескѣ—я наклоняюсь—вижу пучокъ увядшихъ ландышей, перевязанный волосами—подымаю его—показываю Маріи: Боже мой, какія слова изобразятъ ея ужасъ! Казалось, что грозное привидѣніе представилось ея взору, волосы поднялись на головѣ ея дыбомъ, затрепетала, поблѣднѣла: это мои волосы! воскликнула она. Услада нѣтъ на свѣтѣ: онъ бросился въ рѣку. Она упала къ ногамъ моимъ безъ памяти. Въ эту минуту показался Рогдай, подходитъ,

видитъ безчувственную Марію, поднимаетъ ее; смотритъ съ недоумѣніемъ ей въ лицо: оно покрыто было блѣдностію смерти; снимаетъ съ головы шишакъ, велитъ мнѣ зачерпнуть въ него воды, и орошаетъ ею голову Маріи, которая, какъ увядшая роза наклонена была на правое плечо.—Нѣсколько минутъ старались мы привести ее въ чувство; наконецъ, Марія отворила глаза—но глаза ея были мутны; она посмотрѣла на Рогдая—и не узнала его.—Ахъ, Усладъ! сказала она умирающимъ голосомъ, я люблю тебя болѣе жизни; послѣднія радости, послѣднія надежды, простите! Какъ описать то дѣйствіе, которое произвели слова ея на душу грознаго Рогдая! Лицо его побагрсвѣло, глаза его засверкали, какъ уголья; онъ страшно заскрежеталъ зубами. „Усладъ, воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства, кто Усладъ? Что ты сказала, несчастная?“ Но Марія была какъ помѣшанная; она не чувствовала, что Рогдай стоялъ передъ нею; судорожнымъ движеніемъ прижимала она его руку съ сердцу и говорила: —на что мнѣ жить? Я любила его болѣе моей жизни: все кончилось! Рогдай затрепеталъ; въ изступленіи обхватилъ онъ ее одною рукой поперекъ тѣла и помчалъ, какъ дикій волкъ свою добычу, на высоту горы, къ ужасному своему терему. Я хотѣла за ними послѣдовать. Прочь! заревѣлъ онъ охриплымъ голосомъ, блеснувъ на меня звѣрскими глазами—ноги мои подкосились. Съ той поры, Усладъ, ни разу не видала я нашей Маріи... Ввечеру прихожу опять къ горѣ, смотрю на высокій теремъ—все было въ немъ тихо, какъ-будто въ могилѣ—свѣтлица Маріи казалась пустою—я долго прислушивалась—но все молчало—ничто, кромѣ трепетанія волнъ и шороха дубравныхъ листьевъ, не доходило до моего слуха—кровь леденѣла въ моихъ жилахъ.—Боже мой, думала я, что сдѣлали они съ тобою, несчастная Марія? Три дня сряду приходила я къ терему: то же молчаніе, та же пустота. Куда дѣвалась Марія? Гдѣ витязь Рогдай? спрашивали наши поселяне. Одинъ изъ нихъ осмѣлился войти въ самый теремъ; но онъ не нашелъ ни витязя, ни Маріи, ни служителей Рогдаевыхъ: повсюду царствовала пустота, стѣны были голы, всѣ утвари домашнія исчезли—казалось, что никогда нога человѣческая не заходила въ эту обитель молчанія. Увы, Усладъ! съ того времени мы ничего не знаемъ объ участи твоей Маріи. Никто изъ поселянъ не смѣетъ приближаться къ Рогдаеву терему. Горе заблудившемуся пѣшеходцу, который отважится зайти въ него полуночною порою! Божіе проклятіе постигло этотъ вертепъ злодѣйствъ, говоритъ нашъ сельскій священникъ. Мы смотримъ на него изъ-за рѣки, содрогаемся и молимъ Небеснаго Царя, чтобы Онъ успокоилъ душу Маріи. Бѣдная мать ея умерла съ печали: мнѣ суждено было отъ Бога заступить при ней мѣсто дочери; я посадила на могилѣ ея шиповникъ и молодую липу. Усладъ, кто знаетъ, быть-можетъ, она уже встрѣтилась теперь на томъ свѣтѣ съ своею Маріею.

Ольга перестала говорить; Усладъ не могъ отвѣчать ей ни слова. Несчастный сидѣлъ, потупивъ голову, закрывъ руками лицо—состояніе души его было ужасно; нѣсколько минутъ продолжалось печальное безмолвіе. Усладъ посмотрѣлъ на Маріину подругу: она плакала, онъ поцѣловалъ ее въ щеку.—Милая Ольга, сказалъ онъ, возвратись къ своей матери; конечно, безпокоитъ ее теперь долговременное твое отсутствіе; оставь меня, я никогда не сойду съ этой горы; она должна быть моимъ гробомъ. Богъ съ тобою, добросердечная Ольга; будь счастлива; скажи въ деревнѣ, что бѣдный Усладъ живъ, что онъ возвратился, что онъ умретъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мучилась и погибла его несчастная Марія.—Они поцѣловались опять. Ольга переправилась на другой берегъ источника; Усладъ пошелъ по излучистой тропинкѣ на высоту горы къ ужасному терему.

Полночь была уже близко—полная луна, достигшая вершины неба, сіяла почти надъ самою головою Услада. Онъ приближается къ терему; входитъ въ широкія ворота, растворенныя настежь—онѣ скрипѣли и хлопали; входитъ на дворъ—все пусто и тихо. Дорога отъ воротъ до крыльца, окруженнаго высокими перилами, покрыта крапивою, полынью и репейникомъ. Усладъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, наконецъ, вступаетъ на крыльцо, идетъ въ двери... Дикая лисица, испуганная приходомъ человѣческимъ, давно не возмущавшимъ сего пустыннаго мѣста, бросилась въ высокую траву, сверкнувъ на него глазами; филинъ, пробужденный шорохомъ, встрепенулся, захлопалъ крыльями, полетѣлъ на кровлю и завылъ... Усладъ почувствовалъ робость и началъ осматриваться. При свѣтѣ луны увидѣлъ онъ себя въ обширной горницѣ, въ которой находился длинный столъ, приставленный къ стѣнѣ; двѣ или три скамейки, лежавшія на полу; пустой поставецъ, гдѣ прежде находились образа, и на полу разбросанные черепки разбитыхъ глиняныхъ кружекъ; здѣсь грозный Рогдай угощалъ иногда поселянъ и поселянокъ своей деревни. Усладъ прошелъ еще двѣ или три горницы: вездѣ представлялись глазамъ его голыя стѣны, вездѣ царствовала тишина, изрѣдка нарушаемая шумомъ нетопырей, которые быстро надъ нимъ порхали. Наконецъ, онъ видитъ маленькую дверь и узкую лѣстницу, обвившуюся винтомъ вокругъ столба: сердце его сильно затрепетало—эта лѣстница вела въ свѣтлицу Маріи. Усладъ идетъ по ступенямъ, входитъ въ свѣтлицу, ярко озаренную лучами луны, которая ударяла прямо въ раскрытыя окна. Душа его наполнилась неизъяснимымъ прискорбіемъ, когда онъ увидѣлъ себя въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бѣдная Марія провела послѣдніе дни своей жизни, встрѣчая утро со вздохами, провожая вечеръ съ уныніемъ. Онъ находилъ горестное удовольствіе дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда она дышала; какъ-будто чувствовалъ, что въ тихой полуночной прохладѣ разливалось вокругъ него ея присутствіе. Все было ею наполнено—на все устремлялъ онъ съ неописаннымъ волненіемъ взоры свои, ибо вездѣ мечтались ему слѣды милаго бытія утраченной Маріи. Въ одномъ углу брошены были ея пяльцы съ недоконченнымъ шитьемъ, которое почти истлѣло. Въ другомъ что-то блистало—Усладъ приближается: смотритъ—что же? Находитъ тотъ самый образъ Богоматери въ серебряномъ окладѣ, который привезъ онъ ей изъ Кіева и который Марія, до самой разлуки съ Усладомъ, носила на шеѣ; онъ упалъ передъ нимъ на землю, заплакалъ, снялъ его со стѣны, поцѣловалъ и положилъ на грудь свою. Онъ сѣлъ подъ окно—глаза его устремились на Москву, которая тихо вилась подъ горою, отражая въ волнахъ своихъ и берега, покрытые лѣсомъ, и синее небо, усыпанное легкими сребристыми облаками; окрестности, одѣтыя прозрачною пеленою свѣтлаго сумрака, были спокойны; все молчало — и воздухъ, и воды, и рощи. Усладъ задумался; минувшее предстало его воображенію, какъ легкій призракъ; онъ видѣлъ Марію, прежде цвѣтущую, потомъ увядающую во цвѣтѣ лѣтъ. „Здѣсь, думалъ онъ сидѣла она въ уныніи подъ окномъ, смотрѣла въ туманную даль и посылала ко мнѣ свои вздохи; здѣсь, проливая слезы, молилася передъ святою иконою; здѣсь, о Боже милосердный, можетъ-быть, на самомъ этомъ мѣстѣ убійца...“ Онъ содрогнулся; ужасъ проникнулъ всѣ его члены; ему мечталось слышать стенанія, выходящія какъ-будто изъ могилы; мечталось, что скорбное, тоскующее привидѣніе бродило по горницамъ оставленнаго терема; жилы его сильно бились; кровь, устремившаяся въ голову, производила въ ушахъ его звуки, подобные погребальному стону. Часъ полночи, всеобщее безмолвіе, мрачность и пустота ужаснаго терема—все приготовляло душу его къ чему-то необычайному: таинственное ожиданіе наполняло ее. Усладъ сидитъ неподвижно... прислушивается... все молчитъ... ни звука... ни шороха... Вдругъ отъ дубравы подымается тихій вѣтерокъ; листочки окрестныхъ деревьевъ зашевелились, ясная луна затуманилась, по всѣмъ окрестностямъ пробѣжалъ сумракъ, какое-то легкое, почти нечувствительное дуновеніе прикосну-

лось къ пламеннымъ щекамъ Услада и заиграло въ его разбросанныхъ кудряхъ: казалось, что въ воздухѣ распространялось благовонное дыханіе весны, разливалась пріятная, едва слышимая гармонія, подобная звукамъ далекой арфы. Усладъ подымаетъ глаза... что же? О ужасъ! о радость!.. онъ видитъ... видитъ передъ собою Марію—свѣтлый воздушный призракъ, сіяющій розовымъ блескомъ; одежда ея, прозрачная какъ утреннее облако, летящее передъ зарею, разстилалась по воздуху струями; лицо ея, блѣдное какъ чистая лилія, казалось прискорбнымъ; на милыхъ устахъ видима была унылая улыбка; задумчивый взоръ ея стремился къ Усладу. Священный ужасъ наполнилъ его сердце. „Ты ли, душа моей Маріи? воскликнулъ онъ, простирая къ привидѣнію трепещущія руки. О! скажи, для чего покинула ты селенія неба? Велишь ли мнѣ разлучиться съ жизнію? Хочешь ли пріобщить меня къ своему блаженству?“ Онъ умолкъ—отвѣта не было. Но призракъ, казалось, хотѣлъ, чтобы Усладъ за нимъ послѣдовалъ — одною рукою указывалъ на дремучій лѣсъ, другою, простертою къ Усладу, манилъ его за собою. Усладъ осмѣлился ступить нѣсколько шаговъ... привидѣніе полетѣло. Усладъ остановился... и вмѣстѣ съ нимъ остановился призракъ, опять устремивъ на него умоляющіе взоры... Усладъ былъ въ нерѣшимости... не зналъ, итти ли ему, или нѣтъ... наконецъ, ободрился... пошелъ... руководствуемый таинственнымъ вождемъ, вышелъ на пустынный дворъ, за ворота, наконецъ, въ дремучій лѣсъ, который на нѣсколько верстъ простирался позади Рогдаева терема. Входитъ въ глубину лѣса—тишина и мрачность окрестъ него царствуютъ; ни одно живое твореніе не представляется взору его; дикіе дубравные звѣри, какъ-будто чувствуя присутствіе безплотнаго духа, ему сопутствующаго, уклоняются отъ стези его съ робостію... храня глубокое безмолвіе, идетъ онъ за блѣднымъ, улетающимъ сіяніемъ... нѣсколько часовъ продолжалось его уединенное шествіе... вдругъ, видитъ рѣчку, вьющуюся подъ сѣнію древнихъ дубовъ, развѣсившихся березъ и мрачныхъ елей... устремляетъ глаза на свѣтлую свою спутницу... она остановилась... печаль, прежде напечатлѣнная во взорахъ ея, уже исчезла: они сіяли небеснымъ веселіемъ... Привидѣніе указываетъ ему на небо... улыбается... простираетъ къ нему объятія... и вдругъ, какъ легкая утренняя мечта, исчезаетъ въ воздушной пустынѣ. Все помрачилось; Усладъ остался одинъ, въ глуши дремучаго лѣса, въ странѣ ужасной и дикой... осматривается... видитъ вблизи сверкающій огонекъ... идетъ... глазамъ его представляется низенькая хижина, покрытая соломою... онъ отворяетъ дверь... дряхлый старикъ молится передъ распятіемъ, при свѣтѣ ночника... скрипъ двери заставилъ его оглянуться... онъ посмотрѣлъ пристально Усладу въ лицо... улыбнулся и подалъ ему руку.

— Благословляю приходъ твой, сказалъ отшельникъ; давно пророческое сновидѣніе возвѣстило мнѣ его въ этой пустынѣ. Въ лицѣ твоемъ узнаю того юношу, который нѣсколько разъ являлся мнѣ въ полуночное время, когда въ спокойномъ снѣ отдыхалъ я послѣ трудовъ и молитвы.—Кто ты, старецъ, спросилъ Усладъ, исполненный умиленія и тайнаго страха.—Смиренный отшельникъ Аркадій, отвѣчалъ старикъ. Два года, какъ поселился я на берегу свѣтлой Яузы, въ этой уединенной хижинѣ. Здѣсь провожу дни свои въ молитвѣ, оплакиваю прошедшія заблужденія и спасаюсь. Приди въ обитель мою, несчастный труженикъ: въ ней обрѣтешь утраченное спокойствіе, а съ нимъ и желанное забвеніе прошедшаго. Скажи мнѣ, кто указалъ тебѣ дорогу къ моей неизвѣстной хижинѣ?—Усладъ описалъ ему несчастія своей жизни.—Такъ, воскликнулъ Аркадій, выслушавъ повѣсть Услада, здѣсь на берегу Яузы покоится несчастная твоя Марія; мнѣ назначило Божіе Провидѣніе принять послѣдніе взоры ея и примирить съ небомъ ея отлетающую душу. Слушай: въ одно утро я собиралъ коренья на берегу Яузы; внезапно поразили слухъ мой жалобныя стенанія... Иду... шаговъ въ пятидесяти нахожу женщину, молодую, прекрасную, плавающую въ крови—это была твоя Марія; вдали раздавался конскій топотъ; воинъ, одѣтый въ панцырь, мелькалъ между деревьями; онъ вскорѣ исчезъ въ густотѣ лѣса—то былъ убійца Рогдай. Беру въ объятія умирающую Марію—увы! послѣдняя минута ея уже наступила, уста и щеки ея поблѣднѣли, глаза смыкались. Медленно подняла на меня угасающій взоръ. Прими мою душу, благослови меня, сказала она, усиливаясь приложить руку мою къ сердцу. Я перекрестилъ ее—умирающая посмотрѣла на меня съ благодарностію. Ангелъ-утѣшитель, сказала она, простирая ко мнѣ объятія, молись о душѣ моей, молись объ Усладѣ. Взоры ея потухли, голова наклонилась на плечо—она скончалась. Могила ея близко. Ты скоро увидишь ее, Усладъ; заря начинаетъ уже заниматься.—Ахъ, несчастная, воскликнулъ Усладъ. Какая участь! И этотъ убійца живъ!.. Нѣтъ, Божій угодникъ, клянусь у ногъ твоихъ...—Усладъ, не клянись напрасно, отвѣтствовалъ старецъ; небесное правосудіе наказало Рогдая: онъ утонулъ во глубинѣ Яузы, куда занесенъ былъ конемъ своимъ, испугавшимся дикаго волка. Усмири свое сердце, другъ мой; скажи вмѣстѣ со мною: вѣчное милосердіе да помилуетъ убійцу Маріи!—Усладъ утихнулъ. Очи мои прояснились, воскликнулъ онъ, и простерся къ ногамъ священнаго старца.—Она сохранила ко мнѣ любовь и за гробомъ. Отецъ мой, тебѣ, воспоминанію и служенію Бога посвятится отнынѣ остатокъ моей жизни.

Заря освѣтила небо, и лѣсъ оживился утреннимъ пѣніемъ птицъ. Старецъ повелъ Услада на берегъ Яузы и, указавъ на деревянный крестъ, сказалъ: „Здѣсь положена твоя Марія“. Усладъ упалъ на колѣна, прижалъ лицо свое, орошенное слезами, къ свѣжему дерну.—Милый другъ, воскликнулъ онъ, Богъ не судилъ намъ дѣлиться жизнію: ты прежде меня покинула землю; но ты оставила мнѣ драгоцѣнный залогъ твоего бытія—безвременную твою могилу. Не для того ли праведная душа твоя оставляла небо, чтобъ указать мнѣ мое пристанище и прекратить безотрадное странничество мое въ мірѣ? Повинуюсь тебѣ, священный, утѣшительный голосъ потеряннаго моего друга; не будетъ прискорбна для меня жизнь, посвященная гробу моей Маріи: она обратится въ ожиданіе сладкое, въ утѣшительную надежду на близкій конецъ разлуки.

Усладъ поселился въ обители Аркадія; на гробѣ Маріи построили они часовню во имя Богоматери. Прошелъ одинъ годъ, и Усладъ закрылъ глаза святому отшельнику. Еще нѣсколько лѣтъ ожидалъ онъ кончины своей въ пустынномъ лѣсѣ; наконецъ, и его послѣдняя минута наступила: онъ умеръ, преклонивъ голову къ тому камню, которымъ рука его украсила могилу Маріи.

И хижина отшельника Аркадія, и скромная часовня Богоматери, и камень, нѣкогда покрывавшій могилу Маріи—все исчезло; одно только наименованіе *Марьиной рощи* сохранено для насъ вѣрнымъ преданіемъ. Проѣзжая по Троицкой дорогѣ, взойдите на Мытищинскій водоводъ—вправѣ представится глазамъ вашимъ синѣющій лѣсъ; тамъ, гдѣ прозрачная рѣка Яуза однимъ изгибомъ своимъ прикасается къ рощѣ и отражаетъ въ тихихъ волнахъ и древніе сѣнистые дубы и бѣдныя хижины, разсыпанныя по берегамъ ея—тамъ нѣкогда погибла несчастная Марія; тамъ сооружена была надъ гробомъ ея часовня во имя Богоматери, тамъ, наконецъ, и Усладъ кончилъ печальный остатокъ своей жизни. (1808 г.)

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ,

случившееся въ началѣ 1809 года.

„Описывая вамъ горестную судьбу моего знакомца—такъ говоритъ одинъ неизвѣстный въ письмѣ своемъ

къ издателю Вѣстника Европы—желаю, чтобы и читатели вашего журнала объ ней узнали".

Для чего? спросите вы—признаться, я въ этомъ не умѣю дать себѣ вѣрнаго отчета; я слишкомъ увѣренъ, что жребій несчастнаго моего друга не можетъ перемѣниться; но сердцу моему необходимо сообщить кому-нибудь и горесть свою и то мучительное негодованіе, которымъ оно наполнено. Сверхъ того, утѣшаю себя мыслію, что низкій злодѣй, разрушившій навсегда счастіе двухъ добрыхъ твореній, прочитавъ эти строки, ужаснется самого себя, и страшный свѣтъ проникнетъ въ мрачную душу его, можетъ, спокойную отъ совершеннаго безчувствія.

„Лиза была дворовая дѣвушка. Госпожа N** воспитала ее вмѣстѣ съ своею дочерью. Она имѣла прекрасное лицо, умъ здравый, сердце, наполненное чувствами, необыкновенными въ ея состояніи и еще болѣе образованными воспитаніемъ. Лиза, осужденная жить въ рабствѣ, съ малолѣтства привыкла пользоваться преимуществами людей свободныхъ и превышающихъ ее своимъ родомъ и званіемъ. Дѣвица N** вышла замужъ; Лиза досталась ей въ приданое. В домѣ W**—новаго ея господина—увидѣла она Ліодора (моего пріятеля), пылкаго, добросердечнаго, благороднаго—увидѣла, полюбила—сердце ея безъ всякой осторожности плѣнилось тѣмъ чувствомъ, котораго еще она не понимала, и которое втайнѣ влекло ее къ одному: любезнѣйшему предмету—мудрено ли! добрая Лиза имѣла не болѣе пятнадцати лѣтъ и была еще такъ неопытна. И Ліодоръ почувствовалъ къ ней склонность—а склонность сія въ короткое время сдѣлалась страстію, но страстію нѣжною, почтительною, непорочною. Ліодоръ, восемнадцатилѣтній юноша, имѣлъ пламенную душу; любовь значила для него счастіе, и привязанность его къ Лизѣ была источникомъ всѣхъ лучшихъ его чувствъ, всѣхъ благороднѣйшихъ его поступковъ. Два года продолжалась ихъ тайная связь, основанная на счастливомъ согласіи двухъ нѣжныхъ сердецъ, которыя не желали болѣе еще ничего, кромѣ спокойнаго наслажденія собственными чувствами. Ліодоръ и Лиза видались очень часто, и каждый день сильнѣе увѣряли себя, что были необходимы другъ для друга.

„Въ концѣ послѣдняго года явился въ домѣ господина W** полковникъ Z***, вдовецъ, похоронившій двухъ женъ, человѣкъ грубый, скупой и чрезвычайно непріятный наружностію. Онъ увидѣлъ Лизу и полюбилъ ее—что значитъ *полюбилъ*? Почувствовалъ нѣкоторое раздраженіе въ душѣ своей, привыкшей къ однимъ удовольствіямъ грубымъ и совершенно почти усыпленной. Лиза не замѣчала выразительныхъ взглядовъ господина полковника—могла ли она замѣчать ихъ? Она была такъ невинна, а нѣжная привязанность къ Ліодору занимала всю ея душу. Полковникъ Z*** сдѣлался неотступнѣе, наконецъ, объяснился — Лиза отвѣчала ему презрѣніемъ. Это раздражило человѣка, не привыкшаго отказывать себѣ ни въ одномъ желаніи. Могъ ли онъ вообразить, чтобъ бѣдная Лиза, рожденная *рабою*, способна была чувствовать благороднѣе, нежели онъ, старый дворянинъ и полковникъ. Онъ началъ за нею присматривать; скоро замѣтилъ, что она любила и была любима—ревность, которая въ сердцѣ нѣжномъ и страстномъ есть тяжкая скорбь, уничтожающая въ немъ самую привязанность къ жизни, въ сердцѣ жестокомъ и способномъ чувствовать одни желанія грубыя, есть бѣшенство, ненависть и мщеніе.—Полковникъ Z*** рѣшился погубить бѣдную Лизу. Онъ сообщилъ господину W** свои замѣчанія и, разумѣется, очернилъ въ глазахъ его непорочную привязанность Лизы къ Ліодору. Молодую дѣвушку лишили прежней ея свободы. Она перестала видаться съ Ліодоромъ, или видалась съ нимъ, окруженная свидѣтелями подозрительными, предубѣжденіями несправедливыми—одно только блѣдное лицо, одни только померкшіе и унылые взоры ея говорили бѣдному Ліодору, что онъ любимъ, любимъ попрежнему, любовію нѣжнѣйшею. Въ самомъ страданіи находили они нѣкоторую сладость, ибо сіе страданіе было для нихъ любовію. Но полковникъ Z*** не могъ довольствоваться однимъ несчастіемъ своего соперника—воспламененная чувственность его требовала полной жертвы. И что священно для человѣка безъ правилъ, развратнаго и незнакомаго ни съ однимъ движеніемъ добродѣтельнымъ? Полковникъ Z*** обманулъ и родственника своего, господина W**, увѣривъ этого добродушнаго человѣка, что Лиза дала обѣщаніе Ліодору уѣхать съ нимъ въ Петербургъ, что все уже изготовлено къ побѣгу... однимъ словомъ, господинъ W**, желая, можетъ-быть, избавить себя отъ непріятнаго безпокойства и, вѣроятно, не подозрѣвая злодѣйскихъ умысловъ родственника своего, согласился, чтобы несчастную Лизу отвезли въ подмосковную полковника Z***, находящуюся въ 17 верстахъ отъ столицы. Можете ли вообразить тотъ ужасъ, который наполнилъ душу этой бѣдной жертвы, когда объявили ей волю ея господина? Она занемогла жестокою горячкою—но что же? Надъ нею не сжалились—въ бреду и безпамятствѣ отвезли ее въ подмосковную полковника Z***—это случилось 18 февраля, и съ тѣхъ самыхъ поръ участь ея покрыта для меня ужасною неизвѣстностію. Но участь Ліодора... ахъ, несчастный! Полковникъ Z*** распустилъ слухъ, что Лиза продана ему господиномъ W**; этотъ слухъ дошелъ и до Ліодора... есть люди, которыхъ сильная горе ть погружаетъ въ какую-то мертвую безчувственность, въ какое-то страшное бездѣйствіе, уничтожающія въ нихъ и память, и мысли, и саму тѣлесную силу. Таковы были первыя чувства Ліодора—и счастливъ ненавистный его убійца. Но Ліодоръ съ того времени не приходилъ уже въ прежнее положеніе—сначала онъ былъ задумчивъ, мраченъ, ни къ чему невнимателенъ, глаза его были тусклы и мертвы, лицо покрыто ужасною блѣдностію, онъ не говорилъ ни слова, казался безчувственнымъ и даже спокойнымъ; но осьмого марта замѣтили въ немъ признаки сумасшествія. Увы, этотъ несчастный совершенно потерялъ разсудокъ, но онъ сохранилъ всю прежнюю свою кротость—сумасшествіе Ліодора тихое и унылое: безпрестанно начинаетъ говорить о мученіи своего сердца, о любви, о прежнемъ своемъ счастіи, твердитъ всякую минуту ея имя и задумывается. На сихъ дняхъ я былъ у его отца—ахъ, онъ имѣетъ еще отца, и какимъ жребіемъ наказало Провидѣніе этого старца: при концѣ жизни быть надзирателемъ сумасшедшаго сына. Какого же сына? Прелестнаго юноши, которомъ онъ утѣшался, въ которомъ заключены были послѣднія надежды его жизни. Причина сумасшествія Ліодорова была ему еще неизвѣстна—я разсказалъ ему обо всемъ. Мы оба заливались слезами, въ присутствіи бѣднаго Ліодора, который ничего не чувствовалъ и безпрестанно, съ выраженіемъ нѣжнѣйшей, глубокой страсти, твердилъ имя своей Лизы, называлъ ее своимъ ангеломъ, своимъ другомъ, своею жизнію. *Ахъ*, сказалъ мнѣ старикъ, *Богъ терпитъ пороки и злобу; но такое безвинное, варварское гоненіе рано или поздно будетъ наказано Его правосудіемъ. Я не желаю мстить господину полковнику Z***, но я боюся узнать его!*— Онъ подошелъ къ Ліодору: несчастный какъ-будто почувствовалъ, что горестный отецъ принимаетъ участіе въ его жребіи, протянулъ къ нему руки, прижался къ его сердцу и залился слезами.

„Скажите, милостивый государь, какого имени достоинъ, по вашему мнѣнію, полковникъ Z***? Онъ болѣе, нежели похититель чужой собственности: потерянную вещь, какъ бы ни была она драгоцѣнна, можно забыть или замѣнить ее другою, но что замѣнитъ потерю того блага, съ которымъ сопряжены были всѣ наши надежды, все наше счастіе? Онъ болѣе, нежели убійца: похититель жизни причиняетъ намъ одно минутное зло; но похититель счастія, оставляя намъ жизнь, даритъ насъ однимъ безполезнымъ благомъ, однимъ мучительнымъ чувствомъ нашей утраты. Извѣстна казнь, опредѣлен-

ная законами похитителю и убійцѣ; но что, скажите, опредѣлитъ законъ злодѣю, по наружности правому передъ его зерцаломъ сластолюбцу, коварному клеветнику, хитрому губителю непорочности, скрывающему себя подъ личиною правоты и чести? Порочный достойнѣе наказанія, нежели преступникъ — и ему однако нѣтъ наказанія! Не говорите мнѣ о презрѣніи свѣта—свѣтъ равнодушенъ и беззаботенъ. Его легко обманешь наружностію; и кто возьметъ на себя разсматривать настоящія причины поступковъ? Въ свѣтѣ презираютъ злодѣя—но *показываютъ* презрѣніе только къ тѣмъ, которые не имѣютъ ни достатка, ни блеска, сопряженнаго съ чиномъ или знатностію рода. А что нужды злодѣю въ томъ презрѣніи, которое онъ заслуживаетъ, но которое отъ него скрываютъ. Полковникъ Z*** имѣетъ достатокъ; онъ можетъ угостить въ домѣ своемъ двадцать или тридцать человѣкъ—чего же болѣе? Онъ спокоенъ на счетъ общаго мнѣнія; а уваженіе нѣкоторыхъ честныхъ *чудаковъ* такъ же для него мало значитъ, какъ и уваженіе собственное. Не говорите мнѣ объ упрекахъ совѣсти—душа, пріученная къ чувствамъ грубымъ, засыпаетъ и дѣлается неспособною къ благороднымъ страданіямъ совѣсти. Я увѣренъ, что всякій закоренѣлый злодѣй спокоенъ въ сердцѣ своемъ (не говорю счастливъ), и даже почитаетъ себя правымъ до тѣхъ поръ, пока окружающіе его, по наружности, его оправдываютъ, или, по крайней мѣрѣ, его не обвиняютъ—а много ли въ нынѣшнемъ свѣтѣ рыцарей честности и добродѣтели? Всякій старается быть честнымъ и добрымъ для себя, не заботясь о томъ, каковъ его ближній: беззаботность гибельная и слишкомъ выгодная для людей порочныхъ. Итакъ, милостивый государь, нельзя надѣяться, чтобы полковникъ Z*** наказанъ былъ или строгостію законовъ или презрѣніемъ всеобщимъ; весьма даже вѣроятно, что самая совѣсть его спокойна—я не знаю, долго ли продолжится это спокойствіе—но я желалъ бы увидѣть этого человѣка на одрѣ смертномъ".

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе насчетъ нѣкоторыхъ мнимыхъ благотвореній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтѣ. Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ *фаворитовъ*. Что это значитъ? Они выбираютъ или мальчика или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей *особѣ*, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней *зависимости*. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ *зависимый*, знакомый съ чувствами и понятіями людей *независимыхъ*, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того ли, чтобы онъ могъ яснѣе почувствовать современемъ, что Провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его и познанія должны угаснуть безплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокій эгоизмъ, или, лучше сказать, злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ,—а что унизительнѣе рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный—итакъ, прежде, нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія. Вы или укажете ему дорогу къ испорченности и разврату, или душа его—если она неспособна привязаться къ пороку—увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны. Я знаю одного живописца—онъ былъ крѣпостной человѣкъ добраго господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, но еще не имѣлъ свободы. Что же? Господинъ его умеръ—и этотъ бѣднякъ достался другому, вѣроятно не имѣющему особеннаго уваженія къ человѣчеству. Новый господинъ взялъ его въ домъ—и теперь этотъ человѣкъ, который прежде принимаемъ былъ съ отличіемъ и въ лучшемъ обществѣ, потому что вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и наружность весьма благородную—ѣздитъ въ ливреѣ за каретою, разлученъ съ женою, которая отдана въ приданое за дочерью господина его—я встрѣтился съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, которое, вѣроятно, служитъ ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ горестной его участи. Гдѣ же плоды благотвореній, оказанныхъ ему *добрымъ* его господиномъ? Повторяю: такія благотворенія гибельны и, по большей части, бываютъ причиною одного разврата. Отчего, напримѣръ, замѣчаютъ въ простыхъ крестьянахъ менѣе испорченности, нежели въ дворовыхъ людяхъ, близкихъ господамъ своимъ? Не оттого ли, что послѣдніе, сохраняя свое рабство, имѣютъ яснѣйшее понятіе о состояніи людей свободныхъ, и научаяся презирать собственное, досадуютъ на судьбу свою—а ихъ развращеніе не есть ли необходимое слѣдствіе сей тайной досады, невольно отравляющей душу? Анекдотъ, сообщенный издателю отъ неизвѣстнаго, можетъ быть страшнымъ урокомъ для многихъ, такъ-называемыхъ благотворителей. Для чего эта погибшая Лиза получила понятіе о такомъ счастіи, о которомъ, вѣроятно, никогда бы не могла подумать, если бъ безразсудная благотворительность ея госпожи не извлекла ее изъ состоянія простой служанки? Для чего воспитали ее съ такимъ тщаніемъ? Для того ли, чтобы она съ живѣйшимъ ужасомъ могла теперь осматривать ту бездну, въ которую низвергнута коварною злобою развратника? Кто жъ настоящіе ея губители? Не тѣ ли самые, которые, можетъ-быть, въ свѣтѣ присвоиваютъ себѣ великолѣпное титло ея благотворителей.

(1809 г.)

II. СТАТЬИ ХАРАКТЕРА ИСТОРИЧЕСКАГО и БІОГРАФИЧЕСКАГО.

ЧЕРТЫ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО*).

[отрывокъ.]

—

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Исторія Государства Россійскаго объемлетъ цѣлое тысячелѣтіе. Въ теченіе сего времени изъ малой области, населенной нѣсколькими племенами славянскими и финскими и заключавшейся въ тѣсныхъ предѣлахъ между озерами Чудскимъ, Ладожскимъ и Бѣлымъ, верховьями Двины, Днѣпра, Окою и Волгою, образовалась сія великая монархія, простирающаяся съ запада на востокъ отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана, а съ сѣвера на югъ отъ Ледовитаго моря до Чернаго, Каспійскаго и до высокихъ горныхъ хребтовъ, идущихъ черезъ всю среднюю Азію. „При взглядѣ на пространство сей державы, мысль цѣпенѣетъ (говоритъ Карамзинъ). Никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею (обширностію), господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плодъ долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ божественною вѣрою“. Исторія объясняетъ намъ, что́ *былъ* сей народъ *прежде*, что́ онъ *теперь*, и къ чему *можетъ достигнуть*, пользуясь своею нравственною силою и всѣми богатствами, которыми изобилуютъ обширныя страны, ему подвластныя.

I. 862—1054.

На пространствѣ сѣверо-восточной Европы, извѣстной въ древности подъ общимъ именемъ Скиѳіи, между болотами, озерами и горами сѣвера, подъ сѣнію лѣсовъ непроходимыхъ, по берегамъ великихъ невѣдомыхъ рѣкъ, среди обширныхъ степей полуденныхъ странствуютъ долгое время дикіе народы, безыменные въ исторіи. Въ первые вѣка послѣ Р. Х. сей мракъ начинаетъ рѣдѣть: узнаютъ о бытіи единоплеменныхъ *славянъ, вендовъ и антовъ*. Имя народа славянскаго становится страшнознаменитымъ въ лѣтописяхъ византійскихъ. Разныя племена, его населяющія, подъ разными именами, пространство между Балтійскимъ и Чернымъ морями, являются здѣсь независимыми, тамъ подъ игомъ народовъ, попеременно приходящихъ изъ средней Азіи съ войною, опустошеніемъ и рабствомъ. Наконецъ, въ половинѣ IX вѣка, въ центрѣ сихъ разноплеменныхъ славянскихъ племенъ рождается Россія, и получаетъ имя свое отъ смѣлыхъ завоевателей скандинавскихъ. Три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, приходятъ *изъ-за моря* съ сильною дружиною варяго-руссовъ: призванные добровольно славянами новогородскими, кривичами, чудью и весью, они утверждаютъ свое владычество силою. Рюрикъ по смерти братьевъ становится единымъ верховнымъ властелиномъ на сѣверѣ; онъ усмиряетъ возмутившійся Новгородъ, и, утвердивъ въ немъ столицу юнаго государства, дѣлитъ земли, ему подвластныя, между своими варяжскими сподвижниками. Два изъ нихъ, вѣроятно обдѣленные и недовольные, Аскольдъ и Диръ, идутъ на югъ искать добычи и славы; они основываютъ свое владычество на величественныхъ берегахъ Днѣпра, въ цвѣтущей землѣ Полянской, въ Кіевѣ, равнодревнемъ съ сѣвернымъ Новымъ-городомъ. Ихъ нападеніе на Константинополь, чудомъ отраженное, знакомитъ кіевскихъ жителей съ вѣрою христіанскою, а смѣлыхъ витязей русскихъ съ путемъ въ отдаленную Грецію.

Олегъ, старшій въ родѣ послѣ Рюрика, наслѣдуетъ престолъ его вмѣсто малолѣтняго Игоря и тѣмъ подаетъ бѣдственный *примѣръ наслѣдованія* для временъ грядущихъ. Его воинственное мужество полагаетъ твердое основаніе могуществу Россіи. Присвоивъ кровавымъ предательствомъ южную Кіевскую область, онъ рядомъ быстрыхъ завоеваній соединяетъ ее съ сѣверною областію Новгородскою и Балтійское море съ Чернымъ; наноситъ сильный ударъ Козарской державѣ; устрашаетъ грознымъ своимъ явленіемъ Константинополь, беретъ богатую дань съ императора, заключаетъ съ нимъ первый торговый договоръ и, пригвоздивъ къ вратамъ Цареграда огромный сѣверный щитъ свой, со славою возвращается въ Россію, строитъ для утвержденія власти города́ или крѣпости въ земляхъ, ему покорныхъ, учреждаетъ налоги, и, наконецъ, умираетъ съ именемъ *Вѣщаго* или *мудраго*. Въ его время проходятъ мимо Кіева угры: вытѣсненные изъ жилищъ своихъ печенѣгами, они утверждаются въ древней Панноніи и образуютъ нынѣшнюю Венгрію.

Игорь, преемникъ Олега, несходный съ нимъ ни умомъ, ни мужествомъ, двукратно покушается противъ Цареграда: въ первый разъ онъ побѣжденъ Греческимъ огнемъ и бурею, во второй преклоненъ къ миру дарами испуганнаго императора. Возмутивъ жестокимъ хищничествомъ свирѣпыхъ древлянъ, онъ погибаетъ въ землѣ ихъ безъ славы. Въ его княженіе Россія узнаетъ дикихъ печенѣговъ: заграбивъ всѣ южныя области отъ Дона до Алуты, они отрѣзываютъ на долгое время Россію отъ Чернаго моря.

Ольга, супруга Игорева, *звѣзда передъ солнцемъ, заря передъ свѣтомъ*, какъ называетъ ее лѣтописецъ, мудро правительствуетъ во дни малолѣтства отрока Святослава. Отмстивъ древлянамъ за убіеніе Игоря совершеннымъ покореніемъ земли ихъ, она предпринимаетъ, для учрежденія общаго порядка, путешествіе по сѣверной Россіи, гдѣ долго сохраняется память ея въ благодарныхъ преданіяхъ. И она идетъ въ Константинополь, но уже не съ войною и разореніемъ, а съ мирнымъ исканіемъ чистой добычи: *спасительнаго христіанства*. Принявъ святое крещеніе отъ руки

*) Составлено Жуковскимъ по Карамзину для цесаревича Александра Николаевича.

патріарха, она возвращается въ Кіевъ, но тщетно убѣждаетъ сына своего Святослава послѣдовать ея примѣру: дикаго юношу плѣняетъ одна война. Презирая опасность, перенося, какъ простой воинъ, и нужду, и трудъ, и холодъ, и зной, онъ быстро завоевываетъ обширныя области, на востокъ отъ Днѣпра лежащія, уничтожаетъ владычество козарскаго хана овладѣніемъ столицы его Саркела, проникаетъ до самаго Кавказа, побѣдивъ у подошвы его касоговъ и ясовъ, и, наконецъ, утверждаетъ владычество на берегахъ Киммерійскаго Воспора покореніемъ древней Таматархи или Тмутараканя. Призванный въ Болгарію, онъ беретъ столицу ея Переяславецъ и многіе города на берегахъ Дуная. Опасность Кіева, угрожаемая печенѣгами, призываетъ его на время въ Россію; укротя враговъ и предавъ землѣ тѣло умершей матери Ольги, онъ снова спѣшитъ на югъ, привлекающій его прелестями своего климата, и для огражденія Россіи отъ нападенія варваровъ, дѣлитъ ее между сыновьями. Но завоеванія его, безполезныя для отечества, ввергаютъ и самого завоевателя въ погибель: въ Болгаріи встрѣчаетъ онъ достойнаго себя соперника въ императорѣ Чимисхіи, коему уступаетъ побѣду, но не славу; и, наконецъ, принужденный возвратиться въ отечество, падаетъ при шумѣ днѣпровскихъ пороговъ отъ руки презрѣннаго печенѣга, жертвою собственнаго неосторожнаго безстрашія.

Россія, утративъ еще при жизни своего князя всѣ безполезныя завоеванія его на Дунаѣ, становится по смерти его театромъ междоусобій, произведенныхъ ея раздробленіемъ на удѣлы. Братъ возстаетъ на брата; Олегъ погибаетъ отъ Ярополка, вооруженнаго мщеніемъ вождя Свѣнельда; Владиміръ, устрашенный властолюбіемъ брата, бѣжитъ за море, приводитъ оттуда сильную дружину варяжскую, идетъ на Ярополка, и, покоривъ на пути княжество Полоцкое, довершаетъ съ помощью предателя междоусобіе братоубійствомъ. Но симъ злодѣяніемъ, оставившимъ кровавое пятно на великой памяти Владиміра, раздробленная Россія опять соединяется и власть единодержавная достается рукѣ ея достойной. Удаливъ изъ Россіи варяговъ, союзниковъ смѣлыхъ, но опасныхъ, Владиміръ съ собственными дружинами распространяетъ предѣлы отечества: на западъ—гдѣ покорена Ливонія, обложены данями литовцы и ятвяги, завоеваны города Червенскіе, и на востокъ—гдѣ Волга, за которою властвуютъ болгары, становится крайнимъ предѣломъ Государства Россійскаго. Первыя времена княженія Владимірова ознаменованы его слѣпымъ усердіемъ къ идолопоклонству, явившимъ въ Кіевѣ первыхъ и послѣднихъ мучениковъ христіанства, и его необузданнымъ женолюбіемъ, вооружившимъ на убійство руку Рогнѣды, великодушно прощенной супругомъ — преступленіе, положившее начало особенному княжеству Полоцкому. Въ слѣдующіе годы Владиміръ является преобразователемъ и самого себя и Россіи. Оружіемъ пріобрѣтаетъ онъ для нея лучшее изъ благъ: христіанство. Устрашивъ завоеваніемъ Херсона греческихъ императоровъ Василія и Константина, онъ вступаетъ въ супружество съ сестрою ихъ Анною; сіе супружество освящено таинствомъ крещенія, и вслѣдъ за нимъ вся Россія, по мановенію князя своего, озаряется христіанствомъ. Сіе великое событіе навсегда рѣшитъ судьбу нашего отечества: съ христіанствомъ начинается въ Россіи образованіе гражданское, просвѣщеніе ума, укрощеніе дикихъ нравовъ; христіанство должно составлять единственно твердый союзъ отечества нашего во времена бѣдственнаго раздробленія; христіанство спасаетъ его, если не отъ рабства, то отъ совершенной погибели въ рабствѣ, и, наконецъ, христіанство, навсегда отдѣливъ Россію отъ варварскихъ, неподвижныхъ въ образованіи народовъ Азіи, приготовитъ ее въ теченіе вѣковъ къ торжественному вступленію въ семейство народовъ Европы. Крестившись и крестивъ Россію, Владиміръ заботится о заведеніи училищъ, нужныхъ для образованія духовныхъ пастырей, наставниковъ вѣры и нравственности: вводятся въ употребленіе священныя книги, еще въ девятомъ вѣкѣ переведенныя на языкъ славянскій; начинается словесность и съ построеніемъ церквей входитъ въ Россію греческое искусство. Но сіи мирныя заботы о благѣ внутреннемъ нарушаются войнами съ свирѣпыми печенѣгами, и, наконецъ, Владиміръ, положивъ просвѣщеніемъ вѣры основаніе истинному могуществу Россіи, самъ потрясаетъ сіе могущество раздѣленіемъ государства между сыновьями, и первый долженъ видѣть погибельныя слѣдствія ошибки своей, произведенной понятіями его вѣка: Ярославъ возмущается противъ отца, избавленнаго смертію отъ ужасовъ такого междоусобія.

Но Провидѣніе, заботясь о Россіи, употребляетъ самыя сіи междоусобія, дабы сохранить, хотя на время, ея могущество и образумить ея властителей: Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, тремя братоубійствами соединяетъ подъ одну державу южныя области Россіи. Но рука, обагренная кровію братьевъ, недостойна владычества: Ярославъ съ великодушными, незлопамятными новгородцами поражаетъ Святополка; напрасно призываетъ онъ Болеслава Храбраго и вводитъ иноплеменниковъ въ нѣдра отечества—минутное торжество, дарованное ему побѣдою Болеслава, уничтожено предательствомъ, удалившимъ отъ него сильнаго союзника; напрасно зоветъ онъ на помощь грабителей-печенѣговъ—побѣжденный на берегахъ Альты мстящею кровію Бориса и дружинами Ярослава, онъ бѣжитъ и бѣдственно погибаетъ въ пустыняхъ богемскихъ, въ безумствѣ раскаянія и страха, съ ненавистнымъ прозваніемъ *Окаяннаго*.

Ярославъ, достойный наслѣдникъ Владиміра, заслуживаетъ въ потомствѣ славное имя законодателя. Два междоусобія, мгновенно поколебавшія его княженіе, не разрушаютъ могущественнаго единства Россіи. На сѣверѣ мятежъ Полоцкаго князя Брячислава утушенъ побѣдою и княжество Полоцкое приведено въ подданство. На югѣ вооружается великодушный, честолюбивый Мстиславъ, побѣдитель касоговъ и разрушитель владычества козаровъ въ Тавридѣ: битва у Листвена, успѣшная для Мстислава, производитъ раздѣлъ Россіи на двѣ великія области, разграниченныя теченіемъ Днѣпра; но смерть Мстислава, предупрежденнаго во гробъ цвѣтущимъ сыномъ Евстаѳіемъ, соединяетъ опять сіи области подъ одну державу. Ярославъ, могущественный единовластитель, господствуетъ съ благоразуміемъ и твердостію, не увеличиваетъ пространство Россіи побѣдами, но возвращаетъ ей все утраченное въ смутные годы Святополка; Ливонія усмирена, Червенскіе города снова взяты, Царьградъ приведенъ въ трепетъ за оскорбленіе народнаго права въ посланникѣ русскомъ и сила печенѣговъ навсегда истреблена побѣдою близъ Кіева. Продолжая, по примѣру Владиміра, дѣйствовать для распространенія вѣры христіанской заведеніемъ училищъ, созданіемъ храмовъ и монастырей, переводомъ священныхъ книгъ съ греческаго и размноженіемъ ихъ списковъ для пользы общей, Ярославъ первый даруетъ Россіи *письменные законы*. При немъ начинается самобытность великаго Новагорода: льготныя грамоты, данныя новогородцамъ признательностію Ярослава, рождаютъ ту буйную, гордую свободу, которая около пяти вѣковъ возвеличиваетъ и волнуетъ Новгородъ и, наконецъ, падаетъ передъ могуществомъ единодержавнаго Іоанна. Но Ярославъ, послѣдователь Владиміра въ дѣлахъ правленія мудраго, слѣдуетъ ему и въ гибельной его ошибкѣ: онъ раздѣляетъ Россію между сыновьями. Умирающій голосъ отца, завѣщавшаго имъ на одрѣ смертномъ *согласіе и покорность старшему въ родѣ*, умолкаетъ уже для перваго поколѣнія и тѣнь великаго князя, поставленная главою надъ раздѣленнымъ обширнымъ государствомъ, уважаемая нѣсколько времени самоотверженною добродѣтелію Мономаха, исчезаетъ, наконецъ, среди беззаконныхъ разбоевъ междоусобія.

Въ сіи два вѣка, протекшіе отъ призванія варяговъ до смерти великаго Ярослава, Россія дѣлаетъ *шагъ исполинскій* на поприщѣ могущества и просвѣщенія. Благопріятныя обстоятельства способствуютъ сему быстрому развитію. Сей періодъ, несмотря на нѣкоторыя исключенія, можетъ назваться періодомъ *могущественнаго единовластія.* Господствуютъ князья мужественные и мудрые, и величайшіе изъ нихъ, господствуя долго, имѣютъ время и для завоеваній внѣшнихъ, нужныхъ силѣ, и для утвержденія силы порядкомъ внутреннимъ. Первыя междоусобія болѣе благодѣтельны для Россіи, нежели вредны: они истребляютъ властителей слабыхъ, оставляя на сценѣ властителей твердыхъ и мудрыхъ; Олегъ и Ярополкъ уступаютъ мѣсто великому Владиміру; злодѣйства презрѣннаго Святополка, губителя трехъ братьевъ, и смерть великодушнаго Мстислава очищаютъ престолъ великому Ярославу. Сіи кратковременныя междоусобія проходятъ, какъ минутныя бури, не потрясая государства. Между тѣмъ, христіанство сливаетъ части въ единое цѣлое, торговля пробуждаетъ промышленность и готовитъ просвѣщеніе. Самыя внѣшнія обстоятельства благопріятствуютъ сему величественному развитію; Россія уже образуетъ державу великую, а на предѣлахъ ея нѣтъ сосѣдовъ опасныхъ: Ливонія покорена; дикая, обложенная данію, Литва существуетъ однимъ только именемъ; Польша не опасна; венгры далеко и оружіе ихъ устремлено на разореніе Европы; Имперія Греческая, не грозная силою, полезна своимъ просвѣщеніемъ и торговлею; одни печенѣги свирѣпствуютъ нѣсколько времени на отдаленномъ югѣ, но и они уничтожены оружіемъ; болгары не смѣютъ переступить за Волгу. Таково состояніе Россіи при смерти законодателя Ярослава.

Но Ярославъ раздробляетъ ее на части и внутренняя сила ея разрушается, а въ ней самой таятся сѣмена погибели, кои, наконецъ, созрѣваютъ, оплодотворенныя междоусобіями. На семъ необъятномъ пространствѣ, которое занимаетъ тогдашняя Россія, видимъ почти пустыню, покрытую болотами и лѣсами непроходимыми, безъ дорогъ и сообщеній. Рѣдкіе города суть не иное что, какъ укрѣпленные станы; немногіе изъ нихъ, при великихъ рѣкахъ стоящіе, оживлены торговлею. Народы, населяющіе сіи пустыни, чужды другъ-другу. Трудность сообщеній препятствуетъ быстрому дѣйствію воли властителей. Нравы дики, и самое вліяніе христіанства мало еще ощутительно: одна правительственная сила его дѣйствуетъ, но сила нравственная почти ничтожна. И могло ли быть иначе въ сіи первые вѣка грубаго гражданства? Въ сіи вѣка то же самое представляетъ намъ и вся остальная Европа. Ярославъ, умирая, дѣлитъ Россію, но могъ ли онъ не раздѣлить ея? Какъ *собственность*, она принадлежитъ сыновьямъ его по праву, а чистое понятіе о *благѣ народномъ* еще не существуетъ. Среди кровавыхъ междоусобій, подъ игомъ иноземнаго рабства, подъ гнетомъ образовательныхъ бѣдствій, посылаемыхъ испытующимъ Промысломъ, опредѣлено ему родиться и созрѣть, дабы, наконецъ, озаривъ душу Петра и Екатерины, даровать прямое достоинство русскому народу.

II. 1054—1237.

Вмѣстѣ съ Ярославомъ древняя Россія погребаетъ свое могущество и благосостояніе. Государство раздѣлено; великое княжество съ двумя столицами, богатымъ Кіевомъ и полусвободнымъ Новымъ-городомъ, отдано Изяславу; подъ нимъ владычествуютъ: въ Черниговѣ Святославъ, въ Переяславлѣ Всеволодъ, въ области Смоленской Вячеславъ, во Владимірѣ Игорь, въ Полоцкѣ Всеславъ. Первыя десять лѣтъ проходятъ въ грозномъ, предвѣщающемъ бурю, спокойствіи, встревоженныя однимъ появленіемъ дикихъ половцевъ, которые, поработивши менѣе дикихъ печенѣговъ, ставятъ безчисленныя вѣжи свои на пространныхъ степяхъ отъ южнаго Буга до Волги. Всеславъ Полоцкій первый подымаетъ знамя войны междоусобной: онъ разбилъ на Нѣманѣ, гдѣ, по словамъ древняго пѣснопѣвца, *стлали снопы головами, молотили цѣпами, жизнь на току клали, вѣяли душу отъ тѣла*; но его предательское заключеніе въ оковы отмщено и пораженіемъ на Альтѣ, гдѣ Ярославичи постыдно разбиты ордами половцевъ, бунтомъ кіевскимъ, возведшимъ Всеслава изъ темницы на тронъ великокняжескій и бѣгствомъ Изяслава въ Польшу. Скоро изгнанникъ возвратился съ ляхами; Всеславъ бѣжитъ въ свою очередь, и Кіевъ, окровавленный звѣрскою свирѣпостію Мстислава, съ покорностію пріемлетъ возстановленнаго великаго князя. Но, кроткій сердцемъ, онъ слишкомъ слабъ для утвержденія власти державной и сею бѣдственною слабостію пользуется властолюбивый братъ его Святославъ Черниговскій: обольстивъ слабодушнаго Всеволода Переяславскаго, онъ соединяется съ нимъ на вторичное низверженіе князя.—Ярославовъ завѣтъ нарушенъ, великокняжеское достоинство поругано; Изяславъ изгнанъ. Ограбленный Болеславомъ Польскимъ, безполезно обласканный императоромъ Генрихомъ IV (который самъ скоро потомъ осужденъ бороться съ подобнымъ бѣдствіемъ), онъ напрасно прибѣгаетъ къ посредничеству могущественнаго папы Григорія VII, малодушно суля ему за потерянный тронъ свой покорность Россіи духовному владычеству Рима. Смерть похитителя возвращаетъ вѣнецъ изгнаннику: Всеволодъ встрѣчаетъ его съ миромъ и живые братья дѣлятъ Россію на счетъ потомства умершихъ. Князья обдѣленные, сыновья Святослава, Игоря, Владиміра и Вячеслава, собираются въ отдаленномъ Тмутараканѣ (отрѣзанномъ отъ Россіи степями половецкими) и тамъ, замышляя добыть оружіемъ наслѣдіе отцовъ своихъ, научаются необходимостію дружиться съ дикими варварами на разореніе отечества. Первый Олегъ, по словамъ древняго пѣвца, *ступя въ златый стремень въ Тмуторокань, начинаетъ мечемъ крамолу ковать и стрѣлы по землѣ сѣять; тогда повсюду возрастаетъ усобица, и въ княжескихъ распряхъ сокращается вѣкъ человѣческій: на поляхъ оратаи рѣдко перекликаются; граютъ одни враны и галки рѣчь свою говорятъ, слетаяся на добычу.* Соединенный съ Борисомъ Вячеславичемъ, Олегъ вводитъ въ нѣдра отечества толпы половецкія: Черниговъ взятъ, окрестныя области опустошены; но Изяславъ, не памятуя зла, заступается за брата Всеволода, нѣкогда его изгнавшаго; вмѣстѣ съ нимъ и съ сыномъ его Мономахомъ, уже знаменитымъ, онъ поражаетъ хищниковъ; Борисъ падаетъ въ битвѣ; Олегъ уходитъ обратно въ Тмутаракань, а Изяславъ платитъ жизнію за побѣду, и тронъ великокняжескій достается Всеволоду. Въ сіе княженіе братство иноковъ, поселившихся вокругъ пещеры святого Антонія, основываетъ монастырь Печерскій; первымъ игуменомъ его избранъ Варлаамъ, внукъ знаменитаго Вышаты, а вторымъ св. Ѳеодосій, законодатель всѣхъ монастырей россійскихъ.

Правленіе Всеволода, не имѣвшаго дара властвовать, ознаменовано мятежами князей обдѣленныхъ: Олегъ съ братомъ Романомъ снова наводитъ половцевъ на Россію; но Романъ погибаетъ отъ свирѣпыхъ своихъ союзниковъ, а Олегъ насильно отвезенъ ими въ Грецію. Онъ скоро возвращается и отнимаетъ Воспорскую область у завладѣвшихъ оною Володаря и Давида. Послѣдній, захвативъ Олешье, грабитъ берега Днѣпра, но успокоивается, получивъ въ удѣлъ Дорогобужъ-Волынскій, къ коему скоро присоединенъ Владиміръ, утраченный возмутившимся Ярополкомъ, младшимъ сыномъ Изяслава, который падаетъ отъ меча убійцы; а съ утвержденіемъ мужественныхъ Ростиславичей въ Перемышлѣ и Теребовлѣ начинается знаменитая впослѣдствіи Галицкая область. Побѣды Мономаха надъ половцами, на берегахъ Роси и Хороля, даютъ нѣкоторый блескъ ничтожному времени Все-

волода, который, совершенно разслабленный духомъ въ послѣдніе годы свои, *не государь, а тѣнь государя,* предаетъ свои области на произволъ тіуновъ и вельможъ, хищныхъ подобно половцамъ, и, наконецъ, умираетъ, уважаемый однимъ только великимъ своимъ сыномъ.

Мономахъ, сильный любовію народа и славою побѣдъ, могъ бы сѣсть на престолъ отца своего; но жертвуетъ властію святости права, и великокняжеское достоинство получаетъ старшій въ родѣ Святополкъ-Михаилъ, князь безъ добродѣтелей, вѣроломный, корыстолюбивый, надменный въ счастіи, малодушный въ бѣдствіи, и Россія могла бы погибнуть въ его княженіе, взволнованное междоусобіями, когда бы не сохранила ее сильная рука Мономаха. Олегъ, пользуясь несчастіемъ князей, разбитыхъ половцами, снова соединяется съ толпами сихъ варваровъ и подступаетъ къ стѣнамъ Чернигова, своей отчины; тамъ княжитъ Мономахъ; онъ страшится кровопролитія, и, сказавъ: *да не радуются враги отечества!* добровольно отдаетъ Черниговъ Олегу, а самъ удаляется въ наслѣдственный Переяславль, упраздненный погибелью брата его Ростислава. Но спокойствіе не водворяется. Съ одной стороны свирѣпствуютъ половцы: войско русскихъ князей, соединенныхъ Мономахомъ на спасеніе отечества, входитъ въ ихъ степи и тамъ наноситъ имъ первый сильный ударъ; но славу сей побѣды затмеваетъ предательное убіеніе вождей половецкихъ. Съ другой стороны мятежный Олегъ воюетъ съ сыновьями Мономаха, изъ коихъ одинъ, Изяславъ, падаетъ въ битвѣ, наказанный за неправедное хищничество; а другой, мужественный, благородный Мстиславъ, побѣдитель Олега, самъ ходатайствуетъ за побѣжденнаго и миритъ его, наконецъ, съ отцомъ своимъ. Созванные Мономахомъ князья собираются на торжественномъ съѣздѣ въ Любечѣ, мирно разсуждаютъ о средствахъ успокоить Россію, разстаются друзьями, и миръ сей немедленно нарушенъ дерзкимъ предательствомъ: ослѣпленіе добраго, великодушнаго Василька приводитъ въ ужасъ Россію, снова загорается междоусобіе; Ростиславичи мстятъ за брата; самъ палачъ его Святополкъ возстаетъ на сообщника своего Давида; наконецъ, новый княжескій съѣздъ въ Кіевѣ производитъ новый, болѣе постоянный миръ, и все могущество князей, воспламеняемыхъ Мономахомъ, опять обращается на хищныхъ половцевъ: два знаменитыхъ похода во внутренность степей ихъ ознаменованы побѣдами; варвары приведены въ трепетъ; но съ сего времени далекій Тмутаракань, оставленный имъ въ жертву, навсегда исчезаетъ для Россіи.

Призванный кіевлянами на престолъ, упразднившійся по смерти Святополка, Мономахъ вторично являетъ примѣръ смиренія и правдолюбія, отказавшись отъ власти верховной въ пользу старшаго рода Святославичей; но убѣжденный и бунтомъ народа и произвольнымъ согласіемъ князей, его уважающихъ, онъ возлагаетъ на себя вѣнецъ великокняжескій. Его княженіе подобно великой душѣ его, благостной и твердой: грозно для враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и мирно для отечества, отдыхающаго подъ его державою. Сыновья его одерживаютъ побѣды въ Ливоніи, поражаютъ болгаровъ и половцевъ; сама Греція трепещетъ его оружія, и знаменитый Алексій Комнинъ спѣшитъ почтить его дарами: онъ присылаетъ ему вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха. Предупрежденный во гробъ и горделивымъ Олегомъ, мирнымъ въ его княженіе, и кроткимъ братомъ его Давидомъ, и мужественными сыновьями Ростислава, *славный благими нравами и побѣдами за русскую землю*, онъ умираетъ, оставивъ Россію сыну, достойному отца, и память его долго живетъ въ благородной любви народной; спустя болѣе вѣка по смерти его, говоритъ сѣтующій о немъ пѣвецъ: *а стараго Владимира нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ!* И Провидѣніе, какъ бы награждая добродѣтели прадѣда въ самыхъ отдаленныхъ внукахъ, бережетъ потомство его среди всѣхъ ужасовъ, ниспосланныхъ имъ на наше отечество: изъ племени Мономаха исходятъ всѣ великіе мужи древней Россіи; одни, ея ободрители въ бѣдствіяхъ, *свѣтоносцы во мракѣ*, стоятъ за нее твердо и мужественно борятся съ губящею ее судьбою; другіе, болѣе счастливые, на прахѣ первыхъ, на краеугольномъ камени самодержавія зиждутъ ея дорого-купленное величіе.

Мстиславъ Владимировичъ, прозванный ***Великимъ*** и достойный сего наименованія, княжитъ слишкомъ недолго къ несчастію Россіи. Побѣдитель половцевъ, загнанныхъ его оружіемъ далеко за Волгу, смиритель внутреннихъ междоусобій, завоеватель отдѣлившагося отъ державы россійской княженія Полоцкаго (коего безпокойные князья, взятые въ плѣнъ, высланы въ Грецію), онъ властвуетъ, какъ Мономахъ; но до гроба оплакиваетъ единственную вину свою, нарушеніе завѣта отцовскаго: ***давши клятву, хранить ее.*** Верховный судія князей удѣльныхъ, онъ не даетъ управы прибѣгающему подъ защиту его Ярославу Черниговскому: Всеволодъ, хищникъ Чернигова, не наказанный, сохраняетъ свою добычу, а Ярославъ оканчиваетъ дни свои въ Муромѣ, который вмѣстѣ съ Рязанью достается его сыновьямъ, и съ того времени начинаются особенныя княженія Рязанское и Муромское.

Съ кончиною Мстислава угасаютъ послѣдніе свѣтлые дни древней Россіи. Слабая рука Ярополка не можетъ соединить распадающейся державы. Съ одной стороны мятежные Ольговичи начинаютъ сію столь безславную въ лѣтописяхъ нашихъ борьбу съ Мономаховымъ домомъ, полезную для однихъ грабительствовавшихъ вмѣстѣ съ ними половцевъ и длившуюся болѣе вѣка; съ другой новгородцы, похитивъ съ изгнаніемъ Всеволода (присвоеннаго отдѣлившимся отъ нихъ Псковомъ) неограниченное право избранія посадниковъ, стѣсняютъ верховную власть князей своихъ, которые съ сего времени становятся жалкимъ игралищемъ народнаго буйства, и мостъ черезъ Волховъ обращается въ поприще боя, на которомъ, при громѣ вѣчевого колокола, бунтующая чернь мечомъ добываетъ управу; наконецъ, возрождается и уничтоженное Мстиславомъ княжество Полоцкое, дабы на западномъ углу Россіи, среди обширнаго волненія мятежей всеобщихъ, быть непрестанно добычею частныхъ междоусобныхъ разбоевъ.—И уже по смерти Ярополка, княжившаго не болѣе семи лѣтъ, Ольгово племя похищаетъ (на столько же времени) престолъ Мономаховъ. Завладѣвшій имъ Всеволодъ Ольговичъ, мятежный и хитрый, но воинъ искусный и государь твердый, примиреніемъ съ сыновьями и братьями великаго Мстислава утверждаетъ за собою власть верховную. Одинъ Георгій Суздальскій остается непримиримымъ. Между тѣмъ, новогородцы, колеблясь между потомками Олега и Мономаха, играютъ князьями своими и прихотливыми ихъ избраніями, ссылками, заточеніями, питаютъ пламень междоусобія. Тогда же является новый врагъ на юго-западѣ: Владимирко, воинственный государь, непримиримый въ злобѣ, надежный въ союзѣ, хищничествомъ созидаетъ княжество Галицкое; ограбленный имъ Іоаннъ Берладникъ находитъ убѣжище въ Кіевѣ и ссоритъ съ нимъ великаго князя. Одолѣвъ его въ первой войнѣ, Всеволодъ начинаетъ другую и, не окончивъ ея, умираетъ, утвердивъ клятвою князей и бояръ престолъ великокняжескій за братомъ своимъ Игоремъ. Но хилый Игорь остается на немъ не болѣе пятнадцати дней: любовь народная къ Мономахову племени, наглые грабежи любимцевъ княжескихъ, медлительность союзниковъ, измѣна бояръ и войска предаютъ его плѣнникомъ въ руки Изяслава: съ престола черезъ темницу вступаетъ онъ въ келью схимника и скоро потомъ погибаетъ въ бунтѣ народномъ, а Изяславъ, мимо дядей своихъ Вячеслава и Георгія, восходитъ на тронъ Мономаховъ.—Сей мужественный князь, который въ лучшія времена былъ бы красою престола и славою отечества, долженъ, въ немногіе годы своего княженія, не властвовать, а только бороться за тронъ свой съ врагами, отвсюду его оса-

ждающими. Здѣсь—Давидовичи и Ольговичи, то враждующіе за него между собою, то соединенные противъ него съ безпокойнымъ, медлительнымъ, вѣроломнымъ Георгіемъ, который одинъ изъ потомковъ Мономаховыхъ для выгодъ властолюбія осрамляетъ себя союзомъ съ грабителями половецкими; тамъ—мужественный Владимирко-Галицкій, вѣрный союзникъ Георгія, и умный сынъ его Ярославъ долго препятствуютъ Изяславу утвердиться на тронѣ. То побѣдитель, то побѣжденный, то князь, то изгнанникъ, онъ, наконецъ, одолѣваетъ непримиримаго Георгія Суздальскаго и удерживается въ Кіевѣ, опершись на право старшаго дяди, благодушнаго Вячеслава который, будучи призванъ имъ на престолъ отцовскій, себя именуетъ великимъ княземъ, а племяннику уступаетъ дѣйствительное владычество. Но побѣдивъ, наконецъ, опаснаго Владимирка, который, давши обѣтъ сохранять миръ, нарушаетъ его и наказанъ внезапною смертію за дерзкую насмѣшку надъ святынею клятвы, онъ долженъ, послѣ войны съ его сыномъ, готовиться къ новой войнѣ съ Георгіемъ и умираетъ въ силѣ мужества, оплаканный народомъ, съ прекраснымъ именемъ *царя славнаго, господина добраго, отца своихъ подданныхъ*.—Ростиславъ Смоленскій, призванный кіевлянами на престолъ своего брата, долженъ немедленно вооружиться противъ Черниговскаго Изяслава, замышляющаго похитить верховное владычество: схоронивъ умершаго внезапно Вячеслава, великаго князя однимъ только именемъ, онъ соединяется съ племянникомъ, мужественнымъ Мстиславомъ и идетъ на врага своего, но, устрашенный его силою, оскорбляетъ пылкаго союзника постыднымъ и безуспѣшнымъ предложеніемъ мира, и войско его бѣжитъ, еще до битвы обезоруженное малодушіемъ своего князя. Кіевляне зовутъ Изяслава, но Георгій уже приближается къ Кіеву съ суздальскими дружинами и половцами: Изяславъ уступаетъ силѣ и праву; а Георгій, наконецъ, достигнувшій цѣли безпокойнаго властолюбія, для коей столь долго мутилъ и предавалъ на разграбленіе отечество, княжитъ не болѣе двухъ лѣтъ, и эти два года возмущены тревогами вражды съ князьями, новогородскимъ бунтомъ, половецкими разбоями. Смерть застаетъ его, угрожаемаго войною, но беззаботно веселящагося на пирѣ, и народъ наказываетъ его бездыханный трупъ за бѣдствія отечества, за посрамленіе Мономаховой чести союзомъ съ ненавистными варварами. Князь безславный, Георгій, памятенъ Россіи, какъ строитель Москвы, какъ образователь сѣвера, гдѣ долго объ немъ говорили и поля обработанныя, и лѣса, прорѣзанные дорогами, и многіе города, имъ основанные: Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій, которыхъ имена утѣшали его воображеніе воспоминаніемъ о любимыхъ странахъ полуденныхъ.—Изяславъ Черниговскій, коимъ опять на два года было устранено Мономахово племя отъ престола великокняжескаго, теряетъ все въ несчастной войнѣ за Берладника съ Галицкимъ Ярославомъ. Онъ бѣжитъ, и Ростиславъ (тогда уже старшій въ Мономаховомъ родѣ) снова на тронѣ. Тщетно изгнанникъ, переходя изъ области въ область, грабительствуетъ вмѣстѣ съ союзными половцами, вспомоществуемый подобно ему безпріютнымъ Берладникомъ; тщетно призываетъ на помощь Андрея Суздальскаго, который еще въ смутныя времена отца своего, славный уже подвигами мужества, удалился въ сѣверную свою область, и тамъ, далеко отъ тревогъ междоусобія въ тишинѣ созидалъ могущество Владимира, скоро потомъ ниспровергнувшее Кіевъ: довольный покорностію Новагорода, который пріемлетъ отъ руки его князя, Андрей съ равнодушіемъ смотритъ на распри князей южныхъ, благопріятныя замысламъ его властолюбія. Тогда съ толпами своихъ половцевъ и съ дружинами князя Черниговскаго, Изяславъ осаждаетъ въ Бѣлгородѣ великаго князя, но разбитый Мстиславомъ и венграми, бѣжитъ и гибнетъ отъ руки простого воина безъ славы, оплаканный самими врагами своими. Гибель Изяслава губитъ Берладника; скоро послѣ него умираетъ и Святославъ Ольговичъ, знаменитый любовію къ брату, несчастному Игорю, постоянный врагъ Мономаховичей, но всегдашній союзникъ Георгія; смерть его очищаетъ мѣсто другому Святославу, который, мятежный и коварный, какъ отецъ его Всеволодъ, наслѣдуетъ семейственную вражду Ольговичей къ Мономахову дому и жадность ихъ властвовать Кіевомъ. Но Кіевъ уже приближается къ концу своему: бодрый Андрей, изгнавшій братьевъ своихъ въ Грецію, побѣдитель сосѣдственныхъ болгаровъ, единовластвуя въ Суздалѣ, смотритъ съ полуподъятымъ оружіемъ на падающую столицу юга.—Пылкій и мужественный Мстиславъ Изяславичъ садится на престолъ Ростислава, умершаго въ старыхъ лѣтахъ, и, усмиривъ мятежнаго дядю Владимира (котораго право на достоинство великокняжеское уничтожено общимъ къ нему презрѣніемъ), спѣшитъ созвать князей противъ грабительствующихъ половцевъ. Союзное войско ихъ проницаетъ въ степи и тамъ на берегахъ Орели празднуетъ Пасху и побѣду; но тамъ же коварные клеветники ссорятъ съ союзниками Мстислава. Оставленный ими, онъ возбуждаетъ противъ себя негодованіе Андрея, согласившись послать своего сына Романа въ Новгородъ, озлобившій Суздальскаго князя изгнаніемъ покровительствуемаго имъ Святослава. Наступаетъ рѣшительная минута Кіева: съ войскомъ одиннадцати князей, Андреевъ сынъ, Мстиславъ, окружаетъ древнюю столицу, и въ первый разъ Кіевъ, дотолѣ всегда произвольно отворявшій врагамъ *златыя врата* свои, взятъ приступомъ; россіяне свирѣпствуютъ въ немъ, какъ половцы; дома сожжены; церкви разрушены и ограблены; Мстиславъ Изяславичъ, оставивъ жену, сына, бояръ плѣнниками въ рукахъ побѣдителей, уходитъ въ Волынію; Кіевъ, лишенный навѣки первенства между городами россійскими, отданъ Глѣбу, Андрееву брату, и бѣдный, сѣверный Владимиръ заступаетъ мѣсто древней, славной дотолѣ, богатой и великолѣпной столицы юга.

На развалинахъ Кіева утверждается могущество великаго княжества Суздальскаго или Владимирскаго. При самомъ началѣ его являются государи великіе, достойные Владимира и Ярослава, но Россія временъ ихъ уже не Владимирова, не Ярославова: разорванная на части, она представляетъ обширное, окровавленное поле битвы, по которому мчатся съ огнемъ и мечомъ опустошители, свои и чужіе. Разоряемыя области пустѣютъ; города сокрушаются; народъ, или орудіе или добыча грабителей, свидѣтель, участникъ и жертва самовольной неправды и гнуснаго вѣроломства князей, не вѣдая сладости мира, не имѣя вѣрной собственности, униженный рабствомъ, свирѣпѣетъ, теряетъ и нравы и вѣру и чувство человѣчества, и самая вѣрность его князьямъ необузданнымъ есть не иное что, какъ ненадежная покорность силѣ. И между тѣмъ... въ глубинѣ отдаленнаго востока, на степяхъ неизвѣстныхъ, кочуютъ орды татаръ: еще подвластные чуждому игу, они уже порываются сокрушить его и ждутъ Чингисхана.

Андрей, спокойно единовластвуя въ области Суздальской, повелѣваетъ и отдаленнымъ югомъ, но тамъ мятежи возрождаются непрерывно. Изгнанникъ Мстиславъ покушается добыть утраченный Кіевъ, но умираетъ, не довершивъ предпріятія, вначалѣ успѣшнаго. Мѣсто его заступаютъ бодрые Ростиславичи, новые соперники Олеговыхъ внуковъ, предводимыхъ мятежнымъ Святославомъ. Между тѣмъ, Андрей, могущественный въ Суздалѣ, замышляетъ утвердить власть свою на сѣверѣ покореніемъ Новагорода, управляемаго вопреки ему Романомъ, столь знаменитымъ впослѣдствіи: многочисленное войско подъ предводительствомъ Мстислава, разрушившаго Кіевъ, идетъ къ Новугороду и все на пути разоряетъ. Но великій Новгородъ твердо стоитъ за права свои, за честь народа, за славу предковъ—и войско Мстислава, разбитое мужествомъ ратнымъ и чудомъ небеснымъ, обращается въ бѣгство; что не взято въ плѣнъ, то гибнетъ на-

возвратномъ пути отъ голода въ земляхъ, грабительствомъ обращенныхъ въ пустыню. Въ сіе время Ростиславичи съ согласія Андреева господствуютъ въ Кіевѣ, но скоро союзъ между ними и Суздальскимъ княземъ разрушенъ. Возбужденный Олеговымъ внукомъ, Андрей вооружаетъ сильное войско. Ввѣренное послѣднему сыну его Георгію, оно соединяется съ дружинами Святослава Черниговскаго и имъ предводимое завоевываетъ Кіевъ; но оно покрываетъ себя стыдомъ при осадѣ ничтожнаго Вышегорода, гдѣ храбрость Мстислава Ростиславича торжествуетъ надъ безчисленными дружинами Андрея. Съ разстроенными ихъ остатками Георгій возвращается въ Суздаль, и твердый отецъ его смиряется передъ новымъ бѣдствіемъ, видя въ немъ наказаніе неба за поруганіе святыни церковной въ Кіевѣ. Южная столица отдана Ярославу Луцкому, союзнику и предателю Андрея, но постыдный миръ, заключенный имъ съ Святославомъ Черниговкимъ, побуждаетъ Ростиславичей снова прибѣгнуть къ Суздальскому князю, и снова союзъ ихъ готовъ утвердиться... но, вдругъ, Андрей погибаетъ отъ ножа любимцевъ и слугъ своихъ; Суздальская область бунтуетъ: бездыханный трупъ государя, славнаго, мужественнаго, справедливаго и до конца дней своихъ любимаго, поруганъ; ненависть народная мститъ праху властителя за насилія вельможъ его.

Сіе убійство князя едва не наноситъ смертнаго удара и юному его княжеству, столь недавно сильному, а вдругъ раздробленному; Ростиславичи племени Георгіева, нареченные князьями на Владимірскомъ вѣчѣ, враждуютъ за него съ Михаиломъ, Андреевымъ братомъ. Минутное торжество сихъ князей неопытныхъ уничтожается грабительствомъ ихъ бояръ и собственною ихъ жадностію корысти. Приведенный въ ужасъ поруганіемъ чудотворной иконы Вышегородской, безумно отданной Глѣбу Рязанскому, Владиміръ, соперникъ Ростова, призываетъ Михаила: Ростиславичи изгнаны, усмиренный Глѣбъ возвращаетъ священную свою добычу, и тишина водворяется въ Суздальской области подъ властію князя, достойнаго власти. Но онъ княжитъ не болѣе двухъ лѣтъ: на тронъ его восходитъ двадцатилѣтній Всеволодъ, третій именемъ, прославленный въ лѣтописяхъ титломъ *Великаго*.

Княженіе Всеволода начинается междоусобіемъ съ Ростиславичами сѣверными; ненависть древняго Ростова къ юному Владиміру вооружаетъ ихъ противъ великаго князя; но они побѣждены и взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ Глѣбомъ Рязанскимъ; Глѣбъ умираетъ въ темницѣ; а Ростиславичи, ослѣпленные взбунтовавшимися Владимірцами, возвращаютъ свободу и, чудомъ прозрѣвшіе, приняты Новымъ-городомъ. Раздраженный симъ своевольствомъ, Всеволодъ мститъ новогородцамъ разореніемъ областей ихъ; а они, ему въ досаду, призываютъ храбраго Мстислава Ростиславича, *всегда готоваго на дѣла великія*, который, ознаменовавъ кратковременное княженіе свое побѣдами въ Эстоніи, умираетъ, приготовляясь къ подвигамъ новымъ. Избраніе на мѣсто его сына Святославова ссоритъ великаго князя съ Олеговымъ внукомъ. Святославъ, княжившій тогда въ Кіевѣ, добровольно уступленномъ ему Ростиславичами, замысливъ изгнать ихъ изъ всѣхъ городовъ Днѣпровскихъ, начинаетъ войну и съ ними и съ великимъ княземъ; но Всеволодъ, встрѣтивъ его въ Суздальской области, одерживаетъ побѣду безъ сраженія и Святославъ удаляется въ Новгородъ, гдѣ принятъ какъ побѣдитель, а въ области Днѣпровской, гдѣ за враждующихъ князей съ обѣихъ сторонъ дерутся наемники ихъ половцы, Кіевъ попрежнему остается за Святославомъ, а Ростиславичи удерживаютъ города Днѣпровскіе. Покорность Новагорода, снова признавшаго верховную власть Всеволода, миритъ его съ Святославомъ. Тогда оружіе южныхъ князей обращается противъ общихъ враговъ: они одерживаютъ знаменитую побѣду надъ половцами на берегахъ Орели. Но сія побѣда возбуждаетъ завистливое самолюбіе неучаствовавшихъ въ ней князей Сѣверскихъ. Игорь, неустрашенный затменіемъ солнечнымъ, которое *тьмою путь ему прегородило*, *вступаетъ въ златое стремя*, спѣша *къ Дону великому*, дабы *преломить копье конецъ поля половецкаго и испить шеломомъ Дона*. Къ нему присоединяется удалый братъ его Всеволодъ, *ярь туръ* въ битвѣ, съ дружинами курянъ, *отважныхъ кметей*, *подъ трубами повитыхъ*, *подъ шеломами взлельянныхъ*, *концомъ копья вскормленныхъ*, *скачущихъ по полю сѣрыми волками*, *ища себѣ чести*, *а князю славы*. Отваженные побѣдою въ первой битвѣ, князья русскіе неосторожно вступаютъ въ глубину степей: *дремлетъ храброе гнѣздо Олегово*, *далеко залетѣвъ*, и половцы бѣгутъ имъ навстрѣчу *неготовыми дорогами*, стекаясь, *отъ Дона*, *отъ моря*, *отъ всѣхъ странъ*. Князья съ дружинами окружены: *варвары крикомъ поля преграждаютъ*, *а витязи русскіе щитами червленными*; наконецъ, начинается бой отчаянный, продолжавшійся три дня: *съ утра до вечера*, *съ вечера до свѣта летаютъ стрѣлы каленыя*, *гремятъ сабли о шлемы*, *трещатъ булатныя копья*, *черна земля подъ копытами залита кровію*, *костями посѣяна*; *на третій день падаютъ знамена Игоревы: недостаетъ вина кроваваго*, *и русскіе храбрые воины*, *пиръ докончивши и сватовъ попоивши*, *кладутъ свои головы за русскую землю*, *а Игорь*, *разлучившійся съ милымъ братомъ Всеволодомъ на брегѣ быстрой Каялы*, вмѣстѣ съ нимъ и сыномъ отведенъ плѣнникомъ въ Половецкую землю. Скоро послѣ сего народнаго бѣдствія умираетъ Святославъ, состарѣвшій въ мятежахъ и коварствѣ, непостоянный въ союзѣ, врагъ чужихъ, своихъ и отечества для выгоды личной, но государь умный, цѣломудренный, трезвый и по наружности христіанинъ усердный. По смерти его снова загорается война междоусобная между Ростиславичами, овладѣвшими Кіевомъ (имъ помогаетъ великій князь), и Святославовымъ братомъ Ярославомъ (съ нимъ соединяется Романъ Волынскій); но миръ особенный, заключенный не въ пользу Ростиславичей Всеволодомъ, который никого изъ враждующихъ не хочетъ усилить успѣхомъ, и смерть самого Ярослава прекращаетъ войну сію. И сей миръ скоро опять нарушенъ: Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, беретъ Кіевъ и оскорбляетъ самого великаго князя изгнаніемъ сына его изъ южнаго Переяславля. Всеволодъ подымаетъ оружіе; но не дошедъ съ войскомъ до Москвы, съ пути на Черниговъ, вдругъ обращается на Рязань: ввергнувъ въ оковы князей Рязанскихъ, обвиненныхъ въ предательствѣ, онъ разрушаетъ упорствующій Пронскъ и однимъ ударомъ присвоиваетъ себѣ всю Рязанскую область. Между тѣмъ Всеволодъ Чермный усмиренъ и Рюрикъ, Ростиславичъ снова въ Кіевѣ; но онъ уступаетъ его добровольно Чермному, беретъ въ замѣну Черниговъ и миръ утвержается между Ростиславичами, Олеговымъ родомъ и великимъ княземъ. Въ сіе время Новгородъ, дотолѣ безусловно покорный владычеству Всеволода, смирившаго, наконецъ, буйное вѣче, дерзновенно свергаетъ власть его и отдается Мстиславу, сыну *Храбраго* и столь же храброму. Всеволодъ, благоразумно умѣренный, избѣгаетъ новой войны, не мститъ новогородцамъ и остается въ согласіи съ Мстиславомъ. Наконецъ, сей великій государь умираетъ не въ глубокой старости, княживши болѣе 35 лѣтъ, твердо и счастливо, *не обинуясь лица сильныхъ и не туне*, *нося мечъ ему Богомъ данный*, благій для добрыхъ, строгій для злыхъ, иногда жестокій во мщеніи, въ битвахъ мужественный, въ каждой побѣдитель, но и въ мужествѣ всегда осторожный, наконецъ, могущій единовластитель въ своей области, если не въ цѣлой Россіи, *сильный веслами Волгу раскропить и шеломами Донъ вычерпать*. Въ гнѣвѣ на старшаго сына своего Константина онъ предъ смертію отдаетъ престолъ второму сыну Георгію и тѣмъ поселяетъ несогласіе между братьями.

Въ его знаменитое княженіе (коимъ утвердилось

могущество сѣвернаго Владимира, а сану великокняжескому возвращено утраченное уваженіе), происходятъ великія перемѣны въ области Галицкой. По долгомъ счастливомъ правленіи умираетъ Ярославъ галицкій, прозванный за умъ и за краснорѣчіе *Осмомысломъ*, одинъ изъ достойнѣйшихъ государей своего времени, умѣвшій постигнуть, что государство внутреннимъ устройствомъ надежнѣе утверждается, нежели силою воинскою, другъ тишины, но всегда готовый къ войнѣ, которую велъ не самъ, а черезъ бояръ своихъ, увѣренный, что для государя дѣла гражданскія *важнѣе военныхъ*; наконецъ, счастливый на тронѣ, но несчастный въ семейственной жизни супругою и сыномъ. Древній пѣвецъ, обращаясь къ нему, говоритъ: *высоко сидишь ты на златокованномъ престолѣ, подперъ Угорскія горы своими полками желѣзными, заступивъ путь королю, затворивъ Дунаю ворота; грозы твои по землямъ текутъ; отворяешь врата Кіеву; стрѣляешь съ отцовскаго златаго престола въ земли далекія.* Ярославовъ развратный сынъ сынъ Владиміръ, устраненный отъ престола отцомъ, но возведенный на него боярами и скоро ими низверженный, ищетъ защиты у венгровъ, находитъ одну неволю и Галицкая область покоряется Андрею, королю венгерскому. Озлобленный бунтомъ за Берладникова сына (разбитаго, плѣненнаго венграми и скоро умершаго въ плѣнѣ отъ яда), Андрей жестокимъ тиранствомъ своимъ обращаетъ народъ къ отверженному имъ Владиміру, который, спасшись бѣгствомъ изъ неволи, съ помощью ляховъ, восходитъ опять на престолъ галицкій и сохраняетъ его до смерти подъ защитою сильнаго Всеволода. Съ кончиною Владимира угасаетъ знаменитое племя галицкихъ Ростиславичей и мужественный Романъ волынскій возводитъ на галицкій тронъ Мономахово потомство. Государь великій, но тиранъ свирѣпый, ненавидимый боярами и народомъ, но твердый помощію ляховъ, Романъ удерживаетъ въ сильной рукѣ своей господство, дружится съ Андреемъ венгерскимъ, воюетъ во Ѳракіи съ половцами за Имперію, на Днѣпрѣ съ Ольговичами и тестемъ Рюрикомъ кіевскимъ (который имъ схваченъ и постриженъ), и, наконецъ, погибаетъ въ Польшѣ. Память о немъ долго сохраняется и въ его собственной Волынской области, гдѣ, властвуя безъ тиранства, онъ умѣлъ пріобрѣсть любовь народную, и въ земляхъ сосѣдственныхъ, испытавшихъ его оружіе и жестокость (особенно въ Литвѣ, гдѣ еще долго послѣ него жила пословица: *Романе, Романе, не добромъ живеши, литвою ореши*), и въ Галиціи, гдѣ ненависть народная къ отцу обращается на его семейство. Смерть Романа оставляетъ Галицкую землю на произволъ мятежей внутреннихъ и властолюбія сосѣдовъ, Ольговичей, поляковъ и венгровъ. Малолѣтніе сыновья его Давидъ и Василько скитаются безъ пріюта съ своею матерью, прославленною великодушіемъ въ бѣдствіи, а ихъ наслѣдіе достается князьямъ Сѣверскимъ, сыновьямъ Игоря, которыхъ безумное междоусобіе скоро предаетъ Галичъ тиранству венгровъ. Соединенные бѣдствіемъ, Игоревичи возвращаютъ престолъ и снова теряютъ его отъ своей безразсудной свирѣпости, вооружившей на нихъ всеобщую ненависть: бояре зовутъ Даніила; съ помощью Андрея венгерскаго мужественный отрокъ восходитъ на тронъ Романовъ; а сыновья Игоря (кромѣ Владимира, спасшагося бѣгствомъ), выданные измѣною венгровъ, мучительски умерщвлены мстительными боярами.

При восшествіи на престолъ Георгія Всеволодовича, освободившаго изъ заточенія князей рязанскихъ, область Владимирская является раздробленною на нѣсколько удѣловъ: между Константиномъ и Георгіемъ загорается междоусобіе, но оно скоро прекращено ненадежнымъ миромъ. Въ то время въ Новѣгородѣ владычествуетъ мужественный Мстиславъ. Къ его защитѣ прибѣгаютъ сыновья и племянники умершаго Рюрика Ростиславича, изгнанные изъ городовъ днѣпровскихъ Всеволодомъ Чермнымъ. Подобно отцу *всегда готовый на дѣла великія* Мстиславъ вооружается, идетъ на югъ съ дружинами новогородскими и смоленскими, война рѣшена однимъ ударомъ, утраченныя области возвращены Ростиславовымъ внукамъ, а Всеволодъ Чермный, изгнанный изъ Кіева, умираетъ въ Черниговѣ, оставивъ престолъ сыну Михаилу. Тогда Мстиславъ, уже давно обратившій тайные замыслы на отдаленный, мятежниками растерзанный Галичъ, удаляется въ южную Россію, ободривъ опечаленныхъ новогородцевъ обѣтомъ явиться къ нимъ по первому крику народнаго бѣдствія. Сія минута скоро наступаетъ. Ярославъ Всеволодовичъ переяславскій, зять Мстислава, призванный на его мѣсто, князь умный и бодрый, но жестокій, начинаетъ княженіе свое строгостію: поссорясь съ новогородцами, онъ удаляется въ Торжокъ и явною враждою, заточеніемъ и ссылкою многихъ гражданъ, бѣдствіемъ голода, имъ самимъ произведеннаго, доводитъ Новгородъ до отчаянія; народъ вопіетъ; князь его неумолимъ; вдругъ на дворѣ Ярославовомъ является вѣрный Мстиславъ; Новгородъ оживаетъ; знамя войны воздвигнуто и славная Липецкая битва, отмстивъ Ярославу, рѣшаетъ въ то же время и судьбу великаго княжества Владимирскаго: Георгій державшій сторону Ярослава (и вмѣстѣ съ нимъ передъ битвою въ шатрѣ своемъ раздѣлившій Россію), низверженъ, а старшій братъ его Константинъ, Мстиславовъ союзникъ, возведенъ на престолъ Владимирскій.

Сей князь благодушный, заступникъ за Ярослава передъ раздраженнымъ его тестемъ, примиренный съ Георгіемъ, который нареченъ отъ него наслѣдникомъ, властвуетъ кротко и возбуждаетъ въ князьяхъ, боярахъ, гражданахъ и своихъ домашнихъ искреннюю къ себѣ любовь; но, чуждый и справедливой строгости, оставляетъ не наказаннымъ страшное преступленіе князей рязанскихъ, Глѣба и Константина, совершившихъ разомъ шесть братоубійствъ на дружескомъ пиршествѣ, которое уготовали они для погибели своихъ родственниковъ. Избѣгнувъ суда человѣческаго, Глѣбъ не избѣгаетъ суда небеснаго: надъ нимъ совершается бѣдствіе древняго Святополка; пораженный Ингваремъ рязанскимъ, онъ бѣжитъ въ половецкія степи, но тамъ погибаетъ, обезумленный мстящею совѣстію. Константинъ, послѣ трехлѣтняго мирнаго властвованія, умираетъ оплаканный всѣмъ народомъ, и Георгій Всеволодовичъ вторично восходитъ на тронъ отца своего.

Роковое имя сего князя невольно возбуждаетъ въ душѣ благоговѣйный трепетъ: оно говоритъ о ужаснѣйшемъ бѣдствіи нашего отечества, *о началѣ временъ,* передъ коими всѣ минувшія, столь смятенныя и тяжкія, должны казаться золотыми; оно невольно обращаетъ мысль и на судьбу всего человѣчества. Произнося его, вспоминаемъ, что въ жизни народовъ, какъ и въ жизни природы, бываютъ сіи волканическія потрясенія, коихъ никакая человѣческая мудрость ни отвратить, ни преодолѣть не въ силахъ: надолго исчезаетъ общее благоденствіе и цѣлыя столѣтія проходятъ въ бѣдствіяхъ прежде, нежели новое счастливѣйшее поколѣніе мирно расцвѣтетъ на лавѣ минувшихъ лѣтъ, надъ безмолвными остатками предковъ, ею нѣкогда поглощенныхъ. Зло порождаетъ, наконецъ, благо. И о семъ *необходимомъ*, быстромъ или позднемъ, *произрастеніи блага* на почвѣ бѣдствій, удобряемой бодрствующимъ Провидѣніемъ, утѣшительно проповѣдуетъ намъ исторія. Извлекая изъ событій свои наставленія, она говоритъ *человѣчеству*: „Ничто не зиждется слабою волею человѣка; одинъ есть вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго—*время*! Оно послушно единому Богу". Она говоритъ *властителямъ*: „Будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ: впереди, но ровнымъ шагомъ: отстанете—онъ васъ покинетъ: повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу—онъ васъ раздавитъ. Ваше могущество не въ одномъ державномъ владычествѣ—оно и въ достоинствѣ и въ благоденствіи вашего народа.

Она говоритъ *народамъ*: покорствуйте порядку; сносите съ достоинствомъ и твердостію бремя настоящаго: свергнуть его силою—есть произвольно отворить жерло волкана: лава его можетъ быть плодотворна, но для временъ отдаленныхъ; губить настоящее для пользы грядущаго есть преступленіе безумства, которое прихотливо зажигаетъ домъ свой, въ надеждѣ, что изъ пепла его воздвигнется лучшій. Наконецъ, она говоритъ *каждому*: храни святыню клятвы и закона; знай *свое* мѣсто на землѣ и стой на немъ твердо; какъ человѣкъ, образуй себя для высшаго міра и твори, что велитъ совѣсть, просвѣщенная христіанствомъ; какъ гражданинъ, совершай вполнѣ, что велитъ особенный долгъ твой; люби общее благо, но заботься только о ввѣренномъ тебѣ частномъ; тамъ нѣтъ закона, гдѣ каждый законодатель; тамъ нѣтъ свободы, гдѣ каждый властитель; гдѣ каждый на своемъ мѣстѣ покоренъ закону, тамъ и для всѣхъ совокупно нѣтъ другого властителя, кромѣ закона. Таковы совѣты исторіи, которымъ мы *властны* послѣдовать. Но она говоритъ намъ и о *неизбѣжномъ*, о такомъ, гдѣ наша воля ничто передъ высшею, все одолѣвающею силою. Она говоритъ намъ, что бываютъ времена *темныя*, въ коихъ для самаго зоркаго ока видимо одно только испытующее Провидѣніе и невидимы тайны нути его. Счастливъ властитель, счастливъ народъ, коихъ подобныя времена застаютъ неразслабленными, которые въ стремительномъ ихъ потокѣ не теряютъ ни собственнаго достоинства, ни дѣятельности бодрой, ни сладкой надежды на лучшее. Чтобъ вѣрить сему лучшему, довольно произнести одно слово: *Богъ*! Исторія человѣчества есть Богъ въ своихъ дѣйствіяхъ.—Сіи темныя времена испытанія наступаютъ для Россіи во дни Георгія Всеволодовича; но они застаютъ Россію разслабленною: нѣтъ единства, нѣтъ союза, нѣтъ нравовъ, нѣтъ истинной силы властителей, нѣтъ достоинства народнаго, нѣтъ государства. Такая Россія способна ли устоять передъ нашествіемъ великаго бѣдствія, и что должно съ нею совершиться, когда сіе великое бѣдствіе одолѣетъ ее?

Въ началѣ Георгіева княженія мы видимъ храбраго Мстислава еще княземъ новогородскимъ; но скоро онъ опять удаляется въ южную Россію, призванный бѣдствіями Галицкой области. Тамъ бунтуютъ мятежные бояре; юноша Даніилъ лишенъ престола; великодушная мать его должна спасаться бѣгствомъ; венгры, поляки (другъ-другу завидующіе, но согласные въ намѣреніи задушить рождающееся могущество Галича), Мстиславъ Нѣмый, Александръ Бѣльскій и вельможа галицкій Владиславъ волнуютъ и рвутъ на части бѣдную область; наконецъ, съ общаго согласія она отдана Коломану венгерскому; поляки получаютъ свои участки, а сыновья Романовы ограничены удѣлами въ Волыніи: миръ возстановленъ, но скоро опять нарушенъ утѣсненіемъ вѣры народной и враждою Андрея съ Лешкомъ польскимъ, который, утративъ галицкіе удѣлы свои, обращается, наконецъ, къ Мстиславу новогородскому, дабы его мужествомъ сокрушить владычество венгровъ. Мстиславъ является, быстро завоевываетъ Галичъ, усыновляетъ Даніила, отдавъ за него свою дочь; но скоро долженъ воевать съ соединившимися противъ него ляхами и венграми, спачала побѣжденъ, потомъ, усиленный союзомъ съ половцами, одерживаетъ рѣшительную побѣду, беретъ въ плѣнъ самого Коломана и (болѣе воинъ, нежели политикъ), повѣривъ хитрымъ совѣтамъ вельможи Судислава, заключаетъ миръ, выгодный для одного побѣжденнаго короля венгерскаго, коего малолѣтнему сыну обѣщана въ супружество другая дочь Мстислава и вмѣстѣ съ нею, какъ приданое, вся Галицкая область.

Между тѣмъ Новгородъ, покинутый мужественнымъ княземъ своимъ, борется со внутренними неустройствами и съ нападеніями враговъ внѣшнихъ. Еще во время Всеволода Великаго, по слѣдамъ Мейнгарда, перваго латинскаго проповѣдника и строителя первой латинской церкви въ Ливоніи, является тамъ властолюбивый Албертъ, воинъ-епископъ, основатель Риги и ордена меченосцевъ. Южная Ливонія покорена мечомъ кресту; Албертъ раздѣляетъ ее съ своими рыцарями признающими верховную власть его, и вездѣ воздвигаются крѣпкіе зáмки воинственныхъ поборниковъ вѣры. Съ другой стороны являются литовцы, дотолѣ данники Россіи, теперь враги опасные, возмужавщіе въ бѣдственныхъ ея междоусобіяхъ. Тогда же на берегахъ сѣверной Эстоніи утверждаются датчане, коихъ мужественный король Вальдемаръ строитъ Колывань или Ревель, и грабительствуютъ шведы, уже испытавшіе силу новогородцевъ, которые, приставъ къ берегамъ Швеціи недалеко отъ Стокгольма, разрушили до основанія городъ Одиновъ—Сигтуну. Принужденные бороться съ сосѣдами сильными, новогородцы призываютъ, наконецъ, своего бывшаго врага, Ярослава Всеволодовича, который вноситъ войну въ сѣверную Ливонію, гдѣ продолжаютъ свирѣпствовать шведы и датчане, и гдѣ, наконецъ, отчаяніе народа, вспыхнувшее въ общемъ бунтѣ, ниспровергаетъ Спасителевъ крестъ, водруженный кровавымъ мечомъ враждующихъ между собою пришельцевъ.

Въ сіе-то смутное время, въ первый разъ, въ 1224 году, по всей Россіи раздается слухъ о татарахъ. Орды монголовъ, дотолѣ таившіяся въ отдаленной Азіи подъ игомъ татаръ-ніучей, но вдругъ освобожденные сильною рукою Чингисхана и вмѣстѣ съ нимъ непобѣдимые, подъ грознымъ именемъ монголо-татаръ, быстро завоевываютъ все необъятное пространство Азіи отъ Аральскаго моря до Инда. Еще громъ распадающихся царствъ не достигъ до Россіи, беззаботно терзающей свою внутренность, а Чингисхановы завоеватели уже проникаютъ сквозь ущелья Кавказа, и, побѣдивъ антовъ, преслѣдуя половцевъ, подходятъ къ южнымъ ея предѣламъ. Ея князья, взволнованные ужасомъ бѣглецовъ половецкихъ, безразсудно вступаются за прежнихъ грабителей земли русской. Со всѣхъ сторонъ изъ южной Россіи (преступно оставленной на произволъ судьбы великимъ княземъ) сходятся войска на берега Днѣпра. Умерщвленіе пословъ татарскихъ рѣшитъ войну, а гибельное честолюбіе вождя, Мстислава галицкаго, который одинъ хотѣлъ схватить побѣду, и бѣгство малодушныхъ половцевъ—рѣшитъ плачевную битву на Калкѣ. Русское войско съ шестью князьями истреблено; Мстиславъ и вѣрный сподвижникъ его Даніилъ спасаются бѣгствомъ въ Галичъ, а ополченіе татаръ (коего вожди, сидя на плѣнныхъ, раздавленныхъ подъ досками, князьяхъ, празднуютъ на полѣ битвы побѣду) преслѣдуетъ бѣгущихъ до Днѣпра, но вдругъ обращается на востокъ и исчезаетъ, какъ страшное привидѣніе.

Сей громовой ударъ остерегающаго Промысла пробудилъ ли Россію? Нѣтъ! увлекаемые рокомъ, ея князья безумными распрями продолжаютъ изнурять силы свои, столь нужныя для отраженія вооружающагося на нихъ поработителя. Бунтующій Новгородъ, принужденный сражаться съ ливонскими рыцарями и отбивать нападенія литовцевъ, болѣе и болѣе дерзкихъ, опустошаемый голодомъ и моромъ, колеблющійся между враждующими за него Ярославомъ Всеволодовичемъ и Михаиломъ черниговскимъ, наконецъ, остается во власти перваго, который скоро потомъ, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, повѣряетъ его юному сыну Александру, столь знаменитому впослѣдствіи. Между тѣмъ въ Галицкой области горитъ война. Мстиславъ, ея обладатель, ссорится съ нареченнымъ зятемъ, Андреевымъ сыномъ, и, побѣдивъ его, снова неблагоразумнымъ миромъ теряетъ всѣ выгоды побѣды: супружество Мстиславовой дочери съ побѣжденнымъ княземъ утверждаетъ за венграми Галицкую область. Черезъ нѣсколько времени Мстиславъ умираетъ, горько раскаиваясь въ несправедливости къ пренебреженному имъ Даніилу. Сей бодрый князь оружіемъ добываетъ Галичъ, беретъ въ плѣнъ Андрея, великодушно возвращаетъ ему свободу, но, одолѣвши брата его Белу, самъ, побѣжденный коварствомъ бояръ и хитрымъ сосѣдомъ Алексан

дромъ Бельзскимъ, принужденъ уступить Андрею престолъ, и снова по смерти Андреевой на него восходитъ, избранный, вопреки боярамъ, любовію народа. Но онъ владычествуетъ недолго: пораженный половцами въ несчастной войнѣ съ Михаиломъ черниговскимъ за кіевскаго князя Владимира (взятаго варварами въ плѣнъ), онъ теряетъ и Галичъ, завоеванный Михаиломъ. Напрасно предлагаетъ онъ союзъ и покорность венгерскому королю Белѣ, наслѣднику Андрея: раздробленіе Галицкой области полезнѣе венграмъ союза съ единовластными князьями ея, и Михаилъ остается въ Галичѣ, а сынъ Романовъ принужденъ довольствоваться однимъ Перемышлемъ.

Такъ проходятъ тринадцать лѣтъ послѣ кровавой битвы на Калкѣ. Между тѣмъ Чингисханъ умираетъ. Октай, его сынъ, наслѣдуетъ могущество и завоевательные замыслы отца своего. Посланный имъ Батый съ тремя стами тысячъ монголовъ идетъ къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря и скоро потомъ приближается къ Волгѣ. Ниспровергнувъ столицу болгаровъ, онъ быстро вторгается въ предѣлы Россіи. Первою жертвою варваровъ становятся южныя области Рязани, преданной имъ виновною беззаботностію Георгія: Пронскъ, Бѣлгородъ, Изяславецъ истреблены; Рязань погибаетъ вмѣстѣ со своимъ княземъ и всѣмъ народомъ. Батый, изумленный мужествомъ Евпатія, напавшаго съ горстію храбрыхъ на все его ополченіе, устремляется къ сѣверу, поражаетъ русское войско въ Коломенской битвѣ, жжетъ Москву, разрушаетъ Владимиръ (гдѣ сыновья великаго князя, Всеволодъ и Мстиславъ, гибнутъ среди дружины, а все остальное семейство его во пламени) и страшно подвигается впередъ, какъ огненная лава. Городецъ-Волжскій, Костромской Галичъ, Ростовъ, Ярославль, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій, Дмитровъ и еще четырнадцать городовъ разомъ разрушены; наконецъ, на берегахъ Сити, вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ и великимъ княземъ, погибаетъ послѣдняя надежда Россіи: плѣненный Василько зарѣзанъ и брошенъ въ лѣсу; Волокъ-Ламскій, Тверь, Торжокъ сожжены; Новгородъ ждетъ истребленія. Но за сто верстъ отъ сего города, устрашенный лѣсами и болотами сѣвера, Батый внезапно обращается на югъ и, уничтоживъ Козельскъ, коего мужественные жители падаютъ всѣ на трупахъ пораженныхъ ими враговъ, уходитъ къ Дону въ половецкія степи. Ярославъ Всеволодовичъ спѣшитъ изъ Кіева принять достоинство великокняжеское на развалинахъ сокрушеннаго Владимира.

Что представляется намъ, когда обращаемъ глаза на сіи неполные два вѣка, протекшіе отъ смерти Ярослава до истребительнаго Батыева нашествія? Печальное зрѣлище великой державы, влекомой самими властителями ея къ безднѣ погибели. Въ концѣ сего періода мы видимъ Россію въ совершенномъ безсиліи; но еще ни одна изъ областей ея не тронута мечомъ иноземнаго завоевателя, ибо сосѣды, хотя уже болѣе опасные, не достигли еще всего своего могущества. Еще Литва, столь грозная для нея впослѣдствіи, высылаетъ на нее однѣ нестройныя, легко отражаемыя толпы разбойниковъ; на западныхъ предѣлахъ, противъ поляковъ и венгровъ, счастливымъ случаемъ, стоятъ на стражѣ князья мужественные: Владимирко, Ярославъ, Романъ волынскій и Мстиславъ новогородскій; епископы рижскіе и меченосцы только-что начинаютъ утверждаться въ упорствующей Ливоніи; болгары, невоинственные какъ и прежде, неподвижны за Волгою; сами половцы, главные враги сего времени, ослабленные счастливыми побѣдами Мономаха и Мстислава и Всеволода, страшны однимъ грабительствомъ и союзами съ враждующими между собою князьями, а не силою завоевательною. Однимъ словомъ, еще *вся* Ярославова Россія существуетъ, а могущество ея уже исчезло.

Что утверждаетъ могущество государства? Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира. Подъ сѣнію мира мужаетъ *власть* верховная; твердою *законностію* утверждается на *частномъ* благоденствіи благоденствіе *общее*; становятся ясны взаимныя *отношенія* между государемъ и подданными: любовь и уваженіе властителя къ народу производятъ любовь и уваженіе народа къ властителю; тогда глубоко врѣзывается въ сердца и любовь къ отечеству, не то естественное чувство, коимъ лапландецъ прикованъ къ снѣжнымъ сугробамъ сѣвера, а бедуинъ къ раскаленнымъ пескамъ пустыни; но высокое чувство благороднаго гражданина, для котораго въ одно слово—*отечество*,—соединяется все, что драгоцѣнно душѣ человѣческой—и небо отчизны, и счастливая подъ нимъ страна отцовъ и братьевъ, и величіе властителя, неразлучное съ величіемъ народа, съ благоденствіемъ всѣхъ, съ достоинствомъ каждаго, и свобода, хранимая закономъ, и просвѣщеніе, болѣе и болѣе объясняющее высокое назначеніе человѣка, и религія, на все кладущая лучезарную печать свою, и въ минувшемъ славный примѣръ отцовъ, великихъ гражданскою доблестію, или мужествомъ браннымъ, или творческою мыслію, и въ настоящемъ чувство высокой, дѣятельно-полезной, ничѣмъ, не стѣсняемой жизни, и въ будущемъ спокойное ожиданіе лучшаго. Съ такой любовію къ отечеству въ душѣ государя — благоденствіе народное твердо, въ душѣ народа—могущество государя непотрясаемо.

Но что же могло породить ее въ сіи времена раздоровъ, буйнаго самовластія и неразлучнаго съ нимъ безначалія? Понятіе о благѣ народа, начинавшее разсвѣтать въ душѣ Владимира и Ярослава — которые, властвуя долго, могли постигнуть великія обязанности властителей—затмевается совершенно для ихъ послѣдователей. Князья воюютъ между собою и своими враждами разоряютъ отечество или предаютъ его на произволъ иноземныхъ грабителей. Напрасно въ сей общей битвѣ раздается примирительный голосъ Мономаха: его душа, пролетѣвшая, какъ свѣтлый призракъ благоденствія, надъ мрачнымъ полемъ бѣдствій всеобщихъ, оставляетъ одно умилительное воспоминаніе потомкамъ; но жребій отечества не измѣняется. Князья съ неограниченною, но мало надежною властію, народъ съ безусловнымъ, но часто мятежнымъ рабствомъ, соединенные безъ любви взаимной единою необходимостію, ожесточаются среди междоусобій, ежеминутно возжигаемыхъ или жаднымъ хищничествомъ, или неопредѣленностію наслѣдственнаго права, или родовою ненавистію, или прихотливымъ буйствомъ и мужествомъ безпокойнымъ. Въ семъ необузданномъ мятежѣ страстей *нравственная сила* государства исчезаетъ. Тѣнь христіанства, одинъ языкъ и общая ненависть ко врагамъ невѣрнымъ составляютъ еще слабую связь разрушеннаго государственнаго тѣла; но добродѣтели гражданскія не существуютъ: развращаемыя хищничествомъ, предательствомъ и притѣсненіями князей, ожесточаемыя ненаказаннымъ грабительствомъ бояръ и любимцевъ княжескихъ, нравы народа свирѣпѣютъ: любовь къ отечеству гаснетъ и самое безмолвное рабство нерѣдко является раздраженнымъ бунтомъ. Одно только мужество *личное* зрѣетъ; но и оно не иное что, какъ дикая удалость, питаемая корыстію или мятежнымъ желаніемъ славы. Съ нравственною силою государства разрушается и его *сила матеріальная*. Падаетъ величіе Кіева и сѣверный Владимиръ заступаетъ его мѣсто. Но сіе событіе, печальное въ настоящемъ, спасительно для будущаго. Андрей, утвердивши престолъ во Владимирѣ, предаетъ полуденную Россію на произволъ междоусобій внутреннихъ; но, оставшись въ Кіевѣ, онъ, вѣроятно, не одолѣлъ бы многочисленныхъ враговъ своихъ, а сѣверная Россія не могла бы образоваться и сдѣлаться, наконецъ, могущественно-самобытною. Удаляясь на сѣверъ, менѣе взволнованный мятежами, не столь привлекательный для жадныхъ грабителей, не угрожаемый сосѣдями сильными, онъ сосредоточиваетъ въ немъ силу великокняжескую и приготовляетъ его нѣкогда быть колыбелью *единодержавія*. Но примѣръ Андрея, постигшаго сію спасительную

мысль единодержавія, мало дѣйствуетъ на его послѣдователей: самъ Великій Всеволодъ, умѣвшій присвоить себѣ власть единую, дѣлитъ наслѣдіе Андреево между дѣтьми, неспособными властвовать; а сынъ его Георгій своею преступною беззаботностію о благѣ общемъ губитъ себя и Россію. Тогда начинается грозное испытаніе варварскаго иноземнаго рабства, продолжавшееся болѣе двухъ столѣтій.

Что же, однимъ словомъ, низвергло отечество наше въ сіе долговременное бѣдствіе? Съ одной стороны *раздробленіе* государства, которымъ уничтожалась его сила матеріальная; съ другой—несчастное *отношеніе государей къ подданнымъ*, которымъ въ самомъ зародышѣ умерщвлена была его нравственная сила. Мы увидимъ, что съ утвержденіемъ *первой* и постепеннымъ развитіемъ *послѣдней* въ могущее *самодержавіе*, Россія воскреснетъ, собственною силою возвратитъ свободу и, наконецъ, облагороженная великою душою нѣкоторыхъ государей, займетъ свое мѣсто между образованными державами Европы, дабы нѣкогда сравниться съ ними во всемъ, что составляетъ истинное достоинство всякаго государства...

(1834 г.)

ВОСПОМИНАНІЕ О К. К. МЁРДЕРѢ.

24 марта (1834 года) скончался въ Римѣ генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мёрдеръ послѣ пятидневной горячки, причиненной простудою. Покинувъ холодный климатъ петербургскій для возстановленія силъ своихъ, разстроенныхъ припадками болѣзни, уже неисцѣлимой, хотя еще не смертельной, онъ провелъ все лѣто прошедшаго года на водахъ въ Баденъ-Баденѣ; осенью переселился въ Италію, прожилъ всю зиму въ Римѣ, въ началѣ весны посѣтилъ Неаполь и, возвратившись въ Римъ, собрался ужъ послѣ Пасхи отправиться снова къ водамъ въ Германію, дабы потомъ ѣхать обратно въ Россію. Но Провидѣнію угодно было устроить иначе. Слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ генерала Мёрдера заимствованы изъ писемъ очевидца (А. В. Устинова, который на пути своемъ изъ Италіи встрѣтился съ генераломъ Мёрдеромъ въ Баденъ-Баденѣ, съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ обратно въ Италію, не отходилъ отъ него во все время послѣдней его болѣзни и имѣлъ горестное утѣшеніе закрыть глаза своему другу и благотворителю): „18-го числа, въ самый день Пасхи, пошелъ онъ на площадь св. Петра смотрѣть церемонію папскаго благословенія; былъ бодръ и веселъ, но, разгоряченный сильнымъ жаромъ того дня, вѣроятно простудился ввечеру, когда осматривалъ иллюминацію купола Базилики, ибо, возвратясь домой, почувствовалъ сильную усталость и разслабленіе, легъ въ постелю, и болѣе уже не покидалъ ея. На другой день открылась жестокая горячка. Лучшіе доктора Рима были призваны, но напрасно: ничто уже не могло спасти его. 23 марта, въ 12-мъ часу утра, пригласили пастора для причащенія его Св. Таинъ; онъ былъ въ памяти, но говорить уже не могъ, только два ручья слезъ показывали его умиленіе и святыя чувства истиннаго христіанина. Въ пять часовъ собрались доктора и рѣшили пустить ему кровь, чтобы облегчить его дыханіе; но то была слишкомъ слабая помощь. Біеніе сердца увеличивалось безпрестанно и къ полночи сдѣлалось такъ сильно, что его можно было слышать въ двухъ шагахъ; больной лежалъ неподвижно, безъ чувствъ; руки и ноги хладѣли; наконецъ, въ половинѣ перваго часа утра сердце его остановилось—онъ скончался. Лицо мертваго сохранило нѣсколько минутъ слѣды минувшихъ страданій, но скоро они изгладились: на немъ распространилось выраженіе добродушія, тихости; явилась улыбка; такимъ оно и осталось. Погребеніе совершено было 26-го марта на англійскомъ кладбищѣ, близъ Цестіевой пирамиды. Вмѣстѣ со вдовою и дочерью покойнаго и всѣ русскіе, находившіеся въ Римѣ, провожали его тѣло. У стѣны кладбища были выстроены папскіе гренадеры и драгуны. При двухстахъ выстрѣлахъ гробъ былъ опущенъ въ могилу и засыпанъ землею".

Такъ, вдалекѣ отъ отечества, кончилъ дни свои незабвенный нашъ Мёрдеръ. Изъ сорока-шести лѣтъ жизни своей посвятилъ онъ тридцать на службу государю и послѣднія десять провелъ безотлучно при особѣ его высочества наслѣдника, коего воспитаніе было ему ввѣрено. Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души,—таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опытовъ жизни,—правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстью, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его,—дѣйствіи, которое можно сравнить съ благорастворенiемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе—могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то время не пріобрѣсти и уваженія къ человѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ?

Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника Россіи на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мёрдера. Провидѣніе разлучило ихъ въ минуту, важную для обоихъ. Все земное кончилось для одного въ то время, когда другой вступилъ во храмъ для первой присяги на жизнь земную. Одинъ, при переходѣ въ лучшій міръ, простился съ здѣшнимъ, произнося свое любимое, здѣшнее имя: *Александръ, Александръ*... невнятно повторялъ тупѣющій языкъ его въ то время, когда прерывалось его дыханіе и смерть къ нему приближалась. Другой, при переходѣ изъ отрочества въ юность, встрѣченный пѣніемъ: *Христосъ воскресе*, передъ святымъ Евангеліемъ, окруженный величіями земными, произносилъ присягу свою въ такую минуту, когда надъ нимъ совершилось уже первое несчастіе жизни (тогда еще ему неизвѣстное), утрата любимаго друга. Одинъ, безпорочно исполнивъ свое земное дѣло, имѣлъ завидное счастіе заснуть сномъ смертнымъ такъ тихо, какъ младенецъ засыпаетъ сномъ колыбельнымъ; имя его чисто, и память его будетъ любима. Другой... да сохранится его жизнь навсегда въ теперешней своей непорочности; да будетъ она вся прекрасна, какъ ея утро, расцвѣтшее подъ кроткимъ вліяніемъ хранительной дружбы и чистыхъ семейственныхъ нравовъ; вся величественна и полна высокаго значенія, какъ сія первая присяга во храмѣ; да будутъ, наконецъ, и самыя испытанія, необходимо съ нею соединенныя, подобны сей утратѣ друга, услаждаемой великимъ словомъ: *Христосъ воскресе!*

(1834 г.)

ПИСЬМО КАРАМЗИНА
КЪ ГРАФУ КАПОДИСТРІЯ.

Письмо, сообщаемое мною вамъ (редактору „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія"), достойно того, чтобъ знали о немъ всѣ, кому драгоцѣнна память Ка-

рамзина: выражая прекрасную душу его, оно короче познакомить съ нимъ самимъ всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его по однимъ сочиненіямъ; въ тѣхъ же, кто имѣлъ счастіе знать его самого, оно пробудитъ трогательное, сладкое воспоминаніе. Въ концѣ этого письма онъ съ безпокойствомъ, но и съ надеждою говоритъ о болѣзни государя Александра Павловича въ Таганрогѣ и мимоходомъ упоминаетъ о печали императрицы Елизаветы Алексѣевны по случаю смерти короля Баварскаго... а въ эту минуту и государя, столь ему любезнаго, уже не было на свѣтѣ, и смертельное горе уже стремило ко гробу овдовѣвшую императрицу, и въ немъ самомъ уже начиналась та болѣзнь, которая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна была положить его въ могилу. Первое извѣстіе о кончинѣ государя принесено было ему мною: услыхавъ о ней, онъ сталъ на колѣна, поднялъ глаза къ небу, молчалъ, молился мыслію, потомъ горько заплакалъ. Но онъ и самъ уже былъ на краю гроба, когда ему сказали, что и государыня Елизавета Алексѣевна скончалась. Я желалъ бы, но не умѣю описать его въ эту минуту; желалъ бы найти выраженіе для наименованія того набожнаго, покорнаго (уже потухающаго) взгляда, который онъ, не сказавъ ни слова, поднялъ къ небу, какъ-будто провожая туда милую душу, и того движенія руки, которымъ какъ-будто передавалъ ее Всевышнему. Въ это время онъ находился въ Таврическомъ дворцѣ, куда переселили его въ началѣ весны, дабы онъ могъ свободнѣе пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Было рѣшено, что онъ отправится въ Южную Францію; былъ готовъ фрегатъ для перевезенія его въ Марсель. И онъ нимало не подозрѣвалъ, чтобы смерть его была такъ близка; онъ занимался настоящимъ, думалъ о будущемъ, думалъ о довершеніи великаго труда своего. Благодаря отеческой заботливости государя Николая Павловича, который, какъ истинный представитель своего народа, изъявилъ Карамзину въ достойной его наградѣ благодарность свою и Россіи, онъ былъ избавленъ отъ всякаго безпокойства о судьбѣ своего семейства *). Съ какою-то младенческою ясностію души онъ дѣлалъ планы для своей заграничной жизни. „Теперь я богатъ", говорилъ онъ, „могу завести себѣ верховую лошадь: постоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановить мое здоровье". Но было опредѣлено иначе: онъ не пережилъ мая. Принужденный также по причинѣ болѣзни покинуть въ началѣ сего мѣсяца Россію, я не имѣлъ отрады быть при немъ въ послѣднюю его минуту; но я съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ его приближающагося къ сей минутѣ; я видѣлъ умирающаго Карамзина, и никогда это видѣніе не изгладится изъ души моей. При мысли о концѣ такого человѣка, о переходѣ такой души въ тотъ міръ, гдѣ у *Отца обителей много*, всѣ наши понятія о жизни, смерти и безсмертіи преображаются для насъ во что-то свѣтло-очевидное. Кто зналъ внутреннюю жизнь Карамзина; кто зналъ, какъ онъ всегда былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ; какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли движенія сердца были по какому-то естественному сродству согласны съ правилами строгаго разума; какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ; какой онъ былъ (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенецъ, и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя его желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія его радости и печали и соединяя все его бытіе въ одну гармонію, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы навѣки продолжаться въ мірѣ иномъ; словомъ, кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карамзина, для того зрѣлище смерти его было освященіемъ всего, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни, и подтвержденіемъ всего, что вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ. На камнѣ, покрывающемъ останки Карамзина, вырѣзаны слова Спасителя: *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.*

Письмо къ графу Каподистрія написано на французскомъ языкѣ; я прилагаю къ нему и свой переводъ: онъ неудаченъ, но для меня было наслажденіемъ особеннаго рода выражать мысли Карамзина на томъ языкѣ, который имъ созданъ и котораго еще никому не удалось перенять у него.

Cher et respectable ami! Nous avons revu l'aimable Bloudoff avec encore plus de plaisir qu'à l'ordinaire: il nous a parlé de vous. Nous avons commencé par des questions sur votre santé, votre air — l'expression physique de ce qui ne l'est pas — nous avons été satisfaits; mais bien d'autres questions, immédiatement sur l'état de votre belle âme, sur les opérations de votre esprit actif, sur votre manière frappante d'envisager les événements du temps, sont restées, hélas! sans réponse. Cependant en écoutant notre ami commun, qui me rendait compte de ses entretiens avec vous, j'ai cru quelquefois vous entendre parler vous-même. Que je lui envie ces moments délicieux, passés avec vous! Mes années, qui s'accumulent, ma santé, qui chancelle, les circonstances fâcheuses, qui nous séparent et qui durent toujours, tout ce la est peu fait pour relever en moi l'espérance de voir revenir le passé. Pour m'en consoler, je me dis: „Quoique loin de nous, il pense quelquefois à nous, et nous sommes immortels.—Le contact des âmes ne cesse point à notre dissolution matérielle. Celui qui survit conserve un souvenir, et celui qui s'en va acquiert peut-être plus qu'il ne perd. Les voyageurs d'ici-bas sont trop distraits et n'ont pas le loisir de cultiver l'amitié: ce n'est qu'arpès avoir déposé nos bâtons, que nous serons tous à nos affections, et tout ce que nous perdons dans le temps sera rattrapé dans l'éternité". De pareils soliloques m'occupent à présent plus que les conversations de la société, et entretiennent la chaleur de mon âme, dont j'ai encore besoin pour ma famille, pour mes amis et pour mon histoire, qui s'achève (legs à la postérité, si elle en veut; si non, non). Oui, je vieillis sans m'éteindre encore (cela viendra peut-être). Oh! que j'aime encore mes compagnons de voyage! que je plains leur misère et que je suis tout pitié pour tant de nations!.. Nous venons seulement de quitter Tsarskoé-Sélo, où nous sommes restés dans une profonde solitude pendant plus de deux mois: que j'étais loin de l'ennui, quand je ne souffrais pas physiquement! Que de jouissances je trouvais dans ce loisir de tous les jours, au sein de ma famille, et quelquefois tout seul! Le travail, la lecture, les promenades automnales et souvent nocturnes avaient un véritable charme pour moi. Sans craindre extrêmement la mort, l'envisageant quelque fois avec une certaine affection et aimant à répéter avec Rousseau: „qui s'endort dans les bras d'un pére, n'est pas en souci du réveil", je savoue encore la douceur de l'existence terrestre, à ma façon, qui échappe à l'envie. Touchant à la fin de ma carrière, je remercie Dieu de ma déstinée. Je me trompe peut-être, mais ma conscience est tranquille. La chère patrie n'a rien à me reprocher; j'étais toujours prêt à la servir sans compromettre mon caractère dont je dois répondre à cette même Russie: eh bien, je n'ai fait que l'histoire de ses siècles barbares; on ne m'a vu ni aux champs de bataille, ni dans les conseils d'état; mais comme je ne suis ni poltron, ni paresseux, je me dis: „le ciel ne l'a pas voulu", et sans être ridiculement fier de mon métier d'auteur, je me vois sans honte parmi nos généraux et ministres... Je m'arrête: c'est parler trop pour une visite que je vous fais d'ici à Genève. La brièveté de la vie invite au laconisme; mais que voulez-vous? L'idée même qu'on ne vit pas assez longtemps pour beaucoup bavarder nous rend quelquefois bavards avec nos amis.

Je passe à l'historique. Votre souvenir vit en Russie. L'impératrice *Elisabeth* m'a chargé expressement de vous parler de l'intérêt sincere, qu'elle vous

---

*) См. ниже, въ примѣчаніи автора.

porte: elle est si vraie! Il n'est pas moins vrai que l'empereur a toujours la même idée de votre âme et de vos talents éminents. Nous ayant un fois honorés d'une visite en ville, il a beaucoup, beaucoup parlé de vous avec un sentiment qui m'a satisfait. Je suis plus que jamais attaché à lui, sans prétendre à aucune faveur particulière, à aucune influence, c'est-à-dire sans me mettre en peine de ce que je n'en ai aucune. Dieu seul lit au fond des âmes.—Vous parlerai-je de notre inquiétude actuelle, qui peut se dissiper, comme je l'espére, avant que vous recéviez cette lettre? Notre cher et bon empereur a une fièvre de refroidissement à Taganrog: cette maladie n'est point dangereuse, mais notre coeur en est toujours allarmé. Quant à l'impératrice *Elisabeth*, elle a eu la bonté de m'écrire du 3 novembre qu'elle se sentait mieux, quoique dans ce moment elle soit bien affligée de la mort du roi de Bavière.

Переводъ. Свиданіе съ любезнымъ Блудовымъ было для меня пріятнѣе обыкновеннаго: онъ много разсказывалъ намъ объ васъ; всѣ подробности о вашемъ наружномъ видѣ (матеріальномъ выраженіи нематеріальнаго) были для насъ удовлетворительны. Но, къ сожалѣнію, многіе вопросы о состояніи прекрасной души вашей, о занятіяхъ дѣятельнаго вашего ума, о вашемъ столь всегда вѣрномъ образѣ мыслей насчетъ происшествій нашего времени, остались безъ отвѣта. Слушая, однако, нашего общаго друга, который такъ живо передавалъ мнѣ свои разговоры съ вами, я иногда забывался: мнѣ казалось, что слышу васъ самихъ. Какъ завидно для меня то счастіе, которымъ онъ насладился въ вашемъ обществѣ. Мои скопляющіеся годы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія и которымъ конца не вижу,—все это заставляетъ меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но въ утѣшеніе себѣ говорю: „хотя онъ и далеко, но онъ объ насъ помнитъ; а мы безсмертны. Соединеніе душъ не прекращается съ жизнію матеріальною: пережившій сохраняетъ воспоминаніе; отшедшій, быть-можетъ, болѣе выигрываетъ, нежели теряетъ. Земные путешественники слишкомъ разсѣянны: имъ нѣтъ досуга заботиться о дружбѣ; не прежде, какъ бросивъ свой посохъ, мы можемъ предаться вполнѣ привязанностямъ своего сердца; тогда растерянное во времени будетъ отыскано въ вѣчности".—Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей исторіи, подвигающейся къ окончанію (даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ; если же нѣтъ, то нѣтъ). Такъ! я стараюсь, не угасая (быть-можетъ, придетъ и то). О, какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія; какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь: какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ!..

Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически. Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно. Работа, чтеніе, осенняя, нерѣдко ночныя, прогулки имѣли для меня прелесть неизъяснимую. Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, *что засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи*, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по-своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ-быть, ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать; и что же? я могъ описать одни только варварскія времена ихъ исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ: „такъ было угодно Богу"; и не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу, не стыдясь, въ общество нашихъ генераловъ и нашихъ министровъ... Но довольно! я заговорился, и, кажется, слишкомъ много для одного минутнаго свиданія съ вами въ вашей Женевѣ. Краткость жизни требуетъ лаконизма; но что же дѣлать? и самая мысль, что мы такъ мало имѣемъ здѣсь времени для многословія, заставляетъ насъ иногда быть неумѣренно многословными съ нашими друзьями.

Перейду теперь къ историческому: воспоминаніе объ васъ живетъ въ Россіи. Государыня Елизавета Алексѣевна поручила мнѣ написать вамъ, что она продолжаетъ попрежнему принимать въ васъ искреннее участіе: она такъ прямодушна! И государь нимало къ вамъ не перемѣнился; онъ знаетъ цѣну вашей души и вашихъ высокихъ дарованій. Удостоивъ насъ однажды въ городѣ своимъ посѣщеніемъ, онъ много-много о васъ говорилъ и съ такимъ чувствомъ, которое меня порадовало. Я люблю его болѣе и болѣе, не помышляя ни о какихъ милостяхъ, ни о какомъ вліяніи, то-есть, не тревожа себя нимало тѣмъ, что никакого вліянія не имѣю. Богъ одинъ читаетъ въ глубинѣ сердца!.. Говорить ли вамъ о нашемъ теперешнемъ мучительномъ безпокойствѣ, которое, надѣюсь, пройдетъ прежде, нежели вы получите письмо мое? Нашъ любезный, нашъ добрый императоръ боленъ простудною лихорадкою въ Таганрогѣ: болѣзнь не опасная, но сердце дрожитъ за него. А государыня Елизавета Алексѣевна въ письмѣ отъ 3 ноября, которое я имѣлъ счастіе получить отъ нея, увѣдомляетъ насъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше: она очень огорчена смертію короля Баварскаго.

ПРИМѢЧАНІЕ АВТОРА.

Напомнимъ читателямъ высочайшій рескриптъ, данный на имя исторіографа, за девять дней до его кончины:

„Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обыкновенными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа". Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которое, будучи съ моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю къ вамъ всегда благосклонный Николай.

Въ Царскомъ Селѣ, мая 13 дня 1826 года".

Растроганный столь неожиданною милостію, Карамзинъ, уже на смертномъ одрѣ, собравъ послѣднія силы, слабѣющею рукою выразилъ глубокую къ монарху благодарность въ слѣдующихъ строкахъ:

„Всемилостивѣйшій Государь! Рескриптъ, которымъ вы меня осчастливили третьяго дня, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ—съ воспоминаніемъ въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, съ хвалою

смиренному историографу сверхъ его достоинства—омочилъ слезами блѣдное лицо. Прочитавъ указъ къ министру финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось, однакожъ, въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой царской, безпримѣрной у насъ, щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ монарховъ, заслужила имя *вѣрной* и ревностной къ царскому дому. О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы посвятить послѣдніе дни мои вамъ, безцѣнный государь, и любезному отечеству. Вчера я не могъ писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности. Повергаюсь и проч.“—(В. Ж.)

(1835)

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ПУШКИНА.

ПИСЬМО КЪ С. Л. ПУШКИНУ, 15 ФЕВРАЛЯ 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило. Нашего Пушкина нѣтъ! Это, къ несчастію, вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ-будто отзывается его голосъ, какъ-будто раздается его живой, ребячески веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ; а онъ пропалъ, и навсегда—непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ, не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ—Россія лишилась своего любимаго національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ-быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось чего-то родного отъ сердца? И между всѣми русскими особенную потерю въ немъ сдѣлалъ самъ государь. При началѣ своего царствованія онъ его къ себѣ присвоилъ; онъ развязалъ ему руки въ то время, когда онъ былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; онъ слѣдилъ за нимъ до послѣдняго его часа; бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще неостепенившійся ребенокъ, онъ навлекалъ на себя неудовольствіе своего хранителя; но во всѣхъ изъявленіяхъ неудовольствія со стороны государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ними усиливалась, въ *одномъ*—чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ *другомъ*—живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала душу Пушкина и, наконецъ, слилась въ ней съ поэзіею. Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы славѣ его царствованія, какъ Державинъ славѣ Екатерины, а Карамзинъ славѣ Александра. И государь, до послѣдней минуты Пушкина, остался вѣренъ своему благотворенію. Онъ отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его, и какъ отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ голосъ царскій? Въ этомъ голосѣ выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ, и высокій приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ разсказывали другіе очевидцы. Въ середу, 27 числа января, въ десять часовъ вечера, пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: „Получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ“. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго, князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: „Очень плохъ; умретъ непремѣнно“. Вотъ что разсказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу. „Грустно тебѣ нести меня?“ спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ, онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: „N'entrez pas; il y a du monde chez moi“. Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ то время у него были Данзасъ и Плетневъ). „Плохо со мною“, сказалъ онъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: „Что вы думаете о моемъ положеніи? скажите откровенно?“—Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности.—„Скажите лучше, умираю“.—Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано.—„Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi,—сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ:—Il faut que j'arrange ma maison“.—Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ?—спросилъ Шольцъ.—„Прощайте, друзья!“—сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мертвыми, не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ: „Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?“—О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого-нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь.—„Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды; тошнитъ“.—Шольцъ, тронувъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, а пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной поуспокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: „Попросите государя, чтобъ онъ меня простилъ“. Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. „Плохо мнѣ“, сказалъ Пушкинъ,

когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукой отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ-будто переставъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. „Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ, говорилъ онъ Спасскому, не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ, дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ". Въ это время уже собрались князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ея видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. „Жена здѣсь? говорилъ онъ; отведите ее". Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, которыя съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. „Что дѣлаетъ жена? спросилъ онъ однажды у Спасскаго. Она бѣдная безвинно терпитъ; въ свѣтѣ ее заѣдятъ". Вообще, съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія), онъ былъ удивительно твердъ.—Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ,—я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго. И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ-будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ въ ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. „Если увидите Греча, сказалъ онъ Спасскому, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ". У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься? Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. Покинувъ Пушкина, онъ отправился во дворецъ, но не засталъ государя, который былъ въ театрѣ; онъ сказалъ камердинеру, чтобъ по возвращеніи его величества было донесено о случившемся.—Около полуночи пріѣзжаетъ къ Арендту отъ государя фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государемъ къ нему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести. „Я не лягу, я буду ждать", приказывалъ государь Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что́ же стояло въ этомъ письмѣ? „Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе, и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свое попеченіе." Какъ бы я желалъ выразить простыми словами то, что у меня движется въ душѣ при перечитываніи этихъ немногихъ строкъ. Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. *Я не лягу, я буду ждать!* О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно, передъ постелью умирающаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою. Умирающій немедленно исполнилъ уже угаданное желаніе государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Пушкинъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ. Когда Арендтъ прочиталъ ему письмо государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ его и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ его ему оставить. Нѣсколько разъ Пушкинъ повторялъ: „Отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо, гдѣ письмо?" Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе у государя. Онъ скоро потомъ уѣхалъ.—До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать; послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только что усилило страданія, которыя, наконецъ, дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ, могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она въ совершенномъ изнуреніи лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, которыя однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобъ съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ-будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стенаніе за дверями (!) Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобъ ея не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все это время и до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: „Жену! позовите жену!"—Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза, молча клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. „Кто здѣсь?" спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. „Позовите", сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ; онъ махнулъ рукою, я отошелъ; но черезъ минуту я возвратился къ его постели и спросилъ у него: можетъ-быть, увижу государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя? „Скажи, отвѣчалъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его".—Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также впослѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ-будто подслушивалъ шаги приближающей смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: „Смерть идетъ"; когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: „Карамзину!" Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: „Перекрестите меня", потомъ поцѣловалъ у ней руку.—Въ это время пріѣхалъ докторъ Арендтъ. „Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно" сказалъ ему Пушкинъ. Это было для меня указаніемъ, и я рѣшился въ ту же минуту ѣхать къ государю, чтобы извѣстить его величество о томъ, что слышалъ. Сходя съ крыльца, я встрѣтился съ фельдъегеремъ, посланнымъ за мною

отъ самого государя.—Извини, что я тебя потревожилъ, сказалъ онъ мнѣ, при входѣ моемъ въ кабинетъ.—Государь, я самъ спѣшилъ къ вашему величеству въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною.—Разсказавъ о томъ, что говорилъ Пушкинъ, я прибавилъ: я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно вашему величеству.—Скажи ему отъ меня, отвѣчалъ государь,—что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ: они мои. Тебѣ же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты послѣ ихъ самъ разсмотришь.—Я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ государя. Выслушавъ меня, онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. „Вотъ какъ я утѣшенъ! сказалъ онъ. Скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи". Между тѣмъ данный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ: къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде все отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кто около него суетились. Словомъ, ему, повидимому, стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. „Худо мнѣ, братъ", сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему:—Мы всѣ надѣемся, не отчаивайся и ты. „Нѣтъ! возразилъ онъ, мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо". Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили піявки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче.—Я ухватился, говоритъ Даль, какъ утопленникъ за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ, было, и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: „Никого тутъ нѣтъ?" Никого. „Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?"—Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся.—„Ну, спасибо!" отвѣчалъ онъ. Но, повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29 число. эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближайшей горницѣ) онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближайшей полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ, и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. „Ахъ! какая тоска! (иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову) сердце изнываетъ!" Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили на бокъ, или поправили ему подушку; и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: „ну! такъ—хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо; или: постой—не надо—потяни меня только за руку—ну вотъ и хорошо, и прекрасно!" (все это его точныя выраженія).—Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, что я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля: „Кто у жены моей?" Даль отвѣчалъ:—Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи. „Ну спасибо, отвѣчалъ онъ, однакоже поди, скажи женѣ, что все, слава-Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ". Даль его не обманулъ. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе—и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые—приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось, наконецъ, такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ея отворили другую узенькую прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты, буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Государь императоръ получалъ извѣстія отъ доктора Арендта (который разъ по шести въ день и по нѣскольку разъ ночью пріѣзжалъ навѣстить больного); государыня великая княгиня (Елена Павловна), очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ ея высочеству согласно съ ходомъ болѣзни. Такое участіе трогательно, но оно естественно; естественно въ государѣ, которому дорога́ народная слава, какого рода она бы ни была (а въ этомъ отличительная черта нынѣшняго государя: онъ любитъ все русское; онъ ставитъ новые памятники и бережетъ старые); естественно и въ націи, которая въ этомъ случаѣ не только за одно съ своимъ государемъ, но этою общею любовію къ отечественной славѣ укореняется между ими нравственная связь: государю естественно гордиться своимъ народомъ, какъ скоро этотъ народъ понимаетъ его высокое чувство и вмѣстѣ съ нимъ любитъ то, что славно отличаетъ его отъ другихъ народовъ или ставитъ съ ними наряду; народу естественно быть благодарнымъ своему государю за любовь къ отечественной славѣ и за великое выраженіе сей любви, ибо въ своемъ государствѣ онъ видитъ представителя своей чести. Однимъ словомъ, сіи изъявленія общаго участія нашихъ добрыхъ русскихъ меня глубоко трогали, но не удивляли. Участіе иноземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое: мудрено ли, что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Что думалъ этотъ почтенный Барантъ, стоя долго въ уныніи посреди прихожей, гдѣ около его шептали съ печальными лицами, о томъ, что дѣлалось за дверями, отгадать нетрудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію—всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинакою братскою скорбію. Пушкинъ по своему генію былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и посолъ Франціи (самъ знаменитый писатель) приходилъ къ дверямъ его съ печалію *собственною,* и о *нашемъ* Пушкинѣ пожалѣлъ какъ-будто о *своемъ.* Потому же и Люцероде, саксонскій посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ въ вечеру: „нынче у меня танцовать не будутъ, нынче были похороны Пушкина."—Возвращаюсь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: „Который часъ?" и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: „долго ли... мнѣ... такъ мучиться?.. Пожалуйста... поскорѣй!.." Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: скоро ли конецъ? и всегда прибавлялъ: пожалуйста, поскорѣй! Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа) онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать.—Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Даль,—но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче. „Нѣтъ, онъ отвѣчалъ прерывчиво: нѣтъ... не надо... стонать... жена... услышитъ... смѣшно же... чтобы этотъ... вздоръ меня... переселилъ... не хочу".—Я покинулъ его въ пять часовъ утра, и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольна спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою; но возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и

что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: „Позовите жену, пускай она меня покормитъ". Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую, морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: „Ну-ну, ничего; слава - Богу, все хорошо; поди".—Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ-будто просіявшая отъ радости. Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ.—А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели, въ головахъ; сбоку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходитъ. Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало; разъ онъ подалъ руку Далю, и, пожимая ее, проговорилъ: „Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну, пойдемъ!". Но очнувшись, онъ сказалъ: „Мнѣ, было, пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова закружилась". Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: „Ну, пойдемъ же, пожалуйста; да вмѣстѣ".—Даль, по просьбѣ его, взялъ его подмышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ-будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: „Кончена жизнь!" Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ: да, кончено; мы тебя поворотили. „Жизнь кончена!" повторилъ онъ внятно и положительно. „Тяжело дышать, давитъ!" были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ, и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: „что онъ?" Кончилось! отвѣчалъ мнѣ Даль (въ три четверти третьяго часа пополудни, 29 января). Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинство смерти, которое совершалось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ-будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что̀ выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое, нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что̀ бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно-сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него положила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась, въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.—Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастію, я вспомнилъ во̀-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а глубокій и величественный сонъ. Спустя три четверти часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось вглядѣться въ прекрасное лицо его) тѣло вынесли въ ближнюю горницу; а я, исполняя повелѣніе государя императора, запечаталъ кабинетъ печатью.—Не буду разсказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгановы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Віельгорскимъ обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. Ввечеру увлеченный необходимостію, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ; онъ выслушалъ меня наединѣ въ своемъ кабинетѣ: этого прекраснаго часа въ моей жизни я никогда не забуду.—На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, ввечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно, болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ-будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умилительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однозвучно слышалась посреди этого тихаго, смутнаго говора. И особенно глубоко тронуло мнѣ душу то, что государь какъ-будто соприсутствовалъ посреди своихъ русскихъ, которые такъ просто, такъ смиренно и съ нимъ за одно выражали скорбь свою объ утратѣ славнаго соотечественника: всѣмъ ужъ было извѣстно, какъ государь утѣшалъ послѣднія минуты Пушкина, какое онъ принялъ участіе въ его христіанскомъ покаяніи, что̀ онъ сдѣлалъ для его сиротъ, какъ почтилъ поэта и что̀ въ то же время (какъ судія, какъ верховный блюститель нравственности) произнесъ въ осужденіе тому бѣдственному дѣлу, которое такъ внезапно лишило насъ Пушкина. Рѣдкій изъ посѣтителей, помолясь предъ гробомъ, не помолился въ то же время за государя, и можно сказать, что это изъявленіе національной печали о поэтѣ было самымъ трогательнымъ прославленіемъ его великодушнаго покровителя.—Отпѣваніе происходило 1-го февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до отправленія изъ города. 3-го февраля въ десять часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ осталось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду, ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись (тѣло Пушкина къ мѣсту его погребенія сопровождалъ Александръ Ив. Тургеневъ); при свѣтѣ мѣсяца я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро онѣ поворотили за уголъ дома; и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.

ІОСИФЪ РАДОВИЦЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

Въ письмѣ, которое я писалъ къ вамъ передъ моимъ отъѣздомъ во Франкфуртъ, я обѣщалъ сообщить о томъ, что увижу тамъ своими глазами и что услышу

своими ушами. Вотъ уже болѣе пяти недѣль, какъ я возвратился изъ похода, но писать еще не могъ: имѣлъ другія занятія, которыхъ отложить мнѣ не хотѣлось, и потомъ само письмо взяло у меня много времени—оно длинно. Вы не должны однако пугаться его огромности. Вы прочтете его на досугѣ. Между тѣмъ на политической сценѣ многое двинулось—впередъ ли, назадъ ли, не знаю. Съ одной стороны противъ Пруссіи стали во фрунтъ четыре королевства, изъ которыхъ два покинули ея знамя, и ими командуетъ Австрія; съ другой — Пруссія открыла свой эрфуртскій парламентъ и подъ ея знаменемъ выстроили сборный свой легіонъ почти всѣ меньшія государства Германскаго Союза. Что изъ этого выйдетъ? Начнется ли война и который фрунтъ сдѣлаетъ первый выстрѣлъ—кто знаетъ? Вамъ это должно быть извѣстно, ибо, конечно, Россія броситъ между обоими фрунтами свое могучее *veto*, и этой русской рогатки ни съ какой стороны перешагнуть не помыслятъ. Между тѣмъ я, для исполненія своего слова, и еще болѣе для удовлетворенія собственнаго горячаго желанія, сообщу вамъ то, что слышалъ и видѣлъ во Франкфуртѣ, сообщу единственно для того, чтобы изобразить вамъ Радовица такимъ, каковъ онъ есть; это главная цѣль письма моего. Въ политикѣ я не судья; могу только съ нѣкоторою ясностью повторить то, что слышалъ, но не могу взять на себя произнести какой-нибудь приговоръ, ибо для того нужна опытность политическая, которой я не имѣю, нужно имѣть передъ глазами *весь* ходъ происшествій современныхъ: я не могъ слѣдовать за ними съ надлежащимъ вниманіемъ на всѣ подробности, бывъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ. Дай Богъ, чтобы то, что для моего ума такъ ясно и что сердцу моему такъ дорого, то-есть, чтобы изображеніе друга Радовица вышло изъ-подъ пера моего совершенно сходное съ тѣмъ образомъ, который болѣе двадцати лѣтъ врѣзанъ въ глубинѣ души моей. Перо весьма непокорно нашей волѣ. Между тѣмъ, что мы знаемъ вѣрно и чувствуемъ живо, и словеснымъ или письменнымъ его изображеніемъ лежитъ для многихъ глубокая бездна: почти всегда то, что живетъ внутри души, переходитъ полуживымъ подъ перо; пріискиваніе слова къ мысли и чувству можно сравнить съ работою живописца, пишущаго портретъ; почти никогда не бываетъ полнаго сходства копіи съ оригиналомъ, и это часто происходитъ именно отъ тревожнаго усилія поймать это сходство. Таково теперь мое положеніе: мнѣ слишкомъ хочется написать вамъ сходный портретъ того оригинала, который въ полной жизни стоитъ передъ моимъ внутреннимъ окомъ, но меня тревожитъ страхъ, что мысли не соберутся въ одинъ яркій фокусъ, что выраженія не дадутся и что не произойдетъ въ соединеніи ихъ того порядка, который, повидимому, зависитъ отъ нашей воли, а на самомъ дѣлѣ почти всегда есть созданіе неподвластнаго намъ вдохновенія. Помоги Богъ.

Но прежде нежели перейду къ главному, то-есть къ писанію портрета, я долженъ натереть краски и сдѣлать такъ-называемую подмалевку, то-есть предварительно окинуть взглядомъ происшествія нашего времени и то, что должно быть ихъ необходимымъ послѣдствіемъ. Этотъ взглядъ будетъ не мой, а только соединеніе въ одну раму всего того, что я въ разное время, и особенно теперь, отъ защитниковъ прусской политики слышалъ. Все, что̀ слѣдуетъ, есть результатъ моего подслушиванія; передаю вамъ не свое, а чужое; не прибавлю къ нему ничего собственнаго.

„Все въ политикѣ получаетъ свое основаніе и пріобрѣтаетъ свое право (Berechtigung) отъ исторіи, а ходъ исторіи есть изъявленіе вышней, всѣмъ управляющей воли, есть глаголъ Провидѣнія, въ который надобно вслушиваться, чтобы всегда и во всякую минуту знать, что̀ дѣлать на своемъ указанномъ свыше мѣстѣ. То, что̀ совершается въ *настоящую* минуту, есть необходимое слѣдствіе прошедшаго, есть послѣднее звено неразрывной цѣпи событій, изъ которой ни одно изъ этихъ, одно въ другое входящихъ, звеньевъ, никакою силою исторгнуть не можно. Это прошедшее указываетъ намъ, какъ дѣйствовать, не нарушая правды, въ настоящемъ, дабы построить нѣчто прочное для будущаго. Должно, однако, сказать, что намъ не дано ничего строить *особеннаго* по *собственному* плану; мы можемъ только дѣлать *пристройки* къ зданію вѣковъ, котораго планъ не нами начертанъ и намъ даже неизвѣстенъ въ цѣломъ; мы можемъ только *пристроивать* къ тому мѣсту вѣковаго, всемірнаго зданія, близъ котораго стоимъ въ настоящемъ, и должны согласоваться съ мѣстностію такъ, чтобы наша *частная пристройка* гармонически входила въ цѣлое, а не была бы отъ него отдѣльнымъ, а потому и легко разрушимымъ зданіемъ. Чтобы понимать *гдѣ*, *какъ* и *что* нужно пристроить, мы должны справляться съ исторіею; она одна раскрываетъ намъ планъ Провидѣнія, котораго мы должны держаться, но обозрѣніе котораго только по ея указаніямъ для насъ возможно. Если мы будемъ хотѣть не *пристроивать*, *а самобытно строить*, то мы только будемъ *разстроивать*, то-есть набрасывать развалины. Это самовольное набрасываніе развалинъ есть то, что̀ называется *революціею*. И характеръ всякой революціи есть та *отрывочность* вновь созидаемаго, которымъ хотятъ насильственно замѣнить часть зданія вѣковаго, вырвать эту часть изъ общаго плана, и на ея развалинахъ воздвигнувъ нѣчто отдѣльное, вмѣсто того, чтобы, отдѣливъ обветшалое (само собою полуотдѣленное) отъ существующаго твердаго, замѣнить его соотвѣтствующимъ новымъ, и тѣмъ только дать новую крѣпость всемірному, вѣковому.

„Обращаясь къ тому, что̀ произошло въ послѣднее время, мы должны въ той бѣдственной революціи, которая вновь потрясла Европу, видѣть послѣднее звено длинной цѣпи событій; обозрѣніе этой цѣпи приведетъ насъ къ указанію того, что̀ необходимо въ настоящемъ для возстановленія порядка, для утвержденія общаго и частнаго блага.

„Не упоминая о томъ, какое всеобщее потрясеніе произвела первая французская революція, которая перешла почти всѣ свои фазы—начавъ съ разрушенія всего историческаго во Франціи и перешагнувъ черезъ завоевательный деспотизмъ Наполеона къ самоубійственному деспотизму народнаго самодержавія, грозящаго разрушеніемъ не одному государству, но самому обществу—мы укажемъ на происшествія, непосредственнѣе приготовившія переворотъ, потрясающій Германію. Всеобщій энтузіазмъ, пробудившій германскую національность въ войнѣ съ Наполеономъ, учрежденіе Германскаго Союза и появленіе въ Германіи конституціи по образу и подобію французской, и съ сими конституціями фальшивое удовлетвореніе революціонному духу, родившемуся отъ того же энтузіазма, который одержалъ побѣду надъ диктаторомъ, удовлетвореніе, не давшее законной свободы, а только узаконившее духъ буйства, и вслѣдствіе этого тридцатилѣтняя вражда народовъ съ правительствами, произведенная съ другой стороны ничтожною дѣятельностію или бездѣйственною ничтожностію Германскаго Союза, который вмѣсто того, чтобы властвовать духомъ времени, только его раздражалъ пренебреженіемъ его требованій и, наконецъ, превратилъ въ пагубнаго демона анархіи—слѣдствіемъ всего этого было постепенное уничтоженіе нравственной силы правительствъ, по мѣрѣ ослабленія которой—съ одной стороны возрастала сила буйства, съ другой сила, которою, наконецъ, было подкопано все, что̀ составляло основаніе гражданскаго порядка: религія, уваженіе власти, покорность долгу, публичная и частная правда.

„Въ такомъ положеніи была Германія, когда совершился роковой взрывъ февральской революціи; Франція затрепетала передъ своею республикою, и съ первыхъ дней ея распаденія начала съ ней бой не на-животъ, а на̀-смерть. Анархисты Германіи, обрадованные появленіемъ этого чудовища, быстро воспользовались

паническимъ страхомъ, который оно навело на всѣ правительства, и бросились на разслабленный союзъ ихъ, какъ вандалы на приготовленную къ паденію Римскую Имперію. Тогда совершилось невиданное и неслыханное: всѣ германскіе государи безусловно покорились малочисленной толпѣ самозванцевъ, которые сами провозгласили себя выборными германскаго народа и приказали правительствамъ, распустивъ своихъ представителей, засѣдавшихъ въ палатѣ Германскаго Союза, передать ихъ власть народному парламенту, образованному по ихъ произвольному начертанію. Что́ вышло изъ этого парламента, мы видѣли. Богъ, котораго покровительство было съ циническою дерзостью отвергнуто большинствомъ этихъ представителей націи при открытіи ихъ засѣданій, навелъ на ихъ умы вавилонское затменіе — все опрокинули, ничего не построили, и Германія, обезсиленная, уже облитая кровію междоусобной войны, стоитъ теперь на краю погибели. Что же надлежитъ дѣлать? чѣмъ возстановить и упрочить на будущія времена порядокъ? Дабы рѣшить эту задачу, надлежитъ, поглядѣвъ прямо въ глаза своему времени, предварительно отвѣчать на слѣдующіе вопросы: *что сдѣлано, какъ, для чего, и кѣмъ?* Тогда можно будетъ легко опредѣлить и то, что́ остается дѣлать.

„Что́ сдѣлано?—Опрокинутъ существовавшій историческій порядокъ и произведенъ опытъ замѣнить вѣковое, старое, вдругъ вымышленнымъ, новымъ, опытъ уничтожить хартію исторіи, вырѣзанную на бронзовой колоннѣ временъ, вылитой изъ дѣйствительныхъ событій минувшаго, и вмѣсто ея на ломкомъ деревѣ вольности повѣсить бумажный конституціонный листъ, въ одинъ день склеенный изъ лоскутьевъ теоріи. Для чего?—Для произведенія могучаго единства въ Германіи, какъ то означено въ титулѣ бумажной конституціи. Какъ?—Насильствомъ революціи, которая, опровергнувъ законную верховную власть, передала ее въ руки толпѣ народной, провозгласивъ ее самодержавною, и тѣмъ уничтоживъ возможность всякаго порядка и всякой правды. Что́ же остается дѣлать?—Надлежитъ, въ томъ убѣжденіи, что всякая *ложь* сильна только тою *истиною*, которая тайно въ ней заключается, признать событія событіями, то-есть не отрицая ни ихъ существенности, ни тѣхъ послѣдствій, которыя необходимо они должны имѣть, смотря по тому, какъ будутъ постигнуты тѣми, которые должны дѣйствовать по ихъ указаніямъ; надлежитъ отдѣлить отъ ихъ губительной лжи заключающуюся въ ней спасительную истину, и, давъ жизнь послѣдней, умертвить первую. Слѣдуетъ вопросъ: *что́ здѣсь ложь, и что́ истина*, то-есть, что́ надлежитъ принять и что́ опровергнуть? *Ложь* — сама *революція* и всѣ ея такъ-называемыя благопріобрѣтенія (Errungenschaften), насильственно ею сдѣланныя по извѣстной методѣ практическихъ благотворителей человѣчества, которые останавливаютъ путешественниковъ на большой дорогѣ съ привѣтствіемъ: кошелекъ или жизнь. Въ чемъ *истина*?—Во-первыхъ, въ требованіи той свободы, въ которой отказать невозможно, безъ которой нѣтъ благоденствія частнаго, нѣтъ порядка общаго, нѣтъ самаго могущества власти. Подъ *истиною* этой *свободы* революція скрыла свою *ложь анархіи*. Во-вторыхъ, въ этомъ духѣ *народности*, пробужденномъ во дни борьбы съ Наполеономъ за независимость, въ теченіе тридцати лѣтъ сдавленномъ и вдругъ опять освободившемся съ удвоенною силою, но беззаконною революціею превращенномъ въ буйство, тогда какъ самъ по себѣ онъ не иное что, какъ законное стремленіе къ *единству*, то-есть къ соединенію всѣхъ членовъ въ одно крѣпкое тѣло для дарованія этому тѣлу живой силы съ сохраненіемъ самобытности каждаго члена отдѣльно. Итакъ, *единство* Германіи должно быть теперь цѣлью правительствъ. Какъ достигнуть сей цѣли?—Уничтоживъ совершившуюся революцію, не производя новой, то-есть произвести хранительную реформу, умертвить анархію присвоеніемъ того блага, которое таится въ беззаконныхъ ея пріобрѣтеніяхъ. Осуществленіемъ этого блага—блага законной свободы и могучаго германскаго единства—правительства опрокинутъ дѣйствователей революціи ихъ же оружіемъ и отнимутъ всякій поводъ къ мятежу на будущее время. Кто были эти дѣйствователи? Ихъ было три рода: для *однихъ* цѣль была сама *революція*, то-есть постоянный, имъ однимъ выгодный мятежъ; для *другихъ* сія цѣль состояла въ повсемѣстномъ утвержденіи *представительнаго* правительства; *третьи* имѣли въ виду *единство* Германіи; для *всѣхъ* революція была *способомъ* достиженія къ цѣли. Слѣдствія у насъ передъ глазами: революція могла произвести только разрушеніе. Что́ же теперь остается дѣлать правительствамъ? Съ первыми изъ дѣйствователей не можетъ быть никакого соглашенія, имъ должно объявить войну непримиримую, и ихъ истребленіемъ *умертвить революцію*. Цѣль вторыхъ *достигнута:* во всей Германіи учреждены представительныя правительства; рѣшеніе этого общаго процесса принадлежитъ теперь каждому государству въ особенности, онъ обратился теперь для каждаго изъ нихъ въ дѣло домашнее, и можно думать, что представительная система сама себя въ своемъ развитіи уничтожитъ, уступивъ, наконецъ, мѣсто чистой монархіи, опирающейся на штаты (государственные чины). Система конституціонная, которая теперь изъ теоріи обращена въ фактъ, не иначе можетъ быть опровергнута, какъ только фактомъ опыта, который одинъ можетъ обличить ея несостоятельность: конечно, этотъ опытъ будетъ тяжелый ходъ горячки, но существованія этой горячки отвергнуть уже нельзя, и горе медику, если онъ, отрицая болѣзнь, не дастъ лѣкарства, вспомогающаго натурѣ, или, отрицая дѣйствіе натуры, захочетъ насильственно вырвать болѣзнь изъ одержимаго ею тѣла. Остаются третьи, то-есть поборники германскаго *единства*. Одно слѣпое упрямство можетъ утверждать, что цѣль ихъ не благая. Одинъ только способъ, которымъ они хотятъ достигнуть благой цѣли, то-есть революція, незаконенъ самъ по себѣ и разрушителенъ для самой искомой цѣли. Стремленіе къ единству властвуетъ теперь Германіею, это неоспоримо; но Германія есть не *одно государство*, составленное изъ многихъ народовъ, а *одинъ народъ*, раздѣленный на многія государства. Въ первомъ случаѣ соединеніе въ одинъ народъ было бы стремленіемъ къ разъединенію, сокрушительному для цѣлаго; здѣсь, напротивъ, стремленіе къ соединенію должно укрѣплять каждую часть особенно, введя ее въ сильный составъ цѣлаго, съ сохраненіемъ ея исторической самобытности. Такому стремленію удовлетворить необходимо должно, должно уже потому, что его невозможно уничтожить, оно вступило въ жизнь; если на время сила его и сдавитъ, то оно только отъ этого сдавленія пріобрѣтаетъ сильнѣйшую упругость, и при первомъ толчкѣ произойдетъ новый, усиленный взрывъ и новое болѣе обширное разрушеніе Правительства, соединяясь прямодушно и самоотверженно подъ знаменемъ единства, должны совокупно итти къ этой цѣли, но не тѣмъ путемъ, которымъ шли дѣйствователи революціи, хотѣвшіе всѣ вѣковыя постановленія, всякую историческую самобытность государствъ, все отдѣльное, личное, и слѣдственно дѣйствительно существующее, обратить въ нѣчто *общее*, въ какую-то идеальную цѣлость безъ прошедшаго, безъ отечественнаго, безъ наслѣдственнаго, хотѣвшіе, однимъ словомъ, обратить всѣ историческія государства въ нули, и изъ суммы этихъ нулей составить метафизическую свою единицу подъ именемъ германскаго народа. Чтобъ дойти къ ихъ цѣли, то-есть дѣйствительному, твердому единству, надлежитъ только выбрать путь противный избранному ими; правительства должны такъ же энергически и съ такою же полною, взаимною довѣренностію соединиться для дѣйствія въ *пользу* порядка, съ какою соединены были для дѣйствія на общую гибель друзья безпорядка. Теперь наступило время само-

отверженія, теперь нѣтъ мѣста эгоистическимъ спорамъ о первенствѣ, нѣтъ мѣста ребячеству династической гордости, нѣтъ мѣста своекорыстному хищничеству: дѣло идетъ о возстановленіи *святого*, обруганнаго дерзкимъ развратомъ; о соединеніи всѣхъ силъ воедино для спасенія общаго сокровища: страха Божія, достоинства монаршаго, безопасности отъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, и истинной свободы, истекающей изъ благоговѣнія передъ святымъ, изъ уваженія власти, изъ покорности долгу. Извѣстно, чего желалъ для Германіи король Фридрихъ Вильгельмъ IV. За нѣсколько лѣтъ до революціи исполненіе тогдашнихъ его безкорыстныхъ предложеній, въ которыхъ на первомъ планѣ стояло предсѣдательство Австріи на совѣтѣ государей германскихъ, отвратило бы эту бѣдственную революцію и изъ рукъ законной власти Германія получила бы то, что теперь въ такомъ искаженномъ видѣ выпало ей изъ нечестивыхъ когтей мятежа. Кто тогда отвергнулъ спасительное предложеніе Пруссіи? Австрія, наконецъ, согласившаяся принять ихъ; но уже тогда судьба Божія произнесла свое наказующее: *поздно*. И теперь Пруссія, съ тѣмъ же самоотверженіемъ, безъ всякихъ своекорыстныхъ замысловъ предлагаетъ то же, то же, конечно, но то же *послѣ событій* 1848 и 1849 годовъ, которыхъ уже никакая сила не вырветъ изъ роковой цѣпи временъ. Тогда дѣло шло о *предотвращеніи* бѣдствія, которое такъ громогласно пророчили всѣ событія; теперь дѣло идетъ уже о *возстановленіи* того, что́ *совершившееся*, напрасно предвидѣнное и предсказанное бѣдствіе превратило въ развалины. Тогда всѣ правительства могли дѣйствовать *самобытно*, со всѣмъ достоинствомъ власти, свободно благотворящей; могли даровать произвольно необходимое, требуемое вѣкомъ, даровать не въ смыслѣ анархіи, а въ смыслѣ хранительной, державной власти; заслуживъ всеобщую благодарность, они возстановили бы и утраченную свою силу; теперь всѣ правительства, покорившіяся въ минуту страха беззаконному бунту, опутаны тѣми бѣдственными уступками, на которыхъ лежитъ печать монаршаго обѣщанія; и даръ, исторгнутый принужденіемъ, вредный для самихъ пріобрѣтателей (ибо есть произведеніе беззаконнаго ихъ буйства), не возбудилъ ни въ комъ благодарности и не произвелъ примиренія между враждующими партіями. Пруссія, которая со всѣми вмѣстѣ выпила горькую чашу наказанія, и теперь, какъ прежде, предлагаетъ вѣрное средство, *наиболѣе исполнимое* въ настоящую минуту, черезъ которую нельзя перепрыгнуть въ желаемое будущее, а это будущее необходимо наступитъ, если только безъ нетерпѣнія, безъ эгоизма будетъ постигнуто и исполнено одно *возможное* въ настоящемъ. Въ какомъ видѣ наступитъ желаемое будущее, знаетъ одинъ Богъ. Но Онъ говорилъ государямъ и народамъ: *дѣйствуйте по правдѣ*; за вашу правду нынѣ, Я воздамъ *Моею* правдою завтра. Прусскій монархъ искренно и самоотверженно желаетъ правды, и это уже доказано дѣломъ. Не онъ *вытѣсняетъ Австрію изъ Германіи*, она сама себя изъ нея вытѣснила своею конституціею; если при томъ взглянемъ на карту, то увидимъ, что Австрія всѣми своими пріобрѣтеніями выдвинута изъ Германіи, а Пруссія, напротивъ, тѣмъ же вѣковымъ процессомъ вдвинута въ ея внутренность. И такъ, если Австрія не можетъ, вслѣдствіе своей конституціи, быть непосредственно въ главѣ союзной Германіи, то кому занять ея мѣсто, какъ не Пруссіи? И если второстепенныя государства отказываются признать необходимое первенство Пруссіи, то здѣсь очевидно, что личной. династической спеси приносится въ жертву общая судьба Германіи. Пруссія не только не имѣетъ въ виду замысловъ на хищническое уничтоженіе самобытности державъ, которымъ предлагаетъ союзъ свой, но она именно этимъ союзомъ упрочиваетъ ихъ самобытность и разрушаетъ замыслы анархистовъ, которые ничего такъ не желаютъ *теперь*, какъ возстановленія стараго, безжизненнаго союза, дабы питать имъ духъ мятежа и ненависти, продолжать по частямъ раздроблять Германію, и потомъ снова, при первомъ удобномъ случаѣ, съ бо́льшимъ успѣхомъ нанести сокрушительный ударъ свой цѣлому. Разительнымъ доказательствомъ этого служитъ то, что всѣ анархисты или отказываются содѣйствовать Пруссіи, или дѣйствуютъ противъ нея въ лагерѣ ея противниковъ. У нихъ чутье тонкое, они чувствуютъ, что единство Германіи на томъ основаніи, на коемъ хочетъ ее построить Пруссія, есть смерть революціи, обличеніе несостоятельности представительнаго правительства и необходимое возстановленіе чистой монархической власти. Однимъ словомъ, Пруссія хочетъ одной правды, чужда своекорыстію и самоотверженно готова на всякую жертву для общаго блага; въ этомъ убѣдятся современники; по крайней мѣрѣ, такое свидѣтельство дастъ ей безпристрастная исторія“.

Вотъ сумма того, что я слышалъ и прежде и теперь отъ защитниковъ нынѣшней прусской политики. Не позволяя себѣ никакого собственнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ, ибо не имѣю для *этого* достаточнаго числа собственныхъ данныхъ, скажу здѣсь только одно: безкорыстность и честность прусской политики для меня неотрицаемы, и мое доказательство состоитъ въ томъ, что душа этой политики съ той минуты, какъ Пруссія предложила союзъ свой Германіи, есть Радовицъ. Ни для кого и ни для чего онъ не пойдетъ излучистымъ путемъ макіавелизма. Будетъ ли имѣть эта политика успѣхъ—это другое дѣло. Главнымъ врагомъ ея можетъ сдѣлаться тотъ самый эрфуртскій парламентъ, на которомъ она хочетъ утвердить свою силу. Но я теперь дошелъ до настоящаго предмета моей эпистолы; буду говорить о самомъ Радовицѣ.

И до 1848 года довольно много было о немъ говорено и писано; тогда болѣе въ немъ судили человѣка и писателя, и Радовицъ, котораго мнѣнія религіозныя, философическія и политическія были въ рѣзкой противоположности съ царствующими мнѣніями вѣка, слылъ какъ католикъ—іезуитомъ, ультрамонтаномъ, какъ политикъ — проповѣдникомъ абсолютизма. По вступленіи Радовица въ покойный парламентъ, онъ все еще носилъ эти данные ему титулы; прибавилось только то, что не проходило ни одного дня, чтобы въ какой газетѣ или брошюрѣ не появилась варіація на обѣ темы: *іезуитъ и абсолютистъ*; всѣ эти варіаціи были, однако, повтореніемъ одна другой; клевета не дремала: къ нападкамъ на мнѣнія, вымышляемыя или искаженныя, она присоединяла и низкую ложь на характеръ и на дѣйствія человѣка, на которомъ до сихъ поръ не лежитъ и тѣни упрека. Наконецъ, со времени призванія Радовица въ Пруссію, гдѣ онъ сдѣлался главною пружиною теперешней ея политики, тема *іезуитъ* варьируется только для того, чтобы не потерять привычки, а тему *абсолютистъ* заступила противоположная ей тема *радикалъ*. Въ какомъ чудовищномъ видѣ долженъ стоять передъ современниками этотъ повсемѣстно поносимый Радовицъ, однимъ неизмѣннымъ молчаніемъ отвѣчающій на всѣ низкія клеветы и оскорбленія, которыми съ одной стороны осыпаютъ его партіи (по натурѣ своей неспособныя быть справедливыми), а съ другой, подкупные работники партій, которые въ публичныхъ листахъ безсовѣстно продаютъ *pro* и *contra*, или враги личные, которые хотятъ удовлетворить клеветою зависти и злобѣ. Постараюсь объяснить феноменъ такой всеобщей, незаслуженной непріязни.

Радовицъ до вступленія своего въ прусскую службу былъ незнакомъ съ такъ-называемымъ большимъ свѣтомъ. Жизнь его была посвящена труду уединенному и тѣсному кругу друзей, въ которомъ онъ могъ независимо предаваться безъ всякой оглядки движеніямъ сердца и свободному выраженію своихъ чувствъ и мыслей. Онъ мыслилъ вслухъ для друзей, которые понимали не однѣ его мысли, но и его душу. Эта душа проста, во всякое время готова симпатически прини-

мать чужое чувство, чужую радость, чужое горе, въ ней нѣтъ и тѣни притворства: она младенчески довѣрчива—но къ этимъ золотымъ качествамъ не присоединялось (говорю о первомъ времени свѣтской жизни Радовица) искусство, которое такъ высоко цѣнится въ большомъ свѣтѣ, искусство ласкать всѣхъ и каждаго привѣтливымъ обхожденіемъ. Радовицъ не имѣлъ ни случая, ни досуга для образованія себя въ этомъ искусствѣ, и на сценѣ большого свѣта, какъ въ кругу знакомыхъ съ сердцемъ его друзей, выражалъ мнѣнія рѣзко, сильнымъ, неопровержимымъ словомъ, подкрѣпляя собственныя мысли артиллеріею необычайной учености: его желѣзная діалектика была сокрушительна, и этимъ оружіемъ онъ дѣйствовалъ безпощадно, не для того, однако, чтобы опрокинуть своего соперника, выказать свое надъ нимъ превосходство и тѣмъ оскорбить его самолюбіе — такого рода суетность совершенно чужда его высокому характеру — нѣтъ, онъ просто какъ рыцарь, вѣрный своей красавицѣ, выходилъ на поединокъ за то, что признавалъ въ сердцѣ своемъ истиною; правда, живость характера не давала ему терпѣливо выслушивать плоскостей или болтовни невѣжества, но никто не умѣетъ быть столь внимательнымъ къ тому, что достойно вниманія, никто не имѣетъ такой терпѣливости къ чужимъ убѣжденіямъ, не отличаетъ такъ прямодушно ошибочнаго мнѣнія отъ личности, принявъ за правило (правило любви христіанской, которому весьма немногіе слѣдуютъ) не ставить на счетъ нравственности сердца убѣжденій ума, ослѣпленнаго предразсудкомъ. Но эта рѣшительность мыслей и рѣзкость въ ихъ выраженіи изъяснена была высокомѣріемъ отъ всѣхъ, кто не былъ въ короткой связи съ Радовицемъ, которому и самые искренніе друзья его говорили: *надобно быть твоимъ другомъ, чтобы не сдѣлаться твоимъ непріятелемъ.* Тѣмъ изъ немногихъ, которые могли съ нимъ успѣшно единоборствовать на сценѣ общества, но которые желали сохранить исключительно для себя на этой сценѣ первую ролю, было вообще его присутствіе не по сердцу; многіе, которые не имѣли силъ съ нимъ бороться, и которыхъ тѣмъ болѣе сердило его надъ ними превосходство, что онъ (безъ всякаго высокомѣрія, а просто отъ недостатка искусственно-ласковой свѣтскости) не заботился золотить свои подносимыя имъ пилюли, были раздражены противъ него собственнымъ самолюбіемъ, всегда непримиримымъ, а весьма многіе, которые не могли никакого имѣть при немъ голоса и которыхъ ничтожество было для нихъ самихъ и для общества ощутительно отъ его превосходства, не могли сносить этого превосходства. Прибавьте сюда всѣхъ отрицателей вѣры, всѣхъ раціоналистовъ въ христіанствѣ, для которыхъ всякая положительная религія есть предразсудокъ, а всякій строго-вѣрующій—досадный обличитель ихъ безвѣрія—есть лицемѣрный піетистъ, когда онъ протестантъ, и іезуитъ, если онъ католикъ; наконецъ, сочтите всѣхъ такъ-называемыхъ либераловъ, и честныхъ, то-есть искренно убѣжденныхъ, и нечестныхъ, то-есть анархистовъ съ выгодами своекорыстными — и тѣмъ и другимъ была ненавистна чистая, монархическая доктрина Радовица, проповѣдуемая побѣдоноснымъ его словомъ и столь же побѣдоноснымъ перомъ его. Все это, взятое вмѣстѣ, объясняетъ всеобщее противъ него возстаніе, особенно въ теперешнюю минуту, когда онъ обстоятельствами вскинутъ на высоту, на которой всѣ тридцать два вѣтра партій съ ругательнымъ свистомъ на него, никакой партіи не принадлежащаго, нападаютъ и силятся растерзать его доброе имя. Были, конечно, голоса и въ пользу Радовица, но то были капли въ морѣ. Наконецъ, нашелся одинъ (Френсдорфъ), отважившійся говорить о немъ безпристрастно и отдать ему надлежащую справедливость.

Надобно однако замѣтить, что и онъ въ своей брошюрѣ говоритъ о Радовицѣ по однимъ публичнымъ документамъ. Онъ, правда, умѣлъ отдѣлить въ нихъ истину отъ лжи, но изъ того, *какъ* онъ говоритъ о самомъ лицѣ Радовица, кажется мнѣ, можно заключить, что онъ его лично не знаетъ, или знаетъ мало; какъ бы то ни было, нельзя не изъявить благодарности человѣку, который, по одному негодованію на несправедливость, сдѣлался адвокатомъ обвиненнаго, безъ всякой надежды, чтобы присяжные общаго мнѣнія, которые слуги партій (по обычаю всѣхъ присяжныхъ нашего времени) произнесли свой приговоръ въ смыслѣ чистой правды.

Къ суммѣ порицаній надобно прибавить еще одно: Радовица, строгаго монархиста, называютъ теперь ренегатомъ монархическаго вѣроисповѣданія. На это отвѣчаетъ за себя онъ самъ въ лицѣ Вальдгейма, который есть представитель мнѣній Радовица въ его *„Разговорахъ изъ настоящаго времени о государствѣ и церкви“*. Вотъ что говоритъ Вальдгеймъ:

„Ich halte mich verpflichtet, die Monarchie auch in ihrer Entstellung nach allen Kräften gegen die Theilung mit der Volks-Souveränität zu vertheidigen, und die Repräsentativ-Regierung wieder eben so gegen die Republik, ungeachtet ich den Vordersatz missbillige, ungeachtet ich die nothwendigen Folgerungen durchaus zugestehe, ungeachtet ich das Ende des Fersetzungsprozesses schmerzlich ahnen muss“.

Если прибавимъ къ этимъ словамъ Вальдгейма святыя слова изъ евангелія: *ищите во первыхъ царствія Божія и правды его и все остальное приложится вамъ*, то мы будемъ имѣть передъ глазами всего Радовица, и политика и человѣка. Вышесказаннаго достаточно для легкаго очерка; но для живого портрета нужны краски фактовъ. Я не намѣренъ писать біографіи; я хочу только дополнить разсказъ упомянутаго біографа нѣкоторыми подробностями, которыя мнѣ, по долголѣтней, дружеской связи съ Радовицемъ, могли быть вѣрнѣе многихъ извѣстны.

Не нужно упоминать о томъ, какъ щедро природа осыпала Радовица духовными дарами: этого не отрицаютъ и закоренѣлые враги его. Предназначивъ его для великихъ земныхъ испытаній, Богъ даровалъ ему и великія силы душевныя. Практически-свѣтлый, философически-глубокій и математически-вѣрный умъ, соединенный съ ребяческимъ чистосердечіемъ и съ непоколебимостію воли, которая крѣпко властвуетъ рулемъ ума, то-есть правилами, разъ признанными за вѣрныя—вотъ въ немногихъ словахъ характеръ Радовица.

Часто мелкія, случайныя обстоятельства, если только можно допустить дѣйствіе случая въ правительствѣ Божіемъ, имѣютъ роковое вліяніе на цѣлую жизнь нашу. Опираясь на этомъ, я утверждаю, что простая бочка много участвовала въ умственномъ образованіи Радовица. Въ первые годы его ребячества не весьма прилежно занимались его классическимъ ученіемъ, мальчикъ былъ оставленъ самому себѣ. Вмѣсто того: чтобы играть и проказничать съ своими сверстниками, онъ любилъ сидѣть за книжкою. И случай помогъ ему сдѣлать важное открытіе. Въ подвалѣ дома, въ которомъ жили его родители, отыскалъ онъ бочку; она была полна книгъ, набросанныхъ въ нее безъ всякаго порядка. Вскрывъ бочку, которую съ этой минуты ребенокъ призналъ своимъ законнымъ призомъ, онъ схватилъ первую попавшуюся ему книгу и съ жадностью прочиталъ ее; за прочтеніемъ книги послѣдовало новое посѣщеніе бочки; взята опять первая ощупанная рукою книга, совсѣмъ другаго содержанія, нежели прежняя, и она прочтена такъ же, какъ та—жадно и скоро. Такимъ образомъ, чтеніе, начавшееся съ верху бочки, дошло до дна ея. Можно себѣ представить какимъ хаосомъ разнообразныхъ предметовъ наполнилась голова ребенка, котораго память все схватывала и ничего не теряла. Когда открылось дно бочки, прекратились и всѣ на нее нашествія хищнаго читателя; но съ этой минуты началась главная его дѣятельность. Безпорядочное пріобрѣтеніе извнѣ уступило мѣсто внутреннему, умственному созданію цѣлаго изъ разнородныхъ, въ огромный хаосъ накопившихся

частей. Какую врожденную силу долженъ былъ имѣть этотъ свѣжій, молодой умъ для произведенія такого созданія! И, конечно, никакое методическое ученіе не укрѣпило бы такъ этого ума, какъ эта гимнастика мысли, приведшая въ движеніе всѣ его духовные мускулы. Роковая бочка отзывается и теперь во всѣхъ умственныхъ дѣйствіяхъ Радовица: это быстрое обхватываніе однимъ взглядомъ множества предметовъ, это всегдашнее соприсутствіе при всякой новой операціи ума всѣхъ матеріаловъ, въ разное время собранныхъ и сохраняемыхъ памятью, это вѣрное, легкое, какъ будто инстинктивное угадываніе того, что необходимо, и умѣнье отбрасывать все ненужное, этотъ лаконизмъ мысли и ея совпаденіе съ выражающимъ ее словомъ, эта пластическая стройность и плотная сжатость частей въ одно живое, легко объемлемое цѣлое, которое тогда является чистою истиною безъ всякой лигатуры — вотъ что мы находимъ теперь и въ дѣйствіяхъ ума, и въ краснорѣчіи Радовица. Я утверждаю, что все это вышло изъ роковой, изгнанной въ подвалъ бочки. Если бы книги, складенныя въ ней какъ ни попало, были въ порядкѣ разставлены на полкахъ, онѣ были бы и прочтены въ порядкѣ, и умъ читателя не имѣлъ бы нужды повторять работы древнихъ гигантовъ, которые по горамъ, ими набросаннымъ въ одну груду, почти добрались до неба и до Зевеса. Партизанскими набѣгами на бочку Радовицъ былъ хорошо приготовленъ къ регулярной войнѣ подъ знаменами политехнической школы, въ которой помѣщенъ былъ какъ подданный короля вестфальскаго. Какое широкое и глубокое развитіе должна была произвести математика, схваченная во всѣхъ ея отрасляхъ, на умъ, такъ самобытно и свободно возмужавшій и вдругъ подчинившій свою независимую дѣятельность строгой дисциплинѣ наукъ математическихъ! Когда изъ политехнической школы, въ которой выдержалъ блистательный экзаменъ, Радовицъ, произведенный въ офицеры артиллеріи, въ 1812 году поступилъ въ армію Вестфальскаго королевства, ему еще не было шестнадцати лѣтъ. Изъ рукъ Наполеона получилъ онъ крестъ Почетнаго Легіона. Въ эту эпоху замѣчательна не храбрость пятнадцатилѣтняго юноши (котораго умѣлъ замѣтить зоркій взглядъ Наполеона), а то, что для него и война, и поле сраженія были, такъ-сказать, продолженіемъ уроковъ политехнической школы; приложеніемъ математической теоріи къ практикѣ занимался онъ такъ же внимательно, какъ выстрѣлами пушекъ ввѣренной ему батареи; преслѣдуя глазами прыгающее по полю сраженія ядро, онъ изъяснилъ его убійственными скачками законы рикошета.

Возвращаюсь къ хронологическому порядку моего разсказа. По заключеніи вѣнскаго мира, 18-ти-лѣтній воинъ, который остался вѣренъ своему знамени *за и противъ* Наполеона, былъ сдѣланъ учителемъ высшаго класса математическихъ и военныхъ наукъ въ Касселѣ. Этотъ періодъ его жизни, съ 1815 по 1823 годъ, былъ, можетъ-быть, счастливѣйшимъ ея временемъ: онъ былъ періодомъ уединеннаго, могучаго, дѣятельнаго самосознанія, это была весна души, души высокой, пламенной, нѣжной, преисполненной сильнаго генія, открытой всему, что на землѣ прекрасно, жаждущей истины, жаждущей Бога. Что́ можно сравнить съ прелестью такой жизненной весны, въ которой подъ небомъ непорочной молодости, какъ подъ свѣтлымъ небомъ Италіи, разомъ расцвѣтаютъ всѣ благоуханные цвѣты жизни—цвѣты вѣры, цвѣты науки, цвѣты поэзіи, и съ ними всѣ упованія, чарующія нашу душу въ первые земные наши годы? Не могу безъ благоговѣнія думать объ этомъ творческомъ уединеніи юноши, который, въ это время, лишенный всякой фортуны (ибо онъ отказался отъ наслѣдства отца своего, для уплаты оставшихся послѣ него долговъ), сдѣлался покровителемъ своей, нѣжно имъ любимой и достойной любви его, матери, дѣлилъ съ нею свое небогатое достояніе (жалованье, имъ получаемое въ званіи учителя математики), а все остальное время посвящалъ наукѣ, но наукѣ въ обширномъ и высокомъ смыслѣ, то-есть не одному скопленію знаній, которыя обогащаютъ нашъ умъ, дѣлаютъ его властителемъ природы и, доставляя живѣйшія наслажденія, даютъ намъ способъ служить человѣчеству въ земномъ, общественномъ порядкѣ, но такой наукѣ, которая все понимаемое нами на землѣ соединяетъ въ одинъ яркій фокусъ, въ Бога, въ Бога живого, не дерзкимъ умомъ сотвореннаго, а самодающагося душѣ таинствомъ откровенія. Радовицъ, преданный до этой эпохи изученію математики, гдѣ все вполнѣ удовлетворяетъ мысли, гдѣ все есть чистая, неопровержимая очевидность, не былъ ни вѣрующій, ни отрицающій; математика, сперва теоретически изучаемая, потомъ прилагаемая къ дѣлу военному на полѣ битвы, не дала въ душѣ его мѣста ни вѣрѣ, ни безвѣрію. Но когда съ поля дѣятельной, практической жизни, еще во всемъ цвѣтѣ молодости, онъ вступилъ въ тишину уединенія и углубился въ самого себя, когда природа и ея законы, человѣкъ и исторія человѣческаго общества, правовѣдѣніе, языки древніе, восточные и новые, поэзія, музыка, искусство и, наконецъ, умозрительная философія, которая должна соединять всѣ части зданія въ одинъ гармоническій составъ, сдѣлались предметомъ его изысканій, тогда почувствовала эта глубокая душа, что всѣ эти знанія, сколь бы ни былъ обширенъ ихъ объемъ, сколь бы ни была многообразна изъ нихъ извлекаемая практическая польза, не имѣютъ никакой самобытности, никакого смысла безъ откровеннаго Бога; что до тѣхъ поръ они *сводъ безъ ключа*, пока не скрѣпило ихъ христіанство, довершающее дѣло человѣческаго генія непосредственнымъ даромъ Божіимъ, вѣрою, которая всю систему знаній обращаетъ въ нѣчто живое (какъ огонь, безъ котораго свѣча, назначенная для *освѣщенія*, не имѣетъ сама по себѣ никакой самобытности), которая изъясняетъ неизъяснимое, соглашаетъ противорѣчія и придаетъ земному знанію, исчезающему для насъ вмѣстѣ съ нашею земною жизнію, духовную неумираемость, то-есть сливаетъ все то, что мы здѣсь постигли умомъ своимъ, все, что мыслію чувствовали и испытали, въ одну идею живого. Радовицъ, котораго первое отрочество колебалось между протестантизмомъ и католицизмомъ, въ это время сдѣлался строгимъ католикомъ. Глубокое изученіе теологіи привело его къ вѣрѣ, а результатомъ всего этого, какъ основное практическое правило жизни, сдѣлалось вышеприведенное мною евангельское слово: *ищите прежде царствія Божія и правды его и все остальное приложится вамъ;* это правило проникло всѣ его мысли и всѣ его дѣйствія. Тѣ, которымъ его жизнь извѣстна вблизи, *знаютъ* это; тѣ, которые одной съ нимъ вѣры (католики, православные и протестанты), *понимаютъ* это; напротивъ, тѣ, которые сами этой вѣры не имѣютъ, не только не вѣруютъ его вѣрѣ, но именуютъ ее лицемѣрствомъ, почитая въ своемъ высокомѣріи безсмыслицею все, чего сами не смыслятъ, и невозможностію все, что отрицаютъ; и Радовицъ въ глазахъ ихъ есть просто іезуитъ, ультрамонтанъ, таящій въ душѣ своей глубокіе замыслы. Какіе? До сихъ поръ никому изъ его порицателей не удалось ничего вѣроятнаго въ отвѣтъ на этотъ вопросъ придумать. Въ наше время называть іезуитомъ того, кто не принадлежитъ къ ордену іезуитовъ, есть совершенная безсмыслица. Что же касается до настоящихъ іезуитовъ, то они герои нашего вѣка; они дерзко передъ его нетерпимостію носятъ на себѣ ненавистный свой титулъ и строго исполняютъ всѣ постановленія своего ордена. Для чего? Какую побѣду и надъ кѣмъ можетъ одержать эта отставная милиція папы? Какія могутъ быть ихъ надежды теперь? Они просто вѣрны своему отверженному обществу и терпятъ гоненіе за эту вѣрность. Но ихъ правила, или, справедливо сказать—ненавистное злоупотребленіе ихъ правилъ, которымъ руководствовался въ прежнее время и навлекъ на себя всеобщую ненависть ихъ орденъ, это злоупотребленіе ихъ правилъ, безъ ихъ титула, присвоено ихъ бѣшеными про-

рицателями, которые, вступивъ въ орденъ анархіи, признаютъ всякое средство для достиженія цѣли своей позволительнымъ, проповѣдуютъ цареубійство, мятежъ, грабительство, кровопролитіе и употребляютъ явно и тайно всѣ способы, чтобы всеобщимъ безвѣріемъ и развратомъ упрочить себѣ такое владычество надъ міромъ, о которомъ никакой изъ самыхъ закоренѣлыхъ іезуитовъ не позволялъ себѣ и грезить.—Кто-то, желая оскорбить Радовица, назвалъ его *воинственнымъ монахомъ* (и это было повторено всею шайкою хулителей); но въ этомъ титулѣ безъ намѣренія произнесена была похвала, а не порицаніе. Воинственный монахъ—слѣдовательно отшельникъ отъ свѣта, живущій посреди свѣта и воюющій съ свѣтомъ, и отказавшійся отъ всѣхъ тѣхъ наслажденій чувственныхъ и страстно искомыхъ благъ, въ которыхъ по горло утопаютъ всѣ не-монахи, и служащій вѣрою и правдою Тому, Кто, посылая учениковъ своихъ благовѣстить о Его пришествіи, сказалъ имъ: *вы не отъ міра и міръ возненавидитъ васъ*. Такимъ монахомъ вышелъ Радовицъ изъ той келліи, въ которой онъ, добровольный затворникъ, провелъ десять лѣтъ юношеской жизни въ приготовленіи къ той войнѣ, о которой намекаетъ въ данномъ ему титулѣ *воинственнаго монаха* его добросовѣстный порицатель, противъ желанія похваляющій его своею хулою. Въ эти святые дни чистѣйшей молодости, въ которые умъ его, скопивъ необъятныя знанія, привелъ ихъ къ одному общему знаменателю вѣры, онъ не выходилъ изъ очарованнаго круга внутренней жизни, онъ заглядывалъ въ него мимоходомъ, посвящая досуги свои нѣжнѣйшимъ заботамъ о милой матери и тѣсному кругу друзей, между которыми одинъ, избранный сердцемъ, сдѣлался товарищемъ души его на всю жизнь. Оба товарища одинакими глазами смотрѣли на жизнь и свѣтъ, для обоихъ былъ одинъ и тотъ же идеалъ, разница между ними была та, что одинъ, богатый знаніями, былъ наставникомъ другому, который, съ своей стороны, имѣлъ живую воспріимчивость сердца и обращалъ въ собственность дары, истекавшіе изъ души друга. Говорю о Рейтернѣ. Замѣчательно то, что въ сраженіи подъ Лейпцигомъ они находились въ противныхъ фрунтахъ; Радовицъ командовалъ артиллерійскою батареею, у Рейтерна оторвало ядромъ правую руку. Кто знаетъ? Можетъ-быть, это ядро вылетѣло изъ той пушки, которой Радовицъ прокричалъ свое: *пали!* вѣрно только то, что этотъ роковой выстрѣлъ, по сцѣпленію обстоятельствъ, свелъ на одну дорогу друзей и былъ для нихъ источникомъ великаго благословенія. Обращаясь къ воинственному монаху, скажу, что первое сраженіе его въ этой монашеской войнѣ была побѣда, которой лаврами (какъ то́ и принадлежитъ къ характеру подобной войны) была утрата его мѣста и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ способовъ существованія. Радовицъ, держа сторону угнетенной слабости противъ угнетающей власти, былъ выгнанъ изъ Касселя и выдержалъ нѣсколько мѣсяцевъ заточенія въ Цигенхайнѣ. Наконецъ, курфирстъ, одумавшись, возвратилъ ему свободу и, вычеркнувъ его изъ своей службы, далъ ему пенсіонъ съ оригинальнымъ условіемъ, чтобы онъ этимъ пенсіономъ пользовался внѣ границъ Гессенъ-Касселя. Радовицъ, отвѣчалъ, что онъ, не заслуживъ наказанія, не почиталъ приличнымъ принять такого рода награду, отказался отъ пенсіона и отправился въ свое изгнаніе, не имѣя никакого достатка и никакой вѣрной цѣли передъ глазами, съ однимъ лучшимъ своимъ богатствомъ—съ своею матерью, въ которой былъ олицетворенъ предъ нимъ завѣтъ Божій, выраженный въ его пятой заповѣди. На дорогѣ изгнанія Радовицъ отдохнулъ въ гостиницѣ, отведенной ему дружбою; потомъ открылась для него болѣе широкая дорога дѣятельности. Упомяну здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, означающемъ и силу его воли и трезвость его ума, надъ которымъ никогда не властвовало обольщеніе минуты. Ему надлежало выбрать между второстепеннымъ мѣстомъ субалтернъ-офицера въ прусской арміи и обязанностію быть главнымъ воспитателемъ принца при такомъ дворѣ, гдѣ, исправляя должность, удовлетворительную для ума и сердца, онъ нашелъ бы самый привлекательный и образованный кругъ общества. Онъ выбралъ первое, предпочитая желѣзную подчиненность военной дисциплины пріятной независимости педагога, которая казалась сибаритствомъ его стоической душѣ, менѣе дорожившей трудомъ, крѣпительнымъ для ея силы. Радовицъ былъ призванъ въ Берлинъ въ 1823 году. Здѣсь неутомимая дѣятельность ума его приняла новое направленіе: къ математикѣ и къ военной наукѣ присоединилась политика; хотя онъ еще и не былъ вызванъ на ея дорогу, но введенный въ общество, составлявшее кругъ геніальнаго кронпринца, онъ вошелъ въ сношеніе со многими знаменитѣйшими людьми нашего времени, государственными, учеными и художниками; горизонтъ его практической жизни расширился. Но главнымъ его пріобрѣтеніемъ въ эту эпоху была связь съ самимъ кронпринцемъ, котораго душа, преисполненная стремленіемъ ко всему высокому, нашла въ душѣ Радовица отвѣтъ на всѣ свои жизненные вопросы. Эта дружба, со стороны кронпринца непритворная, со стороны Радовица безкорыстная, преданная и самоотверженная, сохранилась неизмѣнно и донынѣ. Она имѣла великое вліяніе на всю послѣдующую жизнь Радовица; она сдѣлалась, такъ-сказать, осью ея обращенія, особенно съ той минуты, когда на тронѣ Пруссіи мѣсто благодушнаго Фридриха III-го заступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, котораго душа такъ искренно, такъ безкорыстно, съ такою вѣрою въ Бога желала и желаетъ блага общаго и частнаго, котораго просвѣщенный геній такъ ясно понимаетъ, въ чемъ это благо состоитъ, но которому Богъ, строго испытующій своихъ избранныхъ, далъ вытерпѣть величайшее изъ земныхъ бѣдствій, допущеніе отъ нерѣшительности въ роковую минуту сокрушиться всѣмъ идеаламъ, озарявшимъ его чистую жизнь.—Фридрихъ-Вильгельмъ IV пріобрѣлъ въ Радовицѣ сокровище, не многимъ данное на тронѣ: друга по сердцу, друга, который въ своемъ государѣ любилъ и любитъ безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ его самого равно нѣжно, какъ въ свѣтлые дни вдохновительныхъ упованій, говорившихъ о созданіи благоденствія отечеству и прочнаго мира народамъ, когда такъ сладостно было находить въ душѣ своего монарха такое чистое стремленіе и ему содѣйствовать, такъ и въ темные дни мятежа всеобщаго, когда остается одно: отбросивъ всякую надежду на успѣхъ, итти путемъ правды, рука въ руку съ государемъ своимъ, и съ нимъ вмѣстѣ устоять или съ нимъ вмѣстѣ погибнуть. Я не пишу біографіи Радовица, а только его портретъ, и потому не считаю нужнымъ говорить о томъ, какъ изъ Берлина онъ попалъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ ему (тогда только майору въ главномъ штабѣ) дано было важное мѣсто, которое передъ тѣмъ занималъ генералъ-отъ-инфантеріи. Не буду повторять того, что сказано въ печатной біографіи о публичной жизни Радовица въ промежуткѣ отъ 1840 года до настоящаго времени. Дополненіемъ къ тому можетъ служить и брошюра самого Радовица, изданная въ 1848 году, которая бросаетъ блистательный свѣтъ какъ на дѣйствія короля прусскаго въ послѣдніе предшествовавшіе революціи годы, такъ и на его теперешнія намѣренія относительно устройства Германіи. Буду говорить объ одномъ домашнемъ Радовицѣ. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ осуществить благія идеи свои, которыхъ исполненіе произвело бы благодѣтельный переворотъ въ Германіи и, вѣроятно, спасло бы ее отъ разрушительнаго потрясенія, Радовицъ жилъ тихо въ Карлсру, занимая мѣсто министра при баденскомъ дворѣ и сохранивъ званіе уполномоченнаго по дѣламъ военнымъ при Союзѣ Германскомъ. Его здоровье было сильно потрясено. Мудрецъ, наименовавшій его воинственнымъ монахомъ, конечно назвалъ бы эту болѣзнь заваломъ неудовлетвореннаго

честолюбія. Но тѣмъ, которые знають и уважають истину, коротко извѣстно, что Радовицъ того честолюбія, которое можетъ производить подобные въ душѣ завалы, вовсе не имѣетъ. И они, съ своей стороны, готовы назвать его въ *смыслѣ честолюбія* воинственнымъ монахомъ—но честолюбіе ихъ монаха будетъ не иное что, какъ исключительная любовь къ чести Божіей, которая одна есть путеводительный компасъ дѣйствій Радовица. Нѣтъ! при всемъ благородномъ желаніи сохранить во всей чистотѣ свое доброе имя, дѣйствовать широко и благотворно на свое время, оставить по себѣ примѣръ добра своимъ дѣтямъ и добрую память потомству, Радовицъ чуждъ того честолюбія, которое тревожитъ и мучитъ душу исканіемъ власти, первенства, рукоплесканій славы, блеска фортуны. Его честолюбіе есть стремленіе смиренно и безукоризненно приносить ежедневно отчетъ свой передъ судящаго его душу Бога, дабы не затрепетать передъ тою минутою, которая нѣкогда потребуетъ послѣдняго отчета; это честолюбіе найдете въ немъ во всякое время; такое честолюбіе исключаетъ изъ души всякое другое. Такъ! болѣзнь его могла происходить отъ многихъ горькихъ неудачъ, но не отъ неудачъ своекорыстія. Нѣтъ! отъ неудачъ того, что умъ призналъ верховною правдою, чего сердце желало, какъ блага міру, и чему враждебно противоборствовала демоническая сила нашего времени. Утомленный такого рода неудачами, Радовицъ не желалъ ничего иного, какъ совершеннаго отстраненія отъ дѣлъ государственныхъ; онъ желалъ быть забытымъ въ томъ уголкѣ Германіи, гдѣ имѣлъ самый смиренный кругъ дѣйствія, но гдѣ съ полной свободой, несмотря на страданія тѣлесныя, предавался наукѣ и размышленію. Въ эти дни родилась его книга, обратившая на себя вниманіе всей Германіи (Gesprae che aus der Gegenwart über Staat und Kirche. Erfurt und Leipzig, 1847). Она была написана въ нѣсколько дней, въ то время, когда авторъ ея находился больной въ Вильдбадѣ, гдѣ пользовался теплыми водами. Въ ней ясно и полно выражены не только мысли самого Радовица, но и всѣ имъ противоположныя мнѣнія о важнѣйшихъ предметахъ государства и церкви. Чтеніе этой книги было глубокимъ ***наслажденіемъ*** для мысли въ то время, когда она появилась; но теперь нельзя ее перечитывать безъ изумленія и нѣкотораго страха; изъ нея раздается какъ-будто эхо пророческаго, никѣмъ не услышаннаго, событіями оправданнаго голоса; она появилась въ свѣтъ какъ гигантская тѣнь, предвозвѣщавшая бѣду подходящую, но по которой никто не предугадалъ близости страшилища; и теперь, когда страшилище прошло, оставивъ на пути своемъ разрушеніе, та же тѣнь его тянется вслѣдъ за нимъ, и на теперешнюю глядятъ съ тѣмъ же невниманіемъ, съ какимъ глядѣли на прежнюю. Литературное достоинство этой книги стоитъ наравнѣ съ превосходнымъ ея содержаніемъ. И здѣсь отзывается роковая бочка. Какое безчисленное множество предметовъ сжато безъ всякаго порядка въ тѣсную раму этихъ вымышленныхъ разговоровъ, имѣющихъ всю легкость и всю небрежную неприготовленность разговоровъ дѣйствительныхъ! Во всѣхъ философическихъ разсужденіяхъ, имѣющихъ форму разговоровъ, драматическая часть занимаетъ мѣсто подчиненное; всѣ лица говорятъ только для того, чтобы одному главному лицу дать средство высказать свои мысли. Въ книгѣ Радовица драматическое, не будучи главнымъ (ибо въ такомъ случаѣ оно повредило бы дѣйствію цѣлаго и форма заступила бы мѣсто содержанія), имѣетъ всю живость драмы; каждое лицо отличается своею собственною физіономіею, говоритъ за себя и употребляетъ всю силу діалектики, чтобы побѣдить и убѣдить своего соперника. И какъ то́ бываетъ въ дѣйствительныхъ спорахъ, каждый изъ выведенныхъ на сцену актеровъ остается при своемъ убѣжденіи, а читателю должно самому рѣшить, на чьей сторонѣ правда: для него остается очевиднымъ только то, что представитель самого автора, слѣдственно и того, что самъ авторъ почитаетъ истиннымъ, не есть радикалъ-атеистъ Детлевъ, ни бюрократъ Эдеръ, ни раціоналистъ-адвокатъ представительнаго правленія Крузіусъ, ни вѣрующій протестантъ-абсолютистъ Арнсбургъ (всѣ, впрочемъ, честные люди), а строгій католикъ Вальдгеймъ, защитникъ чистой, на Божіей правдѣ основанной монархіи. Конечно, весьма трудно извлечь корень изъ этого философическаго квадрата; но авторъ писалъ не для дѣтей, а для читателей, знающихъ ариѳметику, и онъ хотѣлъ дать имъ случай повторить легкимъ образомъ ту трудную операцію, которую въ своемъ ребячествѣ сдѣлалъ надъ бочкою.

Въ это время судьба Божія наслала на него великое испытаніе, которое онъ перенесъ какъ христіанинъ, нѣжный сердцемъ и твердый духомъ: онъ потерялъ единственную дочь. Пятнадцати лѣтъ, она была уже въ полномъ развитіи, была прекрасна, щедро одарена и готовилась быть прелестью свѣта.—Вдругъ у самаго входа въ этотъ свѣтъ остановила ее смерть; но, быстро уводя ее за собою, она дала ей свѣтлымъ окомъ непорочности взглянуть и на покидаемую жизнь, и на приближающуюся вѣчность. Въ немногія мгновенія отходящая, молодая душа ея, вдругъ просвѣщенная, получила все, что пріобрѣтается однимъ долгимъ здѣсь пребываніемъ и обыкновенно цѣною тяжелыхъ испытаній; она, какъ говоритъ Боссюэтъ, привѣтливо приняла смерть. И какъ ни глубоко пронзила ея утрата сердце отца и матери, но она дала имъ увидѣть глазами то, что всего желаннѣе: увидѣть таинство перехода души въ жизнь вѣчную во всей чистотѣ первобытной, во всей радости примиренія съ Богомъ. таинство совершившееся надъ ихъ дочерью, которой послѣднія минуты останутся навсегда неисчерпаемымъ сокровищемъ сладчайшаго воспоминанія. Земныя бѣдствія получаютъ значеніе свое по мѣрѣ той ясности, въ какой они являютъ намъ посылающаго ихъ Бога. Въ этой милой, чистой дѣвственной кончинѣ Его присутствіе ознаменовалось самымъ умилительнымъ образомъ; оно проникло душу родителей, и болѣзнь печали обратилась для нихъ въ глубокое ощущеніе Господней благодати. Чтобы означить одною чертою и твердость, и нѣжность души Радовица, скажу, что во все продолженіе роковой болѣзни онъ ежедневно писалъ къ семейству друзей своихъ, которые тревожились о его дочери, и, наконецъ, почти въ самый часъ ея кончины самъ въ немногихъ, трогательныхъ словахъ описалъ имъ ея послѣднія минуты. На гробѣ ея стоитъ: Ich werde loben den Herrn in dem Lande der Lebendigen.

Въ этомъ надгробіи есть что-то удивительное и таинственное. Оно не только утѣшно для вѣрующаго сердца, но и сильно говоритъ воображенію. Кто видѣлъ Марію Радовицъ во всемъ цвѣтѣ красоты и молодости, и читаетъ на тихомъ гробѣ или про-себя вспоминаетъ эти слова, тому какъ-будто видится эта душа, пролетающая землю живыхъ, и какъ-будто слышится ея знакомый, славящій Бога Всевышняго, голосъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1847 года (черезъ полтора года послѣ смерти дочери) начинается тревожная, политическая дѣятельность Радовица. Она описана подробно Френсдорфомъ. Этотъ періодъ его жизни представляетъ неразрывную цѣпь испытаній тяжелыхъ, но выносимыхъ съ твердостью непоколебимою. Сначала безполезная поѣздка въ Вѣну для рѣшительнаго побужденія австрійскаго правительства къ преобразованію Германскаго Союза—исполненіе этого плана остановлено швейцарскими смутами; потомъ поѣздка въ Парижъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ швейцарскихъ—швейцарскія дѣла исчезаютъ передъ февральскою революціею; Пруссія спѣшитъ вызвать Австрію на немедленное приступленіе къ преобразованію Германіи и съ ея полномочіемъ снова посланъ Радовицъ въ Вѣну—поздно; и Вѣна, и, вслѣдъ за нею, Берлинъ падаютъ во власть анархіи. Немедленно по возвращеніи въ Берлинъ Радовицъ взялъ чистую отставку, какъ гене-

ралъ и какъ дипломатъ, и покинулъ столицу Пруссіи, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ во всемъ своемъ отвратительномъ безчинствѣ, не имѣвъ прискорбной отрады взглянуть на своего государя, увлеченнаго силою обстоятельствъ на иной путь, на которомъ его вѣрный слуга не могъ уже за нимъ слѣдовать. Онъ долженъ былъ его покинуть окруженнаго такою бурею, которой приближеніе оба предвидѣли, которую оба усиливались отвратить и которая своимъ порывомъ бросила короля именно въ тотъ самый потокъ, отъ разливныхъ волнъ котораго онъ такъ желалъ защитить свое отечество. Въ эту минуту, казалось, вдругъ пропала подъ ногами Радовица та дорога, по которой до того времени указывало ему итти Провидѣніе. Имѣя только то честолюбіе, о которомъ я говорилъ выше, и совершенно чуждый своекорыстію, онъ не пожалѣлъ о внезапной утратѣ всего, что называется въ свѣтѣ фортуною (ошибочный переводъ этого слова есть *счастіе*): полный тяжкой скорби о своемъ государствѣ и бѣдствіяхъ, постигшихъ отечество, но съ тишиною сердца, въ которомъ не шептало противъ него никакого упрека, Радовицъ покинулъ сцену своей публичной дѣятельности; онъ удалился въ Мекленбургъ, гдѣ нашелъ убѣжище въ семействѣ милыхъ родныхъ. Съ ноября 1847 года, слѣдовательно, почти ровно шесть мѣсяцевъ, былъ онъ въ разлукѣ съ своимъ семействомъ; его жена и четверо сыновей находились въ Карлсру. Поселившись въ Гивицѣ, въ домѣ своего шурина графа Фосса, онъ написалъ къ женѣ, чтобы она покинула Баденъ и переселилась съ дѣтьми также въ Гивицъ. Здѣсь, отдохнувъ подъ гостепріимною кровлею дружбы и разобравъ то немногое, что послѣ кораблекрушенія было ему выброшено волнами на берегъ, онъ хотѣлъ на досугѣ устроить планъ своей жизни. Итогъ оставшагося ему достоянія былъ весьма скуденъ: небольшая сумма, скопленная строгою экономіею во всѣ годы службы, и пенсіонъ генеральскій, который онъ имѣлъ полное право получить немедленно, но который былъ опредѣленъ ему нѣсколькими мѣсяцами позже, такъ что вначалѣ (какъ депутатъ національнаго собранія во Франкфуртѣ) онъ не имѣлъ никакого иного дохода, кромѣ діетъ своихъ, то-есть, если не ошибаюсь, трехъ или пяти гульденовъ въ день. Этимъ пенсіономъ надлежало удовлетворить всѣмъ потребностямъ жизни и давать образованіе четыремъ сыновьямъ, которые всѣ уже готовы были къ начатію классическаго ученія. Но Радовицъ недаромъ учился математикѣ въ политехнической школѣ; какъ прежде, онъ прилагалъ теорію рикошета къ прыгающимъ на полѣ сраженія ядрамъ, такъ и здѣсь, на полѣ иного сраженія, онъ умѣлъ сладить самымъ удовлетворительнымъ образомъ свой расходъ съ своимъ приходомъ, включивъ въ бюджетъ самое строгое ограниченіе жизни, которое, впрочемъ, ни для него, ни для героическаго характера его жены ничего затруднительнаго не представляло. И, вѣроятно, въ эти дни испытанія не разъ и онъ, и она подумали съ умиленіемъ о той спокойной могилѣ, въ которой скрылась отъ жизни ихъ милая дочь, на которой въ то время свѣжо распускала весна свои цвѣты, тогда какъ кругомъ свирѣпствовалъ мятежъ, за которою было такъ небесно-свѣтло, тогда какъ земное будущее часъ-отъ-часу становилось темнѣе. Эти немногіе дни, проведенные въ Гивицѣ, были для усталой души Радовица крѣпительнымъ отдыхомъ. Почитая конченнымъ тотъ путь, по которому онъ до тѣхъ поръ шелъ, повинуясь указанію Промысла, онъ сдѣлалъ свои предварительные расчеты для новой открывшейся ему дороги: эта дорога должна была его вести прямо туда, гдѣ все покоитъ, довольствуетъ и возвеличиваетъ душу: въ святилище науки, недоступное волненіямъ свѣта. Утѣшенный свиданіемъ съ семействомъ, которое, покинувъ Карлсру, соединилось съ нимъ въ Гивицѣ, онъ весело отдохнулъ на перепутьѣ къ этому желанному убѣжищу, гдѣ надѣялся, наконецъ, предаться вполнѣ духовной жизни, разставшись съ тревогами свѣта. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы поселиться въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ Пруссіи, гдѣ было бы жить дешево, гдѣ находилась бы хорошая гимназія для учебнаго образованія дѣтей и гдѣ былъ бы климатъ здоровый; онъ думалъ выбрать Вецларъ. Между тѣмъ, дабы пріятно раздѣлить свой досугъ съ окружающими его родными, онъ вызвался преподавать имъ лекціи нѣмецкой литературы среднихъ вѣковъ. Предложеніе принято было съ радостію, и лекціи начались объясненіемъ народной нѣмецкой Иліады, *Пѣсни Нибелунговъ*. Это обстоятельство само по себѣ не заслуживаетъ особеннаго вниманія; но если вспомнить, кто и послѣ какихъ событій съ такою сладостью переходитъ изъ міра тревогъ, гдѣ на самомъ себѣ испыталъ разрушительность благъ житейскихъ, въ безмятежный міръ поэзіи и тамъ все забываетъ, раздѣляя прелесть этой поэзіи съ сердцами, понимающими его сердце—то невольно почувствуешь благоговѣніе передъ младенческою свѣтлостію этой души, которая глубоко вѣдая, какая буря окружаетъ ее, такъ же оставалась тиха при своемъ занятіи, какъ младенецъ, безстрашный отъ своего непорочнаго незнанія. Но этотъ поэтическій отдыхъ не продолжался. Дня черезъ три по открытіи лекцій (при которыхъ присутствовали только жена и дѣти профессора, его теща графиня Фоссъ, и ея сынъ съ своею женою), посреди изъясненій безъименнаго Гомера Германіи, подали Радовицу письмо; онъ прочиталъ его и молча подалъ его женѣ, которая, по прочтеніи письма, не задумавшись, сказала одно слово: *поѣзжай*. Письмо было отъ незнакомаго, который увѣдомлялъ Радовица, что онъ выбранъ отъ вестфальскихъ округовъ (арнсбургскаго и вестфальскаго) депутатомъ во франкфуртскій парламентъ. И уже въ тотъ же вечеръ Радовицъ былъ на дорогѣ во Франкфуртъ. Это одна изъ тѣхъ героическихъ или богопослушныхъ минутъ человѣческой жизни, въ которыя совершается величайшее торжество души нашей: ея полное самоотверженіе передъ голосомъ долга, то-есть, въ смыслѣ Радовица и въ смыслѣ истины, передъ волею вышнею. Для Радовица быть депутатомъ франкфуртскаго парламента значило вступить въ бой со всѣми враждебными мнѣніями нашего времени, значило броситься въ быстрый потокъ, чтобы плыть противъ теченія и, сражаясь съ волнами, если не остановить на немъ корабль, сорванный имъ съ якоря и толкаемый на бурное стремя хищниками, уповающими обогатиться добычею отъ его разрушенія, то хотя помочь другимъ, его спасающимъ, удержать его у какого-нибудь берега и не дать ему умчаться въ открытое море. Онъ зналъ напередъ, что ему нельзя ожидать никакого успѣха, по крайней мѣрѣ, того успѣха, который одинъ могъ быть для него желаннымъ, что ему надлежало вступить подъ деспотическое знамя партій и бороться съ тѣмъ всеобщимъ предубѣжденіемъ, которое въ отношеніи религіи величало его *іезуитомъ*, а въ политикѣ видѣло въ немъ грубаго *абсолютиста* и честолюбца, таящаго въ душѣ непроницаемые замыслы; онъ зналъ, что, при появленіи его на сценѣ парламента, крики вражды и клеветы противъ него сдѣлаются общимъ воплемъ—все это онъ зналъ, и пожертвовалъ этому призыву, разрушительному для его спокойствія, всѣми душевными благами, которые начинали уже слетаться для него подъ кровлею построеннаго имъ воздушнаго замка въ мечтательномъ уголкѣ Вецлара.

Не буду говорить о парламентской дѣятельности Радовица во Франкфуртѣ. Она изображена довольно подробно въ брошюрѣ Френсдорфа. Я плохой судья въ политикѣ. Но въ политикѣ, которой слѣдуетъ Радовицъ, я лучше всѣхъ знаю, на какой оси она вертится. Эта ось есть воля Божія.

Приведу здѣсь одинъ случай, дабы яснѣе обозначить и нравственный характеръ Радовица. Онъ оставилъ въ Гивицѣ все свое семейство. Черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ своемъ во Франкфуртъ, онъ получилъ отъ жены письмо, въ которомъ она извѣщала

его, что кругомъ ихъ бунтуютъ крестьяне, что они принуждены бѣжать изъ Гивица, въ сосѣдствѣ котораго уже свирѣпствуютъ мятежники. Въ это время я имѣлъ случай видѣть Радовица. Къ дѣламъ парламента, которыхъ ходъ и направленіе угнетали его душу, вдругъ присоединилась такая страшная тревога: жена и дѣти окружены опасностію, а онъ отъ нихъ далеко и каждое письмо приноситъ извѣстія болѣе и болѣе тревожныя. Что же? Когда я, понимая эту пытку неизвѣстности (которая продолжалась каждые двадцать четыре часа въ промежуткахъ между двумя письмами), ему сказалъ: „что еще узнаешь ты завтра?“ онъ отвѣчалъ: *я узнаю самое для меня лучшее*, и онъ сказалъ это просто, какъ отвѣтъ, необходимый на нѣчто ежедневное, *самое лучшее! что бы ни случилось — все лучшее, ибо оно отъ Бога!* Признаюсь, мнѣ никогда не случалось слышать ничего, въ чемъ бы такъ выразилась вѣра въ провидѣніе Божіе, обращенная въ постоянное, всегда въ душѣ присутственное чувство, въ ея всегдашнюю, глубокую мысль, развивающую свѣтъ и миръ на все житейское. Скоро пришли извѣстія успокоительныя, онъ же продолжалъ безостановочно исполнять ближайшій долгъ свой.

На трибунѣ франкфуртскаго парламента явился Радовицъ, какъ ораторъ высшаго разряда. Многіе изъ писавшихъ о немъ утверждаютъ, что онъ предварительно сочиняетъ и пишетъ свои рѣчи. Это несправедливо. Всѣ онѣ были импровизированы. Само по себѣ разумѣется, что, готовясь взойти на трибуну, онъ составлялъ предварительно въ головѣ и, можетъ-быть, записывалъ всю цѣпь своихъ предложеній; но живое слово, выражающее все въ связи, было всегда созданіемъ минуты. Его краснорѣчіе имѣетъ характеръ ляпидарный: неразрывная цѣпь мыслей, для каждой мысли столько словъ, сколько нужно, ни болѣе ни менѣе, и каждое слово точно, разительно, необходимо. Нѣтъ нигдѣ позыва на эффектъ; но этотъ эффектъ полный, не отъ искусственнаго блеска выраженій, не отъ ораторскаго кокетства, а отъ ясности, которая даетъ слушателю легко обхватывать однимъ взглядомъ все цѣлое. Тайна этого краснорѣчія, какъ говорилъ самъ Радовицъ, заключается въ господствѣ воли надъ мыслію и словомъ, въ рѣшимости ничего не имѣть передъ глазами, кромѣ своей цѣли, и итти къ ней путемъ рѣчи, не обращая вниманія ни на что постороннее, ни на собственный успѣхъ, ни даже на вниманіе слушателей—впередъ самымъ короткимъ путемъ, дойти незамѣтно—вотъ все. Приведу здѣсь то, что мнѣ случилось сказать въ письмѣ къ пріятелю о характерѣ этого чуднаго краснорѣчія. Я сравнилъ слогъ Радовица съ слогомъ тогдашнихъ современныхъ политиковъ: „Въ слогѣ человѣка весь человѣкъ, le style c'est l'homme“, говоритъ Бюффонъ; это неоспоримо; передъ глазами моими лежатъ четыре печатныя статьи: одна—обозрѣніе 1848 года въ Новой Прусской Газетѣ (кто авторъ ея, мнѣ не извѣстно), рѣчь ***Бассермана*** о выборѣ германскаго императора, исповѣдь кандидата для выборовъ въ камеру депутатовъ ***Каница*** и рѣчь ***Радовица*** за Австрію. Всѣ эти статьи прочиталъ я съ живѣйшимъ участіемъ. Вѣрное выраженіе внѣшнимъ словомъ того, что внутри души есть истина, имѣетъ несказанную увлекательность; но оно зависитъ и пріобрѣтаетъ свои оттѣнки отъ личности выразителя. Примѣняя это къ четыремъ прочитаннымъ мною статьямъ, скажу, что истина Бассермана кажется выходящею изъ твердой души, которая, передавая ее другимъ, сама съ нею имъ не дается; отъ него принимаешь, но съ нимъ самимъ не имѣешь ничего общаго, и слово его, при всей убѣдительности, оставляетъ тебя въ покоѣ. Истина обозрителя, напротивъ, выходитъ изъ души горячей: ее принимаешь съ живымъ участіемъ, но и съ какою-то тревогою, которая происходитъ отъ примѣси чего-то страстнаго, чувственно-человѣческаго, къ тому, что по натурѣ своей есть чисто-духовное; это сводитъ ее степенью ниже, хотя и не вредитъ ея дѣйствію. Истина Каница имѣетъ привлекательную прелесть отъ чистоты и прозрачности того языка, который ее выражаетъ, но она теряетъ часть своего достоинства отъ какой-то легкой игривости и искусственнаго простодушія, которыя даютъ чувствовать, что выражающій ее столь же заботится о дѣйствіи своего краснорѣчія, какъ о самомъ его предметѣ. Съ Бассерманомъ не думаешь о человѣкѣ; съ обозрителемъ любишь человѣка, но тѣмъ самымъ, такъ-сказать, становишь на одну съ нихъ доску его истину и не даешь ей принадлежащаго ей первенства; съ Каницемъ занимаешься болѣе самимъ человѣкомъ, который своею заботливостію объ эффектѣ уменьшаетъ простоту своей истины и вредитъ ея спокойному дѣйствію. Наконецъ, истина Радовица. Присутствіе этой истины имѣетъ въ себѣ что-то сверхъестественное, что-то похожее на появленіе чистаго духа, гостя изъ вышняго порядка; эта простая, неукрашенная, непосредственно изъ души вылетающая истина увлекательнѣе для меня всякой поэзіи; сердце трепещетъ и слезы выступаютъ изъ глазъ, когда я слышу ея, какъ голосъ Эоловой арфы, глубокіе звуки; я не думаю о томъ, кто ее выражаетъ, но чувствую, что въ этой земной истинѣ соприсутствуетъ тотъ, кто одинъ ея источникъ. Я чувствую сліяніе съ нею того святого, которое безъ словъ убѣждаетъ и одно человѣческому слову даетъ его силу. Не довольно одного дарованія быстро находить для своей истины живое, сильное, ясное или острое слово—надобно любить истину выше всего, надобно имѣть въ нее вѣру, надобно себя забывать въ ней и приступать къ ея принятію и проповѣданію какъ къ таинству, очищающему и спасающему душу. Такова истина Радовица, таково ея на меня дѣйствіе, когда онъ ее выражаетъ перомъ и рѣчью“. И въ парламентѣ франкфуртскомъ никого не слушали съ такимъ вниманіемъ, какъ его; не говорю съ такою *довѣренностію*, ибо въ эти дни всеобщей горячки, болѣе нежели когда-нибудь, видѣли іезуита въ христіанинѣ и строгомъ католикѣ, и абсолютиста въ проповѣдникѣ монаршей, происходящей отъ Бога, власти. Его короткія, сильныя рѣчи произвели нѣкоторое частное добро: онѣ содѣйствовали къ отвращенію нѣкоторыхъ бѣдственныхъ постановленій, но это были капли масла, брошенныя въ волнующееся моря. Обезумленный парламентъ былъ непобѣдимъ; онъ могъ только самъ, какъ двѣнадцати-головый змѣй въ сказкѣ о Иванѣ-царевичѣ, растерзать себя собственными своими когтями. Такъ и случилось. Но еще прежде этой развязки, въ которой такъ ясно выразилось, хотя и никѣмъ не было признано, наказаніе свыше, Радовицъ уже призванъ былъ въ Берлинъ. Ему предложенъ былъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ; онъ отказался принять его, но повинуясь волѣ своего вѣрно имъ любимаго государя, онъ согласился посвятить всю свою дѣятельность разрѣшенію трудной задачи ***единства Германіи*** и вступилъ въ тѣсный союзъ съ героическимъ прусскимъ министерствомъ, которое такъ ярко блистаетъ именемъ графа Бранденбурга. Скажу здѣсь мимоходомъ: графъ Бранденбургъ въ моихъ глазахъ есть герой нашего времени; въ рѣшительную минуту, когда его отечество по крутому склону стремилось на дно бездны, онъ съ самоотверженностію римскаго Курція кинулся вслѣдъ за нимъ и удержалъ его на паденіи однимъ своимъ мужествомъ. Онъ сорвалъ съ революціи маску ея, и для всѣхъ сдѣлалось очевидно, что для одержанія побѣды надъ этимъ фантасмагорическимъ чудовищемъ нужно было только мужество. Какую будутъ имѣть развязку дѣйствія его министерства, этого нельзя предвидѣть, но имя графа Бранденбурга навсегда останется въ лѣтописяхъ Пруссіи символомъ любви къ отечеству и рыцарской вѣрности своему государю. Съ этимъ министерствомъ за-одно дѣйствуетъ теперь Радовицъ, какъ комиссаръ правительства прусскаго въ эрфуртскомъ парламентѣ, гдѣ идетъ дѣло о единствѣ Германіи. И здѣсь на вопросъ: что выйдетъ изъ

эрфуртскаго парламента? одинъ отвѣтъ: неизвѣстно. Оставляя предсказывать будущее *записнымъ пророкамъ* политики, обращаю глаза на главнаго дѣйствователя, на Радовица. При этомъ взглядѣ двоякое чувство проникаетъ душу мою. Во-первыхъ, чувство глубоко-меланхолическое, когда смотрю со вниманіемъ на его тревожную жизнь въ послѣдніе годы. По какому-то особенному опредѣленію судьбы, онъ во все это время призываемъ былъ къ дѣйствію только тогда, какъ благопріятная минута для побѣды уже была пропущена, когда оставалось только одно: угадать съ возможною вѣроятностію какой выбрать путь, чтобы отвратить худшее. Таково было положеніе Радовица относительно къ дѣлу внутренняго образованія Пруссіи при восшествіи на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, то же самое относительно преобразованія Германіи, то же относительно къ швейцарскому вопросу. И ни въ чемъ не могло быть удачи. Радикализмъ одержалъ верхъ въ Швейцаріи; опытъ монархіи не представительной, а монархіи штатовъ, не имѣлъ успѣха; реформу Германскаго Союза поглотила революція. То же и теперь: Радовицъ призванъ былъ въ совѣтъ короля въ ту минуту, когда разрывъ съ національнымъ собраніемъ совершился и никакой побѣды на этомъ пути ожидать уже было невозможно. Въ настоящую минуту онъ брошенъ въ потокъ, когда плотина его почти разрушена и когда нельзя предвидѣть, куда помчатся безпрестанно усиливающіяся волны. Ему никогда не приходилось выкраивать изъ *цѣльной* ткани, а только сшивать на живую нитку лохмотья. Обвиненіе въ неудачѣ падетъ на него—но будетъ ли оно справедливо? О, конечно, нѣтъ! И здѣсь представляется для всѣхъ, кто знаетъ Радовица, кто понимаетъ тайну его жизни, другая утѣшительная сторона предмета. Того мѣста, которое занимаетъ онъ теперь, Радовицъ не искалъ. Вецларскій уголокъ, съ своимъ очарованнымъ наукою покоемъ, увеселительно сіялъ передъ нимъ въ перспективѣ, какъ послѣдній пріютъ послѣ бури партій, въ которую такъ неожиданно бросила его покорность долгу; вдругъ столь же неожиданно, та же покорность долгу перебросила его на другую сцену. Онъ покорился призванію короля своего; онъ принялъ роковую чашу, зная какое горькое питье она въ себѣ заключаетъ, принялъ безъ всякаго ослѣпленія, безъ всякаго упованія на какую-нибудь выгоду или славу земную, даже безъ ожиданія успѣха. Когда обыкновенный честолюбецъ отваживается схватить подобную чашу, онъ видитъ въ ней одно ***средство*** для исполненія своихъ замысловъ и гордо уповаетъ на свою силу и на удачу. Радовицъ, напротивъ, принялъ эту чашу только потому, что всевышней руки, подающей ее, оттолкнуть нельзя, что всякій даръ этой руки надлежитъ принимать на колѣнахъ, не заботясь о томъ, какое будетъ послѣдствіе смиреннаго принятія, и что, разъ принявши поданную свыше чашу, надлежитъ пить до дна, то-есть во что бы то ни стало творить то, что разумъ призналъ за *истину*, а сердце за ***правду***. Я знаю, на дѣлѣ знаю, что относительно Радовица это такъ. Знаю болѣе: если бы это убѣжденіе въ истинѣ и правдѣ было перевѣшено хотя на волосъ другимъ, лучшимъ, то Радовицъ ни минуты бы не поколебался уступить этому лучшему и сталъ бы самому себѣ противодѣйствовать, прямодушно признавъ необходимость подчинить свое убѣжденіе другому, болѣе близкому къ истинѣ. Ваше чистое сердце, которое вѣритъ святому, легко приметъ свидѣтельство моего слова; равномѣрно и всякій, кто знаетъ Радовица какъ я; изъ другихъ—многіе въ этомъ свидѣтельствѣ найдутъ одинъ романъ, и весьма многіе станутъ надъ нимъ ругательно смѣяться, или извлекутъ изъ него новый поводъ для оскорбленія и клеветы.

Въ 1848 году, въ бѣдственные дни марта, возвращаясь изъ Вѣны, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ быстраго сокрушенія древней монархіи передъ толпою нѣсколькихъ студентовъ, въ Берлинъ (о бунтѣ котораго онъ услышалъ на половинѣ дороги), Радовицъ написалъ слѣдующія строки:

„Das Recht, sowohl das der Einzelnen, als das der Staaten, ist kein Werk menschlichen Wollens oder Meinens, sondern eine Entwickelung göttlicher Willensacte. Diese treten entweder unmittelbar hervor in den Offenbarungen an die Menschheit und in dem Gewissen der Einzelnen oder mittelbar in dem Naturprozesse des geschichtlichen. Verlaufes. Daher eine göttliche und eine irdische Seite im Rechte, die beide doch wieder auf denselben Urheben zurückgehen.

„In diesen Grundgedanken liegt der einzige durchgreifende Gegensatz in der Politik. Er schützt eben so sehr vor falschem Conservatismus, der nur das todte Bestehen kennt und die historische Fortentwickelung läugnet, als vor allen Systemen der Irrlehre, die sämmtlich von der Autonomie des menschlichen Geistes ausgehen.

Dieses sage ich Angesichts der Umwälzungen, die seit vier Wochen das alte rechtliche Europa aus den Angeln heben. Im andern Sinne wende ich darauf an: was auch die Menschen sagen und thun mögen, e pur si muove! 16 März 1848“.

Такое свѣтлое убѣжденіе въ такое темное время! Извѣстно, что Галилей за утвержденіе, что земля движется около солнца, былъ заключенъ въ тюрьму и, наконецъ, его принудили произнести отреченіе отъ этого мнѣнія. Онъ произнесъ его на колѣнахъ; но поднявшись, топнулъ въ землю ногой и сказалъ: e pur si muove, *а все она движется*! Когда Галилей произнесъ свое слово, онъ былъ единственною жертвою немногихъ фанатическихъ безумцевъ, возставшихъ противъ истины, для нихъ непонятной. Здѣсь, напротивъ, это слово произносится въ такую минуту, когда все кругомъ того, кѣмъ оно повторяемо, падаетъ, когда хранительное присутствіе Промысла для глазъ его заслонено торжествомъ злого безвѣрія и разврата, когда исполненіе лучшихъ его желаній и надеждъ вдругъ является невозможнымъ, когда и все зданіе собственной судьбы его разомъ опрокинуто—такъ, Радовицъ, e pur si muove! Правда Божія жива! что́ бы тебя ни ожидало, дойдешь ли до цѣли своей, которая не иное что какъ стремленіе къ общему благу, будешь ли долженъ сойти съ пути своего побѣжденный, отворитъ ли, наконецъ, передъ тобою всевышняя воля двери въ твой смиренный уголокъ вецларскій—все останутся съ тобою неприкосновенно твои три сокровища: безпорочная жизнь передъ Богомъ, свѣтъ науки и, наконецъ, этотъ послѣній часъ, когда откроется передъ твоею вѣрующею душою міръ, при входѣ въ который надобно будетъ сбросить съ себя все земное и сохранить только то, что непосредственно принадлежитъ душѣ на всю вѣчность. О! это сброшенное земное будетъ та о тебѣ память, которая останется прекраснымъ наслѣдствомъ для твоего семейства, хранителемъ сердца твоихъ сыновей, предметомъ уваженія для современниковъ и для потомства; а это сохранное на всю вѣчность будетъ тотъ пріобрѣтенный здѣсь вѣрою и созерцаемый въ глубинѣ души Богъ, во имя котораго ты жилъ, боролся съ собою и съ тяжкими испытаніями земными, и которому всегда, вездѣ и во всемъ покорствовалъ мыслію и дѣломъ.

(1850 г.)

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

1820—1821 г.

1820 г. Октября 21. Былъ поутру у великой княгини *(Александры Θеодоровны)*, гдѣ нашелъ Шамбо и Мадена *(шталмейстеръ)*. Выпросилъ письмо въ Шарлоттенбургъ и поѣхалъ туда вмѣстѣ съ Шамбо. Время было прекрасное. Осенній, ясный, прохладный день. Листья не всѣ еще осыпались; а у насъ уже, вѣроятно, царствуетъ зима. Въ Шарлоттенбургѣ изъ

Берлина ведетъ прекрасная липовая аллея. Городокъ маленькій, но пріятный. Одна главная широкая улица съ густыми липами. Прежде всего пошли мы къ памятнику. Архитектура зданія прекрасная снаружи: въ маломъ памятникъ Павловъ въ Павловскѣ. Но тамъ поражаетъ душу величество зданія и мѣста: здѣсь душа напередъ уже растрогана; подходишь къ мѣсту, гдѣ спитъ любимая мать *(королева Луиза)*, царица не забытая народомъ, женщина-украшеніе своего времени, жертва несчастія, и она погребена тамъ, гдѣ все полно ея воспоминаніемъ, гдѣ она была душою семьи своей и наслаждалась чистымъ семейнымъ счастіемъ. Внутренность зданія мнѣ не нравится. Нѣтъ простоты. Но самъ памятникъ прекрасный; видно, что сердце управляло рукою художника *(Шинкель)*; онъ былъ воспитанникъ Луизы, и первый трудъ его посвященъ былъ ея гробу. Когда дверь отворятъ, то уже видишь на возвышеніи ложе спящей. Надобно взойти на нѣсколько ступеней, чтобы ее всю увидѣть. Голова ея склонена на одно плечо; руки положены крестомъ на груди; платье прекрасное скрываетъ и въ то же время показываетъ ея станъ; одна нога положена на другую. Въ углахъ канделябры; на одномъ Горы, а на другомъ Парки; прекрасная мысль: *она* спитъ, а часы бѣгутъ и Парки не дремлютъ. Гробъ, въ которомъ ея останки, находится внизу; дверь къ нему заперта; но мысль объ немъ заставляетъ смотрѣть съ особымъ чувствомъ на памятникъ. Это видимое есть образъ того, что не видишь: смерть здѣсь кажется сномъ, и невольно сливается съ нею мысль о пробужденіи. Чувство, возбуждаемое симъ памятникомъ, есть унылое воспоминаніе, смѣшанное съ неясною надеждою. Надъ головою семь увядшихъ вѣнковъ: это первые сплетенные вѣнки въ первый день рожденія послѣ ея смерти. Король со всею семьею бываетъ два раза у ея гроба: въ день ея смерти и въ день ея рожденія. Кладутъ на гробъ свѣжіе вѣнки. Любовь къ ней здѣсь свѣжа и не ослабѣла. Но самый памятникъ мнѣ вообще мало нравится; слишкомъ много мелочныхъ украшеній; окно, въ которое входитъ свѣтъ, мѣшаетъ впечатлѣнію; видишь, что оно сдѣлано для освѣщенія памятника, а я бы желалъ, чтобы свѣтъ въ этомъ храмѣ приходилъ неизвѣстно откуда; въ мраморѣ колоннъ и стѣнъ слишкомъ много разнообразія; передъ дверью, ведущею подъ сводъ, видны ступени; лучше бы ихъ скрыть: онѣ пестрятъ и разрушаютъ главный эффектъ; гораздо было бы лучше спускаться, отворивъ дверь, тогда бы это было точно переходомъ изъ одного свѣта въ другой: теперь я вижу однѣ ступени, и дверь не представляется уже столько таинственною; лампа слишкомъ богата; а самое противное есть то, что поставили для лучшаго обозрѣнія памятника какую-то деревянную скамейку, на которую надобно взлѣзть, чтобы видѣть памятникъ съ нѣкотораго возвышенія: это выгодно для художника, но оно, напоминая объ немъ, разрушаетъ главное дѣйствіе. Потомъ я осматривалъ дворецъ. Прежде всего видѣлъ дворцовую церковь, гдѣ бюстъ королевы; въ ней крещены всѣ дѣти: коверъ, памятникъ маленькому принцу, съ смертью котораго начались несчастія королевскаго дома. Въ церкви (сказывалъ кастелянъ) король любитъ работать въ лѣтніе дни. Японская горница; спальня строительницы Шарлоттенбурга, жены Фридриха I, Софіи-Шарлотты. Круглая зала съ видомъ на аллею и прудъ. Горницы наслѣднаго принца; его спальня въ той комнатѣ, гдѣ была прежде ванна покойной королевы, на столѣ нѣсколько книгъ и рисунковъ, между которыми забавныя карикатуры. Въ горницы короля должно проходить черезъ бильярдную, въ которой показываютъ кій Фридиха II съ чернымъ деревомъ и перламутромъ. Онъ былъ увезенъ французами. Далѣе находятся двѣ горницы съ живописными картинами Фридриха-Вильгельма I, которыя не показываютъ, чтобы онъ былъ великій художникъ и имѣлъ живое чувство красоты. Лучшее произведеніе его кисти есть ужасный русскій гренадеръ съ подписью: Redianow, и еще курительное общество. Комната съ моделями прусскихъ мундировъ: здѣсь показывали намъ маленькое ружье, принадлежавшее Фридриху II, какъ младенцу. Королевскія комнаты просты; въ одной часть библіотеки Фридриха, стаканъ, сдѣланный Луизою, съ ея подписью; въ другой ея портретъ; подлѣ китайская галлерея и кабинетъ Фридриха-Вильгельма II. Спальня короля отдѣлана кисеею; на столѣ его фуражка и афиши театральныя (онъ бываетъ часто въ Шарлоттенбургѣ и всегда въ театрѣ), на креслахъ лежитъ синяя венгерка, старая и очень поношенная: онъ носилъ ее, бывши въ Мемелѣ съ королевою. Черезъ огромныя сѣни, гдѣ находятся замѣчательно прекрасныя мраморныя статуи Экиры и Игеи (бывшія добычею французовъ), всходятъ вверхъ въ комнаты Фридриха II, въ которыхъ жилъ великій князь женихомъ. Бѣлая галлерея съ статуями; мраморная съ золотомъ, напоминающая царскосельскую. Зеленая горница съ пюпитромъ Фридриха II, передъ которымъ онъ игралъ на флейтѣ; его спальня и постель; его бюро. Горницы королевы на противной сторонѣ: онѣ принадлежали королю Фридриху-Вильгельму II. Въ первой, украшенной обоями, на которыхъ выткана исторія Д. К., находится бюстъ императора Александра. Вторая украшена такими же обоями. Третья съ альковомъ, въ которомъ находится постель королевы; четвертая большая горница, въ которой обыкновенно сидѣла королева; тутъ есть простая мебель изъ краснаго дерева съ краснымъ сафьяномъ, подаренная государемъ. На столѣ ея оставлены чернильницъ, бумага и два ея пера: въ углу чашки и самоваръ; передъ зеркаломъ въ рамкѣ нарисованные глаза короля съ четырьмя изъ дѣтей; я узналъ глаза великой княгини. Изъ этой горницы входишь въ ея спальню. Она передѣлана. Въ то время, когда несчастная семья короля находилась въ Мемелѣ, король велѣлъ ее передѣлать. Наполеонъ, бывши въ Шарлоттенбургѣ, велѣлъ перенести въ эту спальню постели Фридриха II и Фридриха-Вильгельма II и изъ трехъ составилъ себѣ одну; всѣ мебели изъ этой горницы были выброшены; она прекрасно убрана бѣлою кисеею, просто и со вкусомъ; но королева могла только три раза ночевать въ ней; она поѣхала къ своимъ роднымъ и не возвращалась уже. Мое путешествіе по за́мку я заключилъ комнатами великой княгини. Самыя простыя горницы, обитыя обыкновенными обоями; постель ея, съ простымъ ситцевымъ занавѣсомъ, оставлена спальнѣ принцессѣ Александрины. Тутъ я видѣлъ бюстъ королевы, сдѣланный съ ея маски; лицо мертвое, но прекрасное. Я видѣлъ часть сада: онъ простъ, но милъ; прудъ, островъ, видъ на Шпандау.

23 октября (6 ноября). У обѣдни. Горницы принцессы Вильгельмины. Ла-Мотъ-Фуке. Въ новомъ театрѣ. Обѣдъ у великой княгини. Разговоръ съ принцессою Фридерикою, съ принцессою Вильгельминою, съ герцогинею Кумберландскою. Въ театрѣ: Марія Стуартъ. Въ лицѣ Ла-Мота-Фуке *(авторъ Ундины)* нѣтъ ничего, останавливающаго вниманіе. Есть живость въ глазахъ; онъ имѣетъ талантъ, и талантъ необыкновенный; онъ способенъ, разгорячивъ воображеніе, написать прекрасное; но это не есть всегдашнее, зависитъ отъ расположенія, находитъ вдохновеніемъ. Авторъ и человѣкъ не одно, и лицо его мало изображаетъ того, что чувствуетъ и мыслитъ авторъ въ нѣкоторыя минуты. Разговоръ нашъ состоялъ изъ комплиментовъ и продолжался недолго. Въ горницѣ принцессы Вильгельмины достойнаго примѣчанія два окна, въ которыхъ половина стеколъ писанныя и древнія: удивительная красота цвѣтовъ; лучи солнца, падая сквозь на бюстъ и на лавры, стоящіе въ окнахъ, производятъ радужное сіяніе. Множество картинъ. Столъ раздѣленъ на́-двое: одна половина для мужа, другая для жены. На столѣ бездна рѣдкостей, и каждая есть воспоминаніе. Ларчикъ, осыпанный камнями, изъ которыхъ каждый о чемъ-нибудь напоминаетъ.

Сама хозяйка не послѣднее украшеніе своей горницы. Ее находятъ принужденною; я этого не скажу; въ лицѣ ея много пріятнаго выраженія, она величественная, прекрасная женщина. Осматривалъ театръ вмѣстѣ съ графомъ Брюлемъ *(завѣдыв. королевскими театрами)*. Зданіе великолѣпное; театръ самъ не великъ, но чрезвычайно удобенъ; всѣ украшенія кстати и со вкусомъ. Еще было бы, кажется, лучше, когда бы всѣ фигуры были написаны не красками, а въ видѣ барельефовъ: онѣ пестрятъ слишкомъ. Всѣ прилежащія залы очень хорошей архитектуры—просто и богато; особливо зала для концертовъ прелестна своимъ скромнымъ великолѣпіемъ. Предосторожности противъ пожара; переходы; зала для репетиціи; зала для писанія декорацій.—Ввечеру Марія Стуартъ. Я воображалъ, что представленіе покажется слишкомъ длиннымъ и что эта трагедія лучше для чтенія, нежели для представленія, — напротивъ; я не чувствовалъ скуки. Вѣрность подробностей пріятна; хотя иное и не принадлежитъ къ дѣйствію, но дополняетъ картину. Не скажу, чтобы я былъ пораженъ игрою актеровъ; нѣтъ ни одного чрезвычайнаго; и въ этой пьесѣ мало разительно-трагическаго; нѣтъ происшествія, котораго развязки ждешь съ любопытствомъ и страхомъ; Марія трогаетъ какъ жертва; трагедія ея есть картина ея страданій въ разныхъ оттѣнкахъ: это, можетъ-быть, есть еще и недостатокъ, тяжелое и непріятное чувство видѣть слабую жертву безъ надежды спасенія въ рукахъ торжествующаго убійцы. Главныя роли были играны хорошо. Елизавета (M. Wolf) имѣла все то благородство и величіе, котораго требуетъ ея характеръ; Лейстеръ (Wolf) также имѣлъ въ игрѣ своей много благородства; m-e Schück—Марія—была очень трогательна въ пятомъ актѣ, въ сценѣ прощанія; въ сценѣ исповѣди; но, кажется мнѣ, она испортила минуту встрѣчи съ Лейстеромъ: здѣсь и авторъ впалъ въ погрѣшность; онъ заставляетъ ее слишкомъ много говорить.

Герцогиня Кумберландская напоминаетъ нашу Елизавету *(супруга Александра I)* своими манерами; она не имѣетъ ея прекраснаго стана и величества, но имѣетъ ея привлекательность. Королевское семейство вообще мило тою дружбою, которою всѣ въ немъ связаны; они веселятся вмѣстѣ жизнію; король между ними есть добрый отецъ семейства; при дворѣ много нѣмецкаго этикета, но между собою они просты, дружны, счастливы. Принцесса Александрина доброе, милое твореніе; принцесса Фридерика имѣетъ что-то нѣжное и тонкое; Альбрехтъ живъ и необыкновенно уменъ (какъ говорятъ), онъ не ходитъ, а прыгаетъ; Карлъ доброе дитя; Вильгельмъ степеннѣе, принца наслѣднаго я не знаю. Но всѣхъ милѣе наша великая княгиня; она идеалъ привлекательнаго добродушія: весело видѣть, какъ она здѣсь счастлива. Въ ея душѣ все прекрасное на своемъ мѣстѣ. Ее надобно чувствовать, тогда будешь и знать ее.

26 октября. У великой княгини. У Шуваловой *(Е. П., фрейлина)*. Вмѣстѣ съ Перовскимъ къ Рауху *(скульпторъ)*. Прекрасное лицо: глубокость, благородство; что-то тихое и живое; простота истиннаго артиста. Онъ показывалъ намъ свои работы съ любезною готовностію; говорилъ о своемъ искусствѣ съ жаромъ, но безъ надутости. Памятникъ Шарнгорста *(прусскій генералъ)* болѣе всѣхъ мнѣ понравился: онъ представленъ въ размышленіи; положеніе спокойное; на него накинутъ плащъ, котораго складки, весьма живописныя, оживили сухость нынѣшней одежды; впрочемъ, костюмъ сохраненъ. Раухъ въ отчаяніи отъ того, что ему попался для этого памятника удивительно прекрасный и чистый кусокъ мрамора: нѣтъ ни одного пятна, и этотъ кусокъ долженъ быть жертвою дождя и тучъ. Гораздо было бы приличнѣе сдѣлать оба памятника изъ бронзы: она только пріобрѣтаетъ красоты отъ вліянія воздуха... Памятникъ государя менѣе другихъ удаченъ: онъ представленъ въ порфирѣ, накинутой на мундиръ; вынимаетъ шпагу, на которой видна надпись: „За Русь и славу"; у ногъ двуглавый орелъ. Намъ стыдно передъ пруссаками: сколько уже у нихъ памятниковъ народной славы, они и Кутузова, и Барклая не забыли; а мы строимъ храмъ, который вѣчно не достроится; хотимъ благодарить Бога, которому не нужна благодарность, и не думаемъ отдать чести тѣмъ, которые положили за отечество жизнь свою. Настоящее мѣсто для народныхъ памятниковъ не Петербургъ, а Москва: она была свидѣтельницею русскихъ подвиговъ; Петербургъ ни о чемъ не напоминаетъ: въ немъ долженъ быть одинъ памятникъ Петру.

27. Поутру таблицы.—28. Весь день дома за таблицами.—Валленштейнъ.—29. Таблицы *(для нагляднаго обученія русской грамматикѣ)*.

30. Поутру у обѣдни.—Обѣдъ у принцессы Александрины. Сидѣлъ за столомъ подлѣ Ансильона *(прусскій министръ и писатель)*, съ которымъ познакомился. Литература есть родство.—Послѣ обѣда познакомился съ Гуфеландомъ *(врачъ и профессоръ)*: лицо его много выражаетъ; глубокомысленность и добродушіе.—Въ театрѣ: глупѣйшая пьеса Коцебу Деодита и прелестныя декораціи, особенно декорація подземелья, а въ послѣднемъ актѣ пожаръ, которымъ пьеса заключается.

1 ноября. У великой княгини. Первый урокъ.—Обѣдалъ у Алопеуса *(русскій посланникъ)* безъ хозяина: съ Ансильономъ, Перпонше *(голландскій посланникъ)* и Германомъ *(филологъ)*. Послѣдній имѣетъ умъ и знанія и характеръ добродушія. Ансильонъ, мнѣ кажется, изображенъ какъ нельзя лучше счастливымъ словомъ княжны Туркестановой: il a beaucoup d'esprit, beaucoup de connaissance et d'éloquence, mais il fait sur moi l'effet d'un homme qui dicte. Et d'un homme qui dicte bien—надобно прибавить. Этотъ человѣкъ много знаетъ, изъ пріобрѣтеннаго сдѣлалъ нѣчто цѣлое и порядочное, одаренъ памятью и въ немъ, кажется, до сихъ поръ сохранился прежній проповѣдникъ; но онъ проповѣдовалъ по правиламъ краснорѣчія на заданную матерію, которую всю употребилъ; изъ него не родится собственнаго; его душа не чувствуетъ и душа къ нему не стремится. Знакомство съ нимъ есть ужасная рѣдкость, которую хорошо видѣть разъ, но не встрѣча съ человѣкомъ, съ которымъ радъ бы пройти часть дороги. Я сказалъ слово объ Ніенштетѣ; кажется по тому, какъ онъ объ немъ говорилъ, что онъ не совсѣмъ его жалуетъ. Ніенштетъ, какъ человѣкъ, болѣе имѣетъ для меня привлекательнаго. Былъ разговоръ о Бонапартѣ. Они, кажется, судили его не какъ люди, а какъ люди, имѣющіе мѣсто у Двора. Одно только слово было сказано съ чувствомъ. Говорили, что онъ теперь работаетъ въ саду и любитъ стрѣлять птицъ, которыя къ нему залетаютъ. Il faut avouer, qu'il a eu un beau jardin à cultiver, mais il n'a pas su le conserver—сказалъ Ансильонъ и съ чувствомъ сожалѣнія о Франціи и Европѣ.

2 ноября. Поутру съ великою княгинею въ кунсткамерѣ: множество любопытнаго, но въ большой толпѣ видѣть всего порядочно не можно или, лучше сказать, ничего видѣть не можно. Особенно достойны примѣчанія: сосуды и блюда изъ слоновой кости съ превосходными барельефами; серебряный сосудъ Рудольфа II, который одинъ есть поэма; Магдебургскій ящикъ, который я мало видѣлъ, но который можетъ дать полное понятіе о нѣкоторыхъ обычаяхъ 16-го вѣка, въ которомъ онъ сдѣланъ; маска Фридриха II и Моро; восковая фигура великаго курфюрста; цѣлая мумія; собраніе одеждъ и оружій разныхъ дикихъ народовъ; собраніе разныхъ камней и медалей. Но все въ худомъ приборѣ и весьма худо разставлено. Обѣдалъ у княгини Волконской. Видѣлъ первый актъ Kauffmann von Venedig и сожалѣю, что не могъ всю эту пьесу досмотрѣть. Игра Девріена есть совершенство: онъ учитъ роли свои какъ человѣкъ, глубоко разбирающій человѣческое сердце; разборъ его игры былъ бы разборъ человѣческой натуры; сравнивая оригиналъ и списокъ, много можно найти истинъ нравственныхъ.

Можно объ немъ сказать, что онъ актеръ добросовѣстный; онъ привязанъ съ удивительною вѣрностію, съ удивительнымъ уваженіемъ къ роли своей; разъ ее постигнувъ, онъ уже ни для чего и ни для кого ея не забудетъ: онъ не мыслитъ о партерѣ и его рукоплесканіяхъ, и никогда истиною не пожертвуетъ успѣху. Я не жалѣю, что пожертвовалъ Девріеномъ для Гуфеланда. Я провелъ прекрасный вечеръ. Гуфеландъ привлекательный старикъ. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ, сердце невольно къ нему склонилось; оно рѣдко обманывается. Я былъ счастливъ и доволенъ самимъ собою, говоря съ этимъ старикомъ, смотря ему въ лицо, на которомъ глубокомысленная важность-тонкость слита съ какимъ-то привѣтливымъ простодушіемъ. Былъ разговоръ о Гёте (которому, какъ говорятъ, сдѣлался ударъ—но это извѣстіе невѣрно). Онъ зналъ его въ молодости и говоритъ, что никогда не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы физическое и моральное было бы въ такомъ совершенствѣ и гармоніи, какъ въ немъ. Его кто-то прекрасно теперь назвалъ *Олимпійскимъ Юпитеромъ безъ бороды*. Говорили и о Шиллерѣ. Бюсты обоихъ у него въ гостиной. Бюстъ сорокалѣтняго Гёте: удивительно прекрасный профиль; это работа Тика *(скульпторъ)*. Гуфеландъ говорилъ прекрасно о ложныхъ мѣрахъ правительствъ насчетъ притѣсненія свободы печатанія; объ этомъ предметѣ заговорили мы послѣ Стурдзы *(А. С. былъ женатъ на дочери Гуфеланда)*. Кончилось разговоромъ о религіи. Я сказалъ ему мысль Вейрауха о Троицѣ, которой красота меня поразила. Онъ съ милою довѣренностію сообщилъ мнѣ свою собственную мысль о томъ же, которая разительна своею простотою. „Все понятіе объ Троицѣ заключилъ я въ трехъ нѣмецкихъ L. Leben Богъ-Отецъ (Создатель и Хранитель); Liebe—Богъ-Сынъ; Licht—Святой Духъ. Въ этихъ трехъ L вся жизнь человѣчества и ея великое назначеніе; ея начало и конецъ“. Этотъ вечеръ прошелъ для меня прекрасно; его можно причислить къ хорошимъ минутамъ жизни; я былъ сначала обрадованъ радушнымъ пріемомъ хозяина: можетъ-быть, это сняло съ меня ту застѣнчивость, съ которою я къ нему шелъ; можетъ-быть, это же расположеніе было причиною и того, что мнѣ хозяинъ показался лучшимъ или такимъ, какимъ онъ есть. Встрѣча съ человѣкомъ по сердцу есть то же, что вдругъ открывшійся глазамъ прекрасный видъ съ горы на поля, долины и рѣки. И то и другое удивительно дѣйствуетъ на душу, и то и другое пробуждаетъ въ ней все хорошее; становишься чувствительнѣе, выше, пробуждается мысль о Богѣ, счастіи, объ друзьяхъ, пробуждается возвышенная довѣренность къ самому себѣ. Смотря въ глаза старику Гуфеланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater; онъ имѣетъ для меня прелесть Краузе *(философъ)*; но онъ въ другомъ родѣ. Но въ чемъ же эта прелесть?—не въ умѣ, не въ знаніи, но въ сердцѣ, которымъ мы живемъ сами и которое въ другихъ животворитъ насъ и притягиваетъ. Сердце есть истинный магнитъ человѣка, имѣющій свою отрицательную и притягательную силу. Прощаясь съ старикомъ, я отъ души пожалъ его руку, а онъ мнѣ сказалъ съ какимъ-то прелестнымъ доброжелательствомъ: Adieu, Sie haben mich sehr erfreuet! Эти слова звучали въ моей душѣ: дома невольная меланхолія меня наполняла; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать. Я увѣренъ, что въ моемъ путешествіи все трогающее будетъ имѣть надо мною это дѣйствіе.

26 ноября. У великой княгини. Урока не было. Обѣдалъ у княгини Волконской.—Въ театрѣ: Johanna von Orlean, играла въ первый разъ m-elle Franz. Нельзя сказать рѣшительно, чтобы она имѣла, что-называется, великій талантъ; этого не видно изъ ея игры, особливо изъ ея чтенія, но она играла хорошо, особливо же дѣйствовало ея прелестное лицо, которымъ она дѣйствуетъ лучше, нежели языкомъ и руками. Въ большомъ монологѣ пролога она не сохранила надлежащей постепенности.—„Исполнилось, и шлемъ сей посланъ имъ“—этотъ стихъ и прочіе послѣдніе были мало отдѣлены; въ четвертомъ актѣ въ началѣ ей не должно выходить, а уже быть на сценѣ; во время марша она не должна такъ театрально шататься, а итти въ глубокой задумчивости и шагомъ отличнымъ отъ другихъ. Роль Раймонда я далъ бы Вольфу. Mit was denn? сказано было не такъ, какъ должно: это слово она должна произносить не съ удивленіемъ и неудовольствіемъ, а съ чувствомъ дружескаго сожалѣнія къ товарищу, котораго вопросъ есть величайшее доказательство любви и пожертвованія. Она рано встаетъ въ послѣдней сценѣ; надобно непремѣнно, чтобъ зритель чувствовалъ, что она держитъ многихъ не собственною, а сверхъ-естественною силою. Дѣйствіе этой трагедіи имѣетъ что-то магическое, отличное отъ всякаго другаго дѣйствія. Мнѣ жаль сцены съ Монгомери; въ прологѣ многое напрасно выпущено; особенно сердитъ облако или свѣтлая тряпка, которая опускается такъ некстати и разрушаетъ дѣйствіе послѣдняго монолога.

1821 г. 8 (20) января. Гулялъ въ Thiergarten. Прекрасное утро, которое подѣйствовало и на душу. На долго ли? Богъ знаетъ. Но отъ чего этотъ приливъ и отливъ? Можно ли быть въ такой зависимости отъ луча солнечнаго? И это возвращеніе *хорошаго* безъ твоего вѣдома не есть ли доказательство, что оно въ тебѣ, но что требуетъ только отъ тебя побужденія, чтобы пробудиться и быть всегда пробужденнымъ. Если утро ясное можетъ дать душѣ болѣе нравственнаго достоинства какъ-будто противъ ея воли, то почему не можетъ того же свободная воля? Но воля живетъ дѣятельностью, а я совершенно предалъ себя лѣни, лѣни во всѣхъ отношеніяхъ, и она всѣ силы душевныя убиваетъ. И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Недѣятельность производитъ неспособность быть дѣятельнымъ, а чувство этой неспособности, съ которымъ нельзя ужиться, производитъ въ одно время и уныніе душевное и истребляетъ бодрость. Можно ли жить съ такимъ уныніемъ! Надобно или истребить его (а истребить его иначе нельзя, какъ уничтоживъ его причину, слѣдовательно, лѣнь), или не жить. То, что болѣе всего меня лишаетъ бодрости, есть мысль о моемъ теперешнемъ несовершенствѣ: вмѣсто того, чтобы сколько возможно замѣнить утраченное, я только горюю объ утратѣ и стою на развалинахъ, поджавъ руки, вмѣсто того, чтобы ободриться и построить столько, сколько можно. Надобно отказаться отъ потеряннаго и сказать себѣ, что *настоящее и будущее мое*. Я могъ бы быть болѣе того, что я есть, но я далекъ отъ того, чѣмъ бы могъ и долженъ быть. Я никогда не дойду къ тому, къ чему бы могъ дойти, если бы пустился ранѣе въ дорогу и не потерялъ времени: но развѣ отъ этого должно остановиться и отказаться и отъ *той* дороги, которую еще теперь можешь сдѣлать? Откажись отъ того, чѣмъ бы ты могъ быть, если бы не потратилъ безумно полжизни на ничто; рѣшись искать того, что еще можетъ быть *твоимъ*, если начнешь теперь къ нему стремиться и не будешь отчаиваться отъ неудачъ. Достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и въ постоянномъ къ нему стремленіи: *достиженіе* не отъ него зависитъ. Я могу еще имѣть религію, могу имѣть чистую нравственность, могу исполнить свято ближайшій долгъ. Вотъ главное. Ты имѣешь мало, но именно потому и не отказывайся отъ пріобрѣтенія. Положить себѣ за правило въ обществѣ не искать никакого успѣха; думать только о томъ, чтобы пріобрѣтать хорошее отъ другихъ, а не о томъ, какъ бы казаться имъ хорошимъ; лучше казаться ничтожнымъ и пріобрѣтать, нежели казаться чѣмъ-нибудь и быть ничтожнымъ. Излишняя заботливость объ этой ложной наружности устремляетъ вниманіе только на самого себя и лишаетъ возможности видѣть, слышать и пользоваться другими. Я шелъ по улицѣ и остановился передъ печатнымъ объявленіемъ, приклееннымъ къ стѣнѣ одного дома; оно окружено было множествомъ отрывковъ старыхъ и новыхъ оста-

вшихся отъ объявленій, которыя были въ разное время приклеены на томъ же мѣстѣ: одни были свѣжи, другіе стары, третьи совсѣмъ истлѣли и позеленѣли отъ сырости. Это картина свѣта. Здѣсь все для прохожаго, для души человѣческой, все и въ частной, и въ общественной жизни; самыя общества вѣка, имперіи и народы не что иное, какъ эти объявленія для проходящаго. Читай и пользуйся. Міръ существуетъ только для души человѣческой. Богъ и душа—вотъ два существа; все прочее—печатное объявленіе, приклеенное на минуту. Это сравненіе можно бы распространить.

8 (20) марта, вторникъ. Поутру у великой княгини. Чтеніе „Пери". Слова великаго князя: „достойно своего предмета". Обѣдъ у великой княгини подлѣ милаго Гуфеланда. Вечеръ у герцогини Кумберландской съ Шатобріаномъ. Разговоръ о французской исторіи.

Потсдамъ, *4 (16) апрѣля.* Поутру принялся, было читать Fichte Die Bestimmung des Menschen. Прежде, всего пошелъ къ великой княгинѣ; дожидался ее нѣсколько времени: прекрасныя горницы, отдѣланныя съ большимъ вкусомъ изъ дерева, изъ корельской березы и ясени, съ этрусскими украшеніями; въ одной замѣтенъ столъ мозаиковой работы. Великая княгиня показала мнѣ свою горницу. Мы пошли къ заутрени, часамъ и обѣднѣ. Видѣть ее на колѣняхъ есть чувствовать набожность: она ничего не дѣлаетъ для виду! Да и ея простыя движенія всегда трогаютъ, и въ этотъ разъ для меня было понятно это значеніе молитвы: Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою! Это голосъ чистой, прямо набожной души. Возвратясь, я принялся читать Fichte Die Bestimmung des Menschen, но вздумалъ, что терять времени не для чего, и отправился въ Сан-Суси смотрѣть галлерею. Маленькій Эмиль, Пульмановъ сынъ, былъ моимъ проводникомъ: говорливый и умный мальчикъ. По террасамъ Сан-Суси мы пошли прямо въ галлерею. Прекрасное зданіе съ величественными бѣлыми цѣльными мраморными колоннами; стѣны изъ giallo antico и изъ мрамора, также и паркетъ. Галлерея одна изъ лучшихъ по выбору. Большая часть картинъ Рубенсовы и Вандиковы. *Воскрешеніе Лазаря* Рубенса несравненно — величіе мирное, божественно-человѣческое Іисуса Христа; ожившій, но еще носящій признаки смерти Лазарь, котораго первый взглядъ Спаситель; Мароа и Марія, одна — трепеща радостью (о) благодѣяніи Спасителя, другая — стремленіемъ къ Лазарю... Картины показывалъ живописецъ Пульманъ съ флегмою привычки. Изъ галлереи пошелъ я въ Сан-Суси, чтобы взглянуть на ту горницу, въ которой умеръ Фридрихъ Великій. „Fréderic est mort (17 авг. 1786 г.), il n'a cessé regner que la veille", сказалъ Мирабо: лучшая похвала, какую только можно сказать о государѣ, если принять слово regner въ его великомъ смыслѣ. Бродя въ Сан-Суси, я опоздалъ къ обѣду. Великой княгинѣ было досадно, что я видѣлъ Сан-Суси безъ нея, и мы послѣ молитвы туда отправились. Мы нашли ихъ на террасѣ, съ которой видъ прелестный; потомъ взошли всѣ вмѣстѣ на куполъ Сан-Суси. Потомъ пошли въ Kavalierhaus. Тамъ есть круглая мраморная зала, въ которой во время лѣтняго пребыванія въ Потсдамѣ все семейство собиралось. Есть двѣ горницы, въ которыхъ жила великая княгиня; изъ нихъ прямо ходъ въ садъ. Еще остались надъ ея постелью вѣнки, и въ ея кабинетѣ вѣнокъ съ ея вензелемъ подъ ея рисункомъ Кунцендорфа. Милое, уединенное мѣсто, похожее своею привлекательною простотою на ея чистую душу. Сюда приду перечитывать несравненное письмо Саши (*Воейковой*), пожить воспоминаніемъ моего прошлаго и еще другого прошлаго, которое мнѣ неизвѣстно, но знакомо. Мѣсто, гдѣ жила прекрасная душа, свято. Изъ Kavalierhaus мы поѣхали въ Бельведеръ, и съ кронпринцемъ я лазилъ на куполъ. Возвратились въ Потсдамъ черезъ Neue Palais. Ввечеру ходили вмѣстѣ съ Перовскимъ подсматривать луну на Brauhausberg, но луна не разсудила намъ показаться, а вышла послѣ, когда появился и Моденъ; зато лягушки и чибисы довольно повеселили насъ.

6 (18) среда. Поутру послѣ заутрени ходилъ вмѣстѣ съ Адлербергомъ въ Сан-Суси опять посмотрѣть галлерею и повидаться съ милымъ моимъ мѣстомъ, которое трогаетъ своими воспоминаніями; время было холодное, ясное. Во время вечерни, отдавая великой княгинѣ молитву, я увидѣлъ въ ея рукахъ другого рода молитвенникъ: письма ея матери. Какая прелестная, трогательная идея обратить въ молитву, въ очищеніе души, въ покаяніе—воспоминаніе о матери! И что же въ этой книжкѣ! Ея мысли, ея чувства, въ самыя тяжкія минуты жизни наполнявшія и утѣшавшія душу ея! Вотъ настоящая, чистая набожность!.. Чтобы кончить нынѣшній день лучше, и я перечиталъ въ моей Лалла-Рукъ то, что написано было великою княгинею, и написалъ кое-что свое. Elle est ma réligion! Il n'y a pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure.

7 (19), четвергъ. Въ 10 часовъ, послѣ причастія, вмѣстѣ съ Германомъ, Перовскимъ, Моденомъ и Адлербергомъ ходилъ я въ Сан-Суси. Избави, Господи, отъ товарищей, когда хочешь что видѣть или чѣмъ-нибудь насладиться! Скучная и досадная прогулка; но за нее вознаградило послѣ-обѣда. Вмѣстѣ съ Германомъ провелъ прекрасно время въ Pfauen Insel. Туда доѣхали въ каретѣ; оттуда возвратились въ лодкѣ. Прекрасный, простой домъ. Горница великой княгини, нынче Луизы и Александрины; сборная горница съ гипсовыми картинами, гдѣ король завтракаетъ съ семьею; большая горница, отдѣланная деревомъ; круглый кабинетъ королевы; спальня короля; горница принца Карла; круглая лѣстница; несравненный видъ съ башни; садъ розъ; орлы; die Schäferei; олени, кабаны, лисицы, тушканчикъ, египетскія козы, ослы, буйволы, уродъ-теленокъ съ короткою мордою; die Meierei; видъ съ мыса; видъ изъ охотничьяго дома; два дуба: ландшафтъ для Фридриха (*нѣмецкій живописецъ*); лебеди; захожденіе солнца и эхо; концертъ на рогахъ. Возвратный путь въ лодкѣ и прекрасное захожденіе солнца. Видъ съ мраморной скамейки.

11 (23), понедѣльникъ. Всталъ до солнца и ходилъ на Браухаусбергъ смотрѣть на его восхожденіе. Утро было прекрасное; востокъ былъ задернутъ полосою облаковъ, и первой минуты появленія солнца я не видалъ; но оно взошло прекрасно изъ-за облаковъ; сперва загорѣлись передовыя легкія облака, потомъ края тѣхъ облаковъ, въ которыхъ скрывалось солнце, потомъ оно вышло само. Вечеръ послѣ захожденія солнца и утро передъ его восхожденіемъ одинаковы, но чувствительна разница въ живости самого чувства: въ первомъ случаѣ чувствуешь усыпленіе природы, отдыхъ; во второмъ пробужденіе! И вечеръ и утро свѣжи, но свѣжесть разная. Первую чувствуешь, уставши отъ дня; вторую, укрѣпившись отдыхомъ. По-настоящему чувствуешь только самого себя и въ физической, и въ нравственной природѣ! Она только то, что мы сами! И въ шумѣ вечернемъ нѣтъ многаго, что находимъ въ шумѣ утреннемъ. Первый есть шумъ утихающій; послѣдній—шумъ начинающій. Въ первомъ многіе голоса умолкаютъ, въ послѣднемъ безпрестанно новые прибавляются, такъ какъ и самые предметы, получающіе новую форму съ прибавленіемъ свѣта. Это всеобщее смѣшанное жужжаніе (которое такъ живо и плѣнительно весною) кажется всеобщею молитвою. Видъ съ горы прелестный. Весь Потсдамъ, обширная поверхность Гафеля, въ который часъ-отъ-часу яснѣй изображаются берега; утки, какъ черныя и какъ свѣтлыя точки на водѣ съ двумя полосами, которыя за ними тянулись; лодки и барки съ парусами; ярко освѣщенный новый дворецъ, Бельведеръ и много домовъ между зелени; игра лучей на городскихъ зданіяхъ; обѣ церкви живописно освѣщенныя; яркое солнце, подъ которымъ исчезалъ восточный берегъ и которое ярко горѣло въ водѣ; кое-гдѣ дымъ и струя легкаго тумана; и съ каждымъ шагомъ перемѣна картины. Я сошелъ съ горы и ходилъ вдоль шоссе до заставы; у шлагбаума видѣлъ пристава, который привѣтствовалъ своею трубкою восхожденіе солнца. Возвратясь, началъ читать Фихте—и заснулъ

надъ книгою, но не отъ скуки. Обѣдъ былъ въ Сан-Суси вмѣстѣ съ королевскою фамиліею. За столомъ я сидѣлъ подлѣ графа Бранденбурга, и мы пили вмѣстѣ здоровье великой княгини. Wahrheit—Grund ich. Мы говорили объ ней. Что составляетъ ея прелесть? Правдивость. И что вообще есть сущность красоты? *Правда*, то-есть тѣсное сродство съ тѣмъ, что составляетъ сущность души человѣческой; не съ тѣмъ, что мы бываемъ въ ту или другую минуту нашей жизни, но съ тѣмъ, что есть основаніе нашего бытія, что во всякую минуту жизни присутственно, что служитъ масштабомъ всѣхъ возможныхъ модификацій нашего бытія. Grund ich—das Göttliche in dem Menschen! И съ этимъ чисто-божественнымъ имѣетъ большое сходство то чувство, которое она въ душѣ пробуждаетъ. Къ ней нельзя имѣть привязанности, не имѣя привязанности къ чисто-прекрасному. И нельзя удалиться отъ этой чистоты, не почувствовавъ себя виноватымъ передъ нею. Послѣ обѣда ходилъ съ Шильденомъ осматривать Фридриховы горницы и мой милый Kavalierhaus. Одно слово кронпринца меня тронуло. Онъ, показывая видъ террасы Сан-Суси, сказалъ: „это мѣсто мнѣ нравится болѣе всѣхъ". Я сказалъ, что предпочитаю видъ съ Brauhausberg и Pfauen Insel; я сужу какъ мимоходящій, а вы какъ птенецъ, благодарный къ тому мѣсту, на которомъ были счастливы.—„Это правда! Und wie glücklich!"—Въ этой семьѣ прошедшее, какъ святыня. Но какое прошедшее! милое, семейное, освѣщенное тихими наслажденіями сердца! милое вмѣстѣ! Здѣсь изсохшій цвѣтокъ больше значитъ, нежели всѣ богатые перлы, хотя нѣтъ ни малѣйшей изнѣженности чувствъ, ни романтизма. Принцы уѣхали въ Берлинъ, а принцессы остались въ Сан-Суси. Я отправился на Ruinenberg и сидѣлъ тамъ долго, смотря грустными глазами на заходящее солнце, которое удивительно украшало окрестности, видимыя сквозь деревья и развалины. Для того, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасѣ будущее. По крайней мѣрѣ, на эту минуту я не имѣлъ ничего въ запасѣ. Но я возвратился къ нимъ съ живѣйшимъ расположеніемъ. Вечеръ былъ удивительно тихій, благовонный, полный весенней жизни. Послѣ ужина долго ходили вмѣстѣ по площади и любовались звѣзднымъ небомъ. La couronne мое любимое созвѣздіе.

13 (25). Цѣлый день въ Pfauen Insel. Я былъ въ дурномъ расположеніи, но Сашино письмо его поправило. Долго сидѣлъ одинъ на берегу, смотря на воду, которая прелестно трепетала сквозь вѣтви молодыхъ березъ. Послѣ обѣда чтеніе, кегли, катанье съ горы съ великою княгинею. Вечеръ съ Перовскимъ подъ звѣзднымъ небомъ; удивительное зрѣлище!

14 (26), четвергъ. Всталъ до солнца и вмѣстѣ съ кронпринцемъ и королемъ на Браухаусбергъ смотрѣлъ на восхожденіе солнца. Утро было прекрасное, сначала нѣсколько холодное, но солнце взошло въ полномъ блескѣ, и прогулка наша была прелестная. Она кончилась разговоромъ (къ несчастію, короткимъ) о великой княгинѣ. Кронпринцъ говорилъ объ ней съ энтузіазмомъ. Онъ уговорилъ меня ѣхать въ Бранденбургъ, самый старинный городъ въ Пруссіи, и поэтому достойный примѣчанія. Любопытнѣе всего видѣть каѳедральную церковь и особливо церковь св. Екатерины, которой архитектура готическая. Статуя Роланда, которая означаетъ право судить и казнить; уродливая каменная фигура съ мечомъ; время убрало его голову цвѣтами. Дорога отъ Потсдама до Бранденбурга довольно пріятная, несмотря на множество песка; проѣзжаешь мимо озеръ; видишь веселыя деревни; особливо городокъ Вердеръ на острову представляетъ пріятное зрѣлище. Все зеленѣетъ; по обѣимъ сторонамъ шоссе прекрасные тополи, буки, каштаны, шелковицы; кое-гдѣ пышные заливные луга; иногда цѣлыя рощи дикихъ цвѣтущихъ вишенъ. Особливо пріятно было возвращаться: та сторона, которую видѣлъ поутру сквозь жаръ и пыль, была освѣжена весеннимъ вѣтеркомъ и озарена солнцемъ, близкимъ къ закату; все было благовонно; зелень каштановъ и тополей, свѣтло-яркая, прелестно отдѣлялась отъ черной зелени соснъ; вода имѣла прелестный темно-голубой цвѣтъ. День кончился въ Сан-Суси, и, чтобы кончить его законнымъ образомъ, мы сходили на куполъ дворца провожать заходящее солнце, которое зашло ярко и величественно.

15 (27) пятница. Въ Сан-Суси съ m-elle Wildermeth. Просидѣлъ съ часъ въ Kavalierhaus сперва въ большой залѣ, которую называютъ Яшмовою залою. Здѣсь была въ 1817 году учебная и сборная горница. Зала огромая; стѣны украшены древними бюстами полъ мраморный. Великая княгиня провела лѣто 1817 въ Сан-Суси съ принцессою Фридерикою и съ нынѣшнею графинею Бранденбургъ. Эта зала была раздѣлена на нѣсколько департаментовъ; въ одномъ углу стояло нѣсколько столовъ для занятій: тутъ писали, рисовали, читали; въ другомъ углу фортепіано и музыкальная библіотека; въ третьемъ—столъ съ нужнѣйшими книгами; въ четвертомъ — для младшихъ дѣтей. Сверхъ другихъ въ это время жили въ Сан-Суси m-lle Wildermeth и воспитательница принцессы Фридерики. Кронпринцъ пріѣзжалъ всегда въ субботу ввечеру и оставался до понедѣльника вечера. Въ 1814 году великая княгиня прожила въ Сан-Суси совершенно одна все лѣто съ m-lle Wildermeth въ уединеніи и въ занятіяхъ; тогда праздновали день ея рожденія; ей минуло 16 лѣтъ, и вѣнки съ тѣхъ поръ остались на стѣнѣ. Милый анекдотъ о подаркѣ въ Рождество Христово: черта искренняго и глубокаго чувства. Нашъ разговоръ былъ прерванъ, и мы ходили до обѣда въ галлереѣ. Послѣ обѣда разговоръ съ кронпринцемъ. Ходилъ опять въ галлерею; потомъ пилъ чай на Pfingstberg. Удивительно пріятный вечеръ и забавная французская кадриль на площадкѣ павильона. Я ужиналъ одинъ.

17 (29). Мнѣ грустно, потому что я не видалъ нынче великой княгини. Видѣть ее въ этотъ день, въ ея семьѣ, и подѣлиться воспоминаніемъ о прекрасномъ московскомъ днѣ есть удовольствіе, котораго потери ничѣмъ воротить нельзя. И этотъ день могъ бы быть прелестнымъ—а я долженъ его провести въ какомъ-то сухомъ одиночествѣ! Я переписывалъ для кронпринца переводъ своихъ стиховъ на этотъ день. Но какъ было бы весело говорить объ немъ! Посмотримъ, какъ онъ кончится... Обѣдалъ за маршальскимъ столомъ и съ генераломъ Блокомъ пили здоровье новорожденнаго. Ввечеру гулялъ въ Neu-Garten съ Кавелинымъ и Адлербергомъ. Вечеръ былъ прекрасный. Великая княгиня возвратилась, и я успѣлъ ее поздравить. Только не слишкомъ ли? Какъ все не такъ дѣлается, какъ думается. За ужиномъ сѣлъ возлѣ графини Бранденбургъ, и она разсказывала мнѣ день Парижа. Я прописалъ цѣлое утро для кронпринца, а онъ и не подумалъ въ нынѣшній день обо мнѣ. Ребячество; но отъ этой болѣзни не излѣчишься.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА О САКСОНІИ.

Дрезденъ, 1821 г. [въ іюнѣ].

Въ Виттенбергѣ, который плѣняетъ воображеніе своею древностію, видѣлъ я обѣ старинныя церкви и заглянулъ въ келью Лютера: видѣлъ имя нашего Петра, написанное его рукою, и, слѣдуя дурному примѣру всѣхъ путешественниковъ, отрѣзалъ себѣ кусокъ отъ Лютерова стола, котораго скоро не узнаетъ духъ Лютера, если онъ только посѣщаетъ иногда мѣсто своего прежняго пребыванія, не узнаетъ: такъ изрѣзали его благоговѣйные ножи путешественниковъ! Жаль, что въ этой кельѣ стоятъ старинные портреты, которыхъ въ ней не было во время Лютера: это мѣшаетъ воображенію. Изъ Виттенберга поѣхалъ я, черезъ Пречь (гдѣ осматривалъ, пока перемѣняли мнѣ лошадей, старинный замокъ), въ Торгау, гдѣ также есть старинный, весьма живописный замокъ, я лазилъ на высокую башню и любовался окрестностями. На другой день поутру пріѣхалъ въ Мейссенъ; фарфоровой

фабрики видѣть было нельзя, потому что былъ праздникъ Вознесенія; я пошелъ въ Domkirche и всходилъ на высокую ея башню. Видъ съ нея удивительно обширный и сама церковь достойна примѣчанія: величественная, готическая архитектура; здѣсь есть двѣ картины: *Распятіе — Луки Кранаха и Поклоненіе Волхвовъ Христу* (какъ увѣряютъ) *Альбрехта Дюрера*. Послѣдняя (кто бы ни былъ живописецъ) понравилась мнѣ гораздо болѣе первой: необыкновенная сила и выразительность въ лицахъ. Она писана на деревѣ и створчатая, какъ обыкновенные запрестольные образа въ лютеранскихъ церквахъ; на дверцахъ, которыя служатъ и крышкою для картины, изображены четыре апостола. Смотря на эти изображенія, ясно почувствуешь, чѣмъ отличается нѣмецкая школа отъ прочихъ: простая, величественная, но не идеальная природа. Она менѣе дѣйствуетъ на воображеніе, но, кажется, болѣе удовлетворяетъ чувству. Вся дорога отъ Мессейна до Дрездена есть веселый садъ на высокой полугорѣ: съ правой стороны Эльба; съ лѣвой— то высокій утесистый берегъ, то отлогій зеленый холмъ, то виноградники, и безпрестанно встрѣчаются чистые, веселые сельскіе домы; дорога прекрасная: лучшей не можетъ быть и въ саду; по сторонамъ прекрасные тротуары изъ песчанаго камня; ихъ не трудно и дѣлать и содержать: матеріалъ (т.-е. утесы изъ песчанаго камня) находится у самой дороги. Вообще, характеръ здѣшней природы и ея жителей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижины есть небольшой садъ, обнесенный прекрасною каменною стѣною; полезное служитъ вмѣстѣ и украшеніемъ: почти всѣ домы на полдень обсажены виноградомъ; на окнахъ, между зеленью виноградныхъ листьевъ, мелькаютъ цвѣты. Особенно плѣнило меня положеніе такъ-называемаго Wakkerfait Ruhe: на высотѣ холма стоитъ зданіе, похожее на часовню; тамъ, если не ошибаюсь, похороненъ Wakkerfait, который основалъ въ этомъ мѣстѣ училище. У подошвы холма, служащаго могилою основателю, стоитъ веселый, довольно обширный домъ, извѣстный подъ именемъ Landes-Institut; простая архитектура дома, чистый, вымощенный камнемъ дворъ, два высокихъ тополя вмѣсто воротъ, къ которымъ отъ большой дороги идетъ густая аллея, рощи изъ яворовъ и каштановъ по обѣимъ сторонамъ дома, съ дорожками и сидѣлками, и окружающая все ясная, плодотворная природа, невольно представляютъ здѣсь воображенію первыя, счастливыя времена молодости. Если бы я не спѣшилъ въ Дрезденъ, то навѣстилъ бы этихъ дѣтей, которыя начинаютъ свою жизнь безпечно въ прелестномъ пріютѣ, между гробомъ ихъ благотворителя (но этотъ гробъ названъ die Ruhe) и большою дорогою, по которой столько путешественниковъ, имъ незнакомыхъ, мимо ихъ проходитъ и исчезаетъ. Вечеръ былъ прелестный, и мнѣ хотѣлось застать еще послѣдній блескъ солнца на Дрезденскомъ мосту. За четверть мили отъ Дрездена вышелъ я изъ своего смиреннаго Stuhl-Wagen, велѣлъ ему ѣхать въ Дрезденъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Время было удивительно ясно: вечеръ свѣжій и благовонный (до сихъ поръ я еще не видалъ ни одного жаркаго дня), и я думаю, что это лучшій при заходящемъ солнцѣ: оно садилось позади меня такъ, что весь яркій свѣтъ лучей падалъ въ городъ, который свѣтился между зеленью каштановъ, кленовъ и тополей; вблизи между темнозелеными деревьями, на берегу Эльбы, мелькала мельница (die Schiffmühle); за нею зеленѣлъ широкій лугъ; далѣе виденъ былъ прекрасный Дрезденскій мостъ; надъ нимъ темныя липы Брюлева сада, и величественно изъ-за вершинъ древесныхъ выходилъ куполъ церкви Богоматери (Frauenkirche) и великолѣпная католическая церковь, съ своею высокою башнею. Я остановился на мосту, и долго любовался и прелестью береговъ Эльбы, которые съ обѣихъ сторонъ поднимались зеленымъ амфитеатромъ, и городомъ и множествомъ народа, который толпился по мосту; я не хотѣлъ уйти въ свой трактиръ, не проводивъ на покой своего милаго солнца (которое такъ было ко мнѣ милостиво въ Сан-Суси и Потсдамѣ); долго бродилъ по террасѣ Брюлевой; пестрая толпа сверкала на солнцѣ подъ зеленью липъ, и все было чрезвычайно живо; небо ясно угасало, и на свѣтломъ безоблачномъ западѣ прекрасно отдѣлялся высокій крестъ, стоящій на мосту: этотъ видъ давалъ картинѣ что-то необыкновенно величественное. Жаль только, что Эльба своею мутностію нѣсколько ее портитъ. Я еще не видалъ Эльбы ни разу въ настоящей красотѣ; вода ея во все это время была желтокрасная; это отъ дождей, которые падаютъ въ Богемскихъ горахъ, мутятъ бѣгущіе въ нее ручьи, изъ которыхъ много заноситъ въ нее киновари и краситъ ее красною краскою. Она текла тихо, но цвѣтъ ея говорилъ о бурѣ.

Въ Дрезденѣ нашелъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ, между прочимъ и князя Гагарина; но онъ на другой день уѣхалъ въ Карлсбадъ. Болѣе всего радъ я былъ найти Олсуфьева.—Путешествіе учитъ пользоваться настоящею минутою, и такъ какъ погода, которая до сего времени была весьма непостоянна, показалась мнѣ установившеюся, то мы рѣшились вмѣстѣ на другой день (іюня 2) итти въ Плауенъ, а оттуда въ Тарантъ. Рано поутру мы отправились пѣшкомъ черезъ Рекницъ, чтобъ взглянуть на памятникъ Моро. Онъ очень простъ: гранитный пьедесталъ, на которомъ лежитъ бронзовый шлемъ. Видъ отъ него, въ ясную погоду, когда отдаленіе не покрыто парами, долженъ быть прекрасный: мы имъ не могли любоваться. Дрезденъ не хотѣлъ намъ показаться; онъ окутался въ густой дымъ и едва былъ виденъ, и всѣ окрестности были также туманны. Наше удовольствіе было половинное; за то въ Плауенѣ было оно полное. Мой путеводитель Олсуфьевъ (который, NB, сдѣлался великимъ ботаникомъ и умѣетъ назвать по-латини каждую травку Дрезденскихъ полей и долинъ) нарочно повелъ меня полями, чтобы вдругъ удивить взглядомъ на прелестный Плауенъ. Въ самомъ дѣлѣ, неожиданно мы очутились на краю гранитнаго утеса, вышиною въ 70 саженъ, съ котораго представился весь Плауенъ, освѣщенный солнцемъ; надобно было ползти, чтобъ взглянуть съ крутизны внизъ: глубокая, зеленая долина вьется между высокими утесами, которые, однако, не имѣютъ ничего дикаго, хотя подымаются съ обѣихъ сторонъ ужасною гранитною стѣною; они покрыты веселыми деревьями: буками, кленами, липами и кое-гдѣ темными елями; быстрая Вессерица, которая въ это время была уже довольно мелка, шумитъ, вьется, плещетъ по камнямъ и вертитъ колеса многихъ мельницъ, которыя оживляютъ долину. Маленькою тропинкою спустились мы съ высоты въ глубину; у прекраснаго, каменнаго моста Вессерицы ждала насъ коляска и мы отправились въ Тарантъ. Дорога идетъ берегомъ быстрой Вессерицы, мимо деревень, сельскихъ домовъ и мельницъ: всё долины, которыя безпрестанно перемѣняютъ образъ, то расширяются, то вдругъ стѣсняются; одна и та же картина представляется въ тысячѣ прекрасныхъ оттѣнковъ. Но всего живописнѣе положеніе Таранта: небольшой, веселый городокъ, въ глубинѣ пышной долины.—Заказавъ въ трактирѣ обѣдъ, пошли мы бродить; день былъ жаркій, обѣщалъ грозу (но онъ не сдержалъ обѣщанія), и солнце, щадя насъ, безпрестанно пряталось за облака и наводило свѣтъ и тѣнь на окружавшіе насъ утесы. Изъ трактира, который стоитъ въ самой глубинѣ долины, окруженный тополями, полѣзли мы на вершину горы, по тропинкѣ, весьма крутой, но хорошо отдѣланной для гуляющихъ, къ такъ-называемому Храму Солнца; этотъ храмъ достоинъ своего имени только по прелестному виду, которымъ наслаждаешься съ его порога, а не по своей архитектурѣ: онъ изъ коры, покрытъ соломою, и на скамейкѣ, которая внутри его манитъ къ себѣ усталаго, нельзя сѣсть: такъ она пыльна и нечиста. Съ этого мѣста самый обширный видъ на Тарантъ, но самый живописный изъ оконъ развалившагося замка: подъ стѣнами развалинъ большой прудъ; влѣво

церковь; за прудомъ весь городокъ съ кудрявыми утесами, его окружающими, и все чрезвычайно оживлено: природа не хотѣла здѣсь быть ужасною и самые дикіе утесы свои скрыла она подъ веселою зеленью разнообразныхъ деревъ. Впечатлѣніе, которое здѣсь она производитъ, есть какое-то веселое, спокойное довольство; радуешься настоящею минутою, не мечтая о далекомъ: веселая, живая, разнообразная существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ! Заслуживъ свой аппетитъ, мы весьма вкусно обѣдали въ трактирѣ, и между тѣмъ, какъ мы ѣли свѣжихъ форелей, нѣсколько менестрелей играли на арфахъ и пѣли: Freut euch des Lebens! и Komm am Rhein, da wachsen unsere Reben и *Польскій* Огинскаго. Виртуозы были не перваго класса, но, признаюсь, я слушалъ съ большимъ удовольствіемъ; всѣ эти мелодіи были знакомцы стараго времени. Мы возвратились довольно рано въ Дрезденъ, и не желая потерять послѣднихъ, ясныхъ минутъ прекраснаго дня, отправились пѣшкомъ въ Linkische Bad. Здѣсь, по вечерамъ, собираются жители Дрездена. Множество столовъ разставлено подъ липами для тѣхъ, которые ходятъ пить кофе, пиво, курить табакъ или просто сидѣть въ своемъ кругу и смотрѣть на пеструю толпу, волнующуюся подъ деревьями. За входъ платятъ нѣсколько грошей въ пользу музыкантовъ, которые здѣсь играютъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ; въ эти дни здѣсь можно увидѣть весь Дрезденъ. Но я не видалъ всего Дрездена, хотя и была пятница; наканунѣ, т.-е. въ четвергъ, былъ праздникъ Вознесенія, и жители Дрездена, весьма точные люди, заплативъ въ четвергъ тѣ гроши, которые надобно было заплатить въ пятницу, не хотѣли *нарушить* своего правила, и оркестръ игралъ въ пустынѣ.

Я не буду описывать всего, что со мною было въ Дрезденѣ; буду говорить о главномъ. Но для васъ, друзья мои, долженъ я сказать нѣсколько словъ о прелестномъ вечерѣ, который провелъ на берегу Эльбы, сидя на террасѣ Финдлерова сада. Сначала мое расположеніе было довольно дурное, можно сказать, худшее, потому что оно было холодное: и въ головѣ и въ сердцѣ было пусто. День былъ непостоянный, дождикъ смѣнялъ ясность, наконецъ, ясность побѣдила ненастье. На террасѣ сидѣло множество людей; у каждаго стола семейство; все было весело, но для меня эти веселыя лица были всѣ чужія: хотя я и былъ ихъ товарищемъ, но все чувствовалъ одиночество. Не скажу, чтобъ было грустно; грусть есть чувство живое; было пусто: это хуже! Природа, окружавшая меня, была прелестна, но главная прелесть окружающаго есть наша душа, есть то чувство, которое она приноситъ къ святилищу природы. И въ моей душѣ не было сначала ничего, чѣмъ бы подѣлиться съ призывающею природою. Настоящее казалось бѣднымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни. Все главное извѣстно; ничего таинственнаго, неизвѣстнаго не могло соединиться съ тѣмъ, что видѣли глаза, слѣдственно и главной прелести недоставало видимому! Но добрый геній, *воспоминаніе*, прилетѣлъ ко мнѣ на помощь. Какъ иногда вся душа перемѣняется отъ одной, едва замѣтной мелочи, отъ луча солнечнаго, освѣщающаго отдаленіе, отъ голубого неба, проглянувшаго сквозь облако, отъ свѣтлой струи на водѣ! Я смотрѣлъ на окрестности: онѣ были очаровательны. Дрезденъ, за которымъ садилось солнце, темно отдѣлился отъ дождливаго горизонта, и за нимъ, какъ за тонкою дымкою, свѣтилось невидимое солнце; отдаленіе покрыто было свѣтомъ и тѣнью, и въ этой картинѣ что-то было знакомое, и въ самомъ дѣлѣ знакомое! Это былъ точно Бѣлевскій видъ съ пригорка, противъ моего бывшаго дома (разумѣется, съ бо́льшимъ разнообразіемъ). Эльба, которая здѣсь немного шире нашей Оки, также точно извивалась подъ горою; въ правой сторонѣ городъ; вдали на горѣ Рекницъ, похожій на Темрянь; за рѣкою обширный лугъ съ дорогами. Одна изъ нихъ, Пильницкая, по берегу Эльбы, какъ Московская по берегу Оки, другая на Рекницъ, какъ Тульская: даже влѣвѣ, подъ горою, домъ, точно напоминавшій Дураковскую церковь; самое отдаленіе, несмотря на то, что синѣлись на немъ живописныя горы Саксонской Швейцаріи, имѣло что-то похожее на рощи, окружающія Жебынскую пустынь; однимъ словомъ, съ помощію воображенія можно было довольно живо видѣть вмѣсто Дрездена милую свою родину...

И много милыхъ тѣней встало...

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО САКСОНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ.

(1821 г.)

Пильницъ. Ломенъ. Ottowalde - Grund. Время было нѣсколько туманно, когда мы (я и мой товарищъ Олсуфьевъ) оставили Дрезденъ; но въ Пильницѣ встрѣтили мы ясную погоду, и во весь этотъ день солнце (несмотря на нѣсколько дождевыхъ эпизодовъ) было къ намъ довольно благосклонно. О Пильницѣ не могу сказать вамъ ничего: окрестности его пріятны, но самъ дворецъ и садъ мало достойны примѣчанія. Напившись кофе въ трактирѣ, мы поѣхали далѣе, въ городокъ Ломенъ, гдѣ оставили свою коляску, и отсюда началось наше пѣшеходство; коляску же отправили мы, дожидаться насъ, въ деревню *Ратевальде*. Въ Ломенѣ есть старинный замокъ: съ высокой его терассы взглянули мы на рѣчку Везеницу, которая течетъ живописными берегами—видъ прекрасный! Передъ глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся въ движеніе быстрымъ водопадомъ. Изъ Ломена пошли мы полемъ, и скоро по крутой тропинкѣ спустились въ Ottowalde-Grund (Grund, я думаю, можно перевести словомъ: дебрь): это не долина, а узкій, глубокій и длинный прорѣзъ между утесами, дорога, которую въ старыя времена проложила себѣ вода, проточившая камни. Внезапная противоположность той глубины, въ которой мы очутились, съ тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вкругъ все дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою, между огромныхъ камней, покрытыхъ старымъ мохомъ, и въ ужасномъ безпорядкѣ набросанныхъ на дно долины; по обѣимъ сторонамъ стѣны утесовъ, покрытыя елями и соснами; надъ головою узкая полоса голубого неба; кое-гдѣ на вершинахъ свѣтъ солнца; внизу же свѣжесть и сумракъ, и нельзя описать того разнообразія, въ какомъ представляются здѣсь утесы: то, вдругъ, огромная, отдѣлившаяся колонна, въ которой, вмѣсто капители, мохъ и сосны; то, вдругъ, цѣлая стѣна, треснувши, наклонилась, и грозитъ тебя задавить; то, вдругъ, странныя фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе, и эти странныя фигуры подали поводъ ко многимъ народнымъ баснямъ. Нашъ болтливый проводникъ (котораго на все путешествіе взяли мы въ Ломенѣ) разсказывалъ намъ біографіи нѣкоторыхъ утесовъ: такъ, напримѣръ, въ Ottowalde-Grund есть глубокая низкая пещера, которая называется Teufelshöhle: въ ней жаритъ свою дичь, и, вѣроятно, угощаетъ ею дьявола, такъ-называемый *дикій охотникъ* (der wilde Jäger), здѣсь извѣстный подъ именемъ *безголоваго Дидриха*; онъ, часто по ночамъ, съ ужаснымъ крикомъ, вихремъ и градомъ, бѣгаетъ по утесамъ и забавляется охотою. Есть мѣсто, которое называется Steinernes Haus: на днѣ долины лежитъ обрушившійся камень, имѣющій фигуру дома. Долина, почти вездѣ весьма узкая, вдругъ такъ стѣсняется, что едва можно пройти двумъ человѣкамъ, и нѣсколько камней, сорвавшись съ высоты, увязли въ ущельѣ и образовали кровлю: это мѣсто называется Ottowalde-Thor. Сквозь эти ворота входишь въ Raingrund, потомъ въ die Höhle, потомъ узкою дорогою начинаешь подыматься вверхъ: вокругъ тебя все дико попрежнему; кажется, что находишься въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда не была нога человѣческая: все въ разрушеніи, все мрачно и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдругъ на лугу: кругомъ кустарникъ и веселая густая роща;

тропинка вьется черезъ рощу, и тутъ кое-гдѣ сквозь деревья начинаютъ проскакивать виды на голубую даль съ свѣтлымъ небомъ, и начинаешь подозрѣвать, что величественное зрѣлище близко... Чтобы вполнѣ насладиться неожиданностію, я не далъ воли своему нетерпѣнію; какъ ни манили меня выглядывавшіе изъ-за деревьевъ утесы, я шелъ, уставивъ глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконецъ, вдругъ, исчезли деревья, и мы очутились на Bastey.

Die Bastey. Какъ жаль, что надобно употреблять слова, бумагу, перо и чернила, чтобъ описывать прекрасное! Природа, чтобъ плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину, а бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразные предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми, часто бываетъ гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вамъ о несравненномъ видѣ съ Bastey? Какъ изобразить чувство нечаянности, великолѣпіе, неизмѣримость дали, множество горъ, которыя, вдругъ, открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, свѣтъ солнца и небо съ безчисленными облаками, которыя наводили огромныя подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и за́мки, пестрѣвшіе передъ глазами съ удивительною прелестью? Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать *особеннымъ* словомъ; но то впечатлѣніе, которое всѣ они *вмѣстѣ* на душѣ производятъ—для него нѣтъ выраженія; тутъ молчитъ языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы—въ ея невыразимости. Надобно, однако, посвятить нѣсколько чернильныхъ каракулекъ описанію Bastey. Этотъ утесъ во сто саженей перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ ряда другихъ утесовъ надъ самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влѣво такіе же крутые, но не столь высокіе утесы; передъ глазами всѣ горы Саксонской Швейцаріи, или, лучше сказать, огромные камни, со всѣхъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій Lilienstein съ кудрявою вершиною, Königsstein съ своими башнями, Pfaffenstein, Pabststein и множество другихъ, влѣвѣ der grosse Winterberg, на горизонтѣ die Erzgebirge, вправѣ Пирна, вдали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣтлыми, тихо-ползущими мошками.

На утесахъ, торчащихъ влѣво отъ Bastey, стоялъ встарину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій за́мокъ; еще видны скважины, означающія мѣсто бывшаго моста; нѣкоторыя щели утесовъ и теперь заклалены камнями, а на нѣкоторыхъ скалахъ, по которымъ нынче трудно и ползти, остались еще колеи отъ колесъ; этотъ за́мокъ, конечно, былъ встарину неприступенъ; но послѣ онъ былъ разрушенъ пушками съ противоположныхъ утесовъ, которые и понынѣ называются шанцами и на которые мы взбирались. Съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: точно стоишь на крутой скалѣ, торчащей изъ моря; только вмѣсто волнъ окружаютъ тебя вершины елей и сосенъ, и между ними, какъ острова, бѣлѣютъ и чернѣютъ другіе утесы, страшно разорванные и разбросанные: случай оживилъ для насъ эту картину, плѣнительную мертвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось старое время, какъ на этихъ крутизнахъ гнѣздились разбойники, *тираны окрестностей* (какъ говоритъ Делиль). Въ то самое время, какъ мы отъ Bastey спустились по крутизнѣ на дно пропасти, на высотѣ затрубили въ рогъ: эхо проснулось, раздалось по скаламъ и все опять замолчало; опять тотъ же звукъ, тотъ же отзывъ и то же молчаніе; вслѣдъ за рогомъ заиграла арфа и запѣлъ голосъ. Какъ ни глубока была пропасть, но звуки струнъ доходили до слуха; кто игралъ, было не видно, но окружающая дичь казалась оживленною; мы долго стояли, слушали, наконецъ, пошли; скоро звуки замолкли и все опять одичало. Надобно знать, что около Bastey есть нѣсколько досчатыхъ хижинъ; тамъ можно найти обѣдъ и тамъ же всегда встрѣтишь арфистовъ; ихъто пѣсня намъ слышалась.

Дорога отъ Bastey въ Шандау. Съ высоты Bastey спустились мы въ Ratewalde-Grund, и ущельями, подобными первымъ, пошли къ деревнѣ Ратевальде, гдѣ насъ дожидалась наша коляска. Тропинка вилась между такими же камнями, какъ и первые; окружающіе виды были еще живописнѣе, а утесы огромнѣе и величественнѣе: одна громада этихъ утесовъ называется, не знаю почему, die grosse Gans, другая die kleine Gans; одинъ утесъ, das Lamm, въ самомъ дѣлѣ, похожъ на ягненка, лежащаго на крутой скалѣ; о другомъ утесѣ, называемомъ die Möncbssteine, разсказываетъ преданіе, что онъ есть памятникъ Божія гнѣва, наказавшаго преступную любовь; онъ есть не иное что, какъ монахъ и монахиня, окаменѣвшіе въ минуту встрѣчи на мѣстѣ назначеннаго свиданія (то же самое разсказываютъ объ одномъ утесѣ близъ Эйзенаха). На одной высокой скалѣ видишь группу мелкихъ камней; ихъ называютъ Affensteine, ибо они должны изображать обезьянъ въ разныхъ положеніяхъ. Долиною Grünbachthal, на берегу ручья, отъ котораго она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту; воды этого ручья въ своемъ теченіи образуютъ два водопада, которые въ началѣ весны или послѣ проливныхъ дождей должны быть весьма живописны, но мы видѣли одинъ только мелкій, быстрый ручей, который пріятно шумѣлъ и пробирался между камней. Первое паденіе называется Amselloch, потому что камень, съ котораго падаетъ ручей, образуетъ пещеру, довольно глубокую: видишь серебряную струю, перерѣзывающую надвое темный входъ пещеры; а вошедши подъ навѣсъ, видишь ту же струю, которая кажется прозрачнымъ кристальнымъ столбомъ; сквозь брызги видна вся бѣгущая внизъ долина, и въ самомъ концѣ задвигаютъ ее, дымящеюся отъ паровъ громадою, огромныя скалы Affensteine. Довольно уставъ отъ своего путешествія, пришли мы, наконецъ, въ деревню Ратевальде, сѣли въ коляску и поѣхали въ Шандау черезъ Ziegenrück, съ котораго имѣли прелестный видъ на окрестность при заходящемъ солнцѣ. Шандау извѣстенъ своими минеральными водами и ваннами; мы остановились за городомъ, въ трактирѣ, гдѣ находятся и ванны. Его положеніе живописно, но намъ уже было не до живописныхъ положеній: усталость и ея родной братъ голодъ насъ мучили; отъ голода избавились мы вкуснымъ ужиномъ, а усталость прогналъ услужливый сонъ.

Kuhstall. Мы не дали себѣ воли нѣжиться, встали рано, и, позавтракавъ, пустились въ путь. Нѣсколько времени—пока было можно, и чтобы напрасно не тратить силъ—ѣхали мы берегомъ источника Кирнича въ коляскѣ; наконецъ, дорога наша оборотилась въ тропинку; мы пошли пѣшкомъ и начали взбираться по крутизнѣ Kuhstall. Достигнувъ съ трудомъ до высоты, пришли мы дорожкою, обсаженною стрижеными елями, ко входу пещеры или, лучше сказать, къ огромнымъ воротамъ, сдѣланнымъ самою природою посреди утесовъ; эти ворота называются Kuhstall, потому что въ 30-ти-лѣтнюю войну жители окружныхъ мѣстъ прятали подъ ихъ сводомъ отъ хищничества шведовъ свою скотину и они такъ огромны, что подъ ними могло скрываться довольно большое стадо. Въ наши времена этотъ пріютъ несчастія сдѣлался однимъ предметомъ беззаботнаго любопытства, и память минувшихъ ужасовъ только оживляетъ то удовольствіе, которое производитъ чудесный видъ пещеры и пропастей, ее окружающихъ. Сводъ ея и стѣны кажутся мозаикою: такъ испещрены они именами путешественниковъ, которые вездѣ хотятъ оставить вѣчный слѣдъ своего минутнаго пребыванія. И намъ захотѣлось отвѣдать вѣчности: Олсуфьевъ взгромоздился на лѣстницу, и пока я занимался временнымъ, то-есть утолялъ свой

голодъ жаренымъ картофелемъ, начертилъ для будущихъ временъ свое и мое имя на такомъ мѣстѣ, далѣе котораго ничья смѣлая рука не достанетъ. Въ пещерѣ есть все для этого нужное: кисти и чернила. Въ стѣнахъ ея въ одномъ мѣстѣ выдолблена кухня, въ другомъ погребъ: во все лѣто живутъ здѣсь люди, которые угощаютъ путешественниковъ обѣдомъ и кофе; нашлись также и арфисты. На утесахъ, образующихъ Kuhstall, много предметовъ, достойныхъ любопытства; нѣкоторые напоминаютъ ужасную 30-ти-лѣтнюю войну; напримѣръ, маленькая пещера называется Wochenbett; въ ней, по преданію, скрывалась отъ шведовъ беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родовъ въ безопасности; одинъ нависшій надъ пропастью камень, съ котораго страшно посмотрѣть въ глубину, называется die Kanzel: съ него проповѣдывалъ какой-то священникъ, сброшенный послѣ въ пропасть, и мѣсто, съ котораго его столкнули, наименовано Pfaffensprung. Здѣсь встарину скрывались и разбойники; ихъ за́мокъ, стоявшій на вершинѣ, надъ самымъ Kuhstall, назывался Wildenstein; взобраться къ нему можно только сквозь темную, узкую трещину, въ самой срединѣ утеса находящуюся, куда едва можетъ протѣсниться одинъ человѣкъ; мы кое-какъ пролѣзли, и съ высоты, гдѣ нѣтъ уже и признаковъ замка, любовались ужасомъ окрестностей. Все это мѣсто окружено лабиринтомъ пещеръ, въ которыхъ было легко и скрываться и защищаться, и въ одной изъ нихъ, называемой Schneiderloch (по имени разбойника Шнейдера, который долгое время въ ней прятался), одинъ человѣкъ могъ оборониться отъ цѣлой арміи; къ ней надобно карабкаться по узкимъ камнямъ, висящимъ надъ бездною, согнувшись въ дугу, потому что и надъ головою висятъ такіе же камни; въ самой же пещерѣ нельзя стоять: такъ она низка; но видъ изъ нея удивительный: все вокругъ тебя, передъ тобою и надъ тобою въ развалинахъ, здѣсь царство разрушенія, одно только эхо здѣсь существуетъ — минутный, быстро-исчезающій житель, только разительнѣе напоминающій о ничтожествѣ. Нашъ проводникъ началъ кричать, и эхо по нѣскольку разъ повторяло его крики; и молчаніе, которое всякій разъ смѣняло голосъ, было еще разительнѣе послѣ мгновеннаго звука. Осмотрѣвъ всѣ эти предметы (ихъ можно теперь видѣть безъ всякой опасности, ибо вездѣ для приходящихъ подѣланы перила), мы опять сошли въ Kuhstall, и провожаемые арфою, начали спускаться въ глубину долины, чрезъ которую надобно было пройти, дабы потомъ подняться на Klein-Winterberg. На днѣ долины мы остановились и увидѣли надъ головою Kuhstall, который снизу показался намъ едва замѣтною трещиною; мы увидали нѣсколько мужчинъ и дамъ, пришедшихъ по слѣдамъ нашимъ въ пещеру, и въ трубу могли различить,—что они вальсировали подъ арфу, которой звуки намъ явственно слышались; изъ пропасти закричали мы имъ *браво*— и полѣзли на Klein-Winterberg.

Klein-Winterberg. Фортуна, до сихъ поръ къ намъ благосклонная, покинула насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкій, потомъ довольно сильный: мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ осталось: проводникъ увѣрялъ насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это нисколько не спасло отъ дождя, напротивъ, его удвоивало: вѣтеръ шаталъ деревья, и капли, сыпавшіяся съ листьевъ, составляли крупный древесный дождь, который ни мало не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ перестал. Спѣшу къ обѣщанному убѣжищу—что же? Это каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный холодный вѣтеръ. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма непріятно, но часто живѣйшія удовольствія находишь тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое чудесное зрѣлище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и страшно летали надъ нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всѣхъ пунктахъ горизонта появились тучи: однѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которыя врѣзывались въ нихъ своими вершинами; въ другихъ мѣстахъ тучи сливались дождемъ съ горизонтомъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустоты: какъ-будто что-то разрушилось, и одинъ только столбъ пыли остался. Ближніе предметы были еще чудеснѣе. Лѣсистыя горы, долины, деревья, утесы—все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ перестал, и со всѣхъ сторонъ начали подыматься пары: тамъ вилась ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыма; тамъ множество легкихъ облаковъ летало, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горы была перерѣзана туманною полосою; тамъ цѣлая гора синѣлась на воздухѣ, и подъ нею волновались облака; тамъ вдоль глубокой долины тянулась и подымалась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ обширнаго пожара въ лѣсу или на необъятную, разбросанную, сѣдую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувалъ сильный вѣтеръ—словомъ, зрѣлище было неописанное; я забылъ холодъ и мокроту и не могъ наглядѣться на этотъ величественный хаосъ. А арфа какъ тутъ. Вошедши въ бесѣдку, мы и не примѣтили, что въ углу ея притаился старый богемецъ съ маленькою дочерью; увидѣвъ путешественниковъ, онъ принялся исполнять свою должность, заигралъ и запѣлъ, а малютка начала ему вторить. И что́ же они запѣли? Прощаніе *Банапарте съ Франціею* (я списалъ эту пѣсню; она, кажется, стала народною: я слышалъ ее и на Bastey и послѣ на Schlossberg, подлѣ Тёплица). Признаюсь, такая неожиданная гармонія, посреди туманнаго волненія между утесовъ, поразила меня. Пѣніе было неискусное, но въ соединеніи дрожащаго голоса старика со звонкимъ и еще несозрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то трогательное; а содержаніе пѣсни разительно согласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; утесы стояли неподвижно, и между ними легкимъ дымомъ, ничтожными призраками летали остатки минувшей бури: поневолѣ видѣлось тутъ бурное, разлетѣвшееся величіе Наполеона. И что-то было прискорбно-поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое (безъ всякаго о немъ понятія) старикъ и младенецъ повторяли въ глухой дичи, чтобъ получить нѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше счастіе вблизи бесѣдки, построенной для удовольствія путешественниковъ, нашлась лачужка, въ которой развели мы огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грѣлись и морщились отъ дыму, нашъ проводникъ разсказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большого Winterberg, съ котораго въ ясную погоду можно видѣть, какъ въ панорамѣ, всѣ горы Саксоніи и часть горъ Богемскихъ, не видали мы ничего: опять начался мелкій дождь, и все слилось въ однообразный непроницаемый туманъ.

Prebisch-Thor. Вздохнувъ о потерѣ удовольствія и не надѣясь переждать ненастья, которое, казалось, совсѣмъ овладѣло небомъ, пошли мы далѣе; но дождикъ вдругъ перестал, мы ободрились и, наконецъ, миновавъ утесы, называемые die Schäfersteine, и переступивъ за границу Богеміи, очутились на высотѣ утеса, называемаго Prebisch-Thor. Съ этой крутизны имѣли мы почти такой же видъ, какъ и съ Klein-Winterberg; но впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ надъ нами, было точно похоже на радость: прояснившееся небо прояснило и душу. Воспоминаніе о Prebisch-Thor есть самое пріятное изъ всѣхъ оставшихся мнѣ отъ Саксонской Швейцаріи. Prebisch-Thor есть такая же сквозная пещера, какъ и Kuhstall, только несравненно у́же и выше; сперва всходишь на верхъ того камня, который образуетъ ея сводъ, потомъ уже спускаешься подъ самый сводъ; но какъ описать это чудесное мѣсто? Вообразите узкую скалу, длиною въ

десять или пятнадцать саженъ, а шириною не болѣе четырехъ аршинъ, положенную на два другихъ стоячихъ утеса; на этой узкой каменной полосѣ стоишь, будучи окруженъ спереди, справа и слѣва пропастями во сто саженъ глубиною, изъ которыхъ, какъ страшилища, высовываются другіе голые утесы; за ними зеленѣются съ трехъ сторонъ долины; позади нихъ подымаются лѣсистыя невысокія горы, между которыми также видишь дно извивающихся долинъ, а за этими близкими и зеленѣющимися горами стоятъ, какъ привидѣнія, далекія, синія; и надъ всѣмъ этимъ неописаннымъ разнообразіемъ горъ и долинъ вообразите тотъ же чудесный туманъ, волнующійся, летающій, но гораздо болѣе прозрачный, такъ-что повременамъ можно было различить все, что таилось подъ его воздушными волнами; но иногда вдругъ онъ совершенно сгущался, въ эти минуты казалось, что стоишь на краю свѣта, что земля кончилась, и что за шагъ отъ тебя уже нѣтъ ничего, кромѣ бездны неба. Рядомъ съ Prebisch-Thor находится другая скала, отдѣленная отъ первой пропастью, гораздо выше, ýже и круче: она называется Prebisch-Wand. Мы лазили на нее, чтобъ взглянуть на Prebisch-Thor сбоку—видъ несравненный: не понимаешь, для кого созданы природою въ пустынѣ эти таинственныя ворота и куда ведутъ онѣ; кругомъ нихъ бездны, сквозь ихъ отверстіе виденъ одинъ волнующійся туманъ и что-то, какъ-будто изъ другого свѣта, мелькаетъ и сквозь этотъ полупрозрачный сумракъ, и на высотѣ утеса, образующаго ихъ сводъ, на голомъ гранитѣ, растетъ одинокая ель; корни ея совсѣмъ обнажены; не знаешь, откуда берутъ они свою пищу; но она зелена, свѣжа, и бури ея не трогаютъ. У самой Prebisch-Wand стоитъ, какъ-будто ея сторожъ, ужасная, уединенная скала Prebisch-Kegel: это—гранитный столбъ, со всѣхъ сторонъ неприступный; никто, кромѣ развѣ орла, не бывалъ на его вершинѣ, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величіе.

Возвращеніе на Шандау. Солнце выглянуло изъ тучъ, когда мы отъ Prebisch-Thor спустились въ глубину долины по лѣсистой горѣ, называемой die heiligen Hallen, которая, какъ необъятный разрушенный амфитеатръ съ безчисленными ступенями, подымалась позади насъ; утесы образовали стѣны, своды, ложи и галлереи: надобно было итти по крутому ихъ скату почти цѣлую версту, чтобы добраться до дна долины. Все потемнѣло, когда мы спустились въ Bielgrund и по берегу быстраго ручья пошли въ Hirnischkietschen—пограничное мѣстечко, гдѣ находится австрійская таможня. Здѣсь кончится Саксонія и начинается Богемія. Въ Hirnischkietschen дожидалась насъ лодка, и мы поѣхали Эльбою въ Шандау. Несмотря на вечернюю сырость, наше плаваніе было пріятно. Между утесами, которые, какъ стѣна, подымаются на правомъ берегу рѣки, одинъ достоинъ примѣчанія по своей фигурѣ; его называютъ die Königsnase: въ самомъ дѣлѣ видишь профиль огромной головы, смотрящей на воды изъ-за скалы, и эта голова съ движеніемъ лодки безпрестанно перемѣняетъ и физіогномію и положеніе; наконецъ, она ложится и пропадаетъ; нѣсколько елей, выросшихъ на высотѣ, кажутся букетомъ, пришпиленнымъ ко груди каменнаго великана. Была почти ночь, когда мы возвратились въ Шандау.

Lilienstein. Brand. Hohestein. Не стану подробно описывать вамъ остального нашего путешествія: ничто не будетъ ново въ описаніи, хотя видѣнные нами предметы имѣютъ, каждый, много особеннаго. Мы взбирались, въ жаръ, по песку, на крутой Lilienstein, съ котораго видишь вблизи Königsstein и необъятную гористую окрестность; на краю горизонта можно различить, какъ свѣтлую точку, Ноллендорфскую часовню. У подошвы Лиленштейна въ 1813 году расположились укрѣпленнымъ лагеремъ остатки французской арміи, почти уничтоженной въ Россіи—и теперь еще видны батареи. Это, какъ замѣтилъ мой товарищъ, было предсказаніемъ того, что случилось послѣ: Наполеонова армія нашла защиту подъ камнемъ лиліи, въ виду роковой Ноллендорфской часовни. Съ Лиленштейна, черезъ поля и свѣжую долину Tiefegrund, достигли мы около вечера до утеса, называемаго der Brand: онъ очень сходенъ съ Bastey, и видъ съ него если не обширнѣе, то привлекательнѣе: передъ самыми глазами, въ глубинѣ зеленая долина, вдоль которой по излучинамъ ручья вьется дорога; къ ней примыкаетъ другая долина, также свѣжая и зеленая; за ними густая, темная роща, за которою въ двухъ мѣстахъ блистаетъ Эльба и синѣются тѣ же горы, которыя видны съ Bastey: вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде, нежели оно закатилось, успѣли мы прійти въ городокъ Hohestein и осмотрѣть находящійся въ немъ старинный зáмокъ: можно сказать, что онъ виситъ надъ пропастью, и что скала, его держащая, всякую минуту готова съ нимъ обрушиться Часть этой пропасти, въ которую со страхомъ глядишь съ террасы зáмка, обращенной нынѣ въ цвѣтникъ, называется Bärengarten. Въ ней когда-то, за высокими стѣнами, живали медвѣди, которыхъ ловили въ окружныхъ лѣсахъ; изъ оконъ зáмка можно было любоваться ихъ дикою домашнею жизнію. Въ зáмкѣ показываютъ остатки старинныхъ тюремъ. Одна изъ нихъ, темная и низкая, называлась die Marterkammer и была опредѣлена для пытки: нынче хранится въ ней одинъ картофель; въ другой полуразвалившейся, содержался преступникъ Клоттенбергъ (за дѣланіе фальшивой монеты); этотъ несчастный вздумалъ, было, спастись, и изъ соломы, служившей ему постелью, свилъ веревку, спустился по ней изъ окна, но веревка была слишкомъ коротка; онъ прянулъ и переломилъ ногу; его поймали и казнили; а предательницу-веревку и теперь показываютъ путешественникамъ. Въ Hohestein кончилось наше странствіе. Здѣсь дожидалась насъ коляска наша, пріѣхавшая изъ Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились въ Дрезденъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА О САКСОНІИ.

(Въ 1821 году.)

...Я долженъ еще дать отчетъ въ остальной дрезденской жизни моей. Я познакомился въ Дрезденѣ съ нѣкоторыми интересными людьми, но буду говорить только о двухъ: о живописцѣ Фридрихѣ и Штернбальдъ Тикѣ. Фридриха нашелъ я точно такимъ, какимъ воображеніе представляло мнѣ его, и мы съ нимъ въ самую первую минуту весьма коротко познакомились. Въ немъ нѣтъ, да я и не думалъ найти въ немъ, ничего идеальнаго. Кто знаетъ его туманныя картины, въ которыхъ изображается природа съ одной мрачной ея стороны, и кто по этимъ картинамъ вздумаетъ искать въ немъ задумчиваго меланхолика, съ блѣднымъ лицомъ, съ глазами, наполненными поэтическою мечтательностью, тотъ ошибается: лицо Фридриха не поразитъ никого, кто съ нимъ встрѣтится въ толпѣ; это—сухощавый, средняго роста, человѣкъ, бѣлокурый, съ бѣлыми бровями, нависшими на глаза; отличительная черта его физіогноміи есть простодушіе: таковъ онъ и характеромъ; простодушіе чувствительно во всѣхъ его словахъ; онъ говоритъ безъ краснорѣчія, но съ живостью непритворнаго чувства, особливо, когда коснется до любимаго его предмета, до природы, съ которою онъ какъ семьянинъ; но объ ней говоритъ точно такъ, какъ ее изображаетъ, безъ мечтательности, но съ оригинальностью. Въ его картинахъ нѣтъ ничего мечтательнаго; напротивъ, онѣ привлекательны своею вѣрностью: каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе! Если находишь въ нихъ болѣе того, что видятъ глаза, то лишь оттого, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который ищетъ въ ней только образца для кисти, а какъ человѣкъ, который въ природѣ видитъ безпрестанно символъ человѣческой жизни. Красоты природы плѣняютъ насъ

не тѣмъ, что онѣ даютъ нашимъ чувствамъ, но тѣмъ невидимымъ, что возбуждаютъ въ душѣ и что ей темно напоминаетъ о жизни и о томъ, что далѣе жизни. Фридрихъ пренебрегаетъ правила искусства; онъ пишетъ свои картины не для глазъ знатока въ живописи, а для души, знакомой такъ же, какъ и онъ, съ его образцомъ, съ природою; критики могутъ быть имъ недовольны, но чувство, лучшій изъ критиковъ, простое, непредубѣжденное чувство всегда съ его стороны. Онъ такъ же точно судитъ и о чужихъ картинахъ: я нѣсколько разъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ галлереѣ; смотря на многія картины, онъ не могъ назвать мнѣ живописцевъ; и, вообще, все то, что можно затвердить наизусть, ему весьма мало знакомо; зато во многихъ картинахъ находилъ онъ такіе красоты или недостатки, которые только одной душѣ, вытвердившей наизусть природу, могутъ быть примѣтны, и всѣ его замѣчанія были разительно справедливы и въ то же время оригинальны; но оригинальное и справедливое одно и то же. Я нашелъ у него нѣсколько начатыхъ картинъ: одна изъ нихъ можетъ служить дополненіемъ той, которая уже мнѣ была извѣстна—лунная ночь, небо было бурно, но буря миновалась, и всѣ облака сбѣжались на отдаленный горизонтъ, оставя полнеба уже совершенно чистымъ; луна стоитъ надъ самыми тучами, и ихъ края освѣщены ея блескомъ; море тихо; низкій берегъ, усыпанный камнями; на берегу якорь; вдали, на самомъ краю моря, виденъ парусъ плывущаго къ берегу корабля; его ждутъ! Двѣ молодыя женщины сидятъ на камняхъ и смотрятъ на парусъ съ покорною надеждою; двое мужчинъ, болѣе нетерпѣливыхъ въ своей надеждѣ, перепрыгнули черезъ нѣсколько камней, стоятъ посреди воды и смотрятъ туда же: передъ ними еще нѣсколько камней, но до нихъ уже допрыгнуть невозможно! Эта картина только начата, но рисунокъ прелестный: все просто и выразительно! Слишкомъ будетъ много описывать всѣ картины, которыя я у него видѣлъ; всѣ, вообще, болѣе или менѣе нравятся по тому чувству, которымъ онѣ оживлены. Фидриху теперь задана задача: кто-то хочетъ имѣть двѣ картины; на одной должна быть изображена природа Италіи во всей ея роскошной и величественной прелести; на другой—природа сѣвера, во всей красотѣ ея ужасовъ, и послѣднюю взялся написать Фридрихъ. Онъ еще самъ не знаетъ, что напишетъ. Онъ ждетъ минуты вдохновенія, и это вдохновеніе (какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ) часто приходитъ къ нему во снѣ. Иногда, говоритъ онъ, думаю, и ничто не приходитъ въ голову: но случается заснуть, и вдругъ какъ-будто кто-то разбудитъ: вскочу, отворю глаза, и что́ душѣ надобно, стоитъ передъ глазами, какъ привидѣніе—тогда скорѣй за карандашъ и рисуй: все главное сдѣлано! Фридрихъ такъ мнѣ понравился и такъ показался мнѣ сродни, что я предложилъ, было, ему ѣхать со мною: моихъ денегъ было бы довольно для этого; но онъ отказался и еще болѣе понравился мнѣ своимъ отказомъ. „Вы хотите имѣть меня съ собою", отвѣчалъ онъ, „но тотъ я, который вамъ нравится, съ вами не будетъ. Мнѣ надобно быть совершенно одному и знать, что я одинъ, чтобы видѣть и чувствовать природу вполнѣ! Ничто не должно быть между ею и мною; я долженъ отдаться тому, что меня окружаетъ, долженъ слиться съ моими облаками и утесами, чтобъ быть тѣмъ, что я есмь! Будь со мною *самый* ближайшій другъ мой: онъ меня уничтожитъ! И, бывши съ вами, я не буду годиться ни для себя ни для васъ. Мнѣ случилось однажды жить цѣлую недѣлю въ Оттовальде-Грундѣ между утесами и елями, и во все это время не встрѣтилъ я ни одного живого человѣка. Правда, такой методы я не предложу никому и по себѣ знаю, что это уже слишкомъ: невольно мрачность можетъ зайти въ душу. Но это же должно доказать вамъ, что мое товарищество не можетъ быть никому пріятно". Послѣ Фридриха надобно описать Тика. Я хотѣлъ сначала посмотрѣть на него одинъ разъ, какъ на достойнаго примѣчанія человѣка, но моя дикость меня останавливала; однако, я сладилъ съ нею и пошелъ къ нему. Не скажу, чтобы въ первую минуту онъ сдѣлалъ на меня какое-нибудь особенное впечатлѣніе. Онъ имѣетъ прекрасную наружность; ему около пятидесяти лѣтъ и въ молодости онъ, вѣрно, былъ красавецъ; теперь онъ человѣкъ весьма посредственнаго роста, довольно толстый; въ лицѣ нѣтъ ничего разительнаго, но во всѣхъ чертахъ пріятное согласіе; въ глазахъ нѣтъ ни быстроты, ни проницательности, ни блеска, но они выразительны: есть что-то согласное съ тою мечтательностью, которую находимъ въ его сочиненіяхъ, особливо въ Sternbalds Wanderungen; виденъ человѣкъ, который мыслитъ, но котораго мысли принадлежатъ болѣе его воображенію, нежели существенности. Вотъ поэтическая сторона Тика; а прозаическая та, что онъ страдаетъ безпрестанно ревматизмомъ, ходитъ согнувшись и едва можетъ передвигать ноги. Въ первое мое свиданіе съ нимъ мы немного поспорили: онъ обожатель Шекспира, и, можетъ-быть, никто изъ англичанъ не понимаетъ Шекспирова духа такъ, какъ онъ. Я признался ему въ грѣхѣ своемъ, сказалъ, что chef-d'oeuvre Шекспира, Гамлетъ, кажется мнѣ чудовищемъ и что я не понимаю его смысла. На это сказалъ онъ мнѣ много прекраснаго, но, признаться, не убѣдилъ меня. Тѣ, которые находятъ такъ много въ Гамлетѣ, доказываютъ тѣмъ болѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели превосходство Гамлета. Я не могу повѣрить, чтобы Шекспиръ, сочиняя свою трагедію, думалъ все то, что Тикъ и Шлегель думали, читая ее: они видятъ въ ней и въ ея разительныхъ странностяхъ всю жизнь человѣческую съ ея непонятными загадками.—Но въ томъ-то и привилегія истиннаго генія, сказалъ мнѣ Тикъ, что, не мысля и не назначая себѣ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ онъ до того, что другіе открываютъ глубокимъ размышленіемъ, идя по его слѣдамъ; чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ взлетаетъ на высоту и, стоя на этой высотѣ, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ. Это прекрасно и справедливо! Тикъ переводитъ Шекспира, т.-е. однѣ только тѣ пьесы, которыя не переведены еще Шлегелемъ. Сверхъ того, онъ намѣренъ еще выдать критическій и философскій разборъ его трагедій и комедій, но, вѣроятно, выдастъ не скоро, потому что чрезвычайно лѣнивъ, и мнѣ было пріятно найти въ немъ это похвальное сходство со мною. Тикъ—нѣмецкій Плещеевъ; онъ съ большимъ совершенствомъ *читаетъ* драматическія стихотворенія, а особливо комедіи. Я просилъ его, чтобы онъ прочиталъ мнѣ Гамлета, и чтобы, послѣ чтенія, сообщилъ мнѣ подробно свои мысли объ этомъ *чудесномъ уродѣ*. Онъ далъ мнѣ слово, и я, кончивъ свое путешествіе по Саксонской Швейцаріи, явился къ нему. Въ первое мое посѣщеніе нашелъ я его одного, съ какою-то пожилою женщиною, которую принялъ за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала. Но это была не жена его, а какая-то графиня Финкенштейнъ, которая живетъ съ его семействомъ. Жена же его и дочери путешествовали по Саксонской Швейцаріи. Во второй разъ нашелъ я ихъ всѣхъ въ сборѣ: жена его, кажется, женщина простого и здраваго ума; обѣ дочери милы, особливо старшая, которая, не будучи красавицею, имѣетъ много пріятнаго: милое, доброе дитя, съ образованностію и женскою скромностію. Это семейство мнѣ понравилось. Они всѣ приняли меня съ сердечнымъ доброжелательствомъ, и во всѣ минуты, которыя послѣ я провелъ съ ними вмѣстѣ, былъ я у нихъ, какъ дома, какъ съ давнишними знакомцами. И въ Тикѣ нашелъ я то, чего единственно желаю найти въ людяхъ, извѣстныхъ мнѣ по своему генію: любезное, искреннее добродушіе. Онъ не могъ читать мнѣ Гамлета; пьеса слишкомъ длинна, а онъ былъ боленъ. Онъ прочиталъ Макбета: большое искусство! Особенно понравились мнѣ мѣста ужасныя.

сцена вѣдьмъ, монологъ Макбета передъ убійствомъ, ужасное описаніе убійства, сцена, въ которой является жена Макбетова, сонная! Онъ, такъ же какъ и Плещеевъ, читаетъ, не называя говорящихъ лицъ: и по голосу, и по выраженію, и по лицу его можно легко узнавать всѣхъ; только въ выраженіи чувства онъ уступаетъ нашему и, вообще, лицомъ своимъ не такъ владѣетъ, какъ нашъ смуглый декламаторъ. Онъ еще читалъ мнѣ Шекспирову комедію: Was Ihr wollt, и въ комическомъ онъ еще лучше, нежели въ трагическомъ. Но Плещеевъ кажется мнѣ забавнѣе, можетъ-быть, и потому, что комическое французовъ мнѣ больше знакомо, нежели Шекспирово. Французы прекрасно изображаютъ странное, смѣшатъ противоположностями, остротою или забавностію выраженій; Шекспиръ смѣшитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ, но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости, по большей части, одна игра словъ; онѣ часто грубы и часто оскорбляютъ вкусъ; сверхъ того Тикъ, какъ мнѣ кажется, дошелъ до смѣшнаго искусствомъ: его характеръ болѣе важный, нежели веселый...

Въ Дрезденѣ осмотрѣлъ я почти все, что достойно примѣчанія: *Оружейную*, въ которой множество старинныхъ оружій рыцарскихъ и гдѣ можно видѣть въ лицахъ всю исторію огнестрѣльныхъ орудій, начиная отъ перваго Шварцова опыта до послѣднихъ новѣйшихъ; *Собраніе древностей*, о которомъ не могу сказать ничего: я успѣлъ только на него взглянуть; такой же бѣглый взглядъ бросилъ я и на *Менгсовы слѣпки*; собраніе удивительно полное! Я ничего не могъ разсмотрѣть съ подробностію, но въ душѣ осталось какое-то благоговѣніе къ древности, которая въ такомъ совершенствѣ изображала красоту человѣка, красоту идеальную, но чудесно вѣрную природѣ, которую никто такъ не зналъ, какъ древніе. Die grüne Gewölbe я не видалъ и не слишкомъ объ этомъ жалѣю: видѣть драгоцѣнные камни, все то же, что знать объ нихъ по слуху: но жалѣю очень, что дурное время не позволило мнѣ насладиться прелестными окрестностями Дрездена; ясными были въ мое пребываніе только тѣ дни, которые такъ удачно выбралъ я для путешествія по Саксонской Швейцаріи и въ Тарантъ, остальные же дни, мрачные и дождливые. Но я воспользовался ими для обозрѣнія картинной галлереи, въ которой былъ разъ шесть: слишкомъ мало, чтобы познакомиться съ нею какъ должно, и признаюсь: въ душѣ, вмѣсто полнаго удовольствія, осталось только сожалѣніе, что такъ скоро надобно было покинуть ее. Я подходилъ къ этой галлереѣ съ волненіемъ ожиданія; мнѣ весело было передъ нею остановиться и сказать себѣ, что между мною и лучшимъ созданіемъ Рафаэлева генія одна только стѣна, что разстояніе и препятствія исчезли, и что я чрезъ минуту увижу то, объ чемъ такъ часто говорило одно воображеніе. Но при входѣ въ галлерею, первое чувство, какое замѣчаешь въ себѣ, есть неудовольствіе неисполненнаго ожиданія. Ожидаешь войти въ святилище искусства, въ которомъ его уважаютъ, и входишь въ огромный сарай, довольно темный, котораго стѣны загромождены нечистыми картинами въ худыхъ рамахъ. Прямо изъ сѣней очутишься въ галлереѣ; на окнахъ, близъ картинъ лежитъ множество шляпъ; безпрестанно звонъ колокольчика, висящаго на двери, нарушаетъ твое вниманіе; множество станковъ для тѣхъ, которые копируютъ картины, стоитъ въ окнахъ, заслоняетъ свѣтъ и самыя картины, и число ихъ такъ велико въ одномъ мѣстѣ, что вниманіе приходитъ невольно въ замѣшательство; однимъ словомъ, здѣсь все сдѣлано, чтобы помѣшать искусству произвесть на душу свое дѣйствіе... Галлерея состоитъ изъ двухъ огромныхъ залъ: одна, внутренняя, въ которой итальянская школа; другая, гораздо пространнѣе первой, наружная: въ ней фламандская и нѣмецкая школы. Можно сказать, что половина картинъ не существуетъ для зрителя: онѣ или висятъ такъ высоко, что зрѣніе до нихъ достать не можетъ, или висятъ въ простѣнкахъ между оконъ, въ темнотѣ, и глаза, ослѣпленные свѣтомъ изъ оконъ, видятъ одну только темную холстину, съ неясными фигурами, въ запачканныхъ золотыхъ рамахъ. Въ тѣ шесть разъ, которые былъ я въ галлереѣ, не могъ я порядочно познакомиться съ ея сокровищами, тѣмъ болѣе, что смотрѣлъ на картины не какъ знатокъ въ живописи, а наугадъ, повинуясь собственному своему чувству. Вотъ нѣкоторыя итальянской школы, на которыя смотрѣлъ я съ большимъ примѣчаніемъ: *Освобожденіе св. Петра изъ темницы*, *Эспаньолета*: величественныя фигуры и разительное дѣйствіе свѣта! *Двѣ головы Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ*, *Гвидо Рени*: онѣ почти одинакія, но выраженіе разное—на одной страданіе съ покорностью и смиреніемъ; на другой то же страданіе, но съ живостью любви, которая выражается въ глазахъ, поднятыхъ къ небу; и та и другая равно прекрасны! *Иродіада съ головою св. Іоанна*, *Леонарда Винчи*: прекрасное женское лицо, на которомъ выражается суровость души, не растроганной, но невольно смущенной образомъ мертвой головы Іоанна. *Св. Цецилія*, *Карла Дольче*: идеалъ женской, скромной, милой прелести. *Скорбящая Богоматерь*, *Солимена*: трогательная, глубокая горесть. Славная *Тиціанова Венера*: признаюсь въ своемъ преступленіи — эта Венера, при всемъ совершенствѣ живописи, показалась мнѣ холодна какъ ледъ, и едва ли та, которая находится въ Потсдамской галереѣ, не лучше ея. *Спаситель съ чашею*, *Карла Дольче*: эта картина почитается превосходною; она нѣсколько разъ была гравирована. Въ самомъ дѣлѣ, она производитъ разительное дѣйствіе, но это дѣйствіе болѣе отъ живости яркихъ красокъ: оно механическое, а не нравственное. Стоя передъ нею, по предубѣжденію, я хотѣлъ себя увѣрить, что въ лицѣ Спасителя, благословляющаго таинственную чашу, точно есть то, чему въ немъ быть должно въ эту минуту, но темное чувство мнѣ противорѣчило; наконецъ, Фридрихъ рѣшилъ сомнѣніе однимъ словомъ: „это лицо не Спасителя, приносящаго себя на жертву, а холоднаго лицемѣра, хотящаго дать лицу своему чувство, котораго нѣтъ у него въ сердцѣ“. И это совершенно справедливо! Здѣсь одно искусство безъ души. Я замѣтилъ другую картину, въ которой нѣтъ ни рисунка, ни колорита, но которая полна выраженія: это Христосъ, несущій крестъ вмѣстѣ съ разбойниками, окруженный толпою зрителей и стражей, и въ толпѣ Богоматерь. Разбойниковъ гонятъ и одинъ отбивается съ отчаяніемъ; Спаситель утомленъ; Богоматерь обезсилена горестью, Ее несутъ почти на рукахъ, и вотъ самая трогательная черта: подлѣ Богоматери стоитъ женщина, съ младенцемъ на рукахъ, но эта женщина, будучи матерью сама, чувствуетъ страданіе другой матери и цѣлуетъ тайкомъ ея руку, чтобы облегчить для себя чувство сострадания. Это картина *Гранди*.

(Карлсбадъ, 17—29 іюня.)

РАФАЭЛЕВА МАДОННА.

(ИЗЪ ПИСЬМА О ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕѢ.)

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ; но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что предъ нею торчала какая-то фигурка, съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великой душою Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня чичероне галлереи (который за червонецъ показываетъ путешественникамъ картины, и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизусть вздоръ. Наконецъ, однажды только, было, я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомая и принялась мнѣ нашоптывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея

дочери похожи на Рафаэлевыхъ ангеловъ. Я рѣшился прійти въ галлерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же почтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ, она, не знаю, для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ; слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ-что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. Наконецъ (что не менѣе досадно), она, такъ-сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный—но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышитъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и, вѣрно, какой-нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: *она здѣсь*! закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣлъ на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя; потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. *Геній чистой красоты* былъ съ нею:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; передъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, несмотря на то, все необъятно, все неограничено! И точно, приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ: оно кажется пустымъ и какъ-будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно-сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной мимоидущей дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ ея ничто не выражено, то-есть на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя*; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земного, слѣдовательно, мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго; а для нея уже нѣтъ случая—все совершилось); но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ-будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца, но руки ея, смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ. И въ его глазахъ есть тотъ же никуда неустремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ-будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное*: она въ глубокомъ *размышленіи*; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ-будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэля картины (если слово *картина* здѣсь у мѣста). Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни ангелы и святые, онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: онъ на минуту быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земного), или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслію, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: *чувствую и знаю*! И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны): всѣ въ размышленіи, и святые и ангелы. Рафаэль какъ-будто хотѣлъ изобразить для

глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта.—Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Миллеръ! Онъ умеръ, сказывали мнѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. Удивительно ли? Онъ сравнилъ свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ, надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе; дважды случиться оно не можетъ.

(1821 г.)

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА О ШВЕЙЦАРІИ.

...Я пріѣхалъ ночью въ Мерсбургъ, маленькій городъ на берегу Констанцкаго озера. На другой день, переждавъ жаркое время, въ три часа пополудни, пошелъ я на берегъ: свой Stuhlwagen отправилъ на перевозномъ суднѣ прямо въ Констанцъ, а самъ въ маленькой лодкѣ поплылъ на островъ Мейнау, находящійся въ сѣверномъ заливѣ озера. Время было ясно-тихое, но зной еще не миновался; скоро повѣялъ попутный вѣтеръ; гребцы положили весла и подняли парусъ. Лодка плыла безъ движенія, и я, сидя подъ тѣнью паруса, видѣлъ передъ собою великолѣпное зрѣлище: у меня передъ глазами была, какъ-будто въ сокращеніи, вся Швейцарія; я видѣлъ вдругъ три кантона ея: Тургау, Аппенцель и Санктъ-Галленъ; на берегахъ, которые отвсюду полугорою сходили къ равнинѣ озера, было разсыпано безчисленное множество селъ, за́мковъ, домовъ, рощъ, пажитей и садовъ; берега кантона Тургау, прелестные своимъ изобиліемъ, были плоски; надъ Аппенцелемъ и Санктъ-Галленомъ подымались Альпы; но прелестнѣйшую картину представляло самое озеро: нельзя изобразить словами тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ является его поверхность, измѣняющаяся при всякомъ налетающемъ на солнце облакѣ когда озеро спокойно, видишь жидкую, тихо трепещущую бирюзу, кое-гдѣ фіолетовыя полосы, а на самомъ отдаленіи яркій, свѣтло-зеленый отливъ; когда воды наморщатся, то глубина этихъ морщинъ кажется изумрудно-зеленою, а по ребрамъ ихъ голубая пѣна, съ яркими искрами и звѣздами; когда же облако закроетъ солнце, то воды, смотря по цвѣту облака, или блѣднѣютъ, или синѣютъ, или кажутся дымными. Плаваніе мое продолжалось часъ съ четвертью. Мейнау есть маленькій островокъ, покрытый виноградникомъ, огородами; нѣкогда принадлежалъ онъ Мальтійскому ордену, а теперь въ за́мкѣ командора живетъ старая вдова съ прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мнѣ пустынныя го́рницы за́мка; въ немъ однѣ голыя стѣны, но видъ съ балкона несравненный: я просидѣлъ на немъ около часа; потомъ взялъ проводника и пошелъ пѣшкомъ въ Констанцъ. Мейнау соединенъ съ берегомъ узкимъ мостикомъ, сдѣланнымъ для однихъ пѣшеходовъ; дорога отъ него до Констанца довольно пріятна: я шелъ, по бо́льшей части, лѣсомъ, который часто раскрывался, и тогда по сторонамъ представлялись глазамъ моимъ поля и пажити, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. Констанцъ городъ некрасивый и неоживленный; я осмотрѣлъ въ немъ нѣкоторыя зданія, достойныя примѣчанія. Дряхлая деревянная палата, въ которой были засѣданія Констанцскаго собора, обезславившаго себя убійствомъ Гусса, есть не иное что, какъ сарай въ 80 шаговъ длины и въ 40 ширины; онъ служитъ теперь магазиномъ для складки товаровъ во время ярмарки. Въ одномъ углу этой палаты, на небольшомъ возвышеніи, стоятъ два стула, на которыхъ во время собраній сидѣли императоръ и папа, оба весьма скромные, но императорскій выше папскаго, и *рядомъ* съ ними (въ доказательство, сколь правосудно время) лежитъ кузовъ той повозки, въ которой несчастный Гуссъ отвезенъ былъ на мѣсто казни: посѣтитель смотритъ на него съ большимъ чувствомъ и уваженіемъ... Доминиканскій монастырь, въ которомъ былъ взятъ и заключенъ въ темницу Гуссъ, огромное готическое зданіе, есть не иное что, какъ огромная развалина; кельи монаховъ обращены въ ситцевую фабрику; болѣе всего сохранилась Гуссова тюрьма: маленькій чуланъ со сводомъ, въ три шага длины и ширины; но церковь вся въ разрушеніи; кое-гдѣ на стѣнахъ видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высокихъ столбовъ ничего не поддерживаютъ; но одно разрушенное окно служитъ рамою прекраснаго ландшафта: въ немъ расцвѣла молодая береза; легкій вѣтеръ, едва нарушая тишину развалинъ, колебалъ ея вѣтвями, и сквозь ихъ подвижную рѣшетку видно было озеро и отдаленные свѣтлые берега его. Вечеръ этого дня провелъ я на колокольнѣ каѳедральной церкви и видѣлъ удивительную картину заходящаго солнца.

...Изъ Констанца чрезъ Фрауэнфельдъ и Винтертуръ поѣхалъ я въ Цюрихъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Отсюда, по-настоящему, начинается мое швейцарское путешествіе. Докторъ Эбель, съ которымъ я познакомился, оракулъ всѣхъ посѣщающихъ Швейцарію, далъ мнѣ нѣсколько нужныхъ совѣтовъ, и я, нанявши проводника и оставивъ весь свой багажъ въ Цюрихѣ, пустился въ путь 3 августа н. ст., рано поутру. Завернувъ на высоту Альбиса (съ которой обширный видъ на Цюрихское и Цугское озеро), доѣхалъ я съ фурманомъ до Цуга; здѣсь сѣлъ въ лодку, и прелестнымъ озеромъ Цугскимъ переплылъ въ Артъ, откуда, вооружившись длинною альпійскою палкою, полѣзъ по крутому всходу на высоту Риги. Это путешествіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, весьма утомительныхъ. На высотѣ я засталъ захожденіе солнца, и хотя облака покрывали небо, но зрѣлище, которое видѣлъ я, было великолѣпно. Я ночевалъ въ трактирѣ на Rigi-Staffel и на другой день всходилъ на самую вершину горы (Rigi-Kulm), чтобъ видѣть первую минуту солнечнаго восхожденія. Обѣ картины были такъ плѣнительны, что, покидая вершину Риги, я обѣщался опять навѣстить ее на возвратномъ пути своемъ. Я спустился внизъ тою же дорогой, по которой взошелъ, потомъ поворотилъ вправо и мимо ужасныхъ развалинъ горы, задавившей двѣнадцать лѣтъ тому назадъ прелестную деревню Goldau, пошелъ къ деревенькѣ Ловерцъ, полуразрушенной тѣмъ же паденіемъ, переплылъ маленькое Ловерцское озеро, посреди котораго уединенно цвѣтетъ зеленый островокъ Schwanau, и къ вечеру очутился въ Швицѣ, въ очаровательной долинѣ, полной жизни, изобилія и отвсюду окруженной великолѣпными горами. Слѣдующій день былъ одинъ изъ самыхъ утомительныхъ дней моего пѣшеходства. Я всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ, но утро было душно. Дурными, вымощенными крупнымъ камнемъ, дорожками пошелъ я чрезъ Steinen (мѣсто рожденія Штауффахера; тамъ, гдѣ стоялъ его домъ, построена теперь часовня) къ Моргартену, гдѣ была одержана первая побѣда свободы швейцарской. И на этомъ мѣстѣ также стоитъ часовня. Отсюда чрезъ Sattel, Rothenthurm въ Einsiedeln. Зной былъ несносный; дорога по камнямъ убійственна для ногъ: пришедъ въ Эйнзидельнъ, я почти ничего не могъ порядочно осмотрѣть отъ разслабленія; отдыхать было некогда; надобно было засвѣтло воротиться въ Швицъ, ибо возвратный путь шелъ чрезъ крутую гору Haggen. Признаюсь, Эйнзидельнъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго: положеніе монастыря не живописно; я видѣлъ богатую церковь, толпу богомольцевъ и процессію монаховъ—но усталость и боль въ ногахъ мѣшали моему вниманію. Конецъ этого дня вознаградилъ за непріятное начало его: возвратный путь чрезъ зе-

ленную долину Alpthal, входъ на Haggen и потомъ спускъ по крутизнѣ при блескѣ начинающейся грозы въ долину Швица—останутся навсегда въ моей памяти. Гроза только украсила для меня ночную картину горъ, которыя чудесно являлись и исчезали при быстромъ блистаніи молній: она началась, во всей своей силѣ, не прежде, какъ по возвращеніи моемъ въ трактиръ. Я думалъ, что на другой день ноги откажутся мнѣ служить, но проснулся свѣжъ и здоровъ и, напившись кофе, пошелъ въ Бруннень; тамъ сѣлъ въ лодку и поплылъ въ Grütli, восхищаясь дикимъ величіемъ горъ, окружающихъ озеро *Четырехъ-Кантоновъ*, самое живописное изъ всѣхъ озеръ швейцарскихъ. Grütli есть маленькая, покрытая зеленымъ дерномъ площадка, до которой въ десять минутъ можно достигнуть. На ней нѣтъ памятника; но свобода Швейцаріи еще существуетъ. Это мѣсто удивительно трогаетъ своею тихою прелестію посреди грозныхъ, кругомъ воздымающихся утесовъ. Я не могъ долго на немъ оставаться: гребцы предвидѣли грозу, и надобно было спѣшить, чтобы предупредить южный вѣтеръ (Föhn), который, обыкновенно, здѣсь начинается пополудни и бываетъ часто опасенъ въ этой части озера, окруженнаго крутыми берегами, къ которымъ нигдѣ пристать невозможно. Мы поплыли къ Теллевой часовнѣ (Tellsplatte), а оттуда къ деревнѣ Flüelen. Гроза началась, когда я пришелъ въ Альторфъ, и кончилась къ концу моего обѣда, послѣ котораго я ходилъ въ Бюргленъ, мѣсто рожденія Телля. Тамъ нашелъ я живописца Триннера, который не великій артистъ, но былъ для меня привлекателенъ тѣмъ, что могъ разсказывать, какъ очевидецъ, о Суворовѣ, котораго встрѣтилъ въ этомъ мѣстѣ. Изъ оконъ башни, обросшей плющемъ, въ которой живетъ Триннеръ, взглянулъ я на вершину Кинцигкульма, доступную только горнымъ пастухамъ, черезъ которую нашъ Аннибалъ перевелъ свое войско, томимое голодомъ, но не побѣжденное. Der Alte war doch lustig (сказалъ мнѣ Триннеръ); er pfiff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind. Мѣсто, гдѣ жилъ Вильгельмъ Телль, означено часовнею. Этотъ обычай, строить вмѣсто великолѣпныхъ памятниковъ скромные алтари благодарности Богу на мѣстахъ славы отечественной, трогаетъ и возвышаетъ душу. Но такого рода памятники особенно приличны Швейцаріи; въ пустыняхъ Египта можно дивиться пирамидамъ, сфинксамъ и обелискамъ—что́ бы они были у подошвы Альповъ? Зато на вершинѣ Риги стоитъ простой деревянный крестъ, и маленькая часовня Телля таится между огромными утесами: но они *не исчезаютъ* посреди этихъ громадъ, ибо говорятъ не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, здѣсь столь ничтожномъ, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая возноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы своими вершинами.

———

...Въ два дня моего путешествія чрезъ Сенъ-Готаръ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Близъ Альторфа всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосенъ, между которыми въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ пажитей; Рейса еще спокойна. У Амстега все становится мрачнѣе: горы круче, ели рѣже, скалы виднѣе; дорога вьется надъ пропастями, въ которыхъ Рейса, то видимая, то невидимая, шумитъ, образуя безпрестанные каскады; когда я шелъ, небо было туманно; вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными; по изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейсы. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разительнѣе дикость: наконецъ, у Gestinen исчезаетъ растеніе; видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мохомъ и травою, видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало-по-малу зноемъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями; камни, безпрестанно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится, наконецъ, столь узкою, что одна только Рейса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно; поперегъ долины, надъ самымъ каскадомъ изгибается *Чортовъ Мостъ*; къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь вкруть, упирается въ скалу, которую пробила насквозь промышленность человѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ-будто ведущее въ глубокую бездну; но что же?.. Мое счастіе и здѣсь меня не покинуло: солнце выглянуло изъ тучъ и ударило на прелестный Андерматтъ въ самую ту минуту, какъ я выходилъ изъ подъ Урперскаго свода. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе этой противоположности: вдругъ, послѣ густого мрака пещеры, видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину, и въ глубинѣ ея веселая деревня. Зрѣніе обмануто: думаешь, что передъ тобою низкіе зеленые пригорки, но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокихъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину, и близкія къ снѣжной вершинѣ Сенъ-Готара. Я ночевалъ въ Андерматтѣ, который, чрезъ минуту послѣ моего прихода, исчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и окруженный ею взошелъ я на вершину Сенъ-Готарской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени; здѣсь она ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ; кажется, что стоишь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончается земля и начинается небо; передъ тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругомъ низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава исчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе, растреснутые утесы; съ одной стороны маленькое, свѣтлое озеро, не болѣе дождевой лужи; изъ него тихо бѣжитъ ручей: съ другой стороны также озеро и такой же тихій ручей: это Тессинъ и Рейса; здѣсь они навсегда разлучаются; отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другой на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрываютъ гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вправѣ шумный Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ, и, наконецъ, близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже увидѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италіи проглядывало голубое небо, со стороны Рейсы клубились туманныя облака; и небо сдѣлалось ярко-лазурнымъ, когда я, спустившись въ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной итальянской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже; ихъ мѣсто занимаютъ буки, орѣховыя деревья, потомъ каштаны и, наконецъ, предъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная селами, церквами, за́мками, уже имѣющими характеръ италіянскій. Я недолго отдыхалъ въ Айроло, ибо надобно было засвѣтло дойти до Aldazzio grande, чтобъ видѣть чудесный мостъ чрезъ Тессинъ и ночевать потомъ въ Faido. Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ жизни. Какое разнообразіе въ зрѣлищахъ! Какое удивительное захожденіе солнца! Понастоящему, солнце, посреди высокихъ горъ, не всходитъ и не выходитъ *для глазъ*. Оно еще высоко на небѣ, а для тебя уже его нѣтъ; но чудесно освѣщенные бока долинъ, но утесы, которые медленно угасаютъ, долго еще говорятъ о невидимомъ. Я шелъ долиною Левантинскою; солнце уже было за горами; но Сенъ-Готаръ весь въ огнѣ стоялъ надъ Айроло и свѣтилъ въ долину, и съ одной стороны на половинѣ горъ, сливающихся въ одну стѣну, лѣса пылали; этотъ розовый пламень мало-по-малу подымался, черная тѣнь бѣжала за нимъ изъ долины, наконецъ, одна свѣтлая полоса, подобная огненной гривѣ на хребтѣ горномъ, и та скоро исчезла, и звѣзды Италіи загорѣлись... въ

какомъ прозрачномъ небѣ! съ какою неизъяснимою ясностію!

... Оставивъ Миланъ поутру рано, я былъ уже въ четыре часа пополудни въ Sesto Calende на берегу Lago Maggiore; время было несравненное, и я поплылъ къ островамъ Борромейскимъ, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея; потомъ, при захожденіи солнца, вышелъ на берегъ у Бельджирато, чтобы дождаться луны и при свѣтѣ ея пуститься къ Isola Bella. Этотъ вечеръ былъ волшебный.

...Отъ Domo d'Ossola начинается горная Симплонская дорога, дивный памятникъ Наполеона; но на этой дорогѣ я видѣлъ нѣчто, еще болѣе разительное, нежели сама она. Я видѣлъ лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную изъ одного камня: эта колонна была приготовлена для тріумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полу-воздвигнутыхъ въ Миланѣ, и къ которымъ должна была примыкать дорога Симплонская. Но эта колонна лежитъ неподвижно на чудесной дорогѣ Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкаетъ къ развалинамъ: весь жребій Наполеона въ одномъ мраморномъ обломкѣ.

...Я былъ въ замкѣ Фернеѣ, который нынче принадлежитъ гражданину Budet. Въ немъ сохранены въ прежнемъ состояніи только гостиная и спальня Вольтеровы; въ спальнѣ стоитъ кровать съ полу-истлѣвшимъ занавѣсомъ, на стѣнахъ живописные портреты Фридриха II, M-me du Chatelet, тканый портретъ Екатерины и нѣсколько гравированныхъ; на печи стоитъ деревянная, довольна дурная урна; въ ней нѣкогда хранилось сердце Вольтера. Теперь осталась одна надпись: Son esprit est partout, et son coeur est ici, но и та до половины уничтожена; отъ начала пропало *son*, а отъ конца *ici*, и вышла галиматья; въ гостиной, гдѣ на старинной печи стоитъ Вольтеровъ бюстъ, есть нѣсколько весьма дурныхъ картинъ, между которыми одна, изображающая Вольтеровъ апотеозъ, замѣтна своимъ уродствомъ: Вольтера встрѣчаетъ, кажется, Минерва, а враговъ его Фрерона и прочихъ сѣкутъ змѣями мстительные геніи. Аллея, по которой прохаживался Фернейскій пустынникъ, и липовый лѣсокъ, имъ насажденный, сохранены въ цѣлости; надпись, сдѣланная имъ надъ входомъ построенной имъ церкви (*Вольтеръ Богу*), уничтожена философами революціи. Почти всѣ дома, въ Фернеѣ нынѣ существующіе, построены самимъ Вольтеромъ. Остальное время моего пребыванія въ Женевѣ посвятилъ я обозрѣнію города и Бонстеттену, у котораго былъ два раза: живой, свѣжій, веселый старикъ, съ которымъ время прошло непримѣтно; онъ много разсказывалъ о г-жѣ Сталь, І. Миллерѣ, Песталоцци и лордѣ Байронѣ, который долго жилъ въ Женевѣ нелюдимомъ. Изъ Женевы, чрезъ Лозанну, гдѣ пробылъ три дня, поѣхалъ я въ Веве, гдѣ хотѣлъ отдохнуть на просторѣ, написать письма и насладиться окрестностями Женевскаго озера; но все не удалось: дождикъ, замѣтивъ, что я сижу подъ кровлею, пошелъ ливмя, а письма помѣшало мнѣ писать мрачное расположеніе духа, котораго я не захотѣлъ передать бумагѣ. Изъ окрестностей Веве я видѣлъ, однако, Кларанъ, куда ходилъ пѣшкомъ, наканунѣ моего отъѣзда изъ Веве, и эта прогулка была прекрасна. Можно сказать, что небо было со мною въ заговорѣ: всякій разъ, когда я покидалъ свой пріютъ, оно становилось яснымъ, или покрывалось живописными облаками, отъ которыхъ зрѣлище природы становилось еще великолѣпнѣе. Моимъ товарищемъ до Кларана былъ старый крестьянинъ изъ Montreux, съ которымъ я сошелся на дорогѣ. Probablement (спросилъ онъ меня), vous allez à Clarens à cause de Mr. le baron d'Etange et de sa fille? Je vous montrerai la place où était autrefois leur maison.—„Est-ce que vous avez lu cette histoire?"—Oui, c'est joli comme un roman, quoique tout soit parfaitement vrai. И онъ простодушно началъ мнѣ описывать мѣсто, гдѣ жила Жанъ-Жакова Юлія, съ полною увѣренностію, что Новая Элоиза не выдумка. Въ тотъ день, въ который я оставилъ Веве, успѣлъ я съѣздить въ замокъ Шильонъ: я плылъ туда, читая the Prisonner of Chillon, и это чтеніе очаровало для воображенія моего тюрьму Бониварову, которую Байронъ весьма вѣрно описалъ въ своей несравненной поэмѣ.

Дорога отъ Веве до Фрейбурга чрезвычайно гориста, и легко можно слетѣть въ глубокую пропасть съ повозкою и лошадьми. Я не могъ порядочно осмотрѣть Фрейбурга, видѣлъ только каѳедральную церковь, самую высокую въ Швейцаріи и Муртенскую липу, посаженную въ день побѣды надъ Карломъ Смѣлымъ; глаза мои, разболѣвшіеся отъ зноя, помѣшали мнѣ бродить по улицамъ, но свѣжесть вечера возвратила имъ здоровье, и я могъ вполнѣ насладиться окрестностями Берна, въ который пріѣхалъ довольно поздно. Бернская природа соединяетъ въ себѣ съ удивительною обработанностію (вездѣ чувствительно изобиліе и довольство) всѣ простыя прелести сельскія и все великолѣпіе альпійское. Ни въ одномъ изъ кантоновъ, мною видѣнныхъ, не находилъ я такихъ живописныхъ домовъ, какъ въ Бернскомъ: ихъ архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная. Чистота внѣшняя и внутренняя плѣняютъ глаза и удовлетворяютъ чувству. Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; тамъ живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое; но имѣютъ и счастіе, правда, простое, неразнообразное, но все счастіе, то-есть, свободное наслажденіе самимъ собою. Въ Бернѣ пробылъ я недолго. Спѣшилъ воспользоваться временемъ, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успѣлъ только осмотрѣть музеумъ и провести цѣлый день въ Гофвилѣ у Фелленберга.

...Окрестности Люцерна, можетъ-быть, самыя живописныя въ Швейцаріи. Нельзя изобразить того великолѣпія, которое представляетъ хаосъ горъ, окружающихъ озеро Четырехъ-Кантоновъ и видимыхъ съ люцернскаго моста, особливо при захожденіи солнца, когда горы снѣжныя сіяютъ и мало-по-малу гаснутъ.— Въ Люцернѣ есть теперь памятникъ, которому нѣтъ подобнаго въ огромности: въ высокой скалѣ высѣчена пещера и въ глубинѣ ея лежитъ на щитѣ, означенномъ лиліями, умирающій левъ. Этотъ левъ ростомъ своимъ отвѣчаетъ огромному пьедесталу; передъ скалою прудъ, въ которомъ отражается вся эта громада. Торвальдсенъ сдѣлалъ рисунокъ льва, а скульпторъ есть нѣкто Ahorn изъ Констанца. Памятникъ воздвигнутъ въ честь швейцарцамъ, погибшимъ въ Парижѣ 10 августа 1792 года.

Я сдержалъ обѣщаніе, данное мною Риги, и изъ Люцерна поплылъ въ Weggis, откуда ведетъ весьма покойная и обильная прекрасными видами дорога на высоту горы, и въ этотъ разъ имѣлъ я нѣсколько незабвенныхъ минутъ: видѣлъ всю бездну горъ, освѣщенныхъ вечернимъ и утреннимъ солнцемъ. Я возвратился тою же дорогою, и изъ Веггиса поплылъ въ Кюснахтъ, чтобъ видѣть die hohle Gasse, гдѣ Вильгельмъ Телль застрѣлилъ Геслера; потомъ чрезъ Цугское озеро въ Цугъ, гдѣ насладился въѣздомъ папскаго нунція, принятаго съ пушечными выстрѣлами и съ колѣнопреклоненіемъ. Берегомъ Цюриха дошелъ я только до деревни Wädenswyl, откуда хотѣлъ переплыть въ Rapperswyl, чтобы потомъ богатыми деревнями, лежащими на противномъ берегу озера, итти въ Цюрихъ пѣшкомъ; но дождикъ, соединеный съ сильнымъ про-

тивнымъ вѣтромъ, помѣшалъ мнѣ исполнить этотъ планъ. Это было во второй разъ во все мое путешествіе. Но, потерявъ съ одной стороны, я выигралъ съ другой. Я поплылъ изъ Wadenswyl прямо въ Цюрихъ: сильный вѣтеръ и дождикъ меня преслѣдовали, но я увидѣлъ удивительную картину волнующагося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о Провидѣніи, въ этой легкой лодкѣ, которая, не смотря на брызжущія кругомъ волны, все плыла своею дорогою, въ этихъ облакахъ, которыя сзади налетали съ дождемъ, но сквозь которыя изрѣдка проглядывало небо, и въ этомъ сильномъ вѣтрѣ, который своею бурею только быстрѣе мчалъ къ пристани. И не вдали отъ этой пристани все утихло; солнце удивительно украсило и берега, и горы, и воду, и близкій, какъ-будто выходящій изъ озера, Цюрихъ. Очутившись опять на томъ мѣстѣ, съ котораго за полтора мѣсяца началось мое путешествіе, столь богатое разнообразными ощущеніями, я подумалъ, что совсѣмъ не покидалъ его. Я видѣлъ прекрасный сонъ; но воспоминаніе бережетъ прошедшее. Изъ Цюриха поѣхалъ я черезъ Эглизау въ Шаффгаузенъ, чтобы взглянуть въ Рейнскій водопадъ. Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. *Впереди* онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣется нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; *сверху* видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою на пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ ужъ нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ; мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются вдребезги; словомъ, картина неописанная. На галлереѣ можно стоять безъ малѣйшей опасности; но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Здѣсь Рейнскій водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія торчитъ нѣсколько утесовъ: современемъ они исчезнутъ. Одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и вѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура; она была выкрашена, но краску смыло водою; осталась одна надпись: Deus mea spes (Богъ моя надежда). Мысль прекрасная! Въ маленькомъ за́мкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ камеръ-обскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе, вода волнуется, солнце свѣтитъ и исчезаетъ, вѣтеръ разноситъ брызги, и страшный невдали шумъ довершаетъ очарованіе.—Въ Шаффгаузенѣ я простился съ Швейцаріею.

1827.

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ МАѢ И ІЮНѢ 1827 ГОДА.

Камера депутатовъ. Равель, предсѣдатель, благородная, красивая наружность. Предсѣдательствуетъ съ большимъ достоинствомъ и отмѣннымъ навыкомъ. Засѣданіе было не весьма интересно. Взошелъ на каѳедру Себастьяни. Онъ ужасно декламировалъ и, декламируя, горячился. Il parle en acteur. Отъ непривычки къ дебатамъ французы видятъ въ трибунѣ сцену, въ себѣ актеровъ, а въ посѣтителяхъ партеръ. Нѣтъ ничего столь мало убѣдительнаго, какъ пышное краснорѣчіе. Одна ясность, одно краснорѣчіе положительное и самобытное (l'éloquence des choses), одно вдохновеніе, вспыхнувшее разомъ и неподготовленное, могутъ произвести дѣйствіе и, что-называется, de l'effet. Тѣ же недостатки, которые господствуютъ въ палатѣ депутатовъ, поражаютъ васъ и въ театрѣ. Съ другой стороны, казалось бы, что французы рождены для публичныхъ преній. Никто не ловитъ на лету такъ легко, какъ французъ, каждую мысль, каждое слово. Я это часто замѣчаю на улицѣ. Спросишь прохожаго о чемъ-нибудь: тотчасъ готовъ отвѣтъ, самый короткій, ясный и приличный. Les Français pourraient être très éloquents, si le désir de produire de l'effet ne détruisait pas l'effet (французы могли бы быть очень краснорѣчивы, если бъ желаніе мѣтить на *эффектъ* не убивало эффекта).

Сей даръ быстрой понятливости и живой воспріимчивости составляетъ главную принадлежность характера ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ недостатокъ. Натура, при этомъ, какъ-будто лишила ихъ потребности углубляться въ предметы, потому что они такъ легко постигаютъ и схватываютъ ихъ. Надобно имѣть большой навыкъ слушать и удерживать въ памяти слышанное, чтобы съ пріятностью слѣдовать за дебатами. Я очень многаго и не слушалъ, а смотрѣлъ на слушающихъ. Изъ министровъ были Виллель, Корбьеръ, Пэроне и Шаброль. На сторонѣ министровъ большинство. Но, несмотря на то, во время засѣданій имъ крѣпко достается: въ глаза судятъ ихъ безъ пощады. Эти часы должны быть для нихъ тяжелы; но, кажется, они къ этой пыткѣ уже привыкли.

Несмотря на свой гасконскій выговоръ, Виллель говоритъ пріятно, ибо просто, и рѣдко позволяетъ себѣ фразы. Его антагонистъ (Гидъ-де-Нѣвиль) горячился какъ ребенокъ.

Бенжаменъ Констанъ напоминаетъ Фридриха *). Прекрасный профиль, худощавъ, нѣсколько неуклюжъ, говоритъ безъ претензіи, но хорошо, ибо не дѣлаетъ фразъ...

Былъ у Дежерандо. Онъ живетъ въ глухомъ переулкѣ. Горница, въ которой мы были, весьма небольшая; стѣны покрыты рисунками видовъ изъ Италіи. Есть и картины, между коими особенно замѣтны „Волхвы" и „Святое семейство" Перуджіо. На столѣ стоитъ прекрасный бюстъ хозяина, работы Кановы, и бронзовый Наполеона, также Кановы. Дежерандо — лицо добраго философа. Нѣсколько разсѣянъ и задумчивъ, привлекательной внѣшности. Онъ повелъ насъ въ школу глухонѣмыхъ. Пробыли въ ней слишкомъ короткое время: съ охотою Тургенева (Александра) торопиться, нельзя ничего видѣть и слышать. Вотъ въ какомъ порядкѣ устраиваются отношенія между наставниками и воспитанниками. Начальныя основанія: языкъ движеній и соединеніе понятій съ письменными знаками. Сами воспитанники выдумываютъ свои знаки. Понятія о временахъ: знакъ рукою впередъ—будущее; знакъ рукой передъ собою—настоящее; знакъ рукою за себя—прошедшее. Въ высшихъ классахъ сами воспитанники помогаютъ учителямъ и служатъ мониторами. Но, что меня наиболѣе поразило, то была дѣвушка, глухонѣмая отъ рожденія и ослѣпшая на 13-мъ году. Теперь ей болѣе 13-ти лѣтъ. Въ этомъ состояніи полнаго *одиночества* она не только сохранила первыя воспоминанія, но и пріобрѣла новыя понятія. Она счастлива внутреннею жизнью, которая вся религіозная. Правда, она окружена такими людьми, которые могутъ съ нею выражаться посредствомъ осязанія и которымъ можетъ она знаками сообщать мысли свои и отвѣты. Дежеран-

*) Живописца, которому Жуковскій покровительствовалъ. (Примѣч. Ефремова.)

до взялъ ее за руку. Она его узнала въ минуту и выразила знаками, положивъ руку на сердце, что это онъ. Спросили, любитъ ли ее Дежерандо. Она отвѣчала утвердительно и прибавила, что сама очень любитъ его. Я взялъ ее за руку. Спросили: кто? Она отвѣчала, что не знаетъ. Знаками сказали, что я учитель великаго князя, наслѣдника русскаго престола. Она поняла. — Спрашивается: что́ бы она была, если бы не пользовалась 13 лѣтъ зрѣніемъ? Теперь предметы имѣютъ для нея нѣкоторую форму; тогда эту форму сообщило бы ей воображеніе. Они не были бы сходны съ существеннымъ; но все каждый предметъ имѣлъ бы свой отдѣльный, ясный знакъ, и все бы могъ существовать языкъ для выраженія мысли, ощущенія, ибо языкъ есть выраженіе внутренней жизни и отношеній къ внѣшнему. Здѣсь торжествуетъ душа.

Былъ на лекціи Вильменя. Превосходно о Генріадѣ и эпопеѣ. Ораторъ говорилъ о другихъ эпическихъ поэтахъ, представляя ихъ исторію и исторію ихъ генія: изобразилъ то, чѣмъ Вольтеръ не былъ, и то, чѣмъ онъ былъ. Превосходно изображеніе Данте и Камоэнса. Сравненіе Вольтера съ Луканомъ (латинскій поэтъ, авторъ поэмы Фарсалія). Вильмень говоритъ: эпическая поэма есть выраженіе мысли всего народа, цѣлой эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ высшее твореніе великаго генія. Происхожденіе Генріады—не вѣкъ Генриха IV, а Вольтеровъ вѣкъ...

Поутру писалъ къ императрицѣ. Обѣдалъ у Гизо.— Французы умѣютъ схватывать смѣшное и выражать его. Они этимъ наслаждаются. Мистификація есть важное дѣло для француза, но онъ незлостно-насмѣшливъ (malicieux). У насъ десятой части нельзя того сдѣлать, что дѣлаютъ здѣсь, не бывъ осмѣяннымъ...

Поутру въ засѣданіи полиціи исправительной (police correctionnelle). Дѣло студентовъ медицины. Предсѣдатель Дюфуръ. Вопросы неясные и сбивчивые. Тонъ грубый. Образъ разспросовъ очень пристрастенъ. Неприличіе смѣшивать политическое съ полицейскимъ. Краснорѣчіе французовъ всегда тенденціозно.

Давали „La prise de Corinthe“ (во Французской оперѣ), оперу Россини. Музыка оперы прекрасная, но не новая: все слышанное въ другихъ операхъ его. Пѣніе французовъ, послѣ итальянцевъ, кажется крикомъ; въ ихъ пѣніи болѣе декламаціи: все, что мелодія—крикъ. Но я слушалъ съ удовольствіемъ пѣвца Нурри. Въ игрѣ французовъ вообще замѣтно желаніе производить эффектъ жестами и ихъ разнообразіемъ. У нѣмцевъ иногда слишкомъ явное стараніе рисоваться, но игра ихъ, вообще, проще. Французы скрываютъ свое кокетство лучше, но зато они безпрестанно на сценѣ. Все картина...

Балетъ Joconde. Танцы прелестны, но болѣе всего аплодируютъ сильнымъ прыжкамъ.

Во французскомъ театрѣ „Радамистъ и Зенобія“. Трагедія теперь въ упадкѣ. Дюшенуа произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Она старуха. И не могу вообразить, чтобы когда-нибудь могла быть великою актрисою.

Да въ трагедіяхъ французскихъ нельзя быть *актеромъ*. Все дѣло состоитъ въ декламаціи стиховъ, а не въ изображеніи всего характера съ его *нюансами*, ибо такихъ характеровъ нѣтъ въ трагедіяхъ французскихъ. Ихъ лица суть не что иное, какъ представители какой-нибудь страсти. Какъ въ басняхъ Левъ представляетъ мужество, Тигръ жестокость, Лисица хитрость, такъ, напримѣръ, Оросманъ, Ипполитъ, Орестъ представляютъ любовь въ разныхъ выраженіяхъ; но характеръ человѣка тутъ не виденъ. Отъ этого великое однообразіе въ пьесахъ и въ игрѣ актеровъ. Актеръ долженъ много творить отъ себя, чтобы дать своей роли что-нибудь человѣческое. Таковъ былъ одинъ Тальма. За трагедіей слѣдовала забавная комедія: Le jeune mari. Въ комедіи французы не имѣютъ соперниковъ. Удивительный ensemble.

„Меропа“. Засталъ послѣднюю сцену и не пожалѣлъ. M-lle Duchenois не говоритъ моему сердцу. Дебютантъ Varlé въ роли Эгиста — несносный крикунъ. Зато и партеръ безъ вкуса. Аплодируютъ тому, что надобно освистывать. Исмена была какъ бѣшеная въ описаніи того, что происходило во храмѣ, что совершенно противно натурѣ. А партеръ все-таки хлопаетъ, ибо каждый стихъ отдѣльно былъ выраженъ съ пышностью. Франція не имѣетъ трагедіи: она во гробѣ съ Тальмою; онъ одинъ оживлялъ пустоту и сухость напыщенныхъ французскихъ трагедій.

Давали La dame blanche. Музыка Боельдьё прелестная, но пьеса глупая.

Театръ Федо. „L'amant jaloux“. Музыка Гретри (представленная въ первый разъ въ 1778 г.). Музыка еще не устарѣла.

Въ Théâtre Français: „Le Cid“. Почтенный старикъ Корнель. Простота и сила его стиховъ. Нѣтъ характера. Одни отрывки. Всѣ говорятъ по очереди. Многое прекрасно, часто не къ мѣсту. Послѣ комедія: „Les trois quartiers“. Простодушіе Жоржеты, благородная вѣжливость графини, пошлость негоціанта, безцеремонность банкира (ton dégagé), пошлость и плоскость выскочки (parvenu), гибкость прихлебателя (la souplesse du parasite),—все было выражено въ совершенствѣ. Смотрѣть и слушать истинное наслажденіе.

У Свѣчиной: разговоръ о Пушкинѣ... Съ Гизо о французскихъ мемуарахъ... Онъ высказался помочь мнѣ въ пріисканіи и покупкѣ книгъ... Разговоръ о политическихъ партіяхъ: крайняя лѣвая сторона подъ предводительствомъ Ляфайета, Ляфита Бенжаменъ-Констана. Крайняя правая сторона: аристократія согласна сохранить хартію, но съ измѣненіями. За республику большая часть стряпчихъ, адвокатовъ, врачей, особенно въ провинціи.

Обѣдъ у посла. Комната съ Жераровыми амурами (знаменитый французскій живописецъ). Портретъ государя Доу. Великолѣпный обѣдъ. Виллель, Дамасъ, Корбьеръ, Клермонъ-Тоннеръ, Талейранъ; фельдмаршалъ Лористонъ, папскій нунцій, весь дипломатическій корпусъ, изъ русскихъ: Чичаговъ, Кологривовъ (братъ кн. Александра Никол. Голицына), кн. Лобановъ, Диковъ, князья: Тюфякинъ, Долгоруковъ, графъ Потоцкій...

Палерояль есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Это образчикъ всей французской цивилизаціи, всего французскаго характера. Взгляни на афиши и познакомишься съ главными нуждами и сношеніями жителей; взгляни на товары—получишь понятіе о промышленности; взгляни на встрѣчающихся женщинъ и получишь понятіе о нравственной физіономіи. Колонны Палерояля, оклеенныя афишами, могутъ познакомить съ Парижемъ. Удивительное искусство привлекать вниманіе размѣщеніемъ товара и даже наклейкою афишъ...

Споръ съ Тургеневымъ и моя безсовѣстная вспыльчивость...

Въ комедіи „Глухой или полная гостиница“, актеръ спрашиваетъ:

Que font les vaches à Paris?
— Des vaudevilles (des veaux de ville).
Quel est l'animal le plus âgé?
— Le mouton, car il est l'aîné (lainé)...

О КОРОНОВАНІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВЪ ВАРШАВѢ.

(изъ письма въ „сѣв. пчелѣ“ 1829.)

Вчера совершилось въ Варшавѣ короновавіе государя императора. Не имѣя времени описывать его подробно, сообщаю однѣ главныя черты сего важнаго событія. Для коронованія приготовлена была огромная зала сената, находящаяся во дворцѣ и замѣчательная по нѣкоторымъ историческимъ воспоминаніямъ. Она украшена была великолѣпно. На одномъ концѣ ея воздвигнутъ былъ тронъ: два кресла стояли на возвышеніи подъ балдахиномъ, на коемъ изображены бы-

ли всѣ гербы Царства Польскаго, и посреди нихъ, въ двоеглавомъ орлѣ Россіи, бѣлый орелъ Польши. Посреди залы возвышался крестъ; вдоль стѣнъ, справа, слѣва и насупротивъ трона, стояли сенаторы, нунціи и депутаты Царства; надъ ними, на балконѣ, поддерживаемомъ колоннами, находились знатнѣйшія дамы Варшавы. Съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія государева. И онъ и государыня императрица слушали въ греко-россійской дворцовой церкви обѣдню. Наконецъ, подали знакъ, что императоръ приближается; глубокое молчаніе воцарилось въ собраніи, двери палаты отворились, и торжественный ходъ начался. Государь явился, предшествуемый знатнѣйшими сановниками, несущими регаліи, епископами и архіепископами; за нимъ государыня уже въ коронѣ и порфирѣ, его высочество наслѣдникъ цесаревичъ, великіе князья и Михаилъ Павловичъ, и сановники придворные. Ихъ высочества заняли приготовленныя для нихъ мѣста. Несшіе регаліи: императорскую корону, державу, скипетръ, порфиру, мечъ и хоругвь Царства, на коей также въ двоеглавомъ орлѣ Россіи изображался бѣлый орелъ Польши, стали по обѣимъ сторонамъ трона, а архіепископъ-примасъ произнесъ молитву. Когда государь возложилъ на себя императорскую корону, надѣлъ порфиру, принялъ въ руки державу, скипетръ, украсилъ цѣпью ордена Бѣлаго Орла государыню императрицу, архіепископъ провозгласилъ троекратно: vivat rex in aeternum. Засимъ послѣдовало трогательное, разительно-величественное дѣйствіе: монархъ Россіи и Польши, украшенный вѣнцомъ прародительскимъ, преклонилъ колѣно предъ невидимо присутствующимъ Богомъ, произнесъ Молитву за себя и за народъ, ввѣряемый его любви Промысломъ: лицо его оживлено было чувствомъ, и твердый голосъ его иногда прерывался отъ сильнаго движенія душевнаго; внимавшіе исполнены были глубокаго благоговѣнія и проливали слезы благодарности. За симъ явленіемъ послѣдовало другое, столь же трогательное и величественное: государь, въ коронѣ и порфирѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ, стоялъ одинъ на возвышеніи трона; всѣ присутствующіе пали на колѣна; можно сказать, что все Польское Царство, въ лицѣ своихъ представителей, преклонилось предъ своимъ монархомъ, и архіепископъ-примасъ, въ свою очередь, провозгласилъ молитву за царя и за благоденствіе его державы. Симъ совершился обрядъ коронованія. Изъ палаты сената государь, предшествуемый всѣми сановниками, сопровождаемый сенаторами, нунціями и депутатами, пошелъ въ церковь св. Іоанна, гдѣ воспѣтъ былъ благодарственный молебенъ. Площадь дворцовая, чрезъ которую шла процессія, кипѣла людьми: при появленіи императора, все всколебалось, все воскликнуло въ одинъ голосъ. Сія огромная туча народа, которая отъ самаго низа площади, движущеюся массою, возвышалась до кровель высокихъ домовъ, сей громозвучный, непрерывный привѣтственный кликъ, съ коимъ сливался звонъ колокольный и громъ выстрѣловъ пушечныхъ, сіе блестящее, безоблачное небо, озарявшее царя, торжествующаго, и народъ, его прославляющій, все сіе вмѣстѣ составляло картину единственную. День сей останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Польши. Имъ окончательно утверждено бытіе и на всѣ времена опредѣлены границы Польскаго Царства. Симъ торжественнымъ коронованіемъ запечатлѣнъ неразрывный союзъ двухъ соплеменныхъ народовъ: корона Россіи на главѣ польскаго царя есть символъ благотворнаго соединенія: она знаменуетъ, что два народа, разные именемъ, составляютъ отнынѣ одно семейство подъ сѣнію одной отеческой власти.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА О ШВЕЙЦАРІИ.

4 (16) января 1833 г.

...Здоровье мое не худо и не хорошо. Я какъ-будто остановился на одной точкѣ; нейду ни впередъ, ни назадъ. Радуюсь, однако, что не поѣхалъ въ Италію, ибо тревожная жизнь путешественника, безъ сомнѣнія, много бы мнѣ повредила. О климатѣ Италіи сожалѣть не имѣю причины: мнѣ удалось поселиться въ самомъ тепломъ и здоровомъ уголкѣ Швейцаріи! Отъ итальянской зимы, вѣроятно, страдалъ бы я гораздо болѣе, нежели отъ здѣшней, нежели даже отъ русской: теперь въ Италіи тепло подъ открытымъ небомъ, но въ домахъ мерзнутъ; здѣсь же, гдѣ дома лучше устроены для зимняго времени, нѣтъ почти и признака зимы: снѣгъ лежитъ на высотахъ горъ; разъ только видѣлъ я его у себя подъ ногами, но, выпавъ поутру, онъ исчезъ къ вечеру, и теперь на дорогѣ пыль; до сихъ поръ еще не было болѣе одного градуса морозу; когда покажется солнце, то оно грѣетъ какъ весеннее; нѣтъ ни дождя ни сырости; розы цвѣтутъ на воздухѣ. Теперь 4-е января (стараго стиля), день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами моими разстилается видъ Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышитъ. Сквозь его голубой паръ подымаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры; на горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, за́мки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часового колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ, и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ: онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія; тамъ далекій лай собаки, тамъ скрипъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ, въ воздухѣ удивительная свѣжесть, есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера. Каждый день смѣняетъ ее другая. Но за этими горами Италія, и мнѣ не видать Италіи. Между тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли, до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятнадцати дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынничество навело бы, наконецъ, на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Рейтернъ и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю, или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною пополудни (время нашего общаго обѣда), я сижу у себя или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лѣкарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще нѣтъ силъ взбираться на горы. Зато гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякій день и во всякую погоду. Теперь читаю *двѣ книги*. *Одна* изъ нихъ напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется Menzel's Geschichte unserer Zeit; а *другая*—самою природою на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпныхъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. Но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату. Всякій день въ два часа пополудни я начинаю свое пѣшеходство по Симплонской дорогѣ, которая мимо самаго крыльца моего идетъ по берегу Женевскаго озера, разстилающагося широкою равниною между высокихъ береговъ горныхъ. Со стороны Женевы на дальнемъ горизонтѣ, видна низкая, голубая, однообраз-

ная стѣна Юры. Со стороны кантона Ваадта (Pays de Vaud), на которой находится моя деревушка (Верне между Клараномъ и Монтрё), подымаются горы, покрытыя виноградниками, усыпанныя деревнями, замками, хижинами, шалашами; низшія изъ нихъ имѣютъ пріятную круглую форму (здѣсь онѣ покрыты виноградниками, великолѣпными каштановыми, буковыми и орѣховыми деревьями); высшія торчатъ острыми утесами: однѣ имѣютъ видъ зубчатыхъ стѣнъ, другія—форму огромныхъ зубовъ, между которыми самый замѣтный называется Dent de Jamant; вершины этихъ утесовъ голы и истрескались отъ дѣйствія стихій; бока покрыты елями и соснами, между которыми весенніе и осенніе потоки прорѣзали излучистыя рытвины, которыя теперь наполнены снѣгомъ и кажутся змѣями, замерзнувшими отъ холода и извившимися въ часъ смерти. На противной, Савойской сторонѣ, подымаются горы болѣе огромныя, и представляютъ ужасный хаосъ утесовъ, разорванныхъ, растреснувшихъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ теперь бѣлѣетъ снѣгъ, тогда какъ самые утесы, синѣющіе отъ еловыхъ лѣсовъ, покрывающихъ бока ихъ, имѣютъ видъ необъятнаго, оцѣпенѣлаго, изрубленнаго трупа. Эти горы, возвышаясь, сходятся съ противолежащими и стѣсняются въ глубокую долину, по которой течетъ Рона, впадающая близъ Вильнёва въ Женевское озеро. Эту долину задвигаютъ, наконецъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы: впереди подымается великаномъ Dent du Midi, за нимъ конусомъ стоитъ Mont-Catogne, изъ-за него съ одной стороны выглядываетъ Mont-Velan, а съ другой Сенъ-Бернардъ, знаменитый переходомъ Наполеона и гостепріимствомъ добрыхъ отшельниковъ, которые поселились на высотѣ его съ своими собаками для спасенія путешественниковъ, теряющихъ дорогу въ снѣгахъ горныхъ. Таковы великолѣпные листы всемірной исторіи, которые разгибаются передъ глазами моими въ то время, когда я непримѣтною мошкою крадусь по тропинкѣ своей у подошвы этихъ великановъ. И мнѣ было бы весьма душно отъ ихъ ужасающей взоры огромности, когда бы мнѣ не сопутствовалъ другой великанъ, который можетъ безъ страха съ ними соперничать: этотъ великанъ—есть *мысль*, могущая не только въ одну минуту подняться на ихъ неприступныя высоты, но, перелетѣвъ вѣка и пространство, присутствовать при ихъ рожденіи, въ то время, когда они сами были только прахъ, кипѣвшій въ первобытной водѣ, которая, наконецъ, сгустивъ и набросавъ ихъ тѣми огромными грудами, въ коихъ онѣ столько вѣковъ стоятъ неподвижно, сама успокоилась, и теперь, тихимъ, таинственнымъ моремъ окружаетъ нашу цвѣтущую землю, вышедшую изъ хаоса первобытнаго. Какое сходство въ исторіи этихъ безжизненныхъ великановъ съ исторіею живого человѣческаго рода! Что представляла наша земля въ эти первые дни созданія, когда всемогущее Божіе *„буди“* раздалось посреди небытія, и все начало стремиться къ жизни? Каковъ былъ міръ въ то время, когда потопъ за потопомъ разрушалъ землю, когда изъ страшнаго разрушенія выходило столь же страшное созданіе, когда владыками земли были одни чудовища, которыхъ огромные, окаменѣлые скелеты, лежащіе въ земной утробѣ, свидѣтельствуя объ отдаленной эпохѣ ихъ существованія, въ то же время служатъ памятниками минувшаго безпорядка? Чѣмъ все это кончилось? Животворнымъ *шестымъ* днемъ созданія: потопы утихли, утесы оцѣпенѣли, ихъ страшныя груды покрылись великолѣпнымъ ковромъ плодоносной земли, на которомъ началась цвѣтущая жизнь, и на эту обновленную землю Создатель привелъ, наконецъ, человѣка; бурный періодъ образованій физическихъ дошелъ до своего предѣла; начинается жизнь человѣческаго рода и она представляетъ намъ тотъ же хаосъ, въ какомъ при началѣ своемъ является намъ міръ физическій: мы видимъ человѣка первосозданнаго; онъ сначала достоинъ своего Создателя, и на землѣ рай; но онъ падаетъ... Что же представляетъ намъ человѣческое общество послѣ паденія всемірнаго потопа, уничтожившаго первобытный родъ человѣческій? Не то же ли, что сей безпорядочный бой стихій и массъ физическаго міра, сквозь которыя съ трудомъ и постепенно пробивалась высшая жизнь? И всѣ эти преданія о древнемъ мірѣ послѣ потопа, всѣ эти памятники огромныхъ минувшихъ царствъ, колоссы Индіи и Египта, завоеванія Сезострисовъ, Кировъ, Александровъ, и самый всемогущій Римъ... не то же ли они въ исторіи—нѣкогда живые, теперь мертвые и окаменѣлые посреди слоевъ (вѣковъ), набросанныхъ временемъ, не то же ли они, что эти огромныя чудовища, владѣвшія первобытною землею, которыхъ остовы насъ такъ изумляютъ, повѣствуя намъ о томъ, чего давно нѣтъ и чего уже быть не можетъ? Наконецъ, и для человѣческаго рода періодъ всеобщихъ бурныхъ переворотовъ дошелъ до своего предѣла, и ужасныя созданія древняго міра одѣлись великолѣпнымъ покровомъ, на которомъ началась новая высшая жизнь; эта пелена болѣе и болѣе развивается; но все еще ею покрыто, но все когда-нибудь покроется. Вулканы, наводненія, ураганы и многіе грозные феномены свидѣтельствуютъ, что еще не все въ физическомъ мірѣ утихло: но это одни минутныя, частныя явленія; они не производятъ общаго измѣненія и только показываютъ, что сила безпорядка, хотя еще и не умерла, но уже издыхаетъ. То же и въ мірѣ нравственномъ: и послѣ пришествія Христова были политическіе разрушительные вулканы; они являются и теперь, но характеръ ихъ болѣе и болѣе измѣняется: теперь они болѣе *образовательны*, нежели прежде. Напримѣръ, въ наше время міровладычество Александра и Рима невозможно, по крайней мѣрѣ, непрочно. Наполеонъ у насъ передъ глазами сдѣлалъ ему опытъ, но быстрое созданіе силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидимъ много потрясеній; но посреди ихъ шума голосъ мира и порядка болѣе и болѣе становится внятенъ. Христіанство, источникъ и хранитель нравственной жизни, ненарушимо, несмотря на бунтующія противъ него страсти; истекающая изъ него образованность медленнымъ, но постояннымъ своимъ дѣйствіемъ все приводитъ въ равновѣсіе; бой добра и зла продолжается—и можетъ ли быть иначе? Земля не рай, человѣкъ не ангелъ—но наше время, со всѣми его конвульсіями, лучше прошедшаго. Это *лучшее* само собою истекаетъ изъ зла минувшаго. И это лучшее—не человѣкъ своею силою производитъ его, но *время*, покорное одному Промыслу. Поколѣнія исчезаютъ; а *время* на гробахъ ихъ пишетъ свои истины, которыя читаютъ слѣдующія поколѣнія, и обращаютъ въ свою пользу: исчезая, они оставляютъ на гробахъ своихъ другія истины, *временемъ* написанныя въ пользу другихъ поколѣній. Общій же результатъ одинъ: *во всякое время, человѣкъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ можетъ совершить* все, что онъ какъ человѣкъ совершить обязанъ; и если бы каждый, не сбиваясь съ пути, слѣдовалъ сему правилу, то было бы на землѣ одно царство порядка. Но человѣкъ созданъ не для тихой счастливой, а для дѣятельной нравственной жизни; онъ долженъ завоевать свое достоинство, долженъ пробиваться *къ добру* сквозь страсти и неразлучныя съ ними заблужденія и бѣдствія. Въ мірѣ дѣйствуетъ не онъ, а Провидѣніе, которое дѣйствуетъ въ цѣломъ. Жизнь человѣческаго рода можно сравнить съ волнующимся моремъ: буря страстей производитъ эти минутныя волны, возстающія, падающія и безпрестанно смѣняемыя другими. Каждая изъ нихъ кажется какимъ-то самобытнымъ созданіемъ; и если бы каждая могла мыслить, то она, въ быстромъ своемъ существованіи, могла бы вообразить, что дѣйствуетъ и созидаетъ для вѣчности. Но она, со всѣми своими скоропреходящими товарищами, только принадлежитъ къ одному великому цѣлому: всѣ онѣ покорствуютъ одному общему движенію; иногда движеніе кажется бурею: бездна кипитъ; но вдругъ все гладко и чисто; и въ этомъ за минуту столь безобразномъ хаосѣ водъ спокойно отра-

жается чистое небо. Вотъ вамъ философія здѣшнихъ горъ. То же самое прочиталъ я и въ Менцелѣ, который въ быстрой картинѣ представляетъ намъ происшествія нашего вѣка, столь богатаго великими измѣненіями.

Еще одинъ маленькій отрывокъ изъ той же горной философіи. Проѣзжая сюда черезъ кантонъ Швицъ, я видѣлъ на прекрасной долинѣ, между Цюрихскимъ и Ловерцкимъ озеромъ, развалины горы, задавившей за двадцать лѣтъ нѣсколько деревень, и обратившей своимъ паденіемъ райскую область въ пустыню. Это мѣсто называлось тогда Goldau (золотой лугъ). За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ я уже видѣлъ его: съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось; тѣ же голые, набросанные грудами камни, немногіе покрылись мохомъ; кое-гдѣ пробиваются тощіе кусты, но еще почти нѣтъ признака жизни: время невидимо работаетъ, но разрушеніе въ полной еще силѣ. Рядомъ съ этимъ хаосомъ камней, простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селеніями, хижинами, садами; но бугристая поверхность ея, согласно съ преданіемъ, свидѣтельствуетъ о древнемъ разрушеніи: за нѣсколько вѣковъ и на этомъ мѣстѣ упала гора, задавила нѣсколько селеній, и надлежало пройти сотнямъ лѣтъ, дабы развалины могли покрыться слоемъ плодоносной земли, на которой поселилось новое поколѣніе, совершенно чуждое погибшему. Вотъ исторія всѣхъ революцій, всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, кѣмъ бы они производимы ни были, бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, дерзкою ли властію одного! Разрушать существующее, *жертвуя справедливостію*, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслію, что можно *вдругъ* безплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою болѣе плодоносною. И, правда, будетъ земля плодоносная, но для кого и когда? Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель; а производимое временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ нимало не соотвѣтствуетъ тому, чего мы хотѣли вначалѣ. Время истинный создатель, мы же въ свою пору были только преступные губители, и отдаленныя благія слѣдствія, загладивъ слѣды погибели, не оправдываютъ губителей. На этихъ развалинахъ Гольдау, ярко написана истина: „*средство не оправдывается цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага*“. Человѣкъ, во всякую настоящую минуту, можетъ быть справедливымъ; въ этомъ его человѣческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этимъ *несомнительнымъ*, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, слѣдственно, *сомнительной* пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область Провидѣнія. Только, оставаясь въ границахъ человѣчества, *съ свѣтлымъ понятіемъ о справедливости*, можемъ мы дѣйствовать благотворно, то-есть нравственно; напротивъ, вступаясь въ дѣло Провидѣнія и надѣясь силою въ одну минуту произвести то, что оно медленно созидаетъ временемъ, мы губимъ и гибнемъ. Что же? Должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени, подобно камнямъ, которые, не видя и не зная, что съ ними творится, даютъ ему покрывать ихъ мохомъ и растеніями? Нѣтъ. Но для человѣка довольно собственной дѣятельности и безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ-за-шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ: въ первомъ случаѣ самъ *произведешь разрушеніе*, въ послѣднемъ *не отвратишь разрушенія*, въ обоихъ же неминуемо погибнешь. Но работая безпрестанно, неутомимо, на ряду со временемъ, *отдѣляя отъ живаго* то, что оно уже умертвило, *питая* то, въ чемъ уже таится *зародышъ жизни*, *и храня* то, что *зрѣло и полно жизни*, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или *новое необходимое*, или уничтожишь *старое* уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, *живи и давай жить*; а паче всего *блюди Божію правду*!.. Но довольно, отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлалось горою.

ВОСПОМИНАНІЕ

о торжествѣ 30-го августа 1834 года.

Я готовился быть свидѣтелемъ торжества великолѣпнаго, но торжество, видѣнное мною, превзошло мое ожиданіе. Оно такъ же колоссально, какъ тотъ памятникъ, передъ которымъ происходило, и какъ Россія, которая вся въ немъ изобразилась. Я чувствовалъ вдохновеніе, но это было не творческое вдохновеніе поэта, украшающее или преобразующее существенность: то было поразительное чувство высокаго, неотдѣлимое отъ предмета, его возбудившаго; такое же чувство, какое потрясло мою душу, когда представились мнѣ въ первый разъ Альпы, когда я увидѣлъ Римъ посреди его запустѣвшей равнины, когда подходилъ ко храму св. Петра, и остановился подъ его изумительнымъ сводомъ. Здѣсь поэзія безмолвна, и близость предмета давитъ воображеніе, напрасно хотящее втѣснить его въ слова и звуки. Здѣсь можно только описывать, и чѣмъ простѣе, тѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи.

Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День наканунѣ былъ утомительно душенъ; къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ, какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ, запылала гроза; молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ-будто стояли надъ городомъ: однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо, другія вспыхивали какъ багровые снопы, иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ, и въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чудеснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь, и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть. И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разрушилась, и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта.

И дѣйствительно, эта ночная гроза только очистила небо, и какъ-будто приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно; по свѣтлой лазури еще бродили разорванныя облака, но они не скрывали ни неба ни солнца. Въ десять часовъ утра уже вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа; весь Зимній дворецъ отъ кровли до подошвы, весь экзерциргаузъ, обращенный въ амфитеатръ, все полукруглое зданіе, противолежащее дворцу, коего подошва также обвита

была амфитеатромъ, всѣ смежные съ нимъ дома, весь бульваръ, кровля и высокая башня адмиралтейства наполнены, унизаны, загромождены были народомъ, и представляли зрѣлище удивительное, чудесно оживляемое сіяніемъ солнца, которое безпрестанно скрывалось за облаками и изъ нихъ выходило. И посреди этой одушевленной ограды широкою пустынею простиралась площадь, и длинная тѣнь колонны, на ней уединенно воздвигавшейся съ покровеннымъ своимъ пьедесталомъ, непримѣтно передвигалась по свѣтлому дну ея, какъ-будто знаменуя идущее время. А между тѣмъ, вблизи, никому непримѣтно, стояла въ ружьѣ стотысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда, по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, какъ-будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ Парижскаго марша, пошли колонны русскаго войска; вдругъ тишина обратилась во что-то, не имѣющее имени; это былъ не шумъ, не гулъ, не звукъ, но тяжкій, мѣрный, потрясающій душу шагъ, спокойное приближеніе *силы*, непобѣдимой и въ то же время покорной. Густыми волнами лилося войско и заливало площадь, но въ этомъ разливѣ былъ изумительный порядокъ; глаза видѣли многочисленность и огромность движущейся массы: но самое разительное въ этомъ зрѣлищѣ было то, чего не могли видѣть глаза: тайное присутствіе *воли*, которая все однимъ мановеніемъ двигала и направляла. Войска сошлись; построились; государь, объѣхавъ ряды ихъ, сталъ потвѣ колонны, имѣя подлѣ себя принца Вильгельма Прусскаго; и въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви, вслѣдъ за ними священный соборъ и государыня императрица со всѣмъ императорскимъ домомъ; войска отдали честь: одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ душу, когда, вдругъ, съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась. Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ, крестоноснымъ своимъ ангеломъ ярко отражалась отъ лазури небесной. И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира, и въ общемъ колѣнопреклоненіи войска, народа и предъ ними ихъ государя чудесное сліяніе земного могущества, простертаго во прахъ, съ таинственнымъ могуществомъ креста, надъ нимъ восходящаго, и невидимое соприсутствіе чего-то безыменнаго, чего-то выражающаго все, что намъ драгоцѣнно, чего-то шепчущаго душѣ: *Россія, слава минувшая, слава грядущая;* наконецъ, умилительное слово—*вѣчная память* и имя Александра, и вслѣдъ за симъ упавшая завѣса колонны, и громозвучное, продолжительное *ура*, соединенное съ залпами пятисотъ пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы... для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя... Нельзя было смотрѣть безъ глубокаго душевнаго умиленія на государя, смиренно стоящаго на колѣнахъ впереди его многочисленнаго войска, сдвинутаго словомъ его къ подножію сооруженнаго имъ колосса. Онъ молился о братѣ, и все въ эту минуту говорило о земной славѣ сего державнаго брата: и монументъ, носящій его имя, и колѣнопреклоненная русская армія, видавшая его въ такія великія минуты передъ своими рядами, и народъ, посреди котораго онъ жилъ — благодушный, всѣмъ доступный, и трогательное присутствіе сего принца прусскаго, который представляетъ намъ цѣлую дружественную націю съ благороднымъ ея государемъ, сподвижникомъ нашего Александра, и самое воспоминаніе, въ коемъ возобновлялись времена минувшія: Бородино, роковая слава Москвы, всенародный Лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, обхваченный океаномъ... все, все говорило объ немъ, а его самого тутъ не было; и сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость: она какъ-будто чувствовала, что близко то мѣсто, мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ царь великій спитъ во гробѣ; и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи, гдѣ такъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ онъ глаза, и откуда совершилъ послѣдній свой путь черезъ Россію, затворенный во гробѣ и безотвѣтный на призывающій его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противоложность житейскаго величія, пышнаго, но скоропреходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другого сей ангелъ, который, непричастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки.—По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; первосвятитель окропилъ его святою водою; и вслѣдъ за симъ, по одному слову всколебались всѣ колонны арміи; съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась; на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны Александровской арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ его времени, теперь заслуженные часовые великаго его монумента. Начался церемоніальный маршъ: русское войско пошло мимо Александровской колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище, наконецъ, войска прошли: звукъ оружія и громъ барабанный умолкли: народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ. Въ вечеру долго по улицамъ освѣщеннаго города бродили шумящія толпы; наконецъ, освѣщеніе угасло; улицы опустѣли; на безлюдной площади остался величественный колоссъ одинъ съ своимъ часовымъ; и все было спокойно въ сумракѣ ночи; лишь только на темномъ, звѣздами усыпанномъ небѣ, въ блескѣ луны сіялъ крестоносный ангелъ.

Такъ миновалось видѣніе удивительнаго дня сего: душа, имъ взволнованная, долго не могла утихнуть, какъ море послѣ бури, но море, коего каждая волна имѣла какой-то великій образъ. И дѣйствительно, то, что мы видѣли въ этотъ чудный день, было не одно торжество кратковременное, но все наше минувшее, вдругъ передъ нами повторенное. Чему надлежало совершиться въ Россіи, чтобы въ такомъ городѣ, такое собраніе народа, такое войско могли соединиться у подножія такой колонны?.. Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь же почти огромный, какъ сама она; и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня своего на краю стремницы; и на этой скалѣ написано Петръ, и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій ангелъ, и подъ крестомъ сего ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ на скалѣ, полураздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя, и Нева кишитъ всемірною торговлею), однимъ мановеніемъ царскимъ сдвинута была стотысячная армія, и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и русскій и полякъ, и ливонецъ и финнъ, и татаринъ и калмыкъ, и черкесъ и боецъ закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому *ура* ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы и Наварина... Не вся ли это Россія? Россія создан-

ная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало-по-малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боевого созданія для насъ миновались, что все могущество сдѣлано; что завоевательный мечъ въ ножнахъ, и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время *созданія мирнаго*; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или гибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ югомъ на богатую Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройного народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею царемъ ея въ лицѣ крестоноснаго ангела, а имя его: *Божія правда.*

1838.

ПОЖАРЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

17-го декабря 1837 года *).

Жители Петербурга съ печалію встрѣтили 1838-й годъ. Не пришли они, по старому обычаю, въ Зимній дворецъ, гдѣ донынѣ болѣе двадцати тысячъ гостей собирались на семейный праздникъ царя своего, дабы поздравить его съ наступающимъ Новымъ годомъ. Зимній дворецъ, величественное жилище императоровъ русскихъ, великолѣпнѣйшее и почти самое древнее зданіе сѣверной столицы, не существуетъ. Смотря на сіи обгорѣлыя стѣны, въ коихъ за нѣсколько дней блистало такое великолѣпіе, кипѣла такая жизнь, и кои теперь такъ пусты и мрачны, ощущаешь въ душѣ невольное благоговѣніе; не знаешь чему дивиться, величію ли того, что погибло и что въ самыхъ развалинахъ своихъ является еще столь твердымъ; могуществу ли силы, которая такъ легко и такъ быстро уничтожила то, что казалося вѣчнымъ.

Такъ, въ зрѣлищѣ сихъ развалинъ есть что-то невыразимое: какъ-будто глазами видишь судьбу земную во всѣхъ ея перемѣнахъ — изъ счастія въ бѣдствіе, изъ блеска во мракъ, изъ славы въ упадокъ. Какой-то чудный, всемірный образъ стоитъ передъ тобою и говоритъ тебѣ то, чего не выразитъ словомъ языкъ человѣческій.

Зимній дворецъ, какъ зданіе, какъ царское жилище, можетъ-быть, не имѣлъ подобнаго въ цѣлой Европѣ. Своею огромностію онъ соотвѣтствовалъ той обширной имперіи, которой силамъ служилъ средоточіемъ. Суровымъ величіемъ, своей архитектурою, изображалъ онъ могущественный народъ, столь недавно вступившій въ среду образованныхъ націй, но еще сохранившій свой первобытный, нѣкогда дикій образъ; а внутреннимъ своимъ великолѣпіемъ напоминалъ о той неисчерпаемой жизни, которая кипитъ во внутренности Россіи. Иноземецъ, посѣщавшій столицу сѣвера, останавливался въ изумленіи передъ его громадою. Быть-можетъ, взыскательный вкусъ, разсматривая его по частямъ, могъ оскорбиться и нѣкоторою нестройностію ихъ состава, и пестротою обветшалыхъ украшеній, и мелкостью безчисленныхъ колоннъ, и множествомъ колоссальныхъ статуй, стоявшихъ на этой массѣ какъ лѣсъ на скалѣ огромной; но цѣлое зданіе представляло какую-то разительную, гигантскую стройность: при видѣ Зимняго дворца всегда вспоминалась поэтическая мысль того зодчаго, который изъ горы Аѳоса хотѣлъ вытесать статую Александра.

Но если Зимній дворецъ изумлялъ иноземца, какъ чудный памятникъ искусства, то для насъ, русскихъ, имѣлъ онъ совсѣмъ иное значеніе. Зимній дворецъ былъ для насъ представителемъ всего отечественнаго, русскаго, нашего. Для *всѣхъ* насъ *вмѣстѣ* онъ былъ то же, что для *каждаго* изъ насъ въ *особенности* домъ отеческій, гдѣ мы были молоды, откуда пустились въ жизнь, куда изъ всѣхъ угловъ земли, изъ всѣхъ тревогъ житейскихъ переносились душою, какъ-будто въ пріютъ покоя. Кто изъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя помнить, не думалъ часто и съ одинакимъ, всѣмъ намъ общимъ чувствомъ, о томъ, что происходило въ этомъ царскомъ жилищѣ, и хотя каждый имѣлъ *свои особенныя* зоботы, съ другими не раздѣляемыя, но эти *общія заботы* о царскомъ бытѣ, въ томъ мѣстѣ, съ которомъ мы всѣ, и близкіе и далекіе, изъ дѣтства такъ свыклись, было для всѣхъ насъ какою-то родственною связью, и теперь, при мысли, что Зимній дворецъ нашъ не существуетъ, пробуждается въ душѣ что-то похожее на сиротство, и кажется, какъ-будто насъ что-то разрознило.

Въ отношеніи историческомъ Зимній дворецъ былъ то же для новой нашей исторіи, что Кремль для нашей исторіи древней. Кремль говоритъ о живыхъ, младенческихъ и юношескихъ лѣтахъ русскаго царства: смотря на стѣны его и башни, на Грановитую палату, на святые соборы, и слушая чудный голосъ колоколовъ, во всѣ времена одинаково съ нами слышанный и отцами и дѣдами, разгорячаешься воображеніемъ и чувствуешь себя такъ же разстроеннымъ, какъ при мысли о собственныхъ поэтическихъ лѣтахъ молодости. Здѣсь вся поэзія нашей исторіи. Но видъ Зимняго дворца, который своею громадою (гдѣ великанское временъ минувшихъ такъ чудно сливалось съ строгою правильностію настоящаго), такъ могущественно, такъ одиноко возвышался посреди всѣхъ окружавшихъ его зданій, говорилъ менѣе воображенію, нежели мысли. Здѣсь представлялась уже возмужавшая Россія, Россія, сплоченная вѣками въ твердую, грубую массу, такою перешедшая въ руки Петра, имъ присвоенная Европѣ и со временъ его до нашихъ, подъ рукою своихъ императоровъ, завоеваніями давшими ей все, что ей нужно, достигнувшая крайнихъ предѣловъ своего матеріальнаго могущества. Здѣсь вся новѣйшая Россія въ блистательнѣйшіе дни европейской ея жизни.

Здѣсь самодержавіе, перешедшее отъ царей къ императорамъ, слившись съ законностію и уваженіемъ къ человѣчеству, преобразовалось изъ древняго безотчетнаго самовластія во власть благотворную, животворную, образовательную, на твердой неприкосновенности которой стоитъ бытіе Россіи, и внѣшняя сила ея и внутреннее ея благоденствіе. Отсюда истекли всѣ тѣ законы и тѣ политическія измѣненія, кои въ послѣднее восьмидесятилѣтіе возвеличили, образовали, утвердили Россію и приготовили для нея великое будущее.

Здѣсь жила Екатерина, первая вступившая въ стѣны дворца, воздвигнутыя Елисаветою, но при ней еще не

---

*) Статья эта первоначально не была дозволена къ печати по слѣдующему распоряженію: „Министръ императорскаго двора честь имѣетъ увѣдомить г. издателя „Современника“, что онъ имѣлъ представлять государю императору возвращаемую при семъ статью о пожарѣ Зимняго дворца, но что на напечатаніе оной высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику довольно уже писано въ публичныхъ листкахъ о семъ несчастномъ событіи. Князь Волконскій“. — 31 января 1838.

населенныя. Имя Екатерины и теперь глубоко отзывается въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Хотя уже почти всѣ соучастники ея царствованія сошли со сцены, но преданіе о ней живо: оно перешло къ намъ изъ первыхъ рукъ, во всей своей свѣжести, ибо каждый, чья жизнь началась въ ея царствованіе, кто ее видѣлъ, еще болѣе тотъ, кто имѣлъ счастіе къ ней приближаться, и теперь говоритъ объ ней съ тѣмъ пламеннымъ вдохновеніемъ любви, съ которымъ нѣкогда говорила о ней вся Россія. Здѣсь произошли важнѣйшія явленія царственной жизни Екатерины, которая по искусству царствованія стоитъ на первой степени между всѣми государями, славными въ исторіи: здѣсь начертала она свой Наказъ, и понынѣ служащій основаніемъ нашего гражданскаго порядка; отсюда устроила она свою обширную имперію, отсюда посылала своихъ полководцевъ на сѣверъ, западъ и югъ за побѣдою, завоеваніями или славою. Здѣсь на каждомъ шагу могли мы слѣдовать за государственною и частною ея жизнію; мы знали, гдѣ былъ ея кабинетъ, въ которомъ уединенные часы свои посвящала она глубокимъ размышленіямъ и всеобъемлющимъ трудамъ царицы; мы знали, гдѣ являлась она во всемъ блескѣ самодержавной владычицы передъ собраніемъ представителей имперіи, между которыми блистали Потемкины, Румянцовы, Суворовы, Вяземскіе, Панины и Безбородко; знали, гдѣ она съ царскаго трона принимала пословъ Европы и Востока, гдѣ совершались ея пышные праздники, гдѣ были ея веселые вечеринки; гдѣ она слушала вдохновенныя пѣсни своего Державина, гдѣ, наконецъ, отборный кругъ ея общества, изъ просвѣщеннѣйшихъ соотечественниковъ и иноземцевъ составленный, былъ услаждаемъ ея остроумною и въ самой легкости глубокомысленною бесѣдою.

Изъ Зимняго дворца императоръ Павелъ послалъ Суворова испытать возмужавшую силу Россіи противъ возрастающаго могущества Франціи и начать за горами Альпійскими то, что впослѣдствіи довершено подъ стѣнами Парижа.

Зимній дворецъ былъ свидѣтелемъ и свѣтлыхъ и темныхъ временъ Александра I. Здѣсь, вдохновенный Промысломъ, уже предавшимъ во власть его жребій Европы, рѣшилъ онъ судьбу своей имперіи великимъ русскимъ словомъ: *не положу оружія, пока хотя единый врагъ останется на землѣ моей*, и отдалъ Москву за Россію. Сюда возвратился онъ, совершивши чудную всемірную войну, благословенный свыше, увѣнчанный такою славою, какая ни одному изъ предшественниковъ его не доставалась, и въ этой славѣ смиренный передъ избравшимъ его Богомъ. Здѣсь видѣли мы его и въ страшную минуту испытанія, когда столица его, обхваченная наводненіемъ, трепетала и гибла. Въ эту роковую минуту явился онъ въ той красотѣ своей, по которой принадлежалъ онъ къ лучшимъ изъ всѣхъ украшавшихъ землю созданій. Изъ оконъ дворца смотрѣлъ онъ на разрушеніе, производимое волнами, и горько плакалъ, порываясь спасать погибающихъ и чувствуя всю ничтожность своей власти передъ бездушнымъ могуществомъ стихій. И всѣмъ намъ памятно, съ какою заботливостію, съ какимъ простодушнымъ, родственнымъ участіемъ являлся онъ повсюду, гдѣ только побывало несчастіе, особенно на развалинахъ хижинъ, дабы загладить слѣды разоренія, возвратить утраченное ими, утѣшить горе о невозвратномъ. И въ народѣ, одаренномъ памятью сердца, живо преданіе о сихъ прекрасныхъ дняхъ Александра, быть-можетъ, лучшихъ въ жизни его не по блестящимъ дѣламъ царя, а по тайнымъ человѣческимъ чувствамъ, и если исторія, провозглашающая только славное міра сего, скажетъ о нихъ не громко, то *есть* другое, высшее судилище, предъ которымъ и тайныя страданія души также имѣютъ свое великолѣпіе и свою знаменитость.

Въ Зимнемъ дворцѣ проводила и кончила жизнь свою современница и соучастница всѣхъ царствованій, коихъ событіямъ онъ былъ свидѣтель: здѣсь жила государыня Марія Ѳеодоровна, супругою наслѣдника имперіи, императрицею, матерью двухъ императоровъ. Сначала вся ея дѣятельность сосредоточивалась въ тѣсномъ домашнемъ кругѣ: вмѣстѣ съ прекрасными сыновьями и дочерями своими, сама (и до позднихъ лѣтъ) величественно прекрасная, она сначала была, такъ-сказать, однимъ только отблескомъ великой сѣверной царицы, которая приводила въ неописанный восторгъ и русскаго и чужеземца, когда, окруженная очарованіемъ исторической славы своей (придававшей лицу ея характеръ чего-то неземного), являлась она передъ ними въ сопутствіи внуковъ и внучекъ, прелестныхъ и красотою и молодостію и тою надеждою, которая въ лицѣ ихъ такъ сладостно говорила сердцу. И въ этомъ же дворцѣ, когда не стало Екатерины Великой, увидѣли мы императрицу Марію Ѳеодоровну матерью другого семейства, — цѣлой Россіи. Приготовленная къ исполненію сихъ всеобъемлющихъ обязанностей строгимъ исполненіемъ должностей домашнихъ, она предалась имъ съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, и должность стала для нея религіею. Съ одной стороны, принявши подъ свой покровъ сиротство, нищету, вдовство и болѣзнь, она сдѣлалась благотворительницею *настоящею*, съ другой, принявъ на себя заботы о женскомъ воспитаніи въ Россіи, она явилась провидѣніемъ домашней жизни и нравовъ семейныхъ русскаго народа и положила прочное основаніе *будущему* его благоденствію, коего источникъ есть нравственность женъ и просвѣщенная дѣятельность матерей семейства. И сколько разъ она сама, счастливая и достойная счастія мать, въ великолѣпной дворцовой церкви присутствовала на радостныхъ праздникахъ семейныхъ: то подносила своихъ милыхъ младенцевъ къ св. причастію, то благословляла браки сыновей и дочерей своихъ, то предстояла св. купели, держа на рукахъ своихъ внука или внучку. Наконецъ, въ томъ же Зимнемъ дворцѣ, гдѣ ни одинъ изъ ея современниковъ не провелъ столько лѣтъ, какъ она, прекратилась и чистая жизнь ея. И памятна еще намъ та ночь, въ которую императрица Марія Ѳеодоровна покинула землю: кто видѣлъ ее черезъ нѣсколько минутъ послѣ кончины, тотъ былъ пораженъ и глубоко растроганъ выраженіемъ ея лица, удивительно просвѣтлѣвшаго, какъ-будто бы на немъ величіе земное вдругъ перешло въ величіе небесное.

Изъ дверей Зимняго дворца императоръ Николай Павловичъ вышелъ на площадь, кипящую народомъ, въ первую и самую рѣшительную минуту своего царствованія, и эта минута какъ долгіе годы познакомила Россію съ новымъ ея императоромъ и Европу съ достойнымъ преемникомъ Александра.

Намъ памятно, какое зрѣлище въ день сей представило собраніе чиновъ имперіи, соединившихся въ залахъ дворцовыхъ для молитвы за воцаряющагося государя, памятны и мертвая тишина, тогда оцѣпенявшая сіе блестящее многолюдство, и мрачность лицъ, столь разительная при блескѣ одеждъ торжественныхъ, и шопотъ тревожныхъ вѣстей, и тяжкая безызвѣстность о государѣ, который съ утра до приближенія ночи простоялъ въ виду бунтовщиковъ на ружейный выстрѣлъ отъ ихъ фронта, и общее движеніе всѣхъ, когда узнали, что государь возвратился, что бунтъ уничтоженъ, и, наконецъ, всего памятнѣе та минута, въ которую онъ къ намъ вышелъ, рука-объ-руку съ императрицею, — онъ съ какимъ-то новымъ, никогда дотолѣ невиданнымъ на лицѣ его напечатлѣніемъ, она съ глубокою преданностію въ волю Промысла, съ смиренною возвышенностію надъ судьбою и съ удивительнымъ выраженіемъ всего, что въ этотъ день перешло черезъ ея душу, и между ними наслѣдникъ, тогда еще младенецъ, ясный и беззаботный какъ надежда.

И въ этомъ же дворцѣ, гдѣ такимъ великимъ событіемъ ознаменовалось воцареніе Николая, прошли и первыя двѣнадцать лѣтъ его царствованія, столь богатаго тяжкими испытаніями для государя, но столь

обильнаго дѣлами благотворными для народа. Здѣсь совершилось замышленное Петромъ, приготовленное Екатериною и тщетно предпринятое Александромъ: воздвигнуто стройное, всѣмъ доступное зданіе русскихъ законовъ и тѣмъ положено начало *законности*, безъ коей нѣтъ въ государствѣ вѣрнаго благоденствія. Наконецъ, въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, подъ кровомъ Зимняго дворца мы съ умиленіемъ видѣли то, что рѣдко встрѣчается и въ смиренномъ жилищѣ частнаго человѣка: счастливую домашнюю жизнь, величественный примѣръ всего нравственнаго для цѣлой имперіи. Нѣжнѣйшее согласіе супружеское, основанное на взаимномъ уваженіи другъ къ другу, заботливость отца и матери о дѣтяхъ, не скучающая никакими подробностями, ихъ ребяческая ласковость съ тѣми, кои еще во младенчествѣ, ихъ попечительная заботливость о тѣхъ, кои достигли отроческихъ лѣтъ и коихъ воспитаніе предъ глазами родителей совершается, ихъ довѣрчивое товарищество съ тѣми, кои уже вошли въ возврастъ; съ другой стороны нѣжная къ нимъ привязанность дѣтей, которымъ нигдѣ и ни съ кѣмъ такъ не бываетъ весело, такъ не бываетъ свободно, какъ съ добрымъ отцомъ и милою матерью и самымъ царскимъ величіемъ, только усиливающимъ въ дѣтяхъ сердечное благоговѣніе—вотъ то прекрасное, чего были свидѣтелями эти стѣны, столь прежде пышныя, столь нынѣ печальныя. Какъ ни горестно видѣть въ развалинахъ тѣ величественные чертоги, которые такъ блистали во дни торжественные, но они скоро воздвигнутся снова и, можетъ-быть, великолѣпнѣе прежнихъ; но то, что было освящено воспоминаніемъ лучшаго и драгоцѣннѣйшаго въ жизни,—убѣжища многихъ лѣтъ, изъ одного царскаго колѣна перешедшія къ другому, свидѣтели дѣтскихъ игръ, первыхъ уроковъ, семейныхъ праздниковъ, они исчезли невозвратно, и никакому зодчему не построить ихъ попрежнему. Былъ въ Зимнемъ дворцѣ рядъ горницъ, черезъ которыя ежедневно проходилъ государь Николай Павловичъ, начиная царственный день свой: въ однѣхъ колыбели окружены были дѣтскими игрушками; въ другихъ учебные предметы говорили о занятіяхъ болѣе строгихъ, соотвѣтственно разнымъ возрастамъ; въ другихъ являлось уже все, что принадлежало расцвѣтшему юношеству, готовящемуся къ дѣятельности житейской.—И, проходя черезъ нихъ, счастливый отецъ встрѣчаемъ былъ голосами любви, столь плѣнительными и въ радостномъ ребяческомъ крикѣ и въ сердечномъ привѣтѣ юношества. Изъ всѣхъ сихъ горницъ особенно драгоцѣнны по воспоминаніямъ, съ ними соединявшимся, тѣ, въ коихъ провелъ свою молодость императоръ Александръ, которыя при немъ перешли къ его младшимъ братьямъ и, наконецъ, при нынѣшнемъ государѣ достались цесаревичу. Изъ этого пріюта первыхъ лѣтъ, ознаменованныхъ такимъ беззаботнымъ счастіемъ, наслѣдникъ Русской Имперіи пустился въ путь, указанный ему государемъ. Ни одному изъ предшественниковъ императора Николая Павловича не даровалъ Богъ счастія показать такого милаго сына такой великой имперіи. Мысль высокая и вмѣстѣ трогательная, которую съ глубокою благодарностію къ царю своему вполнѣ поняла Россія. Она увидѣла въ этой поспѣшности государя познакомить молодого наслѣдника съ его будущею имперіею всю нѣжную заботливость и отца о сынѣ и государя о царствѣ. Она поняла, почему именно теперь, а не въ другое время, и почти всю огромную Россію въ немногіе мѣсяцы захотѣлъ показать государь своему сыну. Если царю необходимо быть любимымъ отъ своего народа, то ему еще необходимѣе любить народъ свой. Но сіе пламя любви не всякой душѣ дается, и счастлива та, въ которой пробудится она рано. Такова была, очевидно, мысль государя: наслѣдникъ, во всемъ цвѣтѣ молодости, съ душою, еще не тронутою никакою заботою житейскою, никакимъ болѣзненнымъ опытомъ, мѣшающимъ вѣрѣ въ человѣчество, былъ отданъ имъ, такъ-сказать, съ рукъ-на-руки Россіи, и она приняла его на руки съ неописанною любовію. Ни одинъ изъ русскихъ государей не давалъ такого праздника своему царству; и все, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ предѣловъ Польши до глубины Сибири, во всѣхъ областяхъ, орошаемыхъ великими нашими рѣками, Волгою, Камою, Иртышемъ, Днѣпромъ и Дономъ, оживотворилось одинакимъ чувствомъ, и это чувство не было любопытство, пробуждаемое въ толпѣ явленіемъ необычайнаго, ни робкое раболѣпство, ни своекорыстная надежда: это чувство было святая любовь русскаго народа, глубокая религія, перешедшая къ нему по преданію отъ предковъ, религія, врѣзанная ему въ душу его судьбою, воспитанная въ немъ и свѣтлыми и темными временами его жизни, нѣчто такое, чего никакая власть произвести не можетъ, что есть драгоцѣннѣйшее сокровище русскаго самодержца, твердѣйшая опора самодержавія, на чемъ незыблемо стоитъ Россія. Такое чувство встрѣчало наслѣдника, и онъ принялъ его на сердце свое въ такую пору жизни, когда всѣ впечатлѣнія неизгладимо въ насъ остаются. Въ зрѣлые годы свои онъ опять и не разъ увидитъ Россію, и увидитъ ее съ пользою иного рода; но такой союзъ, какой заключенъ между ими нынѣ, заключается только въ свѣжія лѣта молодости, душою новою и жаждущею любить. И въ зрѣлые годы свои онъ не забудетъ, что Россія была его первою любовію и никогда не перестанутъ въ памяти его отзываться тѣ благословенія, съ которыми еще безъ всякой личной заслуги своей, а только потому, что онъ святыня, сынъ государя, онъ былъ повсюду принятъ добрымъ, умнымъ, вѣрнымъ русскимъ народомъ. Совершивъ благополучно сіе путешествіе, продолжавшееся болѣе семи мѣсяцевъ, наслѣдникъ и государь императоръ, обозрѣвши со своей стороны западныя и южныя области отъ устьевъ Невы до подошвы Арарата, соединились со всѣмъ императорскимъ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ пробыли нѣсколько недѣль, и, наконецъ, всѣ вмѣстѣ возвратились въ Петербургъ, гдѣ ожидало ихъ, повидимому, сладкое отдохновеніе подъ кровлею царственнаго Зимняго дворца. И вдругъ это могущественное зданіе, со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, исчезло въ нѣсколько часовъ какъ бѣдная хижина.

Хотя обстоятельства сего событія, ужаснувшаго Петербургъ и горестнаго для цѣлой Россіи, уже описаны другими, но мы почитаемъ нелишнимъ сообщить читателямъ то, что было и намъ разсказано очевидцами. Здѣсь всякая подробность драгоцѣнна: мы даже не боимся повторить уже извѣстное, ибо желаемъ составить нѣчто цѣлое и полное: намъ кажется, что мы исполняемъ священный долгъ передъ отечествомъ, отдавая послѣднюю честь великому жилищу Екатерины и Александра, и платимъ сладкую дань благодарности всеобщей, скорбя о разрушеніи царскаго дома, гдѣ государь Николай Павловичъ былъ двѣнадцать лѣтъ счастливъ въ своемъ семействѣ.

17-е декабря 1837 года ознаменовалось симъ бѣдственнымъ происшествіемъ. Было восемь часовъ вечера. Государь императоръ съ ея величествомъ императрицею, съ ихъ высочествами наслѣдникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и великою княжною Маріею Николаевною находился въ театрѣ, когда ему донесено было, что въ Зимнемъ дворцѣ горитъ. Государь немедленно покинулъ театръ и вмѣстѣ съ великими князьями отправился на мѣсто пожара. Повидимому, не представлялось большой трудности остановить его дѣйствіе, но онъ уже начиналъ распространяться; уже Фельдмаршалская зала была вся въ огнѣ; зала Петра Великаго загоралась, и пламя начинало показываться въ Бѣлой залѣ.

Первою заботою государя императора была безопасность его семейства. Великіе князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи и великія княжны Ольга и Александра Николаевны находились въ Зимнемъ дворцѣ: имъ было приказано немедленно переѣхать въ собственный его величества дворецъ. Въ это время

государыня императрица уже возвратилась изъ театра. Она была встрѣчена въ Большой Морской великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, посланнымъ къ ней отъ государя императора съ извѣщеніемъ о случившемся.—Гдѣ дѣти? былъ первый вопросъ ея величества.—Государь приказалъ перевезти ихъ въ собственный дворецъ; онъ желаетъ, чтобы и ваше величество ѣхали туда же.—Но перевезены ли дѣти?—Еще нѣтъ, но скоро.—Скажите государю, что мое мѣсто тамъ, гдѣ мои дѣти, и что я до тѣхъ поръ не покину дворца, пока они не будутъ отправлены, отвѣчала государыня и поѣхала на пожаръ. На лѣстницѣ она была встрѣчена всѣми дѣтьми своими; младшихъ несли на рукахъ, полусонныхъ. Государыня отпустила ихъ, а сама прямо пошла къ одной изъ своихъ фрейлинъ, которая жила въ нижнемъ этажѣ и лежала въ постели больная. Императрица при себѣ отправила ее изъ дворца и потомъ уже пошла (вмѣстѣ съ великою княжною Маріею Николаевною) въ свои комнаты, отъ коихъ пожаръ еще былъ далеко.—Долго изъ оконъ, обращенныхъ во внутренній дворъ, смотрѣла она, какъ на противуположной сторонѣ свирѣпствовало пламя, какъ оно разрушило Бѣлую и Фельдмаршалскую залы и какъ начало приближаться къ той сторонѣ, гдѣ жило императорское семейство. Наконецъ, явился государь императоръ и говоритъ императрицѣ и великой княжнѣ: „Уѣзжайте, черезъ минуту огонь будетъ здѣсь“. Они простились. Государь опять пошелъ на пожаръ. А государыня рѣшилась переѣхать въ домъ министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ оконъ коего можно было глазами слѣдовать за дѣйствіемъ пламени. Но прежде нежели совсѣмъ оставить дворецъ, она захотѣла проститься съ своимъ погибающимъ жилищемъ: зашла въ свой кабинетъ и въ дѣтскія горницы, въ коихъ при свѣтѣ пожарнаго зарева все еще было такъ спокойно, и, помолившись въ послѣдній разъ въ малой дворцовой церкви, въ коей столько времени все семейство ея собиралось на молитву, съ благодарною горестію покинула тѣ мѣста, гдѣ на каждомъ шагу являлись ей милыя воспоминанія, гдѣ она встрѣчена была невѣстою, гдѣ была привѣтствована императрицею, гдѣ провела мирные, первые годы супружескаго и материнскаго счастія, о коемъ молится вся Россія. Въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ государыня пробыла до той минуты, въ которую наслѣдникъ извѣстилъ ея величество, что для спасенія дворца не осталось никакой надежды.

Вторымъ распоряженіемъ государя императора было послать за войсками; первый баталіонъ л.-г. Преображенскаго полка, какъ ближайшій, явился прежде другихъ, и въ одну минуту знамена гвардейскія и всѣ портреты, украшавшіе залу Фельдмаршалскую и галлерею 1812 года, сняты и вынесены. Въ то же время закладены были кирпичомъ двѣ двери, дабы отдѣлить пылающую часть дворца отъ той, куда еще пламя не успѣло проникнуть; а часть собравшагося войска была отправлена на кровлю, дабы, разломавъ ее, успѣшнѣе противодѣйствовать расширенію пожара. Но здѣсь всѣ усилія остались тщетны. Густой дымъ, развиваясь вихремъ по всему чердаку, препятствовалъ видѣть и дышать и не допустилъ никого приступить къ дѣлу. Тогда стало очевидно, что спасеніе дворца уже невозможно. Государь императоръ, не желая подвергать опасности солдатъ, которые дѣйствовали съ неимовѣрною отважностію и съ удивительнымъ самоотверженіемъ, отдалъ повелѣніе, чтобы всѣ сошли съ кровли и спѣшили спасать изъ внутреннихъ комнатъ то, что спасти было возможно. Воля его величества была исполнена съ быстротою и точностію, достойными удивленія. Всѣ отъ генерала до простого солдата принялись за дѣло; никто себя не жалѣлъ. Священныя утвари, образа и ризы обѣихъ церквей, императорскіе бриллianты, картины, драгоцѣнныя убранства дворца и всѣ вещи, принадлежащія царской фамиліи, были взяты и отнесены, частію къ Александровской колоннѣ, частію въ адмиралтейство.

Въ это время государь императоръ былъ увѣдомленъ, что въ Галерной гавани загорѣлось нѣсколько хижинъ. Онъ немедленно послалъ на спасеніе оныхъ наслѣдника. А самъ, рѣшившись пожертвовать главнымъ зданіемъ Зимняго дворца, которымъ пламя совершенно овладѣло, приказалъ исключительно обратить всѣ усилія на защиту Эрмитажа. Немедленно крыши галлерей, соединявшихъ сіе отдѣленіе дворца съ главнымъ корпусомъ, были разрушены, всякое сообщеніе между ними прервано. Такимъ образомъ, пожаръ не достигъ къ Эрмитажу, хотя все пламя стремилось прямо на него по направленію сильнаго вѣтра. Здѣсь особенно оказалась неустрашимая спокойность пожарныхъ и солдатъ; они, можно-сказать, вступили въ рукопашный бой съ огнемъ и отважно закладывали окна и двери, несмотря на пламя и дымъ, которые съ ними боролись, но ихъ не отразили. Всѣ они дѣйствовали подъ особеннымъ надзоромъ его высочества великаго князя Михаила Павловича.

Между тѣмъ пожаръ, усиливаемый порывистымъ вѣтромъ, бѣжалъ по потолкамъ верхняго этажа; они разомъ во многихъ мѣстахъ загоралиcь и, падая съ громомъ, зажигали полы и потолки средняго яруса, которые, въ свою очередь, низвергались огромными огненными грудами на крѣпкіе своды нижняго этажа, большею частію оставшагося цѣлымъ. Зрѣлище, по сказанію очевидцевъ, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнулъ волканъ. Сначала объята была пламенемъ та сторона дворца, которая обращена къ Невѣ; противуположная сторона представляла темную громаду, надъ коею пылало и дымилось ночное небо: отсюда можно было слѣдовать за постепеннымъ распространеніемъ пожара; можно было видѣть, какъ онъ, пробираясь по кровлѣ, проникнулъ въ верхній ярусъ, какъ въ среднемъ ярусѣ все еще было темно (только горѣло нѣсколько ночниковъ и люди бѣгали со свѣчами по комнатамъ) въ то время, какъ надъ нимъ все уже пылало и разрушалось: какъ, вдругъ, загорѣлись потолки и начали падать съ громомъ, пламенемъ, искрами и вихремъ дыма, и какъ, наконецъ, потоки огня полилися повсюду, наполнили внутренность зданія и бросились въ окна. Тогда вся громада дворца представляла огромный костеръ, съ котораго пламя то всходило къ небу высокимъ столбомъ подъ тяжкими тучами чернаго дыма, то волновалось какъ море, коего волны вскакивали огромными, зубчатыми языками, то вспыхивало снопомъ безчисленныхъ ракетъ, которыя сыпали огненный дождь на всѣ окрестныя зданія. Въ этомъ явленіи было что-то невыразимое: дворецъ, и въ самомъ разрушеніи своемъ, какъ-будто неприкосновенно вырѣзывался со всѣми своими окнами, колоннами и статуями неподвижною черною громадою на яркомъ трепетномъ пламени. А во внутренности его происходило что-то неестественное: какая-то адская сила тамъ господствовала, какіе-то враждебные духи, слетѣвшіе на добычу и надъ нею разыгравшіеся, бѣшено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прядали съ колонны за колонну, прилипали къ люстрамъ, бѣгали по кровлѣ, обвивались около статуй, выскакивали въ окна и боролись съ людьми, которые мелькали черными тѣнями, пробѣгая по яркому пламени. И въ то время, когда сей ужасный пожаръ представлялъ такую разительную картину борьбы противуположныхъ силъ, разрушенія и гибели, другая картина приводила въ умиленіе душу своимъ торжественнымъ, тихимъ величіемъ. За цѣпью полковъ окружавшихъ дворцовую площадь, стоялъ народъ безчисленною толпою въ мертвомъ молчаніи. Передъ глазами его горѣло жилище царя: общая всѣмъ святыня погибала: объятая благоговѣйною скорбію, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокіе вздохи, и всѣ молились за государя.

Пожаръ, начавшійся въ 8 часовъ вечера, продолжался во всей своей силѣ до восхожденія солнца, и только въ эту минуту государь императоръ изволилъ возвратиться къ своему семейству.

Такъ разрушился нашъ Зимній дворецъ, великолѣпный представитель послѣднихъ славныхъ временъ Россіи. Все, что можетъ быть снова сооружено, погибло съ главнымъ зданіемъ; но сокровища Эрмитажа, которыя въ теченіе столькихъ лѣтъ были собираемы государями русскими и коихъ утрату ничто бы не замѣнило, всѣ безъ изъятія спасены. Утѣшеніемъ въ семъ печальномъ событіи можетъ послужить то, что никто изъ многочисленныхъ жителей дворца не погибъ, и что весьма многіе изъ нихъ спасли свое достояніе.

Но сіе величественное царское жилище, нынѣ представляющее однѣ обгорѣлыя развалины, скоро возобновится въ новомъ блескѣ. Опять въ великій день Свѣтлаго праздника будемъ, по старому обычаю, собираться на поздравленіе царя въ той великолѣпной дворцовой церкви. Опять будемъ видѣть русскаго царя, встрѣчающаго Новый годъ въ свѣтлыхъ чертогахъ своихъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ. Опять, передъ спасеннымъ изображеніемъ Александра, будемъ воспоминать времена великой русской славы, пѣть многолѣтіе царю царствующему, возглашать вѣчную память Благословенному и славить его войско, нѣкогда столь храбро отстоявшее Россію. Наконецъ, опять посреди этихъ возобновленныхъ палатъ императорскихъ, увидимъ добраго отца народа веселымъ семьяниномъ, окруженнаго мирнымъ домашнимъ счастіемъ, которое да продлитъ Богъ для блага Россіи.

И царь и его Россія съ благоговѣніемъ приняли новое испытаніе, ниспосланное имъ всемогущимъ Промысломъ, и это испытаніе, съ одной стороны, даровало случай царю явить предъ лицомъ народа своего покорность Божіей власти; съ другой, народу съ новою силою выразить любовь свою къ царю, и, такимъ образомъ, узами скорби еще сильнѣе скрѣпился союзъ между державнымъ отцомъ и вѣрными дѣтьми его.

ОЧЕРКИ ШВЕЦІИ.

I. Швеція, если судить по тому, что намъ удалось видѣть во время нашего путешествія, есть гранитное царство. Вездѣ слой земли, болѣе или менѣе тонкій, покрываетъ гладкую площадь гранитную, и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые всѣ вообще имѣютъ круглую форму, подобно камнямъ, склоняющимся на днѣ быстрой рѣки, которая силой воды мчитъ ихъ и мало-по-малу округляетъ. Эти гранитные обломки, составляющіе нѣмое преданіе о какомъ-то давнишнемъ боѣ стихій, представляютъ явленія разительныя. Иногда посреди широкаго зеленаго поля лежитъ огромная скала, совершенно голая, слегка подернутая мохомъ, какъ желѣзо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо не составляетъ продолженія той поверхности, на коей лежитъ, а только едва къ ней прикасается своею отдѣлившеюся отъ нея базою. Иногда множество гранитныхъ обломковъ лежитъ кучею, подобно зернамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда. Иногда эти крупные и мелкіе обломки разсыпаны по плоскому мѣсту и составляютъ лабиринтъ скалъ, подобный Алупкинскому саду въ Крыму, съ тою только разницею, что здѣсь камни голы, зеленый плющъ ихъ не одѣваетъ, и между ними не пробиваются лавры; а вмѣсто живописныхъ деревьевъ юга, обвитыхъ плющемъ и виноградомъ, торчатъ на ихъ голыхъ вершинахъ и бокахъ однообразныя ели и сосны и изрѣдка березы, которыхъ корни сквозь трещины гранита проникаютъ въ землю, и, переплетаясь на поверхности камня, составляютъ для него какое-то чудное, кружевное покрывало. Промежутки между этими камнями покрыты пашнями, которыя, во время нашего путешествія (отъ долговременной засухи), не представляли большой надежды на богатую жатву.

Хижины поселянъ разсѣяны по полямъ и не составляютъ, какъ у насъ, отдѣльныхъ селеній. Въ нихъ вообще видна опрятность. Но архитектура ихъ не живописна и не имѣетъ никакого особеннаго характера: крутыя кровли (соломенныя или тесовыя); стѣны изъ обтесанныхъ бревенъ; довольно большія окна, отъ которыхъ внутри хижинъ, должно-быть, всегда свѣтло и, слѣдственно, весело—и, вообще, всѣ стѣны снаружи выкрашенныя темнокирпичною краскою (сберегающею ихъ отъ дѣйствія внѣшней температуры), отчего хижины мало отдѣляются отъ окружающаго ихъ ландшафта, и тогда только бываютъ очень замѣтны, когда въ нихъ ярко свѣтитъ солнце. Жители этихъ хижинъ вообще красивой наружности. Они привѣтливы. Въ ихъ обращеніи чувствительно какое-то непринужденное доброжелательство и простодушіе (сколько можно судить объ этомъ тому, кто, не зная ихъ языка, не могъ съ ними завести разговора). Особенно, между женщинами множество прекрасныхъ, бѣлокурыхъ, съ голубыми, часто весьма выразительными глазами. (Это особенно было замѣтно въ городахъ, окна часто составляли рамы живыхъ картинъ—и въ каждой изъ этихъ рамъ являлась группа изъ пяти или шести лицъ, между коими всегда половина была прекрасныхъ.)

II. Между этими скалами, по этимъ полямъ и лѣсамъ, проложены прекрасныя дороги. Ихъ содержать въ исправности нетрудно. Матеріалъ для этого почти вездѣ подъ рукою. Но онѣ вездѣ очень узки, и отъ неровности мѣстъ, отъ множества камней, повсюду разбросанныхъ, вьются какъ змѣи. По этимъ излучистымъ, узкимъ дорогамъ, на коихъ нигдѣ нѣтъ перилъ, маленькія шведскія лошади несутся съ тобою во весь опоръ, и подъ гору быстрѣе, нежели по ровному мѣсту. Почтовая ѣзда учреждена здѣсь особеннымъ образомъ. На станціяхъ нѣтъ лошадей. Эти станціи служатъ для нихъ сборнымъ мѣстомъ на случай проѣзда путешественника, который (если онъ ѣдетъ въ своемъ экипажѣ) долженъ имѣть и свою сбрую и своего кучера—и этотъ кучеръ одинъ служитъ ему на все его путешествіе. Впередъ отправляется нарочный, по наряду котораго собираются на станціяхъ въ назначенный часъ нужныя лошади. Эти лошади крестьянскія, непривыкшія къ большимъ экипажамъ и неизвѣстныя тому, кто долженъ ими править. Несмотря на то, онъ бодро садится на козлы и погоняетъ безъ милосердія свою четверню или шестерню (смотря по экипажу), не заботясь о томъ, по ровному ли мѣсту онъ скачетъ, или подъ гору. Иногда, при началѣ спуска, не знаешь, что подъ горою: оврагъ или рѣка, есть ли мостъ, нѣтъ ли встрѣчнаго; лошади скачутъ, кучеръ погоняетъ, и говорятъ, что здѣсь неслыхано, чтобы кто-нибудь былъ опрокинутъ. А за коляской сидитъ хозяинъ лошадей, а иногда два или три (если экипажъ запряженъ четверкою или шестеркою). Они висятъ сзади, какъ мѣшки, уцѣпившись одинъ за другого, и такимъ образомъ болтаются до смѣны, гдѣ имъ возвращаютъ ихъ лошадей и платятъ за проѣздъ.

III. Особенную красоту шведской природы составляютъ великолѣпныя озера, тамъ повсюду разсыпанныя. Зрѣлище, представляющееся на этихъ озерахъ, весьма сходно съ тѣмъ, которое представляетъ вся окружающая ихъ сторона. Вмѣсто зеленыхъ полей вообразите только равнину водъ, и вы увидите надъ водами тѣ же группы камней и скалъ, которыя являются между полями, составляя на сушѣ каменныя, покрытыя елями и соснами возвышенія, отдѣльные голые или лѣсистые холмы—или просто отвалившіеся, Богъ знаетъ откуда, скалы; а посреди озера большіе и малые острова—то отлогіе, то крутые, то лѣсистые, то голые и торчащіе изъ-подъ скалы, или отдѣльные, или набросанные странными грудами. Эти озера прелестны; но ихъ нельзя сравнивать ни съ озерами Швейцаріи и Тироля, ни съ озерами Италіи.

Озеро Меларнъ самое живописное изъ большихъ озеръ Швеціи. Особенную прелесть даютъ ему излучины его гранитныхъ береговъ, покрытыхъ елями, соснами и березами, некрутыхъ и даже неразнообраз-

ныхъ, но придающихъ озеру какую-то оригинальную живописность тѣмъ, что они то стѣсняются—и озеро представляетъ тогда широкую рѣку между лѣсистыми берегами, то расходятся—и тогда передъ глазами прекрасная равнина водъ, усыпанная большими и малыми островами, которые своими живописными группами составляютъ отличительный характеръ Меларна передъ другими большими озерами Швеціи. При свѣтѣ солнца, особливо въ тихую погоду, эти острова составляютъ зрѣлище очаровательное. Иногда видишь густую рощу, которой вѣтви наклоняются до поверхности воды, и которая подымается изъ озера огромною зеленою массою, скрывая отъ глазъ свое гранитное основаніе. Иногда разсыпана по водамъ группа гранитныхъ округленныхъ скалъ: иныя голы, иныя покрыты густымъ кустарникомъ, на иной торчитъ всего-на-все одна ель, какъ-будто уцѣпившаяся за нее своими корнями, чтобы спастись отъ бури. Иногда совсѣмъ не видно гранита, а видно нѣсколько деревьевъ, выходящихъ изъ воды и какъ-будто выросшихъ на влажной ея поверхности. Все это оживлено лодками и судами, коихъ распущенные паруса величаво поднимаются между группами малыхъ островов, или прелестно бѣлѣютъ на темномъ грунтѣ лѣсистаго берега. Повсюду, по берегамъ, входящимъ въ озеро длинными мысами, или принимающимъ его въ себя глубокими заливами, мелькаютъ за́мки, церкви, крестьянскіе дома.

IV. На берегу Меларна, въ глубинѣ одного изъ заливовъ, весьма живописно лежитъ старинный за́мокъ Гринсгольмъ, замѣчательный и своею архитектурою и своими историческими воспоминаніями. Мы пріѣхали въ него почти въ семь часовъ вечера. На пути туда преслѣдовала насъ ужасная гроза съ проливнымъ дождемъ. Но она утихла скоро, и небо было ясно, когда мы вступали въ древнія стѣны Гринсгольма. Наконецъ, я глазами увидѣлъ одинъ изъ тѣхъ шведскихъ за́мковъ, о которыхъ такъ много было разсказано моему воображенію *во время оно*. Шведскіе за́мки, возвышающіеся на берегу озеръ, посреди лѣсистыхъ скалъ, имѣютъ особенную репутацію: въ каждомъ гнѣздится привидѣніе. Гринсгольмъ по своей наружности болѣе другихъ достоинъ былъ такой славы. Стѣны его составляютъ неправильный многоугольникъ. По угламъ возвышаются башни. Внутри стѣнъ два тѣсныхъ двора также неправильной фигуры. Внѣшній дворъ замѣчателенъ для насъ особенно тѣмъ, что посреди его стоятъ двѣ пушки, отнятыя шведами у русскихъ въ 1581 году, и вылитыя русскимъ мастеромъ Андреемъ Чоховымъ, одна въ 7085, а другая въ 7087 году отъ с. м. Подъ сводомъ воротъ, ведущихъ на этотъ дворъ, есть тѣсная дверь, черезъ которую спускаешься въ мрачное подземелье. Тамъ въ стѣнѣ есть узкая, низкая, совершенно темная келья съ тяжелою дверью. Въ этой кельѣ умеръ отъ голода брошенный въ нее епископъ (какъ его звали, теперь не вспомню).

Мы всѣ собрались въ старинной залѣ, въ которой, во время Густава Вазы, построившаго за́мокъ (то-есть въ половинѣ XVI вѣка), собирались сановники Швеціи, гдѣ король пировалъ съ многочисленными гостями, и гдѣ вокругъ стола его, великолѣпно убраннаго, тѣснилась, по тогдашнему обычаю, толпа зрителей. Эта палата имѣла для моего воображенія особенную прелесть тѣмъ, что въ ней все сохранилось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при великомъ Густавѣ: огромныя окна съ широкими простѣнками; деревянныя панели весьма высокія, окружающія всю залу; стѣны, обвѣшанныя портретами королей шведскихъ во весь ростъ; мѣсто для оркестра и для буфета; штучный, деревянный рѣзной потолокъ. Посреди этихъ древностей, мы, молодые и старые, пировали весело, и, можетъ-быть, изъ насъ кто-нибудь сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три вѣка передъ симъ старикъ Ваза пилъ изъ своего кубка, сидя между своими двумя сыновьями, которыхъ судьба дала такую трагическую знаменитость за́мку Гринсгольму.

За столомъ сказали мнѣ, что изъ всѣхъ комнатъ за́мка, та, именно, которая была отведена мнѣ для ночлега, была особенно предпочитаема тѣми привидѣніями, кои издавна выбрали его мѣстомъ своего пребыванія. Это заставило меня задуматься—и то, что насъ окружало, получило въ глазахъ моихъ какую-то сверхъестественную таинственность. Вдругъ смотрю на зрителей (которые за нашими стульями составляли какую-то живую, подвижную картину, надъ которою огромные старинные портреты подымались неподвижнымъ фронтомъ и представляли рядъ безмолвныхъ зрителей, какъ-будто пришедшихъ съ того свѣта узнать, что дѣлаетъ поколѣніе нашего вѣка)—и что же вижу! Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутые на длинный носъ, смотритъ на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что, казалось, не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостья, не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью.

Вотъ мы отужинали. Но прежде, нежели разошлись, пошли осматривать старинныя комнаты за́мка—и между ними замѣтили особенно ту, которая служила тюрьмою Іоанну, сыну Густава Вазы, заключенному въ ней братомъ, королемъ Эрикомъ XIV. Въ ней ничто не перемѣнилось; а для насъ былъ особенно замѣчателенъ въ ней тотъ нишъ, въ которомъ стояла постель супруги Іоанна. Здѣсь родился Сигизмундъ, бывшій послѣ королемъ польскимъ и игравшій такую бѣдственную роль въ смутныя времена Россіи. Но эта тюрьма есть великолѣпное зрѣлище въ сравненіи съ тою ужасною темницею, въ которой послѣ былъ запертъ Іоанномъ Эрикъ, лишенный имъ престола, потерявшій отъ горя разсудокъ, и потомъ брошенный въ ужасное подземелье, гдѣ, наконецъ, погибъ отъ яда. Въ этой тюрьмѣ всего-на-все одно узенькое окно, сквозь которое чуть виденъ лоскутокъ неба, сливающагося съ озеромъ въ отдаленіи. Передъ этимъ окномъ съ утра до вечера стоялъ заключенный Эрикъ, опершись на него локтемъ, которымъ вытеръ на кирпичѣ ямку, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ упиралась нога его, и теперь чувствительна впадина.

Наконецъ, мы разстались, и я пришелъ въ свою комнату, довольно приготовленный къ тому, что меня тамъ ожидало. Вотъ ея описаніе. Узенькая, недлинная лѣстница винтомъ идетъ въ переднюю, обвѣшанную старинными портретами, съ темною каморкой, гдѣ приготовлена была постель для моего человѣка. Изъ этой мрачной передней входъ въ круглую спальню съ двумя огромными окнами, идущими отъ потолка до полу. Но эти огромныя окна едва могутъ освѣщать комнату, ибо стѣны ея аршина въ три толщиною—и окна кажутся какъ-будто въ концѣ коридоровъ. Стѣны этой спальни также обвѣшаны огромными портретами, изъ которыхъ многіе новые, напримѣръ портреты императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. Зато другіе кажутся выходцами съ того свѣта. Особенно не понравились мнѣ два женскихъ портрета, которые оба показались списанными съ Берлинской *Бѣлой Женщины*. И всѣ эти портреты смотрятъ на тебя пристально, такъ-что никуда нельзя обратить головы, не встрѣтивъ мертвыхъ, вытаращенныхъ на тебя глазъ. Въ простѣнкѣ зеркало, въ которомъ темно и пусто. На столѣ другое зеркало, въ которомъ такая же темнота и пустота. Противъ зеркала огромная, длинная печь, изъ темныхъ кафель, похожая на неподвижнаго великана съ отрубленной головой, въ черной мантіи. Противъ оконъ глубокій темный альковъ съ старинною кроватью—и въ ногахъ этой кровати маленькая потаенная дверь, ведущая, Богъ знаетъ куда, ибо, отворивъ ее, увидѣлъ я передъ собою мрачный, длинный, узкій каменный коридоръ со сводомъ, изъ котораго такъ и повѣяло на меня сыростію могилы. Къ довершенію всего, на этой потаенной дверцѣ виситъ портретъ, на который нельзя взглянуть не содрогнувшись: лицо какъ-будто какого-то старика—но какія черты

его? и видишь ихъ и нѣтъ: зато поражаютъ тебя глаза, въ которыхъ явственны одни только бѣлки, и эти бѣлки какъ-будто кружатся и все за тобою слѣдуютъ.

Такова была храмина, приготовленная мнѣ для почлега въ за́мкѣ Грипсгольмѣ. Вотъ я раздѣлся. Человѣкъ мой ушелъ, заперся въ своей каморкѣ, и скоро его храпѣніе возвѣстило мнѣ, что онъ погрузился въ глубокій сонъ. Я остался одинъ—и, по своему обыкновенію, началъ ходить по комнатѣ, куря свою сигару. Чувствительно было, что въ за́мкѣ все мало-по-малу засыпало. Нѣсколько разъ слышались голоса—они замолчали. Нѣсколько разъ слышались шаги идущихъ черезъ дворъ или по лѣстницамъ, или двери стучали затворяясь—наконецъ, все это умолкло; стало совершенно тихо. Я слышалъ одни только собственные шаги свои, со мной ходила моя тѣнь, то являлась передо мною, то слѣдовала сзади, то вдругъ протягивалась по потолку—и отъ этого въ темномъ зеркалѣ, на которое я иногда косился, замѣтно было какое-то движеніе.

Было уже за полночь. Ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, я подходилъ часто къ окнамъ. Передъ самыми окнами растутъ деревья. Сквозь нихъ видъ на озеро Меларнъ, которое вдали сливается съ горизонтомъ, и отъ этого кажется (особливо въ лѣтнюю, полусвѣтлую ночь), что за этими деревьями все оканчивается, и что за́мокъ стоитъ на краю пустого пространства. И ночь была удивительно тиха. Ни малѣйшаго слѣда волны не было замѣтно на озерѣ. Можно было пересчитать листья, которые всѣ вырѣзывались на туманной бѣлизнѣ воды и неба и были совершенно неподвижны. Не помню, чтобы когда-нибудь прежде я имѣлъ такое полное, таинственное чувство тишины, которое въ то же время есть и глубокое чувство жизни. Удивительное молчаніе царствовало повсюду. Все вокругъ меня спало, кромѣ одного только паука, который работалъ въ окнѣ, то тихо опускался по длинной своей паутинкѣ, то быстро прялъ своими ножками, подымаясь вверхъ—и это движеніе безо всякаго шороха только-что увеличивало чувство всеобщаго спокойствія. Такимъ образомъ прогуливался я болѣе часу по своей комнатѣ.

Наконецъ, надобно было рѣшиться загасить свѣчу и лечь спать. Что же? Я подхожу къ своей постели... Но мнѣ надобно оставить перо до слѣдующаго письма, въ которомъ доскажу, что случилось со мною въ за́мкѣ Грипсгольмѣ.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

(1839.)

...Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ государь угостилъ свою армію. Палатою для пирующихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты монументъ Бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его, и Бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ немного. Опишу вамъ просто все, какъ было. Но прежде оглянемся назадъ. За 27 лѣтъ двѣ арміи стали на этихъ поляхъ одна передъ другою; въ одной Наполеонъ и всѣ народы Европы, въ другой одна Россія. Наканунѣ сраженія (25 августа) все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со звукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло прекрасно; вечеръ наступилъ безоблачный и холодный; ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры; наконецъ, армія заснула вся съ мыслію, что на другой день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ молчаніи и въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, полномъ звѣздъ и мирно распростертомъ надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула русская пушка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе. Описывать это сраженіе здѣсь не у мѣста, да я и не умѣлъ бы это сдѣлать, ибо не видалъ подробностей кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра, невидимо откуда, къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремѣло; огромные клубы дыма подымались на всемъ полукружіи горизонта, какъ-будто отъ повсемѣстнаго пожара, и, наконецъ, ужасною бѣлою тучею обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало-помалу отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты, сраженіе, до тѣхъ поръ не прерывавшееся ни на минуту, умолкло. Тутъ намъ велѣно было двинуться впередъ, и мы очутились на возвышеніи посреди арміи; вдали царствовалъ мракъ; все покрыто было густымъ туманомъ, смѣшавшимся съ дымомъ, и костры непріятельскихъ биваковъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя раскаленныя ядра. Но мы недолго остались на мѣстѣ; армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью. Вотъ то, что мои глаза видѣли здѣсь за 27 лѣтъ. Теперь на Бородинскомъ полѣ была картина иная. Батареи на высотахъ исчезли; по нимъ переливается жатва, и одинъ монументъ Бородинскій ими владычествуетъ. Теперь тамъ, гдѣ такъ храбро дрался Воронцовъ, потерявшій здѣсь почти всѣхъ людей своихъ, гдѣ погибъ Тучковъ, неотысканный между мертвыми, остались признаки укрѣпленій; но они служатъ подножіемъ церкви, построенной вдовою Тучкова на мѣстѣ погибели ея мужа, а вмѣсто пушекъ, тогда здѣсь гремѣвшихъ, являются тихія кельи монахинь. Здѣсь, наканунѣ праздника, встрѣтилъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ храбрыхъ генераловъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ товарищамъ своимъ то мѣсто, гдѣ за четверть вѣка бился; онъ самъ уже не узнавалъ его, и монахини служили ему провожатыми къ немногимъ остаткамъ тѣхъ окоповъ, на коихъ тогда пали его сослуживцы. Въ глазахъ заслуженнаго воина сверкали слезы: то были слезы глубокаго, возвышеннаго чувства. Какъ могло не разгорѣться сердце при вступленіи, послѣ столькихъ лѣтъ, послѣ столькихъ измѣненій и въ своей судьбѣ и въ судьбѣ народовъ, на то мѣсто, гдѣ вдругъ безъ прощанія надлежало разстаться съ такимъ мужествомъ храбрыхъ ближнихъ, гдѣ всѣ они лежатъ, смѣшавшихъ съ прахомъ земли, и гдѣ, вѣроятно, всѣ они ожили въ позднемъ воспоминаніи? На этомъ же мѣстѣ явился и другой храбрый воинъ Бородинскаго дня: онъ вошелъ въ церковь, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ царскими дверями, поклонился гробу Тучкова и положилъ на налой образъ, вѣроятно съ нимъ бывшій въ этомъ сраженіи, благодарною даніею Спасителю-Богу.

Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно, какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительна осенняя свѣжесть; теперь теплота наполняла воздухъ, и отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ подымалась столбами. Войска (около ста пятидесяти тысячъ) были рано по утру сведены на мѣста, имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, на коемъ *теперь* стоитъ памятникъ Бородинскій и у подошвы коего лежитъ Багратіонъ, на коемъ *тогда* происходила самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичъ, гдѣ раненъ Ермоловъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которое гремѣло болѣе двухсотъ Наполеоновыхъ пушекъ, гдѣ, наконецъ, всѣ перемѣшались въ рукопашной убійственной свалкѣ. Войска, видимыя съ вершины этого холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть стопятидесятитысячную армію, сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ дру-

гой подымались. Пѣхота была неподвижна; по ружьямъ сверкало солнце, и штыки ихъ казались блестящею, поднявшеюся щетиною огромнаго боевого чудовища Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось; конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами, какъ черная громовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ними особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, и этотъ гробъ, одинъ на землѣ Бородинской, величественно-тихій, въ виду арміи новаго поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно-живая природа съ такою любовію одѣла здѣсь своею свѣжею зеленью, своею благовонною жатвою. Друг с бородинскіе воины, еще находящіеся въ службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фрунтомъ внѣ ограды. Явился государь, проскакалъ мимо колоннъ; грянуло повсемѣстное *ура*, и вдругъ все утихло: отъ Бородина съ хоругвями и крестами потянулся ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы, и позади всѣхъ преосвященный митрополитъ московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу, передъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движенія, ни шороха; какъ-будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными жертвами, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ-будто бы мертвые вышли изъ праха, и, ставши въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ, этой минуты описать невозможно. И вдругъ изъ глубины этого чуднаго молчанія тихо поднялся гармоническій голосъ, раздалось повсюду: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!* Эта минутная гармонія какъ тихій ангелъ пролетѣла между небомъ и землею; она не нарушила молчанія, она не умолкла; она была чѣмъ-то таинственнымъ, чѣмъ-то всевыражающимъ, вдругъ совершившимся вѣдомо и невѣдомо. Началось молебствіе; молитвы и пѣніе отъ подошвы памятника доходили до войска. Какая умилительная противоположность съ тѣмъ громомъ битвы, отъ котораго здѣсь, за четверть вѣка, земля трепетала. Вдругъ раздался звучный голосъ государя; услышали команду его: *смирно!* Съ глубокою, повсемѣстною тишиною соединилось повсемѣстное ожиданіе, и въ это мгновеніе первосвятитель возгласилъ: *великому императору Александру Первому вѣчная память!* Тутъ всѣ пушки грянули однимъ залпомъ, вся армія грянула единогласно *ура!* Изъ-за всѣхъ колоннъ, по всѣмъ высотамъ поднялись тучи дыма, и долго въ этомъ дыму, незаглушаемый громомъ артиллеріи, но отъ него отличный, непрерывнымъ гуломъ звучалъ торжественный голосъ войска, составляя вмѣстѣ съ выстрѣлами какую-то несказанную, потрясающую сердце гармонію. И это *ура*, сперва всеобщее по всѣмъ колоннамъ, умолкая на одномъ концѣ ихъ, начиналось на другомъ, опять сливалось въ одинъ повсемѣстный крикъ, снова прерывалось и снова гремѣло, и, наконецъ, только по данному императоромъ знаку мало-по-малу замолкло. И только эта одна минута повторила то, что здѣсь случилось въ день Бородинскаго боя: въ залпѣ пушекъ и крикѣ арміи мы услышали послѣдній отголосокъ тогдашней битвы, но этотъ отголосокъ былъ—*слава!* Опять все умолкло; начался благодарственный молебенъ; армія пала на колѣна; запѣли: *Тебе Бога хвалимъ!* Первосвятитель окропилъ памятникъ святою водою; потомъ священники съ хоругвями и крестами пошли обратно мимо арміи, и скоро ихъ свѣтлый строй и кресты и хоругви исчезли въ отдален'и. Колонны поколебались; государь впереди ихъ проѣхалъ мимо памятника; отдавъ ему честь, остановился передъ нимъ, и вся армія прошла мимо его въ удивительномъ порядкѣ; но страшная туча пыли отъ нея подымалась, какъ-будто напоминая о дымѣ Бородинскаго боя. Наконецъ, все опустѣло, все утихло; чудесное видѣніе кончилось: остался одинъ Бородинскій памятникъ съ Багратіоновымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ, и кругомъ ихъ спокойные холмы, одѣтые жатвою.

Здѣсь, кажется мнѣ, умѣстно повторить то, что было мною сказано при открытіи Александрова монумента; событія одни и тѣ же; и мысли, ими пробуждаемыя, однѣ и тѣ же... „*И крестъ, вѣнчающій этотъ памятникъ битвы* (на колоннѣ Александровой стоитъ крестоносный ангелъ), не то ли онъ знаменуетъ, *что дни боевого созданія* для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время *созданія мирнаго*; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый, великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ югомъ на богатую Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройного народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ нѣкогда создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею царемъ ея въ семъ *крестоносномъ памятникѣ* на полѣ битвы, а имя его: *Божія правда!*“

Вечеръ этого дня провелъ я въ лагерѣ. Тамъ сказали мнѣ, что наканунѣ въ арміи многіе повторяли моего „*Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ*“, пѣсню, современную Бородинской битвѣ: признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца; но въ этомъ чувствѣ не было авторскаго самолюбія. Жить въ памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здѣшней жизни. Но меня вспомнили *заживо*; новое поколѣніе повторило давнишнюю пѣсню мою на гробѣ минувшаго. Это еще болѣе разогрѣло мое устарѣвшее воображеніе, въ котомъ шевелился уже прежній огонекъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день. А живой разговоръ съ княземъ Голицынымъ (Николай Борис.), съ которымъ я встрѣтился въ лагерѣ, и который своимъ поэтическимъ языкомъ доказывалъ мнѣ, что пѣвцу русскихъ воиновъ, въ теперешнемъ случаѣ, должно помянуть времена прошлыя, далъ сильный толчекъ моимъ мыслямъ. Возвратясь изъ лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ половину моей новой Бородинской пѣсни, на другой день на переѣздѣ изъ Бородина въ Москву кончилъ ее; она была немедленно напечатана; экземпляры отосланы въ лагерь, и эта пѣсня прочитана была въ арміи на праздникѣ Бородинскаго помѣщика. И такъ привелъ Богъ, по прошествіи четверти вѣка, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ молодости душа испытала высокое чувство, повторить то же, что было въ ней тогда, но уже не въ тѣхъ обстоятельствахъ. Чего, чего ни случилось въ этотъ промежутокъ времени между кровавымъ сраженіемъ Бородинскимъ и мирнымъ, величественнымъ его праздникомъ! Съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ я въ этотъ день на нашего молодого, цвѣтущаго Бородинскаго помѣщика, который на праздникѣ русскаго войска былъ главнымъ представителемъ поколѣнія новаго. Мнѣ довелось одному изъ первыхъ встрѣтить его въ этомъ

свѣтѣ, и потомъ въ Кремлѣ, у колыбели его, тамъ, гдѣ была колыбель Петра, пророчить его будущее. Тогда говорилъ я его благословенной матери:

Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина его прекрасенъ сонъ
И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ о немъ сказала,
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша,
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля,
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцовъ могучая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ,
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой;
Наставленный достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, сподвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...

Эта часть пророчества во многомъ исполнилась. Да исполнится и остальная!

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ;
Для блага *всѣхъ*—*свое* позабывать;
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать—
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Но за исполненіе этой послѣдней части пророчества порукою *тотъ*, который теперь воспитываетъ примѣромъ своимъ наслѣдника Россіи и царскаго надъ нею могущества. Мнѣ, однако, уже не видать совершенія всѣхъ надеждъ, стихами моими изображенныхъ. Дай Богъ закрыть глаза съ отрадною мыслію, что мое отечество продолжаетъ благоденствовать подъ державою своего нынѣшняго славнаго императора, и съ сладкою надеждою, что еще долго онъ останется съ вами, не утративъ ни одного изъ сокровищъ сердца, услаждающихъ для него бремя власти...

ИЗЪ ФРАНКФУРТА-НА-МАЙНѢ.

(1840 г.)

$^{4}/_{16}$ іюня, въ 5 часовъ пополудни, государь императоръ прибылъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ вмѣстѣ съ государынею императрицею. Ихъ величества на пути своемъ изъ Берлина посѣтили Веймаръ, а государь наслѣдникъ отправился прямо изъ Берлина въ Дармштадтъ, и прибывъ туда прежде возвращенія принцессы Маріи изъ Мюнхена, успѣлъ встрѣтить высокую невѣсту свою на дорогѣ и вмѣстѣ съ нею обратно пріѣхать въ Дармштадтъ, 16 числа. Принцесса Марія, вмѣстѣ съ его королевскимъ высочествомъ великимъ герцогомъ, съ наслѣднымъ принцемъ, съ принцами Карломъ, Александромъ и Эмилемъ, прибыли изъ Дармштадта во Франкфуртъ, и остановились въ дармштадскомъ домѣ, неподалеку отъ Hôtel de Russie, приготовленнаго для императора и императрицы, а государь наслѣдникъ, между тѣмъ, поѣхалъ навстрѣчу къ ихъ величествамъ, въ Ганау. Въ пять часовъ они всѣ прибыли во Франкфуртъ, и государь императоръ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, немедленно отправились на свиданіе съ принцессою Маріею и съ ея семействомъ. По возвращеніи ихъ, ея величество императрица послала объявить принцессѣ, что готова принять ее, и черезъ нѣсколько минутъ свиданіе ихъ совершилось. Государь императоръ встрѣтилъ невѣсту наслѣдника своего при выходѣ ея изъ кареты, взвелъ ее на лѣстницу, и самъ представилъ императрицѣ, которая обняла ее, какъ дочь давно любимую. Сія минута, столь рѣшительная для царскаго семейства, была вполнѣ счастлива: ни малѣйшая принужденность не возмутила ея чистой радости; вдругъ, безъ всякаго усилія, сердца́ породнились; и этотъ союзъ, однимъ мгновеніемъ совершенный, останется твердымъ на всѣ остальные годы жизни.

Обстоятельства, предшествовавшія сей минутѣ, имѣютъ особенную высокую значительность. Принужденная покинуть Россію для возстановленія своего здоровья, государыня императрица веселилась надеждою провести нѣсколько ясныхъ и спокойныхъ дней посреди родныхъ своихъ. Вмѣстѣ съ государемъ императоромъ достигла она до Варшавы, гдѣ надлежало имъ разлучиться. Здѣсь въ первый разъ доходитъ до нея вѣсть о смертельной болѣзни отца. Она спѣшитъ въ Берлинъ, почти безъ надежды застать его. Но Провидѣніе вмѣстѣ съ великою печалію приготовило для души ея и великое благо: послѣ зрѣлища прекрасной жизни нѣтъ на землѣ ничего величественнѣе зрѣлища прекрасной смерти. Это величіе представилось взорамъ дочери во всей восхитительной чистотѣ своей на смертномъ одрѣ родительскомъ. Какъ праведникъ кончилъ дни свои Фридрихъ Вильгельмъ III, и какъ бы въ награду за 43 года чистѣйшей добродѣтели на тронѣ, Провидѣніе даровало ему все, чего сердце, прощаясь съ жизнію, можетъ желать въ послѣднія минуты свои. Взглядъ его на прошедшее былъ безмятеженъ: тамъ передъ глазами его простиралась долголѣтняя жизнь безъ пятна и упрека; взглядъ на будущее былъ ободрителенъ: тамъ, еще невидимое, но уже близкое, было ощутительно присутствіе Бога-Искупителя, которому онъ былъ вѣренъ и въ помышленіяхъ и въ дѣлахъ своихъ; а настоящее, хотя уже мгновенное, было для него полно отрады: все, что любилъ онъ на свѣтѣ, было передъ нимъ, и болѣзнь не лишила его возможности насладиться присутствіемъ покидаемыхъ: глаза его могли еще узнавать милыя лица, родные голоса были еще ему внятны, и языкъ и рука его могли благословлять. Приготовясь молитвою къ сей великой минутѣ, какъ бы къ святому причастію, и дѣти и внуки стояли на колѣнахъ передъ постелью умирающаго; не было отсутствующаго: всѣ были налицо. Самъ государь императоръ, вызванный изъ Варшавы императрицею, во́время прибылъ въ Берлинъ, дабы занять свое мѣсто въ этомъ семейномъ кругу (онъ былъ узнанъ и ему сказано было нѣжное прощальное слово); наконецъ, посреди сихъ молящихся дѣтей, пришелъ ангелъ смерти, разрѣшилъ ожиданную его душу, и тихо съ нею удалился. Назвать ли это смертію? Слово утрата прилично ли такому блаженному переходу отъ темной земли къ свѣтлому небу? Разлука ли это, или сладостное подтвержденіе нашихъ надеждъ на свиданіе и на неразлучность? И тѣ, кому дано было вкусить подобную минуту въ жизни, назовутъ ли ее обыкновеннымъ именемъ несчастія, тогда какъ, сама по себѣ, она есть представитель всего, что намъ дорого и свято и на землѣ и за землею, когда воспоминаніе о ней есть одно изъ вѣрныхъ сокровищъ, собираемыхъ въ жизни, которой ежедневныя, желанныя блага такъ незначительны и непрочны! И кто изъ тѣхъ, кому знакома высокая, твердая душа русской императрицы, не поблагодаритъ за нее Бога, освятившаго ея душу подобнымъ воспоминаніемъ? Обогащенная такимъ сокрови-

щемъ, принятымъ въ горькихъ слезахъ, но съ дѣтскимъ смиреніемъ, отъ руки Промысла (котораго тайное содѣйствіе было здѣсь такъ очевидно), покинула государыня Берлинъ, оставивъ супруга и сына отдать послѣдній долгъ священному праху отца. Облобызавши гробъ Фридриха Вильгельма III, вѣрнаго друга на тронѣ, надежнаго сотрудника въ дѣлѣ общаго блага, подавши руку на такое же вѣрное сотрудничество его преемнику, достойному стать на его мѣстѣ, государь императоръ соединился въ Веймарѣ съ ея величествомъ императрицею. И тутъ, какъ бы въ облегченіе того бремени, которое пало на сердца ихъ, начинается рядъ ощущеній иного рода. Кончиною отца, какъ-будто завѣсою таинственною, вдругъ опустившеюся съ неба, вся прошедшая жизнь императрицы отдѣлилась отъ настоящаго. И что же? Въ эту самую минуту, столь рѣшительную, столь полную скорби и Провидѣнія— она должна вдругъ обратить глаза свои на будущее, которое посреди этого мрака души, неземною печалію возвеличенной, является радостнымъ, какъ ясная молодость: ее ждетъ невѣста сына, и она всрѣтитъ ее теперь уже не одна, а вмѣстѣ съ государемъ, котоный такъ неожиданно, такимъ печальнымъ путемъ, не своею, а высшею волею, приведенъ къ сей радострой встрѣчѣ. Во всемъ этомъ не заключается ли чего-то глубокозначительнаго, вселяющаго благоговѣйную вѣру въ будущее? Послѣ великаго горя, принятаго съ покорностію и молитвою, душа наша не становится ли достойнѣе всякой новой чистой радости? И первая не можетъ ли быть принята отъ руки испытующаго Промысла, какъ ручательство за вѣрность послѣдней, столь непосредственно вслѣдъ за нею ниспосланной? Такая умилительная мысль не могла не представиться тому, кто былъ свидѣтелемъ сего трогательнаго перваго свиданія между цвѣтущею невѣстою и будущимъ ея семействомъ. Да исполнитъ же Провидѣніе это предзнаменованіе, имъ самимъ устроенное! Какъ ясный ангелъ радости смѣняетъ она того величественнаго ангела скорби, котораго ея будущій отецъ, ея будущая мать, ея молодой женихъ столь недавно встрѣтили съ такимъ смиреннымъ благоговѣніемъ; и пусть будетъ она для нихъ на все время жизни тѣмъ же, чѣмъ была въ эту первую минуту встрѣчи: услажденіемъ горя минувшаго, радостію дней настоящихъ, вѣрнымъ залогомъ счастія въ будущемъ.

О КОНЧИНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ.

(Изъ письма къ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 1844 г.)

Итакъ, Богу угодно было изъ двухъ чашъ испытанія выбрать ту, которую должны испить отецъ и мать; а чаша дочери *прошла мимо* вмѣстѣ съ ея земною жизнію; итакъ, нашъ ангелъ земной сталъ ангеломъ небеснымъ; итакъ, въ немногіе мѣсяцы болѣзни, перенесенной съ терпѣніемъ чистой души, милосердіе Божіе соединило все, что испытываетъ человѣкъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и молодая душа вдругъ созрѣла терпѣніемъ, вдругъ стала готова для новой жизни въ дому Отца, вдругъ перелетѣла туда легкая, свѣтлая, безъ всякаго здѣшняго бремени. И въ послѣднюю минуту здѣшнюю Богу угодно было даровать ей, какъ-будто въ награду за все, лучшую радость земную, радость матери; она слышала голосъ своего младенца, и этимъ милымъ голосомъ сказалась ей смерть; сынъ родился какъ-будто только для того, чтобы позвать за собой на небо мать, и въ крикѣ его, въ этомъ призваніи смерти, выразилось для нея все: и таинство разлуки съ покидаемыми, которая не иное что, какъ узы тѣснѣйшія, и радость совокупной жизни съ родной душою, не испытавшей превратностей земного, но получившей въ первую и единственную здѣшнюю минуту всѣ права на жизнь вѣчную—сколько здѣсь великаго, умиляющаго сердце, святого!

Въ благоговѣніемъ передъ материнскою скорбію пишу эти строки. Не знаю, какъ выразить мнѣ теперешнее чувство—я назвалъ бы его молитвою. Я не смѣлъ писать, когда уже все еще было въ нерѣшимости. Теперь же, когда уже все рѣшено и когда Богъ изъявилъ Свою волю, осмѣливаюсь сказать и мое горестное слово. Но что сказать? Можно только стать на колѣна и прославить Бога, посылающаго благодать страданія тѣмъ, кого онъ хочетъ Себѣ присвоить. Если самыя лучшія, самыя высокія минуты наши суть тѣ, въ которыя мы живѣе чувствуемъ себя въ присутствіи Бога и Его присутствіе въ нашемъ сердцѣ; если и цѣль нашей жизни не иная, какъ постоянное пребываніе въ этомъ присутствіи, съ смиреннымъ признаніемъ высшей воли, съ совершеннымъ уничтоженіемъ передъ нею нашей собственной; если всѣ наши дѣйствія, все, что съ нами случается и добраго и злого, всѣ наши надежды и радости, если все это можно выразить, объяснить и привести въ прекрасное устройство однимъ словомъ: *да будетъ воля Твоя!* то гдѣ живѣе, сильнѣе, убѣдительнѣе и отраднѣе раздается и понимается это слово, какъ не въ сердцѣ отца и матери въ ту минуту, какъ смерть передаетъ Отцу небесному земное дитя ихъ. Пока длится тяжелая борьба послѣдняя, сердце проситъ: да пройдетъ чаша мимо! и любовь, всегда болѣе или менѣе своекорыстная, силится удержать свое сокровище по сю сторону гроба; но когда смерть—не смерть, разрушитель бытія, а воля Божія въ видѣ смерти—взяла свое, все измѣняется, все становится тихо, вѣрно, даже усладительно, ибо въ нашей утратѣ видѣли мы Бога лицомъ къ лицу; и не гробъ беретъ наше милое—нѣтъ, онъ беретъ только то, что видѣли глаза; но то, что любила душа, то въ ней и хоронимъ мы навсегда не мертвымъ тлѣніемъ, но вѣчно-живымъ воспоминаніемъ; и это воспоминаніе не есть тоска о томъ, чего уже нѣтъ и никогда не будетъ, а отрадная мысль о томъ, что живо и уже не подвержено никакой превратности, что болѣе наше, хотя мы его не видимъ и не слышимъ. Но эта *чувственная* разлука, это *невидѣніе и неслышаніе* только для насъ, остающихся здѣсь, это временная здѣшняя преграда, черезъ которую, однако, мы можемъ переступить вѣрою. Но для перешедшихъ въ жизнь вѣчную ни этой чувственной разлуки, ни этихъ преградъ не существуетъ, все это брошено въ гробъ съ ихъ прахомъ; а все духовное свободно—они къ намъ ближе, нежели когда-нибудь; для нихъ нѣтъ ни разстоянія, ни времени; они въ непосредственномъ союзѣ съ нами, и видятъ нашу душу, хотя для нашей и невидимы. Это вѣрно не потому только, что мы этому вѣримъ, но и потому, что это составляетъ сущность души, отъ всего здѣшняго освобожденной. Въ чистой душѣ, которую смиренное страданіе и смерть вполнѣ присвоили Богу, не изглаживается любовь земная, но отъ этой любви сохраняется только то, что въ ней было свято; все своекорыстное отъ нея отпадаетъ и ничто не нарушаетъ ея свѣтлой тишины, кромѣ какъ если въ душѣ, ей на землѣ принадлежащей, скорбію объ утратѣ возмущается преданность въ волю Божію, что, конечно, должно отзываться болѣзненно въ душѣ освобожденной и ясно постигнувшей пути Провидѣнія Божія... И такъ что же случилось? Что были эти страданія, которыя такъ мучили сердце отца и матери и съ ними всѣ сердца ихъ семьи домашней и народной? Это были привидѣнія, посреди которыхъ вѣрующему сердцу надлежало пробиться къ истинному Богу. Смерть разогнала ихъ; они пропали во гробѣ; Богъ явился и взялъ свое. Какъ сказать: ея не стало? Глаза не видятъ, ухо не слышитъ, но душа къ душѣ ближе. Пусть глаза плачутъ и слухъ жаждетъ милаго голоса, и руки ищутъ милой руки, и сердце, бѣдное, слабое сердце обо всемъ этомъ тоскуетъ—но душа, вѣрующая душа, торжествуй, благословляй, и печаль ея обратится въ радость, ибо другое имя этой печали есть—Богъ-Искупитель; она есть любовь, а любовь—сильнѣе смерти.

Всѣ эти мысли сами собою ко мнѣ тѣснятся, и

выражая ихъ передъ вами, смѣю думать, что вы найдете въ нихъ только жертву сердца, ищущаго для себя утѣшенія въ вашей скорби. Считаю незамѣняемою для себя утратою, что я былъ далеко въ то время, когда такое бѣдствіе постигло семейство царское, съ которымъ во все мое время я могъ раздѣлять однѣ только радости. Подобныя событія составляютъ истинное содержаніе нашей временной жизни; изъ тѣхъ воспоминаній, какія отъ нихъ сберегаетъ душа, скопляется наше существенное богатство—приданое души на жизнь грядущую. Мнѣ не далъ Богъ быть въ эти минуты близко васъ; но я угадывалъ, что должно было происходить въ душѣ вашей во все это время опыта; смѣю думать, что я понимаю, какова она и теперь, когда въ ней, какъ нѣкогда на крестѣ, послышалось слово Спасителя: *совершишася!* Да подкрѣпитъ Онъ ее Своею силою! А что вы должны употребить все на то, чтобы сохранилась ваша драгоцѣнная жизнь, это громкимъ голосомъ проповѣдуетъ вамъ та любовь народная, которую вновь испытали вы, опуская въ могилу милое дитя свое, ангела прелести для глазъ, ангела доброты для сердца, ангела чистоты для неба, котораго минутное пребываніе на землѣ останется намъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, подобнымъ благоуханію отъ кадила, котораго дымъ улетѣлъ съ нашею молитвою къ небу.

Мы всѣ молимъ Бога, чтобъ онъ, пославъ вамъ благодать страданія, послалъ вашему сердцу и благодать своего утѣшенія. Да сохранитъ онъ намъ долго, долго вашу жизнь, залогъ нашего общаго счастія.

ДВѢ КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

О БАСНѢ И БАСНЯХЪ КРЫЛОВА.

Что въ наше время называется баснею? Стихотворный разсказъ происшествія, въ которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываютъ или животныя, или твари неодушевленныя. Цѣль сего разсказа—впечатлѣніе въ умѣ какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой изъ общежитія, и, слѣдовательно, болѣе или менѣе полезной.

Отвлеченная истина, предлагаемая простымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ философа-моралиста, дѣйствуя на однѣ способности умственныя, оставляетъ въ душѣ человѣческой одинъ только легкій и слишкомъ скоро исчезающій слѣдъ. Та же самая истина, представленная въ дѣйствіи, и слѣдовательно пробуждающая въ насъ и чувство и воображеніе, принимаетъ въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣвается въ разсудкѣ сильнѣе и должна сохраниться въ немъ долѣе. Какое сравненіе между сухимъ понятіемъ, облеченнымъ въ простую одежду словъ, и тѣмъ самымъ понятіемъ, одушевленнымъ, украшеннымъ пріятностію вымысла, имѣющимъ отличительную, замѣтную для воображенія нашего форму?—Таковъ главный *предметъ* баснописца.

Дѣйствующими лицами въ баснѣ бываютъ обыкновенно или животныя, лишенныя разсудка, или творенія неодушевленныя. Полагаю, тому четыре главныя причины. Первая: *особенность характера*, которою каждое животное отличено одно отъ другого. Басня есть мораль въ дѣйствіи; въ ней общія понятія нравственности, извлекаемыя изъ общежитія, примѣняются, какъ сказано выше, къ случаю частному, и посредствомъ сего примѣненія дѣлаются ощутительнѣе. Тотъ міръ, который находимъ въ баснѣ, есть нѣкоторымъ образомъ чистое зеркало, въ которомъ отражается *міръ человѣческій*. Животныя представляютъ въ ней человѣка, но человѣка въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ съ нѣкоторыми свойствами, и каждое животное, имѣя при себѣ свой неотъемлемый постоянный характеръ, есть, такъ-сказать, *готовое* и для каждаго ясное изображеніе какъ человѣка, такъ и характера, ему принадлежащаго. Вы заставляете дѣйствовать волка—я вижу кровожаднаго хищника; выводите на сцену лисицу—я вижу льстеца или обманщика—и вы избавлены отъ труда прибѣгать къ излишнему объясненію. Второе: перенося воображеніе читателя въ новый мечтательный міръ, вы доставляете ему удовольствіе *сравнивать* вымышленное съ существующимъ (которому первое служитъ подобіемъ), а удовольствіе сравненія дѣлаетъ и самую мораль привлекательною. Третье: басня есть нравственный *урокъ*, который, съ помощью скотовъ и вещей неодушевленныхъ, даете вы человѣку; представляя ему въ примѣръ существа, отличныя отъ него натурою, и совершенно для него чуждыя, вы щадите его самолюбіе, вы заставляете судить безпристрастно, и онъ нечувствительно произноситъ строгій приговоръ надъ самимъ собою. Четвертое: *прелесть чудеснаго*. На ту сцену, на которой привыкли мы видѣть дѣйствующимъ человѣка, выводите вы могуществомъ поэзіи такія творенія, которыя въ существенности удалены отъ нея природою—чудесность, столь же для насъ пріятная, какъ и въ эпической поэмѣ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, духовъ, сильфовъ, гномовъ и имъ подобныхъ. Разительность чудеснаго сообщается нѣкоторымъ образомъ и той морали, которая сокрыта подъ нимъ стихотворцемъ; читатель, чтобы достигнуть до этой морали, согласенъ и самую чудесность принимать за естественное.

Напрасно приписываютъ изобрѣтеніе басни рабству, а честь сего изобрѣтенія отдаютъ въ особенности какому-то азіятскому народу. Не знаю, почему рабамъ приличнѣе употреблять иносказанія, нежели свободнымъ. Если невольникъ, опасаясь раздражить тирана, принужденъ скрывать истину подъ маскою вымысла, то человѣкъ свободный, въ угожденіе самолюбію—другого рода тирану и, можетъ-быть, еще болѣе взыскательному—не менѣе обязанъ украшать предлагаемое имъ наставленіе формою пріятною. Въ обоихъ случаяхъ положеніе моралиста одинаково. Что же касается до изобрѣтенія, то басня, кажется намъ, принадлежитъ не одному народу въ особенности, а всѣмъ вообще, равно какъ и всѣ другіе роды поэзіи. Вѣроятно, что прежде она была собственностію не стихотворца, а оратора и философа. И ораторъ и философъ, разсуждая о предметахъ политики и нравствености, употребляли, для большей ясности, сравненія и примѣры, заимствованные изъ общежитія или природы. Отъ простого примѣра, въ которомъ представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой съ предметомъ заимствованнымъ, легко могли перейти къ баснѣ, въ которой предлагаемая истина выводимая изъ *дѣйствія* вымышленнаго, но имѣющаго отношеніе къ дѣйствію настоящему и, такъ-сказать, заступающему его мѣсто (ибо, для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, дѣйствіе вымышленное должно быть принимаемо въ баснѣ (условно) за сбыточное, возможное, и какъ-будто въ самомъ дѣлѣ случившееся). Примѣръ объясняетъ мысль, но онъ сливается съ ея предложеніемъ и, такъ-сказать, въ немъ исчезаетъ. Басня есть нѣчто отдѣльное и цѣлое, она заключаетъ въ себѣ дѣйствіе для насъ привлекательное—отъ сей отдѣльности и цѣлости и самая мораль получаетъ характеръ отличительный; а, будучи выводима изъ дѣйствія привлекательнаго, сама становится для насъ привлекательнѣе.

Въ исторіи басни можно замѣтить *три* главныя эпохи: первая, когда она была не иное что, какъ простой реторическій способъ, примѣръ, сравненіе; вторая, когда получила бытіе отдѣльное и сдѣлалась однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истины для оратора или философа нравственнаго—таковы басни, извѣстныя подъ именемъ Эзоповыхъ, Федровы и въ наше время Лессинговы; третья, когда изъ области краснорѣчія перешла она въ область поэзіи, то-есть получила ту форму, которой обязана въ наше время Ляфонтену и его подражателямъ, а въ древности Горацію (Сатира VI, книга II). Древніе философы (древнихъ баснописцевъ надлежитъ скорѣе причислить къ простымъ моралистамъ, нежели къ поэтамъ) не сочиняли басенъ; они разсказывали ихъ при слу-

чаѣ, примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ или къ той истинѣ, которую доказать были намѣрены; они хотѣли не нравиться своимъ разсказомъ, а просто наставлять, и для того, употребляя басню, какъ способъ убѣжденія, менѣе заботились о формѣ ея, нежели о согласіи своего вымысла съ моральною истиною, изъ него извлекаемою, или тѣмъ случаемъ, заимствованнымъ изъ общежитія, которому онъ служилъ подобіемъ. Слѣдственно отличительнымъ характеромъ басенъ древнихъ должна быть краткость. Моралистъ, имѣя въ предметѣ запечатлѣть въ умѣ читателя или слушателя извѣстное правило практической морали, долженъ необходимо избѣгать всякой излишности въ разсказѣ—слѣдовательно всякое *украшеніе* почитать излишностію. Языкъ его долженъ быть самый простой и краткій—слѣдовательно проза (Федръ писалъ съ стихахъ, но его стихи отличны отъ простой прозы однимъ только размѣромъ); наконецъ, заставляя дѣйствовать скотовъ и тварей неодушевленныхъ, онъ долженъ употреблять ихъ какъ одни *аллегорическіе образы* тѣхъ характеровъ, которые намѣренъ изобразить—слѣдовательно, въ одномъ только отношеніи къ симъ характерамъ, а не давать каждому характера собственнаго, ему принадлежащаго, неотносительнаго, что отвлекло бы вниманіе отъ главнаго предмета, то-есть, отъ морали, и обратило бы его на принадлежность, то-есть, на тѣ аллегорическія лица, которыя входятъ въ составъ басни. Лучшимъ образцомъ такихъ басенъ могутъ быть, по мнѣнію моему, Лессинговы.—Но, сдѣлавшись собственностію стихотворца, басня перемѣнила и форму: что прежде было простою принадлежностію—я говорю о дѣйствіи—то сдѣлалось главнымъ и столь же важнымъ для стихотворца, какъ и самая мораль. Поэзію называютъ *подражаніемъ природѣ*; цѣль ея *нравиться* воображенію, образуя разсудокъ и сердце—слѣдовательно и баснописецъ-поэтъ необходимо долженъ, подражая той природѣ, которую беретъ за образецъ, *нравиться* воображенію своимъ подражаніемъ. Итакъ, въ баснѣ стихотворной я долженъ подъ личиною вымысла находить существенный міръ со всѣми его оттѣнками; животныя, герои басни, представляютъ людей; слѣдовательно они должны для воображенія моего сохранить не только собственный данный природою имъ образъ, но вмѣстѣ и относительный, данный имъ стихотворцемъ, такъ чтобы я видѣлъ предъ собою въ одномъ и томъ же лицѣ и животное и тотъ человѣческій характеръ, которому оно служитъ изображеніемъ, со всѣми ихъ отличительными чертами.—Баснописецъ-поэтъ составляетъ *одинъ фантастическій* міръ изъ *двухъ существенныхъ*: въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ заимствуетъ онъ характеры, свойства моральныя и самое дѣйствіе, въ другомъ одни только лица. Чего же я отъ него требую? Чтобы онъ плѣнялъ мое воображеніе вѣрнымъ изображеніемъ лицъ; чтобы онъ своимъ разсказомъ принудилъ меня принимать въ нихъ живое участіе, чтобы овладѣлъ и вниманіемъ моимъ и чувствомъ, заставляя ихъ дѣйствовать согласно съ моральными свойствами, имъ данными; чтобы волшебствомъ поэзіи увлекъ меня вмѣстѣ съ собою въ тотъ мысленный міръ, который созданъ его воображеніемъ, и сдѣлалъ на время, такъ-сказать, согражданиномъ его обитателей; и чтобы, наконецъ, удовлетворилъ разсудку моему какою-нибудь моральною истиною, которая не иное что, какъ цѣль, къ которой привелъ онъ меня стезею цвѣтущею. Таковы басни стихотворцевъ новѣйшихъ, и въ особенности Ляфонтеновы.

Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что басня (несмотря на Лессингово, нѣсколько натянутое, раздѣленіе) можетъ быть естественно: или *прозаическая*, въ которой вымыселъ безъ всякихъ украшеній, ограниченный однимъ простымъ разсказомъ, служитъ только прозрачнымъ покровомъ нравственной истины; или *стихотворная*, въ которой вымыселъ украшенъ всѣми богатствами поэзіи, въ которой главный предметъ стихотворца: запечатлѣвая въ умѣ нравственную истину, нравиться воображенію и трогать чувство.

Что же, спрашиваемъ, составляетъ совершенство басни? Въ прозаической—краткость, ясный слогъ, соотвѣтственность вымышленнаго происшествія той морали, которая должна быть изъ него извлекаема. Но стихотворная? Она требуетъ гораздо болѣе, и мы, чтобъ получить нѣкоторое понятіе о совершенствѣ ея, взглянемъ на того стихотворца, который, первый показавъ образецъ стихотворной басни, остался навсегда образцомъ неподражаемымъ—я говорю о Ляфонтенѣ. Опредѣливъ характеръ сего единственнаго стихотворца, мы въ то же время опредѣлимъ и истинный характеръ *совершенной* басни.

Нельзя, мнѣ кажется, достигнуть до надлежащаго превосходства въ семъ родѣ стихотворенія, не имѣвъ того характера, который находимъ въ Ляфонтенѣ, получившемъ отъ современниковъ наименованіе *добродушнаго*. Баснописецъ есть сынъ природы, предпочтительно предъ всѣми другими стихотворцами. Самый обыкновенный умъ способенъ украсить нравоученіе вымысломъ, вывесть на сцену скотовъ и дать языкъ вещамъ неодушевленнымъ—но будетъ ли въ произведеніяхъ его та прелесть, которую находимъ въ басняхъ и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ Ляфонтена? Чтобы принимать живое участіе въ тѣхъ маловажныхъ предметахъ, которые должны *овладѣть вниманіемъ* баснописца, и сдѣлать ихъ занимательными для самаго хладнокровнаго читателя, надлежитъ имѣть сію неискусственную чувствительность невиннаго сердца, которая привязываетъ его ко всѣмъ созданіямъ природы безъ изъятія; сію полноту души, съ которою бываемъ мы счастливы при совершенномъ недостаткѣ преимуществъ, доставляемыхъ и обществомъ и фортуною, съ которою мы веселы въ уединеніи, и заняты, не имѣя никакого дѣла; сіе расположеніе къ добру, съ которымъ все представляется намъ и въ обществѣ и въ природѣ прекраснымъ, потому что все бываетъ тогда украшено въ глазахъ нашихъ собственнымъ нашимъ чувствомъ; сію беззаботность, которая оставляетъ намъ полную свободу заниматься съ удовольствіемъ такими вещами, которыя для другихъ какъ-будто не существуютъ, или кажутся презрѣнными; сіе *простодушіе*, которое увѣряетъ насъ, что всѣ имѣютъ одинаковое съ нами чувство и всѣ способны принимать одинаковое съ нами участіе въ тѣхъ предметахъ, которые для насъ одни привлекательны; тогда вся природа наполнена для насъ существами знакомыми и любезными нашему сердцу; всѣ творенія составляютъ наше семейство—мы трогаемся судьбою увядающаго цвѣтка, раздѣляемъ заботливость ласточки, свивающей для малютокъ своихъ гнѣздо, наслаждаемся, внимая пѣнію пустыннаго соловья, и сожалѣемъ о немъ, будучи *искренно увѣрены*, что и онъ имѣетъ свои потери; чувства сіи живы, потому что душа, наполненная ими, будучи истинно непорочна, предается имъ съ младенческою беззаботностію, неразвлекаема никакимъ постороннимъ безпокойствомъ, никакою возмутительною страстію. Таковъ характеръ Ляфонтена. Можно ли жъ удивляться, что басни его имѣютъ для всѣхъ неизъяснимую прелесть? Ляфонтенъ разсказываетъ намъ о тѣхъ существахъ, которыя къ нему близки, и первый совершенно увѣренъ въ истинѣ своего разсказа. Подумаешь, что натура наименовала его историкомъ того міра, въ который онъ переселился воображеніемъ; онъ разсказываетъ съ чувствомъ о своей родинѣ; онъ хочетъ и васъ заставить полюбить ту сторону, которая ему такъ мила и знакома; онъ говоритъ съ вами не для того, чтобъ быть вашимъ наставникомъ, но для того, что ему весело говорить; не ищите въ басняхъ его морали—ея нѣтъ—но вы найдете въ нихъ его душу, которая вся изливается передъ вами въ прелестныхъ чувствахъ, въ простыхъ, для всякаго ясныхъ мысляхъ, безъ умысла, безъ искусства; вы слышите милаго младенца, исполненнаго высокой мудрости; научаясь любить его, становитесь сами и лучше и довольнѣе собственнымъ бытіемъ, и нечувствительно находите все вокругъ себя прекраснымъ. Читая Ляфонтена, замѣчаемъ въ душѣ своей то

чувство, которое обыкновенно производитъ въ ней присутствіе скромнаго, милаго, совершенно добродушнаго мудреца—она спокойна, счастлива, довольна и природою и собою. Съ такимъ единственнымъ характеромъ Ляфонтенъ соединялъ и дарованія поэта въ высочайшей степени. Что называю дарованіемъ поэта? Воображеніе, представляющее предметы живо и съ самой привлекательной стороны, способность изображать сіи предметы для другихъ приличными имъ красками, и такъ, чтобы они представлялись имъ съ такою же ясностію, съ какою и намъ самимъ представляются; способность (въ особенности необходимая баснописцу) разсказывать просто, пріятно, безъ принужденія, но разсказывать языкомъ стихотворнымъ, то-есть, украшая безъ всякой натяжки простой разсказъ выраженіями высокими, поэтическими вымыслами, картинами, и разнообразя его смѣлыми оборотами. Таковъ Ляфонтенъ въ своихъ басняхъ. Никто не умѣетъ столь непринужденно переходить отъ простого предмета къ высокому, отъ обыкновеннаго разсказа къ стихотворному, никто не имѣетъ такого разнообразія оборотовъ, такой живописности выраженій, такого искусства сливать съ простымъ описаніемъ остроумныя мысли или нѣжныя чувства. Найдите въ баснѣ: *Ястреба и Голуби* (Livre VII, Fable VIII) описаніе сраженія; читая его, можете вообразить, что дѣло идетъ о римлянахъ и германцахъ; такъ много въ немъ поэзіи; но тонъ стихотворца ни мало не покажется вамъ неприличнымъ его предмету. Отчего это? Оттого, что онъ воображеніемъ присутствуетъ при томъ происшествіи, которое описываетъ, и первый совершенно увѣренъ въ его важности: не мыслитъ васъ обманывать, но самъ обманутъ. Въ этой же баснѣ замѣтите вы удивительное искусство Ляфонтена: занимаясь однимъ предметомъ, изображать мимоходомъ предметы посторонніе и пріятные; онъ говоритъ о ястребахъ:

Certain sujet fit naître la dispute
Chez les oiseaux—non ceux que le printemps
Méne à sa cour et qui sous la feuillée,
Par leur exemple et leurs sons éclatants
Font que Vénus est en nous réveillée, и проч.

Вашему воображенію представляются первыя минуты весны: вы видите молодыя деревья, подъ которыми поютъ птицы, и со всѣмъ тѣмъ ваше вниманіе не отвлечено отъ главнаго предмета, ибо эта прелестная картина естественно сливается съ описаніемъ главнымъ. Далѣе, говоря о голубяхъ, Ляфонтенъ одною чертою изображаетъ и ихъ наружность и ихъ характеръ:

. . . . . Nation
Au col changeant, au coeur tendre et fidèle.

Въ первомъ полустишіи картина; въ послѣднемъ трогательное нѣжное чувство; стихотворецъ, изображая предметы, сообщаетъ вамъ и то пріятное расположеніе души, съ какимъ онъ самъ на нихъ смотритъ. Таково неподражаемое искусство Ляфонтена.

Изъ всего, что сказано выше, легко можно вывести общія правила для баснописца. Оставляя этотъ трудъ нашимъ читателямъ, мы обратимъ глаза на *Басни Крылова*, которыя подали намъ поводъ къ симъ разсужденіямъ (*изд. 1808 г., въ одной книжкѣ*). Чтобы опредѣлить характеръ нашего стихотворца, надлежитъ разсматривать басни его не съ той точки зрѣнія, съ какой обыкновенно смотримъ на басни Ляфонтена. Ляфонтенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясна: Ляфонтенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно стихотворныхъ картинъ, ни того характера *простоты*, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность заимствованное. *Разсказъ* принадлежитъ Ляфонтену: а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное. Крыловъ, напротивъ, занялъ у Ляфонтена (въ большой части басенъ своихъ) и вымыселъ и разсказъ: слѣдственно можетъ имѣть право на имя автора оригинальнаго по одному только искусству присвоивать себѣ чужія мысли, чужія чувства и чужой геній. Не опасаясь никакого возраженія, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ въ *прозѣ* есть рабъ; переводчикъ въ *стихахъ*—соперникъ. Вы видите двухъ актеровъ, которые занимаютъ искусство декламаціи у третьяго; одинъ подражаетъ съ рабскою точностію и взорамъ и тѣлодвиженіямъ образца своего; другой напротивъ, стараясь сравниться съ нимъ въ превосходствѣ представленія одинаковой роли, употребляетъ способы *собственные*, ему одному приличные. Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ *у себя въ воображеніи;* поэтъ-подражатель въ такой же степени воспламеняется образцомъ своимъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго: слѣдственно переводчикъ, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобрѣтателенъ въ *цѣломъ*, долженъ имъ быть непремѣнно по *частямъ*; прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ нисколько своего совершенства: что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находить у себя въ воображеніи такія красоты, которыя бы могли служить *замѣною*, слѣдовательно производить *собственное*, равно превосходное: не значитъ ли это быть творцомъ? И не потребно ли для того имѣть дарованіе писателя оригинальнаго? Замѣтимъ, что для переводчика басни оригинальность такого рода гораздо нужнѣе, нежели для переводчика оды, эпопеи и другихъ *возвышенныхъ* стихотвореній. Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сходство въ высокомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другого въ простомъ или, лучше сказать, въ простонародномъ. Оды и прочія возвышенныя стихотворенія могутъ быть переведены довольно близко, не потерявъ своей оригинальности; напротивъ, басня (въ которую, надобно замѣтить, входятъ и красоты, принадлежащія всѣмъ другимъ родамъ стихотворства) будетъ совершенно испорчена переводомъ близкимъ. Что жъ долженъ дѣлать баснописецъ-подражатель? Творить въ подражаніи своемъ красоты, отвѣчающія тѣмъ, которыя онъ находитъ въ подлинникѣ. А если онъ не имѣетъ ни чувства, ни воображенія того стихотворца, которому подражаетъ, что будетъ его переводъ? Смѣшная карикатура прекраснаго подлинника.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что Крыловъ можетъ быть причисленъ къ переводчикамъ искуснымъ, и потому точно заслуживаетъ имя стихотворца оригинальнаго. Слогъ басенъ его вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно, и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Ляфонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи—имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя; каждое дѣйствующее въ баснѣ его лицо имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные; читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ.

Лучшими баснями изъ XXIII, имѣющихъ каждая свое достоинство, почитаемъ слѣдующія: *Два Голубя*, *Невѣста*, *Стрекоза и Муравей*, *Пустынникъ и Медвѣдь*, *Лягушки, просящія царя*.

Два Голубя, басня, переведенная изъ Ляфонтена, кажется намъ *почти* столько же совершенною, какъ и басня Дмитріева того же имени: въ обѣихъ разсказъ равно пріятенъ; въ послѣдней болѣе поэзіи, краткости

и силы въ слогѣ; зато въ первой, если не ошибаемся, чувства выражены съ бо́льшимъ простодушіемъ.

Два Голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили:
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Въ этихъ шести стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространенъ одинъ прекрасный стихъ Ляфонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre,

но они вѣрно не покажутся никому излишними. Можно ли пріятнѣе себѣ представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ то, что называется замѣнить красоты подлинника собственными. Вы, конечно, замѣтили послѣдній, простой и нѣжный стихъ: Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть.

И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ—но они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ нѣжное чувство.

Хотите ли картинъ? Вотъ изображеніе бури въ одномъ живописномъ стихѣ:

Вдругъ въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Вотъ изображеніе опасности голубка́-путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пышитъ.

Въ Ляфонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ; но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ:

. . . . Quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Дмитріева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs—
Итакъ, благодаря стеченію воровъ—

стихъ, тѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ, мимоходомъ, одною чертою, напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намекать* принадлежитъ въ особенности Ляфонтену. Заключеніе басни прекрасно въ обоихъ переводахъ, съ тою только разницею, что Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Дмитріевъ перевелъ очень близко Ляфонтена и съ нимъ сравнился. Выпишемъ и тѣ и другіе:

Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ...
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей
Услугу лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро и бѣды и горе забываетъ.—
О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эту басенку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтеся не вдругъ:
Что́ бъ ни сулило вамъ воображенье ваше—
Не вѣрьте; той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая и гдѣ живетъ вашъ другъ.
— *Крыловъ.*

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ восхищайтесь;
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный.
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ—тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ...
Ни царства въ небесахъ... Придете ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить? *Дмитріевъ.*

Послѣдніе стихи лучше первыхъ—но должно ли ихъ и сравнивать? Крыловъ, не желая переводить снова, а, можетъ-быть, и не надѣясь перевести лучше то, что переведено какъ нельзя лучше, замѣнилъ красоту подлинника собственною. Заключеніе басни его (если не сравнивать его ни съ Ляфонтеновымъ, ни съ переводомъ Дмитріева) прекрасно само по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубка́-путешественника, не тронетъ ли васъ этотъ одинъ прекрасный и нѣжный стихъ:

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ.

Авторъ поставилъ одно имя дружбы въ противоположность живой картинѣ страданія и вы спокойны насчетъ печальнаго странника. Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію представить вамъ всѣ тѣ отрады, которыя найдетъ голубо́къ его, возвратившись къ своему другу. Здѣсь всякая подробность была бы излишнею и только ослабила бы главное дѣйствіе. Посредственный писатель, вѣроятно, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы наскучить читателю обыкновенными выраженіями чувства — но истинное дарованіе воздержнѣе: оно обнаруживается и въ томъ, что́ поэтъ описываетъ, и въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, полагаясь на чувство читателя. Послѣдніе три стиха прелестны своею простотою и нѣжностію.

Выпишемъ еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ прекрасное изображеніе моровой язвы:

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ, моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ: уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежь двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячѣ валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Такой же части ждя, чуть ходятъ полумертвы.
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой *той*:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ;
И пища имъ на умъ нейдетъ;
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Крыловъ занялъ у Ляфонтена искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя:

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы—

два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической поэмѣ.

Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ.

Здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но онъ не составляетъ непріятной противоположности съ поэтическою картиною язвы. А въ слѣдующихъ трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается нѣжное чувство:

Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Это переводъ, и самый лучшій, прекрасныхъ Ляфонтеновыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant plus de joie.

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который, однако, не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ,
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ утѣхъ!

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ; мы оставляемъ замѣтить въ нихъ красоты самимъ читателямъ.

Примѣръ разговора. Стрекоза пришла съ просьбою къ Муравью:

Не оставь меня, кумъ милой;
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй.
„Кумушка, мнѣ странно *это!*
Да работала ль ты въ *лѣто?*"
Говоритъ ей Муравей.
—До того ль, голубчикъ, было:
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило! и проч.

Лягушки просили у Юпитера царя — и Юпитеръ:
Далъ имъ царя—летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ;
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенёмъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ.
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ;
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь это былъ—осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто;
Чуть смѣютъ на него глядѣть онѣ—и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку.
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому не пригдядѣлся бъ свѣтъ,
То и онѣ—сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули;
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ,
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.—

Можно забыть, что читаешь стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какая поэзія! Я разумѣю здѣсь подъ словомъ *поэзія* искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными.

Что ходенёмъ пошло трясинно государство—
живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: *ходенемъ и трясинно*, прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ.

Въ послѣднемъ стихѣ, напротивъ, красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганье. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа. Смѣемъ даже утверждать, что здѣсь подраженіе превосходитъ подлинникъ; а это весьма много, ибо Ляфонтенова басня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ. Еще одинъ или два примѣра — и кончимъ.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, *одинакой*,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой;
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?—
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.—

Вотъ истинное простодушіе Ляфонтена, который вѣрно не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился русскимъ. Замѣтимъ, однако, здѣсь ошибку. Крыловъ употребилъ слово *одинакой* (съ кѣмъ- или съ чѣмънибудь совершенно сходный) вмѣсто слова *одинокой* (не имѣющій ни родства, ни связей). Далѣе, авторъ описываетъ пустынника и друга его медвѣдя. Первый усталъ отъ прогулки; послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Миша на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ—
Взглянулъ—
А муха на щекѣ—согналъ—а муха снова
У друга на носу.

Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника. Ляфонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer
Mit l'ours au désespoir—il eut beau la chasser!

Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе противное: медлительность медвѣдя; здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся:

Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, на переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя воструху!"
И у друга ча лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.

Всѣ эти слова: *Мишинька, увѣсистый, булыжникъ, корточки, переводитъ, думаетъ, и у друга подкараулял*, прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстрое полустишіе:

—Хвать друга камнемъ въ лобъ.

Это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись, и какая противоположность послѣдней картины съ первою!

Но довольно; читатели могутъ сами развернуть *Басни Крылова* и замѣтить въ нихъ тѣ красоты, о которыхъ мы не сказали ни слова за неимѣніемъ времени и мѣста. Сдѣлаемъ общее замѣчаніе о недостаткахъ. Слогъ Крылова кажется намъ въ иныхъ мѣстахъ растянутымъ и слабымъ (зато мы нигдѣ не замѣтили ни малѣйшей принужденности въ разсказѣ); попадаются погрѣшности противъ языка, выраженія, противныя вкусу, грубыя и тѣмъ болѣе замѣтныя, что слогъ вообще вездѣ и легокъ и пріятенъ.

Въ „Вѣстникѣ Европы" статья начиналась такъ:

„Всякій любитель русской поэзіи, которая, надобно признаться, не весьма богата произведеніями изящными, прочитавъ съ удовольствіемъ эти Басни, конечно, скажетъ: *для чего ихъ такъ мало?* Въ самомъ дѣлѣ, это, можетъ-быть, единственный или главный недостатокъ *Басенъ Г. Крылова*—ихъ не болѣе XXIII. Всѣ вообще написаны легкимъ, простымъ, привлекательнымъ слогомъ. Нѣкоторыя прекрасны. Поставляемъ обязанностію занять ими вниманіе читателей—тѣмъ болѣе, что въ нашей словесности подобныя явленія очень рѣдки; но чтобы дать яснѣе почувствовать истинное достоинство ихъ, почитаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторое разсужденіе о семъ родѣ поэзіи вообще: такая матерія не можетъ быть непріятною для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые, любя словесность, желаютъ имѣть основательнѣйшее понятіе о томъ, что имъ нравится.—Что въ наше время называется баснею?„

Послѣ разбора басни: „Пустынникъ и Медвѣдь":

„Но довольно! читатели могутъ сами развернуть *Басни Г. Крылова* и замѣтить въ нихъ тѣ красоты, о которыхъ мы не сказали ни слова, за недостаткомъ времени и мѣста. Остается теперь замѣтить ошибки—ихъ очень немного. Слогъ Г. Крылова кажется намъ въ иныхъ мѣстахъ растянутымъ и слабымъ (зато мы нигдѣ не замѣтили принужденности въ разсказѣ). Найдутся три или четыре погрѣшности противъ языка; нѣсколько выраженій, противныхъ вкусу, грубыхъ и тѣмъ болѣе замѣтныхъ, что слогъ вообще вездѣ и пріятенъ и легокъ. Напримѣръ:

Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова;
Отъ радости въ *зобу духъ сперло*! (I басня.)

Едва ли это непріятное выраженіе: въ *зобу духъ сперло*, понравится людямъ, привыкнувшимъ къ языку хорошаго общества.—Дубъ говоритъ тростинкѣ:

Вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка! (II басня.)

Не приличнѣе ли тяжесть овсянки выразить легкимъ, а не *тяжелымъ* стихомъ? Такая подражательная гармонія ***не слишкомъ ли подражательна?***

Чѣмъ *любоваться* тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ! (III басня.)

Нельзя, если не ошибаюсь, говоря о музыкѣ употребить слово: *любоваться*. Любуешься только тѣмъ, что *видишь*.

А ты, такъ ты еще не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны. (II басня.)
И *какъ* открыть его, *никакъ* не догадался. (VI басня.)
А все, за все спасибо мнѣ. (XVI басня.)
Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость? (XVII б.)
Лакеи, *гуторя*, плетутся вслѣдъ шажкомъ,
Учитель ***съ барыней болтаютъ вздоръ*** тишкомъ. (XXI б.)
Для твари, глупой, *подлой толь*. (VII басня.)

Вѣроятно, что при второмъ изданіи Г. Крыловъ не оставитъ этихъ стиховъ безъ поправки.

Орелъ *подъ небесью* леталъ. (XX басня.)

Надобно, если не ошибаюсь, сказать: *по поднебесью*; въ русскомъ языкѣ едва ли есть слово: *небесье*.

Въ лѣсу *кого набресть*,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?

И это кажется намъ ошибкою противъ языка. Говорится: *на кого* набресть, а не *кого* набресть.

И рада, рада ужъ была,
Что вышла за *каляку*.

Авторъ, для риѳмы, поставилъ *каляка*, вмѣсто: *калѣка*. Эта ошибка тѣмъ болѣе чувствительна, что она единственная въ такой баснѣ, которая отъ перваго стиха до послѣдняго (если включить еще одно неправильное выраженіе: *одинаку*) прекрасна. Это XI-я, изъ которой мы не взяли ни одного примѣра единственно для того, чтобы оставить читателямъ нашимъ удовольствіе новости. Замѣтимъ еще одно: въ знакахъ препинанія такое множество ошибокъ. что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма трудно добраться до смысла; конечно, авторъ не самъ просматривалъ корректуру!“

(1809 г.)

О САТИРѢ И САТИРАХЪ КАНТЕМИРА.

Кантемиръ принадлежитъ къ немногимъ классическимъ стихотворцамъ Россіи; но рѣдкій изъ русскихъ развертываетъ его сатиры, ибо старинный слогъ его пугаетъ читателя, который ищетъ въ стихахъ одного легкаго удовольствія. Кантемира можно сравнить съ такимъ человѣкомъ, котораго суровая наружность сначала не предвѣщаетъ ничего добраго, но съ которымъ надобно познакомиться короче, чтобъ полюбить его характеръ, и потомъ находить наслажденіе въ его бесѣдѣ. Обративши на сего стихотворца вниманіе нашихъ читателей, мы надѣемся заслужить отъ нихъ благодарность; но предварительно позволяемъ себѣ войти въ нѣкоторыя разсужденія о сатирѣ.

Какой предметъ сатиры? Осмѣяніе человѣческихъ заблужденій, глупостей и пороковъ. Смѣхъ производитъ веселость, а веселость почитается однимъ изъ счастливѣйшихъ состояній человѣческаго духа. Во всѣхъ намъ извѣстныхъ языкахъ, говоритъ Адиссонъ, находимъ метафору: *поля смѣются, луга смѣются*: это служитъ доказательствомъ, что смѣхъ, самъ по себѣ, есть что-то и привлекательное и любезное. Смѣхъ оживляетъ душу, или разсѣвая мрачность ея, когда она обременяема печалью, или возбуждая въ ней дѣятельность и силу, когда она утомлена умственною, трудною работою. По словамъ Сульцера, смѣхъ бываетъ двоякаго рода: или чистый, просто располагающій насъ къ веселости, или сложный, то-есть соединенный съ чувствами и понятіями посторонними. Предметъ самъ по себѣ забавный, заставляетъ насъ смѣяться и болѣе ничего: вотъ чистый смѣхъ; но если подъ личиною смѣшного скрывается что-нибудь отвратительное, или достойное презрѣнія, тогда необходимо со смѣхомъ должно соединиться въ нашей душѣ и чувство досады, негодованія, отвращенія: вотъ что называется смѣхомъ сложнымъ. Дарованіе смѣшить остроумно принадлежитъ весьма немногимъ. Рѣдкій имѣетъ способность замѣчать смѣшныя стороны вещей, находить неожиданное сходство между предметами, нимало не сходными, или соединять такіе предметы, которыхъ соединеніе или неестественно, или чудесно; а все это составляетъ сущность смѣшного. Съ перваго взгляда сія шутливость, или колкая или живая, покажется свойствомъ человѣка веселаго; но веселость есть характеръ, а дарованіе находить въ предметахъ забавную сторону, или созидать воображеніемъ предметы смѣшные—есть принадлежность ума, неразлучная съ другими важнѣйшими его качествами. Человѣкъ, по характеру своему веселый, все видитъ съ хорошей стороны; и люди и міръ принимаютъ на себя, такъ-сказать, цвѣтъ его сердца; все для него ясно; онъ можетъ смѣяться, потому что смѣхъ и радость почти одно и то же: но онъ менѣе способенъ замѣчать смѣшное, то-есть, противорѣчащее нашему понятію и чувству, ибо для сего необходимо нужно имѣть нѣсколько того ѣдкаго остроумія, которое несообразно съ характеромъ кроткой и снисходительной веселости. Напротивъ, человѣкъ, имѣющій даръ насмѣшки, почти всегда имѣетъ и характеръ важный и умъ глубокомысленный. Чтобы найти въ предметѣ смѣшную, для обыкновеннаго взора незамѣтную сторону, надлежитъ разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, а для сего потребны размышленіе и проницательная тонкость; чтобы замѣтить, въ чемъ удаляется тотъ или другой характеръ, тотъ или другой поступокъ отъ правилъ и понятій истинныхъ, и потомъ сіе отдаленіе представить смѣшнымъ, потребно имѣть ясное и полное понятіе о вещахъ, колкое остроуміе, духъ наблюдательный и воображеніе живое; все это болѣе или менѣе не принадлежитъ къ характеру ясной и, можетъ-быть, нѣсколько легкомысленной веселости. Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что дарованіе замѣчать смѣшныя стороны предметовъ, соединенное съ искусствомъ изображать ихъ разительно для другихъ, есть дарованіе геніевъ рѣдкихъ.

И сіе дарованіе можетъ быть или благодѣтельно, или вредно, какъ въ общежитіи, такъ и въ словесности, но кругъ вреда и пользы, отъ него проистекающихъ, несравненно обширнѣе въ послѣдней. Насмѣшка сильнѣе всѣхъ философическихъ убѣжденій опровергаетъ упорный предразсудокъ и дѣйствуетъ на порокъ; осмѣянное становится въ глазахъ нашихъ низкимъ; а вмѣстѣ съ уваженіемъ къ вещи теряется и наша къ ней привязанность. Не должно думать, однако, чтобы насмѣшка могла исправить порочнаго: она только *открываетъ* ему дурныя стороны его, и, можетъ-быть, живѣе только даетъ чувствовать необходимость украсить ихъ личиною пріятнаго. Но цѣль моралиста—какимъ бы онъ оружіемъ ни дѣйствовалъ, насмѣшкою или простымъ убѣжденіемъ—не есть не-

возможное исправленіе порока, а только предохраненіе отъ него души неиспорченной, или исцѣленіе такой, которая, введена будучи въ обманъ силою примѣра, предразсудка и навыка, несмотря на то, сохранила ей свойственное расположеніе къ добру. Насмѣшка есть оружіе *предохранительное*; ничто лучше ея не охлаждаетъ воображенія, излишне воспламененнаго; она побѣждаетъ и тамъ, гдѣ усилія степеннаго разсудка остаются безплодны. Съ другой стороны, дарованіе смѣяться можетъ быть весьма вреднымъ, если не будетъ оно соединено съ характеромъ благороднымъ и уваженіемъ чистой морали, ибо все то, что мы почитаемъ священнымъ, можетъ унижено быть въ глазахъ нашихъ дѣйствіемъ насмѣшки.

Философы и поэты употребляютъ оружіе насмѣшки для пользы нравовъ. Сатирикъ и комикъ имѣютъ то сходство съ моралистомъ-философомъ, что они дѣйствуютъ для одной цѣли, которой, однако, достигаютъ различными путями. Моралистъ разсуждаетъ и, убѣждая умъ, говоритъ сердцу; напротивъ, комикъ и сатирикъ осмѣиваютъ моральное безобразіе и тѣмъ болѣе привязываютъ насъ къ красотѣ моральной, которая становится ощутительнѣе отъ противоположности. Различіе между сатирою и комедіею заключается въ одной только формѣ: въ комедіи мы видимъ *передъ глазами* тѣ оригиналы и тѣ пороки, которые сатирикъ представляетъ одному только *воображенію;* тамъ они сами выходятъ на сцену, и сами себя обличаютъ, а здѣсь выходитъ на сцену поэтъ, который или забавляетъ насъ своими колкими шутками, или производитъ въ душѣ нашей благодѣтельное негодованіе. Изъ всего сказаннаго выше можно легко составить себѣ понятіе о характерѣ сатирическаго стихотворца и комика. Они необходимо должны имѣть духъ наблюдательный, глубокое знаніе человѣческаго сердца и рѣдкимъ извѣстное искусство представлять въ смѣшномъ все то, что несогласно съ правилами и понятіями чистой морали. Искусство осмѣивать остроумно тогда только бываетъ истинно полезнымъ, когда оно соединено съ высокостію чувствъ, неиспорченнымъ сердцемъ и твердымъ уваженіемъ обязанностей человѣка и гражданина. Истинный сатирикъ и стихотворецъ комическій должны ненавидѣть изображаемые ими пороки; но если сія ненависть будетъ произведеніемъ не сильной привязанности къ добру, а одного только расположенія все находить или смѣшнымъ или низкимъ; если они будутъ смотрѣть на міръ и на человѣка съ угрюмостію и пристрастіемъ мизантроповъ, а не съ добрымъ чувствомъ друзей человѣчества, которые желаютъ, чтобы все передъ глазами ихъ наслаждалось счастіемъ, и потому только ненавидятъ порокъ, что онъ есть главнѣйшій противникъ сего счастія: тогда они поселяютъ въ сердцахъ своихъ читателей одно только мрачное чувство ненависти, которое можетъ быть благодѣтельно не иначе, какъ будучи въ равновѣсіи съ усладительнымъ чувствомъ любви; ненависть стѣсняетъ душу; напротивъ, любовь ее животворитъ и располагаетъ къ дѣятельности полезной. Сердечный жаръ, какъ говоритъ Сульцеръ, долженъ быть музою сатирика. Это справедливо; и въ ту минуту, когда онъ попираетъ ногами порокъ или осмѣиваетъ глупость, или забавляется на счетъ странности, я долженъ замѣчать въ душѣ его и любовь къ добродѣтели, и чувствительность, и благородное уваженіе ко всему прекрасному. На этихъ только условіяхъ и въ обществѣ бываетъ терпимъ колкій насмѣшникъ, ибо тогда всѣ тѣ, которые сами имѣютъ характеръ благородный, могутъ полагаться на его справедливость; но тотъ, кто всѣмъ безъ разбора жертвуетъ своему остроумію, необходимо удаляетъ отъ себя всякое доброе сердце; онъ непроизвольно обнаруживаетъ предъ нимъ собственную бѣдность свою въ чувствахъ высокихъ и оскорбляетъ его своею жестокостію. Такое и дѣйствіе сатиры, въ которой замѣчаемъ одно желаніе и искусство порицать и не находимъ ничего питательнаго для сердца.

Сатира, собственно такъ-называемая, отлична отъ всѣхъ другихъ сатирическихъ произведеній—и въ прозѣ и въ стихахъ—своею дидактическою формою. Вольтеровъ *Кандидъ*, Сервантовъ *Донъ-Кихотъ*, Эразмова *Похвала дурачеству,* Свифтовъ *Гулливеръ*, Ботлеровъ *Гудибрасъ*, Мольеровъ *Тартюфъ* имѣютъ предметомъ, какъ и сатира, осмѣяніе пороковъ и глупостей, но *Кандидъ*, *Гулливеръ* и *Донъ-Кихотъ*—романы, *Гудибрасъ*—поэма, *Тартюфъ*—комедія. Сатира должна быть сатирою, слѣдовательно, имѣть собственную, ей одной принадлежащую форму. Сатирикъ, можно сказать, заимствуетъ эту форму у философа; но онъ заимствуетъ какъ стихотворецъ и, сверхъ того, пользуется нѣкоторыми особенными способами. Избравши предметъ свой, онъ примѣняется къ нему тономъ, слогомъ и расположеніемъ, напримѣръ: нападая на странности, онъ вооружается легкою и колкою шуткою, смѣшитъ и исцѣляетъ пріятнымъ лѣкарствомъ смѣха; напротивъ, имѣя въ виду какой-нибудь вредный, заразительный порокъ, онъ возвышаетъ тонъ, выражается съ жаромъ, и тогда самая насмѣшка его принимаетъ на себя наружность негодованія. Все это будетъ ощутительнѣе, когда мы взглянемъ на сатиры Горація и Ювенала. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ предметахъ, которыми всего приличнѣе заниматься сатирику. Онъ долженъ изъ безчисленнаго множества пороковъ, странностей и заблужденій выбирать только такіе, которыхъ вліяніе и общее и самое обширное; частные заблужденія и пороки, будучи мало замѣтны, потому именно и не могутъ быть заразительны, ибо они происходятъ, по большей части, отъ нѣкоторыхъ особенныхъ недостатковъ ума и характера, которые надлежитъ почитать исключеніями. Личность есть то же, что низкое мщеніе; она уничтожитъ нашу довѣренность къ сатирику, который въ глазахъ нашихъ долженъ быть проповѣдникомъ истины и добрыхъ нравовъ. Одинъ человѣкъ не можетъ быть образцомъ для другихъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ: стихотворецъ изображаетъ намъ только то, что свойственно всему человѣчеству, соблюдая, однако, всѣ тѣ отличія, которыя человѣческая натура заимствуетъ отъ нравовъ и обычаевъ его вѣка; слѣдовательно, будучи наблюдателемъ тонкимъ, онъ долженъ изображать человѣка вообще, то-есть представлять намъ въ добродѣтеляхъ и въ порокахъ идеалъ цѣлаго, составленный изъ множества мелкихъ, въ разное время замѣченныхъ имъ частей; таковы должны быть нравственныя картины сатирика. Личная сатира только что оскорбляетъ; а оскорбленіе почти никогда не можетъ быть дѣйствительнымъ лѣкарствомъ. Не думаю также, чтобы въ сатирахъ было полезно нападать на пороки, слишкомъ отвратительные и потому именно выходящіе изъ порядка натуры: такія картины только что возмущаютъ чувство; но польза ихъ весьма ограниченная, ибо нѣтъ никому нужды остерегаться отъ того, что необходимо должно казаться неестественнымъ и производить отвращеніе.

Эшенбургъ раздѣляетъ сатиры на *важныя* и *веселыя*. Въ первыхъ стихотворецъ сражается только съ такими пороками, которые гибельны для общества: слогъ его долженъ быть силенъ, *негодованіе* должно быть его геніемъ. Въ сатирахъ веселыхъ стихотворецъ имѣетъ предъ глазами однѣ забавныя странности, одни пороки смѣшные, и слогъ его долженъ быть легокъ, исполненъ того остроумія, которое Цицеронъ называетъ солью. Важная сатира можетъ въ иныя минуты заимствовать легкость у веселой, а веселая заимствовать силу у важной; разнообразіе почитается одною изъ главныхъ прелестей слога. Замѣтимъ здѣсь, что важная сатира вообще легче для стихотворца, нежели веселая, именно потому, что въ первой изображаетъ онъ такіе предметы, которыхъ характеръ разителенъ, слѣдовательно, и болѣе замѣтенъ, а въ послѣдней занимается мелкими, слѣдовательно, требующими особенной остроты зрѣнія и занимательности предметами.

Чтобъ получить яснѣйшее понятіе о томъ, какова должна быть истинная сатира, надлежитъ разсмотрѣть

характеры тѣхъ стихотворцевъ, которыхъ сатиры почитаются самыми совершенными, слѣдовательно—характеры Горація и Ювенала, которымъ всѣ лучшіе новѣйшіе сатирики, напр., Буало, Попъ и нашъ Кантемиръ, болѣе или менѣе подражали.

Гораціевы сатиры можно назвать сокровищемъ опытной нравственности, полезной для всякаго, во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Характеръ сего поэта—веселость, чувствительность, пріятная и остроумная шутливость. Онъ живетъ въ свѣтѣ и смотритъ на него глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и свободѣ, имѣющаго проницательный умъ, характеръ откровенный и, наконецъ, способность *видѣть* недостатки людей, не оскорбляться ими и только находить ихъ забавными. Посреди разсѣянности и шума придворной жизни онъ сохранилъ въ душѣ своей привязанность къ простымъ наслажденіямъ природы. Онъ забавляется надъ глупостями, заблужденіями и пороками; но онъ не взыскателенъ, не выдаетъ себя за строгаго законодателя нравовъ и имѣетъ ту снисходительность, которая и самые непріятные упреки дѣлаетъ привлекательными; его простосердечіе и любезный характеръ примиряютъ васъ съ колкостію его остроумія—и вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что онъ говоритъ отъ сердца, по опыту и забавляетъ васъ, предлагая вамъ нравоученіе полезное; его философія не имѣетъ цѣлію моральнаго совершенства стоиковъ, надъ которыми онъ позволяетъ себѣ иногда смѣяться; она заключаетъ въ себѣ искусство пользоваться благами жизни, быть истинно независимымъ и любить природу. Со стороны стихотворной сатиры его почитаются совершеннѣйшими изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. Формы его чрезвычайно разнообразны: иногда говоритъ онъ самъ, иногда выводитъ на сцену постороннія лица, иногда разсказываетъ читателю своему басню. Его описанія чрезвычайно живы; но онъ только прикасается къ описываемому предмету и никогда не утомляетъ вниманія; изображая характеръ, онъ представляетъ однѣ главныя и самыя нужныя черты его живою, но легкою кистію. Онъ имѣетъ даръ, говоря уму, оживлять воображеніе и прикасаться къ сердцу—и мысли его всегда согрѣты пламенемъ чувства. Однимъ словомъ, прочитавъ его сатиры (надобно къ нимъ причислить и посланія, изъ которыхъ нѣкоторыя ни въ чемъ не разнствуютъ съ сатирою), вы остаетесь съ лучшимъ знаніемъ свѣта, съ яснѣйшимъ понятіемъ о жизни и съ бо́льшимъ расположеніемъ ко всему доброму.

Ювеналъ имѣетъ характеръ совершенно противоположный Гораціеву: онъ бичъ порочныхъ и порока. Читая сатиры его, увѣряемся, что Ювеналъ имѣетъ пламенную, исполненную любви къ добродѣтели душу, но въ то же время и нѣкоторую угрюмость, которая заставляла его смотрѣть на предметы съ дурной только стороны ихъ: представляя ихъ глазамъ читателя, онъ съ намѣреніемъ увеличивалъ ихъ безобразіе.—Онъ родился при императорѣ Калигулѣ; но сатиры его, изъ которыхъ дошло до насъ только шестнадцать, всѣ написаны во времена Трояна или Адріана, слѣдовательно, въ глубокой старости. Сіи обстоятельства объясняютъ намъ и то, отчего сатирикъ вездѣ представляется нашимъ глазамъ, какъ строгій судья, и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою философіею чувствительнаго человѣка. Ювеналъ стоикъ характеромъ, видѣлъ всѣ ужасы Клавдіева, Неронова и потомъ Домиціанова царствованій: онъ былъ свидѣтель съ одной стороны неограниченнаго деспотизма, съ другой—самой отвратительной низости, самаго отвратительнаго разврата, и въ душѣ его мало-по-малу скоплялось сокровище негодованія, которое усиливалось въ тишинѣ принужденнаго безмолвія. Сатиры его можно наименовать мщеніемъ пламенной души, которая долго не смѣла себя обнаружить, долго роптала противъ своей неволи и вдругъ, получивъ свободу, спѣшитъ воспользоваться ею неограниченно. Старость и привычка къ чувствамъ прискорбнымъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей; онъ видитъ одно безобразіе, онъ выражаетъ или негодованіе, или презрѣніе. Онъ не философъ: будучи сильно поражаемъ картиною окружающаго его разврата, онъ не имѣетъ того душевнаго спокойствія, которое необходимо для философа, бесѣдующаго съ самимъ собою; но онъ превосходный живописецъ; въ слогѣ его находимъ силу и высокость его характера:

„Juvenal, élevé dans les cris de l'école
Poussa jusqu'a l'excès sa mordante hyperbole“.

Одни предпочитаютъ Ювенала Горацію, другіе отдаютъ преимущество послѣднему. Не разбирая, на чьей сторонѣ справедливость, мы можемъ замѣтить, что каждый изъ сихъ стихотворцевъ имѣетъ совершенно особенный характеръ. Горацій почти никогда не опечаливаетъ души разительнымъ изображеніемъ порока; онъ только забавляетъ на счетъ его безобразія и, сверхъ того, противополагаетъ ему тѣ добродѣтели, которыя нужны въ общежитіи. Ювеналъ производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку и, переливая въ нее пламя, которымъ собственная его душа наполнена, даетъ ей и бо́льшую силу; но Горацій, представляя намъ вездѣ одни привлекательные предметы, привязываетъ насъ къ жизни и научаетъ довольствоваться своимъ жребіемъ; а Ювеналъ, напротивъ, окружая насъ предметами отвратительными, производитъ въ душѣ нашей какую-то мрачность. Первый осмѣиваетъ странности глупыхъ людей, но приближаетъ насъ къ добрымъ; послѣдній, представляя нашимъ глазамъ одинъ порокъ, дѣлаетъ насъ недовѣрчивыми и къ самой добродѣтели. Въ сатирахъ Горація знакомишься и съ самимъ Гораціемъ, съ его образомъ жизни, привычками, упражненіями; въ сатирахъ Ювенала никогда не видишь самого поэта, ибо ничто постороннее не отвлекаетъ нашего вниманія отъ тѣхъ ужасныхъ картинъ, которыя представляются воображенію стихотворца. Кто хочетъ научиться искусству жить съ людьми, кто хочетъ почувствовать прямую пріятность жизни, тотъ вытверди наизусть Горація и слѣдуй его правиламъ; кому нужна подпора посреди несчастій житейскихъ, кто, будучи оскорбляемъ пороками, желаетъ облегчить свою душу излитіемъ таящагося во глубинѣ ея негодованія, тотъ разверни Ювенала, и онъ найдетъ въ немъ обильную для себя пищу.

Опредѣливъ достоинство сихъ сатириковъ, которые почитаются образцовыми, обратимся къ нашему Кантемиру. Мы имѣемъ въ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горація. Сатиры его чрезвычайно пріятны (онѣ писаны *слогами*, такъ же какъ и псалмы Симеона Полоцкаго и почти всѣ старинныя русскія пѣсни), въ нихъ виденъ не только остроумный философъ, знающій человѣческое сердце и свѣтъ, но вмѣстѣ и стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ (весьма пріятнымъ, хотя онъ и устарѣлъ), и живописецъ, вѣрно изображающій для нашего воображенія тѣ предметы, которые самого его поражали.

Кантемиръ оставилъ намъ восемь сатиръ. Мы выпишемъ для нашихъ читателей *всю* первую, одну изъ лучшихъ, въ которой стихотворецъ нападаетъ на глупыхъ или пристрастныхъ невѣждъ, порицающихъ ученіе. Сатирикъ обращается къ уму своему. Надобно замѣтить, что предлагаемая здѣсь сатира написана имъ на двадцатомъ году... *(Приведена 1-я сатира.)*

Эта сатира написана была противъ тѣхъ, которые своею привязанностію къ стариннымъ предразсудкамъ противились распространенію наукъ, введенныхъ въ предѣлы Россіи Петромъ Великимъ. Сатирикъ, имѣя въ предметѣ осмѣять безразсудныхъ хулителей просвѣщенія, вмѣсто того, чтобъ доказывать намъ логически пользу его, притворно беретъ сторону глупцовъ и невѣждъ, объявившихъ ему войну, выводитъ ихъ на сцену и каждаго заставляетъ говорить языкомъ, приличнымъ его характеру. Такимъ искуснымъ расположеніемъ стихотворецъ избавилъ себя отъ сухости и

однообразія. Мы видимъ нѣсколько забавныхъ чудаковъ, которые нелѣпыми разсужденіями своими еще болѣе привязываютъ насъ къ тому предмету, который хотятъ унизить и обезобразить въ глазахъ нашихъ.
„Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
. . . .
Дѣти наши, что предъ тѣмъ, тихи и покорны,
Праотческимъ шли слѣдóмъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали.
. . . .
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу" и пр.
говоритъ ханжа *Критонъ*, для котораго читать Библію или хотѣть понимать то, что слушаешь въ церкви, значитъ быть безбожнымъ; а не пить квасу, по примѣру прадѣдовъ, значитъ быть развратнымъ. Кто жъ не повѣритъ *Критону*? И какъ не согласишься съ корыстолюбивымъ богачомъ *Сильваномъ*, который увѣряетъ насъ, что:
„Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытуетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну,
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Прирастетъ ли мнѣ съ того день въ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать, что приказчикъ,
Что дворецкой крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
. . . .
Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки.
Глава ль болитъ: тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки.
. . . .
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ".

Стихъ: „Глава ль болитъ: тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки,"—очень забавенъ. Заключеніе:
„Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую!"—
удовлетворительно для друзей просвѣщенія. Стихотворецъ не сказалъ ни слова въ пользу наукъ, но онъ выставилъ безумство ихъ порицателей, и всякій повторитъ за нимъ съ сердечнымъ убѣжденіемъ:
„Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится".

Сатиры Кантемировы можно раздѣлить на два класса: на *философическія и живописныя*; въ однѣхъ, и именно въ VI, VII, сатирикъ представляется намъ философомъ; а въ другихъ (I, II, III, V)—искуснымъ живописцемъ людей порочныхъ. Мысли свои, почерпнутыя изъ общежитія, выражаетъ онъ сильно и кратко и почти всегда оживляетъ ихъ или картинами, или сравненіями; всѣ характеры его изображены рѣзкою кистію: иногда, можетъ-быть, замѣчаешь въ его изображеніяхъ и описаніяхъ излишнее обиліе. Формы его весьма разнообразны; онъ или разсуждаетъ самъ, или выводитъ на сцену актеровъ, или забавляетъ насъ вымысломъ, или пишетъ посланіе. По *языку* и *стопосложенію* Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ стариннымъ; но по *искусству* онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ. Читая сатиры его, видишь предъ собою ученика Гораціева и Ювеналова, знакомаго со всѣми правилами стихотворства, со всѣми превосходными образцами древней и новой поэзіи. Онъ никогда не отдаляется отъ матеріи, никогда не употребляетъ четырехъ словъ, какъ скоро можетъ выразиться тремя; онъ чувствителенъ къ гармоніи стихотворной; онъ знаетъ, что всякое выраженіе заимствуетъ силу свою отъ того мѣста, на которомъ оно постановлено; его украшенія всѣ *необходимы*, онъ употребляетъ ихъ не для пустого блеска, а для того, чтобы усилить или объяснить свою мысль. Въ слогѣ его болѣе силы, нежели колкости; онъ не смѣется, не хочетъ забавлять, но чертами разительными изображаетъ смѣшное и колетъ иногда неожиданно, мимоходомъ. Напримѣръ, пьяница Лука говоритъ:
„Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ визигу;
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу".

Здѣсь стихотворецъ, какъ-будто безъ намѣренія, кольнулъ невоздержныхъ монаховъ; невозможность питаться одною визигою въ Великій постъ наименовалъ онъ послѣ невозможности возвратить минувшіе вѣки. Такое сближеніе очень забавно.

Мы предложимъ нашимъ читателямъ нѣсколько примѣровъ изъ слѣдующихъ сатиръ, чтобы дать яснѣйшее понятіе объ искусствѣ Кантемира въ выраженіяхъ *мыслей*, въ *описаніяхъ* и *сравненіяхъ* стихотворныхъ и въ изображеніи *характеровъ*.

Вотъ заключеніе пятой сатиры. Стихотворецъ уступилъ свою ролю лѣсному сатиру, одѣтому въ модное платье и присланному отъ бога Пана въ городъ для того, чтобы, наглядѣвшись на людей и возвратившись въ лѣсъ, забавлять его въ скучные часы разсказами объ ихъ дурачествахъ. Сатиръ, описавши Періергу нѣкоторую часть того, что видѣлъ и слышалъ между людьми, заключаетъ: „Несчастныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба!" (*Выписано 74 стиха.*)

Стихотворецъ сначала разсуждаетъ просто о непостоянствѣ человѣческихъ желаній, потомъ выводитъ на сцену самыхъ недовольныхъ, и мысли его одушевлены прекрасною драматическою сценою. Въ этомъ мѣстѣ подражалъ онъ Горацію (сат. I, кн. I). Вотъ нѣсколько *мыслей* объ умѣренности и спокойствіи; вы подумаете, что съ вами бесѣдуетъ Горацій; но Кантемиръ почерпалъ свою философію въ собственномъ своемъ сердцѣ: „Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ". (*Выписано 75 строкъ.*)

Вотъ еще нѣсколько мыслей; онѣ почерпнуты изъ сатиры *о воспитаніи*. Вы увидите, что Кантемиръ имѣлъ самыя основательныя понятія о семъ важномъ предметѣ, и нѣкоторыя мысли его должны быть аксіомами для всякаго воспитателя.—Начало сатиры прекрасно. Это VII, писанная къ князю *Никитѣ Юрьевичу Трубецкому*. Если придетъ мнѣ въ голову увѣрять ханжу, говоритъ сатирикъ, что онъ однимъ постомъ и молитвою не войдетъ въ рай, то онъ:
Вспылавъ, ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ.
И дѣло онъ говоритъ; еще я тридцатый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ,
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и, какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?
И въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть тому совершенно умнымъ, кто *едва три зуба сберегъ за губами*?
Люди упрямы, продолжаетъ сатирикъ: они увѣрены, что всякій, считающій себѣ за шестьдесятъ лѣтъ, *потянетъ умомъ трехъ молодыхъ*, хотя извѣстно, что разсудокъ не всегда ждетъ старости. Но мало ли подобныхъ заблужденій? Одинъ любитъ въ поступкахъ своихъ слѣдовать предписаніямъ здраваго ума; другой, напротивъ, не замѣчаетъ своихъ ошибокъ; а третій, и замѣчая ихъ, не умѣетъ бороться съ *упрямою силой*, и всякій въ оправданіе свое говоритъ, что природы одолѣть невозможно:
Испыталъ ли истину онъ въ томъ осторожно?
Не знаю, Никита, другъ; то одно я знаю,
Что если я добрую лѣнивъ запускаю
Землю свою, обрастетъ худою травою;

Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ отъ ней тотъ трудъ мой достанетъ.
Каково бъ отъ природы сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ кое злу немало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глазъ новый житель свѣта
Пялитъ, всяка вещь ему примѣтна, все ново
Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ готово
Принять: что туды вскользнетъ, скоро вкоренится,
Буде руки приложить, повадка потщится;
На веревкѣ силою повадки танцуемъ.

Петръ Великій старался ввести въ Россію воспитаніе: имъ заведены училища. Но полезному часто бываетъ предпочтено то, что *ласкаетъ лакомымъ чувствамъ.*

Кучу къ кучѣ прикопить, домъ построить пышной,
Развести садъ и заводъ, расчистить лѣсъ лишной,
Дѣтямъ ужъ богатое оставить наслѣдство
Печемся, потѣемъ въ томъ; каково жъ ихъ дѣтство
Проходитъ, рѣдко на умъ двумъ или тремъ всходитъ;
И у кого не одна въ бездѣлкахъ исходитъ
Тысяча, малѣйшаго расхода жалѣетъ
Къ наставленію дѣтей; когда же шалѣетъ
Сынъ, въ возрастъ пришедъ, отецъ тужитъ и стыдится:
Напрасно вину свалить съ плечъ своихъ онъ тщится;
Богатства сыну копилъ, презрилъ въ сердцѣ нравы
Добры всѣять. Богатъ сынъ будетъ, но безъ славы
Проживетъ, мало любимъ и свѣтомъ презрѣнный,
Буде въ петлю не вбѣжитъ плутъ ужъ совершенный.

Главное дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы, украшая умъ свѣдѣніями, сохранить въ чистотѣ сердце и дать характеръ любезный.

Судъ трудный мудро рѣшить, исчислять приходы
Пространна царства, сравнить съ оными расходы
Однимъ почти почеркомъ; въ безднахъ безопасный
Водныхъ предызбирать путь, гдѣ бури ужасны;
Небесъ числить всякаго удобно свѣтила
Путь и бѣглость, и того, сколь велика сила
Надъ другимъ, въ твари всему знать исту причину,
Мудрымъ зваться дастъ тебѣ, и, можетъ-быть, къ чину
Вышнему покажетъ слѣдъ; народъ будетъ цѣлый
Искуснымъ вождемъ тя звать, зря царства предѣлы
Тобою расширены, и вражіи рати,
И городы стерты въ прахъ; но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде непріятенъ
Къ тебѣ доступъ, и тебѣ плачъ бѣдныхъ невнятенъ,
Ежели волю твою не правитъ смыслъ правый,
Словомъ, ежели твои развратны суть нравы,
Дивиться станетъ тебѣ; но любить не станетъ,
Хвалы твои изъ его устъ нужда потянетъ.
Пользы своей лишь въ тебѣ искать онъ потщится,
Гнушаясь тобой, и той готовъ отщетиться,
Только бъ тебя свалить съ плечъ. Слава увядаетъ
Твоя въ малъ часъ; позабытъ человѣкъ бываетъ
Скоро ненавидимый, и мало жалѣетъ
Кто объ немъ, когда ему черный день приспѣетъ.
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть счастья грудь и спину
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.

Привычку къ доброму надлежитъ вкоренять съ младенчества: ученость должна уступить чистотѣ нравовъ. Доброе сердце съ простымъ умомъ гораздо лучше, нежели остроуміе при испорченномъ сердцѣ.

Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы,
Наскучишь, истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло:
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость и безвременно торопѣть повадитъ.
Счастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много къ тому примѣръ пособляетъ.
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скорѣе.

Примѣръ сильнѣе всякаго наставленія. Дѣти, умѣя все замѣчать, умѣютъ и подражать тому, что замѣчаютъ; наставляй ихъ примѣромъ:

Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
Топчетъ, ни надежда свесть съ нея, ни страхъ ногу
Его не могли; въ своей должности онъ вѣренъ
И прилеженъ, ласковъ, тихъ, и въ словахъ умѣренъ;
Ничьей бѣдности смотрѣть сухими глазами
Не можетъ; сердцемъ даетъ, что даетъ руками.
Другой гордостью надутъ, яростенъ, нещаденъ,
Готовъ и отца предать, къ большимъ мѣшкамъ жаденъ,
Казну крадетъ царскую, и тѣмъ сломя шею,
Весь ужъ сѣдъ, въ петлю бѣжитъ, въ казнь должну злодѣю.
Въ томъ по счастью добрые примѣры скрѣпили
Совѣтъ; въ семъ примѣры злы оный истребили.
Если бъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость,
Описавъ злонравія и гнусность и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ
Надъ кучею злата; сухъ, печаленъ и блѣденъ,
Всякой часъ мучитъ себя. Мнишь ли ты счастливу
Жизнь въ обильствѣ такову? Если бъ чрезчуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ, пальцемъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю разсказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову, чрезмѣру прохладну.

Всего болѣе надлежитъ быть осторожнымъ въ выборѣ наставниковъ и опасаться, чтобы дѣти не были окружены такими людьми, которые могутъ повредить имъ своимъ характеромъ, своимъ образомъ мыслей и пр.; но сами родители въ особенности должны имѣть чистую нравственность, чтобы дѣти ихъ не были испорчены:

. . . . Родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Если бъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть и языкъ свой въ уздѣ держали (*выписано 36 стиховъ*).

Представленные примѣры показываютъ вамъ въ Кантемирѣ превосходнаго философа-моралиста; мысли его ясны; онъ выражаетъ ихъ сильно и съ живостію стихотворца. Остается представить нѣсколько примѣровъ его искусства въ *описаніяхъ* и въ изображеніи *характеровъ*. Филаретъ и Евгеній разговариваютъ о благородствѣ (II сатира). Евгеній, досадуя на фортуну, которая благопріятствуетъ Тулію, Трифону и Дамону, имѣющимъ незнатное происхожденіе, исчисляетъ достоинства своихъ предковъ и въ заключеніе *описываетъ* славу своего покойнаго родителя:

Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинэми владѣли.
(*Выписано еще 29 стиховъ.*)

Стихотворецъ выводитъ на сцену глупца, надутаго знатностію; но не трудится описывать его характеръ, ибо онъ самъ обнаруживаетъ себя своими забавными разсужденіями. Какія преимущества знатнаго вельможи наиболѣе прельщаютъ его душу? Онъ сказалъ только мимоходомъ о томъ, что его предки были: „Искусны въ мирѣ, въ войнѣ...“ Но батюшка его *всѣмъ верхъ; съ нимъ отпало правое плечо государства! Бывало, когда выѣдетъ, всякій бѣжитъ долой съ дороги; его дворецкому кланялись въ поясъ; его слово дѣлало счастливымъ на недѣлю того, кто удостоивался его услышать.* Нужно ли послѣ всего этого стихотворцу сказывать своимъ читателямъ, что Евгеній его есть суетный глупецъ, не имѣющій понятія о прямомъ благородствѣ? Далѣе, Филаретъ описываетъ смѣшной образъ жизни Евгенія въ противоположность великимъ дѣламъ его предковъ:

Потрись на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой и твою жалобу быть праву.
(*Выписано еще 32 стиха.*)

Вотъ изображеніе военачальника: „Много вышнихъ

требуетъ свойствъ чинъ воеводы" *(выписано 19 стиховъ).*

Слѣдующее описаніе безразсудной заботливости нѣкоторыхъ стариковъ весьма забавно: „Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели" *(выписано 17 стиховъ).*

Вотъ *характеры* гордеца *Иркана*, злословнаго *Созима*, льстеца *Трофима*, подозрительнаго *Невія* и завистника *Зоила:* „Въ палату вшедши Ирканъ, гдѣ много народу" *(выписано 118 стиховъ изъ III сат.).*

Сихъ примѣровъ весьма довольно для того, чтобы имѣть ясное понятіе о стихотворномъ искусствѣ и дарованіи Кантемира. Какъ сатирикъ, онъ можетъ занимать средину между Гораціемъ и Ювеналомъ. Онъ не имѣетъ той живости, того пріятнаго остроумія, той колкой и при томъ неоскорбительной насмѣшливости, какую мы замѣчаемъ въ Гораціи; но онъ имѣетъ его философію и съ такимъ же чувствомъ говоритъ о простотѣ, умѣренности и тѣхъ веселыхъ досугахъ, которые мы, не будучи обременяемы посторонними заботами, посвящаемъ удовольствію и размышленію. И въ самыхъ обстоятельствахъ жизни имѣетъ онъ нѣкоторое сходство съ Гораціемъ: и тотъ и другой жили у двора; но Горацій, какъ простой зритель, а Кантемиръ, какъ зритель и дѣйствующій. Горація удерживала при дворѣ благодарность къ Меценату, а Кантемира важнѣйшія дѣла государственныя. Для перваго стихотворство было занятіемъ главнымъ, для послѣдняго было оно отдохновеніемъ. Горацій думалъ единственно о томъ, какъ наслаждаться жизнію: разнообразіе удовольствій оживляло и самое воображеніе стихотворца. Кантемиръ, будучи обремененъ обязанностію государственнаго человѣка, наслаждался болѣе одною мыслію. Философія перваго живѣе, и мысли болѣе согрѣты пламенемъ чувства: говоря о природѣ, онъ восхищаетъ васъ прелестными описаніями природы; онъ увлекаетъ васъ за собою въ сельское свое уединеніе; вы видите рощи его, слушаете вмѣстѣ съ нимъ пѣніе птицъ и журчаніе источника. Философія послѣдняго не такъ трогательна: онъ разсуждаетъ о тѣхъ же предметахъ, но съ важностію мыслящаго человѣка; онъ говоритъ о посредственности, спокойствіи, беззаботности, какъ добрый философъ, истинно чувствующій всю ихъ цѣну, но пользующійся ими весьма рѣдко. Въ слогѣ имѣетъ онъ, если не ошибаюсь, болѣе сходства съ Ювеналомъ: тотъ и другой иногда утомляютъ насъ излишнимъ обиліемъ; но всѣ описанія римскаго сатирика носятъ на себѣ отпечатокъ его характера суроваго и гнѣвнаго: Ювеналъ съ намѣреніемъ увеличиваетъ то безобразіе, которое хочетъ сдѣлать для насъ отвратительнымъ: но тѣмъ самымъ, можетъ-быть, уменьшаетъ и нашу къ себѣ довѣренность. Кантемиръ умѣреннѣе и безпристрастнѣе: онъ описываетъ то, что видитъ, и какъ видитъ; онъ смѣшитъ чаще, нежели Ювеналъ, и почти никогда не опечаливаетъ безполезнымъ изображеніемъ отвратительныхъ ужасовъ. И въ самыхъ планахъ своихъ Кантемиръ имѣетъ болѣе сходства съ Ювеналомъ, нежели съ Гораціемъ: характеръ послѣдняго есть непринужденность и разнообразіе; характеръ Ювенала порядокъ. Такой же порядокъ находимъ и въ Кантемировыхъ планахъ: если, напримѣръ, сатирикъ начинаетъ разсуждать, то уже во все продолженіе сатиры не перемѣняетъ тона, и переходитъ безъ великихъ скачковъ отъ одной мысли къ другой; начиная изображать характеры или описывать, онъ вводитъ насъ, такъ-сказать, въ галлерею портретовъ, разставленныхъ въ порядкѣ, и показываетъ ихъ одинъ за другимъ: все это, вѣроятно, могло бы произвести нѣкоторое однообразіе, когда бы сатирикъ не имѣлъ истинно-стихотворнаго слога, не оживлялъ своихъ разсужденій картинами и не былъ живописецъ превосходный.

СТАТЬИ РАЗЛИЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1797.

МЫСЛИ ПРИ ГРОБНИЦѢ.

Уже ночь раскинула покровъ свой и серебристая луна явилась въ тихомъ своемъ велелѣпіи. Морфей помаваетъ маковою вѣтвію, и сонъ съ цѣлебною чашею ниспускается на землю. Все тихо, все молчитъ въ пространной области творенія; не слышно работы кузнечика, и трели соловья не раздаются уже по рощѣ. Спитъ ратай, спитъ волъ, вѣрный товарищъ трудовъ его, спитъ вся натура. Одинъ я не могу сомкнуть глазъ своихъ, одному мнѣ чуждо всеобщее успокоеніе. Встану и пойду... Какъ величественно это небо, распростертое надъ нами шатромъ и украшенное миріадами звѣздъ! а луна?... какъ пріятно на нее смотрѣть; блѣдномерцающій свѣтъ ея производитъ въ душѣ какое-то сладкое уныніе и настроиваетъ ее къ задумчивости... Вездѣ царствуетъ тишина, только тамъ, вдали, шепчетъ дремлющій ручеекъ и едва-едва слышно колебаніе листьевъ. Прекрасно, прекрасно! говорилъ я съ восхищеніемъ, и нечувствительно приближался къ озеру, окруженному древними дубами, коихъ вершины изображались въ тихой и спокойной поверхности водъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Смотрю на нихъ съ почтеніемъ; иду впередъ, и взору моему представляется полуразвалившаяся гробница. Сѣдой мохъ покрываетъ ее; гнѣзда хищныхъ птицъ находятся въ ея трещинахъ; эмблема смерти—черепъ изсѣченъ вверху, и еще примѣтны нѣкоторые остатки изглаженной надписи. При семъ видѣ я содрогнулся, трепетъ объялъ мое сердце. Но мало-по-малу бодрость моя возвратилась, страхъ исчезъ, нѣкоторая томность овладѣла мною, и мысль за мыслію тѣснились въ душѣ моей. Живо почувствовалъ я тутъ ничтожность всего подлуннаго, и вселенная представилась мнѣ гробомъ.

„Смерть, лютая смерть! сказалъ я, прислонившись къ изсохшему дубу, когда утомится рука твоя, когда притупится лезвее страшной косы твоей, и когда, когда престанешь ты посѣкать все живущее, какъ злаки дубравные? Ты неумолима, законъ твой непремѣненъ; ничто не избѣжитъ ударовъ твоихъ; ничто не подвигнетъ тебя на жалость... Тамъ вижу я прекраснаго отрока, подобнаго едва распустившейся розѣ; здѣсь лѣпообразнаго, сановитаго юношу, гордящагося превосходными дарованіями своими. Нѣжные родители не могутъ насмотрѣться на нихъ, не могутъ нарадоваться; ими дышатъ, ими живутъ—и надежда, что они будутъ нѣкогда славою своего рода, украшеніемъ своего времени, восхищаетъ чадолюбивое ихъ сердце. Тщетная надежда... одинъ махъ косы твоей—и ихъ нѣтъ... стонъ и вопль раздаются, но ты не внемлешь и спѣшишь къ новымъ жертвамъ. Спѣшишь—и мужъ добродѣтельный, коего вся жизнь посвящена благотворенію, коего примѣръ есть свѣтильникъ вверху горы стоящій, мужъ, достойный жить цѣлые вѣки, колеблется, падаетъ и еще разъ взглянувъ глазами любви на оставляемый имъ міръ, закрываетъ ихъ навѣки. Спѣшишь—и столѣтній старецъ, безпечно вчера игравшій съ милыми праправнучатами, сегодня впослѣднее прижимаетъ ихъ къ хладной груди своей, и сердце его перестаетъ биться. Ты спѣшишь далѣе, смерть грозная, и все—отъ хижины до чертоговъ, отъ плуга до скипетра—все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы твоей. И я, и я буду нѣкогда жертвою ненасытной твоей алчности, и кто знаетъ, какъ скоро? Завтра взойдетъ солнце—и, можетъ-быть, глаза мои, сомкнутые хладною твоею рукою, не увидятъ его. Оно взойдетъ еще—и вѣтры прахъ мой развѣютъ..."

Тутъ глубокое смущеніе объяло мой духъ и грудь моя поколебалась отъ вздоховъ. „Но почто смущаться сею мыслію, сказалъ я потомъ, развѣ нѣтъ оплота противъ ужасовъ смерти? Взгляни на сей лазоревый

сводъ: тамъ обитель мира, тамъ царство истины, тамъ отецъ любви. Смерть есть путь въ сію вѣчно-блаженную страну. Кто не угнеталъ слабыхъ, кто не притѣснялъ невинныхъ, и на кого горькая слеза сироты не вопіяла на небо, кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ, по возможности, старался дѣлать добро, тому нечего бояться. Смерть для него будетъ торжество, а гробъ лѣстница къ небу. Но вы, злодѣи, трепещите... Тутъ глаза мои устремились къ гробницѣ. „Скажи мнѣ, воскликнулъ я, чей прахъ вмѣщаешь ты, чьи кости въ тебѣ почиваютъ? Другъ ли человѣчества здѣсь спитъ сномъ безпробуднымъ, или *извергъ естества*, притѣснитель себѣ подобныхъ? Скажи: да омочу тлѣніе сіе слезою чувствительности, или да изреку..."

При словѣ семъ вдругъ вспорхнула изъ гробницы вѣщая сова и стономъ своимъ возмутила царствовавшую окрестъ тишину. Кровь во мнѣ волновалась, голова отяжелѣла; я почувствовалъ нѣкоторую слабость, и медленными шагами, съ растроганнымъ сердцемъ, возвратился въ сельскую свою кущу.

1789.

МИРЪ И ВОЙНА.

Зазвучали оружія брани, засверкали острые мечи, знамена гордо развѣваются въ воздухѣ, и пернатые шлемы осѣняютъ главы ратниковъ. Соединившись въ единое ополченіе, съ нетерпѣливостію ожидаютъ они знака къ сраженію. Раздается гласъ трубный, и подобно молніи летятъ они на враговъ своихъ; кровь брызжетъ подъ ударами; мечъ, разсѣкая воздухъ, съ свистомъ упадаетъ на крѣпкую броню; она зыблется, и багровая кровь струится по блестящей стали. Стонъ пораженныхъ, мѣшаясь со звукомъ оружій, раздается въ долинѣ, и земля дрожитъ подъ тяжкими стонами противоборцевъ.

Пламя войны все пожираетъ; ничто не сокроется отъ ужаснаго бича брани; тамъ пылаетъ домъ беззащитной вдовицы и подавляетъ ее своимъ паденіемъ; тамъ стонетъ сирота, лишенный родителей. Тщетно слабое дитя простираетъ невинныя свои руки, дабы испросить себѣ пощады; убійца, жаждущій крови, не смягчается и съ свирѣпствомъ поражаетъ свою жертву. Заструилась кровь изъ груди младенца, послѣдній вздохъ излетаетъ изъ сердца его, и блѣдность смерти покрываетъ его чело. Тщетно почтенный старецъ дрожащими стонами хочетъ сокрыться отъ ярости ожесточеннаго ратника; извергъ настигаетъ его и, не взирая на сѣдины старца, вонзаетъ дымящійся кровію мечъ въ трепещущее его сердце; онъ падаетъ, и смертный хладъ объемлетъ его чувства. Ужасъ крыломъ своимъ покрываетъ поле брани, и всѣ окрестныя мѣста трепещутъ отъ военныхъ громовъ; всюду отчаяніе и горесть поселились, и радость отвратила блестящій взоръ свой.

Поспѣши, благодѣтельный миръ, поспѣши утушить вражду человѣковъ, осѣни крыломъ твоимъ ратующихъ братій и излей бальзамическій сокъ твой въ сердца, возженныя пламенемъ войны.

Онъ нисходитъ, и свѣтлая струя радости пробѣжала въ сердца, горѣвшія злобою. Ратники, за часъ прежде сего яростно сражавшіеся и безъ жалости убивавшіе другъ друга, тѣ самые ратники съ дружелюбіемъ объемлются; мечъ не блистаетъ болѣе въ ихъ рукахъ, и кровь не кипитъ уже на свѣтлой стали; все утихло, и радость, окруженная лучами, явилась посреди воинства.

Супруги въ объятіяхъ семействъ своихъ вкушаютъ неизреченныя радости; сынъ на колѣняхъ объемлетъ руку сѣдовласаго родителя и съ геройскою улыбкою полагаетъ къ стопамъ его залоги своего мужества. Теплыя слезы текутъ изъ очей старца и орошаютъ румяныя щеки юноши, гордящагося таковымъ торжествомъ.

Все радуется, все восхищается.

Воинство вступаетъ во градъ, гдѣ милосердный монархъ, нѣжный отецъ своего народа и тщательно устрояющій блаженство своихъ подданныхъ, съ милостію пріемлетъ дѣтей своихъ и вкупѣ съ ними наслаждается плодами тишины.

Продлися, вожделѣнный миръ, продлися между людей; подъ тихимъ покровомъ твоимъ блаженство ихъ не поколеблется, и они въ тишинѣ будутъ наслаждаться благами жизни и дарами своего Творца.

ЖИЗНЬ И ИСТОЧНИКЪ.

Солнце торжественно появлялось на горизонтѣ, и заря, предшествуя ему, покрывала румянцемъ вершины горъ; природа скинула тихій покровъ ночи, и день на крыльяхъ зефировъ взлетѣлъ на лазурный сводъ неба. Морфей отлетаетъ въ царство тѣней, и сны, подобно рою пчелъ, послѣдуютъ за нимъ. Природа пробуждается; блестящій царь свѣтилъ, возсѣдя на лучезарной колесницѣ, сѣетъ животворные лучи на поверхность шара; тихая роса блеститъ и мало-по-малу исчезаетъ на листахъ древесъ, и жаворонокъ, стремяся въ высоту синяго неба, первымъ гимномъ поздравляетъ пробуждающуюся природу.

Сижу на возвышенномъ холмѣ, вѣнчающемъ пестрый лугъ; свѣтлый кристаллъ ручейка омываетъ подошву пригорка и оставляетъ перлы въ травѣ. Его журчанье трогаетъ мое сердце; голосъ соловья, тихо пробираясь сквозь священный дубовый лѣсъ, куда лучъ солнца не дерзаетъ проникнуть, мѣшается съ гармоніею потока, и эхо далеко его повторяетъ. Здѣсь, подъ навислыми утесами, въ молчаніи дремлетъ море, и его волны, величественно протекая неизмѣримое пространство, разбиваются о камни. Источникъ, который тамъ, подъ нѣжными сводами душистыхъ цвѣтовъ, скромно извивался черезъ лугъ, вдругъ по голому, неровному утесу, кипя, низвергается въ море, и струи его пропадаютъ тамъ такъ, какъ часы въ вѣчности.

„Разительная картина жизни!" сказало мое сердце, и флеровая мантія меланхоліи покрыла мои чувства; воображеніе на быстрыхъ крыльяхъ переносило меня отъ одной мысли къ другой, и полетъ его не находилъ предѣловъ.

„Скоро пролетаютъ дни наши, думалъ я, особливо дни счастія; долго текутъ часы несчастій, и ихъ теченіе оставляетъ глубокіе слѣды въ нашемъ сердцѣ".

„Человѣкъ, вышедъ изъ утробы матери, бываетъ чистъ и непороченъ; зло не дерзаетъ осквернить его своимъ прикосновеніемъ и страсти спятъ въ его душѣ; но это только младенецъ, онъ ничего не знаетъ, ничто не можетъ его тронуть, самая добродѣтель не имѣетъ прелестей въ глазахъ его; жизнь его подобна тому мѣсту, откуда вытекаетъ ручей, подобна зарѣ.— Ахъ! солнце не взошло еще; можетъ-быть, облака его закроютъ..."

„Изъ младенчества переступаетъ человѣкъ на стезю юности и теченіе жизни его уподобляется тогда струямъ ручья, журчащаго уже среди цвѣтовъ; но камешки препинаютъ путь его, такъ какъ страсти иногда совращаютъ юношу съ истиннаго пути. Если жъ благодѣтельная рука исторгнетъ сіи камни изъ волнъ источника, то бѣгъ его становится прозраченъ и чистъ. Если мудрый наставникъ гласомъ истины извлечетъ изъ неопытнаго сердца юноши жало страстей, то дни его просвѣтятся и солнце благоразумія разсѣетъ туманъ заблужденій.—Счастливъ тотъ юноша, который въ златое время своей непорочности посаждаетъ въ своемъ сердцѣ сѣмя добродѣтели; оно пуститъ корни и превратится въ дерево".

„Теперь источникъ жизни нашей становится быстрѣе, онъ течетъ по голому утесу, совратяся съ благовонныхъ луговъ, и съ шумомъ низвергается въ море. Человѣкъ приходитъ въ мужескія лѣта—и сѣмя добродѣтели не пустило корней своихъ въ его сердце, если порокъ прежде времени вырвалъ его оттуда, то—

несчастный—море заблужденій, море несчастій его поглощаетъ и ничто не въ силахъ его оттолѣ исторгнуть; онъ бьется между валовъ его и, думая достигнуть береговъ, только что отъ нихъ удаляется. О человѣкъ, для чего ты не слѣдуешь добродѣтели?"

„Наконецъ, приближается старость, и онъ погибаетъ въ пучинѣ. Тиха старость праведника, солнце чистой совѣсти оживляетъ ее своими лучами; оно закатится лишь тогда, когда поцѣлуй смерти похититъ его жизнь".

„Порочный, какая была цѣль твоя? Вдали предъ тобою синѣлся океанъ бѣдствій, и ты не задрожалъ; тогда только, когда увидѣлъ ты бѣгущую къ тебѣ смерть, тогда ты почувствовалъ ужасъ. Для чего не страшился ты пороковъ? Они ужаснѣе смерти. Для чего позволилъ ты развращенію исторгнуть сѣмя добродѣтели изъ твоего сердца? Для чего не далъ ты ему превратиться въ дерево? Ты бы умеръ—заснулъ подъ его тѣнью".

Смертный, берегись совращаться съ истиннаго пути, иначе ты, подобно источнику, будешь поглощенъ неизмѣримымъ *моремъ несчастій*.

РѢЧЬ НА АКТѢ

въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, 14 ноября 1798 г.

Любезные товарищи! Никогда еще не посѣщали сердца нашего толь сладкія чувства, какъ въ сіи достопамятныя для насъ минуты. Заслужить отличіе въ благонравіи, въ стремленіи къ добру, къ просвѣщенію; заслужить право первенства между вами, право, утвержденное собственнымъ признаніемъ безпристрастныхъ, невинныхъ сердецъ вашихъ—не есть ли восхитительно, неоцѣненно?—Заслужить!.. Нѣтъ, любезные товарищи, мы не заслужили толь лестнаго преимущества. Самая сія радость, самое сіе восхищеніе, которое вы читаете теперь въ глазахъ нашихъ, не есть ли уже слабость, малодушіе? Такъ, мы недостойны толь отличной оказанной намъ чести. Многіе изъ насъ имѣютъ, можетъ-быть, гораздо болѣе права на то первенство, коимъ вы насъ почтили по одному снисхожденію, по одной своей къ намъ любви. Не мы васъ, вы сами себя побѣдили, и поднесенный вами вѣнокъ другимъ, приличнѣе бы могъ украшать васъ самихъ. Мы слабы, неопытны, часто претыкаемся и падаемъ. Способности наши очень ограничены, достоинства малозначущи, поступки не такъ чисты и неукоризненны, чтобы можно было поставить ихъ въ образецъ подражанія, и если есть въ насъ что-нибудь доброе, то, можетъ-быть, единая готовность сдѣлаться нѣкогда прямо добрыми. Вотъ всѣ наши преимущества, вотъ единственное наше право на то драгоцѣнное для насъ первенство, коимъ вы насъ почтили. — Друзья любезные, при подножіи сихъ священныхъ для насъ *изображеній* *), поставленныхъ здѣсь пламенною нашею благородностію, еще дерзаемъ мы повторить торжественный обѣтъ свой, что употребимъ всѣ силы, да сѣмя добра, лежащее въ груди нашей, произраститъ спасительные плоды свои, и тѣмъ потщимся доказать, сколь высоко цѣнимъ мы снисходительное ваше о себѣ мнѣніе, и сколь признательность наша чистосердечна. Счастливы, счастливы будемъ, если предохранимъ кого-нибудь изъ васъ хотя отъ одного дурного поступка, влекущаго за собою горькія слѣдствія, если умножимъ хотя однимъ зерномъ его познанія, если приближимъ его хотя на одинъ шагъ къ добродѣтели.

Священная добродѣтель, не ты ли основаніе прямого нашего счастія? Не ты ли блюститель нашего спокойствія? Не ты ли тотъ чистый, неизсякаемый источникъ, изъ коего почерпаемъ мы всѣ истинныя свои наслажденія, всѣ радости, восторги, удовольствія? И блаженъ тотъ, кто исполняетъ священные твои уставы. Блаженъ тотъ, кто воинствуетъ подъ побѣдительнымъ знаменемъ твоимъ. Блаженъ, ибо никакія сопротивныя силы не поколеблютъ его, никакія бѣдствія и страданія не одолѣютъ. Душа его свѣтла и безмятежна, какъ покоящаяся при вечерѣ нива. Любезные товарищи, мы всѣ ищемъ пути къ счастію: онъ въ добродѣтели... Я знаю васъ: вкругъ сердца вашего обращается кровь благородная—и вы не можете не разумѣть меня: а сіе ваше вниманіе, сіи неподвижные взоры ваши, на меня устремленные, не показываютъ ли ясно, что вы жаждете заняться со мною нѣсколько минутъ симъ драгоцѣннымъ для всѣхъ насъ предметомъ. Повинуюсь—и слабою, дрожащею кистью изображу вамъ нѣкоторыя черты *добродѣтели*, увѣренъ будучи, что сія картина дѣтской руки моей не останется безъ дѣйствія.

Посмотрите на сего *благодѣтеля человѣчества*, посмотрите, какъ толпятся вокругъ его несчастные, какъ устремляютъ на него слезящее око благодарности, какъ расцвѣтаетъ веселіемъ томное чело ихъ. Это бѣдные, неимѣвшіе пристанища и получившіе покровъ отъ благодѣтельной руки его. — Посмотрите, какъ взоры его чисты, божественны. На ланитѣ блеститъ слеза восхищенія, въ душѣ царствуетъ миръ и тишина. Онъ есть благотворное нѣкое существо, обитающее не въ рукотворенномъ храмѣ, но въ скиніи обязанныхъ сердецъ. Здѣсь, въ семъ святилищѣ, поставленъ ему алтарь, на коемъ курится чистая, неугасаемая жертва благодарности: алтарь, коего рука времени не сокрушитъ и паденіе земли не поколеблетъ. Чистая, непорочная совѣсть друга человѣчества будетъ ему щитомъ противъ ударовъ ожесточеннаго рока, и украшеніемъ во дни счастія. Сонъ его есть сонъ праведника, и хотя бы камень служилъ ему возглавіемъ, хотя бы колючій тернъ былъ ему одромъ, то и тогда бы во всякой ранѣ его тѣла блистала роса душевнаго здравія.

Посмотрите на сего *бѣднаго*, лишеннаго одежды, пищи, пристанища, но *богатаго* добрымъ сердцемъ: посмотрите, съ какою твердостію покоряется онъ опредѣленіямъ судьбы. Сердце его покойно, подобно ясному солнечному дню, когда ни одно облачко не плаваетъ по лазури неба. Подъ соломеннымъ кровомъ своей хижины находитъ онъ то счастіе, коего вельможа ищетъ въ своихъ чертогахъ и не обрѣтаетъ. Кусокъ хлѣба, который достанетъ онъ въ потѣ лица своего, сладостнѣе для него роскошной пищи сластолюбца. Сколь часто, съ душевнымъ умиленіемъ, преклонивъ колѣно свое долу, устремляетъ онъ взоры свои туда, гдѣ царствуетъ вѣчная любовь, и говоритъ: „я бѣденъ, я несчастенъ: но Ты благъ, Отецъ Небесный; Ты не оставишь меня и наградишь мое терпѣніе". Такъ говоритъ онъ, и пламенная слеза, катящаяся изъ сердца его, не упадетъ на землю, но проникнетъ небеса и принесется во всесожженіе живущему на нихъ. Добродѣтельный человѣкъ твердъ въ несчастіи, непоколебимъ въ напастяхъ, и терпѣливо, безъ ропота проводитъ бѣдственную жизнь свою... Но можно ли назвать бѣдственною такую жизнь? Нѣтъ; пускай напыщенный богачъ ступаетъ по златошвейнымъ персидскимъ коврамъ, пускай стѣны чертоговъ его сіяютъ въ златѣ: злато сіе, многоцѣнныя исткания сіи—они помрачены вздохомъ угнетеннаго, кровію измученнаго раба. Нѣтъ; съ чистымъ сердцемъ, съ тихою совѣстію, предпочту я сѣнистый лѣсъ мраморному дворцу, гдѣ всякій камень, представляющійся глазамъ моимъ, возмутитъ мою душу; гдѣ неумолимое раскаяніе, съ блѣднымъ лицомъ, съ тусклымъ взоромъ, будетъ слѣдовать по стопамъ моимъ. Въ мирномъ убѣжищѣ простоты и невинности, въ тишинѣ лѣсовъ, съ подругой души своей, добродѣтелью, сооружу я изъ согбенныхъ вѣтвей чертогъ свой, и мягкій дернъ будетъ моимъ престоломъ.

Посмотрите далѣе на сего *невинно* заключеннаго *узника*. Мракъ темницы его объемлетъ, но свѣтильникъ добродѣтели ярко сіяетъ во глубинѣ души его.

---

*) Здѣсь разумѣются новопоставленные портреты гг. кураторовъ.—*Ж.*

Клочекъ соломы служитъ ему горестнымъ одромъ, и тяжкія оковы обременяютъ его руки. Но взгляните на лицо его: какая небесная радость, какое величіе. Душа его спокойна и сердце дремлетъ подъ щитомъ совѣсти. Онъ радуется, что скоро достигнетъ цѣли жизненнаго своего странствія, что скоро душа его, оставивъ бренную скинію тѣла, на легкихъ крыльяхъ будетъ протекать небесныя сферы, будетъ плѣняться восхитительною невѣдомою для смертнаго слуха гармоніею блаженныхъ небожителей. Каждый звукъ цѣпей напоминаетъ ему теченіе минутъ, приближеніе торжества. Сердце его пламенѣетъ, душа исполняется умиленія и онъ въ восторгѣ цѣлуетъ бременящія его узы. Когда жъ предстанетъ ему смерть и благодѣтельною рукою отверзетъ врата вѣчности, когда расторгнетъ покрывающую глаза его завѣсу и укажетъ предлежащую ему судьбу, тогда съ восторгомъ праведника, сбросивъ бренное свое покрывало въ объятіяхъ ея, устремится онъ туда, въ оныя вѣчноцвѣтущія поля, гдѣ нѣтъ ни зависти, ни злобы, ни мщенія, и гдѣ царствуетъ единая присноживая любовь.

Посмотрите на сего *добраго, честнаго поселянина*, окруженнаго многочисленнымъ семействомъ. Какъ онъ доволенъ! Желанія его умѣренны и счастіе обитаетъ въ его хижинѣ. Съ пришествіемъ дня выходитъ онъ на дѣланіе свое, и съ бодростію, съ удовольствіемъ принимается за работу. Когда жъ силы его начнутъ слабѣть и востребуютъ подкрѣпленія, онъ возвращается домой; жена и дѣти встрѣчаютъ его, и съ нѣжностію пріемлютъ въ свои объятія. Умѣренный обѣдъ, приправленный дружествомъ и любовію, утоляетъ его голодъ; послѣ краткаго отдохновенія снова принимается онъ за работу, и престаетъ трудиться тогда, когда солнце престаетъ освѣщать землю. Ночь наступаетъ; сонъ его тихъ и кротокъ, и совѣсть, молчащая въ душѣ его, засыпаетъ съ нимъ вмѣстѣ. Такъ проходитъ его день, такъ пройдетъ и жизнь его. Время рукою своею убѣлитъ власы его и покроетъ морщинами чело. Смерть, сія предвѣстница его блаженства, тихими шагами приближится къ нему, и онъ съ улыбкою непорочности бросится въ ея объятія.

Посмотрите на сего *героя*, на сего браннаго витязя. Преданность къ государю, ревность къ службѣ, любовь къ славѣ пламенѣютъ въ груди его. Отечество взываетъ къ нему: *спаси меня*! и онъ летитъ на поле брани; изсунетъ мечъ—и необоримыя силы валятся. Громъ умолкъ, молнія потухла, побѣда приноситъ свои лавры, но кого увѣнчаетъ она, гдѣ герой нашъ? Онъ здѣсь, любезные товарищи, на сихъ развалинахъ, на сихъ кучахъ пепельныхъ, на сихъ дымящихся кровію тѣлахъ, онъ здѣсь и проливаетъ слезы. Да будетъ благословенно имя твое, витязь бранный; сердце твое отверсто сострадaнію, ты скорбишь о человѣчествѣ, ты любишь добродѣтель.—

Но кто изочтетъ лучи солнца — и кто исчислитъ красоты добродѣтели, кто исчислитъ спасительныя ея дѣйствія? О священная добродѣтель!

Сіяешь ты въ вертепахъ темныхъ,
И въ самыхъ пропастяхъ подземныхъ,
Всегда свѣтла, мила, чиста.
Тебя вездѣ сопровождаютъ
Надежда, радость и покой;
Вселенну громы поражаютъ,
Но всюду благодать съ тобой.
Ты носишь въ сердцѣ вѣчну радость,
Твоя стихія миръ и сладость.
Блаженна жизнь, блаженъ твой сонъ.
Сады срѣтаешь въ дебряхъ райски,
Зимою дни вкушаешь майски;
Твой манна хлѣбъ, твой холмикъ тронъ.

Да будетъ тронъ ея и въ сердцахъ нашихъ, любезные товарищи. Что просвѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдь звенящая, кимвалъ бряцаяй, нечистый, заразительный источникъ. Просвѣщеніе и добродѣтель!—соединимъ ихъ неразрывнымъ союзомъ, да царствуютъ они совокупно въ душахъ нашихъ. Къ сему должны стремиться всѣ мысли и дѣла наши. Сего ожидаетъ отъ насъ отечество, ожидаютъ благотворные наши попечители, которые въ награду за всю свою къ намъ нѣжность, за всю любовь, за всѣ труды, о насъ прилагаемые, ничего больше не желаютъ, какъ только видѣть насъ просвѣщенными, добрыми и прямо счастливыми. Безчисленны къ намъ ихъ благодѣянія, но дѣла ихъ, но добродѣтельный примѣръ ихъ есть то, что мы драгоцѣннѣйшаго отъ нихъ получили.

Воззрите на сіи изображенія. Се ликъ *Шувалова.* Грозная судьба похитила его отъ насъ, но—сердце еще бьется въ груди нашей, и Шуваловъ тамъ живетъ. Другъ человѣчества, ты достоинъ вѣнца безсмертія, и грядущіе, отдаленные вѣки съ благоговѣніемъ повторятъ имя твое. — Се образъ *Мелиссина.* Любезные товарищи, почто не можемъ мы повергнуться на гробъ его, на сіе вмѣстилище драгоцѣннаго для насъ праха, почто не можемъ окропить его своими слезами. Отъ нихъ возросли бы на немъ цвѣты, и благоуханіемъ своимъ возвѣстили бы страннику: *здѣсь почіетъ покровитель наукъ.* — Шуваловъ! Мелиссино! тѣни ваши, можетъ-быть, носятся теперь надъ нами и улыбаются, видя любовь нашу. Божественная улыбка! она побуждаетъ насъ слѣдовать по стопамъ вашимъ, и если можно, вамъ уподобиться. Тѣни священныя, покойтесь въ селеніяхъ праведныхъ; мы не возмутимъ тишины вашей уклоненіемъ отъ пути добродѣтели. *Херасковъ*, добрый, чувствительный, незабвенный основатель сего благотворнаго мѣста, воспитанію благородныхъ юношей посвященнаго. Херасковъ съ досточтимыми своими *сотрудниками* насъ руководствуетъ.

Питомцы толь знаменитыхъ мужей, потщимся заблаговременно пользоваться благодѣтельными поученіями, изъ устъ наставниковъ нашихъ текущими. Время летитъ, и сѣмена мудрости и добродѣтели, насажденныя во дни юности въ умахъ и сердцахъ нашихъ, возрастутъ въ древо великое, коего плоды будемъ мы собирать и въ самой вѣчности.

1800.

КЪ НАДЕЖДѢ.

Надежда, кроткая посланница небесъ, тебя хочу я воспѣть въ восторгѣ души своей. Услышь меня, подруга радости, и ангельская улыбка твоя да будетъ мнѣ наградою.

Тобою всѣ живутъ и дышатъ, о божественная! Отъ вѣнценосца до пастуха, отъ перваго счастливца до послѣдняго бѣдняка, отверженнаго цѣлымъ міромъ, въ тебѣ находятъ всѣ отраду и услажденіе.

Безъ тебя царь несчастенъ на тронѣ своемъ и унылъ среди пышности, среди блеска, его окружающаго, среди хвалебныхъ въ честь ему восклицаній.

Безъ тебя герой хладѣетъ и лишается бодрости своей. Ты одушевляешь его, летящаго на поле брани, и среди окровавленныхъ труповъ, среди дымящихся развалинъ, среди кучъ пепельныхъ, ты показываешь ему растущіе побѣдные лавры.

Ты водишь плугомъ земледѣльца, въ потѣ лица воздѣлывающаго поле его, и поддерживаешь ослабѣвающую руку его, предвѣщая ему щедрую награду за труды.

Ты управляешь кораблемъ мореходца, плывущаго по зыбкимъ хребтамъ непостоянной и грозной стихіи въ страны отдаленныя, и веселишь сердце его, возвѣщая ему близкій предѣлъ его странствія, а тамъ—несмѣтныя ожидающія его сокровища.

Ты радуешь нѣжную мать, неусыпно пекущуюся о дѣтяхъ своихъ. Ты говоришь ей, что они будутъ нѣкогда украшеніемъ ея, подпорою, и извлекаешь изъ очей ея слезы восторга.

Ты утѣшаешь нищаго, оставленнаго человѣчествомъ, издыхающаго на голомъ камнѣ. Ты снимаешь благодѣтельною рукою покровъ съ томныхъ очей его и показываешь ему въ отдаленіи будущее—онъ взираетъ и видитъ могилу, конецъ своихъ страданій, за нею Бога, вѣчную радость; видитъ—и вооружается твердостію.

Ты озаряешь лучами отрады темницу узника, обремененнаго оковами и не обрѣтающаго сожалѣнія въ сердцахъ братій своихъ. Ты рождаешь бодрость въ унывающей душѣ его и льешь цѣлительный бальзамъ въ раны его сердца. Ты сопутствуешь ему до послѣдней минуты горестнаго бытія и провождаешь его даже за предѣлы гроба.

О надежда, усладительница нашихъ горестей, сопутствуй мнѣ на мрачномъ пути сея жизни; сопутствуй до того времени, когда ангелъ смерти, отворивъ таинственныя врата вѣчности, приметъ меня изъ объятій твоихъ и на крыльяхъ безсмертія понесетъ въ лучшій, блаженный міръ.

МЫСЛИ НА КЛАДБИЩѢ.

Ночь наступаетъ. *Молчаніе*, одѣянное мракомъ, величественно несется на землю—все безмолвствуетъ подъ кровомъ его ризы.

Луна, собесѣдница горестныхъ, медленно подъемлетъ блѣдное чело свое изъ-за отдаленныхъ горъ; слабо осребряетъ она кремнистыя ихъ вершины, и лучъ ея пробирается въ дремлющій лѣсъ; кажется, тѣни, чада молчаливой ночи, блуждаютъ въ густотѣ его.

Сѣрыя облачка опушаютъ задумчивый образъ луны—тѣмъ она любезнѣе, тѣмъ привлекательнѣе. Трепещущій лучъ ея, преломляясь о нихъ, тихо несется долу.

Здѣсь, въ обители смерти (на кладбищѣ), въ долинѣ спокойствія, разливаетъ онъ блѣдное сіяніе на могилы, скрывающія въ нѣдрѣ своемъ почившихъ, онъ мѣшается съ юными чадами весны, дышащими на нихъ благоуханіемъ, и, кажется, хочетъ проникнуть гробные камни, чтобы оживить тлѣніе.

Бьетъ полночь—это часъ смерти; луна на половинѣ пути своего; она прямо надъ моею головою; свѣтъ ея ударяетъ въ узкое окно развалившейся часовни и рисуетъ рѣшетки ея на руинахъ.

Облокотясь на падшій столбъ, смотрю я вокругъ себя—все молчитъ—почившіе спятъ сномъ непробуднымъ. Геній унынія, въ бѣлой одеждѣ, съ поникшею главою, сидитъ на гробовыхъ обломкахъ и стонетъ о бренности всего подлуннаго.

Они спятъ—сіи сыны тлѣнія; они спятъ—и кто ихъ пробудитъ?

Натура, одѣянная мракомъ, дремлетъ на лонѣ полуночи; все молчитъ; ни единый гласъ не взываетъ къ нимъ.

Все молчитъ въ благоговѣйномъ ужасѣ. Пустынный ручей тихо струится по камнямъ; соловей давно остановилъ громкія трели свои—все молчитъ...

Но се грядетъ утро. Съ высоты отдаленныхъ горъ несется благотворное сіяніе его долу. Натура пробуждается: все твореніе возглашаетъ гимны. Се грядетъ утро; но они спятъ.

Они спятъ, не внемля гласу взывающаго къ нимъ дня; они спятъ—и кто ихъ пробудитъ?

Спите, сыны тлѣнія; еще не время—наступитъ утро безсмертія; жизненный лучъ его проникнетъ въ сердце міра—и вы возстанете отъ сна своего.

Спите, сыны тлѣнія; еще не время...

ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ.

Послѣдній лучъ зари угасъ на западѣ, и ночь на крыльяхъ тишины спустилась на землю; луна въ кроткомъ сіяніи катится по синему своду небесъ, и лучи ея осребряютъ верхи дубовъ.

Стою у чистаго ручья: въ струистомъ кристаллѣ его трепещетъ образъ луны; на берегу воздвигнутъ обелискъ—смотрю, и при свѣтѣ луны вижу неизгладившуюся еще надпись: *побѣдителю.*

Побѣдителю! сказалъ я, и грудь моя поколебалась отъ вздоховъ.—Кто сей побѣдитель? Конечно, убійца тысячъ? И убійцъ называютъ побѣдителями, сооружаютъ имъ памятники для того, чтобъ потомство прославляло имена ихъ!..

Нѣтъ; пускай прославляетъ ихъ безумецъ; но тотъ, кто имѣетъ сердце, кто любитъ добродѣтель, тотъ съ ужасомъ отвратитъ взоръ отъ гордаго обелиска, вспомнивъ, сколько жертвъ пало прежде, нежели онъ воздвигнутъ.

Герои, куда стремитесь вы съ обнаженными мечами, за чѣмъ бѣжите?—За славою? За призракомъ, котораго вы не достигнете?—Оглянитесь: слѣды ваши обагрены кровію; тѣла убіенныхъ покрываютъ путь вашъ; злоба бѣжитъ съ вами, потрясая пламенникомъ своимъ; природа унываетъ вокругъ васъ, и бѣдствія ліются отъ руки вашей.

Гдѣ же сія слава, которой вы такъ алкали? Вѣнецъ на главѣ вашей, пустота въ сердцѣ—вы достигнете предѣла жизни своей, глыба земли покроетъ прахъ вашъ, рука времени низложитъ гордый обелискъ, въ честь вамъ воздвигнутый, и громъ дѣлъ вашихъ, раздавшись подобно эху, умолкнетъ.

Слеза благодарности на могилу—вотъ *вѣнецъ славы.* Благословенія несчастливца—вотъ *пѣснь торжественная.* Другъ человѣчества—вотъ *истинный герой*, котораго дѣла въ *сердцахъ*, котораго слава въ *вѣчности.*

1803.

О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ МАЛОРОССІЮ.

Вышла новая книга: *Путешествіе въ Малороссію*, изданная Кн. П. Шаликовымъ. Я читалъ ее съ примѣчаніемъ, съ удовольствіемъ, и желаю сообщить мысли, которыя при чтеніи родились въ головѣ моей, тому, кто захочетъ узнать ихъ.

При самомъ началѣ путешествія открывается цѣль автора. Changeons de lieu pour nous défaire du temps, говоритъ онъ, и ѣдетъ не съ тѣмъ, чтобы описывать города и провинціи, но съ тѣмъ, чтобы уѣхать отъ времени, и если можно, увезти читателя съ собою.

Не будемъ же искать въ этой книгѣ ни географическихъ, ни топографическихъ описаній... Авторъ думалъ объ одномъ удовольствіи читателя. Изъ отрывковъ его (сія книга составлена изъ отрывковъ) мы не узнáемъ, сколь многолюденъ такой-то городъ, могутъ ли ходить барки по такой-то рѣкѣ, и чѣмъ больше торгуютъ въ такой-то провинціи—мы будемъ бродить вмѣстѣ съ странникомъ, куда глаза глядятъ; взойдемъ вмѣстѣ съ нимъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра, послѣдуемъ глазами за бурнымъ теченіемъ рѣки, вздохнемъ близъ могилы его друга, освѣщенной лучами заходящаго солнца, и вмѣстѣ съ нимъ вспомнимъ о прошедшемъ, которое невозвратно, которое быстро скрылось и, можетъ-быть, унесло наше счастіе.

Кого не трогаетъ чувствительность? Кто не предавался меланхоліи? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взора на минувшее время юности? Молодой человѣкъ, съ пламенною душою, хотѣлъ бы, кажется, всю натуру прижать къ своему сердцу. Всюду летаютъ за нимъ мечты, сіи метеоры юнаго воображенія. Взоръ его стремится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ судьбу; хочетъ узнать, что готовится ему за таинственнымъ покровомъ, которымъ закрыта она отъ взоровъ любопытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ призраками, и счастливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая, живая молодость! Увядаютъ чувства, и бѣдный человѣкъ, лишенный магической силы, которая прежде созидала вокругъ его волшебный міръ,

напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной натурѣ: вокругъ него—развалины. Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ, воспоминанія—въ прошедшемъ, воспоминанія прелестныя и вмѣстѣ печальныя...

Ce peu d'instants, hélas! et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un désert, ces temps où le ramène
Le regret du bonheur et même de la peine!

Ахъ! кому не дороги сіи минуты слишкомъ быстрыя, сіи цвѣты увядшіе? И что́ бы осталось намъ въ этомъ мірѣ, когда бъ, заранѣе положивъ во гробъ свое сердце, мы не могли... Но я, кажется, хотѣлъ говорить о путешествіи господина Шаликова? Возвратимся къ нему.

Всякій скажетъ со мною: пріятно путешествовать! Единообразная, сидячая жизнь наскучитъ; душа наша любитъ перемѣны; одни и тѣ же предметы дѣйствуютъ на нее часъ-отъ-часу слабѣе, наконецъ, перестаютъ дѣйствовать, и она засыпаетъ: всегда новые предметы, безпрестанно ее возбуждая, не даютъ ей прійти въ разслабленіе, питаютъ ея силу. Правда, мы можемъ, и не выходя изъ горницы, быть дѣятельны и всегда находить новыя занятія для ума, души и сердца; не спорю—но если путешествіе доставляетъ намъ новое, пріятнѣйшее средство занимать свою душу, то мы не должны презирать его и можемъ имъ воспользоваться.

Путешественникъ съ образованною душою, съ чувствительнымъ сердцемъ никогда не узнаетъ скуки. Сцены природы, которая, какъ-будто напоказъ, выставляетъ передъ нимъ свои богатства; сцены городовъ шумныхъ, въ которыхъ тонкій, наблюдательный взоръ его будетъ слѣдовать за человѣкомъ по лѣстницѣ гражданскихъ состояній, отъ степени работника до степени законодателя—вотъ предметы, которыми займется душа его. Иногда, наскучивъ пестротою городскихъ обществъ, сойдетъ онъ съ блестящаго, многолюднаго театра, удалится въ мирное село, въ хижину земледѣльца и опытомъ повѣритъ слова сердца своего, что *счастіе живетъ въ объятіяхъ природы, въ простотѣ и невинности нравовъ*. Скопивъ сокровище новыхъ, разнообразныхъ идей и чувствъ, возвратится къ своимъ Пенатамъ, поставитъ свой посохъ въ уголъ своей хижины и, смотря на него, будетъ веселиться воспоминаніями. Онъ будетъ счастливъ или, по крайней мѣрѣ, достоинъ счастія. Кто украсилъ свою душу цвѣтами мудрости, тотъ имѣетъ право не бояться рока или ожидать его благодѣяній...

Но я опять забылъ свой предметъ и думаю, что наскучилъ читателю, если, разумѣется, имѣю читателя. Терпѣніе!

Я читалъ, повторяю, *Путешествіе* г. Шаликова съ удовольствіемъ и взялъ перо не съ тѣмъ, чтобы написать на него критику, а желая единственно сказать, что я... читалъ его. Человѣкъ, не слишкомъ строгій, не станетъ бранить меня за то, что отнимаю у него двѣ или три минуты, которыя, можетъ-быть, и безъ меня были бы потеряны для его удовольствія. Совѣтую всякому любителю русскихъ книгъ познакомиться съ нашимъ путешественникомъ и замѣтить особенно главы: *Могила друга, Яковъ садовникъ, Физіономія, Послѣдній взглядъ на Днѣпръ, Монастырь, Лѣтній вечеръ въ Малороссіи*; ручаюсь, что онѣ многимъ полюбятся; а между тѣмъ могу и выписать одну изъ нихъ—напримѣръ *„Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“*:

„Ежели въ теченіе дня сердце ваше было грустно, печально, то, вышедъ при захожденіи солнечномъ въ поле, вы пьете въ здѣшнемъ вечернемъ воздухѣ спасительныя струи Леты—забвенія всего, кромѣ счастія. Какая тишина, какой миръ льется въ душу! Какое благоуханіе, какая прохлада освѣжаетъ чувства! Сладкій *восторгъ объемлетъ* сердце ваше; цвѣтущія фантазіи окружаютъ воображеніе—вы счастливы и признаетесь въ счастіи своемъ! Нѣтъ! на уныломъ вашемъ сѣверѣ такихъ лѣтнихъ вечеровъ, какъ здѣсь, не бываетъ! Тамъ безконечный день истощитъ всѣ силы, и минутный вечеръ не успѣлъ предложить вамъ своихъ пріятностей; здѣсь—посреди лѣта—въ семь часовъ уже вечеръ—уже время прохлады, свѣжести и счастія. Одинъ, съ моими мечтами и съ моимъ сердцемъ, иду въ поле или рощу наслаждаться вечернею природою. Заботы и прискорбія дня исчезаютъ мгновенно въ животворныхъ объятіяхъ ея, подобно какъ въ объятіяхъ страстной любовницы или нѣжнаго друга; душа моя освобождается отъ всѣхъ тяжелыхъ узъ рока—и я благословляю участь свою. Смотря на прекрасный разноцвѣтный западъ—на солнце, которое, въ видѣ алаго яхонтоваго шара, съ величественнымъ спокойствіемъ опускается ниже, ниже, думаю о томъ времени, когда смотрѣлъ я на сіе великолѣпное зрѣлище природы изъ оконъ Д... или Т...; множество сладкихъ воспоминаній мнѣ представляется; съ благодарнымъ чувствомъ говорю *прости* миловидному солнцу; оглядываюсь кругомъ; ищу новыхъ прелестей, и вижу въ противоположности его другой, ему подобный шаръ—блѣдную луну, которая—по мѣрѣ того, какъ опускается и тускнѣетъ затмевающее ее свѣтило—возвышается и получаетъ сіяніе... Такъ счастіе одного смертнаго зиждется на бѣдствіи другого; такъ меркнетъ одинъ и уступаетъ блескъ другому!“

„Люди, вотъ образъ судьбы вашей“.—А мы примолвимъ: читатели, вотъ примѣръ слога нашего путешественника. Иной, прочитавъ эту статью, скажетъ самому себѣ: *поѣду въ Малороссію; тамъ такіе прекрасные вечера! Ахъ, если бъ скорѣе пришло лѣто!* Но я скажу ему на-ухо: не ѣзди въ Малороссію для однихъ лѣтнихъ прекрасныхъ вечеровъ; они и здѣсь, въ Москвѣ, прекрасны. Выйдешь на пространное Дѣвичье поле, тамъ, гдѣ возвышаются гордыя стѣны Дѣвичьяго монастыря, сядешь на высокомъ берегу свѣтлаго пруда, въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, изображаются и зубчатыя монастырскія стѣны съ ихъ башнями, и златыя главы церквей, озаренныя заходящимъ солнцемъ, и ясное небо, на которомъ носятся блестящія облака; сядешь, и съ тихимъ, спокойнымъ чувствомъ будешь смотрѣть, какъ солнце, приближаясь къ горизонту, начнетъ блѣднѣть, мало-по-малу терять свой ослѣпляющій блескъ и, обратясь въ багряный, пламенный шаръ, броситъ послѣдній, умирающій взоръ на тихую рѣку, на отдаленный лѣсъ, на монастырскія стѣны, на золотыя главы церквей и потухнетъ. А ты, мой любезный читатель, между тѣмъ, будешь сидѣть, задумавшись, мечтать, прислушиваться къ тихому гласу вечера, къ журчанію водъ, къ дыханію вѣтра, который будетъ колебать тростникъ, растущій на берегу пруда, и струить зеркальную воду; плѣнишься вечеромъ и... забудешь о Малороссіи.

1808.

ПИСЬМО ИЗЪ УѢЗДА

къ издателю „вѣстника европы“.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ новою должностію журналиста. Наши провинціалы обрадовались, когда услышали отъ меня, что ты готовишься быть издателемъ „Вѣстника Европы“; всѣ предсказываютъ тебѣ успѣхъ; одинъ угрюмый, молчаливый Стародумъ качаетъ головой и говоритъ: молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! подумалъ ли за какое дѣло берется; шутка ли выдавать журналъ.

Ты знаешь Стародума—чудакъ, котораго мнѣніе рѣдко согласно съ общимъ, который молчитъ, когда другіе кричатъ, и хмурится, когда другіе смѣются; онъ никогда не споритъ, никогда не вмѣшивается въ общій разговоръ, но слушаетъ и замѣчаетъ; говоритъ мало и отрывисто, когда матерія для него непривлекательна; краснорѣчиво и съ жаромъ, когда находитъ въ ней пріятность.

Вчера Стародумъ и нѣкоторые изъ общихъ нашихъ пріятелей провели у меня вечеръ, ужинали, пили за

твое здоровье, за столомъ разсуждали о Вѣстникѣ и журналахъ, шумѣли, спорили; Стародумъ, по обыкновенію своему, сидѣлъ спокойно, на всѣ вопросы отвѣчалъ: да, нѣтъ, кажется, можетъ-быть. Наконецъ, спорщики унялись; разговоръ сдѣлался порядочнѣе и тише; тутъ оживился безмолвный геній моего Стародума; онъ началъ говорить—сильно и съ живостію; литература его любимая матерія. Мало-по-малу всѣ замолчали, слушали; я не проронилъ ни одного слова и записалъ для тебя, что слышалъ.

„Друзья мои,—говорилъ Стародумъ,—желаю искренно пріятелю нашему успѣховъ; не хочу ихъ предсказывать, опасаясь прослыть худымъ пророкомъ, но буду радоваться имъ отъ добраго сердца; люблю словесность и русскую особенно: въ этомъ случаѣ не стыжусь пристрастія. Всякая хорошая русская книга есть для меня сокровище. Я подписывался и буду подписываться на всѣ русскіе журналы. Нѣкоторые читаю, другіе просматриваю, а на другіе только *смотрю*, поставляя излишнимъ искать въ нихъ хорошаго содержанія. До сихъ поръ „Вѣстникъ Европы", скажу искренно, былъ моимъ любимымъ русскимъ журналомъ: что будетъ впередъ, не знаю: помоги Богъ нашему общему пріятелю.

„Русскіе—говорю только о тѣхъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ и слѣдственно должны ограничить себя одною отечественною литературою—любятъ читать; но если судить по выбору чтенія и тѣмъ книгамъ, которыя, предпочтительно предъ другими, печатаются въ нашихъ типографіяхъ, читаютъ единственно для разсѣянія; подумаешь, что книгою обороняются отъ нападеній скуки. Раскройте „Московскія Вѣдомости"! о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ, и прочее и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство.

„Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой: занятіе безъ вниманія, пустая пища для ума, нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ забвеніи самого себя, безъ скуки и дѣятельности, совершенно потерянныхъ для будущаго. То ли называется, государи мои, чтеніемъ? Нѣтъ, такая привычка занимать разсудокъ пустыми бездѣлками болѣе мѣшаетъ, нежели способствуетъ образованію—и удивительно ли, что романы въ такой у насъ модѣ? Покуда чтеніе будетъ казаться однимъ постороннимъ дѣломъ, которое позволено пренебрегать; пока не будемъ увѣрены, что оно принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ привлекательныхъ обязанностей образованнаго человѣка, по тѣхъ поръ не можемъ ожидать отъ него никакой существенной пользы, и романы—самые нелѣпые—будутъ стоять на первой полкѣ въ библіотекѣ русскаго читателя. Пускай воспитаніе перемѣнитъ понятія о чтеніи; пускай оно скажетъ просвѣщенному юношѣ: обращеніе съ книгою приготовляетъ къ обращенію съ людьми—и то и другое равно необходимы; въ обществѣ мертвыхъ друзей становишься достойнѣе живыхъ—то и другое требуютъ строгаго выбора. Каждый день нѣсколько часовъ посвяти уединенной бесѣдѣ съ книгою и самимъ собою; читать не есть забываться, не есть избавлять себя отъ тяжкаго времени, но въ тишинѣ и на свободѣ пользоваться благороднѣйшею частію существа своего—мыслію; въ сіи торжественныя минуты уединенія и умственной дѣятельности ты возвысься духомъ, разсудокъ твой озаряется, сердце пріобрѣтаетъ свободу, благородство и смѣлость; самыя горести въ немъ утихаютъ. Читать съ такою цѣлію—дѣйствовать въ уединеніи съ самимъ собою для того, чтобы научить себя дѣйствовать въ обществѣ съ другими, есть совершенствоваться, стремиться къ тому высокому предмету, который назначенъ для тебя Творцомъ, часъ-отъ-часу болѣе привязываться ко всему доброму и прекрасному. О, друзья мои, какъ далеко отъ такой благородной дѣятельности духа сіе ничтожное, унизительное разсѣяніе, которое обыкновенно мы называемъ чтеніемъ книгъ.

„Дѣло идетъ о журналахъ. Въ Россіи—при такой сильной охотѣ читать въ такомъ нестрогомъ выборѣ чтенія—хорошій журналъ могъ бы имѣть самыя благодѣтельныя дѣйствія. Обязанность журналиста—подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчисленны: къ его услугамъ богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе—разборчивость. Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостію, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами: иногда разсуждая какъ моралистъ или метафизикъ о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда разсказывая повѣсть, въ которой идеальное нравилось бы сходствомъ своимъ съ существенностію, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романическимъ лицомъ и, можетъ-быть, объяснять многое, въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе созданіями поэзіи, прелестію стихотворной гармоніи, одушевляя мысли и чувства. *Политика* въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она питаетъ одно любопытство, и въ такомъ только отношеніи журналистъ описываетъ новѣйшіе и самые важные случаи міра; листы его, такъ-сказать, соединяютъ читателя со всѣми отдаленными и близкими краями земли: съ одной стороны открываютъ передъ глазами его сцену кровопролитія, съ другой сцену благоденствія и мира; знакомятъ его съ великими характерами, которыхъ вліяніе, благотворное или гибельное, слишкомъ замѣтно въ системѣ разнообразныхъ происшествій; даютъ понятія о новыхъ открытіяхъ человѣческаго ума, дѣйствующихъ на благо общества, къ извѣстнымъ способамъ пользоваться жизнію прибавляющихъ новые или болѣе совершенствующихъ старые. *Критика*—но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь—дочери богатства; а мы еще не Крезы въ литературѣ. Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ. А много ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу раскрыться нашимъ геніямъ; потомъ уже, указывая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ. Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики. Однимъ словомъ, въ русскомъ журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста, и я не совѣтую молодому пріятелю нашему вооружаться бичомъ Аристарха, хотя не запрещаю иногда обращать вниманіе читателя на нѣкоторыя новыя, замѣчательныя—и по тому самому рѣдкія—явленія словесности; довольно дѣла и безъ критики: пускай знакомитъ русскаго читателя съ предметами, достойными его ума; питаетъ живое, раздраженное, нетерпѣливое любопытство его новымъ, привлекательнымъ и небезполезнымъ. Конечно, пріятно было бы въ русскомъ журналѣ находить одно русское, собственное, незанятое; но можно ли этого требовать? Самый обширный умъ долженъ ограничить себя нѣкоторымъ только числомъ предметовъ, а первое достоинство журнала разнообразіе; какъ же хотѣть, чтобы журналистъ—умѣлъ говорить обо всемъ и съ одинаковой пріятностію? Довольно, если онъ будетъ говорить, о чемъ умѣетъ, и

такъ, какъ должно; словомъ, позволимъ ему, когда не имѣетъ своего, занимать насъ чужимъ; позволимъ собирать, не давая отчета, ученую подать со всѣхъ временъ и народовъ, не будемъ вмѣшиваться въ выборъ; единственное требованіе наше: удовольствія, удовольствія, занятія благороднаго и не пустого. Таковы обязанности журналиста—исполнитъ ли ихъ нашъ молодой пріятель, не знаю; согласенъ надѣяться хорошаго, а не худого; Богъ милостивъ! Желалъ бы, для чести журнала и собственно для себя, находить въ его листахъ произведенія нашихъ лучшихъ писателей, которыхъ стихи и проза такъ часто утѣшали меня въ моей пустынѣ, трогали, веселили, успокоивали мою душу: напримѣръ, и я, и всякій истинно русскій были бы, конечно, рады, когда бы какому-нибудь доброму человѣку пришла счастливая мысль подслушать, записать и напечатать въ Вѣстникѣ нѣкоторые монологи старика *Силы Андреевича Богатырева*, котораго теперь надобно искать не на Красномъ Крыльцѣ, а вѣрно въ какомъ-нибудь уединеніи, гдѣ, въ нѣдрѣ семейства, довольный самимъ собою, наслаждается онъ *яснымъ вечеромъ* жизни, работаетъ въ саду, разсказываетъ дѣтямъ о прежнихъ своихъ подвигахъ, учитъ ихъ добру и привязанности къ землѣ русской и часто, можетъ-быть, покоясь одинъ подъ древнимъ прародительскимъ дубомъ, разговариваетъ съ самимъ собою о томъ и о другомъ... Но, виноватъ! я отклонился отъ матеріи; люблю мечтать; на старости лѣтъ бываю иногда ребенкомъ.

„Обращаюсь къ журналамъ. Скажу опять: ожидаю великой пользы отъ хорошаго журнала въ Россіи! Произведенія философіи требуютъ особенной зрѣлости въ читателяхъ; одинъ любопытный, жадный, привыкшій къ дѣятельности умъ ищетъ удовольствія въ бесѣдѣ съ важною мыслію мудреца; творенія поэта цѣнимы однимъ образованнымъ вкусомъ; иногда великій духъ, опередившій своихъ современниковъ, блистаетъ въ толпѣ ихъ невидимо, и блескъ его замѣчается однимъ потомствомъ. Безъ нѣкоторой особенной готовности, безъ нѣкотораго пріобрѣтеннаго навыка размышлять и плѣняться изящнымъ, не можемъ пользовать дарами ума и искусства—въ такомъ случаѣ хорошій журналъ можетъ служить *приготовленіемъ*. Нерѣдко полезная книга или совсѣмъ, или очень долго не выходитъ изъ лавки книгопродавца: ея не читаютъ потому, что не ищутъ; она дѣйствуетъ исподоволь, на нѣкоторыхъ частныхъ людей, и очень медленно; напротивъ, хорошій журналъ дѣйствуетъ *вдругъ* и на многихъ, однимъ ударомъ приводитъ тысячи головъ въ движеніе. Прочесть толстую книгу отъ доски до доски, не упуская ни на минуту продолжительной нити идей и такъ, чтобы, закрывъ ее, можно было дать самому себѣ отчетъ, какою дорогою дошелъ до послѣдней мысли писатель, есть важный подвигъ, на который, по мнѣнію моему, не всякій, привыкшій къ легкимъ или пріятнымъ трудамъ, способенъ рѣшиться. Сочиненія, обыкновенно помѣщаемыя въ журналахъ, не требуютъ такой утомительной работы вниманія; они вообще кратки, привлекательны своей формою; трудишься, не чувствуя труда, слѣдуешь за авторомъ безъ всякой усталости, не замѣчая неволи, съ пріятностью, потому что видишь вблизи конецъ своего поприща; такія легкія, часто возобновляемыя усилія открываютъ дорогу къ труднѣйшимъ и болѣе продолжительнымъ: умъ въ движеніи, любопытство возбуждено, воображеніе и чувства пылаютъ. Итакъ, существенная польза журнала—не говоря уже о пріятности минутнаго занятія—состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости, нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать и читать съ цѣлію, съ выборомъ, для пользы. А слѣдствія такого чтенія? Какія счастливыя, какія благодѣтельныя!

„Я старъ, друзья мои; въ виду у меня одна могила; но, будучи прохлажденъ въ моихъ чувствахъ и почти равнодушенъ къ жизни, я еще не охладѣлъ къ добру, и часто юношескія мечты о будущемъ животворятъ увядшее мое сердце. Возможное, близкое благоденствіе отечества моего меня трогаетъ; охота читать книги—очищенная, образованная—сдѣлается общею; просвѣщеніе исправитъ понятія о жизни, о счастіи; лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживитъ умы. Что есть просвѣщеніе? Искусство жить, искусство дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука Промысла; въ самомъ себѣ находить неотъемлемое счастіе. Вообразите жъ такое просвѣщеніе общимъ—и назову ли его мечтою, рано или поздно оно будетъ—вообразите вокругъ себя людей довольныхъ, благодаря убѣжденію просвѣщеннаго ума, тѣмъ участкомъ благъ, большимъ или малымъ, который получили отъ Провидѣнія. Съ успѣхами образованности состоянія должны прійти въ равновѣсіе: земледѣлецъ, купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, каждый равно дѣятельный въ своемъ особенномъ кругѣ, и въ сей дѣятельности заключившій свое счастіе, равно увѣренный въ частныхъ преимуществахъ своего особеннаго званія, для котораго онъ приготовленъ, взирающій независтливымъ окомъ на преимущества чуждаго, которое для него несвойственно, сравняются между собою въ стремленіи къ одному и тому же предмету, въ стремленіи образовать, украсить, приблизить къ творческой свою человѣческую натуру. Одинакія понятія о наслажденіяхъ жизнію соединятъ чертоги и хижину. Взглянувъ на первые, будете говорить: тамъ средства находить счастіе разнообразнѣе и тонѣе; взглянувъ на послѣднюю, скажете: здѣсь средства находить счастіе простѣе и легче; но тамъ и здѣсь живутъ съ *одинакою* цѣлію. Человѣкъ непросвѣщенный, человѣкъ, не понимающій достоинства жизни, незнакомъ самому себѣ; одни *обстоятельста* даютъ ему счастіе; оно зависитъ отъ вѣтренаго мнѣнія людей, не можетъ существовать безъ свидѣтелей; онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы опереться на одномъ себѣ—просвѣщеніе уничтожаетъ сей обманъ: оно показываетъ человѣку, что самъ онъ всего выше, всего привлекательнѣе въ семъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ, представляющихся ему въ жизни. Просвѣщеніе стѣсняетъ сильныя, непорочныя связи, но разрываетъ слабыя или низкія: тогда увидите людей менѣе разсѣянныхъ въ шумномъ, обширномъ кругѣ свѣта, всему предпочитающихъ мирный и тѣсный кругъ семейства; въ семействахъ будетъ заключено сладкое счастіе, дѣятельность, награды, все, къ чему стремимся, къ чему привязано сердце, что радуетъ, возвеличиваетъ душу; понятія о супружествѣ очистятся; супружество не будетъ соединеніемъ однихъ приличій, но радостнымъ нераздѣлимымъ товариществомъ на пути къ счастію, въ единомъ дѣятельномъ исканіи совершенства; жилище двухъ супруговъ не будетъ мѣстомъ стеченія празднолюбцевъ, но мирнымъ святилищемъ невидимаго счастія, гдѣ обитаетъ невинность, куда летитъ дружба, гдѣ благодарностію хранится любовь, гдѣ часто восхищенный супругъ, простертый у ногъ своей супруги, глубокимъ, безмолвнымъ чувствомъ благодаритъ ее за тѣ радости, за то очарованіе, которыя разливаются окрестъ ея присутствія. Воспитанію—высокой пренебреженной обязанности человѣка въ священномъ званіи отца, обязанности, сближающей его съ Творцомъ, который и счастіемъ и несчастіемъ воспитываетъ человѣческій родъ—воспитанію возвратятся отнятыя права; любовь матери не будетъ однимъ врожденнымъ, непобѣдимымъ чувствомъ, но дѣятельностію просвѣщенною, основанною на правилахъ, дѣятельностію, имѣющею предметъ великій, образованіе совершеннаго. Молодая женщина, привязанная къ своему званію, не будетъ легкомысленныхъ забавъ предпочитать материнскимъ заботамъ, перемѣнчивыхъ удовольствій разсѣянности постоянному счастію семейственной жизни; равнодушный наемникъ не займетъ ея мѣста; несчастіе отказаться отъ лучшихъ насла-

жденій человѣческихъ, наслажденій отца или матери, не будетъ покупаемо цѣною золота... Но, друзья мои, замѣчаю, что я нечувствительно очутился на треножникѣ Пиѳіи: старость еще не прохладила моей головы—на краю гроба предсказываю золотой вѣкъ".

Глаза добраго Стародума сверкали; я забылъ объ его сѣдинахъ, видѣлъ передъ собою пылкаго молодого человѣка, плѣняемаго всѣми пріятными призраками надежды и воображенія, и съ чувствомъ пожималъ его руку.

„Мой другъ,—сказалъ онъ мнѣ съ любезнымъ простосердечіемъ,—пожелай отъ меня счастія общему нашему пріятелю. Онъ посвятилъ себя такому званію, которое уважаю. Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими, умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ—вотъ благородное назначеніе писателя. Счастливъ, когда Провидѣніе, наградивши его талантомъ, одарило и сердцемъ, способнымъ любить высокое, чуждымъ привязанностей унизительныхъ. Скажи молодому пріятелю нашему о томъ, что́ слышалъ отъ меня: онъ вѣрно уважитъ совѣты старика, въ глазахъ котораго ни лѣта, ни опытность не обезобразили міра; который, при концѣ своихъ дней, еще съ наслажденіемъ смотритъ на оставляемую имъ землю и съ радостнымъ чувствомъ, съ волненіемъ участія слѣдитъ глазами за пылкимъ юношею, который—воспаленный духомъ, влекомый надеждою, наполненный желаніемъ дѣйствовать для собственнаго и чужого добра—смѣло бросается въ открытое, для него еще новое и можетъ быть опасное поприще.

„Нашъ другъ, посвящая себя трудамъ писателя, долженъ забыть пріятную разсѣянность большого свѣтскаго круга; желаніе въ немъ блистать противно спокойнымъ занятіямъ автора. И можно ли съ симъ чистымъ, вѣрнымъ, всегда одинаковымъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ дѣятельностію ума, производящаго или пріобрѣтающаго новое, соединить безпокойное удовольствіе, доставляемое успѣхами въ свѣтѣ, побѣдами самолюбія, непрочными, слишкомъ непродолжительными для того, чтобы наслаждаться ими безъ волненія: одно уничтожаетъ другое. Ограничивъ себя уединеніемъ, гдѣ мысли сохраняютъ свободу, а чувства первоначальную живость и свѣжесть, онъ долженъ только мимоходомъ, изъ любопытства, для заимствованія нѣкоторой пріятной образованности, необходимо нужной писателю, заглядывать въ свѣтъ, сбирать въ немъ потребный запасъ и снова съ добычею возвращаться въ уединеніе; уединеніе пусть будетъ главнымъ театромъ его дѣйствій, когда желаетъ произвести нѣчто полезное для общества. Разсѣянность мѣшаетъ трудолюбію.

„Но можно ли—ты скажешь—совершенно отдѣлиться отъ людей, заключить себя въ четырехъ стѣнахъ, жить съ однѣми безмолвными идеями, съ одними воздушными созданіями воображенія? Даетъ ли одиночество счастіе? Кто жъ награждаетъ писателя, когда не люди, и гдѣ же слава его, когда не въ обществѣ? Мой другъ, я не хочу запереть пріятеля нашего въ келлію, но говорю ему: чѣмъ менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе. Ищи людей, которые способнѣе другихъ цѣнить твои работы: ихъ судъ есть голосъ современниковъ и приговоръ потомства. Имѣй друзей, согласныхъ съ тобою въ образѣ чувства, въ желаніи дѣйствовать и въ выборѣ цѣли; въ минуты уединеннаго труда помни о своихъ товарищахъ, которые—быть-можетъ, въ разныхъ сторонахъ земли—живутъ, думаютъ, дѣйствуетъ одинаково съ тобою, которые видятъ тебя, которыхъ жизнь твоя должна быть достойна, съ которыми совокупно исполняешь важное условіе бытія: любить и распространять добро; ихъ голосъ будетъ возбуждать тебя къ трудамъ, и дружеская осторожность предупреждать твои ошибки. Имѣй въ виду семейство, въ которомъ, со временемъ, на самомъ дѣлѣ ты могъ бы исполнить всѣ лучшія мечты, озаряющія твою душу въ часы уединеннаго размышленія; симъ сладостнымъ ожиданіемъ разсѣивай скуку временнаго одиночества: воображая, что дѣйствуешь въ глазахъ избраннаго, достойнаго любви, привязаннаго къ тебѣ сердцемъ существа, которое слѣдуетъ за тобою взоромъ, понимаетъ тебя, съ тобою раздѣляетъ надежды, живетъ, образуется твоими мыслями, которое нѣкогда за все наградитъ тебя счастіемъ, ты будешь дѣйствовать съ успѣхомъ, наслажденіемъ, неутомимо; ничто неблагородное не коснется твоей души; перо твое изобразитъ однѣ высокія мысли, достойныя современниковъ, которыя не умрутъ и для потомства... Однимъ словомъ, мой другъ, скажи пріятелю нашему, чтобы онъ опасался разсѣянія чрезмѣрнаго. Я сказалъ, гдѣ онъ можетъ искать отдыха, ободренія и награды.

„А слава?... Но что такое слава? Одобреніе всеобщее, тихій приговоръ немногихъ, который съ покорностію повторяетъ безчисленная толпа вслухъ; вдали она привлекательна, вблизи ничтожна. Удались отъ того театра, на которомъ она раздается безъ выбора, когда не хочешь, чтобы животворящая мечта о ней исчезла. Непристрастная, заслуженная похвала избранныхъ, которыхъ великое мнѣніе управляетъ общимъ и можетъ его замѣнить, вотъ слава истинная, продолжительная, достойная исканія. И можно ли предпочесть ей минутные успѣхи, получаемые въ толпѣ, которой рукоплесканія повинуются внезапному побужденію? Разбери достоинство сихъ случайныхъ похвалъ: одинъ хвалитъ изъ дружбы, другой изъ жалости, третій изъ противорѣчія, четвертый въ надеждѣ *подкупить*, пятый отъ равнодушія: для него все равно, хвалить или не хвалить, что скажется прежде, что прежде услышитъ отъ другихъ; шестой изъ зависти, желая оскорбить или унизить соперника; многіе ли потому, что истинно любятъ прекрасное и радуются, когда его замѣчаютъ? Скажи жъ, достойны ли уваженія такія похвалы? Не должно ли съ презирающимъ чувствомъ жалости смотрѣть на бѣдныхъ *претендентовъ* безсмертія, которые сумму такихъ похвалъ называютъ славою, которые заботятся, употребляютъ хитрости, разсыпаютъ ласкательства—для чего? Для того, чтобы изъ милости имъ бросили принадлежащее по праву, на колѣнахъ требуютъ вѣнка. Нѣтъ, мой другъ, кто неспособенъ опереться на благородное чувство собственнаго достоинства, кому не довольно утѣшительной хвалы немногихъ, но просвѣщенныхъ судей, необходимой потому, что человѣческая слабость требуетъ подпоры; кто сими двумя щитами не можетъ отразить оскорбленій зависти и клеветы, для кого все равно производить хорошее или худое, лишь бы похитить успѣхъ, тотъ долженъ отказаться отъ мнимыхъ своихъ правъ на славу. Онъ будетъ торжествовать, благодаря невѣжеству и легкомыслію, но торжество его не оставитъ и признака слѣдовъ; никогда не достигнетъ онъ благородной цѣли писателя—пользы, распространенія идей, благодѣтельныхъ для человѣчества, наслажденій, совершенствующихъ душу.

„Еще одно слово, другъ мой, и замолчу. Пріятель нашъ, когда не ошибаюсь, согласенъ со мною въ понятіяхъ о славѣ; надѣюсь, что онъ не унизитъ себя исканіемъ награды недостойной; но, можетъ-быть, и другія награды похититъ у него судьба, но, можетъ быть, назначено ему ограничить себя однимъ собою, и будущее не озарено для него никакимъ счастливымъ, никакимъ подкрѣпляющимъ ожиданіемъ; тогда мой другъ (и если я отгадалъ, то сожалѣю о немъ во глубинѣ души; желалъ бы подать ему руку, но хилая, трепещущая рука старца не можетъ служить подпорою: недолго пробуду на землѣ, и дружба наша была бы однимъ печальнымъ приготовленіемъ къ разлукѣ), тогда пусть ищетъ замѣны въ собственной дѣятельности; въ томъ удовольствіи, которое неразлучно съ любовію къ прекрасному, съ трудами ума, съ работами воображенія; въ той неотъемлемой наградѣ, которая, вопреки самой несправедливости людей, во-

преки зависти и клеветѣ, заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ *человѣкъ*, совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ*, трудясь съ намѣреніемъ (иногда мечтательнымъ, всегда благороднымъ) приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій. Мечта потомства—можетъ ли она служить прибѣжищемъ при недостаткѣ наградъ ближайшихъ и болѣе драгоцѣнныхъ, не знаю!—мечта потомства пускай, хотя въ отдаленіи, предъ нимъ блистаетъ. По крайней мѣрѣ—говорю убѣжденный моимъ сердцемъ—въ минуту прекращенія бытія, тогда, когда ничего кромѣ прискорбія о прошедшемъ не останется для человѣка, когда онъ чувствуетъ, что всему конецъ, но силится еще удержать летящую жизнь, мечта потомства должна быть прибѣжищемъ утѣшительнымъ: она воспламеняетъ угасающую душу его, удаливъ отъ нея страшную мысль небытія, и въ мірѣ, который онъ покидаетъ, представляя его очамъ не *гробъ*—печальный признакъ его ничтожества, но *памятникъ*—неизгладимый слѣдъ его жизни. Въ минуту рѣшительной борьбы онъ полонъ надеждою на прошедшее, какъ нѣкогда надеждою на будущее: одна непримѣтно смѣняетъ другую, и, нечувствительно забывшись, еще наслаждаясь нѣкоторымъ образомъ жизнію, которая вся заключена для него въ однихъ *воспоминаніяхъ*, имъ оставляемыхъ, съ отрадою переходитъ онъ въ усыпительныя объятія смерти".

Стародумъ пересталъ говорить; я не отвѣчалъ ни слова, и могъ ли отвѣчать? Мы разстались. Еще растроганный его краснорѣчіемъ, я сѣлъ писать къ тебѣ письмо и даю обѣщаніе самому себѣ, всякій разъ, когда невольная унылость во мнѣ поселится, когда почувствую нужду въ подпорѣ, итти къ Стародуму: душа старика еще пылаетъ.

КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и, слѣдовательно, прямо счастливый человѣкъ.

Свѣтъ называютъ театромъ—каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ, чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе: *добрый*, чтобы имѣть право именоваться *счастливымъ*.

Ты съ честію служишь отечеству; судья справедливый—всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ—никто не видалъ, чтобъ ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ. Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ: я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту *представленія*, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть-можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ—я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ — всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ, слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него не страшныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться однимъ скромнымъ для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастіе; когда замѣчаю окрестъ него порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь—тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ.

Великіе подвиги въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ *усиліемъ*. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда сердце твое наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою—гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ, и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человѣкъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но *добрый* получаетъ сіи отличія и почести на ряду съ *недобрымъ*, имѣющимъ одинакое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу — дарованіе. Въ чемъ же его преимущество собственное, ни съ кѣмъ не раздѣляемое?—Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ—плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту: и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцомъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ-называемые, счастливцы міра живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга; они боятся вступить въ его святилище. Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное посреди удовольствій однообразныхъ, но сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной.

Ты ищешь вѣрнаго счастія? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣр-

ныхъ и согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда еще его не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца: благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ. Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо для нея необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе о немъ будетъ твоею добродѣтелью. Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебя насладиться симъ благомъ рѣдкимъ—но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастію,—если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титлу все утраченное его достоинство; на языкѣ твоемъ счастіе будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ—истинно добрый и счастливый человѣкъ. Войдите въ его домъ веселый, скромный, гдѣ царствуютъ опрятность и чистота: при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? Не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастія? Вы видите передъ собой довольныя лица, плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ; здѣсь время пролетаетъ быстро; для каждой минуты есть собственно необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцомъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, которое неотрицаемо для сердца, испытавшаго прямую любовь, уповающій на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь,—вездѣ вы его найдете одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою стремится къ одной и той же цѣли—къ счастію, основанному на совершенствѣ моральномъ, который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда. Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними: главная дѣятельность его внутри семейства—мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ него унылость и скуку, возвышаетъ его, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые окрестъ него царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться—здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: они услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе; благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ жилище печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла: ты видишь передъ собою его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастія? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами ихъ милосердія? Молитва одинокаго человѣка есть требованіе; молитва семьянина есть благодарность.

Но, представляя себѣ счастіе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги, отецъ переживаетъ дѣтей—утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастіе жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ; ты жилъ вмѣстѣ съ ними; ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми существами; спутники твои исчезли... но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми дружественными тѣнями. Кто разъ насладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества; горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

ПИСАТЕЛЬ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Положеніе писателя въ большомъ свѣтѣ кажется вамъ затруднительнымъ: вы говорите, что онъ не долженъ надѣяться имѣть въ немъ успѣха,—мнѣніе, слишкомъ неограниченное. Вопреки ему, позволяю себѣ утверждать, что и писатель наравнѣ со всѣми можетъ съ успѣхомъ играть свою роль на сценѣ большого свѣта.

Прежде всего опредѣлимъ для самихъ себя: что называется, обыкновенно, большимъ свѣтомъ? Что значить имѣть въ немъ успѣхъ? Какими средствами успѣхъ сей пріобрѣтается?

Слово „большой свѣтъ“ означаетъ кругъ людей отборныхъ—не скажу лучшихъ—превосходныхъ предъ другими состояніемъ, образованностію, саномъ, происхожденіемъ; это республика, имѣющая особенные свои законы, покорная собственному, идеальному и всякую минуту произвольно смѣняемому правителю—модѣ, гдѣ существуетъ общее мнѣніе, гдѣ царствуетъ разборчивый вкусъ, гдѣ раздаются всѣ награды, гдѣ происходитъ оцѣнка и добродѣтелей и талантовъ. Вообразите множество людей обоего пола, одаренныхъ отъ фортуны или избыткомъ, или знатностію, соединенныхъ одни съ другими естественною склонностію къ общежитію, поставляющихъ цѣлію своего соединенія одно удовольствіе, заключенное въ томъ единственно, чтобы

взаимно другъ-другу нравиться—и вы получите довольно ясное понятіе о томъ, что называете большимъ свѣтомъ. Слѣдовательно, свѣтскій человѣкъ есть тотъ, который имѣетъ сношеніе всегдашнее и болѣе или менѣе тѣсное съ людьми, принадлежащими къ большому свѣту, которому обыкновенія и законы сей идеальной республики извѣстны въ точности—и тотъ, единственно, кто, пользуясь удовольствіями свѣта, умѣетъ самъ доставлять ихъ; кто, обладая общими, отъ всѣхъ признанными за дѣйствительные, способами нравиться, имѣетъ, сверхъ того, собственные, одному ему свойственные и заключающіеся въ особенности его ума, характера и способностей: тотъ единственно, говорю, можетъ съ одобреніемъ играть свою роль на семъ обширномъ театрѣ, гдѣ всякій есть въ одно время и дѣйствующій и зритель. Два рода успѣховъ свѣтскихъ. Къ первому надлежитъ причислить сіи мгновенныя торжества, пріобрѣтаемыя блестящими, но мелкими средствами. Представьте человѣка, устремившаго всѣ мысли свои на то единственно, чтобъ нравиться всегда, во всякомъ мѣстѣ и всѣмъ: наружностію, одеждою, краснорѣчіемъ языка, лица, движеній; онъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа обращаетъ на пользу свою всякое обстоятельство; умѣетъ въ разговорѣ своемъ быть и забавнымъ и важнымъ; неподражаемъ въ мелкихъ вещахъ: въ искусствѣ разсказать привлекательно и быстро анекдотъ или повѣсть, оживить своею изобрѣтательностію общественныя забавы, представить важное смѣшнымъ, или смѣшное важнымъ, сказать пріятнымъ образомъ лестное слово; онъ перелетаетъ изъ одного общества въ другое; одушевляетъ каждое мгновеннымъ своимъ присутствіемъ; исчезаетъ въ одномъ, чтобы явиться въ другомъ и снова исчезнуть; такого человѣка называютъ любезнымъ; ищутъ его для того, что онъ нуженъ для увеселеній общественныхъ; онъ имѣетъ въ свѣтѣ успѣхъ; никто не думаетъ о моральномъ его характерѣ; ему благодарны за то удовольствіе, которое доставляетъ онъ другимъ въ ту минуту, когда онъ съ ними. Другого рода успѣхъ, болѣе твердый и съ большею трудностію пріобрѣтаемый, основанъ на уваженіи, которое имѣютъ въ обществѣ къ уму и качествамъ моральнымъ. Чтобъ заслужить его, необходимо нужно усовершенствовать свой характеръ, имѣть правила твердыя, разсудокъ образованный, быть дѣятельнымъ для блага общаго; съ сими важными преимуществами надлежитъ соединять и мелкое, совершенно необходимое для пріобрѣтенія отъ общества благосклонности, искусство обращаться пріятно. Конечно, тотъ, кто имѣетъ въ виду одну благородную цѣль—заслужить всеобщее уваженіе качествами и поступками превосходными, отстанетъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ отъ человѣка, употребившаго всѣ дарованія свои на то исключительно, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ быть пріятнымъ; конечно, нѣкоторые мелкіе способы послѣдняго могутъ быть или неизвѣстны первому, или оставлены имъ безъ вниманія; но въ томъ же самомъ обществѣ, въ которомъ послѣдній будетъ восхищать другихъ своею любезностію, тайное предпочтеніе всегда останется на сторонѣ перваго: къ нему будутъ привязаны чувствомъ постояннымъ, чувствомъ, которое не уменьшится и въ его присутствіи, ибо своимъ обхожденіемъ простымъ, но пріятнымъ, онъ будетъ соотвѣтствовать своему характеру. Понятіе о человѣкѣ только любезномъ должно мѣняться съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ представляется обществу; о немъ не имѣютъ общаго мнѣнія; привязанность къ нему или уменьшается, или исчезаетъ въ ту самую минуту, въ которую онъ самъ скрывается отъ вашихъ взоровъ; онъ долженъ непремѣнно быть на сценѣ, чтобы могли о немъ помнить, или ему удивляться.

Теперь спрашиваемъ: почему писателю невозможно искать въ обществѣ успѣха, и званіе писателя противорѣчитъ ли состоянію человѣка свѣтскаго? Вы скажете, можетъ-быть: всякій писатель обыкновенными занятіями своими слишкомъ отдѣленъ отъ жизни свѣтской, шумной, разнообразной и неразлучной съ разсѣянностію. Согласенъ, если подъ именемъ свѣтской жизни разумѣете вы скучное состояніе праздныхъ, которые посвятили себя однимъ удовольствіямъ общественнымъ, которые безпрестанно живутъ внѣ себя, не имѣютъ ни занятія собственнаго, ни должности государственной, которыхъ девизъ—быть пріятными безъ пользы, а иногда и со вредомъ другихъ. Но вы видѣли, что успѣхъ въ свѣтѣ—не эфемерный, но истинный и продолжительный—соединенъ необходимо съ дѣятельностію полезною и качествами высокими. Нѣтъ человѣка, который назывался бы просто свѣтскимъ; каждый имѣетъ или долженъ имѣть особенное занятіе, которое на время отдѣляетъ его отъ свѣта и требуетъ уединенія болѣе или менѣе продолжительнаго; многіе подчинены обязанностямъ по службѣ, и всѣ вообще семейнымъ заботамъ. Обязанность писателя привязываетъ его къ уединенному кабинету, но разлучаетъ ли она его съ обществомъ, и можетъ ли воспрепятствовать быть ему членомъ большого свѣта наравнѣ съ другими, имѣющими каждый особенныя свои заботы и должности? Конечно, писатель, такъ же какъ и всѣ избравшіе какую-нибудь важную цѣль, не можетъ пріобрѣсти сего легкаго, пріятнаго блеска, которымъ украшены люди, почитающіе, такъ-сказать, единственнымъ своимъ ремесломъ искусство жить въ свѣтѣ; но онъ обладаетъ способами нравиться столь же дѣйствительными и безъ сомнѣнія благороднѣйшими.

Писатель—потому единственно, что онъ писатель—лишенъ ли качествъ человѣка любезнаго? Будучи одаренъ богатствомъ мыслей, которыя умѣетъ выражать лучше другого на бумагѣ, долженъ ли онъ именно потому не имѣть способности выражаться съ пріятностію въ разговорѣ, и обращаясь бо́льшую часть времени въ своемъ кабинетѣ съ книгами, осужденъ ли необходимо быть страннымъ и неискуснымъ въ обращеніи съ людьми? Не думаю, чтобъ одно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другого.

Вы утверждаете, что авторъ, вступая въ общество, долженъ быть непремѣнно жертвою коварнаго любопытства мужчинъ и взыскательнаго самолюбія женщинъ: мнѣніе сіе почитаю не совсѣмъ справедливымъ. Писатель, свѣтскій человѣкъ, будучи всегда въ свѣтѣ, не можетъ возбуждать особеннаго вниманія именно потому, что лицо его уже знакомо, и что онъ играетъ одинаковую роль со всѣми: роль собесѣдника, примѣняющагося къ другимъ своимъ обхожденіемъ, своею наружностію, своимъ тономъ. Въ свѣтѣ не любятъ отличій, неохотно показываютъ удивленіе, и рѣдкій бываетъ въ немъ предметомъ любопытства, которое само по себѣ есть уже знакъ отличія. Въ свѣтѣ ни отъ кого не требуютъ многаго, можетъ-быть, потому, что высокія требованія неразлучны съ признаніемъ великаго превосходства; а люди, особенно свѣтскіе, хотя вообще справедливые, не любятъ никогда обнаруживать такого признанія.

Прибавимъ: писатель имѣетъ въ обществѣ существенное преимущество предъ людьми болѣе свѣтскими: онъ можетъ порядочнѣе и лучше мыслить. Отъ умственной работы, которой посвящена большая часть его дня, пріучается онъ обдумывать тѣ предметы, которые свѣтскій человѣкъ только-что замѣчаетъ; будучи весьма часто одинъ съ собою, онъ имѣетъ гораздо болѣе времени возобновлять воспоминаніемъ то, что видѣлъ глазами; привычка приводить въ порядокъ, предлагать въ связи и выражать съ точностію свои мысли, даетъ понятіямъ его особенную ясность, опредѣленность и полноту, которыхъ никогда не могутъ имѣть понятія человѣка, исключительно занимающагося свѣтомъ: послѣдній, по причинѣ разнообразія предметовъ, мелькающихъ мимо его съ чрезвычайною быстротою, принужденъ, такъ-сказать, ловить ихъ на лету и устремлять на нихъ вниманіе свое только мимоходомъ. Уединеніе дѣлаетъ писателя глубокомысленнымъ; въ обществѣ

пріучается онъ размышлять быстро, и, наконецъ, заимствуетъ въ немъ искусство украшать легкими и пріятными выраженіями самыя глубокія свои мысли. Конечно, всякій писатель отъ образа своей жизни, болѣе или менѣе, ограниченнаго, долженъ быть нѣсколько отъ другихъ отличенъ, но развѣ отличіе и странность одно и то же? И нѣкоторое несходство съ другими, если оно не разительно, а только-что замѣтно, развѣ не имѣетъ своей пріятности? Человѣку естественно любить разнообразіе. Привыкнувъ мѣшать уединеніе съ свѣтскою жизнію, писатель удобнѣе другихъ можетъ сохранить особенность своей физіономіи; конечно, онъ будетъ имѣть съ другими нѣкоторое несходство, но въ то же время не отдѣлится отъ нихъ рѣзкою (слѣдовательно, непріятною) съ ними противоположностію. Оригинальность, разумѣется, натуральная, неподдѣльная, имѣетъ въ себѣ нѣчто любезное. Напримѣръ, задумчивая молчаливость, если она, впрочемъ, соединена съ пріятнымъ умомъ и не происходитъ ни отъ неловкости, ни отъ угрюмаго характера, понравится именно потому, что она служитъ легкою противоположностію веселому и слишкомъ вѣтреному многорѣчію людей свѣтскихъ.

Отчего же, спросите вы, бо́льшая часть писателей не имѣетъ никакого успѣха въ свѣтѣ, неловки въ обращеніи, и вообще менѣе уважаемы, нежели ихъ книги? Отъ трехъ причинъ, изъ которыхъ двѣ общія писателю со всѣми: отъ страстной привязанности къ своему искусству, отъ самолюбія, отъ ограниченности состоянія.

Всякая страсть, наполняя человѣческую душу предметомъ единственно ей любезнымъ, отдѣляетъ ее отъ всего внѣшняго и сему предмету чуждаго. Напримѣръ, взгляните на страстно влюбленнаго: каковъ онъ въ обществѣ? Молчаливъ, разсѣянъ, на лицѣ его написано задумчивое уныніе; свѣтская принужденность для него мучительна, мысли его тамъ, гдѣ его сердце: начните съ нимъ говорить: онъ будетъ вамъ отвѣчать несвязно, или безъ смысла; онъ скученъ, тяжелъ и страненъ. Таковъ честолюбивый, преданный тайнымъ своимъ замысламъ; таковъ и писатель, исключительно прилѣпленный къ своимъ идеямъ. Онъ неохотно является въ общество, и, находясь въ немъ, всегда бываетъ отъ него въ отсутствіи: въ шумную толпу людей переноситъ онъ уединеніе своего кабинета. Онъ неспособенъ примѣняться къ другимъ, и часто оскорбляетъ или грубымъ пренебреженіемъ обыкновенныхъ, ему одному неизвѣстныхъ приличій; не можетъ говорить пріятно, потому что неспособенъ внимательно слушать; въ то время, когда вы съ нимъ говорите, онъ, можетъ-быть, занятъ разрѣшеніемъ философическаго вопроса, или описываетъ въ воображеніи спокойный вечеръ, тоску осиротѣвшей любви, очарованный за́мокъ Альцины. Воображая, что предметы ему любезные для всѣхъ одинаково привлекательны, онъ утомляетъ ими ваше вниманіе, и перестаетъ васъ слушать, когда начинаете говорить ему о томъ, что важно для васъ самихъ. Имѣетъ ли такой человѣкъ нужду въ обществѣ, которое, можно-сказать, для него не существуетъ? Онъ обитаетъ въ особенномъ, ему одному знакомомъ, или имъ самимъ сотворенномъ мірѣ; существа идеальныя всегдашніе его собесѣдники; онъ ограниченъ въ самыхъ естественныхъ своихъ потребностяхъ: все то, что ему нужно, находится въ немъ самомъ, въ его идеяхъ, въ мечтахъ его воспламененнаго воображенія.

Другою причиною неуспѣховъ писателя въ свѣтѣ полагаю чрезмѣрность самолюбія, свойственнаго ему со всѣми другими людьми, но вообще въ писателяхъ болѣе ослѣпленнаго, примѣтнаго и смѣшного. Напримѣръ, взгляните на людей свѣтскихъ: одинъ, обманувши нѣсколько слабыхъ или вѣтреныхъ женщинъ, увѣряетъ себя, что уже ни одна изъ нихъ не можетъ быть для него непобѣдима: онъ страненъ своимъ излишнимъ уваженіемъ къ самому себѣ, своею самолюбивою надежностію на красоту свою и любезность; другой, сказавши нѣсколько острыхъ словъ, замѣченныхъ въ одномъ обществѣ и повторенныхъ его друзьями въ другомъ и третьемъ, обманывая себя самолюбіемъ, не открываетъ рта безъ того, чтобы не сказать остроты, ищетъ за каждое имъ произнесенное слово лестнаго одобренія въ глазахъ своихъ слушателей, и вмѣсто того, чтобы нравиться, бываетъ осмѣянъ. Таковъ и писатель; сдѣлавшись славнымъ по нѣкоторымъ превосходнымъ сочиненіямъ, онъ входитъ въ общество *торжествующимъ*; онъ требуетъ отъ другихъ удивленія, какъ дани ему принадлежащей; онъ говоритъ рѣшительно, воображая, что мнѣніе его должно имѣть перевѣсъ, что его ожидаютъ, что оно не можетъ не быть принято съ уваженіемъ; гордяся авторскими успѣхами, онъ смѣшиваетъ ихъ съ успѣхами свѣтскими, и вмѣсто того, чтобы примѣняться къ другимъ, воображаетъ, напротивъ, что другіе должны примѣняться къ нему. Вы смотрите на него пристально: онъ думаетъ, что вы ищете на его лицѣ того великаго ума, который сіяетъ въ его твореніяхъ. Вы молчаливы при немъ: это отъ робости, чтобы не сказать въ присутствіи великаго человѣка чего-нибудь глупаго. Вы разговорчивы—какое сомнѣніе? Вы хотите отличиться при немъ краснорѣчіемъ, познаніями, остроуміемъ. Два человѣка, ему незнакомые, шепчутъ, сидя въ углу; одинъ изъ нихъ безъ всякаго намѣренія на него взглянулъ—довольно: они о немъ говорятъ, они удивляются и прозѣ его и стихамъ, они въ восторгѣ отъ чрезвычайнаго таланта его. Такой человѣкъ долженъ натурально казаться педантомъ, смѣшнымъ, тяжелымъ, неловкимъ; онъ вооружаетъ противъ себя самолюбіе, подвергается гоненіямъ зависти, и отдѣляя себя отъ толпы для того, чтобы ему удивлялись, становится, напротивъ, предметомъ колкихъ насмѣшекъ и наблюденій коварныхъ. Прибавимъ: самолюбіе автора гораздо замѣтнѣе и смѣшнѣе самолюбія прелестниковъ и имъ подобныхъ, тонкаго, искуснаго и болѣе скрытнаго. Они всегда въ свѣтѣ, слѣдовательно и самыя странности ихъ менѣе разительны; ихъ суетная гордость прикрыта маскою простоты; они только изрѣдка себѣ измѣняютъ. Напротивъ, писатель, будучи весьма часто одинъ, и слѣдственно сохранивъ болѣе собственнаго въ своемъ характерѣ и обращеніи, отличнѣе отъ другихъ и въ смѣшномъ, и въ странномъ. Свѣтскій человѣкъ, научившись замѣчать, по многократному замѣчанію за другими, смѣшную сторону собственнаго своего самолюбія, умѣетъ ее и украшать цвѣтами пріятнаго. Писатель въ этомъ случаѣ простодушнѣе; будучи невнимателенъ къ другимъ и слѣпъ къ самому себѣ, онъ старается и не умѣетъ скрывать самолюбія своего, слѣдственно обнаруживаетъ его во всей его страности.

Третья причина случайная: ограниченность состоянія. Она можетъ мѣшать писателю наравнѣ съ другими пользоваться выгодами и удовлетворять требованіямъ свѣтской жизни. Лишенный способовъ играть одинаковую роль съ людьми, одаренными избыткомъ, и будучи не въ состояніи доставлять имъ тѣ удовольствія, которыя самъ отъ нихъ получаетъ, писатель—которому вмѣстѣ съ дарованіемъ досталась въ удѣлъ и бѣдность—принужденъ являться въ общество изрѣдка и то не иначе, какъ зритель, не имѣющій никакой тѣсной связи съ дѣйствующими на сценѣ его лицами. Сія необходимость быть простымъ зрителемъ препятствуетъ ему пріобрѣсть искусство обхожденія, познакомиться съ приличіями, узнать всѣ нужные обряды свѣтской жизни. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, составляющими большой свѣтъ, отчужденъ отъ нихъ своимъ состояніемъ, своими обстоятельствами, для нихъ неизвѣстными; являясь на глаза ихъ рѣдко, онъ всегда кажется имъ новымъ лицомъ, слѣдовательно, всегда обращаетъ на себя ихъ вниманіе, но вниманіе, производимое не достоинствами личными, а только новостію предмета, простое, можетъ-быть, оскорбительное любопытство. Чувствуя свое одиночество и свое неравенство въ способахъ наслаждаться свѣтскою жизнію

даже съ такими людьми, которые во всемъ другомъ его ниже, но поддержаны въ свѣтѣ или богатствомъ, или знатнымъ родомъ, чувствуя свое невѣжество въ наукѣ жить, извѣстной всегда тому, кто имѣетъ и можетъ только имѣть сношеніе съ большимъ свѣтомъ, онъ дѣлается робокъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ, слѣдовательно и неловокъ, и страненъ; непріятность играемой въ обществѣ роли прилѣпляетъ его часъ-отъ-часу болѣе къ уединенію, часъ-отъ-часу болѣе отчуждаетъ отъ свѣта, и слѣдовательно дѣлаетъ его часъ-отъ-часу неспособнѣе имѣть въ немъ какой-нибудь успѣхъ.

Но писатель, который отъ ограниченности своего состоянія не имѣетъ способовъ наслаждаться пріятностями большого свѣта, ужели долженъ почитать потерю свою весьма важною? Нѣтъ, конечно. Свѣтская жизнь имѣетъ много привлекательнаго, но только для тѣхъ, которымъ даны средства пользоваться всѣми ея преимуществами безъ исключенія. Человѣкъ, желающій, несмотря на препятствія, бѣдностію ему положенныя, оспаривать у сихъ счастливцевъ удовольствія, на которыя, такъ-сказать, сама Фортуна дала имъ полное право, получитъ въ награду одно оскорбительное чувство собственнаго безсилія. Писатель съ дарованіемъ истиннымъ щедро вознагражденъ природою за всѣ обиды пристрастной Фортуны. Имѣя въ виду одни благородныя занятія мыслящаго, богатаго чувствомъ и любовію ко всему прекрасному человѣка, онъ будетъ въ тишинѣ души довольствоваться скромнымъ своимъ удѣломъ, своею дѣятельностію въ маломъ кругѣ; онъ будетъ довольствоваться распространеніемъ своего ума и ограниченіемъ своего сердца. Утрату разнообразія въ удовольствіяхъ замѣнитъ онъ продолжительностію ихъ и полнотою. Для него человѣческое общество раздѣлено будетъ на два круга: одинъ обширный, въ который онъ входитъ изрѣдка съ твердою рѣшимостію быть просто зрителемъ спокойнымъ, холоднымъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ требованій и надеждъ, безъ всякаго соперничества съ людьми, желающими въ немъ торжествовать, равнодушный къ собственнымъ своимъ неуспѣхамъ, желающій единственно пріобрѣтенія нѣкоторыхъ новыхъ понятій, нѣкоторой образованности, необходимой его таланту; онъ будетъ незамѣченъ, это вѣрно; зато не будетъ и страненъ, ибо въ свѣтѣ находятъ странными одни усилія самолюбивыхъ, безполезно желающихъ отличить себя предъ другими какимъ-нибудь превосходствомъ; тихая скромность будетъ его украшеніемъ. Вся дѣятельность его въ семъ кругѣ ограничится единственно тѣмъ вліяніемъ, которое онъ можетъ имѣть на него посредствомъ своего таланта. Другой кругъ—тѣсный, есть тотъ, въ которомъ онъ счастливъ, любимъ и любитъ, гдѣ онъ имѣетъ успѣхъ безъ всякаго усилія, не прибѣгая къ утонченному и коварному искусству; тамъ его уединеніе, гдѣ онъ наслаждается жизнію, въ трудѣ безмятежномъ и полезномъ, гдѣ онъ бесѣдуетъ съ самимъ собою, гдѣ онъ высокими чувствами и мыслями совершенствуетъ душу свою, гдѣ онъ ввѣряетъ бумагѣ сокровище собственныхъ мыслей и чувствъ для пользы современниковъ, быть-можетъ, и для пользы потомковъ; тамъ его друзья, соединенные съ нимъ одинаковою дѣятельностію, сходствомъ жребія, склонностей, дарованій; ихъ строгая разборчивость его образуетъ, ихъ благодѣтельное соревнованіе животворитъ въ немъ творческій пламень, въ ихъ искренней похвалѣ его воздаяніе и слава; тамъ, наконецъ, его семейство. Для писателя, болѣе нежели для кого-нибудь, необходимы семейственныя связи; привязанный къ одному мѣсту своими упражненіями, онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой; въ уединенномъ жилищѣ своемъ, послѣ продолжительнаго умственнаго труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любезныхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; не имѣя вдали ничего достойнаго исканія, онъ долженъ вблизи, около себя соединить все драгоцѣннѣйшее для его сердца; вселенная, со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслитъ и гдѣ онъ любитъ.

О НОВОЙ КНИГѢ: УЧИЛИЩЕ БѢДНЫХЪ,

соч. госпожи Ле-Пренсъ де-Бомонъ, перев. съ франц. Настасьи Плещеевой. 2 ч., въ тип. Пл. Бекетова.

Издатель Вѣстника почитаетъ за долгъ сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ, по многимъ отношеніямъ весьма полезной.—Въ Россіи, со времени размноженія школъ, средства просвѣщенія сдѣлались общими—купцы, ремесленники, даже простые земледѣльцы начинаютъ учиться, читаютъ, слѣдовательно, образуются. Просвѣщеніе—что́ бы ни говорили о немъ суровые люди, которые судятъ о вещахъ по одному только ихъ злоупотребленію—необходимо для человѣка во всякомъ состояніи и можетъ быть благодѣтельно въ самой хижинѣ земледѣльца. Я разумѣю подъ именемъ просвѣщенія пріобрѣтеніе настоящаго понятія о о жизни, знаніе лучшихъ и удобнѣйшихъ средствъ ею пользоваться, усовершенствованія бытія своего, физическаго и моральнаго. Человѣкъ, въ какомъ бы тѣсномъ кругу ни заключила его судьба, имѣетъ умъ, требующій занятія, удовольствія, образованія, слѣдовательно, могущій быть просвѣщеннымъ, болѣе или менѣе. Не говоря о тѣхъ классахъ людей, которымъ потому именно необходимо просвѣщеніе, что они выше другихъ состояніемъ (слѣдовательно, должны быть выше и образованностію), скажемъ, что люди низкіе—ремесленники, земледѣльцы—должны быть до нѣкоторой степени образованы. Мы видимъ ихъ провождающихъ дни свои въ трудѣ и заботахъ: сохранить тѣлесную свою жизнь, не умереть съ голоду, имѣть уголъ, не быть нагимъ—вотъ цѣль, для которой почитаетъ себя созданнымъ бѣдный работникъ. Будемъ ли мы съ нимъ согласны? Скажемъ ли, что понятія благородныя и наслажденія болѣе достойныя человѣка принадлежатъ только тѣмъ, которыхъ судьба наградила нѣкоторымъ достаткомъ? Конечно, ремесленникъ и земледѣлецъ, утомленные тяжкою работою, имѣютъ мало времени думать: обыкновенно, свободныя минуты ихъ посвящены или бездѣйственному отдыху, или удовольствію шумному. Но просвѣщеніе простого ремесленника или земледѣльца, которыхъ вся дѣятельность ограничена грубою работою въ тѣсномъ кругу ихъ семейства, не должно почитать ни многосложнымъ, ни многообъемлющимъ; простыя понятія чистой морали, весьма необширныя, но вообще для каждаго человѣка необходимыя; знакомство съ нѣкоторыми пріятными чувствами, которыя, трогая сердце и оставляя на немъ слѣды неизгладимыя, дѣлаютъ его добрѣе и чище; точнѣйшее свѣдѣніе о тѣхъ вещахъ, которыя принадлежатъ къ особенному званію каждаго—напр., для ремесленника о его ремеслѣ, для земледѣльца о земледѣліи—вотъ просвѣщеніе людей простыхъ и ограниченныхъ. Смотря на грубыя занятія ихъ, на шумныя, часто отвратительныя и вредныя ихъ удовольствія, осмѣлимся ли сказать, что натура, безпристрастная благотворительница всѣхъ тварей своихъ, навсегда отказала имъ въ наслажденіяхъ благородныхъ? Но развѣ не имѣютъ они собственнаго своего счастія? спро́сите вы. Конечно, имѣютъ. Но сіи люди, которые довольствуются счастіемъ грубымъ, ужели неспособны постигать счастія высшаго? Ремесленникъ, который находитъ удовольствіе свое въ пьянствѣ, именно отъ того, что лучшее удовольствіе неизвѣстно ему, ужели осужденъ навсегда сохранить сіе несчастное, погибельное для него невѣжество? И можетъ ли быть такое состояніе въ обществѣ человѣческомъ, въ которомъ бы человѣкъ, существо умное и способное совершенствоваться, ничѣмъ инымъ не долженъ былъ отличаться отъ грубаго скота, кромѣ образа?—Какого же просвѣщенія требую для простолюдиновъ? Ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнію въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достой-

нымъ человѣчества образомъ,—слѣдовательно, не учености. И нужно ли земледѣльцу занимать себя предметами, слишкомъ отъ него отдаленными, украшающими разсудокъ, привлекательными для любопытства, но вообще не приносящими никакой существенной пользы? Излишество для него вредно. Занятія глубокомысленнаго ума требуютъ свободы и праздности: они отвлекли бы его, а, можетъ-быть, и навсегда отвратили бы отъ главныхъ, соединенныхъ съ его званіемъ упражненій; желаю, напротивъ, чтобы онъ, по мѣрѣ распространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимущества, ими наслаждаться или сносить несчастія, необходимо съ нимъ соединенныя: просвѣщеніе должно убѣдить его, что онъ можетъ быть счастливъ, можетъ быть человѣкомъ во всѣхъ состояніяхъ. Нѣтъ, не желаю для него учености, но знаю, что нѣкоторыя истины, нѣкоторыя чувства для него не могутъ быть чужды; всякій земледѣлецъ, всякій ремесленникъ можетъ возноситься душою къ Божеству, не такъ, какъ умствующій метафизикъ, но такъ, какъ благородный сынъ природы, знакомый съ благодѣяніями своего Создателя, въ простотѣ сердца, неиспорченнаго и мирнаго. Великолѣпіе натуры закрыто ли для его взоровъ? Ему недостаетъ одного вниманія. Хочу, чтобы онъ не лишенъ былъ наслажденій сердца, удовольствій ума; хочу, чтобы не предпочиталъ имъ, или, за недостаткомъ ихъ, не былъ принужденъ искать чувственныхъ забавъ, убійственныхъ для души и умерщвляющихъ самое тѣлесное здоровье. Скажите, такое просвѣщеніе противно ли состоянію ремесленника, земледѣльца и имъ подобныхъ?—Въ Россіи, съ заведеніемъ *уѣздныхъ и сельскихъ школъ*, открыта къ нему дорога для всякаго простолюдина. Русскіе купцы, мѣщане, ремесленники—не говорю о земледѣльцахъ, которыхъ судьба зависитъ отъ помѣщиковъ—учатъ дѣтей читать и писать. Кругъ воспитанія ихъ самый ограниченный. Спрашиваю, однако: какую истинную пользу можетъ имъ принести такое воспитаніе? Много ли, напримѣръ, имѣемъ такихъ книгъ, которыя были бы для нихъ прямо полезны? Вышедъ изъ училища, они принуждены или отказаться отъ чтенія, или обременять свою голову понятіями, для нихъ ненужными, нерѣдко весьма вредными. Напр., какую пищу найдетъ простолюдинъ въ исторіи, представляющей ему такія происшествія, въ которыхъ ему несвойственно принимать участія? Романы, привлекательные для свѣтскаго человѣка, именно потому, что онъ находитъ въ нихъ ту самую сцену, на которой и самъ играетъ какую-нибудь роль, знакомятъ простолюдина съ людьми, отдѣленными отъ него званіемъ, обычаями, образованностію; воображеніе переноситъ его въ такой міръ, изъ котораго навсегда онъ исключенъ судьбою; невольно дѣлаетъ сравненіе онъ между собою и мечтательными героями романовъ и, можетъ-быть, научается не уважать самого себя въ ограниченномъ своемъ состояніи. То же почти можно сказать и о другихъ книгахъ, которыя или писаны языкомъ слишкомъ высокимъ для людей, привыкшихъ выражаться просто, или разсуждаютъ о предметахъ имъ чуждыхъ. Словомъ, мы *не имѣемъ* еще *полезныхъ для простолюдина книгъ*, и вѣроятно, что еще долго не будемъ имѣть ихъ. Много ли найдется писателей, которые захотѣли бы жертвовать талантомъ своимъ такому кругу людей, которыхъ одобреніе не можетъ быть удовлетворительно для авторскаго самолюбія? Но быть полезнымъ, конечно, благороднѣе, нежели быть славнымъ; и человѣкъ съ дарованіемъ, который захочетъ посвятить нѣсколько лѣтъ жизни своей единственно тому, чтобъ языкомъ простымъ и понятнымъ проповѣдывать счастіе въ хижинахъ земледѣльца, въ обителяхъ нищеты и невѣжества, чтобъ разбудить въ простыхъ и грубыхъ сердцахъ благородныя чувства и познакомить ихъ съ наслажденіями истинными: такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, не пріобрѣтетъ имени писателя славнаго,—ибо онъ рождается только въ кругу образованнаго свѣта,—но онъ найдетъ награду во внутреннемъ убѣжденіи своего сердца, которое скажетъ ему: ты былъ полезенъ; ты безкорыстный благотворитель бѣдныхъ; они воздадутъ тебѣ не громкими рукоплесканіями, но собственнымъ своимъ счастіемъ, къ которому дорога указана имъ тобою.—*Библіотека* поселянъ, ремесленникомъ и имъ подобныхъ не можетъ быть многочисленна. Желаю, чтобы она составлена была изъ такихъ книгъ, которыя, не отвлекая ихъ отъ ограниченнаго ихъ состоянія, напротивъ, всегда устремляя на него мысли ихъ, открывали имъ способъ находить въ немъ счастіе, имъ возможное. Самыми необходимыми почитаю слѣдующія: *Катехизисъ морали*—предложенной просто, безъ всякаго витійства, объясняемой примѣрами—но примѣрами, взятыми изъ жизни тѣхъ людей, для которыхъ она предлагаема, и, что всего важнѣе, основанной на правилахъ священнаго христіанскаго ученія; *Общія понятія о натурѣ, о главныхъ ея законахъ, о нѣкоторыхъ явленіяхъ небесныхъ*—совершенное невѣжество, въ этомъ отношеніи, бываетъ причиною многихъ смѣшныхъ и даже вредныхъ предразсудковъ; *Энциклопедія ремесленниковъ и земледѣльцевъ*—въ этой книгѣ была бы предложена, ясно и кратко, теорія земледѣлія и всѣхъ ремеслъ, т.-е. всѣ главныя и нужныя ремесленнику и земледѣльцу для успѣшнаго исполненія ихъ обязанностей правила; *Повѣсти и сказки*, которыхъ герои были бы взяты изъ состоянія низкаго и представлены на сценѣ, знакомой самимъ читателямъ: эта книга была бы необходимымъ дополненіемъ къ *Катехизису морали*; *Общія правила, какъ сохранять свое здоровье*, нужны для тѣхъ людей, которымъ здоровье такъ дорого и которые, потерявъ его однажды, уже не имѣютъ почти никакихъ способовъ возстановить его снова; наконецъ, *народныя стихотворенія*, въ которыхъ воображеніе поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубыхъ очей простолюдина; въ душу его, вмѣстѣ съ стихами, врѣзались бы нѣкоторыя высокія понятія о Божествѣ; мысли его пріобрѣли бы нѣкоторую живость, а чувства сдѣлались нѣжнѣе. Вотъ книги, которыя желалъ бы я найти во всякой уѣздной и деревенской школѣ; которыми въ праздное время желалъ бы занять ремесленника, земледѣльца и слугу, принужденнаго посвятить всю свою жизнь на исполненіе воли другихъ; вотъ чтеніе, которое могло бы быть истинно для нихъ полезно. Желаю—и, быть-можетъ, сіе желаніе не останется тщетнымъ—чтобы нѣкоторые изъ соотечественниковъ моихъ, воспламененные человѣколюбіемъ, соединились для распространенія благодѣтельнаго свѣта въ умахъ бѣдныхъ своихъ согражданъ, осужденныхъ проводить всѣ дни свои въ тяжкомъ трудѣ и ограничившихъ всю дѣятельность свою сохраненіемъ одной тѣлесной жизни! Мы имѣемъ Академію Наукъ и Художествъ, почему же не можемъ имѣть Академіи для *просвѣщенія простолюдиновъ?*

Книга, которая подала намъ поводъ къ сему разсужденію—*Училище бѣдныхъ*—можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ библіотекѣ простолюдина: она заключаетъ въ себѣ всѣ главныя правила практической морали, сдѣланной искусствомъ автора привлекательною для такихъ людей, которые вообще или не любятъ читать, или читаютъ однѣ пустыя сказки. Почтенная переводчица, которая посвятила общей пользѣ нѣсколько дней своей старости, безъ сомнѣнія заслуживаетъ благодарность отъ всѣхъ, желающихъ добра человѣчеству. Книга ея не будетъ занимательна для свѣтскихъ людей; но простодушный ремесленникъ съ жадностію прочтетъ ее въ своемъ семействѣ, и въ сердцѣ его дѣтей укоренится чувство правоты и богопочтенія; но всякій добрый господинъ захочетъ имѣть ее въ своемъ домѣ, для того, чтобы слуги его научились изъ нея любить *порядокъ*, покорность и быть довольными скромнымъ своимъ удѣломъ. Переводчица посвятила свой трудъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. „Воззрѣніе вашего Императорскаго Величества на слабое мое приношеніе“, говоритъ она въ заключеніи своего письма, „воспламенитъ и другихъ къ со-

чиненіямъ или переводамъ, полезнымъ для образованія простолюдиновъ". Желаемъ искренно, чтобы сія надежда добраго сердца была исполнена и чтобы, наконецъ, въ Россіи и самыя хижины земледѣльцевъ сдѣлались жилищемъ людей образованныхъ, слѣдовательно, счастливыхъ и знающихъ цѣну своего счастія.

ДВА ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И АѲИНЪ.

Этотъ путешественникъ есть Николай Ѳеодоровичъ *Алферовъ*, молодой архитекторъ изъ дворянъ, съ особеннымъ талантомъ, страстно привязанный къ своему искусству, но, по несчастію, лишенный средства усовершенствовать свое дарованіе. Онъ воспитанникъ дворянина Слободско-Украинской губерніи, почтеннаго Александра Александровича *Палицына*, извѣстнаго по своимъ упражненіямъ въ литературѣ и свободныхъ художествахъ. Любопытство, пламенная любовь къ изящному, благородное честолюбіе заслужить въ отечествѣ своемъ имя заставили его предпринять продолжительное, сопряженное со всѣми трудностями путешествіе. Памятники древности, особенно великолѣпныя развалины зданій, которыми украшена Италія и Греція, составляютъ главный предметъ его вниманія. Этотъ необыкновенный молодой человѣкъ,—въ которомъ (почему знать!) могъ бы современемъ образоваться русскій Винкельманъ, когда бы обстоятельства способствовали развитію дара его и не умерщвляли его генія,—оставилъ Россію съ обширнымъ предпріятіемъ осмотрѣть (имѣя въ предметѣ одно искусство свое, архитектуру) величественные остатки Рима, Аѳинъ, Геркуланума, Агригента и другіе памятники древнихъ вѣковъ; потомъ объѣздить Египетъ, Африку, Индію; короче, составить для себя ясную идею о томъ, какова была и есть архитектура во всѣхъ вѣкахъ и народахъ; сравнить восточное зодчество съ западнымъ, древнее съ новымъ; зданія просвѣщенныхъ народовъ съ безобразными зданіями полупросвѣщенныхъ или дикихъ; видѣть его во всѣхъ измѣненіяхъ, производимыхъ образомъ жизни, нравами, понятіями, совершенствомъ и несовершенствомъ гражданской жизни и потомъ возвратиться въ отечество съ богатствомъ открытій, съ обширнымъ запасомъ новыхъ идей, съ бо́льшею образованностію, съ сильнѣйшимъ желаніемъ трудиться для пользы общей. Усовершенствованіе, или, если позволено такъ выразиться, созданіе настоящей (можетъ-быть, еще несуществующей) *отечественной* архитектуры, т.-е. согласной съ нашимъ климатомъ, обычаями, образомъ жизни, есть цѣль, которую предположилъ себѣ молодой путешественникъ и сильное желаніе, съ которымъ онъ къ ней стремится, и мужественное постоянство, съ какимъ старается побѣдить всѣ трудности, представляющіяся ему въ путешествіи, и горесть, въ которую повергаетъ его иногда несчастная мысль (къ сожалѣнію, слишкомъ часто оправдываемая обстоятельствами), что онъ не въ силахъ достигнуть своего предмета, служатъ, по моему мнѣнію, самыми неоспоримыми признаками таланта необыкновеннаго. Одно дарованіе бываетъ источникомъ такой рѣшительной, страстной привязанности къ искусству; одно дарованіе можетъ бороться съ фортуною и побѣждать ее. Человѣкъ, не имѣющій въ душѣ своей той всемогущей силы, которая влечетъ его неодолимо къ одному избранному для него натурою предмету, спокойно покорствуетъ обстоятельствамъ; но тотъ, кто чувствуетъ въ душѣ своей сію врожденную силу, или навѣкъ остается несчастнымъ, если по волѣ непріязненнаго жребія принужденъ съ нею бороться и истощать ее безплодно; или, превозмогая всѣ обстоятельства, самъ прокладываетъ себѣ дорогу среди препятствій и затрудненій. Что жъ, если обстоятельства будутъ ему благопріятны! Что жъ, если геній его можетъ развиться и дѣйствовать свободно! Сама натура велѣла путешественнику нашему быть артистомъ!—Но обстоятельства ему противны, и поприще дѣятельности для него закрыто! Нужда—проводникъ его въ трудномъ путешествіи. Онъ ищетъ усовершенствовать себя въ благородномъ искусствѣ—*и долженъ бояться голодной смерти*! Онъ предается многимъ опасностямъ для того, чтобы современемъ принести отечеству своему пользу, а можетъ-быть и нѣчто прибавить къ славѣ его своими трудами—и отечество, которое никогда не лишало воздаянія достойныхъ сыновъ своихъ, *объ немъ не знаетъ*, оставило его безъ покрова... Но можетъ ли быть, чтобы оно пренебрегло человѣка, исполненнаго благородной привязанности къ его пользѣ и по несчастію забытаго фортуною? Можетъ ли быть, чтобы оно допустило угаснуть такому дарованію, которымъ современемъ могло бы гордиться? Россія, въ великодушномъ одобреніи рождающихся талантовъ и справедливомъ воздаяніи трудовъ полезныхъ, равняется со всѣми просвѣщенными народами Европы: монархъ ея требуетъ только случая благотворительствовать; самые чужеземцы гордятся его наградами.—Благодаря патріотизму нѣкоторыхъ дворянъ Слободской Украинской губерніи, молодой Алферовъ имѣлъ способы, хотя весьма ограниченные, продолжать свое путешествіе. Мы увѣрены, что многіе изъ соотечественниковъ нашихъ, русскіе въ сердцѣ и прямо привязанные ко всему, что можетъ хотя отчасти, съ какой бы то ни было стороны, способствовать возвышенію ихъ отечества, обрадуются сему случаю удовлетворить любезнѣйшей и самой благородной склонности сердца своего—благотворительности. Издатель „В. Евр." почелъ бы за особенное счастіе быть ихъ посредникомъ; но онъ не имѣетъ никакого сношенія съ молодымъ Алферовымъ. Почтенный издатель „Русскаго Вѣстника" *С. Н. Глинка* готовъ принять на себя обязанность, которую, вѣроятно, не замедлятъ возложить на него нѣкоторые изъ благородныхъ нашихъ соотечественниковъ.—Бывшій россійскій министръ въ Константинополѣ, тайный совѣтникъ Андрей Яковлевичъ *Италинской*, выражается насчетъ г. Алферова слѣд. образомъ въ письмѣ, писанномъ изъ Тріеста, отъ 4 февраля 1808 г. къ В. Н. Каразину: „Спѣшу удовлетворить желанію вашему знать о поведеніи г. Алферова, талантахъ его и употребленіи времени. По первымъ двумъ соотвѣтствуетъ онъ совершенно пріемлемому въ немъ благодѣтелями его участію и заслуживаетъ дальнѣйшее ихъ къ себѣ благоволеніе. Относительно же употребленія имъ времени, извѣстно мнѣ, что, будучи въ Аѳинахъ, занимался онъ безпрестанно усовершить таланты свои, а по засвидѣтельствованію мнѣ извѣстнаго артиста г. *Лузіери*, пріобрѣлъ довольно искусства; но чѣмъ потомъ занимался по прибытіи своемъ въ Корфу и какъ проводилъ время свое, не былъ я увѣдомленъ ни отъ кого" *).

МЕЛАНХОЛІЯ.

СОЧИНЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БЫВАЛА ВЪ МЕЛАНХОЛІИ.

Извините, милостивая государыня! то чувство, которое почитали вы любовію, кажется намъ... было не иное что, какъ сильное желаніе нравиться. Послѣ печальной зимы и скучныхъ провинціальныхъ лицъ, явленіе весны и съ нею пріятнаго парижскаго лица, съ блестящими, краснорѣчивыми глазами, съ привѣтливою улыбкою, можетъ показаться очаровательнымъ.

*) Печатая потомъ, въ № 19 „Вѣстн. Европы", стихотвореніе „*Озеро*", Жуковскій сдѣлалъ примѣчаніе: „Эти стихи отъ А. А. Палицына. То, что вы говорили въ вашемъ „Вѣстникѣ", пишетъ онъ въ письмѣ своемъ къ издателю, о путешествующемъ воспитанникѣ моемъ Алферовѣ, ободряетъ меня препроводить къ вамъ и стихи сестры его, также моей ученицы".—Помѣщаемъ ихъ съ удовольствіемъ, желая сдѣлать пріятное почтенному благодѣтелю Алферовыхъ, а вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, многимъ читателямъ нашего „Вѣстника".

Удовольствіе, которое противъ воли находишь въ обществѣ молодого человѣка, должно быть слишкомъ живо, когда оно непосредственно слѣдуетъ за скукою зимнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ пустомъ замкѣ, и весьма простительно принять его за настоящую любовь: привѣтствія, соединенныя съ нѣжнымъ взглядомъ и трогательною гармоніею пріятнаго голоса, дѣйствуютъ совсѣмъ иначе на сердце пятнадцатилѣтней дѣвушки, нежели шумъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, отъ котораго стучатъ готическія окна и хлопаютъ желѣзныя ставни; и мы не удивимся, если первыя покажутся истинною мелодіею любви для той, которая цѣлые три мѣсяца осуждена была внимать однимъ послѣднимъ. Всѣ сіи обстоятельства легко могли обмануть любезную искательницу *меланхоліи*. Она, по совѣсти, можетъ насъ увѣрять, что испытала прямую *любовь*; столь же естественно ей удивляться, что вмѣстѣ съ любовію не чувствовала она меланхоліи; наконецъ, весьма позволительно ей утверждать, что меланхолія есть прибѣжище любви *праздной*, т.-е. счастливой и еще постоянной. Мы, съ своей стороны, отваживаемся замѣтить, что любовь, разумѣется истинная, та, которая объемлетъ сердце и не даетъ въ немъ мѣста никакому другому чувству, и счастливая и несчастная, неразлучна съ меланхоліею, несовмѣстною, напротивъ, съ желаніемъ нравиться—сказать *кокетствомъ* было бы грубо; но говоря языкомъ нашихъ прародителей, которые никогда не таили правды, и основываясь на ихъ священномъ правилѣ: *тому, кто солжетъ, да будетъ стыдно*, осмѣлимся признаться нашей остроумной сочинительницѣ, что истинную любовь ея почитаемъ истиннымъ кокетствомъ, слѣдовательно охотно увольняемъ ее отъ меланхоліи. Желаніе нравиться—возвратимся къ учтивости нашихъ современниковъ—оживляетъ, приводитъ въ волненіе, въ безпокойство, слѣдовательно не даетъ мѣста меланхоліи, тихой, ограничивающей душу тѣмъ единственнымъ чувствомъ, которымъ она полна, которое для нея дорого, отъ котораго она отдѣлиться не въ силахъ. Любовь, и счастливая и несчастная (выключаю одно несчастіе мучительной ревности), до тѣхъ поръ, пока она остается любовію, необходимо соединена съ меланхоліею. Меланхолія не есть ни горесть, ни радость: я назвалъ бы ее оттѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынія на душѣ счастливца. Любовь, и счастливая и несчастная, съ той самой минуты, въ которую поселяется она въ сердцѣ, усиливается въ немъ безпрестанно; и та минута, въ которую это стремленіе прекращается, или уничтожаетъ ее навѣки, или обращаетъ ее въ тихую, неизмѣняемую привязанность: въ обоихъ случаяхъ она теряетъ имя любви, и тогда только отдѣляется отъ нея меланхолія. Счастіе любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минуту, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты счастливъ, но стремишься къ большему, болѣе совершенному счастію, слѣдовательно въ самомъ своемъ упоеніи ощутителенъ для тебя какой-то недостатокъ, который вливаетъ въ душу твою тихое уныніе, придающее болѣе живости самому наслажденію; ты не находишь словъ для изображенія тайнаго состоянія души твоей, и это самое безсиліе погружаетъ тебя въ задумчивость! И когда же счастливая любовь выражалась веселіемъ? Когда не замѣняла она изобильнаго языка ораторовъ томностію меланхолическаго взгляда, задумчивымъ безмолвіемъ, чувствомъ, непримѣтно разливающимся по лицу и понятнымъ для *одного* только взора, тихимъ звукомъ голоса, слышнымъ и отзывающимся въ одномъ только сердцѣ? Пока любовь возрастаетъ, до тѣхъ поръ она неразлучна съ надеждою: надѣяться и недовѣрять почти одно и то же, а невѣрная надежда въ самую минуту счастія соединена съ уныніемъ меланхоліи. Я говорилъ объ одной любви счастливой, т.-е. раздѣляемой и не гонимой судьбою. Любовь несчастная, любовь, наполняющая душу, но разлученная съ сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно, слишкомъ скоро умертвила бы наше бытіе, когда бы отдѣлена была отъ меланхоліи, отъ сего непонятнаго очарованія, которое придаетъ неизъяснимую прелесть самымъ мученіямъ. Невидимая цѣпь привязываетъ тебя къ твоей горести; въ ней твое бытіе; утративъ ее, ты самъ уничтоженъ, ибо все то, что прежде наполняло твою душу, вдругъ исчезаетъ... и какой любовникъ предпочтетъ мертвую пустоту сію животворному, ничѣмъ незамѣняемому терзанію своей страсти? Говоря о несчастіяхъ любви, я воображаю одни препятствія жребія: несчастіе утратить то, что украшало бы нашу жизнь, что для насъ всего выше, всего святѣе, чему нѣтъ никакой замѣны, и утратить безъ надежды возврата навѣки—такое несчастіе можетъ отвратить душу отъ привязанности къ жизни, ибо жизнь мила не собою но тѣми привязанностями, которыми животворится наше сердце; но это самое чувство отвращенія отъ жизни можетъ имѣть нѣкоторую сладость, меланхолическую, драгоцѣнную, благо единственное; сладость, заключенную въ мысли, что ты любимъ, хотя не долженъ мечтать о соединеніи; или въ мысли, которая не даетъ тебѣ счастія, но въ то же время не даетъ и совершенно разрушиться заблужденію души твоей; въ мысли, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, еще спокойно, еще не отдано; невозможность владѣть ими тебя терзаетъ, но тайный голосъ тебѣ говоритъ въ то же время: перемѣнись твой жребій, и можетъ-быть она была бы твоею! Ты призываешь смерть, ты веселишься, примѣчая, что жизнь твоя, въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ гаснуть и, наконецъ, угасаетъ, но разлучаясь съ нею и останавливая на ней послѣдній, меланхолическій взглядъ, ты говоришь: жизнь моя могла бы быть прелестна! Пока человѣкъ упрекаетъ одну только судьбу, до тѣхъ поръ остается ему нѣкоторая обманчивая надежда на перемѣну: и въ сихъ-то упрекахъ, и въ семъ-то обманчивомъ ожиданіи перемѣны заключено тайное меланхолическое наслажденіе, которое самую горесть дѣлаетъ для него драгоцѣнною. Но если мысль о *взаимности* существующей, или только возможной, отдѣлена отъ любви, тогда исчезаетъ и то, что въ самой горести было усладительно для сердца: ты чувствуешь одно утомительное отвращеніе отъ жизни; говоря самому себѣ: я для *нея* ничто, никогда бытіе мое не будетъ необходимо для *ея* счастія, ты ощущаешь себя слишкомъ одинокимъ, оставленнымъ; самое уваженіе къ самому себѣ нѣкоторымъ образомъ теряется: оскорбительная мысль быть *ничѣмъ* для того существа, въ которомъ заключается для насъ *все*, уничтожаетъ самихъ насъ передъ собственными нашими глазами; ты разстаешься съ жизнію безъ сожалѣнія, равнодушный, увѣренный, что въ ней ничто не можетъ уже перемѣниться, что никакія обстоятельства не дадутъ тебѣ единственнаго, незамѣняемаго счастія: любви существа любимаго. Вотъ единственный случай, въ которомъ меланхолія разлучается съ любовію и уступаетъ мѣсто унынію мрачному; во всякомъ другомъ—выключаю одно мучительное состояніе ревности—онѣ нераздѣльны. Итакъ, любезная искательница меланхоліи, говоря, что не имѣла ея вмѣстѣ съ любовію, доказываетъ намъ только то, что она—не любила *).

---

*) Указанная въ „Отчетѣ Публ. Библ.“ за 1881 г. (стр. 53) не внесенною въ прежнія изданія статья „*О назначеніи человѣка*“—не внесена и въ настоящее изд., потому что она не оригинальная, а переводная изъ *Мендельзона* („Вѣст. Евр.“ 1808, № 3). Опущена и статья: „О нравственной пользѣ поэзіи“, оказавшаяся переведенной изъ *Энгеля*.

1809.

О ФЕНЕЛОНѢ.

Фенелонъ имѣлъ несчастіе пережить своего питомца (герцога Бурбонскаго). Услышавъ о смерти его, воскликнулъ онъ въ сокрушеніи сердца: „Всѣ радости мои на землѣ миновались!“ и самъ очень скоро послѣдовалъ за нимъ въ могилу. Не знаю, воздвигла ли Франція памятникъ образователю этого принца, котораго царствованіе, вѣроятно, избавило бы ее отъ многихъ несчастій, постигнувшихъ вмѣстѣ съ нею и всю Европу. Въ нашемъ отечествѣ многіе умѣютъ удивляться добродѣтелямъ сего человѣка, истинно великаго какъ дѣятельностію для блага людей, такъ и искусствомъ изображать свои мысли и чувства языкомъ, для всѣхъ равно привлекательнымъ. Я видѣлъ въ саду Ивана Владимировича Лопухина, находящемся верстахъ въ 30 отъ Москвы, въ подмосковномъ его селѣ *Савинскомъ*, скромную урну, посвященную памяти Фенелона. На ровномъ мѣстѣ, гдѣ прежде было топкое болото, явились тѣнистыя рощи, пересѣкаемыя прекрасными дорожками и орошенныя чистою, прозрачною какъ кристаллъ водою. Расположеніе сада прекрасно; лучшее въ немъ мѣсто есть *Юнговъ островъ*. Вы видите большое пространство воды. Берегъ осѣненъ рощею, въ которой мелькаетъ *русская* хижина! На самой срединѣ озера *Юнговъ островъ*, съ пустынническою хижиною и нѣсколькими памятниками, между которыми замѣтите мраморную урну, посвященную *Фенелону*. На одной сторонѣ урны изображена госпожа *Гюйонъ*, другъ Фенелона, а на другой *Ж.-Ж. Руссо*, стоящій въ размышленіи передъ бюстомъ Камбрейскаго архіепископа. Артистъ выбралъ ту самую минуту, въ которую женевскій философъ воскликнулъ: „Для чего не могу быть слугою Фенелона, чтобы удостоиться быть его камердинеромъ!“ Островъ осѣненъ разными деревьями: елями, липами, березами и другими; его положеніе чрезвычайно живописно: всего пріятнѣе быть на немъ во время ночи, когда сіяетъ полная луна, воды спокойны и рощи, окружающія берегъ, отражаются въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ! Это мѣсто невольно склоняетъ насъ къ какому-то унылому, пріятному размышленію.

ДВА СЛОВА ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ.

Издатель имѣлъ удовольствіе получить изъ Петербурга стихи: *Надпись къ портрету моего друга П. С.* Онъ почитаетъ за долгъ напечатать ихъ въ „Вѣстникѣ“, позволяя себѣ, однако, сдѣлать поправку, которая, безъ сомнѣнія, будетъ пріятна и для самого *автора*. Вотъ стихи:

Багряная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь *потокъ*, сверкающій въ долинѣ,
Надъ печкой соловей, три граціи въ картинѣ—
Вотъ все его добро... и счастливъ! онъ поэтъ!
Семенъ Ист...минъ *).

Въ чемъ же состоитъ поправка? Въ бездѣлицѣ. Просимъ нашихъ читателей перемѣнить два слова, и вмѣсто имени, подписаннаго подъ стихами, *Семенъ Ист...минъ*, прочесть просто: *Иванъ Дмитріевъ*; а въ доказательство, что наше требованіе не безразсудно, развернуть второй томъ книги, подъ заглавіемъ: *Сочиненія И. Дмитріева*, на 87 страницѣ — тамъ найдутъ они ту же самую надпись, напечатанную четкими Бекетовскими литерами. Но каждому свое. *Старый* сочинитель написалъ *янтарная заря*, а *новый* отдаетъ преимущество слову *багряная* — слава ему! Однимъ искуснымъ *маневромъ* пера онъ взялъ въ полонъ четыре прекрасные стиха, которыми разсудилъ наградить своего друга. Побѣда неоспоримая, но— смѣемъ прибавить—примѣръ опасный. Что если какому-нибудь другому автору, или самому же господину Ист...мину придетъ въ голову, переписавъ *Душеньку* Богдановича, поставить въ заглавіи вмѣсто слово *Душенька*, другое, собственнаго рукодѣлья, напримѣръ: *Душечка*, и выдать эту поэму въ свѣтъ подъ *своимъ* именемъ... кто осмѣлится тогда заспорить? И титулъ *оригинальнаго* автора не долженъ ли уступить титулу *побѣдоноснаго*, такъ какъ, иногда, къ несчастію людей, право *наслѣдника* короны уступаетъ праву ея *похитителя?* Дѣло ясное! Но горе нашимъ писателямъ—и прозаистамъ и стихотворцамъ— которыхъ сочиненія уже напечатаны и извѣстны публикѣ. Можно сказать, что они еще ожидаютъ своихъ сочинителей, или могутъ имѣть множество *новыхъ*, которые, въ отношеніи къ *старымъ*, будутъ тоже, что многіе изъ нынѣшнихъ графовъ, князей и барововъ въ отношеніи къ своимъ родоначальникамъ, съ тою только разницею, что послѣдніе пользуются именемъ своихъ предковъ, не имѣя иногда ихъ добродѣтелей, а первые будутъ пользоваться *добродѣтелями* своихъ праотцовъ, не имѣя ихъ имени. Какъ бы то ни было, но теперь пускай кто хочетъ надѣется на славу, а мы осмѣливаемся утверждать, что слава— дымъ, и что стремиться за нею есть то же, что бѣжать въ мракѣ ночи за летучимъ огнемъ, который заводитъ—въ болото. И такъ узнать будущее? Кто, напримѣръ, поручится, что нашему старику *Ломоносову* не назначено судьбою дойти до потомства подъ именемъ какого-нибудь *Кубышкина, Мартышкина*, или *Сусликова?*

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
Какъ *древность* заворчитъ съ досадой: *что за диво!
Я то же до тебя сказала и давно!*
„Смѣшна беззубая! вольно
Ей *послѣ* не прійти, невѣждѣ!
Тогда бъ сказалъ я то же *прежде!*“

Эта эпиграмма написана недаромъ! Давно *молодые* стихотворцы обвиняютъ, и едва ли не справедливо, *старыхъ* въ томъ, что они родились ранѣе ихъ, и завладѣвши лучшими помѣстьями на Парнасѣ, не оставили имъ почти ни одного свободнаго уголка, въ которомъ могли бы они помѣститься съ семействомъ собственныхъ своихъ стиховъ: балладъ, шарадъ, дистиховъ, акростиховъ, сонетовъ, куплетовъ и такъ далѣе, отъ надписи къ портрету до самой огромной эпической поэмы. Иные не довольствуются однѣми тщетными жалобами; но утѣшаютъ себя за потерянное право старшинства нѣкоторыми *искусными похищеніями*. И кто, повторяю, можетъ предузнать будущее? Откройте исторію! Происшествія политическаго міра не даютъ ли нѣкотораго понятія о томъ, что *можетъ* случиться въ мірѣ стихотворномъ? Судьба великаго Рима вамъ извѣстна: онъ возрасталъ, усиливался, наконецъ, овладѣлъ вселенною—для чего же? Не для того ли, чтобы достаться въ добычу варварамъ, которые нѣсколько вѣковъ таились во глубинѣ германскихъ лѣсовъ, и вдругъ устремились на него, какъ волки на добычу свою, будучи сдвинуты съ мѣста выгнанными другими варварами, Богъ знаетъ кѣмъ и за что изъ степей азіатскихъ. Кто бы, напримѣръ, могъ подумать, что нападеніе орды гунновъ на орду готѳовъ и переходъ послѣднихъ черезъ Дунай причинитъ погибель Западной Римской Имперіи?—Но оно такъ, и слѣдствіемъ сего происшествія, весьма неважнаго съ перваго взгляда, было совершенное уничтоженіе римской власти на Западѣ, всеобщая перемѣна въ нравахъ, правленіи, въ самыхъ наименованіяхъ земель и народовъ, горестный упадокъ наукъ и художествъ. Перенестись же изъ политическаго міра въ міръ стихотворный—почему не вообразить вамъ, что гдѣ-нибудь, въ неизвѣстной глуши Парнаса, скрывается орда стихотворцевъ-гунновъ, готовая при первомъ побудительномъ движеніи устремиться на владѣнія стихотворцевъ-римлянъ, ихъ разорить, присвоить и, уничтоживъ прежнихъ владѣльцевъ, погрузить

---

*) Въ оригиналѣ выставлено *все* имя.—*В. Ж.*

самыя имена ихъ въ бездну забвенія? Le présent est gros de l'avenir, сказалъ, кажется, Декартъ. Поэты и прозаисты, будьте осторожны, готѳы уже за Дунаемъ!

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЮБЕЗНОМУ ИЗДАТЕЛЮ АГЛАИ.

Я отвѣчаю нѣсколько поздно на два пріятныя слова критика, помѣщенныя въ *Аглаѣ* любезнымъ ея издателемъ—прошу у него извиненія: отсутствіе мое изъ Москвы причиною такой медлительности. Вы угадали, любезный критикъ: самолюбіе мое не оскорбилось, и, правду сказать, я не умѣю вообразить, какъ можетъ полезное замѣчаніе, сдѣланное просто, безъ всякаго вида насмѣшки, съ любезною, можетъ-быть, слишкомъ осторожною скромностію, и (что всего важнѣе) по требованію женщинъ, которыя однѣ имѣютъ права быть нашими судіями, когда желаемъ написать что-нибудь пріятное, какъ можетъ такое замѣчаніе быть оскорбительнымъ для самолюбія. Напротивъ, прочитавъ вашу критику, я пожелалъ искренно, чтобы издатели журналовъ, подражая вамъ въ скромности и учтивости, чаще переписывались другъ съ другомъ; чтобы они, такъ сказать, составили согласное, исполненное взаимнаго доброжелательства семейство авторовъ, семейство, въ которомъ каждый членъ, имѣя въ виду и пользу и усовершенствованіе другихъ сочленовъ своихъ, безъ всякаго пристрастія замѣчалъ бы ихъ ошибки, предлагалъ имъ свои замѣчанія не повелительнымъ языкомъ учителя, не съ колкою насмѣшливостію соперника, но съ кроткою, благодарною непринужденностію любителя истины... Такой оборонительный и наступательный союзъ журналистовъ, безъ всякаго сомнѣнія, принесъ бы великую пользу ихъ авторскимъ дарованіямъ. Самолюбіе наше весьма обманчиво — говорю по собственному многократному опыту—очарованное зеркало его представляетъ нашимъ глазамъ однѣ только пріятныя стороны предметовъ, а непріятныя или украшаетъ или дѣлаетъ совсѣмъ незамѣтными для нашего взора. Молчаніе публики, благодаря убѣжденію коварнаго самолюбія, можетъ легко показаться автору одобреніемъ; онъ перестаетъ быть осторожнымъ, спускаетъ себѣ съ благодарностію тѣ ошибки, на которыя читатели его смотрятъ съ равнодушіемъ—а благосклонность сія не должна ли, наконецъ, погубить или унизить и его дарованія? Скажу откровенно: слышать справедливый упрекъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей (ибо авторъ, и въ особенности журналистъ, всегда на сценѣ болѣе или менѣе обширной), едва ли можетъ быть для насъ пріятно, по крайней мѣрѣ въ первую минуту. Но если мы имѣемъ въ виду одно только усовершенствованіе своего таланта, если мы уважаемъ одну только похвалу заслуженную, и если (что также очень важно) нашъ критикъ говоритъ съ нами не для того, чтобы насъ оскорбить или осмѣять, а для того чтобы показать намъ истинный путь, съ котораго мы сбились, то мы послѣ минутной досады на собственную ошибку и, если угодно, на того, кто обнаружилъ ее передъ цѣлымъ свѣтомъ—сами поспѣшимъ въ ней признаться, потому что *признаніе половина исправленія*, останемся благодарными своему просвѣтителю, и выиграемъ много, сдѣлавшись осторожнѣе. Осторожность и робость—великая разница. Будучи соединена съ дѣятельнымъ прилежаніемъ, первая несомнѣнно приведетъ насъ къ успѣху.

Теперь позвольте мнѣ обратиться къ вашей критикѣ, за которую благодарю искренно и васъ и тѣхъ любезныхъ женщинъ, которыя поручили вамъ сообщить мнѣ ее посредствомъ *Аглаи*. „Марія, по мнѣнію ихъ, не могла *ронять веретена*, сидя за *самопрялкою*, ибо веретена не было въ рукахъ ея; а если оно было, то Марія сидѣла просто за пряжею“. Замѣчаніе истинное, и я не смѣю сказать противъ него ни слова. Но пожалѣйте жъ вмѣстѣ со мною объ участи историка, желающаго быть вѣрнымъ, и именно оттого впадающаго въ грубыя ошибки. Повѣсть: *Марьина Роща* основана вся на древнихъ рукописяхъ и преданіяхъ; въ ней не найдете вы ни одного выраженія, ни одной мысли, которая собственно принадлежала бы новому издателю; все заимствовано имъ изъ древнихъ записокъ—и онѣ-то сдѣлали его преступникомъ противъ здраваго смысла. Въ одномъ изъ старинныхъ манускриптовъ, кажется, современномъ великому князю Владиміру, сказано именно, что Марія *сидѣла за самопрялкою*; въ другомъ, принадлежащемъ, если не ошибаюсь, ко временамъ Владиміра Мономаха, говорится о *веретенѣ* въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ первый историкъ упоминаетъ о самопрялкѣ—явное несогласіе въ происшествіяхъ! Что же сдѣлалъ новый историкъ? Онъ вздумалъ одною чертою пера согласить несогласное, въ угодность одному изъ своихъ Геродотовъ поставивъ самопрялку, а въ удовольстіе другому прибавивъ къ ней веретено и, надобно признаться, естественною вѣроятностію пожертвовалъ вѣрности исторической—несчастіе, нерѣдко бывающее и съ важными историками, которые въ наше время описываютъ происшествія, случившіяся за десять вѣковъ до Рождества Христова. Нерѣдко мы ошибаемся и оттого, что ищемъ вдали той истины, которая у насъ передъ глазами.—Для чего бы, напримѣръ, и мнѣ, вмѣсто того, чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва понятными записками древнихъ бытописателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестьянки: имѣетъ ли она въ рукахъ веретено въ то время, когда сидитъ за самопрялкою? Она отвѣчала бы мнѣ рѣшительнѣе всякаго манускрипта, современнаго великому князю Владиміру.—Виноватъ! нечего и говорить; но повторяю, признаніе половина исправленія. Что же касается до маленькаго негодованія нашихъ любезныхъ дамъ, которымъ показалось смѣшнымъ, что витязь Рогдай вмѣстѣ съ золотыми парчами дарилъ Марію лентами и бисеромъ, а не жемчугомъ и богатыми ожерельями, то оно, конечно, дѣлаетъ имъ честь. Но историкъ не можетъ принять его на свой счетъ; онъ самъ досадовалъ на Рогдая за скупость его и неразборчивый вкусъ, однако, принужденъ былъ повиноваться строгой исторіи, и вмѣсто жемчуга и ожерельевъ—написать, скрѣпивъ сердце, бисеръ и ленты.

Теперь остается мнѣ (отвѣчавъ вамъ, какъ справедливому и любезному критику), поблагодарить васъ, какъ добраго пріятеля, за то желаніе, которымъ вы заключаете свое письмо. Сказанное вами объ успѣхахъ моихъ въ трудахъ кабинета и жизни принимаю за одно доброжелательство благороднаго сердца, и желалъ бы найти въ немъ вѣрное предвѣщаніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ послѣднему; ибо что принадлежитъ до трудовъ кабинета, свободныхъ, уединенныхъ и невинныхъ, то (вы знаете это по собственному опыту) никакой блистательный успѣхъ не можетъ быть предпочтенъ тому скромному и тихому наслажденію, которое съ нимъ неразлучно; слѣдовательно, они могутъ быть нашимъ счастіемъ, или, если хотите, нѣкоторою замѣною нашего счастія и тогда, когда не будутъ увѣнчаны успѣхомъ.

МОСКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

I. Дѣвица Жоржъ въ Расиновой Федрѣ.

Ноября 4-го видѣли мы на московскомъ театрѣ въ первый разъ славную дѣвицу *Жоржъ Веймеръ*, въ ролѣ Расиновой *Федры*; 14 ноября та же трагедія представлена была въ другой разъ.

Эта роль можетъ назваться оселкомъ трагическаго таланта въ актрисѣ. Страсть Федры — единственная по своей силѣ—изображена Расиномъ съ такимъ совершенствомъ, какого, можетъ-быть, не найдемъ ни въ одномъ произведеніи стихотворцевъ и древнихъ и новыхъ. Авторъ имѣлъ искусство (по искусство, извѣстное однимъ только геніямъ первой степени), основать всю трагедію свою не на происшествіяхъ необычайныхъ, возбуждающихъ любопытство, изумленіе, ужасъ, но просто на одной сильной страсти, которой

раскрытіе, оттѣнки и измѣненія составляютъ единственно сущность его трагедіи. И какая страсть! Съ перваго взгляда отвратительная, не могущая произвести никакого участія—страсть супруги Тезеевой къ Тезееву сыну. Естественно ли желать, чтобы она могла быть увѣнчена успѣхомъ? И, несмотря на то, на участіи въ этой страсти основана вся трагедія. Въ чемъ же состоитъ очарованіе Федры. Отчего, видя ее, не находимъ въ себѣ того непріятнаго чувства, которое производитъ въ насъ присутствіе ужаснаго преступника, но болѣе наполнены тою сострадательною нѣжностію, съ какою взираемъ на существо невинное и несчастное, и, погружаясь въ меланхолію, готовы сказать вмѣстѣ съ Шекспировою Офеліею:

O what a noble mind is here o'erthrown!

Когда бы Федра сама желала удовлетворенія страсти своей, когда бы она сама не гнушалась ею гораздо болѣе, нежели зритель, тогда не могли бы мы видѣть ее безъ отвращенія на сценѣ; но она жертва, и жертва самая трогательная, преступленія непроизвольнаго! Въ какую минуту является она передъ глазами зрителя! Утомленная безполезною борьбою съ сердцемъ своимъ, потерявъ и силу, и мужество, и привязанность къ жизни, она приходитъ взглянуть въ послѣдній разъ на солнце, *на лучезарнаго своего прародителя*, съ которымъ прощается навѣки. Поэту не осталось, повидимому, ничего прибавить къ изображенію этой страсти, ибо она уже не можетъ усилиться, но она можетъ представлена быть въ новыхъ оттѣнкахъ. Ложные слухи о Тезеевой смерти и материнская нѣжность опять возвращаютъ Федру къ жизни. Смерть, послѣднее благо свое, приноситъ она въ жертву дѣтямъ, и сія же материнская нѣжность приводитъ ее къ Ипполиту; но здѣсь ожидало ее то мстительное божество, которое поселило въ душѣ ея виновный пламень. Федра приходитъ просить покровительства своему сыну, и можетъ говорить объ одной только своей любви; гибельное признаніе сдѣлано, а Тезей живъ! Какое положеніе для существа, созданнаго любить добродѣтель и столько времени боровшагося съ судьбою, чтобы удалить отъ себя преступленіе! И только сею минутою ужаса, когда самая способность чувствовать и мыслить была уничтожена въ душѣ Федры, могла воспользоваться Энона, чтобы оклеветать Ипполита: Федра приходитъ въ себя и первая мысль ея: спасемъ невинность. Она стремится къ Тезею—новый ужасъ! Она узнаетъ, что Ипполитъ *чувствителенъ, но чувствителенъ къ другой*. Этотъ ударъ послѣдній. Федрѣ оставалось почувствовать муку ревности; восклицаніе: il faut perdre Aricie! вырывается не изъ сердца ея: это вопль изступленія, но оно продолжается недолго; въ Федрѣ одна только ненависть, сильнѣйшая прежняго, къ жизни, и ненависть къ себѣ самой—она умираетъ, но ея послѣднее слово: *Ипполитъ невиненъ*! Во все продолженіе трагедіи она только несчастна: сердце ея ни на минуту не участвовало въ томъ преступленіи, въ которое она ввергнута была помѣшательствомъ страсти.

Выраженіе такихъ характеровъ, каковъ характеръ Федры, столь трудное для стихотворца, есть въ то же время и самое трудное для актера. Поэтъ, не имѣя пособія въ происшествіяхъ, поддерживающихъ вниманіе и любопытство, долженъ поработить душу и зрителя и читателя своего вѣрнымъ изображеніемъ страсти, которая тогда только можетъ быть привлекательна, когда почерпнута изъ самой натуры, когда удержанъ естественный ея ходъ, когда всѣ ея измѣненія вѣроятны, и когда между сильными и главными ея положеніями соблюдена необходимая постепенность, служащая, такъ-сказать, нитію соединенія одного съ другимъ. Что въ стихотворцѣ слогъ, то въ актерѣ тѣлодвиженія, голосъ, лицо; но знаніе натуры, воображеніе и чувство какъ въ томъ, такъ и въ другомъ должны быть *почти* одинаковы, съ тою только разницею, что первый, будучи творцомъ, руководствуетъ послѣдняго, а самъ не слѣдуетъ никому, кромѣ одного изобрѣтательнаго своего генія. Поэтъ, не имѣя чувствительности и знанія природы, не изобразитъ намъ сильнаго характера со всѣми оттѣнками; актеръ, не имѣющій ни того, ни другого, или не пойметъ намѣреній поэта, или не будетъ способенъ наполниться его чувствами до такой степени, чтобы, забывъ въ себѣ актера, совершенно переселиться въ характеръ и положеніе представляемаго имъ лица.

Судьба иныхъ трагедій рѣшена бываетъ, можно сказать, однимъ только счастливымъ выборомъ трагическаго происшествія. Напримѣръ, въ Лямотовой *Инесѣ*, посредственной по слогу и плану, трогаетъ насъ одно положеніе главныхъ лицъ; и актриса, представляющая *Инесу*, даже не имѣя таланта превосходнаго, всегда возбудитъ чувствительность въ зрителѣ, ибо онъ уже предубѣжденъ въ ея пользу трогательнымъ ея положеніемъ. Но Федра... надобно быть такимъ великимъ поэтомъ, каковъ Расинъ, чтобы плѣнить насъ изображеніемъ страсти ея — и надобно быть актрисою превосходною, чтобы представить намъ Федру такою точно, какою изобразилъ ее стихотворецъ. Почти во всѣхъ другихъ трагедіяхъ положенія *измѣняются* и страсти въ *нѣкоторыя только минуты* восходятъ въ высочайшую степень; напримѣръ, страсть *Герміоны* тогда только обнаруживается во всей своей силѣ, когда сія оскорбленная принцесса говоритъ въ послѣдній разъ съ Пирромъ; и она доходитъ до изступленія, когда Орестъ объявляетъ *Герміонѣ* о смерти Пирра; въ другія минуты она спокойнѣе и болѣе скрыта въ глубинѣ души; любовь *Заиры* есть тихая нѣжность, тогда только обращающаяся въ страданіе, когда сердце Заиры начинаетъ колебаться между привязанностью къ Оросману и должностью христіанки. И актриса, представляющая или *Герміону*, или *Заиру*, находитъ великое пособіе въ тѣхъ положеніяхъ, которыя стихотворецъ даетъ симъ лицамъ: она заимствуетъ силу отъ роли. Напротивъ, страсть Федры возведена уже на высочайшую степень свою, такъ-сказать, прежде, нежели Федра является передъ глазами зрителя; нѣтъ постепенности; она одинакова отъ первой сцены до последней: это изступленіе, это болѣзнь; актриса, кромѣ тѣхъ частныхъ положеній, въ которыя приходитъ она въ продолженіе трагедіи, имѣетъ собственное, главное, такъ-сказать, независящее отъ обстоятельствъ трагическихъ и только измѣняемое оными: она должна быть въ изступленіи уже за сценою и сохранить это изступленіе до конца трагедіи, сохраняя притомъ и необходимые оттѣнки его; напримѣръ, Федра въ присутствіи Ипполита не можетъ быть тою Федрою, которую мы видѣли за минуту съ Энoною, но страсть ея вся та же. И все искусство актрисы, представляющей это лицо, состоитъ въ томъ, чтобы она, не выходя ни на минуту изъ главнаго своего положенія, умѣла *примѣнять* его къ тому чувству, которое стихотворецъ, согласуясь съ обстоятельствами, влагаетъ въ уста ея.

Надобно отдать справедливость дѣвицѣ *Жоржъ*. Она исполнила почти всѣ требованія въ роли Федры: зрители ни на минуту не могли забыть, что они видятъ передъ собою несчастную жертву непроизвольной страсти. Федра явилась, поддерживаемая Энoною (мы увидѣли величественную женщину, въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, съ маленькою золотою діадемою на головѣ, въ богатой мантіи, лицо греческое, станъ царицы, руки прелестныя);—ея походка, блѣдность ея лица, слѣдствіе внутренней скорби, глаза мутные, лишенные послѣдняго блеска, но полные выраженія тайной страсти, — все изображало Федру, палимою внутреннимъ, *неестественнымъ* пламенемъ. Она сѣла, наклонила голову; Энона ей говорила, но слова Эноны не доходили до ея слуха; вся душа ея погружена была въ то горестное чувство любви, которое сливалось въ ней съ желаніемъ смерти...

Vous haïssez le jour que vous veniez chercher! говоритъ Энона. Федра, вмѣсто того, чтобы ей отвѣчать, обращается къ солнцу:

Noble et brillant auteur d'une triste famille,
Toi, dont ma mère osait se vanter d'être fille,
Qui peut-être rougit du trouble où tu me vois,
Soleil, je te viens voir pour la dernière fois!

Эти слова, прекрасно выраженныя, сказаны были, если не ошибаюсь, слишкомъ *торжественно* и съ чувствомъ горести *сильной*; а я желалъ бы найти въ нихъ болѣе выраженія тихой унылости, ибо они взливаются изъ страстной души, растроганной мыслью о близкой смерти. Федра, за минуту, погружена была въ горестное размышленіе о своемъ жребіи: жизнь представлялась ей бременемъ тяжкимъ, и на лицѣ ея написано было отчаяніе мрачное, нѣсколько угрюмое; но слова Эноны:

Vous haissez le jour que vous veniez chercher!

пробудили въ ней мысль о смерти—мысль, трогательная для того, кто въ жизни видитъ одно страданіе и потерялъ всѣ надежды (ибо она представляетъ ему тихое убѣжище); но вмѣстѣ съ этою мыслью соединяется въ немъ и другая, столь же трогательная, о разлукѣ съ тѣмъ, что́ ему дорого; а сія послѣдняя устремляетъ душу его и къ тѣмъ предметамъ любви, которые онъ готовъ оставить: все это производитъ не горесть, а тихое уныніе. Надобно замѣтить, что стихи:

Noble et brillant auteur и проч.

служатъ приготовленіемъ къ той мечтательности, въ которую Федра погружается черезъ минуту, мечтательности, которая безъ сего приготовленія была бы несообразна съ прежнимъ угрюмымъ ея отчаяніемъ. Сказавъ солнцу: прости! Федра, по естественной связи чувствъ, переносится мыслью къ Ипполиту, ибо лишиться жизни и Ипполита для нея одно и то же, но при этомъ воспоминаніи изглаживается въ ней всякое другое чувство, и остается одна любовь: она видитъ его передъ собою; ей представляются тѣ минуты мучительнаго наслажденія, когда, уединенная, подъ тѣнію лѣсовъ, питаясь своею страстью, она слѣдовала взорами за Ипполитомъ, летящимъ въ отдаленіи, на колесницѣ.

On vous voit moins souvent, orgueilleux et sauvage,
Tantôt faire voler un char sur le rivage и проч.

говоритъ Тераменъ въ первой сценѣ Ипполиту. Расинъ, который имѣлъ искусство ко всему приготовлять своего зрителя заранѣе, хотѣлъ вѣроятно объяснить этими стихами то, что говоритъ Федра въ сценѣ съ Энoнoю:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

Въ этомъ мѣстѣ дѣвица *Жоржъ* была восхитительна. Слова Эноны:

Quoi, vous ne perdrez point cette cruelle envie?
Vous verrai-je toujours, renonçant à la vie,
Faire de votre mort les funestes apprêts?

не коснулись ея вниманія; глаза ея, прежде мрачные и совершенно потухшіе, послѣ словъ:

Soleil, je te viens voir pour la dernière fois!

мало-по-малу начали оживляться, и они уже блистали (но блистали тѣмъ яркимъ огнемъ, который выражаетъ не радость, а сильный безпорядокъ душевный), когда она сказала:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts и пр.,

и зритель, прежде нежели она произнесла эти слова, былъ уже приготовленъ къ чувству необыкновенному: онъ угадывалъ, что душа Федры занята была какимъ-то внезапнымъ видѣніемъ, и то, что она сказала, только объяснило его темную догадку. Вотъ что значитъ наблюдать постепенность въ переходѣ отъ одного движенія къ другому! Но это искусство извѣстно однимъ только великимъ артистамъ.

„Quoi, madame!" воскликнула Энона. Въ минуту смятеніе и ужасъ заступили мѣсто любви на лицѣ Федры, всѣ черты ея перемѣнились; этотъ быстрый переходъ изъ одного состоянія въ другое, совершенно ему противное, выраженъ былъ прекрасно.

Энона умоляетъ Федру ввѣрить ей свою тайну; она бросается на колѣна:

Madame, au nom des pleurs que pour vous j'ai versés,
Par vos faibles genoux que je tiens embrassés,
Délivrez mon ésprit de ce funeste doute.

Въ продолженіе этихъ стиховъ жестокая борьба изображена была на лицѣ Федры, котораго мускулы казались напряженными; но Энона замолчала, и Федра была уже спокойна, ибо отчаянная рѣшимость заступила въ ней мѣсто мучительнаго волненія; она приблизила свое лицо къ лицу Эноны;

„Tu le veux"—сказала она съ глубокимъ чувствомъ; казалось, что слова сіи выражали: *безумная, чего ты хочешь?* и она приблизила свое лицо къ Энонѣ, какъ-будто для того, чтобы разсмотрѣть въ глазахъ ея, точно ли желаетъ она открыть такую страшную тайну; „lève-toi", во второе представленіе эти два слова произнесены были гораздо лучше, нежели въ первое. Тогда Федра, сказавши: tu le veux, прибавила съ поспѣшностью: lève-toi, и быстрымъ движеніемъ руки подняла Энону; въ голосѣ ея чувствительна была одна только рѣшимость! Но въ послѣдній разъ, послѣ двухъ первыхъ словъ (tu le veux) она отвратила глаза отъ Эноны, сдѣлала тихое движеніе рукою и произнесла съ глубокимъ уныніемъ, послѣ минутнаго молчанія: lève-toi! Самый звукъ ея голоса приготовлялъ уже зрителя къ тому, что́ онъ услышитъ, и глаза ея въ то жъ время говорили: *какое признаніе должна я сдѣлать, и для чего принуждена я его сдѣлать!*

Tu vas ouir le comble des horreurs...
J'aime...

J'aime Hippolyte, хотѣла она сказать—и быстрота, съ какою произнесено было слово j'aime, показывала, что она спѣшила избавить себя отъ тягостнаго признанія; но при имени Ипполита рѣшимость ея исчезла, она смутилась, затрепетала:

— A ce nom fatal je tremble, je frissonne...
J'aime...

послѣднее слово сказано было тихо и съ робостію, такъ, какъ и слѣдующія:

Tu connais ce fils d'Amazone,
Ce prince si longtemps par moi-même opprimé?

она хотѣла, чтобы Энона ее угадала, но въ то жъ время страшилась ея проницательности...

C'est toi qui l'as nommé! она произнесла это разительное слово робкимъ, почти невнятнымъ голосомъ, со стыдомъ, ужасомъ и отвращеніемъ; она не смѣла обратить глаза на Энону и движеніемъ руки хотѣла, какъ-будто, ее отъ себя удалить, ибо слова Эноны:

Hippolyte? Grands dieux!

были и для нея какою-то ужасною новостью, которой она ожидала, но которую все еще слишкомъ рано услышала.

Монологъ: „Mon mal vient de plus loin" etc. прочтенъ былъ во второй разъ несравненно лучше, нежели въ первый; надобно было слѣдовать за движеніями лица актрисы, чтобы раздѣлить съ нею всѣ тѣ чувства, которыя выражала она словами:

Envain sur les autels ma main brûlait l'encens:
Quand ma bouche implorait le nom de la déesse,
J'adorais Hippolyte; et le voyant sans cesse,
Même au pied des autels que je faisais fumer,
J'offrais tout à ce dieu que je n'osais nommer.

Въ эту минуту глаза ея, оживленные, блестящіе, выражали все изступленіе любви; она *видѣла* передъ собою *того бога, котораго наименовать не смѣла.*

Въ четвертой сценѣ, когда Панопа извѣщаетъ ее о смерти Тезеевой, она произноситъ одно только слово: ciel! но эта сцена едва ли не одна изъ самыхъ трудныхъ; и надобно признаться, что дѣвица Жоржъ показала въ ней дарованіе актрисы превосходной, которая ни на минуту не удалется отъ характера и положенія своей роли.

Третья сцена оканчивается стихами:

Je t'ai tout avoué; je ne m'en repens pas:
Pourvu que de ma mort respectant les approches,

Tu ne m'affliges plus par d'injustes reproches,
Et que tes vains secours cessent de rappeler
Un reste de chaleur tout prêt à s'exhaler.

Положеніе Федры все то же, какое и въ началѣ сцены; вдругъ слышитъ она отъ Эноны, что Тезея нѣтъ:

Hippolyte son fils vient d'apprendre sa mort.

Она говоритъ одно только слово: ciel! но какимъ голосомъ и съ какимъ видомъ? Обыкновенная актриса приняла бы это извѣстіе съ громкимъ восклицаніемъ, которымъ выразила бы одно только то, что оно *поразило* ее, какъ новость. Но слово: ciel! выражаетъ совсѣмъ иное. Тезеева смерть не можетъ быть сама по себѣ ужасною для Федры, ибо для нея нѣтъ уже несчастія—она рѣшилась умереть; она можетъ на нее дѣйствовать только потому, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ главному и единственному ея чувству. А голосомъ тихимъ, съ видомъ сомнѣнія, нерѣшительности, какъ-будто стараясь проникнуть въ то будущее, которое вдругъ совершенно измѣнилось для нея съ смертью ея супруга, но еще не имѣя никакой ясной мысли и не позволяя себѣ останавливаться на той, которая одна противъ воли въ душѣ ея пробуждается, она говоритъ: ciel! Это слово заключаетъ въ себѣ цѣлое положеніе. Произнеся его, Федра остается погруженною въ задумчивость; она мечтаетъ, въ душѣ ея стѣснилось множество смутныхъ мыслей и чувствъ; но при словахъ Эноны:

Votre flamme devient une flamme ordinaire!

она пробуждается, глаза ея блистаютъ, и зритель угадываетъ, что Энона встрѣтила то чувство, на которомъ Федра не смѣла остановиться. Она съ жадностью пріемлетъ и одобряетъ тѣ совѣты, которые страшилась сама себѣ сдѣлать; она уже согласна остаться жить, и жить для пользы сына; но это одинъ обманъ! Нѣжностью матери украшаетъ она въ своихъ глазахъ виновную любовь къ Ипполиту: она остается жить для одного только Ипполита. Таковы чувства, которыя дѣвица *Жоржъ* прекрасно выразила нѣмою игрою своею въ IV и V сценахъ перваго акта.

Этихъ замѣчаній довольно. Скажемъ вообще, Федра во второй разъ была гораздо лучше представлена, нежели въ первый (здѣсь разумѣю одну дѣвицу *Жоржъ*); изступленіе ревности въ четвертомъ актѣ и слѣдующее за нимъ отчаяніе выражены были сильнѣе; чувство, съ какимъ сказанъ былъ стихъ (III актъ, сцена 1):

Quoique Scythe et barbare, elle a pourtant aimé,

привело зрителей въ восхищеніе: его произнесла сама Федра, которая слишкомъ знаетъ, что такое страстная любовь, и которая живетъ одною любовью. Замѣтимъ еще одно выраженіе. Федра, мучимая ревностью, говоритъ:

Ah! douleur non encore éprouvée!
A quel nouveau tourment je me suis réservée!
Tout ce que j'ai souffert, mes craintes, mes transports,
La fureur de mes feux, l'horreur de mes remords,
Et d'un refus cruel l'insupportable injure,
N'était qu'un faible essai du tourment que j'endure?
Ils s'aiment! Par quel charme ont-ils trompé mes yeux.
Comment se sont-ils vus, depuis quand, dans quels lieux?
Tu le savais: pourquoi me laissais-tu séduire?

Выраженіе: tu le savais принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ высокимъ (sublime) выраженіямъ чувства или мыслей, которыя изумляютъ насъ въ великихъ трагикахъ; его можно поставить на ряду съ qu'il mourut стараго Горація, съ qui te l'a dit Герміоны и съ he has no childern Макдуффа въ Шекспировомъ Макбетѣ. Федра говоритъ Энонѣ: tu le savais, а она сама, за нѣсколько часовъ, въ первый разъ сказала о любви своей; вотъ сумасшествіе ревности, вотъ изступленіе страстной души, совершенно разстроенной и все обвиняющей въ своемъ страданіи. Въ этомъ мѣстѣ игра дѣвицы Жоржъ была несравненна.

Теперь позволимъ себѣ замѣтить то, что кажется намъ недостаткомъ въ игрѣ этой актрисы; она иногда излишне заботится о своей наружности; напримѣръ, въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ не забываетъ она поправлять свое покрывало, волосы, порфиру; также замѣтно иногда, что она хочетъ плѣнить глаза живописнымъ своемъ положеніемъ. Такая заботливость не усиливаетъ, а развѣ только ослабляетъ то чувство, которое игрою своею производитъ она въ сердцѣ зрителя: Федра, оправляющая на себѣ порфиру, въ ту самую минуту, когда она, забывшись, открываетъ страсть свою Ипполиту, сама выводитъ насъ изъ очарованія, и мы находимъ въ ней одну только актрису. Дѣвица *Жоржъ*, кажется, не имѣетъ причины бояться, чтобы зрители, смотря на выразительное лицо ея, могли не забыть объ ея платье: чѣмъ менѣе будетъ она думать о дѣйствіи на глаза, тѣмъ болѣе будетъ дѣйствовать на сердце.

Нѣкоторые изъ зрителей недовольны ея декламаціею; они называютъ ее *пѣніемъ*. Не беремъ на себя рѣшить, справедливо ли они мыслятъ, но спрашиваемъ: можно ли читать стихи какъ прозу, и особливо стихи трагическіе? Языкъ трагедіи, въ особенности французской, совершенно отличенъ отъ того простого языка, который употребляемъ въ общежитіи (онъ гораздо пышнѣе, украшеннѣе, ибо онъ стихотворный); такой необыкновенный языкъ не требуетъ ли и выраженія необыкновеннаго? Декламація грековъ, какъ извѣстно, весьма близко подходила къ пѣнію, а языкъ трагиковъ греческихъ (по увѣренію знатоковъ греческаго языка) несравненно простѣе, нежели языкъ трагиковъ французскихъ. Стихи шестистопные съ риѳмами, съ цезурою слишкомъ ощутительною, были бы, если не ошибаюсь, испорчены простою прозаическою декламаціею: простота обыкновеннаго разговора не можетъ согласоваться съ пышностію стихотворною: такое соединеніе неестественно; отъ него могло бы произойти одно только безобразіе.

Время не позволяетъ намъ ничего сказать о представленіи *Меропы*. Дѣвица *Жоржъ* въ нѣкоторыхъ сценахъ, особливо въ той, гдѣ она говоритъ съ Эгистомъ, не зная, что онъ ея сынъ, и въ сценѣ между ею, Эгистомъ и Полифонтомъ была несравненна. Какъ истинная мать и какъ величественная царица, упала къ ногамъ она убійцы Кресфонта, воскликнувъ:

Que vous faut-il de plus—Mérope est à vos pieds!

А въ ту минуту, когда молодой герой осыпаетъ Полифонта упреками, на лицѣ ея изобразились и ужасъ, производимый дерзостію Эгиста, котораго жизнь была въ рукахъ тирана, и гордое восхищеніе матери, плѣняющейся неустрашимостію милаго сына. Въ первомъ актѣ, если не ошибаюсь, казалась она излишне *горестною*; такая преждевременная горесть ослабила нѣсколько то дѣйствіе, которое могло бы имѣть на зрителя ея отчаяніе въ концѣ второго акта, когда извѣщаютъ ее о мнимой смерти Эгиста. Многіе изъ зрителей также замѣтили, что она и въ роли ***прекрасной поселянки Катерины*** была нѣсколько ***Меропою***.

Заключимъ: мы опредѣляемъ превосходство трагедіи по тому впечатлѣнію, которое она оставляетъ въ нашей душѣ; и это впечатлѣніе тогда только можетъ быть сильно, когда поражаютъ насъ не однѣ отдѣльныя красоты, но когда вся трагедія—въ содержаніи, планѣ, слогѣ, характерахъ—имѣетъ надлежащее превосходство; тогда мелкія погрѣшности или остаются незамѣтными, или имѣютъ на насъ самое слабое дѣйствіе, не уменьшающее главнаго и общаго. То же самое можно сказать и объ игрѣ трагическаго актера: если выходимъ изъ театра съ душою растроганною, и если это впечатлѣніе столь сильно, что оно нѣсколько времени не оставляетъ насъ и посреди разсѣянія, или даже препятствуетъ ему предаваться, то мы имѣемъ право назвать актера *превосходнымъ*—слѣдовательно имя актрисы превосходной принадлежитъ дѣвицѣ *Жоржъ* по праву; но степени сего превосходства опредѣлить не можемъ: она опредѣляется только по сравненію.

II. ДѢВИЦА ЖОРЖЪ ВЪ ДИДОНѢ ЛЕФРАНА-ДЕ-ПОМПИНЬЯНА. ВЕСТРИСЪ. ДЮПОРЪ. ФРОЖЕРЪ.

Скажемъ нѣсколько словъ о самой трагедіи. Лефранъ заимствовалъ главныя и самыя разительныя положенія у Виргилія, но онъ имѣлъ искусство охладить и сдѣлать непривлекательнымъ все то, что восхищаетъ насъ въ Энеидѣ. Надлежало быть Расиномъ, то-есть имѣть необыкновенный даръ поэта, знакомаго съ человѣческимъ сердцемъ и способнаго изображать его страсти живыми красками, чтобы плѣнить насъ страданіями Дидоны: Лефранъ не имѣлъ сего дара, и его Дидона скучна отъ начала до конца, несмотря на многіе блестящіе стихи и близкое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подражаніе Виргилію.

Главная погрѣшность Лефрана, если не ошибаюсь, состоитъ въ томъ, что онъ, желая выставить Дидону, забылъ совершенно объ Энеѣ. Какая была его цѣль? Растрогать несчастною страстью Дидоны. Но для того, чтобы эту страсть сдѣлать для насъ привлекательною, надлежало и самый предметъ этой страсти представить ея достойнымъ; чтобъ возбудить сожалѣніе къ Дидонѣ оставленной, надлежало убѣдить, что любовь Энея могла бы составить ея счастіе, и наслажденія счастливой любви на минуту противоположить ея горестямъ. Если бы мы видѣли въ Энеѣ страстнаго любовника и героя, обожающаго славу наравнѣ съ Дидоною; когда бы эти двѣ страсти одинаково господствовали въ его сердцѣ, но послѣдняя была бы на время подчинена первой, такъ, чтобы Эней въ своемъ ослѣпленіи почиталъ и боговъ сообщниками его сердца; если бы въ ту минуту, когда онъ является на сцену, увидѣли мы его восхищеннаго своею любовію къ Дидонѣ, счастливаго своимъ ослѣпленіемъ, счастливаго мыслію, что онъ получитъ вѣнецъ изъ милой руки, что будетъ защитникомъ ея трона, что онъ усилитъ ея могущество, что слава его не будетъ раздѣльна съ ея славою, и, наконецъ, если бы онъ началъ бороться съ своею страстію не прежде, какъ послѣ приговора боговъ, опредѣлившихъ ему удалиться: тогда бы и зритель могъ бы наполниться чувствами Дидоны; ея восхищеніе было бы для него понятно, а горесть ея (внезапный, потому и разительный переломъ судьбы), въ ту минуту, когда она теряетъ Энея, подѣйствовала бы на него сильно, ибо тогда онъ былъ бы увѣренъ, что вмѣстѣ съ Энеемъ исчезло и все ея счастіе.

Что же видимъ, напротивъ, въ Лефрановомъ Энеѣ? Любовника безъ любви, героя безъ сильной привязанности къ славѣ. Страсть Дидоны почитаетъ онъ *благодѣяніемъ*, а собственная любовь его не иное что, какъ *благодарность.—Эней честный человѣкъ*, думаетъ зритель, *но жаль, что Дидона его любитъ: онъ не имѣетъ для нея сердца!*

Первая обязанность трагика состоитъ въ томъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе познакомилъ зрителя съ господствующею страстію своихъ лицъ, ибо на участіи къ этой страсти основано все дѣйствіе, производимое на насъ трагедіею: мы непремѣнно должны знать, чего желаютъ наши герои и что имъ противно, чтобы раздѣлять ихъ желанія и за нихъ бояться. И вотъ какъ Лефранъ знакомитъ насъ съ страстію Энея:

Je jouis à regret des *bienfaits* de la reine;

. . . .

Que m'annonce ce trouble et qu'en dois-je augurer?
Quoi! de ces lieux encore faudra-t-il que je parte?
Se peut-il que le ciel, que Junon m'en écarte,
Que je *sois sans asyle*, et que les seuls Troyens
Perdent dans l'univers le droit de citoyens?

Это первыя слова Энея. Эней въ нерѣшимости, слѣдовательно онъ не имѣетъ страсти. Возможность разлуки съ Дидоною сама собою представляется его душѣ: она предупредила приговоръ боговъ. Мысль—

Quoi! de ces lieux encore faudra-t-il que je parte?

была бы ударомъ убійственнымъ для любовника страстнаго, но для него естественное слѣдствіе той унылости, которою онъ наполненъ; онъ боится, чтобы Юнона опять не повелѣла ему оставить Карѳагена—боится не потому, чтобы разлука съ Дидоною ужасала его, а потому единственно, что ему уже наскучило странствовать по морямъ съ своими троянами. Таковъ полубогъ, воспламенившій Дидону! Холодность его одинакова во все продолженіе трагедіи; она совершенно уничтожаетъ то дѣйствіе, которое могла бы имѣть на зрителя сначала страстная нѣжность, потомъ упреки и горесть Дидоны. Любовь съ одной стороны пламенная, съ другой ощущаемая слабо, всегда отвратительна на сценѣ: она можетъ быть благородна, слѣдственно и привлекательна, или отъ взаимности, или отъ неразлучнаго съ нею страданія; напротивъ, низка, потому и отвратительна, если (какъ бы впрочемъ ни была сильно представлена) устремляется на предметъ, ея недостойный. Дидона могла бы тронуть зрителя, когда бы Эней и ему казался такимъ же точно, каковъ онъ въ глазахъ Дидоны; но зритель, благодаря поэту, не можетъ раздѣлять ослѣпленія любовницы и чувства ея теряютъ для него всю свою силу. Напримѣръ, нельзя удержаться отъ нѣкотораго невольнаго отвращенія, когда Дидона говоритъ Энею:

Je devrais te haïr, ingrat! et je t'adore!

Что нашла она достойнаго обожанія въ этомъ жалкомъ человѣкѣ? спрашиваетъ зритель, и онъ то же думаетъ во все продолженіе трагедіи. Помпиньянъ, изображая Дидону, имѣлъ передъ глазами четвертую книгу Энеиды; но характеръ Энея надобно было *сотворить*, а это превосходило его талантъ, и онъ изъ трагическаго происшествія сдѣлалъ весьма холодную трагедію. Много бы можно было сказать объ ея планѣ и ходѣ, о характерѣ Ярба, о лицѣ Мадгербала, совершенно лишнемъ, о слогѣ поэта—но мы пишемъ не критику; итакъ, ограничивъ себя одними общими замѣчаніями о двухъ главныхъ характерахъ сей трагедіи, обратимся къ дѣвицѣ *Жоржъ*.

Мы имѣли удовольствіе видѣть ее два раза въ ролѣ *Дидоны*, и во второй разъ (такъ же какъ и въ Федрѣ) играла она гораздо лучше, нежели въ первый. Тогда чувствительна была въ ней какая-то разсѣянность; она дѣлала скачки въ переходѣ изъ одного чувства въ другое; первая сцена съ Ярбомъ декламирована была слишкомъ на *распѣвъ* и голосомъ однообразнымъ: мы видѣли не Дидону, а дѣвицу *Жоржъ*, которая читала выученное наизусть, безъ всякаго отношенія къ тому, что сказано было за минуту Ярбомъ. Но въ послѣдній разъ это однообразіе было менѣе ощутительно; за то стихи:

J'entends et vois ce qu'on m'annonce:
Je sais combien les rois doivent être errités
D'une paix, d'un hymen trop souvent recités;
Un refus est pour eux le signal de la guerre.
Autour de mes remparts ensanglanter le terre,
Iarbe, je le vois, est tout prêt d'éclater;
Je l'attends sans me plaindre. et sans le redouter,

произнесены были нѣсколько *плачевнымъ* голосомъ—такой тонъ едва ли приличенъ Дидонѣ: она отдаетъ престолъ свой Энею, въ которомъ будетъ имѣть мужественнаго защитника, и мысль объ Энеѣ должна быть въ душѣ ея, когда она говоритъ съ Ярбомъ, на предложенія котораго отвѣчала, за нѣсколько минутъ, какъ гордая царица. Слова

Je l'attends sans me plaindre—

также были сказаны голосомъ *жалобнымъ*: такая несообразность выраженія съ мыслію была тѣмъ ощутительнѣе, что полустишіе—et sans le redouter произнесено было съ твердостію и величіемъ.

Еще два замѣчанія такого жъ рода. Въ сценѣ съ *Элизою* и *Барсе* не слишкомъ ли живо изображаетъ дѣвица *Жоржъ* разрушеніе Трои?

Même après le danger on craint pour ce qu'on aime...
Je crois voir les combats que j'entends raconter;
Je frémis pour Énée, et je cours l'arrêter:
Tantôt sous ces remparts que la Grèce environne

Je le vois affronter les fureurs de Bellone;
Je le suis, et des Grecs défiant le courroux,
Je prétends sur moi seule attirer tous leurs coups:
Mains bientôt sur ses pas je vole épouvantée
Dans les murs saccagés de Troie ensanglantée:
Tout n'est à mes regards qu'un vaste embrasement;
A travers mille feux je cherche mon amant.

Когда Меропа описываетъ Исменѣ ту страшную ночь, въ которую Кресфонтъ и дѣти ея были умерщвлены передъ ея глазами, тогда всѣ ужасы убійства должны возобновиться въ ея воображеніи: она сама была ихъ зрительницею; она можетъ *видѣть передъ собою* умирающаго Кресфонта, и всѣ ея движенія должны быть живописны; но Дидона была только въ мысляхъ свидѣтельницею разоренія Трои: обстоятельства его не должны представляться ей живо, а развѣ только въ отношеніи къ Энею, ибо въ пылающей Троѣ видитъ она одного только Энея; слѣдовательно, говоря;
Je le suis, et des Grecs défiant le courroux,
Je prétends sur moi seule attirer tous leurs coups,
она должна останавливаться воображеніемъ не на грекахъ, преслѣдующихъ Энея, а на самомъ Энеѣ, и лицомъ своимъ выражать не ужасъ, но страстное чувство любовницы, которая съ восхищеніемъ готова умереть за того, кѣмъ полно ея сердце.
Tout n'est à mes regards qu'un vaste embrasement.
Этого стиха не надлежало бы слишкомъ отдѣлять отъ прочихъ; тутъ живописность совсѣмъ не у мѣста: поразивъ воображеніе зрителя предметомъ постороннимъ, отвлечешь необходимо душу его отъ главнаго чувства, того, которое должна произвести въ ней страсть Дидоны.

Въ концѣ IV сцены III акта Дидона говоритъ Мадгербалу:
Oui, malgré les malheurs où son courroux nous jette,
Allez, et que ma garde assure sa retraite;
Que ce prince, à l'abri de toute trahison
Accable, s'il le peut, mais respecte Didon.
J'aime mieux, au péril d'une guerre barbare,
Que l'univers, témoin du sort qu'on me prépare,
Condamne un vain excès de générosite,
Que s'il reprochait la moindre lâcheté.
Эти стихи дѣвица Жоржъ произнесла съ тѣмъ благородствомъ, которое прилично царицѣ; на лицѣ и въ глазахъ ея блистало величіе: но тотчасъ послѣ стиха (при которомъ выходитъ Мадгербалъ):
Que s'il me reprochait la moindre lâchéte,
она обращается къ Элизѣ:
Ah! c'est trop rete nir ma douleur et mes larmes,
и въ этомъ переходѣ къ другому чувству, кажется, не соблюдена была надлежащая постепенность. Важный голосъ *вдругъ* перемѣнился на жалобный и плачевный; величественное лицо *вдругъ* сдѣлалось печальнымъ; а эти два стиха, если не ошибаюсь, надлежало бы отдѣлить одинъ отъ другаго краткимъ молчаніемъ, и, говоря:
Ah! c'est trop retenir ma douler et mes larmes,
сохранить, по крайней мѣрѣ, въ голосѣ нѣсколько того принужденнаго спокойствія, съ которымъ Дидона за минуту говорила Мадгербалу о Ярбѣ.

Въ двухъ сценахъ съ Энеемъ и въ послѣдней—Мадгербалъ приноситъ Дидонѣ извѣстіе объ отъѣздѣ Энея (лучшихъ во всей трагедіи)—игра дѣвицы Жоржъ была прекрасна, особливо въ послѣдній разъ. Надобно, однако, замѣтить вообще, что *нѣжность* выражаетъ она не такъ счастливо, *какъ сильную горесть и негодованіе.* Натура создала ее для характеровъ важныхъ, гордыхъ, великихъ; величіе можно назвать ея принадлежностію; она царица наружностію, движеніями, станомъ, лицомъ; но она гораздо меньше имѣетъ способности для характеровъ нѣжныхъ. Въ голосѣ ея, звонкомъ и чистомъ, нѣтъ довольно мягкости, нѣтъ звуковъ, трогающихъ душу; *нѣтъ слезъ*, какъ говоритъ Лагарпъ о молодой актрисѣ Госсень, которая, въ золотое время французскаго театра, восхищала Парижъ, играя Заиру. Дѣвица Жоржъ можетъ производить удивленіе, поражать, а не трогать; она менѣе дѣйствуетъ на зрителя въ такія минуты, когда изображаетъ или меланхолію страсти, или одно тихое чувство любви, или то состояніе души, когда отчаяніе смѣшано въ ней съ нѣжностію. Напримѣръ, въ Федрѣ (быть-можетъ, единственная роль страстной любовницы, приличная таланту дѣвицы Жоржъ, ибо любовь Федры есть одно страданіе и никогда не переходитъ въ нѣжность), когда игра ея самая слабая? Въ ту минуту, когда Федра говоритъ Энонѣ о своихъ дѣтяхъ, когда сильное отчаяніе должно уступить въ ней мѣсто меланхолической скорби. И въ Дидонѣ всѣ нѣжныя черты любви были выражены нѣсколько слабо. Зато дѣвица Жоржъ торжествуетъ въ тѣхъ сценахъ, которыя требуютъ величія и силы: въ внезапныхъ переходахъ изъ одного чувства въ другое, противное, напримѣръ, изъ спокойствія въ ужасъ, отъ радости къ сильной печали. Игрою лица трогаетъ она гораздо болѣе, нежели голосомъ и движеніями; глаза ея прелестны, когда они или вдругъ воспламеняются яркимъ огнемъ сильнаго чувства, или наполняются мало-помалу тѣмъ легкимъ, почти невидимымъ пламенемъ, которое противъ воли измѣняетъ глубокому чувству сердца.

Эней приходитъ изъ храма, гдѣ слышалъ онъ приговоръ боговъ, повелѣвающихъ ему удалиться; онъ говоритъ Дидонѣ:
Que vous dirai-je enfin? Accablé de douleur,
Déchiré par l'amour, entrainé par l'honneur...
и на лицѣ ея изображалось робкое ожиданіе, соединенное съ предчувствіемъ ужаснаго.

„Qu'avez-vous résolu?"—спрашиваетъ она такимъ голосомъ, въ которомъ ощутительно было, что она страшится отвѣта, хотя уже предузнала его. Эней отвѣчаетъ:
Plaignez plutôt mon ame!
Tout parlait contre vous, tout condamnait ma flamme,
Ma gloire, mes sujets, nos prêtres et mon fils...
и нерѣшимость, которая приводила въ движеніе лицо Дидоны, исчезла; оно быстро измѣнилось; глаза ея, за минуту оживленные ожиданіемъ, вдругъ потухли.
N'achevez pas, cruel! vous avez tout promis!..
сказала она голосомъ слабымъ, которымъ прекрасно выражено было внезапное изнеможеніе и сердца и силъ тѣлесныхъ. Въ выраженіи стиховъ:
Est-il bien vrai? ce jour va donc nous séparer?
Qui me consolera dans mes douleurs profondes?
Mon coeur, mon triste coeur vous suivra sur les ondes;
Et d'une vaine gloire occupé tout entier,
Au fond de l'univers vous irez m'oublier!..
M'oublier!..
я желалъ бы найти болѣе меланхолической чувствительности, нежели горести сильной, тѣмъ болѣе что ихъ надлежало непремѣнно замѣтнымъ оттѣнкомъ отдѣлить отъ послѣдняго слова: „M'oublier!"

Въ первыхъ пяти стихахъ Дидона говоритъ объ одной только разлукѣ, и сердце ея тронуто сильно; но это чувство болѣе унылое, нежели горестное: разлука не столь ужасаетъ ее, какъ забвеніе, и только на словѣ: m'oublier унылость должна была обратиться въ горесть. Это слово сказано было прекрасно; но оно несравненно сильнѣе тронуло бы зрителя, когда бы предыдущіе стихи не ослабили его дѣйствія, именно потому, что были произнесены такимъ же тономъ, какъ и оно.

Въ шестой сценѣ третьяго дѣйствія, когда оскорбленная Дидона дѣлаетъ упреки Энею, и въ послѣдней пятаго, когда, узнавъ объ Энеевомъ отъѣздѣ, она осыпаетъ его проклятіями (и та и другая почерпнуты изъ Виргилія), игра дѣвицы Жоржъ была превосходна. Стихи:
Non, tu n'es point le sang des héros, ni des dieux!
. . . .
Il faut d'autres raisons pour convaincre une amante!
. . . .
Tes dieux sont le parjure et l'infidelité [acte III, scène VI].

Tremble, ingrat! je mourrai; mais ma haine vivra!

. . . .

Et moi je te déclare une guerre immortelle! [acte V, scène IV].

произнесены были съ необыкновенною выразительностію; но мы замѣтимъ здѣсь опять, что роли нѣжныхъ любовницъ несвойственны таланту дѣвицы *Жоржъ*. *Агриппина*, *Аталія*, *Клеопатра* (въ Корнелевой *Родогунѣ*), *Семирамида*—вотъ характеры, единственно ей принадлежащіе.

„Династія Вестрисовъ есть чудный феноменъ“, говоритъ одинъ французскій журналистъ (Жофруа): „въ ней великое дарованіе, вопреки опытамъ всѣхъ вѣковъ, переходитъ по прямой линіи отъ отца къ сыну—дарованіе прыгать и плѣнять глаза чудесными прыжками. Вестрисъ *Великій*, или 1-й, имѣлъ достойнаго преемника въ своемъ сынѣ; Вестрисъ II произвелъ въ свою очередь *Вестриса III*, или Армана Вестриса; но дѣдъ оставилъ уже бренный міръ: онъ живетъ только въ памяти знатоковъ, а внукъ танцуетъ теперь за Альпійскими горами. Богиня Терпсихора, любезная повелительница всего, что имѣетъ легкія ноги, погружена была въ уныніе—вдругъ появился у двора ея принцъ крови изъ дома Вестрисовъ, Карлъ Вестрисъ, или Вестрисъ IV, восхитительный прыгунъ двѣнадцати лѣтъ, и милая, нѣсколько пріунывшая богиня танцевъ опять начинаетъ улыбаться!“... Оставимъ улыбаться парижскую Терпсихору, а господина Жофруа считать по пальцамъ великихъ людей Вестрисовой династія; сѣверная Терпсихора не завидуетъ южной, ибо она имѣетъ при дворѣ своемъ *Дюпора*, ни I, ни II, ни III, а просто *единственнаго*. Побѣдивъ въ Парижѣ Вестриса, царя Вестрисовъ, онъ разсудилъ промѣнять югъ на сѣверъ, и теперь жители снѣжнаго Петербурга не жалуются болѣе на зиму за то, что она разлучаетъ ихъ на цѣлые пять мѣсяцевъ съ зефирами; благодаря Дюпору, они, каждую недѣлю два раза, имѣютъ удовольствіе видѣть самого бога зефировъ въ театрѣ: иногда представляется онъ имъ въ собственномъ своемъ видѣ, съ бабочкиными крыльями, легкій, милый, привлекательный, одаренный всѣми пріятностями, какими онъ обладалъ встарину, по словамъ историка басни, блаженной памяти Овидія; иногда въ образѣ Адониса, пламеннаго обожателя Венеры (хотя нѣсколько робкаго въ присутствіи *Марса*, извѣстнаго грубіяна); иногда въ видѣ забавнаго цырюльника *Фигаро*, иногда (чему нескоро повѣритъ потомство) въ русскомъ кафтанѣ синяго цвѣта, обшитомъ серебрянымъ галуномъ, въ сапогахъ съ красными сафьянными отворотами. Все это не доказываетъ ли неоспоримо, что вѣкъ Овидіевыхъ превращеній еще не миновался? И Дюпоръ, который вѣчно Зефиръ, несмотря на его чудесныя превращенія, не достоинъ ли, по справедливости, имѣть какого-нибудь Овидія своимъ біографомъ? Сообщаемъ нашимъ читателямъ его портретъ, списанный съ натуры и весьма сходно однимъ французскимъ живописцемъ (или поэтомъ, что все равно) по имени Бершу:

Jamais Zéphyr humain ne parut si léger:
Dans tous les autres vents rampant dans la carrière,
On avait reconnu le poids de la matière;
Mais lui seul, dégagé des terrestres liens,
Parait en tout semblable aux dieux aériens,
Du parterre charmé l'oeil peut le suivre à peine
Parmi les jeunes fleurs qu'agite son haleine?

Этотъ любезный Зефиръ удивлялъ, и, по увѣренію людей, которые обо всемъ знаютъ и все слышатъ, еще нѣсколько времени будетъ удивлять Москву своею легкостью и своими превращеніями, вмѣстѣ съ тремя подругами богини Терпсихоры, которыя разсудили пожаловать къ намъ incognito, подъ скромными именами *Сенклеръ*, *Новицкой*, *Иконниной*; но публика московская, какъ извѣстно, весьма проницательная, очень скоро замѣтила обманъ.

Не странно ли? *Г. Фрожеръ*, имѣющій отличный комическій талантъ, выбралъ для бенефиса своего такую піесу, въ которой нельзя было ему показать никакого таланта.—пародію Лятушевой *Ифигеніи въ Тавридѣ*. Если вѣрить строгимъ Аристархамъ, то всякая пародія (надобно замѣтить, что эти господа называютъ пародію злоупотребленіемъ драматическаго искусства), можетъ имѣть нѣкоторую пріятность только тогда, когда представляютъ тотчасъ послѣ той трагедіи или драмы, на которую она сдѣлана. Но мы, не видавши Лятушева Ореста, могли ли смотрѣть съ удовольствіемъ на Ореста Фаварова (авторъ пародіи, если вѣрить театральному объявленію, и Вуазенова, если вѣрить исторіи)? Господинъ *Фрожеръ* смѣшилъ насъ очень много, это правда; но только не игрою своею, а тѣмъ единственно, что онъ выступилъ на сцену въ греческомъ платьѣ и важнымъ голосомъ декламировалъ вздорные стихи. Много *дарованія* показалъ и господинъ *Дюкло*, ибо онъ представлялъ Пилада въ огромной прическѣ, съ пуклями, въ пудрѣ, въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, и хотѣлъ поднять Тоаса на воздухъ вилами, какъ обыкновенную копну сѣна. Всѣхъ лучше играла госпожа *Фурезъ*: она старалась представить намъ въ карикатурѣ дѣвицу *Жоржъ*, и мы въ самомъ дѣлѣ имѣли удовольствіе видѣть карикатуру дѣвицы *Жоржъ*.

III. Дѣвица Жоржъ въ Вольтеровой „Семирамидѣ“.

Вольтеръ есть самый разительный изъ трагиковъ французскихъ; *frappez fort plutot que juste*! говорилъ онъ (Лагарпу, если не ошибаюсь). И почти во всѣхъ своихъ трагедіяхъ держался онъ этого правила: потрясши душу зрителя ударами сильными, онъ ее порабощалъ. Корнель удивляетъ высокостію мыслей и чувствъ; но удивленіе, дѣйствуя на одинъ только разсудокъ, именно потому не можетъ оставить глубокаго слѣда на сердцѣ: его продолжительность утомляетъ. Расинъ трогаетъ до глубины души; но онъ *постепенно* приводитъ насъ къ сильному чувству, онъ наполняетъ имъ всю душу, слѣдовательно, дѣйствуетъ медленнѣе: оно глубокое, полное, а потому и не разительное. Вольтеръ, напротивъ, достигаетъ до сердца съ помощію воображенія: покоривъ насъ силою, онъ почитаетъ позволеннымъ пренебрегать тѣ мелкія подробности и оттѣнки, которые сильное чувство могли бы сдѣлать глубокимъ и продолжительнымъ. Изъ трагедій Расиновыхъ выходишь съ живѣйшею чувствительностью, въ расположеніи меланхолическомъ; послѣ трагедій Вольтеровыхъ сердце поражено, и воображеніе пылаетъ.

La vérité terrible est du ciel descendue
Et du sein des tombeaux la vengeance est venue;

на этихъ двухъ стихахъ, можно-сказать, основана вся „Семирамида“; но это основаніе передъ глазами критики. Напрасно стихотворецъ выводитъ *мщеніе изъ гроба* и заставляетъ небо заботиться объ открытіи *страшной тайны*; великій жрецъ Ороэсъ знаетъ давно, что Семирамида и Ассуръ убійцы Нина; слѣдовательно, все то, для чего разрушены законы природы, спокойствіе могилы возмущено, и тѣнь оставляетъ гробовой пепелъ, могло бы исполнено быть самыми простыми, человѣческими средствами, именно съ помощію двухъ понятныхъ словъ изъ устъ жреца Ороэса; слѣдовательно, трагикъ построилъ воздушный замокъ: онъ ужасаетъ насъ *китайскими тѣнями*. Несмотря, однако, на этотъ великій недостатокъ, и также несмотря на то, что въ Семирамидѣ истинное дѣйствіе начинается только во концѣ третьяго акта, эта трагедія оставляетъ на душѣ зрителя впечатлѣніе чрезвычайно сильное. Въ чемъ же очарованіе стихотворца? Въ слогѣ его, которымъ онъ воспламеняетъ воображеніе: мы окружены какою-то страшною таинственностію, и ожиданіе сверхъестественнаго производитъ непроизвольный трепетъ въ сердцѣ, — въ изображеніи великаго

характера, въ положеніяхъ разительныхъ, ужасныхъ и вмѣстѣ трогающихъ душу, и, наконецъ, въ великолѣпіи зрѣлища. Послѣ того, когда мы уже узнали, что Семирамида мать Арзаса; что Нинова тѣнь требуетъ мщенія, которому надлежитъ совершиться во глубинѣ его гроба и отъ руки Ниніаса, еще не знающаго, кто нареченъ жертвою отъ неба; когда Семирамида входитъ въ этотъ ужасный гробъ, и когда Ниніасъ, обманутый Аземою, которая сказываетъ ему, что Ассуръ скрывается во гробѣ Нина, восклицаетъ, обнажавъ мечъ:

Grands dieux! tout est donc éclairci!
Mon coeur est rassuré, la victime est ici!—

кто изъ зрителей не содрогается отъ ужаса! И какая потомъ картина!.. Семирамида, блѣдная, полумертвая, медленно идущая изъ глубины гроба, при блескѣ молній, и, наконецъ, умирающая на рукахъ своего сына, своего убійцы... Можетъ - быть, ни въ какой другой трагедіи не найдемъ ничего, что бы поражало и сердце и вмѣстѣ воображеніе такъ сильно, какъ два послѣдніе акта Семирамиды; но также и ни въ одной трагедіи сила впечатлѣнія не зависитъ такъ много отъ пышности зрѣлища и соотвѣтствованія декорацій воображенію поэта и зрителя. Ниновъ гробъ есть дѣйствующее лицо въ Семирамидѣ; онъ долженъ поражать насъ огромностію и величіемъ своей архитектуры:

Ce vaste mausolée où repose Ninus!

Когда Ниніасъ входитъ въ него съ обнаженнымъ мечомъ, какъ мститель, ведо́мый небомъ, тогда и воображеніе зрителя невольно слѣдуетъ за нимъ во глубину могильнаго мрака, гдѣ совершается мщеніе ужасное; но спрашиваемъ: будетъ ли воображеніе обмануто, и, слѣдственно, одна изъ самыхъ разительныхъ сценъ трагедіи не потеряетъ ли все свое дѣйствіе, если этотъ гробъ не иное что, какъ низкая испещренная какими-то знаками пирамида, на двухъ или трехъ ступеняхъ, съ смѣшными перилами, на которыя наброшенъ лоскутъ краснаго сукна; и когда сквозь отворенныя двери, ведущія въ мрачное подземелье, видишь заднюю кулису и людей, подлѣ нея стоящихъ? Сцена, въ которой Семирамида избираетъ себѣ супруга передъ народомъ, жрецами и вельможами Вавилона, есть одна изъ самыхъ величественныхъ сценъ трагедіи; но она только насмѣшитъ, если за трономъ, вмѣсто многочисленнаго народа, увидимъ не болѣе десяти воиновъ, и если вельможи Семирамиды будутъ сидѣть на креслахъ изъ краснаго дерева, такихъ точно, на какихъ вельможи XIX вѣка сидятъ, въ часы отдохновенья, за бостономъ. Также очень много зависитъ и отъ того убора, въ какомъ является Нинова тѣнь посреди собранія сановниковъ и народа: если мы увидимъ маленькую человѣческую фигуру, если на нее вмѣсто гробовой одежды, обширной, влекущейся по землѣ, будетъ накинутъ мѣшокъ темнаго цвѣта; если этотъ *ужасный мстительный духъ*, выходя изъ гроба будетъ съ благоразумною осторожностью смотрѣть подъ ноги, чтобы не зацѣпиться за порогъ, и если, наконецъ, проговоривъ нѣсколько словъ такимъ голосомъ, какимъ обыкновенно смертные говорятъ о погодѣ, сочтетъ за нужное оборотиться ко всѣмъ спиною, чтобы войти опять въ гробъ, а не слетѣть въ него стремглавъ по ступенямъ—тогда мы будемъ имѣть удовольствіе посмѣяться отъ доброй души въ такой сценѣ, въ которой стихотворцу хотѣлось насъ уморить отъ страха.

Дѣвица *Жоржъ* торжествуетъ въ *Семирамидѣ*: природа одарила ее тѣмъ величіемъ, которымъ воображеніе наше украшаетъ славную царицу Вавилона. Какимъ разительнымъ взглядомъ отвѣчаетъ она Ассуру (въ VII сценѣ II акта), когда онъ говоритъ ей:

Quand la terre obéit, que craignez-vous des dieux?

Она указываетъ на гробницу Нина (котораго Ассуръ отравилъ ядомъ), и послѣ минутнаго молчанія, во время котораго пристально разсматриваетъ она лицо Ассура, произноситъ:

La cendre de Ninus repose en cette enceinte
Et vous me demandez le sujet de ma crainte,
Vous?

Вся великость Семирамиды выражена была въ стихѣ:

Telle est ma volonté, constante, irrévocable.

Но слѣдующіе стихи:

C'est à vous de juger si le dieu, qui m'accable
A laissé quelque force à mes sens interdits,
Si vous reconnaissez encore Sémiramis,

были выражены, если не ошибаюсь, нѣсколько слабо; особенно послѣдній, который надлежало бы отдѣлить отъ прочихъ, ударивъ на слово: Sémiramis, былъ, такъ-сказать, потерянъ между предыдущими и послѣдующими; превосходные стихи:

Le don de mon empire et de ma liberté
Est l'acte le plus grand de mon autorité,

сказаны были съ какою-то неприличною въ этомъ мѣстѣ живостью: ихъ надлежало бы произнести спокойнѣе, голосомъ твердымъ, съ величіемъ повелительницы самовластной.

Вообще, въ *Семирамидѣ* игра дѣвицы *Жоржъ*, отъ начала до конца, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ мѣстъ, отвѣчала тому великому характеру, который изобразилъ намъ стихотворецъ: невозможно было не удивляться ея прелестной наружности, когда взошла на тронъ (который, замѣтимъ, весьма достоинъ былъ такой Семирамиды) и оперлась съ величіемъ царицы на золотой скипетръ, врученный ей Отаною; нельзя было не содрогнуться отъ ужаса, когда она показалась въ дверяхъ гроба, окруженная пламенемъ молніи, блѣдная, издыхающая. Эта картина была бы несравненна, когда бы Ниновъ мавзолей имѣлъ нѣсколько болѣе сходства съ Ниновымъ мавзолеемъ.

Но въ послѣднихъ стихахъ, полныхъ чувства, раздирающихъ душу, прямо трагическихъ, когда Семирамида, видя простертаго у ногъ ея Ниніаса, прощаетъ ему свою смерть, игра дѣвицы *Жоржъ* не во всемъ соотвѣтствовала положенію умирающей матери:

Mon fils, n'achève pas:
Je te pardonne tout, si, pour grâce dernière,
Une si chère main ferme au moins ma paupière.

Здѣсь въ звукѣ ея голоса не было той нѣжности, того глубокаго материнскаго чувства, которымъ должна бы наполнена быть душа умирающей *Семирамиды*; напротивъ, въ немъ ощутительна была одна только слабость, происходящая отъ приближенія смерти. Но стихи:

D'une mère expirante approchez-vous tous deux;
Donnez moi votre main...

тронули до слезъ; глаза Семирамиды были уже тусклы; она искала той милой руки, которую хотѣла еще разъ прижать къ своему сердцу.

Vivez, régnez heureux:
Cet espoir me console, il mole quelque joie
Aux horreurs de la mort où mon âme est en proie.
Je la sens... elle vient... Songe à Sémiramis,
Ne haïs point sa mémoire: ô mon fils! mon cher fils!...
C'en est fait.

Всѣ эти стихи были произнесены умирающимъ голосомъ, въ которомъ ощутительна была одна только *слабость смерти* и (что весьма, какъ я думаю, здѣсь неприлично) *со слезами*. Разлука въ минуту смерти не можетъ сопряжена быть съ тою горестью, въ какую ввергаетъ насъ та разлука, послѣ которой мы представляемъ себѣ еще нѣсколько продолжительныхъ лѣтъ одинокой жизни, лишенной всего, что дѣлало намъ ее драгоцѣнною въ союзѣ съ милыми существами. По-настоящему, для умирающаго нѣтъ разлуки, и минута смерти есть для него, можно сказать, минута наслажденія; для него съ потерею счастія соединена и потеря жизни: слѣдовательно, онъ не можетъ страшиться ужаснаго чувства утраты; онъ самъ исчезает въ ту минуту, когда исчезаетъ для него все любезное. Я желалъ бы найти въ послѣднихъ словахъ Семирамиды болѣе той любви, съ которою сердце матери должно останавливаться, въ послѣднюю минуту, на

милыхъ покидаемыхъ ею дѣтяхъ; я желалъ бы, чтобы она, сказавъ съ сердечною нѣжностью: „Songe à Sémiramis“, на минуту замолчала, устремила бы тусклые глаза на лицо сына, какъ-будто желая переселить въ него угасающую душу, и потомъ прибавила бы нѣжнымъ умоляющимъ голосомъ: „Ne haïs point sa mémoire...“. и, наконецъ, съ послѣднимъ изліяніемъ любви: „ô mon fils! mon fils!..“ тогда бы слова: „C'en est fait“, произнесенныя вдругъ ослабѣвающимъ голосомъ, разительно изобразили совершенное прекращеніе жизни.

О КРИТИКѢ.

(ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ.)

Будучи усерднымъ читателемъ вашего журнала и желая вамъ искренно успѣха въ его изданіи, почитаю обязанностью сообщить вамъ слышанный мною недавно любопытный разговоръ, котораго поводомъ было ваше объявленіе о Вѣстникѣ на слѣдующій годъ, пропечатанное въ московскихъ газетахъ.

Я обѣдалъ на сихъ дняхъ у одного моего знакомца. Это человѣкъ стараго времени, совсѣмъ неученый, но одаренный здравымъ разсудкомъ; онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, но любитъ читать, и всѣ хорошія русскія книги (оригинальныя и переведенныя) прочиталъ отъ доски до доски; любитъ поэзію—но одну русскую, ибо иностранныхъ поэтовъ знаетъ только по слуху, или въ нѣкоторыхъ переводахъ (слѣдовательно, почти не знаетъ, ибо вы сами признаетесь, что бо́льшую часть переводовъ можно сравнить съ *ложными слухами*, которые и самую истину нерѣдко превращаютъ для насъ въ небылицу). Онъ имѣетъ что-то похожее на вкусъ, но по справедливости можно назвать его суевѣромъ во мнѣніяхъ о словесности, ибо все старое кажется ему прекраснымъ потому единственно, что оно старое. Вообще онъ большой неохотникъ до критики: умѣя чувствовать изящное, онъ мало оскорбляется тѣмъ, что оно бываетъ иногда *смѣшано* съ дурнымъ; скажу болѣе: самое дурное, отъ своего смѣшенія съ хорошимъ, бываетъ для него или сносно, или и совсѣмъ незамѣтно. У него нашелъ я общаго нашего знакомца, умнаго и весьма образованнаго человѣка. Онъ не авторъ, но судитъ съ великою основательностью о произведеніяхъ писателей. Онъ любитъ изящную словесность и въ особенности занимался ея теоріею; его мнѣнія о поэтахъ, ораторахъ, и вообще о произведеніяхъ искусства основаны на правилахъ вѣрнаго и образованнаго вкуса.

Разсуждая о литературѣ, коснулись и вашего Вѣстника. „Вотъ новость, сказалъ мой *Стародумъ* (назову его *Стародумомъ*), подавая общему пріятелю нашему тотъ листокъ газетъ, въ которомъ помѣщено ваше объявленіе. Издатели располагаются угощать насъ критикою: весьма любопытствую знать, что изъ этого выйдетъ; но признаюсь вамъ, ничего добраго не обѣщаю себѣ отъ критики: что пользы нападать на писателей, которыхъ и безъ того у насъ очень немного? И нужно ли заводить междоусобія въ спокойной республикѣ литературы, превращать ее въ поле сраженія, на которомъ одинакое безславіе ожидаетъ и побѣдителя и побѣжденнаго; а насъ, читателей, сдѣлавшихся просто зрителями, принуждать смотрѣть, смѣяться и, можетъ-быть, презирать жалкихъ людей, забавляющихся надъ своими ссорами? И ссору автора съ критикомъ не можно ли по справедливости сравнить съ сраженіемъ пѣтуховъ, забавнымъ только для тѣхъ, которые на него смотрятъ и держатъ большой закладъ? Я твердо увѣренъ, что такія забавныя ссоры много вредятъ литературѣ и необходимо унижаютъ почтенный характеръ писателя“.

Позвольте съ вами не согласиться (отвѣчалъ нашъ общій пріятель). Увѣряю васъ, что вы испугали себя привидѣніемъ: или я ошибаюсь, или понятіе, составленное вами о критикѣ, весьма несправедливо. *Ссора, сраженіе, междоусобія*—всѣ эти ужасныя слова, которыми вы окружили миролюбивое слово: ***критика***, совсѣмъ не принадлежатъ къ ея *свитѣ*. Критика есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное. Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сонату—чувствуете удовольствіе или неудовольствіе—вотъ вкусъ; разбираете причину того и другого—вотъ критика. И все ваше несходство съ настоящимъ критикомъ состоитъ единственно въ томъ, что вы разсуждаете наединѣ съ собою о такомъ предметѣ, о которомъ онъ говоритъ въ присутствіи многихъ, имѣющихъ полное право соглашаться съ нимъ или не соглашаться—значитъ ли это заводить междоусобіе въ спокойной республикѣ литературы? И почему жъ унизительно говорить свое мнѣніе вслухъ о такомъ предметѣ, который можно назвать собственностью строгаго мнѣнія? Разумѣю здѣсь всѣ произведенія словесности изящныхъ художествъ.

„Но прошу покорно замѣтить, не сами ли вы уничтожили пользу критики, сказавъ, что каждый читатель есть самъ по себѣ уже критикъ? Позволено ли *одному* представлять цѣлое общество? И не безумное ли высокомѣріе почитать себя голосомъ публики или присвоивать себѣ способность давать законы ея сужденіямъ?“—И въ этомъ случаѣ позволяю себѣ думать различно съ вами. Напрасно приписываете вы критику неприличное намѣреніе быть законодателемъ мнѣній. Положеніе автора можно, съ одной стороны, сравнить съ положеніемъ человѣка, разговаривающаго въ обществѣ: первый говоритъ большими монологами, на которые или не даютъ ему отвѣта, или отвѣчаютъ ему; въ критикѣ другой выражается въ нѣсколькихъ словахъ, слышитъ отвѣты, дѣлаетъ возраженія—то же, что критика: отвѣчать на бумагѣ, отвѣчать на словахъ, не все ли равно? Гдѣ же намѣреніе быть законадателемъ мнѣній? Одно необходимое условіе—учтивость. Предлагайте мысли свои, не думая, чтобы онѣ были неопровержимы. Правда, что каждый читатель есть самъ по себѣ критикъ, ибо онъ думаетъ и судитъ о томъ, что читаетъ; но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы критика была безполезна? Я сомнѣваюсь. Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ; это происходитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ нѣкоторой безпечности, которая препятствуетъ имъ слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора и разбирать впечатлѣнія, въ нихъ производимыя красотами или недостатками его творенія; другіе читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ прекрасное, видятъ погрѣшности—и въ головѣ ихъ остается порядочное, полное понятіе о томъ, что они читали. Нѣкоторые, прибавлю, судятъ криво и косо о произведеніяхъ изящнаго, потому что вкусъ ихъ и разсудокъ или испорчены предубѣжденіями, или весьма еще мало образованы и требуютъ направленія. Для первыхъ благоразумная критика полезна бываетъ тѣмъ, что она можетъ служить Аріадниною нитью ихъ разсудку и чувству, которые безъ того потерялись бы въ лабиринтѣ безпорядочныхъ понятій и впечатлѣній; она облегчаетъ для нихъ работу уму; соединяетъ и производитъ въ систему то, что имъ представлялось безъ связи и по частямъ, побѣждаетъ ихъ безпечность и, избавляя вниманіе отъ тягостнаго усилія, производитъ ихъ кратчайшимъ путемъ къ той цѣли, въ которой не могли бы они достигнуть безъ указателя. Другимъ доставляетъ она случай сравнивать собственныя понятія съ чужими, болѣе или менѣе основательными, и, слѣдовательно, представляетъ имъ съ другой точки зрѣнія тѣ предметы, которые они уже съ одной или съ нѣкоторыхъ разсматривали; отъ такого сравненія рождаются новыя понятія, или объясняются и становятся положительнѣе старыя. Но главная и существенная польза критики состоитъ въ распространеніи вкуса, и въ этомъ отношеніи она есть одна изъ важнѣйшихъ отраслей изящной словесности, прибавлю, и философіи

моральной. Что такое вкусъ? Чувство и знаніе красоты въ произведеніяхъ искусства, имѣющаго цѣлью подражаніе природѣ нравственной и физической. Научась живѣе чувствовать красоты подражанія, мы необходимо становимся чувствительнѣе и къ красотамъ образца. Человѣкъ съ образованнымъ вкусомъ (который всегда основывается на чувствѣ и только *управляемъ* бываетъ разсудкомъ), долженъ быть и въ своей нравственности выше необразованнаго. Критика, распространяя истинныя понятія вкуса, образуетъ въ то же время и самое моральное чувство; *добро*, красота моральная въ самой натурѣ, отвѣчаетъ тому, что называется *изящнымъ* въ подражаніяхъ искусства; слѣдовательно съ усовершенствованіемъ одного соединяется и усовершенствованіе другого. Изъ всего, мною сказаннаго, можете заключить, что званіе критика и весьма важное и весьма трудное. Вотъ идеалъ, составленный мною о характерѣ: истинный критикъ, будучи одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, имѣетъ проницательный и вѣрный умъ, которымъ руководствуется въ своихъ сужденіяхъ; чувство показываетъ ему красоту тамъ, гдѣ она есть, во всѣхъ ея оттѣнкахъ, и самыхъ нѣжныхъ и самыхъ нечувствительныхъ; разсудокъ опредѣляетъ истинную цѣну ея и не даетъ ему ослѣпляться ложнымъ блескомъ, иногда замѣняющимъ прямо изящное. Онъ знаетъ всѣ правила искусства, знакомъ съ превосходнѣйшими образцами изящнаго; но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правиламъ; въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ совершенства, такъ-сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника; идеалъ *возможнаго*, служащій ему вѣрнымъ указателемъ для опредѣленія ступеней превосходства. Этого не довольно: чтобы судить о произведеніяхъ искусства, которыя не иное что, какъ подражаніе природѣ, надлежитъ хорошо быть знакомымъ и съ самымъ предметомъ подражанія—съ природою. Возьмите въ примѣръ самый высокій изъ всѣхъ родовъ поэзіи: эпическую поэму. Въ ней видите нравственный міръ со всѣми его страстями, и міръ физическій со всѣми его прелестями и великолѣпіемъ. Спрашиваю: будетъ ли въ состояніи критикъ опредѣлить достоинство стихотворца въ изображеніи страстей и характеровъ, если ни дѣйствія страстей, ни тайны характеровъ, которые надлежитъ наблюдать въ самомъ человѣкѣ, ему неизвѣстны? Замѣтитъ ли онъ вѣрность или невѣрность въ изображеніяхъ физической природы, если иногда самъ не восхищался ея красотами, если очарованіе вечера, или спокойное величіе утра, или пріятность тѣнистыхъ долинъ, или ужасы дикихъ утесовъ, неподвижныхъ посреди ниспадающихъ съ вершины ихъ водопадовъ, не имѣютъ ничего привлекательнаго для его сердца? Истинный критикъ долженъ быть и моралистъ-философъ и прямо-чувствителенъ къ красотамъ природы. Скажу болѣе: онъ долженъ быть и самъ *морально-добрымъ*, или, по крайней мѣрѣ, имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру; ибо доброта моральная, какъ я уже сказалъ прежде, служитъ основаніемъ чувству изящнаго, и послѣднее, не будучи соединено съ первымъ, никогда не можетъ имѣть надлежащей вѣрности. Наконецъ, хочу найти въ немъ пламенную любовь къ искусству: онъ долженъ имѣть о немъ понятіе высокое; въ противномъ случаѣ никогда не составится въ головѣ его тотъ идеалъ совершенства, безъ котораго мысли его не будутъ ни живы, ни убѣдительны. Само по себѣ разумѣется, что критиковъ, близкихъ къ моему идеалу, весьма немного: Лонгины, Джонсоны, Аддисоны, Лягарпы, Лессинги такъ же рѣдки, какъ и великіе художники, которыхъ твореніямъ они научили насъ удивляться.

„Надобно согласиться, что ваше изображеніе критика можетъ привести въ отчаяніе и самаго неустрашимаго рыцаря критики; и я имѣю причину думать, что господа издатели Вѣстника, которые такъ смѣло выступили на сцену критики въ своей газетной прокламаціи, не близки къ вашему идеалу—(извините, я повторяю, что слышалъ)—но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе: изъ всѣхъ вашихъ разсужденій не имѣю ли я права заключить, что критикомъ (такимъ, какого вы описали) можетъ быть одинъ только художникъ? Кому лучше живописца судить о живописи, и лучше поэта о стихотворствѣ? Артисту, болѣе нежели другимъ, должны быть извѣстны всѣ тайны его искусства, и не должно ли напередъ самому написать что-нибудь превосходное, чтобы имѣть способность и право критиковать произведенія искусства?“

— Замѣчаніе ваше, если хотите, и справедливо, и нѣтъ. Хорошій артистъ не можетъ не быть и хорошимъ судьею своего искусства, это правда; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы способность разсматривать произведенія искусства непремѣнно соединена была съ способностію производить изящное. Лягарпъ посредственный трагикъ; но кому лучше его извѣстна теорія драматическаго искусства? И его примѣчанія на трагедіи Расина и Вольтера не лучше ли несравненно тѣхъ примѣчаній, которыя великій Корнель, сей превосходный трагикъ, написалъ на собственныя свои трагедіи? Творецъ дѣйствуетъ по вдохновенію: онъ быстро угадываетъ тѣ красоты, которыя критикъ, руководствуемый чувствомъ изящнаго, съ медлительностію разсудка разсматриваетъ въ самомъ ихъ происхожденіи. Сія медлительность въ работѣ *разбирающаго* вкуса едва ли сообразна съ быстротою *творческаго* духа; и мы не всегда находимъ ихъ соединенными въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Способность восхищаться красотою, способность угадывать тотъ путь, по которому творческій геній дошелъ до своей цѣли, то-есть, до произведенія изящнаго, не есть еще творческій геній—она степенію ниже; не всякому дано отъ природы производить великое; но тотъ всѣхъ ближе къ великому, кто лучше другихъ угадываетъ его тайны. И если бы надлежало выбирать, то я поручилъ бы послѣднему быть толкователемъ перваго, ибо онъ способнѣе входитъ въ такія подробности, которыя первый, объемлющій все однимъ взглядомъ и въ цѣломъ, пренебрегъ бы, какъ безполезныя, а потому и не объяснилъ бы намъ удовлетворительно своего образа дѣйствій.

„Благодаря вамъ, я помирился съ критикою—но должно признаться, что не всѣ расположены къ ней такъ милостиво, какъ вы. Я наименовалъ бы нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, которые ненавидятъ какъ самую критику, такъ и важныхъ господъ критиковъ. Напримѣръ, Фильдингъ (котораго прекрасный романъ, лучшій изъ всѣхъ романовъ, умерщвленъ для насъ, русскихъ, въ безбожномъ переводѣ) называетъ ихъ публичными клеветниками, немилосердно марающими *доброе имя* книгъ. Едва ли можно перечесть тѣ пріятные титулы, которыми ихъ награждаютъ: это завистники, ядовитые пасквилянты, непріятели славы, и прочее, и прочее. Что скажете?“

— Скажу, что все это относится къ одному только злоупотребленію критики, и что имена завистниковъ, ядовитыхъ пасквилянтовъ, непріятелей славы, принадлежатъ единственно такимъ людямъ, которые вооружаются критикою не для пользы вкуса, а въ угожденіе собственнымъ своимъ страстямъ: зависти, мщенію и пр. Но это самозванцы-критики, и ихъ-то смѣшныя ссоры съ писателями можно по справедливости сравнить съ сраженіемъ пѣтуховъ, забавнымъ для однихъ только зрителей. Нѣкоторые изъ нихъ нападаютъ на превосходнаго автора изъ одной ненависти къ превосходству; другіе отмщаютъ, на счетъ вкуса, за личное оскорбленіе; иные (и, кажется, бо́льшая часть) имѣютъ въ виду одно остроуміе, и колкостями, на счетъ хорошаго и дурного безъ разбора, угождаютъ врожденной насмѣшливости читателя. Такихъ забавныхъ или презрительныхъ актеровъ было весьма много на сценѣ французской литературы, и нѣкоторые (напримѣръ, Фреронъ) прославились своимъ безславіемъ. У насъ

еще ничего подобнаго не бывало, вѣроятно, потому, что мы не богаты произведеніями собственными, можетъ-быть, также и потому, что русскіе нѣсколько равнодушны ко всему русскому; а критика и хорошая и дурная существуетъ только тамъ, гдѣ литература есть одинъ изъ любимыхъ предметовъ всеобщаго вниманія. Какъ бы то ни было, злоупотребленіе вещи не унижаетъ достоинства. Но прибавлю, званіе критика соединено само по себѣ съ нѣкоторыми неизбѣжными опасностями: критикъ имѣетъ дѣло съ самолюбіемъ, и, что всего важнѣе, съ самолюбіемъ авторскимъ (которое по своей раздражительности занимаетъ первую степень между всѣми родами самолюбія); слѣдственно онъ всегда подверженъ опасности оскорблять и самымъ скромнымъ и самымъ умѣреннымъ сужденіемъ. Въ такомъ случаѣ спасутъ его одни слѣдующія правила: пусть будетъ онъ совершенно безпристрастенъ (безпристрастіе можно назвать *честностію* критика); пускай имѣетъ въ виду единую пользу искусства, остерегается предубѣжденія и не позволяетъ себѣ быть судьею въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ какая-нибудь личность нечувствительно можетъ замѣшать въ приговоръ его—пристрастіе. Думаю также, что, разбирая произведенія изящныя, онъ долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ, и, замѣчая только однѣ важныя ошибки, выставлять превосходное: ибо всякая новая красота есть пріобрѣтеніе искусства, есть новый шагъ его къ совершенству. Наконецъ, языкъ его долженъ быть важенъ и простъ, и только въ необходимыхъ случаяхъ (когда простое убѣжденіе недостаточно) позволяется ему употребить оружіе насмѣшки. Насмѣшка производитъ не убѣжденіе, а предубѣжденіе; она должна быть только пособіемъ здравой логики, и тѣмъ болѣе опасна, что можетъ унизить самое превосходное. Извѣстно, что забавные софизмы Вольтера повредили для многихъ важнымъ и спасительнымъ истинамъ христіанства.

„Всѣ мнѣнія ваши справедливы; но спрашиваю: много ли найдетъ случаевъ такой критикъ, какого вы описали, примѣнять свой идеалъ изящнаго къ произведеніямъ нашихъ писателей и художниковъ? Нельзя ли по справедливости подозрѣвать, что онъ совсѣмъ останется у насъ безъ дѣла?"

— Ваша правда, мы еще не богаты произведеніями превосходными; наша словесность едва начинаетъ выходить изъ младенчества; оригинальныхъ русскихъ книгъ весьма немного (я говорю объ однѣхъ хорошихъ); за то какое множество переводовъ, и какихъ переводовъ! Ихъ смѣло можно назвать *оригиналами*, ибо они совершенно никакого не имѣютъ сходства съ подлинниками. Что же дѣлать критику посреди сего наводненія, въ которомъ утопаетъ наша несчастная словесность? Говорить объ искусствѣ и слогѣ, разсматривая такія книги, въ которыхъ нѣтъ и слѣдовъ искусства и слога, значило бы сражаться съ вѣтряными мельницами. Но я и разсматриваніе вздорныхъ книгъ, за неимѣніемъ хорошихъ, не почитаю совсѣмъ безполезнымъ. Критика можетъ быть у насъ *приготовленіемъ* къ хорошему. Разбирая, и, если угодно, осмѣивая безобразные переводы романовъ, которыми книгопродавцы безъ всякой пощады насъ угощаютъ, она сдѣлаетъ насъ, по крайней мѣрѣ, взыскательными, по крайней мѣрѣ, научитъ называть дурное дурнымъ; а чтобы познакомить насъ съ истинно прекраснымъ, пускай обращаетъ наше вниманіе на произведенія старыхъ, или давно уже извѣстныхъ классическихъ писателей нашихъ. Въ сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Дмитріева, Карамзина и еще нѣкоторыхъ новѣйшихъ найдутся образцы, довольно близкіе къ тому идеалу изящнаго, который долженъ существовать въ головѣ каждаго критика. Причины же небогатства нашей словесности...

Разговоръ былъ прерванъ на самомъ этомъ мѣстѣ прибытіемъ нѣсколькихъ постороннихъ людей. Я простился съ моимъ знакомцемъ, побѣжалъ домой и записалъ слышанное: надѣюсь, что нѣкоторыя мысли моего почтеннаго адвоката критики будутъ полезны и для васъ.

1810.

—

РАЗБОРЪ ТРАГЕДІИ КРЕБИЛЬЙОНА:

РАДАМИСТЪ И ЗЕНОБІЯ,

ПЕРЕВЕДЕННОЙ С. ВИСКОВАТОВЫМЪ.

Переводить стихотворца можетъ одинъ только стихотворецъ.—„Какая премудрость! воскликнетъ читатель; конечно, хотите вы намъ сказать, что Родевъ концертъ можетъ разыгрывать одинъ только тотъ, кто умѣетъ играть на скрипкѣ? Благодаримъ за открытіе!"—Государи мои, намъ надобно объясниться: всякій скрипачъ охотно согласенъ будетъ, въ удовольствіе ваше, проскрипѣть на скрипницѣ своей Родевъ концертъ, если вы возьмете на себя трудъ учтивымъ образомъ уговорить его на этотъ подвигъ. Но я желаю знать, будете ли вы слушать этого виртуоза съ тѣмъ восхищеніемъ, которое производила въ васъ Родева скрипка, одушевленная его дарованіемъ? Чтобъ замѣнить для васъ Роде, надобно, если не ошибаюсь, имѣть не одни бѣглые пальцы его, но вмѣстѣ и его душу. Переводя стихотворца, весьма полезно присоединить къ основательному понятію о риѳмахъ богатыхъ и бѣдныхъ, о цезурѣ, о грамматикѣ, о томъ языкѣ, съ котораго переводишь, и еще о томъ, на который переводишь, и дарованіе стихотворное—и чѣмъ оно ближе къ дарованію образца, тѣмъ лучше для подражателя; но я позволяю себѣ думать, что оно непремѣнно должно быть съ нимъ одинаково.—„А что называете вы дарованіемъ стихотворнымъ?" Способность воображать и чувствовать сильно, соединенную съ способностію находить въ языкѣ своемъ такія выраженія, которыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь. Напримѣръ: вамъ угодно обогатить русскій языкъ превосходнымъ стихотвореніемъ иностраннымъ—трагедіею, баснею, одою, поэмою. Прежде нежели вы рѣшитесь на ужасное и невозвратное чернилопролитіе, исповѣдайтесь передъ самимъ собою чистосердечно, въ благодѣтельномъ увѣреніи, что богъ Парнасскій васъ слышитъ, что предъ очами его никакая стихотворная совѣсть закрыта быть не можетъ, спросите у себя: чувствую ли я въ душѣ своей тотъ пламень, которымъ наполнена душа моего поэта, видимая въ его сочиненіи? Могу ли съ необыкновенною живостію, со всѣхъ сторонъ, со всѣми оттѣнками, замѣтными для одного только стихотворнаго взора, представлять себѣ тотъ предметъ, который въ подлинникѣ моемъ изображенъ съ такимъ превосходствомъ? Чувствуешь, можешь, скажетъ вамъ совѣсть. Спросите въ другой разъ, въ третій—она повторитъ отвѣтъ свой. Тогда прибавьте еще нѣсколько вопросовъ, менѣе важныхъ, однако, важныхъ: знаю ли я грамматику; знакомъ ли съ хореями, ямбами и даже анапестами; имѣю ли разборчивое ухо, легко оскорбляемое скрипомъ и визгомъ проклятыхъ отъ Аполлона словъ; врагъ ли я бомбаста; противна ли мнѣ галиматья, и прочее и прочее? И если ваша совѣсть опять не усомнится сказать, что вы, съ одной стороны, имѣете всѣ вышеозначенныя добродѣтели грамматическія, синтаксическія и просодическія, а съ другой совершенно чисты отъ всякаго поползновенія на галиматью, бомбастъ и прочіе смертные грѣхи стихотворцевъ, то вамъ останется только очинить перо, не пожалѣть чернилъ, и я увѣряю васъ, что всѣ патріоты, люди со вкусомъ порадуются на вашего новорожденнаго младенца, и вамъ отъ всей души пожелаютъ прилежанія и плодовитости. Скажу вамъ, если вы не знаете—но вы, безъ сомнѣнія, уже знаете—что переводчикъ стихотворца есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ творецъ оригинальный. Конечно, первая мысль, на которой основано зданіе стихотвор-

ное, и планъ этого зданія принадлежатъ не ему—и надобно признаться, что планъ великое, едва ли не главное дѣло, особливо въ эпической поэмѣ, трагедіи, комедіи, ибо отъ него зависитъ дѣйствіе цѣлаго—но, уступивъ это почетное преимущество оригинальному автору, переводчикъ остается творцомъ *выраженія*, ибо для выраженія имѣетъ онъ уже собственные матеріалы, которыми пользоваться долженъ самъ, безъ всякаго руководства и безъ всякаго пособія посторонняго.—„А выраженія автора оригинальнаго?“ Ихъ не найдетъ онъ въ собственномъ своемъ языкѣ; ихъ долженъ онъ сотворить. А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимся ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразитъ его, такъ-сказать, въ созданіе собственнаго воображенія; когда, руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія. Но сія способность дѣйствовать одинаково съ творческимъ геніемъ не есть ли сама по себѣ уже творческая способность? Чтобы перевесть искусно Ляфонтенову басню, необходимо надобно имѣть и собственное воображеніе и собственное чувство, одинакія, или почти одинакія съ Ляфонтеновыми. Плѣнитъ ли меня переводъ Гораціева посланія, если переводчикъ не будетъ одаренъ любезнымъ воображеніемъ римскаго поэта, одушевляющимъ самыя обыкновенныя мысли его, если не будетъ ему знакома та привлекательная философія, а въ сердцѣ его не будетъ ни той меланхолической нѣжности, ни того глубокаго чувства натуры, которыми столь часто приводитъ насъ въ восхищеніе Горацій? Но отъ посланія и басни—какой переходъ къ трагедіи! Переводчикъ, обязанный прежде всего понимать своего автора, тогда только можетъ понять его совершенно, когда человѣческая натура, служившая образцомъ для трагика, будетъ и ему близко знакома, когда онъ въ состояніи будетъ сличить съ подлинникомъ списокъ. Онъ долженъ говорить языкомъ страстей; слѣдовательно и самые законы страстей должны быть ему извѣстны. Къ изображенію страстей *трагическихъ* онъ долженъ быть приготовленъ разсматриваніемъ страстей *естественныхъ*; наука сія почти такъ же нужна для него, какъ и синтаксисъ и просодія. Въ противномъ случаѣ изображаемые имъ герои, несмотря на пособіе оригинала, при всемъ богатствѣ риѳмъ, при самомъ усердномъ наблюденіи цезуры и знаковъ препинанія, будутъ говорить безсмыслицу. Не думаю, чтобы это утѣшно было для слушателей.

Открываю русскій переводъ Радамиста и Зенобіи. Если вы не варваръ, если родители ваши не позабыли научить васъ языку Депрео и Расина, то вы должны знать, что эта трагедія, сочиненная покойнымъ Кребильйономъ, есть лучшее произведеніе сего трагика и одна изъ самыхъ лучшихъ между трагедіями французовъ. Мы взглянемъ мимоходомъ на подлинникъ, дабы получить понятіе о томъ исполинскомъ подвигѣ, на который отваживался господинъ переводчикъ.

Ему надлежало изобразить характеръ *Радамиста*, одно изъ тѣхъ необычайныхъ созданій природы, въ которомъ все поражаетъ, все сильно и все ужасно. Каждое желаніе его есть страсть, и каждая страсть есть буря, и двѣ самыя разрушительныя въ немъ господствуютъ: любовь — какая жъ любовь? страданіе распаленной души, неутоляемое никакою надеждою: Зенобіи для него уже нѣтъ! Въ ту самую минуту, когда она представлялась ему существомъ восхитительнымъ, когда говорила ему нѣжнѣйшія слова любви, онъ умертвилъ ее въ изступленіи ревности; но вотъ ужасный и неизъяснимый законъ великой страсти: чувство невозвратимой утраты навѣки привязало его къ тому незабвенному благу, которое для него погибло; угрызеніе совѣсти, воспоминанія, ненависть къ жизни,—все было для него любовью; онъ обожалъ безмолвную тѣнь, пылалъ къ безчувственному праху, и съ этою страстію соединялась въ душѣ его другая, ею произведенная, слѣдственно непобѣдимая — ненависть къ виновнику преступленій его и бѣдствій. Но этотъ виновникъ—его отецъ! Напрасно вопіетъ иногда въ сердцѣ его голосъ природы. Надежда отмстить замѣнила для него надежду насладиться любовію; два бога владычествуютъ его душою: Зенобія и мщеніе. И эта Зенобія жива: чудесная судьба привела ее ко двору Фаразмана, Радамистова отца. Вмѣстѣ съ другими увѣрена она въ погибели своего супруга; уже въ сердце ея начинаетъ вкрадываться нѣжная склонность къ брату его, великодушному, благородному Арзаму; но Фаразманъ, жестокій и ужасный, плѣнился ея красотою; онъ предлагаетъ ей руку—и въ эту минуту является при дворѣ его Радамистъ, влекомый жаждою мщенія, сокрытый подъ видомъ Неронова посла, никому неизвѣстный, ибо и самъ Фаразманъ отлучилъ его отъ себя еще младенцемъ.

Надлежало имѣть дарованія великаго стихотворца, дабы создать Радамистовъ характеръ и потомъ изобразить его съ соотвѣтствующею ему силою. Почти такого же дарованія требовалось и отъ переводчика, дабы въ языкѣ своемъ найти выраженія, приличныя тѣмъ ужаснымъ страстямъ, которыя бунтуютъ въ душѣ Радамиста: такія страсти суть необычайные метеоры нравственнаго міра, необычайные, однако основанные на обыкновенныхъ законахъ его и ими объясняемые. Но, чтобы ихъ постигнуть и потомъ объяснить, надлежитъ имѣть воображеніе быстрое и взоръ дальновидный. Кребильйонъ имѣлъ ихъ; а переводчикъ его? Увидимъ.

Гіеронъ, посланникъ Арменіи, встрѣчается съ Радамистомъ (дѣйст. II, явл. I); онъ узнаетъ его, ибо Радамистъ, усыновленный Митридатомъ, царемъ Арменіи, отцомъ Зенобіи, съ самаго младенчества жилъ при дворѣ сего государя. Какъ умертвилъ онъ Митридата и какъ, наконецъ, очутился посланникомъ Нерона при дворѣ Фаразмана, о томъ узнаете изъ самой трагедіи.—Ты ли это, Радамистъ?—спрашиваетъ Гіеронъ.—Тебя почитали мертвымъ, но ты живъ! Какая счастливая судьба спасла тебя отъ погибели?

И вотъ отвѣтъ Кребильйонова Радамиста:

Hiéron, plût aux dieux que la main ennemie
Qui me ravit le sceptre, eût terminé ma vie!
Mais le ciel m'a laissé, pour prix de ma fureur,
Des jours qu'il a tissu de tristesse et d'horreur.
Loin de faire éclater ton zèle, ni ta joie,
Pour un roi malheureux que le sort te renvoie,
Ne me regarde plus que comme un furieux,
Trop digne du courroux des hommes et des dieux;
Qu'a proscrit dès longtemps la vengeance céleste;
De crimes, de remords assemblage funeste;
Indigne de la vie, et de ton amitié;
Objet d'horreur, mais digne de pitié;
Traître envers la nature, envers l'amour perfide,
Usurpateur, ingrat, parjure, parricide.
Sans les remords affreux qui déchirent mon coeur,
Hiéron, j'oublirais qu'il est un ciel vengeur.

Вотъ отвѣтъ русскаго Радамиста:

О! если бы враги, похитя мой вѣнецъ,
Могли бъ и смерть мнѣ дать, мученіямъ конецъ?
Но, Гіеронъ, судьбы, карая злодѣянье,
Продлили жизнь мою—въ позоръ мнѣ, въ наказанье!
Злосчастнаго царя теперь ты зря въ живыхъ,
Не радуйся, восплачь о бѣдствіяхъ моихъ.
Узри во мнѣ предметъ, достойный грозна мщенья
И смертныхъ и боговъ.—Соборъ зри преступленья,
Раскаянія, мукъ... ужаснѣйшій соборъ!
Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ.
Преступникъ я любви, злодѣй моей породы;
Убійца—хищникъ я—страшилище природы!
И если бъ муки мнѣ престали духъ томить,
Что боги мстятъ за зло!—и то бъ я могъ забыть.

Одна эта статья можетъ увѣрить васъ, что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ Радамистовъ характеръ. Судите сами: русскій Радамистъ начинаетъ восклица-

піемъ: „О! если бы враги,“ и проч. Не думаю, чтобы такая живость была у мѣста вначалѣ. Свирѣпое отчаяніе Радамиста, глубокое, но не живое чувство, есть нѣкоторымъ образомъ спокойствіе; онъ долженъ выйти изъ него не вдругъ — и первымъ его словамъ надлежало бы соотвѣтствовать такому ужасному состоянію духа. Перечитайте въ оригиналѣ отъ стиха: „Hiéron, plût aux dieux que la main ennemie“—до стиха: „Ne me regarde plus que comme un furieux“, въ нихъ не найдете вы той быстроты, которая прилична сильному движенію сердца; они составляютъ одинъ періодъ, котораго члены всѣ очень тѣсно между собою связаны: хотя вы и увидите, что стихъ: „Loin de faire éclater ton zèle, ni ta joie“, отдѣленъ отъ предыдущаго—но онъ соединяется съ нимъ умственною связью. И читая эти стихи, не чувствуете ли вы, что сильное волненіе сокрыто подъ тишиною обманчивою; это волненіе совершенно обнаруживается на словѣ: furieux, которое какъ-будто даетъ свободу стѣсненной душѣ Радамиста; и слѣдующіе за онымъ стихи всѣ до одного быстры; каждый изъ нихъ отдѣльный; предыдущій усиливается послѣдующимъ, и быстрота сія до самаго конца возрастаетъ; сначала каждое чувство изображается стихомъ полнымъ, потомъ стѣсняются они въ полустишіи, наконецъ, что слово, то чувство: „Usurpateur, ingrat, parjure, parricide“.

И на послѣднемъ Радамистъ останавливается, ибо онъ не можетъ итти далѣе; онъ прибавляетъ съ большимъ спокойствіемъ:

Sans les remords affreux qui déchirent mon coeur,
Hiéron, j'oublirais qu'il est un ciel vengeur.

Таково искусство великаго трагика, полнаго изображаемою имъ страстію; онъ выражаетъ ее не одними словами, но вмѣстѣ и расположеніемъ словъ. Посмотримъ теперь на искусство нашего переводчика.

Напрасно въ стихахъ его будете вы искать сего механизма, столь много соотвѣтствующаго теченію страсти; быстрота оригинала совершенно исчезла въ переводѣ:

Но, Гіеронъ, судьбы, карая злодѣянье,
Продлили жизнь мою—въ позоръ мнѣ, въ наказанье!

Можно ли слабѣе перевести два стиха, необыкновенно сильные:

Mais le ciel m'a laissé, pour prix de ma fureur,
Des jours qu'il a tissu de tristesse et d'horreur.

Небо *оставило ему* жизнь въ награду за его бѣшенство, а не *продлило* ее! Не забудьте, что передъ вами говоритъ Радамистъ, ненавидящій, презирающій жизнь свою. Это презрѣніе приписываетъ онъ и самимъ богамъ. Они *оставили* ему жизнь—слѣдовательно *пренебрегли* ее; *продлить* ее—было бы обратить на нее вниманіе. Далѣе, что значатъ слова: *въ позоръ мнѣ, въ наказанье*, послѣ того, когда уже сказано выше: *карая злодѣянье?* и желаю знать, какимъ волшебствомъ очутился въ этомъ мѣстѣ *позоръ?* Для Радамиста нѣтъ *позора*—всѣ его несчастія въ немъ самомъ—отчаянный независимъ отъ мнѣнія.

Горесть и ужасъ—вотъ его мучители. И какъ прекрасно въ двухъ словахъ соединилъ Кребильйонъ всѣ разнообразныя муки своего Радамиста. *Горесть* — въ душѣ его пылаетъ страсть безнадежная, воспоминаніе о благѣ погибшемъ безпрестанно его преслѣдуетъ, желаніе распаляется въ немъ безнадежностію. *Ужасъ*— онъ убійца Зенобіи, и въ сердцѣ его свирѣпствуетъ неодолимая жажда мщенія, противъ котораго напрасно вооружается голосъ природы! Слѣдующіе два стиха:

Злосчастнаго царя теперь ты зря въ *живыхъ*.
Не радуйся, *восплачь* о бѣдствіяхъ моихъ—

имѣютъ особенное свое достоинство—они забавны, и Гіерону трудненько было бы послѣ такихъ двухъ стишковъ восплакать.

Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ!

Истинный Радамистъ, то-есть Кребильйоновъ, этого не говоритъ и говорить не можетъ; одинъ тотъ не смѣетъ взирать на небо, кому ужасны мстительные боги—казнь была бы для Радамиста благомъ. Но въ предыдущемъ стихѣ читаете вы *ужаснѣйшій соборъ*, и тотчасъ догадываетесь, что русскій Радамистъ для *собора* не смѣетъ устремлять на небо *взора!* Это другое дѣло; мы позволяемъ себѣ, однако, замѣтить, что Радамисту, имѣющему такія сильныя страсти, едва ли свойственно быть покорнымъ слугою риѳмы. Но, увы! прочитавъ слѣдующіе два стиха, мы совершенно увѣримся, что грозная риѳма повелѣваетъ имъ съ самовластіемъ восточнаго деспота, что эта соперница Зенобіи можетъ заставить его иногда говорить и безсмыслицу:

Преступникъ я любви, *злодѣй моей породы;*
Убійца—хищникъ я—страшилище *природы!*

Немилосердная! По крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ стихахъ Радамистъ, угождая прихотямъ ея, страшился *глядѣть на небо*—это еще сносно. Теперь же, для того, чтобы имѣть удовольствіе преобразить его въ какого-то неизъяснимаго *злодѣя своей породы*, она велитъ ему безъ стыда называть себя пугаломъ, *страшилищемъ природы*; а ему надлежало бы просто быть *клятвопреступникомъ, неблагодарнымъ*, ибо таковъ онъ въ оригиналѣ и въ натурѣ: „Usurpateur, ingrat, parjure, parricide“.

Таковъ русскій Радамистъ при первомъ выходѣ на театръ, и въ томъ явленіи, въ которомъ обнаруживаетъ онъ весь чрезвычайный характеръ свой и всю ужасную свою участь. Оставивъ его съ Гіерономъ, замѣтимъ, что стихи, произносимые Фаразманомъ въ слѣдующей сценкѣ, разительные своею силою:

Est-ce la guerre enfin que Néron me déclare?
Qu'il ne s'y trompe pas; la pompe de ces lieux,
Vous le voyez assez, n'éblouit point les yeux.
Jusque aux courtisans qui me rendent hommage,
Mon palais, tout ici n'a qu'un faste sauvage:
La nature, marâtre en ces affreux climats,
Ne produit, au lieu d'or, que du fer, des soldats;
Son sein tout hérissé n'offre aux désirs de l'homme
Rien qui puisse tenter l'avarice de Rome,

переведены такъ:

Иль, наконецъ, Неронъ объявитъ мнѣ войну?
Пускай не льститъ себя—въ странахъ моей державы
Нѣтъ *блесковъ* пышности, нѣтъ *роскоши отравы*,
Которая всегда глаза римлянъ *слѣпитъ:*
Мой дворъ, мои вожди имѣютъ дикій видъ;
Не мать природа намъ—она насъ не ласкаетъ,
Намъ злата не даритъ... но воиновъ рождаетъ,
Изъ хладныхъ нѣдръ своихъ желѣзо намъ даетъ.
Здѣсь алчности римлянъ ни малой пищи нѣтъ.

И русскіе стихи, можетъ-быть, сами по себѣ не дурны; но что же они въ сравненіи съ оригиналомъ? Я могу ошибиться—но эти девять стиховъ доказываютъ мнѣ, что переводчикъ не весьма силенъ въ живописи стихотворной. Какъ могъ бы онъ въ противномъ случаѣ превосходные стихи Кребильйона:

La nature, marâtre en ces affreux climats,
Ne produit, au lieu d'or, que du fer, des soldats;
Son sein tout hérissé n'offre aux désirs de l'homme
Rien que puisse tenter l'avarice de Rome,

въ которыхъ и самые звуки представляютъ воображенію нашему какую-то грозную, дикую природу, перевести слѣдующими слабыми, неживописными стихами:

Не мать природа намъ—она насъ не ласкаетъ,
Намъ злата не *даритъ...* но воиновъ рождаетъ,
Изъ хладныхъ нѣдръ своихъ желѣзо намъ *даетъ.*
Здѣсь алчности римлянъ ни малой пищи нѣтъ.

Природу весьма позволено и въ стихахъ и въ прозѣ называть матерью; но представлять ее въ видѣ матери, которая *ласкаетъ* или *не ласкаетъ* свое дѣтище, не будетъ ли уже близко къ карикатурѣ? Требовалось перевести живописный гимнъ: „La nature, marâtre en ces affreux climats“; если бы переводчикъ сказалъ: „Природа—мачеха въ ужасной сей странѣ“, онъ перевелъ бы ближе, но также бы неудачно. Дѣло не въ томъ, чтобы каждое отдѣльное слово оригинала было изображено такимъ же отдѣль-

нымъ и то же значащимъ словомъ въ переводѣ (marâtre—мачеха, affreux—ужасный; всѣ эти слова, съ нѣкоторымъ терпѣніемъ, весьма удачно найдешь въ лексиконѣ), но въ томъ, чтобы стихъ переведенный такое же производилъ на душу читателя впечатлѣніе въ цѣломъ, какъ и стихъ оригинальный; чтобы, напримѣръ, слова: marâtre, affreux, удивительно сильныя во французскомъ, были если не переведены, то непремѣнно замѣнены другими, имѣющими соотвѣтственную имъ силу въ русскомъ, но такихъ словъ надобно искать не въ лексиконѣ, а въ воображеніи стихотворномъ, и вотъ одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ, въ которыхъ переводчикъ необходимо долженъ быть самъ творцомъ оригинальнымъ.

Послѣднее замѣчаніе: Фаразманъ, не зная—кто Радамистъ, умертвилъ его собственною рукою. Умирающаго Радамиста приносятъ въ чертоги царя. *Зачѣмъ идешь сюда?* восклицаетъ Фаразманъ, который, при всей жестокости характера своего, чувствуетъ какое-то непонятное для него сожалѣніе къ этой жертвѣ. *Хочу умереть въ твоемъ присутствіи*, отвѣчаетъ Радамистъ Кребильйоновъ: „Je viens expirer à vos yeux". Слова сіи чрезвычайно трогательны. Радамистъ, котораго непріязненая судьба ввергнула въ страшныя преступленія, исторгнувши изъ границъ сильныя страсти его, является здѣсь такимъ, каковъ онъ созданъ природою—чувствительнымъ, способнымъ любить и даже нѣжнымъ. Умирая, онъ хочетъ увидѣть въ убійцѣ своемъ отца; онъ хочетъ вкусить послѣднее наслажденіе любви, простивъ жестокому истребителю своего счастія. Кребильйонъ намѣренъ былъ сдѣлать въ нашихъ глазахъ любезнымъ того Радамиста, который за минуту ужасалъ насъ своимъ характеромъ, и ему удалось; а переводчикъ? Русскій Фаразманъ восклицаетъ:

О, лютости моей злосчастнѣйшая жертва!
Зачѣмъ ведутъ тебя? Что мнишь найти ты здѣсь?..

Радамистъ.

Смерть!
Хочу, чтобы ты могъ мою кончину зрѣть!

Новая и чрезвычайно обидная несправедливость риѳмы! Она принудила переводчика сгромоздить Фаразмановъ послѣдній стихъ изъ шести стопъ съ половиною и за этотъ трудъ заплатила ему очень скупо убогимъ словцомъ *зрѣть*, которое совсѣмъ не можетъ быть риѳмою къ *смерть*. Достойное возмездіе переводчику за собственную несправедливость его къ Радамисту! „Что мнишь найти ты здѣсь?—Смерть!" Но онъ уже ее нашелъ—онъ умираетъ! „Хочу, чтобы ты могъ мою кончину зрѣть!" и, слѣдовательно, *мучиться*, *видя кончину твоего сына*. Такое ли чувство въ истинномъ Радамистѣ? И эта послѣдняя черта не служитъ ли новымъ доказательствомъ, что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ характеръ своего героя и что онъ, слѣдовательно, не исполнилъ одного изъ главныхъ условій переводчика-трагика.

Но время кончить. Скажемъ, что въ этомъ переводѣ есть и нѣсколько сильныхъ стиховъ; но ихъ число весьма невелико. Замѣтимъ одинъ самый лучшій. Радамистъ, описывая Гіерону любовь свою въ мертвой Зенобіи, говоритъ:

Ко умноженью мукъ злосчастная любовь,
Снѣдая сердце мнѣ, мою волнуя кровь,
Мнѣ невозвратную потерю представляла—
Ко праху хладному душа моя пылала!

Послѣдній стихъ удивительно счастливъ и выразителенъ; и несмотря на этотъ прекрасный стихъ, мы должны признаться, что Кребильйоновъ „Радамистъ" ожидаетъ искуснаго переводчика.

1811.

—

ЭЛЕКТРА И ОРЕСТЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Александра Грузинцова.

„Напечатавъ новую сію трагедію, взятую изъ греческаго ѳеатра, я ласкаю себя надеждою, что она принята будетъ столь же благосклонно любителями россійскаго слова, сколь одобряема была зрителями. Смѣло могу сказать, что изданіемъ трагедіи сей я приношу пользу россійской словесности: тѣ изъ соотечественниковъ моихъ, которые, не находясь въ здѣшней столицѣ (трагедія представлена была въ первый разъ въ Петербургѣ), не могли видѣть ее на ѳеатрѣ, или тѣ, которымъ, по незнанію иностранныхъ языковъ, красоты греческихъ драматическихъ сочиненій неизвѣстны, возблагодарятъ, конечно, не разъ за изданіе „Электры и Ореста", ибо сія есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на россійскомъ ѳеатрѣ. О красотахъ оной не для чего говорить, всякій изъ моихъ читателей имѣетъ ее предъ глазами; довольно и того сказать, что Софоклъ, лучшій изъ греческихъ трагиковъ, славился и понынѣ извѣстенъ еще Эдипомъ и Электрою.

„Изъ числа сочинителей, подражавшихъ Софоклу, Александръ Николаевичъ Грузинцовъ неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовалъ красоты греческаго стихотворца, и твореніе его весьма подходитъ къ трагедіи Софокловой; въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать россійскую „Электру" превосходной. Пожалѣемъ только, что нашъ стихотворецъ не сохранилъ перваго явленія Софокловой трагедіи, содержащаго въ себѣ одно изъ лучшихъ трагическихъ изложеній, и, конечно, чрезъ то нанесъ онъ нѣкоторый вредъ своему сочиненію; но похвалимъ, напротивъ того, нашего трагика за то, что перемѣнилъ онъ въ своей трагедіи нравоученіе, находящееся въ греческой, противное и нравамъ нашимъ и закону нашему: въ ней злобная царица тщеславится своими преступленіями, Орестъ убиваетъ хладнокровно Клитемнестру, и дочь поощряетъ брата своего къ умерщвленію матери. Подивимся еще болѣе свойствамъ, даннымъ аргосской царицѣ въ россійской трагедіи: до г. Грузинцова никто не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры, женщины толико преступной, столь благородными чувствами.

„Къ крайнему сожалѣнію моему, за недостаткомъ времени, не могу сдѣлать я подробнаго разсмотрѣнія трагедіи Александра Николаевича Грузинцова, въ которой, при маловажныхъ погрѣшностяхъ въ разсужденіи стихотворенія, находятся неисчетныя красоты".

Такъ говоритъ издатель новой трагедіи *Электра и Орестъ*, который критическимъ разборомъ желаетъ занять читателей „Вѣстника" (Европы). И тотъ неизвѣстный издатель, конечно, заслуживаетъ нашу благодарность: отъ самого сочинителя мы никогда не узнали бы, что его Электра „есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на россійскомъ ѳеатрѣ; что онъ неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовалъ красоты греческаго стихотворца; что въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать россійскую „Электру" превосходною и что никто прежде г. Грузинцова не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры, женщины толико преступной, столь благородными чувствами". Такой языкъ, не свойственный скромности автора, приличенъ нѣжности его друга; но дружба, и самая нѣжная, никогда не избавляетъ насъ отъ справедливости и безпристрастія. Посмотримъ же, можетъ ли нѣжный другъ Александра Николаевича Грузинцова быть названъ и безпристрастнымъ и справедливымъ?

„Электра и Орестъ" есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на россійскомъ ѳеатрѣ?" Просимъ господина издателя объяснить намъ, что разумѣетъ онъ подъ словомъ: *совершенно греческая трагедія?* По формѣ своей русская „Электра" принад-

лежитъ неоспоримо къ трагедіямъ новымъ; а потому, что содержаніе ея почерпнуто изъ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида, не можетъ она быть у насъ признана первою, *совершенно греческою*, ибо мы уже видѣли на русскомъ ѳеатрѣ двѣ трагедіи, заимствованныя отъ грековъ, *Эдипа въ Аѳинахъ* и *Поликсену*; и первая, о которой имѣемъ право судить рѣшительно, потому что она уже напечатана, съ многихъ сторонъ кажется намъ произведеніемъ прекраснымъ, означающимъ истинное дарованіе трагика. Первое доказательство, что дружба неизвѣстнаго издателя отступила немного отъ безпристрастія и справедливости!

„Въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать русскую Электру превосходной... До г. Грузинцова никто не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры благородными чувствами“. Увидимъ.

Трагику, при выборѣ содержанія драмы, предоставляются двѣ дороги: онъ можетъ или *самъ* изобрѣсти свою басню, надъ которою уже многіе прежде его трудились. Въ первомъ случаѣ онъ совершенно свободенъ; онъ самъ находитъ тѣ способы, которыми можетъ произвести трагическое дѣйствіе, и пользуется съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по мѣрѣ своего дарованія. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣя передъ глазами уже готовый образецъ, онъ видитъ все то, что прежде его сдѣлано было другимъ, и можетъ судить, умѣлъ ли предшественникъ его съ надлежащимъ искусствомъ употребить въ пользу свою тѣ средства, которыя представлялись ему въ его содержаніи: онъ можетъ присвоить себѣ его красоты и остеречь себя отъ его погрѣшностей. Главнѣйшая обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы матеріалы, прежде его обработанные, болѣе усовершенствовать или, по крайней мѣрѣ, не испортить. При выборѣ же новыхъ способовъ необходимо требуется, чтобы сіи способы, имъ найденные, были не только *новые*, но и *лучшіе*; если жъ, напротивъ, онъ не умѣлъ воспользоваться пособіями, которыя предлагали ему его предшественники,—обезобразилъ ихъ красоты, замѣнилъ ихъ средства собственными, менѣе удачными и, перемѣнивъ ихъ порядокъ, единственно для того, чтобы не могли назвать его рабскимъ подражателемъ, сдѣлалъ теченіе драмы своей болѣе смутнымъ, то это будетъ неоспоримымъ доказательствомъ, что онъ имѣетъ весьма посредственное дарованіе трагика и что онъ напрасно трудилъ твореніемъ своимъ Мельпомену.

Содержаніе „Электры“ принадлежитъ къ самымъ трагическимъ и представляетъ обширное поле дарованіямъ стихотворца. Оно обработано было превосходнѣйшими трагиками древности и временъ новѣйшихъ: Эсхиломъ, Софокломъ, Эврипидомъ, Кребильйономъ, Вольтеромъ, Альфіери и нѣкоторыми другими. Слѣдовательно, новому „автору Электры“ въ твореніяхъ предшественниковъ его представлялись великія пособія; оставалось ими воспользоваться.

Эсхилъ, первый образователь трагедіи, принявшій, такъ-сказать, ее изъ колыбели, нашелъ въ содержаніи „Электры“ одно только то, что сильно дѣйствуетъ на воображеніе: доказательство, что и самое искусство его было еще во младенчествѣ, то-есть, что оно еще далеко было отъ истинной цѣли своей—трогать и ужасать разительнымъ изображеніемъ страстей человѣческихъ. Въ Эсхиловыхъ *Хоэфорахъ* мы видимъ дѣтей, убивающихъ мать въ отмщеніе за отца, по грозному опредѣленію неизбѣжнаго рока — ужасное *происшествіе* со всѣми ужасными его обстоятельствами! Электра, посланная Клитемнестрою съ дарами на гробъ Агамемноновъ, дабы умилостивить его раздраженную тѣнь, и вмѣсто того у самаго гроба сего призывающая мщеніе на главу своей матери; Орестъ, узнанный Электрою, колеблющійся между желаніемъ отмстить и чувствомъ природы и, наконецъ, уступившій силѣ небесъ и Электрѣ, клянущійся быть убійцею матери; убійство Клитемнестры, совершенное съ хладнокровіемъ, приводящимъ въ трепетъ, и, наконецъ, изступленіе Ореста, окруженнаго Эвменидами — все это производитъ въ зрителѣ ужасъ, но только одинъ ужасъ, не смѣшанный ни съ какимъ постороннимъ благороднѣйшимъ ощущеніемъ. Софоклъ, знакомый уже съ истинною цѣлью своего искусства, основалъ все дѣйствіе трагедіи своей на томъ высокомъ характерѣ, который изобразилъ онъ въ лицѣ Электры; убійство Эгиста и Клитемнестры можно почесть одною только необходимою принадлежностію Софокловой драмы: душа ея—одна Электра, твердая, пылающая мщеніемъ, окруженная несчастіями, величественная въ горестномъ униженіи, и главное намѣреніе стихотворца состоитъ единственно, въ томъ, чтобы представить этотъ великій характеръ въ различныхъ положеніяхъ, заставляющихъ различнымъ образомъ его раскрываться. Сіи-то разнообразные виды одного и того же характера составляютъ всю прелесть трагедіи Софокловой; ибо съ той минуты, въ которую зритель, оставивъ Электру, принужденъ обратить вниманіе свое на главное *происшествіе* — на убійство Эгиста и Клитемнестры—прелесть сія почти исчезаетъ, и слабое участіе любопытства заступаетъ мѣсто сильнѣйшаго, которое производила въ насъ высокимъ характеромъ своимъ Электра. *Эврипидъ* и *Кребильйонъ* совершенно обезобразили этотъ характеръ; первый отдалилъ вниманіе зрителя, устремивши оное на обстоятельства постороннія, почти не принадлежащія къ дѣйствію главному; послѣдній, давши Электрѣ ей неприличную страсть, ослабилъ и самую ту, которая одна была ей прилична,—ошибки сіи показываютъ намъ, что *новое* не всегда еще можетъ быть *лучшимъ*. И Вольтеръ въ своемъ *Орестѣ*—не думая перемѣнять то, что было уже превосходно, то-есть, сохранивъ характеръ Электры во всей его силѣ и простотѣ—старался усовершенствовать тѣ только части избраннаго имъ предмета, которыя нѣсколько пренебрежены были Софокломъ. Онъ обратилъ вниманіе на Клитемнестру и Эгиста. Клитемнестра Софоклова является на ѳеатрѣ для одной Электры; закоренѣлость ея въ преступленіи дѣлаетъ ее почти отвратительною для зрителя. — Вольтеръ, поселивши въ душѣ своей Клитемнестры муку раскаянія, сдѣлалъ и ее лицомъ привлекательнымъ: его Электра поражаетъ необыкновенною силою характера, а Клитемнестра возбуждаетъ въ зрителѣ невольное страданіе; сіи разнообразныя чувства (если они только не уничтожаются одно другимъ) могутъ почесться душою трагедіи. Эгистъ Софокловъ, ничтожное лицо, является только для того, чтобы умереть отъ руки Ореста; Эгистъ Вольтеровъ есть одна изъ главнѣйшихъ пружинъ трагедіи: давши ему характеръ подозрительнаго, дѣятельнаго и жестокаго тирана, стихотворецъ усилилъ и самое участіе любопытства, которое въ Софокловой Электрѣ весьма слабо, ибо никакая опасность не угрожаетъ Оресту и никакое препятствіе не возбраняетъ ему умертвить Эгиста. Альфіери также представилъ Клитемнестру, мучимую раскаяніемъ; но онъ не умѣлъ, кажется, сохранить въ изображеніи этого чувства надлежащей средины: сожалѣніе, производимое его Клитемнестрою, соединено съ презрѣніемъ, и первое почти уничтожается послѣднимъ. Зато онъ лучше всѣхъ предшественниковъ своихъ изобразилъ Ореста; онъ далъ ему то свирѣпое бѣшенство, ту сильную жажду мщенія, которыя составляютъ отличительную черту его характера, и съ этой одной стороны онъ превосходитъ Вольтера, которому уступаетъ во всемъ другомъ: и въ ходѣ драмы и въ изображеніи важныхъ характеровъ Электры, Эгиста и Клитемнестры. Наконецъ, изъ рукъ Эсхила, Софокла, Эврипида, Кребильйона, Вольтера и Альфіери Электра перешла въ руки А. Н. Грузинцова. Неизвѣстный издатель его трагедіи хочетъ, если не ошибаемся, заставить насъ думать, что А. Н. *болѣе подражалъ Софоклу*; но мы, сличивши его Электру со всѣми трагедіями такого же содержанія, должны были увѣриться, что онъ вообще слѣдовалъ Вольтеру, изъ котораго переводилъ цѣлыя явленія, перемѣнивъ, однако,

въ нѣкоторыхъ частяхъ его ходъ. Далѣе, г. издатель старается насъ увѣрить, что А. Н. первый *сотворилъ* характеръ Клитемнестры, удалившись отъ того образца, который ему представлялся въ Софоклѣ—и въ этомъ случаѣ кажется намъ, что дружба завела г-на издателя въ нѣкоторое заблужденіе. Вольтерова Клитемнестра, безъ всякаго сомнѣнія, служила моделью для русской. Правда, что подражатель нѣсколько отдалился отъ образца своего; но хороши ли сдѣланныя имъ перемѣны—мы это увидимъ ниже.

Г. Грузинцовъ прежде всего показываетъ намъ Ореста и Пилада. Орестъ, повинуясь богамъ, повелѣвающимъ ему отмстить убійцамъ Агамемнона, приближался уже на кораблѣ къ Аргосу, но волны разбили корабль; его сокровища, воины, оружіе—все было поглощено моремъ; осталась одна только урна, заключающая въ себѣ прахъ Плисѳена (Эгистова сына, убитаго въ Эпидаврѣ Орестомъ), Агамемноновъ мечъ,

И перстень, коимъ перстъ Атридовъ украшался,
И риза, въ коей онъ отъ рукъ убійцъ *скончался.*

Орестъ выходитъ съ Пиладомъ на берегъ; они не знаютъ, въ какую страну занесла ихъ буря, видятъ старца — это Форбасъ, служитель храма, который сказываетъ пришельцамъ, что они неподалеку отъ Аргоса, близъ гроба Агамемнонова, близъ древнихъ его чертоговъ, въ которыхъ обитаетъ Эгистъ. Орестъ въ волненіи. „Гдѣ Электра?“ спрашиваетъ онъ у Форбаса.

Электра здѣсь живетъ въ темницѣ заключенна.

Орестъ хочетъ летѣть къ ней на помощь; Пиладъ, болѣе осторожный, удерживаетъ его, напомнивъ о завѣтѣ боговъ, запрещающихъ ему открываться до совершенія мести. „Веди насъ во храмъ“, говоритъ онъ Форбасу: „первый долгъ нашъ—возблагодарить безсмертныхъ за чудесное наше спасеніе на моряхъ Эпидаврскихъ“.—Пойдемъ!—восклицаетъ Орестъ,

Пойдемъ во храмъ, потомъ къ гробницѣ роковой,
Гдѣ скрытъ убійцами поверженный ирой;
Я *тризну* совершить надъ гробомъ симъ желаю.

Сіи двѣ сцены взяты изъ Вольтера; но въ Орестѣ Вольтеровомъ составляютъ онѣ начало второго дѣйствія, а въ русской Электрѣ ими открывается трагедія. Спрашиваемъ: хорошо ли сдѣлалъ подражатель, перемѣнивши этотъ порядокъ? Едва ли. Въ первомъ актѣ Вольтера мы видимъ Атридовъ гробъ, мы видимъ то мѣсто, на которомъ онъ палъ подъ кинжалами убійцъ вѣроломныхъ, и сіи убійцы на самомъ этомъ мѣстѣ, ругаясь надъ прахомъ его, вопіющимъ о мщеніи, торжествуютъ день его гибели; между тѣмъ несчастныя дѣти его страждутъ—Ифиза, младшая дочь Агамемнонова, уединенно оплакиваетъ отца своего въ запустѣвшихъ его чертогахъ; Электра въ цѣпяхъ; Орестъ скитается въ странахъ неизвѣстныхъ: все это прекрасно знакомитъ насъ съ происшествіями преждебывшими, и зритель вмѣстѣ съ Электрою начинаетъ желать прибытія Орестова. Напротивъ, въ трагедіи господина Грузинцова при видѣ Ореста мы только узнаемъ, что онъ приходитъ для мщенія; но важность этого мщенія не можетъ еще быть для насъ ощутительна, ибо мы незнакомы ни съ горестною судьбою Электры, ни съ тѣми преступниками, которыхъ наказанія могли бы желать вмѣстѣ съ Орестомъ. И сіи двѣ первыя сцены, прекрасныя у Вольтера, будучи не на мѣстѣ въ трагедіи господина Грузинцова, теряютъ дѣйствіе свое совершенно.

Въ третьемъ явленіи приходитъ Клитемнестра—Форбасъ спѣшитъ удалить пришельцевъ; но Клитемнестра ихъ видѣла. Кто они? спрашиваетъ она у Форбаса.

Кто странники сіи, *къ странѣ пришедши* сей,
Съ которыми ты здѣсь бесѣдовалъ *предъ мною*,
Кто *родомъ таковы*, какой сюда судьбою
Или намѣреньемъ какимъ приведены?

Форбасъ.

Противнымъ вѣтромъ къ симъ брегамъ принесены.
Гдѣ ихъ отечество и кто они, не знаю,
И безъ различья всѣхъ несчастныхъ презираю.

Клитемнестра.

Кто можетъ быть несчастнѣй изъ людей?
О, сколько бѣдъ и мукъ на тронѣ для царей!

Здѣсь подражатель хотѣлъ быть оригинальнымъ, и ему удалось. Но можно ли такую удачу назвать счастливою? Не думаю! Поневолѣ вспомнишь слова Пирра: еще одна побѣда, и я погибъ! Въ Вольтеровой трагедіи вмѣстѣ съ Клитемнестрою приходитъ и Эгистъ—мы знаемъ уже его характеръ, подозрительный и свирѣпый, слѣдовательно приходъ его долженъ насъ привести въ ужасъ, ибо все предыдущее заставило насъ принимать живое участіе въ судьбѣ Ореста. У господина Грузинцова, напротивъ, приходъ Клитемнестры не производитъ никакого дѣйствія — она мать, ея не боишься; а вопросъ ея показываетъ одно только любопытство—ибо Клитемнестра, выслушавъ отвѣтъ Форбасовъ, тотчасъ забываетъ о пришельцахъ и начинаетъ томить и читателя и зрителя элегическою исповѣдью своихъ преступленій, въ этомъ мѣстѣ весьма неприличною, ибо Форбасъ ни почему не можетъ быть повѣреннымъ Клитемнестры.—И эта сцена тѣмъ болѣе заставляетъ насъ негодовать на прихотливое желаніе господина сочинителя быть оригинальнымъ въ такое время, когда всего бы лучше было остаться смиреннымъ подражателемъ, что она замѣняетъ превосходную сцену Вольтеровой трагедіи, ту именно, въ которой мы въ первый разъ знакомимся съ Клитемнестрою и видимъ характеръ ея въ противоположности съ характеромъ Электры. Вольтеръ представляетъ намъ въ Клитемнестрѣ мать, привязанную къ дѣтямъ своимъ чувствами природы, но отдаленную отъ нихъ своимъ преступленіемъ; она очень мало говоритъ о раскаяніи, но зритель видитъ, что она несчастна, и онъ сожалѣетъ о ней; напротивъ, признаніе слишкомъ ясное было бы для нея унизительно, оно произвело бы одно только отвращеніе. Господинъ Грузинцовъ этого не подумалъ, и вотъ что его Клитемнестра говоритъ Форбасу:

Когда мой духъ пылалъ, любовью побѣжденный,
Не представлялся мнѣ супругъ мой пораженный;
Средь роскошей вела благополучны дни,
Питали страстну мысль восторги лишь одни.
Предавшись въ плѣнъ мечтамъ, въ блаженствѣ утопала
И въ счастіи себѣ подобныхъ не считала,
Но время рушитъ все и за собой влечетъ.
Сей огнь во мнѣ потухъ; я вижу бездну бѣдъ!
Со трепетомъ души прошедше вспоминаю,
Злодѣйство признаю и судъ боговъ читаю.

Едва ли можно безъ непріятнаго ощущенія слышать старую Клитемнестру, говорящую старому служителю алтаря: что *духъ ея пылалъ*, что она *средь роскошей вела благополучны дни*, что *страстную мысль ея питали одни восторги*, что она, *предавшись въ плѣнъ мечтамъ*, *утопала въ блаженствѣ*. И что же ея раскаянія? Слѣдствіе изнуренія чувствъ; время, лишивъ ее способности наслаждаться, напомнило ей, что надобно подумать о раскаяніи, *о спасеніи души*, и она готова спасаться; по первому слову Форбаса соглашается освободить изъ темницы Электру, которую, несмотря на жестокія угрызенія совѣсти, по сіе время держала подъ крѣпкимъ присмотромъ; между тѣмъ приказываетъ Форбасу приготовить алтарь *богамъ, мстящимъ за преступленія.* Форбасъ упрямится, совѣтуетъ оставить мстящихъ боговъ въ покоѣ; Клитемнестра горячится; напоминаетъ Форбасу, что онъ можетъ *раздражить свою царицу*; надобно повиноваться, и Форбасъ повинуется, и алтарь будетъ готовъ въ III явленіи третьяго акта, и Клитемнестра будетъ говорить передъ нимъ слѣдующую галиматью:

О тѣнь Атридова! героя грозна тѣнь!
Для тризны въ честь твою сей посвящаю день.
Молю тебя, да симъ твой ярый гнѣвъ смягчится,
Да мертвый мой супругъ со мною примирится;
При жизни ты умѣлъ преступниковъ прощать,
По смерти ль будешь имъ изъ гроба отомщать.

Судьба меня съ тобой навѣки разлучила;
На время въ сердцѣ семъ я чувства умертвила;
Минуту предъ тобой измѣнницей была,
Минуту... но сей мигъ я съ вѣчностью спрягла...

Боги отвѣчаютъ Клитемнестрѣ громомъ! Какого другого отвѣта могла она ожидать за такіе стихи, особливо *за мигъ, спряженный съ вѣчностью?* И подивитесь ся безстыдству: Эгистова супруга, убійца Агамемнонова, Клитемнестра, въ присутствіи множества богомольцевъ, въ присутствіи Электры, стоящей (конечно, для симметріи) вмѣстѣ съ Кризотеміею на колѣняхъ предъ алтаремъ, Клитемнестра называетъ Агамемнона *супругомъ, съ которымъ разлучила ее судьба, передъ которымъ она была измѣнницей минуту.* Такова ли должна быть истинная Клитемнестра?

Мы хотѣли сначала разсмотрѣть всѣ пять актовъ этой трагедіи; но такой подробный разборъ могъ бы завести насъ слишкомъ далеко; сверхъ того и предыдущихъ замѣчаній, кажется, довольно будетъ для доказательства, что неизвѣстный издатель Электры напрасно называетъ *ходъ ея превосходнымъ,* ибо и самыя первыя сцены этой трагедіи уже показываютъ, что авторъ ея, желая сдѣлать лучше Вольтера, сдѣлалъ гораздо хуже. Гдѣ же превосходство? Что жъ касается до характера Клитемнестры, то А. Н. Грузинцовъ безъ сомнѣнія, имѣетъ право называть себя его творцомъ: портить старое превосходное, не есть ли творить новое дурное?

1818.

О НОВОЙ КНИГѢ
(ПАРРОТА: ENTRETIENS SUR LA PHYSIQUE).

Профессоръ дерптскаго университета, г. Парротъ, поручилъ мнѣ пріятную обязанность распространить между русскими и въ особенности между московскими извѣстіе о сочиненной имъ книгѣ „Entretiens sur la Physique“, Разговоры о физикѣ. Лучшимъ для сего средствомъ почитаю напечатать увѣдомленіе объ ней въ вашемъ журналѣ (Вѣстникъ Европы): онъ у всѣхъ въ рукахъ, и публика имѣетъ довѣренность къ его издателю. Выписываю то, что говоритъ самъ авторъ въ своемъ объявленіи, напечатанномъ особенно на французскомъ языкѣ.

„Наука есть принадлежность человѣка, но не одинъ ученый долженъ пользоваться плодами ея: всѣ классы человѣческаго общества, по мѣрѣ своихъ потребностей, имѣютъ на нихъ право; въ особенности физикъ, котораго наука должна возбуждать вниманіе всеобщее, обязанъ знакомить свѣтскаго человѣка съ ея успѣхами, обязанъ истребить ложное мнѣніе, утверждающее, что знанія физическія неприступны по причинѣ глубокимъ умствованій и трудныхъ исчисленій, съ ними неразлучныхъ. Правда, что *истина физическая* должна предварительно пройти сквозь сумракъ гипотезъ и сомнѣній, сквозь длинный рядъ опытовъ, сквозь лабиринтъ исчисленій; но изъ сей лабораторіи ума человѣческаго она должна наконецъ появляться, облеченная въ простоту, ясность, величіе, привлекательныя для разсудка, легко поражающія воображеніе.

„Такова цѣль сочинителя книги: *Разговоры о физикѣ.* Онъ выбралъ форму разговора, дабы избѣжать сухости и однообразія въ слогѣ, дабы владѣть вниманіемъ, не утомляя его, дабы имѣть способъ украшать цвѣтами предметъ свой, столь богатый и разнообразный, что вся трудность состоитъ только въ выборѣ лучшаго и нужнѣйшаго.

„Книга сія не есть систематическій трактатъ о физикѣ, въ коемъ обыкновенно представляется каждая теорема отдѣльно, но ясное и точное изображеніе физическихъ и химическихъ законовъ природы и главнѣйшаго ихъ примѣненія.

„Она будетъ состоять изъ двухъ частей. Въ *первой* изъясненіе извѣстныхъ законовъ природы, разсматриваемыхъ въ общихъ свойствахъ матеріи, въ феноменахъ движенія жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, въ феноменахъ теплоты, тѣла, состава и раздробленія тѣлъ, электрической силы, магнита. Во *второй* примѣненіе сихъ законовъ къ главнымъ явленіямъ природы; въ сей послѣдней части заключается: 1-е) *физика земли,* которая разсматриваетъ нашу планету сначала въ отношеніи къ ея формѣ, величинѣ и къ дѣйствіямъ тяжести; потомъ въ отношеніи къ ея поверхности, составленной изъ горъ, пещеръ, волкановъ, рѣкъ, озеръ и морей; наконецъ, въ отношеніи къ безчисленнымъ и важнымъ явленіямъ нашей атмосферы; 2-е) главныя системы *геологіи,* которая изображаетъ великими чертами исторію измѣненій земного шара, и старается разрѣшить, какимъ образомъ сіи измѣненія произвели напослѣдокъ видимую нами ея поверхность; наконецъ, 3-е) *астрономія.* Подъ именемъ ея физика перелетаетъ отъ скромной обители человѣка къ небу, разсматриваетъ безчисленныя звѣзды его, изъясняетъ чудесныя движенія нашей земли и планетъ, ей сопутствующихъ въ постоянномъ ея теченіи вокругъ нашего солнца.

„Картина природы, объемляющая безконечно-великое и безконечно-малое, являющая чудесную связь между явленіями и неизмѣнными законами, коимъ они всѣ вообще покорствуютъ, изображающая предъ глазами человѣка все его величіе, но въ то же время и ограниченность его силъ и слабость его зрѣнія—такая картина необходимо оживляетъ въ насъ чувство божества, открывающагося человѣку въ такомъ величіи, чувство высокое, источникъ чистѣйшихъ, блаженнѣйшихъ наслажденій“.

Прибавлю нѣсколько словъ: когда я находился въ Дерптѣ, то почтенный авторъ, удостоивающій меня дружбы своей, самъ читалъ мнѣ первый томъ своей книги. Цѣль ея: сдѣлать физику пріятною, для *незнающихъ* предложить ея истины простымъ, привлекательнымъ, для всякаго равно понятнымъ языкомъ—имѣю нѣкоторое право сказать, что авторъ совершенно достигъ этой цѣли. Будучи совершенно *незнающимъ* въ его наукѣ, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Онъ умѣлъ оживить пріятностью слога сухость своей матеріи—и первая часть особенно представляла ему почти непобѣдимыя трудности: надлежало говорить о главныхъ, общихъ свойствахъ тѣлъ, о тяжести, равновѣсіи, дѣлимости, плотности и проч. — предметы отвлеченные, привлекательные для немногихъ—и всѣ сіи трудности побѣждены *счастливо.* Особенный характеръ слога его есть ясность. Съ благоразумною умѣренностью выбралъ онъ занимательнѣйшіе между безчисленнымъ множествомъ предметовъ своей науки, и выбралъ такъ, что читатель его получаетъ полное понятіе о томъ, что́ узнать ему необходимо: онъ слѣдуетъ безъ труда за мыслями автора или, лучше сказать, невольно вмѣшивается въ разсужденія разговаривающихъ лицъ; умъ его не безъ дѣйствія, но сіе дѣйствіе не тягостное: онъ остается доволенъ и собою и своимъ наставникомъ—и въ награду за легкій трудъ получаетъ полныя и ясныя понятія, знакомится съ окружающими его тайнами природы, находитъ и жизнь и чудеса тамъ, гдѣ прежде для незнанія его было все мертво и обыкновенно. Могутъ подумать, что авторъ, выбравъ форму разговора, идетъ по слѣдамъ Фонтенеля; но между ими великая разница, сколько могу судить по бѣглому чтенію. Фонтенель хотѣлъ доказать, что обо *всемъ* можно говорить языкомъ острымъ и шутливымъ; его *Разговоры о множествѣ міровъ*—блестящая игрушка. Нашъ авторъ не имѣетъ этой хвастливости: онъ болѣе думаетъ о наукѣ своей, нежели о самомъ себѣ; не хочетъ ослѣплять остротою ума и красками слога, но употреблять ихъ какъ средство *необходимое,* дабы овладѣть вниманіемъ. Въ *Разговорахъ* Фонтенелевыхъ дивятся Фонтенелю; *Разговоры о физикѣ* заставляютъ полюбить физику.

Всѣ шесть томовъ этого прекраснаго сочиненія готовы. Почтенный сочинитель, чтобы имѣть средство

напечатать книгу свою, ибо ея напечатаніе должно стоить большихъ издержекъ, считаетъ за нужное открыть на нее подписку. Должно надѣяться, что русская публика для собственнаго удовольствія поддержитъ его полезное предпріятіе. Подписка для московскихъ читателей и для иногородныхъ открывается въ московскомъ почтамтѣ, въ газетной экспедиціи. Подписавшіеся платятъ за шесть томовъ на простой бумагѣ 40 руб., а на *писчей* 50 рублей; при подпискѣ получаютъ они билетъ, по которому и будетъ выдана имъ книга, какъ-скоро о выходѣ ея напечатается въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

1819.

ИЗЪ АЛЬБОМОВЪ ГР. С. А. САМОЙЛОВОЙ.

I. О СЧАСТІИ.

Я когда-то сказалъ: счастіе жизни состоитъ не изъ отдѣльныхъ наслажденій, но изъ наслажденій съ *воспоминаніемъ*, и эти наслажденія сравнилъ я съ фонарями, зажженными ночью на улицѣ: они раздѣлены промежутками, но эти промежутки *освѣщены*, и вся улица свѣтла, хотя *не вся* составлена изъ свѣта. Такъ и *счастіе жизни*! Наслажденіе—фонарь, зажженный на дорогѣ жизни; воспоминаніе—свѣтъ, а счастіе—рядъ этихъ фонарей, этихъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ воспоминаній, которыя всю жизнь озаряютъ. Надежда—пустое слово: она привлекательна только для неопытности, которая не знаетъ жизни, для которой вся прелесть этого слова заключена въ его непостижимости. И что надежда? Безпокойное, хотя нерѣдко сладостное ожиданіе чего-то въ будущемъ; такое ожиданіе только вредно: оно уничтожаетъ настоящее. Позабудь о будущемъ, чтобы жить какъ должно; пользуйся настоящею минутою, ибо только она есть *вѣрное* средство къ прекрасному! Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, кои Провидѣніе дастъ зажечь послѣ; въ *свое* время ты оглянешься и за тобою будетъ прекрасная, *свѣтлая дорога*. Между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣсти не *Надежду*, а *Провидѣніе*: переходя отъ одной озаренной яркимъ воспоминаніемъ минуты къ другой такой же, нечувствительно дойдешь до этого предѣла, за которымъ вѣрное, неизмѣнное будущее. Объ немъ можно думать безъ волненія, оно не мѣшаетъ жизни! Но что же здѣшнее будущее? Приходитъ ли оно когда-нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что же ему вѣрить и объ немъ заботиться? Прошедшее же пускай идетъ съ нами *рядомъ*! Пусть будетъ нашимъ добрымъ, утѣшительнымъ, ободряющимъ спутникомъ!

Для сердца прошедшее вѣчно!

Можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что существуетъ только то, чего уже нѣтъ! Будущее можетъ не быть; настоящее можетъ и должно перемѣниться; одно прошедшее не подвержено измѣняемости: воспоминаніе бережетъ его; и если это воспоминаніе чистое, то оно есть Ангелъ-Хранитель нашего счастія; оно утѣшаетъ наши горести; оно озаряетъ предъ нами неизвѣстность будущаго. Ясный фонарь на дорогѣ жизни... что онъ? Одно ли наслажденіе, столь же быстрое и тлѣнное, какъ пролетающая минута? О, нѣтъ! доброе чувство, высокая мысль, прекрасное дѣло—имъ однимъ принадлежитъ воспоминаніе! Эти свѣтлыя минуты, въ которыя мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго, высокаго и добраго, можно назвать минутами божественнаго откровенія: въ эти минуты Божество неотрицаемо. Я назвалъ бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцемъ внушенную, мысль *Богомъ*! Не Онъ ли говоритъ въ нихъ душѣ человѣческой: *Я здѣсь*! и какъ въ такую минуту не отвѣчать Ему: *вѣрую, Господи*! И рядъ такихъ минутъ, въ которыя Божество, блеснувъ предъ тобою собственнымъ же твоимъ чувствомъ, не угасло, но оставило тебѣ *свѣтъ свой* въ воспоминаніи,—рядъ фонарей... вотъ счастіе! и оно вѣчно, какъ душа съ неизгладимыми воспоминаніями!

Еще одна мысль, которая здѣсь у мѣста: жизнь есть *воспитаніе*. Все въ ней служитъ урокомъ. *Цѣль* жизни—знать хорошо урокъ свой, чтобы не пристыдить себя передъ Верховнымъ Учителемъ. *Гдѣ* придется употребить уроки Его въ пользу—это знаетъ только Онъ. Что Онъ учитъ *не напрасно* – это вѣрно, и въ знаніи этого, основанномъ на чувствѣ, вся наша вѣра. (*Павловскъ*, 29 августа 1819.)

II. 17 СЕНТЯБРЯ 1819.

Вы позволили мнѣ сдѣлать вамъ подарокъ въ день вашего Ангела: я вздумалъ подарить васъ такою книгою, которая могла бы служить вамъ вмѣсто *руководства въ чтеніи другихъ книгъ* и добрымъ, вѣрнымъ товарищемъ на цѣлую жизнь. Книга, которую я для этого выбралъ, которой пользу *отчасти* знаю по собственному опыту (я прочиталъ ее въ первый разъ въ такое время, когда мнѣ былъ очень нуженъ ободрительный совѣтникъ), по своему *заглавію* прилична дню вашего Ангела, а по своему содержанію прилична вамъ. При ней Библія, необходимая для того, чтобы прочитать ее съ пользою; я выбралъ нѣмецкую для того, что авторъ ссылается всегда на библію нѣмецкую; вамъ легче будетъ отыскивать тѣ мѣста, на которыя онъ въ ней указываетъ. Приложенную же *бѣлую книгу* вы наполните *своимъ*. Я началъ ее нѣкоторыми собственными мыслями, которыя набросалъ безъ порядка и связи. Пусть будутъ онѣ здѣсь вмѣсто предисловія. Сіе ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ возбудить ваши собственныя мысли и еще въ томъ, что онѣ произведены искреннимъ желаніемъ вамъ такого счастія, на которое имѣете право болѣе многихъ и которое можете найти легче многихъ: надобно только на него *посмотрѣть со вниманіемъ* и оно ваше.

III. НАБРОСКИ МЫСЛЕЙ.

Wisset, ein erhabner Sinn
Legt das *Grosse* in das Leben
Und er *sucht es nicht* darinn.
(Schiller.)

Это *великое*, это *прекрасное* таится въ насъ самихъ, и жизнь дана для того, чтобы узнать его тайну: въ этомъ *узнаніи* вся ея цѣль; оно одно составляетъ прямое ея достоинство. Жизнь есть училище, въ которое душа входитъ младенцемъ, изъ котораго должна выйти возмужалою и созрѣвшею.

Можно сказать, что вокругъ насъ ничто не существуетъ отдѣльно: все беретъ образъ души нашей; все ея отголосокъ; все оживляетъ она тѣмъ бытіемъ, которое въ ней самой таится.

Мыслить, чувствовать—вотъ прямая (внутренняя) жизнь наша. Она *только обнаруживается* посредствомъ дѣйствія, которымъ, такъ-сказать, мы связаны съ тѣмъ, что насъ окружаетъ. Чѣмъ болѣе совершенства въ мысляхъ и чувствахъ, тѣмъ лучше и вѣрнѣе наши дѣйствія. Если дадимъ себѣ первое, то послѣднее само собою будетъ ея послѣдствіемъ.

Счастіе жизни—красота души, неизмѣняющаяся посреди перемѣнчивыхъ случаевъ жизни.

Съ каждою новою мыслію, съ каждымъ новымъ чувствомъ прибавляется къ душѣ нѣчто такое, чего въ ней еще не было. Это нѣчто становится ея вѣчною, неотъемлемою собственностію.

Мысли и чувства, въ разное время посѣщавшія душу, сливаются въ ея сущность и составляютъ, наконецъ, ея величіе или низость, ея красоту или безобразіе. Такимъ образомъ можно сказать, что наша душа, отдѣльно, сама по себѣ существующая, есть въ то же время и произведеніе всего, что посредствомъ мысли

и чувства вошло въ нее въ теченіе жизни: произведеніе болѣе или менѣе совершенное и *пріобрѣтеніе этого совершенства*, для коего единственно дана человѣку его земная жизнь, зависитъ отъ васъ самихъ. Провидѣніе есть только всемогущій нашъ *помощникъ*: оно только предлагаетъ намъ способы, только поддерживаетъ или усиливаетъ наше стремленіе; но пользоваться предлагаемыми способами, повиноваться святому стремленію—это предоставлено намъ самимъ и здѣсь мы неограниченно свободны.

Два способа пріобрѣтать сіе совершенство: *извлекать прекрасное изъ опытовъ жизни*; *извлекать прекрасное изъ самого себя*.

Опыты жизни—здѣсь мы не иное что, какъ путешественники по землѣ Провидѣнія. Оно съ заботливою попечительностію окружаетъ насъ житейскими встрѣчами. Добро и зло, великое и малое, все есть его посланникъ, есть испытатель и слѣдовательно совершенствователь души нашей. Отъ насъ требуетъ оно только прекраснаго. Всякій случай жизни есть *средство* къ прекрасному: не наше дѣло вступаться въ распоряженіе сихъ случаевъ, въ критическій разборъ сихъ предлагаемыхъ намъ средствъ—мы должны и можемъ только *исполнять требованія* Промысла. Скажу опять, мы *не властны* въ выборѣ средствъ, то-есть въ выборѣ тѣхъ случаевъ, счастливыхъ или несчастныхъ, тѣхъ радостей или печалей, которыя должны посѣтить насъ въ жизни,—это дѣло Провидѣнія! Но мы *властны* во всякомъ случаѣ вслушаться въ одобрительный его голосъ, во всякомъ случаѣ понять его высокое требованіе и свободно исполнить то, чего оно требуетъ. Опыты жизни, съ этой стороны разсматриваемые, представляются въ блескѣ величественномъ; жизнь въ этомъ случаѣ есть нѣчто святое и драгоцѣнное. Въ такомъ понятіи объ жизни заключается наша *твердость*, болѣе нужная въ мелкихъ, ежедневныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ легко забыться, нежели въ случаяхъ важныхъ, пробуждающихъ всю нашу душу и заставляющихъ вооружиться всѣми своими силами.—И такъ, при каждомъ представляющемся опытѣ жизни (въ этотъ разрядъ входитъ все, что *внѣ* насъ: и люди, насъ окружающіе, и вся необъятная природа), при каждомъ представляющемся опытѣ жизни спрашивать: *что прекраснаго можно извлечь изъ него?* Внутренній голосъ всегда откликнется на вопросъ нашъ. *Вслушаться и исполнить*! Душа сдѣлается выше, и мы на шагъ приблизимся къ своему назначенію. Найденное прекрасное сдѣлается *нашимъ*. Свѣтлый фонарь загорится и не угаснетъ. А мы *впередъ*! чтобы зажечь новый, такой же неугасимый.

Извлекать прекрасное изъ самого себя—быть съ собою, разбирать свою жизнь, свои обязанности, свое прошедшее и будущее, въ присутствіи строгаго свидѣтеля, *совѣсти*, въ присутствіи великаго ободрителя, *Бога*. Внутренность нашей души—безопасное, всегда вѣрное наше прибѣжище и въ счастіи и въ несчастіи. Кому знакомъ этотъ пріютъ, кому легко находить въ него дорогу, тотъ истинно независимъ; тотъ, смиренно покоряясь своей судьбѣ, никогда не будетъ ни рабомъ ея, ни жертвою. Внутренность души нашей—здѣсь наше владычество; въ это святилище впускаемъ мы одниxъ только избранныхъ; все, что *внѣ* его, покорствуетъ судьбѣ; все, что *въ немъ*, то наше и независимо. *Быть съ собою* значитъ давать себѣ отчетъ въ томъ, каковы мы, что пріобрѣли въ теченіе прошедшей жизни своей, что можемъ и должны пріобрѣсти еще въ будущемъ. *Быть съ собою* значитъ давать бытію своему полноту и твердость, цѣнить и объяснять то, что насъ окружаетъ, отдѣляться отъ внѣшняго, чтобы знакомиться съ внутреннимъ. Но быть съ собою можно только въ *уединеніи*, въ которомъ, можно сказать, настоящая жизнь наша. Оно одно даетъ намъ необходимую свободу мыслить и чувствовать, въ него приносить ту добычу, которую собираемъ посреди свѣта, въ немъ пользуемся сокровищемъ, нами скопленнымъ, и въ немъ только узнаемъ истинную цѣну самой свѣтской жизни.

Одинъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ *быть съ собою* есть *чтеніе*. Если чтеніе почитать только однимъ занятіемъ, однимъ лѣкарствомъ отъ скуки, то оно не иное что, какъ разсѣянность, принадлежащая къ безчисленному множеству мелочей, развлекающихъ нашу душу посреди свѣта. Но совсѣмъ напротивъ: чтеніе есть одна изъ *важнѣйшихъ нашихъ обязанностей*. Миллеръ говоритъ: Lesen ist nichts; lesen und denken etwas; lesen, denken und fühlen—die Volkommenheit. Читать надобно съ тою же цѣлію, съ какою надобно жить, то-есть для усовершенствованія души своей. Книги—идеальный свѣтъ посреди свѣта существеннаго. Но въ существенномъ мы зависимы отъ всего, что насъ окружаетъ; мы невластны ни выбирать, ни перемѣнять тѣхъ людей, съ коими насъ сводитъ судьба наша, мы непроизвольно принимаемъ тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ намъ все окружающее насъ и отъ насъ независимое; мы свободны только *извлекать нравственное добро* изъ сихъ неподвластныхъ намъ впечатлѣній. Въ книгахъ напротивъ! въ нихъ, можно сказать, повторяется тотъ же міръ и съ тѣми же впечатлѣніями, но здѣсь мы уже *властны въ выборѣ*; здѣсь можемъ окружать себя только тѣмъ, что сходно съ нашею цѣлію, что близко нашей душѣ, что можетъ ее возвысить и усовершенствовать. Съ книгою въ рукѣ, не сходя съ мѣста, мы прикликаемъ къ себѣ все, что есть, было и можетъ быть прекраснаго въ природѣ и это *все* единственно для того, чтобы *присвоить* его душѣ, чтобы дать ей достоинство для счастія и несчастія, чтобы освѣтить передъ нею здѣшнюю жизнь, чтобы ее приготовить для жизни будущей, вѣрной, хотя и неизвѣстной. Чтеніе въ этомъ смыслѣ есть *дѣятельность высокая, одно изъ твердѣйшихъ основаній нашей нравственности*.

Чтеніе для женщины не то, что *чтеніе для мужчины*. Сверхъ общей цѣли человѣчества, *нравственнаго образованія*, онъ можетъ имѣть и множество другихъ, особенныхъ, какъ человѣкъ государственный, какъ ученый и прочее. Кругъ женщины ограниченный. Въ него входитъ одно только *просто человѣческое*. Ей нужно только пріобрѣсти то, что на нѣмецкомъ языкѣ такъ прекрасно называется Weiblichkeit и для чего нѣтъ еще выраженія въ языкѣ нашемъ. Въ этомъ словѣ я вижу всю прекрасную жизнь женщины: простоту, неискусственность глубокаго чувства, просвѣщеннаго знаніемъ; знакомство со всѣмъ, что есть лучшаго въ природѣ и въ обществѣ; богатство свѣдѣній не для блеска, но для скромнаго внутренняго наслажденія, для мирнаго, я бы сказалъ, *стыдливаго* сіянія посреди немногихъ, ей принадлежащихъ любовію. Женщина создана для семейства—въ немъ ея дѣятельность, чистая, всегда полезная, всегда благодатная. Въ свѣтѣ она должна только находить минутный отдыхъ и то для одного разнообразія, для живѣйшаго почувствованія цѣны прямого, ею одною творимаго счастія. Ей нужны только тѣ знанія, которыя могутъ быть *полезны въ тѣсномъ кругу домашнихъ*; она въ выборѣ ихъ должна ограничить себя однимъ только *лучшимъ* и это лучшее должна она перелить въ свою душу, дабы нравственнымъ добромъ, ею пріобрѣтеннымъ, счастливить *немногихъ избранныхъ*. Чтеніе для мужчины весьма часто бываетъ скучною, утомительною работою, чтеніе для женщины всегда можетъ быть чистымъ наслажденіемъ, и за сіе наслажденіе получаетъ она еще награду: *усовершенствованіе нравственное*, то именно, что составляетъ цѣль бытія человѣческаго.

Итакъ, въ короткихъ словахъ: читать одно *лучшее* и читать *не для развлеченія*, а для того, чтобы чтеніемъ *дополнить уроки жизни*; очистить и возвысить душу, дать мыслямъ ясность, порядокъ и полноту; яснѣе постигнуть свою цѣль и безпрестанно усиливать свое къ ней стремленіе; читать не много, но много *мыслить*, дабы чужое обратить въ собственное. Читать въ нѣкоторомъ *порядкѣ*.

IV. GLAUBE, LIEBE, HOFFNUNG.

Маленькая книжка, которую здѣсь прилагаю, можетъ быть прекраснымъ основаніемъ чтенія въ такомъ смыслѣ: *вѣра*, *любовь*, *надежда*, а сказать однимъ словомъ, высокая *мудрость*—это цѣль жизни; таково содержаніе этой книжки. Въ ней мало для чтенія, зато много для размышленія. Въ ней приведено въ одинъ ясный порядокъ все то, что заключается въ разныхъ книгахъ святого писанія.—*Религія истинная и нравственное совершенство одно и то же*: кто возвышаетъ душу свою, тотъ сближается съ Богомъ. Къ этому *все* должно вести васъ въ жизни—и *всѣ* другія книги должны быть для васъ только дополненіемъ *этой*. Сперва прочитать ее, но, чтобы прочитать какъ должно, надобно выписать изъ Библіи всѣ тѣ мѣста, на которыя ссылается авторъ, и точно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ назначилъ: такимъ образомъ, все существенное святого писанія, то именно, что́ можетъ быть всегда примѣнено къ дѣятельной жизни, будетъ для васъ соединено въ одно порядочное цѣлое. Этой работы будетъ надолго: положите себѣ за правило каждый день *наполнить одну страницу выписками,* этого довольно: день не будетъ потерянъ. Когда всѣ выписки кончатся, то перечитать книжку *вмѣстѣ съ ними*—это окончательное чтеніе все возобновитъ въ мысляхъ и все приведетъ въ порядокъ. Но эти выписки не займутъ *всей* этой бѣлой книги, останется большая половина ея бѣлою: она для *дополненій*. Что найдете въ другихъ книгахъ прямо прекраснаго, такого, что можетъ быть годно для *зажженія свѣтлаго фонаря*, то записывайте сюда; но еще болѣе записывайте то, что придумаете сами; вамъ не будетъ недостатка въ прекрасныхъ мысляхъ и чувствахъ. Такимъ образомъ, эта книжка, данная вамъ въ минуту сердечнаго желанія вамъ добра, въ минуту надежды, что это желаніе сбудется, эта книжка будетъ современемъ заключать въ себѣ сокровище *добраго и прекраснаго*, будетъ повѣреннымъ и свидѣтелемъ вашей жизни, доброму и прекрасному посвященной. А я повторю здѣсь сказанное прежде:

Я вѣрю—ваше сердце встрѣтитъ
Прямую прелесть жизни сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ.
Пусть друга Ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами...
А я, хотя *издалека*
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать.

V. POST-SCRIPTUM.

P. S. 7 *октября* Написавши все это, я былъ нѣсколько времени въ нерѣшимости, отдавать ли вамъ мою книгу или нѣтъ. Признаюсь въ слабости: *ложный стыдъ* меня удерживалъ. Дарить Библіею осьмнадцатилѣтнюю дѣвушку, утомлять ея вниманіе совѣтами... я посмотрѣлъ на себя глазами свѣта и показался смѣшнымъ самому себѣ. И въ этомъ я *виноватъ* передъ вами. Въ чистотѣ и безкорыстности моего намѣренія заключено и его оправданіе. Могу быть страннымъ, только не въ вашихъ глазахъ. Если еще не имѣю права сказать: *я знаю васъ!* то могу сказать: *я васъ предчувствую!* то-есть, я вижу васъ *такою*, какою вы быть можете, въ увѣреніи, что мое предчувствіе сбудется. Эта надежда оправдываетъ и мой выборъ. Къ тому же я и не безъ награды: *помыслить вслухъ для васъ и вмѣстѣ съ вами о добромъ есть счастіе*. Вы не *должны* жить, какъ живутъ обыкновенно; жизнь ваша должна быть *прекрасною*, а все прекрасное жизни можно выразить однимъ словомъ: *религія!* (изъ этого понятія исключается все, что есть суевѣріе, все, что, выдумано слабымъ невѣжествомъ; религія—сближеніе съ Божествомъ посредствомъ мысли, чувства, долга!) Чѣмъ ранѣе этотъ товарищъ присоединится къ жизни, тѣмъ она яснѣе, счастливѣе, выше—и выборомъ, съ порядкомъ, съ постоянствомъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ произвести это товарищество. Религія, необходимая человѣку вообще, для женщины въ особенности служитъ самымъ надежнымъ помощникомъ: она беретъ для нея характеръ нѣжнѣйшій, ея особенному характеру болѣе соотвѣтствующій; она теряетъ для нея все метафизическое, отвлеченное и обращается въ глубокое, ясное, животворное чувство, которое убѣдительнѣе всякаго умозрѣнія; она оживляетъ для нея ея должности и даетъ ей сладостную твердость для мелкихъ, ежедневныхъ пожертвованій, которымъ женщина, по своему положенію въ свѣтѣ, безпрестанно бываетъ подвержена. Чѣмъ ранѣе войдетъ она въ ея жизнь, тѣмъ жизнь ея сдѣлается вѣрнѣе и безопаснѣе, тѣмъ изобильнѣе будетъ она истинными, неперемѣнчивыми наслажденіями. Мы почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ женщинъ, которыя, посвятивъ свѣжую свою молодость легкомысленной разсѣянности свѣта, истощивъ ею лучшія свои чувства, предаются религіи въ такое время, когда свѣтъ покидаетъ ихъ: но этотъ переходъ принужденный! Онѣ приносятъ усталую душу въ святилище, съ ними входитъ туда сожалѣніе о томъ, что для нихъ невозвратно потеряно, и небесное дѣлается для нихъ насильственною, слѣдовательно, неудовлетворительною замѣною земного, все еще любезнаго, хотя уже имъ давно чуждаго. Онѣ добровольныя изгнанницы, тоскующія втайнѣ по отчизнѣ, ими покинутой. И по большей части ихъ запоздалая религія бываетъ соединена съ нетерпимостью (intolerance) и съ суевѣріемъ, недостойнымъ души человѣческой. Небесное должно быть съ земнымъ неразлучно: не уничтожая его, только его освящаетъ! Это два товарища, ведущіе насъ къ одной и той же цѣли. Но въ позднее осеннее время жизни, но въ первой молодости весенней, когда душа еще *въ цвѣту*, должны мы познакомиться съ религіей. Она не противна свѣту, не требуетъ затворничества; напротивъ, она очищаетъ и болѣе усиливаетъ всѣ наши житейскія связи. Но узнанная въ молодости, безъ принужденія, а по естественному стремленію души, она обращается въ ея сущность, становится радостнымъ, безмятежнымъ *бытіемъ внутреннимъ въ отношеніи къ намъ самимъ* и дѣятельною *любовію въ отношеніи ко всему, что насъ окружаетъ*. И такая только жизнь можетъ быть *вамъ* прилична. Теперь ваша душа *въ полномъ цвѣту!* Съ запасомъ прекрасныхъ качествъ (способовъ счастія) стоите вы у начала дороги, ведущей въ обѣтованную землю; какъ не пожелать, чтобы вы пошли по ней, окруженныя всѣми прямыми, достойными васъ благами жизни! Наша душа, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу для всего прекраснаго (но она можетъ имѣть и силу отрицательную, какъ тотъ же магнитъ). Этой притягательной силы въ душѣ вашей много! Давайте ей пищу: все прекрасное прильнетъ къ ней само собою.

Въ альбомъ былъ вложенъ еще отдѣльный листокъ съ совѣтами относительно чтенія: „Сперва прочитать книжку, не отыскивая въ Библіи тѣхъ мѣстъ, которыя въ книжкѣ назначены, а просто для того, чтобы получить одно общее понятіе о томъ, что говоритъ авторъ. Потомъ начать дѣлать выписки; довольно страницы на день. Потомъ перечитать книжку съ выписками изъ Библіи. Это будетъ полный курсъ христіанской нравственности. Всякое другое чтеніе только дополненіе этого. Нѣкоторыя книги просто для удовольствія, но удовольствіе чистое принадлежитъ къ нравственности. Чтобъ дѣлать выписки, надо имѣть всѣ три книги передъ собой. Сперва заглянуть въ книжку, записать параграфъ, № и ту книгу и стихъ изъ Библіи, которые назначены авторомъ; потомъ пріискать ихъ въ Библіи и выписать; для большей легкости отыскиванія я вклеилъ пергаментные кусочки въ Библію, на которыхъ выставлены вполнѣ заглавія тѣхъ книгъ, которыя въ книжкѣ назначены сокращенно;

кончивъ одну выписку, опять заглянуть въ книжку, выписать параграфъ, № и пр., опять прінскать въ Библіи и выписать и такъ далѣе: такой порядокъ облегчитъ работу. Работы же этой будетъ надолго, если выписывать не болѣе страницы въ день. Думаю, что лучше вмѣсто обыкновенныхъ нѣмецкихъ буквъ писать французскими и какъ можно мельче, дабы уписать болѣе, и послѣ имѣть менѣе труда при чтеніи. Переводъ Библіи Лютеровъ; языкъ нѣсколько старинный, но переводъ прекрасный, лучшій изъ всѣхъ. Чего нельзя будетъ понять, справляться съ французскимъ переводомъ". (Слѣдуютъ объясненія сокращеній напр: 1 Mose... Das 1 Buch Mose и т. д.) „Я думаю, лучше начать выписку съ 3 главы Ich kenne Ihn, вторая заключаетъ въ себѣ одно историческое, слѣдующія — *христіанскую нравственность*". (Слѣдуетъ образецъ, какъ выписывать.)

1831.

ВЗГЛЯДЪ НА ЗЕМЛЮ СЪ НЕБА.

Есть свѣтлая сторона. Мы ея не знаемъ, но вѣримъ, что она есть. И сія вѣра подобна дѣйствію начинающагося утра на затворенныя очи спящаго юноши, когда еще играютъ надъ нимъ сновидѣнія ночи.

Въ сей сторонѣ обитаютъ первенцы любви Божіей. Ихъ бытіе для насъ непостижимо. Они блаженствуютъ въ созерцаніи яснаго для нихъ Создателя.

Однажды, посреди великолѣпнаго созданія, одинъ изъ сихъ обитателей свѣта стоялъ, преклоняя взоры, въ задумчивомъ размышленіи.

— Что съ тобою, братъ мой? спросилъ подлетѣвшій къ нему товарищъ блаженства. На лицѣ твоемъ что-то не здѣшнее. Какое видѣніе наполняетъ и какъ-будто тревожитъ твою душу?

„Братъ мой!—отвѣчалъ вопрошенный—я на мгновеніе отвратилъ глаза мои отъ окружающаго насъ свѣта; я погрузился во глубину бездны, и чувство, никогда не испытанное, наполнило, наполнило душу мою. Доселѣ она знала одну спокойную радость — теперь она растрогана; доселѣ я только обожалъ Создателя—теперь мое чистое обожаніе обратилась въ благодарность, соединенную съ сладкимъ уныніемъ.

„Отклоня вниманіе отъ окружающаго насъ лучезарнаго океана, я взглянулъ на одну изъ капель, брызжущихъ отъ безчисленныхъ волнъ его. И что же! Каждая изъ сихъ капель есть бездна свѣтилъ, и каждое изъ сихъ свѣтилъ, едва примѣтныхъ моему взору, окружено милліонами другихъ, кружащихся около него легкою, свѣтлою пылью и въ порядкѣ повинующихся ему какъ владыкѣ.

„Я устремилъ вниманіе на одну изъ сихъ свѣтлыхъ пылинокъ, и что же опять увидѣлъ? Она, какъ и всѣ другія, даетъ жизнь своему особенному міру; пылинки несравненно мельчайшія и уже не свѣтлыя, а только озаренныя, около нея движутся въ удивительномъ устройствѣ: я видѣлъ, какъ однѣ изъ нихъ рождались и были въ минуту рожденія совершенно темныя, какъ другія мало-по-малу свѣтлѣли, какъ нѣкоторыя, обратившись въ свѣтлыя, пріобщались къ другимъ, подобно имъ сіяющимъ, и какъ около нихъ начиналось новое рожденіе.

„На одной изъ сихъ темныхъ, только-что родившихся пылинокъ остановился взоръ мой. Немного прошло мгновеній, и уже она нѣсколько тысячъ разъ обратилась кругомъ своего свѣтила, кругомъ той лучезарной пылинки, которая исчезаетъ въ вихрѣ свѣтлаго праха, окружающаго каждую изъ тѣхъ болѣе лучезарныхъ пылинокъ, кои безчисленно блещутъ въ замѣченной мною каплѣ.

„И что же произошло въ сіи столь быстрыя мгновенія? Сначала, повинуясь движенію, влекущему ее около владычествующаго ею блистательнаго средоточія, сія бѣдная пылинка была сама по себѣ мрачною и какъ-будто мертвою. Вдругъ началось на ней движеніе; поверхность ея нѣсколько разъ измѣнилась; наконецъ, все пришло въ порядокъ; движеніе утихло; она получила нѣкоторый постоянный образъ, и нѣсколько времени поверхность ея была какъ-будто пустынною, и все, что на ней происходило, казалось свойственнымъ *ничтожному* бытію пылинки... Но вдругъ нѣчто таинственное тамъ свершилось: съ высоты моей, съ сладостнымъ участіемъ брата, почувствовалъ я, что тамъ, на пылинкѣ ничтожной, началась жизнь, подобная моей жизни, и что посреди ея ничтожества тихо раздалось то *имя*, которое здѣсь столь громозвучно поражаетъ насъ среди нашего величія—раздалось и было услышано! И я увидѣлъ живыя творенія, увидѣлъ, какъ они начались, какъ размножались, какъ исчезали, уступая мѣсто одни другимъ, какъ, наконецъ, овладѣли всею поверхностію своего непримѣтнаго міра и какъ все на поверхности его снова преобразовалось.

„Но сіи живыя творенія сначала казались мнѣ окруженными какимъ-то мракомъ, мнѣ самому непонятнымъ. И вдругъ увидѣлъ я лучъ, сверкнувшій надъ поверхностію ихъ пылинки. И лучъ сей показался мнѣ свѣтозарнѣе всей окружающей меня бездны свѣта.

„О милый братъ! Что же пылинка сія, темная, исчезающая въ одной изъ сіяющихъ капель того свѣтозарнаго океана, который передъ нами волнуется, котораго пламенныя волны громомъ своимъ сливаются въ пѣснопѣніе Вседержителю? И что мгновенные обитатели сей пылинки?

„Но они живутъ и живутъ чудесною жизнію! И въ бренной своей жизни они имѣютъ еще и то, чего мы въ величіи своемъ не имѣемъ. Наша участь есть безмятежное блаженство; а имъ—имъ одно страданіе! При семъ словѣ благоговѣйный трепетъ наполняетъ душу мою. Страданіе—для нихъ оно непостижимо, а я съ высоты моей постигаю всю божественную его тайну. Страданіе, творецъ великаго—оно знакомитъ ихъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ блаженствѣ нашемъ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ вѣры, съ утѣхою надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ любви.

„Мы, обитатели свѣта, мы въ своей безмятежной вѣчности не вѣдаемъ тѣхъ волненій, той борьбы, того стремленія къ лучшему, которыя наполняютъ минутную жизнь ихъ во прахѣ. Что для насъ *есть*, что для насъ *всегда* было—то еще для нихъ *будетъ*: о томъ усладительно говоритъ имъ надежда! Создатель поселилъ насъ вблизи своего непроницаемаго святилища, и мы его *знаемъ*—для нихъ же онъ скрылъ себя въ таинственномъ мракѣ смятеннаго бытія ихъ: заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ своего ничтожнаго міра, они не постигаютъ и еще не могутъ постигать его всеобъемлющаго Промысла; но они его чувствуютъ, они къ нему стремятся сквозь тысячи преградъ, отдѣляющихъ отъ него ихъ душу, и они нѣкогда найдутъ его и такъ же постигнутъ, какъ мы его постигаемъ. Ихъ вѣра есть побѣда, одерживаемая душою и вызывающая душу. Здѣсь, блаженствуя любовью къ Создателю, мы не властны не любить его, столь близкаго къ намъ, столь совершенно намъ понятнаго. А ихъ любовь, во прахѣ, въ ничтожествѣ, въ страданіи — какое чудесное преобразованіе даруетъ она бытію ихъ въ этомъ прахѣ! какъ украшаетъ она для нихъ и самый прахъ, гдѣ посреди измѣненія и тлѣнности все говоритъ имъ о Промыслѣ вѣчномъ.

„И что же?.. Съ симъ таинствомъ страданія, образующаго душу, соединяется другое столь же великое таинство смерти, которая всему, что окружаетъ ихъ въ тѣсныхъ предѣлахъ обитаемой ими пылинки, даетъ и цѣну и прелесть. Смерть, страшилище мечтательное, ужасомъ утраты привязываетъ къ бытію мгновенному. Содрогаясь передъ нею, они тѣмъ сильнѣе, какъ-будто къ сокровищу ничѣмъ не замѣняемому, прилѣпляются

къ бѣдному своему праху и тѣмъ охотнѣе пріемлютъ уроки испытующаго ихъ страданія.

„Но въ минуту разлуки съ жизнію они узнаютъ и тайну смерти: она является имъ уже не страшилищемъ, губителемъ настоящаго и будущаго, а яснымъ воспоминаніемъ минувшаго, которое съ ними вмѣстѣ вылетаетъ изъ праха, вѣчный товарищъ новой жизни.

„Вотъ что, мой братъ, погрузило меня въ унылое размышленіе, столь изумившее тебя посреди окружающаго насъ блаженства. Нѣсколько мгновеній я прожилъ иною жизнію. Минутный обитатель праха, я испыталъ все, что тамъ называется жизнію: понялъ въ страданіи сладость надежды, спокойствіе вѣры, веселіе любви, понялъ знаменованіе смерти... и насладился тѣмъ, чего нѣтъ въ безмятежномъ нашемъ величіи.

„И теперь какое новое зрѣлище передъ мною! Итакъ, всѣ яркія капли всего лучезарнаго океана есть бездны міровъ оживленныхъ! Итакъ, сіи трепещущія въ каждой каплѣ пылинки суть храмы Вседержителя, равно великолѣпные съ нашимъ небомъ! И такъ каждая пылинка кипитъ живыми созданіями, которыя всѣ наши братья!"

Онъ умолкнулъ... онъ поднялъ глаза... передъ нимъ явилось опять *все* мірозданіе, необъятный океанъ свѣта, коего волны быстро летѣли и гармоническимъ громомъ своимъ славили Вседержителя.

1838.

РѢЧЬ НА ЮБИЛЕѢ И. А. КРЫЛОВА.

2 февраля 1838.

Любовь къ словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы отечества, соединила насъ въ эту минуту. Иванъ Андреевичъ! мы выражаемъ эту намъ общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собирались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и вы отъ насъ немногихъ услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ во-первыхъ *за самихъ себя*: за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ *за нашихъ юношей*, прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ *за русскій народъ*, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и *за знаменитость вашего имени*: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы. Но выражая передъ вами тѣ чувства, которыя всѣ находящіяся здѣсь со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ недостаетъ *двухъ*, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ нашемъ сердцѣ. Одинъ, знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное отечеству имя. Другой, едва расцвѣтшій, и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ отечествѣ его геніемъ. Воспоминаніе о *Дмитріевѣ* и *Пушкинѣ* само собою сливается съ отечественнымъ праздникомъ *Крылова*. Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію, и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь покойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести, ибо они обратились въ народныя пословицы; а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.

1840.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ И. И. КОЗЛОВА.

Иванъ Ивановичъ Козловъ кончилъ болѣзненную жизнь свою. Около двѣнадцати лѣтъ былъ онъ прикованъ къ своей постели, слѣпой, неподвижный и безпрестанно страждущій; но, глубоко проникнутый смиреніемъ христіанскимъ, онъ переносилъ бѣдственную свою участь съ терпѣніемъ удивительнымъ—и Божій Промыслъ, пославшій ему въ то же время и великую отраду: поразивъ его и болѣзнію, разлучившею его навсегда съ внѣшнимъ міромъ и со всѣми его радостями, столь намъ измѣняющими, открылъ онъ помраченному взору его весь внутренній, разнообразный и неизмѣнный міръ поэзіи, озаренный вѣрою, очищенный страданіемъ. Имѣя память необыкновенную (великое счастіе для больного), Козловъ сохранилъ въ глубинѣ души все свое прошедшее; онъ жилъ имъ въ настоящемъ и до послѣдней минуты сберегъ всю свѣжесть и теплоту любящаго сердца. Несчастіе сдѣлало его поэтомъ—и годы страданій были самыми дѣятельными годами ума его. Знавши прежде совершенно французскій и итальянскій языки, онъ уже на одрѣ болѣзни, лишенный зрѣнія, выучился по-англійски и по-нѣмецки—и все, что прочиталъ онъ на сихъ языкахъ, осталось врѣзаннымъ въ его памяти: онъ зналъ наизусть всего Байрона, всѣ поэмы Вальтера Скотта, лучшія мѣста изъ Шекспира, также какъ прежде всего Расина, Тасса и главныя мѣста изъ Данта. Но лучшимъ и самымъ постояннымъ утѣшеніемъ страдальческой его жизни было то, что онъ съ такою же вѣрностію могъ читать на-память и все Евангеліе и всѣ наши молитвы, столь спасительныя въ счастіи, столь отрадныя въ печали. Такимъ образомъ, жизнь его, физически разрушенная при безпрестанномъ, часто мучительномъ чувствѣ болѣзни, была раздѣлена между религіею и поэзіею, которыя цѣлебнымъ своимъ вдохновеніемъ заговаривали въ немъ и душевныя скорби и тѣлесныя муки. Но онъ не былъ чуждъ и обыкновенной ежедневной жизни: все что дѣлалось въ свѣтѣ, возбуждало его участіе—и онъ нерѣдко заботился о внѣшнемъ мірѣ съ какимъ-то ребяческимъ любопытствомъ. Съ той самой поры, въ которую параличъ лишилъ его и ногъ и зрѣнія, физическія страданія его не только не умолкали, но, безпрестанно усиливаясь, въ послѣднее время нерѣдко доходили до крайней степени; они однако почти не имѣли вліянія на его душу, которая всегда ихъ побѣждала, а въ промежуткахъ спокойствія дѣйствовала съ юношескою свѣжестію. Только дней за десять до смерти сильныя страданія успокоились, но вмѣстѣ съ ними какъ-будто заснула и душа. Смерть подошла къ нему тихимъ шагомъ; онъ забылся на рукахъ ея и жизнь его кончилась непримѣтно*).

*) До послѣдней минуты онъ сохранялъ свою память; но связи уже не было въ его мысляхъ. Переставъ страдать, онъ чувствовалъ безпрестанно какое-то безпокойство, поминутно требовалъ къ себѣ жену, дочь и сына: чего-то у нихъ просилъ, успокоился, получивъ отъ нихъ отвѣтъ, и черезъ минуту опять ихъ кликалъ. Однажды, услышавъ мой голосъ, онъ подозвалъ меня, прочиталъ мнѣ стихъ: *и мертвый страшенъ былъ лицомъ!* и прибавилъ: *вотъ что ты завтра здѣсь увидишь*. Въ послѣдніе два дня онъ не могъ уже и говорить; наконецъ, мало-по-малу овладѣлъ имъ сонъ смертный.—*В. Ж.*

Поэтическія произведенія Козлова, плодъ вдохновенія и страданія, извѣстны нашимъ читателямъ. Многія изъ нихъ ознаменованы печатію благороднаго дарованія; прелесть многихъ заключается въ томъ, что они съ величайшею вѣрностію выражаютъ *правду*, состояніе души глубоко-страждущей, глубоко-вѣрующей и смиренной. Никто не могъ читать ихъ безъ нѣжнаго участія къ поэту, который, открывая тайну своихъ страданій, въ то же время и умилялъ насъ, дѣля съ нами тѣ высокія утѣшенія, кои почерпалъ въ глубинѣ поэтической души своей. Слѣдующая „Молитва" имъ весьма незадолго до смерти написана; это послѣдній звукъ его арфы:

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
И духъ мой томный обнови;
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.
Не страшны мнѣ мои страданья,
Они залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.
Взгляни на сердца нищету;
Дай Магдалины жаръ священный;
Дай Іоанна чистоту;
Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа.

Вмѣстѣ съ тяжкимъ крестомъ болѣзни, Козловъ обремененъ былъ и крестомъ бѣдности, не менѣе тяжкимъ. Окруженный любящимъ его семействомъ, которое въ свою очередь любилъ съ величайшею нѣжностію, онъ въ послѣдніе годы особенно занимался судьбою своей дочери, которой, несмотря на скудныя средства, успѣлъ дать прекрасное воспитаніе, и которая, въ свою очередь, съ любовію помогала ему переносить и скуку слѣпоты и тяжесть болѣзни. Исполненный этою нѣжною заботою о будущемъ милой дочери, Козловъ ей завѣщалъ всѣ поэтическія произведенія и мнѣ поручилъ быть исполнителемъ сего завѣщанія.

Приступая къ совершенію воли его съ твердою надеждою на помощь моихъ соотечественниковъ, я собралъ всѣ стихотворенія Козлова. Это цвѣты, расцвѣтшіе на полѣ скорби, это мечты, слезы, стоны и молитвы отца, вырвавшіеся изъ души его, или въ минуты тяжкихъ мукъ, или въ промежутки короткаго отъ нихъ отдохновенія, и обращающіеся теперь въ благословеніе его дочери; эта цѣлая страдальческая жизнь, выраженная поэзіей и нынѣ оставленная, когда уже самъ поэтъ въ могилѣ, въ наслѣдство его дочери, на память любви, въ воздаяніе за любовь. Умершій ввѣряетъ сіе наслѣдство заботливости бывшихъ своихъ согражданъ, и я спѣшу его именемъ пригласить ихъ исполнить ту надежду, которую онъ мысленно возложилъ на нихъ, приготовляясь разстаться съ жизнію. Ихъ сердце почувствуетъ всю высокую законность подобнаго наслѣдства; и упованіе, утѣшившее страдальца незадолго предъ его смертію, конечно, не будетъ обмануто ни его бывшими друзьями, ни тѣми, кто, знавъ его участь, не могли остаться къ ней равнодушными, ни тѣми, кто знали его по однимъ только поэтическимъ его произведеніямъ.

1845.

О МЕЛАНХОЛІИ ВЪ ЖИЗНИ И ВЪ ПОЭЗІИ.

1. *Отрывки письма.* — *Въ Москвитянинѣ* было напечатано мое письмо о переводѣ Гомеровой Одиссеи. Въ немъ, между прочимъ, сказано слѣдующее:

...Какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, рождающейся изъ пѣны моря (ибо она есть символъ Гомеровой поэзіи), въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непрочности выраженія, въ этой болтовнѣ, часто черезчуръ изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и особенно въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, созидающей произвольно грустныя, безпричинныя сѣтованія, а заключается въ своей природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь, пластически могучую въ настоящемъ, но и все было уничтожено, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ всеоживляющихъ утѣшеній. Кажется, что г-жа Сталь первая произнесла, что съ религіею христіанскою вошла въ поэзію и вообще въ литературу меланхолія. Не думаю, чтобы это было справедливо. Что такое меланхолія? Грустное чувство, объемлющее душу при видѣ измѣняемости и невѣрности благъ житейскихъ, чувство и предчувствіе утраты невозвратимой и неизбѣжной. Такимъ чувствомъ была проникнута свѣтлая жизнь языческой древности, свѣтлая, какъ украшенная жертва, ведомая съ музыкою, пѣніемъ и пляскою на закланіе. Эта незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной, есть характеръ древности и ея поэзіи; эта незамѣняемость есть источникъ глубокой меланхоліи, никогда не выражающейся въ жизни, но всегда соприсутственной тайно, зато весьма часто выражающейся въ поэзіи. Кто изъ новѣйшихъ имѣетъ болѣе меланхоліи Горація? Но Гораціева меланхолія понятна; она есть естественная, неискусственная физіономія, тогда какъ меланхолія новѣйшихъ поэтовъ бываетъ часто одно кривлянiе. Христіанство и въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ, произвело рѣшительный переворотъ: тамъ, гдѣ есть Евангеліе, не можетъ быть той меланхоліи, о которой я говорилъ выше, которою все запечатлѣно въ до-евангельскомъ мірѣ; теперь лучшее, верховное, все замѣняющее благо—то, что одно неизмѣнно, одно существенно, дано одинъ разъ навсегда душѣ человѣческой Евангеліемъ. Правда, мы можемъ и теперь, какъ и древніе, говорить: земное на минуту, все измѣняется, все гибнетъ; но мы говоримъ такъ о погибели однихъ внѣшнихъ, чуждыхъ намъ призраковъ, замѣняемыхъ для насъ вѣрнымъ, негибнущимъ, существеннымъ, внутреннимъ, *нашимъ*; а древніе говорили о гибели того, что, разъ погибнувъ, уже ничѣмъ замѣняемо не было.

2. *Замѣчанія на письмо.*—На эту статью были сдѣланы весьма остроумныя замѣчанія; прилагаю ихъ здѣсь съ моимъ на нихъ отвѣтомъ:

„Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я въ *Москвитянинѣ* твои стихи и письмо, твою поэтическую исповѣдь. Что же касается до *меланхоліи*, то правъ и ты, права и г-жа Сталь. Впрочемъ, такъ и быть должно: нѣтъ ничего безусловнаго и отдѣльно цѣлаго. Конечно, въ Гораціи есть уныніе, но это уныніе ведетъ къ тому, что надобно торопиться жить, пѣть и веселиться; а новѣйшее или христіанское уныніе ведетъ къ тому, что уныніе есть обязанность, душа жизни. Ты говоришь: *тамъ, гдѣ есть Евангеліе, не можетъ уже быть той меланхоліи, которою все запечатлѣно въ до-евангелическомъ мірѣ.* Нѣтъ, гдѣ есть Евангеліе, тамъ не можетъ, или, по крайней мѣрѣ, не должно быть *отчаянія*, а унынію есть мѣсто, и большое. *Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію*, развѣ эта молитва не есть уныніе? А когда Христосъ молилъ, чтобы пронеслася мимо чаша, а когда съ Него падалъ кровавый потъ, а когда Онъ воскликнулъ: „прискорбна есть душа моя до смерти"—развѣ это не уныніе? Религія древности есть *наслажденіе:* ему строили алтари и вся жизнь древняя была служеніемъ ему. Религія наша: *страданіе*; страданіе есть первое и послѣднее слово христіанства на землѣ. Слѣдовательно,

съ Евангеліемъ должно было войти уныніе въ поэзію— стихія, совершенно чуждая древнему міру, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Не будь безсмертія души, не будетъ и сомнѣнія и тоски. Смерть тогда—сонъ безъ пробужденія, и прекрасно! О чемъ тутъ тосковать? Все уныніе, вся тоска въ томъ, что, засыпая, не знаешь, гдѣ и какъ проснешься; тоска въ томъ, что на жизнь смотришь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на програму, какъ на лотерейный билетъ, не зная, что́ вынется. *Незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной*, въ виду чего-то, въ виду живого, чувства, была бы грустью, но въ виду безчувствія, ничтожества, она, разумѣется, и сама ничто. Кажется, Сенека сказалъ: „Чего бояться смерти? При насъ ея нѣтъ, при ней насъ уже нѣтъ“. Вотъ вѣроисповѣданіе древняго міра. А у насъ, напротивъ: „Смерть начало всего“. Тутъ поневолѣ призадумаешься“.

3. *Отвѣтъ на замѣчанія.* — ...Жаль, что передъ глазами моими нѣтъ моего письма, напечатаннаго въ Москвитянинѣ безъ моего вѣдома. Я не понимаю, *что и какъ* въ немъ сказано; слѣдственно не могу защищать *своихъ* выраженій, можетъ-быть и ошибочныхъ, ибо письмо писано наскоро. Я, правда, перечиталъ его и про-себя, и потомъ съ Гоголемъ, но теперь ни слова не понимаю, и конечно многое въ немъ сказано неопредѣленно, и многія выраженія неточны. Мнѣ остается возражать на *твои* мысли и на *твои* слова. Мнѣ кажется, что ты въ своихъ положеніяхъ ошибаешься оттого, что не сдѣлалъ для себя *ясной дефиниціи* главнаго предмета, о которомъ говоришь. Ты смѣшиваешь два понятія, совершенно разныя: меланхолію и печаль, или скорбь (а не уныніе, какъ ты выражаешься; уныніе есть только слѣдствіе печали, овладѣвшей душою и преодолѣвшей силу ея).

Что такое *меланхолія*? Грустное состояніе души, происходящее отъ *невозвратной* утраты, или уже совершившейся, или ожидаемой и неизбѣжной. Причины меланхоліи суть причины *внѣшнія*, истекающія изъ всего того, что насъ окружаетъ и что на насъ извнѣ дѣйствуетъ. *Скорбь* или *печаль* есть состояніе души, томимой внутреннею болѣзнію, изъ самой души истекающею; и хотя причины скорби могутъ быть внѣшнія, но онѣ, поразивъ душу, не даютъ ее ей самой, и скорбь въ ней тогда такъ же присутственна, какъ и сама жизнь. *Меланхолія* питается извнѣ; безъ внѣшняго вліянія она исчезаетъ. *Скорбь* питается изнутри, и если душа, ею томимая, не одолѣетъ ея, то она обращается въ уныніе, ведущее наконецъ къ отчаянію; если же, напротивъ, душа съ нею сладитъ, то врагъ обращается въ друга-союзника, и изъ разслабляющей душу силы (то-есть изъ силы этой скорби ее гнетущей) вдругъ рождается великое могущество, удвоивающее жизнь. *Меланхолія* есть лѣнивая нѣга, есть, такъ-сказать, грустная роскошь, мало-по-малу изнуряющая и наконецъ губящая душу. *Скорбь*, напротивъ, есть дѣятельность, столько же для побѣдившей ее души образовательная и животворная, сколь она можетъ быть разрушительна и убійственна для души, ею побѣжденной. Изъ всего сказаннаго ясно, что никакъ не должно смѣшивать понятія меланхоліи съ понятіемъ скорби. Напослѣдокъ главное существенное различіе между *меланхоліею* и *скорбію*—(я говорю здѣсь въ смыслѣ христіанина, для котораго въ семъ отношеніи нѣтъ ничего сомнительнаго, который все строитъ на твердомъ пунктѣ откровенія)—главное различіе состоитъ въ томъ, что *меланхолія*, грустное чувство, извлекаемое изъ невѣрности, непрочности и ничтожности всего житейскаго, ничѣмъ незамѣняемаго по утратѣ его, не можетъ быть свойствомъ, *внутреннею* принадлежностію души, по природѣ своей безсмертной, а потому и чувствующей явно или тайно свое безсмертіе, несовмѣстное съ чувствомъ ничтожества, но что она входитъ въ душу *извнѣ*, изъ окружающаго ее рыхлаго міра, какъ нѣчто ей постороннее, и къ ней прилипаетъ, какъ наростъ, какъ кора, ей чуждая; тогда какъ *скорбь* есть неотъемлемое свойство души, безсмертной по своей природѣ, божественной по своему происхожденію, но *падшей* и носящей въ себѣ, явно или тайно, грустное чувство сего паденія, соединенное однако съ чувствомъ возможности вступить въ первобытное свое величіе. Откровеніе даетъ дѣятельную жизнь сему темному врожденному чувству приводя его въ ясность и указывая на средства исцѣлить недугъ паденія. Пока душу не преобразовало откровеніе, по тѣхъ поръ она, обрѣтая въ себѣ эту ей еще неясную скорбь, стремится къ чему-то высшему, но ей неизвѣстному, и чѣмъ сильнѣе внутренняя жизнь ея, тѣмъ сильнѣе и это стремленіе, и тѣмъ глубже проникается она этою тайною скорбію. Но какъ скоро откровеніе освѣтило душу и вѣра сошла въ нее, скорбь ея, не перемѣняя природы своей, обращается въ высокую дѣятельность, благодарствуетъ душу, и, не производя въ ней раздора съ окружающимъ міромъ, оцѣниваетъ его блага, ничтожныя сами по себѣ, но существенныя, когда они подчинены благамъ вышнимъ, которыя ихъ замѣняютъ, не уничтожая временной ихъ значительности въ здѣшнемъ мірѣ. Эта скорбь есть душа христіанскаго міра. Пока она не оперлась на вѣру и откровеніе, она можетъ повергнуть въ уныніе и безнадежность, ибо тогда врожденное стремленіе души не имѣетъ предмета. Съ вѣрою же (подъ словомъ вѣра я разумѣю одну только вѣру во Христа) она ведетъ къ глубокому миру, и наконецъ принимаетъ на себя свѣтлый образъ этого мира, при которомъ все земное становится яснымъ и все наше драгоцѣннѣйшее вѣрнымъ. Это состояніе души не есть *знаніе*, ибо человѣкъ не созданъ *знать*, но болѣе нежели *знаніе*: это *вѣра*, самый возвышенный, самый свободный и самобытный актъ души человѣческой, вѣра—дитя скорби. Блаженный Августинъ, кажется, говоритъ: „мнѣ не нужно *знать*, чтобы вѣрить, но вѣрить, чтобъ *знать*“.

Покажется парадоксомъ, если сказать, что меланхолія есть *элементъ* міра древняго (здѣсь подъ міромъ древнимъ разумѣется классическій міръ грековъ и римлянъ), но оно *такъ*; я говорю *элементъ*, то-есть составъ, входящій въ образованіе внутренняго характера жизни древнихъ. Они имѣли вполнѣ развитую гражданскую матеріальную жизнь, но не имѣли *дополненія* необходимаго этой жизни, того именно, что ее упрочиваетъ и благородствуетъ; ихъ религія принадлежала тѣснымъ предѣламъ этой матеріальной жизни; она не входила во внутренность души, напротивъ, извлекала ее изъ самой себя, наполняя внѣшній міръ, ее окружающій, своими поэтическими созданіями, повторявшими, въ другомъ только размѣрѣ, всѣ событія ежедневной матеріальной жизни. Но взамѣнъ земнымъ утратамъ ничего не представляла. Отецъ боговъ, Юпитеръ, самъ былъ великій развратникъ; утѣшить и подкрѣпить въ бѣдахъ онъ не былъ способенъ, принималъ экатомбы, но не могъ ничего противъ слѣпого, безжалостнаго фатума. Всѣ сокровища были на землѣ, все заключалось въ земныхъ радостяхъ и все съ ними исчезало. Итакъ естественно, что душа, ничего кромѣ сихъ измѣнчивыхъ благъ не имѣя, къ нимъ съ жадностью прилипала и предавалась ихъ наслажденью, отвративъ глаза отъ Парки, во всякое время съ нимъ неразлучной. У каждаго на пиру въ жизни висѣлъ надъ головою, на тонкомъ волоскѣ, мечъ Дамоклесовъ; но потому именно, что онъ у каждаго висѣлъ надъ головою, всѣ общею толпою шумѣли весело на пиру и спѣшили насытиться по горло. Каждый самъ про-себя, ясно или неясно, чувствовалъ, что когда соберутъ со стола, ужъ другого ему не накроютъ; но увлеченный общимъ шумнымъ порывомъ, не обращалъ вниманія на это чувство, или вопреки ему удвоивалъ свои подвиги на всемірной оргіи. Иногда какой-нибудь Горацій, но и тотъ только для того, чтобы подстрекнуть наслажденіе, восклицалъ посреди этой суматохи:

Лови, лови летящій часъ!
Онъ, улетѣвъ, не возвратится!

Эти слова меланхолически высказывают печальную *истину*, но только для того, чтобы сильнѣе прилѣпить къ милому *заблужденію*, чтобы наложить новый блестящій покровъ на скелетъ жизни. Но этотъ скелетъ во всей своей отвратительности выскакивалъ изъ цвѣтовъ, на него набросанныхъ безпечностью, когда какой-нибудь простодушный Гомеръ, совсѣмъ не мысля щеголять меланхолическими картинами, приводилъ своего Одиссея къ вратамъ Аида и заставлялъ тѣни умершихъ высказывать ему тайну жизни. Все это доказываетъ, что въ мірѣ древнемъ меланхолія (въ томъ смыслѣ, который я къ сему слову привязываю), будучи печальнымъ, постояннымъ элементомъ самой жизни, потому именно не могла быть высказываема, а только временемъ бывала ощутительна въ ея внѣшнихъ явленіяхъ. Древніе брали жизнь *цѣликомъ*, спѣшили вполнѣ ею воспользоваться; наслажденіе было ихъ единственною цѣлью; далѣе здѣшней жизни ничто имъ не представлялось. И они умѣли употреблять ее по-своему; и это искусство употребленія жизни особенно выражается въ поэзіи и въ скульптурѣ: какая вѣрность, свѣжесть, полнота формъ, какое пластическое совершенство! И если что-нибудь меланхолическое проскакиваетъ въ этихъ плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, то это какъ-будто ненарокомъ; это тайна, невольно проговорившаяся; это колодникъ, заключенный въ темномъ подвалѣ подъ чертогомъ пиршественнымъ, на минуту вырвавшійся изъ затвора и пробѣжавшій передъ толпою пирующихъ, чтобы снова попасть въ руки тюремщиковъ и возвратиться въ свое темное заключеніе. Христіанство своимъ явленіемъ все преобразовало. И если великъ переворотъ, въ жизни общественной имъ произведенный, то переворотъ, произведенный во внутренней жизни, гораздо обширнѣе и глубже. Откровеніе разоблачило передъ человѣкомъ его высокую природу и возвеличило человѣческую душу, указавъ ей ея *паденіе* и вмѣстѣ съ нимъ ея права на утраченную божественность, возвращенныя ей *искупленіемъ*. Изъ внѣшняго міра матеріальной жизни, гдѣ все прельщаетъ и гибнетъ, оно обратило насъ во внутренній міръ души нашей; легкомысленное, ребяческое наслажденіе внѣшнимъ уступило мѣсто созерцанію внутреннему; за всякое заблужденіе надежды, ласкавшейся обрѣсти вѣрное существенное въ измѣняющемъ внѣшнемъ, нашлось вознагражденіе въ сокровищницѣ вѣры, которая все наше драгоцѣнное, все, существенно душѣ нашей принадлежащее, застраховала на уплату послѣ смерти въ иномъ мірѣ. Какое же мѣсто можетъ въ этомъ христіанскомъ мірѣ найти меланхолія, которая не иное что, какъ тоска посреди разрушенія и утратъ, ничѣмъ незамѣняемыхъ, тогда какъ въ христіанскомъ мірѣ, по-настоящему, нѣтъ утратъ! Гибнетъ только то, что не наше; все же, что составляетъ вѣрное достояніе и сокровище нашей души, упрочено ей на всю вѣчность. До христіанства душа, еще невоздвигнутая искупленіемъ, была преисполнена темнымъ чувствомъ паденія, таїною, часто неощутительною печалью (эта печаль относительно внѣшняго есть то, что я называю меланхоліею). Христіанство, побѣдивъ смерть и ничтожество, измѣнило и характеръ этой внутренней, врожденной печали. Изъ *унынія*, въ которое она повергала, и которое или приводило къ безнадежности, губящей всякую внутреннюю дѣятельность, или насильственно влекло душу въ заглушавшую ее матеріальность и въ шумъ внѣшней жизни, оно образовало эту животворную скорбь, о которой я говорилъ выше и которая есть для души источникъ самобытной и побѣдоносной дѣятельности.

Но отчего *выраженія* меланхоліи мы не находимъ въ поэзіи древней и отчего имъ такъ изобильна поэзія христіанская? Древніе по той же причинѣ не выражали меланхоліи въ идеальныхъ произведеніяхъ поэзіи и искусства, по которой они ее выгнали изъ своей дѣйствительной жизни. И мы видимъ, какъ всѣ эти произведенія чисты и далеки отъ всякой туманности, отъ всякой таинственности, придающей такую прелесть произведеніямъ поэтовъ и артистовъ неклассическихъ. Жизнь древнихъ отразилась передъ ними въ созданіяхъ искусства, во всей ея пластической опредѣленности. Ибо что иное искусство, какъ не слѣпокъ жизни и міра, сдѣланный такимъ точно, какимъ видитъ и понимаетъ его душа наша? Какъ же очутилось выраженіе меланхоліи въ поэзіи христіанской? Сперва надобно сдѣлать въ этомъ вопросѣ маленькую поправку; не въ поэзіи христіанской, а въ поэзіи *по распространеніи* христіанства. Великая разница. Поэтъ, наполненный духомъ Евангелія, поэтъ-христіанинъ не можетъ ни самъ предаваться той меланхоліи, о которой говорено выше, ни передавать ее поэзіи. Его вдохновеніе имѣетъ иной характеръ. Въ Дантѣ нѣтъ меланхоліи; въ Шекспирѣ ея нѣтъ; въ Вальтеръ-Скоттѣ ея не найдешь. Но между тѣмъ она одна изъ самыхъ звучныхъ струнъ романтической лиры (то-есть лиры, настроенной послѣ распространенія христіанства). Этотъ феноменъ изъяснить не трудно. Христіанство открыло намъ глубину нашей души, увлекло насъ въ духовное созерцаніе, соединило съ міромъ внѣшнимъ міръ таинственный, усилило въ насъ все душевное: это отразилось въ жизни дѣйствительной; страсти сдѣлались глубже, геройство сдѣлалось рыцарствомъ, любовь—самоотверженіемъ, все получило характеръ какой-то духовности. Это равномѣрно отразилось и въ поэзіи и тогда, какъ древній поэтъ схватываетъ живо, свѣжо и рѣзко окружающіе его матеріальные образы, и только поверхностно, но съ удивительною вѣрностью изображаетъ страсти, столь же поверхностныя, какъ и ихъ изображенія, поэтъ романтическій, менѣе заботясь о вѣрности своихъ очерковъ, менѣе заботясь о красотѣ пластической (въ изображеніи которой, впрочемъ, и не сравнился бы онъ съ древними, успѣвшими прежде его схватить всѣ главныя черты), углубляется въ выраженіе таинственнаго, внутренняго, преслѣдуетъ душу во всѣхъ ея движеніяхъ и высказываетъ подробно всѣ ея тайны. Теперь пускай поэтъ романтическій, введенный христіанствомъ во всѣ тайны души человѣческой, не будетъ въ собственной душѣ своей имѣть христіанскаго элемента, пусть будетъ онъ по своему вѣроисповѣданію *язычникъ* (а язычникъ-*романтикъ* гораздо болѣе язычникъ, нежели язычникъ-*классикъ*; сей послѣдній — язычникъ по незнанію, а тотъ язычникъ по *отрицанію*), пусть будетъ онъ христіанинъ только по эпохѣ, въ которую живетъ, а *невѣрующій* по своему образу мнѣнія и чувствованія—въ какую бездну меланхоліи должна погрузиться душа его, обогащенная всѣми сокровищами отрицаемаго имъ христіанства! Въ этомъ арсеналѣ—то-есть въ арсеналѣ меланхоліи—найдетъ онъ самыя сильныя свои оружія, древнимъ неизвѣстныя, и тѣмъ сильнѣйшія, что они будутъ въ противоположности съ окружающимъ его міромъ, и что онъ самъ отъ оппозиціи съ этимъ міромъ присоединитъ къ сильному меланхолическому чувству силу негодованія и презрѣнія. Примѣръ—Байронъ; конечно, обстоятельства жизни помогли освирѣпѣть его гордому генію, но главный источникъ его меланхолическаго негодованія есть скептицизмъ. Какъ поэтическая краска, меланхолія изъ всѣхъ поэтическихъ красокъ самая сильная; поэзія живетъ контрастами. Самые привлекательные характеры (то-есть поэтически привлекательные) въ поэзіи суть тѣ, которые наиболѣе возбуждаютъ чувство меланхолическое: сатана въ Мильтоновомъ Раю, Аббадона у Клопштока. Въ христіанскомъ мірѣ, гдѣ все ясно и прочно, картины меланхолическія никого не пугаютъ; мы наслаждаемся ими, какъ человѣкъ, сидящій на берегу, наслаждается зрѣлищемъ бури. И поэты романтическіе до излишества пользуются симъ дѣйствительнымъ способомъ производить поэтическое впечатлѣніе. Но ихъ меланхолическія жалобы, несовмѣстныя ни съ христіанскою скорбію, ни съ христіанскимъ покоемъ, изъ этой скорби истекающимъ, могутъ быть

трогательны и дѣйствительны только тогда, когда выражаютъ не вымышленное, а дѣйствительное страданіе души, томимой чувствомъ собственнаго ничтожества и невѣрности всего, что мило ей на свѣтѣ, тѣмъ болѣе рѣзкимъ, что они сами бѣжали съ отвергнутаго ими неба, или не имѣли силы войти въ его врата, отворенныя христіанствомъ, и плачутъ о немъ въ виду его свѣта, какъ Аббадона, или негодуютъ на него, какъ сатана, его оттолкнувшій. Самый меланхолическій образъ представляетъ намъ сатана. Онъ палъ произвольно; онъ все отвергъ по гордости; онъ все отрицаетъ, *зная навѣрное*, что отрицаемое имъ есть истина. Итакъ божественное ему вѣдомо, и оно было собственностію, и онъ, зная его, произвольно свое знаніе отрицаетъ... невѣріе съ яснымъ убѣжденіемъ, что предметъ его есть верховная истина и что эта истина есть верховное благо—что́ можетъ быть ужаснѣе такого состоянія души, и въ то же время что грустнѣе, когда представишь себѣ, что сей произвольный отрицатель былъ нѣкогда свѣтлый ангелъ?

Надобно кончить. Но я написалъ свое длинное разсужденіе (короче написать не умѣлъ) по поводу твоихъ *выраженій*, а собственно въ отвѣтъ *на твои слова* не сказалъ ничего. Слѣдуетъ на минуту и къ нимъ обратиться. „Конечно—говоришь ты—въ Гораціи есть уныніе, но это уныніе ведетъ къ тому, что надобно торопиться жить, пить и веселиться". И я то же говорю; и эта поспѣшная жадность хватать наслажденіе есть признакъ боязни, что оно быстро уйдетъ и навѣки.—„Христіанское уныніе ведетъ къ тому, что уныніе есть обязанность, душа жизни". Христіанскаго *унынія* нѣтъ, а есть христіанская *скорбь*; она не есть обязанность; она истекаетъ изъ самой природы падшаго и чувствующаго свое паденіе человѣка, и потому она можетъ назваться душою жизни; но она не парализируетъ, не разслабляетъ и не мрачитъ жизни, а животворитъ ее, даетъ ей сильную дѣятельность и стремитъ ее къ свѣту. Безъ вѣры сія скорбь могла бы привесть къ унынію и отчаянію; съ вѣрою она ведетъ къ свѣтлому миру и смиренію. *„Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!"* Эту молитву я слишкомъ знаю, но она есть крикъ не унынія, а скорби, и если этотъ крикъ вырывается изъ глубины сердца, то на него будетъ отвѣтъ несомнѣнный, ибо сердце знаетъ, къ *кому* вопіетъ; знаетъ, что этотъ имъ призываемый ему внемлетъ, что вѣра есть величайшій даръ его благодати и что онъ даетъ ее, когда произвольно и покорно протянешь руку для принятія его дара. Спаситель на горѣ скорбѣлъ, *какъ человѣкъ*, но Онъ не унывалъ, и въ эту минуту предпослѣдняго Его земного поприща выразился въ Немъ весь Имъ преобразованный человѣкъ, во всей силѣ своего земного страданія (*душа моя прискорбна до смерти; да пройдетъ чаша мимо*) и во всей божественности своего ведущаго къ небу смиренія (*не якоже Азъ хощу, но якоже Ты*). Страданіе и молитва на горѣ Елеонской есть верховное изображеніе жизни христіанина, которая вся выражается въ одномъ словѣ: смиреніе.—*„Религія древнихъ есть наслажденіе; ему строили алтари, и вся жизнь древнихъ была ему служеніемъ"*. Это совершенная правда; но это говорю и я.—*„Религія наша есть страданіе; оно первое и послѣднее слово на землѣ"*. Вѣрнѣе сказать: религія наша есть утѣшеніе; страданіе есть принадлежность жизни. Ни мы сами не найдемъ, ни постановленія гражданскія не создадутъ для насъ такого счастія земного, которое было бы безъ утратъ, и никто не выгонитъ изъ жизни испытующаго или губящаго ее несчастія, изъ насъ самихъ или изъ обстоятельствъ внѣшнихъ истекающаго. Одна религія—и религія христіанская (ибо другой быть не можетъ)—заговорила несчастіе, замѣнила высшими, прочными благами блага минутныя, и страданіе, столь противное безвѣрію, превратилось въ драгоцѣннѣйшее земное сокровище. Что передъ этимъ наслажденіе (то-есть наслажденіе, взятое какъ главная пружина жизни)? Чувственное раздраженіе души, повергающее ее, наконецъ, въ такое же состояніе, въ какое излишнее употребленіе опіума повергаетъ тѣло. И что должно таиться въ глубинѣ той жизни, которая этому идолу строитъ алтари и ему одному себя покоряетъ?—*„Съ Евангеліемъ должно было войти уныніе въ поэзію"*. Правда! то же говорю и я; но это уныніе, вошедшее вмѣстѣ съ Евангеліемъ въ поэзію, не *изъ* Евангелія *вышло*. Это объяснено выше.

Послѣдняя твоя фраза весьма замѣчательна, какъ остроумное злоупотребленіе слова: *„Не будь безсмертія души, не будетъ сомнѣнія и тоски; смерть тогда сонъ безъ пробужденія, и прекрасно! О чемъ тутъ тосковать? Все уныніе, вся тоска въ томъ, что, засыпая, не знаешь, гдѣ и какъ проснешься; тоска въ томъ, что на жизнь смотришь какъ на лоскутъ чего-то, какъ на программу, какъ на лотерейный билетъ, не зная что вынешь. Незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной, въ виду чего-то, въ виду живого чувства, была бы грустью; но въ виду безчувствія, ничтожества, она и сама ничто. Кажется, Сенека сказалъ: „Чего бояться смерти? При насъ ея нѣтъ, при ней насъ уже нѣтъ!" Вотъ вѣроисповѣданіе древняго міра. А у насъ напротивъ: смерть начало всего! Тутъ поневолѣ призадумаешься"*. Читая это, подумаешь, что оно написано не живымъ, а мертвымъ, *заснувшимъ тѣмъ непробуднымъ сномъ*, который такъ пріятенъ и роскошенъ, когда онъ *уже наступилъ* и когда началъ нѣжить усталые члены сибарита, имъ упелѣявшаго и вбирающаго въ себя всю сладость усыпленія, всю роскошь безчувствія и самозабвенія; подумаешь, что полупробужденный на минуту какимъ-нибудь гальваническимъ процессомъ этотъ мертвецъ высказалъ, безъ своего вѣдома, свою могильную тайну живущимъ, изъ которой слѣдуетъ, что сонъ ничтожности покоенъ. Хорошо для мертвыхъ, но какая польза отъ этой тайны живущимъ, пока они живы, пока они дѣйствуютъ, любятъ, замышляютъ великое, страдаютъ, терпятъ гоненіе и проч. и проч.? Хорошо же твое вѣроисповѣданіе древняго міра! Если оно подлинно таково, то что безнадежнѣе и мрачнѣе? Если оно подлинно таково, то *поневолѣ*, какъ говоришь ты, *призадумаешься*; поневолѣ примешься плясать, пить, веселиться и пѣть, чтобы какъ-нибудь докружиться до этого сна безпробуднаго, столь сладкаго, какъ мгновенное послѣднее событіе, и столь печальнаго, какъ цѣль цѣлой долговременной жизни. Чтобъ отвѣчать ясно на твою послѣднюю фразу, надобно просто ее переписать, съ нѣкоторыми только вставками. *Не будь безсмертія души, не будетъ и сомнѣнія*, а будетъ, напротивъ, полное убѣжденіе, что жизнь есть дѣло случая, преданная во власть слѣпой необходимости, безъ ободрительнаго будущаго, съ прошедшимъ, навѣки утраченнымъ, съ одною мечтательною минутою настоящаго, которую скорѣе надлежитъ заклеймить наслажденіемъ, чтобы хоть что-нибудь урвать (безъ надежды его сохранить) у мимолетящаго призрака жизни; *не будетъ и тоски*, то-есть не будетъ стремленія ни къ чему, обѣщаемому надеждою, упроченному вѣрою, ни къ чему еще не нашему, но вѣрному и замѣняющему съ лихвою наше здѣшнее невѣрное; *смерть тогда сонъ безъ пробужденія*, и это совсѣмъ *не прекрасно! И есть о чемъ тутъ толковать* тому, передъ кѣмъ мерещится вдали одинъ только этотъ сонъ, какъ итогъ, какъ послѣдній результатъ жизни; эта вся тоска особенно состоитъ *въ томъ что, засыпая, онъ не знаетъ, гдѣ и какъ проснется*; не знаетъ потому, что смотритъ на жизнь сквозь черное стекло скептицизма, а не при свѣтѣ истины Спасителя, который говоритъ: „Да не смущается сердце ваше! вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте; въ дому Отца Моего обители многи суть; иду уготовить мѣсто вамъ, да и вы тамъ будете, гдѣ Я буду". Вся тоска *въ томъ, что онъ смотритъ на жизнь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на программу, какъ на*

лотерейный билетъ, не зная что вынется; и смотрить такъ потому, что, заключивъ эту жизнь въ тѣсныхъ предѣлахъ здѣшняго праха, хочетъ ее разгадать своимъ умомъ, строющимъ свои доказательства изъ того же праха, по закону необходимости, признаваемой гордостію его за свободу, и не спрашивается съ вѣчнымъ откровеніемъ, которое на *все* дастъ отвѣтъ удовлетворительный, которое въ мнимомъ *лоскуткѣ* показало бы ему вѣчное цѣлое, истолковало бъ ему непонятую имъ *программу*, въ которой все содержаніе жизни съ ея начала до вѣчности подробно означено, и убѣдило бы его, что жизнь *не билетъ лотерейный*, вынимаемый Паркою изъ урны фатума, а вѣчный жребій, благодатно даруемый свободной душѣ любовію и правосудіемъ спасающаго Бога. Слѣдующихъ строкъ я не совсѣмъ понимаю, потому и прохожу ихъ мимо. А Сенека, по своему обыкновенію, съумпичалъ: мысль его въ переводѣ на здравый смыслъ можно выразить такъ: *пока мы живы, то еще не умерли; а когда умерли, то уже не живы.* Нужно было играть словами, чтобы сказать такую великую истину! Наконецъ, послѣднее: *а у насъ напротивъ: смерть начало всего! Тутъ поневолѣ призадумаешься.* Подумаешь, что, поставивъ эту смерть въ противоположность съ вѣроисповѣданіемъ древнихъ, ты хочешь тѣмъ сказать, что у нихъ всему начало жизнь. Правда, *у древнихъ все жизнь*, но жизнь, заключенная въ земныхъ предѣлахъ и далѣе ничего: съ нею всему конецъ! *У христіанъ все смерть*, т.-е. все земное, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ міра, ничтожно; и все, что душа—нетлѣнно, *все жизнь вѣчная.* И все это оттого, что у нихъ есть *одинъ*, Который *смертію смерть попра и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова.*

1846—1847

РАЗСУЖДЕНІЯ И РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I. Азъ есмь.

Азъ есмь Богъ твой. Благоугождай предо Мною и буди непороченъ (Быт. 17. 1). Вотъ что было сказано Господомъ вѣрному Аврааму. И дѣйствительно: кто передъ Богомъ, тотъ на пути къ совершенству. Мы не иначе можемъ отклониться отъ святого пути, какъ потерявъ Бога изъ виду, какъ переставъ видѣть Его одного во всемъ. Откуда иду я, когда не вижу Тебя, Свѣтъ единственный, Предметъ единый, къ которому должны быть направлены всѣ шаги мои!.. О взоръ, полный любви и довѣренности, путеводящій ко благу верховному человѣка! О Боже, Тебя одного желаю видѣть во всемъ, на что устремляются мои очи, что въ домѣ Твоего Провидѣнія представляется моему вниманію. Сердце мое бодрствуетъ для Тебя посреди заботъ и должностей и мыслей, меня занимающихъ, поелику въ нихъ я вижу Твою волю. Такъ, все вниманіе мое должно сосредоточиваться въ Тебѣ. Что иное могло бы привлекать меня во всемъ этомъ множествѣ, меня окружающемъ, когда бы не Ты возбуждалъ меня къ дѣламъ, когда бы не Тебя повсюду я находилъ и видѣлъ?

Итакъ, *да останутся очи мои возведенными въ горы*, откуда придетъ *помощь* моя и сила. Напрасно буду смотрѣть себѣ подъ ноги, дабы не споткнуться и избѣжать угрожающихъ мнѣ со всѣхъ сторонъ напастей. Опасность подъ ногами моими, но спасеніе мое свыше. Туда обращаю взоръ мой, чтобы видѣть тебя, моего Спасителя! Все безъ Тебя опасная сѣть. Къ одному Тебѣ да устремляются очи мои и сердце. Хочу видѣть одного Тебя, на Тебя одного полагаю надежду. Враги осаждають меня непрестанно. Собственная слабость меня устрашаетъ. Но Твое всемогущество поддержитъ мое безсиліе.

Января 16—28, 1846.

II. О внутренней христіанской жизни.

Случайно попалась мнѣ въ руки маленькая книжка: Das verborgene Leben mit Christo in Gott (о тайной жизни съ Христомъ въ Богѣ), извлеченная изъ сочиненій Берньера Лювиньи. Я прочиталъ ее съ великимъ наслажденіемъ и бросилъ на бумагу нѣсколько мыслей, возбужденныхъ ея содержаніемъ. Сообщая читателю эти мысли въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ мнѣ при чтеніи приходили въ голову, нахожу нужнымъ сказать прежде нѣсколько словъ о самомъ Лювиньи. Слѣдующее есть краткая выписка изъ предисловія къ упомянутой книжкѣ.

„Жанъ Берньеръ Лювиньи, французскій дворянинъ древней нормандской фамиліи, жилъ въ XVII столѣтіи. Знаменитость его рода, его добрыя свойства, его пріятность въ обращеніи съ людьми, его умъ открыли ему весьма рано дорогу къ почестямъ и къ уваженію общества. Но въ самое то время, когда онъ быстро преслѣдовалъ славу земную, былъ онъ настигнутъ на дорогѣ своей Богомъ: просвѣщенный благодатію, онъ отвратился отъ ненадежнаго земного счастья, и предалъ себя нераздѣлимо въ руки своего Создателя. Онъ слѣдовалъ постоянно и безъ оглядки сему призванію свыше, и до своего 57-лѣтняго возраста велъ удаленную отъ міра святую жизнь. Его сочиненія (изданныя послѣ его смерти) свидѣтельствуютъ о его внутренней жизни предъ Богомъ, о свѣтѣ и опытности его на дорогѣ внутренняго христіанства. Онъ самъ описалъ свою жизнь; но это сочиненіе не было напечатано. О внѣшнихъ его дѣйствіяхъ извѣстно только то, что онъ щедро дѣлился свѣтскимъ добромъ своимъ съ неимущими свѣтскими братьями и что во всякое время готовъ былъ подавать имъ помощь матеріальную и духовную. Богъ избралъ его орудіемъ для привлеченія многихъ на стезю внутренней жизни. Но вообще онъ любилъ уединеніе, чуждался общества людей, особливо людей, отчуждавшихъ себя отъ Бога, и посѣщалъ ихъ только по одной необходимости. Объ немъ говорили, что онъ никогда не выходилъ изъ кабинета души своей, даже и въ обращеніи съ людьми, съ которыми нерѣдко долженъ былъ принимать участіе въ дѣлахъ, требовавшихъ напряженія всѣхъ умственныхъ его способностей.

Ученый епископъ Гюэ, жившій въ Каэнѣ по сосѣдству съ нашимъ авторомъ, говоритъ о немъ слѣдующее. Сложивъ съ себя званіе королевскаго собирателя доходовъ, онъ выбралъ для житья своего въ городѣ самое уединенное, самое далекое отъ шума человѣческаго мѣсто; тамъ онъ имѣлъ сообщеніе съ весьма немногими сходными съ нимъ въ образѣ мыслей друзьями. Онъ вполнѣ посвятилъ себя служенію Богу: благотворилъ бѣднымъ и старался всѣми средствами приносить человѣчеству пользу. Трудно опредѣлить, до какой обширности онъ распространилъ на землѣ царство Божіе примѣромъ добрыхъ дѣлъ и постоянствомъ богоугодной своей жизни. Я былъ его близкимъ сосѣдомъ, видѣлъ своими глазами всѣ его дѣйствія, и меня воспламенило сильное желаніе подражать ему. Но пылкость молодости, обольщенія свѣта и суетное честолюбіе воспрепятствовали мнѣ покориться Богу, столь благостно меня призывавшему“.

Многіе изъ ученыхъ современниковъ Лювиньи свидѣтельствовали о немъ и о сочиненіяхъ его съ великою похвалою. Аббатъ Бодронъ называлъ его великимъ, на пути внутренней жизни просвѣщеннымъ служителемъ Божіимъ.

Онъ умеръ 3 мая 1659 года, на 57 году жизни. Смерть его была блаженная, сладостная смерть праведника, спокойный исходъ души изъ тѣла для соединенія своего въ жизни возвышеннѣйшей съ Богомъ. Это случилось, когда онъ совершалъ свою вечернюю молитву. Онъ не былъ боленъ прежде, не имѣлъ никакого болѣзненнаго ощущенія и въ ту минуту, когда началъ свою молитву. Его камердинеръ, видя, что онъ долѣе обыкновеннаго не зоветъ его къ себѣ, вошелъ

къ нему самъ и сказалъ: „Пора ложиться въ постелю, вашъ часъ давно прошелъ“; но добродушный Любиньи съ своею всегдашнею ласковостью попросилъ его подождать еще нѣсколько времени. Камердинеръ вышелъ. Спустя четверть часа онъ возвращается и видитъ, что господинъ его стоитъ на колѣняхъ и молится; хочетъ начать съ нимъ говорить, но скоро узнаетъ, что душа его отошла. Такъ онъ въ одну блаженную минуту пересталъ умирать и началъ жить; тѣлесныя узы, которыя могли бы еще долго препятствовать ему перейти къ Отцу Небесному, были тихо разрѣшены въ сладостномъ объятіи Божіемъ, и плодъ, созрѣвшій для вѣчности, безъ потрясенія палъ въ отворенную для принятія его руку Божію.

Но святость жизни не спасла его отъ сатанинскаго гоненія враговъ Христовой церкви: онъ много претерпѣлъ посрамленія, презрѣнія и хулы.

Его сочиненія были собраны послѣ его смерти, большею частію изъ его писемъ. Главное содержаніе ихъ есть внутреннее и внѣшнее согласованіе жизни нашей съ Іисусомъ Христомъ, особенно въ любви къ бѣдности, къ презрѣнію и къ страданію—согласованіе, производимое посредствомъ тѣснаго съ нимъ соединенія постоянною духовною молитвою, младенческимъ поведеніемъ въ присутствіи Бога. Онъ писалъ отъ сердца, и слово его проникаетъ прямо въ сердце. Книги его были такъ любимы и такъ жадно читаемы въ то время всѣми, что одна изъ нихъ имѣла 12 изданій въ одинъ годъ и ея раскуплено было болѣе 80.000 экземпляровъ. Другое его сочиненіе имѣло до двадцати изданій. Можно надѣяться, что и въ наше время найдутся сердца, доступныя такому чтенію; тѣ же, для которыхъ оно не будетъ привлекательно, не должны по крайней мѣрѣ возбранять другимъ любить его и не должны порочить того, что́ имъ самимъ недоступно.

Блаженна душа, способная глубоко чувствовать, слѣдовательно, способная любить и жертвовать своимъ любимымъ предмету любви верховной, способная предаваться ему и быть имъ преисполнена. Блаженна душа, способная глубоко мыслить, слѣдовательно, постигать величіе Создателя и ничтожность созданія, и въ семъ постиженіи почерпать смиреніе. Итогъ сихъ двухъ верховныхъ блаженствъ мысли и чувства есть уничтоженіе своей воли предъ волею Божіею. Но что́, если душа лишена и того и другого блаженства, и если въ то же время она, вполнѣ ощущая свою нищету, *знаетъ* однако, въ чемъ состоитъ верховное благо, и, зная это, равномѣрно знаетъ, что это благо ей недоступно—что́ тогда? Тогда остается ей одно: принять, какъ крестъ, изъ рукъ Господнихъ сію ничтожность, сію *внутреннюю*, изъ нея самой истекающую бѣдность, съ такимъ же смиреніемъ, съ какимъ бы она приняла всякое *внѣшнее*, изъ воли Божіей непосредственно истекающее бѣдствіе, быть вѣрною смиренію и любви—безъ всякаго ощущенія ихъ блаженства, или даже вопреки сему врожденному неощущенію. Одного душа не позволяй себѣ: ропота и отрицанія. Это бѣдствіе не отъ Бога. Все прочее есть Имъ даруемый крестъ. Вѣнецъ терновый все вѣнецъ, то-есть цѣна и знакъ побѣды.

Умѣть во всякое время во всѣхъ обстоятельствахъ жизни произносить смиренно: *да будетъ Твоя воля*, есть верховная наука жизни. Блаженъ, кто научился произносить это слово съ глубоко чувствуемымъ убѣжденіемъ, что Тотъ, къ Кому онъ его обращаетъ, соприсутственъ близко, слышитъ и отвѣтствуетъ. Но и для того, кто не имѣетъ благодати такого чувства, великое утѣшеніе, по крайней мѣрѣ великая душевная опора, заключается въ самомъ смыслѣ этого слова. Никому не дано постигнуть цѣли нашихъ земныхъ страданій; но каждый можетъ постигнуть, что они отъ Бога, Который всемогущъ, слѣдственно, источникъ одного только блага. Наше дѣло состоитъ только въ знаніи, что все—Его воля и есть благо. Понимать ее мы не можемъ и не должны заботиться о невозможномъ. Принимать ее безъ толкованія и ропота, съ смиреніемъ и обожаніемъ, вотъ наше *единое на потребу*. Въ чемъ же бы состояла и потребность, если бы мы могли дать себѣ отчетъ въ тѣхъ причинахъ, которыя опредѣляютъ ее, и если бы могли постигнуть ясно судьбы неисповѣдимыя? Мы должны покоряться Богу потому, что онъ Богъ; а какъ покоряться Ему, тому научилъ насъ Онъ самъ примѣромъ Христа, спасительнымъ Его страданіемъ и смиреніемъ.

Мы оттого впадаемъ въ сомнѣнія и въ невѣріе, что хотимъ обнять все и постигнуть *всеобщій порядокъ*. Тотъ, кому дано наукою разсмотрѣть частицу этого порядка, болѣе другихъ подверженъ опасности впасть въ безвѣріе, ибо онъ свою частицу принимаетъ за цѣлое и ею это цѣлое измѣряетъ. Ему труднѣе другихъ сказать: *да будетъ Твоя воля*.

Одно вѣрно: Богъ существуетъ, все сотворилъ и всѣмъ управляетъ; все, что отъ Него происходитъ, есть благо, слѣдственно, и все, происходящее съ нами, происходя отъ Бога, должно быть благо, и благо не потому, что мы такимъ его признаемъ, а потому, что оно отъ Бога. Слѣдственно—покорность безъ разбора, умствованія и ропота.

Богъ не можетъ посылать человѣку страданій только для того, чтобъ душа его страдала. Но сколько, однако, такихъ страданій, которыхъ цѣли мы понимать не можемъ! На что въ такомъ случаѣ опереться? На мысль о Богѣ. Страданіе отъ него, слѣдовательно, даръ Божій, слѣдовательно—благо. *Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте.*

Искупленіе даровало намъ возможность постигнуть Бога человѣческимъ образомъ и снова вступить съ нимъ въ союзъ первобытный. Безъ вѣры во Христа невозможна живая вѣра въ Бога. И философическая и всѣ идолопоклонническія религіи доказываютъ только одно: *необходимость воплощенія*. Философическая религія доказываетъ необходимость невозможностію полнаго убѣжденія умственнаго, а религіи идолопоклонническія доказываютъ ее необходимостію образа человѣческаго божеству, дабы оно было постигаемо нами какъ присутствующее, намъ содѣйствующее, насъ любящее и требующее любви нашей.

Достоинство человѣка единственно въ его смиреніи предъ Богомъ и въ его стремленіи къ Богу. Такое достоинство можетъ имѣть только христіанинъ, понеже онъ одинъ имѣетъ вѣру въ откровеннаго Бога. Вѣры въ Бога, созданнаго нашимъ умомъ, мы имѣть не можемъ: эта вѣра не имѣетъ основанія. Тамъ нѣтъ вѣры, гдѣ ей должно предшествовать убѣжденіе, основанное на очевидности. Откровеніе объясняетъ намъ и природу человѣка и отношеніе человѣка къ Богу. Природа человѣка — свободный божественный духъ, облеченный въ тѣло, которымъ онъ можетъ властвовать и быть обладаемъ. Вслѣдствіе сей свободы паденіе, вслѣдствіе паденія искупленіе, вслѣдствіе искупленія возможность святости и спасеніе вѣчное.

Наше верховное благо состоитъ въ признаніи *воли Божіей* и въ то же время въ признаніи ея *неисповѣдимости*. Что́ бы мы были безъ этого верховнаго блага, посреди безчисленнаго множества бѣдствій житейскихъ, тѣмъ болѣе ощутительныхъ, чѣмъ способнѣе душа любить и мыслить? Или, *не постигая* нашихъ бѣдствій, мы бы приписывали ихъ слѣпой силѣ, владычествующей всѣмъ созданіемъ и нашею судьбою. Въ такомъ случаѣ наше терпѣніе было бы не иное что, какъ механическая безнадежность въ присутствіи неизбѣжнаго, необходимаго бѣдствія, надменная сила стоиковъ, или безпечная чувственность эпикурейцевъ, или просто тупоуміе и безжизненная одервенѣлость толпы, рабски согбенной подъ рукою желѣзнаго *фатума*: въ такомъ случаѣ самымъ высокимъ, самымъ естественнымъ актомъ жизни было бы самоубійство. Или мы бы *старались постигнуть* наши страданія и извлекать изъ этого яснаго понятія о ихъ необходимости, справедливости и всегда добрыхъ ихъ слѣдствіяхъ наше понятіе о Божіемъ Промыслѣ. Такое

напрасное усиліе ума нашего произвело бы дѣйствіе совсѣмъ противное: оно бы уничтожило нашу довѣренность къ Промыслу. Наши страданія рѣдко бываютъ для насъ понятны и въ причинахъ своихъ, и въ цѣли своей, и въ своихъ послѣдствіяхъ.

И не на этомъ понятіи непонятнаго должны мы основывать свою довѣренность къ Промыслу Божію. Не потому мы должны признавать его благимъ, что понимаемъ ясно его благость въ ея на насъ дѣйствіяхъ. Мы должны ему покорствовать потому, что Онъ Богъ, и слѣдственно благъ, какъ въ ощутительномъ, ясномъ для насъ добрѣ, которое мы сами называемъ *добромъ*, такъ и въ неощутительномъ непонятномъ для насъ добрѣ, которое мы ошибочно называемъ *зломъ*. Въ такой безпрекословной покорности нѣтъ колебанія; вездѣ и всегда она для насъ одинакова; она не есть плата Богу по таксѣ, не есть обмѣнъ нашего смиренія на его милость; она есть смиренная, любящая, покоряющая умъ и волю вѣра; вѣра, что Онъ существуетъ и что мы въ рукѣ Его. Несказанная, чудно крѣпящая и успокаивающая душу сила заключается въ этой безусловной преданности въ вышнюю волю, въ которой, не стараясь ее постигать, мы видимъ верховную благость, верховную мудрость, верховное могущество. Это не стоицизмъ, хвастливо опирающійся на *свою независимую силу* и на гордое презрѣніе судьбы—безотрадный обманъ нашего самолюбія; это не преданіе себя во власть необходимости, мертваго, механическаго предопредѣленія, уничтожающее всякую нравственность, всякое достоинство человѣческое: это—верховная свобода, верховное величіе. Мы становимся содѣйствователями самого Бога, мы говоримъ съ Августиномъ: *Богъ всегда исполняетъ мою волю, ибо моя воля есть всегда Его воля.*

„Кто имѣетъ Бога, тотъ легко теряетъ все ему милое и даже радуется его утратѣ", говоритъ Лювиньи. Это не есть равнодушіе. Выводить изъ любви исключительной къ Богу равнодушіе къ земному милому было бы ложною мыслію. Мы не можемъ любить Бога тою любовію, какою мы любимъ сокровище земное. Мы можемъ Его любить какъ сокровище верховное, какъ такое сокровище, которое составляетъ, такъ-сказать, прямое достоинство всего, что есть прекраснаго, желаннаго и достойнаго любви въ нашей жизни. Земное счастіе можетъ быть прекрасно и драгоцѣнно только Богомъ, его дающимъ; земное страданіе теряетъ свою мрачность потому, что являетъ намъ Бога вблизи, какъ Помощника, кладущаго руку свою на нашу руку. Итакъ, изъ того, что земныя блага имѣютъ для насъ свое достоинство только Богомъ, слѣдуетъ, что сіи блага должны быть достойны Бога. Блага Его недостойныя или предъ Нимъ исчезаютъ, или Его для насъ заставляютъ исчезнуть. Отъ этого всякій предметъ нашей любви становится Его достойнымъ, когда эта любовь освящена любовью къ Нему: а любовь къ Нему не уничтожаетъ въ насъ нашей земной, достойной Его любви, но только даетъ ей надлежащую прочность, сдѣлавшись ея основаніемъ и опорою. Такимъ образомъ и предметы нашей любви, опираясь на нашу любовь къ Богу, становятся неподверженными утратѣ: они или въ Немъ для насъ утрачиваются, или Онъ становится ихъ замѣною, и тогда мы, теряя ихъ, только мѣняемъ худшее на лучшее. Тратя здоровье, богатство, почести, мы выигрываемъ терпѣніе; тратя своихъ милыхъ, мы только ихъ передаемъ лучшему; за нихъ мы радуемся, за себя плачемъ, но плачемъ на груди Отца Небеснаго, который, облекая лицо ихъ гробовымъ покровомъ, тѣмъ самымъ разоблачаетъ для насъ отеческое лицо свое. Въ этомъ нѣтъ равнодушія къ тому, что́ намъ мило, и любовь къ Богу не только не требуетъ такого равнодушія; она производитъ противное. Любовь къ Богу не потому благодѣтельна, что она мѣшаетъ намъ плакать о нашихъ милыхъ, а потому, что заставляетъ насъ смотрѣть на нашу скорбь съ высшей точки зрѣнія, потому что крики скорби превращаетъ въ молитву именующую и изъясняющую Бога.

Будь чистъ сердцемъ, и будетъ въ тебѣ присутствіе Бога (блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ); но человѣку не дано быть непрестанно въ присутствіи Божіемъ — душа не снесла бы такого состоянія. Какъ для жизни вообще нужно поддерживать тѣло (матеріальную оболочку души) пищею, сномъ, движеніемъ и проч. (дѣйствіе чисто-матеріальное), такъ для жизни духовной, для жизни въ Богѣ нужно поддерживать жизнь душевную ея дѣятельностію посреди окружающаго ее созданія. Душа образуется сею дѣятельностью, устремленною на матеріальное, пріобрѣтаетъ черезъ то болѣе способности для дѣятельности духовной; тогда имѣетъ она минуты уединенныя съ Богомъ, минуты, проводимыя не въ мірѣ внѣшнемъ съ созданіями, а въ своемъ внутреннемъ святилищѣ съ Богомъ-Создателемъ. Когда душа вступаетъ въ это святилище, тогда оно отовсюду затворяется, и въ него она вноситъ одно чистѣйшее изъ внѣшняго міра: или чистую радость ощущаемаго ею присутствія Божія, или чистую сладость праведности, или чистую скорбь покаянія. Тамъ приноситъ она въ жертву все житейское, ощущаетъ всеуничтожающую прелесть божественнаго, имъ освѣщаетъ все земное, и оттуда возвращается она съ новымъ свѣтомъ во мракѣ земного на указанное ей мѣсто житейской дѣятельности, которая тогда успѣшнѣе совершается въ этомъ жизнедательномъ свѣтѣ и посреди которой не только не забываются уединенныя бесѣды въ святилищѣ, но усиливается стремленіе въ него возвратиться для утвержденія *воли* въ добрѣ, для успокоенія *сердца* въ страданіи, для рѣшенія мучащихъ *умъ* сомнѣній, для запасенія себя новыми силами за борьбу съ житейскимъ, посреди котораго въ свою очередь собирается потомъ новый запасъ силъ для возобновленія бесѣды съ Богомъ.

Что́ такое присутствіе Божіе? Что́ такое соединеніе души съ Богомъ? На эти вопросы почти такъ же трудно отвѣчать, какъ на вопросъ: что́ такое Богъ? Это не есть *мысль* — всякая мысль выражается словомъ внутри души и получаетъ опредѣленный духовный образъ: какъ же втѣснить въ границы сло́ва Бога и его присутствіе? Это не есть *чувство*—въ самомъ нѣжномъ чувствѣ есть нѣчто матеріальное, то-есть нѣчто непосредственно привязывающееся къ какому-нибудь ощутительному предмету, или изъ него истекающее. Что́ же оно такое, если не мысль и не чувство? Я бы сказалъ: уничтоженіе того и другого, чистое ощущеніе своего духовнаго бытія, внѣ всякой ограничивающей его мысли, безъ всякаго особеннаго его стѣсняющаго чувства, а просто душа въ полнотѣ своего бытія, слѣдственно душа въ Богѣ, ибо Онъ есть верховное бытіе, а душа непосредственно изъ Него истекаетъ. Такое бытіе есть синонимъ смерти, истребляющей въ бытіи все недуховное. Мы можемъ имѣть только мгновенія такого бытія, несовмѣстнаго съ земною жизнію; но сіи мгновенія суть мгновенія вѣчныя, охватывающія временное и ему дарующія неизмѣняемую божественность, истребляя въ немъ мало-помалу все измѣняющееся, житейское. Сіе состояніе, въ которомъ душа чувствуетъ свое чистое бытіе или себя въ присутствіи Бога, можетъ быть постояннымъ для тѣхъ, въ которыхъ совершилось полное преобразованіе. Но и для нихъ безмятежное, постоянное пребываніе въ Богѣ не исключаетъ разнообразной дѣятельности въ мірѣ; оно, такъ-сказать, ее объемлетъ, ее проникаетъ, какъ воздухъ, окружающій все созданіе. Оно возможно только христіанину. Что́ такое искупленіе? Возвращеніе человѣку утраченнаго имъ присутствія Божія. Въ сіе присутствіе онъ можетъ быть введенъ только Христомъ. Богъ сошелъ во Христѣ къ человѣку, человѣкъ только Христомъ можетъ возвыситься къ Богу. *Азъ есмь путь.*

Состояніе души въ присутствіи Бога и ея съ нимъ соединеніе есть сладчайшее чувство нашего частнаго бытія, погруженнаго въ божественное, безъ всякой примѣси чувственнаго, безъ всякаго воспоминанія о

земномъ обладаніи, чувство внутренняго полнаго покоя, съ сладостнымъ, произвольнымъ смиреніемъ, съ радостною преданностію, съ глубокимъ ощущеніемъ своей безопасности, своей дѣтской зависимости отъ благостнаго всемогущества. Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего ни внѣшняго, предметнаго (objectif), ибо его предметъ не извнѣ на насъ дѣйствуетъ, ни личнаго (subjectif), ибо мы сами для себя въ немъ исчезаемъ; въ немъ соединяется и то и другое, въ какой-то необъяснимой для насъ неопредѣленности, въ какой-то неограниченной полнотѣ, ясное, но вмѣстѣ и непостижимое и невыразимое. Кто испыталъ подобное, тому, конечно, все иное становится безвкуснымъ и нежеланнымъ, но оно не для всѣхъ; души, избранныя и очищенныя, могутъ *пребывать* въ этомъ неизглаголанномъ состояніи, но вообще оно есть минутное *преображеніе* нашей души, напоминающее о томъ преображеніи Спасителя, которое совершилось мгновенно на вершинѣ Ѳавора для избранныхъ апостоловъ и разліяло свѣтъ свой на всю ихъ жизнь, проводимую у подошвы горы посреди заботъ житейскихъ. Иди за Спасителемъ на вершину горы Ѳавора, озарись свѣтомъ Его преображенія, но на ней ты остаться не можешь.

Обращеніе, соединеніе съ Богомъ внутри души. само по себѣ есть чувствованіе себя въ присутствіи божества: сила, глубокость и вліяніе на насъ такого чувствованія зависятъ отъ большей или меньшей ясности для насъ присутствія Божія, отъ большей или меньшей ясности нашего понятія о самомъ Богѣ (не философическомъ, умственномъ, изъ нашей идеи извлеченномъ Богѣ, а о Богѣ откровенномъ, чрезъ Христа Спасителя вошедшемъ въ нашу жизнь). Неизглаголанно состояніе души, въ глубинѣ которой присутствіе невидимаго Бога такъ же ощутительно, какъ присутствіе всякаго другого видимаго предмета; но на такую высоту душа подымается не вдругъ, а на крыльяхъ, даруемыхъ благодатію и обученныхъ опытомъ держать ее на высотѣ. Инымъ избраннымъ душамъ даны рано могучія крылья: на нихъ онѣ могутъ возлетать высоко (но и съ высоты падать); онѣ по *природѣ* своей блаженствуютъ въ сей божественной высотѣ. Другія, менѣе одаренныя души, по природѣ своей безъ крыльевъ (но съ способностію пріобрѣсть ихъ, хотя часто обстоятельства замедляютъ развитіе сей способности и даже ему противодѣйствуютъ), онѣ медленно тянутся вверхъ, и тамъ, гдѣ другія избранныя постигаютъ блаженство *обожанія и созерцанія*, гдѣ другія вѣруютъ и любятъ, обрѣтая въ себѣ и во всемъ любимаго ими Бога, онѣ только *знаютъ* его, какъ рѣшенную для нихъ проблему, *не отрицаютъ*, *а смиренно покорствуютъ*: въ нихъ еще нѣтъ ни надежды, ни любви, ни даже вѣры: въ нихъ одно только *произвольное неотрицаніе*, и вслѣдствіе его *безропотная покорность*. Все ихъ земное сокровище состоитъ въ словѣ: *есть Богъ, знаю и покоряюсь*. И одинъ только Богъ своею благодатію можетъ имъ помочь не пасть подъ бременемъ сей произвольной, смиренной, безотрадной покорности, можетъ прикрѣпить къ ихъ бѣднымъ плечамъ могучія крылья своей благодати.

Не всѣмъ дано быть тѣмъ, что́ былъ Лювиньи. Отчего сіе различіе даровъ? Почему однимъ дано, у другихъ отнято? Мы не знаемъ, и въ томъ (какъ и во всемъ) не должны требовать отчета отъ Дающаго, ибо и самое отнятіе, происходящее отъ Его воли, есть даръ. Нашъ главный долгъ и въ то же время, наше главное благо: *покорность*. И всякому изъ насъ открыта къ Нему дорога; но почему одна изъ сихъ дорогъ идетъ черезъ пышный лугъ, полный цвѣтовъ, а другая черезъ мерзлую тундру, это знаетъ Онъ—наше дѣло знать, что у насъ подъ ногами дорога и что она ведетъ къ Нему. Съ моей тундры я могу видѣть тотъ прекрасный лугъ, по которому идетъ Лювиньи, могу даже пользоваться цвѣтами, которые онъ ко мнѣ перебрасываетъ, но не властенъ изъ тундры моей создать его лугъ, и даже не долженъ желать перейти на сей лугъ съ указаннаго мнѣ мѣста; я долженъ покорно итти и знать, что всѣ дороги, наконецъ, сольются у входа въ одно общее пристанище, равно для всѣхъ, совершившихъ путь свой, блаженное. Будемъ же пользоваться цвѣтами луга твоего, избранный Богомъ Лювиньи, не завидуя твоему избранію, благоговѣя передъ твоимъ величіемъ, смиренно признавая твое достоинство. Не испытавъ никогда вполнѣ того блаженства, которое такъ часто ощущаешь ты въ собесѣдованіи твоей освященной души съ Богомъ, и такъ понятно выражаешь твоимъ младенческимъ языкомъ, я бы желалъ изъяснить словомъ то, что было тебѣ такъ ясно безъ словъ, именно: *что такое присутствіе Божіе, и что такое соединеніе наше съ Богомъ?* Мы не можемъ бесѣдовать съ Богомъ, какъ мы бесѣдуемъ съ нашими друзьями. Чѣмъ мы уединеннѣе, чѣмъ отдѣльнѣе отъ всего внѣшняго, тѣмъ мы къ Нему ближе, тѣмъ мы, такъ-сказать, внутреннѣе съ Нимъ, тѣмъ опустошеннѣе душа отъ всего житейскаго—но что́ же тогда въ ней? Здѣсь постигаемъ все благо и всю истину христіанства. Въ ней Богъ, самъ по себѣ невообразимый, недоступный; но въ ней и Христосъ Спаситель, въ Которомъ все *земное*, прекрасное, драгоцѣнное, чистое слилось и божественно преобразилось, дабы недоступный, непостижимый, неизглаголанный *Богъ вселенныя* сдѣлался сокровищемъ, собственностію, яснымъ предметомъ любви и собесѣдникомъ всякой души человѣческой отдѣльно. Сіе присутствіе Бога и чувство, наполняющее душу въ семъ присутствіи, можно сравнить съ состояніемъ больного, близъ задернутой постели котораго сидитъ его другъ (въ то же время и его лѣкарь); страдалецъ знаетъ объ этомъ, и это знаніе служитъ ему отрадою въ болѣзни, которой опредѣленному ходу онъ беззаботно тогда предается. Душа наша не снесла бы невмѣстимаго въ нее Бога: ей не дано ни понимать Его мыслію, ни познавать Его очевидностію, ни выражать Его словомъ—между Имъ и ею бездна ея паденія. Но въ Христѣ Богъ всемірный приближается къ человѣку братомъ, отцомъ, искупителемъ, наставникомъ, образцомъ, и всѣ сіи имена, не уничтожая Его неизглаголаннаго, всемірнаго величія, дѣлаютъ Его человѣчески приблизимымъ, и душа, приближаясь къ Нему, Его видитъ, слышитъ, чувствуетъ, объемлетъ и любитъ. Безъ посредника мысль божества была бы невыносима для души нашей, и по своей необъятности и по нашему паденію. Доказательствомъ служитъ сему то, что человѣкъ, непросвѣщенный откровеніемъ, или создаетъ для себя идола, или впадаетъ въ метафизическое безвѣріе. Тамъ онъ дѣлаетъ себѣ Бога матеріально доступнымъ; здѣсь онъ Его уничтожаетъ, превращая Его въ отвлеченное понятіе, никакой самобытности не имѣющее: въ обоихъ случаяхъ онъ безсиленъ снести истиннаго Бога безъ откровенія.

Могли ли бы мы, (то-есть мы, люди, съ нашею человѣческою природою) любить Бога, если бы мы были совершенно одиноки и вокругъ насъ ничто бы не существовало. Мы любимъ Бога въ нашей любви къ созданіямъ Божіимъ, въ любви къ добру, въ любви къ природѣ, въ любви ко всему, что́ Его достойно, и въ ненависти ко всему, что́ съ Нимъ въ противорѣчіи. Сія любовь, обращающаяся на созданіе, есть, такъ-сказать, видимый образъ нашей любви къ Создателю. Безъ первой послѣдняя здѣсь существовать не можетъ, какъ не можетъ человѣкъ существовать безъ соединенія тѣла съ душою. Но какъ тѣло должно быть подчинено душѣ, такъ любовь къ созданію должна быть подчинена любви къ Создателю. Какъ изъ бреннаго союза тѣла и души на землѣ (если душа удерживаетъ надъ тѣломъ духовную власть свою) истекаетъ впослѣдствіи одна чистая, высшая жизнь духа въ царствіи Божіемъ, такъ изъ сей любви къ созданію, подчиненной любви къ Создателю, истекаетъ наконецъ чистая любовь къ Богу—сія святость души, которой еще и въ здѣшней жизни нѣкоторымъ избраннымъ бываетъ дано достигнуть.

„Какое мнѣ дѣло до созданія, когда Создатель со мною и я съ Нимъ“, говоритъ Лювиньи. Въ этой мысли, сколь

ни высоко ея значеніе, есть нѣчто преувеличенное, слѣдовательно, ложное: мы на землѣ въ кругу созданій Божіихъ, на томъ мѣстѣ, которое Имъ Самимъ намъ указано—слѣдовательно, наше земное дѣло опредѣлено Имъ Самимъ; къ такому назначенію мы не можемъ и не должны быть равнодушны, ибо въ томъ и состоитъ наша любовь къ Создателю, что мы въ указанномъ отъ Него намъ дѣлѣ видимъ и любимъ Его волю, постоянно, заботливо ее исполняемъ, и такимъ образомъ въ границахъ созданія созрѣваемъ для Создателя; и эти границы (изъ которыхъ, пока длится земная жизнь, мы выходить не должны) стѣсняютъ только для того нашу душу, чтобы, такъ-сказать, питать и увеличивать эластическую силу ея стремленія высшаго. Итакъ, созданіе, насъ окружающее, намъ нужно; только посреди созданія могу быть съ Создателемъ, и Онъ со мною.

Кто скорбитъ объ отсутствіи друга, говоритъ Лювиньи, *тотъ еще не узналъ вполнѣ, еще не достигъ до того свѣта, что другъ великій всегда съ нами.* Исключаетъ ли такая скорбь ощущеніе величія и присутствія Божія? Напротивъ, оно его усиливаетъ и углубляетъ въ душу. Не уничтоженіе привязанности къ созданіямъ производитъ въ насъ полную любовь къ Богу, но ея освященіе мыслію о Его присутствіи и слѣдственно любовію къ присутствующему. Совершенное уничтоженіе такого рода привязанности столь же не нужно и безполезно, какъ уничтоженіе нашихъ тѣлесныхъ чувствъ, соединяющихъ насъ съ внѣшнею природою и не только не препятствующихъ, но дающихъ нашему внутреннему оку возможность видѣть въ ней Бога. Что́ бы, въ противномъ случаѣ, значила Божія заповѣдь: *люби своего ближняго, какъ самого себя?* Но конечно передъ любовію къ Богу Христу исчезаетъ всякая любовь къ созданію — исчезаетъ, то-есть не перестаетъ быть, но становится подчиненною, не главнымъ предметомъ, а только посредникомъ между нами и главнымъ. И любовію ко Христу всякая земная чистая любовь пріобрѣтаетъ высокое свойство, ибо мы тогда любимъ то, что не въ противорѣчіи съ святостію главной нашей любви, и что сею главною любовію освященное пріобрѣтаетъ отъ нея и высшее неизмѣняемое достоинство.

Сія живая, нѣжная, пламенная, благодарная, соединенная со взаимностію любовь къ Богу, о которой говоритъ Лювиньи, возможна только къ Богу *откровенному*, къ Богу, узнанному нами въ Христѣ Спасителѣ. Богъ философическій, на живую нитку сшитый нашимъ умомъ изъ клочковъ его умственныхъ заключеній, есть, такъ-сказать, умственный идолъ, которому поклоняясь, мы поклоняемся сами себѣ и собственной нашей идеѣ. Эта идея, нами созданная, есть нѣчто не могущее имѣть съ нами никакой взаимности. Въ существованіи этой взаимности не убѣдится тотъ, для кого Богъ есть одна проблема, заданная умомъ, но умомъ неудовлетворительно разрѣшенная, а не основанная ни на какой очевидности. Если нѣкоторыя возвышенныя души и поклонялись своему метафизическому богу, то это есть только слѣдствіе ихъ особенной природы; въ нихъ происходитъ нѣчто отдѣльное отъ умственныхъ заключеній, нѣчто, какъ бы *внутреннее откровеніе*, которое они принимаютъ независимо отъ убѣжденія умственнаго, и даже вопреки ему. Вѣра въ Бога можетъ быть только *откровеніе*. Богъ не есть идея: Онъ лицо, живой предметъ, котораго наша мысль изобрѣсть, то-есть изъ самой себя извлечь, не можетъ. Но мы судимъ о предметахъ земныхъ по впечатлѣніямъ чувственнымъ, по очевидности; слѣдовательно, и о Богѣ, единственномъ предметѣ внѣ всякихъ чувственныхъ впечатлѣній, мы должны также судить по очевидности, по внѣшнему. Но гдѣ эта очевидность? Гдѣ это внѣшнее? Въ откровеніи, то-есть въ произвольномъ, отъ нашего разума независящемъ явленіи самого Создателя душѣ, Имъ созданной. Откровеніе есть живая, самобытная очевидность; оно дѣйствуетъ на душу безъ посредничества органовъ чувственныхъ, соединяющихъ ее съ созданіями внѣшними. Впечатлѣніе, имъ на душу производимое, есть *вѣра*, принимаемая не умомъ, покорствующимъ необходимой очевидности, которая механически составляетъ последнее звено его логическихъ выводовъ, а свободною волею, которая, покорствуя произвольно, принуждаетъ покоряться и разумъ. Вѣра есть возвышеннѣйшій актъ человѣческой воли: въ ней соединяются воедино вышняя, ее дарующая благодать, и человѣческая свобода, принимающая благое даяніе свыше; соединеніе обоихъ необходимо для произведенія вѣры. (19 сентября, 1846 г.)

III. Промыслъ, испытаніе.

(Промыслъ, испытаніе, терпѣніе, смиреніе, награда праведника.)

1. Я читалъ въ Journal des Débats описаніе несчастія, случившагося съ ребенкомъ. Онъ прыгалъ съ копны сѣна: внизу въ сѣнѣ торчали вилы; ребенокъ ихъ не замѣтилъ, прыгнулъ и наткнулся на вилы, которыя прокололи ему внутренность. Спасти его было нельзя, ибо зубца вилъ нельзя было вынуть изъ тѣла: онъ былъ съ заворотомъ на подобіе острея удочки; ребенокъ былъ долженъ умереть въ жесточайшемъ мученіи. — Какъ изъяснить это ужасное событіе въ смыслѣ Провидѣнія? Для ребенка оно положительное зло, безъ всякихъ благихъ послѣдствій: онъ долженъ былъ пострадать нѣсколько часовъ и, можетъ-быть, нѣсколько дней, и все тутъ; и жизнь его, не развитая ничѣмъ человѣческимъ, кончилась вдругъ страдальческимъ перерывомъ. Какъ согласить это съ мыслію, что бѣды житейскія должны быть намъ въ пользу? Кому здѣсь польза отъ сего страшнаго му́ченія, обратившаго минуты въ годы и постигшаго душу, не имѣющую ни силъ для перенесенія, ни способности для извлеченія изъ него высокой нравственной пользы? Гдѣ же благость Промысла? Можно ли обрѣсти ее въ этомъ страданіи, посланномъ безъ видимой цѣли и пользы, и падшемъ на созданіе непорочное, безсильное, не приготовленное ни снести его, ни благословлять въ немъ Того, Кѣмъ оно послано? Отвѣтъ на все это простой. Мы должны не по событіямъ судить Промыслъ Божій, а событія по Промыслу Божію. Въ однихъ онъ намъ является во всей своей благости, въ другихъ мы не видимъ своими слѣпыми глазами этой благости. Въ обоихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, мы должны смириться. Но живой Богъ существуетъ; Онъ дѣйствуетъ самобытно и вполнѣ во всякое мгновеніе времени, во всякомъ атомѣ и для всякаго атома въ пространствѣ, дѣйствуетъ безъ раздѣла, вполнѣ, всевластно, слѣдовательно, во благо—слѣдовательно, во всемъ должны мы видѣть благо, не потому, что это благо намъ явно, а потому, что все истекаетъ отъ Бога, и явное благо, называемое нами добромъ, и неявное, которое кажется намъ зломъ. (1847 г.)

2. Счастливъ тотъ, кому Господь пошлетъ рано, а не поздно, тяжкія испытанія. Онъ заранѣе узнаетъ свои силы и свое безсиліе, и въ обоихъ случаяхъ окрѣпнетъ, научась опытомъ дѣйствовать по волѣ Божіей. Единственное, чему мы должны и чему можемъ въ совершенствѣ здѣсь научиться, есть *добровольное повиновеніе*. Въ этомъ добровольномъ повиновеніи заключается все человѣческое достоинство и вся его свобода. Мы сами никакого добра себѣ дать и никакого добра творить не можемъ: всякое добро намъ дается; но быть покорными Богу, творцу, источнику и подателю добра, во всякое время (съ блаженнымъ ли чувствомъ любви, или безъ ощущенія сего блаженства, по влеченію ли воли, или противъ влеченія воли), намъ возможно, это *единое наше*. Счастливъ тотъ, кого жизнь заранѣе пріучила къ покорности, кто въ младенчествѣ получилъ привычку принимать съ благоговѣніемъ волю родителей и ей предаваться безусловно,

кто мало-по-малу могъ понять все благо ея спасительной строгости, и кто изъ дѣтскихъ лѣтъ перенесъ въ юношескія лѣта эту привычку признавать неотрицаемость верховной власти, которая изъ образовательной, приготовительной, отеческой обращается въ спасительную, искупительную, Божію, въ то время, когда онъ вступитъ на дорогу самостоятельной, дѣятельной жизни, для страшныхъ встрѣчъ и тяжелыхъ бореній, и вдвое счастливъ онъ, если эти встрѣчи и боренія начнутся для него въ началѣ дороги, когда еще его силы свѣжи и когда еще не вкоренилось въ немъ никакихъ вредныхъ насчетъ себя самого заблужденій, а не при концѣ ея, когда силы изсякли и когда такъ ужасно, такъ безполезно вдругъ очнуться изъ заблужденій, столь усыпительно его баловавшихъ во все продолженіе лѣнивой, никакими тревогами неприводимой въ движеніе жизни. (14 декабря, 1846 г.)

3. Если мы терпимъ только въ надеждѣ, что будущее принесетъ намъ отраду и если только одна эта надежда даетъ намъ силы для терпѣнія, то наша подпора не вѣрна. Можемъ ли мы опираться на ломкой тростинкѣ, ожидая этой *перемѣны на лучшее*, которое равно можетъ быть и не быть. Надежда на Бога—другое дѣло. Но объ этой надеждѣ надлежитъ имѣть ясное понятіе, дабы имѣть въ ней твердую подпору. Она есть не иное что, какъ безусловная покорность Его волѣ, что́ бы ни возложила на насъ эта воля: крестъ ли страданія, или крестъ счастія. Кто дошелъ до высокаго убѣжденія и въ комъ это убѣжденіе обратится въ смиренное, безпрестанно присутственное чувство, до убѣжденія, что нѣтъ никакого земнаго блага выше этой покорности, тотъ утвердилъ зданіе своей жизни на гранитѣ непотрясаемомъ. Будетъ ли младенецъ судить и осуждать своего отца, который подвергаетъ его трудному лишенію и строго наказываетъ? Со слезами принявъ наказаніе, младенецъ черезъ минуту ласкается къ отцу своему, и, не мысля о наказаніи, вдвое чувствуетъ къ нему привязанность, тайно понимаетъ его всегдашнюю любовь въ его минутной строгости.

Младенецъ знаетъ одну настоящую минуту своей безпечной жизни; отецъ знаетъ его будущее. Мы младенцы въ колыбели земной жизни, мы плачемъ отъ всего горькаго, что постигаетъ насъ въ ея быструю минуту; но Отецъ Небесный знаетъ, что мы для вѣчности и готовитъ насъ для вѣчности. Въ неизбѣжимости Его власти и въ необходимости ей покориться, заключается великая сила души нашей. Древній фатумъ есть ужасное чудовище; необходимость ему покоряться и его неизбѣжность были безотрадное бѣдствіе. Нашъ испытатель есть живой Богъ; и сколько бы ни были непонятны для насъ и тяжки Его испытанія—для ихъ изъясненія Онъ имѣетъ для насъ вѣчность. И это изъясненіе уже дано намъ предварительно ниспосланнымъ для насъ искупленіемъ. Все здѣсь написанное есть неоспоримая истина и умъ мой ее принимаетъ. Но кто передастъ ее сердцу? Кто изъ мертваго умственнаго убѣжденія сдѣлаетъ теплую молитву и животворящую вѣру? Одинъ Богъ. И что Его милосердіе медлитъ выбить изъ камня души животекущую воду, это есть самое тяжкое изъ всѣхъ Его испытаній. Но и оно должно имѣть свое благотворное послѣдствіе. Мы должны терпѣть и бѣдствіе собственнаго, внутренняго нашего недостоинства съ тѣмъ же смиреніемъ, съ тою же вѣрою и надеждою, какъ всякое другое бѣдствіе, на насъ извнѣ нападающее. (9 янв., 1847 г.)

4. *Будьте подобны младенцамъ, ибо ихъ есть царство небесное*, сказалъ Спаситель, указывая на дѣтей, Его окружающихъ. Что значитъ это слово? Что есть жизнь младенца? Незнаніе закона, слѣдственно невинность передъ закономъ; безусловная покорность отцу и матери: *Да будетъ воля Твоя;* любовь къ родителямъ: *да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое;* беззаботность о завтрашнемъ днѣ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь;* незлобіе: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ;* незнаніе зла: *не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.* Младенецъ есть, невѣдомо самому ему, тотъ человѣкъ, который выраженъ въ молитвѣ Господней. Но Спаситель говорилъ не младенцамъ, а уже совершеннолѣтнимъ, знающимъ законъ; онъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они были съ этимъ знаніемъ таковы, какъ младенецъ въ своемъ незнаніи, что въ младенцѣ незнаніе, то въ знающемъ должно быть смиреніе: то-есть вѣра, надежда и любовь, взятыя вмѣстѣ.

5. Праведникъ—христіанинъ уже награжденъ въ здѣшней жизни. Его награда въ христіанствѣ. Награда не есть плата по таксѣ за каждое особенное дѣло; награда заключается въ самомъ состояніи души, въ глубокомъ внутреннемъ мирѣ ея, заговаривающемъ бѣдствія житейскія. Эту награду можетъ имѣть только христіанинъ. Утѣшеніе стоиковъ—обманъ. Метафизическій богъ есть идея; эта идея можетъ быть утѣшительна и воздаятельна для нѣкоторыхъ, но не для всѣхъ; христіанскій Богъ для всѣхъ и простыхъ, и мудрыхъ, и сильныхъ, и слабыхъ, и счастливыхъ и скорбящихъ. Въ семъ отношеніи справедливо то, что *дѣла безъ вѣры мертвы суть*. Дѣла безъ вѣры то же, что дѣйствія автомата, похожія на человѣческія, но не оживленныя душою. Въ совѣсти нѣтъ утѣшенія, если во глубинѣ ея нѣтъ живого Бога, тамъ поселеннаго вѣрою. Одна вѣра даетъ дѣламъ ихъ освященіе и производитъ изъ ихъ отдѣльности одну общую гармонію; одна вѣра возвращаетъ человѣческой душѣ ею утраченное подобіе Божіе. И въ этой вѣрѣ всѣ награды праведника во времени; въ *вѣрѣ*, которая будучи блаженнымъ откровеніемъ и принятіемъ невѣдомаго *здѣсь*, становится *любовью*, то-есть блаженнымъ созерцаніемъ вѣдомаго *тамъ*.

IV. Законъ. Грѣхъ.

Безъ закона грѣхъ мертвъ. Я жилъ нѣкогда безъ закона; но когда пришла заповѣдь, то грѣхъ ожилъ, а я умеръ. Какъ понимать слова апостола? Что значитъ здѣсь слово *смерть грѣха* и смерть человѣка? Грѣхъ, въ одномъ смыслѣ, есть грѣховность, то-есть наша, врожденная намъ наклонность грѣшить; въ другомъ смыслѣ, грѣхъ есть дѣйствіе грѣховности, поступокъ, нарушающій заповѣдь Божію. Само по себѣ разумѣется, что пока не было заповѣди Божіей, не могло быть и ея нарушенія, то-есть явнаго грѣха, грѣховнаго поступка. Съ заповѣдью произошло и ея нарушеніе, то-есть человѣкъ, по натурѣ своей подверженный грѣху, или грѣховный, изъ явнаго нарушенія заповѣдей, изъ совершеннаго имъ грѣха, постигъ свою грѣховность, бывшую до заповѣди для него сокровенною. Другими словами, человѣкъ, жившій въ незнаніи грѣха, *умеръ*, то-есть обратился въ человѣка знающаго грѣхъ. Сей грѣхъ *мертвый* для человѣка не знавшаго, что такое грѣхъ (до заповѣди), сдѣлался для него *живъ* отъ нарушенія заповѣди, или отъ запрещенія, то-есть сдѣлался *знаемымъ* грѣхомъ. Слѣдовательно, слово *смерть* есть здѣсь *знаніе* и *незнаніе*. Слѣдуетъ вопросъ: когда знаніе грѣха или смерть нравственная вошла въ жизнь человѣка? Съ заповѣдями Божіими. Что же онъ былъ до сихъ заповѣдей, то-есть до писаннаго закона Божія, даннаго Моисею? Какой законъ опредѣлялъ для него грѣхъ и нарушеніе какого закона производило въ немъ сію смерть душевную? До закона Моисеева было наказаніе, слѣдовательно, и преступленіе, произвольное нарушеніе заповѣди: изгнаніе изъ рая, потопъ, погибель Содома и Гоморры и прочее. Здѣсь законъ не заключается ли весь въ той первобытной заповѣди, которая дана была первому человѣку, нарушеніе которой произвело и грѣховность человѣка, разлившуюся на человѣческій родъ, и знаніе грѣха въ первомъ человѣкѣ, и неразлучное съ нимъ знаніе заповѣди нарушенной, въ которой есть источникъ

всѣхъ послѣдующихъ заповѣдей, однихъ — выраженныхъ въ тайномъ законѣ нашей совѣсти, а въ другихъ— явныхъ, данныхъ самимъ Богомъ черезъ Моисея народу избранному? До пришествія Христа, человѣческій родъ надлежитъ раздѣлять на два разряда: на *язычниковъ* и на *іудеевъ*. Первые принадлежали не явному закону, *естественному*; послѣдніе—писанному, *Божію*, явному; тѣ состояли подъ совѣстью и закономъ гражданскимъ, сіи—подъ закономъ Божіимъ. Отдѣльные люди, посѣщенные Божіимъ откровеніемъ, составляютъ цѣпь между первымъ человѣкомъ въ раю и народомъ израильскимъ у подошвы Синая, гдѣ, наконецъ, выразился Божій законъ во всей своей полнотѣ и откуда началось явно предуготовительное дѣло искупленія. (1846 г.)

V. ПЛОТЬ. ДУХЪ.

Плоть—духъ. Плотское—духовное. Сія противоположность встрѣчается безпрестанно въ священномъ писаніи. Надобно объяснить сіи понятія.

Мы дробимъ (какъ было сказано въ другомъ мѣстѣ) нашу душу на разныя способности, дѣлимъ ее, такъ-сказать, на участки и къ каждому изъ нихъ приписываемъ особенную, отдѣльную ея способность. Говоря *умъ*, *воля* и проч., мы разными именами означаемъ одно и то же, то-есть всю *душу*, въ разныхъ только образахъ ея дѣйствія; нѣтъ такой особенной части въ душѣ, которая была бы только умъ или воля; все это—вся душа, полная, всегда нераздѣлимо дѣйствующая; мы только для ясности принуждены прибѣгнуть къ раздробленію единства на части. Душа мыслитъ, избираетъ (то-есть отвергаетъ, или принимаетъ), творитъ, вѣруетъ; сіи разные образы дѣйствія одной и той же души мы называемъ: умъ, воля, творчество, вѣра.

Здѣсь, однако, въ словѣ *душа* соединяются двѣ идеи. Святое Писаніе говоритъ о *тройственности* человѣка, о соединеніи въ немъ *духа*, *души* и *тѣла*. *Духъ*—чисто-божественное въ человѣческомъ; *душа*—нетлѣнное, съ нимъ нераздѣлимое тѣло духа, средина между имъ и тѣломъ, нѣчто, имѣющее, съ одной стороны, свойство тѣлеснаго, то-есть нѣкоторый опредѣленный образъ, съ другой стороны, нетлѣнность и самобытность духа; наконецъ, *тѣло*—матеріальная скинія духа и души на все время земной жизни, въ которой ихъ видимое, совокупное явленіе называется человѣкомъ. Сіи три элемента, составляющіе это названное *человѣкомъ* цѣлое—могутъ быть опредѣлены, постигаемы каждый отдѣльно. Главный элементъ есть духъ: въ немъ сосредоточивается вся дѣятельность человѣческой жизни; второй элементъ — душа, неотдѣлимая, вѣчная принадлежность духа, его, такъ-сказать, двойникъ, его самобытный дѣйствователь, съ одной стороны на тѣло, и, черезъ органы тѣла, на внѣшній временный міръ, съ другой стороны, обратно на него сообщеніемъ ему впечатлѣній, черезъ органы тѣла изъ внѣшняго міра получаемыхъ; наконецъ, третій элементъ—тѣло, временная матеріальная принадлежность души, которая или имъ властвуетъ и покоряетъ его силѣ духа, или ему покорствуетъ и своею отъ него зависимостью стѣсняетъ духъ въ его дѣйствіяхъ.

Когда въ насъ происходитъ операція размышленія, то-есть, какъ говорится, когда въ насъ дѣйствуетъ умъ, то изъ трехъ вышеозначенныхъ элементовъ первенствуютъ душа и тѣло, но перевѣсъ на сторонѣ души; въ процессѣ воли первенствуютъ душа и духъ, но перевѣсъ также на сторонѣ души; въ процессѣ творчества равномѣрно первенствуютъ душа и духъ, но здѣсь перевѣсъ уже на сторонѣ духа; наконецъ, въ процессѣ вѣры первенствуетъ одинъ духъ, весь перевѣсъ на его сторонѣ, другіе элементы покорствуютъ.

Итакъ, человѣкъ составленъ изъ духа, души и тѣла; безъ соединенія сихъ трехъ нѣтъ человѣка. Духъ—царствующая, самобытная часть человѣка; душа—посредникъ между духомъ и тѣломъ; тѣло—само по себѣ нѣчто безжизненное, матеріальное, подчиненное. Но тѣло необходимо душѣ (возьмемъ здѣсь душу въ ея обширномъ смыслѣ, то-есть соединяя духъ и душу въ одну идею) для ея дѣятельности въ здѣшнемъ порядкѣ и составляетъ орудіе этой дѣятельности, обращающейся на міръ внѣшній. Сія необходимость употреблять тѣло какъ орудіе, производитъ зависимость души, какъ отъ тѣла, такъ и отъ внѣшняго, тѣлеснаго міра, съ которымъ тѣло вводитъ ее въ сношеніе. Сія зависимость есть то, что мы называемъ плотью. Говоря *тѣло*, мы разумѣемъ тѣлесный составъ человѣка, взятый отдѣльно, его члены и проч.; говоря *плоть*, мы разумѣемъ и тѣло въ его вліяніи на душу, и душу подъ вліяніемъ тѣла, подъ вліяніемъ внѣшняго міра.

Вліяніе тѣла на душу вредно со времени паденія перваго человѣка, ибо сіе паденіе поселило въ человѣкѣ грѣхъ, то-есть испортило волю его; сія воля безсильна удержать первенство души надъ тѣломъ, сохранить ее отъ него въ независимости и съ нимъ отъ внѣшняго міра; она колеблется между нимъ и высшимъ міромъ; сія колеблемость, сія наклонность уступать тѣлу есть состояніе грѣховное. Мы должны произвольно сохранять духовность души своей и отдалять отъ нея все плотское: но для этого воля наша безсильна. Тѣло, до паденія чистое, по своей испорченности отъ паденія сдѣлалось главнымъ врагомъ души человѣческой. Душа по натурѣ своей божественна, духъ бываетъ по испорченности воли, произведенной грѣхопаденіемъ — *плотью*, то-есть рабомъ тѣла и внѣшняго міра. Душа, какъ духъ, исключительно принадлежитъ Богу. Какъ душа стоитъ между міромъ и Богомъ, такъ плоть исключительно покорствуетъ тѣлу, и черезъ тѣло міру. (12 ноября, 1846 г.)

VI. ВѢРА.

(ВѢРА. ВѢРА И СПАСЕНІЕ. ВѢРА, УМЪ И ОТКРОВЕНІЕ. ВѢРА ХРИСТІАНСКАЯ).

1. Нѣмецкое слово glauben полнѣйшимъ образомъ выражаетъ понятіе христіанской вѣры: съ нимъ рядомъ стоитъ слово русское *вѣра*. Glauben, geloben, вѣрить, ввѣряться. Разница между сими словами есть та, что въ нѣмецкомъ языкѣ glauben происходитъ отъ geloben, а въ русскомъ, наоборотъ, *ввѣряться*, происходитъ отъ *вѣрю*. Итакъ, и въ самой вѣрѣ, высочайшемъ актѣ души человѣческой, есть двѣ стороны: одна, такъ-сказать, матеріальная, основная, первообразная, другая духовная, производная. Во-первыхъ, вѣра есть произвольное принятіе истины, безъ помощи очевидности, покоривъ разсудокъ свидѣтельству откровенія; во-вторыхъ, вѣра есть произвольное преданіе самого себя, то-есть совершенное покореніе своей воли волѣ Того, Чьему откровенію покорилъ себя уже разсудокъ. Если въ человѣкѣ совершились оба акта вѣры, если онъ, *повѣривъ*, *предалъ* себя въ полную волю Того, Кому повѣрилъ, если онъ *вѣритъ и ввѣряется*, то эта вѣра его есть вѣра живая; она выражается не одною мыслію, но и дѣломъ, или правильнѣе, дѣла съ нею неразлучны (дѣла, часто невидимыя человѣку, но явныя предъ всевидящимъ Богомъ). Если одинъ только первый актъ (послѣдній не можетъ быть безъ перваго) вѣры произошелъ въ душѣ нашей, то эта вѣра не живая, не дѣятельная, она не спасаетъ души, и въ такомъ случаѣ слова апостола справедливы: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*. Но и дѣла безъ вѣры мертвы суть: дѣла безъ вѣры составляютъ что-то несвязное, нецѣлое, не имѣющее образа. Дѣла благія, при самомъ благодѣтельномъ ихъ дѣйствіи на душу, все оставляютъ ее въ томъ состояніи несовершенства, въ какомъ она находится, состоя подъ закономъ, то-есть будучи неспособною удовлетворить вполнѣ закону, слѣдовательно, навсегда отдѣлена отъ Бога своимъ грѣховнымъ несовершенствомъ. Вѣра

полная (оба акта ея) не даетъ сего совершенства, но она отверзаетъ двери благодати, а благодать довершаетъ душу, даруя ей, проникнутой вѣрою и ею приготовленной для принятія даянія свыше, все то, чего сама собою не можетъ она пріобрѣсть по своему безсилію: благодать строитъ мостъ черезъ бездну, которою отдѣлена вѣрующая душа отъ Бога. Сія благодать существуетъ только для искупленнаго Спасителемъ; искупленіе совершилось для всѣхъ, но оно только дверь отворенная. Кто войдетъ въ дверь, тотъ принятъ, тотъ спасенъ; но онъ приводится къ этой отворенной двери одною вѣрою; на порогѣ ея благодать, призванная покаяніемъ сымаетъ съ него все, что помѣшало бы его вступленію и что составляетъ его человѣческую земную ношу. Въ двухъ словахъ: безъ вѣры во Христа нѣтъ спасенія; но вѣра сія не одно признаніе Спасителя, но въ то же время и преданіе себя Спасителю, или смиреніе разсудка и воли и ихъ уничтоженіе предъ высшимъ разумомъ и высшею волею. (1847 г.)

2. *Дѣла безъ вѣры, вѣра безъ дѣлъ мертвы суть.* И то и другое одна и та же истина для христіанина. Но, по незнанію христіанства, сколько въ мірѣ нехристіанъ было, есть и долго еще будетъ! Можно раздѣлить дѣла на категоріи: низшая степень—благія дѣла произвольно отрекающаго вѣру; потомъ благія дѣла неимѣющаго вѣры, но желающаго имѣть ее; далѣе—благія дѣла язычника, имѣющаго вѣру ложную, и—благія дѣла вѣрующаго во Христа. У всѣхъ одинъ верховный судія, Богъ и Христосъ Спаситель. Намъ неизвѣстенъ, нами не можетъ быть и постигнутъ судъ Божій. Мы знаемъ навѣрное одну только судьбу христіанина, но въ то же время мы можемъ знать ясно, что изъ всѣхъ, творящихъ благое, самый ближайшій къ источнику блага, то-есть къ Богу, есть вѣрующій христіанинъ. А что такое спасеніе? Созерцаніе Бога въ вѣчности. (Апрѣль, 1847 г.)

3. Иначе нельзя вѣрить какъ произвольно, то-есть не по убѣжденію, а по добровольному принятію. Но не всякій вѣритъ, кто желаетъ вѣрить. Вѣра, высочайшій актъ человѣческой свободы, есть въ то же время и высшій даръ Божіей благодати. Мы принимаемъ откровеніе, покоряя ему разсудокъ; наша вѣра есть слѣдствіе сего добровольнаго покоренія разсудка; она въ то же время любовь къ Тому, кто даетъ откровеніе. Если, напротивъ, вмѣсто того, чтобъ ему покорить разсудокъ, я его самого подчиню допросамъ разсудка, и потому только повѣрю откровенію (или, точнѣе сказать, приму откровеніе), что буду убѣжденъ въ его истинѣ, то буду имѣть не вѣру, а только убѣжденіе. Что очевидно, то не требуетъ вѣры. Очевидность есть, такъ-сказать, непосредственное знаніе; аксіомы суть выраженія очевиднаго; мы не говоримъ: я вѣрю, что *часть менѣе цѣлаго*; въ понятіи: *я вѣрю* заключается и понятіе: *я хочу вѣрить*. Вѣра свободна. Я говорю: *часть менѣе цѣлаго*, не потому, что я произвольно это принимаю, а потому что я этого не могу не принять *умомъ* моимъ. *Умъ* есть рабъ очевидности; вѣра есть свободное покореніе ума и воли *откровенію*. (Декабрь, 1847 г.)

4. *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте.* Въ этомъ словѣ всѣ возможныя утѣшенія, данныя напередъ человѣку на всѣ бѣды житейскія. Сперва вѣруй, потомъ уже сердце твое будетъ тихо и мирно само собою. Изъ сердечныхъ смущеній истекаетъ вѣра, изъ вѣры истекаетъ миръ. Но какъ пріобрѣсть вѣру? Умомъ я убѣжденъ, что вѣра есть вѣнецъ души человѣческой, ея прямой путь къ Богу; вѣра—мать любви; любовь—возможное совершенство души человѣческой. Но какъ дать себѣ эту вѣру? Какъ дойти до того, чтобы она была все, и во всемъ и всегда? Если сердце сухо, какъ русло ручья изсякшаго, если оно холодно, какъ желѣзо, и нечувствительно, какъ камень—кто оживитъ его для вѣры? Наша воля не имѣетъ этого всемогущества. Вѣра есть событіе во внутренности души нашей. (Іюль.)

5. Тамъ нѣтъ вѣры, гдѣ есть очевидность или *умственное убѣжденіе*. Мы не властны не вѣрить тому, что очевидно для чувствъ или для *ума*, или что́ *умъ*, вслѣдствіе своихъ узаконенныхъ природою дѣйствій, долженъ необходимо принять убѣжденіемъ. Вѣра есть свободный актъ воли; но въ то же время никакая человѣческая воля безъ содѣйствія воли высшей не можетъ ввести въ душу вѣру, сколько бы душа того ни желала. Воля открываетъ, или запираетъ душу для вѣры. *Разсуждая*, мы приводимъ, повинуясь законамъ логическимъ, идеи въ порядокъ; идемъ нѣкоторымъ путемъ къ нѣкоторому пункту; искомый пунктъ необходимо находится на концѣ нашего пути: онъ есть или *да*, или *нѣтъ*, или *не знаю*. Эта операція ума вся *внутренняя*. Для вѣры нужно нѣчто внѣшнее. *Разсуждая*, мы произвольно дѣйствуемъ умомъ, но по нѣкоторымъ необходимымъ, ему предначертаннымъ законамъ. Вѣруя, мы принимаемъ произвольно откровеніе. Чего нѣтъ въ насъ, то мы безусловно получаемъ извнѣ отъ другого, отъ посредника. Минуты такой вѣры встрѣчаются въ обыкновенной жизни. Но та вѣра, о которой здѣсь говорится, принадлежитъ только религіи христіанской. Я вѣрю во Христа—значитъ, я произвольно покоряю свой умъ откровенію, которое даетъ мнѣ Христа, не стараясь и не имѣя нужды убѣдить мой умъ въ его существованіи. И сіе самоотверженіе воли и ума замѣняетъ для меня убѣжденіе вслѣдствіе очевидности, которое само по себѣ есть нѣчто непроизвольное, необходимое, хотя и имѣетъ по наружности характеръ произвольности и свободы.

Умъ обрабатываетъ жизнь въ границахъ здѣшняго міра; свои понятія о высшемъ строитъ онъ изъ матеріаловъ низшаго. Вѣра отверзаетъ намъ дверь въ вышній міръ непосредственно. Ее производитъ откровеніе. *Откровеніе* есть голосъ съ того свѣта.

7. То, что мы называемъ *вѣрою* въ обыкновенномъ, низшемъ смыслѣ, есть произвольное дѣйствіе души, принимающей что бы то ни было *безъ* убѣжденія или *до* убѣжденія разсудка. Само по себѣ разумѣется, что между моею душою и тѣмъ, что она принимаетъ, долженъ быть посредникъ, предлагающій ей принятіе: ибо я вѣрю не себѣ самому, а вѣрю тому, кто меня увѣряетъ. Сія вѣра можетъ быть подчинена переносу ея приговоровъ предъ судомъ разсудка. Она не есть для насъ обязательная вѣра: она ограничена предметами, заключающимися въ предѣлахъ житейскаго, гдѣ все должно быть подчинено разуму, земному путеводителю въ земныхъ отношеніяхъ. Вѣра въ *высшемъ* смыслѣ есть вѣра въ Бога посредствомъ Христа. Эта вѣра есть верховное дѣйствіе нашей свободы: она для всѣхъ обязательна, но мы ее принимаемъ произвольно, мимо разсудка, который передъ нею смиряется, не повѣряетъ ее, не доказываетъ ея откровеній, а только согласно съ своимъ назначеніемъ приспособляетъ къ ней все земное, его управленію подчиненное. Посредникъ здѣсь между Богомъ и душою человѣка есть Христосъ Спаситель, самъ Богъ, по воплощенію могущій явиться лицомъ къ лицу душѣ человѣческой, а по божеству могущій соединить съ нею невидимаго, ей *одной* недоступнаго Бога. Не развивая далѣе сего общаго понятія о вѣрѣ (которое не иное что есть, какъ исключительно вѣра христіанская), скажу только, что намъ, невидавшимъ глазами Христа, Онъ представляется въ Св. Писаніи въ новомъ завѣтѣ Онъ самъ, въ ветхомъ завѣтѣ событія провозвѣщаютъ Его пришествіе. Вѣру въ Св. Писаніе утверждаетъ въ насъ существующая со временъ Спасителя церковь. Церковь говоритъ намъ: въ сихъ книгахъ ваше спасеніе; что въ нихъ писано, то было и будетъ; вѣрьте имъ безпрекословно. Итакъ, наша вѣра во Христа основана на нашей вѣрѣ въ говорящую о Немъ церковь; сперва надобно покориться церкви, чтобы узнать Христа и въ Него увѣровать. Итакъ, первый актъ произвольной нашей воли есть покорность церкви, которой изреченія относительно Христа Спасителя и писаній, о Немъ возвѣщающихъ, должны быть безъ нея

для насъ неизвѣстны. Какъ мнѣ церковь на своихъ соборахъ повелѣла принимать то, что заключается въ Св. Писаніи и какой символъ вѣры изъ него истекаетъ, то для меня и остается ненарушимымъ. Главное дѣло церкви совершено; предѣлы всѣ начертаны; теперь она только сохраняетъ изданное; богослуженіемъ оживляетъ память искупленія; проповѣдью толкуетъ слова Св. Писанія, и вводитъ его въ дѣятельную жизнь; таинствами освящаетъ главные акты нашей временной жизни—рожденія, брака, покаянія, смерти. Здѣсь ясно означаются и границы самой вѣры—церковь не есть Христосъ, а вождь и путь ко Христу. Я вѣрю въ церковь, я вѣрю въ нее какъ въ средство, дающее мнѣ вѣру во Христа, а не она предметъ моей вѣры. Слѣдовательно, вѣра ограничивается Христомъ и писаніемъ, о Немъ говорящимъ. Здѣсь вѣра безусловна, разсудокъ ей покоряется, вѣра владычествуетъ. Но все, что переходитъ за сію границу, перестаетъ быть предметомъ вѣры и входитъ уже подъ владычество разсудка. Писанія св. отцовъ не стоятъ для меня наравнѣ съ Св. Писаніемъ: благоговѣя передъ высокимъ духомъ писателей, я принимаю ихъ мысли и поученія сердцемъ, готовымъ вѣрить, но не запрещая разсудку повѣрять ихъ человѣческое слово. Это не только не запрещается, но есть обязанность священная, ибо разсудокъ намъ данъ для владычества надъ всѣмъ земнымъ и для смиренія нашего передъ небеснымъ. Но небесное на землѣ заключается все во Христѣ и Св. Писаніи; передъ нимъ разсудокъ смиряется; все остальное подлежитъ ему: безъ разсудка нѣтъ воли; онъ ея свѣтильникъ; безъ разсудка и воли не можетъ быть смиренія; разсудокъ видитъ и свою неспособность и необходимость смиренія; воля рѣшитъ: смириться или нѣтъ; она произноситъ свой приговоръ не иначе, какъ будучи прежде просвѣщена тѣмъ разсудкомъ, который послѣ долженъ покориться ея приговору. И такъ самое вѣрное правило для насъ, дабы не впасть въ величайшее заблужденіе и изъ святой религіи Христовой не сдѣлать для себя фанатической факировъ и шамановъ, самое вѣрное правило *есть*: 1) *безусловное принятіе вѣрою* всего, что заключается въ св. Писаніи и что намъ передала церковь, утвердившая все на своихъ соборахъ, короче—вѣра во Христа; *свободное дѣйствіе разсудка во всемъ*, что выходитъ за сію границу, но дѣйствіе разсудка въ смыслѣ вѣры, то-есть введеніе въ христіанскую земную жизнь того небеснаго, что́ вѣра приняла отъ Христа Спасителя, искупившаго душу человѣческую своимъ воплощеніемъ и оставившаго ей въ Писаніи свидѣтельство о семъ искупленіи. Итакъ, все, что *постановила* церковь на краеугольномъ камнѣ Христа и его ученія, то для меня есть предметъ безусловно смиренной вѣры, то же, что церковь утверждаетъ на основаніи частныхъ обстоятельствъ, на требованіяхъ времени или мѣста, то для меня есть только предметъ уваженія, но здѣсь разсудокъ свободенъ дѣйствовать, ибо здѣсь все входитъ въ его область. Въ первомъ случаѣ одно чистое небесное для земного; въ послѣднемъ земное, производимое человѣкомъ, подверженнымъ заблужденію и страсти, для пользы небеснаго, часто мнимой. Тамъ вѣра принимается, разсудокъ покоряется. Здѣсь вѣра не иное что, какъ убѣжденіе строго судящаго разсудка.

VII.

Господи! отыми у меня, что отвращаетъ отъ Тебя.
Господи! дай мнѣ, что приводитъ къ Тебѣ.

Господи! возьми меня у меня и отдай меня во владѣніе Твое!

Замѣчай за собою внутри самого себя, если желаешь узнать и себя самого, и то, что отъ Бога тебя отдѣляетъ. *Грѣхъ* есть то, что препятствуетъ соединенію твоему съ Богомъ. Твоей душѣ недостаетъ только одного—ея Бога. Но, чтобы она могла принять въ себя Бога, надлежитъ ей быть свободною отъ грѣха. Очиститься же и предохранить себя отъ грѣха можетъ она только милосердіемъ Божіимъ и заслугою Іисуса Христа. Ибо какъ Богъ, изъ одной благости, даровалъ тебѣ жизнь естественную, такъ онъ и жизнь духовную даруетъ тебѣ по той же свободной благости. Но, чтобы жизнь сію получить, ты долженъ волю свою предать въ Его волю и радостно все принимать, что Онъ ни пошлетъ на тебя.

Безъ страданія и внутренней скорби жизнь сія не можетъ въ тебѣ родиться. Чтобъ пріобрѣсть сію сверхъестественную жизнь благодати, надлежитъ тебѣ очистить себя отъ грѣха и всякой недоблести, отъ самолюбія, своеволія, своедовольства и отъ всѣхъ безпорядочныхъ вожделѣній плоти.

Недостатки и погрѣшности твои происходятъ только отъ того, что безпорядочныя твои вожделѣнія тебя всегда изъ тебя самого исторгаютъ. Возвратись во внутреннее твое и сноси безропотно свои недостатки. Учись терпѣть самого себя, тогда научишься переносить недостатки свои и чужіе.

Никто не можетъ тебѣ вредить кромѣ тебя самого, и потому бойся только себя и ни въ какомъ случаѣ себѣ самому не ввѣряйся. Благоразуменъ и остороженъ бываешь ты только тогда, когда остаешься въ самомъ себѣ, и своей болѣзни, своей немощи, своихъ недостатковъ и слабостей, своего ничтожества съ глазъ не спускаешь. Если не хочешь быть обманутымъ, держись этой основной истины: самъ по себѣ ты *ничто* и одно только можетъ пособить тебѣ, то именно, если Богъ самъ войдетъ въ твою душу, и жизнь твою самъ устроитъ.

Въ естественномъ своемъ состояніи ты самого себя познать не можешь, а потому и Богъ тебя познать Его не допуститъ, а потому и познаніе Бога тебѣ не дается! Естественный свѣтъ сіяетъ въ тебѣ какъ мѣсяцъ, онъ прибываетъ и убываетъ; но свѣтъ отъ высоты, благодать, сіяетъ какъ солнце, и всякую свѣтлость блистаніемъ, ясностію и чистотою своею превосходитъ.

Дѣлами своими ты Богу угодить не можешь: ибо въ дѣлахъ своихъ по природѣ ты имѣешь предметомъ одну только природу—самого себя; то Богу угодно быть не можетъ. Если же будешь искать Бога, то найдешь Бога, и Онъ дастъ тебѣ праведную жизнь и сохранитъ тебя въ правдѣ, которая только въ томъ заключается, чтобы ты воистину признавалъ, что Онъ есть Богъ и что ты самъ ничто. Все, что тебя отъ Бога и Бога отъ тебя отлучаетъ, и что всегда препятствуетъ Ему совершить въ тебѣ дѣло свое, заключается единственно въ томъ, что ты что-нибудь значишь и Богу дѣлами своими угодить желаешь. Богъ же твоихъ дѣлъ не хочетъ. Онъ хочетъ своего дѣла; отъ этого вся бѣда и всѣ тревоги. Склонность къ добру, поелику добро для насъ пріятно, есть самолюбіе, есть наслажденіе ради наслажденія. Такъ не должно любить ни Бога, ни людей. Люби истину ради истины и правду люби въ ней самой.

Обратись къ отеческому сердцу Бога и все свое упованіе возложи единственно на драгоцѣнныя заслуги Іисуса Христа. Крестъ да будетъ твоею оградою. Бросься душою къ стопамъ Іисуса и въ немъ одномъ ищи очищенія и оправданія всей твоей жизни.

VIII. ИДЕЯ БЫТІЯ.

Декартъ сказалъ: *я мыслю, слѣдовательно я существую*: послѣднее не можетъ быть послѣ перваго, ибо, чтобы сказать *я мыслю*, надобно сказать напередъ *я существую*; я мыслю есть не иное что, какъ *я есмь*, *я существую мысля*. Въ понятіи: *я существую* заключается и понятіе: *я мыслю*; послѣднее безъ перваго не можетъ родиться въ умѣ нашемъ, слѣдовательно, не можетъ ему предшествовать и быть его источникомъ; понятіе: *я существую* есть эле

ментъ всѣхъ другихъ понятій, которыя безъ него и составлены быть не могутъ. Если же оно элементъ всѣхъ понятій, то никакое другое не можетъ быть его элементомъ, слѣдовательно, это понятіе есть самобытное, врожденное. Какъ безъ самого бытія ничто существующее не можетъ быть возможно (бытіе основа всему, но мы этой основы ни обнять чувствомъ, ни опредѣлить умомъ не можемъ), такъ и безъ общей идеи бытія, составляющей основу всѣхъ другихъ идей, не умомъ составляемой, но въ умѣ врожденно существующей, никакая идея существовать не можетъ; чтобы сказать *я мыслю*, надобно сперва имѣть идею этого я, которое мыслитъ; это я—есть мое бытіе личное, отдѣльно мною постигаемое; но въ этомъ заключаются двѣ идеи: одна идея самаго бытія, другая отдѣльности, частности этого бытія; слѣдовательно, чтобы получить это я, сперва надобно получить самое *бытіе*; бытіе есть нѣчто, составляющее основу всему, безъ всякаго признака, безъ образа, границъ, времени, пространства и мѣста. Идею объ немъ мы не пріобрѣтаемъ, она существуетъ въ насъ безъ нашего вѣдома, и постигнуть бытіе мы не можемъ, потому что не можемъ означить исторіи происхожденія понятія о немъ въ головѣ нашей. Это понятіе начинается съ нашей жизнью. Оно есть самое обширное, или, лучше сказать, безпредѣльное по своему объему и самое тѣсное и ничтожное по своимъ особеннымъ признакамъ, ибо чѣмъ обширнѣе объемъ, тѣмъ менѣе признаковъ, и то, что объемлетъ все, по тому самому совсѣмъ не имѣетъ признаковъ.

IX. Что есть свобода.

Что есть свобода? Способность произносить слово *„нѣтъ“* мысленно или вслухъ. Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность дѣлать все, чего не запрещаетъ законъ. Что есть свобода въ высшемъ смыслѣ? Совершенная подчиненность волѣ Божіей всегда, во всемъ, вездѣ и ничему иному. Въ сей подчиненности заключается свобода отъ зла, отъ судьбы, отъ людей. Что такое подчиненность волѣ Божіей? Воля человѣческая больна со времени паденія. Подпорою и руководствомъ ей служитъ естественный нравственный законъ или, лучше сказать, остатокъ того божественнаго образа, который отразился въ человѣкѣ при его созданіи и затмился въ немъ грѣхопаденіемъ. Но этотъ законъ самъ по себѣ теменъ, и голосъ совѣсти хотя и всегда слышенъ, но не всегда внятенъ. Этотъ голосъ совѣсти есть внутреннее выраженіе нравственнаго закона. Со времени искупленія сей внутренній голосъ выражается ясно въ ученіи Спасителя. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, чему слѣдовать, что̀ дѣлать, чего не дѣлать, къ чему стремиться—все сказано Христомъ, и совѣсть не можетъ заблуждаться. Итакъ, покорность воли человѣческой передъ верховною волею Божіею состоитъ въ ея неизмѣнномъ согласованіи съ сею волею, выраженною въ Священномъ Писаніи. Эта покорность можетъ быть или положительная, когда мы сами должны дѣйствовать, или отрицательная, когда мы должны принимать смиренно то, что̀ на насъ дѣйствуетъ; въ обоихъ случаяхъ она есть чистое смиреніе. Блаженъ тотъ, въ комъ она есть и любовь!

X. Твердость и упрямство.

Твердость есть сила, основанная на союзѣ разума съ волею, и на ихъ равновѣсіи. *Упрямство* есть слабость, имѣющая видъ силы: она происходитъ отъ нарушенія равновѣсія въ союзѣ воли съ разумомъ. Въ первомъ случаѣ разумъ и воля употребляютъ совокупно силу свою въ пользу. Во второмъ случаѣ воля, въ разрывѣ съ разумомъ, или не пользуется силою, или употребляетъ ее во зло; и то и другое слабость. *Твердый* непоколебимо держится своихъ убѣжденій, пока они для него оправданы его разумомъ. Но онъ или измѣняетъ ихъ, или отъ нихъ отрекается, когда находитъ ихъ противорѣчащими разуму. Въ этомъ произвольномъ, необходимомъ, принимаемомъ волею отреченіи столько же твердости, сколько въ прежней произвольной вѣрности убѣжденія. *Упрямый*, напротивъ, держится своего убѣжденія, но, такъ-сказать, механически; онъ не терпитъ противорѣчія, ибо слишкомъ лѣнивъ, или пристрастенъ, чтобы повѣрять свои мысли; ему легче сохранять ихъ такими, какими онѣ разъ вошли въ его голову, нежели пересматривать ихъ, имѣя въ виду одну истину, и замѣнять прежнія, ложныя, новыми истинными. Убѣжденія *упрямаго* суть мертвый капиталъ, никакого барыша не приносящій. Мнѣнія *твердаго* суть капиталъ, пущенный въ оборотъ: онъ въ безпрестанномъ движеніи, и это движеніе не есть непостоянство, напротивъ сила, дѣйствующая постоянно. (1846 г.)

XI. Благотвореніе.

Люби Бога всею душою, всѣми помышленіями и всѣми дѣлами, люби ближняго какъ самого себя—въ этомъ весь законъ христіанина. Мы читаемъ ежедневно: *да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя, хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*. Все это надлежитъ примѣнить къ благотворенію. Оно должно быть любовь къ Богу и къ ближнему, во славу имени Божія, во исполненіе воли Бога, Который даетъ намъ нашъ хлѣбъ насущный. Но такое благотвореніе исключаетъ ли заботу о себѣ и о своихъ, и должно ли не обращать самому осторожнаго взгляда на будущее, ввѣряя его совершенно Провидѣнію Божію? Нѣтъ! но и то, и другое должно быть согласовано. Счастливъ, кто можетъ благотворить съ любовію, кто, любя Бога, любитъ *потому* и ближняго, и не заботится о завтрашнемъ днѣ. Тогда благотвореніе возвышаетъ душу, и благотворящій ближнему стократно благотворитъ себѣ. Не всякій способенъ имѣть такую любовь: она есть благодать свыше. Но всякій способенъ признавать истину заповѣди Божіей и смиренно ей покоряться, даже безъ чувства любви, даже вопреки безчувствію, бременящему сердце: болѣзнь, отъ которой можетъ исцѣлить только одинъ Богъ. Всякій случай благотворить есть голосъ Божій; не затворяй предъ нимъ твоего слуха и покорно исполняй то, что исполнить можешь, какое бы при томъ ни было твое чувство. Главное—покорность. Отецъ семейства долженъ заботиться о будущемъ жены и дѣтей своихъ; но бываетъ минута, въ которую надобно настоящей бѣдѣ ближняго принесть въ жертву возможное собственное благо въ будущемъ: оно въ рукѣ Божіей и потому вѣрно. Тотъ несправедливо поступаетъ, кто, опасаясь невѣрнаго зла въ будущемъ, отталкиваетъ вѣрное добро или допускаетъ вѣрное зло въ настоящемъ.

XII. Несчастіе.

Можно сравнить несчастіе съ величественнымъ гигантомъ, имѣющимъ прекрасное, свѣтозарное лицо, а ноги свинцовыя. Кто высокъ или кто можетъ подняться, чтобы посмотрѣть ему въ глаза, тотъ станетъ лицомъ къ его лицу, тотъ озарится блескомъ этого лица, и его собственное лицо просвѣтлѣетъ; но тотъ, кто низокъ или кто, приведенный въ ужасъ блестящимъ образомъ, наклонитъ голову, чтобы его не видать, тотъ попадетъ подъ его свинцовыя ноги и будетъ ими затоптанъ въ прахъ или раздавленъ.

Несчастіе есть громогласный проповѣдникъ Провидѣнія и вѣчности. Горе имѣющему слабый слухъ; оглушенный громозвучностію голоса, онъ не разслушаетъ вѣсти великой.

XIII. НАДЕЖДА.

Земную надежду можно сравнить съ свѣтлою радугою; она сіяетъ на темномъ облакѣ, она украшаетъ его своими яркими цвѣтами; но она одинъ оптическій обманъ. Надежду, основанную въ вѣрѣ, можно сравнить съ утреннею зарею; она предвѣщаетъ солнце, и это не обманъ—солнце взойдетъ.

XIV. СЛУЧАЙ.

У одного умнаго человѣка спросили: что такое случай? Онъ отвѣчалъ: *инкогнито Провидѣнія*. Случая нѣтъ. Все, что̀ ни встрѣчается съ нами въ жизни, радостное или прискорбное, ожиданное или неожиданное, есть Богъ въ разныхъ видахъ.

XV. ВРЕМЯ. ЗАНЯТІЕ.

1. Весьма далеко отъ убѣжденія разсудка и даже отъ добрыхъ расположеній сердца до исполненія вѣрнаго, точнаго и постояннаго.

2. *Отъ плода ихъ познаете ихъ*, говоритъ Спаситель. Это единственное не обманчивое правило, по которому мы должны судить самихъ себя.

3. Мы можемъ раздѣлить время свое на разные порядки; но къ какому бы порядку ни принадлежало оно, ни въ какомъ оно не должно быть безотчетно; всякое должно составлять необходимое звено въ цѣпи нашей жизни, посвященной спасенію души нашей; на всякое возложенъ рукою Создателя особенный долгъ, за который Онъ нѣкогда потребуетъ отъ насъ отчета: отъ первой до послѣдней минуты нашей жизни, здѣсь не предѣлъ нашему произволу, дабы ни одна не могла быть утрачена безъ пользы. Онъ не далъ намъ времени пустого и безплоднаго. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы знать: какъ желаетъ Онъ, на что̀ бы мы данное Имъ время употребили. Мы къ этому знанію можемъ достигнуть, но не рвеніемъ поспѣшнымъ и безпокойнымъ, которое можетъ все привести въ безпорядокъ и спутать, а чистымъ и прямымъ сердцемъ, которое ищетъ Бога и искренно борется съ коварствомъ и хитростями самолюбія, по мѣрѣ того какъ ихъ обнаруживаетъ; ибо мы не тогда только теряемъ время, когда ничего не дѣлаемъ или дѣлаемъ зло; но и тогда, равномѣрно, когда дѣлаемъ не то, что должны, хотя бы оно и было само по себѣ и добро. Мы беспрестанно споримъ сами съ собою: и то, что̀ преданные свѣту дѣлаютъ явно съ откровенностію грубою, то люди, желающіе предать себя Богу, дѣлаютъ съ большею тонкостію, опираясь на какую-нибудь необходимость, и тѣмъ закрываютъ отъ себя безобразность своихъ поступковъ.

4. Вѣрное средство употреблять наилучшимъ образомъ наше время состоитъ въ привычкѣ жить безпрерывно въ зависимости отъ духа Божія, пріемля безусловно все, что во всякую минуту жизни Онъ намъ посылаетъ; вопрошая Его въ минуты сомнѣнія, когда намъ должно рѣшиться на что-нибудь немедля; прибѣгая къ Нему въ минуты безсилія, съ которымъ добродѣтель приходитъ въ разслабленіе; взывая и возвышаясь къ нему, когда сердце, увлеченное свѣтомъ и его прелестями, сбивается съ пути своего и вдругъ находитъ себя далекимъ отъ Бога и Его не забывшимъ.

5. Время, посвященное внѣшнимъ дѣламъ, будетъ хорошо употреблено тогда, когда мы просто будемъ непрестанно обращать вниманіе на волю Провидѣнія Божія. Оно ихъ для насъ готовитъ и намъ ихъ указываетъ; намъ остается только слѣдовать въ смиреніи сердца симъ указаніямъ и вполнѣ покорить Богу нашу волю и нашу разборчивость, наши тревоги, наши обращенія на самихъ себя, какъ съ другой стороны опрометчивость, радость и прочія страсти, которыя станутъ намъ являться по мѣрѣ того, какъ дѣло, намъ принадлежащее, будетъ или пріятно или тягостно. Берегись утонуть съ наводненіемъ внѣшнихъ занятій, каковы бы они ни были.

6. Мы должны начинать всѣ наши занятія съ цѣлію прославленія Божія, продолжать ихъ безъ разсѣянія, оканчивать ихъ безъ хлопотливости и нетерпѣнія.

XVI. ИСТИНА.

Когда мы говоримъ: *положительная истина*, всегда долженъ быть подразумѣваемъ подъ словомъ *истина* ея источникъ—*Богъ*. Найди его, и все найдешь, и все узнаешь. Но Бога даетъ одно откровеніе; умомъ человѣкъ можетъ дойти только до убѣжденія, что умъ не даетъ намъ полнаго убѣжденія. Всякая философія, ведущая насъ къ истинѣ, должна начинаться съ вѣры въ Бога, и эта вѣра должна быть первымъ звеномъ нашей умственной цѣпи.

Бытіе Бога не можетъ быть доказано. Богъ существуетъ не потому, что нашъ умъ его постигъ и своими доказательствами убѣдилъ насъ въ Его существованіи; нѣтъ, но умъ нашъ стремится Его постигнуть и доказать Его бытіе потому, что Онъ существуетъ. Богъ *есть* (и Богъ откровенный)—это должно быть передовымъ положеніемъ, точкою отбытія всякаго философическаго умствованія. Безъ врожденнаго, то-есть безъ откровеннаго понятія о бытіи, или, другими словами, безъ вѣры въ бытіе (а Богъ, есть бытіе, есть *сый*, то-есть, бытіе самобытное, самовѣдущее) нѣтъ возможности составить ни о чемъ никакого и самопростѣйшаго понятія. Скажу болѣе, намъ не только не можно, но и не нужно, и даже не должно искать такихъ доказательствъ бытія Божія, какими убѣждаемся мы во всякой другой доступной разсудку истинѣ. Необъятность полной идеи Бога не можетъ втѣсниться въ нашу человѣческую мысль, въ наше человѣческое слово; и наши усилія заключить ее въ эти предѣлы необходимо должны ее исказить и запутать. Человѣкъ, взятый отдѣльно, ищетъ доказательствъ, часто сомнѣвается, иногда отвергаетъ; но родъ человѣческій, взятый вмѣстѣ, вѣритъ: доказательство, что эта вѣра дана *всѣмъ*, а не пріобрѣтена *каждымъ*. Родъ человѣческій никогда не достигъ бы до вѣры въ Бога работою ума своего; Богъ самъ сказался человѣку. Доказательства, извлекаемыя изъ чистаго ума, всѣ допускаютъ возраженіе и сомнѣніе, которыхъ мы ничѣмъ опровергнуть не можемъ. Непостижимость Бога есть сильнѣйшее доказательство бытія Его; высшая идея, какую только человѣкъ имѣть можетъ, должна принадлежать высшему свойству души человѣческой, не уму, а вѣрѣ.

Никто не можетъ сказать, когда началась на землѣ вѣра въ Бога; не было человѣка, который, по прошествіи многихъ временъ Богонезнанія, вдругъ открылъ, что Богъ существуетъ и, явясь предъ людьми, философически доказалъ имъ Его бытіе. Вѣра въ Бога есть преданіе, переходящее отъ отца къ сыну, полученное непосредственно первымъ сыномъ отъ перваго отца, то-есть первозданнымъ человѣкомъ отъ самого Создателя. Грѣхопаденіе окружило это преданіе своимъ мракомъ; изъ очевидности оно перешло въ область откровенія, отъ ума къ вѣрѣ. Умъ усиливается человѣчески доказать то, что въ немъ божественно поселено откровеніемъ и что свободно принято вѣрою; и въ этихъ-то усиліяхъ извлечь прямо изъ себя, облечь въ слово и опредѣлить выраженіемъ то, что внѣ всего этого ясно и очевидно и что становится запутаннымъ изъ нашихъ безуспѣшныхъ толкованій, заключается источникъ всѣхъ нашихъ умственныхъ заблужденій, сомнѣнія и невѣрія. Изъ нашего безсилія схватить умомъ необъятное и выразить словомъ невыразимое мы выводимъ невозможность его существованія, тогда какъ самое это безсиліе есть убѣдительнѣйшее доказательство самобытности его существованія: здѣсь то, что̀ есть непостижимость для ума, есть очевидность для вѣры.

XVII. Аксіомы (вѣра и знаніе).

Въ наше время, когда все опрокинуто, необходимо взглянуть безпристрастными глазами на тѣ истины, которыя всему служатъ основаніемъ и которыхъ отрицаніе произвело это всеобщее разрушеніе, грозящее одичалостью человѣческому обществу.

Основная истина, корень всѣхъ истинъ, которой мы ни постигнуть, ни доказать умомъ, ни вполнѣ выразить словомъ не можемъ: *Богъ существуетъ*, Богъ самостоятельное, личное, самосознающее бытіе, источникъ всякаго бытія, невидимый видимаго Создатель.

Богъ есть положительное добро, положительная правда, положительная истина, положительная красота; все противорѣчащее добру, правдѣ, истинѣ, красотѣ, есть отрицаніе Бога. Основаніе всякаго добра, всякой правды, истины и красоты въ душѣ человѣка есть вѣра въ Бога. Изъ вѣры въ Бога исходитъ всякое добро, всякая истина, всякая правда и красота. Сія вѣра, выражаемая словомъ: Богъ *существуетъ*, есть основная аксіома, главное передовое положеніе, первая точка отбытія, съ которой долженъ начинаться путь нашихъ умствованій, дабы мы могли достигнуть до вѣрнаго результата. Этотъ существующій Богъ не есть созданіе нашего умствованія; Онъ есть Богъ откровенія, Богъ тройственный; Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, Богъ личный, особенно содѣйствующій душѣ человѣческой внѣ своего всеобъемлющаго, всемірнаго дѣйствія, душѣ, созданной имъ для себя, по своему образу и подобію, свободною, и вслѣдствіе сей свободы разрознившейся съ нимъ силою искушенія. На семъ отношеніи Бога къ душѣ человѣческой и души человѣческой къ Богу основанъ весь земной порядокъ. Изъ сего отношенія нашъ умъ долженъ извлекать и правила земного порядка; имъ долженъ онъ объяснять и судьбу человѣка на землѣ во времени и пространствѣ и судьбу души человѣческой въ вѣчности. По сему исторія человѣка распадается на двѣ: на исторію его дѣйствій въ порядкѣ земной жизни, то-есть на исторію фактовъ естественныхъ, гдѣ главный, видимый дѣйствователь есть самъ человѣкъ, и на исторію его дѣйствій относительно порядка высшаго, въ которыхъ главный дѣйствователь есть Богъ откровенія. Богъ—искупитель падшей души человѣка. Дѣйствіями въ порядкѣ земномъ мы приготовляемся къ жизни въ порядкѣ высшемъ: въ первомъ отношеніи, посреди событій вещественнаго міра, мы руководствуемся умомъ и совѣстью, въ послѣднемъ — насъ руководствуетъ откровеніе; въ первомъ мы властвуемъ умомъ и волею надъ событіями, въ послѣднемъ мы покоряемъ смиренно и умъ и волю волѣ Всевышней—первое для послѣдняго. Соединеніе того и другого есть земная задача, которую здѣсь бренный человѣкъ разрѣшаетъ для своей безсмертной души на вѣчность.

Принявъ все сказанное выше за основаніе, мы можемъ безошибочнѣе разрѣшить главные вопросы человѣчества. Сіи вопросы уже напередъ для всего человѣчества безмолвно разрѣшены всеобщимъ признаніемъ бытія Божія. Человѣкъ во всякое время тайно и неизглаголано ощущаетъ въ самомъ себѣ очевидность и неоспоримость сего разрѣшенія; но сія очевидность обращается въ сомнѣніе и сія неоспоримость становится отрицаніемъ всякій разъ, когда онъ беретъ на себя извлекать ихъ изъ своихъ умствованій, утверждать на своихъ доказательствахъ, и когда онъ въ границѣ своихъ темныхъ, тѣсныхъ, запутанныхъ словъ силится заключить свѣтозарное, необъятное, непостижимое Божіе слово. (1847—48 гг.)

Чистая умозрительная философія извлекаетъ свои понятія изъ ума; отъ ближайшаго она переходитъ къ дальнѣйшему и такъ стремится прямымъ логическимъ путемъ дойти до понятія о Богѣ, которое должно быть послѣднимъ результатомъ всѣхъ нашихъ умозрѣній. Христіанская философія, напротивъ, извлекаетъ все изъ идеи Бога; въ ней понятіе о мірѣ, о человѣкѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ міру и его Создателю суть результатъ неумотворнаго понятія о Богѣ, даннаго откровеніемъ, принятаго вѣрою. Умозрительная философія идетъ своимъ путемъ рядомъ съ религіею и часто врозь съ нею; философія христіанская идетъ путемъ религіи; она есть не иное что, какъ примѣненіе умозрѣнія къ откровенію, какъ согласованіе ума съ вѣрою. Въ первой умозрѣнія принадлежатъ особенному метафизическому міру и отдѣльны отъ жизни; въ послѣдней умозрѣнія входятъ въ дѣятельную жизнь, съ нею сливаются и даютъ ей, въ самыхъ простыхъ событіяхъ ежедневнаго, полноту и глубокую значительность. Первая стремится къ истинѣ и гордо мечтаетъ острымъ окомъ ума пронзить ея покрывало; послѣдняя истекаетъ изъ истины; она принадлежитъ вѣрѣ, а вѣра, свободное, блаженное принятіе невѣдомаго изъ устъ откровенія *здѣсь*, преобращается въ блаженное созерцаніе вѣдомаго *тамъ*. (1846 г.)

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

I. Свобода преподаванія.

Можетъ ли существовать полная свобода преподаванія въ университетахъ? Конечно, нѣтъ. Преподаватель, принимая обязанности профессора, входитъ въ условія съ правительствомъ дѣйствовать согласно съ нимъ и не противодѣйствовать установленному порядку, въ составъ котораго входитъ и публичное образованіе. Въ предметахъ чистой науки преподаватель, конечно, слѣдуетъ своимъ мнѣніямъ и не можетъ быть никакимъ предлогомъ ограниченъ: условіе—одно, чтобы онъ зналъ свое дѣло. Въ его способностяхъ и знаніяхъ правительство должно быть убѣждено предварительно: получивъ право преподаванія, на семъ убѣжденіи основанное, онъ дѣйствуетъ самобытно: ибо въ наукѣ и самыя заблужденія, въ кои можетъ впадать, служатъ къ ея распространенію. Но въ предметахъ преподаванія, кои относятся къ религіи, политикѣ и нравственности, сія способность должна быть ограничена предварительнымъ условіемъ съ правительствомъ, что преподаватель будетъ дѣйствовать въ смыслѣ религіи, установленнаго порядка и нравственности. Если изъ преподаванія его окажется, что онъ имъ противодѣйствовалъ, то условіе уничтожено, и правительство въ правѣ удалить преподавателя отъ мѣста, имъ даннаго на условіи, имъ нарушенномъ. Главный вопросъ, на который долженъ отвѣчать профессоръ теологіи (какой бы то ни было отрасли), есть: вѣришь ли ты во Христа? Если онъ отвѣчаетъ: вѣрую; то онъ получаетъ право преподаванія. Если изъ преподаванія окажется, что онъ не вѣритъ, то онъ самъ себя его лишаетъ. Если онъ, несмотря на свое невѣріе, захочетъ сохранить свое мѣсто, то онъ и передъ совѣстью и передъ людьми становится лжецомъ и воромъ и не долженъ быть терпимъ на своемъ мѣстѣ. Крикуны журнальные защищаютъ неограниченность свободы преподаванія только потому, что всякая обязанность имъ противна и что имъ въ области мысли такая же нужна анархія, какую они желали бы ввести въ общество. Первою они готовятъ послѣднюю... Они дѣйствуютъ безъ яснаго плана. Имъ въ настоящемъ до́роги только двѣ вещи: необузданность мысли и дѣйствій и деньги, скопляемыя насчетъ нравственности и порядка.

II. Человѣкъ и общество.

1. Человѣкъ отдѣльно, одиноко, не подчиненъ ни нравственному ни гражданскому закону: и тотъ и другой выходятъ изъ отношеній человѣка къ человѣку и къ обществу. Но человѣка одинокаго нѣтъ; какъ скоро онъ въ обществѣ, то́ есть и законъ гражданскій, основанный на нравственномъ. — Общество гражданское (говоря объ Европѣ и ея колоніяхъ) дошло до великаго развитія; все въ своемъ порядкѣ; *воля* человѣческая,

совершенно независимая въ одиночествѣ, приведена въ зависимость закономъ гражданскимъ для порядка общественнаго. Собственность опредѣлена и упрочена. Безопасность личная ограждена. Порядокъ общественный, безъ котораго нѣтъ ни твердой собственности, ни безопасности личной, или лучше, безъ котораго нѣтъ свободы гражданской, стоитъ на законѣ: законъ гражданскій поддерживается страхомъ наказанія, слѣдующаго неизбѣжно за дѣйствіемъ противозаконнымъ, явнымъ и доказаннымъ.

2. Мы не имѣемъ понятія о человѣкѣ въ чистомъ состояніи природы, то-есть въ совершенной независимости отъ человѣка или внѣ всякаго общества. Такой человѣкъ, если бы онъ могъ существовать, былъ бы то же, что всякій другой звѣрь; онъ былъ бы врагомъ всему его окружающему не по злобѣ, но по необходимости сохранять бытіе такъ, какъ другой хищный звѣрь, терзающій добычу свою не отъ злобы, а для утоленія голода или для своей защиты. Но человѣка внѣ общества никогда не существовало. Первый человѣкъ созданъ совершеннымъ. Въ своемъ паденіи имѣлъ онъ уже семейство; и съ той поры человѣкъ родится, окруженный семействомъ, то-есть родится человѣкомъ общества, болѣе или менѣе многолюднаго. Въ семействѣ всѣ начала гражданскаго общества. Гражданское общество составилось по тѣмъ же правиламъ, а правила извлечены изъ его постепеннаго развитія. Пока сіи правила составляютъ только правила, переходящія по преданію отъ отца къ сыну, пока они не выражены словомъ, не опредѣлены закономъ, утвержденнымъ общимъ сознаніемъ и служащимъ обороною личной безопасности и собственности, до тѣхъ поръ общество въ состояніи дикомъ. Изъ дикаго состоянія въ гражданское переходитъ оно съ развитіемъ, которое производится политически положительнымъ гражданскимъ закономъ, опредѣляющимъ права, ограждающимъ собственность и безопасность личную— умственно наукою и нравственно религіею, которою дополняется законъ гражданскій и нравственный. И законоположеніе и религія полагаютъ границы свободѣ личной и черезъ то утверждаютъ свободу гражданскую, единственно возможную. (Свобода гражданская состоитъ въ полной возможности дѣлать все то, что не запрещено закономъ, то-есть въ подчиненіи воли своей волѣ закона. Высшая свобода христіанская состоитъ въ уничтоженіи своей воли предъ высшею волею Спасителя, которая есть воля Божія.)

3. Общество гражданское въ Европѣ достигло до своего полнаго развитія въ своей матеріальной части, то-есть въ опредѣленіи отношеній человѣка къ человѣку, въ опредѣленіи правъ и въ огражденіи ихъ закономъ. Человѣкъ вышелъ изъ состоянія натуры, въ которомъ онъ враждовалъ со всѣмъ его окружавшимъ, и вошелъ въ состояніе гражданское, въ которомъ онъ другъ и помощникъ и защитникъ своего согражданина, обуздавъ свою вредоносную волю закономъ.

Посреди всего матеріальнаго, граждански устроеннаго общества образовалось другое умственное—общество мысли и слова. Мысль человѣческая свободна, какъ самъ человѣкъ, въ отдѣльномъ состояніи. Мысль, выраженная словомъ, уже ограниченная, ибо она получила опредѣленную форму, и, сообщаемая другому, встрѣчаетъ возраженія. Но сообщеніе мысли словомъ вполнѣ неограниченно и свободно относительно къ ея сообщникамъ. Мысль, выраженная письменно, имѣетъ обширнѣйшій кругъ дѣйствія, ибо ея сообщеніе уже происходитъ не непосредственно отъ лица къ лицу, оно дѣйствуетъ въ пространствѣ и времени. Здѣсь мысль становится самобытною, уже не зависитъ отъ того, кто ее выразилъ, она есть нѣчто отдѣльное—сія мысль есть умственное лицо; въ мірѣ умственномъ она то, что человѣкъ членъ общества еще дикаго въ мірѣ гражданскомъ. Мысль, выраженная письменно, принимаетъ характеръ гражданства. Мысль печатная есть мысль гражданская, дѣйствующая публично.—Итакъ, мысль печатная должна быть принята за гражданское лицо, входящее въ составъ гражданскаго умственнаго общества, неразлучнаго съ обществомъ гражданскимъ матеріальнымъ и составляющимъ вмѣстѣ съ нимъ одно цѣлое.

III. Порядокъ общественный *).

Не государство для порядка, а порядокъ для государства. Если правительство будетъ заботиться объ одномъ порядкѣ исключительно, жертвуя ему благосостояніемъ лицъ, то это будетъ одна декорація: спереди благовидное зрѣлище, сзади перепутанныя веревки, колеса и холстина. Надобно, напротивъ, чтобы видимая сторона была благоденствіе общее и частное, а порядокъ—сокровенная задняя сторона, невидимо производящая это благовидное устройство.

IV. Терпѣливость царя.

Главная добродѣтель властителя должна быть *терпѣливость*, résignation. Онъ долженъ быть смиреннымъ исполнителемъ воли Провидѣнія; его всемогущество относительно народа должно быть смиреніемъ относительно Бога. Творя надъ народомъ Божію волю, онъ долженъ ей подчинять безусловно свою волю. Если, посѣявъ добро на нивѣ народнаго блага, онъ захочетъ насильственно произвести всходъ своихъ сѣмянъ и пожать одновременно плодъ ихъ, то онъ будетъ дѣйствовать только въ смыслѣ одной собственной власти, а не въ смыслѣ власти верховной. Сѣй сѣмена блага, но жди отъ Промысла благотворнаго дождя и свѣта для созрѣнія сѣмянъ твоихъ. Иными словами: твори добро, но жди съ терпѣніемъ плодовъ его. Нетерпѣніе видѣть успѣхъ (зависящій не отъ насъ, а отъ Бога и постояннаго содѣйствія Его волѣ) есть эгоизмъ, весьма свойственный властителю. Онъ слишкомъ подверженъ отчасти видѣть въ неограниченности власти всемогущество. Но всемогущество принадлежитъ одному Богу. Горе тому, кто замыслитъ его себѣ присвоить; онъ познаетъ только слабость свою, гибельную и для него самого, и для тѣхъ, кто подверженъ его власти. Твори благо не для себя, а для народа; не жди исполненія при себѣ добрыхъ твоихъ замысловъ; не жди наслажденія видѣть ихъ исполненными; будь счастливъ чувствомъ своей чистоты, своего безкорыстнаго дѣйствія для блага, своимъ смиреніемъ передъ Богомъ, твоимъ всемогущимъ сподвижникомъ. Смотри въ будущее и вѣрь, что придетъ минута, въ которую Богъ благословитъ твою на него надежду; удобряй почву царства, не мысля о жатвѣ, не надѣясь даже, чтобы и твой наслѣдникъ ее собралъ; но въ настоящемъ, довольствуясь чистымъ дѣйствіемъ для блага, живи въ будущемъ, и вселяй твоему наслѣднику то же смиреніе—добро творитъ Богъ, а не люди. Оно будетъ, когда творящій его творитъ во имя Бога. Когда будетъ?—это Его дѣло. Намъ принадлежитъ только *одна* минута, и правда въ эту *одну* минуту и вѣра въ будущее, безъ всякаго желанія властвовать будущимъ, которое все во власти Того, Кто одинъ всемогущъ и Который равно дѣйствуетъ и въ каждое быстропролетающее мгновеніе, и въ вѣчности неизмѣнно Ему одному подвластной.

V. Государь и человѣчество.

Государь (говорятъ) далекъ отъ человѣчества и простыя чувства человѣческія ему чужды. Послѣднее несправедливо: государь знакомится съ человѣчествомъ

*) Печатая эту и слѣдующія замѣтки въ Русскомъ Вѣстникѣ 1887 г. № 5, И. А. Бычковъ указалъ, что онѣ относятся къ 1842—1847 гг., но онѣ по мѣсту, занимаемому ими въ тетради 1842 г., относятся, повидимому, къ 1846—1847.

въ семьѣ своей, и въ этомъ отношеніи онъ равенъ всякому другому человѣку. Если по своему положенію онъ не можетъ знать всѣхъ частностей человѣческой жизни, подобно человѣку, стоящему на башнѣ, съ высоты которой не можно ему видѣть въ лицо людей, ее окружающихъ, зато онъ видитъ всю ихъ массу, о которой не можетъ имѣть понятія тотъ, кто въ толпѣ.

VI. Деспотизмъ.

Тамъ нѣтъ народнаго благоденствія, гдѣ народъ чувствуетъ себя подъ стѣсняющимъ вліяніемъ какой-то невидимой власти, которая вкрадывается во все и бременитъ тебя во всѣ минуты жизни, хотя впрочемъ до тебя непосредственно и не касается. Это стѣснительное чувство, которое портитъ жизнь, бываетъ въ такомъ случаѣ, когда правительство вмѣшивается не въ одну публичную жизнь, но хочетъ распоряжаться и личною и домашнею жизнью, когда ему до всего нужда, до нашего платья, до нашихъ забавъ, до нашего дома, когда мы вѣчно подъ надзоромъ полиціи. Въ такомъ случаѣ власть отъ верховнаго властителя переходитъ къ исполнителямъ власти, и въ нихъ становится не только обременительною, но и ненавистною. Въ государствѣ демократическомъ чувствуешь себя также стѣсненнымъ. Тамъ власть не на тронѣ, а на улицѣ, не въ порфирѣ, а въ лохмотьяхъ; тамъ властвуетъ не одинъ, а толпа; тамъ личная свобода, огражденная закономъ, но подчиненная верховной власти, не признаетъ въ толпѣ ни закона, ни власти. И чернь, гордая свободою, становится, такъ-сказать, сама мучительнымъ закономъ, отъ котораго нѣтъ нигдѣ убѣжища; она не наблюдаетъ закона, который въ свою очередь, давая всѣмъ одинаковую гарантію, тѣмъ самымъ отдаетъ того, кто чтитъ законъ по мѣрѣ нравственности и просвѣщенія, на жертву тому, кто, не имѣя сей узды, безпрестанно его нарушаетъ насчетъ безопасности общей. Свобода тѣсненія, нѣкогда врагъ деспотизма правителей, есть нынѣ подпора деспотизма черни, которая безпрестанно ослабляетъ узду ея.

VII. Свобода.

Быть рабомъ есть несчастіе, происходящее отъ обстоятельствъ; любить рабство есть низость; не быть способнымъ къ свободѣ есть испорченность, произведенная рабствомъ. Государь,—въ высокомъ смыслѣ сего слова, отецъ подданныхъ—также не можетъ любить рабство своего народа и желать продолженія его, какъ отецъ не можетъ любоваться низостью своихъ дѣтей.

VIII. Самодержавіе

Самодержавіе—высшая форма правленія, если оно соотвѣтствуетъ смыслу своего слова. Самъ держу и самого себя держу. И то и другое заключается въ словѣ самодержавіе.

IX. Русскій историческій романъ.

Въ историческихъ романахъ Вальтеръ-Скотта болѣе истины, нежели въ исторіи; то же можно сказать и объ историческихъ драмахъ Шекспира. Эти два гиганта подаютъ другъ-другу руку. Что, если бъ нашелся Шекспиръ для русской исторіи и своимъ геніемъ дополнилъ, описалъ и олицетворилъ то, о чемъ умолчала наша скудная лѣтопись! Какая бы живая картина развивалась передъ нашими глазами! Древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека, и трудно угадать и живо представить сіи времена отдаленныя: слишкомъ будетъ ощутителенъ вымыселъ поэтическій. Но времена раздробленія и междоусобія: Мономахъ, Изяславъ, Всеволодъ Великій; времена ига Татарскаго: Александръ Невскій, Михаилъ Тверской, Донской, Литва, Галичъ; времена Іоанновъ III и IV, Василія Темнаго; Годуновъ; междуцарствіе—все это полно удивительной жизни. Но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щебня лѣтописей.

Исторія и историческая живопись.

Три рода историковъ. Одинъ записываетъ то, что происходитъ въ настоящую минуту, не заботясь о причинахъ и послѣдствіяхъ, не имѣя даже возможности опредѣлить ихъ; онъ ограниченъ тѣснымъ горизонтомъ современности, онъ описываетъ то, что видитъ, что можетъ обнять глазомъ; его достоинство и обязанность: вѣрность, живость изображенія, богатство легкихъ подробностей, сходство описанія съ описываемымъ; и въ этомъ описаніи равно живо выражаются и личность описателя, страсти имъ владѣющія, его любовь, его ненависть и личный характеръ того времени, подъ вліяніемъ котораго онъ пишетъ. Это не историкъ, а лѣтописецъ. Другой историкъ представляетъ событія въ ихъ цѣломъ, онъ обнимаетъ горизонтъ обширный, изображаетъ живо, но изображаетъ не подробности, а всю массу; посреди толпы дѣйствующихъ замѣчаетъ онъ только главныхъ дѣйствователей, ихъ предпочтительно преслѣдуетъ посреди множества другихъ имъ содѣйствующихъ, и выказывая особенно ихъ образы, приводитъ черезъ то въ порядокъ безпорядочное движеніе многолюдства; его лица получаютъ объемъ, выходящій за границу природы, не удаляясь отъ нея, и его истина не есть мелкая, частная, а величественная, сборная истина, результатъ ума, творящаго изъ подробностей цѣлое. Третій историкъ представляетъ событія не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ ихъ частностяхъ: онъ видитъ ихъ причины и угадываетъ ихъ послѣдствія; онъ соединяетъ судьбу настоящаго съ намѣреніями Промысла; онъ изъясняетъ тайную власть неизмѣняемаго Бога, посреди измѣняющагося потока событій; онъ пророчитъ судъ Божій, еще сокрытый въ тайнѣ грядущаго; онъ—вѣдатель минувшаго, зритель настоящаго, прорицатель будущаго, онъ проповѣдникъ Бога въ дѣлахъ человѣческихъ; его образы, не теряя своей естественности, получаютъ величіе символическое и становятся эмблемами невидимаго божественнаго міра, посреди видимыхъ событій міра человѣческаго. Сіи три характера можетъ имѣть и живопись историческая. Или живописецъ представляетъ, какъ аналистъ, одну настоящую минуту: характеръ его тогда одна только прозаическая правда; или онъ пишетъ, какъ историкъ: тогда картина его поражаетъ огромностью композиціи; или, какъ историкъ-проповѣдникъ, выражаетъ онъ идеальное въ матеріальномъ, высшее въ ежедневномъ: тогда въ картинѣ его первенствуетъ мысль, и онъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ живописи исторической. Лессингъ въ своемъ Гуссѣ есть аналистъ. Воображаю живописца, который, ничего не вѣдая о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, заѣхалъ въ Констанцъ во время собора. Идя по улицѣ, онъ увидѣлъ толпу народа передъ палатою засѣданій; множество тѣснилось къ дверямъ, каждому хотѣлось посмотрѣть сквозь замочную скважину. И живописцу удалось протѣсниться къ этой скважинѣ. Онъ увидѣлъ блѣднаго старика съ книгою въ рукахъ, посреди кардиналовъ, епископовъ и монаховъ; старикъ что-то простодушно изъяснялъ своимъ слушателямъ. Живописцу эта сцена понравилась, онъ нашелъ, что можетъ написать хорошую картину; и онъ написалъ, что́ видѣлъ—какъ видѣлъ, но и самъ не зная, что́ видѣлъ; написалъ прекрасно, но поставилъ зрителя своего въ то же положеніе въ какомъ онъ самъ находился: зритель глядитъ сквозь замочную скважину;

онъ видитъ сцену, не имѣющую никакой идеальной значительности, но въ изображеніи которой съ удивительнымъ мастерствомъ сохранена вся матеріальная истина.

Теперь укажу на картину, которая, хотя о не перешла еще изъ создавшаго ее воображенія на холстину, но уже въ составѣ своемъ соединяетъ всѣ достоинства исторической живописи.

Въ Берлинѣ предположено построить *Campo Santo*, по плану, сдѣланному самимъ королемъ. Стѣны аркадъ, которыя должны съ двухъ сторонъ примыкать къ церкви, будутъ покрыты фресками, для которыхъ картоны уже приготовлены знаменитымъ Корнеліусомъ. Въ самой же церкви будетъ только одна картина: изображеніе страшнаго суда. Идея этой картины принадлежитъ тоже самому королю; для исполненія поручено приготовить картоны тремъ первымъ живописцамъ нашего времени (первымъ вмѣстѣ съ Овербекомъ въ христіанской живописи): Корнеліусу, Фейту и Штейнле. До сихъ поръ ни одному живописцу не удалось изобразить страшный судъ такъ, чтобы великій предметъ былъ выраженъ достойнымъ его образомъ и чтобы вполнѣ удовлетворены были требованія искусства. Микель Анжело наполнилъ картину свою высокими образами, но главная мысль исчезаетъ въ подробностяхъ; праведники никого не плѣняютъ своимъ блаженствомъ, а осужденные и дьяволы портятъ величіе предмета отвратительными сценами, посреди ихъ происходящими. Какъ выразить въ одно время и небо, и рай, и адъ, и землю? Король рѣшилъ это. Онъ ограничился однимъ небомъ, оставивъ остальное воображенію. Верховный судья, готовый произнести свой приговоръ, возсѣдаетъ посреди него на престолѣ славы; съ одной стороны Богоматерь, съ другой Іоаннъ Креститель, за ними всѣ образы тѣхъ, для которыхъ уже не можетъ быть страшнаго суда и которые должны быть только его свидѣтелями, всѣ представители минувшей судьбы человѣчества, всѣ дѣйствователи древняго и новаго завѣта, отъ Адама до святителей церкви, мучениковъ и царей блаженныхъ. Пространство наполнено ангелами; они летаютъ между небомъ и землею, перенося отъ людей молитвы къ Богу, отъ Бога милосердіе людямъ. Одинъ (отъ другихъ отдѣленный) стоитъ ангелъ, возвѣститель суда; въ рукахъ его труба, готовая возгремѣть наступленіе страшнаго часа; онъ ждетъ на то повелительнаго слова, и глаза его устремлены на Судію Всевышняго: вмѣстѣ съ нимъ все небо смотритъ на этого Судью, преисполненное ожиданія. Но слово Его еще не произнесено; надъ землею таинственно простираются облака, сокрывающія отъ нея происходящее въ вышнихъ. Когда наступитъ этотъ часъ, кто знаетъ? Для тѣхъ, кто на небеси, онъ уже насталъ, ибо они въ вѣчности, гдѣ все сливается въ настоящее; для земли онъ еще въ невѣдомомъ будущемъ. Состояніе этой ожидающей, но покровенной мракомъ невѣдѣнія, земли, прекрасно и трогательно выразилъ царственный живописецъ, представивъ на ней самого себя съ семействомъ и съ современниками, молящихся и ожидающихъ. Такимъ образомъ многообъемлющій предметъ изображенъ на картинѣ весь, съ сохраненіемъ необходимаго единства. Передъ глазами одни высокіе образы, представители всего *прошедшаго*; ихъ ожиданіе говоритъ о неминуемомъ *будущемъ*, а молитва стоящихъ на землѣ выражаетъ *настоящее*. Воображеніе все дополняетъ, рисуя безъ красокъ то, чего не могутъ изобразить краски: воскресеніе мертвыхъ, блаженство праведныхъ и муки осужденныхъ. Этой картины одной довольно для церкви. Она представляетъ весь ходъ христіанства, котораго эпохи соединены въ одно великое соприсутствіе; она говоритъ стоящимъ во храмѣ: „Передъ вами все, что было, и все, что будетъ: паденіе, искупленіе и послѣдній часъ временнаго, послѣ котораго наступитъ вѣчность; но когда наступитъ она, вамъ неизвѣстно. Бодрствуйте—и молитесь".

ОБЪ ИЗЯЩНОМЪ ИСКУССТВѢ.

(ХАРАКТЕРЪ ИСКУССТВА. ТРУДЪ ПОЭТИЧЕСКІЙ. ИСКУССТВО И РЕМЕСЛО. ГЕНІЙ И ТАЛАНТЪ.)

Искусство—поэзія въ разныхъ формахъ; источникъ искусства—творческая сила человѣка, посредствомъ которой онъ посреди творенія Божія другими средствами творитъ то же, что въ глазахъ его сотворено природою; его матеріалы для творенія суть: слово, звукъ, краска, твердая матерія. *Цѣль* искусства—не иное что, какъ самое сіе созданіе, которое въ то же время должно быть и созданіе изящное, то-есть пробуждающее въ душѣ сладостное ощущеніе красоты. Красота въ тѣсномъ смыслѣ есть истина, то-есть вѣрное сходство изображенія съ изображаемымъ; въ обширномъ смыслѣ красота есть истина идеальная, то-есть не одно ощутительное сходство выраженія съ выражаемымъ, но и соединеніе съ нимъ того, что неощутительно, что единственно существуетъ въ душѣ человѣческой, постигающей нѣчто высшее, внѣ видимой матеріальной природы существующее, и свойственное ея божественной природѣ, однимъ словомъ, когда идеалъ красоты есть Богъ, явно и тайно соприсутствующій въ созданіи и ему сообщающій красоту живую, одной человѣческой душѣ откровенную. Искусство принадлежитъ землѣ; оно украшаетъ земную жизнь; его произведенія составляютъ памятники неизмѣнные посреди измѣняющихся явленій міра; но оно не переходитъ съ нами за границу земнаго.

Говоря о красотѣ природы, Гумбольдъ исчисляетъ какъ ее въ разныхъ народахъ, отъ древнихъ временъ до нашего, изображали поэты и живописцы. Весьма жаль, что онъ самъ не сталъ на мѣсто поэта и живописца и не пролетѣлъ живымъ воспоминаніемъ по всей землѣ, чтобы указать на разные виды красоты, въ разныхъ частяхъ міра, подъ разными законами, посреди льдовъ полярныхъ, посреди песковъ Сахары, посреди горъ Гималая, на океанѣ, на островахъ, на берегахъ рѣкъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ народовъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, подъ вліяніемъ оставшихся отъ древности памятниковъ, говорящихъ о прошедшемъ человѣческаго рода, какъ горы и окаменѣлости говорятъ о прошедшемъ земли, подъ вліяніемъ естественныхъ феноменовъ: тамъ землетрясеній, тамъ ураагановъ, тамъ сѣверныхъ сіяній и всѣхъ великолѣпныхъ явленій физическаго міра. Своимъ могучимъ словомъ онъ произвелъ бы нѣчто разительное, и въ его картинахъ самъ собою отразился бы, хотя и неназваннымъ, Создатель міра, источникъ его красоты несказанной.

Въ молодости предпринимая *трудъ поэтическій*, мы думаемъ о славѣ и вѣримъ славѣ. Въ зрѣлые дни, болѣе разсмотрѣвъ, что такое слава, и понявъ болѣе жизнь, мы трудимся для прелести труда; мысль объ одобреніи людей съ нею соединяется, но это одобреніе не есть уже цѣль. Подходя къ концу своей дороги, мы болѣе обращаемся во внутрь себя и смотримъ за границу жизни; сама жизнь становится уже нѣчто второстепенное, внѣшнее и намъ мало принадлежащее.

Цѣль искусства есть одно *твореніе*. Красота творенія заключается въ *истинѣ*. Чѣмъ ближе къ своему образцу, къ природѣ и къ ея источнику, тѣмъ прекраснѣе и совершеннѣе произведеніе искусства. Цѣль *ремесла* также твореніе, но твореніе для нѣкоторой пользы. Ремесло заимствуетъ у искусства матеріальную красоту, состоящую въ правильности и порядкѣ, и даже пользуется искусствомъ для украшенія. Въ такомъ случаѣ искусство подчинено ремеслу, котораго характеръ не красота, а польза. Если же украшенія искусства значительны сами по себѣ, то они затмеваютъ пользу, и произведеніе ремесла тогда уступаетъ произведенію искусства. Если бы Рафаэль вздумалъ расписывать дверцы кареты, то эта карета потеряла бы свое достоинство, какъ карета, и была бы только картиною.

Характеръ *генія* есть могучее творчество. Онъ не творитъ *новаго*, то-есть не даетъ бытія несуществую-

щему, но онъ постигаетъ истину или существующее быстрымъ и всеобъемлющимъ образомъ, такъ что сіе быстрое, легкое, такъ-сказать, внезапное постиженіе кажется созданіемъ. Геній все, что̀ въ природѣ и въ наукѣ, обращаетъ въ свою собственность и всему имъ пріобрѣтаемому даетъ единство. Это дарованіе единства разнообразному есть особенный характеръ генія. Для него нѣтъ безпорядка; все входитъ въ составъ одного цѣлаго. Въ произведеніяхъ искусства, поэзіи, литературы, науки геній болѣе выражается въ планѣ, въ созданіи цѣлаго; исполненіе есть уже необходимое слѣдствіе сего созданія. *Талантъ* заключается болѣе въ *исполненіи*; онъ болѣе выражается въ совершенствѣ нѣкоторыхъ частей.

1847.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Нашъ философическій языкъ вообще еще весьма бѣденъ и неопредѣлителенъ. Этому причина та, что у насъ еще слишкомъ мало оригинальныхъ философическихъ сочиненій.

Наши мыслители, для собственныхъ идей, принуждены заимствовать выраженія у философовъ иноземныхъ, особенно у нѣмцевъ. Нѣмецкій языкъ удивительно удобенъ для построенія новыхъ словъ: онъ чудно творитъ, по мѣрѣ нужды, выраженія *новыя*, преобразуетъ *старыя* и германизуетъ *чужія*. Онъ по природѣ своей языкъ философическій; онъ погружается въ глубину мысли до самаго дна ея и схватываетъ всѣ оттѣнки, отчего бываетъ часто теменъ, хотя, впрочемъ, эту темноту можно чаще поставить насчетъ самого писателя, нежели насчетъ языка его. Такихъ свойствъ русскій языкъ еще не имѣетъ. Можетъ ли онъ пріобрѣсть ихъ—не знаю; но ежели можетъ, то не иначе, какъ общими усиліями самомыслящихъ философическихъ писателей, которые для построенія собственныхъ умственныхъ зданій должны будутъ употреблять и собственные матеріалы словъ. Мыслить есть говорить внутренно; всякая опредѣленная мысль есть уже слово, сказанное душою самой себѣ, слово безмолвное, которое должно быть переведено въ соотвѣтственное ему звучное. Какъ мы находимъ и то и другое—эта, безъ вѣдома нашего совершающаяся, операція души навсегда остается для насъ тайною. Въ минуту рожденія каждой мысли, по какому-то духовному сродству, проявляется вмѣстѣ съ нею и соотвѣтственное ей умственное слово. Но это происходитъ не нашею волею; мы чувствуемъ, такъ сказать, муку родовъ, но ни зачатіе, ни рожденіе мысли отъ насъ не зависятъ. Мы можемъ только слышать первый крикъ новорожденнаго младенца, то-есть схватывать проявленіе мысли въ духовномъ, внутреннемъ словѣ и въ соединеніи этого внутренняго слова съ выражающимъ его звучнымъ. Мы ошибаемся, полагая, что сами произвольно создаемъ свои мысли; напротивъ, мысли сами намъ даются; каждая изъ нихъ есть откровеніе, награждающее нашу неутомимость въ ея исканіи, и здѣсь справедливо выраженіе Бюффона: *геній есть терпѣніе въ высшей степени*. Мы можемъ только принимать; вся наша сила состоитъ въ неутомимости произвольнаго терпѣнія; насильственно намъ взять ничего невозможно. Обращаясь къ языку, скажу, что ясность выраженія зависитъ отъ сродства, отъ совпадаемости слова звучнаго съ словомъ духовнымъ. Вотъ отчего намъ легче выражать собственныя мысли, нежели мысли заимствованныя. Кто почерпаетъ мысль изнутри себя, кто схватываетъ ее, такъ-сказать, въ минуту ея рожденія, уже облеченную въ свойственный ей мысленный образъ, то-есть въ мысленное слово, тому легче найти въ собственномъ языкѣ (который не иначе что, какъ внѣшній отзывъ внутренно говорящей души) матеріальное слово, соотвѣтственно мысленному, въ которомъ оно уже заключается, какъ плодъ въ сѣмени, и изъ котораго оно вдругъ выходитъ во всей полнотѣ своей, вызванное упорною работою нашего терпѣнія. Здѣсь изъ мысли родится само собою сперва духовное слово, изъ слова духовнаго—слово матеріальное, его выражающее; мы прямымъ путемъ переходимъ отъ мысли къ слову. Напротивъ, выражая чужую, уже выраженную на другомъ языкѣ мысль, мы принуждены переходить обратнымъ путемъ—отъ выраженія къ мысли; мы должны сначала присвоить чужое, не нами найденное выраженіе, и покорить сему данному выраженію и нашу мысль, и наше ее выражающее слово. Отъ этой натяжки выраженіе становится запутано, и часто затемняетъ самую мысль, ибо не можетъ вполнѣ ей соотвѣтствовать. Изъ сего слѣдуетъ, что языкъ философическій можетъ образоваться только отъ *самобытнаго*, а не отъ *заимствованнаго*, подражательнаго мышленія. Въ семъ послѣднемъ случаѣ мысли всегда будутъ въ разладѣ съ выраженіемъ; выражающее слово будетъ болѣе или менѣе чуждо выражаемой мысли, потому именно, что и самая мысль будетъ чужая для ея выразителя.

Напримѣръ: въ нашемъ философическомъ языкѣ, столь еще бѣдномъ опредѣленными техническими выраженіями, недавно начали употреблять слова: *субъектъ*, *субъективность*, *объектъ*, *объективность*, и эти слова получили уже у насъ нѣкоторое право гражданства отъ употребленія, но въ нихъ звучитъ что-то для насъ чужое. Предлагать взамѣнъ ихъ другія слова было бы безполезно: словъ нельзя выдумывать отдѣльно, по произволу; слово ясное и точное находится только на пути размышленія, его даетъ сила необходимости; тогда только оно бываетъ ясно, когда оно родится вмѣстѣ съ мыслью, въ связи съ другими, притягивающими его магнитною силою сродства, и тогда только употребленіе присвоиваетъ его безъ противорѣчія. Слово не есть наша произвольная выдумка; всякое слово, получающее мѣсто въ лексиконѣ языка, есть событіе въ области мысли, можно сказать и въ области гражданской жизни. Всякое новое слово есть новый монументальный камень, входящій въ составъ той пирамиды, которую зиждутъ въ продолженіе вѣковъ, во свидѣтельство бытія своего, народы, и которой послѣдній верхній камень только тогда положенъ будетъ, когда созданіе остановится, то-есть когда самое существованіе народа прекратится. Всякое счастливое слово, сильно и живо изображающее мысль, есть такое же откровеніе, какъ и сама мысль; какъ вылетаетъ искра изъ кремня отъ удара стали, такъ оно вылетаетъ изъ души отъ удара вдохновенія.

Сдѣлаемъ, однако, опытъ. Мнѣ кажется, что слово *субъектъ* можетъ быть замѣнено словомъ *лицо*, а слово *объектъ* словомъ *предметъ*. Такимъ образомъ, понятіе субъективное, котораго содержаніе составляемъ мы сами, можно назвать опредѣлительнѣе понятіемъ *личнымъ*, а понятіе объективное, котораго предметъ внѣ насъ, передъ нами, передъ лицомъ нашимъ, можетъ быть названо понятіемъ *предметнымъ*, *предличнымъ*. Субъектъ есть нѣчто подлежащее, объектъ есть нѣчто предлежащее; *подлежательность*, *предлежательность* кажутся мнѣ выраженіями довольно точными, они яснѣе, нежели субъективность и объективность. Говорятъ *недѣлимое*, чтобы выразить *individu*; но едва ли это слово останется въ употребленіи: оно не выражаетъ вполнѣ соединеннаго съ нимъ понятія. *Недѣлимость* не значитъ единство; оно означаетъ одну только матеріальную сторону предмета, только его нераздѣлимость на части; слово *лицо* выражаетъ, кажется мнѣ, его полнѣе и точнѣе.

Впрочемъ, понятіе *individu* не можетъ быть выражено въ разныхъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же словомъ; напримѣръ: мы не можемъ употреблять слово *недѣлимое*, какъ французы употребляютъ свое *individu*: никто не скажетъ: *это недѣлимое у меня ны-*

нѣ обѣдаетъ; этотъ недѣлимый очень глупъ; его недѣлимость мнѣ несносна. Это понятіе должно быть раздроблено на многія выраженія: *лицо, личность*—когда идетъ дѣло о человѣкѣ; *единица, единичность*—для выраженія единства вообще; *недѣлимое, недѣлимость*—для выраженія единства матеріальнаго. Не выдаю здѣсь предлагаемыхъ выраженій за счастливую находку; думаю, напротивъ, что они будутъ новымъ доказательствомъ, сколь трудно выдумывать слова отдѣльно. Слово упрямо и причудливо, его нельзя взять силою; оно прячется отъ насъ, когда мы его ищемъ и кличемъ, и вдругъ намъ является тамъ, гдѣ мы найти его не ожидаемъ. Слово есть откровеніе.

НАУКА.

Наука есть богатство ума человѣческаго, есть хранилище пріобрѣтенныхъ имъ умственныхъ сокровищъ. Каждое новое пріобрѣтеніе науки, полезное для матеріальной и для общественной жизни, усиливающее власть человѣка надъ окружающею его природою, умножающее способы нашихъ наслажденій чувственныхъ и умственныхъ, пріобщается къ пріобрѣтеніямъ прежнимъ, такъ-сказать, механически, подобно тому, какъ нарастаетъ капиталъ, пущенный въ ходъ промышленностью. Капиталисту, скопившему милліоны, было въ самомъ началѣ пріобрѣтеніе одного рубля труднѣе, нежели послѣ пріобрѣтеніе тысячей, которыя, наконецъ, легко превращаются въ милліоны. Такъ и въ наукѣ. Когда уже скопилась масса открытій, новыя открытія быстро прилипаютъ къ старымъ; уму нужна только неутомимость; здѣсь геній есть Бюффоново *терпѣніе въ высочайшей степени.* Не уставай идти впередъ, къ неизвѣстному доберешься по звеньямъ, составляющимъ непрерывную цѣпь извѣстнаго. Кольца этой цѣпи соединяются сами собою, *необходимо;* по закону *послѣдственности* (consequence) надъ этимъ сцѣпленіемъ работаетъ умъ; но онъ не *творитъ* его, а только *открываетъ* и примѣняетъ его результаты къ практической жизни, матеріальной и нравственной. Сліянная дѣятельность всѣхъ частныхъ умовъ въ своей совокупности есть то, что называется геніемъ, разумомъ, духомъ человѣческаго рода. Открытія ума, приведенныя въ систему, составляютъ науку; изъ соединенія наукъ и ихъ вліянія на жизнь человѣческаго рода истекаетъ то, что́ мы называемъ образованіемъ, цивилизацією; цивилизація есть результатъ примѣненія знаній къ практической, общественной жизни, къ жизни человѣческой въ границахъ земного.

Съ помощью цивилизаціи человѣкъ, какъ членъ общества, какъ зритель и обладатель природы вещественной, становится *матеріально* часъ-отъ-часу разборчивѣе и взыскательнѣе въ наслажденіяхъ чувственныхъ, а *умственно* часъ-отъ-часу болѣе пріобрѣтаетъ способовъ лакомиться и роскошно забываться за изобильною трапезою мысли. Все это, столь важное относительно земной жизни человѣка, то-есть относительно этого минутнаго явленія нашего посреди разнообразныхъ явленій окружающаго насъ тревожнаго міра, само по себѣ не имѣетъ никакой положительной важности относительно души нашей. Въ этомъ богатствѣ матеріальномъ и умственномъ, принадлежащемъ человѣческому роду въ цѣломъ, нѣтъ еще того, что́ составляетъ отдѣльное, вѣчное богатство души человѣческой внѣ человѣческаго рода, вызванной изъ тѣсныхъ отношеній всего, что́ здѣсь составляетъ предметъ любопытства для ума нашего и вожделѣнія для нашего сердца. Все здѣсь—отъ высокаго, многообъемлющаго знанія, пріобрѣтеннаго дѣятельностью испытующаго генія, до мелкаго, мгновеннаго удовольствія чувственности—принадлежитъ скоропроходящему (назови это скоропреходящее мгновеніемъ или вѣкомъ). Душѣ (я говорю о душѣ, взятой отдѣльно) принадлежитъ одно *неизмѣнное*, то, что́ существуетъ внѣ пространства и времени, что́, будучи извлечено изъ науки, остается въ душѣ ея самобытною, неотъемлемою, съ нею сліянною собственностью, независимо какъ отъ самой науки, такъ и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, временную нашу жизнь составляющихъ. Это вѣчное есть Богъ, источникъ и предметъ всякаго знанія; всякій шагъ впередъ науки долженъ быть шагомъ, приближающимъ къ Богу, новымъ откровеніемъ въ таинствѣ нашихъ вѣчныхъ къ нему отношеній. Все, что́ мы *здѣсь* знаемъ, принадлежа здѣшней жизни и изъ нея истекая, здѣсь съ нею и остается; но итогъ нашихъ знаній, элементъ, ихъ животворящій, то, что́ въ нихъ принадлежитъ исключительно душѣ и съ нею вмѣстѣ уйдетъ изъ здѣшней жизни, это есть наше знаніе Бога и знаніе нашихъ къ нему отношеній.

Я вижу предъ собою гиганта науки, онъ обхватилъ могучимъ умомъ все, что́ уму на землѣ обхватить возможно; но онъ стоитъ посреди своихъ собранныхъ имъ сокровищъ, какъ тюремщикъ посреди своихъ колодниковъ, съ которыми вмѣстѣ и самъ онъ колодникъ. Послѣдній результатъ науки есть для него наслажденіе наукою, знаніе—что́ онъ знаетъ, благоговѣніе предъ силою своего генія, сообщеніе своего знанія другимъ, словомъ: наслажденіе столь же преходящее, какъ онъ самъ. Высшее, что́ онъ извлекъ изъ знанія, есть примѣненіе его къ матеріальной пользѣ общества и чувство красоты, которая уже сама по себѣ выше знанія, ибо красота есть не иное что, какъ тайное выраженіе божественнаго. Но наслажденіе красотою—эта роскошь души, погружающейся въ сладкое ощущеніе чего-то, ее вполнѣ, но на минуту удовлетворяющаго, это душевное сибаритство — есть не иное что, какъ высшая степень чувственности; для души сего недовольно. Ты окинулъ окомъ просвѣщеннымъ весь необъятный міръ и все намъ высказалъ о его законахъ, ты возвысился до красоты, заключенный въ этой гармоніи цѣлаго и частей; но ты не сказалъ ни слова о главномъ, о томъ, что́ для души и для чего душа, и мы невольно, хотя и очарованы твоимъ краснорѣчіемъ, съ грустью по тебѣ, чувствуемъ, что для тебя вся эта бездна величія и красоты не иное что, какъ пустыня великолѣпная, гдѣ властвуетъ необходимость и посреди которой ты, ея пророкъ, скоро исчезнешь, какъ нѣкогда сама она исчезнетъ. Слушая тебя, мы остаемся съ тѣмъ впечатлѣніемъ въ душѣ, какое потрясло того несчастнаго, описаннаго Жанъ-Полемъ, который обошелъ все твореніе, искалъ повсюду Бога и не нашелъ Его.

Изъ того, что мною сказано, не слѣдуетъ, однако, что я хочу унизить науку и поклоняюсь невѣжеству. Въ наукѣ, созданной человѣкомъ, заключается истинное земное величіе человѣка, его владычество надъ природою, его личное первенство передъ всѣми ея живыми созданіями. Наука есть великій памятникъ жизни человѣческаго рода, болѣе великій, нежели всѣ первозданныя горы, заключающія въ слояхъ своихъ мертвую лѣтопись міра матеріальнаго, тогда какъ умственные слои науки составляютъ живую лѣтопись міра умственнаго. Мы должны благоговѣть передъ наукою, благоговѣть передъ ея могучимъ, образовательнымъ дѣйствіемъ на родъ человѣческій, передъ ея животворящимъ вліяніемъ на человѣческую душу въ предѣлахъ матеріальнаго міра. Что можетъ быть живѣе жизни человѣка, который всюду съ собою носитъ сокровище знаній, всѣми вѣками пріобрѣтенныхъ, который въ минуты уединенія, никому непримѣтный, на непримѣтной точкѣ, имъ занимаемой въ пространствѣ, можетъ просвѣщеннымъ умомъ своимъ охватывать цѣлый міръ, которому все на землѣ знакомецъ, все собесѣдникъ, живое, мертвое, давно прошедшее, возможное, матеріальное и духовное? Нѣтъ, я хочу только сказать, что наука теряетъ свое высокое достоинство, когда сама становится своею цѣлію. Цѣль науки и вообще жизни духовнаго человѣка, есть Богъ, создавшій человѣка не для иного чего, какъ для себя. Земля есть колыбель человѣка; земная жизнь и все человѣчество, взятыя вмѣстѣ, суть

скоропреходящія явленія, образующія и готовящія каждую человѣческую душу отдѣльно для другой высшей жизни. Наука устраиваетъ и озаряетъ для человѣка эту сцену явленій, она безпрестанно обрѣтаетъ новые способы ее украшать, разнообразить и ея зрѣлищами наслаждаться; но если этого довольно для человѣчества, стѣсненнаго въ предѣлахъ здѣшней жизни, то все это ничтожное для души человѣческой, назначенной для иного порядка. Относительно здѣшняго, наши знанія могутъ безпрестанно умножаться и совершенствоваться могуществомъ человѣческаго генія, этой собирательной души всего человѣчества, не имѣющей личнаго бытія, но существующей какъ великое преданіе отъ поколѣній къ поколѣніямъ, которыя уходятъ одно за другимъ, оставляютъ въ наслѣдство идущимъ за ними свои духовныя сокровища, ложащіяся, какъ сказано выше, слоями одно на другое и образующія великую, безпрестанно возрастающую громаду науки. Но вся эта громада принадлежитъ человѣческому роду на землѣ; что́ въ ней принадлежитъ душѣ, землѣ не принадлежащей, то, что́ душа исключительно присваиваетъ себѣ и сохранитъ на всю вѣчность, есть познанный ею въ глубинѣ житейскаго Богъ; къ Нему должна вести наука. Если она не объяснитъ человѣку глубокаго смысла окружающихъ его явленій и, посреди ихъ быстраго, ежеминутнаго измѣненія, не найдетъ вѣчнаго Бога, то она и сама будетъ однимъ только явленіемъ земной жизни, которой исключительно принадлежатъ ея открытія, и не дастъ ничего въ приданое душѣ при ея переходѣ въ иной порядокъ. Однимъ словомъ: человѣку на землѣ нужна наука, душѣ человѣческой нуженъ только Богъ. Онъ одинъ только даетъ знанію жизнь, Онъ одинъ изъ глубины знанія, бесѣдуя съ душою, съ нею сливается *здѣсь*, дабы не покинуть ея *тамъ*, гдѣ всякое земное знаніе, какъ сонъ, исчезаетъ.

ЧТО ТАКОЕ ВОСПИТАНІЕ?

(что такое воспитаніе? цѣль воспитанія. природное воспитаніе. привычки. теорія и практика. покорность. система руссо.)

Что такое воспитаніе? Этотъ вопросъ разрѣшится тогда, когда будетъ разрѣшенъ слѣдующій: что такое здѣшняя жизнь? Здѣшняя жизнь есть приготовленіе земного человѣка къ жизни высшей. Воспитаніе есть приготовленіе человѣка къ принятію уроковъ здѣшней жизни. Какую форму ни имѣли бы сіи уроки, ихъ смыслъ всегда одинъ и тотъ же. Открытіе этого смысла, независимо отъ формы, которая зависитъ отъ Промысла, есть высшій предметъ воспитанія. Для сего предмета должно быть въ здравомъ тѣлѣ образованіе здравой души, вѣрно мыслящей, свободно дѣйствующей, чисто чувствующей, наконецъ, смиренно вѣрующей.

Цѣль воспитанія есть та же, какъ и цѣль жизни человѣческой. Сама жизнь здѣшняя не иное что, какъ воспитаніе для будущей, а вся будущая—не иное что, какъ безконечное воспитаніе для Бога. Что есть назначеніе человѣка на землѣ? Въ одномъ словѣ: возстановленіе падшаго въ немъ образа Божія. Воспитаніе должно въ первые годы жизни сдѣлать его способнымъ пройти нѣсколько шаговъ впослѣдствіи для достиженія этой цѣли. Итакъ, человѣкъ образуется здѣсь воспитаніемъ не для счастія, не для успѣха въ обществѣ, не для особеннаго какого-нибудь званія, даже не для добродѣтели; онъ образуется для вѣры въ Бога (для вѣры христіанской) и для безусловнаго преданія воли своей въ высшую волю (въ чемъ истинная человѣческая свобода). Изъ этого истекаетъ всякое другое счастіе, успѣхъ, нравственность, добродѣтель.

Воспитаніе должно образовать человѣка, гражданина, христіанина. Человѣкъ—здравая душа въ здравомъ тѣлѣ. Гражданинъ — нравственность, просвѣщеніе, искусства, самостоятельность. Христіанинъ—подчиненіе всего человѣка вѣрѣ.

Всему основаніе — *привычка. Природа человѣка* есть то, что́ онъ есть отъ рожденія. Это врожденное образуется воспитаніемъ и жизнію и получаетъ доброе или худое направленіе; но оно всегда остается въ человѣкѣ. Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.

Первое время воспитанія для утвержденія хорошихъ привычекъ — самое вѣрное средство для сего; основа всѣхъ другихъ привычекъ—привычка къ повиновенію. Сила привычки доказывается ловкостью правой руки, которая, привыкая дѣйствовать болѣе лѣвой руки (Богъ знаетъ для чего), несравненно искуснѣе, нежели лѣвая. Если бы въ первые годы закрыть лѣвый глазъ и глядѣть только правымъ, то, конечно, произошла бы между ними большая разница; но ихъ дѣйствіе болѣе совокупное, нежели дѣйствія рукъ. Отчего нѣтъ разницы въ нашихъ ногахъ? Онѣ всегда обѣ дѣйствуютъ совокупно.

Привычка дается собственнымъ опытомъ, вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, содѣйствіемъ воспитанія. Послѣднее тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ согласнѣе съ дѣйствіемъ опыта и чѣмъ болѣе властвуетъ обстоятельствами. Привычки могутъ быть умственныя, нравственныя и физическія. Чѣмъ скорѣе угадаетъ воспитатель тайну природы, то-есть врожденныя качества — и умственныя, и нравственныя, и физическія—воспитанника, тѣмъ удачнѣе будетъ дѣйствовать на произведеніе привычекъ, способствующихъ развитію добрыхъ и подавленію худыхъ врожденныхъ качествъ. Въ этомъ состоитъ все дѣло воспитанія, то-есть все произведеніе лучшаго на тѣхъ условіяхъ, какія первоначально положила природа.

Что такое привычка? Утвержденный образъ дѣйствія физически или умственно, или нравственно. Этотъ образъ дѣйствія сначала отъ произвольнаго повторенія становится непроизвольнымъ и, наконецъ, сливается неразрывно съ тѣломъ, умомъ и волею. Все основано на привычкѣ. Дарованіе добрыхъ привычекъ и устраненіе худыхъ есть дѣло воспитанія. Привычка не мѣшаетъ свободѣ; ею только облегчаются дѣйствія свободной воли. Изъ сего слѣдуетъ, что воспитаніе есть положеніе основанія, дѣйствіемъ нашего ума и воли, посредствомъ утвержденія добрыхъ привычекъ въ то время, когда онѣ въ насъ легко укореняются.

Привычка основана на сцѣпленіи идей; сцѣпленіе идей основано на сходствѣ, противоположности и современности. Изученіе языка основано на сцѣпленіи идей, происходящихъ отъ современности. Ребенокъ, напримѣръ, видитъ глазами столъ, въ его умѣ происходитъ чувственное впечатлѣніе *стола*, умственный образъ *стола*; если современно съ этимъ впечатлѣніемъ произнесено будетъ слово *столъ*, сіе слово соединяется въ умѣ съ умственнымъ образомъ. Послѣ образъ умственный стола, или самый видъ стола, пробуждаетъ въ умѣ слово *столъ*; или, наоборотъ, слово *столъ* возобновляетъ въ умѣ образъ стола, и такимъ образомъ звукъ соединяется съ понятіемъ, съ коимъ онъ современно возбужденъ былъ въ умѣ. Повтореніемъ сего современнаго возбужденія обоихъ производится привычка. Такимъ образомъ, всѣ предметы умственные соединяются въ умѣ съ представляющими ихъ звуками, это соединеніе утверждается привычкою, и ребенокъ, наконецъ, имѣетъ языкъ. Ребенокъ научается ходить—отъ привычки наблюдать или сохранять равновѣсіе; разсуждать—отъ привычки сравнивать, замѣчать отношенія, выводить заключенія. Все привычка. Привычка есть одинъ изъ главнѣйшихъ способовъ природы и воспитанія. Недаромъ говоритъ пословица: привычка другая природа; это неоспоримая истина.

Чтобы составить себѣ ясное *теоретическое понятіе* о главныхъ правилахъ воспитанія, надобно сперва утвердить понятіе о назначеніи человѣка вообще, разсмотрѣть его природу, его тѣлесныя и ум-

ственныя качества, его естественныя добрыя и худыя наклонности и способы усовершенствованія первыхъ и истребленія послѣднихъ. Сей общій взглядъ на человѣка будетъ то же, что карта для путешественника, не дающая понятія о землѣ, черезъ которую онъ проходитъ, но необходимая для руководства; остальное все откроетъ самое путешествіе. Какъ для понятія особенной земли нужно имѣть предварительное свѣдѣніе о ея мѣстной природѣ, о ея исторіи, о языкѣ. въ ней царствующемъ, такъ и для успѣшнаго воспитанія, сверхъ общихъ познаній о человѣкѣ и его свойствахъ, нужно знать особенную природу воспитанника и руководствоваться частными наблюденіями, дабы умѣть примѣнять практически общую теорію къ частности и сею частностію измѣнять общее: ибо нѣтъ теоріи, которая могла бы обнимать все частное. Теорія должна быть картою путешественника, практика есть самое путешествіе, которое можетъ совершенно быть и безъ карты,—но съ картою—и вѣрнѣе и легче. Теорія безъ практики есть Прокустова кровать; практика безъ теоріи есть корабль безъ руля.

Въ идеѣ, которая мало-по-малу образуется въ ребенкѣ, о силѣ, справедливости и любви родителей, заключается и то понятіе, которое послѣ онъ получаетъ о власти правосудія и любви Божіей. Зависимость отъ власти родителей, и впослѣдствіи безусловная ей *покорность*, есть приготовленіе къ вѣрѣ. Привыкнувъ чувствовать зависимость, ребенокъ научается покорности, которая есть не иное что, какъ произвольное признаніе необходимости. Сперва ребенокъ по привычкѣ узнаетъ непоколебимость силы, имъ управляющей; эта привычка обращается потомъ въ ясное понятіе о верховной власти, которой онъ покориться долженъ. Если наблюдена будетъ эта постепенность, то произвольная покорность весьма легко будетъ согласована съ чувствомъ свободы и не повредитъ самобытности характера. Переходъ сей необходимъ. Руссо, кажется, его не опредѣлилъ; онъ хочетъ необходимости и отвергаетъ покорность, но послѣдняя выше первой.

Многія *отдѣльныя замѣчанія Руссо* весьма справедливы и убѣдительны; но изъ всѣхъ сихъ отдѣльно справедливыхъ замѣчаній выходитъ въ цѣломъ что-то чудовищное. Когда въ концѣ второй книги онъ излагаетъ результатъ младенческаго воспитанія и описываетъ своего Эмиля готовымъ ребенкомъ, мы видимъ передъ собою что-то несбыточное, существо, какого нѣтъ и быть не можетъ, созданіе парадоксальнаго ума, который все портилъ по своей системѣ и никогда не зналъ существеннаго. Система Руссо, такъ-называемая система природы, есть уродство; онъ образуетъ своего Эмиля для такого порядка, котораго нѣтъ, никогда не бывало и быть не можетъ. Мечтая о свободѣ и о совершенной независимости отъ всѣхъ условій общества, онъ и изъ воспитанія исключаетъ всякую зависимость. Его воспитанникъ не знаетъ, что такое покорность, даже не имѣетъ никакихъ привычекъ; онъ покоряется одной необходимости, и то, что́ онъ дѣлалъ вчера, не имѣетъ вліянія на то, что́ онъ дѣлаетъ нынѣ. Это легко говорить и писать; но на дѣлѣ этого быть не можетъ и быть не должно. Въ насъ все привычка, и нынѣшнее я есть результатъ вчерашняго и всѣхъ прежнихъ; мы *привыкаемъ* ходить, глядѣть, слушать, осязать, думать, говорить. Все дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы дать тѣлу и душѣ хорошія привычки и чтобы воспитанникъ получилъ сіи привычки самобытно, собственнымъ опытомъ, съ развитіемъ ума и воли, и чтобы направленіе, которое воспитаніе даетъ сему развитію, было согласовано съ полною свободою, которая однако нисколько не противорѣчитъ привычкѣ къ покорности.

1847—1848.

ПИСЬМА КЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

I. О СМЕРТИ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я обѣщался перечитывать твою книгу съ карандашомъ въ рукахъ, дабы записывать и потомъ сообщать тебѣ черезъ почту все, что мнѣ во время этого чтенія могло бы приходить въ голову. Такая работа весьма мнѣ по вкусу; не нужно дѣлать никакого плана, не нужно готовить себя ни къ какому трудному авторскому подвигу; просто лови мысли на лету: что́ поймешь, то и твое. Но до сихъ поръ я не могъ исполнить своего обѣщанія; причину этого найдешь въ прилагаемомъ траурномъ объявленіи *)

. . . .

Все было чисто, умилительно, дѣвственно въ этой (говоря человѣческимъ языкомъ) безвременной смерти. Смерть только для живыхъ есть зло, сказалъ Карамзинъ. Это—и правда, и нѣтъ. Правда, потому что не мертвые насъ теряютъ, а мы, живые, теряемъ мертвыхъ (и чѣмъ болѣе было къ нимъ любви, тѣмъ горестнѣе ихъ утрата; чѣмъ тѣснѣе были съ ними узы, тѣмъ болѣзненнѣе ихъ разрывъ); здѣсь смерть дѣйствительное зло для однихъ живыхъ (то-есть для живыхъ, оставшихся на землѣ, а не для живыхъ, ушедшихъ за гробъ): можно даже сказать, что отнятое у оставшихся все отдается ушедшимъ.

Для первыхъ видѣніе земное исчезло; мѣсто. такъ мило занятое, опустѣло; глаза не видятъ; ухо не слышитъ; самое сообщеніе душъ (повидимому) прекратилось. Для послѣднихъ, напротивъ, все это сдѣлалось непосредственнѣе, свободнѣе, тѣснѣе; душа съ своими земными сокровищами, съ своими воспоминаніями, съ своею любовью, съ нею слитыми и ей, такъ-сказать, укрѣпленными смертію, переходитъ въ міръ безъ пространства и времени; она слышитъ безъ слуха, видитъ безъ очей, всегда и вездѣ можетъ соприсутствовать душѣ ею любимой, не отлу́ченной отъ нея никакимъ разстояніемъ. Здѣсь очевидно, что выигрышъ на сторонѣ мертвыхъ; живымъ этотъ языкъ духовный еще не можетъ быть внятенъ, и то, что понастоящему сдѣлалось болѣе ихъ собственностью, кажется имъ не существующимъ, потому что оно имъ невидимо. Но въ то же время смерть есть великое благо и для живыхъ, и тѣмъ большее благо, чѣмъ милѣе намъ былъ нашъ умершій. Но это можетъ постигать только одинъ христіанствомъ проникнутый разумъ. И какую великую силу пріобрѣтаетъ убѣжденіе разума, когда оно становится *опытомъ сердца*. Пока мы сами еще не испытали никакой болѣзненной утраты, мы съ умиленіемъ слушаемъ голосъ Спасителя, исходящій намъ изъ Евангелія, и можемъ мыслію постигать великое значеніе человѣческой жизни. Но когда надъ нами самими совершается ударъ свыше, какъ иначе дѣлается тогда понятенъ сердцу этотъ евангельскій голосъ; уже не въ листахъ книги мы ищемъ тогда Спасителя, Онъ самъ насъ находитъ, Онъ самъ становится къ намъ лицомъ къ лицу; цѣною бѣдствія покупаемъ мы лицезрѣніе Бога. Но дорога ли эта цѣна въ сравненіи съ тѣмъ сокровищемъ, которое мы за нее пріобрѣтаемъ? Все это я прежде думалъ; теперь я это видѣлъ, и опытъ близкаго мнѣ сердца сдѣлался моимъ собственнымъ опытомъ. Я видѣлъ и слышалъ отца въ ту минуту, когда закрылись глаза его любимой дочери, отца христіанина. Но здѣсь всего простѣе повторить его слова, сказанныя имъ своей семьѣ въ первую минуту горькой утраты: „Великое дѣло милости Божіей надъ нами совершилось; мы *своими глазами видѣли* какъ наша милая дочь перешла къ небесному Отцу своему; она принесла Ему чистую, ничѣмъ житейскимъ непотревоженную и съ

---

*) О смерти Міи Рейтернъ, свояченицы Жуковскаго.

Нимъ примиренную душу. И теперь мы знаемъ, что ей дано все то, чего бы никакою силою нашей любви мы не могли ни дать, ни сохранить ей въ здѣшней жизни. Мы знаемъ, что это данное навсегда ей останется, что превратности жизни для нея миновались, что для нея уже нѣтъ ничего невѣрнаго: ни страха въ настоящемъ, ни тревоги за будущее. Мы можемъ только благодарить и славить. И послѣ такого яснаго узнанія милости неизреченной, не позволимъ себѣ никогда ни пожалѣть, что она отъ насъ взята, ни пожелать, чтобы она была съ нами. Будемъ смиренны, и чтобы наше горе никогда не пересилило нашей теперешней радости, за себя будемъ покорны, за нее радостны и благодарны". Таково земное бѣдствіе въ присутствіи христіанства; безъ него оно раздавило бы душу, при немъ человѣческій мракъ обращается въ утѣшительный свѣтъ Божій.

20 февраля (4 марта) 1847.

II. О МОЛИТВѢ.

Я обѣщалъ присылать тебѣ замѣчанія на твою книгу—и остался до сихъ поръ при одномъ обѣщаніи; съ того времени прошелъ почти годъ. Приступая наконецъ къ исполненію обѣщаннаго, повторяю сказанное мною тогда, что я намѣренъ писать не критику на твою книгу, а только то, что будетъ мнѣ приходить случайно въ мысли по поводу твоихъ мыслей; иногда, само собою разумѣется, придется сказать слова два pro или contra о содержаніи самой книги, сдѣлать критическую придирку и проч.; но на все это нѣтъ у меня никакого плана—что напишется, тутъ весь и планъ. Притомъ же слишкомъ взыскательная критика относительно твоей книги совсѣмъ неумѣстна: ты напечаталъ *отрывки изъ писемъ* (которыхъ не имѣлъ намѣренія печатать). Характеръ писемъ есть свобода, какъ въ ходѣ мыслей, такъ и въ ихъ выраженіи; кто выдаетъ письма въ печать, тотъ необходимо долженъ сохранить имъ этотъ характеръ свободной неприготовленности; здѣсь сама небрежность имѣетъ прелесть: она есть даже достоинство. Въ письмахъ выражаются не однѣ мысли, но и вся личность писателя: его голосъ, его жесты, его физіономія; къ слогу писемъ особенно относится то, что говоритъ Бюффонъ вообще о слогѣ: le style c'est l'homme *(слогъ—человѣкъ)*. Въ письмѣ каждая мысль наша, легко набросанная на бумагу, есть живое новорожденное дитя; переправлять съ строгою отчетливостію ея выраженіе для печати, значитъ натягивать морщины старости на свѣжее лицо младенца. Правда, когда няня выноситъ ребенка изъ дѣтской въ гостиную, она его прежде умоетъ и одѣнетъ, но вся одежда его должна быть дѣтская, а не парикъ отца и не чепецъ матери. И печатая письма надобно, конечно, и пріодѣть и пріумыть слогъ, но такъ, чтобы младенчество не переродилось въ старость.

Кстати о слогѣ и придирчивой критикѣ. Живучи за границею и не получая нашихъ журналовъ, я не могъ знать, что было въ нихъ напечатано о твоей книгѣ; читалъ одну прекрасную статью князя Вяземскаго, въ которой, не осыпая тебя приторными похвалами, но и не скрывая слабыхъ сторонъ твоихъ, онъ такъ мужественно, такъ трогательно защищаетъ и твое произведеніе, и твой характеръ противъ нападковъ несправедливости. Но чтеніе этой статьи заставило меня заключить, что тебѣ крѣпко досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попенялъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они подѣломъ тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить твое *завѣщаніе* и многое переправить въ твоемъ *предисловіи*. Когда ты мнѣ читалъ и то и и другое, имѣя тебя самого передъ глазами, я былъ занятъ твоею личностью и, зная какъ все, мною слышанное, было искреннимъ выраженіемъ тебя самого, зная, какъ ты далекъ отъ всякаго самохвальства, отъ всякаго смѣшного самобоготворенія, я находилъ привлекательнымъ то, что послѣ, когда (вмѣсто самого автора) явилась предо мною мертвая печатная книга и воображенію моему представилась наша читающая публика, сидящая *чиномъ на креслахъ и стульяхъ* кругомъ чтеца, и въ аріергардѣ фаланга журналистовъ, вооруженныхъ дреколіемъ порицанія и крючьями придирки, то многое, мнѣ прежде показавшееся столь привлекательно оригинальнымъ, представилось страннымъ и неприличнымъ. Зато и твой смиренный вызовъ: *простить тебѣ твои грѣхи вольные и невольные и съ тобою христіански примириться*, возбудилъ въ твоихъ пишущихъ собратіяхъ одну нехристіанскую насмѣшку и весьма языческое злоязычіе. Да и самъ я, вспомнивъ о твоемъ предисловіи, намѣренъ пристать на минуту къ твоимъ порицателямъ. Это послужитъ тебѣ доказательствомъ, что я пишу какъ перо велитъ. взявъ его въ руки, я еще не зналъ, какое будетъ содержаніе письма моего.

Одно мѣсто въ заключеніи *предисловія* твоего меня останавливаетъ; въ немъ есть или неточность выраженія или самая выраженная мысль фальшива. Ты просишь, чтобы за тебя, идущаго въ путь далекій, въ отечествѣ молились, просишь молитвы, какъ отъ тѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и *отъ тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву, и даже не считаютъ ее нужною*; другими словами: ты просишь отъ нихъ невозможнаго, того, что имъ вовсе чуждо, чего они ни имѣть, ни дать не могутъ, чего даже отъ нихъ и просить не должно потому, что въ томъ видѣ, въ какомъ бы они его дали, если бы дать могли, оно не можетъ быть никѣмъ желаемо и не принесетъ желающему никакой пользы. Можетъ ли быть молитва безъ вѣры въ молитву? И для кого можетъ быть дѣйствительна подобная молитва, если только здѣсь у мѣста имя молитвы? Что же хотѣлъ ты сказать? Не понимаю. Молитва не можетъ существовать безъ молящагося; она тогда только получаетъ жизнь, когда слова, ее выражающія, выражаютъ въ то же время и душу ихъ произносящаго: тогда совершается таинство смиренія передъ Богомъ въ душѣ человѣческой, таинство для насъ неисповѣдимое, таинство, силою котораго Всемогущій, всякое добро творящій по одной своей мудрости и благодати, такъ-сказать, покоряется бѣдному слову человѣка. Въ чемъ же это таинство, въ чемъ его сила? Въ вѣрѣ, приводящей въ движеніе горы; въ смиреніи, предающемъ насъ безъизъятно въ сильную десницу Бога. Такой молитвы Онъ самъ отъ насъ требуетъ; такая молитва заключается въ неисчерпаемой глубинѣ тѣхъ словъ, которыя Самъ Онъ научилъ произносить насъ, человѣчески давъ ихъ человѣку, дабы онъ могъ непосредственно соединиться съ сердцемъ Бога. Но и эти живыя слова, изъ устъ Божіихъ намъ исшедшія, не будутъ имѣть никакой живительной силы, если не будутъ словами смиренно вѣрующаго сердца.

Богъ *требуетъ* отъ насъ молитвы. На что Ему наша молитва? спроситъ умствователь. Нужно ли Его преклонять на милость, когда Онъ по существу своему есть милость верховная? Нужно ли и Ему самому устанавливать между собою и человѣкомъ обрядъ моленія съ словесною формою молитвы? Нужно ли говорить человѣку: *ты прежде потребуй, тогда я дамъ*, когда Ему все, для человѣка необходимое, напередъ извѣстно и когда всѣ благія даянія сами собою изъ Него истекаютъ? Въ отвѣтъ на сіи вопросы умствователя, христіанинъ, вмѣсто всякаго объясненія, укажетъ молча на Евангеліе, гдѣ сказано: *молитесь*. А что сказано въ Евангеліи, то есть истина, безъ согласія ума доказанная вѣрою. Но и умъ согласенъ будетъ съ словами евангельскими, если напередъ постановить, что умъ не изъ своихъ заключеній извлекаетъ убѣжденіе въ бытіи Божіемъ, а напротивъ всѣ свои выводы опираетъ

на главной, коренной, центральной идеѣ, принятой за аксіому, что Богъ существуетъ—не метафизическій Богъ пантеизма, безжизненная идея, но Богъ живой, тройственный, лицо самобытное. Богъ, во всякое мгновеніе вѣчнаго своего бытія, на всякомъ пунктѣ неизмѣримости, весь присутственный, постоянно, непрерывно, сознательно дѣйствующій, какъ на каждую пылинку созданія своего *отдѣльно*, такъ и на все свое созданіе въ *совокупности*. При такомъ признаніи бытія Божія, которое есть въ то же время и откровеніе, всѣ для нашей ограниченности несогласимыя противорѣчія исчезаютъ; умъ останавливается передъ указанными ему границами, признаетъ неотрицаемость истинъ, одна другую исключающихъ, и смиренно передаетъ вѣрѣ ихъ согласованіе, силѣ его неподвластное.

Не входя въ безполезное согласованіе противорѣчащихъ другъ-другу, но въ существѣ своемъ неоспоримыхъ истинъ и принимая съ смиренною вѣрою слова Евангелія, мы должны сказать, что въ семъ *требованіи* отъ насъ молитвы выражается вся благость Бога живого. Тогда какъ тамъ въ небесахъ, въ неизмѣримости пространства, посреди этого неимѣющаго береговъ океана, въ которомъ *каждая капля есть солнце*, неисчислимымъ звѣздамъ указываются пути ихъ, и на каждой звѣздѣ устроивается судьба каждаго ея атома по законамъ, однажды даннымъ и вѣчно хранимымъ (не механическою необходимостію, а промыслительнымъ, любящимъ всемогуществомъ), *здѣсь*, на нашей земной пылинкѣ, совершается великое дѣло спасенія души человѣческой; вѣчный Богъ вступаетъ въ братство съ минутнымъ жителемъ земной пылинки, вселяетъ божественное всемогущество въ скинію человѣческой ничтожности, чтобы дать душѣ человѣческой въ Себѣ Отца, и покоряетъ свою благость силѣ человѣческаго слова, говоря ему: *молися; когда въ твоей молитвѣ будетъ душа твоя, тогда и Я въ твоей молитвѣ буду съ твоею душою. Тебѣ молитва нужна какъ Моя къ тебѣ любовь, а Мнѣ твоя молитва нужна какъ твоя любовь ко Мнѣ...* Нужна, нужна Богу! Здѣсь является передъ нами во всей своей наготѣ бѣдный языкъ человѣка, который тѣ же слова, какими выражается наша ничтожность, употребляетъ для выраженія неизглаголанности Божіей.

Остановимся на этомъ предметѣ. Когда мы умствуемъ о существѣ Бога, то-есть, когда нашъ умъ, ограниченный тѣснымъ кругомъ, одними собственными способами силится обнять необъятное и, такъ-сказать, въ атомъ слова втѣснить созданіе и создателя, мы безпрестанно попадаемъ на истины неразрѣшимо противорѣчащія одна другой. Сія неразрѣшимость не принадлежитъ существу самой истины: она есть только наша естественная неспособность собственными силами найти разрѣшеніе. Мы можемъ путемъ ума добираться до частныхъ, отдѣльныхъ, относительныхъ истинъ, можемъ даже обнимать однимъ взглядомъ тотъ историческій порядокъ, въ которомъ эти истины одна за другой слѣдуютъ; но цѣлаго, но сліянія всѣхъ истинъ въ одну общую, основную, положительную, всепроникающую своимъ свѣтомъ, нашъ умъ обнять не можетъ; всякій результатъ нашихъ умствованій есть не иное что, какъ послѣднее звено цѣпи—все одинъ отрывокъ. Когда мы умствуемъ о Богѣ, мы, съ своей точки во времени и пространствѣ, смотримъ на вѣчное и неизмѣримое глазами, привыкшими видѣть одно преходящее и ограниченное; для выраженія сего вѣчнаго и неизмѣримаго мы употребляемъ языкъ, котораго каждое слово есть знаменіе временнаго и мелкаго. Чтобы постигнуть Бога и Его свойства, надлежитъ стать на *Его мѣсто*: иначе мы будемъ всюду видѣть однѣ отрывочныя, одна другой противоположныя, слѣдственно, одна другую исключающія истины, но въ то же время будетъ всегда въ насъ тревожное, темное чувство, что истина верховная таинственно соприсутствуетъ нашему сомнѣнію, что она вопреки всѣмъ яснымъ противорѣчіямъ неотрицаема, но что для насъ она неуловима и нашему убѣжденію недоступна. Какое тогда прибѣжище останется уму, если только онъ по своей гордости не разсѣчетъ Гордіева узла дерзостнымъ отрицаніемъ? Вѣра въ откровеніе. Откровеніе есть голосъ, слышимый съ Божія мѣста; оно дополняетъ знаніе, миритъ противорѣчія и ставитъ насъ лицомъ къ лицу передъ вѣчною истиною. Одинъ разъ только эта истина сама явилась на землѣ глазамъ человѣка; и онъ ее видѣлъ безъ покрывала, и не узналъ ея. Когда Спаситель стоялъ передъ судилищемъ Пилата и Пилатъ спросилъ у Него, употребивъ, вѣроятно, какъ римлянинъ, языкъ Рима: *что есть истина?* Господь не отвѣтствовалъ. Но въ отвѣтѣ Его, если бы Онъ восхотѣлъ дать отвѣтъ, заключались бы всѣ буквы вопроса съ перемѣною только порядка ихъ: *истина есть мужъ, который предстоитъ* *). Истина есть Богъ, а нашъ умъ есть этотъ вопрошающій Пилатъ, который и не подозрѣваетъ, что отвѣтъ на вопросъ его заключается въ самомъ его вопросѣ (понеже настоящій порядокъ ему неизвѣстенъ) и, предсѣдая гордо на судилищѣ, не узнаетъ божественнаго откровенія, ему предстоящаго въ образѣ этого всемогущаго узника, котораго скоро съ самовластіемъ безпощаднымъ предастъ поруганію и смерти.

Однажды (это было въ Висбаденѣ) я шелъ передъ вечеромъ по берегу узкаго канала; небо задернуто было синими облаками, изъ-подъ которыхъ съ чистаго горизонта сіяло заходящее солнце и золотило зданія, деревья и зелень; этотъ яркій блескъ составляетъ прекрасную противоположность съ холодною мрачностью неба. Вдругъ передо мною вода канала, дотолѣ спокойно неподвижная и стоящая вровень съ берегами (отъ плотины которою былъ каналъ перерѣзанъ), быстро и съ шумнымъ кипѣніемъ перелилась черезъ край плотины въ жерло водопровода (которымъ она далѣе текла подъ землею). На мѣстѣ перелома, передъ самымъ темнымъ жерломъ подземнаго свода, сверкала на солнцѣ яркая, движущаяся полоса, и на этой полосѣ, отъ быстраго низверженія воды, взлетали безчисленными, разной величины пылинками сіяющія капли; однѣ подымались высоко, другія густо кипѣли на самомъ переломѣ, и всѣ онѣ на взлетѣ и на паденіи яркими звѣздочками отдѣлялись отъ темноты подземнаго свода, которымъ поглощалась вся влажная масса; мгновенное ихъ появленіе, болѣе или менѣе быстрое, вдругъ прекращалось, уступая другому такому же, и всѣ исчезли вмѣстѣ съ волною, ихъ породившею, во тьмѣ подземелья. Это было для меня чуднымъ, символическимъ видѣніемъ. *Съ своего мѣста* однимъ взглядомъ я обнималъ движеніе безчисленныхъ міровъ; эти свѣтлыя, мгновенныя капли, эти атомическія звѣзды, всѣ, конечно, населенныя микроскопическими жителями (ибо здѣсь все преисполнено жизни), совершали, каждая, какъ самобытный міръ, свой кругъ опредѣленный, и каждый изъ обитателей всѣхъ этихъ минутныхъ міровъ также совершалъ свой полный переходъ отъ рожденія къ смерти. Все это мнѣ представлялось *разомъ* съ той высшей точки зрѣнія, внѣ того тѣснаго пространства, на которомъ происходило видимое мною движеніе; я *все* могъ обозрѣть *въ совокупности* однимъ взглядомъ (хотя подробности были недоступны слабому моему зрѣнію). Тамъ все (отъ неимовѣрной быстроты движенія) сливалось для меня воедино: не было ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго; я *разомъ* видѣлъ начало и конецъ, но видѣлъ, конечно, слѣпыми глазами, не постигая видимаго; тогда какъ въ то же время непримѣтные жители безчисленныхъ водяныхъ пылинокъ, такъ быстро подымавшихся на узкой полосѣ свѣта, между двумя темными глубинами, имѣли каждый свою полную жизнь, свое начало и конецъ,

---

*) Это мысль нѣкоторыхъ богослововъ, впрочемъ, уже среднихъ вѣковъ. Съ перестановкою буквъ изъ словъ: Quid est veritas? выходитъ: *Est vir qui adest.*—(Дм. Блудовъ).

(Примѣч. Ефремова).

свои годы, свои мгновенія, но то, что было имъ полною жизнью на ихъ мѣстѣ, то́ было менѣе нежели тѣнью мгновенія на моемъ. И какая разница между моими о нихъ понятіями, съ моей точки зрѣнія, и тѣми, какія они могли имѣть о себѣ на своей. Я видѣлъ *вдругъ* и начало, и конецъ того, что́ для нихъ было только послѣдствіемъ, только переходомъ отъ начала къ концу. Я, такъ-сказать, смотрѣлъ на нихъ изъ вѣчности, они же смотрѣли на себя во времени. Теперь вообразимъ ангела, стоящаго превыше міроздания, посреди безчисленнаго множества созвѣздія—яркихъ брызговъ, влетающихъ съ великаго потока, озаряемаго незаходимымъ солнцемъ—что́ будетъ передъ глазами его наша земная капля? Что́ будетъ рожденіе, могущество и паденіе нашихъ великихъ имперій? Однимъ словомъ, что́ будетъ онъ видѣть съ своего мѣста—не то же ли, что́ я видѣлъ съ моего, когда смотрѣлъ на мелкія брызги водоема? И въ то же время съ своего мѣста не будетъ ли онъ такъ же далеко отъ вѣчности, какъ мы на своемъ далеко отъ него, и отъ той же неизглаголанной вѣчности и отъ ея источника, Бога, для Котораго нѣтъ измѣненій, нѣтъ конца и начала, нѣтъ противорѣчій, для Котораго все есть постоянство, жизнь, свѣтъ и истина? Но чистый ангелъ, созерцающій лицо Бога, исчезаетъ предъ нимъ въ блаженствѣ смиренія, а мы?..

P. S. Еще нѣсколько словъ о томъ же предметѣ.

Безъ самоотверженія нѣтъ молитвы; безъ молитвы нѣтъ самоотверженія. Для чего же мы здѣсь? Для того ли, чтобъ предаваться разнообразнымъ впечатлѣніямъ внѣшняго, принадлежать каждому вполнѣ на минуту, и потомъ вполнѣ—вслѣдъ за сими быстрыми минутами, какъ они—исчезнуть? Если бы это было такъ, то можно было бы утвердительно сказать, что мы—созданіе случая, который самъ есть нѣчто несущественное. Нѣтъ, мы здѣсь для Бога. Тотъ, Кто, создавъ насъ, вложилъ въ нашу душу стремленіе Его постигнуть и съ Нимъ соединиться, не могъ насъ ни для чего иного создать, какъ для самого себя. Такъ говоритъ здравофилософствующій умъ. Но онъ только угадываетъ истину; откровеніе являетъ ее въ са́момъ фактѣ. Мы созданы Богомъ для Бога, мы помѣщены Имъ въ этомъ мірѣ, гдѣ каждому изъ насъ Онъ указалъ свое мѣсто и свой кругъ дѣйствія для того, чтобы посреди сихъ измѣняющихся, мгновенныхъ, насъ увлекающихъ явленій постоянно искать Бога, неизмѣнно къ Нему стремиться и въ Немъ одномъ пребывать мыслью, волею и дѣйствіемъ; для того, чтобы сіи вѣчныя, но отрывочно въ разныя мгновенія временнаго бытія собранныя о Немъ понятія, сіе извлеченіе вѣчнаго изъ современнаго, слівшись душою, по существу своему съ Нимъ однородною, ее очистили, возвысили, преобразовали и съ нею на всю вѣчность перешли въ иную, высшую жизнь; однимъ словомъ: мы здѣсь для самоотверженія. Чтобы отвергнуться самого себя, надлежитъ стать предъ лицомъ Бога и въ Его отсутствіи постигнуть всю ничтожность и насъ самихъ и всего насъ окружающаго и все несказанное блаженство присутствія Божія, или, лучше сказать, нашей принадлежности Богу, который Самъ такъ благостно намъ дается. Сіе предстаніе души предъ лицо Бога есть *молитва*, и она бываетъ только тогда, когда передъ душою нашею нѣтъ ничего, кромѣ Бога—слѣдовательно, когда мы вполнѣ самихъ себя и всего насъ окружающаго отверглись. Итакъ, самоотверженіемъ мы приходимъ къ молитвѣ, а молитва, будучи высшею степенью самоотверженія, усиливаетъ его въ душѣ нашей и имъ насъ совершенствуетъ. Молитва Господня есть голосъ и выраженіе чистѣйшаго самоотверженія; уже и потому это такъ, что человѣкъ получилъ эту молитву изъ устъ самого Бога-Спасителя. Одинъ только Спаситель, то-есть Богъ любящій, могъ научить человѣка предаться Богу, Спасителю, то-есть Богу-Отцу, и дать ему истинное, исключительно ему принадлежащее имя *Отца сущаго на небеси*. Молясь, мы должны не просить у Бога того, что Ему одному принадлежитъ, а отдавать Богу то, что наше. Въ словахъ: *Отче нашъ, иже еси на небеси*, заключается полное самоотверженіе, какое только бываетъ въ младенцѣ, безсознательно привыкшемъ повиноваться отцу своему; заключается не только покореніе своей воли волѣ сильнѣйшей, любящей и любимой, но и спокойное, беззаботное незнаніе своей воли, дающее чистому сердцу младенца тотъ полный, имъ еще непостигнутый, но глубоко его проникающій миръ, который обращаетъ его свѣжую жизнь въ блаженство и которымъ такъ сладостно для насъ воспоминаніе дѣтскихъ лѣтъ нашихъ. *Да святится имя Твое*—имя Отца, имя небеснаго Отца. Что значитъ слово: *да святится*? Да будетъ произносимо устами сыновними такъ, какъ имя Божіе произносимо быть должно, съ полнымъ уничтоженіемъ всего собственнаго, съ полнымъ ощущеніемъ всей святости этого имени и взаимнаго отношенія между Отцомъ небеснымъ и сыномъ земнымъ, отношенія, которое, съ одной стороны, есть благость всемогущая, и любовь спасающая, и правда высшая, а съ другой—полное уничтоженіе своей воли и признаніе одной воли Всевышней, полное, самоотверженное преданіе себя и всего въ сію волю. *Да пріидетъ царствіе Твое*—да все живущее и мыслящее совокупно отвергнется себя и да каждая отдѣльная воля сольется со всѣми другими въ одно всеобщее повиновеніе волѣ верховной. *Да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли*—то же самое, но въ отношеніи къ каждому человѣку отдѣльно и къ земной судьбѣ его; для насъ въ этой жизни нѣтъ ничего самобытно-существеннаго, ничего такого, что могло бы имѣть для насъ цѣну по своему положительному достоинству: все имѣетъ значеніе только по отношенію къ Богу; всѣ наши здѣшнія блага, и то, что мы называемъ ошибочно счастьемъ, и то, что наша слабость именуетъ бѣдствіемъ, все есть одно знаменіе Бога, есть его воля въ разныхъ видахъ, есть явленіе, происходящее передъ нами только для того, ч обы мы имѣли поводъ сказать самоотверженнымъ сердцемъ: да будетъ воля Твоя. *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*—дай намъ въ это мгновеніе то, что намъ въ это мгновеніе нужно: не одинъ хлѣбъ, утоляющій голодъ тѣлесный, но и хлѣбъ, утоляющій голодъ души, чистыя мысли и чувства, спокойствіе въ присутствіи бѣды и горя, терпѣніе въ испытаніи, память долга въ рѣшительную минуту выбора воли, однимъ словомъ, самоотверженіе, то-есть произвольное, во всякую минуту, безъ малѣйшаго тревожнаго взгляда за границу этой минуты, въ душѣ пребывающее преданіе себя въ хранящую волю Бога. *Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго*—то же самое, только въ смыслѣ нашей внутренней жизни; самозабвеніе относительно всѣхъ событій внутреннихъ, то-есть дѣйствій нашей души, свободной, слѣдственно подлежащей искушенію, но искушенію, не Богомъ посылаемому (понеже Богъ не творитъ зла и не влечетъ ко злу), а искушенію, составляющему необходимое условіе нашей свободной воли, которая тогда только теряетъ свою естественную шаткость, когда вполнѣ, произвольно сливается съ волею Бога и въ ней исчезаетъ. Но и самая сія произвольность дается ей Богомъ, все дающимъ. Онъ одинъ, молитвою призванный, могъ отвесть нашу душу отъ бездны искушенія, на краю которой идетъ дорога нашей земной жизни, и подать ей руку, когда, упадшая въ эту бездну, она призоветъ, его утопая.

III. Слова поэта—дѣла поэта.

Прекрасное, трогательное письмо твое застало меня за твоею книгою; я былъ занятъ *прикрѣпленіемъ* къ бумагѣ нѣкоторыхъ мыслей, которыя бродили въ головѣ при чтеніи твоей статьи: о *томъ, что такое слово*; твое письмо пришло кстати: оно дополняетъ печатную статью—а написанное мною на твое разсужденіе о важности слова будетъ въ то же время и отвѣтомъ на письмо твое.

Стихи Державина:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ,

служащіе, такъ-сказать, темою твоей статьи, не имѣютъ, по моему мнѣнію, никакого яснаго смысла: ошибки писателя не извиняются его человѣческими добродѣтелями; и самолюбіе поэта, оскорбленное критикою, не утѣшится, когда онъ самъ себѣ или его аристархъ ему скажетъ: *ты негодный поэтъ, но человѣкъ почтенный.*

Но то, что́ сказалъ Пушкинъ о стихахъ Державина, весьма значительно — оно будетъ теперь главнымъ предметомъ моей съ тобой бесѣды. Прошу, однако, не пугаться, ибо я намѣренъ, какъ говорится, начать съ *яицъ Леды*; хочу длиннымъ обходомъ притти съ тобою къ выраженію Пушкина: *слова поэта суть уже дѣла его.*

Не имѣя возможности постигнуть существа духовнаго въ немъ самомъ и выразить матеріальнымъ словомъ его нераздѣлимости, его единства, мы дробимъ нашу душу на разныя способности, дѣлимъ ее, такъ-сказать, на участки, и къ каждому изъ нихъ приписываемъ особенную, отдѣльную ея способность. Говоря о *тѣлѣ*, мы можемъ опредѣленно означить и всѣ его опредѣленно въ немъ дѣйствующіе члены; мы говоримъ: *голова*, *глаза*, *рука*, *нога* и прочее; но говоря: *умъ*, *воля* и тому подобное, мы разными именами означаемъ одно и то же, то-есть *всю душу*, въ разныхъ только образахъ ея дѣйствія; нѣтъ такой особенной части въ душѣ, которая была бы только *умъ* или *воля*, все это—вся душа, полная, всегда нераздѣлимо дѣйствующая. Мы только для ясности принуждены прибѣгнуть къ раздробленію единства на части. Душа *мыслитъ*, *избираетъ* (то-есть, отвергаетъ или принимаетъ), *творитъ*, *вѣруетъ;* сіи разные образы дѣйствія одной и той же души мы называемъ: *умъ*, *воля*, *творчество*, *вѣра.*

Умъ (говоря языкомъ обыкновеннымъ, то-есть, раздробляя наше духовное единство на способности отдѣльныя) есть самая низшая, но въ то же время и самая многообъемлющая, основная, всѣ дѣйствія другихъ способностей проникающая и опредѣляющая способность души нашей. Онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ матеріальнаго міра, опредѣляетъ форму, измѣряетъ движеніе, изъ вещественныхъ формъ извлекаетъ понятія общія и изъ движенія законъ (то-есть изъ того, что *всегда* бываетъ, то, что всегда *должно* быть), изъ неимѣющаго неизмѣнное. Я назвалъ умъ *низшею* способностью души потому, что онъ совершенно подчиненъ закону необходимости: первый пунктъ (le point de départ), передовое положеніе (Vordersatz) могутъ, нѣкоторомъ образомъ, быть избраны произвольно; произвольность можетъ быть также и въ болѣе или менѣе упорномъ пребываніи на избранномъ пути, но самый этотъ путь (то-есть весь ходъ ума, все сцѣпленіе выводовъ съ ихъ необходимымъ результатомъ) отъ ума независимъ—путь ума есть путь по желѣзной дорогѣ: здѣсь свободенъ только выборъ мѣста въ вагонѣ, то-есть выборъ перваго пункта отбытія; все остальное повинуется желѣзной силѣ рельсовъ, разскованныхъ и къ землѣ навсегда прикрѣпленныхъ. Мы быстро и, повидимому, произвольно движемся впередъ; но это произвольность мнимая: мы не властны ни перемѣнить движенія, ни управлять имъ; самая сила влекущаго насъ паровоза есть только сила, а не власть; и бѣда, если она хоть на мигъ покинетъ направленіе, въ началѣ пути имъ полученное. Во вторыхъ нашъ умъ есть способность низшая и потому, что онъ ничего изъ самого себя не извлекаетъ, что всѣ его созданія сколь ни кажутся они самобытными, извлечены изъ внѣшняго, вещественнаго міра, суть, такъ-сказать, умственныя потомства матеріальности въ первомъ, десятомъ, двадцатомъ колѣнѣ. *Воля* стоитъ степенью выше ума: она *свободна*; но объемъ ея дѣйствій гораздо ограниченнѣе: она только избираетъ или отвергаетъ, руководствуясь закономъ нравственнымъ (котораго постиженіе и опредѣленіе есть дѣло ума), но руководствуясь самобытно, то-есть, имѣя власть рѣшить *согласно* или *несогласно* съ симъ закономъ. Она выражается въ нашихъ *дѣйствіяхъ*, и ею только получаемъ мы характеръ существъ нравственныхъ. Третья способность души, *творчество*, потому должна быть поставлена степенью выше ума и воли, что ея дѣйствія не слѣдуютъ никакому чуждому побужденію, а непосредственно изъ души истекаютъ—въ ней наиболѣе выражается божественность происхожденія души человѣческой, котораго признакъ есть сіе стремленіе творить изъ себя, себя выражать въ своемъ созданіи, безъ всякаго посторонняго повода, по одному только вдохновенію, которое не есть ни умъ, ни воля, но и то и другое, соединенное съ чѣмъ-то самобытнымъ, такъ-сказать, свыше, безъ вѣдома нашего, на насъ налетающимъ, другому высшему порядку принадлежащимъ. Наконецъ, *Вѣра*, то-есть способность принимать божественное откровеніе. Она есть самобытнѣйшая способность души человѣческой: здѣсь нашъ умъ смиряется, воля властвуетъ безъ произвола, творчество пріобрѣтаетъ характеръ созерцанія, словомъ, все сливается въ одно, въ вѣру, въ свободное преданіе души непосредственно открывающемуся ей Богу.

Теперь мы дошли до крайней точки нашего обхода, и можемъ, возвратясь назадъ, сказать что-нибудь путное о выраженіи Пушкина: *слова поэта суть уже его дѣла.* Для этого надобно, однако, еще предварительно объяснить: что такое *дѣла* поэта, что такое *поэтъ* или художникъ, что есть *художество* и гдѣ его *источникъ*?

Я позволю себѣ здѣсь повторить то, что было мною сказано въ другомъ мѣстѣ: „Руссо говоритъ: Il n'y a de beau que ce qui n'est pas; *прекрасно только то, чего нѣтъ.* Это не значитъ: *только то, что не существуетъ*; прекрасное существуетъ, но его *нѣтъ*, ибо оно, такъ-сказать, намъ является единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы намъ сказаться, оживить, обновить душу—но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты жизни—величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, очарованіе счастія, вдохновеніе несчастія и проч. производятъ въ насъ сіи живыя ощущенія прекраснаго, и весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ нимъ грусть—но грусть, не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая, какое-то смутное стремленіе—это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности. *Прекрасно только то, чего нѣтъ*—въ эти минуты тревожно-живого чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено, и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего въ немъ нѣтъ, но что гдѣ-то, и для одной души твоей, существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія; иначе отчего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ! эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго: оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, темная память о утраченномъ, искомомъ и со временемъ достижимомъ Эдемѣ; оно дѣйствуетъ на нашу душу не однимъ присутственнымъ *настоящимъ*, но и неяснымъ, въ одно мгновеніе сліяннымъ *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ *ожиданіемъ* лучшаго въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ (геній красоты) прощальную звѣзду.

„Эта прощальная, навсегда остающаяся въ нашемъ небѣ звѣзда есть знакъ, что прекрасное было въ на-

шей жизни, и вмѣстѣ знакъ, что оно не къ нашей жизни принадлежитъ! Звѣзда на темномъ небѣ—она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сіяетъ намъ издали, и нѣкоторымъ образомъ сближаетъ насъ съ тѣмъ небомъ, съ котораго неподвижно намъ свѣтитъ! Жизнь наша есть, такъ-сказать, ночь подъ звѣзднымъ небомъ; наша душа въ минуты вдохновенныя открываетъ новыя звѣзды; эти звѣзды не даютъ и не должны давать намъ полнаго свѣта, но, украшая наше небо, знакомя съ нимъ, служатъ въ то же время и путеводителями по землѣ!"

Это *прекрасное, котораго нѣтъ* въ окружающемъ насъ вещественномъ мірѣ, но которое въ немъ находитъ душа наша, пробуждаетъ ея творческую силу. Душа бесѣдуетъ съ созданіемъ, и созданіе ей откликается. Но что же этотъ отзывъ созданія? Не голосъ ли самого Создателя? Всѣ мелкія, разрозненныя части видимаго міра сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одинъ, самъ по себѣ несущественный, но ясно душою нашею видимый образъ. Что же этотъ несущественный образъ? Красота. Что же красота? Ощущеніе и слышаніе душою Бога въ созданіи. И въ ней, истекшей отъ Бога, живетъ стремленіе творить по образу и подобію Творца своего, то-есть влагать самое себя въ свое созданіе. Но Создатель всего извлекъ это все изъ самого себя: небытіе стало бытіемъ. Человѣкъ не можетъ творить изъ ничего, онъ только можетъ своими, *заимствованными изъ созданія средствами* повторять то, что Богъ создалъ своею всемогущею волею. Сей произвольный актъ творенія есть возвышенная жизнь души; цѣлью его можетъ быть не иное что, какъ осуществленіе того прекраснаго, котораго *тайну* душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится явно выразить въ твореніи собственномъ. Сіе ощущеніе и выраженіе прекраснаго, сіе пересозданіе своими средствами созданія Божія есть *художество*. Что же такое *художникъ*? Творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это *твореніе*, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ несоединенное. Въ чемъ состоитъ *актъ творенія*? Въ осуществленіи идеи творца. Верховный художникъ въ самомъ себѣ почерпнулъ и идею и матеріалъ созданія; земной художникъ, творя, также осуществляетъ свою идею, но матеріалы и для самой идеи и для ея осуществленія онъ заимствуетъ уже изъ существующаго, ему подлежащаго творенія Божія; творитъ же онъ потому, что по натурѣ души своей ощущаетъ въ себѣ къ тому неодолимое, врожденное стремленіе. Какіе его способы и матеріалы? Способы: *художество* въ разныхъ видахъ, поэзія, живопись, музыка, ваяніе; его матеріалы: слово, краска, согласіе звуковъ, твердая масса. Самое высшее изъ произведеній художества есть то, когда художникъ выражаетъ не только собственную идею, но въ своей идеѣ и самого верховнаго Творца; самое низшее—то, когда онъ съ рабскою точностью повторяетъ видимое твореніе; между сими двумя крайностями оттѣнки безчисленны, начиная отъ сходнаго во всѣхъ подробностяхъ изображенія насѣкомаго до вдохновеннаго изображенія Троицы. *Красота* художественнаго изображенія состоитъ въ истинѣ выраженія, то-есть въ ясности идеи и въ ея гармоническомъ согласіи съ матеріальнымъ художественнымъ ея *образомъ*, который съ своей стороны долженъ быть согласенъ *съ образцомъ*, заимствованнымъ изъ созданія внѣшняго. Художество въ тѣсномъ смыслѣ довольствуется только этою относительною истиною; но художество въ обширномъ, высшемъ значеніи имѣетъ предметомъ красоту высшую. Переводя на свое второбытное созданіе то, что онъ находитъ вокругъ себя въ созданіи первобытномъ, художникъ, повторяю, долженъ выражать не одну собственную, человѣческую идею, не одну свою душу, но въ ней и идею Создателя, духъ Божій, все созданное проникающій.

Оставивъ всѣ прочія художества въ сторонѣ, обратимся теперь къ тому, котораго матеріалъ есть *слово* и которое должно между всѣми занимать высшую степень, ибо оно непосредственнѣе всѣхъ ихъ изъ души истекаетъ—къ поэзіи; матеріалы другихъ заимствуются извнѣ, матеріалъ поэта слово (образъ, тѣло, идеи) прямо изъ души переходитъ въ форму матеріальную; прибавлю: всѣ другія художества не иное что, какъ поэзія въ разныхъ видахъ.

Итакъ, *слово*. Основываясь на томъ, что сказано выше о художникѣ и художествѣ, мы должны согласиться, что выраженіе Пушкина: *слова поэта суть уже дѣла его*, заключаетъ въ себѣ смыслъ глубокій. Такъ: слова поэта—дѣла поэта. Не принадлежа къ разряду дѣлъ, заключающихся въ тѣсномъ кругу ежедневнаго, они могутъ быть разсматриваемы и въ смыслѣ художественнаго произведенія (болѣе тѣсномъ) и въ смыслѣ самого художника (болѣе обширномъ). Въ первомъ отношеніи если художественныя произведенія удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ искусства, то художникъ правъ: онъ совершилъ свое дѣло, произведя прекрасное, которое одно есть предметъ художества. Въ другомъ, обширнѣйшемъ смыслѣ, дѣла художника относятся не къ одному его произведенію, но къ его особенному высшему призванію.

Обыкновенно, разсуждая о художествахъ, оставляютъ въ сторонѣ художника, и творца рознятъ съ твореніемъ. Можно ли допускать или оправдывать такой разрывъ, не знаю—по крайней мѣрѣ не въ теоріи, опредѣляющей не то, что *можетъ* быть и бываетъ, а то, что всегда *должно* быть. Поэтъ творитъ *словомъ*, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно владѣвшей душою поэта, стремительно переходя въ другую душу, производитъ въ ней такое же вдохновеніе и ее такъ же могущественно объемлетъ; это дѣйствіе не есть ни умственное, ни нравственное—оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни пріобрѣтеніе какой-нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественнаго произведенія, или, вѣрнѣе, смотря по духу самого художника.

Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога; есть, такъ-сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе: поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія. Таковъ истинный смыслъ его призванія, его великаго дара, который въ то же время есть и страшное искушеніе, ибо въ сей силѣ для полета высокаго заключается и опасность паденія глубокаго.

Вопросъ: исполнитъ ли поэтъ свое призваніе, если, живя съ откровенными очами посреди чудесъ творенія, будетъ имѣть предметомъ одну только роскошь этой внутренней поэтической жизни и то несказанное самонаслажденіе, которое вполнѣ объемлетъ и удовлетворяетъ душу въ тѣ минуты, когда она горитъ вдохновеніемъ творчества? Исполнитъ ли поэтъ свое призваніе, когда, съ одной стороны, будетъ имѣть въ виду одно только художественное совершенство произведеній своихъ, а съ другой—только успѣхъ, т.-е. гордое самоубѣжденіе въ своемъ превосходствѣ, и чародѣйную сладость хвалы и славы? Есть что-то чувственное, что-то унизительное, есть какое-то эгоистическое сибаритство въ этомъ самоботворенiи, въ этой оргіи самолюбія, въ этомъ упоеніи самонаслажденія, которое въ своихъ дѣйствіяхъ такъ же гибельно для души, какъ пьянство для силы тѣлесной.

Спросятъ: кто же изъ поэтовъ вполнѣ осуществилъ идеалъ поэта? Отвѣтъ самый простой: никто. Еще ни

одинъ ангелъ не сходилъ съ неба играть передъ людьми на лирѣ и печатать свои стихотворенія у Дидота или Глазунова. Но здѣсь главное не въ достиженіи, а въ стремленіи достигнуть. Въ произведеніяхъ художества мы наслаждаемся красотою созданія, прелестью частей, гармоніею цѣлаго и тому подобное, но все это есть одна низшая, такъ-сказать, матеріальная сторона нашего наслажденія: мы можемъ дать себѣ *отчетъ* въ томъ, что̀ насъ увлекаетъ, можемъ указать на возвышенность или пріятность содержанія, на точность, живость, необыкновенность выраженія, на музыку словъ; но то, что *безотчетно* и неуловимо, и что, однако, всему этому даетъ жизнь, это есть *духъ поэта*, въ созданіи его тайно соприсутственный. И если онъ есть духъ чистоты, если художественное созданіе (какой бы, впрочемъ, ни былъ предметъ его) проникнуто имъ такъ же, какъ образецъ его, Божіе созданіе, духомъ Создателя, то и дѣйствіе его (*дѣло* поэта, заключенное въ его *словѣ*) будетъ благодатно, какъ дѣйствіе неизглаголаннаго мірозданія на душу, отверстую его святынѣ. Не въ томъ, что составляетъ содержаніе поэтическаго произведенія, заключается его нравственно-образовательное на насъ вліяніе, а въ томъ, что̀ есть самъ поэтъ (сколько бы, повторяю, его личность ни далека была отъ избраннаго имъ предмета); увлекаемые прелестью его созданія, мы нечувствительно проникаемся его вѣрою, его любовью, его возвышенностью и чистотою, и онѣ по тайному сродству остаются въ сліяніи съ нами, какъ послѣдній результатъ поэтическаго наслажденія.

Что же, спросятъ, неужели поэтъ долженъ ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ божества и человѣчества? Отвѣтъ простой: не произноси имени Бога, но знай Его, вѣрь Ему, иди къ Нему, веди къ Нему—тогда, что̀ бы ни встрѣтилось на пути твоемъ откровенному твоему оку, и что̀ бы ни было это встрѣченное—высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначущее или легкое, забавное или мрачное—все оно, прошедъ черезъ твою душу, пріобрѣтаетъ ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободою; утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своевольство), она теряетъ прелесть; всякое *намѣреніе* произвести то или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе, нравственное, поучительное или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантазіи какую-то неповоротливость — тогда какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости, летать между небомъ и землею, все посѣщать климаты, и уносить за собою нашу душу въ этотъ чистый эѳиръ высоты, на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью.

Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, несвободенъ отдѣлить отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе; что *онъ самъ*, то будетъ и его созданіе. Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, нечистые или чудовищные, ни представлялъ онъ намъ, какъ художникъ; но и самое святое подѣйствуетъ на насъ какъ отрава, когда оно намъ выльется изъ сосуда души отравленной. Съ благодарностью сердца укажу на нашего современника Вальтера Скотта. Поэтъ въ прямомъ значеніи сего званія—онъ будетъ жить во всѣ времена благотворителемъ души человѣческой. Какой разнообразный міръ обхваченъ его геніемъ! Онъ до всего коснулся, отъ самаго низкаго и безобразнаго, до самаго возвышеннаго и божественнаго, и все изобразилъ съ простодушною вѣрностью, нигдѣ не нарушилъ съ намѣреніемъ истины, нигдѣ не оскорбилъ красоты, во всемъ удовлетворилъ требованіямъ искусства. Но посреди этого очарованнаго міра самое очаровательное есть онъ самъ — его свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа; ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ, какъ воздухъ на высотахъ горныхъ, гдѣ дышится такъ легко, освѣжительно и цѣлебно. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги, съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту и знаешь какое назначеніе душѣ твоей; онъ представляетъ тебѣ во всей наготѣ и зло и развратъ, но ими не заражаешься, съ тобою сквозь толпу очумленную идетъ проводникъ, заразѣ ея недоступный и тебя сопутствіемъ своимъ берегущій. Цѣль художественнаго произведенія достигнута: ты былъ пораженъ, приведенъ въ ужасъ, смѣялся, плакалъ, словомъ: ты насладился красотою созданія поэтическаго; но въ то же время душа твоя проникнута довольствомъ другого рода: она вполнѣ спокойна, какъ-будто болѣе утвержденная въ томъ, что все ея лучшее вѣрно. Съ такою же благодарностью сердца укажу на Карамзина, котораго непорочная душа прошла по землѣ какъ ангелъ свѣта и отъ котораго осталось отечеству, въ созданной имъ его „исторіи“, вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь ко благу и правдѣ, на благоговѣніе предъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ.

Съ другой стороны, обратимъ взоръ на Байрона—духъ высокій, могучій, но духъ отрицанія, гордости и презрѣнія. Его геній имѣетъ прелесть Мильтонова сатаны, столь поражающаго своимъ помраченнымъ величіемъ; но у Мильтона эта прелесть не иное что, какъ поэтическій образъ, только увеселяющій воображеніе, а въ Байронѣ она есть сила, стремительно влекущая насъ въ бездну сатанинскаго паденія. Но Байронъ сколь ни тревожитъ умъ, ни повергаетъ въ безнадежность сердце, ни волнуетъ чувственность, его геній все имѣетъ высокость необычайную (можетъ быть, отъ того еще и губительнѣе сила его поэзіи), мы чувствуемъ, что рука судьбы опрокинула созданіе благородное и что онъ прямодушенъ въ своей всеобъемляющей ненависти—передъ нами титанъ Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа и гордо клянущій Зевеса, котораго коршунъ рветъ его внутренность.

Но что сказать о... (я не назову его, но тѣмъ для него хуже, если онъ будетъ тобою угаданъ въ моемъ изображеніи), что сказать объ этомъ хулителѣ всякой святыни, которой откровеніе такъ напрасно было ему ниспослано въ его поэтическомъ дарованіи и въ томъ чародѣйномъ могуществѣ слова, котораго, можетъ-быть, ни одинъ изъ писателей Германіи не имѣлъ въ такой силѣ! Это уже не судьба, разрушившая бѣдствіями душу высокую и произведшая въ ней бунтъ противъ испытующаго Бога; это не падшій ангелъ свѣта, въ упоеніи гордости отрицающій то, что знаетъ и чему не можетъ не вѣрить—это свободный собиратель и провозгласитель всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго; это полное отсутствіе чистоты, нахальное ругательство надъ поэтическою красотою и даже надъ собственнымъ дарованіемъ ее угадывать и выражать словомъ, это презрѣніе всякой святыни и циническое, безстыдно-дерзкое противу нея богохульство, дабы, оскорбивъ всѣхъ, кому она драгоцѣнна, угодить всѣмъ поклонникамъ разврата; это вызовъ на буйство, на невѣріе, на угожденіе чувственности, на разнузданіе всѣхъ страстей, на отрицаніе всякой власти—это не падшій ангелъ свѣта, но темный демонъ, насмѣшливо являющійся въ образѣ свѣтломъ, чтобы прелестью красоты заманить насъ въ свою грязную бездну. Не произнося анаѳемы надъ человѣкомъ, нельзя не предать проклятію такого злоупотребленія лучшихъ даровъ Создателя. Сколько непорочныхъ душъ растлила эта демонская поэзія, обезобразившая передъ нами Божій ликъ, напечатлѣнный въ твореніи, и загрязнившая въ самомъ источникѣ жизнь ихъ, предавъ ее одной грубой чувственности.

Изъ всего сказаннаго выше легко опредѣлить, что̀ такое *дѣло* поэта какъ въ тѣсномъ, такъ и въ обширномъ его значеніи. Съ одной стороны, то-есть въ тѣсномъ смыслѣ *художественнаго произведенія*, опо-

состоитъ въ одномъ *исполненіи*, болѣе или менѣе совершенномъ, *условій искусства*; съ другой, то-есть въ обширномъ смыслѣ самаго *художества*, оно заключаетъ въ себѣ и *дѣйствіе*, производимое духомъ поэта. Подтверждая здѣсь то, что такъ прекрасно и справедливо сказалъ ты въ письмѣ своемъ, назвавъ искусство *примиреніемъ съ жизнью*, спрашиваю: поэзія въ наше время соотвѣтствуетъ ли этому опредѣленію? Нѣтъ! Поэзія нашего времени имѣетъ и весь его характеръ—характеръ вулканической разрушительности въ *корифеяхъ* и матеріальной плоскости въ ихъ *послѣдователяхъ*. Уже нѣтъ той поэзіи, которая нѣкогда была возвеличеніемъ, убранствомъ и утѣхою жизни, которая, съ одной стороны, стремила душу къ высокому, идеальному и благородствовала жизнь, украшая ея строгую, часто печальную существенность лилейнымъ вѣнкомъ надежды, а съ другой—беззаботно играла съ жизнью, забавляя ее, какъ младенца, фантастическими созданіями, свѣтлыми видѣніями, подобными въ красотѣ своей минутнымъ цвѣтамъ луга, радующимъ взоръ и претворяющимъ въ благовоніе воздухъ. Такое беззаботное наслажденіе поэзіею теперь называется ребячествомъ. Меланхолическая разочарованность Байрона, столь очаровательная въ его изображеніяхъ и столь плѣняющая глубокою (хотя иногда и вымышленною) грустью поэта, истощившись въ притворныхъ подражаніяхъ, уступила мѣсто равнодушію, которое уже не презрѣніе и не богохульный бунтъ гордости (въ нихъ есть что-то поэтическое, потому что есть сила), а пошлая разслабленность души, произведенная не бурею страстей и не бѣдствіями жизни, а просто неспособностью вѣрить, любить, постигать высокое, неспособностью предаваться какому бы то ни было очарованію. Это самодѣльное равнодушіе, которымъ такъ кокетствуютъ въ наше время поэты, относится къ мрачной разочарованности Байрона, какъ мелкая, искусственная развалина небывалаго за́мка къ огромнымъ обломкамъ Колизея, сокрушеннаго силою вѣковъ, набѣгами народовъ и молніями неба. Теперь поэзія служитъ мелкому эгоизму; она покинула свой идеальный міръ и, вмѣшавшись въ толпу, потворствуетъ ея страстямъ, льститъ ея деспотическому буйству и, промѣнявъ таинственное святилище своего храма (къ которому доступъ бывалъ отворенъ только однимъ посвященнымъ) на шумную торговую площадь, поетъ возмутительныя пѣсни толпящимся на ней партіямъ.

Но должно ли, смотря съ унываніемъ и тревогою на то, что́ кругомъ насъ происходитъ, терять вѣру въ поэзію и въ ея великое земное назначеніе? Нѣтъ! и посреди судорогъ нашего времени, не заботясь о славѣ, нынѣ уже нежеланной и даже невозможной (поелику она раздается всѣмъ и каждому, на площади, подкупными судьями въ отрепьяхъ), не думая о корысти, которая всѣхъ очумила, поэтъ, вѣрный своему призванію, скрываясь отъ толпы, исповѣдуетъ своему генію:

Не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣшающей; великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной,—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

Онъ не впадаетъ въ разочарованность, видя какъ торжествуютъ разочарователи; онъ думаетъ про-себя:

Что мнѣ до нихъ,
Безчувственныхъ жильцовъ земли иль дерзкихъ
Губителей всего святого! Мнѣ
Они чужіе. Для чего Творецъ
Такой имъ жалкій жребій избралъ, это
Извѣстно одному Ему: Онъ благъ
И справедливъ; обителей есть много
Въ дому Отца—всѣмъ будетъ воздаянье.
Но для чего сюда Онъ ихъ послалъ—
О, это мнѣ понятно. Здѣсь безъ нихъ
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?..
Поэзія—религіи небесной
Сестра земная, свѣтлолучезарный
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что́ бъ труженикъ земной
Ни испыталъ—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.
И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды
И чистыя обруганы мечты...
Объ нихъ ли сѣтовать? Таковъ удѣлъ
Всего, всего прекраснаго земного!
Но не умретъ живая пѣснь твоя;
Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души...
Поэтъ, будь твердъ! душою не дремли!
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

1848.

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ФАУСТА.

I.

Въ той сценѣ, которая предшествуетъ явленію Мефистофеля, то-есть за минуту передъ тѣмъ, какъ овладѣла имъ враждебная сила, Фаустъ переводитъ изъ Св. Писанія I главу Іоанна. Онъ хочетъ поправить и выразить *по-своему* мысль евангелиста, и такою гордостью становится доступенъ губительному искушенію. Недовольный выраженіемъ: *въ началѣ было слово*, онъ сперва пишетъ: *въ началѣ была мысль* (Sinn),—потомъ: *въ началѣ была сила* (Kraft), — отвергаетъ и то, и другое, и наконецъ останавливается на выраженіи: *въ началѣ было дѣло* (That), которое кажется ему болѣе точнымъ, нежели Іоанново, но которое столь же достойно отверженія, какъ и оба первыя.

Никакой человѣческій умъ не придумаетъ ничего выше и всеобъятнѣе этого дивнаго евангельскаго *„слова“*; съ нимъ на ряду можно поставить только то, которое слышалъ Моисей изъ пламенной купины: *азъ есмь сый*. Въ послѣднемъ изображенъ Богъ безъ всякаго отношенія къ созданію; въ *словѣ* евангелиста изображенъ Богъ-Создатель, во времени и вѣчности. Выраженіе *слово* (logos) разомъ объемлетъ и то и другое.

Но здѣсь подъ *словомъ* разумѣется не одно опредѣленное, языкомъ произносимое и слухомъ принимаемое слово; но слово *вообще*, то-есть и слово—*духовное тѣло мысли*, вмѣстѣ съ мыслью въ минуту ея рожденія создающееся въ душѣ нашей, и слово—*матеріальная одежда этого духовнаго тѣла*, *звукъ*, его выражающій. По крайней мѣрѣ, оно такъ въ

отношеніи къ человѣку. Слово человѣческое рождается вмѣстѣ съ мыслью, мало-по-малу развивается, пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе опредѣленную духовную форму, и, наконецъ, чтобы перейти въ дѣйствіе *внѣшнее*, въ *сообщеніе*, изъ духовнаго образа переоблачается въ образъ матеріальный, въ звукъ; во всемъ этомъ есть опредѣленный ходъ: здѣсь есть начало, развитіе, постепенность; здѣсь виденъ характеръ ограниченнаго временнаго, человѣческаго. Слово Божіе, напротивъ, есть Богъ—и Богъ какъ творецъ, и Богъ какъ твореніе, отъ вѣка бывшее въ Богѣ и съ Богомъ, изъ воли Его истекшее и въ Немъ заключенное, но съ Нимъ не сліянное и съ Нимъ не тождественное, имѣвшее начало, ибо оно твореніе, и безначальное, ибо оно есть *непосредственное* Божіе твореніе, а Богъ дѣйствуетъ въ вѣчности, въ которой *было*, *есть* и *будетъ*—одно и то же. Неудачная попытка Фауста исправить евангельское выраженіе служитъ только къ тому, чтобы показать, сколь оно всеобъятно. Каждое изъ выраженій, употребленныхъ Фаустомъ: *мысль*, *сила*, *дѣло*, заключаетъ въ себѣ только часть того, что вполнѣ и совокупно заключается въ выраженіи евангельскомъ: *слово*. Для всякаго творенія нужны: *мысль* (намѣреніе, планъ и начало), *сила* (возможность и средство), *дѣло* (совершеніе и конецъ); по крайней мѣрѣ, таковъ ходъ всякаго человѣческаго творенія. Въ твореніи Божіемъ нѣтъ этой постепенности; его мысль есть уже и средство и дѣло; и все это *Онъ* самъ, и все это совокупно заключается въ выраженіи евангелиста: *слово*, въ которомъ три понятія: *мысль*, *форма* мысли и *выраженіе* мысли соединяются въ одно. *Слово* (въ смыслѣ Іоанна) принадлежитъ только Богу; человѣку оно недоступно; онъ только имѣетъ *слова*, которыя суть не иное что, какъ атомы всеобъемлющаго Божія слова. Изъ сего слѣдуетъ, что *слово* Божіе—самъ Богъ и его истина — не можетъ быть выражено *словами* человѣческими, такъ же какъ цѣлое зданіе не можетъ быть заключено въ пылинкѣ, взятой изъ его мелкаго обломка, хотя пылинка сія и принадлежитъ къ его составу; всѣ наши слова, то-есть всѣ наши выраженныя и невыраженныя, отдѣльныя и взятыя въ совокупности мысли, суть только отрывки чего-то цѣлаго; сколько бы ни была велика ихъ цѣпь и что́ бы она ни обнимала, все она будетъ одинъ отрывокъ, ни къ чему не принадлежащій, если первое звено ея не прикрѣпится къ вѣчному, все выражающему *слову*, къ Богу. Въ семъ послѣднемъ случаѣ она уже не будетъ имѣть этого характера *отрывочности*: она будетъ прямымъ радіусомъ, исходящимъ изъ средоточія того круга, котораго центръ, по словамъ Паскаля, вездѣ, а окружность нигдѣ.

Слово Паскаля имѣетъ необъятное значеніе: этотъ центръ, который *вездѣ*, неуловимый нашимъ умственнымъ зрѣніемъ, но все наполняющій, всюду самобытно присутственный и живой, это средоточіе, изъ котораго выходятъ всѣ радіусы къ этой окружности, *нигдѣ* несуществующей и представляющей относительно къ Богу *всеобъемлемость*, а относительно къ человѣку *границу*, безъ которой мы въ своей ограниченности ничего постигнуть не можемъ—не заключается ли во всемъ этомъ какого-то чудеснаго гіероглифическаго образа, въ которомъ намъ таинственно и очевидно выражается и существо Бога (вѣчнаго *слова*) и отношеніе къ нему разума человѣческаго? Главное и рѣшительное въ дѣйствіяхъ нашего разума есть пунктъ отбытія (point de départ). Прикрѣпи первое звено твоей умственной цѣпи къ *центру*—она, потерявъ характеръ *отрывочности* и сдѣлавшись радіусомъ, то-есть линіею, ведущею прямо къ окружности, пріобрѣтаетъ по *свойству радіуса* и его прямизну, его неуклончивость ни направо, ни налѣво, его направленіе къ одному вѣрному пункту. Напротивъ, начни цѣпь своихъ умствованій не *изъ центра*—она по натурѣ своей будетъ безъ направленія и необходимо должна получить или косность, или ломкость, или кривизну, которыя составляютъ характеръ всякой линіи, между центромъ и окружностью проведенной, но не изъ центра *исходящей*. Начиная не изъ центра, мы на каждомъ шагу должны сбиваться съ пути, ибо, не имѣя передъ собою опредѣленной точки, не имѣемъ никакого стремленія, идемъ наугадъ, и ни къ чему дойти не можемъ—*заблужденіе*. Начиная, напротивъ, изъ центра, мы, при необходимомъ движеніи впередъ по прямому радіусу, должны становиться на каждомъ пунктѣ его ближе къ окружности, и хотя эта окружность для насъ недостижима, но стремленіе къ ней въ насъ существуетъ: и вслѣдствіе этого стремленія, при каждомъ шагѣ впередъ, мы *сами въ себѣ* становимся къ ней приближеннѣе—*истина* *). Это стремленіе по опредѣленной линіи къ границѣ неопредѣленной есть наша жизнь *во времени*. Ибо что есть время? Невидимая математическая линія, между двумя безднами идущая, между *безначальностью* и *безконечностью*; гдѣ останавливается стремленіе земной нашей жизни по этой линіи, тамъ исчезаетъ и сама путеводная линія; а двѣ бездны, ею разграниченныя, сливаются въ одну, въ оное непостижимое, неизглаголанное *все*, заключенное между вездѣсущимъ центромъ и нигдѣ несуществующею окружностью, и котораго имя: *Божія вѣчность*.

II.

Извѣстны рисунки, сдѣланные Корнеліусомъ и Речемъ для Гётева Фауста. Речъ строго держался истины: онъ удовлетворительно изобразилъ для глазъ то, что мы видимъ воображеніемъ, читая Фауста; въ его композиціи много разнообразія и живости; въ его сценахъ демоновъ и вѣдьмъ много фантазіи—но онъ не переходитъ за границу *простой* истины; въ этомъ отношеніи онъ долженъ уступить Корнеліусу, въ рисункахъ котораго есть *высшая*, идеальная истина, есть величавая значительность, составляющая характеръ среднихъ вѣковъ, къ которымъ принадлежитъ лицо Фауста; они сначала покажутся не столь привлекательны, какъ рисунки Реча, но когда въ нихъ прилежнѣе всмотришься, то найдешь, что между ими и первыми такая же разница, какая между огромнымъ, бронзовымъ рыцаремъ, лежащимъ на гробницѣ съ сложенными на молитву руками, работы стариннаго нѣмецкаго скульптора, и мраморною, со вкусомъ отдѣланною статуйкою того же рыцаря, легкой работы геніальнаго французскаго художника временъ новѣйшихъ.

Но здѣсь дѣло идетъ не о сравненіи Корнеліуса и Реча, а о томъ, что они оба, изображая одну и ту же сцену изъ Фауста, сдѣлали одну и ту же ошибку.

Вотъ эта сцена: ночь; Фаустъ и Мефистофель скачутъ на черныхъ коняхъ мимо лобнаго мѣста, на которомъ съ наступленіемъ утра должна быть казнена Маргарита. Тамъ передъ глазами Фауста совершается видѣніе; онъ спрашиваетъ у спутника:

„Что это? Зачѣмъ собрались они у висѣлицы?“
— Кто ихъ знаетъ, что́ они стряпаютъ!
„Взлетаютъ, слетаютъ, наклоняются, простираются“.
— Дрянь! ночная сволочь!

---

*) Можетъ быть сдѣланъ вопросъ: если этотъ центръ *вездѣ*, то откуда бы ни начиналась наша умственная цѣпь, она все будетъ начинаться изъ центра, слѣдственно *заблужденіе* невозможно? Это справедливо, но только въ отношеніи къ Богу: Онъ вездѣ, а гдѣ Онъ, тамъ истина. Напротивъ, въ отношеніи къ человѣку этотъ центръ, вездѣ существующій *самъ по себѣ*, можетъ существовать для человѣка только тамъ, гдѣ откровеніе укажетъ его *вѣрѣ*, и гдѣ, вслѣдствіе этого указанія, разумъ прикрѣпитъ къ нему первое звено своихъ умствованій. Это *прикрѣпленіе* не есть механическое, необходимое, несознательное—оно есть дѣйствіе человѣческой воли, свободно принимающей откровеніе, вслѣдствіе чего и всѣ звенья должны сами собою изъ перваго въ смыслѣ его извиваться.—*В. Ж.*

„Какъ-будто готовятъ мѣсто, какъ-будто его освящаютъ...“

— Мимо, мимо!

Весьма трудно сохранить въ переводѣ краткость и таинственную выразительность оригинала. Но какъ же Корнеліусъ и Речъ перевели языкъ поэта на языкъ живописи? У Реча (которому здѣсь надобно отдать преимущество передъ Корнеліусомъ) Фаустъ глядитъ изумленными глазами на мѣсто казни и хочетъ удержать бѣшенаго коня своего; Мефистофель, съ пренебреженіемъ къ происходящему и какъ-будто внутренно насмѣхаясь надъ своимъ сопутникомъ, безпечно покачивается на своемъ конѣ, бѣгущемъ во всю прыть. То же самое у Корнеліуса, у котораго, однако, въ изображеніи скачущихъ есть что-то выисканное и преувеличенное. Но и Речъ и Корнеліусъ, оба равно ошибочно поняли таинственное видѣніе, о которомъ поэтъ только намекнулъ, оставивъ воображенію читателя дополнить начатую картину; воображеніе живописцевъ не угадало мысли поэта. И тотъ и другой собрали къ лобному мѣсту ту *сволочь*, о которой говоритъ Фаусту въ отвѣтѣ своемъ Мефистофель: мертвецы въ саванахъ, скелеты съ головами и безъ головъ бѣгаютъ, летаютъ, пляшутъ около эшафота, на которомъ (въ рисункѣ Реча) совершается призракъ казни: скелетъ держитъ въ рукѣ отрубленную голову женщины, другіе скелеты играютъ черепомъ ребенка, и тому подобное. Такая ли мысль поэта? И то ли думаетъ Мефистофель, называя ночною *сволочью* тѣхъ, которые видятся Фаусту? Нѣтъ! Это не сволочь, не демоны тьмы, а ангелы свѣта; Мефистофель ихъ знаетъ, и онъ трепещетъ; онъ силится скрыть свою робость подъ тѣмъ ругательнымъ именемъ, которое даетъ имъ; онъ кричитъ Фаусту: мимо, мимо!

Если бы кругомъ лобнаго мѣста поэтъ подлинно собралъ адскую сволочь, то его сцена не имѣла бы никакого смысла—она была бы одно поэтическое украшеніе, ничего къ главному не прибавляющее. Зачѣмъ пугать Фауста новымъ адскимъ видѣніемъ, когда онъ уже довольно насмотрѣлся всякихъ ужасовъ, и смѣшныхъ и въ трепетъ приводящихъ, на сходбищѣ вѣдьмъ, гдѣ, между прочимъ, и блѣдный образъ Маргариты съ кровавымъ рубцомъ вокругъ шеи довольно ясно предсказалъ ему то, что будетъ? Но зачѣмъ же ангелы собраны къ лобному мѣсту? Это понятно: въ маленькой сценѣ Гёте мимоходомъ разгадалъ главную загадку первой части Фауста—торжество смиренія и покаянія надъ силою ада и надъ богоотступною гордостью человѣческою. Чистые ангелы своими руками уготовляютъ и святятъ то мѣсто, на которомъ слѣпое человѣческое правосудіе удовлетворитъ земной правдѣ, казнивъ преступное дѣло человѣка, а Божіе всевидящее правосудіе совершитъ правду небесную, принявши въ лоно милосердія покаяніе души человѣческой. Гдѣ человѣкъ будетъ скорбѣть и трепетать, тамъ ангелъ будетъ веселиться; гдѣ будетъ передъ глазами человѣка ужасъ безпощадной казни, тамъ будетъ торжество примиренія передъ глазами ангела, и съ нимъ вмѣстѣ восторжествуетъ все небо, въ жилищахъ котораго однимъ кающимся грѣшникомъ радуются болѣе, нежели десятью неискушенными праведниками. Въ ту минуту, когда губитель мчитъ за собою Фауста къ темницѣ Маргариты, уповая, что онъ, обольстивъ душу ея земнымъ спасеніемъ, отыметъ у нея спасеніе небесное, ангелы пророческимъ видѣніемъ, приводящимъ въ ужасъ самого демона, хотятъ остеречь погибающаго; но, увлеченный адскою силою, онъ мчится мимо, и только тогда становится ему понятно имъ видѣнное, когда онъ, насильно уведенный демономъ изъ темницы, слышитъ за собою напрасное призываніе Маргариты, произвольно себя предавшей суду небесному. *Она погибла*! восклицаетъ губитель... *Она спасена*! отвѣтствуютъ съ высоты... *За мной*! кричитъ Фаусту испуганный демонъ... *Генрихъ! Генрихъ!* зоветъ изъ тюрьмы умоляющій голосъ.

———

НѢЧТО О ПРИВИДѢНІЯХЪ.

Вѣрить или не вѣрить привидѣніямъ? Прежде нежели отвѣчать на этотъ вопросъ, надлежитъ опредѣлить, что такое привидѣніе. Я *видѣлъ*, значитъ: моимъ открытымъ глазамъ, наяву, представился предметъ, подлежащій чувству зрѣнія; мнѣ *приснилось*, значитъ: я видѣлъ не наяву, съ закрытыми глазами, предметъ, не подлежащій чувству зрѣнія; мнѣ *привидѣлось*, значитъ: я видѣлъ наяву, открытыми глазами, предметъ, не подлежащій чувству зрѣнія. Итакъ, привидѣніе есть вещественное явленіе предмета невещественнаго. Если этотъ предметъ, который намъ въ минуту видѣнія кажется существеннымъ и отъ насъ отдѣльнымъ, есть не иное что, какъ нѣчто, внутри насъ самихъ происходящее, то онъ самъ по себѣ не существуетъ; здѣсь нѣтъ еще привидѣнія. Оно бываетъ тогда, когда передъ нами совершается явленіе существъ духовныхъ, нами видимыхъ, но не подлежащихъ чувству зрѣнія. Итакъ, *вѣрить ли привидѣніямъ*? значитъ: вѣрить ли дѣйствительности такихъ существъ и ихъ чувственному съ ними сообщенію? Когда мы спимъ, дѣйствіе внѣшняго на насъ прекращается, и, видя сонъ, мы видимъ безъ предмета, не употребляя на то органовъ зрѣнія. Если бы сновидѣнія были не такъ обыкновенны, если бы имѣть ихъ могли весьма немногіе, и тѣ весьма рѣдко, то и сновидѣнія казались бы намъ невѣроятными, ибо въ нихъ есть нѣчто, противорѣчащее естественному порядку. Бываютъ *сны наяву*, которые весьма близко подходятъ къ тому, что мы назвали привидѣніемъ. Иногда еще глаза не закрылись, еще всѣ окружающіе насъ предметы намъ видимы, а уже сонъ овладѣлъ нами, и уже въ сновидѣніи, въ которое мы перешли нечувствительно, совершается передъ нами что-то, совсѣмъ отличное отъ того состоянія, въ которомъ мы были за минуту, что-то странное, всегда болѣе или менѣе приводящее въ ужасъ; и если мы проснемся, не замѣтивъ быстраго нашего перехода отъ бдѣнія ко сну и наоборотъ, то легко можемъ остаться съ мыслью, что съ нами случилось нѣчто неестественное. Вотъ примѣръ: покойный А. М. Дружининъ (бывшій, кажется, въ Москвѣ главнымъ директоромъ училищъ) разсказывалъ мнѣ слѣдующій замѣчательный случай:

„Я былъ (такъ говорилъ онъ) коротко знакомъ съ докторомъ Берковичемъ. Однажды (это было зимою) онъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ г-жею Перецъ къ себѣ на вечеръ; мы провели этотъ вечеръ весьма весело и особенно веселъ былъ самъ хозяинъ. Пробило десять часовъ; жена Берковича сказала ему: „Поди, посмотри, накрываютъ ли на столъ? Пора ужинать“. Дверь изъ гостиной вела прямо въ столовую... Берковичъ вышелъ и черезъ минуту возвратился. „Скоро ли?“ спросила жена. Онъ молча кивнулъ головою. Я посмотрѣлъ на него и увидѣлъ, что онъ былъ блѣденъ, какъ полотно; веселость его пропала; во весь остатокъ вечера онъ не сказалъ почти ни слова. Сѣли за столъ, отужинали. Госпожа Перецъ собралась ѣхать къ себѣ, и Берковичъ пошелъ проводить свою гостью съ крыльца. Сажая ее въ карету, онъ попалъ ногами въ снѣгъ, который лежалъ сугробами кругомъ подъѣзда (во весь день была жестокая метель); весьма вѣроятно, что въ эту минуту онъ простудился. На другой день пришли мнѣ сказать, что Берковичъ въ постели и что онъ зоветъ меня къ себѣ; я самъ хотѣлъ его навѣстить, ибо меня тревожила грустная мрачность, замѣченная мною въ немъ наканунѣ. И вотъ что онъ мнѣ отвѣчалъ, когда я у него спросилъ объ ея причинѣ:—Мнѣ скоро умереть; я видѣлъ своими глазами смерть мою. Когда вчера я вышелъ изъ гостиной въ столовую, чтобы узнать, скоро ли подадутъ ужинъ, я увидѣлъ, что столъ накрытъ, что на столѣ гробъ, окруженный свѣчами, и что въ гробу лежу я самъ. Будь увѣренъ, что вы скоро меня похороните.—И дѣйствительно, Берковичъ черезъ короткое время умеръ“.

Весьма вѣроятно, что въ тѣлѣ его былъ зародышъ болѣзни; простуда развила болѣзнь, а болѣзнь, съ помощью воображенія, испуганнаго призракомъ, произвела смерть. Но что же было этотъ призракъ? Сонъ наяву, видѣніе несуществующаго образа, такое же, какое бываетъ, когда сновидѣніемъ выражается или тревожное состояніе души нашей, или болѣзненное разстройство нашего тѣла. Здѣсь было не иное что, какъ сновидѣніе въ состояніи бодрствованія, происшедшее отъ той причины, какая, по большей части, производитъ всякое другое сновидѣніе; здѣсь видѣніе не отдѣлено отъ видящаго, видѣніе безъ предмета; здѣсь нѣтъ еще привидѣнія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его опредѣлили, хотя и есть въ самомъ событіи что-то необычайное, естественному порядку не принадлежащее.

Бываютъ другого рода видѣнія *наяву*, видѣнія образовъ, дѣйствительно отъ насъ отдѣльныхъ и кажущихся намъ внѣ насъ существующими, самобытными, хотя, на самомъ дѣлѣ, они не могутъ имѣть ни существенности, ни самобытности. Къ сему роду принадлежитъ извѣстное видѣніе короля шведскаго Карла XI. Что́ онъ видѣлъ, то было описано имъ самимъ. Этотъ актъ скрѣпленъ подписью самого короля и двухъ или трехъ находившихся при немъ свидѣтелей. Я читалъ его въ нѣмецкомъ литературномъ переводѣ, сдѣланномъ по требованію К. П.—Не имѣя теперь передъ глазами этого перевода, я долженъ слѣдовать повѣствованію Проспера Мериме, которое во всемъ главномъ вѣрно, хотя Мериме, по образу и подобію своихъ соотечественниковъ, не могъ воздержаться, чтобы не украсить простой истины вымысломъ нѣкоторыхъ живописныхъ обстоятельствъ. Разскажу коротко и просто. Въ то время, когда случилось описываемое здѣсь происшествіе, король Карлъ XI, знаменитый отецъ Карла XII, жилъ въ старомъ стокгольмскомъ дворцѣ (новый, нынѣ существующій и имъ заложенный, еще не былъ достроенъ). Этотъ дворецъ имѣлъ форму подковы; на концѣ одного флигеля былъ кабинетъ короля, на концѣ другого, окнами прямо противъ кабинета королевскаго, находилась палата государственныхъ штатовъ. Было поздно: король сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ каминомъ; съ нимъ, по словамъ Мериме, находились камергеръ Браге и докторъ Баумгартенъ (въ оригинальномъ актѣ названы, кажется, другіе); король былъ задумчивъ и мраченъ; вставъ съ мѣста, онъ началъ, не говоря ни слова, ходить взадъ и впередъ по горницѣ. Вдругъ онъ остановился: онъ увидѣлъ, что въ окнахъ противолежащей палаты былъ яркій свѣтъ; это не могло быть отъ луны—луна не свѣтила, и на небѣ лежали тучи; это не могъ быть пожаръ—сіяніе было спокойное и не имѣло багряности пожарной; нельзя было также подумать, что тамъ какой-нибудь изъ слугъ придворныхъ ходилъ съ факеломъ—отъ одного факела не произошло бы такого яркаго, повсемѣстнаго освѣщенія. „Видите ли?“ спросилъ король своихъ собесѣдниковъ. „Что это значитъ?“ Всѣ были изумлены, и никто не могъ придумать объясненія видимому. „Велите позвать кастеляна, чтобы онъ принесъ и ключъ отъ палаты“. Кастелянъ явился; король пошелъ съ нимъ вмѣстѣ черезъ дворецъ, провожаемый другими, которые несли свѣчи. Вступивши въ пространную переднюю палаты, они увидѣли, что она вся была обтянута чернымъ сукномъ; изъ-подъ дверей палаты яркою полосою свѣтилось. Король приказалъ кастеляну отворить дверь, но, примѣтя, что онъ, дрожа отъ страха, не могъ попасть ключомъ въ замочную скважину, взялъ ключъ изъ его руки и, сказавъ: „съ нами Богъ“, самъ отперъ двери. Онъ смѣло вошелъ въ палату; за нимъ всѣ другіе. Они увидѣли, что палата была освѣщена множествомъ свѣчъ и что въ ней происходилъ совѣтъ государственныхъ штатовъ. Члены молча сидѣли вдоль стѣнъ на банкетахъ; всѣ были въ траурѣ. Посреди палаты, кругомъ стола, покрытаго чернымъ сукномъ, засѣдали судьи, также одѣтые въ трауръ; ихъ президентъ имѣлъ передъ собою раскрытую книгу. На тронѣ, находившемся прямо противъ входа, лежалъ мертвый, покрытый порфирою: близъ него былъ виденъ юноша, имѣвшій на головѣ корону и въ рукѣ скипетръ; съ нимъ рядомъ стоялъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, въ старинной одеждѣ администраторовъ шведскихъ; на полу между столомъ и трономъ лежала плаха и при ней топоръ. Въ ту минуту, когда король вступилъ въ палату, президентъ ударилъ рукою по книгѣ; по этому знаку боковая дверь отворилась, изъ нея вышло нѣсколько человѣкъ благородной наружности, въ богатыхъ одеждахъ, но руки ихъ были связаны на спинѣ; за ними слѣдовалъ палачъ. Тотъ, кто между ними казался главнымъ, взглянулъ на трупъ, лежавшій на тронѣ; изъ раны трупа брызнула кровь, какъ-будто въ обличеніе убійства, и обличенный смѣло приблизился къ плахѣ, положилъ на нее голову, палачъ взмахнулъ топоромъ, отрубленная голова запрыгала и, перекатившись черезъ всю палату, остановилась у ногъ короля: капля крови упала на одну изъ его туфель. До сей минуты онъ стоялъ неподвижно, смотря въ безмолвномъ изумленіи на происходившее; но тутъ онъ сдѣлалъ быстро нѣсколько шаговъ впередъ и громко воскликнулъ, обратясь къ тому, кто имѣлъ на себѣ одежду администратора: „Если ты отъ Бога, говори, а если отъ другого, исчезни“. Тогда послышался голосъ: „Король Карлъ! Эта кровь не при тебѣ...“ (тутъ звуки сдѣлались менѣе внятны) „еще пять царствованій... горе потомству Вазы!“ Голосъ замолчалъ, и въ эту минуту всѣ образы начали, какъ туманъ, рѣдѣть и дѣлаться прозрачнѣе; скоро все исчезло, осталась одна пустая палата, темно освѣщенная свѣчами, горѣвшими въ рукахъ спутниковъ Карла. Король возвратился въ своей кабинетъ; онъ не могъ сомнѣваться въ существенности видѣнія, котораго неоспоримымъ свидѣтельствомъ была капля крови, запекшаяся на его туфлѣ. Полный еще свѣжаго впечатлѣнія, онъ тутъ же записалъ со всѣми подробностями то, что́ видѣлъ, скрѣпивъ описаніе своею подписью; съ нимъ вмѣстѣ подписались и всѣ другіе свидѣтели. Этотъ актъ находился въ государственномъ архивѣ шведскомъ. Пять царствованій прошли, и горе, произнесенное надъ потомствомъ Вазы, совершилось: потомство Вазы утратило корону Швеціи. А казнь убійцы, трупъ на тронѣ, старый администраторъ и коронованный юноша прямо указываютъ на Анкерштрема, на застрѣленнаго имъ Густава III, на Карла XIII, бывшаго регентомъ и королемъ, и на послѣдняго Вазу, Густава Адольфа, своимъ упрямствомъ сверженнаго съ престола, но своимъ высокимъ характеромъ достойнаго лучшей участи.

Неоспоримое свидѣтельство утверждаетъ дѣйствительность сего бытія, и все, что оно пророчествовало, совершилось; но само по себѣ оно навсегда останется непостижимымъ для нашего разума. Здѣсь нѣчто, еще не бывшее, принимаетъ задолго до своего событія существенный образъ, видимый многими, и что же этотъ образъ? Онъ не духъ, пребывавшій нѣкогда въ живомъ тѣлѣ и продолжающій жить и являться, когда явленіе матеріальной жизни уже прекратилось. Здѣсь, напротивъ, является видимо образъ чего-то небывшаго, а только возможнаго; что-то символическое пріемлетъ характеръ вещественнаго; это духъ происшествія, а не существа отдѣльнаго, цѣльный образъ чего-то сборнаго, никакой личности не имѣющаго; это воздушная картина, соединяющая въ однѣхъ рамахъ портреты, списанные кѣмъ-то съ лицъ, которыхъ еще нѣтъ и которыя когда-то будутъ.

Наконецъ, привидѣніе, въ собственномъ смыслѣ, есть явленія *духовъ*, явленія, въ которыхъ существа безтѣлесныя, самобытныя, произвольно представляются глазамъ нашимъ, при полномъ дѣйствіи нашихъ чувственныхъ органовъ, при полномъ нашемъ сознаніи, что мы дѣйствительно видимъ (или слышимъ) то, что́ у насъ совершается передъ глазами. Разскажу два случая. Преданіе говоритъ, что въ XVII вѣкѣ, въ Дюссельдорфѣ,

въ герцогскомъ за́мкѣ совершилось великое преступленіе. Тогда женою герцога юлихъ-клеве-бергскаго, полоумнаго Іоанна-Вильгельма, была Якоба, принцесса баденская. Она имѣла сердечную привязанность къ графу Мандеру, но ее выдали насильно за герцога. По наущенію герцоговой сестры, Сибиллы, жестоко ненавидѣвшей Якобу, сія послѣдняя была обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности; ее предали суду, заключили въ темницу, но прежде нежели виновность ея (весьма, впрочемъ, сомнительная) могла быть доказана судомъ, она вдругъ умерла скоропостижно; ее поспѣшно схоронили. Это произвело подозрѣніе, что смерть ея была неестественная и что виновницею этой смерти была Сибилла. Теперь за́мокъ герцоговъ бергскихъ, сцена этихъ древнихъ ужасовъ, обращенъ въ академію живописи; онъ—столица знаменитой Дюссельдорфской школы; въ немъ царствуетъ мирный геній искусства. Но преданіе о давнишнемъ убійствѣ, подъ кровлею его совершившемся, сохранилось въ народѣ, и не одно преданіе: сама преступница, казнимая гнѣвомъ небеснымъ, посѣщаетъ мрачною тѣнью то мѣсто, которое было свидѣтелемъ ея злодѣянія. Однимъ является она видимо; другіе не видятъ ея, а только слышатъ; инымъ какимъ-нибудь знакомъ она извѣщаетъ о своемъ таинственномъ присутствіи. Вотъ что, между прочимъ, случилось съ живописцемъ Бленкомъ (это разсказано мнѣ однимъ изъ его академическихъ товарищей). Онъ сидѣлъ за работою въ длинной залѣ, гдѣ находится картинная галлерея и гдѣ обыкновенно бываетъ выставка живописи; изъ нея съ одной стороны ходъ на парадное крыльцо, а съ другой двери въ меньшую залу академіи, составляющую съ другими горницами довольно длинную анфиладу. Начинало смеркаться; живописецъ былъ занятъ своею работою, спѣша ее кончить до наступленія темноты—вдругъ онъ слышитъ, что двери, ведущія съ крыльца въ галлерею, отворились и что мимо кто-то проходитъ, а кто—не видно. По шороху платья (похожему на шумъ отъ атласнаго шлейфа)—женщина. Она идетъ черезъ галлерею къ залѣ, отворяетъ ее, идетъ далѣе черезъ всю анфиладу, и слышно, какъ всѣ двери одна за другою отворяются и затворяются; и наконецъ, все утихаетъ. Бланкъ остается въ изумленіи; преданіе о бродящей душѣ Сибиллы приходитъ ему на память. Но вотъ, пока онъ размышляетъ о томъ, что случилось, ему слышится, что самая дальняя дверь снова отворилась и что къ слѣдующей двери подходятъ. Въ ужасѣ онъ бросаетъ свою работу и спѣшитъ выйти изъ галлереи дверьми, ведущими на крыльцо, дабы не встрѣтиться съ страшною гостьей. Это происшествіе заставляетъ думать, что покойная, или безпокойная, Сибилла, посѣщающая невидимкою прежнее свое жилище, еще не износила и не скинула своего стариннаго атласнаго платья, котораго шорохъ извѣщаетъ живыхъ о страшныхъ прогулкахъ мертвой. Въ 1841 году, когда я находился въ Дюссельдорфѣ, профессоръ Зонъ писалъ портретъ жены моей; каждый день въ одиннадцать часовъ утра я приходилъ съ женою въ его рабочую, гдѣ сидѣніе для портрета продолжалось около двухъ часовъ. Коридоръ, изъ котораго ведетъ дверь въ эту рабочую, находится въ верхнемъ этажѣ академіи; къ нему изъ нижняго этажа отъ параднаго крыльца также идетъ коридоръ, упирающійся въ узкую, довольно крутую лѣстницу, соединяющую средній этажъ съ верхнимъ; эта лѣстница примыкаетъ вверху къ небольшой площадкѣ, мимо которой надобно приходить къ рабочимъ многихъ живописцевъ и которая составляетъ въ верхнемъ коридорѣ пустое отдѣленіе, не имѣющее никакого выхода. Однажды, идя въ опредѣленное время съ женою къ живописцу Зону, мы всходили по узкой лѣстницѣ, я впереди, жена за мною. Вдругъ, ставъ ногою на послѣднюю ступень, я увидѣлъ, что отъ меня что-то черное бросилось вправо и быстро исчезло въ углу описанной мною выше площадки; какой оно имѣло образъ, не знаю: передъ глазами моими мелькнула черная полоса. „Что это?“ спросили мы разомъ, я у жены, а жена у меня. Отвѣта не могло быть никакого. Но жена не только что *видѣла*, она въ то же время и *слышала*; и это обстоятельство для нея осталось особенно памятно тѣмъ, что, подошедши къ лѣстницѣ и желая мнѣ что-то сказать, она оглянулась, дабы узнать, не было ли кого въ нижнемъ коридорѣ; тамъ было пусто. Когда же она, всходя за мною по лѣстницѣ, хотѣла начать говорить, ей послышалось, что кто-то за нею шелъ и такъ близко, что она боялась оборотить голову, дабы лицомъ своимъ не столкнуться съ лицомъ неучтиваго своего спутника, и почти чувствовала, какъ нога его поспѣшно занимала мѣсто ея ноги при каждомъ шагѣ; въ то же время ей слышался явственно какъ-будто шорохъ отъ шелковаго платья. На верхней ступени лѣстницы она вмѣстѣ со мною увидѣла черную полосу, мелькнувшую мимо насъ на площадку; когда же оглянулась, за нею не шелъ никто, въ коридорѣ было попрежнему пусто. Здѣсь разсказаны со всею историческою вѣрностью однѣ подробности того, что́ съ нами случилось, а что́ случилось, мы не знаемъ. Опираясь на преданіе, о которомъ тогда только въ первый разъ услышалъ я отъ профессора Зона, можно было бы подумать, что духъ Сибиллы удостоилъ насъ своего вниманія и хотѣлъ на себя обратить наше; но въ подобныхъ случаяхъ всего вѣрнѣе не дѣлать никакихъ объясненій.— Другой случай. Вотъ что разсказываетъ мнѣ о себѣ покойный Н. Н. Муравьевъ, человѣкъ необыкновеннаго ума, просвѣщенный и нимало не суевѣрный. „Я учился въ Геттингенѣ, такъ говорилъ мнѣ Муравьевъ (не помню только, геттингенскій ли университетъ былъ имъ названъ, или другой); между студентами былъ англичанинъ Стюартъ, смѣшной чудакъ, надъ которымъ его товарищи, и я съ другими, нерѣдко шутили. Однажды онъ похвасталъ, что его нельзя ничѣмъ испугать; я побился съ нимъ объ закладъ, что его испугаю, и это мнѣ удалось; самолюбіе Стюарта было сильно обижено, и онъ обѣщался мнѣ отплатить. Прошло съ тѣхъ поръ довольно времени; Стюартъ покинулъ университетъ, я забылъ о случившемся. Однажды, послѣ трудной работы надъ разрѣшеніемъ математической проблемы, я легъ довольно поздно въ постелю; что воображеніе мое не было ничѣмъ разгорячено, тому свидѣтель моя сухая, отрезвляющая умъ работа. Было за полночь, когда я кончилъ ее; полная луна сіяла въ мои окна; въ горницѣ былъ яркій свѣтъ. Противъ моей постели у противоположной стѣны находился мой рабочій столъ и передъ нимъ большія кресла; въ стѣнѣ, направо отъ стола, противъ оконъ, была дверь, которую, ложась въ постель, я заперъ ключомъ изнутри; въ одномъ углу стояла моя сабля. Я скоро заснулъ, но спалъ недолго; какъ-будто кѣмъ пробужденный, подымаю голову, и что же вижу? Въ моихъ креслахъ, передъ столомъ моимъ, сидитъ человѣческая фигура и пристально на меня смотритъ. Мнѣ тотчасъ въ мысли пришелъ Стюартъ и обѣщанное имъ мщеніе. „Это ты, Стюартъ, закричалъ я; ничуть не страшно: напрасно трудился, шутка твоя не удалась“. Но мнимый Стюартъ сидѣлъ неподвижно, уставивъ на меня темныя глаза свои. Я сказалъ: „Довольно, Стюартъ, поди вонъ, я хочу спать“. Онъ не далъ отвѣта и продолжалъ сидѣть попрежнему. Я разсердился. „Говорятъ тебѣ, поди вонъ, не мѣшай мнѣ“, сказалъ я. Онъ все ни слова и все неподвиженъ попрежнему. „Стюартъ, я не шучу; въ послѣдній разъ говорю тебѣ, поди вонъ; будетъ плохо“, такъ закричалъ я, чувствуя, къ великой досадѣ своей, что меня отъ ужаса подирало по кожѣ. Но гость мой продолжалъ попрежнему пристально смотрѣть на меня и сидѣлъ недвижимъ, какъ мраморный. Тутъ въ судорожномъ страхѣ я вскочилъ съ постели, схвативъ свою саблю, кинулся на сидѣвшаго и далъ ему сильный ударъ: сабля пролетѣла сквозь туловище его, какъ-будто сквозь воздухъ, онъ не пошатнулся и продолжалъ смотрѣть на меня попрежнему. Въ неописанномъ ужасѣ я началъ отъ него пятиться къ моей постели, сѣлъ на нее

оперся на свою саблю и, какъ-будто околдованный сверхъестественною силою, просидѣлъ всю ночь передъ своимъ страшнымъ гостемъ, который, недвижимъ какъ холодная смерть, упиралъ въ меня темные глаза свои и буравилъ ими всю мою душу. Занялось утро; онъ всталъ, медленными шагами пошелъ къ дверямъ и исчезъ—отворилъ ли ихъ или нѣтъ, не помню; очнувшись, я подхожу къ нимъ: онѣ заперты изнутри. Что это было, и теперь не знаю; о Стюартѣ же ни прежде, ни послѣ я ни имѣлъ никакого слуха".

Къ сему роду явленій относится въ особенности нашъ вопросъ: *вѣрить или не вѣрить привидѣніямъ?* Множество событій, достаточно засвидѣтельствованныхъ, побуждаютъ насъ отвѣчать утвердительно; съ другой стороны, невѣроятность самыхъ событій, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, склоняетъ насъ къ отрицанію. Что же выбрать? Ни то̀, ни другое. Хотя весьма многія доказательства въ пользу дѣйствительности привидѣній имѣютъ такую же силу, какую имѣютъ и всѣ другія доказательства историческія, на основаніи которыхъ мы признаемъ за истину происшествія, совершившіяся за многіе вѣка прежде насъ; хотя нѣтъ причины принимать за *невозможное* то, чего мы вполнѣ *изъяснить* не можемъ, и за *несуществующее* то, что не подлежитъ нашимъ *чувствамъ*, сіи явленія все останутся для насъ навсегда между *да* и *нѣтъ*. Въ этой невозможности пріобрѣсть насчетъ ихъ убѣжденіе выражается для насъ законъ самого Создателя, который, помѣстивъ насъ на землѣ, дабы мы къ здѣшнему, а не къ другому какому порядку принадлежали, отдѣлилъ насъ отъ иного міра таинственною завѣсою. Эта завѣса непроницаема; она порою сама передъ нами приподымается, чтобы мы знали, что за нею не пусто; но нашею силою никогда быть раздернута не можетъ. Если бы хотя одно явленіе духа, говоритъ Рейтернъ, могло быть доказано такъ убѣдительно, что оно для всего свѣта безъ изъятія сдѣлалось бы несомнѣнно, то вѣра въ безсмертіе души преобратилась бы для всѣхъ въ *очевидность*. Это правда; но сей-то очевидности намъ и имѣть не должно. Міръ духовный есть таинственный міръ вѣры; очевидность принадлежитъ міру матеріальному: она есть достояніе здѣшней жизни, заключенной въ предѣлахъ пространства и времени; наше верховное сокровище—знаніе, что Богъ существуетъ и что душа безсмертна,—отдано на сохраненіе не мелкому рабу необходимости, уму, а вѣрѣ, которая есть высшее выраженіе человѣческой свободы. Эти явленія духовъ, непостижимыя разсудку нашему, строящему свои доказательства и извлекающему свои умственные выводы изъ матеріальнаго, суть, такъ-сказать, лучи свѣта, иногда проникающіе сквозь завѣсу, которою мы отдѣлены отъ духовнаго міра; они будятъ душу посреди лѣниваго покоя земной очевидности, они обѣщаютъ ей нѣчто высшее, но его не даютъ ей, дабы не произвести въ ней раздора съ тѣмъ, что̀ ей дано здѣсь, и чѣмъ она здѣсь должна быть ограничена и опредѣлена въ своихъ дѣйствіяхъ. Вотъ причина, почему и всякое явленіе должно бы насъ радовать какъ явленіе друга изъ земли дальней, какъ вѣсть желанная; напротивъ, при немъ мы чувствуемъ себя въ присутствіи чего-то, намъ чужого, съ нами разнороднаго, намъ недоступнаго, имѣющаго для души нашей такой же ходъ, какой имѣетъ мертвый трупъ для нашего осязанія. Это взглядъ въ глубину бездоннаго, гдѣ нѣтъ жизни, гдѣ ничто не имѣетъ образа, гдѣ все неприкосновенно; такой ужасъ не есть ли явный знакъ, что принадлежащее иному міру должно быть намъ недоступно, пока мы сами принадлежимъ здѣшнему, и что оно можетъ быть нашимъ по одной только вѣрѣ? Итакъ, не отрицая ни существованія духовъ, ни возможности ихъ сообщенія съ нами, не будемъ преслѣдовать ихъ тайны своими умствованіями, вредными, часто гибельными для нашего разсудка, будемъ съ смиренною вѣрою стоять передъ опущенною завѣсою, будемъ радоваться ея трепетаніямъ, убѣждающимъ насъ, что за нею есть жизнь, но не дерзнемъ и желать ея губительнаго расторженія: оно было бы для насъ *вѣроубійствомъ*.

Въ заключеніе скажемъ о нѣкоторыхъ особеннаго рода видѣніяхъ, которыя составляютъ средину между обыкновенными *сновидѣніями* (то-есть призраками, отъ насъ не отдѣльными и не имѣющими никакой самобытности) и настоящими *привидѣніями* (то-есть призраками самобытными и отъ насъ отдѣльными). Сіи видѣнія бываютъ двоякаго рода: въ однихъ наше близкое будущее, или то, что̀ уже совершилось (то-есть наше, еще намъ невѣдомое, настоящее) предварительно сказывается душѣ нашей; сей безсловесный разговоръ чего-то съ нашею душою мы называемъ *предчувствіемъ*, въ которомъ, какъ-будто прежде самаго событія, подходитъ къ намъ его тѣнь, чтобы намъ предвозвѣстить его приложеніе и насъ приготовить къ его принятію. Въ другихъ или совершается непосредственное сообщеніе душъ, разрозненныхъ пространствомъ, соединенное съ видимымъ образомъ, дѣйствующимъ на наши чувственные органы, *самой* душѣ является нѣчто, изъ глубины ея непосредственно исходящее. Первыя изъ сихъ видѣній суть просто предчувствія, какъ сказано выше; послѣднія особенно принадлежатъ минутѣ смертной, минутѣ, въ которую душа, готовая покинуть здѣшній міръ и стоящая на порогѣ иного міра, полуотрѣшенная отъ тѣла, уже не зависитъ отъ пространства и мѣста и дѣйствуетъ непосредственнѣе, сливая *тамъ* и *здѣсь* воедино. Иногда уходящая душа, въ исполненіе даннаго обѣта, возвѣщаетъ свое отбытіе какимъ-нибудь видимымъ знакомъ—здѣсь выражается только вѣсть о смерти; иногда безплотный образъ милаго намъ человѣка неожиданно является передъ глазами, и это явленіе, всегда современное минутѣ смертной, есть какъ-будто послѣдній взглядъ прощальный, послѣдній зовъ любви въ предѣлахъ здѣшняго міра на свиданіе въ жизни вѣчной; иногда, наконецъ, въ нашей душѣ совершается нѣчто необычайное, которое не иное что, какъ сама олицетворяющаяся передъ нами наша смерть. О такихъ событіяхъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка и для насъ неизъяснимыхъ, есть много разсказовъ, не подверженныхъ никакому сомнѣнію; мы ограничимся здѣсь описаніемъ двухъ случаевъ. Первый изъ нихъ я разскажу въ двухъ словахъ: онъ не требуетъ никакихъ объясненій. За истину повѣствованія ручаюсь. Въ Москвѣ одна грустная мать сидѣла ночью надъ колыбелью своего больного сына: все ея вниманіе обращено было на страждущаго младенца, и все, что не *онъ*, было въ такую минуту далеко отъ ея сердца. Вдругъ она видитъ, что въ дверяхъ ея горницы стоитъ ея родственница М. (которая въ это время находилась въ Лифляндіи и не могла отъ беременности предпринять путешествія); явленіе было такъ живо, что оно побѣдило страданіе матери. „Ахъ, М., это ты?"—закричала она, кинувшись навстрѣчу нежданной посѣтительницѣ. Но ея уже не было. Въ эту самую ночь, въ этотъ самый часъ М. умерла родами въ Дерптѣ.

Вотъ другой случай: онъ имѣетъ глубокое психологическое значеніе; я долженъ разсказать его со всѣми подробностями. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ смутное время первой революціонной войны, все вооружалось на отраженіе приближающейся французской арміи. Нѣкто Гофманъ, молодой человѣкъ, недавно обрученный съ Маріанной Р., которую нѣжно любилъ и которая всею душою была къ нему привязана, схватилъ какъ и другіе, ружье и саблю, чтобы итти на защиту города—онъ упалъ мертвый отъ перваго непріятельскаго выстрѣла. Неожиданная вѣсть объ этомъ страннымъ образомъ поразила невѣсту: услышавъ, что женихъ убитъ, Маріанна поблѣднѣла, но она не заплакала, и никакая жалоба не сошла съ языка ея; въ ней въ мгновеніе исчезла память, духовная жизнь ея вдругъ остановилась, одна тѣлесная жизнь осталась неприкосновенною. Съ этой поры все окружающее

дѣйствовало на нее, такъ-сказать, мимоходомъ, не производя въ ней ни радостнаго, ни горестнаго участія; однѣ настоящія, матеріальныя нужды были ей ощутительны; но все прошедшее, все былое въ жизни вдругъ задернулось покрываломъ; о будущемъ же и самое понятіе пропало: она не ждала ничего, и это *неожиданіе* было не слѣдствіе отчаяннаго горя, а просто *неспособность желать*, параличъ, внезапно обхватившій душу, которая въ ней сохранилась только для того, чтобы механически служить живому тѣлу, какъ служитъ пружина автомату, имѣющему всѣ признаки существа живаго. Состояніе Маріанны Р. не могло быть названо сумасшествіемъ: въ ней не было ничего разстроеннаго, она была тиха, смиренна, никого ничѣмъ не тревожила, но ни въ комъ и ни въ чемъ не принимала участія и жила въ кругу людей, какъ-будто не примѣчая, что она съ ними; и всѣ, знавшіе грустную причину случившейся съ ней перемѣны, оказывали ей нѣжное вниманіе, заботились о ней, какъ о безпомощномъ, осиротѣвшемъ ребенкѣ. Такъ провела Маріанна болѣе тридцати лѣтъ; въ послѣдніе годы особенно привязалась она къ молодой дочери хозяина того дома, въ которомъ жила. Луиза Д. (такъ называлась эта дѣвушка) навѣщала ее часто, и ей одной оказывала Маріанна что-то похожее на дружбу. Вдругъ Луиза начала примѣчать какую-то необыкновенную живость въ Маріаннѣ, дотолѣ тихой и ни на что не обращавшей вниманія; казалось, что ее безпрестанно тревожила какая-то мысль, для нея самой непонятная; можно было также подумать, что въ ея тѣлѣ работала болѣзнь. Со дня на день сія тревога становилась сильнѣе и постояннѣе. Однажды, когда Луиза по обыкновенію своему принесла обѣдъ Маріаннѣ, послѣдняя сказала ей съ таинственнымъ видомъ: „Знаешь ли что, Луиза?.. Онъ написалъ ко мнѣ... онъ ко мнѣ будетъ...“—Кто онъ?—спросила Луиза. „Онъ... онъ...“ отвѣчала та, потирая лобъ и напрасно стараясь вспомнить... „ты знаешь... онъ... я жду его...“ Болѣе она не могла сказать ничего. *Я жду... онъ будетъ... онъ писалъ ко мнѣ*, эти слова она повторила съ видимымъ волненіемъ; воспоминаніе тѣснилось въ ея душу, но душа еще была затворена для него. Дня черезъ три Маріанна сказала Луизѣ: „Приходи ко мнѣ завтра... я жду его... онъ будетъ у меня завтракать“. И когда на другой день Луиза пришла, она увидѣла, что Маріанна сидѣла въ своемъ праздничномъ платьѣ за накрытымъ столикомъ; глаза ея были ярки, щеки горѣли, она смотрѣла быстро на двери. Вдругъ, подавъ знакъ рукою Луизѣ, чтобы молчала и не шевелилась, она сказала ей шепотомъ: „Слушай... слушай... онъ идетъ...“ Вдругъ глаза ея вспыхнули, руки стремительно протянулись къ дверямъ, она вскрикнула громко: „Гофманъ!“ и упала мертвая на полъ.

Главныя обстоятельства этого замѣчательнаго событія разсказаны мнѣ почти очевидцемъ. Оно есть одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которые намъ удается проникнуть взглядомъ за таинственную завѣсу, отдѣляющую насъ отъ міра духовнаго. Въ ту минуту, когда эта нѣжная, любящая душа такъ неожиданно потеряла все, что было ея истинною жизнью, она какъ-будто оторвалась отъ всего житейскаго; но разрывъ ея съ тѣломъ не совершился, она осталась еще, такъ-сказать, по одному механическому сцѣпленію принадлежностью жизни тѣлесной; но все, что въ ней принадлежало жизни духовной и чего главною стихіею была эта любовь, ею вполнѣ обладавшая, вдругъ съ утратою предмета любви оцѣпенѣло. И пока тѣлесная жизнь была полна, пока въ составѣ тѣла не было никакого разстройства, по тѣхъ поръ эта скованная, совершенно подвластная тѣлу душа ни въ чемъ себя не проявляла; она была узникомъ, невидимо обитавшимъ въ темницѣ тѣла, съ однимъ темнымъ самоощущеніемъ, безъ всякаго самопознанія. Вдругъ начинается процессъ разрушенія матеріальной власти тѣла. Съ развитіемъ болѣзни и съ постепеннымъ приближеніемъ смерти мало-по-малу совершается освобожденіе души, въ ней оживаетъ память прошедшаго, сперва смутно, потомъ яснѣе, яснѣе... *Онъ будетъ... я жду его... онъ ко мнѣ писалъ...* все это еще одни слова *сквозь сонъ*, но слова, означающія близкое пробужденіе жизни... и вдругъ въ послѣднемъ словѣ, въ произнесеніи имени, въ узнаніи образа, давно забытаго, полное воскресеніе жизни и съ нимъ конечное отрѣшеніе души отъ тѣла—смерть. Что же такое смерть? Свобода, положительная свобода, свобода души: ея полное самоузнаніе съ *сохраненіемъ* всего, что ей дала временная жизнь и что ее здѣсь довершило для жизни вѣчной, съ отпаденіемъ отъ нея всего, что не принадлежитъ ея существу, что было однимъ переходнымъ, для нея испытательнымъ и образовательнымъ, но по своей натурѣ ничтожнымъ, здѣшнимъ ея достояніемъ. (1 января 1848 г.)

ПРИМѢЧАНІЕ АВТОРА.

Вотъ нѣсколько замѣчательныхъ подробностей объ этомъ королѣ: онѣ заимствованы изъ рукописи дневныхъ записокъ Гакстгаузена, извѣстнаго своею прекрасною книгою о Россіи, книгою, въ которой онъ вѣрнѣе и безпристрастнѣе всѣхъ иностранцевъ, и даже лучше большей части русскихъ, оцѣнилъ наше отечество.

„Въ послѣднихъ дняхъ сентября 1832 года, пишетъ Гакстгаузенъ, пріѣхалъ я въ Ахенъ; по причинѣ холеры тамъ было очень мало иностранцевъ. Въ трактирѣ Belle vue, въ которомъ мнѣ должно было прожить съ недѣлю, я не встрѣтилъ ни одного проѣзжаго. Будучи принужденъ по своимъ дѣламъ сидѣть за работою въ своей горницѣ, я не имѣлъ никакого общества и рѣшился познакомиться съ своими хозяевами, съ которыми проводилъ по вечерамъ досужее время. Хозяинъ былъ трактирщикъ и болѣе ничего; хозяйка была необразованная, но честнаго, стариннаго обычая женщина, добрая, простодушная, набожная и весьма словоохотливая; старшая дочь ихъ, дѣвушка 15 или 16 лѣтъ, хотя и не красавица, была привлекательна своею смышленостью, живостью, ласковою довѣрчивостью и притомъ имѣла удивительное дарованіе разсказывать.

„Въ одинъ вечеръ зашла рѣчь о послѣднемъ королѣ шведскомъ и его низверженіи съ трона; тутъ я узналъ отъ дочери моихъ хозяевъ, что онъ за годъ передъ тѣмъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ихъ домѣ. И вотъ что она мнѣ разсказала:

„Однажды, въ вечеру, вошелъ къ намъ въ двери человѣкъ замѣчательной наружности, довольно бѣдно одѣтый, съ маленькимъ чемоданомъ подъ-мышкою; онъ попросилъ, чтобы отвели небольшую каморку на дворъ окнами. Въ горницѣ тогда не случилось никого, кромѣ меня; я указала ему его квартиру. Несмотря на бѣдность его одежды, я догадалась, что онъ былъ человѣкъ не простого происхожденія, и уходя, я спросила: не прикажетъ ли онъ еще чего? Онъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Нѣтъ, мое дитя, я ничего не приказываю ни тебѣ, ни другимъ; но я желалъ бы попросить тебя, чтобы ты принесла мнѣ немного зелени отъ обѣда вашихъ слугъ, я очень голоденъ, но ѣмъ только то, за что могу заплатить“. Я принесла ему зелени. Онъ спросилъ: давно ли я служу въ домѣ? Узнавъ же, что я хозяйская дочь, вскочилъ въ сердцахъ съ своего мѣста и спросилъ опять: „Ты, вѣрно, обо мнѣ знаешь?“—„Нѣтъ, отвѣчала я, вы не сказали своего имени и еще не дали намъ своего паспорта“. Тутъ онъ отворотился отъ меня съ досадою и сказалъ: „Поди, я вижу, что и ты за мною шпіонствуешь“. Когда же отецъ получилъ отъ него паспортъ, мы увидѣли, что гость нашъ былъ полковникъ Густавсонъ, прежній король шведскій. Мы хотѣли отвести ему горницу получше, приносить ему другую пищу, ему служить и проч.; онъ во всемъ съ большою досадою

отказалъ намъ; въ первое время онъ выходилъ только одинъ разъ въ день для прогулки; въ горницу же къ нему никто не смѣлъ войти, когда онъ тамъ находился; онъ самъ бралъ свой завтракъ, состоявшій изъ стакана молока и булки, и свой обѣдъ, который былъ не иное что, какъ блюдо зелени на 3 крейцера; всякій разъ послѣ обѣда онъ платилъ за обѣдъ и за завтракъ; при всемъ этомъ никогда не говорилъ ни слова. Однажды (проживъ уже недѣли двѣ въ нашемъ домѣ) пришелъ онъ, по обыкновенію, за своимъ обѣдомъ; въ кухнѣ тогда не случилось никого, кромѣ меня; къ зелени я прибавила кусокъ битаго мяса; увидя это, онъ сказалъ, чтобы я взяла мясо назадъ, что онъ за него заплатить не можетъ. „Никто не требуетъ платы, отвѣчала я; но если вы ничего, кромѣ зелени, ѣсть не будете, то ваше здоровье разстроится непремѣнно, не презирайте же того, что вамъ отъ добраго сердца предлагаютъ. Это было бы ужъ слишкомъ гордо“. Онъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Нѣтъ, мое дитя, съ тобою гордымъ я не буду“. И съ этихъ поръ онъ позволилъ мнѣ всякій разъ прибавлять кусокъ мяса къ блюду его зелени, но только мнѣ одной; когда въ мое отсутствіе хотѣла то же сдѣлать кухарка, онъ съ досадой ей отказывалъ. Со мною становился онъ часъ-отъ-часу ласковѣе. Однажды простудившись, онъ принужденъ былъ не выходить изъ горницы; я принесла ему завтракъ, потомъ его обѣдъ, онъ сдѣлался со мною разговорчивѣе, посадилъ меня, даже позволилъ мнѣ, чтобы я пришла къ нему послѣ обѣда съ своею работою часа на два; кончилось тѣмъ, что онъ согласился проводить свои вечера съ нами. Когда, однако, приходилъ кто посторонній, онъ удалялся; сначала и присутствіе отца моего было ему непріятно. Мнѣ же онъ разсказывалъ много о себѣ, но только все о своей молодости и о своихъ путешествіяхъ въ послѣдніе годы; онъ даже дружески отвѣчалъ мнѣ, входилъ со мною въ объясненія, когда я позволяла себѣ дѣлать замѣчанія на нѣкоторыя его странности. Напримѣръ: я замѣтила, что изъ многихъ писемъ, которыя къ нему приходили, онъ принималъ только тѣ, на которыхъ его адресъ и особенно его имя Густавсонъ были написаны правильно; при малѣйшей неправильности адреса письмо было съ досадою отвергнуто. Это привело однажды въ затрудненіе и меня, когда я въ его отсутствіе приняла письмо, на которомъ вмѣсто Gustavson стояло Gustawson; я никакъ не могла уговорить его распечатать это письмо. Когда же я послѣ у него спросила: для чего не принимаетъ онъ такихъ писемъ, которыя, очевидно, были къ нему и которыхъ неправильный адресъ была просто ошибка, безъ всякаго намѣренія сдѣлать ему непріятность, онъ взялъ меня ласково за руку и сказалъ: „Я знаю, моя милая, что ты благоразумна и понятлива; потому и соглашаюсь объяснить тебѣ, для чего я это дѣлаю. Вотъ видишь ли: я родился государемъ, я былъ королемъ по праву, данному мнѣ отъ Бога, а короли съ своей стороны имѣютъ право давать каждому имя въ его неотъемлемую, вѣчную собственность. Когда я потерялъ свою корону, я въ послѣдній разъ воспользовался моимъ королевскимъ правомъ и далъ себѣ имя. Это имя есть моя послѣдняя, неотъемлемая собственность; оно сохранится въ памяти людей, и кто его у меня отымаетъ или беретъ изъ него хотя одну букву, тотъ дѣлаетъ мнѣ смертельную обиду“.

„Онъ не принималъ ни отъ кого ни малѣйшей услуги, напримѣръ: самъ чистилъ свое платье и свои сапоги. Когда я спросила: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: „нѣсколько времени послѣ того, когда я потерялъ корону, при мнѣ еще были слуги; но когда мое имущество поуменьшилось, я долженъ былъ ихъ отпустить и довольствоваться помощью слугъ трактирныхъ. Наконецъ, я совсѣмъ обѣднѣлъ, и вотъ что со мною однажды случилось во Франкфуртѣ: я поставилъ вечеромъ сапоги свои передъ дверями моей горницы для того, чтобы ихъ вычистилъ дворникъ; на другое утро нашелъ я ихъ невычищенными, тогда какъ тѣ, которые стояли у дверей моего сосѣда, были чисты. Тутъ я въ первый разъ узналъ, что такое человѣческое презрѣніе, и съ того времени не принимаю и не терплю отъ людей никакой услуги“.

„Когда онъ съ нами проводилъ вечера безъ постороннихъ, онъ былъ разговорчивъ и говорилъ иногда по нѣскольку часовъ, сначала въ связи, порядочно и ясно, потомъ путался въ словахъ, и можно было замѣтить, что въ головѣ его было много странныхъ идей, имъ преобладавшихъ; во время разговора онъ обыкновенно ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ. Иногда бывалъ онъ въ сильномъ раздраженіи, иногда становился до крайности подозрителенъ и во всемъ видѣлъ злой противъ себя умыселъ; напримѣръ: когда мальчишки играли и шумѣли передъ его окнами, онъ говорилъ съ великою досадою, что они подосланы правительствомъ его сердить и мучить, что правительство было подкуплено его родными. Напротивъ, извѣстно, что его родные употребляли всѣ средства съ нимъ сблизиться и ему помогать, но что онъ съ гордостью отвергалъ всякую ихъ помощь и всякое съ ними сближеніе. Увидя, что мы, прощаясь съ нимъ, плакали, подарилъ онъ мнѣ маленькую желѣзную цѣпочку, на которой носилъ прежде часы; отдавая ее, онъ сказалъ мнѣ: „Прошу тебя это беречь; это—послѣдній подарокъ обѣднѣвшаго короля“.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ!*
Но съ благодарностію: *были!*

Нѣтъ и были—какая разница! Въ первомъ потеря, въ послѣднемъ воспоминаніе; *нѣтъ* значитъ исчезли; *были* значитъ оставили слѣдъ бытія своего. Прекрасная жизнь тѣхъ, которыхъ мы лишились, освящаетъ для насъ и землю, и жизнь нашу. Рѣшительная минута разлуки миновалась; они навѣки преданы воспоминанію; недоумѣніе кончилось; ихъ будущее не приводитъ въ трепетъ; печаль о нихъ обратилась изъ страданія въ благодѣтельную для сердца любовь; можемъ всѣмъ дѣлиться съ ними свободно; ихъ образъ равно свѣтелъ для насъ и при нашемъ счастіи; ни то, ни другое не измѣняетъ ихъ жребія; но въ томъ, и въ другомъ они *съ нами* воспоминаніемъ, всегда неизмѣннымъ (когда не измѣнимся мы сами), возвышающимъ душу въ счастіи, ободряющимъ ее въ несчастіи, и такое воспоминаніе есть для насъ, такъ-сказать, двойникъ нашей совѣсти.

Ея умирающая мать не могла дочитать *) того письма, которое получила отъ своей дочери на смертной постели: такъ было сильно чувство материнской любви и материнскаго счастія, наполнявшее душу ея въ эту минуту! Ей недостало жизни для нѣсколькихъ строкъ—но эти недочитанныя строки имѣютъ высокое, трогательное знаменованіе! Недочитанныя строки письма, полнаго любви, то же, что остальная жизнь, уже невидимая матерью, но полная тою же любовью, какую она прочитала бы въ этихъ послѣднихъ строкахъ. Безъ нея и все для нея. И эта чистая жизнь будетъ уже безъ нарушенія радовать материнскую, вѣчно близкую душу! Смерть уже не придетъ оторвать ее отъ этой радости. На ея часть достались желаніе великаго и величіе въ страданіи; но дѣтямъ своимъ завѣщала она свои надежды и исполненіе своихъ великихъ желаній.

---

*) Королева Луиза Прусская скончалась въ Стрелицѣ, въ 1810 г. За нѣсколько времени до кончины она получила письмо отъ принцессы Шарлотты (государыни императрицы Александры Ѳеодоровны) и была такъ имъ разстроена, что не могла его дочитать—и письмо навсегда осталось недочитаннымъ.—*В. Ж.*

Іоаннъ, любимый ученикъ и апостолъ Спасителя *), видѣлъ Его возлетѣвшаго на небо, и глаза его подняты къ небу, пріявшему всѣ его блага—но въ этихъ глазахъ не печаль разлуки, не томительное нетерпѣніе оставить землю, но чувство глубокой, покорной любви къ улетѣвшему, какъ-будто къ присутственному. Онъ уже не на землѣ, но Онъ былъ на ней; своимъ преображеніемъ Онъ познакомилъ съ таинствомъ неба; но Своею любовью, Своимъ страданіемъ познакомилъ съ величіемъ жизни; небеснымъ Онъ озарилъ житейское, и не чудесное видѣніе неестественнаго представляется взору молодого Іоанна: онъ спокойно наполненъ святымъ воспоминаніемъ, не томящимъ, не отлучающимъ отъ здѣшняго, но тихимъ, сладкозадумчивымъ, вполнѣ удовлетворяющимъ душу; онъ смотритъ на небо какъ на обитель удалившагося друга, не стремится туда, ибо земная жизнь оставлена ему въ наслѣдство какъ благо, для совершенія воли Учителя; но вѣритъ съ глубокою, мирною радостью, любитъ задумчиво и уповаетъ безъ нетерпѣнія! И все земное, радостное, печальное заключено для него въ одномъ словѣ, во всемъ отражается и слышится одно слово: *Спаситель твой живъ.*

Вотъ что Ж.-П. Рихтеръ написалъ въ то время, когда королева Луиза покинула землю, оплакиваемая не однимъ своимъ отечествомъ, но и всѣмъ германскимъ народомъ, который видѣлъ въ ней идеалъ женской прелести.

Въ ту минуту, когда ты въ бѣлой брачной одеждѣ,
Вышняго тайнаго міра невѣста, земную корону
Тихо сняла и землѣ возвратила, и въ свѣжемъ изъ зрѣлой
Жатвы вѣнцѣ отъ насъ полетѣла... все зарыдало;
Плакалъ—кто только слыхалъ о тебѣ, но болѣе плакалъ
Знавшій тебя; а тѣ, кого прижимала ты къ сердцу,
Слезъ найти не могли, а послѣ ужъ ихъ не считали.
Время придетъ: намъ завидовать станутъ въ великомъ, въ прекрасномъ,
Станутъ завидовать въ счастіи насъ посѣтившемъ, а скорби,
Скорби, съ какой отъ себя мы его проводили, не вспомнятъ.
Въ часъ тотъ, когда бытіе на землѣ для нея начиналось,
Ангелъ жизни ея прилетѣлъ предъ Судьбу и сказалъ ей:
Много вѣнцовъ у меня для младенца: изъ лилій сплетенный
Свѣжій вѣнецъ *красоты*, и *брачный* изъ миртъ, и корона,
Есть и дубовый вѣнецъ героической чести германской,
Есть и *терновый*—который избрать повелишь для младенца?
Всѣ избираю, сказала Судьба. Но остался единый,
Все награждающій. Въ день испытанья, когда появился
Смерти вѣнецъ на высокомъ челѣ, унывающій ангелъ
Снова предсталъ... и однѣ лишь слезы его вопрошали.
Голосъ раздался: воззри! Онъ воззрѣлъ, а при ней—*Искупитель.*

ЧТО БУДЕТЪ?

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ „СѢВ. ПЧЕЛѢ“.)

Мы живемъ на кратерѣ вулкана, который недавно пылалъ, утихъ и теперь снова готовится къ изверженію. Еще первая лава его не застыла, а уже въ нѣдрахъ его клокочетъ новая, и громъ вылетающихъ изъ бездны его камней возвѣщаетъ, что она скоро разольется. Одна революція кончилась, другая вступаетъ въ ея колены, и замѣчательно то, что послѣдняя въ ходѣ своемъ наблюдаетъ тотъ же порядокъ, какой наблюдала первая, несмотря на различие ихъ характеровъ. И та, и другая сходны въ первыхъ своихъ проявленіяхъ; и теперь, какъ и тогда, начинаютъ съ потрясенія главной основы порядка: съ религіи. Но теперь дѣйствуютъ уже смѣлѣе и шире. Тогда стороною нападали на вѣру, проповѣдуя терпимость, теперь нападаютъ прямо на всякую вѣру и нагло проповѣдуютъ безбожіе; тогда подкапывали втайнѣ христіанство, повидимому вооружаясь противъ злоупотребленій церковной власти, теперь вопіютъ съ кровель, что и христіанство, и церковь, и власть церковная, и всякая власть не иное что, какъ злоупотребленіе. Какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ—я говорю о тѣхъ, которые *искренно* желаютъ *лучшаго*, искренно вѣруютъ въ дѣйствительность и благотворность своихъ умозрѣній—какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ, вступающихъ въ тотъ же путь, которымъ шли ихъ предшественники (а куда привелъ этотъ путь, мы видѣли съ содроганіемъ, и знаемъ, что желанное *лучшее* на немъ нигдѣ ни встрѣтилось); какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ? Этого и сами они ясно не видятъ. Весьма вѣроятно, что многіе изъ нихъ сами себя обманываютъ и, идя впередъ съ знаменами, на которыхъ сіяютъ слова нашего вѣка: *впередъ*, *свобода*, *развитіе*, *человѣчество*, сами увѣрены, что путь ихъ ведетъ прямо въ обѣтованную землю. И, можетъ-быть, суждено имъ, какъ и многимъ изъ ихъ предшественниковъ, содрогнуться на краю или на днѣ той бездны, которая скоро подъ ихъ ногами разверзнется. Позади сихъ проповѣдниковъ образованія и движенія, дѣйствующихъ *открыто*, дѣйствуютъ *потаенно*, по ихъ указаніямъ, другіе, уже не ослѣпленные, съ цѣлью практическою, которую ясно передъ собою видятъ: для нихъ дѣло идетъ уже не о преобразованіи политическомъ, не о разрушеніи привилегій и вѣковыхъ созданій историческихъ (это уже совершено первою революціею), а просто объ уничтоженіи различія между *твой* и *мой* или, правильнѣе сказать, о превращеніи *твоего* въ *мое*. Аристократія уступила среднему состоянію, говорятъ новѣйшіе историки, среднее состояніе должно уступить народу. Что же этотъ народъ, если исключить изъ массы его классъ привилегированный и классъ средній? Толпа пролетаріевъ, которымъ нужно имѣть чужое, дабы имѣть что-нибудь свое. И уже провозглашено во услышаніе всѣмъ великое правило практическихъ преобразованій, извлеченное изъ доктринъ новѣйшей философіи и весьма понятное ихъ неудачнымъ адептамъ: *собственность есть кража.*

Замѣтимъ, что характеръ эпохи, приготовившей и произведшей французскую революцію, состоялъ въ томъ, что скептицизмъ былъ въ особенности умничаньемъ *высшаго* общества; онъ властвовалъ и въ *среднемъ* классѣ, но еще не проникалъ въ низшій. Напротивъ, нынѣ перевѣсъ вѣры на сторонѣ высшаго класса; средній и низшій, зараженные буйствомъ вѣка, возстаютъ противъ всякаго авторитета, умствуютъ, отрицаютъ. Правда, въ наше время, громче нежели когда-нибудь, раздается голосъ меньшинства вѣрныхъ, наиболѣе просвѣщенныхъ наукою и дѣятельно ратующихъ за все святое. Зато повсемѣстное губительное разрушеніе произведено доктринами разврата въ *народѣ необразованномъ*, въ толпѣ работающихъ и бѣдныхъ, гдѣ царствуетъ нужда, огорчающая душу, гдѣ живутъ только для того, чтобы не уронить съ плечъ тяжелаго бремени жизни, гдѣ завистливо смотрятъ съ голаго, безплоднаго берега на море наслажденій, въ которомъ роскошно купаются избранники счастья. Туда голосъ искушенія, проповѣдующій ненависть, хищничество, отверженіе всякой власти и всякаго долга, волю страстей и отрицаніе Божія промысла, проникаетъ съ быстротою смертельной чумы, тѣмъ быстрѣе, что всѣ предохранительныя и цѣлительныя средства противъ заразы напередъ

---

*) Здѣсь изображается картина Доминикинова, представляющая св. апостола и евангелиста Іоанна.—*В. Ж.*

уничтожены, и это безсмысліе невѣжества съ жадностью принимаетъ ученіе, столь благопріятное страстямъ и потворствующее раздраженію, производимому бѣдами житейскими, противъ которыхъ ничто уже не даетъ душѣ ни твердости, ни смиренія. Это всеобщее отверженіе всякой святыни называется теперь свободою, движеніемъ впередъ, торжествомъ человѣчества, освобожденіемъ разума. И что была бы Европа, когда повторился бы въ 1847 году 1846 годъ съ его повсемѣстнымъ голодомъ? Какой бы набатъ загремѣлъ повсюду, и какая бы толпа звѣрей, столь долго дразнимыхъ за рѣшетками ихъ клѣтокъ, вдругъ вырвалась на свободу, сокрушивъ свои заклепы съ удвоенною въ общемъ бѣдствіи силою?.. И чтó произвела бы эта *свобода*, это *движеніе впередъ*, это ниспроверженіе всякой *власти*, это неограниченное *самодержавіе народа?.. (Писано въ январѣ 1848 г.)*

О ПРОИСШЕСТВІЯХЪ 1848 ГОДА.

(изъ письма къ графу ш—ку.)

...Мнѣ надоѣло слушать нелѣпые толки о Россіи. Жалко и досадно видѣть, съ какимъ легковѣріемъ самые здравомыслящіе принимаютъ за чистыя деньги слухи о завоевательныхъ замыслахъ русскаго государя и о близкой войнѣ, которою онъ будто угрожаетъ Германіи, слухи, распространяемые злонамѣренными, которые находятъ свою пользу въ тревогѣ умовъ, ими взволнованныхъ. Россія не начнетъ сама войны съ Германіею. На что ей война? Для безопасности? Но Германія, въ теперешнемъ своемъ положеніи, никому не опасна и долго опасна не будетъ: она сама себя терзаетъ и обезсиливаетъ. Ужасъ беретъ при мысли о ея будущемъ, если не найдетъ она скоро способовъ обуздать своихъ мнимыхъ освободителей, которые готовятъ ей такой же праздникъ, какой (вѣроятно, съ ихъ вѣдома) ихъ братія попробовала дать въ Парижѣ для цѣлой Франціи. Къ счастію, не всѣ званые гости собрались въ пору, но что бы было съ Германіею, когда бы этотъ сосѣдній пиръ удался *вполнѣ* и когда бы она, изъ благоговѣйнаго подражанія великому народу, его у себя повторила? Но дѣло не о томъ. При такихъ обстоятельствахъ на что Россіи война съ Германіею, когда Германія за нее сама съ собою воюетъ, и когда на ея *западѣ* есть *братскій* народъ (*Англія*), который охотно вступится въ дѣла ея и принесетъ ей войну, если она уже такъ убѣждена, что война необходима? Теперь самое безопасное, самое полезное для Россіи и въ то же время самое сходное съ политикою ея государя (которая вся заключается въ одномъ словѣ: *не тронь меня, я никогда не трону*) состоитъ въ спокойномъ непринятіи участія ни въ чемъ, потрясающемъ нынѣ весь центръ, весь югъ и весь западъ Европы, въ сохраненіи порядка *внутри*, и въ твердой готовности отразить всякое нападеніе *извнѣ*. Германію пугаетъ сосредоточеніе русскихъ войскъ на ея границѣ; но не сама ли она подала къ тому поводъ? Не она ли такъ жарко проповѣдовала крестовый походъ противъ Россіи за Польшу, за Польшу, которая при первомъ случаѣ отблагодарила ей мятежемъ познанскимъ и помогла чехамъ приготовить ей вмѣстѣ съ Прагою новую Сицилійскую вечерню? А завоевательные замыслы Россіи... Это давнишнее привидѣніе, которое страшно только въ темнотѣ предразсудка и исчезаетъ при свѣтѣ здраваго смысла. Не расширеніе внѣшнее, а сосредоточеніе внутреннее нужно теперь для ея могущества, т.-е. обширность и неприкосновенность границъ, данныхъ необходимыми завоеваніями, Россія уже имѣетъ; дальнѣйшія завоеванія не только ей не нужны, но и вредны: они были бы не *образовательныя*, а *разрушительныя* завоеванія. Вопреки всѣмъ политическимъ предразсудкамъ, Россія никогда не бывала завоевательнымъ государствомъ (изъ одного честолюбія или изъ жаднаго хищничества); всѣ ея завоеванія были предписаны ей *необходимостью*. Но завоеванія честолюбивыя, особенно такія, которыхъ губительный предметъ есть созданіе *монархіи всемірной*, принадлежатъ исключительно *Западу*; они всегда извергались изъ того вулканическаго кратера, изъ котораго и теперь льется разрушительная лава, съ громомъ давно знакомыхъ, бѣдственныхъ криковъ: *свобода, равенство, братство*.

Пріемля живое участіе въ судьбѣ Германіи, занимающей такое высокое мѣсто въ семействѣ Европы, для которой она была донынѣ источникомъ просвѣщенія и добрыхъ нравовъ, и видя съ глубокимъ прискорбіемъ, какъ буйство нашего вѣка ниспровергаетъ великіе памятники ея исторіи, ругается надъ вѣковыми правами ея государей и оскверняетъ святыню верховной власти, превращая ее въ произволъ толпы народной, мы не можемъ, однако, не сказать, что бѣдствіе, ее постигшее, наобходимо принесетъ великую пользу Россіи, и эта польза должна состоять въ томъ, что Россія, увлеченная силою общаго движенія, вступитъ въ новую эпоху бытія своего, эпоху богатую великимъ будущимъ. Россія теперь рѣшительнѣе оторвется отъ насильственнаго на нее вліянія Европы, у которой она заняла богатство образованности, но за которою донынѣ слишкомъ покорно стремилась; Россія вступитъ въ особенный, ея исторіею, слѣдственно, самимъ Промысломъ ей проложенный путь; она не будетъ Европа, не будетъ Азія (ибо она государство христіанское), она будетъ Россія—самобытный, великій міръ, полный силы неисчерпаемой, міръ, созданный медленною работою вѣковъ, упорными борьбами, счастливыми или бѣдственными, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, въ славныхъ побѣдахъ послѣдняго времени, сплоченный вѣрою и самодержавіемъ въ одну несокрушимую, нынѣ вполнѣ устроенную громаду. Для этой Россіи пора *боевого созданія* миновалась, и начинается пора *созданія мирнаго*. Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступитъ теперь въ періодъ *развитія внутренняго*, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; опираясь всѣмъ западомъ на просвѣщенную Европу (но теперь вдругъ освобожденная отъ нравственнаго ей подданства), опираясь всѣмъ югомъ на богатую Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройного народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнью и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣреннаго генію *самодержавія*. Такъ, скажу вопреки всѣмъ любимымъ теоріямъ нашего времени, судьба Россіи заключается въ *развитіи самодержавія*, самодержавія, нѣкогда создавшаго и упрочившаго ея силу, самодержавія, которое (столь же великое въ своемъ знаменованіи, какъ велика ввѣренная ему отъ Бога Россія) вмѣстѣ съ нею растетъ, созрѣваетъ и очищается, часъ-отъ-часу ближе подходя къ своему божественному смыслу, который не есть, какъ говорятъ отрицатели власти, *произволъ царя и рабство народа*, а слово евангельское: *всякая власть исходитъ отъ Бога*; въ развитіи самодержавія, которое не есть хартія, написанная рукою человѣческою, а вѣра, глубоко врѣзанная въ душу народа рѣзцомъ судьбы его; самодержавія, которое, опираясь на Божію правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всѣхъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся, къ свободѣ—а эта свобода не иное что, какъ *личное* благоденствіе *всѣхъ и каждаго*, хранимое *властью*, не жертвуемое призраку благоденствія *общаго*, а его въ своемъ *итогѣ* производящее.

Таковъ путь, отворенный Россіи роковыми событіями Европы. Чтобы увѣриться, что она съ этого пути не собьется, надобно ближе взглянуть на теперешняго вождя ея. Часто бываетъ довольно одной черты, чтобъ выставить *всего* человѣка наружу: разскажу со всѣми подробностями, безъ малѣйшаго украшенія, одинъ случай, котораго я самъ (и я одинъ) былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

Но для бóльшей ясности и для полноты моего разсказа, я долженъ упомянуть о нѣкоторыхъ предшествовавшихъ обстоятельствахъ. Великій князь Константинъ Павловичъ былъ предполагаемымъ наслѣдникомъ русскаго престола; но онъ по причинамъ, о которыхъ здѣсь упоминать не мѣсто, отрекся отъ своего права. Объ этомъ въ Россіи не зналъ никто, кромѣ семейства императорскаго и князя Александра Николаевича Голицына, писавшаго и контрасигнировавшаго отреченіе; подлинникъ этого акта хранимъ былъ въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, а двѣ его копіи, списанныя и засвидѣтельствованныя подписью князя Голицына, находились въ Петербургѣ, одна въ сенатѣ, и другая въ государственномъ совѣтѣ; на конвертѣ подлинника было написано рукою императора Александра: *распечатать по смерти моей, не приступая ни къ какому распоряженію.*

Въ ноябрѣ 1825 покойный императоръ Александръ Павловичъ находился въ Таганрогѣ: императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, изнуренной продолжительною болѣзнью, было нужно переселиться въ теплый климатъ юга; государь выбралъ для того Таганрогъ, и самъ напередъ поѣхалъ туда, чтобы все устроить для спокойнаго тамъ пребыванія императрицы. Обстоятельства его отъѣзда были замѣчательны: онъ какъ-будто предчувствовалъ, что уже не увидитъ Петербурга; переѣзжая черезъ мостъ Каменнаго острова, онъ всталъ съ своего мѣста въ коляскѣ, велѣлъ ѣхать тише, и стоймя, въ глубокой задумчивости, смотрѣлъ на окрестность, на невскіе острова, на зданія покидаемаго имъ города; потомъ, передъ выѣздомъ изъ Петербурга, онъ заѣхалъ въ Невскій монастырь, вошелъ въ соборъ и долго молился тамъ передъ мощами св. Александра Невскаго. На пути въ Таганрогъ онъ останавливался во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были приготовлены ночлеги для императрицы, и по его указаніямъ тамъ собрано было все, для нея нужное, все, къ чему она въ ежедневной жизни привыкла, такъ-что на каждомъ шагу послѣдняго земного пути своего она вездѣ встрѣчала знаки его о ней памяти, знаки его любви, которой узы такъ скоро, но такъ не надолго, должны были на землѣ разорваться. Помѣстивъ императрицу въ Таганрогѣ въ приготовленномъ для нея домѣ, государь поѣхалъ въ Крымъ. Тамъ, объѣзжая полуденный берегъ полуострова, и именно, находясь въ монастырѣ св. Георгія, онъ простудился; эта простуда, по возвращеніи его въ Таганрогъ, обратилась въ опасную болѣзнь. Мы въ Петербургѣ не имѣли никакого о томъ предчувствія. Императоръ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ жизни; здоровое и сильное сложеніе тѣла его давало надежду, что онъ на многіе годы еще будетъ сохраненъ своему народу. Вдругъ вдовствующая императрица получаетъ отъ государыни Елизаветы Алексѣевны письмо, извѣщающее ее объ опасности императора; молва объ этомъ быстро распространяется по всей столицѣ; все приходитъ въ волненіе; по церквамъ молятся; народъ собирается туда многочисленными толпами; ждутъ съ нетерпѣніемъ и тревогою новыхъ извѣстій. Наконецъ, 26 ноября приходитъ письмо, утѣшительное, возбудившее радостныя надежды.

Теперь я долженъ говорить о самомъ себѣ. 27 ноября въ 11 часовъ утра, вмѣстѣ со многими приближенными къ императорской фамиліи, я находился въ церкви Зимняго дворца: былъ благодарственный молебенъ за императора; церковь *) была полна, всѣ лица сіяли радостью: служилъ духовникъ императора Криницкій. Вдругъ, когда послѣ громкаго пѣнія пѣвчихъ, въ церкви сдѣлалось тихо и слышалась только молитва, въ полголосъ произносимая священникомъ, раздался какой-то легкій стукъ за дверями—отчего онъ произошелъ, не знаю; помню только то, что я вздрогнулъ, и что всѣ, находившіеся въ церкви, съ безпокойствомъ оборотили глаза на двери; никто не вошелъ въ нихъ; это не нарушило моленія; но оно продолжалось недолго—отворяются сѣверныя двери, изъ алтаря выходитъ великій князь Николай Павловичъ, блѣдный; онъ подаетъ знакъ рукою къ молчанію; все умолкло, оцѣпенѣвъ отъ недоумѣнія; но вдругъ всѣ разомъ поняли, что императора не стало: церковь глубоко ахнула. И черезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія и плача. Мало-по-малу молившіеся разошлись; я остался одинъ; въ смятеніи мыслей, я не зналъ, куда итти, и, наконецъ, машинально, вмѣсто того, чтобы выйти общими дверями изъ церкви, вошелъ сѣверными дверями въ алтарь. Что же я увидѣлъ? Дверь въ боковую горницу отворена; тамъ императрица Марія Θеодоровна, почти безчувственная, лежитъ на рукахъ великаго князя; передъ нею на колѣняхъ великая княгиня Александра Θеодоровна, умоляющая успокоиться: maman, chère maman, au nom de Dieu, calmez-vous! Въ эту минуту священникъ беретъ съ престола крестъ и, возвысивъ его, приближается къ дверямъ; увидя крестъ, императрица падаетъ передъ нимъ на землю, притиснувъ голову къ полу почти у самыхъ ногъ священника. Несказанное величіе этого зрѣлища меня сразило: увлеченный имъ, я сталъ на колѣна передъ святынею материнской скорби, передъ головою царицы, лежащей въ прахѣ подъ крестомъ испытующаго Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, подняли въ кресла, понесли во внутренніе покои; двери за нею затворились; я не могъ итти далѣе и возвратился на оставленное мною мѣсто въ церкви; она была пуста, царскія двери были затворены, за престоломъ стоялъ безмолвный священникъ, кругомъ меня царствовала глубокая тишина; я сталъ неподвижно, какъ-будто прикованный къ мѣсту. Не прошло десяти минутъ, какъ вдругъ снова отворяются сѣверныя двери; входитъ великій князь Николай Павловичъ: „Отецъ Криницкій, говоритъ онъ священнику, поставьте аналой и положите на него Евангеліе“. Это исполнилось: аналой съ открытымъ на немъ Евангеліемъ поставленъ предъ царскими дверями. „Принесите присяжный листъ“, продолжалъ великій князь. Присяжный листъ принесенъ. „Читайте присягу“. Священникъ началъ читать. Великій князь поднялъ руку; задыхаясь отъ рыданія, дрожащимъ голосомъ повторялъ онъ за священникомъ слова присяги; но когда надобно было произнести слова: *государю Императору Константину Павловичу*, дрожащій голосъ сдѣлался твердымъ и громкимъ, все величіе этой чудной минуты выразилось въ его мужественномъ, рѣшительномъ звукѣ. Совершивъ присягу и подписавъ присяжный листъ, великій князь велѣлъ кликнуть одного изъ своихъ адъютантовъ. Кто былъ имъ посланъ и который изъ адъютан-

*) Для большей ясности того, что здѣсь описывается, почитаю нужнымъ сказать (ибо, какъ протестантъ, вы этого въ точности не знаете) о расположеніи русской церкви. Она раздѣляется иконостасомъ на двѣ половины; восточная половина называется алтаремъ: посреди его престолъ, на которомъ совершается „безкровная жертва“; западная половина называется трапезою: тамъ стоятъ молящіеся. Въ иконостасѣ три двери: среднія (восточныя) называются *царскими*; въ нихъ входитъ одинъ священникъ; двѣ боковыя меньшія двери называются: однѣ *сѣверными*, другія — *южными*. Замѣчу особенно, что за алтаремъ *дворцовой* церкви находилась особенная небольшая горница, изъ которой двери вели прямо въ алтарь и въ которой императрица Марія Θеодоровна имѣла обыкновеніе слушать обѣдню всякій разъ, когда не желала быть видима никому изъ находившихся въ трапезѣ.—*В. Ж.*

товъ явился, Кавелинъ, Перовскій или Адлербергъ, я не помню. „Сказать Михаилу Андреевичу Милорадовичу (онъ былъ тогда С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ), чтобы велѣлъ приводить къ присягѣ гвардію". Отдавъ такое приказаніе, великій князь вышелъ изъ церкви.

Что прибавлю къ моему разсказу? Я, съ своей стороны, не знаю ни въ исторіи народовъ, ни въ исторіи души человѣческой ни одной болѣе возвышенной минуты. Великому князю извѣстно было отреченіе брата его отъ престола; онъ зналъ, что вслѣдствіе этого отреченія престолъ неоспоримо принадлежалъ ему; онъ предвидѣлъ, что чрезъ нѣсколько минутъ всенародно откроется тайна отреченія и что ему предложено будетъ воспользоваться правомъ, ему уступленнымъ; но въ то же время онъ въ душѣ своей признавалъ неприкосновеннымъ право законнаго наслѣдника и не могъ знать, на что рѣшится этотъ наслѣдникъ (бывшій тогда далеко): подтвердитъ ли, уничтожитъ ли тайное свое отреченіе? Чего же требовала отъ него совѣсть, то было для него ясно; но онъ страшился, чтобы воля его не поколебалась въ выборѣ между самоотверженіемъ и самодержавіемъ; онъ не повѣрилъ одной силѣ души своей, онъ поспѣшилъ подкрѣпить ее силою Бога, поспѣшилъ явиться предъ лицо этого Бога, дабы во храмѣ его, къ подножію престола, на которомъ совершается жертва безкровная, положить свою жертву земного величія; онъ поднялъ къ Богу свою руку съ клятвою: не принимать этого величія иначе какъ отъ Вышней воли, которая одна всѣ земныя права даруетъ и освящаетъ. И эту клятву произнесъ онъ въ самую первую минуту великой скорби, когда вся душа обхвачена была страшною, ей самой еще непонятною мыслью, что Александра не стало; и онъ ее произнесъ одинъ, безъ свидѣтелей, безъ всякой торжественности, безъ всякаго, увлекающаго душу людского одобренія, напротивъ, тайкомъ отъ толпы, наединѣ съ Богомъ. Что былъ свидѣтель, подсмотрѣвшій его въ эту великую минуту жизни, онъ того не зналъ, онъ былъ одинъ... Сообразивъ все это, какое имя дамъ я тому, что́ мои глаза видѣли, что́ поразило *тогда* и что́ *теперь*, при воспоминаніи, наполняетъ трепетомъ благоговѣнія мою душу? Но зачѣмъ имя, когда дѣло само себя именуетъ? Подлинное же величіе этого дѣла заключается не въ огромности принесенной жертвы, а въ томъ смиреніи, съ какимъ была принесена она, въ отсутствіи всякаго самодовольнаго къ ней уваженія, въ какомъ-то младенческомъ незнаніи ея высокости, наконецъ, въ совершенномъ о ней забвеніи: ибо до сихъ поръ, кромѣ меня, случайнаго ея свидѣтеля (и весьма немногихъ, которымъ я этотъ случай въ послѣднее время разсказывалъ), никто о видѣнномъ мною не вѣдаетъ.

Исторія есть не иное что, какъ лѣтопись человѣческаго властолюбія. Пріобрѣтеніе *власти*, праведное или неправедное, сохраненіе или распространеніе пріобрѣтенной власти, возвращеніе власти утраченной—вотъ главное ея содержаніе, около котораго сосредоточиваются всѣ другія историческія событія. Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимственнымъ именемъ, болѣе или менѣе ей чуждымъ, именемъ патріотизма, любви къ человѣчеству, воли народа, общаго блага, свободы и проч.; подлинное же имя ея: *своекорыстіе*. И всякое средство — самое преступное: обманъ, клевета, измѣна, хищничество, мятежъ, междоусобіе—кажется позволеннымъ для пріобрѣтенія такого великаго блага. Немного представляетъ намъ исторія такихъ дѣйствователей на поприщѣ власти, которыхъ властолюбіе было бы совершенно чисто отъ всякой примѣси своекорыстія; еще менѣе примѣровъ пожертвованія власти изъ одной любви къ правдѣ и долгу. То, что мною разсказано, представляетъ чистѣйшій примѣръ послѣдняго: здѣсь отверженіе власти—и какой власти!—совершилось безъ всякаго своекорыстнаго вида, а просто изъ уваженія къ святынѣ права, совершилось такъ тайно, такъ тихо, что именно то обстоятельство, которое составляетъ прямое достоинство принесенной жертвы, осталось невѣдомымъ для исторіи; но тѣмъ болѣе оно вѣдомо тому, кто ведетъ лѣтопись не земнымъ (минутнымъ или вѣковымъ) событіямъ человѣческаго общества, а дѣяніямъ души человѣческой. Народы и имперіи, ихъ начало, величіе и разрушеніе, и весь родъ человѣческій не иное что, какъ призраки; одно посреди ихъ существенно и живо: безсмертная душа наша. Минутныя, земныя событія принадлежатъ листамъ исторіи, столь же минутнымъ и бреннымъ, какъ они; не умирающія дѣла души принадлежатъ листамъ той вѣчной книги Божіей, которая нѣкогда разогнется на послѣднемъ судѣ Его. И на одномъ изъ листовъ этой книги яркими чертами записана та великая минута моего императора, о которой, можетъ-быть, ни слова не скажетъ исторія. Если же она скажетъ о ней, то она въ то же время должна будетъ признать, что слова *Божіею милостью* имѣютъ свой полный смыслъ въ императорскомъ титулѣ Николая I-го. Онъ прямо изъ руки Божіей принялъ свою корону и, разъ принявъ ее, мужественно отстоялъ даръ Божій въ ту роковую минуту, когда враждебная сила покусилась на его похищеніе. Данное Богомъ, Богомъ и сохраняется, и русскій тронъ, въ виду мятежей народныхъ, уничтожающихъ святыню власти, непотрясаемо устоитъ на твердомъ основаніи Божіей правды и вѣры въ нее царя и народа.

Я могъ бы здѣсь остановиться; но сердце принуждаетъ меня къ описанному выше прибавить нѣчто другое, къ нему не принадлежащее, но что я желалъ бы высказать во услышаніе всѣхъ и каждаго. Исполненіе нашихъ намѣреній (успѣшное или неуспѣшное) есть *событіе*, зависящее не отъ одной воли человѣческой, а отъ содѣйствія многихъ ей неподвластныхъ обстоятельствъ. Событіе, скажу опять, принадлежитъ *суду исторіи*, которая одобряетъ успѣхъ и опорочиваетъ неудачу; дѣла души судитъ одинъ *Богъ*. Его суду и оправданью принадлежитъ та минута, въ которую король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, увлеченный вдохновеніемъ, чувствуя присутствіе Божіе въ душѣ своей, исповѣдалъ передъ народомъ свою къ нему любовь и свои благія для пользы его замышленія. До всѣхъ насъ дошло то слово, которое вылилось изъ души его, когда онъ въ Кёнигсбергѣ и Берлинѣ принималъ отъ народа обѣтъ подданства. Совершилось ли на дѣлѣ, что было тогда такъ прекрасно, такъ искренне сказано, на какой смыслъ перевели подданные великое слово монарха, какія обстоятельства помѣшали, и что въ самомъ высокомъ и чистомъ характерѣ короля, благороднѣйшаго и лучшаго изъ людей, могло противодѣйствовать исполненію сказаннаго—это сюда не принадлежитъ; но *слово* его было *онъ самъ*, было *правда*, чистая правда и въ ту минуту, когда оно внезапнымъ вдохновеніемъ было вырвано изъ души монарха передъ собравшимся народомъ, чистая правда и теперь, когда онъ, сокрушенный, неузнанный, неправедно судимый, осыпаемый клеветами, стоитъ передъ развалинами своего святого идеала, которымъ такъ давно была преисполнена душа его и который теперь такъ безчувственно, такъ повсемѣстно обруганъ. Нельзя безъ трепета передъ неисповѣдимостью воли Божіей читать того, что написалъ о немъ Радо́вицъ, вѣрный повѣренный его мыслей и желаній, одинъ ихъ вполнѣ постигшій и вмѣстѣ съ нимъ сокрушенный тѣмъ роковымъ бѣдствіемъ, которое напрасно предвидѣлъ, напрасно предсказывалъ, напрасно силился отвесть отъ своего государя. Такъ, трепетъ благоговѣнія передъ Всевышнимъ Богомъ (Его же пути не наши пути) проникаетъ душу при чтеніи этихъ страницъ, на которыхъ такъ просто разсказаны благія намѣренія одного изъ лучшихъ государей нашего времени и всѣхъ временъ, разсказано, какъ все, желанное для его народа и для Германіи, и имъ самимъ глубже всѣхъ современниковъ постигнутое, давно развивалось въ душѣ его, какія напрасныя усилія и

опыты были имъ сдѣланы для приведенія въ сущность благихъ замышленій, и какъ сіи замышленія чистѣйшаго, самоотверженнаго безкорыстія, въ тотъ самый мигъ, когда надлежало имъ совершиться, были вдругъ опровергнуты однимъ словомъ неисповѣдимаго Промысла: *поздно*. Нѣсколькими днями *раньше*—и все, чего такъ давно требовала Германія и что она теперь взяла съ бунта, искаженное губительною рукою народнаго самовластія, было бы дано ей хранительною рукою законной власти, безъ нарушенія правъ, утвержденныхъ вѣками, съ уничтоженіемъ всякаго произвола, губящаго власть верховную, но безъ замѣненія его грубымъ властительствомъ толпы, надолго разрушившимъ народное благоденствіе и грозящимъ уничтожить общество человѣческое въ самомъ его основаніи. Всѣ читали Радо́вица; но послышался ли хотя одинъ голосъ, отвѣчающій на его вызовъ отдать справедливость Фридриху-Вильгельму IV? Какъ изъяснить то равнодушіе, съ какимъ цѣлый благородный народъ принялъ этотъ голосъ, оправдывающій честь его въ лицѣ его государя? Какимъ волшебствомъ такъ внезапно могла изгладиться въ немъ любовь къ многославному дому Гогенцоллерновъ, и исчезъ изъ глазъ его этотъ блистательный рядъ монарховъ, которые создали, возвеличили, просвѣтили, и, наконецъ, послѣ плачевнаго паденія возстановили Пруссію, за нѣсколько дней столь устроенную, столь полную народнаго благоденствія? Какъ могли потерять для его сердца свое очарованіе имена великаго курфирста, единственнаго Фридриха, благодушнаго Фридриха-Вильгельма III, который вмѣстѣ съ сыновьями своими такъ рыцарски стоялъ передъ рядами его неустрашимой арміи, когда она билася за свободу отечества и Германіи? Наконецъ, какъ могъ онъ эту армію, покрытую такою чистою славою, столь вѣрную знаменамъ своимъ и чести военной, обвинить въ предательствѣ за то, что она поднялась за своего законнаго государя противъ уличнаго бунта, и тогда только положила оружіе, уже побѣдоносное, когда самъ король остановилъ ея геройскую борьбу за права его. Непостижимая справедливость нашего времени! Французское войско за то, что оно, вступаясь за свою однодневную, еще ни на какихъ правахъ неутвержденную республику, повалило своими пушками баррикады и положило тысячи друзей свободы на улицахъ Парижа, называютъ славою и спасеніемъ отечества; уличныхъ же проповѣдниковъ свободы сотнями разстрѣливаютъ и цѣлыми толпами посылаютъ за море въ ссылку; а знаменитая прусская гвардія, поднявшая оружіе за вѣковыя, неотъемлемыя права и за честь своего законнаго государя, должна быть осрамлена обвиненіемъ въ предательствѣ; подкупнымъ же уличнымъ бродягамъ и отпущенникамъ изъ тюрьмы, возмутившимъ спокойныхъ гражданъ столицы и теперь пирующимъ на счетъ ихъ посреди развалинъ порядка, совокупно съ ними разрушеннаго, должно быть дано названіе героевъ! Справедливость молчитъ передъ нахальными криками партій. Но тѣ, которые не заражены чумою нашего времени, особенно тѣ, которымъ *знакома* чистая, высокая, любящая, вѣрующая душа Фридриха-Вильгельма IV, тѣ знаютъ истинный смыслъ этого событія; они видятъ въ немъ одну неисповѣдимость путей Божіихъ; они ясно видятъ, что самому Провидѣнію было угодно, чтобъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV остановилъ оружіе своихъ защитниковъ въ рѣшительную минуту ихъ торжества, дабы къ святынѣ благихъ намѣреній его присоединить святыню мученичества, дабы онъ могъ въ смиренномъ принятіи величайшаго изъ испытаній, какое только было когда ниспослано душѣ человѣческой, совершить лучшее человѣческое дѣло: *претерпѣть до конца и не погибнуть;* они благоговѣютъ передъ мученичествомъ, и для нихъ терновый вѣнецъ, теперь лежащій на этой царской головѣ, кажется блистательнѣе того вѣнца, которымъ бы современники и исторія украсили Фридриха-Вильгельма IV, когда бы успѣхъ событій соединился съ чистымъ дѣломъ души его; они протестуютъ противъ мятежнаго суда партій и переносятъ дѣло его въ высшее судилище Божіей правды.

P. S. Нынѣ день рожденія нашего императора; музыка играетъ русскую пѣсню: *Боже, царя храни!* Давно я не слыхалъ ея; и никогда не слышалъ съ такимъ чувствомъ, какъ теперь. Народная пѣсня—въ ней заключается великое очарованіе: она то же, что звуки родного языка, что воспоминаніе о родинѣ, что память о далекихъ, живыхъ или умершихъ, что знамя, вѣющее надъ головою войска; она едва ли не значительнѣе всего этого, ибо она не есть что-то *опредѣленное*, *частное*, а чудный, родной голосъ, *все вмѣстѣ* выражающій. Въ ней слышится совокупный, гармоническій привѣтъ отъ всѣхъ одноземцевъ, жившихъ прежде, къ живущимъ теперь, какое-то сводное преданіе о цѣломъ народѣ, о его прошлой жизни, о его славѣ, о его свѣтлыхъ и темныхъ дняхъ, обо всемъ, что онъ былъ и что намъ оставилъ по себѣ въ наслѣдство. Вотъ отчего, съ тѣмъ вдохновительнымъ чувствомъ, которое возбуждаетъ въ насъ всякая народная пѣсня, соединяется такъ много меланхолическаго: ибо въ ней прошлое, *уже несуществующее*, смѣшано съ живымъ настоящимъ, съ темнымъ предчувствіемъ будущаго. Но все это относится къ пѣснѣ старинной, уже давно въ народѣ живущей. Но пѣсня народная, особенно посвященная *царю и въ его лицѣ всему царству*, повторяемая при всякомъ важномъ событіи народной жизни, имѣетъ глубокое, ей одной присвоенное значеніе. Очарованіе такой пѣсни наиболѣе ощутительно для насъ на чужбинѣ. Когда въ чужой землѣ послышится тебѣ *простая* народная пѣсня, она пробудитъ объ отечественномъ только твое *личное*; но когда зазвучитъ для тебя народное слово: *Боже*, *царя храни*! вся твоя Россія, съ ея минувшими днями славы, съ ея настоящимъ могуществомъ, съ ея священнымъ будущимъ, явится передъ тобою въ лицѣ твоего государя. Болѣе нежели когда-нибудь почувствовалъ я это теперь, когда вокругъ меня стояла толпа равнодушныхъ слушателей, изъ которыхъ для многихъ уже не могло быть подобной пѣсни, для многихъ, которые, внезапно охолодѣвъ ко всему историческому, замѣнили его чѣмъ-то самодѣльнымъ, безъ преданій, безъ древней знаменитости, безъ всякаго живого завѣта отъ предковъ къ потомкамъ, замѣнили живую поэзію математическою неразрѣшимою проблемою, или, лучше сказать, уничтожили *исторію*, то-есть *славу*, такимъ же коммунистическимъ процессомъ, какимъ просвѣтители нашего времени хотятъ уничтожить и *собственность*, то-есть самое *общество*. Я смотрѣлъ на нихъ, какъ на сиротъ, безъ имени, безъ семейства, собранныхъ подъ одною кровлею пріюта, которая не есть для нихъ отеческій домъ, а только пространство, служащее имъ мѣстомъ пребыванія. И мнѣ было сладко подумать о своемъ великомъ семействѣ, о нашей Россіи, гдѣ все, что здѣсь такъ произвольно разрушено, благоговѣніе передъ святынею *Божіей правды и исторіи*, и благоговѣніе передъ святынею *власти державной*, изъ нихъ исходящей, сохранилось неприкосновеннымъ, въ залогъ настоящаго могущества и будущаго благоденствія, и въ душѣ моей глубоко, глубоко отозвались слова нашей народной пѣсни, всю эту святыню выражающія. *Боже*, *царя храни*!

$\frac{7 \text{ іюля}}{25 \text{ іюня}}$ 1848 г.

$\frac{7}{19}$ *августа*. Описаніе Кёльнскаго праздника заставило меня крѣпко призадуматься, а нѣкоторыя обстоятельства его живо меня тронули. Въ предисловіи къ этому описанію, газета говоритъ о глубокомъ *значеніи* праздника; достроеніе древняго христіанскаго храма въ Кёльнѣ сравниваетъ она съ строеніемъ новаго политическаго храма Германіи во Франкфуртѣ, не думая, чтобы это сравненіе было вѣрно. Между этими двумя фактами такая же разница, какъ и между словами ихъ выражающими: *тамъ* достроеніе, то-есть довершеніе существующаго; *здѣсь* по-

строеніе, то-есть новое созданіе; *тамъ* великому зданію, въ старину начатому, сохраняется его характеръ, и главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы его древнее величіе, при доведеніи къ концу начатаго вполнѣ сохранено было новыми зодчими; *здѣсь* все прежнее, созданное вѣками, должно уступить теоретическимъ идеямъ новыхъ строителей, и ихъ *построенія* суть не иное что, какъ *перестроенія*, то-есть разрушеніе стараго и созданіе новаго по новому плану. Газета говоритъ еще объ *единствѣ*, утверждая, что и въ изящныхъ искусствахъ главное условіе красоты состоитъ въ томъ, чтобы *частное* исчезло *въ цѣломъ*, и что тогда только можетъ быть *единство.* Совсѣмъ напротивъ: не только не нужно, чтобы частное исчезло, нужно, напротивъ, чтобы части, безъ которыхъ не можетъ быть *цѣлаго*, сохранили свою необходимую самобытность и въ стройной своей совокупности составили одно гармоническое цѣлое, но въ немъ не исчезли. *Единство* происходитъ не отъ мертваго *единообразія*, а отъ живаго *соединенія*; такъ и единство Германіи можетъ произойти только изъ соединенія, слѣдственно, изъ сохраненія живыхъ частей ея. Какъ бы ни краснорѣчиво провозглашали свои теоріи проповѣдники церкви св. Павла во Франкфуртѣ, но иного единства имъ создать для нея не удастся. По ихъ ариѳметикѣ нѣсколько нулей могутъ составить единицу; они говорятъ Петру, Ивану, Карлу, Вильгельму: „Каждый изъ васъ долженъ сперва самъ себя зарѣзать, потомъ изъ вашихъ мертвыхъ труповъ мы составимъ одного общаго, живаго человѣка“; не знаю, согласится ли кто-нибудь подвергнуть себя такому химическому процессу? Или, можетъ-быть, вслѣдствіе великихъ открытій, сдѣланныхъ нашимъ премудрымъ временемъ въ естественныхъ наукахъ, они нашли, что человѣкъ такой, каковъ онъ былъ донынѣ, слишкомъ сложенъ, что разные члены его тѣла ему совсѣмъ не нужны, что глаза, ротъ, носъ, голова, руки, ноги и проч. не иное что, какъ вредный *партикуляризмъ*, и что ихъ надобно уничтожить, дабы пересоздать стараго, слишкомъ зависимаго отъ членовъ своихъ человѣка, въ свободнаго, безчленнаго, единаго.

ПРИМѢЧАНІЯ АВТОРА.

Безпрестанно повторяютъ: „Мы тридцать три года терпѣли; обѣщанное намъ не исполнено; нами ругались: мы были притѣснены; всѣ наши требованія были съ презрѣніемъ отвергнуты“. Къ несчастію, эти обвинительные крики основаны на истинѣ: государи Германіи остались въ долгу у своихъ народовъ. И главная вина ихъ состоитъ менѣе въ томъ, что они этого долга не заплатили, нежели въ томъ, что они не оказали надлежащей рѣшительности въ его признаніи, чѣмъ и возбудили противъ себя подозрѣніе, наконецъ, обратившееся въ мятежное негодованіе; если бы они мало-по-малу, но постоянно, въ опредѣленные сроки уплачивали проценты своего долга съ частію капитала, то въ настоящее время не было бы ни заимодавцевъ, ни должниковъ, и тѣ и другіе были бы богаты: напротивъ, теперь и тѣ и другіе разорены (Фридрихъ-Вильгельмъ IV, однако, долженъ быть исключенъ изъ числа должниковъ двусмысленныхъ: онъ явно, при восшествіи на престолъ, призналъ свой долгъ, онъ искренно заботился о его уплатѣ; но его народъ и современники не имѣли счастья ему повѣрить; а сила обстоятельствъ опрокинула всѣ его благотворныя усилія). Признавъ за истину сказанное выше, теперь спрашиваемъ: если правительства съ своей стороны несправедливо медлили удовлетворить требованіямъ народовъ, то сіи послѣдніе были ли умѣрены и всегда справедливы въ своихъ требованіяхъ? А ихъ неумѣренность и буйные способы, которые они употребляли, чтобы *насильственно* схватить то, что надлежало имъ пріобрѣсть путемъ законности и порядка, не должны ли были вооружить противъ нихъ ту самую власть, которая, чтобъ дѣйствовать съ пользою, должна дѣйствовать самостоятельно и свободно? Вы называете своихъ противниковъ демонами тьмы, но вы сами были ли ангелами свѣта? И съ виновною медлительностью правительствъ (изъясняемою вашимъ буйствомъ и опасеніемъ вашего произвола) не стоитъ ли на ряду ваша мятежная нетерпѣливость (которая, впрочемъ, равномѣрно можетъ быть изъяснена равнодушіемъ и недѣятельностью со стороны правительствъ)? Конечно, первая неправда: *неисполненіе обѣщаннаго* на сторонѣ правительствъ (а что́ неправда сѣетъ, то она и пожинаетъ); но вы, заплативъ за неправду *неисполненія* неправдою *бунта*, что посѣяли? Не такую же ли неправду? Разница состоитъ только въ томъ, что первая, предшествовавшая неправда была причиною послѣдней, изъ нея исшедшей; но она ее не оправдываетъ; и плоды обѣихъ будутъ одинаковы: первая произволомъ власти державной пробудила произволъ толпы и безначалія; послѣдняя, опровергнувши всякое историческое право и своевольство толпы признавъ за свободу, въ свою очередь пробудитъ произволъ власти, какое бы власть сія не получила имя, республики или монархіи. И это было бы еще самою счастливою развязкою. Мы слышали страшное слово Кассандры, произнесенное однимъ изъ благороднѣйшихъ дѣйствователей нашего времени: „Не однѣ прежнія *формы* государствъ уничтожены, говорилъ онъ, и самыя *условія*, необходимыя для того, чтобы создать какую-нибудь постоянную форму, не существуютъ. Эти условія суть: съ одной стороны *власть верховная*, съ другой—*богобоязненность* и *уваженіе долга*; безъ этихъ элементовъ никакой государственный порядокъ существовать не можетъ; разъ уничтоженные, они сами собою не возродятся; ихъ можетъ родить *необходимость*; а только необходимость отъ воли человѣческой не зависитъ; ее приводитъ одна великая *внѣшняя сила*; роковое же имя этой силы—*война*“. Но горе человѣчеству, когда допустятъ родиться той войнѣ, которую носитъ въ чревѣ своемъ настоящее время! Скорѣй, скорѣй призовите на помощь генія власти. Не бойтесь реакціи—это пароль и лозунгъ мятежниковъ. *Прежнее* вполнѣ возвратиться не можетъ: его *враждебные* элементы уничтожены; но съ ними уничтожены и *добрые*, а съ уничтоженіемъ послѣднихъ освободились *новые*, гораздо болѣе враждебные, нежели прежніе. Не дайте имъ соединиться. Иначе изъ мертвой гидры подымется живая, страшнѣйшая первой. Уничтоживъ все *прежнее неправедное*, а потому и разрушимое, сохраните и возстановите все *прежнее праведное*, вѣковое и вѣчное, бѣдственно потрясенное или опрокинутое: святыню власти, святыню богобоязненности, святыню уваженія долга. Однимъ словомъ, на развалинахъ неправды не стройте новаго зданія неправды. Оно не надолго; падетъ, и васъ самихъ раздавитъ.

О СТИХОТВОРЕНІИ: СВЯТАЯ РУСЬ.

(письмо къ кн. вяземскому.)

$\frac{\text{23-го іюля}}{\text{5-го августа.}}$ Кронталь, близъ Содена.

Благодарствую, мой милый Вяземскій, за твое коротенькое письмо и за донесеніе о томъ, что у васъ теперь происходитъ; то нѣсколько за васъ успокоило, хотя холерная туча все еще стоитъ надъ вашею головою. Но мнѣ на васъ почти завидно: вы окружены бѣдою, которая, выходя изъ руки всемогущей, выходя изъ природы, неповинной въ томъ злѣ, которое изъ нея истекаетъ, вселяетъ одинъ только *ужасъ*; вы *дома*, вы страждете въ *своей семьѣ*; а я на *чужѣ*; и вкругъ меня свирѣпствуетъ бѣда, производящая не одинъ благоговѣйный ужасъ предъ властью верховной, но и негодованіе противъ безумія и разврата человѣческаго. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы уже *теперь* былъ дома; пускай бы тамъ хо-

лера *нашла* меня; но *самому* искать холеры, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, везти свою семью ей навстрѣчу и, можетъ-быть, ей на жертву, на такую отвѣтственность не могу и не долженъ рѣшиться.

Между тѣмъ, на бѣду мою, надобно еще слышать и слушать вой этого всемірнаго вихря, составленнаго изъ разныхъ безчисленныхъ криковъ человѣческаго безумія, вихря, который грозитъ все поставить вверхъ дномъ. Какой тифусъ взбѣсилъ всѣ народы и какой параличъ сбилъ съ ногъ всѣ правительства! Никакой человѣческій умъ не могъ бы признать *возможнымъ* того, что случилось и что въ нѣсколько дней съ такою демоническою, необоримою силою опрокинуло созданное вѣками. Можно было слышать, и давно, давно это было слышно, что въ глубинѣ кратера, таившагося подъ слоями многихъ поколѣній, шевелилась скопляющаяся лава; и покой правительствъ, которыя лѣниво и упрямо спали на краю этого кратера, есть гибельная неосторожность, вполнѣ заслуживающая имя преступленія. Но подобнаго изверженія лавы придумать было невозможно. Шумомъ упадшаго французскаго трона пробуждается нѣсколько крикуновъ въ маленькой области Германскаго царства: нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ, лѣкарей и марателей бумаги, никѣмъ не призванныхъ, никѣмъ не уполномоченныхъ, предводительствуя маленькою дружиною дерзкихъ журналистовъ, выходятъ въ бой противу всѣхъ законныхъ государей, окруженныхъ сильною арміей, и всѣ они разомъ, безъ боя, кладутъ оружіе и принимаютъ безусловно тѣ безсмысленные законы, которыми въ чаду своей силы (не дѣйствительной, а созданной внезапнымъ страхомъ ихъ противниковъ), наскоро, безъ всякой умѣренности, безъ малѣйшаго признанія права и правды, толпа анархистовъ уничтожаетъ всякій авторитетъ и всякую возможность порядка. Теперь начинается что-то похожее на противодѣйствіе—но трудно повѣрить его успѣху. Слишкомъ, слишкомъ много разрушено.

Вяземскій! какъ тронули меня, при видѣ всего этого, столь болѣзненнаго и отвратительнаго, твои стихи: я не могъ читать ихъ безъ слезъ и не могу иначе перечитывать...

Твои стихи не поэзія, а чистая правда. Но что же поэзія, какъ не чистая высшая правда? Твои стихи *правда* потому, что въ нихъ просто, вѣрно, безъ всякой натяжки, выражается то, что глубоко живетъ въ душѣ, не подлежитъ произвольному умствованію, не требуетъ никакихъ доказательствъ разума, что живетъ въ душѣ вопреки всѣмъ софизмамъ отрицанія, вопреки даже самимъ противорѣчащимъ фактамъ, живетъ, какъ всякая Божія истина, не изъ ума человѣческаго исходящая, потому именно гордостью его отвергаемая, что она *внѣ* его существуетъ, потому именно и неотрицаемая, что не принадлежитъ къ области очевидности и не подвластна механической силѣ логическихъ доказательствъ. Твои стихи, поэтическій крикъ души, производятъ очаровательное дѣйствіе въ присутствіи чудовищныхъ происшествій нашего времени. *Святая Русь*—какое глубокое значеніе получаетъ это слово теперь, когда видимъ, какъ все кругомъ насъ валится, единственно оттого, что оторвался отъ него этотъ *общій знаменатель*, къ которому нельзя уже теперь привести этихъ мелкихъ, разнородныхъ дробей, ничего цѣлаго не составляющихъ. *Святое* утрачено; крѣпкій цементъ соединявшій такъ твердо камни вѣкового зданія, по плану Промысла построеннаго, исчезъ мало-по-малу, уничтоженный ѣдкою дѣятельностью ума человѣческаго. Что воздвигнется и можетъ ли что воздвигнуться на этой грудѣ развалинъ—мы знать и предвидѣть не можемъ. Между тѣмъ, наша звѣзда, *Святая Русь*, сіяетъ высоко, сіяетъ въ сторонѣ, да сохранитъ ее Богъ отъ затменія собственнаго и отъ насильственнаго увлеченія въ вихрь сосѣднихъ звѣздъ, готовыхъ разрушиться. *Святая Русь*—это слово ровесникъ христіанской Россіи. Оно дано ей, какъ говорятъ твои стихи, при ея крестинахъ, и никогда не потеряетъ своего глубокаго смысла, хотя и вошло въ разрядъ *обыкновенностей* (lieux communs). Скажу мимоходомъ, что я выше всего ставлю эти такъ-называемыя *обыкновенности*: онѣ въ языкѣ и въ жизни то же, что воздухъ, невидимо окружающій, безъ котораго ни дышать ни жить невозможно. То, что вошло въ *обыкновенность*, принято всѣми, для всѣхъ неотрицаемо; оно потеряло свою новость отъ своей давности, но по тому самому и есть всеобщая необходимая истина. Оно пріобрѣтаетъ вдругъ характеръ какого-то откровенія, чудно выражающаго истину верховную, когда ему противоположится нѣчто, эту верховную истину отрицающее. Такъ и здѣсь: *Святая Русь*—какъ часто и давно это слово повторяется, какъ мы къ нему привыкли, какъ многіе употребляютъ его даже въ ироническомъ смыслѣ—но сказанное *теперь* (въ противоположность тому, что въ нашихъ глазахъ повсемѣстно творится), не изумляетъ ли оно своею новостью и своею истиною? Не выражаетъ ли оно для насъ съ новою убѣдительностью, однимъ звукомъ, всего, что въ теченіе вѣковъ сдѣлалось нашею вѣрою, любовію и надеждою? Не яснѣе ли означается въ немъ этотъ особенный *союзъ* нашъ съ Богомъ, вслѣдствіе котораго отъ нашихъ праотцевъ перешло къ намъ и чудное имя его *Русскій Богъ* (не *Россійскій Богъ*, какъ оканчиваетъ своего Димитрія Донского Озеровъ). Русскій Богъ, Святая Русь—подобныхъ наименованій Бога и отечества, кажется, ни одинъ европейскій народъ не имѣетъ. Въ выраженіи *Святая Русь*—отзывается вся наша особенная исторія; это имя Россія ведетъ отъ Крещатика, но свое глубокое значеніе оно пріобрѣло со времени раздробленія на удѣлы, когда надъ *разными* подчиненными князьями былъ *одинъ* главный, великій, когда при великомъ княжествѣ было множество малыхъ, отъ него зависимыхъ, и когда это все соединилось въ одно, не въ *Россію*, а въ *Русь*, то-есть не въ государство, а въ семейство, гдѣ у всѣхъ были одна отчизна, одна вѣра, одинъ языкъ, одинакія воспоминанія и преданія; вотъ отчего и въ самыхъ кровавыхъ междоусобіяхъ, когда еще не было *Россіи*, когда удѣльные князья безпрестанно дрались между собою за ея области, для всѣхъ была одна, живая, нераздѣльная *Святая Русь*; всѣ вмѣстѣ стояли за нее противъ нашествія и грабительства враговъ невѣрныхъ. Особенную же силу этому слову дали печальныя времена Мамая: тогда оно сдѣлалось для насъ соединительнымъ, отечественнымъ, боевымъ крикомъ; имъ утѣшала насъ наша церковь; его произносили князья наши, неся въ Орду свою голову за отечество; оно гремѣло на Куликовомъ полѣ; оно должно было получить удивительный смыслъ на устахъ Великаго Іоанна III, уничтожившаго рабство татарское и вдругъ явившагося самодержавнымъ обладателемъ *всея Россіи*. Съ того времени Россія, а Святая Русь осталась преданіемъ, совокупнымъ сокровищемъ царя стала государствомъ, особеннымъ достояніемъ царя и народа; *тамъ* наше могущество, наши многообъемлющія грани, наше государственное достоинство; *здѣсь* наша память о жизни праотцевъ, наша народная внутренняя жизнь, наша вѣра, нашъ языкъ, все, что собственно *наше русское*, что никому, кромѣ насъ, принадлежать не можетъ, что нигдѣ, кромѣ русской земли, не встрѣтится, чего никто, кромѣ русскаго человѣка, и понять не можетъ. *Россія* принадлежитъ къ составу государствъ Европы; *Святая Русь* есть отдѣльная, наслѣдственная собственность русскаго народа, упроченная ему Богомъ. Вся святость этой Руси и весь чудный характеръ народа русскаго (въ которомъ такой свѣтлый разсудокъ соединяется съ такою твердою, спокойною, никакимъ вдохновеніемъ невоспламеняемою самоотверженностью) особенно выразилась въ ту минуту, когда бояре московскіе пришли къ чудовищному Іоанну IV умолять его казнить ихъ, какъ будетъ на то его воля, но только не покидать престола русскаго. (Событіе удивительное, въ которомъ ясно означается, что пра-

вильныя понятія политическія, безъ всякаго философическаго умствованія постигнутыя здравымъ русскимъ умомъ, прямо истекаютъ изъ того источника, изъ котораго всякая истина истекаетъ: изъ христіанства, которое, несмотря на потрясеніе, претерпѣнное имъ въ наше время, возьметъ напослѣдокъ свое и сдѣлается *альфою* и *омегою* всякой правды.) Другое слово нашего народа: *Русской Богъ*, имѣетъ такое же глубоко-историческое значеніе: подобныя слова не случайно входятъ въ употребленіе, они суть памятники, итоги вѣковой жизни народа. Слово *Русской Богъ* выражаетъ не одну *вѣру* въ Бога, но еще какое-то особенное народное *преданіе* о Богѣ, давнишнемъ сподвижникѣ Руси, видѣнномъ нашими праотцами во всѣ времена ихъ жизни, и счастливыя, и бѣдственныя, и славныя, и темныя; въ этомъ словѣ наше бодрое, безпечное *авось* соединяется съ крѣпкою надеждою на высшее Провидѣніе; *Русской Богъ* есть то же въ отношеніи къ вѣрѣ въ Бога, что *Святая Русь* въ отношеніи къ Россіи. Этотъ Русской Богъ есть удивительное созданіе нашего ума народнаго; понятіе о Немъ, *отдѣльно* существующее при *вѣрѣ* въ Бога христіанскаго, истекающей изъ божественнаго откровенія, присоединено къ ней, будучи выведено русскимъ народомъ изъ откровенія, въ его исторіи заключающагося, понятіе о Богѣ ощутительномъ, на опытѣ доказанномъ, повсемѣстно, безъ всякаго проповѣданія признанномъ, понятіе однимъ только русскимъ народомъ присвоенное. Смѣшно сказать: Англійскій, Французскій, Нѣмецкій Богъ; но при словѣ *Русской Богъ*—душа благоговѣетъ: это Богъ нашей народной жизни, которымъ, такъ-сказать, для насъ олицетворяется вѣра въ Бога души нашей, это образъ небеснаго Спасителя, видимо отразившійся въ земной судьбѣ нашего народа.

Россія шла своимъ *особеннымъ* путемъ, и этотъ путь не измѣнился съ самаго начала ея исторической жизни, несмотря на безпорядки, происшедшіе отъ раздробленія на удѣлы, которое, наконецъ, произвело и долгое татарское иго. Двѣ главныя силы, исходящія изъ одного источника, властвовали и властвуютъ ея судьбою; онѣ навсегда сохранятъ ея самобытность, если, оставшись неизмѣнными въ своей сущности, будутъ слѣдовать за историческимъ необходимымъ ея развитіемъ, будутъ его направлять и могущественно имъ владычествовать. Эти двѣ силы суть *церковь* и *самодержавіе*: одной, то-есть самодержавію, принадлежитъ земной порядокъ и благоденствіе общественное, имъ охраняемое; другой, то-есть церкви, принадлежитъ дополненіе земного благоденствія высшими благами иного порядка, дающаго земному его истинное значеніе и возможную прочность.

Оглянувшись на западъ теперешней Европы, что̀ увидимъ? Дерзкое непризнаніе участія всевышней власти въ дѣлахъ человѣческихъ выражается во всемъ, что̀ теперь происходитъ въ собраніяхъ народныхъ. Эгоизмъ и мертвая матеріальность царствуютъ. Чего тутъ ожидать живого? Какое человѣческое благо можетъ быть построено на такомъ фундаментѣ? Вѣра въ *святое* исчезла—печальный результатъ *реформаціи*, которая, будучи сама результатомъ предшествовавшаго, есть самый видный пунктъ, съ котораго можно преслѣдовать постепенный ходъ и развитіе теперешняго. Неотрицаемо, что реформація произвела великое движеніе умственное, изъ котораго, наконецъ, вышла такъ-называемая цивилизація нашего времени. Реформаціи предшествовали два приготовительныхъ событія, которыя сильно помогли ея всеобъемлющему дѣйствію: *изобрѣтеніе книгопечатанія и взятіе Константинополя турками.* Книгопечатаніе сдѣлалось путемъ быстрѣйшаго и обширнѣйшаго сообщенія мыслей; съ паденіемъ Византіи классическая ученость переселилась въ Италію, и чрезъ нее въ остальную Европу. Первый шагъ реформаціи рѣшилъ судьбу европейскаго міра: вмѣсто историческихъ *злоупотребленій* церковной власти, она разрушила духовный, дотолѣ нетронутый *авторитетъ* самой церкви; она взбунтовала противъ ея неподсудимости демократическій умъ; давъ право повѣрять откровеніе, она поколебала вѣру, а съ вѣрою и все святое. Это святое замѣнилось языческою мудростью древнихъ; родился духъ противорѣчія; начался мятежъ противъ всякой власти, какъ божественной, такъ и человѣческой. Этотъ мятежъ пошелъ двумя дорогами: на *первой* уничтоженіе авторитета церкви произвело *раціонализмъ* (отверженіе божественности Христа), отсюда *пантеизмъ* (уничтоженіе личности Бога), въ заключеніе *атеизмъ* (отверженіе бытія Божія); на *другой* понятіе о власти державной, происходящей отъ Бога, уступило понятію *о договорѣ общественномъ*, изъ него—самодержавіе народа, котораго первая степень *представительная монархія*, вторая степень *демократія*, третья степень *соціализмъ и коммунизмъ*; можетъ быть и четвертая, послѣдняя степень: *уничтоженіе семейства*, и вслѣдствіе того возвышеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ-либо его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго *скотства*. Итакъ, два пункта, къ которымъ ведутъ и отчасти уже привели сіи двѣ дороги: съ одной стороны самодержавіе ума человѣческаго и уничтоженіе царства Божія, съ другой—владычество всѣхъ и каждаго и уничтоженіе общества. Между сими двумя крайностями бытія теперь и выбивается изъ силъ образованность западной Европы.

Общество по той же причинѣ, что реформація произвела въ немъ *усиленную* дѣятельность, пріобрѣло великое развитіе въ своемъ матеріальномъ составѣ, и это развитіе есть то, что̀ называется *цивилизаціею* (наука, промышленность, удобства жизни, богатство, легкость и обширность сообщеній умственнаго и матеріальнаго и проч.)—понеже пунктъ отбытія (point de départ) былъ фальшивый, эта цивилизація отклонилась отъ настоящей своей цѣли: на Божій престолъ она возвела умъ человѣка, мы возвратились въ язычество, въ язычество безъ поэзіи, ибо у насъ нѣтъ передъ глазами фантастическихъ боговъ древности; мы боготворимъ свой умъ, нѣчто не живое, не имѣющее никакого образа, безотвѣтное, съ нами умирающее, которое напрасно его поклонники хотятъ увѣковѣчить въ его названіи *умъ человѣческій*, въ чемъ-то сборномъ, не имѣющемъ никакой личной существенности. А цивилизація сама себя погубитъ, или, лучше сказать, распадется на гнилыя части, ибо она есть трупъ безъ души, если не возвратится къ тому пункту, съ котораго начала свой путь и на которомъ оставила свою душу: *вѣру въ святое.* Возможенъ ли этотъ возвратный путь? Это знаетъ одинъ Всезнающій.

Россія ничего подобнаго въ судьбѣ своей не имѣла; она не испытала реформаціи, въ ней не произошло этого умственнаго, образовательно разрушительнаго движенія, произведшаго мало-по-малу ту смертельную болѣзнь, которой теперь страждетъ Европа; и если она далеко отстала отъ Европы въ цивилизаціи, то въ такой мѣрѣ сохранила неприкосновеннымъ, что̀ европейская цивилизація уничтожила и чего уничтоженіе въ свою очередь уничтожитъ европейскую цивилизацію, сохранила вѣру въ святое. У насъ цѣлы тѣ главные основные элементы, которыми держится бытіе государствъ христіанскихъ. Наша церковь не измѣнилась: реформація не дерзнула коснуться ея святыни; а неизмѣняемость церкви сберегла и упрочила неизмѣняемость власти державной, которая, несмотря на всѣ волненія государственныя, осталась непотрясенною въ своемъ основаніи, то-есть въ понятіи о божественности ея происхожденія и въ исторической ея законности. Русскій народъ, въ которомъ никакой произволъ мятежнаго умствованія не поколебалъ вѣры въ непреложность церкви, остался равномѣрно вѣренъ и власти державной, проповѣдуемой церковью. Въ его исторіи мы видимъ перемѣны властителей, но *власть и уваженіе къ ней* во всякое время оставались неизмѣнными; бывали мятежи народные, но никогда не было

провозглашаемо *право* мятежа, которое также существовать не можетъ, какъ и право притѣсненія: ибо когда народное возстаніе опрокидываетъ законную власть, во зло употребленную, то это есть выраженіе существующаго права, это—простое событіе, неизбѣжное слѣдствіе другого событія, неправда, рожденная неправдою, то же, что отзывъ, естественно произведенный звукомъ. Мы видимъ, что отъ Рюрика до смерти Θеодора Іоанновича одинъ и тотъ же домъ царствуетъ; сквозь всѣ вѣка протянута одна непрерывная цѣпь наслѣдственной власти, непрерывная во времена междоусобій, во времена татарскаго ига и пресѣченная на короткое время въ періодѣ отъ Годунова до Романовыхъ только для того, чтобы крѣпче соединить свои звенья въ ту минуту, когда весь русскій народъ, основываясь на вѣрѣ и обычаяхъ праотцевъ и на ученіи евангельскомъ, провозгласилъ самодержавіе на выборѣ московскомъ. Это самодержавіе перешло въ руки Романовыхъ такимъ, какое оно было до ихъ избранія. Оно и теперь то же самое въ своей сущности: завѣтъ намъ отъ всего нашего минувшаго, богатство собранное нами въ теченіе вѣковъ на дорогѣ, по которой вело насъ Провидѣніе. Съ другой стороны, надобно сказать, что если въ образованной Европѣ вѣра въ святое истратилась отъ расточительныхъ *злоупотребленій ума*, то въ Россіи неприкосновенность ея сохранилась частію и отъ ея *бездѣйственнаго неупотребленія*, такъ-что на западѣ Европы существуетъ цивилизація, но добрыя начала уничтожены, а у насъ сохранены добрыя начала, но *собственной* цивилизаціи, изъ ихъ развитія исходящей, еще не существуетъ, а есть только ея призракъ, ея намъ чуждая, заимственная форма, которая можетъ, наконецъ, повредить и добрымъ началамъ. Вопросъ: что возможнѣе—ввести ли снова въ цивилизацію уничтоженныя добрыя начала, или на существующихъ добрыхъ началахъ пересоздать чужую цивилизацію въ собственную? Думаю, послѣднее. Первое можно сравнить съ развратнымъ, состарѣвшимся, разслабленнымъ богачомъ, который доживаетъ послѣднее свое достояніе и ничего не оставитъ наслѣдникамъ, кромѣ своего мертваго трупа; послѣднее—съ молодымъ, еще неоглядѣвшимся недорослемъ, владѣльцемъ великаго богатства, котораго онъ еще употреблять не научился, но которое еще не растрачено и можетъ, увеличенное, перейти въ руки его наслѣдниковъ. Итакъ, чтобы предохранить цивилизацію Европы отъ ниспаденія въ варварство, надлежитъ возвратить ее къ началамъ, ею утраченнымъ. Чтобы дать самобытную цивизацію Россіи, должно развить сіи добрыя начала, сохранившія всю чистоту свою, но еще не вполнѣ въ смыслѣ своемъ употребленныя. Сіи начала для Россіи суть: *церковь* и *самодержавіе*. Подъ *развитіемъ церкви* разумѣется болѣе дѣятельное введеніе ея ученія въ умственную и практическую жизнь истиннымъ христіанскимъ образованіемъ, оградивъ его отъ всякаго самовольнаго лжемудрія; образованіемъ, которое у насъ до сихъ поръ слишкомъ ограничено было однѣми формами (отчего произошли многіе наши расколы, дѣти не *вольномыслія*, а *равнодушія* къ *мысли* съ одной стороны, и естественной *потребности мыслить* съ другой). Подъ *развитіемъ самодержавія* разумѣется твердѣйшее укорененіе и распространеніе его патріархальнаго могущества, котораго источникъ и право есть верховная *Божія правда*, но которое съ своей стороны должно болѣе и болѣе опредѣлить и утвердить законность, съ одной стороны въ дѣйствіяхъ исполнительной власти, съ другой въ общихъ о ней понятіяхъ народа, законность, которая хранитъ права, неотъемлемо всѣмъ и каждому принадлежащія и державною властію одинъ разъ навсегда утвержденныя, и которая, истекая изъ самой власти, ее не ограничиваетъ, а болѣе и болѣе упрочиваетъ посредствомъ указанія необходимыхъ вѣрныхъ путей ея дѣйствія, удаляющихъ ее отъ самоубійственнаго произвола.

САМООТВЕРЖЕНІЕ ВЛАСТИ.

Іоаннъ Миллеръ, заключивъ свою всеобщую исторію словами: *умѣренность, порядокъ*, далъ въ нихъ великій урокъ на всѣ времена царямъ и народамъ. Двѣ враждебныя силы противоборствуютъ умѣренности и порядку: *страсть и произволъ*. Страсть уничтожаетъ возможность умѣренности; произволъ, дитя страсти, разрушаетъ всякій порядокъ. Іоаннъ Миллеръ, выражая свое правило словами: *умѣренность, порядокъ*, извлекаетъ его изъ событій исторіи; но его можно извлечь и изъ начала высшаго, и выразить словомъ: *Божія правда*. Главный дѣйствователь на сценѣ человѣчества есть *власть*: она учреждаетъ и сохраняетъ порядокъ, она же его разстраиваетъ и губитъ. Въ мірѣ христіанскомъ самодержавіе есть высшая степень власти, она есть послѣднее звено между человѣческою и Божіею властію; по своему непосредственному происхожденію отъ Бога, она имѣетъ свойство его неограниченности; по своему переходу отъ Бога къ человѣку, она должна имѣть эту самобытную подчиненность высшей власти, эту необходимую границу, которую Іоаннъ Миллеръ выразилъ въ словахъ: *умѣренность, порядокъ*, и которая есть не иное что, какъ *Божія правда*, въ ея примѣненіи къ дѣламъ человѣческимъ. Умѣренность (оставаясь при выраженіи великаго историка) даетъ верховной власти ея истинную силу и благотворность; ибо это произвольное держаніе себя въ непреступимыхъ границахъ, это свободное признаніе надъ собою владычества высшаго, это вступленіе, такъ-сказать, съ нимъ въ союзъ наступательный и оборонительный въ пользу блага—есть дѣйствіе самаго неограниченнаго самодержавія, пишущаго своеручно самому себѣ непреложный законъ, заимствованный изъ вѣчной правды, дабы этотъ чистый законъ былъ источникомъ всякаго законодательства въ дѣлахъ человѣческихъ. И вѣрность этому закону—всегда, вездѣ, во всемъ—есть твердѣйшее огражденіе самой власти: ибо тогда и законъ человѣческій становится *Божіею правдою*, исходя изъ власти, Божіею правдою проникнутой. Когда онъ будетъ вмѣстѣ съ нею исходить изъ одного и того же источника, тогда онъ будетъ обязателенъ для всѣхъ и каждаго, какъ для дающаго, такъ и для пріемлющаго, обязателенъ по своей божественной природѣ, а не по одной силѣ человѣческой, его налагающей и берегущей его страхомъ наказанія. Величественное зрѣлище представляетъ власть, сама себя ограничивающая и отымающая у себя всякую возможность преступленія, отдавъ себя на произволъ власти всевышней и отказавшись отъ всякаго собственнаго произвола, который подъ личиною могущества есть врагъ и истребитель всякаго могущества. Такъ говоритъ исторія, которая, по словамъ Іоанна Миллера, указываетъ намъ, куда идутъ цари и народы, когда нѣтъ умѣренности и порядка. Но благія наставленія исторіи немногимъ бываютъ полезны. Исторію можно сравнить съ кладбищемъ; на гробницахъ, которыми усыпано все пространство этого кладбища, вырѣзаны надгробія неподвижнымъ мертвымъ для живыхъ проходящихъ; живые читаютъ ихъ разсѣянно, проходятъ мимо и, оставивъ усопшимъ ихъ мирное кладбище, возвращаются въ шумную жизнь, забывъ о томъ, что мимоходомъ прочитали на камняхъ могильныхъ. Немногимъ исторія даетъ предварительную, теоретическую опытность; весьма немногіе извлекаютъ изъ нея истины вѣчныя, а весьма многіе почерпаютъ въ ней такія правила, которыя, будучи выведены изъ событій, и потому имѣя наружность практической истины, бываютъ часто въ совершенной противоположности съ правдою, то-есть съ истиною Божіею. Власть неограниченная есть самый высокій и самый опасный даръ человѣку отъ Бога. Сама по себѣ она есть то же, что добро. Богъ всемогущъ, по тому самому Онъ и благъ. Но человѣкъ не Богъ; чтобы не упасть подъ бременемъ всемогущества, ему надлежитъ опереться на Бога. Не для единаго

блага другихъ, но и для собственнаго сохраненія онъ долженъ своимъ могуществомъ ограничить свое могущество: тогда онъ будетъ знать и объемъ своей власти, и путь, съ котораго не должно ей сбиваться. Онъ будетъ мореходецъ, полновластный господинъ корабля своего, но покорный слѣдователь указаніямъ компаса, съ которымъ, обтекая моря, при *попутномъ* вѣтрѣ избѣгнетъ подводныхъ камней, а въ *бурю* спасетъ и корабль свой, и спутниковъ, и самого себя. Этотъ компасъ мореходца есть не иное что, какъ покорность вѣчной правдѣ; она одна даетъ вѣрность и стройность дѣйствіямъ власти, держа бъ уздѣ страсть, которая все путаетъ и бѣшено отдаетъ на жертву настоящее будущему, необходимое желаемому и установленное прпчудѣ.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА.

Что такое *теорія* и что *практика?* Теорія есть знаніе того, что *должно* дѣлать *всегда* и чего *не должно* дѣлать *никогда*; практика есть знаніе того, что должно дѣлать *въ настоящую* минуту, или умѣнье во́-время примѣнять *знаніе къ дѣлу*. Вотъ примѣръ: *компасъ и карта* на кораблѣ суть теорія; *руль* корабля есть практика; безъ компаса и карты, какъ бы ни сильно владѣлъ рулемъ капитанъ, его корабль собьется съ дороги; безъ руля ни компасъ, ни карта ни къ чему не годятся; *вмѣстѣ* они и руководство и спасеніе для корабля, для капитана и для экипажа. Наше время, болѣе нежели какое другое, учитъ тому, что безъ твердыхъ, непоколебимыхъ правилъ, которыхъ *ни для чего и никогда* нарушать не должно, и безъ соединеннаго съ мужествомъ знанія, какъ дѣйствовать согласно съ этими правилами въ *настоящую*, роковую минуту, никакой общественный порядокъ невозможенъ. Безпрестанное пренебреженіе вѣчныхъ правилъ правительствами произвело, наконецъ, эту германскую революцію, которая не иное что, какъ взрывъ давно и долго копившейся лавы; а когда произошелъ взрывъ, никто изъ представителей державной власти въ Германіи не нашелся, какъ и куда повернуть рулемъ корабля, ему ввѣреннаго.

Другое сравненіе: въ образѣ недѣли Божіей, то-есть шести дней созданія, заключающихся седьмымъ днемъ отдохновенія, установлена человѣческая недѣля, измѣряющая стройнымъ ходомъ своимъ бытіе земное. За первымъ днемъ недѣли слѣдуетъ второй, за ними всѣ прочіе; изъ этого вѣчнаго *хода впередъ* нельзя украсть и билліонной части мгновенія: понедѣльникъ нечувствительно переходитъ во вторникъ. Что же, если бы кому вздумалось напрячь всѣ силы свои, чтобы изъ понедѣльника перескочить въ среду? Онъ бы только истерзалъ себя въ напрасныхъ усиліяхъ, сокрушилъ бы свое настоящее, а цѣли бы своей (по натурѣ ея недостижимой) не могъ бы достигнуть. *Революція* есть это безумногубительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника назадъ въ воскресенье столь же напрасно, и столь же, можетъ-быть, губительно. Одно есть революція *впередъ*, другое— революція *назадъ*. Что́ же совѣтуетъ теорія, которая учитъ тому, что́ надлежитъ *всегда* дѣлать? Она говоритъ: *не насильствуй того, чего не пересилишь*; не швыряй понедѣльника чрезъ вторникъ—въ среду, не тащи его назадъ въ воскресенье. А что́ говоритъ *практика*? Практика, согласная съ сестрою своею теоріею, зоркимъ взглядомъ различаетъ ту математическую линію, черезъ которую перешагнувъ, понедѣльникъ становится вторникомъ; провозглашаетъ громогласно этотъ переходъ. И это громогласное провозглашеніе, опредѣляющее и дѣйствіе, ему соотвѣтственное, то-есть дѣйствіе, принадлежащее уже вторнику, а не понедѣльнику, есть *реформа* во́-время, вмѣстѣ по закону вѣчной правды.

ЭНТУЗІАЗМЪ И ЭНТУЗІАСТЫ.

Когда наиболѣе являются энтузіасты? Во времена смутныя, во времена волненій гражданскихъ и религіозныхъ, въ которыя распространяется повсемѣстно какая-то вулканическая дѣятельность, не имѣющая яснаго предмета. Что́ пробуждаетъ ихъ въ гражданскомъ мірѣ? Или несуществованіе власти верховной, отверзающее двери буйству, или злоупотребленіе верховной власти, возбуждающее силу противодѣйствія. Сильное и правдивое правительство хранитъ не одинъ матеріальный порядокъ, но и самую нравственность народа; тогда внутреннее чувство каждаго согласно съ тѣмъ, что внѣ его въ обществѣ существуетъ; мы не въ разладѣ ни съ собою, ни съ внѣшнимъ устройствомъ, и наше личное сливается съ общественнымъ въ одно; мы дорожимъ сохраненіемъ царствующаго хранительнаго порядка. При худомъ правительствѣ все теряетъ свою ясность: нѣтъ цѣлаго; наша особенная нравственность, требующая исполненія долга, находится въ противорѣчіи съ нравственностью общею, которую тревожитъ и, наконецъ, превращаетъ въ безнравственность нарушеніе долга злоупотребленіемъ власти. Въ такое время энтузіасту, то-есть человѣку сильнаго, страстнаго характера, самоотверженно предающемуся своимъ любимымъ идеямъ, легко отдѣлить себя отъ общаго; онъ творитъ для себя свою собственную совѣсть и, не видя добра существеннаго, создаетъ для себя добро химерическое и дѣйствуетъ по произволу, а не по долгу, руководствуясь однимъ собственнымъ убѣжденіемъ, и все остальное ему подчиняетъ.

Могутъ ли быть энтузіасты эгоизма? Такъ же точно какъ энтузіасты добра. Чѣмъ живетъ энтузіазмъ? Чувствомъ энергіи: что́ сильно, то кажется великимъ. Для одного ничѣмъ не щадить въ свою личную пользу— такая же святыня, какъ для другого всѣмъ жертвовать общему благу. И тотъ, и другой враги порядка: первый тѣмъ, что хочетъ разрушить его для *себя*, второй тѣмъ, что хочетъ уничтожить его для своего мечтательнаго *лучшаго*, которому самовольно жертвуетъ *существующимъ*. Кто, вооружаясь на существующее зло въ пользу будущаго, невѣрнаго блага, нарушаетъ вѣчные законы правды, тотъ злодѣй. Разбойникъ, безъ энтузіазма рѣжущій прохожаго для того, чтобы присвоить себѣ его кошелекъ, достоинъ висѣлицы. Но менѣе ли достоинъ такой награды разбойникъ-энтузіастъ, который, вышедъ утромъ на дорогу, умерщвляетъ богатаго путешественника для того, чтобы ввечеру отдать его золото *нищему*, котораго надѣется встрѣтить на той же дорогѣ? Но этотъ нищій можетъ ему и не встрѣтиться, а ночь прежде желанной встрѣчи можетъ застигнуть на дорогѣ обоихъ, и мечтателя-убійцу и ожидаемаго имъ мечтательнаго путника. Сіе страстное, ничѣмъ необуздываемое стремленіе къ идеальному благу есть отличительный характеръ энтузіазма, который и въ самомъ благомъ направленіи можетъ быть источникомъ великихъ злодѣяній, при недостаткѣ ясныхъ, положительныхъ правилъ нравственности, легко затемняемыхъ софистическими умствованіями. Существуй для одной всѣмъ *общей* нравственности, утвержденной на христіанствѣ, тогда и *частная* не поколеблется; общее мнѣніе будетъ ея указателемъ и подпорою. Итакъ, энтузіазмъ благодѣтеленъ только тогда, когда онъ есть пламенная любовь къ идеальному общему благу, соединенная съ твердостью *положительныхъ* правилъ нравственности, признанныхъ вѣками за непреложныя; скажу простѣе, когда онъ утвержденъ на вѣчномъ фундаментѣ христіанства.

1849.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Конечно, никто не читалъ безъ ужаса подробнаго описанія казни, совершившейся въ Лондонѣ надъ Маннингами, мужемъ и женою. По поводу этой казни были самыя отвратительныя сцены разврата и скотства въ безчисленной толпѣ всякаго народа, собравшагося полюбоваться зрѣлищемъ конвульсій, съ какими кончили жизнь на висѣлицѣ злодѣи. Эти сцены подали поводъ нѣкоторымъ филантропамъ для новыхъ декламацій противъ смертной казни. И вмѣсто того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное *совершеніе* казни, начали нападать на самую *казнь*, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, установленный самимъ Богомъ. Говорятъ: смертная казнь безполезна, ибо она никого *не пугаетъ*, никого не воздерживаетъ отъ злодѣйства, не исправляетъ злодѣя неоткрытаго, а злодѣя осужденнаго лишаетъ возможности исправленія. Смертная казнь, какъ *угрожающая* вдали своимъ мечомъ Немезида, какъ страхъ возможной погибели, какъ *привидѣніе*, преслѣдующее преступника, ужасна своимъ невидимымъ присутствіемъ, и мысль о ней, конечно, воздерживаетъ многихъ отъ злодѣйства. Но *зрѣлище* смертной казни—такое зрѣлище, какимъ обыкновенно забавляютъ (это слово здѣсь у мѣста) праздный народъ, столь ищущій сильныхъ, чувственныхъ потрясеній—отвратительно само по себѣ, безнравственно по своему впечатлѣнію и не только не исполняетъ своей цѣли, то-есть не ужасаетъ, не остерегаетъ, не пробуждаетъ совѣсти преступника тайнаго и не воздерживаетъ человѣка, способнаго на явное преступленіе, напротивъ, дѣлаетъ, такъ-сказать, привлекательною потѣхою ужасъ казни, которая для зрителей получаетъ занимательность трагедіи, а для казнимаго уничтожаетъ спасительное дѣйствіе на душу послѣдней его минуты, заставляя его кокетствовать передъ людьми своею фальшивою неустрашимостью и отвлекая его отъ мысли о Богѣ, передъ судилище котораго онъ долженъ явиться такъ скоро. И здѣсь, какъ и во всемъ, причина зла заключается въ отсутствіи *святого*, то-есть въ отсутствіи того животворнаго элемента, безъ которого все земное не иное что, какъ минутное, мимопроходящее и, наконецъ, совершенно исчезающее физическое явленіе. Эшафотъ, на которомъ совершается смертная казнь, есть мѣсто, гдѣ неумолимое *земное правосудіе* казнитъ преступленіе, а *Божіе милосердіе* принимаетъ въ свое лоно кающуюся душу. Отлучите *послѣднее* отъ *перваго*, и спасительно-грозный, величественный актъ земной казнящей правды, жертва, всенародно приносимая правдѣ небесной, обращается въ отвратительную оргію толпы. Изъ тысячи охотниковъ, сбѣжавшихся на публичный праздникъ казни, конечно, не болѣе десяти (и именно такихъ, для которыхъ подобное зрѣлище менѣе нужно, ибо они менѣе другихъ способны на злодѣйства), возвращаются съ растроганнымъ сердцемъ, съ высокою мыслью о жизни, правдѣ и смерти; на всѣхъ остальныхъ зрѣлище производитъ дѣйствіе болѣе или менѣе безнравственное и вредное. И оно не можетъ быть иначе. Что отвратительнѣе этой висѣлицы, на которой нѣсколько минутъ бьется въ конвульсіяхъ живой человѣкъ, и на которую глядитъ толпа, съ любопытствомъ ожидая, какъ этотъ живой движущійся сдѣлается мертвецомъ неподвижнымъ. Еще отвратительнѣе французская гильотина: тутъ все поражающее душу исчезаетъ; человѣкъ, созданіе Божіе, отдается во власть машины, которая безжалостно, какъ представитель неумолимаго, безчувственнаго фатума, рѣжетъ ему голову; нѣсколько палачей, рабовъ машины, укладываютъ ея работу въ коробъ, смываютъ съ нея кровь, которой ручьи, пробираясь по камнямъ мостовой, мало-по-малу втекаютъ въ каналы, мѣшаются тамъ съ грязью—и все кончено; толпа расходится, и каждый равнодушно принимается за свою ежедневную работу. Гдѣ въ этихъ зрѣлищахъ святое? Гдѣ тутъ Богъ, Его правда, святыня власти, Имъ установленной, величіе и сила закона? Все уничтожается матеріальностью самаго акта, котораго ужасъ производитъ даже какое-то пріятное, чувственное раздраженіе, будучи общимъ пиромъ многочисленной толпы. Что же дѣлать, спросите вы? Уничтожить казнь? Нѣтъ! *Страхъ* казни есть то же въ цѣломъ народѣ, что *совѣсть* въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно. Не уничтожайте казни, *но* дайте ей образъ величественный, глубоко трогающій и ужасающій душу; удалите отъ ея совершенія все чувственное; дайте этому совершенію характеръ таинства, чтобы при этомъ совершеніи всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто принадлежащее къ высшему разряду, а не варварскій убой человѣка, какъ быка на бойнѣ; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ механическимъ дѣйствіемъ общественной машины, или просто ариѳметическимъ вычитаніемъ одной цифры изъ общей суммы; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ актомъ правосудія *гражданскаго*, но и актомъ любви *христіанской*, чтобы она, уничтожая преступника, врага *гражданъ*, возбуждала состраданіе къ судьбѣ его въ сердцахъ его *братьевъ*, чтобы его земная погибель была общимъ горемъ, чтобы всякій видѣлъ, что неумолимое правосудіе, заботясь о сохраненіи порядка общественнаго уничтоженіемъ его возмутителя, не менѣе заботится о спасеніи души осужденнаго; наконецъ, главное, сохраните для вѣчности душу несчастнаго, котораго законъ вашъ убиваетъ во времени, давъ ему возможность взглянуть съ умиленіемъ въ глаза неизбѣжной смерти, и помогите смягчиться душѣ его для покорности и покаянія. Но какъ это сдѣлать? Средство простое. Совершеніе казни не должно быть зрѣлищемъ публичнымъ; оно должно быть окружено таинственностью страха Божія. Мѣсто, на которомъ совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпѣ; за стѣною, окружающею это мѣсто, толпа должна видѣть только крестъ, подымающійся на главѣ церкви, воздвигнутой Богу милосердія въ виду человѣческой плахи. Эта неприступность и таинственность будетъ дѣйствовать на душу зрителя (ничего не видящаго, но все воображающаго) гораздо сильнѣе и въ то же время гораздо спасительнѣе и нравственнѣе всѣхъ конвульсій висѣлицы и криковъ колесованья. Съ той минуты какъ преступникъ осужденъ и принялъ свой приговоръ отъ суда человѣческаго онъ долженъ считаться принадлежащимъ одному суду Божію; его послѣднія минуты, какъ для спасенія души, покидающей землю, такъ и для благотворнаго поученія на землѣ остающимся, должны быть освящены религіею. Смягчится ли его сердце, или нѣтъ—это въ рукѣ Божіей; но человѣческій законъ долженъ оправдать совершаемое имъ человѣкоубійство всѣми заботами о небесной судьбѣ своей земной жертвы; чрезъ это и самая казнь получитъ знаменованіе высокое—праведнаго воздаянія, иначе она не иное что, какъ безжалостное кровопролитіе. Казнь преступника должна возбудить въ ея свидѣтеляхъ не одинъ страхъ наказанія (котораго, впрочемъ, она и не возбуждаетъ въ своемъ теперешнемъ отвратительномъ видѣ); она должна возбуждать всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру, благоговѣніе передъ правдою, состраданіе, любовь христіанскую. Разсмотримъ ближе нашъ предметъ: преступникъ осужденъ на смерть, и день, въ который онъ долженъ покинуть землю, объявленъ ему; этотъ день возвѣщенъ и народу. Пускай наканунѣ этого дни призовутъ христіанъ на молитву по церквамъ о душѣ умирающаго брата, пускай во всѣхъ церквахъ слышится голосъ христіанъ, умоляющихъ Бога, чтобы грѣшникъ, приступая къ концу своему, съ нимъ примиренный, принялъ смерть съ покаяніемъ на очищеніе души своей и чтобы милосердіе Божіе не отвергло души его. Такое призваніе на молитву конечно, будетъ сильно и нравственно дѣйствовать,

ибо тутъ молитва не просто богослужебный обрядъ, но и глубоко потрясающее душу приготовленіе къ важному событію, которое должно на другой день совершиться; не можетъ быть, чтобы она кѣмъ-нибудь, или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ, не была услышана, не была произнесена съ тѣмъ чувствомъ, которое оставляетъ неизгладимые слѣды на сердцѣ. Между тѣмъ, внутри темницы и позже, на мѣстѣ казни, все должно имѣть характеръ примирительно христіанскій. Осужденный знаетъ, что онъ не будетъ преданъ на поруганіе любопытной толпы, что онъ изъ уединенной темницы перейдетъ черезъ церковь въ уединеніе гроба; эта тревога, столь многихъ приводящая въ отчаяніе и къ самоубійству, не разстроиваетъ и не раздражаетъ души его; онъ оставленъ на произволъ собственнаго размышленія, которое лучше всего приготовитъ его къ присутствію Божію на послѣдней исповѣди. Если же онъ и не смягчится въ эти первыя минуты, въ которыя надобно ему вдругъ познакомиться съ непонятною, приводящею въ ужасъ, въ оцѣпенѣніе мыслью о скоромъ и неизбѣжномъ концѣ жизни, то, вѣроятно, при переходѣ отъ тюрьмы къ церкви, гдѣ встрѣтитъ его чаша примиренія, произойдетъ въ немъ этотъ спасительный, душевный переломъ скорѣе и рѣшительнѣе, нежели въ присутствіи толпы, развлекающей, стыдящей и окаменяющей душу своимъ оскорбительнымъ любопытствомъ; на пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ, выражающимъ молитву о его душѣ, и это пѣніе не прежде умолкнетъ, какъ въ минуту его смерти. И когда это будетъ совершаться внутри ограды, вокругъ которой, конечно, будутъ собраны толпы народа, двери этой ограды будутъ заперты; изъ-за нея будетъ слышно только одно умоляющее пѣніе. Не будетъ кроваваго зрѣлища для глазъ; но будетъ таинственное, полное страха Божія и состраданія человѣческаго для души. И какое зрѣлище! Никакими глазами не увидишь того, что въ одну такую минуту можетъ показать душѣ воображеніе. А когда пѣніе вдругъ замолчитъ—что представитъ себѣ это растроганное воображеніе? И съ какимъ впечатлѣніемъ разойдется толпа, которая видѣла передъ собою наказующую смерть во всей таинственности ея ужаса и не была развлечена никакимъ всенароднымъ представленіемъ, всегда увеселительнымъ, сколь бы оно ни было ужасно? Такой образъ смертной казни будетъ въ одно время и величественнымъ актомъ человѣческаго правосудія, и убѣдительною проповѣдью для нравственности народной.

1850.

РУССКАЯ И АНГЛІЙСКАЯ ПОЛИТИКА.

(письмо къ князю варшавскому.)

Беру перо съ нѣкоторымъ страхомъ для выраженія передъ вашею свѣтлостью моей поздней благодарности. Если бы вы имѣли время обо мнѣ вспомнить, то что подумали бы о моемъ молчаніи. Я уже давно имѣю передъ глазами вашъ драгоцѣнный подарокъ, и уже передъ многими имѣлъ случай имъ похвастать, а еще до сихъ поръ не изъявилъ вамъ своей сердечной благодарности. Позвольте мнѣ, для успокоенія моей совѣсти, изъяснить вамъ эту загадку; это объясненіе будетъ въ то же время грустнымъ признаніемъ и напомнитъ вамъ о томъ мѣстѣ въ Жилблазѣ, гдѣ Жилблазъ докладываетъ архіепископу толедскому, исполняя его приказаніе: *monseigneur*, *plus d'homélies*, и за эту искренность архіепископъ выгоняетъ его изъ своей службы. Въ настоящемъ обстоятельствѣ я играю роль и архіепископа и Жилблаза; принужденъ отъ самого себя выслушать досадную правду, а самого себя выгнать изъ моей службы не могу. „Что за чепуха!" скажете вы, читая эти строки. Къ несчастью, не совсѣмъ чепуха; вотъ въ чемъ дѣло. Получивъ черезъ генерала Ушакова отъ вашего имени карту Венгріи, бывшую съ вами въ вашемъ знаменитомъ походѣ, я обрадовался и дорогому подарку (который будетъ храниться въ семействѣ моемъ, какъ представитель и свидѣтель славнаго времени и чуднаго событія), и случаю побесѣдовать съ моею музою и проскакать по старой дорогѣ на старомъ моемъ пріятелѣ Пегасѣ. И подлинно, лучшаго случая для лирическаго вдохновенія мнѣ не дождаться. Самый видъ этой измятой и замаранной карты есть уже поэзія! Эти сгибы, эти пятна говорятъ о трудныхъ походахъ, о военныхъ трудахъ, о бивакахъ; а когда глядишь на эти листы, исчерченные линіями, вѣтвями рѣкъ и дорогъ, тебѣ мечтается широкая, магическая сѣть, раскинутая по цѣлому краю могучимъ русскимъ великаномъ, чтобы захватить въ нее цѣлую армію, возмутившуюся противъ кесаря, ею почти побѣжденнаго. Все это представилось моему воображенію при видѣ вашей венгерской карты, и я, пригласивъ мою старушку-музу на поэтическое свиданіе, велѣлъ осѣдлать Пегаса, чтобы выѣхать навстрѣчу къ своей давнишней знакомкѣ; но знакомка моя не разсудила ко мнѣ пожаловать, а Пегасъ сталъ на дыбы и сбилъ меня съ сѣдла весьма неучтиво. И я послѣ такого жалостнаго паденія принужденъ былъ сказать себѣ съ Жилблазомъ: monseigneur, plus d'homélies! Чтобы все это изъяснить простымъ языкомъ, донесу вашей свѣтлости, что я хотѣлъ написать къ вамъ поэтическое посланіе и началъ писать, но долженъ былъ оставить трудъ свой, и теперь уплачиваю вамъ мой поздній долгъ благодарности однимъ признаніемъ моего безсилія выразить эту благодарность такъ, какъ бы въ прежніе годы выразило ее мое бывалое вдохновеніе.

Но если не удалась поэзія, то, по крайней мѣрѣ, въ прозѣ хочу въ бесѣдѣ съ вашею свѣтлостью повеселить себя воспоминаніемъ о томъ времени, которое провелъ я въ Варшавѣ. Это была чудная минута нашей исторіи, и мнѣ явилась она съ нѣкоторой особенной стороны, съ какой не взглянетъ на нее потомство; я уже не говорю о современникахъ! Современники едва ли что-нибудь видятъ ясно. Происшествія кипятъ, бѣгутъ, суются, толкутся и толкаются передъ нашими глазами съ такою быстротою и въ такомъ безпорядкѣ, что никому нѣтъ времени ни для ихъ наблюденія ни для ихъ оцѣнки. Міръ сдѣлался желѣзною дорогою, по которой мчатся паровозы событій во всѣхъ направленіяхъ; они, какъ призраки, мелькаютъ передъ нами, когда мы съ ними встрѣчаемся, и отъ этихъ встрѣчъ происходитъ подчасъ ужасная давка. Кому тутъ до спокойнаго наблюденія? Кому до оцѣнки! Кто даже имѣетъ возможность сказать чистую правду? Событія венгерскаго похода и его чудная развязка уже перешли въ разрядъ давнишнихъ преданій; ни одна изъ газетъ европейскихъ не сказала о немъ чистой правды, которой одной, безъ всякихъ прикрасъ хвалы, было бы достаточно для славы. У нихъ рука не подымается написать что-нибудь въ пользу Россіи; онѣ такъ привыкли на насъ клеветать и видѣть въ насъ заклятыхъ враговъ европейской безопасности и гражданственности, что и теперь, когда въ глаза имъ бросается противорѣчащее этому мнѣніе, все поютъ старую пѣсню, все Россія для нихъ есть противникъ всякаго политическаго развитія, представитель абсолютизма, дѣятельный сокрушитель политической ихъ свободы, опасный разбойникъ, ждущій только удобнаго случая, чтобы напасть на нихъ врасплохъ, и ихъ ограбить или уничтожить. Всѣмъ сердцемъ горюю, что я не имѣлъ возможности остаться на нѣсколько времени въ Варшавѣ дабы, подслушивая животрепещущіе разсказы очевидцевъ, имѣя передъ глазами всѣ документы и слушая самого знаменитаго вождя, которому Россія обязана пріобрѣтеніемъ такой чудно-чистой славы, описать вѣрно, по всей простотѣ правды, этотъ эпизодъ нашей исторіи. Думаю, что это описаніе мнѣ бы удалось. Теперь объ этихъ славныхъ дняхъ не говоритъ уже никто, хотя не много мѣсяцевъ прошло

съ той единственной въ исторіи минуты, какъ русскій полководецъ, принявъ покорность отъ цѣлой арміи, положившей передъ нимъ оружіе, и примиривъ съ этою арміею ея императора, повелъ обратно въ отечество полки свои, не оставивъ на пути своемъ ни бѣдъ, ни разоренья; и его доброе войско, совершивъ свой спасительный подвигъ, исчезло какъ призракъ, какъ величественная гроза, только освѣжившая край, посѣщенный ея ужасомъ! Думаю, что не ошибусь, если скажу, что здѣсь главною причиною такого полнаго успѣха была, при великой матеріальной силѣ, *мирная энергія* русскаго вождя, который началъ тѣмъ, что завоевалъ довѣренность враждующаго съ нимъ народа, и что съ одной стороны *непоколебимость воли* русскаго царя, который, наблюдая за своимъ войскомъ, всѣми средствами упрочивалъ ему побѣду, отняла всякую надежду на удачу сопротивленія, а съ другой—его безкорыстіе, его рыцарская честность, выразившіяся въ самыхъ дѣйствіяхъ его войска, приготовили и совершили такое чудное торжество надъ цѣлымъ бунтующимъ народомъ. Но это торжество было русское, и Европа его не оцѣнила по достоинству; единственнымъ и безпристрастнымъ его цѣнителемъ былъ императоръ австрійскій, котораго свѣтлая, молодая душа прекрасно выразилась въ его рескриптѣ на имя князя Варшавскаго. Общее мнѣніе, когда оно обратится въ закоренѣлый предразсудокъ, становится упрямо до глупости и пріобрѣтаетъ неподвижность пѣтуха, который, если его, положивъ на полъ, притиснешь головою къ полу и отъ носа его проведешь мѣломъ длинную полосу, увѣренный, что онъ привязанъ, пролежитъ до тѣхъ поръ, не шевелясь, пока его сильнымъ пинкомъ не столкнешь съ мѣста. Такъ неподвиженъ пѣтухъ Германіи въ своемъ о насъ мнѣніи. Дождется онъ сильнаго пинка, который скувырнетъ его съ мѣста, и этимъ пинкомъ, по всей вѣроятности, угоститъ его честная Англія. Что сказать о Пальмерстонѣ? Это злой геній нашего времени. Геккеры, Штруве и Генце, всѣ эти грязные политическіе разбойники, на большой дорогѣ грабящіе прохожихъ съ опасностью своей жизни, кажутся мнѣ благородными героями въ сравненіи съ этимъ представителемъ великаго народа. Недавно я читалъ исторію англійской революціи Маколея; это чтеніе преисполнило меня удивленіемъ къ тому народу, который имѣетъ такую исторію, такихъ историковъ и такое могучее, стройное бытіе политическое. Но къ чему служитъ Англіи ея чудная исторія, ея гражданственность, ея величественная свобода, ея ни въ какомъ, ни въ древнемъ, ни въ новомъ народѣ небывалое могущество, если все это не спасаетъ ея отъ поношенія, въ которое капризная воля одного человѣка, чуждаго всякаго уваженія къ высшей правдѣ, ввергаетъ ее передъ глазами всѣхъ современниковъ на вѣчный упрекъ исторіи и потомства? Судьбы Божіи поставили Англію на великую степень земного могущества. Съ своего недоступнаго острова, оберегаемаго войскомъ кораблей, пріученныхъ повелѣвать моремъ, она властвуетъ великими областями во всѣхъ частяхъ свѣта; въ ней сосредоточиваются всѣ богатства міра, и по всему міру льются потоки ея чудной промышленности. И внутри этого острова царствуетъ благоденствіе (не скажемъ, однако, ни слова объ Ирландіи): народъ знаетъ, что такое законъ и законность; христіанство, единственный вѣрный источникъ нравственныхъ силъ, еще не опрокинуто безвѣріемъ и дѣйствуетъ сильно на всѣ состоянія; уваженіе власти (несмотря на буйство развратнаго книгопечатанія, съ которымъ успѣшно борется книгопечатаніе нравственное, сильно поддерживаемое государственными постановленіями) не потрясено; литература богатая, въ которой все образовательное, возвышающее и истинно-просвѣтительное несказанно превышаетъ буйственное и развратное; устройство семейственное, безопасность всѣхъ неотъемлемыхъ правъ личныхъ, законная свобода частныхъ людей во всей ея хранительной, согласной съ общимъ порядкомъ неограниченности; прочность постановленій, утвержденныхъ на строгой законности въ *настоящемъ* и *на* почтительномъ храненіи историческаго *прошедшаго*, создавшаго и устроившаго это настоящее; уваженіе къ человѣчеству въ сильномъ правительствѣ и проистекающее отъ того уваженіе народа къ правительству, и высокое чувство своего человѣческаго и гражданскаго достоинства въ каждомъ, отчего и твердая, ничѣмъ непотрясаемая любовь къ отечеству, оберегающему для всѣхъ такое сокровище,—вотъ Англія. Такова ея нравственная и матеріальная сила посреди всѣхъ образованныхъ народовъ. Какая же должна бы быть ея миссія на такой высокой чредѣ, отъ Промысла для нея избранной? Играть на землѣ роль этого небеснаго Промысла и быть могучимъ распространителемъ и охранителемъ не одного собственнаго, но и общаго, всемірнаго благоденствія. Какое чудное, восхитительное назначеніе! И можно ли допустить мысль, чтобы Провидѣніе Божіе для чего иного даровало такое могущество народу, осыпавъ его всѣми дарами земныхъ благъ, и матеріальныхъ и духовныхъ? Англіи, стоящей въ головѣ просвѣщенныхъ народовъ, не остается ничего иного желать, кромѣ высокой чести предводительствовать ихъ благоденствіемъ и, такъ-сказать, повелѣвать всему міру быть стройнымъ и спокойнымъ; и то, что теперь творится въ остальной Европѣ,—представляетъ ей самый къ тому благопріятный случай. Какъ царица морей, какъ Виргиліевъ Нептунъ, она можетъ, въ смыслѣ всеобщаго блага, сказать бунтующимъ волнамъ европейскихъ народовъ: *Quos ego!* Я васъ!—Но что же? Она произноситъ это слово только въ ругательномъ смыслѣ всеобщаго бѣдствія. Не обвиняю еще въ этомъ всемірномъ преступленіи всей благородной націи; послѣдствія скоро намъ скажутъ, оправдываетъ ли она его или нѣтъ. Но на бѣду нашего вѣка и къ безчестью англійскаго времени, рулемъ ея корабля управляетъ рука, недостойная такой чести и власти. Если бы природа лорда Пальмерстона соотвѣтствовала высотѣ его назначенія, если бы его душа была доступна божественному чувству любви къ человѣчеству, соединенному съ уваженіемъ Всевышней воли, скажу болѣе, если бы онъ имѣлъ истинный патріотизмъ, который не можетъ существовать безъ уваженія къ чести народной, корабль Британіи торжественно и спокойно властвовалъ бы морями и обтекалъ ихъ подъ флагомъ общаго мира, привѣтствуемый всѣми благословляющими его хранительное шествіе народами. Но этотъ корабль обратился во враждебное судно флибустьеровъ. Англія, при всемъ своемъ народномъ величіи, не иное что, какъ всемірный корсаръ, сообщникъ, сперва потаенный, всѣхъ мелкихъ разбойниковъ, губящихъ явно и тайно въ другихъ народахъ порядокъ общественный, а теперь и явный разбойникъ, провозглашающій, какъ послѣдній результатъ христіанской цивилизаціи, право сильнаго и безъ стыда поднимающій красное знамя коммунизма среди государствъ, въ подражаніе грязнымъ толпамъ черни, строющимъ по городамъ баррикады для грабежа во имя свободы. Что видѣли мы въ послѣднее время? Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Какой мятежникъ не былъ признанъ союзникомъ ея правителя? Въ какой землѣ Европы, гдѣ кипѣлъ мятежъ, не были англійскими деньгами разъярены и награждены уличные, обрызганные кровью герои? Не она ли бросила Швейцарію во власть грабителей-радикаловъ, дабы основать въ ней постыдную рабочую мятежа и разврата, которые не даютъ вздохнуть свободно Европѣ? Не она ли подала братскую руку разбойнику Кошуту, вопія противъ беззаконнаго притѣсненія, а въ то же время готовя свой безсовѣстный разбой въ Греціи, въ поруганіе всѣхъ правъ народныхъ и человѣческихъ? Сердце кипитъ отъ негодованія и презрѣнія: отъ негодованія противъ цѣлой націи, дозволяющей такое безстыдное злоупотребленіе силы и такое нарушеніе всякой правды, и отъ презрѣнія къ ея представителю, ибо какъ не пре-

зирать человѣка, который, обладая только властью, не постигаетъ того величія, которое получилъ отъ Промысла народъ ему ввѣренный, но съ непонятною, скотскою дерзостью ругается этимъ величіемъ, жертвуетъ имъ для удовлетворенія собственной личной досады и безчестить свою націю для нѣкоторыхъ меркантильныхъ выгодъ, которыя, можетъ-быть, загромоздятъ гинеями сундуки нѣсколькихъ торгашей, зато оставятъ на Англіи пятно вѣчнаго поношенія. Но какое дѣло лорду Пальмерстону до поношенія и отъ современниковъ и отъ исторіи? Чего добраго, онъ, можетъ-быть, еще и гордится своими дѣйствіями въ смыслѣ народнаго блага; онъ, можетъ-быть, видитъ въ себѣ мученика за Англію. *Анаѳема цѣлаго свѣта загремитъ противъ меня, и я самъ знаю, что дѣло мое достойно всякаго порицанія — все это принимаю я для пользы моего отечества.* Для какой пользы? Къ билліонамъ славы, которые Англіи даны великими *событіями* ея исторіи, какъ жадный ростовщикъ, ты хочешь *грабежомъ* и *неправдою* прибавить ничтожный милліонъ *деньгами*, тогда какъ капиталъ твоего отечества долженъ быть пущенъ въ оборотъ на его честь и на благо всемірное. Англія говоритъ тебѣ: упрочь для меня первенство славы между народами; а ты, глухой къ этому вызову, обкрадываешь народы чужіе и обижаешь свой народъ, хвастая передъ нимъ своею кражею. Повторяю: сердце кипитъ отъ негодованія и презрѣнія. Увидимъ, должно ли это презрѣніе перейти отъ ненавистнаго правителя Англіи на самую его націю? Теперь пока всѣ голоса вопіютъ противъ разбоя: увидимъ, что произведетъ этотъ всеобщій крикъ? Устоитъ ли передъ нимъ недостойный дѣйствователь? Или, какъ это часто случается, крикъ умолкнетъ, новыя происшествія, въ которыхъ наше время такъ изобильно, заслонятъ передъ глазами націи этотъ постыдный актъ ея самовластія, и все успокоится. Нѣсколько торгашей начнутъ, считая свои барыши, благословлять лорда Пальмерстона, который, величаясь своимъ coup d'état, спокойно будетъ продолжать безчестить Англію грабежомъ, и развратомъ, и безстыднымъ ниспроверженіемъ всего, на чемъ основанъ общественный союзъ народовъ.

Увидимъ, какъ стерпитъ это Англія и согласится ли она своимъ безчестіемъ заплатить за выгоды своихъ торгашей и за удовлетвореніе капризовъ своего министра?

Гордо подымается сердце русскаго, когда, опечаленный взглядомъ на эту отвратительную политику грабежа и безстыднаго эгоизма, онъ обратитъ глаза на дѣйствія своего государя: какая противоположность между этимъ представителемъ британской свободы и этимъ самодержавнымъ русскимъ царемъ, безкорыстнымъ спасителемъ союзника, и въ немъ порядка Европы.

Обращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ. То, чему я былъ свидѣтелемъ въ Варшавѣ, кладетъ вѣнецъ иного разряда на это дѣло славы военной, вѣнецъ котораго не увидитъ исторія. Это видѣніе, такъ-сказать, есть моя собственность. Возвращеніе русскаго полководца изъ Венгріи должно бы быть ознаменовано встрѣчею торжественною, но этой встрѣчи не было: почти инкогнито, въ темнотѣ наступившаго вечера, проѣхалъ по тихимъ, безмолвнымъ улицамъ польской столицы князь Варшавскій къ своему дому; тамъ ждалъ его великій князь наслѣдникъ; императора увидѣлъ онъ безъ свидѣтелей. Отчего же была такая тишина въ такую торжественную минуту? Причина неизъяснимо-трогательная: государь любитъ торжественность, и князь Варшавскій былъ бы имъ встрѣченъ съ торжествомъ необыкновеннымъ; ему бы сладостно было сказать свое царское *благодарю*, передъ лицомъ войска и народа, своему полководцу за его дѣло, давшее новую и въ своемъ родѣ небывалую славу царю и царству; но все это исчезло передъ скорбію сердца! Прославленный русскій царь не отходилъ отъ постели умирающаго брата, котораго минуты были уже сочтены! При слышаніи шаговъ приближающейся смерти никакой голосъ торжества не могъ быть ему доступенъ; мысли о земномъ блистательномъ величіи исчезли передъ этимъ мрачнымъ величіемъ неизбѣжной, непобѣдимой смерти. Было что-то наполняющее душу глубокимъ благоговѣніемъ въ этой противоположности: съ одной стороны, побѣдоносное войско и озаренное подвигами величіе царя самодержавнаго, съ другой—этотъ тихій уголокъ бельведерскій, гдѣ мало-по-малу гасла лампада милой жизни, которой никакое могущество человѣческое засвѣтить снова уже не было въ силахъ. Это соединеніе *двухъ даяній свыше*—даянія силы и славы, разительныхъ своимъ блескомъ, и даянія великой скорби, передъ которой всякая земная слава исчезаетъ, но которая сообщаетъ душѣ безутратное величіе смиренія предъ высшею силой: вотъ что представилось глазамъ моимъ. Въ самый вечеръ моего пріѣзда въ Варшаву я имѣлъ возможность увидѣть государя императора. Пріѣхавъ въ Лазенки, чтобы явиться его высочеству наслѣднику, я не нашелъ его дома; мнѣ сказали, что онъ у больного великаго князя вмѣстѣ съ государемъ; скоро потомъ говорятъ мнѣ, что онъ и государь идутъ пѣшкомъ и уже близко. Я сталъ тамъ у входа на лѣстницу, чтобы увидѣть государя, и какъ повернулось въ груди моей сердце, когда я увидѣлъ его, блѣднаго, со впалыми щеками, идущаго тихо, усталымъ шагомъ; я увидѣлъ не торжествователя, полнаго чувствомъ новой славы, а бѣднаго мученика, въ которомъ скорбь по умирающемъ братѣ умертвила всякое другое чувство. И эта пытка продолжалась для него болѣе десяти дней. Не было часа покойнаго: безпрестанно извѣщали его, что смертная минута наступила, и онъ спѣшилъ къ постели умирающаго; но смерть не давалась милому страдальцу; она какъ-будто щадила его для послѣдняго свиданія съ женою и дочерью; и онѣ имѣли горестную отраду. На одно мгновеніе и мнѣ удалось увидѣть его—этой минуты никогда не забуду. Двери спальни были отворены; священникъ тихо читалъ отходную; у постели стоялъ сокрушенный императоръ; великой княгини я не видѣлъ, но видѣлъ дочь, которая неподвижно, блѣдная, глубоко-горестная, но не плачущая, стояла у изголовья, опустивъ глаза на милую голову отца, глубоко втиснутую въ подушку. Черезъ часъ его не стало. Живой кусокъ оторвался отъ братняго сердца. Онъ потерялъ друга, товарища жизни отъ самой колыбели, вѣрнѣйшаго подданнаго, котораго честности могъ ввѣриться во всякое время безъ оглядки. И какъ тяжела была эта потеря для всѣхъ, которые близко знали эту простую, здоровую, полную нѣжности, чуждую всякаго притворства, правдивую и истинно благородную душу. Ввечеру этого дня я видѣлъ государя въ минуту его отъѣзда; когда онъ сѣлъ въ коляску и когда коляска, удаляясь отъ ярко освѣщеннаго крыльца, исчезла въ темнотѣ ночи, мнѣ стало по немъ несказанно грустно: онъ въ эту минуту показался мнѣ какъ-будто осиротѣлымъ. Что чувствовало его бѣдное сердце въ уединеніи этого ночного мрака, въ которомъ ничто не могло отвлечь его отъ овладѣвшаго имъ горя и оторвать его мысли отъ смертной постели, на которой лежало бездыханное тѣло брата. Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ упорныхъ порицателей не видалъ въ это время нашего государя; онъ получилъ бы вѣрное понятіе не только о его нравственномъ характерѣ, но въ то же время и о необходимомъ характерѣ его политики, въ которой чисто-человѣческое и святое нравственное не подавлено расчетами такъ-называемой государственной пользы, столь часто оправдывающими вопіющую къ небу неправду, которой элементъ есть *честность и уваженіе установленнаго права (не тронь меня, я никого не трону; я никогда не войду въ союзъ съ мятежомъ и своей личной выгодѣ никому не пожертвую справедливостью)*.

Сіи правила, которыхъ русскій императоръ непоколебимо держался съ самаго начала своего царство-

ванія, составляютъ разительную противоположность съ политикою нынѣшняго правителя Англіи. Но куда приведетъ, наконецъ, эта ненавистная политика? Спрашиваю мудрыхъ правителей Англіи: вы—представители народа, въ которомъ общественное образованіе дошло до величайшаго развитія, слѣдственно, вы, глубже всѣхъ проникшіе въ тайну самаго общества, скажите, какъ понимаете вы земное назначеніе человѣческаго рода? Къ чему идетъ оно? И къ чему вы, стоящіе впереди, ведете его? Къ тому ли только, чтобъ онъ обратился въ подвластную одной Англіи толпу работниковъ на ея торгашей и сдѣлался всемірною Ирландіей, гдѣ въ виду благоденствующей Англіи народъ гибнетъ тѣлесно отъ голода и нравственно отъ буйства и разврата? А изъ того, что недавно случилось предъ нашими глазами, необходимо должно заключить, что таковы замыслы Англіи на остальной міръ. Теперь ни въ одномъ приморскомъ городѣ, гдѣ бы онъ ни находился, никто не можетъ спать спокойно; надъ всѣми народами виситъ мечъ Дамоклесовъ англійскаго самовластія. Конечно, Англія не можетъ ласкаться надеждою, чтобы государства Европы съ смиреніемъ и покорностью позволили ей повѣсить этотъ мечъ надъ ихъ головами. Но что изъ этого выйдетъ? Всемірное возстаніе, которое теперь уже выражается въ ненависти всеобщей. Правда, чтобы предупредить это возстаніе, Англія напередъ парализируетъ всякое сопротивленіе, возбуждая повсюду мятежъ и разрушая вездѣ внутренній порядокъ. Но опять повторяю, что далѣе? Положимъ, что Англіи удалось опрокинуть все, что не ея островъ, и разрушить всякое, не ей принадлежащее, благоденствіе. Это будетъ не иное что, какъ въ большомъ размѣрѣ торжество того коммунизма, который въ маломъ объемѣ проповѣдуется Прудонами, Штруве и прочими. Роль пролетаріевъ въ лохмотьяхъ, которые рвутся завладѣть чужимъ достояніемъ, провозглашая великій догматъ: la propriéte c'est le vol, хочетъ взять на себя могучая и богатая Англія, проповѣдуя всеобщее равенство, т.-е. всеобщую подчиненность ея силѣ. Положимъ, что она успѣла провесть свой кровавый уровень надъ всѣми народами, и что она, отрубивъ имъ головы на своей всемірной гильотинѣ, благодаря своей необъятной матеріальной силѣ и своему столь же необъятному презрѣнію къ святости правъ народныхъ, будетъ одиноко властвовать терроризмомъ на сценѣ міра—чѣмъ, опять повторяю, это должно кончиться? Безъ сомнѣнія, явленіемъ казнителя Наполеона, который сокрушитъ это зданіе неправды, безумства и эгоизма. Если Англія хочетъ занять въ христіанскомъ мірѣ мѣсто языческаго Рима, то она должна ожидать и судьбы его. Исторія представляетъ намъ безпрестанно торжество могучей неправды—но торжество это одна фантасмагорія, одно временное, блестящее привидѣніе, не имѣющее никакого вѣчнаго бытія и жизни. Исторія, въ настоящемъ смыслѣ своемъ, есть безпрестанное оправданіе Божія Промысла: неправда сама себя губитъ, и никогда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ; эта историческая аксіома не терпитъ исключеній, если только мы въ исторіи будемъ останавливаться не на одной минутѣ настоящаго, а на сцѣпленіи всѣхъ вѣковъ ея; и этотъ новый Римъ (если только удастся ему построить свое міровладычество) будетъ имѣть своихъ кесарей, которые опозорятъ его своимъ унизительнымъ тиранствомъ; онъ будетъ имѣть свое нашествіе варварскихъ народовъ, но это нашествіе совершится инымъ путемъ. Смотря на то, что происходитъ передъ нами, мы уже можемъ сказать, что свобода Англіи начинаетъ гибнуть; уже для нея началась постыдная эпоха тиранства кесарей. Какой Калигула такъ самовластвовалъ въ древнемъ Римѣ и такъ безчестилъ свой народъ, какъ этотъ министръ, который, оставляя пока въ покоѣ и личную свободу и постановленія государственныя, тиранствуетъ народною честью и съ своего конституціоннаго престола, охраняемаго преторіанцами партій, бьетъ и рѣжетъ ея истинное бытіе, ея нравственность государственную, а съ нею и нравственность всѣхъ и каждаго. Нашествіе варваровъ произойдетъ въ Англіи не извнѣ, а изнутри ея. — Нельзя дѣйствовать беззаконно на внѣшность, не разрушая чувства законности внутри. Одинъ и тотъ же народъ (и кольми паче народъ, пріученный своею цивилизаціею все обсуждать собственнымъ разумомъ) не можетъ въ одно и то же время вѣрить въ правду относительно себя и оправдывать ея нарушеніе относительно другихъ. Эта отрава, вдыхаемая изъ внѣшняго воздуха, необходимо должна пройти во внутренность собственнаго тѣла и его заразить смертельно. Благоденство и могущество Англіи стоитъ на всеобщемъ чувствѣ законности въ ея народѣ, въ которомъ никакой другой народъ съ нимъ до сихъ поръ не могъ сравниться; потерявъ это сокровище, Англія утратитъ въ немъ главный элементъ своей высокой жизни, и нашествія варваровъ, которые разорвутъ на части этотъ Римъ, будутъ пороки его народа, воспитанные въ немъ эгоизмомъ его правительства, которое, уничтоживъ въ немъ чувство законности своими беззаконными дѣйствіями въ пользу личнаго своего честолюбія, приготовило его къ неизбѣжному самоубійству.

Когда Ѳемистоклъ замыслилъ сжечь союзный греческій флотъ, чтобы дать Аѳинамъ владычество надъ морями, Аристидъ, котораго суду былъ преданъ этотъ дерзкій замыселъ его соперника, сказалъ передъ народомъ: ничто для Аѳинъ не можетъ быть выгоднѣе Ѳемистоклова предложенія, но и ничто не можетъ быть несправедливѣе. Народъ повѣрилъ Аристиду и даже не захотѣлъ узнать, въ чемъ состояло предложеніе сего славнаго вождя въ Саламинской битвѣ. То была самая великая минута аѳинскаго народа: послѣ сила его обезумѣла, нравственность его погибла. Послѣдствія намъ извѣстны. Лордъ Пальмерстонъ не Ѳемистоклъ: между имъ и великимъ мужемъ Древней Греціи нѣтъ никакого сравненія; но беззаконность замысловъ, исполненію которыхъ предположено начало въ томъ же пунктѣ, гдѣ нѣкогда были отвергнуты замыслы Ѳемистокла, несравненно ихъ беззаконнѣе, именно потому, что они принадлежатъ міру христіанскому и противорѣчатъ всѣмъ правамъ народнымъ, о которыхъ не было понятія въ вѣкъ Ѳемистокла. Увидимъ, осудитъ ли Аристидъ Англіи подражателя Ѳемистоклу и какъ приметъ Англія совѣтъ своего Аристида, уже отчасти выраженный голосомъ нѣкоторыхъ изъ ея благороднѣйшихъ, уважающихъ честь народную публицистовъ?

Но какъ ни оскорблено сердце тѣмъ, что случилось, нельзя допустить мысль, чтобы Англія, христіанская Англія, самое устроенное изъ всѣхъ государствъ, образцовый народъ между народами, съ равнодушнымъ эгоизмомъ оправдала дѣйствія своего министра; можетъ ли она быть ренегатомъ своей славы, ругателемъ своего величія, дорого купленныхъ вѣковыми борьбами и подвигами ея великихъ людей, которыми такъ ярко сіяетъ ея исторія, которые (одни на полѣ крови, другіе въ святилищѣ законодательства, другіе на поприщѣ науки) предали ей въ жертву свою жизнь и завоевали для нея то высокое достоинство, которымъ такъ украшено ея бытіе народное. Кто лучше Англіи долженъ теперь видѣть (особенно, послѣ бурь, которыя въ наши дни потрясли человѣческое общество), что времена завоеваній и хищничества, наконецъ, такъ же точно, какъ вулканическія допотопныя созданія въ мірѣ физическомъ, миновались; что истинное благоденствіе народовъ не въ распространеніи границъ, не въ матеріальномъ нагромożденіи богатства, а въ богатствѣ нравственномъ, въ *умѣренности* и *порядкѣ*, какъ говоритъ І. Миллеръ, т.-е. (какъ бы долженъ былъ сказать великій историкъ) въ сохраненіи правды Божіей. Теперь настало время перемѣнить основныя правила политики и оперетъ ее не на языческихъ понятіяхъ метафизическаго государ

ства, а на христіанскихъ понятіяхъ Царства Божія, въ которомъ нѣтъ враговъ, а есть одинъ союзъ народовъ для общаго благоденствія. Всѣ борьбы для утвержденія безопасности политической кончились. Теперь всякая война въ угожденіе честолюбію и хищничеству, всякая политическая война (кромѣ войны противъ губителей нравственности и общественнаго порядка) есть безумство и безполезное преступленіе. Настала пора воздвигнуть знамя любви христіанской и соединиться подъ нимъ въ одну рать для охраненія общаго благоденствія. Романъ, романъ! скажетъ эгоистъ въ политикѣ. Такъ, романъ, но романъ потому, что вы, распорядители судьбы народовъ, провозглашаете романомъ существенное; романъ потому, что принято за правило не признавать ничего иного существеннымъ, кромѣ настоящей, ощупываемой рукою выгоды, и что, служа въ настоящемъ одному Молоху, такъ называемой *государственной пользѣ*, приносятъ ему въ жертву святыню вѣчной правды; романъ потому, что уловимое, видимое въ настоящемъ, ласкающее честолюбію или корысти, кажется существеннѣе того невидимаго, вѣчно существующаго, которое одно хранитъ, образуетъ и бережетъ чистоту жизни народовъ; романъ потому, что ослѣпительный, быстро исчезающій фейерверкъ настоящаго предпочитается тайно разлитому повсюду живительному воздуху, котораго бытіе вы отрицаете, но безъ котораго ни дышать, ни жить невозможно; романъ потому, что еще не догадались, что существующій Богъ есть Богъ живой, а не пантеистическій призракъ, и что Онъ вольный хозяинъ въ Своемъ созданіи, что во всякій мигъ Своей вѣчности Онъ на всякомъ пунктѣ Своего необозримаго созданія всѣмъ бытіемъ Своимъ присутствуетъ и произвольно заботится о каждомъ атомѣ Своего безпредѣльнаго міра, и что наконецъ вамъ пора съ покорностью очистить принадлежащее ему мѣсто въ совѣтѣ человѣческаго міроправленія, гдѣ, впрочемъ, Онъ и безъ позволенія правителей соприсутствуетъ, содѣйствуя одной ихъ правдѣ и казня ихъ неправду, или ея ниспроверженіемъ въ неровной съ нимъ борьбѣ, или еще чаще ея собственнымъ постыднымъ успѣхомъ.

Но письмо мое сдѣлалось длинно до безконечности. Скажу въ заключеніе: сохрани намъ Богъ нашего могучаго царя! Онъ представитель прямодушія въ политикѣ; на этомъ основаніи мы стоимъ твердо и устоимъ долго. Россія имѣетъ передъ собою несказанное будущее; если она пойдетъ безъ спѣха и безъ скачковъ, путемъ, указаннымъ ей ея исторіею, она дойдетъ къ благоденствію самобытному независимо отъ Европы, которая хочетъ ее оттолкнуть въ Азію; она не будетъ ни Европа, ни Азія, она будетъ Россія, особенный міръ, отъ всѣхъ отдѣльный, внутренно стройный, извнѣ недоступный.

Прибавлю въ заключеніе: сохрани Богъ царю и царству надолго знаменитаго вождя, который своими подвигами внесъ огромный вкладъ въ капиталъ отечественной славы. Дай Богъ еще долго этому вождю, *обдержанному въ бояхъ булату*, какъ говоритъ Державинъ, въ силѣ жизни, отдыхать на своихъ лаврахъ и во дни дѣятельнаго покоя поминать съ веселіемъ о дняхъ минувшихъ, о дняхъ богатырскихъ, въ которые, гуляя по царству Митридата съ храбрымъ русскимъ войскомъ, онъ русскою трубою пробуждалъ эхо, отвѣчавшее трубамъ римскихъ легіоновъ, и бивакировалъ у подошвы Арарата въ виду второй колыбели человѣческаго рода. Прошу вашу свѣтлость простить мнѣ мою болтовню и мое длинное письмо; смѣю даже надѣяться, что вы порадуете меня двумя строчками отвѣта.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе къ біографіи	—
Біографія	IX
МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Майское утро	1
Добродѣтель	—
Добродѣтель	2
Михайлѣ Матвѣевичу Хераскову	3
Стихи на новый годъ (1800-й).	—
Къ Тибуллу	—
Миръ	4
Платону (митрополиту Московскому)	5
Къ человѣку	—
Фіалка	6
Сельское кладбище (1802 г.).	7
Стихи, сочиненные на день моего рожденія	9
На смерть Андрея Ив. Тургенева	—
Къ К. М. С—ой	—
Къ ***	—
Изъ Донъ-Кихота	10
Къ поэзіи	12
Пѣсня	13
Отрывокъ	—
Сафина ода	—
Идиллія	—
Прощанье старика	14
Вечеръ	—
Къ Эдвину	15
Отрывокъ изъ Делиля	—
Въ альбомъ	—
М. А. Протасовой	—
Эпиграммы	—
Эпитафія лирическому поэту.	16
Эпиграммы	—
Эпиграммы	—
Старикъ къ молодой прекрасной дѣвушкѣ	17
Алина и Эндиміонъ	—
Эльмина къ портрету своей матери	—
Руше къ своей женѣ и дѣтямъ изъ тюрьмы	—
Тоска по миломъ	18
Монахъ	—
Къ Нинѣ	—
Надгробіе Тургеневымъ	19
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С—ой	—
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.	—
Разстройка семейнаго согласія.	20
Брутова смерть	—
Къ Нинѣ	20
Пѣсня	21
Пѣсня (М. А. Протасовой)	—
Мальвина	22
Гимнъ (изъ поэмы Томпсона).	—
Моя богиня	23
Пѣсня	25
Плачъ Людмилы	—
Счастіе	—
Къ Делію	26
На смерть семнадцатилѣтней Эрминіи	—
Пѣснь араба надъ могилою коня	27
Къ Филону	—
Путешественникъ	28
На смерть фельдмаршала гр. Каменскаго	—
Дружба	—
Моя тайна	—
Цвѣтокъ	—
Жалоба	29
Желаніе	—
Пѣвецъ	—
Къ ней (М. А. Протасовой).	30
Эпимесидъ	—
Узникъ къ мотыльку	31
Мечты	—
Надпись къ солнечнымъ часамъ	32
Стихи при посылкѣ комедіи	—
Добрая мать	33
Пловецъ	—
Прости	—
Пиршество Александра	34
Къ роднымъ	35
Къ портрету А. И. Плещеева.	—
Пѣсня въ веселый часъ	—
Элизіумъ	36
Пѣсня	—
Уединеніе	37
Сиротка	—
Пѣсня матери надъ колыбелью сына	38
Рай	—
Свѣтланѣ	39
Обѣтъ	—
Первое іюня 1813 г.	—
Путешествіе жизни	—
Молитва дѣтей	40
Письмо къ ***	—
Къ 16 января 1814 года	—
29 января 1814 года	—
Къ А. П. Кирѣевской	41
Къ самому себѣ	—
Въ альбомъ А. А. Протасовой.	—
Библія	—
Теонъ и Эсхинъ	42
Стансы	44
Голосъ съ того свѣта	—
Пѣсня	—
Къ генералъ-майору Б. В. Полуектову	—
Къ неизвѣстной дамѣ	45
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Д. Полторацкой	—
Къ Боку	—
Фурману	—
На рожденіе Екатерины Александровны Воейковой	46
Славянка	—
Иринѣ Дмитріевнѣ Полторацкой	48
Старцу Эверсу	—
Ю. А. Нелединскому-Мелецкому	—
Воспоминаніе	49
Пѣсня	—
Изъ Гёте	—
Сонъ	—
Пѣсня бѣдняка	—
Счастіе во снѣ	50
Весеннее чувство	—
Тамъ небеса и воды ясны	—
Пѣсня	—
Явленіе боговъ	51
Къ мѣсяцу	—
Утѣшеніе въ слезахъ	—
Къ портрету вел. кн. Александры Ѳеодоровны	52
Въ альбомъ княжны М. А. Щербатовой	—
Вѣрность до гроба	—
Горная дорога	—
Листокъ	—
Мечта	53
Утѣшеніе	—
Мина	—
Жалоба пастуха	—
Новая любовь—новая жизнь	—
Въ альбомъ Е. Н. Карамзиной.	54
Смерть Іисуса	—
На кончину ея величества королевы Виртембергской.	56
Цвѣтъ завѣта	59
Мойеру	60
Къ Эммѣ	—
Въ альбомъ жены С. Н. Глинки.	—
Къ мимопролетѣвшему знакомому генію	—
Къ портрету императрицы Елизаветы Алексѣевны	—
Къ портрету Гёте	61
Жизнь	—

Стр.

Чижикъ 61
Праматерь внукѣ . . . . . —
Утро на горѣ. 62
Путешественникъ и поселянка. . . . . —
Пѣсня. 64
Три путника. . . . . —
Тѣснятся всѣ къ тебѣ во храмъ 65
Лалла Рукъ. . . . . —
Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла Рукъ. . . . . —
Обѣты 66
Узрѣвъ черты сіи . . . . . —
Въ альбомъ А. Е. Алябьевой . . . . —
Близость весны . . . . . . —
Воспоминаніе . . . . —
Побѣдитель. . . . . —
Привидѣніе . . . . —
Море 67
19 марта 1823 г. . . . . . —
Отвѣтъ кн. Вяземскому. . . —
Ангелъ и пѣвецъ . . . . . —
Я музу юную, бывало. . . . 68
Прощальная пѣснь. . . . . —
Мотылекъ и цвѣты. 69
Таинственный посѣтитель. . —
Ночь. 70
Пѣсня. . . . . —
Хоръ дѣвицъ Екатерининскаго института. . . . . —
Невыразимое. 71
Солнце и Борей. . . . . . —
Умирающій лебедь. 72
Могила. . . . . —
Любовь. . . . . —
Къ младенцу. . . . . —
Утѣшеніе. . . . . —
Къ сестрамъ и братьямъ. . —
Жалоба. 73
Тоска. . . . . —
Стремленіе . . . . —
Прощальная пѣснь. . . . . —
Къ Гёте . . . . —
Смертный и боги. 74
Памятники . . . . —
Мысли . . . . —
Гомеръ. . . . . —
Двѣ загадки. . . . . —
Появленіе весны. 75
За́мокъ на берегу моря. . . —
Дѣтскій островъ. . . . . . —
Островъ. . . . . —
Пѣсня. . . . . —
Явленіе. 76
Пѣсня. . . . . —
Признаніе. . . . . —
Къ равнодушной красавицѣ. —
Чего ты ждешь, мой трубадуръ?. . . . . —
Пери. . . . . —
Пѣснь бедуинки. 77
Мечта . . . . —
Изъ альбома, подареннаго гр. Ростопчиной. . . . . . . —
Stabat Mater 78
Къ своему портрету. . . . —
А. П. Ермолову. . . . . . —
Нашему капитану „Геркулеса“. 79
Предсказаніе. . . . . . . —
Графу Ѳ. Ив. Толстому . . —
Сельское кладбище (1839 г.) . —
Отрывокъ. 81

Стр.

Царскосельскій лебедь . . . 81
Розы. 82

СТИХОТВОРЕНІЯ ПАТРІОТИЧЕСКІЯ.

Ода, благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ первымъ. 83
Могущество, слава и благоденствіе Россіи. 84
Пѣснь барда. 86
Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ. 89
Вождю побѣдителей 96
Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 97
Императору Александру . . 98
Народный гимнъ. 103
Пѣвецъ въ Кремлѣ. 104
Пѣснь русскому царю отъ его воиновъ. 108
Стихи, пѣтые на празднествѣ англійскаго посла 109
Государынѣ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе в. кн. Александра Николаевича . . . . —
На миръ съ Персіею. . . . 111
Государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ . . . —
У гроба государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. —
Старая пѣсня 112
Русская слава. 113
Пѣснь на присягу государя наслѣдника 114
Многолѣтіе . . . . —
Народныя пѣсни. . . . . . —
Въ сардамскомъ домикѣ. . . 115
Бородинская годовщина. . . —
Молитвой нашей Богъ смягчился. 117
Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ . . . . —
Къ русскому великану. . . 118

ПОСЛАНІЯ КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Къ Филарету 119
Къ Блудову. 120
Къ Батюшкову 121
Александру Ивановичу Тургеневу 127
Отрывокъ изъ письма къ Ив. Ив. Дмитріеву. . . . 129
Доктору Фору. . . . . . . —
Письмо къ *** 130
Къ Воейкову 131
Къ Ал. Ив. Тургеневу. . . 133
Къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. 134
Къ кн. П. А. Вяземскому. . . 135
Отрывокъ изъ посланія къ кн. Вяземскому. 136
Къ Мих. Ѳед. Орлову —
Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ . . . . . —
Платокъ гр. Самойловой . 140
Къ графинѣ Шуваловой . 141
Къ В. Ал. Перовскому. . . 142
Въ комитетъ, учрежденный по случаю похоронъ векшп. 143

Стр.

Подробный отчетъ о лунѣ, представленный императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ . . 144
Письмо къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой 147
Письмо къ Нарышкину. . . 148
Къ кн. А. Ю. Оболенской . 149
Къ ней же . . . . —
Два посланія къ Варварѣ Павловнѣ Ушаковой и гр. Прасковьѣ Алекс. Гендриковой. 151

БАСНИ.

Мартышка, показывающая китайскія тѣни 153
Соколъ и голубка . . . . . —
Мартышки и левъ. . . . . —
Ссора плѣшивыхъ 154
Котъ и зеркало . . . . . . —
Голубка и сорока . . . . —
Сурки и кротъ 155
Истина и басня . . . . . . —
Смерть. . . . . —
Цапля 156
Сонъ Могольца . . . . . . —
Старый котъ и молодой мышенокъ. 157
Каплунъ и соколъ. . . . . —
Котъ и мышь. . . . . . . —
Орелъ и жукъ. 158
Соколъ и Филомела 159
Похороны львицы. . . . . —
Милосердіе 160
Орелъ и голубка . . . . . —

СКАЗКИ и ДѢТСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сказка о царѣ Берендеѣ . . 161
Спящая царевна. 168
Война мышей и лягушекъ . 171
Котъ въ сапогахъ. 176
Тюльпанное дерево 179
Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ 182
Четыре стихотворенія для дѣтей:
I. Птичка 196
II. Котикъ и козликъ . . —
III. Жаворонокъ. . . . . —
IV. Мальчикъ съ пальчикъ. —

БАЛЛАДЫ.

Людмила 197
Кассандра. 199
Ивиковы журавли 200
Свѣтлана 203
Адельстанъ. 206
Пустынникъ. 208
Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди 210
Варвикъ 211
Алина и Альсимъ 213
Эльвина и Эдвинъ 215
Ахиллъ. 216
Эолова арфа 218
Мщеніе. 221

Стр.
Гаральдъ 221
Три пѣсни 222
Графъ Габсбургскій . . . . —
Рыцарь Тогенбургъ 223
Лѣсной царь 224
Рыбакъ . . . . —
Узникъ 225
За́мокъ Смальгольмъ 226
Торжество побѣдителей . . . 229
Кубокъ 231
Поликратовъ перстень . . . 233
Жалоба Цереры 235
Доника 236
Судъ Божій надъ епископомъ. 237
Алонзо 238
Покаяніе 239
Ленора 241
Королева Урака и пять мучениковъ 244
Роландъ оруженосецъ . . . 245
Плаваніе Карла Великаго . . 248
Братоубійца . . . . —
Рыцарь Роллонъ 249
Старый рыцарь 250
Уллинъ и его дочь 251
Элевзинскій праздникъ . . . —
Ночной смотръ 253

ИДИЛЛІИ ИЗЪ ГЕБЕЛЯ.

Овсяный кисель 254
Деревенскій сторожъ въ полночь 256
Тлѣнность 257
Утренняя звѣзда 258
Лѣтній вечеръ 259
Воскресное утро въ деревнѣ. 260

Небольшія повѣсти, поэмы и отрывки изъ повѣстей и поэмъ.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ . 261
1. Опять ты здѣсь, мой благодатный геній . . . . —
2. Громобой . . . . —
3. Вадимъ 270
Аббадона 279
Красный карбункулъ 283
Цеиксъ и Гальціона 287
Пери и ангелъ 293
Шильонскій узникъ 300
Разрушеніе Трои 305
Отрывки изъ Иліады . . . 317
Сидъ 342
Перчатка 347
Неожиданное свиданіе . . . 349
Отрывокъ 350
Двѣ были и еще одна . . . —
Сраженіе съ змѣемъ 356
Судъ Божій 359
Судъ въ подземельѣ . . . 361
Норманскій обычай 368
Камоэнсъ 370
Маттео Фальконе 381
Капитанъ Боппъ 383
Стр.
Двѣ повѣсти 385
Повѣсть о Іосифѣ прекрасномъ 389
Выборъ креста 392
Отрывокъ 393
Продапное имя . . . . . . —
Странствующій жидъ . . . 394
Изъ Апокалипсиса 410
Орлеанская дѣва 413
Ундина 467
Наль и Дамаянти 511
Рустемъ и Зорабъ 554
Одиссея 600
Слово о полку Игоревѣ . . 816

П Р О З А.

I. Повѣсти и разсказы.

Вадимъ новогородскій . . . 1
Три сестры 4
Три пояса 5
Марьина роща 9
Печальное происшествіе . . 15

II. Статьи характера историческаго и біографическаго.

Черты исторіи государства Россійскаго 18
Воспоминаніе о К. К. Мёрдерѣ. 27
Письмо Карамзина къ гр. Каподистрія . . . . —
Послѣднія минуты Пушкина. 30
Іосифъ Радо́вицъ 33
Изъ дневныхъ замѣтокъ въ Берлинѣ 43
Отрывокъ изъ письма о Саксоніи 48
Путешествіе по саксонской Швейцаріи 50
Отрывокъ изъ письма о Саксоніи (1821 г.) . . . 53
Рафаэлева Мадонна . . . 55
Отрывки изъ письма о Швейцаріи 57
Изъ дневныхъ замѣтокъ въ Парижѣ 60
О короновании государя императора Николая Павловича въ Варшавѣ 61
Отрывки изъ письма о Швейцаріи (1833 г.) 62
Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 г. . . . 64
Пожаръ Зимняго дворца 66
Очерки Швеціи . . . 70
Бороди́нская годовщина. 72
Изъ Франкфурта-на-Майнѣ . 74
О кончинѣ вел. кн. Александры Николаевны 75
Стр.

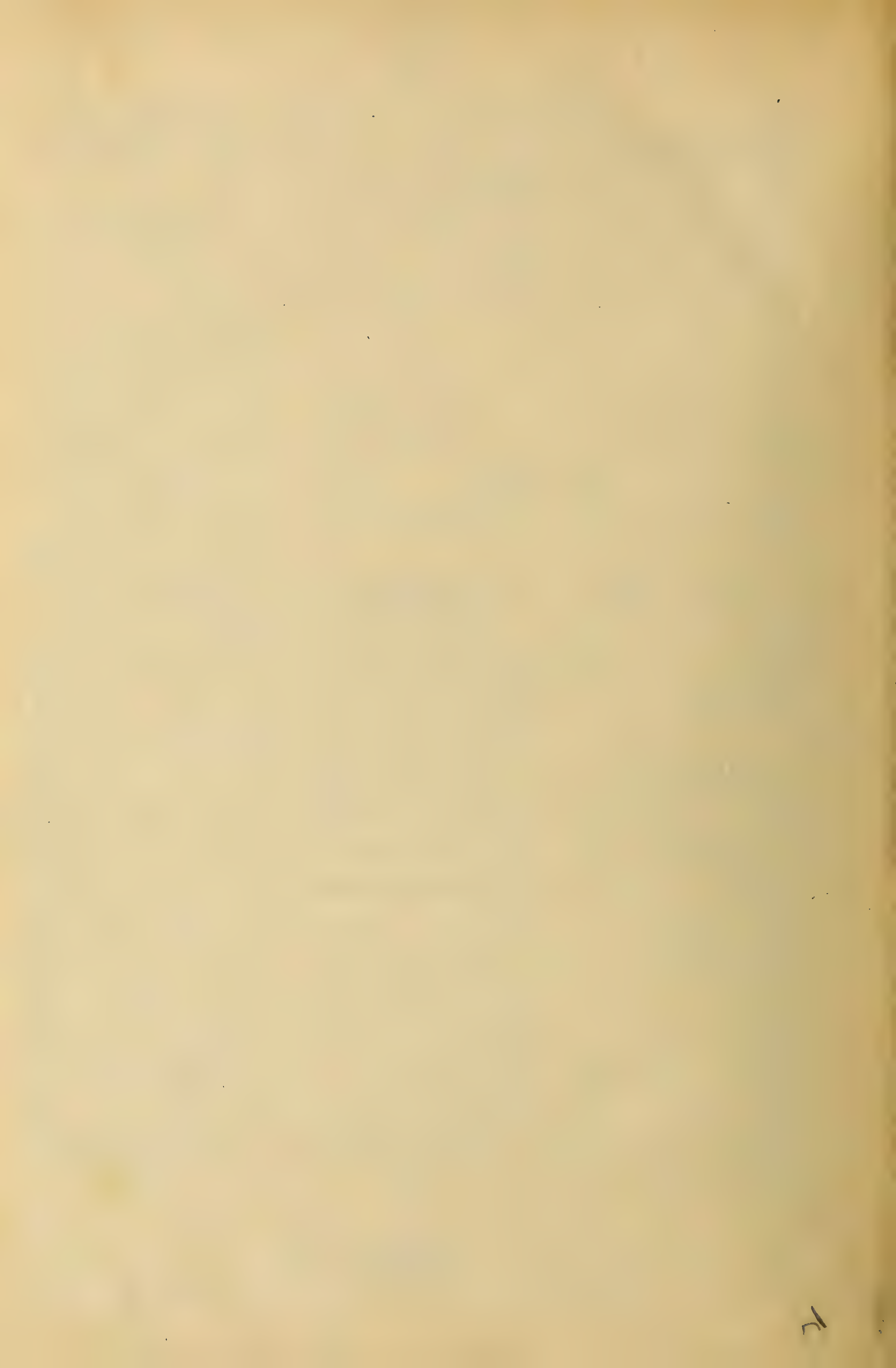
Двѣ критическія статьи:

О баснѣ и басняхъ Крылова. 76
О сатирѣ и сатирахъ Кантемира 81

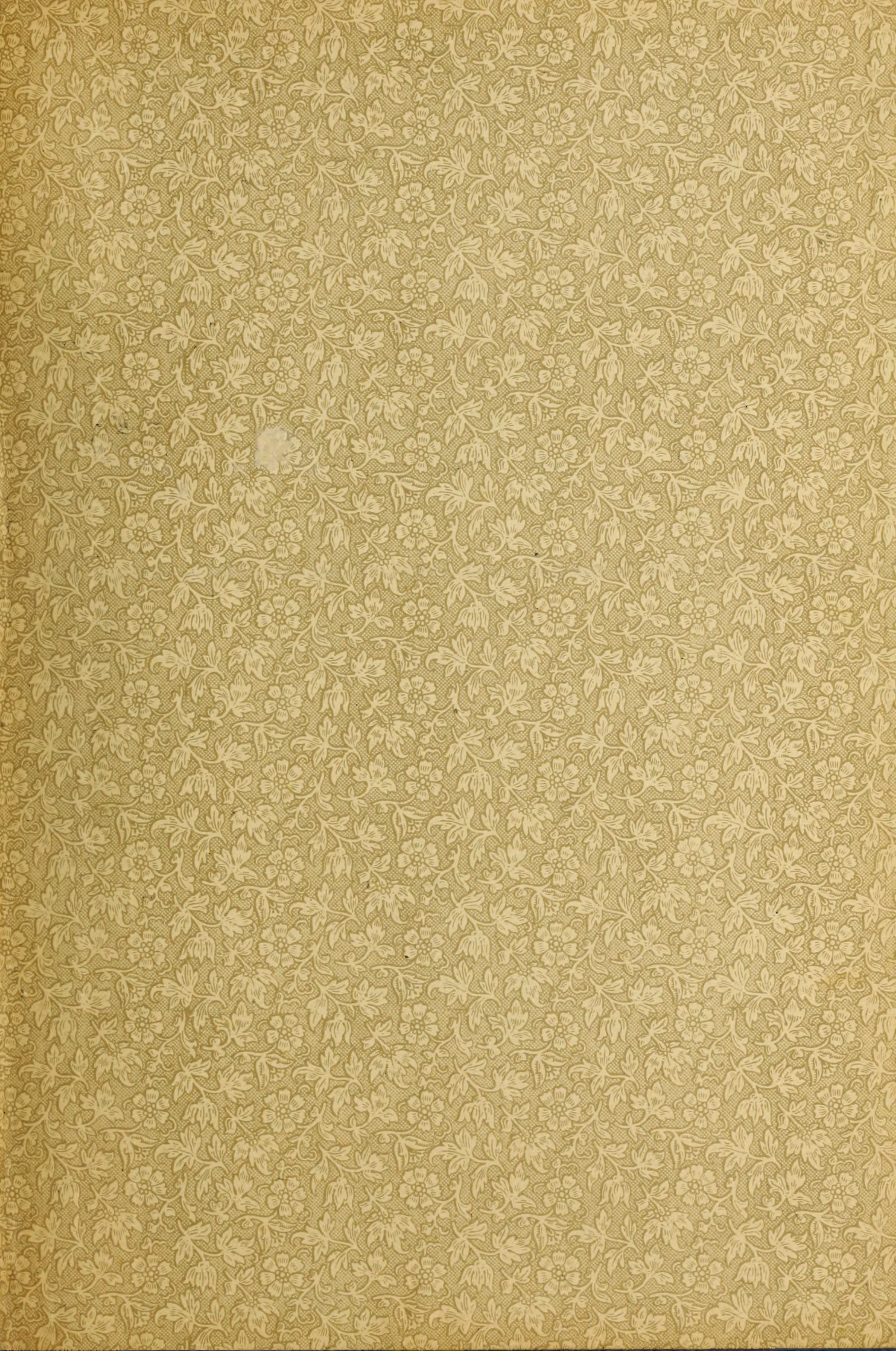
Статьи различнаго содержанія.

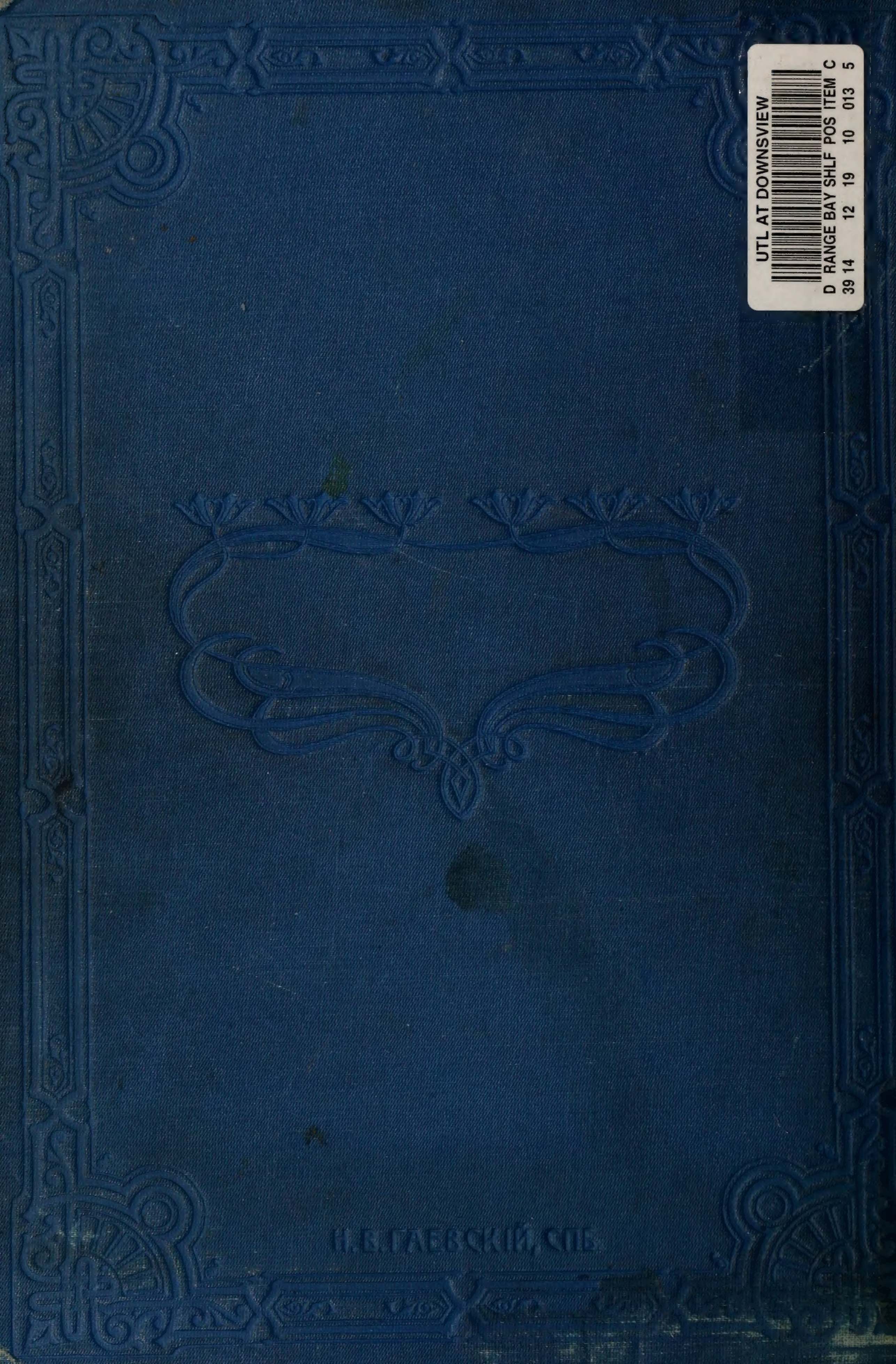
Мысли при гробницѣ 86
Миръ и война 87
Жизнь и источникъ . . . . —
Рѣчь на актѣ 88
Къ надеждѣ 89
Мысли на кладбищѣ 90
Истинный герой . . . . . . —
О путешествіи въ Малороссію. —
Письмо изъ уѣзда 91
Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ 95
Писатель въ обществѣ . . . 96
О новой книгѣ: Училище бѣдныхъ 99
Два письма русск. путешест. изъ Константинополя и Аѳинъ 101
Меланхолія, сочиненіе женщины . . . . —
О Фенелонѣ 103
Два слова отъ издателя Вѣстника Европы . . . . . . —
Благодарность любезному издателю Аглаи 104
Московскія записки . . . . —
О критикѣ 112
Радамистъ и Зенобія . . . 114
Электра и Орестъ . 117
О новой книгѣ 120
Изъ альбомовъ гр. С. А. Самойловой 121
Взглядъ на землю съ неба . 124
Рѣчь на юбилеѣ И. А. Крылова 125
О стихотвореніяхъ И. И. Козлова . . . . —
О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи 126
Разсужденія и размышленія . 130
Мысли и замѣчанія 141
Исторія и историческая живопись 143
Объ изящномъ искусствѣ . . 144
Философическій языкъ . . . 145
Наука 146
Что такое воспитаніе? . . . 147
Письма къ Н. В. Гоголю . . 148
Двѣ сцены изъ Фауста . 155
Нѣчто о привидѣніяхъ . . 157
Воспоминаніе 162
Что будетъ? 163
О происшествіяхъ 1848 г. . . 164
О стихотвореніи: Святая Русь. 168
Самоотверженіе власти . . . 171
Теорія и практика . . . 172
Энтузіазмъ и энтузіасты . . —
О смертной казни 173
Русская и англійская политика. 174

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 12 19 10 013 5
Н. В. ГАЕВСКІЙ, СПБ.